А 262/32.
ч 1-2

Л 262/32

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА.

Собраніе общедоступныхъ духовно-назидательныхъ разсказовъ и размышленій,

РАСПОЛОЖЕННЫХЪ ПРИМѢНИТЕЛЬНО
къ евангельскимъ, воскреснымъ и праздничнымъ
чтеніямъ цѣлаго года.

1) Пособіе для пастыря-проповѣдника при внѣ-богослужебныхъ собесѣдованіяхъ съ народомъ.

2) Духовно-назидательное чтеніе для всякаго христіанина въ воскресные и праздничные дни.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Составилъ
ПРОТОІЕРЕЙ МАГИСТРЪ БОГОСЛОВІЯ
Григорій Дьяченко.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
Москва. — 1900 г.

☞ **ЦѢНА** этой книги **2** рубля безъ пересылки. Главный складъ ея у издателя книгопродавца И. Д. Сытина, къ которому благоволятъ обращаться по слѣдующему адресу: Москва, близъ Ильинскихъ воротъ, домъ Титова, книжный складъ Т-ва И. Д. Сытина.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА.

СОБРАНІЕ

ОБЩЕДОСТУПНЫХЪ ДУХОВНО-НАЗИДАТЕЛЬНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ И РАЗМЫШЛЕНІЙ,

РАСПОЛОЖЕННЫХЪ ПРИМѢНИТЕЛЬНО

къ евангельскимъ воскреснымъ и праздничнымъ чтеніямъ
цѣлаго года.

1) Пособіе для пастыря-проповѣдника при внѣ-богослужебныхъ собесѣдованіяхъ съ народомъ.

2) Духовно-назидательное чтеніе для всякаго христіанина въ воскресные и праздничные дни.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Составилъ
СВЯЩЕННИКЪ МАГИСТРЪ БОГОСЛОВІЯ
Григорій Дьяченко.

РУМЯНЦЕВСКІЙ МУЗЕЙ
ПУБЛИЧ. БИБЛІОТ.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина. Валовая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1900.

От Московскаго Духовно-Цензурнаго комитета печатать дозволяется. Москва, 15 февраля 1900 года.

Цензоръ протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій*.

2007057018

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Къ изданію въ свѣтъ настоящей книги мы имѣли слѣдующія побужденія:

Во-первыхъ, доселѣ не было издано такого сборника, который содержалъ бы въ себѣ разсказы и статьи общедоступнаго характера, расположенные по евангельскимъ чтеніямъ во дни воскресные и праздничные всего года, и служилъ бы педагогическимъ подспорьемъ въ рукахъ пастыря-проповѣдника при веденіи внѣбогослужебныхъ собесѣдованій по предмету евангельскихъ чтеній или всей евангельской исторіи. Прочитать послѣ или во время бесѣды краткій разсказъ, который въ силу своей живости и наглядности былъ бы доступенъ простымъ слушателямъ и помогалъ бы имъ лучше запомнить предложенное объясненіе, а равно и служилъ бы нѣкоторымъ отдыхомъ и разнообразіемъ послѣ утомительнаго напряженія вниманія, есть пріемъ, о пользѣ коего едва ли нужно много говорить. Довольно сказать, что онъ рекомендуется Св. Сѵнодомъ, практикуется большинствомъ пастырей-проповѣдниковъ и крайне сочувственно встрѣчается слушателями, жадно внимающими такимъ разсказамъ. Подыскивать всякій разъ подходящій разсказъ или статейку, часто при бѣдности сельской церковно-приходской библіотеки и неимѣніи достаточнаго времени, для пастыря, обремененнаго и законоучительствомъ въ ц.-приходской школѣ, и требоисправленіемъ часто по разбросанному приходу, и церковнымъ письмоводствомъ, и веденіемъ собственнаго хозяйства, весьма неудобно. Вотъ почему мы думаемъ, что настоящая наша книга, идущая навстрѣчу этой потребности, не будетъ излишнею. Это тѣмъ болѣе, что при довольно значительномъ числѣ сборниковъ духовно-назидательныхъ разсказовъ доселѣ не было издано ни одного, приспособленнаго къ евангельскимъ чтеніямъ, какъ воскреснымъ, такъ и праздничнымъ, и притомъ всего года. Настоящій сводъ разсказовъ и статей является первымъ опытомъ въ этомъ родѣ.

Во-вторыхъ, мы убѣждены, что подобное собраніе духовно-назидательныхъ разсказовъ и статей, обнимающихъ и выясняющихъ не нѣкоторыя только, а всѣ главнѣйшія догматическія и нравоучительныя истины, наглядно научающихъ человѣка его обязанностямъ къ Богу, ближнимъ и самому себѣ, показывающихъ въ живомъ и доступномъ изложеніи силу и величіе христіанской вѣры, красоту и мощь христіанской любви къ людямъ — ко врагамъ и друзьямъ — и ко всему окружающему, спасительность христіанской надежды, которая даетъ крѣпость духу переносить всѣ невзгоды жизни, терпѣливо нести крестъ, посланный премудрымъ и всеблагимъ Промысломъ Божіимъ, не отчаиваться и не малодушествовать въ ожиданіи вѣчныхъ, небесныхъ благъ въ будущей жизни, — что подобный сборникъ будетъ благовремененъ и полезенъ и для простого, грамотнаго народа, какъ средство отвлечь его отъ нечистыхъ и недостойныхъ христіанина удовольствій во дни праздничнаго отдыха, о разумномъ провожденіи котораго заботятся и правительство, и духовенство, и всѣ добрые люди, ревнующіе о религіозно-нравственномъ развитіи народа, какъ залогѣ его благоденствія. Статьи мрачнаго характера мы старались, по возможности, не вносить въ предлагаемый сборникъ. Исключенія, весьма рѣдкія, допущены тогда, когда надобно было указать грозное вразумленіе Божіе нарушителямъ Его св. закона. На каждый воскресный и праздничный день мы дали столько полныхъ назиданія и живого интереса разсказовъ и статей, что прочтеніе ихъ вполнѣ можетъ занять праздничный досугъ христіанина и доставить ему высокое духовное удовольствіе и несомнѣнную пользу. Такое занятіе чтеніемъ во дни праздниковъ будетъ вполнѣ „праздничнымъ отдыхомъ“ христіанина.

Въ заключеніе мы считаемъ долгомъ сказать, что настоящее собраніе духовно-назидательныхъ разсказовъ и размышленій можетъ быть полезно для пастырей не только при веденіи внѣбогослужебныхъ собесѣдованій по евангельской исторіи, какъ нами упомянуто выше, но и по изъясненію катихизиса православной церкви и вообще, на нашъ взглядъ, при веденіи бесѣдъ и поученій всякаго рода, ибо всякое, исходящее съ церковной каѳедры, назиданіе не должно быть отвлеченнымъ разсужденіемъ, мало доступнымъ пониманію простыхъ слушателей, но должно возбуждать къ добродѣтели указаніемъ на примѣры св. Божіихъ человѣковъ (См. Опред. Св. Сѵнода въ Церковн. Вѣдом. за 1890 г. № 26), а подобныхъ примѣровъ, взятыхъ не только изъ жизни древнихъ христіанъ, но и изъ жизни православнаго русскаго народа, живые образцы христіанскаго благочестія котораго проводили жизнь свою въ тѣхъ же условіяхъ, въ которыхъ живутъ и слушатели ихъ, въ нашемъ сборникѣ весьма достаточное количество. Это послѣднее обстоятельство должно, какъ намъ кажется, сообщить нашей книгѣ характеръ особенной назидательности, убѣдительности и живого интереса.

Да поможетъ Господь, чтобы заключающіяся въ этой книгѣ сѣмена христіанской вѣры и благочестія пали на добрыя сердца и принесли обильный плодъ во славу Божію!

1900 г. февраля 1-го дня.

Священникъ *Григорій Дьяченко*.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Разсказы и размышленія на евангельскія чтенія въ дни воскресные.

НЕДѢЛЯ СВ. ПАСХИ.

Еванг. отъ Іоанн. зачал. I, гл. I, ст. 1—17.

1. Свѣтлое Христово Воскресеніе.

Много свѣтлыхъ и торжественныхъ праздниковъ во св. православной церкви; но нѣтъ свѣтлѣе и торжественнѣе, нѣтъ радостнѣе и утѣшительнѣе великаго дня Воскресенія Христова, когда все облекается въ свѣтъ, небеса веселятся, земля радуется, и весь міръ торжествуетъ великую побѣду Спасителя нашего надъ смертію и адомъ.

Вотъ что повѣствуетъ евангеліе объ этомъ славномъ и великомъ событіи (Мѳ. XXVIII, 1—15; Мр. XVI, 1—11; Лк. XXIV, 1—12; Іоан. XX, 1—18). Миновала великая суббота, въ ночь на которую Іосифъ аримаѳейскій и Никодимъ погребли тѣло Іисусово. Гробовая пещера, въ которой оно было погребено, была запечатана огромнымъ камнемъ; при ней стояла стража, которую первосвященникъ и фарисеи убѣдили Пилата приставить для охраненія гроба до третьяго дня, чтобы ученики Христовы, „пришедши ночью, не украли тѣла Его и не сказали бы народу: воскресъ изъ мертвыхъ“. Но и *камени запечатану отъ іудей, и воиномъ стрегущимъ пречистое тѣло Господа,* на третій день послѣ Своихъ крестныхъ страданій и смерти, Іисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, согласно съ писаніями пророковъ. Это совершилось послѣ полуночи съ субботы на слѣдующій послѣ нея день (нынѣ воскресенье). Находившіеся на стражѣ воины видѣли, какъ по воскресеніи Спасителя ангелъ отвалилъ камень отъ гробовой пещеры, и были свидѣтелями происшедшаго въ то время землетрясенія. Лицо ангела, отвалившаго камень, по словамъ евангелиста Матѳея, было *какъ молнія,* а одѣяніе его *бѣло какъ снѣгъ* (Мѳ. XXVIII, 3). Этотъ молніеносный взоръ ангеловъ и ихъ блестящее одѣяніе были живымъ выраженіемъ ихъ небесной радости и свѣтлаго торжества на небѣ, которое въ этотъ великій день, по свидѣтельству св. церкви, какъ бы исполнилось особеннаго свѣта (пасх. кан. пѣсн. 3, троп. 1). Пораженные и устрашенные этимъ чудомъ, воины попадали ницъ и нѣсколько времени оставались какъ мертвые. Пришедши въ себя, они пошли и разсказали о всемъ случившемся первосвященникамъ и книжникамъ, но эти, подкупивъ воиновъ, научили ихъ говорить народу, будто ночью, когда они спали, ученики І. Христа пришли и украли тѣло своего Учителя. Но эта злобная и нелѣпая выдумка враговъ Христовыхъ не имѣла успѣха, и истина воскресенія Христова въ короткое время была засвидѣтельствована всему міру и сдѣлалась его достояніемъ.

Въ первый день по воскресеніи Своемъ воскресшій Господь, по церковному преданію, явился прежде всѣхъ Пречистой Матери Своей Дѣвѣ Маріи; но евангеліе ничего не упоминаетъ объ этомъ явленіи воскресшаго Господа. Согласно этому преданію, св. церковь воспѣваетъ въ своихъ пѣснопѣніяхъ, обращаясь къ Богоматери: „Воскресшаго видѣвши Сына Твоего и Бога, радуйся со апостолы богоблагодатная, чистая: и еже *радуйся первѣе,* яко всѣхъ радости вину воспріяла еси, Богомати всенепорочная“.

Затѣмъ послѣдовали другія явленія воскресшаго Господа, и всѣ вѣрующіе узнали объ этомъ радостномъ, великомъ событіи. Рано на разсвѣтѣ перваго дня недѣли, въ который І. Христосъ воскресъ, Марія Магдалина, и Марія, мать Іаковлева, и Саломія поспѣшили ко гробу съ приготовленными драгоцѣнными благовоніями, чтобы помазать тѣло Господа. Войдя въ садъ и зная, что камень, приваленный ко входу въ гробовую пещеру, былъ весьма великъ, жены мѵроносицы стали говорить между собою: „кто отвалитъ намъ камень отъ дверей гроба?“ Окрыляемая глубокою скорбію и пламенною любовію къ Господу, Марія Магдалина опередила прочихъ женъ мѵроносицъ, нашла камень отваленнымъ, вошла внутрь пещеры и, не нашедши тѣла Господня, поспѣшила сообщить объ этомъ апостоламъ Петру и Іоанну. Вслѣдъ затѣмъ пришли и прочія жены и съ изумленіемъ нашли камень отваленнымъ и гробовую пещеру пустою. Марія же Магдалина, пришедши къ Петру и Іоанну, со скорбію возвѣстила имъ: „унесли Господа изъ гроба, и не знаю, гдѣ положили Его“.

Между тѣмъ, оставшіяся при пещерѣ жены мѵроносицы, когда недоумѣвали о происшедшемъ, увидѣли юношу въ бѣлой блистающей одеждѣ, сидящаго на правой сторонѣ гробовой пещеры. Онѣ пришли въ страхъ и потупили взоры въ землю, но ангелъ сказалъ имъ: „не бойтесь; знаю, что вы ищете Іисуса распятаго. Что вы ищете живаго съ мертвыми? Нѣтъ Его здѣсь,— Онъ воскресъ. Вспомните, какъ Онъ говорилъ вамъ, еще будучи въ Галилеѣ, что Сыну человѣческому надлежитъ быть предану въ руки человѣковъ грѣшниковъ, и быть распяту, и въ третій день воскреснуть. Подойдите, посмотрите мѣсто, гдѣ лежалъ Господь, и подите скорѣе, скажите ученикамъ Его и Петру, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ и встрѣтитъ васъ въ Галилеѣ; тамъ Его увидите“. Мѵроносицы вспомнили слова Іисуса Христа, и на нихъ напалъ трепетъ и ужасъ. Поспѣшно вышедши изъ пещеры гроба, онѣ со страхомъ и радостію великою побѣжали возвѣстить ученикамъ Іисусовымъ ангельскую вѣсть, но никому другому ничего не говорили, потому что боялись.

Между тѣмъ, по извѣщеніи Маріи Магдалины, Петръ и Іоаннъ поспѣшили ко гробу. Они побѣжали оба вмѣстѣ; но Іоаннъ бѣжалъ скорѣе Петра и пришелъ ко гробу первымъ. И, наклонясь, увидѣлъ однѣ погребальныя пелены лежащія; но не вошелъ въ пещеру гроба. Вслѣдъ за нимъ приходитъ Петръ и входитъ въ пещеру и видитъ однѣ пелены и платъ, который былъ на главѣ Іисуса, не съ пеленами лежащій, но особо свитый въ другомъ мѣстѣ. Тогда вошелъ и Іоаннъ, и увидѣлъ, и повѣрилъ, ибо они еще не знали изъ писанія, что Христу надлежало воскреснуть изъ мертвыхъ. Затѣмъ ученики опять возвратились къ себѣ, дивясь происшедшему.

Вслѣдъ за апостолами возвратилась ко гробу и Марія Магдалина. Объятая скорбію, она стояла около пещеры и плакала. Среди рыданій, Марія наклонилась посмотрѣть въ гробовую пещеру и увидѣла двухъ ангеловъ, въ бѣломъ одѣяніи сидящихъ: одного въ головахъ, а другого въ ногахъ, гдѣ лежало тѣло Іисусово. „Жена! что плачешь?“ спросили ее ангелы. Марія отвѣчала: „унесли Господа моего, и не знаю, гдѣ положили Его“. Сказавъ это, она обратилась назадъ и увидѣла предъ собою воскресшаго Іисуса, но не узнала Его, быть-можетъ потому, что взоръ ея былъ омраченъ печалью. Іисусъ Христосъ, обратившись къ Магдалинѣ, спросилъ ее: „жена! что ты плачешь? кого ищешь?“ Она же, думая, что это садовникъ, воскликнула: „Господинъ! если ты вынесъ Его, скажи мнѣ, гдѣ ты положилъ Его, и я возьму Его“. Тогда Іисусъ говоритъ ей Своимъ торжественнымъ, кроткимъ и сладчайшимъ голосомъ: „Марія!“ и этотъ голосъ проникъ до глубины души ея. Марія узнала Господа и радостно воскликнула: „Учитель!“ Она кинулась къ Нему съ намѣреніемъ обнять Его ноги и схватить край одежды, но Господь кротко остановилъ ее: „не прикасайся ко Мнѣ, ибо я не восшелъ къ Отцу Моему, а иди къ братіямъ Моимъ и скажи имъ: „восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему, Богу Моему и Богу вашему“.

Пораженная благоговѣйнымъ страхомъ, Марія Магдалина повиновалась повелѣнію воскресшаго Господа и пошла къ ученикамъ Христовымъ съ торжественною вѣстью: „я видѣла Господа“. Все это было рано утромъ до восхожденія солнца. Вѣсть Маріи не осталась неподтвержденной. И другія жены мѵроносицы встрѣтили Іисуса Христа, Который сказалъ имъ: „радуйтесь!“ Объятыя ужасомъ и волненіемъ, онѣ упали къ ногамъ Его. „Не бойтесь,— сказалъ имъ Господь,— а подите, возвѣстите братіямъ Моимъ, чтобы шли въ Галилею, и тамъ они увидятъ Меня“.

Въ тотъ же день воскресшій Спаситель явился Петру, а потомъ двумъ ученикамъ, шедшимъ изъ Іерусалима въ селеніе Эммаусъ, бесѣдовалъ съ ними и на вечери преломилъ хлѣбъ. Но прочіе апостолы, услыхавъ отъ Маріи Магдалины и другихъ женъ мѵроносицъ о воскресеніи Господа, все еще не вѣрили имъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не убѣдились въ этомъ нагляднымъ и очевиднымъ образомъ. Вечеромъ того же дня воскресшій Іисусъ явился всѣмъ апостоламъ (не было лишь апостола Ѳомы, который послѣ убѣдился въ воскресеніи Господа) въ іерусалимской горницѣ, когда двери дома были заперты изъ опасенія іудеевъ. Ставъ посреди апостоловъ, Господь сказалъ имъ: „миръ вамъ!“ и показалъ имъ Свои, пронзенныя гвоздями, руки и ноги. Чтобы еще болѣе увѣрить апостоловъ, что Онъ тотъ же, хотя съ прославленною плотію, Спаситель потребовалъ у нихъ пищи и вкусилъ часть рыбы и нѣсколько меду. И послѣ этого явленія воскресшаго Господа, когда апостолы самымъ нагляднымъ образомъ убѣдились въ дѣйствительности воскресенія Христова, они возрадовались неизреченною радостію и прославили Воскресшаго. Такъ началось на землѣ свѣтлое торжество въ самый первый день воскресенія Христова. Это было всемірное торжество: вмѣстѣ съ землею радостно торжествовали воскресеніе Іисуса Христа и Его побѣду надъ смертію и небо съ его свѣтлыми небожителями, и преисподняя, въ которой неисходно томились до сего дня души всѣхъ умершихъ до пришествія Господня; въ этотъ день, по выраженію церковнаго пѣснопѣнія, „все исполнилось свѣта: небо, и земля, и преисподняя...“

2. Пасхальное евангеліе.

Ни одинъ праздникъ не совершается у насъ такъ торжественно, какъ праздникъ Пасхи, или Свѣтлаго Христова Воскресенія; все пасхальное богослуженіе направлено къ тому, чтобы возбудить въ сердцахъ вѣрующихъ радость по поводу воскресенія Іисуса Христа, *смертію смерть поправшаго, животъ вѣчный даровавшаго*. Къ особенностямъ пасхальнаго богослуженія относится между прочимъ торжественное чтеніе св. евангелія на разныхъ языкахъ; этимъ выражается та мысль, что слово Божіе, по заповѣди воскресшаго Господа: *шедше въ міръ весь, проповѣдите евангеліе всей твари* (Марк. 16, 15), должно быть проповѣдано всѣмъ народамъ, такъ, чтобы не было народа, который не могъ бы принимать участія въ свѣтлой радости воскресенія Христова. Для чтенія въ 1-й день Пасхи избрано евангеліе св. апостола Іоанна Богослова, которое начинается словами: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово...* Ученіе о Богѣ-Словѣ, т.-е. Іисусѣ Христѣ, такъ возвышенно, что даже язычники были поражены удивленіемъ. Одинъ языческій мудрецъ сказалъ, что первыя слова этого евангелія слѣдовало бы написать золотыми буквами на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ. Поэтому справедливо Іоанна называютъ Богословомъ по преимуществу. Такъ какъ евангеліе отъ Іоанна, читаемое въ первый день Пасхи, очень трудно для пониманія большинства православныхъ, то мы, при помощи Божіей, постараемся кратко объяснить его во славу воскресшаго Господа и для собственнаго назиданія.

Въ началѣ бѣ Слово: въ самомъ началѣ, когда еще не существовалъ міръ, Слово Божіе, т.-е. Сынъ Божій, уже существовало. Почему Сынъ Божій называется Словомъ? Для того, чтобы выразить Его безтѣлесное рожденіе. Какъ обыкновенное слово, происходя изъ нашего ума, когда не произносится, скрывается въ нашей природѣ, когда же произносится, то становится яснымъ и выражаетъ наши мысли, чувствованія и желанія,—такъ и Сынъ Божій, имѣя одну сущность съ Богомъ и Отцомъ, выражаетъ и открываетъ совѣты и волю Божію тысячамъ тысячъ вѣрующихъ. *И слово бѣ къ Богу*: Сынъ Божій вѣчно пребываетъ у Бога Отца, всегда былъ съ нимъ неразлучно. *И Богъ бѣ Слово*, т.-е. Слово Божественное всегда было и есть Богъ, — равный и единосущный Отцу. *Сей бѣ искони* (издавна) *къ Богу. Вся тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть,* т.-е. все, что мы видимъ на землѣ и на небѣ и чего не видимъ (напр., ангеловъ), — все произошло черезъ Слово Божіе, и безъ участія Его ничего не произошло изъ того, что существуетъ. Эти слова поясняетъ ап. Павелъ, когда говоритъ: „*Тѣмъ*, т.-е. Сыномъ Божіимъ, создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли, видимая и невидимая... всяческая Тѣмъ, и о Немъ создашася. И Той есть прежде всѣхъ, и всяческая въ Немъ состоятся“ (Кол. 1, 16, 17). Все черезъ Него было, но не независимо отъ Отца, а совмѣстно со Отцомъ. *Въ Томъ животъ бѣ и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ:* въ Сынѣ Божіемъ заключается вся жизнь; Онъ даетъ всему жизнь и поддерживаетъ ее; Онъ, будучи жизнію для всѣхъ, для людей былъ Свѣтомъ, просвѣщающимъ и освящающимъ ихъ. *И свѣтъ во тьмѣ свѣтится и тьма Его не объятъ* (не объяла). Какъ обыкновенный свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, освѣщаетъ предметы и разгоняетъ тьму, такъ и Сынъ Божій, истинный свѣтъ, просвѣщалъ людей, блуждавшихъ во тьмѣ невѣжества и идолопоклонства,— и тьма не могла погасить этотъ небесный свѣтъ. Но вотъ настало время, когда этотъ свѣтъ, тускло свѣтившій въ ветхомъ завѣтѣ, сталъ свѣтить во всемъ блескѣ, когда Сынъ Божій явился въ міръ. Но прежде, чѣмъ явился на землю Сынъ Божій, пришелъ Предтеча Его: *бысть человѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ. Сей пріиде во свидѣтельство, да свидѣтельствуетъ о Свѣтѣ, да вси вѣру имутъ Ему.* Такое важное событіе, какъ явленіе въ міръ Сына Божія, воплощеніе Слова Божія, не могло совершиться безъ какого-либо о томъ предвозвѣщенія. И, дѣйствительно, много объ этомъ событіи было пророчествъ, и всѣ, и особенно іудеи, съ нетерпѣніемъ ожидали обѣщаннаго Мессію. И вотъ это ожидаемое время наступило; прежде всего явился великій подвижникъ и проповѣдникъ покаянія св. Іоаннъ Предтеча и Креститель Господень, сынъ священника Захаріи и Елисаветы, родственницы Пресвятой Дѣвы Маріи. Онъ посланъ былъ Богомъ для того, чтобы приготовить путь Господу, чтобы расположить людей къ принятію Того, Кто идетъ за нимъ. Хотя Іоаннъ Креститель былъ величайшій изъ пророковъ, по отзыву Самого Спасителя: „изъ рожденныхъ женами нѣтъ большаго Іоанна Крестителя“ (Мѳ. 11, 11)— однако, онъ не былъ свѣтомъ, но только проповѣдникомъ о Свѣтѣ: *не бѣ той свѣтъ, но да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ; бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ.* Истинный свѣтъ—Іисусъ Христосъ.

Въ мірѣ бѣ, и міръ Тѣмъ бысть, и міръ Его не позна. Во Своя пріиде, и Свои Его не пріяша. Этотъ Свѣтъ—Сынъ Божій—давно былъ въ мірѣ, и міръ Имъ сотворенъ, но такъ какъ міръ былъ погруженъ во мракъ и невѣжество, то онъ не узналъ истиннаго свѣта, потому что тьма боится свѣта. Іудеи, которые больше другихъ имѣли познанія о Богѣ, должны бы съ радостію принять Спасителя, но на дѣлѣ вышло не такъ: они не приняли Его, какъ своего Мессію; и этотъ народъ, охотно слушавшій Его спасительное ученіе и такъ часто получавшій помощь отъ Его благодѣтельной силы, однако, предательски допустилъ, чтобы Спасителя связаннаго повели на судъ къ старѣйшинамъ, не возвысивъ даже голоса въ Его пользу.

Елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его, иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася. Тѣмъ изъ іудеевъ, которые приняли Его и увѣровали въ Него, Іисусъ Христосъ далъ право называться чадами Божіими не по плотскому рожденію, а по благодати Божіей, по духовному рожденію въ таинствѣ крещенія. Всѣ вѣрующіе со дерзновеніемъ могутъ обращаться къ Богу: „Отче нашъ!..“ *И Слово плоть бысть и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины.* Хотя Сынъ Божій и воплотился, т.-е. сталъ человѣкомъ, но слава Божества была съ Нимъ неразлучна: Онъ былъ Богочеловѣкъ; а славу Его, какъ Единороднаго Сына Божія, видѣли апостолы (особенно во время преображенія). *Іоаннъ свидѣтельствуетъ о Немъ, и воззва, глаголя: сей бѣ, Его же рѣхъ: иже по мнѣ грядый, предо мною бысть, яко первѣе мене бѣ.* Іоаннъ Креститель свидѣтельствуетъ объ Іисусѣ Христѣ, говоря: Онъ—Тотъ, о Которомъ я сказалъ: идущій за мною, явившійся послѣ меня, сталъ впереди, выше и сильнѣе меня, такъ какъ Онъ, какъ безначальное Слово, существовалъ вѣчно, былъ прежде меня. *И отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ и благодать возблагодать: яко законъ Моисеомъ данъ бысть, благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть* (1, 1—17): отъ полноты Его Божества мы всѣ получили полноту благодатныхъ даровъ, которыхъ въ ветхомъ завѣтѣ не было; въ то время былъ только законъ, данный Богомъ черезъ Моисея, а теперь, съ пришествіемъ Іисуса Христа на землю, наступило время благодати и истины.

Вотъ какія глубокія мысли заключаются въ пасхальномъ евангеліи: здѣсь содержится ученіе о Богѣ Словѣ, о второмъ лицѣ Пресвятой Троицы — Сынѣ Божіемъ, превѣчномъ и вездѣсущемъ, насъ ради человѣкъ сшедшемъ съ небесъ и воплотившемся.

3. Слово св. Іоанна Златоуста,

читаемое на утренѣ въ праздникъ Пасхи, въ переложеніи Платона, митрополита кіевскаго.

Христосъ воскресе!

„Аще кто благочестивъ и боголюбивъ“,— кто истинно чтитъ Бога и любитъ Его искренно, „да насладится сего добраго и свѣтлаго торжества“, — преславнаго воскресенія Христова, которое мы нынѣ празднуемъ и въ коемъ Господь такъ дивно показалъ — и благость Свою къ роду человѣческому, и премудрость въ искупленіи его отъ вѣчной погибели, и силу свою надъ врагами спасенія нашего. „Кто рабъ благоразумный“, кто данные ему отъ Бога таланты — время, силы и способности—не скрываетъ напрасно въ землю, не иждиваетъ на земныя только дѣла и удовольствія, но мудро употребляетъ на служеніе Господу и стяжаніе вѣчнаго блаженства, „да внидетъ радуяся въ радость Господа своего“, да будетъ участникомъ той духовной радости, которую Господь уготовалъ вѣрнымъ рабамъ Его, искупленнымъ кровію Спасителя (Матѳ. 25, 21). „Кто потрудился постяся“,—кто во время прошедшаго поста не оставался въ праздности, но усердно трудился надъ дѣломъ спасенія своего, „да пріиметъ нынѣ динарій“, — получитъ въ благодатныхъ плодахъ воскресенія Христова ту награду, какую обѣщалъ Богъ добрымъ дѣлателямъ (Матѳ. 10, 10; 20, 1—8). „Кто работалъ съ перваго часа“,— исполнялъ волю Божію съ дѣтства, или того времени, какъ Господь призвалъ его въ вертоградъ Свой, т.-е. церковь Христову, „пусть получитъ нынѣ плату, слѣдующую ему по справедливости“. „Кто пришелъ послѣ третьяго часа“, приступилъ къ дѣлу Божію не вдругъ, но опустилъ нѣсколько времени, „да празднуетъ благодаря“ Бога за снисхожденіе къ нему. Кто успѣлъ притти „по шестомъ часѣ“, пришелъ на зовъ Божій еще позже, когда протекла уже половина его жизни, „пусть нимало не безпокоится; ибо онъ ничего не лишится“ изъ тѣхъ благъ, которыя воскресшій Господь даруетъ всѣмъ, желающимъ вкушать оныя. „Кто пропустилъ и девятый часъ“, замедлилъ еще болѣе и началъ трудиться надъ дѣломъ Божіимъ тогда, какъ день жизни его склонился уже къ вечеру, „пусть приступитъ безъ всякаго сомнѣнія и боязни“: ибо нынѣ *явилась благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкамъ* (Тит. 2, 11). „Если кто успѣлъ притти только въ одиннадцатый часъ“, — даже и тотъ, кто вышелъ на дѣло Божіе очень поздно, сталъ пещись о спасеніи души своей уже въ старости, „и тотъ да не страшится замедленія: ибо Домовладыка, любя честь“ и будучи щедръ, „пріемлетъ и послѣдняго, какъ перваго, успокоиваетъ и пришедшаго въ одиннадцатый часъ, какъ трудившагося съ перваго часа“, воздавая всѣмъ должное. „И первому удовлетворяетъ“, награждая его по справедливости, „и послѣдняго милуетъ“ по снисхожденію, „и оному даетъ“ заслуженное, „и сему даритъ“ по благости Своей; „и добрыя дѣла пріемлетъ“ съ радостію, „и благое намѣреніе лобызаетъ“ съ любовію; „и дѣяніе чтитъ“ какъ должно, „и доброе расположеніе хвалитъ“.

„И такъ, *всѣ войдите въ радость Господа своего!* И первые и послѣдніе пріимите мзду“ отъ милосердаго Владыки! „Богатые и бѣдные, ликуйте другъ со другомъ“, какъ дѣти одного Отца небеснаго! „Трудящіеся и лѣнивые“ въ дѣлѣ спасенія своего, „почтите настоящій день“ всемірнаго торжества! „Постившіеся и не постившіеся, возвеселитесь нынѣ“, когда небо и земля радуются, празднуетъ вся тварь! „Трапеза обильна: насыщайтесь ею всѣ“. „Телецъ“, закланный ради насъ, „великъ и упитанъ“: никто не уходи голоднымъ! „Всѣ насладитесь пиршествомъ вѣры, всѣ пользуйтесь богатствомъ благости“ Божіей! „Никто не жалуйся на бѣдность: ибо для всѣхъ открылось царство“ небесное, въ которомъ уготовано вѣрующимъ богатое наслѣдіе. „Никто не плачь о грѣхахъ своихъ: ибо изъ гроба“ Спасителя „возсіяло прощеніе“ всѣмъ грѣшникамъ, желающимъ получить оное. „Никто не страшись смерти: ибо отъ нея освободила насъ Спасова смерть“, если только мы снова не поработимся ей грѣхами. „Ее истребилъ объятый ею“ Жизнодавецъ. „Сошедшій во адъ“ Сынъ Божій „плѣнилъ адъ и огорчилъ его“. Давно предузнавъ это, пророкъ Исаія воскликнулъ: *адъ огорчился, срѣтивъ Тебя въ преисподнихъ* своихъ (Исаіи 14, 9). „Огорчился: ибо упразднился“, — опустѣлъ; „огорчился: ибо посрамленъ“ исходомъ борьбы своей съ Спасителемъ; „огорчился: ибо умерщвленъ“, — лишился того, что составляло его жизнь и силу; „огорчился, ибо низложенъ“ съ престола своего и лишенъ власти надъ родомъ человѣческимъ; „огорчился: ибо связанъ“ и не можетъ теперь дѣйствовать съ тою свободою и силою, какъ прежде. „Онъ взялъ плоть, а принялъ въ ней Бога: взялъ землю, а нашелъ въ ней небо; взялъ то, что видѣлъ, и подвергся тому, чего не ожидалъ“. Такъ Богъ уловилъ его Своею премудростію!

Гдѣ твое, смерте, жало? Гдѣ твоя, аде, побѣда (I Кор. 15, 55)?—Гдѣ грѣхъ, которымъ ты, смерть, уязвляла людей? Гдѣ, адъ, торжество надъ человѣчествомъ?—„Воскресъ Христосъ, и ты низвергся“, какъ безсильный врагъ!—„Воскресъ Христосъ, и пали демоны“ — твои слуги, чрезъ коихъ ты уловлялъ людей!—„Воскресъ Христосъ, и радуются ангелы“, взирая на дивное торжество Сына Божія и спасеніе человѣковъ! — „Воскресъ Христосъ, и жизнь водворяется“ всюду, даже и тамъ, гдѣ прежде была область смерти и тлѣнія! — „Воскресъ Христосъ, и нѣтъ ни одного мертваго во гробѣ“; „ибо Христосъ, воскресшій изъ мертвыхъ, *начатокъ умершимъ бысть*“ (I Кор. 15, 20)!—Онъ первый воскресъ, какъ Глава, а потомъ возстанутъ и всѣ члены Его,—вѣрующіе въ Него и имѣющіе въ себѣ животворный Духъ Его (I Кор. 15, 21—23. Римл. 8, 11). Да будетъ же „Ему слава и держава, во вѣки вѣковъ“! Аминь.

4. Пасха ветхозавѣтная и Пасха новая, христіанская.

Долго томился избранный народъ Божій въ рабствѣ египетскомъ и терялъ уже надежду отъ него освободиться. Сколько великій вождь сего народа — Моисей, ни являлъ, силою Божіею, чудесъ передъ фараономъ, — царь оставался непреклоннымъ, не хотѣлъ слушать гласа Бога Израилева и отпустить отъ себя народъ Его. Наконецъ, когда послѣ девяти язвъ, ниспосланныхъ на египтянъ, сердце фараоново пребыло ожесточеннымъ, тогда Господь объявилъ Моисею, что намѣренъ послать еще одну послѣднюю, страшную казнь на Египетъ и царя его:—истребленіе всѣхъ первенцевъ, —начиная отъ первенца фараонова до первенца послѣдней рабыни его и даже до первенца всякаго скота, и что этою казнею упорство фараона будетъ, наконецъ, сокрушено, и онъ немедленно отпуститъ израильтянъ¹). Вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы навсегда сохранить въ народѣ Своемъ память объ избавленіи его отъ ига египетскаго, Богъ заповѣдалъ учредить праздникъ. Въ 10-й день мѣсяца Авива²),—каждый отецъ семейства долженъ былъ избрать изъ своихъ овецъ лучшаго (совершеннѣйшаго) однолѣтняго, мужскаго пола агнца, а въ 14-й день къ вечеру заколоть его и, омочивъ кисть иссопа въ крови агнца, помазать ею порогъ и двери своего дома, дабы *погубляющій*, когда придетъ поражать первенцевъ египетскихъ, видя знаки крови, *проходилъ мимо* домовъ еврейскихъ и не вносилъ въ нихъ истребленія; потомъ испечь агнца на огнѣ и, собравъ всѣхъ домашнихъ, съѣсть его, не сокрушая ни одной его кости, съ неквашеннымъ хлѣбомъ (опрѣсноками) и горькими травами, въ знакъ поспѣшности отхода и въ воспоминаніе горестной жизни и тяжелаго рабства въ Египтѣ. Ядущіе должны были представлять видъ готовящихся въ путь: имѣть чресла препоясанными, сапоги на ногахъ, жезлы въ рукахъ и вкушать агнца стоя, съ благоговѣніемъ, потому что это пасха Господня¹).

Еврейское слово „пасха“, по объясненію однихъ, означаетъ: напутственное; по толкованію другихъ — прехожденіе; по переводу же нѣкоторыхъ — спасеніе первородныхъ. Всѣ эти три значенія примѣнимы къ праздновавшемуся событію. Пасха вкушалась вечеромъ, наканунѣ исхода народа Божія изъ Египта; въ эту ночь погубляющій первенцевъ египетскихъ проходилъ запечатлѣнные кровію агнца дома израильтянъ, и первенцы ихъ были спасены.

Какъ нѣкогда рѣки наполнялись первенцами еврейскими, такъ теперь гробы египетскіе наполнились первенцами египетскими. Плачъ и рыданіе огласили всѣ жилища, начиная отъ чертога царскаго до убогой хижины: всякій плакалъ о своемъ первенцѣ, начаткѣ сыновъ своихъ. Устрашенный фараонъ не только рѣшился отпустить израильтянъ, но даже понудилъ ихъ итти скорѣе и взять съ собою все ихъ имущество. И воздвигся Израиль, пробывъ въ плѣнѣ египетскомъ 430 лѣтъ, и на берегу моря, чудно пройденнаго и поглотившаго фараона со всѣмъ его воинствомъ, — воспѣлъ Богу, Спасителю своему, торжественную пѣснь хвалы и благодаренія²)!

Въ память этого великаго событія, израильтяне ежегодно, въ 14 день Нисана, торжественно совершали пасху, т.-е. вкушали пасхальнаго агнца, котораго по закону должно было заколоть не иначе, какъ въ святилищѣ: сначала въ скиніи, а потомъ въ храмѣ Іерусалимскомъ.

Законно праздновалась пасха іудейская до тѣхъ поръ, пока имѣлъ силу

---

¹) Исх. Гл. XI, 1, 4, 8.

²) Названнаго впослѣдствіи Нисаномъ, который съ тѣхъ поръ сдѣлался первымъ мѣсяцемъ священнаго года израильтянъ. Мѣсяцъ этотъ соотвѣтствуетъ отчасти нашему марту, отчасти апрѣлю.

¹) Исх. Гл. XII.

²) Исх. Гл. XII, 31, 33, 37, 40. Гл. XIV, 32.

законъ Моисеевъ, но когда онъ замѣненъ былъ закономъ благодати; когда образъ уступилъ мѣсто первообразу; когда, вмѣсто заколаемаго ежегодно въ каждомъ семействѣ агнца, закланъ былъ на Голгоѳѣ, единожды навсегда и за всѣхъ, Агнецъ Божій, взявшій на себя грѣхи всего міра, — тогда пасха іудейская перестала быть законною, уступивъ мѣсто Пасхѣ христіанской!

Что же значитъ Пасха христіанская? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ апостолъ Павелъ. „Пасха наша — Христосъ, принесшій Себя за насъ въ жертву Богу! [1]“. Господь нашъ Іисусъ Христосъ принялъ на Себя плоть человѣческую не для чего другого, какъ для того, чтобы умереть за насъ, и если бы Онъ не подвергъ Себя смерти, то не послѣдовало бы и преславной побѣды надъ смертію, и не было бы Свѣтлаго Воскресенія! И такъ, празднуя въ нашу Пасху воскресеніе Господа, мы вмѣстѣ празднуемъ и смерть Его. Въ древней церкви день распятія Господа считался между великими праздниками; нѣкоторыя церкви на востокѣ за три дня до Пасхи воскресной праздновали другую Пасху, крестную, въ воспоминаніе крестныхъ страданій Господа. Нынѣ же церковь, сливая воспоминаніе воскресенія и смерти Іисуса Христа въ одинъ торжественный праздникъ Пасхи, приглашаетъ къ этому радостному празднованію небо, землю, весь видимый міръ и невидимый, ибо Христосъ возсталъ — веселіе вѣчное! И вмѣстѣ съ тѣмъ пѣснославитъ Христа — Пасху новую, чистительную, Жертву живую, Агнца Божія, Который волею принесъ Себя за всѣхъ на закланіе[2]! Къ такому соединенію — воспоминанія славы воскресенія Господа съ уничиженіемъ Его до крестной смерти и погребенія — насъ призываетъ одинъ изъ соотечественныхъ святителей:

„Торжествуя Христу, говорилъ онъ, для насъ воскресшему, да взираемъ въ то же время умиленнымъ сердцемъ на Христа, за насъ распятаго, страдавшаго, умершаго и погребеннаго, чтобы радость не забылась и не сдѣлалась неосмысленною. Только тотъ имѣетъ полную и неотъемлемую радость воскресенія Христова, кто со Христомъ и самъ воскресъ внутренно и имѣетъ надежду воскреснуть торжественно, а сію надежду имѣетъ только тотъ, кто пріемлетъ участіе въ крестѣ, страданіяхъ и смерти Христовой... Праздничная радость, которая забываетъ крестъ и смерть Христову, призывающіе насъ къ распинанію плоти со страстьми и похотями, находится въ опасности — начатое духомъ окончить плотію, и празднующихъ воскресеніе Христа превратить въ распинающихъ Его вторично[1]!“

А каково должно быть празднованіе Пасхи христіанской, это очевидно; торжество наше настолько же должно быть святѣе и совершеннѣе торжества іудейскаго, насколько Пасха наша святѣе и совершеннѣе пасхи іудейской! Основаніемъ пасхи іудейской было благо временное — освобожденіе народа израильскаго отъ рабства египетскаго; основаніе же Пасхи христіанской есть благо вѣчное — освобожденіе всего рода человѣческаго отъ рабства грѣха и смерти! Учреждая праздникъ пасхи ветхозавѣтной, Богъ внушалъ іудеямъ особенную важность этого праздника и заповѣдалъ совершать его со всею торжественностію. „Законно, — говоритъ Онъ, — вѣчно празднуйте его! Душа, нарушившая святость сего праздника, погубится отъ сонма сыновъ израильскихъ[2]“. При этомъ іудеямъ, во время празднованія пасхи, повелѣно было, также подъ опасеніемъ смерти, беречься всякаго квасного[3], почему они, еще за нѣсколько дней до пасхи, и оставляли употребленіе кваса и въ продолженіе семи дней вкушали неквашеный хлѣбъ — опрѣсноки. Законодатель новаго завѣта не благоволилъ повелѣть ученикамъ Своимъ, чтобы они въ священныхъ книгахъ евангелія начертали какія-либо правила о празднованіи Пасхи христіанской; Пасха Христова празднуется безъ всякаго закона, повелѣнія и учрежденія, и будетъ праздноваться вѣчно до кончины міра и составлять сама по себѣ праздникъ праздниковъ и торжество изъ торжествъ!

Одинъ только апостолъ Павелъ оставилъ намъ наставленіе, какъ праздновать Пасху достойнымъ образомъ, чтобы празднованіемъ угодить воскресшему Господу. „Станемъ праздновать, — говоритъ онъ, — имѣя въ виду обычай іудейскій и строгость церкви ветхозавѣтной, — станемъ праздновать не съ ветхою закваскою, не съ закваскою порока и лукавства, — но съ опрѣсноками чистоты и истины" [1])! Іудей берегся кваса вещественнаго, христіанинъ долженъ беречься кваса духовнаго — злобы и лукавства; іудей вкушалъ опрѣсноки, бывшіе только символомъ чистоты, а христіанинъ долженъ питаться самою вещію — имѣть чистоту духовную. Почему и праздничная радость христіанина должна быть духовная, чистая, мирная, — возвышающая душу. Если христіанинъ вообще долженъ вести себя такъ, чтобы въ мысляхъ, чувствахъ, словахъ и дѣлахъ его постоянно отражался образъ жизни и духъ нашего Спасителя, то тѣмъ болѣе въ дни, назначенные для празднованія Пасхи, чѣмъ ему лучше заняться, какъ не воспоминаніемъ великихъ событій евангельскихъ — смерти и воскресенія Іисуса Христа, — которыя и составляютъ именно предметъ настоящаго празднованія? (См. брош. „*Пасха Господня, Пасха*". Спб. 1869 г. сн. „Свѣтлый Христовъ праздникъ Пасха" В. Преображенскаго, Спб., изд. 1891 года, стр. 10—15).

---

[1] 1 Коринѳ. V, 7.

[2] Изъ Богосл. пѣс. Пасхи.

[1] Изъ Сл. на день Пасхи. Слова и рѣчи Филарета, митроп. москов. Изд. 2. Т. I, стр. 52.

[2] Исх. XII, 14, 19.

[3] Исх. XII, 15.

5. **О происхожденіи и значеніи христосованія въ св. Пасху.**

Въ первый день св. Пасхи на утренѣ мы исполняемъ установленный церковію *обрядъ христосованія*. Обрядъ этотъ очень важенъ и утѣшителенъ, почему мы считаемъ священнымъ долгомъ изъяснить значеніе этого обряда.

1. Когда мы начинаемъ христосоваться съ кѣмъ либо, то обыкновенно говоримъ: *Христосъ воскресе!* и намъ отвѣчаютъ на это: *воистину воскресе!* Въ этомъ случаѣ мы подражаемъ первымъ ученикамъ и ученицамъ Господа, когда, по воскресеніи Его, они бесѣдовали между собою о Воскресшемъ и говорили: *воистину воста Господь* (Лук. 24, 14—35). Между тѣмъ, этими же привѣтствіями, хотя кратко, но ясно высказываемъ мы другъ другу и исторію настоящаго праздника.

Съ другой стороны, это привѣтствіе проливаетъ неизъяснимую радость въ нашу душу. Какъ-то особенно бываетъ весело, когда скажешь, или отъ кого услышишь сладостныя слова: *Христосъ воскресе, — воистину воскресе*. Поэтому можно сказать, что они введены нынѣ въ постоянное употребленіе и потому, что радостотворны и для души нашей. А радостотворны они потому, что заключаютъ въ себѣ сладостную надежду на наше будущее воскресеніе. *Христосъ воста отъ мертвыхъ*, говоритъ апостолъ Павелъ, *начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. 15, 20). Слѣдовательно, если воскресъ Іисусъ Христосъ, то и мы воскреснемъ. Это весьма утѣшительно для всѣхъ насъ, а въ особенности это утѣшительно для тѣхъ, у которыхъ путь настоящей жизни усѣянъ *терніемъ и волчцами*. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдствовать цѣлую жизнь, и потомъ сдѣлаться на вѣки жертвою смерти — это ужасно! Но бѣдствовать здѣсь, а потомъ перейти въ блаженную вѣчность и, наконецъ, вмѣстѣ съ воскресшимъ тѣломъ наслаждаться блаженствомъ... Можетъ ли что быть вожделѣннѣе этого? Вотъ причины какъ священнаго удовольствія, ощущаемаго нами отъ словъ— *Христосъ воскресе,—воистину воскресе,* такъ и всеобщаго ихъ употребленія въ нашихъ взаимныхъ привѣтствіяхъ.

2. Далѣе, — высказавъ другъ другу привѣтствіе, мы совершаемъ *взаимное цѣлованіе*. Это что значитъ? Цѣлованіе вообще въ быту житейскомъ принимается за знакъ сердечной любви другъ къ другу. То-же значеніе имѣетъ оно и при христосованіи. „Праздникъ Пасхи, скажемъ словами Златоустаго, есть залогъ мира, источникъ примиренія, разрушеніе смерти, погибель діавола. Сегодня люди соединились съ ангелами"... (72 слово, томъ VI). А потому можно ли намъ, христіанамъ, въ такой свѣтлый праздникъ оставаться во враждѣ на кого-либо? Можно ли не питать сердечной любви другъ къ другу?.. *Просвѣтимся торжествомъ*, поетъ намъ св. церковь, *и другъ друга обымемъ, рцемъ: братіе, и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ!* вотъ въ какихъ чувствахъ должно совершаться наше цѣлованіе. А иначе оно будетъ походить на Іудино лобзаніе.

3. Наконецъ, по произнесеніи сладостныхъ словъ—*Христосъ воскресе, воистину воскресе*—и по взаимномъ цѣлованіи, мы даримъ другъ друга *красными яицами*. Яйцо есть знакъ нашего блаженнаго воскресенія изъ мервыхъ, коего залогъ мы имѣемъ въ Іисусѣ Христѣ. Чтобы вамъ понять, какимъ образомъ яйцо служитъ знакомъ и нашего воскресенія, представьте, что бываетъ съ нимъ, когда оно нѣсколько дней сряду насиживается курицей? Въ такомъ случаѣ изъ него является новое существо, жизнь котораго сокрыта была мертвою скорлупою его. Точно также изъ гроба—жилища смерти возсталъ Жизнодавецъ, а придетъ время, и наши тѣла, дѣйствіемъ всемогущаго Бога, по

---

[1] 1. Коринѳ. V, 7. 8.

звуку трубы архангела, выйдутъ изъ сердца земли и облачатся въ нетлѣніе. Вотъ это-то и напоминаютъ намъ яица, которыми мы даримъ другъ друга.

А знаете-ли, откуда взялось это обыкновеніе? Оно очень древнее, и произошло, какъ говоритъ преданіе, отъ равноапостольной Маріи Магдалины. Она, пришедши въ Римъ, по вознесеніи Господнемъ, для проповѣданія евангелія, предстала предъ императора Тиверія и, сказавъ: *Христосъ воскресе,* поднесла ему красное яйцо—тогда было обыкновеніе, чтобы бѣдные люди, въ знакъ уваженія къ людямъ богатымъ, друзьямъ, благодѣтелямъ и властямъ, приносили имъ въ подарокъ яйцо, въ новый годъ и въ дни ихъ рожденія. По примѣру Маріи Магдалины и первенствующіе христіане стали дарить другъ друга яйцами въ дни Свѣтлаго Христова Воскресенія. А отъ нихъ этотъ обычай перешелъ къ намъ.

Но по какому случаю ввели въ обыкновеніе дарить другъ друга *красными* яицами? Случай къ этому, какъ говоритъ преданіе, былъ слѣдующій: въ самый день воскресенія Христова, когда всѣ увѣрены были, что Іисусъ Христосъ не можетъ возстать изъ гроба, одинъ еврей несъ въ корзинкѣ на рынокъ свѣжія яица для продажи. На дорогѣ встрѣчается съ нимъ другой еврей и говоритъ ему: „а что, другъ, знаешь ли ты, какая чудесная новость случилась въ нашемъ городѣ Іерусалимѣ?—вѣдь Христосъ, Который умеръ назадъ тому три дня, воскресъ изъ гроба, и ужъ многіе видѣли Его“. Но еврей, несшій продавать свѣжія яйца, отвѣчалъ ему: „нѣтъ, не вѣрю этому, чтобъ Христосъ воскресъ изъ гроба; это такъ же невозможно, какъ невозможно, чтобы эти бѣлыя яица вдругъ сдѣлались красными“. Но что-же? Едва онъ произнесъ эти слова, какъ бѣлыя яица въ корзинкѣ вдругъ сдѣлались красными. И чудо это такъ поразило его, что онъ не замедлилъ принять христіанскую вѣру. Вѣсть объ этомъ дивномъ событіи скоро распространилась между вѣрующими христіанами и, въ воспоминаніе этого, они стали дарить другъ друга красными яицами. Поэтому-то, можетъ-быть, и Марія Магдалина поднесла императору Тиверію красное яйцо.

Съ другой стороны, красный цвѣтъ на яицахъ имѣетъ особенное значеніе. И не погрѣшимъ, если скажемъ, что онъ означаетъ здѣсь животворящую кровь Господа нашего Іисуса Христа. Если бы Іисусъ Христосъ не искупилъ насъ, то мы были бы вѣчными плѣнниками ада и смерти, а слѣдовательно, не имѣли-бы никакого основанія надѣяться и на будущее свое воскресеніе. Но мы искуплены (Еф. 1, 6), искуплены не другимъ чѣмъ, какъ безцѣнною кровію Іисуса Христа (2 Кор. 6, 20). Слѣдовательно, непремѣнно и воскреснемъ. А какъ искупленіе наше совершено кровію Іисуса Христа, то, значитъ, и будущее наше воскресеніе пріобрѣтено нами тою же кровію. Вотъ объ этомъ-то и напоминаетъ намъ красный цвѣтъ на яицахъ, и именно, скажу яснѣе: онъ проповѣдуетъ намъ, что будущее наше воскресеніе есть плодъ или слѣдствіе пролитія безцѣнной крови Спасителемъ нашимъ.

Вотъ какое значеніе имѣетъ обрядъ христосованія. (Сост. по „Христ. бес.“, прилож. къ журн. „Паст. собесѣдн.“ за 1893 г., т. I).

6. Праздникъ Воскресенія Христова грѣшно проводить въ уныніи и печали.

Мы должны радоваться, вспоминая тотъ великій и славный день, когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ воскресъ изъ гроба и Своимъ воскресеніемъ избавилъ и насъ отъ смерти. Самъ Богъ желаетъ, чтобы мы проводили праздникъ Воскресенія Христова въ радости и веселіи, и потому нерѣдко посылаетъ въ этотъ день неожиданную радость вѣрнымъ сынамъ Его, находящимся въ какихъ-нибудь затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Въ одной книгѣ записано такое событіе. Предъ однимъ епископомъ оклеветали невиннаго священника, вслѣдствіе чего незадолго до Пасхи этотъ священникъ взятъ былъ и содержался въ темницѣ. При наступленіи ночи съ великой субботы на Свѣтлое Воскресеніе, священнику является ангелъ Божій и говоритъ: „по волѣ Бога ты освобождаешься отъ сего заключенія; тебѣ дается свобода для того, чтобы ты въ твоемъ приходскомъ селѣ для перваго дня Пасхи отслужилъ литургію“. Сказавъ это, ангелъ освободилъ священника отъ заключенія и, выведши изъ темницы, сопровождалъ его до села. Стражъ темничный донесъ объ отсутствіи священника изъ темницы епископу, сказавъ, что выходъ священника совершился чудесно, потому что ключъ отъ замка хранился у него. Епископъ послалъ нарочитаго въ село поразвѣдать: не служилъ ли тамъ священникъ литургію? Оказалось, что служилъ. Епископъ разгнѣвался и вознамѣрился подвергнуть его снова заключенію. Но ангелъ Божій въ слѣдующую ночь опять явился священнику и, съ его согласія, посадилъ его въ ту же темницу. Епископъ призываетъ къ себѣ священника и слышитъ отъ него такое оправданіе: „я изъ темницы былъ освобожденъ и въ нее обратно заключенъ не своею волею, а на то была воля Самого Бога, посылавшаго двукратно ко мнѣ ангела“. Епископъ навелъ справки, не былъ ли кто изъ служащихъ при темницѣ виноватъ въ тайномъ отлученіи и возвращеніи священника; но оказалось, что никто. Тогда епископъ убѣдился, что священникъ напрасно терпѣлъ темничное безчестіе, и что освобожденіе его на Пасху и обратное заключеніе было дѣломъ ангела Божія. Онъ простилъ священника и велѣлъ ему продолжать свое служеніе, а клеветавшихъ на него строго наказалъ. (Прол. 8 декабря). Такъ Самъ Богъ заботится, чтобы въ таковый праздникъ, какъ Свѣтлое Воскресеніе Христово, совершалась въ храмѣ Его святая служба.

Въ житіи преподобнаго Пафнутія Боровскаго разсказывается слѣдующее. Въ монастырѣ, гдѣ жилъ преподобный, однажды къ первому дню св. Пасхи, на печаль всей братіи, не было рыбы. Св. Пафнутій въ утѣшеніе имъ сказалъ: „не скорбите объ этомъ, братія, Господь утѣшитъ насъ“. И, дѣйствительно, въ великую субботу пономарь, вышедшій къ разлившейся рѣкѣ почерпнуть воды для божественной службы, замѣтилъ въ водѣ такую густую стаю рыбы, что, по извлеченіи ее сѣтями, достало рыбы на всю пасхальную недѣлю для всей братіи (Чет.-Мин. 1 мая). Замѣчательно при этомъ, что рыбы въ такомъ множествѣ ни прежде, ни послѣ той Пасхи никогда не было. Кто, какъ не Богъ, чудесно понудилъ эту рыбу собраться въ такую густую стаю и обрадовать братію, дабы ихъ радость не омрачилась недостаткомъ рыбы? Въ житіи же преподобнаго Венедикта разсказывается слѣдующее. Однажды, нѣкоему священнику, который по случаю праздника Пасхи приготовилъ себѣ обильныя кушанья, въ видѣніи явился Господь и сказалъ: „вотъ ты много приготовилъ всего себѣ, а Мой рабъ Венедиктъ, любя Меня, изнемогаетъ отъ голода“. Священникъ всталъ и, взявъ кушаній, пошелъ искать св. Венедикта и нашелъ его въ пещерѣ. Они встрѣтились съ радостію и сѣли. „Отче! сказалъ священникъ св. Венедикту, — вкусимъ пищи съ благодарностію Богу, такъ какъ нынѣ Пасха“. — „Мнѣ нынѣ Пасха, отвѣчалъ св. Венедиктъ, такъ какъ я сподобился видѣть тебя!“ Преподобный, живя далеко отъ людей, не зналъ, что въ это время былъ праздникъ Пасхи. „Сегодня, сказалъ священникъ, поистинѣ праздникъ Воскресенія Господня, и тебѣ не должно поститься. Я на это посланъ къ тебѣ Господомъ“. Вкусивъ пищи вмѣстѣ съ св. подвижникомъ, священникъ возвратился въ свое селеніе (Чет.-Мин. 14 марта).

Въ 1821 году въ Нижнемъ-Новгородѣ дѣвица Ирина Андреева до того была больна, что не могла ни слышать, ни говорить, ни ходить. Когда нужно было итти ей куда-либо, ее носили на рукахъ, пищу брала она изъ постороннихъ рукъ ощупью; если что нужно было ей попросить, то она или стучала рукой, или же просто мычала. Но въ первый день Свѣтлаго Воскресенія Христова несчастная страдалица вдругъ почувствовала силу въ ногахъ, облегченіе въ головѣ, свѣтъ въ глазахъ, свободу въ языкѣ и способность слышать. Потомъ она разсказывала, что за нѣсколько дней до Свѣтлаго Воскресенія Христова ей во снѣ было видѣніе. Въ нѣкоемъ прекрасномъ храмѣ она увидѣла двухъ мужей: Іоанна Крестителя и какого-то другого Мужа въ прекрасномъ архіерейскомъ облаченіи. Этотъ Мужъ повелѣлъ ей приблизиться къ Нему; со страхомъ пала она къ стопамъ Его, и замѣтила, на ногахъ и рукахъ Его по глубокой ранѣ. Онъ благословилъ ее и сказалъ: „страданія твои кончились; въ день Воскресенія Моего ты будешь здорова!“ Въ день Пасхи Ирина Андреева опять во снѣ увидѣла прекрасную Дѣву, Которая, обратившись къ ней съ обыкновеннымъ пасхальнымъ привѣтствіемъ: „Христосъ воскресе!“ тотчасъ же внезапно скрылась. Проснувшись послѣ этого послѣдняго видѣнія, больная почувствовала себя совершенно здоровою и на другой же день праздника Пасхи была уже въ церкви, гдѣ слушала божественную литургію и благодарный молебенъ за свое чудесное исцѣленіе (См. „Воскресн. чтеніе“, за 1884 г. № 15).

1823 года 22 апрѣля, на первый день св. Пасхи, послѣ стоянія предъ заутреней, въ г. Кіевѣ совершилось слѣдующее чудо надъ глухонѣмымъ послушникомъ Максимомъ. Къ вечеру великой субботы, по исполненіи своихъ послушническихъ работъ, этотъ Максимъ пошелъ въ большую Лаврскую церковь. Его началъ одолѣвать сонъ, и онъ изъ церкви отправился въ просфорню съ тѣмъ, чтобы здѣсь нѣсколько поспать. Но лишь только онъ задремалъ, какъ предъ нимъ предстала Женщина въ бѣломъ одѣяніи и приказала ему снова итти въ церковь. Пробудившись, Максимъ отправился въ церковь, но опять не надолго: его одолѣлъ сонъ, и онъ вторично пошелъ въ просфорню для отдыха. Но едва онъ заснулъ, какъ опять былъ разбуженъ тою же Женщиною (вѣроятно, Богоматерью). Это повторилось и въ третій разъ. Въ послѣдній разъ, прійдя въ церковь и ставъ предъ иконою Пресвятой Богородицы, Максимъ услышалъ пѣніе пасхальнаго тропаря: „Христосъ воскресе“ и при этомъ увидѣлъ Ту же, являвшуюся ему раньше въ просфорнѣ, Женщину въ свѣтломъ, бѣломъ одѣяніи. Она три раза повелѣла ему говорить: „воистину воскресе!“ Наконецъ, на его молчаніе дунула ему въ лицо и скрылась, а Максимъ въ ту же минуту выговорилъ: „воистину воскресе!“ По окончаніи утренняго пѣнія, Максимъ съ радостію разсказалъ всѣмъ о совершившемся надъ нимъ чудѣ!.. Замѣчательно, что у этого же послушника Максима, за годъ до этого чудеснаго сообщенія ему дара слова, силой Божіей чудесно открытъ былъ и слухъ и тоже предъ первымъ утреннимъ пасхальнымъ пѣніемъ. (Тамъ же).

Въ 1838 году съ понедѣльника на вторникъ Свѣтлой недѣли вдова Анисія Степанова, бывшая до того глухою, что даже не слышала колокольнаго звона, пришла въ Московскую Неопалимовскую церковь помолиться предъ иконою Богоматери, именуемою „Нечаянная радость“. И вотъ, во время служенія молебна предъ означенною иконою, она ясно услышала пѣніе пасхальнаго тропаря: *„Христосъ воскресе!“* и „къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецемъ“, — и съ того времени глухота болѣе уже не возвращалась къ ней. (Тамъ же).

Итакъ, Самъ Богъ желаетъ, чтобы въ день славнаго воскресенія Единороднаго Сына Его всѣ люди радовались и чтобы не было между ними печалей и скорбей. Нынѣ Христосъ воста — веселіе вѣчное! Христосъ воскресъ, и насъ воскреситъ для вѣчно-блаженной жизни съ Нимъ на небѣ. Онъ даровалъ намъ животъ вѣчный – вотъ причина радости и торжества нынѣшняго Свѣтлаго праздника! Обойдите всѣ города, селенія и деревни, населенные христіанами—и вы вездѣ увидите, что въ дни сего праздника радуются всѣ: знатные и незнатные, богатые и бѣдные, старые и малые, родные и чужіе, знакомые и незнакомые, друзья и враги— всѣ, всѣ привѣтствуютъ восторженно другъ друга съ радостію о воскресеніи Христа. Возрадуемся же и возвеселимся и мы чистою и святою радостію, искреннимъ, сердечнымъ веселіемъ. Радость наша отъ вѣры нашей и теперь неописанна; какова же будетъ радость наша, когда мы увидимъ въ будущей жизни Самого Господа? Это будетъ радость всѣхъ радостей!

7. Послѣ воскресенія І. Христа для вѣрующихъ и свято живущихъ людей смерть не страшна.

Воскресъ Христосъ и Своею смертію попралъ смерть, и она потеряла свое значеніе. Вѣрующіе въ І. Христа встрѣчаютъ ее теперь съ радостію и веселіемъ. „Я больше всего желаю разрѣшиться отъ тѣла и водвориться у Господа“, говоритъ о себѣ св. ап. Павелъ (2 Кор. 5, 8). „Смерть мнѣ не страшна; она скорѣе соединитъ меня со Христомъ“, говорили о себѣ св. Василій В. и Іоаннъ Злат.

Почему это? Потому что, съ воскресеніемъ Христовымъ, души, истинно вѣрующія во І. Христа, не идутъ во адъ, ибо воскресшій Христосъ открылъ всѣмъ двери рая въ царство небесное. Многимъ св. угодникамъ было открыто, что души праведниковъ, по разлученіи отъ тѣла, были тотчасъ относимы ангелами въ царство небесное. Такъ, напр., въ жизни преп. Антонія В. разсказывается, что, въ одно время, когда онъ шелъ въ пустынѣ, увидѣлъ сонмы ангеловъ и лики апостоловъ и между ними преп. Павла Ѳивейскаго, восходящаго на небо. („Чет.-Мин.“ 17 января).

Св. Григорій Двоесловъ разсказываетъ, что въ одно время св. Венедиктъ всталъ ночью на молитву; въ самую полночь онъ увидѣлъ свѣтъ, который такъ блисталъ, что ночь стала свѣтлѣе дня. Удивленный этимъ, онъ устремилъ свой взоръ и увидѣлъ въ огненномъ сіяніи душу еп. Германа, несомую ангелами на небо („Сказ. о жизни итал. отц.“ кн. 2, гл. 35).

Еще: когда преп. Іоанникій преставился, то иноки видѣли душу его возносимую ангелами на небо („Чет.-Мин.“ 4 ноября).

То же самое говорится и о преп. Макаріи египетскомъ („Чет.-Мин.“ 19 января).

Что дѣйствительно съ воскресеніемъ Христовымъ смерть умерщвлена и потеряла свое значеніе, видно еще изъ тѣхъ чудесныхъ дѣйствій, которыя показывали надъ ней люди святые.

Въ жизни св. апостоловъ находимъ, что они воскрешали умершихъ: такъ, напр., св. ап. Петръ воскресилъ нѣкую Тавиѳу, ради того добра, которое она дѣлала бѣднымъ (Дѣян. 9, 40); ап. Павелъ воскресилъ юношу Евтиха, упавшаго съ окна (Дѣян. 20, 9); преп. Макарій египетскій воскресилъ однажды мужа одной женщины, чтобы спросить его о сокрытомъ залогѣ, спросилъ также одного убитаго, чтобы онъ оправдалъ невинность оклеветаннаго въ убійствѣ, и онъ далъ свой отвѣтъ (Чет.-Мин. 19 января); преп. Патермуѳій спросилъ однажды одного умершаго инока, что лучше для него: умерши жить со Христомъ, или еще возвратиться и жить въ тѣлѣ,—на что онъ, воскресши, сказалъ: „зачѣмъ ты воскресилъ меня? Для меня гораздо лучше жить со Христомъ; въ тѣлѣ жить не хочу“.—„Спи же и молись о мнѣ Господу“, сказалъ Патермуѳій иноку, и тотъ умеръ (Ч. М.).

8. Воскресеніе Христово есть торжество вѣры, добродѣтели и упованія.

Пасха христіанская всегда совершалась со всею торжественностію. Еще христіане не имѣли храмовъ, еще, гонимые язычниками, сокрывали свое богослуженіе въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ, но воспоминаніе воскресенія Христова было уже виною торжества столь свѣтлаго и продолжительнаго, что одинъ изъ древнихъ защитниковъ христіанства (Тертулліанъ) вслухъ всѣхъ язычниковъ говорилъ: „ваши праздники, взятые всѣ вмѣстѣ, не могутъ сравниться продолженіемъ своимъ съ одною Пасхою христіанскою“.

Въ самомъ дѣлѣ, воскресеніе Господа нашего само по себѣ есть торжество торжествъ и праздниковъ праздникъ. Оно есть высочайшее торжество вѣры, ибо имъ утверждена, возвышена, обожена вѣра наша; — есть высочайшее торжество добродѣтели, ибо въ немъ самая чистѣйшая добродѣтель восторжествовала надъ величайшимъ искушеніемъ;—есть высочайшее торжество надежды, ибо служитъ вѣрнѣйшимъ залогомъ обѣтованій самыхъ величественныхъ.

I. *Воскресеніе Іисуса Христа есть высочайшее торжество вѣры.* Апостолъ Павелъ, одинъ изъ первѣйшихъ проповѣдниковъ вѣры, написалъ коринѳскимъ ученикамъ своимъ: *аще Христосъ не воста, тще убо проповѣданіе наше, тща же и вѣра ваша* (1 Кор. 15, 14). То-есть, ежели Христосъ не воскресъ, то всѣ истины нашей вѣры теряютъ свою силу, евангеліе и проповѣдь не имѣютъ болѣе достоинства, все христіанство есть праздное имя.

Мысль разительная, но совершенно истинная, неоспоримая! — Ибо на чемъ основана вся вѣра наша?—*Наздани бывше*, отвѣчаетъ св. Павелъ, *на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу* (Ефес. 2, 20). Воскресшій Іисусъ есть краеугольный камень нашей вѣры, Онъ есть *Посланникъ и Святитель нашего исповѣданія* (Евр. 3, 1), но почему сей *камень, пренебреженный зиждущими*, содѣлался для насъ *во главу угла и дивенъ во очію нашею?* (Матѳ. 21, 42). Почему мы признаемъ въ Немъ *Христа—Божію силу и Божію премудрость?* (1 Кор. 1, 24).—У насъ есть на это весьма много доказательствъ, но всѣ они были бы недостаточны безъ воскресенія Господа нашего.

Дабы скорѣе и яснѣе видѣть эту истину, вообразимъ, что мы принадлежимъ къ числу тѣхъ людей, кои слѣдовали за Господомъ отъ начала до конца Его земного служенія, слышали всѣ бесѣды Его, видѣли всѣ дѣла, Имъ совершенныя. Доколѣ Онъ отверзалъ очи слѣпыхъ воскрешалъ мертвыхъ, мы, конечно, спокойно слѣдовали бы за Нимъ,—восклицали бы вмѣстѣ съ апостолами: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго!* (Іоан. 6, 69) Но вотъ наступаетъ ужасный часъ страданій: ученикъ предаетъ Его, безумная синагога отвергаетъ какъ льстеца, неразумный Пилатъ осуждаетъ какъ возмутителя; Іисусъ—чаяніе наше—возносится на крестъ вмѣстѣ съ злодѣями; Самъ Отецъ оставляетъ Его, Онъ умираетъ въ мукахъ, погребается; самый гробъ Его запечатанъ печатію Каіафы. Что было бы тогда съ нами, съ нашею вѣрою, если бы Онъ не воскресъ? Се *мы надѣяхомся, яко Сей есть хотя избавити израиля, но и надъ всѣми сими* Онъ остался во гробѣ (Лук. 24, 21): вотъ что сказалъ бы каждый изъ насъ.

Въ самомъ дѣлѣ, никакъ нельзя думать, чтобы наша вѣра оказалась тогда тверже вѣры апостоловъ. Но что случилось съ ними по смерти Господа? Не всѣ ли они поколебались было въ своемъ вѣрованіи въ Него? А безъ сей увѣренности вышли ли бы они на всемірную проповѣдь и отдали ли бы за истину ея жизнь свою? А безъ ихъ проповѣди обратился ли бы міръ, погруженный во тьму язычества, къ вѣрѣ христіанской?

И что бы апостолы начали проповѣдывать безъ воскресенія своего Учителя? Какъ бы они сказали: *вѣруяй въ Сына Божія имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 36), когда Самъ Сынъ Божій оставался бы мертвымъ? Какъ бы они сказали: *Христосъ вчера и днесь, той-же и во вѣки* (Евр. 13, 8), когда бы всякій зналъ, что Онъ прежде былъ живъ, а потомъ умеръ и не воскресъ?

Такимъ образомъ, безъ воскресенія Іисуса Христа, гробъ Его былъ бы вмѣстѣ и гробомъ вѣры христіанской: потому что всѣ, прежде вѣровавшіе въ Него, перестали бы вѣрить; потому что никто не принялъ бы на себя труда проповѣдывать вѣру въ того, кто умеръ и не воскресъ; потому, наконецъ, что проповѣдь эта сама по себѣ не стоила бы довѣрія.

Но теперь гробъ Іисуса Христа есть святилище, въ коемъ совершилось торжество вѣры христіанской. Не напрасно Самъ Іисусъ Христосъ, когда іудеи требовали отъ Него новыхъ чудесъ въ удостовѣреніе, что Онъ есть единородный Сынъ Божій, отвѣчалъ, что другого знаменія не дастся имъ, кромѣ знаменія Іоны пророка (Матѳ. 12, 39, 40), то-есть воскресенія; не напрасно, отходя на страданія Свои, Онъ изрекъ, что наступаетъ время, когда прославится Сынъ человѣческій (Іоан. 13, 31). Въ воскресеніи Своемъ Онъ подлинно прославился;—и прославился, по замѣчанію апостола Павла (Рим. 1, 4), уже не яко пророкъ, ниже яко Сынъ человѣческій или Мессія, но яко Сынъ Божій, въ Коемъ обитаетъ вся полнота Божества (Кол. 2, 9).

Кто не узнаетъ Сына Божія въ воскресшемъ Іисусѣ?

Въ какомъ благолѣпіи является теперь самый крестъ Христовъ, на которомъ вмѣстѣ съ Іисусомъ распята была, можно сказать, самая вѣра! Кто не видитъ, что это знаменіе проклятія для другихъ, для Іисуса было жертвенникомъ, на коемъ принесена всемірная жертва,—что Богъ принялъ эту жертву въ воню благоуханія,—что Агнецъ закланный достоинъ пріяти честь и славу. (Апок. 5, 12).

Послѣ сего, что можетъ поколебать вѣру нашу, когда сама смерть и адъ не одолѣли ея въ лицѣ Начальника и Совершителя вѣры?—„Я знаю“, восклицалъ нѣкогда апостолъ Павелъ, „я знаю, въ Кого вѣрую (2 Тим. 1, 12)—знаю, что Спаситель мой есть Богъ, Который силенъ сохранить залогъ спасенія моего до Своего славнаго пришествія“.

II. *Воскресеніе Іисуса Христа есть высочайшее торжество добродѣтели.* Добродѣтель, гонимая на землѣ, никогда не оставляла совершенно лица земли, являясь въ избранныхъ Божіихъ, кои сіяли, *яко свѣтила въ мірѣ* (Фил. 2, 15). Но какая была участь ихъ?—*Каменіемъ побіени быша, претрени быша, убійствомъ меча умроша, проидоша въ милотехъ, лишени, скорбяще, озлоблени* (Евр. 11, 37). И сколько разъ слышался гласъ жалобы и печали: „*что путь нечестивыхъ спѣется* (Іер. 12, 1), праведники же пожинаются яко класы“.

Промыслъ оправдывалъ иногда видимо пути Свои; не разъ предъ лицомъ всего міра, *вмѣняющаго* житіе праведныхъ *въ посмѣхъ* (Прем. 5, 3), добродѣтель торжествовала надъ порокомъ; не разъ, повергаемые въ горнило искушеній, праведники выходили изъ него, яко злато чисто, не только предъ очами Божіими, но и предъ очами враговъ своихъ. Но торжество добродѣтели всегда оставалось неполно; поелику и добродѣтель сыновъ человѣческихъ всегда несовершенна, не чиста. Между тѣмъ, для посрамленія торжества міра суетнаго надлежало явить полное торжество добродѣтели. Для сего требовалась чистѣйшая добродѣтель, величайшее искушеніе и всесовершенная слава.

Таково воскресеніе Іисуса Христа!—Что была вся жизнь Его, какъ не единое непрерывное служеніе Богу и ближнимъ? Между тѣмъ, какой праведникъ былъ посрамленъ, презрѣнъ, умученъ болѣе Іисуса Христа?

Но зрите торжество благочестія въ лицѣ Воскресшаго!—Онъ *смирилъ Себе, послушливъ бывъ до смерти крестныя:* и вотъ, *Богъ превознесъ Его, и даровалъ Ему имя паче всякаго имени, да о имени Іисуса всякое колѣно поклонится небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ!* (Фил. 2, 8—10). Онъ *богатъ сый, обнищалъ для насъ* (2 Кор. 8, 9), *не имѣлъ гдѣ главы подклонить* (Матѳ. 8, 20). И вотъ, предана Ему всякая *власть на небеси и на земли!* (Мат. 27, 18). Онъ изъ любви къ ближнимъ отдалъ душу Свою: и вотъ, души всѣхъ сыновъ человѣческихъ предаются Ему во власть, яко Искупителю и Судіи!

И это еще только видимые для насъ слѣды торжества невидимаго. Если бы мы, по обѣщанію Спасителя, узрѣли небо отверстымъ (Іоан. 1, 51), какое бы торжество добродѣтелей открылось въ лицѣ Его предъ очами нашими! Тамъ увидѣли бы мы Сына человѣческаго *за пріятіе смерти вѣнчаннаго славою и честію* (Евр. 2, 9), сидящаго одесную силы Божіей (Лук. 22, 69), увидѣли бы двадцать четырехъ старцевъ, повергающихъ вѣнцы свои предъ Агнцемъ закланнымъ (Апок. 4, 10); увидѣли бы сонмы ангеловъ, не *восходящихъ* уже и *нисходящихъ* на Сына человѣческаго (Іоан. 1, 51), а закрывающихъ лица свои отъ неприступной славы Его лица.

Какое же сердце, любящее добродѣтель, можетъ не радоваться при такомъ торжествѣ Сына человѣческаго? Это торжество истинно всемірное, въ коемъ можетъ участвовать самый язычникъ. Пусть онъ не вѣритъ въ Божество Іисуса Христа; довольно, если онъ вѣритъ въ Бога и добродѣтель, дабы радоваться о томъ, что святѣйшій изъ сыновъ человѣческихъ столь величественно награжденъ нынѣ самимъ Небомъ. Правосудный Богъ показалъ въ воскресеніи Іисуса Христа, какъ Онъ прославляетъ любящихъ Его, показалъ предъ всѣмъ родомъ человѣческимъ, что Онъ никогда не забываетъ *труда любве*, подъятаго *во имя Его* (Евр. 6, 10), и что всѣ торжества міра суть ничто предъ торжествомъ праведника.

III. *Воскресеніе Іисуса Христа есть высочайшее торжество упованія.* Для угнетеннаго всякаго рода бѣдствіями смертнаго рода человѣческаго ничего не можетъ быть нужнѣе, какъ прозрѣніе окомъ упованія въ ту страну, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, не печали, ни воздыханія.—И дѣйствительно, мысли и желанія человѣческія во всѣ времена и у всѣхъ народовъ устремлялись за предѣлы сей жизни.

Но кто могъ разсѣять мракъ гроба?—ниспровергнуть эту преграду?—Являлись мудрецы; но, *приходя отъ земли* (Іоан. 3, 31), о землѣ и говорили, хвалились, что *свели философію съ неба*, а на небо не возвели ни одного человѣка. Приходили пророки, наставляли, обличали, утѣшали, но потомъ сами умирали, *не пріявъ обѣтованія* (Евр. 11, 39). Надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ царствовала смерть съ такою свирѣпостію, что во время Іисуса Христа не только многіе изъ мудрецовъ языческихъ, даже великая часть народа Божія отвергла всякую надежду на безсмертіе, глаголя *не быти воскресенію* (Матѳ. 22, 23).

Надлежало возставить падшую надежду и явить предъ лицомъ всего міра, что только тѣло человѣка *возвращается въ землю, а духъ возвращается къ Богу, Иже даде его* (Еккл. 12, 7). И вотъ, въ воскресеніи Спасителя совершается торжество надежды.

Гробъ и смерть были виною страха и отчаянія человѣческаго: Премудрость Божія гробъ обращаетъ въ источникъ надежды, смерть принуждаетъ быть проповѣдницею безсмертія. Ибо для чего другого служитъ теперь гробъ Іисуса Христа, который одинъ только въ воскресеніе мертвыхъ не отдастъ Мертвеца своего, какъ не въ доказательство того, что и всѣ гробы нѣкогда опустѣютъ и отдадутъ мертвецовъ своихъ?—Къ чему послужила смерть Іисуса Христа, какъ не къ увѣренности, что смерть есть только стражъ, который хранитъ то, что ему предано, хранитъ дотолѣ, доколѣ угодно Господу жизни, и что во власти сего стража находится только бренный составъ нашъ, а не духъ, совершенно не знающій гроба и смерти!

Торжество самое вѣрное. Рѣшительно должно сказать, что всѣ доказательства безсмертія, употребляемыя разумомъ, не имѣютъ столько силы, сколько заключаетъ ея въ себѣ одно воскресеніе Іисуса Христа. Вѣрить сему воскресенію и сомнѣваться въ нашемъ воскресеніи есть совершенное противорѣчіе. *Аще Христосъ воста*, писалъ нѣкогда апостолъ Павелъ къ коринѳянамъ, *како глаголютъ нѣцыи, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть? Аще воскресенія мертвыхъ нѣсть, то ни Христосъ воста* (1 Кор. 15, 12—13). Въ самомъ дѣлѣ, Христосъ есть Глава вѣрующихъ: когда воскресла глава, то какъ могутъ остаться мертвыми прочіе члены?

Торжество полное. Надежда на безсмертіе духа человѣческаго, хотя слабая, и прежде была въ родѣ человѣческомъ. Воскресеніе Іисуса Христа, утверждая эту надежду, расширило ея область, показавъ, что не только духъ человѣческій не умираетъ, но и тѣло содѣлается нѣкогда безсмертнымъ,—что наступитъ день, когда и сіе *тлѣнное облечется нетлѣніемъ* и сіе *мертвенное пожерто будетъ животомъ* (1 Кор. 15, 53; 2 Кор. 5, 4),—что, по увѣренію апостола, настанетъ время, когда Христосъ *преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его* (Фил. 3, 21).

Да будетъ же *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, по мнозѣй Своей милости порождей насъ въ упованіе живо воскресеніемъ Іисусъ Христовымъ отъ мертвыхъ* (1 Петр. 1, 3). Господь, Самъ Господь сотворилъ *день сей, да возрадуемся и возвеселимся въ онь!* Воистину онъ есть праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ: торжество вѣры, добродѣтели и упованія. (Извлечено изъ слова Иннокентія, архіеп. херсонск.).

9. **Чѣмъ стали адъ, земля и небо послѣ воскресенія Христова?**

(По ученію Филарета, м. моск.).

Сошествіе во адъ и воскресеніе Христово имѣютъ важное значеніе въ дѣлѣ спасенія людей [1]).

„Что адъ послѣ того, какъ, по сошествіи во адъ, *Христосъ воскресе*? Крѣпость, въ которую подъ видомъ плѣнника вошелъ побѣдитель; темница, у которой врата сокрушены и стражи разсѣяны; вотъ подлинно, по изображенію Христову, чудовище, которое поглотило сверженнаго съ корабля пророка; но, вмѣсто того, чтобы пожрать и истребить его, сдѣлалось для него другимъ, хотя не столь покойнымъ, кораблемъ, чтобы вывести его на брегъ жизни и безопасности. Теперь становится понятнымъ, какъ надѣялся нѣкто черезъ самый адъ пройти безопасно: *аще и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4),—Ты, Который для насъ сшелъ съ неба, подобно намъ, ходилъ по землѣ и, подобно намъ, низшелъ въ сѣнь смертную, дабы и оттолѣ проложить Твоимъ послѣдователямъ путь во свѣтъ жизни“ [2])

„Теперь, когда *Христосъ воскресе*, чѣмъ оказывается земля? — Она есть разсадникъ для неба; кратковременная и разрушеніемъ оканчивающаяся жизнь человѣка въ тѣлѣ есть начинающаяся жизнь птенца въ яйцѣ, которому, по сокрушеніи скорлупы, открывается высшій и обширнѣйшій кругъ жизни; надобно только, чтобы зародышъ птенца объятъ, проникнутъ и возбужденъ былъ теплотою крови матерней, то-есть надобно, чтобы зародышъ небесной жизни въ человѣкѣ объятъ, проникнутъ и возбужденъ былъ животворящей силою Крови Христовой“.

„Теперь, когда *Христосъ воскресе*, и когда Ему, яко Богочеловѣку, *дадеся всяка власть на небеси и на земли* (Мѳ. 28, 18), не только небо сдѣлалось досязаемымъ, но даже соединилось съ землею такъ, что трудно найти между ними предѣлъ и различіе; ибо и на земли является Божество, и на небеси человѣчество; ангелы, которыхъ Іаковъ видѣлъ восходящихъ и нисходящихъ по лѣстницѣ небесной, теперь сонмами ходятъ по земли, какъ вѣстники Сына человѣческаго, Который владычествуетъ на небеси“ [1]).

10. **Что есть воскресеніе мертвыхъ?**

(Бесѣд. Михаила, митрополита новгородск. и с.-петербургскаго, СПБ. 1818 г. Т. II, стр. 74 и дал.).

Какъ ежегодно по окончаніи жестокой зимы, и при наступленіи пріятной весны, ежегодно при возвращеніи и приближеніи солнца къ нашей поверхности земного шара всегда великая бываетъ перемѣна; именно, силою сего приблизившагося къ землѣ великаго свѣтила, вся низшая натура воскресаетъ, всѣ земныя вещи, и растенія, и нѣкоторыя животныя, какъ бы полумертвыя, а иногда и мертвыя оживаютъ, и къ дѣйствованію новыя силы получаютъ, и при этихъ новыхъ силахъ новое растеніе, новое цвѣтеніе и новое плодотвореніе производятъ: такимъ точно образомъ, и по прошествіи жестокой зимы послѣднихъ антихристовыхъ скорбей, и при вторичномъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, истиннаго Богочеловѣка въ міръ сей, при возвращеніи великаго духовнаго Свѣтила, Солнца правды въ полномъ сіяніи и свѣтѣ, въ неизреченномъ великолѣпіи и славѣ,—при возвращеніи, говорю, сего Свѣтила къ нашему земному кругу, всѣ разумныхъ тварей низшія части, всѣ человѣческія мертвыя тѣла сокровенною силою Его оживутъ, воскреснутъ, востанутъ, новый видъ, новую жизнь и новыя дѣйствія получатъ.

Но что такое есть воскресеніе мертвыхъ, въ чемъ будетъ состоять существенность его, на это мы не можемъ дать лучшаго разсужденія, и имѣть яснѣйшаго свидѣтельства и достовѣрнѣйшаго доказательства, кромѣ примѣра воскресенія Самого же Спасителя нашего Іисуса Христа. Онъ воскресеніемъ Своимъ доказалъ, что и наше воскресеніе возможно, и безъ сомнѣнія будетъ; Онъ ученіемъ Своимъ изъявилъ, когда оно будетъ; Его же Самого примѣръ можетъ научить насъ, что оно такое будетъ.

---

[1]) «Надобно ли основать вѣру, сотворить надежду, воспламенить любовь, просвѣтить мудрость, воскрилить молитву, низвести благодать, уничтожить бѣдствіе, смерть, зло, дать жизненность жизни, сдѣлать, чтобы блаженство было не мечта, но существенность, слава—не призракъ, но вѣчная молнія вѣчнаго свѣта, все озаряющая и никого не поражающая?—На все сіе найдется довольно силы въ одномъ чудодѣйственномъ словѣ: *Христосъ воскресе*». (Слова, изд. 1848 г. I, 44).

[2]) Слова, изд. 1848 г. I, 35.

[1]) Ibid.

Итакъ, чтобы намъ узнать, въ чемъ будетъ состоять наше воскресенiе, разсмотримъ, въ чемъ состояло славное воскресенiе Христово.

Воскресенiе Христово въ томъ состояло, что Онъ, яко совершенный человѣкъ, будучи преданъ отъ Іуды, мученъ и распятъ отъ iудеевъ, умерши на крестѣ, снятъ со древа, и положенъ во гробъ, — что Онъ, послѣ Своей смерти бывши по Божеству со Отцемъ на небеси, человѣческою душою во адѣ, а мертвымъ тѣломъ во гробѣ, явилъ Свою Божественную силу,—что Онъ, паки вышедши душою изъ ада и выведши съ Собою бывшихъ во адѣ и съ вѣрою ожидавшихъ Его, соединилъ душу Свою съ тѣломъ Своимъ, по трехъ дняхъ оживилъ оное, возставилъ, воскресилъ силою Божества Своего,—Онъ, воскресивъ плоть Свою и соединивъ съ Божествомъ, паки явилъ Себя истиннымъ Богочеловѣкомъ.

Возставилъ же Онъ изъ гроба плоть Свою уже не такою, какова она была прежде, но гораздо благороднѣйшею и величественнѣйшею, возставилъ совсѣмъ въ отмѣнномъ видѣ. Плоть Его прежде, какъ и прочихъ человѣковъ, была подвержена земной чувственности и земнымъ склонностямъ, хотя Онъ и не послѣдовалъ чувственности, но владѣлъ ею; послѣ же смерти и послѣ воскресенiя чувственность эта отпала, и земныя склонности существовать въ ней перестали и уничтожились. Плоть Его прежде была видима, осязаема, груба; въ воскресенiи же учинилась невидимою, тончайшею, изъ земной и плотской—тѣломъ небеснымъ, духовнымъ; кратко, такою, что могла и видима и осязаема быть отъ учениковъ, и невидима, неосязаема, грубыми тѣлами неодержима, всюду проходна; она имѣла видъ *плоти и костей,* когда Θома осязалъ, имѣла видъ и духа, когда *пришелъ Господь ко ученикамъ дверемъ затвореннымъ* (Іоан. 20, 27. 19). Плоть Его прежде была *тлѣнна, немощна, душевна,* страданiямъ и смерти подвержена: въ воскресенiи же возстала *нетлѣнною, сильною, безсмертною, славною, духовною* (1 Кор. 15, 42. 43. 44), прославленною, въ божественный свѣтъ облеченною, словомъ, такою, которая совершенно способна была вознестись съ Божествомъ Сына на небеса, вступить въ ангельскiя, безплотнымъ духамъ приличныя мѣста, и сѣсть одесную Самого небеснаго Отца.

Вотъ въ чемъ состояло воскресенiе Господа нашего Іисуса Христа! А когда Его воскресенiе въ такихъ состояло дѣйствiяхъ, то весьма правильное можно сдѣлать изъ того заключенiе, что и наше воскресенiе будетъ состоять въ подобной перемѣнѣ и въ подобныхъ дѣйствiяхъ. И именно:

Когда паки возсiяетъ Солнце правды на горизонтѣ сего видимаго мiра, когда паки прiидетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ на землю сдѣлать послѣднее въ разсужденiи человѣческаго состоянiя рѣшенiе, прiидетъ или наградить, или наказать каждаго по дѣламъ его,— прiидетъ и повелитъ святымъ ангеламъ трубнымъ гласомъ воззвати мертвыхъ; тогда такъ, какъ при началѣ мiра, по произнесенiи устами Божiими вседѣйствующаго слова сего: *да будетъ, да будетъ свѣтъ,* и всѣ вещи, и все, *и — бысть* (Быт. 1, 3), всѣ вещи явились, всѣ изъ небытiя въ бытiе произошли и существованiе получили, — тогда, говорю, послѣ ангельскаго трубнаго гласа силою всемогущаго Бога всѣ отъ начала мiра умершихъ человѣковъ тѣла, землѣ преданныя, согнившiя, на стихiи свои раздѣлившiяся, въ огонь, въ воду, въ воздухъ и въ землю преобратившiяся, тѣла въ водѣ потонувшiя, и въ огнѣ сгорѣвшiя, всѣ мертвыя тѣла малыя и великiя, мужскiя и женскiя снова составятся изъ тѣхъ частей, которыя прежде имѣли и на которыя раздѣлились; ибо отдадутъ стихiи взятыя отъ нихъ части, *и огонь, и море, и смерть, и адъ отдадутъ мертвецы своя,* всѣ сухiя кости получатъ жилы, облекутся плотiю, оживотворятся духомъ, соединятся паки съ душами своими, съ которыми разлучились при смерти, соединятся и возстанутъ изъ гробовъ, воскреснутъ мертвые, и изыдутъ, и станутъ предъ престоломъ нелицепрiемнаго Судiи, *воскреснутъ и судъ прiимутъ отъ написанныхъ въ книгахъ по дѣломъ своимъ* (Апок. 20, 13).

Воскреснутъ мертвые, возстанутъ умершихъ тѣла; но возстанутъ не въ такомъ видѣ, въ какомъ они находятся нынѣ отъ паденiя. Нынѣ они грубы, тверды, тяжестны, тлѣнны, немощны, смертны, видимы, земны; но возстанутъ въ общее всѣхъ воскресенiе совсѣмъ въ другомъ видѣ, въ видѣ отмѣнномъ отъ сего. Они вмѣсто грубыхъ будутъ утонченными, вмѣсто твердыхъ прозрачными и всюду проходными, вмѣсто тяжелыхъ легкими, скоро парящими, такъ что въ единое мгновенiе ока они отъ всѣхъ странъ вселенныя, яко же орли, соберутся предъ престолъ Божiй. Они вмѣсто тлѣнныхъ будутъ нетлѣнными, вмѣсто немощныхъ сильными, вмѣсто смертныхъ безсмертными, вмѣсто видимыхъ тѣлеснымъ очамъ невидимыми, вмѣсто земныхъ и плотскихъ точно небесными и духовными.

Однакожъ, при всей такой перемѣнѣ своей они будутъ не привидѣніями какими, и не духами, но будутъ истинными тѣлами, виды тѣхъ же человѣковъ имѣющими; а только будутъ они истинными тѣлами духовными. Ибо апостолъ Павелъ, свидѣтельствуя о воскресеніи мертвыхъ, говоритъ: *сѣется* теперь *тѣло въ тлѣніе, востанетъ въ нетлѣніи, сѣется въ немощи, востанетъ въ силѣ, сѣется не въ честь, востанетъ въ славѣ, сѣется тѣло душевное,* плотское, *востанетъ тѣло духовное. Есть бо тѣло душевное, и есть тѣло духовное* (1 Кор. 15, 42. 43. 44).

Въ этомъ-то будетъ состоять воскресеніе наше! Въ той перемѣнѣ будетъ состоять, что тѣла наши изъ мертвыхъ воскреснутъ, оживутъ, возстанутъ изъ гробовъ, изыдутъ изъ земли;—что они изъ грубыхъ, земныхъ, тлѣнныхъ, смертныхъ, плотскихъ сдѣлаются тончайшими, какъ бы совершенно небесными, нетлѣнными, безсмертными, духовными.

И въ этой перемѣнѣ будутъ участвовать не только мертвые, отъ начала міра и до того времени умершіе люди, но и самые живые, тѣ, которые живыми останутся въ сей послѣдній часъ, тѣ, которыхъ въ живыхъ постигнетъ страшный день Господень. Ибо живые, имѣющіе дожить и дождаться второго славнаго пришествія Христова, уже не умрутъ въ то время: смерти бо наружной не будетъ къ тому. Но такъ какъ невозможно имъ будетъ съ грубою плотію своею вступить въ духовное царство; то для сего вмѣсто наружной смерти воспослѣдуетъ въ наружномъ человѣкѣ ихъ слѣдующая всеобщаго воскресенія перемѣна: когда живые такъ же, какъ и мертвые, услышатъ трубный ангельскій гласъ, услышатъ громогласную послѣдняго часа вѣсть, тогда, какъ мертвые яко отъ сна возстанутъ и увидятъ себя совсѣмъ въ другомъ видѣ, во образѣ духовныхъ существъ, такъ и живые, яко бы отъ малаго сна воспрянувъ, увидятъ себя совершенно въ другомъ образѣ, въ другомъ положеніи и въ другихъ чувствованіяхъ. Всѣ живые, хотя въ то время уже и не умрутъ, однакожъ измѣнятся; *вси таковые не успнутъ, вси же измѣнятся,* (1 Кор. 15, 51).

Это грубое тѣло, какъ толстая одежда, тогда какъ бы спадетъ, и плоть сдѣлается утонченною, чувственность вся отойдетъ, плотскія похоти уничтожатся, страстныя склонности дѣйствовать перестанутъ; и такимъ образомъ, живые безъ смерти увидятъ на себѣ смерть, не умерши узрятъ себя и по наружной части своей, по самому тѣлу новыми человѣками, духовными тварями. Ибо ихъ тѣла, отложивъ плотскія склонности, скинувъ съ себя чувственность и тлѣніе, облекутся въ нетлѣніе; оставивъ мертвенность, воспріимутъ безсмертіе и такъ же, какъ и мертвыхъ тѣлеса, сдѣлаются духовными, всюду проходными и способными къ вѣчному пребыванію въ духовномъ царствѣ.

11. Свѣтлое Воскресенье въ Іерусалимѣ.

Русскій игуменъ Даніилъ, путешествовавшій въ XII вѣкѣ во св. землю, такъ описываетъ встрѣчу свѣтлаго праздника предъ гробомъ Господнимъ, при чемъ самъ Даніилъ былъ самовидцемъ.

„Въ великую субботу, въ шестомъ час дня, собирается безчисленное множество людей къ церкви Воскресенія Христова. Приходятъ туземцы и пришельцы изъ другихъ странъ, изъ Вавилона, изъ Египта, изъ Антіохіи, собираются туда въ тотъ день въ несказанномъ множествѣ и наполняютъ все мѣсто около храма Гроба Господня. Большая тѣснота бываетъ тогда въ церкви и около церкви; многіе и задыхаются отъ тѣсноты. — И всѣ эти поклонники стоятъ съ невозженными свѣчами и ждутъ, когда отворятся двери церкви. — Вотъ онѣ отворяются, и всѣ входятъ въ церковь, пробиваясь съ усиліемъ и тѣсня другъ друга, наполняютъ всю церковь и притворы. Вездѣ бываетъ полно народомъ— и въ церкви, и внѣ церкви, и около Голгоѳы и лобнаго мѣста — вплоть до того мѣста, гдѣ найденъ крестъ Господень. И весь народъ молится одною только молитвою, всѣ взываютъ непрестанно: „Господи, помилуй". Такъ громки бываютъ эти возгласы, что земля стонетъ и колеблется на всемъ этомъ пространствѣ отъ вопля народнаго. Люди, истинно вѣрующіе, плачутъ въ то время отъ умиленія, и даже тотъ, у кого сердце окаменѣло, и тотъ чувствуетъ стыдъ, припоминаетъ грѣхи свои и говоритъ самъ себѣ: „неужели по грѣхамъ моимъ не снидетъ нынѣ свѣтъ святой?" Такъ стояли всѣ вѣрные со слезами и въ сердечномъ сокрушеніи. Вдругъ, послѣ девятаго часа нашла небольшая туча съ востока и стала надъ церковью (а церковь не покрыта крышею), и дождь прошелъ надъ Гробомъ святымъ и сильно смочилъ тѣхъ, которые стояли близъ Гроба. Тогда внезапно возсіялъ свѣтъ во святомъ Гробѣ, и распространилось изъ святого Гроба Господня свѣтлое сіяніе, на которое всѣ смотрѣли со страхомъ.

Епископъ съ четырьмя діаконами приступили и отворили двери Гроба. И, взявъ свѣчу, епископъ вошелъ во Гробъ, зажегъ ее отъ этого святого свѣта и вынесъ изъ Гроба; отъ этой свѣчи мы всѣ зажгли свои свѣчи. Свѣтъ же святый не похожъ на земной, но какъ-то иначе, удивительно свѣтло сіяетъ; и пламя его красно, какъ киноварь. Такъ всѣ люди стоятъ съ горящими свѣщами, и неумолчно молятся: „Господи, помилуй“, въ великой радости и восхищеніи смотря на свѣтъ Божій.

Кто никогда не былъ свидѣтелемъ этой радости свѣтлаго дня, тотъ, можетъ-быть, и не повѣритъ разсказу, но тотъ, кто вѣритъ малому, повѣритъ и великому чуду; а для злого человѣка и истина показывается несправедливою. Потомъ пошли всѣ изъ церкви въ великой радости, съ горящими свѣчами, и всякій наблюдалъ за своею свѣчею, чтобы вѣтеръ не потушилъ ее. Этимъ святымъ свѣтомъ зажигаютъ богомольцы свѣчи въ своихъ церквахъ и кончаютъ вечернее пѣніе каждый въ своей церкви; и мы съ игуменомъ и съ братіею возвратились въ свой монастырь, неся горящія свѣчи, и тамъ, кончивъ вечернее пѣніе, разошлись по келліямъ, вознося хвалы Богу, сподобившему насъ видѣть такую благодать. А на утро, въ день Свѣтлаго Воскресенія, отслуживъ заутреню, обыкновеннымъ образомъ, послѣ цѣлованія съ игуменомъ и съ братіею и послѣ отпуска—въ первый часъ дня—пошли ко Гробу Господню при пѣніи кондака: „Аще и во гробъ снизшелъ еси безсмертне“, и, войдя въ самый Гробъ, облобызали его съ искреннею любовію и слезами“. (Изъ паломническаго сказанія иг. Даніила: см. „Воскр. чт.“ за 1869—70 гг., кн. I, стр. 14—16).

12. Храмъ св. Гроба въ старомъ Іерусалимѣ.

Никакой храмъ въ мірѣ не привлекаетъ къ себѣ столько богомольцевъ со всѣхъ странъ свѣта, какъ Іерусалимскій храмъ св. Гроба Господня. Построенный равноапостольнымъ царемъ Константиномъ и его святою матерію, равноапостольною Еленою, этотъ храмъ много разъ подвергался опустошенію, особенно пострадалъ онъ отъ страшнаго пожара въ 1808 году, когда обрушились его главные своды, и погибли въ пламени всѣ украшенія, но основаніе и большая часть стѣнъ уцѣлѣли отъ временъ царя Константина донынѣ.

Въ храмъ ведутъ двойныя входныя врата. Изъ нихъ одни закладены, а другія запираются на ночь турками, которые и въ теченіе дня неотлучно сидятъ въ церкви, у самыхъ дверей, для охраненія порядка. Первая святыня, которую видятъ поклонники при входѣ во храмъ, прямо противъ дверей, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, — это *камень помазанія,* на которомъ Іосифъ и Никодимъ повили пеленами и умастили ароматами пречистое тѣло Господа Іисуса, по снятіи Его со Креста. Камень этотъ покрытъ нынѣ мраморною плитою розоваго цвѣта; надъ нимъ балдахинъ на четырехъ столбахъ, подъ сѣнію котораго виситъ много неугасимыхъ лампадъ, а по угламъ стоятъ большіе подсвѣчники. Отсюда поклонниковъ ведутъ налѣво, въ западную часть храма, которая представляетъ величественную ротонду, то-есть кругъ, изъ 18 пилястръ (или четыреугольныхъ столбовъ), соединенныхъ арками, въ два этажа. На этихъ пилястрахъ покоится огромный куполъ, а посреди ротонды стоитъ небольшая часовня изъ желтаго мрамора, называемая *кувуклія.* Эта часовня и вмѣщаетъ въ себѣ неоцѣненное сокровище — Гробъ Господень, или ту пещеру, въ которой былъ погребенъ Спаситель нашъ, Іисусъ Христосъ. Отъ живоноснаго Гроба проходятъ мимо камня помазанія на Голгоѳу, на которой Единородный Сынъ Божій, пострадалъ и умеръ, яко человѣкъ, за всѣхъ насъ, грѣшныхъ сыновъ Адамовыхъ,—закланъ былъ на крестѣ, яко Агнецъ непорочный, взявшій на Себя грѣхи всего міра...

Св. гора Голгоѳа занимаетъ юго-восточную часть храма Гроба Господня. Эта священная скала во времена Спасителя находилась за стѣною городскою, о чемъ говоритъ и апостолъ: *внѣ вратъ пострадати изволилъ* Господь. Около скалы Голгоѳской расположенъ былъ и садъ Іосифа аримаѳейскаго: *бѣ же на мѣстѣ, идѣже распятся, вертоградъ,* какъ сказано въ евангеліи отъ Іоанна, *и въ вертоградѣ гробъ новъ;* посему теперь и Гробъ Господень, и скала Голгоѳская находятся въ одномъ и томъ же храмѣ Воскресенія. Скала обложена камнемъ, на нее восходятъ по 28 ступенямъ. На верху Голгоѳы — церковь, раздѣленная на двѣ половины, какъ бы двѣ церкви. Первая отъ входа половина, сѣверная, покрываетъ мѣсто, гдѣ былъ водруженъ Крестъ Господень, свѣтъ проникаетъ сюда съ запада, извнутри храма; эта часть принадлежитъ грекамъ. Другая половина, южная, есть мѣсто, гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ пригвожденъ ко кресту; здѣсь служатъ латины. Престолъ греческій изъ бѣлаго мрамора; онъ стоитъ открыто; въ передней сторонѣ сдѣлана выемка, такъ что человѣкъ, ставъ на колѣни, можетъ легко наклониться подъ престолъ, гдѣ и находится то самое отверстіе, въ которое утвержденъ былъ животворящій Крестъ Господень. При пѣніи священныхъ пѣсней: *пріидите, вѣрніи, животворящему древу поклонимся, на немъ же Христосъ, Царь славы, волею руцѣ распростеръ... Днесь пророческое исполнися слово, се бо поклоняемся на мѣстѣ, идѣже стоясте нози Твои, Господи...*, благочестивые поклонники восходятъ на Голгоѳу, со страхомъ и любовію припадаютъ къ сему священному отверстію, и съ горячими слезами сокрушенія сердечнаго лобызаютъ края священной скалы, обложенные серебромъ, съ чеканнымъ изображеніемъ страстей Господнихъ...

За престоломъ, на возвышенномъ мраморномъ помостѣ, стоитъ величественное, во весь ростъ, Распятіе Господне; животворящая кровь какъ бы струится изъ пречистыхъ язвъ Господа на Голгоѳу; кресту предстоятъ, пораженные глубокою скорбію, Пречистая Матерь Его и возлюбленный ученикъ Іоаннъ... За крестомъ, къ стѣнѣ прислоненъ иконостасъ, съ изображеніемъ страстей Господнихъ, а сверху виситъ множество неугасимыхъ лампадъ, возженныхъ отъ усердія благочестивыхъ христіанъ изъ всѣхъ странъ и народовъ земныхъ... А вотъ, направо и налѣво отъ креста Господня, немного позади его, на мраморѣ видны два черныхъ круга: это мѣста, гдѣ были водружены кресты распятыхъ со Христомъ разбойниковъ. По преданію, распятый Спаситель былъ обращенъ лицомъ на западъ, такъ что крестъ распятаго одесную Его благоразумнаго разбойника находился на сѣверной сторонѣ, а между нимъ и крестомъ Господнимъ стояла наша заступница и ходатаица за всѣхъ грѣшниковъ, Пресвятая Богородица. Въ правой сторонѣ отъ престола Голгоѳскаго видна глубокая трещина, образовавшаяся во время землетрясенія, когда Господь испустилъ духъ Свой на крестѣ. Эта трещина проходитъ сквозь всю скалу Голгоѳскую и замѣчательна тѣмъ, что камень разсѣлся не по слоямъ скалы, а поперекъ ихъ, чего никогда не бываетъ при обычномъ землетрясеніи. Ясно, что землетрясеніе во время смерти Спасителя не было обыкновеннымъ дѣйствіемъ природы, но особеннымъ чудомъ Божіимъ для вразумленія жестокосердыхъ іудеевъ.

Подъ Голгоѳою есть небольшой пещерный храмъ; здѣсь, по преданію, былъ погребенъ іерусалимскій царь — Мельхиседекъ, ветхозавѣтный священникъ Бога Вышняго. Во глубинѣ сей пещеры стоитъ престолъ во имя Предтечи Господня и нашего праотца Адама; за престоломъ, сквозь желѣзную рѣшетку, при свѣтѣ неугасимой лампады, видна все та же разсѣлина скалы; тутъ, по древнему преданію, сохранившемуся въ писаніяхъ многихъ св. отцевъ, была погребена глава Адамова; отчего и самая скала получила названіе *Голгоѳа,* что значитъ: *лобное мѣсто.* И вотъ, говоритъ преданіе, когда воинъ ударилъ копьемъ въ пречистое ребро второго Адама — Господа нашего, то святая кровь и вода, истекшія изъ ребра, прошли сквозь трещину Голгоѳской скалы и омыли главу первозданнаго Адама. Согласно съ этимъ преданіемъ, въ нашей православной церкви, при изображеніи Распятія Господня, всегда подъ крестомъ изображается и черепъ человѣческій, лежащій на двухъ крестообразно-сложенныхъ костяхъ. Съ Голгоѳы паломники сходятъ внизъ, за алтарь главнаго храма Воскресенія. Тутъ, въ темной полукруглой галлереѣ находится нѣсколько малыхъ придѣловъ и сходъ въ подземныя церкви. Первый отъ Голгоѳы придѣлъ принадлежитъ грекамъ; онъ называется *придѣломъ поруганія и терноваго вѣнца.* Въ этомъ алтарѣ, подъ престоломъ, находится часть столпа изъ сѣраго мрамора, на которомъ сидѣлъ Господь нашъ, когда воины ругались надъ Нимъ въ преторіи Пилата. Тутъ же въ стѣнѣ, за стекломъ и за рѣшеткой, сохраняется часть терноваго вѣнца; двѣ неугасимыя лампады освѣщаютъ таинственный мракъ этого придѣла.

Рядомъ съ этимъ придѣломъ — дверь въ подземную церковь св. Константина и Елены, куда спускаются по 33 ступенямъ. Эта церковь ископана въ природной скалѣ въ то время, когда царица

Елена искала здѣсь животворящій Крестъ Господень; мѣсто обширное, шаговъ 30 въ длину и столько же въ ширину; куполъ поддерживаютъ четыре толстыхъ колонны. Владѣютъ этою церковію армяне. По правую сторону алтаря есть каменное сѣдалище, гдѣ, по преданію, находилась св. царица въ то время, когда отыскивали Крестъ; тутъ же сходятъ еще 13-ю ступенями въ пещеру, гдѣ закопанъ былъ св. Крестъ въ продолженіе 300 лѣтъ, здѣсь-то и найдены были три креста: одинъ — Господень, а два — разбойниковъ, распятыхъ со Христомъ. Самое мѣсто обрѣтенія Креста принадлежитъ православнымъ; оно выложено разноцвѣтнымъ мраморомъ; посрединѣ — изображеніе креста. По выходѣ отсюда опять въ галлерею, окружающую алтарь Воскресенія, поклонники вступаютъ въ придѣлъ *Раздѣленія ризъ,* принадлежащій православнымъ. Далѣе — придѣлъ *Логгина сотника,* принадлежащій армянамъ. По армянскому преданію, Логгинъ былъ родомъ изъ Арменіи; онъ пронзилъ копіемъ пречистыя ребра распятаго Спасителя, но потомъ увѣровалъ въ Него и приходилъ сюда оплакивать свой поступокъ; онъ умеръ мученически въ Каппадокіи. Еще далѣе подъ престоломъ, за рѣшеткою, видны *узы Христовы,* или двѣ пробоины въ камнѣ, въ которыя были забиты ноги Божественнаго Страдальца, когда Онъ заключенъ былъ въ темницѣ до утра, предъ отведеніемъ Его къ Пилату. Не далеко отъ узъ, влѣво, находится мѣсто, называемое *Темница Христова,* гдѣ, по преданію, Господь былъ удержанъ, пока были окончены приготовленія къ Его распятію, и гдѣ потомъ Матерь Божія, когда повели на Голгоѳу Ея Божественнаго Сына, рыдая отъ скорби, опустилась на землю, поддерживаемая благочестивыми женами. Это трогательное событіе изображено на запрестольномъ образѣ. Престолъ во имя Успенія Богоматери, а по лѣвую сторону престолъ въ память того, когда Господа нашего били привязаннаго у столба, по повелѣнію Пилата. Обойдя такимъ образомъ главный алтарь, поклонники идутъ сѣверною стороною храма къ западу; тутъ, противъ сѣверной стороны часовни Гроба Господня — латинская церковь, на мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Спаситель явился по воскресеніи Своей Пречистой Матери; по сторонамъ главнаго престола — два меньшіе: справа — придѣлъ св. Креста, слѣва — *бичеванія,* гдѣ на престолѣ, за желѣзною рѣшеткою, часть столба, къ коему былъ привязанъ Господь во время бичеванія. Между церковью явленія и часовнею св. Гроба на полу два мраморные круга означаютъ мѣста, гдѣ, по преданію, Спаситель явился Маріи Магдалинѣ во образѣ Вертоградаря. Тутъ же не подалеку, латинскій престолъ въ память сего явленія, а за престоломъ картина изображаетъ и самое событіе. Въ самой западной части храма, въ галлереѣ, позади Гроба Господня, находится погребальная пещера праведнаго Іосифа Аримаѳейскаго, который уступилъ свой новый гробъ для Спасителя; здѣсь же погребенъ былъ и его другъ, праведный Никодимъ. Отсюда, обойдя часовню Гроба Господня, поклонники вступаютъ въ главную церковь Воскресенія Христова, принадлежащую грекамъ; она занимаетъ всю средину храма св. Гроба, и имѣетъ въ длину до царскихъ вратъ 40, а въ ширину 20 шаговъ. Главный иконостасъ мраморный, въ 4 яруса. Мѣстныя иконы — хорошаго русскаго письма. Царскія двери рѣзныя, вызолоченныя, увѣнчаны двуглавымъ орломъ; позади иконостаса — въ алтарѣ — хоры въ нѣсколько рядовъ; надъ престоломъ мраморный балдахинъ. Посреди храма висятъ 3 большія паникадила, по 50 свѣчей — всѣ даръ нашихъ православныхъ царей. Кромѣ того, повсюду множество лампадъ, такъ что въ праздники зажигается ихъ болѣе 400 и до 150 свѣчей. Кто видѣлъ этотъ храмъ и часовню Гроба Господня въ ночь Свѣтлаго Воскресенія, тотъ никогда не забудетъ этого дивнаго зрѣлища. — Таковъ храмъ св. Гроба въ Старомъ Іерусалимѣ. Утѣшительно напомнить, что для тѣхъ, кто не имѣетъ возможности посѣтить Старый Іерусалимъ, есть у насъ въ Россіи, въ 57 верстахъ отъ Москвы, точное подобіе сего храма въ монастырѣ, именуемомъ *Новый Іерусалимъ.* Сей храмъ построенъ приснопамятнымъ святителемъ нашимъ, патріархомъ Никономъ. Обходя св. мѣста въ этомъ храмѣ, невольно переносишься мыслію и сердцемъ къ завѣтнымъ святынямъ Стараго Іерусалима. (См. №№ 414 и 415 Троицк. лист.).

13. Свѣтлое Воскресеніе на Аѳонѣ.

Нѣтъ у христіанъ праздника торжественнѣе и радостнѣе Пасхи; вездѣ его встрѣчаютъ съ особенною торжественностію. И Аѳонъ, удаленный отъ міра и его обычныхъ въ праздники радостей, совершаетъ въ этотъ день особенно торжественное празднество. Усталый отъ трудовъ и подвиговъ св. четыредесятницы, аѳонскій инокъ, послѣ вкушенія предлагаемой въ великую субботу, на заходѣ солнца, скудной порціи хлѣба и смоквъ съ маленькимъ стаканомъ винограднаго вина, бодро и радостно спѣшитъ въ соборный храмъ, чтобы слушать чтеніе „Дѣяній“, въ ожиданіи священной полуночи и безконечно радостнаго, одному только христіанину вполнѣ понятнаго, побѣднаго возгласа. Между тѣмъ, до полуночи, среди мертвой тишины и полусвѣта, мирно и тихо звучитъ голосъ чтеца „Дѣяній“. На Аѳонѣ, по обычаю грековъ, въ это время среди церкви не стоитъ святая плащаница (она еще съ утра великой субботы, послѣ обхода на утренѣ вокругъ церкви, поставлена на св. престолѣ). За полчаса до полуночи начинается пѣніе канона великой субботы, послѣ чего собранные и ожидающіе въ алтарѣ священнослужители, въ свѣтлыхъ облаченіяхъ, всѣ со свѣчами въ рукахъ (а настоятель съ св. евангеліемъ) и съ пѣніемъ: „Воскресеніе Твое“ и проч., исходятъ въ притворъ церковный (хожденія вокругъ церкви, какъ у насъ, въ это время не бываетъ) и здѣсь, предъ затворенными вратами храма, совершаютъ обычное начало пасхальной службы. Безконечно радостны для всякаго христіанина первыя слова, возвѣщающія побѣду Спасителя нашего надъ смертію, но еще понятнѣе радость иноковъ; по окончаніи пѣнія пасхальныхъ стиховъ, настоятель стучится въ затворенныя врата церкви, которыя мгновенно отворяются извнутри храма, выражая этимъ силу Спасителя, внезапно разрушившаго державу смерти и съ чрезвычайною легкостію — въ одно мгновеніе — отверзшаго райскія врата. Вся остальная затѣмъ служба пасхальной утрени до хвалитныхъ стихиръ идетъ такимъ же порядкомъ, какъ и у насъ на Руси, съ такимъ же пѣніемъ всего канона и кажденіемъ, и съ такимъ же всеобщимъ въ рукахъ всѣхъ предстоящихъ освѣщеніемъ. Когда наступаетъ время священнаго привѣтствія и лобызанія, здѣсь (съ началомъ пѣнія „Хвалите Господа“), въ предшествіи священнослужителей и хоругвей, всѣ исходятъ изъ храма на площадь предъ церковію, гдѣ болѣе обширное мѣсто, и тутъ начинается привѣтствіе: „Христосъ воскресе“ и цѣлованіе святого евангелія и крестовъ. Сначала священнодѣйствующіе священнослужители цѣлуютъ другъ у друга святые кресты и иконы, на ихъ рукахъ находящіеся, по порядку, начиная съ настоятеля, у котораго св. евангеліе, потомъ іеромонахи и затѣмъ іеродіаконы, а послѣ подходятъ къ лобызанію и прочіе братія одинъ за другимъ, становясь потомъ другъ возлѣ друга. Нужно замѣтить, что, соблюдая во всей строгости древнее чиноположеніе иноческое, на Аѳонѣ даже и въ этотъ святой день въ уста не цѣлуются, а только цѣлуютъ другъ друга въ плечо. По мѣрѣ того, какъ съ одной стороны рѣдѣетъ масса ожидающихъ лобызанія св. евангелія, крестовъ и иконъ, съ другой стороны увеличивается кругъ свѣщеносцевъ, стоящихъ уже въ ряду и ожидающихъ другихъ своихъ собратій. Подъ конецъ священнаго лобызанія устрояется великолѣпное зрѣлище: представьте около тысячи, а иногда и болѣе, человѣкъ, всѣхъ со свѣчами въ рукахъ, въ порядкѣ размѣщенныхъ на обширной площади монастыря; всѣ они составляютъ два или три непрерывные круга, замыкающіеся однимъ человѣкомъ въ самомъ центрѣ 1). Чтобы вполнѣ насладиться этимъ зрѣлищемъ, нужно въ это время взойти въ одну изъ верхне-этажныхъ келлій; оттуда вамъ представится огромная витая огненная лента. Когда взаимное привѣтствіе кончится, всѣ снова возвращаются въ церковь, и, по окончаніи утрени и часовъ, начинается обѣдня. Отличіе аѳонской обѣдни отъ нашей на этотъ разъ то, что евангеліе читается на одномъ только языкѣ; на разныхъ же языкахъ чтеніе его, вѣроятно, ради трудовъ почти тредневныхъ, отлагается на вечерню (впрочемъ, этотъ обычай читать на вечернѣ евангеліе на всѣхъ языкахъ есть общій на востокѣ). Обѣдня оканчивается, по нашему времени, около 5—6 часовъ. Около трехъ часовъ по полудни начинается торжественная пасхальная вечерня, на которой и читается евангеліе на разныхъ языкахъ, съ принятыми и у насъ разстановками; во время этого чтенія и здѣсь такъ же, какъ и у насъ, бываетъ переборъ колоколовъ, въ заключеніе же колокольный звонъ сливается съ звуками другихъ всевозможныхъ колокольчиковъ и досокъ деревянныхъ и желѣзныхъ, находящихся въ разныхъ мѣстахъ обители при службахъ, что продолжается почти до конца вечерни.

А что вы видите, когда выйдете изъ церкви? Конечно, прежде всего то же

---

1) Обыкновенно, для устроенія порядка, одинъ изъ немолодыхъ монаховъ добровольно принимаетъ на себя эту заботу.

самое радостное выраженіе на лицахъ, какъ и у всѣхъ христіанъ: вездѣ, куда ни посмотрите, все—сіяющія отъ радости лица иноковъ. Но вотъ спросите кого-нибудь изъ нихъ, чему особенно онъ радуется, и если кто изъ аѳонскихъ иноковъ вступитъ съ вами въ болѣе пространный разговоръ объ этомъ предметѣ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ поведетъ рѣчь о небесной радости и о томъ, какъ удостоиться тамъ праздновать вѣчную Пасху, и какъ онъ грѣшенъ и далекъ отъ пути къ этому. Вдвойнѣ, если не радостна, то полезна для души встрѣча св. Пасхи на Аѳонской горѣ и для ея жителей, и для посѣтителей. По крайней мѣрѣ, и послѣ недѣльнаго праздника вы не почувствуете никакого душевного утомленія и никакой сердечной пустоты, которыя обыкновенно испытываются въ мірѣ и которыя часто сглаживаютъ самую память о праздникѣ и Виновникѣ его. Самое большое житейское утѣшеніе въ эти дни радости для аѳонскаго обитателя, особенно если онъ съ далекаго края, каковъ хоть русскій, это—встрѣча съ землякомъ и взаимныя воспоминанія о родинѣ, но и эти воспоминанія рѣдко надолго занимаютъ аѳонца, чаще же всего они смѣняются обмѣномъ мыслей о настоящемъ мѣстѣ ихъ пребыванія, если сошедшіеся живутъ въ разныхъ мѣстахъ. Прогулка по великолѣпнымъ мѣстамъ, какія есть въ окрестностяхъ каждаго монастыря, скита и келліи, составляетъ, можетъ-быть, лучшее, въ обыкновенномъ смыслѣ понимаемое, удовольствіе; прибавьте къ этому роскошно уже къ этому времени развившуюся весеннюю природу: все это способно замѣнить для аѳонца всѣ оставленныя имъ радости въ родномъ краю. Кому изъ посѣтителей—поклонниковъ св. горы, случилось провести здѣсь святую Пасху, тотъ и на родинѣ, въ самые лучшіе дни своей радости, воспоминаетъ объ этомъ съ безконечно сладостнымъ и рѣдко знакомымъ душевнымъ настроеніемъ, которое особенно способно напоминать о всемірной и вѣчной Пасхѣ на небесахъ. (Извлеч. изъ „Воскр. чт.“ за 1869—70 гг., кн. I, стр. 17—21).

14. Празднованіе Пасхи въ древней Руси.

Торжественный день Свѣтлаго Воскресенія Христова, всегда и вездѣ великій и радостный, старая Москва встрѣчала и проводила съ особымъ великолѣпіемъ. Патріаршее служеніе и выходы царскіе придавали ему еще больше торжественности и блеска.

Въ навечеріи Свѣтлаго праздника государь слушалъ полунощницу у себя во дворцѣ, въ особой комнатѣ, которая извѣстна подъ именемъ престольной. Въ этой же комнатѣ, по окончаніи полунощницы, совершался обрядъ царскаго лицезрѣнія. Всѣ высшіе дворовые и служилые чины допускались сюда ударить челомъ царю и „видѣть его, государя, пресвѣтлыя очи“, что принималось какъ высшее пожалованіе за вѣрную службу. Чиновники меньшихъ разрядовъ допускались по особенному соизволенію царя, по выбору, и входили въ комнату по распоряженію одного изъ ближнихъ людей, обыкновенно стольника, который въ то время стоялъ въ комнатѣ у крюка и впускалъ ихъ по списку, по два человѣка. Низшіе разряды служилыхъ людей совсѣмъ не допускались въ комнату, а жаловались лицезрѣніемъ государя во время пути его въ Успенскій соборъ.

Въ то время какъ бояре и другіе сановники входили въ комнату, государь сидѣлъ въ креслахъ въ становомъ шелковомъ кафтанѣ, надѣтомъ поверхъ зипуна. Предъ нимъ спальники держали весь нарядъ, который назначался для выхода къ утрени. Въ составъ этого наряда входили: опашень, кафтанъ становой, зипунъ, ожерелье стоячее (воротникъ), шапка горлатная и колпакъ, посохъ индѣйскій (чернаго дерева). Каждый изъ входившихъ въ комнату, узрѣвъ пресвѣтлыя очи государя, билъ челомъ, преклоняясь предъ нимъ до земли, и, отдавъ челобитье, возвращался на свое мѣсто.

Въ первомъ, а иногда во второмъ часу ночи, съ колокольни Ивана Великаго раздавался торжественный благовѣстъ къ Свѣтлой заутренѣ. Благовѣстили довольно продолжительное время, пока не приходилъ государь въ соборъ. Во время благовѣста въ соборъ приходилъ патріархъ со всѣми властями, т.-е. сослужившими ему архіереями, архимандритами, игуменами и священниками. Пройдя въ алтарь, патріархъ и все духовенство облачались тамъ „во весь свѣтлѣйшій санъ“. Когда все уже было готово къ началу заутрени, патріархъ посылалъ крестоваго дьяка во дворецъ оповѣстить государя.

Открывалось величественное шествіе государя къ заутренѣ, въ сопровожденіи огромной свиты въ драгоцѣнныхъ блестящихъ одеждахъ. Государя окружали бояре и окольничіе въ золотыхъ и въ горлатныхъ шапкахъ; впереди государя шли стольники, стряпчіе, дворяне, дьяки въ золотыхъ же и въ горлатныхъ шапкахъ. Самъ государь былъ также въ золотномъ опашнѣ съ жемчужною нашивкой съ каменьями и въ горлатной шапкѣ. Всѣ чины, которые стояли въ сѣняхъ и на крыльцахъ, ударивъ государю челомъ, шли до собора впереди, раздѣляясь по три человѣка въ рядъ. У собора они останавливались по обѣ стороны пути у западныхъ дверей, въ рѣшеткахъ, нарочно для того устроенныхъ. Въ соборъ за государемъ проходили лишь тѣ, которые были въ золотныхъ кафтанахъ.

Войдя въ соборъ и сотворивъ начало, государь прикладывался къ иконамъ, ракамъ чудотворцевымъ, къ ризѣ Господней и становился на своемъ обычномъ мѣстѣ у праваго столпа, близъ патріаршаго мѣста.

Въ это время патріархъ въ облаченіи выходилъ изъ алтаря и благословлялъ государя. Послѣ этого начинался крестный ходъ, который совершался по одной сторонѣ собора изъ сѣверныхъ дверей къ западнымъ. Нужно замѣтить, что передъ выходомъ патріархъ не раздавалъ свѣчей ни духовенству, ни царю, ни боярамъ и народу, а равно и въ соборѣ еще не были приготовлены ни аналои для иконъ, ни патріаршее мѣсто посрединѣ.

Когда начинался крестный ходъ, ключари приказывали звонить во всѣ колокола, а изъ собора высылали всѣхъ людей вонъ и всѣ двери церковныя затворяли. Царь съ боярами не ходилъ за иконами, но шелъ прямо въ западныя двери и тамъ, внѣ собора, останавливался на правой сторонѣ. Тѣмъ временемъ въ соборѣ оставался одинъ ключарь съ половиною сторожей и дѣлалъ всѣ приготовленія къ совершенію заутрени: посрединѣ собора они ставили патріаршее мѣсто, а передъ нимъ два аналоя съ поволоками и пеленами золотными, съ богатыми и разноцвѣтными украшеніями; на этихъ аналояхъ послѣ хода полагались евангеліе и образъ Воскресенія. Образъ минейный ключарь снималъ съ аналоя и относилъ въ алтарь на жертвенникъ. Посрединѣ же церкви ставились два „гореца съ угольемъ и ѳиміамомъ“.

Патріархъ совершалъ крестный ходъ со всѣмъ соборомъ. Впереди его несли хоругвь меньшую, четыре рипиды, два креста — хрустальный и писаный, запрестольный образъ Богоматери. За Богородичнымъ образомъ шли священники съ евангеліемъ и образомъ Воскресенія, которые они несли на пеленахъ, а предъ ними шли подьяки съ свѣчами витыми, подсвѣчниками и лампадою. Предъ священниками шли пѣвчіе государевы и пѣли: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе“. Патріархъ замыкалъ шествіе. „А звонятъ тогда во вся единъ часъ, долго“.

Когда патріархъ приходилъ къ затворреннымъ западнымъ дверямъ собора, и крестоносцы устанавливались „хребтомъ къ дверямъ“, „и въ то время свѣщею велятъ ключари замахати, и престанутъ звонити“. Ключарь со свѣчою становился у самыхъ западныхъ дверей съ правой стороны, а близъ себя у соборнаго угла или у Грановитой палаты ставилъ сторожей съ доской.

Когда шествіе устанавливалось, и все было готово къ началу заутрени, патріархъ раздавалъ возженныя свѣчи царю, боярамъ, властямъ и всему народу и потомъ, взявъ въ руку кадило и честный крестъ, кадилъ святыя иконы, государя, бояръ, властей, весь народъ и, обратившись на востокъ, возглашалъ: „Слава Святѣй и Единосущнѣй и Животворящей и Нераздѣлимѣй Троицѣ всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. Сослужившее ему духовенство отвѣчало „аминь“. И тогда самъ патріархъ единолично трижды пѣлъ пасхальный тропарь „Христосъ воскресе“, при чемъ въ третій разъ пѣлъ его только до половины, а оканчивали его пѣвчіе праваго клироса. Принявъ отъ патріарха тропарь со словъ „и сущимъ во гробѣхъ“, пѣвчіе на оба клироса пѣли его восемнадцать разъ. Патріархъ при этомъ возглашалъ „по единожды“ обычные стихи, а за нимъ, по знаку ключаря, сторожъ ударялъ въ доску, а за сторожемъ ударяли въ колоколъ столько разъ, какой по счету слѣдовалъ стихъ; послѣ всѣхъ стиховъ патріархъ снова самъ запѣвалъ „Христосъ воскресе“ и, передавъ пѣвчимъ „и сущимъ во гробѣхъ“, самъ крестомъ отверзалъ закрытыя двери. Въ этотъ моментъ „ключарь многожды свѣщею замашетъ, и сторожъ ударяетъ такожде въ било многожды, и звонъ во вся вдругъ ударятъ, и звонятъ тогда долго три часа во вся колокола“.

Войдя въ соборъ, патріархъ становился съ крестомъ въ рукѣ на приготовленномъ мѣстѣ посрединѣ собора. Предъ нимъ на аналояхъ полагали евангеліе и праздникъ — образъ Воскресенія Христова. Архидіаконъ возглашалъ великую ектенію „Миромъ Господу помолимся“, послѣ которой патріархъ самъ высокимъ голосомъ начиналъ ирмосъ: „Воскресенія день, просвѣтимся людіе“. Пѣвчіе принимали отъ патріарха слова: „Пасха Господня, Пасха“, и пѣли канонъ по уставу. Въ это время переставали звонить; патріархъ начиналъ кажденіе аналоевъ, алтаря, всего собора, по чину: царя, властей, бояръ и народа. Предъ патріархомъ два подьяка ходили съ двумя свѣчами витыми и лампадою, архидіаконъ съ патріаршею свѣчою „трехплетеною“, а протодіаконъ и діаконъ держали патріарха подъ руки, за патріархомъ совершали кажденіе архіереи.

Послѣ третьей пѣсни канона протопопъ, въ ризахъ, читалъ статью въ толковомъ евангеліи. Послѣ шестой пѣсни діаконъ въ стихарѣ читалъ прологъ съ синаксаремъ.

Во все продолженіе заутрени царь стоялъ у праваго задняго столпа, на триступенномъ рундучкѣ, подножіе его было обито краснымъ бархатомъ.

Когда пѣвчіе въ третій разъ запѣвали „Плотію уснувъ“, ключари принимали аналои съ евангеліемъ и праздникомъ и ставили ихъ противъ патріаршаго мѣста у праваго столпа, а изъ алтаря выносили минейный образъ и полагали его на аналоѣ предъ царемъ.

Во время стихиръ на хвалитѣхъ патріархъ со всѣми сослужившими съ нимъ входилъ въ алтарь и становился за престоломъ. Архидіаконъ или протодіаконъ подносилъ ему крестъ на блюдѣ, ключари подносили митрополиту евангеліе, другому митрополиту или архіепископу образъ Воскресенія Христова, всѣмъ властямъ и священникамъ раздавали иконы. Когда въ алтарѣ всѣ становились въ рядъ, начиналось христосованіе. Патріархъ прикладывался къ евангелію и иконамъ въ рукахъ сослужившихъ съ нимъ, а ихъ самихъ цѣловалъ во уста и привѣтствовалъ „Христосъ воскресе“, на что получалъ отвѣтъ: „Воистинну воскресе Христосъ“. При этомъ христосованіи патріархъ каждому давалъ „по яичку по червленному“. За патріархомъ то же самое и въ томъ же порядкѣ совершало и остальное духовенство, пѣвшее во все это время немолчно „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ“.

Послѣ христосованія въ алтарѣ, патріархъ выходилъ со всѣмъ духовенствомъ на средину собора и становился со крестомъ лицомъ къ западу, а прочія власти стояли въ одинъ рядъ отъ патріарха и держали евангеліе и иконы. Прежде другихъ подходилъ христосоваться царь, патріархъ благословлялъ его крестомъ, и царь цѣловался съ нимъ во уста: приложившись къ евангелію и образамъ, царь христосовался и съ другими архіереями, а архимандритовъ, игумновъ, протопоповъ и священниковъ жаловалъ къ рукѣ. Каждому изъ нихъ государь вручалъ „по два яичка“. Послѣ царя съ духовенствомъ христосовались бояре и народъ.

Приложившись къ образамъ и одаривъ духовенство, царь отходилъ на свое мѣсто у южной двери собора и здѣсь жаловалъ къ рукѣ бояръ своихъ и раздавалъ имъ яйца. Чинно и въ порядкѣ подходили къ царю бояре, окольничіе, думные дворяне и дьяки, кравчій, ближніе и приказные люди, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе. Царь давалъ имъ яйца гусиныя, куриныя и деревянныя точеныя, каждому по три, по два и по одному, смотря по знатности жалуемаго. Яйца были расписаны золотомъ и яркими красками въ узоръ или цвѣтными травами, „а въ травахъ птицы и звѣри и люди“.

По окончаніи христосованія, патріархъ возвращался въ алтарь и въ царскихъ дверяхъ читалъ пасхальное слово Іоанна Златоуста. Государь подходилъ къ царскимъ дверямъ слушать поученіе и, когда патріархъ кончалъ его, царь говорилъ: „многа лѣтъ ти, владыко“.

По окончаніи заутрени, государь со своею свитою шелъ изъ Успенскаго собора въ Архангельскій, прикладывался тамъ ко святымъ иконамъ и мощамъ и „христосовался съ родителями“, покланяясь гробницамъ своихъ усопшихъ предковъ. Изъ Архангельскаго собора государь ходилъ въ Благовѣщенскій, а потомъ иногда въ Вознесенскій и Чудовъ монастыри и подворья. Вездѣ, приложившись ко святымъ иконамъ и мощамъ, царь жаловалъ духовенство къ рукѣ и яйцами.

Возвратившись во дворецъ, царь христосовался со всѣми придворными чинами, остававшимися въ покояхъ царскихъ во время заутрени.

Передъ обѣднею, часу въ 7-мъ утра, во дворецъ ходилъ патріархъ славить Христа и звать государя къ службѣ.

Изъ Успенскаго собора патріархъ шелъ со всѣми духовными властями въ предшествіи ключаря со крестомъ и святою водою. Подьяки во время пути пѣли „Христосъ воскресе“, 3-ю и 9-ю пѣсни пасхальнаго канона. Царь встрѣчалъ патріарха въ сѣняхъ и, получивъ благословеніе крестомъ и окропленіе святою водою, провожалъ его въ палату. Войдя въ Золотую палату, подьяки пѣли: „Свѣтися“ и „Плотію уснувъ“. Патріархъ говорилъ: „Свѣтися“ и отпустъ. Государь, патріархъ, власти и бояре садились по своимъ мѣстамъ и, посидѣвъ немного, вставали, и патріархъ говорилъ государю рѣчь:

„А великій государь царь и великій князь (имя рекъ), всея Русіи самодержецъ, празднуемъ праздникъ свѣтлаго тридневнаго воскресенія Господа Бога нашего Іисуса Христа, и молимъ всемилостиваго и всещедраго и преблагаго въ Троицѣ славимаго Бога, и Пречистую Богородицу, и великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ о вселенскомъ устроеніи и благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и о многолѣтнемъ здравіи тебя, великаго государя нашего; дай, Господи, ты, великій государь нашъ царь и великій князь (имя рекъ), всея Русіи самодержецъ, здравъ былъ на многія лѣта, съ своею государевою благовѣрною и благородною и христолюбивою и Богомъ вѣнчанною царицею и великою княгинею (имя рекъ), и съ своими государевыми благородными чады (имя рекъ), и съ своими государевыми богомольцы, съ преосвященными митрополиты, и со архіепископы, и епископы, со архимандриты, и игумены, и съ своими государевыми князи и боляры, и христолюбивымъ воинствомъ, и съ доброхоты и со всѣми православными христіаны“.

Проговоря „Свѣтися“ и отпустъ, патріархъ въ томъ же порядкѣ возвращался въ соборъ. Выйдя изъ палаты, патріархъ благословлялъ ключаря благовѣстить къ обѣднѣ въ большой колоколъ „довольно“.

За обѣдней снова присутствовалъ государь со всею свитою.

Среди блестящихъ выходовъ и великолѣпныхъ обрядовъ царь не забывалъ явить и свое милосердіе. Въ первый же день Пасхи, а иногда въ промежутокъ между утреней и обѣдней, онъ ходилъ въ тюрьмы и, сказавъ преступникамъ: *Христосъ воскресъ и для васъ,* дарилъ имъ одежды и на разговѣнье. Въ первый же день государь давалъ у себя столъ на нищую братію.

Съ перваго же дня у государя начинались торжественные пріемы духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и праздничныя посѣщенія московскихъ монастырей, больницъ и богадѣленъ, и праздникъ проходилъ среди общей радости и самыхъ торжественныхъ служеній. (См. кн. „Праздн. службы и церк. торжества въ старой Москвѣ“, Г. Георгіевскаго, изд. 1897 г.).

15. **Пасхальный благовѣстъ.**

Кому не знакомъ (хотя бы по описаніямъ и разсказамъ) московскій благовѣстъ къ свѣтлой заутренѣ? Еще задолго до наступленія полуночи несмѣтныя толпы „всенароднаго множества“ собираются на кремлевскія площади. Православные съ благоговѣніемъ стремятся насладиться хотя бы чуднымъ благовѣстомъ къ тѣмъ дивнымъ службамъ, которыя изстари совершаются въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ толпѣ во множествѣ ждутъ того же момента и иностранцы, желающіе пережить удивительный, по ихъ мнѣнію, „эффектъ“ православной обрядности, равнаго которому нѣтъ ни въ жизни, ни въ художественныхъ созданіяхъ западно-европейскаго человѣка. Едва часы пробили двѣнадцать, на Иванѣ Великомъ раздается первый ударъ пасхальнаго благовѣста. Нѣсколько мгновеній глубокаго благоговѣйнаго вниманія,—и на Иванѣ Великомъ слѣдуетъ второй ударъ большого колокола, а вслѣдъ за нимъ разомъ отзываются всѣ многочисленныя колокольни Москвы: величественный моментъ, уже достаточно отмѣченный въ литературѣ. Въ русской церковной жизни еще поразительнѣе это вліяніе кремлевскаго благовѣста. Много ли на Руси храмовъ, съ которыхъ бы въ эту полночь не раздался благовѣстъ, какъ бы въ отвѣтъ Ивану Великому! Пусть часы захолустнаго звонаря не отличаются точностію, но замѣчательно: въ эту ночь ожидаютъ именно 12-ти часовъ, чтобы благовѣстить наступленіе самаго перваго момента великаго дня. Этотъ единодушный отзывъ русскихъ колоколенъ на благовѣстъ Ивана Великаго представляетъ знаменательное явленіе.

16. **Артосъ.**

(Историческая справка).

Къ числу нѣкоторыхъ чиновъ и обрядовъ, соединенныхъ съ празднованіемъ Пасхи въ православной церкви, относится употребленіе артоса. Артосъ, по буквальному переводу съ греческаго языка, значитъ хлѣбъ, а по церковному уставу—просфора всецѣлая. Символическое значенiе артоса достаточно ясно открывается изъ тѣхъ молитвъ, которыя положено читать на благословенiе и раздробленiе артоса.

Какъ въ ветхомъ завѣтѣ, въ воспоминанiе освобожденiя народа Божiя отъ горькой работы фараоновой, закалался по повелѣнiю Господа агнецъ, который съ тѣмъ вмѣстѣ прообразовалъ Агнца, вземлющаго грѣхи всего мiра, возлюбленнаго Сына Божiя; такъ въ новомъ завѣтѣ въ воспоминанiе славнаго воскресенiя Господа нашего Iисуса Христа, чрезъ Котораго мы отъ вѣчной работы вражiей избавились и отъ адовыхъ нерѣшимыхъ узъ освобожденiе получили, приносится артосъ-хлѣбъ, изображающiй собою Хлѣбъ живота вѣчнаго, сошедшiй съ небесъ, Господа нашего Iисуса Христа, Который, напитавъ насъ духовною пищею тридневнаго ради и спасительнаго воскресенiя, содѣлался для насъ истиннымъ хлѣбомъ жизни. Призывая благословенiе Божiе на освящаемый артосъ, священникъ въ молитвенномъ обращенiи проситъ Господа исцѣлить всякiй недугъ и болѣзнь и подать здравiе всѣмъ вкушающимъ отъ сего артоса.

По дѣйствующему нынѣ уставу православной греко-россiйской церкви, церковное употребленiе артоса состоитъ въ слѣдующемъ: „Сообразно со знаменованiемъ Пасхи, которая соединяетъ въ себѣ событiе смерти и воскресенiя Господа, на артосѣ начертывается или крестъ, увѣнчанный тернiемъ, какъ знаменiе побѣды Христовой надъ смертiю, или образъ воскресенiя Христова“. Приготовленный такимъ образомъ, онъ въ первый же день Пасхи приносится въ алтарь и здѣсь на жертвенникѣ полагается въ особый сосудъ, называемый „панагiаръ“. Въ тотъ же день по заамвонной молитвѣ происходитъ его освященiе, съ чтенiемъ установленной молитвы и окропленiемъ святою водою. Въ продолженiе всей Свѣтлой седмицы артосъ лежитъ или въ алтарѣ, или въ храмѣ на аналогiи, нарочно къ тому устроенномъ, вмѣстѣ съ образомъ Воскресенiя Христова. Во время крестнаго хода, который полагается каждый день Свѣтлой седмицы послѣ утрени, но въ приходскихъ церквахъ обыкновенно бываетъ послѣ литургiи, съ хоругвями, образами Воскресенiя Господня, Богородицы, обносятъ и артосъ кругомъ храма. Въ монастыряхъ каждый день Свѣтлой седмицы, кромѣ того, приносится артосъ въ торжественномъ шествiи, съ иконою Воскресенiя Христова, лампадами, при звонѣ во всѣ колокола и при пѣнiи „Христосъ воскресе“, въ братскую трапезу, и полагается здѣсь на особо приготовленномъ аналогiи. Послѣ трапезы бываетъ, такъ называемое, возношенiе артоса. При возношенiи артоса келарь говоритъ: „Христосъ воскресе“, однажды; ему присутствующiе отвѣчаютъ: „воистину воскресе“. Потомъ, назнаменавъ крестообразно артосомъ, онъ говоритъ: „покла" няемся Его тридневному воскресенiю“, — и полагаетъ артосъ на панагiаръ. Затѣмъ всѣ подходятъ къ аналогiю, на которомъ былъ положенъ артосъ, и цѣлуютъ послѣднiй. Послѣ сего артосъ съ тою же торжественностью, съ какою былъ принесенъ въ трапезу, относится обратно въ церковь. Въ послѣднiй день Свѣтлой седмицы, въ субботу, артосъ торжественно раздробляется послѣ литургiи. Въ монастыряхъ это раздробленiе совершается обыкновенно слѣдующимъ порядкомъ: послѣ литургiи артосъ приносятъ въ трапезу, здѣсь поютъ трижды „Христосъ воскресе“, читаютъ молитву Господню, и затѣмъ священникъ произноситъ особо положенную молитву, и раздробленный артосъ вкушается братiей прежде трапезы. „Но, сказано въ дополнительномъ требникѣ, iерей можетъ раздробить артосъ и на литургiи по заамвонной молитвѣ и раздавать вѣрующимъ вмѣсто антидора. Артосъ не должно хранить весь годъ для какого-либо суевѣрiя“.

Употребленiе „артоса“ есть обычай церкви греко-восточной. Западъ этого обряда не знаетъ. Въ русскую церковь „чинъ о артусѣ“ несомнѣнно перешелъ вмѣстѣ съ христiанствомъ и богослуженiемъ изъ Грецiи, гдѣ возношенiе артоса (и панагiи) было обычаемъ, прочно укрѣпившимся въ церковной практикѣ, какъ показываетъ Евхологiонъ Гоара. Изъ сравненiя разныхъ рукописныхъ богослужебныхъ книгъ, принадлежащихъ вѣкамъ XIV—XVII, видно, что и въ русской церкви этотъ обрядъ имѣетъ значенiе повсемѣстное, и по монастырямъ соблюдался тогда неуклонно. Во времена патрiаршества у насъ было въ обычаѣ, чтобы артосъ, а равно и просфоры на обѣдню въ первый день Пасхи доставлялись въ московскiй Успенскiй соборъ отъ царскаго двора. Патрiархъ въ первый день послѣ литургiи, съ соборомъ, въ крестномъ ходу и съ артосомъ являлся къ государю; здѣсь, послѣ возношенія артоса архидіакономъ, артосъ цѣловалъ государь, патріархъ и другіе. Артосъ относился потомъ обратно во храмъ, и здѣсь его снова воздвигалъ архидіаконъ.

Что касается историческаго происхожденія обряда съ артосомъ въ православной церкви, то объ этомъ необходимо поговорить въ связи съ исторіей такъ называемаго „чина о панагіи“. Панагія съ греческаго языка значитъ „всесвятая“ или „пресвятая“, каковое наименованіе обыкновенно прилагается къ имени Богородицы. Подъ „чиномъ о панагіи“ разумѣется чинъ возношенія особаго хлѣба въ монастырской трапезѣ, послѣ стола, въ честь Богородицы. О происхожденіи сего чина такъ говоритъ наша слѣдованная псалтирь. Господь Іисусъ Христосъ предъ Своими страданіями имѣлъ съ учениками трапезу на тайной вечери, когда установилъ таинство Евхаристіи, и по воскресеніи не разъ являлся благословлять ихъ трапезу, и даже вкушалъ съ ними пищу. Въ воспоминаніе этого, апостолы имѣли обычай оставлять за трапезою празднымъ среднее мѣсто и полагать предъ нимъ часть хлѣба, какъ бы для Господа, присутствующаго среди нихъ. Послѣ трапезы они съ молитвою и благодареніемъ возвышали этотъ хлѣбъ, говоря: „слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ! Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Велико имя Святыя Троицы. Христосъ воскресе“. Послѣ же дня вознесенія Господня, они произносили: „Велико имя Святыя Троицы. Господи Іисусе Христе, помогай намъ“. Такъ совершали этотъ обычай апостолы, пока Матерь Божія пребывала на землѣ. Въ третій же день послѣ успенія Богоматери, когда они, бывъ чудесно собраны всѣ въ одно мѣсто для погребенія Ея, стали послѣ трапезы совершать обычное возношеніе хлѣба въ честь Господа, и только что сказали: „Велико имя“, вдругъ явилась на облакѣ Матерь Божія съ ангелами и сказала: „радуйтесь, Я съ вами во всѣ дни“. Ученики удивились такому чуду и, вмѣсто: „Господи Іисусе Христе“, воззвали: „Пресвятая Богородица, помоги намъ“. Потомъ пошли ко гробу и, не найдя въ немъ пречистаго тѣла Ея, убѣдились въ Ея взятіи съ тѣломъ на небо. Въ воспоминаніе сего въ монастыряхъ обыкновенно и совершается при трапезѣ „чинъ о панагіи“; въ пасхальную седмицу этотъ чинъ получаетъ свои измѣненія и является чиномъ возношенія артоса.

Евхологій Гоара слѣдующимъ образомъ изображаетъ чинъ о панагіи, совершаемый въ греческихъ монастыряхъ. „Наиболѣе благочестивые изъ грековъ, говоритъ Гоаръ, монахи и клирики имѣютъ обычай, совершивъ благодареніе послѣ принятія пищи, возносить двумя первыми перстами обѣихъ рукъ треугольный хлѣбецъ,—панагію. Самое дѣйствіе возношенія поручается въ монастыряхъ кому-либо нарочито избранному изъ братіи. Избранный, испросивши благословеніе и прощеніе у предстоящихъ, беретъ особый кусокъ хлѣба, лежавшій во время трапезы предъ образомъ Богоматери, и поднимаетъ его въ виду всѣхъ двумя пальцами своихъ рукъ, говоря: „Велико имя“, и всѣ добавляютъ: „Святыя Троицы“. Тогда возносящій продолжаетъ: „Пресвятая Богородице, помоги намъ“. На это присутствующіе отвѣчаютъ: „Тоя молитвами, Боже, помилуй и спаси насъ!“ Затѣмъ по кажденіи принимаетъ братія изъ рукъ трапезаря (келаря) „панагію“, дѣлитъ ее между собою, и, возсылая хвалу Богоматери, всѣ вкушаютъ. Въ общемъ „чинъ возношенія панагіи“, изложенный въ нашей печатной слѣдованной псалтири (гл. 16), совершенно согласенъ съ этимъ греческимъ порядкомъ возношенія.

„Панагія“, по словамъ Гоара, имѣетъ форму треугольника, заостреннаго сверху. Гоаръ въ своемъ Евхологіи, въ объясненіе символическаго значенія этой формы, приводитъ слова Симеона Солунскаго: „Этотъ вырѣзокъ указываетъ въ одно и то же время и на единство и на троичность, — своими тремя боковыми сторонами означая тройственное, а верхней частью — единое... И такъ мы приняли отъ отцовъ, по апостольскому преданію, посвящать каждый день Единому въ Троицѣ нашему Богу въ честь Богоматери, чрезъ Которую познали мы Троицу“. (Русск. Паломн., 1894 г. № 16).

НЕДѢЛЯ АНТИПАСХИ ИЛИ О ѲОМѢ.

Еванг. отъ Іоан. зач. 65, гл. XX, ст. 19–31.

1. Явленіе Господа св. ап. Ѳомѣ.

Со дня Воскресенія, въ продолженіе цѣлой пасхальной седмицы воскресшій Господь не являлся болѣе Своимъ ученикамъ. Чрезъ восемь дней послѣ Пасхи ученики опять собрались вмѣстѣ, и Ѳома былъ съ ними. Двери, какъ и въ тотъ вечеръ, опять были заперты. Вдругъ явился среди нихъ Іисусъ Христосъ и сказалъ имъ: „миръ вамъ!“ и, обратившись къ Ѳомѣ, сказалъ ему, отвѣчая на требованія его сомнѣвающагося сердца: „подай перстъ твой сюда, и посмотри руки Мои; подай руку твою, и вложи въ ребра Мои; и не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ“. Тогда чудесное явленіе Господа и Его чудесное слово, показывающее Его всевѣдѣніе, побѣдило сомнѣніе ученика; онъ не осмѣливался уже влагать персты въ язвы гвоздиныя и влагать рукъ въ ребра воскресшаго Спасителя. Пристыженный въ своемъ невѣріи, онъ въ молитвенномъ благоговѣніи признаетъ: „Господь мой и Богъ мой!“ Теперь онъ вѣруетъ отъ всего сердца, потому что видѣлъ Господа и испыталъ на себѣ силу Его воскресенія. Господь, принимая исповѣданіе Своего ученика, говоритъ, однако, ему: „ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня: блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“. Этимъ Онъ указалъ намъ, не видѣвшимъ Его, на слово, которое возвѣстили о Немъ Его апостолы. (См. кн. „Земная жизнь Господа І. Христа“, перев. съ нѣмецк. Орды).

2. Антипасха.

Обычай — продолжать торжества великихъ праздниковъ до семи дней — былъ уже въ церкви ветхозавѣтной. Такимъ образомъ праздновались Пасха (Исх. 12, 16) и праздникъ Кущей (Лев. 23, 36). Послѣдній изъ праздничныхъ дней въ этомъ случаѣ былъ особенно торжественъ, назывался великимъ (Іоан. 7, 37) и какъ бы замѣнялъ собою самый праздникъ. По сему примѣру и отъ преизбытка духовной радости о воскресшемъ Спасителѣ, и въ церкви христіанской восьмой день по Пасхѣ, какъ окончаніе торжества свѣтлой седмицы, издревле составилъ особое торжество, какъ бы въ замѣну самой Пасхи; отчего и названъ *Антипасхою,* что значитъ: *вмѣсто,* или *противу — Пасхи.* Притомъ день сей, служа заключеніемъ свѣтлой, служитъ вмѣстѣ началомъ другой — новой недѣли послѣ Пасхи — царицы праздниковъ; имъ начинается кругъ недѣль и седмицъ цѣлаго года; въ этотъ день въ первый разъ обновляется память Воскресенія Христова, которое отъ самыхъ апостольскихъ временъ принято въ церкви воспоминать черезъ каждые семь дней, т.-е. въ каждый первый день недѣльный. Отсюда произошло названіе Антипасхи *недѣлею новою,* т.-е. первою — *днемъ обновленія* или просто *обновленіемъ;* что, по изъясненію святого Григорія Богослова, напоминаетъ тотъ первый недѣльный день міра, который слѣдовалъ по торжественномъ окончаніи творенія.

Но съ восьмымъ днемъ по Пасхѣ уже само собою соединяется еще воспоминаніе о явленіи Іисуса Христа ученикамъ Своимъ въ восьмой день по воскресеніи, и объ осязаніи спасительныхъ язвъ тѣла Его апостоломъ Ѳомою; отсюда и — болѣе другихъ употребительное у насъ — названіе Антипасхи — *недѣлею святого Ѳомы,* или *Ѳоминою.* Это примѣчательное событіе — какъ очевиднѣйшее доказательство истины воскресенія Христова, и какъ опытъ неизреченной любви и снисхожденія воскресшаго Господа къ слабости сердца человѣческаго, коснаго къ безусловной вѣрѣ и въ самыхъ ученикахъ Его — составило по тому самому главный предметъ пѣснопѣній церковныхъ въ продолженіе новой недѣли. Святая церковь, напоминая намъ о явленіи Господа дневнымъ чтеніемъ изъ евангелія, приглашаетъ всѣхъ съ благодареніемъ воспѣть Благоволившему — въ увѣреніе наше — дать осязать себя: *человѣколюбче, веліе и безприкладное множество щедротъ Твоихъ: яко долготерпѣлъ еси отъ іудей заушаемъ, отъ апостола осязаемъ, и отмещущихся Тебе многоиспытуемъ:* како *воплотился еси? како распялся еси безгрѣшне? Но вразуми ны, яко Ѳому, вопити Тебѣ: Господь мой и Богъ мой, слава Тебѣ!* (Стих. на Госп. воззв.).

Кромѣ сего, въ древней церкви, отъ одного благочестиваго обычая, недѣля Антипасхи имѣла еще одно особое наименованіе, оставшееся и теперь въ употребленіи въ церкви западной. А именно: въ древности праздникъ Пасхи былъ торжественнымъ временемъ крещенія іудеевъ и язычниковъ, обращавшихся въ христіанство, каковое таинство совершалось надъ ними въ ночь подъ свѣтлый праздникъ. Новокрещенныхъ или — какъ обыкновенно называли ихъ древніе — новорожденныхъ одѣвали въ бѣлую одежду—образъ ихъ младенчества во Христѣ,—которую носили они въ продолженіе всей свѣтлой седмицы. Въ недѣлю Ѳомину торжественно въ церкви снимали съ нихъ эту одежду и полагали ее въ особомъ притворѣ храма. Оттого всѣ дни свѣтлой седмицы назывались нерѣдко *днями въ бѣлыхъ* (т.-е. одеждахъ); а новая недѣля — день торжественнаго снятія этихъ одеждъ—*недѣлею въ бѣлыхъ*.

3. Взглядъ церкви на невѣріе апостола Ѳомы (въ богослужебныхъ пѣсняхъ).

1. Въ чемъ состояло невѣріе апостола?

а) Въ невѣрованіи свидѣтельству соучениковъ о явленіи имъ Господа. *Глаголаше* (апостоламъ): *не иму вѣры, аще не увижду и азъ Владыки* (стих. веч.) *Аще не узрю, не вѣрую словесемъ вашимъ* (Сѣдал).

б) Въ невѣрованіи самому воскресенію.

Не вѣрова Твоему воскресенію и видѣвшимъ Тя вопіяше: аще не вложу перста въ ребра Его и гвоздей язвы, не вѣрую, яко восталъ есть (Стихир. хвал.).

2. Что̀ было въ основаніи его невѣрія?

а) Сильное желаніе узрѣть Господа.

Вожделѣвый Твое радостное видѣніе, прежде не вѣроваше Ѳома (Кан., п. 8).

б) Желаніе совершенной увѣренности для себя и для всѣхъ.

Не всуе усумнѣвся Ѳома о востаніи Твоемъ, не низложися, но неусомнительное тщашеся показати сіе, Христе, всѣмъ языкомъ (п. 7). *Не вѣроваше рѣченнымъ ему, отъ невѣрія въ вѣру извѣствуя* (ст. веч.).

3. Что̀ произвело благотворную перемѣну въ душѣ апостола?

а) Благодатное явленіе Самого Воскресшаго.

Невѣрующему ученику руцѣ показалъ еси и пречистое ребро: онъ же вѣровавъ вопіяше Тебѣ: Господь мой и Богъ мой, слава Тебѣ! (стих. вечер.). *Вѣровавъ Ѳома зрѣніемъ руку и ребръ Твоихъ, Господа и Бога Тя исповѣда* (тамъ же).

б) Въ особенности живоносная сила язвъ Господнихъ.

Со страхомъ руку Ѳома въ ребра Твоя живоносная, Христе, вложивъ, трепетенъ ощути дѣйство, Спасе, сугубое, двѣма естествами, въ Тебѣ соединяемыма неслiянно, и вѣрою взываше глаголя: Ты еси Господь... (п. 7). *Ощущая рукою Твое сугубое существо, со страхомъ вопіяше вѣрно, вѣрою влекомъ: Господь мой и Богъ мой, слава Тебѣ!* (стих. на лит.).

4. Что послѣдовало за такою перемѣною въ апостолѣ?

а) Явленіе, вмѣсто невѣрія, твердой вѣры.

Вложивъ Ѳома руку въ огненная ребра Іисуса Христа Бога, не опалися осязаніемъ: души бо зловѣрство преложи на благовѣріе (стихов. утр.).

б) Высокое исповѣданіе и ревность возвѣщать всѣмъ истину.

Ребро Твое Божественное радуяся Ѳома осязавъ, Господи и Зиждителя Тя прослави (сред. стих. вечер.). *Возопи, егда видѣ Тя, Всесильне: Ты еси Богъ мой и Господь... кланяюся Твоей державѣ и мірови возвѣщаю страшное Твое и всесильное востаніе* (Понед. веч. стих.). *О, преславнаго чудесе! Іоаннъ на перси возлеже, Ѳома же ребра осязати сподобися. Но овъ убо отонуду страшно Богословія глубокое извлече смотрѣніе: овъ же сподобися тайно научити насъ: представляетъ бо показаніе ясно востанія* Его (стих.).

5. Какія благотворныя дѣйствія перемѣны въ апостолѣ для міра и церкви?

а) Большее утвержденіе вѣры въ Воскресшаго.

О, доброе невѣріе Ѳомино! вѣрныхъ сердца въ познаніе приведе (стих. веч.). *О, преславнаго чудесе! невѣріе вѣру извѣстную роди* (стиховн.). *Невѣрною вѣрою облагодѣтельствовавый насъ Ѳома близнецъ, рѣшитъ убо мрачное невѣдѣніе всѣхъ концевъ, вѣрнымъ невѣрствіемъ* (п. 7). *Радуешися испытаемь: тѣмже, Человѣколюбче, на сіе повелѣваеши Ѳомѣ, простирая невѣрующему ребра, мірови увѣряя Твое, Христе, тридневное востаніе* (п. 4).

б) Открытіе высокихъ истинъ Богословія.

Богатство почерпъ отъ сокровища некрадомаго Божественнаго, копіемъ прободенна Твоего ребра, премудрости и разума исполняетъ міръ близнецъ (п. 4). *Твое сокровище, утаенное намъ, отверзе Ѳома: богословивъ бо языкомъ Богоноснымъ, пойте Господа, глаголаше, и превозносите Его во вся вѣки* (п. 8). (Воскр. чт., г. XVI, стр. 11 — 12).

4. О твердости и постоянствѣ вѣры.

Послѣ славнаго Своего воскресенія Господь Іисусъ Христосъ неоднократно являлся Своимъ ученикамъ и послѣдователямъ. Такъ, въ самый день Своего дивнаго воскресенія, Онъ благоволилъ явиться апостоламъ, которые всѣ, кромѣ ап. Ѳомы, изъ страха отъ іудеевъ проводили время въ запертой горницѣ въ общей молитвѣ и глубокихъ думахъ. Чтобы убѣдить учениковъ въ истинѣ Своего воскресенія, Божественный Учитель показалъ имъ пречистыя руки, ноги и ребра. Это явленіе исполнило сердца учениковъ вѣрою и любовію къ Своему Учителю, такъ что они всѣмъ разсказывали, что возсталъ Господь. Но когда апостолы разсказали о явленіи Спасителя Ѳомѣ, то онъ отказался повѣрить имъ. „Если,— говорилъ онъ,— я не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей, если не вложу перста моего въ ребра Его, то не повѣрю“ (Іоан. XX, 25). И вотъ, въ то время, какъ десять учениковъ торжествовали возстаніе отъ гроба Своего Учителя и Господа, сердце апостола Ѳомы томилось смущеніемъ, грустью и тяжелымъ раздумьемъ. Господь Самъ пришелъ на помощь къ нему, явивъ и ему славу Своего воскресенія. Спустя восемь дней по воскресеніи Господа, когда всѣ апостолы, не исключая уже и Ѳомы, снова собрались въ одно мѣсто, вдругъ предсталъ посреди ихъ Христосъ и сказалъ: „миръ вамъ“. Хотя лицо и голосъ Спасителя тотчасъ показали апостолу Ѳомѣ несправедливость его сомнѣнія, однако милосердый Господь благоволилъ окончательно разсѣять маловѣріе ученика. Обратясь къ Ѳомѣ, Спаситель сказалъ ему: „подай перстъ твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи въ ребра Мои, и не оставайся въ невѣріи, но будь вѣрующимъ“ (Іоан. XX, 27—29). Прикосновеніе къ цѣльбоноснымъ язвамъ Спасителя совершенно уврачевало душу апостола; преисполненный чувствомъ радости и вѣры, онъ воскликнулъ: „Господь мой и Богъ мой!“ Іисусъ же Христосъ сказалъ ему: „ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня: блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“. Впослѣдствіи апостолъ Ѳома много потрудился для благовѣствованія вѣры Христовой; онъ же послужилъ къ утвержденію вѣры учениковъ Христовыхъ, а съ ними и всѣхъ христіанъ, въ Божественномъ вознесеніи на небо пречистаго тѣла Богоматери послѣ Ея успенія. Древнее преданіе православной церкви повѣствуетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ. Послѣ сошествія Св. Духа на апостоловъ всѣ они, облеченные силою свыше, разошлись въ разныя стороны для проповѣди евангелія, причемъ апостолъ Ѳома отправился въ самыя отдаленныя земли отъ Іерусалима. Господу угодно было чудеснымъ образомъ собрать всѣхъ ихъ къ смертному одру Пресвятой Богородицы, чтобы почтить Ее торжественнымъ погребеніемъ. По Его же святому провидѣнію апостолъ Ѳома не успѣлъ прибыть въ Іерусалимъ ко дню погребенія Богоматери, но явился сюда на третій день; онъ сильно скорбѣлъ, что не могъ въ послѣдній разъ проститься и облобызать пречистое тѣло Божіей Матери. Чтобы утѣшить скорбящаго, на общемъ совѣщаніи апостолы рѣшили открыть гробъ Богородицы. И вотъ, когда открыли гробъ, то въ немъ не нашли тѣла Богоматери, но только погребальныя пелены. Тогда всѣ познали, что Богоматерь съ плотію Своею вознеслась на небо. Такъ въ первый разъ открылась слава Честнѣйшей херувимъ и Славнѣйшей безъ сравненія серафимъ Богородицы, Которую весь родъ христіанскій сталъ чтить, какъ свою ближайшую Заступницу предъ престоломъ Всевышняго.

При воспоминаніи о святомъ апостолѣ Ѳомѣ, обрати свое вниманіе, христіанинъ, на слова Спасителя, сказанныя Имъ апостолу: „ты повѣрилъ потому, что увидѣлъ Меня: блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“. Для насъ, христіанъ, нѣтъ уже нужды увѣряться въ воскресеніи Христовомъ чрезъ какія-либо особенныя знаменія и чудеса. Первыхъ учениковъ Своихъ воскресшій Господь увѣрялъ не ради только ихъ самихъ, но и ради всѣхъ насъ, исповѣдующихъ имя Христово. И апостолы за всѣхъ насъ убѣдились въ истинѣ воскресенія Спасителя: они видѣли своими очами воскресшаго Господа, осязали Его раны, неоднократно бесѣдовали съ Нимъ и обо всемъ этомъ устно и письменно проповѣдали всему міру. Этой проповѣди апостоловъ, какъ самовидцевъ и служителей Христа, каждый изъ насъ долженъ вѣровать твердо и несомнѣнно. Такъ какъ вѣрующимъ Господь обѣщалъ блаженство, то мы должны стараться всегда пребывать въ православной вѣрѣ, должны бояться всякихъ заблужденій невѣрія и лжевѣрія, а также нерадѣнія и безпечности о вѣрѣ. Итакъ, христіанинъ, храни святую соборную и апостольскую вѣру, какъ самое дорогое твое сокровище, которымъ пріобрѣтается блаженная жизнь на небѣ. Какъ счастливъ человѣкъ, который свято сохраняетъ передаваемое ему православною церковію ученіе вѣры, который не уклоняется отъ этого ученія, но старается во всемъ благоугождать тріединому Богу, по заповѣдямъ Христа и Его апостоловъ! Онъ, какъ тихій потокъ, мирно проходитъ долину земной жизни, стремясь къ горнему отечеству, гдѣ обитаютъ всѣ святые. Съ другой стороны, какъ жалки колеблющіеся въ вѣрѣ, по своему суемудрію извращающіе православное ученіе христіанское, отдѣляющіеся отъ матери своей—св. церкви и старающіеся даже другихъ вовлекать въ свои заблужденія! Всѣ они готовятъ для себя вѣчную погибель. Къ сожалѣнію, отступники отъ правовѣрія появляются и въ нѣдрахъ нашей отечественной церкви. Ослѣпляемые самолюбіемъ, они дерзновенно отвергаютъ руководительство Богоучрежденной Церкви и ея пастырей. Да убоятся всѣ суемудрые праведнаго гнѣва Божія, отступая отъ православной вѣры и ея хранительницы — св. церкви: они сами себя ведутъ въ геенну огненную. Вотъ что разсказывается объ этомъ въ церковныхъ книгахъ. Однажды, къ пр. Киріаку пришелъ одинъ инокъ Ѳеофанъ, державшійся осужденнаго церковію, неправаго ученія о Христѣ Іисусѣ. Пр. Киріакъ сталъ умолять Ѳеофана оставить свои заблужденія и обратиться къ соборной и апостольской церкви. „Единъ путь къ нашему спасенію, — говорилъ преподобный, — есть тотъ, чтобы мыслить и вѣровать такъ, какъ мыслили и вѣровали святые отцы“. Узнавъ о готовности Ѳеофана принять вразумленіе, св. Киріакъ сказалъ ему: „я надѣюсь на Бога, что Его благость откроетъ тебѣ истину“. Послѣ этого онъ удалился въ уединеніе и сталъ молиться Господу за брата. По его молитвѣ, заблудшему на другой день было слѣдующее видѣніе: ему явился грозный мужъ и сказалъ: поди и познай истину; неизвѣстный привелъ Ѳеофана въ темное и смрадное мѣсто и показалъ ему здѣсь всѣхъ грѣшниковъ, испускающихъ вопль и стенаніе отъ адскаго огня: „Вотъ обиталище тѣхъ,—сказалъ грозный мужъ,— которые нечестиво умствуютъ. Если тебѣ нравится это мѣсто, оставайся при своемъ лжеученіи; если же не хочешь подвергнуться подобному наказанію, обратись къ св. соборной и апостольской церкви, къ которой принадлежитъ Киріакъ“ (жит. пр. Киріака, 29 сентября).

Помня это, возлюбленный собратъ, твердо стой въ православной вѣрѣ, завѣщанной тебѣ отцами и предками. Блюди себя и не входи въ общеніе съ людьми суемудрыми, неправо мыслящими о вѣрѣ, которые, хотяще быть законоучители, не разумѣютъ ни яже глаголютъ, ни о нихъ же утверждаютъ (I Тим. I, 7). Одна сокровищница вѣры – святая православная церковь; одни истинные учители вѣры— законные пастыри церковные. (См. „Воскр. лист.“ № 73).

5. Разсказы изъ церковной исторіи о силѣ вѣры.

I. На требованіе поклониться богамъ, св. священномученикъ Власій отвѣчалъ своему мучителю: „мучь тѣло мое, какъ хочешь, въ твоей власти это; надъ душею же моею властенъ Богъ“. – „А если я брошу тебя въ озеро, спасетъ ли тебя твой Христосъ?“—спросилъ мучитель.— „Я вѣрю и надѣюсь, — отвѣчалъ исповѣдникъ, что І. Христосъ, Богъ мой, окажетъ мнѣ Свою дивную помощь и на водахъ“. Правитель велѣлъ бросить св. Власія въ озеро, но онъ пошелъ по водѣ, какъ по сушѣ. Дошедши до средины озера, онъ сказалъ стоявшимъ на берегу воинамъ: „покажите теперь и вы силу боговъ своихъ и идите сюда“. 68 воиновъ призвали своихъ боговъ и бросились въ озеро, но всѣ потонули. Считая виновникомъ ихъ смерти Власія, правитель приказалъ усѣкнуть его мечемъ (Чет.-Мин. февр. 11).

II. За святую и богоугодную жизнь св. Акакій, бывшій мелитинскій епископъ, еще при жизни удостоился отъ Господа дара чудотвореній.—Однажды, во время бездождія, святитель вышелъ за городъ и на открытомъ воздухѣ совершилъ безкровную жертву о ниспосланіи дождя. При этомъ онъ показалъ столь сильную вѣру, что не приказалъ вливать воды въ св. чашу, надѣясь, что Господь ниспошлетъ дождь и растворитъ св. чашу водою; твердая вѣра не посрамила святителя. По молитвамъ его дождь въ изобиліи полился на землю. — Въ другой разъ св. Акакій совершалъ въ храмѣ литургію. Во время службы, вслѣдствіе непрочнаго сооруженія, сводъ храма готовъ былъ обрушиться. Народъ съ ужасомъ побѣжалъ было изъ церкви, но святитель воскликнулъ: „Господь защитникъ жизни моей, кого убоюся!“ И сводъ держался на своемъ мѣстѣ до того времени, пока святитель совершилъ службу, и всѣ вышли изъ церкви. Тогда сводъ съ громомъ рухнулся на землю. Многими и другими чудесами прославился святитель. Блаженная кончина его послѣдовала около 435 г. (Ч.-М.—17 апр.).

III. Одинъ добродѣтельный другъ святого Спиридона, епископа тримифундскаго, оклеветанный передъ судьею, былъ невинно заключенъ въ темницу и осужденъ на смерть. Узнавъ объ этомъ, святитель немедленно пошелъ для избавленія его отъ неповинной смерти. Надлежало ему переходить черезъ потокъ, который въ это время, по случаю наводненія, выступилъ изъ береговъ своихъ и преграждалъ ему путь, но св. угодникъ Божій, приведя себѣ на память, какъ Іисусъ Навинъ съ ковчегомъ завѣта перешелъ по сухому дну Іордана во время его полноводія, и вѣруя, что всемогущій Богъ всегда одинъ и тотъ же, обратился къ потоку и, какъ слугѣ, сказалъ ему: „общій намъ Владыка повелѣваетъ тебѣ: остановись, чтобы мнѣ пройти и невиннаго человѣка избавить отъ смерти“. При этихъ словахъ потокъ вдругъ остановился, сдерживая стремленіе водъ своихъ, и открылъ сухой путь не только святому Спиридону, но и спутникамъ его, которые, опередивъ святителя, дали знать судьѣ о пришествіи его и разсказали чудо, совершенное имъ на пути. Судья немедленно освободилъ невинно-осужденнаго и отдалъ его въ руки святого чудотворца. (Изъ Четьи-Минеи).

IV. Св. Тихонъ амаѳунтскій въ молодости своей продавалъ хлѣбы и, имѣя сострадательное сердце, раздавалъ ихъ нищимъ безъ денегъ. Отецъ не могъ этого не замѣтить, и потому въ одно время строго наказалъ его за это. Св. Тихонъ, желая успокоить своего отца, сказалъ ему при семъ: „батюшка! напрасно ты на меня гнѣваешься, я твои хлѣбы трачу не попусту, а отдаю ихъ взаймы Богу, и имѣю отъ Него въ томъ расписку — Его Божественное слово; въ словѣ Божіемъ, именно, сказано: „кто дастъ нищему, тотъ взаймы даетъ Богу, и сторицею отъ Него пріиметъ“. (Притч. 19, 17). Ты мнѣ не вѣришь? Поди, посмотри и увидишь, какъ вѣрно слово Божіе“. Сказавъ это, Тихонъ взялъ отца за руку и повелъ его въ житницу; отворили двери житницы—и отецъ увидѣлъ подтвержденіе словъ священнаго писанія: житница была наполнена самою чистою и лучшею пшеницею, хотя прежде въ ней ничего не было. Отецъ палъ на землю и возблагодарилъ Бога. Съ того времени онъ не сталъ уже запрещать своему сыну раздавать милостыню бѣднымъ.

Другое чудо, совершенное св. Тихономъ, было не менѣе разительно. Въ одномъ саду обрѣзывали сухія вѣтви съ виноградныхъ деревъ и, по обыкновенію, выбрасывали ихъ вонъ. Св. Тихонъ, собравъ эти сухія вѣтви, разсадилъ ихъ въ своемъ огородѣ; при этомъ онъ попросилъ Бога, чтобы эти сухія вѣтви принялись и выросли, чтобы виноградъ на нихъ былъ полонъ и красивъ, чтобы ягоды были сладки и здоровы, и чтобы виноградъ въ его саду скорѣе всѣхъ поспѣвалъ. Какъ хотѣлось святому, такъ и сдѣлалось. На другой день онъ вышелъ въ огородъ посмотрѣть, что сдѣлалось съ его виноградомъ, и увидѣлъ на немъ благословеніе Божіе: всѣ вѣтки принялись, и въ то же лѣто принесли чрезвычайно много плодовъ; въ другихъ садахъ виноградъ былъ еще зеленъ, а у св. Тихона самый спѣлый, сладкій и здоровый. Слушая о чудесахъ св. Тихона, вы, конечно, замѣтили ту дѣтскую простоту, съ какою онъ вѣрилъ словамъ святого писанія, и ту дѣтскую смѣлость, съ какою онъ ожидалъ всего отъ Бога. Замѣтьте же и еще, что и всѣ св. мужи, особенно чудотворцы, всегда бываютъ таковы, всѣ они точно дѣти. Дѣти, ни мало не размышляя, вѣрять всему, что имъ скажутъ старшіе: и святые, ни мало не сомнѣваясь, вѣрятъ всему, что говоритъ слово Божіе. Дѣти всего смѣло ожидаютъ отъ родителей: и святые всего смѣло ожидаютъ отъ Бога. (См. проп. прот. Р. Путятина).

V. Господь сказалъ: *аще имате вѣру, яко зерно горушно, речете горѣ сей: прейди отсюду тамо, и прейдетъ* (Матѳ. 17, 20). *Знаменія вѣровавшимъ сія послѣдуютъ: именемъ Моимъ бѣсы ижденутъ; языки возглаголютъ новы; змія возмутъ, аще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ: на недужныя руки возложатъ, и здравы будутъ* (Марк. 16, 17—18). Читаемъ исторію жизни святыхъ и видимъ, что все это оправдано самимъ дѣломъ. *Речете горѣ сей: прейди отсюду тамо, и прейдетъ*: и дѣйствительно, горы двигались по молитвенному слову преп. Марка и св. Григорія, епископа неокесарійскаго (Чет.-Мин. апр. 5 и нояб. 17). *Именемъ Моимъ бѣсы ижденутъ,*—и бѣсы не только изгоняемы были святыми, но даже служили имъ (Чет.-Мин. авг. 10). *Языки возглаголютъ новы*: преп. Пахомій не зналъ греческаго языка, но помолился и сталъ понимать инока-грека, пришедшаго посѣтить его, и отвѣчать ему на греческомъ языкѣ (Тамъ же мая 15); а преп. Оръ читалъ, не учившись читать (Чет.-Мин. авг. 7). *Змія возьмутъ*: св. мученица Ирина брошена была въ ровъ, наполненный зміями, но не только ничего не потерпѣла отъ нихъ, напротивъ, они издохли отъ одного ея присутствія во рвѣ (Чет.-Мин. мая 5). *Аще что и смертно испіютъ, не вредитъ ихъ:* св. мученикъ Михаилъ, по приказанію мучителя, выпилъ ядъ и остался цѣлъ, тогда какъ тотъ же ядъ, выпитый однимъ преступникомъ, осужденнымъ на смертную казнь, тотчасъ лишилъ его жизни (Чет.-Мин. іюн. 9). *На недужныя руки возложатъ, и здрави будутъ:* Пафнутій Боровскій устроялъ церковь; одинъ иконописецъ, по имени Діонисій, работавшій для этой церкви, сильно занемогъ ногами и долженъ былъ оставить работу, но св. Пафнутій только сказалъ ему: „примись-ка, Діонисій, за дѣло, Богъ тебя благословитъ, Матерь Божія дастъ тебѣ здоровье“, и больной Діонисій тотчасъ же принялся за работу, и его болѣзни какъ не бывало (Чет.-Мин. мая 5).

6. Разсказы о любви русскихъ къ православной вѣрѣ.

Русскіе издавна отличались глубокою приверженностію къ св. вѣрѣ Христовой и православной церкви. Въ бѣдственныя времена татарскаго ига открывались для нихъ случаи засвидѣтельствовать эту приверженность и любовь своею кровію.

I. Въ 1246 г., когда татарскій ханъ Батый позвалъ къ себѣ черниговскаго князя Михаила и потребовалъ отъ него чрезъ своихъ волхвовъ, чтобы онъ предъ вступленіемъ въ палату ханскую прошелъ, по обычаю монголовъ, сквозь огонь и поклонился солнцу и истуканамъ, — благовѣрный князь отвѣчалъ: „я христіанинъ и не могу поклониться твари и идоламъ“. Когда ему предложили на выборъ одно изъ двухъ—или поклониться, или умереть: князь не поколебался избрать послѣднее, несмотря на всѣ убѣжденія близкихъ людей; приготовился къ христіанской кончинѣ и вкусилъ лютую смерть отъ варваровъ. Примѣру доблестнаго князя тогда же послѣдовалъ и любимый бояринъ его Ѳеодоръ.

II. Въ 1270 г. другой князь русскій, Романъ Олеговичъ рязанскій, былъ оклеветанъ въ Ордѣ, будто онъ поносилъ хана и его вѣру. Ханъ отдалъ князя въ руки татаръ, которые начали принуждать его къ своей вѣрѣ. Но онъ не только не соглашался на это, но открыто исповѣдывалъ, что вѣра христіанская воистину есть святая, а татарская поганая. Озлобленные язычники отрѣзали ему языкъ, заткнули уста и медленно изрѣзали по суставамъ всѣ члены его тѣла, такъ что новый мученикъ дѣйствительно уподобился древнему Іакову перскому, по замѣчанію лѣтописей.

III. Защищая себя отъ нападающихъ враговъ, или выступая противъ нихъ сами, русскіе были убѣждены, что они проливаютъ свою кровь и умираютъ, прежде всего, за св. вѣру и церковь. „Умремъ за св. Богородицу (т.-е. за соборную церковь пресвятой Богородицы) и за правую вѣру“, говорили жители Владимира, когда онъ былъ осажденъ татарами. „Умремъ за св. Софію (т.-е. за софійскій соборъ)“, обыкновенно повторяли новгородцы, собираясь на поле брани. „Прольемъ кровь свою за домъ пресвятой Троицы и за св. церкви“, восклицали псковитяне во дни Довмонта, отражая нападенія литвы. И Димитрій Донской, отправляясь съ войскомъ изъ Москвы противъ татаръ, говорилъ прочимъ князьямъ и воеводамъ: „пойдемъ противъ безбожнаго и нечестиваго Мамая за правую вѣру христіанскую и за св. церкви, и за всѣхъ младенцевъ и старцевъ, и за всѣхъ христіанъ“. (П. собр. р. лѣт. 1, 222; III, 57. 62. 71. 99 и друг.; IV, 40. 76. 181; V, 6; VI, 105; VII, 140). Да, русскіе любили свое отечество, а въ немъ, прежде всего, любили свою св. вѣру и свою св. церковь. Русскіе тѣмъ болѣе привязывались къ св. вѣрѣ и церкви, что въ нихъ только находили для себя утѣшеніе и подкрѣпленіе посреди бѣдствій и скорбей, въ особенности отъ своихъ поработителей, и въ имени или званіи христіанъ видѣли свое главное отличіе отъ поганыхъ агарянъ и свое превосходство предъ ними. („Истор. русской церкви“ Макарія, митр. московскаго, Т. V, стр. 267—269; сн. „Духовн. посѣвы“ свящ. Гр. Дьяченко).

7. Наказаніе за невѣріе.

Блажени не видѣвшіи и вѣровавше (Іоан. XX, 29).

Давно, очень давно случилось это. Я былъ тогда и молодъ, и горячъ, и любопытенъ. Съ дѣтства не вложена была въ мое сердце живая и чистая вѣра въ Господа. И чѣмъ старше я становился, тѣмъ болѣе закрадывалось невѣріе въ душу мою. Я не умѣлъ вѣрить, я все хотѣлъ узнать своимъ умомъ, своимъ чувствомъ. И вотъ какъ Господь милосердый вразумилъ меня.

Стояла свѣжая, ранняя весна. Великимъ постомъ пришлось мнѣ заѣхать по дѣламъ службы въ небольшой губернскій городъ. Въ семи верстахъ отъ города, на холмѣ, высился красивый мужской монастырь. Тамъ почивало много святыхъ мощей.

Я очень любилъ пѣніе и нерѣдко пріѣзжалъ въ монастырь послушать пѣвческій хоръ иноковъ; пѣли они, дѣйствительно, прекрасно. Было у меня въ монастырѣ нѣсколько знакомыхъ монаховъ, и я часто ночевалъ у нихъ.

Цѣлые вечера, бывало, спорили мы о разныхъ религіозныхъ предметахъ; я открыто смѣялся надъ ихъ вѣрой, надъ ихъ благоговѣніемъ къ святымъ мощамъ, и смѣло заявлялъ я, несчастный, о своемъ невѣріи. Монахи ужасались и принимались меня усовѣщивать. Нравился мнѣ изъ нихъ одинъ въ особенности; это былъ высокій, статный монахъ, отецъ Ириней; рода онъ былъ знатнаго, очень образованный и умный человѣкъ; худощавое и слегка желтоватое лицо его поражало своей строгостью и святостью; большіе, черные глаза глядѣли необычайнымъ умомъ и твердостью. Я особенно любилъ бесѣдовать съ о. Иринеемъ.

На четвертой недѣлѣ великаго поста выбралъ я теплый денекъ и отправился въ монастырь.

Поглядѣлъ я на храмъ, послушалъ пѣніе монаховъ и отправился въ келлію о. Иринея, съ намѣреніемъ переночевать. Долго вечеромъ толковали мы съ нимъ; въ окно глядѣло на насъ ночное темносинее небо съ горящими звѣздами, а мы все еще не умолкали; изрѣдка слышались удары сторожа въ чугунную доску. Монастырь спалъ.

„Нѣтъ, вы это бросьте, и изъ ума выкиньте ваше невѣріе, говорилъ о. Ириней, тяжкій грѣхъ—невѣріе, и тяжко накажется Господомъ“.

„Ну, а если бы я на дѣлѣ доказалъ вамъ, о. Ириней, что всѣ вы заблуждаетесь, - повѣрили бы вы мнѣ“? - спрашивалъ я.

„Что вы говорите, опомнитесь! Не глупѣе насъ съ вами были наши отцы, дѣды, а вѣрили сему. Вѣритъ уже цѣлые вѣка вся церковь православная, вѣрили и вѣрятъ милліоны людей православныхъ. Наконецъ, прочитайте житія святыхъ... Какъ же можно сомнѣваться въ святости угодниковъ Божіихъ и нетлѣнности ихъ мощей? Что вы!... Богъ съ вами“!—толковалъ о. Ириней.

Я промолчалъ, но затаилъ въ сердцѣ дерзкую мысль.

„Такъ и сдѣлаю“, порѣшилъ я, и легъ спать, ничего не сказавъ о. Иринею.

Уснуть я не могъ на жесткой постели монаха. Онъ долго молился и, наконецъ, задремалъ на полу, въ уголкѣ.

Убѣдившись, что онъ спитъ, я тихо всталъ, кое-какъ одѣлся, и поспѣшно вышелъ изъ келліи.

На востокѣ бѣлѣла предразсвѣтная полоска; звѣзды гасли... Вѣтерокъ освѣжилъ мнѣ лицо. Я прямо пошелъ къ храму. Онъ былъ отпертъ. При слабомъ мерцаніи большихъ лампадъ едва можно было различить образа и очертанія храма. Двое монаховъ суетились около праваго придѣла и не обратили на меня вниманія. Скоро должна была начаться утреня. На минуту мнѣ стало страшно. Я пришелъ въ лѣвый придѣлъ къ ракѣ почивавшихъ тамъ св. мощей, остановился около нихъ и оглядѣлся; у открытой раки горѣла лампада. Вблизи никого не было, монахи, вѣрно, вышли. Снова какой-то внутренній страхъ захолодилъ мнѣ сердце. Я постарался усмѣхнуться, подошелъ къ ракѣ и смѣло поднялъ покровъ ея... Мнѣ хотѣлось осязать мощи своими руками, близко разглядѣть лицо почивающаго угодника,—иначе я не вѣрилъ въ святость мощей. Какая-то сила ниже и ниже сгибала мнѣ голову... Моя рука хотѣла коснуться уже св. мощей... Вдругъ... былъ ли то страшный ударъ грома, или блескъ молніи... или что другое, я не знаю... я видѣлъ только поднятую руку... Все вокругъ закружилось, потемнѣло... поднялся какой-то шумъ въ головѣ. въ ушахъ... Я опомнился на полу, въ страшной, мучительной темнотѣ. Что со мной было, гдѣ я былъ,—ничего не знаю. Я старался протереть глаза, увидѣть, гдѣ я нахожусь, все было напрасно... Кругомъ было темно, какъ въ могилѣ.. Тогда я все понялъ... Я ослѣпъ. Страшное дѣло задумалъ, и—тяжко и достойно наказалъ меня Господь за него. Снова, съ тоской и мукой въ душѣ, я лишился чувствъ.

Пришелъ я въ себя, когда около меня было много народа, слышались голоса, и я услышалъ голосъ о. Иринея. Тутъ же при всѣхъ я, недавно здоровый человѣкъ, теперь несчастный слѣпецъ, повѣдалъ свой незамолимый грѣхъ и свое наказаніе... Я зналъ, я чувствовалъ, что монахи плакали надо мной... и горько жалѣлъ, что не послушалъ ихъ словъ.

Съ тѣхъ поръ я остался въ монастырѣ, и каждый день молюсь предъ св. ракой. Я прошу Господа и св. угодника простить мнѣ тяжкій грѣхъ мой... Я часто плачу и молюсь...

Теперь я старикъ. Господь умилосердился надо мной,—мои глаза видятъ теперь настолько, что я могъ самъ описать все, что случилось со мной. (См. „Кормчій“ за 1888 г. № 11).

8. Благодѣтельный сонъ.

Однажды, когда я возвращался домой изъ далекой отлучки, наканунѣ Новаго года, сильная вьюга захватила меня въ степи: усталыя лошади, увязая въ сугробѣ по самую грудь, едва тащили нашу повозку. Крутившіеся въ воздухѣ хлопья мокраго снѣга залѣпляли глаза, и, наконецъ, мы окончательно сбились съ дороги. Такъ прошелъ не одинъ часъ утомительнаго блужданія по снѣжнымъ равнинамъ наудачу, пока отдаленный собачій лай не обнаружилъ намъ сосѣдства человѣческаго жилья. Мы направились на него, и вскорѣ передъ нами обрисовались темныя очертанія какого-то помѣщичьяго хутора. Насъ гостепріимно встрѣтилъ его владѣлецъ, отставной кавказскій офицеръ старыхъ временъ: онъ познакомилъ меня съ своимъ семействомъ, состоящимъ изъ его жены, пожилой дамы, съ необыкновенно кроткимъ и пріятнымъ выраженіемъ лица, и двухъ взрослыхъ сыновей, пріѣхавшихъ изъ столицы къ нему погостить на праздники. Всѣ они оказались очень добрыми людьми, а потому понятно то удовольствіе, съ какимъ я, обогрѣвшись съ дороги, сидѣлъ въ кабинетѣ Александра Николаевича, такъ звали случайнаго хозяина, и за стаканомъ чая бесѣдовалъ съ нимъ передъ жарко топившимся каминомъ, который невольно заставлялъ забывать о бушевавшей на дворѣ непогодѣ. Сначала разговоръ нашъ ничѣмъ не отличался отъ бесѣды людей, недавно между собою познакомившихся, но затѣмъ онъ принялъ характеръ болѣе откровенный и задушевный, при чемъ рѣчь зашла объ случаяхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ, которые когда-либо совпадали въ жизни каждаго изъ насъ съ праздникомъ Новаго года.

— Что же касается до меня,—сказалъ Александръ Николаевичъ,—то, двадцать два года тому назадъ, Новый годъ ознаменовался въ моемъ прошломъ такимъ обстоятельствомъ, которое навѣкъ останется въ моей памяти, не столько по самой исключительности своей обстановки, сколько потому, что дало мнѣ возможность постичь всю неизмѣримость милосердія Божія къ падшему человѣку, уже намѣревавшемуся наложить на себя грѣховную руку.

Я попросилъ старика подѣлиться со мною его воспоминаніями, и вотъ что онъ мнѣ разсказалъ:

— Прежде всего слѣдуетъ вамъ сказать, что вы видите передъ собой лицо, много лѣтъ сомнѣвавшееся въ бытіи Божіемъ. На первый взглядъ казалось бы весьма натуральнымъ, что жизнь, исполненная ежедневныхъ лишеній и боевыхъ опасностей, какова была моя въ эпоху покоренія Кавказа, должна была бы выработать во мнѣ воззрѣніе, что „безъ Бога ни до порога“, однако далеко не такъ было на дѣлѣ, и, съ дѣтства наслушавшись и начитавшись всевозможныхъ людскихъ бредней, отвергавшихъ существованіе Бога, церкви и всего святого, я былъ невѣрующимъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Но вотъ, Всевышнему угодно было послать на мою долю такое испытаніе, которое совершило спасительный переломъ въ моемъ нравственномъ недугѣ. Случилось это такъ. По выходѣ изъ полка, я поселился въ нашемъ уѣздномъ городѣ, гдѣ, вступивъ въ бракъ съ настоящей моей супругой, я зажилъ спокойно и счастливо; судьба послала мнѣ лучшую изъ женщинъ, и единственнымъ темнымъ пятномъ на нашемъ семейномъ небосклонѣ было мое невѣріе, и жену мою, истинную христіанку, крайне печалило мое духовное заблужденіе и часто, въ минуты моихъ кощунственныхъ выходокъ, удалялась она изъ комнатъ въ спальню и предъ иконой Богоматери со слезами умоляла Ее вразумить заблудившагося мужа. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, и у насъ было уже двое дѣтей,—вотъ эти сами молодцы, которыхъ вы сейчасъ видѣли,—какъ дошла до неба молитва моей кроткой подруги. На третій день Рождества мы находились вмѣстѣ съ ней на одномъ званномъ вечерѣ, и послѣдній былъ уже во всемъ своемъ разгарѣ, какъ вдругъ послышались крики: „пожаръ, горимъ“! Мы всѣ высыпали на дворъ, но тревога оказалась напрасной; тѣмъ не менѣе отъ испуга и холода—жена была въ одномъ лишь легонькомъ платьѣ—она почувствовала себя нездоровой, и я поспѣшилъ съ ней восвояси; ночью у ней сдѣлался жаръ и бредъ, но къ утру она немного успокоилась и заснула. На слѣдующій день я по дѣламъ своимъ отлучился, а когда вернулся домой, то, представьте все мое горе и ужасъ, жены моей уже не стало! Да! Смерть порвала безжалостно нить этой драгоцѣнной для меня жизни... Въ томъ не могло быть сомнѣнія; прибывшій врачъ подтвердилъ фактъ, да къ тому же печать мертвенности, лежавшая на восковомъ челѣ усопшей, ясно свидѣтельствовала о моей утратѣ. Я не стану здѣсь утомлять васъ описаніемъ всего, что послѣдовало послѣ, а скажу только, что съ той минуты, какъ покойницу положили въ залѣ, я впалъ въ безграничное отчаяніе; утѣшеніе святой молитвы мнѣ было недоступно, ничто не могло измѣнить случившагося, и я рѣшилъ покончить всѣ счеты съ жизнью. Удалившись къ себѣ въ кабинетъ, я провелъ всю ночь предъ праздникомъ Новаго года въ приведеніи въ порядокъ своихъ имущественныхъ дѣлъ и, письмомъ къ одному нашему родственнику, вручалъ участь своихъ дѣтей его попеченію; вслѣдъ за этимъ я вынулъ изъ своего стола револьверъ, и одно только слабое нажатіе на спускъ отдѣляло меня отъ вѣчности, какъ вдругъ осѣнила меня слѣдующая мысль: рѣшеніе мое неизмѣнно, весь вопросъ заключается только во времени.... Почему же не обождать мнѣ какой-нибудь одинъ—другой день, почему не побыть еще съ дорогимъ прахомъ? а тамъ... Здѣсь я легъ на диванъ и, утомленный хлопотами дня и подавленный роковымъ событіемъ, забылся тяжелымъ, свинцовымъ сномъ. И цѣлый рой сновидѣній, то невыразимо сладостныхъ, то ужасающихъ, наполнялъ тогда мое скорбное сердце: мнѣ снилось, что я плыву вмѣстѣ съ моей покойной женой въ челнокѣ, который, какъ орѣховую скорлупу, подбрасывали сердитыя волны безбрежнаго водяного пространства, оба мы трепетали за нашу участь и не напрасно: высокій валъ опрокинулъ ладью, насъ разъединила разъяренная стихія, и, въ то время какъ я погружался въ бездну, какая-то дивная сила далеко уносила отъ меня милый мнѣ образъ. Тутъ я началъ молиться, и вдругъ услышалъ слова: „увѣруй и спасешься!“ Вѣрую! воскликнулъ я и.... проснулся, пробужденный утреннимъ холодомъ. Я всталъ и вышелъ въ залу; въ ней было темно, и лишь одинъ свѣтъ восковой свѣчи, теплившейся предъ старымъ дьячкомъ, читавшимъ надъ покойницей псалтирь, боролся съ проблескомъ начинавшагося разсвѣта. Я отпустилъ на отдыхъ старика и подошелъ къ изголовью дорогого мнѣ трупа, полный думъ, одна другой мучительнѣй... Но вотъ, во всемъ своемъ великолѣпіи ворвался въ окно солнечный лучъ и обдалъ все своимъ животворнымъ, ласкающимъ свѣтомъ: мнѣ показалось въ это мгновеніе, что лицо жены утратило нѣчто изъ своей мертвенной блѣдности, и какъ будто что-то, похожее на жизнь, мелькнуло на ея осунувшихся чертахъ. Не былъ ли то обманъ чувствъ, игра разстроеннаго горемъ воображенія? Нѣтъ! то была дѣйствительность! Смерть отдавала обратно свою жертву, что доказывалось и теплотой, охватывавшей мало-по-малу это безжизненное доселѣ тѣло. Лишь только я увѣрился, что жена моя жива, обмиравшая бережно была перенесена въ спальню, гдѣ и пришла въ себя чрезъ нѣсколько часовъ.... Радости моей не было предѣловъ. Съ быстротой молніи облетѣла весь городъ вѣсть о такомъ неслыханномъ происшествіи, и весьма удивился почтенный отецъ Василій, прибывшій на панихиду, когда я попросилъ его отслужить вмѣсто нея благодарственное молебствіе...

Очень можетъ статься, что побужденіе, заставившее меня отсрочить самоубійство, легко объясняется жаждой жизни, которая не покидаетъ человѣка даже въ самыхъ исключительныхъ условіяхъ; можно легко объяснить и мнимую смерть моей жены, такъ называемымъ, летаргическимъ сномъ: но я вижу здѣсь исключительно лишь перстъ Божій! Такъ вотъ чѣмъ, любезный мой гость, подарилъ меня Новый годъ, 22 года тому назадъ! Провидѣніе Божіе, ниспославши мнѣ благодѣтельный сонъ, удержало меня отъ тяжкаго грѣха самоубійства; оно же возвратило мнѣ подругу, находившуюся, казалось, уже въ рукахъ смерти, и сдѣлало изъ меня вѣрующаго...(„Кормчій,“ 1889 г. № 1).

НЕДѢЛЯ СВ. ЖЕНЪ МѴРОНОСИЦЪ.

Еванг. отъ Марк. зач. 69 и 70; гл. XV, 43—47 ст; XVI, 1—8.

1. Святыя мѵроносицы у гроба Господня.

Настал ъ вечеръ Великой субботы.— Весь этотъ день св. апостолы и св. жены провели въ покоѣ, по заповѣди закона. Въ вечеръ же субботы, какъ только открылась возможность всякихъ дѣлъ, Марія Магдалина и Марія Іаковлева пошли взглянуть на гробъ Господа Іисуса. Ихъ повлекло туда неудержимое желаніе освѣдомиться: не произошло ли тамъ, около гроба Господня, гдѣ были ихъ мысли и сердца, что-нибудь особенное. И онѣ сходили туда; увидѣвъ, что тамъ было все въ томъ положеніи, какъ было въ пятницу, онѣ воротились въ городъ; здѣсь онѣ сошлись съ Саломіею, и всѣ втроемъ купили ароматовъ и мѵра, чтобы утромъ помазать тѣло Господа Іисуса.— Начинался третій день, когда, по предсказанію Господа, должно было совершиться Его воскресеніе. Власти іудейскія, опасаясь этого страшнаго для нихъ дня, поспѣшили принять мѣры предосторожности, чтобы ученики Господа Іисуса не украли тѣла Его ночью и не сказали, что Онъ воскресъ. Въ то время, когда жены были у гроба, власти ходили къ Пилату, просили у него позволенія приставить ко гробу стражу, привели и поставили ее на мѣсто, и приложили къ гробовому камню печать—все это уже по удаленіи женъ отъ гроба. — Между тѣмъ, св. жены и не подозрѣваютъ, что гробъ окруженъ стражею и запечатанъ. Всѣ онѣ хотя дѣйствовали заодно, но помѣщались не въ одномъ домѣ, а гдѣ пришлось, каждая у своихъ родныхъ или знакомыхъ. Поэтому онѣ положили утромъ собраться вмѣстѣ не въ городѣ, чтобы никого не тревожить, но у самаго гроба, ожидая тамъ другъ друга, чтобы вмѣстѣ приступить къ помазанію тѣла Господня; а когда изъ города выйти — оставили каждой на свободу, какъ какая управится, только бы пораньше. — Такъ приготовились и условились онѣ, и спокойно ждали утра, вовсе не зная о стражѣ. Видя ихъ любовь, Господь не попустилъ имъ быть устрашенными грозною стражею. Еще до прихода ихъ, въ таинственный часъ глубокой ночи совершилось воскресеніе Господне незримо и невѣдомо ни для кого, совершилось, *камени запечатану отъ іудей и воиномъ стрегущимъ пречистое тѣло...* И уже потомъ сошелъ съ небесъ ангелъ и, отваливъ камень отъ двери гроба, сѣлъ на немъ. Сотрясеніе отъ паденія камня и свѣтлоблестящій видъ ангела привели въ трепетъ стражу: она помертвѣла и потомъ убѣжала въ городъ. Камень отваленъ былъ не для Господа, а для стражи, для любящихъ посѣтителей гроба, чтобы они могли войти, взглянуть и увѣриться въ томъ, что нѣтъ уже Господа во гробѣ, что Онъ воскресъ.— Раньше всѣхъ въ это утро поднялась Марія Магдалина и еще сущей тьмѣ устремилась ко гробу. Пришедши, она увидѣла, что камень отваленъ отъ гроба. Присущій тутъ ангелъ не явилъ ей лика своего: небесные вѣстники являются по волѣ Божіей и по той же волѣ могутъ быть невидимы. Глубоко потрясенная открытымъ гробомъ, Марія Магдалина тотчасъ же подумала: взяли Господа! Съ этой мыслію она поспѣшно возвращается въ городъ, прибѣгаетъ къ апостоламъ Петру и Іоанну и говоритъ имъ: „унесли Господа изъ гроба, и не знаемъ, гдѣ положили Его“. Петръ и Іоаннъ тотчасъ пошли къ гробу посмотрѣть, что тамъ такое.— А пока ходила въ городъ Марія, и апостолы собирались, пришла ко гробу глубокимъ утромъ мѵроносица Іоанна, жена домоправителя Иродова, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, неся приготовленные ароматы. Онѣ нашли камень отваленнымъ отъ гроба и прямо вошли туда. Тамъ, къ своему крайнему изумленію, онѣ не нашли тѣла Господа Іисуса; когда онѣ недоумѣвали, что бы это значило, вдругъ предстали имъ два ангела въ одеждахъ блистающихъ. Жены въ страхѣ и смущеніи потупили глаза свои въ землю, но свѣтлые мужи успокоили ихъ, говоря: „что вы ищете Живаго съ мертвыми? Его нѣтъ здѣсь. Онъ воскресъ. Вспомните, какъ Онъ говорилъ вамъ еще въ Галилеѣ, что Сыну человѣческому надлежитъ быть предану въ руки человѣковъ грѣшниковъ, и быть распяту, и въ третій день воскреснуть.“—И онѣ вспомнили эти слова Его и, возвращаясь отъ гроба, рѣшили; конечно - пойти и возвѣстить апостоламъ и всѣмъ прочимъ, что видѣли и слышали.—Между тѣмъ, Петръ и Іоаннъ съ Маріей Магдалиной спѣшили ко гробу и прошли къ нему, не встрѣтясь съ женами, что, по расположенію улицъ въ Іерусалимѣ, легко могло случиться. Оба апостола шли поспѣшно, но Іоаннъ былъ моложе, и потому шелъ скорѣе и пришелъ ко гробу первый, однакоже, не вошелъ внутрь, а только взглянулъ туда и увидѣлъ однѣ пелены лежащія. Подошелъ Петръ и вошелъ внутрь. И онъ увидѣлъ тоже пелены лежащія и еще платъ, бывшій на головѣ Господа, не съ пеленами лежащій, но особо, на другомъ мѣстѣ, свитый. Тогда вошелъ и Іоаннъ, и увидѣлъ, и увѣровалъ въ сердцѣ своемъ, что Господь воскресъ (такъ толкуетъ св. Златоустъ). Осмотрѣвши все во гробѣ, апостолы пошли домой. — Но Магдалина, возвратившаяся съ ними опять ко гробу, осталась подлѣ него, изнуренная невыразимой горестью и спѣшной ходьбою; не зная, что дѣлать ей, что думать, она могла только плакать. Среди плача она взглянула внутрь гроба и увидѣла двухъ ангеловъ въ бѣлыхъ ризахъ: одинъ сидѣлъ въ головахъ, другой въ ногахъ, гдѣ лежало тѣло Іисусово. Они спросили ее: „жено, что плачешь?“ Она отвѣчала: „унесли Господа моего, и не знаю, гдѣ положили Его“. Тутъ, вѣроятно, она замѣтила нѣкоторое благоговѣйное движеніе ангеловъ, коихъ взоръ былъ устремленъ внѣ пещеры; обратила и она туда свои взоры и видитъ Господа Іисуса, но сквозь слезы и въ утреннемъ полумракѣ не узнала Его. Господь говоритъ ей: „жено, что плачешь? Кого ищешь?“ Она, думая, что предъ нею былъ садовникъ, сказала Ему: „Господинъ мой! Если ты вынесъ Его, скажи мнѣ, гдѣ положилъ, и я возьму Его.“ — Тогда Господь позвалъ ее голосомъ, ей знакомымъ: *Марія!* Она, услышавъ этотъ голосъ, воскликнула: *Учитель!* и бросилась было къ ногамъ Его, чтобы обнять ихъ съ благоговѣйною радостію, но Господь остановилъ ее, говоря: „не прикасайся Мнѣ, ибо Я еще не взошелъ къ Отцу Моему, но иди къ братіямъ Моимъ и скажи имъ: восхожу къ Отцу Моему и Отцу вашему, и къ Богу Моему и Богу вашему“. Съ неизглаголаннымъ восторгомъ отправилась она къ апостоламъ. Близился разсвѣтъ. Св. жены: Марія Іаковля и Саломія и, можетъ быть, нѣкоторыя другія съ ними поспѣшали ко гробу; идучи, онѣ говорятъ между собою: „кто отвалитъ намъ камень отъ двери гроба?“ А камень былъ великъ очень, и имъ не подъ силу было бы отвалить его. Когда онѣ подошли ко гробу, уже восходило солнце, то-есть, свѣтъ его уже сіялъ, но самаго солнца еще не было видно на небѣ. Подходя ко гробу, жены взглянули и увидѣли, что камень уже отваленъ. Приближась къ мѣсту гроба, онѣ увидѣли ангела, сидящаго на отваленномъ камнѣ, и ужаснулись; ангелъ ободрилъ ихъ, говоря: „не бойтесь, вы ищете Іисуса распятаго: нѣтъ Его здѣсь, Онъ воскресъ, какъ сказалъ. Подойдите, посмотрите мѣсто, гдѣ лежалъ Господь“. Повинуясь слову ангела, жены вошли во гробъ; тамъ онѣ увидѣли юношу въ бѣлой одеждѣ, сидящаго на правой сторонѣ, и опять ужаснулись, то былъ еще ангелъ Господень. Видя ихъ смущеніе, ангелъ успокоилъ ихъ, говоря: „не ужасайтесь, Іисуса ищете Назарянина, распятаго? Онъ воскресъ; Его нѣтъ здѣсь, вотъ мѣсто, гдѣ Онъ былъ положенъ. Теперь пойдите скорѣе, скажите ученикамъ Его и Петру, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ и предваряетъ васъ въ Галилеѣ. Тамъ Его увидите, какъ Онъ сказалъ вамъ.“ — И онѣ, вышедши поспѣшно изъ гроба, со страхомъ и радостію великою побѣжали къ городу. Ихъ обнималъ трепетъ и ужасъ отъ необычайности видѣннаго и слышаннаго, и онѣ на пути никому ничего не сказали, но дорогою, пришедши въ себя, онѣ рѣшились возвѣстить обо всемъ апостоламъ. И когда онѣ спѣшно шли къ нимъ, се — Самъ Господь Іисусъ срѣтилъ ихъ и сказалъ: *радуйтеся!* И онѣ, падши къ ногамъ Его, обняли ихъ и поклонились Ему. Однакожъ были притрепетны. Господь ободрилъ ихъ, говоря къ нимъ: „не бойтеся, идите, скажите братіямъ Моимъ, чтобы шли въ Галилею, тамъ они Меня увидятъ“. — Итакъ, первыя увидѣли воскресшаго Господа св. жены, имъ являлись ангелы, имъ являлся Самъ Господь прежде, чѣмъ кому-либо изъ всѣхъ апостоловъ. Почему такъ? Потому что онѣ возлюбили Его много. Довольно вспомнить ихъ служеніе Ему отъ имѣній своихъ, ихъ мужественное присутствіе у креста Господа на Голгоѳѣ, ихъ участіе въ Его погребеніи и, наконецъ, ихъ утреннее путешествіе ко гробу Его съ ароматами и мѵромъ для помазанія пречистаго тѣла Его. Подражайте же, братія, и вы доброму примѣру св. женъ мѵроносицъ, употребляйте и вы избытки своихъ стяжаній на служеніе Богу и церкви, на дѣла любви и благочестія христіанскаго. (Сост. по „Письм.“ еписк. Ѳеофана, сн. № 768 Троицк. лист.).

2. Равноапостольная мѵроносица.

Ни одна изъ св. мѵроносицъ не любила столько Господа и не была такъ предана Ему, какъ Марія Магдалина; потому и въ евангеліи она всегда именуется первою между ними. По ревности къ вѣрѣ Христовой она трудилась въ проповѣданіи вѣры подобно апостоламъ, и потому св. церковь назвала ее *равноапостольною.* Родомъ она была изъ Сиріи, а жила въ Галилеѣ, именно въ городѣ Магдалѣ. Судя по происхожденію ея изъ Сиріи и потому, что она нѣкогда страдала бѣснованіемъ, можно думать, не была ли она дочь той сирофиникіянки, которая усильно просила Господа исцѣлить бѣснующуюся дочь ея и получила отъ Него похвалу за великую ея вѣру (Мѳ. XV, 22—28. Мр. VII, 25—30). Нѣкоторые думаютъ, что она была та грѣшница, которая со слезами раскаянія лобызала ноги Іисуса и мазала ихъ драгоцѣннымъ мѵромъ (Лк. VII, 37). Но такое мнѣніе, принятое у латинъ, не имѣетъ основанія; а еслибы оно было и справедливо, то не должно унижать Магдалины: и Спаситель говоритъ: бо́льшая *радость будетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся, нежели о девятидесяти девяти праведникахъ, иже не требуютъ покаянія* (Лк. XV, 7). — Магдалина была одержима страшнымъ недугомъ, который въ евангеліи называется бѣснованіемъ, и отъ котораго Спаситель исцѣлилъ ее, изгнавъ изъ нея семь бѣсовъ. Великое благодѣяніе, оказанное Господомъ Маріи изгнаніемъ изъ нея бѣсовъ, произвело въ признательномъ ея сердцѣ такую любовь и приверженность къ Спасителю, что она рѣшилась посвятить Ему всю жизнь свою и при всякомъ случаѣ показывала самое искреннее къ Нему усердіе. Іисусъ Христосъ, пришедшій на землю взыскать и спасти погибшихъ, всюду искалъ заблудшихъ овецъ дома Израилева и для сего переходилъ изъ города въ городъ, изъ веси въ весь, переплывалъ моря и рѣки, восходилъ на горы, углублялся въ пустыни, и Марія всюду Его сопровождала, хотя непрестанныя путешествія, безъ сомнѣнія, были тягостны для женской ея слабости. Іисусъ Христосъ, насъ ради обницавшій, не имѣлъ, гдѣ главу приклонити, терпѣлъ во всемъ крайнюю нужду, — и Марія усердно служила Ему имѣніемъ и трудами рукъ своихъ. Іисусъ Христосъ, совершивъ дѣло Свое на земли, идетъ положить душу Свою за спасеніе міра, — и Марія слѣдуетъ за Нимъ на Голгоѳу, неутѣшно рыдаетъ о Немъ съ женами іерусалимскими, съ трепетомъ взираетъ на Его распятіе. Сперва она стояла съ знакомыми Его издалеча, но потомъ, забывъ всякій страхъ и повинуясь только влеченію своего сердца, приблизилась къ самому кресту Христову, сострадала Божественному Страдальцу въ тяжкія минуты Его смерти и приняла послѣдній вздохъ Его въ свое сердце. Такъ-то любила она Спасителя! Ея любовь къ Нему, по слову Писанія, была *крѣпка яко смерть* (Пѣсн. пѣсн. 8, 6). Нѣтъ, любовь Маріи къ Іисусу Христу была крѣпче смерти, она не ослабѣла и по смерти Его. Тогда какъ всѣ, и друзья и враги, оставили Распятаго по смерти: тогда оставалась при Немъ Марія Магдалина съ одною изъ подругъ своихъ. Она видѣла, какъ Іосифъ и Никодимъ снимали со креста пречистое тѣло Іисуса; она сопровождала Его на мѣсто погребенія; она смотрѣла и на то, гдѣ и какъ Его полагали. Если же сама не принимала участія въ Его погребеніи, то это, безъ сомнѣнія, произошло отъ чрезмѣрной скорби, которая такъ истощила ея силы, что она, по замѣчанію евангелиста, не могла стоять, а сидѣла противъ гроба (Мѳ. XXVII, 61). Впрочемъ, она мысленно стремилась туда, гдѣ полагалось сокровище ея сердца — сладчайшій Іисусъ, и потому, замѣтивъ, что Іосифъ и Никодимъ, поспѣшая кончить Его погребеніе до наступленія приближавшейся субботы, только обвили тѣло Его пеленами и осыпали благовоніями, а не помазали онаго ароматами, какъ-то бывало при іудейскихъ погребеніяхъ, немедленно рѣшилась восполнить это опущеніе погребальныхъ обычаевъ, а вмѣстѣ оказать умершему Учителю послѣдній долгъ усердія. Проведши субботу въ покоѣ, по извѣстному іудейскому обычаю, Марія Магдалина тотчасъ купила разныхъ ароматовъ и на другой день рано по утру, еще сущей тьмѣ, поспѣшила съ ними ко гробу Спасителя, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ подругъ своихъ. Мракъ ночи, уединенное положеніе гроба Господня, близость къ нему страшной Голгоѳы, — ничто не могло удержать благочестивыхъ женъ. Онѣ идутъ и только думаютъ о томъ, какъ бы скорѣе помазать тѣло возлюбленнаго Учителя. Марія Магдалина опередила подругъ своихъ и, увидѣвъ, что камень отваленъ отъ гроба, тотчасъ побѣжала въ Іерусалимъ къ апостоламъ Петру и Іоанну и сказала имъ въ испугѣ: *взяша Господа отъ гроба и не вѣмъ, гдѣ положиша Его.* Вѣсть эта поразила апостоловъ, и они бросились ко гробу, туда же побѣжала и Марія. Но, пришедши ко гробу, и увидѣвъ въ немъ однѣ пелены Спасителя и платокъ, бывшій на главѣ Его, апостолы возвратились къ себѣ, дивясь бывшему. А Марія? Она не пошла съ ними, но осталась при гробѣ, думала объ Іисусѣ и горько плакала о Немъ. О, какъ трогателенъ сей поступокъ ея! Какъ умилительны ея слезы! Въ нихъ ясно выразилась такая искренняя преданность Іисусу, такая нѣжная любовь къ Нему, какой не имѣли, кажется, самые усердные и любимые ученики Его.—Такую любовь и преданность Господь не могъ оставить безъ награды и утѣшенія. Такъ и было. Когда Марія стояла и плакала у гроба, ей вздумалось еще посмотрѣть, нѣтъ ли въ немъ гдѣ-нибудь тѣла Іисусова. Но, приникши во гробъ, она увидѣла въ немъ двухъ ангеловъ, которые сказали ей: *жено, что плачеши?* Марія отвѣчала имъ то же, что и апостоламъ: *взяша Господа моего и не вѣмъ, гдѣ положиша Его.* Сказавъ это, она обратилась назадъ и увидѣла Іисуса Христа, но не узнала Его, вѣроятно, потому, что по скромности и въ уныніи не смотрѣла Ему въ лицо, или видъ Его много измѣнился по воскресеніи, а, можетъ-быть, и одежда скрывала оный. Тогда Спаситель сказалъ ей: *жено, что плачеши? кого ищеши?* Она же, будучи занята мыслію объ Іисусѣ Христѣ и думая, что говоритъ съ нею вертоградарь, отвѣчала Ему: *Господи, аще ты еси взялъ Его, повѣждь ми, гдѣ еси положилъ Его: и азъ возму Его.* Тогда Іисусъ назвалъ ее по имени и сказалъ: *Маріе!* Услышавъ знакомый голосъ, который такъ часто услаждалъ ея слухъ и сердце, Марія бросилась къ Іисусу Христу и радостно воскликнула: *Раввуни*—Учитель! Господу, конечно, пріятенъ былъ такой восторгъ любимой ученицы; но, желая успокоить ее и скорѣе обрадовать чрезъ нее другихъ учениковъ, сильно скорбѣвшихъ о Немъ, Онъ дружески сказалъ ей: *не прикасайся Мнѣ*—оставь Меня, *не убо взыдохъ ко Отцу Моему*—Я еще не вознесся на небо и нерѣдко буду съ вами видѣться; *иди же ко братіи Моей, и рцы имъ,* что Я вскорѣ *восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему.* — Магдалина тотчасъ пошла и возвѣстила ученикамъ Христовымъ все, что видѣла и слышала, но ученики не повѣрили ей. Между тѣмъ она, взявъ съ собою другую Марію, мать Іакова, опять, въ третій разъ, пошла *видѣти гробъ*—посмотрѣть его. Можетъ-быть, въ этомъ случаѣ руководила ею и тайная надежда, не увидитъ ли она еще Воскресшаго? Такъ, дѣйствительно, и случилось. Пришедши ко гробу, святыя подруги нашли тамъ ангела, который, увѣривъ ихъ въ воскресеніи Христовомъ, велѣлъ скорѣе возвѣстить о немъ ученикамъ Господа. Когда же онѣ шли исполнить это порученіе, вдругъ встрѣтилъ ихъ Самъ Іисусъ Христосъ и сказалъ имъ: *радуйтеся!* И желая болѣе удостовѣрить ихъ въ Своемъ воскресеніи, Господь дозволилъ имъ то, отъ чего прежде удержалъ Марію — допустилъ ихъ обнять Его нозѣ и поклониться Ему, яко Господу. Такимъ образомъ, Марія Магдалина, за горячую любовь свою къ Спасителю, удостоилась двукратнаго явленія Его и содѣлалась первою благовѣстницею Его воскресенія. Какъ должно было радовать ее это особенное благоволеніе къ ней Господа! Какою новою горячностью къ Іисусу преисполнилось ея любящее сердце!.. И подлинно, Марія Магдалина показала такое усердіе къ Воскресшему, какого не видимъ ни въ одной другой Его ученицѣ. Подобно апостоламъ, оставивъ все: и домъ, и друзей, и отечество, она посвятила всю жизнь свою на благовѣстіе Христово и огласила имъ не только Іудею, но и многія языческія страны. Она была и въ Римѣ; здѣсь нашла она доступъ къ самому кесарю Тиверію и, поднесши ему красное яйцо, прекрасный образъ возрожденія къ жизни, сказала ему въ привѣтствіе: *Христосъ воскресе!* Она подробно возвѣстила кесарю всѣ дѣла и ученіе Господа, показала Его невинность и ясно обличила неправедныхъ судей Его, а чрезъ то возбудила въ кесарѣ сильный гнѣвъ на Пилата и Каіафу, которые и получили праведное воздаяніе за нечестивыя дѣла свои. Можно думать, что на сей подвигъ Магдалины указываетъ апостолъ Павелъ въ своемъ посланіи къ римлянамъ, когда говоритъ: *цѣлуйте Маріамъ, яже много трудися о насъ* (16, 6). Изъ Рима св. Магдалина отправилась съ благовѣстіемъ въ другія мѣста и, наконецъ, прибыла въ Ефесъ къ Іоанну Богослову, къ которому влекла ее одинаковая любовь ихъ къ Спасителю. Здѣсь она мирно и преставилась ко Господу.—Братія и сестры о Господѣ! Подражайте ей въ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Подражайте ей вы, сестры о Господѣ: ибо она была подобострастная вамъ жена. Подражайте ей и вы, братія: ибо стыдно для мужей уступать женамъ въ добрыхъ подвигахъ. Подражайте ей всѣ: ибо это для всѣхъ возможно и душе спасительно. Марія Магдалина совершенно посвятила себя на служеніе Господу: и вы будьте вѣрными Его рабами. Марія Магдалина всюду за Нимъ слѣдовала и была усерднѣйшею Его ученицей: и вы неуклонно слѣдуйте стопамъ Его, усердно внимайте Его слову и тщательно исполняйте Его св. заповѣди. Марія Магдалина помогала Господу имѣніемъ и трудами рукъ своихъ: и вы то же дѣлайте, если не лично Ему, что теперь невозможно для васъ, то Его церкви, которую Онъ именуетъ Своимъ тѣломъ, и меньшимъ Его братьямъ — бѣднымъ людямъ. Каждая лепта, употребленная въ ихъ пользу, каждая кроха, имъ поданная, будетъ имѣть великую награду отъ Господа, ибо Самъ Онъ говоритъ: что *сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѳ. XXV, 40). Марія Магдалина сопровождала Господа на Голгоѳу, взирала на крестныя Его страданія и какъ бы распиналась съ Нимъ отъ скорби: и вы, братія и сестры, чаще переноситесь мыслію на Голгоѳу, чаще представляйте себя при подножіи креста Христова и размышляйте о томъ, что претерпѣлъ Сынъ Божій грѣхъ нашихъ ради, плачьте о самихъ себѣ, рыдайте о грѣхахъ вашихъ и страшитесь снова распинать ими Господа. Марія Магдалина приходила къ Спасителю съ ароматами и, не нашедши Его во гробѣ, всюду и усердно искала Его, доколѣ не удостоилась узрѣть Его по воскресеніи. И вы прибѣгайте къ Нему съ духовнымъ ѳиміамомъ—съ св. молитвами, и вы ищите Его мысленно всюду: и въ храмахъ Божіихъ, гдѣ Онъ благодатно присутствуетъ въ своихъ таинствахъ, и въ видимой природѣ, гдѣ Онъ открывается Своимъ могуществомъ и благостію, и въ собственномъ своемъ сердцѣ, гдѣ Онъ отзывается во гласѣ нашей совѣсти. Стремитесь къ Нему духомъ на небо, гдѣ Онъ сидитъ одесную Бога Поступая такъ, вы нѣкогда сподобитесь узрѣть Его лицомъ къ лицу на небесѣхъ. Марія Магдалина открыто предъ всѣми исповѣдала себя ученицею Спасителя; не стыдитесь и вы показывать себя всегда и во всемъ истинными учениками Господа, не страшитесь укоризнъ и осмѣяній, коимъ сыны вѣка сего подвергаютъ хотящихъ благочестно жити, и старайтесь распространять благочестіе среди дѣтей, друзей и домочадцевъ вашихъ. Постараемся и во всемъ этомъ подражать св. Маріи Магдалини, а ты, равноапостольная, подкрѣпи насъ въ добрыхъ подвигахъ дарованною тебѣ благодатію! (См. „Бесѣды“ Платона, митр. кіевск.).

3. Примѣръ живой любви къ Богу.

Въ городѣ Едессѣ, въ Месопотаміи, императоръ Валентъ, зараженный аріанскою ересью, приказалъ запереть православныя церкви, чтобы не совершалось въ нихъ богослуженія. Православные христіане стали собираться за городомъ въ поляхъ для слушанія Божественной литургіи. Узнавъ объ этомъ Валентъ приказалъ предать смерти всѣхъ христіанъ, которые впредь будутъ собираться туда. Начальникъ города Модестъ, которому дано было это повелѣніе, изъ состраданія, тайно извѣстилъ о немъ христіанъ православныхъ, чтобы отклонить ихъ отъ собраній и угрожающей смерти; но христіане своихъ собраній не отмѣнили, и въ слѣдующее воскресенье явились еще въ большемъ числѣ для совокупной молитвы. Начальникъ, проходя чрезъ городъ для исполненія своей обязанности, увидѣлъ одну женщину, одѣтую опрятно, хотя и бѣдно, которая торопливо оставляла свой домъ, не заботилась даже запереть дверей, и вела съ собою младенца. Онъ догадался, что эта православная христіанка спѣшитъ въ собраніе, и, остановясь, спросилъ ее:

— Куда ты спѣшишь?

— Въ собраніе православныхъ! — отвѣчала жена.

— Но развѣ ты не знаешь, что всѣхъ тамъ собравшихся предадутъ смерти?

— Знаю, и потому спѣшу, чтобы не опоздать въ полученіи мученическаго вѣнца.

— Но для чего же ведешь съ собою младенца?

— Для того, чтобы и онъ участвовалъ въ томъ же блаженствѣ. (Хр. чт. ч. 48).

4. Любовь христіанская есть законъ человѣческаго сердца.

Въ евангеліи Господь, на вопросъ одного законника: „что сотворивъ животъ вѣчный наслѣдую?“ указалъ ему на заповѣдь о любви къ Богу и ближнему. Люби Бога и ближняго, какъ бы такъ сказалъ Господь, и ты войдешь въ жизнь вѣчную.

Любовь есть законъ нравственно-разумной жизни. Законъ этотъ долженъ соединить всѣ существа въ безпредѣльную гармонію. Внѣ этого закона, для тварей, которыя хотѣли бы остаться непослушными ему, возможно только блужданіе, страданіе и смерть.

Христіанство заповѣдало привязанности такія, какихъ природа никогда не внушала человѣку, оно ихъ благословляетъ, оно ихъ вызываетъ.

Представимъ примѣры, подтверждающіе эту мысль.

Вотъ во вратахъ Іерусалима іудей. Человѣкъ этотъ терпитъ жестокую муку, его палачи окружаютъ его и терзаютъ, какъ дикіе, кровожадные звѣри; по лицу его струится кровь; онъ поднимаетъ къ небу взоры полные ангельской кротости: онъ молится за тѣхъ, которые побиваютъ его камнями. Богъ заповѣдалъ ему любить — и онъ любитъ. Это св. первомученикъ Стефанъ.

Вотъ фарисей, сынъ фарисея, Савлъ изъ Тарса. По закону естественнаго превосходства, всѣ предразсудки, вся гордость, всѣ узкія понятія, вся ненависть его племени и его школы должны были сосредоточиться въ немъ и достигнуть своей высшей степени. Человѣкъ этотъ пишетъ тринадцатую главу 1 посл. къ коринѳянамъ, т.-е. самый высокій гимнъ любви, какой когда-либо слышала земля. Богъ заповѣдалъ ему любить—и онъ любитъ.

Когда *христіанка, воспитанная среди роскоши и изящества, заключаетъ себя въ школу или больницу* и здѣсь выноситъ грубость, грязь, лишенія, постоянныя непріятности, то почему вы большею частію встрѣчаете на лицѣ ея дивно прекрасное отображеніе мира, котораго не имѣютъ женщины свѣта? Богъ заповѣдалъ ей любить—и она любитъ.

Когда *миссіонеръ идетъ на добровольную ссылку въ ледяныя страны сѣвера,* подъ небо, которое есть не болѣе, какъ широкій саванъ,—когда онъ заключаетъ себя въ нездоровыя хижины, гдѣ атмосфера постоянно переполнена міазмами,—когда онъ обрекаетъ себя на отвратительное питаніе, когда, послѣ многихъ лѣтъ геройскаго труда, онъ успѣваетъ, наконецъ, сдѣлать тамъ весь народъ вѣрующимъ, который на своемъ необразованномъ и грубомъ языкѣ поетъ священные гимны, которыхъ мы не можемъ слышать безъ умиленія,—откуда пришло къ нему это одушевленіе? Богъ заповѣдалъ ему любить—и онъ любитъ.

И когда, возлѣ насъ, *супруга и мать христіанка, вынужденная, какъ мы видимъ это очень часто, терпѣть непрестанныя обиды, насмѣшки, грубости, измѣну, всему этому противопоставляетъ кротость,* великодушіе, котораго ничто не сокрушаетъ,—когда она умѣетъ оставаться достойною безъ раздраженія и спокойною безъ слабости,—когда она скрываетъ отъ всѣхъ свои тайныя огорченія и свое горе, —когда она учитъ своихъ дѣтей уважать имя, которое недостойный отецъ безчеститъ своимъ поведеніемъ, — когда она, вынесши всѣ эти обиды, находитъ въ себѣ довольно силы, чтобы въ предсмертной болѣзни думать о своемъ мужѣ, который возвращается къ ней, когда ей остается только умереть,—думаете ли вы, что въ такой бѣдственной жизни, болѣе частой, чѣмъ вы подозрѣваете, достаточно однихъ побужденій природы? Нѣтъ, и вы это хорошо знаете. Здѣсь есть нѣчто иное, чѣмъ природа. Богъ заповѣдалъ этой женщинѣ любить — и она любитъ, она прощаетъ, она терпитъ, она забываетъ и любитъ...

Значитъ, правда, что мы можемъ учиться любить,—значитъ, правда, что сердце можетъ побѣждать природу (т.-е. инстинкты своей природы—вмѣсто мести врагу платить добромъ, вмѣсто гнѣва и раздраженія отвѣчать любовію и кротостію). Любви открыто безконечное, не то безконечное въ безпорядкѣ, гдѣ она находитъ только рабство въ подчиненіи плоти, а то высшее безконечное, гдѣ святая любовь ширится въ своей вѣчной полнотѣ и гдѣ она можетъ обнимать всѣ существа, даже тѣ, къ которымъ сердце въ своемъ естественномъ состояніи испытывало бы только ненависть и отвращеніе.

Повинуясь закону сердца, въ которомъ перстомъ Божіимъ написана св. любовь, человѣкъ-христіанинъ, проявляя свою любовь, желаетъ не того, чтобы ему служили, но желаетъ самъ служить другимъ. Онъ не знаетъ ни гордости, ни униженія, служитъ слабому и безсильному, жалкому и отверженному. Здѣсь проявляется одинъ изъ законовъ христіанской любви, состоящей въ томъ, *чтобы сильное подавало помощь слабому, низшее поддерживалось высшимъ.* Это въ сущности есть проявленіе общаго закона любви. „Иже аще хощетъ въ васъ вящій быти, да будетъ вамъ слуга; и иже аще хощетъ въ васъ быти старѣй, да будетъ всѣмъ рабъ“ (Марк. X, 43—44), сказалъ Господь нашъ І. Христосъ.

Почему? потому что неестественно, чтобы слабое и немощное служило сильному и могущественному, высшее поддерживалось низшимъ. Естественнѣе наоборотъ: чтобы сильное подавало помощь слабому, низшее поддерживалось высшимъ [1]).

5. Милости хочу, а не жертвы.

Два крестьянина-сосѣда собирались побывать въ Іерусалимѣ—поклониться гробу Господню. Помѣхи по дому никакой у нихъ не было: у обоихъ были уже взрослыя дѣти, распоряжавшіяся всѣмъ хозяйствомъ. Совсѣмъ собрались наши богомольцы и назначили день, когда отправиться обоимъ вмѣстѣ въ путь. Насталъ, наконецъ, этотъ день,—и что же? Одинъ изъ нихъ,—и тотъ именно, который первый вздумалъ итти въ Іерусалимъ,—вдругъ объявляетъ своему товарищу, что онъ раздумалъ итти и остается дома. А что заставило его измѣнить принятое рѣшеніе, этого онъ не объяснилъ. Удивился и огорчился сосѣдъ, сталъ уговаривать его; но упрямецъ настоялъ-таки на своемъ и остался. Дѣлать нечего, пришлось отправиться одному въ дальнее странствованіе. Благополучно добрался онъ до Іерусалима и сталъ обходить святыя мѣста въ немъ. Вспоминая частенько своего оставшагося дома сосѣда, онъ осуждалъ его въ душѣ за невѣрность своему слову — да еще въ такомъ святомъ, великомъ дѣлѣ. Но каково же было удивленіе нашего старика, когда въ числѣ богомольцевъ въ Іерусалимѣ онъ увидѣлъ и своего сосѣда, оставшагося дома. И вездѣ, гдѣ ни приходилось ему бывать на поклоненіи святымъ мѣстамъ, вездѣ рѣшительно встрѣчалъ онъ своего пріятеля, который всегда былъ впереди, на глазахъ его. Но сколько онъ ни старался, никакъ не могъ сойтись съ нимъ: толпа постоянно оттирала его. Вотъ-вотъ еще немножко, и онъ доберется до него, — глядь, а ужъ этотъ опять далеко впереди его... Еще болѣе огорчился нашъ странникъ на своего сосѣда, думая, что тотъ обманулъ его, пришелъ въ святой городъ одинъ и теперь нарочно бѣгаетъ отъ него. Побывавъ вездѣ, гдѣ нужно, онъ отправился, наконецъ, домой вмѣстѣ съ другими странниками. А сосѣдъ какъ въ воду канулъ: нигдѣ ужъ не видалъ и не встрѣчалъ его болѣе нашъ странникъ. „Знать, онъ раньше меня отправился домой“, думалъ про себя возвращавшійся во свояси паломникъ. Вотъ добрелъ онъ, наконецъ, домой и сталъ разспрашивать своихъ домашнихъ, воротился ли изъ Іерусалима сосѣдъ, не захотѣвшій итти вмѣстѣ съ нимъ. Тѣ удивились его вопросу и сказали ему, что сосѣдъ и не думалъ вовсе ходить въ Іерусалимъ, а все время оставался дома. Не повѣрилъ онъ своимъ домашнимъ и самъ пошелъ къ сосѣду, который встрѣтилъ его радостно и спросилъ, какъ Богъ помогъ ему побывать въ Іерусалимѣ.

— А нехорошо, сосѣдушка, такъ-то дѣлать, — сказалъ на это съ упрекомъ гость хозяину.

— Что такое?—спросилъ тотъ въ недоумѣніи.

— Да какъ же, братецъ ты мой, не захотѣлъ итти со мною въ Іерусалимъ, пришелъ одинъ, — а тамъ все бѣгалъ и прятался отъ меня.

— Не понимаю я, другъ любезный, что это ты такое говоришь.

— Не морочь меня, пожалуйста, вѣдь я самъ, своими глазами видѣлъ тебя въ Іерусалимѣ — и не одинъ разъ и не въ одномъ мѣстѣ.

— Богъ мнѣ свидѣтель, что, пока ты былъ въ Іерусалимѣ, я былъ здѣсь и никуда рѣшительно не отлучался. А если ужъ ты не вѣришь мнѣ, такъ спроси другихъ.

Сосѣди единогласно подтвердили слова его. Послѣ этого странникъ нашъ не зналъ, что и думать. Дѣло становилось загадочнымъ. Воротившись изъ Іерусалима, крестьянинъ мучился сомнѣніями и часто вступалъ въ бесѣду съ своимъ сосѣдомъ. Послѣ многихъ и долгихъ разспросовъ послѣдній признался, наконецъ, почему онъ не пошелъ на богомолье, а остался дома. Въ то самое время, какъ обоимъ имъ, по уговору, приходилось отправиться въ путь, умеръ одинъ знакомый ему крестьянинъ, оставившій послѣ себя малолѣтнихъ дѣтей въ горькой нуждѣ. Жалко ему стало бѣдныхъ, безпріютныхъ сиротъ, такъ жалко, что онъ не зналъ себѣ покоя. И вотъ, онъ рѣшился на слѣдующее: какъ ни сильно хотѣлось ему побывать въ Іерусалимѣ и поклониться святымъ мѣстамъ, онъ отказался отъ этого святого дѣла, чтобы припасенными на дорогу деньгами оказать помощь несчастной семьѣ.

Открылись теперь глаза у нашего странника, понялъ онъ, что значатъ слова Господни: *милости хочу, а не*

---

[1]) См. Ежедневн. поуч. въ словѣ Божіемъ, свящ. Г. Дьяченко т. I, изд. 1897 г.

жертвы (Матѳ. XII, 7); понялъ, что милостью къ ближнему угодишь Богу не меньше, если только не больше, чѣмъ усердіемъ къ странствованію на богомолье, и что за милостыню Господь принимаетъ и одно намѣреніе поклониться святымъ мѣстамъ, все равно какъ самое дѣло. (Пензен. Епарх. Вѣд. 1894 г. № 20).

6. О значеніи женщины, какъ матери-христіанки.

Въ христіанствѣ не только мужчины, но и женщины призваны служить роду человѣческому по своимъ силамъ и способностямъ. Въ церкви Христовой и мужескій полъ, и женскій одинаково призваны для благовѣствованія св. евангелія. Примѣромъ тому служатъ св. жены мѵроносицы, которыя не только служили Господу при Его земной жизни, но и по воскресеніи Его много потрудились для проповѣди евангелія среди язычниковъ. Св. Марія Магдалина, напримѣръ, послѣ вознесенія Господня, проповѣдывала вѣру Христову во многихъ странахъ, и даже была въ Римѣ (Рим. XVI, 6). Сохранилось преданіе, что, будучи въ городѣ Римѣ, св. Марія Магдалина предстала къ Тиверію кесарю и ему возвѣстила все о Христѣ Спасителѣ; изъ Рима она прибыла въ городъ Ефесъ къ св. Іоанну Богослову и тамъ также проповѣдывала о Христѣ (Чет.-Мин. 22 іюля) Другая мѵроносица, св. Маріамна, сестра св. апостола Филиппа, сопутствовала своему брату и раздѣляла съ нимъ и съ ап. Варѳоломеемъ труды и страданія при благовѣствованіи св. евангелія; въ нѣкоторыхъ городахъ всѣ они втроемъ день и ночь неусыпно проповѣдывали слово Божіе, наставляли невѣрныхъ на путь спасенія и многихъ привели ко Христу. Послѣ мученической кончины св. брата своего, св. Маріамна пошла одна въ Ликаонію къ язычникамъ, проповѣдывала тамъ св. евангеліе и почила съ миромъ (Чет.-Мин. 17 февраля). Св. Іунія, родственница св. ап. Павла, вмѣстѣ съ св. Андроникомъ, принадлежавшимъ къ лику семидесяти апостоловъ, также ревностно трудилась въ благовѣствованіи св. евангелія (Рим. XVI, 7). Св. Ирина великомученица была столь высокою благовѣстницею св. евангелія, что обратила ко Христу родителей своихъ и весь царскій домъ и около восьмидесяти тысячъ жителей города Магедона; въ городѣ Каллиполѣ она привела ко Христу до ста тысячъ человѣкъ, а во Ѳракіи, въ городѣ Месемвріи, она обратила въ вѣру Христову царя и весь народъ (Чет.-Мин. 5 мая). Нѣкоторыя изъ женщинъ за свою ревность по распространенію вѣры Христовой получили въ нашей церкви названіе *равноапостольныхъ;* такъ называются, напримѣръ: св. Марія Магдалина, св. первомученица Ѳекла, св. Елена царица, Ольга, великая княгиня русской земли, и др. Вообще, должно сказать, что женщины много потрудились для распространенія вѣры Христовой на землѣ.

Женщины-христіанки! И вы должны подражать высокому примѣру св. женъ мѵроносицъ, сотрудницъ св. апостоловъ, и другихъ св. женщинъ, трудившихся для распространенія вѣры Христовой. Ваша проповѣдь о Христѣ и теперь весьма необходима и можетъ быть многоплодна. Кому же мы будемъ проповѣдывать вѣру Христову?—спросите вы. Дѣтямъ вашимъ; семья ваша, вотъ мѣсто для вашей проповѣди. И сколько можетъ сдѣлать добра для своихъ дѣтей мать-христіанка! Какъ легко можетъ она вкоренить въ сердце юныхъ дѣтей страхъ Божій, любовь къ ближнему, послушаніе и многія другія христіанскія добродѣтели и правила благочестія! Благочестивая мать-христіанка сумѣетъ лучше всякаго другого научить своихъ дѣтей и вѣрить, и любить, и надѣяться на Бога, и трудиться, и беречь родительское достояніе, словомъ—жить по закону и заповѣдямъ Божіимъ. Ибо къ кому дѣти ближе, какъ не къ матери своей? Пусть же всякая мать-христіанка, питающая дѣтей своихъ тѣлесно, по чувству любви къ нимъ, питаетъ ихъ и духовною пищей. Если выростаетъ сынъ вѣрующимъ и благочестивымъ, то онъ и Бога будетъ бояться, и родителей своихъ будетъ любить, уважать, слушаться, и въ старости ихъ о нихъ заботиться и питать. Такъ, сынъ не дерзнетъ пойти противъ закона Божія, не дерзнетъ ослушаться отца или матери и оскорбить ихъ. Изъ времени гоненій язычниковъ на христіанъ извѣстно много примѣровъ твердости въ вѣрѣ, любви и послушаніи дѣтей, воспитанныхъ матерями-христіанками. Одна мать такъ говорила сыну своему во время гоненій: „сынъ мой! не считай твои годы, но съ самыхъ юныхъ лѣтъ начинай въ сердцѣ твоемъ носить истиннаго Бога. Ничто въ свѣтѣ не достойно столь горячей любви, какъ Богъ; ты скоро увидишь, что̀ для Него оставляешь и что̀ въ Немъ пріобрѣтаешь!“ И внушенія матери не остались напрасными. „Отъ кого узналъ ты, что Богъ единъ?“ — спрашивалъ языческій судья одного христіанскаго отрока. Отрокъ такъ отвѣчалъ: „этому научила меня мать, а мою мать научилъ Духъ Святый, и научилъ для того, чтобы она меня научила. Когда я качался въ колыбели и сосалъ ея грудь, тогда еще научился вѣровать во Христа!“

Прочтите еще, напр., жизнь римлянки св. Софіи съ ея тремя дочерями: Вѣрой, Надеждой и Любовью,—тамъ вы увидите великій, достойный вниманія и подражанія примѣръ благотворнаго значенія женщины-христіанки для семьи. Св. Софія старалась посѣять и посѣяла въ сердцахъ своихъ юныхъ дочерей сѣмена истинной вѣры Христовой: онѣ и доказали твердость и неизмѣнность своей вѣры, протерпѣвъ ужасныя муки за имя Христово... Напрасно безсердечные мучители старались склонить ихъ къ измѣнѣ христіанской вѣрѣ: онѣ отдали свою жизнь за ту вѣру, которую благочестивая мать ихъ, св. Софія, вселила въ сердца ихъ (Чет.-Мин. 17 сентября).

У св. Эмиліи по смерти мужа осталось девять человѣкъ дѣтей. Всѣхъ ихъ она воспитала въ глубокой вѣрѣ и благочестіи. Трое изъ нихъ впослѣдствіи были епископами и великими учителями церкви: Василій Великій кесарійскій, Григорій нисскій и Петръ севастійскій. Благочестивая христіанка Нонна, мать св. Григорія Богослова, обратила въ христіанство своего супруга Григорія, который былъ впослѣдствіи епископомъ каппадокійскаго города Назіанза. Праведная Нонна молилась Господу дать ей сына и обѣщала посвятить его на служеніе Господу. Господь исполнилъ ея усердную молитву: у нея родился сынъ и названъ былъ Григоріемъ. Благочестивая мать старалась внушить своему сыну Григорію еще съ отроческихъ лѣтъ вѣру въ Бога, любовь къ Нему и правила христіанскаго благочестія. Будучи воспитанъ въ вѣрѣ и благочестіи, Григорій потомъ былъ епископомъ Константинограда, былъ великимъ учителемъ и прозванъ Богословомъ. И благочестивая Анѳуса, мать св. Іоанна Златоустаго, овдовѣвъ на двадцатомъ году своей жизни, не захотѣла вступать во второй бракъ, а вся отдалась обязанностямъ христіанской матери: она занялась воспитаніемъ своего сына и особенно старалась, чтобы онъ изучилъ божественное писаніе. И ничто потомъ не могло изгладить изъ души ея сына этого христіански-благочестиваго воспитанія: ни дурные примѣры товарищей, ни языческіе учителя. Примѣръ Моники, матери блаженнаго Августина, особенно ясно показываетъ, что можетъ сдѣлать мать-христіанка для своихъ дѣтей. Блажен. Августинъ получилъ отъ своей матери первое наставленіе въ вѣрѣ и благочестіи; но, не успѣвъ укрѣпиться въ истинахъ святой вѣры, живя въ кругу развратныхъ товарищей, онъ увлекся ихъ примѣромъ, сталъ вести безпорядочную жизнь и даже впалъ въ ересь; но, благодаря попеченіямъ и горячимъ молитвамъ матери къ Богу, снова былъ направленъ на истинный путь и возвращенъ къ Богу.

Вотъ какъ велико, благотворно и душеспасительно вліяніе матери-христіанки на дѣтей своихъ!.. Посему, женщины-христіанки, учите и вы дѣтей вашихъ главнымъ и основнымъ правиламъ вѣры Христовой, заповѣдямъ Божіимъ, молитвамъ, воспитывайте ихъ въ страхѣ Божіемъ и, такимъ образомъ, приготовляйте изъ нихъ истинныхъ чадъ церкви христіанской, добрыхъ и усердныхъ дѣятелей для общества и вѣрныхъ слугъ нашему отечеству; въ этомъ ваша главная обязанность, въ этомъ ваша проповѣдь св. евангелія! Христіанскимъ воспитаніемъ и наученіемъ дѣтей вѣрѣ и страху Божію, и собственнымъ примѣромъ доброй и благочестивой жизни вы устроите благополучіе и счастіе своихъ дѣтей, за что получите въ сей жизни милость и благословеніе отъ Бога, а въ жизни будущей удостоитесь блаженства и славы. О, блаженна та мать-христіанка, которая и къ временной жизни родила и къ вѣчной жизни приготовила дѣтей своихъ! Такая мать безтрепетно предстанетъ предъ лице Праведнаго Судіи и съ дерзновеніемъ скажетъ: „вотъ я и дѣти, которыхъ Ты далъ мнѣ, Господи!“. (См. „Внѣбогослужебн. бесѣды“ свящ. Кудрицкаго).

7. Женщины въ первые вѣка христіанства.

Въ жизни Спасителя встрѣчи съ женщинами были весьма не рѣдки, и Онъ всегда относился къ нимъ съ милостивымъ участіемъ. Положеніе женщины у еврейскаго народа было сравнительно удовлетворительное, но Божественный Учитель не удовлетворился имъ: Онъ обличалъ фарисеевъ въ притѣсненіи вдовъ и въ чувствѣ презрѣнія, какое они имѣли къ заблудшей женщинѣ; Онъ даже самыхъ падшихъ женщинъ призываетъ къ покаянію, ободряетъ и утѣшаетъ ихъ. Жена-блудница, падшая къ ногамъ Іисуса Христа, умащавшая ихъ ароматами и отиравшая власами своими,—жена, уличенная въ прелюбодѣяніи, и, наконецъ, вдовица, положившая двѣ лепты въ сокровищницу храма,— находятъ себѣ защитника и покровителя въ Іисусѣ Христѣ. Онъ входитъ во всѣ законныя нужды женщинъ, не дѣлаетъ разницы изъ-за происхожденія—и самарянкѣ и хананеянкѣ одинаково оказываетъ Свое участіе и помощь, возбуждаетъ въ нихъ восторгъ Своею проповѣдію,—простой женщинѣ и къ тому же самарянкѣ открываетъ высочайшія истины о духовной, благодатной жизни, о служеніи Богу духомъ и истиною и о Своемъ мессіанскомъ достоинствѣ; во всей Своей жизни показываетъ примѣръ любви и послушанія Своей Святой Матери и Свою нѣжную заботливость о Ней проявляетъ даже среди ужасныхъ страданій на крестѣ. Въ благодарность за милостивое участіе, женщины и съ своей стороны заявляютъ Ему свое глубокое сочувствіе и преданность: женщина восторженно исповѣдуетъ Его величіе, женщина проповѣдуетъ о Немъ, какъ о Мессіи, женщина заступается за Него предъ Пилатомъ,—женщины плачутъ, видя Его идущимъ на страданія, не оставляютъ Его при крестѣ и изъявляютъ заботливость о приличномъ Его погребеніи, навѣщаютъ гробъ Его, первыя удостаиваются явленія воскресшаго Господа и дѣлаются первыми благовѣстницами воскресенія.

Въ вѣкъ апостольскій мы видимъ то же самое. Женщины, какъ и мужчины, являются слушательницами, спутницами и помощницами апостоловъ и много содѣйствуютъ имъ въ распространеніи вѣры и устроеніи церкви Христовой. Значеніе ихъ трудовъ и попеченій для апостоловъ и для вѣры Христовой видно изъ того, что о многихъ изъ нихъ съ благодарностью упоминается въ книгѣ „Дѣяній св. апостоловъ“, и весьма многихъ изъ нихъ апостолъ Павелъ привѣтствуетъ въ своихъ посланіяхъ, равно какъ упоминаютъ о нихъ и другіе апостолы.

Одушевленныя вѣрою Христовою, женщины вскорѣ заявили себя съ честію и на поприщѣ мученичества. За первымъ мученикомъ, архидіакономъ Стефаномъ, въ тотъ же вѣкъ апостольскій совершила подвигъ мученичества св. Ѳекла.

Въ послѣдующій за апостольскимъ періодъ распространенія и утвержденія христіанства, женщины являются также въ блескѣ нравственнаго величія и продолжаютъ играть весьма видную, дѣятельную роль. Есть глубоко-вѣрное выраженіе одного церковнаго писателя (Тертулліана), что душа наша по природѣ христіанка. Справедливость сего какъ нельзя болѣе проявляется на примѣрѣ женщинъ-христіанокъ. Женщинѣ не даромъ приписываютъ проницательность, способность узнавать истину посредствомъ какого-то чутья. Такъ женщина отнеслась и къ христіанству. Она скоро убѣдилась сердцемъ въ его истинности. Замѣчено въ исторіи распространенія христіанства, что вообще онѣ скорѣе мужчинъ принимали, прежде своихъ отцовъ, мужей и братьевъ, съ твердостію и самоотверженіемъ исповѣдывали его, и другихъ различными способами располагали къ тому же. Святая вѣра, служившая для многихъ соблазномъ и безуміемъ, проникала въ домы знатныхъ римскихъ гражданъ посредствомъ благочестивыхъ хозяекъ. Женщины разныхъ сословій и возрастовъ, не исключая и самаго молодого, пополняютъ, можно сказать, ряды мучениковъ, и мужественнѣе львовъ, по выраженію св. Златоуста, съ геройскимъ спокойствіемъ переносятъ жесточайшія страданія. Женщины съ большою опасностію посѣщаютъ христіанскихъ узниковъ, и когда язычники, замѣтивъ, какое вліяніе оказываютъ христіанскія женщины на заключенныхъ, воспретили имъ входъ въ темницы, онѣ рѣшались даже на такія мѣры: стригли себѣ волосы, одѣвались въ мужское платье, пренебрегали своими женскими украшеніями, лишь бы имѣть возможность служить исповѣдникамъ. Кто безстрашно собираетъ останки мучениковъ и погребаетъ ихъ въ приличныхъ мѣстахъ? Это—прежде всего женщины-христіанки, какъ отмѣчено почти во всѣхъ сказаніяхъ о мученикахъ христіанскихъ. Желаете ли видѣть женщинъ на высокомъ поприщѣ провозвѣстницъ христіанской вѣры, способствовавшихъ ея распространенію? Вотъ передъ нами славныя имена: св. Елены, матери императора Константина, сдѣлавшейся христіанкою прежде своего сына, содѣйствовавшей обращенію его и потомъ всю жизнь ознаменовавшей покровительствомъ христіанамъ вообще и своимъ усердіемъ въ дѣлѣ открытія памятниковъ христіанской святыни, въ числѣ которыхъ былъ и святой крестъ; Ольги, бабки св. князя Владиміра; Нины, просвѣтительницы Грузіи, и другихъ.

По отношенію къ отцамъ и учителямъ церкви, женщины играютъ такую же важную роль, какъ и при апостолахъ. Онѣ оказываютъ имъ всевозможныя услуги, помогаютъ имъ матеріальными средствами, разнаго рода попеченіями, тѣми или другими знаніями и, въ свою очередь, пользуются ихъ полнымъ вниманіемъ, уваженіемъ и преданностью. Многія изъ нихъ извѣстны только по своимъ подвигамъ, именъ же ихъ не сохранила исторія, но вотъ и славныя имена, передаваемыя исторіей: Ѳеосвы—діакониссы, сестры св. Григорія Нисскаго и неутомимой его сотрудницы; Олимпіады, богатой и знатной гражданки Константинополя, которая, овдовѣвъ въ ранней молодости, отказалась вступить во второй бракъ съ родственникомъ царя Ѳеодосія Великаго, потерпѣла за это много непріятностей, приняла званіе діакониссы, вела жизнь самую простую и строгую, посвятила труды и огромныя богатства на добрыя дѣла и была благодѣтельницей великихъ святителей — Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и многихъ другихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны своимъ благотворнымъ вліяніемъ на невѣрныхъ и еретиковъ, такъ же какъ и на православныхъ, какъ, напр., Меланія младшая. Нѣкоторыя извѣстны своими благочестивыми путешествіями, основаніемъ церквей и монастырей, страннопріимныхъ домовъ и уходомъ за больными, основательнымъ знаніемъ священнаго писанія. Такова была Фабіола, знатная и богатая римлянка изъ фамиліи Фабія, сдѣлавшаяся благодѣтельницею человѣчества въ Римѣ и во всей Италіи, на похоронахъ которой, въ благодарность за неисчислимыя благодѣянія, толпился цѣлый Римъ. Желаете ли видѣть женщинъ подвижницъ? Вотъ имена: Синклитикіи и Ѳеодоры александрійскихъ, Февроніи, Макрины, Маріи Египетской, Анѳусы, Кассіи со многими другими. Скажутъ, что это—рѣдкія, избранныя натуры, дѣйствовавшія по призванію, и примѣръ которыхъ не для всѣхъ доступенъ. Но не было недостатка и въ знаменитыхъ женщинахъ, также благотворно дѣйствовавшихъ и въ скромномъ домашнемъ кругу. Благодаря этимъ доблестнымъ христіанкамъ, закоренѣлые въ язычествѣ мужья становились истинными христіанами; сыновья, съ самыхъ раннихъ поръ, можно сказать—съ молокомъ матернимъ, какъ три вселенскихъ святителя, усвоивали себѣ на всю жизнь уроки христіанской вѣры и нравственности, или же послѣ долгаго блужданія и безпорядочной жизни, по слезнымъ молитвамъ матери, обращались, наконецъ, какъ блаженный Августинъ, и плодоносно служили христіанству; братья рано направлялись добрыми примѣрами сестеръ по пути добродѣтели; внуки соревновали подвигамъ своихъ бабушекъ и передавали о нихъ въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ.

Предъ такими великими женщинами-христіанками, воспитавшими даже цѣлыя поколѣнія — честныя, добродѣтельныя, святыя, не могли не преклоняться съ удивленіемъ и сами язычники. „Что это за женщины у христіанъ!“ восклицалъ Ливаній, одинъ изъ знаменитыхъ ученыхъ язычниковъ IV вѣка, наставникъ св. Іоанна Златоустаго. Не мечтая о внѣшнихъ подвигахъ, эти доблестныя жены въ тиши, незамѣтно для міра, сослужили великую службу человѣчеству; не доискиваясь особенныхъ правъ, самымъ наилучшимъ образомъ воспользовались правами христіанскихъ матерей, женъ, сестеръ, дѣвицъ и заслужили неоспоримое право на вѣчную благодарность человѣчества, не порываясь къ разнообразнымъ должностямъ, къ широкой общественной дѣятельности, въ маломъ, тѣсномъ кругу совершили истинно великія дѣла.

Восторженно-хвалебный отзывъ язычника Ливанія о христіанскихъ женщинахъ даетъ намъ поводъ представить ту рѣзкую противоположность, которая существовала между христіанскими женщинами и ихъ современницами—женщинами-язычницами и большею частію изъ одного и того же высшаго класса общества. Между тѣмъ какъ знатная римская женщина-язычница думаетъ только о нарядахъ и уборахъ, мучится и безпокоится изъ-за того, чтобы окрасить волосы въ модный рыжій цвѣтъ, золото, жемчугъ и другія драгоцѣнности носитъ даже на обуви, — украшеніе женщины-христіанки составляетъ, согласно заповѣди апостола, „не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотые уборы и нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго, молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ“ (1 Петр. III, 3—5). Въ то время какъ язычницы въ порывѣ бѣшеной радости съ шумомъ веселятся на своихъ праздникахъ въ честь боговъ,—христіанскія жены и дочери сидятъ дома, занимаясь вязаньемъ и тканьемъ, услаждая и освящая свою работу пѣніемъ священныхъ гимновъ. Въ то время какъ знатная римлянка несется на носилкахъ, — знаменитая христіанка Павла съ религіозною цѣлью проѣзжаетъ всю Палестину верхомъ на ослѣ. Въ то время какъ язычница подвергаетъ смерти для своего удовольствія пятьсотъ рабынь,—христіанка Меланія прокармливаетъ въ Палестинѣ пять тысячъ вѣрующихъ христіанъ. Въ то время какъ знатная римлянка присутствуетъ на жестокихъ гладіаторскихъ зрѣлищахъ и раздаетъ знаки одобренія побѣдителямъ, — Меланія переодѣвается рабою, чтобы снести въ темницу пищу христіанскимъ плѣнникамъ. Между тѣмъ какъ въ сердцѣ пресыщенной удовольствіями язычницы царитъ суровый эгоизмъ [1]),—Павла продаетъ все, чтобы отдать бѣднымъ, и даже занимаетъ, чтобы самой ссудить. „Берегитесь, — пишетъ ей по этому случаю блаженный Іеронимъ, — сказано: „у кого есть два платья, пусть отдастъ одно“, а вы даете три!“ „Что жъ такое!—восклицаетъ она.—Буду ли я доведена до нищенства или до займа, семейство будетъ платить всегда моему заимодавцу и поможетъ мнѣ сыскать кусокъ хлѣба; но если бѣдный, оттолкнутый мною, умретъ съ голода, кто отвѣтитъ за его смерть, какъ не я?“

Въ то время, какъ въ язычествѣ пороки женщины не только не возбуждали въ ней раскаянія, но были поощряемы и возводимы иногда даже на степень религіознаго служенія, — христіанка Марія Египетская, послѣ долгой порочной жизни, почувствовала при видѣ Голгоѳы такое глубокое раскаяніе, что тотчасъ бросила прежній путь, углубилась въ пустыню, и въ продолженіе тридцати лѣтъ жила одна, – безъ одежды, питаясь травами, и влачась подъ снѣдающимъ солнцемъ съ загорѣлымъ тѣломъ и длинными бѣлыми волосами, окутывавшими ее, какъ саванъ. Вотъ какіе образцы нравственнаго совершенства представляютъ намъ многія христіанскія жены! (Изъ брош.: прот. А. А. Смирнова: „Женщина внѣ христіанства и въ христіанствѣ“).

8. Мужество христіанскихъ женъ предъ гонителемъ христіанства.

Сила Божія совершается въ немощахъ природы человѣческой; а гдѣ она обитаетъ и дѣйствуетъ, тамъ и слабая сила человѣческая является крѣпче обыкновенныхъ силъ человѣка; съ нею и слабая природа женъ оказываетъ дѣйствія, достойныя доблестныхъ и неустрашимыхъ исповѣдниковъ Христовыхъ.

Въ антіохійской церкви жила благочестивая жена, именемъ Публія, которая, по смерти супруга своего, посвятивъ себя въ званіе діакониссы, окружила себя цѣломудренными дѣвами, давшими Богу обѣтъ проводить всю жизнь свою во святомъ дѣвствѣ, съ ними совершала она подвиги благочестивой жизни, ежедневно восхваляла Бога Творца и Благодѣтеля своего въ священныхъ пѣсняхъ. Гонителю христіанства, богоотступнику Юліану, не могли быть пріятны такіе благочестивые подвиги женъ христіанскихъ и такая хвала Христу Спасителю изъ устъ дѣвственницъ христіанскихъ: его ненависть, его запрещенія и угрозы тяготѣли надъ всѣмъ, что носило имя Христа. Однажды, когда этотъ гонитель христіанства проходилъ мимо обители христіанскихъ дѣвственницъ, при видѣ его, неустрашимыя подвижницы благочестія еще громче обыкновеннаго всѣ вмѣстѣ запѣли пѣсни хвалы и славословія Богу; приспособляясь къ случаю, эти мужественныя исповѣдницы Христовы теперь нарочито избрали тѣ пѣсни, въ которыхъ восхвалялось величіе Бога истиннаго и осмѣивалось ничтожество идоловъ. Слыша это, поборникъ идоловъ оскорбился и приказалъ пѣвицамъ молчать, когда онъ будетъ еще проходить мимо. Но беззаконное запрещеніе не страшно тому, кто знаетъ, что неправедно повиноваться человѣку болѣе, чѣмъ Богу; и благочестивая Публія, не устрашившись запрещенія Юліанова, воодушевила христіанскихъ дѣвъ еще большею ревностію, и когда царь снова проходилъ мимо ихъ обители, велѣла имъ пѣть: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его.* Это еще болѣе раздражило врага Божія, и онъ приказалъ привесть къ себѣ начальницу хора. Предъ нимъ явилась старица, достопочтенная по лѣтамъ и сѣдинамъ, величественная по доблестямъ мужественной души. Богоотступникъ приказалъ каждому изъ оруженосцевъ своихъ бить по щекамъ благочестивую старицу, и убійственныя руки ихъ обагрили кровію щеки ея. Но угрозы и раны ожесточеннаго врага христіанства не устрашили доблестной души смиренномудрой жены-христіанки: вмѣнивъ понесенное безчестіе за Христа въ высокую честь себѣ, она не переставала съ хоромъ дѣвъ своихъ по-прежнему въ духовныхъ пѣсняхъ славословить Господа, несмотря на запрещенія и угрозы гонителя. („Воскр. чтен.“ 1853 г.).

---

[1]) Узкая и слѣпая любовь къ самому себѣ.

9. О христіанскомъ поведеніи дѣвицы.

Высоко призваніе женщины-христіанки. Предназначенная къ жизни на небѣ, она здѣсь, на землѣ, должна выполнить великое служеніе въ качествѣ жены и матери. Счастливъ супругъ, имѣющій хорошую жену, не менѣе, если не болѣе, счастливы дѣти, имѣющія добрую, любящую мать-христіанку. Но чтобы быть достойною женою и настоящею матерью, необходимо подготовить себя къ этому еще въ дѣвичествѣ. Все поведеніе дѣвицы-христіанки должно быть расположено по извѣстному образцу, должно носить на себѣ печать сознательной, разумной жизни, проникнуто твердою вѣрою въ Бога и всецѣлою дѣтскою преданностію Его благому Промыслу.

Чтобы лучше нарисовать картину поведенія дѣвицы-христіанки, представимъ сначала живой образецъ такого поведенія изъ житія святыхъ. Такой образецъ даетъ намъ, празднуемая 22 августа, св. мученица-дѣвица Евлалія. Св. Евлалія была дочерью благочестивыхъ родителей, жившихъ въ Испаніи, въ селеніи, находящемся близъ нынѣшняго города Барцелоны. Родители сильно любили свою дочь за ея кротость, смиреніе и послушаніе. Научившись грамотѣ, св. Евлалія часто читала свящ. книги, а молитва, можно сказать, была ея пищею: она славословила Господа „во дни и въ нощи“, по выраженію ея житія. Подъ вліяніемъ непрестанной молитвы и чтенія религіозно-нравственныхъ книгъ, у ней въ сердцѣ рано зародилось святое намѣреніе посвятить себя дѣвственной жизни. Жила она въ особой комнатѣ при домѣ родителей и тутъ предавалась молитвеннымъ трудамъ, читала своимъ подругамъ свящ. книги, объясняла имъ прочитанное, за что тѣ любили ее, какъ „свою душу“. Когда св. Евлаліи было 14 лѣтъ, началось гоненіе на христіанъ со стороны римскаго императора Діоклетіана. По приказанію императора, въ городъ Барцелону прибылъ игемонъ Дакіанъ: онъ разыскивалъ христіанъ, заставлялъ ихъ приносить жертвы идоламъ, а тѣхъ, кто отказывался, подвергалъ страшнымъ мученіямъ и казнилъ. Узнавши объ этомъ, св. Евлалія рѣшила итти въ городъ. Увидѣвши игемона, сидѣвшаго на городской площади, она смѣло подошла къ нему и сказала: „судія неправедный! вотъ ты сидишь на высокомъ престолѣ и не боишься Бога, Который выше всѣхъ. Затѣмъ ли ты сидишь здѣсь, чтобы губить невинныхъ людей, созданныхъ по образу и подобію Божію? Люди должны служить одному истинному Богу, ты же принуждаешь ихъ служить сатанѣ, а непокорныхъ подвергаешь смертной казни!“ Удивленный игемонъ спросилъ св. дѣву: кто она и откуда?—„Я Евлалія, раба Господа Іисуса Христа, Который есть Царь царей и Господь господей; на Него уповая, я не убоялась притти сюда и обличить тебя“, отвѣтила св. Евлалія. Разгнѣванный игемонъ приказалъ тогда обнажить ее и жестоко бить палками по хребту. При этомъ онъ издѣвался надъ св. страдалицею, поносилъ христіанскаго Бога, совѣтовалъ ей раскаяться и просить прощенія, а юная дѣва говорила мучителю: „знай, жестокій мучитель, что я не ощущаю болѣзни отъ налагаемыхъ тобою мнѣ ранъ, потому что меня защищаетъ мой Владыка Христосъ, Который въ страшный день суда осудитъ тебя на вѣчныя муки!“ Озлобленный игемонъ повелѣлъ тогда повѣсить св. Евлалію на деревѣ и строгать ея тѣло желѣзными гребнями. Но этого мало было жестокому мучителю: онъ приказалъ зажечь свѣчи и опалять ими тѣло св. дѣвы до тѣхъ поръ, пока она умретъ. А св. отроковица, какъ бы не чувствуя страданій, такъ молилась: „Господи Іисусе Христе! услыши молитву мою, соверши милосердіе Твое на мнѣ и упокой меня съ избранными Твоими въ царствѣ Твоемъ“. Сказавши эти слова, она скончалась. Народъ, присутствовавшій при этомъ, видѣлъ бѣлую какъ снѣгъ голубицу, которая вылетѣла изъ устъ св. мученицы и воспарила къ небу. На третій день по кончинѣ св. страдалицы тѣло ея было тайно взято съ площади и съ честію предано погребенію.

Вотъ высокій образецъ христіанскаго поведенія дѣвицы, которому должны подражать по мѣрѣ своихъ силъ и современныя дѣвицы. Изъ житія св. Евлаліи мы видѣли, что молитва была ея непрестаннымъ занятіемъ, она славословила Господа „во дни и въ нощи“. Молитва дома и въ храмѣ, въ началѣ и концѣ каждаго дѣла должна быть отличительною чертою поведенія и каждой христіанской дѣвицы. Она должна углубить въ своемъ сердцѣ твердую вѣру въ Бога и дѣтскую преданность Его премудрому водительству, — должна всегда памятовать, что въ мірѣ ничего не совершается безъ воли Божіей, и быть готовою на все, что бы ни послалъ ей Господь въ жизни. При такомъ только настроеніи дѣвица смѣло можетъ вступать на жизненный путь, который, кстати сказать, бываетъ усѣянъ больше шипами, чѣмъ розами,— при такомъ только настроеніи она бодро можетъ нести на своихъ раменахъ жизненное бремя, налагаемое на нее долгомъ жены и матери: она не упадетъ духомъ, не опуститъ въ отчаяніи руки, какой бы тяжелый крестъ ни выпалъ на ея долю, а съ глубокимъ смиреніемъ и покорностію донесетъ его до сырой могилы.

Къ родителямъ своимъ христіанская дѣвица, по примѣру св. Евлаліи, должна питать уваженіе, любовь, должна быть покорной, послушной имъ во всемъ. Къ сожалѣнію, нерѣдко приходится видѣть и слышать, что нѣкоторыя дѣвицы не только не слушаютъ ихъ, но даже держатъ себя по отношенію къ нимъ заносчиво, дерзко, надменно, дозволяютъ грубыя выходки, часто говорятъ, что они люди отсталые, отжившіе свой вѣкъ, что теперь-де время не то; встрѣчаются даже и такія, которыя безъ согласія и благословенія родителей выходятъ замужъ. Явленіе печальное, достойное и горькаго сожалѣнія! Нѣтъ, дѣвицы всегда должны уважать и почитать своихъ родителей, кто бы они ни были. Онѣ всегда должны поставлять себя на мѣстѣ родителей: это оградитъ ихъ отъ многихъ ошибокъ. Пусть онѣ всегда имѣютъ въ виду, что и у нихъ могутъ быть дѣти, которыя будутъ относиться къ нимъ такъ же, какъ онѣ къ своимъ родителямъ. Непочтительныя дѣти — самое великое горе для родителей. Кто почитаетъ родителей, того и самого почтутъ его дѣти, и наоборотъ.

Христіанская дѣвица должна вести трудовую жизнь, избѣгать праздности, лѣни. Она должна быть ближайшею помощницею своей матери въ веденіи хозяйства. Поступая такъ, она рано научится порядку, хозяйству и вступитъ въ жизнь съ полнымъ знаніемъ своего дѣла: ей не придется учиться тогда, когда надо бываетъ работать, трудиться, а не учиться. Мы знаемъ, что многія дѣвицы, вступая въ жизнь, горько раскаиваются въ томъ, что въ свое время не пріучились къ труду, къ хозяйству. Еще находясь въ домѣ матери, каждая дѣвица должна умѣть все сшить, связать, приготовить хоть самое простое кушанье. Рукодѣліе, помощь матери въ хозяйствѣ, милостыня, страннопріимство, уходъ за младшими братьями и сестрами — должны быть непрестаннымъ ея упражненіемъ.

Христіанская дѣвица должна избѣгать роскоши въ нарядахъ, что составляетъ общую слабость почти всѣхъ дѣвицъ. Надо довольствоваться тѣмъ, чѣмъ наградилъ Господь, а не придавать себѣ искусственной красоты. Лучшее украшеніе дѣвицы и женщины вообще составляетъ, по апостолу, „не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотые уборы или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ“ (1 Петр. III, 3—4). Смыслъ словъ св. апостола такой: главнымъ предметомъ заботъ дѣвицы должна быть не внѣшность, а „сокровенный сердца человѣкъ“, т.-е. душа, сокрытая въ тѣлѣ, сердце человѣка. Подъ „кроткимъ и молчаливымъ духомъ“ разумѣется самообладаніе, которое состоитъ въ томъ, чтобы ничѣмъ не обижаться, никого не обижать, не давать воли языку, не празднословить, не осуждать, вести себя скромно и смиренно. Такое самообладаніе есть долгъ всякаго христіанина, особенно христіанки. Ничто такъ не унижаетъ женщину, какъ отсутствіе кротости и скромности, бранчивость, придирчивость, болтливость, склонность къ пустословію, къ пересудамъ.

Прошу васъ и умоляю, дѣвицы-христіанки, ходить достойно своего званія. Подражайте въ своей жизни св. дѣвамъ, напр. св. Евлаліи, житіе которой я коротко изложилъ вамъ. Этимъ вы угодите Богу и спасете свои души. (Сост. по № 164 лист., прилож. къ журн. „Кормчій“).

10. Дѣвицы, какъ помощницы матери въ семьѣ.

Настоящее размышленіе наше мы посвятимъ тѣмъ изъ васъ, дѣвы-христіанки, которыя живете при матеряхъ-вдовахъ, имѣющихъ, кромѣ васъ, малолѣтнихъ дѣтей. Вы, безъ сомнѣнія, сами знаете, какъ тяжело матерямъ вашимъ жить безъ опоры—мужа, отца вашего, и какъ трудно имъ безъ него и хозяйство вести, и дѣтей воспитывать. Положеніе ихъ поистинѣ тяжкое! Нужно добыть и кусокъ хлѣба, и одѣть и обуть всѣхъ, и, главное, всѣмъ дѣтямъ дать хоть какое-нибудь воспитаніе. Но что можетъ сдѣлать тутъ одна слабая и притомъ часто бѣдная женщина? Нужда и горе нерѣдко и послѣднія силы у ней отнимаютъ и въ уныніе безнадежное повергаютъ, и часто нѣтъ у ней ни избавителя, ни помощника. Кто же въ такомъ положеніи прежде и болѣе всѣхъ долженъ помочь матерямъ вашимъ, раздѣлить съ ними горе ихъ, отереть ихъ слезы? Конечно, прежде всего не кто иной, какъ вы, дѣвы, дочери возрастныя. Вы должны прежде всѣхъ войти въ ихъ положеніе и ихъ слезы отереть. Вы должны помочь имъ, вы должны и раздѣлить съ ними горе ихъ. Но что же дѣлать? скажете, чѣмъ помочь матерямъ и чѣмъ ихъ слезы отереть? Это мы сейчасъ укажемъ вамъ въ примѣрѣ, къ которому и просимъ васъ отнестись со вниманіемъ.

Преподобная Макрина, сестра святого Василія Великаго, пожелавши навсегда остаться дѣвою, жила, до поступленія въ монастырь, въ домѣ своихъ родителей и тутъ вся отдалась на служеніе своей матери. Она никогда не отлучалась отъ нея, была какъ бы стражемъ при ней и служила ей усердно, со смиреніемъ, не стыдясь и тѣхъ работъ, которыя должны были исполнять рабыни, и всегда трудилась съ ними вмѣстѣ. А когда умеръ ея отецъ, тогда, сказано въ житіи ея, она стала для овдовѣвшей матери и совсѣмъ неотступною служительницею, во всѣхъ ея печаляхъ и скорбяхъ утѣшительницею, всего дома доброю строительницею, а братьямъ и сестрамъ своимъ, которыхъ всѣхъ она была старше, учительницею и наставницею и какъ бы второю матерью. Такъ, младшаго брата Петра, который родился въ самый день смерти отца, Макрина научила грамотѣ и всякому благоразумію, добронравію и цѣломудренному житію. И Петръ впослѣдствіи сталъ святителемъ и причисленъ къ лику угодниковъ Божіихъ. Когда братъ ея Василій, обучавшійся долго наукамъ на чужой сторонѣ, возвратившись домой, какъ еще юный, сталъ гордиться своею ученостію, тогда святая сестра его, кроткими и боговдохновенными словами своими, въ короткое время привела его къ такому смиренномудрію, что Василій вскорѣ все мірское презрѣлъ и иноческій образъ на себя принялъ. Также и другого брата, именемъ Нектарія, душеполезными бесѣдами своими привела къ любви Божіей и чистому житію. И этотъ, тоже все презрѣвъ, ушелъ въ пустыню и тамъ служилъ престарѣлымъ пустынникамъ. При содѣйствіи Макрины же и всѣ сестры ея были устроены въ замужество. Затѣмъ, вмѣстѣ съ матерью она ушла въ монастырь, тамъ проводили обѣ время въ великихъ подвигахъ воздержанія и непрестанной молитвѣ, и, наконецъ, Макрина послужила матери при послѣдней болѣзни ея, и мать скончалась у нея на рукахъ (Чет.-Мин. іюля 19).

Изъ этого примѣра вы видите, дѣвы христіанскія, въ чемъ должна состоять помощь ваша матерямъ вашимъ, и чѣмъ вы можете въ высокой степени облегчить ихъ скорбную участь и слезы ихъ отереть. По примѣру св. Макрины, вы должны быть для вдовъ-матерей своихъ неотступными служительницами, въ печаляхъ и скорбяхъ утѣшительницами и всего дома добрыми строительницами, болѣе же всего вы должны раздѣлить съ ними трудъ воспитанія ихъ дѣтей, то-есть сестеръ и братьевъ вашихъ, и всѣми силами стараться вселять въ сердца ихъ все доброе, какъ, напримѣръ, страхъ Божій, усердіе къ молитвѣ и ко всякому дѣлу доброму. Вотъ тогда поистинѣ и самимъ вамъ, по заповѣди Божіей, будетъ благо, и долголѣтни будете на земли; и, конечно, не только на этой, но и на землѣ живыхъ, т.-е. въ вѣчной блаженной жизни. Да знайте, что, по премудрому и благому Промышленію Божію, жизнь заботливыхъ о родителяхъ дѣтей почти всегда проходитъ въ благоденствіи и продолжается преимущественно предъ жизнію дѣтей, не хотящихъ знать своихъ отца и мать; если же когда этого и не бываетъ, то заботливыя о родителяхъ дѣти, во всякомъ случаѣ, все-таки получаютъ въ свое время совершеннѣйшее благословеніе отъ Отца небеснаго, т.-е. жизнь безсмертную и блаженную въ небесномъ отечествѣ. (Сост. по Чет.-Мин.).

11. Противъ страсти къ нарядамъ.

Между людьми укоренилось много такихъ обычаевъ, которые вначалѣ были не только не предосудительны, но даже необходимы, но потомъ отъ прихоти человѣческой сдѣлались вредными для души и тѣла и, вообще, всего благосостоянія. Къ числу такихъ обычаевъ относится повсюду болѣе и болѣе распространяющійся обычай украшать свое тѣло изысканными и роскошными одеждами. Конечно, нельзя человѣку пренебречь благоприличіемъ и пристойностью въ одеждѣ; кого Господь благословилъ довольствомъ жизни, тотъ не долженъ ходить въ одеждѣ разодранной и рубищной; этимъ онъ показалъ бы или свою безпечность и лѣность, или же презрѣнную скупость и страсть любостяжанія. Св. ап. Павелъ совѣтуетъ христіанамъ, чтобы все у нихъ было благообразно и по чину. Это относится ко всему ихъ внѣшнему поведенію, какъ въ собраніяхъ церковныхъ, такъ и въ житейскомъ быту. Слѣдовательно, не должны быть отвергаемы христіанами благообразіе и благопристойность одежды. Но когда человѣкъ въ украшеніи себя одеждою переходитъ за предѣлъ нужды или благоприличія, то тогда уже является опасность излишнимъ попеченіемъ объ одеждѣ повредить душѣ своей, охладѣть въ ревности объ ея украшеніи и, такимъ образомъ, измѣнить своему существенному долгу въ исполненіи закона Божія. Посему-то святые отцы строго обличаютъ роскошь и изысканность въ одѣяніяхъ. Такъ, въ житіи пр. Памвы, память котораго совершается 18 іюня, содержится вразумительный урокъ, какъ должно смотрѣть на излишнія тѣлесныя украшенія. Пр. Памва былъ одинъ изъ знаменитыхъ подвижниковъ, спасавшихся въ Нитрійской пустынѣ, въ Египтѣ. Молитвою и уединеннымъ богомысліемъ онъ пріобрѣлъ такую опытность и мудрую прозорливость, что былъ безхитростнымъ, но вѣрнымъ истолкователемъ закона Божія. Отовсюду стекались слышать его мудрые совѣты, и даже великіе святители желали наслаждаться его мудрою бесѣдою. Такъ, однажды Аѳанасій Великій, архіепископъ александрійскій, просилъ пр. Памву прійти въ Александрію для духовной бесѣды. Во время этого посѣщенія, идя по городскимъ улицамъ вмѣстѣ съ сопровождавшими его братіями, пр. Памва однажды встрѣтилъ женщину, украшенную роскошными и изысканными одеждами. Взглянувъ на нее и провидѣвъ въ ней подъ роскошными одеждами душевную нечистоту, старецъ горько заплакалъ.

Братія спросили его: о чемъ онъ плачетъ? „По двумъ причинамъ я плачу, — отвѣчалъ человѣкъ Божій: — я плачу о погибели души сей великолѣпно нарядившейся женщины и вмѣстѣ съ тѣмъ я плачу о томъ, что я, грѣшный, не имѣю такого попеченія о душѣ своей, какое она имѣетъ о тѣлѣ своемъ. Эта женщина наряжается для того, чтобы понравиться людямъ, а я ничѣмъ не хочу украсить души моей, чтобы угодить Богу“. Поистинѣ достойна великаго сожалѣнія и оплакиванія безполезная и суетная забота человѣка о тѣлесномъ украшеніи своемъ безъ попеченія о внутренней своей красотѣ. Что значитъ тѣло наше въ сравненіи съ безсмертнымъ, богоподобнымъ существомъ души нашей? Тѣло есть временная храмина души, которая въ опредѣленное время должна разрушиться, и всѣ украшенія ея останутся ненужными. Напротивъ, душа имѣетъ вѣчное назначеніе, и только украшенная брачнымъ одѣяніемъ, т.-е. добрыми дѣлами, она можетъ получить доступъ въ небесный чертогъ и присутствовать на вечери Христовой въ царствіи небесномъ. Безъ добрыхъ дѣлъ душа наша, если предстанетъ предъ лицомъ Божіимъ, то предстанетъ какъ бы безъ всякой одежды, обнаженною и исполненною стыда, потому и изгнана будетъ вонъ изъ небеснаго царства. Такимъ образомъ, лучше позаботиться о вѣчномъ своемъ счастіи и спасеніи, нежели о временномъ, скоропреходящемъ удовольствіи, лучше стараться угождать красотою добродѣтели Богу, нежели думать объ угожденіи людямъ внѣшними украшеніями суетными. Положимъ, можно исполнить и то и другое: и тѣло, и душу украшать свойственнымъ имъ образомъ. Хорошо, если бы это было такъ, но, на самомъ дѣлѣ, большею частію бываетъ иначе. Обыкновенно у насъ обнова за обновой, нарядъ за нарядомъ и непрерывный рядъ новыхъ выдумокъ въ украшеніяхъ; роскошь развивается въ обществѣ даже среди людей бѣдныхъ; а о новыхъ успѣхахъ въ доброй нравственности, объ умноженіи въ обществѣ любви, честности, воздержанія, благотворительности мало слышно. И неудивительно, если излишнее попеченіе о тѣлѣ не оставляетъ человѣку времени позаботиться о душѣ своей. „Гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше“— говоритъ Спаситель. Кто думаетъ только о земномъ, тому трудно возвышаться духомъ до высшаго духовнаго совершенства. Какъ часто бываетъ, что изъ-за страсти къ нарядамъ оставляются самыя нужныя духовныя обязанности! Одни, напр., не хотятъ итти въ храмъ потому, что нѣтъ обновы въ платьѣ, и въ самый храмъ въ новыхъ одѣяніяхъ являются, какъ бы напоказъ; другіе, вмѣсто молитвы въ церкви, разсматриваютъ другихъ, кто какъ одѣтъ, и по приходѣ домой судятъ о видѣнныхъ нарядахъ, а не хотятъ вспомнить, какое было евангельское или апостольское слово, какое поученіе... Нерѣдко жалѣютъ помочь бѣдному нѣсколькими копейками, а на модныя одежды бросаютъ большія деньги, истощая свои средства, необходимыя для насущнаго прожитія. Что же сказать о тѣхъ случаяхъ, когда украшаютъ свое тѣло съ цѣлью прельщенія въ сѣти грѣховныя, когда съ этою цѣлью выдумываютъ одежды, не столько прикрывающія, сколько обнажающія и возбуждающія чувственность? Поистинѣ, нельзя не проливать слезъ, подобно пр. Памвѣ, видя такое явное нарушеніе чистоты нравовъ. Остерегайтесь вступать на скользкій и опасный путь потворства своимъ страстямъ и прихотямъ, которыя незамѣтно приводятъ къ погибели. Такъ и пристрастіе къ нарядамъ, вначалѣ, повидимому, не предосудительное, можетъ причинить вредъ душевному спасенію человѣка. Жены христіанскія! „Да будетъ украшеніемъ вашимъ, — скажемъ словами св. ап. Петра, — не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотые уборы или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ“ (I Петр. 3, 3. 4).

12. О согласіи въ семейной жизни.

Какъ пріятна Богу мирная и согласная жизнь въ семьѣ, о томъ свидѣтельствуетъ одно обстоятельство изъ жизни преподобнаго Макарія египетскаго. Однажды, во время молитвы этотъ подвижникъ Христовъ услышалъ гласъ: „Макарій! ты еще не сравнялся въ совершенствѣ и святой жизни съ двумя женщинами, которыя живутъ въ недальнемъ отъ тебя городѣ“. Услышавъ это, св. старецъ пошелъ отыскивать тѣхъ женъ и, нашедши ихъ, спросилъ: „скажите мнѣ, сестры мои о Господѣ, какъ вы живете и служите Богу?“ Благочестивыя жены отвѣчали ему со смиреніемъ; „мы грѣшны, и живемъ въ суетахъ мірскихъ“. Но преподобный отецъ не переставалъ вопрошать ихъ, говоря: „ради Бога откройте мнѣ ваши добрыя дѣла!“ По усиленной просьбѣ св. старца, женщины, наконецъ, сказали ему: „нѣтъ въ насъ добрыхъ дѣлъ; однимъ лишь не прогнѣвляемъ мы Бога: съ поступленія нашего въ супружество за двухъ братьевъ, вотъ уже пятнадцать лѣтъ мы живемъ такъ мирно, что не только не заводили между собой ссоры и вражды, но и одна другой слова еще непріятнаго не сказали“. Вотъ какъ пріятно Богу мирное сожитіе, что даже постъ и молитва пустынника не могли съ тѣмъ сравняться! Посему-то и св. церковь устами служителей своихъ не разъ привѣтствуетъ насъ во время богослуженія миромъ и желаетъ его водворить въ сердцахъ нашихъ. (Чет.-Мин.).

13. Наши обязанности къ умершимъ.

Всѣ мы люди грѣшные, умираемъ со грѣхами. Никого изъ насъ нѣтъ такого, кто бы, умирая, не сознавалъ, что онъ грѣшенъ предъ Богомъ. Но всѣ мы хотя умремъ тѣломъ, но будемъ живы духомъ предъ Владыкою жизни. Слово Божіе говоритъ; „на сіе бо Христосъ умре и воскресе и оживе, да и мертвыми и живыми обладаетъ“. Самъ Спаситель говоритъ: „вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ“. — Душа наша, по разлученіи съ тѣломъ является на судъ Божій (Евр. IX, 27). Этотъ судъ частный, — прежде всеобщаго суда. Всеобщій судъ будетъ послѣдній, во второе страшное пришествіе Господа Іисуса Христа на землю, по общемъ воскресеніи нашемъ, когда души наши соединятся съ тѣлами. Онъ будетъ совершаться торжественно, предъ лицемъ цѣлаго свѣта, и рѣшитъ участь нашу на цѣлый вѣкъ; а судъ частный бываетъ тотчасъ же послѣ разлученія души нашей съ тѣломъ, предъ Богомъ, совѣстію нашею и предъ свѣтлыми ангелами Божіими и злыми духами. Онъ опредѣляетъ положеніе наше только до всеобщаго воскресенія и страшнаго суда. Злые духи будутъ обличать и обвинять нашу душу въ злыхъ дѣлахъ нашихъ, а свѣтлые ангелы будутъ защищать насъ добрыми дѣлами нашими противъ каждаго грѣха, выставляемаго злыми духами. Этотъ частный судъ опредѣлитъ, чего душа наша достойна. Душа праведная по сему суду предназначается для вѣчнаго блаженства; она, подобно душѣ праведнаго Лазаря, приносится ангелами въ царство небесное, для блаженства въ немъ. А души нераскаянныхъ грѣшниковъ отсылаются во адъ, на мученіе въ немъ (Матѳ. XXV, 46). Но до всеобщаго воскресенія души наши не чувствуютъ ни совершеннаго блаженства, ни совершеннаго мученія. — Души же грѣшниковъ, умершихъ съ вѣрою и покаяніемъ, но не успѣвшихъ здѣсь исправить свою жизнь и принести плоды, достойные покаянія, хотя и низводятся во адъ, но не въ мѣсто вѣчнаго мученія, а — въ то мѣсто, откуда, по молитвѣ церкви и по силѣ безкровной жертвы Христовой, онѣ имѣютъ вѣрную надежду быть перенесенными въ свѣтлыя райскія обители. Милосердіе Божіе и сила искупительныхъ заслугъ Спасителя простирается на насъ до всеобщаго суда. Правосудіе и милосердіе Божіе, наказывая зло, не могутъ не наградить и добра. Одни только нераскаянные грѣшники прямо низвергаются во дно адово. Это: невѣрные, вольнодумцы, богохульники.

Умершіе сами по себѣ ничего не могутъ принесть Господу Богу за свои грѣхи. Послѣ смерти нѣтъ покаянія (Псал. 6, 6). Послѣ смерти, по словамъ блаженнаго Августина, „время дѣланія отъ насъ уже отлетѣло“. Помочь усопшимъ въ этомъ можемъ одни мы, живущіе на землѣ. Если мы будемъ усердно молиться объ умершихъ, поминать ихъ, то по нашей молитвѣ Господь можетъ простить имъ грѣхи, избавить отъ ада и доставить имъ райское блаженство со святыми. (Правосл. катих. 11 чл. Сѵмв. вѣр.). Мы просимъ Господа, чтобы Онъ помиловалъ умершихъ, простилъ имъ всякое согрѣшеніе, вольное и невольное. А что просится во имя Господа, то, по словамъ Спасителя, дастся намъ. „Еже аще что просите отъ Отца во имя Мое, то сотворю“ (Іоан. XIV, 13). „Вся, елика аще воспросите въ молитвѣ, вѣрующе, пріимите“ (Матѳ. XXI, 22). Молитва церковная есть такая великая сила, которая проходитъ небеса, восходитъ къ престолу Вседержителя; она нисходитъ и до бездны ада, изводитъ оттуда заключенныхъ на свободу; она приносится Богу, во имя возлюбленнаго Единороднаго Сына Его, принесшаго Себя въ жертву за грѣхи всего міра. Самое важное и самое великое средство облегчить участь умершихъ есть принесеніе за упокой ихъ безкровной жертвы, что совершается за обѣднею. Здѣсь Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ пречистыхъ тайнахъ Тѣла и Крови Своей, приносится въ жертву за всѣхъ. Своею Кровію Онъ ходатайствуетъ предъ Отцемъ небеснымъ о прощеніи грѣховъ усопшихъ. Изъ подаваемыхъ нами къ проскомидіи просфоръ вынимаются частицы за усопшихъ. Частицы эти влагаются въ самую чашу Тѣла и Крови Христовой и омываются этою Христовою Кровію. Вмѣстѣ съ тѣмъ этою-же пречистою Кровію омываются и души тѣхъ, за кого эти частицы вынимаются. „Омый, Господи, грѣхи поминавшихся здѣ Кровію Твоею!“ такъ молится священнодѣйствующій, погружая въ святѣйшей Крови Сына Божія частицы за усопшихъ. — Какъ прекрасно поэтому поступаемъ мы, когда подаемъ къ проскомидіи просфоры, для изъятія изъ нихъ частицъ за умершихъ! Св. Кириллъ Іерусалимскій говоритъ: „превеликая польза будетъ душамъ, о которыхъ приносится моленіе, когда предлагается святая и страшная жертва“ (Сл. V, гл. 9). „Кровь Іисуса Христа, Сына Божія“, въ которую за литургіею опускаются вынутыя на проскомидіи частицы за умершихъ, „очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха“ (I Іоан. I, 7). „Молитва за усопшихъ, это—какъ бы спасительная вервь, которую въ благопріятное время бросаетъ человѣкъ утопающему ближнему“, говоритъ Филаретъ, митрополитъ московскій (Слов. и рѣч. изд. 2. Ч. II, стр. 22). Подлинно: невыразимая польза усопшимъ отъ поминовенія. Если бы можно было намъ увидѣть умершихъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ, то, вѣрно, они умиленно стали бы просить насъ о поминовеніи; вѣрно, они сказали бы намъ: „вы не можете себѣ представить, какъ отрадно намъ ваше поминовеніе, и какъ оно полезно намъ. Помогите намъ освободиться отъ грѣховъ и наслѣдовать царство небесное“. Если бы какимъ-либо чудомъ мы увидѣли эти милліоны людей, рвущихся къ обителямъ святымъ, — развѣ каменное сердце и жестокая душа не поразились бы этимъ зрѣлищемъ. Какъ утопающимъ бываетъ горько, когда они видятъ своихъ друзей на берегу, которые не даютъ имъ веревки для спасенія, такъ тяжело бываетъ и умершимъ, если мы не внимаемъ ихъ просьбамъ и не молимся объ нихъ.

Какъ помогаютъ умершимъ наши молитвы о нихъ, послушаемъ слѣдующую повѣсть. Св. Іоаннъ Дамаскинъ разсказываетъ, что одинъ св. мужъ имѣлъ ученика, который нерадиво велъ себя и такъ умеръ. Старецъ, опасаясь за его участь послѣ безпечной его жизни, началъ о немъ молиться. Господь показалъ ему ученика въ огнѣ до шеи. Старецъ еще усерднѣе сталъ объ немъ молиться, и Господь показалъ ему юношу, стоящаго въ огнѣ по поясъ. Наконецъ, когда старецъ еще усилилъ свои молитвы за ученика, то Господь показалъ ему юношу совершенно избавленнымъ отъ огня. (Слово о почившихъ въ вѣрѣ). Вотъ, какъ полезны молитвы наши умершимъ. Еще случай, разсказанный св. Григоріемъ Двоесловомъ. Одинъ пресвитеръ имѣлъ обыкновеніе мыться въ теплицѣ. Вотъ, въ одинъ день видитъ онъ на томъ мѣстѣ незнакомаго человѣка, который снялъ съ ногъ пресвитера сапоги и взялъ одежду. Потомъ подалъ ему полотно отереть ноги и одѣяніе. Такая услуга незнакомца была нѣсколько разъ. Пресвитеръ, чтобы поблагодарить незнакомца, взялъ съ собою двѣ просфоры и пошелъ въ теплицу. Незнакомецъ также служилъ ему. Но когда пресвитеръ хотѣлъ дать ему тѣ просфоры за его услуги, незнакомецъ горько заплакалъ и сказалъ: „отче! для чего мнѣ даешь это? Это святой хлѣбъ. Я его ѣсть не могу. Я былъ нѣкогда господиномъ этого мѣста, но за грѣхи мои осужденъ здѣсь. Вмѣсто сего, сжалься надо мною, помолися о грѣхахъ моихъ и принеси сей хлѣбъ Богу. И вотъ, когда ты придешь мыться и меня не найдешь здѣсь, то это будетъ значить, что Господь услышалъ твою молитву“. При этихъ словахъ незнакомецъ сталъ невидимъ. Пресвитеръ цѣлую недѣлю молился усердно о помилованіи, и послѣ, когда возвратился въ теплицу, уже больше не видалъ незнакомца. (Бесѣд. Григор. Двоесл. кн. 4, гл. 55). — Можно ли послѣ сего забывать молиться объ умершихъ сродникахъ и братіяхъ нашихъ, чтобы Господь упокоилъ души ихъ въ селеніяхъ праведныхъ! Вѣдь умершіе—отъ насъ только и ждутъ себѣ молитвенной помощи и утѣшенія. Какъ горько и тяжело бываетъ имъ, когда мы забываемъ помянуть ихъ!

Другая наша обязанность по отношенію къ умершимъ — подавать за нихъ милостыню. Умершіе больше всего нуждаются въ милости Божіей. Спаситель говоритъ: „блажени милостивіи: яко тіи помиловани будутъ“ (Матѳ. V, 7). „Милостыня отъ смерти избавляетъ и очищаетъ всякъ грѣхъ“ (Тов. XII, 9). Такъ говоритъ слово Божіе. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „почти умершаго милостынями и благотвореніями; ибо милостыня служитъ къ избавленію отъ вѣчныхъ мукъ“. (Бесѣд. 42, на ев. Іоан.). „Если мы хотимъ облегчить мученіе грѣшника, говоритъ тотъ же св. отецъ, будемъ подавать милостыню, и, хотя онъ недостоинъ, Господь сжалится надъ нимъ. Не о гробахъ, не о погребальныхъ церемоніяхъ надо заботиться. Поставь вокругъ гроба вдовицъ—вотъ лучшее погребальное торжество. Повели о немъ всѣмъ творить мольбы и моленія, и сіе умилостивитъ Бога“ (Нравоучен. на Дѣян. апост.). Милостыня приноситъ великую отраду умершимъ. Умершіе сами не могутъ подавать милостыни; вмѣсто того мы должны подавать за нихъ милостыню бѣднымъ. Милостыня, даваемая бѣднымъ, пріемлется Самимъ Спасителемъ (Матѳ. XXV, 40). И тотъ, кто получитъ милостыню, безъ сомнѣнія, помянетъ въ молитвѣ того, въ чью память подается ему милостыня. Самъ Господь заповѣдалъ намъ молиться другъ за друга (Іак. V, 16). Онъ часто являлъ Свою милость однимъ, по ходатайству другихъ. Такъ, исцѣлилъ слугу сотника за ходатайство господина, — дочь жены хананейской — по молитвѣ матери. Это молитвы живыхъ за живыхъ же, хотя отсутствующихъ. Такъ же точно сильна молитва живыхъ и за умершихъ. Препод. Аѳанасій говоритъ: „да будетъ вамъ извѣстно, что творимая за душу умершаго милостыня и іерейскія молитвы умилостивляютъ Бога. Если грѣшны души усопшихъ, то за благотворенія живыхъ въ память ихъ они получаютъ отпущеніе грѣховъ“ (Чет.-Мин. Апрѣл. 12). У блаженнаго Луки умеръ родной братъ, который жилъ въ крайнемъ небреженіи. Святой этотъ просилъ Бога показать ему участь своего брата. Во время молитвы Богъ показалъ блаженному брата въ рукахъ бѣсовскихъ. Блаженный въ то же время послалъ нѣкоторыхъ изъ братій осмотрѣть келью усопшаго; посланные нашли тамъ золото и дорогія вещи; все это блаженный велѣлъ раздать нищимъ. Послѣ того онъ сталъ опять молиться, и увидѣлъ судилище Божіе и ангеловъ Божіихъ, спорящихъ съ бѣсами за душу брата. Злые духи вопили: „Ты праведенъ, такъ суди же: душа наша, ибо она творила дѣла наши“. Св. ангелы Божіи говорили: „она избавлена милостынею, розданною за нее“. Злые духи противились и восклицали: „да развѣ онъ роздалъ милостыню? Не сей ли старецъ?“ Блаженный Лука отвѣчалъ: „да, я сотворилъ милостыню, но не за себя, а за сію душу“. Тогда бѣсы исчезли (Синод. стр. 26). Вотъ какую великую силу имѣетъ милостыня за усопшихъ!

Не однимъ умершимъ благодѣтельно наше поминовеніе ихъ; оно приноситъ великую пользу и намъ самимъ, поминающимъ умершихъ. За свои молитвы объ умершихъ мы удостоиваемся особаго благословенія Божія въ этой жизни и награды въ будущей жизни. Тѣла умершихъ хотя истлѣли въ землѣ, но души ихъ живы въ иномъ мірѣ; онѣ помнятъ о своихъ близкихъ, живущихъ на землѣ. Мало того: онѣ пекутся и заботятся о насъ. Умершіе родные наши, смотря на нашу жизнь, или радуются, когда мы живемъ по-Божьи, благочестиво, или скорбятъ, когда мы живемъ не по христіански. Они молятся и ходатайствуютъ за насъ предъ Богомъ, и молитвы ихъ, подобно кадильному ѳиміаму, возносятся къ Богу (Апок. VIII, 4). Препод. Аѳанасія, явившись въ сонномъ видѣніи игуменьѣ, между прочимъ, сказала ей: „если души усопшихъ чисты и праведны, то творящіе поминовеніе сами на себя чрезъ то низводятъ милость Божію“. (Чет.-Мин. Апрѣл. 12). Не отъ того ли при усердной молитвѣ объ усопшихъ у насъ бываютъ сладкія, облегчающія горесть чувствованія? На совѣсти у насъ становится легко, на душѣ отрадно. Именно: это есть знакъ благословенія Божія за то добро, которое мы дѣлаемъ умершимъ своимъ поминовеніемъ. Кто усердно молится объ умершихъ, тотъ доставляетъ имъ утѣшеніе и себѣ отраду.

Будемъ же усердно молиться за умершихъ своихъ родителей, сродниковъ и ближнихъ. Будемъ умолять Господа о прощеніи ихъ и объ упокоеніи душъ ихъ въ царствіи небесномъ. Будемъ подавать за умершихъ милостыню: великое добро доставимъ мы умершимъ. По нашей молитвѣ и чрезъ милостыню, Господь можетъ простить имъ грѣхи и вселитъ ихъ въ свѣтлыхъ обителяхъ небесныхъ. И насъ самихъ Господь не лишитъ Своего небеснаго благословенія за любовь и усердіе къ умершимъ. Когда мы будемъ усердно молиться объ умершихъ, то и за насъ будутъ другіе молиться, когда мы сами умремъ. „Въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ“, говоритъ Господь (Матѳ. VII, 2). (Сост. по Христ. бес. 1894 г., т. II).

НЕДѢЛЯ О РАЗСЛАБЛЕННОМЪ.

Еванг. отъ Іоан., зач. 14, гл. V, 1—15 ст.

1. Исцѣленіе разслабленнаго при овчей купальнѣ.

Была въ Іерусалимѣ купальня, которая называлась по-еврейски Виѳезда, то-есть, домъ милосердія. Она была тѣмъ замѣчательна, что ангелъ Господень по временамъ сходилъ въ нее и возмущалъ воду; и тотъ больной, который входилъ въ купальню первый послѣ ангела, выздоравливалъ тотчасъ, какова бы ни была его болѣзнь.

Однажды Іисусъ былъ въ Іерусалимѣ во время праздника Пасхи. Проходя мимо купальни, Онъ увидѣлъ около нея множество лежащихъ больныхъ. Тутъ были хромые, слѣпые, изсохшіе; всякій изъ нихъ ждалъ минуты, когда ангелъ возмутитъ воду, чтобы первому войти въ нее. Между прочими больными былъ одинъ, который тридцать восемь лѣтъ лежалъ въ разслабленіи. Спаситель увидѣлъ его, сжалился надъ нимъ и сказалъ ему: „хочешь ли быть здоровъ?“ Больной отвѣчалъ Ему: „хочу, Господи, но не имѣю человѣка, который опустилъ бы меня въ купальню, когда возмутится вода: когда же я прихожу, то другой уже сходитъ прежде меня“. Іисусъ сказалъ ему: „встань, возьми свою постель, и ходи“. Больной тотчасъ выздоровѣлъ, взялъ постель свою и пошелъ. Бывшіе тутъ іудеи вознегодовали и сказали исцѣленному, что не слѣдуетъ ему брать постели своей, ибо былъ день праздничный.

Но онъ отвѣчалъ имъ; „кто исцѣлилъ меня, тотъ мнѣ сказалъ: возьми постель свою и ходи“.

— „А кто тотъ человѣкъ?“ спросили они.

Но онъ не зналъ; Іисусъ же скрылся въ народѣ.

Чрезъ нѣкоторое время Іисусъ встрѣтилъ этого самаго человѣка въ храмѣ и сказалъ ему: „вотъ ты теперь выздоровѣлъ; смотри же, не грѣши больше, чтобы съ тобой не случилось чего хуже“.

Вотъ о чемъ мы должны всѣ стараться, когда Богъ избавляетъ насъ отъ болѣзни. Во время болѣзни мы часто просимъ помощи у Бога; а потомъ, когда выздоравливаемъ, не думаемъ о томъ, какъ бы угодить Ему; съ возвращеніемъ нашихъ силъ мы забываемъ о молитвѣ и возвращаемся къ прежнимъ грѣхамъ, вмѣсто того, чтобы исправиться и начать новую, болѣе благочестивую жизнь.

Четвертая недѣля послѣ Пасхи называется недѣлею разслабленнаго, въ память того чуда, о которомъ мы здѣсь разсказали. Въ эту недѣлю поется слѣдующая пѣснь: „Душу мою, Господи, разслабленную всякими грѣхами и неправедными дѣлами, воздвигни божественною Твоею силою, какъ нѣкогда Ты воздвигъ разслабленнаго, чтобы и мнѣ, спасенному Тобой, воспѣвать: слава, Христе, державѣ Твоей". (См. книгу: „Разсказы о земной жизни І. Христа" Бахметевой.)

2. Покаяніе и молитва—лучшее врачевство нашихъ болѣзней.

Слова Спасителя исцѣленному при Овчей купальнѣ разслабленному: „вотъ, ты теперь здоровъ, смотри же, не грѣши, чтобы не случилось съ тобою что-нибудь худшее", ясно указываютъ на то, какая тѣсная связь существуетъ между грѣхомъ и болѣзнями нашими: страсти грѣховныя—вотъ первая и главная причина нашихъ болѣзней. Если бы мы жили по-христіански, воздержно, въ умѣренномъ трудѣ, если бы мы побѣждали въ себѣ гнѣвъ, зависть, злобу и другіе пороки, умаляющіе дни человѣческой жизни, то достигали бы безболѣзненной старости. Посему, православный христіанинъ, если постигнетъ тебя болѣзнь, прежде всего ищи себѣ исцѣленія и помощи у единаго Врача душъ и тѣлесъ: „призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя", говоритъ Самъ Господь устами царя и пророка Давида (Пс. 49, 25). И какъ удобно это для каждаго изъ насъ! Не выходя изъ дома, не сходя съ постели, больной можетъ призвать себѣ на помощь Господа, повѣдать Ему свои болѣзни, открыть Ему свои немощи. Не сомнѣвайся, что ты не будешь услышанъ; нѣтъ, Врачъ небесный всегда готовъ съ Своею всесильною помощію, только ждетъ нашего призыва. „Се стою при дверехъ и толку; аще кто услышитъ гласъ Мой и отверзетъ двери, вниду къ нему" (Ап. III, 20), говоритъ Онъ. Господь всегда находится при дверяхъ нашего сердца и ждетъ мгновенія, когда мы вспомнимъ о Немъ, отверземъ Ему наше сердце. Онъ, премилосердый, невидимо и во всякое время исцѣляетъ всѣхъ приходящихъ къ Нему съ твердою вѣрою и искреннимъ раскаяніемъ въ своихъ грѣхахъ. Съ этою цѣлію Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ поставилъ пресвитеровъ, которымъ заповѣдалъ всегда принимать отъ Его имени приходящихъ къ нимъ за душевнымъ исцѣленіемъ. „Болитъ ли кто въ васъ,—научаетъ апостолъ Іаковъ,—да призоветъ пресвитеры церковные, и да молитву сотворятъ надъ нимъ... И молитва вѣры спасетъ болящаго" (Іак. V, 14—15). Итакъ, если ты, вѣрующій во Христа и его милосердіе, страждешь въ болѣзняхъ тѣлесныхъ, пригласи къ себѣ первѣе священника, разскажи ему всѣ грѣхи и, получивъ чрезъ него отпущеніе ихъ, пріобщись животворящихъ Христовыхъ таинъ во исцѣленіе души и тѣла. Сколько встрѣчается въ жизни примѣровъ, когда, послѣ искренняго покаянія и принятія животворящаго тѣла и крови Христовыхъ, выздоравливаютъ больные, которымъ человѣческое лѣкарство не могло подать пособія въ ихъ тяжкихъ страданіяхъ! Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, о которомъ повѣдалъ, въ назиданіе вѣрующихъ, православный священникъ. Въ городѣ Брацлавѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ заболѣла горячкою супруга одного почетнаго чиновника. Во время страданія больная, когда приходила въ память, часто спрашивала у домашнихъ: „приглашали ли батюшку навѣстить и благословить меня?" Такъ прошло полъ-мѣсяца; въ это время священникъ при каждомъ богослуженіи молился о болящей. Врачи отказывались отъ всякаго лѣченія и приговорили ее къ смерти. Въ одинъ день къ священнику явился въ церковь слуга и отъ имени своего господина, мужа больной, просилъ его поспѣшить въ домъ для напутствованія св. таинствами покаянія и причащенія его супруги. Явившись въ тотъ домъ, священникъ попросилъ сначала выйти изъ комнаты семью и прислугу, затѣмъ, выслушавъ искренное раскаяніе больной въ ея прегрѣшеніяхъ, въ присутствіи всѣхъ уже пріобщилъ ее св. таинъ. Вскорѣ послѣ этого больная заснула, а проснувшись заявила всѣмъ: „мнѣ легче, я не умру". Дѣйствительно, она стала быстро выздоравливать, такъ что черезъ мѣсяцъ въ сопровожденіи всего своего семейства пришла въ храмъ и здѣсь, павъ на колѣна предъ иконою Спасителя, проливала горячія слезы благодарности („Странникъ", 1868 г., м. іюнь). Правда, Господь не всегда чудодѣйствуетъ въ исцѣленіи нашихъ тѣлесныхъ недуговъ, но можетъ ли это удерживать насъ отъ обращенія на путь жизни и свѣта? Если болѣзнь по волѣ Божіей и не получитъ благопріятнаго исхода, то все же упованіе христіанское даетъ твердость духа, облегчающую тѣлесныя страданія. Итакъ, возлюбленный о Христѣ братъ, берегись грѣха, какъ самаго губительнаго яда для нашей жизни. Въ постигающихъ тебя болѣзняхъ ищи прежде всего врачевства духовнаго въ покаяніи и въ св. причащеніи. Сознай свой грѣхъ, пожалѣй о томъ, что ты своими пороками оскорбилъ всеблагаго Бога, дай обѣщаніе въ сердцѣ своемъ и предъ духовникомъ исправиться, и Господь проститъ твой грѣхъ. Съ прощеніемъ же грѣховъ Господь можетъ даровать тебѣ и выздоровленіе

3. О причинахъ болѣзней.

(ФИЛАРЕТА, МИТРОП. МОСКОВСКАГО).

Обрѣте его Іисусъ въ церкви и рече ему: се, здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ (Іоан. V, 14).

Это сказано было нѣкоему человѣку во Іерусалимѣ, близъ Овчей купели, въ разслабленіи тридцать восемь лѣтъ тщетно ждавшему излѣченія водою, которую однажды въ годъ для одного больного дѣлало врачебною прикосновеніе ангельской силы, доколѣ, наконецъ, не явился Владыка временъ, стихій и ангеловъ, и не требуя ни времени, ни воды, ни ангела, исцѣлилъ разслабленнаго словомъ: *востани, возьми одръ твой и ходи.* Исцѣлитель не все кончилъ, потому что, убѣгая славы, поспѣшилъ скрыться въ народѣ. Чрезъ нѣсколько дней, вѣроятно въ праздникъ, исцѣленный пришелъ въ храмъ, можетъ быть, чтобы благодарить Бога за свое здравіе. Тогда Исцѣлитель вновь нашелъ его и какъ прежде въ словѣ подалъ ему врачевство цѣлительное, такъ и теперь въ словѣ подаетъ врачевство предохранительное: *се, здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ.*

Если бы мы услышали, что искусный врачъ излѣченному, или больному говоритъ, напримѣръ: не употребляй впредь такой или такой пищи,—что бы мы подумали? Конечно, мы бы подумали: видно, излѣченный прежде употреблялъ эту пищу; она, видно, была и причиною болѣзни; видно, врачъ предвидитъ, что и опять она причинитъ болѣзнь, если излѣченный не перестанетъ употреблять ея. Подобно сему, что должны мы подумать, слыша слово Господне къ исцѣленному: *се, здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ?*—Видно, исцѣленный прежде согрѣшалъ; видно, согрѣшенія были причиною его болѣзни; видно, провидитъ Божественный Врачъ, что возобновляемые грѣхи возобновятъ зло въ еще большей силѣ.

Здѣсь можно спросить: участь ли одного человѣка представляется въ евангельскомъ повѣствованіи о разслабленномъ, или съ тѣмъ вмѣстѣ открывается общій законъ суда надъ грѣхомъ, частью впечатлѣнный въ природѣ, частью приводимый въ дѣйствіе Провидѣніемъ, хотя и не всегда очевидно, не всегда скоро, не всегда одинаково, по видамъ, степенямъ и обстоятельствамъ грѣха? Кто можетъ измѣрить глубину, изслѣдовать пути Божіихъ судебъ? Кто рѣшится каждаго больного признать осужденнымъ и всякую болѣзнь вывѣскою виновности? Страдалъ и праведный Іовъ болѣзнью и притомъ весьма тяжкою. Но нельзя же признать и того, будто на одного іерусалимскаго грѣшника исключительно направлена была строгость суда за грѣхи юности, заключившая его на тридцать восемь лѣтъ въ узы болѣзни, и за возможные грѣхи старости угрожавшая ему еще болѣе тяжкимъ жребіемъ.

Слѣдъ подобнаго суда виденъ и въ судьбѣ другого разслабленнаго, котораго исцѣляя, Господь сказалъ: *отпущаются тебѣ грѣси твои* (Марк. II, 5). Очевидно, что, подобно глубоко мудрствующему врачу, Онъ исцѣлялъ отъ болѣзни, дѣйствуя на причину болѣзни. Что видимъ въ этихъ примѣрахъ, то не выражается ли, какъ законъ, въ словѣ апостольскомъ: *грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть: — оброцы грѣха смерть?* Ибо что есть болѣзнь, какъ не отрасль древа смерти, или уменьшительный, неполный пріемъ зелія смерти? Слѣдовательно, вмѣстѣ со смертью и болѣзнь пришла по дорогѣ, проложенной грѣхомъ; а потому очень естественно, если она и нынѣ приходитъ тою же дорогою. (Изъ Слова предъ благодарственнымъ молебствіемъ за прекращеніе губительныхъ болѣзней. Т. III, стр. 207—-208).

4. Терпи до конца!

Во время св. Іоанна Златоустаго много лѣтъ подвизался въ глубокой пустынѣ преподобный Іераксъ. Однажды бѣсы пришли къ нему видимымъ образомъ и сказали: „старецъ! ты проживешь еще полсотни лѣтъ; возможно ли терпѣть такъ долго въ этой безлюдной пустынѣ? Иди отсюда“! – Старецъ имъ на это отвѣчалъ: „очень жаль, что такъ мало остается жить мнѣ на свѣтѣ; а я было запасся терпѣніемъ еще на двѣсти лѣтъ“. При этихъ словахъ Іеракса бѣсы исчезли... Это значитъ, что св. подвижникъ рѣшился терпѣть всѣ скорби, всѣ лишенія пустынной жизни *до конца.* Видно, твердо помнилъ онъ слова Спасителя: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лук. XXI, 19). *Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Мѳ. X, 22). Вотъ что разсказывалъ пресвитеръ Кроній Палладію еленопольскому объ одномъ подвижникѣ, по имени Евлогіи. „Этотъ Евлогій былъ человѣкъ очень образованный; принявъ монашество, онъ по слабости здоровья не рѣшился вступить въ общежитіе, но не считалъ себя способнымъ и къ уединенному подвижничеству. Разъ увидѣлъ онъ на торжищѣ одного увѣчнаго, у котораго не было ни рукъ, ни ногъ; подойдя къ нему, онъ помолился такъ: „Господи! во имя Твое я возьму этого несчастнаго и буду покоить его до самой смерти, чтобы ради его спастися и мнѣ. Помоги мнѣ, Господи, послужить ему“! — Послѣ сего Евлогій привелъ осла, посадилъ на него бѣдняка и привезъ въ свое жилище. Пятнадцать лѣтъ Евлогій ухаживалъ за нимъ, какъ за отцомъ роднымъ; онъ самъ омывалъ его, самъ натиралъ масломъ, носилъ его на рукахъ, берегъ и покоилъ, какъ только умѣлъ. Но, видно, нужно было еще больше испытать терпѣніе подвижника, и вотъ врагъ всякаго добра научилъ увѣчнаго поносить и всячески ругать своего благодѣтеля. Напрасно Евлогій его успокоивалъ, напрасно говорилъ ему: „скажи мнѣ, другъ мой, чѣмъ я огорчилъ тебя? я исправлюсь?“—Увѣчный не хотѣлъ и слушать его и требовалъ, чтобы Евлогій опять отнесъ его на торжище, гдѣ его взялъ. „Не могу выносить твоей коварной ласки, говорилъ несчастный: противна мнѣ эта голодная жизнь; я хочу мяса!“ Евлогій тотчасъ досталъ ему мяса, но увѣчный не успокоился: „скучно мнѣ жить съ тобою, хочу видѣть много людей!—Евлогій кротко отвѣчалъ ему: „я сейчасъ приведу къ тебѣ сколько хочешь братій“.—„О, я несчастный“! закричалъ увѣчный: „я не могу и на тебя-то смотрѣть, а ты хочешь привести сюда такихъ же тунеядцевъ, какъ ты! — Не хочу, не хочу—хочу на торжище“!—Тогда Евлогій обратился къ сосѣднимъ подвижникамъ за совѣтомъ: „что ему дѣлать съ увѣчнымъ?“ Тѣ отвѣчали ему: „Великій (такъ звали они пр. Антонія) еще живъ, — поди къ нему, и что онъ тебѣ скажетъ, то и сдѣлай: чрезъ него Богъ будетъ говорить тебѣ“. Евлогій обласкалъ увѣчнаго, положилъ его въ лодку и отправился съ нимъ къ великому Антонію. Поздно вечеромъ они туда прибыли; великій старецъ принималъ тогда всѣхъ приходящихъ. И вотъ онъ воззвалъ: „Евлогій, Евлогій, Евлогій“! А Евлогій думалъ, что старецъ зоветъ не его, а другого кого-нибудь, и потому не отвѣчалъ. — „Тебѣ говорю, Евлогій, который пришелъ сюда изъ Александріи“! сказалъ ему старецъ. Тогда Евлогій подошелъ къ Антонію. „Зачѣмъ ты пришелъ сюда“? спросилъ его старецъ.—„Кто открылъ тебѣ мое имя, отвѣтилъ Евлогій, Тотъ откроетъ и дѣло мое“. „Знаю, зачѣмъ ты пришелъ“, говоритъ ему великій Антоній: „но все же разскажи свое дѣло, чтобы слышала братія“. — Евлогій разсказалъ все по порядку и просилъ наставленія. Тогда великій старецъ строгимъ голосомъ говоритъ ему „Евлогій! Ты хочешь бросить его, но Сотворившій его не бросить его; ты бросишь его, а Богъ воздвигнетъ лучшаго, чѣмъ ты, и подниметъ его“... Въ глубокомъ молчаніи слушалъ покорный Евлогій. А старецъ, между тѣмъ, обращается къ увѣчному и громко говоритъ: „ты, грѣшный, недостойный ни земли, ни неба! Перестанешь ли возставать на Бога и раздражать брата? Или не знаешь, что тебѣ служитъ Самъ Христосъ? Какъ же ты смѣешь говорить противъ Христа? Развѣ братъ служитъ тебѣ не ради Христа?“— Потомъ старецъ обратился къ обоимъ вмѣстѣ: „перестаньте, дѣти, ссориться; идите съ миромъ домой; не разлучайтесь другъ съ другомъ; Богъ уже посылаетъ за вами... Сатана видитъ, что вы оба при концѣ подвига, скоро оба вы получите вѣнцы отъ Христа: ты за него, а онъ за тебя—вотъ почему онъ и навелъ на васъ это искушеніе. Идите же съ Богомъ; если ангелъ придетъ за вами, да не найдетъ васъ обоихъ вмѣстѣ—вы оба лишитесь вѣнцовъ. — Нѣтъ нужды сказывать, что оба они помирились всѣмъ сердцемъ, вернулись въ свою келью и— не прошло сорока дней, какъ оба, одинъ за другимъ, отошли ко Господу.... „Я самъ былъ переводчикомъ въ бесѣдѣ Антонія съ Евлогіемъ и увѣчнымъ, заключаетъ свой разсказъ пресвитеръ Кроній, ибо Антоній не зналъ по-гречески, а Евлогій и увѣчный не понимали языка египетскаго“.

Какъ поучителенъ этотъ разсказъ! „Терпи до конца!“—говоритъ онъ и мнѣ, и тебѣ, мой возлюбленный братъ о Христѣ! Можетъ-быть, тебя одолѣла нищета безысходная, можетъ-быть, ты вѣкъ свой скитаешься безпріютнымъ сиротой по чужимъ угламъ? терпишь и голодъ, и холодъ, и всякія болѣзни? И тогда не горюй, не ропщи на свою долю горькую: слышишь? Господь Самъ зоветъ къ Себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, обѣщая имъ упокоеніе,— Онъ насытитъ всѣхъ алчущихъ, утѣшитъ плачущихъ,—

вѣрь же слову Его неложному, бодро неси крестъ твой и терпи до конца. *До конца* — дотолѣ, пока Господу угодно будетъ держать тебя подъ крестомъ, до конца ли дней жизни твоей, или только до конца тѣхъ мрачныхъ, скорбныхъ дней, за которыми настанутъ для тебя ясные дни радости. Милостивъ Господь! по мѣрѣ смиренія Онъ подастъ тебѣ терпѣніе, по мѣрѣ терпѣнія подастъ и утѣшеніе, по мѣрѣ утѣшенія возгорится любовь къ Богу, по мѣрѣ любви возсіяетъ въ твоемъ сердцѣ радость о Дусѣ Святѣ. А тогда, понятно, и всѣмъ скорбямъ конецъ!.... (Извлеч. въ сокращ. изъ Троиц. л. № 200).

5. Счастливый страдалецъ.

По множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою (Пс. 93, 19), говоритъ царственный страдалецъ, пророкъ Давидъ. Онъ говоритъ вообще о болѣзняхъ сердечныхъ, о скорбяхъ, но истину его словъ чаще всего испытываютъ на себѣ тѣ великіе терпѣливцы, которые съ благодарностію къ Богу переносятъ тяжкія тѣлесныя страданія. Вспомнимъ нашего кіевскаго чудотворца Пимена многоболѣзненнаго: 20 лѣтъ лежалъ онъ на одрѣ болѣзни; другихъ исцѣлялъ отъ болѣзней, а себѣ не только не просилъ исцѣленія, а постоянно Бога благодарилъ за свою болѣзнь: видно, утѣшенія небесныя дѣйствительно увеселяли его душу такъ, что онъ забывалъ о болѣзни своей и видѣлъ въ ней особенную къ себѣ милость Божію. „Матушка!“ говорилъ одинъ сынъ своей многолѣтней страдалицѣ—матери: „ужели ты не скорбишь, не скучаешь, когда одна проводишь долгіе лѣтніе дни, пока мы всѣ работаемъ въ полѣ?“ — „Нѣтъ, сынокъ“, отвѣчала она: „зачѣмъ скорбѣть? Воля Божія!... Да и грѣшно скорбѣть: сколько милостей Божіихъ видѣла я на своему вѣку! Вотъ пришло время и поболѣть за грѣхи мои; лежу я и воспоминаю свои грѣхи, каюсь въ нихъ предъ Господомъ Богомъ, и благодарю Его милосердіе, что не погубилъ Онъ меня съ беззаконіями моими, а вотъ отечески наказуетъ: развѣ это не милость Божія? Слава Ему милосердому!“ Такъ смиренно — вѣрующій страдалецъ находитъ въ глубинѣ своего Богу преданнаго сердца великое благодатное утѣшеніе и живетъ радостью при мысли, что за терпѣніе свое онъ помилованъ будетъ отъ Бога въ будущей жизни.—Вотъ что разсказываетъ извѣстный „Святогорецъ“ въ своихъ прекрасныхъ письмахъ объ одномъ схимникѣ, о. Панкратіи, который много лѣтъ страдалъ ранами на ногахъ. „О. Панкратій, въ мірѣ Парамонъ, былъ изъ крѣпостныхъ. Въ дѣтствѣ его жестокая госпожа заставляла его ходить босикомъ въ глубокую осень, когда снѣгъ и ледъ уже покрывали землю, отчего ноги его стали сильно болѣть. Бѣдный отрокъ не вытерпѣлъ: онъ тайно убѣжалъ отъ своей барыни и, во что бы то ни стало, рѣшился уйти за Дунай, и дѣйствительно ушелъ и нѣсколько времени оставался въ услуженіи у русскихъ, тоже перебѣжавшихъ за границу. Онъ подружился съ однимъ малороссомъ, который почему-то покончилъ жизнь самоубійствомъ. Чувствительный Панкратій былъ сильно тронутъ и пораженъ потерею сердечнаго друга, и видя, какъ суетна мірская жизнь, бросилъ ее и удалился на Святую Гору. Здѣсь, въ Русикѣ, нашелъ онъ желаемое спокойствіе духа, несмотря на то, что нога его уже сгнивала отъ ранъ, которыя были слѣдствіемъ жестокой простуды въ дѣтствѣ. Впрочемъ, какъ ни ужасны были страданія о. Панкратія, онъ радовался духомъ и часто даже говорилъ мнѣ: „повѣрь, что я согласенъ сгнить всѣмъ тѣломъ, только молюсь Богу, чтобы избавилъ меня отъ сердечныхъ страданій, потому что они невыносимы“. Говорилъ я ему: „смотрю я на тебя иногда и жалѣю: ты бываешь временемъ самъ не свой отъ внутреннихъ волненій!“ — „Охъ, отвѣчалъ онъ: если сердце заболитъ—бѣдовое дѣло, это — адское мученіе! А мои раны, будь ихъ въ десятеро больше,—пустошь: я не нарадуюсь моей болѣзни, потому что, по мѣрѣ страданій, утѣшаетъ меня Богъ. Чѣмъ тяжелѣе моей ногѣ, чѣмъ мучительнѣе боль, тѣмъ мнѣ веселѣе, оттого что надежда райскаго блаженства покоитъ меня, надежда царствовать на небесахъ всегда со мною. А въ небесахъ вѣдь—очень хорошо“, съ улыбкою иногда восклицалъ Панкратій,—„Какъ же ты знаешь это?“ спросилъ я его однажды.— „Прости меня,“ отвѣчалъ онъ: „на твой вопросъ мнѣ бы не слѣдовало отвѣчать тебѣ откровенно, но мнѣ жаль тебя, когда ты страдаешь душою, и мнѣ хочется доставить тебѣ хотя малое утѣшеніе своимъ разсказомъ. Ты видалъ, какъ я временемъ мучусь; охъ, не даромъ я вьюсь змѣей на моей койкѣ: мнѣ бываетъ больно, тяжело больно, невыносимо! За то, что со мною бываетъ послѣ, это знаетъ вотъ оно только“, таинственно замѣтилъ о. Панкратій, приложивъ руку къ сердцу. „Ты помнишь, какъ я однажды, не вынося боли, метался на моей постелькѣ, и даже что-то похожее на ропотъ вырвалось изъ моихъ устъ. Наконецъ боль притихла, я успокоился; вы разошлись отъ меня по своимъ кельямъ, и я, уложивши мою ногу, сладко задремалъ. Не помню, долго ли я спалъ или дремалъ, только мнѣ видѣлось, и Богъ вѣсть къ чему... Я и теперь, какъ только вспомню про то видѣніе, чувствую на сердцѣ неизъяснимое, райское удовольствіе, и радъ бы вѣчно болѣть, только бы повторилось еще, хоть разъ въ моей жизни, это незабвенное для меня видѣніе: такъ мнѣ было хорошо тогда!“—„Что же ты видѣлъ?“ спросилъ я о. Панкратія.—„Помню, отвѣчалъ онъ: когда я задремалъ, подходитъ ко мнѣ отрокъ удивительной, ангельской красоты и спрашиваетъ: „тебѣ больно, о. Панкратій?“ — Теперь ничего, отвѣчалъ я, слава Богу.—„Терпи, говоритъ отрокъ: ты скоро будешь свободенъ, потому что тебя купилъ Господинъ, и очень — очень дорого“... — Какъ? говорю: я опять купленъ?— „Да, купленъ, отвѣчалъ съ улыбкою отрокъ: за тебя дорого заплачено, и Господинъ твой требуетъ тебя къ Себѣ. Не хочешь ли пойти со мной? — Я согласился. Мы шли по какимъ-то слишкомъ опаснымъ мѣстамъ; огромные псы злобно бросались на меня, готовые растерзать меня; но одно слово отрока — и они вихремъ неслись отъ насъ. Наконецъ, мы вышли на пространное, чистое и свѣтлое поле, которому не было, кажется, и конца. — „Теперь тебѣ нечего бояться, сказалъ мнѣ отрокъ: иди къ Господину, Который,— видишь? — сидитъ вдали“. Я посмотрѣлъ и дѣйствительно увидѣлъ трехъ Человѣкъ, рядомъ сидѣвшихъ. Удивляясь красотѣ мѣста, радостно шелъ я впередъ; неизвѣстные мнѣ люди въ чудномъ одѣяніи встрѣчали и обнимали меня; множество прекрасныхъ дѣвицъ, въ бѣломъ, царственномъ убранствѣ, скромно привѣтствовали меня и молча указывали вдаль, гдѣ сидѣли три Незнакомца. Когда я приблизился къ сидѣвшимъ, двое изъ Нихъ встали и отошли въ сторону, а Третій ожидалъ меня Въ тихой радости и въ какомъ-то умилительномъ трепетѣ я приблизился къ Нему,—„Нравится ли тебѣ здѣсь?“ кротко спросилъ меня Незнакомецъ. — Я взглянулъ на лицо Его: оно было свѣтло; царственное величіе отличало моего новаго Господина отъ людей обыкновенныхъ. Молча упалъ я въ ноги къ Нему, поцѣловалъ ихъ; на ногахъ были насквозь пробитыя раны. Послѣ того я почтительно сложилъ на груди моей руки и просилъ позволенія прижать къ моимъ грѣшнымъ устамъ и десницу Его. Не говоря ни слова, Онъ подалъ ее мнѣ. И на рукахъ Его были такія же глубокія раны. Нѣсколько разъ облобызалъ я десницу Незнакомца, и въ тихой, невыразимой радости смотрѣлъ на Него. Черты лица моего новаго Господина были удивительно хороши: онѣ дышали кротостію и состраданіемъ, улыбка любви и привѣта была на устахъ Его; взоръ выражалъ невозмутимое спокойствіе сердца Его.—„Я откупилъ тебя у госпожи твоей, сталъ говорить мнѣ Незнакомецъ, теперь ты навсегда уже Мой, Мнѣ жаль было видѣть твои страданія; твой дѣтскій вопль доходилъ до Меня, когда ты жаловался Мнѣ на госпожу свою, томившую тебя голодомъ и холодомъ, и вотъ ты теперь свободенъ навсегда. За твои страданія вотъ что Я готовлю тебѣ!..“ И дивный Незнакомецъ указалъ мнѣ на отдаленіе: тамъ было очень свѣтло; красивые сады, въ полномъ своемъ расцвѣтѣ, рисовались тамъ, и великолѣпный домъ блестѣлъ подъ ихъ райской тѣнью. — „Это твое“, продолжалъ Незнакомецъ: „только не совсѣмъ еще готово: потерпи. Когда наступитъ пора твоего покоя, Я возьму тебя къ Себѣ; а теперь побудь здѣсь, посмотри на красоты мѣста твоего, потерпи до времени: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ!*“ — Господи! воскликнулъ я внѣ себя отъ радости: я не стою такой милости! И я бросился Ему въ ноги, облобызалъ ихъ, но, когда поднялся, передо мною никого и ничего не было. Я проснулся. Раздался стукъ въ доску по нашей обители: ударяли къ утренѣ. Я всталъ тихонько на молитву. Мнѣ было очень легко, а что я чувствовалъ, что было у меня на сердцѣ — это моя тайна. Тысячи лѣтъ страданій отдалъ бы я за повтореніе подобнаго видѣнія. Такъ оно было хорошо!“ (Изъ „Писемъ“ Святогорца).

6. Жертва хваленія среди мученій.

Благословлялъ Бога въ скорбяхъ своихъ великій ветхозавѣтный страдалецъ праведный Іовъ, но и онъ, какъ человѣкъ, по временамъ жаловался на свои несносныя страданія, и онъ проклиналъ день своего рожденія (Іов. III, 2) и сожалѣлъ, зачѣмъ не умеръ онъ въ утробѣ матери (III, 11—12). *Почто данъ есть сущимъ въ горести свѣтъ,* говорилъ онъ, *и сущимъ въ болѣзнехъ животъ? Иже желаютъ смерти и не получаютъ, ищущи якоже сокровища* (III, 20 — 21)... А вотъ страдать, и въ самыхъ страданіяхъ забывать о страданіяхъ, терпѣть нестерпимыя муки, и среди этихъ мукъ прославлять Господа, воспоминая Его неизреченныя милости, явленныя всему роду человѣческому,—быть разсѣкаемымъ на части, и при всемъ этомъ думать только о дивныхъ дѣлахъ Божіихъ,—такое непостижимое для ума человѣческаго мужество могли проявить только Христовы мученики, въ которыхъ столь славно являла себя сила Христова. Вотъ одно изъ многихъ сказаній о такомъ мужествѣ мучениковъ.

Святого Іакова персянина рѣжутъ на части: ему отрѣзали *большой перстъ* на правой рукѣ. Мученикъ возводитъ очи на небо и говоритъ: „Господи Боже, Великій въ крѣпости, перстомъ Твоимъ изгоняющій бѣсовъ (Лук. XI, 20), пріими сей перстъ, за Тебя наущеніемъ бѣсовскимъ урѣзанный, какъ вѣтвь виноградной лозы: ибо и у лозы обрѣзаютъ вѣтви, чтобы она больше приносила плода“.— Мучитель отрѣзаетъ *второй* перстъ, а мученикъ молится: „пріими, Господи, и вторую вѣтвь отъ лозы, которую насадила десница Твоя!“... Ему отрѣзаютъ *третій* перстъ, а онъ говоритъ: „освободившись отъ трехъ искушеній въ мірѣ, отъ похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской, благословляю Отца и Сына и Святаго Духа и съ тремя отроками прославляю Тебя, Господи!“—Отрѣзаютъ *четвертый* перстъ, а онъ молится: „пріемлющій хваленіе отъ четырехъ животныхъ (Апок. IV, 8), пріими страданіе четвертаго перста моего за святое имя Твое!“—Отрѣзаютъ перстъ *пятый,* и Іаковъ говоритъ: „исполнилась радость моя, какъ радость пяти мудрыхъ дѣвъ!“ (Мѳ. 25, 2). Мучители уговариваютъ его пожалѣть себя, но страдалецъ отвѣчаетъ имъ: „когда пастухи стригутъ овецъ, то развѣ оставляютъ у нихъ одну сторону неостриженною? Я—овца Христова стада: обрѣзайте, какъ волну, всѣ члены мои!“— и снова сталъ молитвенно бесѣдовать съ Богомъ. И вотъ, ему отрѣзаютъ первый перстъ на лѣвой рукѣ, а онъ говоритъ: „благодарю Тебя, Господи, что сподобилъ меня *шестой* перстъ принести Тебѣ, простершему за меня въ шестой день и часъ Свои пречистыя руки на крестѣ“!—Отрѣзаютъ еще перстъ, а онъ славитъ Бога: „какъ устами седмижды днемъ съ Давидомъ прославлялъ я судьбы Твои, Господи, такъ теперь *седмью* перстами, за Тебя отрѣзанными, прославляю Твою милость, на мнѣ являемую“!—Рѣжутъ еще перстъ, и онъ вѣщаетъ: „Ты Самъ, Господи, пріялъ во осьмый день обрѣзаніе по закону, а я претерпѣваю за Тебя отрѣзаніе *осьмого* перста: не лиши меня лицезрѣнія пресвѣтлаго лица Твоего“!— Отрѣзаютъ слѣдующій перстъ, а мученикъ молится: „Ты, о, Христе мой, въ девятый часъ предалъ Духъ Свой Богу Отцу на крестѣ, а я въ болѣзни урѣзанія *девятаго* перста благодарю Тебя, что сподобилъ меня лишиться членовъ моихъ за имя Твое!“—Когда же отрѣзали *десятый* перстъ, онъ воскликнулъ: „въ десятострунной псалтири прославляю Тебя, Боже мой, сподобившаго меня претерпѣть отрѣзаніе всѣхъ перстовъ на обѣихъ рукахъ моихъ, за десятицу завѣта Твоего, на двухъ скрижаляхъ написаннаго“!—Снова уговариваютъ его мучители, и снова онъ отвергаетъ всѣ ихъ увѣщанія, обѣщанія и угрозы. Ему начинаютъ отрѣзать персты на ногахъ, и онъ съ тѣмъ же спокойствіемъ прославляетъ Господа при отрѣзаніи каждаго перста. Такъ, при отнятіи *перваго* онъ говоритъ: „слава Тебѣ, Христе Боже; у Тебя пронзены были не руки только, но и ноги; сподоби меня стать сею *десною* ногою хотя въ числѣ послѣднихъ одесную Тебя“!—При отнятіи *второго* перста онъ молится: „удвоилась на мнѣ милость Твоя, Господи, ибо Ты избавляешь меня отъ смерти вторыя“ (Апок. XX, 14). Отрѣзаютъ и бросаютъ предъ нимъ *третій* перстъ, а мученикъ съ улыбкою вѣщаетъ: „иди во имя Троицы и ты, третій перстъ, къ дружинѣ твоей: какъ зерно пшеничное, въ землю брошенное, и ты многъ плодъ принесешь въ день общаго воскресенія“! Отрѣзаютъ перстъ *четвертый,* а святый утѣшаетъ себя: „вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя? уповай на Бога, силою *четвероконечнаго* креста спасающаго мя, (внимайте, неразумные ревнители *восьмиконечнаго* креста, что говоритъ мученикъ Христовъ!) и я прославляю Его, отъ четырехъ стихій создавшаго меня“! Отрѣзаютъ перстъ *пятый,* мученикъ говоритъ: „славлю Тебя, Господи, пять язвъ на крестѣ претерпѣвшаго, что удостоиваешь Ты меня части вѣрныхъ рабовъ, пять талантъ умножившихъ“!—Ему отрѣзаютъ мизинецъ лѣвой ноги, а онъ говорить: „мужайся, малый перстъ *шестый;* Богъ, сотворившій въ шестый день тебя малаго съ большими, равно и воскреситъ тебя съ этими большими“! — Отрѣзаютъ *седьмой* перстъ, и мученикъ обращается къ мучителямъ со словами: „разоряйте сію ветхую храмину, подъ которую укрывается седмиглавый змій. Создатель, въ седьмой день почившій отъ дѣлахъ Своихъ, уготовалъ мнѣ храмину нерукотворенную, вѣчную на небесахъ!“ — Отрѣзаютъ *восьмой* перстъ, а Іаковъ разсуждаетъ: „Тотъ, Кто сохранилъ въ ковчегѣ Ноевомъ восемь душъ, спасетъ и меня, хотя и проливаете вы мою кровь, какъ воду“. Отрѣзаютъ *девятый* перстъ, и онъ молится: „укрѣпи меня въ терпѣніи, Боже истинный, какъ укрѣпилъ Ты во благодати Твоей девять чиновъ ангельскихъ во время искушенія!“ — Отрѣзаютъ *послѣдній* перстъ на ногѣ, а онъ восклицаетъ: „вотъ, я принесъ въ жертву Тебѣ, Іисусе Христе, совершенный Боже и совершенный Человѣче, двѣ десятицы перстовъ моихъ!“ — Тогда отсѣкаютъ ему всю стопу *правой ноги,* и онъ говоритъ: „да станетъ нога моя въ царствіи небесномъ на правотѣ!“ — Отсѣкаютъ затѣмъ стопу *лѣвой ноги,* а онъ, взирая на небо, молится: „услыши мя, Господи, сотвори со мною знаменіе во благо, избави меня отъ стоянія *ошуюю* Тебе!“ — Отсѣкаютъ *правую руку,* и онъ восклицаетъ: „милость Твою, Господи, вовѣкъ воспою: Ты самъ исполняешь на мнѣ слово Твое: *аще десная твоя рука соблазняетъ тя, отсѣцы ю и верзи отъ себе!*“—Отсѣкаютъ *лѣвую руку,* а онъ молится: „не мертвые восхвалятъ Тебя, Господи, не тѣ, которые сходятъ во адъ, держась пути шуяго, а мы, живые, благословимъ Тебя отнынѣ и до вѣка“. — Отсѣкаютъ *правое плечо,* и онъ говоритъ: „Тотъ, Кто возложилъ на плечо Свое овцу погибшую, поставитъ и меня одесную Себя со овцами Своими“.—Отсѣкаютъ *лѣвое плечо,* и онъ говоритъ: „Господь, Его же власть на рамѣ Его (Исаіи IX, 6), не попуститъ меня уклониться ко власти темной на страну шуюю“.—Стали отрѣзать ему ноги до колѣнъ, тогда страдалецъ болѣзненно возопилъ: „Господи Боже мой, *не въ лыстѣхъ мужескихъ благоволящій, но благоволящій въ боящихся Тебѣ* (Пс. CXLVI, 10 — 11), помоги мнѣ, рабу Твоему, ибо меня сокрушаютъ болѣзни смертныя!“ Мучители на это замѣтили ему: „вотъ, мы говорили тебѣ, что болѣзни тяжкія ждутъ тебя, а ты не вѣрилъ намъ“. Страдалецъ отвѣчалъ имъ: „я для того и возопилъ въ болѣзни моей, чтобы вы знали что я человѣкъ плотію обложенный, и что, слѣдовательно, только одинъ Богъ укрѣпляетъ меня! Но Онъ же и облечетъ меня въ новую плоть, которой не могутъ коснуться никакія ваши орудія мучительскія!“ — И непобѣдимый воинъ Христовъ сталъ прославлять Господа серафимскою пѣснью: „Святъ, Святъ, Святъ еси, Боже Вседержителю“, взывалъ онъ, лежа на землѣ, и призывалъ милость Божію, да укрѣпитъ его до конца. Наконецъ, мучители отрѣзали честную главу его, и онъ предалъ духъ свой Богу. — Какъ свѣча, догоралъ онъ предъ Богомъ, какъ ѳиміамъ кадильный, восходили къ Богу его славословія, и донынѣ ощущается это дивное благоуханіе молитвъ его, и теперь безъ умиленія сердечнаго нельзя читать разсказъ о его страданіяхъ, и по прочтеніи невольно восклицаешь съ царственнымъ пророкомъ: „дивенъ, воистину *дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ..!*“ (Ч.-М. 27 ноября; сн. Троицк. лист. № 198).

7. Дѣвица, окрещенная ангелами. [1]

Авва Ѳеона и авва Ѳеодоръ, пишетъ блаж. Іоаннъ Мосхъ, разсказали намъ: „при патріархѣ Павлѣ въ Александріи осталась сиротою послѣ смерти родителей, очень богатыхъ людей, одна дѣвица. Она была не крещена. Однажды вышла она въ садъ, оставленный ей родителями. Въ глубинѣ сада она увидала неизвѣстнаго человѣка, собравшагося удавиться. Быстро подбѣжавъ къ нему, она спросила:

— Что ты дѣлаешь, добрый человѣкъ?

— А тебѣ какое дѣло? Уйди! Я въ большомъ горѣ...

— Скажи мнѣ всю правду. Я, можетъ-быть, помогу тебѣ.

— Я много долженъ; мои заимодавцы сильно тѣснятъ меня, и я предпочелъ скорѣе умереть, чѣмъ вести такую горькую жизнь.

— Прошу тебя... вотъ возьми все, что у меня есть, и отдай... только не губи себя.

Тотъ съ благодарностію согласился на это и уплатилъ долги.

Между тѣмъ дѣвица оказалась въ стѣсненномъ положеніи. И не мудрено: осталась безъ родителей, позаботиться объ ней было некому. Придя въ крайнюю бѣдность, она начала распутную жизнь.

А тѣ, которые знавали ея родителей, говорили: „кто знаетъ суды Божіи, какъ и для чего попускается душѣ падать!“

---

[1] Примѣнительно къ 4 ст. V гл. Іоанна.

Молодой организмъ не вынесъ такой жизни: она заболѣла и—опомнилась. Въ сокрушеніи духа она просила сосѣдей: „ради Господа, сжальтесь надъ душой моей и поговорите съ епископомъ, чтобы мнѣ стать христіанкой“ [1]). Но всѣ отвернулись отъ нея съ презрѣніемъ.

„Кто пожелаетъ быть воспріемникомъ такой распутной женщины?“ говорили объ ней.

И была она въ большой скорби.

Когда она совсѣмъ пала духомъ при такихъ обстоятельствахъ, явился ей ангелъ Господень въ видѣ того человѣка, которому нѣкогда оказала она милость.

— Что съ тобою? спросилъ ее ангелъ.

— Я желаю сдѣлаться христіанкой, и, увы, никто не хочетъ сказать обо мнѣ.

— Въ правду ли ты желаешь?

— Да, и прошу и тебя объ этомъ.

— Не падай духомъ! я приведу когонибудь, и тебя примутъ въ лоно церкви.

Ангелъ приводитъ еще двухъ ангеловъ, и они относятъ ее въ церковь. Потомъ, принявъ видъ извѣстныхъ сановниковъ при особѣ намѣстника, приглашаютъ клириковъ, на обязанности которыхъ было крестить новообращенныхъ. Клирики спрашиваютъ сановниковъ:

— Ручается ли ваша любовь за нее?

— Да! отвѣчаютъ они.

Клирики совершили все, что слѣдуетъ по чину надъ готовящимися ко крещенію, и окрестили ее во имя Отца и Сына и Св. Духа. Потомъ облекли ее въ одежды новокрещенныхъ. Ангелы перенесли ее въ домъ, куда она вернулась въ бѣлыхъ одеждахъ. И, положивъ ее, стали невидимы.

Сосѣди, увидавъ ее въ бѣлыхъ одеждахъ, спрашивали:

— Кто окрестилъ тебя?

— Кто-то пришелъ, отвѣчала она, отнесли меня въ церковь, сказали клирикамъ, и они окрестили меня.

— Да кто же именно? Какіе клирики?

Объ этомъ она ничего не могла сказать. Доложили епископу; тотъ призвалъ клириковъ, приставленныхъ къ крещенію.

— Вы ли окрестили ту женщину? спросилъ онъ.

Тѣ не отреклись, подтвердили и сказали, что были приглашены для того такимъ-то и такимъ-то изъ сановниковъ при правителѣ. Епископъ посылаетъ за указанными лицами и спрашиваетъ у нихъ, точно ли они поручились за дѣвицу?

— Ничего мы не знаемъ, отвѣчали тѣ. Не знаемъ и тѣхъ, кто сдѣлалъ это.

Тогда епископъ понялъ, что это—дѣло Божіе. И, пригласивъ новокрещенную, спросилъ:

— Скажи мнѣ, дщерь моя, что сдѣлала ты добраго?

— Я—блудница и бѣдная... Что же добраго могла я сдѣлать?

— Такъ-таки и не знаешь за собою ни одного добраго поступка?

— Нѣтъ... вотъ развѣ это... однажды я увидала неизвѣстнаго мнѣ человѣка, собиравшагося удавиться; его сильно тѣснили заимодавцы. И, отдавъ ему все мое состояніе, я избавила его отъ бѣды...

И, сказавъ это, она почила въ Господѣ, получивъ отпущеніе своихъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній.

Епископъ прославилъ Господа: „праведенъ еси, Господи, и правы суды Твои!“ (Пс. 118. 137). (Изъ „Луга духовнаго“ блаж. Іоанна Мосха).

8. Бываютъ ли нынѣ явленія ангеловъ?

Въ наше грѣшное время нерѣдко приходится слышать такое мудрованіе: „нынѣ нѣтъ чудесъ, ангелы не приходятъ съ неба поучать людей, какъ въ древнія времена“. Правда ли это? Господь нашъ *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Той же и во вѣки*... Для того, чтобы имѣть общеніе съ ангелами, нужно имѣть и свойства ангельскія, нужно имѣть чистоту сердца и дѣтски — ангельскую простоту вѣры. Гдѣ есть то и другое, тамъ возможно и видѣніе ангеловъ. Вотъ что разсказывалъ въ Бозѣ почившій московскій святитель, митрополитъ Иннокентій, изъ того времени, когда онъ проповѣдывалъ вѣру Христову на Алеутскихъ островахъ. — „Въ апрѣлѣ 1825 года, въ великій постъ, отправился я въ первый разъ на островъ Акунъ къ алеутамъ. Подъѣзжая къ острову, я увидѣлъ, что они всѣ стояли на берегу наряженными, какъ бы въ торжественный праздникъ, и когда я вышелъ на берегъ, то они всѣ радостно бросились ко мнѣ. Я спросилъ ихъ: „почему они такіе наряженные?“—Они отвѣчали: „потому что мы знали, что ты выѣхалъ и сегодня долженъ быть у насъ, то мы на радостяхъ и вышли на берегъ, чтобы встрѣтить тебя“. — Кто же вамъ сказалъ, что я буду у васъ сегодня, и почему вы меня узнали, что я именно отецъ Іоаннъ? — „Нашъ шаманъ, старикъ Иванъ Смиренниковъ сказалъ намъ объ этомъ и описалъ намъ твою наружность такъ, какъ теперь видимъ тебя“. Это обстоятельство чрезвычайно меня удивило, но я все это оставилъ безъ вниманія и сталъ готовить ихъ къ говѣнію. Явился ко мнѣ этотъ старикъ — шаманъ и изъявилъ желаніе говѣть, онъ ходилъ очень аккуратно, и я все-таки не обращалъ на него особеннаго вниманія и, пріобщивши его св. Таинъ, отпустилъ его... — И что же? къ моему удивленію, онъ, послѣ причастія, отправился къ своему тоену (старшинѣ) и высказалъ ему свое неудовольствіе на меня, а именно за то, что я не спросилъ его на исповѣди, почему его алеуты называютъ шаманомъ, такъ какъ ему крайне непріятно носить такое названіе отъ своихъ собратій, и что онъ вовсе не шаманъ. Тоенъ, конечно, передалъ мнѣ неудовольствіе старика Смиренникова, и я тотчасъ же послалъ за нимъ для объясненія; и когда посланные отправились, то Смиренниковъ попался имъ навстрѣчу съ слѣдующими словами: „я знаю, что меня зоветъ священникъ, отецъ Іоаннъ, и я иду къ нему“. Я сталъ подробно разспрашивать о его жизни, и на вопросъ мой, грамотенъ ли онъ,—онъ отвѣтилъ, что, хотя и неграмотенъ, но евангеліе и молитвы знаетъ. Тогда я просилъ его объяснить, почему онъ знаетъ меня, что даже описалъ своимъ собратьямъ мою наружность, и откуда узналъ, что я въ извѣстный день долженъ явиться къ нимъ и что буду учить ихъ молиться? — Старикъ отвѣчалъ, что ему все это сказали двое его товарищей.—Кто же эти двое твои товарищи? спросилъ я его. „Бѣлые люди“, отвѣчалъ старикъ; — „они, кромѣ того, сказали мнѣ, что ты, въ недалекомъ будущемъ, отправишь свою семью берегомъ, а самъ поѣдешь водою къ великому человѣку и будешь говорить съ нимъ“.—Гдѣ же эти твои товарищи, бѣлые люди, и что это за люди? спросилъ я его. „Они живутъ недалеко здѣсь, въ горахъ, и приходятъ ко мнѣ каждый день“. — Когда же явились къ тебѣ эти бѣлые люди въ первый разъ? Онъ отвѣчалъ, что вскорѣ по крещеніи его іеромонахомъ Макаріемъ явился ему прежде одинъ, а потомъ и два духа, невидимые никѣмъ другимъ, въ образѣ человѣковъ, бѣлыхъ лицомъ, въ одѣяніяхъ бѣлыхъ и, по описанію его, подобныхъ стихарямъ, обложеннымъ розовыми лентами, и сказали ему, что они посланы отъ Бога наставлять, научать и хранить его. И въ продолженіе почти 30 лѣтъ они, почти каждодневно, являлись ему днемъ, или къ вечеру, но не ночью, а являясь, 1, наставляли и научали его всему христіанскому Богословію и таинствамъ христіанской вѣры; 2, подавали ему самому и, по прошенію его, другимъ, впрочемъ весьма рѣдко, помощь въ болѣзняхъ и крайнемъ недостаткѣ пищи. Но, въ разсужденіи помощи другимъ, они всегда отзывались на прошеніе его тѣмъ, что мы спросимъ у Бога, и если благоволитъ Онъ, то исполнимъ; 3, иногда сказывали ему происходящее въ другихъ мѣстахъ и, весьма рѣдко, будущее; но всегда съ тѣмъ, если то угодно Богу открыть, и увѣряли, что они не своею силою все то дѣлаютъ, но силою Бога всемогущаго. И хотя ихъ ученіе есть ученіе православной церкви, но я, зная, что и бѣсы вѣруютъ и трепещутъ, усомнился, не хитрая ли и тончайшая это сѣть искони лукаваго? и спросилъ его: какъ они учатъ молиться, себѣ или Богу, и какъ жить съ другими? Онъ отвѣчалъ, что они учатъ молиться духомъ и сердцемъ, и иногда молятся съ нимъ весьма долго, и учатъ исполнять, словомъ, всѣ чистыя христіанскія добродѣтели (кои онъ подробно мнѣ разсказалъ), а болѣе всего совѣтуютъ наблюдать вѣрность и чистоту, какъ въ супружествѣ, такъ и внѣ супружества (и это, можетъ-быть, потому, что здѣшніе жители болѣе всего склонны къ этому); сверхъ того учили его и другимъ внѣшнимъ добродѣтелямъ и обрядамъ, какъ-то: какъ изображать крестъ на тѣлѣ, не начинать никакого дѣла не благословясь, не ѣсть рано поутру, не жить вмѣстѣ многимъ семействамъ, не ѣсть вскорѣ убитой рыбы и звѣря еще теплаго; а нѣкоторыхъ птицъ и животнорастеній морскихъ совсѣмъ не употреблять въ пищу и проч. — Послѣ сего спросилъ я его: являлись ли они ему нынѣ, послѣ исповѣди и причастія, и велѣли ли слушать меня? — Онъ отвѣчалъ, что являлись, какъ послѣ исповѣди, такъ и послѣ причастія, и говорили, чтобъ онъ никому не сказывалъ исповѣданныхъ грѣховъ своихъ, и чтобъ, послѣ причастія вскорѣ, не ѣлъ жирнаго, и чтобъ слушалъ ученія моего, но не слушалъ промышленныхъ, т.-е. русскихъ, здѣсь живущихъ; и даже сегодня на пути явились ему и сказали, для чего я зову его, и чтобъ онъ все разсказалъ и ничего бъ не боялся, потому что ему ничего худого не будетъ. Потомъ я спросилъ его: когда они являются ему, что онъ чувствуетъ, радость или печаль?—Онъ сказалъ, что въ то только время, когда онъ сдѣлаетъ что-нибудь худое, то, увидя ихъ, чувствуетъ угрызеніе совѣсти своей, а въ другое время не чувствуетъ никакого страха; и такъ какъ его многіе почитаютъ за шамана, то онъ, не желая таковымъ быть почитаемъ, неоднократно говорилъ имъ, чтобъ они отошли отъ него и не являлись ему; они отвѣчали, что они не діаволы, и имъ не велѣно оставлять его, и на вопросъ его: почему они не являются другимъ? они говорили ему, что имъ такъ велѣно.—Дабы удостовѣриться, точно ли являются ему пѣстуны его, я спросилъ его: могу ли я видѣть ихъ и говорить съ ними? Онъ отвѣчалъ, что не знаетъ, а спроситъ у нихъ; и дѣйствительно, чрезъ часъ приходитъ и говоритъ, что они сказали на то: „и что онъ хочетъ еще знать отъ насъ? Ужели онъ еще почитаетъ насъ діаволами? Хорошо, пусть видитъ и говоритъ съ нами, если хочетъ“; и еще сказали нѣчто въ одобреніе мое; но я, дабы не сочтено было за тщеславіе со стороны моей, умолчу о семъ.—Тогда что-то необъяснимое произошло во мнѣ, какой-то страхъ напалъ на меня и полное смиреніе. Что, ежели въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, увижу ихъ, этихъ ангеловъ, и они подтвердятъ сказанное старикомъ? и какъ же я пойду къ нимъ? Вѣдь я же—человѣкъ грѣшный, слѣдовательно, и недостойный говорить съ ними, и это было бы съ моей стороны гордостью и самонадѣянностью, если бы я рѣшился итти къ нимъ; и, наконецъ, свиданіемъ моимъ съ *ангелами я, можетъ-быть*, превознесся бы своею вѣрою, или возмечталъ бы много о себѣ... И я, какъ недостойный, рѣшился не ходить къ нимъ,—сдѣлавъ предварительно, по этому случаю, приличное наставленіе, какъ старику Смиренникову, такъ и его собратамъ алеутамъ, чтобы они болѣе не называли Смиренникова шаманомъ“. Такъ заканчиваетъ святитель свой разсказъ. (Разсказъ этотъ взятъ изъ книги: *Иннокентій, митрополитъ московскій и коломенскій*. Сост. *И. Барсуковымъ*).

---

[1]) **Она еще не была крещена, ибо въ первые вѣка христіанства крестились, большею частью, въ зрѣломъ возрастѣ.**

9. Благодатная помощь по молитвамъ ко св. Θеодосію, архіеп. черниговск.[1]).

Я, нижеподписавшаяся, жена священника, калужской губерніи, мещовскаго уѣзда, села Неходова, Ирина Аθанасьева Смирнова, 53 лѣтъ, страдала много лѣтъ (около 25) тяжкою головною болѣзнью и другими тѣлесными недугами и особенно болью въ животѣ. Болѣзни мои всегда сопровождались истерическими припадками и кончались, до новаго заболѣванія, рвотою. Отъ тяжкихъ страданій я нажила себѣ еще новую болѣзнь — порокъ сердца, какъ опредѣлили врачи, отъ которой, по заключенію ихъ, особенно нашего земскаго—Николая Ивановича Орлова, я должна была умереть, такъ сказать, преждевременно и даже вдругъ. Много я лѣчилась у разныхъ докторовъ, бывала и въ Москвѣ, но главною заботою у меня было — молить Господа Бога и Его Пречистую Матерь о помилованіи, а св. угодниковъ Его о заступленіи и поданіи помощи мнѣ—тяжко страждущей. Хотя о болѣзни своей я и не говорила, какъ слѣдуетъ, ни мужу, ни дѣтямъ, чтобы не пугать ихъ и не огорчать, а, между тѣмъ, мой неистовый иногда крикъ, кувырканье по постели яснѣе словъ говорили о страданіяхъ моихъ и повергали не только своихъ, но и чужихъ въ грусть и тоску и невольно исторгали изъ глазъ слезы. Наконецъ, и для меня взошла отрадная и незабвенная заря!

Узнавъ, что 9 сентября 1896 года будетъ открытіе мощей святителя Θеодосія, углицкаго чудотворца, я, несмотря ни на какія препятствія, напутствуемая однимъ только благословеніемъ своего мужа, не сказавши даже роднымъ своимъ, отправилась въ невѣдомую для меня страну искать помощи себѣ у новоявленнаго чудотворца, святителя Θеодосія. Первое мое опасеніе—какъ я поѣду одинокая, больная? — угодникъ Божій Θеодосій, которому усердно молилась я, устранилъ тѣмъ, что на первой же станціи желѣзной дороги послалъ мнѣ добрую и благочестивую монахиню Салафіилу; съ ней я, какъ съ родной сестрой, самой близкой и сердечной, въ страшной тѣснотѣ и духотѣ отъ множества набившагося по вагонамъ народа, благополучно добралась до Чернигова наканунѣ открытія мощей, еще до всенощной, гдѣ угодникъ Божій, какъ я вѣрую, указалъ мнѣ хорошую и покойную квартиру, недалеко отъ собора. За множествомъ народа и страшною тѣснотою я, по слабости своей, на четвертый день только удостоилась приблизиться къ цѣльбоносному гробу и облобызать, вмѣстѣ съ другими, нетлѣнное тѣло святителя и чудотворца Θеодосія. Какъ я молилась въ тотъ часъ, какъ я просила о спасеніи меня, грѣшной—это знаетъ только сердцевѣдецъ Богъ и Его угодникъ Θеодосій. На другой день я тоже была въ соборѣ, слушала литургію и молебенъ и удостоилась еще приложиться къ мощамъ святителя, а на шестой день, съ спутницею своею, на пароходѣ отправилась въ Кіевъ для поклоненія святынямъ кіевскимъ. Отъ утомленія крѣпко уснула и—о чудо! Вижу я, какъ наяву, ко мнѣ, недостойной грѣшницѣ, подошелъ святитель Божій Θеодосій, въ архіерейскомъ облаченіи и, сказавъ: „у тебя болитъ сердце“, своею святою рукою положилъ мнѣ на грудь щепотку соли на самое больное мѣсто и удалился. Когда святитель Θеодосій спрашивалъ меня о болѣзни сердца, я, по приказанію его, раскрыла ему грудь, что замѣтивъ, спутница моя, не зная причины такого поступка моего, а видя, что я это дѣлаю при всѣхъ,—подошла ко мнѣ, стала закрывать грудь и разбудила. Съ того момента, какъ святитель Θеодосій положилъ мнѣ на грудь соли, я не чувствую доселѣ никакой боли въ сердцѣ, никакихъ ощущеній непріятныхъ, и сердце мое стало биться попрежнему, какъ и въ былое время, когда я была здорова.

---

[1]) Примѣнительно къ 7 ст. V гл. Іоанна: «человѣка не имамъ».

Побывавъ въ Кіевѣ у всѣхъ святыхъ мѣстъ, я съ сильною головною болью, простившись съ монахинею Салафіилою, отправилась обратно домой въ вагонѣ 2 класса. Уснувъ дорогой на диванчикѣ, я вторично удостоилась видѣть святителя Θеодосія въ блестящемъ святительскомъ облаченіи, въ митрѣ и съ посохомъ въ рукѣ, — онъ, чудотворецъ, подошелъ ко мнѣ, положилъ святительскую свою руку на одну сторону головы моей и съ словами: „боль головы пройдетъ“, благословилъ меня, и удалился.— Ту же минуту, вижу я, какъ наяву, изъ этой половины носомъ потекла ручьемъ кровь, сначала испорченная, а потомъ чистая, и долго текла, затѣмъ стала течь вода; проснулась я и чувствую, что половина головы моей совершенно здорова. Поблагодаривъ Бога и Его дивнаго угодника Θеодосія, я разсказала ѣхавшимъ со мною о своемъ видѣніи и исцѣленіи. Другая половина головы исцѣлилась по пріѣздѣ домой: распухла щека, и во рту образовался большой нарывъ, который черезъ нѣсколько дней прорвался, и осталась большая рана, но и она, будучи помазана масломъ, привезеннымъ отъ мощей святителя изъ Чернигова, скоро зажила, и въ этой половинѣ головы не чувствуется теперь никакой боли, и дѣятельность разсудка возстановилась попрежнему.

Приписывая свое исцѣленіе всецѣло чудодѣйственной силѣ святителя Θеодосія, я, по совѣту и благословенію милостиваго архипастыря своего, епископа калужскаго Макарія, которому въ бытность его въ селѣ нашемъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ сего 1897 года, для ревизіи церкви сообщено было о моемъ исцѣленіи, рѣшилась повѣдать всему міру, что дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ, что угодникамъ Своимъ Онъ даетъ по благости и правосудію Своему чудодѣйственную силу исцѣлять недуги и болѣзни съ вѣрою и любовію притекающихъ къ нимъ и просящихъ у нихъ помощи и заступленія. Слава Тебѣ Богу, благодѣющему намъ, милующему насъ и въ лицѣ угодниковъ Своихъ подающему скорую помощь тѣмъ страдальцамъ, у которыхъ надежда на помощь людскую, послѣ многихъ испытаній, оказывается безнадежною!

Для подтвержденія того, что объ исцѣленіи своемъ святителемъ Христовымъ Θеодосіемъ я говорю сущую правду, по чистой христіанской совѣсти, прилагаю удостовѣреніе земскаго врача, постоянно въ послѣднее время лѣчившаго меня — Николая Ивановича Орлова.

Жена священника *Ирина Смирнова*.

Удостовѣреніе.

Симъ по долгу службы и присяги удостовѣряю, что жена священника Мещовскаго уѣзда, села Неходова, Ирина Аθанасьева Смирнова нѣсколько лѣтъ страдала органическимъ порокомъ сердца (vitium organicum cordis): сильное сердцебіеніе, одышка, съ первымъ временемъ вмѣсто тона шумъ и перебои. Вслѣдствіе вышеозначеннаго страданія нерѣдко появлялись у ней припадки грудной жабы: чувство страха, стѣсненія въ груди, недостатокъ воздуха и нѣмое сильное сердцебіеніе и одышка. Отъ вышеописанной болѣзни я и другіе врачи пользовали больную и помогали ей, но вполнѣ излѣчить это страданіе, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, наука безсильна, и больная черезъ нѣсколько времени должна была неизбѣжно умереть. Когда 20 іюля текущаго года меня пригласили опять и просили какъ можно скорѣе, я думалъ, что повторилась та же самая болѣзнь. По осмотрѣ больной оказалось, что она больна другою болѣзнію: воспаленіемъ желудка и кишекъ (gastro-enteritis). При изслѣдованіи сердца, къ великому удивленію моему, оказалось, что оно вполнѣ нормально: тоны его чисты, шума нѣтъ, пульсъ правильный, перебоевъ нѣтъ.

Откровенно говоря, я и себѣ не повѣрилъ и на слѣдующій день, когда съ другимъ врачомъ еще разъ навѣстили больную, которой стало много лучше, мною и имъ снова произведено было подробное изслѣдованіе сердца, и мы оба вполнѣ убѣдились, что послѣднее нормально. 1897 г. іюня 26 дня.

Врачъ Мещовскаго земства, Зубовскаго врачебн. пункта, коллежскій асессоръ Н. Орловъ. (Черниг. Еп. В.; сн. Воскр. день 1897 г. № 38).

НЕДѢЛЯ О САМАРЯНЫНѢ.

Еванг. отъ Іоан., зач. 12-е, гл. IV, 5—42 ст.

1. Іисусъ Христосъ и самарянка.

Іисусъ Христосъ, узнавъ, что возрастающее число учениковъ Его возбудило сильное неудовольствіе къ Нему фарисеевъ, оставилъ Іудею и возвратился въ Галилею. Кратчайшій путь шелъ туда чрезъ Самарію. Іисусъ пошелъ этою дорогою и на пути своемъ проходилъ чрезъ плодородную долину между горами Гаразиномъ и Геваломъ, въ которой находится городъ Сихемъ, или Сихарь. Обѣ горы возвышаются на восемьсотъ футовъ надъ долиной, которая сама лежитъ на 1750 футовъ надъ моремъ. Многочисленныя террасы и ущелья Гаразина, равно какъ и вся долина, красуются садами и рощами, богатыми прекрасною южною растительностью: апельсинныя, гранатовыя, шелковичныя, абрикосовыя, смоковничныя, миндальныя и другія деревья доставляютъ обильные плоды; жаркая подошва Гевала засажена оливковыми деревьями.

На получасовомъ разстояніи отъ города къ востоку, долина Сихемская склоняется въ другую, простирающуюся отъ сѣвера къ югу; по ней проходитъ обыкновенная дорога изъ Галилеи въ Іерусалимъ, не заворачивая въ Сихемъ. Въ этомъ мѣстѣ находится гробъ Іосифа (Іис. Нав. XXIV, 32). Непосредственно подлѣ могилы, на склонѣ горы Гаразина, находится *колодезь Іакова*, имѣющій семьдесятъ пять футовъ глубины [1]). Мѣстность эта весьма замѣчательна также и въ историческомъ отношеніи. Здѣсь Авраамъ, оставивши по повелѣнію Божію отечество свое, поставилъ было сначала палатки и создалъ жертвенникъ Господу. Здѣсь Іаковъ купилъ поле у сыновъ Емора; здѣсь, на этомъ полѣ, погребены были кости Іосифа; здѣсь Іисусъ Навинъ въ собраніи народа, бывшемъ предъ его смертію, произнесъ благословеніе на исполнителей и проклятіе на нарушителей закона и возобновилъ завѣтъ народа израильскаго съ Богомъ его; здѣсь при Ровоамѣ произошло великое раздѣленіе земли на царство израильское и іудейское.

Іисусъ Христосъ шелъ по этой прелестной долинѣ, неподалеку отъ города Сихема [1]). Былъ шестой часъ дня, т.-е. полдень. Уставши отъ путешествія, Онъ сѣлъ у колодезя. Полдневный жаръ тяготѣлъ надъ золотыми нивами Сихема. Вся земля какъ бы задремала отъ жгучихъ полуденныхъ лучей солнца, все какъ бы заснуло, бодрствовала одна только любовь Спасителя. Спустя немного времени, одна самарянская женщина пришла къ колодезю почерпнуть воды. Она пришла сюда, какъ приходила уже сотни разъ, ни о чемъ особенно не думая при этомъ. Она видитъ человѣка, сидящаго подлѣ колодезя, и ничего больше не замѣчаетъ. Видя въ немъ чужеземца и притомъ изъ враждебной ея соотечественникамъ израильской народности, она не привѣтствуетъ Его. Наполнивши свои ведра водою, она хотѣла уже уйти, но Іисусъ сказалъ ей: „дай Мнѣ пить“! Ученики съ радостію услужили бы своему Господу и Учителю, но они отлучились въ городъ купить пищи. Женщина окинула взоромъ Іисуса съ головы до ногъ. Она видитъ и слышитъ не болѣе, какъ обыкновеннаго іудея. Поэтому, вспомнивши о враждѣ, которая господствовала между іудеями и самарянами, она говоритъ Ему: „какъ Ты, будучи іудей, просишь пить у меня, самарянки?“

---

[1]) Недалеко отъ колодезя и теперь еще находятся развалины церкви, которая была построена въ воспоминаніе бесѣды Іисуса съ самарянкой.

[1]) Іоаннъ называетъ этотъ городъ именемъ Сихарь, т.-е. ложь, въ знакъ того, что самаряне напрасно производили себя отъ Авраама и считали истиннымъ свое богослуженіе. Такая знаменательная перемѣна названій часто встрѣчается въ св. писаніи, напр. у пророка Осіи (IV, 15) Веѳиль (домъ Божій) измѣненъ въ Веѳъ-Авенъ (домъ грѣховъ).

Іисусъ теперь свидѣтельствуетъ ей, что Онъ однако больше, чѣмъ она думаетъ. Онъ отвѣчаетъ ей: „если бы ты знала даръ Божій, и Кто говоритъ тебѣ: дай Мнѣ пить, то ты сама просила бы у Него, и Онъ далъ бы тебѣ воду живую“ [1]). Женщина не поняла Іисуса; она думала, что Онъ говоритъ о колодезной водѣ. Но такъ какъ у Него не было сосуда, которымъ бы Онъ могъ почерпнуть воды, а колодезь былъ глубокъ, то она совершенно не могла понять Его словъ. Поэтому она отвѣчала: „Господинъ! Тебѣ и почерпнуть нечѣмъ, а колодезь глубокъ, откуда же у Тебя вода живая? Неужели Ты больше отца нашего Іакова, который далъ намъ этотъ колодезь, и самъ изъ него пилъ, и дѣти его, и скотъ“? Судя однако по тому, что она въ разговорѣ назвала Его „господинъ“, можно видѣть, что Іисусъ произвелъ на нее особенное впечатлѣніе. Она не сомнѣвается въ истинности Его словъ, но только не можетъ понять, что Онъ разумѣетъ подъ водою. Іисусъ указываетъ на колодезь, у котораго они стояли, и говоритъ ей: „всякій, піющій воду сію, возжаждетъ опять, а кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во-вѣкъ; но вода, которую Я дамъ ему, сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную“. Изъ этихъ словъ самарянка должна была понять, чего собственно желалъ говорившій съ нею. Она должна была видѣть, что Онъ здѣсь разумѣлъ не какую-нибудь земную, видимую воду. Она понимаетъ, что эта вода должна быть очень хороша и несравненно лучше, чѣмъ вода изъ колодезя Іакова, потому что навсегда утоляетъ жажду; только она не знаетъ, что это за вода, которую предлагаетъ ей Іисусъ. Впрочемъ, она проситъ Его: „Господинъ, дай мнѣ этой воды, чтобъ мнѣ не имѣть жажды и не приходить сюда черпать“.

Она проситъ живой воды. Это первый шагъ, котораго желалъ отъ нея Іисусъ Христосъ. Но чтобъ могла она пить эту воду, ей нужно было прійти въ сознаніе самой себя, своихъ грѣховъ, и познать Того, Кто съ нею говорилъ. Поэтому Іисусъ Христосъ продолжаетъ къ ней дальше: „поди, позови мужа своего, и прійди сюда!“ Слова Спасителя дошли до ея сердца. Совѣсть ея пробудилась. Но она еще пытается уклониться отъ Сердцевѣдца, и въ смущеніи говоритъ: „у меня нѣтъ мужа“. Іисусъ это полупризнаніе ея снисходительно принялъ за полное признаніе и, указывая перстомъ святой любви на больное мѣсто ея совѣсти, говоритъ ей: „правду ты сказала, что у тебя нѣтъ мужа, ибо у тебя было пять мужей; и тотъ, котораго нынѣ имѣешь, не мужъ тебѣ; это справедливо ты сказала“. Этими словами Онъ припоминаетъ ей не только настоящую, невоздержную ея жизнь, но и всѣ грѣхи ея въ продолженіе пяти прежнихъ браковъ, которые конечно не безъ ея вины разорваны были [1]). Совѣсть ея была поражена. Какъ бѣдная грѣшница, стоитъ она предъ чужеземцемъ, святой, проницательный взоръ Котораго все видѣлъ. Она отвѣчаетъ: „Господи! вижу, что Ты пророкъ“. Этимъ она признаетъ истину Его словъ. Отвѣтъ ея есть совершеннѣйшая исповѣдь, она чувствуетъ себя грѣшницей, имѣющей нужду въ помилованіи. Поэтому она, въ стыдливомъ замѣшательствѣ, измѣняетъ направленіе бесѣды и предлагаетъ Іисусу для разрѣшенія вопросъ: „отцы наши поклонялись на этой горѣ, а вы говорите, что мѣсто, гдѣ должно поклоняться, находится въ Іерусалимѣ“ [2]). Вопросъ былъ совершенно непринужденный. Она могла и должна была съ пророкомъ говорить о Богѣ и богопочтеніи, и надѣялась услышать на этотъ вопросъ что-нибудь утѣшительное для души своей. Господь, чтобъ показать ей, что одно внѣшнее богослуженіе и богопочтеніе не поможетъ грѣшной душѣ ея, сказалъ ей: „повѣрь Мнѣ, что наступаетъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь; а мы знаемъ, чему кланяемся: ибо спасеніе отъ іудеевъ“. Этимъ Онъ осуждаетъ богослуженіе самарянъ и становится на сторону іудеевъ, которые одни имѣютъ истинное откровеніе, и отъ которыхъ должно произойти спасеніе (Мессія), но вмѣстѣ съ тѣмъ и открываетъ взору самарянки то время, когда падетъ преграда, раздѣлявшая народы. Богъ призоветъ язычниковъ, уничтожитъ прообразовательныя учрежденія и устроитъ по всей землѣ духовное, сердечное поклоненіе Богу. Эту великую истину Онъ повторяетъ здѣсь и въ другой разъ: „настанетъ время, и настало уже, что истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ, ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ. Богъ есть Духъ, и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ“. Это время уже теперь открывается съ явленіемъ Іисуса Христа во плоти. Истинные поклонники отселѣ служатъ Ему не одною только молитвою на устахъ, но приносятъ въ жертву Богу всего человѣка въ духѣ и истинѣ. Это была та живая вода, о которой самарянка говорила: „Господи! дай мнѣ этой воды“; теперь эта вода струилась въ словахъ Господа. Самарянкѣ оставалось только черпать и пить.

---

[1]) См. Быт. XXVI, 19. Іисусъ Христосъ подъ живою водою разумѣетъ вѣчную жизнь, которая въ св. писаніи часто называется такимъ образомъ (Пс. XXII, 2; XXXV, 10. Исаіи XI, 17—18. Апок. VII, 17; XXI, 6; XXII, 1). Это названіе Іисусъ приспособилъ здѣсь къ мѣсту, гдѣ находился, и къ первымъ словамъ разговора.

[1]) Поэтому она послѣ и говоритъ (ст. 29): «Онъ сказалъ мнѣ *все*, что я сдѣлала».

[2]) Построенный самарянами, послѣ плѣна вавилонскаго, на горѣ Гаразинѣ, храмъ, около 129 года до Р. Хр., былъ разрушенъ Іоанномъ Гирканомъ (Antiqu. Joseph. 13, c. 9. § 1). Тѣмъ не менѣе гора Гаразинъ служила и впослѣдствіи мѣстомъ поклоненія Богу. Еще и теперь небольшое самарянское общество въ Наблусѣ, древнемъ Сихемѣ, состоящее изъ 150 душъ, одинъ разъ въ годъ торжественно, при чтеніи книги закона Моисеева, идетъ на гору Гаразинъ, приноситъ здѣсь жертвы и молится.

Она, конечно, не понимала этихъ словъ во всемъ ихъ объемѣ. Іисусъ говорилъ ей то, чего доселѣ не говорилъ ни одному изъ своихъ учениковъ. Но слово произвело на нее глубокое впечатлѣніе. Самарянка, конечно, чувствовала, что она слаба и неспособна понять эти слова во всей ихъ глубинѣ. Потому она сказала „знаю, что пріидетъ Мессія, то-есть Христосъ; когда Онъ придетъ, то возвѣститъ намъ все“. Этого признанія и желалъ отъ нея Іисусъ Христосъ. Онъ готовъ исполнить желаніе ея сердца и потому говоритъ ей: „это Я, Который говорю съ тобою“.

Въ это время возвратились изъ города ученики Его. Они удивились, что Іисусъ бесѣдовалъ съ женщиной[1] и къ тому еще съ самарянкой. Но уваженіе къ Іисусу удержало ихъ желаніе спросить Его, зачѣмъ и о чемъ Онъ съ нею говоритъ. Самарянка же, оставивши свой водоносъ, съ радостнымъ сердцемъ поспѣшила въ городъ. Здѣсь она объявила всѣмъ: „пойдите и посмотрите Человѣка, который сказалъ мнѣ все, что я сдѣлала: не Онъ ли Христосъ? Какъ онъ преобразилъ меня, такъ преобразитъ и васъ, ступайте только, и вы убѣдитесь“! Множество сихемлянъ пошло изъ города видѣть Іисуса. Когда Онъ увидѣлъ ихъ, сердце Его наполнилось святою радостію.

Между тѣмъ ученики просили Его, говоря: „Равви! ѣшь“. Но Онъ отвѣчалъ имъ: „у Меня есть пища, которой вы не знаете“. Ученики не поняли Его словъ. Не рѣшаясь однако разспрашивать Его далѣе, они говорили между собою: „развѣ кто принесъ Ему ѣсть?“ Но Іисусъ, прочитавшій ихъ удивленіе на ихъ лицѣ и въ ихъ сердцѣ, объясняетъ имъ Свои первыя слова: „Моя пища — творить волю пославшаго Меня, и совершить дѣло Его“. Не о голодѣ и жаждѣ, не о зноѣ и усталости, не о полдневномъ отдыхѣ и обѣдѣ думаетъ Онъ въ эти священныя минуты. Теперь душа Его у Бога, Который послалъ Его, теперь весь духъ Его погруженъ въ великое дѣло, которое Отецъ поручилъ Ему. Самаряне спѣшили къ нему черезъ поле. Потому Онъ продолжаетъ: не говорите ли вы во время сѣянія: „еще четыре мѣсяца и наступитъ жатва“[1]. Но здѣсь дѣло идетъ еще быстрѣе. Сѣмя слова едва только посѣяно, и поле уже созрѣло для жатвы.

О, какое громадное, широкое и славное поле жатвы видѣлъ Господь предъ Собою, когда говорилъ это ученикамъ у колодезя Іаковлева, подлѣ Сихема! Свѣтившіеся радостію глаза Его видѣли тогда не однѣ только нивы самарійскія, не однѣ горы іудейскія, Онъ духомъ созерцалъ всю вселенную. Но чтобъ пробудить охоту и надежду въ ученикахъ, которые должны будутъ трудиться на этой духовной нивѣ, Онъ указываетъ имъ на то, что они получатъ награду жнецовъ, именно должны будутъ къ Его и общей ихъ радости собрать спасенныхъ грѣшниковъ въ жизнь вѣчную, — къ Его радости, какъ Сѣятеля, и ихъ радости, какъ жателей; потому что къ этому случаю въ полномъ смыслѣ подходитъ изреченіе: „одинъ сѣетъ, а другой жнетъ“. Іисусъ Самъ совершаетъ тяжелый трудъ сѣянія; они же будутъ только жать и собирать въ житницы. Какъ ни тяжелъ иногда будетъ и ихъ трудъ, но въ сравненіи съ Его трудомъ онъ не болѣе, какъ веселая и легкая жатва.

Между тѣмъ подошли самаряне. Они повѣрили свидѣтельству женщины и просили Іисуса остаться у нихъ. Онъ пробылъ у нихъ два дня, и это время исполнено было плодовъ и благословенія. Если они прежде увѣровали въ Него по слову женщины, то теперь увѣровали по Его слову, потому что сами узнали и испытали, что Онъ есть Мессія, Спаситель міра. (См. кн. „Земная жизнь Господа I. Христа“, Орды).

---

[1] Раввинское іудейство считало неприличнымъ говорить внѣ дома съ женщинами.

[1] Іисусъ припоминаетъ здѣсь поговорку, которую употребляли во время сѣянія, чтобъ облегчить тяжелый трудъ, перенося мыслію къ веселому времени жатвы. Совершенно такимъ же образомъ Іисусъ приводитъ поговорку, относившуюся къ погодѣ (Матѳ. XVI, 2).

2. О поклоненіи Богу духомъ и истиною.

Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися. Іоан. IV, 24.

Не для всѣхъ, конечно, понятна эта заповѣдь Постараемся объяснить, сколько возможно, простѣе.

Когда ты, возлюбленный о Христѣ братъ, стоя въ храмѣ Божіемъ, или дома предъ св. иконами, возлагаешь на себя крестное знаменіе, преклоняешь голову или колѣна, или повергаешься всѣмъ тѣломъ на землю, произнося устами слова молитвы или псалма, или другой какой священной пѣсни; когда лобзаешь св. крестъ, или св. евангеліе, или св. икону, когда возжигаешь предъ св. иконою свѣчу или елей, или приносишь въ церковь ладонъ для кажденія въ славу Божію и въ честь св. угодниковъ Его; или когда украшаешь святыя иконы златомъ и серебромъ для благолѣпія святыни: тогда совершаешь чествованіе, служеніе и поклоненіе Богу внѣшнее, наружное.

Но когда ты возносишься благоговѣйною мыслію, благочестивымъ желаніемъ и чувствомъ къ невидимому Богу; когда, сознавая и глубоко чувствуя свою ничтожность и свою виновность предъ Нимъ, свою зависимость во всемъ отъ Него и Его безпредѣльную любовь и милосердіе къ тебѣ, предаешь свою волю и всю свою жизнь Его всеблагой и святой волѣ, при посѣщеніяхъ скорбныхъ съ сыновнею покорностію и благодушнымъ терпѣніемъ, при благихъ намѣреніяхъ и предпріятіяхъ съ твердымъ упованіемъ на Его всемощную и всегда готовую помощь; когда, памятуя, что ты всегда и вездѣ находишься въ Его присутствіи, предъ лицомъ Его, изъ благоговѣнія къ Нему всячески остерегаешься отъ всѣхъ помысловъ и дѣлъ, недостойныхъ Его святости, и тщательно заботишься исполнять то, что Онъ заповѣдалъ: тогда ты чествуешь Его внутренно, служишь и поклоняешься Ему духомъ.

Нѣтъ надобности говорить, что чествованіе Бога, служеніе и поклоненіе Ему духомъ — выше служенія и чествованія наружнаго и поклоненія тѣлеснаго; служеніе и поклоненіе наружное одно, безъ внутренняго, есть только образъ благочестія безъ силы его. Изнуряй тѣло свое постомъ и трудомъ, проводи ночи въ бдѣніи и стояніи, творя непрерывно земные поклоны предъ святыми иконами, нося власяницу и вериги на тѣлѣ для умерщвленія плоти грѣховной: все это можетъ быть душеполезнымъ и богоугоднымъ. Но все это останется безплоднымъ трудомъ плоти, если въ то же время не будешь возноситься къ Богу духомъ, благоговѣйными мыслями, благочестивыми желаніями и святыми чувствованіями, если не будешь плѣнять умъ въ послушаніе вѣры, покорять свою волю волѣ Божіей, приносить свое сердце Богу въ жертву живую, святую.

Не должно однакоже забывать, что мы хотя духовны по самой природѣ, и особенно по возрожденію отъ Св. Духа, но не безплотные. Духи безплотные для выраженія благоговѣйныхъ чувствованій не имѣютъ нужды въ видимыхъ образахъ; а нашъ духъ, облеченный плотію, не можетъ обойтись безъ нихъ. По тѣсной связи души съ тѣломъ сильное и глубокое чувствованіе души, независимо отъ нашей воли, обнаруживается въ сообразныхъ съ нимъ движеніяхъ тѣла. Когда, напр., душа полна радости о Господѣ, чувствованій хвалы и благодаренія къ Богу благодѣющему, тогда эти чувствованія, какъ бы не вмѣщаясь въ ней, стремятся излиться въ восклицаніяхъ, пѣснопѣніяхъ и другихъ знаменіяхъ радости и благодаренія: *отъ избытка сердца уста глаголютъ* (Мѳ. XII. 34). Когда сердце исполнено чувствомъ благоговѣнія къ Богу и чувствомъ нужды въ помощи Божіей, тогда эти чувства невольно выражаются преклоненіемъ колѣнъ, поверженіемъ на землю, воздѣяніемъ рукъ или возведеніемъ очей къ небу; подобнымъ образомъ чувство печали о грѣхахъ изливается неудержимо въ слезахъ и воздыханіяхъ изъ сокрушеннаго покаяніемъ сердца. Итакъ, тѣло наше не есть только одежда духа, но и необходимое богодарованное орудіе его; чрезъ него духъ нашъ совершаетъ многія дѣйствія свои и взаимно чрезъ него же получаетъ возбужденія къ дѣйствію.

Потому самое устройство и составъ нашей природы изъ невидимаго и видимаго естества, изъ духа и тѣла, самая истина нашего бытія требуетъ, чтобы внутреннее разумное чествованіе, служеніе и поклоненіе Богу духомъ выражалось въ видимыхъ знаменіяхъ и сопровождалось участіемъ тѣла, чтобы все существо наше совершало службу Божію, какъ заповѣдуетъ апостолъ: *прославите Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія* (1 Кор. VI, 20). Въ этомъ-то согласіи духовнаго служенія съ тѣлеснымъ состоитъ заповѣдуемое Господомъ поклоненіе Отцу духомъ и истиною. *Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися.*

Отсюда можете видѣть, какъ много погрѣшаютъ противъ истины тѣ, которые поставляютъ служеніе и поклоненіе Богу въ однихъ наружныхъ знакахъ и дѣйствіяхъ тѣлесныхъ, какъ-то: въ поклонахъ, крестномъ знаменіи, преклоненіи колѣнъ, въ чтеніи молитвъ безъ участія сердца, въ возженіи свѣчей и пр.; а равно и тѣ, которые ограничиваютъ его только внутренними дѣйствіями духа, пренебрегая или отвергая, какъ излишнія, всѣ наружныя знаменія вѣры, любви и благоговѣнія къ Богу; тѣ и другіе стѣсняютъ духъ въ его восхожденіи къ Богу: первые порабощаютъ его тѣлу, а послѣдніе отнимаютъ у него пособіе отъ тѣла, какъ необходимаго орудія для выраженія и для поддержанія его чувствованій. И тѣ и другіе хотятъ служить и поклоняться Богу одною только частію своего существа, а не всѣмъ существомъ; одни дѣлаютъ это отъ неразумной простоты или отъ лѣности, а другіе отъ безразсуднаго высокоумія, *безъ ума дмяся отъ ума плоти* (Колос. II, 18—19).

Будемъ, православные христіане, соединять всегда тѣлесное служеніе и поклоненіе наше Богу съ духовнымъ, сердечнымъ, внутреннимъ, какъ заповѣдано намъ словомъ Божіимъ и примѣромъ Самого Господа Іисуса Христа, апостоловъ и всѣхъ святыхъ, и какъ научила насъ матерь наша, святая, соборная и апостольская церковь. Покланяясь тѣломъ и произнося устами, или слушая, слова молитвы, будемъ всегда возноситься благочестивыми мыслями, желаніями и чувствованіями къ Богу; возжигая свѣчу предъ св. иконою, будемъ воспламенять сердце свое любовію къ Богу; принося жертвы отъ достоянія своего по силѣ для украшенія храма Божія, или домашней св. иконы, будемъ вмѣстѣ съ тѣмъ пещися объ украшеніи души своей дѣлами богоугодными; ибо душа христіанина должна быть благолѣпнымъ храмомъ Духа Святаго. (Сост. по Моск. Еп. Вѣд. 1873 г.; сн. „Воскр. бес.“ № 5, 1874 г.).

3. Жажда спасенія.

Какой поучительный примѣръ представляетъ самарянка! Шла она почерпнуть воды обыкновенной, но у источника простой воды обрѣла источникъ спасенія. Душа ея, какъ видно, не совсѣмъ была поглощена заботами житейскими, почему Господь съ двухъ — трехъ словъ перевелъ ея мысли отъ земного къ небесному и по поводу почерпанія воды научилъ ее искать воду, отъ которой піющій не вжаждется паки. *А иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ* (Іоан. IV, 13—14). Услышавъ это, жена желательно воззвала: „Господи, даждь ми сію воду!“

Вникнемъ въ этотъ урокъ евангельскій. Жаждай да грядетъ ко мнѣ и да піетъ, приглашаетъ Господь. Но не со всякою жаждою можно приходить ко Господу, а только съ такою, какой прилично просить у Него удовлетворенія. Что же приличнѣе просить у Спасителя кромѣ спасенія? Итакъ, возжаждавъ спасенія, приступимъ ко Господу въ чаяніи утолить эту жажду, въ простотѣ употребляя способы, какіе угодно было Ему начертать для сего. Но жажда спасенія въ комъ умѣстна? Въ томъ, кто чувствуетъ себя со всѣхъ сторонъ стѣсненнымъ, окруженнымъ опасностями, обремененнымъ бѣдами и лишеніями. Можно сказать всякому: „дойди до сознанія, что ты въ такомъ положеніи, — и потечешь ко Господу искать спасенія“. О! коль скоро такъ, то недостатка понужденій итти ко Господу не должно быть: и дивиться надобно, отчего не всѣ устремлены уже къ Нему, чтобы почерпать воду съ веселіемъ изъ сего источника спасенія. Посмотримъ, что вокругъ насъ и въ насъ? Вокругъ насъ ходитъ невѣріе, сомнѣніе, равнодушіе ко всему святому, которыя, заходя внутрь насъ, могутъ колебать нашу душу недоумѣніями и покрывать умъ туманомъ противоположныхъ помышленій, вносящихъ раздоръ въ область мирной и ублажающей вѣры. Умъ ищетъ свѣта вѣдѣнія и блаженъ, когда вступаетъ въ него. И напротивъ, ему свойственно томиться, когда скрывается сей свѣтъ, какъ и тѣлесное око томится, надолго будучи лишаемо свѣта вещественнаго. Поэтому сознающій въ себѣ лишеніе свѣта вѣдѣнія и жаждущій его не можетъ не взывать: „Господи, пошли свѣтъ Твой и истину Твою, чтобъ она наставила меня“. Не въ такомъ ли нынѣ многіе изъ насъ положеніи? Если такъ, то идите къ Господу и не отступайте отъ Него: ибо Онъ есть свѣтъ, и ходящій во слѣдъ Его во тьмѣ не пребудетъ.

Присмотритесь поближе къ тому, что внутри насъ, и вы увидите тамъ душу, связанную во всѣхъ своихъ движеніяхъ, подобно узнику, связанному по рукамъ и по ногамъ. Вы хотите начать какой-либо подвигъ, нѣсколько тяжелый, но саможалѣніе не допускаетъ до того и отнимаетъ всю къ тому силу. Вы хотите благотворить, но своекорыстіе сокращаетъ руку вашу. Вы хотите простить, но гордость оскорбленная возбуждаетъ къ отмщенію. Вы хотите радоваться счастію другого, но зависть погашаетъ эту радость. Такъ на всякое доброе движеніе какъ цѣпи какія наложены, мѣшающія душѣ дѣйствовать свободно. А душѣ свойственна свобода. Поэтому, находя себя такъ связанною, она не можетъ не взывать съ ап.: *кто мя избавитъ* (Рим. VII, 24), или съ пророкомъ: *изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени Твоему* (Псал. CXLI, 8). Такъ, чувствуя себя связанными и желая свободы, приступимъ ко Господу, Который говоритъ: *аще Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете* (Іоан. VIII, 36).

Что въ сердцѣ у насъ? По его природѣ — желаніе покоя, мира, утѣшеній, счастія; а на дѣлѣ одна скорбь смѣняется другою, одна тревога гонитъ другую: то досада отъ неисполненія желаній, то скорбь отъ потери достигнутаго, тутъ страхъ за себя или другихъ, тамъ томленіе отъ неумѣренной или обманутой надежды; вчера неудача поразила, какъ стрѣлою, нынѣ забота, какъ червь, точитъ, завтра неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ грозитъ разбить, какъ параличомъ. Долго ли же такъ быть намъ? Или не къ кому обратиться намъ? Придемъ же въ себя и поспѣшимъ благонадежно обратиться ко Господу, Который зоветъ всѣхъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. XI, 28).

Жаждущій свѣта, къ Нему иди! Онъ есть свѣтъ, внѣ Его — тьма. Онъ просвѣтитъ умъ твой вѣдѣніемъ, не внѣшне только, чрезъ откровеніе, но и внутренно, чрезъ помазаніе отъ Святаго, которое учитъ всему, какъ испыталъ тайнозритель, и сообщаетъ такое осязательное удостовѣреніе въ истинѣ, что отъ нея отказаться такъ же нельзя, какъ отказаться отъ своего бытія.

Жаждущій свободы, ко Господу иди! Онъ разрѣшитъ узы страстей, коими связана душа, вольетъ силу на добро, противъ которой не можетъ устоять никакая страсть, черезъ трудъ добродѣланія такъ сроднитъ добро съ душою, что она не будетъ чувствовать не только внѣшнихъ, но даже внутреннихъ узъ — отъ закона, который праведнику не лежитъ. *Гдѣ Духъ Господень, тамъ* только *свобода* (2 Кор. III, 10). Онъ поставляетъ *на пространнѣ ноги дѣйствующихъ* (Пс. XXX, 9), и они дѣйствуютъ во всей широтѣ добрыхъ преднамѣреній, подъ благословляющей и дѣйствующей десницею Божіею.

Жаждущій покоя, мира и блаженства, ко Господу иди! Онъ есть животъ, миръ и покой, и единственно Онъ. Онъ изгонитъ изъ сердца всѣ тревоги, возродивъ въ немъ другія, неземныя заботы и исканія; Онъ угаситъ жгучесть земныхъ скорбей, погаситъ всякій порывъ къ земнымъ утѣшеніямъ. Себя дастъ онъ вкусить — Себя, благаго и ублажающаго, и тѣмъ въ забвеніе приведетъ вкусъ ко всему другому. Ибо Онъ есть полнота всякаго утѣшенія. Онъ указываетъ сердцу за гробомъ нескончаемое блаженство, даетъ предвкусить его нынѣ и усвоить себѣ надеждою въ будущемъ, чтобы восполнить чувство блаженства въ немъ, не невозмутимостію только его, но и непрерывностію. Такъ, ко Господу идите, зовущему васъ и обѣщающему утолить всякую жажду. Онъ единъ напоитъ насъ водою, отъ которой піющій не возжаждетъ во вѣки. (Сост. по Поучен. Ѳеофана-затвор., еп. тамбовск).

4. Притча о спасеніи.

Что нужно дѣлать, чтобы спастися? „Твори благо, бѣгай злаго, спасенъ будеши“,—сказалъ святитель воронежскій Митрофанъ. Иначе: „люби добродѣтель, бѣгай порока“. Пространнѣе: узнайте, и сердцемъ содержите все, чему учитъ св. церковь, и, пріемля благодатныя силы чрезъ таинства и возгрѣвая ихъ чрезъ всѣ другія священнодѣйствія церкви, идите неуклонно путемъ заповѣдей, предписанныхъ намъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, подъ руководствомъ законныхъ пастырей—учителей церкви, уклоняясь отъ всего противнаго сему; и несомнѣнно спасетесь—достигнете царства небеснаго; это всякому извѣстно. Слѣдующее сказаніе еще болѣе пояснитъ дѣло. „Одинъ глубокій старецъ, жившій въ уединенной пустынѣ, впалъ въ уныніе, и тьма помышленій начала сокрушать душу его, внушая ему недоумѣнія, правильно ли идетъ онъ, и есть ли надежда, что труды его увѣнчаются, наконецъ, успѣхомъ? Старецъ сидѣлъ, поникши головою; сердце ныло, но очи не давали слезъ; сухая скорбь томила его. Между тѣмъ, какъ онъ такъ убивался горемъ, предсталъ ему ангелъ и сказалъ: „что смущаешься, и зачѣмъ помышленія входятъ въ сердце твое? Не ты первый и не ты послѣдній идешь путемъ симъ. Многіе уже прошли имъ, многіе идутъ и многіе пройдутъ въ свѣтлыя обители райскія. Ступай за мною, я покажу тебѣ разные пути, какими ходятъ сыны человѣческіе, равно какъ и то, куда приводятъ сіи пути. Смотри и вразумляйся“. Повинуясь мановенію ангела, старецъ всталъ и пошелъ; но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ сталъ внѣ себя и погрузился въ созерцаніе дивнаго видѣнія, которое открылось умнымъ очамъ его. Онъ видѣлъ, по лѣвую отъ себя сторону, густой мракъ, какъ стѣну непроницаемую, внутри котораго слышалъ шумъ, тревогу и смятеніе. Всматриваясь внимательно въ мракъ, увидѣлъ онъ широкую рѣку, по которой волны ходили взадъ и впередъ, вправо и влѣво, и кто-то всякій разъ, какъ мелькала предъ очами его волна, какъ бы на ухо внятно произносилъ старцу: это—волна невѣрія, безпечности, холодности; это—немилосердія, разврата, взяточничества; это—нѣги, забавы, зависти, раздора; а это—пьянства, нечистоты, лѣности, невѣрности супруговъ и проч. И всякая волна поворачивала на себя предъ нимъ несмѣтное множество людей, поднимала ихъ изъ рѣки и снова погружала въ глубь ея. Въ ужасѣ старецъ воскликнулъ: Господи! ужели всѣ сіи погибнутъ, и нѣтъ имъ надежды спасенія? Ангелъ сказалъ ему: смотри далѣе, и узришь милость и правду Божію.

Старецъ взглянулъ еще на рѣку и увидѣлъ ее по всей широтѣ и по всей долготѣ своей покрытою малыми ладьями, въ которыхъ сидѣли свѣтлые юноши, со всякаго рода орудіями, во спасеніе утопающихъ. Они всѣхъ призывали къ себѣ, и инымъ подавали руки, другимъ спускали жерди и доски, тѣмъ бросали верви, а иногда погружали въ глубь багры и крюки—не ухватится ли и тамъ кто? И что же? Рѣдкій — рѣдкій откликался на призывный голосъ ихъ, и еще менѣе было такихъ, которые пользовались, какъ слѣдуетъ, подаваемыми ими орудіями спасенія. Наибольшая же часть съ презорствомъ отвергали ихъ и съ какимъ-то дикимъ услажденіемъ погружались въ рѣкѣ сей, издававшей чадъ, смрадъ и гарь. Старецъ простеръ взоръ свой вдоль рѣки и въ концѣ ея увидѣлъ бездну, въ которую низвергалась она. Юноши въ большомъ количествѣ стремительно плавали въ ладьяхъ туда и сюда, у самаго края бездны, заботливо подавая помощь всякому; но, несмотря на то, каждую минуту, на каждой точкѣ рѣки, цѣлыя тысячи людей, вмѣстѣ съ рѣкою, низвергались въ бездну,—оттуда были слышны одни стоны отчаянія и скрежетанія зубовъ. Старецъ закрылъ лицо свое и зарыдалъ. И былъ къ нему голосъ съ неба: „горько, но кто виноватъ? Скажи, что бы еще могъ Я сдѣлать для спасенія ихъ, чего бы не сдѣлалъ? Но они съ ожесточеніемъ отвергаютъ всякую подаваемую имъ помощь. Они отвергнутъ и Меня, если Я низойду на помощь къ нимъ въ самыя безотрадныя мѣста ихъ страданій“.

Успокоившись нѣсколько, старецъ обратилъ очи свои на правую сторону, къ свѣтлому востоку, и утѣшенъ былъ отраднымъ видѣніемъ. Тѣ, кои, внимая зову свѣтлыхъ юношей, подавали имъ руку или хватались за какое-либо спасительное орудіе, были извлекаемы ими на правый берегъ. Здѣсь принимали ихъ другія лица, вводили въ небольшія стройныя зданія, разсѣянныя въ большомъ количествѣ по всему протяженію берега, гдѣ обмывали ихъ чистою водою, облекали въ чистыя одежды, опоясывали, обували, давали посохъ и, подкрѣпивъ пищею, отсылали въ путь далѣе къ востоку, заповѣдавъ имъ не озираться вспять, итти безъ остановки, внимательно смотрѣть подъ ноги и не пропускать ни одного подобнаго зданія безъ того, чтобы не зайти въ него и не подкрѣпить себя въ немъ пищею и совѣтомъ отъ тѣхъ, чьему попеченію ввѣрены эти зданія, равно какъ и всѣ заходящіе въ нихъ. Старецъ провелъ глазами по берегу и увидѣлъ, что на всемъ протяженіи его готовятся въ путь эти избавленные. На лицѣ всѣхъ отпечатлѣвались радость и воодушевленіе. Видно было, что всѣ они чувствовали особенную легкость и силу, и съ нѣкоторою неудержимостію устремлялись въ путь, первыя стадіи котораго усѣяны были пріятными цвѣтами.

Старецъ обратилъ потомъ взоръ свой далѣе къ востоку, и вотъ что ему открылось. Пріятный лугъ оканчивался невдали отъ берега; далѣе начинались горы, лежавшія хребтами въ разныхъ направленіяхъ. Онѣ шли — то голыя и утесистыя, то покрытыя кустарниками и лѣсами, поднимаясь все выше и выше и пересѣкаясь пропастями. Повсюду по нимъ видны были путники—труженики. Иной карабкался на крутизну, другой сидѣлъ въ утомленіи или стоялъ въ раздумьи, тотъ боролся со звѣремъ или зміею; одинъ шелъ прямо къ востоку, а другой по косвенному направленію, а иной перерѣзывалъ поперечно пути другимъ; только всѣ были въ трудѣ и потѣ, въ борьбѣ и напряженіи силъ—и душевныхъ, и тѣлесныхъ. Рѣдкій путникъ всегда видѣлъ дорогу; часто она совсѣмъ пропадала или раздроблялась на распутія; въ иномъ мѣстѣ скрывали ее туманъ и мракъ; въ иномъ пересѣкала пропасть или крутой утесъ; тамъ преграждали ее звѣри изъ дубравы или ядовитые гады изъ ущелій. Но вотъ что дивно! Повсюду по горамъ разсѣяны были красивыя зданія, подобныя тѣмъ, въ которыя принимаемы были въ первый разъ спасенные отъ воды. Коль скоро путникъ заходилъ въ нихъ, какъ ему заповѣдано вначалѣ, — то, какъ бы онъ ни былъ изможденъ до того времени, выходилъ оттуда бодрымъ и полнымъ силъ. Тогда звѣри и гады не могли выносить взора его и бѣжали отъ него,—никакія препоны надолго не останавливали его, и онъ легко и скоро отыскивалъ скрывавшійся какимъ-либо образомъ путь, по тѣмъ указаніямъ, какія получалъ въ тѣхъ зданіяхъ. Всякій разъ, какъ преодолѣвалъ кто препятствіе или одолѣвалъ врага, — становился крѣпче, выше и статнѣе. Чѣмъ кто выше восходилъ, тѣмъ болѣе хорошѣлъ и свѣтлѣлъ. Къ вершинѣ горы мѣстность опять становилась гладкою, цвѣтистою, но ступившіе на нее скоро входили въ свѣтлый облакъ, или туманъ, изъ котораго болѣе уже не показывались. Старецъ приподнялъ очи выше сего облака, и изъ-за него или изъ-за горы увидѣлъ чудный, неописанной красоты свѣтъ, изъ котораго доносились къ нему сладостные звуки: Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваоѳъ! Старецъ въ умиленіи палъ ницъ, и надъ нимъ звучно пронеслось слово Господне: *тако тецыте, да постигните* (1 Кор. IX, 24).

Поднявшись снова на ноги, старецъ увидѣлъ, что съ разныхъ высотъ горы не малое число путниковъ, въ разныхъ мѣстахъ, стремительно снова бѣжали къ рѣкѣ, то молча, то съ крикомъ и хульными, бранными словами. Къ каждому изъ нихъ, и сверху и снизу, обращаемо было воззваніе: „остановись! остановись!“ Но, гонимые какими-то малорослыми муринами, они не внимали остереженію и снова погружались въ смердящую рѣку. Тогда старецъ воззвалъ: „Господи, что сіе?“ и услышалъ въ отвѣтъ: „плодъ самочинія и непокорливости богоучрежденному порядку!“ Тѣмъ видѣніе кончилось. Ангелъ, показывавшій его старцу, спросилъ его наконецъ: „утѣшенъ ли?“ И старецъ поклонился ему до земли.

Видѣніе старца, взятое изъ одного древняго „Отечника“, понятно само собою. Рѣка есть міръ; погруженные въ ней—люди, живущіе по духу міра, въ страстяхъ, порокахъ и грѣхахъ; свѣтлые юноши въ ладьяхъ суть ангелы и вообще призывающая къ спасенію благодать; бездна, въ которую низвергалась рѣка съ людьми, есть пагуба; красивое на правомъ берегу зданіе—церковь, гдѣ, чрезъ таинство покаянія или крещенія, обратившіеся грѣшники омываются отъ грѣховъ, облекаются въ одежду оправданія, препоясуются силою свыше, и поставляются на путь къ спасенію; восходъ на гору съ разными затрудненіями—разные труды въ очищеніи сердца отъ страстей; звѣри и гады — враги спасенія; гладкая къ вершинѣ мѣстность — умиротвореніе сердца; свѣтлое облако, скрывающее путниковъ—покойная смерть; свѣтъ изъ-за горы — рай блаженный; зданія, разсѣянныя по горѣ—храмы Божіи. Кто заходитъ въ сіи зданія на пути, то-есть,—принимаетъ таинства и участвуетъ въ священнодѣйствіяхъ и молитвословіяхъ церкви, пользуется свѣтомъ и руководствомъ пастырей, — тотъ легко преодолѣваетъ всѣ препятствія и скоро приходитъ къ совершенству; а кто самочинно отвергаетъ ихъ, не подчиняясь указаніямъ и совѣтамъ пастырей, тотъ скоро падаетъ, и духъ міра снова увлекаетъ его. (Изъ сочин. Ѳеофана затворника, епископа тамбовскаго).

5. Краткія правила, какъ душу спасать.

1) Покайся и обратись ко Господу, познай свои грѣхи и оплачь ихъ въ сокрушеніи сердца.

2) Пребывай въ Богѣ умомъ и сердцемъ, а тѣломъ трудись въ исполненіи своихъ обязательныхъ дѣлъ.

3) Блюди сердце свое отъ худыхъ помысловъ и чувствъ — гордости, гнѣва осужденія, пристрастія и проч.

4) Всю жизнь свою принеси въ жертву Богу, и живи уже не для себя, а для Бога, творя одно угодное Ему.

5) Смиренно предай себя въ волю Божію, и въ терпѣніи стой твердо въ порядкахъ спасительной жизни.

6) Подпорою для сего пусть будетъ у тебя всегдашняя забота о стяжаніи живой вѣры, надежды и любви.

7) Орудія такой жизни—молитва, постъ, бдѣніе, уединеніе, трудъ, частое говѣніе, чтеніе слова Божія и проч.

8) Огради себя страхомъ Божіимъ: *помни послѣдняя*—смерть, судъ, адъ, царство небесное.

9) Болѣе всего внимай себѣ: храни умъ трезвымъ и сердце не смущеннымъ.

10) Стяжи духовный огнь благодати Божіей, чтобы онъ попалилъ терніе страстей и грѣховъ твоихъ и насадилъ въ сердцѣ твоемъ сѣмена добродѣтелей.

Такъ устройся, и благодатію Божіею спасешься! (Изъ Сочиненій Іустина, еписк. ряз. и зарайск., т. IX).

6. О пути ко спасенію.

а) *Кто хочетъ спастись, тотъ долженъ принадлежать къ единой святой православной церкви, быть ея вѣрнымъ сыномъ,* во всемъ покоряться ея установленіямъ, какъ то: поститься, ходить въ храмъ Божій, почитать духовныхъ пастырей, и т. д. Если кто не повинуется церкви, если кто по духу противленія или гордости отдѣлился отъ церкви, если кто раскольникъ: то, сколько бы онъ ни клалъ поклоновъ, сколько бы ни постился, сколько бы ни молился, ему не спастись. Господь сравнилъ неповинующагося церкви съ идолопоклонникомъ: *аще кто церковь преслушаетъ,* сказалъ Онъ, *буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Матѳ. XVIII, 17). Раскольникъ и еретикъ чужды смиренія, какъ чуждъ смиренія діаволъ: а потому они чужды спасенія, какъ чуждъ его діаволъ. Нѣкогда преподобному Макарію явился діаволъ и говоритъ: „Макарій! ты много постишься, а я вовсе не ѣмъ; ты мало спишь, а я вовсе не сплю; однимъ только побѣждаешь меня—твоимъ смиреніемъ". Кто не смирился, тотъ не ученикъ Христовъ, тотъ не подчинился І. Христу. Истинное смиреніе—отъ послушанія, сказалъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, какъ и Господь явилъ Свое смиреніе тѣмъ, что Онъ *послушливъ былъ до смерти, смерти же крестныя* (Филип. II, 8). Безъ послушанія церкви нѣтъ смиренія; безъ смиренія нѣтъ спасенія: *смирихся, и спасе мя,* сказалъ пророкъ (Пс. CXIV, 5).

б) *Кто хочетъ спастись, тотъ долженъ,* далѣе, *хотя понемногу, но часто молиться Богу.* Въ будни молись Богу дома, если дѣла житейскія и служба не позволяютъ отправиться въ храмъ Божій; утромъ, возставъ отъ сна; на ночь—отходя ко сну; предъ обѣдомъ и предъ ужиномъ. Въ праздничные и воскресные дни должно принимать участіе въ общественныхъ церковныхъ молитвахъ. Великое счастіе для грѣшнаго человѣка, что ему дано посѣщать церковь Божію: онъ можетъ умолить Бога, чтобъ Богъ простилъ ему грѣхи и даровалъ спасеніе. Давидъ былъ славный и богатый царь, былъ вмѣстѣ и пророкъ, но одного просилъ у Господа: *едино просихъ отъ Господа, то взыщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ святый Его* (Пс. XXVI, 4). Святые отцы называютъ молитву матерью всѣхъ добродѣтелей, потому что ею можно испросить у милосердаго Господа всѣ прочія добродѣтели, всѣ блага временныя и вѣчныя, какъ засвидѣтельствовалъ Самъ Господь. *Просите,* сказалъ Онъ, *и дастся вамъ; ищите и обрящете; толцыте и отверзется вамъ.*

в) *Кто хочетъ спастись, тотъ долженъ по силѣ своей творить милостыню душевную и тѣлесную и вообще любить ближнихъ, какъ самого себя.* Душевная милостыня состоитъ въ прощеніи ближнимъ ихъ согрѣшеній, т.-е. оскорбленій и обидъ, нанесенныхъ намъ ближними, а также въ заботѣ нашей о спасеніи души ближнихъ, напр. о наученіи ихъ истинѣ и добру. Милостыня тѣлесная состоитъ въ посильномъ вспоможеніи ближнему хлѣбомъ, одеждою, деньгами и страннопріимствомъ. Господь сказалъ: *блаженни милостивіи, яко тіи помиловани будутъ* (Матѳ. V, 7), то-есть, спасутся. Напротивъ того, судъ безъ милости ожидаетъ немилостивыхъ (Іак. II, 13), то-есть, немилостивымъ не спастись.

г) *Кто хочетъ спастись, тотъ долженъ приносить Богу, Котораго онъ долженъ любить превыше всего, тщательное раскаяніе въ своихъ согрѣшеніяхъ, какъ при ежедневныхъ молитвахъ своихъ, такъ, въ особенности, предъ отцомъ духовнымъ при* *таинствѣ исповѣди.* Возвѣщаетъ боговдохновенный пророкъ: *беззаконіе мое познахъ, и грѣха моего не покрыхъ: рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви, и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Пс. XXXI, 5).—Вникните въ порядокъ словъ, изреченныхъ Святымъ Духомъ: сперва человѣкъ познаетъ грѣхи свои, что достигается благочестивымъ разсматриваніемъ самого себя; потомъ онъ отвергаетъ тѣ оправданія, которыми лукавая совѣсть обыкновенно старается извинить грѣхъ свой; наконецъ, кающійся человѣкъ дѣлается обвинителемъ самого себя и высказываетъ Господу, при свидѣтелѣ-духовникѣ, всѣ согрѣшенія свои, отнюдь не щадя своего самолюбія. Тогда онъ получаетъ отъ Бога прощеніе беззаконій своихъ. Апостолъ сказалъ: *аще исповѣдаемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды.* (Посл. Іоан. I, 9). По очищеніи себя исповѣдію предъ отцомъ духовнымъ, положивъ крѣпкое намѣреніе впредь не грѣшить и во всякомъ случаѣ сильно бороться съ искушеніями ко грѣху, должно со страхомъ Божіимъ, вѣрою и любовію пріобщиться всесвятаго тѣла Христова и всесвятой крови Христовой, что вполнѣ необходимо для спасенія. Господь сказалъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ,* т.-е. не имѣете спасенія. *Ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, имать животъ вѣчный,* т.-е. имѣетъ спасеніе (Іоан. VI, 53 - 54). Должно исповѣдываться и пріобщаться по крайней мѣрѣ во всѣ четыре поста, четырежды въ годъ. Если жъ, къ сожалѣнію и несчастію, житейскія заботы и до сего не допустятъ, то непремѣнно должно пріобщиться однажды въ годъ.

д) *Кто хочетъ спастись, тотъ долженъ великодушно переносить всѣ скорби, которыя будутъ ему попущены во время сего краткаго земного странствованія.* Случится ли неурожай, или и созрѣвшій уже хлѣбъ истребитъ саранча, побьетъ градъ; случится ли падежъ скота, пожаръ, болѣзнь своя и членовъ семейства, смерть кого-либо изъ ближайшихъ родственниковъ, придется ли потерпѣть гоненіе и обиды отъ сильнаго человѣка: все это должно переносить великодушно, безъ ропота, особенно же безъ хуленія. Господь заповѣдалъ намъ *въ терпѣніи нашемъ стяжавать души наши* (Лук. XXI, 19); *претерпѣвый до конца,* сказалъ Онъ, *той спасется* (Матѳ. XXIV, 13). Посылаемыя Богомъ скорби—вѣрный признакъ для человѣка, что человѣкъ тотъ избранъ Богомъ, возлюбленъ Богу. *Азъ,* засвидѣтельствовалъ Господь, *ихже аще люблю, обличаю и наказую* (Апок. III, 19). По этой причинѣ апостолъ такъ утѣшаетъ скорбящаго и страждущаго: *сыне мой, не пренемогай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣвай, отъ Него обличаемъ. Его же бо любитъ Господь, наказуетъ: біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ. Аще наказаніе терпите, яко же сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ* (Евр. XII, 5, 6, 7). Таково достоинство скорбей земныхъ, когда онѣ переносятся съ благодушіемъ! онѣ—даръ Божій (Фил. I, 29)! онѣ признакъ усыновленія христіанина Богу!—Чтобъ научиться терпѣливому и благодушному перенесенію скорбей, должно встрѣчать каждую приходящую скорбь словами благоразумнаго разбойника: *достойное по дѣламъ моимъ пріемлю, помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ* (Лук. XXIII 42). Такъ же полезно вспоминать и повторять слова многоболѣзненнаго Іова: *благая отъ руки Господни пріяхомъ, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. II, 10)? *яко Господеви изволися, тако и бысть: буди имя Господне благословенно во вѣки* (I, 21).

е) *Желающему спастись необходимо заниматься чтеніемъ божественныхъ книгъ. Блаженъ мужъ,* сказалъ святый пророкъ Давидъ, *иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищѣ губителей не сѣдѣ: но въ законѣ Господни вся воля его, и въ законѣ Его поучится день и нощь* (Пс. I, 1—2). Умъ нашъ, какъ омраченный грѣхомъ, никакъ не можетъ удовлетвориться по отношенію къ спасенію собственными помышленіями, немощными, колеблющимися, обманчивыми: ему необходимо—посредствомъ внимательнаго чтенія или тщательнаго слышанія слова Божія—заимствовать изъ него помышленія Божественныя и вразумляться ими. Святые отцы назвали чтеніе и слышаніе слова Божія царемъ всѣхъ добродѣтелей. Слово Божіе открываетъ намъ всѣ грѣховныя страсти, живущія и дѣйствующія въ поврежденномъ естествѣ нашемъ, открываетъ всѣ ухищренія ихъ, разоблачаетъ злобу, когда она, для обольщенія нашего, прикрывается личиною добродѣтели и научаетъ насъ борьбѣ съ живущимъ въ насъ грѣхомъ.

Спасайтесь, братія, спасайтесь! Земная жизнь каждаго изъ насъ очень коротка,—не видать, какъ пройдетъ. Не видать, какъ подкрадется къ каждому изъ насъ смерть.

Кто доселѣ жилъ благочестно: тотъ да продолжаетъ таковое жительство. Кто доселѣ позволялъ себѣ проводить жизнь грѣховную: тотъ да принесетъ покаяніе и отселѣ да начнетъ проводить жизнь добродѣтельную, всемѣрно бѣгая грѣховъ, безъ чего невозможно спасеніе *Живу Азъ, глаголетъ Господь, яко не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іезек. XXXIII, 11). (Изъ кн. свящ. Гр. Дьяченко: „Полный годичный кругъ краткихъ поученій“, т. II, стр. 459—460).

7. Изложеніе заповѣдей, соблюденіемъ которыхъ можно спасти свою душу.

Св. Ерма, мужъ апостольскій, котораго весьма хвалитъ ап. Павелъ (Рим. XVI, 14), извѣстенъ своей книгой подъ названіемъ „Пастырь“, которая въ первые вѣка читалась даже въ церквахъ наряду съ апостольскими посланіями. Думается намъ, будетъ полезно ознакомиться съ тѣми душеспасительными заповѣдями, которыя изложены въ этой книгѣ, исполняя которыя можно спасти свою душу. Думаемъ, что слово апостольскаго мужа будетъ убѣдительнѣе для васъ нашего немощнаго разглагольствія. Къ изложенію ихъ онъ приступаетъ такъ:

„Молился я,—говоритъ онъ,—у себя дома и сѣлъ потомъ на ложе свое. Вотъ вижу, входитъ мужъ, видомъ своимъ внушавшій уваженіе, въ одеждѣ пастушеской. На немъ накинутъ былъ бѣлый плащъ, котомка висѣла за плечами его, и палка была въ рукахъ у него. Онъ привѣтствовалъ меня, привѣтствовалъ и я его. Затѣмъ онъ сѣлъ подлѣ меня и сказалъ: я посланъ къ тебѣ, чтобъ пребыть съ тобою все остальное время жизни твоей.—Когда онъ сказалъ это, мнѣ подумалось, что онъ искушаетъ меня, и я спросилъ его; кто же ты?—ибо того, кому я ввѣренъ, я хорошо знаю. „Такъ ты меня не узнаешь?“ спросилъ онъ.—Нѣтъ,—отвѣчалъ я. „Я и есть тотъ пастырь, которому ты ввѣренъ,“ сказалъ онъ. Съ этимъ словомъ онъ измѣнился въ лицѣ, и я узналъ въ немъ моего ангела-хранителя. Мнѣ стало стыдно, страхъ и скорбь начали тревожить меня;—но онъ успокоилъ меня, говоря: „не бойся, я посланъ указать тебѣ все, чѣмъ ты можешь спасти душу свою. Выслушай внимательно и запиши все для памяти, чтобъ, перечитывая то время отъ времени, ты освѣжалъ мысли свои тѣмъ и укрѣплялъ шаткую волю твою. Если отъ чистаго сердца будешь сохранять все, открываемое тебѣ, то получишь отъ Господа всѣ блага, какія обѣтовалъ Онъ вѣрнымъ Своимъ. Если же, выслушавъ мои наставленія, ты не только не исправишься, а, напротивъ, станешь прилагать грѣхи ко грѣхамъ, то бѣду за бѣдою пошлетъ на тебя Господь, пока не сокрушитъ или сердца твоего, или костей твоихъ.“

Сказавъ это, пастырь мой, ангелъ покаянія, предложилъ мнѣ двѣнадцать заповѣдей, въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Вѣруй во единаго Бога, въ Троицѣ покланяемаго, Творца неба и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ, Который изъ ничего воззвалъ къ бытію всѣ твари и даровалъ имъ столько совершенствъ, сколько каждая изъ нихъ вмѣстить можетъ.

2) Живи въ простотѣ и непорочности, не вреди ближнему даже словомъ, напротивъ, помогай всѣмъ въ нуждахъ ихъ, не разбирая, кто проситъ и кому даешь.

3) Слово гнило да не исходитъ изъ устъ твоихъ: люби истину и убѣгай лжи.

4) Какъ зѣницу ока, храни супружескую вѣрность, ибо это непреложный законъ Творца,—быть чистымъ и непорочнымъ предъ лицемъ Его или въ дѣвствѣ, или въ честно хранимомъ супружествѣ. Женился, не ищи разрѣшенія, или другой жены; положилъ быть въ дѣвствѣ, не ищи жены. Также, когда умретъ мужъ или жена, пережившая половина не грѣшитъ, когда вступаетъ во второй бракъ; но большей сподобляется чести отъ Бога, когда рѣшается хранить вдовство въ чистотѣ и непорочности.

„При этихъ словахъ,—говоритъ Ерма,—я спросилъ его, что же дѣлать тому, кто согрѣшитъ?“—Каяться,—отвѣчалъ мнѣ ангелъ-пастырь. „Говорю ему: я слышалъ, что кромѣ крещенія нѣтъ другого покаянія, что, погружаясь въ воды пакибытія, мы получаемъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ, и никакъ не должны уже послѣ того грѣшить“. Ангелъ отвѣчалъ мнѣ:—„крещеніе не называется покаяніемъ. Покаяніе Богъ установилъ для тѣхъ, кои, будучи чрезъ крещеніе призваны въ число вѣрующихъ, падаютъ потомъ въ грѣхи, по козням діавола.—Богъ милостивый пріемлетъ покаяніе таковыхъ; но надо знать, что частое паденіе въ грѣхъ, исправляемое даже частымъ покаяніемъ, дѣлаетъ подозрительнымъ самое покаяніе;—и можно, наконецъ, упасть такъ, что послѣ того паденія не будетъ возможности встать снова и начать жить для Бога. Сего да страшится всякій, легкомысленно смотрящій на грѣхи.“ Сказавъ это, пастырь началъ снова продолжать указаніе спасительныхъ для насъ заповѣдей Божіихъ:

5) Идя путемъ заповѣдей, не можешь миновать препятствій и трудовъ. Мужайся, и да крѣпится сердце твое: терпи въ дѣланіи добрыхъ дѣлъ и перенесеніи всѣхъ на пути семъ непріятностей.

6) Помни, при каждомъ человѣкѣ есть два ангела—добрый и злой. Одинъ влечетъ его къ дѣламъ добрымъ, а другой къ грѣхамъ и порокамъ. Внимай же себѣ, и къ первому склоняйся, а второго отрѣвай, по внутреннимъ помысламъ сердца догадываясь, какой изъ нихъ даетъ тебѣ въ ту пору уроки и хочетъ властвовать надъ тобою.

7) Единаго Бога – Творца и Промыслителя и Спасителя твоего бойся, и пустою страшливостію темныхъ силъ не унижай своей дѣтской Ему преданности и своего крѣпкаго на Него упованія.

8) Попекись явить себя ревностнымъ исполнителемъ всѣхъ безъ исключенія заповѣдей Божіихъ и тщательнымъ творцомъ всѣхъ дѣлъ, какія ангелъ внушитъ сердцу твоему, или укажетъ сочетаніе обстоятельствъ жизни твоей,—и будешь сынъ въ дому Божіемъ, а не рабъ.

9) Молись, преутруждай себя въ молитвѣ, непрестанно молись, чтобъ всякій разъ, какъ нужно, свыше сходила на тебя сила—творить добро, и помощь—уклоняться отъ зла. Молитва дѣлаетъ земнороднаго небожителемъ и одѣваетъ его небесною чистотою и святостію.

10) Бѣгай ложныхъ пророковъ—гадателей и волхвовъ, (спиритовъ, т.-е. вызывателей духовъ, кои тогда въ большомъ являлись количествѣ. Изъ числа ихъ былъ и Симонъ волхвъ со своими учениками), чрезъ коихъ врагъ губитъ рабовъ Божіихъ. Слабые въ вѣрѣ обращаются къ этимъ обманщикамъ, а они, отвѣчая имъ по желанію сердца ихъ, наполняютъ головы ихъ мечтательными надеждами. Тутъ же, къ каплѣ истины примѣшивая море лжи, они обольщаютъ ихъ и снова увлекаютъ къ язычеству. Кто искренно вѣруетъ и предалъ себя Богу, тотъ не пойдетъ къ нимъ. Таковый неба ищетъ; а гадаютъ обычно объ одномъ земномъ.

11) Учительницею, единственною учительницею да будетъ тебѣ церковь Бога жива—столпъ и утвержденіе истины. Въ ней свѣтъ непреложно-истиннаго вѣдѣнія.—Внѣ ея мракъ и тьма. Тамъ князь міра поставилъ учительскую каѳедру свою и ослѣпляетъ разумы внимающихъ ему и не хотящихъ слушать голоса церкви ради того, что они свѣтскіе.

Вотъ тебѣ проба: что разногласитъ съ ученіемъ церкви, то есть голосъ отца лжи. Внимай и блюди себя чистымъ отъ сего паденія.—Вотъ и еще признакъ: слово истины водворяетъ глубокій миръ, покой и сладость въ вѣрующемъ сердцѣ; слово же лживыхъ воздымаетъ мечты и сомнѣнія и, какъ соленая вода, разжигаетъ жажду знанія, запирая умъ, какъ плѣнника, въ неопредѣленной, мрачной пустынѣ.

12) Безъ ближайшихъ руководителей нельзя прожить свято на землѣ. Ты найдешь ихъ въ церкви, гдѣ Духъ Святый поставляетъ ихъ пасти стадо Христово; умоли Господа даровать тебѣ благопотребнаго. Въ часъ нужный, и безъ спроса твоего, онъ изречетъ тебѣ утѣшительное слово. Духъ Божій научитъ его, что подобаетъ сказать тебѣ, и ты услышишь отъ него, чего хочетъ отъ тебя Богъ. Берегись, однакожъ, и здѣсь духовъ лестчихъ. Смиреніе и тихость украшаютъ истиннаго руководителя. Гдѣ же помпа, т.-е. внѣшній блескъ въ словѣ и жизни, тамъ лесть. Внимай сему и спасешься.

„Вотъ всѣ двѣнадцать заповѣдей, которыя далъ мнѣ ангелъ-пастырь“, заключаетъ Ерма.—Выслушавъ ихъ, я сказалъ ему:—прекрасныя правила, но есть ли человѣкъ, который могъ бы исполнить ихъ какъ слѣдуетъ?—На это ангелъ отвѣчалъ мнѣ: „прими ихъ сердцемъ въ простотѣ, безъ размышленія, и не встрѣтишь въ исполненіи ихъ никакого затрудненія. Но коль скоро станешь разлагать въ умѣ своемъ, можно ли и какъ выполнить то и другое, и нельзя ли какъ-нибудь высвободиться изъ-подъ сего ига, подкрадется врагъ, сложитъ разслабленіе въ сердце твое и сдѣлаетъ тебя неспособнымъ ни къ какому добру.—Но что много говорить!.. Знай, что если не исполнишь чего, нѣтъ тебѣ спасенія,—нѣтъ спасенія ни тебѣ, ни дѣтямъ твоимъ, ни семейству твоему“. Сказавъ сіе, ангелъ измѣнился въ лицѣ своемъ и сдѣлался столь страшнымъ, что я не знаю, есть ли кто, кто бы въ состояніи былъ снести взоръ его въ ту минуту; я испугался. — Ангелъ, видя мое смущеніе, началъ говорить кротко ко мнѣ, съ лицомъ способнымъ разлить отраду въ сердцѣ: „какъ это думаешь и говоришь ты? Забылъ развѣ ты всемогущество Божіе! Возможно ли, чтобъ Тотъ, Кто все покорилъ подъ ноги твои, не далъ тебѣ силъ исполнять заповѣди Его? Знай же, что, кто имѣетъ всегда Бога въ сердцѣ своемъ, тотъ легко исполнитъ заповѣди сіи. Кто же имѣетъ Его только на концѣ языка своего, тотъ падетъ подъ тяжестію ихъ, считая невыполнимыми“. Я замѣтилъ на это: – кто не проситъ у Бога силъ, чтобъ исполнять св. заповѣди Его? Но врагъ силенъ: онъ искушаетъ рабовъ Божіихъ и держитъ ихъ въ своей власти. – „Нѣтъ, отвѣчалъ на это мнѣ ангелъ, врагъ не имѣетъ никакой власти надъ рабами Божіими. Тѣхъ, кои вѣруютъ въ Бога отъ всего сердца своего, онъ можетъ искушать, но не властвовать надъ ними. Противостань ему съ мужествомъ, и онъ убѣжитъ отъ тебя“. Тѣмъ кончились наставленія ангельскія, изложенныя во второй книгѣ св. Ермы подъ названіемъ: „Пастырь“.

Будемъ молить Господа, да даруетъ Онъ благодатную помощь исполнить эти спасительныя наставленія, преподанныя чрезъ св. мужа апостольскаго. (Сост. по Словамъ къ тамбовской паствѣ, епископа Ѳеофана; сн. кн. „Духовные посѣвы“, свящ. Гр. Дьяченко, изд. 2-е, 1897 года).

8. Кромѣ церкви православной нигдѣ нельзя обрѣсти спасенія.

Къ преподобному Агаѳону однажды пришли нѣкоторые иноки и, желая испытать, не разсердится ли онъ, спрашиваютъ его: „ты Агаѳонъ? Мы слышали о тебѣ, что ты блудникъ и гордецъ?“ Онъ отвѣчалъ:—да, это правда.—Они опять спрашиваютъ его: „ты, Агаѳонъ, пустословъ и клеветникъ?“ Онъ отвѣчалъ:—я. И еще говорятъ: „ты, Агаѳонъ, еретикъ?“ Онъ отвѣчалъ:—нѣтъ, я не еретикъ. — Затѣмъ спросили его: „скажи намъ, почему ты на первые вопросы соглашался, а послѣдняго не вынесъ?“ Онъ отвѣчалъ имъ:—первые пороки я признаю за собою: ибо это признаніе полезно душѣ моей, а быть еретикомъ значитъ быть въ отлученіи отъ Бога; но быть отлученнымъ отъ Бога я не хочу.— Такъ разсуждалъ великій угодникъ Божій. А кто отлучаетъ себя отъ церкви, тотъ отлучаетъ себя и отъ Бога, ибо Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть глава Своей церкви. Блаженный Августинъ говоритъ: „спасается только тотъ, кто имѣетъ главою Христа, а имѣетъ главою Христа лишь тотъ, кто находится въ Его тѣлѣ, которое есть церковь.“ Пока ты въ единеніи съ церковью, ты—живой членъ тѣла Христова, хотя, по грѣхамъ своимъ, не можешь назвать себя здоровымъ членомъ, а если оставилъ церковь православную, то ты пересталъ уже быть ея живымъ членомъ, ты уже отсѣченный отъ нея, а стало-быть и мертвый членъ; и какъ бы ни были велики добродѣтели твои, никакой онѣ не принесутъ тебѣ пользы.

9. Кара Божія за хулы на церковь.

Это было лѣтъ 25 тому назадъ, близъ деревни Мишнево, калужскаго уѣзда. Крестьянинъ Дѣевъ, въ жаркій іюльскій день, пошелъ въ поле, гдѣ паслась на привязи его лошадь. Отвязавъ отъ кола веревку, Дѣевъ свернулъ ее кольцомъ и, чтобы удобнѣе было править поводьями, надѣлъ ее на себя, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ деревнѣ. На одной полосѣ неожиданно поднялась изъ-за сноповъ жница, закутанная зипуномъ, лошадь испугалась, шарахнулась въ сторону, и Дѣевъ, какъ снопъ, слетѣлъ на землю, путаясь въ веревкѣ. Увидя это, многіе погнались за лошадью, крича что есть мочи: „лови, лови“! Лошадь, какъ бѣшеная, носилась по полю, оставляя за собою кровавый слѣдъ, а когда остановилась, то всѣ содрогнулись отъ ужаса: Дѣевъ превратился въ окровавленную грязную массу, кольца веревки врѣзались въ тѣло до самыхъ костей. Онъ еще дышалъ, но не двигался ни однимъ членомъ; чрезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ, въ цвѣтѣ силъ, ему было только тридцать лѣтъ.—Вотъ что разсказала по этому случаю тетка Дѣева, престарѣлая дѣвица. Дѣевъ былъ сначала православный, но затѣмъ отпалъ въ расколъ и сдѣлался великимъ хулителемъ св. церкви. Особенно ему хотѣлось совратить въ расколъ упомянутую свою тетку и ея сестру; всячески старался онъ достигнуть этого, но безуспѣшно. Три дня тому назадъ онъ, воротившись съ заработковъ, вотъ что сказалъ своей теткѣ, когда снова получилъ отъ нея отказъ перейти въ расколъ: „помни же ты, окаянная еретица! Когда ты издохнешь, то хоронить тебя не буду, а какъ собаку привяжу къ хвосту моего сѣраго коня, выволоку вонъ изъ деревни, хлестну кнутомъ изъ всей силы,—пусть сѣрый размычетъ твои старыя кости по чистому полю. Непремѣнно такъ сдѣлаю"! И вотъ, что же случилось спустя два-три дня послѣ этого: Дѣевъ самъ привязалъ себя къ этой самой сѣрой лошади и погибъ ужасною смертiю... (Мисс. сбор. № 1, 1894 г.).

— Въ с. Салтыковѣ, аткарскаго уѣзда, въ 1891 году открытъ единовѣрческiй приходъ и построенъ единовѣрческiй храмъ. Въ настоящее время приходъ состоитъ уже изъ 350 душъ, и всѣ онѣ обращены изъ раскола. Съ своей стороны раскольническiе лжеучители употребляли всѣ усилiя къ тому, чтобы отклонить малосвѣдущихъ въ писанiи отъ присоединенiя къ св. церкви. Они осыпали церковь неисчислимыми и нетерпимыми для слуха каждаго православнаго христiанина хулами и ругательствами. Но и кара небесная не коснитъ иногда на такихъ хулителей. Изъ жителей Салтыкова одна немолодая крестьянская дѣвушка, австрiйскаго согласiя, была страшной ругательницей вновь устроеннаго храма. Всемилостивый Господь терпѣлъ до времени страшныя хуленiя ея на св. церковь, ожидая ея вразумленiя и обращенiя; но она не переставала говорить свои безумныя слова на жилище Божiе. И вотъ съ нею стали случаться припадки, во время которыхъ она страшно тряслась всѣмъ тѣломъ, кричала, произнося непонятныя слова, и вообще приходила въ совершенное бѣшенство. Сначала такiе припадки были рѣдки, но потомъ все чаще и чаще, и въ настоящее время она почти никогда не приходитъ въ себя.

Такъ насколько долготерпѣливъ Господь, настолько же Онъ и праведенъ, по словамъ пророка: *праведенъ Господь во словесѣхъ Своихъ*, словеса же Его таковы: *Богъ поругаемъ не бываетъ* (Сарат. Епарх. Вѣд. № 3, 1894 г.).

— Въ приходской лѣтописи села Пришиба, царевскаго уѣзда, передается слѣдующiй знаменательный фактъ изъ жизни мѣстныхъ молоканъ. Одинъ изъ нихъ, евангеликъ В. Ив. К—новъ, принявшiй на себя званiе наставника, въ 1872 году отправился съ цѣлiю пропаганды по низовьямъ рѣки Волги. Весною того же года, при переправѣ въ Дубовку, К—новъ, находясь въ лодкѣ съ православными спутниками, сталъ издѣваться надъ ними, когда они, въ виду сильнаго волненiя, крестились и призывали, съ молитвою къ Богу, на помощь св. Николая Чудотворца, но Богъ поругаемъ не бываетъ! К—нъ какъ-то нечаянно свернулся съ лодки, и тотчасъ же скрылся въ водной стихiи, такъ что тѣло его нигдѣ не было найдено. Такова погибель нечестивыхъ, ругающихся надъ православной церковiю!

10. Храмъ Божiй—стражъ Божiй.

Когда услышишь звонъ церковнаго колокола, призывающiй всѣхъ на молитву, и совѣсть подскажетъ тебѣ: *въ домъ Господень пойдемъ* (Пс. CXXI, 1), отложи тогда, если можешь, всякое дѣло въ сторону, и спѣши въ церковь Божiю. Знай, что это ангелъ—хранитель твой зоветъ тебя подъ кровъ дома Божiя; это—онъ, небожитель, напоминаетъ тебѣ о небѣ земномъ, чтобы тамъ освятить твою душу благодатiю Христовою, чтобъ усладить твое сердце небеснымъ утѣшенiемъ,—а кто знаетъ? Можетъ-быть, онъ зоветъ туда и для того еще, чтобы отвести тебя отъ искушенiя, котораго не избѣжать тебѣ, если дома останешься, или укрыть тебя подъ сѣнiю храма Божiя отъ великой опасности... Вотъ что повѣдалъ о себѣ одинъ христiанинъ, внимательный къ путямъ Промысла Божiя: „не всегда я имѣлъ возможностъ бывать въ церкви у вечерняго богослуженiя; но разъ,—это было въ воскресный день,—когда заблаговѣстили къ вечернѣ, какъ будто тайный голосъ какой тихо подсказалъ мнѣ: „отчего бы и тебѣ не пойти къ вечернѣ? сегодня вѣдь—праздникъ Господень; Богъ дастъ, успѣешь сдѣлать, что нужно, и послѣ службы Божiей". Я послушался и пошелъ. На душѣ было такъ спокойно, отрадно и легко, что я не замѣтилъ, какъ окончилась вечерня. Дома у меня никого не было; прихожу и замѣчаю, что не все въ прежнемъ порядкѣ. Ясно, что безъ меня былъ тутъ непрошенный гость. Денежный ящикъ былъ пустъ; не оказалось еще двухъ—трехъ цѣнныхъ вещей. „Богъ его суди", подумалъ я: „деньги—дѣло нажитое, хорошо, что святыни не коснулся",—а у меня были цѣнныя украшенiя на святыхъ иконахъ.—Судъ Божiй, дѣйствительно, нашелъ похитителя. Не прошло и полугода, какъ онъ попался въ убiйствѣ, а на судѣ сознался и въ похищенiи у меня денегъ, а главное—сознался въ томъ, что онъ хорошо зналъ мои привычки, зналъ, что въ праздники я отпускаю прислугу къ вечернѣ и остаюсь одинъ, почему онъ и запасся тяжелымъ желѣзнымъ орудiемъ, и, понятное дѣло, еслибы я не ушелъ на этотъ разъ въ церковь, то едва ли бы теперь могъ бесѣдовать съ вами. Вѣрую и исповѣдую,— прибавилъ разсказывавшій — что тайное внушеніе итти въ церковь—былъ голосъ моего ангела-хранителя, и храмъ Божій укрылъ меня подъ своею сѣнію отъ внезапной смерти, какъ вѣрный стражъ Божій.“—А вотъ другой подобный разсказъ, сохраненный въ писаніяхъ свято-отеческихъ въ назиданіе наше. Одинъ несчастный отецъ, видя, что онъ, жена и сынъ должны умереть съ голода, сказалъ сыну; „любезное дитя! остается одно средство спасти нашу жизнь—это продать тебя въ рабы какому-нибудь вельможѣ. Согласенъ ли ты на это“?— Покорный сынъ отвѣчалъ: „дѣлай, что хочешь, батюшка; я на все готовъ.“ Скорбящій отецъ самъ отвелъ сына къ богатому вельможѣ и, разставаясь съ нимъ, на прощанье сказалъ ему: „вотъ тебѣ, сынъ мой, отеческое мое завѣщаніе: когда будешь проходить мимо церкви и увидишь, что тамъ идетъ служба Божія, то не моги уходить оттуда, пока она не окончится“. Сынъ принялъ къ сердцу завѣтъ родительскій и сталъ неуклонно исполнять его.—Спустя годъ, жена вельможи за что-то до того его возненавидѣла, что рѣшилась во что бы то ни стало погубить его. Этому особенно содѣйствовалъ одинъ молодой рабъ, любимецъ госпожи. И вотъ она говоритъ мужу: „я узнала достовѣрно, что новокупленный рабъ злоумышляетъ на жизнь твою; лучше пусть же онъ самъ умретъ прежде, чѣмъ тебя убьетъ“.—Легкомысленный вельможа повѣрилъ клеветѣ и въ тотъ же день, встрѣтившись съ уголовнымъ судьей, сказалъ ему: „завтра я пришлю къ тебѣ одного раба съ платкомъ; прикажи отсѣчь ему голову и, завернувъ въ платокъ, отдай ее тому, кто придетъ послѣ него“. А по имени онъ не назвалъ ни того, ни другого. На другой день вельможа посылаетъ невиннаго юношу съ платкомъ къ судьѣ, и тотъ идетъ, вовсе не думая, что его ожидаетъ тамъ смерть. Путь его лежалъ мимо церкви, гдѣ въ то время совершалась служба Божія; онъ вспомнилъ завѣтъ родительскій и остановился у дверей церковныхъ до окончанія службы. Между тѣмъ нетерпѣливая госпожа поспѣшила послать къ судьѣ своего любимца и приказала ему спросить: какой отвѣтъ будетъ на то, съ чѣмъ посланъ новокупленный рабъ? Проходя мимо церкви, и этотъ на минуту остановился изъ любопытства. Добрый юноша оглянулся и, увидѣвъ товарища, спросилъ его: „куда ты идешь?“—„Къ судьѣ, отвѣчалъ тотъ: господа требуютъ отвѣта на то, за чѣмъ послали тебя“.—„Ахъ“, сказалъ юноша: „а я еще не былъ у него; мнѣ очень хочется дослушать службу Божію; сдѣлай милость, братъ, отнеси этотъ платокъ къ судьѣ вмѣсто меня, а я достою службу и схожу вмѣсто тебя за отвѣтомъ“. Желая услужить своей госпожѣ и ничего не подозрѣвая, рабъ взялъ платокъ и пошелъ къ судьѣ, а судья тотчасъ же приказалъ отсѣчь ему голову.—Служба кончилась, и юноша, по уговору, явился къ судьѣ за отвѣтомъ. Тамъ ему дали что-то тяжелое, завернутое въ платокъ, и онъ, не любопытствуя, передалъ посылку своимъ господамъ. Можете себѣ представить, какъ изумились они, когда увидѣли живымъ того, кого послали на смерть! А развернувъ платокъ, они съ ужасомъ увидѣли голову своего любимаго раба... Когда дѣло разъяснилось, то и мужъ и жена невольно сознались, что Самъ Богъ покрылъ невиннаго и наказалъ виновнаго, и прославили суды Божіи.—„Слыша о томъ, братія и сестры,—такъ заключаетъ этотъ разсказъ благочестивый писатель,—не уходите изъ церкви прежде, чѣмъ окончится служба Божія, чтобы и васъ Господь покрылъ отъ всяческихъ бѣдъ“. Храмъ Божій—стражъ Божій, скажемъ и мы въ заключеніе, и блажени приметающіеся въ дому Божіемъ: Самъ Богъ—ихъ защита и вѣрный покровъ!.. (Изъ Пролог.; сн. Троицк. л. № 253).

НЕДѢЛЯ О СЛѢПОМЪ.

Еванг. отъ Іоан., зач. 34, гл. IX, 1—38 ст.

1. Исцѣленіе слѣпорожденнаго.

Однажды, когда Іисусъ находился въ Іерусалимѣ, творилъ чудеса и проповѣдывалъ ученіе Свое, враги Его пришли въ такую ярость, что хотѣли побить Его каменьями. Но Онъ ушелъ отъ нихъ и, проходя, увидѣлъ человѣка слѣпого отъ рожденія.

Ученики Его спросили у Него: „Учитель, кто согрѣшилъ, онъ или родители его, что онъ родился слѣпымъ?“

Іисусъ отвѣчалъ: „не согрѣшилъ ни онъ, ни родители его, но это для того, чтобы на немъ явились дѣла Божіи“.

Господь сжалился надъ несчастнымъ слѣпымъ; плюнувъ на землю, Онъ сдѣлалъ бреніе, помазалъ этимъ бреніемъ слѣпому глаза и сказалъ ему: „поди, умойся въ купальнѣ Силоамъ“. Это былъ источникъ при подошвѣ горы Сіонъ. Слѣпой пошелъ, умылся и прозрѣлъ. Это чудо привело всѣхъ въ изумленіе.— „Неужели,—говорили одни,—это тотъ самый, который сидѣлъ и просилъ милостыню?“

Иные говорили: „это онъ“; другіе: „похожъ на него“. Онъ же говорилъ: „это я“.

Стали разспрашивать у слѣпорожденнаго, какъ онъ прозрѣлъ. Онъ отвѣчалъ: „Человѣкъ, котораго зовутъ Іисусомъ, сдѣлалъ бреніе, помазалъ мнѣ глаза и велѣлъ умыться въ купальнѣ Силоамской; я умылся, и вотъ я вижу“. Повели его къ фарисеямъ, а надо сказать, что это чудо было совершено въ день субботній. На разспросы фарисеевъ прозрѣвшій юноша опять отвѣчалъ разсказомъ о чудесномъ исцѣленіи своемъ. Тогда между фарисеями произошелъ споръ объ Іисусѣ. Нѣкоторые говорили: „этотъ Человѣкъ не отъ Бога, потому что не хранитъ субботы;“ другіе же возражали: „можетъ ли человѣкъ грѣшный творить такія чудеса?“ Спросили исцѣленнаго: „а ты что думаешь о Немъ?“

— Я думаю, что Онъ пророкъ,—отвѣчалъ тотъ.

Но фарисеи все-таки не убѣдились и столь явнымъ свидѣтельствомъ силы Божіей. Они усомнились, дѣйствительно ли тотъ человѣкъ былъ слѣпъ, и, призвавъ родителей его, спросили ихъ:

— Это ли сынъ вашъ, о которомъ вы говорите, что онъ родился слѣпъ? Какъ же онъ теперь видитъ?“

Родители слѣпорожденнаго знали, что фарисеи возненавидѣли Іисуса и что они уже рѣшили между собою отлучить отъ синагоги всякаго, кто признаетъ Его за Христа. Въ малодушіи своемъ они побоялись навлечь на себя гнѣвъ фарисеевъ, если воздадутъ должную честь Тому, Кто исцѣлилъ ихъ сына, и потому только отвѣчали: „знаемъ, что это, дѣйствительно, сынъ нашъ, и что онъ родился слѣпъ. Какъ же онъ прозрѣлъ, и кто исцѣлилъ его, этого мы не знаемъ; онъ самъ взрослый; пусть самъ разскажетъ“.

Тогда фарисеи сказали слѣпорожденному: „благодари Бога; мы знаемъ, что Тотъ, Кто исцѣлилъ тебя, человѣкъ грѣшный“.

— Грѣшникъ ли Онъ, не знаю, — отвѣтилъ прозрѣвшій;—а знаю только то, что я былъ слѣпъ, а теперь вижу.

Опять фарисеи стали разспрашивать, какъ онъ прозрѣлъ. „Я уже разсказывалъ вамъ,—отвѣчалъ юноша.—Зачѣмъ опять спрашиваете? Развѣ и вы хотите сдѣлаться Его учениками?“

Фарисеи разсердились. „Ты ученикъ Его,—сказали они,—а мы Моисеевы ученики. Мы знаемъ, что съ Моисеемъ говорилъ Богъ, а объ этомъ Человѣкѣ не знаемъ, откуда Онъ“.

— Странно, что вы не знаете, откуда Онъ,—отвѣчалъ юноша,—а Онъ отверзъ мнѣ глаза. Слыхано ли, чтобы кто-нибудь отверзъ глаза слѣпорожденному? Мы всѣ знаемъ, что грѣшниковъ Богъ не слушаетъ, но слушаетъ тѣхъ, кто чтитъ Бога и творитъ волю Его. Если бы этотъ Человѣкъ не былъ отъ Бога, то не могъ бы сдѣлать такого чуда“.

Фарисеи еще болѣе разсердились и выгнали вонъ прозрѣвшаго слѣпца. Господь Іисусъ Христосъ узналъ объ этомъ и, встрѣтивъ его, спросилъ: „вѣруешь ли ты въ Сына Божія?“

— Кто Онъ, Господи, чтобы мнѣ вѣровать въ Него?—спросилъ прозрѣвшій.

— Ты видѣлъ Его, и Онъ говоритъ съ тобою,—сказалъ Господь.

— Вѣрую, Господи!—воскликнулъ тогда юноша и поклонился Іисусу до земли.

Можно себѣ вообразить, какъ обрадовался исцѣленный, когда узналъ, что исцѣлившій его есть Самъ Сынъ Божій, сошедшій на землю для спасенія людей! Какъ увѣровалъ въ Него! Какъ горячо полюбилъ Его! Вѣроятно, онъ и не скорбѣлъ о томъ, что фарисеи изгнали его изъ синагоги и презирали его. Они его отвергли, но вѣдь онъ нашелъ и возлюбилъ Спасителя, а это счастіе выше всѣхъ благъ земныхъ.

Мы видимъ часто, что люди добрые и благочестивые терпятъ въ мірѣ оскорбленія и притѣсненія; но если они твердо вѣруютъ въ Господа, если возлюбили Его всею душею, если хранятъ заповѣди Его и исповѣдуютъ Его святое имя, то они терпѣливо перенесутъ бѣдствія; ибо знаютъ, что имѣютъ высшее благо, и что ничто въ мірѣ не можетъ отлучить ихъ отъ любви Христовой. Родители слѣпорожденнаго, боясь фарисеевъ, не рѣшили воздать Господу славу и честь за исцѣленіе сына. Они боялись, что ихъ отлучатъ отъ синагоги. Да сохранитъ насъ Господь отъ подобнаго малодушія! Лучше потерять все, лучше потерпѣть всевозможныя оскорбленія и непріятности, чѣмъ въ чемъ-либо уклониться отъ Господа; Онъ высшее, вѣчное благо. Ни изъ страха, ни изъ угожденія кому бы то ни было не должны мы рѣшиться сдѣлать или сказать что-либо неугодное Богу.

Святая церковь, вспоминая въ шестую недѣлю послѣ Свѣтлаго Воскресенія исцѣленіе слѣпорожденнаго, взываетъ такъ, отъ лица всѣхъ, къ Цѣлителю душъ и тѣлесъ: „душевными очами слѣпотствуя, прихожу къ Тебѣ, Христе, какъ слѣпой отъ рожденія, и съ покаяніемъ зову Тебѣ: Ты еси Свѣтъ пресвѣтлый всѣхъ находящихся въ грѣховной тьмѣ“. (См. кн. „Разсказы о земной жизни Спасителя“ Бахметевой).

2. Непостижимы судьбы Твои, Господи! [1]

(Изъ книги: „Иліотропіонъ“, святителя Іоанна Максимовича).

„О, какъ велики дѣла Твои, Господи! Весьма глубоки помышленія Твои: человѣкъ несмысленный не знаетъ, и невѣжда не разумѣетъ сего“ (Пс. XCI, 6—7). Поистинѣ Ты Богъ сокровенный, умомъ творенія непостигаемый!—Святой Антоній Великій, размышляя о сокровенныхъ и недовѣдомыхъ тайнахъ Божіихъ и удивляясь имъ, однажды воззвалъ смиренно къ Богу: „о, Господи Боже мой! Тебѣ бываетъ иногда благоугодно даровать долголѣтнюю жизнь людямъ повидимому безполезнымъ и погруженнымъ въ бездну беззаконій, а иногда преждевременно лишаешь Ты жизни сей людей весьма полезныхъ для блага общаго; одни, мало прегрѣшившіе, казнятся Тобою тяжко; другіе, напротивъ, живутъ себѣ безъ всякихъ скорбей, счастливо, и чрезъ это получаютъ дерзость совершать преступленія“. При такомъ размышленіи Антоній слышитъ голосъ: „будь внимателенъ къ себѣ самому: то, о чемъ ты размышляешь, есть судъ Божій, и ты его не изслѣдуй и не испытуй“.

Святый Аѳанасій, архіепископъ александрійскій, описываетъ въ дѣяніяхъ сего Антонія Великаго такое происшествіе: два монаха шли посѣтить святого Антонія. Проходя по безводной и жаркой пустынѣ, они совсѣмъ изнемогли отъ жажды: одинъ изъ нихъ уже умеръ, а другой находился при смерти. Святой Антоній, будучи въ своемъ монастырѣ за много верстъ, призываетъ поспѣшно двухъ своихъ монаховъ и говоритъ имъ: „какъ можно скорѣе бѣгите туда-то въ пустыню, захватите съ собой сосудъ воды; одинъ изъ двухъ братій, которые шли къ намъ, уже умеръ отъ жажды, а другой еще дышитъ, но тяжко страдаетъ и очень ослабѣлъ; если замедлите, то и другого не застанете въ живыхъ: такъ открылъ мнѣ Богъ, когда я стоялъ на молитвѣ“. Иноки немедленно пустились въ путь; они нашли странниковъ: умершаго похоронили, а другого освѣжили водой, подкрѣпили пищею и привели къ святому Антонію. При этомъ разсказѣ Аѳанасій замѣчаетъ, что, можетъ-быть, кто-нибудь спроситъ: а почему св. Антоній не послалъ своихъ монаховъ раньше для спасенія странниковъ, пока еще не умеръ одинъ изъ нихъ? Такой вопросъ поистинѣ неприличенъ для христіанина потому, что это не было дѣломъ св. Антонія, но это былъ судъ Божій: Самъ Богъ изрекъ Свой праведный приговоръ и надъ умирающимъ, и о томъ, кто остался живъ; Богъ же открылъ Свою волю и Антонію о спасеніи странника.

Въ 1117 году, когда во всей Италіи было землетрясеніе, нѣсколько жителей города Медіолана находились въ одномъ домѣ; вдругъ слышится со двора голосъ зовущій по имени одного изъ бывшихъ въ тотъ домѣ, чтобы онъ вышелъ. Тотъ, кого вызывали, недоумѣвалъ: кто и зачѣмъ зоветъ его? а потому и не спѣшилъ выходить. Тогда какой-то незнакомецъ подходитъ къ двери и проситъ, чтобы позванный поскорѣе вышелъ; и едва тотъ отошелъ на нѣсколько шаговъ отъ дома, какъ домъ падаетъ и убиваетъ своими развалинами всѣхъ, бывшихъ внутри его. Спрашивается: почему одинъ только изъ бывшихъ въ домѣ спасенъ, а всѣ прочіе погибли?—Суды Господни—великая бездна! Кто не видитъ ясно въ этомъ происшествіи совершившихся древнихъ чудесъ? Такъ вывелъ ангелъ Господень и Лота съ его дѣтьми изъ Содома, а всѣхъ прочихъ жителей оставилъ на жертву огня. Такимъ же чудеснымъ образомъ сохранены невредимыми и многіе другіе люди, которые находились вмѣстѣ съ тѣми, которые погибли при общемъ бѣдствіи. Что сказать о всемъ этомъ, кромѣ справедливаго изреченія: суды

---

[1] Примѣнительно къ вопросу учениковъ о причинѣ болѣзни слѣпорожденнаго.

Твои, Господи, бездна великая и неизмѣримая! Кто дерзнетъ сказать Богу: зачѣмъ Ты, Господи, такъ дѣлаешь? Не суть бо совѣты Мои, какъ совѣты ваши, глаголетъ Господь: ни пути Мои, какъ пути ваши. Какъ далеко небо отъ земли, такъ далекъ путь Мой отъ путей вашихъ и помышленія Мои отъ помышленій (или рѣшеній) вашихъ (Ис. LV, 8—9).

Святой Григорій сказалъ: изслѣдовать сокровенныя причины судебъ Божіихъ значитъ противопоставлять нашу грѣховную гордость Его опредѣленіямъ. Наше дѣло—при всякомъ необыкновенномъ событіи повторять слова апостола Павла: о, бездна богатства и премудрости и вѣдѣнія Божія! Какъ непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его! (Рим. XI, 33). Въ земной нашей жизни мы многаго никогда не постигнемъ разумомъ. Довольно для насъ знать и несомнѣнно вѣровать, что Богъ справедливъ, и въ послѣдній день судный не найдется никого изъ подсудимыхъ, который бы сказалъ что-либо иное Господу, кромѣ словъ: праведенъ Ты, Господи, и правы суды Твои! (Пс. CXVIII 137). Однажды царь Давидъ, видя счастливыхъ нечестивцевъ міра, которые и другихъ увлекали къ нечестію своимъ худымъ примѣромъ, желалъ уразумѣть пути Божіи о нихъ; долго онъ размышлялъ о семъ и, наконецъ, смиренно сознался: трудно для меня уразумѣть это, пока не войду во святилище Божіе (Пс. LXXII 16—17). Должно до будущей, лучшей жизни и намъ отложить полное уразумѣніе непостижимыхъ въ нынѣшней жизни судебъ Премудрости Божіей. Да и зачѣмъ тебѣ, безпокойный и чрезмѣрно любопытный умъ человѣческій, разыскивать все это? Касаясь огня Божественныхъ судебъ, ты растаешь; ты только будешь кружиться около сего огня подобно тому, какъ ночныя бабочки и комары кружатся ночью около свѣчи, пока сожгутся. Премудрый сынъ Сираховъ говоритъ: дивны дѣла Господни, величественны они, и сокровенны тайны Его предъ человѣками (Сир. XI, 4). Предвѣчный, всепремудрѣйшій Богъ все расположилъ мѣрою, числомъ и вѣсомъ: силѣ и волѣ Его кто противиться можетъ? Зачѣмъ же мы, ничтожные, кичимся своею гордостію и дерзновенно силимся взвѣсить тяжесть огня, измѣрить скорость движенія вѣтра или возвратить прошедшій день? Довольно для насъ вѣровать, что причиною всѣхъ причинъ есть воля Божія. Богъ попустилъ, Богъ восхотѣлъ, Богъ сотворилъ все. Чего же ты еще доискиваешься?...

3. Приглашеніе къ пожертвованію въ пользу слѣпыхъ.

Много несчастныхъ на свѣтѣ. Часто встрѣчаются намъ хромые, слѣпые, глухіе и разнаго рода больные. Всѣ они однимъ видомъ своимъ вызываютъ въ насъ сожалѣніе и состраданіе къ ихъ скорбному положенію. Но, кажется, нѣтъ большаго несчастія, какъ слѣпота, лишеніе зрѣнія, особенно когда это несчастіе постигнетъ человѣка съ самаго его рожденія. Прислушайтесь, какъ плачевно изображаетъ свое положеніе, упоминаемый въ богослуженіи нынѣшняго дня, слѣпорожденный. „Не домышляюся вопрошати, когда день, когда нощь; не терпита ми нозѣ каменнаго претыканія, не видѣхъ бо солнца сіяюща, ниже во образѣ мене создавшаго“. (Стих. на Господи воззвахъ). „Все житіе слѣпый нощь помышляя“ (тамъ же). Мы, обладающіе зрѣніемъ и пользующіеся имъ безпрерывно, не можемъ по достоинству оцѣнить этого драгоцѣннаго для насъ дара Божія и постигнуть всю горечь лишенія его. Но стоитъ только представить себя съ закрытыми глазами хотя на одинъ день, и мы поймемъ, какъ тяжко не видѣть свѣта Божія, солнца яснаго, красоты міра и его благоустройства, которое умъ нашъ возводитъ къ Всемогущему Творцу, — какъ болѣзненны эти постоянныя претыканія и не для ногъ только однѣхъ, но и для всѣхъ частей тѣла,—каково это „все житіе свое помышлять за одну непрерывную нощь“. И растетъ слѣпой, и выростаетъ себѣ не въ радость, роднымъ въ тягость. Достигаетъ онъ зрѣлыхъ лѣтъ,—горя не убавляется, а прибавляется. Ему не до семьи: онъ себя самого не прокормитъ. О, какъ горекъ хлѣбъ изъ чужихъ рукъ! Горекъ онъ еще и потому, что сознаетъ въ себѣ человѣкъ и силы, и здоровье, и способности, самъ желалъ бы быть на помощь и облегченіе другимъ, но безъ зрѣнія ничего иного не можетъ предпринять, какъ ходить, да и то при помощи другого, и просить подаянія.

Увидѣлъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ человѣка „слѣпа отъ рождества“, какъ слышали мы нынѣ изъ евангелія, и исцѣлилъ его; тотъ прозрѣлъ и сталъ видѣть. Творить чудеса, конечно, не въ нашей власти и дать зрѣніе слѣпому мы не можемъ; но мы можемъ и должны облегчать участь несчастныхъ, наша „непремѣнная обязанность помогать немощнымъ, быть милостивыми ко всѣмъ съ долготерпѣніемъ“ (I Сол. V, 14). „Должни есмы мы сильніи немощи немощныхъ носити, и не себѣ угождати“ (Рим. XV, 1). И должно правду сказать,— сострадательный ко всѣмъ несчастнымъ православный русскій народъ къ слѣпцамъ относится съ особымъ вниманіемъ и съ большимъ усердіемъ подаетъ имъ свои подаянія. Не оскудѣвали и не оскудѣваютъ на Руси подаянія на пользу слѣпыхъ. Но очевидно каждому, что такой способъ благотворенія слѣпымъ не вполнѣ благопріятенъ для нихъ. Правда, и при такомъ способѣ благотворенія слѣпецъ не умираетъ отъ нужды, голода и холода, но вѣдь изъ нихъ не всякій способенъ ходить и просить милостыню, очень многихъ мы совсѣмъ не видимъ, а они, можетъ-быть, нуждаются болѣе другихъ. Стали думать и придумали лучшій способъ благотворенія. Въ послѣднее время, для улучшенія участи несчастныхъ слѣпцовъ съ Высочайшаго соизволенія основано „попечительство“, которое поставило своею заботою облегчать тяжелую участь слѣпцовъ. Попечительство собираетъ по Россіи слѣпыхъ и устраиваетъ для нихъ больницы, пріюты, училища и богадѣльни, — нанимаетъ докторовъ, которые нѣкоторыхъ и вылѣчиваютъ отъ слѣпоты, приглашаетъ учителей, которые молодыхъ слѣпцовъ учатъ въ училищахъ, научая чтенію по особымъ, для нихъ приспособленнымъ, книгамъ и научаютъ разнымъ ремесламъ, а старыхъ, больныхъ, къ труду неспособныхъ попечительство помѣщаетъ въ богадѣльняхъ.

Какъ видите сами, цѣли благія, истинно-христіанскія и весьма обширныя. На осуществленіе ихъ и средствъ нужно много, очень много, и притомъ, чѣмъ болѣе будетъ средствъ, тѣмъ большихъ успѣховъ можно достигнуть. Поэтому попечительство каждый разъ въ недѣлю о слѣпомъ дѣлаетъ по церквамъ сборы въ пользу слѣпыхъ и приглашаетъ всѣхъ православныхъ христіанъ Имперіи нашей къ пожертвованіямъ. Порадѣйте же, православные христіане, о горькой участи слѣпцовъ. Подавая милостыню на руки, мы иногда опасаемся, какъ бы она не послужила вмѣсто пользы во вредъ получившему, потому что нѣкоторые во зло употребляютъ ее. Здѣсь нѣтъ мѣста подобнымъ опасеніямъ. Будьте увѣрены, каждая ваша лепта пойдетъ на пользу. Она послужитъ къ успокоенію старичка — калѣки слѣпого въ покойномъ пріютѣ, а молодому слѣпцу поможетъ научиться своимъ трудомъ заработывать себѣ пропитаніе. Не говорите, что вы сами бѣдны. Побольше дастъ тотъ, кто побогаче тебя, а ты будь милостивъ въ бѣдности своей, — отъ бѣдноты твоей помоги усладить горькую участь слѣпыхъ. Отдѣльно взятая лепта мала и незначительна, но когда жертвователей много, то незначительныя лепты, соединяясь вмѣстѣ, составляютъ большой капиталъ.

До 200 тысячъ насчитывается у насъ въ Россіи слѣпыхъ. Взоры всѣхъ ихъ нынѣ къ намъ устремлены съ упованіемъ на нашу помощь. Съ высоты Престола слышимъ мы первый призывъ къ сей помощи и тамъ же видимъ первый примѣръ ея. Митрополиты, архіепископы, епископы и многіе сановники собственнымъ словомъ и примѣромъ побуждаютъ насъ къ тому же. Откликнемся и мы посильнымъ приношеніемъ. И Господу, нынѣ даровавшему зрѣніе слѣпорожденному, пріятна будетъ наша жертва. „Лучше творить милостыню, нежели собирать золото, ибо милостыня отъ смерти избавляетъ и можетъ очищать всякій грѣхъ“ (Товит. XII, 8—9). „Блажены милостивые, ибо они помилованы будутъ“ (Мѳ. V, 7), но „судъ будетъ безъ милости не сотворившему милости“ (Іак. II, 13). (Христ. бесѣду, изд. „П. Соб.“ 1897 г., т. I).

4. Голосъ спасающей благодати. [1]

Вотъ что повѣдала о себѣ одна монахиня, по имени Евсевія, жившая въ брянскомъ монастырѣ: „Я родилась отъ православныхъ родителей и воспитана была ими въ православной вѣрѣ. Къ сожалѣнію, они, конечно, по мірскимъ расчетамъ, выдали меня замужъ за раскольника. Свекоръ мой, грубый, закоренѣлый раскольникъ, настоятельно требовалъ, чтобы я перешла въ расколъ, и я, грѣшная, не устояла—согласилась на это. Въ деревнѣ Колчевой меня перекрещивали, и, когда стали погружать меня въ кадку съ водою, я затряслась отъ страха. „Изъ-за чего, — думала я, — оставляю православную вѣру и св. церковь? Изъ-за однихъ упрековъ и угрозъ престарѣлаго свекра? Какое малодушіе!..“ Какъ бы то ни было, только меня погрузили въ воду, и что же увидѣла я? Боже мой! И теперь я часто вспоминаю это видѣніе. Мнѣ показалось, будто бѣлый голубь отлетѣлъ отъ меня... „Что это?—подумала я.—Ужъ не благодать ли Духа Святаго, дарованнаго мнѣ въ православномъ крещеніи, отлетаетъ отъ меня? Да, видно, благодать Святаго Духа...“ И мнѣ грустно стало. Но міръ, суеты, заботы мірскія опутали меня отвсюду: я свыклась съ расколомъ и видѣніе то забыла. Грѣшникъ часто забываетъ Бога, но Богъ никогда не забудетъ грѣшника. Не забылъ Онъ и меня, отступившую отъ вѣры православной. Въ 1830 году появилась у насъ холера, и въ нашемъ семействѣ первую поразила меня. Страшныя болѣзни мучили меня, но помощи, кромѣ Бога, ни откуда нельзя было ожидать. Въ то время у насъ всѣ боялись холеры, какъ болѣзни заразительной, и вотъ я могла тутъ сказать съ св. Давидомъ: *ближніи мои отдалече мене сташа* (Пс. XXXVII, 13). Я лежала одинокая въ борьбѣ съ тяжкими болѣзнями. Между тѣмъ наступила ночь; все тихо, только въ уединенной комнатѣ, гдѣ я лежу, раздаются мои стоны. Вдругъ среди этой тишины мнѣ слышится, будто кто-то говоритъ: „Евфросинія! присоединись къ святой православной церкви“. Голосъ этотъ повторился три раза, и я готова была послушаться таинственнаго голоса. Болѣзни мои утихли, и я спокойно заснула. Настало утро, и я была совершенно здорова: на мнѣ не видно было даже и слѣдовъ моей жестокой болѣзни. Среди своихъ разсказала я, что слышалось мнѣ ночью; тутъ былъ и свекоръ мой. Выслушавъ слова мои, онъ весь измѣнился въ лицѣ, взглянулъ на меня сверкающими отъ сильнаго гнѣва глазами и дрожащимъ отъ злости голосомъ сказалъ: „видишь, какъ діаволъ-то хитеръ, какъ ненавидитъ онъ добро! Онъ опять манитъ тебя на заблужденіе, чтобы потомъ мучиться тебѣ въ вѣчномъ огнѣ“. Что же я? Удивляюсь своему легкомыслію: я повѣрила, какъ истинѣ, коварнымъ словамъ свекра... Но вотъ опять посѣщеніе Господне, опять благодатный зовъ Его ко мнѣ, грѣшницѣ!.. Вечеромъ того же дня холера опять поразила меня, и я страдала такъ жестоко, что съ часу на часъ ожидала себѣ смерти, но въ то время, какъ я въ мучительныхъ страданіяхъ отчаивалась въ самой жизни, ночью опять повторился тотъ же голосъ: „Евфросинія! присоединись къ святой православной церкви“. Тутъ уже дала я рѣшительный обѣтъ Богу присоединиться къ церкви православной, если только Господу угодно будетъ возвратить мнѣ здоровье, и въ этой рѣшимости я забылась. Вдругъ вижу, будто святая икона Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на воздухѣ склоняется надо мною, и склоняется такъ, что покрываетъ лицо мое. Это повторилось нѣсколько разъ. Я спокойно послѣ этого заснула и утромъ почувствовала себя опять здоровою... Меня навѣстила племянница моя, и, когда я разсказала ей свое видѣніе, она тотчасъ отвела меня въ церковь. Лишь я вступила туда, какъ тотчасъ увидѣла на столбѣ ту самую икону, которую видѣла ночью склоняющеюся надо мною. Сердце мое сильно билось отъ радости, и я съ умиленіемъ выслушала всю литургію. Потомъ объявила священнику все свое приключеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ выразила желаніе присоединиться къ святой православной церкви. Добрый пастырь принялъ живое участіе въ моемъ положеніи и велѣлъ мнѣ готовиться къ присоединенію, которое онъ хотѣлъ совершить на другой день. И вотъ, я съ радостію вышла изъ церкви, но на пути домой меня опять начали смущать мрачныя мысли: какъ-то будетъ поступать со мною мужъ мой, а особенно свекоръ?.. Ахъ, какъ много въ человѣкѣ силы для зла, и какъ въ немъ мало ея для добраго дѣла!.. Но, благодареніе Богу, когда я высказала все своему мужу, онъ сказалъ мнѣ: „что жъ, хорошо; я и самъ бы готовъ съ тобою присоединиться къ церкви православной, да видишь, какъ старикъ-то нашъ на это смотритъ. Боюсь оскорбить его; что дѣлать? Буди воля Божія! А ты будь покойна, исполни свой обѣтъ и не бойся ничего; я твой защитникъ...“ На другой день Господь сподобилъ меня присоединиться къ православной церкви, и я возвратилась съ такою радостію, какой прежде никогда и не испытывала. Мою сердечную радость дѣлилъ со мною и мужъ мой. А свекоръ?.. Господь посѣтилъ его въ это время холерою, онъ страшно мучился, только стоналъ, ничего не могъ высказать, и часовъ черезъ шесть скончался. Жаль было старика, каковъ бы ни былъ онъ, все же близкій родной, мужа моего отецъ, и между тѣмъ умеръ въ упорномъ заблужденіи... Но за однимъ горемъ—новое горе: холера разразилась и надъ мужемъ моимъ. Три дня онъ, бѣдный, тяжко страдалъ, но, слава Богу, въ эти три дня испытанія онъ успѣлъ раскаяться, присоединившись къ православной церкви, и умеръ, напутствуемый святыми тайнами... Такъ стала я горькою вдовою. Для меня только и осталось на землѣ двѣ радости: сынъ лѣтъ тринадцати, да дочь помоложе его. Сына отдала я въ Брянскъ для пріученія къ торговлѣ, но тамъ онъ чрезъ два года умеръ. Каждый знаетъ, чего стоитъ потеря сына для матери и притомъ матери-вдовы! Обливаясь горькими слезами, отправилась я изъ деревни въ Брянскъ, чтобы выплакать горе свое надъ могилою, въ которой сокрытъ былъ дорогой для меня прахъ. Но гдѣ же выплакать все горе? Къ утѣшенію своему, я узнала, что тутъ, въ Брянскѣ, устраивается женскій монастырь, и вотъ рѣшилась я вмѣстѣ съ дочерью остаться здѣсь, чтобы искать утѣшенія въ Богѣ, и Господь исполнилъ мое желаніе. Такъ Онъ, милосердый, зоветъ насъ къ Себѣ невѣдомыми путями“. („Воскр. день“ 1897 г., № 22).

---

[1] Примѣнительно къ стих. 35—38, гл. IX Іоанна.

5. Исцѣленіе слѣпой.

Борисоглѣбскій мѣщанинъ Александръ Моисеевъ Яковлевъ — портной, десять лѣтъ тому назадъ, жилъ въ станицѣ Урюпино области войска донского. Здѣсь у него родилась дочь Марія, у которой на шестимѣсячномъ возрастѣ образовались на обоихъ глазахъ большія бѣльма, такъ что оба глаза сдѣлались бѣлые. Яковлевъ обратился сначала за помощью къ доктору г. Тенчинскому, потомъ къ доктору г. Захарьевскому и къ другимъ, въ томъ числѣ и къ военному врачу, но всѣ мѣры медицины оказались безсильными, такъ что больная на четвертомъ году совершенно ослѣпла, и вѣки глазъ ея закрылись. Отъ сильной боли она настолько была измучена, что, будучи шести лѣтъ, не могла ходить. По совѣту нѣкоторыхъ лицъ, отецъ ея раскрылъ ей вѣки и увидѣлъ вмѣсто глазъ одно мясо облитое кровью. Потерявъ всякую надежду на излѣченіе дочери, Яковлевъ и жена его, взявъ больную, завернули въ одѣяло и отправились въ церковь на старомъ кладбищѣ станицы Урюпина, гдѣ находится явленная икона Казанской Божіей Матери. Здѣсь попросили они священника отслужить молебенъ предъ этою иконою. Возвратившись въ квартиру, они посадили дочь, по обыкновенію, завернутую въ одѣяло, на всегдашнюю ея постель на сундукѣ, а сами стали готовиться пить чай. Въ это время, неожиданно, дочь ихъ раскрыла глаза и произнесла, что она видитъ отца, самоваръ и все, что на столѣ, и попросила отца и мать заговорить что-нибудь, такъ какъ она ихъ отъ роду не видала, а знала лишь по одному голосу.

Въ настоящее время Яковлевъ съ семействомъ живетъ въ Борисоглѣбскѣ, на Большой улицѣ, въ домѣ Ѳеофанова, близъ дома земства, а дочь Марія, которой теперь одиннадцатый годъ, съ прекрасными глазами учится въ борисоглѣбскомъ женскомъ училищѣ. (Р. Паломн., сн. Рязанск. Епарх. Вѣд. 1891 г. № 3).

6. О необходимости скорбей для достиженія царства небеснаго.

(Никанора, архіеп. херсонскаго).

Богъ есть потребность скорбящаго сердца, — говорилось въ старой философіи. Эта истина основана на психологическомъ, на душевномъ опытѣ. Извѣстно, что въ счастіи человѣкъ легко забываетъ Бога, въ несчастіи же, наоборотъ, вспоминаетъ Бога и забывшій Его. Самый стонъ скорбящей души, самый вопль боли, ею испускаемый, самое чувство безпомощности, естественно рождающееся въ минуты невзгоды внѣшней и неисходной тоски внутренней, все это невольно обращаетъ очи страждущаго къ небу, съ вѣрою ли, безъ вѣры ли. Самое безвѣріе тогда естественно стремится переродиться въ вѣру, самая безнадежность невольно окрыляется хотя слабою надеждою, увлекаясь естественнымъ и невольнымъ желаніемъ выбиться изъ тоски и отчаянія, избавиться отъ душевно-тѣлесной боли, устранить отъ себя грозу смерти, отвратить отъ себя, какъ наиболѣе противный и возмутительный, безысходный мракъ смерти вѣчной, понимать ли ее какъ муку вѣчную, или же какъ вѣчное уничтоженіе. Бываетъ, что люди накликаютъ на себя смерть, даже причиняютъ ее себѣ; но это преступное движеніе чувства и воли, а иногда и самоубійственной руки всегда, по крайней мѣрѣ, въ самой большей части случаевъ, бываетъ порывомъ отчаянія и малодушія. Глядѣть же всегда, или же слишкомъ часто въ лицо смерти и смертной или посмертной мукѣ слишкомъ противоестественно, — тогда человѣку непремѣнно захочется жить, для свѣта и радостей, просто даже для ощущенія жизни. Захочется опереться на высшую силу, способную отвратить смерть и смертную муку, какъ и всякое страданіе. Захочется прибѣгнуть къ Богу, Владыкѣ жизни и смерти, Богу, подателю всѣхъ благъ и Спасителю отъ всѣхъ золъ. Частыя скорби и страданія, постоянныя опасности, а особенно опасности смертныя держатъ душу въ постоянномъ напряженіи, въ постоянномъ обращеніи и стремленіи къ Богу Спасителю; а сохраняя и поддерживая душу въ этомъ направленіи, соблюдаютъ ее, по возможности, отъ всякой скверны плоти и духа, и дѣйствительно приближаютъ къ Богу, приближаютъ не однимъ только обращеніемъ и стремленіемъ къ Богу, но и очищеніемъ и усовершенствованіемъ, соблюденіемъ заповѣдей Божіихъ и богоугожденіемъ. Такъ и достигаетъ человѣкъ царствія Божія многими скорбями.

Потому-то, его же любитъ Господь, наказуетъ; біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ за сына съ любовію Отца. Потому-то, когда человѣкъ не погибельный забывается, Богъ посылаетъ на него скорби, ввергаетъ его въ пещь искушенія, въ которой человѣкъ и искушается, яко злато въ горнилѣ. Когда забывается и народъ благовѣрный, Богъ ввергаетъ его въ пещь или войны, или заразы, или голода и другихъ всенародныхъ бѣдствій. И смотрите, вспомните, какъ въ годину всенароднаго искушенія духъ народа возвышается, какъ вѣра крѣпнетъ, какъ теплота народнаго благочестія возрастаетъ, народныя молитвы множатся, становятся неотступнѣе, доблестные подвиги терпѣнія и самоотверженія, вѣры и вѣрности, человѣколюбія и милосердія учащаются, становясь даже заурядными и обычными, и общество, въ другія поры даже легкомысленное и во многихъ отношеніяхъ несовершенное, въ годину народнаго бѣдствія больше и больше уподобляется царствію Божію на землѣ. Посмотрите, подумайте, какъ воины на войнѣ, какъ моряки на морѣ, которымъ смерть такъ часто и упорно глядитъ въ глаза, какъ они, тайно ли, явно ли, но почти всегда и почти всѣ въ душѣ бываютъ невольно и естественно обращены къ Богу, и какъ иныя потрясенія, въ буряхъ ли морскихъ, въ буряхъ ли сраженій, отражаются сильными и болѣе или менѣе благотворными потрясеніями въ сердцахъ, нерѣдко на всю жизнь до гроба, провожая и за гробовую доску. (Бес. и поуч. т. IV, стр. 646).

НЕДѢЛЯ СВ. ОТЕЦЪ.

Еванг. отъ Іоан. зач. 56, гл. XVII, 1—13 ст.

1. Первосвященническая молитва І. Христа.

Совершая съ учениками послѣднюю Пасху, Господь І. Христосъ такъ молился въ концѣ пасхальной вечери: „Отче! Пришелъ часъ, прославь Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тебя; такъ какъ Ты далъ Ему власть надъ всякою плотію, да всему, что Ты далъ Ему, дастъ Онъ жизнь вѣчную. Сія же есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя единаго истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа. Я прославилъ Тебя на землѣ, совершилъ дѣло, которое Ты поручилъ Мнѣ исполнить. И нынѣ прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самаго славою, которую Я имѣлъ у Тебя прежде бытія міра“.

„Я открылъ имя Твое человѣкамъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ отъ міра, они были Твои, и Ты далъ ихъ Мнѣ; и они сохранили слово Твое; нынѣ уразумѣли они, что все, что Ты далъ Мнѣ, отъ Тебя есть. Ибо слова, которыя Ты далъ Мнѣ, Я предалъ имъ; и они приняли, и уразумѣли истинно, что Я исшелъ отъ Тебя, и увѣровали, что Ты послалъ Меня. Я о нихъ молю; не о всемъ мірѣ молю, но о тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, потому что они Твои. И все Мое Твое и Твое Мое; и Я прославился въ нихъ. Я уже не въ мірѣ, но они въ мірѣ; а Я къ Тебѣ иду. Отче святый! соблюди ихъ во имя Твое, тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, чтобы они были едино, какъ и Мы. Когда Я былъ съ ними въ мірѣ, Я соблюдалъ ихъ во имя Твое; тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, Я сохранилъ, и никто изъ нихъ не погибъ, кромѣ сына погибели, да сбудется Писаніе (Псал. CVIII, 17). Нынѣ же къ Тебѣ иду, и сіе говорю въ мірѣ, чтобы они имѣли въ себѣ радость Мою совершенную“. (Іоан. XVII, 1—13). Это евангеліе, въ которомъ такъ ясно изложено собственными словами І. Христа о единосущіи Его, какъ Сына, Божія, съ Богомъ Отцемъ и, такимъ образомъ, о Его Божествѣ, положено читать въ недѣлю св. отцевъ 1-го вселенскаго собора, утвердившихъ соборнымъ постановленіемъ истинное ученіе о единосущіи Сына Божія съ Богомъ Отцемъ противъ еретика Арія.

2. О вселенскихъ соборахъ.

Въ недѣлю седьмую по Пасхѣ православная церковь ежегодно воспоминаетъ и прославляетъ святыхъ и богоносныхъ отецъ, бывшихъ на первомъ вселенскомъ соборѣ, иже въ Никеѣ. Вселенскимъ соборомъ называется собраніе пастырей и учителей церкви Христовой, по возможности со всей вселенной, для утвержденія истиннаго ученія и благочинія между христіанами. Великая сила и важность соборныхъ совѣщаній и рѣшеній основывается на словахъ Самого Іисуса Христа, Который сказалъ: „гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ“. Что же касается всей вселенской церкви, то Основатель ея и Глава придалъ ей значеніе непогрѣшимости въ вопросахъ о вѣрѣ. „Скажи церкви, а если и церкви не послушаетъ, то пусть будетъ для тебя наравнѣ съ язычникомъ и мытаремъ“ (Мѳ. XVIII, 17). Церкви же (обществу вѣрующихъ) Спаситель далъ великое обѣтованіе „быть съ нею во вся дни до скончанія вѣка“ (Мѳ. XXVIII, 20). Начало собиранія церковныхъ соборовъ положили еще св. апостолы; для общаго рѣшенія вопроса о принятіи въ церковь язычниковъ они сами однажды всѣ собирались въ Іерусалимъ изъ разныхъ мѣстъ вселенной. Съ того времени св. церковь всегда искала себѣ силы противъ нарушителей истиннаго ученія въ соборныхъ молитвахъ и совѣщаніяхъ. Коль скоро ей нужно было узнать непреложную волю Божію о чемъ-либо, она созывала представителей помѣстныхъ церквей воедино, и единогласное рѣшеніе соборовъ принимала за голосъ Самого Бога. „Изволися Духу Святому и намъ“, такъ выразились апостолы, такъ затѣмъ выражались и отцы всѣхъ соборовъ о своихъ постановленіяхъ. Главнымъ поводомъ къ устройству соборовъ всегда служило появленіе между христіанами лжеучителей (еретиковъ), которые своимъ иногда хитроумнымъ и всегда превратнымъ ученіемъ о вѣрѣ извращали истинно-христіанское ученіе о нашемъ спасеніи, смущали нетвердыхъ въ вѣрѣ и чрезъ то вносили раздоръ и несогласіе въ общество христіанъ. Всѣхъ вселенскихъ соборовъ было семь; первый изъ нихъ называется Никейскимъ, ибо происходилъ въ городѣ Никеѣ. Онъ созванъ былъ для опроверженія ложнаго ученія объ Іисусѣ Христѣ нечестиваго еретика Арія. Арій былъ сначала пресвитеромъ въ александрійской церкви; будучи человѣкомъ ученымъ, онъ сильно гордился своимъ умомъ и скоро впалъ въ пагубное лжеумствованіе. Церковь христіанская искони исповѣдывала, что Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ есть второе Лицо Пресвятой Троицы, Единородный Сынъ Бога Отца, а Арій лжеумствовалъ, что Іисусъ Христосъ не Богъ, но только одаренный отъ Бога высшею благодатію человѣкъ. Такого неправомыслія, конечно, нельзя было терпѣть, и Арія отлучили отъ церкви, но онъ продолжалъ распространять свою ересь и увлекать въ свои сѣти малосвѣдущихъ. Скоро въ обществѣ христіанскомъ явилось небывалое смущеніе; нужно было положить конецъ этому злу. Тогда, по распоряженію императора Константина Великаго, созванъ былъ въ Никеѣ въ 325 году по Р. Х. вселенскій соборъ, на который явилось болѣе трехсотъ отцовъ церкви. Явился на соборъ и еретикъ Арій. Сколько ни старались православные вразумить заблудшаго, онъ остался при своемъ. Арія осудили и, какъ ослушника церкви, лишили общенія съ нею, а въ образецъ и руководство вѣрующихъ въ исповѣданіи вѣры составленъ былъ символъ вѣры, въ которомъ кратко сказано все, во что и какъ должны вѣровать христіане. Этотъ символъ исповѣдуетъ и доселѣ вся православная церковь Христова. Такимъ образомъ, на соборѣ Арій былъ низложенъ. Презираемый всѣми, онъ не зналъ на что рѣшиться и употребилъ хитрость. Зная снисходительность императора Константина, онъ сталъ просить его, чтобы тотъ повелѣлъ снова принять его въ церковь. Сердобольный императоръ согласился исполнить его просьбу, тѣмъ болѣе, что Арій на вопросъ императора: „такъ ли ты вѣруешь, какъ утвердили отцы на Никейскомъ соборѣ?“ притворно отвѣтилъ: „такъ вѣрую“. Говоря это, еретикъ ударялъ себя въ грудь, на которой подъ одеждою висѣла хартія, заключающая его суемудрое ученіе. Не подозрѣвая такого обмана, императоръ велѣлъ св. Александру, епископу александрійскому, принять Арія въ общеніе съ церковію. Хорошо зная упорство своего бывшаго пресвитера, св. Александръ не вѣрилъ Арію, но и не желалъ ослушаться царя.

Недоумѣвая, какъ ему поступить, епископъ обратился тогда съ усердною молитвою къ Господу Богу, чтобы Онъ, правосудный, не попустилъ злѣйшему врагу вторгнуться въ церковь, но во время открылъ всѣмъ нечестіе еретика. Господь услышалъ молитву святителя и всѣмъ явно показалъ, что Арій недостоинъ общенія съ церковію. Насталъ день, въ который нужно было принять еретика въ церковь. Окруженный своими единомышленниками, Арій съ торжествомъ намѣревался вступить въ церковь и съ лобзаніемъ Іудинымъ приступить къ св. причастію. Но вотъ на пути въ храмъ онъ вдругъ почувствовалъ страшную внутреннюю болѣзнь, отъ которой все чрево его распалось, и выпали внутренности, такъ что онъ тутъ же прекратилъ свою жизнь.

Такъ грозно наказываетъ Господь еретиковъ и всѣхъ невѣрующихъ въ здѣшней жизни; но еще горшія наказанія ожидаютъ таковыхъ въ жизни будущей. Тамъ, безъ сомнѣнія, они потерпятъ столько мученій, сколько посѣяли зла здѣсь на землѣ своими лжемудрствованіями, сколько погубили простодушныхъ сердецъ своимъ хитроуміемъ. Какъ поучительно для всѣхъ насъ, православный христіанинъ, это грозное проявленіе суда Божія надъ еретиками и невѣрующими! Оно научаетъ насъ твердо держаться ученія православной церкви, свято соблюдать вѣру Христову. ненарушимо сохранять установленные вселенскимъ единомысліемъ уставы и правила христіанскаго благочестія. Вѣра православная открыта намъ въ словѣ Божіемъ; истины ея опредѣлены и утверждены вселенскими соборами, опредѣленія которыхъ, какъ голосъ Божій, остаются неизмѣнными на всѣ времена, обязательными для всякаго христіанина. Никто не имѣетъ права измѣнять что-либо по своему произволу въ исповѣданіи православно-христіанской вѣры. Вѣра Христова должна быть едина, какъ и единъ Христосъ. Посему всякій долженъ вѣровать такъ, какъ научили насъ святые апостолы и богоносные пастыри и учители церкви. Апостолъ Павелъ, предохраняя галатійскихъ христіанъ отъ увлеченія вѣтромъ ученія самозванныхъ учителей, писалъ: „если бы мы, или даже ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать не то, что благовѣствовали вамъ мы, да будетъ анаѳема. Говорю вамъ: кто благовѣствуетъ не то, что вы приняли, да будетъ анаѳема“ (Гал. I, 8—9). Вотъ какъ должно свято соблюдаться ученіе православной церкви, которой ввѣрены всѣ словеса Божіи, въ которую, какъ въ сокровищницу, апостолы положили все, что необходимо для спасенія. Дорожи же, христіанинъ, драгоцѣннымъ наслѣдіемъ православія, незыблемо утвержденнаго на семи вселенскихъ соборахъ; памятуй, что внѣ церкви православной нельзя обрѣсти спасенія. Блюди себя отъ общенія съ разными суемудрыми учителями, желающими измѣнить благовѣствованіе Христово и отторгнуть вѣрныхъ сыновъ церкви отъ повиновенія ея ученію и уставамъ. Заграждай свой слухъ отъ ихъ гибельныхъ рѣчей,—всѣ они, какъ враги вѣры Христовой, невидимымъ судомъ Божіимъ уже лишены общенія съ церковію. Всѣ они суть сухія вѣтви, отсѣченныя отъ дерева, заблудшія овцы, отдѣлившіяся отъ стада Христова, потерявшія своего пастыря и упавшія въ непроходимую пропасть. (См. „Воскр. лист.“, изд. „Воскр. Дня“, № 173).

3. **Примѣры любви къ истинному богопознанію.**

I. Когда авва Силуанъ жилъ въ горѣ синайской, ученикъ его Захарія, однажды отходя на работу, говоритъ старцу: „авва, сходи за водою и полей садъ“ Старецъ, вышедъ изъ кельи, закрылъ лицо свое кукулемъ и смотрѣлъ только себѣ подъ ноги. Въ это время шелъ къ нему братъ и, увидѣвъ его издали, наблюдалъ, что онъ дѣлаетъ. Потомъ подошелъ къ нему и спросилъ: „авва! скажи мнѣ: для чего ты, идя поливать садъ, закрылъ лицо свое кукулемъ?“ — „Для того, сынъ мой, отвѣчалъ старецъ, чтобы глаза мои не видѣли деревъ, и умъ мой не развлекался ими въ своей дѣятельности“. Умъ же подвижника занятъ былъ богомысліемъ.—(Изъ кн.: „Подвижники благочестія, процвѣтавшіе на синайской горѣ и въ окрестностяхъ“. 1860 г., стр. 23).

II. Въ царствованіе Максиміана въ городѣ Иліополѣ жилъ одинъ знатный и богатый гражданинъ — Діоскоръ, по вѣрѣ язычникъ. У него была единственная дочь, которую онъ берегъ, какъ зѣницу ока. Прекрасная лицомъ, а еще болѣе сердцемъ, она, приходя въ возрастъ, превосходила красотою всѣхъ сверстницъ своихъ. Чтобы никто изъ простыхъ людей не могъ видѣть красоты Варвары — такъ звали дочь Діоскора —

Діоскоръ построилъ высокій столбъ съ богато убраннымъ на немъ жилищемъ и затворилъ тамъ дочь свою. Сокрытая отъ взоровъ человѣческихъ, удаленная отъ всякихъ внѣшнихъ развлеченій, отроковица углубилась въ созерцаніе прекраснаго міра Божія. Однажды, разсматривая свѣтила небесныя и восхищаясь красотою земною, она спросила приставленныхъ къ ней рабынь: „кто сотворилъ все это такъ премудро, такъ прекрасно?“—„Все это,—отвѣчали язычницы, — сотворено и устроено тѣми самыми богами, которымъ поклоняется родитель твой, и которые стоятъ въ его палатахъ“. Но мудрая отроковица не удовлетворилась такимъ отвѣтомъ и подумала: „боги, почитаемые отцомъ моимъ, сами созданы руками человѣческими и бездушны, сдѣланы изъ золота, или серебра, или изъ дерева: какъ же они, будучи сами не въ состояніи ни ходить ногами, ни дѣйствовать руками, могли быть творцами столь премудрыхъ вещей?“ Долго она размышляла такимъ образомъ, и, наконецъ, благодать Божія коснулась сердца ея, искавшаго Бога Творца, и возвѣстила сердцу и уму ея, что единъ есть Богъ, сотворившій небо и землю со всею ихъ красотою. Такая мысль о Богѣ, постоянно занимавшая душу отроковицы, пробудила въ ней непреодолимое желаніе ближе и яснѣе познать единаго истиннаго Бога, Творца всего. Но такъ какъ при Варварѣ не было никого, кто могъ бы научить ее и наставить на путь спасенія, то наставникомъ и учителемъ ея явился Самъ Господь Богъ, всегда близкій къ ищущимъ Его и изливающій въ сердца благодать, умудряющую младенцевъ и указующую путь ко спасенію.

Отецъ Варвары на долгое время отлучился изъ дома и далъ приказаніе, чтобы въ его отсутствіе не стѣсняли свободы дочери, а ей позволилъ выходить, куда пожелаетъ, и дѣлать, что захочетъ. Воспользовавшись данною отцомъ свободою, Варвара познакомилась съ христіанскими дѣвицами. Услышавши отъ нихъ объ имени Господа Христа, она возрадовалась духомъ, узнавши въ Немъ Того, Кого давно жаждала знать душа ея. Въ это время, по особенному промышленію Божію, прибылъ сюда христіанскій священникъ. Узнавши о его прибытіи, Варвара тотчасъ позвала его къ себѣ и, научившись отъ него всѣмъ необходимымъ для спасенія истинамъ вѣры, приняла крещеніе.

Такъ св. Варвара познала единаго Бога, въ трехъ лицахъ покланяемаго и славимаго — Отца и Сына и Св. Духа, и вѣру свою запечатлѣла вѣнцомъ мученичества. Она не устрашилась мученій, а, въ упованіи на помощь Божію, среди самыхъ тяжкихъ страданій, велегласно взывала: „Троицу чту — едино Божество“.—Для каждаго изъ насъ открытъ прекрасный міръ Божій: познавай же, христіанинъ, Творца, и паче всего старайся благоугождать Господу. Съ малыхъ лѣтъ учись богопознанію и не ослабѣвай до старости преуспѣвать въ немъ. (Воскр. чт. 1888 г., стр. 37).

4. Совершенствуемся ли мы въ познаніи св. вѣры?

Каждый христіанинъ долженъ возрастать въ познаніи вѣры. Св. апостолъ Павелъ, научивъ увѣровавшихъ во Христа существеннѣйшимъ и необходимѣйшимъ истинамъ вѣры (1 Кор. II, 2), не переставалъ заботиться о томъ, чтобы христіане совершенствовались въ познаніи преподаннаго имъ ученія. Въ заботахъ о семъ онъ не перестаетъ молить Бога о новообращенныхъ имъ христіанахъ, чтобы они возрастали *въ познаніи* Бога (Кол. I, 10), дабы Онъ исполнилъ ихъ *познаніемъ* воли Его во всякой премудрости и разумѣніи духовномъ (Кол. I, 9), дабы *Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы, далъ Духа премудрости и откровенія въ познаніи Его* (Ефес. I, 17). Молясь ко Господу, ап. Павелъ не перестаетъ убѣждать вѣрующихъ: *возрастайте въ познаніи Бога и Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа* (Кол. I, 10, ср. 2 Петр. III, 18).

Но неужели, спроситъ кто, неужели и къ христіанамъ конца XIX вѣка можетъ относиться это наставленіе? Неужели поколѣніе „конца вѣка“ нуждается въ напоминаніяхъ и наставленіяхъ относительно усовершенствованія въ познаніи Бога и Христа Спасителя, что естественно нужно было для христіанъ I вѣка?

Дѣйствительно, казалось бы, что люди въ теченіе девятнадцати христіанскихъ вѣковъ должны твердо и достаточно усвоить истины православной христіанской вѣры и жизни. На самомъ же дѣлѣ не то мы видимъ.

Не говоримъ уже о простецахъ, — люди средняго и даже высшаго образованія меньше знаютъ изъ науки о вѣрѣ, чѣмъ изъ всякой другой науки. И такое религіозное невѣжество особенно является поразительнымъ и прямо ужасающимъ, если взять во вниманіе распространеніе просвѣщенія и знаній въ области прикладныхъ наукъ, въ области механики, физики и др. Между тѣмъ, если въ чемъ, то именно въ дѣлѣ вѣры невѣдѣніе не можетъ служить оправданіемъ.

Истекающій XIX вѣкъ совсѣмъ оземленился; у большинства потерянъ вкусъ ко всему духовному... Недугуетъ душа, болѣетъ воля. Жизнь сбилась съ пути, какой указалъ Богъ, и возвращенію на прямую дорогу поставляются преграды. Люди какъ бы нарочно избѣгаютъ того свѣточа, который могъ бы освѣтить мрачный путь жизни. Вѣра ослабѣла вездѣ, нерадѣніе къ вѣрѣ поразительное. Будущее поколѣніе во многихъ семействахъ до поступленія своего въ школу крайне рѣдко слышитъ что-либо о Богѣ, о религіи, о церкви. Все рѣже и рѣже становятся благочестивыя матери, которыя сами приготовляютъ своихъ дѣтей для поступленія въ училище, обучая ихъ начаткамъ вѣры, бесѣдуя съ ними о Богѣ милосердомъ, о Христѣ Спасителѣ, объ ангелѣ-хранителѣ и т. д. Нынѣ дѣти поступаютъ въ училища часто совершенно невѣжественными въ религіозномъ отношеніи. Немало знаютъ они мірскихъ пѣсенъ, стиховъ разныхъ, и такъ мало молитвъ; такъ много знаютъ грѣховнаго, и такъ мало божественнаго!

И не понятны ли развѣ печальныя слѣдствія отъ такого религіознаго оскудѣнія?

„*Чего не знаешь, того и не цѣнишь*“, говорятъ обыкновенно. Кто не обладаетъ достаточными знаніями въ предметахъ вѣры, въ ученіи св. православной церкви, тотъ не будетъ высоко цѣнить свою вѣру, свою церковь, такой легко становится равнодушенъ къ ней и, наконецъ, безъ сожалѣнія можетъ оставить ее. Особенно это опасно среди смѣшаннаго населенія православныхъ съ иновѣрцами и инородцами, при совмѣстной жизни съ ними. Услышитъ невѣжда возраженіе противъ своего исповѣданія, противъ той или другой истины православнаго ученія, противъ постановленій и обрядовъ своей церкви,—онъ даже и при желаніи защищаться остается беззащитнымъ, какъ безоружный и не знающій основаній, какія имѣетъ каждая истина православнаго ученія и всѣ постановленія св. церкви. Не умѣя защищаться, такъ какъ защита требуетъ возможно яснаго, точнаго и обстоятельнаго знанія ученія богооткровеннаго (Мѳ. X, 32), и чувствуя себя пораженнымъ часто совершенно нелѣпымъ возраженіемъ, онъ въ раздумьѣ начнетъ сомнѣваться въ той или другой истинѣ св. вѣры и, наконецъ, впадаетъ въ совершенное невѣріе. Развѣ не отъ незнанія своей вѣры происходитъ у насъ то равнодушіе къ нашей вѣрѣ и церкви, когда говорятъ: „во всякой вѣрѣ спастись можно; Богъ у всѣхъ одинъ и тотъ же; различія въ христіанскихъ исповѣданіяхъ не важное дѣло.“ И развѣ не отъ незнанія истины ученія своей вѣры одни сами начинаютъ сочинять себѣ „свою вѣру“, другіе такъ легко пристаютъ къ этой измышленной вѣрѣ? Не отсюда ли увлеченія модными пророками? Развѣ не отъ невѣдѣнія ученія православной церкви такъ много нынѣ колебаній въ вѣрѣ, сомнѣній, уклоненій въ сектантство, въ ересь, въ расколъ?

Но вредъ отъ незнанія религіи такъ великъ, что не поддается изображенію въ малой картинѣ!.. Развѣ не отъ незнанія или превратнаго пониманія правилъ и законовъ вѣры множество грѣховъ, которыхъ даже и не считаютъ за грѣхъ? Пророкъ Осія жалуется: „нѣтъ богопознанія на землѣ“ и затѣмъ объясняетъ: *клятва, и обманъ, и убійство, и воровство, и прелюбодѣяніе крайне распространились на землѣ* (IV, 2). Не такъ ли и нынѣ? Все больше и больше видится нарушеній закона Божія; страсти самыя постыдныя не встрѣчаютъ удержу въ своемъ удовлетвореніи. Откуда же все это? *Нѣтъ богопознанія на землѣ,*—въ этихъ словахъ отвѣтъ на вопросъ. „Помраченные въ разумѣ, отчужденные отъ жизни Божіей, *по причинѣ своего невѣжества,* люди доходятъ до безчувствія, предаются распутству такъ, что дѣлаютъ всякую нечистоту съ ненасытностью“, говоритъ ап. Павелъ (Ефес. IV, 18—19).

Есть ли средства къ возвышенію религіознаго познанія? Дабы народъ имѣлъ необходимыя знанія въ религіи, въ ученіи своей вѣры, *пастыри обязаны строго внимать себѣ и своему стаду.* Какъ *добрые служители Іисуса Христа,* сами *питаясь словесы вѣры и добрымъ ученіемъ* (1 Тим. IV, 6), будемъ внимать чтенію, ученію (IV, 11), и яко трубу возвысимъ голосъ своей проповѣди (Ис. LVIII, 1). Народъ хочетъ знать свою вѣру: *голодъ и жажда на земли слышанія слова Божія* (Ам. VIII, 11). *Устнѣ (же) іерейскія должны хранить вѣдѣніе и закона ищутъ отъ устъ вашихъ* (Мал. II, 7). Употребимъ же все тщаніе къ тому, чтобы всякій изъ нашей паствы умѣлъ дать отвѣтъ вопрошающему о его упованіи (1 Петр. III, 15).

Отцы и матери, всячески позаботьтесь о томъ, чтобъ дѣти съ измлада знали главное изъ науки о спасеніи. Особенно матери не давайте никому своего драгоцѣннаго права быть *первыми для своихъ дѣтей наставницами религіи,* обучая ихъ начаткамъ своей св. вѣры: вліяніе матери драгоцѣнно и ничѣмъ не замѣнимо; исторія науки о воспитаніи юношества громко и ясно подтверждаетъ эту великую истину.

Всѣ же, принявшіе драгоцѣнную вѣру по правдѣ Бога нашего и Спасителя Іисуса Христа (2 Петр. I. 1), получившіе великія и драгоцѣнныя обѣтованія (4) въ благодати таинствъ св. церкви, пусть возрастаютъ въ познаніи Бога и Его воли, въ изученіи закона Христова, ученія и заповѣдей св. церкви. Ученіе Христово просвѣтитъ нашъ умъ свѣтомъ истиннаго познанія; оно исполнитъ сердца наши радостію и веселіемъ; мы ясно узримъ волю Божію и подвигнемся охотно исполнять Его заповѣди. Возрастайте, чтобы *вся* наша *земля исполнилась видѣнія Господня* и чтобы оно, *аки вода, покрыло всю землю* нашу (Ис. XI, 9) и *открыло бы намъ свободный входъ въ вѣчное царство Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа* (2 Петр. I, 11). (Составл. по поуч. преосвященнѣйшаго Иринея, еп. могилевскаго (нынѣ каменецъ-подольскаго), см. „Ежедн. поуч." свящ. Г. Дьяченко, т. III. Изд. 1897 года).

5. Благотворность христіанской вѣры.

Счастливы мы — христіане, что исповѣдуемъ истинную, православную вѣру! *Благодатію есте спасени чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ* (Еф. II, 8), говоритъ апостолъ Павелъ. Да, поистинѣ даръ Божій наша вѣра, — даръ, принесенный съ неба Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ! До пришествія Іисуса Христа люди не знали истиннаго Бога и ходили во тьмѣ заблужденій. Большинство людей послѣ потопа до того забыли Бога, что стали почитать многихъ боговъ, и вмѣсто одного истиннаго Бога стали поклоняться различнымъ твореніямъ Божіимъ; напримѣръ, они поклонялись свѣтиламъ небеснымъ: солнцу, лунѣ и звѣздамъ; боготворили людей, почитали за боговъ домашнихъ животныхъ, всякихъ звѣрей, даже гадовъ, молились, наконецъ, всякимъ изображеніямъ предметовъ — идоламъ. Вѣроученіе язычниковъ было до того богомерзко, что они приносили въ жертву своимъ богамъ людей. Вотъ въ какой слѣпотѣ духовной и невѣжествѣ находились тогда люди. Вѣра въ истиннаго Бога сохранялась только въ избранномъ народѣ Божіемъ — еврейскомъ. Но и то немногіе, очень немногіе изъ сего народа были истинные почитатели всемогущаго Бога; это были патріархи, пророки и другіе нѣкоторые, угодившіе Богу своею вѣрою и жизнію; остальные евреи то держались истинной вѣры въ Бога, то уклонялись постоянно въ идолопоклонство, то все благочестіе и богоугожденіе исключительно поставляли въ соблюденіи однихъ обрядовъ и обычаевъ, въ одной внѣшней святости. Вообще, нужно сказать, люди до Рождества Христова, забывъ Бога, предавались безпутнымъ страстямъ и чувственнымъ грѣховнымъ наслажденіямъ.

Но вотъ, отъ Виѳлеема возсіяло *солнце правды, Христосъ Богъ нашъ,* и лучи этого солнца проникли во всѣ концы міра: ученіе евангельское пронесено по лицу земли апостолами Христовыми, бѣдными, неучеными, незнатными рыбарями. И что же увидѣли мы и нынѣ видимъ? Куда благотворный свѣтъ Христовъ проникъ, тамъ все въ людяхъ измѣняется. Грубыя заблужденія разсѣиваются, жестокіе нравы смягчаются, утверждаются чистыя и возвышенныя понятія о Богѣ, о человѣчествѣ, водворяется законность, благоустроется благоденствіе въ домахъ и обществахъ человѣческихъ. Таковы въ общемъ плоды христіанской вѣры, возвѣщенной Іисусомъ Христомъ.

Да можно ли описать благотворность христіанской вѣры и исчислить всѣ благодѣянія, какія доставляетъ она человѣку? Возьмите во вниманіе частную жизнь человѣка. Случится ли, напримѣръ, потеря дома, имущества, постигнетъ ли болѣзнь или другое какое несчастье, св. вѣра говоритъ, что Богъ этимъ наказуетъ насъ за наши грѣхи, побуждаетъ насъ къ покаянію и исправленію жизни. Лишились мы дорогихъ, близкихъ сердцу, — тяжкая, невыносимая скорбь! Чѣмъ облегчить ее? Обратимся къ Богу, въ Котораго вѣруемъ, прольемъ молитвенныя слезы, съ вѣрою и упованіемъ, что Владыка жизни и смерти наградитъ ихъ лучшею жизнію и насъ сподобитъ нѣкогда опять видѣть ихъ живыми и безсмертными.

Наконецъ, св. вѣра творитъ чудеса. Чего не могутъ дѣлать истинно вѣрующіе, укрѣпляемые силою Божіею? Всѣ вѣрующіе могутъ быть чудотворцами, ибо вѣра есть какъ бы рука, которою пріемлетъ человѣкъ силу Божію и производитъ такія дѣла, которыя естественнымъ человѣческимъ силамъ недоступны. *Вѣруяй въ Мя*, сказалъ Спаситель, *дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ* (Іоан. XIV, 12); *вся возможна вѣрующему* (Марк. IX, 23). И дѣйствительно, исторія христіанской церкви исполнена многочисленными и поразительными примѣрами чудодѣйственной силы вѣры. Одинъ изъ этихъ примѣровъ содержится въ житіи св. Сильвестра, папы римскаго, память коего совершается 2 января.

Св. Сильвестръ былъ епископомъ въ Римѣ въ то время, когда уже началось благословенное царствованіе Константина Великаго, даровавшаго миръ церкви Христовой и оградившаго ее отъ нападеній іудеевъ и язычниковъ. Но вѣковая борьба христіанства съ его врагами, побѣдоносно оконченная со стороны внѣшняго благосостоянія церкви, еще далеко не прекратились внутри обществъ христіанскихъ. Эти враги, прежде дѣйствовавшіе огнемъ и мечомъ, теперь старались употребить болѣе тонкое, острое и глубоко проницательное орудіе словесное, думая хитрыми умствованіями и суетнымъ краснорѣчіемъ поколебать умы вѣрующихъ христіанъ. Съ этою цѣлію самые ученые изъ іудеевъ и язычниковъ вступали въ публичныя пренія съ пастырями и учителями христіанскими. Такъ, подобное преніе устроено было евреями въ Римѣ при св. епископѣ Сильвестрѣ, въ присутствіи царя Константина и матери его Елены, при чемъ торжественнымъ образомъ и явлена была благодатная сила имени Христова. Знаменитый среди евреевъ и считавшійся мудрѣйшимъ между ними, раввинъ Замврій долго препирался съ св. Сильвестромъ въ ветхо-завѣтномъ Писаніи, но, явно побѣждаемый непререкаемыми свидѣтельствами того же Писанія о Христѣ, заявилъ желаніе на дѣлѣ показать силу и превосходство своей іудейской вѣры. Онъ говорилъ, что ему открыто имя Божіе, могущественное и страшное, котораго никакое естество человѣческое стерпѣть не можетъ и, если услышитъ, падетъ мертвымъ; потому, предлагалъ Замврій, приведите какое угодно животное, даже самое свирѣпое, и какъ только я произнесу во уши его имя Божіе, оно тотчасъ умретъ. Привели самаго неукротимаго вола, и Замврій, дѣйствительно, умертвилъ его мгновенно, произнесши тихо надъ нимъ какія-то слова. Іудеи торжествовали, но св. Сильвестръ сказалъ имъ: „въ священныхъ книгахъ находятся слова Самого Господа: „Азъ убію и жити сотворю: поражу и Азъ исцѣлю. (Второз. XXXII, 39). Если Замврій, дѣйствительно, умертвилъ именемъ Божіимъ, пусть тѣмъ же именемъ и оживитъ Его: ибо Богъ по существу Своему всеблагій, и самое зло обращаетъ въ добро“. Вотъ здѣсь-то и обнаружилась вся противоположность и суетность еврейской вѣры предъ вѣрою христіанской. Замврій не могъ явить благодатной силы имени Божія, потому что дѣйствовалъ не отъ сего имени, а отъ лукаваго получалъ нѣкоторую силу для своего волхвованія. Св. Сильвестръ, напротивъ, былъ причастенъ благодатной силѣ Божіей и не усумнился явить это предъ всѣми. Произнесши вслухъ всѣхъ молитву къ Господу Іисусу, святый епископъ оживилъ вола и торжественнымъ образомъ засвидѣтельствовалъ предъ всѣми благотворность христіанской вѣры.

Познаемъ изъ этого примѣра, что мы, христіане, живемъ нынѣ во дни благоволенія Божія, что, „нѣсмы подъ закономъ, но подъ благодатію“, (Рим. VI, 14), и потому не подъ игомъ рабскаго страха должны ощущать себя въ своихъ отношеніяхъ къ Богу, но должны жить, какъ чада Божія возлюбленныя, въ полной увѣренности, что „любящимъ Бога вся споспѣшествуютъ во благое“ (Рим. VIII, 26) и что недостойно христіанина питать въ душѣ своей какой бы то ни было суевѣрный страхъ предъ сотворенными существами, имѣя столь могущественную охрану въ великомъ и достопокланяемомъ имени Іисусовымъ. Какая бы ни случилась съ нами нечаянная бѣда, какое бы злое обстояніе ни отяготило насъ, „всякъ, иже аще призоветъ имя Господне, спасется“. (Рим. X, 13). Одного только мы должны болѣе всего страшиться, чтобы своимъ невѣріемъ, своею неправедною жизнію не лишиться намъ благодатной помощи отъ Господа. Итакъ, „да отступитъ отъ неправды всякъ, именуяй имя Господне“ (2 Тѳ. II, 19) „и да святится имя Божіе“ въ нашей жизни — тогда не отступитъ отъ насъ необоримая сила имени Господа Іисуса, съ вѣрою произносимаго нами въ молитвахъ нашихъ. (Г. Д-ко).

6. Св. православная церковь есть единая истинная.

(РАЗСКАЗЪ).

Блаженный Ефремъ, патріархъ антіохійскій, услышавъ объ одномъ столпникѣ въ области города Іераполя, что онъ принадлежитъ къ числу послѣдователей Севера и акефаловъ, отправился, чтобы вразумить его. Прибывъ къ столпнику, онъ началъ убѣждать и молить его, чтобы онъ прибѣгъ къ апостольскому престолу и вступилъ въ общеніе со св. каѳолической и апостольской церковію.

— Я не вступлю въ общеніе съ соборомъ безъ особеннаго основанія,—отвѣчалъ столпникъ.

— Какого же доказательства желаешь ты отъ меня для убѣжденія въ томъ, что, по благодати Іисуса Христа, Господа Бога нашего, святая церковь свободна отъ всякой нечистой примѣси еретическаго ученія? — спросилъ дивный Ефремъ.

— Господинъ патріархъ, сказалъ столпникъ, разведемъ огонь и войдемъ вмѣстѣ въ пламя. Кто выйдетъ невредимымъ, тотъ и будетъ православнымъ, и мы должны будемъ послѣдовать ему.

— Слѣдовало бы тебѣ, чадо, послушаться меня какъ отца,—возразилъ патріархъ,—и ничего болѣе не требовать, а ты потребовалъ отъ меня того, что выше моихъ слабыхъ силъ. Впрочемъ, я уповаю на милосердіе Сына Божія, что ради спасенія души твоей исполню и это.

И немедленно чудный Ефремъ обращается къ предстоявшимъ со словами: „благословенъ Господь! принесите дровъ.“ Дрова принесены. Патріархъ зажигаетъ ихъ предъ столбомъ и говоритъ столпнику: „сойди со столба и, согласно твоему рѣшенію, войдемъ оба въ пламя.“ Столпникъ былъ пораженъ твердымъ упованіемъ патріарха на Бога и не соглашался сойти.

— Не ты ли самъ пожелалъ этого?— спросилъ патріархъ.—Отчего же теперь не хочешь исполнить?

Сказавъ это, патріархъ снялъ съ себя омофоръ и, близко подойдя къ пламени, вознесъ молитву: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, благоволившій ради насъ воистину воплотиться отъ Госпожи нашей пресвятой Богородицы и Приснодѣвы Маріи, Самъ укажи намъ истину!“ И, окончивъ молитву, бросилъ свой омофоръ въ средину пламени. Пламя пылало около трехъ часовъ. Дрова всѣ сгорѣли, а омофоръ оказался цѣлымъ и невредимымъ, безъ всякаго даже знака отъ пламени. При видѣ этого, столпникъ, увѣрившись въ истинѣ, умилился, проклялъ Севера и ересь его и присоединился къ св. церкви. Пріобщившись изъ рукъ блаженнаго Ефрема, онъ прославилъ Бога. (Лугъ духовный, блаж. І. Мосха).

НЕДѢЛЯ СВ. ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ.

Еван. отъ Іоан., зач. 27-е, 29-е, гл. VII. 37—52, VIII, 12 ст.

1. I. Христосъ въ послѣдній день праздника кущей.

Праздникъ кущей, напоминавшій успокоеніе народа въ землѣ обѣтованія отъ трудовъ странствованія, былъ праздникомъ вмѣстѣ закона, такъ какъ тогда наиболѣе занимались чтеніемъ его, и у пророка Захаріи (XIV, 16) онъ символически означалъ время собранія въ Іерусалимѣ всѣхъ народовъ на поклоненіе Богу истинному. Въ послѣдній день сего праздника по обычаю совершалось символическое возліяніе воды изъ источника Силоамскаго (на эту воду есть указаніе въ той же главѣ Захаріи и у Іезекіиля), протекавшаго подъ горою храма, при пѣніи изъ пророка Исаіи: *жаждущіи пріидите на воду (XII, 9).*

Вѣроятно, по примѣненію къ сему значенію праздника и дѣйствій, и Господь, явившись въ этотъ день въ собраніе народа, произнесъ: „кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей“. И сравнивая Самого Себя съ храмомъ, изъ-подъ котораго течетъ вода, прилагаетъ это сравненіе и къ вѣрующимъ въ Него. Какъ Онъ источаетъ воду живую, такъ и вѣрующіе во имя Его, получивъ Духа, не только будутъ имѣть эту воду въ себѣ, въ своемъ сердцѣ, но и изливать другимъ, распространяя всюду свѣтъ Богопознанія. Голосъ Божественный умолкъ. Начались опять сужденія и споры объ Іисусѣ. Одни видѣли въ Немъ пророка, другіе Самого

Мессію, но въ то же время одни говорили, что Мессіи, какъ сына Давидова, надобно ждать не изъ Галилеи, а изъ Іудеи, именно изъ Виѳлеема; другіе говорили, что изъ Галилеи даже и пророковъ не бывало. Были даже такіе, которые изъявляли желаніе схватить Его; но и служители храма, на которыхъ сіе возложено было отъ синедріона, возвратились, по окончаніи праздника, безъ успѣха, объявивъ, что они не могли взять Его, потому что ни одинъ человѣкъ никогда не говорилъ такъ, какъ Сей Человѣкъ.

Наконецъ, въ самомъ синедріонѣ при разсужденіи по сему случаю оказалось раздѣленіе, которое еще болѣе должно было вооружить противъ Іисуса враговъ Его. Съ негодованіемъ выслушавъ донесеніе посланныхъ, они отвѣчали имъ: „неужели и вы прельстились? Да увѣровалъ ли въ Него кто изъ начальниковъ или изъ фарисеевъ? Въ Него вѣруетъ одинъ народъ. Но этотъ народъ невѣжда въ законѣ,—прокляты они“. Въ это время Никодимъ осмѣлился было замѣтить членамъ синедріона, что несправедливо они поступаютъ, заключая такъ свое сужденіе о Человѣкѣ, Котораго дѣла хорошо не знаютъ и не выслушали.—„Да чего и разыскивать? Изъ Галилеи никакого пророка не бывало“, отвѣчали ему прочіе, забывъ въ помраченіи ума своего, что оттуда были Илія, Іона и, можетъ-быть, даже Наумъ. И ему замѣтили съ насмѣшкою: не изъ Галилеи ли самъ ты, что такъ вступаешься за Галилеянина. Такимъ образомъ, не входя въ дальнѣйшее изслѣдованіе дѣла, положили отлучать отъ синагоги каждаго, кто призналъ Іисуса Мессіею. (См. Еван. истор. прот. А. Горскаго, стр. 245—250).

2. Сошествіе Св. Духа.

Іисусъ Христосъ избралъ учениковъ Своихъ изъ бѣдныхъ и неученыхъ людей; нѣкоторые были рыбаки и жили своимъ промысломъ. Господь повелѣлъ имъ проповѣдывать слово Его по всему міру. Они должны были обращать іудеевъ и язычниковъ, говорить съ учеными и мудрыми, съ сильными и знатными людьми. Порученное имъ дѣло было трудно. Его нельзя было совершить безъ помощи Божіей. И эта помощь была имъ обѣщана Іисусомъ Христомъ, Который повелѣлъ имъ не отлучаться изъ Іерусалима, пока не облекутся силою свыше. Онъ обѣщалъ имъ даръ чудотворенія, знаніе языковъ, обѣщалъ имъ Свое постоянное присутствіе съ вѣрующими.

„Дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ“, сказалъ Онъ имъ. „Итакъ, идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ; и се, Я съ вами до скончанія вѣка“.

Послѣ этихъ словъ Господь вознесся на небо. Ученики же возвратились въ Іерусалимъ, гдѣ и пребывали въ постоянной молитвѣ, съ радостью и упованіемъ ожидая обѣщаннаго имъ Утѣшителя, Духа Святаго. Всѣ они пребывали въ постоянной молитвѣ въ горницѣ, на горѣ Сіонѣ. Съ ними была Матерь Іисуса, нѣкоторыя жены, увѣровавшія въ Господа, и другіе вѣрующіе.

Наступалъ день Пятидесятницы. Этотъ праздникъ совершался торжественно въ Іерусалимѣ въ пятидесятый день послѣ Пасхи. Имъ воспоминалось дарованіе закона Моисею на горѣ Синаѣ. Дома и синагоги украшались древесными вѣтвями; множество народа приходило въ Іерусалимъ изъ всѣхъ странъ міра.

Вѣрующіе молились единодушно въ горницѣ на горѣ Сіонѣ, какъ вдругъ, въ третьемъ часу дня, что по нашему счету значитъ въ девять часовъ утра, сдѣлался великій шумъ съ неба, какъ бы отъ сильнаго вѣтра, и Духъ Святый, въ видѣ огненныхъ языковъ ниспустился на каждаго изъ молящихся; всѣ они исполнились силою и божественною мудростью; всѣ вдругъ получили великій даръ свыше, знаніе языковъ, что должно было облегчить имъ благовѣствованіе всѣмъ народамъ.

Услышавъ шумъ, множество народа окружили домъ, въ которомъ находились апостолы; здѣсь было много иностранцевъ и много іудеевъ, жившихъ по чужимъ землямъ и пріѣхавшихъ въ Іерусалимъ на праздникъ. Апостолы вышли къ нимъ и стали говорить съ каждымъ на его природномъ языкѣ, проповѣдуя о великихъ дѣлахъ Божіихъ. Всѣ изумлялись этому. Тогда Петръ сталъ объяснять пророчества, въ которыхъ предсказано было о пришествіи Іисуса Христа, и объявилъ, что всѣ эти пророчества, теперь исполнились, что Христосъ родился, былъ распятъ и потомъ воскресъ, что Онъ нынѣ излилъ на апостоловъ Своихъ Духа Святаго. Слышавшіе это умилились сердцемъ и говорили: „что же намъ дѣлать?“ Петръ отвѣчалъ имъ:

„покайтесь, и да крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа, чтобы получить прощеніе грѣховъ; и получите даръ Святаго Духа. Обѣщаніе это дано вамъ и всѣмъ, кого призоветъ Господь. Спасайтесь отъ сего развращеннаго рода“. Въ этотъ день около 3.000 человѣкъ обратились ко Христу и приняли крещеніе. Они стали жить вмѣстѣ съ апостолами и имѣли все общее, и постоянно пребывали въ молитвѣ и преломленіи хлѣба, т.-е. совершали установленное Господомъ таинство евхаристіи.

Сватая церковь совершаетъ торжественно память о *Сошествіи Святаго Духа.* Этотъ праздникъ называется днемъ *Пятидесятницы*, а также и *Троицынымъ* днемъ. Церкви и дома украшаются древесными вѣтвями и цвѣтами въ память того, что подъ сѣнью зеленыхъ кущей праздновали и евреи дарованіе имъ закона. Въ прославленіе же новой благодати, изліянной на апостоловъ, церковь воспѣваетъ:

„Благословєнъ єси, Христє Божє нашъ, ижє прємꙋдры ловцы ꙗвлєй, ниспославъ имъ Дꙋха Свѧтаго, и тѣми ꙋловлєй вселєннꙋю, Человѣколюбчє, слава Тєбѣ.“

По-русски:

Благословенъ Христосъ Богъ нашъ, Который явилъ премудрыхъ ловцевъ, ниспославъ имъ Святаго Духа, и чрезъ нихъ уловилъ вселенную. Человѣколюбче, слава Тебѣ!

Уловилъ вселенную значитъ: привлекъ весь міръ къ истинной вѣрѣ. Слово *уловилъ* употребляется тутъ потому, что апостоламъ, которые были рыбаками, *ловцами* рыбы, Господь сказалъ: *я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ.*

Литургія въ этотъ праздникъ отличается тѣмъ, что за ней слѣдуетъ немедленно великая вечерня съ тремя колѣнопреклонными молитвами. Слѣдующій за днемъ Пятидесятницы день называется *днемъ Пресвятаго Духа* и есть продолженіе того же праздника. (См. кн. „Разсказы о земной жизни Спасителя“ Бахметевой, изд. 15-е, 1900 г.).

3. Объясненіе обычая украшать храмы и дома въ Троицынъ день зеленью и цвѣтами.

Воспоминая въ сей день событіе сошествія Св. Духа на апостоловъ, мы имѣемъ обычай украшать храмы Божіи и свои дома зеленѣющими травами и цвѣтами. И мы сами стоимъ во храмѣ Божіемъ, имѣя въ рукахъ зеленѣющія вѣтви деревьевъ и благоухающіе цвѣты. И вездѣ на улицахъ, площадяхъ и въ домахъ мы видимъ то же украшеніе цвѣтами и древесными вѣтвями. Откуда ведется этотъ обычай? Неужели безъ основанія установленъ и соблюдается доселѣ этотъ обычай въ нашей церкви? Нѣтъ, безъ основанія ничего не дѣлается въ нашей православной церкви. Если вдуматься и вникнуть глубже въ этотъ благочестивый обычай, онъ имѣетъ глубокій смыслъ и значеніе. Не даромъ установленъ онъ издавна и ведется въ нашей церкви отъ глубокой древности, потому что въ нашей церкви нѣтъ такого обычая, который бы не имѣлъ никакого смысла и значенія. Правда, обычай этотъ не предписанъ намъ ни въ священномъ писаніи, ни въ церковномъ уставѣ. Однако есть весьма много благочестивыхъ обычаевъ и учрежденій православной церкви, которые не предписываются ни священнымъ писаніемъ, ни церковными уставами и законоположеніями, а переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ путемъ преданія и давняго употребленія. Къ числу такихъ обычаевъ принадлежитъ и обычай — въ праздникъ Пятидесятницы благоукрашать храмы и жилища наши зеленѣющими вѣтвями и травами и цвѣтами. Обычай этотъ—издревле установленный; онъ ведетъ свое начало отъ временъ апостольскихъ. О немъ свидѣтельствуетъ еще блаженный Августинъ въ 5-мъ вѣкѣ. Онъ имѣетъ за собою глубокую древность и освященъ примѣромъ святыхъ мужей первыхъ временъ христіанства. Поэтому въ настоящій день праздника въ наше назиданіе разсмотримъ, откуда ведется этотъ благочестивый обычай и какой имѣетъ онъ смыслъ и значеніе.

Прежде всего, обычай благоукрашать въ праздникъ Пятидесятницы храмы и жилища наши взятъ изъ примѣра церкви патріархальной. Такъ, Авраамъ у дуба Мамврійскаго, увидѣвъ трехъ странниковъ, приглашаетъ ихъ къ себѣ для отдохновенія и предлагаетъ имъ радушное угощеніе. По разумѣнію богомудрыхъ отцовъ (Прок. Газск. Т. I, стр. 23), въ лицѣ трехъ странниковъ явился Аврааму Самъ Господь въ трехъ лицахъ. Отсюда издревле явился обычай — три лица Пресвятыя Троицы изображать на иконахъ въ видѣ трехъ странниковъ, угощаемыхъ Авраамомъ подъ сѣнію одного изъ деревьевъ Мамврійской дубравы. Вслѣдствіе этого обычай въ праздникъ

Пятидесятницы украшать дома и храмы лиственными вѣтвями и цвѣтами явился воспоминаніемъ явленія Аврааму Пресвятыя Троицы у дуба Мамврійскаго. Храмы и жилища христіанъ православныхъ, такимъ образомъ, служатъ какъ бы образомъ той кущи Авраамовой, у которой подъ сѣнію дуба Мамврійскаго отдыхали три божественныхъ путника. Такъ, братіе, взирая на растенія и травы, окружающія васъ въ этотъ праздникъ во храмѣ и въ домахъ вашихъ, переноситесь мыслію къ явленію Тріѵпостаснаго Бога Аврааму. Возблагодарите благоговѣйно Господа Бога, являющагося намъ въ доступныхъ нашему чувству образахъ и столь явно приближающагося къ намъ, грѣшнымъ, съ такимъ благоснисхожденіемъ, что подобный намъ человѣкъ бесѣдуетъ съ Богомъ лицомъ къ лицу! Но вмѣстѣ съ тѣмъ старайтесь и сами утвердить въ себѣ то расположеніе духа, какое имѣлъ Авраамъ при встрѣчѣ и принятіи Господа. Именно: старайтесь подражать въ жизни его непоколебимой вѣрѣ въ Бога, его глубокому смиренію, его любви къ ближнему и проч. Этимъ вы уподобитесь Аврааму, принявшему къ себѣ Господа, и этимъ вы привлечете на себя, подобно Аврааму, Божіе благословеніе и любовь Его къ вамъ.

Обычай украшать въ праздникъ Пятидесятницы храмы и дома зеленѣющими травами и цвѣтами мы видимъ въ другомъ примѣрѣ ветхозавѣтной церкви. Іудеи въ праздникъ Пятидесятницы украшали синагоги и дома свои древесными вѣтвями, травами и цвѣтами въ воспоминаніе того, что законъ, данный Богомъ на горѣ Синаѣ, былъ данъ въ такое время года, когда все зеленѣло въ природѣ (Исх. XXXIѴ, 3). Притомъ, во время странствованія евреевъ по пустынѣ, они жили въ шатрахъ изъ древесныхъ вѣтвей (Твор. св. отц. 1857 г. стр. 271). Десять заповѣдей синайскаго законодательства и для насъ, христіанъ, обязательны и необходимы. Поэтому благочестивый обычай ветхозавѣтной церкви украшать жилища и синагоги растеніями легко можетъ быть удержанъ и въ нашей христіанской церкви, тѣмъ болѣе, что и Сіонская горница, въ которой Духъ Святый сошелъ на апостоловъ въ день Пятидесятницы, по обычаю ветхозавѣтному, также была украшена древесными вѣтвями и цвѣтами. Поэтому апостолы и первенствующіе христіане удержали этотъ обычай въ христіанской церкви. Обычай этотъ дошелъ и до насъ въ томъ же самомъ видѣ, какъ онъ былъ при апостолахъ въ первенствующей церкви.

Обычай украшать травами и цвѣтами наши жилица въ праздникъ Пятидесятницы мы находимъ еще и въ новомъ примѣрѣ церкви ветхозавѣтной. Въ ней въ праздникъ Пятидесятницы было предписано закономъ, въ знакъ благодарности къ Богу, приносить Ему первые плоды жатвы, которая въ Палестинѣ къ этому времени оканчивалась (Лев. XXIII, 14—20. Числ. XXIII, 26). Подобно сему и въ христіанской церкви удержался обычай приносить въ храмъ въ началѣ весны первыя произведенія растительнаго царства. Этотъ прекрасный обычай свидѣтельствуетъ о желаніи нашемъ принести Господу Богу жертву хвалы и благодаренія за весеннее обновленіе природы. Въ церковномъ уставѣ нашемъ нѣтъ предписанія объ установленіи особаго празднованія по случаю весенняго обновленія природы видимой. Но вотъ, праздникъ Пятидесятницы сближается, такъ сказать, съ тѣмъ временемъ года, когда растительная жизнь въ природѣ является въ полной силѣ и свѣжести. А посему мысль о воспоминаемомъ въ настоящій праздникъ сошествіи Святаго Духа на апостоловъ весьма ясно указуетъ намъ на другую мысль—на дѣйствія того же Духа Божія въ области природы видимой. Какъ въ началѣ, при твореніи видимаго міра, *Духъ Божій ношашеся верху воды* (Быт. I, 1), Который вливалъ Свою животворную силу въ неустроенное вещество творенія; такъ и въ сотворенной уже природѣ все прозябающее и живущее прозябаетъ и живетъ силою Того же Всесвятаго Духа: *послеши Духа Твоего и созиждутся и обновиши лице земли* (Псал. CXIII, 30), говоритъ псалмопѣвецъ.

Поэтому, обычай украшать въ день Пятидесятницы храмы и жилища зеленѣющими вѣтвями и цвѣтами краснорѣчивѣе словъ выражаетъ чувства нашего славословія и благодаренія Духу Божію, обновляющему лицо земли. Такъ, взирая на древесныя вѣтви и цвѣты, всегда будемъ представлять въ мысли, что этими цвѣтами и вѣтвями мы приносимъ какъ бы жертву благодаренія, достойную Бога, обновляющаго весеннюю природу послѣ долгаго зимняго сна.

Наконецъ, обычай благоукрашать зданія древесными вѣтвями и цвѣтами въ праздникъ Пятидесятницы имѣетъ для насъ и нравственный смыслъ и значеніе. Эти цвѣты и вѣтви древесныя указуютъ намъ на насъ са́михъ, на наше духовное, нравственное состояніе, какое мы должны имѣть въ жизни. Взгляните: вотъ цвѣты зеленѣютъ, цвѣтутъ и прекрасно благоухаютъ. Такова должна быть и жизнь каждаго христіанина. Она должна благоукрашаться и цвѣсти дѣлами добрыми и благочестивыми. Она должна сіять тѣми прекрасными качествами ума и сердца, которыя къ себѣ всѣхъ привлекаютъ, какъ-то: благочестіемъ, вѣрою въ Бога, смиреніемъ, кротостію, любовью къ ближнимъ и проч. Какъ цвѣты своимъ благоуханіемъ и красотою къ себѣ манятъ и влекутъ взоры всѣхъ и каждаго, такъ благочестіе, вѣра и любовь привлекаютъ къ себѣ сердца всѣхъ. Благочестивая жизнь наша такъ должна сіять и цвѣсти дѣлами добродѣтели, чтобы она могла быть образомъ и примѣромъ для другихъ и чтобы она служила для славы Божіей. *Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки*, сказалъ Спаситель, *яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. V. 16). Такъ, братіе, держа въ рукахъ благоухающіе цвѣты въ настоящій праздникъ, постараемся явить въ жизни своей ту или другую добродѣтель, если доселѣ оной не имѣли. Смотрите: вотъ, въ вашемъ пукѣ цвѣтовъ есть незабудочка. Смотря на этотъ цвѣтокъ, не забывайте Господа Бога и Матерь Божію, Которая васъ любитъ, хранитъ и молитъ о васъ Бога. Вотъ у васъ есть лилія;—смотря на этотъ цвѣтокъ, помните заповѣдь Божію о томъ, чтобы не заботиться объ излишнемъ украшеніи и нарядахъ, а хранить сердце свое чистымъ и непорочнымъ отъ всякой суетности и нечистоты. Вотъ у васъ васильки. Этимъ цвѣткомъ да указуется, чтобы не царствовалъ въ насъ грѣхъ, но чтобы духъ нашъ царствовалъ надъ плотію и страстями. Такъ разумѣйте и о другихъ цвѣтахъ и старайтесь находить въ нихъ тѣ или другіе уроки вѣры и нравственности. Каждая зеленѣющая вѣтка дерева съ благоухающими листьями — да научаетъ насъ обильнымъ и животворнымъ плодамъ добродѣтели. А вѣтка сухая и безжизненная — да указуетъ на печальный образъ человѣка-грѣшника, не имѣющаго живыхъ плодовъ добродѣтели и мертваго для жизни духовной. Смотрите далѣе и наблюдайте. Какъ деревья зимою, безъ вліянія солнечнаго зноя и теплоты, отъ дѣйствія холода какъ бы умираютъ, стоятъ голы и безлиственны, таково состояніе бываетъ и въ душѣ человѣка-грѣшника. Она умираетъ духовно безъ животворнаго вѣянія Духа Божія. Въ такомъ состояніи хотя душа наша, повидимому, живетъ, мыслитъ, чувствуетъ и производитъ свои дѣйствія, но эти дѣйствія бываютъ, безъ содѣйствія Духа Божія, какъ бы мертвенны, безжизненны, потому что не производятъ благихъ плодовъ добродѣтели. Напротивъ, въ человѣкѣ, въ которомъ сіяетъ животворная сила Духа Божія, являются прекрасные плоды добродѣтели. Эти плоды добродѣтели одни другого краше и привлекательнѣе и, по увѣренію апостола, суть: *любы, радость, миръ, долготерпѣніе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. V. 22). Поэтому будемъ стараться привлекать на себя вѣяніе Духа Божія. Чѣмъ и какъ? Жизнью благочестивою и непорочною, вѣрою, молитвами, смиреніемъ и другими добрыми качествами. Такъ, изъ разсмотрѣнія древесныхъ вѣтвей и цвѣтовъ научаемся каждый нравственному преспѣянію въ вѣрѣ и благочестіи.

Братіе-христіане, мы видѣли, откуда, изъ какого примѣра произошелъ обычай въ праздникъ Пятидесятницы благоукрашать храмы и дома наши цвѣтами и древесными вѣтвями; позаботимся соблюдать этотъ благочестивый обычай. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, позаботимся изъ этого обычая брать для себя уроки вѣры и нравственности въ жизни. Такой обычай послужитъ вамъ на пользу душевную, къ усовершенствованію себя въ нравственности для жизни будущей. („Тамб. Еп. Вѣд.“).

4. Жаждущіе, которыхъ призываетъ Спаситель.

„*Въ послѣдній великій день праздника стоялъ Іисусъ и возгласилъ, говоря: „аще кто жаждетъ, да грядетъ ко Мнѣ и да піетъ*“ (Іоан. VII, 37) — слова чтеннаго нынѣ евангелія. Этотъ послѣдній день еврейскаго осьмидневнаго праздника Пятидесятницы изображалъ собою нынѣшній день сошествія Святаго Духа на апостоловъ и на всѣхъ христіанъ. Въ этотъ день первосвященникъ еврейскій торжественно, въ сопровожденіи священниковъ и народа, выходилъ изъ храма Іерусалимскаго на источникъ Силоамскій и, почерпнувъ здѣсь воды золотою чашею, приносилъ ее въ храмъ и выливалъ на жертвенникъ. Вода эта изображала изліяніе Св. Духа на людей въ пришествіи на землю Мессіи Христа. Когда первосвященникъ совершалъ таковой обрядъ *возліянія воды*, Іисусъ Христосъ, истинный, ожидаемый на землю Мессія, сталъ въ храмѣ на высокомъ и видномъ мѣстѣ и громко говорилъ евреямъ: „аще кто жаждетъ, да грядетъ ко Мнѣ и да піетъ“ т.-е., если кто изъ васъ, евреевъ, искренно желаетъ, жаждетъ пришествія на землю Мессіи Христа, чтобы получить отъ Него обильную благодать Св. Духа, то вотъ Я предъ вами, ожидаемый вами Мессія: иди ко Мнѣ каждый и почерпай отъ Меня, какъ отъ обильнаго источника, столько благодати, сколько кому угодно; расшири жаждущія уста свои и пей, сколько хочешь. Эти самыя слова и къ намъ нынѣ простираетъ Господь изъ св. евангелія: „если кто жаждетъ, иди ко мнѣ, почерпай отъ Меня благодать и пей“.

Къ кому же именно изъ насъ любвеобильный Господь простираетъ эти знаменательныя евангельскія слова? Кто посреди насъ эти жаждущіе, которыхъ Онъ призываетъ къ Себѣ?

Это, во-первыхъ, тѣ несчастные и горькіе, кои, страдая отъ крайней бѣдности, безпріютности, обиды ближнихъ, отъ семейныхъ раздоровъ, или отъ болѣзни, отъ разлуки съ близкими сердцу, или отъ другого какого-либо несчастія, желаютъ, жаждутъ себѣ облегченія и утѣшенія. Подымите же свои поникшія головы, вы, страдальцы жизни! Приклоните вашъ унылый слухъ къ призванію Господа, Онъ зоветъ васъ къ Себѣ; приближьтесь къ Нему, припадите предъ Нимъ со слезной вашей молитвой, повѣдайте Ему ваше горе, вашу печаль и, отложивъ всякій ропотъ на судьбу свою, возложите на Него все ваше упованіе; и истинно,—вы испіете благодать, изливающуюся прямо изъ Его любвеобильнаго сердца; истинно, Онъ Самъ утѣшитъ вашу душу, успокоитъ и усладитъ ваше растерзанное и жаждущее утѣшенія сердце. Будьте увѣрены въ этомъ нелживыми Его словами: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѳ. XI, 28).

Во-вторыхъ, жаждущіе, коихъ Спаситель нынѣ призываетъ къ Себѣ, суть тѣ изъ насъ, кои, будучи обременены разными грѣхами и пороками, желаютъ, жаждутъ искренно покаяться, очистить свою душу и успокоить свою совѣсть.

Что же вы медлите, души грѣшныя, ищущія покаянія! Слышите сладкій гласъ милосердаго Спасителя: *аще кто жаждетъ* прощенія грѣховъ, *да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ* благодать отпущенія. Онъ давно зоветъ васъ къ Себѣ, давно ждетъ вашего истиннаго покаянія: воспряните и ободритесь и нынѣ же приступите къ Нему съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ, нынѣ же исповѣдайте Ему всѣ грѣхи свои предъ служителемъ его — священникомъ: и вы, несомнѣнно, испіете отъ Него благодать милости и всепрощенія, несомнѣнно Онъ очиститъ вашу душу и успокоитъ мятущуюся вашу совѣсть. Ибо человѣколюбивый Спаситель нашъ всѣхъ, всѣхъ грѣшниковъ съ любовію пріемлетъ и всѣхъ кающихся прощаетъ, каковы бы ни были ихъ грѣхи, какъ Самъ Онъ увѣряетъ: *не пріидохъ призвати праведника, но грѣшника на покаяніе*, (Мѳ. IX, 13).

Въ третьихъ, жаждущіе суть тѣ христіане, кои, не видя въ себѣ ничего истинно добраго, ни любви къ Богу и ближнимъ, ни должнаго усердія и теплоты въ молитвѣ, ни кротости и смиренія, ни твердой рѣшимости удаляться отъ грѣха и жить по заповѣдямъ Божіимъ, остаются недовольны собою и потому желаютъ и жаждутъ жить истинно христіански, возжечь въ своемъ сердцѣ любовь къ Богу и ближнимъ, полюбить молитву, удаляться отъ всякаго грѣха и утвердиться въ добродѣтели. Христіане, томящіеся сею спасительною жаждою благочестія и добродѣтели, вонмите! — не васъ ли особенно и зоветъ нынѣ къ Себѣ Спаситель, чтобы утолить вашу духовную жажду? Расширьте жаждущія уста души вашей и спѣшите къ живоносному источнику, Сладчайшему Іисусу, и чрезъ причащеніе тѣла Его и крови пейте изъ Него обильныя воды благодати Св. Духа, Который укрѣпитъ на всякое добро ваши слабыя силы, воспламенитъ ваше сердце любовію къ Богу и ближнимъ, возжетъ въ васъ духъ неослабной молитвы и дастъ вамъ крѣпость къ преодолѣнію всякаго грѣха.

И такъ всѣ, всѣ жаждущіе, — жаждущіе утѣшенія въ горести жизни, жаждущіе очищенія своихъ грѣховъ, жаждущіе благочестія и добродѣтели, всѣ пріидите къ Спасителю своему, нынѣ призывающему васъ къ Себѣ, и пріимите отъ Него, въ слезной вашей молитвѣ — благодать утѣшенія въ скорбяхъ вашихъ; въ искреннемъ вашемъ покаяніи,—благодать очищенія грѣховъ вашихъ, и въ святомъ причащеніи—благодать освященія, укрѣпленія и любви къ добродѣтели. *Аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ.* (См. Поуч. прот. А. Флегматова, изд. 1898 г.)

5. Примѣръ любви къ правдѣ[1].

Законъ Божій повелѣваетъ намъ сохранять правду во всѣхъ нашихъ словахъ и дѣйствіяхъ, не лгать и не обманывать ни при какихъ случаяхъ. Правда, водворяемая въ обществѣ человѣческомъ, упрочиваетъ его благосостояніе. Она порождаетъ взаимное довѣріе, питаетъ любовь и, возбуждая силы къ единодушному дѣйствованію, приводитъ къ желанному успѣху всѣ наши начинанія. Если бы мы всѣ старались жить по правдѣ, избѣгать лжи и обмана, наша жизнь текла бы спокойнѣе, безопаснѣе, въ мирѣ и тишинѣ. Ни отъ чего не происходитъ столько зла между людьми, какъ отъ неправды. Обманы, лукавства, хищеніе подрываютъ благосостояніе общее. Всѣ при этомъ страдаютъ—и честные труженики и сами неправедные стяжатели. Тѣ, которые прибѣгаютъ къ неправдѣ, чтобы доставить себѣ выгоды, обыкновенно впадаютъ вмѣсто того въ большую напасть. Уличаясь въ неправдѣ, они теряютъ честь, довѣріе, иногда и самое общественное положеніе свое, съ которымъ соединены бываютъ и самыя средства къ существованію. Такимъ образомъ путь неправды, лжи, коварства и обмана есть прямой путь къ обнищанію человѣка. Если нѣкоторымъ и удается неправдою увеличить свое благосостояніе, то это всегда бываетъ не надолго. Легко нажитое, легко и проживается: злѣ пріобрѣтенное, злѣ и погибаетъ. Слезы обиженныхъ неправеднымъ стяжателемъ доходятъ до Правосуднаго Бога и низводятъ гнѣвъ Божій на людскую неправду. Можетъ ли быть прочно благосостояніе человѣка, когда надъ нимъ тяготѣетъ гнѣвъ Божій, когда онъ лишенъ благословенія Божія?.. Къ сожалѣнію, многіе не уразумѣютъ очевидныхъ явленій гнѣва Божія на неправду и, несмотря на гибельныя ея послѣдствія, много между людьми всегда бываетъ служителей неправды. Солгать, обмануть и вообще скрыть истину, особенно когда это приноситъ выгоду, не считаютъ и грѣхомъ,— а если и считаютъ, то — грѣхомъ малымъ, простительнымъ. Отъ такого легкомысленнаго сужденія о поступкахъ происходитъ то, что дурное расположеніе укрѣпляется въ душѣ, переходитъ въ сильную страсть, съ которой человѣкъ уже потомъ не въ состояніи бываетъ справиться. Особенно гибельно бываетъ, какъ человѣкъ съ дѣтства видитъ вокругъ себя примѣры лжи, обмана и лукавства, когда онъ самъ привыкаетъ къ тому же съ ранняго возраста, и некому бываетъ исправить эти дурные навыки. Трудно исправить искривленное дерево, когда оно уже окрѣпло въ этомъ положеніи. Такъ, привычка поступать не по правдѣ, лгать и обманывать, укоренившись въ душѣ человѣка, становится какъ бы второю его природою. Посему, если хотимъ сохранять себя отъ двоедушія и лукавства, если желаемъ непоползновенно стоять на пути правды, должны исправлять въ самомъ началѣ малѣйшую наклонность къ отступленію отъ истины. Богъ нашъ есть высочайшая истина, — все, что отступаетъ отъ истины, не богоугодно. Никакихъ оправдывающихъ обстоятельствъ къ допущенію лжи предъ лицомъ Божіимъ не можетъ быть. Одна безусловная правда получаетъ оправданіе предъ Богомъ. Какъ свято должно соблюдать правду и не допускать лжи ни въ какихъ, повидимому, извинительныхъ случаяхъ, показываетъ слѣдующій примѣръ изъ житія св. Анѳима, епископа никомидійскаго, память коего празднуется 3 сентября. Св. Анѳимъ жилъ въ царствованіе Діоклитіана, жестокаго гонителя христіанъ. Когда въ это время гонители старались прежде всего отыскивать и предавать казни настоятелей церквей, чтобы тѣмъ лишить христіанъ руководителей, то св. Анѳимъ по особенному внушенію Божію на время удалился изъ города и скрывался въ одномъ окрестномъ селеніи. Оттуда онъ посылалъ увѣщанія и письма къ преданнымъ на судъ и заключеннымъ въ темницахъ христіанамъ, ободряя ихъ къ предстоявшему подвигу мученичества. Это сдѣлалось извѣстно царю, и онъ послалъ воиновъ отыскать св. Анѳима. Долго воины искали его и, утомленные, остановились въ томъ селеніи, гдѣ онъ былъ, его самого здѣсь встрѣтили и спрашивали: „грѣ скрывается Анѳимъ, учитель христіанскій?„ Уразумѣвъ, что насталъ часъ мученическаго подвига, св. Анѳимъ сказалъ воинамъ: „войдите ко мнѣ въ домъ и отдохните; я вамъ скажу, гдѣ скрывается тотъ, кого вы ищете.“ Принявъ въ домъ воиновъ, святитель устроилъ имъ трапезу, угостилъ ихъ со всею любовію и радушіемъ. Послѣ угощенія, вставъ предъ воинами, св. Анѳимъ сказалъ, что онъ самъ есть епископъ Анѳимъ, за которымъ они посланы, — „возьмите меня и ведите къ пославшимъ васъ.“ Воины были поражены великодушіемъ, кротостію и доброжелательнымъ видомъ старца, съ такою искренностію пріютившаго и угостившаго ихъ. Всѣ они единодушно стали просить св. Анѳима скрыться, обѣщаясь донести властямъ, что нигдѣ его не нашли. „Нѣтъ, — отвѣчалъ святитель, — великій грѣхъ предъ Богомъ нарушить правду; преступно обманывать всякаго человѣка, а тѣмъ болѣе царя своего, и допустить ложь при исполненіи долга. Исполните честно свой долгъ, вы невиновны въ исполненіи незаконнаго порученія, даннаго вамъ.“ Съ такимъ словомъ онъ отправился въ городъ и чѣмъ же онъ занимался, идя на смерть? Всю дорогу онъ бесѣдовалъ съ воинами о вѣрѣ христіанской и такъ утвердилъ ихъ, что тутъ же, на пути, въ рѣкѣ крестилъ ихъ, содѣлавъ ихъ такимъ образомъ чадами благодати, возлюбленными Богу. Представъ предъ мучителемъ, св. Анѳимъ неустрашимо исповѣдалъ вѣру во Христа и послѣ ужасныхъ истязаній усѣченъ былъ мечемъ.

---

[1] Примѣнительно къ Іоанн. VII, 46—52.

Итакъ, христіане, блюдите правду, какъ зѣницу ока, не измѣняйте ей ни въ какихъ обстоятельствахъ. Кто изъ своекорыстія или по какимъ-нибудь личнымъ расчетамъ начнетъ кривить душою, тотъ мало-по-малу незамѣтно дойдетъ до того погибельнаго состоянія, когда человѣкъ въ ослѣпленіи ума и въ ожесточеніи сердца уже безбоязненно попираетъ правду, дѣлаясь преступникомъ предъ судомъ человѣческимъ и уготовляя себѣ гнѣвъ Божій, „открывающійся на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, подавляющихъ истину неправдою.“ (Рим. I, 18).

6. Свѣтъ Христовъ.

Я свѣтъ міру (Іоан. VIII, 12), говоритъ о Себѣ Спаситель міра. Было время, когда этотъ свѣтъ видимо свѣтилъ на землѣ, животворящимъ словомъ освѣщалъ умы, проникалъ въ самыя жестокія сердца, врачевалъ больныхъ и воскрешалъ мертвыхъ; было время, когда этотъ свѣтъ сіялъ на Ѳаворѣ какъ солнце, а на Голгоѳѣ скрылся отъ очей міра, превративши день въ глубокую ночь. *Ужасеся земля и солнце, Спасе, скрыся, Тебѣ невечернему свѣту, Христе, зашедшу во гробѣ плотски*, поется въ церковной пѣсни (въ Вел. суб.). Съ тѣхъ поръ этотъ невечерній свѣтъ больше невидимъ для очей тѣлесныхъ; но тѣмъ не менѣе онъ сіяетъ и животворно дѣйствуетъ въ родѣ человѣческомъ.—Гдѣ Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, тамъ и свѣтъ Божественный. Гдѣ же на землѣ бываетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ? Тамъ, гдѣ двое или трое изъ насъ собираются и молятся во имя Его. Онъ Самъ говоритъ: *идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Мѳ. XVIII, 20), А это гдѣ бываетъ? Въ церкви Божіей. Да, въ церкви за службою бываетъ съ нами Іисусъ Христосъ; слѣдовательно, здѣсь преимущественно свѣтитъ свѣтъ божественный, слѣдовательно, здѣсь преимущественно можетъ возсіять намъ свѣтъ Его, здѣсь преимущественно мы можемъ насладиться Его славою неизреченною, и сіяетъ здѣсь свѣтъ божественный и наслаждаемся мы здѣсь симъ свѣтомъ. Оттого-то и бываетъ такъ хорошо намъ и отрадно въ храмѣ Божіемъ.—Поэтому, христіанинъ, всегда, но особенно когда тебѣ тяжело почему-либо: горести ли, бѣды грозятъ, сомнѣнія ли, недоумѣнія тревожатъ, нужда, бѣдность ли тяготитъ, уныніе, скука ли нападаетъ,—спѣши скорѣе въ храмъ Божій; здѣсь ты отдохнешь душою, успокоишься, здѣсь хорошо тебѣ будетъ, только помни, отъ кого здѣсь хорошо, отъ кого здѣсь свѣтитъ радостный, успокоительный свѣтъ: не забывай Іисуса Христа; безъ мысли о сладчайшемъ Іисусѣ и въ храмѣ ничего тебя не порадуетъ, и ничѣмъ ты не успокоишься.

Далѣе, какъ солнце не само только свѣтитъ, но сообщаетъ свой свѣтъ другимъ, меньшимъ свѣтиламъ, наприм., лунѣ, звѣздамъ, такъ точно Господь нашъ Іисусъ Христосъ — этотъ невечерній свѣтъ, не только Самъ свѣтитъ, но и сообщаетъ Свой свѣтъ и людямъ и прежде всего пастырямъ церкви. *Вы есте свѣтъ міра* (Мѳ. V, 14), сказалъ Іисусъ Христосъ апостоламъ и ихъ преемникамъ — пастырямъ церкви. Пастыри церкви, получившіе отъ Бога благодать, просвѣщаютъ насъ святымъ крещеніемъ, сообщаютъ намъ евангельскія истины и руководятъ насъ къ вѣчному спасенію на всѣхъ путяхъ нашей жизни. Нашъ долгъ—во всемъ слушаться и полагаться на своихъ духовныхъ пастырей.

Наконецъ, и на всѣхъ насъ можетъ отображаться свѣтъ Христовъ. Живите между собой въ любви и согласіи, и вы будете жить во свѣтѣ божественномъ. *Кто любитъ брата своего,* говоритъ возлюбленный ученикъ Христовъ, *тотъ во свѣтѣ пребываетъ* (1 Іоанн. II, 10). На тѣхъ людей, которые живутъ между собою въ согласіи и любви, нисходитъ благословеніе Божіе. И со стороны сердце радуется, когда смотришь на людей, живущихъ между собою согласно; какою же радостію они наслаждаются сами?.. Къ несчастію, рѣдки такія семейства и немного такихъ людей. Многіе изъ насъ, хотя и носятъ имя христіанъ и именуются сынами свѣта, однако недостойны такого высокаго названія. Это—всѣ тѣ, которые ненавидятъ ближнихъ своихъ. *Кто ненавидитъ брата своего*, говоритъ ап. Іоаннъ Богословъ, *тотъ находится во тьмѣ, и во тьмѣ ходитъ* (1 Іоан. II, 11). А между тѣмъ грѣхъ ненависти къ ближнему есть почти обыкновенный и весьма часто повторяющійся между нами. А сколько различныхъ видовъ этого грѣха? Зависть, хула, клевета, убійство и многіе другіе не происходятъ ли отъ одного главнаго корня—ненависти? Да, эти грѣхи больше всего господствуютъ въ родѣ человѣческомъ. Если къ этому прибавить еще то, что любовь къ ближнему тѣсно связана съ любовію къ Богу, такъ что кто, по апостолу, не любитъ брата своего, тотъ не можетъ любить и Бога (1 Іоан. IV, 20), то станетъ ясно, что всѣ тѣ, которые ненавидятъ своихъ ближнихъ, остаются во тьмѣ. Страшная истина! Что же дѣлать намъ, чтобы принадлежатъ къ сынамъ свѣта? Какое средство изберемъ для этого? Болѣзни душевныя такъ же, какъ и тѣлесныя, большею частію излѣчиваются прямо противоположными имъ средствами. Поэтому и настоящую болѣзнь — ненависть можно и должно цѣлить такимъ же образомъ. Если ненависть къ ближнему служитъ причиною того, что мы остаемся во тьмѣ, то значитъ, любовь, — добродѣтель совершенно противоположная ненависти, и можетъ поставить насъ во свѣтѣ. Любовь есть начало и душа всѣхъ добродѣтелей, потому тотъ, кто имѣетъ ее, сдѣлаетъ все нужное для пребыванія во свѣтѣ, исполнитъ весь законъ, потому что *любовь*, какъ говоритъ ап. Павелъ, *есть исполненіе закона* (Рим. XIII, 10). А кто исполняетъ законъ Христовъ, тотъ есть благодатный сынъ Божій и, слѣдовательно, сынъ благодатнаго свѣта. Христе Царю, Свѣтъ святый, обращаяй изъ мрачна невѣдѣнія вѣрою воспѣвающія Тя! Просвѣти насъ свѣтомъ лица Твоего, и Твой миръ подаждь намъ, изъ мрака грѣховнаго взывающихъ Тебѣ. (См. „Воскр. лист.“. № 208, изд. ред. „В. День“).

7. **Дѣйствіе благодати Божіей въ обращеніи грѣшника на путь спасенія.**

Три года я священникомъ въ селѣ, пишетъ одинъ пастырь, и вотъ годъ, какъ я познакомился съ однимъ господиномъ, о которомъ и хочу вести рѣчь. 186... года, лѣтомъ, пріѣхалъ къ намъ въ село одинъ молодой человѣкъ лѣтъ 25 и поселился въ чистенькомъ домикѣ. Домъ этотъ, стоявшій на горѣ и окруженный темнымъ непроходимымъ лѣсомъ, принадлежалъ сначала одному помѣщику, потомъ поступилъ во владѣніе крестьянъ и теперь былъ проданъ вновь пріѣхавшему господину. Этотъ господинъ, или, какъ называли его крестьяне, „баринъ“ сначала никуда не выходилъ, потомъ недѣли черезъ двѣ я увидѣлъ его въ церкви. Физіономія его была одна изъ тѣхъ, какія съ перваго же раза бросаются въ глаза и возбуждаютъ любопытство во всякомъ, кто только успѣлъ взглянуть на нее. Несмотря на его молодые годы, лицо его было помято, морщины кое-гдѣ легли цѣлыми складками и невольно говорили, что не безъ потрясеній и бурь прошло его юношество. Онъ сталъ часто посѣщать нашу церковь, и не только въ праздникъ, даже и въ будни можно было видѣть его молящимся гдѣ-нибудь въ углу, при слабомъ мерцаніи лампадки. Онъ всегда приходилъ рано, уходилъ поздно и каждый разъ съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ цѣловалъ крестъ и бралъ у меня антидоръ. Появленіе такого господина, пріѣхавшаго не знаю откуда, не знаю зачѣмъ и, какъ слышно, расчитывавшаго остаться жить у насъ навсегда, его нелюдимость и, особенно, набожность—все это заинтересовало меня, и я рѣшился познакомиться съ нимъ какимъ бы то ни было образомъ; но познакомиться съ нимъ было довольно трудно.

Прошло лѣто, вотъ ужъ и зима на исходѣ... Животворные лучи февральскаго солнца начали уже тревожить ледяную кору земли. Наступила св. четыредесятница; уныло и рѣдко гудѣлъ церковный колоколъ, призывая на покаяніе грѣшныя души, жаждущія очищенія, и какъ-то особенно хорошо отзывались эти удары въ душѣ истиннаго христіанина. Вотъ ужъ наступилъ и пятокъ первой недѣли, и я, значительно уставъ за исповѣдью прихожанъ, возвращаюсь домой и узнаю, что мнѣ прислана записка отъ барина: — „прошу васъ, незнакомый, но уважаемый батюшка, пожаловать ко мнѣ въ квартиру сегодня вечеромъ“. Меня очень заинтересовала эта коротенькая записка, и я спѣшилъ отправиться къ незнакомому господину.

На мой легкій стукъ дверь уединеннаго домика растворилась, и я встрѣтилъ на порогѣ барина съ улыбающимся лицомъ.

— Пожалуйте вотъ сюда, батюшка, въ эту комнату, а я сейчасъ приду къ вамъ, — сказалъ онъ мнѣ, и удалился въ противоположную комнату.

Комната, въ которую я вошелъ, была маленькая. Стѣны, обитыя фіолетовыми обоями, приняли отъ времени темный видъ; шторы, опущенныя на окна и не пропускавшія свѣта въ комнату, дѣлали эту маленькую каморку какою-то мрачной. Впереди стояло рѣзное Распятіе, а предъ нимъ лежалъ разложенный молитвенникъ. На столѣ предъ диваномъ лежало евангеліе въ русскомъ переводѣ, нѣсколько духовныхъ журналовъ, огромный, искусственный черепъ и койкакія бумажки. Я походилъ нѣсколько времени по комнатѣ и усѣлся въ кресло, въ ожиданіи хозяина.

— Здравствуйте, батюшка, сказалъ, наконецъ, онъ, входя въ комнату и подходя ко мнѣ подъ благословленіе.

— Здравствуйте, отвѣчалъ я, благословляя его.

— Извините, пожалуйста, что я побезпокоилъ васъ въ такую пору, — теперь ужъ 11-й часъ и вы, быть-можетъ, уже скоро хотѣли ложиться спать...

— Помилуйте... къ чему такія извиненія, отозвался я.—Мнѣ, какъ человѣку, будетъ очень интересно познакомиться съ вами, потому, что здѣсь нѣтъ никого, съ кѣмъ бы можно поговорить о чемъ-нибудь серьёзномъ; потомъ, какъ пастырь, я долженъ по своей обязанности притти къ вамъ, потому что, бытьможетъ, вамъ нуженъ я, какъ пастырь, какъ врачъ духовный.

— Именно такъ: вы мнѣ нужны, какъ врачъ... Мнѣ нужно ваше поученіе, ваше теплое, сочувственное, наставительное слово.

— Очень, очень радъ, что могу послужить вамъ! Прошу говорить все, что есть у васъ на душѣ; мое дѣло раздѣлять всѣ нужды моихъ пасомыхъ, врачевать ихъ раны и приводить къ Отцу небесному...

— Благодарю, благодарю васъ, батюшка... такъ позвольте попросить у васъ вниманія и терпѣнія для выслушанія разсказа моей короткой, но дурной жизни. Когда вы узнаете ее, то лучше вамъ будетъ предписывать то или другое средство для моего уврачеванія.

Я слушаю.

— „Отецъ мой, началъ онъ, былъ мелкопомѣстный помѣщикъ; въ Я... губерніи, Д... уѣзда принадлежала ему одна деревенька. Въ этой-то деревнѣ мой батюшка имѣлъ большой домъ, въ которомъ онъ постоянно жилъ и въ которомъ я получилъ первоначальное воспитаніе. Мой батюшка постоянно почти былъ дома и вмѣстѣ съ матушкой старался вложить въ меня начала всякаго добра и „христіанскаго благочестія“. Оба они любили разсказывать мнѣ разныя священныя исторіи, и часто, бывало, слушая эти разсказы въ продолженіе долгаго зимняго вечера, я такъ и засыпалъ, гдѣ сидѣлъ. И, Боже мой, какіе сладкіе сны тогда грезились мнѣ! Все, что я ни слышалъ въ этотъ вечеръ, отражалось у меня во снѣ, и въ моемъ истинно-невинномъ воображеніи, какъ бы въ туманѣ, проносились дорогіе, священные образы изъ разсказовъ родителей. Вотъ какъ теперь вижу— Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ, обагренный кровію, виситъ на крестѣ, Его глаза полны любви, и Онъ проситъ Бога Отца отпустить мучителямъ: „не вѣдятъ бо, что творятъ!“ И Божія Матерь— какъ теперь вижу — стоитъ при крестѣ, съ блѣднымъ лицомъ, полная безпредѣльной любви къ страдающему Сыну, — и сколько муки и страданія выражается въ Ея очахъ! Всѣ эти сны наполняли мою душу неизъяснимымъ блаженствомъ, я переживалъ много такого, что недоступно иногда другому человѣку, и на моемъ лицѣ показывалась какая-то неземная улыбка, какъ говорила моя добрая мать. И сколько радости было у нихъ, когда они любовались мной у моей кроватки: „съ ангелами бесѣдуетъ,“ говорили они. Тихо, плавно текла моя жизнь, и я былъ примѣрный ребенокъ. Я молился, и моя дѣтская молитва была искренняя, усердна и тепла,—хорошо жилось тогда, и нельзя безъ радостнаго замиранія сердца вспоминать теперь объ этой дѣтской жизни. Но невсегда же должна была продолжаться эта блаженная жизнь: мнѣ исполнилось 10 лѣтъ, и я поступилъ въ одно изъ средне-учебныхъ свѣтскихъ заведеній.

Тяжело мнѣ было привыкать къ новой жизни; въ заведеніи, въ которое я поступилъ, я уже не слышалъ болѣе того теплаго, истинно религіознаго наставленія, какое мнѣ давалось дома на каждомъ шагу. Сначала я былъ религіозенъ и часто молился. Молился я... но эта молитва была часто причиной насмѣшекъ моихъ глупыхъ и дурныхъ товарищей. Всѣ воспитанники этого заведенія, безъ надзора богобоязненныхъ родителей, были страшными кощунниками, и ихъ язвительныя насмѣшки сыпались градомъ на мою голову за мою набожность. Время шло, поддержки у меня не было, и моя охота къ молитвѣ постепенно начала ослабѣвать и, наконецъ, совсѣмъ пропала, сначала потому, что я боялся товарищей, потомъ ужъ это обратилось въ привычку; я присталъ къ моимъ товаришамъ, и молитва болѣе уже никогда мнѣ не приходила на умъ. Бесѣды и разговоры наши были самые грязные, богопротивные: насмѣшки надъ священнымъ писаніемъ, надъ богослуженіемъ, надъ усердіемъ и религіозностію нѣкоторыхъ священниковъ и простого народа—вотъ что было постояннымъ предметомъ нашихъ разговоровъ. Сначала меня коробило отъ всего этого, потомъ время и общество притупили во мнѣ и это послѣднее проявленіе добраго — остатокъ домашняго воспитанія. Но все-таки, какъ я ни опошлился въ этой средѣ, во мнѣ было сознаніе того, что я грѣшу этимъ предъ Богомъ, но я продолжалъ дѣлать за одно съ товарищами... Иногда — это бывало очень нерѣдко — я чувствовалъ потребность молиться и даже начиналъ молиться, но это была уже не прежняя молитва,—это была скорѣе механическая работа, не согрѣтая сердцемъ, и я чувствовалъ, что чего-то не достаетъ во мнѣ... Время шло, я перешелъ въ послѣдній классъ, и тутъ-то окончательно совершилось мое паденіе, и прежнія насмѣшки надъ обрядами и религіозностію людей перешли въ полное осмѣяніе всей Божественной религіи.

Время летѣло, и я сдѣлался отъявленнымъ невѣрующимъ безумцемъ. Бытіе Бога, бытіе души, будущая загробная жизнь—все это я считалъ порожденіемъ фантазіи и зло смѣялся надъ всѣмъ. Крестъ—это орудіе нашего спасенія, я сбросилъ съ себя и съ какимъ-то презрѣніемъ посмотрѣлъ на него. Когда стоялъ въ церкви, по приказанію начальства, какъ издѣвался я, какъ смѣялся надъ отправленіемъ божественной службы! Когда наступали постные дни, я нарочно старался покушать скоромнаго, чтобы показать полное презрѣніе къ церковнымъ постановленіямъ. Св. иконы, житія святыхъ были главными предметами моихъ насмѣшекъ. Однимъ словомъ, въ это время я былъ какимъ-то извергомъ, а не человѣкомъ. Но вотъ наступило время моего выхода изъ заведенія, и тутъ-то со всей силой я ринулся въ бездну погибели, и много я увлекъ за собой чистыхъ и невинныхъ душъ...

Да, за эти падшія души мнѣ придется отдать страшный отчетъ Господу! я ихъ соблазнилъ, а въ писаніи сказано: „горе тому человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ!“

Разумъ нашъ слишкомъ слабъ, чтобъ остановить насъ отъ пошлости, когда въ насъ нѣтъ голоса совѣсти, или, вѣрнѣе сказать, когда этотъ голосъ совѣсти заглушенъ порочною жизнію; такъ и я: заглушивъ все святое въ моемъ сердцѣ, хотя и старался руководиться во всемъ разсудкомъ, но онъ не помогалъ мнѣ — и я окончательно погибалъ. Окруженный безбожными и развращенными товарищами и потерявшими стыдъ и совѣсть женщинами, я проводилъ цѣлыя ночи за бутылками вина, и чего не бывало въ этихъ шумныхъ бѣсовскихъ оргіяхъ!.. Время шло, я еще больше развратился и окончательно погрязъ въ безднѣ порока. Казалось — чего больше: человѣкъ окончательно погибъ, и никакая сторонняя рука не могла меня вытащить изъ этого омута; но, знать, нѣтъ грѣха, побѣждающаго милосердіе Божіе, знать, Господь не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему; если мнѣ не могъ помочь человѣкъ, то помогъ Всесильный Господь, Котораго я отвергалъ; особенное дѣйствіе Промысла Его обратило меня на путь истинный и воззвало къ нравственному возрожденію.

Въ одинъ годъ померли холерой мои добрые родители, ихъ-то теплая молитва предъ престоломъ Всевышняго, должно-быть, повела къ исправленію заблудшаго сына. По полученіи о смерти ихъ извѣстія я отправился въ село къ ихъ могилѣ. Странно: какъ я ни опошлѣлъ, какъ ни смѣялся надъ всѣми святыми чувствами человѣка, все-таки эта привязанность къ родителямъ осталась, и холодный развратный умъ уступилъ голосу сердца — желанію побывать на могилѣ, и не осмѣялъ его. Это я приписываю особенному дѣйствію Промысла Божія, потому что эта поѣздка на родину была началомъ или поводомъ къ моему исправленію.

Пріѣхавъ въ родное село, я спросилъ церковнаго сторожа, гдѣ могила такихъ-то, и, не думая перекреститься на церковь, отправился къ указанному мѣсту... Вотъ уже могила отъ меня шагахъ въ 10, вотъ уже я вижу свѣжую насыпь, но... вдругъ потемнѣло у меня въ глазахъ, дыханіе захватило, голова закружилась, и я упалъ безъ памяти на землю. Не знаю, что со мною тутъ было, только я въ сознаніе пришелъ ужъ въ квартирѣ, нанятой моимъ служителемъ у одного крестьянина. Изъ разсказовъ его я узналъ, что всѣ окружавшіе меня думали, что со мною ударъ, потому что я былъ безъ памяти, съ багровымъ лицомъ и пѣной у рта. На другой день я всталъ совершенно здоровый и, какъ ни ломалъ голову, не могъ объяснить себѣ,— отчего со мной сдѣлался такой припадокъ. Потомъ я опять въ тѣ же часы дня отправился на могилу, но каково было мое удивленіе, когда и въ этотъ разъ случилось со мной то же, что вчера! Думая, что меня постигла падучая болѣзнь, періодически возвращающаяся въ извѣстные часы дня, я на третій день остался дома и припадка не было. Но когда я пошелъ на четвертый день и лишь только сталъ приближаться къ могилѣ, прежній припадокъ снова повторился. Вставъ утромъ на другой день, я встрѣтилъ своего слугу какимъ-то испуганнымъ, боящимся меня. Послѣ я узналъ, что онъ тутъ же порѣшилъ, что въ этихъ припадкахъ что-нибудь недоброе, и что я долженъ быть слишкомъ грѣшенъ, коли Господь не допускаетъ меня до могилы родителей. Счастливѣе меня онъ былъ тогда: у него была вѣра въ Промыслъ, вѣра въ Бога, а я былъ жалкій человѣкъ и не хотѣлъ признавать во всемъ этомъ дѣйствій перста Божія. Впрочемъ, меня довольно озадачили эти странные припадки, и я послалъ за докторомъ. Докторъ обѣщался прибыть на другой день, и, въ ожиданіи его, я уснулъ часовъ въ 12 ночи. Утромъ я проснулся рано, и — Боже мой — страшно вспомнить: я не могъ пошевелиться, языкъ не повиновался, я лежалъ весь разслабленный, тѣло мое было все въ огнѣ, губы высохли, я чувствовалъ страшную жажду и окончательно упалъ духомъ. Явился докторъ, осмотрѣлъ меня и далъ лѣкарство. Началось лѣченіе... Сначала докторъ прописывалъ мнѣ лѣкарство безъ затрудненія, но потомъ долго иногда простаивалъ надъ моей постелью, кусая губы, и вотъ однажды, послѣ шестинедѣльнаго лѣченья, написалъ мнѣ на бумагѣ: „имѣя дѣло съ мужчиной, я открыто всегда говорю о его болѣзни, какъ бы она ни была опасна: ваша болѣзнь необъяснима, несмотря на мои усилія открыть ее; поэтому, не предвидя успѣха отъ трудовъ моихъ, я оставляю васъ ждать, когда она сама собой откроется“. Каковъ былъ мой ужасъ, когда меня оставляла человѣческая помощь, на которую я только и надѣялся! У другого есть надежда на высшую помощь, но ее отвергъ мой развратный умъ. Время шло, болѣзнь моя еще больше усилилась, на тѣлѣ появились пупырышки, которые перешли въ гнойныя раны, отъ которыхъ несся смрадный запахъ; и я не зналъ, что и дѣлать. Цѣлыя ночи я не спалъ и не находилъ себѣ покоя.— И какія страшныя картины рисовались тогда въ моемъ воображеніи! Вотъ, какъ теперь помню, однажды мнѣ представилось: мрачное, сырое, душное подземелье... смрадъ не даетъ дохнуть, кругомъ тьма... отвсюду несутся стоны, крики и какое-то дикое рычанье... Страшно стало мнѣ, морозъ по кожѣ пробѣжалъ, я вздрогнулъ и раскрылъ глаза... Свѣча горѣла тускло... въ комнатѣ было темно, и я насилу забылся. Какъ только я сталъ засыпать, вдругъ почувствовалъ въ своей рукѣ другую руку. Я вздрогнулъ, раскрылъ глаза и — Боже мой — что я увидѣлъ? предо мною стояла моя мать.

Я не могъ вообразить, какъ и какимъ образомъ она очутилась предо мною. Да вѣдь она умерла, подумалъ я, какъ же она можетъ существовать? А, между тѣмъ, сердце билось при видѣ дорогой матери. Она была вся въ бѣломъ и только въ одномъ мѣстѣ было черное пятно; ея лицо было сумрачно, и она была вся въ какомъ-то полумракѣ. „Я—твоя мать,—начала она;—твои беззаконія и твоя распутная жизнь, полная невѣрія и безбожія, дошли до Господа, и Онъ хотѣлъ истребить тебя, стереть съ лица земли. Ты не только погубилъ себя, но даже запятналъ и насъ, и это черное пятно на моей одеждѣ—твои тяжкіе грѣхи. Господь, говорю, хотѣлъ поразить тебя, но отецъ твой и я молились предъ престоломъ Всевышняго о тебѣ, и Онъ захотѣлъ обратить тебя къ Себѣ не милостію, потому что ты этого не могъ понять, а строгостію. Онъ зналъ, что одна могила наша для тебя дорога здѣсь, и потому не допустилъ тебя къ ней, поражая сверхъестественною болѣзнію, дабы ты призналъ надъ собой высшую силу, тобой отвергаемую, но ты не обратился! Потомъ Господь послалъ меня къ тебѣ—это послѣднее средство для твоего исправленія. Ты не признавалъ Бога, будущей жизни, безсмертія души, вотъ же тебѣ доказательство загробной жизни: я умерла, но явилась и говорю съ тобою. Увѣруй въ отрицаемаго тобою Бога. Помни твою мать, которая, жизни не жалѣя, старалась сдѣлать изъ тебя истиннаго христіанина“. Съ этими словами лицо ея еще больше помрачилось, глухія могильныя рыданія раздались въ комнатѣ и потрясли мою душу. „Еще разъ заклинаю тебя,—продолжала мать,—обратись къ Богу.—Ты не вѣришь, и, можетъ-быть, думаешь объяснить мое явленіе разстройствомъ твоего воображенія, но познай, что твои объясненія ложны, и я своимъ духовнымъ существомъ предстою предъ тобой. И, въ доказательство этого, вотъ тебѣ крестъ, отвергнутый тобою—прими его, иначе погибнешь. Увѣруй—и твоя болѣзнь исцѣлится чудеснымъ образомъ. Погибель и вѣчный адъ тебѣ, если ты отвергнешь меня!“ Такъ сказала мать—и скрылась. Я опомнися и увидалъ въ рукѣ своей маленькій крестикъ, во всей комнатѣ пахло чѣмъ-то невыразимо—хорошимъ. Сверхъестественное явленіе матери, ея просьбы и проклятія потрясли до самой сокровенной глубины мою душу; никогда, кажется, не бывало со мной такого переворота, совѣсть поднялась со всей силой, прежнія убѣжденія рушились—и я въ минуту, кажется, весь переродился. Какое сладостное, непонятное чувство у меня явилось въ груди, и я хотѣлъ ужъ поблагодарить Бога за Его милость, за Его благодатное обращеніе меня; но вотъ услышалъ, что кто-то идетъ ко мнѣ... я прислушался, и въ комнату мою вошелъ лакей, держа у себя чайную чашку съ водою.—„Искушай-ка, батюшка, можетъ и полегче будетъ; это святая водица съ животворящаго креста“,—проговорилъ мой лакей, подавая чашку. Я съ радостію принялъ его предложеніе и, приподнятый имъ, выпилъ воды. Господи! не могу вспомнить безъ слезъ этой чудесной минуты: я тутъ же почувствовалъ себя здоровымъ, члены стали повиноваться, языкъ сталъ свободно говорить, на мѣстѣ струповъ остались только одни пятна, и въ этомъ-то подтвердились слова матери. Я всталъ и первымъ моимъ дѣломъ было помолиться предъ образомъ, который принесъ лакей, у меня же своего не было, потому что я считалъ это суевѣріемъ! Послѣ этого я пошелъ въ церковь и тамъ молился... И сколько было искренности въ этой непритворной молитвѣ, когда душа могла свободно высказаться предъ Господомъ, послѣ долговременнаго рабства въ оковахъ грѣха и служенія сатанѣ! Тутъ же я отправился на дорогую могилку... цѣловалъ я ее, плакалъ, и эти слезы омывали прежнюю мою жизнь и были раскаяніемъ блуднаго сына. День моего исцѣленія и духовнаго и тѣлеснаго былъ 15-е число мѣсяца іюля, и я всегда праздную его, какъ день своего избавленія. Пробывши еще нѣсколько дней тамъ, я рѣшился уѣхать оттуда сюда, потому что въ судебные слѣдователи поступилъ одинъ товарищъ моей буйной жизни, а видѣться съ нимъ мнѣ не хочется. Въ свѣтъ же я не поѣду, потому что онъ мнѣ опротивѣлъ. Я здѣсь хочу потрудиться, загладить свою прежнюю жизнь. Завтра будутъ у васъ причастники, и вы, бытьможетъ, позволите мнѣ послѣ исповѣди пріобщиться св. страшныхъ и животворящихъ Христовыхъ Таинъ, потому что я лѣтъ десять не былъ удостоенъ этого,—вы же мнѣ посовѣтуете, что мнѣ дѣлать для заглажденія прежней моей жизни“.

Долго, долго я говорилъ съ этимъ

господиномъ, долго и много я давалъ ему совѣтовъ, и, наконецъ, пошелъ домой. Слава Тебѣ, Боже милосердый, показавшему свѣтъ этому человѣку, думалъ я, идя дорогой и сердечно радуясь обращенію грѣшной души на путь истины (См. Письм. Святогорца; сн. Доброе слово, свящ. Г. Дьяченко, ч. III).

НЕДѢЛЯ I-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ, ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ.

Еванг. Матѳ. зач. 38 и 79; гл. X, 32—33; 37—38 ст.; гл. XIX, 27—30 ст.

1. Изъясненіе евангелія, читаемаго въ недѣлю всѣхъ святыхъ.

Многіе иной разъ говорятъ: „какъ намъ спастись? Мы люди мірскіе, грѣшные, весь вѣкъ суетимся да грѣшимъ: заботы насъ одолѣли“. Печально, братіе, слышать такую рѣчь отъ православнаго христіанина: путь ко спасенію для всѣхъ насъ долженъ быть извѣстенъ. Могли говорить такія рѣчи язычники, жившіе до пришествія въ міръ Іисуса Христа, которые не знали Его ученія, въ вѣру православную крещены не были, св. таинъ не пріобщались. Но намъ, возлюбленнымъ дѣтямъ Христовымъ, такъ думать и говорить не слѣдуетъ, ибо намъ путь ко спасенію указанъ. Объ немъ, напр., говорится и въ евангеліи, которое сегодня вы слышали во время литургіи. Прочтемте его еще разъ и поразмыслимъ о прочитанномъ. „Всякъ убо иже исповѣсть Мя предъ человѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ. А иже отвержется Мене предъ человѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ“. (Мѳ. X, 32—33).

Слышите, Господь требуетъ отъ ищущаго спасенія, чтобы онъ былъ Его исповѣдникомъ предъ людьми. А что это значитъ? Чтобы понять это, послушайте, какъ говоритъ о томъ же св. апостолъ Павелъ: „если устами твоими будешь исповѣдывать Іисуса Господомъ и сердцемъ твоимъ вѣровать, что Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ,—то спасешься“ (Рим. X, 10). Такъ вотъ что, прежде всего, значитъ быть исповѣдникомъ Христовымъ: значитъ, не только вѣровать въ Него въ душѣ, но и устами своими открыто заявлять, что вѣруешь въ Него, не таить отъ другихъ вѣры своей, не стыдиться ея, а смѣло и явно являть себя христіаниномъ. Мы прямо и безбоязненно говоримъ, что отечество земное наше — Русь православная, что Отецъ отечества—нашъ Благочестивѣйшій Государь. Такъ же прямо и безбоязненно исповѣдуй, что ты вѣруешь и въ другое отечество — небесное и ходишь подъ покровомъ Господа, Иже на небесѣхъ. Но этого еще мало для того, чтобы быть истиннымъ исповѣдникомъ Іисуса Христа. Онъ Самъ въ другомъ мѣстѣ сказалъ: „не всякъ говорящій Мнѣ: „Господи, Господи“ войдетъ въ царство Отца Моего, но исполняющій волю Мою“ (Мѳ. VII, 21). Значитъ, мало для Господа исповѣданія устнаго, — Онъ ждетъ отъ насъ и исповѣданія на дѣлѣ, чтобы всѣ наши поступки были согласны съ Его волею, чтобы мы также открыто и смѣло на дѣлѣ являли себя вездѣ и всегда христіанами. Судите сами: вотъ если бы у кого-либо изъ васъ былъ такой сынъ, чтобы на словахъ ублажалъ своего отца, а дѣлами оскорблялъ; не сказалъ ли бы ему отецъ его: „сынъ мой! мало мнѣ рѣчей твоихъ ласковыхъ; докажи самымъ дѣломъ, что ты любишь меня!“ Такъ и по отношенію къ Отцу небесному — недостаточно того, что мы говоримъ: „мы народъ православный, мы не евреи и не татары;“ а надобно на дѣлѣ показать, что мы народъ православный, просвѣщенный свѣтомъ Христова евангелія. Живой для насъ примѣръ въ этомъ случаѣ св. исповѣдники Христовы. Они жили давно, въ тѣ вѣка, когда еще церковь Христова была гонима отъ императоровъ-язычниковъ. Эти императоры-язычники вездѣ отыскивали христіанъ и приводили ихъ предъ свои судилища. „Кто ты?“ спрашивали они у христіанина, „какъ тебя звать?“ „Я — христіанинъ“, мужественно отвѣчалъ св. поборникъ вѣры Христовой и безстрашно шелъ на самыя жестокія пытки и смерть за свою вѣру православную. Вотъ что значитъ быть исповѣдникомъ Христовымъ.

„— Исповѣдую (того) и Я предъ Отцемъ Моимъ небеснымъ“. Вотъ какую награду обѣщаетъ Господь Своимъ исповѣдникамъ. Онъ Самъ предъ Отцемъ Своимъ небеснымъ будетъ свидѣтельствовать о любви къ Нему Его исповѣдниковъ. За любовь Онъ обѣщаетъ любовь, за наше исповѣданіе земное — Свое исповѣданіе небесное. Если въ земной жизни вы иногда говорите: „обо мнѣ ты можешь у любого спросить, — всякій скажетъ, что я человѣкъ честный;“ если иной слуга съ гордостью показываетъ письменное одобреніе, выданное ему отъ хозяина, то не тѣмъ ли болѣе слѣдуетъ намъ искать и желать свидѣтельства о насъ небеснаго, свидѣтельства Іисуса Христа о нашихъ добродѣтеляхъ предъ Отцемъ Его, Иже на небесѣхъ? И если мы вѣримъ обѣщаніямъ людскимъ, то можемъ ли сомнѣваться въ обѣщаніи Господа? „Гдѣ Я, говорилъ Онъ, тамъ и слуга Мой будетъ (Іоан. XIV, 3): иду приготовить вамъ обители“ (Іоан. XIV, 2). Вотъ почему никогда не слѣдуетъ падать духомъ, если за добро намъ воздаютъ зломъ, за правду неправдою, за любовь злобою. Помни только всегда, что у насъ на небѣ есть неложный Свидѣтель нашего добра, Который все видитъ, все слышитъ, и что Онъ приготовилъ любящимъ Его блаженныя обители. На Него уповали св. мученики, проливавшіе свою кровь во имя Его, и Онъ имъ чудно помогалъ во время ихъ страданій. Такъ, вспомните страданія св. великомученика Пантелеимона. Его бросили на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, но они припали къ ногамъ его; бросили его въ море,—онъ ходилъ по нему, какъ по сушѣ. Св. муч. Вонифатію (19 дек.) мучители влили въ горло растопленное олово, но св. остался невредимъ; его же бросили въ котелъ съ кипящею смолой, но и изъ него онъ вышелъ здравымъ. Такъ еще на землѣ Господь прославляетъ Своихъ исповѣдниковъ: какая же радость ожидаетъ ихъ въ царствѣ небесномъ?

Но какъ можно исповѣдывать Господа словомъ и дѣломъ, такъ можно словомъ и дѣломъ отвергаться Его. Если кто живетъ не по заповѣдямъ, у кого не сходитъ съ устъ бранное слово, кто безъ мѣры упивается виномъ, вноситъ раздоръ въ семью, гонитъ отъ оконъ своихъ нищаго, притѣсняетъ сирыхъ, то всѣ эти люди отвергаютъ Христа, и Онъ отвержется ихъ предъ Отцемъ Своимъ небеснымъ. Но подумайте: что можетъ быть прискорбнѣе этого? Если горько бываетъ человѣку, хотя и преступнику, когда его отвергаютъ отъ себя всѣ люди и изгоняютъ закованнаго въ Сибирь и даже далѣе, то не въ тысячу ли разъ болѣе горько будетъ намъ, когда отъ насъ отречется Господь Іисусъ Христосъ? Что мы будемъ чувствовать, когда услышимъ Его грозный голосъ: „идите отъ Меня, проклятіи, въ огонь вѣчный?“ (Мѳ. XXV, 41). И будемъ мы стоять предъ Судіею Господомъ, мучимые совѣстію, имѣя предъ очами нашими все зло, нами содѣянное, все до мелочей. Вотъ случился пожаръ отъ поджога,—тогда обнаружится, кто поджигатель; вотъ пропажа въ церкви, тогда обнаружится воръ; вотъ за деньги, на горе невинному, человѣкъ принялъ ложную присягу, тогда и это обнаружится; и обнаружится всякое зло предъ всѣмъ міромъ на стыдъ нашъ. И закроются тогда для насъ двери райскія, а муки адовы примутъ насъ къ себѣ. Постараемся же исправить жизнь, пока приговоръ не произнесенъ, и врата вѣчныя не закрылись за нами.

„Кто любитъ отца и мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто любитъ сына и дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня“ (Мѳ. X, 37).

Вотъ еще какую заповѣдь даетъ Господь. Для насъ Онъ долженъ быть дороже самаго дорогого сердцу нашему: дѣтей, женъ, родителей. Люби Его болѣе, нежели ты любишь свою семью, думай о Немъ болѣе, нежели о своей семьѣ, покоряйся Его законамъ болѣе, нежели ты покоряешься чувству родительской и родственной любви. Послушайте, какъ исполняли эту заповѣдь люди святые. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что въ Кіевской лаврѣ почиваютъ мощи пр. Ѳеодосія игумена. Когда этотъ святой былъ еще отрокомъ, онъ и тогда уже возлюбилъ Бога болѣе всего въ мірѣ. Его мать горячо любила, шила ему хорошія одежды, старалась кормить лучшими кушаньями. Но онъ, къ огорченію матери, раздавалъ одежды нищимъ, постился и носилъ вериги. Напрасно мать уговаривала его водиться и играть съ своими сверстниками,—онъ зналъ только дорогу въ церковь. Нѣсколько разъ онъ, къ ужасу матери, пропадалъ изъ дому, уходя съ странниками въ монастыри. Но мать отыскивала его и ворочала. Наконецъ, онъ постригся въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Мать и здѣсь его нашла и долго умоляла воротиться домой, но святой отказался даже повидаться съ ней, возлюбя Христа болѣе ея (3 мая). Вы подумаете: да вѣдь это святой могъ такъ побѣдить себя, гдѣ намъ такъ стоять? Но вѣдь и святые были такіе же люди, какъ и мы: они имѣли то же немощное *тѣло*, болѣе нашего терпѣли искушеній сатаны и даже иногда впадали въ прегрѣшенія, какъ и мы, грѣшные, впадаемъ.

Напримѣръ, преп. Еразмъ, тоже кіевскій угодникъ, былъ прежде купцомъ, потомъ поступилъ въ монастырь и употребилъ всѣ свои сокровища на украшеніе монастырскаго храма. Но діаволъ сталъ внушать ему, что онъ безъ пользы свои богатства истратилъ, лучше бы раздать ихъ нищимъ. Еразмъ впалъ въ тоску и даже сильно захворалъ. Но Господь смиловался надъ нимъ: ему во снѣ явилися пр. Антоній и Ѳеодосій и Пр. Богородица и увѣрили его, что не даромъ имъ употреблены богатства, но на пользу душевную (24 февр.). Такъ, видите, что и святые падали, какъ и мы, но только они плакали о грѣхахъ своихъ и не пребывали въ равнодушіи, какъ мы; и Богъ, видя ихъ скорбь и покаяніе, являлъ на нихъ силу Свою. Поэтому не слѣдуетъ такъ говорить: „то были люди святые, гдѣ намъ до нихъ“. Это уныніе, которое внушаетъ намъ діаволъ. Нѣтъ,— и мы, при помощи Божіей, многое можемъ совершить. Не давай сердцу своему охладѣвать, борись съ искушеніями діавола, призывай Господа на помощь, чаще очищай себя отъ грѣховъ исповѣдію и питай свою душу тѣломъ и кровію Христовою — и ты будешь подражателемъ святыхъ.

Пр. Ѳеодосій любовь ко Христу поставилъ выше любви къ матери. И въ нашей жизни часто бываютъ случаи, когда мы должны руководиться его примѣромъ. Укажу вамъ прежде всего на случай обыденный, о которомъ, повидимому, и думать нечего. Вотъ твои дѣти, играя на улицѣ, поссорились съ дѣтьми твоего сосѣда. Не случалось ли тебѣ, отцу, или тебѣ, матери, не разобравъ дѣла, прямо напуститься на сосѣдскихъ дѣтей, сгоряча обругать ихъ, а, пожалуй, кстати и ихъ родителей: вотъ, молъ, какихъ растятъ сорванцовъ и т. д. Что изъ этого можетъ выйти?—Ссора между вами, родителями. Но если ты хочешь поступить по-христіански, то спокойно примири дѣтей, разбери ихъ ссору и, если твои дѣти виноваты, научи ихъ, вели попросить у обиженныхъ прощенія, взыщи съ нихъ. Это не будетъ ни для тебя, ни для нихъ униженіемъ, а будетъ только справедливостію, исполненіемъ закона Божія и ты, по заповѣди Христа, любовь къ Нему предпочтешь любви къ дѣтямъ. Вы, можетъ-быть, подумаете, что это мелочь, нестоющая вниманія; но, подумайте и о томъ, что всегда и во всемъ потакать дѣтямъ, значитъ, развращать ихъ; во-вторыхъ, при подобныхъ случаяхъ часто возникаютъ ссоры между родителями; и въ-третьихъ, изъ такихъ мелочей и образуется вся наша жизнь. Вы, я думаю, видали, какъ нижутъ на нитки бисеръ: маленькія бисеринки одна за другой нанизываются на нитку и получается большое ожерелье. Такъ въ безчисленныхъ мелкихъ случаяхъ проходитъ день за днемъ наша жизнь, и блаженъ тотъ, кто во всѣхъ мелочахъ слѣдитъ за своею душою. Но также не рѣдки случаи и болѣе крупные, когда любовь къ Богу слѣдуетъ ставить выше родственной любви. Твой отецъ, братъ или другой близкій родственникъ впалъ, по человѣческой слабости, въ преступленіе и проситъ тебя быть свидѣтелемъ, что онъ невиненъ, или онъ продаетъ неопытному человѣку какую-либо вещь — телѣгу, соху плохую и проситъ тебя похвалить ее; да мало ли подобныхъ случаевъ въ жизни! Не будьте же пособниками грѣха и обмана. Помните, что Сынъ Божій возлюбилъ насъ до того, что Себя не пощадилъ для нашего спасенія, но за то Онъ требуетъ и отъ насъ любви всецѣлой: — всею душою и всѣмъ помышленіемъ.

„И кто не беретъ креста своего, и слѣдуетъ за Мной, — тотъ не достоинъ Меня“. (Мѳ. X, 38).

Быть исповѣдникомъ Христовымъ значитъ — словомъ и дѣломъ вездѣ являть себя исполнителемъ Его закона, значитъ, любить Его болѣе всего въ мірѣ, но это часто бываетъ тяжело и прискорбно. Эти-то скорби, всегда нераздѣльныя съ добродѣтельной жизнію, Господь и сравниваетъ съ крестомъ, который несетъ на себѣ человѣкъ. Во время жизни Іисуса Христа злодѣевъ распинали на крестахъ. Со злодѣями былъ распятъ и Самъ Христосъ. Крестъ былъ тогда позорнымъ орудіемъ и нести его было и позорно и тяжело, такъ какъ они дѣлались тяжелые. Такъ же тяжко и скорбно жить Его послѣдователямъ: тутъ надобно побѣдить любовь къ самому себѣ, тутъ любовь къ семейству, къ родителямъ, дѣтямъ; здѣсь нажить непріязнь сосѣдей, цѣлаго общества; тамъ опустить явную выгоду, даже иногда цѣлое богатство, которое такъ бы легко было пріобрѣсть неправымъ путемъ; насмѣшки, укоризны, преслѣдованія — все надобно вынести, сдержать на своихъ плечахъ этотъ скорбный крестъ, чтобы остаться исповѣдникомъ Христовымъ. Но, каковъ учитель, таковы должны быть и ученики. Іисусъ Христосъ, неповинный ни въ одномъ грѣхѣ, претерпѣлъ ради насъ оплеваніе, біеніе, заушеніе, распятіе на крестѣ, и мы, Его послѣдователи, должны также мужественно терпѣть скорби временныя за имя Его. „Многими скорбями подобаетъ намъ внити въ царство небесное“ (Дѣян. XIV, 22). Но хватитъ ли силъ вынести эти скорби? скажете вы. Братіе, всякое искушеніе Господь посылаетъ по мѣрѣ силъ нашихъ, ибо „Онъ долготерпѣливъ и многомилостивъ“ (Псал. CXXXXIV, 8). Онъ не желаетъ, чтобы посланная Имъ скорбь сокрушила силы человѣка, какъ молотъ сокрушаетъ стекло, но чтобы человѣкъ, перенося скорби, крѣпъ въ любви къ Богу, какъ крѣпнетъ желѣзо, когда его куютъ. И, побѣждая искушенія, мужественно перенося скорби, мы будемъ все болѣе и болѣе находить ихъ легкими и оправдаемъ на себѣ слова Господа: „иго Мое — благо и бремя Мое легко“ (Мѳ. XI, 30). Вспомните исторію праведнаго Іова. Первоначально Господь поразилъ его отнятіемъ одной части имущества: разбойники угнали его воловъ и ословъ, Іовъ мужественнно перенесъ это лишеніе. Потомъ послѣдовали другіе лишенія: погибли овцы, верблюды; Іовъ и это перенесъ. Потомъ погибли дѣти его, Іовъ и теперь не возроптал ъ на Бога. Наконецъ, жестокая болѣзнь поразила его тѣло, и тутъ же подруга его жизни, его жена, пала духомъ, оставивъ его одинокимъ въ этой борьбѣ съ горемъ. Іовъ и теперь остался непоколебимъ въ своей любви къ Богу. То же бываетъ и въ нашей жизни; глядишь, пойдетъ бѣда на человѣка: то пожаръ, то неурожай, то воры обидятъ. Но не падай духомъ: это рука Божія. Богъ, слѣдовательно, видитъ, что ты все это можешь вынести: иначе праведный Господь такъ и не испытывалъ бы тебя, и послалъ искушеніе по силамъ твоимъ.

„Тогда Петръ, отвѣтствуя, сказалъ Ему: вотъ мы оставили все и послѣдовали за Тобою: что же будетъ намъ?

Іисусъ же сказалъ имъ: истинно говорю вамъ, что вы, послѣдовавшіе за Мною, въ паки бытіи, когда сядетъ Сынъ человѣческій на престолѣ славы Своей, сядете и вы на двѣнадцати престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ“ (Мѳ. XIX, 27—28).

До сихъ поръ мы все говорили о томъ, чего Господь требуетъ отъ насъ; теперь Онъ указываетъ ту награду, которую мы получимъ, если будемъ Его исповѣдниками. Объ этой наградѣ Его спросилъ апостолъ Петръ, потому Господь говоритъ прежде о наградѣ имъ, апостоламъ. Онъ обѣщаетъ имъ великую славу и честь: когда Онъ придетъ судить міръ, тогда и они вмѣстѣ съ нимъ будутъ судіями вселенной. Великая награда, но и великіе труды приняли св. апостолы! Когда Господь ихъ призывалъ, Онъ не обѣщалъ имъ никакой радости земной: ни богатства, ни чести людской, ни покоя, но труды, скорби, гоненія, мученія и смерть. Въ мірѣ скорбни будете (Іоан. XIV, 33), говорилъ Онъ имъ, если Меня гнали, будутъ гнать и васъ (Іоан. XV, 20). Наступитъ время, когда всякій, убивающій васъ, будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу (Іоан. XVI, 2). Но апостолы не устрашились міра, все оставили, ибо возлюбили Христа болѣе своихъ женъ и дѣтей, пошли за Нимъ и мужественно потерпѣли во имя Его всѣ скорби и гоненія. Какъ имъ, такъ и намъ будетъ великая награда на небесахъ, если мы пойдемъ по ихъ стопамъ. Послушайте, что говоритъ Господь далѣе.

„И всякій, кто оставитъ домы, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради имени Моего, получитъ во сто кратъ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную.“ (Мѳ. XIX, 29).

Вѣроятно, вы подумаете, что, судя по этимъ словамъ Господа, спастись только можно въ монастырѣ, отрекшись отъ всего: семейства, имущества, даже знакомства и т. п. Но такъ думать не слѣдуетъ. Путь въ царство небесное одинъ, но всякій идетъ по немъ по своему. Можно исполнить эти слова Господа и живя въ міру, въ семьѣ, владѣя имуществомъ. Всякій изъ насъ берется только за ту работу, которую онъ въ состояніи исполнить. Такъ и въ жизни духовной: принимай на себя тѣ только труды и обѣты, которые тебѣ по силамъ, такъ и Господь учитъ: „не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, могущій вмѣстить да вмѣститъ“ (Мѳ. XIX, 12), т.-е. кто сознаетъ себя настолько крѣпкимъ духомъ, чтобы вынести всѣ труды жизни безбрачной, тотъ прими на себя этотъ обѣтъ, съ немогущаго же это не взыщется. Живи въ мірѣ, въ семьѣ, пріобрѣтай имущество, *но только не подражай* тѣмъ людямъ, которые за всѣмъ этимъ забываютъ Бога. Есть такіе люди, которые не знаютъ ни постовъ, ни праздниковъ; есть такіе, которые, когда ударяютъ въ колоколъ къ литургіи, идутъ и ѣдутъ на работу. Но ты ставь законъ Божій выше всего: не заботься объ излишнемъ пріобрѣтеніи: Господь и птицъ питаетъ; люби Бога, какъ ранѣе говорили, болѣе жены и дѣтей; посѣщай чаще храмъ Божій, читай чаще св. евангеліе, не жалѣй милостыни нищимъ, очищая душу покаяніемъ, питай ее Тѣломъ и Кровью Христовой, и — ты исполнишь слова Господа тѣмъ, что предпочтешь любовь къ Нему любви къ міру. Вездѣ можно спастись и вездѣ погибнуть. Давидъ спасся на престолѣ царскомъ, Іуда былъ апостолъ и — погибъ. Георгій Побѣдоносецъ, Іоаннъ Воинъ были воины, св. Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ были князья, Филаретъ Милостивый былъ землепашецъ, — всѣ они были міряне и спаслись. Св. Макарій египетскій былъ великій пустынникъ и угодникъ Божій, но однажды ему Господь сказалъ, что двѣ женщины, живущія въ мірѣ, выше его по добродѣтелямъ. Макарій пошелъ къ нимъ, чтобы научиться отъ нихъ; нашедши ихъ, онъ спросилъ у нихъ: какія онѣ совершаютъ добрыя дѣла, что такъ угодили Богу? Онѣ отвѣчали ему, что онѣ двѣ снохи, желали бы итти въ монастырь, но мужья не пускаютъ ихъ, и онѣ рѣшились до смерти своей служить имъ, что онѣ никогда не ссорятся и не пустословятъ. Такъ, и живя въ міру, можно быть великимъ подвижникомъ.

„Многіе же будутъ первые послѣдними, и послѣдніе первыми.“ (Мѳ. XIX, 30).

Во сто кратъ получимъ мы на небѣ за терпѣніе на землѣ, и эта награда дана будетъ всѣмъ безъ различія исполнителямъ закона Христова. На землѣ есть богатые и бѣдные, знатные и простолюдины, ученые и не ученые. Но за гробомъ есть только праведные и грѣшные. Тамъ богачъ, которому всѣ льстили на землѣ, идетъ въ адъ; презираемый же на землѣ нищій радуется въ царствѣ небесномъ. По истинѣ, ничего мы туда не принесемъ, кромѣ совершенныхъ нами добра и зла.

Вотъ тотъ путь, который ведетъ въ царство небесное. Будь вездѣ и всегда христіаниномъ не по имени только, но и на дѣлѣ—и ты спасешься. Истинный же христіанинъ любитъ Бога болѣе всего въ мірѣ и радостно несетъ крестъ Христовъ; званіе не спасаетъ, спасаетъ одна только жизнь добродѣтельная, которая на небѣ вознаградится сторицею всѣмъ праведнымъ безъ различія. Дай же Богъ, чтобы и для насъ не затворились двери Его славнаго царствія. (Сост. по „Христ. бесѣд.“ прилож. къ журн. „Паст. собесѣдн.“ 1893 г., № 5).

2. Христіанскій примѣръ самоотверженія отеческой любви къ сыну изъ любви къ Богу.

Иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ (Матѳ. X, 37). Родительская любовь къ дѣтямъ часто, и безъ намѣренія со стороны отца и матери, незамѣтно для нихъ, переходитъ за предѣлы надлежащаго христіанскаго употребленія и, пользуясь именемъ и правами законной любви къ дѣтямъ, въ то же время становится враждою на Бога и святой законъ Его, а христіанскихъ родителей съ такимъ чувствомъ къ дѣтямъ дѣлаетъ недостойными и лукавыми рабами Господа нашего Іисуса Христа. Любить сына и по, животной привязанности къ нему, не обращать вниманія на то, кто растетъ и крѣпнетъ подъ покровомъ отеческой любви, — человѣкъ честный, или развратный, вѣрный слуга отечеству, или буйный крамольникъ и врагъ всякаго порядка, истинный христіанинъ, или человѣкъ безъ вѣры и добрыхъ убѣжденій, поборникъ евангелія и правды, или измѣнникъ вѣры и предатель истины, — ужели это любовь, достойная отца — христіанина, любовь, которую внушаетъ ему долгъ христіанскаго отца и прямой законъ евангелія? Нѣтъ, это значитъ любить въ своемъ сынѣ только плоть и кровь, а не любить его души и жизни разумной; это любовь животная, а не человѣческая, тѣмъ болѣе не христіанская, которая дѣйствуетъ по духу любви Христовой и по евангельскому закону; эта любовь противна любви къ Господу и требованіямъ святого закона Его; эта любовь—вражда на Бога. Среди различныхъ явленій такой отеческой любви, для ея обличенія и вразумленія, какъ отрадно встрѣтиться въ исторіи первыхъ временъ христіанства съ примѣрами истинной любви къ дѣтямъ, въ лицѣ христіанскихъ родителей, которые съ самоотверженіемъ жертвовали всякою любовью къ дѣтямъ любви къ Господу и святой вѣрѣ Его, какъ скоро первая становилась преступною предъ обязанностями послѣдней. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ. Вѣроотступничество въ лицѣ римскаго императора Юліана имѣло многихъ послѣдователей со стороны христіанъ, не твердыхъ въ вѣрѣ, малодушныхъ при угрозахъ и льстивыхъ обѣщаніяхъ ненавистника христіанства. Одинъ изъ такихъ подражателей вѣроотступнику былъ юноша, сынъ знатнаго гражданина города Беріи и высокаго государственнаго сановника, но при всемъ томъ благочестиваго и преданнаго вѣрѣ христіанина. Когда сынъ открылъ свои мысли о вѣрѣ и о несчастномъ паденіи своемъ отцу, благочестивый отецъ не пощадилъ ради имени Іисуса Христа ни честью и именемъ своего сына, ни своею любовью къ нему, ни расчетами на милость у царя вѣроотступника: отецъ немедленно лишилъ сына имени своего и публично отрекся отъ него. Предпріимчивый юноша — богоотступникъ отправился къ богоотступнику—повелителю искать у него покровительства, защиты предъ отцомъ, награды и чести за свое отреченіе отъ христіанства въ угоду царю, врагу и гонителю имени Христова. Юліанъ, мечтавшій весь міръ обратить къ древнему, упадавшему тогда языческому идолослуженію, весьма доволенъ былъ всякими примѣрами вѣроотступничества и не щадилъ наградъ и милостей своихъ для умноженія числа подобныхъ себѣ нечестивцевъ; онъ обласкалъ юношу, успокоилъ его и обѣщался самъ, своимъ посредничествомъ, возвратить ему расположеніе отца и права на достояніе его. Прибывъ въ Берію, Юліанъ пригласилъ къ своему столу въ числѣ многихъ знаменитыхъ гражданъ города и благочестиваго отца съ вѣроотступникомъ сыномъ; за столомъ Юліанъ обратился къ отцу отверженнаго сына съ такими словами: „мнѣ кажется, несправедливо было бы дѣлать насиліе людямъ съ инымъ настроеніемъ мыслей и противъ воли человѣка направлять его къ другимъ мыслямъ. Итакъ, не принуждай сына слѣдовать своему ученію, когда онъ не хочетъ этого. Вѣдь я не принуждаю же тебя слѣдовать моему, хотя и очень легко могъ бы принудить къ этому!“—„Ты, царь, говоришь объ этомъ беззаконникѣ, который истинѣ предпочелъ ложь?“— отвѣчалъ благочестивый отецъ въ негодованіи на богоотступника сына. Въ отвѣтѣ христолюбиваго отца было столько непобѣдимой ревности на защиту святой вѣры Христовой и вмѣстѣ столько неустрашимаго негодованія на богоотступничество сына, покровительствуемое богоотступнымъ царемъ, что сей измѣнникъ вѣрѣ и совѣсти не нашелъ въ себѣ и обычной дерзости, чтобы защитить ложь противъ истины. Чувствуя себя безсильнымъ противъ святой ревности защитника христіанства, Юліанъ принялъ видъ притворной кротости и, обращая дѣло въ шутку, сказалъ юношѣ: „я самъ позабочусь о тебѣ, когда не могъ склонить на это твоего отца“. Дѣйствительно, отецъ юнаго богоотступника не измѣнилъ своего праведнаго гнѣва на беззаконнаго сына; на него не дѣйствовали ни ласки, ни угрозы нечестиваго царя; для него не было страшнѣе приговора Господа Іисуса: *иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Воскресн. чт., г. XXI, стр. 137—138).

3. Во всякомъ званіи можно угодить Богу.

Многіе и особенно изъ простыхъ людей, — крестьянъ, ремесленниковъ, жалуются на то, что при ихъ занятіяхъ нельзя угодить Богу. Несправедлива подобная жалоба! Господь Богъ, по Своей безпредѣльной милости, всѣхъ зоветъ ко спасенію, лишь бы было только стремленіе къ тому съ нашей стороны. И примѣровъ подобнаго рода много записано въ житіяхъ святыхъ. Укажемъ нѣкоторые изъ нихъ. — Вѣроятно, многимъ извѣстны св. мученики Флоръ и Лавръ, память коихъ празднуется 18 августа. Они были родные братья и жили въ IV вѣкѣ по Рожд. Христовомъ; по своему ремеслу оба они были простые каменщики. Но это званіе не помѣшало имъ вести жизнь благочестивую и приносить пользу людямъ. И Господь наградилъ братьевъ-тружениковъ даромъ чудотворенія. Въ сосѣдней съ ними области вздумали выстроить величественный языческій храмъ; начальникъ ихъ области послалъ туда для работы св. Флора и Лавра, потому что они были извѣстны всѣмъ за лучшихъ мастеровъ своего дѣла. И вотъ, когда они занимались обтесываніемъ камней, къ нимъ подошелъ сынъ главнаго языческаго жреца и былъ пораженъ въ глазъ нечаянно отлетѣвшимъ осколкомъ камня. Ушибъ былъ такъ силенъ, что угрожалъ мальчику лишеніемъ глаза. На гнѣвный крикъ и укоризны родителя этого мальчика святые спокойно отвѣчали, что они исцѣлятъ глазъ невиннаго ребенка, если отецъ согласится отпустить его съ ними на нѣкоторое время. Съ согласія родителя святые взяли мальчика въ свою убогую хижину, всю ночь молились о немъ Господу и поучали его вѣрѣ Христовой, а къ утру ознаменовали его крестнымъ знаменіемъ. Послѣ этого глазъ ребенка тотчасъ открылся и сталъ видѣть попрежнему. Чудо это такъ подѣйствовало на идольскаго жреца, что онъ со всѣмъ своимъ домомъ увѣровалъ въ единаго истиннаго Бога и присоединился къ православной церкви. За свои чудеса и добродѣтельную жизнь святые Флоръ и Лавръ брошены были въ безводный колодецъ и засыпаны землею. Спустя много лѣтъ тѣла святыхъ мучениковъ обрѣтены были нетлѣнными и перенесены въ Константинополь. Господь даровалъ мощамъ ихъ цѣлительную силу.

А вотъ еще чудный человѣкъ — преподобный Маркъ печерскій! Самое поразительное въ немъ — простота подвига его. Онъ не велъ высокой созерцательной жизни. Занятіе его было очень обыкновенное: онъ копалъ землю. Живя въ пещерѣ, онъ своими руками выкопалъ много пещеръ и на своихъ плечахъ носилъ землю, день и ночь трудясь для Господа. Онъ выкопалъ много мѣстъ для погребенія братіи и не бралъ за то ничего, развѣ кто самъ давалъ что-нибудь, да и это раздавалъ бѣднымъ. Но и при этомъ простомъ трудѣ достигъ высокаго совершенства духовнаго, какого достигаютъ немногіе. — Это самый убѣдительный примѣръ того, что при всякомъ трудѣ тѣлесномъ, если духъ работаетъ Господу, прогоняетъ отъ души все нечистое, наполняетъ ее мыслями и воздыханіями святыми, строго охраняя ее смиреніемъ и кротостью, душа можетъ усовершаться духовно.

Одинъ святой для вѣрнѣйшаго полученія царства небеснаго пошелъ въ каменщики. Вотъ что знаемъ мы о немъ изъ житія преподобнаго Ефрема. Этотъ Ефремъ былъ правитель города Антіохіи. Ему поручено было возстановить этотъ городъ послѣ землетрясенія. Приглашено было много рабочаго народа, работа шла дружно, но изъ всѣхъ поденщиковъ одинъ обращалъ на себя вниманіе: одежда у него была самая изношенная, лицо исхудалое, работалъ онъ усерднѣе всѣхъ. И вотъ Ефремъ имѣлъ видѣніе, будто надъ этимъ поденщикомъ во время его сна поднимается огненный столбъ. Удивленный этимъ видѣніемъ, блаженный Ефремъ обратился къ чудному работнику съ вопросомъ: „кто онъ, изъ какого города, и какъ имя ему?“ Тотъ отвѣчалъ: „я бѣдный житель Антіохіи и живу поденною работою“. Не вѣря словамъ его, Ефремъ побуждалъ его открыть себя; „Вѣрь мнѣ, — сказалъ правитель, — не отпущу тебя, пока не откроешь мнѣ всей правды“. Мнимый работникъ, не имѣя возможности долѣе скрывать себя, сказалъ: „я былъ епископъ, но ради Господа оставилъ епископство и прибылъ сюда въ незнакомую страну, гдѣ работаю и отъ труда своего добываю себѣ насущное пропитаніе“.

Эти примѣры ясно говорятъ, что никакое званіе, — будь только оно честное, — не мѣшаетъ угождать Богу. Поэтому напрасна отговорка, что при тяжелыхъ и низкихъ занятіяхъ нельзя угодить Богу. Напротивъ, при тяжелыхъ трудахъ легче спастись, чѣмъ погибнуть. Трудъ — великое и благое дѣло; трудъ — счастье, а бездѣльничанье — несчастье для человѣка. „Нѣтъ ничего, — говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, — поистинѣ ничего нѣтъ въ дѣлахъ человѣческихъ, чего не губила бы праздность, ибо и вода, если стоитъ, повреждается, если же течетъ, то сохраняетъ свое свойство; и желѣзо, если остается безъ употребленія, покрывается ржавчиною, а когда изъ него что-либо выковывается, приноситъ пользу и блеститъ какъ серебро“. Не даромъ вѣдь говорится: „Богъ труды любитъ“. Спрашивается: почему Богъ любитъ труды? А потому, конечно, что трудъ ведетъ къ добру и счастію, а праздность — мать всѣхъ пороковъ, губитъ человѣка и дѣлаетъ его несчастнымъ. Апостолъ Павелъ говоритъ, что, *если кто не хочетъ трудиться, тотъ пусть не ѣстъ* (2 Солун. IX, 10). Но, трудясь, не забывай Бога, — молись предъ началомъ всякаго дѣла, проси у Него успѣха въ твоемъ предпріятіи, а при окончаніи его опять благодари Творца и Благодателя Бога, потому что отъ Него исходитъ всякій даръ совершенный и всякое даяніе благимъ. Освободился ты отъ занятія, — наступилъ, напр., воскресный или праздничный день, — иди въ храмъ Божій: здѣсь ты получишь и освященіе и просвѣщеніе своей души. А придя домой, не предавайся разгулу, пьянству, — не производи ссоры, а тѣмъ болѣе драки. А для того, чтобы тебѣ не было скучно, почитай какую-либо душеполезную книгу. Проведя такъ день, ты на слѣдующій день встанешь съ обновленными силами и легко примешься за свой прежній трудъ. Развѣ при такомъ образѣ жизни *нельзя угодить Богу*? Конечно, можно: живыя доказательства тому—праведные наши святые. Поэтому никакое званіе, какъ бы оно низко ни было, не воспрепятствуетъ намъ угождать Богу, если въ душѣ нашей будетъ къ тому желаніе. Слѣдуйте заповѣди апостола Христова: *каждый поступай такъ, какъ Богъ ему опредѣлилъ, и каждый, какъ Господь призвалъ*. (1 Кор. VII, 17—31) (См. „Воскресн. лист." изд. „В. Дня", № 385).

4. Быть святыми есть обязанность не однихъ только великихъ подвижниковъ, но и всѣхъ христіанъ.

Если бы гражданину или поселянину сказали: дѣлай то и то, будешь приближеннымъ царя, который даетъ тебѣ право на это преимущество и призываетъ тебя къ нему: съ какою охотою, съ какимъ жаромъ принялся бы онъ за требуемыя отъ него дѣла, хотя бы подвигъ былъ не легокъ и трудъ не кратокъ. Но вотъ провозвѣстникъ воли Царя небеснаго намъ, и послѣдней степени гражданства въ семъ царствѣ недостойнымъ, говоритъ: *святи будите*; будете святы нравственно, и потомъ будьте святы блаженно; живите благочестиво и добродѣтельно, и будете приближенными Царя небеснаго, Который позволяетъ вамъ не только приближаться къ Нему, но и пребывать въ Немъ, и Самъ хощетъ не только приближаться къ вамъ, но и жить въ васъ. Что же? Какъ пріемлется это призваніе? Всѣ ли,—по крайней мѣрѣ, многіе ли послѣдуютъ ему съ готовностію, съ горячимъ усердіемъ, съ неослабною ревностію, съ полною дѣятельностію? Не обыкновеннѣе ли то, что мы думаемъ и говоримъ: гдѣ намъ быть святыми? Мы люди грѣшные; довольно, если какъ-нибудь спасемся покаяніемъ.

„Гдѣ намъ быть святыми?" Но подумали ль мы, чѣмъ же мы будемъ, и что будетъ съ нами, если не станемъ подвизаться, чтобы сдѣлаться святыми? Есть высшія степени святости, на которыхъ сіяютъ особенно избранныя и облагодатствованныя души: но святость вообще не есть только частное между христіанами отличіе, которое похвально имѣть нѣкоторымъ, и безъ котораго легко могутъ обойтись другіе. По ученію апостольскому, каждый, кто призванъ святымъ Богомъ къ царствію Божію, иначе сказать, каждый христіанинъ, въ самомъ призваніи семъ и въ мысли о призвавшемъ Богѣ долженъ находить для себя законъ, обязанность и побужденіе, чтобы ему непремѣнно быть или сдѣлаться святымъ. *По звавшему вы Святому, и сами святи во всемъ житіи будите, зане писано есть: святи будите, яко Азъ святъ есмь.* Если же вы живете безъ старанія и безъ надежды быть святыми; то живете не *по звавшему* васъ *Святому*, не соотвѣтствуете достоинству званныхъ Богомъ и сыновъ завѣта Божія,—вы христіане по имени, а не въ существѣ. Къ чему ведетъ такая жизнь, можно усмотрѣть изъ другого апостольскаго изреченія: *миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихже кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. XII, 14). Яснѣе: имѣйте миръ со всѣми, имѣйте святость: а безъ мира и безъ святости никто не увидитъ Господа, то-есть, не достигнетъ вѣчнаго блаженства.

Итакъ, если мы небрежно и безпечно думаемъ, что намъ не быть святыми: то сами на себя пишемъ приговоръ не узрѣть Господа, быть чуждыми вѣчнаго блаженства.

„Мы люди грѣшные", говорятъ.—Кажется, эта истина неоспорима. Ибо, напротивъ того, *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ*. Но если мы называемъ себя грѣшниками, съ поверхностною мыслію, безъ сокрушенія сердца, безъ отвращенія отъ грѣха, съ безпечностію, съ лукавымъ подразумѣваніемъ, что въ томъ же должны признаться и всѣ прочіе, и что слѣдовательно намъ и не стыдно признаваться, и не опасно послѣ признанія оставаться такими же, какими были до признанія: такое признаніе грѣховности, конечно, не поведетъ къ святости; и въ этомъ случаѣ даже говоря истину, яко грѣхъ имамы, *себе прельщаемъ, истины нѣсть въ насъ*, то-есть, въ нашемъ сердцѣ и въ нашей жизни, хотя и есть звукъ истины въ устахъ нашихъ. *Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, яко Христосъ Іисусъ пріиде въ міръ грѣшники спасти* (1 Тим. I, 15). Но мы обманываемся, если думаемъ, что спасемся, оставаясь грѣшниками. Спасаетъ Христосъ грѣшниковъ тѣмъ, что даетъ имъ средство сдѣлаться святыми.

„Какъ-нибудь спасемся покаяніемъ", говорятъ.—Да, покаяніе принадлежитъ къ числу средствъ спасенія, которыя преподаетъ Христосъ грѣшникамъ, когда проповѣдуетъ: *покайтеся и вѣруйте во* *евангеліе.* Но если мы думаемъ *какъ-нибудь покаяться,* какъ-нибудь спастися: то слишкомъ легко судимъ о дѣлѣ высокой важности. Угодитъ ли рабъ господину, если будетъ дѣлать его дѣло *какъ-нибудь,* а не какъ можно лучше?—Конечно, не угодитъ. Тѣмъ болѣе не угодитъ человѣкъ Богу, если только какъ-нибудь дѣлать будетъ *дѣло Божіе,* каково есть дѣло нашего спасенія. Притомъ совершенный учитель покаянія, Іоаннъ Креститель, сказуетъ, что истинное покаяніе требуетъ чего-то еще въ слѣдъ за собою. *Сотворите,* говоритъ, *плодъ, достойный покаянія* (Матѳ. III, 8). Покаяніе очищаетъ землю сердца отъ тернія, воздѣлываетъ, умягчаетъ; вѣра всѣваетъ въ нее сѣмя небесное; возрастаніе этого новаго растенія есть соблюденіе заповѣдей и дѣланіе добра, цвѣтъ его—духовное внутреннее просвѣщеніе, а зрѣлый, совершенный плодъ — святость. Надобно, чтобы пшеница достигла зрѣлости, дабы она внесена была въ житницу. Надобно, чтобы человѣкъ достигъ святости, дабы онъ введенъ былъ въ царствіе небесное.

Поистинѣ, если бы человѣческими только, естественными силами надлежало намъ достигать святости: то справедливо было бы отозваться, что это выше нашей возможности. Но когда для сего имѣемъ Божію благодать предваряющую, просвѣщающую, укрѣпляющую, содѣйствующую, охраняющую: никто не долженъ терять надежды достигнуть того, къ чему *Богъ и Отецъ Господа нашего І. Христа избра насъ въ Немъ прежде сложенія міра;* а Онъ избралъ насъ *быти намъ святымъ и непорочнымъ предъ Нимъ въ любви* (Еф. I, 3—4). (Изъ пропов. Филарета, митр. моск.; сн. Полный годичн. кругъ кратк. поуч. т. II, свящ. Гр. Дьяченко).

5. Примѣры того, насколько сильно ходатайство святыхъ.

Кто изъ васъ, православные христіане, сомнѣвается въ томъ, что святые Божіи могутъ исходатайствовать у Бога намъ грѣшнымъ тотъ или другой даръ?! Вотъ опредѣленіе восточной церкви: „Мы призываемъ святыхъ въ посредничество между Богомъ, чтобы они молили Его за насъ; призываемъ ихъ не какъ боговъ какихъ, но какъ друговъ Его, которые служатъ Ему, славословятъ Его и поклоняются Ему. Мы требуемъ помощи ихъ не потому, чтобы они могли помогать намъ собственною силою, но поелику ходатайствомъ своимъ они испрашиваютъ намъ отъ Бога благодать... Хотя святые сами по себѣ не познаютъ и не разумѣютъ молитвъ нашихъ, но познаютъ и слышатъ по откровенію Божію... Итакъ, справедливо мы почитаемъ ихъ и испрашиваемъ чрезъ нихъ помощь у Бога... Мы не воздаемъ имъ божеской чести, но молимъ ихъ, какъ братьевъ и друговъ нашихъ, чтобы испрашивали намъ, братіямъ своимъ, помощь у Бога и ходатайствовали за насъ предъ Богомъ“. (Правосл. исповѣд. церк. вост., ч. III. Отв. на вопр. 52). И не напрасны бываютъ иногда наши моленія святымъ Божіимъ. Вотъ тому примѣры.

Въ житіи св. апостола Варѳоломея, память коего празднуется 11 іюня, разсказывается слѣдующее. Преподобный Іосифъ пѣснописецъ питалъ особенное уваженіе къ памяти апостола Варѳоломея: онъ пріобрѣлъ часть мощей его, построилъ въ своей обители церковь во имя сего апостола и мощи положилъ въ новосозданномъ храмѣ, и нерѣдко сподоблялся видѣть во снѣ апостола. Ему хотѣлось украсить праздненство апостолу особенными пѣсньми, но онъ боялся—угодно ли это будетъ св. Варѳоломею; и вотъ, онъ сталъ усердно молиться Богу и св. апостолу, дабы подано было ему извѣстіе о томъ. Прошло 40 дней усердной и слезной молитвы преподобнаго, и вотъ, въ навечеріе праздника св. Варѳоломея преподобный Іосифъ увидѣлъ его въ алтарѣ, одѣяннаго въ бѣлыя ризы; апостолъ отдернулъ алтарную завѣсу и подозвалъ преподобнаго Іосифа. Когда тотъ подошелъ, св. Варѳоломей взялъ съ престола евангеліе, положилъ его на грудь Іосифа и сказалъ: „да благословитъ тебя десница всесильнаго Бога, и да истекутъ на языкъ твой воды небесной премудрости, да будетъ сердце твое сѣдалищемъ Св. Духа, пѣнія же твоя да усладятъ вселенную!“ Сказавши это, апостолъ сталъ невидимъ; преподобный же Іосифъ, исполненный неизреченной радости и ощутивши въ себѣ благодать премудрости, началъ составлять церковные пѣсни и каноны. Онъ не только составилъ каноны въ честь св. апостола Варѳоломея, но и въ честь Богородицы, св. Николая и другихъ святыхъ, за что и получилъ названіе „пѣснописца“ (изъ Чет.-Мин. 11 іюня).

А то вотъ еще примѣръ изъ жизни преподобнаго Θеодора Сикеота, память коего празднуется 22 апрѣля. Однажды этому святому пришлось впасть въ тяжкую болѣзнь, такъ что онъ отчаялся въ жизни: онъ увидѣлъ уже святыхъ ангеловъ, пришедшихъ за его душою; поэтому онъ плакалъ и рыдалъ, считая себя не приготовленнымъ къ смерти. Надъ головою же преподобнаго висѣла инока святыхъ безсребрениковъ Космы и Даміана. Тѣ явились ему во снѣ и, осязавши ручныя жилы его (по-нашему—пульсъ), долго разговаривали между собою, какъ бы не ручаясь за благопріятный исходъ болѣзни преподобнаго. Потомъ безсребреники спросили больного: „о чемъ ты, братъ, плачешь и скорбишь?“—„А о томъ,—отвѣчалъ преподобный,—что я не покаялся Богу и не устроилъ вполнѣ стадо свое“. Тогда святые врачи спросили его: „хочешь ли, мы умолимъ за тебя Бога, да продолжитъ Онъ тебѣ время жизни?“ Больной отвѣчалъ: „если вы это сотворите, то многихъ благъ будете виновники и пріобрящете мзду за мое покаяніе“. Святые безсребреники, обратившись къ ангеламъ, попросили ихъ подождать немного, пока они сходятъ къ Царю и Богу и умолятъ Его о Θеодорѣ. Ангелы обѣщались подождать, а святые Косма и Даміанъ пошли ко всесильному Царю Христу Богу и умолили Его о приложеніи лѣтъ жизни преподобному Θеодору, и скоро возвратились, имѣя посреди себя юношу, подобнаго ангеламъ, но гораздо свѣтлѣйшаго ихъ. Этотъ юноша сказалъ ангеламъ: „оставьте Θеодора въ живыхъ: о немъ умоленъ общій всѣхъ Владыка и Царь славы“. И тотчасъ святые ангелы съ пресвѣтлымъ тѣмъ юношею отошли на небо, а святые безсребреники Косма и Даміанъ сказали Θеодору: „встань, братъ, и внимай себѣ и стаду своему, ибо благій и милостивый Владыка нашъ принялъ наши молитвы о тебѣ“. Преподобный всталъ съ одра, а святые безсребренники стали невидимы. (Чет.-Мин. 22 апр.).

Наконецъ, кто изъ насъ не знаетъ и не чтитъ св. Николая чудотворца, нашего усерднаго молитвенника и превеликаго въ бѣдахъ заступника? Сколько разъ являлся онъ къ просящимъ у него помощи то въ сонномъ видѣніи, то наяву. Вотъ, напримѣръ, былъ какой случай. Одинъ греческій воевода, по имени Петръ, попалъ однажды въ плѣнъ къ сарацинамъ и заключенъ былъ въ темницу. Здѣсь онъ роπталъ не столько на горькую участь свою, сколько на самого себя. „Былъ со мною,—говорилъ онъ,—подобный случай, и я просилъ св. Николая избавить меня отъ враговъ, обѣщаясь принять въ Римѣ иночество. Онъ исполнилъ мою просьбу: избавилъ меня отъ плѣна, а я, неблагодарный, забылъ свое обѣщаніе,—и вотъ за это страдаю здѣсь. Но, угодниче Христовъ! Спаси меня, и я непремѣнно исполню свое обѣщаніе“. Святитель Николай явился ему во снѣ и сказалъ: „я услышалъ твою молитву, но Богъ еще отлагаетъ твое избавленіе. Впрочемъ, ты не унывай и не переставай молиться: толцыте, сказано, и отверзется вамъ“. Спустя нѣсколько времени, угодникъ Божій опять является ему и говоритъ: „я молилъ о тебѣ Бога, но не знаю, какъ Онъ благоволитъ. Впрочемъ, я укажу тебѣ достойнѣйшаго молитвенника, это — Симеонъ Богопріимецъ. Проси его безпрестанно: онъ силенъ предъ Богомъ и вмѣстѣ съ Пресвятою Богородицею и св. Іоанномъ Крестителемъ стоитъ ближе всѣхъ къ престолу Божію“. Наконецъ, онъ является ему уже наяву, и не одинъ, а съ праведнымъ Симеономъ, и оба говорятъ: „мужайся, Петръ, и призывай Господа въ скорби“. Потомъ взяли съ него клятву, что онъ исполнитъ обѣщаніе; затѣмъ Симеонъ прикоснулся посохомъ къ оковамъ его, и онѣ распались, вывелъ его изъ темницы, и Петръ получилъ полную свободу. Въ то же время святитель Николай явился римскому первосвященнику, держа за руку Петра, разсказалъ ему исторію его, велѣлъ постричь его въ монашество и сдѣлался невидимъ. Когда Петръ явился къ римскому первосвященнику, то послѣдній тотчасъ узналъ его и разсказалъ ему, что слышалъ о немъ отъ самого святителя. Принявъ иноческое званіе, Петръ въ великихъ подвигахъ провелъ всю остальную жизнь на Аθонѣ. Память его празднуется 12 іюля.

О пр. Вассіанѣ повѣствуется слѣдующее. Въ городъ Равенну, гдѣ жилъ угодникъ Божій, пришло отъ царя повелѣніе казнить одного чиновника, по имени Виθимнія, невинно оклеветаннаго; его тотчасъ взяли, заключили въ оковы и привели на мѣсто казни. Не сознавая за собою никакой вины, Виθимній вспомнилъ угодника Божія Вассіана и, преклонивъ главу подъ сѣкиру палача, молился: „угодниче Божій! Благодатію, данною тебѣ отъ Бога, будь мнѣ нынѣ помощникомъ“. И что же? Едва только палачъ поднялъ сѣкиру, она вырвалась изъ рукъ и упала на землю. Утвердивши въ рукахъ смертоносное орудіе, исполнитель казни опять хотѣлъ ударить, но сѣкира вторично выпала изъ его рукъ, и въ третій разъ случилось то же. Градоначальникъ, подозрѣвая въ въ этомъ намѣренную измѣну своему долгу со стороны палача, призвалъ другого для совершенія казни, но и у этого сѣкира тоже троекратно вырывалась изъ рукъ. Народъ, бывшій свидѣтелемъ столь необычайнаго происшествія, позналъ въ этомъ невидимое Божественное покровительство осужденному и требовалъ его освобожденія. Когда донесено было царю о случившемся, и царь приказалъ произвести строгое слѣдствіе о виновности Виѳимнія, то оказалось, что онъ былъ жертвою клеветы. Царь велѣлъ его освободить и возвратить ему всѣ его чины и достоинства. Виѳимній всенародно прославилъ угодника Божія, Вассіана, котораго молитвами былъ избавленъ отъ напрасной смерти.

Итакъ, внимая съ живою, сердечною вѣрою всѣмъ этимъ сказаніямъ церковнымъ о небесномъ предстательствѣ за насъ угодниковъ Божіихъ, всегда готовыхъ помочь намъ и утѣшить насъ въ скорбныхъ обстояніяхъ жизни нашей, возблагодаримъ всемилостиваго Бога, дающаго намъ, земнороднымъ, чрезъ эти посредства святыхъ возвышаться въ дерзновеніи и силѣ нашей молитвы. „Господи! аще не быхомъ святыя Твоя имѣли молитвенники и благостыню Твою милующую насъ, како смѣли быхомъ, Спасе, пѣти Тя, Его же словословятъ непрестанно ангели!“ Отъ множества грѣховъ немощствуетъ тѣло, немощствуетъ и душа наша. Какъ тяжкіе преступники, мы не смѣли бы поднять очей своихъ къ престолу грознаго Судіи Бога, еслибы насъ не ободряла вѣра въ ходатайство за насъ святыхъ, которые, будучи приближены къ Богу, какъ друзья Его и таинники благодати Его (Іоан. XV, 15. Мѳ. XIII, 11), имѣютъ великую силу предъ Царемъ небеснымъ и въ то же время могутъ вполнѣ сострадать немощамъ нашимъ, будучи людьми подобострастными намъ и испытавшими всю тяготу жизни въ борьбѣ со грѣхомъ. Не будемъ же охладѣвать въ нашихъ молитвахъ предъ угодниками Божіими, особенно предъ тѣми, имена коихъ мы носимъ и коимъ посвящены храмы въ мѣстахъ жительства нашего. „Много бо можетъ молитва праведнаго споспѣшествуема“ (Іак. V, 16).

НЕДѢЛЯ 2-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 9-е, гл. IV, 18—23 ст.

1. Избраніе Господомъ первыхъ учениковъ.

Однажды, въ первый годъ Своего общественнаго служенія роду человѣческому, Іисусъ Христосъ проходилъ по берегу Галилейскаго озера. Онъ былъ тогда еще мало извѣстнымъ для міра проповѣдникомъ и только собиралъ вокругъ Себя первыхъ послѣдователей — Своихъ учениковъ. Увидѣвши двухъ юношей-братьевъ—Симона, называемаго Петромъ, и Андрея, закидывавшихъ въ море сѣти, Спаситель, какъ бы мимоходомъ, сказалъ имъ: „идите за Мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ“. Братья не стали разспрашивать своего Божественнаго повелителя, кто Онъ, какою силою приказываетъ имъ и куда поведетъ ихъ за Собою, но тотчасъ оставили свои сѣти и послѣдовали за Спасителемъ. Идя съ ними далѣе, Іисусъ Христосъ увидѣлъ еще двухъ братьевъ—Іакова и Іоанна, сидѣвшихъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Зеведеемъ въ лодкѣ и занимавшихся починкой сѣтей. Прозирающій сердца и утробы человѣческія, Сынъ Божій призвалъ и этихъ юношей; и они тотчасъ же съ полною готовностію откликнулись на призывавшій ихъ голосъ: оставили отца, лодку и сѣти и пошли за Іисусомъ. Вотъ евангельская исторія призванія къ апостольству первыхъ учениковъ Спасителя. Какъ, повидимому, она проста; но на самомъ дѣлѣ какъ поучительна она для насъ, христіанъ! Посмотри, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, какова была вѣра и послушаніе призванныхъ. Всѣ эти четыре человѣка были люди небогатые, снискивали себѣ пропитаніе рыбною ловлею и заняты были своимъ дѣломъ въ то время, какъ мимо ихъ проходилъ Спаситель. Однако всѣ они, какъ только услышали призваніе Спасителя, не замедлили, не отложили до другого времени, не сказали: вотъ мы сходимъ домой и посовѣтуемся съ родственниками, но, оставивъ все, послѣдовали за Нимъ въ ту же минуту.

Не всякій ли изъ насъ, исповѣдующихъ Бога и Христа, призванъ со дня своего крещенія къ послѣдованію за Христомъ? Не всякій ли долженъ стремиться къ небесной славѣ, по примѣру Христовыхъ апостоловъ, вслѣдъ за святыми угодниками Божіими, ублажаемыми св. церковію? Правда, мы не слышимъ изъ устъ Самого Спасителя призывающаго насъ голоса, какъ это было съ апостолами Петромъ и Андреемъ. Но этого достойны были только люди, которымъ предназначено было уловить вселенную, собрать изъ людей стадо Христово. Для насъ же вполнѣ достаточно и того призыва, который мы слышимъ въ переданныхъ намъ апостолами рѣчахъ и словахъ Спасителя. Кто слушаетъ въ храмѣ Божіемъ чтеніе евангелія, тотъ долженъ слушать его такъ, какъ будто бы говорилъ Самъ Іисусъ Христосъ. Нужно помнить, что въ церкви невидимо всегда присутствуетъ между нами Самъ Господь по непреложному Его обѣщанію: „гдѣ собраны будутъ двое или трое во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ“. Здѣсь, въ церкви Божіей, божественный голосъ Христа раздается во всемъ: и въ совершаемыхъ предъ нашими глазами священнодѣйствіяхъ, и въ чтеніи божественныхъ писаній, и пѣніи умилительныхъ церковныхъ пѣсней, и въ созерцаніи святыхъ иконъ. Все это говоритъ нашему сердцу, чтобы мы оставили пристрастіе къ суетѣ мірской, прилѣпились ко Христу и неотступно слѣдовали за Нимъ, исполняя Его святую волю. Какъ же мы относимся къ обращаемому къ намъ призыву Христа Спасителя? Слѣдуемъ ли за Нимъ, нашимъ Искупителемъ, такъ поспѣшно и безповоротно, какъ апостолы Петръ, Андрей, Іаковъ и Іоаннъ? Большинство изъ насъ, современныхъ христіанъ, правда, съ умиленіемъ и покорностію принимаютъ божественное призываніе ко спасенію, но отлагаютъ исполненіе спасительныхъ совѣтовъ съ часу на часъ, годъ отъ году, на неопредѣленное время. Мірскія удовольствія, житейскія нужды и грѣховныя привычки до того привязываютъ къ себѣ наши сердца, что изъ-за нихъ мы нерѣдко какъ бы совсѣмъ забываемъ законъ Христовъ, и не еже бо хощемъ доброе творимъ, но еже не хощемъ злое, сіе содѣваемъ. Какъ часто изъ-за какого-либо мелочного и ничтожнаго дѣла многіе рѣшаются и службу Божію опустить, а иногда и ближняго обидѣть. Размысливъ о всемъ этомъ, постараемся позаботиться объ исправленіи своей жизни, оставимъ свою обычную лѣность и косность въ дѣлѣ спасенія, потщимся проложить себѣ путь къ почестямъ горняго званія о Христѣ Іисусѣ. Господь хощетъ всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины пріити (1 Тим. II, 4). Онъ стоитъ при дверяхъ сердца каждаго изъ насъ и толчетъ, и если кто отверзетъ двери, — входитъ къ тому и вечеряетъ съ нимъ (Апок. III, 20). Что другое, какъ не призывъ Божій къ покаянію, означаютъ внезапно постигающія насъ несчастія въ этой жизни, страшныя явленія природы, случающіяся съ нами по временамъ, нежданныя милости или угрызенія нашей совѣсти? Посему, если кто услышитъ такой призывъ или изнутри себя, или откуда-либо со стороны, если кому придетъ мысль начать „жить по-божьи“, тотъ пусть немедленно приводитъ эту мысль въ исполненіе, тотъ пусть не отлагаетъ святой своей рѣшимости ни подъ какимъ предлогомъ, ни на одинъ день и часъ, но, „оставльше вся абіе“, слѣдуетъ за Христомъ. Не говори: вотъ поживу еще годъ для міра, вотъ устрою свои дѣла, а тамъ и примусь за угожденіе Богу. Нѣтъ, какъ поступили Симонъ и Андрей, услышавъ призывъ Спасителя, такъ должны поступать и мы. Они даже и сѣтей своихъ не прибрали, но просто бросили ихъ, такъ и мы должны немедля разстаться со всѣмъ, что стоитъ помѣхою на пути ко спасенію, отречься отъ мірскихъ узъ и удовольствій. (Сост. по „Воскресн. лист.“ № 176, изд. ред. „Воскр. дня“).

2. О послушаніи слову Христову.

Замѣчательно чудный примѣръ послушанія слову Божію показали намъ апостолы Христовы. Однажды Іисусъ Христосъ идетъ по берегу моря Галилейскаго, и вотъ видитъ Онъ двоихъ братьевъ, Симона и Андрея, закидывающихъ сѣти въ море. *Идите за Мною*, говоритъ Онъ имъ, *и Я васъ сдѣлаю ловцами человѣковъ*. И они тотчасъ, оставивъ сѣти, послѣдовали за Нимъ. Идутъ далѣе, и видитъ Іисусъ Христосъ еще двоихъ братьевъ, Іакова и Іоанна, сидящихъ въ лодкѣ съ отцомъ своимъ и занимающихся починкою сѣтей. И ихъ позвалъ. И они тотчасъ же, оставивъ лодку и отца своего, послѣдовали за Нимъ (Мѳ. IV, 18—22).

О, если бы и мы, христiане, были такъ же готовы къ слушанiю слова Божiя и исполненiю евангельскаго закона! Но, къ сожалѣнiю, какъ много мы приводимъ отговорокъ отъ того, чтобы не слѣдовать за Христомъ, не исполнять Его святого закона. Вотъ, напримѣръ, наступаетъ воскресный день или какой-нибудь праздникъ; раздается ударъ колокола, побуждающiй насъ оставить житейскiя дѣла и приглашающiй итти въ храмъ Божiй на молитву. Что же? Слушаемся ли мы зова нашей православной церкви? Къ сожалѣнiю, не всегда и не всѣ. „Заботы житейскiя одолѣваютъ насъ, — говорятъ нѣкоторые, — поэтому и некогда сходить въ храмъ Божiй“. Какая неразумная заботливость о насущныхъ потребностяхъ! Развѣ мы не знаемъ, что успѣхъ въ нашихъ дѣлахъ зависитъ отъ Бога?! Вотъ послушайте, что разсказывается въ прологѣ (9 iюля). Жили два сосѣда, и оба — портные; у одного было много дѣтей, да отецъ и мать — старики, и онъ безъ нужды кормилъ все семейство, при чемъ неопустительно каждый день и въ церковь ходилъ. Сосѣдъ его былъ искуснѣе его по работѣ и работалъ неустанно, даже въ воскресные дни, а въ церковь вовсе не ходилъ; однако и одного себя не могъ прокормить. И вотъ позавидовалъ этотъ послѣднiй первому и разъ говоритъ ему съ досадою: „и откуда это у тебя берется? Я работаю больше тебя, а живу, какъ нищiй“... Тотъ отвѣчалъ ему: „я хожу каждый день въ церковь и каждый разъ нахожу на дорогѣ по золотому, вотъ понемногу и разбогатѣлъ. Хочешь—я буду заходить за тобой, и что найдемъ, будемъ дѣлить пополамъ?“ Сосѣдъ охотно согласился и сталъ ходить съ нимъ въ церковь. И Богъ благословилъ его за это, и онъ скоро разбогатѣлъ. Тогда говоритъ ему добрый сосѣдъ: „видишь ли, братецъ, какъ полезно ходить въ церковь Божiю. Но повѣрь мнѣ: никакого золота я не находилъ на дорогѣ, а ходилъ въ храмъ Божiй просто потому, что вѣдь Самъ Богъ обѣщалъ: „ищите прежде царства небеснаго, а все прочее вамъ приложится“. Самъ видишь—я не солгалъ: и тебѣ Богъ приложилъ за твое усердiе къ храму Божiю“.—„Дома помолюсь“, говорятъ нѣкоторые. А знаютъ ли такiе, что одно „Господи, помилуй“, произнесенное въ церкви съ обществомъ вѣрующихъ, стоитъ цѣлой сотни земныхъ поклоновъ домашней молитвы? Церковь постановила въ праздники быть въ храмѣ Божiемъ, и надобно ея слушаться, а не мудрствовать по-своему: „дома помолюсь“. Вотъ слушайте разсказъ одного благочестиваго воина о нѣкоемъ купцѣ. Онъ былъ человѣкъ добрый, радъ, бывало, бѣдному послѣднюю копейку отдать. Но не любилъ онъ ходить въ церковь, хотя и былъ очень набожный человѣкъ. „Все равно,—такъ разсуждалъ онъ,—дома ли помолиться, или въ церкви: Богъ-то одинъ. Во время службы что-нибудь сдѣлаю, а вечеромъ передъ сномъ и помолюсь получше“. И идетъ, бывало, во время службы, лѣтомъ — въ поле, посмотрѣть посѣвы и хлѣба, а зимою — кое-что по дому дѣлаетъ. Разъ, въ Петровъ день, онъ пошелъ въ поле, а ужъ отзвонили ко всенощной. Вечеръ былъ прекрасный; какъ вдругъ изъ-за лѣса надвинулась черная туча, полилъ дождь, грянулъ страшный громъ, и молнiя сверкнула въ двухъ шагахъ отъ купца... На этотъ разъ Богъ помиловалъ его: онъ остался невредимъ. Въ другой разъ во время обѣдни, въ праздникъ Воздвиженiя креста Господня, онъ зашелъ въ лѣсную сторожку, и едва успѣлъ затворить за собою дверь, какъ за нимъ въ сѣняхъ рухнулъ потолокъ... И тутъ Господь сохранилъ его; но онъ не вразумился и по-прежнему не ходилъ въ церковь, хотя прiятель его часто уговаривалъ. Наконецъ, Господь наставилъ его на истинный путь. Наступилъ праздникъ св. Троицы. Купецъ былъ въ городѣ, гдѣ получилъ изъ банка свои трудовыя денежки, чтобы переложить ихъ въ другой банкъ. Заблаговѣстили ко всенощной, а купецъ рѣшилъ поѣхать домой. Знакомые его уговаривали: „куда ты поѣдешь? Завтра праздникъ большой, сходилъ бы въ церковь, помолился—спѣшить некуда“. Но онъ не послушался: „дома,—говоритъ,—помолюсь, а по холодку-то и ѣхать лучше“. И поѣхалъ. Ѣдетъ и поетъ божественное; между тѣмъ небо покрылось облаками, пошелъ дождь, стало темнѣть. Въѣхалъ онъ въ лѣсъ,—вдругъ кто-то ухватилъ его лошадь и закричалъ: „стой!“ Отъ испуга онъ не могъ и пошевельнуться. На него набросились нѣсколько человѣкъ, стащили съ телѣги, а что дальше было—онъ ничего не помнитъ. Очнулся и видитъ, что уже свѣтло; лошади нѣтъ, самъ раздѣтъ, по мѣстамъ течетъ кровь, не можетъ и пальцемъ шевельнуть, и чувствуетъ, что его начинаетъ трясти лихорадка. Вотъ тутъ-то онъ и обратился къ Богу съ горячею покаянною молитвою: „Господи! грѣшникъ я,—не посѣщалъ святого Твоего жилища; прости мнѣ, милосердый Отецъ, не дай умереть, какъ псу!.. Буду, непремѣнно буду ходить въ церковь!“ Послѣ этой молитвы опять онъ сдѣлался безъ памяти и очнулся уже въ домѣ своего пріятеля, который нашелъ его случайно въ этотъ день и привезъ домой. Полгода прохворалъ купецъ, но ни разу не возропталъ на Господа Бога; все молился и говорилъ: „я этого не стою: слава Тебѣ, Господи!“ А выздоровѣлъ—сталъ усердно въ церковь ходить: пойдетъ еще до благовѣста, а выйдетъ послѣднимъ; стоитъ—молится, а у самого слезы такъ и льются. Прошелъ годъ, насталъ опять Троицынъ день. Пошелъ купецъ ко всенощной и слезно, усердно молился, чтобы Господь пристроилъ его куда-нибудь: не все же на чужомъ хлѣбѣ жить. Приходитъ отъ всенощной, - подаютъ ему письмо. И отъ кого бы, думаете, это письмо было? Отъ того, кто ограбилъ его годъ тому назадъ и оставилъ безъ куска хлѣба. И пишетъ этотъ недобрый человѣкъ, что его совѣсть замучила, что онъ не можетъ больше держать у себя его денегъ и желаетъ ихъ возвратить сполна хозяину... Прочиталъ купецъ письмо, заплакалъ, упалъ на колѣни передъ образомъ Спасителя и сталъ молиться... Деньги были ему возвращены, и онъ поправилъ свои дѣла. Нужно ли говорить, что послѣ такой милости Божіей онъ сталъ еще усерднѣе къ церкви Божіей, къ службѣ церковной (см. „Троиц. Лист.“, № 336). Итакъ, христіане, слушайтесь же голоса своей матери — церкви: ходите въ храмъ Божій!

Далѣе, пастыри церкви часто увѣщеваютъ христіанъ оставить грѣховную жизнь и начать новую, согласно съ евангельскимъ закономъ. Что же, слушаемся ли мы голоса ихъ? Къ сожалѣнію, или мало или совсѣмъ не слушаемся. А между тѣмъ послушайте, какъ благотворно дѣйствуетъ возвѣщаемое пастырями слово Божіе на душу грѣшника. Слышали, можетъ-быть, про нашего русскаго святого, преподобнаго Никиту столпника? Кто онъ раньше былъ? Онъ родился и воспитывался въ городѣ Переяславлѣ (Залѣсскомъ), владимірской губерніи. Когда пришелъ онъ въ совершенный возрастъ, то сталъ другомъ мытарей, съ ними вмѣстѣ хлопоталъ около судей и наносилъ много огорченій и обидъ людямъ невиннымъ; собирая неправедную мзду, онъ этимъ кормилъ себя и жену. Такъ проведено имъ много лѣтъ. Разъ вошелъ онъ въ церковь и услышалъ слова пророка Исаіи: *измыйтеся и чисты будете, отъимите лукавство отъ душъ вашихъ.* Слова эти поразили его: цѣлую ночь провелъ онъ безъ сна; неправды, какъ камень, лежали на сердцѣ его. На утро вышелъ онъ къ пріятелямъ своимъ и, чтобы развлечь себя, пригласилъ ихъ къ себѣ на вечеръ. Накупивъ нужное для угощенія, онъ приказалъ женѣ готовить. Но та, когда стала варить, увидѣла сперва кровь поверхъ воды, потомъ то голову, то другую часть человѣческаго тѣла. Въ ужасѣ сказала она о томъ мужу. Тотъ пришелъ и увидѣлъ то же самое. „Горе мнѣ, много согрѣшившему!“ — сказалъ Никита и, не говоря болѣе ни слова, вышелъ изъ дома и предался тяжкимъ подвигамъ на столпѣ („Уроки хр. вѣры“, свящ. Дьяченко). *Слово Божіе есть сѣмя,* — сказалъ Спаситель (Лук. VIII, 11), а отъ сѣмени, какъ въ природѣ видимой, такъ и въ природѣ души нашей не тотчасъ является плодъ. Но рано или поздно *глаголъ Божій,* по слову св. писанія, не остается *тощъ и безплоденъ.*

„Погодимъ еще слѣдовать евангельскому ученію, хоть годокъ, хоть денекъ,—поживемъ еще для себя, а тамъ уже и для Бога“, такъ говорятъ нѣкоторые. Какое малодушіе! Какъ будто бы черезъ годъ или два легче будетъ разставаться со своими грѣховными привычками! Не наоборотъ ли,—не гораздо ли труднѣе?! Вотъ что разсказываетъ преподобный отецъ нашъ Дороѳей. Одинъ великій старецъ прохаживался съ учениками своими на мѣстѣ, гдѣ были различные кипарисы, большіе и малые. Старецъ сказалъ одному изъ своихъ учениковъ: „вырви этотъ кипарисъ“. Кипарисъ же тотъ былъ малъ, и братъ тотчасъ одною рукою вырвалъ его. Потомъ старецъ показалъ ему на другой, большій перваго, и сказалъ: „вырви и этотъ“. Братъ раскачалъ его обѣими руками и выдернулъ. Опять показалъ ему старецъ другой, еще большій, но братъ хотя много трудился и потѣлъ, однако не могъ его вырвать. Тогда старецъ велѣлъ другому брату встать и помочь ему, и только оба вмѣстѣ едва могли вырвать его. И сказалъ старецъ братьямъ: „вотъ такъ и страсти, или грѣховныя влеченія: пока онѣ малы, то, если пожелаемъ, легко можемъ исторгнуть ихъ изъ сердца; если же вознерадимъ о нихъ, то онѣ укрѣпляются, и чѣмъ больше укрѣпляются, тѣмъ большаго требуютъ отъ насъ труда; а когда очень укрѣпятся въ насъ, тогда даже и съ трудомъ мы не можемъ одни исторгнуть ихъ изъ себя, ежели не получимъ помощи отъ нѣкоторыхъ святыхъ, помогающихъ намъ по Богѣ". Итакъ, христіане, не задумывайтесь ни предъ чѣмъ, не оправдывайтесь и не откладывайте добраго начинанія на неопредѣленное время. А лишь только услышите голосъ церкви, или пастыря ея, зовущій васъ на какое-либо доброе дѣло, тотчасъ же бросайте все и принимайтесь за это дѣло. Посмотрите, какъ апостолы Симонъ и Андрей поступили, услышавши призывъ Спасителя: они даже и сѣтей не прибрали, а просто бросили ихъ и пошли за І. Христомъ

3. Всякому доброму начинанію покровительствуетъ Самъ Богъ и Его святые.

„Безъ Бога—ни до порога",—говоритъ древняя поговорка. Дѣйствительно, что мы, немощные, можемъ сдѣлать безъ помощи Творца, Вседержителя и Промыслителя Бога?! Онъ — нашъ Творецъ, давшій намъ дыханіе и жизнь; Онъ — нашъ Промыслитель, заботящійся о всемъ, что нужно намъ въ жизни, и особенно о томъ, что ведетъ насъ ко спасенію. *Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе* (напрасно) *трудятся зиждущіе,* говорится въ словѣ Божіемъ (Псал. CXXVI, 1). Однажды, апостолы Христовы трудились надъ рыбною ловлею всю ночь и улова не было. Пришелъ къ нимъ Божественный Учитель и приказалъ закинуть сѣть... И въ какой-нибудь часъ, или того меньше, уловъ настолько былъ великъ, что апостолы съ трудомъ вытащили сѣть, и отъ множества рыбъ стали даже тонуть лодки. Отчего зависѣлъ такой удачный ловъ? Отъ благословенія Божія. „Мы трудились всю ночь и ничего не поймали", говорили апостолы Спасителю. Трудятся всѣ, трудятся съ усердіемъ, но все слышатся жалобы на то, что трудъ ихъ напрасенъ. Отчего это? А оттого, что трудъ ихъ предпринятъ безъ благословенія Божія.

Господь Богъ любитъ всякое доброе начинаніе и, если обращаются къ Нему съ молитвою, покровительствуетъ этому намѣренію. Возьмемъ примѣръ изъ жизни св. Петра, митрополита московскаго, память коего празднуется 21 декабря.

Св. Петръ былъ родомъ изъ Волыни. По достиженіи семилѣтняго возраста, онъ былъ отданъ въ наученіе книжное; но, какъ ни старался молодой ученикъ, ученіе шло неуспѣшно. Это сильно печалило его и родителей. Юный отрокъ сталъ усердно молиться Богу, чтобы Онъ даровалъ ему даръ премудрости. И вотъ однажды, во снѣ, Петръ видитъ мужа, одѣтаго въ святительскія одежды, который, ставши близъ него, сказалъ: „чадо, открой уста свои!" Недоумѣвающій отрокъ исполнилъ приказаніе. А между тѣмъ, явившійся прикоснулся языка его и, благословивъ, какъ бы влилъ нѣкоторую сладость въ уста его. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ преуспѣвать въ ученіи паче (больше) всѣхъ сверстниковъ своихъ. Поступивши на двадцатомъ году въ иноки и прошедши всѣ ступени послушанія, св. Петръ достигъ сана московскаго митрополита и былъ основателемъ Успенскаго собора, гдѣ мощи его и понынѣ нетлѣнно почиваютъ и подаютъ множество исцѣленій.

Не ясно ли отсюда, что Богъ покровительствуетъ доброму намѣренію?

Святые Божіи, будучи подражателями человѣколюбія Божія, также оказываютъ свое покровительство всѣмъ, ищущимъ добраго познанія и обращающимся къ нимъ за помощью. Извѣстно, что къ св. безсребреникамъ и чудотворцамъ Космѣ и Даміану прибѣгаютъ многіе родители съ дѣтьми предъ началомъ ученія и экзаменовъ. И не тщетна бываетъ молитва ихъ и надежда на помощь св. безсребрениковъ. Вотъ что недавно разсказывалось въ одномъ духовномъ журналѣ по этому поводу. Въ 1895 году въ г. Перми было совершено посвященіе во діакона бывшаго мирового судьи Н. Бабина. По окончаніи литургіи новопосвященный произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ что побудило его совершить переходъ изъ свѣтскаго званія въ духовное. „Родился я, — говорилъ, между прочимъ, новопосвященный, — больнымъ и часто лежалъ чуть не при смерти; но, благодаря молитвамъ моего отца-священника и частому причащенію Св. Таинъ, я исцѣлился отъ болѣзни. Слабость моя послѣ болѣзни была, однако, такъ велика, что учить меня начали лишь на десятомъ году; но, несмотря на стараніе и прилежаніе, учился я плохо. Мучась сознаніемъ своей неспособности, я жаловался своему отцу, который велѣлъ мнѣ молиться св. безсребреникамъ Космѣ и Даміану, туне (даромъ) пріявшимъ и туне дающимъ исцѣленія. Слушая наставленіе отца и узнавъ, что въ смежномъ съ моею родиной селѣ церковь посвящена въ честь угодниковъ Божіихъ Космы и Даміана, я разъ до пяти, по собственному своему желанію и усердію, совершалъ за 17 верстъ впередъ и обратно путешествіе пѣшкомъ въ это село и тамъ въ церкви съ теплою дѣтскою молитвой ставилъ свѣчи, служилъ молебны и усердно просилъ св. угодниковъ о ниспосланіи мнѣ способности къ ученію. И вотъ — дивное чудо! — вскорѣ, поступивъ въ духовное училище, я, къ удивленію своему, родителей и знакомыхъ, сталъ быстро учиться, догналъ своихъ товарищей по ученію и во второй классъ былъ переведенъ вторымъ ученикомъ, а въ третій... уже первымъ. Блистательно окончилъ я курсъ въ семинаріи и отлично прошелъ университетъ...“

Такъ, христіане, не напрасна бываетъ наша молитва Богу и святымъ Его передъ началомъ каждаго добраго дѣла!

Поэтому, приступая къ какому-либо доброму дѣлу, всегда обращайся предварительно съ молитвою къ Богу, и Онъ благословитъ твое благое начинаніе.

Вздумалъ, напр., ты отдать своего сына или дочь въ школу, — прежде всего помолись Богу, чтобы Онъ далъ имъ премудрость и силу къ продолженію ученія на пользу церкви и отечества. Намѣреваешься ты построить домъ, опять обратись къ Богу, помощнику во всѣхъ нашихъ дѣлахъ. Хочешь ты открыть какое-либо торговое дѣло, — также обращайся къ Богу, Который любитъ честныхъ и добрыхъ торговцевъ, и Онъ поможетъ тебѣ въ добромъ предпріятіи. Рѣшился ты женить своего сына или выдать замужъ свою дочь, — опять молись Богу: Онъ покровитель всякаго честнаго супружества. Вообще, во всякомъ благомъ дѣлѣ или намѣреніи Богъ покровительствуетъ намъ. Не даромъ поэтому наша многопопечительная мать — св. церковь предусмотрѣла всѣ эти случаи. Слушайтесь же голоса св. церкви и знайте, что доброму намѣренію покровительствуетъ Самъ Богъ и Его святые! (См. „Воскресн. лист.“ № 663).

4. Никакой честный трудъ не унизителенъ [1].

Многіе изъ христіанъ, которымъ Богъ опредѣлилъ низкій, по понятіямъ человѣческимъ, трудъ, ропщутъ на свое занятіе, бываютъ часто недовольны своимъ положеніемъ и сплошь да рядомъ завидуютъ лицамъ знатнымъ и богатымъ. Но... помните слова апостола: *каждый поступай такъ, какъ Богъ ему опредѣлилъ и какъ Господь призвалъ* (1 Кор. VII, 17). Всякій полезный трудъ, хотя бы и черный, честенъ и Богу угоденъ. Самъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, живя въ домѣ Іосифа-плотника, несомнѣнно занимался этимъ ремесломъ, потому что онъ былъ въ полномъ *повиновеніи* у родителей (Лук. II, 51). Апостолы питались также отъ трудовъ рукъ своихъ; такъ, ап. Павелъ занимался дѣланіемъ палатокъ, а другіе апостолы, напр., Петръ, Іоаннъ, занимались рыболовствомъ. Пресвятая Дѣва Марія занималась рукодѣліемъ. И святые угодники Божіи многіе занимались также чернымъ трудомъ: одни воздѣлывали землю, другіе плели корзины, третьи рубили дрова и т. п. Возьмемъ въ примѣръ св. Александра, епископа команскаго, память коего празднуется 12 августа. Кто онъ былъ?

Александръ происходилъ отъ знатныхъ родителей и получилъ блестящее образованіе: онъ зналъ не только христіанскую мудрость, но и языческую и слылъ за философа. По своему образованію онъ могъ бы занимать видную должность и пользоваться большимъ почетомъ въ обществѣ, но его святая душа искала вышнихъ почестей; онъ избралъ высшій христіанскій подвигъ — самовольную нищету: по глубокому христіанскому смиренію онъ рѣшился на жизнь самую простую, по понятіямъ людей чуть не позорную, — онъ сталъ угольщикомъ: выжигалъ угли въ лѣсу и носилъ ихъ въ городъ для продажи, чѣмъ и прокармливался. По своему занятію онъ всегда являлся чернымъ, грязнымъ, въ заплатанной одеждѣ. Мало-по-малу забыли объ Александрѣ, какъ философѣ, и знали его только, какъ угольщика. Теперь по временамъ и малыя дѣти надъ нимъ издѣвались, но Александръ не обращалъ на это никакого вниманія. Въ такомъ положеніи думалъ онъ и окончить жизнь свою, но Промыслъ Божій судилъ о немъ иначе.

---

[1] Примѣнительно къ 18 и 21 ст. IV гл. еванг. Матѳея.

Въ городѣ Команахъ, въ Малой Азіи, умеръ епископъ. Для выбора епископа собрались въ Команы пресвитеры и окрестные епископы; приглашенъ былъ сюда въ званіи предсѣдателя и епископъ неокесарійскій Григорій-чудотворецъ, славившійся своею духовною опытностію. Когда избиратели стали указывать то на того, то на другого, какъ на достойнаго преемника почившему, имѣя въ виду то знатность рода, то богатство, то даръ краснорѣчія, то почтенныя лѣта избираемаго, Григорій-чудотворецъ въ свою очередь замѣтилъ, что при выборѣ епископа нужно обращать вниманіе главнымъ образомъ на внутреннія качества, на доброту сердца и на указаніе Божіе, доказывая свою мысль извѣстнымъ событіемъ изъ ветхозавѣтной исторіи, а именно, избраніемъ въ цари младшаго сына Іессея — Давида, бывшаго пастухомъ овецъ у отца своего. Мысль святителя не понравилась нѣкоторымъ избирателямъ; они стали роптать на предложеніе святого и съ насмѣшкой высказывались: если при выборѣ епископа не обращать вниманія на внѣшность, то ужъ не избрать ли имъ епископомъ команскимъ угольщика Александра? А Александръ въ это время стоялъ тутъ же въ толпѣ народа. „А кто же такой этотъ Александръ?“ спросилъ Григорій неокесарійскій, подумавши въ себѣ: не указаніе ли это Божіе на достойнаго избранника. Александръ былъ позванъ въ такомъ видѣ, въ какомъ и былъ, — черный, грязный, въ изорванной и заплатанной одеждѣ. Избиратели, смотря на него, едва удерживались отъ смѣха. Угольщикъ между тѣмъ не обращалъ на это никакого вниманія и держалъ себя предъ собраніемъ вполнѣ благопристойно. Замѣтивши въ немъ высокую душу, прозорливый святитель Григорій отвелъ его въ сторону и подъ клятвою сталъ разспрашивать объ его прежней жизни. Александръ не могъ не открыться предъ великимъ, уважаемымъ святителемъ; и Григорій-чудотворецъ убѣдился въ справедливости своего предположенія относительно этого человѣка и въ указаніи на него свыше. Александръ оказался много свѣдущимъ и въ христіанскомъ законѣ, а главное, по высотѣ своей жизни оказался рѣдкимъ христіаниномъ. Предложивши ему омыться, переодѣться и явиться на соборъ, св. Григорій опять пошелъ на совѣщаніе. Чрезъ нѣсколько времени явился въ собраніе и Александръ; его теперь едва узнали тѣ, которые прежде надъ нимъ смѣялись. Стали предлагать Александру нѣкоторые вопросы, — онъ отвѣчалъ такъ разумно, что нельзя было не удивляться его отвѣтамъ. Тогда собраніе общимъ голосомъ избрало Александра епископомъ команскимъ. Александръ скоро прошелъ низшія должности іерархическія и, наконецъ, былъ хиротонисанъ во епископа. По обычаю, новопоставленный епископъ долженъ былъ сказать народу поучительное слово. Когда сталъ говорить поученіе епископъ Александръ, то слушатели всѣ пришли въ восторгъ и умиленіе отъ простоты и задушевности поученія. Но вотъ, нашелся одинъ философъ изъ жителей г. Команъ, который посмѣялся надъ простотою поученія святителя-философа, и Господь вразумилъ его видѣніемъ: онъ увидѣлъ стадо бѣлыхъ, очень красивыхъ голубей, блистающихъ какимъ-то особеннымъ свѣтомъ, и услышалъ голосъ: „вотъ — слова Александра-епископа, надъ которыми ты смѣялся“. Послѣ этого видѣнія юный философъ образумился и, пришедши къ епископу Александру, раскаялся въ своемъ прегрѣшеніи. Между тѣмъ, Александръ на епископской каѳедрѣ все время былъ достойнымъ святителемъ, подавая въ своей жизни образецъ вѣрнымъ и словомъ и дѣломъ. Съ честію, славою и великою пользою святительствовалъ Александръ въ своей команской паствѣ, пока, наконецъ, за открытое и твердое исповѣданіе вѣры не былъ схваченъ врагами христіанства и послѣ разныхъ пытокъ былъ сожженъ. Такъ мученически кончилъ свою жизнь епископъ Александръ, бывшій раньше угольщикомъ!

Этотъ примѣръ ясно говоритъ каждому изъ насъ, что никакой трудъ не унизителенъ; поэтому, если кому изъ васъ, христіане, суждено нести нелегкій трудъ черный, — не ропщите на Бога и на свое положеніе. Всякое званіе хорошо, если самъ будешь хорошъ, и наоборотъ — всякое званіе будетъ дурно, если самъ будешь дуренъ, т.-е. если будешь и лѣнтяемъ, и пьяницей, и воромъ, однимъ словомъ — негоднымъ человѣкомъ.

А вы, кому Господь судилъ занимать высшія должности, не унижайте своего собрата за то, что онъ живетъ въ бѣдности и простотѣ. Развѣ вы знаете душу того, предъ кѣмъ вы кичитесь? Можетъ-быть, душа его въ нѣсколько разъ совершеннѣе души вашей. А по чему, собственно, и нужно цѣнить человѣка, какъ не по его душевнымъ качествамъ? Золото скрывается, какъ извѣстно, въ земляныхъ глыбахъ, и драгоцѣнные камни – въ твердой землистой корѣ. Не скрываются ли подобнымъ образомъ иногда и драгоцѣнныя качества души подъ оболочкою бѣдности и простоты,— подъ нищенскими рубищами, какъ это видно изъ жизни св. Александра, епископа команскаго?

5. Избраніе во епископа совершается по волѣ Божіей [1]).

(Разсказъ о своемъ дѣтствѣ св. Іоны, архіепископа новгородскаго).

„Я остался сиротою, такъ разсказывалъ св. Іона, въ мірѣ Іоаннъ, послѣ отца семи лѣтъ, а послѣ матери 3 лѣтъ. Богъ положилъ на сердце вдовицѣ Наталіи, матери Якова Дмитріевича Медоварцева: взяла она меня въ свой домъ, кормила и одѣвала, и отдала меня дьяку учиться грамотѣ. Въ училищѣ было множество учащихся; я отъ бѣдности былъ тихій. Въ одинъ день дѣти играли послѣ вечерни; идетъ по улицѣ блаженный мужъ; дѣти, кинувшись на него, бросали въ него камешки и въ глаза соръ, а я стоялъ, не трогаясь съ мѣста. Блаженный, оставивъ дѣтей, прибѣжалъ ко мнѣ, взялъ меня за волосы, поднялъ выше себя и, вовсе не зная меня, назвалъ меня по имени: „Ванюша! сказалъ онъ, учись грамотѣ, быть тебѣ въ Новгородѣ архіепископомъ“; потомъ обнялъ меня и убѣжалъ“. Это былъ блаженный Михаилъ Клопскій.

Въ зрѣлыхъ лѣтахъ Іоаннъ удалился въ Отню пустынь, за пятьдесятъ верстъ отъ Новгорода; пустынь была тогда бѣдная. Здѣсь Іоаннъ принялъ постриженіе съ именемъ Іоны. За жизнь чистую и подвижническую, братія, по смерти основателя пустыни Харитона, избрали Іону въ игумена. Въ 1458 году новгородцы избрали ревностнаго игумена Іону въ архіепископа Новгороду, и въ февралѣ 1459 г. онъ посвященъ былъ въ Москвѣ первосвятителемъ Іоною.

Изъ этого разсказа читатель, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ тотъ выводъ, что избраніе во епископа, предсказанное за много лѣтъ прозорливымъ Христа ради юродивымъ, совершается не по волѣ человѣческой, а Божіей. (См. кн. „Русскіе святые, чтимые всею церковію или мѣстно“, Филарета, архіеп. черниг., ч. III. Спб. 1882 г. стр. 308—310).

6. Опасно оскорблять священника.

Вотъ весьма поучительный разсказъ одного священника: „отецъ мой, говоритъ этотъ пастырь, долго священствовалъ при Андреевской церкви, въ которой и я служу съ 1824 года; онъ передалъ мнѣ слѣдующее очевидное доказательство той истины, что оскорблять священника опасно. Въ его приходѣ (изъ малороссійскихъ казаковъ) былъ нѣкто Максимъ, человѣкъ характера строптиваго, а особенно, когда выпивалъ, что случалось съ нимъ къ несчастію нерѣдко. Отецъ мой по обязанности пастыря при всѣхъ удобныхъ случаяхъ увѣщевалъ его исправиться и бросить пить. Въ одно время, видя этого Максима опять безчинствующаго въ пьяномъ видѣ, онъ сдѣлалъ ему замѣчаніе: „какъ ты, Максимъ, нехорошо дѣлаешь, какъ грѣшишь!“ Но Максимъ, вмѣсто того, чтобы послушаться наставленій, наговорилъ моему отцу много грубостей и бранныхъ словъ, а на замѣчаніе моего отца: „да я же твой духовникъ“, сказалъ: „да щобъ я тебѣ не бачивъ, якъ и умирать буду“ [1]). Тѣмъ дѣло это и кончилось тогда.

Прошло съ того времени нѣсколько лѣтъ, и случилось, что этотъ Максимъ заболѣлъ. Домашніе его просятъ моего отца напутствовать больного, и отецъ пошелъ къ нему съ святыми дарами; но лишь только вошелъ онъ въ избу, больной, бывшій въ сознаніи и разговаривавшій, вдругъ въ присутствіи духовника онѣмѣлъ, обезпамятѣлъ и въ изступленіи смотрѣлъ, ничего не видя. Сколько ни заговаривалъ съ нимъ мой отецъ и домашніе его, онъ оставался въ онѣмѣніи. Дѣлать было нечего; отецъ вышелъ изъ избы и хотѣлъ итти домой, какъ вдругъ домашніе говорятъ, что больной очувствовался, и просятъ воротиться. Отецъ воротился, но, какъ только вошелъ въ избу, больной опять обезпамятѣлъ и сдѣлался неспособнымъ принять напутствованіе. На другой день родные больного опять просятъ отца исповѣдать и пріобщить его, докладывая, что онъ уже въ чувствѣ. Отецъ мой, полагая, что больной, можетъ-быть, отъ него только не можетъ получить напутствованія, самъ не пошелъ къ нему, а пригласилъ другого священника; но что жъ? и съ этимъ происходитъ то же самое: до прихода его больной говорилъ и былъ въ сознаніи, а какъ скоро священникъ вошелъ къ нему въ избу, — онъ пришелъ въ безчувственность и онѣмѣлъ; священникъ вышелъ изъ избы — и больной опять пришелъ въ чувство; священника снова просятъ возвратиться, но когда онъ входилъ въ избу, — больной снова терялъ сознаніе. Такъ этотъ бѣдный и умеръ безъ напутствованія св. тайнами.

---

[1]) Примѣнительно къ 19 ст. IV главы еванг. отъ Матѳея.

[1]) Чтобы я тебя не видѣлъ, когда и умирать буду.

Да проститъ и помилуетъ его Господь Богъ! (Изъ „Странника“ за 1861 годъ).

НЕДѢЛЯ 3-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Евавнг. отъ Матѳ. зач. 18-е, гл. VI, 22—33 ст.

1. Изъясненіе евангельскаго чтенія: объ истинномъ просвѣщеніи ума и безприсртастіи къ земнымъ стяжаніямъ.

Рече Господь: *свѣтильникъ тѣлу есть око: аще убо будетъ око твое просто, все тѣло твое свѣтло будетъ: аще ли око твое лукаво будетъ, все тѣло твое темно будетъ* (22—23). Предъ этимъ Спаситель далъ Своимъ слушателямъ урокъ — искать себѣ сокровищъ не земныхъ, а небесныхъ, и по сему случаю замѣтилъ: *идѣже есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (21). А потомъ — вотъ прибавляетъ: *свѣтильникъ тѣлу есть око,* и т. д. Какъ то замѣчаніе относится ко внутренней жизни сердца нашего, такъ, очевидно, и эти послѣднія слова нужно понимать въ примѣненіи ко внутреннему состоянію души. Око души, свѣтильникъ ея, есть разумъ или разумное сознаніе человѣка: и какъ чувственный глазъ имѣетъ великое значеніе для тѣла нашего, потому что черезъ него дается тѣлу свѣтъ; такъ и разумъ нашъ служитъ внутреннимъ орудіемъ просвѣщенія души. У кого испорченъ глазъ, тотъ видитъ предметы неправильно; у кого глаза совсѣмъ закрыты, тотъ не видитъ вовсе ни себя, ни другихъ, и даже ходя среди яснаго дня, весь остается во тьмѣ. Такъ, если у кого и разумъ омраченъ, то, обращаясь среди свѣтлыхъ указаній истины, онъ имѣетъ ошибочныя представленія о вещахъ, или и вовсе не видитъ истины; и умъ его и вся душа остаются во тьмѣ. *Аще убо свѣтъ, иже въ тебѣ, тьма есть*, продолжаетъ Спаситель, *то тьма кольми* (23)! Если, говоритъ, свѣтъ, находящійся въ тебѣ, сдѣлается тьмою, то что сказать о самой тьмѣ,—о всей т.-е. душѣ, которая освѣщается уже при посредствѣ разума? Это служитъ для насъ побужденіемъ заботиться о просвѣщеніи ума своего; но и въ то время, когда мы трудимся надъ развитіемъ разумнаго сознанія своего и утѣшаемся успѣхами ума, намъ нужно каждый разъ, и еще больше, имѣть въ виду замѣчаніе Спасителя. Что, если самый свѣтъ образованія, которымъ мы гордимся, на пріобрѣтеніе котораго употребляемъ столько времени и силъ, окажется подъ конецъ тьмою?.. А слѣдуя евангельскому показанію, должны мы заключать, что подобное явленіе возможно. Въ настоящемъ нашемъ положеніи для насъ дарованъ чистый и невозмущаемый источникъ умственнаго просвѣщенія, — въ словѣ Божественнаго Откровенія: въ его-то указаніяхъ, при возбужденіи отъ Духа истины, умъ нашъ долженъ почерпать себѣ начало истиннаго здравомыслія и, пользуясь усердно ими, изощрять и укрѣплять свой взоръ; сюда же нужно направлять намъ и естественныя средства умственнаго образованія, которыя во всякомъ случаѣ имѣютъ свою важность въ глазахъ человѣка благомыслящаго. Но, чтобъ намъ успѣшно, при его посредствѣ, можно было усвоять себѣ внушенія истины Божіей, нужно, чтобы самъ онъ съ чистотою и обильно озарился свѣтомъ ея. А взоръ его можетъ сдѣлаться лукавымъ, т.-е. худымъ, когда вмѣсто истины дѣйствительной, которая ему дается, будетъ намъ передавать невѣрныя и самодѣльныя представленія о ней, какъ бываетъ у больного глаза; можетъ и вовсе сдѣлаться невидящимъ, когда упорно станетъ закрываться отъ живыхъ ея впечатлѣній.

Но чтобы умъ нашъ могъ навѣрное избѣгать всѣхъ этихъ недостатковъ и пріобрѣсть себѣ живую воспріимчивость къ внушеніямъ небесной истины, — для этого нужно прежде очищать его отъ страстныхъ помысловъ; потому что страсти и пороки — вотъ первое омраченіе ума. Нужно, чтобы свѣтлый взглядъ его у насъ выразился прежде всего въ чистыхъ и возвышенныхъ стремленіяхъ сердца, которое всегда находится въ тѣсной связи съ нашими убѣжденіями:— иначе здѣсь-то угрожаетъ уму нашему опасность — завести себя въ тьму неисходную; „если разумное сознаніе, которое есть свѣтъ души, говоритъ блаженный Іеронимъ, затемнено въ тебѣ душевными пороками, то какъ мрачна должна быть въ тебѣ самая тьма?“ Нужно, чтобъ это разумное сознаніе обнаружило себя въ здравомъ, по возможности, и основательномъ различеніи добра и святыхъ наклонностей отъ грѣха и грѣховныхъ пожеланій: нравственно-практическое здравомысліе — вотъ необходимое условіе для цѣлости и чистоты ума, во всей его разумной дѣятельности. Говоря объ этомъ здѣсь, мы хотимъ указать на то, что и въ евангеліи высказывается то же самое. Когда Спаситель учитъ насъ обращать сердца свои къ небеснымъ благамъ, а вслѣдъ за этимъ непосредственно внушаетъ намъ заботиться о чистотѣ взглядовъ своихъ, то не напрасно, безъ сомнѣнія, то и другое поставляетъ Онъ въ ряду одно съ другимъ. А еще прежде, въ иномъ мѣстѣ, Онъ и прямо чистотѣ сердечной усвояетъ видѣніе Бога, которое и составляетъ вѣнецъ умственнаго совершенства: *блажени чистіи сердцемъ,* говоритъ Онъ, *яко тіи Бога узрятъ* (Матѳ. V, 8). Слѣдовательно, когда сердце человѣка отдѣлилось отъ земныхъ нечистыхъ пожеланій, это значитъ, что и умственное око его чисто. Но этого мало: далѣе Спаситель снова обращается къ ученію о безпристрастіи къ земнымъ стяжаніямъ, о которомъ начата была рѣчь у Него прежде. *Никтоже можетъ двѣма господинома работати: либо единаго возлюбитъ, а другого возненавидитъ: или единаго держится, о друзѣмъ же нерадити начнетъ: не можете Богу работати и мамонѣ* (24). Слово „мамона“ означаетъ: богатство; такъ назывался у сиріанъ богъ богатства. Человѣкъ не можетъ работать Богу и мамонѣ совмѣстно, потому что служеніе тому и служеніе другому не примиряется одно съ другимъ: одно для неба, а другое для земли; одно обращается на пользу души, а другое лишь къ выгодамъ тѣла и во вредъ душѣ. Здѣсь-то, въ благоразумномъ выборѣ между ними, въ предпочтеніи Бога и небесныхъ благъ богатству, предстоитъ христіанину случай обнаружить свое здравомысліе и показать, что свѣтильникъ ума его не помрачился.

Человѣческая привязанность къ богатству можетъ находить для себя благовидное основаніе въ потребностяхъ тѣлесной жизни нашей, для обезпеченія которыхъ самимъ же намъ приходится выискивать и средства. Поэтому Спаситель обращаетъ Свое слово къ этому предмету и здѣсь же въ самомъ основаніи подрываетъ нашу неразумную привязанность къ имущественнымъ пріобрѣтеніямъ. *Сего ради глаголю вамъ: не пецытеся душею вашею, что ясте, или что піете: ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся. Не душа ли больши есть пищи, и тѣло одежди? Воззрите на птицы небесныя, яко ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. Не вы ли паче лучши ихъ есте? Кто же отъ васъ пекійся можетъ приложити возрасту своему лакоть единъ* (25 - 27)? Такъ Онъ въ самыхъ даже крайнихъ нуждахъ ограничиваетъ нашу любовь къ пріобрѣтеніямъ; послѣ этого для нея не остается уже болѣе благовиднаго предлога. Что̀ же? Ужели дѣло клонится къ тому, чтобы оставили мы всякія заботы о земной собственности, — даже тѣ, къ которымъ вызываетъ вопіющая потребность? Да, мы знаемъ славныхъ подвижниковъ благочестія, которые съ наглядною буквальностью осуществляли въ своей жизни заповѣдь Христову, отказываясь отъ всякой собственности, не думая сегодня о томъ, что будутъ ѣсть завтра, гдѣ приклонятъ голову свою, а питаясь — чѣмъ Богъ послалъ, и укрываясь — гдѣ пришлось; и Богъ видимо являлъ имъ слѣды промысла Своего, — многимъ посылалъ даже чудеснымъ образомъ въ пустынѣ пищу черезъ ангеловъ. Но спрашивается: можно ли же совсѣмъ такъ бросить попеченіе о земномъ, когда чрезъ это разстроился бы правильный порядокъ общежитія, были бы уничтожены общеполезные труды промышленности, которыми сближаемся мы и на пути образованія? Правда, указанный примѣръ святыхъ подвижниковъ не есть примѣръ всеобщій: то были чрезвычайныя проявленія вѣры. Только утверждая это, мы, кажется, должны не ту назвать здѣсь главную причину, о которой мы сейчасъ упомянули, а другую. Мы не знаемъ еще, что сталось бы съ земною нашей жизнью, если бы вдругъ пришли всѣ въ такой возрастъ вѣры, что отказались бы рѣшительно отъ всѣхъ житейскихъ попеченій, ради Христа и евангелія: вѣдь намъ не слѣдуетъ же упускать того изъ виду, что наступитъ нѣкогда такое состояніе, когда всѣ достойные участники спасенія будутъ жить, *яко ангелы Божіи на небеси* (Матѳ. XXII, 30). А лучше спросимъ вотъ о чемъ: всѣ ли мы теперь способны къ таковой вѣрѣ въ Промыслъ Божій, какая обнаруживалась иногда у тѣхъ святыхъ избранниковъ? Тутъ скрывается причина поважнѣе первой; вслѣдствіе ея и та получаетъ законную свою силу; обѣ же онѣ, въ соединеніи одна съ другою, побуждаютъ насъ искать въ словахъ Христовыхъ болѣе снисходительнаго примѣненія ихъ къ жизни, которое могло бы быть для всѣхъ доступно, а вмѣстѣ и для всѣхъ уже составлять прямую обязанность. И дѣйствительно, онѣ имѣютъ примѣненіе ко всѣмъ намъ. Замѣтимъ, что Спаситель не освобождаетъ насъ отъ честнаго труда на пользу внѣшней жизни и не благословляетъ насъ отдаваться лѣни и бездѣйствію, въ праздномъ ожиданіи пособій Промысла. Нѣтъ, что̀ сказано Адаму: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой* (Быт. III, 10), то остается неизмѣннымъ закономъ и для насъ, доколѣ мы живемъ здѣсь. И святые отшельники, бросая все мірское, тѣмъ не менѣе трудились въ своемъ удаленіи отъ людей, и даже другимъ нерѣдко помогали трудомъ рукъ своихъ. Но Христосъ говоритъ намъ: „не пецытеся“, то-есть, не дозволяйте себѣ лишнихъ безпокойствъ, не суетитесь. „Трудиться мы должны, — говоритъ одинъ учитель церкви, — но безпокоиться не должны“. Что мы имѣемъ право та̀къ объяснять слова евангельскія, это можемъ вывести и изъ послѣдующихъ словъ; „кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть?“ Очевидно, здѣсь устраняются отъ насъ тѣ именно заботы, которыя несовмѣстны съ нашей ограниченностью и должны быть предоставлены уже самому Промыслу, которому единственно принадлежитъ окончательное распредѣленіе средствъ жизни между нами и устройство ея, окончательное препобѣжденіе всѣхъ трудностей ея, обезпеченіе всѣхъ случайностей ея. При всей обязательности честнаго труда въ жизни, много здѣсь у насъ останется такого, чего мы сами напередъ не можемъ съ вѣрностью опредѣлить или устроить собственными силами, и что̀ находится въ рукахъ верховнаго Владыки всѣхъ, такъ же, какъ въ Его рукахъ ежеминутно состоитъ и самое существованіе души нашей и тѣла. А это послѣднее обстоятельство служитъ для насъ и постояннымъ обезпеченіемъ для надежды на Промыслъ Божій; на это намъ указываетъ и Христосъ: *не душа ли больши есть пищи, и тѣло одежды?* То-есть, если Богъ намъ даровалъ душу и тѣло, въ которыхъ обнаружено такое богатство жизни, — тѣмъ болѣе не затруднится помогать намъ во второстепенныхъ, внѣшнихъ средствахъ жизни. Пусть только явится въ насъ эта крѣпкая увѣренность въ Промыслѣ Божіемъ и обратится въ постоянный навыкъ души; тогда мы сами каждый разъ узнаемъ безъ труда, гдѣ нужно будетъ намъ употребить собственныя усилія, гдѣ должно отдаться непосредственно на волю Божію. Главное, — мы не вправѣ отрицать, что слѣды ея промыслительныхъ дѣйствій въ судьбѣ нашей несомнѣнны: то же самое мы замѣчаемъ и въ окружающей насъ видимой природѣ. Это послѣднее намъ и Спаситель поставляетъ на видъ, когда указываетъ на птицъ небесныхъ, а потомъ на полевыя лиліи, о которыхъ Богъ заботится такъ, что мы сами о себѣ никогда не въ силахъ позаботиться.

Общее же заключеніе евангельскаго чтенія такое: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (33). То-есть, нужно держаться такого правила, чтобъ не внѣшнее благоденствіе жизни, а царство Божіе съ его святынею и правдою составляло нашу прямую и неотлучную задачу въ жизни, тогда Самъ Богъ, Которому всегда пріятно помогать намъ въ этомъ дѣлѣ, не лишитъ насъ ни малѣйшаго изъ даровъ земныхъ, если только онъ окажется пригоднымъ для главной цѣли нашей („Воскр. чт.“, г. XXV, ч. I, стр. 281—289).

2. **Противъ роскоши въ одеждѣ и убранствѣ.**

(Филарета, митрополита московскаго).

Что̀ такое одежда? Въ порядкѣ естественномъ — средство для защищенія человѣческаго тѣла отъ разрушительнаго дѣйствія стихій; въ порядкѣ нравственности — защита стыдливости; въ порядкѣ гражданскомъ — искусственное прикрытіе членовъ тѣла, приспособленное къ отправленію того или другого званія общественнаго, и вмѣстѣ отличительный знакъ званій и степеней, въ нихъ поставленныхъ. Изъ этихъ понятій тотчасъ можно усмотрѣть, что попеченіями объ одеждѣ должны управлять необходимость, скромность, постоянство.

Богъ нѣкоторымъ образомъ освятилъ то, что̀ есть въ одеждѣ простѣйшаго и вмѣстѣ необходимѣйшаго. *И сотвори Господь Богъ Адаму и женѣ его ризы кожаны: и облече ихъ* (Быт. III, 21). Но чрезъ это самое осуждается безразсудная заботливость объ украшеніи тѣла. Если вещество, по наставленію Самого Бога употребленное для составленія одѣянія, была кожа, то для чего нѣкоторые или несчастными, или презрѣнными представляютъ себѣ тѣхъ, которые носятъ простой ленъ и грубую волну? Для чего намъ непріятно, если не на насъ прядетъ шелковичный червь; не для насъ земля рождаетъ злато, и море перлы? Къ чему столь дѣтскія прихоти? Чего вамъ лучше и благолѣпнѣе той одежды, которую для насъ готовитъ Самъ Богъ! Ибо можно сказать, что Онъ и для каждаго изъ насъ, какъ для Адама и его жены, творитъ потребныя ризы. Въ какой странѣ міра Онъ предопредѣляетъ намъ произойти на свѣтъ, въ той же и производитъ все, что̀, по качеству этой страны, потребно для нашего тѣла; и для снисканія того, что̀ необходимо потребно, почти всегда довольно средствъ влагаетъ въ руки наши Его премудрый Промыслъ. Для чего же мы еще нерѣдко желаемъ, чтобы одежда наша превышала не только требованіе необходимости, но и приличіе нашего состоянія? Для чего мы иногда недовольны нашими украшеніями потому только, что они не похищены у отдаленнѣйшихъ братій нашихъ? Посмотрите—такъ премудрость Божія постыжаетъ не только суетныя попеченія о излишнемъ, но и о потребномъ излишнія:—посмотрите на полевые цвѣты; какъ они растутъ; не прядутъ и не трудятся; а вы, маловѣры, мучите себя по произволу изыскиваемыми заботами о вашемъ одѣяніи; какъ будто Провидѣніе меньше занимается вами, нежели быліемъ, нынѣ цвѣтущимъ, а завтра увядающимъ; и будто оно забыло произвести близъ васъ потребное для васъ!

Если вы, смотря на полевые цвѣты, не обрѣтаете въ себѣ мудрости пчелъ, дабы собрать съ нихъ тонкій, духовный медъ; если зрѣлище природы не приноситъ вамъ наставленія, которое бы обратилось въ васъ въ силу и жизнь,—изберите себѣ другое, высшее зрѣлище; возвысьте духъ вашъ и воззрите не на образъ и тѣнь истины, но на самое лицо ея, на красоту не созданную, на цвѣтъ совершенства—воззрите, члены тѣла Христова, на Главу свою,—и всмотритесь пристально, пристанутъ ли ей любимыя ваши украшенія. Какая несообразность! Глава во ясляхъ, на соломѣ; а члены хотятъ почивать на своихъ сѣдалищахъ и утопать въ одрахъ своихъ! Глава въ уничиженіи, въ нищетѣ; а члены только и помышляютъ о богатствѣ и великолѣпіи! Глава орошается кровавымъ потомъ; а члены умащаются и обливаются благовоніями! со Главы падаютъ слезы, а члены жемчугъ осѣняетъ! Глава въ терніи; а члены въ розахъ! Глава багрѣетъ отъ истекшей крови и смертною объемлется блѣдностію; а члены лукавымъ искусствомъ дополняютъ у себя недостатокъ естественной живости и, думая сами себѣ дать красоту, въ которой природа имъ отказала, превращаютъ живой образъ человѣческій въ изображеніе художественное! Глава то въ наготѣ, то въ одеждѣ поруганія; а члены любятъ покоиться подъ серебрянымъ виссономъ, подъ златымъ руномъ, или, вмѣсто наготы Распятаго, съ презрѣніемъ стыда и скромности, вымышляютъ себѣ одежду, которая бы не столько покрывала, какъ обнажала!

Но неужели всѣ должны отвергнуть всякое благолѣпіе и облечься въ рубища?—Нѣтъ, совопросники, *мудрые еже творити злая, благо же творити не познавшіе* (Iерем. IV, 22)! Никто этого не требуетъ. Божественный Учитель нашъ обличаетъ только попеченія объ одеждѣ, и особенно излишнія, суетныя, пристрастныя. *О одежди что печетеся?* Впрочемъ извѣстно, что и Самъ Онъ (безъ сомнѣнія, дабы не лишить утѣшенія и награды людей, служившихъ Его тѣлеснымъ потребностямъ) носилъ драгоцѣнный нешвенный хитонъ, который пожалѣли раздрать раздѣлявшіе ризы Его. Есть родъ и степень благолѣпія и даже великолѣпія въ одеждѣ, который назначаетъ не пристрастіе, но благоприличіе, не суетность, но состояніе, не тщеславіе, но долгъ и обязанность. Но попеченія безъ конца, пышность безъ мѣры, расточеніе безъ цѣли, ежедневныя перемѣны уборовъ потому только, что есть люди, которые имѣютъ низость заниматься изобрѣтеніями сего рода, и что слишкомъ много такихъ, которые имѣютъ рабскую низость подражать такимъ дѣтскимъ изобрѣтеніямъ—невѣроятная безразсудность! Безразсудность тѣмъ болѣе нелѣпая, что, безъ сомнѣнія, многіе виновные въ ней признаютъ ее, и однакожъ не перестаютъ вновь дѣлаться виновными въ ней! И пусть бы оставалась она безразсудностью: бѣдственно то, что ею порождаются и питаются беззаконія. Посмотримъ, напримѣръ, какъ иногда на торжищѣ безъ вниманія проходятъ мимо нищаго, просящаго мелкой монеты на хлѣбъ насущный, и тысячи отдаютъ за ненужное украшеніе. Кто дерзнетъ сказать, что тутъ не нарушена любовь къ ближнему? Кто же не видитъ изъ этого и многихъ другихъ примѣровъ, какъ легко извиняемая міромъ суетность можетъ сдѣлать человѣка повиннымъ предъ обѣими скрижалями закона Божія? (Т. І. Изъ слова въ недѣлю 3-ю по Пятидесятницѣ, стр. 93—96,)

3. **Вразумленіе юноши, сомнѣвавшагося въ Промыслѣ Божіемъ.**

Есть ли Божественный Промыслъ въ частныхъ дѣлахъ человѣческихъ? — Такъ въ различныхъ случаяхъ жизни нерѣдко спрашивалъ себя одинъ юноша, по характеру живой и пламенный, но вмѣстѣ раздражительный и нетерпѣливый, котораго пытливость быстраго, но еще не зрѣлаго ума, вовлекала въ нѣкоторыя сомнѣнія касательно Промысла Божія; кичливость ума безъ мѣры и опытности, раздражительность воображенія безъ терпѣнія и смиренія, подъ вліяніемъ легкомыслія, обычнаго юности, едва ни привели юношу къ тому жалкому убѣжденію, что совершающееся съ нами въ жизни — случайно. Въ такомъ жалкомъ положеніи тревожнаго сомнѣнія, юноша съ богатыми силами ума и сердца уподоблялся, по собственному его признанію, кораблю съ богатымъ грузомъ, который безъ парусовъ и кормчаго носится по волнамъ бурнаго моря; для спасенія юноши нужны были— и умиреніе безпокойнаго его ума, и опытность руководителя.

И Промыслъ Божій, въ которомъ сомнѣвался юноша, не оставилъ безъ вразумленія колеблющагося ума его; слѣдующія событія въ его жизни, съ глубокимъ сокрушеніемъ повѣданныя намъ имъ самимъ, служили для него вразумительнымъ урокомъ о Промыслѣ и переходѣ къ новому благому убѣжденію мыслей и образу жизни.

Однажды этотъ юноша, отправившись за городъ, запоздалъ тамъ и остался ночевать въ лѣсу вмѣстѣ съ пастухомъ овецъ. Ночью напали на стадо волки и растерзали овецъ. Когда пастухъ объявилъ о томъ хозяевамъ стада, тѣ не повѣрили и обвинили юношу, будто онъ подвелъ ночью воровъ, которые расхитили овецъ, и—юноша отправленъ былъ къ судьѣ. Вслѣдъ за нимъ приведенъ былъ къ судьѣ и другой, уличенный въ прелюбодѣяніи. Судья, отложивъ изслѣдованіе дѣла, обоихъ обвиняемыхъ отослалъ въ тюрьму, гдѣ они нашли еще одного земледѣльца, обличаемаго въ убійствѣ. Но, на самомъ дѣлѣ, ни земледѣлецъ не былъ убійцею, ни приведенный съ юношею прелюбодѣемъ, какъ и самъ юноша не былъ хищникомъ овецъ. Убѣжденный въ ихъ невинности, какъ въ своей собственной, юноша въ такихъ обстоятельствахъ еще болѣе взволновался мыслями касательно участія Промысла Божія въ частныхъ дѣлахъ человѣческихъ; но это волненіе было уже не столько холоднымъ сомнѣніемъ ума, отвергающаго истину, сколько безпокойнымъ желаніемъ сердца, ищущаго истины. Проведя семь дней въ темницѣ подъ вліяніемъ мысли о Промыслѣ Божіемъ, юноша видитъ во снѣ человѣка, который говоритъ ему: „будь благочестивъ, и уразумѣешь Промыслъ; перебери въ мысляхъ, о чемъ ты думалъ и что дѣлалъ, и по себѣ дознаешь, что эти люди страждутъ не несправедливо“. Пробудившись, юноша сталъ размышлять о видѣніи и, отыскивая свою вину, нашелъ, что когда-то, прежде бывъ въ томъ же селеніи на полѣ ночью, съ злымъ намѣреніемъ онъ выгналъ изъ загона корову одного бѣднаго селянина, и ее растерзалъ тамъ набѣжавшій звѣрь. Какъ скоро юноша разсказалъ свой сонъ и вину заключеннымъ, и они, возбужденные его примѣромъ, начали сознаваться и признались, — земледѣлецъ, что видѣлъ тонувшаго въ рѣкѣ человѣка и не спасъ его, хотя могъ это сдѣлать; обвиняемый въ прелюбодѣяніи, что присоединился къ обвинителямъ одной вдовы, которую братья обвиняли въ прелюбодѣяніи, чтобы лишить ее отцовскаго наслѣдства. Эти разсказы заключенныхъ довершили убѣжденіе юноши въ бытіи Промысла Божія: въ собственныхъ обстоятельствахъ и въ обстоятельствахъ товарищей заключенія юноша не могъ не видѣть явнаго дѣйствія Божественнаго Промысла, видимо воздающаго за тайныя неправды людей; онъ раскаялся въ пагубномъ своемъ сомнѣніи и еще въ темницѣ далъ обѣтъ омыть грѣхъ покаяніемъ. Наканунѣ освобожденія своего онъ снова видѣлъ во снѣ мужа, который теперь говорилъ ему: „возвратись въ мѣсто свое и покайся въ неправдѣ, убѣдившись, что есть Око, надъ всѣмъ назирающее“. Юноша былъ вѣренъ своему обѣту и наставленію явившагося: оставивъ міръ, онъ среди отшельниковъ не преставалъ каяться во грѣхѣ юности своей и повѣдалъ братіи о дивныхъ путяхъ Промысла Божія, тайно и явно дѣйствующаго во всѣхъ обстоятельствахъ жизни человѣческой.

Этотъ юноша былъ пр. Ефремъ Сиринъ. (Смотр. его обличеніе самому себѣ).

4. Таинственный голосъ.

Одинъ ремесленникъ (по занятію портной) работалъ въ той комнатѣ, въ которой въ колыбели спалъ его ребенокъ. Вдругъ, среди веселости, безъ всякаго видимаго повода имъ овладѣлъ какой-то непонятный страхъ, словно отъ спазмы сжалось его сердце, и какое-то смутное чувство говорило ему, что жизни спящаго въ колыбели его ребенка угрожаетъ какая-то опасность. Мало этого, — онъ совершенно отчетливо услыхалъ внутри себя голосъ, кратко и опредѣленно говорившій ему: „встань скорѣе и возьми ребенка изъ колыбели!“

Ремесленникъ не послушался сейчасъ же этого неизвѣстнаго голоса. Онъ старался даже успокоить себя разными соображеніями. Ребенокъ спалъ по прежнему крѣпко въ своей постелькѣ; ничто его не безпокоило въ комнатѣ; на улицѣ также все было тихо. Откуда же можетъ грозить опасность его жизни? Должно быть, это просто воображеніе создало такое безпокойство душевное; нужно его прогнать, порѣшилъ портной и, взявши опять иголку для работы. постарался даже затянуть пѣсню. Дѣйствительно, ему удалось успокоиться на нѣсколько мгновеній; но потомъ вдругъ попрежнему объялъ его страхъ, на этотъ разъ гораздо сильнѣе прежняго, и опять онъ услыхалъ внутренній голосъ, болѣе опредѣленный и почти угрожающій: „встань скорѣе и возьми ребенка изъ колыбели!“

Опять отецъ прекращаетъ свою работу, и пѣсня сама собою какъ бы замерла на его устахъ. Внимательно онъ озирается кругомъ и осматриваетъ всю комнату, начиная отъ своего рабочаго стола и до самаго послѣдняго, отдаленнаго уголка ея. Такъ какъ онъ рѣшительно нигдѣ не нашелъ какого-либо повода опасаться за ребенка, а послѣдній по прежнему крѣпко спалъ въ своей постелькѣ, то ему показалось неразумнымъ изъ-за какой-то воображаемой опасности безпокоить ребенка и вынимать его изъ теплой постельки. Не слушая такимъ образомъ голоса, онъ опять занялъ свое мѣсто за рабочимъ столомъ и принялся за работу; но у него уже исчезла прежняя веселость: онъ не напѣвалъ болѣе пѣсни.

Тщетно употреблялъ теперь онъ всѣ усилія къ тому, чтобы преодолѣть какими-либо соображеніями свой страхъ. Черезъ нѣсколько мгновеній страхъ снова возвратился и гораздо сильнѣе прежняго; въ сердцѣ же съ силою громового удара опять раздался голосъ: „встань скорѣе и возьми ребенка изъ колыбели!“ Теперь, наконецъ, онъ сдѣлалъ то, чего требовалъ предостерегающій голосъ. Мгновенно онъ былъ уже у колыбели ребенка, поспѣшно взялъ его и отнесъ на свое мѣсто, гдѣ самъ предъ этимъ сидѣлъ.

Едва только онъ успѣлъ занять свое мѣсто, какъ въ томъ углу комнаты, гдѣ находилась колыбель, раздался сильный грохотъ. Весь потолокъ мгновенно рухнулъ, повалился на колыбель и покрылъ ее совершенно мусоромъ и отвалившимися кусками штукатурки. Ребенокъ проснулся отъ сильнаго шума и заплакалъ; но онъ былъ цѣлъ и невредимо покоился на рукахъ отца, который, будучи глубоко тронутъ случившимся, прижималъ его къ своему сердцу. Какою живою радостью объята была бѣдная мать, когда, заслышавши громкій шумъ, съ смертельною блѣдностью въ лицѣ, вбѣжала въ комнату; она боялась, что мужъ и ребенокъ убиты, а они оба остались цѣлы и невредимы! Преисполненное глубокою набожностью ея сердце, равно какъ и ея мужа, излилось искреннѣйшею молитвою къ Господу, когда мужъ разсказалъ ей, какъ чудесно былъ спасенъ дорогой имъ ребенокъ. (См. „Воск. чт.“ 1885 г. № 19).

5. Чудесное спасеніе отъ пожара.

Вотъ какой случай былъ въ городѣ Малоярославцѣ въ 1868 году. Въ указываемое время здѣсь произошелъ пожаръ при жаркой лѣтней погодѣ и сильномъ вѣтрѣ. Послѣдній разносилъ пламя по всѣмъ улицамъ города, а первая помогала огню истреблять городскія строенія. Нѣкоторые изъ обывателей, ушедши отъ своихъ домовъ къ своимъ знакомымъ, чтобы помочь имъ спасать ихъ имущество, возвратившись къ своимъ домамъ, находили ихъ уже въ пламени. Въ этотъ памятный для малоярославскихъ жителей пожаръ сгорѣло до 80-ти домовъ, причемъ двѣ улицы выгорѣли совершенно.

На одной изъ этихъ послѣднихъ жила благочестивая старушка по фамиліи Малютина. Когда забили въ набатъ, она взяла съ божницы икону Спасителя и обошла съ нею вокругъ своего дома, окропляя его при этомъ св. крещенскою водою, всегда у ней имѣвшеюся на божницѣ. И что же? Вся улица, гдѣ стоялъ домъ этой старушки, выгорѣла по обѣимъ сторонамъ; сгорѣло много домовъ и на другихъ сосѣднихъ улицахъ, а домъ старушки уцѣлѣлъ со всѣми пристройками.

Все способствовало къ тому, чтобы онъ сгорѣлъ. Отчего же онъ спасся?

Отвѣтъ возможенъ только при свѣтѣ богооткровенной вѣры и божественнаго Провидѣнія.

Надобно замѣтить, что упомянутая старушка во всю свою жизнь отличалась благочестіемъ: она умерла только въ 1886 году на 94-мъ году отъ рожденія, отлично помня событія 1812 года (Изъ „Воскр. дня“ 1887 года).

6. Не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ.

Много у насъ заботы о завтрашнемъ днѣ и мало упованія на Промыслъ Всевышняго и на Его отеческія о насъ попеченія. Каждый изъ насъ мечтаетъ самъ устроить свою жизнь, старается все предвидѣть, предусмотрѣть и обезпечить себя отъ разныхъ превратностей судьбы и въ этихъ заботахъ о насущныхъ потребностяхъ земной жизни тратитъ драгоцѣнное время безъ пользы для души, очерствляется сердцемъ и впадаетъ въ эгоизмъ.

Основатель одного древняго монастыря (близъ Константинополя), въ которомъ была церковь въ честь святого мученика Евстратія и его сподвижниковъ, желая предохранить монаховъ своей обители отъ этой общечеловѣческой склонности и заставить ихъ больше думать о благахъ небесныхъ, нежели о земныхъ, установилъ, чтобы монастырь не дѣлалъ никакихъ для себя запасовъ и приготовленій, но довольствовался приношеніями отъ усердствующихъ богомольцевъ. Зная уставъ этой обители, дѣйствительно, многіе изъ вѣрныхъ снабжали живущихъ въ ней различными продуктами, и даже самъ патріархъ и особы царствующаго дома посылали имъ всякій праздникъ или золото, или другія какія-нибудь приношенія, такъ что они не терпѣли большого недостатка.

Но случилось однажды, что наканунѣ праздника святыхъ мучениковъ сдѣлалась большая буря съ дождемъ и вѣтромъ, помѣшавшая горожанамъ собраться въ обители. Монахи одни отслужили вечерню и стали скорбѣть и роптать на Бога и на святыхъ покровителей своего монастыря за то, что ради такого большого праздника, имъ никто не доставилъ даже куска хлѣба для ужина, и для завтрашняго дня также ничего не предвидѣлось. Господу угодно было воспользоваться этимъ случаемъ для вразумленія малодушныхъ людей и для прославленія святыхъ своихъ угодниковъ. Когда настали сумерки, монастырскій привратникъ вошелъ къ настоятелю монастыря и доложилъ ему, что пришелъ посолъ отъ царя съ виномъ и различными съѣстными припасами, привезенными на двухъ верблюдахъ. Этотъ посолъ не только доставилъ роптавшимъ монахамъ ужинъ, но отъ привезеннаго имъ еще много осталось и до слѣдующаго дня. Не успѣли монахи окончить своей трапезы, какъ явился другой посланецъ отъ царицы и принесъ много рыбы и десять золотыхъ монетъ („Воскр. чт.“ 1881 г., № 50).

7. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!

Такъ молимся мы Отцу нашему небесному! Мы этими словами просимъ Господа, чтобы Онъ даровалъ намъ хлѣбъ. Что же? Развѣ не сами мы должны снискивать себѣ пропитаніе? Нѣтъ, сами. Богъ еще въ началѣ, послѣ сотворенія человѣка, сказалъ: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой* (Быт. III, 19). Стало-быть, человѣкъ самъ долженъ трудиться и пріобрѣтать себѣ хлѣбъ. Но можетъ ли онъ это сдѣлать самъ собою безъ Бога. Человѣкъ насаждаетъ, а возращаетъ Богъ. Безъ Бога всѣ наши труды будутъ базплодны. Поэтому мы и молимъ Отца нашего небеснаго, чтобы Онъ далъ намъ хлѣба. На сколько же времени мы просимъ себѣ отъ Бога хлѣба? *Днесь*, сегодня, т.-е. на этотъ день. Для чего же такъ? А для того, чтобы мы о временномъ много не заботились, а всего ожидали отъ своего небеснаго Отца, Который знаетъ всѣ наши нужды и всегда печется о насъ. *Вѣсть бо Отецъ вашъ небесный, яко требуете сихъ всѣхъ* (Мѳ. VI, 22), сказалъ Спаситель. Онъ — Милосердый и Многопопечительный — знаетъ наши нужды и нерѣдко подаетъ прежде прошенія нашего. И много примѣровъ того, какъ Господь чудесно посылаетъ пищу Своимъ вѣрнымъ рабамъ. Обратимся къ ветхозавѣтной исторіи. Израильтяне во все время странствованія по пустынѣ ѣли готовый хлѣбъ, манну, которая ежедневно, кромѣ субботы, сходила съ неба. Святый пророкъ Илія однажды скрывался отъ преслѣдованій нечестиваго царя израильскаго въ пустынѣ; пищи тамъ совсѣмъ не было и найти ее негдѣ было, потому что былъ голодъ. И вотъ, вороны приносятъ къ нему каждый день хлѣбъ и мясо, притомъ же въ извѣстные часы, утромъ и вечеромъ. Какимъ же образомъ птицы могли знать о голодѣ пророка, и какъ понимали они человѣческіе часы для пріема пищи, которыхъ сами не соблюдаютъ? Одно возможно объясненіе: Самъ Господь повелѣлъ птицамъ кормить праведника. Ему же, въ другой разъ, ангелъ Божій предложилъ опрѣсночный хлѣбъ и кувшинъ воды для подкрѣпленія его на сорокадневный пустынный путь (3 Цар. XIX, 6). Св. пророку Даніилу, брошенному въ ровъ на съѣденіе львамъ, принесъ цѣлый обѣдъ пророкъ Аввакумъ, внезапно восхищенный и перенесенный рукою ангела изъ Іудеи въ Вавилонъ (Дан. XIV, 33—34).

А сколько примѣровъ чудеснаго пропитанія Богомъ праведныхъ людей содержится въ Прологѣ и Четьихъ-Минеяхъ!

Въ одной мѣстности замѣчено было, что вороны каждый день прилетаютъ на деревья, ломаютъ и уносятъ вѣтви съ плодами. Послѣ продолжительнаго наблюденія оказалось, что въ одной разсѣлинѣ пустынныхъ горъ находилось нѣсколько спасавшихся женщинъ. Имъ-то посредствомъ птицъ небесныхъ посылалъ Тотъ Попечитель и Питатель, Который *даетъ пищу всякой плоти* (пс. CXXXV, 25), и *птенцемъ врановымъ, призывающимъ Его* (пс. CXLVI, 9).

А вотъ еще трогательный примѣръ того, какъ Господь хранитъ безпомощныхъ людей и особенно сиротъ. Вотъ, напр., что разсказывается о рожденіи и воспитаніи св. мученика Кодрата, память коего празднуется 10 марта. Во время бывшихъ во II вѣкѣ гоненій на христіанъ, одна благочестивая женщина, именемъ Руѳина, скрываясь отъ гонителей, ушла изъ г. Коринѳа и скиталась по непроходимымъ мѣстамъ. Не смерти боялась Руѳина, нѣтъ,—она хотѣла спасти младенца, въ утробѣ ея зачатаго. Наконецъ, пришло время разрѣшенія, и она родила сына; но, къ несчастью, чрезъ нѣсколько дней скончалась. Всего естественнѣе подумать, что безпомощный сирота умретъ отъ голода или съѣденъ будетъ звѣрями. Но „отверзаяй руку Свою и исполняяй всякое животное благоволенія“ не презрѣлъ пеленами повитого Кодрата и заступилъ ему отца и мать. Богъ заповѣдалъ облакамъ, и они на вопль младенца, спускаясь съ высоты и приклоняясь долу, источали на уста его сладкую росу и питали его млекомъ и медомъ, доколѣ онъ не подросъ и самъ могъ собирать для себя пустынные плоды (Ч. М.).

Преподобный Ѳеодосій поучалъ братію презирать все плотское и не заботиться о насущныхъ потребностяхъ. Какъ училъ онъ, такъ и поступалъ, напр., при монастырѣ онъ устроилъ всякія службы, но ни за что не соглашался устроить амбары для запасовъ хлѣба. Мало того, обходя кельи монаховъ, если находилъ у кого приготовленную пищу или одежду какую сверхъ устава, то отбиралъ и бросалъ въ печь; при этомъ всегда надѣялся на Отца небеснаго, напоминая слова Спасителя: *не заботьтесь и не говорите: что будемъ ѣсть, или что пить*... И Господь не посрамилъ надежды Своего вѣрнаго раба. Такъ, однажды извелись съѣстные припасы въ обители; келарь (такъ называется въ монастыряхъ старшій надъ служителями въ пекарнѣ) Ѳеодоръ и говоритъ святому Ѳеодосію: „что мы будемъ дѣлать?“ Ѳеодосій уговаривалъ положиться на Бога и не думать о завтрашнемъ днѣ, но заботливый келарь твердилъ все свое: „что намъ завтра дѣлать?“ Вдругъ подъѣзжаютъ къ монастырю три подводы отъ одного боярина съ хлѣбомъ, рыбою, сыромъ, пшеномъ и медомъ. „Видишь ли, братъ Ѳеодоръ, — сказалъ преподобный, — Господь не оставляетъ насъ, если мы всѣмъ сердцемъ уповаемъ на Него. Иди же скорѣе, готовь братіи обѣдъ, это посѣщеніе Божіе“.

Видите, христіане, какъ чудно питаетъ Господь вѣрныхъ рабовъ Своихъ. Не говорите, что это рѣдкіе опыты божественнаго промышленія. Развѣ Всесильный, Который однимъ солнцемъ освѣщаетъ и согрѣваетъ весь міръ, не силенъ подавать всѣмъ готовый хлѣбъ? Развѣ сокровища благости Его оскудѣютъ отъ множества требующихъ? Нѣтъ. Оскудѣніе на нашей сторонѣ, а не у Бога. Намъ не достаются насущныя потребности безъ труда потому, что мы сами ужъ черезчуръ заботимся о нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ только и думъ и заботъ: „чѣмъ жить? Чѣмъ семью кормить. На что дѣтей воспитывать...“ И, несмотря на всѣ эти заботы, на всѣ попеченія, большинство изъ насъ жалуется на недостатки, на трудность жизни, какъ будто Господь и въ самомъ дѣлѣ забылъ ихъ... Но не Господь забываетъ насъ, а мы забываемъ Его. Молимся ли мы? Просимъ ли мы Господа: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь?* Не надѣемся ли мы на свои собственныя силы, на свой умъ больше, чѣмъ на Господа Бога? Но сколько бы мы ни суетились, сколько бы ни заботились, надо помнить одно, что безъ Бога—ни до порога, что безъ Божія благословенія не будетъ никакого успѣха ни въ чемъ. А благословеніе Божіе подается только тому, кто исполняетъ заповѣди Божіи и заботится прежде всего о царствѣ Божіемъ, по слову Спасителя: *ищите прежде царствія Божія и сія вся* (тѣлесныя потребности) *приложатся вамъ*. (Сост. по Ч. М.).

8. Притча о двухъ господахъ [1]).

Два человѣка стояли на площади города и ждали, не найметъ ли ихъ ктонибудь себѣ въ услуженіе. Они были родные братья, но имѣли весьма различныя свойства: старшій былъ разсудителенъ и опытенъ; младшій былъ вѣтренъ, легкомысленъ и особенно склоненъ къ забавамъ и удовольствіямъ. Оба они были бѣдны и потому должны были искать себѣ занятіе и пропитаніе. Въ томъ же городѣ два господина искали себѣ слугъ: одинъ имѣлъ обширное хозяйство, и, давая празднымъ людямъ дѣло у себя, хотѣлъ чрезъ то доставить и себѣ удовольствіе и имъ выгоды; другой же хотя не занимался хозяйствомъ, но былъ тщеславенъ и всегда завидовалъ первому, а потому собиралъ у себя въ домѣ какъ можно болѣе слугъ, чтобы блистать пышностію и великолѣпіемъ. Посланные отъ обоихъ господъ пришли на площадь и стали звать обоихъ братьевъ, каждый къ своему господину. Одинъ говорилъ: „идите служить къ намъ: нашъ господинъ богатъ и щедръ; много у него работы, но велика и награда; надобно только быть прилежными и вѣрными, и онъ сдѣлаетъ васъ навѣкъ счастливыми“. Другой говорилъ: „нѣтъ, идите лучше къ намъ: у нашего господина совсѣмъ нѣтъ никакой работы, а нужны ему люди только для легкихъ услугъ въ домѣ; у насъ вы будете проводить время въ удовольствіяхъ; о содержаніи же и платѣ и говорить нечего: увидите сами, какъ щедро онъ награждаетъ служащихъ ему“. Братья долго думали и не рѣшались, куда имъ итти. Старшій предпочиталъ перваго господина, а младшій плѣнился описаніемъ веселой и пріятной жизни у послѣдняго и рѣшился непремѣнно итти къ нему. Такимъ образомъ братья, хотя съ нѣкоторымъ прискорбіемъ, рѣшились разлучиться. Впрочемъ, чтобы знать, кто удачнѣе сдѣлалъ выборъ, положили въ каждую недѣлю одинъ разъ видѣться и разсказывать другъ другу о своемъ житьѣ. По истеченіи недѣли оба брата, по условію, увидѣлись. — „Какъ живешь, братъ? — спросилъ младшій, — каковъ твой господинъ? Какъ тебя принялъ? Ты что-то невеселъ и унылъ: видно, тебѣ не посчастливилось?“—„Не знаю, что тебѣ сказать на это: я и доволенъ, и нѣтъ. Господинъ нашъ, какъ видно, человѣкъ богатый и весьма добръ. Принялъ меня и важно, и ласково, обѣщалъ щедро награждать, если буду исправенъ и вѣренъ, и — не отлагая надолго, тотъ же часъ назначилъ мнѣ дѣло и велѣлъ итти на работу. „Время дорого, говорилъ онъ, не надобно терять ни минуты“. Содержитъ насъ хорошо; о каждомъ печется, какъ о родномъ; самъ наблюдаетъ, всѣ ли довольны и здоровы. Хорошо бы намъ жить у него, да слишкомъ много дѣла. Я немного пожилъ, а уже измучился отъ трудовъ. А ты какъ живешь?“—„О, я не живу, а блаженствую. Нашъ господинъ самый любезный человѣкъ въ свѣтѣ. Какой у него богатый домъ! Вездѣ золото и серебро, либо мраморъ. А какъ онъ меня принялъ! Это, кажется, не господинъ, а другъ и товарищъ. Все мое дѣло состоитъ въ томъ, чтобы или провожать господина въ театръ, на охоту, въ гости, или у себя принимать гостей, доставлять имъ удовольствія, забавлять ихъ и только. Прошла цѣлая недѣля, а я и не видалъ ея. А какое содержаніе! Не только пища та же, какую самъ употребляетъ, но и вино позволяетъ намъ употреблять, сколько хотимъ. О, я бы совѣтовалъ и тебѣ къ намъ же перейти". — „Посмотрю, что будетъ далѣе, сказалъ старшій братъ: если не будетъ мнѣ легче, то я, кажется, рѣшусь на это. Чрезъ недѣлю скажу тебѣ, что придумаю". Недѣля прошла, и братья снова увидѣлись. „Что, рѣшился ли ты оставить своего строгаго господина?"—спросилъ младшій братъ,— „Нѣтъ,"—отвѣтилъ старшій.—„Теперь и не думаю никогда отходить отъ своего господина: я вижу, что живу въ добромъ мѣстѣ. Господинъ нашъ самый добрый и благородный человѣкъ: какіе богатые подарки онъ намъ дѣлаетъ!"— „Но вѣдь ты говорилъ, что у него трудно: развѣ теперь вамъ меньше дѣла!" — „Нѣтъ, не меньше: но я нынѣ привыкъ къ трудамъ. Теперь мнѣ ничего не стоитъ встать съ восходомъ солнца и заниматься во весь день. Даже я не могу понять, какъ я прежде могъ жить безъ занятія и труда, какъ и ты теперь живешь. Я думаю что ты долженъ скучать". — „О не заботься обо мнѣ. Я не вижу, какъ время летитъ. У насъ удовольствія столь разнообразны, и столь ихъ много, что скукѣ не можетъ быть мѣста".—„А ты отъ чего томенъ и блѣденъ: ужъ здоровъ ли ты?" спросилъ старшій. — „О, ничего, отвѣчалъ младшій, это конечно отъ того, что я ночью мало спалъ, потому что до самой зари веселился съ гостями. Да и теперь мнѣ время итти домой и приготовиться къ принятію гостей. Прощай". — Еще прошла недѣля, и братья опять свидѣлись. „Здоровъ ли, братъ любезный? ты блѣденъ и худъ, тебя едва узнать можно!"— „Ахъ, я едва могу ходить. Кажется, ничего труднаго не дѣлалъ, проводилъ время въ однѣхъ играхъ и забавахъ: но и онѣ меня такъ истомили и измучили, что я начинаю опасаться, чтобы не случилось со мною чего худого". — „Я предугадывалъ, что это случится съ тобою, но только не смѣлъ говорить тебѣ, потому что тогда ты бы меня не послушалъ. Но послушай теперь, братъ любезный, послушай совѣта искренняго: перемѣни образъ жизни; оставь своего господина. Ты немного послужилъ у него, но такъ изнурился: а что будетъ послѣ? Что будетъ, если онъ тебя сошлетъ отъ себя, когда ты не въ состояніи будешь служить ему? чѣмъ ты будешь тогда жить? Подумай объ этомъ!"—„Я уже и самъ думаю о семъ, и располагаюсь отойти отъ своего господина. Только теперь нельзя этого сдѣлать; надобно кончить нѣкоторыя дѣла. На слѣдующей недѣлѣ надѣюсь быть свободенъ". — Чрезъ недѣлю старшій братъ пришелъ на мѣсто свиданія: но младшаго тамъ не было. Долго ждалъ онъ его и, не дождавшись, наконецъ, рѣшился итти къ нему въ домъ. „Не боленъ ли онъ, надобно посѣтить его". Подходя къ дому, онъ еще издали видитъ у него великолѣпный съѣздъ, слышитъ громкую музыку, и подумавъ, что братъ его, конечно, занятъ принятіемъ гостей, хотѣлъ итти назадъ. Но въ какое онъ пришелъ изумленіе, когда въ недальнемъ отъ себя разстояніи услышалъ стонъ и потомъ увидѣлъ своего брата, лежащаго на голой землѣ! „Что съ тобою, братъ? Какимъ образомъ ты очутился здѣсь и въ такомъ жалкомъ положеніи?"—„Ахъ, отвѣчалъ тотъ, сколь я былъ безуменъ, что служилъ господину, который не имѣетъ ни чувства, ни совѣсти, который только обольщаетъ бѣдныхъ людей приманкою пріятной службы, а послѣ, вотъ видишь, какъ за неё награждаетъ! Услышавъ о моей болѣзни, хозяинъ тотчасъ сказалъ мнѣ, что болѣе не имѣетъ во мнѣ нужды, и что, слѣдовательно, я долженъ искать себѣ другого мѣста. Я представлялъ ему свое усердіе къ служенію, но онъ сдѣлалъ знакъ слугамъ, и они насильно вывели меня за ворота и оставили здѣсь умирать отъ болѣзни и горести". — „Несчастный братъ! — сказалъ старшій, — твое легкомысліе погубило тебя. Но если выздоровѣешь, надѣешься ли ты преодолѣть свою склонность къ забавамъ и нѣгѣ и трудиться, сколько силъ станетъ? Въ такомъ случаѣ я бы сказалъ о тебѣ моему господину, и онъ по своему милосердію къ бѣднымъ вѣрно не отринетъ тебя, несмотря на то, что ты служилъ у врага его, и приложитъ о тебѣ попеченіе, какъ отецъ. Только обѣщай впредь служить ему одному, сколько позволятъ твои силы. У насъ тебѣ будетъ хорошо". У бѣднаго появились слезы на глазахъ. — „Веди меня къ нему", сказалъ онъ, и тотчасъ же побрелъ, хотя и съ трудомъ, опираясь на плечо своего брата, къ новому господину. Милосердый господинъ милостиво его принялъ, обласкалъ, успокоилъ, скоро исцѣлилъ отъ болѣзни, пріохотилъ къ трудамъ и сдѣлалъ его счастливымъ человѣкомъ. — Братья—это всѣ мы. Господинъ, сперва принявшій къ себѣ столь ласково, а потомъ изгнавшій отъ себя столь презрительно меньшого брата—это міръ, который обманываетъ людей ложнымъ видомъ своего богатства, завлекаетъ приманкою непрестанныхъ забавъ и удовольствій, и потомъ оставляетъ на явную гибель. Другой господинъ, строгій, но справедливый и благій, коему служилъ старшій братъ—это Богъ, Который, давъ намъ краткое время жизни, требуетъ, чтобы мы его все безъ малѣйшаго опущенія проводили въ трудахъ. Служеніе Богу сначала кажется тяжкимъ и труднымъ, но потомъ легкимъ и пріятнымъ, и оканчивается пріобрѣтеніемъ отъ Него богатѣйшаго наслѣдія—царства небеснаго. Блаженъ, кто въ служеніи Богу проводилъ все время своей жизни! Счастливъ и тотъ, кто хотя и служилъ міру, но увидѣлъ его обманъ и пришелъ къ Богу съ искреннимъ раскаяніемъ и готовностію впредь служить Ему одному! Но горе тому, кто всю жизнь свою служитъ міру и умираетъ слугою міра! (Изъ „Христіанскаго чтенія“ 1831 г.).

---

[1]) Матѳ. VI гл. 24 ст.: «не можете Богу работати и мамонѣ».

НЕДѢЛЯ 4-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 25-е, гл. VIII, 5—13 ст.

1. Объ исцѣленіи слуги сотника съ указаніемъ на то, каковы должны быть взаимныя отношенія между хозяевами и служащими.

Однажды Іисусъ вошелъ въ Капернаумъ. Въ этомъ городѣ жилъ одинъ сотникъ (или начальникъ ста человѣкъ солдатъ), у котораго любимый слуга занемогъ очень опасно. Сотникъ много слышалъ о чудесахъ Іисуса. Онъ просилъ помощи у Спасителя; но не смѣлъ звать Его къ себѣ, считая себя недостойнымъ принять Его въ домъ свой. Сотникъ этотъ былъ язычникъ, но любилъ іудеевъ и помогалъ имъ. Старѣйшины іудейскіе говорили Спасителю: „посѣти его, онъ достоинъ такой милости: любитъ народъ нашъ и построилъ намъ синагогу. (Синагогами назывались дома, куда собирались для слушанія священнаго писанія. Почти въ каждомъ городѣ были синагоги, а храмъ во всей Іудеѣ былъ только одинъ—въ Іерусалимѣ). Спаситель пошелъ къ сотнику. Дорогой онъ встрѣтилъ друзей его, которые отъ имени сотника сказали Ему: „не трудись, Господи! ибо я недостоинъ, чтобы Ты вошелъ въ домъ мой. И себя самого не почелъ я достойнымъ притти къ Тебѣ; но скажи слово, и выздоровѣетъ слуга мой. Я самъ человѣкъ подвластный; однако, когда я даю приказаніе моимъ подчиненнымъ, меня слушаются; Тебѣ же все подчинено“. Іисусъ, услышавъ слова эти, обратился къ іудеямъ, которые Его окружали, и сказалъ имъ: „и во Израилѣ не нашелъ Я такой вѣры“. Посланные возвратились домой и нашли, что больной уже выздоровѣлъ. (См. кн. „Разсказы о земной жизни Спасителя“ А. Бахметевой, изд. 15-е, 1900 г.).

Какъ добръ и любезенъ римскій начальникъ къ своему слугѣ! Не худо и намъ, христіанамъ, поучиться у этого сотника добрымъ отношеніямъ къ служащимъ. Смотрите, какое расположеніе, какую заботливость онъ оказываетъ своему слугѣ. Вотъ заболѣлъ этотъ слуга; лютый недугъ приковалъ его къ постели, исчезла уже всякая надежда на его выздоровленіе, неумолимая смерть уже готова была сдѣлать его своею жертвой! Видитъ все это сотникъ и съ болью сердца, сознаетъ, что ни самъ онъ и никто другой не можетъ помочь его слугѣ. Но вотъ онъ слышитъ, что въ городъ пришелъ великій Чудотворецъ, и въ душѣ его зажглась искра вѣры и надежды. Забылъ все: и богатство, и свое высокое положеніе, и мнѣніе о себѣ единовѣрцевъ (язычниковъ),—онъ съ одною заботою о своемъ больномъ слугѣ молитъ Спасителя объ исцѣленіи его. Да, другой отецъ съ такою любовію не отнесся бы къ сыну, какъ сотникъ къ слугѣ своему. О, если бы и у насъ, христіанъ, были такія отеческія, любвеобильныя отношенія къ служащимъ! Но, къ несчастію, не такъ бываетъ у насъ на самомъ дѣлѣ. Холодно, безучастно относится большая честь хозяевъ къ своимъ служащимъ. Они смотрятъ на служащихъ какъ на рабочую силу. Пока они здоровы и усердно работаютъ, до тѣхъ поръ они и хороши. А сдѣлался почему-либо служащій неспособенъ къ своему дѣлу, по старости ли, или по внезапной болѣзни, мы спѣшимъ поскорѣе удалить его отъ себя. Немногіе изъ насъ постараются потерпѣть его, пригласить врача; а посѣтить въ больницѣ, это — рѣдкое явленіе. А между тѣмъ какъ это дорого для больного служащаго! Мало хозяева дѣлаютъ добра служащимъ и въ другихъ случаяхъ. Но, что всего прискорбнѣе, — многіе намѣренно отвлекаютъ ихъ отъ храма, заставляя ихъ работать въ праздничные и воскресные дни. Какой тяжкій грѣхъ принимаютъ на свою душу всѣ таковые хозяева! Какъ отвѣчать имъ на страшномъ судѣ! Еще хуже и безжалостнѣе поступаютъ тѣ хозяева, которые лишаютъ мзды наемника, т.-е. не отдаютъ должной платы человѣку трудящемуся. Человѣкъ рабочій, быть-можетъ, льетъ не потъ, а кровь на твоей работѣ, а ты лишаешь его платы, которую онъ заслужилъ столь тяжкими трудами своими,— не безжалостно ли ты поступаешь съ этимъ труженикомъ?! Не явное ли это немилосердіе къ ближному?

И вы, кому Господь судилъ быть служащими, можете поучиться у слуги капернаумскаго сотника. Мы видѣли, какъ сотникъ ухаживаетъ за своимъ больнымъ слугою, ищетъ всевозможныхъ средствъ облегчить болѣзнь его. Что же такое привлекло его къ слугѣ? Несомнѣнно — что исполненіе послѣднимъ воли хозяина, безпрекословное подчиненіе, честное и вѣрное служеніе ему и, вообще, хорошее поведеніе слуги. И вы, служащіе, если хотите пользоваться любовію своихъ хозяевъ, работайте послѣднимъ всею правдою, безъ лѣни и лукавства; кто бы ни былъ вашъ хозяинъ, баринъ или простолюдинъ, одинаково служите ему по совѣсти; хозяйское добро приращайте и берегите его паче своего, ничего изъ него не утаивайте,— помните, что *злѣ пріобрѣтенное злѣ и погибнетъ*. Но, работая своимъ господамъ-хозяевамъ, не забывайте работать и Господу, и вы можете угодить Ему и достигнуть царствія Божія, ибо о Господѣ *нѣсть рабъ и свободь, но всяческая и во всѣхъ Христосъ*. Не говорите: гдѣ ужъ намъ угодить Богу въ нашемъ низкомъ званіи! Приведу вамъ примѣръ того, что и въ рабскомъ званіи можно угодить Богу и достигнуть небесной славы. Этотъ примѣръ представляетъ намъ св. мученица Юлія (память ея праздн. 16 іюля).

Родилась св. Юлія въ Африкѣ, въ г. Карѳагенѣ, около 6 вѣка по Р. Х. Въ то время напали на этотъ городъ персы, разбили его и много народа взяли въ плѣнъ. Въ числѣ ихъ взята была и отроковица Юлія, дочь одного почтеннаго христіанина, и продана была въ рабство одному купцу язычнику. Плѣнница и у невѣрнаго господина была вѣрною слугою: всегда она была трудолюбивою, правдивою, честною, скромною, а главное—набожною. За усердную и честную службу хозяинъ и вся его семья очень любили и уважали Юлію. Господь благословлялъ домъ хозяина: дѣла купца шли, какъ нельзя лучше. Однажды, отправляясь съ товарами въ Галлію, онъ взялъ съ собою и Юлію, какъ необходимую, вѣрную, умную и распорядительную слугу. Плыли они моремъ и, наконецъ, приплыли къ одному острову на Средиземномъ морѣ и остановились тутъ на нѣкоторое время. Увидѣвши съ корабля, когда еще приставали къ берегу, что здѣсь, на берегу острова, справлялся какой-то шумный языческій праздникъ, хозяинъ поспѣшилъ сюда и тутъ съ своими спутниками принялъ участіе въ празднествѣ, купилъ и онъ теленка, принесъ его въ жертву и сталъ пировать со всѣми.

Во время общаго пиршества кто-то замѣтилъ, что на кораблѣ остается одна дѣвица, которая о чемъ-то груститъ и плачетъ. А это была Юлія: она скорбѣла о слѣпотѣ и нечестіи язычниковъ. Сейчасъ сказали объ этомъ старѣйшинѣ острова. Тотъ, узнавши, что Юлія, прислуга купца, христіанка, что она очень трудолюбива, честна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тверда въ своей вѣрѣ, сказалъ купцу: „не хочешь ли, я куплю ее у тебя и тогда непремѣнно заставлю ее отречься отъ Бога.“—„Заставить ее отречься отъ вѣры—ты никогда не заставишь,—сказалъ купецъ:—она скорѣе готова умереть, чѣмъ отречься отъ Христа. Что же касается до того, что ты хотѣлъ бы купить ее у меня, то одно скажу—что и всего твоего состоянія мало, чтобы тебѣ купить такую честную, трудолюбивую и вѣрную рабу“. Подзадоренный такимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ, старѣйшина задумалъ, во что бы то ни стало, заставить Юлію отказаться отъ своей вѣры. Когда уже всѣ сдѣлались нетрезвы на пиршествѣ, и хозяинъ Юліи уснулъ крѣпкимъ сномъ, старѣйшина потребовалъ къ себѣ Юлію на допросъ и сталъ принуждать ее къ участію въ языческомъ торжествѣ. Юлія рѣшительно отказалась отъ этого. Тогда онъ сталъ бить ее по лицу и по чему попало; затѣмъ, послѣ разныхъ мученій и истязаній, распялъ ее на крестѣ. Святая дѣва съ удивительнымъ терпѣніемъ переносила всѣ страданія. Когда хозяинъ Юліи проснулся и узналъ, что она виситъ на крестѣ, съ величайшею скорбію поспѣшилъ онъ къ ней,— но было уже поздно: мученица при немъ испустила духъ. Чистая, святая душа ея, какъ бѣлая голубица, въ виду всѣхъ, взлетѣла на небо. Сильно грустилъ хозяинъ о смерти своей вѣрной слуги; но еще больше оплакивали мученицу бывшіе тутъ христіане. (Ч.-М. 16 іюля).

Вотъ вамъ, христіане, образецъ того, какъ можно и людямъ служить, и Богу угождать.

2. Тайна безропотнаго служенія въ низшей должности.

Св. Іоаннъ лѣствичникъ разсказываетъ что, придя въ нѣкоторое монастырское общежитіе, онъ много слышалъ о добродѣтельной жизни тамошняго повара. „Видя, что онъ въ своемъ служеніи имѣетъ непрестанное умиленіе и слезы, я просилъ его открыть мнѣ, какимъ образомъ онъ сподобился этой благодати? Будучи убѣжденъ моею просьбою, онъ отвѣчалъ: *я никогда не помышлялъ, что служу людямъ, но Богу;* я счелъ себя недостойнымъ никакого безмолвія, и смотря на этотъ огонь, непрестанно вспоминаю о вѣчномъ пламени“. („Лѣствица“ Іоанна, игум. сѵнайск. горы. М. 1862 г. Сл. IV. § 16, стр. 35—36).

3. Сила вѣры.

Капернаумскій сотникъ, о которомъ вы слышали въ евангеліи нынѣшняго дня, учитъ насъ той истинѣ, что вѣра имѣетъ великую силу. Тому же учатъ и многіе святые. Представимъ одинъ изъ примѣровъ силы христіанской вѣры.

Родившись отъ благочестивыхъ родителей, св. Василій Великій еще съ дѣтства усвоилъ себѣ искреннюю вѣру и твердыя правила христіанскаго благочестія. Въ то время, какъ другіе сверстники его тратили свои силы и время на пользованіе мірскими удовольствіями и языческими развлеченіями, Василій обращалъ все усиліе свое къ уразумѣнію слова Божія и пріобрѣтенію добродѣтелей, къ снисканію христіанской мудрости. Сдѣлавшись епископомъ кесарійскимъ, св. Василій выступилъ на борьбу съ тогдашними еретиками аріанами, искажавшими св. православную вѣру. Въ защищеніи истины противъ враговъ православной вѣры и церкви христіанской онъ проявилъ такую ревность и твердость, что, по словамъ св. Григорія Богослова, былъ для православныхъ „твердою стѣною и оплотомъ“, а для еретиковъ — „млатомъ, сокрушающимъ камень“. За такую ревность къ православной вѣрѣ Господь наградилъ св. Василія особыми благодатными дарами Св. Духа, проявленными святителемъ еще при жизни. Въ Кесаріи проживалъ въ то время знаменитый врачъ изъ іудеевъ — Іосифъ. Предвидя духомъ обращеніе его ко Христу, Василій Великій приглашалъ его иногда къ себѣ и убѣждалъ оставить жидовскую вѣру. Но еврей на всѣ убѣжденія святителя всегда отвѣчалъ одно и то же: „хочу умереть въ той вѣрѣ, въ которой родился“. Когда св. Василій впалъ въ болѣзнь, отъ которой долженъ былъ окончить дни свои, то въ числѣ другихъ пришелъ навѣстить его и тотъ врачъ-жидовинъ. Видя великую слабость архіепископа, онъ велѣлъ готовить все, нужное къ погребенію, завѣряя, что св. Василій не доживетъ до утра. Узнавъ объ этомъ, святитель спросилъ того врача: „а если я доживу до утра, ты что тогда сдѣлаешь?“—„Я готовъ самъ умереть“,—отвѣтилъ еврей. „Такъ,—сказалъ святитель,—умрешь для грѣха и будешь жить для Бога“. — „Понимаю, о чемъ говоришь,— отвѣчалъ еврей,—и клянусь, что, если ты доживешь до утра, то я исполню твою волю“. Тогда св. Василій сталъ усердно молиться Господу, чтобы ради спасенія души еврея его жизнь продлилась до утра. Молитва его была услышана. Когда настало утро, то св. Василій послалъ за евреемъ, но тотъ не хотѣлъ вѣрить слугѣ и самъ поспѣшилъ къ святителю. Увидѣвъ его живымъ, онъ воскликнулъ: „воистину, великъ Богъ христіанскій, и нѣтъ иного Бога, кромѣ Его; я готовъ исполнить свое слово. Итакъ, повели, святый отче, преподать св. крещеніе мнѣ и всему дому моему“. — „Я самъ преподамъ св. крещеніе“, — сказалъ тогда архипастырь. — „Тебѣ нельзя вставать: ты очень слабъ“,— отвѣчалъ врачъ. — „Господь укрѣпитъ меня“, — замѣтилъ ему св. Василій Великій и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ въ церковь. Окрестивъ самого еврея и всѣхъ его семейныхъ, преподавъ имъ, по совершеніи литургіи, св. тайны, великій святитель возвратился въ свой домъ и къ вечеру того дня съ миромъ отошелъ ко Господу. Это случилось 1 января 379 года.

Вотъ какія чудеса совершаетъ правая, искренняя и твердая вѣра въ Бога и Его Единороднаго Сына, Господа нащего Іисуса Христа. Св. вѣра содѣлываетъ человѣка твердымъ на всѣхъ путяхъ его жизни, укрѣпляетъ и оживляетъ его тамъ, гдѣ остается безсильнымъ всякое человѣческое средство. Будемъ же чаще возгрѣвать въ своемъ сердцѣ животворный пламень вѣры Христовой, будемъ всею душою своею принимать все то, чему учитъ насъ святая церковь и слово Божіе. (См. „Воскресн. лист.“ № 151).

4. Церковно-историческіе разсказы о нищетѣ духовной или христіанскомъ смиреніи[1]).

Евангеліе нынѣшней недѣли учитъ насъ въ лицѣ капернаумскаго сотника добродѣтели смиренія. Представимъ здѣсь нѣсколько примѣровъ ея.

Древняя церковь почитала смиреніе вѣнцомъ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, основнымъ началомъ христіанск. совершенства, лучшимъ украшеніемъ послѣдователей Христа (Тертулліанъ, св. Кипріанъ, св. Златоустъ). И въ исторіи древней христіанск. церкви мы встрѣчаемъ много прекрасныхъ образцовъ истинно-христіанскаго смиренія, въ особенности же среди монашества. Вотъ нѣсколько церковно-историческихъ примѣровъ дивно-прекраснаго христіанск. смиренія.

I. Одинъ изъ замѣчательныхъ церковныхъ учителей, извѣстный своимъ образованіемъ, Климентъ александрійскій не хотѣлъ имѣть никакой другой должности, кромѣ учителя въ огласительной школѣ.

II. Св. Ефремъ Сиринъ всегда отказывался отъ степени пресвитера и епископа и оставался простымъ, скромнымъ діакономъ.

Предсмертное завѣщаніе св. Ефрема Сирина свидѣтельствуетъ о великомъ его смиреніи. Въ предсмертномъ завѣщаніи своемъ Ефремъ выразилъ то, что наполняло душу его цѣлую жизнь: выразилъ духъ свой сокрушенный. Онъ писалъ: „кто положитъ меня подъ алтаремъ, да не узритъ тотъ алтаря Бога моего; неприлично смердящему трупу лежать на мѣстѣ святомъ. Кто погребетъ меня въ храмѣ, да не узритъ храма свѣта; недостойному безполезна слава пустая... Возьмите меня на плечи и бѣгите бѣгомъ со мной и бросьте, какъ человѣка отверженнаго... О, если бы кто показалъ вамъ дѣла мои! Вы стали бы плевать на меня. Истинно, если бы могъ быть замѣченъ запахъ грѣховъ моихъ, вы убѣжали бы отъ смрада Ефремова... Не покрывайте меня ароматами, — отъ этой почести никакой мнѣ нѣтъ пользы: благовонія возжигайте въ святилищѣ, а мнѣ споспѣшествуйте молитвами; ароматы посвятите Богу, меня погребите съ псалмами... Не кладите меня въ ваши гроба: ваши украшенія ни къ чему мнѣ не послужатъ. Я обѣщалъ Богу быть погребеннымъ между странниками; странникъ я, какъ и они; такъ положите меня, братія, у нихъ. Воззри, Господи, умоляю Тебя, умилосердись надо мною. Молю Тебя, Сыне Милостиваго — не воздай мнѣ по грѣхамъ моимъ“. (Изъ кн. „Историч. ученіе объ отцахъ церкви“ Филарета, архіеп. черниг, и нѣжинскаго. Т. II. Спб. 1882 г. стр. 83—84).

III. Блаженный Іеронимъ хотя и имѣлъ степень пресвитера, но на самомъ дѣлѣ оставался простымъ монахомъ, считая себя недостойнымъ служить у престола Божія.

IV. Императоръ Ѳеодосій Вел., по требованію Амвросія медіоланскаго, совершаетъ публичное покаяніе при вратахъ храма. Константинъ Вел., смиряя въ себѣ чувство владыки всего міра, на 1-мъ вселенскомъ соборѣ не садился на тронъ, а стоялъ изъ уваженія предъ собравшимися отцами церкви.

V. Препод. Святоша (уменьшительное изъ имени Святославъ), князь черниговъ., въ иночествѣ Николай (Никола) былъ сынъ Давида и внукъ Святослава. И помыслилъ онъ, какъ обманчиво все въ суетной этой жизни, и что все земное протекаетъ, проходитъ мимо, а будущія блага непреходящи и вѣчны, и безконечно царство небесное, приготовленное Богомъ любящимъ Его. И, оставивъ княженіе, и честь, и славу, и власть, и все то ни во что вмѣнивъ, онъ пришелъ въ печерскій монастырь и сдѣлался инокомъ. Это было въ лѣто 1106 г. февраля 17 дня. Всѣ бывшіе при немъ черноризцы признаютъ его добродѣтельное житіе и послушаніе. Три года пробылъ онъ на поварнѣ, работая на братію; своими руками кололъ дрова для приготовленія пищи, часто даже носилъ ихъ съ берега на своихъ плечахъ, и съ трудомъ братья его, Изяславъ и Всеволодъ, удерживали его отъ такого дѣла. Однако, этотъ истинный послушникъ просилъ и молилъ, чтобы ему еще хотя съ годъ поработать въ поварнѣ на братію; послѣ же этого приставили его къ монастырскимъ вратамъ, такъ какъ во всемъ онъ былъ искусенъ и совершенъ. И пробылъ онъ тутъ три года, не отходя никуда, кромѣ церкви. Оттуда велѣно ему было перейти служить на трапезѣ. Наконецъ, волею игумена и всей братіи принужденъ онъ былъ имѣть свою келлію, которую самъ и построилъ. И донынѣ эту келлію зовутъ Святошиной, также и огородъ, который онъ ископалъ своими руками. Говорятъ также объ этомъ блаженномъ Святошѣ, что никто никогда не видалъ его празднымъ; всегда въ рукахъ у него было рукодѣлье, чѣмъ онъ и вырабатывалъ себѣ на одежду. На устахъ его постоянно была молитва Іисусова: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго!“ Никогда не вкушалъ онъ ничего иного, кромѣ монастырской пищи: хотя онъ и много имѣлъ, но все то отдавалъ на нужды странныхъ и нищихъ и на церковное строеніе. Книгъ его и до нынѣ много въ монастырѣ печерскомъ.

---

[1]) По поводу смиренія сотника.

Еще во время княженія, имѣлъ этотъ блаженный князь Святоша врача весьма искуснаго, именемъ Петра, родомъ сиріянина. Этотъ Петръ пришелъ съ нимъ въ монастырь, но, видя его вольную нищету на поварнѣ и у воротъ, разстался съ нимъ и сталъ жить въ Кіевѣ, врачуя многихъ. Онъ часто приходилъ къ блаженному и, видя его во многомъ злостраданіи и безмѣрномъ пощеніи, увѣщевалъ его, говоря: „князь! слѣдовало бы тебѣ поберечь свое здоровье и не губить такъ плоть свою безмѣрнымъ трудомъ и воздержаніемъ: ты когда-нибудь изнеможешь такъ, что не въ силахъ будешь нести лежащее на тебѣ бремя, которое тебѣ угодно было принять на себя, Господа ради. Богъ хочетъ не поста, или труда непосильнаго, а только сердца чистаго и сокрушеннаго, да ты и не привыкъ къ такой нуждѣ, какую переносишь теперь, работая, какъ подневольный рабъ; и благочестивымъ братьямъ твоимъ, Изяславу и Всеволоду, въ великую укоризну твоя нищета; какъ отъ такой славы и чести дойти до послѣдняго убожества, до того, чтобы изнурять свое тѣло подобной пищей! Дивлюсь я твоему желудку: какъ терпитъ онъ! Бывало, отягощался сладкой пищей, а теперь суровое зелье и сухой хлѣбъ принимаетъ. Берегись, когда-нибудь недугъ соберется отовсюду, и ты, не имѣя крѣпости, скоро и жизни лишишься, нельзя уже мнѣ будетъ помочь тебѣ. И оставишь ты плачъ неутѣшный братьямъ своимъ. Вотъ также и бояре твои, служившіе тебѣ, думали когда-нибудь сдѣлаться чрезъ тебя великими и славными; нынѣ же лишены твоей любви и пѣняютъ на тебя; поставили себѣ дома большіе, да и сидятъ въ нихъ въ великомъ уныніи. Ты самъ не имѣешь куда голову преклонить, и имъ кажется, что ты даже отказался отъ ума своего. Какой князь дѣлалъ такъ? Блаженный ли отецъ твой Давидъ, или дѣдъ твой Святославъ? Или кто изъ бояръ поступалъ такъ, или хотя желаніе имѣлъ идти по этому пути, кромѣ Варлаама, бывшаго здѣсь игуменомъ? Если не послушаешься меня, то прежде времени смерть примешь“. И такъ часто говорилъ онъ ему, сидя съ нимъ въ поварнѣ, или у воротъ, бывъ наученъ братьями князя. Блаженный же отвѣчалъ ему: „братъ Петръ! много думалъ я и разсудилъ не пощадить плоти своей, чтобы снова не поднялась во мнѣ борьба: пусть подъ гнетомъ многаго труда смирится она. Сила, сказано, братъ Петръ, совершается въ немощи (2 Коринѳ. XII, 9). Нынѣшнія временныя страданія ничего не стоять въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ (Римл. VIII, 18). Я благодарю Господа, что Онъ освободилъ меня отъ рабства міру и сдѣлалъ слугой рабамъ Своимъ, этимъ блаженнымъ черноризцамъ. Братья же мои пусть за собой смотрятъ: каждый долженъ свое бремя нести. Все: жену, и дѣтей, и домъ, и власть, и братьевъ, и друзей, и рабовъ, и села, — оставилъ я ради Христа, чтобы чрезъ то сдѣлаться наслѣдникомъ жизни вѣчной. Я обнищалъ ради Бога, чтобы Его пріобрѣсть. Да и ты, когда врачуешь, не велишь ли воздерживаться въ пищѣ! А для меня умереть за Христа — пріобрѣтеніе, а сидѣть на сорной кучѣ, подобно Іову, — царствованіе. Если же князья не дѣлали такъ прежде меня, то пусть я явлюсь имъ вождемъ: можетъ-быть, кто-нибудь изъ нихъ поревнуетъ мнѣ и пойдетъ по слѣду моему. До прочаго же тебѣ и научившимъ тебя дѣла нѣтъ“.

Князь Святоша жилъ послѣ того еще 30 лѣтъ, не исходя изъ монастыря до самаго преставленія въ вѣчную жизнь. Когда же онъ умеръ, едва не весь городъ былъ на погребеніи его. (Изъ „Кіево-печерскаго патерика“).

VI. Пр. Ѳеодосій печерскій, знаменитый игуменъ кіево-печерскаго монастыря, разъ возвращался ночью отъ великаго князя Изяслава. Слуга князя, не знавшій подвижника, грубо сказалъ ему: „монахъ, ты всегда празденъ, а я постоянно въ трудахъ; ступай на лошадь, а меня пусти въ колесницу“. Ѳеодосій, не сказавъ ни слова, обмѣнялся мѣстомъ съ возницей и везъ его цѣлую ночь. Утромъ слуга испугался, когда увидѣлъ, что встрѣчные бояре кланялись Ѳеодосію, слѣзая даже съ своихъ коней, но преподобный привезъ его даже въ монастырь и велѣлъ хорошо угостить.

VII. Преп. Кириллъ бѣлозерскій, избранный въ игумена братіей Симонова монастыря, убоялся оказываемыхъ ему почестей, сложилъ свой санъ и поселился въ малой келліи, какъ простой инокъ.

Смиреніе св. Кирилла бѣлозерскаго было таково, что однажды онъ сказалъ нѣкоторому иноку, сначала уважавшему его, а потомъ возненавидѣвшему и поносившему его предъ всѣми: „всѣ ошибаются во мнѣ, считая меня праведнымъ; только ты одинъ говоришь правду и знаешь все мое недостоинство.“ Когда одинъ князь собирался ѣхать къ Кириллу въ монастырь для свиданія, то онъ, узнавъ объ этомъ, писалъ ему, чтобы отклонить отъ поѣздки: „извѣщаю тебя напередъ, что нельзя видѣть меня; оставлю монастырь и уйду, куда Богъ наставитъ. Вы думаете, что я тутъ добрый, святой человѣкъ? Нѣтъ, истинно я всѣхъ грѣшнѣе и несчастнѣе и исполненъ срама. Если поѣдешь ты ко мнѣ, всѣ люди станутъ говорить: для Кирилла поѣхалъ“, („Ч.-М.“ 9 іюня).

5. Разсказы, показывающіе силу христіанскаго смиренія.

I. Одинъ простолюдинъ отправился съ больнымъ сыномъ къ преподобному Сисою, жившему въ Египтѣ. Дорогою больной умеръ. Отецъ не смутился этимъ, взялъ мертвеца и принесъ къ преподобному. Зная смиреніе послѣдняго, поселянинъ не сталъ просить открыто у него помощи, а, вошедши съ мертвецомъ на рукахъ, сдѣлалъ поклонъ преподобному и при этомъ положилъ мертваго сына къ ногамъ старца — самъ же вышелъ изъ келліи. Не зная, что предъ нимъ лежитъ мертвецъ, и думая, что поклонившійся не хочетъ встать, преподобный сказалъ умершему: „встань и иди!“ И мертвый ожилъ, всталъ и вышелъ навстрѣчу къ удивленному своему отцу. Тогда послѣдній вошелъ къ Сисою и разсказалъ ему, что случилось съ его сыномъ на пути, и какъ онъ мертваго его принесъ къ преподобному. Сильно опечалился св. подвижникъ, услыша это, и запретилъ простолюдину и ученикамъ своимъ разсказывать о случившемся до смерти своей. (Прологъ, мая 3 дня).

II. Въ пустынный скитъ, гдѣ жилъ преп. Виссаріонъ, пришелъ бѣсноватый. Братія вознесли о немъ молитву въ церкви, но демонъ не выходилъ изъ несчастнаго. Тогда иноки стали разсуждать: „что дѣлать? Никто не выгонитъ этого бѣса, кромѣ Виссаріона, но какъ просить его объ этомъ? Если начнемъ просить, онъ не пойдетъ въ церковь. Развѣ вотъ что сдѣлаемъ: приведемъ завтра бѣсноватаго раньше всѣхъ въ церковь и посадимъ на мѣстѣ преподобнаго. И когда авва взойдетъ, скажемъ ему: „разбуди брата, отче!“ Такъ и сдѣлали. И вотъ когда Виссаріонъ, вошедши въ церковь, сталъ на молитву, иноки сказали ему: „разбуди брата, отче!“ И преподобный сказалъ бѣсноватому; „встань и иди отсюда“. И бѣсъ тотчасъ же оставилъ человѣка. (Патерик. скитск.).

III. Однажды къ нѣкоторому старцу въ Ѳиваидѣ пришли посѣтители; они имѣли съ собою бѣснующагося, котораго привели съ тѣмъ, чтобъ старецъ исцѣлилъ его. Долго упрашивали они старца и, наконецъ, онъ сказалъ демону: „выйди изъ созданія Божія!“ Демонъ отвѣчалъ: „выйду, но прежде дай отвѣтъ на мой вопросъ: кто — козлища и кто — агнцы?“ Старецъ отвѣчалъ: козлища — такіе, какъ я, а кто — овцы, о томъ знаетъ Богъ“. Демонъ, услыша это, воскликнулъ громкимъ голосомъ: „выхожу по причинѣ твоего смиренія!“ и вышелъ немедленно. („Отечникъ“, епископа Игнатія, стр. 516)

НЕДѢЛЯ 5-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 27-е, гл VIII, 28—34 ст. гл. IX, 1 ст.

1. Исцѣленіе двухъ бѣсноватыхъ.

Однажды съ учениками Своими Іисусъ Христосъ прибылъ въ страну Гадаринскую[1]. Когда они вышли изъ лодки, имъ навстрѣчу выбѣжали двое бѣсноватыхъ[2]. Они были весьма свирѣпы, такъ что никто не смѣлъ проходить тѣмъ путемъ, гдѣ ихъ можно было встрѣтить. Нечистый духъ угонялъ ихъ въ горы, въ пустыню и пещеры. Одного изъ нихъ часто сковывали оковами и цѣпями, но онъ разбивалъ оковы и разрывалъ цѣпи. Теперь же онъ сдѣлался до того дикимъ, что всякій боялся приблизиться къ нему, и никто не въ силахъ былъ укротить его. Онъ всегда былъ днемъ и ночью въ гробахъ и горахъ, кричалъ и бился о камни.

Когда бѣсноватые увидѣли Іисуса, то прибѣжали къ Нему и поклонились Ему. Іисусъ повелѣлъ нечистымъ духамъ выйти изъ нихъ. Тогда они вскричали: „что Тебѣ до насъ, Іисусъ, Сынъ Бога всевышняго?“ Они склоняются предъ Его величіемъ, они знаютъ, что Онъ можетъ связать ихъ узами адскаго мрака и блюдетъ ихъ на судъ наказанія (2 Петр. V, 4), отсюда ихъ страхъ, ихъ просьба. Іисусъ спрашиваетъ у злого духа, который говорилъ отъ имени прочихъ: „какъ тебѣ имя?“ Нечистый духъ дерзко отвѣчаетъ: „легіонъ имя мнѣ, потому что насъ много“[3]. Затѣмъ бѣсы начинаютъ просить Господа, чтобы Онъ не изгонялъ ихъ изъ этой страны, а позволилъ войти въ стадо свиней, которыя тутъ паслись на горахъ. Іисусъ позволилъ имъ это[1]. Они тогда вошли въ свиней, и все стадо (двѣ тысячи головъ) бросилось въ море. Пастухи возвѣстили о случившемся жителямъ города и близълежащихъ деревень. Когда пришли жители, то увидѣли, что бѣсноватый сидитъ у ногъ Іисуса Христа, одѣтый уже и въ здравомъ умѣ, и устрашились. Очевидцы разсказали имъ, какъ произошло исцѣленіе бѣсноватыхъ. Но ихъ мало интересовало спасеніе бѣдныхъ, страдавшихъ людей. Они боялись, чтобъ не пришлось имъ чрезъ Іисуса потерпѣть еще больше убытка въ своихъ имуществахъ. Потому они стали просить Его, чтобъ Онъ удалился изъ ихъ страны. Іисусъ пошелъ къ лодкѣ, чтобъ переправиться на другой берегъ; но исцѣлившійся сталъ просить, чтобъ Іисусъ позволилъ ему быть съ Нимъ. Ему такъ было хорошо подлѣ Господа, что онъ уже не хотѣлъ оставить Его; но Іисусъ не дозволилъ ему, а сказалъ: „иди домой къ своимъ и разскажи имъ, что сотворилъ съ тобою Господь, и какъ помиловалъ тебя“. Онъ хотѣлъ сдѣлать его свидѣтелемъ Своего дѣла между народомъ, который пренебрегъ Имъ и удалилъ Его отъ себя. И пошелъ этотъ человѣкъ и началъ проповѣдывать въ десятиградіи, что сотворилъ съ нимъ Іисусъ, и всѣ удивлялись (См. кн. „Земная жизнь Господа І. Христа“, перев. съ нѣм. Орды).

2. О бытіи злыхъ духовъ.

(Леонтія, архіепископа варшавскаго).

Когда Господь Іисусъ Христосъ вступилъ въ страну Гергесинскую, Его встрѣтили два несчастныхъ, одержимыхъ бѣсами. Бѣсноватые, по внушенію злыхъ духовъ, хотѣли, быть-можетъ, устрашить Іисуса Христа такъ же, какъ они устрашали всѣхъ, проходившихъ путемъ тѣмъ, но вмѣсто того сами устрашились, встрѣтившись съ Сыномъ Божіимъ. *И се, возописта глаголюще: что намъ и Тебѣ, Іисусе Сыне Божій? пришелъ еси сѣмо прежде времени мучити насъ* (Матѳ. VIII, 29).

---

[1] Теплые источники, бившіе ключомъ подлѣ города Гадары, дѣлали этотъ городъ любимымъ мѣстомъ, куда съѣзжались римляне для купанія. Замѣчательныя развалины свидѣтельствуютъ о языческой роскоши; здѣсь находятъ множество саркофаговъ изъ чернаго базальта, украшенныхъ щитами и различными изображеніями. Известковыя каменныя скалы вблизи города заключаютъ въ себѣ множество пещеръ, прекрасно устроенныхъ и обдѣланныхъ, служившихъ нѣкогда могилами. Изъ этихъ-то пещеръ вышли навстрѣчу Іисуса бѣсноватые. Теперь этотъ городъ называется Омъ-Кейсъ.

[2] Ев. Матѳей говоритъ о *двухъ* бѣсноватыхъ, а Маркъ и Лука объ *одномъ*. Но послѣдній, вѣроятно, потому говоритъ только объ одномъ, что этотъ одинъ хотѣлъ слѣдовать за Іисусомъ.

[3] Уклоняясь отъ прямого смысла вопроса, онъ называетъ себя легіономъ (толпа изъ 6000). Объявляя себя членомъ такого множества, онъ хочетъ этимъ указать на свою силу.

[1] Они просятъ этого не только для того, чтобъ Онъ не посылалъ ихъ въ бездну (Лук. VIII, 31), но и для того, чтобы помѣшать дѣлу Іисуса у гадарянъ.

Въ этихъ словахъ истинно вѣрующій христіанинъ ясно видитъ доказательство бытія злыхъ духовъ, какъ потому, что оно заключается въ евангеліи, которое составляетъ непреложное свидѣтельство истины, такъ и потому, что бѣсноватые сами по себѣ и сами отъ себя не могли говорить та́къ, частью по незнанію Іисуса Христа, о Которомъ, конечно, и не слыхали они, а главнымъ образомъ по неестественности рѣчи. Прилично ли и естественно ли людямъ, въ первый разъ видѣвшимъ Іисуса Христа и не имѣвшимъ о Немъ понятія, говорить, что Онъ пришелъ прежде времени мучить ихъ? Въ устахъ людей, каковы бы они ни были, подобныя слова не имѣютъ смысла. Итакъ, въ несчастныхъ бѣсноватыхъ говорили, очевидно, злые духи, власть которыхъ надъ людьми пришелъ разрушить Спаситель нашъ. Впрочемъ, въ словѣ Божіемъ и ветхаго и новаго завѣта столько есть прямыхъ и ясныхъ указаній на существованіе злыхъ духовъ, что было бы крайне странно называющимся христіанами сомнѣваться въ немъ. Что жъ, однако же, нерѣдко приходится слышать? Нѣкоторые христіане говорятъ, что подъ бѣсноватыми, о которыхъ упоминаетъ евангеліе, надобно разумѣть людей, одержимыхъ особенною нервною болѣзнью, физическою же, но только такою, которой названія евреи не умѣли придумать, а отнюдь не злыми духами. Но если это была болѣзнь естественная, то почему же она не названа такъ, тогда какъ о другихъ болѣзняхъ въ евангеліи прямо говорится? И ужели Спаситель — воплощенная истина, Сынъ Божій, могъ говорить несправедливо, приспособляясь только къ понятіямъ іудеевъ? Ужели Онъ, обличавшій суевѣрія фарисейскія, могъ умолчать о такомъ важномъ суевѣріи? Напротивъ, въ словѣ Божіемъ прямо сказано, что Іисусъ Христосъ *исцѣлялъ всѣхъ обладаемыхъ діаволомъ* (Дѣян. X, 38), — что Сынъ Божій для того и пришелъ, — *да разрушитъ дѣла діавола* (1 Іоан. III, 8), который, чрезъ грѣхопаденіе прародителей по его же наущенію, получилъ власть надъ грѣшниками. Власть эту уничтожилъ Іисусъ Христосъ Своимъ искупленіемъ и дарованіемъ искупленнымъ средствъ побѣждать козни древняго духовнаго врага человѣковъ — въ истинно-христіанской вѣрѣ съ ея таинствами и правилами благочестія. Но христіанинъ своимъ невѣріемъ и грѣхами даетъ къ себѣ вновь доступъ злымъ духамъ, которые дѣйствуютъ теперь хитрѣе, какъ слабѣйшіе противъ временъ до христіанскихъ, но тѣмъ не менѣе вредоносно, гибельно для спасенія вѣрующихъ. Злые духи стараются приноровляться къ страстямъ и наклонностямъ нашимъ; пользуясь ими, они закрываютъ свои козни отъ насъ какъ бы какимъ покрываломъ. Но христіане, внимательные къ себѣ, старающіеся стяжать праведность, ведущіе борьбу съ дурными наклонностями, ясно замѣчаютъ ухищренія злыхъ духовъ, видятъ ихъ козни и искушенія, и не безъ усилій побѣждаютъ ихъ вѣрою въ Господа, молитвою, постомъ и бодрствованіемъ надъ собою.

Говорятъ еще: подъ злыми духами надобно разумѣть олицетворенія нашихъ грѣховъ и страстей. — Но вѣдь это, во-первыхъ, совершенно противно слову Божію, а во-вторыхъ, ясно противорѣчитъ опыту. Мы не одобряемъ зла, осуждаемъ грѣхъ и въ себѣ и въ другихъ; самые закоренѣлые злодѣи весьма часто вдругъ измѣняютъ свою жизнь и съ отвращеніемъ смотрятъ на свои прежнія дѣла. Что жъ это значитъ? То, что зло и грѣхъ произошли первоначально не отъ человѣковъ, какъ и утверждаетъ священное писаніе, что зло въ нашей природѣ произошло со-внѣ, именно чрезъ искушеніе отъ діавола. Конечно, грѣхъ усиливается наклонностями нашей поврежденной природы, созданной доброю; иначе мы не любили бы зло. Послѣ сего странно было бы олицетворять наши страсти именемъ злыхъ духовъ (Изъ слова въ нед. 5 по Пятид. „Слова и рѣчи“ т. I, изд. 2-е, 1888 г.).

3. Діаволъ искуситель.

Однажды бѣсъ, пришедши ночью въ келлію препод. Макарія александрійскаго, сказалъ ему: „встань, авва Макарій, и пойдемъ въ церковъ къ богослуженію“. Макарій же, будучи исполненъ благодати Божіей, уразумѣлъ искушеніе діавола и отвѣчалъ ему: „о, лжецъ и ненавистникъ добра! Какое можетъ быть съ твоей стороны участіе въ богослуженіи и что можетъ быть у тебя общаго съ соборомъ святыхъ?“ Діаволъ сказалъ: „развѣ ты не знаешь, Макарій, что безъ насъ не бываетъ ни одной службы церковной и ни одного монашескаго собранія; иди же и увидишь дѣла наши“. Старецъ отвѣчалъ: „да запретитъ тебѣ Господь, бѣсъ нечистый". И обратившись къ молитвѣ, просилъ Господа, дабы явилъ ему, правда ли то, что, хвалясь, говорилъ діаволъ. Когда наступило время полуночнаго богослуженія, онъ пошелъ въ церковь, прося въ себѣ Бога, дабы открылъ и показалъ ему, правда ли говоренное діаволомъ. И вотъ, видитъ по всей церкви какъ бы нѣкіихъ малыхъ отроковъ въ образѣ еѳіоповъ, быстро обходящихъ церковь и летающихъ. Въ монастырѣ томъ былъ обычай: одинъ братъ читалъ псалмы, а прочіе сидѣли и слушали,— и вотъ рядомъ съ каждымъ изъ братій сидѣли тѣ еѳіопы и посмѣивались надъ ними. Кому пальцами своими дотрогивались до глазъ, тотъ сейчасъ начиналъ дремать, а кому клали палецъ на уста, тотъ тотчасъ пробуждался; предъ иными ходили въ женскомъ подобіи, а предъ другими дѣлали иное. И что представляли предъ кѣмъ, тотъ о томъ и размышлялъ въ себѣ. Но отъ нѣкоторыхъ, какъ только начинали дѣлать что-либо подобное, тотчасъ нѣкоею силою были прогоняемы и удаляемы, и болѣе не могли ни стоять предъ ними, ни даже пройти мимо. А у нѣкоторыхъ немощныхъ братьевъ, не внимающихъ молитвѣ, насмѣхаясь, сидѣли на шеѣ и на плечахъ. Преподобн. Макарій, увидѣвъ это, вздохнулъ изъ глубины сердца и сказалъ: „воззри, Господи, и не смолчи, воскресни, Боже, дабы разошлись враги твои и убѣжали отъ лица Твоего, ибо душа наша полна поруганія". По окончаніи службы, препод. Макарій, призывая по одиночкѣ каждаго брата, спрашивалъ, о чемъ тотъ думалъ во время богослуженія, и каждый открывалъ свои помышленія. Оказалось, что каждый думалъ о томъ, что, насмѣхаясь, представлялъ предъ нимъ бѣсъ. (Ч.-М. янв. 19 д.).

4. Измѣна данному обѣту по искушенію отъ діавола.

Чтобы понять, какъ сильны и обольстительны бываютъ искушенія врага нашего спасенія, выслушаемъ слѣдующій разсказъ изъ патерика. „Одинъ юный инокъ, подвизавшійся въ монастырѣ, желалъ жить въ отшельничествѣ и выпросился у настоятеля уйти въ отдаленное мѣсто пустыни для безысходнаго жительства. Богъ благословилъ намѣреніе инока и явилъ ему особое знаменіе, указавшее ему самое мѣсто такого жительства: когда на пути будущій отшельникъ, изнемогши, заснулъ вмѣстѣ съ сопровождавшими его монахами, прилетѣлъ орелъ и, ударяя крыльями, разбудилъ ихъ; потомъ орелъ отлетѣлъ отъ нихъ и сѣлъ въ виду ихъ на землѣ. Сопровождавшіе монахи сказали молодому иноку: „вотъ ангелъ твой, вставай и послѣдуй за нимъ". Онъ всталъ, простился съ братіями, послѣдовалъ за орломъ и прошелъ до того мѣста, на которомъ сидѣлъ орелъ. Тогда орелъ поднялся, пролетѣлъ дальше и опять сѣлъ, и инокъ послѣдовалъ за нимъ; и снова орелъ поднялся и отлетѣлъ недалеко, а братъ шелъ за нимъ. Это продолжалось въ теченіе трехъ часовъ. Наконецъ, орелъ свернулъ направо въ сторону и уже больше не показывался. Инокъ послѣдовалъ за нимъ и увидѣлъ три пальмовыя дерева, источникъ воды и малую пещеру. Онъ сказалъ самъ себѣ: „вотъ мѣсто, которое приготовилъ мнѣ Господь". И началъ молодой инокъ безмолвствовать здѣсь, употребляя въ пищу финики, а въ питіе воду изъ источника; прожилъ онъ тутъ шесть лѣтъ отшельникомъ, никого не видя. Но вотъ приходитъ къ нему діаволъ въ образѣ мірского молодого человѣка и началъ разсматривать его съ головы до ногъ. Братъ спросилъ его: „что ты смотришь на меня?" Онъ сказалъ: „развѣ ты не узнаешь меня? я сосѣдъ отца твоего", и назвалъ имя отца и матери и сестры отшельника. Потомъ сказалъ: „мать и сестра твоя умерли уже болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ, — а отецъ умеръ только недавно, сдѣлавъ тебя наслѣдникомъ своимъ; предъ смертію отецъ просилъ всѣхъ отыскать тебя, чтобы ты пришелъ домой, принялъ имущество и роздалъ его нищимъ за душу свою и отца; многіе отправились отыскивать тебя, но не нашли, а я, пришедши по дѣламъ своимъ, узналъ тебя; немедли, поди и исполни волю отца твоего". Отшельникъ отвѣчалъ: „мнѣ не слѣдуетъ возвращаться въ міръ". Но діаволъ разными обольстительными внушеніями склонилъ отшельника оставить келью, проводилъ до города, гдѣ жилъ отецъ, и тутъ оставилъ его. Инокъ входитъ въ родительскій домъ съ увѣренностію, что отца уже нѣтъ въ живыхъ, и вотъ самъ отецъ выходитъ ему навстрѣчу, живъ и здоровъ. Сначала отецъ не могъ узнать своего сына, а сынъ постыдился объяснить истинную причину, почему онъ оставилъ келлію; а сказалъ, что этому причиною была его сыновняя любовь и привязанность къ отцу... Такъ и остался онъ въ мірѣ, окончательно измѣнивъ своимъ иноческимъ обѣтамъ. (Изъ „Отечн.“ 8, 94).

5. Главный врагъ нашъ—діаволъ.

Извѣстный подвижникъ, преподобный Антоній Великій, однажды увидѣлъ сѣти, раскинутыя по лицу всей земли. Пораженный множествомъ этихъ сѣтей онъ воскликнулъ: „о, Господи! Кто же въ состояніи избѣжать ихъ?“ И былъ къ нему гласъ Божій: „смиреніе!“—Но что это за сѣти, всюду разставленныя для насъ? Сѣти—это искушенія и соблазны, которые почти на каждомъ шагу преслѣдуютъ насъ, и съ которыми, какъ нашими врагами, нужно бороться каждому христіанину.

Первый и самый главный врагъ нашъ—діаволъ; онъ первый и по времени, и по силѣ, и по злобѣ супостатъ нашъ. Его и Спаситель называетъ *отцомъ лжи, человѣкоубійцею искони* (Іоан. VIII, 44), съ начала вѣка. Онъ положилъ начало грѣха, прельстивъ прародителей нашихъ въ раю и сдѣлавъ ихъ преступниками заповѣди Божіей. Съ тѣхъ поръ онъ, какъ левъ, ходитъ, ища, кого изъ людей вовлечь въ свои пагубныя сѣти (1 Петр. V, 8). Да что говорить о людяхъ! Самъ безгрѣшный Господь нашъ Іисусъ Христосъ подвергся искушеніямъ отъ діавола.

Для чего? Конечно, для насъ, грѣшныхъ, — для того, чтобы Онъ, будучи Самъ искушенъ, могъ и намъ, искушаемымъ, помочь (Евр. II, 17). А какъ часто мы, грѣшные, подвергаемся искушеніямъ отъ діавола! Правда, діаволъ теперь рѣдко дѣйствуетъ на людей видимымъ и открытымъ образомъ, но зато постоянно онъ искушаетъ насъ тайнымъ, незамѣтнымъ образомъ. Въ открытой борьбѣ съ нимъ сражаются совершенные христіане, великіе подвижники, всецѣло посвятившіе себя Христу. А какая трудная эта борьба съ діаволомъ! Приведемъ нѣсколько примѣровъ такой борьбы. Такъ, преподобный Сергій, радонежскій чудотворецъ, очень много скорбей и искушеній претерпѣлъ въ началѣ своего пустыннаго подвига отъ бѣсовъ. Они нерѣдко принимали образъ страшныхъ звѣрей и отвратительныхъ гадовъ, чтобы устрашить преподобнаго, но онъ мужественно молитвою и крестнымъ знаменіемъ отгонялъ всѣ ихъ искушенія. Разъ преподобный ночью пѣлъ утреню въ своей церкви. Вдругъ предъ его взоромъ разступилась стѣна, и въ это отверстіе вошелъ цѣлый полкъ бѣсовскій въ одеждѣ литовцевъ, которые въ то время много зла причиняли Россіи. Съ шумомъ и дикими воплями бросились бѣсы, какъ бы намѣреваясь разорить церковь и угрожая преподобному смертію. „Бѣги скорѣе отсюда,—кричали они, скрежеща зубами.—Если не уйдешь, мы разорвемъ тебя на части“. Но мужественный и сильный духомъ подвижникъ не испугался бѣсовскихъ угрозъ; съ пламенною молитвою обратился онъ къ Богу, — и падшіе духи мгновенно исчезли. Въ другое время бѣсы, принявъ образъ отвратительныхъ гадовъ, наполнили всю келлію, такъ что не видно было и пола. Нерѣдко по чащѣ лѣсной и кругомъ келліи преподобнаго Сергія слышались неистовые крики бѣсовскихъ полчищъ: „уходи отсюда! Зачѣмъ ты пришелъ сюда? Не надѣйся здѣсь дольше жить, мы не оставимъ тебя въ покоѣ. Смерть тебѣ и погибель отъ нашей руки!“ Но всѣ усилія, все ожесточенное упорство исконнаго врага человѣческаго, вся злоба его противъ преподобнаго Сергія остались напрасными и были совершенно сокрушены исполненнымъ благодати Христовой великимъ подвижникомъ.

Другой знаменитый подвижникъ, Антоній Великій, также немало претерпѣлъ искушеній отъ діавола. Въ житіи его разсказывается, что въ одну ночь демоны избили св. Антонія такъ сильно, что на другой день благочестивый мужъ, приносившій ему пищу, нашелъ его безъ чувствъ и принесъ его, какъ покойника, въ ближайшую сельскую церковь. Но онъ, придя въ себя, упросилъ друга своего отнести его обратно въ пещеру, гдѣ, будучи не въ силахъ стоять, онъ лежалъ, не переставая молиться и ратовать противъ невидимыхъ враговъ. Но мужество святого только воспламенило ярость: демоны подняли шумъ и стукъ, какъ бы желая поколебать зданіе въ основаніи, и потомъ, приблизившись къ нему въ видѣ львовъ, тигровъ, медвѣдей и другихъ хищныхъ звѣрей, намѣревались устрашить его ревомъ, свистомъ, кидаясь на него съ раскрытою пастью, чтобы поглотить его, нанесли ему даже нѣсколько ударовъ. Но св. Антоній, несмотря на удары, сохранялъ терпѣніе, твердость души и укорялъ ихъ въ слабости. „Если бы вы имѣли силу надо мною,—говорилъ онъ,—то и одному изъ васъ было бы легко уничтожить меня; но какъ Господь отнялъ у васъ силу, то вы пытаетесь устрашить меня множествомъ; даже и то служитъ признакомъ вашей немощи, что обращаетесь въ животныхъ. Если же можете и имѣете надо мною власть, то не медлите и нападайте, а если не можете, то къ чему мятетесь напрасно? Знаменіе креста и вѣра въ Спасителя моего служатъ мнѣ несокрушимымъ щитомъ“. Такъ онъ говорилъ имъ, и демоны, раздраженные его къ нимъ презрѣніемъ, скрежетали зубами отъ отчаянія.

Таковы явныя и открытыя дѣйствія врага нашего спасенія—діавола! Но эти открытыя дѣйствія діавола бываютъ направлены преимущественно противъ людей благочестивыхъ, а съ нами, грѣшными и нерадивыми, онъ и не станетъ вступать въ открытую борьбу. Одинъ пустынный старецъ, вставъ ночью по обычаю на молитву, услышалъ звукъ военной трубы, созывающей на битву, и удивился: откуда въ такой безлюдной пустынѣ быть войскамъ? Тогда явился ему бѣсъ и сказалъ: „да, это, конечно, войска, потому что ты стоишь на молитвѣ. Ложись и спи, если не хочешь, чтобы мы съ собою воевали; мы воюемъ только съ тѣми, которые вооружаются противъ насъ молитвою, а съ лѣнивыми мы не боремся“.

6. Замѣчательный случай изъ священнической практики.

(Разсказъ священника Іоанна Баронова.—„Странникъ“ 1867 г.).

Во вторникъ шестой недѣли великаго поста, 1856 года, я былъ позванъ пріобщить Св. Таинъ женщину лѣтъ 30-ти. На первый взглядъ мнѣ показалось, что больная находится не въ большой опасности. Она сидѣла спокойно и разговаривала съ окружающими ее. На мой вопросъ: давно ли она нездорова, и въ чемъ заключается ея болѣзнь, эта женщина отвѣчала твердо и ясно, что съ нею сдѣлалось что-то нынѣ ночью, и что она чувствуетъ себя больною, а потому и желаетъ заблаговременно пріобщиться. Началось чтеніе молитвъ. Больная вначалѣ раза два перекрестилась, но далѣе рука отказалась служить ей. Она замѣтно употребляла усилія поднять руку, но не могла. Чрезъ нѣсколько минутъ тою же рукою перекрестила ее прислуживавшая ей женщина, но повторить это не въ состояніи была уже и прислужница; ибо рука лишилась способности сгибаться. По глазамъ и по лицу больной видно было, что въ ней происходитъ сильный переворотъ къ худшему. По окончаніи молитвъ и по выходѣ изъ комнаты лицъ постороннихъ, я приступилъ къ исповѣди. На первый мой вопросъ больная высказала нѣсколько невнятныхъ словъ, потомъ совершенно онѣмѣла и только давала утвердительные или отрицательные знаки рукою и движеніемъ головы, наконецъ, лишилась всякаго движенія и смотрѣла на меня безсмысленно. Сколько ни употреблялъ я усилій, чтобы вызвать съ ея стороны хоть какой-нибудь признакъ сознанія и пониманія, ничто не помогало. Я позвалъ родныхъ. Минутъ черезъ пять, она какъ будто очнулась, сдѣлала знакъ рукою и хотѣла что-то сказать, но не могла. Желая воспользоваться минутами сознанія, я изготовилъ Св. Тайны. Но только лишь подошелъ къ ней со Святыми Дарами, вдругъ сдѣлались съ нею сильнѣйшія конвульсіи. Руки отбросились, голова опрокинулась назадъ, глаза закатились подъ лобъ, зубы стиснулись и заскрежетали, и она совершенно омертвѣла. Въ страхѣ отступилъ я назадъ. Чрезъ нѣсколько минутъ больная опять очнулась. Я вторично приступилъ къ ней со Св. Дарами, но опять тотъ же припадокъ. Три раза приступалъ я къ больной со Св. Дарами, чтобы пріобщить ее: но безуспѣшно. Каждый разъ она впадала въ омертвѣніе, а по отходѣ моемъ снова приходила нѣсколько въ чувство. Поручивъ больную волѣ Божіей, я принужденъ былъ удалиться безъ всякаго успѣха, попросивъ ея домашнихъ извѣстить меня о перемѣнѣ, какая произойдетъ съ больною. Чрезъ нѣсколько уже дней я получилъ вѣсть, что Татьяна (такъ звали больную) кричитъ покликушей, т.-е. бѣснуется, и что съ того дня, какъ я былъ у нея, она ни на одну минуту не приходила въ память. Я пожалѣлъ о Татьянѣ и о бѣдномъ семействѣ, въ которомъ, при четырехъ мужчинахъ совершеннолѣтнихъ и четырехъ малолѣтнихъ дѣтяхъ, была только одна женщина достойная, скромная, трудолюбивая и богобоязненная. Видѣть лично больную мнѣ привелось на Свѣтлой недѣлѣ. Наряду съ другими служили мы молебенъ и въ ихъ домѣ. Во время молебна больная сильно кричала и билась такъ, что едва могли держать ее двое. Несмотря на бѣснованіе, я однакожъ приложилъ къ устамъ больной крестъ и окропилъ ее святою водою. Послѣ нѣсколькихъ, какъ бы отъ того происшедшихъ, судорогъ больная сдѣлалась спокойнѣе. Когда иконы вынесены были изъ комнаты, а вслѣдъ за ними вышли и всѣ домашніе на дворъ, чтобы тамъ приложиться къ иконамъ при пѣніи клиромъ пасхальныхъ стихиръ, я остался въ комнатѣ съ одною только женщиною, которая наблюдала за больною. Больная въ моемъ присутствіи начала бранить меня разными оскорбительными словами; но я, не обращая вниманія на ея слова, пристально смотрѣлъ ей въ лицо. Меня при этомъ особенно поразило то обстоятельство, что въ то время, какъ слова произносимы были ею съ особенною горячностію и съ значительнымъ удареніемъ, въ лицѣ ея не обнаруживалось ни малѣйшаго выраженія ,— она лежала съ закрытыми глазами, какъ полумертвая, и только слегка шевелила губами. Притомъ, говоря о себѣ самой, она выражалась въ мужескомъ родѣ. Когда потокъ словъ нѣсколько остановился, я сказалъ: „Татьяна! какая ты была прекрасная женщина! Бывало, съ радостію встрѣчаешь меня и усердно молишься со мною, а теперь какъ жестоко обижаешь меня! Не стыдно ли и не грѣшно ли тебѣ?“ — Да я вовсе не Татьяна, отвѣчала она.—Какъ не Татьяна? Я вижу Татьяну.—Видишь Татьяну, да говоритъ-то не Татьяна, а я. — Кто же ты? — Ты самъ знаешь, кто я, и если скажу, то не успѣешь убѣжать отсюда. — Но если ты не Татьяна, то зачѣмъ пришелъ сюда? — Я не самъ собою пришелъ, а мнѣ вышло такое опредѣленіе отъ моего начальника. Впрочемъ, нечего распространяться, ступай отсюда, твои товарищи уже ушли, тебя никто не звалъ, и я терпѣть тебя не могу.—Но если ты не Татьяна, то ты не въ свое мѣсто зашелъ, и, боясь имени воскресшаго нынѣ Господа Іисуса Христа, долженъ выйти отсюда. — Да, я уйду, только не теперь. А теперь мнѣ нѣтъ еще опредѣленія отъ моего начальника. — Когда же это будетъ? — Тогда, какъ пройдутъ эти великіе дни. Въ эти дни мнѣ никуда нельзя показаться, и я долженъ оставаться тамъ, гдѣ мнѣ приказано. При этихъ словахъ начали входить въ избу домашніе,—и я, прекративъ разговоръ и осѣнивъ больную крестомъ, удалился.

Но слышанныя мною слова сильно заняли меня,—я много думалъ объ этомъ разговорѣ и ждалъ, не произойдетъ ли дѣйствительно какой перемѣны съ больною. Такъ и случилось. Въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ меня попросили пріобщить больную, объяснивъ, что прошедшею ночью ей сдѣлалось легче, и она пришла въ память. Дѣйствительно, я нашелъ больную выздоровѣвшею, она ходила и стояла безъ посторонней помощи, говорила хорошо и свободно. Въ лицѣ ея и глазахъ выражалась какая-то особенная живость и разумность, чего не было даже и въ здоровомъ ея состояніи. Во время молитвъ ко причащенію она молилась такъ усердно, съ такою горячностію, что привела меня въ удивленіе. При исповѣди она обнаружила такую искренность и чистосердечіе, такую сильную вѣру и любовь къ Искупителю, такое разумное пониманіе св. таинства, какого не случалось мнѣ встрѣчать между сельскими жителями, и какого невозможно предположить въ женщинѣ совершенно необразованной и ума недальняго. Все доказывало, что она находится подъ особеннымъ осѣненіемъ благодати Божіей. Съ величайшимъ благоговѣніемъ принявъ Св. Тайны, она въ душевномъ, благодатномъ восторгѣ возблагодарила Господа долгимъ земнымъ поклономъ. Послѣ причащенія она просила у меня прощенія и благословенія, какъ бы предъ самою смертію. Желая успокоить ее, я старался возбудить въ ней надежду на выздоровленіе. Но на мои слова она съ полною увѣренностію сказала, что ей остается жить недолго. Часа черезъ три послѣ сего, меня извѣстили, что Татьяна кончила жизнь... Обстоятельства, сопровождавшія болѣзнь Татьяны, какъ-то: первоначальные припадки, воспрепятствовавшіе преподать ей Св. Тайны, терзаніе ея и біеніе самой себя, произнесеніе кощунственныхъ словъ, несообразныхъ съ душевнымъ ея настроеніемъ, и проявленіе мыслей, превышающихъ умственное ея развитіе, прекращеніе бѣснованія, случившееся, какъ было предсказано, по прошествіи великихъ дней Свѣтлой недѣли, не оставляютъ сомнѣнія въ свойствѣ ея болѣзни. — Больная находилась подъ вліяніемъ злого духа. А благодѣтельная перемѣна, съ нею происшедшая предъ самою смертію, вразумительно говоритъ о благости Божіей, которая, допустивъ страданіе и изможденіе тѣла, достигла чрезъ то высшихъ и благодѣтельныхъ цѣлей,—именно: очистила, просвѣтила и спасла духъ.

7. О духовныхъ средствахъ для борьбы со злыми духами.

Намъ даны Христомъ Спасителемъ всѣ средства къ побѣдѣ надъ діаволомъ. „Благодатью Христа подсѣкается грѣхъ, живущій въ насъ“ (Кол. II, 11—12). Господь истребилъ силу сатаны и полчищъ его бѣсовскихъ, отнявъ у нихъ всякую власть насильствовать насъ. „Отнявъ силы у начальствъ и властей, властно подвергалъ ихъ надзору, восторжествовавъ надъ ними Собою“ (Колос. II, 18). Только посредствомъ грѣха и страстей бѣсы льнутъ къ душѣ, и она, пока во грѣхѣ, бываетъ облѣплена ими и является какъ бы одѣтою въ нихъ. Піявки облипаютъ тѣло живое и сосутъ изъ него живую кровь; но если обдать тѣло соленою водою, то піявки тотчасъ отпадутъ. Такъ и Господь осолилъ естество наше солью благодати Св. Духа. И бѣсы всѣ должны были отскочить отъ него, пораженные Божественною Силою и свѣтомъ вѣры съ возлюбленіемъ святости [1]. О возможности избавленія отъ бѣсовъ при помощи благодати Божіей и при пользованіи богодарованными для сего средствами свидѣтельствуютъ св. отцы церкви. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „если діаволъ и хищникъ, то отъ насъ зависитъ не давать ему расхищать“ [2]. Св. Григорій Нисскій говоритъ: „когда естество наше пало въ грѣхъ, наше паденіе Богъ не оставилъ Своимъ Промысломъ, но въ помощь жизни каждаго приставляетъ нѣкоего ангела изъ пріявшихъ безплотное естество; но, съ противной стороны, растлитель естества ухищряется на то же посредствомъ нѣкоего лукаваго и злотворнаго демона, который бы вредилъ человѣческой жизни. Человѣкъ же, находясь среди ангела и демона, самъ собою дѣлаетъ одного сильнѣе другого, свободной волей выбирая учителя изъ двухъ. Добрый ангелъ предуказываетъ помысламъ блага добродѣтели, какія преуспѣвающими открываются въ упованіи, а другой показываетъ вещественныя удовольствія, отъ которыхъ нѣтъ никакой надежды на благо. Посему, если кто чуждается того, что манитъ къ худому, устремивъ помыслы къ лучшему и порокъ какъ бы поставивъ позади себя, а душу свою, какъ нѣкое зеркало, обратилъ лицомъ къ упованію благъ, чтобы въ чистотѣ собственной его души напечатлѣлись всѣ изображенія и представленія указуемой ему добродѣтели, то срѣтаетъ его тогда и оказываетъ ему вспоможеніе братъ; ибо, по дару слова и разумности души человѣческой, ангелъ нѣкоторымъ образомъ является человѣку братомъ“ [1].

Сильное орудіе на демоновъ — правая жизнь и вѣра въ Бога. Боятся злые духи подвижническаго поста, бдѣнія, молитвъ, кротости, безмолвія, несребролюбія, нетщеславія, смиренномудрія, нищелюбія, милостыни, безгнѣвія, преимущественно же благочестивой вѣры во Христа. Преп. Іоаннъ Кассіанъ говоритъ: „подстерегаетъ врагъ въ потаенномъ мѣстѣ, какъ левъ въ логовищѣ (Псал. IX, 30), скрывая для насъ сѣти и мрежи помысловъ нечистыхъ и нечестивыхъ. Но и мы, если не спимъ, можемъ еще большія и опаснѣйшія для него поставить сѣти, тенета и засады, ибо молитва и псаломъ, бдѣніе (духовное) и смиренномудріе, служеніе ближнимъ и милость, благодареніе и слушаніе божественныхъ словесъ — вотъ засада врагу, и сѣть, и яма, и бичи, и тенета, и удавленіе“ [2].

Никто не оставайся безъ брони, которою, по апостолу, служитъ добрая вѣра; никто не будь безъ щита, который есть смиреніе, никто безъ меча, который есть Божественная молитва, никто безъ шлема, который есть послушаніе и проч. (Еф. VI, 11—17). Крѣпкій во бранѣхъ Господь, оружіемъ креста поразившій начала и власти міроправителя вѣка сего, далъ намъ власть наступать на змѣя и скорпіоновъ, и на всю силу, вражію (Лук. X, 19 [3]). „Противостаньте діаволу, и убѣжитъ отъ васъ“—говоритъ св. ап. Іаковъ (IV, 7). Надо только не ослабѣвать въ борьбѣ съ врагомъ и вести войну съ терпѣніемъ, помня завѣтъ Господа: „терпѣніемъ вашимъ спасайте души ваши“ (Лук. XXI, 19). За побѣду надъ діаволомъ ждетъ насъ вѣчная награда въ царствѣ небесномъ. Если діаволъ особенно сильно падаетъ на насъ, то это первый признакъ его слабости, ибо, если бы мы были побѣждены имъ, ему нечего бы было вступать въ борьбу съ нами. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ: „никто не можетъ такъ свидѣтельствовать о пораженіи діавола и демоновъ, какъ жестокое ихъ нападеніе на насъ“ [4]. „Богъ же мира сокрушитъ сатану подъ ногами нашими“

---

[1] Толк. еписк. Ѳеофана затворника на посл. къ Колос.

[2] Бес. на еван. Матѳея ч. II, стр. 270.

[1] Доброт. ч. 1, стр. 272--273.

[2] Доброт. т. 3, стр. 97.

[3] Доброт. стр. 79--180.

[4] Лѣств., стр. 239.

(Рим. XVI, 20). „Если Христосъ восходитъ на небо, восходи съ Нимъ и ты, будь въ числѣ сопровождающихъ или срѣтающихъ Его ангеловъ“ [1].

Св. отцы и учители церкви указываютъ слѣдующія средства для борьбы съ діаволомъ: вѣру, слово Божіе, призываніе имени Христа Спасителя нашего, страхъ Божій, смиреніе, трезвеніе, молитву, крестное знаменіе. Эти средства мы сами можемъ употреблять въ борьбѣ, а есть и такія, которыми возможно пользоваться чрезъ священнослужителей,—это покаяніе съ причащеніемъ и заклинаніе.

1) *Вѣра* — это невещественный щитъ противъ невидимаго врага. „Паче всего возьмите щитъ вѣры, которымъ возможите угасить всѣ стрѣлы лукаваго“. (Еф. VI, 16). Діаволъ часто бросаетъ разженную стрѣлу похотѣнія срамныхъ удовольствій, но вѣра, напоминая судъ и охлаждая умъ, угашаетъ стрѣлу сію [2]. Если вѣруемъ въ Бога, то не боимся демоновъ; ибо Господь посылаетъ намъ помощь свою [3]. „Губитель не найдетъ себѣ мѣста въ насъ, если ограждаться щитомъ вѣры“ [4].

2) *Слово Божіе.*—„Духовный мечъ для борьбы съ діаволомъ есть глаголъ Божій“ [5]. „Противоположи ему (искусителю) слово живота, которое есть хлѣбъ, посылаемый съ неба и дарующій жизнь міру“, говоритъ св. Григорій Богословъ [6]. „Губитель никогда не найдетъ въ насъ мѣста себѣ, если отражать его мечомъ слова Божія“ [7], „Бѣсовъ должно прогонять, по примѣру Христа, словами свящ. писанія“ [8].

3) *Призываніе имени Христа-Спасителя нашего.*—„Именемъ Моимъ будутъ изгонять бѣсовъ“, сказалъ Спаситель (Марк. XVI, 19). Отцы церкви и учители свидѣтельствуютъ объ исполненіи обѣтованія Христова. Св. Іустинъ мученикъ говоритъ: „мы всегда молимъ Бога чрезъ Іисуса Христа, чтобы сохраняться намъ отъ демоновъ, которые чужды Богопочтенія и которымъ мы нѣкогда поклонялись, — дабы мы, послѣ обращенія къ Богу черезъ Христа, были непорочны. Ибо мы называемъ Его Помощникомъ и Спасителемъ, отъ силы имени Котораго трепещутъ демоны, и теперь, когда заклинаемъ именемъ Іисуса Христа, Распятаго при Понтіи Пилатѣ, они повинуются намъ; отсюда для всѣхъ очевидно, что Отецъ Его далъ Ему столь великую силу, что и бѣсы покоряются имени и домостроительству бывшаго страданія Его“ [1]. „И до нынѣ трепещутъ демоны при имени Христовомъ; сила сего имени не ослаблена и нашими пороками. А мы не стыдимся оскорблять и достопоклоняемое имя Христово и Самого Христа“ [2], не стыдимся слышать, какъ отвергаютъ христіанство, какъ бы стыдясь быть вѣрующими сынами Его... Св. Ѳеодоръ Едесскій говоритъ: „никто изъ насъ не можетъ собственными силами избѣжать козней лукаваго, но только непобѣдимою силою Христовою“ [3].

О силѣ призыванія имени Божія содержится сдѣдующій разсказъ въ Прологѣ. Въ Константинополѣ былъ чародѣй, который хотѣлъ привлечь къ служенію бѣсамъ одного отрока. Чтобы показать силу и величіе князя бѣсовскаго, чародѣй увелъ отрока за городъ въ ненаселенное мѣсто. И вотъ, обольщенному отроку представился большой городъ съ желѣзными воротами. Чародѣй входитъ съ отрокомъ въ воображаемый городъ и вводитъ его въ посреди стоящій храмъ. При входѣ въ храмъ видитъ отрокъ много свѣтильниковъ горящихъ и на высокомъ престолѣ нѣкоего сидящаго, подобнаго царю, и окруженнаго многочисленными слугами. Это былъ—князь бѣсовскій, который радостно привѣтствовалъ чародѣя, посадилъ его рядомъ съ собою и спросилъ: „для чего онъ привелъ отрока?“ Чародѣй отвѣчаетъ: „мы твои слуги, и онъ хочетъ быть твоимъ“. Сатана спрашиваетъ отрока: „мой ли ты слуга?“ Отрокъ воскликнулъ: „я служитель Отца и Сына и Святаго Духа“. Отъ этого возгласа вдругъ палъ съ престола сатана, погибъ чародѣй, исчезли всѣ призраки города и храма [4].

4) *Страхъ Божій.*—Тотъ, кто изъ-за любви боится оскорбить Создателя Своего и носитъ постоянно въ сердцѣ благодарную память о милостяхъ Божіихъ и страхъ быть неблагодарнымъ за нихъ, тому не страшенъ ни діаволъ, ни человѣкъ: ибо тотъ не боится смерти, уповая на жизнь вѣчную, даруемую Богомъ. Св. Ефремъ Сиринъ говоритъ:

---

[1] Григ. Бог. ч. 4, стр. 145.
[2] Твор. св. Кир. Іер. стр. 75.
[3] Доброт. т. 2 стр. 604.
[4] Тамъ же т. 4 стр. 64—65.
[5] Еф. VI, 14—17.
[6] Твор. св. Григ. ч. 3. стр. 230.
[7] Добр. т. 4 стр. 64—65.
[8] Іоан. Кас. стр. 582—583.

---

[1] Соч. Іуст. муч. стр. 179.
[2] Твор. Григ. Бог. ч. 1 стр. 54.
[3] Добротол. т. II, стр. 362.
[4] Прол. 2 дек.

„страхъ Божій—крѣпкій столпъ передъ лицомъ вражескимъ; не разоряй сего столпа и не будешь взятъ въ плѣнъ“[1]). Св. Симеонъ, нов. Богословъ, говоритъ: „боящійся Бога не боится устремленія противъ него бѣсовъ“[2]).

5) *Смиреніе.* — Смиренному не страшенъ никто, ибо на смиреннаго не поднимается рука; ему не страшны лишенія и муки, ибо смиреніе не даетъ чувствовать уязвленія отъ преслѣдованій врага; объ стѣну его смиренія разобьется всякое зло. Св. Симеонъ, новый Богословъ, говоритъ: „что мужественнѣе сокрушеннаго и смиреннаго сердца, которое безъ труда обращаетъ въ бѣгство полки бѣсовъ и совершенно прогоняетъ ихъ[3])?“ Преп. авва Дороѳей говоритъ: „когда св. Антоній увидѣлъ распростертыми всѣ сѣти діавола и, вздохнувъ, вопросилъ Бога: „кто можетъ избѣгнуть ихъ?“ то Богъ отвѣтилъ ему: *смиреніе избѣгаетъ ихъ,* и присовокупилъ: „онѣ даже не прикасаются ему“, то-есть—къ смиренію[4]).

6) *Трезвеніе, духовное бодрствованіе.* Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „страшно, страшно, возлюбленный, быть уловлену кознями діавола; ибо тогда душа какъ бы запутывается въ сѣтяхъ, и какъ нечистое животное, валяясь въ грязи, услаждается этимъ, такъ и она, предавшись грѣховной привычкѣ, уже не чувствуетъ зловонія грѣховъ, — посему нужно бдѣть и бодрствовать, чтобы съ самаго начала не дать лукавому демону никакого доступа къ намъ, дабы онъ, омрачивъ у насъ умъ и ослѣпивъ око душевное, не заставилъ насъ, не могущихъ взирать на свѣтъ Солнца правды, подобно лишеннымъ видимаго солнечнаго свѣта, стремиться въ пропасть“[5]). „Если мы будемъ съ осторожностью располагать своими поступками, то получимъ и отъ Господа великую милость и избѣгнемъ козней діавольскихъ. Когда діаволъ видитъ, что мы бдительны и осторожны, то, зная, что его покушенія (на насъ, для соблазна нашего) будутъ безполезны, удаляется со стыдомъ“[6]).

7) *Молитва.* — Молитва есть средство нашего общенія съ Богомъ: молитвой мы возносимся до небесъ. Въ молитвѣ черпается вѣра, ибо въ молитвѣ человѣкъ чувствуетъ счастье благодати, отъ Бога исходящей, и уже не можетъ сомнѣваться въ существованіи Бога. Молитвой человѣкъ очищается, ограждается, спасается. Въ молитвѣ человѣкъ чувствуетъ свою душу; познаетъ себя духомъ самостоятельнымъ отъ тѣла, могущимъ вознестись до Самого Создателя своего и узрѣть Его своими духовными очами. (Говорится о настоящей молитвѣ, а не объ одномъ произнесеніи словъ молитвенныхъ, наизусть выученныхъ, когда не вникаютъ въ говоримое, *не понимаютъ* говоримаго, *не чувствуютъ сказаннаго,* вслѣдствіе отсутствія мысли, занятой земными помыслами, посторонними молитвѣ). Св. Василій Великій говоритъ: „если во время молитвъ онъ (діаволъ) и сталъ бы влагать лукавыя мечтанія, душа да не перестанетъ молиться и да не почитаетъ собственными своими произращеніями эти лукавыя всѣянія врага, эти мечтанія неистощимаго въ козняхъ чудодѣя, но, разсудивъ, что появленіе неподобныхъ мыслей бываетъ въ насъ по неотвязности изобрѣтателя лукавства, *тѣмъ усильнѣй да припадемъ къ Богу* и да молимъ Его разсыпать лукавую преграду остающихся въ памяти непристойныхъ (молитвенному состоянію) помысловъ, чтобы стремленіемъ ума своего, безпрепятственно, безъ всякаго промедленія и мгновенно, востечь къ Богу; тогда нашествіе лукавыхъ помышленій ни мало не будетъ пресѣкать пути къ молитвѣ, если же и продолжится таковое возстаніе помысловъ по неотвязности воюющаго съ нами, то и въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ приходить въ отчаяніе и оставлять подвигъ на половинѣ дѣла, но терпѣть, продолжая молиться дотолѣ, пока Богъ, видя нашу стойкость, не озаритъ насъ благодатью Святаго Духа, которая обращаетъ въ бѣгство навѣтника, очищаетъ и наполняетъ Божественнымъ свѣтомъ умъ нашъ и даетъ то, что мысль наша въ тишинѣ служитъ Богу съ веселіемъ“[1]). Св. Антоній Великій свидѣтельствуетъ, что молитва — одно изъ сильныхъ оружій на врага человѣческаго. Св. Симеонъ, новый Богословъ, говоритъ: „христіанинъ, совершающій молитву какъ бы трудъ какой, и чувствующій (во время молитвы), что какъ будто противъ воли терпитъ насиліе, понужденіе и мученіе, таковой пусть не думаетъ, что освободился отъ руки діавола, пусть знаетъ, что онъ мысленно

---

[1]) Добр. т. 2. стр. 487.

[2]) Тамъ же, т. 5 стр. 21.

[3]) Сим. нов. Богослов. изд. Коз. пустыни, стр. 183.

[4]) Доброт. т. 2, стр. 647.

[5]) Бес. на книгу Быт. ч. 1, стр. 402-403.

[6]) Тамъ-же стр. 102.

[1]) Ч. 5 стр. 387.

(т. е. своими помыслами) еще удержанъ подъ игомъ лукаваго мучителя“[1]. Нужна, слѣдовательно, для общенія съ Богомъ молитва свободная, непринужденная, которая бы составляла жизнь души. Св. Григорій Нисскій говоритъ: „должно молиться, ибо слѣдствіе молитвы то, что бываемъ мы съ Богомъ: а кто съ Богомъ, тотъ далекъ отъ сопротивника“ и еще: „тотъ, кто страшится приражения лукаваго, пусть молится, чтобы не быть ему во власти лукаваго“[2]. Итакъ, будемъ молиться, ибо въ молитвѣ *мы приходимъ въ общеніе съ Богомъ* и познаемъ *Его*.

8) *Крестное знаменіе.*—По выраженію церковной пѣсни: „*крестъ* бѣсовъ губитель“ (Канонъ *кресту*, п. 3 тр. 2), „бѣсовъ отгонитель“ (п. 6 тр. 4), „*крестъ* воздвижется—и падаютъ духовъ бездушныхъ чинове“ (п. 6 тр. 4). Преосв. Ѳеофанъ- затворникъ говоритъ о значеніи и силѣ *креста Господня* такъ: „крестомъ примирено небо съ землею, низведенъ Духъ благодати въ освященіе всѣхъ, и въ обличеніе всѣхъ властью наступать (силою креста) на всю силу вражію; почему бѣсы и не могутъ воззрѣвать на крестъ: отъ одного вида его бѣгутъ, какъ предъ лицомъ вѣтра. Крестное знаменіе есть огражденіе вѣрующихъ и побѣдное оружіе на невидимыхъ враговъ“ Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „не просто перстомъ должно крестъ изображать, но должно сему предшествовать сердечное расположеніе и полная вѣра. Если такъ изобразишь его на лицѣ твоемъ, то ни одинъ изъ нечистыхъ духовъ не возможетъ приблизиться къ тебѣ, видя тотъ мечъ, которымъ онъ уязвленъ, видя то оружіе, отъ котораго онъ получилъ смертельную рану. Вѣдь, если и мы съ трепетомъ взираемъ на тѣ мѣста, гдѣ казнятъ преступниковъ, то представь, какъ ужасаются демоны, видя оружіе, которымъ Христосъ разрушилъ всю силу ихъ и отсѣкъ главу змію. Итакъ, напечатлѣй крестъ въ умѣ твоемъ и обыми (мысленно) спасительное знаменіе душъ нашихъ. Когда при насъ крестъ, тогда демоны уже не страшны и неопасны“[3].

О томъ, что крестное знаменіе отгоняетъ діавола, сознался демонъ волхву Кипріану, по порученію котораго онъ думалъ одолѣть дѣвицу Іустину, но не успѣлъ въ этомъ. На вопросъ Кипріана: „скажи мнѣ, какимъ оружіемъ она сопротивляется?“ тотъ отвѣчалъ: „не можемъ зрѣть на знаменіе крестное, но бѣжимъ отъ него[1].

9) *Покаяніе и причащеніе.*—Св. Ефремъ Сиринъ говоритъ: „блаженны тѣ, которые, попавши въ сѣти врага, успѣли разорвать его путы и скрылись, бѣжавъ отъ него, какъ рыба, спасшаяся отъ мрежи. Рыба пока въ водѣ, если, будучи поймана, порветъ сѣть и скроется въ глубину, то спасается; а когда извлечена на сушу, то не можетъ уже помочь себѣ. Такъ и мы, пока еще въ этой жизни, имѣемъ отъ Бога власть разорвать на себѣ узы вражеской воли и *покаяніемъ* свергнуть съ себя бремя грѣховъ и спастись. А если застигнетъ насъ страшное оное повелѣніе, и душа выйдетъ, и тѣло предано будетъ землѣ, то не въ силахъ уже мы помочь себѣ, какъ и рыба, извлеченная изъ воды и заключенная въ сосудъ, не можетъ уже оказать себѣ помощи“[2].

Иноки Каллистъ и Игнатій говорятъ: „Іоаннъ Вострскій, мужъ святой и власть имѣющій надъ духами нечистыми, спросилъ бѣсовъ, жившихъ въ нѣкоторыхъ отроковицахъ бѣсноватыхъ и злодѣйствовавшихъ въ нихъ, говоря: „какихъ вещей боитесь въ христіанахъ?“ Тѣ отвѣтили: „вы воистину имѣете три великія вещи (отгоняющія бѣсовъ): 1-я та, что вы носите на шеѣ вашей; 2-я та, что омываетесь вы въ церкви; 3-я та, что вкушаете вы въ собраніи“. Тогда онъ спросилъ ихъ: „изъ сихъ трехъ чего боитесь больше вы?“ они отвѣтили: „если бы добрѣ хранили то, чего причащаетесь, то никто изъ насъ не возмогъ бы оскорбить христіанина“. Эти вещи, коихъ боятся наши неистовые враги паче всего—суть: крестъ, крещеніе и причащеніе[3]“. Дѣйствительно, что можетъ быть большимъ доказательствомъ вѣры въ Спасителя, какъ исполненіе Имъ завѣщаннаго общенія съ Нимъ черезъ причащеніе, и что есть большая заслуга, какъ искреннее покаяніе передъ Богомъ? Мы, люди, и то не можемъ устоять въ гнѣвѣ на кающагося намъ въ проступкахъ своихъ противъ насъ человѣка. Мы и то всегда готовы простить искренно кающагося; развѣ это не доказательство, что есть спасеніе въ искреннемъ покаяніи?.. Итакъ, спасеніе душъ нашихъ отъ рабства загробнаго діаволу заключается въ общеніи съ Христомъ Спасителемъ нашимъ по завѣщанной Имъ намъ на тайной вечери заповѣди, и въ искренномъ покаяніи Ему въ грѣхахъ нашихъ, при стараніи не повторять уже то, что сознано нами грѣхомъ; только въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы можемъ доказать искренность покаянія. Покаяніе—это выраженіе познанія грѣха своего, а разъ узналъ человѣкъ, что есть грѣхъ его, развѣ онъ повторитъ этотъ грѣхъ, если онъ въ немъ искренно покаялся? а если повторитъ, значитъ—не искренно было его покаяніе.

---

[1] Тамъ-же стр. 53.
[2] Твор. Григ. Нис. ч. 1 стр. 384—467.
[3] Бесѣды на ев. ч. 2 изд. 2. 5, стр. 43 1—43

[1] «Чет.-Мин.» Окт. 2.
[2] Добр. т. 2, ст. 351.
[3] Доброт. т. 5, стр. 448.

10) *Заклинаніе.*—По опредѣленію св. Григорія Богосл., „заклинаніе—есть изгнаніе демоновъ“ (ч. 5, стр. 286). Св. Іустинъ мучен. говоритъ: „мы, вѣрующіе въ распятаго Іисуса Господа нашего, заклинаемъ всѣхъ демоновъ и злыхъ духовъ и держимъ ихъ въ нашей власти“ [1]. И еще: „всякій демонъ побѣждается и покоряется чрезъ заклинаніе именемъ Сына Божія“ [2]. Дѣйствительно, заклинаніе оказывается сильнымъ оружіемъ христіанъ противъ діавола. Часто получаютъ исцѣленіе такіе больные, которые признаны врачами безнадежными къ выздоровленію. Да и гдѣ искать больше исцѣленій, какъ не въ храмѣ Божіемъ, гдѣ собраны люди о имени Господа?.. Къ кому больше прибѣгать за помощью, какъ не къ Господу Богу и святымъ Его, къ Матери Божіей?.. Кто кромѣ Господа можетъ исцѣлить насъ отъ грѣховъ нашихъ, кто кромѣ Господа можетъ уврачевать нашу душу, какіе врачи тѣлесные могутъ излѣчить эти язвы человѣческія? Исцѣляетъ Господь по благости Своей душевныя болѣзни, съ которыми связаны тѣлесныя муки, прощеніемъ грѣховъ, породившихъ сіи муки. Правда, не всегда тотчасъ исцѣляются больные, но это потому, что иногда Господь наказываетъ людей, видя неискренность ихъ обращенія къ Нему, а вмѣстѣ съ наказаніемъ учитъ терпѣнію. Главной причиной Божіихъ наказаній служитъ недостатокъ въ насъ вѣры. Оттого-то и не получаютъ невѣрующіе долго исцѣленія, что Господь желаетъ насъ испытать и научить вѣрѣ, создавая примѣръ другимъ. (Извл. въ сокращ. изъ кн. игумена Марка: „Злые духи“ Спб. 1899 г., стр. 145—168).

НЕДѢЛЯ 6-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 29, гл. IX, 1—8 ст.

1. Исцѣленіе разслабленнаго жилами.

Однажды *Іисусъ прибылъ* въ Капернаумъ, на который смотрѣлъ какъ на *Свой* городъ [3], и пришелъ въ домъ, вѣроятно св. Петра, предоставлявшійся въ Его распоряженіе каждый разъ во время пребыванія въ этомъ городѣ. *Тотчасъ собрались* (въ домъ) *многіе, такъ что уже и у дверей не было мѣста; и Онъ говорилъ имъ слово* [4]. *Тутъ сидѣли фарисеи и законоучители, пришедшіе изъ всѣхъ мѣстъ Галилеи и Іудеи, и изъ Іерусалима* [5]. *И вотъ принесли къ Нему разслабленнаго (жилами), положеннаго на одрѣ* [6]. Будучи однимъ изъ тѣхъ настойчивыхъ людей, которые хотятъ захватить царство небесное силою, больной вмѣстѣ съ своими друзьями окончательно рѣшился добиться доступа къ Іисусу. *Четверо носильщиковъ, не нашедши, гдѣ пронесть его, за многолюдствомъ, взлѣзли на верхъ дома, гдѣ Онъ находился, раскрыли кровлю дома, и прокопавъ ее* (вынувъ нѣсколько черепицъ), *сквозь кровлю спустили его (разслабленнаго) съ одромъ на средину предъ Іисуса* [1]. Испугавшись, вѣроятно, самъ того страннаго образа дѣйствій, которымъ добился возможности приблизиться къ Спасителю, разслабленный молчалъ; но *Іисусъ, видя вѣру ихъ,* выразившуюся разслабленнымъ и друзьями его на дѣлѣ, *сказалъ разслабленному: дерзай, чадо! прощаются тебѣ грѣхи твои* [2]. *При этомъ нѣкоторые книжники и фарисеи помышляли въ сердцахъ своихъ: что Онъ богохульствуетъ? Кто можетъ прощать грѣхи,*

---

[1] Соч. Іуст. муч. стр. 258.

[2] Тамъ же стр. 272.

[3] Ев. Матѳея IX, I.

[4] Ев. Марка II, 2.

[5] Ев. Луки V, 17.

[6] Ев. Матѳея IX, 2; Марка II, 3; Луки V, 18.

[1] Ев. Марка II, 3—4; Луки V, 18—19.

Дома на востокѣ тáкъ низки, что ничего не стоитъ взобраться на крышу, въ особенности когда строеніе стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ. Разборка крыши у насъ затруднительна, но на востокѣ раскрытіе крыши дѣлается чуть не каждый день по разнымъ причинамъ. (Thomson. Land. aud Rook. 358)

Поэтому мнѣніе, что разборка крыши была опасна для находящихся внизу, есть невѣжественное предположеніе, вслѣдствіе простого незнанія мѣстныхъ обычаевъ и условій. («Жизнь Іисуса Христа». Фаррара, ч. I, стр. 180, пр. 5).

[2] Ев. Матѳея IX, 2.

кромѣ единаго Бога? 1) Спаситель отпустилъ грѣхи больному, какъ имѣющій на это полную власть, и показалъ Свое одинаковое достоинство съ Богомъ Отцемъ. Книжники, снѣдаемые злобою и думая обвинить Его въ богохульствѣ, невольнымъ образомъ прославили Его за исцѣленіе души, говоря, что власть отпускать грѣхи принадлежитъ одному Богу. Желая показать, что Онъ есть Богъ, равный Богу Отцу, Спаситель открылъ и обнаружилъ то, о чемъ книжники помышляли только въ себѣ и чего, опасаясь народа, не смѣли обнаружить предъ всѣми. *Для чего вы мыслите худое въ сердцахъ вашихъ?* 2) неожиданно сказалъ имъ Господь. Если кто могъ негодовать, то развѣ одинъ больной, какъ обманувшійся въ своей надеждѣ. Онъ могъ сказать: я пришелъ для того, чтобы Ты исцѣлилъ меня отъ разслабленія, а Ты врачуешь другое; чѣмъ я могу увѣриться въ томъ, что мнѣ отпущаются грѣхи? Но онъ ничего подобнаго не говоритъ, а предаетъ себя во власть Исцѣляющаго. Книжники же, будучи горды и завистливы, порицаютъ самыя благодѣянія Его, оказанныя другимъ. Потому-то Спаситель обличаетъ ихъ, впрочемъ съ кротостію. „Если вы не вѣрите первому доказательству Моей Божественности и почитаете слова Мои тщеславіемъ, то вотъ Я присовокупляю еще другое: — открываю ваши тайны“ 3); наконецъ, спрашиваю васъ: *что легче? сказать ли разслабленному: прощаются тебѣ грѣхи твои; или сказать: встань, возьми одръ твой и ходи?* 4). „Первое можетъ сказать всякій, за несуществованіемъ возможности удостовѣриться, — прощены грѣхи, или нѣтъ. Но кто можетъ сказать второе выраженіе, и за его словами послѣдуетъ исполненіе, тотъ, навѣрное, долженъ быть облеченъ на то властію высшею. Если Я однимъ словомъ могу исцѣлить разслабленнаго, то не ясно ли, что Я имѣю власть на землѣ прощать грѣхи? *Но чтобы вы знали, что Сынъ человѣческій имѣетъ власть на землѣ прощать грѣхи, сказалъ Онъ разслабленному: тебѣ говорю: встань, возьми одръ твой и иди въ домъ твой* 5). Съ этимъ словомъ возвратились силы въ разслабленные члены и миръ въ разбитую душу: разслабленный мгновенно выздоровѣлъ *и тотчасъ всталъ предъ ними, взялъ одръ свой и пошелъ въ домъ свой, славя Бога* 1).

Возставивъ разслабленнаго, Господь посылаетъ его въ домъ, показывая опять Свое смиреніе и подтверждая, что сотворенное Имъ чудо не есть мечта; ибо тѣхъ, которые были свидѣтелями болѣзни разслабленнаго, дѣлаетъ свидѣтелями его здоровья. Такъ Господь показываетъ, что Онъ есть Творецъ души и тѣла, и, исцѣляя больного отъ разслабленія духовнаго и тѣлеснаго, открываетъ невидимое посредствомъ видимаго. Но свидѣтели этого пресмыкаются еще долу. Хотя они размѣнивались другъ съ другомъ восклицаніями удивленія, не безъ примѣси страха: *чудныя дѣла видѣли мы нынѣ! Никогда ничего такого мы не видали* 2); но плоть препятствовала имъ вознестись горѣ, ибо они, говоритъ евангелистъ, *прославили Бога, давшаго такую власть человѣкамъ* 3), все еще не понимая, что передъ ними Самъ Богъ.

2. Нѣтъ зла злѣе грѣха.

(Изъ «Лѣтописи» св. Димитрія, м. ростовскаго).

Грѣхъ—великое зло, и много зла отъ него происходитъ. Грѣхъ свѣтлаго ангела обратилъ въ темнаго сатану и низринулъ его съ небесъ. Грѣхъ Адама изгналъ изъ рая и навелъ проклятіе и смерть на весь человѣческій родъ. Грѣхи, умножившіеся между людьми перваго міра, покрыли водами потопными безчисленное множество народовъ. Скверные грѣхи истребили огнемъ Содомъ, Гоморру и сосѣдніе съ ними города. Грѣхи многими казнями поразили Египетъ, и погрузили въ море фараона со всѣмъ его воинствомъ. За грѣхи не вошли въ обѣтованную землю, а скончались въ пустынѣ всѣ тѣ израильтяне, которыхъ Богъ извелъ изъ Египта. Грѣхи самую землю подъ Даѳаномъ и Авирономъ разверзли до ада, — людей обращали въ скотовъ, какъ Навуходоносора, и въ столбы безчувственные, какъ жену Лотову, и никогда никого не щадили, а напротивъ, всякому грѣшнику готовили отъ Бога судъ и наказаніе. Грѣхи человѣческіе пригвоздили ко

---

1) Ев. Матѳея IX, 2—3; Марка II, 5—7; Луки V, 20—21.

2) Ев. Матѳея IX, 4; Марка II, 8; Луки V, 22.

3) XXIX Бесѣда св. Іоанна Златоуста на евангелиста Матѳея. М. 1843 г. Ч. II, стр. 3, 5, 6.

4) Ев. Матѳея. IX, 4—5; Марка II, 8—9; Луки V, 22—23.

5) Ев. Матѳея IX, 6; Марка II, 10—11; Луки V, 24.

Слова: *на землѣ прощать грѣхи,* показываютъ, что отпущеніе грѣховъ дается только въ этой земной жизни, а не въ будущей, т.-е. не послѣ суда и воздаянія. Толкованіе воскр. ев. сост. Никифоромъ, арх. астр. и ставр. М. 1805 г. Т. I, л. 232.

1) Ев. Матѳ. IX, 7; Марка II, 12; Луки V, 25.

2) Ев. Марка II, 12; Луки V, 26.

3) Ев. Матѳея IX, 8.

кресту и Самого ни въ чемъ неповиннаго, праведнаго и святѣйшаго Сына Божія, *Иже грѣха не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устахъ Его* (Ис. LIII 9). Пощадятъ ли они какого-нибудь грѣшника? Тяжкіе грѣхи — низвергали съ престоловъ сильныхъ земли, разоряли царства, разрушали города, уничтожали стройные полки войскъ, опустошали цѣлыя страны, да и нынѣ дѣлаютъ то же самое... О, какъ жестокъ всякій грѣхъ! Хорошо увѣщеваетъ Писаніе: *якоже отъ лица зміина бѣжи грѣха, аще бо приступиши, угрызнетъ тя* (Сир. XXI, 2). — Нѣтъ въ поднебесной зла злѣе грѣха. Будетъ ли болѣзнь, или какая напасть, нищета или гоненіе, бѣда или злостраданіе — все это еще не столь великое зло, какъ смертный грѣхъ. Св. Златоустъ говоритъ: „что такое болѣзнь? — что слѣпота? все это — ничто; вотъ величайшее зло — это грѣхъ!“ Почему же всѣ скорби и бѣды въ мірѣ — ничто противу грѣха? Да потому, что все это — временное, а грѣхъ готовитъ муку вѣчную. Если даже и будетъ онъ прощенъ, то все же онъ останется въ памяти самого согрѣшившаго навсегда. Какъ рана на тѣлѣ, хотя бы и была исцѣлена, но оставляетъ знакъ: такъ и въ душѣ, согрѣшившей и получившей прощеніе отъ милосердія Божія, хотя она и будетъ обитать во царствіи небесномъ, однакоже въ ней останется воспоминаніе о грѣхѣ, какъ знакъ бывшей ея раны. За то-то помилованный грѣшникъ и будетъ въ вѣки вѣковъ славить и благодарить Бога, что Богъ простилъ ему столько тяжкихъ грѣховъ и беззаконій. Такимъ образомъ и по кончинѣ человѣкъ вѣчно будетъ помнить грѣхи свои. Развѣ въ томъ будетъ разница, что осужденный грѣшникъ будетъ въ мукѣ вѣчной воспоминать свои грѣхи на большее мученіе своей совѣсти, а тотъ, кто получитъ милость Божію, будетъ ихъ помнить на большее прославленіе милосердія Божія, которое простило ему грѣхи.

Грѣхъ — это такое великое зло, за которое человѣкъ, самъ собою, безъ содѣйствія милосердія Божія, никогда не можетъ совершенно удовлетворить правдѣ Божіей, хотя бы онъ прожилъ и тысячу лѣтъ, и всѣ эти годы провелъ въ трудахъ покаянія, въ постѣ, молитвахъ и слезахъ. „Если-бы,“ говоритъ пр. Іоаннъ Лѣствичникъ, „если-бы грѣшникъ заставилъ всю вселенную плакать о себѣ, если-бъ онъ весь Іорданъ въ слезы претворилъ, и каплями отъ очей своихъ извелъ, если-бъ и тысячью смертей за Христа пострадалъ, и тогда не можетъ онъ самъ собою уплатить долга за грѣхи свои, ибо не можетъ же кровь его сравняться съ кровію Сына Божія, за насъ пострадавшаго“. Одинъ грѣхъ Адама былъ столь тяжекъ, что его не могли искупить всѣ слезы праотцевъ, вся кровь пророковъ, невинно пролитая; нужно было, чтобы Самъ Сынъ Божій сошелъ съ неба, воплотился, пострадалъ и Своею кровію уплатилъ долгъ правосудію Божію за грѣхъ человѣческій. Что же намъ дѣлать не съ однимъ, а съ безчисленнымъ множествомъ тяжкихъ грѣховъ нашихъ? Что принесемъ Богу за нихъ? Чѣмъ расплатимся, если не взыщемъ Божія милосердія? Но хотя и будемъ искать сего милосердія, мы не найдемъ, если прежде не разстанемся съ своими грѣхами, ибо невозможно, согрѣшая, умилостивить Бога!

Грѣхъ — такое великое зло, что онъ не только губитъ самого согрѣшающаго, но и другихъ, неповинныхъ въ грѣхѣ, подвергаетъ бѣдамъ. За грѣхъ Іоны всѣ бывшіе съ нимъ въ кораблѣ подвергались опасности и отчаивались въ жизни своей. Да и во время потопа съ нечестивыми людьми погибли и звѣри, и скоты, и птицы, ни въ чемъ не согрѣшившіе предъ Богомъ. А нынѣ въ мірѣ, какъ въ волнующемся морѣ, сколько бываетъ бѣдъ за грѣхи людей! И всѣ эти бѣды вмѣстѣ съ виновными претерпѣваютъ и невинные, за чужіе грѣхи страдаютъ и не согрѣшившіе, какъ это было и при Давидѣ: согрѣшилъ одинъ Давидъ, а все царство понесло наказаніе за грѣхъ.

3. О томъ, что во время болѣзни не слѣдуетъ опасаться приглашать священника для напутствія исповѣдію и пріобщеніемъ святыхъ таинъ [1]).

Когда родные совѣтуютъ больному пригласить священника для напутствія исповѣдію и св. тайнами, то нѣкоторые изъ больныхъ считаютъ такое приглашеніе священника признакомъ близкой смерти своей и съ огорченіемъ отвѣчаютъ на добрый совѣтъ родныхъ: „что вы меня готовите къ смерти, я еще въ силахъ; стало-быть, близокъ часъ моей смерти, когда вы посылаете за священникомъ?“ И если послѣ усиленныхъ просьбъ родныхъ больной и согласится, наконецъ, принять пастыря церкви съ св. тайнами, то, какъ только увидитъ его входящаго, малодушествуетъ, пугается, думая, что насталъ уже часъ его смертный,

---

[1]) Примѣнительно ко 2 ст. IX гл. еванг. Матѳея.

Думающіе такъ — въ великомъ ослѣпленіи! Смерть вошла въ міръ вслѣдствіе грѣха: *оброцы грѣха смерть* (Рим. VI, 23), сказано въ Писаніи; а священникъ приходитъ къ тебѣ для того, чтобы очистить тебя покаяніемъ отъ грѣха и соединить чрезъ пріобщеніе св. таинъ съ Господомъ. Зачѣмъ же ты смотришь на священника, какъ на предвѣстника смерти? Неужели покаяніе и пріобщеніе св. таинъ имѣютъ губительную силу умерщвлять? Срамно объ этомъ и подумать! Болѣзнями часто Богъ наказываетъ человѣка за грѣхи, а покаяніе нерѣдко возвращаетъ здравіе человѣку. Манассіи—царю израильскому, Богъ обѣщалъ чрезъ пророка здравіе, если Манассія раскается въ своихъ грѣхахъ; раскаялся Манассія въ своихъ грѣхахъ и исцѣлѣлъ. Самъ Спаситель, исцѣляя больныхъ, прежде всего отпускалъ имъ грѣхи, какъ причины болѣзни. Такъ, Онъ, исцѣляя больного, разслабленнаго жилами, прежде всего отпустилъ ему грѣхи, потомъ уже исцѣлилъ: сперва произнесъ: *чадо, отпущаются тебѣ грѣси,* потомъ сказалъ: *востани, возьми одръ твой и ходи;* то же сказалъ другому, 38-лѣтнему недужному, исцѣливъ его отъ недуга разслабленія: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ.* Если раскаяніе во грѣхахъ бываетъ причиною не болѣзни и смерти, а жизни и здоровья, то тѣмъ паче пріобщеніе св. таинъ. Не самъ ли ты читаешь за священникомъ: „да не въ судъ или осужденіе будетъ мнѣ причащеніе святыхъ Твоихъ таинъ, Господи, *но во исцѣленіе души и тѣла?*"

Апостолы Христовы возрадовались, увидѣвши Господа, а ты печалишься, когда священникъ приноситъ тебѣ пречистое тѣло Его? Такую гибельную мысль внушаетъ тебѣ древній человѣкоубійца — сатана, чтобы ты умеръ безъ исповѣди и пріобщенія св. таинъ, или — чтобъ принялъ св. дары безъ живой вѣры и чистосердечнаго раскаянія во грѣхахъ. И что же будетъ, если ты, боясь пригласить священника благовременно, сойдешь въ могилу безъ покаянія, или, по усилившимся недугамъ, здѣлаешься неспособнымъ къ истинному покаянію? Тогда вѣчная погибель твоя неизбѣжна.

Нѣтъ, православные христіане, не опасайтесь во время своей болѣзни приглашать священника для исповѣди и пріобщенія св. Тѣла и Крови Христовыхъ; чрезъ это видимо, иногда, обнаруживалась чудодѣйственная сила Божія, исцѣляющая больныхъ. Для примѣра разскажемъ вамъ, что пишется въ житіи св. Алипія (Ч.-М. жит. св. Алипія, авг. 17). „Былъ нѣкто въ Кіевѣ человѣкъ богатый, который страдалъ самою тяжкою болѣзнію — проказою. Долго лѣчившись у врачей, онъ не получилъ никакой пользы. Тогда одинъ изъ друзей его посовѣтовалъ итти въ кіево-печерскій монастырь и просить преподобныхъ отцовъ печерскихъ, Антонія и Ѳеодосія, чтобъ ихъ молитвами подалъ Богъ ему здравіе; больной, вынужденный усиленными просьбами своего друга, хотя и пошелъ въ обитель печерскую, но не вполнѣ вѣрилъ въ силу молитвъ преподобн. Антонія и Ѳеодосія. Какъ скоро онъ представленъ былъ игумену обители печерской, игуменъ велѣлъ напоить его и умыть ему лицо и голову водою изъ колодезя преп. о. Ѳеодосія. Какъ скоро онъ напился воды и умылся, то тотчасъ воскипѣлъ весь гноемъ за то, что не съ полною вѣрою въ молитвы св. Антонія и Ѳеодосія пришелъ въ монастырь; болѣзнь его до того усилилась, что всѣ начали убѣгать его; ибо, по причинѣ смрада, исходившаго отъ него, нельзя было вмѣстѣ быть съ нимъ. Въ такомъ ужасномъ положеніи, со слезами и печалью, онъ возвратился въ свой домъ и нѣсколько дней сряду не выходилъ изъ своего дома, по причинѣ смрада, покрывавшаго все тѣло его, и сознался предъ друзьями своими, что Богъ наказалъ его такъ за невѣріе въ силу молитвъ св. Антонія и Ѳеодосія; но болѣзнь не проходила. Наконецъ, послѣ размышленія съ самимъ собою, онъ рѣшился итти къ священнику и исповѣдать предъ нимъ всѣ грѣхи свои. А потому, возвратившись въ печерскую обитель, онъ явился къ бывшему тогда священникомъ, нынѣ преподобному отцу нашему Алипію, и исповѣдался во всѣхъ грѣхахъ своихъ. Алипій, выслушавъ отъ него исповѣдь, сказалъ ему: „хорошо ты сдѣлалъ, чадо, что исповѣдалъ Богу грѣхи предъ моимъ недостоинствомъ, ибо такъ и пророкъ о себѣ свидѣтельствуетъ, говоря предъ Господомъ (Пс. XXXI, 5): *рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви, и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего*". Потомъ ввелъ его въ церковь и пріобщилъ его св. таинъ; послѣ сего повелѣлъ умыться водою, которою священники умываютъ уста по причащеніи св. таинъ, и онъ получилъ совершенное здравіе тѣлесное. („Воскр. чт.“, 1885 г. № 34).

4. Духовное врачевство.

Нѣкоторый человѣкъ, проходя черезъ скитъ, вошелъ въ находившуюся при этомъ скитѣ врачебницу. Увидѣвши многихъ больныхъ, лежащихъ въ ней, онъ приступилъ къ врачу и спросилъ: „есть ли растенія, исцѣляющія отъ грѣховъ?“ „Есть, — отвѣчалъ врачъ, — и я тебѣ укажу ихъ. Возьми корень послушанія, вѣтвь терпѣнія, цвѣтъ чистоты и плодъ добрыхъ дѣлъ; сотри все это въ сосудѣ смиренія, просѣй сквозь сито здравомыслія, всыпь въ конобъ (т.-е. котелъ) упованія (надежды), налей воздыханіями и прибавь нѣсколько слезной воды; потомъ разведи огонь божественной любви, покрой конобъ милостынею и обложи его дровами трудолюбія. Когда приготовленный составъ совершенно разварится, тогда простуди его братолюбіемъ и прими лжицею покаянія. По принятіи этого врачевства съ чистою вѣрою, при пособіи воздержанія и поста, ты излѣчишься отъ всякой грѣховной болѣзни, и будешь здоровъ какъ тѣломъ, такъ и душою“ („Воскр. чт.“ 1851 г., № 20).

5. Наказанный и помилованный грѣшникъ.

Одинъ изъ церковныхъ писателей (Симеонъ Метафрастъ) говоритъ: „Равное есть зло и еже глаголати неподобающая и еже молчати та, яже суть полезна и честна. Яко бо вредитъ мысли слышащихъ глаголяй нечестная, тако умалчиваяй добрая лишаетъ благочестивыхъ пользы“. Въ обыденной жизни человѣчества бываютъ нерѣдко такіе рѣзкіе, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ случаи, что, когда внимательно всматриваешься въ ихъ значеніе, — видишь въ нихъ, какъ бы въ чистомъ источникѣ, мелкіе отпечатки, свидѣтельствующіе о всеуправляющемъ Промыслѣ Божіемъ надъ людьми, и — чѣмъ болѣе проникаешь въ сущность фактовъ, — тѣмъ болѣе ясно усматриваешь проявленіе высшей зиждительной силы, преклоняешься предъ всемогущимъ Промыслителемъ, сознаешь свое недостоинство, свою грѣховность, всечасно оскорбляющую милосердіе Божіе, и изъ глубины души взываешь съ царепророкомъ Давидомъ: что есть человѣкъ, яко помниши его?

Въ передаваемомъ фактѣ („Воскр. Од. лист.“ 1877 г., № 51) читающій увидитъ чудодѣйственное проявленіе силы небеснаго Промысла, который и въ вѣкъ нынѣшняго оскудѣнія вѣры не лишаетъ насъ Своей благодати.

Въ концѣ шестидесятыхъ годахъ я по волѣ епархіальнаго начальства опредѣленъ былъ во священники въ учрежденную тогда правительствомъ Ново-Борисоглѣбскую центральную каторжную тюрьму. Служба моя была нелегкая, такъ какъ мои прихожане всѣ до единаго были лишенные всѣхъ правъ состоянія, и сосланы сюда нѣкоторые на опредѣленные сроки, другіе на безсрочное время, а многіе пожизненно. Большинство изъ нихъ состояло изъ страшныхъ грабителей и убійцъ; немало было и политическихъ преступниковъ изъ „образованныхъ“. Одни изъ нихъ хвастались своимъ удальствомъ въ разбояхъ и крайнимъ цинизмомъ въ безнравственныхъ поступкахъ; другіе гордились своимъ невѣріемъ, или отрицаніемъ бытія Божія; а иные щеголяли одинъ предъ другимъ наглымъ кощунствомъ надъ ученіемъ православной вѣры, ея таинствами, обрядами и проч. И всѣхъ таковыхъ (а ихъ было до 500 душъ) я долженъ былъ каждый день посѣщать въ ихъ камерахъ, подмѣчать ихъ душевные недуги и пастырски врачевать.

Изо всѣхъ заключенныхъ болѣе всего возбуждали во мнѣ жалость, а потому и особенное сердечное участіе въ ихъ печальной участи, такъ называемые *вѣчники,* т.-е. заключенные въ камеры пожизненно. Я просиживалъ у нихъ иногда по цѣлому часу. На вопросъ, какъ они поживаютъ, не ропщутъ ли на властей и на Бога за свою горькую долю, — одни отвѣчали молчаніемъ, другіе — сознаніемъ своей виновности и заслуженнаго наказанія, нѣкоторые же прямо обижались предложеннымъ вопросомъ и съ усмѣшкой возражали: „а что, батюшка, если бы васъ этакъ сюда, къ намъ за компанію, на высидку до самой смерти запроторили, сирѣчь лишили всякой надежды на какое-либо прозябаніе въ этомъ мірѣ до конца вашей жизни, — что бы вы тогда запѣли? Какъ вспомнишь свое безвыходное положеніе, — не знаешь, что сдѣлалъ бы надъ собою; вотъ призываемъ на помощь и вѣдьмъ, и домовыхъ, и діавола, но нѣтъ избавляющаго: мы даже и крестики поснимали съ шеи, попереламливали пополамъ, и носимъ въ башмакахъ подъ пятками, чтобъ сатана не боялся креста, полюбилъ насъ и сдѣлалъ бы намъ визитъ... О Богѣ мы теперь уже не помышляемъ и надежды на Него не полагаемъ; если бы Онъ существовалъ, то, несмотря на наши страданія, не утерпѣлъ, чтобы не помочь намъ; можетъ-быть, встарину Онъ и былъ, а теперь нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ Его".

„Братцы! — возразилъ на это одинъ каторжникъ, довольно молодой, миловидный и съ облагороженными манерами, оказавшійся студентомъ Дерптскаго университета, политическій преступникъ,— братцы! вы шалите, какъ дѣти. Богъ-то есть, да не слѣдуетъ только докучать Ему: молъ, Господи, — да не оставь же меня, дай мнѣ великодушіе, я буду лить рѣкой предъ Тобою слезы и класть безъ счету земные поклоны цѣлую жизнь, только спаси меня, — это все пока лишнее. Вотъ, напримѣръ, я! Зачѣмъ я буду преждевременно лѣзть къ Богу съ просьбами, томить себя охами да вздохами, надрывать душу слезами, морить себя поклонами, постомъ да молитвою? Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка, мускулы слоновые, поживемъ смѣло, навѣрняка, годковъ 60; подумайте жъ, батюшка, можно ль съ моей стороны столько десятковъ лѣтъ играть роль плаксы? — этакъ и Богу надоѣшь и людямъ опротивѣешь; поступать такъ свойственно только малымъ, неразумнымъ дѣтямъ, не дающимъ покоя матери ни днемъ, ни ночью; а намъ, а мнѣ достаточно для всего этого и трехъ дней. Вотъ будетъ мнѣ лѣтъ 80, тогда, лежа на смертномъ одрѣ, я и скажу отъ всего сердца: Господи! Ты безгранично милосердъ, помилуй меня, какъ разбойника покаявшагося и висѣвшаго съ Тобою на крестѣ; съ нимъ и меня помяни въ Твоемъ царствіи".

Сдѣлавъ приличное наставленіе всѣмъ, я, уходя изъ камеры, особо замѣтилъ молодому человѣку *не мудрствовать паче, еже подобаетъ мудрствовати; что не наше есть еже разумѣти времена и лѣта нашей жизни, яже Богъ положи въ Своей власти.* „Вотъ вы и сами видите, — продолжалъ я,—что въ этой тюрьмѣ за четыре только мѣсяца умерло отъ цынги 200 душъ, отчего не предположить, что вы будете именно 201-я жертва смерти? Да вразумитъ васъ Господь!"

Чрезъ недѣлю послѣ этого, когда я, по совершеніи литургіи, потреблялъ Св. Дары въ алтарѣ, тюремный надзиратель доложилъ мнѣ, что какой-то арестантъ желаетъ меня видѣть и ожидаетъ у дверей церковныхъ; вышедши, я увидѣлъ, къ немалому удивленію — молодого оратора, недавно мечтавшаго о долгой жизни, исхудалымъ, блѣднымъ, жалкимъ. „Что съ вами? — спросилъ я, — и для чего я вамъ нуженъ?" „Послѣ выхода вашего изъ нашей камеры, — отвѣчалъ онъ, — я внезапно сраженъ былъ болѣзнію — кровавымъ поносомъ; вотъ уже цѣлую недѣлю не сплю, ничего не ѣмъ и видимо таю, какъ воскъ, — помогите мнѣ, спасите меня, хотѣлось бы еще пожить". „Лѣкарствъ никакихъ я не имѣю, — было моимъ отвѣтомъ, — да если бы и имѣлъ, то, по правиламъ тюремнымъ, я не могу вамъ передавать ни порошковъ, ни пузырьковъ, ничего, кромѣ религіозно-нравственныхъ книгъ. Одно врачевство только и есть у меня — это молитва. Попробуйте и вы это средство, да присоедините къ нему еще покаяніе и слезы." Не совсѣмъ охотно выслушалъ онъ мой совѣтъ и съ поникшимъ лицомъ ушелъ въ камеру. Спустя нѣсколько дней, по окончаніи богослуженія, опять докладываютъ мнѣ объ арестантѣ, имѣющемъ очень спѣшное и важное дѣло ко мнѣ. Выхожу и вижу того же самаго больного, дрожащаго, съ страшно впалыми глазами, прислонившагося на колѣняхъ къ стѣнкѣ; едва переводя духъ, прерывающимся голосомъ говоритъ онъ мнѣ, цѣлуя руки: „батюшка! болѣзнь моя ни мало не унимается; послѣднія силы истощаются; смерть видимо заноситъ надо мною свою руку; представленіе о ней меня ужасаетъ... А переселиться въ безпредѣльную вѣчность, не сдѣлавши добра... о, страшно! о, Господи, помилуй и спаси меня"! и зарыдалъ, какъ дитя. Потомъ продолжалъ: „знаете ли, батюшка, что мнѣ пришло на умъ: благословите меня проскомидійною просфорою: я надѣюсь, что, если я ее съ вѣрою съѣмъ, то болѣзнь моя пройдетъ." Радуясь такой доброй мысли, я моментально вынесъ изъ алтаря просимую просфору и, вручая ему, присовокупилъ: „по вѣрѣ вашей да будетъ вамъ: идите съ миромъ."

И, о, дивное дѣло! благодать, присущая св. хлѣбу, оживотворила смертельно больного: чрезъ три дня, онъ пришелъ ко мнѣ во храмъ, сіяющій радостію, и, въ избыткѣ благодарныхъ чувствъ, какъ евангельскій самарянинъ, онъ то повергался предъ св. иконами, прижимая ихъ къ себѣ и лобзая ихъ; то бросался мнѣ въ ноги и крѣпко обнималъ ихъ; то хватался за воскрилія священныхъ одеждъ и цѣловалъ ихъ. Ни одно изъ самыхъ пріятныхъ мгновеній въ моей жизни я не могъ сравнить съ тѣмъ, что въ это время испытывала моя душа. Вотъ, думалъ я, какъ осязательно видится Промыслъ Божій и великое милосердіе Божіе къ грѣшникамъ! Онъ не отвергаетъ обращающагося и не до конца поражаетъ, а хранитъ и подкрѣпляетъ изнемогающаго. „Чадо! — вѣщалъ я ему отъ иконы Спасителя: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ*. Господь тебѣ, а въ лицѣ твоемъ и другимъ даетъ урокъ и предостереженіе, что никогда не слѣдуетъ полагаться на свои силы; что душа каждаго въ руцѣ Божіей, и Богъ *егоже хощетъ живитъ и егоже хощетъ мертвитъ, низводитъ во адъ и возводитъ;* что никогда не слѣдуетъ откладывать спасенія души на отдаленное будущее время, и что крѣпкая вѣра въ Бога можетъ творить великая, чудная и славная не только отъ проскомидійной просфоры, но и горы переставлять съ мѣста на мѣсто, и нѣтъ ничего невозможнаго для нея“. („Душеп. соб.“, 1896 г., вып. III).

6. Хульные помыслы не вредятъ тѣмъ, которые ими пренебрегаютъ[1]).

Одинъ епископъ, пришедши въ Римъ, объявилъ папѣ Григорію, что его смущаютъ и обуреваютъ многочисленные хульные помыслы на Бога, такъ что онъ отъ великой скорби изнемогъ плотію и уже приходитъ въ отчаніе. Услышавши это, папа сказалъ: „ты — епископъ, а не знаешь козней бѣсовскихъ. Всегдашній врагъ нашъ, діаволъ, когда видитъ кого-нибудь дѣлающаго добро и не можетъ совратить его на путь грѣха, тогда начинаетъ дѣйствовать на него хульными помыслами, дабы возмутить его, разстроить умъ, отклонить отъ добродѣтели и низвергнуть въ глубину отчаянія. Но ты знай, что хульные помыслы не имѣютъ никакого значенія и нимало не могутъ вредить тѣмъ, которые ими пренебрегаютъ и не смущаются. Они причиняютъ вредъ только тѣмъ, которые, будучи малодушны и неопытны, вмѣняютъ ихъ себѣ въ грѣхъ и впадаютъ въ изнеможеніе отъ напрасной скорби. На такихъ же малодушныхъ людяхъ сбывается слово пророка Давида: *тамо убояшася страха, идѣже не бѣ страхъ*“ (Пс. XIII, 5). (См. „Воскр. чтеніе“ г. XVII).

7. Какъ одинъ инокъ освободился отъ хульныхъ помысловъ?

Одинъ благочестивый инокъ, претерпѣвая нападенія отъ хульнаго бѣса въ продолженіе 20 лѣтъ, изнурилъ тѣло свое постомъ и бдѣніемъ; но видя, что никакой не получаетъ отъ того пользы, описалъ на бумагѣ все свое искушеніе и смущеніе, и, пришедши къ нѣкоему св. мужу, вручилъ ему эту бумагу, повергшись лицомъ на землю и не дерзая воззрѣть на него. Старецъ, прочитавъ бумагу, улыбнулся и, поднявъ брата, говоритъ ему: „положи, чадо, руку твою на мою выю“; и когда братъ сдѣлалъ это, великій мужъ сказалъ ему: „на выи моей, братъ, да будетъ грѣхъ сей, какъ за прошедшее время, такъ и за будущее; только и ты уже не безпокойся объ немъ“. Послѣ этотъ инокъ увидѣлъ, что онъ еще не успѣлъ выйти изъ кельи старца, какъ эта страсть исчезла... „Я слышалъ эту повѣсть, повѣствуетъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, изъ устъ того самаго инока, который это искушеніе претерпѣлъ и (который), разсказывая объ этомъ, возсылалъ Богу благодареніе“. („Лѣствица“, сл. 23. § 16, стр. 212—213).

8. Размышленіе о хульныхъ помыслахъ.

Одно изъ самыхъ тяжкихъ искушеній, какимъ нерѣдко подвергаются люди, стоящіе на добромъ пути христіанской жизни, есть всѣваемый въ душу человѣка врагомъ нашего спасенія внутренній помыслъ хулы на все святое. Такое состояніе тѣмъ мучительнѣе становится для человѣка, что онъ чувствуетъ себя безсильнымъ отогнать отъ себя хульные помыслы даже во время молитвеннаго стоянія предъ Богомъ. Напротивъ, въ это именно время они какъ будто еще сильнѣе дѣйствуютъ на человѣка, обуревая его умъ всякими сомнѣніями и гнусными образами. Но что всего замѣчательнѣе, — такому тяжкому искушенію подвергаются не только начинающіе вести жизнь по Богѣ, но и люди, долгое время подвизающіеся въ дѣлѣ спасенія, — нерѣдко самые высокіе подвижники благочестія. Испытывающимъ такое мрачное состояніе духа святитель-затворникъ Ѳеофанъ, еписк. тамбовскій, преподаетъ слѣдующіе совѣты:

---

[1] Примѣн. къ 3 ст. IX глав. еванг. Матѳея.

—...„Духъ хулы мучитъ васъ. Бѣсъ... производитъ ихъ. Дѣлаетъ онъ это для того, чтобы смущать васъ и лишить васъ дерзновенія къ молитвѣ. И то имѣетъ онъ въ виду, не согласитесь ли вы на какую-либо хулу, чтобы ввергнуть васъ въ грѣхъ хулы, а потомъ — въ отчаяніе. Противъ сего бѣса—первое... не смущаться и отнюдь не думать, что это ваши мысли, но прямо относить ихъ къ бѣсу. Затѣмъ—противъ мыслей и словъ—мыслить и говорить противное. Онъ внушаетъ худое о святомъ, а вы говорите: врешь, лукавецъ: онъ вотъ каковъ... Такъ противъ всего, — и все говорите, пока не отойдутъ. Ко Господу обратитесь съ такою молитвою: душу мою открываю предъ Тобою, Господи! Видишь, что я не хочу такихъ мыслей и не благоволю къ нимъ. Все всѣваетъ врагъ; отгони его отъ меня. Св. Нифонтъ четыре года мучимъ былъ такимъ духомъ, который жужжалъ ему въ уши: нѣтъ Бога, нѣтъ Христа и проч., онъ же говорилъ: и Богъ есть и Христосъ, и я поклоняюсь Имъ и служу всею душою... Богъ избавилъ, наконецъ, его... У Димитрія ростовскаго въ 1-мъ томѣ есть объ этомъ статья очень вразумительная и утѣшительная“ [1])...

—„... Вотъ вамъ и осязательное удостовѣреніе, что духъ хулы есть въ васъ вражій: съ какой непріязнію онъ относится къ Господу Спасителю?! Ему это натурально, ибо Господь разрушилъ власть ихъ, такъ что одно имя Его страшно для нихъ. А намъ чего ради внимать этимъ насѣяніямъ зелій вражескихъ! Молитесь, да исторгнетъ Господь изъ сердца вашего самую возможность такихъ помышленій. Причаститься св. Таинъ — очень хорошо! Помоги вамъ, Господи!—Исповѣдаться надо полно... Разскажите духовнику все и просите молитвъ“ [2]).

—..„Пишутъ старцы, что, когда нападаетъ искушеніе, надо отбивать его отъ сердца непріязненностію къ нему, — и затѣмъ, или вмѣстѣ съ тѣмъ, обратиться къ Господу съ молитвой.

Это сильное, непріятное врагу средство.—Къ нему надо готовиться въ мирномъ состояніи. Надо настоящую возбудить въ себѣ ненависть противъ врага и прираженій его“ [3]).

НЕДѢЛЯ 7-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 33-е, гл. IX, 27—35 ст.

1. Исцѣленіе двухъ слѣпыхъ.

Во время Своего путешествія изъ Іерусалима въ Галилею, Іисусъ вѣроятно приходилъ въ Капернаумъ. Въ одинъ день за Нимъ слѣдовали по пути два слѣпые, не переставая кричать: „помилуй насъ, Іисусе, сынъ Давидовъ!“ Молва о Немъ дошла до нихъ, и они были убѣждены, что Онъ есть обѣщанный Сынъ Давидовъ. Поэтому они съ вѣрою взывали къ Нему, чтобъ Онъ помиловалъ и исцѣлилъ ихъ. На улицѣ они однако не могли остановить Его. Когда же Онъ пришелъ въ домъ, слѣпые опять приступили къ Нему съ просьбою, чтобъ Онъ помогъ имъ и исцѣлилъ ихъ отъ болѣзни. Іисусъ спросилъ ихъ: „вѣруете ли, что Я могу это сдѣлать?“ Они отвѣчали ему: „ей, Господи!“ Іисусъ видѣлъ исповѣданіе ихъ, видѣлъ, что оно исходитъ у нихъ изъ сердца, и потому подтвердилъ и прославилъ ихъ вѣру. Онъ сказалъ имъ, прикоснувшись къ глазамъ ихъ: „по вѣрѣ вашей да будетъ вамъ!“ И глаза ихъ открылись, и они стали видѣть. Послѣ этого Іисусъ строго запретилъ имъ, говоря: „смотрите, чтобы никто не узналъ!“

2. Утѣшительное посланіе преподобнаго Ѳеодора Студита къ нѣкоему Евдокиму спаѳарію, лишенному зрѣнія.

Итакъ, ты лишился зрѣнія. Приключеніе скорбное! Ибо какъ не прискорбно потерять свѣтильникъ тѣла? Но, съ другой стороны, есть за что и благодарить, когда не видимъ суетъ мірскихъ, коими обыкновенно увлекаются умы всѣхъ противъ воли. Тебѣ нельзя выходить и быть въ собраніяхъ городскихъ и въ судебныхъ палатахъ, но такимъ образомъ ты освободился отъ собранія лукавнующихъ и отъ сообщества беззаконнующихъ. Ты знаешь, о чемъ говорю я.—Лишенъ ли ты имѣнія? и это переносить очень трудно. Но есть побужденіе для тебя и сіе перенести съ легкостію и быть превыше житейскихъ обстоятельствъ и отношеній. Гдѣ, почтеннѣйшій, нашелъ бы ты столько пространства, какъ нынѣ, чтобы упражняться для Бога и познавать Его, сколько то можно? Гдѣ столько времени для молитвы, для воздыханія, умиленія, воздѣянія рукъ, какимъ можешь пользоваться въ настоящемъ бѣдствіи? Не видишь ли, что обстоятельства твои склонились къ твоему благу, и злоба людей обратилась тебѣ во спасеніе? Одно то паче всего достойно примѣчанія, что въ прежнемъ состояніи трудно было знать, находился ли ты на пути спасенія, когда, какъ тебѣ извѣстно, многіе препятствовали благочестивому намѣренію. А теперь не только отверста тебѣ дверь покаянія, но отверстъ и входъ въ царство небесное, и всякій благомыслящій поставитъ тебя въ числѣ спасаемыхъ. О, еслибъ можно было передать свои чувствованія другому! Для меня было бы весьма желательно, чтобы съ отнятіемъ зрѣнія отняты были у меня, въ предметахъ его, и побужденія ко грѣху. Но довольно этого по праву дружбы. Самъ всеблагій Богъ да подастъ тебѣ многое утѣшеніе и силу переносить все съ благодарностію, по примѣру блаженнаго Іова! да сподобитъ Онъ насъ войти и въ личную бесѣду, чтобы восполнить то живымъ голосомъ, чего нельзя выразить на письмѣ!

---

[1]) Душ. чт. т. 2, 1894 г., стр. 412.

[2]) Душ. чт. 1894 г. т.3,стр. 558—59.

[3]) Душ. чт. 1894 г. т. 3, стр. 557.

3. Разсказы о чудесномъ исцѣленіи слѣпцовъ.

1. Чрезъ св. тайны Господь подавалъ прозрѣніе слѣпымъ. Св. Іоаннъ постникъ, архіепископъ константинопольскій, положилъ на очи одному слѣпому часть тѣла Христова и сказалъ: „исцѣливый слѣпого отъ рожденія, Той да исцѣлитъ и тя“, и онъ прозрѣлъ. Такова чудная сила св. Христовыхъ таинъ! (Чет.-Мин. 2 сент.).

2. Одинъ священникъ разсказалъ слѣдующій чудесный случай. Онъ былъ приглашенъ въ сосѣднее село, по случаю отсутствія приходскаго священника, для напутствія больного. Во время преподаванія больному св. таинъ, запасная частица какимъ-то образомъ упала у него со лжицы и, сколько ни искали ея священникъ и хозяева, не могли найти. Больной былъ слѣпой старецъ, и все время, пока продолжали искать частицу, лежалъ на своемъ одрѣ, съ безпокойствомъ по временамъ спрашивая: „не нашли ли?“ Наконецъ, черезъ силу привставъ съ постели и наклонивъ голову подъ лавку, произнесъ: „это что, батюшка, подъ лавкой-то свѣтится?“ — и при этомъ указалъ пальцемъ. Благодатный свѣтъ никто, кромѣ старца-слѣпца, не могъ видѣть; но по указанію его священникъ нашелъ св. частицу и причастилъ ею чуднаго слѣпца („Душ. чт.“ 1877 г.).

3. „Въ числѣ крѣпостныхъ людей отставного поручика Ал. Ѳеод. г. Кречетн., была дѣвица Агафья Ильинишна, рѣдкой доброты и благочестія. Дѣвица эта служила съ отроческихъ почти лѣтъ и до выдачи въ замужество дочери Анаст. Алекс. Когда послѣдняя, имѣющая теперь 76 лѣтъ отъ роду, была лѣтъ 10-ти или меньше, Агафья, служанка ея вѣрная, ослѣпла. Положеніе было горестное! При всемъ томъ не переставала она уповать на помощь Божію и молиться. И вотъ что было плодомъ этихъ качествъ кроткой души ея. Нѣсколько разъ она слышитъ во снѣ приглашеніе итти въ *Палицу*, чтобы получить тамъ исцѣленіе. Это было селеніе, отстоящее невдалекѣ отъ Макарьевскаго монастыря. Ѣдетъ туда Агафья съ вѣрою живою и уже на паперти церкви сельской чувствуетъ, что прозирать начинаетъ. Входитъ въ храмъ, кладетъ нѣсколько поклоновъ предъ чудотворною иконою, и совсѣмъ сдѣлалась попрежнему зрячею. Долго она жила послѣ сего, вѣрно служила своимъ господамъ и, наконецъ, въ мирѣ предала духъ свой Господу въ другой деревнѣ, когда Анаст. Алек. была замужемъ“ (Письма дух. отца къ инокинѣ, еписк. Герасима, 1889 г.).

4. Къ настоятелю Каневскаго монастыря, преподобно-мученику Макарію, жившему въ XVII в., разъ пришелъ житель Канева, лишившійся зрѣнія отъ болѣзни, покрывшей тѣло его струпьями. Болѣзнь, при пособіи лѣкарствъ, частію облегчилась, но зрѣніе не возвратилось, и никакіе совѣты врачей не оказали пользы слѣпцу. По совѣту родныхъ обратился онъ за помощью къ препод. Макарію. Преподобный отвѣчалъ, что лѣкарствъ у него нѣтъ, но предлагаетъ евангельскій совѣтъ: вѣруй и молись Тому, Кто далъ зрѣніе слѣпому; „иди,—прибавилъ преподобный,—къ навечерію Богоявленія Господня и молись“. Навечеріе совершалъ самъ преподобный, молясь и о слѣпцѣ. Когда сказалъ онъ въ молитвѣ храма: „велій еси, Господи, и чудна дѣла Твоя“, слѣпецъ ощутилъ, что мимо очей его прошелъ рѣзкій лучъ свѣта, и онъ сталъ видѣть все. Въ благодарность построилъ онъ храмъ въ честь Богоявленія Господ-

ня. (Изъ кн. „Житія святыхъ", архіеп. Филарета Гумилевскаго, сент. 7 д., стр. 85—86).

4. Духовныя очи, видящія и познающія Бога, возникаютъ и развиваются отъ благочестивой жизни.

Слѣпцы, какъ и всѣ истинные христіане, имѣютъ несравненно драгоцѣннѣйшія тѣлесныхъ духовныя очи, видящія и познающія Бога. Если они лишились глазъ, которыми могли разсматривать внѣшніе предметы, за то они отнюдь не лишились духовныхъ очей, которыми могутъ на всю безконечную вѣчность созерцать Бога и весь духовный міръ. Мало того, лишеніе земного зрѣнія очень часто содѣйствуетъ развитію духовнаго. Св. отцы часто указываютъ какъ на существованіе въ нашемъ духѣ способности непосредственно ощущать дѣйствіе и присутствіе въ насъ Божества и чрезъ то болѣе и болѣе уяснять себѣ понятіе о Немъ, такъ и на зависимость этой способности отъ добродѣтельной и благочестивой жизни.

Весьма ясно эту мысль развиваетъ *Ѳеофилъ антіохійскій.* Обращаясь къ язычнику Автолику съ цѣлію обратить его къ истинному Богу, Ѳеофилъ говоритъ: „если ты скажешь — покажи мнѣ твоего Бога, то я отвѣчу тебѣ: покажи мнѣ твоего человѣка, и я покажу тебѣ моего Бога: покажи мнѣ, что очи души твоей видятъ... ибо, какъ тѣлесные глаза у зрячихъ людей видятъ предметы, такъ точно есть и очи души, чтобы видѣть Бога, и Богъ бываетъ видимъ для тѣхъ, которые способны видѣть Его, у кого открыты очи душевныя. Всѣ имѣютъ глаза, но у иныхъ они покрыты мракомъ и не видятъ солнечнаго свѣта... Такъ и у тебя, другъ мой, очи души твоей помрачены грѣхомъ и злыми дѣлами твоими. Человѣкъ долженъ имѣть душу, какъ блестящее зеркало: когда на зеркалѣ есть ржавчина, то не можетъ быть видимо въ зеркалѣ лицо человѣческое; такъ и человѣкъ, когда въ немъ есть грѣхъ, не можетъ созерцать Бога (Ad Autolic. liber 1, п. 2)". Ѳеофилъ говоритъ, что въ душѣ человѣческой непремѣнно есть духовныя очи, чтобы видѣть и познавать Бога; но при этомъ требуется, чтобы очи эти были здоровы и не покрыты тьмою и нечистотою грѣховною, иначе они не увидятъ Бога, подобно тому, какъ больные глазами или слѣпые не видятъ солнечнаго свѣта, хотя онъ и не закрытъ для нихъ. Ясно, что Ѳеофилъ допускаетъ въ душѣ человѣка существованіе особенной способности, при помощи которой онъ можетъ непосредственно ощущать въ себѣ присутствіе и дѣйствіе Божества на душу.

5. Благодушное перенесеніе болѣзни.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одной изъ московскихъ церквей случайно встрѣтились послѣ долгой разлуки двѣ подруги. Дружба ихъ началась давно, когда онѣ еще дѣтьми сидѣли рядомъ въ училищѣ; но послѣ окончанія курса онѣ должны были разстаться и не видались до послѣдняго времени. Обѣ были рады неожиданной встрѣчѣ. Одна изъ нихъ, Елизавета, была замужемъ, имѣла дѣтей, была счастлива, но изъ одиннадцати лѣтъ замужества она болѣла уже восемь лѣтъ.

— Чѣмъ же ты больна?—спросила ее другая, Варвара. — Грудь болитъ, — спокойно отвѣтила Елизавета, —вѣроятно, у меня чахотка. — Ахъ, что ты придумала! Если боль въ груди, то сейчасъ и чахотка! Выбрось это изъ головы!—поспѣшила убѣдить ее Варвара. — Ты думаешь, что это меня огорчаетъ или пугаетъ? Нисколько! — улыбнулась Елизавета. — Ну, — подумала Варвара, —если такъ спокойно улыбается, значитъ, она не признаетъ своего положенія опаснымъ. Но она ошибалась.

Поговоривши еще немного, подруги разстались, давъ слово навѣстить другъ друга.

Варвара однако возвращалась домой съ непокойнымъ сердцемъ; въ ея ушахъ непрерывно звучалъ измѣнившійся, глухой голосъ подруги.

„Боже мой! — думала она, — что если это правда? Такъ рано умирать, и когда жизнь такъ полна! Бѣдныя дѣти! Бѣдная Лиза! И кто можетъ спасти отъ этой страшной болѣзни? — Одно чудо. Что жъ, и чудеса бываютъ, все возможно вѣрующему". И возвратясь домой, Варвара принялась за письмо, совѣтуя своему другу обратиться за помощью въ Кронштадтъ. Вскорѣ она узнала, что добрый, сострадательный кронштадтскій пастырь, по приглашенію мужа, посѣтилъ Елизавету. Но о чемъ же она просила? На его обѣщаніе молиться о выздоровленіи она сказала: „я, батюшка, не хочу выздоравливать, я не тягощусь своею болѣзнію; только я умирать скоро не хотѣла бы, а здоровья мнѣ не надо: такъ для меня лучше". — Это вполнѣ по-христіански! — отвѣтилъ ей почтенный гость.

Прошелъ годъ, и Варвара, придя однажды къ подругѣ, увидала ее уже лежащую въ постели.

— Сядь возлѣ меня, Варя, и я посижу, пока хватитъ силъ.—Она поднялась съ подушки и сѣла. Какъ она измѣнилась! Это была тѣнь прежняго человѣка: страшная худоба и удушливое, короткое дыханіе производили самое тягостное впечатлѣніе. Подруги стали говорить о Богѣ, промыслѣ Божіемъ, о Его великомъ милосердіи къ людямъ, о путяхъ, ведущихъ ко спасенію.

— У тебя умерла сестра, Варя? Знаешь ли, отъ меня мои домашніе хотѣли скрыть ея кончину, какъ будто въ смерти есть что-либо ужасное? Она такъ прожила свою жизнь, что о ней жалѣть и плакать не слѣдуетъ; Богъ такъ милосердъ, Онъ проститъ человѣку его общечеловѣческіе грѣхи, если этотъ человѣкъ всегда къ Нему шелъ. Вотъ о комъ надо плакать и горько плакать: кто нѣсколько лѣтъ въ церкви не былъ, не считалъ нужнымъ причащаться св. таинъ; а есть и такіе люди. Ахъ, Варя, какъ я скучаю безъ храма! Какъ я любила церковныя службы! Бывало, когда я еще была здорова, въ первые годы моего замужества, если я бывала въ театрѣ, я забывала все, что видѣла и слышала, когда возвращалась домой; а побывавши въ храмѣ за службой, я приходила домой въ какомъ-то необыкновенномъ настроеніи, вся наполненная святыми словами, святыми напѣвами, и потомъ долго-долго слышались мнѣ эти слова, эти напѣвы. Послѣ моей свадьбы, въ первую же субботу, лишь только услыхала я ударъ колокола, сію же минуту надѣла шубу и ушла ко всенощной, и такъ не измѣняла этой привычкѣ до тѣхъ поръ, пока не перестала выходить изъ дому. Часто, придя изъ церкви домой, я задавала себѣ вопросъ: куда такъ всѣ спѣшатъ уйти изъ храма, и неужели можетъ быть выше что-нибудь этого блаженства, какъ стоять въ храмѣ и молиться?

Варвара стала жалѣть ее, что она принуждена оставаться неподвижною въ кровати, и утѣшать надеждой на выздоровленіе.—Увѣряю тебя,—отвѣтила Елизавета, — я нисколько не скучаю, а что касается до конца страданій, то, конечно, онъ неизбѣженъ, когда Богу угодно будетъ послать его. Мнѣ только бываетъ тогда невыносимо, когда начинается припадокъ удушья: тогда я страдаю ужасно. Можешь себѣ представить, какъ я однажды была безумна! Мои припадки до того участились, что я совсѣмъ изнемогла и вдругъ сказала: „ну что же это такое, долго ли такъ будетъ? Ужъ то ли, се ли — поскорѣе бы конецъ!“ Какъ будто Богъ не знаетъ, сколько мнѣ надо выстрадать? Какъ я въ этомъ раскаиваюсь! Ты удивляешься и говоришь, будто я необыкновенно терпѣливо переношу болѣзнь. Увѣряю тебя, что Богъ даетъ крестъ по силамъ, и когда я смотрю на другихъ, какъ они страдаютъ, вижу, что мнѣ еще далеко не такъ трудно, какъ имъ. Я больна восемь лѣтъ и не слыхала ни одного упрека отъ своего мужа, а другіе сколько сносятъ попрековъ въ болѣзни! Нѣтъ, мнѣ еще не такъ трудно!

— Подкрѣпи тебя Господь! — съ изумленіемъ проговорила Варвара, глядя на спокойный, ясный взглядъ страдалицы.

Вскорѣ послѣ описанной бесѣды Варвара была лишена возможности навѣщать своего дорогого друга, такъ какъ крайне болѣзненное состояніе уже не позволяло Елизаветѣ принимать постороннихъ посѣтителей. Тогда онѣ стали поддерживать сношенія письменно.

— Помолись о мнѣ, дорогая моя, чтобы Богъ далъ мнѣ терпѣніе; у меня такая одышка, — писала Елизавета, слабо выводя буквы карандашомъ: — почти совсѣмъ не могу говорить, пишу лежа. То все лежу — ничего, а то ужасно надоѣдаетъ. Приходится все лежать на спинѣ: на лѣвомъ боку—кашель, на правомъ—душно. Какъ только услышу чьи-нибудь шаги, тотчасъ сдѣлается сердцебіеніе и духъ не переведу, и потому никого не вижу, кромѣ мужа и сидѣлки.

— Какъ я рада, какъ рада! — писала черезъ нѣкоторое время Елизавета,—что нашъ милосердый Господь сподобилъ меня недостойную быть причастницею Его св. таинъ. Подумай, Самъ Царь славы, нашъ Владыка, Самъ изволилъ прибыть принесеннымъ на груди Своего служителя ко мнѣ, недостойной Его рабѣ. Онъ, Царь небесный, не потребовалъ пышной встрѣчи, и свѣтъ Своей неизреченной славы скрылъ отъ нашихъ тѣлесныхъ очей. Я страшно взволновалась, когда услыхала шаги священника, и стала сама не своя; но, что же ты думаешь? Лишь только Господь Іисусъ Христосъ посѣтилъ меня, я даже не чувствовала, бьется ли во мнѣ сердце, или его вовсе и нѣтъ. Да, моя милая

Варя! что можетъ замѣнить Господа на землѣ? Никакое богатство, ни слава, ни всѣ утѣхи земныя; можно обладать всѣми этими сокровищами, но если нѣтъ въ душѣ Бога, то будетъ такъ пусто и, мнѣ кажется, такъ скучно, что можно съ ума сойти.

Все болѣе и болѣе угнетаемая болѣзнію Елизавета однако находила въ себѣ столько нравственныхъ силъ, что исполняла въ точности всѣ разъ принятыя ею ежедневныя молитвенныя правила и успѣвала молиться не только за себя, но и за мужа, глубоко сострадая ему: „его удрученное состояніе — моя вторая болѣзнь“, — вылила она свое горе въ письмѣ къ подругѣ,—„и молюсь-то я за него, а онъ становится все грустнѣй и грустнѣй“.

Наконецъ, силы совсѣмъ стали ей измѣнять, она слабѣла съ каждымъ днемъ.—Такъ мнѣ плохо,—сообщила она Варварѣ, — что даже запустила чтеніе своихъ ежедневныхъ правилъ.

Но вотъ наступило для Елизаветы труднѣйшее испытаніе. Исконные враги человѣка не могли стерпѣть ея шествія къ Богу и стали внушать ей, что она недостойна Его, что въ ней нѣтъ истинной любви къ Богу, что ея молитва никогда не будетъ услышана, и что они овладѣютъ ею и ввергнутъ ее въ адъ. Бѣдная душа ея, истерзанная и обезсиленная въ борьбѣ, билась, какъ птица въ клѣткѣ. Она то плакала, то молилась, то начинала читать евангеліе и, чувствуя себя не въ силахъ такъ ясно воспринять святыя слова, какъ могла еще такъ недавно, она со слезами закрывала святую книгу и признавала себя погибшей, утратившей путь къ небу. Случайно узнавши о такомъ тягостномъ ея состояніи (Елизавета отъ слабости ужъ не писала писемъ), Варвара послала ей выписки изъ сочиненій отца Іоанна кронштадтскаго и другихъ духовныхъ лицъ, которыхъ особенно уважала Елизавета, указывая ей предлагаемые способы борьбы со злобными духами.

Чистымъ, открытымъ сердцемъ радостно приняла Елизавета наставленія опытныхъ въ духовной жизни мужей и вышла изъ борьбы побѣдительницей. Съ поднятымъ духомъ, ощутивши въ себѣ новыя силы, она, едва чертя на бумагѣ слабѣвшей рукой, написала послѣднее письмо своей духовной сестрѣ, какъ стала она называть въ послѣднее время свою подругу.—Сестра моя о Христѣ,—писала она:—должно-быть, ангелъ твой хранитель внушилъ тебѣ написать мнѣ это письмо твое, прямой отвѣтъ на мое душевное состояніе. Прочитавши его, я заплакала. Перекрестись! Что я хочу сказать тебѣ? Дня два не могла взять въ руки святое евангеліе, каждое его слово, какъ ножомъ, рѣзало мое сердце; а когда попросила почитать мужа, такъ меня вдругъ бросило въ потъ—я испугалась, что буду бѣсноваться и съ тѣмъ умру. Спаси тебя Христосъ. Я недостойна тебя, прошу не возражать мнѣ на это. До такого смиренія она возвысилась!

Утративши и послѣднее — сонъ, Елизавета усерднѣе прежняго молилась, чаще и чаще причащалась св. таинъ, благословила мужа и дѣтей и, наконецъ, впала въ безсознательное состояніе. Но и въ бреду она читала молитвы и крестилась дрожащею рукой: такъ сроднилась душа ея съ молитвой! Наконецъ, насталъ и послѣдній часъ ея жизни. Передъ смертью она пришла въ себя и потомъ тихо отошла въ тотъ міръ, въ который всю жизнь стремилась, и чистая душа, освободившись отъ оковъ многострадальнаго тѣла, понеслась къ Богу, Котораго любила больше всѣхъ и всего на свѣтѣ.

И скорбная, и вмѣстѣ радостная стояла Варвара за отпѣваніемъ. Всякое слово и литургіи и отпѣванія было похвалой ея уснувшей сестрѣ. „Кто шелъ къ Богу, о томъ не надо плакать“,—вспоминались ей слова Елизаветы: но не скорбѣть она не могла, потому что хоронила истиннаго друга, отъ котораго ничего не слыхала, кромѣ добраго и святого.

Гдѣ же, изъ какого источника почерпаютъ такую великую силу люди, подобные Елизаветѣ?—Въ Богѣ, въ младенческой любви къ Нему. Воистину, Боже нашъ, Господи Іисусе Христе, похвала силы ихъ — Ты еси (Пс. LXXXVIII). (Извлеч. въ сокр. изъ журн. „Кормчій“).

6. У Бога милости много, но подается она только смиреннымъ [1]).

Въ житіи преп. Антонія Великаго есть такое сказаніе: однажды два бѣса сговаривались между собою, какъ бы ввести въ искушеніе великаго подвижника. Одинъ изъ нихъ сказалъ другому: „братъ Зереферъ, какъ ты думаешь: если бы кто нибудь изъ насъ вздумалъ покаяться, то приметъ ли отъ него Богъ покаяніе, или нѣтъ?“ Зереферъ отвѣчалъ: „кто же можетъ знать о томъ, кромѣ старца Антонія, который насъ не боится! Хочешь ли, я пойду къ нему и спрошу его объ этомъ?“—„Иди, иди, сказалъ ему другой бѣсъ: только смотри—будь остороженъ: старецъ прозорливъ, онъ пойметъ, что ты искушаешь его, и не захочетъ спросить о семъ Бога; впрочемъ иди, можетъ-быть, тебѣ и удастся получить желаемый отвѣтъ“, — Бѣсъ Зереферъ принялъ на себя человѣческій образъ, пришелъ къ старцу и началъ предъ нимъ горько плакать и рыдать. Богу угодно было утаить отъ св. старца притворство бѣсовское, и преподобный принялъ пришельца за простого человѣка и съ участіемъ спросилъ его: „о чемъ ты такъ плачешь, что и мое сердце сокрушаешь своими горькими слезами?“ Бѣсъ отвѣчалъ: „отецъ святой! я не человѣкъ, а просто—бѣсъ по множеству беззаконій моихъ!“ Старецъ, думая, что пришлецъ по смиренію называетъ себя бѣсомъ, сказалъ ему: „чего ты отъ меня хочешь, братъ мой?—Объ одномъ умоляю тебя, отче святый, говорилъ бѣсъ, помолись Богу, чтобы Онъ открылъ тебѣ: приметъ ли Онъ покаяніе отъ діавола, или отвергнетъ его? Если приметъ отъ него, то приметъ и отъ меня: ибо и я повиненъ въ тѣхъ же грѣхахъ, въ какихъ онъ“.—Старецъ сказалъ ему: „приди завтра, я скажу тебѣ, что Господь мнѣ откроетъ“. Наступила ночь; старецъ воздѣлъ преподобныя руки свои на небо и сталъ умолять Человѣколюбца Бога, дабы открылъ ему: приметъ ли Онъ покаяніе діавола? И вотъ, предсталъ ему ангелъ Господень и сказалъ: „такъ говоритъ Господь Богъ нашъ: почто умоляешь ты за бѣса державу Мою? Онъ только искушаетъ тебя...“ Старецъ сказалъ ангелу: „почему же Господь Богъ не открылъ мнѣ сей хитрости бѣсовской?“ Ангелъ отвѣчалъ: „не смущайся симъ; тутъ было особенное намѣреніе Божіе, чтобы не предавались отчаянію грѣшники, много беззаконій содѣлавшіе, а приносили покаяніе предъ Богомъ и знали, что Богъ никого не отвергаетъ къ Нему притекающаго, если бы даже и самъ сатана пришелъ къ Нему съ истиннымъ раскаяніемъ; притомъ Богъ не открылъ тебѣ бѣсовскаго лукавства еще и для того, чтобы обнаружилось демонское ожесточеніе и отчаяніе. Итакъ, когда придетъ къ тебѣ искуситель за отвѣтомъ, то не отвергай его, а скажи: „видишь, какъ милосердъ Господь: Онъ не отвращается никого, кто приходитъ къ Нему въ покаяніи, хотя бы и самъ сатана пришелъ; Онъ и тебя обѣщаетъ принять, если только исполнишь ты повелѣнное отъ Него“. А когда онъ спроситъ тебя: что ему повелѣно отъ Бога? скажи ему: такъ говоритъ Господь Богъ: знаю Я, кто ты и откуда пришелъ съ искушеніемъ, ты — злоба древняя и не можешь быть новою добродѣтелію, ты изначала начальникъ зла, и нынѣ добра дѣлать не начнешь; ты ожесточился въ гордости, и какъ ты можешь смириться въ покаяніи и получить помилованіе? Но, чтобы ты не оправдывался въ день судный, чтобы не говорилъ: я хотѣлъ покаяться, но Богъ не принялъ меня, се Благій и Милосердый Господь опредѣляетъ тебѣ—если только самъ захочешь—такое покаяніе: Онъ говоритъ: стой три года на одномъ мѣстѣ, обратясь лицомъ къ востоку, и день и ночь взывая къ Богу: „Боже, помилуй меня—злобу древнюю!“ и повторяй сіе сто разъ; потомъ говори: „Боже, помилуй меня—прелесть помраченную!“ и это также сто разъ; и еще: „Боже, помилуй меня—мерзость запустѣнія!“ опять стократно. Такъ взывай къ Господу непрестанно, ибо ты не имѣешь состава тѣлеснаго, и потому не можешь утрудиться или изнемочь. Вотъ, когда сіе исполнишь со смиренномудріемъ, тогда будешь возвращенъ въ твой прежній чинъ и сопричтенъ къ ангеламъ Божіимъ.“ И если бѣсъ обѣщается сіе исполнить, то прими его въ покаяніе, но Я знаю, что злоба древняя не можетъ быть новою добродѣтелію.“—Такъ изрекъ ангелъ и восшелъ на небо. На другой день пришелъ и діаволъ и еще издалека началъ рыдать голосомъ человѣческимъ. Онъ поклонился старцу, и старецъ, не обличая его коварства, сказалъ ему такъ, какъ повелѣлъ ангелъ,—и что же? Зереферъ, въ отвѣтъ на его рѣчи, громко захохоталъ и сказалъ: „злой чернецъ! если бы я захотѣлъ назвать себя злобою древнею, мерзостью запустѣнія и прелестью помраченною, то уже давно бы это сдѣлалъ и уже былъ бы спасенъ; ужели ты думаешь, что я теперь назову себя древнею злобою? Никогда этого не будетъ! И кто это тебѣ сказалъ? Да я и понынѣ у всѣхъ въ большомъ почетѣ, и всѣ со страхомъ повинуются мнѣ, а ты вообразилъ, что я назову себя мерзостью запустѣнія или прелестью помраченною? Нѣтъ, чернецъ, никогда! Я еще царствую надъ грѣшниками, и они любятъ меня, я живу въ ихъ сердцахъ, и они ходятъ по волѣ моей; да чтобы я сталъ рабомъ непотребнымъ ради покаянія... нѣтъ, злой старикъ, никогда и ни за что! Никогда я не промѣняю своего почетнаго положенія на такое безчестіе!" Сказалъ сіе діаволъ и—съ воплемъ исчезъ. А старецъ сталъ на молитву и, благодаря милосердіе Божіе, говорилъ: „истинно слово Твое, Господи, что злоба древняя не можетъ быть новою добродѣтелію, и начальникъ всякаго зла не будетъ дѣлать добра!.."

---

[1]) Примѣнит. къ Матѳ. IX, 27—28, гдѣ говорится о смиренномъ моленіи слѣпцовъ къ Господу Іисусу объ исцѣленіи.

„Сіе мы повѣдали вамъ, братіе, не ради празднаго любопытства", говоритъ въ заключеніе благочестивый списатель сего сказанія, „но дабы вы познали Божію благость и милосердіе". Итакъ не отчаивайся ты, который безмѣрно скорбишь о множествѣ грѣховъ своихъ,—у Бога милости много. Онъ и самого діавола съ любовію принялъ бы въ прежній ангельскій чинъ, если бы тотъ захотѣлъ покаяться. А для насъ-то, грѣшныхъ, Господь и Крови Своей не пожалѣлъ... Одного должно бояться, какъ бы грѣхъ не довелъ тебя до ожесточенія, подобнаго сатанинскому. А въ такомъ ожесточеніи сердца возможно ли покаяніе и спасеніе?

7. Не надобно искать славы отъ людей [1]).

Скажи мнѣ, для чего и почему ты ищешь похвалы отъ людей? Развѣ не знаешь, что эта похвала такъ же, какъ дымъ, и даже какъ нѣчто худшее и дыма, разливается по воздуху и исчезаетъ? При томъ, и люди такъ непостоянны и измѣнчивы: одни и тѣ же одного и того же человѣка сегодня хвалятъ, а завтра порицаютъ. Но съ приговоромъ Божіимъ этого никогда не можетъ быть. Не будемъ же безразсудны, не станемъ напрасно и всуе обманывать сами себя. Если, вѣдь, мы и дѣлаемъ что-либо доброе, но дѣлаемъ это не для того только, чтобы исполнить заповѣди нашего Господа и быть извѣстными Богу одному: то мы напрасно трудимся, лишая сами себя плода отъ этого добраго дѣла. Дѣлающій что-либо доброе для полученія славы отъ людей, получитъ ли ее, или нѣтъ,—а часто бываетъ, что при всѣхъ усиліяхъ не можетъ получить ее,—пользуется уже здѣсь полною наградою, а тамъ не получитъ никакого воздаянія за это дѣло. Почему? потому что самъ напередъ лишилъ себя награды отъ Судіи, оказавъ предпочтеніе настоящему предъ будущимъ, славѣ человѣческой предъ приговоромъ праведнаго Судіи. Напротивъ, если мы дѣлаемъ что-либо духовное для того собственно, чтобы только угодить тому неусыпающему Оку, предъ Которымъ все обнажено и открыто; тогда и сокровище у насъ остается неприкосновенно, и будущая награда несомнѣнна, а пріятная на нее надежда сама по себѣ уже доставляетъ намъ великое утѣшеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта награда соблюдается намъ въ безопасномъ хранилищѣ, можетъ сопутствовать намъ даже и слава человѣческая. Ибо тогда-то мы и пользуемся ею въ большей мѣрѣ, когда пренебрегаемъ ею, когда не ищемъ ея, когда не гоняемся за ней. И что дивишься, что такъ бываетъ у ведущихъ духовную жизнь, когда очень многіе и изъ міролюбцевъ болѣе всего гнушаются и презираютъ тѣхъ, кто домогается славы отъ людей; даже найдете, что надъ такими людьми всѣ издѣваются за ихъ тщеславіе. Не видишь ли, возлюбленный, какъ и на конскихъ ристалищахъ погоняющіе коней не обращаютъ вниманія на то, что весь сидящій тутъ народъ разсыпаетъ бездну похвалъ, и не чувствуютъ удовольствія отъ этихъ похвалъ, но смотрятъ на одного только царя, сидящаго посреди, и, внимая его мановенію, презираютъ всю толпу, и только величаются, когда онъ возложитъ на нихъ вѣнки. Имъ-то подражая, и ты не дорожи людскою славою и не изъ-за нея твори добрыя дѣла, но ожидай приговора отъ праведнаго Судіи, и, внимая Его мановенію, такъ устроивай всю свою жизнь, чтобы тебѣ и здѣсь постоянно питаться доброю надеждою, и тамъ насладиться вѣчными благами. (Изъ Твореній св Іоанна Златоустаго).

8. Остерегайтесь клеветниковъ [2]).

Весьма тяжкій грѣхъ клеветать на ближняго, т.-е. приписывать ему порокъ, какого въ немъ нѣтъ, или преувеличивать и разглашать дѣйствительные его недостатки, съ намѣреніемъ причинить ему существенный вредъ. По справедливости имя клеветника присвояется духу злобы, ищущему погубить человѣка (слово *діаволъ* съ греческаго значитъ клеветникъ). Ничѣмъ нельзя столь легко и незамѣтно причинить великое зло ближнему, какъ посредствомъ клеветы. „Языкъ небольшой членъ,—говоритъ св. ап. Іаковъ,—но много дѣлаетъ. Посмотри, небольшой огонь какъ много вещества сожигаетъ. И языкъ огонь, прикраса неправды... Это неудержимое зло; онъ исполненъ смертоноснаго яда“ (Іак. III, 5, 6, 8). Во всѣхъ своихъ видахъ, начиная съ легкой насмѣшки надъ ближними до открыто враждебнаго поношенія ихъ, клевета одинаково можетъ быть вредоносна. Такъ, весьма часто самые достойные люди, честные труженики на пользу общества и блюстители правды, невинно страдаютъ отъ явныхъ и тайныхъ нападеній клеветы, старающейся повредить ихъ доброму имени и заслуженной ими славѣ. Но если клевета, какъ служеніе неправдѣ намѣренное или безнамѣренное, есть тяжкій грѣхъ, то, очевидно, всякому нужно тщательно блюсти себя отъ участія въ клеветѣ. Это участіе обыкновенно обнаруживается въ томъ, что слушаютъ и довѣряютъ клеветѣ. Не было бы ей доступа въ общество людей, и она погасала бы въ самомъ началѣ, если бы не находила въ людяхъ довѣрія и содѣйствія къ своему дальнѣйшему распространенію. Къ сожалѣнію, не мало находится среди людей послушныхъ служителей клеветы, частію намѣренныхъ, по недоброжелательству и злобѣ сердца, частію ненамѣренныхъ, по легкомыслію, а иногда и по ложной ревности и фарисейскому тщеславію, чтобы показаться блюстителями правды и чистоты жизни. Не трудно, впрочемъ, человѣку самому благонамѣренному и доброжелательному впасть въ сѣти клеветника и повѣрить его навѣтамъ на ближняго. Клевета весьма часто такъ искусно прикрывается ревностію по правдѣ, что невольно увлекаетъ ограниченнаго и по природѣ удобопреклоннаго ко злу человѣка, побуждая его къ неосновательному осужденію своего ближняго. Изъ житія св. Кирилла александрійскаго мы можемъ видѣть, что внушенія клеветы бываютъ такъ сильны и опасны, что имъ поддавались даже люди праведные и великіе поборники истины.

---

[1]) См. Матѳ. IX гл. 30 ст.

[2]) Примѣнит. къ Матѳ. IX гл. 34 ст.

Извѣстно, что великій святитель Христовъ св. Іоаннъ Златоустъ низверженъ былъ съ архіерейскаго престола и сосланъ въ ссылку единственно по клеветѣ враговъ своихъ, въ числѣ коихъ особенно былъ упоренъ Ѳеофилъ, архіепископъ александрійскій. По страдальческой кончинѣ Златоуста св. церковь почтила его память, сопричисливъ его къ лику угодниковъ Божіихъ. Но въ александрійской церкви, гдѣ былъ архіепископомъ Ѳеофилъ, главный врагъ Златоуста, этотъ послѣдній не хотѣлъ его записывать въ поминовенныя книги. Вѣрилъ клеветѣ и не воздавалъ должнаго почитанія умершему святителю и преемникъ Ѳеофила св. Кириллъ, знаменитый учитель церкви и поборникъ вѣры, предсѣдавшій на 3-мъ вселенскомъ соборѣ противъ еретика Несторія, уничижавшаго достоинство Пресв. Богородицы. Не по злобѣ сердца, всецѣло проникнутаго высотою евангельскаго ученія, великій святитель гнѣвался на умершаго святителя, но по невѣдѣнію своему и по довѣрію враждебнымъ навѣтамъ дяди своего Ѳеофила, утвердившаго въ душѣ Кирилла неправильное понятіе о лицѣ и дѣятельности Златоуста. Такъ и самые великіе святые были причастны немощамъ человѣческимъ, допускали „нѣчто зазорное и богоугожденію супротивное, да исправленіе ихъ чудесное увидимъ“ (Четьи-Минеи 9 іюня). Господь, дѣйствительно, чудесно вразумилъ св. Кирилла въ его прегрѣшеніи противъ долга любви и братолюбія. Однажды было св. Кириллу слѣдующее видѣніе: стоитъ онъ какъ бы въ нѣкоемъ прекрасномъ и величественномъ храмѣ и видитъ Пр. Богородицу, окруженную множествомъ ангеловъ и святыхъ. Въ ликѣ святыхъ зритъ онъ и св. Іоанна Златоуста, стоящаго близъ Пр. Богородицы съ книгою ученія, сіяющаго чуднымъ свѣтомъ. Когда св. Кириллъ хотѣлъ приблизиться къ Пр. Богородицѣ и воздать ей поклоненіе, св. Златоустъ и прочіе предстоящіе отталкивали Кирилла и изгоняли изъ храма. Но Сама Богоматерь крѣпко остановила изгнаніе Кирилла изъ храма и Своимъ посредничествомъ устроила взаимное примиреніе святителей. Послѣ сего видѣнія, получивъ также братское увѣщаніе отъ св. Исидора Пелусіота, св. Кириллъ позналъ свой грѣхъ противъ вселенскаго святителя и, тотчасъ созвавъ соборъ епископовъ, составилъ духовный праздникъ въ честь Златоуста. Съ тѣхъ поръ до конца жизни не переставалъ онъ ублажать сего великаго святителя.

Итакъ, если и великіе праведники могли подвергаться опасному дѣйствію клеветы, то тѣмъ болѣе мы, немощные духомъ, ограниченные и недальновидные умомъ, должны беречься, чтобы не впасть въ сѣти клеветниковъ, сплетаемыя ко вреду ближняго.

НЕДѢЛЯ 8-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 58-е гл. XIV, 14—22 ст.

1. О насыщеніи Іисусомъ Христомъ пятью хлѣбами пяти тысячъ человѣкъ, съ назиданіемъ для насъ молиться предъ вкушеніемъ пищи.

Во время Своей земной жизни Спаситель разъ находился около г. Виѳсаиды, на берегу Галилейскаго озера, прибывъ сюда въ лодкѣ вмѣстѣ съ Своими учениками. Вышедши изъ лодки, Іисусъ Христосъ увидѣлъ множество собравшагося народа и сталъ учить его, бесѣдуя о царствіи Божіемъ. Бесѣда затянулась надолго; наступалъ уже вечеръ, а народъ съ наслажденіемъ внималъ словамъ, исходившимъ изъ устъ Богочеловѣка. Наконецъ, къ Іисусу Христу подошли апостолы и сказали: „Учитель! мѣсто здѣсь пустынное, а время уже позднее; итакъ, отпусти народъ, чтобы онъ пошелъ въ сосѣдніе города и села и купилъ себѣ хлѣба“. „Не нужно имъ расходиться; вы дайте имъ ѣсть, — сказалъ Спаситель и затѣмъ обратился къ апостолу Филиппу и сказалъ ему:—какъ бы намъ купить хлѣба, чтобы накормить ихъ?“ Филиппъ отвѣчалъ: „Господи! и на двѣсти динаріевъ (на наши деньги 43 руб. сер.) не довольно будетъ хлѣба, чтобы досталось каждому хотя по немногу.“ Но Спаситель сказалъ: „идите и посмотрите, сколько у васъ найдется здѣсь хлѣба“. Послѣ обыска и разспросовъ оказалось, что у одного мальчика было пять ячменныхъ хлѣбовъ и двѣ небольшія печеныхъ рыбы. Несмотря на такое малое количество, Іисусъ Христосъ сказалъ: „принесите мнѣ ихъ сюда, а народу велите возлечь“. И размѣстились всѣ по травѣ, и возлегло всѣхъ около пяти тысячъ человѣкъ, не считая женщинъ и дѣтей. Тогда Іисусъ Христосъ взялъ пять хлѣбовъ и двѣ рыбы, воззрѣлъ на небо и, воздавши хвалу Богу, преломилъ хлѣбы и сталъ раздавать ученикамъ Своимъ, а тѣ относили народу. И дивное дѣло:—ѣли всѣ и насытились, такъ что оказался еще остатокъ—кусковъ двѣнадцать коробовъ.

Обратимъ вниманіе, православный христіанинъ, на то, какъ Іисусъ Христосъ приступилъ къ чудесному насыщенію народа. Разсказывая объ этомъ событіи, евангелистъ и очевидецъ выражается такъ: „воззрѣвъ на небо, благослови“. Итакъ, Спаситель, прежде чѣмъ напитать Своихъ слушателей, обратился взорами къ Отцу небесному, прославилъ Его, Подателя всѣхъ благъ, и въ умственной молитвѣ призвалъ Его на помощь. Не научаетъ ли это и насъ съ тобою, возлюбленный о Христѣ братъ, всякій разъ предъ вкушеніемъ пищи обращаться къ Господу съ молитвою? Да и что такое пища, которую мы вкушаемъ? Это даръ, подаваемый щедрою рукою Отца небеснаго для поддержанія и сохраненія нашей жизни и здоровья. Какъ же ядущему не вспомнить Того, Кто питаетъ его? Въ жизни мы видимъ, что пища не всегда приноситъ человѣку вожделѣнное здравіе, что иногда вмѣсто пользы она доставляетъ человѣку вредъ, что нерѣдко люди садятся за столъ здоровыми и выходятъ изъ-за стола больными. Помня это, и ты, христіанинъ, приступая ко вкушенію пищи, всегда возноси молитву къ Богу, чтобы вкушаемая тобою пища послужила дѣйствительно на пользу и крѣпость твоему тѣлу. Кто испрашиваетъ чрезъ молитву благословеніе Божіе на вкушеніе пищи, кто принимаетъ и смотритъ на нее, какъ на даръ Всемилостиваго Бога, а не какъ на средство плотоугодія, тотъ всегда вкушаетъ ее съ пользою для своего здоровья. Посмотрите на угодниковъ Божіихъ: всѣ они питались самою простою пищею, многіе изъ нихъ не вкушали ничего, кромѣ черстваго хлѣба и воды, однако всѣ они поддерживали свои силы на долголѣтніе труды и тяжелые подвиги. Нынѣ многіе усиленно заботятся о пищѣ, чтобы поддержать свое слабое здоровье. Пусть же вѣдаютъ таковые, что безъ благоволенія Божія и самая дорогая, самая роскошная пища не принесетъ человѣку желаннаго дѣйствія, не возстановитъ его надломленныхъ нехристіанскимъ образомъ жизни тѣлесныхъ силъ.

Впрочемъ, усердная, приносимая съ вѣрою молитва дѣлаетъ нашу пищу не только полезною, но и пріятною для вкуса человѣка. При молитвѣ и самое простое яство становится для нѣкоторыхъ пріятнѣе и сладостнѣе роскошныхъ снѣдей, украшающихъ собою трапезу сластолюбцевъ. Вотъ что разсказывается, между прочимъ, въ церковныхъ книгахъ на сей случай. Невдалекѣ отъ Царьграда, въ глубокомъ безмолвіи и уединеніи, проживалъ одинъ св. подвижникъ. Всѣ почитали этого отшельника за его благочестивую жизнь; многіе посѣщали его и находили себѣ назиданіе. Однажды, въ одеждѣ простого воина пришелъ къ пустыннику самъ римскій императоръ. Среди разговора глаза императора нечаянно остановились на висѣвшей на стѣнѣ корзинѣ съ сухимъ хлѣбомъ; вдругъ ему захотѣлось вкусить этого хлѣба. Старецъ съ радостію исполнилъ желаніе гостя, принесъ съ водой чашу, положилъ въ нее сухой хлѣбъ и, помолившись, сѣлъ вмѣстѣ съ пришедшимъ за свою скудную трапезу. Когда кончился скромный обѣдъ, то, открывшись пустыннику, императоръ сказалъ: „вотъ, я и родился царемъ, и теперь царствую, но никогда не вкушалъ хлѣба, не пилъ воды съ такою пріятностію, съ какою сейчасъ ѣлъ и пилъ у тебя. Какъ сладка твоя пища!“ Въ отвѣтъ на эти слова старецъ замѣтилъ царю: „мы, отшельники, принимаемъ пищу свою съ молитвою и благословеніемъ, отчего наше брашно, хотя и худое, бываетъ сладко. А въ вашихъ домахъ пьютъ и ѣдятъ безъ молитвы, съ шумомъ и празднословіемъ, и оттого богатыя и роскошныя трапезы бываютъ у васъ безвкусны: имъ недостаетъ услаждающаго благословенія Божія“. Къ сожалѣнію и нашему стыду, нужно сознаться, что и у насъ за столомъ бываетъ въ изобиліи празднословіе, часто слышится неумѣстный смѣхъ, и ведутся разговоры. Да, мы забываемъ, что по христіанскому званію своему должны все дѣлать во славу Божію, какъ учитъ насъ апостолъ: „аще ясте, аще ли піете, вся во славу Божію творите“. Отцы семействъ и старшіе въ родѣ! Употребите предоставляемую вамъ возрастомъ власть на утвержденіе между домочадцами добрыхъ порядковъ и христіанскихъ обычаевъ. Занимая первое и старшее мѣсто на семейной трапезѣ, прежде всего подавайте сами примѣръ степенности и благочестія юнѣйшимъ въ родѣ. Помните, что въ домахъ, въ которыхъ еще доселѣ свято блюдутся благочестивые обычаи, вкушаютъ хлѣбъ въ ненарушаемомъ молчаніи. Наипаче же всего позаботьтесь о благопристойной молитвѣ при всякомъ пользованіи дарами Божіими. Пусть каждая трапеза ваша начинается и оканчивается прославленіемъ Господа, подающаго всѣмъ пищу во благовремении и насыщающаго все живущее по Своему благоволенію. (См. № 81 „Воскр. Лист.“).

2. Каждое дѣло нужно начинать съ благословеніемъ.

Однажды великій князь Изяславъ посѣтилъ преподобнаго Θеодосія печерскаго и остался у него обѣдать. На простомъ столѣ приготовлена была простая монашеская пища: черный хлѣбъ и обыкновенныя овощи. Но эта пища такъ показалась вкусна великому князю, что онъ съ умиленіемъ спросилъ преподобнаго Θеодосія: „вотъ у меня всего много, припасы дорогіе, приправа заморская, повара ученые, но я никогда дома не ѣлъ съ такимъ вкусомъ какъ у тебя, отчего это?“— „Государь!—отвѣчалъ Θеодосій, у насъ братія, когда хотятъ варить или печь хлѣбы, имѣютъ вотъ какой уставъ: сначала берутъ у настоятеля благословеніе, потомъ кладутъ три поклона передъ алтаремъ, зажигаютъ свѣчку изъ лампады предъ образомъ Спасителя и этою свѣчей разводятъ огонь въ кухнѣ и хлѣбнѣ. Когда же нужно вливать въ котелъ воду, служитель говоритъ старцу: „благослови, отче!“ а тотъ скажетъ: „Богъ да благословитъ тебя, чадо!“ Такимъ образомъ у насъ все дѣлается съ благословеніемъ. Вотъ причина, почему у насъ все вкусно; а ваши слуги каждое дѣло начинаютъ съ ропотомъ и досадою другъ на друга. А гдѣ есть грѣхъ, тамъ не можетъ быть удовольствія. Кромѣ того, ваши дворецкіе часто бьютъ служителей за малѣйшую неисправность, а ихъ слезы также прибавляютъ много горечи въ кушанья, какъ бы они дороги ни были“.

Великій князь согласился, что святой старецъ говоритъ правду, принялъ отъ него благословеніе и возвратился домой.

Принимаясь за какое бы ни было дѣло, всегда нужно молиться Богу, или по крайней мѣрѣ перекреститься и сказать въ себѣ: „Господи, благослови!“ (По „Ч.-М.“).

3. Долгъ благодарности.

Многіе предъ принятіемъ пищи и послѣ своего насыщенія забываютъ принести Богу молитвы благодаренія за дары Его милости—пищу и питье, безъ которыхъ мы не могли бы существовать. Мы уже не говоримъ о томъ, что и всѣ безчисленныя благодѣянія Божіи не вызываютъ у нѣкоторыхъ чувства благодарности къ Богу, посему да будетъ слово наше въ настоящій разъ о благодарности къ Богу, къ чему побуждаетъ и чтеніе евангелія нынѣшняго дня.

Легче измѣрить пространства небесъ и глубины безднъ морскихъ, чѣмъ измѣрить и дознать величіе и число благодѣяній Божіихъ. Кто далъ намъ жизнь? и какую жизнь? Какимъ прекраснымъ созданіемъ вышелъ человѣкъ изъ рукъ творческихъ! По образу и по подобію Своему сотворилъ его Богъ, *умалилъ малымъ чимъ отъ ангелъ* (Псал. VIII, 6). Имъ, всеблагимъ и вседѣйствующимъ, мы *живемъ, движемся и есмы* (Дѣян. XVII, 28). *Отъ Господа исправляются стопы мужа.* Имъ зиждутся наши домы, наши города и царства. *Что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми?* (Пс. LXV). Падшее созданіе я предъ Тобою, Отче небесный! Чего мнѣ ждать себѣ, какъ не суда и осужденія? Мы удалились отъ Тебя, а Ты ищешь насъ, Сыне Отца вѣчнаго! Ты обрѣлъ и взялъ на рамена Свои овцу погибшую. Лики ангеловъ изумляются любви Твоей, пожертвовавшей Собою для искупленія насъ, грѣшныхъ. И кто, какъ не Духъ Святый, созидаетъ въ человѣкахъ сердце чистое и духъ правый! Разстроенная грѣхомъ душа наша тогда только и оживаетъ для Бога, когда усердная молитва низводитъ на нее благодать Св. Духа; *все довольство наше отъ Бога. Благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его.*

Внемли, душа христіанская, какъ жалуется Отецъ небесный на неблагодарнаго Израиля; Онъ небо призываетъ въ свидѣтеля и землю въ слышателя жалобы Своей. *Слыши небо, внуши земле; сыны родихъ и возвысихъ; тіи же отвергошася Мене;* обличаетъ разумнаго Израиля примѣромъ неразумнаго животнаго. *Позна волъ стяжавшаго его и оселъ ясли господина своего. Израиль же Мене не позна, и людіе же Мои отвергошася Мене* (Ис. I, 2—3). Какая сильная укоризна Израилю! Мы, христіане, болѣе, чѣмъ Израиль, получили даровъ отъ Отца небеснаго. Какъ же велико неразуміе наше, какъ велика жестокость сердецъ нашихъ, когда не сознаемъ благодарнымъ умомъ и сердцемъ благодѣяній Божіихъ! Пробудись, возстань изъ униженія, душа моя, въ которое повергъ тебя грѣхъ ожесточенія сердечнаго. Исповѣдуй Господу нечестіе твое и моли Его, да просвѣтитъ умъ и воспламенитъ сердце твое любовію благодарною!

Если мы мало благодаримъ Бога, то, конечно, потому, что не видимъ благодѣяній Божіихъ. Какъ же это бываетъ съ нами? Умъ гордый сознаетъ только въ себѣ достоинства и себѣ приписываетъ, что имѣетъ: это, говоритъ, пріобрѣтено моими расчетами, это доставило мнѣ мое умѣнье. Жалкое самообольщеніе! Обличай въ себѣ всякій изъ насъ подобные горделивые помыслы размышленіемъ о необозримой немощи нашей природы; повторяй себѣ слово апостола: „что имѣешь ты, чего бы не получилъ? А если получилъ, что хвалишься, какъ будто не получалъ? (Кор. IV, 7).

Народамъ древнимъ извѣстенъ былъ Богъ; но они не стали чтить Его достойно славы Его; не стали благодарить Его достойно благодѣяній, которыя получали отъ него. Сердце ихъ стало холодно къ милостямъ Вышняго, и любовь къ Нему слабѣла, знаніе о немъ терялось; мракъ и запустѣніе, пороки и нечистота увеличивались,—человѣкъ уподобился скотамъ несмысленнымъ. Самовольное нечестіе неблагодарности наказано, наконецъ, самою крайнею нечистотою, которую полюбила душа языческая. То же можетъ происходить и въ сердцахъ христіанскихъ. Осмотритесь. Если Богъ благъ, чтобы изливать благодать и на безблагодатныхъ, то Онъ же и правосуденъ, чтобы карать нечестіе, презирающее дары благости Его. Казнь Божія есть естественный плодъ неблагодарности, потому что неблагодарность вноситъ въ душу духовное опустошеніе, заглушаетъ въ ней лучшія расположенія ея и поселяетъ въ ней дикость. А душа благодарная, чѣмъ чаще обращается съ благодарностію къ Богу, тѣмъ болѣе становится способною къ принятію даровъ благости Его. Богъ благъ; Онъ ожидаетъ только того, чтобы мы приближались къ Нему за дарами, и Онъ не медлитъ дарить ихъ намъ; съ любовію взираетъ на наше сознаніе въ своей немощи и пріемлетъ его за благоугодную жертву нашу.

Желаешь ли быть благодарнымъ предъ Господомъ? Освящай силы твои служеніемъ Господу; не лѣнись, не отказывайся по зову храма приходить въ храмъ для возношенія и хвалы благодаренія Господу. Посвящай Господу то, чѣмъ Онъ благословилъ тебя; принеси Ему плоды трудовъ твоихъ, да ниспошлетъ Онъ вновь благословеніе на труды твои. *Не* *пренебрегай богатствомъ благости Его и кротости и долготерпѣнія,* какъ будто не знаешь ты, что *благость Божія ведетъ тебя къ покаянію* (Рим. II, 4). Надѣляй брата бѣднаго, чѣмъ можешь: въ лицѣ брата Господь приметъ отъ тебя даръ твой, какъ благопріятную жертву благодарности къ Нему. Господь Самъ говоритъ намъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ: Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV, 40). (Изъ проп. Филарета, архіеп. черниговскаго).

4. Чудеса божественнаго Промысла.

Спустя 50 лѣтъ послѣ явленія св. креста царю Константину, на престолъ римской имперіи вступилъ Іуліанъ богоотступникъ; воспитанный въ христіанской вѣрѣ, онъ перешелъ на сторону язычниковъ и сталъ гнать христіанъ. Господь Іисусъ Христосъ предсказалъ объ Іерусалимскомъ храмѣ ученикамъ, что камня на камнѣ не останется отъ него; все будетъ разрушено, и на мѣстѣ святомъ будетъ стоять мерзость запустѣнія (Мѳ. XXIV, 2—15). Іуліанъ далъ распоряженіе іудеямъ о возстановленіи храма іудейскаго на мѣстѣ разрушеннаго, приказалъ выдать имъ на то деньги изъ общественной казны, а правителю Палестины повелѣлъ содѣйствовать построенію храма. Рабочіе во множествѣ приступили къ дѣлу; но, какъ пишетъ современникъ Амміанъ Марцеллинъ, язычникъ, придворный и обожатель Іуліана, „страшные клубы пламени, часто исторгавшіеся изъ основанія, дѣлали это мѣсто неприступнымъ, сожигая неоднократно работавшихъ; такимъ образомъ сіе предпріятіе остановлено стихіею, отгонявшею упорно рабочихъ“ (кн. 23, гл. I). Объ этомъ свидѣтельствуютъ и іудейскіе писатели. Одинъ раввинъ Бенъ-Іехаія, писавшій объ этомъ въ слѣдующемъ V-мъ столѣтіи, говоритъ, что огонь исторгался съ такою силою, что при этомъ желѣзныя части зданія расплавились, и безчисленные іудеи сожжены. Онъ видѣлъ въ этомъ чудо, но объяснялъ его неблаговоленіемъ Божіимъ, потому что храмъ возстановляемъ былъ по указу царя-язычника. Но и храмъ Соломоновъ строился мастерами-язычниками, и второй іудейскій храмъ послѣ плѣна вавилонскаго строился по указу царя персидскаго-язычника. Объ этомъ дивномъ событіи съ торжествомъ говорятъ въ томъ же четвертомъ столѣтіи святые великіе отцы церкви. Современникъ и соученикъ Іуліана, св. Григорій Богословъ, въ словѣ противъ Іуліана говоритъ, что въ это время на небѣ стоялъ блистающій крестъ, и одежды зрителей запечатлѣны были крестами; святый Іоаннъ Златоустъ очень краснорѣчиво изобразилъ это чудесное событіе въ своей бесѣдѣ противъ іудеевъ, спустя 20 лѣтъ послѣ совершенія его; объ немъ свидѣтельствуютъ и другіе отцы церкви, равно и христіанскіе историки пятаго вѣка, такъ что въ дѣйствительности его нельзя сомнѣваться. По свидѣтельству историковъ, многіе изъ постороннихъ зрителей сбѣгались смотрѣть на это зрѣлище борьбы рабочихъ съ таинственною огненною стихіею. Никакими естественными причинами нельзя объяснить этого событія. Воспламеняются газы и умерщвляютъ рабочихъ, но въ подземельяхъ или въ закрытыхъ мѣстахъ, и притомъ воспламеняются отъ огня, а здѣсь работы производились на открытомъ воздухѣ и днемъ, и горючіе газы, если бы и исходили изъ земли, не могли воспламеняться съ такою силою, и конечно, все упорство и вся строительная хитрость употреблены были іудеями; но огонь, сожигавшій рабочихъ, былъ упорнѣе и заставилъ оставить дѣло, къ великому стыду іудеевъ и самого императора. Замѣтимъ, что кромѣ сего случая не менѣе четырехъ разъ производились большія работы на этомъ мѣстѣ съ основанія, во-первыхъ, при построеніи храма Соломонова, во-вторыхъ, при построеніи храма послѣ плѣна Вавилонскаго, въ-третьихъ, при царѣ Иродѣ во время великихъ перестроекъ въ храмѣ и пристроекъ къ нему и въ-четвертыхъ, въ началѣ седьмого столѣтія при построеніи на этомъ самомъ мѣстѣ мечети магометанской, которая стоитъ и доселѣ. Не было никакихъ клубовъ пламени при тѣхъ постройкахъ съ основанія, а при Іуліанѣ упорнѣйшій огонь! Поистинѣ это великое, всемірное чудо, совершившееся въ глазахъ жителей большого города: христіанъ, іудеевъ и язычниковъ. Іуліанъ затѣмъ убитъ неизвѣстною рукою на войнѣ съ персами, и язычество болѣе не возставало, а іудеи доселѣ безъ храма и жертвъ.

При императорѣ Валентѣ аріане стали разглашать, что знаменитый подвижникъ Іуліанъ Савва, жившій въ Месопотаміи при рѣкѣ Евфратѣ, участвуетъ въ ихъ ученіи. По просьбѣ епископовъ антіохійскаго патріархата, Іуліанъ пришелъ въ Антіохію сирскую. Исцѣливъ многихъ больныхъ въ домѣ, въ коемъ остановился, онъ пошелъ въ собраніе православныхъ. Когда онъ проходилъ подъ вратами царскихъ палатъ, одинъ нищій, лишенный употребленія ногъ и ползавшій по землѣ, прикоснувшись рукою къ его плащу, освободился отъ болѣзни и, вспрыгнувъ, побѣжалъ такъ, какъ ходилъ до болѣзни. Послѣ сего все населеніе города стеклось, и мѣсто военнаго ученія было совершенно наполнено собравшимся народомъ. Клеветники (аріане) покрыты были стыдомъ, а православные были обрадованы. Нѣкоторый мужъ, занимавшій важную должность и управлявшій всѣмъ востокомъ, прислалъ просить старца притти къ нему и исцѣлить его отъ болѣзни. Іуліанъ немедленно пришелъ къ нему и, помолившись, словомъ разрѣшилъ болѣзнь. Такъ пишетъ историкъ, епископъ Ѳеодоритъ, со словъ очевидца Акакія, епископа верійскаго.

Изъ четвертаго столѣтія до насъ дошли описанія многихъ чудесъ въ сочиненіяхъ Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго и другихъ. Въ своихъ писаніяхъ они повѣствуютъ о разныхъ чудесахъ, совершившихся надъ ними самими, надъ членами ихъ семействъ и надъ другими современными имъ лицами. Св. Аѳанасій Великій описалъ жизнь преподобнаго Антонія Великаго. Она вся исполнена великихъ чудесъ. Палладій, епископъ еленопольскій, въ Лавсаикѣ описалъ многія чудеса жившихъ въ IV вѣкѣ подвижниковъ Египта и другихъ странъ, какъ современникъ и очевидецъ. Имѣемъ мы много самыхъ достовѣрныхъ описаній чудесъ въ церкви Христовой, совершившихся и во всѣ послѣдующія столѣтія.

Такимъ образомъ доказательства Божественности христіанской вѣры, явленныя и являемыя свыше Самимъ Богомъ, начинаясь отъ первыхъ людей на землѣ, простираются до нашего времени. Несмотря на то, въ наши времена есть и между христіанами такіе люди, которые видя не видятъ дѣлъ Божіихъ и слыша не слышатъ объ нихъ. На вѣрныхъ христіанахъ лежитъ долгъ молиться, да обратятся на путь истины коснѣющіе въ невѣріи, и да исцѣлитъ ихъ въ Троицѣ славимый Богъ, Ему же слава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. (Извлечено съ сокращ. изъ кн. „Бесѣды объ основныхъ истинахъ св. правосл. вѣры“, Сергія, архіеп. владимірск. Москва. 1893 г., стр. 141—150).

НЕДѢЛЯ 9-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 59-е, гл. XIV, 22—34 ст.

1. О чудѣ хожденія Господа по морю Галилейскому, съ назиданіемъ въ бѣдахъ и напастяхъ искать себѣ помощи у Бога.

Въ одно время Іисусъ Христосъ повелѣлъ Своимъ ученикамъ сѣсть въ лодку и плыть на противоположную сторону Галилейскаго озера, а Самъ остался на берегу, чтобы помолиться наединѣ. Становилось уже темно, а Іисусъ Христосъ все еще не приходилъ на берегъ къ ученикамъ. Послушные голосу своего Учителя, апостолы отплыли отъ берега и подвигались уже къ срединѣ моря. И вотъ, навстрѣчу имъ подулъ сильный вѣтеръ; море заволновалось, бушующія волны били прямо въ лодку ихъ. Наступало утро; ученики увидѣли Спасителя, идущаго по водѣ къ нимъ навстрѣчу. Пораженные неслыханнымъ чудомъ, они смутились и, принявъ Спасителя за призракъ, испугались. Но Іисусъ Христосъ сказалъ имъ: „успокойтесь, это—Я, и не бойтесь!“ Тогда апостолъ Петръ воскликнулъ: „Господи! если это Ты, то повели мнѣ притти къ Тебѣ по водѣ“.—„Иди“, сказалъ Спаситель. И Петръ вышелъ изъ лодки и направился къ Іисусу Христу. Вѣра во всемогущество Сына Божія сначала поддерживала Петра, такъ что онъ безпрепятственно шелъ по волнамъ моря. Но вотъ, сильный порывъ вѣтра побудилъ его обратить вниманіе на свое положеніе надъ морскою глубиною и вмѣстѣ съ тѣмъ породилъ въ немъ опасеніе, какъ бы не утонуть въ водѣ. Какъ только увѣренность его въ помощи Божіей поколебалась, онъ сталъ тонуть и въ страхѣ закричалъ: „Господи! спаси меня“. Іисусъ Христосъ тотчасъ же протянулъ ему руку и сказалъ: „маловѣрный! Зачѣмъ усумнился?“ Съ этими словами Онъ вмѣстѣ съ Петромъ вошелъ къ ученикамъ въ лодку. Они всѣ изумились видѣнному ими, подошли къ Іисусу Христу и, поклонившись, сказали Ему: „воистину Ты Сынъ Божій!“

Кому изъ насъ не приходилось бывать въ различнаго рода напастяхъ? Кого не постигали скорби и бѣдствія, угрожавшія даже лишеніемъ жизни? Но такъ ли мы поступаемъ съ тобою, православный христіанинъ, какъ поступилъ апостолъ Петръ въ опасную минуту своей жизни? Прибѣгаемъ ли къ призыванію спасительнаго имени Божія, когда находимся въ напасти и не видимъ впереди скораго избавленія отъ нашедшихъ на насъ бѣдствій? Смиряемся ли подъ крѣпкую руку Божію въ мрачные и тяжелые дни искушеній? Какъ жаль, что нѣкоторые вмѣсто смиренной молитвы къ Господу о помощи, вмѣсто благодушнаго перенесенія постигшаго ихъ несчастія терзаютъ себя гнѣвомъ и досадою и даже предаются гибельному отчаянію. Подлинно, таковые люди усугубляютъ свое скорбное состояніе и лишаютъ себя сами спасительной надежды на скорое избавленіе. „Злостраждетъ ли кто въ васъ, говоритъ святой апостолъ Іаковъ (Іак. V, 3), да молитву дѣетъ“. И дѣйствительно, произносимая съ вѣрою и упованіемъ молитва имѣетъ великую силу. Она благопотребна христіанину всегда, а въ особенности въ озлобленіяхъ и напастяхъ, когда разразилась надъ нами грозная туча бѣдствій, посылаемыхъ на насъ или чрезъ карающую руку грознаго Судіи, или по внушенію и дѣйствію виновника всякаго зла въ мірѣ—діавола Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ и откуда можетъ получить себѣ помощь и утѣшеніе несчастный страдалецъ? Наши друзья большею частію остаются вѣрными и преданными намъ только въ свѣтлые дни нашего благополучія, а при бѣдѣ и несчастіи чаще всего оставляютъ насъ на произволъ судьбы. Если же и остаются у насъ благопріятели, готовые оказать намъ помощь, то и они часто не имѣютъ силъ и средствъ избавить насъ отъ бѣды; въ иныхъ случаяхъ нужна бываетъ намъ особенная, нечеловѣческая помощь. Господь есть единое прибѣжище и сила въ нашихъ напастяхъ, единый помощникъ въ постигающихъ насъ скорбяхъ. Нѣтъ такого горя, въ которомъ бы Господь не могъ утѣшить насъ; нѣтъ такой бѣды, помочь намъ въ которой отказался бы небесный Отецъ. Онъ слышитъ и благоволительно принимаетъ каждый вздохъ нашего сердца и готовъ подать благовременную помощь всѣмъ, призывающимъ Его во истинѣ. Онъ неожиданно и непредвидѣнно для людей прелагаетъ печаль ихъ на радость и скорбь—на веселіе. Въ этомъ отношеніи можетъ служить намъ примѣромъ св. великомученикъ Евстаѳій. Онъ былъ римскимъ воеводою, имѣлъ огромное богатство, множество рабовъ. Но вотъ, горе за горемъ, бѣда за бѣдой начали преслѣдовать его, такъ что онъ изъ богатаго сдѣлался бѣднымъ, а изъ счастливаго семьянина—одинокимъ. Недобрые люди ограбили его домъ и унесли имущество; дикіе звѣри унесли двоихъ его сыновей, и, наконецъ, въ довершеніе несчастія, разбойники отняли у него добрую и благочестивую его жену. Но и среди такихъ ужасныхъ и, повидимому, ничѣмъ невознаградимыхъ бѣдствій не отчаялся Евстаѳій, не потерялъ утѣшительной вѣры въ Господа Промыслителя и надежды на Его милосердіе. „Плачу бо яко человѣкъ, Господи, говорилъ онъ, но о Тебѣ, промыслителѣ моемъ и строителѣ пути моего, утверждаюся и на Тебе надѣюся и Твоею любовію, яко же хладною росою, и Твоимъ желаніемъ, аки сладостію, горесть бѣдъ моихъ услаждаю“. Прошло нѣсколько времени, и онъ утѣшился: нашелъ чудеснымъ образомъ сохраненныхъ жену и дѣтей, снова разбогатѣлъ и сдѣлался знатнымъ. Такъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ не должно забывать Того, отъ Кого зависитъ вся наша жизнь. Такъ, въ самомъ безнадежномъ, повидимому, положеніи должно не отчаиваться, а просить и молиться, ибо, какъ говоритъ св. Димитрій ростовскій, „доброму полученію вождь есть прошеніе, и молитва — ходатай“. (См. Воскр. лист. № 80).

2. **О томъ, какъ многое въ нашей жизни зависитъ отъ силы или слабости вѣры.**

Чудесное путешествіе апостола Петра по морю показываетъ намъ то, какія иногда чрезвычайныя дѣла можетъ совершать въ человѣкѣ благочестивая и мужественная вѣра, если не ослабляется въ своемъ дѣйствованіи, и какъ вообще многое въ жизни нашей зависитъ отъ силы этой вѣры, или слабости ея. Общая сторона представленнаго явленія не въ томъ, что Петръ ходилъ по водѣ; это былъ случай исключительный въ его жизни, да и на это рѣшился онъ потому только, что увидѣлъ своего Учителя ходящимъ по водѣ. Общая сторона явленія въ томъ здѣсь заключается, что Петръ, нося въ душѣ рѣшимость вѣры, шелъ съ нею невредимо посреди опасности, но когда сталъ упадать духомъ въ виду ея,—началъ было погибать и только непосредственною помощью Спасителя поддержанъ былъ въ минуту крайности. Не буря водная угрожала ему гибелью, а *буря помышленій сумнительныхъ* внутри его, какъ выражается святая церковь (Акаѳ. Іисус. Сладч., конд. 4), точно такъ же, какъ и на водѣ его держала не плотность водной массы, а крѣпость вѣры. Это можетъ быть приложено ко всякому, кто призванъ итти путемъ вѣры. Съ другой стороны, случаи такого затруднительнаго положенія, въ которомъ находился Петръ, могутъ встрѣчаться въ нравственной жизни каждаго. Эти случаи бываютъ различные.

Въ одной изъ богослужебныхъ пѣсней своихъ (нед. 3 гл. на утр., пѣснь 6, ирм.) святая церковь сравниваетъ положеніе утопающаго Петра съ положеніемъ человѣка, потопляемаго бездною грѣховъ, и влагаетъ въ уста этого послѣдняго молитву, гдѣ проситъ онъ Христа Спасителя подать ему руку помощи, какъ нѣкогда Петру. Кто спитъ въ грѣховномъ самозабвеніи и вовсе не думаетъ выйти изъ этого положенія, тотъ, очевидно, не можетъ здѣсь итти въ сравненіе: онъ не борется съ опасностью, а прямо дѣлается жертвою ея. Но вотъ—когда человѣкъ, сознавая свое гибельное положеніе, начинаетъ выбиваться, такъ сказать, наружу и становиться на высокомъ пути покаянной вѣры, ему сейчасъ тутъ открывается, какъ много еще нужно будетъ ему препобѣдить трудностей и какъ сильно бороться съ самимъ собою, чтобы, наконецъ, совершенно притти къ Спасителю. И тутъ-то иногда приходится ему видѣть себя въ большой крайности: прежніе навыки, нажитыя наклонности, сокровенные въ душѣ зародыши грѣховныхъ побужденій, — все это возмущаетъ свѣтлую настроенность его вѣры и волнуется въ душѣ его неудержимой бурей. Въ эти трудныя минуты человѣкъ бываетъ занятъ не тѣмъ уже, чтобы силою характера сдержать порывы страсти въ душѣ своей и сообщить ей благонастроенную тишину вѣры, а тѣмъ, чтобы какъ-нибудь удержаться на своей нравственной точкѣ опоры и не погубить вовсе добраго начала. Разумѣется, если будетъ въ этомъ достигать удачи, онъ будетъ постепенно получать и силу усмирять самыя движенія страстей. Это одно. Далѣе, также въ одной изъ пѣсней своихъ (ирм. 6-й пѣсни 6-го гл.), церковь называетъ настоящую жизнь человѣка „моремъ житейскимъ", которое волнуется „напастей бурею", т.-е. различными огорченіями и превратностями, хотя и здѣсь главною виною служитъ та же общая напасть грѣха, постигшая родъ человѣческій. Житейскія огорченія испытываются всѣми нами больше или меньше; но чаще всего и сильнѣе приходится испытывать ихъ тѣмъ людямъ, которые сознательно, по цѣлямъ нравственнымъ, выступаютъ на борьбу съ этимъ увлекающимъ движеніемъ случайностей. Стараясь итти твердымъ и прямымъ путемъ Богоугожденія и стать выше обольстительныхъ приманокъ жизни, человѣкъ встрѣчаетъ себѣ непріятность въ томъ самомъ, что по началу льстило ему надеждою земного удовольствія; входитъ въ неизбѣжныя столкновенія съ людьми, безуспѣшно искавшими увлечь его въ преступное содружество, терпитъ различныя въ жизни лишенія, неудачи, наконецъ—нарочитыя искушенія, посылаемыя Богомъ для его испытанія. Здѣсь опять иногда приходится человѣку видѣть себя въ трудномъ положеніи, когда, по слову Псалмопѣвца, *исчезаетъ душа* (Псал. CVI, 5) его въ скорбяхъ, и самая вѣра его начинаетъ колебаться; это бываетъ въ минуты какихъ - либо сильныхъ, неожиданныхъ несчастій, какъ говорятъ, ударовъ судьбы; бываетъ это и среди мелкихъ обыденныхъ непріятностей и безпокойствъ, которыя, накопляясь иногда около человѣка, самою многочисленностью своею истощаютъ его терпѣніе, и, подобно мелкимъ, быстро движущимся волнамъ, приводятъ въ колебаніе силу его постоянства.—Наконецъ, бываютъ у человѣка движенія помысловъ собственно „сумнительныхъ", т.-е. помысловъ сомнѣнія относительно тѣхъ или другихъ предметовъ вѣры. Они являются по временамъ и въ ту пору, когда человѣкъ окончательно уже установилъ свои убѣжденія въ послушаніи вѣрѣ и сознательно усвоилъ себѣ ея внушенія,—являются точно такъ же, какъ и въ нравственномъ отношеніи—принятыя въ душу добрыя правила жизни ускользаютъ иногда изъ вниманія, и на мѣсто ихъ возникаютъ прежнія, оставленныя человѣкомъ дурныя стремленія, вызывая его на борьбу съ ними. Но больше всего человѣкъ страдаетъ мучительнымъ духомъ сомнѣнія въ ту пору, когда онъ, хотя пріобрѣлъ уже общее сознаніе о достоинствѣ истины, но не усвоилъ себѣ еще ея частнаго содержанія, какъ слѣдуетъ; однимъ словомъ—когда убѣжденія его, какъ говорятъ, находятся еще въ переходномъ состояніи.—Во всѣхъ этихъ случаяхъ единственное для человѣка средство сохранить въ себѣ духъ вѣры и сберечь послѣдніе остатки ея состоитъ въ томъ, чтобы обратиться съ мольбою о помощи къ Спасителю и высказать Ему Самому крайность своего положенія: Онъ всегда близокъ и готовъ подать скорое содѣйствіе упадающему духомъ, сообщить новое, сильное возбужденіе вѣрѣ его. Искренняя, хотя бы и краткая молитва въ этомъ случаѣ весьма важное дѣло; сознаніе недостатка своей вѣры можетъ замѣнить силу самой вѣры, потому что будетъ служить ея же посильнымъ выраженіемъ (Воскр. чт., г. XXV, ч. I, стр. 468—472).

3. **Противъ страха привидѣній**[1]).

Много у насъ дурныхъ привычекъ, обычаевъ, обрядовъ осталось отъ глубокой старины, когда наши предки были еще язычники. Но то, что свойственно язычникамъ, неприлично намъ — христіанамъ. Такъ, напр., многіе изъ насъ страдаютъ боязнію привидѣній. Они боятся ночью оставаться одни въ комнатѣ, боятся даже выйти вонъ изъ дому въ темную ночь: въ каждомъ темномъ углу имъ мерещится страшилище. А въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ лежалъ покойникъ, или при прохожденіи чрезъ кладбище въ ночную пору, такому страху не бываетъ предѣла. Также, сколько робости и боязни испытываютъ при входѣ въ лѣсъ или въ какое уединенное мѣсто! А „у страха глаза велики“, говоритъ русская пословица; поэтому малѣйшій шумъ или шорохъ въ уединенномъ мѣстѣ, особенно ночью, эхо въ лѣсу, тѣнь колеблемаго вѣтромъ дерева, — все это приводитъ душу въ неописанное содроганіе. Отъ того часто случается, что видятъ необычайныя явленія тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ ихъ вовсе не бываетъ.

Эта боязливость привидѣній, общая многимъ взрослымъ, передается часто дѣтямъ. Бываетъ даже такъ, что иные сами, пожалуй, и не имѣютъ суевѣрнаго страха и не вѣрятъ въ призраки или привидѣнія, но часто стращаютъ ими дѣтей. Желая успокоить расплакавшееся дитя, указываютъ ему на темный уголъ, угрожая, что оттуда выйдетъ чудовище, или же нерѣдко по вечерамъ занимаютъ дѣтей разсказами о разныхъ привидѣніяхъ, которыя будто бы являлись людямъ. Все это сильно распаляетъ и безъ того горячее воображеніе дитяти и укореняетъ въ его душѣ суевѣрный страхъ, отъ котораго оно потомъ въ теченіе цѣлой жизни отвязаться не можетъ. Такіе люди по большей части бываютъ малодушными и нерѣшительными; они неспособны бываютъ предпринимать какіе-либо трудные подвиги или мужественно встрѣчать опасности и невзгоды жизни. Вотъ къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ приводитъ суевѣрный страхъ. Да и вообще боязнь какихъ-то привидѣній неприлична христіанину. Вѣдь это — остатокъ отъ религіозныхъ вѣрованій нашихъ предковъ, язычниковъ. Они вѣровали, что души умершихъ людей бродятъ, какъ тѣни, и по кладбищу и по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ живали эти люди; они вѣровали въ безчисленное множество духовъ, живущихъ въ домахъ и хлѣвахъ, въ лѣсахъ и болотахъ, рѣкахъ и озерахъ; вѣровали, что всѣ эти существа при встрѣчѣ могутъ причинить вредъ человѣку, и потому находились въ рабскомъ страхѣ предъ ними. Вотъ эти-то заблужденія нашихъ предковъ и перешли къ намъ, христіанамъ. Отъ этого-то и мы страшимся разныхъ домовыхъ, лѣшихъ и боимся разныхъ привидѣній. Но какъ непростителенъ для христіанина этотъ суевѣрный страхъ!

Вдумайтесь хорошенько, чего можетъ бояться христіанинъ, когда онъ находится подъ охраною и промышленіемъ Всевѣдущаго, Всеблагаго и Всемогущаго Бога! Каждый изъ насъ можетъ сказать съ пророкомъ Давидомъ: *Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, отъ кого устрашуся? Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое: аще востанетъ на мя брань, на Него азъ уповаю* (Пс. XXVI, 1—3). Если и можно кого бояться христіанину, такъ это злыхъ духовъ; но и они, безъ попущенія Божія, не могутъ причинить ему и малѣйшаго вреда. При томъ же и въ нашей власти удалить отъ себя злыхъ духовъ. Намъ даны Богомъ надежныя средства противъ діавола: это — молитва, постъ и добродѣтельная жизнь. Вѣдь бѣсы имѣютъ власть надъ людьми невѣрующими и порочными.

---

[1]) Примѣнительно къ 26 ст. XIV гл. еванг. Матѳея, гдѣ разсказывается о страхѣ учениковъ, при видѣ шедшаго по водамъ Господа подумавшихъ, что предъ ними призракъ.

Святой мученикъ Трифонъ (память его празднуется 1 февраля) въ юномъ возрастѣ врачевалъ болѣзни и изгонялъ бѣсовъ. Римскій императоръ Гордіанъ, изъ дочери котораго св. мученикъ изгналъ бѣса, пожелалъ своими очами увидѣть изгнаннаго бѣса. Св. Трифонъ повелѣлъ бѣсу, и всѣ увидѣли его въ видѣ чернаго пса съ огненными глазами. Св. мученикъ спросилъ бѣса: „кто тебя послалъ въ отроковицу?“ Бѣсъ отвѣчалъ: „отецъ, начальникъ всякой злобы, сидящій во адѣ —„Кто тебѣ далъ власть такую?“—спросилъ св. Трифонъ. Бѣсъ отвѣчалъ: „мы не имѣемъ власти надъ тѣми, которые знаютъ Бога и вѣруютъ въ единороднаго Сына Божія, только, по попущенію Божію, наносимъ имъ легкія искушенія; а полную власть мы имѣемъ надъ тѣми, которые не вѣруютъ въ Бога, ходятъ въ своихъ похотяхъ и угодная намъ творятъ; угодныя же намъ дѣла суть: идолопоклонство, хула, прелюбодѣяніе, зависть, убійство, гордость и пр. Эти люди опутываются грѣхами, какъ сѣтями; они—друзья наши, и одна ихъ съ нами участь ждетъ“. Итакъ, если хочешь, христіанинъ, не бояться злыхъ духовъ, то проводи богоугодную и благочестивую жизнь.

Что касается боязни покойниковъ, то этотъ страхъ также неоснователенъ. Наша вѣра учитъ, что души отшедшихъ отъ насъ отцовъ и братій находятъ себѣ упокоеніе въ мѣстахъ, назначенныхъ имъ отъ Бога, и вовсе не бродятъ по кладбищамъ или прежнимъ жилищамъ. Правда, умершіе люди живутъ особенною жизнію на томъ свѣтѣ и могутъ, по волѣ Божіей, являться къ намъ, грѣшнымъ, на землю. Но что же страшнаго въ томъ, если къ намъ явятся во снѣ наши близкіе родные? Кромѣ отрады и утѣшенія подобныя явленія ничего не доставятъ намъ. Много примѣровъ тому, какъ являлись не только святые, но и грѣшные люди живущимъ на землѣ для вразумленія ихъ и увѣренія въ будущей жизни, и эти явленія не возбуждали въ людяхъ такого суевѣрнаго страха, какой чувствуютъ многіе изъ насъ отъ какихъ-то мнимыхъ привидѣній на кладбищахъ. Приведемъ одинъ разсказъ изъ нашей отечественной исторіи.

Въ 1812 году наше отечество постигло страшное бѣдствіе: полчища западныхъ народовъ подъ предводительствомъ Наполеона двинулись въ центръ Россіи и на своемъ пути производили ужасныя опустошенія. И вотъ, когда Наполеонъ овладѣлъ Москвою, принцъ Евгеній, вице-король итальянскій, выступилъ съ отрядомъ войскъ изъ Москвы къ Звенигороду. Онъ занялъ комнаты въ монастырѣ св. Саввы, ученика преподобнаго Сергія радонежскаго. Часовъ около десяти, не раздѣваясь, принцъ легъ и уснулъ, но вотъ, наяву или во снѣ, онъ не знаетъ, видитъ, что входитъ въ комнату человѣкъ въ черной, длинной одеждѣ, подходитъ къ нему такъ близко, что онъ могъ при лунномъ свѣтѣ разсмотрѣть черты лица его; онъ казался старымъ, съ сѣдой бородою. Онъ сказалъ: „не вели войску своему расхищать монастырь, особенно уносить что-либо изъ церкви; если ты исполнишь мою просьбу, то Богъ помилуетъ тебя, и ты возвратишься въ свое отечество цѣлымъ и невредимымъ“. Принцъ отдалъ утромъ приказъ, чтобы отрядъ возвратился въ Москву, а самъ пошелъ въ церковь и при гробѣ св. Саввы увидѣлъ образъ того, кто явился ему ночью и, узнавши, чей это образъ, съ благоговѣніемъ поклонился мощамъ св. Саввы и записалъ это въ своей книжкѣ. Всѣ другіе маршалы (военачальники) Наполеона кончали неблагополучно, но Евгеній остался цѣлъ и нигдѣ въ сраженіяхъ послѣ того не былъ раненъ. Онъ завѣщалъ сыну своему Максимиліану, что, если будетъ онъ въ Россіи, то поклонился бы гробу св. Саввы. Сынъ пріѣхалъ въ Россію въ 1839 году при императорѣ Николаѣ Павловичѣ и послѣ маневровъ на Бородинскомъ полѣ разспросилъ, гдѣ монастырь св. Саввы, пріѣхалъ туда и поклонился гробу его.

Такъ благодѣтельно бываетъ явленіе умершихъ людей, особенно же праведниковъ, для насъ, живущихъ на землѣ! Судите сами послѣ этого, есть ли какое-либо основаніе бояться покойниковъ?! Если иногда умершіе люди и являются во снѣ, такъ они вреда намъ причинить не смогутъ, а принесутъ только пользу, т.-е. убѣдятъ насъ въ истинѣ безсмертія душъ нашихъ, обличатъ во грѣхѣ и наставятъ на путь истины. Поэтому подобными явленіями нужно дорожить, а не бояться ихъ. (См. „Воскр. лист.“ изд. ред. „Воскр. дня“, № 298).

4. Галилейское море.

Была у древнихъ евреевъ пословица: „Богъ создалъ семь озеръ въ землѣ ханаанской, но только одно — озеро Галилейское — Онъ избралъ для Себя Самого“. Такъ говорили евреи потому, что это озеро лежитъ въ мѣстности, которую и по климату, и по красотамъ природы можно было въ древности назвать раемъ земнымъ. Въ изобиліи росли тутъ и пальмы, и смоковницы, всякіе орѣхи, апельсины, лимоны, финики, миндаль и виноградъ. Это былъ сплошной садъ на полсотню верстъ вдоль теченія Іордана, и по берегамъ озера, которое имѣетъ въ длину около 25, а въ ширину отъ 7 до 10 верстъ. Плоды на деревьяхъ здѣсь можно было видѣть въ продолженіе цѣлыхъ десяти мѣсяцевъ въ году. Теплый, почти жаркій климатъ прохлаждался близостію и обиліемъ воды, и воздухъ былъ полонъ ароматомъ садовъ. Оттого берега Галилейскаго моря были очень густо населены: города и селенія тянулись тутъ почти безъ пререрыва, а по прозрачнымъ волнамъ его скользили во всѣхъ направленіяхъ и римскіе военные корабли, и неуклюжія рыбачьи лодки, и раззолоченные суда изъ дворца Иродова, который стоялъ въ Тиверіадѣ на самомъ берегу озера. Да, это былъ рай земной, оттого евреи и говорили, что Богъ избралъ озеро Галилейское для Себя Самого. Но для насъ, христіанъ, эта еврейская пословица имѣетъ совсѣмъ другой — болѣе глубокій смыслъ; мы больше имѣемъ основаній сказать, что это озеро—море Господь избралъ для Себя Самого; мы знаемъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ любилъ окрестности этого озера, любилъ здѣсь пребывать, любилъ тутъ бесѣдовать съ народомъ и молиться въ тишинѣ ночной... Сколько чудесъ милосердія совершилъ Онъ здѣсь! Здѣсь, на сѣверныхъ берегахъ моря Галилейскаго, находилась незнатная Виѳсаида — родина Его первозванныхъ апостоловъ — Андрея, Петра и Филиппа. Здѣсь Онъ воззвалъ Симона и Андрея, сыновъ Іониныхъ, а потомъ — Іакова и Іоанна, сыновей Зеведеевыхъ, къ великому апостольскому служенію и изъ простыхъ деревенскихъ рыбарей содѣлалъ ихъ великими богословами и ловцами человѣковъ. Здѣсь, изъ ладьи, поучалъ Онъ стоящія на берегу толпы народа, и здѣсь впервые люди услышали Его Божественныя по простотѣ и глубоко поучительныя притчи о сѣятелѣ, о закинутомъ неводѣ и множество другихъ. Здѣсь, надъ этими волнами, раздалось Его божественное запрещеніе бурному вѣтру: *молчи, престани! и бысть тишина велія...* По этому озеру однажды ночью плыла ладья съ Его учениками, и вотъ они видятъ въ сумракѣ ночномъ: ихъ Божественный Учитель идетъ по этимъ волнамъ, какъ по сушѣ, видятъ и своимъ очамъ не вѣрятъ; думая, что это призракъ, они отъ страха возопили... Но Господь подаетъ имъ Свой ободряющій голосъ: *дерзайте, Азъ есмь, не бойтеся!* — Тогда пламенный Петръ вызывается итти къ Нему навстрѣчу, — Господь позволяетъ, и вотъ Симонъ идетъ по водѣ, но идетъ не твердою стопою: *видя же вѣтръ крѣпокъ, убояся; и наченъ утопати, возопи глаголя: Господи, спаси мя!* — И Господь простираетъ ему руку, ту милосердную руку, которая до сихъ поръ помогаетъ намъ, грѣшнымъ, въ многотрудномъ нашемъ плаваніи по житейскому морю, воздвизаемому напастей бурею... — Не разъ здѣсь рыбари — апостолы по слову Христову извлекали чудесно-наполненныя мрежи послѣ того, какъ всю ночь трудились напрасно: какой поучительный урокъ для всѣхъ трудящихся, что безъ Божіей помощи всуе они трудятся, что, значитъ, для всякаго труда нужно Божіе благословеніе и Божія помощь! — На берегахъ этого озера былъ Капернаумъ, называемый въ писаніи градомъ Спасителя, — тотъ Капернаумъ, которому изрекъ Господъ грозное слово: *и ты, Капернауме, до небесъ вознесыйся, до ада низведешися!..* (Лук. X, 15). И сбылось это страшное изреченіе: нѣтъ болѣе и слѣдовъ Капернаума, и ученые спорятъ о самомъ мѣстѣ, гдѣ находился онъ. А вотъ — тамъ, на восточномъ берегу, высится крутой утесъ: при взглядѣ на него невольно припоминается исторія исцѣленія бѣсноватаго, окончившаяся тѣмъ, что огромное стадо свиней гадаринскихъ бросилось съ этого утеса въ море и погибло въ его волнахъ. Трудно исчислить всѣ дорогія сердцу христіанина воспоминанія о Спасителѣ нашемъ, соединенныя съ именемъ моря Галилейскаго. Любилъ Господь это озеро и на берегахъ его благоволилъ явиться ученикамъ Своимъ по Своемъ свѣтоносномъ воскресеніи. Какая дивная, трогательная картина! Раннее утро; еще темно, едва начинаетъ свѣтать. Усталые рыбари — апостолы плывутъ къ берегу послѣ безсонной ночи и тщетныхъ трудовъ. Пусты ихъ сѣти... Но вотъ, на берегу виднѣется человѣкъ. Кто бы это былъ?.. „Дѣти!“ — слышится съ берега: — „нѣтъ ли чего у васъ съѣстного?“ „Нѣтъ,“ — уныло отвѣчаютъ они. „Закиньте сѣть по правую сторону лодки и поймаете,“ говоритъ явившійся. Они закидываютъ и едва могутъ тащить отъ множества рыбы. Это невольно напоминаетъ имъ прежній чудесный ловъ рыбы, и вотъ, любящее сердце Іоанна подсказываетъ ему, кто это стоитъ на берегу. „Это Господь!“ шепчетъ Іоаннъ Петру, и пылкосердечный Петръ наскоро опоясывается одеждою, бросается въ воду, переплываетъ пространство саженъ въ пятьдесятъ и весь мокрый падаетъ къ ногамъ Іисусовымъ... Между тѣмъ другіе ученики плывутъ на лодкѣ, влача туго натянувшуюся сѣть, наполненную рыбой... А на берегу уже разложенъ былъ огонь, лежалъ хлѣбъ, и на пылающихъ угляхъ для усталыхъ рыбарей уже пеклась рыба. Господь велитъ имъ принести и той рыбы, которую только-что поймали. Симонъ Петръ пошелъ и своими сильными руками помогъ вытащить на берегъ сѣть, въ которой оказалось 153 большихъ рыбъ. Теперь всѣ видѣли, что это Господь... „Подите сюда, обѣдайте!“ сказалъ Онъ имъ. И безмолвно возлегли они вокругъ Господа, и стали обѣдать... И за этою трапезою Господь трижды вопрошаетъ Симона: *Симоне Іонинъ, любиши ли Мя паче сихъ?* И трижды исповѣдуетъ смиренный апостолъ свою любовь къ Господу, и симъ троекратнымъ исповѣданіемъ заглаждаетъ свое троекратное отреченіе...

Пустынны теперь берега священнаго озера Геннисаретскаго. За исключеніемъ маленькаго городка *Тиверіады*, да дикой деревни *Меджедель* — древней *Магдалы* (родина св. Маріи Магдалины), на его берегахъ нѣтъ ни единаго населеннаго мѣстечка. Нѣтъ болѣе роскошныхъ садовъ. На восточномъ берегу высятся обнаженныя скалы, изрѣзанныя мрачными оврагами. Съ давнихъ поръ по водамъ озера не скользитъ ничья ладья и не оживляетъ движеніемъ этой мертвой пустыни. Только по рединѣ озера тянется свѣтлая серебристая лента быстраго Іордана, который впадаетъ въ озеро на сѣверѣ, перерѣзываетъ его съ сѣвера на югъ и продолжаетъ свое теченіе далѣе, къ Мертвому морю. Повсюду тѣ же пальмы, тѣ же зеленыя поля и журчащіе потоки; — только рядомъ съ ними угрюмо смотрятъ сѣрыя кучи развалинъ... (Извлеч. въ сокращ. изъ № 418 „Троицк. лист.“).

НЕДѢЛЯ 10-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 72-е, гл. XVII, 14—23 ст.

1. Исцѣленіе бѣсноватаго - лунатика глухо-нѣмого.

Въ слѣдующій день (послѣ восшествія Спасителя на Ѳаворъ и преображенія), когда Іисусъ Христосъ съ Петромъ, Іаковомъ и Іоанномъ сошли съ горы и пришли къ прочимъ ученикамъ, Господь увидѣлъ много народа около нихъ, и книжниковъ, спорящихъ съ ними [1]).

„Въ эту самую минуту народъ завидѣлъ Іисуса. Его видъ, Его необыкновенное величіе, Его лучезарный взоръ исполнили сердца окружающихъ благоговѣйнымъ чувствомъ и весь народъ изумился, и подбѣгая, привѣтствовали Его“ [2]).

О чемъ спорите съ ними? [3]) спросилъ Онъ спокойно у книжниковъ.

Но, съ одной стороны, книжникамъ стыдно было признаться въ своихъ дѣйствіяхъ, съ другой, — ученики Іисусовы глубоко сознавали свое маловѣріе и неудачу, чтобы осмѣлиться отвѣтствовать.

„Тогда выдѣлился изъ толпы человѣкъ, *подошелъ* къ Іисусу *и, преклоняя предъ Нимъ колѣна, воскликнулъ: Господи! помилуй сына моего; умоляю Тебя взглянуть на сына моего; онъ одинъ у меня; онъ въ новолуніи бѣснуется и тяжко страдаетъ; ибо часто бросается въ огонь, и часто въ воду. Его схватываетъ духъ, повергаетъ его на землю, и онъ внезапно вскрикиваетъ, испускаетъ пѣну, и скрежещетъ зубами своими, и цѣпенѣетъ, и* духъ *насилу отступаетъ отъ него, измучивъ его. Я приводилъ его къ ученикамъ Твоимъ, но они не могли исцѣлить его* [1]).

„Онъ привелъ несчастнаго страдальца къ ученикамъ для изгнанія злого духа, и ихъ неудача вызвала насмѣшки книжниковъ“.

О, родъ невѣрный и развращенный! отвѣтствуя сказалъ Іисусъ. Доколѣ буду съ вами? доколѣ буду терпѣть васъ? [2]).

Приведите его ко Мнѣ сюда, продолжалъ Спаситель. *И привели его къ Нему.*

---

[1]) Ев. Луки IX, 37; Марка IX, 14.

[2]) Ев. Марка IX, 15.

[3]) Ев. Марка IX, 16.

[1]) Ев. Матѳея XVII, 14—16; Марка IX, 17—18; Луки IX, 38—40.

[2]) Ев. Матѳея XVII, 17, Марка IX, 19; Луки IX, 41.

Когда же тотъ еще шелъ, и какъ скоро бѣсноватый увидѣлъ Его, духъ сотрясъ его и сталъ бить; онъ упалъ на землю и валялся, испуская пѣну[1]).

„Отклоняя отъ учениковъ обвиненіе въ глазахъ народа, Христосъ, словами: *о, родъ невѣрный и развращенный,* обвиняетъ самого просителя; но, чтобы не смутить его, обращается не къ нему, но и ко всѣмъ іудеямъ, изъ которыхъ многіе соблазнились и стали думать худо объ ученикахъ. Не довольствуясь же обвиненіями Господь сказалъ: *приведите его ко Мнѣ сюда,* возбуждая этимъ надежду и увѣренность въ отцѣ, что сынъ его будетъ избавленъ отъ бѣса. Если же Господь медлитъ исцѣленіемъ и попускаетъ больному терзаться, то это дѣлаетъ не на показъ, а для отца“[2]), чтобы вызвать въ немъ, заставить выразиться и утвердить колеблющуюся его вѣру.

Какъ давно это началось съ нимъ? спросилъ Іисусъ отца его.

Съ дѣтства, отвѣчалъ отецъ, *и многократно духъ бросалъ его и въ огонь, и въ воду, чтобы погубить его; но если что можешь, сжалься надъ нами и помоги намъ.*

Если сколько-нибудь можешь вѣровать,— отвѣчалъ Іисусъ, какъ бы возвращая ему обратно его слова,—*все возможно вѣрующему.*

„Я имѣю столько могущества,—говоритъ этими словами Христосъ,—что и другихъ могу сдѣлать чудотворцами; а потому, когда ты увѣруешь какъ должно, самъ можешь излѣчить и этого, и многихъ другихъ“[3]).

Тогда безнадежный отецъ со слезами испустилъ крикъ, повторяемый доселѣ милліонами, и близко примѣнимый къ вѣку, подобно нашему, не имѣющему вѣры и колеблемому сомнѣніемъ:

Вѣрую, Господи! помоги моему невѣрію[4]).

Между тѣмъ, во время этого короткаго разговора, народъ собирался въ большемъ и большемъ количествѣ,

Іисусъ, видя, что сбѣгается народъ, запретилъ духу нечистому, сказавъ ему: духъ нѣмой и глухой! Я повелѣваю тебѣ: выйди изъ него, и впредь не входи въ него[5]).

За этимъ словомъ послѣдовалъ новый дикій крикъ и сильнѣйшія конвульсіи, *и бѣсъ вскрикнулъ и, сильно сотрясши его, вышелъ изъ него; и онъ* (бѣсноватый) *сдѣлался какъ мертвый, такъ что многіе говорили, что онъ умеръ. Но Іисусъ, взявъ его за руку, поднялъ его, и исцѣлилъ отрока, и отдалъ его отцу его. И всѣ удивлялись величію Божію*[1]).

„Власть изгнанія бѣсовъ Господь далъ ученикамъ Своимъ прежде всего, и Его именемъ для этого пользовались успѣшно даже и такіе, которые не были въ числѣ призванныхъ[2]). По этому очень естественно, что, *какъ вошелъ Іисусъ въ домъ, ученики Его спрашивали Его наединѣ: почему мы не могли изгнать его* (бѣса)? боясь, не потеряли ли они благодати, сообщенной имъ“[3]). *Іисусъ же сказалъ имъ: по невѣрію вашему. Ибо истинно говорю вамъ, если вы будете имѣть вѣру съ горчичное зерно, и скажете горѣ сей: перейди отсюда туда, и она перейдетъ; и ничего не будетъ невозможнаго для васъ. Сей же родъ изгоняется только молитвою и постомъ*[4]).

2. **О козняхъ діавола и о томъ, что молитва есть дѣйствительнѣйшее средство къ отраженію ихъ.**

Тридцать перваго числа января мѣсяца св. церковь совершаетъ память преподобнаго Никиты, затворника печерскаго, епископа новгородскаго. Объ этомъ Христовомъ подвижникѣ прошу послушать мое посильное слово, которое поможетъ намъ глубже понять и читанное въ нынѣшнюю недѣлю евангеліе о исцѣленіи бѣсноватаго.

Въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, при игуменѣ Никонѣ, былъ одинъ молодой подвижникъ, по имени Никита. Онъ просилъ у игумена дозволенія подвизаться въ затворѣ. Игуменъ не позволялъ ему и говорилъ: „чадо! ты молодъ, нѣтъ пользы для тебя сидѣть празднымъ; лучше тебѣ трудиться вмѣстѣ съ братіями, и ты не потеряешь своей награды; самъ ты видѣлъ брата нашего Исаакія пещерника, какъ онъ прельщенъ былъ въ затворѣ отъ бѣсовъ, только великая благодать Божія спасла его“. Никита отвѣчалъ: „никогда не соблазнюсь я такою вещію, но крѣпко желаю стать противъ козней бѣсовскихъ и прошу Бога, дабы далъ мнѣ даръ чудотворенія, какъ Исаакію затворнику, который и доселѣ чудеса творитъ“. Игуменъ опять сказалъ ему: „выше силъ твоихъ желаніе твое; остерегись, чадо, чтобы, вознесшись, не упасть; я велю тебѣ служить братіи, и за свое послушаніе будешь вѣнчанъ отъ Бога“. Но Никита не послушалъ совѣта и предостереженій игумена и, затворивъ себя въ келліи, крѣпко заградилъ двери и жилъ одинъ, пребывая въ молитвѣ, никуда не выходя. Однако по прошествіи немногаго времени затворникъ Никита не избѣжалъ сѣтей діавола искусителя. Однажды во время молитвы своей онъ услышалъ другой голосъ, вмѣстѣ съ нимъ молящійся, почувствовалъ необыкновенное благоуханіе, и, прельстившись этимъ, говорилъ: „если бы не былъ онъ ангелъ, то не молился бы со мною,“ и началъ молить Господа, чтобы Онъ самъ явился ему видимо. Тогда былъ къ нему голосъ: „не явлюсь тебѣ, потому что ты молодъ, чтобы ты, вознесшись, не упалъ“. Затворникъ со слезами сказалъ: „никогда, Господи, не соблазнюсь, и все, что повелишь Ты мнѣ, исполню“. Тогда душегубительный змій, принявъ надъ нимъ власть, сказалъ: „невозможно человѣку, живущему во плоти, видѣть меня, но посылаю ангела своего, онъ будетъ съ тобою, а ты исполняй его волю“. И вдругъ явился передъ нимъ бѣсъ въ образѣ ангела; Никита поклонился ему, какъ ангелу. И говоритъ ему бѣсъ: „теперь ты уже не молись, но читай книги, и такимъ образомъ будешь бесѣдовать съ Богомъ, и всѣмъ приходящимъ къ тебѣ будешь подавать полезное слово, а я всегда буду молиться о твоемъ спасеніи“. Повѣривъ сказанному и прельстившись, затворникъ пересталъ молиться и читалъ книги; бѣса же всегда видѣлъ молящимся о немъ, и радовался, думая, что ангелъ творитъ за него молитву. Никита сталъ прозорливымъ и учительнымъ. И что онъ говорилъ, или пророчествовалъ, то и сбывалось. Князья и бояре стали приходить къ нему для слушанія наставленій. Но все, что онъ говорилъ, то открывалъ ему бѣсъ. Никто не могъ сравниться съ Никитою въ знаніи книгъ ветхаго завѣта; онъ зналъ ихъ на память. Но святой книги евангелія и книгъ апостольскихъ онъ не только не читалъ, но даже не хотѣлъ видѣть или слышать о нихъ. И стало всѣмъ понятно, что Никита обольщенъ діаволомъ. Тогда преподобные отцы монастыря, сіяющіе добродѣтелями, пришли къ прельщенному и своими молитвами изгнали отъ него бѣса. Они вывели его изъ затвора и спрашивали, чтобы сказалъ имъ что либо изъ книгъ ветхаго завѣта. Но онъ клялся, что никогда не читалъ тѣхъ книгъ; оказалось даже, что теперь онъ не зналъ прочесть ни одного слова. Преподобные отцы едва научили его грамотѣ. Тогда, молитвами преподобныхъ отецъ, приведенный въ полное сознаніе, онъ исповѣдалъ свой грѣхъ и горько плакалъ о немъ, предалъ себя строгому посту и послушанію, сталъ жить такою чистою и смиренною жизнію, что другихъ превзошелъ добродѣтелями. За его великія добродѣтели Господь возвелъ его въ санъ епископа новгородскаго. Будучи епископомъ, св. Никита, во время бывшаго бездождія, своею молитвою свелъ съ неба дождь, погасилъ пожаръ, происшедшій въ городѣ, и много другихъ чудесъ сотворилъ. Тринадцать лѣтъ былъ онъ епископомъ новгородскимъ, и 31 января, 1108 года, отошелъ ко Господу, въ жизнь вѣчную. Тѣло его Господь прославилъ нетлѣніемъ и чудотвореніемъ.

---

[1] Ев. Матѳея XVII, 17; Марка IX, 19—20; Луки IX, 41—42.

[2] LVII Бесѣда св. Іоанна Златоуста на евангелиста Матѳея. М. 1843 г. Ч. II, стр. 481.

[3] LVII Бесѣда св. Іоанна Златоуста на евангелиста Матѳея. Моск. 1843 года. Ч. II, стр. 482.

[4] Ев. Марка IX, 21—24.

[5] Ев. Марка IX, 25; Матѳея XVII, 18; Луки IX, 42—43.

[1] Ев. Матѳея XVII, 18; Марка IX, 26—27; Луки IX, 42—43.

[2] Ев. Марка IX, 28.

[3] Жизнь Іисуса Христа, Ф. В. Фаррара. М. 1887 г. Ч. II, стр. 22.

[4] Ев. Матѳея XVII, 19—21; Марка IX. 28—29.

Теперь размыслимъ о томъ, сколько здѣсь для насъ поучительнаго. Діаволъ искуситель повелѣлъ затворнику Никитѣ читать книги и оставить молитву. Изъ сего видно, что діаволъ не терпитъ христіанской молитвы. Почему не терпитъ? Потому, что молитва,— разумѣю истинная, которою молятся подвижники Христовы, и которою должны молиться и всѣ мы. есть дѣло важное. Преподобный Макарій египетскій учитъ; „Глава всякой добродѣтели и верхъ добрыхъ дѣлъ есть всегдашнее въ молитвѣ пребываніе“ (Собраніе поученій разныхъ св. отецъ 1803 г. стр. 119). И точно, кто молится истинною молитвою, тотъ старается всегда имѣть въ душѣ своей твердую вѣру въ Бога и страхъ Божій, крестится и поклоняется съ умиленнымъ сердцемъ, имѣетъ душу кроткую и смиренную, молитву читаетъ всегда съ благоговѣніемъ, съ полнымъ сознаніемъ своего недостоинства предъ Богомъ. Кто молится истинною молитвою, тотъ въ грѣхахъ кается искренно и чистосердечно, съ сокрушеннымъ сердцемъ, и, прося у Бога отпущенія своихъ грѣховъ, прощаетъ всякія обиды своимъ врагамъ и обидчикамъ, всѣхъ любитъ, не привязывается ни къ чему земному, думаетъ объ одномъ Богѣ и всегда старается жить по волѣ Господней. Такой богомолецъ есть вѣрный и добрый рабъ Господень, достойный небеснаго царства. Такимъ богомольцамъ не вредятъ демоны и бѣжатъ отъ нихъ. Ихъ крестъ и молитва, ихъ вѣра и смиреніе, побѣждаютъ и прогоняютъ всякую демонскую силу. Желаете ли убѣдиться въ этомъ примѣрами? Вотъ и примѣры. Одинъ волхвъ послалъ бѣсовъ умучить преподобнаго Ѳеодора Сикеота, но они не могли приблизиться къ нему, потому что молитва была на устахъ,—ожидали ночи, но и ночью, во время сна, огонь исходилъ изъ устъ преподобнаго и отгонялъ бѣсовъ (22 апрѣля). Преподобный Нифонтъ однажды увидѣлъ нѣкоего черноризца, идущаго и читающаго молитву, отъ устъ его исходилъ огненный пламень и доходилъ до небесъ; шелъ же и ангелъ его съ нимъ, имѣя въ рукахъ огненное копіе, которымъ прогонялъ бѣсовъ отъ того черноризца (23 декабря). Вотъ почему діаволъ-искуситель запретилъ преподобному Никитѣ молиться Богу—чтобы не только не бояться Никиты, но чтобы совратить его отъ вѣры во Христа Бога и отъ прочихъ добродѣтелей, отъ молитвы происходящихъ, и тѣмъ удалить его отъ Бога и царствія Христова (См. „Христ. бес.“ 1893 г., т. I).

3. Смиреніе—оружіе противъ діавола.

Блаж. Августинъ говоритъ: „врагъ нашего спасенія хитръ и лукавъ: то агнцемъ, то волкомъ, то свѣтомъ, то тьмою показывается онъ“.

Такъ, въ образѣ не только ангела, но даже Самого Христа онъ является. Вотъ примѣръ.—Былъ дивный подвижникъ—Исаакій печерскій. Семь лѣтъ подвизался въ уединенномъ затворѣ и пребывалъ въ непрестанной молитвѣ. Пищею его каждый день была одна просфора и немного воды. Этотъ дивный подвижникъ никогда не ложился спать, но сидя отдыхалъ.—Однажды, когда онъ, при наступленіи ночи, утрудившись отъ пѣнія псалтири, погасилъ свѣчу и сидѣлъ на своемъ мѣстѣ,—видитъ въ пещерѣ необычайный свѣтъ, и ему предстали два бѣса въ образѣ юношей, сказавъ: „мы—ангелы, и се грядетъ къ тебѣ Самъ Христосъ“. Преподобный, не предполагая со стороны мнимыхъ ангеловъ никакого лукавства, принялъ все за дѣйствительность,—палъ на колѣни и поклонился сатанѣ въ образѣ Христа. Какъ только это совершилось, бѣсы радостно воскликнули: „нашъ Исаакій!“ И тотчасъ, окруживъ преподобнаго, съ тимпанами, свирѣлями и гуслями, они схватили его, начали съ нимъ скакать и до того измучили его, что онъ по утру найденъ былъ въ безпамятствѣ и оставался нѣсколько лѣтъ въ разслабленіи душевномъ и тѣлесномъ (Патер. печ.).

Вотъ, какъ опасно поддаваться врагу! Но какъ отражать его? Церковная исторія свидѣтельствуетъ что великіе христіанскіе подвижники побѣждали діавола, являвшагося имъ въ образѣ ангела Божія и искушавшаго ихъ гордыми и мечтательными помыслами—смиреніемъ. Такъ, діаволъ явился одному пустыннику въ образѣ свѣтлаго ангела, и сказалъ ему: „я—Гавріилъ, посланъ къ тебѣ отъ Бога“. Пустынникъ на это возразилъ: „смотри, не къ другому ли ты посланъ; я недостоинъ видѣть ангеловъ, какъ человѣкъ грѣшный“. Діаволъ тотчасъ исчезъ (Прол. апр. 21). Смиреніе—оружіе не только на діавола, но и на всѣ злыя дѣла его.

4. Св. и великое имя І. Христа и знаменіе креста, какъ орудія борьбы съ діаволомъ.

Великое для насъ значеніе имѣютъ святѣйшее имя Спасителя нашего и орудіе спасенія нашего—животворящій крестъ Христовъ. Нашъ исконный и неусыпный врагъ—діаволъ непрестанно рыщетъ, какъ левъ, ища кого погубить, но Господь далъ намъ и могущественныя орудія противъ всѣхъ козней вражескихъ, это именно—молитвенное призываніе святѣйшаго имени Спасителя нашего, о силѣ коего Самъ Господь сказалъ вѣрующимъ: *именемъ Моимъ бѣсы изженутъ* (Марк. XVI, 17),—и крестъ Спасителя нашего и знаменіе сего креста. По свидѣтельству св. церкви, діаволъ, при видѣ креста Христова, *трепещетъ и трясется, не терпя взирати на силу его* (стих. воскр. на хвал. 8 гл.). Этими святыми и Божественными оружіями всегда и защищались отъ діавола вѣрующіе. Молитва Іисусова не прекращалась въ сердцѣ и не сходила съ устъ у христіанскихъ подвижниковъ, равно и крестное знаменіе постоянно изображалось ими на прогнаніе врага. Изъ множества сему примѣровъ укажу нѣкоторые. Въ житіи преподобнаго Авраамія повѣствуется: однажды въ полночь, когда преподобный стоялъ на молитвѣ, вдругъ озарилъ его свѣтъ сильнѣе солнечнаго, и онъ услышалъ голосъ, который говорилъ: „блаженъ ты, отче Аврааміе, истинно блаженъ, потому что никого нѣтъ равнаго тебѣ по заслугамъ“.

Понявъ, что это не что иное, какъ лесть лукаваго, блаженный сказалъ ему: „тьма твоя да погибнетъ вмѣстѣ съ тобою! Вижу твою лесть и обманъ: я—человѣкъ грѣшный, благодать Бога моего и упованіе на Господа Спасителя моего Іисуса Христа со мною, я не боюсь тебя, именемъ Его заклинаю тебя, нечистый и лукавый“! Лишь только произнесъ это блаженный, какъ въ ту же минуту сатана исчезъ. Чрезъ нѣсколько дней сатана снова, во время молитвы блаженнаго ночью, топоромъ сталъ разрушать его келлію и, прорубивъ, закричалъ: „спѣшите, друзья мои, спѣшите, войдемъ и задушимъ его!“ Услышавъ этотъ возгласъ, блаженный сказалъ: „вси языцы обыдоша мя, и именемъ Господнимъ противляхся имъ“—и врагъ исчезъ, а келлія осталась невредима. Прошло еще нѣсколько дней; въ полночь, когда святой стоялъ на рогожѣ и пѣлъ псалмы, рогожа вдругъ загорѣлась сильнымъ пламенемъ, но онъ не смутился, хорошо зная, что это—навожденіе діавола, и, затоптавъ огонь, произнесъ: „на аспида и василиска наступлю и попру льва и змія и всю силу вражію именемъ Господа нашего Іисуса Христа, помогающаго мнѣ“, —и діаволъ вдругъ съ крикомъ обратился въ бѣгство. Однажды къ пещерѣ св. Петра, подвизавшагося на Аѳонской горѣ, діаволъ собралъ всѣхъ звѣрей и гадовъ, и самъ съ клевретами своими превратился въ различныхъ звѣрей и гадовъ. Зрѣлище по истинѣ было ужасное: одни ползали у ногъ подвижника, другіе свистали страшнымъ голосомъ, иные уже раскрывали пасти, намѣреваясь поглотить его живого, и устремлялись на него. Но подвижникъ зналъ уже, что это—козни вражіи, а потому, лишь только оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и призвалъ имя Господа, какъ лукавый далеко отбѣжалъ отъ него. Желая искусить великаго подвижника Симеона-столпника, діаволъ принялъ на себя видъ свѣтлаго ангела, явился однажды къ Симеону съ огненною колесницею и такими же конями, какъ бы сошедшій съ неба, и сказалъ: „послушай, Симеонъ, Богъ неба и земли послалъ меня къ тебѣ, чтобы я взялъ тебя, какъ Илію, на небо, ибо ты достоинъ того за твое житіе, и пришелъ уже часъ, чтобы получить тебѣ вѣнецъ за труды твои отъ Господа. Иди немедленно и поклонись Господу Богу твоему; и пусть видятъ тебя пророки, апостолы, ангелы и мученики, которые всѣ желаютъ тебя видѣть“. Не распознавъ, что это искушаетъ его врагъ рода человѣческаго, св. Симеонъ воскликнулъ: „Господи! неужели Ты восхотѣлъ взять меня въ селенія Твои?“ и, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, поднялъ уже правую ногу свою, дабы сѣсть въ колесницу, но въ это мгновеніе діаволъ, устрашенный знаменіемъ креста, исчезъ съ огненными конями и колесницей.

Потому-то благочестивые христіане непрестанно носятъ въ сердцѣ и на устахъ святѣйшее имя Спасителя нашего. Потому-то св. животворящій крестъ Христовъ украшаетъ наши храмы; потому-то онъ — и на св. престолѣ, и на тронѣ царскомъ, и въ домахъ, и на персяхъ нашихъ; онъ же, какъ вѣрный стражъ, охраняетъ и бренные наши останки въ могилахъ до всеобщаго воскресенія и суда Божія.

А мы, грѣшные, какъ рѣдко и безъ надлежащаго благоговѣнія произносимъ святѣйшее имя Спасителя нашего. Зато почти ежечасно на устахъ нашихъ—имя врага нашего спасенія! Какъ неблагоговѣйно лобызаемъ св. крестъ Христовъ и небрежно ограждаемъ себя крестнымъ знаменіемъ! какъ часто въ домахъ своихъ, при видѣ распятаго на крестѣ Спасителя нашего, позволяемъ себѣ безчинство, непристойныя рѣчи, негодные поступки! Подобное отношеніе ко св. кресту пагубно для душъ нашихъ.

Посему я, какъ пастырь вашъ, вашимъ спасеніемъ умоляю васъ всегда, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, въ храмѣ ли, въ домѣ ли, на пути ли, вездѣ благоговѣть предъ св. крестомъ, какъ можно чаще съ вѣрою осѣнять себя имъ, напутствовать имъ всякое свое дѣло, всякій шагъ въ жизни, научать тому же и дѣтей своихъ, твердо памятуя, что въ крестѣ—нашъ свѣтлый рай, равно какъ безъ креста—для насъ вѣчный адъ. (См. „Христ. бесѣд.“ прилож. къ журн. „Паст. собес.“, 1893 г., т. I).

5. Польза поста.

Богоугодный постъ примиряетъ насъ съ Богомъ, привлекаетъ на насъ благоволеніе Божіе, избавляетъ отъ праведнаго гнѣва Божія и наказанія. Вотъ примѣръ на это. Ниневитяне прогнѣвали Бога своими неправдами и беззаконіями. Господь осудилъ ихъ за то на погибель. Св. пророкъ Іона объявляетъ нечестивому народу, что чрезъ три дня Ниневія будетъ истреблена. И, вотъ, царь и всѣ жители Ниневіи налагаютъ на себя строгій постъ: никто ничего ни ѣстъ, ни пьетъ; оставляютъ всѣ свои беззаконія; обращаются къ Богу съ сердечною молитвою о помилованіи. И милосердный Господь милуетъ Ниневію. (Іон. III, 1—10). Сама Пресвятая Богородица вразумляетъ насъ, что постомъ мы избавляемся не то что отъ наказанія Божія въ этой жизни, а и отъ вѣчныхъ адскихъ мученій. Вотъ примѣръ на это. Преподобный Досиѳей воспитывался у родственниковъ своихъ. Они люди были знатные; одѣвали и содержали своего питомца роскошно; но слова Божія онъ никогда не слыхалъ отъ нихъ. Пришлось—разъ, что знакомые имъ при юномъ Досиѳеѣ бесѣдовали объ Іерусалимѣ. Понравилась ему эта бесѣда. Онъ отпросился у своихъ воспитателей посѣтить святыя мѣста. Его отпустили на поклоненіе святымъ мѣстамъ съ однимъ хорошимъ знакомымъ. Приходитъ онъ въ Іерусалимъ и въ Геѳсиманію. Здѣсь преподобный увидѣлъ изображеніе страшнаго суда Божія; оно поразило его. Разсматриваетъ онъ съ ужасомъ картину адскихъ мукъ. Вдругъ преп. Досиѳей видитъ подлѣ себя Свѣтлую Жену, облеченную въ багряницу. Она объясняетъ ему мученія каждаго изъ осужденныхъ, поучаетъ его и долго наставляетъ. Ранѣе онъ ничего не слыхалъ о страшномъ судѣ. Слыша отъ св. Жены слова св. писанія, онъ умиляется сердцемъ и душою и ужасается; наконецъ, преподобный спрашиваетъ у этой Чудной Жены: „Господи! Что нужно сдѣлать, чтобы избавиться отъ этихъ мученій?“ Чудная Жена говоритъ ему: „постись, не ѣшь мяса, часто молись и избавишься мукъ“. Научивши такъ преподобнаго, Чудная Жена стала невидима. Эта Чудная Жена была Пречистая и Пресвятая Дѣва Марія—Богородица. Съ этого времени преподобный Досиѳей свято соблюдалъ эту заповѣдь и спасся. (Жит. преподобнаго Досиѳея—19 февраля).

6. Въ бѣдѣ призывай Бога и молись св. угодникамъ Его.

Діаконъ Іоаннъ, часто пропитывавшій преподобн. Симеона, Христа ради юродиваго, впалъ въ нечаянную бѣду: неизвѣстные злодѣи убили одного человѣка и трупъ его бросили во дворъ діакона. Утромъ убитый былъ найденъ, и діаконъ Іоаннъ былъ обвиненъ въ убійствѣ сего человѣка. Судья приговорилъ его повѣсить на деревѣ, и онъ уже былъ веденъ на мѣсто казни. Идя дорогою на смерть, діаконъ Іоаннъ мысленно молился: „Боже юродиваго, помози мнѣ; Боже Симеоновъ, предстани мнѣ въ часъ сей!“ Симеонъ препод. въ это время гдѣ-то юродствовалъ. Къ нему пришелъ одинъ старецъ и сказалъ: „юродивый! другъ твой и благодѣтель Іоаннъ діаконъ осужденъ на смерть; если онъ умретъ, то ты погибнешь съ голода: никто о тебѣ не печется такъ, какъ онъ“. Св. Симеонъ тотчасъ поспѣшилъ въ уединенное мѣсто, гдѣ обыкновенно тайно отъ всѣхъ молился. Тамъ, преклонивъ колѣна, онъ сталъ усердно молиться Богу объ избавленіи діакона отъ смертной бѣды. Молитва его была услышана: внезапно убійцы были найдены, и судьею на мѣсто казни тотчасъ же были отправлены всадники освободить невиннаго и едва застали діакона въ живыхъ: онъ уже былъ на мѣстѣ казни. Освобожденный Іоаннъ поспѣшилъ не домой, а прямо пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ свят. Симеонъ молился, и нашелъ его еще не окончившимъ своей молитвы. Когда Симеонъ кончилъ молитву, и діаконъ приблизился къ нему, то преподобный встрѣтилъ его словами: „братъ Іоаннъ, ты немного не испилъ смертной чаши! Иди, молись и благодари избавителя — Бога. Это испытаніе случилось съ тобой изъ-за того, что ты приходившимъ къ тебѣ двумъ нищимъ не далъ ничего, хотя и имѣлъ что дать, и отпустилъ ихъ съ пустыми руками. Ужели твое, что ты подаешь? или не вѣришь Сказавшему: „дающій нищимъ Бога ради, сторицею пріиметъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, а въ будущемъ жизнь вѣчную получитъ. Если вѣруешь, подавай; если не подаешь, то, очевидно, не вѣришь Господу“. (Іюля 21 дня, см. „Уроки изъ житій святыхъ“, свящ. А. Грамматина, стр. 37—38, изд. 1892 г.).

7. Сила вѣры истиннаго христіанина.

I. Одного благочестиваго священника пригласили въ одинъ домъ (въ Лаодикіи) окрестить родившееся дитя. Такъ какъ дитя было слишкомъ слабо и близко къ смерти, то, прежде чѣмъ священникъ пришелъ въ домъ и приготовилъ все нужное для крещенія, дитя умерло. Но, ни мало не колеблясь, священникъ продолжалъ свое дѣло. Приготовивши все нужное для крещенія, онъ воззвалъ: „ангелъ Божій, взявшій душу дитяти прежде крещенія! возврати ее въ тѣло, чтобы я могъ окрестить дитя, и тогда опять возьмешь ее“. Произошло великое чудо вѣры: дитя ожило, получило крещеніе и опять уснуло вѣчнымъ сномъ. (Пропов. листокъ за 1883 годъ).

II. Когда однажды возникли между православными христіанами и еретиками (т.-е. отпавшими отъ православн. вѣры) великіе споры и раздоры, то православные обратились за помощью къ нѣкоему блаженному Макарію. Тогда Макарій, собравши православныхъ и еретиковъ, отправился съ ними на кладбище и возвалъ къ первой встрѣтившейся могилѣ: „скажи намъ, умершій, погребенный въ этой могилѣ, чья вѣра истинная — православная или еретическая?“ И что же? Умершій далъ отвѣтъ, назвавши истинною вѣрою православную. Такимъ образомъ еретики были посрамлены, а православные восторжествовали. (Оттуда же).

8. Грѣховное рабство [1].

Тяжело и достоплачевно положеніе души, попавшей въ плѣнъ грѣха. *Всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха* (Іоан. VIII, 34), изрекъ Христосъ Спаситель. Повидимому, рабство грѣху есть что-то невозможное само по себѣ. Вѣдь грѣхъ есть своеволіе, слѣдованіе своей волѣ вопреки волѣ Божіей. Грѣшникъ самъ себѣ господинъ, который не хочетъ стѣснять себя требованіями закона Божія. Онъ не признаетъ надъ собою другого закона кромѣ самолюбія, самоугожденія. Подобно изображенному въ евангельской притчѣ блудному сыну, онъ хочетъ жить на всей своей волѣ и потому не терпитъ надъ собою власти нравственнаго закона. Съ такимъ свойствомъ грѣха, повидимому, несовмѣстно понятіе о рабствѣ грѣху. Тѣмъ не менѣе слова Христовы: *всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха*, составляютъ непреложную истину. Правда, въ грѣхѣ есть своего рода свобода, т.-е. своевольное уклоненіе отъ закона Господня. Но какая жалкая эта свобода! Если своевольно уклоняющійся отъ пути правды на путь грѣха думаетъ, что онъ свободенъ, и если радуется своей свободѣ, онъ только обманываетъ себя. Свергая съ себя власть закона, онъ только мѣняетъ ее на другую власть, на власть грѣха, самую унизительную и постыдную, слѣдовательно дѣлается рабомъ грѣха, ибо, скажемъ словами апостола, „кто кѣмъ побѣжденъ, тотъ тому и рабъ“ (2 Петр. II, 19). Въ семъ отношеніи нѣтъ ни одного на свѣтѣ человѣка, кто не былъ бы въ строгомъ смыслѣ плѣнникомъ или рабомъ грѣха. Иго грѣховнаго рабства каждый изъ насъ несетъ съ минуты рожденія, ибо никто не свободенъ отъ первороднаго грѣха, наслѣдованнаго отъ Адама. Всякій рождается съ непобѣдимою склонностью ко грѣху, побуждающею его даже вопреки волѣ творить то, чего не одобряетъ его совѣсть. Рабство грѣху увеличивается грѣхами личными или произвольными. Грѣховнымъ искушеніямъ подвергаются даже великіе праведники. Впрочемъ, они, хотя падаютъ, каждый разъ спѣшатъ возставать отъ паденій. Но есть такіе рабы грѣха, которыхъ держитъ онъ въ постоянной неволѣ. Есть грѣхи, обратившіеся въ страсть, въ привычку. Такіе грѣхи суть поистинѣ самые страшные господа, служеніе которымъ мучительнѣе египетской работы, тяжелѣе вавилонскаго плѣна. Такова, напримѣръ, привычка къ сквернословію. Она до того овладѣваетъ инымъ, что онъ не можетъ сказать двухъ-трехъ словъ безъ того, чтобы не прибавить слова непотребнаго. Такова также привычка къ пьянству. Привыкшій къ нему поистинѣ есть жалкій рабъ этого порока. Протрезвившись, онъ и самъ осуждаетъ себя, проклинаетъ свою привычку, даетъ зарокъ отстать отъ нея, вступаетъ даже въ общество трезвости и связываетъ себя обязательствомъ не прикасаться къ вину; но при первомъ встрѣтившемся искушеніи предается нетрезвости больше, чѣмъ прежде. Страсть корыстолюбія до того порабощаетъ человѣка, что онъ перестаетъ помышлять о покаяніи и спасеніи души. Разсказываютъ объ одномъ корыстолюбцѣ, что онъ никогда не говѣлъ и, наконецъ, опасно захворалъ. Всѣ видѣли, что онъ не переживетъ этой болѣзни, онъ одинъ не признавалъ опасности. Болѣзнь приняла такой оборотъ, что надобно было подумать о приготовленіи къ смерти. Доброжелательные люди кое-какъ уговорили его послать за священникомъ для напутствія святыми дарами. Священникъ явился, но въ тѣ же минуты пришла телеграмма. О ней доложили больному; въ ней требовались какія-то неотложныя распоряженія по торговымъ дѣламъ. Больной удалилъ священника, занялся торговыми распоряженіями и внезапно отдалъ Богу душу. Рабъ корыстолюбія не въ силахъ былъ вступить въ борьбу съ рабскою привычкой даже въ минуту смерти и померъ безъ покаянія. — Пристрастіе къ моднымъ нарядамъ до такой степени порабощаетъ иную легкомысленную женщину, что она готова цѣлый день проводить за туалетомъ и ни о чемъ больше не заботится, какъ только одѣваться по послѣдней модѣ. Послѣдняя модная картинка есть для нея кумиръ, въ жертву которому она приноситъ здравый смыслъ, обязанности къ семейству, даже къ церкви, ибо, будучи занята слишкомъ много времени одѣваніемъ и прической, не поспѣваетъ въ свое время къ церковной службѣ.—Любитель сильныхъ ощущеній, переживаемыхъ въ минуты азартной игры въ карты, поистинѣ есть несчастный рабъ пристрастія къ ней. Онъ довелъ себя до такого состоянія, что готовъ проиграть все свое состояніе, лишить себя и свое семейство куска насущнаго хлѣба, чтобы удовлетворить свою безумную страсть.—Люди гнѣвливые въ порывахъ гнѣва походятъ на разъяреннаго звѣря и до такой степени чувствуютъ свое безсиліе овладѣть собою и не доводитъ себя до крайности въ гнѣвномъ состояніи, что иногда сами предостерегаютъ людей не подходить къ нимъ близко въ минуту ихъ раздраженія: они за себя не ручаются и могутъ въ эти минуты совершить преступленіе. Итакъ, поистинѣ *всякъ творяй грѣхъ*, и особенно обратившій грѣхъ въ непобѣдимую привычку, *есть рабъ грѣха*. (См. „Костромскія поученія“ еп. Виссаріона за 1898 г.).

---

[1] Примѣнительно къ разсказу о бѣсноватомъ отрокѣ, надъ которымъ діаволъ возымѣлъ великую силу.

НЕДѢЛЯ II-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 77-е, гл. XVIII, 23—35 ст.

1. Притча о должникѣ немилосердомъ.

Молитва „Отче нашъ“, которую каждый изъ насъ повторяетъ ежедневно утромъ и вечеромъ, дана намъ, какъ извѣстно, Самимъ Іисусомъ Христомъ. Въ ней мы, между прочимъ, просимъ Бога, чтобы Онъ простилъ намъ согрѣшенія наши. „И остави намъ долги (грѣхи) наши, — говоримъ мы, и прибавляемъ, — какъ и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“.

Если же мы не станемъ прощать тѣмъ, которые согрѣшили противъ насъ, то нельзя намъ ожидать, чтобы Господь простилъ намъ согрѣшенія наши. Итакъ, слѣдуетъ намъ остерегаться гнѣва, мириться съ товарищами своими, если случится съ ними имѣть ссору, прощать имъ обиды и помнить, что Богъ не услышитъ молитвы того, кто, приходя въ церковь, хранитъ гнѣвъ или злопамятство противъ ближняго своего.

Въ объясненіе этой истины Господь однажды сказалъ такую притчу:

„Къ одному царю привели служителя, который былъ ему долженъ десять тысячъ талантовъ (талантъ означалъ сумму болѣе тысячи двухсотъ рублей серебр.). Такъ какъ служителю тому нечѣмъ было заплатить долгъ, то царь велѣлъ продать его, и жену, и дѣтей, и все, что у него было, въ уплату долга. Но рабъ тотъ бросился на колѣни и говорилъ: „государь! потерпи на мнѣ, я все тебѣ заплачу“. Государь, умилосердившись, отпустилъ его и весь долгъ простилъ ему. Послѣ этого служитель встрѣтилъ товарища своего, который былъ ему долженъ сто динаріевъ (менѣе 52 рублей), то-есть, гораздо менѣе того, что онъ самъ былъ долженъ царю. Онъ схватилъ товарища своего и сталъ его бить, требуя уплаты долга. Товарищъ упалъ къ его ногамъ, и, умоляя, говорилъ: „потерпи на мнѣ, я все тебѣ отдамъ“. Но онъ не захотѣлъ и слушать и посадилъ его въ тюрьму“.

Объ этомъ происшествіи разсказали царю. Тогда царь, призвавъ служителя, говоритъ ему: „злой рабъ! весь долгъ я простилъ тебѣ, потому что ты упросилъ меня; не слѣдовало ли и тебѣ помиловать товарища, какъ я тебя помиловалъ?“ И, разгнѣвавшись, государь приказалъ его мучить, пока онъ не отдастъ своего долга.—Такъ, прибавилъ Іисусъ, и Отецъ Мой небесный поступитъ съ вами, если каждый изъ васъ не проститъ отъ сердца брату своему согрѣшеній его“. (См. кн. „Разсказы о земной жизни Спасителя“ А. Бахметевой, изд. 1900 г.).

2. Христіанинъ, прощай всегда!

Желая знать, сколько разъ должно прощать брату, св. ап. Петръ спросилъ І. Христа: *прощать ли до семи разъ?* И, сказавъ это, думалъ, что назначилъ самую большую мѣру. Какъ коротко терпѣніе человѣческое! Господь же, примѣняя Свое долготерпѣніе къ нашимъ немощамъ, опредѣлилъ: *не семь разъ, а семьдесятъ разъ семь* (Мѳ. XV, 2—12). Это то же, что сказать: всегда прощай, и не думай не прощать. Всепрощеніе и будетъ отличительною чертою христіанскаго духа, какъ всепрощеніе—источникъ и постоянная поддержка жизни въ насъ о Господѣ, отъ лица Божія. Всегдашнее прощеніе всѣмъ всего есть внѣшняя одежда христіанской любви, которая, по апостолу, *долготерпитъ, милосердствуетъ, не раздражается, вся покрываетъ* (1 Кор. XIII, 4—7). Оно же есть самое вѣрное ручательство за прощеніе и на послѣднемъ судѣ; ибо если мы отпустимъ, — отпуститъ и намъ Отецъ нашъ небесный (Мѳ. VI, 14). Такимъ образомъ, если хочешь въ рай,—прощай всѣмъ, искренно, отъ души, чтобъ и тѣни не оставалось непріязненности (Изъ кн. „Мысли на каждый день года", епископа Ѳеофана, стр. 242—3).

3. Прежде самъ прости.

Вотъ какой разсказъ читаемъ мы въ житіи святителя Іоанна Милостиваго: „былъ въ Александріи одинъ вельможа, который, несмотря на всѣ увѣщанія угодника Божія, не хотѣлъ и слышать о примиреніи съ своимъ врагомъ. Разъ святитель пригласилъ его въ свою домовую церковь на Божественную литургію. Вельможа пришелъ. Въ церкви никого не было изъ богомольцевъ, самъ патріархъ служилъ, а на клиросѣ былъ только одинъ пѣвецъ, которому вельможа и сталъ помогать въ пѣніи. Когда они начали пѣть молитву Господню: *Отче нашъ,* запѣлъ ее и святитель; но на словахъ: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь* —св. Іоаннъ вдругъ замолчалъ самъ и остановилъ пѣвца, такъ что вельможа одинъ пропѣлъ слова молитвы: *и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ...* Тутъ святитель обращается къ непримиримому вельможѣ и съ кроткимъ упрекомъ говоритъ: „смотри, сынъ мой, въ какой страшный часъ и что говоришь ты Богу: остави мнѣ, какъ и я оставляю... Правду ли ты говоришь? *Оставляешь ли?*"... Эти слова такъ поразили вельможу, что онъ весь въ слезахъ бросился къ ногамъ архипастыря и воскликнулъ: „все, что ни повелишь, владыко, все исполнитъ рабъ твой!" И исполнилъ: онъ въ тотъ же день помирился съ своимъ врагомъ и отъ всего сердца простилъ ему всѣ обиды". (Жит. св. Іоанна Милост.).

4. Ненавистникъ губитъ и душу свою и тѣло.

Не любяй брата своего пребываетъ въ смерти (1 Іоан. III, 14),—такъ говоритъ святой евангелистъ Іоаннъ Богословъ. О какой смерти говоритъ онъ,—о духовной или тѣлесной? О той и другой. Ненавистикъ губитъ свою душу и свое тѣло: губитъ онъ свою душу тѣмъ, что лишается благодати Божіей и дѣлается неспособнымъ ни къ какой добродѣтели; губитъ онъ и тѣло свое—потому что злоба и гнѣвъ могутъ быть причиною и смерти видимой—тѣлесной. Вотъ, напр., случай, показывающій, какъ ненавистью человѣкъ можетъ сгубить свою душу. Два брата имѣли другъ на друга злобу. Это было во время гоненія на христіанъ. Какъ исповѣдники Христа, они были посажены въ темницу. Тамъ одинъ изъ нихъ почувствовалъ свой грѣхъ и не желая, чтобы смерть постигла ихъ нераскаянными, сталъ просить своего брата о примиреніи; но тотъ до такой степени ожесточенъ былъ ненавистью, что ни за что не согласенъ былъ помириться съ нимъ. Что же случилось? Поутру тотъ и другой пошли на мученія. Искавшій примиренія съ твердостью терпѣлъ мученія и принялъ мученическую кончину, а ненавистникъ отрекся отъ Христа при самомъ началѣ истязаній. Это обстоятельство такъ удивило самого мучителя, что онъ спросилъ отступника: „отчего же ты вчера держался своей вѣры?" Отрекшійся отъ вѣры во Христа отвѣчалъ: „я имѣлъ вражду съ братомъ и не примирился съ нимъ, несмотря ни на какія просьбы его, оттого и оставила меня сила Божія, и я не вытерпѣлъ мученій". Такимъ образомъ ненавистникъ самъ понялъ и созналъ свою погибель: онъ убѣдился въ томъ, что злобою отогналъ отъ себя благодать Божію, безъ которой не въ силахъ былъ пріобрѣсть вѣнецъ мученическій, и сдѣлался отступникомъ отъ истинной вѣры.

А примѣръ того, какъ злоба, ненависть можетъ причинить смерть тѣлесную, можно найти въ житіи преподобнаго Тита печерскаго, память коего св. церковь совершаетъ 27 февраля.

Преподобный Титъ жилъ и подвизался въ Кіевопечерскомъ монастырѣ и былъ удостоенъ пресвитерскаго сана. Съ нимъ вмѣстѣ жилъ діаконъ Евагрій; оба они въ братской любви упражнялись въ иноческихъ подвигахъ и были такъ дружелюбны, что прочіе братія удивлялись ихъ дружбѣ. Но врагъ рода человѣческаго позавидовалъ доброму согласію двухъ братьевъ и превратилъ ихъ братскую любовь въ такую непримиримую ненависть, что они не могли безъ злобы взглянуть другъ на друга. Даже во время совершенія Божественной службы въ церкви, когда одинъ шелъ съ кадильницею, другой отходилъ въ сторону, чтобы не услышать ѳиміама. Долго продолжалась такая злоба и, сколько ни старались братія ихъ примирить, все было напрасно. Однажды преп. Титъ тяжко разболѣлся и въ смертной опасности созналъ свое согрѣшеніе, началъ горько плакать и послалъ къ недругу своему просить прощенія; но Евагрій и слышать не хотѣлъ о примиреніи и продолжалъ поносить и жестоко проклинать врага своего. Братія, видя такое гибельное заблужденіе, насильно привлекли Евагрія къ одру умирающаго. Титъ, собравши свои послѣднія силы, всталъ и приклонился къ ногамъ своего недруга, говоря: „прости меня, отче!“ Евагрій же былъ такъ злобенъ и безчеловѣченъ, что отвратился отъ него и сказалъ: „не хочу съ нимъ примириться ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій“. Сказавъ это, онъ вырвался изъ рукъ братіи и упалъ на землю. Братія хотѣли его поднять, но нашли его умершимъ и внезапно охладѣвшимъ, такъ что не могли ни рукъ его свести, ни глазъ и устъ его закрыть. Въ то же время Титъ, бывшій при смерти, внезапно получилъ облегченіе, и самъ всталъ съ одра своего, какъ будто и не былъ боленъ. Въ ужасѣ отъ столь необыкновеннаго происшествія, всѣ окружили Тита и спрашивали, что это значитъ? Преподобный Титъ повѣдалъ братіи: „находясь въ тяжкой болѣзни, доколѣ я сердился на брата моего, видѣлъ ангеловъ, отступившихъ отъ меня и плачущихъ о погибели души моей, а нечистыхъ духовъ радующихся,—вотъ что меня заставило просить примиренія съ братомъ. Когда же привели ко мнѣ его, и онъ началъ проклинать меня, я увидѣлъ, что одинъ грозный ангелъ поразилъ его пламеннымъ копіемъ, и несчастный мертвымъ повергся на землю, а мнѣ тотъ же ангелъ подалъ руку и возстановилъ отъ одра болѣзни“... Устрашенные столь поразительнымъ явленіемъ суда Божія, братія съ тѣхъ поръ особенно старались блюсти между собою любовь, избѣгать ненависти и вражды, столь богопротивной и гибельной для души.

Избѣгайте и вы, христіане, этихъ гибельныхъ пороковъ. Изгонимъ изъ сердца своего всякую злобу и ненависть; всѣми силами души будемъ удаляться отъ всякихъ ссоръ и раздоровъ; будемъ возгрѣвать и питать въ себѣ духъ любви, мира, кротости, благодушія, помня, что этого требуетъ, это завѣщаетъ для нашего же блага І. Христосъ, Самъ возлюбившій насъ до смерти, смерти же крестныя. Всѣ мы люди—и знатные, и богатые, и бѣдные, и убогіе,—всѣ братья во І. Христѣ и жить—поступать должны, какъ братья. (Кіево-Печерск. патерик.).

5. О злорадованіи.

Поразительны бываютъ превратности судьбы человѣческой. Нынѣ окруженный всѣми благами земного счастія, человѣкъ заутра лишается всего, теряетъ свое почетное положеніе, власть, богатство, и дѣлается ничтожнымъ, нищимъ. Тотъ, кто не зналъ границъ своей гордости и былъ непоколебимо убѣжденъ въ сознаніи своего величія, вынужденъ бываетъ смириться и преклоняться предъ тѣми, которые еще недавно отъ него во всемъ зависѣли, ему льстили и пресмыкались предъ нимъ. Какъ зеленѣющій злакъ, будучи подкошенъ, скоро увядаетъ, и какъ срубленное дерево быстро теряетъ свое величіе и красоту, такъ быстро исчезаетъ призрачный блескъ земного счастія въ человѣкѣ подъ ударами несчастій, ниспровергающихъ тѣ непрочныя подставки, на которыхъ человѣкъ думаетъ утвердить свое земное счастіе и славу. „Видѣхъ, говоритъ псалмопѣвецъ, нечестиваго, превозносящася и высящася, яко кедръ ливанскій, и мимоидохъ и се не бѣ, и взыскахъ и не обрѣтеся мѣсто его“ (XXXVI, 35 — 36). Такъ быстро падаетъ земное величіе. Какъ же обыкновенно относятся люди къ подобнымъ жертвамъ превратности судьбы, къ этимъ несчастнымъ, падшимъ съ высоты своего величія и униженнымъ?.. Обыкновенно ихъ преслѣдуютъ насмѣшками, укоризнами, относятся къ нимъ со злорадованіемъ, особенно, если эти несчастные во дни своего величія нажили себѣ недоброжелателей своею неправдою, гордостію и жестокосердіемъ. Сердце человѣческое, подъ вліяніемъ самолюбія и своекорыстія, предъ лицомъ падшаго и безсильнаго врага скорѣе всего склонно бываетъ проявлять чувства злорадованія и мстительности, чѣмъ великодушія и любви христіанской. Въ торжествѣ надъ униженнымъ врагомъ оно находитъ себѣ удовлетвореніе и возмездіе за прежнія обиды и притѣсненія. Но одобрительно ли это? Всякій долженъ сознаться, что даже и по обыкновеннымъ понятіямъ нашимъ злорадованіе и мстительность въ отношеніи къ падшему и безсильному врагу — свойства неблагородныя, безчестныя. Тѣмъ болѣе это противно закону евангельскому, заповѣдующему намъ всегда любить враговъ своихъ и творить имъ добро, не воздавать зломъ на зло, но съ кротостію и терпѣніемъ принимать обиды и даже не противиться злу, не мстить, но вражію злобу отражать любовію и благодѣяніями, побѣждать благимъ злое (Мѳ. VI, 44. Рим. XII, 21.).

Поучительный примѣръ христіанскаго великодушія представляетъ намъ св. Іоаннъ Златоустъ. Въ его время при дворѣ императора Аркадія былъ сильный и славный вельможа Евтропій. Онъ старался убѣдить царя издать указъ объ отмѣнѣ убѣжища въ церквахъ для совершившихъ какое-либо преступленіе. Право убѣжища, данное благочестивымъ царемъ Константиномъ, возвышало значеніе церкви Христовой предъ лицомъ язычниковъ и въ то же время было благодѣтельно для преступниковъ, которые, прибѣгая подъ покровъ церкви, и оставаясь неприкосновенными, познавали благодать Искупителя, не хотящаго смерти грѣшника, и слезами покаянія омывали свое преступленіе, исправлялись и выходили добрыми и честными на всю жизнь. Св. Іоаннъ Златоустъ, какъ вѣрный стражъ дома Божія, со всею силою возсталъ противъ незаконнаго вмѣшательства Евтропія въ дѣла церкви и чрезъ то навлекъ на себя гнѣвъ этого вельможи и терпѣлъ многія отъ него обиды. И что же? Евтропій вскорѣ подвергся столь тяжкому обвиненію, что лишенъ былъ власти и осужденъ насмерть. Нигдѣ не было ему защиты и спасенія, кромѣ церкви, права которой онъ усиливался незаконно ограничить. Въ страхѣ смерти, убитый горемъ и униженный, Евтропій спѣшитъ воспользоваться правомъ убѣжища въ церкви, и въ то время, когда св. Іоаннъ Златоустъ совершалъ службу и проповѣдывалъ, падшій вельможа прибѣгаетъ и скрывается въ алтарѣ. Святитель Христовъ не отвергаетъ своего прежняго противника и досадителя,—не отлучаетъ и не отгоняетъ отъ алтаря разорителя правъ церковныхъ, но въ своей проповѣди тутъ же излагаетъ поразительный случай превратности жизни человѣческой и вселяетъ въ народѣ жалость къ падшему вельможѣ. Ни одного укорительнаго слова и ни одного намека на прежнія обиды не вышло изъ устъ великаго святителя. Съ полною любовію принялъ онъ подъ защиту алтаря Господня бывшаго врага церкви, въ надеждѣ его раскаянія.

Итакъ, братіе христіане! Изгоняйте изъ сердца своего низкое и недостойное чувство злорадованія и мстительности въ отношеніи къ врагамъ своимъ, подвергшимся бѣдствіямъ и нуждающимся въ состраданіи и помощи. Поступайте по заповѣди апостола: „если врагъ твой голоденъ, накорми его; если жаждетъ, напой его: ибо, дѣлая сіе, ты соберешь ему на голову горящіе уголья“ (Рим. XII, 20).

6. Богъ въ долгу не останется.

Одинъ нищелюбецъ разсказывалъ о самомъ себѣ своему другу: „Я былъ еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, когда разъ услышалъ въ церкви проповѣдь о томъ, что, кто подаетъ нищему, у того пріемлетъ Самъ Христосъ. Задумался я тогда: какъ же это пріемлетъ Христосъ, когда Онъ сидитъ на небесахъ одесную Отца? Иду я изъ церкви и вижу: стоитъ нищій въ рубищѣ, а надъ главою у него—обличіе Господа нашего Іисуса Христа. Вотъ, прохожій подаетъ нищему милостыню, и я вижу, что Христосъ простираетъ руки, пріемлетъ хлѣбъ и благословляетъ подающаго. Тогда я повѣрилъ слову проповѣдника и донынѣ вижу образъ Христовъ надъ главою каждаго нищаго“. Такъ повѣдалъ о себѣ нищелюбецъ тотъ. А вотъ доказательство, что Христосъ Спаситель ни у кого въ долгу не останется. Онъ платитъ сей долгъ, платитъ иногда еще здѣсь, въ сей временной жизни, а въ будущей жизни непремѣнно заплатитъ вѣчнымъ блаженствомъ въ селеніяхъ райскихъ. „Въ городѣ Низибіи, — такъ разсказываетъ блаженный Іоаннъ, въ своей книгѣ: *Лугъ духовный*, — жила одна христіанка, у которой мужъ былъ язычникъ. Они имѣли пятьдесятъ монетъ. Въ одинъ день мужъ сказалъ женѣ своей: „отдадимъ въ ростъ эти монеты, чтобы получить отъ нихъ хоть малый прибытокъ“. Жена отвѣчала ему: „ежели тебѣ хочется отдать ихъ въ ростъ, то пойди, отдай ихъ Богу христіанскому“. Мужъ сказалъ ей: „а гдѣ Богъ христіанскій?“ — Она отвѣчала ему: „я тебѣ покажу Его, Онъ удвоитъ твой капиталъ“. Мужъ сказалъ ей: „пойдемъ“. Жена привела его на паперть церковную и, указавъ на бѣдныхъ, сказала: „ежели отдашь имъ, то Богъ христіанскій пріиметъ это; ибо они всѣ — Его рабы“. Мужъ съ радостію тотчасъ роздалъ пятьдесятъ монетъ бѣднымъ и возвратился въ домъ свой. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ, имъ уже нечего было и тратить. Тогда мужъ сказалъ женѣ: „жена! Богъ христіанскій не отдаетъ намъ долга; мы терпимъ крайнюю нужду“. Жена отвѣчала ему: „ступай туда, гдѣ ты давалъ, и Онъ отдастъ тебѣ со всею охотою“. Мужъ побѣжалъ въ святую церковь и, возвратясь оттуда въ домъ, сказалъ своей супругѣ: „вотъ ходилъ я въ церковь вашу, и повѣрь мнѣ, жена, не видалъ я, какъ ты говорила, Бога христіанскаго, и никто ничего не далъ мнѣ, кромѣ того, что я нашелъ эту монету, лежавшую тамъ, гдѣ роздалъ пятьдесятъ монетъ“. Тогда чудная эта женщина сказала ему: „это Онъ невидимо далъ тебѣ ее. Ибо Онъ невидимъ, и невидимою силою и десницею управляетъ міромъ; пойди, господинъ мой, купи намъ что-нибудь поѣсть сегодня, и Онъ опять тебѣ дастъ“. — Мужъ пошелъ и купилъ себѣ хлѣба, вина и рыбы, и отдалъ это женѣ. Жена, взявъ рыбу, начала ее чистить, и разрѣзавъ, нашла внутри ея камень чудный; она изумилась, и, хотя не знала какой это камень, однакожъ спрятала его. Когда пришелъ мужъ ея, и они стали ѣсть, жена показала ему найденный камень и сказала: „вотъ этотъ камень нашла я въ рыбѣ“. Мужъ, увидавъ, удивился и самъ красотѣ его, впрочемъ не зналъ, что это за камень. Когда они поѣли, онъ сказалъ женѣ: „дай мнѣ его, я пойду, продамъ его; можетъ-быть, что-нибудь возьму за него“. Взявъ камень, онъ пошелъ къ мѣновщику, который былъ вмѣстѣ и серебряникъ, и сказалъ ему: „хочешь купить этотъ камешекъ?“ Серебряникъ, посмотрѣвъ на камень, спросилъ: „что хочешь взять за него?“ Продавецъ сказалъ ему: „дай, что хочешь“. Торговецъ сказалъ: „возьми пять монетъ“. — Продавецъ, думая, что онъ смѣется надъ нимъ, сказалъ ему: „и ты это даешь за него“? — Серебряникъ же, думая, что тотъ отвѣчалъ ему съ сердцемъ, сказалъ ему: „Возьми десять монетъ.“ — Продавецъ, опять думая, что онъ смѣется, замолчалъ. Серебряникъ сказалъ ему: „возьми двадцать монетъ“. — Тотъ молчалъ и ничего не отвѣчалъ. Серебряникъ началъ давать тридцать, а потомъ пятьдесятъ монетъ, и мало-по-малу, возвышая цѣну, дошелъ до трехъ сотъ большихъ монетъ и далъ ему ихъ. Взявъ монеты и отдавъ камень, язычникъ пришелъ въ радости къ женѣ своей. Жена спросила: „за сколько ты продалъ камень?“ — Онъ вынулъ триста монетъ и, отдавая ихъ женѣ, сказалъ: „вотъ за сколько!“ Жена изумилась благости человѣколюбиваго Бога и сказала: „вотъ, мужъ, каковъ Богъ христіанскій! Какъ Онъ благъ, какъ милостивъ, какъ богатъ! Видишь, что Онъ не только возвратилъ тебѣ съ лихвою пятьдесятъ монетъ, которыя ты далъ Ему взаймы, но въ нѣсколько дней въ шестеро увеличилъ сумму. Познай же, что нѣтъ другого Бога, ни на землѣ, ни на небѣ, кромѣ Его единаго“. Мужъ, убѣжденный чудомъ, тотчасъ принялъ христіанскую вѣру. — Такъ иногда платитъ долгъ милосердый Господь Своимъ заимодавцамъ — милостивцамъ еще въ здѣшней жизни.— А вотъ разсказъ того же блаженнаго Іоанна о томъ, какая плата ждетъ ихъ въ будущей жизни. „Киринейскій епископъ Синезій обратилъ къ Христовой вѣрѣ своего школьнаго товарища, философа Евагрія. Вскорѣ послѣ крещенія Евагрій даетъ ему три золотыхъ динарія въ пользу бѣдныхъ: „Возьми, говоритъ онъ, эти три динарія, раздай бѣднымъ, и дай мнѣ расписку, что Христосъ воздастъ мнѣ за это въ будущей жизни“. - Онъ принялъ золото, и тотчасъ далъ ему, какъ тотъ хотѣлъ, расписку. Спустя нѣсколько времени Евагрій почувствовалъ слабость, приближающую его къ смерти, и, будучи уже близъ смерти, говоритъ дѣтямъ своимъ: „когда будете хлопотать о моемъ погребеніи, положите эту бумагу мнѣ въ руки и съ нею похороните меня“. Дѣти такъ и сдѣлали: когда онъ умеръ, похоронили его съ рукописаніемъ. На третій день послѣ погребенія, является онъ епископу Синезію во снѣ и говоритъ: пойди, возьми твою расписку въ гробу, въ которомъ я похороненъ; я получилъ, что слѣдовало получить, удовлетворенъ вполнѣ, а въ удостовѣреніе тебя въ этомъ, я подписался на твоей распискѣ“. Епископъ и не зналъ, что расписку его положили съ философомъ въ гробу; на другой день рано позвалъ онъ дѣтей его и сказалъ: „что вы положили съ философомъ въ гробъ?“ — Тѣ думали, что онъ говоритъ имъ о деньгахъ, и сказали ему: „ничего, владыко, кромѣ погребальной одежды его.“ — „Какъ?“ воскликнулъ онъ, „не положили ль вы съ нимъ какой бумаги?“ Они сказали ему: „да, владыко, какую-то бумагу онъ далъ намъ положить съ нимъ“. — Тогда епископъ разсказалъ имъ свой сонъ и, взявъ съ собою причтъ церковный, ктитора и нѣкоторыхъ изъ гражданъ, пришелъ ко гробу философа. Открывъ его, нашли, что философъ лежитъ и держитъ расписку въ рукахъ своихъ; взявъ изъ рукъ его расписку, развернули ее и увидѣли въ ней вновь написанное слѣдующее: „я, Евагрій философъ, тебѣ, святѣйшему господину Синезію епископу, желаю радоваться; я получилъ все по твоей распискѣ,—удовлетворено мнѣ, и я уже не имѣю права ничего отъ тебя требовать за то, что отдалъ тебѣ золото и чрезъ тебя Христу Богу и Спасителю нашему“. Видѣвшіе это ужаснулись и долго взывали: „Господи, помилуй!“ и славили Господа, сотворившаго такое чудо и ущедряющаго рабовъ Своихъ вѣчнымъ воздаяніемъ. Эта расписка съ собственноручною подписью философа доселѣ бережно хранится и лежитъ въ сокровищницѣ церкви Господней“. Такъ заключаетъ свой разсказъ блаженный Іоаннъ, который самъ видѣлъ расписку.— Много подобныхъ сказаній можно читать въ житіяхъ святыхъ Божіихъ и святоотеческихъ писаніяхъ. Вѣрно слово Господне: *милуяй нища взаимъ даетъ Богови. Елика сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ — Мнѣ сотвористе.* „Кѣмъ же ты хочешь имѣть для себя Бога: Должникомъ или Судіею?“ вопрошаетъ св. Златоустъ. „Что для тебя лучше — разсуди самъ!..“

7. Много я тебѣ долженъ, Господи!

(Изъ твореній св. Тихона задонскаго).

Благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устѣхъ моихъ (Пс. XXXIII, 2). Не было меня, и вотъ есмь и живу, какъ и прочіе люди. Ты, Господи, благоволилъ мнѣ быть, и между дѣлами рукъ Твоихъ считаться, и видѣть дѣла рукъ Твоихъ — небо и землю съ исполненіемъ ихъ, и отъ великихъ и преславныхъ дѣлъ Твоихъ Тебя, великаго и преславнаго Создателя, познавать, и благами Твоими довольствоваться и утѣшаться. *Руцѣ Твои сотвористѣ мя, и создастѣ мя* (Пс. CXVIII, 73). **Много я Тебѣ за сіе долженъ, и не могу ничѣмъ воздать!** Сотворилъ Ты меня не бездушною тварію, не скотомъ, не птицею, не рыбою, ни инымъ какимъ безсловеснымъ животнымъ, которыя всѣ суть и живутъ, но блаженства своего не разумѣютъ; но сотворилъ разумнымъ человѣкомъ, который могу познавать и разумѣть, что я отъ Тебя начало бытія и житія своего имѣю; я Твое созданіе, Ты мой Создатель: **много я Тебѣ за сіе долженъ и никакъ не могу воздать!** Тако сотворенный отъ Тебя, быть и жить безъ Тебя я не могу. Рука Твоя, Господи, содержитъ меня и благая Твоя подаетъ мнѣ. Не могу я безъ свѣта жить и обращаться: свѣтила Твои, солнце, луна и звѣзды свѣтятъ мнѣ. Не могу я безъ огня жить: огнь Твой согрѣваетъ меня и варитъ пищу мою. Не могу я безъ воздуха цѣлъ и живъ быть: воздухъ Твой оживляетъ меня и сохраняетъ жизнь мою. Не могу я безъ пищи быть: щедрая Твоя рука, Господи, подаетъ мнѣ пищу. Не могу я безъ питія быть: благость Твоя, Господи, произвела ради меня источники, рѣки и озера, и тѣми прохлаждаюся и омываюся. Не могу я, обнаженный одежды Боготканныя, безъ одѣянія быть: отъ щедрой Твоей десницы и то получаю. Не могу я безъ дома быть: подаешь мнѣ и домъ ко упокоенію немощнаго и многобѣднаго тѣла моего. Не могу я быть безъ скотовъ: скоты Твои служатъ и работаютъ мнѣ: **много я Тебѣ за все сіе долженъ!** Но *что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми?* (Пс. CXV, 3). Что бы я былъ, когда бы Ты хотя едино отъ сихъ благъ отнялъ отъ меня? Что бы мнѣ пользовали очи мои, когда бы свѣтъ Твой мнѣ не свѣтилъ? Неотмѣнно блуждалъ бы, какъ слѣпой... Какъ бы могъ жить, когда бы не подавалъ Ты мнѣ пищу Твою? Безъ воздуха и малѣйшей минуты жить не могу. Такъ всякое созданіе Твое весьма добро, и мнѣ бѣдному служитъ. Но сія благая получая отъ Тебя, надѣюсь будущихъ и лучшихъ благъ, по нелажному обѣщанію Твоему, и отъ видимыхъ къ невидимымъ, и отъ настоящихъ къ будущимъ, и отъ временныхъ къ вѣчнымъ, и отъ земныхъ къ небеснымъ стремится духъ мой. Аще бо во изгнаніи и ссылкѣ толикая благая подаеши намъ, коликая подаси во отечествѣ и дому Твоемъ! Воистину *око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. II, 9). *Буди убо, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя* (Пс. XXXII, 22). Слѣпъ я, какъ и прочіи, безъ благодати и просвѣщенія Твоего; грѣхъ мой меня ослѣпилъ. Сего ради ниспослалъ Ты намъ слово Твое святое чрезъ избранныхъ рабовъ и служителей Твоихъ. Сіе мнѣ, какъ свѣща во тьмѣ сѣдящимъ, сіяетъ и показуетъ вредъ и пользу, зло и добро, грѣхъ и добродѣтель, ложь и истину, неугодное

Тебѣ и угодное, невѣріе и вѣру, и тако прогоняетъ мою слѣпоту и просвѣщаетъ разумъ мой. *Свѣтильникъ ногама моима законъ Твой, и свѣтъ стезямъ моимъ* (Пс. CXVIII, 105). **Много я за сіе Тебѣ, Господи, долженъ, и ничѣмъ не могу воздать!**—Отъ слова Твоего познаю Тебя, Бога и Создателя моего; въ немъ я вижу, что Ты преславная и чудная дѣла сотворилъ и твориши, каковыхъ рука человѣческая и никакое созданіе сотворить не можетъ; и отъ всего того познаю всемогущую силу Твою, трепещу и смиряюся подъ крѣпкую руку Твою. — Въ словѣ Твоемъ вижу я, что всемогущая десница Твоя защищаетъ, сохраняетъ и спасаетъ боящихся, любящихъ и почитающихъ Тебя, своевольныхъ же смиряетъ, наказуетъ и казнитъ. И отъ того познаю правду Твою и боюсь суда Твоего: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!* (Лук. XVIII, 13). *Не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ, яко не оправдится предъ Тобою всякъ живый* (Пс. CXLII, 2). *Аще беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ?* (Пс. CXXIX, 3). — Въ словѣ Твоемъ вижу я, что Ты всѣхъ, отвратившихся отъ Тебя, призываешь къ Себѣ и обратившихся и съ покаяніемъ приходящихъ, яко Отецъ чадолюбивый, человѣколюбно пріемлеши. Отъ сего познаю благость и безприкладное Твое милосердіе къ бѣднымъ грѣшникамъ; а потому не отчаиваюся и самъ за грѣхи мои, но съ надеждою къ Тебѣ, благому и милосердому Богу, прибѣгаю и милости прошу. *Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое!* (Пс. L, 3). Въ словѣ Твоемъ вижу я, что все, что ни открываешь намъ, истина есть; и что предсказуешь, то сбывается; и что обѣщалъ и обѣщаешь, то все исполняешь, яко вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ Своихъ; вижу, что и небо и земля мимо идутъ, словеса же Твоя не имутъ прейти. И оттуда познаю истину Твою, и утверждаюся въ вѣрѣ моей. Знаю я, что храмина тѣла моего разорится, и тѣло мое, яко земля, землѣ предастся; но милость Твоя увѣряетъ меня, что то же самое тѣло, въ которомъ нынѣ живетъ душа моя, силою и всемогущимъ гласомъ Твоимъ востанетъ, и благодатію Твоею въ лучшій и краснѣйшій видъ преобразится. *Подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе* (1 Кор. XV, 53). И тако съ церковію Твоею святою чаю воскресенія мертвыхъ, и жизни будущаго вѣка. Въ словѣ Твоемъ вижу я, что Ты, яко Создатель, о всемъ созданіи Своемъ промышляешь такъ, что и птичка малая *не падаетъ безъ воли Твоей* (Мѳ. X, 29); но наипаче о человѣкѣ, котораго по образу и по подобію Твоему сотворилъ еси. Въ томъ вижу я, что человѣкъ въ созданіи своемъ почтенъ отъ Тебя, Создателя своего, почтенъ паче всея твари Твоея особеннымъ Твоимъ совѣтомъ: *сотворимъ человѣка.* Сотворенъ по образу Твоему и по подобію Твоему, сотворенъ святъ, чистъ, непороченъ, премудръ, и къ вѣчному блаженству сотворенъ. Но лестнымъ лукаваго змія совѣтомъ прельщенъ, всей своей чести и блаженства лишился, и такъ отвратившися отъ Тебя, Создателя своего, погибнулъ... *Человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. XLVIII 13—21). Такъ погибъ человѣкъ первозданный; погибли и мы, сыны его. Ты же, благій, милосердый и человѣколюбивый Боже, не терпѣлъ видѣть бѣднаго человѣка въ погибели, но умилосердился надъ нимъ. Подалъ было ему законъ Твой, дабы его, отпадшаго отъ Тебя, обратилъ и привелъ къ Тебѣ; но онъ показывалъ ему только немощь его, а не исцѣлялъ его. Послалъ Ты къ падшему человѣку избранныхъ рабовъ Твоихъ пророковъ, и они только обличали человѣка, а не помогли человѣку, но указывали на Грядущаго спасти человѣка, и Того возвѣщали, и тѣмъ отраду нѣкую дѣлали бѣдному человѣку: грядетъ, грядетъ спасти насъ; *Грядый пріидетъ и не закоснитъ!..* Наконецъ пришло время, и святѣйшимъ благоволеніемъ Твоимъ послалъ Ты къ намъ Самого единороднаго Сына Твоего соприсносущнаго и собезначальнаго. Онъ въ подобострастную намъ плоть облекся, и отъ пренепорочныя Дѣвы Маріи родился, и Богъ сый, безначальный, младенчествовалъ, и, Царь небесный, на земли жилъ. Онъ отъ Тебя, Бога и Создателя нашего, къ намъ бѣднымъ посланъ былъ взыскати и спасти насъ, погибшее Твое созданіе: *тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный* (Іоан. III, 16). Онъ высочайшую Твою милость, пришедши къ намъ, объявилъ намъ, проповѣдалъ намъ, что Ты грѣхи наши оставляешь намъ, и насъ къ Себѣ чрезъ Него призываешь, и вѣрующимъ въ Него и послушающимъ Его двери вѣчнаго Твоего царствія отверзаеши, якоже Самъ Онъ о томъ засвидѣтельствовалъ къ нашему утѣшенію: *Духъ Господень на Мнѣ, Егоже ради помаза Мя благовѣстити нищимъ, посла Мя исцѣлити сокрушенныя сердцемъ: проповѣдати плѣненнымъ отпущеніе, и слѣпымъ прозрѣніе; отпустити сокрушенныя во отраду: проповѣдати лѣто Господне пріятно* (Лук. IV, 18—19). Сію всерадостную вѣсть отъ Тебя принесши намъ бѣднымъ грѣшникамъ, съ человѣками, яко человѣкъ, на земли пожилъ, и вѣровать въ Тебя, и угождать Тебѣ, и волю Твою творить чрезъ Себя Самого научилъ насъ, и къ вѣчному Твоему царствію путь показалъ намъ и призвалъ насъ, и пострадалъ и умеръ и страданіемъ и смертію Своею и кровію, насъ ради изліянною, очистивши насъ, вѣрующихъ въ Него, отъ грѣховъ нашихъ, влечетъ къ Тебѣ, небесному Своему Отцу, яко Пастырь добрый, заблудшія овцы Твоя... За сей человѣколюбивый, спасительный, чудный и умомъ нашимъ непостижимый промыслъ Твой, какъ всѣ люди, такъ и я, бѣдный грѣшникъ, **много Тебѣ, Господи, долженъ**! Но что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми? Исповѣдаюся Тебѣ, Отче, съ единороднымъ Твоимъ Сыномъ и Пресвятымъ Твоимъ Духомъ! Пою человѣколюбіе Твое! Прославляю благость и милосердіе Твое, недостойный и бѣдный грѣшникъ! *Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ Своимъ: и воздвиже рогъ спасенія намъ, въ дому Давида отрока Своего* (Лук. I, 68—69). Гдѣ бы я былъ, грѣшникъ и законопреступникъ, если не въ погибели и въ вѣчной смерти, какъ мертвецъ поверженный лежалъ бы? Благость Твоя, милосердіе и человѣколюбіе Твое не допустило меня до того, но столь дивно Ты спасъ меня: **много я Тебѣ, Господи, за сіе долженъ**! *Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его. Благослови, душе моя, Господа, и не забывай всѣхъ воздаяній Его.* (Пс. СІІ. 1—2).—Вижу въ словѣ Твоемъ святомъ, что діаволъ, завидуя блаженству нашему, къ которому благодатію единороднаго Сына Своего ведешь насъ, *яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. V, 8). Отъ сего врага нашего, какъ всѣхъ знающихъ Тебя, такъ и меня недостойнаго предостерегаетъ благость Твоя, и сохраняетъ всесильная десница Твоя. О, какъ бы цѣлъ могъ я быть, если бы не всемогущая Твоя хранила меня десница! **Много я Тебѣ, Господи, и за сіе долженъ**! *Благословенъ Господь, Иже не даде насъ въ ловитву зубомъ ихъ* (Пс. СХХІІІ, 6). Но не остави меня, Господи, и до конца, но избави отъ лукаваго того. *Не предаждь звѣремъ душу исповѣдающуюся Тебѣ: душъ убогихъ Твоихъ не забуди до конца* (Пс. LXXIII, 19).—Вижу я въ словѣ Твоемъ святомъ, что ангели Твои святіи ополчаются окрестъ знающихъ и боящихся Тебя, и сохраняютъ ихъ повелѣніемъ Твоимъ отъ лукавыхъ демоновъ, *и въ служеніе посылаеми бываютъ за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. I, 14). Сей благодати Твоей и я, недостойный и непотребный рабъ Твой, по милости Твоей, сподобился. **Много я Тебѣ, Господи, и за сіе долженъ**! Знаю я и исповѣдуюсь со смиреніемъ, что я много Тебѣ, Создателю и Богу моему, согрѣшилъ, и жалѣю о томъ, и иные грѣхи вижу въ совѣсти моей, а иныхъ и не вижу, и болѣе не вижу, нежели вижу: *грѣхопаденія бо кто разумѣетъ?* (Пс. XVIII, 13). Жалѣю и сокрушаюся, что ими Тебя, благаго и человѣколюбиваго Бога моего, Создателя моего, Искупителя моего, высочайшаго Благодѣтеля моего, Того, Котораго ангели святіи со страхомъ и трепетомъ почитаютъ, поютъ и поклоненіемъ чтутъ, — Тебя Господа, безумно я, послѣднѣйшій червякъ, много оскорбилъ!.. И сколько разъ я согрѣшилъ Тебѣ, столько разъ видѣлъ Ты согрѣшающаго меня; и сколько разъ видѣлъ, столько разъ терпѣлъ Ты мнѣ по благости Твоей; и сколько разъ терпѣлъ мнѣ, столько разъ миловалъ меня. И аще бы по святѣйшей правдѣ Твоей поступилъ Ты со мною, уже бы давно сошла душа моя во адъ: но благость Твоя и человѣколюбіе Твое и долготерпѣніе Твое удержало Тебя, и не допустило меня, бѣднаго грѣшника, до погибели моей. **Много я Тебѣ, Господи, и за сію великую Твою ко мнѣ милость долженъ**! *Исповѣмся Тебѣ, Господи, Боже мой, всѣмъ сердцемъ моимъ, и прославлю имя Твое въ вѣкъ: яко милость Твоя велія на мнѣ, и избавилъ еси душу мою отъ ада преисподнѣйшаго* (Пс. LXXXV, 12—13). Отъ сихъ и прочихъ, которыхъ я не знаю, благодѣяній Твоихъ ко мнѣ вижу я, что въ любви Твоей ко мнѣ и благости, человѣколюбіи и долготерпѣніи и щедротахъ весь заключаюся. Благость Твоя, Господи, есть, что я еще не погибъ, еще живу. Вижу я, что Ты къ спасенію вѣчному меня ведешь. Помилуй убо меня, бѣднаго грѣшника, до конца, и благодатію единороднаго Сына Твоего заглади вся согрѣшенія моя, и спаси мя въ вѣчную жизнь, да тамо со всѣми избранными Твоими за вся Твоя благодѣянія буду благодарить, хвалить и воспѣвать Тебя со единороднымъ Твоимъ Сыномъ и Пресвятымъ Духомъ, не вѣрою, но лицомъ къ лицу въ некончаемые вѣки,

Изъ сихъ разсужденій видишь, христіанинъ, что 1) какъ я, такъ и ты — неоплатные должники предъ Богомъ; что ты живешь, движешься—все это по Божіей благости, и что бы ты ни дѣлалъ, какъ бы ни угождалъ Богу, хотя бы даже всю свою жизнь страдалъ ради имени Его, и это было бы ничто: ты всегда оставался бы предъ Богомъ неоплатнымъ должникомъ. Такъ много должны мы Господу! За одно то только, что Онъ создалъ насъ, никакъ и ничѣмъ воздать мы не можемъ, а чѣмъ мы воздадимъ Ему за всѣ прочія безчисленныя и величайшія Его благодѣянія? *Что воздадимъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде намъ?..* Едино сіе — **ничто**... 2) Изъ сего научаемся со смиреніемъ благодарить Его отъ искренняго сердца и сознавать свою нищету въ томъ, что отъ Него, яко Благодѣтеля, получаемъ благодѣянія каждый день и каждый часъ, но воздать сему Благодѣтелю ничѣмъ не можемъ. 3) За всѣ блага мы должны благодарить Его, наипаче же за слово Его, и за спасительное единороднаго Сына Его къ намъ пришествіе и за обѣщанный ради Его вѣчный животъ и блаженство. 4) Изъ сего видишь, христіанинъ, какъ ты самъ убогъ и бѣденъ,—безъ Божіихъ благъ ты и минуты жить не можешь. Убогъ и бѣденъ тотъ, кто пищи не имѣетъ, тотъ, кто одѣянія не имѣетъ, тотъ, у кого дома нѣтъ и прочаго: а у тебя всего этого ничего *своего* нѣтъ, но все отъ Бога, богатаго въ милости, получаешь. И если бы всего не подавалъ тебѣ Господь, то ты былъ бы несчастнѣе и бѣднѣе всякой твари. Познавай же свою нищету, чтобы Господь обогащалъ тебя Своею милостію. 5) Мы ничего у Бога заслужить не можемъ, все даромъ отъ щедрой десницы Его получаемъ. Онъ, благій и богатый въ милости, видя нашу бѣдность и нищету, отверзаетъ Свои сокровища благости и отъ сихъ сокровищъ все подаетъ намъ даромъ. Таково Его естество, что Онъ не можетъ не благотворить. 6) Кто Бога познаетъ, то, чѣмъ болѣе познаетъ, тѣмъ болѣе исправляется, обновляется и дѣлается лучше. Знать Бога истинно и неблагочестиво жить — одно другому противно. 7) Значитъ, беззаконно живущіе Бога не знаютъ, хотя имя Его святое и исповѣдуютъ, и молятся Ему, и въ церковь ходятъ, и Таинъ Христовыхъ пріобщаются. Вотъ почему апостолъ написалъ: *и о семъ разумѣемъ, яко познахомъ Его, аще заповѣди Его соблюдаемъ. Глаголяй, яко познахъ Его, и заповѣди Его не соблюдаетъ, ложь есть и въ семъ истины нѣсть* (1 Іоан. II, 3 — 4). 8) Посему и ты, грѣшникъ, если хочешь не однимъ тѣломъ жить, но и душою, то обратись всѣмъ сердцемъ къ Богу, Который есть Самъ Жизнь и всѣхъ животворитъ, и держись Его вѣрою и правдою, и будешь истинно живъ, и нынѣ и въ будущей жизни, и хотя умрешь, но паки оживешь и изыдешь въ воскресеніе вѣчнаго живота...

8. Скоро ли будетъ второе пришествіе Христово? [1]

Всѣ мы вѣруемъ, что при кончинѣ міра явится вторично на землю Іисусъ Христосъ, но никто изъ насъ не знаетъ, когда случится это второе пришествіе Христово. Увѣряя насъ въ дѣйствительности второго пришествія на землю Спасителя для совершенія суда, слово Божіе не открываетъ однакоже намъ, скоро ли Господь нашъ пріидетъ на землю. „О дни же томъ и часѣ, — сказалъ Спаситель — никто же вѣсть, ни ангели небесніи, токмо Отецъ Мой единъ“ (Матѳ. XXIV, 36). Мало того, Христосъ положительно отказался отвѣчать ученикамъ Своимъ, когда они спросили Его объ этомъ; Онъ даже запретилъ имъ, а чрезъ нихъ и намъ такое любознательство, сказавъ однажды прямо: „нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти“ (Дѣян. I, 7). Итакъ, не наше дѣло испытывать судьбы Божіи, не наше дѣло предугадывать день и часъ пришествія Господа, но наше дѣло всегда готовиться достойно срѣтить Его; посему „бдите, яко не вѣсте, въ кій часъ Господь вашъ пріидетъ“, наставляетъ насъ Спаситель; будьте всегда готовы предстать на судъ Господа, потому что, въ который часъ не думаемъ, въ тотъ и пріидетъ Сынъ человѣческій (Матѳ. XXIV, 44).

Но, не указавъ намъ опредѣленнаго дня и часа Своего пришествія на землю для всеобщаго суда, Господь Іисусъ Христосъ благоволилъ все-таки открыть вѣрующимъ нѣкоторые признаки, по которымъ можно узнать о близости кончины міра и страшнаго суда. Признаки эти указываются въ словѣ Божіемъ слѣдующіе: проповѣданіе евангелія всѣмъ народамъ на землѣ, крайнее оскудѣніе вѣры и любви между людьми, распространеніе нечестія и умноженіе пороковъ и вслѣдствіе сего умноженіе бѣдствій на землѣ и, наконецъ, явленіе врага Божія—антихриста. Предъ пришествіемъ Христа на землю проповѣдь о Христѣ распространится по всему міру, такъ что не останется мѣста, куда бы не проникло слово евангелія, не будетъ народа, который бы не услыхалъ слова о спасеніи. „И проповѣдано будетъ евангеліе царствія по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ языкамъ, и тогда пріидетъ кончина“, сказалъ Самъ Спаситель (Матѳ. XXIV, 14). Это случится для того, чтобы нечестивые не имѣли на судѣ Божіемъ оправданія, что они не знали ученія Христова. Но, несмотря на всемірное распространеніе проповѣди евангелія, предъ кончиною міра среди людей произойдетъ небывалое развращеніе нравовъ, умножится невѣріе, взаимная ненависть, зависть и злоба; такъ что Единородный Сынъ Божій, пришедъ на землю, едва обрящетъ вѣру на земли (Лук. XVIII, 8). Св. ап. Павелъ говоритъ, что въ послѣднія времена будутъ человѣцы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горды, хульницы, родителямъ противящіеся, неблагодарны, неправедни, нелюбовни, непримирительны, невоздержницы, некротцы, имущіи образъ благочестіи, силы же его отвергшіися (2 Тим. III, 1—5). Развившаяся между людьми злоба и взаимная ненависть произведутъ на землѣ непрестанныя войны, междоусобія и кровопролитія. „Возстанетъ языкъ на языкъ и царство на царство“ (Матѳ. XXIV, 7). За такія беззаконія правосудный Господь будетъ поражать людей разнообразными, но одинаково тяжелыми бѣдствіями: то гладомъ, то язвою, то землетрясеніями. „Тогда будутъ глады и пагубы и труси по мѣстамъ“ (Матѳ. XXIV, 7). Но такъ какъ грѣшникъ, когда впадаетъ въ глубину золъ, то уже нисколько нерадитъ о спасеніи, то и эти кары гнѣва Божія не образумятъ развратившагося рода людского, не остановятъ его на пути къ погибели. Посему и бѣдствія не только не прекратятся предъ послѣдними временами, но постепенно будутъ возрастать, какъ и говоритъ Іисусъ Христосъ: „вся же сія начало болѣзнямъ“ (XXIV, 8).

---

[1] Примѣнительно къ 23 ст. XVIII гл. еванг. Матѳея, гдѣ говорится о царѣ, желавшемъ сосчитаться съ рабами своими.

Въ это же самое время діаволъ, предчувствуя близость кончины міра и окончательной своей погибели, употребитъ всѣ усилія къ омраченію и уловленію людей въ свои коварныя сѣти. По его внушенію, между людьми во множествѣ „возстанутъ лжехристы и лжепророцы“, которые будутъ отвлекать людей отъ вѣры въ Бога ложными знаменіями и лживыми чудесами. Хитрость и лукавство таковыхъ слугъ сатаны будутъ настолько сильны, что они едва не прельстятъ и самыхъ избранныхъ изъ поклонниковъ Господа. Они „дадятъ знаменія велія и чудеса, якоже прельстити, аще возможно, и избранныя“ (Матѳ. XXIV, 24). Соблазнъ будетъ тóгда такъ силенъ, что только прекращеніе этихъ злыхъ дней волею Вседержителя спасетъ людей отъ всеобщей погибели: „и аще не быша прекратилися дніе оны, не бы спаслася всяка плоть; избранныхъ же ради прекратятся дніе оны“ (Матѳ. XXII).

Но самымъ очевиднымъ признакомъ близкаго пришествія Христова и вмѣстѣ съ этимъ самымъ сильнымъ бѣдствіемъ для вѣрующихъ во Христа предъ кончиною міра будетъ появленіе антихриста. Что же такое *антихристъ?* Слово антихристъ значитъ противникъ Христу, не покоряющійся Его ученію. По пророчеству апостола Павла, антихристъ, имѣющій явиться предъ пришествіемъ Христовымъ, будетъ „человѣкъ беззаконія, сынъ погибели, противникъ и превозносяйся паче всякаго глаголемаго бога или чтилища, якоже ему сѣсти въ церкви Божіей, аки богу, показующе себе, яко богъ есть“ (2 Солун. II, 3—4). Онъ будетъ настолько гордъ, что отвергнетъ Господа и Христа, будетъ выдавать себя за бога, требовать себѣ божескаго поклоненія, будетъ хулить имя Божіе. Противъ христіанъ онъ выступитъ съ страшною враждою и жестоко будетъ мучить вѣрующихъ во имя Христа. Преподобный Ефремъ Сиринъ слѣдующимъ образомъ описываетъ вражескую жизнь и дѣянія антихриста: „Придетъ всескверный какъ тать, чтобы прельстить всѣхъ, придетъ притворно благоговѣйнымъ, смиреннымъ, кроткимъ, отвращающимся идоловъ, добрымъ, нищелюбивымъ, въ высшей степени благообразнымъ, ко всѣмъ ласковымъ. При всемъ этомъ съ великою властію совершитъ знаменія, чудеса, и приметъ хитрыя мѣры всѣмъ угодить, чтобы въ скоромъ времени полюбилъ его простой народъ, и во всемъ этомъ блаженною наружностію станетъ обольцать міръ, пока не воцарится. Скоро утвердится царство его. Тогда онъ чрезъ мѣру вознесется сердцемъ, смятетъ вселенную; всѣхъ притѣснитъ, осквернитъ многія души, поступая уже не какъ человѣкъ благоговѣйный, но при всякомъ случаѣ суровый, жестокій, губительный, старающійся весь родъ смертныхъ ввергнуть въ пучину нечестія, произведетъ великія знаменія лживо, а не дѣйствительно“ (Слово на пришеств. Господне 2-е). Но владычество антихриста продлится не долго; время самовластія, вражды и насилія надъ христіанами пройдетъ скоро. Господь Іисусъ Христосъ явится, погубитъ антихриста духомъ устъ Своихъ и сокрушитъ силу его славою пришествія Своего.

Таковы признаки близкаго пришествія Христова и кончины вѣка. По нимъ видно, что послѣднія времена еще не наступили, и что антихристъ еще не пришелъ. Но это не должно располагать насъ къ лѣности и нерадѣнію о своемъ спасеніи, и Господь можетъ всегда каждаго изъ насъ чрезъ смерть позвать къ Себѣ на судъ. Кто изъ насъ можетъ сказать о себѣ, что онъ далекъ отъ смерти, послѣ которой такъ же, какъ и послѣ будущаго при концѣ міра пришествія Христова, вѣрующій тоже идетъ на частный судъ Христовъ? И какъ никто изъ людей не знаетъ „дня и часа пришествія Господня“, такъ никто изъ живыхъ не знаетъ дня и часа своей кончины. Посему для всѣхъ насъ должны быть памятны и назидательны слова Спасителя: „бодрствуйте, потому что не знаете, въ который часъ Господь вашъ пріидетъ“ (Матѳ. XXIV, 42). (См. „Воскр. лист“. № 317).

НЕДѢЛЯ 12-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 79-е, гл. XIX, 16—26 ст.

1. Евангельское повѣствованіе о богатомъ юношѣ.

На пути изъ Переи въ Іудею подошелъ къ Іисусу богатый, знатный юноша, одинъ изъ начальствующихъ (можетъ-быть, одинъ изъ начальниковъ синагоги), съ благоговѣніемъ палъ предъ Нимъ на колѣни и сказалъ: „Учитель благій! что сдѣлать мнѣ добраго, чтобъ имѣть жизнь вѣчную?“ Іисусъ зналъ, что у этого юноши при добрыхъ стремленіяхъ недостаетъ сознанія своихъ грѣховъ, и потому, желая пробудить въ немъ это стремленіе, сказалъ ему: „что ты называешь Меня благимъ? Никто не благъ, какъ только одинъ Богъ“. Юноша видѣлъ въ Іисусѣ только человѣка подобнаго самому себѣ; поэтому Господь отклоняетъ такое названіе. Онъ былъ благъ только потому, что вмѣстѣ былъ и Богъ, а между людьми никто не благъ. Этимъ Онъ хотѣлъ напомнить юношѣ, чтобъ онъ не считалъ себя человѣкомъ добрымъ, благимъ, чтобы созналъ свои грѣхи и необходимость покаянія. Для этого Іисусъ указалъ ему на законъ и сказалъ: „если хочешь войти въ жизнь вѣчную, соблюди заповѣди“. Юноша расчитывалъ на чрезвычайныя заповѣди, на совершенно особенный путь къ небу: поэтому онъ съ чувствомъ собственнаго достоинства спрашиваетъ: „какія?“ Конечно не древнія, обыкновенныя? И когда Іисусъ, дѣйствительно, назвалъ древнія заповѣди: не убивай, не прелюбодѣйствуй, не крадь, не лжесвидѣтельствуй, почитай отца и мать, и люби ближняго своего, какъ самого себя“,— съ гордою самоувѣренностію отвѣчаетъ Ему: „все это сохранилъ я отъ юности моей“. Въ этомъ отвѣтѣ была нѣкоторая правда; онъ такъ сохранилъ заповѣди, какъ понималъ ихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ словахъ высказывались его простодушіе и откровенность. Онъ самъ замѣтилъ, что этого еще недостаточно, потому спросилъ: „чего еще недостаетъ мнѣ?“ Это благородное стремленіе, для котораго недостаточно было всего закона, это простодушіе и откровенность пріобрѣли ему сердце Іисуса. Іисусъ посмотрѣлъ на него любящимъ взоромъ и сказалъ *одно*, чего еще недоставало ему. Его сердце было еще привязано къ земному имуществу и притомъ такъ, что не иначе можно было помочь ему, какъ только совершенно оторвавши его отъ имущества. Поэтому Іисусъ сказалъ ему: „если хочешь совершенъ быть, иди, продай имѣніе твое, и дай нищимъ: и имѣти имаши сокровище на небеси; и гряди въ слѣдъ Мене“. Этимъ требованіемъ Іисусъ вполнѣ открылъ юношѣ глубину его сердца и показалъ ему его недостатки. Когда юноша услышалъ эти слова, то сдѣлался печаленъ, и отошелъ въ смущеніи, потому что онъ былъ очень богатъ. Онъ бы желалъ быть спасеннымъ, но борьба была слишкомъ тяжела для него, и требовалась слишкомъ великая жертва. Поэтому онъ и отошелъ отъ Іисуса.

На примѣрѣ этого юноши видно было, какъ сильно богатство можетъ препятствовать вступленію въ царствіе Христово. Съ печалію Іисусъ посмотрѣлъ на уходившаго молодого человѣка, котораго Онъ полюбилъ, и сказалъ ученикамъ Своимъ: „истинно говорю вамъ: трудно богатому (который надежду свою полагаетъ на богатство свое и привязываетъ къ нему свое сердце) войти въ царствіе Божіе. И еще говорю вамъ: удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царство Божіе“. Ученики устрашились этихъ словъ и робко спросили: „такъ кто же можетъ спастись?“ Іисусъ же, знаменательно посмотрѣвши на нихъ, подтвердилъ ихъ мнѣніе словами: „человѣкамъ это невозможно, но, —и этимъ Онъ опять утѣшаетъ ихъ — Богу все возможно“. (См. кн. „Земная жизнь Господа Іисуса Христа“ перев. съ нѣм. свящ. Орды).

2. Что нужно дѣлать, чтобы унаслѣдовать животъ вѣчный?

Чтобы вѣрно знать, что намъ должно дѣлать для полученія вѣчнаго живота, или вѣчнаго блаженства, безъ сомнѣнія всего надежнѣе обратить вниманіе на то, что признавалъ или предъявлялъ нужнымъ для полученія вѣчнаго блаженства Самъ Іисусъ Христосъ.

а) Іисусъ Христосъ предъявлялъ нужною для полученія живота вѣчнаго, или вѣчнаго блаженства, вѣру въ Него. Ибо такъ сказалъ Никодиму: *якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому: да всякъ, вѣруяй въ Онь, не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный. Тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ, вѣруяй въ Онь, не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный* (Іоан. III, 14—16).

б) Іисусъ Христосъ объявлялъ нужною для полученія жизни вѣчной любовь къ Богу и ближнему, именно: когда спрашивалъ Іисуса Христа законникъ: „что сотворивъ животъ вѣчный наслѣдую?“ и когда Господь спросилъ его: „въ законѣ что написано?“ а тотъ отвѣчалъ: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всея души твоея, и всею крѣпостію твоею, и всѣмъ помышленіемъ твоимъ: и ближняго своего яко самъ себе:* тогда Господь ему сказалъ: *сіе сотвори, и живъ будеши* (Лук. X, 25—28).

в) Іисусъ Христосъ предъявлялъ нужнымъ для полученія живота вѣчнаго соблюденіе всѣхъ заповѣдей Божіихъ, именно: когда нѣкоторый юноша, подобно означенному законнику, спрашивалъ Господа: *что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный?* тогда Господь ему сказалъ: *аще ли хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди* (Матѳ. XIX, 17),

г) Іисусъ Христосъ училъ, что животъ вѣчный получатъ оставляющіе или отвергающіе все, что препятствуетъ имъ прилѣпляться къ Нему всѣмъ сердцемъ. Ибо такъ Онъ сказалъ Своимъ ученикамъ: *всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада* (безъ сомнѣнія въ томъ только случаѣ, если они отвлекаютъ его отъ Христа и христіанской жизни), *или села, имене Моего ради, сторицею пріиметъ, и животъ вѣчный наслѣдитъ* (Мѳ. XIX, 29).

д) Іисусъ Христосъ предъявлялъ, что животъ вѣчный получатъ всѣ овцы, которыя внимательно слушаютъ Его слово и слѣдуютъ Ему въ жизни. Ибо такъ Онъ сказалъ: *овцы Мои гласа Моего слушаютъ, и по Мнѣ грядутъ: и Азъ животъ вѣчный дамъ имъ* (Іоан. X, 27—28).

е) Іисусъ Христосъ училъ, что животъ вѣчный получатъ всѣ достойно причащающіеся Его св. тѣла и крови. Ибо такъ Онъ сказалъ: *Азъ есмь хлѣбъ животный, сшедый съ небесе: аще кто снѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки. Ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, живъ будетъ во вѣки* (Іоан. VI, 51—54).

ж) Іисусъ Христосъ предъявлялъ еще посредствомъ святого пророка въ завѣтѣ ветхомъ, что жизнь вѣчную получатъ приносящіе истинное покаяніе. Ибо такъ сказано: *беззаконникъ аще обратится отъ всѣхъ беззаконій своихъ, яже сотворилъ, и сохранитъ вся заповѣди Моя, и сотворитъ судъ и правду и милость, жизнію поживетъ, и не умретъ* (Іезек. XVIII, 21).

з) Наконецъ, и св. апостолъ объявляетъ, что животъ вѣчный получатъ люди, дѣлающіе въ жизни добрыя дѣла; ибо такъ онъ сказалъ: Богъ *воздастъ коемуждо по дѣломъ его: овымъ убо по терпѣнію дѣла благаго, славы и чести и нетлѣнія имущимъ, животъ вѣчный* (Рим. II, 6—7).

и) Вѣчную жизнь наслѣдовать могутъ только тѣ, которые живутъ въ оградѣ православной церкви, какъ вѣрныя и послушныя ея чада. Такъ какъ Іисусъ

Христосъ, по изреченію св. ап. Павла, есть глава церкви и той есть Спаситель тѣла: то, дабы имѣть участіе въ Его спасеніи, необходимо нужно быть членомъ Его тѣла, т.-е. каѳолической церкви. Помните, братіе, что безъ послушанія св. православной церкви, безъ тѣснаго союза съ нею нельзя спастись, хотя бы кто и кровь свою пролилъ за Іисуса Христа. Помните грозныя слова Спасителя: аще же и церковь преслушаетъ (братъ твой), буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь (Мѳ. XVIII, 17). Берегитесь по сему лжеучителей, желающихъ отторгнуть васъ отъ послушанія св. церкви!

Вотъ что намъ должно дѣлать, чтобы наслѣдовать животъ вѣчный.

На вопросъ: что должно дѣлать, чтобы наслѣдовать животъ вѣчный, можно дать и другой отвѣтъ, со стороны противной, именно:

а) Вѣчнаго живота не наслѣдуютъ всѣ невѣрующіе въ Іисуса Христа; ибо, *иже не вѣруетъ въ Сына Божія,* сказалъ Іоаннъ Креститель, *не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ* (Іоан. III, 36).

б) Вѣчнаго живота не наслѣдуютъ всѣ тѣ, которые въ настоящей жизни не ходятъ узкими вратами Господнихъ заповѣдей, ибо Господь сказалъ: *узкая врата и тѣсный путь вводяй въ животъ; а пространная врата и широкій путь вводяй въ пагубу* (Матѳ. VII, 14—13).

в) Вѣчнаго живота не наслѣдуютъ всѣ безпорядочно привязанные любовію къ чему-нибудь созданному Богомъ, какъ ни было бы то намъ важно, или дорого, или любезно: ибо *иже любитъ,* говоритъ Господь, *отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. X, 37).

г) Не наслѣдуютъ вѣчнаго живота всѣ остающіеся безъ истиннаго покаянія. *Во грѣсѣ вашемъ умрете,* сказалъ Господь нераскаяннымъ іудеямъ (Іоан. VIII, 21).

д) Не наслѣдуютъ вѣчнаго живота всѣ непричащающіеся плоти и крови Господа Іисуса Христа, ибо такъ сказалъ Господь: *аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. VI, 53).

е) Наконецъ, не наслѣдуютъ живота вѣчнаго всѣ тѣ, которые, боясь трудностей, не преодолѣваютъ въ себѣ грѣховныхъ вожделѣній, но даютъ имъ дѣйствовать въ себѣ до конца жизни, и съ ними умираютъ. Ибо такъ сказалъ Господь: *побѣждаяй наслѣдитъ вся: страшливымъ же и невѣрнымъ, и сквернымъ, и убійцамъ, и блудъ творящимъ, и чары творящимъ, идоложерцемъ и всѣмъ лживымъ, часть имъ въ езерѣ горящемъ огнемъ и жупеломъ, еже есть смерть вторая* (Апокал. XXI, 7 — 8).

Вѣруйте въ Господа всѣ, кто не желаетъ потерять живота вѣчнаго! Оставьте жизнь противную Его заповѣдямъ, и живите по заповѣдямъ Его, приносите истинное покаяніе, чаще причащайтесь тѣла и крови Его; — и вы непремѣнно будете имѣть животъ вѣчный. (См. „Слова и бесѣды на всѣ воскресные и праздн. дни“ Григорія, архіеп. казан. и свіяж., т. I, стр. 315—321; сн. кн. свящ. Гр. Дьяченко: „Полный годичный кругъ краткихъ поученій“, стр. 331—332).

3. Разумна ли наша забота о „черномъ днѣ“? [1]

Мы только и думаетъ, что ѣсть, что пить, во что одѣться; только и заботимся, гдѣ взять денегъ, чѣмъ себя содержать, что будетъ съ нами завтра, послѣзавтра... И особенно въ наше грѣшное время люди какъ будто помѣшались на томъ, какъ бы побольше нажить, только у нихъ и помысловъ, только и заботы... Но къ чему такая заботливость? Разсудите сами: какой сынъ станетъ заботиться о житейскихъ нуждахъ, когда онъ находится при отцѣ, подъ родительскимъ попеченіемъ и расположеніемъ? А у насъ всѣхъ развѣ нѣтъ Отца небеснаго? Развѣ Онъ не печется о насъ? Да, воистину Онъ печется о насъ. Онъ произращаетъ хлѣбъ и всякіе плоды въ пищу нашу при малѣйшемъ нашемъ трудѣ, а иные и безъ всякаго содѣйствія нашего. Онъ и животныхъ питаетъ и поля украшаетъ цвѣтами. Если же Богъ такъ заботится о неразумныхъ тваряхъ, то неужели Онъ, Милосердый, оставитъ человѣка— это превосходнѣйшее Свое твореніе безъ Своего промышленія и попеченія? Конечно, нѣтъ. Въ житіяхъ святыхъ находится много примѣровъ того, какъ скоро Господь удовлетворяетъ нужды прибѣгающихъ къ Нему за помощію. Возьмемъ въ примѣръ преподобнаго Сергія, радонежскаго чудотворца.

Самъ преподобный Сергій никогда не заботился о завтрашнемъ днѣ и тому же училъ и братію. Но братія часто роптала на недостатки и лишенія пустынной жизни. Однажды оскудѣніе въ обители дошло до того, что братія три дня пробыла безъ пищи. Стѣсняемые голодомъ, они возроптали на преподобнаго Сергія, который запретилъ имъ выходить изъ монастыря и собирать милостыню; нѣкоторые даже рѣшились совсѣмъ оставить обитель. Тогда преподобный созвалъ всѣхъ иноковъ и началъ кротко увѣщевать ихъ, чтобы они не изнемогали въ искушеніи, не роптали, а все упованіе возложили на Господа. Потомъ въ утѣшеніе братіи сказалъ: „я вѣрую, что Богъ не оставитъ мѣста сего и живущихъ въ немъ“. И дѣйствительно, на другой же день, рано утромъ, въ монастырь было прислано отъ неизвѣстнаго благотворителя много хлѣба, рыбы и другихъ припасовъ для монашеской трапезы. Въ другой разъ недостатокъ воды возбудилъ ропотъ между братіей. Когда преподобный избиралъ мѣсто для пустыннаго безмолвія, онъ не заботился о томъ, чтобы имѣть воду по близости; ему даже пріятно было носить ее издалека, чтобы еще болѣе утруждать свою плоть. Но съ умноженіемъ братіи недостатокъ воды становился все ощутительнѣе. Братія не разъ жаловалась преподобному на недостатокъ воды... Тогда преподобный, взявши съ собою одного изъ иноковъ, пошелъ ко рву, находящемуся около самаго монастыря. Нашедши во рву немного дождевой воды, Сергій преклонилъ колѣна, усердно помолился Богу и осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ это мѣсто.—И о, чудо!—мгновенно явился во рву большой источникъ воды, который съ тѣхъ поръ и сталъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ монастыря.

---

[1] Примѣнит. къ XIX гл. еванг. Матѳея, 21 — 24 ст.

Такъ заботится Господь о вѣрныхъ Своихъ рабахъ, надѣющихся на Него! Но для насъ, грѣшныхъ, эти примѣры, повидимому, не вразумительны. Мы все продолжаемъ выбиваться изъ всѣхъ силъ, работая день и ночь, не зная отдыха даже въ праздники,—и все съ одною цѣлію, какъ бы побольше нажить, чтобы и самому спокойно прожить подъ старость и дѣтямъ оставить побольше денегъ. Короче сказать, у каждаго изъ насъ на умѣ забота о „черномъ днѣ“. Но разумна ли подобная забота? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, приводимъ разсказъ одного подвижника. „Жилъ одинъ садовникъ, по имени Іоаннъ, который трудился очень много, а денегъ не имѣлъ, такъ какъ онъ, что ни зарабатывалъ, все отдавалъ нищимъ. Но вотъ разъ онъ задумался: „а что, если я состарѣюсь, да разболѣюсь? Кто меня пріютитъ тогда? Кто будетъ кормить и поить?“ Подумалъ онъ такъ и сталъ откладывать деньги на „черный день“, сперва понемногу, а потомъ побольше, наконецъ, такъ пристрастился къ деньгамъ, что и нищимъ сталъ отказывать. Скопилъ онъ порядочно денегъ на „черный день“,—и вотъ наступилъ для него этотъ „черный день“. Открылась у него страшная рана на ногѣ. Слегъ онъ въ постель и сталъ лѣчиться у врачей. Скоро онъ всѣ свои деньги истратилъ на лѣченіе, а помощи все не было. Наконецъ, врачи прямо ему сказали, что если не отнять ноги, то онъ долженъ умереть. Какъ ни тяжело было больному лишиться ноги, но все же онъ согласился на отсѣченіе ноги... Между тѣмъ, ночью онъ раздумался, вспомнилъ свою прежнюю жизнь и сталъ каяться во грѣхахъ и просить у Бога милости и прощенія. И вотъ, является къ нему ангелъ Господенъ и говоритъ ему: „Іоаннъ! гдѣ же деньги, которыя ты собиралъ?“ Заплакалъ Іоаннъ и сказалъ: „согрѣшилъ я, Господи, прости меня, впередъ не буду копить деньги!“ Тогда ангелъ Господенъ прикоснулся къ болящей ногѣ его, и Іоаннъ выздоровѣлъ. Съ тѣхъ поръ онъ считалъ грѣхомъ копить деньги на черный день: „на что мнѣ деньги, говорилъ онъ, когда Самъ Господь заботится о мнѣ?“

Видишь, христіанинъ, насколько разумна наша забота о черномъ днѣ! Послѣ этого разсуди самъ, — нужно ли копить деньги на черный день? Чернаго дня для истиннаго христіанина и не можетъ быть, такъ какъ Господь хранитъ отъ бѣдъ Своихъ вѣрныхъ рабовъ. А если бы и случилась какая бѣда, то опять обращайся къ Господу, и Онъ не оставитъ тебя. *Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаетъ* (Пс. LIV, 23); возложи на Господа заботы твои, и Онъ поддержитъ тебя! (См. „Троицк. Лист.“ № 208).

4. Сдѣлавши добро—не кайся.

Каяться въ грѣхахъ—дѣло понятное, ибо, кто творитъ грѣхъ, тотъ и сполняетъ волю сатаны; но какъ же это можно каяться въ добромъ дѣлѣ? Вѣдь кто творитъ добро, тотъ исполняетъ волю Божію; доброе дѣло и Богу любезно, и добрымъ людямъ пріятно; значитъ, если Богъ помогъ тебѣ сдѣлать доброе дѣло,—радоваться надо, Бога благодарить надо, а не каяться... Такъ бы и должно быть; но вотъ, возлюбленные, въ чемъ бѣда наша великая: грѣхъ нерѣдко такъ овладѣваетъ сердцемъ человѣка, что заставляетъ его жалѣть о томъ добромъ дѣлѣ, какое онъ сдѣлалъ: неправда ли, какое грѣшное жалѣніе, какое богопротивное покаяніе!.. Кажется, и повѣрить бы этому трудно: но, къ несчастію, это нерѣдко бываетъ, и бываетъ конечно съ великимъ вредомъ для души.—Во дни святителя Іоанна Милостиваго, патріарха александрійскаго, былъ одинъ епископъ, по имени Троилъ, человѣкъ скупой и расчетливый. Разъ святитель Іоаннъ пригласилъ его съ собою въ больницу, навѣстить бѣдняковъ недугующихъ. Обходя болящихъ, св. Іоаннъ сказалъ Троилу: „вотъ тебѣ, отче, прекрасный случай утѣшить бѣдную братію и подать имъ милостыню.“ Троилу было стыдно отказаться отъ добраго дѣла, и онъ одѣлилъ больныхъ по золотой монетѣ, издержавъ на это тридцать златицъ. Но когда онъ вернулся домой, ему до того стало жаль этихъ денегъ, что онъ заболѣлъ и слегъ въ постель.—Между тѣмъ святитель Іоаннъ присылаетъ къ нему съ приглашеніемъ къ себѣ на обѣдъ; Троилъ отказывается, ссылаясь на нездоровье; тогда св. Іоаннъ понялъ, въ чемъ дѣло: онъ беретъ 30 златицъ, и идетъ къ болящему епископу.—„Я принесъ тебѣ деньги, которыя взялъ у тебя въ заемъ для раздачи въ больницѣ,“—говорилъ онъ Троилу: „вотъ возьми ихъ; только потрудись написать своею рукою, чтобы Господь отдалъ мнѣ ту награду, какая слѣдовала за нихъ тебѣ.“ Троилъ, увидѣвъ золото, съ радостію поднялся съ постели—и тутъ же написалъ такую расписку: „Боже Милосердный! Даждь воздаяніе господину моему Іоанну за то золото, которое я, грѣшный Троилъ, роздалъ въ больницѣ: ибо онъ мое возвратилъ мнѣ“. Отдавъ эту расписку святителю Іоанну, Троилъ забылъ свою болѣзнь и пошелъ къ Іоанну обѣдать. Скорбно было видѣть угоднику Божію такое сребролюбіе, и въ комъ же?—въ пастырѣ церкви Христовой! И вотъ, св. Іоаннъ всѣмъ сердцемъ сталъ молиться, чтобы Господь вразумилъ Троила, и Господь услышалъ его святую молитву. Въ слѣдующую ночь Троилъ увидѣлъ во снѣ прекрасный домъ, надъ дверями котораго было написано золотыми буквами: *обитель и покой вѣчный Троила епископа.* Несказанно обрадовался онъ сему видѣнію, какъ вдругъ является нѣкій грозный мужъ и говоритъ бывшимъ тутъ слугамъ: „Господь всего міра повелѣлъ стереть здѣсь имя Троила и вмѣсто его написать имя Іоанна, патріарха александрійскаго, который купилъ себѣ сей домъ за 30 златицъ. Итакъ—перемѣните надпись!“—При этихъ словахъ Троилъ проснулся и исполнился страха и жалости. Наутро онъ поспѣшилъ къ св. Іоанну; весь въ слезахъ, онъ разсказалъ первосвятителю свое видѣніе, принесъ раскаяніе въ сребролюбіи и—съ той поры сталъ ко всѣмъ щедръ и милостивъ. Такъ Господь вразумилъ скупого Троила, не попустилъ погибнуть душѣ его: видно, въ его прежней жизни и добро было, которое вотъ и помянулъ теперь Господь, по молитвамъ святителя Іоанна Милостиваго: вѣдь у Господа Бога ни одинъ вздохъ сердечный, ни одна капля слезная не останутся забытыми; Онъ, Милосердый, можетъ поставить намъ грѣшнымъ въ цѣну добрыхъ дѣлъ и тѣ скорби, какія терпимъ мы по неволѣ, за грѣхи наши — лишь бы только не роптали мы въ этихъ скорбяхъ, и каялись во своихъ грѣхахъ. А вотъ другой разсказъ, отъ котораго невольно должно бы содрогнуться самое корыстолюбивое сердце.—Одинъ житель Константинополя былъ тяжело боленъ; страшась смерти, онъ роздалъ нищимъ, какъ и Троилъ, тоже 30 золотыхъ монетъ. Богъ смиловался надъ нимъ и за его милостыню даровалъ ему здравіе. Но неразумный сталъ жалѣть потраченныхъ денегъ, и повѣдалъ свое горе одному знакомому, богатому человѣку. Тотъ уговаривалъ его — не жалѣть денегъ: „смотри, чтобы не прогнѣвать тебѣ Господа, говорилъ онъ, вѣдь Богъ за милостыню тебя почти изъ мертвыхъ воскресилъ; какъ бы не умереть тебѣ за это безъ покаянія“. Но онъ не переставалъ жалѣть о деньгахъ. Тогда знакомецъ говоритъ ему: „если уже не хочешь слушать меня, то, пожалуй, пойдемъ въ церковь; тамъ только скажи: „Господи! не я подавалъ милостыню, а вотъ этотъ человѣкъ,“ — и я тутъ же отдамъ тебѣ деньги.“—Несчастный сребролюбецъ охотно на то согласился. И вотъ, только что онъ взялъ въ руки деньги и сказалъ упомянутыя слова, какъ тутъ же, въ церкви, упалъ и умеръ... Церковнослужители предлагали его товарищу назадъ 30 златицъ послѣ умершаго, но рабъ Божій отвѣчалъ: „сохрани меня Богъ взять то, что я уже отдалъ Господу Богу! Развѣ это можно? Богъ поругаемъ не бываетъ!“—И деньги тѣ были разданы нищимъ. — Вотъ какъ совершился грозный судъ Божій надъ человѣкомъ, который не устыдился ради корысти отречься отъ того добраго дѣла, за которое самъ уже получилъ великую милость Божію! (Прологъ 10 января).

5. Пагубность сребролюбія.

Жилъ одинъ старецъ, который былъ набоженъ и строгъ въ жизни; но, къ несчастію, онъ заразился духомъ сребролюбія. Онъ жилъ близъ одного торговаго мѣста, будто для того, чтобы народъ, каждый день собираясь туда, имѣлъ вблизи наставника и отца духовнаго, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы посѣтители, возвращаясь съ торжища, приходили къ нему не съ пустыми руками. Св. Андрей, Христа ради юродивый (память коего празднуется 2 октября), однажды, идя мимо сребролюбца, увидѣлъ, по откровенію Божію, что страшный змій обвился вкругъ его шеи. Прозорливецъ смотрѣлъ съ изумленіемъ; а чернецъ, думая, что онъ, будучи однимъ изъ нищихъ, ожидаетъ милостыни, сказалъ: „Богъ дастъ!“ Святый Андрей на нѣсколько шаговъ отступилъ и увидѣлъ надъ нимъ воздушную надпись: „змій сребролюбія — корень всякаго беззаконія“. Соболѣзнуя о погибели брата, Андрей хотѣлъ было удалиться, но едва обратился вспять, какъ увидѣлъ двухъ юношей, между собою спорившихъ; одинъ былъ черенъ, съ очами мутными и свирѣпыми, а другой — прекрасенъ, какъ свѣтъ небесный; первый утверждалъ, что старецъ принадлежитъ ему, ибо, какъ второй идолослужитель, не Богу, а ему работаетъ; но другой говорилъ, что этотъ старецъ, будучи смиренъ и кротокъ, пребывая въ постничествѣ и молитвахъ, Божій слуга есть... Такъ препирались они, какъ вдругъ къ свѣтоносному юношѣ былъ гласъ небесный: „ты не имѣешь части въ старцѣ; оставь его“ — и ангелъ мгновенно удалился. Удивленный Андрей отъ жалости заплакалъ и пошелъ въ путь свой. Но сердце Андрея не могло быть спокойно: желая несчастнаго старца обратить къ истинѣ, онъ черезъ нѣсколько времени опять пошелъ мимо торжища и, увидѣвъ его, взялъ за руку. „Рабъ Божій! смотри пристально, — сказалъ онъ, — выслушай безъ гнѣва меня, раба твоего: я весьма сокрушаюсь о тебѣ, и не могу безъ ужаса помыслить, что ты, прежде этого другъ Божій, нынѣ сдѣлался слугою врага нашего спасенія. Душа твоя имѣла крылья, какъ серафимъ; зачѣмъ же непріязненному духу ты далъ обрѣзать ихъ? Ты имѣлъ образъ ангельскій: зачѣмъ восхотѣлъ быть темнообразенъ? Для чего содружился съ змѣемъ сребролюбія и грѣешь его на лонѣ твоемъ? На что собираешь сокровища? Неужели съ ними погребенъ будешь? Неусыпно собирая сребреники отъ дѣтей духовныхъ и увеселяясь ими, ты собираешь на главу твою всѣ ихъ преступленія... Какъ же съ такимъ бременемъ предстанешь страшному суду Христову? Познай, что ангелъ-хранитель твой далеко отступилъ отъ тебя и плачетъ о твоей погибели, а діаволъ куда хочетъ ведетъ тебя... Я говорю правду, послушай меня и расточи имѣніе твое нищимъ, вдовицамъ, сиротамъ и странникамъ, — въ противномъ случаѣ, злѣ погибнеши... Видишь ли діавола?“ Тогда отверзлись душевныя очи старца: черный звѣрообразный исполинъ стоялъ въ дальнемъ отъ него разстояніи и скрежеталъ зубами; но, ужасаясь святого Андрея, не смѣлъ къ нему приблизиться... Старецъ затрепеталъ отъ ужаса и едва могъ произнесть обѣщаніе жить по заповѣдямъ Господнимъ... Но едва далъ клятву, вдругъ отъ востока блеснула молнія, нечистый духъ исчезъ, и ангелъ Господень приблизился къ иноку. Такъ пагубенъ грѣхъ сребролюбія для вѣчной жизни! А вотъ примѣры того, какъ Господь караетъ сребролюбцевъ и въ этой жизни.

Святый Іона, митрополитъ московскій (мощи его почиваютъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, а память его празднуется 31 марта), былъ очень сострадателенъ къ бѣднымъ и часто раздавалъ имъ милостыню, но по большей части это дѣлалъ онъ не самъ, а довѣрялъ своимъ слугамъ. Однажды, одному слугѣ онъ далъ порядочно денегъ для раздачи бѣднымъ; но тотъ, одержимый страстію сребролюбія, одну часть денегъ роздалъ, а другую утаилъ себѣ. И пришла къ святителю одна вдова бѣдная съ жалобой на слугу, что онъ ничего не далъ ей изъ выданнаго святителемъ. Тогда св. Іона, призвавши слугу, сказалъ ему: „зачѣмъ ты оскорбилъ эту вдову, не давши ей ничего“. Тотъ сталъ отпираться, говоря, что онъ далъ ей, но она еще проситъ. Вдова же завѣряла, что онъ ничего не далъ ей. Тогда слуга вышелъ изъ себя и съ гнѣвомъ сказалъ: „пойди, умри, потому что ты лжешь“. Но святитель, видя правоту вдовы, сказалъ слугѣ: „нѣтъ, такъ не будетъ, потому что вдова говоритъ правду, а ты лжешь и воруешь; поэтому вдова эта будетъ жива, а ты умрешь". И въ тотъ же часъ сребролюбиваго слугу постигла болѣзнь, и онъ скоро умеръ.

А то вотъ разсказъ изъ обыденной жизни. Въ 1864 году въ большомъ сибирскомъ городѣ Омскѣ хлѣбъ былъ такъ дорогъ, что бѣдные люди едва не умирали съ голоду. Къ такимъ бѣднякамъ принадлежала одна вдова благороднаго сословія съ дочерью, уже взрослою. Вдова эта долгое время страдала тяжкою болѣзнью, и сама не въ силахъ была снискать себѣ пропитаніе: дочь пропитывала ее продажею своего рукодѣлія.

Бѣдныя кое-какъ перебивались въ лучшіе годы, а въ неурожайные окончательно бѣдствовали. Наступилъ великій постъ 1864 года, самый тяжелый періодъ времени этого памятнаго для сибиряковъ года. Хлѣбъ, бывшій и до того времени высоко въ цѣнѣ, чрезвычайно вздорожалъ, особенно къ посту, когда, по случаю распутицы, пріостановился привозъ его изъ деревень. Упомянутая мать съ дочерью на шестой недѣлѣ поста рѣшительно не имѣли никакой возможности купить себѣ даже полфунта хлѣба, и два послѣдніе дня этой седмицы буквально сидѣли голодныя, потому что продать или заложить было нечего; работы, а, слѣдовательно, и выручки за нее не имѣлось, итти же просить милостыню было стыдно. Но два дня, проведенные безъ куска хлѣба, способны были заглушить чувство стыдливости. И вотъ, бѣдная дочь, скрѣпя сердце, въ самое Вербное воскресенье предъ обѣдомъ пошла къ одному богатому торговцу мукою—купцу А., на семейство котораго иногда она работала, и, разсказавъ ему откровенно свое безвыходное положеніе, просила у него ради Христа дать ей муки хоть нѣсколько фунтовъ или немного печенаго хлѣба въ счетъ платы за работу, какая впослѣдствіи можетъ быть заказана ей семействомъ А. Что же сдѣлалъ этотъ богачъ? Онъ съ презрѣніемъ сказалъ: „много васъ нынѣ голодныхъ! Если всѣхъ буду кормить. то самъ, пожалуй, умру съ голоду. Идите,—откуда пришли..." Бѣдная дѣвушка, полагавшая въ помощи этого богача послѣднюю надежду на спасеніе себя и своей матери отъ голодной смерти, въ порывѣ отчаянія произнесла такія слова: „Господь васъ накажетъ за это!" и вышла. Эти слова, безъ опредѣленной цѣли вырвавшіяся изъ устъ глубоко огорченной и убитой горемъ дѣвушки, были пророческими: наказаніе Божіе жестокосердому богачу не замедлило. Послѣ ухода дѣвушки, А. съ семействомъ сѣлъ обѣдать и, ѣвши пирогъ съ рыбой, подавился костью, отчего черезъ нѣсколько часовъ умеръ. Все семейство признало въ этомъ ужасномъ событіи наказующій перстъ Божій, и вдова несчастнаго А. вскорѣ послѣ похоронъ мужа, желая искупить жестокій поступокъ его съ бѣдными сиротами, взяла ихъ обѣихъ въ домъ для пропитанія. Вотъ какъ караетъ Господь жестокосердыхъ! Да, видно, каждая слеза нашего ближняго, которую мы могли осушить, но не хотѣли, много, много значитъ въ очахъ правосуднаго Бога!

Итакъ, христіанинъ, бѣгай сребролюбія, какъ губителя и виновника всѣхъ золъ на землѣ. (См. Странникъ за 1870 г., іюнь мѣсяцъ).

6. Св. праведный Филаретъ милостивый, какъ образецъ милосердія и нестяжательности.

Св. Филаретъ, родомъ изъ Малой Азіи, былъ человѣкъ богатый и знатный. Съ раннихъ лѣтъ благочестивые родители внушили ему любовь къ Богу и закону Его. Онъ женился и съ семьей своей, женою и тремя дѣтьми, жилъ въ селеніи Амніи, въ Пафлагонской области, въ совершенномъ довольствѣ. Кажется, трудно бы было найти человѣка счастливѣе его: семья жила дружно, богатства его умножались съ каждымъ днемъ; ни печали, ни заботы не омрачали его жизни.

Какъ часто бываетъ, что, живя въ такомъ довольствѣ, человѣкъ привыкаетъ къ самоугожденію и забываетъ о бѣдныхъ, терпящихъ нужду! Но Филаретъ былъ не таковъ; „не для того Богъ далъ мнѣ богатство, говорилъ онъ, чтобы я пользовался имъ одинъ; а для того, чтобы я дѣлился съ бѣдными, съ тѣми, которыхъ на страшномъ судѣ Господь не постыдится назвать братьями Своими. Какая мнѣ польза отъ имущества, если стану отъ скупости беречь его? Поможетъ ли оно мнѣ въ день суда, который будетъ такъ страшенъ для немилостивыхъ? Будетъ ли оно мнѣ пищею и питьемъ въ грядущемъ вѣкѣ? Будутъ ли мнѣ роскошныя платья одеждою нетлѣнія? конечно, нѣтъ. Апостолъ говоритъ: „мы ничего не принесли въ міръ; явно, что ничего не можемъ и вынесть изъ него". (Тим. VI, 7).

Если же ничего изъ земного имущества нельзя вынесть отсюда, то не лучше ли отдать его Богу руками нищихъ; а Богъ не оставитъ ни меня, ни семьи моей; вѣрю я пророку Давиду, который говоритъ: „я былъ молодъ и состарѣлся, и не видалъ праведника оставленнаго, и дѣтей его просящихъ хлѣба“. (Пс. XXXVI, 25).

Разсуждая такимъ образомъ, Филаретъ такъ и дѣйствовалъ. Неимущихъ и несчастныхъ полюбилъ онъ, какъ отецъ дѣтей своихъ, и щедро раздавалъ имъ пособіе. Весь край благословлялъ его; всѣ нищіе, больные, вдовы, сироты, *странные* находили у него пріютъ, помощь и утѣшеніе.

Такъ прошло много лѣтъ. Но вотъ, угодно было Господу испытать вѣрнаго служителя Своего. Враги, измаильтяне, напали на область, въ которой жилъ добрый Филаретъ, и какъ буря и пламя опустошили ее. Они разграбили все богатство Филарета, многихъ служителей его увели въ плѣнъ, расхитили стада и завладѣли полями его. У Филарета осталось всего только слуга и служанка, домъ, въ которомъ онъ жилъ, маленькое поле, пара воловъ и лошадь. Съ этими скудными средствами только постояннымъ и упорнымъ трудомъ можно было доставить насущный хлѣбъ для пропитанія семейства. Филаретъ безропотно покорился волѣ Господней, и сталъ самъ обработывать свое поле.

Однажды онъ запрягъ воловъ своихъ и отправился на пашню. Работая, онъ славилъ и благодарилъ Господа за то, что Онъ привелъ его исполнять заповѣдь, повелѣвающую въ потѣ лица пріобрѣтать себѣ хлѣбъ, и, пославъ ему трудъ, избавилъ его отъ лѣни и праздности, столь опасныхъ для души. Въ это время другой поселянинъ работалъ въ сосѣднемъ полѣ, и вдругъ палъ у него волъ. Поселянинъ очень огорчился; онъ былъ бѣденъ, а издохшій волъ принадлежалъ сосѣду. Онъ сталъ горько плакать. „У кого мнѣ найти помощь?“ думалъ онъ. „Случись это въ прежніе годы, я пошелъ бы къ доброму Филарету, и онъ бы помогъ мнѣ, но теперь онъ самъ бѣденъ. А все-таки пойду къ нему, разскажу ему свое горе; онъ пожалѣетъ о мнѣ и поможетъ хоть добрымъ словомъ“. Онъ такъ и сдѣлалъ. Филаретъ, видя печаль его, отпрягъ одного вола своего и далъ ему. „Возьми, братъ, вола моего, продолжай свою работу и благодари Господа“, сказалъ онъ ему, а самъ отправился домой. Жена Филарета, узнавъ о случившемся, стала горько упрекать мужа. „Хочешь ли насъ съ голода уморить, говорила она, зачѣмъ отдалъ вола? Чѣмъ будешь ты обработывать свое поле? Вѣдь я знаю, что не изъ доброты, не ради Бога отдалъ ты вола, а ради себя; потому что привыкъ жить въ богатствѣ и праздности, и тебѣ лѣнь трудиться и обработывать поле. Чѣмъ мы станемъ жить?“ Съ кротостію отвѣчалъ Филаретъ на эти упреки, обнадеживалъ жену свою милостію Бога, а самъ сталъ съ сыномъ работать день и ночь, не зная почти отдыха.

Однако бѣдность росла съ каждымъ днемъ. Филаретъ лишалъ себя почти необходимаго, но отказать нищему было выше силъ его: такъ онъ отдалъ и другого вола, и лошадь; иногда снималъ съ себя одежду и отдавалъ неимущему. Жена часто бранила и упрекала его. Филаретъ говорилъ домашнимъ своимъ: „есть у меня сокровище, о которомъ вы не знаете“; но жена и дѣти не понимали его словъ. Наконецъ, дошли они до крайней нищеты и стали нуждаться въ ежедневной пищѣ. Иногда сосѣди посылали имъ, изъ сожалѣнія, хлѣба или муки; но и тутъ Филаретъ свою часть дѣлилъ съ нищими.

Богу угодно было вновь надѣлить богатствомъ добраго и кроткаго Филарета, и вотъ какъ это случилось:

Императрица Ирина, царствовавшая въ Греціи вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Константиномъ, пожелала женить его; были посланы сановники двора царскаго, чтобы со всей имперіи привести красивѣйшихъ дѣвицъ, изъ которыхъ царь могъ бы выбрать себѣ невѣсту. Посланные пришли и въ то селеніе, въ которомъ жилъ Филаретъ. Увидя издали домъ его, который былъ всѣхъ больше, они захотѣли въ немъ остановиться, но жители села сказали имъ: „этотъ домъ хотя великъ и снаружи прекрасенъ, но внутри бѣденъ и пустъ: въ немъ живетъ бѣднѣйшій человѣкъ“. Между тѣмъ Филаретъ, увидя незнакомыхъ, которые шли къ его дому, вышелъ къ нимъ навстрѣчу и сталъ ихъ звать къ себѣ, совершенно забывъ о своей нищетѣ, и радуясь, что можетъ дать пріютъ путникамъ. Они вошли, а Филаретъ, поспѣшивъ къ женѣ, велѣлъ ей готовить ужинъ.

— Что съ тобой? воскликнула она,— изъ чего намъ изготовить ужинъ? Нѣтъ ни ягненка, ни курицы въ бѣдномъ нашемъ домѣ, а о маслѣ и винѣ мы едва помнимъ, когда они были у насъ.

— Такъ по крайней мѣрѣ разведи огонь, нагрѣй воды и приготовь комнату для странниковъ; а можетъ-быть, Богъ пошлетъ намъ что-нибудь въ помощь.

Въ самомъ дѣлѣ, лишь только она начала исполнять сказанное, какъ въ дверяхъ показались старѣйшины селенія; услышавъ, что у добраго Филарета гости, и зная нищету его, они спѣшили помочь ему, кто чѣмъ могъ: одинъ несъ барашка, другой курицу, иной масла, вина и проч. Филаретъ принималъ съ благодарностью всѣ эти приношенія и радушно угостилъ странниковъ, которые разспросили его о семействѣ и узнали, что у него три молодыя внучки. Они пожелали видѣть ихъ, и такъ поражены были красотою и скромностью одной изъ нихъ, которую звали Маріею, что непремѣнно потребовали, чтобы она ѣхала въ Константинополь, и Филаретъ съ семействомъ отправился туда.

Десять молодыхъ дѣвицъ были приведены на выборъ царя: Марія, воспитанная въ смиренномудріи, не ожидала себѣ блестящей участи, тѣмъ болѣе, что одна изъ дѣвицъ, гордая красотою своею и знатностью рода, прямо говорила подругамъ своимъ: „неужели вы думаете, что царь изберетъ кого-нибудь изъ васъ? На меня навѣрное падетъ его выборъ, потому что я всѣхъ васъ красивѣе, и умнѣе, и знатнѣе“. Марія съ кротостію слушала эти рѣчи, считая себя совершенно недостойной высокаго сана. Но Господь возвышаетъ смиренныхъ, а помышленія гордыхъ сокрушаетъ. На Маріи остановился выборъ царя. Женившись на ней, онъ и всему ея семейству оказалъ милость и почетъ, а милостивому Филарету далъ богатые дома и помѣстья.

Жена Филарета и домашніе его тогда раскаялись въ своемъ прежнемъ ропотѣ и просили прощенія у Филарета. „Прости намъ“, говорили они, „что мы въ безуміи грѣшили противъ тебя и поносили щедроты и милости твои къ нищимъ и убогимъ. Что нищему дается, то дается самому Богу, и Онъ воздастъ сторицею въ этой жизни и блаженствомъ въ будущей. За добродѣтели твои возвысилъ тебя Господь и насъ вмѣстѣ съ тобою“.—Среди величія и богатства милосердный Филаретъ оставался кроткимъ и смиреннымъ, какъ и прежде, радуясь только, что могъ болѣе помогать бѣднымъ.

Однажды онъ сказалъ женѣ своей: „жена, сдѣлаемъ богатый пиръ и позовемъ царя и вельможъ его“. Жена все приготовила, думая дѣйствительно роскошнымъ обѣдомъ угостить царя и вельможъ, а Филаретъ между тѣмъ пошелъ звать гостей. Въ назначенный день множество бѣдныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ, убогихъ, собралось къ нему въ домъ; онъ вышелъ имъ навстрѣчу, радушно принялъ ихъ, и самъ съ семействомъ служилъ имъ. Видѣвшіе это поняли тогда, что онъ дѣйствительно принималъ Царя небеснаго въ лицѣ нищихъ и убогихъ; ибо Господь Іисусъ Самъ сказалъ: „что сдѣлали вы одному изъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то Мнѣ сдѣлали“. (Матѳ. XXV, 40). Они говорили между собой: „воистину этотъ человѣкъ весь Божій и настоящій ученикъ Христа, сказавшаго: „научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ“ (Матѳ. XI, 29). Филаретъ, отпуская бѣдныхъ, далъ каждому по золотому. На дѣла милосердія Филаретъ употреблялъ богатство, данное ему царемъ, который, любя его, охотно поручилъ бы ему и важную должность, но Филаретъ удалялся отъ земного величія и хранилъ въ сердцѣ глубокое смиреніе. Онъ часто говорилъ: „благодарю и хвалю Бога моего, Который воздвигъ меня нищаго отъ гноища и вознесъ на такую высоту, чтобы быть дѣдомъ царицы, этого съ меня и довольно; болѣе мнѣ ничего не нужно“.

Доживъ до глубокой старости, Филаретъ получилъ отъ Бога извѣщеніе, что приближается кончина его; онъ заказалъ себѣ гробъ, роздалъ нищимъ деньги, которыя имѣлъ у себя, и когда слегъ въ постель, то, призвавъ къ себѣ жену, дѣтей и внуковъ, объявилъ имъ о близкой своей кончинѣ. Они стали неутѣшно плакать, онъ же радостно и спокойно всѣхъ благословилъ и сказалъ имъ: „вы знаете и видѣли, дѣти мои, жизнь мою. Господь далъ мнѣ сперва великое богатство; потомъ испыталъ нищетою; и видя, что я терпѣливо и безропотно переношу посланное, вновь возвысилъ меня земною славою и посадилъ съ царями и сильными міра сего. Но я болѣе богатства своего не хранилъ въ сундукахъ, а черезъ бѣдныхъ и немощныхъ посылалъ его къ Богу. Прошу и васъ, возлюбленные, не щадите скоротекущаго богатства міра сего, но посылайте его въ иной міръ, куда я уже отхожу. Прошу васъ, не забывайте страннолюбія, заступайтесь за вдовицъ и сиротъ, посѣщайте больныхъ и заключенныхъ въ темницахъ, не оставляйте собраній церковныхъ, чужого не берите, никого не обижайте, не злословьте, не радуйтесь несчастію ни друзей, ни враговъ, совершайте память по умершимъ, и меня, грѣшнаго, въ молитвахъ не забывайте“.

Послѣ этого, сказавъ еще каждому изъ внуковъ нѣсколько поучительныхъ и пророчественныхъ объ ихъ судьбѣ словъ и помолившись о всѣхъ своихъ и о всемъ мірѣ, онъ съ просіявшимъ лицомъ запѣлъ псаломъ: „милость и судъ воспою Тебѣ, Господи“, потомъ сталъ читать молитву Господню, и при словахъ: „да будетъ воля Твоя!“ предалъ душу Богу. Лицо его и по смерти сохранило выраженіе радостнаго спокойствія, которое до глубокой старости придавало ему необычайную красоту. Когда вѣсть о кончинѣ его разнеслась по странѣ той, она возбудила всеобщее горе; царь и вельможи и великое множество нищихъ съ плачемъ сопровождали до могилы тѣло милостиваго Филарета.

Одинъ сродникъ блаженнаго Филарета, черезъ день по его кончинѣ, видѣлъ дивный сонъ. „Я видѣлъ“, разсказывалъ онъ, „будто я перенесенъ въ невѣдомое мѣсто, и мужъ свѣтлый указываетъ мнѣ рѣку огненную, которая шумомъ своимъ устрашаетъ меня. А за огненной рѣкой видится мнѣ рай свѣтлый и радостный. Тамъ сладкое благоуханіе наполняетъ воздухъ, тихій вѣтеръ колеблетъ прекрасныя деревья, покрытыя плодами и цвѣтами. ‚Нѣтъ словъ, чтобъ описать всѣ блага которыя Господь тамъ приготовилъ для любящихъ Его. Тамъ увидѣлъ я праведныхъ, облеченныхъ въ бѣлыя одежды и наслаждающихся благами небесными. Между ними былъ одинъ старецъ, котораго я вдругъ не узналъ. Онъ сидѣлъ на престолѣ золотомъ: съ одной стороны окружали его дѣти новопросвѣщенныя, держа въ рукахъ свѣчи, съ другой — множество нищихъ толпилось, чтобы подойти къ нему поближе. И я спросилъ у одного юноши: „кто сей старецъ, сидящій на престолѣ посреди этихъ пресвѣтлыхъ мужей? Не Авраамъ ли?“ А онъ мнѣ въ отвѣтъ: „это Филаретъ Амнійскій, который за любовь свою къ нищимъ и убогимъ и за чистое и праведное житіе, какъ второй Авраамъ, водворяется здѣсь“. Филаретъ, тутъ увидѣвъ меня, началъ звать къ себѣ. „Пріиди сюда“, говорилъ онъ, „да и ты тѣ же блага получишь“. А я ему: „не могу, о преблаженный, рѣка огненная мѣшаетъ мнѣ чрезъ нее путь узокъ и мостъ неудобенъ“. Онъ же говоритъ мнѣ: „дерзай и безбоязненно иди; ибо всѣ, кто здѣсь, тѣмъ же путемъ шли, и нѣтъ пути другого“. Съ этими словами онъ протянулъ мнѣ руку, и я безопасно прошелъ чрезъ рѣку. Но едва коснулся руки его, какъ чудный сонъ исчезъ, и я, проснувшись, опечалился, думая, какъ я перейду рѣку огненную и достигну райскихъ селеній“. (По Ч. М. 1 декабря).

7. Разсказы о подвигахъ благочестія святыхъ, шедшихъ узкимъ путемъ въ царствіе небесное.

I. Александрійскій еп. Θеофилъ (кон. IV и нач. V в.) разсказываетъ, что нѣкто Аммоній, нитрійскій *аскетъ* [1]) или инокъ, для усмиренія плотской страсти *выжигалъ себѣ раны на различныхъ частяхъ тѣла* и время отъ времени подновлялъ ихъ посредствомъ раскаленнаго желѣза. Другой нитрійскій монахъ, св. Макарій александрійскій или младшій, въ продолженіе шести мѣсяцевъ *лежалъ обнаженный среди скитскаго болота, отдавая себя на терзаніе ядовитымъ комарамъ*. Подобное же блаж. Θеодоритъ говоритъ о знаменитомъ столпникѣ св. Симеонѣ. Этотъ послѣдній въ продолженіе долгаго времени позволилъ кусать себя двадцати червямъ, необыкновенно большимъ и ядовитымъ, чтобы „малыми подвигами пріучить себя къ упражненію въ большихъ“.

---

[1]) *Примѣч.* Подъ именемъ *аскета* обыкновенно разумѣютъ подвижника или монаха, а подъ именемъ аскетизма — упражненія того же подвижника или монаха въ дѣлахъ, ведущихъ къ самоумерщвленію плоти — понятіе слишкомъ ограниченное и одностороннее; подъ именемъ аскета нужно разумѣть *всякаго христіанина*, употребляющаго тѣ или другія средства въ борьбѣ съ грѣховными влеченіями своей плоти, а подъ именемъ аскетизма совокупность всѣхъ тѣхъ характеристическихъ средствъ, помощію которыхъ христіанинъ поставляетъ себя на путь добродѣтели.

Аскетизмъ и добродѣтель — въ нѣкоторомъ родѣ понятія, совпадающія одно съ другимъ по своему содержанію. Какъ въ классической литературѣ, такъ и у древнихъ св. отцовъ церкви подъ аскетизмомъ (ἄσκησις) понималось сознательное и цѣлесообразное примѣненіе тѣхъ средствъ, которыя вели къ добродѣтели. Аскетизмъ, въ особенности по употребленію этого слова св. отцами, есть такое упражненіе, которое *вело къ достиженію нравственнаго совершенства, къ осуществленію идеала добродѣтели въ дѣйствительной нравственной жизни.*

II. Въ началѣ появленія монашества такіе великіе мужи, какъ св. Антоній, св. Иларіонъ и др. патріархи монашеской жизни, *носили постоянно власяницу на голомъ тѣлѣ* и находили себѣ подражателей. Впослѣдствіи примѣры этого рода встрѣчаются рѣже; только у такихъ лицъ встрѣчаемъ ношеніе власяницы, которыя отличались особымъ подвижническимъ терпѣніемъ. Къ числу такихъ подвижниковъ принадлежатъ—греческій св. Ѳеодоръ Трихина, т.-е. волосатый, коего память празднуется 20 апр.; извѣстный Мартинъ, еп. турскій, умирая и вознося свои послѣднія молитвы къ Богу, одѣтый во власяницу, говорилъ окружающимъ его ученикамъ: „христіанинъ не иначе долженъ умирать, какъ во власяницѣ и на пеплѣ“. Также примѣры великихъ подвижниковъ въ средѣ монашества, — св. Антонія, св. Иларіона, умершихъ во власяницѣ, содѣйствовали широкому распространенію того обычая, о которомъ у насъ рѣчь.

III. Въ исторіи древняго и новаго монашества, а также въ разсказахъ о различныхъ путешествіяхъ ко св. мѣстамъ, о крестныхъ ходахъ, извѣстенъ еще одинъ видъ аскетическаго самоумерщвленія, о которомъ теперь и поведемъ рѣчь. Разумѣемъ *босоножіе или самолишеніе обуви*. Босоножіе основывалось прежде всего на нѣкоторыхъ очень извѣстныхъ примѣрахъ изъ вет. завѣта; такъ Моисею приказано было снять обувь (Исх. III, 5); Давидъ босой спасается бѣгствомъ отъ Авессалома (2 Цар. XV, 30), а Исаіи повелено было снять сандаліи (XX, 2, 4). Въ христіанской древности встрѣчаемъ какъ увѣщанія къ босоножью, такъ и примѣры того же рода. Уже Климентъ александр. въ числѣ нравственныхъ предписаній, необходимыхъ для мужчины, поставляетъ и совѣтъ ходить безъ обуви. Онъ высказываетъ мнѣніе, что самое приличное дѣло для мужчины совсѣмъ не носить обуви, за исключеніемъ военной службы, такъ какъ привязываніе къ ногамъ сандалій есть, по его сужденію, дѣло постыдное и унизительное, признакъ рабства, подобно тому, какъ постыдны „цѣпочки на ногахъ женщинъ,“ противъ которыхъ вооружался еще прор. Исаія (III, 16—18). И дѣйствительно, объ ученикѣ Климента Оригенѣ извѣстно, что онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ ходилъ босой. Другія основанія для босоножья представляетъ извѣстный описатель жизни древнихъ монаховъ — Кассіанъ римлянинъ. Онъ находитъ такія основанія для монаховъ въ евангеліи. Онъ указываетъ, что босоножье предписываетъ Самъ І. Христосъ Своимъ апостоламъ (Лук. X, 4; Мѳ. X, 10), хотя І. Христосъ только воспрещаетъ апостоламъ брать съ собою запасную обувь, повелѣвая довольствоваться простою обувью (Мр. VI, 9).

IV. Подобно тому, какъ нѣкоторые изъ аскетовъ христіанскихъ отказывали себѣ въ обуви, иные изъ нихъ считали возможнымъ обходиться *безо всякой одежды*, необходимой для покрытія тѣла. Въ исторіи христіанства подобные примѣры встрѣчаются не часто. Вполнѣ нагими ходили отшельники такъ называемой скитской пустыни въ Египтѣ; при взглядѣ на нихъ преп. Макарій египетскій вынесъ для себя то назиданіе, что при всей суровости своей жизни онъ еще не дошелъ до той степени въ самолишеніяхъ, до какой дошли эти отшельники. Встрѣчались также и отдѣльные примѣры обнаженныхъ аскетовъ, которые или жили въ пещерахъ, или же подъ открытымъ небомъ. Сульпицій Северъ говоритъ объ одномъ пустынникѣ синайской горы, что онъ не имѣлъ другого покрова въ продолженіе „50 лѣтъ“, кромѣ того, какой доставляли ему его собственные длинные волосы. Нѣчто подобное извѣстно о подвижникахъ Онуфріи и Софроніи. Гораздо многочисленнѣе и поучительнѣе примѣры *крайней аскетической скудости въ одеждѣ, какой умѣли довольствоваться подвижники христіанскаго общества*. Уже со временъ глубокой христіанской древности раздаются сильные и непрестающіе голоса, ратующіе за возможную простоту и безпритязательность въ одеждѣ. Такіе знаменитые писатели древней церкви, какъ Климентъ александрійскій и Тертулліанъ карѳагенскій въ своихъ сочиненіяхъ, можно сказать, начертали стройныя правила библейско-созерцательной аскетики. Климентъ рекомендуетъ предпочитать простую бѣлую одежду всякой другой, потому что въ бѣлое одѣты ангелы и св. люди на небѣ (Апок. VI, 2; XIX, 8); онъ предостерегаетъ отъ пестрыхъ и цвѣтныхъ одеждъ, потому что такія одежды болѣе ласкаютъ взоръ, чѣмъ служатъ какой-либо практической потребности, и потому что простота есть лучшее отображеніе христіанской святости и истинности. Въ ветхомъ завѣтѣ уже запрещены были пестрыя и смѣшанныя изъ различныхъ нитей одежды. Шелковыя матеріи совершенно неприличны христіанину не только потому, что это совершенно безполезное издѣліе, но и потому, что шелкъ—продуктъ червей, служащихъ символомъ непостоянства и перемѣнчивости духовнаго расположенія. Жемчугъ христіанинъ совсѣмъ не долженъ употреблять, потому что само слово Божіе уподобляется драгоцѣнному жемчугу (Мѳ. VII, 6; XIII, 45), потому что двери небеснаго Іерусалима состоятъ изъ двѣнадцати жемчужинъ, и потому что сама природа хотя не запрещаетъ, однако сильно затрудняетъ употребленіе жемчуга и золота, скрывъ первый подъ водой, а второе подъ землей. Носить фальшивые волосы, что дѣлаютъ женщины, неприлично и совершенно отвратительно, ибо носить чужіе волосы на своей головѣ такъ же мерзко, какъ и имѣть обритую голову. И на кого въ такомъ случаѣ будетъ возлагать священникъ свою благословляющую десницу? Не будетъ ли онъ благословлять чужую голову, когда будетъ касаться своей рукой такихъ волосъ у колѣнопреклоненной женщины, которые ей не принадлежатъ? Также христіанину не слѣдуетъ украшать головы своей вѣнками изъ цвѣтовъ, ибо онъ не долженъ любить противоположное тому, чѣмъ украшена глава Спасителя, а Его глава носила на себѣ терновый вѣнецъ. Вообще человѣкъ, заботящійся о внѣшнихъ украшеніяхъ, но не достаточно пекущійся о внутренней чистотѣ и красотѣ, уподобляется капищамъ египетскимъ, которыя хотя снаружи и блистали роскошью, но внутри были наполнены кошками, крокодилами и другими отвратительными животными, служившими для поклоненія язычниковъ. — Въ IѴ и началѣ Ѵ вѣка, блаж. Іеронимъ и св. Златоустъ также преподаютъ много мудрыхъ совѣтовъ касательно одежды христіанина. Блаж. Іеронимъ даетъ уже опредѣленныя предписанія о томъ, какъ должны одѣваться монахи или аскеты. Онъ требуетъ, чтобы монахи и монахини носили бѣдныя, грубыя и темныя платья, предостерегая впрочемъ отъ грязныхъ и неряшливыхъ одеждъ, какъ хвастовства бѣдностію. Св. Златоустъ съ своей стороны обличаетъ тѣхъ, кто выставлялъ на видъ свою, такъ сказать, искусственную простоту въ платьѣ. Ибо нѣкоторыя лица, хотя подъ предлогомъ простоты, и носили узкую, черную нижнюю одежду, того же цвѣта плащи и обувь, но при этомъ старались копировать собою нѣкоторыхъ лицъ, изображенныхъ на древнихъ картинахъ. Взамѣнъ того, онъ хвалитъ свою вѣрную ученицу, богатую вдову Олимпіаду, ея бѣдное одѣяніе, за то, что она по внѣшности ничѣмъ не отличалась отъ самыхъ бѣдныхъ людей.

Ѵ. Въ настоящемъ ряду разсказовъ объ аскетизмѣ, въ которомъ рѣчь шла о такихъ формахъ плотского самоумерщвленія, какъ босоножіе, полное или неполное обнаженіе, весьма кстати сообщить свѣдѣнія о томъ аскетическомъ *обычаѣ, который состоитъ непосредственно въ борьбѣ съ чувствомъ холода и въ пріученіи себя къ перенесенію самой ужасной стужи.* Простѣйшій и болѣе обыкновенный способъ борьбы съ чувствомъ холода или зимней стужей состоитъ въ постоянномъ нарочитомъ нетопленіи комнатъ, хотя бы на воздухѣ былъ морозъ. Подобное обыкновеніе встрѣчается въ исторіи аскетизма очень рано. Такъ блаж. Ѳеодоритъ объ Авраамѣ, епископѣ въ Карахъ (400 г.), говоритъ, что онъ употребленіе огня считалъ излишнимъ для какой-бы то ни было цѣли. Самый смѣлый и самый тяжелый видъ принимаетъ борьба съ неблагопріятнымъ вліяніемъ вѣтровъ и непогоды въ томъ случаѣ, когда аскетъ въ продолженіе многихъ дней или даже на всю жизнь остается безъ всякаго крова, подъ открытымъ небомъ. Этотъ видъ аскетизма, какъ и естественно, встрѣчаемъ на востокѣ, гдѣ климатъ, по крайней мѣрѣ въ большую часть года, благопріятствуетъ такого рода жизни или значительно облегчаетъ его. Въ исторіи подвижниковъ древней церкви находимъ многихъ отшельниковъ въ Сиріи, Палестинѣ, Аравіи, Месопотаміи, о которыхъ говоритъ блаж. Ѳеодоритъ, и которые, по его разсказу, или стояли на столпахъ, или же собственно пустынножительствовали по примѣру Іоанна Крестителя (Лук. I. 56; II, 3), или пребывали въ цистернахъ (т.-е. вмѣстилищахъ для воды) и въ открытыхъ, не представляющихъ никакой защиты пещерахъ, или, наконецъ, поселялись на подверженныхъ холоду скалахъ и горныхъ вершинахъ, открытыхъ для всякихъ перемѣнъ погоды. Многіе изъ этихъ анахоретовъ (отшельниковъ) проводили подобную жизнь болѣе или менѣе долгое время, нѣкоторые всю жизнь. У блажен. Ѳеодорита можно находить подобные разсказы даже о благочестивыхъ женщинахъ, напримѣръ, Маринѣ и Кирѣ, носившихъ желѣзныя рубашки. По разсказу другихъ писателей, св. Марія египетская оставалась безъ всякаго крова болѣе 47 лѣтъ, живя въ дикой пустынѣ. — Даже въ позднѣйшее время этотъ родъ аскетизма сохранился въ значительной мѣрѣ. Въ сочиненіяхъ Евстафія ѳессалоникійскаго встрѣчаемъ указанія на многочисленныхъ аскетовъ, жившихъ внѣ крова, — онъ упоминаетъ о столпникахъ, о живущихъ на деревьяхъ, о обитателяхъ пещеръ и т. п.

VI. *Посты составляютъ одинъ изъ отличительнѣйшихъ признаковъ аскета.* Постъ заключается, какъ извѣстно, не въ томъ только, что извѣстное лицо воздерживается отъ извѣстныхъ родовъ пищи или употребляетъ пищу въ самомъ умѣренномъ количествѣ, но и въ томъ, что съ этимъ родомъ воздержанія соединяется отреченіе отъ всякихъ крѣпительныхъ и пріятныхъ напитковъ, (само-собой разумѣется — отъ всякой животной пищи) и вообще отъ всего, что можетъ услаждать чувство вкуса. Приступаемъ къ описанію постовъ и постничества въ христіанствѣ. Св. Пахомій, основатель общежительнаго монашества, послѣдуя примѣру своего учителя Палемона, питался только хлѣбомъ съ солію, не употребляя масла (а если и разрѣшалъ себѣ на масло въ праздничные дни, то смѣшивалъ его съ пылью или пепломъ); тѣмъ не менѣе былъ довольно снисходителенъ къ подчиненнымъ ему монахамъ. Запретивъ имъ употребленіе вкусныхъ и аппетитныхъ блюдъ, а также вина, Пахомій установилъ, чтобы братія имѣли ежедневно пищу, приготовленную на огнѣ, чтобы они имѣли достаточное количество хлѣба, вообще заботился, чтобы монахи имѣли достаточную силу для полевыхъ и ручныхъ работъ. Однажды, когда Пахомію сдѣлалось извѣстно, что монахи одного основаннаго имъ общежитія, ради большаго подвига, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ не имѣли за столомъ горячей пищи, вслѣдствіе чего монастырскій поваръ, пользуясь досугомъ, приготовилъ для продажи не менѣе 500 ручныхъ издѣлій, то Пахомій сильно разгнѣвался на отступленіе отъ его предписаній, — всѣ издѣлія повара сжегъ на глазахъ изумленныхъ монаховъ и обратился къ нимъ съ сильнымъ обличительнымъ словомъ. Онъ говорилъ имъ, что гораздо легче и удобнѣе отказаться отъ пищи, которой не готовятъ и не ставятъ на столъ, чѣмъ наблюдать умѣренность, когда достаточная и хорошая пища предлагается для насыщенія человѣка. Только въ четыредесятницу монахи должны были питаться болѣе скудною пищею, и нѣкоторые монахи въ это время, какъ напримѣръ, монахи въ Тавеннѣ, не ѣли по два или по три дня и даже по пяти подъ рядъ. Мясо монахамъ было совершенно запрещено, но оно и не составляло большой необходимости въ жаркомъ Египтѣ. Хлѣбъ составлялъ главную пищу монаховъ. Въ день монахамъ давалось по два хлѣбца, которые, по свидѣтельству Кассіана, вѣсили 1 фунтъ или 12 унц., слѣдовательно каждый хлѣбецъ былъ вѣсомъ 12—14 лотовъ. (Нужно помнить, что древній фунтъ былъ меньше теперешняго фунта: древній фунтъ заключалъ въ себѣ 12 унцій или 24 лота, а не 16 унцій, какъ теперешній). Одинъ изъ такихъ хлѣбцевъ съѣдался около 3-хъ часовъ по полудни, а другой по захожденіи солнца. Въ постные дни монахамъ выдавалась только вечерняя порція. Болѣе строгіе изъ монаховъ довольствовались однимъ хлѣбцемъ въ день, а иные изъ таковыхъ старались съѣдать и того менѣе: такъ св. Макарій александр. въ продолженіе 3-хъ лѣтъ съѣдалъ въ каждый день отъ 10 до 8 лотовъ хлѣба. Св. Иларіонъ, начиная отъ 31 года своей жизни до 35 года, не ѣлъ болѣе 12 лотовъ ячменнаго хлѣба ежедневно. Для Маркіана кирскаго на Евфратѣ обычную ежедневную порцію хлѣба составляла четверть фунта или только 6 лотовъ. Довольно умѣренныя требованія касательно поста монаховъ высказываетъ Василій В., который, какъ извѣстно, въ своихъ правилахъ для монаховъ далъ образецъ монашеской жизни для всего православнаго востока. Строго предписывая воздерживаться отъ мяса, а по временамъ и отъ рыбы, масла, вина (напримѣръ, въ четыредесятницу и другіе дни поста), Василій является поборникомъ того правила, что степень пощенія нужно соразмѣрять съ состояніемъ здоровья и съ тѣми трудами, какими занимается монахъ. Онъ предписываетъ избѣгать всего, что можетъ повредить здоровью, всякаго избытка въ пищѣ и слишкомъ большихъ лишеній въ ней. Греческіе монастыри послѣдующихъ временъ, вѣрно слѣдуя примѣру Василія, никогда не вводили у себя слишкомъ строгихъ предписаній касательно пищи.

Доселѣ мы говорили о монашескихъ постахъ, положенныхъ различными монашескими уставами, слѣдовательно принудительныхъ. Отъ этихъ постовъ слѣдуетъ отличать *посты произвольные отдѣльныхъ аскетовъ*. Какъ произвольные, они очень разнообразны. Церковная исторія сохранила много поучительныхъ свѣдѣній о постахъ подобнаго рода. Св. Антоній во время пребыванія въ пустынѣ претерпѣвалъ сильныя нападенія со стороны своего тѣла, не хотѣвшаго вполнѣ подчиняться его духу; средствомъ въ борьбѣ съ грѣховными пожеланіями былъ для него усиленный постъ. Въ указываемое время его подвижничества онъ жилъ то въ полуразрушенной крѣпости, то въ заброшенной пещерѣ, служившей нѣкогда для погребенія покойниковъ; единственной пищей его были хлѣбъ и вода, которые онъ вкушалъ обыкновенно разъ въ день по захожденіи солнца, а иногда черезъ 2 и даже 4 дня; тѣмъ и другимъ, хлѣбомъ и водой, онъ запасался впередъ на цѣлые полгода. Ученикъ Антонія, св. Иларіонъ руководился въ своей собственной жизни такою мыслію: „чтобы укротить осла, т.-е. собственное тѣло, для этого нужно кормить его не ячменемъ а мякиною“. Иларіонъ довольствовался пищею самою неприхотливою, принимая ее чрезъ нѣсколько дней, и, наконецъ, достигъ того, что ему довольно было вкушать пищу разъ въ недѣлю. О св. Макаріи египетскомъ исторія разсказываетъ много поучительнаго. Такъ, она разсказываетъ о той мужественной борьбѣ, какую онъ велъ съ чувствомъ жажды. Своему ученику Евагрію, просившему у него воды, такъ какъ Евагрій изнемогалъ подъ палящими лучами южнаго солнца, Макарій сказалъ: „довольно съ тебя, что ты имѣешь тѣнь, которой лишены многіе путешественники и мореплаватели. Подумай, сынъ мой, вотъ я уже болѣе 20 лѣтъ никогда не высыпаюсь и не ѣмъ досыта хлѣба, и не пью вдоволь воды. Во все это время я ѣмъ хлѣбъ въ опредѣленной мѣрѣ, воду пью тоже въ опредѣленной мѣрѣ, сну посвящаю лишь немного времени, потому что я засыпаю стоя, прислонившись къ стѣнѣ“. Подвижникъ Арсеній, чтобы не доставлять удовольствія чувству обонянія, которое у него было тонко и развито, не употреблялъ другой воды, кромѣ вонючей, въ какой онъ размачивалъ свой сухой хлѣбъ и пальмовые листья. Также Постумій такъ мало заботился объ удовлетвореніи чувства жажды, что у него высохъ и растрескался языкъ. Іоаннъ Мосхъ разсказываетъ, что одинъ монахъ въ продолженіе трехъ лѣтъ настолько воздерживался отъ питья, что, наконецъ, впалъ въ горячку. — Другіе аскеты выражали свое подвижничество въ томъ, что они воздерживались отъ всякаго хлѣба. Такъ поступали Авраамъ каррскій и Евагрій, такъ дѣлалъ Иларіонъ. Послѣдній подъ старость, отъ 64 по 80 годъ своей жизни, питался только кочанными листьями, немного посыпанными мукой. А Посидоній ѳиваидскій и монахъ Аласъ лишали себя хлѣба въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, — первый въ продолженіе 40, а второй 80-ти. Палладій разсказываетъ о нѣкоемъ Іоаннѣ, что онъ до 90-го года питался лишь древесными плодами и никогда не употреблялъ пищи, приготовляемой на огнѣ. Другіе подвижники показывали свое воздержаніе въ томъ, что они хотя имѣли предъ глазами пищу, но старались какъ можно долѣе не вкушать ея, пріучая себя какъ бы совсѣмъ не обращать вниманія на пищу. Такъ поступалъ Павелъ препростый. Елпидій въ теченіе 25 лѣтъ вкушалъ пищу только по субботамъ и воскресеньямъ; поэтому на видъ онъ казался скелетомъ изъ кожи и костей. Св. Февронія ѣла по немножку въ два дня одинъ разъ. Св. Евфросія или Евпраксія, дочь сенатора Антигона, сначала постилась два дня въ недѣлю, потомъ четыре, наконецъ, шесть съ цѣлію побѣдить лукаваго, искушавшаго ее въ сонномъ состояніи. Св. Савва, жившій въ пещерѣ близъ Едессы, наконецъ, достигъ того, что могъ принимать пищу только разъ въ недѣлю, и при томъ пищу самую скудную, состоящую изъ просяного хлѣба съ водою и солью. Нѣкто отшельникъ Іоаннъ цѣлыхъ 3 года ни ложился, ни садился, а только стоялъ, а силы свои подкрѣплялъ евхаристіей, которую принималъ каждую субботу.

Не можемъ не упомянуть здѣсь о подвигахъ нашего русскаго препод. Іоанна затворника. Изумительны подвиги этого подвижника. „Истинно блаженъ посвятившій себя, пишетъ Поликарпъ, волѣ Божіей и сохранившій заповѣди Его непорочныя, соблюдшій тѣло и душу безъ оскверненія плотскаго и душевнаго; я говорю объ Іоаннѣ преподобномъ, затворившемъ себя въ узкомъ мѣстѣ пещерномъ. Тридцать лѣтъ пробылъ онъ въ великомъ воздержаніи, удручая тѣло свое крѣпкимъ постомъ, нося желѣзы на всемъ тѣлѣ“. Въ началѣ три года сряду проводилъ онъ по два и по три дня безъ пищи, а иногда и цѣлую недѣлю; тяжелыя желѣза на тѣлѣ усиливали тяжесть голода и жажды, но страсть плотская не потухала. Онъ пошелъ въ пещеру пр. Антонія и въ ней пробылъ день и ночь, молясь у гроба его. Святый возвѣстилъ ему: „Іоаннъ, Іоаннъ! тебѣ надобно затвориться здѣсь, чтобы по крайней мѣрѣ невидѣніемъ и молчаніемъ ослаблять брань;—Господь поможетъ тебѣ молитвами святыхъ“. И Іоаннъ затворился въ самой тѣсной и темной пещерѣ; брань не умолкала; 30 лѣтъ проведены въ сей пещерѣ и тридцать лѣтъ были временемъ борьбы мучительной. Не зная, что сдѣлать съ собою, Іоаннъ рѣшился на подвигъ еще болѣе тяжкій: выкопалъ яму, сѣлъ по перси и засыпалъ себя землею. Въ такомъ положеніи пробылъ весь великій постъ; ноги его горѣли, жилы корчились, жаръ пожиралъ внутренность; Іоаннъ радовался духомъ, не чувствуя грѣховнаго огня. Только страшное видѣніе привело его въ ужасъ. „Господи, Боже мой! вскую мя еси оставилъ? ущедри мя, яко Ты еси единъ человѣколюбивый“, молился страдалецъ. И когда окончилъ молитву, возсіялъ свѣтъ, и страшный змѣй, дотолѣ готовый пожрать его, исчезъ, и онъ услышалъ голосъ: „вотъ помощь тебѣ, Іоаннъ; но внимай себѣ, чтобы не случилось съ тобою горшее. По силѣ терпѣнія твоего попущено тебѣ, да выжженъ будешь, какъ злато; крѣпкимъ и сильнымъ слугамъ назначаетъ господинъ тяжелую работу, а немощнымъ и слабымъ плохую и легкую“. О такихъ подвигахъ говорилъ самъ пр. Іоаннъ одному брату, находившемуся въ сильномъ уныніи („Исторія рус. церкви“, архіепископа Филарета Гумилевскаго, пер. 1-й, стр. 244—245).

О св. Маріи египетской, которую церковь восточная представляетъ образцомъ постничества, извѣстно слѣдующее: пребывая въ восточно-іорданской пустынѣ, она въ продолженіе трехъ лѣтъ пропитывалась взятыми ею съ собою хлѣбами, и затѣмъ цѣлыхъ 40 лѣтъ питалась только злаками и водой, какіе доставляла ей пустыня. Когда ее, считавшуюся уже давно умершею, встрѣтилъ благочестивый монахъ Зосима и предложилъ пищу, то она въ состояніи была съѣсть лишь 3 чечевичныхъ зерна, такъ какъ она совсѣмъ отвыкла отъ обыкновенной человѣческой пищи.

Съ точки зрѣнія современной физіологической науки разсказы о продолжительномъ постѣ подвижниковъ не представляютъ ничего невѣроятнаго. Физіологія утверждаетъ, что человѣкъ, какъ и многія животныя, напр., собаки, лошади, если давать имъ пить воду и не заграждать доступъ воздуху, можетъ жить безо всякой пищи нѣсколько дней и даже недѣль. Одинъ преступникъ въ Тулузѣ, захотѣвшій уморить себя голодомъ, но пившій воду, умеръ только на 63-й день своего поста. Извѣстно также изъ свидѣтельствъ самыхъ правдивыхъ путешественниковъ по Индіи, что иные изъ индійскихъ аскетовъ дѣйствительно поддерживаютъ себя только водой и воздухомъ. Примѣръ сорокадневнаго поста былъ показанъ врачомъ Таннеромъ, о чемъ сообщены извѣстія во всѣхъ газетахъ.

VII. Рядомъ съ постничествомъ *безбрачная или дѣвственная жизнь составляетъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ аскета*. О томъ, кто строго постится или ведетъ дѣвственную жизнь, обыкновенно говорятъ, что это аскетъ. Дѣйствительно, безбрачіе или дѣвственность—одинъ изъ самыхъ трудныхъ подвиговъ въ числѣ другихъ аскетическихъ самолишеній.

Среди аскетовъ существовалъ обычай—усмирять внутренній жаръ своихъ страстей посредствомъ холода, для чего прибѣгали къ холодной водѣ, льду и снѣгу. Сюда же принадлежитъ стремленіе нѣкоторыхъ аскетовъ смирять свои вожделѣнія посредствомъ лежанія на терновникѣ, волчцахъ и въ крапивникѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи замѣчательный примѣръ представляетъ св. Бенедиктъ, который, желая изгнать изъ воображенія образъ прекрасной женщины, вошелъ въ чащу терновника и изранилъ себя со всѣхъ сторонъ. Дальнѣйшая форма аскетизма въ охраненіи цѣломудрія состояла въ избѣганіи со стороны мущинъ рѣшительно всякихъ встрѣчъ съ женщинами. Замѣчателенъ въ этомъ отношеніи разсказъ объ одномъ египетскомъ монахѣ—Павлѣ. Однажды, когда Павелъ случайно встрѣтился съ женщиной, онъ обратился въ бѣгство, какъ будто онъ встрѣтился „со львомъ“. Въ сказаніяхъ Іоанна Мосха, одинъ настоятель говоритъ своимъ монахамъ: „монаху должно съ такою же заботливостію избѣгать всякаго соприкосновенія съ женщиной, съ какой предохраняютъ соль отъ воды, въ которой соль растворяется и исчезаетъ“. Въ другихъ случаяхъ избѣганіе встрѣчъ съ женщиной простиралось такъ далеко, что аскеты подавляли въ себѣ родственныя чувства и не хотѣли видѣться ни съ сестрами, ни съ матерью (на основаніи Мѳ. XII, 50). Пахомій отказывался видѣть свою сестру, и даже когда она сдѣлалась монахиней и настоятельницей особаго женскаго монастыря, разговаривалъ съ ней не иначе, какъ при посредствѣ монаха Петра, человѣка престарѣлаго и высоко-цѣломудренной жизни. Подобное же исторія передаетъ о Піорѣ, Іоаннѣ Каламитѣ, Ѳеодорѣ, Маркіанѣ и другихъ подвижникахъ востока, а на западѣ о Бенедиктѣ нурсійскомъ, который своей сестрѣ Схоластикѣ позволялъ съ собой видѣться только разъ въ годъ, при чемъ это свиданіе не должно было длиться болѣе одного дня. Иные не хотѣли даже видѣть своихъ собственныхъ матерей; это извѣстно о Ѳеодорѣ, ученикѣ Пахомія, Пименѣ, Нуфѣ и Симеонѣ столпникѣ. Послѣдній не хотѣлъ видѣться съ матерью, несмотря на неотступныя ея просьбы объ этомъ. — Сюда же относятся строгія старанія монаховъ охранять свои монастыри отъ посѣщенія ихъ женщинами. (Составлено по кн. проф. Моск. Дух. Акад. А. Лебедева: „Разсказы изъ исторіи христ. аскет. жизни“ и др. указ. въ своемъ мѣстѣ источникамъ).

8. Человѣкъ долженъ постоянно нравственно улучшаться.

„Ходя въ лѣсу, въ саду, или по лугу и видя молодые побѣги растеній, плоды на деревьяхъ и разнообразіе полевыхъ цвѣтовъ, возьми для себя урокъ отъ всей этой Божіей растительности, именно такой урокъ: всякое деревцо въ лѣто даетъ непремѣнно значительный побѣгъ, непремѣнно возрастаетъ въ объемѣ и въ вышину,—всякое дерево съ каждымъ годомъ какъ бы усиливается подвинуться впередъ богодарованною ему силою; такъ скажи себѣ: и я долженъ непремѣнно съ каждымъ днемъ, съ каждымъ годомъ становиться нравственно выше и выше, лучше и лучше, совершеннѣе и совершеннѣе, долженъ подвигаться впередъ на пути къ царству небесному, или къ Отцу небесному, силою Господа Іисуса Христа и Духа Его, во мнѣ живущаго и дѣйствующаго. Какъ лугъ украшается множествомъ цвѣтовъ, такъ лугъ души моей долженъ благоукрашаться всѣми цвѣтами добродѣтелей; какъ деревья приносятъ цвѣты и потомъ плоды, такъ душа моя должна приносить плоды вѣры и добрыхъ дѣлъ“. (Изъ кн. „Моя жизнь во Христѣ“ прот. кронштадтскаго Іоанна Сергіева, т. 1, изд. 1-е, 1891 г., стр. 161).

НЕДѢЛЯ 13-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 87-е, гл. XXI, 33—43 ст.

1. Притча о виноградникѣ и виноградаряхъ.

Выслушайте притчу, — произнесъ однажды Спаситель, обращаясь къ членамъ синедріона и народу: „Былъ нѣкоторый хозяинъ дома, который насадилъ виноградникъ, обнесъ его оградою, выкопалъ въ немъ точило, построилъ башню и, отдавъ его виноградарямъ, отлучился на долгое время. Когда же приблизилось время собиранія плодовъ, онъ послалъ своихъ слугъ къ виноградарямъ *принять* отъ нихъ плодовъ изъ виноградника. Виноградари, схвативъ слугъ его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послалъ онъ другихъ слугъ, больше прежняго; и съ ними поступили такъ же, и многихъ другихъ то били, то убивали. Имѣя же еще одного сына, любезнаго ему, сказалъ господинъ виноградника: что мнѣ дѣлать? Пошлю сына моего возлюбленнаго: можетъ-быть, увидя его, устыдятся. Но виноградари, увидѣвъ сына, сказали другъ другу: это наслѣдникъ; пойдемъ, убьемъ его и завладѣемъ наслѣдствомъ его. И схвативъ его, вывели вонъ изъ виноградника и убили. Итакъ, когда придетъ хозяинъ виноградника, что сдѣлаетъ онъ съ виноградарями тѣми? Говорятъ Ему: злодѣевъ сихъ предастъ злой смерти, а виноградникъ отдастъ другимъ виноградарямъ, которые будутъ отдавать ему плоды во времена свои“ 1).

Такимъ образомъ фарисеи и книжники во второй разъ вынуждены были сдѣлать невольное сознаніе; должны были произнести надъ собою судъ, высказавъ лично, что согласны съ правосудіемъ Божіимъ, которое лишитъ ихъ исключительныхъ правъ и передастъ тѣ права язычникамъ.

И Іисусъ Христосъ подтвердилъ это, сказавши: „придетъ и погубитъ виноградарей тѣхъ; и отдастъ виноградникъ другимъ“ 2).

Фарисеи же и первосвященники, сна-

---

1) *Хозяинъ дома* — Богъ; *виноградникъ* — народъ іудейскій; *ограда* — заповѣди; *точило* — алтарь; *башня* — святое святыхъ; *виноградари* — вожди и учители; *отлучился*, т.-е. явившись на Синаѣ и давши заповѣди, болѣе не являлся; *слуги* — пророки; *Сынъ возлюбленный* — Христосъ; *вывели вонъ изъ виноградника и убили* — и Христа вывели вонъ изъ города и распяли на Голгоѳѣ; *виноградникъ отдастъ другимъ*, т.-е. апостоламъ и ихъ послѣдователямъ; *плоды* — обращеніе язычниковъ къ вѣрѣ во Христа.

2) Ев. Луки XX, 16.

чала произнесшіе свой приговоръ, а теперь слышавшіе подтвержденіе Іисуса Христа и выразумѣвши притчу, сказали: „да не будетъ“ [1].

Но Онъ, взглянувъ на нихъ:—„въ доказательство того, что не только самая справедливость требуетъ этого, но что и самъ Богъ предсказалъ и опредѣлилъ такъ“,—привелъ пророчество, говоря: „неужели вы никогда не читали въ Писаніи: камень, который отвергли строители, тотъ самый сдѣлался главою угла; это отъ Господа и есть дивно въ очахъ нашихъ [2] Потому сказываю вамъ, что отнимется отъ васъ царство Божіе, и дано будетъ народу, приносящему плоды его“ [3].

„Чтобы доказать имъ, что св. Писаніе пророчествовало объ ихъ поступкахъ, Онъ спросилъ ихъ, развѣ они не читали въ псалмѣ о Камнѣ, которымъ пренебрегали строители, и который все-таки, вслѣдствіе дивныхъ предначертаній Господнихъ, сдѣлался главнымъ угловымъ камнемъ, соединившимъ двѣ стѣны [4]. Какъ же они будутъ оставаться долѣе строителями, когда всѣ ихъ планы отвергнуты и отмѣнены? Не исполняется ли видимымъ образомъ древнее пророчество о Мессіи, что Богъ призоветъ другихъ строителей созидать Ему храмъ?

„Этою притчею Іисусъ Христосъ научаетъ многому: что Богъ съ давнихъ временъ промышлялъ объ іудеяхъ, что они съ самаго начала склонны къ убійству; что приняты были всевозможныя мѣры для ихъ исправленія, что, даже по избіеніи ими пророковъ, Богъ не оставилъ ихъ, но еще послалъ къ нимъ Сына; что и новаго и ветхаго завѣта одинъ и тотъ же есть Богъ; что черезъ смерть Христову совершено великое дѣло; что іудеи за крестъ Христовъ и за свое злодѣяніе понесутъ крайнее наказаніе; что будутъ призваны язычники, іудеи отвержены. Притчу эту Іисусъ Христосъ предложилъ для того, чтобы показать всю тяжесть и непростительность грѣха іудеевъ, когда они, при всемъ попеченіи объ нихъ, дали опередить себя блудницамъ и мытарямъ. Велико было попеченіе о нихъ Божіе и непомѣрна ихъ безпечность потому, что то, что нужно дѣлать земледѣльцу, Онъ сдѣлалъ Самъ, насадилъ виноградникъ, обнесъ оградою и проч., и имъ оставалось не многое: заботиться только о томъ, что уже есть, и сберегать порученное, такъ какъ ничто не было забыто, а все приготовлено. Но и при всемъ этомъ они ничѣмъ не воспользовались, хотя многое и въ большой мѣрѣ получили отъ Бога. Когда Богъ вывелъ ихъ изъ Египта, то далъ имъ законъ, далъ гражданское бытіе, устроилъ жертвенникъ, воздвигнулъ храмъ „и отлучился“, т.-е. долготерпѣлъ, не всегда и не тотчасъ по преступленіи наказывалъ. Послалъ „рабовъ“, т.-е. пророковъ, „принять плоды“, т.-е. повиновеніе, доказываемое дѣлами. Но они показали свою злобу послѣ такихъ попеченій о нихъ: не только не дали плода, что обнаруживало ихъ недѣятельность, но даже вознегодовали на пришедшихъ. Если нечего было отдать, хотя были къ тому обязаны, то имъ должно бы не досадовать, не негодовать, а умолять. Они же не только вознегодовали, но еще обагрили руки свои кровію: предали казни посланныхъ, сами заслуживая казнь. Поэтому Богъ послалъ въ другой и третій разъ, дабы видны были ихъ злоба и человѣколюбіе Пославшаго. Онъ не тотчасъ послалъ Сына для того, чтобы они почувствовали, какъ несправедливо поступили съ посланными рабами, и, отложивши гнѣвъ, устыдились Его пришествія. Словами: „можетъ-быть устыдятся Сына Моего“ выражается на невѣдѣніе, а указывается, что они должны были устыдиться. Если они были не признательны къ рабамъ, то, по крайней мѣрѣ, должны были почтить достоинство Сына. Имъ должно было притти и просить помилованія въ своихъ преступленіяхъ, а они ведутъ себя по прежнему, даже предпринимаютъ новыя злодѣянія, ужаснѣйшія прежнихъ. На это и Самъ Христосъ указываетъ, говоря: „дополняйте же мѣру отцовъ вашихъ [1]; въ томъ же обвиняли ихъ прежде пророки, говоря: „ваши руки полны крови [2]; и кровопролитіе слѣдуетъ за кровопролитіемъ“ [3]. Но они не сдѣлались благоразумнѣе. Хотя въ десятословіи дана была имъ заповѣдь: не убей, и велѣно было воздерживаться отъ многаго другого, однако же, при всѣхъ такихъ и многихъ другихъ побужденіяхъ къ исполненію заповѣди, они не оставили своего злого намѣренія. Увидѣвъ Сына, говорятъ: „пойдемъ, убьемъ Его“. За что? За то ли, что Онъ почтилъ васъ: будучи Богомъ, сдѣлался для васъ человѣкомъ и совершилъ безчисленныя чудеса, прощалъ грѣхи, призывалъ въ царствіе? И какъ они, при своемъ нечестіи, крайне безумны; какъ безразсудно ихъ побужденіе къ убійству: „убьемъ Его“, говорятъ, „и наслѣдство Его будетъ наше“[1]). И гдѣ же убить намѣрены? „внѣ виноградника“. Такъ Іисусъ Христосъ предсказываетъ о самомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ убитъ, и доводитъ ихъ до невольнаго сознанія, которымъ они сами произнесли свой судъ; а нѣтъ справедливѣе приговора, когда подвергаемые наказанію сами себя обвиняютъ. Онъ всячески увѣряетъ іудеевъ, что невѣрующіе будутъ изгнаны, а язычники приняты. Это Онъ далъ разумѣть обращеніемъ съ хананеянкою, избраніемъ осленка при вшествіи въ Іерусалимъ, примѣромъ сотника и многими другими; на это указываетъ и теперь и присовокупляетъ: „это отъ Господа и есть дивно въ очахъ нашихъ“, давая тѣмъ знать, что вѣрующіе язычники, и тѣ, которые изъ самыхъ іудеевъ увѣруютъ, составятъ одно, несмотря на все ихъ прежнее между собою различіе; что все это совершается по опредѣленію Божію и чудно, поразительно для всякаго. Камнемъ Онъ называетъ Себя, а строителями — учителей іудейскихъ. Камень, т.-е. Христа, отвергли они, когда говорили: „Онъ не отъ Бога; Онъ обольщаетъ народъ; Ты самарянинъ, и бѣсъ въ Тебѣ“[2]). Но слова Іисуса Христа не вразумили іудеевъ, они не устыдились ни свидѣтельства пророковъ, ни собственнаго своего приговора. Такъ совершенно ослѣпило ихъ любоначаліе, тщеславіе и привязанность къ временному“. (Извл. въ сокр. изъ кн.: „Іисусъ Христосъ, Спаситель міра, Сынъ Божій“, Лебединск.).

---

[1] Ев. Луки XX, 16.

[2] Пс. CXVII, 22—23. Въ славянскомъ переводѣ 22 и 23 ст. псалма читаются такъ: *камень, его же небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла. Отъ Господа бысть сей, и есть дивенъ во очесѣхъ нашихъ*, чѣмъ прямо указывается, что *сей* Камень *отъ Господа* есть Христосъ.

[3] Ев. Матѳея XXI, 42—43.

[4] Пс. CXVII, 22—23; Исаіи XXVIII, 16; Даніил. II, 44—45; Дѣян. апост. IV; 11; 1 Петр. II, 6—7; Ефес. II, 20.

[1] Ев. Матѳея XXIII, 32.

[2] Исаіи I, 15.

[3] Осіи IV, 2.

2. Горькая участь нераскаянныхъ грѣшниковъ.

„Далече отстоитъ Богъ отъ нечестивыхъ“, говоритъ премудрый Соломонъ (Притч. XV, 28), и потому несчастны они бываютъ и въ сей жизни. Какъ часто наблюдается, что нѣкоторые люди, при всемъ своемъ видимомъ счастьѣ, въ душѣ своей настолько несчастны, что въ отчаяніи сами желаютъ себѣ смерти, и даже, какъ нерѣдко случается въ настоящее время, сами причиняютъ себѣ смерть. А что вина всѣхъ этихъ несчастій заключается въ грѣхѣ, объ этомъ рѣдко кто подумаетъ. Когда человѣкъ, вслѣдствіе тяжкихъ и нераскаянныхъ грѣховъ, оставилъ Бога, то и Богъ оставляетъ его; тогда злой духъ овладѣваетъ всѣмъ сердцемъ грѣшника и дѣлаетъ послѣдняго несчастнымъ. А мученіе совѣсти, — развѣ это малое наказаніе нераскаяннаго грѣшника? Голосъ совѣсти, какъ бы ни старались заглушить его, нигдѣ не даетъ покоя грѣшнику, и на послѣднемъ исполняется слово пророка Исаіи: „безбожнымъ нѣсть мира“ (LVII, 21).

Но всѣ эти наказанія, какъ бы они ни были тяжки, со смертію человѣка прекратятся. Но что же ожидаетъ нераскаяннаго грѣшника за гробомъ? Страшно даже сказать: вѣчныя мученія въ вѣчномъ, неугасимомъ, гееннскомъ огнѣ, уготованномъ діаволу и аггеламъ его. *Аще не обратитеся,* — говорилъ Іисусъ Христосъ упорнымъ іудеямъ, — *и не покаетеся, вси погибнете* (Лук. XIII, 3). Въ поясненіе этой мысли разскажемъ одну повѣсть, записанную въ „Четіихъ Минеяхъ“ подъ 28 числомъ марта мѣсяца. „Въ городѣ Карѳагенѣ африканскомъ жилъ нѣкій мужъ, именемъ Таксіотъ, воинъ. Жизнь проводилъ онъ нерадиво, много грѣшилъ. Случилась въ то время въ Карѳагенѣ заразительная болѣзнь, отъ которой умирало много народу. Страшась смерти, Таксіотъ раскаялся въ своихъ грѣхахъ и переселился изъ города въ селеніе. Но здѣсь онъ впалъ въ грѣхъ прелюбодѣянія съ женою одного земледѣльца и черезъ нѣсколько дней послѣ того умеръ отъ укушенія змѣи. Погребли его въ близълежащемъ монастырѣ. Вскорѣ по погребеніи его, иноки монастыря услышали страшный крикъ изъ гроба: „помилуйте меня! помилуйте меня!“ Откопавши гробъ, иноки, къ великому удивленію своему, нашли Таксіота живымъ и всего въ слезахъ, стали разспрашивать его о томъ, что съ нимъ случилось, но онъ ничего не говорилъ, а только просилъ ихъ отвести его къ епископу Тарасію. Въ теченіе трехъ дней Таксіотъ не могъ притти въ себя и лишь на четвертый день разсказалъ о случившемся съ нимъ. „Отцы и братія“, началъ свой разсказъ воинъ Таксіотъ, „когда я умиралъ, видѣлъ предъ собою страшныхъ муриновъ (бѣсовъ); увидѣлъ также двухъ свѣтлыхъ юношей (ангеловъ), которые, взявши мою душу, понесли ее мимо разныхъ мытарствъ, гдѣ истязуютъ души умершихъ о грѣхахъ, — и сколько грѣховъ, столько и мытарствъ; на каждомъ изъ нихъ бѣсы представляли мои грѣхи. Но св. ангелы „примѣриша добрыя дѣла къ дѣламъ моимъ злымъ, и тако мытарства миновахомъ“. И такъ мы дошли до блуднаго мытарства. Здѣсь демоны представили всѣ мои блудные грѣхи, которые совершилъ я отъ дѣтства. Св. ангелы сказали: всѣ, какіе совершилъ онъ тѣлесные грѣхи, живя въ городѣ, простилъ ему Богъ, ибо онъ въ нихъ покаялся. Но демоны сказали: по переселеніи изъ города въ селеніе онъ согрѣшилъ съ женою землевладѣльца. Слышавши это, св. ангелы, не находя ни одного добраго дѣла, которое можно бы было противопоставить грѣху прелюбодѣянія, покинули меня. И вотъ, злые духи начали жестоко меня бить. Затѣмъ я низринутъ былъ въ адъ, гдѣ страдали грѣшники. Здѣсь я слышалъ непрестанные вопли: горе намъ, горе! Трудно изобразить тѣ бѣдствія и мученія, которыя я тамъ видѣлъ. Они стонутъ, — и никто объ нихъ не сожалѣетъ, плачутъ, —*но никто не* утѣшаетъ ихъ; молятъ о помилованіи, — но никто не внемлетъ ихъ мольбѣ. Съ грѣшниками былъ заключенъ и я. Вдругъ, вижу я, показался небольшой свѣтъ, и мнѣ предстали два ангела; я сталъ умолять ихъ вывести меня оттуда, обѣщаясь раскаяться во всемъ. А они отвѣчали: безвременно ты молишься: до всеобщаго воскресенія никто не выйдетъ отсюда. Я еще усерднѣе сталъ просить ихъ. Тогда одинъ ангелъ сказалъ другому: ручаешься ли ты за него, что онъ покается? Тотъ отвѣтилъ: ручаюсь. И вотъ они, подавши другъ другу руки, вывели меня изъ преисподней и привели къ моему тѣлу, приказывая войти въ него. Тѣло мое было темное, смрадное, такъ что мнѣ не хотѣлось входить въ него. Но ангелы сказали: *невозможно тебѣ покаяться иначе, какъ только въ тѣлѣ, съ которымъ ты грѣшилъ*. Тутъ я вошелъ въ тѣло и сталъ кричать: помилуйте меня!“ Этимъ Таксіотъ закончилъ свой разсказъ. Ему предложили было пищу, но онъ отказался принять ее. Переходя изъ церкви въ церковь, Таксіотъ со слезами молился Богу и говорилъ вслухъ всѣхъ: „горе согрѣшающимъ, горе некающимся, горе оскверняющимъ тѣло свое“! 40 дней онъ провелъ въ молитвѣ и слезахъ покаянія и послѣ того мирно отошелъ ко Господу.

---

[1]) Ев. Луки XX, 14.

[2]) Ев. Іоанна IX, 16; VII, 12; VIII, 48.

Видите, какимъ тяжкимъ мукамъ былъ подвергнутъ Таксіотъ за одинъ грѣхъ, въ которомъ не успѣлъ покаяться, какія же невообразимыя муки ожидаютъ тѣхъ, которые не приносятъ покаянія по нѣскольку лѣтъ, которые живутъ такъ нерадиво, что совсѣмъ не думаютъ о своихъ грѣхахъ. Други мои! Пожалѣемъ отъ сердца такихъ несчастныхъ, постараемся вразумить ихъ, чтобы спасти ихъ души, сами же будемъ каяться непрестанно, всю нашу жизнь будемъ оплакивать грѣхи свои, чтобы быть готовыми всегда къ смерти, тогда только мы можемъ избѣжать участи нераскаянныхъ грѣшниковъ.

3. О долготерпѣніи Божіемъ.

Слово Божіе учитъ, и голосъ совѣсти каждаго изъ насъ удостовѣряетъ въ томъ, что злыя и нечестивыя дѣла наши прогнѣвляютъ Господа Бога и призываютъ на насъ наказаніе отъ Него.

Много грѣховъ совершается всѣми нами, то по увлеченію соблазняющей силою зла, то по немощи плоти въ борьбѣ съ искушеніемъ. Но бываютъ среди насъ и такіе, которые вслѣдствіе омраченія своего сердца невѣріемъ и гордостію, сознательно и упорно противятся благодати Божіей и предаются грѣху и нечестію. Въ недоумѣніи, съ скорбнымъ и потрясеннымъ сердцемъ, какъ не воскликнуть, въ такомъ случаѣ, христіанину: *доколѣ, Господи, вознесется врагъ Твой* (Пс. XII, 5) и *что путь нечестивыхъ спѣется* (Іерем. XII, 1)? — Не будемъ, братіе, дерзновенно испытывать пути Промысла Божія, которыхъ мы не можемъ постигнуть слабымъ своимъ умомъ, а лучше по сему поводу поищемъ себѣ утѣшенія и утвержденія въ вѣрѣ въ словѣ Божіемъ. Просили нѣкогда во время земной жизни Спасителя возлюбленные ученики Его, Іаковъ и Іоаннъ, *низвести огонь съ небесе,* чтобы истребить жителей одного самарянскаго селенія, оскорбившихъ ихъ отказомъ въ гостепріимствѣ. Что же сказалъ имъ Господь на эту просьбу? *Не вѣсте, коего духа есте вы, Сынъ бо чловѣческій не пріиде душъ человѣческихъ погубити, но спасти* (Лук IX, 55 — 56). Вотъ для насъ нѣкоторое изъясненіе великой тайны Божіей, — неизреченнаго долготерпѣнія Его къ грѣхамъ и беззаконіямъ нашимъ! —

Оно заключается въ безконечной любви Божіей къ роду человѣческому, въ призваніи всѣхъ ко спасенію. Самъ Господь Спаситель нашъ, снисшедшій на землю и воплотившійся по великой любви къ намъ, претерпѣвая оплеваніе и заушенія, крестъ и смерть отъ недостойныхъ рабовъ Своихъ, долготерпитъ о Своихъ распинателяхъ. *Господи, восходящу Ти на крестъ, земли убо возбранилъ поглотити распинающихъ Тя, аду же повелѣлъ еси испустити сотника, жизнь пришелъ еси подати, а не смерть* (изъ стих. вел. пят.) — такъ изображено въ одной изъ церковныхъ пѣсней Божіе долготерпѣніе. Господь Своею любовію хочетъ какъ бы препобѣдить злобу распинателей такъ, чтобы и съ Голгоѳы нѣкоторые ушли съ сокрушеннымъ духомъ, біюще въ перси своя, чтобы и при крестѣ — нашлись и такіе, которые исповѣдали бы Его Сыномъ Божіимъ. Онъ терпитъ гоненіе отъ Савла, чтобы послѣ сдѣлать его избраннымъ сосудомъ, назначеннымъ къ благовѣстію имени Его между язычниками. Онъ терпитъ поруганіе и отъ всякаго грѣшника, паки распинающаго Его своими беззаконіями, всячески ожидая обращенія его къ Себѣ. Посему все время нашего земного бытія можно назвать временемъ долготерпѣнія Божія. Постараемся воспользоваться имъ для своей духовной пользы, для своего вѣчнаго спасенія. Да не подумаетъ кто-либо изъ насъ по причинѣ долготерпѣнія Божія дать просторъ своимъ страстямъ и вожделѣніямъ. Въ такомъ случаѣ не къ оправданію, а къ большему осужденію нашему послужитъ это долготерпѣніе Божіе о насъ! Страшенъ судъ и ужасны муки, ожидающія за гробомъ грѣшниковъ и нечестивцевъ, презрѣвшихъ благость Божію и умершихъ въ нераскаянности! Однако, нерѣдко судъ Божій и въ сей жизни исполняется надъ нечестивцами и грѣшниками, когда они продолжаютъ коснѣть въ своемъ беззаконіи и упорствовать въ грѣховномъ ожесточеніи. Много времени ожидалъ Господь покаянія отъ нечестивыхъ людей, жившихъ до потопа; но когда увидѣлъ, что нѣтъ въ нихъ покаянія, истребилъ ихъ потопомъ. Отъ содомлянъ также ожидалъ Онъ покаянія и истребилъ ихъ огнемъ; отъ фараона, царя египетскаго, немалое время ожидалъ покаянія, но когда сей послѣдній пренебрегъ Его долготерпѣніемъ, потопилъ его въ глубинѣ морской со всѣмъ воинствомъ. „Тотъ же судъ Божій, — говоритъ святитель Тихонъ, — и нынѣ постигаетъ беззаконующихъ, нерадѣющихъ о Божіемъ долготерпѣніи! Слышимъ часто, какъ беззаконники поражаются иногда въ самомъ беззаконіи. (Хотя не всѣ они, по невѣдомымъ судьбамъ Божіимъ, караются здѣсь, однакоже всѣ смертію, какъ сѣкирою, посѣкаются и въ огнь вѣчный ввергаются!)“

Познаемъ же великую любовь Господа нашего къ намъ, Его неизреченное милосердіе и долготерпѣніе о насъ. Покаемся во грѣхахъ и беззаконіяхъ своихъ, пока еще продолжается время долготерпѣнія Его, пока еще слышится святой гласъ Его: *покайтеся* (Мѳ. IV, 17), да не постигнетъ насъ смерть и судъ Христовъ во грѣхахъ. *Помилуй насъ, Боже, по велицѣй милости Твоей и по множеству щедротъ очисти беззаконія наша* (Пс. L, 3).

4. Господь долго терпитъ, да больно бьетъ.

Щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ. Ежечасно и даже ежеминутно мы прогнѣвляемъ Его своими тяжкими грѣхами, но Господь все терпитъ и ждетъ нашего покаянія, исправленія. Онъ *не хощетъ смерти грѣшника* (Iез. XXXIII, 11) и всегда готовъ помиловать кающагося, какъ бы ни были велики и тяжки его грѣхи. Поучительный и утѣшительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ покаяніе ниневитянъ.

Жители древняго города Ниневіи нѣкогда сильно прогнѣвали Бога: совершенно забыли Его и предались всевозможнымъ порокамъ, и вотъ, Богъ рѣшилъ окончательно погубить ихъ и для этого послалъ туда пророка Іону съ проповѣдію. Іона началъ ходить по городу и проповѣдывать, говоря: „еще сорокъ дней, и Ниневія будетъ разрушена!“ И повѣрили ниневитяне Богу, и объявили постъ, и одѣлись во вретища отъ большаго изъ нихъ до малаго. Это слово дошло до царя Ниневіи, и онъ всталъ съ престола своего, и снялъ съ себя царское облаченіе свое, и одѣлся во вретище, и сѣлъ на пеплѣ. И повелѣлъ провозгласить: „чтобы ни люди, ни скотъ ничего не ѣли и воды не пили, и чтобы покрыты были вретищами люди и скотъ, и крѣпко вопіяли къ Богу, и чтобы каждый обратился отъ злого пути своего и отъ насилія рукъ своихъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, еще Богъ умилосердится, и отвратитъ отъ насъ пылающій гнѣвъ Свой, и мы не погибнемъ“. И увидѣлъ

Богъ дѣла ихъ, что они обратились отъ злого пути своего, и пожалѣлъ Богъ о бѣдствіи, о которомъ сказалъ, что наведетъ на нихъ, и не навелъ. Видите, христіане, насколько милостивъ Господь! Не въ то же время и знайте, что Онъ правосуденъ, что Онъ, хотя и долго ждетъ нашего раскаянія, но зато сильно наказываетъ. Примѣромъ этому могутъ служить тѣ же ниневитяне, о которыхъ проповѣдывалъ, кромѣ пророка Іоны, другой пророкъ—Наумъ.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ ветхозавѣтномъ святомъ, память коего празднуется 1-го декабря. Святой пророкъ Наумъ происходилъ изъ города Елкисея, лежащаго на берегу рѣки Іордана, отъ племени Симеонова. Онъ такъ же, какъ и пророкъ Іона, пророчествовалъ о Ниневіи,— онъ предсказалъ, что этотъ городъ погибнетъ отъ воды и огня, что, дѣйствительно, и сбылось. Жители города Ниневіи хотя и покаялись чрезъ проповѣдь Іоны пророка, но не надолго; увидѣвши, что пророчество Іоны не сбылось надъ ними, они опять вернулись къ беззаконнымъ дѣламъ. Тогда и постигъ ихъ гнѣвъ Божій. При Ниневіи находилось большое озеро, окружавшее городъ; однажды случилось сильное землетрясеніе, во время котораго утонулъ въ томъ озерѣ почти весь городъ, а другую часть жителей, спасшихся на горѣ, попалилъ огонь, и такимъ образомъ сбылось пророчество Наума.

Этотъ случай ясно показываетъ, насколько Господь правосуденъ. Бойся же, христіанинъ, оскорблять своего Бога и Творца тяжкими грѣхами: Богъ долго терпитъ по Своему человѣколюбію, но зато больно бьетъ. Въ безчисленномъ множествѣ опытовъ иногда встрѣчаются особенные, рѣзко выдающіеся случаи, гдѣ судъ Божій, поражая преступленіе немедленно, напоминаетъ о себѣ тѣмъ изъ насъ, которые забываютъ, что *не продолжатся къ тому словеса Господня, яже возглаголетъ, и что не коснитъ Господь обѣтованія, якоже нѣціи коснѣніе мнятъ. Отъ лица гнѣва Его кто постоитъ? И кто сопротивится во гнѣвѣ ярости Его? Ярость Его распаяваетъ власти и камени сотрошася отъ Него* (Наум. I, 6). Къ числу такихъ очевидныхъ примѣровъ гнѣва Божія можно отнести и слѣдующее происшествіе.

Въ с. Б—го уѣзда жило одно крестьянское семейство, состоящее изъ старухи матери и двухъ сыновей, изъ коихъ старшій былъ женатъ, а младшій холостъ. Въ одно время (это было въ 1862 г.) братья за что-то поссорились между собою. Старшій, бывшій въ тотъ разъ въ нетрезвомъ видѣ, не желая слушать обличеній своему укоризненному поведенію отъ младшаго, вздумалъ, по праву старшаго, употребить кулачную расправу. Младшій, сознавая свою справедливость, не счелъ нужнымъ уступить пьяному,— и началась драка. Старуха-мать въ то время лежала въ постели больная, но она видѣла и помнила все происшедшее и, собравъ послѣднія силы, оперлась на костыль и подошла къ мѣсту драки. Ей приходило на мысль пустить въ ходъ свой костыль по спинѣ пьянаго, но тотъ, со словами: „не твое дѣло, матушка“, грубо оттолкнулъ ее, слабая старуха отъ этого толчка повалилась, какъ снопъ, и отдала Богу душу. Началось слѣдствіе, вскрыли трупъ,— оказался ушибъ, причинившій смерть; доходитъ дѣло до преступника,— тотъ запирается. Младшій братъ изъ трусости тоже не рѣшился сказать правду. Но, кромѣ своего семейства, дѣло не обошлось и безъ постороннихъ свидѣтелей: тутъ же рядомъ жило другое семейство и — замѣчательно! — такого же состава: старуха-мать и два сына, изъ нихъ такъ же, какъ и тамъ, старшій женатъ, а младшій холостъ. Какъ ближайшіе сосѣди, они были потребованы къ допросу, и хотя всѣ были очевидцами происшествія, но упорно отъ всего отказались и свою ложь не побоялись утвердить присягою. Конечно, это не помѣшало дѣлу обнаружиться, и виновники отправлены въ острогъ. Сосѣди же, подъ присягой отказавшіеся отъ всякаго участія въ происшествіи, признаны по суду человѣческому неприкосновенными къ дѣлу и оставлены на свободѣ.

Но вотъ открывается судъ Божій на лжесвидѣтелей. Мѣсяца черезъ два по окончаніи судебнаго слѣдствія о помянутомъ дѣлѣ, семейство нарушителей присяги подвергается наказанію: прежде всего старуха-мать найдена мертвою. Немедленно дали знать, кому слѣдуетъ, и по медицинскому освидѣтельствованію оказалось, что она умерла отъ удара. Такъ какъ при этомъ не было открыто никакихъ слѣдовъ насилія, то случай былъ преданъ волѣ Божіей, а тѣло — своимъ чередомъ, землѣ. Можно было подумать, что тѣмъ и кончится; но тутъ было только начало гнѣва Божія. Не прошло двухъ-трехъ недѣль отъ послѣдняго событія, — невѣстка скоропостижно умершей старухи найдена на пашнѣ мертвою, на четвереанькахъ, съ уткнутою въ землю головою, какъ была, съ серпомъ въ рукѣ. Произведено было слѣдствіе, и дѣло предано забвенію. Но рука Господня высока. Очередь была за старшимъ братомъ, и она не замедлила. Похоронивши мать и жену, старшій братъ уже самъ попалъ въ новую бѣду; будучи въ нетрезвомъ видѣ, онъ поссорился съ однимъ крестьяниномъ-односельцемъ, и, какъ часто это случается, ссора скоро перешла въ драку; въ это время несчастный ударилъ палкою своего соперника такъ мѣтко, что тотъ черезъ два дня умеръ. Опять началось слѣдствіе... Но, странное дѣло! — при изслѣдованіи дѣла представлена была палка, которою произведенъ роковой ударъ, — она оказалась не толще пальца и такая гибкая! Притомъ же ударъ былъ, можно сказать, такъ нерѣшителенъ, что только одно чудо могло дать ему столь грозное дѣйствіе. Убійцу отправили въ острогъ. Остается младшій братъ... Мысль объ ужасной участи, постигшей его семейство, не давала ему покоя, и онъ сошелъ съ ума... Такъ праведный гнѣвъ Божій, въ самое непродолжительное время, разрушилъ до основанія цѣлое семейство грѣшниковъ!

Какъ ни объясняй этого случая, а въ концѣ-концовъ придется признать, что *Богъ поругаемъ не бываетъ;* что насколько Онъ милостивъ, настолько и справедливъ, и что рано или поздно — тяжкій грѣхъ получитъ свое возмездіе, если не въ этой, такъ въ будущей жизни. Такъ помни же это, христіанинъ, и напиши въ сердцѣ твоемъ: „Господь долго терпитъ, за то больно бьетъ!“ („Воскр. день“ 1895 г., № 47).

5. При какихъ условіяхъ христіанинъ можетъ быть живымъ членомъ церкви? [1]).

Родъ человѣческій, какъ происшедшій отъ единаго Создателя, долженъ бы представлять собою тѣсно сплоченную семью, одинъ домъ, подъ главенствомъ Бога, какъ Отца. Но грѣхопаденіе первыхъ людей произвело то, что родъ человѣческій не только забылъ и оставилъ Бога — своего небеснаго Отца, но и раздѣлился на племена и народы, враждебно живущіе между собою. Отецъ небесный благоволилъ приблизить къ Себѣ людей (Ефес. II, 13—18) и соединить ихъ посредствомъ Единороднаго Сына Своего Іисуса Христа. Спаситель примирилъ, возглавилъ и соединилъ Собою всяческая въ тѣлѣ Своемъ — церкви (Ефес. I, 10), ставъ основаніемъ и главою ея (Ефес. I, 22; II, 21—22; 1 Кор. III, 11). Слово Божіе церковь Христову уподобляетъ зданію Божію, дому Божію (1 Кор. III, 10; Ефес. II, 22; Евр. III, 22), Христа называетъ основаніемъ (Кол. II, 9) и краеугольнымъ камнемъ (1 Петр. II, 6—7; Ефес. II, 20), и вѣрующихъ — членовъ церкви — живыми камнями (1 Петр. II, 5). Домъ крѣпокъ основаніемъ и углами. И церковь тверда и крѣпка, до неодолимости ея силами ада (Матѳ. XVI, 18), Христомъ.

Книжники и фарисеи отвергли Христа, какъ Мессію, какъ устроителя на землѣ царства Божія. Но Онъ-то, ими отверженный, и есть Основатель на землѣ церкви. *Камень, его же небрегоша зиждующіи, сей бысть во главу угла* (Матѳ. XXI, 42; Псал. CXIV, 22). Чтобы при твердомъ основаніи и крѣпости угловъ и стѣны зданія были прочны, каждый камень, изъ которыхъ состроено зданіе, долженъ быть крѣпко сцѣпленъ съ прочими камнями. Случается, что камень теряетъ связь съ прочими, выпадаетъ изъ стѣны, разбивается и бываетъ попираемъ. На мѣсто выпавшихъ камней кладутъ новые камни. Такимъ образомъ зданіе (домъ) остается невредимымъ и благоустроеннымъ; между тѣмъ какъ выпавшіе камни разбиваются и уничтожаются.

Если, христіанинъ что-либо значитъ, то въ соединеніи только со Христомъ и прочими членами церкви. Онъ держится въ церкви дотолѣ, доколѣ имѣетъ союзъ со Христомъ и съ прочими членами церкви, доколѣ вообще составляетъ живую часть ея. Если же онъ порываетъ связь или со Христомъ, или съ членами церкви, то что онъ? Не болѣе, какъ камень, вывалившійся изъ крѣпкаго зданія, попираемый ногами проходящихъ и уничтожающійся.

Но что, связуетъ христіанъ въ живомъ зданіи — церкви? Вѣра и любовь. Вѣра во Іисуса Христа, какъ Сына Божія и Искупителя міра, вѣра въ церковь, какъ такое Божественное учрежденіе, принадлежа къ которому, христіанинъ состоитъ въ дѣйствительномъ общеніи со Христомъ и всеосвящающею благодатію. Но церковь есть живой союзъ составляющихъ ее членовъ. Христа съ церковію соединяетъ Его божественная любовь къ ней. Любовь, какъ цементъ, соединяетъ и всѣхъ членовъ церкви. Столь живо, какъ бы слѣдовало, однакожъ, не сознается необходимость связи каждаго отдѣльнаго члена церкви съ прочими посредствомъ любви. Представляютъ, обыкновенно, будто можно пребывать въ церкви и независимо отъ того, въ какомъ отношеніи находятся другъ къ другу. Это глубокое заблужденіе. Представимъ себѣ, напримѣръ, что глава дома находится въ неудовольствіи съ нѣкоторыми членами его. Къ чему это приводитъ? Въ большинствѣ случаевъ къ тому, что живущій не въ ладу съ семьею, перестаетъ любить занятія, исполнять свои обязанности къ ней, уклоняется въ сторону какого-либо порока. Но зло этимъ не ограничивается. Таковой человѣкъ въ то же время представляетъ собою и плохого христіанина, который бѣгаетъ молитвы, не посѣщаетъ храма Божія и вообще не исполняетъ своихъ христіанскихъ обязанностей, т.-е. неимѣющій любви и мира съ ближними порываетъ общеніе со Христомъ. Какой же онъ членъ церкви? Онъ подобенъ камню въ зданіи, потерявшему связь съ прочими и готовому вывалиться. Но камень въ стѣнѣ зданія, чтобы удержать его на мѣстѣ, можно соединить цементомъ. И христіанину, чтобы остаться живымъ членомъ церкви, необходимо снова соединиться любовію съ другими христіанами, соприкасающимися съ нимъ, иначе онъ, какъ членъ церкви, погибъ.

---

[1]) По поводу еванг. чтенія о виноградникѣ — церкви Христовой.

О, сколь необходима между христіанами взаимная любовь, чтобы дѣломъ и истиною быть въ общеніи со Христомъ и церковію! Къ несчастію, не сознается необходимость любви и мира между отдѣльными членами церкви. Жизнь современныхъ христіанъ представляетъ все болѣе и болѣе учащающіеся случаи столкновенія на почвѣ житейскихъ интересовъ и разнаго проявленія злобы.

Не обольщайтесь, братіе! Относясь враждебно другъ къ другу, мы лишаемся доступа къ намъ любви Іисуса Христа и благодати Св. Духа. Такъ любовь Спасителя и благодать Св. Духа дѣйствуютъ подобно крови въ членахъ живого тѣла. Кровь разносится сердцемъ по всему тѣлу только при условіи неразрывности всѣхъ его членовъ. Она не доходитъ до тѣхъ изъ нихъ, которые находятся въ разобщеніи съ ближайшими къ нимъ. И любовь Господа нашего Іисуса Христа и благодать Святаго Духа сообщаются христіанину не какъ отдѣльному члену, но только какъ составляющему часть единаго нераздѣльнаго тѣла—церкви. При враждѣ и злобѣ христіанъ другъ на друга какое же можетъ быть единеніе! А въ такомъ случаѣ мыслимо ли сообщеніе любви Христа и спасающей благодати? Имѣющіе уши слышати да слышатъ и да блюдутся всемѣрно вражды и злобы! (Христ. бесѣд. 1899 г. № 8).

6. Непрестанно должно думать о своемъ спасеніи.

Часто приходится слышать возгласы невѣжественныхъ въ религіозной жизни людей: мое ли дѣло думать о спасеніи? возможная ли вещь среди разнообразныхъ занятій и удовольствій жизни искать одного *царствія Божія и правды его* (Матѳ. VI, 33)? Жалкій, въ ослѣпленіи, не видитъ того, что, отказываясь отъ заботъ о спасеніи, онъ отказывается не только отъ своего священнѣйшаго долга, но и отъ всѣхъ истинныхъ радостей жизни, какія слѣдуютъ за исполненіемъ этого долга, и только подъ этимъ условіемъ достаются людямъ.

Мое ли дѣло думать о спасеніи?.. Бѣдная, погибающая душа! чье же это дѣло?.. Еслибъ это предоставлено было только волѣ желающихъ, — еслибъ это было только случайною потребностью, удовлетворять которой не всѣ имѣютъ возможность и средства,—тогда бы можно говорить: это не мое дѣло. Но забота о спасеніи есть общая обязанность всѣхъ, и моя точно такъ же, какъ и всякаго другого.

Мое ли дѣло думать о спасеніи? Чье же это дѣло? Этихъ гражданъ пустыни, обитателей уединенныхъ келлій, людей, обрекшихъ себя на одни подвиги благочестія, которымъ я отдаю должную дань благоговѣнія, но взяться подражать, не смѣю?.. Знаю, что *не вси вмѣщаютъ словесе* ихъ высокихъ обѣтовъ... Но за исключеніемъ этихъ обѣтовъ, за исключеніемъ внѣшняго образа жизни, который *мнѣ* не по силѣ, не остается ли еще чего-нибудь, чему бы могъ подражать въ нихъ, къ чему одинаково обязанъ какъ и они?.. Скажу ли, что я имѣю право меньше ихъ любить Бога; что я могу меньше ихъ дорожить заслугами крестной смерти Христа Спасителя;

что я имѣю возможность безнаказанно не пользоваться средствами спасенія, предоставленными и мнѣ, какъ и всѣмъ?.. О, Боже мой! нѣтъ, нѣтъ!

Мое ли дѣло забота о спасеніи?.. О, жизнь, жизнь земная, ты даешь мнѣ слишкомъ ясный отвѣтъ на это. Безъ нашей воли намъ даруемая, не по нашей волѣ прекращаемая, ты, въ самомъ большемъ продолженіи своемъ до нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, такъ коротка, что самый жаркій защитникъ и искатель твоихъ радостей не сочтетъ тебя единственною цѣлію бытія нашего; ты, и въ самомъ меньшемъ продолженіи своемъ отъ нѣсколькихъ дней до немногихъ годовъ, такъ можешь быть длинна, что и въ юное сердце можешь заронить искру жажды другой жизни, болѣе отрадной. Боюсь я потерять хоть одинъ день, зная, что онъ не возвратится; боюсь употребить его на какую-нибудь суетную заботу, или удовольствіе. Мнѣ жаль становится дня, который я провелъ безпечно; мнѣ страшно бываетъ за одинъ день, проведенный въ грѣховномъ удовольствіи, которое оставляетъ въ душѣ одинъ слѣдъ раскаянія. Голосъ совѣсти, какъ и ученіе евангелія, непрестанно твердятъ мнѣ, что будетъ нѣкогда день суда, когда нужно дать Богу отвѣтъ за каждое мгновеніе жизни. Что же я принесу на этотъ судъ?

Довольно уже я обманывалъ себя надеждою, что будетъ еще время для заботъ и о спасеніи; вотъ прошла и половина жизни (Богъ знаетъ, не больше ли еще?) и не принесла мнѣ для будущаго ничего: что, если такъ же пройдетъ и другая? Нѣтъ, забота о спасеніи души не принадлежитъ извѣстнымъ годамъ: мнѣ это очень ясно говоритъ теперь совѣсть, трепещущая суда Божія; эта забота должна сопровождать цѣлую жизнь, которая вся есть приготовленіе къ вѣчности.

Я предоставляю самой тебѣ, душа моя, избрать себѣ животъ, или смерть... Нѣтъ, ты не изберешь себѣ вѣчной смерти въ удаленіи отъ Бога, въ страшныхъ мукахъ ада, не рѣшишься промѣнять вѣчное блаженство на временную грѣха сладость. Но если ты такъ дорожишь блаженствомъ вѣчности, ты не говори же мнѣ: будетъ еще время заслужить его; успѣю еще приготовиться къ нему. Не напоминаю тебѣ о томъ, что одинъ только Богъ знаетъ, когда придетъ время перехода твоего въ вѣчность; что, можетъ, быть, прежде, чѣмъ ты скажешь: вотъ, скоро надобно будетъ подумать о вѣчности, ангелъ смерти отворитъ тебѣ ея двери!.. Хочу судить тебя отъ словъ твоихъ прежде, нежели придетъ послѣдній судъ, послѣ котораго нѣтъ исправленія... Тебѣ дорого блаженство неба? ты не отдашь его ни за какія блага міра, который нѣкогда оставитъ тебя, какъ и ты его?.. Зачѣмъ же ты не стараешься заслужить его болѣе, приготовить себя къ нему лучше? Зачѣмъ суетно тратишь время, цѣною котораго могла бы купить себѣ бóльшую мѣру блаженства?... И пусть бы еще тѣмъ только и ограничивалось зло твоей безпечности, что ты не пріобрѣтала бы права на бóльшую награду. Но развѣ не знаешь ты, что ни одна минута жизни не проходитъ у насъ безъ слѣда, что всякая минута, въ которую мы не сдѣлали добра и не заслужили награды, есть минута болѣе или менѣе тяжкаго грѣха, за который пріимемъ нѣкогда наказаніе? Смотри же, къ какому концу ты ведешь себя... *Блюди, блюди,* душа моя, *како опасно ходиши, искупуя время, яко дніе лукави суть* (Еф. V, 15—16).

Мое ли дѣло думать о спасеніи? Мое, мое, возлюбленный Спаситель мой! Я понимаю это, когда, въ минуты озаренія души свѣтомъ Твоей благодати, взираю на крестъ Твоей. О, какъ понятенъ мнѣ въ эти минуты спасительный голосъ евангелія; какъ ясны, какъ сильны и обязательны тогда становятся для меня его заповѣди! Стыдъ и скорбь покрываютъ душу мою, когда я, у подножія креста Твоего, взираю на прежнюю жизнь свою! Должно же когда-нибудь кончиться мое гибельное ослѣпленіе! Пора, наконецъ, притти мнѣ къ мысли, что, если дорога мнѣ душа моя, моя вѣчная жизнь, то надобно трудиться во спасеніе свое, для котораго такъ много сдѣлалъ Господь. Не буду отлагать болѣе. Буду стараться дѣлать во спасеніе свое, что можно,—по крайней мѣрѣ, отселѣ главною заботою моею будетъ — спасеніе...

Трудно совмѣстить заботу о спасеніи съ дѣлами званія? Какая дерзкая и безсмысленная ложь! Я беру на себя много разнообразныхъ дѣлъ, разнородныхъ служеній и не боюсь, что трудно будетъ совмѣстить ихъ, а благочестивое настроеніе духа считаю труднымъ совмѣстить съ дѣлами моего званія. Не трудно мнѣ совмѣстить съ дѣлами моей семейной жизни заботы объ угожденіи другому, отъ кого завишу или отъ кого жду какой-либо пользы себѣ; напротивъ, человѣкоугодничество прибавляетъ мнѣ силы и дѣятельности, дѣлаетъ способнымъ трудиться вдвое для того, чтобы и для своего семейства успѣть сдѣлать, что нужно, и внѣ дома не упустить случая сдѣлать угодное тому, чьимъ вниманіемъ и благосклонностію дорожу. А когда дѣло идетъ объ угожденіи Богу, мнѣ кажется труднымъ совмѣстить трудъ угожденія Богу съ дѣлами семейными!.. Не тяжело мнѣ, по своекорыстію, изъ-за денегъ или изъ-за почестей, брать на себя десятки должностей; не трудно даже отказаться отъ удовольствій семейнаго крова, который я легко забываю въ дни особенныхъ хлопотъ или предпріятій, обѣщающихъ выгоду; не могу только совмѣстить съ дѣлами моего служенія заботы о вѣчномъ благѣ души! Среди самыхъ разнообразныхъ занятій находится у меня время для удовлетворенія какимъ-нибудь случайнымъ прихотямъ, для упражненія въ томъ или другомъ искусствѣ, для изученія той или другой науки, для празднаго чтенія какой нибудь легкомысленной книги. Нѣтъ только времени — для попеченія о душѣ... О, какъ грубо я обманываю самого себя, тогда какъ, напротивъ, сколько можно найти побужденій къ ревности о спасеніи души въ самой временной судьбѣ нашей! Безъ Твоего благословенія, Боже мой, *всуе трудятся зиждущіи*, какъ бы кто ни созидалъ свое благосостояніе; а Твое благословеніе почиваетъ только на ищущихъ царствія Божія и правды его (Матѳ. VI, 33). Я — семьянинъ: и въ этомъ самомъ нахожу побужденіе угождать Тебѣ, заботясь о душѣ своей... Я хотѣлъ бы, чтобы дѣти мои были люди добрые, чтобы Ты былъ ихъ Отцомъ, когда Тебѣ угодно будетъ воззвать къ себѣ отца ихъ; я боюсь оставить имъ незаконно пріобрѣтенный кусокъ хлѣба, чтобы онъ не вооружилъ противъ нихъ правды Твоей, но не хочу оставить ихъ и безъ надежды, и эту надежду полагаю въ Тебѣ, ввѣряя Тебѣ себя и домъ свой... Пусть добрый примѣръ мой научитъ дѣтей моихъ доброй жизни, и моя вѣрность Тебѣ будетъ, въ очахъ Твоего безмѣрнаго милосердія, ходатайствомъ о благословеніи Твоемъ на нихъ!... Я — гражданинъ, вѣрный моему дорогому отечеству: и это нудитъ меня пещись объ исправленіи моей души, о правотѣ моей жизни... Я знаю, что *правда возвышаетъ языкъ* (народъ), и что чѣмъ больше въ обществѣ людей добрыхъ, угодныхъ Тебѣ, тѣмъ оно крѣпче и благонадежнѣе; молюсь Тебѣ объ исправленіи сердецъ моихъ согражданъ, молюсь и о себѣ, стараясь, по возможности, всегда дѣйствовать въ жизни по правиламъ закона и совѣсти... Боюсь, чтобы своекорыстіе не привело самого меня къ худому концу; чтобы моя недобросовѣстность не возбудила противъ меня Твоего гнѣва, карающаго виновныхъ, когда они и не помышляютъ о наказаніи... Я—служитель церкви Твоей: и не могу не признавать своего долга жить для Тебя, спасая свою душу. Не потерпитъ меня во святилищѣ Твоемъ правда Твоя, если я буду не вѣренъ Твоимъ законамъ; не останется моя холодность и невнимательность къ душѣ моей безнаказанною и со стороны паствы моей, которая предалась бы мнѣ совершенно, еслибы я заслуживалъ ея уваженіе, но которая покроетъ меня безславіемъ, если увидитъ во мнѣ раба страстей, безпечнаго грѣшника... Богатъ я? Незаслуженный даръ Твоихъ щедротъ, свое богатство, я долженъ окупить добрыми дѣлами: иначе сколько зависти, злобы возбудитъ въ моихъ ближнихъ мое богатство, сколько недоброжелателей, проклинающихъ мое золото, будетъ у меня!.. Я бѣденъ? Мнѣ не остается ничего, какъ, совершенно ввѣривъ себя Твоему Промыслу, сокровиществовать себѣ богатство въ будущемъ угожденіемъ Тебѣ, чтобы надеждою будущихъ неизреченныхъ благъ услаждать горе настоящаго!.. (Извлеч. изъ сокращ. изъ кн. „Минуты уединенныхъ размышлен. христіан.“ еписк. Кирилла, изд. 1856 г.).

НЕДѢЛЯ 14-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 89-е, гл. XXII, 2—14 ст.

1. Притча о званныхъ на бракъ сына царева.

Однажды Іисусъ Христосъ сказалъ слѣдующую притчу: царство небесное подобно человѣку царю, который сдѣлалъ брачный пиръ для сына своего; и послалъ рабовъ своихъ звать званныхъ на брачный пиръ; и не хотѣли притти. Опять послалъ другихъ рабовъ, сказавъ: скажите званнымъ, вотъ, я приготовилъ обѣдъ мой, тельцы мои и что откормлено, заколото, и все готово, приходите на брачный пиръ. Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою. Прочіе же, схвативъ рабовъ его, оскорбили и убили ихъ. Услышавъ о семъ, царь разгнѣвался и, пославъ войска свои, истребилъ убійцъ тѣхъ, и сжегъ городъ ихъ. Тогда говоритъ онъ рабамъ своимъ: брачный пиръ готовъ, а званные не были достойны. Итакъ, пойдите на распутія, и всѣхъ, кого найдете, зовите на брачный пиръ. И рабы тѣ, вышедши на дороги, собрали всѣхъ, кого только нашли, и злыхъ и добрыхъ, и брачный пиръ наполнился возлежащими. Царь, войдя посмотрѣть возлежащихъ, увидѣлъ тамъ человѣка, одѣтаго не въ брачную одежду, и говоритъ ему: другъ! какъ ты вошелъ сюда не въ брачной одеждѣ? Онъ же молчалъ. Тогда царь сказалъ слугамъ своимъ: связавъ ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внѣшнюю (кромѣшнюю); тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ. Ибо много званныхъ, а мало избранныхъ [1].

Вотъ изъясненіе притчи: *Царь*—Богъ-Отецъ; *Царскій Сынъ*, *Женихъ*—Богъ-Сынъ воплотившійся; невѣста—церковь; *рабы*—пророки; *званные*—іудеи; *званіе*—вѣра; *тельцы* и проч.—заповѣди и ученіе евангельское, догматы вѣры и тайна евхаристіи; *поле* и *торговля*—временныя жизненныя блага. Вторые *рабы* — апостолы, которымъ, по упорству іудеевъ, повелѣвается обратиться съ проповѣдью къ язычникамъ. *Тельцы* и проч. означаютъ, кромѣ заповѣдей и ученія евангельскаго, и Агнца-Христа, закланнаго за грѣхи міра, и таинство Божественной Евхаристіи, въ которой причащающіеся Тѣла и Крови Жизнодавца Христа соединяются съ Самимъ Іисусомъ Христомъ. Упомянуто же прежде о трапезѣ Божественной Евхаристіи для того, что посредствомъ ея совершается духовный бракъ, духовное соединеніе Жениха и невѣсты, т.-е. Іисуса Христа и непорочной души; а послѣ этого присовокуплено: *все готово*, для показанія, что св. апостолы, призывая, не только говорили: придите, — готова трапеза Божественной Евхаристіи, но *готово все*: покаяніе, крещеніе, всыновленіе, слава и царство Божіе вѣчное. *Распутія* — заблужденіе языческое и еретическое; *человѣкъ, одѣтый не въ брачную одежду*—имѣющій вѣру, но не имѣющій добрыхъ дѣлъ; связанныя руки и ноги означаютъ то, что по смерти невозможно уже творить добрыхъ дѣлъ. *Много званныхъ, а мало избранныхъ*—значитъ то, что не всѣ вѣрующіе спасутся, что вѣра безъ дѣлъ мертва, что при вѣрѣ необходимо исполненіе всѣхъ заповѣдей Господнихъ и твореніе добрыхъ дѣлъ. (См. Толков. воскр. еванг. Никифора, архіеп. астрах. и ставроп. М. 1805 г., т. I л. 326, 327).

„Какъ притча о виноградникѣ, такъ и притча о брачномъ пирѣ показываетъ долготерпѣніе Божіе, великое Его попеченіе и нечестіе іудеевъ; а послѣдняя притча еще яснѣе предсказываетъ отпаденіе іудеевъ и призваніе язычниковъ“ [1]. Кромѣ того, она показываетъ правильный образъ жизни и то, какая жизнь ожидаетъ безпечныхъ. Притча эта справедливо предлагается послѣ притчи о виноградникѣ. Сказавши, въ притчѣ о виноградникѣ, что царство Божіе „дастся народу, приносящему плоды его“, Іисусъ Христосъ показываетъ здѣсь, какому дастся народу, показываетъ и то, что Онъ имѣлъ особенное попеченіе объ іудеяхъ. Тамъ Онъ изображается призывающимъ прежде распятія Своего, а здѣсь привлекающимъ ихъ къ Себѣ послѣ распятія; тогда какъ должно было наказать ихъ тягчайшимъ образомъ, Онъ призываетъ и влечетъ ихъ на брачный пиръ и удостоиваетъ ихъ высочайшей чести. И какъ тамъ не прежде призываетъ язычниковъ, но іудеевъ, такъ и здѣсь. Но какъ тамъ, когда іудеи не хотѣли принять Его и даже пришедшаго къ нимъ убили, Онъ отдалъ виноградникъ другимъ; такъ и здѣсь, когда они не хотѣли притти на брачный пиръ, Онъ позвалъ другихъ. Царство небесное изображается здѣсь брачнымъ пиромъ Царя для Своего Сына для того, чтобы показать какъ попеченіе Божіе и любовь Его къ нимъ, такъ и то, что тамъ нѣтъ ничего печальнаго и прискорбнаго, но все наполнено духовною, вѣчною радостію. Здѣсь Христосъ предвозвѣщаетъ и о воскресеніи, такъ какъ прежде Онъ говорилъ о смерти, то теперь говоритъ, что послѣ смерти будетъ бракъ Христа съ церковію, будетъ Женихъ. Но и это не сдѣлало іудеевъ лучшими, не смягчило ихъ жестокаго сердца. Сначала они побили пророковъ, потомъ убили Сына, наконецъ, по совершеніи этого убійства, будучи призываемы отъ убіеннаго на брачный пиръ, не идутъ на него, но представляютъ причины—воловъ, женъ, поля, торговлю. Хотя эти причины благовидны, но изъ этого надобно научиться, что, хотя бы насъ удерживала необходимость, духовное должно предпочитать всему; они представляютъ такія причины отказа только для того, чтобы прикрыть свою безпечность, свою лѣность. И не одно то худо, что они не пришли, но всего безразсуднѣе и ужаснѣе то, что они и пришедшихъ звать ихъ весьма худо приняли: наругались надъ ними и убили,—что гораздо хуже прежняго. Прежде приходили къ нимъ требовать плодовъ, и приходившіе были убиты; теперь приходятъ отъ убіеннаго (апостолы) звать на брачный пиръ, и этихъ они убиваютъ такъ же. Что же послѣ? Такъ какъ они не захотѣли притти, но убили пришедшихъ къ нимъ, то Онъ сжегъ города ихъ и, пославъ войско, истребилъ ихъ. Этимъ Онъ предсказываетъ событія, случившіяся при Веспасіанѣ и Титѣ. Это случилось еще при жизни іудеевъ и многихъ другихъ, бывшихъ со Христомъ, и свидѣтелями этихъ событій были тѣ, которые слышали это предсказаніе".

---

[1] Ев. Матѳея XXII: 2—14.

[1] LXIX Бесѣда св. Іоанна Златоуста на евангелиста Матѳея. М. 1843 г. Ч. III, стр. 183—187, 189, 190.

„Далѣе, чтобы іудеи не полагались на одну вѣру, Онъ разсуждаетъ съ ними о судѣ и наказаніи за худыя дѣла; невѣрующихъ старается привести къ вѣрѣ, вѣрующихъ наставляетъ въ правилахъ жизни, такъ какъ подъ „одеждою брачною" разумѣются дѣла жизни. Если же призваніе есть дѣло благодати, то для чего Онъ разсуждаетъ объ немъ такъ обстоятельно? Потому что хотя призваніе и очищеніе есть дѣло благодати, но то, чтобы призванный и облеченный въ чистую одежду сохранялъ ее постоянно такою,—зависитъ отъ старанія призванныхъ; призваніе бываетъ не по достоинству, но по благодати. По этому должно соотвѣтствовать благодати послушаніемъ и, получивъ честь, не показывать такого нечестія".

Наконецъ,—чтобы мы не подумали, что къ спасенію вѣрныхъ довольно только одного званія и вѣры, испытанія же о дѣлахъ ихъ не бываетъ,—Господь присовокупилъ, что „когда брачный пиръ наполнился возлежащихъ, Царь вошелъ посмотрѣть гостей". Этимъ Господь ясно показываетъ, что какъ Царь, на брачномъ пиру, вошелъ посмотрѣть возлежащихъ, такъ и Богъ, въ день суда, будетъ испытывать дѣла всѣхъ людей, предстоящихъ предъ Его лицемъ; и, какъ Царь поступилъ на брачномъ пиру съ человѣкомъ, который былъ хотя и званный, т.-е. вѣрный, „но одѣтъ не въ брачную одежду;" т.-е. не имѣлъ добрыхъ и спасительныхъ дѣлъ добродѣтели, такъ поступитъ и Богъ со всѣми, хотя и вѣрующими, но не творившими, при жизни на землѣ, дѣлъ любви и милосердія [1]).

2. Христосъ грѣшную душу къ Себѣ призываетъ.

(Изъ твореній святителя Тихона, епископа задонскаго).

Почто ты, человѣче, Меня оставилъ?
Почто Возлюбившаго тебя отвратился?
Почто паки присталъ къ врагу Моему?
Помяни, что Я ради тебя съ небесъ сошелъ.
Помяни, что Я ради тебя воплотился.
Помяни, что Я ради тебя младенцемъ былъ.
Помяни, что Я ради тебя смирился.
Помяни, что Я ради тебя обнищалъ.
Помяни, что Я ради тебя на землѣ жилъ.
Помяни, что Я ради тебя гоненіе претерпѣлъ.
Помяни, что Я ради тебя принялъ злословіе, поношеніе, поруганіе, безчестіе, раны, заплеваніе, заушеніе, насмѣшки и позорныя страсти.
Помяни, что ради тебя Я умеръ позорною смертію.
Помяни, что ради тебя Я погребенъ былъ.
Я сошелъ съ небесъ, чтобы тебя на небо возвести.
Я смирился, чтобы тебя возвысить.
Я обнищалъ, чтобы тебя обогатить.
Я понесъ безчестіе, чтобы тебя прославить.
Я былъ израненъ, чтобы тебя исцѣлить.
Я умеръ, чтобы тебя оживить.
Ты согрѣшилъ, а Я грѣхъ твой на Себя взялъ.
Ты виновать, а Я казнь пріялъ.
Ты должникъ, а Я долгъ за тебя заплатилъ.
Ты на смерть осужденъ, а Я за тебя умеръ.

И ко всему этому—любовь Моя, милосердіе Мое Меня привлекло. Не могъ Я терпѣть, чтобы ты страдалъ въ такомъ злополучіи.

---

[1]) См. Толкованіе воскресн. евангелій, составл. Никифоромъ, арх. астрах. и ставр. М. 1805 г. Т. I, л. 330.

Ужели ты сію любовь Мою пренебрегаешь?

Вмѣсто любви—платишь ненавистью!

Вмѣсто Меня—любишь грѣхъ!

Вмѣсто Меня—работаешь страстямъ!

Но что же ты нашелъ во Мнѣ достойное отвращенія?

Ради чего не хочешь притти ко Мнѣ?

Добра ли себѣ хочешь?—Всякое добро у Меня.

Блаженства ли хочешь?—Всякое блаженство у Меня.

Красоты ли хочешь?—Что прекраснѣе паче Меня?

Благородства ли хочешь?—Что благороднѣе Сына Божія и Сына Дѣвы?

Высоты ли хочешь?—Что выше Царя небеснаго?

Славы ли хочешь?—Кто славнѣе Меня?

Богатства ли хочешь?—У Меня всякое богатство.

Премудрости ли хочешь?—Я—Премудрость Божія!

Дружества ли хочешь?—Кто любвеобильнѣе Меня, Который душу Свою за всѣхъ положилъ?

Помощи ли ищешь?—Кто поможетъ, кромѣ Меня?

Врача ли ищешь?—Кто исцѣлитъ, кромѣ Меня?

Веселія ли ищешь?—Кто увеселитъ, кромѣ Меня?

Утѣшенія ли въ печали ищешь?—Кто утѣшитъ, кромѣ Меня?

Покоя ли ищешь?—У Меня обрящешь покой душѣ своей!

Мира ли ищешь?—Я—миръ душевный!

Жизни ли ищешь?—У Меня источникъ жизни!

Свѣта ли ищешь?—*Азъ есмь Свѣтъ міру!*

Истины ли ищешь?—Азъ есмь *Истина!*

Пути ли ищешь?—Азъ есмь *Путь*!

Вождя ли къ небеси ищешь?—Азъ есмь Вождь вѣрный!

Что же, почему же не хочешь притти ко Мнѣ?

Приступить ли не смѣешь?—Но къ кому доступъ удобнѣе Меня?

Просить ли опасаешься?—Но кому, просящему съ вѣрою, Я отказалъ?

Грѣхи ли не допускаютъ тебя?—Но Я за грѣшниковъ умеръ!

Смущаетъ ли тебя множество грѣховъ?—Но милосердія у Меня еще больше!

Пріидите же ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы (Мѳ. XI, 28).

3. **Не лишай себя чаши Христовой!**

Глаголетъ Господь нашъ пречистыми устами Своими во святомъ евангеліи: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь иматъ животъ вѣчный* (Іоан. VI, 54)—вотъ великое пріобрѣтеніе отъ причащенія святыхъ Его таинъ!—И напротивъ, Онъ же глаголетъ: *аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ* (ст. 53),—вотъ великая потеря отъ лишенія чаши Христовой Знаю, многіе скажутъ мнѣ: „я недостоинъ, я грѣшенъ, и потому не дерзаю приступить къ причащенію Божественныхъ Таинъ“. Хорошо ты говоришь, когда называешь себя грѣшникомъ недостойнымъ, ибо кто можетъ быть совершенно достойнымъ?—*Никтоже достоинъ отъ связавшихся плотскими похотьми и сластьми приходити или приближатися Тебѣ, Царю славы!*—говорится въ „Служебникѣ“. Но худо ты дѣлаешь, удаляя себя отъ причащенія, ибо написано въ псалмахъ: *удаляющіися отъ Тебе, Господи, погибнутъ* (Пс. LXXII, 27).— Недостоинство наше бываетъ двухъ родовъ: недостоинство истинно кающихся и недостоинство неистинно кающихся. Истинно кающіеся удостоиваются Божественнаго причащенія во оставленіе грѣховъ, по слову Христову: *не требуютъ здравіи врача, но болящіи* (Матѳ. IX, 12). Неистинно кающіеся недостойны и Божественнаго причащенія, ибо написано: *не дадите святая псомъ* (Матѳ. VII, 6). Кто же это—неистинно кающійся? Это тотъ, кто утаиваетъ свои грѣхи предъ духовнымъ отцомъ; или открываетъ ихъ, но не жалѣетъ о томъ, что ихъ сдѣлалъ; или же, хотя сожалѣетъ, но не имѣетъ въ сердцѣ твердаго намѣренія, не полагаетъ крѣпкаго обѣта—больше не возвращаться на прежніе грѣхи, а еще намѣренъ и продолжать ихъ: таковый нодостоинъ св. причащенія, и если приступитъ, судъ себѣ ясти и пити будетъ! А кто истинно кается, жалѣетъ о своихъ грѣхопаденіяхъ и полагаетъ непремѣнное намѣреніе, въ надеждѣ на помощь Божію, всячески блюсти себя отъ грѣховъ,—таковый, по милосердію Божію, сподобляется Божественнаго причащенія, хотя бы былъ и весьма недостоинъ. О преподобной Маріи египетской пишется въ житіи ея, что она была великою грѣшницею, что благодать Божія возбраняла ей даже войти въ церковь Божію, о чемъ она потомъ сама разсказывала преподобному Зосимѣ. Но когда эта недостойная грѣшница положила въ своемъ сердцѣ, предъ иконою Пречистой Дѣвы Богородицы, твердое намѣреніе и обѣщаніе—не возвращаться больше ко грѣху,—тотчасъ же не только могла войти свободно въ церковь, но въ тотъ же день сподобилась причащенія Св. таинъ Христовыхъ. Вотъ видите: она еще ничего добраго за грѣхи свои не успѣла сдѣлать, еще не вступила въ скорбный путь подвиговъ пустынныхъ,—едва прошли одни сутки, какъ она оставила свою грѣховную жизнь, а чаши Господней и она не лишается, ибо покаяніе ея было истинно, а не ложно. Подобный разсказъ есть въ Прологѣ. Одному епископу донесли, что двѣ женщины впали въ прелюбодѣяніе. Онъ помолился Богу, чтобы открылъ ему истину, и велѣлъ всѣмъ приготовиться на-утро къ причащенію св. таинъ. И вотъ, когда онъ причащалъ народъ, то лица причащающихся казались ему—у однихъ темными, а у другихъ—свѣтлыми. Подходятъ къ причащенію и тѣ двѣ женщины, и онъ видитъ, что у нихъ лица свѣтлыя, а когда онѣ причастились, то ихъ лица просіяли, какъ солнце. Когда епископъ удивлялся сему, явился ему ангелъ и сказалъ: „тебѣ правду сказали о прелюбодѣяніи сихъ женщинъ, но онѣ покаялись, исповѣдали свой грѣхъ и дали твердое обѣщаніе болѣе не впадать въ него, и вотъ Богъ простилъ имъ грѣхи ихъ и сподобилъ ихъ таковой благодати, какую ты видѣлъ“. Итакъ, никто не лишай себя чаши Господней: только истинно покайся и положи въ своемъ сердцѣ завѣтъ—не возвращаться на прежніе грѣхи! Тогда,—хотя бы ты и недостоинъ былъ,—уповай на милосердіе Божіе, грѣхами всего рода человѣческаго непреодолимое, и приступай къ чашѣ Христовой,—приступай со страхомъ, но и съ надеждою на человѣколюбіе Божіе, и будетъ тебѣ св. причащеніе во оставленіе грѣховъ! Не вѣришь мнѣ въ этомъ? — Повѣрь неложнымъ устамъ Самого Христа Спасителя нашего, Который говоритъ: *пріимите, ядите во оставленіе грѣховъ;—пійте во оставленіе грѣховъ!* Если ты вѣруешь въ Бога, то повѣрь и словамъ Божіимъ; если же не вѣришь словамъ Божіимъ, то значитъ—ты и въ Бога не вѣруешь! Самъ Богъ глаголетъ: причастись Моей чаши,—а ты еще сомнѣваешься! Богъ глаголетъ: будетъ тебѣ во оставленіе грѣховъ,—а ты не вѣришь, ты говоришь: боюсь... Не бойся! Приступи безъ сомнѣнія и съ вѣрою! Хорошо дѣлаешь, что боишься, но худо, что бѣгаешь отъ чаши Христовой. Богъ—не врагъ тебѣ, а врачъ: Онъ хочетъ исцѣлить тебя, а не погубить. Богъ—не супостатъ тебѣ, а Отецъ: Онъ желаетъ дать тебѣ жизнь, а не умертвить. Богъ—не звѣрь и губитель, а милосердный Благодѣтель: Онъ желаетъ тебѣ спасенія, а не погибели; зачѣмъ же ты бѣжишь отъ Его Божественной чаши? Лучше для тебя принять сіе духовное врачевство и исцѣлиться, нежели убѣжать отъ врачевства сего и впасть въ еще болѣе неисцѣльныя болѣзни грѣховныя и погибнутъ. Причастникъ чаши Господней съ Самимъ Христомъ сочетавается,—такъ говоритъ Самъ Господь нашъ: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. VI, 36). Соединиться съ Самимъ Христомъ, Христа въ себѣ имѣть и самому быть во Христѣ! что выше сего? Что дороже? Что лучше?—Вѣдая сіе, будемъ, возлюбленные, чаще приступать къ чашѣ Господней, хотя мы и недостойны ея; по милосердію Божію будемъ достойны, когда очистимъ себя, по мѣрѣ силъ нашихъ, отъ всякія скверны плоти и духа, и положимъ твердое намѣреніе и обѣтъ не возвращаться больше къ прежнимъ грѣхамъ. (Изъ Твореній святителя Димитрія, митрополита ростовскаго, сн. „Троицк. лист.“ № 308).

НЕДѢЛЯ 15-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 92-е, г. XXII, 35—46 ст.

1. Евангельское повѣствованіе о законникѣ, вопросившемъ Іисуса Христа о наибольшей заповѣди въ законѣ, съ изъясненіемъ того, нужно ли любить самихъ себя.

Однажды, разсказывается въ евангеліи, къ Іисусу Христу подошелъ одинъ законникъ и спросилъ Его: *Учитель! какая наибольшая заповѣдь въ законѣ? Іисусъ сказалъ ему: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ себя самого. На сихъ двухъ заповѣдяхъ* *утверждается весь законъ и пророки* (Мѳ. XXII, 36—40). Такова заповѣдь Спасителя! А нужно ли любить самихъ себя, объ этомъ какъ будто бы не говорится. На самомъ же дѣлѣ, любовь къ самому себѣ здѣсь сама собою подразумѣвается. Она имѣетъ тѣсную связь съ любовію къ ближнему, сказано: *возлюби ближняго твоего, какъ самого себя.* Кто не любитъ самого себя, тотъ не можетъ любить и другихъ, — въ комъ нѣтъ уваженія къ себѣ, тотъ не имѣетъ уваженія и къ другимъ, и наоборотъ. Но кто почитаетъ въ себѣ самомъ образъ Божій, тотъ будетъ цѣнить его и въ другихъ. Поэтому, желая исполнить важнѣйшія заповѣди Божіи о любви къ Богу и ближнимъ, намъ нужно любить и самихъ себя, но любить то, что есть въ насъ добраго и прекраснаго, отъ худого же и безнравственнаго — отвращаться. Такимъ образомъ каждый долженъ беречь самого себя (да и пословица говоритъ: „береженаго и Богъ бережетъ“) и, не привязываясь ко всему тлѣнному и скоропреходящему, долженъ дорожить своею жизнію, потому что жизнь дана отъ Бога, и никто, кромѣ Бога, не имѣетъ права распоряжаться ею. Но какъ многіе въ наше время лишаютъ себя жизни! Каждый день получаются извѣстія: одинъ удавился, другой застрѣлился, третій отравился и т. д. Грустное это явленіе! Печальна судьба самоубійцъ: лишая себя временной жизни, они лишаются и вѣчной жизни. Правило св. церкви гласитъ: „аще убо кто самъ себя убьетъ, или заколетъ, или удавитъ,— приношеніе да не принесется за него, токмо аще не будетъ воистину умъ погубилъ“ (Кормч. CVI, пр. 14). Печальна участь самоубійцъ: они лишаются не только напутствія въ жизнь вѣчную—таинства причащенія, но и молитвъ св. церкви, и особенно безкровной жертвы за литургіею. Не безынтересно выслушать по этому поводу слѣдующій разсказъ одного крестьянина о загробной участи отца его — самоубійцы,— участи, которая, по усиленной молитвѣ сына, открыта была ему въ сновидѣніи.

„1865 года, 19 декабря крестьянинъ деревни Кадниковой Иванъ Антроповъ привезъ для погребенія тѣло своей жены, умершей отъ продолжительной болѣзни. По совершеніи погребенія, обратился онъ ко мнѣ, — разсказывалъ священникъ, — съ просьбой отслужить по Матренѣ (женѣ его) двадцать обѣденъ, да еще помянуть всѣхъ сродниковъ, кромѣ отца. — А отецъ-то развѣ живъ у тебя? — „Нѣтъ, померъ... да я слыхалъ, что о немъ нельзя обѣдню-то служить“.— Почему же? Развѣ онъ умеръ не по-христіански? — „То-то и есть, что не по-христіански — отъ своихъ рукъ“.—Какъ же это? Разскажи-ка намъ. А тутъ вмѣстѣ со мною были и мои причетники.

„Дѣло, видишь, было праздничное,— началъ старикъ, — Дмитріевъ день (26 окт.). А извѣстно, что у насъ какъ праздникъ, такъ и пьянство. Отецъ-то, не тѣмъ будь помянутъ, выпить любилъ. Мнѣ въ тѣ поры было лѣтъ восемь или девять. Какъ теперь помню, къ намъ пришли гости; отецъ подгулялъ съ ними и, наконецъ, съ ними же пошелъ къ сыну, который жилъ отдѣльно отъ насъ. Въ избѣ стало пусто и послѣ шума какъ-то скучно. Недолго посидѣлъ я одинъ, и тоже вздумалъ сходить къ брату, да и пошелъ. Бѣгу, (а у насъ между домами былъ переулочекъ такой тѣсный, что человѣку только пройти, — бывало, я все боялся ходить мимо его,— а тогда былъ къ тому же вечеръ), бѣгу, и вдругъ вижу: отецъ-то тутъ и есть — виситъ въ петлѣ на какой-то перекладинѣ... у меня такъ ноги и подкосились... Страшно испугался. Къ тому же показалось мнѣ, что возлѣ отца-то стоитъ страшилище какое-то,—черное, большое, щетинистое; а глаза у него, какъ угли раскаленные, такъ и сверкали, я опрометью бросился къ дому брата и сообщилъ о видѣнномъ... Посудили да порядили... наконецъ, по приказу начальства похоронили въ лѣсу и не отпѣвали. Крѣпко жаль мнѣ было отца, и часто думалъ я о немъ. А какъ выросъ, да женили меня, и сталъ я жить да работать, отецъ не сходилъ у меня съ ума. И началъ я по ночамъ молиться Богу, чтобы узнать, гдѣ теперь отецъ мой. Вотъ однажды и вижу во снѣ: кто-то спросилъ, ровно такой же мужичокъ, какъ я: — ты хочешь знать, гдѣ отецъ твой? „Да, говорю, желалъ бы видѣть его“. — Пойдемъ,—сказалъ онъ,—со мною“. Долго мы шли, и не умѣю сказать гдѣ, точно въ темномъ лѣсу какомъ; только чѣмъ дальше шли мы, тѣмъ земля подъ ногами становилась горячѣе, такъ что ноги жгло. Наконецъ, дошли мы до такого мѣста, гдѣ изъ земли выбрасывается сильнѣйшій огонь, и на большой долинѣ слышу шумъ и трескъ. Незнакомецъ подводитъ меня ближе и ближе, даже противъ моей воли; мнѣ ужъ страшно и больно было отъ жара. Въ пламени томъ постоянно показывались люди; ихъ выбрасывало изъ пропасти какъ будто вмѣстѣ съ огнемъ, а потомъ они опять низвергались въ огненную бездну. Лица ихъ и все тѣло были чѐрны, какъ уголь. Стоны и вопли ихъ были ужасны! „О, Господи! Здѣсь-то, видно, мучатся грѣшники?“ сказалъ я.—Тутъ и твой отецъ,—сказалъ мнѣ вожатый. Но отца я не видѣлъ.

„Послѣ такого ужаснаго сновидѣнія я рѣшительно не зналъ, что дѣлать,—продолжалъ старикъ,—какъ помочь отцу, а помочь хотѣлось. Въ такомъ раздумьи я однажды и заснулъ... И опять вижу во снѣ: великое пламя выходитъ изъ земли, чувствую отвратительный, смрадный запахъ, и слышу страшные вопли и стоны человѣческіе. Всматриваясь, подошелъ поближе, да и думаю, не увижу ли здѣсь отца. Вдругъ онъ и показался на поверхности, да такой черный, какъ въ смолѣ обмазанъ... Я едва узналъ его. — „О, Ваня, голубчикъ! Выкупи ты меня отсюда... тамъ у васъ копейка здѣсь за рубль цѣнится...“—и опять не стало его. Я въ испугѣ-то и слова не успѣлъ вымолвить съ нимъ. И опять думаю, что я не спросилъ, чѣмъ можно помочь ему? Вѣдь онъ, поди, знаетъ. А самъ стою и гляжу на страшный огонь,—не увижу ли еще отца. Между тѣмъ мнѣ показалось, что сверху откуда-то роса и мелкій дождь падаетъ на огонь и нѣсколько ослабляетъ его силу. Думаю опять, что же это значитъ? Это милостыня и молитвы святыхъ за тѣхъ, которые здѣсь мучатся, падаютъ росою на огонь геенскій. Съ тѣхъ поръ я еще чаще сталъ подавать милостыню по душѣ Ѳеодора, отца моего, и понялъ слова: „у васъ копейка—здѣсь за рубль цѣнится“. Только дѣло-то мое не богатое! подавалъ бы и щедро, да нечего“. Такъ окончилъ старикъ свой разсказъ. „Писаніе говоритъ, дѣдушка, — сказалъ я ему: — милостыня отъ смерти избавляетъ и очищаетъ всякій грѣхъ. Много можетъ молитва праведнаго“ (Тов. XII, 9; Іаков. V, 16).

Вотъ видишь, христіанинъ, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ самоубійство! Избави тебя Богъ отъ такого преступленія. Страшная участь ожидаетъ самоубійцу!.. Богъ далъ тебѣ жизнь,— Богъ и возьметъ ее. Тяжело тебѣ жить на свѣтѣ, — гнететъ тебя нужда, болѣзни и другія непріятности,—терпи и уповай на Бога, на жизнь же свою не покушайся, потому что она—отъ Бога: въ Его святой волѣ жить тебѣ или умереть. Люби въ самомъ себѣ то, что цѣнно въ глазахъ Божіихъ: свѣтлый умъ, доброту сердца и твердость воли, — дорожи и жизнію своею, чтобы благоугождать Богу и ближнимъ. (См. Странникъ 1866 г.).

2. **Нѣсколько разсказовъ о живой любви къ Богу.**

I. Отрока Иринея во время его мученій окружили отецъ, мать и всѣ знакомые и со слезами умоляли пощадить свою юность, исполнить волю царя и уклониться отъ мукъ, но Ириней не послушалъ ихъ. На вопросы же мучителя: „имѣешь ли родителей?“ отвѣчалъ: „не имѣю“, повторяя слова Господа: „иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ, и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ“ (Матѳ. X, 37). („В.-чт.“).

II. Родители преп. Саввы освященнаго, встрѣтивши однажды своего сына, уже инока, въ Александріи, послѣ многихъ лѣтъ разлуки, тотчасъ узнали его и бросились къ нему на шею. „Оставь монастырь, сними съ себя черныя одежды, поступай въ военное званіе и будешь съ нами жить въ веселіи и богатствѣ; утѣшь насъ и успокой на старости лѣтъ“, говорили родители сыну, нѣжно обнимая и цѣлуя его. Взволновалось сердце юноши при изліяніи крѣпкой родительской любви, но тотчасъ же блеснуло въ душѣ его сознаніе обязанностей къ Богу, и юноша недолго боролся самъ съ собою: чувство любви къ Богу овладѣло всею его душою и ослабило чувство любви къ родителямъ. Въ этомъ настроеніи сынъ сказалъ имъ: „вы сами знаете слова Спасителя: кто любитъ отца или матерь болѣе, нежели Меня, недостоинъ Меня... и кто не беретъ креста своего и не слѣдуетъ за Мною, тотъ недостоинъ Меня (Матѳ. X, 37—38): сами же судите, возможно ли васъ почитать и любить больше, чѣмъ Бога? Я теперь воинъ Царя небеснаго. Если земные цари наказываютъ смертію воиновъ, бѣжавшихъ во время войны изъ полка, то большему наказанію подвергнетъ Царь небесный тѣхъ, кои, вступивши въ ряды Его духовнаго воинства, оставятъ избранный ими полкъ. Не убѣждайте меня оставить возлюбленное мною мѣсто подвига, слова ваши будутъ для меня пустой звукъ“. Родители, видя твердую рѣшимость сына слѣдовать избранному пути, со слезами простились съ нимъ. (По „Ч.-М.“, 5 дек.);

III. Одинъ молодой благочестивый христіанинъ, жившій при Юліанѣ богоотступникѣ, по имени *Евпсихій*, возвратясь изъ церкви послѣ брачнаго обряда, ликовалъ со своею возлюбленною среди брачнаго пира и привѣтствій многочисленныхъ друзей.

Такая минута—одна изъ лучшихъ въ жизни человѣка. Почти всѣ земныя отрады совмѣщаются въ ней. Если когда, то тѣмъ болѣе въ эту минуту невольно приковывается человѣкъ къ земной жизни...

И вотъ, среди честнаго празднества нарушено было внезапно веселіе видомъ толпы язычниковъ, стремившихся въ *капище для жертвоприношенія* своимъ ложнымъ богамъ... О несчастные! далекіе отъ истины! — возмущается душа молодого христіанина, ликовавшаго свою радость о Господѣ, - я пойду, ниспровергну ихъ идоловъ! Пусть не молятся они разрушеннымъ рукою человѣческою! Пусть познаютъ несозданнаго и несокрушимаго Бога!

И, забывая и пиръ, и невѣсту, и то, что, разрушая предметы ложнаго почитанія, онъ, въ неравной борьбѣ, разрушаетъ свое собственное земное, только-что начинающееся счастіе, Евпсихій вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями-христіанами устремляется въ языческое капище и сокрушаетъ идоловъ, и разоряетъ въ прахъ ихъ вмѣстилище... Быстро донеслась вѣсть объ этомъ до царя — богоотступника Юліана, по приказанію котораго Евпсихій предается страшнымъ истязаніямъ, заточенію въ темницѣ и, наконецъ, приговоренъ къ усѣченію мечомъ (въ 362 году).—(Изъ кн: „Житія святыхъ“ архіеп. Филарета Гумилевскаго; апр. 9 д., стр. 90—91).

3. Разсказы о любви святыхъ къ ближнимъ.

Спаситель сказалъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 35). А гдѣ можно видѣть больше учениковъ Христовыхъ, какъ не среди святыхъ подвижниковъ и пустынниковъ? Нужды нѣтъ, что на плечахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ лежало уже болѣе столѣтія: они съ съ быстротою юноши спѣшили на помощь нуждавшимся, — нужды нѣтъ, что они такъ горячо любили молитву, что нерѣдко восходящее солнце заставало ихъ еще на молитвѣ, которую они начали утромъ наканунѣ: какъ скоро среди самой молитвы слышали они просьбу,—немедленно оставляли молитву и спѣшили на помощь.

I. Взгляните, напримѣръ, на преподобнаго Агаѳона: вы изумитесь необычайной любви его къ ближнимъ. Онъ до того любилъ людей, что, если кто, войдя въ убогую его келью, останавливалъ вниманіе на какой-либо его вещи, Агаѳонъ умолялъ его взять ее себѣ, и не отпускалъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не исполнялъ его просьбы. Онъ до того любилъ людей, что иногда говаривалъ: „о, если бы я могъ отдать прокаженному свое тѣло здоровое, а себѣ взять его тѣло больное!“ („Достопам. сказ. о подв. св. и блаж. отц.“, стр. 32).

II. Посмотрите на преподобнаго Серапіона Синдонита: этотъ старецъ, услышавъ объ одномъ человѣкѣ, что онъ благочестивъ, но держится манихейской ереси, оставилъ любимую пустыню, нанялся къ этому человѣку въ работники и служилъ ему до тѣхъ поръ, пока не убѣдилъ его оставить манихейство. („Чет.-Мин.“ 15 мая).

III. Припомните дружеское, братское обращеніе между собою св. пустынножителей. Вотъ, напримѣръ, преподобный Антоній спрашиваетъ одного ученика своего: „сынъ мой, что это ты все молчишь при мнѣ?“—„Отецъ мой, отвѣчаетъ ученикъ, мнѣ довольно и смотрѣть на тебя“. Сколько любви въ этихъ немногихъ словахъ! Вотъ тотъ же Антоній, узнавъ по откровенію, что въ ѳиваидской пустынѣ спасается старецъ Павелъ, спѣшитъ, несмотря на глубокую старость свою, къ вертепу затворника, и здѣсь, простершись на землѣ, со слезами проситъ у затворника дозволенія взглянуть на лицо его. Дверь затвора отворилась. Съ какою любовію два пустынные старца, никогда невидавшіеся, обнимаютъ другъ друга, съ какимъ усердіемъ одинъ передаетъ подробности своей жизни, съ какихъ глубокимъ вниманіемъ другой слушаетъ его рѣчи! Съ какимъ потóмъ радушіемъ хозяинъ пещеры удѣляетъ гостю хлѣбъ, принесенный ему ворономъ! Умилительное зрѣлище! „Горе мнѣ, бѣдному грѣшнику, недостойному носить имя пустынника! Я видѣлъ Илію, я видѣлъ Іоанна въ пустынѣ, ахъ! я видѣлъ Павла въ раю“, сказалъ Антоній ученикамъ своимъ по возвращеніи своемъ. („Чет.-Мин.“ 15 января).

IV. О преподобномъ Исидорѣ, пресвитерѣ скитскомъ, повѣствуютъ, что онъ, видя брата слабаго, или нерадиваго.

или малодушнаго, или буйнаго, изгоняемаго за эти пороки отъ старцевъ, всегда приглашалъ его къ себѣ, и съ помощію то терпѣнія, то дружелюбныхъ замѣчаній наставлялъ его на путь спасенія. Какъ рѣдко столь ангельское усердіе и столь благословенное искусство! (Уч. бл. т. II).

V. Одинъ инокъ изъ числа сирійскихъ пустынниковъ принесъ однажды преподобному Макарію гроздъ винограду. Макарій, который жилъ по духу христіанской любви, которая не ищетъ своего, отнесъ виноградъ другому брату, бывшему тогда больнымъ. Больной чрезвычайно обрадовался этому знаку любви святого мужа и благодарилъ за то Господа. Но, помышляя болѣе всего о благѣ ближняго, чѣмъ о своемъ собственномъ, не вкусилъ винограда, а отослалъ его къ другому брату. Этотъ сдѣлалъ то же и переслалъ къ четвертому. Такимъ образомъ гроздъ обошелъ всѣ кельи братій, и, переходя изъ рукъ въ руки, возвратился, наконецъ, опять къ тому, кто первый получилъ его въ даръ, къ препод. Макарію. Священная радость объяла душу праведника, когда онъ увидѣлъ между братіею любовь и воздержаніе, живо выражавшія слова божественнаго апостола: „не оставайтесь должными никому ничѣмъ кромѣ взаимной любви, ибо любящій другого исполнилъ законъ“ (Рим. XIII, 8). (Изъ „Воскр. чт.“).

VI. Не слыхали ли вы о саровскомъ пустынникѣ, отцѣ Серафимѣ? Онъ скончался въ 1833 году, слѣдовательно жилъ почти въ наши времена. Посмотрите, какую дивную любовь являлъ этотъ старецъ: каждый день отъ ранней обѣдни до 8 часовъ вечера, въ бѣломъ балахончикѣ, въ епитрахили, поручахъ и полумантіи онъ принималъ къ себѣ посѣтителей, которыхъ до 5.000 человѣкъ иногда приходило къ нему въ день! Всѣхъ онъ встрѣчалъ и провожалъ съ ласкою и радостію. Всѣхъ любилъ называть: батюшка мой, матушка моя, радость моя. Всѣхъ благословлялъ, всѣхъ поучалъ, назидалъ, утѣшалъ, исцѣлялъ, многихъ исповѣдывалъ; многихъ заставлялъ лобызать мѣдное распятіе, висѣвшее у него на груди, или св. икону, стоявшую у него на столѣ; инымъ давалъ антидору, либо св. воды, либо сухариковъ въ благословеніе; другимъ начертывалъ на челѣ крестъ масломъ изъ лампады; нѣкоторыхъ обнималъ и цѣловалъ съ привѣтствіемъ: Христосъ воскресе! (Сказаніе о жизни и подвигахъ о. Серафима, затворника Саровской пустыни, сн. кн. „Минуты пастырскаго досуга“, еп. Гермогена т. II, стр. 19—24).

4. Разсказы изъ современной жизни русскаго народа о положившихъ душу свою за други своя.

а) Газетѣ „Новости“, 1892 г., въ № 216, сообщаютъ изъ Тюмени о христіанской кончинѣ священника Іоанна Тихомирова: удручающее впечатлѣніе произвела тамъ смерть досточтимаго пастыря отца Іоанна Тихомирова, священника Зарѣченской Георгіевской церкви, у котораго приступы холерныхъ припадковъ обнаружились во время богослуженія. По всему вѣроятію, отецъ Іоаннъ заразился при напутствіи холерныхъ больныхъ, которыхъ онъ, вообще, охотно и усердно посѣщалъ.—„Вы бы поберегли себя, батюшка“, иногда говорили ему.—Беречься? А развѣ, напутствуя умирающихъ, я не берегу душу!—отвѣчалъ онъ.

Отецъ Іоаннъ Тихомировъ, въ своихъ рѣчахъ, всегда совѣтовалъ прихожанамъ, что надо въ началѣ болѣзни, а не въ послѣдній уже часъ, прибѣгать къ религіи, чтобы приготовить духъ къ борьбѣ со смертію.—„Человѣкъ съ твердымъ духомъ,—говорилъ онъ, всегда выше своихъ несчастій“.

б) Газета „Каспій“ сообщаетъ о смерти въ г. Баку одной изъ тѣхъ личностей, память о которыхъ не должна умирать:

17 іюня въ холерномъ отдѣленіи скончалась послѣ непродолжительныхъ 12 часовыхъ страданій, сестра милосердія Н. В. Навойтникъ, покойной было еще только 36 л.

Полная самой чистой христіанской любви, готовая каждый часъ на самопожертвованіе, она стала просить, чтобъ ей позволили ухаживать за холерными больными; ей было отказано. Она вторично, еще болѣе рѣшительно заявила свое желаніе, и только тогда оно было исполнено.

Съ этой минуты начинается рядъ поистинѣ геройскихъ подвиговъ этой самоотверженной женщины. Ей приходилось быть и врачомъ, и фельдшеромъ, и сидѣлкой. Своими слабыми руками она переносила больныхъ, кормила ихъ, растирала, обращалась къ каждому больному съ улыбкой любви и словами утѣшенія. Умирающимъ она закрывала глаза и, стоя на колѣняхъ у изголовья ихъ, молилась за нихъ.

Надломленный организмъ ея не вынесъ: она заразилась холерой, и 17 іюня ея не стало.

Разсказываютъ, что больные, узнавъ объ ея смерти, плакали. Эти слезы—лучшее надгробное слово умѣвшей такъ много и сильно любить женщинѣ. Тихо, безъ громкихъ фразъ, безъ славы, совершала она свой тяжелый путь, отдаваясь всѣмъ сердцемъ своимъ великому дѣлу любви. Какъ жалки и ничтожны кажутся всѣ наши дѣла, личныя заботы и страхи предъ этимъ подвигомъ милосердія!

Вѣчная память этимъ благороднымъ жертвамъ христіанскаго долга! Дай Богъ, чтобы земля русская не оскудѣла такими людьми, и чтобы ихъ умѣли цѣнить и понимать при жизни, а не въ могилѣ. Они исполнили завѣтъ Христа о любви до смерти, они жизнь свою отдали для жизни другихъ. И что можетъ быть выше и святѣе этой любви? Поистинѣ, *больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV, 13).

5. Любовь къ ближнимъ выше поста.

Авва Кассіанъ разсказывалъ: „нѣкогда пришли мы, я и св. Германъ, въ Египетъ къ одному старцу; и когда онъ принялъ насъ съ любовію, мы спросили его: почему вы, принимая чужестранныхъ братій, нарушаете правило поста, соблюдаемое у насъ, въ Палестинѣ? Старецъ отвѣчалъ: постъ всегда со мною, а съ вами я не могу быть всегда. Постъ, хотя полезенъ и необходимъ, однакожъ онъ въ нашей волѣ, а исполненіе дѣлъ любви неотложно требуется закономъ Божіимъ. Въ лицѣ вашемъ принимая Самого Христа, я долженъ служить вамъ со всѣмъ усердіемъ; а упущеніе противъ правила поста могу вознаградить, когда отпущу васъ: ибо не могутъ сынове брачніи, дондеже женихъ съ ними есть, поститься. Егда же отнимется отъ нихъ женихъ, тогда по праву постятся“ (Мар. II, 19—20; Мѳ. IX, 15.) (Извл. изъ кн. „Дост. сказ. о подв. св. и блаж. отц.“, стр. 175).

6. Случай изъ жизни препод. Маркіана, объясняющій ту истину, что любовь къ ближнему не должна ограничиваться естественнымъ чувствомъ родства.

Однажды къ преп. Маркіану пришла изъ его отеческаго дома родная сестра съ своимъ сыномъ, который былъ начальникомъ въ городѣ Кирѣ, и принесла ему въ изобиліи необходимаго для жизни. Сестру онъ не допустилъ видѣться съ собою, племянника же принялъ, потому что то было во время, опредѣленное у него для свиданія. Когда же они просили его принять, что было принесено, онъ спросилъ: „чрезъ сколько монастырей вы прошли и сколько кому удѣлили изъ этого?“ И на отвѣтъ племянника, что они ничего нигдѣ не дали, онъ сказалъ: „отойдите же съ тѣмъ, что принесли. Мы ни въ чемъ этомъ не нуждаемся, да еслибы и нуждались, не приняли бы, потому что вы захотѣли облагодѣтельствовать насъ этимъ по чувству естественнаго родства, а не по усердію къ священному долгу. Если бы уважали не одно только родство, то не намъ однимъ отдали бы то, что несли“. Сказавъ это, онъ отослалъ племянника съ сестрою, приказавъ, чтобы ничего даже самаго малаго не было принято изъ приношеній ихъ. Живя такимъ образомъ выше естества, Маркіанъ переселился въ жизнь небесную (Изъ кн: „Исторія боголюбцевъ“, блаж. Ѳеодорита, еп. киррскаго; стр. 57—58).

7. Подвигъ самоотверженія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ англійскій корабль тонулъ недалеко отъ береговъ Франціи, увлекая съ собою въ бездны океана болѣе 200 человѣческихъ существъ. Но на этомъ кораблѣ среди этой ужасной обстановки и при шумѣ бури слышался голосъ молитвы, Божественное слово раздавалось со всею торжественностью. Въ послѣднюю минуту, когда отвязывали отъ корабля единственную лодку, видѣли дивное зрѣлище: погибающіе уступали ее другимъ, жизнь которыхъ считали болѣе полезною, и, когда лодка удалилась, видѣли на палубѣ корабля[1], который уже погружался въ волны, жену миссіонера, которая сняла съ себя плащъ и бросила отъѣзжающимъ на лодкѣ для того, чтобы онъ могъ предохранить отъ холода одного изъ тѣхъ, которые должны были ее пережить... Этотъ трогательный и высокій подвигъ любви христіанской не умретъ погребеннымъ подъ волнами океана, покрывающими тѣла этихъ несчастныхъ,—нѣтъ, онъ для насъ останется вѣчно живымъ: онъ войдетъ въ эту чудную исторію, гдѣ вписываются всѣ самопожертвованія, которыя вызвалъ на землѣ духъ Христа,— онъ сольется съ этой непрестанной борьбой, которую христіанская любовь ведетъ съ себялюбіемъ, — онъ будетъ служить гораздо больше, чѣмъ наши слова, торжеству истины. (Изъ „Избр. бесѣдъ“ Е. Берсье).

---

[1] Корабь «Лондонъ» погибъ въ Бискайскомъ заливѣ 10 января 1866 года.

8. Урокъ любви христіанской.

Древній учитель церкви, Климентъ александрійскій въ своихъ писаніяхъ сохранилъ такой разсказъ изъ жизни св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова.

„Разъ св. апостолъ Іоаннъ пришелъ въ одинъ городъ, не подалеку отъ Ефеса, гдѣ, между прочимъ, преподавъ утѣшеніе братіи, замѣтилъ юношу виднаго собою, прекраснаго лицомъ, съ пламеннымъ взоромъ; и, послѣ всего, обратившись къ начальствующему епископу, сказалъ: „*его* особенно поручаю тебѣ въ присутствіи церкви и предъ Христомъ свидѣтелемъ“. Епископъ принялъ юношу въ свое попеченіе и обѣщалъ приложить о немъ все стараніе. Святый Іоаннъ опять повторилъ свое завѣщаніе, и наконецъ, отправился въ Ефесъ. Старецъ, взявши къ себѣ въ домъ порученнаго ему юношу, воспитывалъ его, надзиралъ за нимъ, заботился о немъ съ нѣжностію, а наконецъ, просвѣтилъ его и святымъ крещеніемъ; но послѣ сего менѣе уже сталъ наблюдать и стараться о немъ, въ той надеждѣ, что печать Господа, положенная на немъ, послужитъ ему вѣрною защитою. Освободившись преждевременно изъ-подъ надзора, юноша подружился, къ несчастію, съ молодыми людьми, однихъ съ нимъ лѣтъ, праздными, буйными, способными на всякое худое дѣло. Сперва они завлекли его тѣмъ, что не разъ дѣлали для него богатые пиры; потомъ, въ одну ночь, отправившись на разбойническій промыселъ, взяли и его съ собою; а наконецъ, скоро склонили его и къ важнѣйшимъ злодѣяніямъ. Онъ привыкалъ къ нимъ нечувствительно, и имѣя отъ природы отличныя дарованія, какъ дикій и могучій конь, сбившись однажды съ прямого пути, и закусивъ удила, быстрѣе и быстрѣе летѣлъ къ пропасти. Отчаявшись же получить спасеніе отъ Бога, онъ не ограничился первыми опытами преступленія, но рѣшился на злодѣянія самыя ужасныя, чтобы вполнѣ уже раздѣлить страшную судьбу съ сообщниками своего злодѣйства. Составивши изъ нихъ шайку разбойниковъ, онъ съ охотою сталъ начальствовать надъ нею, и превзошелъ всѣхъ звѣрствомъ, кровожадностію и безчеловѣчіемъ. Спустя сколько-то времени, по одному нужному дѣлу, Іоаннъ опять былъ приглашенъ въ тотъ же городъ. Устроивши все, что требовало его присутствія, онъ обратился къ епископу и сказалъ: „отдай же намъ залогъ, который я и Спаситель вручили тебѣ въ присутствіи церкви, тобою управляемой“. Епископъ сначала изумился, думая, не оклеветали ли его въ присвоеніи какихъ-либо денегъ, тогда какъ онъ не бралъ никакихъ. Апостолъ далѣе изъяснился: „я хочу знать о юношѣ, о душѣ брата нашего“. Тогда старецъ тяжело вздохнулъ и со слезами сказалъ: „онъ умеръ“!—„Какъ? какою смертію?“ спросилъ апостолъ. „Для Бога умеръ!“ отвѣчалъ епископъ: „сталъ злымъ, развратнымъ, а главное, разбойникомъ. Теперь, оставивъ церковь, онъ поселился на горѣ съ подобнымъ себѣ сообществомъ“. Тутъ апостолъ разорвалъ на себѣ одежду, и съ тяжкимъ стономъ воскликнулъ: „добраго же стража душѣ брата нашего я оставилъ! дайте мнѣ коня! пусть кто-нибудь проводитъ меня“!.. Тотчасъ, со всевозможною скоростію, онъ отправился изъ церкви. Наконецъ, подъѣзжаетъ къ указанному мѣсту. Сторожевые разбойники схватили его, но онъ и не думалъ бѣжать, или противиться. „Я за тѣмъ и пришелъ“, говорилъ онъ имъ, „чтобы вы отвели меня къ своему начальнику“. А сей, между тѣмъ, ожидалъ его съ оружіемъ; но лишь только узналъ, что приближается къ нему Іоаннъ, со стыда обратился бѣжать. Апостолъ собралъ всѣ силы и, забывши старость свою, гнался за нимъ, крича ему въ слѣдъ: „что ты бѣжишь отъ меня, сынъ мой! не бойся! Есть еще надежда спастись тебѣ; самъ буду отвѣчать за тебя Христу!.. Я радъ, если нужно, умереть за тебя, какъ и Господь за насъ; за твою душу я готовъ отдать свою... Остановись! Повѣрь, Христосъ послалъ меня“!.. Услышавши это, юноша сперва остановился и смотрѣлъ въ землю, потомъ бросилъ свое оружіе, задрожалъ, и горько заплакалъ. Когда же старецъ-апостолъ приблизился къ нему и обнялъ его, то юноша оправдывался, чѣмъ только могъ — одними стонами, и очищалъ себя слезами, какъ бы вторымъ крещеніемъ. Апостолъ увѣрялъ, клялся, что и для него пріобрѣтено Спасителемъ прощеніе грѣховъ, умолялъ его, палъ на колѣни, даже началъ цѣловать его правую руку, какъ бы она была уже очищена покаяніемъ, и такимъ образомъ опять привелъ его въ церковь. Потомъ Іоаннъ началъ усердно и часто молиться за него Богу, вмѣстѣ съ нимъ содержалъ продолжительные посты, успокаивалъ его мысли разными назидательными бесѣдами, и, говорятъ, не прежде удалился, какъ совершенно уже возвратилъ его въ нѣдра церкви“. (Изъ жит. св. ап. и еванг. Іоанна Богослова).

9. Пустынники—милостивцы.

Одинъ братъ спросилъ авву Нистероя: „если придетъ нищій и попроситъ у тебя одежды, то какую ты отдашь ему?“ (У старца было только двѣ одежды). Старецъ отвѣчалъ: „лучшую“. Братъ опять спросилъ: „а если другой попроситъ у тебя, тому что дашь?“ Старецъ сказалъ: „половину другой одежду“. — Братъ еще спросилъ: „а если кто еще попроситъ у тебя, тому что дашь?“ — Старецъ сказалъ: „раздеру остальную и дамъ ему половину, а изъ другой половины сдѣлаю себѣ опоясаніе“. Наконецъ, братъ спросилъ: „если кто попроситъ у тебя и опоясаніе, тогда что сдѣлаешь?“—Старецъ говоритъ: „отдамъ ему остальное, а самъ пойду куда-нибудь и буду дожидаться, пока Богъ пошлетъ мнѣ одежду и прикроетъ меня“. Вотъ какъ исполняли святые пустынники заповѣдь Господню: *просящему у тебе дай* (Мѳ. V, 42). А вотъ какую любовь они оказывали къ страждущимъ: преподобный Агаѳонъ, пришедши однажды въ городъ для продажи вещей своихъ, нашелъ на улицѣ лежавшаго больного странника, о которомъ никто не заботился, нанялъ для него небольшую комнатку, остался при немъ, ухаживалъ за нимъ, платилъ за комнату изъ денегъ, получаемыхъ за рукодѣлье, а что оставалось изъ скуднаго заработка, то употреблялъ на другія нужды больного. Старецъ пробылъ съ больнымъ три мѣсяца, пока тотъ совсѣмъ выздоровѣлъ, и только тогда возвратился въ келью свою. — Этотъ угодникъ Божій самъ говорилъ: „если бы я нашелъ прокаженнаго и могъ отдать ему свое тѣло, а его тѣло взять себѣ, я охотно бы сдѣлалъ это: такова должна быть совершенная любовь“.—О преподобномъ Макаріи разсказываютъ: приходитъ онъ однажды къ сосѣднему отшельнику и застаетъ его больнымъ. Святой старецъ спрашиваетъ болящаго: не хочетъ ли онъ чего съѣсть? А въ кельи у больного ничего не было. Больной проситъ душистой лепешки (пастилы). И старецъ Божій, чтобы успокоить болящаго брата, не полѣнился сходить въ Александрію, и досталъ ему пастилы. Ради любви къ ближнему, святые подвижники готовы были оказать ему всякое снисхожденіе, только бы успокоить немощнаго. За то Господь и не оставлялъ ихъ безъ особенныхъ утѣшеній. Такъ, однажды тотъ же преподобный Агаѳонъ шелъ въ городъ для продажи небольшихъ сосудовъ своего издѣлія, и находитъ на дорогѣ прокаженнаго. Прокаженный спрашиваетъ его: „куда идешь?“—Авва Агаѳонъ отвѣчаетъ ему: „въ городъ, продавать сосуды“. — Прокаженный говоритъ ему: „сдѣлай милость, снеси и меня туда“. — Старецъ поднялъ его и принесъ въ городъ. Больной сказалъ: „положи меня тамъ, гдѣ ты будешь продавать сосуды“. Старецъ исполнилъ его желаніе. Когда онъ продалъ одинъ сосудъ, прокаженный спросилъ его: „за сколько продалъ ты?“ — Старецъ сказалъ, за сколько. Больной сказалъ: „купи мнѣ пирогъ“. Старецъ купилъ. Потомъ продалъ другой сосудъ. Больной опять спросилъ: „этотъ продалъ за сколько?“ „За столько-то“,— отвѣчалъ Агаѳонъ. Больной сказалъ: „купи мнѣ такой же пирогъ“. Авва Агаѳонъ купилъ. Наконецъ, когда старецъ продалъ всѣ сосуды и хотѣлъ итти назадъ, прокаженный спросилъ: „ты уходишь?“ „Да“,—отвѣчалъ старецъ. Больной сказалъ ему: „сдѣлай милость, отнеси меня опять туда, гдѣ взялъ“. Старецъ взялъ его и отнесъ на прежнее мѣсто. И говоритъ ему тогда прокаженный: „благословенъ ты, Агаѳонъ, отъ Господа на небѣ и на землѣ!“ Агаѳонъ посмотрѣлъ, но никого уже не увидѣлъ: это былъ ангелъ Господень, пришедшій испытать его.—Вотъ еще заповѣдь любви: *взаимъ дадите, ничесоже чающе воспріяти* (Мѳ. V, 42), и вотъ какъ ее исполняли святые подвижники: однажды авва Іоаннъ Персіянинъ занялъ у брата златицу и купилъ себѣ льну для работы. Приходитъ къ нему другой братъ и проситъ: „дай мнѣ, авва, немного льну“. Авва далъ ему съ радостію. Приходитъ другой братъ и тоже проситъ у него: „дай мнѣ нѣсколько льну“. Старецъ и этому далъ. И кто ни просилъ у него — никому не отказывалъ, всѣмъ давалъ съ радостью, хотя и для себя то занялъ: не было ничего въ запасѣ. Удивительно было въ этомъ старцѣ и то, что, если кто приходилъ къ нему взять что-нибудь въ долгъ, онъ не самъ давалъ изъ своихъ рукъ, а говорилъ просителю: „пойди, возьми себѣ, что нужно.“ — Когда взявшій приносилъ долгъ, то старецъ говорилъ: „положи это опять на свое мѣсто“. Если же кто не приносилъ долга, то старецъ и не напоминалъ ему объ этомъ. А вотъ какъ они, святые пустынники, безкорыстно трудились для ближняго: преподобный Піоръ работалъ у кого-то во время жатвы по найму. По окончаніи работы онъ напомнилъ хозяину о платѣ, но тотъ отложилъ плату до времени, и авва возвратился въ монастырь. На другой годъ, когда настало время жатвы, авва опять пошелъ къ тому же хозяину, работалъ на него усердно, но не получилъ ничего, и опять вернулся въ обитель. И въ третье лѣто старецъ, окончивъ обычную работу у того же человѣка, ушелъ отъ него безъ всякой платы. Но когда Господь благословилъ домъ того человѣка, у котораго онъ работалъ, Піоръ взялъ плату, принесъ ее къ одному святому старцу, упалъ къ ногамъ его и, отдавая ему деньги, сказалъ: „Господь ущедрилъ меня“. А тотъ велѣлъ отдать принесенное на церковь. — То ли бываетъ въ міру? Все, сказанное доселѣ, можно назвать дѣлами милости тѣлесной, а вотъ дѣла милости духовной, любовь смиренныхъ рабовъ Божіихъ къ душѣ ближняго, о ней попеченіе ихъ. Одинъ согрѣшившій братъ пришелъ къ аввѣ Лоту и въ смущеніи входилъ и выходилъ изъ кельи, будучи не въ силахъ открыть своего грѣха. Тогда авва Лотъ спрашиваетъ его: „что съ тобою, братъ?“ Братъ сказалъ: „я сдѣлалъ большой грѣхъ и не могу открыть его отцамъ“. Старецъ сказалъ ему: „исповѣдуй грѣхъ свой мнѣ, и я возьму его на себя“. Братъ со скорбію повѣдалъ ему грѣхъ свой.— „Не унывай, — сказалъ ему старецъ, — есть еще покаяніе. Пойди, пребывай въ пещерѣ и постись по два дня, а я принимаю на себя половину грѣха твоего“. Прошло три недѣли, и старцу было открыто, что Богъ принялъ покаяніе брата, который и оставался потомъ у старца въ послушаніи до самой смерти своей. Или вотъ еще разсказъ объ аввѣ Ахилѣ: пришли къ нему три старца, изъ коихъ объ одномъ носилась худая молва. Одинъ изъ старцевъ говоритъ аввѣ Ахилѣ: „авва, сдѣлай мнѣ неводъ“. Ахила отвѣчаетъ: „не сдѣлаю“. Другой старецъ проситъ о томъ же. И ему авва отвѣчаетъ: „мнѣ недосугъ“. Наконецъ, говоритъ и тотъ самый, о коемъ была худая молва: „сдѣлай, авва, мнѣ неводъ, чтобы мнѣ имѣть что-нибудь изъ рукъ твоихъ“. Ахила тотчасъ съ радостью отвѣчалъ ему: „для тебя сдѣлаю“. Послѣ два старца спросили его наединѣ: „почему, когда мы просили тебя, ты не хотѣлъ для насъ сдѣлать, а ему сказалъ: „для тебя сдѣлаю?“ Авва Ахила отвѣчалъ имъ: „я сказалъ вамъ — не сдѣлаю, и вы не оскорбились на меня, повѣрили, что мнѣ недосугъ, а если я ему не сдѣлаю, онъ скажетъ: старецъ услышалъ о моихъ грѣхахъ и потому не захотѣлъ сдѣлать для меня. — Чрезъ это я ободрилъ душу его, чтобы онъ не былъ поглощенъ чрезмѣрною печалію“. Такъ любили ближняго святые отшельники. (Изъ Скитск. патерика).

НЕДѢЛЯ 16-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 105, гл. XXV, 14—30 ст.

1. Притча Господа о талантахъ, съ назиданіемъ не лѣниться и не зарывать въ землю даннаго отъ Бога таланта.

Предложимъ въ наше назиданіе притчу Спасителя о талантахъ. Въ этой притчѣ наглядно разъясняется, что Богъ надѣляетъ человѣка неодинаковыми способностями, и что каждый долженъ развивать данныя ему способности и употреблять ихъ съ пользою для другихъ и для своей души. „Одинъ господинъ, — такъ читается въ евангеліи, — отправляясь въ дальнюю сторону, поручилъ свое имѣніе рабамъ своимъ: одному далъ пять талантовъ, другому — два, третьему — одинъ, каждому по его силамъ, и самъ отправился“. Вы, конечно, и сами можете догадаться, что господинъ—самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Творецъ и Промыслитель нашъ: а рабы — мы всѣ, люди; подъ талантами разумѣются различныя способности, разныя дарованія и различные виды служенія обществу. Всѣхъ насъ Господь Богъ надѣляетъ извѣстными способностями и дарованіями и предназначаетъ къ извѣстнаго рода служенію: одинъ предназначается Богомъ для служенія обществу въ высокомъ санѣ, а другой въ низкомъ, одного Богъ надѣляетъ хорошимъ умомъ, другого—богатствомъ, а третьяго — искусствомъ. И каждый изъ насъ долженъ съ пользою употреблять данные ему отъ Бога таланты, и каждый въ своемъ званіи долженъ благоугождать Богу. Но, къ сожалѣнію, не всѣ изъ насъ употребляютъ свои таланты съ пользою для ближнихъ и для своей души, какъ это видно изъ дальнѣйшихъ словъ притчи: „получившій отъ господина пять талантовъ пошелъ, сталъ трудиться и пріобрѣлъ на нихъ еще пять талантовъ; получившій два пріобрѣлъ еще два, а получившій одинъ взялъ да и зарылъ талантъ своего господина,— т.-е. всю жизнь провелъ въ праздности и лѣности. Вернувшійся домой господинъ первыхъ двухъ рабовъ похвалилъ, назвалъ ихъ *добрыми и вѣрными рабами* и наградилъ, а скрывшаго талантъ въ землю назвалъ *лукавымъ и лѣнивымъ рабомъ* и повелѣлъ бросить его во тьму кромѣшнюю. (Матѳ. XXV, 14—30).

Къ такимъ гибельнымъ и печальнымъ результатамъ приводитъ насъ лѣность. Она приводитъ человѣка къ разоренію домашняго хозяйства. „Проходилъ я,— пишетъ премудрый писатель, — мимо поля лѣниваго и мимо виноградника человѣка скудоумнаго,—и вотъ все это заросло терніемъ, поверхность его покрылась крапивою, и каменная ограда его обрушилась. (Притч. XXIV, 30—31). Отъ лѣности обвиснетъ потолокъ, и когда опустятся руки, то протечетъ вода (Екклез. X, 18)“. Эти слова — сущая правда. Посмотрите на лѣнтяя: онъ, хотя ничего не дѣлаетъ, а ходитъ какъ бы измученный, всѣмъ и всѣми недовольный. Отъ чего это? Отъ лѣности. Пришла, напр., пора заготовлять дрова, сосѣди ушли въ лѣсъ заготовлять дрова на зиму, а онъ сидитъ дома, — „успѣю, говоритъ, сдѣлать это и послѣ“... Пришла весна, лѣто... Сосѣди давно пашутъ, и косятъ, и жнутъ, а онъ все еще собирается, да жалуется на разныя боли. А наступитъ базаръ, и боли всѣ прошли. Но вмѣсто того, чтобы на базарѣ промыслить что-нибудь, продать или купить, онъ только разыскиваетъ своихъ пріятелей, чтобы съ ними пображничать. А тамъ, смотришь, и покосъ у него хуже всѣхъ, да и въ домъ-то къ нему придешь, такъ сердце заболитъ, глядя на его голодныхъ, оборванныхъ ребятишекъ и на забитую, больную отъ холода и голода жену его. Не увидишь у него на дворѣ ни лошадки, ни коровушки, ни овечекъ,—все продано или за недоимки, или за долги. Вотъ до какого разоренія доводитъ человѣка лѣность!

Но особенно часто проявляется наша лѣность или, лучше сказать, безпечность въ заботѣ о вѣчномъ спасеніи. „Гдѣ намъ спастись, — обыкновенно говорятъ, — мы — люди простые, занятые своимъ дѣломъ, намъ некогда и подумать о своей душѣ“... Неосновательны эти отговорки: это говоритъ лѣность, праздность, безпечность. Почитайте житія святыхъ, и вы увидите, что ни бѣдность, ни богатство, ни знатная и ни уничиженная доля не мѣшаютъ человѣку служить Богу. Не бѣденъ ли былъ, напр., преподобный Павелъ Ѳивейскій? Онъ не имѣлъ даже одежды, а покрывался древесными листьями; онъ жилъ въ пустынѣ безъ всякаго пособія со стороны людей, а получалъ пищу отъ ворона (Чет.-Мин. 15 янв.),—но этому бѣдняку бѣдность не помѣшала сдѣлаться великимъ угодникомъ Божіимъ. А вотъ и богатая, да такая, что съ ея богатствомъ никто не могъ сравниться,—и то она могла преувеличить данный ей отъ Бога талантъ. Это—преподобная Меланія (память ея празднуется 31 декабря). Она имѣла богатство не только въ Римѣ, гдѣ она родилась, но и въ Сициліи, и въ Испаніи, и въ Галліи, и въ Британіи, и богатство ея состояло не изъ домовъ только, но и изъ обширныхъ лѣсовъ, полей и пр. Но богатство не увлекло ее отъ Бога, — она съ Богомъ жила, съ Богомъ почила, съ Богомъ и блаженствуетъ теперь на небѣ.

Каждый, въ какомъ бы званіи и состояніи ни былъ, можетъ пріумножить данный отъ Бога талантъ на пользу себѣ, ближнимъ и въ угожденіе Господу, лишь бы только не обуяли его: лѣность, безпечность и праздность.

„Лѣность — мать пороковъ“. Она, по слову св. Тихона Задонскаго, много беззаконій рождаетъ: отсюда пьянство, отсюда всякія блудныя дѣла, отсюда частыя пиршества, хищенія, грабленія, обманы, ссоры, драки и прочія беззаконія. Праздность научаетъ воровать, лгать, льстить, обманывать, ибо праздный, не имѣя чѣмъ питаться, устремляется на похищеніе чужихъ трудовъ. Такъ *праздность научаетъ многой злобѣ*, по слову премудраго Сираха (XXXIII, 28).

Въ виду такихъ пагубныхъ послѣдствій отъ лѣности, бѣгайте ее, христіане, — трудитесь во славу Божію и на пользу своего отечества и пріумножайте данные отъ Бога таланты. Хотя бы тебѣ данъ былъ и одинъ талантъ (т.-е. если бы тебѣ пришлось нести обязанности низкія), но ты все-таки трудись и старайся удвоить свой талантъ, дабы не-услышать страшнаго приговора Господа: *неключимаго раба ввергите во тьму кромѣшнюю* (Мѳ. XXV, 30). (См. „Воскр. лист.“ № 692, изд. ред. „В. Дня“).

2. Должно жить не по закону внѣшняго долга, но по закону нравственности христіанской.

Кто этотъ рабъ лѣнивый и лукавый, упоминаемый въ притчѣ о талантахъ? Бываютъ рабы, которые, подобно неправедному домоправителю одной изъ притчей Христовыхъ (Лук. XVI), расточаютъ ввѣренное имъ отъ Господа имущество, употребляя его не на пользу, а во вредъ себѣ и ближнимъ; бываютъ еще рабы, которые, подобно блудному сыну другой Христовой притчи (Лук. XV), живутъ распутно и убиваютъ тѣмъ въ себѣ совершенно силы духовныя и разоряютъ свое матеріальное состояніе. Все это такіе великіе пороки, зло возросло здѣсь до такихъ большихъ размѣровъ, что предъ сознаніемъ каждаго сразу выдаетъ себя въ своемъ дѣйствительномъ достоинствѣ. Даже сами этого рода несчастные произнесутъ надъ собой справедливый приговоръ, если милосердый Господь дастъ имъ „притти въ себя“, и они при этомъ испытаютъ страхъ и трепетъ при мысли предстать нѣкогда предъ лице нелицепріятнаго Судіи Бога. Но не таковъ рабъ лѣнивый и лукавый: какъ вы видите, онъ считаетъ себя правымъ предъ своимъ господиномъ и даже не трепещетъ держать предъ нимъ дерзкій отвѣтъ. И это, очевидно, потому, что, по его сужденію, онъ не растратилъ и не терялъ ввѣреннаго ему таланта, а, напротивъ, тщательно сохранилъ его, — онъ скрылъ его въ землѣ.

Итакъ, прежде всего онъ *скрылъ* талантъ свой: онъ, слѣдовательно, не употребилъ празднаго ему таланта въ дѣло, на пользу себѣ и ближнимъ и во славу Божію; имѣя, напримѣръ, матеріальный достатокъ, не благотворилъ ближнимъ; обладая значительною силою ума, не воспользовался имъ для пріумноженія своихъ знаній; обладая знаніемъ, не сдѣлалъ изъ него приложенія къ просвѣщенію невѣдущихъ и къ защитѣ истины отъ ея враговъ; но скрывъ талантъ свой въ землѣ, онъ *сохранилъ* его въ цѣлости, онъ не расточилъ его, какъ неправедный домоправитель, и не потерялъ его, какъ блудный сынъ; ни въ какихъ крупныхъ порокахъ совѣсть его не обличаетъ. Итакъ, мало того, что онъ не страдаетъ нравственною распущенностью; онъ даже въ чемъ-то являетъ стараніе, рачительность, исправность, подъ которою въ особенности и укрывается, очевидно, лѣность его въ отношеніи къ данному ему таланту. Въ чемъ же? Въ домѣ господина своего онъ имѣлъ, конечно, и нѣкоторыя другія обязанности, кромѣ той особенной, какая возлагалась на него ввѣреннымъ ему талантомъ. Въ отношеніи къ этимъ-то обычнымъ обязанностямъ своего положенія, можно думать, онъ и былъ вполнѣ исправнымъ рабомъ.

Если мы соединимъ всѣ указанныя черты лѣниваго и лукаваго раба въ одинъ образъ и приложимъ его къ той нравственной средѣ, въ которой намъ приходится жить и дѣйствовать, то намъ не трудно будетъ угадать, какой разрядъ людей обличаетъ Спаситель въ образѣ лѣниваго раба притчи о талантахъ. Это люди, отличающіеся иногда строгою правильностью внѣшняго благоповеденія, но въ то же время не имѣющіе внутри себя, въ душѣ своей, никакихъ возвышенныхъ стремленій, не полагающіе себѣ въ жизни никакихъ задачъ, болѣе высокихъ и широкихъ, нежели отправленіе своихъ прямыхъ, непосредственныхъ обязанностей; точное исполненіе послѣднихъ, это для нихъ идеалъ нравственнаго совершенства. Это люди, быть можетъ, и безъ крупныхъ пороковъ, но за то и безъ какихъ-нибудь положительныхъ добродѣтелей; они, пожалуй, и не обижаютъ ближнихъ, но за то и не благотворятъ имъ. Въ возрастѣ, призывающемъ человѣка къ дѣятельности общественной, такіе люди стремятся всячески освободить себя отъ нея и ограничиваютъ кругъ своихъ нравственныхъ обязанностей дѣлами нравственности индивидуальной; если же обстоятельства поставятъ ихъ на службу общественную, они не идутъ далѣе строго формальнаго отношенія къ дѣлу. Общее же между всѣми такого рода рабами остается то, что всѣ они всячески избѣгаютъ трудовъ и подвигѳвъ, которыхъ можно избѣжать, но которые однако необходимы, неизбѣжны, если хотятъ полученные отъ Бога таланты развить и усовершить, давая имъ болѣе и болѣе широкое употребленіе и приложеніе. Страхъ, который только и побуждаетъ ихъ къ дѣятельности, конечно, не можетъ внушить имъ болѣе широкой дѣятельности, кромѣ той, какая необходима, чтобы не быть наказанными.

Нѣтъ, христіанская нравственность требуетъ отъ насъ во всякомъ дѣлѣ именно добровольности, съ которой неразрывно соединено исполненіе всякой своей обязанности болѣе совершенное, нежели сколько требуетъ отъ насъ внѣшній долгъ. Недостаточно сохранять ввѣренные отъ Бога таланты, — надобно пріумножать ихъ, какъ бы малозначительна ни была мѣра ихъ, и только въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы можемъ надѣяться получить отъ Господа похвалу и одобреніе себѣ и призывъ къ участію въ радости Его Божественно-славной жизни. Законъ христіанской нравственности есть совершенный законъ свободы (Іаков. I, 25),—онъ не полагаетъ границъ нашимъ силамъ и средствамъ для добра ни въ ихъ развитіи, ни въ ихъ проявленіи, ни въ ихъ приложеніи. „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Матѳ. V, 48),—вотъ идеалъ духовнаго совершенства, стремиться къ достиженію котораго призванъ христіанинъ. Можно ли самодовольно успокоиться, стремясь къ этому идеалу, на какой-либо ступени нравственнаго совершенства (Лук. XVII, 7—10)? Законъ христіанской нравственности есть законъ духа сыноположенія, а не духа рабской боязни (Римлян. VIII, 15), и какъ таковой — онъ есть законъ внутренній, написанный на сердцахъ нашихъ, а не заключенный въ письмени, въ формѣ извѣстнаго числа предписаній (2 Коринѳ. III, 6); поэтому онъ требуетъ отъ насъ каждый разъ стремиться стать выше, выйти за предѣлы тѣхъ обязанностей, которыя прямо предписываются, и неисполненіе которыхъ влечетъ за собою кару правосудія; онъ требуетъ отъ насъ внутренняго, сердечнаго отношенія къ дѣламъ своихъ обязанностей, а не внѣшне-формальной исправности только; онъ требуетъ отъ насъ каждый разъ добровольныхъ трудовъ и подвиговъ, которые составляютъ необходимую принадлежность христіанскаго духа сыноположенія Богу и братства человѣчеству. Святой апостолъ Павелъ, апостольскіе подвиги котораго представляютъ едва досягаемый образецъ христіански-нравственнаго геройства, не удовлетворялся однако этими подвигами, а стремился еще къ большему: имѣя право отъ проповѣди жить, онъ однако проповѣдывалъ безмездно, чтобы совершать сверхъобязательное и тѣмъ снискать себѣ похвалу отъ Бога. „Если я благовѣствую, говоритъ онъ, то нечѣмъ мнѣ хвалиться; потому что это необходимая обязанность моя, и горе мнѣ, если не благовѣствую. Ибо если дѣлаю это добровольно, то буду имѣть награду, а если недобровольно, то исполняю только ввѣренное мнѣ служеніе. За что же мнѣ награда? За то, что, проповѣдуя евангеліе, благовѣствую о Христѣ безмездно, не пользуясь моею властію въ благовѣствованіи“ (1 Коринѳ. IX, 16—18). Это слово и дѣло апостольское намъ слѣдуетъ тверже помнить и чаще вспоминать, чтобы дѣйствительно направлять жизнь свою по нравственному христіанскому закону (См. Прав. обозр. 1878 г., т. III, стр. 602—607, 612—613).

3. Небесная награда трудящимся въ низшемъ званіи.

Примѣръ небесной награды, заслуженной при прохожденіи обязанностей низшаго званія, представляется намъ въ житіи пр. Евфросина, жившаго въ IX вѣкѣ въ странахъ амморейскихъ, близъ Палестины.

Пр. Евфросинъ родился отъ родителей простыхъ, но добрыми дѣлами превзошелъ благородныхъ. Живя въ монастырѣ, Евфросинъ служилъ братіямъ на поварнѣ, *но служилъ не какъ людямъ, а какъ Самому Богу,* съ великимъ смиреніемъ и послушаніемъ, трудясь въ своемъ дѣлѣ день и ночь; при этомъ не оставлялъ никогда и молитвы съ постомъ. Кротко переносилъ онъ многія обиды, поруганія, досады; возжигая вещественный огонь, распалялся онъ огнемъ любви Божественной и горѣлъ сердцемъ къ Господу. Варя пищу братіи, добродѣтельною жизнію своею готовилъ себѣ трапезу въ царствіи Божіемъ, дабы насытиться съ тѣми, о которыхъ сказано: „блаженъ, иже снѣсть обѣдъ въ царствіи Божіи“.

Онъ работалъ Богу *тайно*, и воздалъ ему Господь явно. Господь явилъ это воздаяніе рабу Своему такимъ образомъ: нѣкоторый пресвитеръ (священникъ), жившій въ одномъ съ Евфросиномъ монастырѣ, всегда молилъ Господа о томъ, чтобы Онъ явилъ ему чувственно будущія блага, уготованныя любящимъ Бога. И вотъ, въ одну ночь было іерею тому видѣніе: представилось ему, будто онъ стоитъ въ раю, со страхомъ и радостію разсматривая красоту его, и видитъ ходящаго въ томъ раю повара своей обители Евфросина. Подошедши къ нему, онъ спросилъ: „братъ Евфросинъ, не рай ли это?“ Евфросинъ отвѣчалъ: „да, отче, это рай Божій“. Іерей опять спросилъ: „какъ же ты здѣсь?“ Евфросинъ отвѣчалъ: „по великой благости Божіей я поселенъ здѣсь жить, ибо это есть обитель избранныхъ Божіихъ“. Іерей сказалъ: „а имѣешь ли какую власть надъ этими красотами? можешь ли дать что-нибудь изъ сего?“—„Если хочешь, сказалъ Евфросинъ, возьми по благодати Бога моего“. Тогда іерей попросилъ у него яблокъ, и Евфросинъ взялъ три яблока и положилъ ему въ платокъ. Вдругъ ударили къ заутренѣ, и іерей, проснувшись, принялъ видѣніе за обыкновенный сонъ, но, протянувши руки къ платку, нашелъ дѣйствительно яблоки, отъ которыхъ исходило необыкновенное благоуханіе. Пришедши въ церковь, іерей нашелъ Евфросина, стоящимъ въ собраніи на утреннемъ пѣніи. Онъ подошелъ къ нему и съ клятвою вывѣдалъ у него тайну видѣнія, и все, что онъ видѣлъ во снѣ, подтверждено было свидѣтельствомъ пр. Евфросина. По окончаніи службы, іерей повѣдалъ видѣнное братіи и показалъ имъ три райскихъ яблока, отъ которыхъ всѣ исполнились духовной сладости. Затѣмъ пошли въ поварню къ Евфросину поклониться этому рабу Божію, но не нашли его, ибо онъ, вышедши изъ церкви, *скрылся, избѣгая* славы человѣческой, и больше въ монастырь не являлся. Яблоки же братія раздѣлили между собою и раздавали другимъ на благословеніе и на исцѣленіе отъ болѣзней своихъ. И получили всѣ большую пользу отъ такой святости преп. Евфросина, восходя къ подвигамъ высшимъ. (Пам. 11 сент.). (См. „Воскр. бес.“ изд. при Общ. люб. дух. пр. за 1887 г. № 37).

4. Дѣлая доброе дѣло, не смущайся мыслію, что оно мало.

„Малый свѣтильникъ въ хижинѣ увидитъ блуждающій странникъ — и пойдетъ на его свѣтъ, и найдетъ въ хижинѣ спасеніе отъ холодной ночи или звѣря, и успокоится въ безопасности, и обрадуется страннопріимству. И скромное доброе дѣло человѣка, невиднаго въ мірѣ, если одушевлено добрымъ и святымъ намѣреніемъ, есть дѣло свѣта, которое и дѣйствуетъ въ семъ качествѣ на видящихъ, привлекая къ добру; и даже, подъ управленіемъ Провидѣнія, простираетъ иногда свое дѣйствіе на неизмѣримую даль. Посмотрите на указанную Сердцевѣдцемъ вдовицу, которая по избытку благочестиваго усердія послѣднія двѣ лепты положила въ сокровище храма. Какое маленькое доброе дѣло! Но предъ сколькими уже милліонами человѣковъ просвѣтилось оно, и еще будетъ просвѣщаться въ евангеліи, уча однихъ дѣлать добро и при малыхъ способахъ, а другихъ, и въ малыхъ дѣлахъ, и въ малыхъ людяхъ, высоко цѣнить доброе чувство и святую мысль“. (Филаретъ, митр. моск.).

5. Богъ исчисляетъ всѣ труды человѣческіе, чтобы за нихъ воздать Свою небесную награду.

Нѣкоторый старецъ, повѣствуется въ отеческихъ сказаніяхъ, безмолвствовалъ въ пустынѣ. Келлія его стояла далеко отъ воды, за нѣсколько верстъ. Однажды, идя за водою, старецъ усталъ и сказалъ самъ себѣ: „что за нужда мнѣ переносить этотъ трудъ? перемѣщусь и буду жить близъ этой воды“. Такимъ перемѣщеніемъ старецъ облегчилъ бы себя, но нарушилъ бы свое безмолвіе и измѣнилъ бы такимъ образомъ своему иноческому обѣту. Когда онъ размышлялъ, какъ лучше поступить, оглянулся назадъ и увидѣлъ кого-то, идущаго за нимъ и замѣчающаго слѣды его. Старецъ спросилъ его: „кто ты?“ — „Я ангелъ Господень, отвѣчалъ тотъ, и посланъ отъ Бога исчислять твои шаги, чтобы за каждый шагъ ты получилъ мздовоздаяніе“. Старецъ, услышавъ это, немедленно укрѣпился духомъ и уже терпѣливо переносилъ отдаленность келліи своей отъ воды. (Изъ „Отечника“ еписк. Игнатія, § 95).

6. Награда за кроткое послушаніе и безмездный трудъ.

Во время служенія моего (1830—1837 года) въ санѣ священника, Ярославской губерніи, Пошехонскаго уѣзда, въ селѣ Бѣломъ, была въ моемъ приходѣ безродная дѣвица Наталья, имѣвшая около 60 лѣтъ отъ роду. Она была несовсѣмъ здорова и, высланная отъ господъ въ отчину, для прокормленія себя милостынею, часто ходила въ церковь и усердно молилась, нерѣдко она посѣщала и мой домъ. За нелицемѣрную кротость и безропотное перенесеніе крайней нищеты многіе любили ее. Вотъ что разсказывала она, въ назиданіе подобныхъ себѣ нищихъ: лишившись мѣста при господскомъ *домѣ, она сперва занималась въ* работы, чтобы не быть тунеядною, но потомъ, по болѣзни, должна была ходить по міру и питаться милостынею. Въ одну ночь видѣла она сонъ, до того поразившій ее, что она оставила нищенское скитальчество.

Сонъ ея былъ таковъ: ей снилось, будто нѣкто привелъ толпу оборванныхъ нищихъ, а съ ними и ее, къ рѣкѣ, черезъ которую всѣмъ имъ нужно было перейти по узкой плотинѣ. Стоя на берегу, обремененная нищенскимъ кошелемъ, съ трепетомъ смотрѣла она на бѣдственную переправу и, видя, что переходившіе, отъ избытка мѣшковъ и сумокъ, набитыхъ разными запасами, низвергаются въ глубину рѣки, пала отъ страха на землю и потомъ кинула свой кошель, съ мыслію никогда не сбирать милостыни. Тутъ она проснулась и сказала сама себѣ: „какъ же избѣгну я потопленія за прежнія милостыни: вѣдь моего кошеля никто не взялъ, поэтому на меня же опять навяжутъ". И что же она? Она рѣшилась цѣлый годъ ѣсть одни уголья и до того была тверда въ своемъ намѣреніи, терпѣніи и постѣ, что даже сомнѣвалась, можно ли ей въ свѣтлый день Пасхи разговѣться сыромъ. Она никуда не выходила за милостынею и очень рѣдко (вѣроятно, изъ угожденія доброхотнымъ дателямъ и чтобъ скрыть свой подвигъ отъ людской молвы) принимала ее отъ приносившихъ; усердно служила своимъ домохозяевамъ тѣмъ, что нянчилась съ ихъ дѣтьми, особенно въ рабочую пору и въ ночное время. Среди такихъ занятій, не имѣя досуга для обычной церковной молитвы, она просила ангеловъ-хранителей тѣхъ младенцевъ, которыхъ она покоила, молиться за нее у престола Божія,—и эта молитва ея не была напрасна: въ часы домашней молитвы ея, когда дѣти засыпали, ей видѣлся предъ св. иконами, близъ которыхъ почивали дѣти, свѣтъ отъ лампады, хотя ея хозяева зажигали лампаду лишь на воскресные и праздничные дни.

Такъ награждается кроткое послушаніе и безмездный трудъ! („Странникъ" 1861 годъ, октябрь).

НЕДѢЛЯ 17-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

[Еванг.] отъ Матѳ. зач. 62-е, гл. XV, 21—28 ст.

1. Исцѣленіе бѣсноватой дочери хананеянки, въ предѣлахъ Тира и Сидона.

Вышедши изъ Галилеи, *Іисусъ удалился въ страны Тирскія и Сидонскія* (Ев. Матѳея XV, 21; Марка VII, 24).

Народъ, обитавшій въ Тирѣ и Сидонѣ и въ мѣстахъ, прилежащихъ къ морскому берегу, были язычники и назывались у евреевъ хананеянами (Числъ XIII, 30; Іис. Нав. XI, 3), но греки называли этотъ народъ *финикіянами* и еще—*сирофиникіянами*, для различія отъ африканскихъ финикіянъ—ихъ колоніи.

Господь отправился туда не для проповѣди, Онъ искалъ тамъ уединенія и успокоенія *и не хотѣлъ, чтобы кто узналъ* Его прибытіи, *но не могъ утаиться* (Ев. Марка VII, 24).

„Молва о Его чудесахъ проникла даже въ сирофиникійскіе города и, какъ только Онъ успѣлъ войти въ сосѣднія селенія, скрыться уже было невозможно" (Жизнь Іисуса Христа. Ф. В. Фаррара перев. Матвѣева. М. 1887 г. Ч. I, стр. 256),

Одна женщина *хананеянка услышала о Немъ,* и *вышедши изъ тѣхъ мѣстъ*, и идя вслѣдъ за небольшой толпой, гдѣ былъ Іисусъ, *кричала Ему: помилуй меня, Господи! Сынъ Давидовъ! дочь моя жестоко бѣснуется* (Ев. Матѳея XV, 22; Марка VII, 25.)

„Она не смѣла привести бѣснующуюся къ Учителю, но, оставивъ ее дома на одрѣ, сама умоляетъ Его и объясняетъ только болѣзнь, ничего болѣе не прибавляя. Она обращается къ милосердію Владыки и громкимъ голосомъ проситъ помилованія не дочери своей, но себѣ самой: *помилуй меня*, и этимъ воплемъ привлекаетъ народъ. Этою молитвою она какъ будто говорила: дочь моя не чувствуетъ своей болѣзни, а я терплю тысячи различныхъ мученій; я больна, я чувствую болѣзнь, я бѣснуюсь и сознаю это, *помилуй меня!*" (LII бесѣда св. Іоанна Златоуста на еванг. Матѳея. М. 1843 г. Ч. II, стр. 384 - 385).

Іисусъ *не отвѣчалъ ей ни слова* (Ев. Матѳея XV, 23).

„Въ евангеліяхъ не встрѣчалось ни одного случая замѣтить подобной, кажущейся холодности со стороны Іисуса", говоритъ одинъ западный ученый (Ф. В. Фарраръ). „Іудеевъ и неблагодарныхъ Онъ вводитъ, и злословящихъ призываетъ, и искушающихъ не оставляетъ; а ту, которая сама приходитъ къ Нему, проситъ Его и молитъ, которая не знала ни законовъ, ни пророковъ, и между тѣмъ показываетъ такое благочестіе, Онъ не удостоиваетъ даже и отвѣта. Слышно было, что Онъ Самъ обходилъ селенія для того, чтобы исцѣлять больныхъ, но вотъ Онъ отвергаетъ и ту, которая сама пришла къ Нему. Кого не преклонили бы такое страданіе и такая покорность, съ какою женщина умоляла о своей страдающей дочери? Она не почитала себя достойною благодѣянія и пришла не съ тѣмъ, чтобы требовать должнаго, но просила оказать милость и изъявляла только свое несчастіе; но и при всемъ этомъ не удостоена отвѣта. Даже самые ученики тронулись несчастіемъ женщины, смутились и опечалились, но и смутившись, не смѣли сказать Ему — окажи ей милость“ (LII бесѣда св. Іоанна Златоуста на еванг. Матѳея. М. 1843 года. Ч. II, стр. 385), но *приступивши, просили Его: отпусти ее, потому что кричитъ за нами. Онъ же сказалъ въ отвѣтъ: Я посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева* (Ев. Матѳея XV, 23—24).

Зная послѣдствія, Онъ желалъ испытать полноту вѣры женщины, съ одной стороны, чтобы увѣнчать ее болѣе полной и славной наградой, съ другой—научить, чтобы въ Немъ уважала она не простой іудейскій титулъ, который приписала Ему, хотя и удачно, но совершенно случайно. Онъ желалъ навсегда ободрить наши молитвы и надежды и научить насъ молиться и надѣяться настоятельно, если бы даже лицо Его, вслѣдствіе неисполненія нашихъ прошеній, показалось для насъ мрачнымъ и уши Его отвращенными отъ слушанія“ (Жизнь Іисуса Христа. Фаррара. М. 1887 г. Ч. I, стр. 257).

„Какъ же поступила женщина послѣ этого отвѣта Спасителя? Умолкла ли она, отошла ли, потеряла ли бодрость? Нѣтъ, она еще болѣе усилила свои моленія. Не такъ поступаемъ мы. Ежели не получаемъ просимаго, то перестаемъ и просить, тогда какъ нужно бы просить еще усильнѣе. Кого бы не привели въ недоумѣніе слова Спасителя? Довольно было и одного молчанія, чтобы привести хананеянку въ отчаяніе; а тѣмъ болѣе могъ повергнуть въ отчаяніе отвѣтъ Христовъ. Видя вмѣстѣ съ собою въ недоумѣніи своихъ ходатаевъ — апостоловъ и слыша, что прошеніе ея не можетъ быть исполнено, можно было потерять всю надежду; однако же женщина не потеряла ее, но вооружилась похвальною смѣлостію. Прежде она не смѣла и явиться предъ лице Господа и только кричала Ему, а теперь, когда по причинѣ безнадежности должна бы вовсе удалиться, она подходитъ ближе“ (LII бесѣда св. Іоанна Златоуста на еванг. Матѳея. М. 1843 года. Ч. II, стр. 386), и когда Онъ вошелъ въ домъ, вошла и она, *припала къ ногамъ Его и говорила: Господи! помоги мнѣ* (Ев. Матѳея XV, 25; Марка VII, 24—26).

„Можно ли было не тронуться такою скорбію? Слѣдовало ли отвергнуть подобную просьбу? Захочетъ ли Онъ дозволить ей возвратиться домой, чтобы, мучась цѣлую жизнь, она глядѣла на припадки бѣснующагося дитяти? Но съ этихъ устъ, никогда не отвѣчавшихъ ничѣмъ, кромѣ совершенія дѣла любви, на такую усердную просьбу слетѣло какъ будто жестокое слово“.

Дай прежде насытиться дѣтямъ; ибо не хорошо взять (отнять) *хлѣбъ у дѣтей и бросить псамъ* (Ев. Матѳея XV, 26; Марка VII, 27).

„Подобный отвѣтъ могъ охладить душу хананеянки, и если бъ Онъ не провидѣлъ въ ней той рѣдкой вѣры, которая въ кажущемся отказѣ можетъ видѣть расположеніе и готовность, Онъ не отвѣчалъ бы ей такимъ образомъ. Но никакіе снѣга ея родного Ливана не могли погасить огня любви, который горѣлъ на алтарѣ ея сердца, и быстръ былъ ея безсмертный отвѣтъ:

Такъ, Господи; но и псы подъ столомъ ѣдятъ крохи, которыя падаютъ со стола господъ ихъ (Ев. Матѳея XV, 27, Марка VII, 28).“ (См. Жизнь Іисуса Христа. Фаррара. М. 1887 г. Ч. I, стр. 257—258).

„Она не стала противорѣчить, не завидовала похваламъ другихъ и не оскорбилась собственною обидою. Напротивъ, Онъ называетъ іудеевъ дѣтьми, а она господами, Онъ называетъ ее псомъ, а она приписываетъ себѣ и дѣйствіе, свойственное псу. Такъ велико ея смиреніе, такъ велика ея вѣра! Она въ самыхъ словахъ Его находитъ себѣ защиту. Если я песъ, говоритъ она, то, значитъ, не чужая. Я знаю, что дѣтямъ необходимо давать пищу, но и мнѣ она не совсѣмъ запрещена, несмотря на то, что я подобна псу. Христосъ зналъ, что она скажетъ это, и не хотѣлъ скрыть такой великой добродѣтели женщины; и то, что говорилъ ей, говорилъ не для того, чтобы укорить ее, но чтобы призвать къ Себѣ и открыть скрытое сокровище“ (LII бесѣда св. Іоанна Златоуста на еванг. Матѳея. М. 1843 г, Ч. II, стр. 388, 387).

И хананеянка торжествовала. Ни на одну минуту (послѣ ея отвѣта) не желалъ Іисусъ продлить мукъ ея недоумѣнія.

О, женщина! воскликнулъ Онъ, *велика вѣра твоя: да будетъ тебѣ по желанію твоему. И исцѣлилась дочь ея въ тотъ самый часъ* (Ев. Матѳея XV, 28).

2. Родительское слово мимо не молвится.

Большую силу имѣетъ слово родителей! Оно можетъ низвесть на дѣтей благословеніе Божіе, оно же, сказанное въ раздраженіи, можетъ окончательно погубить дѣтей, т.-е. навлечь на нихъ тяжкія бѣдствія. *Благословеніе отчее,* говоритъ слово Божіе, *утверждаетъ домы чадъ, клятва же матерня искореняетъ до основанія* (Сир. III, 9). И не мимо идетъ сіе слово Божіе. Вспомните исторію нечестиваго Хама, сына Ноева: страшное проклятіе, произнесенное отцомъ, и донынѣ имѣетъ силу надъ потомствомъ Хама. И донынѣ народы, происшедшіе отъ Хама, остаются во мракѣ невѣжества, и понынѣ несутъ они тяжкое иго рабскаго подчиненія другимъ народамъ, потомкамъ Сима и Іафета. То же бываетъ и теперь. Страдаетъ тупоуміемъ твой сынъ, болѣетъ и вянетъ твоя дочь, — ты всячески стараешься помочь имъ и думаешь: откуда на твоихъ дѣтей такая бѣда? А не спросишь свою совѣсть: можетъ-быть, ты въ пылу раздраженія произнесъ или произнесла неосторожное и неразумное слово по отношенію къ дѣтямъ?.. Вѣдь весьма возможно, что надъ дѣтьми вашими исполнились ваши безумныя слова. А что дѣйствительно Господь слушаетъ иногда просьбы родителей и наказываетъ непослушныхъ и дерзкихъ дѣтей, примѣровъ тому множество.

Въ житіи св. Парѳенія, епископа лампсакійскаго, память коего празднуется 7 февраля, разсказывается слѣдующій случай. Однажды къ святителю родители привели больного сына и со слезами умоляли его помочь ихъ горю. „Напрасно вы просите меня, — сказалъ св. Парѳеній, — объ исцѣленіи вашего сына. Онъ не заслуживаетъ этой милости, онъ такой же у васъ преступникъ, какъ и отцеубійца, потому что вы часто претерпѣвали отъ него досажденіе и безчестіе. Отъ нестерпимаго огорченія вы просили Господа вразумить вашего сына наказаніемъ, и вотъ онъ наказанъ!“ Но сердобольные родители, узнавши причину своего горя, еще неотступнѣе стали умолять св. Парѳенія о сынѣ. Жаль имъ было своего родного дѣтища. Сжалился надъ нимъ и угодникъ Божій; онъ помолился Господу, — и отрокъ исцѣлѣлъ.

Вотъ, дѣти, какъ грѣшно и опасно оскорблять родителей! Отецъ и мать неустанно трудятся, терпятъ иногда разныя лишенія для блага своихъ дѣтей, утѣшаясь надеждою, что дѣти вознаградятъ за все своею ласкою, преданностію, послушаніемъ, любовію. Какъ же имъ бываетъ горько, если эта надежда не сбывается! Что остается дѣлать родителямъ, какъ не изливать свою скорбь въ слезной молитвѣ предъ Господомъ! И Господь нерѣдко внемлетъ слезнымъ мольбамъ родителей и наказываетъ непокорныхъ и грубыхъ дѣтей. Но случается, что родители молча и терпѣливо переносятъ оскорбленія со стороны дѣтей; зато Самъ Богъ иногда вступается за нихъ и, когда дерзость дѣтей по отношенію къ родителямъ переходитъ всякія границы, тяжко караетъ первыхъ. Приведемъ нѣсколько подобныхъ случаевъ.

„Я была еще маленькою дѣвочкою, — разсказывала одна крестьянка своему духовному отцу, — и вмѣстѣ съ матерью отправилась на богомолье. Въ одномъ мѣстѣ насъ поразило слѣдующее явленіе. Что я увидѣла! — страхъ беретъ меня и теперь. Среди толпы людей стояли двѣ женщины, одна старая, другая молодая, и въ какомъ видѣ! Правая рука молодой женщины находилась у щеки старой женщины, приросшею къ щекѣ. Мала была я, а страхъ охватилъ и меня, когда я разсмотрѣла стоявшихъ женщинъ и когда поняла, что онѣ разсказывали. Тѣ женщины были: старая — мать, молодая — дочь. Дочь была съ дѣтства непокорная, непослушная, злая, не сдерживала ни языка, ни рукъ. И выросши, она оставалась такою; и замужъ вышедши, она не перемѣнила своего характера. Прежде еще сдерживалась — боялась матери, а ставши мужнею женою, совсѣмъ перестала питать уваженіе къ матери. И вотъ, въ одинъ разъ, когда мать стала уговаривать свою дочь не дѣлать чего-то худого, дочь не побоялась Бога и со всего размаха ударила свою мать по щекѣ; и въ ту же минуту Богъ покаралъ злую дочь: ея рука пристала къ щекѣ матери. Вотъ что разсказывала всѣмъ старая женщина и просила, чтобы они помолились Богу за нее и за ея грѣшную дочь, чтобы Господь простилъ ихъ и развязалъ. А молодая, увидя меня, сказала, чтобы я никогда не осмѣливалась бранить свою мать; тогда я, сказавши: „не буду“, прижалась къ своей матери, дрожа отъ страха и ужаса, охватившаго меня. И у насъ въ деревнѣ,— прибавила разсказчица, — былъ почти такой же случай“.

„Былъ у насъ одинъ молодой мужикъ, нехорошій человѣкъ, грубый, лѣнивый, пьяница, ругатель и драчунъ. Никого не боялся онъ, никого не стыдился, ни старыхъ мужиковъ, ни старосты, ни даже самого батюшки. Была у него мать, уже старая женщина, добрая, тихая и богомольная. Всѣ любили ее и даже слушались ея совѣтовъ, а сынъ не только не почиталъ матери, но даже и ссорился съ нею. Всѣ жалѣли старушку и говорили ея сыну: „ой, накажетъ тебя Богъ!“ А онъ, бывало, усмѣхнется и скажетъ: „ну, и пусть наказываетъ“. И что же, наказалъ-таки Господь непочтительнаго сына. Разъ, въ праздничный день, поѣхалъ сынъ съ матерью въ городъ на торгъ. Вечеромъ, когда они возвращались домой, сынъ сталъ говорить грубости матери. Больно стало материнскому сердцу, и говоритъ старуха: „вотъ ты ругаешься... чего добраго, еще и ударишь меня, старую... отъ тебя станется“. — „А что жъ такое... отчего бы и не ударить!“ закричалъ сынъ и замахнулся на мать, поднялъ на нее свою руку. И въ ту же минуту онъ почувствовалъ боль въ рукѣ... Все болѣе увеличивалась боль, такъ что онъ уже громко стоналъ, когда подъѣжали къ деревнѣ, и править лошадьми не могъ. Чрезъ нѣсколько дней рука непочтительнаго сына была сухая, какъ щепка, и неспособна къ работѣ... Ужасъ охватилъ всю деревню“. Такія знаменія даетъ намъ Господь, а между нами все-таки не мало непочтительныхъ дѣтей. Что же порождаетъ это величайшее зло?.. Откуда оно происходитъ?.. Главнымъ источникомъ его является пьянство, до того вкоренившееся у насъ, что, кажется, никакая сила не въ состояніи его истребить, уничтожить... А отъ пьянства и происходятъ всякія безобразія въ семейной жизни. Въ пьяномъ видѣ по большей части и родители изрыгаютъ проклятія на своихъ дѣтей; въ пьяномъ видѣ и дѣти оскорбляютъ своихъ родителей словами, а иногда поднимаютъ и руки на нихъ. Опомнитесь, христіане, и не поддавайтесь этому пагубному пороку: онъ до добра не доведетъ. (См. № 329 „Воскр. лист.“ изд. ред. „В. дня“).

3. Молитвенныя слезы матери.

Изъ евангельскаго повѣствованія объ исцѣленіи Господомъ бѣсноватой дочери хананеянки можно видѣть, какую силу имѣетъ предъ Богомъ молитва матери! Да и какъ нужна эта молитва!

Нужна дѣтямъ молитва матери, когда они еще во чревѣ ея. Бѣдно, жалко въ это время дитя; оно во всемъ зависитъ отъ матери. Кто въ это время вознесетъ Творцу всяческихъ молитву о томъ, чтобы оно явилось на свѣтъ здоровымъ, какъ не мать? Прекрасно дѣлаютъ нѣкоторыя матери, когда въ періодъ беременности очищаютъ себя покаяніемъ и причащеніемъ св. Христовыхъ Таинъ. Правда, это дѣлается въ видахъ опасенія за свою жизнь, но нужно это дѣлать главнымъ образомъ съ цѣлію освященія носимаго плода, и плодъ будетъ освященъ Духомъ Святымъ.

Но вотъ является дитя на свѣтъ Божій,—является оно слабымъ, безпомощнымъ, вся жизнь его зависитъ отъ ухода матери. О, какъ нужна въ это время молитва матери! Кормитъ ли она его грудью, качаетъ ли, убаюкиваетъ ли — пусть прольетъ она слезную молитву ко Господу за счастье ребенка, за здоровье, а главнымъ образомъ за спасеніе его души, которое нужнѣе всего. Случится ли какое несчастіе, — заболѣетъ, напр., ребенокъ, — опять пусть обратится съ молитвою къ Богу. Слезы матери, растворяемыя молитвою, могутъ быть даже врачевствомъ противъ бѣдствія. Мы знаемъ мать, которая плакала надъ гробомъ своего сына, и молитвенныя слезы ея преклонили на милосердіе виновника жизни. *И видѣвъ Господь, милосердова о ней, и рече ей: не плачи. И приступль, коснуся во одръ и рече: юноше, тебѣ глаголю, востани! И сѣде мертвый и начатъ глаголати* (Лук. VII, 13—15).

Молятся матери о дѣтяхъ, когда они подростутъ и сдѣлаются общественными дѣятелями, добрыми христіанами. Дѣти, восторженныя счастіемъ, часто забываютъ о десницѣ Божіей, которая надѣляетъ ихъ благами; но мать исполняетъ за нихъ то, что надлежало бы сдѣлать самимъ дѣтямъ; она возводитъ благодарный взоръ къ небу, и взоръ ея, проникнутый материнскимъ чувствомъ, наполняется слезами. О, какъ должны быть душеполезны для дѣтей эти приносимыя Богу слезы матери! Но особенно сердце матери трогается худымъ поведеніемъ дѣтей. Нѣтъ ничего прискорбнѣе для доброй матери, какъ если сынъ или дочь ведутъ себя худо. *Сынъ безуменъ печаль матери,* говоритъ слово Божіе (Притч. X, 1). Мать обливается горькими слезами, смотря на погибель сына. И что же? Иногда молитвенныя слезы матери и въ этомъ случаѣ приносятъ пользу. Былъ порочный сынъ у одной матери; мать видѣла гибель сына и плакала, всѣ мѣры испытала къ его исправленію и ни отъ чего успѣха не видала. Тогда обратилась она къ Богу и слезно молилась, чтобы самъ Господь извлекъ погибающаго ея сына изъ бездны порока. И что же? Сынъ ея исправился, сталъ вести строгую жизнь и сдѣлался не только радостію для своей матери, но и утѣшеніемъ для всей церкви христіанской. Это былъ блаженный Августинъ, великій учитель церкви. Таково дѣйствіе материнской слезной молитвы!

Матери-христіанки! Чаще проливайте молитвенныя слезы предъ Господомъ за своихъ дѣтей во всѣхъ обстоятельствахъ ихъ жизни. А то бываютъ, къ прискорбію, такія матери, которыя, будучи постоянно огорчаемы дѣтьми своими, вмѣсто молитвы осыпаютъ ихъ проклятіями. Какой страшный грѣхъ проклинать дѣтей! Страшныя послѣдствія бываютъ часто отъ материнскаго проклятія. Въ одномъ селѣ, Курской губерніи, жило семейство, на которомъ не было благословенія Божія: мужъ любилъ крѣпкіе напитки, а жена была злая женщина; у нихъ было много дочерей и ни одного сына. Это крайне огорчало злую женщину. Она ненавидѣла дочерей своихъ и однажды рѣшительно сказала: „если родится у меня еще дочь, я убью, непремѣнно убью или задушу ее“. Боже мой! до чего можетъ иногда доходить злоба человѣческая! Походятъ ли сколько-нибудь эти слова безумной женщины на слова матери? Но вотъ настало время,—и рождается еще младенецъ, и рождается, въ наказаніе матери, не мальчикъ, а дѣвочка. Какъ громомъ, поразила эта вѣсть безумную мать, она дикимъ голосомъ стала кричать: „дай мнѣ сюда, дай скорѣе мнѣ, я сейчасъ задушу ее“, и, не получивъ удовлетворенія, страшными проклятіями начала осыпать новорожденную дочь. Между тѣмъ новорожденную окрестили и нарекли Агафьею, а потомъ попросту называли Ганею. Мать не переставала клясть бѣдную, невинную Ганю, а Ганя все росла да росла; только чѣмъ больше росла, тѣмъ больше проявлялось въ ней безуміе. Вотъ она достигла, наконецъ, совершеннолѣтія, и отличалась красотою, стройностію стана и высокимъ ростомъ и при всемъ томъ до крайности была безумна. Оставленная безъ всякаго призрѣнія не только родителями, но и всѣми родными, она ходила и бѣгала, гдѣ попало, иногда босая, иногда полунагая, то пропадала недѣли по двѣ, то опять появлялась въ селеніи, дѣлая и высказывая разныя глупости. Ни на кого она не нападала, но, кто ее дразнилъ, въ того она бросала все, что ни попадалось ей. Такъ протекала жизнь бѣдной дочери, проклятой и проклинаемой безумною матерью. Горькая, безотрадная жизнь! Но зато еще здѣсь, на землѣ, Господь наказалъ безумную мать: она ослѣпла. Мало того, ей хотѣлось задушить невинную дочь въ минуту рожденія, а Господь судилъ иначе: ей самой пришлось принять смерть изъ рукъ безумной дочери. Дѣло было такъ. Послѣ долгаго отсутствія, Ганя однажды вдругъ вбѣгаетъ домой; слѣпая мать, услышавъ скрипъ двери, тотчасъ спросила: кто пришелъ? и узнавъ отъ старушки, которая за нею ходила, что это дочь ея Ганя, — стала ругать ее, какъ только могла, и осыпать ее обычными проклятіями, Ганя на брань отвѣчала бранью. Досадно стало матери, и она, лежа на печкѣ, бросила въ дочь лучиною, а безумная Ганя схватила топоръ и изрубила имъ старушку-посидѣлку и свою мать. Окончивъ это страшное дѣло, она постлала на полъ рогожку, положила изрубленныхъ вмѣстѣ и спокойно удалилась.

Много думъ наводитъ на душу этотъ страшно-несчастный случай. Урокъ поразительный! — Такъ иногда кончаются безумныя проклятія! Какую осторожность нужно имѣть въ употребленіи словъ! Вѣдь, Господь далъ языкъ намъ для того, чтобы мы могли молитвенно бесѣдовать съ Богомъ или съ пользою бесѣдовать съ людьми. *Братія мои возлюбленніи,* скажемъ словами апостола Христова, *всякій человѣкъ да будетъ скоръ на слышаніе, медленъ на слова, медленъ на гнѣвъ* (Іак. I, 19). (Странникъ 1860 г., янв.).

4. Въ скорби — къ Богу поскорѣе!

Нѣтъ на небѣ ни одного святого, который бы на землѣ прожилъ вѣкъ свой безъ скорбей; всякій изъ нихъ непремѣнно терпѣлъ скорби въ жизни, или умиралъ скорбною смертію. Такъ, къ царствію Божію для всѣхъ одинъ путь— путь скорбный. Не имѣть намъ скорбей въ этой жизни теперь уже невозможно: ибо мы и родимся во грѣхахъ, и живемъ грѣшниками. Вотъ, если бы на насъ не было никакихъ грѣховъ, тогда, конечно, мы были бы совершенно свободны отъ скорбей: потому что тогда не отъ чего и не за что было бы скорбѣть намъ; вѣдь мы отъ того и скорбимъ, что въ насъ живетъ грѣхъ, еще дѣйствуютъ страсти. Итакъ, отъ чего бы и отъ кого бы скорбь твоя ни приходила, отъ себя ли, отъ другихъ ли, отъ высшихъ ли, отъ низшихъ ли, отъ болѣзни ли, отъ потери ли, отъ бѣдности ли, отъ трудовъ ли, отъ видимыхъ ли, отъ невидимыхъ ли враговъ, словомъ — всякую скорбь къ своимъ грѣхамъ прилагай, за все себя обвиняй. „Видно, я великій грѣшникъ, когда всѣмъ и всѣми оскорбляюсь; видно, сильны еще во мнѣ страсти, когда отъ всякаго непріятнаго случая такъ скорблю“. Впрочемъ, обвиняя себя во всемъ, не забывай милосердія Божія; бія себя руками въ грѣшную грудь, обращай свои очи ко всеблагому Богу. Иначе скорбь твоя сокрушитъ тебя въ конецъ, и обличеніе себя во грѣхахъ повергнетъ тебя въ бездну отчаянія. А чтобы не случилось этого съ тобою, не скорби слишкомъ, не доходи въ скорби до унынія. Тяжело тебѣ? Къ Богу поскорѣе,—Богу, Отцу твоему, скажи: „тяжело мнѣ, Господи!“ и знай, братъ мой, что никогда такъ скоро не доходитъ до Бога наша молитва, какъ въ то время, когда она исходитъ изъ стѣсненнаго скорбію сердца. Прибѣгай къ Богу, ищи Его особенно тамъ, гдѣ Онъ являетъ особенное Свое благодатное присутствіе, ищи Его во святомъ храмѣ, ищи Его въ святыхъ Тайнахъ, ищи Его въ святомъ словѣ; ищи— и ты все найдешь въ Немъ. Когда ты такимъ образомъ будешь переносить свою скорбь, то немедленно къ тебѣ придетъ утѣшеніе. Тяжела и мучительна скорбь, пока не рѣшаешься еще переносить ее терпѣливо; а какъ скоро примешь рѣшительное намѣреніе, какъ скоро скажешь: „буди воля Твоя, Господи! вѣдь это за мои грѣхи и для очищенія моихъ грѣховъ; стану же терпѣть, стану терпѣливо ждать, пока скорбь пройдетъ“,—тогда, будь увѣренъ, она пройдетъ, и на душѣ сдѣлается такъ легко и сердцу будетъ такъ отрадно, и изъ очей польются слезы, самыя сладкія слезы.... О, для такихъ утѣшеній можно цѣлые годы терпѣть самыя тяжкія скорби!

Богъ для того и попускаетъ намъ скорби, чтобы при нихъ мы скорѣе къ Нему обращались, чтобы скорѣе о Немъ вспоминали. „Мнѣ слишкомъ тяжело, горькая моя жизнь, говоришь ты, я не могу и къ Богу обратиться, перекреститься не могу, сказать Богу, что мнѣ тяжело, не могу,— не хочется“... Но ты хоть это скажи Богу: „мнѣ слишкомъ тяжело, Господи, я не могу и къ Тебѣ обратиться, перекреститься не могу; сказать Тебѣ, что мнѣ тяжело, не могу, — не хочется“. Скажи такъ, и именно этими словами, или подобными какими-нибудь, выражающими скорбь души твоей, только непремѣнно скажи: и увидишь, какъ это хорошо, спасительно для тебя; не успѣешь договорить словъ своихъ, какъ тебѣ легче будетъ. Скорбными словами нашими, особенно когда мы къ Богу ихъ обращаемъ, скорбь наша всегда облегчается. Что Богу выскажешь отъ души, то не будетъ больше тяготить душу. Богъ всегда благодатію Своею отзывается въ сердцѣ нашемъ на сердечныя наши къ Нему слова. „Но, ахъ, зачѣмъ же мнѣ все скорбѣть и скорбѣть такъ часто и такъ много скорбѣть? Успокоюсь я теперь, какъ къ Богу обращусь; но послѣ вѣдь и опять будетъ то же и опять буду скорбѣть такъ же“. Что дѣлать? Прогоняй отъ себя теперешнюю твою скорбь, а о будущей не безпокойся, будущею скорбію займешься, когда придетъ она, если только придетъ. Вотъ зачѣмъ тебѣ надобно по временамъ скорбѣть, чтобы потомъ внити въ царствіе Божіе, гдѣ живутъ и радуются только тѣ, которые въ этой жизни многими скорбями пріучаются въ Богѣ находить радость и успокоеніе себѣ.

Гораздо было бы хуже для тебя, если бы ты никакихъ скорбей не испытывалъ въ жизни: тогда ты легко могъ бы забыть Бога и, такимъ образомъ, сойти съ пути, ведущаго въ царствіе Божіе. Оттого-то и трудно богатымъ войти въ царствіе небесное: печалей у нихъ большихъ не бываетъ, въ довольствѣ всегда они живутъ: къ Богу прибѣгнуть нѣтъ имъ случая, такъ какъ все у нихъ идетъ хорошо. Нѣтъ, не сѣтовать безутѣшно, а Бога благодарить ты долженъ, что Онъ хоть какія-нибудь попускаетъ испытывать скорби, при которыхъ ты о Немъ вспоминаешь; это значитъ, что Онъ тебя не забылъ, не оставилъ Своею благодатію, и ведетъ тебя въ царствіе Свое небесное. Разсказывалъ нѣкто изъ отцовъ другому, что, бывши въ Александріи, онъ пришелъ однажды въ церковь помолиться и увидѣлъ тамъ женщину богобоязненную. Она была въ черномъ, печальномъ одѣяніи, и, молясь предъ иконою Спасителя, все плакала и со слезами повторяла: „оставилъ Ты меня, Господи, помилуй Ты меня, милостивый!“ Что это она такъ плачетъ? подумалъ я. Видно, вдова она, и отъ кого-нибудь обиду терпитъ. Поговорю съ нею и успокою ее. Дождавшись конца ея молитвы, я подозвалъ къ себѣ слугу ея, который былъ при ней, и сказалъ ему: „скажи госпожѣ своей, что мнѣ нужно съ нею поговорить“. Когда она подошла, я, оставшись съ нею наединѣ, сказалъ ей: „видно, обижаетъ тебя кто-нибудь, что ты такъ плачешь?“ „Ахъ, нѣтъ, — отвѣчала она, и опять заплакала; — нѣтъ, отче, не знаешь ты моего горя... Среди людей я живу, и ни отъ кого не терплю оскорбленія никакого. И вотъ о томъ-то я и плачу, что, поелику я забываю о Богѣ, то и Богъ забылъ посѣщать меня, и три уже года, какъ я не знаю никакой скорби. И ни я сама не была больна, ни сынъ мой, и ни курицы у меня изъ дома не пропадало. Думаю поэтому, что Богъ за грѣхи мои оставилъ меня, не посылаетъ мнѣ никакихъ скорбей, и вотъ плачу передъ Нимъ, чтобъ Онъ помиловалъ меня по милости Своей“. Вотъ какъ люди богобоязненные разсуждаютъ, когда долго не бываетъ у нихъ скорбей: имъ тогда думается, что Богъ забылъ ихъ; скорби они считаютъ за особенное къ себѣ вниманіе отъ Бога, за особенную Его къ себѣ милость.

Итакъ, не скорби слишкомъ, не доходи въ скорби до унынія, а благодушествуй и радуйся, что у тебя есть о чемъ скорбѣть; Богъ, значитъ, не оставилъ тебя, любитъ тебя особенно, если часто приходится тебѣ скорбѣть, — любитъ и многими скорбями ведетъ тебя въ царствіе небесное. А когда тебѣ сдѣлается слишкомъ тяжело, отъ чего бы то ни было, — то ты къ Богу поскорѣе, — Богу, Отцу твоему, скажи: „мнѣ слишкомъ тяжело, Господи!“ (Изъ поуч. протоіерея Р. Путятина).

5. Почему иногда мы не получаемъ просимаго въ молитвахъ?

Многіе приходятъ въ церковь, произносятъ тысячи стиховъ молитвы, и выходятъ, не зная, что говорили они; уста ихъ движутся, а слухъ не слышитъ. Ты самъ не слышишь своей молитвы, какъ же хочешь, чтобы Богъ услышалъ твою молитву? Ты говоришь: „я приклонялъ колѣна“; но умъ твой блуждалъ далеко; тѣло твое было внутри церкви, а мысль твоя летала невѣдомо гдѣ; уста произносили молитву, а умъ исчислялъ доходы, договоры, условія, поля, владѣнія, общества друзей. Діаволъ золъ, онъ знаетъ, что во время молитвы мы дѣлаемъ великіе успѣхи, потому тогда онъ и нападаетъ на насъ. Часто, лежа спокойно на постелѣ, мы ни о чемъ не мыслимъ, а когда приходимъ молиться, то являются тысячи помысловъ, чтобы мы вышли безъ пользы“. Итакъ, вотъ первая причина, почему Богъ не внемлетъ молитвѣ нашей, — потому, что мы и сами-то не внимаемъ словамъ своей молитвы. Устами читаемъ молитву, а сердце далече отстоитъ отъ Бога.

Вторая причина, почему не получаемъ просимаго, заключается, по ученію св. Іоанна Златоуста, въ томъ, что не всегда просимъ полезнаго для себя. „Получимъ ли просимое, или не получимъ, будемъ прилежать къ молитвѣ и благодарить не только тогда, когда получаемъ, но и когда не получаемъ: потому что и неполученіе, когда бываетъ по волѣ Божіей, не менѣе благотворно, какъ полученіе. Ибо мы не знаемъ, что намъ полезно, въ той мѣрѣ, въ какой Онъ это знаетъ. Слѣдовательно, получимъ ли, или не получимъ, мы должны благодарить. И что удивляешься, что мы не знаемъ полезнаго для насъ? И Павелъ, мужъ столь великій и высокій, удостоившійся такихъ неизреченныхъ (откровеній), не зналъ что онъ просилъ неполезнаго себѣ. Видя себя окруженнымъ бѣдствіями и непрестанными искушеніями, онъ молился объ избавленіи отъ нихъ, и не однажды, не дважды, но многократно, ибо говоритъ: *трикраты Господа молихъ*: Такъ, *трикраты* т.-е. многократно онъ молилъ и не получилъ. Посмотримъ же, какъ онъ это перенесъ. Возропталъ ли? впалъ ли въ уныніе? отчаялся ли? Нѣтъ; но что онъ говорилъ? *рече: довлѣетъ ти благодать Моя, сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 8—9). Богъ не только не освободилъ его отъ постигшихъ его бѣдъ, но и попустилъ ему оставаться въ нихъ.—Пусть такъ; но откуда извѣстно, что онъ не роптал на это?—Слушай, что самъ Павелъ говорилъ, когда узналъ, что такъ угодно Богу. *Сладцѣ убо похвалюся паче въ немощехъ моихъ:* не только, говоритъ, не ищу уже освободиться отъ этихъ бѣдъ, но еще съ великимъ удовольствіемъ хвалюсь ими. Видишь, какая благопріятельная душа,—какая любовь къ Богу! Послушай, что еще говоритъ онъ: *о чесомъ же помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы* (Рим. VIII, 26),—то-есть, мы, какъ люди, не можемъ знать все обстоятельно. И такъ должно все предоставить Создателю естества нашего и принимать съ веселіемъ и великою радостію все, что ни опредѣлитъ Онъ, и смотрѣть не на то, чѣмъ кажутся намъ происшествія, а на то, что такъ угодно Богу. Ибо Онъ, лучше насъ зная, что намъ полезно, знаетъ и то, какъ устроить наше спасеніе".

Впрочемъ „хотя Богъ иногда и медлитъ подаяніемъ, но дѣлаетъ это,—говоритъ св. Златоустъ—не по ненависти и отвращенію, а желая медленностію подаянія болѣе удержать тебя при Себѣ, какъ поступаютъ и чадолюбивые отцы: и они медленностію подаянія мудро стараются долѣе удержать при себѣ нерадивѣйшихъ дѣтей".—А посему, когда просимъ у Господа въ молитвѣ чего-либо изъ земныхъ благъ, то надо имѣть въ умѣ: „если Ты видишь, Господи, что то-то полезно для спасенія нашего, то даруй мнѣ". Безусловно прилично просить только духовныхъ благъ: покаянія, сохраненія рѣшимости жить хорошо, разумѣнія воли Божіей, молитвы, терпѣнія и проч. О внѣшнихъ же благахъ всегда надлежитъ молиться условно, а еще лучше,—предавая свою участь въ волю Божію". (Изъ бесѣдъ св. Іоанна Златоуста).

6. Противъ малодушнаго ропота на Бога по поводу скорбей, посылаемыхъ намъ.

Если въ какомъ дѣлѣ Божескаго промысла мы ясно не видимъ благихъ цѣлей, то должны въ этомъ *сознавать свое невѣдѣніе*, а въ то же время *несомнѣнно вѣровать*, что Богъ, какъ все сотворилъ премудро, такъ премудро и управляетъ всѣмъ.

Положимъ, что собрались государственные совѣтники для обсужденія какого-либо плана ко благу государства. Хорошо ли было бы теперь, если бы какой-либо мальчикъ, стоящій на улицѣ, сталъ бросать камни въ мѣсто ихъ засѣданія, потому что онъ понять не можетъ, что тамъ за планъ, о которомъ идетъ рѣчь? Хорошо ли было бы, если бы новобранный солдатъ сталъ отказываться отъ своихъ обязанностей, потому что онъ не можетъ понять, почему генералъ его приказываетъ то или другое? Хорошо ли было бы, если бы маленькое насѣкомое, движущееся въ воздухѣ, вздумало считаться съ человѣкомъ, который строитъ большой домъ или корабль, потому что оно не можетъ понять, къ чему и на что все это? Конечно, нѣтъ. Ну, такъ вотъ и мы, смотря на царство Божіе и видя, что оно управляется не по нашему, не должны спѣшить своимъ приговоромъ, потому только, что мы не можемъ въ немъ понять того или другого. Премудрость Господа проникаетъ туда, куда и взоръ нашъ не можетъ устремиться. Его всемогущество простирается туда, куда мы и шагу не можемъ сдѣлать. Великіе пути *великаго Царя* (Малах. I, 14) столь же выше нашихъ мыслей, сколько небо выше земли.

Вотъ разсказъ, который заслуживаетъ особеннаго вниманія всѣхъ тѣхъ, кто ропотъ на Бога не считаетъ великимъ грѣхомъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ одной изъ южныхъ губерній Россіи, харьковской или воронежской, не помню, случилось слѣдующее замѣчательное событіе, о которомъ тогда же одно достовѣрное лицо письменно сообщило покойному старцу Оптиной пустыни о. Макарію.

Жила тамъ вдова, по происхожденію своему принадлежавшая къ высшему сословію, но вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ доведенная до самаго бѣдственнаго и стѣсненнаго положенія, такъ что она съ двумя молодыми дочерями терпѣла великую нужду и горе и, не видя ни откуда помощи въ своемъ безвыходномъ положеніи, стала роптать сперва на людей, потомъ и на Бога. Въ такомъ душевномъ настроеніи она заболѣла и умерла. По смерти матери, положеніе двухъ сиротъ стало еще невыносимѣе. Старшая изъ нихъ также не удержалась отъ ропота и также заболѣла и умерла. Оставшаяся младшая дочь до чрезмѣрности скорбѣла какъ о кончинѣ матери и сестры и о своемъ одиночествѣ, такъ и о своемъ крайне безпомощномъ положеніи, и, наконецъ, также тяжко заболѣла. Знакомые ея, принимавшіе въ ней участіе, видя, что приближается ея кончина, предложили ей исповѣдаться и пріобщиться св. таинъ, что она и исполнила, а потомъ завѣщала и просила всѣхъ, чтобы, если она умретъ, ее не хоронили до возвращенія любимаго ею духовника, который въ то время былъ въ отсутствіи. Вскорѣ послѣ сего она и скончалась, но ради исполненія ея просьбы не торопились ея похоронами, ожидая пріѣзда означеннаго священника. Проходитъ день за днемъ, духовникъ умершей, задержанный какими-то дѣлами, не возвращался, а между тѣмъ, къ общему удивленію всѣхъ, тѣло умершей нисколько не подвергалось тлѣнію, и она, хотя охладѣвшая и бездыханная, болѣе походила на уснувшую, чѣмъ на мертвую. Наконецъ, только на 8-й день послѣ ея кончины, пріѣхалъ ея духовникъ и, приготовившись къ служенію, хотѣлъ похоронить ее на другой день, по кончинѣ ея уже девятый. Во время отпѣванія неожиданно пріѣхалъ, кажется изъ Петербурга, какой-то родственникъ ея и, внимательно всмотрѣвшись въ лицо лежавшей въ гробѣ, рѣшительно сказалъ: „если хотите отпѣвайте ее, какъ вамъ угодно; хоронить же ее ни за что не позволю, потому что въ ней незамѣтно никакихъ признаковъ смерти“. Дѣйствительно, въ этотъ же день лежавшая во гробѣ очнулась, и когда ее стали спрашивать, что съ ней было, она отвѣчала, что она дѣйствительно умирала, видѣла исполненныя неизреченной красоты и радости райскія селенія, потомъ видѣла страшныя мѣста мученія, и здѣсь въ числѣ мучимыхъ видѣла свою мать и сестру, потомъ слышала голосъ: „Я посылалъ имъ скорби въ земной ихъ жизни для спасенія ихъ; если бы онѣ все переносили съ терпѣніемъ, смиреніемъ и благодареніемъ, то за претерпѣніе кратковременной тѣсноты и нужды сподобились бы вѣчной отрады въ видѣнныхъ тобою блаженныхъ селеніяхъ, но ропотомъ своимъ онѣ все испортили: за то теперь и мучатся. Если хочешь быть съ ними, иди и ты, и ропщи.“ Съ этими словами умершая возвратилась къ жизни[1] (Г. Д—ко).

7. Чудо милости Божіей по молитвамъ святой великомученицы Варвары[1]).

Священникъ села Болотина, 4 округа Бѣлецкаго уѣзда, Бессарабской губерніи, Василій Скалецкій, имѣетъ двухъ дочерей — Эмилію и Анну, которыя обучаются въ кишиневскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Въ началѣ 1895—96 учебнаго года онѣ были отправлены родителями въ училище. Старшая, Эмилія, въ началѣ года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, заболѣвъ горломъ, поступила въ училищную больницу; больничный врачъ испробовалъ всевозможныя средства, но напрасно: дѣвочка такъ охрипла, что ея рѣчь едва стала слышной для ее окружающихъ. Училищное начальство извѣстило родителей, которые поспѣшили пріѣхать въ г. Кишиневъ и, обратившись еще къ нѣкоторымъ изъ городскихъ врачей, взяли свою дочь домой, такъ какъ о продолженіи ею ученія не могло быть и рѣчи.

Дома родители обращались ко многимъ мѣстнымъ врачамъ. Эти послѣдніе, какъ и другіе доктора, въ лѣченіи болѣзни расходились и, по своимъ убѣжденіямъ, назначали различныя средства. Нѣкоторые изъ врачей говорили, что у больной парализованы голосовыя связки...

Между тѣмъ время проходило, и родители приходили въ отчаяніе, имѣя во всѣхъ отношеніяхъ здоровую, только потерявшую голосъ дочь.

Какъ истинно вѣрующіе люди, родители больной порѣшили ѣхать въ Кіевъ, расчитывая въ этомъ университетскомъ городѣ обратиться и къ медицинѣ и къ помощи святыхъ, мощи которыхъ почиваютъ въ семъ святомъ градѣ.

Пріѣхавъ въ городъ, они остановилися въ гостиницѣ свято-Михайловскаго Златоверхняго монастыря и въ тотъ же день обратились къ доктору Жуку, который прописалъ какое-то полосканіе и посовѣтовалъ священнику Скалецкому явиться на другой день къ 10 часамъ утра, дабы онъ, въ соучастіи (консиліумъ) другихъ врачей, осмотрѣлъ больную. Вечеромъ того же дня родители отправились въ монастырскую церковь, гдѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи св. Варвары. Поклонившись св.

---

[1]) Этотъ разсказъ заимствованъ нами изъ брошюры: «Письма оптинскаго старца Амвросія». Изд. ред. «Душеполезн. чтен.».

[1]) Этотъ, а равно и слѣдующій, разсказъ помѣщается здѣсь по поводу того, что Богъ слышитъ молитвы родителей о дѣтяхъ, какъ Онъ услыхалъ мольбу матери хананеянки.

мощамъ, Скалецкіе просили очередного іеромонаха отслужить молебенъ св. Варварѣ и, усердно помолившись, возвратились въ свой номеръ. Передъ отходомъ ко сну родители посовѣтовали своей дочери усердно помолиться св. великомученицѣ Варварѣ, дабы святая помогла ей. Послѣ молитвы всѣ легли спать.

Ночью родители были разбужены крикомъ дочери: „мама, папа, встаньте, я говорю!“ Удивленные родители, сами не вѣря своимъ ушамъ, услыхали прежній голосъ своей дочери, котораго она лишилась 5 мѣсяцевъ тому назадъ. Что же оказывается? Больная Эмилія увидѣла во снѣ какую-то дѣвочку, которая, взявъ ее за руку, повела въ ярко освѣщенную комнату, гдѣ въ изящномъ креслѣ возсѣдала неописуемой красоты женщина; эта послѣдняя подозвала больную къ себѣ и съ словами — „хочешь ли говорить“, развязала какъ бы платокъ отъ шеи, послѣ чего дѣвочка проснулася и разбудила своихъ родителей. Чудо это эхомъ разнеслось по всему монастырю, и обрадованные родители отправились въ церковь возблагодарить Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ. Благодарственный молебенъ отслужить пожелалъ преосвященный Іаковъ, епископъ чигиринскій, настоятель св. Михайловскаго монастыря. Счастливые родители возвратились изъ Кіева съ совершенно здоровою дочерью домой. (Кишин. Еп. Вѣд. 1896 г. № 79).

8. Благодатная помощь по молитвамъ къ святителю Ѳеодосію, архіепископу черниговскому, чудотворцу.

На имя каѳедральнаго протоіерея черниговскаго собора Іоанна Платонова поступило, въ числѣ многихъ другихъ, нижеслѣдующее письменное заявленіе о благодатной помощи по молитвамъ святого Ѳеодосія, черниговскаго чудотворца.

Зять мой, казакъ Михаилъ Ивановъ Шевель, 1-го апрѣля 1897 года поѣхалъ въ лѣсъ доставать изъ деревьевъ сокъ для квасу и взялъ съ собою свою дочку, а мою внучку, Марію, дѣвочку $3^1/_2$ лѣтъ. Просверливъ березу и сдѣлавъ приспособленіе для стеканія сока, зять началъ рубить осину, толщиною въ три четверти. Когда дерево упало, то вершиною своею ударило дѣвочку, сидѣвшую подъ кустомъ. Пораженный этимъ, отецъ возопилъ къ святителю Ѳеодосію и схватилъ на руки ребенка, изъ горла и носа котораго текла кровь. Привезъ онъ дѣвочку домой безъ признаковъ жизни, и только по внесеніи ея въ хату стало замѣтно слабое дыханіе. Земскій фельдшеръ нашелъ положеніе дѣвочки безнадежнымъ, такъ какъ у нея была разбита правая сторона черепа и поврежденъ глазъ. Всю ночь она пролежала съ закрытыми глазами неподвижно. Утромъ 2 апрѣля, мать дѣвочки попросила священника взять къ нимъ на домъ образъ святителя Ѳеодосія и отслужить молебенъ. Просьба была исполнена. По уходѣ священника, дѣвочка открыла глаза и попросила воды, испивъ которой, опять закрыла глаза и въ такомъ положеніи пробыла пять сутокъ,—всѣ ожидали ея смерти, но на шестыя сутки ей сдѣлалось лучше, и она стала поправляться. Родители дѣвочки возблагодарили Господа Бога и святителя Ѳеодосія, ходатайству котораго предъ Господомъ приписывали ея выздоровленіе. Да и прибывшій изъ Глухова къ больной врачъ, осматривавшій дѣвочку и нашедшій у ней поврежденіе черепа и глаза, сказалъ, что, если послѣ такого увѣчья дѣвочка осталась жива и будетъ жить, то въ этомъ нужно видѣть дѣйствіе Провидѣнія, такъ какъ такихъ поврежденій не могъ бы перенесть и самый крѣпкій организмъ взрослаго человѣка. Въ настоящее время дѣвочка совершенно здорова.

Села Березы, Глуховскаго уѣзда, дѣдъ дѣвочки, крестьянинъ Іуда Яковлевъ Пономаренко, отецъ дѣвочки, каз. Михаилъ Ивановъ Шевель, мать ея Таисія Шевель.

Симъ свидѣтельствуемъ, что дѣвочка Марія, пришибленная деревомъ, дѣйствительно была въ безнадежномъ положеніи и въ настоящее время совершенно здорова — священникъ Успенской церкви села Березы Василій Михайловскій, псаломщикъ И. Ковалевъ. 1897 года, ноября 21 дня.

НЕДѢЛЯ 18-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Лук. зач. 17-е, гл. V, 1—11 ст.

1. Призванiе четырехъ апостоловъ.

Евангелистъ Лука повѣствуетъ, что когда Господь стоялъ однажды при озерѣ Геннисаретскомъ, и около Него тѣснился народъ, желая слышать слово Божiе, то, увидѣвъ при брегѣ двѣ рыбачьи лодки, хозяева которыхъ, вышедши на берегъ, вымывали сѣти свои, Онъ вошелъ въ одну изъ нихъ, принадлежавшую Симону, и попросилъ сего послѣдняго отплыть нѣсколько отъ берега. Тогда Онъ сѣлъ и началъ учить народъ изъ лодки. Окончивъ бесѣду Свою, Онъ сказалъ Симону, чтобы тотъ отплылъ на глубину и закинулъ сѣть для ловли. Симонъ отвѣчалъ Ему: „Наставникъ! всю ночь мы промучились и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сѣть“. Такъ и было сдѣлано, и трудъ не былъ напрасенъ: поймано было такое множество рыбы, что сѣть прорывалась, и они уже должны были призвать къ себѣ на помощь товарищей съ другого судна; оба судна наполнились рыбою, такъ что начинали тонуть. Какъ люди хорошо знакомые со своимъ дѣломъ, Симонъ Петръ и его товарищи не могли не видѣть всей чудесности событiя, и это привело ихъ въ страхъ. Видя предъ собою такого великаго Чудотворца, Симонъ въ почтительномъ самоуниженiи припалъ къ колѣнамъ Iисусовымъ и началъ просить: „выйди отъ меня, Господи, — я человѣкъ грѣшный“. Но Христосъ успокоилъ его и сказалъ: „не бойся; съ сего времени будешь ловить человѣковъ“. Пораженные чудомъ Христа, рыбари, вытащивъ оба судна на землю *и оставльше вся, вслѣдъ Его идоша.*

2. Нѣсколько примѣровъ всемогущества Божiя.

I. По повелѣнiю всемогущаго Бога угашалась сила огня, устремленная на св. мучениковъ. Св. Ирина постепенно ввергаема была въ три мѣдныхъ быка, раскаленныхъ, какъ горящiй уголь, и каждый разъ выходила изъ нихъ цѣлою и невредимою. (Ч.-М. мая 5 д.).

Св. мученикъ Платонъ положенъ былъ на мѣдный одръ и опаляемъ былъ снизу огнемъ, усиливаемымъ масломъ, воскомъ и смолою, а сверху бiенъ былъ жезломъ. Три часа продолжалось это варварство, но тѣло мученика оказалось невредимымъ, и не было видно на немъ никакихъ знаковъ, ни ранъ, ни опаленiя. (Ч.-М. нояб. 18 д.).

II. По волѣ Бога всемогущаго лютые звѣри претворялись въ кроткихъ агнцевъ. Св. Ѳекла — обнаженная изведена была противъ голодныхъ и разъяренныхъ львовъ и медвѣдей. Звѣри, увидѣвъ чистую дѣву, преклоняли предъ нею свои головы, и, какъ бы стыдясь наготы дѣвственной, отходили отъ нея, а одна львица легла предъ нею и лизала ноги ея. Народъ, видѣвши это чудо, воскликнулъ: великъ Богъ, Котораго проповѣдуетъ Ѳекла! (Ч.-М. сент. 24).

III. По велѣнiю Бога всемогущаго люди ходили по водамъ, яко по суху. На шею св. муч. Пантелеимона навязали большой камень и ввергли въ море, чтобы утопить его, но св. мученикъ пошелъ съ этимъ камнемъ по водамъ, какъ по суху—и вышелъ на берегъ, хваля и славя Бога. „Ужели ты силою волхвованiя и моремъ владѣешь?“ — вопрошалъ его изумленный царь. — Не я, отвѣчалъ святой, но Христосъ мой, Творецъ видимой и невидимой твари, Онъ владычествуетъ и небомъ, и землей, и моремъ. (Ч.-М. iюля 27 д.).

IV. Силою всемогущаго Бога и горы преставлялись съ своихъ мѣстъ. Св. Григорiй Неокесарiйскiй восхотѣлъ построить церковь близъ горы. Когда стали полагать основанiе, то оказалось, что мѣсто тѣсно, и нельзя было расширить его по причинѣ горы. Св. угодникъ сталъ на молитву и повелѣлъ горѣ именемъ Iисуса Христа подвинуться на столько, сколько нужно было для церковнаго зданiя: и потряслась гора и отошла далѣе, давъ просторное мѣсто для построенiя церкви. (Ч.-М. нояб. 17 д).

V. Силою Бога всемогущаго и мертвые воскресали. Св. мученица Ирина была усѣкнута мечомъ и погребена. Сапоръ, совершившiй убiйство, хвалился имъ и смѣялся надъ Христомъ, что Онъ не избавилъ мученицу отъ смерти, тогда Господь послалъ ангела Своего, который воскресилъ ее. И говорилъ ей ангелъ: ты совершила подвигъ страдальческiй, и надлежало тебѣ почить, какъ блаженной и совершенной, на небѣ, но, чтобы не хвалилось нечестiе и беззаконіе, какъ будто оно преодолѣло силу Бога нашего, войди во градъ, да, видя тебя живою, посрамятся всѣ нечестивые ругатели и познаютъ, что Богъ нашъ всемогущъ. Граждане, увидѣвъ св. мученицу живою, съ ужасомъ воскликнули: дивенъ Богъ Иринииъ! и обратились къ христіанской вѣрѣ. (Ч.-М. мая 5 д.).

Сами св. угодники однимъ призываніемъ имени Господа Іисуса Христа воскрешали мертвыхъ. Св. Евдокія подходила къ каждому изъ пожженныхъ небеснымъ огнемъ язычниковъ и, взявши каждаго за руку, говорила: во имя Господа Іисуса Христа, воставшаго изъ мертвыхъ, востани и будь здоровъ! и такимъ образомъ, какъ бы отъ сна возбуждая, всѣхъ оживила силою Христовою. (Ч.-М. марта 1 д.).

3. О чудесахъ нашего времени.

Господь непрестанно вразумляетъ насъ и поддерживаетъ въ насъ вѣру многочисленными знаменіями и чудесами, чтобы мы знали, что наша вѣра есть вѣра истинная, божественная, живая,—чтобы мы твердо и неуклонно держались своей вѣры.

А что называется чудомъ?—Чудо есть такое дѣло, которое не можетъ быть совершено ни силою человѣческою, ни даже силою ангельскою, но—единственно всемогущею силою Божіею, и оно имѣетъ своею цѣлію или обращеніе грѣшника на истинный путь, или распространеніе и утвержденіе правой вѣры, однимъ словомъ, всегда имѣетъ цѣлію что-либо благое, полезное для нашей души и ея вѣчнаго спасенія. Таково, напр., чудо св. архистратига Михаила, бывшее въ древнія времена въ городѣ Колоссахъ, которое церковь воспоминаетъ 6 сентября.—Въ городѣ Колоссахъ—во Фригіи—былъ чудотворный источникъ, а надъ нимъ—храмъ въ честь св. арх. Михаила. Отъ этого источника текли обильно исцѣленія всѣмъ, приходящимъ сюда съ вѣрою: вода, которую пили изъ него, силою Божіею, по молитвамъ св. архангела, творила великія чудеса. Здѣсь—у этого цѣлебнаго источника—поселился одинъ подвижникъ—по имени Филиппъ—и занималъ въ церкви должность пономаря. Жизнь онъ проводилъ суровую и былъ подобенъ ангелу. Многихъ научилъ онъ правой вѣрѣ и привелъ къ Христу, за что повергался гоненіямъ со стороны язычниковъ, они часто нападали на него, рвали ему волосы, топтали ногами и изгоняли изъ этого святого мѣста; но „крѣпкій душою“ Филиппъ все переносилъ мужественно, укрѣпляемый силою Божіею, и не удалялся отсюда, несмотря на всѣ преслѣдованія со стороны безбожниковъ. Тогда нечестивые люди рѣшили засыпать землею св. источникъ, а Филиппа умертвить. Они раздѣляются на двѣ части: одни идутъ убить Филиппа, а другіе—засыпать землею чудотворный источникъ. И вотъ, у тѣхъ, которые шли умертвить преподобнаго, вдругъ омертвѣли руки такъ, что они не могли ихъ даже поднять, а другихъ, собиравшихся засыпать землею воду источника, устрашилъ огненный пламень, вышедшій чудесно изъ воды. Но это не вразумляетъ нечестивыхъ; они замышляютъ другое преступное дѣло. Невдалекѣ отъ церкви протекали двѣ рѣки. Научаемые врагомъ рода человѣческаго, язычники рѣшаются устремить теченіе этихъ рѣкъ на храмъ Божій, чтобы совсѣмъ затопить его и погубить преподобнаго Филиппа. Собравшись большою толпою, они начинаютъ копать землю отъ большого камня, находившагося близъ алтаря. А св. Филиппъ, видя ихъ работу и зная злой умыселъ, усердно молилъ Господа, чтобы Онъ сохранилъ это мѣсто, призывалъ также на молитвѣ и св. покровителя этого мѣста, архистратига Михаила. Чрезъ десять дней работа была окончена, и воды пущены. Услышавъ шумъ воды, преподобный еще усерднѣй сталъ молить Бога; вдругъ до слуха его доносится голосъ: „выйди изъ церкви“. Выйдя изъ церкви, Филиппъ видитъ архангела Михаила въ человѣческомъ образѣ и отъ страха падаетъ на землю. „Встань, не бойся, иди ко мнѣ, и ты увидишь славу Божію“, сказалъ ему небесный воевода; вотъ св. архистратигъ простираетъ руку на воды, творитъ надъ ними знаменіе креста, и онѣ поднимаются вверхъ; вотъ онъ ударяетъ жезломъ о камень, находившійся близъ алтаря, творитъ на немъ жезломъ знакъ креста, раздается страшный ударъ грома; камень распадается на двѣ части, образуя внутри разсѣлину, въ которую и устремляется вода, оставивъ цѣлыми, невредимыми церковь Божію и св. источникъ. Св. архистратигъ сдѣлался невидимымъ; злоумышленники ушли тогда со стыдомъ, а вѣрные прославили Бога и небеснаго воеводу, архистр. Михаила.

Вотъ дивное дѣло всемогущей силы Божіей. И этими чудесами особенно богата исторія первыхъ вѣковъ христіанства, когда вѣра Христова боролась съ язычествомъ: многочисленными знаменіями и чудесами Господь подтверждалъ истинность вѣры христіанской и насаждалъ ее въ сердцахъ и умахъ людей до тѣхъ поръ, пока она сдѣлалась господствующею вѣрою. Прочитайте исторію проповѣди евангелія, о, какое множество здѣсь чудесъ! — А теперь развѣ нѣтъ чудесъ въ нашей церкви?—Щедръ и милостивъ Господь и къ намъ, грѣшнымъ: и теперь Онъ часто доказываетъ Своими знаменіями и чудесами истинность, правоту нашей вѣры, и теперь часто Онъ вразумляетъ невѣрующихъ и ободряетъ вѣрныхъ въ терпѣливомъ несеніи своего жизненнаго креста съ упованіемъ и твердою надеждою на Его всесильную помощь.

Если мы будемъ внимательно присматриваться ко всему, что видимъ, что насъ окружаетъ, то на каждомъ шагу усмотримъ премудрость и благость Божію, на каждомъ шагу увидимъ слѣды чудодѣйственной силы Божіей. Ко всему мы привыкли, и все считаемъ обыкновеннымъ, естественнымъ. А вотъ, когда поразмыслишь получше обо всемъ, что видишь, то невольно подивишься чудесности всего окружающаго, невольно готовъ бываешь преклониться предъ Творцомъ и изъ глубины души воззвать: „дивна дѣла Твоя. Господи!“ Подлинно, дивны дѣла Божіи, Возведемъ свой взоръ на небо. Кто зажегъ на немъ это дивное свѣтило — солнце, кто усѣялъ его безчисленнымъ множествомъ звѣздъ? И всѣ эти свѣтила совершаютъ свое теченіе въ извѣстномъ порядкѣ. О, тутъ умъ нашъ теряется, цѣпенѣетъ! Все здѣсь премудро, чудесно; а понять тутъ – ничего не поймешь. Но небо далеко отъ насъ. Посмотримъ на то, что находится вокругъ насъ, что къ намъ близко, что мы видимъ—о, и здѣсь все чудесно, премудро, достойно удивленія! Какъ это, наприм., растетъ дерево, приноситъ плоды? Какъ въ человѣкѣ соединены тѣло и душа? Что такое смерть? Какъ человѣкъ зачинается во утробѣ матери? Развѣ все это понятно? — Нѣтъ, тутъ ничего не поймешь, и чѣмъ больше станешь вдумываться во все окружающее, тѣмъ больше зарождается новыхъ вопросовъ, тѣмъ яснѣй, тѣмъ очевиднѣй становится премудрость Творца, все такъ дивно устроившаго. Войдемъ ли въ храмъ,—тутъ за каждой литургіей совершается дивное и величайшее чудо пресуществленія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христовы: чувственными очами мы видимъ хлѣбъ и вино, а въ дѣйствительности это — тѣло и кровь Христа — Господа; не чудо ли это величайшее?

Но наше время богато еще и другими особенными чудесами. Вспомнимъ, напр., чудесное спасеніе царскаго семейства при крушеніи поѣзда, въ 1888 году, когда Господь чудесно сохранилъ Своего помазанника съ его семьею среди обломковъ вагона; когда смерть обнажила было уже свою косу и подкосила жизнь многихъ вокругъ, а нашего боговѣнчаннаго вождя не коснулась. Совсѣмъ недавно Курская икона Божіей Матери сохранилась неповрежденною въ огнѣ динамитнаго взрыва;—это уже преславное чудо нашихъ дней! А вотъ еще почти ежедневно читаешь и слышишь о многочисленныхъ исцѣленіяхъ, истекающихъ отъ нетлѣнныхъ мощей святителя Ѳеодосія, новоявленнаго чудотворца.

Да, и наши дни богаты чудесами Божіими, и въ наши дни Господь свидѣтельствуетъ ясно о Себѣ, вразумляетъ насъ, и—горе намъ, великое горе, если мы остаемся глухими къ этому голосу Божію, горе намъ, если мы не вразумляемся этими дивными знаменіями, а идемъ по пути пороковъ и грѣховъ. Есть чудеса, значитъ, есть Богъ, Который творитъ ихъ, а есть Богъ, значитъ, мы должны служить Ему исполнять Его святую волю, соблюдать Его заповѣди; иначе что мы скажемъ въ свое оправданіе на страшномъ судѣ Его? Будемъ всегда помнить и знать, что Богъ есть нашъ милостивый, щедрый Отецъ, но въ то же время не будемъ забывать, что Онъ есть и грозный Судія для нераскаянныхъ грѣшниковъ, невнимательныхъ къ Его всеблагому отеческому зову. (См. № 104 лист., прилож. къ журналу „Кормчій“).

4. Никто не можетъ, такъ Богъ поможетъ.

Не бываютъ ли, христіане, съ нами такіе случаи, когда мы, обезсиленные нуждою или другою какою бѣдою, не знаемъ, что дѣлать и къ кому прибѣгнуть за помощію — и какъ Самъ Богъ выручаетъ насъ изъ бѣды? Да, нерѣдко случается, что мы, сверхъ ожиданія, получаемъ нужное для себя, избавляемся, повидимому, безъ посторонней помощи, отъ угрожавшей намъ опасности и т. п. Многіе изъ насъ думаютъ это объяснить случаемъ... Но для истиннаго христіанина нѣтъ случая, а есть единый Промыслитель—Господь, Который заботится не только о лучшемъ Своемъ твореніи—о человѣкѣ, но и о птицахъ и другихъ тваряхъ. Много примѣровъ тому, какъ Господь избавляетъ людей отъ разныхъ бѣдъ и напастей, отъ которыхъ уже никто изъ людей не могъ избавить...

Приведемъ одинъ случай изъ недавняго прошлаго. Это было въ Петербургѣ. въ 1878 году. Одинъ чиновникъ, жившій на Семеновской улицѣ, умеръ осенью въ крайней бѣдности, оставивъ послѣ себя семилѣтняго мальчика, трехлѣтнюю дѣвочку и грудного ребенка. По смерти отца, дѣтямъ пришлось на время остаться съ матерью у хозяйки, которая изъ милости не сгоняла ихъ съ квартиры. У несчастной семьи не хватило хлѣба на пропитаніе. Однажды, когда ушла мать, маленькая дѣвочка просила у брата хлѣба, и тотъ не зналъ, чѣмъ ее утѣшить; дѣвочка плакала, а онъ помочь ей не могъ — хлѣба не было. Мальчикъ кое-какъ уже умѣлъ писать. Вотъ онъ въ сильной тревогѣ садится за столъ и начинаетъ писать письмо Самому Богу: „Святый и милостивый Боже! У меня сестра хочетъ ѣсть, Ты пошли мнѣ три копейки, чтобы купить ей хлѣба“. Написавъ это, онъ свертываетъ свое письмо и бѣгомъ бѣжитъ изъ дому, чтобы опустить его поскорѣе въ почтовый ящикъ, который находился неподалеку отъ ихъ квартиры. Но такъ какъ онъ былъ еще малъ, а ящикъ прибитъ высоко, то онъ никакъ не могъ достать его, чтобы опустить въ него письмо свое къ Богу. Въ это время мимо этого мѣста проходилъ священникъ того прихода и спросилъ мальчика: „что ты дѣлаешь?“ и, взявъ изъ рукъ мальчика лоскутокъ бумаги, прочиталъ его. Послѣ этого онъ тотчасъ пошелъ съ мальчикомъ въ ихъ квартиру и, удостовѣрившись въ нищетѣ этого семейства, далъ ему денегъ, сколько могъ. Въ слѣдующее затѣмъ воскресенье священникъ сказалъ проповѣдь въ церкви о милосердіи, указалъ на стоявшаго подлѣ мальчика, разсказалъ слушателямъ его поступокъ, прочитавъ при этомъ и письмо мальчика, потомъ пошелъ по церкви съ блюдомъ, и что же: собралъ въ пользу бѣднаго семейства 1.500 рублей. Что это значитъ?—Это значитъ, что за дѣтскую вѣру мальчика и полную надежду его на Бога Господь помогъ черезъ добрыхъ людей несчастному семейству.

Кто изъ насъ, христіане, свободенъ отъ разныхъ бѣдъ, скорбей и нуждъ?!. Прибѣгайте и вы какъ можно чаще къ Богу. Терпите ли вы какую житейскую неудачу, постигаютъ ли васъ несчастія, впадаете ли въ отчаяніе, или умъ вашъ колеблется сомнѣніями — всегда прибѣгайте къ Богу, воззовите изъ глубины души: *Господи, помилуй насъ; Господи, спаси насъ,*—и повѣрьте, если вы будете молиться какъ слѣдуетъ, Господь поможетъ вамъ и избавитъ васъ отъ всякаго зла („Воскр. лист.“ № 290, изд. ред. „В. дня“).

5. **Милость Божія въ трудную минуту жизни.**

Жизненныя условія, въ которыхъ находится рабочій классъ ремесленниковъ — сапожниковъ, за небольшимъ исключеніемъ, до того печальны и не удовлетворительны, что приходится только удивляться—какъ живутъ эти люди.

Счастлива та семья, у которой глава ея—человѣкъ трезвый, въ противномъ случаѣ—одно безпросвѣтное горе и мученіе! Вотъ такая-то семья, состоящая изъ мужа пьяницы, жены его, весьма религіозной женщины, безъ ропота и съ удивительнымъ терпѣніемъ переносящей свою долю, и 8 дѣтей, одно время находилась въ самомъ безпомощномъ положеніи. Глава этой семьи особенно, какъ говорится, распился: пропилъ всю одежду, какая была у него, пропилъ свои сапожные инструменты, взялъ въ долгъ, гдѣ было можно еще взять и гдѣ еще повѣрили такому человѣку, — промоталъ, между прочимъ, и товаръ, взятый за 25 руб. въ долгъ у одного торговца. Когда все было спущено, а жажда къ водкѣ все еще не удовлетворена была, начались приставанья къ женѣ и требованія водки или денегъ (а она съ дѣтьми, нужно сказать, положительно сидѣла безъ хлѣба), брань и побои, все это доводило бѣдную женщину до того, что она по нѣскольку часовъ лежала безъ чувствъ. Къ довершенію всего въ одинъ день получилась повѣстка изъ города о продажѣ имущества ихъ за неплатежъ податей за нѣсколько лѣтъ, но къ данному времени это имущество представляла одна жалкая лачужка, гдѣ они жили. Вечеромъ того дня, въ который, по выраженію бѣдной женщины, случилось *Божіе посѣщеніе*, мужъ, избивъ ее до полусмерти, ушелъ по обыкновенію, а она, истрадавшись физически и нравственно, начала, какъ и всегда, просить Господа *сжалиться надъ ними...*

Прошло нѣсколько времени, и она услышала легкій стукъ въ дверь, сердце ея сжалось: она подумала, что вернулся опять мужъ пьяный, но вотъ снова повторился легкій стукъ: чрезъ силу поднявшись, идетъ она къ двери, которую снаружи кто-то пріотворяетъ немного, и чрезъ отверстіе протянутая рука подаетъ ей какой-то мѣшочекъ. Въ первую секунду, оторопѣвъ, она не беретъ его, но рука подающая трясетъ мѣшочкомъ, какъ бы призывая этимъ взять его, и она, повинуясь этому знаку, беретъ этотъ мѣшочекъ,—въ ту же минуту дверь притворяется. Любопытствуя, что подано ей, она забываетъ на нѣсколько секундъ о подающемъ,—а когда, обрадовавшись содержимому въ мѣшочкѣ и какъ бы опомнившись, бросается сначала въ сѣни, а потомъ и на улицу, никого уже не находитъ...

Замѣчательно: въ этотъ день умеръ торговецъ, который далъ въ долгъ товару главѣ семейства: онъ распорядился предъ смертію не взыскивать этого долга; въ этотъ же день представители города сложили недоимку, какая числилась за бѣднымъ сапожникомъ, и ночью этого дня глава семейства пришелъ въ послѣдній разъ пьяный.

Спросятъ: что же было въ мѣшочкѣ? столько денегъ, что бѣдная женщина повыкупила на нихъ все пропитое мужемъ, уплатила всѣ свои долги, и долго еще потомъ дѣтки ея кормились лучше, чѣмъ прежде.

Поистинѣ знаетъ Господь благочестивыя Своя въ день скорби сохраняти и отъ напастей избавляти („Ворон. епарх. вѣд.“ 1895 г., № 13).

6. О преданности волѣ Божіей.

„Все великое, что представляетъ намъ слово Божіе, совершилось великою преданностію Богу“, говоритъ святитель Филаретъ, митрополитъ московскій,

Великъ былъ праотецъ Авраамъ: онъ сдѣлался родоначальникомъ извѣстнаго народа Божія, именуемаго израильтянами. Но чѣмъ онъ былъ великъ? Покорностію волѣ Божіей. Видя сильное развращеніе рода человѣческаго и желая хоть часть его сохранить въ благочестіи, Господь повелѣваетъ Аврааму оставить свое отечество и переселиться въ другую землю. Что же Авраамъ? Отказывается ли исполнить такое трудное повелѣніе Божіе? Нѣтъ. Онъ тотчасъ оставляетъ отечество, домъ, родителей и идетъ, какъ говоритъ апостолъ, *не вѣдый, камо грядетъ* (Евр. XI, 8). Замѣчательная покорность волѣ Божіей! Но этого мало. У Авраама, на старости лѣтъ, рождается сынъ Исаакъ, въ которомъ заключалось благословеніе всего потомства. И вотъ, когда этотъ единственный сынъ выросъ, Богъ потребовалъ его на жертву Себѣ. Что же, думаете, сдѣлалъ Авраамъ? Онъ немедленно исполняетъ повелѣніе Божіе, беретъ своего сына, дрова, огонь и ножъ для закланія жертвы и идетъ на указанную Богомъ гору. Здѣсь устрояетъ жертвенникъ, связываетъ Исаака и возлагаетъ его на дрова. Страшная минута! Отецъ рѣшается собственными руками нанести смерть сыну,—и простеръ было уже руку на закланіе своего сына, какъ Богъ гласомъ Своимъ останавливаетъ его, возвращаетъ ему сына и осыпаетъ его новыми и обильнѣйшими благословеніями. Видите ли, до какой изумительной высоты послушенъ былъ праотецъ Авраамъ своему Творцу и Богу! И за это онъ удостоился такой чести, какой никто другой не заслужилъ отъ Бога. Онъ показалъ въ этой жертвѣ образъ той Божественной жертвы, которою спасенъ весь міръ,—образъ закланія на крестѣ Сына Божія по волѣ небеснаго Отца.

А вотъ другой ветхозавѣтный праведникъ Іовъ. Сколько онъ претерпѣлъ, по волѣ Божіей, злополучій въ своей жизни! Кажется, нѣтъ такого бѣдствія на землѣ, котораго бы не испыталъ сей праведникъ. Прежде всего обрушились бѣдствія на имущество Іова и потомъ на дѣтей. Что же Іовъ? Впалъ въ отчаяніе и уныніе? Совсѣмъ нѣтъ. Услышавши объ этихъ бѣдствіяхъ, онъ палъ на землю, поклонился Господу и сказалъ: *нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отыду тамо. Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть; буди имя Господне благословенно во вѣки* (I, 21). Наконецъ, по попущенію Божію, діаволъ поражаетъ самого Іова жесточайшею болѣзнію—проказою. Страдалецъ долженъ былъ оставить домъ и городъ и жить внѣ города на открытомъ воздухѣ, подъ палящимъ солнцемъ. Долго терпѣлъ праведный мужъ, и тяжкое страданіе его было невыносимо даже для другихъ, такъ что жена его, чтобы не видѣть болѣе мученія его, совѣтовала ему просить себѣ у Бога смерти. Но не такъ думалъ преданный

Богу праведникъ. *Во всѣхъ сихъ приключившихся ему, ничимъ же согрѣши Іовъ устнама предъ Богомъ* (Іов. II, 10). Такова была преданность волѣ Божіей у ветхозавѣтнаго праведника! Въ новомъ завѣтѣ Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ являетъ Собою всесовершенный примѣръ преданности волѣ Отчей. Чѣмъ начинается высочайшее дѣло Христово? Преданностію Сына Божія волѣ Бога Отца Своего: *се иду сотворити волю Твою, Боже,* глаголетъ Онъ, нисходя къ воплощенію. Чѣмъ оканчивается сіе дѣло? Тою же преданностью: *не яко же Азъ хощу, но яко же Ты* (Мѳ. XXIV, 39). *Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой* (Лук. XXIII, 46). Итакъ, преданность Богу есть и начало, и совершеніе христіанства и вѣчнаго спасенія. Преданность волѣ Божіей есть и кратчайшій путь къ Богу. Вотъ подходящій къ этому примѣръ.

Былъ нѣкто учитель, знаменитый своими знаніями, который давно уже и усердно молился Богу, чтобы Онъ показалъ ему такого человѣка, отъ котораго бы могъ узнать онъ прямѣйшій путь, удобно ведущій къ небу. Однажды, когда онъ молился усерднѣе обыкновеннаго, ему было повелѣніе выйти изъ кельи къ церковному преддверію. Вышелъ учитель и нашелъ у дверей церковныхъ нищаго старца, покрытаго язвами и ранами, въ бѣднѣйшемъ рубищѣ. Проходя мимо, учитель сказалъ ему обычное привѣтствіе: „добрый день тебѣ, старецъ!“ А старецъ отвѣчалъ: „не помню, чтобы для меня былъ какой-нибудь день недобрымъ“. Учитель остановился и, какъ бы исправляя свое первое привѣтствіе, промолвилъ; „я желаю, чтобы Богъ далъ тебѣ счастія“. А старецъ отвѣчалъ: „я несчастливымъ никогда не бывалъ“. Тогда учитель сказалъ еще: „желаю тебѣ того, чего ты самъ себѣ желаешь“.—„Я ни въ чемъ не нуждаюсь, говорилъ старецъ, и имѣю все, что желаю“. Учитель возразилъ: „неужели ты одинъ счастливецъ между людьми? Стало-быть несправедливы слова Іова: *человѣкъ рожденъ отъ жены малолѣтенъ, исполнь гнѣва* (пресыщенъ печалями, бѣдами) (Іов. XIV, 1); не понимаю, какъ одинъ ты умѣлъ убѣжать несчастій“.—„Нежеланіе счастія составляетъ мое счастье, говорилъ старецъ: я не забочусь о счастіи и никогда не молюсь объ этомъ небесному Отцу, и такимъ образомъ никогда не былъ несчастнымъ. Голоденъ ли я,—благодарю за то Бога. Холодно ли отъ непогоды,—также хвалю Бога. Смѣются ли всѣ надо мною,—равно хвалю Бога. Такимъ образомъ все: пріятное и противное, сладкое и горькое принимая радостно, какъ отъ руки добраго отца, желаю *только того, чего хочетъ Богъ,* и потому все случается по моему желанію. Я забочусь только о томъ, чтобы хотѣть того, что хочетъ Богъ, и не желать того, чего Онъ не желаетъ; а потому нисколько и не считаю себя несчастливымъ“. Удивился учитель отвѣтамъ старца и понялъ ту истину, что *кратчайшій путь къ Богу состоитъ въ томъ, чтобы быть во всемъ согласнымъ съ Его волей.*

Итакъ, видите, христіане, какъ спасительно предавать себя въ волю Божію! Поэтому чѣмъ бы ни посѣтилъ васъ Богъ, какими бы путями ни повелъ васъ въ жизни, какимъ бы труднымъ испытаніямъ ни подвергъ васъ, вѣруйте, что такъ дѣйствуетъ перстъ Божій, и смиренно послѣдуйте мановеніямъ Его. Потребуется ли, сверхъ желанія вашего, оставить домъ, поступить въ другое званіе или состояніе,—смиренно покоряйтесь опредѣленію Божію. Примѣръ вамъ — праотецъ Авраамъ. Возложатъ ли на васъ какіе-либо новые труды и обязанности,—съ готовностію повинуйтесь волѣ Божіей. Вспомните, какъ поступилъ ап. Павелъ, когда Богъ возложилъ на него труды проповѣди евангельской. Онъ сказалъ: *Господи, что мя хощеши творити!* (Дѣян. IX, 6). Поразятъ ли васъ болѣзни, или лишеніе дѣтей, или потеря имущества, — укрѣпляйтесь въ благоговѣйной преданности неисповѣдимымъ Божіимъ судьбамъ. Примѣръ вамъ—праведный Іовъ. Короче сказать: во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, — счастливыхъ ли то, или несчастныхъ—молитесь Отцу небесному: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли.* (См. „В. лист.“ № 337 изд. ред. „В. дня“).

НЕДѢЛЯ 19-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Лук. зач. 26-е, гл. VI, 31—36 ст.

1. Евангельское ученіе объ отношеніяхъ къ ближнимъ, съ изъясненіемъ заповѣди о любви ко врагамъ.

Въ нагорной проповѣди Господь, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ раскрываетъ намъ, каковы должны быть наши отношенія къ ближнимъ: „какъ хотите, говорилъ Онъ, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними. Если любите любящихъ васъ, какая вамъ за то благодарность? ибо и грѣшники любящихъ ихъ любятъ. И если дѣлаете добро тѣмъ, которые вамъ дѣлаютъ добро, и если взаймы даете тѣмъ, отъ которыхъ надѣетесь получить обратно, какая вамъ за то благодарность? ибо и грѣшники то же дѣлаютъ. Но вы любите враговъ вашихъ, и благотворите, и взаймы давайте, не ожидая ничего; и будетъ вамъ награда великая, и будете сынами Всевышняго; ибо Онъ благъ и къ неблагодарнымъ и злымъ. Итакъ, будьте милосерды, какъ и Отецъ вашъ милосердъ“. (Лук. VI, 31—36).

Однажды христіанскому философу Константину, нареченному Кириллу, предложенъ былъ сарацинами вопросъ, касающійся любви ко врагамъ. Они говорили: „если Христосъ есть Богъ вашъ, то почему вы не дѣлаете того, что Онъ повелѣваетъ: молиться за враговъ, добро творить ненавидящимъ васъ, обращать ланиту біющимъ; вы же не такъ, а совсѣмъ противно поступаете: изощряете оружіе противъ враждующихъ, выходите на брань съ ними и умерщвляете ихъ“. Блаженный Кириллъ спросилъ въ свою очередь: „если въ какомъ-нибудь законѣ предлагаются двѣ заповѣди, и обѣ даются людямъ для исполненія, то кто будетъ истиннѣйшимъ законоблюстителемъ: тотъ ли, который исполнитъ одну заповѣдь, или тотъ, кто исполнитъ обѣ заповѣди?“—„Безъ сомнѣнія, тотъ,—отвѣчали сарацины,—который исполнитъ обѣ заповѣди“. Тогда философъ сказалъ имъ: „Христосъ Богъ нашъ повелѣлъ намъ молиться за обижающихъ насъ и благотворить имъ; но Онъ же заповѣдалъ намъ: *большии сея любве никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV, 13). Поэтому мы терпимъ обиды, причиняемыя каждому изъ насъ отдѣльно, но въ обществѣ защищаемъ другъ друга и полагаемъ свою жизнь за братій нашихъ, дабы вы, увлекая ихъ въ плѣнъ, не плѣнили вмѣстѣ съ тѣлами и души ихъ, склоняя благочестивыхъ къ своимъ злымъ и богопротивнымъ дѣламъ“ („Воскр. чт.“, XXI, стр. 72).

2. Божественный примѣръ молитвы за враговъ.

Послѣ разнообразныхъ страданій Господа Іисуса Христа во дворѣ Каіафы, въ преторіи Пилата и во дворѣ Ирода,—послѣ изнурительнаго шествія подъ крестомъ на Голгоѳу, наконецъ, наступила минута распятія. Древо утверждено на землѣ. Послѣднія одежды совлечены. Распинаемый вознесенъ на крестъ. Руки и ноги простерты. Ужасный млатъ стучитъ. Кровь потоками льется на землю... Что сказалъ бы въ сію минуту, на семъ мѣстѣ, самый архангелъ?.. Богочеловѣкъ кротко возводитъ очи къ небу и, вслухъ всѣхъ, молится. О чемъ?—Объ отмщеніи врагамъ? о защищеніи Своего дѣла? о ниспосланіи Себѣ терпѣнія? — Нѣтъ: *Отче,* вѣщаетъ Онъ, *отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ!* (Лук. XXIII, 34).—Не вѣдятъ!—Такъ! Римскій воинъ-распинатель не зналъ, что дѣлалъ, бывъ только слѣпымъ орудіемъ повелѣній своего прокуратора—Пилата; іудейская чернь не вѣдала, что творила, наущенная льстивыми и вмѣстѣ грозными внушеніями своихъ слѣпыхъ вождей и владыкъ; самъ синедріонъ, при всей безнравственности своей, не зналъ навѣрное, что посягаетъ теперь на жизнь истиннаго Мессіи. *Аще бо быша разумѣли,* скажемъ словами апостола, *не быша Господа славы распяли* (1 Кор. II, 8). Сколько однакоже преступленій было въ этомъ невѣдѣніи,—особенно въ тѣхъ, кои такъ легко могли все увѣдать, и сто разъ смежали очи, чтобы ничего не видѣть!—И это совершенно забыто Распинаемымъ! — Сколько, при самомъ невѣдѣніи, рѣзкихъ слѣдовъ преднамѣреннаго лукавства и низкой жестокости, кои обличали во врагахъ и гонителяхъ Іисуса личную злобу къ Нему, явное желаніе ожесточить казнь, и безъ того ужасную, обезславить крестъ, самъ по себѣ поносный!- Но и это все пренебрежено Распинаемымъ! — А лютѣйшія болѣзни при пронзеніи рукъ и ногъ!—Не достаточно ли было ихъ однѣхъ, чтобы самое первое чувство въ Распинаемомъ сосредоточить теперь на Немъ Самомъ, на Его собственныхъ страданіяхъ? Но Распинаемый Богочеловѣкъ возносится духомъ превыше всего; забываетъ Свой крестъ и Свою смерть;—и, какъ Первосвященникъ по чину Мельхиседекову, едва возносится на крестъ, какъ возноситъ молитву о врагахъ Своихъ. *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ!...* О, кто по сей одной чертѣ не узнаетъ въ Распинаемомъ Агнца Божія, закалаемаго за грѣхи всего міра? А вмѣстѣ съ тѣмъ, кто изъ истинныхъ послѣдователей Его не дастъ обѣта быть кроткимъ ко врагамъ своимъ?—Кто ни разу въ жизни не простилъ своему врагу во имя Распятаго Спасителя своего, молившаго на крестѣ о врагахъ Своихъ, тотъ не христіанинъ!... (Изъ Сочиненій Иннокентія, архіеп. херсонскаго).

3. Примѣры любви ко врагамъ.

I. Іисусъ Христосъ, во время крестныхъ страданій Своихъ, молился за Своихъ враговъ.

II. Такъ поступилъ и св. Стефанъ первомученикъ въ то время, когда побивали его камнями. „Безъ этой молитвы св. Стефана, говоритъ блаж. Августинъ, церковь не имѣла бы св. Павла“.

III. Апостолъ Іаковъ молился за своихъ убійцъ, которые свергнули его съ кровли храма.

IV. Отъ іудеевъ апостолу Павлу пять разъ дано было по сорока ударовъ безъ одного. Три раза его били палками и однажды камнями побивали (2 Кор. II, 24 — 25), но онъ говоритъ: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей* (Рим. 9, 3). Онъ готовъ былъ самъ погибнуть, лишь бы спаслись братія его.

V. Когда св. мученица Татіана схвачена была нечестивыми идолопоклонниками и приведена на судъ и мученіе, то слуги распорядителя казни начали немилосердно бить ее по лицу, потомъ удицами терзали ея очи. А св. мученица, укрѣпляемая Богомъ, не только не гнѣвалась на мучащихъ ее и ничего худого не желала имъ, но, по любви христіанской, молилась Господу, да подастъ имъ познаніе истины. И Господь услышалъ ея святую молитву: свѣтъ небесный осіялъ мучившихъ ее и просвѣтилъ ихъ душевныя очи: они увидѣли четырехъ ангеловъ, окружавшихъ мученицу, и слышали гласъ съ неба, къ святой мученицѣ нисшедшій; тогда они пали предъ нею на землю и сказали: „прости насъ, служительница истиннаго Бога, прости, что мы сдѣлали тебѣ не волею“. Было ихъ числомъ восемь человѣкъ, и они увѣровали во Христа. Вотъ какъ угодна Богу христіанская молитва о врагахъ и недругахъ! Она укрѣпляетъ и успокоиваетъ и нашу душу, низводитъ на насъ Господню благодать, она просвѣщаетъ умъ и сердце и нашихъ недруговъ и приводитъ ихъ къ Богу. (Чет.-Мин. 12 янв.).

VI. Вотъ еще примѣръ любви къ врагамъ, о которомъ любилъ разсказывать авва Іоаннъ. Ученикъ одного философа, провинившись въ чемъ-то важномъ предъ своимъ наставникомъ, просилъ у него прощенія, но философъ тогда только обѣщалъ простить его, если онъ три года съ осужденными будетъ трудиться въ рудокопняхъ; потомъ потребовалъ, чтобъ онъ еще три года давалъ плату тѣмъ, которые наносили ему какую-либо обиду или оскорбленіе. Когда ученикъ все это исполнилъ, философъ сказалъ ему: „иди теперь во градъ Аѳины, чтобы научиться тамъ премудрости“. (Руф. жит. отц. кн. 3). При вратахъ этого города сидѣлъ старецъ, долгимъ опытомъ стяжавшій великую мудрость, который ради испытанія поносилъ всѣхъ входящихъ во градъ. Когда онъ сдѣлалъ то же и входящему юношѣ, то тотъ громко засмѣялся. „Что ты дѣлаешь?“ спросилъ старецъ, „я тебя оскорбляю, а ты смѣешься?“ — Какъ же мнѣ не смѣяться, отвѣтствовалъ юноша: я три года платилъ людямъ за наносимыя мнѣ отъ нихъ обиды, а ты меня поносишь даромъ. Тогда старецъ сказалъ: „войди въ городъ, ты этого достоинъ“. Это имѣлъ обыкновеніе разсказывать авва Іоаннъ, и къ сему присовокуплялъ: „сіи врата Божіи, которыми отцы наши чрезъ много скорбей и поношеній, радуясь, вошли во градъ Божій“. (Руф. житія отцовъ, см. кн. „Царскій путь креста Господня“, Іоанна Макс., митр. тобольскаго, 185).

VII. У Александра, патріарха антіохійскаго, былъ нотарій (писецъ), который похитилъ у него золото, и послѣ попалъ въ руки разбойниковъ. Чудный Александръ, узнавъ объ этомъ, выкупилъ его изъ плѣна за восемьдесятъ монетъ, и когда похититель пришелъ къ нему, патріархъ принялъ его такъ милостиво и благосклонно, что нѣкто изъ жителей города сказалъ: „ничего нѣтъ выгоднѣе, какъ обидѣть патріарха Александра“.

VIII. Авва Стефанъ такое имѣлъ терпѣніе, что считалъ своимъ другомъ того, кто причинялъ ему какую-либо обиду; за поношеніе онъ воздавалъ благодарностію; если въ самомъ своемъ убожествѣ терпѣлъ чрезъ кого-либо лишеніе, онъ почиталъ это за величайшую прибыль; всѣхъ враговъ своихъ признавалъ за споспѣшниковъ спасенія. (Оттуда же).

4. Не желай гибели грѣшника.

Св. Карпъ (память его 26 мая) былъ ученикомъ и сотрудникомъ св. ап. Павла и послѣ него проповѣдывалъ евангеліе на островѣ Критѣ. Св. Карпъ былъ такой высокой и святой жизни, что часто удостоивался Божественныхъ видѣній. И онъ не прежде начиналъ совершать пречистыя и животворящія тайны, пока не видѣлъ съ неба явившагося ему Божественнаго знаменія. И вотъ какое вразумительное видѣніе однажды видѣлъ св. Карпъ, и вотъ по какому случаю послѣдовало то видѣніе. Однажды одинъ изъ невѣрующихъ соблазнилъ нѣкоего христіанина, принадлежавшаго къ паствѣ св. Карпа, и отъ вѣры Христовой совратилъ его въ невѣріе. Это сильно огорчило св. Карпа, и онъ, вмѣсто того, чтобы великодушно переносить свою глубокую скорбь, терпѣливо вразумлять заблудшихъ и молиться за нихъ Господу, чтобы вразумилъ и просвѣтилъ ихъ заблудшіе умы и сердца Своею благодатію, сталъ сильно гнѣваться на нихъ и желалъ, чтобы Господь послалъ на нихъ тяжкую кару, тогда какъ прежде ничего подобнаго никогда не было съ св. Карпомъ.

Что же далѣе? Однажды св. Карпъ въ своей храминѣ сталъ на молитву и молилъ Бога, чтобы на тѣхъ невѣрующихъ и отступниковъ отъ св. вѣры Христовой сошелъ съ неба огонь и попалилъ бы ихъ обоихъ съ ихъ жилищами. И когда онъ такъ молился, ему представилось, что храмина его потряслась и разсѣлась на-двое съ верху до низу; онъ какъ-будто стоялъ на открытомъ мѣстѣ, и надъ нимъ засіялъ съ неба свѣтъ; онъ увидѣлъ небо отверстымъ и въ небесахъ сидящаго Іисуса со множествомъ святыхъ ангеловъ. Затѣмъ, взглянувъ на землю, онъ увидѣлъ великую, темную пропасть, на днѣ которой извивался большой, страшный змій, скрежеща зубами; на краю же пропасти въ величайшемъ страхѣ стояли тѣ два грѣшника, на которыхъ сильно гнѣвался св. Карпъ за ихъ невѣріе и отступленіе отъ св. вѣры; имъ грозила опасность впасть въ погибельную пропасть. Какія то темныя существа уже старались бросить ихъ въ пропасть, и Карпъ радовался, видя, что ненавистные ему грѣшники скоро погибнутъ. Но сколько ни старались темныя существа бросить грѣшниковъ въ пропасть, чего такъ сильно желалъ св. Карпъ, они почему то не могли этого сдѣлать. Тогда Карпъ сталъ скорбѣть и просить Господа, чтобы тѣ оскорбители его и правды Божіей брошены были въ пропасть. Но вотъ онъ видитъ, что Самъ Господь со святыми ангелами сходитъ съ Своего небеснаго престола и идетъ къ стоявшимъ надъ пропастью грѣшникамъ. Господь подаетъ имъ руку Свою, и окружившіе ихъ ангелы стараются отвести ихъ отъ пропасти. Обратившись къ Карпу, Господь сказалъ ему: „бей Меня лучше, Карпъ, если хочешь; за спасеніе людей Я готовъ еще быть распятымъ, лишь бы только грѣшники возненавидѣли свои беззаконія. Неужели лучше имъ страдать въ пропасти со зміемъ, чѣмъ блаженствовать съ Богомъ и ангелами на небѣ?“ Такъ Господь премудрый и всеблагій вразумилъ Карпа! (По Ч.-М.)

5. Сила кроткихъ словъ.

Въ обители пр. Кирилла одинъ изъ братіи, по имени Ѳеодотъ, такъ возненавидѣлъ своего настоятеля, что не могъ равнодушно слышать голоса его. Враждебное расположеніе не могло скрыться отъ братій, которые, зная справедливость, чистоту жизни и смиренномудріе пр. Кирилла, удивлялись безпричинной и упорной злобѣ Ѳеодота. Сколько ни уговаривали его успокоиться и возлюбить настоятеля, ничто не могло подѣйствовать къ умиренію ожесточеннаго сердца. Мучимый постояннымъ враждебнымъ настроеніемъ и смущеніемъ мыслей, Ѳеодотъ не находилъ никакого другого средства погасить вражду въ душѣ своей, какъ выйти изъ монастыря, но, по совѣту одного старца, рѣшился напередъ открыть пр. Кириллу смущеніе своихъ мыслей. Одно рѣзкое слово, одинъ малѣйшій упрекъ со стороны настоятеля могъ бы гибельно подѣйствовать на ожесточенное сердце, преисполненное злобы, и дѣло примиренія окончательно рушилось бы. Но пр. Кириллъ, подвижническою жизнію воспитавшій въ себѣ духъ глубокаго смиренія, совершенно пристыдилъ своего врага отечески любовнымъ и кроткимъ обращеніемъ. Желая совершенно уврачевать душевный недугъ инока, прозорливый Кириллъ сказалъ Ѳеодоту; „возлюбленный братъ! всѣ обманулись почитая меня добрымъ человѣкомъ, ты одинъ истинно судилъ, считая меня злымъ и грѣшнымъ, по истинѣ я грѣшный и непотребный“. Это проявленіе глубокаго смиренія и самоуничиженія настоятеля окончательно подѣйствовало къ умиротворенію враждовавшаго инока. Онъ упалъ къ ногамъ пр. Кирилла и со слезами каялся въ томъ, что напрасно питалъ къ нему вражду. Примиренный, такимъ образомъ, инокъ нашелъ покой сердцу своему и съ тѣхъ поръ особенно возлюбилъ преподобнаго, до конца жизни оставаясь въ его обители въ совершенномъ иноческомъ послушаніи и незлобіи. (См. „Доброе слово“, ч. III, свящ. Г. Дьяченко).

6. **Миротворецъ.**

„Блаженни миротворцы, — говоритъ Спаситель, — яко тіи сынове Божіи нарекутся, (Мѳ. V, 9). Какъ велико зло, происходящее отъ вражды, и какъ преступны и презрѣнны люди, посѣевающіе въ обществѣ раздоры, такъ благословенны предъ Богомъ и людьми истинные миротворцы, способствующіе водворенію между людьми согласія и любви.

Одинъ благочестивый пустынникъ пришелъ въ скитъ и поселился въ пустой кельи, которую далъ ему на время скитскій старецъ. Оба инока сначала жили въ братскомъ согласіи, но скоро это согласіе рушилось. Скитскій старецъ позавидовалъ пришедшему пустыннику въ томъ, что къ нему стало стекаться много народа слушать его поучительныя бесѣды. Побуждаемый завистію, старецъ послалъ своего юнаго послушника сказать гостившему пустыннику, чтобъ онъ очистилъ принадлежащую ему келью. Вмѣсто того послушникъ пришелъ къ гостю, поклонился и сказалъ: „отецъ мой приказалъ спросить у тебя, здоровъ, ли ты?“—„Скажи отцу твоему,—отвѣтилъ пустынникъ, — чтобы помолился о мнѣ Господу Богу, я немного боленъ“. Возвратясь, послушникъ сказалъ старцу своему, будто пустынникъ нашелъ другую келью и скоро уйдетъ отъ него. Прошло нѣсколько времени, старецъ опять послалъ послушника своего сказать пришельцу, чтобы выходилъ изъ кельи, угрожая силою выгнать его. Пришедши опять, послушникъ сказалъ: „отецъ мой, услышавъ, что ты боленъ, прислалъ меня навѣстить тебя“.—„Скажи отцу твоему, что я молитвами его выздоровѣлъ“, сказалъ гость. Послушникъ, напротивъ, передалъ своему старцу, что гость проситъ позволенія только одну недѣлю пожить въ его кельи. Прошла недѣля, а пришелецъ не оставляетъ кельи; тогда раздраженный старецъ самъ идетъ выгонять его. Послушникъ-же поспѣшилъ впередъ и сказалъ пустыннику, что старецъ идетъ звать его къ себѣ на трапезу. Услышавъ это, гость выходитъ къ старцу навстрѣчу, принимаетъ его съ распростертыми объятіями и со взоромъ, исполненнымъ любви, говоритъ: „я иду къ тебѣ, любезный о Христѣ братъ! не трудись итти ко мнѣ“. Пораженный незлобіемъ пришельца, старецъ невольно умиротворился душою, забылъ свою досаду, облобызалъ гостя и увелъ въ свою келью для угощенія. Проводивъ гостя, старецъ узналъ, какъ послушникъ измѣнялъ его приказанія, и душевно возрадовался, что избавился отъ сѣтей вражіихъ, припалъ къ ногамъ ученика своего и сказалъ: „отнынѣ ты мой наставникъ, а я твой ученикъ, ибо чрезъ твой поступокъ спасены наши души“. („Доброе слово“, свящ. Г. Дьяченко, г. III).

7. **Подвижникъ милосердія.**

Преп. Серапіонъ (память его 14 мая) съ юныхъ лѣтъ возлюбилъ жизнь пустынническую, жилъ въ Египтѣ и былъ высокимъ и строгимъ подвижникомъ. Постояннаго пристанища у него не было, и ничего не имѣлъ онъ у себя. Всякій вертепъ въ пустынѣ былъ ему кельею, мантія всегдашнею одеждою, а все имущество и сокровище его состояло въ небольшомъ евангеліи, которое онъ постоянно носилъ съ собою. И какъ учило его евангеліе, такъ онъ и поступалъ. Однажды онъ шелъ въ городъ Александрію. Время было холодное; бѣдная одежда едва покрывала изнуренное подвигами тѣло старца. Въ это время онъ встрѣтилъ нищаго, который, не имѣя одежды, весь дрожалъ отъ холода. Старецъ остановился и сказалъ самъ себѣ: „меня почитаютъ постникомъ и послѣдователемъ Христовымъ; между тѣмъ я ношу одежду, а этотъ рабъ Христовъ, а можетъ быть и самъ Христосъ въ его образѣ, погибаетъ отъ холода, а я не милосердствую о немъ. Воистину я буду убійцею, если этому бѣдному дамъ замерзнуть". И св. старецъ снялъ съ себя мантію и отдалъ нищему, а самъ сѣлъ при пути нагой, держа въ рукахъ евангеліе. Одинъ знакомый, проходившій по тому пути, спросилъ его: „кто раздѣлъ тебя, отецъ Серапіонъ?" Указывая на свое евангеліе, Серапіонъ отвѣчалъ: „сія книга раздѣла меня". Но вотъ пришла чреда и до евангелія. Однажды преп. Серапіонъ увидѣлъ человѣка, котораго вели въ темницу за долги. Должникъ имѣлъ великую семью. При видѣ страдальца не утерпѣло сердце человѣка Божія. Не имѣя чѣмъ выкупить должника, преп. Серапіонъ продалъ евангеліе — свое единственное сокровище, и отдалъ за должника. Когда же пришелъ въ хижину свою, въ которой имѣлъ временное пребываніе, то ученикъ спросилъ его: „гдѣ одежда твоя, отче?" „Я отослалъ ее туда,—отвѣчалъ старецъ,— гдѣ вмѣсто ея получу лучшую". „А гдѣ евангеліе?"— опять спросилъ ученикъ. „И оно теперь тамъ же,— отвѣчалъ старецъ, — оно всегда говорило мнѣ: продай имѣніе твое и отдай нищимъ Христа ради, да въ день судный обрящешь его. Я послушался совѣта его, продалъ его и отдалъ деньги нуждавшемуся".

Продавши и раздавши все имѣніе свое, преп. Серапіонъ, наконецъ, и себя самого продалъ въ рабство. Однажды, бывши въ городѣ Лакедемонѣ, онъ узналъ объ одномъ градоначальникѣ, который жилъ добродѣтельно, но вѣровалъ не православно. Серапіонъ приходитъ къ градоначальнику и, дѣлая видъ, что имѣетъ крайнюю нужду въ деньгахъ, продаетъ себя ему въ рабство на два года. Въ теченіе сего времени онъ успѣлъ обратить градоначальника со всѣмъ семействомъ его къ православной вѣрѣ. Подобнымъ же образомъ обратилъ онъ ко Христу одного языческаго комедіанта со всѣмъ его семействомъ, продавъ себя ему за 20 сребрениковъ. Язычникъ - комедіантъ, видя святую жизнь Серапіона, его строгое воздержаніе и умиленную ночную молитву, и слыша его богомудрыя наставленія, увѣровалъ во Христа и принялъ св. крещеніе. (Ч.-М.).

8. Дивный поступокъ св. Аполлинарія съ богатымъ юношей, впавшимъ въ нищету.

Вотъ что разсказывается о папѣ александрійскомъ, св. аввѣ Аполлинаріи: „Въ Александріи былъ одинъ юноша, сынъ знаменитыхъ родителей. Послѣ своей смерти они оставили ему большое состояніе—въ корабляхъ и въ большомъ количествѣ золота. Юноша вскорѣ лишился своего состоянія, все потерялъ и впалъ въ крайнюю бѣдность, не имѣя даже ничего для пропитанія. Не то, чтобы онъ растратилъ на излишества, нѣтъ—кораблекрушенія разорили его. И сталъ онъ изъ великихъ малымъ, по слову псалмопѣвца: „восходятъ до небесъ и нисходятъ до безднъ" (Псал. CVI, 26). Такъ и юноша—всѣхъ превосходилъ богатствомъ, а теперь сталъ ниже всѣхъ по своей бѣдности.

Узналъ обо всемъ этомъ блаженный Аполлинарій. Видя юношу въ такомъ затруднительномъ положеніи и бѣдности, вспомнивъ и его родителей, какъ они были богаты, пожелалъ оказать ему милость и подать хотя небольшую помощь для пропитанія, но недоумѣвалъ, какъ бы это устроить, не оскорбляя молодого человѣка. Всякій разъ, какъ только видѣлъ его, папѣ больно было до глубины души, при видѣ грязной одежды и печальнаго вида юноши — этихъ признаковъ крайней бѣдности. И забота о юношѣ не покидала папу. Однажды, какъ бы по вдохновенію свыше, онъ придумалъ удивительное средство, вполнѣ достойное его святости.

Призвавъ къ себѣ расходчика св. церкви, онъ наединѣ сказалъ ему:

— Можешь ли ты сохранить одну мою тайну?

— Надѣюсь, владыко, на Сына Божія, — отвѣчалъ тотъ. — Если повелишь, не скажу никому, и никто не будетъ знать того, что ты довѣришь рабу твоему.

— Ступай,—сказалъ папа,—и напиши заемное письмо въ пятьдесятъ фунтовъ золота, какъ бы отъ лица св. церкви, на имя Макарія, отца извѣстнаго юноши. Чтобы все было въ порядкѣ — и свидѣтели и условія — и принеси лично ко мнѣ.

Получивъ такое повелѣніе, расходчикъ немедленно изготовилъ заемное письмо и вручилъ папѣ. Но со смерти отца юноши прошло уже лѣтъ десять, а можетъ-быть, и болѣе, между тѣмъ грамота имѣла совсѣмъ свѣжій видъ. Папа сказалъ расходчику:

— Ступай-ка, господинъ расходчикъ, спрячь грамоту въ пшеницу или въ ячмень и чрезъ нѣсколько дней принеси ко мнѣ.

Тотъ исполнилъ это и въ назначенное время принесъ грамоту папѣ. Папа сказалъ:

— Ну, теперь ступай и скажи молодому человѣку: сколько ты мнѣ дашь, если я тебѣ доставлю одинъ документъ, который принесетъ тебѣ большую пользу? Только смотри—не бери съ него больше трехъ номисмъ. И отдай ему документъ.

— Владыко,—отвѣтилъ расходчикъ,—да я и ничего не возьму съ него, если повелишь.

— Нѣтъ, я непремѣнно хочу, чтобы ты взялъ три номисмы.

Расходчикъ отправился къ молодому человѣку.

— Что ты мнѣ дашь за одну вещь, которая облагодѣтельствуетъ тебя?

Тотъ соглашался на все, чего бы онъ ни пожелалъ. Тогда расходчикъ, придумавъ заранѣе, говоритъ юношѣ:

— Пять или шесть дней тому назадъ, перебирая въ домѣ бумаги, я нашелъ вотъ это заемное письмо и припомнилъ, что Макарій, отецъ твой, относясь ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ, оставилъ у меня его на нѣсколько дней, но онъ умеръ—и вотъ случилось такъ, что оно пролежало у меня до нынѣшняго дня.

— Что же ты желаешь получить за него?

— Три номисмы.

— А состоятельно ли то лицо, за которымъ числится долгъ?

— Безъ сомнѣнія! И состоятельно и милостиво, и ты безъ всякаго затрудненія можешь получить долгъ.

— Видитъ Богъ, — у меня теперь ничего нѣтъ; но если отдадутъ мнѣ, я тебѣ дамъ и больше трехъ номисмъ, если пожелаешь.

Тогда расходчикъ вручилъ ему заемное письмо въ пятьдесятъ фунтовъ золота.

Получивъ документъ, молодой человѣкъ является къ св. папѣ. Поклонившись, онъ подаетъ ему вексель. Папа взялъ, прочиталъ и сдѣлалъ видъ, будто смутился.

— А гдѣ ты былъ до сихъ поръ?— спросилъ онъ юношу.—Отецъ твой умеръ уже болѣе десяти лѣтъ. Ступай-ка, сударь мой, я тебѣ не дамъ никакого отвѣта.

— Повѣрь мнѣ, владыко, у меня его и не было; оно хранилось у расходчика, а я и не зналъ. Дай Богъ ему здоровья — онъ только что отдалъ его мнѣ со словами: „перебирая бумаги, я нашелъ его“.

Папа отослалъ юношу, проговоривъ:

— Я подумаю.

А бумагу оставилъ у себя.

Чрезъ недѣлю молодой человѣкъ приходитъ къ папѣ. Папа снова начинаетъ укорять его.

— Зачѣмъ ты медлилъ представить бумагу?

По его виду можно было замѣтить, что онъ не желаетъ отдать ему даже сколько-нибудь.

— Владыко, — сказалъ молодой человѣкъ:—видитъ Богъ — у меня нѣтъ ничего, нечѣмъ кормить даже семью. Если Богъ наставитъ васъ, сжальтесь надо мною.

Дѣлая видъ, будто уступаетъ его мольбамъ, св. Аполлинарій сказалъ ему:

— Я заплачу тебѣ полностью. Только прошу тебя, братъ, ты ужъ не требуй отъ св. церкви процентовъ.

Молодой человѣкъ бросился ему въ ноги.

— Все, что повелишь и пожелаешь, владыко мой — все исполню. И если пожелаешь убавить и самую сумму, убавь...

— Этого не сдѣлаю. Съ меня довольно и того, что ты уступаешь намъ проценты.

Доставъ, папа вручилъ молодому человѣку пятьдесятъ фунтовъ золота и отпустилъ его, все еще говоря и прося объ уступкѣ процентовъ.

Вотъ каковъ тайный поступокъ Аполлинарія, — вотъ прекраснѣйшее дѣяніе, обнаруживающее его сострадательную душу.

Между тѣмъ Богъ такъ помогъ молодому человѣку чрезъ милосердіе св. мужа, что онъ поднялся изъ столь бѣдственнаго состоянія и не только вернулъ все прежнее, но превзошелъ и родителей своихъ богатствомъ и капиталами. Вмѣстѣ съ тѣмъ все это принесло ему и великую духовную пользу („Лугъ духовный“, блаж. І. Моска).

9. Не суди бѣдняка, а подай ему.

Больно и прискорбно слышать нападки на страннолюбіе и нищелюбіе. Правда, подъ видомъ нищихъ часто скрываются бродяги и тунеядцы, которымъ поблажать не слѣдуетъ. Но что дѣлать тогда, когда ты не можешь точно знать, кто проситъ у тебя милостыни: дѣйствительный ли бѣднякъ, или бродяга — попрошайка? Вѣдь и не согрѣша согрѣшишь, если прогонишь отъ себя безъ всякаго разсужденія бѣдняка, котораго видишь въ первый разъ, и потому не знаешь, что онъ за человѣкъ? Вотъ что разсказывалъ о себѣ одинъ почтенный старецъ, отставной офицеръ, когда зашла рѣчь о подобныхъ просителяхъ.

„Въ 1821 году жилъ я въ отпуску въ Петербургѣ у своихъ родныхъ. Однажды, идя по петербургской сторонѣ, я повстрѣчался съ знакомымъ офицеромъ, который былъ тоже въ отпуску. Мы пошли вмѣстѣ къ домику Петра I, гдѣ находится чудотворная икона Спасителя. На пути попадается намъ какой-то чиновникъ, остановился и проситъ со слезами подать ему что-нибудь во имя Спасителя, объясняя при этомъ, что у него недавно жена разрѣшилась отъ бремени и лежитъ больная, что кромѣ новорожденнаго, у него еще двое дѣтей, а между тѣмъ ни ему, ни женѣ, ни дѣтямъ ѣсть нечего. Сострадая несчастному, я сталъ доставать изъ кармана кошелекъ, а товарищъ мой шепнулъ мнѣ въ это время: „повѣрь, что у него нѣтъ никакого семейства; просто, ему захотѣлось выпить“. Не обращая вниманія на его слова, я подалъ бѣдняку, что могъ; тотъ поблагодарилъ меня со слезами и пошелъ обратно тою дорогою, какою шелъ къ намъ. Когда онъ отошелъ на нѣкоторое разстояніе, мой товарищъ предложилъ мнѣ пойти по его слѣдамъ: „ты увидишь, говорилъ онъ мнѣ, что я не ошибаюсь: посмотри, что твой бѣднякъ отправится, если не прямо въ кабакъ, то въ какую-нибудь грязную харчевню для выпивки“.—Пожалуй, пойдемъ, сказалъ я.—Мы пошли за бѣднякомъ. Не замѣчая насъ, онъ шелъ почти бѣгомъ, и, повернувши въ переулокъ, скрылся у насъ изъ глазъ. Когда и мы дошли до того же переулка, то увидали его выходящимъ впереди насъ изъ мелочной лавочки; тотчасъ же онъ повернулъ въ первый дворъ. Мы спросили у дворника, гдѣ живетъ только что вошедшій чиновникъ, и вошли въ указанную комнатку. Боже мой, что мы увидѣли! Больная женщина съ груднымъ ребенкомъ лежала на полу, на грязномъ тюфякѣ, покрытая изорваннымъ крашениннымъ одѣяломъ. Она была изнурена до крайности. Двое малютокъ — дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, сидѣли у ногъ ея въ грязныхъ, изорванныхъ рубашенкахъ. Бѣдный отецъ ихъ — нашъ знакомецъ чиновникъ, нагнувшись къ дѣтямъ, раздѣлялъ поровну хлѣбъ, купленный имъ въ лавочкѣ на данныя мною деньги. Дѣти съ радостнымъ крикомъ и съ жадностью вырывали у него изъ рукъ скудную пищу, а бѣдная мать глядѣла тоже просящими глазами на своего мужа. Пораженные ужасною картиною нищеты и бѣдствій, мы съ товарищемъ стояли у дверей. Я взглянулъ на товарища: онъ плакалъ... Чиновникъ обернулся и, увидѣвъ насъ, очень смутился. Товарищъ мой, подошедши къ больной, сказалъ съ чувствомъ искренняго участія: „простите, сударыня, дерзости нашей. Я виноватъ въ томъ, что мы побезпокоили васъ: мнѣ не вѣрилось, чтобы мужъ вашъ имѣлъ семейство, и чтобъ оно было въ такомъ бѣдственномъ положеніи; позвольте же мнѣ хоть сколько-нибудь загладить вину мою“. Онъ вынулъ 25-рублевую бумажку и подалъ до слезъ тронутой больной. — „Позвольте мнѣ привести къ вамъ родныхъ моихъ; я увѣренъ, что они не откажутся, по возможности, быть вамъ полезными“. Съ своей стороны и я принесъ лепту бѣдствующему семейству. Мы хотѣли удалиться. Въ эту минуту несчастный отецъ семейства, стоявшій до сихъ поръ у изголовья больной своей жены, какъ онѣмѣлый, зарыдалъ и, кинувшись къ ногамъ нашимъ, воскликнулъ: „отцы мои! благодѣтели мои! Чѣмъ заплатить мнѣ вамъ за ваши милости? Святитель Божій, Николай угодникъ! Ты услышалъ молитву несчастнаго! Будь же имъ покровителемъ и заступникомъ на всю ихъ жизнь!“ Мы поспѣшили выйти вонъ, и долго-долго шли молча, не смѣя говорить отъ сильнаго душевнаго волненія. — На другой день наши родные посѣтили бѣдствующее семейство, и при посредствѣ ихъ и другихъ добрыхъ людей оно было обезпечено. — А вотъ вамъ другой со мною случай, продолжалъ почтенный старичекъ офицеръ. Въ 1833 году ѣздилъ я по обѣщанію на поклоненіе мощамъ угодника Божія Нила Столобенскаго. Не помню, въ какомъ именно селеніи остановился я для ночлега у зажиточнаго крестьянина. Старикъ-хозяинъ, мужикъ крѣпкій и здоровый, вернувшись откуда-то, потребовалъ обѣда. Старшая его невѣстка, собирая на столъ, открыла окно и подала нищему кусокъ хлѣба. — „Дура ты этакая! крикнулъ хозяинъ: всѣмъ не наподаешься, мало ли таскается тутъ бродягъ? Вотъ, продолжалъ онъ, принимаясь за ковригу хлѣба и взявъ со стола большой складной ножъ, вотъ, я думалъ вамъ, дуры, сшить по хорошему сарафану, вѣдь хлѣбецъ вздорожалъ“... На этомъ словѣ вдругъ онъ вскрикнулъ. Усиливаясь отрѣзать ломоть хлѣба, онъ прижалъ его къ животу; ножъ скользнулъ и попалъ концомъ старику прямо въ животъ, и такъ глубоко, что самъ старикъ въ испугѣ едва могъ его вынуть. Кровь хлынула изъ раны, я съ семьей старика бросился на помощь, и только къ вечеру могли унять кровотеченіе. На утро, передъ отъѣздомъ, я далъ нѣсколько совѣтовъ невѣсткамъ старика насчетъ облегченія его страданій и обратился къ больному съ вразумленіемъ, что онъ явно наказанъ Богомъ за корыстное желаніе дороговизны на хлѣбъ. — „Господинъ честной, отвѣчалъ онъ мнѣ съ сердцемъ, поѣзжай съ Богомъ, куда ѣдешь. Ты живешь, какъ хочешь: не мѣшай и намъ, мужикамъ, жить по нашему уму-разуму“. Скорбя о закоренѣлости несчастнаго, я уѣхалъ. Послѣ сынъ его сказывалъ мнѣ, что старикъ прохворалъ болѣе года, и хотя рана его и закрылась, но по временамъ страданія въ животѣ были нестерпимы, и отъ этихъ страданій онъ и умеръ.

Такъ опасно отказывать нищимъ и убогимъ всѣмъ безъ разбора. Если ужъ не можешь ты разсудить, стоитъ ли подаянія просящій, то не суди его, подай ему, хоть немного, что можешь. А если подать не желаешь, то по крайней мѣрѣ удержись оправдывать свое нежеланіе подать; не твое дѣло судить то, чего ты не знаешь: предоставь Богу это дѣло, а себя укори за немилосердіе къ ближнему, за этотъ отказъ, и положи въ сердцѣ своемъ, взамѣнъ этого бѣдняка, которому ты не подалъ, подать тому, кого знаешь изъ бѣдныхъ твоихъ сосѣдей, или опустить эти копейки въ ту кружку церковную, въ которую собираютъ на приходскихъ бѣдняковъ. А всего лучше помни народную пословицу: „подаешь милостыню въ окно — отворачивайся и молись иконамъ“, то-есть: не гляди, кому подаешь. („Дом. Бес.“ 1868 г.).

10. **Помогайте другъ другу въ трудахъ.**

Представимъ себѣ, жаркій день. Страдная рабочая пора; солнце уже склонилось къ закату. Кто помоложе, да посильнѣе уже покончили полевую работу и разошлись по домамъ; только одинокій жнецъ — бѣднякъ обливается потомъ, дожиная свою убогую полосу, или гдѣ-нибудь усталый труженикъ пахарь едва плетется за сохою, желая докончить пашню подъ озимой посѣвъ; а вотъ тамъ жница—вдова согнулась надъ снопомъ, какъ бѣдная Руѳь, собирая колосья на чужой нивѣ, только не для себя, а для хозяина нивы, которую подрядилась сжать. Близъ нея гдѣ-нибудь на межѣ плачетъ ея сиротка-дитя; оно плачетъ, а мать спѣшитъ докончить работу, и только сердце ея отзывается болью на крики родного малютки: что подѣлаешь? некогда!.. Не правда ли, други мои — знакомая картина нашихъ родныхъ полей! И вотъ, ты проходишь мимо этихъ тружениковъ, счастливый тѣмъ, что ты не одинокъ, ты успѣлъ раньше ихъ окончить свой трудъ дневной и теперь спѣшишь въ родную хату на отдыхъ... Остановись, братъ, посмотри на эту усталую жницу, или на этого почтеннаго старца, согнувшагося и безъ серпа подъ тяжестью лѣтъ... Вѣдь, если не словомъ, то самымъ видомъ своимъ не говорятъ ли они тебѣ: „видишь, братъ, мы устали, дѣло валится изъ рукъ, силъ больше нѣтъ, а докончить работу нужно—необходимо нужно! Помоги, другъ, ради Господа!..“ Чтожъ? вотъ тебѣ прекрасный случай сдѣлать доброе дѣло; подойди къ кому-либо изъ такихъ тружениковъ съ завѣтнымъ русскимъ привѣтомъ: „Богъ тебѣ въ помощь, братъ или сестра! Дай — я тебѣ помогу, вдвоемъ у насъ спорѣе дѣло пойдетъ!..“ Вѣдь подумай только: поработаешь полчаса, четверть часа, а сколько благодарности-то тебѣ будетъ, какъ твое сердце-то возрадуется, когда совѣсть твоя скажетъ тебѣ, что ты сдѣлалъ дѣло истинно-доброе, христіанское дѣло, которое въ очахъ Божіихъ будетъ дороже богатой милостыни! Или скажешь: „я самъ усталъ не меньше ихъ, не знаю, какъ до хаты добраться...“ Смотри, братъ, правду ли говоришь? не обманываешь ли только совѣсть свою? Знай, что если потрудишься для бѣдняка-сосѣда *пол-*

часа — четверть часа ради Бога, то отъ этой работы не только не устанешь, а даже бодрѣе станешь, силы въ тебѣ прибудетъ, и ты веселый и довольный придешь въ хату свою! Спросишь, можетъ-быть, почему такъ? Да потому, что Богъ видитъ твое дѣло доброе, видитъ, что ты дѣлаешь его просто по братской любви, и благословляетъ тебя невидимою десницей Своей; видитъ и бѣднякъ, которому ты помогаешь, любовь твою, и за тебя крѣпко сердцемъ Богу молится, вотъ и радуется душа твоя, да и тѣло твое не чувствуетъ усталости... Ахъ, другъ мой, если бы ты зналъ, какъ пріятно оказывать помощь ближнему, то самъ бы сталъ искать постоянно случая къ этому, Богъ благословилъ бы труды твои, и ты успѣлъ бы и свое дѣло сдѣлать, и другому помочь, и самъ бы послѣ сталъ удивляться: какъ все успѣшно у тебя идетъ! Въ „Прологѣ“ есть такое сказаніе: три инока-подвижника нанялись вмѣстѣ сжать поле у одного мірянина. Но одинъ изъ нихъ заболѣлъ и въ первый же день оставилъ работу и вернулся въ свою келью. Тогда одинъ изъ товарищей сказалъ другому: понудимъ себя немного, братъ; за молитвы болящаго Богъ поможетъ намъ сжать и его долю“. И они, дѣйствительно, вдвоемъ скоро исполнили работу за троихъ. Настало время расчета съ хозяиномъ, и они позвали больного, чтобы и тотъ взялъ свою долю изъ платы. — „Но вѣдь я не работалъ“, сказалъ тотъ, „за что жъ мнѣ деньги брать?“—„Ты, правда, съ нами не работалъ, но если бы ты за насъ не молился, намъ бы однимъ съ работою не справиться: поэтому возьми и ты свою долю заработанной платы“. Завязался между ними споръ, и они рѣшили, наконецъ, отдать дѣло на судъ одного святого старца-подвижника. Приходятъ къ нему, и больной братъ начинаетъ объяснять старцу дѣло. „Вотъ, говоритъ, — мы всѣ втроемъ пошли работать на ниву, но я въ первый же день заболѣлъ и вернулся въ келью, ничего не сдѣлавъ; они одни сжали все поле, и теперь принуждаютъ меня взять плату за дѣло, котораго я вовсе не дѣлалъ“. А тѣ сказали: „если бы мы работали всѣ трое, то эта работа стоила бы намъ большихъ трудовъ, а за молитвы этого брата мы и вдвоемъ съ нею управились очень легко. Теперь мы, вотъ, говоримъ ему: возьми, братъ, свою долю заработка, а онъ не хочетъ“. Подивился старецъ ихъ братской любви и смиренію и говоритъ келейнику: „ударь въ било (деревянную доску) и созови всю братію“. Сошлись иноки-подвижники, и старецъ разсказалъ имъ все это дѣло. И присудили святые старцы болящему иноку взять свою плату и распорядиться ею по своему усмотрѣнію. Ради святого послушанія взялъ онъ свою долю, но горько при этомъ заплакалъ...

Видите, други, какъ Богъ помогаетъ въ трудахъ тому, кто не считается съ ближнимъ своимъ, кто охотно — съ любовью готовъ ему помочь въ его трудахъ непосильныхъ. А у насъ, грѣшныхъ, часто какъ бываетъ? Проситъ человѣкъ помочь въ его трудахъ, а ему отвѣчаютъ: „мнѣ, братъ, и своего дѣла не передѣлать, съ чего это ты взялъ, чтобъ я сталъ работать еще на тебя!“ — Не правда ли, какое безсердечіе, какая холодность къ ближнему! Если ужъ и въ самомъ дѣлѣ тебѣ недосужно, то хоть добрымъ, ласковымъ словомъ утѣшь; зачѣмъ оскорблять труженика упрекомъ, и притомъ вовсе отъ тебя незаслуженнымъ? То ли заповѣдалъ намъ возлюбленный Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Который и Самъ никогда никому въ помощи не отказываетъ? Какъ же намъ, христіанамъ, отказывать въ помощи ближнему—другу, сосѣду, нашему же брату? Какъ не грѣшно намъ, чадамъ новаго завѣта—завѣта любви и истины, считаться за каждый шагъ, за каждую пустую услугу, какую оказываемъ другъ другу? (См. № 324 „Троицк. лист.“).

11. Старый Архипъ.

(Быль).

Дѣдушка Архипъ былъ замѣчательный человѣкъ. Кто, хоть разъ, видѣлъ его лицо, взглядъ, слышалъ его рѣчь, тому трудно было забыть его.

Архипъ былъ высокаго роста, статный и еще плотный старикъ. Сѣдые, какъ серебро, и вьющіеся на затылкѣ волосы, словно сіяніемъ, окружали его старческую голову. Окладистая сѣдая борода придавала почтенный, важный видъ смуглому, строгому лицу съ рѣзкими, правильными чертами.

На лицѣ его всегда лежалъ отпечатокъ серьезности, и въ то же время глубокаго, затаеннаго горя. Но добрые, ясные какъ у ребенка, каріе глаза глядѣли очень ласково и добродушно.

Много пережилъ на своемъ вѣку дѣдушка Архипъ; много горя перенесъ и затаилъ въ своей мощной груди.

Родомъ онъ былъ изъ небольшого пригороднаго села, гдѣ прожилъ все свое дѣтство и юность. Во всемъ округѣ, по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ, всѣ, отъ стараго до малаго, знали старика Архипа. Много разныхъ слуховъ ходило про него. Говорили, что Архипъ въ молодости былъ записнымъ кутилой, что онъ пропилъ всѣ деньги, скопленныя отцомъ. Говорили, что на душѣ Архипа лежитъ большой, кровавый грѣхъ, что онъ поклялся замолить и загладить его предъ Богомъ. Много, что говорили досужіе языки про дѣдушку Архипа.

Вѣрно было только одно. Дѣдъ Архипъ пользовался большимъ почетомъ и уваженіемъ. Онъ не имѣлъ ни кола, ни двора и постоянно странствовалъ всюду. Изъ родного края онъ вдругъ исчезалъ на долгое время неизвѣстно куда. Все его имущество состояло въ кафтанѣ, шапкѣ и валенкахъ, которыя онъ носилъ и лѣтомъ и зимой, въ одной перемѣнѣ бѣлья, да въ двухъ котомкахъ и сучковатой палкѣ. Въ одной котомкѣ онъ держалъ свою незатѣйливую провизію, другая была биткомъ набита книгами. Книжекъ этихъ онъ носилъ съ собой многое множество. Были тутъ и подешевле и подороже, но всѣ духовнаго содержанія. Было много у него между книгами маленькихъ евангелій и молитвенниковъ. Эти книги составляли все сокровище дѣдушки Архипа. Онъ берегъ ихъ, какъ зѣницу ока. Въ каждой деревушкѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, гдѣ старикъ останавливался отдохнуть и поѣсть, онъ радостно и торжественно раздавалъ эти книги всѣмъ желающимъ. При этомъ онъ училъ и показывалъ, какъ надо читать ихъ, и нерѣдко самъ читалъ вслухъ крестьянамъ своимъ чистымъ, звучнымъ, немного дрожащимъ голосомъ.

Цѣлая толпа собиралась около дѣдушки Архипа. И взрослые, и дѣти, на расхватъ разбирали его книги. Когда ему предлагали деньги, старикъ обижался и сердился.

— Что я, лавочникъ что ли? Лавку что ли я открылъ для продажи? Билетъ что ли я справлялъ на торговлю? Полно вамъ, добрые люди, Бога гнѣвить! Берите книги, когда даютъ!

Особенно любили дѣдушку Архипа ребята. Только они умѣли вызвать на его суровомъ лицѣ добрую улыбку своимъ лепетомъ и смѣхомъ.

И гдѣ только не побывалъ дѣдушка Архипъ! Какихъ людей онъ не видывалъ! Приходилось ему заглядывать въ далекіе сѣверные города, гдѣ долго стоитъ суровая зима съ лютыми морозами, гдѣ можно утонуть въ снѣжныхъ сугробахъ, и гдѣ птицы замерзаютъ на лету и падаютъ внизъ, какъ камни.

Заглядывалъ старикъ и въ теплые края, гдѣ среди фруктовыхъ садовъ, въ цвѣтахъ и зелени, прячутся чистенькія малороссійскія мазанки. Всюду ходитъ дѣдушка Архипъ съ своими книжками. Зимой, покрытый снѣгомъ и инеемъ, онъ бодро шагаетъ по опустѣвшимъ печальнымъ полямъ, весной онъ весело вдыхаетъ свѣжій, теплый воздухъ, слѣдитъ, какъ просыпается природа отъ своего зимняго сна, а лѣтомъ онъ мокнетъ подъ дождемъ, обливается потомъ подъ лучами яркаго солнца, и проходитъ много верстъ, не зная устали и истомы.

Придетъ, бывало, въ какую глухую деревушку, постучится въ избу. Пустятъ его, отогрѣютъ, накормятъ. Начнетъ дѣдъ вынимать и раздавать книжки; ребята къ нему такъ и липнутъ; взрослые разспрашивать начнутъ. И начнетъ дѣдушка Архипъ говорить имъ о суетѣ мірской, о томъ, какъ надо молиться, какъ молитва искренняя очищаетъ и согрѣваетъ душу человѣческую, либо евангеліе имъ вслухъ читаетъ. Если подъ праздникъ куда въ село придетъ, въ храмъ Божій сходитъ, усердно помолится и опять въ путь.

А ужъ если больные въ деревнѣ есть, старикъ тамъ первый. И ухаживать и поберечь больного умѣетъ дѣдушка Архипъ. Какъ нянька добрая, за больными ходитъ, ночей не спитъ; если умретъ кто, псалтирь надъ умершимъ читаетъ.

Иной разъ погоститъ въ деревнѣ,— ребятъ, либо кого изъ взрослыхъ грамотѣ поучитъ. Бѣднота ли, нужда ли горькая кого заѣдаетъ, дѣдушка Архипъ и совѣтъ добрый подастъ, и молиться и надѣяться на милость Божію велитъ.

За разныя услуги, за все добро, что приходилось старику людямъ оказывать, не только крестьянамъ, но и побогаче и повиднѣе кому, за такія услуги, иной разъ, упрашивали люди старика взять деньги. Рѣдко бралъ старикъ, а если бралъ, то на нихъ либо книжки опять покупалъ для раздачи, либо кому изъ бѣдняковъ отдавалъ, или въ церковь, гдѣ побѣднѣе, жертвовалъ. Только къ Свѣтлому празднику дѣдушка Архипъ всегда въ родные края возвращался. Любилъ онъ на своей родинѣ встрѣтить Великій праздникъ! А потомъ опять въ путь-дороженьку. Идетъ время. Дѣдушка Архипъ все бродилъ по свѣту, всѣмъ, кому можетъ, помогаетъ, да всюду свои добрыя книжки раздаетъ. Всѣ дивятся его осанкѣ бодрой, рѣчи разумной, всѣ видятъ, что ничего, кромѣ добра, старикъ людямъ не желаетъ и не сдѣлаетъ. Книжки у него всѣ хорошія. Архипъ всегда обращался къ какому-нибудь священнику, чтобы выбрать и купить ихъ.

— Выберите, батюшка, мнѣ книжки,— проситъ, бывало, старикъ какого-нибудь почтеннаго священника,—я малоумный, ошибиться могу и этимъ человѣческой душѣ вредъ нанесу!.. А это хуже всего, храни Богъ. Много у людей и такъ всякой скорби да суеты. Надо утѣшить, умиротворить душу человѣческую добрыми книжками да св. евангеліемъ!

Объ одномъ только не любилъ говорить и вспоминать старый Архипъ—это о своемъ прошломъ.

„Было все, да быльемъ поросло!“ сурово отвѣчалъ онъ на всѣ вопросы о прошломъ.

А между тѣмъ прошлое его было не совсѣмъ обыкновенно. Богатая крестьянская семья, — онъ, Архипъ, старшій и единственный сынъ, умный, способный, грамотѣй, надежда отца и матери. У него двѣ любимыя сестры. Старшую выдали замужъ, по волѣ отца, за богатаго кабатчика-кулака. Онъ, Архипъ, всегда справедливый, видѣлъ всѣ страданія сестры, все, что она, бѣдная, выносила отъ негодяя мужа. Сердце его разрывалось. Потомъ его мученица-сестра умерла, избитая и замученная мужемъ. Что тогда перенесъ Архипъ, зналъ только Богъ одинъ!.. Потомъ умерли отецъ и мать его, умерла и вторая сестра. Онъ остался одинъ, свободный и богатый. Какъ-то ночью кабатчика нашли повѣшеннымъ въ его же амбарѣ. Сначала думали на Архипа; его арестовали, но потомъ отпустили. Это сильно поразило и потрясло Архипа; онъ продалъ и роздалъ все, что имѣлъ, накупилъ книгъ и пошелъ бродить по бѣлу-свѣту и, какъ умѣлъ, служилъ человѣчеству. Онъ старался загладить свой грѣхъ — ненависть къ несчастному кабатчику, такъ наказанному Богомъ, старался загладить это добромъ, и всей душой служилъ людямъ. И вѣрно, гдѣ-нибудь на пути умеръ бѣдный, честный старикъ,

Миръ тебѣ, честная душа, за твое безкорыстное служеніе людямъ! (Извлеч. въ сокр. изъ журн. „Кормчій“ 1889 г. № 35).

НЕДѢЛЯ 20-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Лук. зач. 30-е, гл. VII, 11—16 ст.

1. Воскрешеніе сына вдовы Наинской.

Послѣ исцѣленія слуги капернаумскаго сотника, Іисусъ „шелъ въ городъ, называемый Наинъ“. (Ев. Лук. VII, 11).

„Наинъ, въ настоящее время жалкая деревушка, находился въ разстояніи около 38 верстъ отъ Капернаума и расположенъ былъ на сѣверо-западномъ склонѣ Джебель—Эль-Дюги или малаго Ермона. Лестное значеніе своего имени: „красивый“, оставшееся за нимъ доселѣ, онъ оправдывалъ своимъ положеніемъ близъ Ендора, гнѣздясь живописно на откосахъ красивой горы, въ виду Ѳавора и горъ Завулоновыхъ“.

„Съ Нимъ шли многіе изъ учениковъ Его и множество народа. (Ев. Луки VII, 11). „Но когда эта счастливая процессія обогнула узкій, скалистый холмъ, который велъ къ воротамъ Наинскимъ, и приблизилась „къ городскимъ воротамъ“, навстрѣчу ей вышла другая— печальная“: „тутъ выносили умершаго, единственнаго сына у матери, а она была вдова, и много народа шло съ нею изъ города“. (Ев. Луки VII, 12). „Вслѣдствіе большей, чѣмъ у насъ, жителей сѣвера, живости и воспріимчивости южной расы, скорбь чувствуется у нея несравненно глубже. Ничѣмъ не сдерживаемый вопль раздавался громче, чѣмъ обыкновенный плачъ, тѣмъ болѣе, что юноша былъ единственнымъ сыномъ вдовы матери. Это обстоятельство сильнѣе всего трогало сердце еврея и было тягостнѣе для его слуха, чѣмъ для нашего, отчасти потому, что умереть бездѣтнымъ считалось позоромъ, а съ другой стороны отъ того, что на лишеніе потомства во многихъ случаяхъ глядѣли, какъ на прямое наказаніе за грѣхи. (Іереміи VI, 26; Захаріи XII, 10; Амоса VIII, 10). Зрѣлище страшной печали сильно поразило любящее, кроткое сердце Іисуса. Увидѣвъ ее (мать умершаго), „Господь сжалился надъ нею и сказалъ ей: не плачь“ (Ев. Луки VII, 13), и, „подошедъ, прикоснулся къ одру (Ев. Луки VII, 14), или открытому ящику, въ которомъ лежалъ умершій. Безъ всякаго приказанія, исполненные непонятнаго благоговѣнія „носильщики остановились“ и поставили одръ. И среди всеобщаго молчанія, среди замершаго на время вопля, раздался кроткій голосъ: „юноша! тебѣ говорю, встань“. (Ев. Луки VII, 14). Этотъ голосъ проникъ въ непроницаемую, глубочайшую полночную тьму, которая скрывала всегда загробный міръ отъ людского взора. „Мертвый, поднявшись, сѣлъ и сталъ говорить; и отдалъ его Іисусъ матери его. И всѣхъ объялъ страхъ, и славили Бога, говоря: великій пророкъ возсталъ между нами, и Богъ посѣтилъ народъ Свой“. (Ев. Луки VII, 15—16).

„Не удивительно, что это чудо навело на всѣхъ неописанный страхъ. Имъ могли притти на мысль Илія и вдова сарептская; могли представиться Елисей и знатная женщина близъ Сунима. Они, величайшіе изъ пророковъ, воскресили для этихъ женщинъ ихъ умершихъ сыновей, но достигли этого усиленными прошеніями, бореніемъ молитвы, лежаніемъ распростертыми надъ умершимъ. Іисусъ же сотворилъ чудо спокойно, внезапно, мгновенно, во имя Свое, собственною властію, единымъ словомъ. Богъ посѣтилъ народъ Свой, толковали обрадованные и пораженные наиняне и не могли разсуждать иначе. Такое мнѣніе о Немъ распространилось по всей Іудеѣ и по всей окрестности. (Ев. Луки VII, 17). (См. подробн. въ кн. „Іисусъ Христосъ — Спаситель міра“, Лебединскаго).

2. О воскресеніи мертвыхъ.

При второмъ пришествіи Господа на землю, для всеобщаго суда, дѣйствіемъ Божественнаго всемогущества, тѣла всѣхъ отъ вѣка умершихъ людей воскреснутъ и опять соединятся съ своими душами. Въ этомъ насъ непреложно увѣряетъ слово Божіе. Еще въ ветхомъ завѣтѣ Духъ Божій чрезъ избранныхъ мужей раскрывалъ постепенно тайну воскресенія нашего тѣла. Такъ, среди тяжкихъ страданій, праведный Іовъ утѣшалъ себя мыслію о воскресеніи своемъ. „Вѣмъ, яко присносущенъ есть“, говорилъ онъ, „иже имать искупити мя, и на земли воскресити кожу мою терпящую сія“ (Іов. XIX, 25). Іезекіиль видѣлъ поразительный образъ всеобщаго воскресенія мертвыхъ, описанный имъ въ XXXVII главѣ его пророчествъ Лучшіе изъ сыновъ ветхозавѣтной церкви всѣ вѣровали во всеобщее воскресеніе мертвыхъ. Такъ, Марѳа, сестра Лазаря, когда Господь Іисусъ сказалъ ей: „воскреснетъ братъ твой“, отвѣчала: „вѣмъ, яко воскреснетъ въ воскрешеніе, въ послѣдній день“ (Іоан. XI, 23—24). Вполнѣ же раскрылъ и утвердилъ ученіе о воскресеніи мертвыхъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. „Аминь, аминь, глаголю вамъ“, говоритъ Онъ, „яко грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ, и изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда“ (Іоан. V, 25, 28, 29). Эту истину проповѣдывали св. апостолы, какъ основаніе вѣры Христовой. Такъ, Павелъ писалъ къ коринѳянамъ: „аще воскресенія мертвыхъ нѣсть, то ни Христосъ воста, аще же Христосъ не воста, тще убо проповѣданіе наше, тща же и вѣра ваша“. (1 Кор. XV, 13—14). Эту истину всегда содержала и преподавала св. церковь въ своихъ символахъ. Вѣра въ воскресеніе мертвыхъ служила для всѣхъ праведныхъ врачевствомъ противъ страха смерти, утѣшеніемъ въ скорбяхъ, отрадою въ страннической на землѣ жизни. Она одушевляла первыхъ проповѣдниковъ и защитниковъ евангелія, пастырей церкви, учителей вселенной, породила героевъ вѣры, запечатлѣвшихъ истину ея своею кровію, произвела пустынниковъ, умертвившихъ плоть свою бдѣніемъ и трудами, постомъ и молитвою. Возможность воскресенія мертвыхъ открывается изъ самыхъ законовъ природы и явленій, повседневно видимыхъ нами. Почившій въ Бозѣ приснопамятный архипастырь нашъ (Филаретъ, митр. моск.) разсуждаетъ о семъ такъ, „цѣлый міръ земныхъ прозябеній умираетъ осенью, а весною оживаетъ; умираетъ въ землѣ сѣмя, воскресаетъ трава или дерево; умираетъ пресмыкающійся червь, воскресаетъ крылатая бабочка; жизнь птицы погребается въ бездушномъ яйцѣ, и опять изъ него воскресаетъ. Если твари низшихъ степеней разрушаются для возсозданія, умираютъ для новой жизни; человѣкъ ли, вѣнецъ земли и зеркало неба, падетъ во гробъ для того только, чтобы разрушиться въ прахъ, безнадежнѣе червя, хуже зерна горчицы“? (Част. I, стр. 82 изд. 1848 г.). Воскресенія мертвыхъ требуетъ правда Божія. „Если бы не было воскресенія“, разсуждаетъ св. Іоаннъ Златоустъ, „то какъ могла бы сохраниться правда Божія, когда столько злыхъ людей благоденствуютъ, и столько добрыхъ страдаютъ, и въ страданіи оканчиваютъ жизнь? Гдѣ всѣ эти люди получатъ по своимъ достоинствамъ, если нѣтъ воскресенія?“ (45 бес. на еван. Іоан. Хр. чт. 1855 г. стр. 132). „Надежда воскресенія—корень всякаго добраго дѣла“, говоритъ св. Кириллъ іерусалимскій. Кто искренно и глубоко убѣжденъ въ безсмертіи своей души и въ будущемъ воскресеніи своего тѣла, тотъ дорожитъ своею душою, дорожитъ и тѣломъ, дѣлая изъ него „жертву живу, святу, благоугодну Богови“ (Рим. XII, 1), прославляетъ Бога въ тѣлѣ и душѣ (1 Кор. VI, 20), и устрояетъ изъ всего себя „храмъ духовенъ“ (1 Петр. II, 5). „Вѣрующій, что тѣло ожидаетъ воскресеніе“, говоритъ св. Кириллъ іерусалимскій, „бережетъ ризу сію, и не оскверняетъ ее блудомъ; а невѣрующій въ воскресеніе предается блуду, во зло употребляя тѣло свое, какъ бы чуждое“. (18 оглас. слов.). „Подлинно, замѣчаетъ св. Іоаннъ Златоустъ, невозможно человѣку вести жизнь чистую, когда онъ не вѣруетъ въ воскресеніе“. (45 бес. на ев. отъ Іоан. Хр. чт. 1855 стр. 132).

Будемъ же всегда памятовать о томъ, что мы воскреснемъ, что смерть нашего тѣла есть только переходъ къ новой жизни. Памятуя же о семъ, мы должны и тѣло свое беречь въ чистотѣ и непорочности: ибо сообразно съ тѣми нравственными качествами, какія оно пріобрѣло на землѣ, явится и по воскресеніи; если оно сохранилось на землѣ чистымъ, то и воскреснетъ изъ земли свѣтлымъ; если же оно повержено въ землю оскверненнымъ пороками и неочищеннымъ покаяніемъ, то и на страшный судъ предстанетъ мрачнымъ и нечистымъ.

Христіанинъ! Если врагъ искушаетъ немощную плоть твою вожделѣніями грѣховными, то да будетъ тебѣ щитомъ цѣломудрія и чистоты сіе исповѣданіе: „чаю воскресенія мертвыхъ“. Заботься тщательно ризу плоти твоея положить въ гробъ неоскверненную, дабы въ день воскресенія возвратить ее чистою и прославленною. (Изъ № 6 „Моск. Епарх. Вѣдом.“, за 1875 г.).

3. Смерть не страшитъ истиннаго христіанина.

Смерть есть общая участь всего земного, участь горькая, тяжкая. Кто изъ насъ, такъ любящихъ жизнь, не боится смерти, этой безпощадной силы, разрушительной для нашего земного житія? Кто не содрогнется при видѣ холодной могилы, которая немилосердно поглощаетъ близкія намъ существа—нашихъ сродниковъ, друзей и знакомыхъ, которая и насъ, скоро ли, долго ли, но непремѣнно приметъ въ свои мрачныя нѣдра? Да, страшна намъ смерть, такъ страшна, что мы и думать о ней боимся! Но были люди, которыхъ смерть не страшила. Симеонъ Богопріимецъ, которому было обѣщано Духомъ Святымъ, что онъ не умретъ, пока не увидитъ Іисуса Христа, пріемля на руки свои Божественнаго Младенца, воскликнулъ: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ.* Этотъ старецъ готовится умирать, но не печалится объ этомъ, а торжествуетъ и поетъ, радуется и восхваляетъ Господа. Святой апостолъ Іоаннъ Богословъ, чувствуя приближеніе смерти, сказалъ своимъ ученикамъ: *дѣти, выройте мнѣ могилу*, затѣмъ легъ въ нее и предалъ духъ свой. Святитель Димитрій ростовскій, предчувствуя свою кончину, призвалъ пѣвчихъ, заставилъ ихъ пропѣть нѣкоторыя любимыя имъ церковныя пѣсни; затѣмъ, отпустивъ всѣхъ, сталъ на колѣни предъ иконою Спасителя и скончался среди молитвы. Также мирно умирали и другіе святые. Вотъ что повѣствуется въ житіи св. священномученика Василія, пресвитера анкирскаго, память коего св. церковь празднуетъ 22 марта. Этотъ святой мужъ, жившій въ IV вѣкѣ, обличилъ въ отступничествѣ отъ Христа императора Юліана и предсказалъ ему скорую погибель. Тогда императоръ, жестокій гонитель христіанъ, приказалъ вырѣзывать изъ кожи святого каждый день по семи ремней, такъ что вся почти кожа святого висѣла ремнями. Наконецъ, все тѣло святого пронзили раскаленными желѣзными прутьями, и онъ тогда скончался. Послѣднія слова этого мученика были: „Іисусе, надежда моя и тихое пристанище! благодарю Тебя, что я скончалъ теченіе свое и буду наслѣдникомъ вѣчнаго покоя“.

Но въ чемъ же тайна такой мирной кончины святыхъ, что ихъ такъ успокоивало и даже радовало при встрѣчѣ смерти?

Святые не боялись смерти, ибо любили Христа, такъ любили, что одного только и желали, чтобы скорѣе соединиться съ Нимъ навѣки. Смотрите, чего всего болѣе желаетъ апостолъ Павелъ? *Разрѣшитися и со Христомъ быти*, желаетъ разрѣшенія души отъ тѣла, т.-е.

смерти, какъ единственнаго средства быть неразлучнымъ со Христомъ. Значитъ, если мы боимся смерти, то мы не возлюбили Христа, насъ не радуетъ мысль, что чрезъ смерть мы будемъ съ Нимъ неразлучны. Какъ здѣсь, на землѣ, мы не находимъ блаженства въ любви къ Нему, а даже считаемъ за тягость жить по волѣ Христа, такъ мы не можемъ представить и того блаженства, какое можемъ получить въ неразлучномъ пребываніи съ Нимъ на небѣ.

Святые не боялись смерти, ибо не были привязаны къ земной жизни, они любили ее, но не ставили выше всего, а считали только средствомъ для полученія жизни вѣчной. Но мы любимъ жизнь не какъ даръ Божій, данный намъ для пріобрѣтенія жизни вѣчной, а какъ средство для полученія утѣшеній, разнаго рода удовольствій въ этомъ мірѣ. Разстаться съ жизнію для насъ значитъ—разстаться съ любимыми нашими наслажденіями, къ которымъ мы привязались, которыя мы ставимъ цѣлію своей жизни.

Святые не боялись смерти, ибо жили добродѣтельно, они готовились къ ней и не были безпечны, они не служили страстямъ, а заботились украшать душу добрыми дѣлами, особенно дѣлами милосердія. Поэтому-то они могли съ дерзновеніемъ сказать, что имъ *соблюдается вѣнецъ правды* на небѣ. Или, какъ говорилъ св. священномученикъ Василій, умирая, что онъ будетъ „наслѣдникомъ вѣчнаго покоя“. Но наша совѣсть во многомъ насъ обличаетъ: въ самолюбіи, плотоугодіи, сребролюбіи и другихъ многочисленныхъ страстяхъ. Послѣ сего можетъ ли быть для насъ сладка мысль о смерти? и мы боимся ея, какъ злѣйшаго врага своего, мы знаемъ, что она принесетъ намъ.

Итакъ, будемъ подражать праведникамъ, будемъ бояться не смерти, но грѣха, содѣлавшаго смерть; и тогда что сдѣлаетъ для насъ смерть? Она закроетъ только наши очи, чтобы не видѣть суеты мірской, не печалиться о мірскихъ злоключеніяхъ, изведетъ только насъ изъ сей юдоли плача и вселитъ въ нѣдра Авраама, къ неразлучному пребыванію со Христомъ. Такая смерть не страшна намъ будетъ, а сладка. Она будетъ сномъ упокоенія и благополучнѣйшимъ исходомъ изъ здѣшней многоплачевной жизни къ царству небесному. (См. № 78 лист., прилож. къ журн. „Кормчій“).

4. Разсказы, утѣшающіе въ скорби по случаю потери близкихъ сердцу.

Прискорбно и на краткое время разстаться съ любезными сердцу; но увѣренность, что эта разлука соединена съ блаженствомъ для отошедшихъ отъ насъ, должна претворять скорбь нашу въ радость. Нельзя же не радоваться счастію тѣхъ, которыхъ мы любимъ искренно.

Здѣсь остановимся съ благочестивымъ вниманіемъ на нѣсколькихъ утѣшительныхъ для сѣтующей души примѣрахъ изъ житій святыхъ.

1) Жила нѣкогда богатая, знатная и благочестивая вдова, по имени Клеопатра. Въ томъ же городѣ, въ то же время, подвизался за имя Христово нѣкто Уаръ и, послѣ жестокихъ мученій, преданъ былъ смерти. Тѣло мученика выброшено было, по волѣ мучителей, за городскія ворота, въ добычу хищныхъ звѣрей и птицъ. Благочестивая Клеопатра тайно взяла святые останки въ домъ свой, и вскорѣ потомъ соорудила на свое иждивеніе св. храмъ во имя мученика Уара. Во время первой божественной литургіи, при освященіи храма, Клеопатра, на колѣняхъ, предъ мощами св. Уара, усердно молилась, чтобы мученикъ Христовъ испросилъ у Бога для нея и для единственнаго сына ея такую милость, которая обоимъ имъ была бы на пользу... Послѣ освященія новосозданнаго храма, Клеопатра сдѣлала угощеніе духовенству и народу, созвала нищихъ и странниковъ, и сама, съ юнымъ сыномъ своимъ, только что опредѣленнымъ на службу царскую, усердно служила гостямъ. Радость Клеопатры была совершенная; она сдѣлала доброе дѣло и утѣшалась имъ. Но нѣтъ на землѣ радости прочной. Во время самаго стола внезапно заболѣлъ сынъ ея и отъ пира уклонился на постелю. Сильная горячка поразила его и въ ту же ночь низвела во гробъ... Гдѣ было искать помощи и утѣшенія въ такомъ внезапномъ горѣ матери отчаянной!.. Душа, преданная Богу, влекла ее въ храмъ Божій. Она идетъ въ новосозданную церковь св. Уара и, павъ предъ мощами его, изливала въ слезахъ скорбь свою, и говорила жалобно: „такъ ли воздалъ мнѣ, угодниче Божій, за мои труды и попеченія о тебѣ? Такой ли милости я надѣялась отъ тебя? Отнялъ сына у меня, единую мою надежду! Кто уложитъ въ гробъ кости мои? О, лучше бы мнѣ самой умереть, чѣмъ лишиться

сына, столь юнаго и прекраснаго! О, угодниче Божій! Или возврати мнѣ сына, какъ нѣкогда Илія вдовѣ сарептской, или пусть и я умру! Не могу жить безъ возлюбленнаго сына!“ Долго рыдала несчастная вдова и мать осиротѣвшая при гробѣ мученика, и, наконецъ, истомленная уснула. Во снѣ является ей св. мученикъ Уаръ, держа за руку сына ея; оба въ бѣлыхъ, блестящихъ одеждахъ, съ драгоцѣнными, сіяющими вѣнцами на главахъ. „Усердная почитательница мучениковъ, — сказалъ Клеопатрѣ св. Уаръ,— я не забылъ благодѣяній, тобою оказанныхъ тѣлу моему, и умолялъ Бога, чтобы сопричислить къ лику ангеловъ сына твоего. Сама ты молилась въ день освященія храма, да испрошу у Бога тебѣ и сыну твоему, что обоимъ вамъ полезно, и что угодно Богу. Вотъ я исполнилъ твое желаніе. Посмотри на славу сына своего: онъ теперь одинъ изъ предстоящихъ престолу Божію. О чемъ же ты такъ горько сѣтуешь и плачешь? Или не хочешь, чтобы сынъ твой наслаждался тѣми благами, „ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша“ (1 Кор. II, 9)? Если такъ, то возьми его!..“ При этихъ словахъ юный Іоаннъ крѣпко прижался къ св. Уару и сказалъ матери: „если любишь меня, то радуйся моему блаженству, и не сѣтуй предъ Господомъ“. Тогда восторженная мать воскликнула: „о, блаженныя души! Возьмите и меня съ собою!...“ и проснулась Клеопатра и возвратилась въ домъ свой съ радостію (Чет. Мин. окт. 19). Такъ увѣренность въ блаженствѣ любезныхъ нашему сердцу утоляетъ скорбъ и превращаетъ ее въ радость.

2) Нѣкоторая вдова, лишась зрѣнія и не находя помощи въ искусствѣ врачей, умыслила итти въ Іерусалимъ, поклониться св. мѣстамъ и искать тамъ исцѣленія отъ угодниковъ Божіихъ. Единственный сынъ, котораго она имѣла, былъ проводникомъ ея и сопутникомъ. Пришли въ Іерусалимъ, но и здѣсь, какъ вездѣ, горе живетъ съ людьми. Вдова поражена была новою скорбію: сынъ ея заболѣлъ и умеръ. Остаться на чужой сторонѣ, никѣмъ не знаемой, безъ глазъ и безъ проводника, столь близкаго сердцу:—кто не пойметъ отчаяннаго положенія больной вдовы и любящей матери! Во время неутѣшнаго сѣтованія явился ей св. Логгинъ въ видѣніи и сказалъ, что она получитъ зрѣніе и узритъ въ небесной славѣ сына своего, если только потрудится выйти за городъ, и тамъ, на извѣстномъ мѣстѣ, отыскать главу его, Логгина, отсѣченную по приказанію Пилата и поверженную внѣ города. Вѣрующая вдова наняла проводника за городъ, остановилась на указанномъ мѣстѣ, и, разгребая своими руками кучу мусора, гдѣ повержена была глава мученика, обрѣла ее и тотчасъ прозрѣла. Съ сугубою радостію и о прозрѣніи, и объ обрѣтеніи такого сокровища, возвратилась вдова въ городъ, славя Бога и Его угодника. Въ слѣдующую ночь снова явился ей св. Логгинъ въ неизреченномъ свѣтѣ, ведя съ собою сына ея, облеченнаго въ одежду свѣтлую. „Посмотри на сына своего, — сказалъ мученикъ Логгинъ.—въ какой онъ чести и славѣ! Посмотри, и утѣшься! Онъ причтенъ къ лику святыхъ Божіихъ!“ (Чет. Мин. окт. 16).

3) Однажды нѣкоторой отроковицѣ Музѣ, въ сонномъ видѣніи, явилась пресв. Богородица, окруженная множествомъ отроковицъ. Сердце дитяти исполнилось неизреченной радости при такомъ видѣніи. О, какъ бы весело было жить съ такими подругами подъ покровомъ Матери Божіей,— думала блаж. Муза! И вотъ, Матерь Божія вопрошаетъ ее: хочешь ли жить съ отроковицами, которыхъ видишь со Мною? Муза отвѣчала, что очень желаетъ жить съ ними и готова сію минуту слѣдовать за Матерію Господа. Тогда Матерь Божія обѣщала притти къ ней чрезъ тридцать дней, чтобы взять ее съ Собою; а между тѣмъ заповѣдала ей воздержаться въ это время отъ всѣхъ дѣтскихъ забавъ, не смѣяться и ничего худого не дѣлать. Послѣ сего видѣнія Муза проснулась, и съ того часа ничего дѣтскаго уже не обнаруживала въ себѣ. Внезапная перемѣна въ характерѣ дитяти не могла сокрыться отъ вниманія родителей, и на заботливый вопросъ ихъ: отъ чего такъ перемѣнилась? она разсказала то, что видѣла во снѣ, и какую получила заповѣдь отъ Матери Божіей. Это объясненіе приняли родители съ вѣрою и ожидали событія съ преданностію на волю Божію. Чрезъ двадцать пять дней Муза внезапно заболѣла, и въ тридцатый день, когда Матерь Божія обѣщала притти за нею, больная съ сіяющимъ радостію лицомъ обратилась къ невидимой для другихъ Посѣтительницѣ, и тихомъ голосомъ сказавъ: „се гряду, Госпоже, се гряду!“ предала духъ свой Матери Божіей (Чет. Мин. мая 16).

5. Не должно предаваться чрезмѣрной скорби объ усопшихъ.

Кому изъ насъ не доводилось терпѣть самыя дорогія утраты и проливать надъ могилами самыя горькія слезы? Кто не провожалъ ко гробу отца или матерь, сына или дочь, друга или благодѣтеля? Для всѣхъ подобныхъ случаевъ намъ осталось, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, божественное слово Господа и Спасителя нашего, сказанное нѣкогда вдовѣ Наинской: *не плачь*.

Въ самомъ дѣлѣ, въ святой вѣрѣ своей мы обрѣтаемъ противъ этой скорби дѣйствительнѣйшее врачевство.

Ужасаетъ ли смерть, при видѣ смертныхъ останковъ собрата нашего? Но въ его же рукахъ виденъ и крестъ, коимъ разоблачается тайна смерти, истребляется все, что есть въ ней страшнаго для насъ. Св. вѣра говоритъ намъ, что держава смерти побѣждена крестомъ Христовымъ, жало ея притуплено смертію Начальника жизни, что ей оставлена власть только надъ тѣломъ, но узы ея слабы для удержанія духа, который, окрыляясь вѣрою, воспаряетъ къ Богу, Иже даде его, что гробъ христіанина есть лѣствица къ небеси, по которой духъ его восходитъ горѣ — въ обители Отца небеснаго; что земля пріемлетъ только земное бреніе для очищенія и претворенія его въ тѣло духовное и небесное: „подобаетъ бо и тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе и мертвенному облещися въ безсмертіе“ (1 Кор. XV, 53); что могила удержитъ въ себѣ наше тѣло только до повелѣнія Господня, до гласа трубы архангела, — ибо „грядетъ часъ, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ“ (Іоан. V, 25). Можетъ ли страшить такой врагъ, который, при всей лютости его, побѣжденъ и связанъ крѣпльшимъ? Теперь каждый христіанинъ можетъ дерзновенно говорить съ пророкомъ: „аще и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты, Господи, со мною еси“ (Псал. XXII, 4).

Страшитъ ли внезапность смерти, при мысли о внезапной кончинѣ почившаго? Но Господь Іисусъ Христосъ предварилъ насъ о семъ: „не вѣсте дне, ни часа, — говоритъ Онъ, — въ онь же Сынъ человѣческій пріидетъ „(Матѳ, XXV, 13). — „Сами бо вы извѣстно вѣсте, —утверждаетъ св. Павелъ,—яко день Господень, якоже тать въ нощи, тако пріидетъ“ (1 Сол. V, 2). Значитъ, намъ давно извѣстно, что каждый день и каждый часъ нашей жизни можетъ быть для насъ послѣднимъ, что вся жизнь наша есть только приготовленіе къ смертному часу, или лучше, непрестанное ожиданіе сего часа, что истинное „житіе наше“ не здѣсь, а „на небесѣхъ, отонудуже и Спасителя ждемъ, Господа нашего Іисуса Христа“ (Филип. III, 20). Можетъ ли же быть внезапною для насъ смерть, когда мы, по самому званію христіанъ, должны ожидать ее каждый часъ? И какъ ни неожиданно, повидимому, постигъ часъ смертный почившаго собрата нашего, но если онъ былъ къ нему совершенно готовымъ, если онъ—обновленіемъ вѣчнаго завѣта съ Богомъ, чрезъ покаяніе и причащеніе тѣла и крови Христовой, разрѣшилъ себя отъ всѣхъ узъ, привязывавшихъ его къ міру, то, предавая себя волѣ Божіей, можетъ сказать съ апостоломъ: „мнѣ еже жити Христосъ, и еже умрети пріобрѣтеніе есть“ (Филип. I, 21).

Огорчаетъ ли кажущаяся неблаговременность смерти почившаго? Но жизнь наша въ руцѣ Божіей; кто же можетъ неблаговременно восхитить ее изъ рукъ Его—всемогущаго? И самая смерть, какъ и животъ, въ руцѣ Господа, имущаго ключи ада и смерти; можетъ ли неблаговременно притти она, безъ вѣдома Его — всевѣдущаго? Неизреченная благость, безконечное милосердіе, многое долготерпѣніе у Господа, Который, щадя и самыхъ грѣшниковъ до исполненія послѣдней мѣры нечестія, можетъ ли не даровать нужнаго времени жизни вѣрующимъ въ Него и любящимъ Его? Неизслѣдимая премудрость Божія, вся строющая во благое, попустила ли бы умереть кому-либо не во-время?

Тяготитъ ли сердце самая разлука? — Но изъ страны чужой не съ скорбію, а съ веселіемъ провожаютъ на родину; изъ мѣста изгнанія не со слезами, а съ радостію возвращаются на свободу. Что жъ иное земная жизнь наша, какъ не время пришельствія, гдѣ мы странники и пришельцы? Что небо, какъ не родное отечество духа? Что будущая жизнь, какъ не свобода духа отъ земныхъ узъ и земныхъ скорбей? И можетъ-быть, почившій собратъ нашъ, достигнувъ необуреваемаго пристанища, самъ не восхотѣлъ бы возвратиться паки въ вѣчно волнуемое море житейскихъ попеченій; узрѣвъ небо, не пожелалъ бы тлѣнной красоты земныхъ благъ, которыя, подобно красному со-внѣ, но горькому плоду, обольщаютъ только неопытныхъ, но не прельстятъ того, кому смерть открыла всю ихъ горечь.

Скорбитъ ли сердце при видѣ юныхъ, осиротѣвшихъ безвременно? Но и здѣсь мѣсто не скорбному страданію, а утѣшительному и пріятному для сердца состраданію, не безотрадной печали, но отрадной для духа любви христіанской. Бѣдность и богатство, сиротство и отечество, лишенія и изобиліе подаются людямъ тою же десницею, которая сотворила и богатаго и убогаго, или лучше, которая творитъ нерѣдко богатаго убогимъ, а нищаго посаждаетъ на престолѣ; это десница Отца небеснаго, Который по преимуществу именуетъ Себя Отцомъ сирыхъ и вдовицъ, Который, отъемля родителей у чадъ, тѣмъ пріискреннѣе усыновляетъ ихъ Себѣ. Эта щедродательная десница не подаетъ своимъ чадамъ камени вмѣсто хлѣба; возлагая крестъ, она ниспосылаетъ въ немъ и благодатное утѣшеніе. (См. Полное собр. проп. Димитрія, архіеп. херс., т. V).

6. Въ чемъ и какъ должна проявляться наша любовь къ умершимъ?

Чтобы яснѣе представить наши отношенія къ умершимъ, употребимъ слѣдующее сравненіе. Когда мы проводимъ кого-либо изъ близкихъ, любимыхъ въ путь, то обыкновенно часто вспоминаемъ его, думаемъ объ удобствахъ и благополучіи его пути. Умершіе—тѣ же путники, но только на пути вѣчномъ, страшномъ для всякаго человѣка, поэтому тѣмъ болѣе они заслуживаютъ нашего участія, тѣмъ памятнѣе должны быть для насъ. Дѣйствительно, кто испытывалъ потерю любимыхъ людей, тотъ самъ знаетъ, какъ неотразимо носится въ воображеніи образъ почившаго, какъ настойчиво стремится мысль и чувство къ этому образу. Если же мы такъ глубоко помнимъ почившаго, то должны стараться улучшить его участь въ загробномъ мірѣ. Св. церковь приходитъ къ намъ въ этомъ случаѣ на помощь и указываетъ вѣрный способъ къ этому улучшенію: она молится о усопшихъ на литургіи въ особые дни (родительскія) и въ нарочитыхъ службахъ (панихидахъ). Къ этому-то доброму примѣру всякій христіанинъ долженъ быть особенно внимателенъ, помня, что всякое другое общеніе у живыхъ съ умершими, кромѣ молитвеннаго, невозможно, и что молитву только, одну молитву живой можетъ послать умершему другу въ невидимый, загробный міръ.

Съ молитвою должна непремѣнно соединиться посильная милостыня, ибо ничто такъ не угодно Господу, какъ молитва, сопутствуемая милосердіемъ. Вотъ почему со временъ глубокой древности, истинные христіане, напутствуя своихъ усопшихъ ближнихъ частными и общественными моленіями, приглашали бѣдныхъ, кормили ихъ, раздавали милостыню неимущимъ, богатые же устраивали различныя благодѣтельныя учрежденія (больницы, богадѣльни, пріюты) въ память ихъ. Слава Богу, и по лицу земли русской немало можно насчитать такихъ заведеній и храмовъ Божіихъ, воздвигнутыхъ на жертвы добрыхъ христіанъ въ память изъ усопшихъ сродниковъ и близкихъ!

Къ сожалѣнію, однако, вѣяніе суеты прокралось и въ добрые обряды, творимые въ память умершихъ. Послѣ погребенія обыкновенно въ домѣ усопшаго собираются родственники и знаемые на поминальный обѣдъ. Разумѣется, предосудительнаго въ этомъ собраніи ничего нѣтъ: оно напоминаетъ братскую трапезу и утѣшительно для горюющей, осиротѣлой семьи. Но при всемъ томъ нерѣдко въ наше время поминальные обѣды утрачиваютъ характеръ истинно-христіанской трапезы, и походятъ на языческія тризны (поминки). Вездѣ почти спутникомъ поминокъ являются: вино и обиліе кушаньевъ. Но умѣстно ли на поминкахъ вино? По уставу церкви оно разрѣшается при радостныхъ и торжественныхъ случаяхъ, но ужъ никакъ не во дни скорби и печали. Вино горячитъ людей, способствуетъ имъ терять здравое разсужденіе и проч. Поэтому-то на обѣдѣ, гдѣ много выпито вина, слышатся шумные и веселые разговоры, шутки, даже нескромности, иногда споры, взаимные укоризны... Умѣстно ли все это за христіанской трапезой, тѣмъ болѣе за поминальной? Умѣстно ли все это, когда на очахъ потерпѣвшихъ утрату не высохли слезы, еще не смолкли ихъ надгробныя рыданія? И каково, наконецъ, душѣ-то усопшаго, витающей, по нашему правосл. вѣрованію, въ первые дни по кончинѣ, въ мѣстахъ гдѣ жила, созерцать это полупьяное собраніе пресыщенныхъ людей? Не получаетъ ли она тогда отъ поминокъ, творимыхъ по ней, скорбь вмѣсто отрады?.. Нехорошо и то, что на нѣкоторыхъ поминкахъ подается много кушаньевъ, иногда изысканныхъ, и такимъ образомъ, обѣдъ, имѣющій доброе назначеніе, на дѣлѣ является средствомъ къ излишнему чревоугодію. Для устройства обильныхъ поминокъ родственники усопшаго входятъ въ большія затраты, часто несоотвѣтствующія ихъ средствамъ — особенно это наблюдается въ крестьянскомъ быту. Случается, иной бѣднякъ крестьянинъ послѣднюю овцу рѣжетъ, послѣднее сѣно продаетъ, чтобы устроить поминальный обѣдъ и избавиться отъ праздныхъ пересудовъ неразумныхъ людей. Бываетъ и такъ: затратятъ послѣднія копейки на яства, а церковнаго поминовенія усопшаго сродника лишаютъ чрезъ это. Поэтому, христіане, воздерживайтесь отъ устройства обильныхъ поминокъ, совершенно не допускайте на нихъ вина, и не скорбите, если у васъ нѣтъ средствъ обѣдомъ помянуть сродника. Знайте, что умершимъ нужна не ѣда наша, а молитва за нихъ, частица, вынутая изъ просфоры рукою іерейскою и опущенная въ чашу со св. Кровію Христовою. А Господу угодно не наше долгое сидѣніе за обильной трапезой, а усердное и частое пребываніе за литургіей, совершаемой въ память усопшихъ. Если же есть у васъ избытокъ средствъ, то послѣ молитвы церковной устройте и домашнюю трапезу, но скромную, тихую, умѣренную — зовите на нее друзей, родныхъ, бѣдняковъ, сиротъ, вдовицъ, тѣхъ, кто нуждается въ хлѣбѣ насущномъ, но не тѣхъ праздныхъ, равнодушныхъ къ вашему горю, людей, которые никогда не зайдутъ въ храмъ помолиться объ усопшемъ хоть на минуту, и охотно толпятся по цѣлымъ часамъ около вашего дома, дожидаясь обѣда.

Поминайте же, христіане, усопшихъ молитвою, милостыней, доброю памятью, не забывайте ихъ, памятуя, что рано или поздно и для васъ настанетъ часъ, когда искренній молитвенный вопль и милостыня будутъ для васъ дороже всякаго сокровища. Помните слова Спасителя: *въ нюже мѣру мѣрите — возмѣрится и вамъ*... Но всячески избѣгайте безчинія на поминкахъ: такія поминки не только не доставляютъ облегченія душѣ умершаго, но, можетъ-быть, доставляютъ ей еще большія страданія... (См. № 77 лист., прил. къ журн. „Кормчій“).

7. **Разсказы о явленіяхъ умершихъ.**

I. Въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ со словъ о. протоіерея г. Мурома Гавріила Ястребова сообщался слѣдующій фактъ.

Въ городѣ Владимірѣ на Клязьмѣ, у Золотыхъ воротъ, гдѣ теперешній почтамтъ, помѣщалась лѣтъ тридцать пять или сорокъ тому назадъ парикмахерская нѣкоего Павла Васильевича Карова. У этого парикмахера Карова въ Москвѣ былъ родной братъ Сергѣй Васильевичъ Каровъ, по ремеслу тоже парикмахеръ.

Братъ этотъ, Сергѣй Васильевичъ Каровъ, на пятой недѣлѣ великаго поста заболѣлъ опасно и умеръ. Его родная сестра, оставшаяся въ живыхъ и похоронившая Карова, тотчасъ сообщила о смерти Сергѣя брату своему Павлу во Владимірѣ. Но такъ какъ желѣзной дороги еще не было, а распутица и бездорожье были страшныя, да, наконецъ, о пасхѣ во Владимірѣ и дѣло было бойкое, то Павелъ Васильевичъ и не счелъ за возможное ѣхать на похороны къ брату.

Тѣмъ пока и дѣло кончилось. Приходитъ Христовъ день. Всякому извѣстно, что съ утра и до вечера день этотъ представляетъ изъ себя общую радость. Подъ самыя сумерки ученики и подмастерья Павла Карова попросились у него погулять и ушли на весь вечеръ. Часовъ такъ около десяти вечера Каровъ прилегъ на диванъ и призадумался безотчетно. Вдругъ отворяется снаружи дверь и входитъ въ комнату, обратясь къ иконамъ сначала, передъ которыми теплилась лампадка, и крестясь, покойный братъ Павла, Сергѣй Васильевичъ Каровъ, одѣтый въ сюртукъ, манишку и панталоны, словомъ въ томъ самомъ платьѣ, въ какомъ его положили въ гробъ. Помолившись, Сергѣй Васильевичъ идетъ къ Павлу къ дивану и говоритъ: „Христосъ воскресе, Паша!“ Павелъ Каровъ страшно испугался, но когда Сергѣй подошелъ поцѣловаться, то Павелъ, хотя отъ онѣмѣнія всѣхъ членовъ едва могъ подняться съ дивана, тѣмъ не менѣе отвѣтилъ ему: „воистину воскресе“, и поцѣловались. Затѣмъ Сергѣй сѣлъ рядомъ съ Павломъ на диванъ, и стали разговаривать.

Когда Сергѣй первый сказалъ Павлу: „Христосъ воскресе“, то прибавилъ: „мать тебѣ кланяется, ей тамъ хорошо!“ Павелъ, наконецъ, спросилъ Сергѣя: „да вѣдь ты, Сережа, умеръ?“

Сергѣй отвѣтилъ: „да, дѣйствительно, я умеръ“.

— Какъ же ты сюда пришелъ?

— А насъ до 12 часовъ ночи отпускаютъ, только не дольше.

Кое-какъ ободренный, Павелъ Каровъ всталъ, взялъ трубку, положилъ табаку и, закуривши ее, предложилъ брату, но Сергѣй отказался, сказавши, что „у насъ не курятъ“. Не вѣря себѣ ни въ чемъ, Павелъ тихонько началъ ощупывать сюртукъ Сергѣя и оцѣнивать какой онъ доброты. Оказалось, что сюртукъ былъ драповый извѣстнаго покроя, и Павлу не оставалось сомнѣнія, что предъ нимъ сидитъ именно его братъ Сергѣй.

Набесѣдовавшись, Сергѣй изъявилъ желаніе пойти домой и, выйдя отъ Павла изъ парикмахерской, направился прямо къ церкви Николѣ Зарядному, гдѣ въ колоннахъ паперти и скрылся совершенно. Но это еще не все. Во время бесѣды съ Павломъ, Сергѣй Васильевичъ сообщилъ ему слѣдующее: „когда меня похоронили, то сестра, взявши въ свою пользу все мое добро, до настоящаго-то не добралась. У меня въ сундукѣ моемъ было двойное дно, и такъ сдѣлано незамѣтно, что, не зная его, всякій ошибется. Вотъ ты и возьми себѣ этотъ сундукъ: въ немъ положено сто пятьдесятъ рублей денегъ и расписка князя Голицына за годъ за бритье. Онъ тебѣ деньги выдастъ“.

Такимъ образомъ Павлу Васильевичу осталось только провѣрить сказанное братомъ, и вотъ онъ провѣрилъ.

Въ воскресенье на Ѳоминой недѣлѣ онъ выѣхалъ въ Москву. Прибылъ онъ туда безъ приключеній.

Явясь къ сестрѣ, похоронившей Сергѣя Васильевича, Павелъ разспросилъ о послѣднихъ дняхъ жизни брата, а равно и о томъ, въ чемъ братъ схороненъ. Сестра разсказывала, что брата Сергѣя она положила въ сюртукѣ такомъ-то, панталонахъ такихъ-то, манишкѣ такой-то, словомъ, она утверждала собственный разсказъ Павла, и даже удивленная, спросила его, откуда ему объ этомъ извѣстно. Павелъ пробормоталъ, что это онъ видѣлъ во снѣ. Потомъ, справляясь о томъ, по-христіански ли братъ окончилъ жизнь, получилъ отвѣтъ, что онъ былъ отсоборованъ масломъ, исповѣданъ и пріобщенъ святыхъ таинъ наканунѣ смерти. Относительно же имущества, оставшагося послѣ Сергѣя, она показала на пустой сундукъ. Павелъ попросилъ у ней этотъ сундукъ ради памяти брата. Сестра охотно согласилась. Привезъ Павелъ Каровъ сундукъ въ свой номеръ и началъ осматривать дно. Дѣйствительно, оказалось, что очень тонкая доска сверху дна привинчивалась къ настоящему дну и поднималась, а подъ нею оказались ассигнаціи на сумму ровно сто пятьдесятъ рублей и расписка на 90 руб. князя Голицына.

Съ этою распискою Павелъ Каровъ явился къ князю, и тотъ, не молвивши даже полуслова, выдалъ ему 90 руб.

Объ этомъ происшествіи Павелъ Васильевичъ Каровъ сообщилъ своему духовному отцу Гавріилу Ястребову. Отецъ Гавріилъ задумался надъ этимъ явленіемъ. Спустя нѣсколько времени, когда о. Гавріилъ пришелъ къ Карову со святою водою и вновь попросилъ разсказать объ этомъ событіи, Павелъ Васильевичъ Каровъ охотно повторилъ этотъ разсказъ въ присутствіи всего причта. Затѣмъ Павелъ Васильевичъ Каровъ тяжко заболѣлъ и позвалъ напутствовать себя своего духовнаго отца.

Желая вновь узнать истину событія, о. Гавріилъ въ третій разъ спросилъ Карова, правду ли онъ, Каровъ, разсказывалъ ему о явленіи себѣ брата Сергѣя; тогда Павелъ Васильевичъ Каровъ, указывая на святыя иконы и помня близкій смертный часъ, удостовѣрилъ отца Гавріила, что все сказанное имъ о явленіи ему брата Сергѣя есть сущая правда, и что ему не было нужды вводить о. Гавріила въ заблужденіе, что бесѣда и христосованіе съ мертвымъ братомъ были вполнѣ справедливы.

II. Въ м. Теофиполѣ, недавно случился такой фактъ, за достовѣрность котораго ручается корреспондентъ „Кіевскаго Слова“. Издавна здѣсь въ одиночествѣ проживала почтенныхъ лѣтъ, всѣми уважаемая, чрезвычайно набожная и глубоконравственная вдова А—дрова. А—дрова въ особенно близкой дружбѣ была съ подругой юныхъ лѣтъ своихъ А—ой. Но послѣднее время неразрывные друзья настолько крупно поссорились, что А—ва, внезапно заболѣвъ, приказала своимъ роднымъ „не пускать на похороны къ себѣ А—ую, вытолкать ее изъ дома, если послѣдняя придетъ къ ней, мертвой, прощаться“. Священникъ О—ій, призванный въ 11 час. ночи напутствовать заболѣвшую, узналъ о такой непримиримой враждѣ почтенной вдовы къ ея прежней пріятельницѣ и сталъ уговаривать больную простить въ душѣ А—ую и тогда только приступить къ принятію св. таинъ. Благочестивая женщина вняла увѣщанію духовника. Въ ту же ночь А—ая, ничего не знавшая о внезапной болѣзни А—вой, среди крѣпкаго сна пробуждается отъ ощущенія чисто-реальнаго присутствія и умоляющаго о прощеніи голоса А—вой. А—ая, проснувшись, зажгла свѣчу, но никого, разумѣется, не нашла въ своей комнатѣ. Она снова безмятежно уснула, но вдругъ А—ая слышитъ крикъ дочери своей, дѣвочки 13—15 л.: „мама, иди сюда, здѣсь А—ва ходитъ. Вотъ она, вотъ она пошла, смотри“... А—ая зажгла свѣчку, и опять никого и ничего. Часы показывали 3 часа ночи. Мать и дочь совершенно осязательно ощущали присутствіе А—ой. Ссора произошла задолго до происшествія, и А—я давно не думала и не говорила объ А—ой. На другой день А—іе получаютъ извѣстіе, что А—ва умерла ровно въ 3 часа ночи. Послѣ погребенія священникъ О—ій, согласно распоряженію покойной, съ понятыми описалъ все ея имущество, лучшія вещи позаперли въ сундуки и отправили въ церковный домъ до пріѣзда сына, оканчивающаго академію художествъ; разные коробочки же и мѣшочки побросали въ уголъ, какъ никуда не нужный хламъ. Чрезъ два дня послѣ смерти А—вой является къ священнику О—му испуганная, взволнованная племянница покойной и говоритъ, что сегодня ей ночью являлась А—ва и „велѣла вамъ, батюшка, передать, что вы не хорошо распорядились имуществомъ ея: нажитое потомъ и кровью для сына побросали въ уголъ“. Пошли въ домъ, стали перебирать коробочки и нашли среди лоскутковъ 500 руб. денегъ... Чрезъ нѣсколько дней, кажется, на 6-й день послѣ смерти, А—ва является съ тою же реальною осязательностью свящ. О—му и говоритъ: „не бойся болѣзни своей, батюшка, а опасайся вотъ того-то“, и дѣлаетъ предостереженія священнику. Дѣйствительно, по свидѣтельству почтеннаго священника О—го, предсказаніе ея сбылось. (Изъ „Херсонск. Епар. Вѣд.“ 1887 года).

III. Въ одной изъ замоскворѣцкихъ церквей въ 1871 году умеръ отецъ діаконъ И. Ш., родной братъ мой, отъ свирѣпствовавшей тогда холеры, въ нѣсколько часовъ уложившей его въ гробъ, несмотря на молодые его годы и крѣпкія силы. Насколько я любилъ его, настолько горестна была для меня потеря его. Отъ скорби вдался я въ тоску, которая оставляла меня только во время сна и молитвы. А молился я за душу его отъ всей души, движимый къ тому какъ любовію къ покойному, такъ еще сознаніемъ неполноты предсмертной его исповѣди, которая была приносима имъ въ состояніи мучительныхъ холерныхъ корчей. Вскорѣ по смерти онъ явился мнѣ во снѣ какъ живой. Въ полномъ сознаніи переселенія его въ другой міръ, я началъ разговоръ съ нимъ о мытарствахъ. „Ты, вѣроятно, проходишь теперь мытарства?“ — спрашиваю его. — Да,—отвѣтилъ онъ.—„Скажи, какъ ты проходишь?“—„Очень трудно, — сказалъ онъ,—и вотъ почему: у діаволовъ, оказывается, все записано, кто въ чемъ согрѣшилъ; даже мысли, какія иногда невольно возбуждались въ душѣ и пробѣгали съ быстротой молніи, на которыя мы не обращали и вниманія, забывая ихъ и не каясь въ нихъ, и эти невольные и мимолетные грѣхи изобличаются на мытарствахъ и самими душами тогда вспоминаются и сознаются, какъ дѣйствительно бывшіе“. При этомъ онъ вынулъ изъ-подъ полы рясы таблицу, какъ бы картонную, размѣромъ нѣсколько больше четвертки почтовой бумаги, которая съ одной стороны вся была исписана грѣхами такъ мелко и часто, какъ будто насѣяна чернымъ макомъ. — „И вотъ,—сказалъ онъ, — такихъ таблицъ было за мною 25, изъ коихъ 7 я загладилъ предсмертною исповѣдію, а 18 осталось за мною“. Затѣмъ я спросилъ его: пускаютъ ли васъ (умершихъ) на землю для свиданія? — Да, пускаютъ,— отвѣтилъ онъ. Такъ приходи ко мнѣ почаще, — сказалъ я ему, но онъ мгновенно исчезъ въ образовавшемся подпольѣ. Послѣ сего видѣнія я усилилъ молитву за него, но въ теченіе десяти лѣтъ онъ ни разу не являлся мнѣ.

Когда Господь сподобилъ меня благодати священства, то я, *пользуясь ближайшимъ* предстательствомъ у престола Божія, чѣмъ въ санѣ діакона, еще усерднѣе сталъ молиться о упокоеніи души любимаго брата, и вотъ, на пятомъ году моего священства онъ является, но не мнѣ, а одной моей прихожанкѣ К. Ф. М., которая отличалась благочестивою жизнію и особенно усердными молитвами за усопшихъ. Разъ поутру неожиданно проситъ она меня чрезъ нарочнаго притти къ ней и по важному дѣлу.—Являюсь. Она спрашиваетъ: былъ у васъ братъ, въ духовномъ санѣ умершій? Былъ діаконъ, — отвѣтилъ я. И начала она описывать его примѣты съ такою ясностію, какъ будто она видала его живого, и затѣмъ разсказала слѣдующее: въ нынѣшнюю ночь онъ является мнѣ и говоритъ: скажите моему брату, что 5 таблицъ еще заглажено. Кто вашъ братъ? Здѣшній священникъ. О какихъ таблицахъ вы говорите? Онъ уже знаетъ это, только скажите непремѣнно. А что же вы не явились ему? Я явлюсь ему, когда всѣ таблицы будутъ заглажены, отвѣтилъ онъ и исчезъ. „Вотъ за чѣмъ я послала за вами“, — сказала благочестивая прихожанка, чтобъ узнать тайну сновидѣнія—справедлива она или нѣтъ. Я разсказалъ ей о явленіи мнѣ покойнаго брата на первыхъ порахъ послѣ смерти его и о таблицахъ и тутъ-то созналъ, что то явленіе его мнѣ было не простое, какимъ считалъ его прежде, а знаменательное, и сталъ ждать исполненія обѣщаннаго имъ явленія мнѣ. На пятомъ году моего ожиданія я получилъ извѣстіе о вторичномъ явленіи его прихожанкѣ моей, чрезъ которую онъ просилъ меня особенно помолиться за него въ великій четвертокъ. Такъ нужно по грѣхамъ моимъ, — сказалъ онъ, что, конечно, я и исполнилъ съ возможнымъ усердіемъ и каждогодно тотъ великій день, когда установлена Господомъ безкровная жертва *о грѣсѣхъ*, напоминаетъ мнѣ просьбу его, которую всегда считаю для себя святымъ завѣтомъ. Послѣ сего на осьмомъ, слѣдовательно, на тридцатомъ году моего ожиданія личнаго явленія мнѣ брата, наконецъ, онъ является мнѣ во снѣ, какъ обѣщалъ, чтобы извѣстить меня о своей свободѣ отъ грѣховъ[1]. Это явленіе было очень коротко. Сижу я будто за письменнымъ столомъ, вдругъ входитъ изъ сосѣдней комнаты покойный братъ въ рясѣ, какъ живой, и, идя мимо меня позади стула, проговорилъ явственно: „теперь я свободенъ“, и сталъ невидимъ. Этотъ строго послѣдовательный рядъ явленій покойнаго не служитъ ли очевиднымъ признакомъ существующей связи между загробнымъ міромъ и земнымъ? Самыя явленія, очевидно, знаменательнаго характера не служатъ ли голосомъ съ того свѣта, который да послужитъ земнымъ жителямъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что души наши не прекращаютъ бытія своего, но переходятъ въ другой міръ духовный, гдѣ ожидаютъ ихъ мытарства съ обличеніемъ на нихъ самыхъ мельчайшихъ грѣховъ и нечистыхъ мыслей, даже мимолетныхъ, и что молитвы возносимыя за умершихъ, содѣйствуютъ прощенію грѣховъ ихъ и освобожденію отъ страданій, особенно если молитвы приносятся при безкровной жертвѣ („Моск. Ц. Еп. Вѣд.“ 1899 г.).

8. Дивная христіанская кончина отроковъ.

I. Въ сентябрѣ 1860 года были тяжело больны дѣти тверского мѣщанина Сергѣя П. Блинова отъ скарлатины. 15 числа умеръ отъ этого маленькій сынъ его Арсеній, 1-го года; потомъ черезъ недѣлю умерла дочь Марія, 3-хъ лѣтъ; наконецъ, дня черезъ три, 25 сент., сталъ умирать и 12-лѣтній сынъ его Николай. Нужно замѣтить, что этотъ сынъ былъ старшій въ семействѣ и очень полезный помощникъ отцу въ его торговыхъ занятіяхъ, а главное, съ быстрымъ умомъ не по лѣтамъ соединялъ доброту сердца и искреннюю любовь и нѣжность къ родителямъ, сестрамъ и братьямъ и непонятно привлекательную сладкорѣчивость и почтительность въ обращеніи со всѣми посторонними, особенно старшими по возрасту. За это особенно любили его всѣ,—и родители, и родные, и знакомые.

Очень горько было отцу и матери видѣть своего дорогого сына при послѣднихъ минутахъ жизни, но они, сколько возможно, скрывали отъ умирающаго горькія свои слезы и усердно молили Господа за жизнь его.

По его желанію поскорѣе исповѣдаться и пріобщиться св. таинъ призванъ былъ священникъ. При его приходѣ больной всталъ съ постели и, стоя на ногахъ, со всѣмъ чистосердечіемъ и умиленіемъ исповѣдался, и потомъ внимательно слушалъ краткія молитвы предъ пріобщеніемъ и усердно молился. Когда же священникъ велѣлъ ему повторять за собой: *вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христосъ, Сынъ Бога живаго*... и *Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божій, причастника мя пріими*... и слѣд., тогда больной, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ и воодушевившись, произнесъ эти молитвы съ такимъ жаромъ любви и вѣры въ Сына Божія Іисуса Христа, съ такимъ сильнымъ желаніемъ вѣчной жизни и единенія съ Богомъ, что удивилъ священника. По принятіи св. таинъ, онъ съ глубокимъ чувствомъ благодарности обратился къ иконѣ Спасителя и сказалъ: „слава Тебѣ, Боже!“ Послѣ благодарственной молитвы причастной, священникъ пожелалъ ему здоровья души и тѣла и сказалъ: „многіе больные, принимающіе св. тайны съ вѣрою, скоро выздоравливаютъ отъ своей болѣзни. И ты теперь по своей вѣрѣ получишь здоровье. Дай Богъ тебѣ выздоровѣть. Тебѣ надобно жить. Ты еще очень молодъ“.—Но юный избранникъ Божій, поблагодаривъ духовнаго отца за желаніе, сказалъ ему: „нѣтъ, батюшка, я уже не буду жить въ здѣшнемъ мірѣ; я умру, непремѣнно умру“.

---

[1] Замѣчательно, что число лѣтъ молитвы совпадаетъ съ числомъ таблицъ, неизглажденныхъ отъ грѣховъ.

Священникъ.—Какъ же ты говоришь: умру? Почему тебѣ знать это? Только одинъ Богъ знаетъ это и опредѣляетъ каждому время жизни и смерти.

Отрокъ.—„Такъ, батюшка. Да я отъ Бога-то и узналъ, что я умру. Онъ зоветъ меня къ Себѣ, и я пойду къ Нему.“—Послѣ этого священникъ, замѣтивъ въ немъ слабость силъ, оставилъ его въ покоѣ, простился съ нимъ и съ его родителями. А больной легъ на свою постель. Это было въ $6^{1}/_{2}$ часовъ вечера.

Не прошло получаса потомъ, какъ отрокъ, лежа на своей постели, съ какою-то поспѣшностію и стараніемъ сталъ тихо читать молитвы, какія зналъ, Спасителю и Богоматери и св. угодникамъ, и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, началъ постепенно ослабѣвать и, мало-по-малу забываясь, пересталъ дышать, остановилъ глаза и скончался.

Родители умершаго, до сего времени едва могшіе удерживаться отъ громкаго плача, дали теперь полную свободу своимъ слезамъ и рыданіямъ. То отецъ, то мать, то сестра матери и братъ и другіе, бывшіе тутъ родственники, другъ передъ другомъ громко высказывали жалобы о потерѣ навсегда дорогого ненагляднаго ихъ сына и племянника. А тотъ, кого оплакивали, лежалъ бездыханнымъ и безчувственнымъ къ плачущимъ и рыдающимъ.

Въ этихъ рыданіяхъ прошло около часа. Наконецъ, мать нѣсколько успокоилась и стала смотрѣть со вниманіемъ на черты лица умершаго сына, какъ бы желая при послѣдней разлукѣ съ нимъ напечатлѣть эти черты въ своемъ сердцѣ. Отецъ же вышелъ въ другую комнату посмотрѣть на другихъ двухъ больныхъ своихъ дѣтей чтобы дать имъ нужное лѣкарство по совѣту врача.

Остановивши глаза свои на бездыханномъ сынѣ, мать вдругъ замѣтила какъ будто какое-то легкое колебаніе груди его. Принимая это за обманъ зрѣнія отъ слезъ и мерцанія свѣчей и лампадокъ предъ иконами, она продолжала внимательно смотрѣть на него. Но опять грудь покойника колеблется и движется едва замѣтно. Тутъ она пошла къ мужу и тихо сказала ему объ этомъ. Оба, притаивъ дыханіе, внимательно стали слѣдить за остатками жизни сына. Еще полминуты, и настоящій вздохъ вышелъ изъ груди его и показалъ, что отрокъ живъ. Спустя еще нѣсколько секундъ, онъ уже открылъ тихо глаза свои.

Не желая безпокоить его своимъ разстроеннымъ видомъ, отецъ и мать отошли потихоньку и незамѣтно нѣсколько въ сторону отъ него. Но онъ сталъ искать ихъ глазами, и потомъ, съ усиліемъ поднявшись, сѣлъ на постели и, увидѣвши отца, сказалъ ему: „батюшка! подойдите ко мнѣ поближе! Мнѣ нужно сказать вамъ немного словъ“.

Когда отецъ подошелъ къ нему,—отрокъ сказалъ: „я воротился сюда, чтобы съ вами проститься. Я видѣлъ Машу, и Арсиньку, и Сашу (сестру 7 лѣтнюю, умершую 10 лѣтъ назадъ) и отца моего крестнаго (умершаго 12 лѣтъ назадъ) и говорилъ со всѣми ими. Вы думаете, что они умерли? Нѣтъ! Они всѣ живы! И какъ прекрасно мѣсто, гдѣ они живутъ! Какой у нихъ тамъ свѣтъ блестящій, какіе прекрасные цвѣты и деревья, а звѣзды тамъ какія большія! Что нашъ домъ? Втрое больше дома каждая звѣзда тамъ, и какое отъ нихъ радостное сіяніе! Вотъ я увидѣлъ тамъ сестрицъ, и братца, и крестнаго, и когда подошелъ къ нимъ, крестный сказалъ мнѣ: „здравствуй, Николя! Зачѣмъ ты здѣсь?“ „Побывать къ вамъ пришелъ, увидѣться съ вами,“ отвѣчалъ я.—„Хорошо“, промолвилъ онъ, побудь здѣсь и погуляй съ сестрами и братомъ, а не то совсѣмъ останься у насъ“.—„Останься съ нами!“ сказали мнѣ сестры и братъ, „видишь, какъ тутъ хорошо!“—„И вправду я останусь съ вами,“ прибавилъ я „у васъ такъ прекрасно!“ Въ это время сестра Маша взяла меня за руку и сказала: „ахъ, какъ хорошо! и Николя съ нами остается!“ и радостно повела меня по цвѣтистому лугу мимо высокихъ, зеленыхъ, прекрасныхъ деревъ, какихъ я нигдѣ никогда не видѣлъ. Съ нами вмѣстѣ пошли и Арсинька, и Саша.

Прогуливаясь съ ними, вдругъ вспомнилъ я объ васъ, батюшка и маменька, и сказалъ: „ахъ! я вѣдь не простился съ отцомъ и матерью. Погодите, я пойду къ нимъ и попрошу у нихъ благословенія жить здѣсь съ вами. Я какъ разъ ворочусь къ вамъ опять“.—„Ступай, простись!“ сказали они, „только скорѣе приди опять къ намъ, мы ждемъ тебя!“

Вотъ я и пришелъ къ вамъ, мои любезные родители, проститься съ вами и попросить вашего родительскаго благословенія жить мнѣ вмѣстѣ съ сестрицами и братцемъ. Отпустите меня, батюшка и маменька, и благословите!

Въ продолженіе этого разсказа отецъ, мать и родные слушали его со вниманіемъ, и, когда онъ кончилъ, отецъ подумалъ самъ въ себѣ: не въ бреду ли горячки говорилъ онъ все такое, и, чтобы узнать это, спросилъ его: „Николя! да знаешь ли ты, кто я?“—Онъ взглянулъ на отца, слегка улыбнулся и сказалъ: „неужели я васъ-то, батюшка, не знаю? Вы Сергѣй Павловичъ Блиновъ, мой батюшка“. Отецъ указалъ на мать его и спросилъ: „а это кто?“—„Это моя маменька, Александра Михайловна Блинова,“ сказалъ онъ. Послѣ этого поименовалъ и прочихъ бывшихъ тутъ родныхъ своихъ.

Потомъ отецъ сказалъ тихоньку женѣ, чтобы она велѣла сыну опять разсказать, что онъ видѣлъ и гдѣ былъ. Она такъ и сдѣлала, и сынъ повторилъ ей свои слова и разсказалъ, къ удивленію всѣхъ, точно такъ же, какъ сказалъ отцу. Наконецъ, онъ сказалъ: „да неужели вы, батюшка, не вѣрите мнѣ? Вѣдь я въ полномъ умѣ и въ памяти, въ сознаніи. Если такъ вы сомнѣваетесь, то вотъ вамъ знакъ моей правды: черезъ день придетъ въ вашъ домъ Ксенія, дочь прежней вашей прислужницы, которую вы много лѣтъ не видѣли. Она спроситъ о здоровьѣ вашемъ и дѣтей и удивится, что у васъ всѣ дѣти больны и уже трое умерли, о чемъ ничего не знала и не слыхала. (Эта женщина, дѣйствительно, пришла въ ихъ домъ въ день погребенія сына, и удивилась, что уже трое умерли). Вотъ тогда вы повѣрите всему, что я говорилъ вамъ. А теперь прошу, умоляю васъ, мои родители, не держите меня здѣсь,—отпустите меня скорѣй съ благословеніемъ!“

Увѣрившись, наконецъ, въ истинѣ словъ сына, отецъ со всею силою родительской любви сталъ уговаривать его остаться, чтобы по прежнему быть умнымъ и полезнымъ помощникомъ ему во всѣхъ его дѣлахъ и занятіяхъ. Но отрокъ на это сказалъ отцу: батюшка! тутъ не стоитъ и жить. Здѣсь такъ худо, такъ грязно, такъ опасно, а тамъ такъ свѣтло, спокойно и радостно. Умоляю васъ: пустите меня! Не желайте, не молитесь, чтобы я здѣсь остался. Вѣдь и вамъ придется жить не сто лѣтъ. И вы тоже перейдете туда, если же меня отпустите, я буду за васъ и маменьку молить Бога, чтобы и васъ принялъ Онъ въ Свой свѣтъ и въ Свою радость“.

Убѣжденный и вмѣстѣ утѣшенный такими словами, отецъ не могъ болѣе спорить съ сыномъ,—благословилъ его и пожелалъ ему жить *въ мѣстѣ свѣтлѣ, отнюдуже отбѣже всякая болѣзнь, печаль и воздыханіе*. Послѣ этого отрокъ успокоился, обрадовался, много разъ поцѣловалъ своихъ родителей и, снова ложась на постель, сказалъ: „простите! пора мнѣ, меня ждутъ; Богъ съ вами! До свиданія!“ Съ этими словами онъ осѣнился крестнымъ знаменіемъ, закрылъ тихо глаза свои и, сложивши на груди крестообразно руки, навсегда отошелъ изъ здѣшняго міра *въ обители многи Отца свѣтовъ, идѣже праведницы просвѣтятся, яко солнце* (Матѳ. XIII, 43).

Во время погребенія тѣла его, лицо его свѣтилось какою-то радостно-покойною улыбкой. (Странникъ, 1864 г.).

II. Отрокъ Григорій Родіоновъ былъ сынъ крестьянина, родился въ Тверской губ. и первые годы своего младенчества провелъ въ деревнѣ у своихъ родителей. Объ этомъ періодѣ его жизни мнѣ извѣстно мало подробностей, знаю только, что до трехъ лѣтъ онъ росъ здоровымъ, крѣпкимъ, красивымъ ребенкомъ и за свой кроткій нравъ, смышленость и хорошенькое личико былъ любимцемъ въ семьѣ. Одинъ разъ, въ жаркій лѣтній день, бѣгая и рѣзвясь, онъ присѣлъ отдохнуть на краю высокаго песчанаго обрыва, въ глубинѣ котораго между острыми камнями извивался мелкій ручеекъ. Въ это время къ нему подошелъ одинъ изъ его маленькихъ товарищей. „Гришутка, — сказалъ онъ ему, — закрой глаза“. Дитя, не подозрѣвая грозившей ему опасности, исполнило требованіе мальчика, а тотъ *ради шутки*, столкнулъ его въ оврагъ!

Оврагъ былъ очень глубокъ, несчастый малютка, летя съ такой высоты, упалъ прямо на острые камни, и это было настоящее чудо, что онъ не убился до смерти. Въ продолженіе двухъ часовъ онъ кричалъ отъ страшной боли, такъ какъ грудка и спинка его представляли сплошныя раны. Съ этого злополучнаго дня у мальчика стали расти горбы спереди и сзади, и около этого же времени скончались и его родители. Тогда бабушка несчастнаго сиротки повезла его въ Петербургъ, чтобы показать докторамъ. Профессоръ Лесгафтъ, осматривавшій его, нашелъ положеніе его настолько серьезнымъ, что, по его мнѣнію, онъ могъ прожить только до своего отрочества и затѣмъ скончаться отъ туберкулёза костей, такъ какъ остановить хода болѣзни не было никакой возможности. Ужасенъ былъ этотъ приговоръ для бѣдной женщины; всѣ, кто знакомъ съ условіями деревенской жизни, хорошо поймутъ, какой обузой былъ бы тамъ ребенокъ-калѣка и притомъ сирота, если бы она привезла его съ собой обратно, — къ счастью, ей удалось устроить его въ пріютъ для дѣтей-калѣкъ и паралитиковъ, гдѣ я и увидала его въ первый разъ. Въ пріютѣ Гриша прожилъ болѣе пяти лѣтъ, и за все это время жизнь его была сплошнымъ страданіемъ, но я хорошо его узнала только за послѣдніе два года, за время моего учительства въ этомъ пріютѣ. Предсказаніе доктора исполнилось въ точности — ни уходъ, ни лѣченіе не могли остановить хода болѣзни. Горбы быстро росли, маленькій страдалецъ сгорбился, ходить онъ могъ только опираясь обѣими ручками на колѣна, спать только скорчившись — ничкомъ! Боли въ горбахъ были настолько сильны и постоянны, что часто онъ проводилъ цѣлыя ночи безъ сна, но при этомъ *никто никогда* не слыхалъ отъ него жалобы и ропота. Когда боли дѣлались ужъ слишкомъ невыносимыми, онъ плакалъ *тихонько*, уткнувшись въ подушку, чтобы не обезпокоить няню или надзирательницу, которыхъ онъ нѣжно любилъ. Въ этомъ искалѣченномъ, изуродованномъ тѣльцѣ обиталъ необыкновенно сильный духъ, терпѣніе его было чисто ангельское. Какой поучительный урокъ для насъ являло въ себѣ это дитя-калѣка! Какъ часто мы, при сравнительно небольшихъ физическихъ страданіяхъ, требуемъ изъявленія участія къ намъ отъ окружающихъ насъ лицъ!

Въ пріютѣ кромѣ Гриши были еще 24 питомца, всѣ немощные, страдающіе какими-нибудь убожествами, но немногіе изъ нихъ страдали такъ, какъ онъ. Умилительно было наблюдать за отношеніями Гриши къ своимъ товарищамъ: онъ никогда съ ними не ссорился, былъ постоянно къ нимъ ласковъ, уступчивъ и чрезвычайно послушенъ къ старшимъ. Несмотря на свою болѣзненность, онъ очень любилъ учиться и, обладая рѣдкими, замѣчательными способностями, быстро все усвоивалъ. Помню, какія старанія употребляло бѣдное дитя, при классныхъ занятіяхъ, чтобы найти для своего изуродованнаго тѣльца такое положеніе, при которомъ процессъ письма былъ бы ему доступенъ.

„Гриша, голубчикъ,—бывало скажешь ему,—ты бы отдохнулъ, вѣдь ты усталъ“. Онъ вскинетъ на меня свои большіе, прекрасные глаза, улыбнется и тихо отвѣтитъ: „я не усталъ“.

Вообще, онъ не любилъ выставлялъ свои страданія предъ людьми, а несъ ихъ какъ бы тайкомъ отъ нихъ, предъ лицомъ единаго Бога. „Мнѣ лучше“,— „мнѣ хорошо“,—„у меня ничего не болитъ“, — вотъ что онъ, по большей части, отвѣчалъ на участливые вопросы окружающихъ его лицъ. Самые любимые его уроки были уроки законоучителя, самымъ любимымъ чтеніемъ—разсказы изъ священной исторіи и житія святыхъ. Помню, какъ я поразилась, когда онъ, восьмилѣтнее дитя, прочитавъ разъ подробное житіе святителя черниговскаго Ѳеодосія, сразу передалъ мнѣ его въ связномъ и плавномъ пересказѣ. Все, что относилось до религіи, онъ принималъ непосредственно въ свое чистое сердечко, и именно благодаря преобладанію въ немъ религіознаго чувства, онъ и переносилъ свои страданія съ такимъ ангельскимъ терпѣніемъ и покорностью.

Послѣдніе дни его страдальческой жизни были особенно мучительны. И дни, и ночи, онъ лежалъ скорчившись, ничкомъ, опершись локотками о постель. У него образовались гнойныя раны подъ горбомъ, къ этому еще присоединились кашель и одышка. Со стороны нельзя было смотрѣть безъ содроганія на эти муки неповиннаго отрока, но онъ переносилъ ихъ съ прежней покорностью.

Когда докторъ опредѣлилъ, что дни Гришиной жизни сочтены и жить ему остается очень недолго, надзирательница получила распоряженіе отъ пріютскаго начальства отвезти больного въ одинъ изъ дѣтскихъ бараковъ. Съ искренными слезами стала она приготовлять его къ отправленію и пригласила священника о. Александра Каминскаго напутствовать его въ вѣчную жизнь. Съ глубокимъ благоговѣніемъ принялъ Гриша Святые Дары, и священникъ, видя его духовное настроеніе, нашелъ его настолько готовымъ къ переходу въ ту жизнь, что даже не призналъ нужнымъ скрывать отъ него его близость. Въ теплыхъ, глубоко прочувствованныхъ словахъ, онъ сказалъ ему нѣсколько напутственныхъ словъ о тѣхъ райскихъ радостяхъ, которыя ожидаютъ его въ этой жизни, и выразилъ ему надежду, что переходъ его туда будетъ тихъ, подобенъ сну.

Гриша прожилъ послѣ принятія святыхъ таинъ ровно сутки. Умилительно и поучительно было видѣть его за это время. Страдальческое тѣльце его еще было приковано къ постелѣ, но духъ его уже возлетѣлъ къ Богу,

„Къ Богу хочу поскорѣе“, — говорилъ онъ намъ. „Какъ же, Гришенька,—спросила его бабушка,—развѣ ты не боишься смерти?“

„Нѣтъ, не боюсь,—отвѣчалъ онъ,—къ Богу хочу“.

„За 20 лѣтъ моего священства, — сказалъ напутствовавшій его священникъ,— мнѣ не случалось еще видѣть при кончинѣ такого терпѣнія и покорности. По истинѣ можно сказать, что такіе прямо наслѣдуютъ царство небесное“. („Русск. Паломн.“ 1897 г, № 49).

НЕДѢЛЯ 21-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Лук. зач. 35-е, гл. VIII, 5—15 ст.

1. Притча о Сѣятелѣ и сѣмени.

„Вотъ вышелъ Сѣятель сѣять сѣмя свое. И когда Онъ сѣялъ, иное упало при дорогѣ, и было потоптано, и налетѣли птицы небесныя и поклевали его. Иное упало на мѣста каменистыя, гдѣ не много было земли, и тотчасъ взошло, потому что земля была не глубока. Когда же взошло солнце, увяло, (потому что не имѣло влаги), и, какъ не имѣло корня, засохло. Иное упало въ терніе, и выросло терніе и заглушило сѣмя, и оно не дало плода. Иное упало на добрую землю, и принесло плодъ: одно во сто кратъ, другое въ шестьдесятъ, иное же въ тридцать. Сказавъ сіе, Господь возгласилъ: кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ!“ (Ев. Матѳея XIII, 3—9; Марка IV, 3—9; Луки VIII, 5—8).

„Здѣсь подъ сѣменемъ Іисусъ Христосъ разумѣетъ Свое ученіе, подъ нивою—души человѣческія, а подъ Сѣятелемъ Самого Себя. Не мѣстомъ сталъ ближе къ намъ Вездѣсущій, но расположеніемъ и промышленіемъ о насъ, когда облекся плотію. Такъ какъ грѣхи заграждали намъ доступъ къ Нему и не позволяли войти, то Онъ Самъ выходилъ къ намъ, чтобы тщательно воздѣлать землю — души наши, и посѣять на ней слово благочестія.

„Три части изъ сѣмени погибло, и только четвертая часть уцѣлѣла, но и та принесла не одинаковый плодъ. Изъ этихъ словъ видно, что Іисусъ Христосъ предлагалъ ученіе Свое всѣмъ безъ различія. Какъ сѣятель не различаетъ находящейся передъ нимъ нивы, но просто и безъ всякаго различія бросаетъ сѣмена, такъ и Онъ не различаетъ ни богатаго, ни бѣднаго, ни мудраго, ни невѣжду, ни безпечнаго, ни заботливаго, ни мужественнаго, ни робкаго; но со всѣми бесѣдовалъ, предлагая Свое ученіе, хотя и напередъ зналъ, какіе отъ этого будутъ плоды, дабы можно было Ему сказать: что Мнѣ нужно было еще сдѣлать и не сдѣлалъ? Іисусъ Христосъ не сказалъ, что Онъ Самъ бросилъ, но что сѣмя упало, и большая часть изъ него погибла не отъ сѣющаго, а отъ земли, принявшей сѣмя, т.-е. отъ души не внимавшей. Притчу эту предлагаетъ Іисусъ Христосъ для укрѣпленія и наставленія учениковъ Своихъ, чтобы они не унывали, хотя и много изъ пріемлющихъ слово погибнутъ, потому что и Самъ Господь, хотя напередъ зналъ, что тотъ же плодъ будетъ отъ ученія Его, не переставалъ однако же сѣять. Справедливо стали бы обвинять земледѣльца за подобный поступокъ, такъ какъ камню нельзя сдѣлаться землей, и дорогѣ—не быть дорогой, и тернію не быть терніемъ, но не то бываетъ съ существами разумными. И камню можно измѣниться и стать плодородною землею; и дорога можетъ быть не истоптана проходящими и сдѣлаться тучною нивою; и терніе можетъ быть истреблено, и сѣмена могутъ расти безпрепятственно. Ибо если это было бы невозможно, то Іисусъ Христосъ и не сѣялъ бы. Если же это измѣненіе происходило не во всѣхъ, то причиною этого не Сѣятель, а тѣ, которые не хотѣли измѣниться. Іисусъ Христосъ исполнилъ Свое дѣло; если же они пренебрегли Его ученіемъ, то Явившій столь великое человѣколюбіе не виновать въ этомъ". (XLIV Бесѣда св. Іоанна Златоуста на евангелиста Матѳея. М. 1843 г. Ч. II, стр. 263—266).

„Когда же Іисусъ остался безъ народа, приступивъ ученики и окружающіе Его, спросили у Него: чтобы значила притча сія?

„И говоритъ имъ: вотъ что значитъ притча сія: сѣмя есть слово Божіе. Ко всякому, слушающему слово о царствіи и не разумѣющему, приходитъ лукавый, (діаволъ, сатана) и похищаетъ посѣянное въ сердцѣ его, (чтобы онъ не увѣровалъ и не спасся): вотъ кого означаетъ посѣянное при дорогѣ (упадшее при пути). А посѣянное на каменистыхъ мѣстахъ (упадшее на камень) означаетъ того, кто слышитъ слово и тотчасъ съ радостію принимаетъ его, но не имѣетъ въ себѣ корня и не постояненъ: когда настанетъ скорбь или гоненіе за слово, тотчасъ соблазняется (они временемъ вѣруютъ, а во время искушенія отпадаютъ). А посѣянное въ терніи (упадшее въ терніе) означаетъ того, кто слышитъ слово, но забота вѣка сего и обольщеніе богатства, и другія пожеланія, входя въ нихъ, заглушаютъ слово, и оно бываетъ безплодно (и они, отходя, заботами, богатствомъ и наслажденіями житейскими подавляются и не приносятъ плода). Посѣянное же на доброй землѣ (упадшее на добрую землю) означаетъ слышащаго слово и разумѣющаго, который, услышавъ слово, принимаетъ, хранитъ его въ добромъ и чистомъ сердцѣ и бываетъ плодоносенъ, и приноситъ плодъ въ терпѣніи. (Ев. Марка IV, 13—20; Матѳея XIII, 18—23; Лук. VIII, 11—15).

2. **Чудесная книга.**

Однажды знаменитый японецъ-язычникъ, гуляя по берегу моря, увидѣлъ плавающимъ какой-то предметъ и приказалъ достать его. Это была книга. Пришедши домой, онъ сталъ читать ее Оказалось, что это было евангеліе. Слово Христово такъ тронуло вельможу, какъ не трогало до дого времени никакое другое чтеніе. Самъ онъ говорилъ о своемъ чтеніи такъ: „никогда прежде я не видалъ такой личности (какъ Христосъ) и не слыхалъ ничего подобнаго; не читывалъ ничего въ этомъ родѣ и не мечталъ о подобныхъ вещахъ". Чтеніе евангелія продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ и, наконецъ, привело язычника въ христіанство. Вотъ какая чудная книга—евангеліе! Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что даже та храмина (зданіе), въ которой хранится евангеліе, устрашаетъ духовъ тьмы и бываетъ неудобоприступна для ихъ козней. А то вотъ былъ какой случай съ евангеліемъ. Извѣстно, что наши отдаленные предки были язычники, и поэтому много трудовъ положили греческіе епископы для приведенія ихъ въ христіанство,—много и чудесныхъ знаменій совершили они для этой же цѣли. Однажды присланный въ Кіевъ греческій епископъ долго разсказывалъ собравшемуся народу о Спасителѣ и о чудесахъ, совершенныхъ Богомъ въ ветхомъ завѣтѣ. Руссы объявили проповѣднику, что они увѣруютъ во Христа, если они сами увидятъ чудо, подобное чуду съ тремя отроками еврейскими въ пещи вавилонской. По ихъ просьбѣ, епископъ положилъ евангеліе въ огонь, и—о чудо!—оно сталось невредимымъ. Тогда князья и многіе изъ народа приняли св. крещеніе. Читай же, христіанинъ, всегда эту чудесную книгу, а особенно когда обуреваютъ тебя искушенія, бѣды и напасти. Слово Божіе, содержащееся въ евангеліи, служитъ сильнымъ оружіемъ противъ врага нашего спасенія—діавола и козней его. Въ этомъ примѣръ подалъ намъ Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Который, будучи искушаемъ отъ діавола въ пустынѣ, на всякое искушеніе отвѣчалъ искусителю словомъ Божіимъ: *писано есть*... „Діаволъ поощряетъ тебя ко грѣху, а ты,—учитъ св. Тихонъ воронежскій,—отвѣчай ему: не хочу, ибо это противно Богу, Богъ запретилъ то. Діаволъ возбуждаетъ въ тебѣ гнѣвъ и злобу къ отмщенію, а ты пресѣкай эту мысль, глаголя въ сердцѣ твоемъ: Богъ того не повелѣлъ. Указуетъ тебѣ діаволъ на чужую вещь и подстрекаетъ сердце твое къ похищенію ея,—а ты говори въ сердцѣ твоемъ: Богъ то запретилъ: *не укради, не пожелай*. Такъ и въ прочихъ мысляхъ, противныхъ закону Божію, возстающихъ въ сердцѣ твоемъ, поступай". Возьмемъ, напр., страсти человѣческія,—чѣмъ можн опобѣдить ихъ, или по крайней мѣрѣ ослабить? Лучшее средство для этого — чтеніе св. евангелія.

Вотъ послушайте разсказъ одного капитана о томъ, какъ онъ избавился отъ пагубной страсти пьянства. „Съ молодыхъ лѣтъ я,—разсказывалъ капитанъ, провожавшій преступниковъ въ Сибирь,—служилъ въ арміи, зналъ службу и любимъ былъ начальствомъ, какъ исправный офицеръ. По несчастью, отъ частыхъ пирушекъ съ молодыми товарищами я привыкъ пить вино, да такъ, что подъ конецъ у меня образовался запой. Бывало, пока не пью,—исправный офицеръ, а какъ запью, то недѣль шесть на службу не являюсь. Долго терпѣли меня на службѣ, наконецъ, за грубости начальнику, сдѣланныя въ пьяномъ видѣ, разжаловали меня въ солдаты на три года, съ перемѣщеніемъ въ гарнизонъ; и если не исправлюсь, не перестану пить, то угрожали и строжайшимъ наказаніемъ. Въ этомъ несчастномъ состояніи, сколько я ни старался воздержаться и сколько ни лѣчился отъ пьянства, никакъ не могъ избавиться отъ своей страсти; поэтому меня хотѣли уже перемѣстить въ арестантскія роты. Услышавъ это, я не зналъ, что съ собою дѣлать. Въ одно время я въ раздумьѣ сидѣлъ въ казармахъ. Вдругъ вошелъ къ намъ какой-то монахъ съ книгою для сбора на церковь. Солдаты подавали, что могли. Монахъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: „что ты такой печальный?“ Я разсказалъ ему свое горе. Монахъ выслушалъ меня съ участіемъ и говоритъ: „точно то же было и съ моимъ роднымъ братомъ, и вотъ что ему помогло: духовный отецъ его далъ ему евангеліе и накрѣпко приказалъ, чтобы онъ, когда захочетъ вина, то, нимало не медля, прочелъ бы главу изъ евангелія; если жажда вина не пройдетъ, то и еще читалъ бы слѣдующую главу. Братъ мой сталъ такъ поступать—и въ непродолжительное время страсть къ пьянству въ немъ исчезла, и теперь, вотъ уже 15 лѣтъ, капли въ ротъ не беретъ. Поступай-ка и ты такъ—и увидишь пользу! У меня есть евангеліе, пожалуй, я принесу его тебѣ“. Выслушавъ это, я отвѣчалъ ему: гдѣ тутъ помочь твоему евангелію, когда никакія старанія мои, никакія лѣкарственныя пособія не помогли мнѣ. Я сказалъ это потому, что никогда не читывалъ евангелія. „Не говори этого,—продолжалъ монахъ,—увѣряю тебя, что будетъ польза...“ На другой день, дѣйствительно, монахъ принесъ мнѣ вотъ это евангеліе. Я раскрылъ его, посмотрѣлъ, почиталъ немного, да и говорю: не возьму его, тутъ ничего не поймешь, да и печать церковную я не привыкъ читать. Монахъ продолжалъ убѣждать меня, что въ самыхъ словахъ евангелія есть благодѣтельная сила, ибо писано въ немъ то, что самъ Богъ говорилъ. Нужды нѣтъ, что не все понимаешь, только читай прилежно. Одинъ святой сказалъ: если ты не понимаешь слова Божія, такъ бѣсы понимаютъ, что ты читаешь, и трепещутъ; вѣдь въ страсти пьянства особенно старается удержать насъ врагъ нашъ—діаволъ. Я, не помню, что-то далъ монаху, взялъ у него евангеліе, положилъ въ сундучокъ съ прочими моими вещами, да и забылъ про него. Спустя нѣсколько времени пришло время мнѣ запить; почувствовавъ сильную жажду вина, я поскорѣе отперъ сундучокъ, чтобы достать денегъ и бѣжать въ кабакъ. Лишь только я открылъ крышку, первое, что попалось мнѣ на глаза, было евангеліе,—и я живо вспомнилъ все то, что говорилъ мнѣ монахъ, развернулъ и началъ читать сначала первую главу евангелиста Матѳея. Прочитавши ее до конца, ничего не понялъ, да и подумалъ: монахъ сказалъ, что тутъ писано то, что Богъ говорилъ, а тутъ какія-то имена. Дай прочту другую главу: прочелъ—и стало понятнѣе. Дай же прочитаю и третью. Какъ только началъ ее читать, вдругъ звонокъ въ казармахъ: по мѣстамъ, на койки!.. Слѣдовательно, уже нельзя было итти за виномъ, такъ я и остался. Вставши поутру и рѣшившись итти за виномъ, я подумалъ: прочту главу изъ евангелія—что будетъ? Прочелъ—и не пошелъ. Опять захотѣлось вина, и я еще сталъ читать, и мнѣ стало легче. Это меня ободрило, и при каждомъ побужденіи къ вину я сталъ читать по главѣ изъ евангелія. Чѣмъ дальше, тѣмъ становилось мнѣ легче. Наконецъ, какъ только я окончилъ чтеніе всѣхъ четырехъ евангелистовъ, страсть къ вину у меня совершенно пропала, и я почувствовалъ къ нему отвращеніе. И вотъ, равно 20 лѣтъ я совершенно не употребляю никакого хмельного напитка. Всѣ удивлялись во мнѣ такой перемѣнѣ. По прошествіи трехъ лѣтъ опять произвели меня въ офицеры; чины пошли своимъ порядкомъ; наконецъ, сдѣлали меня командиромъ. Я женился; жену Богъ далъ мнѣ добрую, состояніе мое поправилось, и теперь, слава Богу, мы живемъ счастливо, да по мѣрѣ силъ нашихъ и бѣднымъ помогаемъ. Съ тѣхъ поръ какъ я исцѣлился отъ запоя, далъ себѣ клятву каждый день читать евангеліе“.

Итакъ, христіанинъ, всегда читай евангеліе: это—чудесная и спасительная книга! Сладокъ медъ, но слово Божіе, содержащееся въ евангеліи, несравненно сладостнѣе его: „коль сладка гортани моему словеса Твоя (Боже): паче меда устамъ моимъ“ (Пс. CXVIII, 103).

3. Разсказы объ усердіи древнихъ христіанъ въ чтеніи слова Божія.

1. Благочестивый христіанинъ не только занимался чтеніемъ св. писанія дома, но бралъ съ собою свящ. книги, когда предпринималъ путешестіе. Нѣкто Мартиніанъ, плывя на кораблѣ, имѣлъ при себѣ посланія ап. Павла, и апостолъ, какъ говоритъ Павлинъ, сохранилъ своего чтителя во время кораблекрушенія, какъ нѣкогда сохранилъ тѣхъ, которые плыли съ нимъ самимъ.

2. Даже во время гоненій принужденные бѣжать и укрываться христіане не позабывали брать съ собою писаніе, источникъ своего утѣшенія. Когда воздвигнуто было гоненіе на самыя св. книги, христіане скрывали ихъ, не переставая однакоже тайно читать ихъ. Во время сего гоненія три ѳессалоникскія женщины: Агапія, Хіонія и Ирина, удалились въ горы. Когда же по возвращеніи ихъ оттуда у св. Ирины открыты были списки св. писанія, судившій христіанъ Дульцетій спрашивалъ ее: „кто заставлялъ тебя хранить до сихъ поръ эти пергаменты и писанія?“ Ирина отвѣчала: „Всемогущій Богъ, Который повелѣлъ намъ любить Его даже до смерти. Поэтому мы охотнѣе согласимся, чтобы сожгли насъ самихъ и претерпѣть все, чтобы съ нами ни сдѣлали, нежели выдать сіи писанія“. „Зналъ ли кто-нибудь,—спрашивалъ Дульцетій, что сіи книги находились въ твоемъ дому?“ Ирина отвѣчала: „это видѣлъ только Богъ, Который все знаетъ, а болѣе никто; потому что мы боялись своихъ слугъ болѣе, нежели нашихъ враговъ, опасаясь, чтобы они намъ не измѣнили. Поэтому мы не осмѣлились показывать ихъ кому-нибудь и крайне сокрушались, что не могли читать ихъ день и ночь, какъ обыкновенно дѣлали прежде, до прошедшаго года, когда мы должны были ихъ скрывать“. (Acta Martyr. Ruiunart. Ed. 1802, P. II. p. 405).

3. Во время болѣзни для христіанина не было лучшаго утѣшенія, какъ писаніе. Такъ, Марцеллинъ, знакомый съ св. Аѳанасіемъ александрійскимъ, сдѣлавшись опасно боленъ, во все время своей болѣзни занимался писаніемъ и въ особенности псалмами (Athanas. Epist. ad. Marcellinum. T. I. P. II. p. 982). Подобнымъ образомъ одна изъ знакомыхъ Іерониму христіанокъ, по имени Блезника, находясь при смерти назидала себя чтеніемъ Писанія. „Едва она могла ходить отъ изнеможенія, пишетъ Іеронимъ, едва дрожащая голова ея держалась на изсохшей шеѣ, между тѣмъ она постоянно имѣла въ рукахъ пророка или евангеліе“ (Hieron. Epist. XXII. ad Paulam. T. IV. P. II. p. 54).

4. Многіе знали на память большую часть книгъ св. писанія. Таковъ былъ одинъ изъ палестинскихъ мучениковъ, слѣпецъ Іоаннъ. „Этотъ человѣкъ, пишетъ о немъ Евсевій, имѣлъ книги божественныхъ писаній написанными не на каменныхъ скрижаляхъ, какъ говорилъ апостолъ, и не на кожахъ животныхъ и не на бумагѣ, которыя всѣ портятся отъ червей и времени, но на истинно плотяныхъ скрижаляхъ сердца, въ своей свѣтлой душѣ и въ своемъ чистомъ разумѣ, такъ что могъ, когда хотѣлъ, читать на память мѣста изъ Моѵсея и пророковъ или историческихъ книгъ, изъ евангелія или посланій апостольскихъ“. (Euseb. De Martyr. Palaest. c. XIII. p. 436).

5. Въ особенномъ употребленіи у древнихъ христіанъ были псалмы Давидовы. Они употреблялись не только въ домашнихъ молитвахъ, но часто христіанинъ выражалъ ими свои мысли и чувства при обыкновенныхъ случаяхъ жизни. Они замѣняли мірскія пѣсни, ихъ заучивали съ дѣтства. Евсевій пишетъ: „у насъ дѣти пріучаются пѣть пѣсни и гимны о Богѣ, составленные пророками“. Поселянинъ, занимаясь сельскими работами, пѣлъ какой-нибудь псаломъ. Это пишетъ Іеронимъ о виѳлеемскихъ поселянахъ. Ихъ пѣлъ счастливый, думая, какъ прекрасно говоритъ Григорій Нисскій, что святыя пѣсни суть даръ, собственно для него назначенный; а несчастный ими выражалъ скорбь свою, думая, что Богъ далъ для него сіе писаніе, какъ милость.

6. Съ любовью къ писанію соединялось у христіанъ и высокое благоговѣніе къ нему, которое выражалось въ обычаяхъ, употреблявшихся при чтеніи его. Тотъ, кто бралъ святую книгу, умывалъ прежде руки. Собравшіеся слушать мужчины, если были съ покрытою головою, то въ знакъ почтенія къ слову Божію обнажали ее, а женщины, если были не покрыты, брали покровъ. Такъ любили христіане писаніе, такъ благоговѣли предъ нимъ.

7. Въ благочестивыхъ христіанскихъ семействахъ дѣти начинали свое умственное образованіе съ упражненія въ писаніи. Такимъ образомъ ихъ умственное образованіе совершалось вмѣстѣ съ нравственнымъ: что умудряло ихъ дѣтское разумѣніе, то назидало и нѣжное ихъ сердце; и естественно, любовь къ писанію должна была крѣпко укорениться въ нихъ.

Такъ воспитывался Оригенъ. Такой же образъ воспитанія былъ въ томъ святомъ семействѣ неокессарійскомъ, изъ котораго произошелъ великій вселенскій учитель, св. Василій. Мать его при воспитаніи сестры его, *Макрины*, давала ей изучать тѣ книги писанія, которыя были для нея понятны, особенно книгу Премудрости Соломона, и въ нихъ то, что руководило къ добродѣтельной жизни. Макрина знала псалмы такъ, что псаломъ, какъ добрый спутникъ, сопровождалъ ее при всѣхъ ея занятіяхъ. Мать не позволяла ей читать изображеній страстей въ трагедіяхъ и безстыдныхъ комедіяхъ (Gregor. Nissen. De vita S. Macrinae. T. II. p. 179.). Впослѣдствіи Макрина такъ же воспитывала брата своего Петра (ibid. p. 185.). Такъ былъ воспитанъ и Василій Великій. „По благодати милосердаго Бога и по дѣйствію Св. Духа, говоритъ самъ Василій Великій, я воспитанъ христіанскими родителями и съ самаго дѣтства научился отъ нихъ св. писанію“.

8. Отшельники и монахи, сокращая нужды и потребности жизни чувственной, чтобы съ большею свободою возрастать въ жизни духовной, обращали упражненіе въ словѣ Божіемъ, какъ духовную пищу, въ потребность своей души. Вся ихъ жизнь была раздѣлена между молитвою и упражненіемъ въ словѣ Божіемъ. Даже во время постороннихъ занятій въ душѣ и устахъ ихъ была или молитва, или слово Божіе.

Когда оканчивалось утреннее богослуженіе, отшельники, расходясь по своимъ келліямъ, начинали заниматься писаніемъ. „Иной беретъ Исаію, говоритъ Златоустый, и съ нимъ разглагольствуетъ, другой бесѣдуетъ съ апостолами, третій читаетъ книги другихъ св. писателей и любомудрыхъ о Богѣ, о мірѣ, о предметахъ видимыхъ и невидимыхъ, чувственныхъ и духовныхъ, о ничтожествѣ жизни настоящей и о величіи будущей“. Умѣющіе писали св. книги. Когда они собирались для вкушенія пищи, слухъ ихъ опять оглашался чтеніемъ слова Божія. И лучшею пищею ихъ было само слово Божіе. Послѣ трапезы каждый удалялся въ свою келлію и, послѣ краткаго отдыха, принимался за прежнее духовное занятіе. Если же занимался какою-нибудь работою, или рукодѣліемъ, то „читалъ на память псаломъ, или другое мѣсто изъ Писанія, чтобъ, постоянно занимая сердце и уста духовнымъ упражненіемъ, не давать времени и пищи празднымъ разговорамъ и злымъ пожеланіямъ“ (Cassian. Institut. Lib. III. c. XV. p. 913). По вечеру они опять собирались вмѣстѣ для молитвы и для чтенія писанія, послѣ котораго *садились и слушали наставленія* своего отца или настоятеля (Hieron. Epist. XVIII. ad Eustoch. de custod. virginit. T. IV. P. II. 45). День воскресный они проводили только въ молитвѣ и чтеніи Писанія. Наконецъ и ночью монашеская обитель представляла образъ духовнаго стана. Въ то время, когда другіе покоились, нѣкоторые изъ монаховъ стояли на стражѣ духовной для отвращенія демонскихъ нападеній, и занимались молитвами, псалмопѣніемъ и чтеніемъ (Cassian. Collatio. VII. c. XXIII. p. 1060). Въ монастыряхъ женскихъ домашнее чтеніе писанія было также однимъ изъ главныхъ и непремѣнныхъ занятій. Іеронимъ пишетъ объ уставѣ монастыря, основаннаго Павлою: „нельзя было никакой сестрѣ не знать псалмовъ, или не выучивать ежедневно что-нибудь изъ писанія“. (Epist. LXXXIV. T. IV. P. II. p. 682).

9. Лицамъ духовнаго сословія, особенно занимавшимъ высокую степень учителя церковнаго, естественно было любить слово Божіе и упражняться въ немъ. Ихъ должность налагала на нихъ даже обязанность не только заниматься, но и хорошо знать св. писаніе. Посему избираемы были на степень священника или епископа люди, о которыхъ было извѣстно, что они могутъ проповѣдывать слово Божіе; а съ своей стороны избираемые приготовлялись къ своему служенію упражненіемъ въ словѣ Божіемъ. Когда Августинъ рѣшился посвятить себя служенію слова, то желалъ, чтобы все свободное время его посвящалось на одно занятіе въ писаніи. Когда онъ былъ посвященъ въ пресвитера иппонійскаго, то, считая себя еще недовольно приготовленнымъ къ сему званію, онъ удалился въ уединеніе и такъ оправдывалъ свое удаленіе предъ епископомъ: „я долженъ, писалъ

онъ, заняться молитвою и чтеніемъ, чтобы душа моя получила здравіе, нужное для моей опасной должности. Этого я прежде не сдѣлалъ, потому что не было и времени... Неужели ты хочешь, чтобъ я погибъ, отецъ мой?“ Такъ понимали нужду познанія слова Божія для своего служенія истинные пастыри церкви.

Чтеніе писанія было обыкновеннымъ домашнимъ занятіемъ у пастырей церкви и во все время прохожденія должности. Іеронимъ пишетъ о пресвитерѣ Непоціанѣ, что онъ во время стола обыкновенно предлагалъ другимъ что-нибудь изъ писанія, и что онъ притомъ очень хорошо зналъ писанія отеческія. Нечего говорить о тѣхъ великихъ учителяхъ церкви, которыхъ проповѣдь живетъ доселѣ въ церкви. Сколько ревностно поучали они другихъ, столько же ревностно сами поучались въ словѣ Божіемъ. Св. Златоустъ, по свидѣтельству Палладія, часто забывалъ пищу до вечера, увлекшись духовнымъ созерцаніемъ и размышленіемъ о словѣ Божіемъ: ибо онъ хотѣлъ, чтобы ничего не оставалось для него темнымъ въ св. писаніи (Palladii Dialogus. c. V. Chrysost. oper. T. XIII. p. 16). Августинъ за столомъ не столько подкрѣплялъ себя пищею, сколько читалъ и размышлялъ (о семъ свидѣтельствуетъ Поссидій, жившій при Августинѣ). Во время стола Оригена постоянно читали слово Божіе: онъ никогда не засыпалъ безъ того, чтобы кто-нибудь не оглашалъ его чтеніемъ св. книгъ. Въ этомъ занятіи проходили у него дни и ночи: чтеніе смѣняло молитву, молитва чтеніе (Hieron. Epist. XLV. ad Marcellam. T. IV. P. II. p. 552. 553). (Извлеч. въ сокращ. изъ „Душеп. чт.“, за 1876 г., мѣс. авг. стр. 420—438).

Вотъ и еще нѣсколько примѣровъ любви къ слову Божію:

10. О св. Меланіи замѣчено, что она сама списывала священныя книги и такъ прилежно и много читала ихъ, что зрѣніе притуплялось; когда же она сама но могла читать, то заставляла другихъ читать и слушала. У нея было положено за правило: каждый годъ три раза прочитывать весь ветхій и новый завѣтъ (Ч.-М. дек. 31 д.).

11. Св. Евплъ всегда носилъ съ собою святое евангеліе и прочитывалъ изъ него людямъ чудеса Христовы, убѣждая и утверждая ихъ къ вѣрѣ во Христа (Ч.-М. авг. 11 д.).

12. Уваженіе къ св. писанію было такъ велико, что замѣнить одно слово другимъ считалось преступленіемъ. Однажды братія просила епископа Трифиллія, мужа искуснаго въ книжной мудрости, сказать въ церкви поученіе къ народу. Въ проповѣди своей ему случилось привести слова Іисуса Христа, сказанныя разслабленному: востани, возьми одръ твой... Трифиллій слово „одръ“ замѣнилъ словомъ „ложе“ и сказалъ: востани, возьми ложе... Св. Спиридонъ, бывшій тутъ, услышавъ эту перемѣну, всталъ съ своего мѣста и сказалъ ему вслухъ всѣмъ: „ужели ты думаешь быть лучше Того, Который сказалъ „одръ“, и стыдишься произнести это слово?“ Сказавъ это, онъ не сталъ болѣе слушать его и вышелъ изъ церкви (Ч.-М. іюня 13 д.).

13. Св. Евпла заставляли мучители выдать свящ. книги, чтобы сожечь ихъ. „Я охотно готовъ умереть, — отвѣчалъ онъ, — но не выдамъ ихъ“. Язычники нашли книгу св. евангелія, привязали ее на шею его и отсѣкли голову (Ч.-М. авг. 11 д.).

14. „Если не послушаешь меня, — говорилъ мучитель Ѳеодулу, — не принесешь книгъ (священныхъ), я раздроблю тѣло твое на части и отдамъ въ пищу звѣрямъ“. „Вотъ мое тѣло, — отвѣчалъ мученикъ, — дѣлай съ нимъ, что хочешь, мучь его какъ можно свирѣпѣе, но я не отдамъ священныхъ книгъ на поруганіе нечестивымъ“. (Ч.М. апр. 5 д.).

15. Св. Марину воину предложено было три часа на размышленіе, что избрать ему — животъ или смерть, принести жертву идоламъ — и быть живымъ, или умереть за Христа. Бывшій тутъ христіанскій епископъ взялъ Марина за руку и повелъ его въ церковь. Здѣсь въ алтарѣ, показавъ ему рукою на святое евангеліе и на мечъ, которымъ онъ былъ препоясанъ, сказалъ: „избери отъ сихъ двухъ вещей одну, — или мечъ, чтобы ратовать за царя земного и погибнуть по смерти, — или быть воиномъ Царя небеснаго и за пресвятое имя Его, написанное въ сей книгѣ, положить душу свою и царствовать съ Нимъ вѣчно. Св. Маринъ взялъ святое евангеліе, облобызалъ его и изъявилъ готовность умереть за Христа. (Ч-. М. авг. 7 д.).

4. О томъ, какъ святые старались уразумѣть св. писаніе.

Одинъ старецъ провелъ семьдесятъ недѣль въ постѣ, употребляя пищу однажды въ недѣлю, прося у Бога, чтобы открыто было ему значеніе нѣкотораго изреченія въ священномъ писаніи, но Богъ не открылъ ему. Видя это, старецъ сказалъ самъ себѣ: „вотъ! я подъялъ не малый трудъ и ничего не успѣлъ; пойду же къ брату моему и спрошу у него“. Когда онъ вышелъ изъ кельи и заперъ за собою дверь, посланъ былъ къ нему отъ Господа ангелъ, который сказалъ ему: „семьдесятъ недѣль, проведенныя тобою въ постѣ, не приблизили тебя къ Богу: теперь же, когда ты смирился и вознамѣрился итти для вопроса къ брату своему, я посланъ къ тебѣ истолковать значеніе изреченія“. Исполнивъ это, ангелъ отступилъ отъ него. (Изъ „Отечника“ еп. Игнатія).

5. Сила слова Божьяго.

(Разсказъ стараго дьячка).

Жилъ у насъ въ селѣ мужикъ, по имени Гордѣй, по отцу Аѳанасьевъ, по прозвищу Черный. Денегъ у него было такъ много, что мужики, завидя его на улицѣ, кланялись ему съ такихъ мѣстъ и концовъ, откуда онъ ихъ и видѣть не могъ. А ужъ какое почтеніе оказывалъ ему „міръ“ на сходкѣ, про то и говорить нечего. И, страшно сказать, чего только не выдѣлывалъ Гордѣй надъ мужиками! А произошло это отъ той причины, что мужики Гордѣю большія деньги должны были: всѣмъ онъ за кровавую лихву ихъ давалъ, и все село у него было опутано записками да расписками, точно цѣпями тяжкими. И ни одному своему должнику Гордѣй Аѳанасьичъ выпутаться изъ его сѣтей не давалъ: лишь только какой мужичекъ начнетъ свою головенку самъ по себѣ подымать и въ дѣлишкахъ своихъ убогенькихъ поправляться, такъ Гордѣй сейчасъ, минуты не медля, требуетъ уплаты всего долга, да съ такими наростами, что тому мужику больше ничего не оставалось дѣлать, какъ разоряться въ конецъ. Случалось, многіе и накладывали на себя руку. Золъ и жестокъ былъ Гордѣй, а жадность его до всякаго добра не имѣла мѣры. Вотъ какой человѣкъ былъ мужикъ-міроѣдъ Гордѣй Аѳанасьевъ Черный. И намъ ничего болѣе дѣлать не оставалось, какъ только терпѣть да вздыхать. Противъ рожна не пойдешь.

Наступилъ декабрь мѣсяцъ. Морозы стояли до того лютые, что въ окошкахъ такъ стекла трещали, точно ихъ кто на лучины кололъ. Поднялись вихри да метели. Вотъ, разъ вечеромъ лежу я на печкѣ, вдругъ слышу — въ окно стучитъ кто-то: не то вѣтеръ, не то человѣкъ. Сталъ я прислушиваться — опять стучитъ. Слѣзъ я и говорю женѣ: „точно кто-то стучитъ къ намъ?“ Та отвѣчаетъ: „и я, говоритъ, это слышала, только не могу разобрать, человѣкъ это или вѣтеръ стучитъ“. Слышимъ опять въ окно: тукъ, тукъ! Вышелъ я въ сѣни, отперъ двери и смотрю: не то люди предо мной, не то снѣжные комья — одинъ побольше, а два поменьше. „Входите, — говорю, — поскорѣе, если вы человѣки“. Вошли, батюшки мои! Голодаиха да и съ ребятишками! А это, изволите видѣть, былъ у насъ въ селѣ мужикъ, по прозванію Голодаевъ. Съ мѣсяцъ назадъ тому онъ онъ померъ, оставивъ послѣ себя жену и двухъ ребятишекъ, — такъ вотъ эта самая жена съ ребятишками и пришла теперь ко мнѣ. Сказывали, что покойникъ былъ много долженъ Гордѣю, и что Гордѣй сталъ сильно тѣснить его и даже пугалъ его какой-то бумагой, по которой все имущество Голодаева будетъ отдано Гордѣю; отъ этой бѣды мужикъ затосковалъ и померъ. Какъ только ввалилась Голодаиха въ избу — бултыхъ мнѣ въ ноги да и заревѣла, ребятишки тоже вой подняли. „Что вы это, — говорю, — затянули! Лучше толкомъ говорите, что надо?“ „Батюшка, Тимоѳеичъ! сходи съ нами къ Гордѣю Аѳанасьичу“. „Это зачѣмъ? — говорю“. „Завтра, — говоритъ, — становой пріѣдетъ имущество наше продавать“. „Такъ и въ самомъ дѣлѣ покойничекъ долженъ былъ Гордѣю Аѳанасьичу?“ „Долженъ, батюшка, долженъ! Запуталъ онъ покойника-то совсѣмъ. И избу, и скотину, будто бы, онъ давно Гордѣю Аѳанасьичу продалъ. Бумага, чу, у него есть такая“. „Все это, — говорю, — скверное дѣло. И не такой человѣкъ Гордѣй, чтобы тронулся твоими слезами. Толку, — говорю, — изъ этого никакого не будетъ“. Заревѣла баба пуще прежняго. „Батюшка, Тимоѳеичъ, не оставь! Гордѣй тебя любитъ и, можетъ, слово твое уважитъ“. „Ну, пойдемъ, пожалуй“. Ужъ какъ мы въ такую пургу страшную шли, это одинъ Создатель знаетъ. Пуще всего жаль было ребятишекъ: они тоже съ нами плелись. Оставить ихъ у меня Голодиха не согласилась: „можетъ-быть, — говоритъ, — при видѣ сиротъ Гордѣй Аѳанасьичъ милостивѣй будетъ“. Пришли къ роскошному дому Гордѣеву, давай полегоньку постукивать въ окошко. Шибко стучать боимся, и постукиваемъ одними ноготочками, да и то съ растановочкой. И, можетъ-быть, мы и замерзли бы, чуть стучавши, да кто-то на наше счастье въ окно взглянулъ, я и осмѣлился стукнуть посильнѣй. Впустили насъ въ избу. Встали у самаго порога и видимъ: прямо противъ насъ на лавкѣ самъ Гордѣй сидитъ; на столѣ самоваръ кипитъ, и хозяйка чашки готовитъ. Поглядѣлъ Гордѣй сначала на меня да и говоритъ: „тебѣ что надо?“ „За Голодаиху,— говорю, — просить тебя пришелъ. Будь милостивъ!“ Только я это сказалъ, Голодаиха брякъ на колѣни, взвыла да и поползла къ Гордѣю, ползаетъ у его ногъ, да Гордѣевъ сапогъ цѣлуетъ, а сама на всю избу ревомъ выкрикиваетъ: „Будь милостивъ! будь милостивъ!“ Ребятишки тоже отъ матери не отстаютъ. Долго любовался нами Гордѣй Аѳанасьичъ, ногъ своихъ отъ Голодаихиныхъ губъ не убираетъ, сидитъ, какъ сидѣлъ, только усмѣхаться началъ, да бороду свою черную гладить сталъ. Пришли мы немного въ себя и ждемъ, что теперь будетъ. Голодаиха ревѣть хотя и перестала, но съ колѣнъ не встаетъ, сложила руки крестомъ и смотритъ на Гордѣя, какъ на икону. Взглянулъ на нее Гордѣй, да и говоритъ: „а помнишь ли, Прасковья, какъ на свадьбѣ у Тимоѳея я съ твоимъ покойнымъ мужемъ пѣсни пѣлъ?“ „Помню, Гордѣй Аѳанасьичъ,“ отвѣчаетъ Голодаиха, а сама все на колѣняхъ стоитъ. „А еще что помнишь?“ опять спрашиваетъ Гордѣй. „Все помню, Гордѣй Аѳанасьичъ!“ „Напримѣръ?“ Опустила голову Голодаиха— никакъ не можетъ вспомнить, что такое занятное на Тимоѳеевой свадьбѣ было. Думала-думала Голодаиха, да и говоритъ: „помню, пряники были да орѣхи кедровые“. Разсмѣялся Гордѣй, да и говоритъ: „ну, это не важно, а помнишь ли ты, какъ я тебя просилъ пѣсню спѣть: „Канутъ слезы, канутъ горьки“? и какъ ты мою просьбу не уважила и тѣмъ меня при всѣхъ гостяхъ сконфузила? Помнишь ли ты это?“ Еще ниже опустила Голодаиха свою сиротскую голову. „Что, вспомнила?“ спрашиваетъ Гордѣй. „Вспомнила,“ отвѣчаетъ Голодаиха. „Такъ не споешь ли теперь?“ Меня отъ этихъ словъ такъ и передернуло. Взглянулъ я на Гордѣя—не шутитъ ли онъ. Жестокій человѣкъ и шутитъ жестоко. Нѣтъ, не шутитъ. Сидитъ Гордѣй, не улыбается, лицо серьезное, брови одна къ другой подползли, и самъ всей грудью къ Голодаихѣ за отвѣтомъ наклонился. Настала въ избѣ тишина, никто не шелохнется. Молчитъ и Голодаиха. „Можетъ-быть, и теперь не желаешь потѣшить меня, а?“ опять спрашиваетъ Гордѣй, и въ голосѣ у него точно шипѣть что начало. Опять ничего не отвѣчала Голодаиха и лица своего не подняла, только спина у нея начала горбиться, и вся она точно въ себя стала уходить. Смотрю я на нее, да дивлюся— что это съ ней дѣлается? Вдругъ послышалось мнѣ, будто надъ самымъ окномъ какъ задребезжитъ что-то... сначала тихо, потомъ сильнѣе и сильнѣе, точно сквозь стекла въ избу пробирается. Чувствую, что это дребезжитъ человѣческій голосъ, только на слухъ человѣческаго тутъ очень мало было. Не успѣлъ я опомниться, а ужъ въ избѣ подъ самымъ потолкомъ застонало, да вдругъ оттуда какъ заголоситъ на всю избу: „Канутъ слезы, канутъ горьки!“ Создатель Ты мой, вѣдь, это Голодаиха запѣла! Горько всплакнулъ я, видя такое поруганіе, творимое Гордѣемъ надъ сиротами убогими. Выбѣжалъ я, не помня себя, вонъ изъ избы, да, не переводя духу, быстрѣе самого вихря, домчался до своего домишка. Всю ночь не спалъ, всю ночь мнѣ Голодаихино пѣніе чудилось. Утромъ у насъ была обѣдня. Кончилась служба, сталъ я церковь запирать, подходитъ ко мнѣ Максимъ сторожъ, да и говоритъ: „у Голодаихи въ обѣдню имѣніе продавали, а избу Гордѣй Аѳанасьичъ себѣ взялъ“. „Боже Ты мой!“ говорю, да, какъ былъ, съ церковными ключами въ рукахъ, такъ и помчался къ Голодаихиной избѣ. Гляжу, а тамъ ужъ Гордѣй Аѳанасьичъ распоряжается. Ни Голодаихи, ни ребятишекъ ея нѣтъ. Народу на улицѣ толчется много. „Гдѣ, — говорю, — Голодаиха?“ „А Богъ ее знаетъ,— отвѣчаютъ,— взяла ребятишекъ да и пошла“. Такъ я и не видалъ Голодаихи. Допѣла ли она въ Гордѣевой избѣ свою пѣсню, и что тамъ послѣ меня было, я никогда узнать не старался и даже вспоминать объ этомъ боялся... Но Господу угодно было, чтобы, вскорѣ послѣ этого, я еще разъ увидалъ Голодаиху: мы свидѣлись съ нею у насъ въ церкви, но при этой встрѣчѣ разговаривать намъ не пришлось: она въ гробу лежала, а я съ батюшкой отпѣвалъ ее.

Зима прошла, настала весна. Началъ Гордѣй каждый день по улицѣ прохаживаться: идетъ не спѣша, важно, а самъ точно улыбается чему-то, да такъ страшно — только одни бѣлые зубы кажетъ, а настоящей улыбки совсѣмъ нѣтъ; глазами, точно углями зажженными, по сторонамъ поводитъ. И много народу послѣ смерти Голодаихи поглотилъ Гордѣй Аѳанасьичъ! Не прекращалъ онъ своихъ прогулокъ вплоть до Вознесеньяго дня; наканунѣ этого праздника гулялъ онъ, по своему обычаю, взадъ и впередъ по улицѣ, потомъ подошелъ къ Никитиной избѣ, постучалъ палкой въ окно и, когда выбѣжалъ къ нему Никита, приказалъ ему принести завтра утромъ весь долгъ, что за Никитой числился, а если у Никиты денегъ теперь не найдется, то приводилъ бы за долгъ лошадь. То же самое сдѣлалъ Гордѣй и у Савельевой избы, только съ той разницей, что Савелій поведетъ къ Гордѣю не лошадь,—лошадей у Савелья не было, — а корову. Распорядившись такимъ манеромъ, Гордѣй Аѳанасьичъ опять пошелъ прохаживаться по улицѣ своимъ обычнымъ порядкомъ. Незадолго до сумерокъ, Гордѣй Аѳанасьичъ повернулъ къ церкви, обогнулъ ее и началъ спускаться къ рѣчкѣ. Хотя этимъ путемъ у насъ почти никто не ходитъ, и на рѣчку можно выйти гораздо скорѣе, но Гордѣй Аѳанасьичъ почему-то избралъ дальнюю и совсѣмъ неудобную дорогу, да даже и не дорогу, а самое заброшенное мѣсто, сплошь покрытое бурьяномъ и крапивой. Въ концѣ того мѣста, куда пошелъ Гордѣй, на самомъ крутомъ спускѣ къ рѣчкѣ, были вырыты огромныя ямы,—изъ нихъ мужики брали песокъ и глину. Посреди этихъ ямъ стояла лачужка изъ досокъ да жердочекъ. Въ этой лачугѣ жилъ зиму и лѣто безногій солдатъ Терентій. Солдатъ этотъ на селѣ показывался рѣдко. Онъ зналъ грамоту и любилъ читать евангеліе и псалтирь. Эти двѣ книги какимъ-то случаемъ онъ себѣ добылъ и не разставался съ ними даже и тогда, когда сбиралъ милостыню. Пока лѣзъ Гордѣй Аѳанасьичъ бурьяномъ, спотыкаясь да останавливаясь, начали наступать совсѣмъ сумерки; у Терентія въ лачугѣ огонекъ засвѣтился. Съ великимъ трудомъ добрался Гордѣй до глиняныхъ ямъ, обошелъ тихонько лачужку да и сталъ у самаго окошка близъ угла, такъ что его изъ лачужки видѣть было невозможно. Началъ Гордѣй прислушиваться и слышитъ, что Терентій что-то читаетъ, слова произноситъ вслухъ, но такъ тихо, что ничего разобрать невозможно. Подумалъ Гордѣй: — что бы ему погромче читать! Не успѣла эта мысль изъ Гордѣевой головы вытти, какъ Терентій изъ своей лачужки на весь бурьянъ загремѣлъ: „Блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царстіе небесное. Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся. Блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю. Блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся. Блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ. Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ. Блажени миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся. Блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царствіе небесное. Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ.“ Что потомъ произошло въ бурьянѣ — извѣстно одному Богу. Настало утро. Отошла обѣдня. Иду я домой и вижу; у моей избы Савелій съ Никитой стоятъ — одинъ съ лошадью, другой съ коровой. Зачѣмъ это они пришли? — думаю. Подхожу къ нимъ, да и спрашиваю: „что вы, братцы?“ „Да вотъ,—говорятъ,— къ Гордѣю Аѳанасьичу идемъ: велѣлъ скотину привести. Чай, слышалъ вчера?“ „Такъ зачѣмъ же вы ее ко мнѣ привели?“ — „Пойдемъ, ради Христа, съ нами, попроси за насъ; онъ тебя любитъ“. Всплеснулъ я руками: Создатель ты мой! да Голодаиху-то забыли, что ли? „Да онъ тебя любитъ. Голодаиха-то съ пустыми руками пришла, а мы вотъ...“ „Царь Ты мой небесный! — кричу, — да знаете ли вы, что Гордѣй Самого Господа Бога не любитъ, такъ станетъ ли онъ дьячка любить?“ Говорили-говорили, толковали-толковали — на одномъ мужики стоятъ: „пойдемъ, онъ тебя любитъ“. „Пойдемъ, покажу я вамъ, какъ онъ меня любитъ“. Пришли. Савелій съ Никитой на улицѣ остались, а я въ избу пошелъ. Ну, думаю, теперь я унижаться передъ Гордѣемъ не буду, а прямо его окаянство разить начну. Пускай онъ прибьетъ меня,—мнѣ же лучше, не будутъ говорить тогда, что онъ меня любитъ. Съ этими мыслями и въ избу взошелъ. Взошелъ— да такъ и остолбенѣлъ; гляжу и глазамъ своимъ не вѣрю: сидитъ Гордѣй за столомъ, а рядомъ съ нимъ Терентій, евангеліе вслухъ читаетъ. „Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы. Больши сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“. Вижу я, что они меня не замѣчаютъ совсѣмъ. „Миръ вамъ!“ говорю громко. Вздрогнули оба и глядятъ на меня; всталъ Гордѣй изъ-за стола, руку мнѣ подаетъ и говоритъ такъ тихо, хорошо, „здравствуй!“—Господи помилуй! да не искушеніе ли это? Кланяюсь я, а самъ молчу. Взялъ Гордѣй меня за руку, повелъ къ столу, да и говоритъ: „садись, прошу тебя“. Сѣлъ я. Сижу и молчу. Спрашиваетъ меня Гордѣй: „по дѣлу или такъ?“ Верчу я свою шапченку въ рукахъ, а самъ слова сказать не могу, — насилу съ духомъ собрался. „Дивлюсь, Гордѣй Аѳанасьичъ,“ говорю. А солдатъ Терентій сейчасъ мнѣ въ отвѣтъ: „чему дивишься? что сынъ къ Отцу пришелъ? радоваться надо: „яко братъ твой сей мертвъ бѣ, и оживѣ, и изгиблъ бѣ, и обрѣтеся“. Взглянулъ я на Гордѣя, а онъ наклонилъ голову, да горько плачетъ. Кинулся я къ нему, а самъ кричу: „братъ мой во Христѣ, радуюсь о тебѣ!“ Если я на свѣтѣ еще сто лѣтъ проживу, этого дня не забуду. Вотъ тутъ и разсказалъ мнѣ Гордѣй, какъ онъ въ бурьянъ ходилъ и какъ тамъ съ Терентіемъ бесѣдовалъ. А полѣзъ онъ въ бурьянъ для того, что хотѣлъ это мѣсто у мужиковъ подъ кабакъ взять,—такъ пожелалъ хорошенько осмотрѣть его. Дошла очередь и до Никиты съ Савельемъ. Вышелъ къ нимъ Гордѣй Аѳанасьичъ на крыльцо, и я съ нимъ. Поздоровался онъ съ ними, да и говоритъ: „доволенъ ли ты своимъ конемъ, Никита?“ „Это не мой конь, батюшка Гордѣй Аѳанасьевичъ, а твой,—отвѣчаетъ Никита. „Я тебя спрашиваю,—опять говоритъ Гордѣй,—доволенъ ли ты своимъ конемъ?“—„Доволенъ, Гордѣй Аѳанасьичъ! Лучше этого коня во всемъ селѣ нѣтъ“. „Ну, и дай тебѣ Богъ ѣздить на этомъ конѣ многіе годы“. Ничего не понимаетъ Никита, только сквозь слезы на Гордѣя смотритъ. Спрашиваетъ Гордѣй Савелья: „много молока твоя корова даетъ?“ „На всю семью хватаетъ, да еще остается,—отвѣчаетъ Савелій. „Дай Богъ ,—говоритъ Гордѣй, чтобы всегда такъ было, а что не такъ, тому пособить можно,—а самъ въ это время вынимаетъ изъ кармана двѣ бумаги, развернулъ ихъ передъ мужиками да и говоритъ:—„вотъ ваши узы, признаете ли?“ Повалились въ ноги оба мужика, и когда стали съ земли подыматься, то увидали, что и Гордѣй на крыльцѣ въ земномъ поклонѣ передъ ними лежитъ, а отъ „узъ“ только мелкіе клочки по вѣтерку летаютъ. Ахнуло все село отъ такого чуда, да и ахало потомъ каждый день отъ новыхъ чудесъ Гордѣевыхъ. Что ни сдѣлалъ злого Гордѣй-міроѣдъ—все покрылъ добромъ сторицей Гордѣй-братолюбецъ. Прошло такъ недѣли двѣ-три, и стали на селѣ замѣчать, что Гордѣй съ Терентьемъ частенько куда-то отлучаться начали. Сначала эти отлучки были не долги: пройдетъ день, другой, и Гордѣй съ Терентьемъ назадъ ѣдутъ. Потомъ стали они пропадать по недѣлѣ и по двѣ. И каждый разъ Гордѣева жена любопытнымъ людямъ одинъ отвѣтъ даетъ: „по дѣламъ своимъ поѣхали“. А какія такія эти дѣла, умалчиваетъ. И порѣшили всѣ на селѣ, что, если Гордѣй въ этомъ дѣлѣ отъ „міра“ таится, то значитъ, что онъ Богу молиться ѣздитъ по церквамъ, да монастыри посѣщаетъ. Тянулась эта загадка ровно семь лѣтъ. Разъ зимой уѣхалъ Гордѣй съ Терентьемъ и точно оба въ воду канули. Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой,—не ѣдутъ. „Ну, думаю, въ Кіевъ отправились, а можетъ быть и дальше“. Насталъ великій постъ. Иду я разъ изъ церкви послѣ вечерни и вижу — бѣжитъ ко мнѣ Гордѣева работница. Остановился я и жду. „Иди,—говоритъ,—скорѣй къ намъ, Гордѣй Аѳанасьичъ пріѣхалъ и за тобой послалъ“. Помчался я, насколько года мои позволили. Увидалъ меня Гордѣй Аѳанасьичъ въ окно и тотчасъ на крыльцо вышелъ встрѣтить, а самъ радостный да свѣтлый такой, обнялъ меня, поцѣловалъ, и за руку въ избу повелъ. А въ избѣ точно пиръ пировать приготовлено: столъ бѣлой скатертью накрытъ, пирогъ большущій на тарелкѣ лежитъ, рыба всякая жареная приготовлена, и самоваръ кипитъ. Только что сѣли мы съ Гордѣемъ на лавку, какъ изъ другой половины Гордѣева жена выходитъ, нарядная такая, и двухъ пареньковъ за руки ведетъ Встала она предо мною и пареньковъ немного впередъ ко мнѣ подвинула. Наклонился ко мнѣ Гордѣй, да и говоритъ: „узнаешь ли?“ Поднялъ я плечи, „что это значитъ?“ думаю и смотрю на ребятъ. Одинъ годиковъ 12-ти, а другой постарше, оба бѣлокурые, глаза добрые, дѣтскіе. Гляжу-гляжу — что-то знакомое, а что знакомое—не знаю. Вдругъ предо мной точно молнія сверкнула, сердце забилось, и какъ будто кто наклонился ко мнѣ, да тихо-тихо пропѣлъ: „Канутъ слезы, канутъ горьки“! Такъ я и слетѣлъ съ лавки на полъ. „Отецъ сирыхъ и убогихъ! — кричу, — вѣдь это Голодаихины дѣти!“ Поднимаетъ меня Гордѣй и говоритъ: „были Голодаихины, а теперь мои. Семь лѣтъ искалъ я ихъ, наконецъ, нашелъ. Это вотъ сынъ мой Иванъ, а это сынъ мой Ѳедоръ". И мнится мнѣ, что въ этотъ мигъ помянулъ его Господь въ царствіи Своемъ. (Изъ „Русскаго Паломника“ за 1891 г.).

6. Возьми, читай!

Блаженный Августинъ родился въ Тагастѣ, въ Африкѣ, около половины 4-го вѣка. Одаренный высокимъ умомъ, живою проницательностью, удивительною памятью и любовью къ истинѣ, онъ оказалъ великіе успѣхи въ своихъ занятіяхъ. Мать его, святая Моника, непрестанно молила Бога, чтобы Онъ даровалъ ея сыну столько же успѣховъ въ благочестіи, сколько въ наукахъ; но промыслу Божію угодно было попустить, чтобы Августинъ съ 19 до 28 года своей жизни преданъ былъ заблужденіямъ еретиковъ-манихеевъ и порочнымъ удовольствіямъ.

Въ 30 лѣтъ, по вліянію манихеевъ, онъ получилъ риторическую каѳедру въ Миланѣ, куда и прибылъ въ 384 г. Св. Амвросій, бывшій тамъ епископомъ, принялъ его съ ласками, которыя его тронули. Этотъ святой учитель часто произносилъ проповѣди, замѣчательныя по своей краснорѣчивой простотѣ и основательности. Августинъ находилъ ихъ превосходнѣе проповѣдей Фавста, знаменитаго учителя манихейскаго. Этого же мнѣнія держался и другъ его Алипъ, который прибылъ въ Миланъ вмѣстѣ съ Августиномъ для исканія истины. Однажды, когда друзья находились дома, къ нимъ вошелъ благочестивый христіанинъ, по имени Понтитіанъ, занимавшій значительную должность при дворѣ императора. Когда начался разговоръ, Понтитіанъ взялъ лежащую передъ нимъ на столѣ книгу, раскрылъ ее и обнаружилъ удивленіе, увидя посланіе ап. Павла вмѣсто какой-нибудь свѣтской книги. Августинъ, сказавъ ему, что онъ очень полюбилъ эту книгу, склонилъ разговоръ на св. Антонія, котораго жизнь только что разсказалъ Понтитіанъ, какъ весьма извѣстную у вѣрныхъ, но о которой Августинъ и его друзья ничего не слыхали.

Августинъ глубоко былъ пораженъ разсказомъ Понтитіана. Едва этотъ вышелъ, какъ онъ сказалъ Алипу: „чего мы ждемъ? Необразованные восхищаютъ небо, а мы при всемъ нашемъ познаніи несчастны, оставаясь погруженными въ плоти и крови! Не стыдно ли для насъ умереть, не сдѣлавъ того, что они сдѣлали!“

Алипъ, изумленный этою перемѣною, слѣдовалъ за нимъ въ садъ, куда повлекло Августина взволновавшееся чувство. Зашедши какъ можно далѣе отъ дома, Августинъ досадовалъ самъ на себя, что не могъ рѣшиться просить христіанскаго крещенія; онъ рвалъ на себѣ волосы, ударялъ себя по лбу, охватывалъ у себя колѣни обѣими руками. Алипъ въ молчаніи ожидалъ послѣдствій этого сильнаго волненія. Августинъ, чувствуя себя принужденнымъ обнаружить скорбь свою крикомъ и слезами, всталъ и, оставивъ друга своего на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, ушелъ подъ фиговое дерево. „Доколѣ, Господи? — восклицалъ онъ, проливая цѣлый потокъ слезъ,—доколѣ не кончится гнѣвъ Твой? Для чего все завтра? Для чего не теперь?“

Оканчивая свой возгласъ, онъ услыхалъ, какъ бы изъ сосѣдняго дома, голосъ, который неоднократно повторялъ эти два слова: „*возьми, читай!*“ Просвѣщенный самимъ небомъ, Августинъ увѣряется, что Богъ повелѣваетъ ему открыть книгу, которую онъ оставилъ дома, и читать первое мѣсто, которое представится его взору. Онъ возвращается домой, беретъ посланіе св. ап. Павла и, раскрывъ его, читаетъ слѣдующія слова: *не провождайте жизни въ пиршествахъ и пьянствѣ, но облекитесь въ Господа нашего Іисуса Христа и не ищите удовлетворенія желаніямъ вашей плоти.* Августинъ не могъ читать далѣе, всѣ сомнѣнія его относительно истинности христіанской вѣры разсѣялись. Онъ закрываетъ книгу, замѣтивъ страницу, и съ спокойнымъ видомъ говоритъ Алипу о томъ, что случилось. Этотъ желаетъ самъ прочесть тѣ же слова, которыя поразили его друга, и показываетъ ему слѣдующія: *принимайте слабаго въ вѣрѣ,* относя ихъ къ себѣ самому.

Вскорѣ послѣ этого Августинъ къ великой радости своей матери, св. Моники, разорвавъ всѣ мірскія связи, принялъ крещеніе вмѣстѣ со своимъ другомъ отъ руки св. Амвросія. (Изъ „Христ. чтен.“).

НЕДѢЛЯ 22-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Лук. зач. 83-е, гл. XVI, 19—31 ст.

1. Притча о богатомъ и Лазарѣ, съ изъясненіемъ того, что будетъ съ душою по разлученіи ея съ тѣломъ.

Много тайнъ глубокихъ, необъяснимымъ для ума человѣческаго представляетъ намъ и настоящая наша земная жизнь, но загробная жизнь есть тайна изъ тайнъ. Что будетъ съ нами, съ нашей душою, когда тѣло наше возвратится въ землю, изъ нея же взято было? Только вѣра христіанская можетъ дать отвѣтъ на этотъ важный вопросъ. Разъясненіемъ этого вопроса служитъ евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ. Вотъ краткое содержаніе этой притчи. „Былъ нѣкто человѣкъ богатый, который и одѣвался роскошно, и пировалъ каждый день блистательно. Въ то же время жилъ нищій, по имени Лазарь, который лежалъ у воротъ богача въ струпьяхъ, и желалъ напитаться крошками, падающими со стола его, но и тѣхъ не давали ему. Но вотъ наступилъ конецъ земной жизни: одному нужно было разстаться съ удовольствіями земными, а другому—со всѣми житейскими невзгодами. Умеръ богатый, и его похоронили, конечно, пышно, но душа его очутилась въ адѣ, въ мѣстѣ вѣчныхъ мученій. Между тѣмъ нищаго, по смерти его, отнесли ангелы на лоно Авраамово, т.-е. въ мѣсто вѣчнаго блаженства“ (Лук. XVI, 19—23). Видите, христіане, что̀ бываетъ съ душою умершаго, по разлученіи ея съ тѣломъ! Душа добрая, умѣвшая мириться со всякимъ, самымъ неблагопріятнымъ своимъ положеніемъ на землѣ, подобно душѣ евангельскаго нищаго, сейчасъ же по разлученіи съ тѣломъ вступаетъ въ общеніе съ ангелами, въ сопровожденіи ихъ слѣдуетъ въ невѣдомыя для насъ мѣста, гдѣ витаютъ души праведниковъ, и, наконецъ, вступаетъ въ самыя близкія, въ самыя сердечныя отношенія съ праведною душою Авраама, отца вѣрующихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ другими праведными душами. А что бываетъ съ душою недобраго, легкомысленнаго, тщеславнаго, безпечнаго? Такой душѣ, подобно душѣ евангельскаго богача, мѣсто въ таинственномъ, страшномъ жилищѣ злыхъ духовъ и недобрыхъ душъ; ея долею бываетъ состояніе разочарованія, грусти, тоски и жгучаго, безутѣшнаго раскаянія. Чтобы составить болѣе подробное понятіе о состояніи душъ по смерти, приведемъ слова преподобной Ѳеодоры. Явившись по смерти въ видѣніи ученику преподобнаго Василія Новаго—Григорію, она на вопросъ его, что было съ нею въ смертный часъ, отвѣчала: „о страшной вещи вопросилъ ты меня, чадо Григорій, о которой и вспомнить страшно. Когда насталъ часъ моей смерти, я увидѣла лица, которыхъ никогда не видала, и услышала рѣчи, о которыхъ никогда не слыхала. По причинѣ дѣлъ моихъ встрѣтили меня лютыя и тяжкія бѣдствія, о которыхъ я не имѣла понятія, но молитвами общаго отца нашего Василія я избавилась отъ нихъ. Какъ мнѣ изобразить тѣлесную боль, тягость и тѣсноту, которымъ подвергаются умирающіе? Какъ бы кто, обнаженный, упалъ на великій огонь, горѣлъ, истлѣвалъ, обращался въ пепелъ, такъ разлучается человѣкъ смертною болѣзнію въ горькій часъ разлученія души съ тѣломъ. Когда я приближалась къ концу моей жизни, и наступало время моего преставленія, увидѣла множество эѳіоповъ, обступившихъ одръ мой. Лица ихъ были темны, какъ сажа и смола, глаза ихъ—какъ раскаленные угли; видъ ихъ такъ ужасенъ, какъ сама геенна огненная. Смотря на меня, они злились, грозили, бросались на меня, скрежеща зубами, и, казалось, готовы были тотчасъ пожрать меня; между тѣмъ готовили книги и развертывали свитки, на которыхъ были написаны всѣ злыя мои дѣла, какъ бы ожидая судію, долженствующаго прійти. Убогая душа моя объята была великимъ страхомъ и трепетомъ. Не только томила меня горесть смертная, но и грозный видъ и ярость страшныхъ эѳіоповъ были для меня какъ бы другою, лютѣйшею смертію. Я отвращала глаза мои во всѣ стороны, чтобы не видѣть страшныхъ лицъ и не слышать голоса ихъ, но не могла избавиться отъ нихъ,—они всюду шатались, а помогающаго не было. Когда я окончательно изнемогла, то увидѣла двухъ свѣтоносныхъ ангеловъ Божіихъ, въ образѣ юношей невыразимой красоты, идущихъ ко мнѣ. Лица ихъ сіяли, взоръ ихъ исполненъ любви; волосы ихъ были, какъ снѣгъ, бѣлые съ златовиднымъ отблескомъ; одежды ихъ сверкали, какъ молнія. Приближаясь къ одру моему, они стали на правой сторонѣ его, тихо бесѣдуя другъ съ другомъ. Увидѣвъ ихъ, я возрадовалась, черные эѳіопы содрогнулись и отступили нѣсколько далѣе. Одинъ изъ свѣтоносныхъ юношей, обратясь съ гнѣвомъ къ темнымъ, сказалъ: „о, безстыдные, проклятые, мрачные и злобные враги рода человѣческаго! Зачѣмъ вы всегда предваряете приходомъ къ умирающимъ и молвою вашею устрашаете и смущаете всякую душу, разлучающуюся съ тѣломъ? Но не очень радуйтесь, потому что здѣсь не найдете ничего. Есть милосердіе Божіе къ этой душѣ, и нѣтъ вамъ въ ней ни части, ни жребія“. Когда ангелъ пересталъ говорить, злые духи подняли шумъ, стали показывать мои худыя дѣла, содѣянныя отъ юности, и возопили: „какъ ничего въ ней мы не имѣемъ? А эти грѣхи чьи? Не она ли содѣлала то и то?“ (Чет. Мин. 26 марта). Вотъ какъ смущаютъ враги нашего спасенія даже душу умирающаго праведника!

Что же сказать о насъ, грѣшныхъ, когда мы ежеминутно, на каждомъ шагу оскорбляемъ своими грѣхами нашего Бога и Спасителя? Какой страхъ и трепетъ овладѣваютъ нашими душами, привыкшими думать и чувствовать только земное и грѣшное! *Страшно и грозно мѣсто имамъ пройти, тѣла разлучився*,— такъ жалуется душа въ молитвѣ къ Спасителю,—*и множество мя мрачное и безчеловѣчное демоновъ срящетъ...* Это будетъ послѣднее усиліе со стороны злыхъ духовъ погубить душу, дѣлавшую на землѣ много грѣховъ. На каждомъ шагу они будутъ преграждать ей путь въ царствіе небесное, на каждомъ шагу останавливать и удерживать ея стремленіе къ нему, истязуя ее за всѣ дѣла, за всѣ слова, за всѣ помышленія. Каждая страсть, каждый грѣхъ имѣетъ своихъ мытарей, истязателей... Какимъ страхомъ, какимъ трепетомъ будетъ волноваться тогда душа! Если когда, то въ то время ей нужны помощники и заступники. „Если, отправляясь въ какую-нибудь далекую и мало извѣстную страну, мы требуемъ проводниковъ, то сколько нужно помощниковъ и руководителей, чтобы пройти безпрепятственно мимо старѣйшинъ, властей, міродержителей, гонителей, мытареначальниковъ?“ (Іоаннъ Златоустъ). И эти помощники и заступники непремѣнно явятся, — это нашъ ангелъ-хранитель и другіе ангелы. И если душа въ этой жизни вела жизнь благочестивую и очистила себя покаяніемъ, она находитъ защиту въ лицѣ своего ангела-хранителя, и подъ его кровомъ безбоязненно потечетъ къ небесному царству, сопровождаемая ангелами. (См. „Воскресн. лист.“ изд. ред. „Воскр. дня“ № 241).

2. Замѣчательное сновидѣніе, напоминающее о бытіи загробнаго міра.

Жилъ въ Москвѣ одинъ купецъ, сколько богатый, столько же благочестивый: каждому бѣдняку онъ старался помочь, никому не отказывалъ и въ деньгахъ и въ добромъ совѣтѣ. Онъ пріютилъ одного безпомощнаго калѣку, кормилъ и одѣвалъ его. Умеръ добрый купецъ—и наслѣдники выгнали бѣдняка изъ теплаго угла на улицу. Съ горючими слѣзами пошелъ калѣка на могилу своего благодѣтеля и, вдоволь наплакавшись, тутъ же и уснулъ съ горя.

И вотъ является ему во снѣ покойный купецъ и спрашиваетъ: „о чемъ ты такъ плачешь, Степанъ Ильичъ“?— „Какъ же мнѣ не плакать, — отвѣчаетъ тотъ, — когда двери вашего дома для меня уже заперты? Какъ я теперь буду безъ васъ доживать свой вѣкъ“? Глубоко вздохнулъ явившійся и говоритъ ему: „если ужъ двери моего дома для тебя заперты, то иди въ четвертый домъ направо отъ моего магазина; тамъ есть купецъ (онъ назвалъ его по имени); ступай къ нему и скажи: „ради тѣхъ красныхъ яблочковъ, о которыхъ ты знаешь, дай мнѣ три тысячи рублей“, и онъ тебѣ дастъ, и ихъ достанетъ на твой вѣкъ; только молись о моей душѣ“.

Проснулся Степанъ Ильичъ, перекрестился и побрелъ туда, куда ему было сказано въ сновидѣніи, которое, какъ живое, стояло въ его памяти. Приходитъ въ указанный магазинъ и застаетъ тамъ большую суету: кто мѣряетъ матерію, кто считаетъ деньги, кто записываетъ. Не безъ страха подошелъ онъ къ самому хозяину, который сидѣлъ за большимъ прилавкомъ и смотрѣлъ, какъ росло его богатство каждый часъ. Увидѣвъ калѣку, купецъ поднялся и привѣтливо подалъ ему монету. Ободренный его добротою, калѣка сказалъ ему, что видѣлъ такой сонъ, который не смѣетъ даже разсказать, что приснился ему покойный его благодѣтель и сказалъ ему вотъ что. Купецъ слушалъ калѣку со вниманіемъ, потомъ положилъ на себя крестное знаменіе и сказалъ: „не только три тысячи, но если бы покойникъ велѣлъ дать тебѣ десять тысячъ ради красныхъ яблочковъ, и тогда съ удовольствіемъ бы тебѣ далъ“! И онъ приказалъ приказчику тутъ же отсчитать три тысячи рублей. Никогда не видавшій у себя столько денегъ, калѣка упалъ въ ноги купцу и сказалъ: „ни за что не возьму этихъ денегъ, пока вы не скажите мнѣ, что это за красныя яблочки, ради которыхъ вамъ не жаль такой суммы“!

И купецъ разсказалъ ему вотъ что: „Въ молодости своей я былъ очень бѣденъ и торговалъ яблоками на копейки. Покойный часто покупалъ у меня яблоки, чтобы только доставить мнѣ пользу. Разъ шелъ проливной дождь. Я промокъ до костей и очень прозябъ; продать во весь день не удалось ничего, такъ что вечеромъ не на что было купить и хлѣба. Иду по улицѣ и кричу: яблоки красныя, хорошія! Покойный увидалъ меня въ окно и позвалъ къ себѣ. Вхожу на дворъ — полонъ дворъ гостей: это былъ день его свадьбы. Итти въ палаты не смѣю, смотрю — онъ выходитъ самъ. „Бѣдный Николка,— говоритъ онъ,— что это ты въ такой дождь не сидишь дома“? Я сказалъ, что я еще не ѣлъ сегодня,— ничего не удалось продать. Онъ взялъ у меня корзину съ яблоками и говоритъ: „подожди тутъ“, а самъ пошелъ въ палаты. Тамъ всѣ гости окружили его съ вопросами: „что это значитъ“? А онъ говоритъ: „мы тутъ пируемъ, братцы— гости любезные, а торговецъ этими яблоками еще не ѣлъ сегодня и проситъ купить у него этотъ товаръ“. „А что вы заплатили за него“? — спрашиваетъ одинъ богачъ.—„Сто рублей.“—„Это дешево, я даю 300“!—говоритъ гость.— „А я 500“!—говоритъ другой:—надо помочь бѣдняку“.—Тогда покойникъ говоритъ имъ: „я уже раньше васъ купилъ,— не угодно ли у меня купить по 50 р. за яблочко“?—„Хорошо“!—сказали гости, и золото посыпалось на столъ“. Было 60 яблоковъ, и покойный вынесъ мнѣ за нихъ 3.000 руб. Со слезами радости и съ цѣлымъ кошелькомъ червонцевъ пошелъ я прямо въ церковь поблагодарить Бога за такое неслыханное счастье. „Не попусти мнѣ, Господи, загордиться,— такъ молился я тамъ, — подай мнѣ, Господи, смыслъ и умѣнье, какъ распорядиться этимъ добромъ честно, во славу Твою, на счастье себѣ и ближнимъ моимъ“! Вотъ съ чего разжился я, по милости Божіей; вотъ почему съ радостью даю и тебѣ три тысячи, чтобы онѣ съ моей руки такъ же умножились, какъ у меня съ руки покойнаго благодѣтеля! Вотъ тебѣ и объясненіе, что такое красныя яблочки“!

Такъ заключилъ купецъ свой поучительный разсказъ (См. „Духов. посѣвы.“ Свящ. Гр. Дьяченко, стр. 164—7).

3. Таинственные сны и видѣнія, удостовѣряющіе бытіе загробной жизни.

I. Владиміръ Энгельгардъ, предъ отправленіемъ изъ Москвы въ Архангельскъ по дѣламъ службы, 5 февраля 1858 г., письмомъ просилъ мать свою, жившую вь Петербургѣ, благословить его на дальній путь. Отправившись въ дорогу, онъ остановился для ночлега на одной станціи и тутъ, лежа на диванѣ, увидѣлъ предъ собою на яву, 13 февраля, въ три часа утра, мать свою съ сестрою, скончавшеюся еще въ 1846 году. Мать благословила его крестнымъ знаменіемъ. Пораженный этимъ видѣніемъ, онъ зажегъ свѣчу, чтобы яснѣе разсмотрѣть явившихся, но явившіяся внезапно стали невидимы. Впослѣдствіи онъ узналъ, что въ это самое утро мать его скончалась въ Петербургѣ. („Душ. чт.“ 1870 г.).

II. Въ Бозѣ почившему московскому митрополиту Филарету († 19-го ноября 1867 г.) за два мѣсяца до его кончины было необычайное извѣщеніе въ Сергіевой лаврѣ о близкомъ отшествіи его въ вѣчность, именно утромъ 17-го сентября 1867 года. Пробудившись, онъ сказалъ намѣстнику лавры, архимандриту Антонію: „мнѣ явился родитель мой и сказалъ: береги девятнадцатое число“. Намѣстникъ позволилъ себѣ замѣтить: „Владыко святый! Развѣ можно вѣрить сновидѣніямъ и искать въ нихъ какого-нибудь значенія? Притомъ какъ же можно обращать вниманіе на такое неопредѣленное указаніе? Вѣдь девятнадцатыхъ чиселъ въ каждомъ году бываетъ двѣнадцать“. Но владыка ему съ увѣренностію сказалъ: „не сонъ я видѣлъ, и потому думаю съ этого времени каждое девятнадцатое число причащаться св. таинъ“. И, дѣйствительно, онъ причащался 19 сентября, 19 октября и 19 ноября—въ день кончины. („Утѣш. въ смерти“, еп. Гермогена, изд. 7, стр. 111).

III. „Одинъ высокообразованный христіанинъ,—говоритъ въ своей проповѣди высокопреосвященный Никаноръ, архіепископъ одесскій,—разсказалъ про своего брата офицера слѣдующее: „Братъ его въ одномъ городѣ ѣхалъ съ товарищемъ домой съ вечерней пирушки въ одномъ экипажѣ. Пріѣхалъ и вошелъ въ свою квартиру, а товарищъ поѣхалъ дальше въ свою квартиру. Входитъ братъ въ кабинетъ, сопровождаемый денщикомъ и собакою. Въ кабинетѣ видитъ: за его письменнымъ столомъ, къ нимъ спиною, сидитъ его товарищъ, съ которымъ онъ только что сію минуту разстался. Денщикъ говоритъ: „вотъ и не замѣтилъ, какъ они вошли“... Даже собака обнаружила признаки, что видитъ сторонняго человѣка. Братъ заглядываетъ въ лицо сидящему и видитъ ужасное, мертвенное лицо товарища... Въ ту же минуту слуга товарища прибѣжалъ доложить, что „баринъ сію минуту воротился домой и умеръ“...

IV. Одинъ кавказецъ сидѣлъ ночью у себя въ квартирѣ и читалъ книгу. Поднимаетъ глаза и видитъ противъ себя въ углу туманъ. Машетъ рукою, чтобы туманъ разсѣять. Но изъ тумана выдѣляется свѣтлая фигура его невѣсты, которая была въ эту минуту далеко въ Россіи. Тотъ невольно падаетъ передъ тѣнью на колѣни. Невѣста кладетъ ему вѣнокъ на голову и исчезаетъ въ туманѣ. Онъ долго чувствовалъ на головѣ тотъ кругъ, къ которому прикоснулся вѣнокъ. Идетъ сейчасъ же къ своимъ родителямъ и разсказываетъ о видѣніи. Записали день и часъ; оказалось, что въ этотъ день его невѣста умерла. (Извлеч. изъ слова Никанора, арх. херсонскаго, сн. „Паст. соб.“ за 1887 годъ).

V. Епископъ Іаковъ, бывшій въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ съ митрополитомъ Филаретомъ, имѣлъ привычку записывать въ особую тетрадку все, касающееся жизни своего друга и покровителя — этого свѣточа русской церкви.

Заимствуемъ слѣдующую запись изъ этой тетрадки.

Въ одинъ изъ московскихъ монастырей поступилъ іеромонахомъ овдовѣвшій старый полковой священникъ. По свойственной человѣку слабости, онъ одно время предавался спиртнымъ напиткамъ. Нѣсколько разъ пробовалъ увѣщевать его архимандритъ, старикъ раскаивался, бросалъ пить, но скоро забывалъ всѣ свои благія намѣренія. Тогда архимандритъ принужденъ былъ обратиться къ митрополиту Филарету, прося его наложить на провинившагося протоіерея епитимью и хотя временно подвергнуть его запрещенію.

Филаретъ не долюбливалъ частыя жалобы строгаго архимандрита и на повторенія ихъ отвѣчалъ ему: „всѣ-то не по тебѣ, тотъ не хорошъ, другой дуренъ! Ну ,выбирай себѣ ангеловъ, а ужъ грѣшниковъ постарайся самъ исправить“. Но, тѣмъ не менѣе, непрекращавшіяся жалобы побудили, наконецъ, Филарета наложить запрещеніе на бывшаго полковаго священника.

Запрещеніе было уже написано, но еще не подписано владыкой, когда онъ прилегъ на диванъ для обычнаго послѣобѣденнаго отдыха. Едва успѣлъ онъ сомкнуть глаза, какъ увидалъ передъ собой своего покойнаго покровителя, незабвеннаго для него, митрополита Платона. Онъ стоялъ предъ нимъ въ простомъ легкомъ подрясникѣ, съ бархатной скуфейкой на головѣ, какъ часто бывало прежде, когда онъ гулялъ по саду. Въ глазахъ его читалась просьба, когда онъ проговорилъ:

„Василій Михайловичъ (подъ этимъ свѣтскимъ именемъ знавалъ покойный Платонъ своего преемника). Прости согрѣшившему отцу Ивану“.

Только что хотѣлъ Василій Дроздовъ (митрополитъ Филаретъ) обратиться, какъ бывало, къ глубокоуважаемому имъ Платону, какъ видѣніе исчезло, и митрополитъ Филаретъ проснулся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ видѣннаго сна.

„Какой это отецъ Иванъ? Мало ли у меня ихъ, отцовъ Ивановъ?“ думалось митрополиту. За своими многочисленными занятіями онъ вскорѣ забылъ свое видѣніе, но на слѣдующую ночь увидалъ второй такой же необычайный сонъ.

Ему приснился императоръ Александръ I въ своемъ походномъ генеральскомъ мундирѣ, въ трехуголкѣ съ перьями на головѣ, какъ онъ одѣвался въ походѣ противъ Наполеона I. Императоръ обратился къ митрополиту со слѣдующими словами:

„Не гнѣвайся, преподобный отецъ, на моего храбраго священника Ивана“.

„Ты, сердцевѣдецъ Создатель, Ты все знаешь“, думалъ митрополитъ по пробужденіи, „научи меня, какой же это, наконецъ, священникъ Иванъ, ради котораго являются души съ того свѣта просить о его помилованіи“. Записавъ себѣ на память нѣсколько словъ на аспидной доскѣ, какъ дѣлалъ это всегда, чтобы не забыть случайно пришедшія ему въ голову мысли, онъ снова крѣпко заснулъ. Тутъ явилось уже третье видѣніе въ лицѣ фельдмаршала Кутузова-Смоленскаго. Храбрый побѣдитель Наполеона I предсталъ передъ митрополитомъ сѣдовласымъ старцемъ, изнуреннымъ смертельной болѣзнью, постигшей его во время преслѣдованія бѣжавшаго великаго полководца. И Кутузовъ обратился къ Филарету съ просьбой:

„Не осуди моего духовнаго отца Ивана, будь снисходителенъ къ его слабостямъ“.

Только что хотѣлъ митрополитъ поднять руку для благословенія больного старца, какъ видѣніе исчезло, точно растаяло, и онъ опять проснулся. Уже свѣтало, онъ всталъ сильно взволнованный этими тремя необычайными снами. Преклонивъ колѣна передъ своимъ аналоемъ, митрополитъ обратился съ сердечной молитвой къ Господу о просвѣщеніи. Когда же онъ сѣлъ за работу, то первое, что ему попалось подъ руку, была бумага о запрещеніи совершать тайны, налагаемомъ на неисправимаго протоіерея Іоанна. Тутъ митрополитъ воскликнулъ: „такъ вотъ онъ, этотъ отецъ Иванъ, судьба котораго тревожитъ такія великія души и заставляетъ ихъ являться съ просьбами ко мнѣ, недостойному! Онъ былъ, вѣдь, при арміи и, вѣроятно, они его знали. Но что означаютъ всѣ эти видѣнія? Что можетъ такъ тревожить души дорогихъ мнѣ отшедшихъ въ вѣчность? Онъ послалъ въ монастырь за неисправимымъ протоіереемъ, приказывая ему явиться къ себѣ въ назначенный часъ, но никому не сообщилъ занимавшихъ его мыслей.

Съ нахмуреннымъ и строгимъ лицомъ встрѣтилъ онъ виновнаго іеромонаха, высокаго, сильнаго старика, съ длинной бородой, въ которой сквозь сѣдину пробивался черный волосъ. Тотъ бросился въ ноги митрополиту и сказалъ со слезами на глазахъ:

— Я знаю, зачѣмъ ты меня призвалъ. Забудь мои прегрѣшенія и не запрещай этой десницѣ благословлять народъ; она благословляла на бой императора.

Эти слова и слезы старика произвели сильное впечатлѣніе на митрополита, но онъ подавилъ волненіе и сказалъ:

— Встань, слабый человѣкъ, и разскажи мнѣ, какъ прошла твоя жизнь, откуда ты?

— Я сынъ дьячка, учился въ московской духовной академіи.

— Такъ ты помнишь, навѣрно, митрополита Платона, когда онъ былъ профессоромъ въ академіи?

— Помню ли я! воскликнулъ протоіерей, всплеснувъ руками, и обильныя слезы полились на его сѣдую бороду. Мнѣ, да и не помнить моего благодѣтеля! Да отсохнетъ мой языкъ, если я когда забуду превозносить и благословлять его! Да отступится отъ меня Господь, если я когда отойду ко сну, не помолившись за него. Онъ любилъ меня, какъ отецъ сына—я былъ его лучшимъ ученикомъ, и онъ пророчилъ мнѣ блестящую будущность; но Господь, видно, судилъ иначе: я вышелъ въ бѣлые священники, а у Платона явился другой, болѣе достойный меня преемникъ, Василій Михайловичъ Дроздовъ, звѣзда котораго ярко засіяла вмѣстѣ съ почіющимъ надъ нимъ до сихъ поръ благословеніемъ Платона.

Говоря это, протоіерей плакалъ, да и у Филарета тоже полились слезы умиленія при мысли о Платонѣ, который избралъ его своимъ духовнымъ преемникомъ въ проповѣди слова Божія. Этотъ провинившійся монахъ и владыка, державшій въ своихъ рукахъ его судьбу, были одинаково близки сердцу Платона.

— Разсказывай дальше,—проговорилъ, наконецъ, Филаретъ.

— Дальше,—я женился, и міръ окончательно завладѣлъ мною; что и было у меня въ зачаткахъ, унесли житейскія бури. Я поступилъ въ армію и съ нею пошелъ противъ повелителя галловъ.

— Такъ, такъ, и ты имѣлъ случай видать покойнаго императора Александра I?

— Часто пѣлъ я благодарственные молебны послѣ побѣдъ, дарованныхъ нашему оружію, и эта недостойная десница благословляла монарха, цѣловавшаго ее съ истинно христіанскимъ смиреніемъ.

— Ты принималъ участіе въ битвахъ?

— Меча я не бралъ въ руки, но силой креста нашего Господа три раза разсѣвалъ вражью силу, и поднимая его передъ рядами нашего слабѣющаго войска, внушалъ ему новое мужество и отвагу, и велъ противъ врага. Солдаты и полководцы, да и самъ монархъ очень любили меня; разъ онъ даже поцѣловалъ меня въ уста, причемъ слезы такъ и заблестѣли въ его добрыхъ, дорогихъ глазахъ.

— Такъ вотъ ты какой! подумалъ Филаретъ, всматриваясь въ высокую, статную фигуру протоіерея. Дѣйствительно, мѣсто такого іерея въ рядахъ войска.— Ты говоришь, что тебя любили полководцы; не состоялъ ли ты и при Кутузовѣ-Смоленскомъ?

— При немъ не состоялъ, но вліятельный князь любилъ меня. Когда онъ опасно заболѣлъ въ Германіи, въ городѣ Бунцлау, то я, недостойный, принялъ его послѣднюю исповѣдь, причастилъ его и напутствовалъ въ жизнь вѣчную.

„Такъ это и есть храбрый іерей Иванъ“, думалъ Филаретъ, снова глядя на каявшагося протоіерея, стоявшаго теперь передъ нимъ съ опущенной головой. Жизнь его полна бурь и приключеній, но въ свое время онъ былъ настоящимъ пастыремъ своего стада и сдѣлалъ много добра. Тутъ не совсѣмъ обычное стеченіе обстоятельствъ, и я не осужу храбраго отца Ивана, буду добръ и снисходителенъ къ нему, прощу его по завѣту моего духовнаго отца Платона“.

И сдѣлавъ ему приличное наставленіе, онъ благословилъ и отпустилъ его.

— Иди и впредь не грѣши, сказалъ Филаретъ протоіерею.

И отецъ Иванъ продолжалъ совершать тайны, но не впадалъ болѣе въ свое прегрѣшеніе. („Паст. собес.“).

VI. „Два штабъ-офицера, раненые въ финляндскую войну 1808 года привезены были въ столицу лѣчиться. Одинъ изъ нихъ, выздоровѣвъ, возвращался въ армію и пришелъ проститься съ больнымъ еще товарищемъ, съ которымъ былъ очень друженъ; тотъ въ шутку сказалъ ему: „если пуля невзначай уложитъ тебя, то навѣсти меня съ того свѣта и скажи, что и каково тамъ“. Обѣщаніе было дано, друзья разстались. Прошелъ мѣсяцъ, другой и третій; больной медленно оправлялся. Въ одну ночь онъ видитъ во снѣ товарища, который говоритъ ему: „вотъ я сдержалъ свое слово, я убитъ сегодня въ сраженіи, здѣсь хорошо, но я еще не осмотрѣлся. Ты сходи къ В. С. Тамарѣ, и попроси у него себѣ книжку, что у него въ коробу, подъ фаянсовымъ сервизомъ; въ ней все, что тебѣ нужно знать.

Больной записалъ число и сновидѣніе, и по приказамъ узналъ, что товарищъ, дѣйствительно, убитъ въ тотъ день въ сраженіи. Сколь скоро смогъ, бросился къ Василію Степановичу. Тотъ, по своему обыкновенію, руками и ногами отбивался отъ новаго знакомства съ человѣкомъ, ему неизвѣстнымъ, но, наконецъ, уступилъ убѣдительной просьбѣ. Незванный гость объяснилъ ему причину посѣщенія, разсказалъ все, какъ было, прочиталъ записку о сновидѣніи и просилъ приказать отыскать въ коробѣ съ фаянсовымъ сервизомъ завѣтную книжку. Тамара въ первый разъ въ жизни слышалъ отъ него имя покойника, а о коробѣ съ сервизомъ не зналъ и не вѣдалъ. Призвали дворецкаго, но и тотъ не помнилъ въ домѣ короба съ фаянсовымъ сервизомъ. А между тѣмъ хозяинъ и самъ уже не хотѣлъ отпустить отъ себя гостя безъ осмотра всѣхъ угловъ въ своемъ домѣ. Дворецкій повелъ его въ кладовую, оттуда въ подвалъ. Тамъ, въ темномъ углу, подъ разнымъ хламомъ стоялъ ящикъ съ фаянсовымъ сервизомъ. Онъ оказался привезеннымъ изъ Англіи съ другими вещами, и оставался въ забытьѣ по ненадобности. И что же? подъ сервизомъ, между листами оберточной бумаги, нашлось въ листахъ же прекрасное изданіе „Подражаніе Іисусу Христу Ѳомы кемпійскаго“ на французскомъ языкѣ.

Я смѣло могу прибавить къ этому его разсказу, что В. С. Тамара не умѣлъ и въ шутку сказать неправды, или назвать вещь не своимъ именемъ. (Изъ записокъ сенатора Ѳ. П. Лубяновскаго, сн. Рус. Архивъ 1872 г.).

VII. Въ изданіи Суворина 1882 гоад *Избранныя сочиненія Ломоносова* въ отдѣлѣ его біографіи помѣщенъ слѣдующій разсказъ одного изъ товарищей — академика Штелина:

„На возвратномъ пути въ Россію, когда Ломоносовъ плылъ моремъ, съ нимъ случилось происшествіе, которое глубоко тронуло его, и котораго онъ никогда не могъ забыть. Онъ проснулся послѣ страннаго сновидѣнія, въ которомъ очень ясно видѣлъ своего отца, выброшеннаго кораблекрушеніемъ и лежащаго мертвымъ на необитаемомъ, неизвѣстномъ островѣ въ Бѣломъ морѣ, не имѣвшемъ имени, но памятномъ ему съ юности, потому что онъ нѣкогда былъ къ нему прибитъ бурею съ отцомъ своимъ. Лишь только онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ поспѣшилъ справиться объ отцѣ своемъ на биржѣ у всѣхъ прибывшихъ изъ Архангельска купцовъ и у холмогорскихъ артельщиковъ, и, наконецъ, узналъ, что отецъ его отправился на рыбную ловлю прошлую осень и съ тѣхъ поръ еще не возвращался, а потому и полагаютъ, что съ нимъ случилось несчастіе. Ломоносовъ такъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, какъ прежде своимъ пророческимъ сномъ. Онъ далъ себѣ слово отправиться на родину, отыскать тѣло своего несчастнаго отца на островѣ, извѣстномъ ему съ юности и представившемся теперь ему во снѣ со всѣми подробностями и признаками, и съ честію предать его землѣ. Но такъ какъ занятія его въ Петербургѣ не позволяли ему исполнить это намѣреніе, то онъ съ купцами, возвращавшимися изъ Петербурга на его родину, послалъ письмо къ тамошнимъ роднымъ своимъ, поручилъ своему брату исполнить это предпріятіе на его счетъ, описалъ подробно положеніе острова и просилъ убѣдительно, чтобъ тамошніе рыбаки, отправившись на рыбную ловлю, пристали къ нему, отыскали на немъ тѣло отца его и предали его землѣ. Это было исполнено въ то же лѣто: ватага холмогорскихъ рыбаковъ пристала къ этому дикому острову, отыскала мертвое тѣло на описанномъ мѣстѣ, похоронила и взвалила большой камень на могилу. Извѣстіе о совершенномъ исполненіи его желанія, полученное имъ въ слѣдующую зиму, успокоило его всегдашнюю тайную печаль, причину которой онъ только впослѣдствіи сообщилъ другимъ".

4. Черствая душа.

На похоронахъ Антона Шкварки не было никого, кромѣ мѣстнаго причта и самыхъ близкихъ родныхъ. Досчатый гробъ сиротливо двигался по селу, какъ будто провожалъ на кладбище бездомнаго бобыля. А между тѣмъ Антонъ Шкварка былъ самымъ зажиточнымъ хозяиномъ въ селѣ. Одного скота насчитывали у него головъ двѣсти, а остальнаго добра и не счесть. Нѣтъ, обитатели с. Голытьбы безучастно отнеслись къ горю семейства Антона Шкварки, такъ какъ не любили покойнаго за его черствое сердце. Антонъ Шкварка былъ однимъ изъ тѣхъ деревенскихъ кулаковъ, которые въ короткое время всякими неправдами и хитростями умѣютъ изъ ничего сколотить цѣлое состояніе. Слезы ближнихъ его не трогали, какъ не трогаетъ паука жалобный пискъ мухи, попавшей въ его тенета. „Кремень, а не человѣкъ",— говорили о немъ. Его каменное сердце не смягчилось даже въ минуту разставанья съ здѣшнимъ міромъ. Чувствуя свой конецъ, онъ подозвалъ жену и заклиналъ ее не дѣлать никакихъ лишнихъ затратъ на погребеніе. „На поминовеніе ничего не вноси,—хрипѣлъ онъ въ предсмертной агоніи, — старцевъ и братство не зови на обѣдъ; эти трутни хотятъ только поживиться на чужой счетъ, а здѣсь каждая копейка полита моимъ потомъ и кровью, не давай ничего дармоѣдамъ!" Это были послѣднія слова Шкварки. Со словами злобы и проклятія онъ перешелъ въ другой міръ.

Семья свято выполнила завѣтъ своего главы и, предавъ тѣло покойнаго землѣ, тотчасъ же вошла въ обычную колею своихъ дневныхъ занятій. Домъ лишился, правда, опытнаго руководителя въ дѣлѣ зашибанія гроша, но духъ почившаго еще виталъ здѣсь. Онъ самъ отошелъ въ другой міръ, но направленіе, имъ созданное, жило и дѣйствовало.

Наступилъ вечеръ. Стали загонять скотъ.

— Мама, — вбѣгая въ хату, сказала невѣстка,— у насъ на завалинкѣ лежитъ какая-то черная овца; сколько я ее ни гнала, она не хочетъ уйти; помоги мнѣ ее согнать!

Заинтересованная семья выбѣжала изъ хаты, но всѣ усилія были напрасны; овца жалобно смотрѣла на своихъ истязателей и не двигалась съ мѣста. Наконецъ, рѣшили, что это какое-то заблудившееся, больное животное, и оставили ее въ покоѣ. Но каково же было ихъ изумленіе, когда съ того времени каждый вечеръ съ наступленіемъ сумерекъ овца, неизвѣстно какимъ образомъ, появлялась на завалинкѣ. Ни крики, ни побои не дѣйствовали. Въ селѣ заговорили, что въ хатѣ Шкварки дѣлается что-то неладное; костямъ покойнаго, видно, тяжело лежать въ землѣ: чужое добро давитъ. Всполошились и родные Шкварки. „Нѣтъ,—подумали они,— видно, Антонъ плохо говорилъ предъ смертью",— и заказали заупокойную литургію, а сами стали готовить обѣдъ для нищей и бездомной братіи...

Старикъ священникъ, облокотившись на столъ, лицомъ къ образамъ, читалъ положенное церковное правило. Завтра онъ будетъ служить заупокойную литургію о Шкваркѣ. Сальная свѣча тускло разливала свѣтъ въ убогой комнатѣ. Батюшка, несмотря на всѣ старанія, никакъ не могъ остановиться мыслью на томъ, что онъ читалъ въ каноникѣ. Покойникъ, о которомъ онъ будетъ завтра молиться, не выходилъ у него изъ головы. Антона Шкварку онъ зналъ еще тогда, когда тотъ былъ парнемъ. Не разъ увѣщевалъ онъ Антона сдѣлать хоть что-нибудь для Бога. Но Антонъ отдѣлывался шутками: „прежде надо-де о себѣ подумать, а потомъ уже и о Богѣ вспомнить“. Несчастный такъ и умеръ себялюбцемъ. А тутъ еще разсказы о черной овцѣ. Батюшкѣ было жаль погибшаго прихожанина. Но вдругъ мысли батюшки какъ-то странно оборвались. Ему сдѣлалось страшно и показалось, что въ комнатѣ кто-то есть, кромѣ него. Не отдавая самъ себѣ отчета, онъ мгновенно повернулъ голову и... замеръ... У двери въ полумракѣ стоялъ Антонъ Шкварка... Выходецъ съ того свѣта и живой обитатель земли съ неподвижными глазами стояли другъ противъ друга. Наконецъ, батюшка пришелъ въ себя.

— Всякое дыханіе да хвалитъ Господа,— произнесъ онъ.

— И я хвалю,— отвѣтилъ глухо призракъ.

— Это ты, Антонъ?

— Я, батюшка.

— Чего же тебѣ отъ меня надо?

— Тяжело мнѣ, батюшка! Не слушалъ я васъ, а теперь плохо. Давитъ меня мать сырая земля. Будьте милостивы, скажите моимъ, чтобы они отдали нашей братіи все, что я скопилъ неправдами. Пусть себѣ оставятъ только самое нужное. Черная овца — это я. Скажите, что, если они не послушаютъ, то никогда не сбудутъ меня.

Призракъ поклонился батюшкѣ въ поясъ, подернулся туманомъ и исчезъ. Семья съ радостью выполнила загробную просьбу страдальца, а въ селѣ съ того времени о кулакахъ-кровопійцахъ не помнятъ. Урокъ, преподанный съ того міра, передается изъ рода въ родъ и будитъ засыпающую совѣсть самолюбцевъ тяжелыми призраками будущей расплаты, („Русскій Паломникъ“ 1895 г. № 52).

5. Добро творить, себя веселить.

На берегу небольшой, но рыбной рѣчки, носящей странное названіе „Хвостъ“, раскинулось большое, но небогатое село Дубки.

Народъ въ этомъ селѣ былъ хорошій, богобоязненный, трудолюбивый, но условія жизни были таковы, что разжиться было нечѣмъ, и поэтому большинство обитателей перебивалось съ хлѣба на квасъ, какъ говорится. Былъ въ этомъ селѣ священникъ, дьячекъ, староста, писарь, былъ еще и богачъ Парамонъ Ареѳьевичъ Ануфріевъ, однимъ словомъ, было все, что полагается быть въ селѣ.

Парамонъ Ареѳьевичъ былъ изъ таковыхъ, которые не любятъ никого, даже и родныхъ своихъ. Впрочемъ, любилъ онъ одну вещь—это деньги. Онъ собиралъ ихъ вездѣ, гдѣ только можно, бралъ съ живого и мертваго и складывалъ въ сундукъ; можно было скорѣе увидать камень плачущій, нежели тронуть каменное сердце Ануфріева.

Лѣтъ двадцать тому назадъ появился Ануфріевъ въ Дубкахъ, тогда еще сравнительно молодымъ человѣкомъ, лѣтъ тридцати—не больше—и открылъ въ селѣ кабакъ. Денегъ у него тогда было немного, но дѣла его пошли такъ хорошо, и бралъ со всѣхъ онъ такъ усердно, что началъ богатѣть не по днямъ, а по часамъ.

Собственно отъ одной торговли виномъ онъ никогда бы не могъ такъ разбогатѣть, потому что жители Дубовскіе были не изъ богатыхъ, главнымъ же образомъ онъ наживался тѣмъ, что давалъ въ долгъ и бралъ за это самые недобросовѣстные проценты.

Первые года онъ велъ свои дѣла одинъ и держалъ при себѣ только одного помощника—старика съ дочерью, но потомъ онъ уже не могъ поспѣвать управляться одинъ и взялъ къ себѣ приказчика, своего родного племянника, для котораго рядомъ со своимъ домомъ, выстроилъ изъ старыхъ, гнилыхъ бревенъ не то избушку, не то землянку какую-то.

Племянникъ его, Сергѣй Бѣляевъ, сынъ родной сестры (единственный, оставшійся въ живыхъ, близкій человѣкъ Ануфріеву), былъ въ высшей степени добрый, честный и трудолюбивый человѣкъ, но ему ужасно ни въ чемъ не везло, такъ что въ послѣднее время, передъ поступленіемъ на службу къ дядѣ, онъ со своей семьей чуть не умеръ съ голода; семья же его была не маленькая: жена, сестра жены—болѣзненная дѣвушка лѣтъ семнадцати—и трое дѣтей, изъ которыхъ старшему было пять лѣтъ.

Дядя узналъ о бѣдственномъ положеніи своихъ родственниковъ и, сообразивъ, что это очень удобное время, предложилъ ему поступить къ нему приказчикомъ, за что обѣщалъ дать помѣщеніе и пять рублей въ мѣсяцъ жалованья; разумѣется, на такія условія никто бы не пошелъ къ нему, не то что приказчикомъ, а даже и простымъ работникомъ, такъ какъ пять рублей въ мѣсяцъ и одному еле-еле на содержаніе хватаетъ, но Сергѣю выбирать было не изъ чего — у него во всемъ домѣ корки хлѣба не было, и волей-неволей пришлось согласиться на дядины условія.

Переѣхалъ Сергѣй въ Дубки со своей семьей, поселился въ хижинѣ, о которой мы уже говорили, и принялся за работу со всѣмъ усердіемъ, какое можно себѣ вообразить. Онъ не досыпалъ ночей, чтобы угодить дядѣ хозяину, и работалъ, дѣйствительно, за десятерыхъ, но это нисколько не трогало Ануфріева; за всѣ десять лѣтъ, которые проработалъ у него племянникъ, онъ не услыхалъ отъ него ни одного ласковаго слова, не видалъ ни одной привѣтливой улыбки, о прибавкѣ жалованья и говорить нечего, напротивъ, только и норовилъ—нельзя ли еще какъ-нибудь вычесть у племянника изъ его грошей.

Такъ и жилъ себѣ дядя съ племянникомъ долгіе годы: дядя богатѣлъ, жилъ въ довольствѣ и благополучіи, но одинокій, какъ перстъ (онъ никогда не былъ женатъ), а племянникъ въ горькой бѣдности, въ проголодь, но окруженный горячо любящей его семьей, и, глядя на нихъ обоихъ, врядъ ли кто пожелалъ бы стать на мѣсто Ануфріева; какъ ни горько было житье Сергѣя, а все-таки было лучше быть имъ, нежели этимъ угрюмымъ, одинокимъ человѣкомъ. Но Ануфріевъ не замѣчалъ этого, не тяготился своимъ одиночествомъ. Казалось, что въ немъ умерло всякое человѣческое чувство, и онъ обратился въ камень.

Была страстная суббота; на дворѣ уже темнѣло; въ кабакѣ за стойкой сидѣлъ Ануфріевъ и просматривалъ какіе-то счета, грудой наваленные около него. Сергѣй тутъ же, въ уголкѣ, на конторкѣ, подсчитывалъ итоги въ толстой шнуровой книгѣ.

Работы въ этотъ день,—въ который другіе православные отдыхаютъ и убираются у себя дома, чтобы, какъ подобаетъ, встрѣтить великій праздникъ,—было много; съ самаго ранняго утра кабакъ былъ биткомъ набитъ крестьянами: кто приходилъ вина купить къ завтрашнему дню, кто деньжонокъ занять; только когда совсѣмъ уже смерклось, кабакъ опустѣлъ, и Ануфріевъ со своимъ приказчикомъ принялся сводить счеты.

Тишина царствовала въ кабакѣ мертвая, только и былъ слышенъ скрипъ стараго пера да стуканье на счетахъ.

— Скоро ли кончишь? — спросилъ Парамонъ Ареѳьевичъ племянника своимъ обыкновеннымъ суровымъ тономъ, не поворачивая даже головы въ его сторону.

— Къ заутрени кончу, а раньше не поспѣешь, отвѣчалъ тотъ почтительно.

— Ну, смотри, чтобы кончить нынѣ непремѣнно, а то завтра, небось, не станешь работать?!...

— Ежели милость ваша, дядя, будетъ, такъ увольте ужъ... завтра такой день — птица, и та гнѣзда не вьетъ... привставая произнесъ Сергѣй.

— Птица не вьетъ!.. Посмотришь на тебя—чистый ты праведникъ, прямо въ царство небесное попадешь!.. А на дѣлѣ только праздники справлять умѣешь!.. Ну, да ладно—такъ и быть—завтрашній день погуляй, а послѣ завтра—за дѣло!.. закончилъ Ануфріевъ и, спрятавъ бумаги, которыя лежали передъ нимъ, въ боковой карманъ своего долгополаго сюртука, поднялся съ мѣста.

— Когда кончишь, такъ дверь, смотри, хорошенько запри, да ключъ къ себѣ возьми!.. произнесъ онъ еще съ порога и затѣмъ, не кивнувъ племяннику даже головой, скрылся за дверью.

Парамонъ Ареѳьевичъ, перейдя дворъ, поднялся по лѣстницѣ въ свой домъ и прямо прошелъ въ свою спальню, гдѣ ярко горѣла передъ образами большая неугасимая лампада; свѣтъ отъ нея былъ такъ силенъ, что не требовалось никакого другого освѣщенія. Очутившись въ своей комнатѣ, Ануфріевъ прежде всего плотно заперъ дверь большимъ пробоемъ, затѣмъ пощупалъ тяжелые желѣзные болты ставенъ, подозрительно осмотрѣлъ всю комнату, даже подъ деревянную кровать заглянулъ— и тогда уже, успокоившись, вытащилъ изъ жилетнаго кармана ключъ, отперъ сундукъ, швырнулъ въ него толстую пачку денегъ, опять заперъ и началъ раздѣваться. Снявъ сюртукъ, онъ вдругъ, остановился въ нерѣшимости. — Нѣтъ, не буду раздѣваться, — а то, пожалуй, заутреню проспишь, народъ скажетъ, что я въ Бога не вѣрую, въ церковь не хожу!.. И съ этими словами Ануфріевъ, три раза перекрестившись, опустился на перину.

Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ спалъ уже крѣпчайшимъ сномъ. О племянникѣ и его семьѣ, о томъ, что имъ, пожалуй, разговѣться даже будетъ нечѣмъ, онъ и не подумалъ передъ сномъ, онъ даже забылъ о ихъ существованіи...

Между тѣмъ Сергѣй проскрипѣлъ перомъ и прощелкалъ счетами до десяти часовъ вечера.

Закончивъ послѣднюю страницу, онъ бережно сложилъ книгу, всталъ, съ наслажденіемъ потянулся, расправляя спину, но вдругъ, вспомнивъ, что скоро заблаговѣстятъ къ заутренѣ, поспѣшно схватилъ картузъ и бѣгомъ побѣжалъ домой.

Хотя было грязно и холодно, но Сергѣй бѣжалъ, не замѣчая этихъ непріятностей, съ радостнымъ лицомъ, заранѣе наслаждаясь мыслію о томъ, какъ онъ проведетъ свѣтлый праздникъ въ кругу своей семьи.

Едва онъ вышелъ изъ калитки, какъ его уже замѣтила, стоявшая у воротъ, сестра жены и бросилась въ лачугу съ радостнымъ крикомъ — Сергѣй Ильичъ идетъ... Сергѣй Ильичъ идетъ!..

Въ ту же секунду изъ лачуги, какъ бомба, вылетѣлъ мальчуганъ, старшій сынъ Сергѣя, и со всего разбѣга бросился къ нему на шею.

Сергѣй подхватилъ его на руки и въ припрыжку добѣжалъ до двери, спустилъ у порога мальчика на землю и переступилъ порогъ, жена и всѣ другіе оказались уже давно готовыми и ждали только его, чтобы итти къ свѣтлой заутренѣ.

Черезъ пять минутъ вся семья Бѣляевыхъ была уже на пути въ церковь въ самомъ радостномъ и веселомъ настроеніи.

Ануфріевъ спалъ; храпъ его раздавался на всю комнату. Долго ли онъ спалъ, неизвѣстно, какъ вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то точно его въ бокъ стукнулъ. Ануфріевъ полуизумленно, полуиспуганно открылъ глаза, и первое, что онъ увидѣлъ, это — какую-то странную фигуру, не то прозрачную, какъ туманъ, не то завернутую въ бѣлое покрывало — однимъ словомъ, то, что называется привидѣніемъ. Привидѣніе, едва касаясь пола небольшимъ кусочкомъ своего покрывала, держалось какъ бы на воздухѣ.

Ануфріевъ былъ не изъ робкаго десятка, да вдобавокъ не вѣрилъ ни во что сверхъестественное, но тутъ струсилъ таки порядкомъ.

— Господи, да что же это такое!.. воскликнулъ онъ, приподнимаясь съ постели, и перекрестился.

Но привидѣніе только улыбнулось на это и вымолвило пріятнымъ, сильнымъ голосомъ.

— Ты напрасно крестишь меня, я посланъ къ тебѣ Богомъ и, слѣдовательно, креста не боюсь!,.

Тутъ только Ануфріевъ разсмотрѣлъ лицо говорившаго съ нимъ: оно было ни молодо, ни старо, по немъ нельзя было судить, принадлежитъ ли оно мужчинѣ или женщинѣ, но лицо это было чрезвычайно строго, выразительно и вмѣстѣ съ тѣмъ красиво и пріятно.

При звукахъ голоса призрака Ануфріевъ почувствовалъ, какъ волосы на его головѣ зашевелились, а на тѣлѣ выступилъ холодный потъ, и онъ снова перекрестился.

— Я посланъ къ тебѣ, продолжало между тѣмъ привидѣніе, нарочно наканунѣ праздника, чтобы показать тебѣ, если ты этого захочешь, что съ тобой случится въ теченіе этого года!.. Хочешь видѣть свое будущее?

— Хочу! отвѣчалъ Ануфріевъ глухимъ голосомъ.

— Дай мнѣ твою руку и пойдемъ!..

Ануфріевъ протянулъ руку и вмигъ очутился на улицѣ; какъ это случилось, онъ никакъ не могъ понять, такъ какъ и двери и окна остались запертыми наглухо.

На улицѣ былъ бѣлый день, солнечный свѣтъ такъ и заливалъ всѣ предметы; колокола гудѣли въ радостномъ трезвонѣ; въ воздухѣ пѣли птички и пахло ароматомъ цвѣтовъ; толпы разряженнаго народа съ праздничными лицами сновали взадъ и впередъ, здороваясь и христосуясь между собою.

— Что это такое?.. Развѣ Свѣтлое Воскресеніе уже наступило? — воскликнулъ ошеломленный Ануфріевъ, обращаясь къ привидѣнію.

— Нѣтъ, я показываю тебѣ завтрашній день. Смотри, не узнаешь ли здѣсь кого-нибудь знакомыхъ?

Ануфріевъ сталъ всматриваться и сейчасъ же узналъ всѣхъ, кто проходилъ мимо него; это все были жители Дубковъ. Всматриваясь въ толпу, онъ вдругъ увидѣлъ себя,—важно выступавшимъ по самой серединѣ улицы; всѣ встрѣчные низко снимали передъ нимъ шапки и почтительно кланялись; онъ отвѣчалъ небрежнымъ кивкомъ головы, а только передъ нѣкоторыми, одѣтыми болѣе богато, чуть-чуть приподнималъ картузъ.

Въ первую минуту ему очень понравился видъ самого себя и почтительное отношеніе къ себѣ односельчанъ, но черезъ минуту ему что-то больно, больно кольнуло сердце.

Что же такъ больно поразило Ануфріева? А то, что онъ вдругъ замѣтилъ, на что прежде не обращалъ вниманія: что при встрѣчѣ съ нимъ радостныя лица вдругъ измѣнялись не то въ грустныя, не то въ испуганныя, но какъ только онъ проходилъ, улыбка снова появлялась на угрюмыхъ лицахъ, и снова встрѣтившіеся съ нимъ дѣлались веселы и привѣтливо поглядывали на всѣхъ проходившихъ, поздравляя съ праздникомъ и христосуясь другъ съ другомъ. Однимъ словомъ, всѣ въ этотъ день встрѣчались, какъ родные, любимые братья, и только его одного никто не привѣтствовалъ, не высказывалъ ему своихъ пожеланій, а дѣти, мало того, разбѣгались въ стороны при его приближеніи.

— Пойдемъ за тобой и станемъ смотрѣть, что ты будешь дѣлать въ этотъ день!... произнесло привидѣніе, дотрогиваясь до плеча Ануфріева.

— Нѣтъ, нѣтъ!... Не хочу!... воскликнулъ онъ порывисто... Не хочу!...

— Почему же?

— Не хочу, я и безъ того знаю, что буду дѣлать!.. отвѣчалъ онъ, опуская глаза и краснѣя въ первый разъ въ жизни!... Спасибо тебѣ, что ты показало мнѣ самого себя... Я теперь перемѣнюсь!... Я не буду такимъ, какимъ я былъ до сихъ поръ!... Я буду добрымъ!... Я только теперь понялъ, какимъ злымъ человѣкомъ былъ я!... безсвязно лепеталъ Ануфріевъ, чувствуя, какъ боль въ сердцѣ все усиливается.

— Куда же ты хочешь итти? спросилъ призракъ.

— Домой, домой!... Никуда не хочу!... со слезами въ голосѣ воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, я тебѣ совѣтую посмотрѣть на людей, можетъ-быть, ты увидишь еще много интереснаго.

— Ну, хорошо, веди меня, куда хочешь!... вымолвилъ Ануфріевъ послѣ нѣкотораго раздумья.

Не успѣлъ онъ окончить послѣдняго слова, какъ почувствовалъ, что поднимается отъ земли и летитъ надъ селомъ; секунда, двѣ, и они снова опустились на землю.

Ануфріевъ оглядѣлся и увидѣлъ, что они стоятъ у крайней избы села, гдѣ жилъ самый бѣдный мужикъ изъ всѣхъ Дубовскихъ обывателей—Касьянъ.

— Войдемъ въ избу!... молвилъ призракъ, и они въ мгновенье ока очутились въ темной, переполненной дымомъ, съ обвисшимъ потолкомъ, клѣтушкѣ.

Касьянъ сидѣлъ за пустымъ столомъ и, оперевъ голову на руки, тяжело задумался. Жена его, худая, болѣзненная, изнуренная работой женщина, съ заплаканнымъ лицомъ, качала люльку, въ которой плакалъ грудной голодный ребенокъ: молоко отъ безкормицы у жены Касьяна почти пропало.

Съ минуту въ избѣ царствовала полнѣйшая тишина, прерываемая только плачемъ ребенка; наконецъ, женщина, сквозь всхлипыванья, заговорила:

— И за что Господь наказываетъ!... Однимъ много всего, а другимъ нѣтъ ничего...

— Не грѣши, жена!...—строго перебилъ ее мужъ.—Его святая воля—не даетъ, значитъ, такъ надо!...

Женщина сразу смолкла и даже перекрестилась.

— Сходилъ бы ты хоть къ Ареѳьевичу, хоть хлѣба бы выпросилъ, вѣдь второй день не ѣвши сидимъ!... Авось дастъ для праздника такого.

— Ходилъ вчера. Не даетъ!... Говоритъ: „за тобой и такъ много!...“—мрачно отвѣтилъ Касьянъ.

— Тятя, хлѣбца!...—жалобнымъ голосомъ воскликнулъ старшій ребенокъ.

— Потерпи, сынокъ, потерпи, къ вечеру принесу!...—успокоилъ его отецъ.

Ануфріевъ почувствовалъ, какъ еще больнѣе стало сжиматься его сердце, да вдобавокъ ему и стыдно-то стало, и совѣстно за себя, и жалко-то Касьяна;—чего бы онъ только ни далъ, чтобы ничего этого не было, чтобы онъ могъ сейчасъ вынуть кошелекъ съ деньгами и отдать его Касьяну; но сдѣлать этого было невозможно - онъ чувствовалъ, что что-то не позволяетъ ему поступать такъ, какъ этого бы ему хотѣлось; оставаться тутъ онъ былъ болѣе не въ силахъ и сталъ тянуть за руку своего путеводителя, но тотъ не трогался съ мѣста, и Ануфріевъ поневолѣ былъ долженъ стоять, смотрѣть и казниться.

Едва ребенокъ смолкъ, успокоенный обѣщаніемъ отца, что къ вечеру будетъ хлѣбъ, какъ дверь хаты растворилась, и на порогѣ показалась сестра жены Сергѣя.

— Съ праздникомъ!...—весело воскликнула она,—Христосъ воскресе!... И она, перецѣловавшись со всѣми, поставила на столъ небольшую корзину и постепенно выложила оттуда съ десятокъ красныхъ яицъ, кусочекъ жареной баранины, чашку творогу и полъ-каравая чернаго хлѣба.

— Вотъ это вамъ Сергѣй Ильичъ прислалъ, вмѣсто краснаго яичка, просилъ не взыскать...—вымолвила она.

Надо было видѣть радость дѣтей и бѣдной жены Касьяна, при видѣ всѣхъ этихъ вещей; одинъ только Касьянъ, повидимому, не обрадовался.

— Зачѣмъ это Сергѣй Ильичъ безпокоится—у самого достатки-то невелики, а онъ еще съ другими дѣлится! Совѣстно и брать-то, а дѣлать нечего—второй день не ѣвши сидимъ!...—вымолвилъ онъ.

— Пойдемъ, пойдемъ отсюда, я не хочу здѣсь оставаться больше...—зашепталъ Ануфріевъ, чувствуя, что въ его сердце точно ножи острые втыкаются.

Они понеслись.

Не станемъ разсказывать подробно всего, что призракъ показалъ Ануфріеву; упомянемъ только въ нѣсколькихъ словахъ, что онъ, Ануфріевъ, послѣ всего видѣлъ.

Онъ видѣлъ семью своего племянника, которая, единогласно согласившись подѣлиться разговѣньемъ съ Касьяномъ, сама разговѣлась впроголодь, но тѣмъ не менѣе всѣ были веселы и ласковы другъ съ другомъ; онъ видѣлъ много семействъ, гдѣ всѣ были веселы и довольны, но нигдѣ, никто не поминалъ его добрымъ словомъ—всюду, если кто вспоминалъ о немъ,—его или бранили, или поскорѣй заминали о немъ разговоръ, какъ о предметѣ непріятномъ и вовсе не праздничномъ.

Дальше онъ видѣлъ, какъ Сергѣй, получивъ чахотку отъ непосильной работы, умеръ, и его семья, выгнанная имъ, Ануфріевымъ, пошла по міру, и многое еще, что кололо, какъ острые ножи, видѣлъ Ануфріевъ. Въ концѣ же концовъ призракъ показалъ ему, какъ онъ лежалъ при смерти въ своемъ домѣ, какъ никого вокругъ него не было, какъ некому было подать ему напиться, какъ никто не приходилъ навѣстить его, и какъ, наконецъ, онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ, безъ церковнаго покаянія, такъ какъ некому было сбѣгать за священникомъ.

— Ну, теперь ты видѣлъ все!—вымолвило привидѣніе поледенѣвшему отъ ужаса и укоровъ совѣсти Ануфріеву. Теперь возвратимся къ тебѣ.

— И неужели это я мою судьбу видѣлъ?... Неужели все такъ будетъ?... Неужели я не смогу раскаяться и постараться загладить свои прежнія вины? Я ошибался, думая, что самое лучшее думать только о себѣ, теперь я вижу, что самое высшее наслажденіе—это заботиться о другихъ, помогать ближнимъ, когда имѣешь на это возможность!...—воскликнулъ Ануфріевъ въ отчаяніи, обращаясь къ духу.

— Нѣтъ, если бы ты перемѣнился и повелъ другую жизнь,—жизнь чистаго и добраго христіанина, то и все будущее и твое, и окружающихъ тебя—измѣнилось бы, но теперь тебѣ пора домой!...—отвѣчалъ призракъ.

Ануфріевъ почувствовалъ, какъ они понеслись съ ужасающей быстротой, и черезъ секунду онъ стукнулся о свою кровать.

Онъ невольно привскочилъ и протеръ глаза.

Оказалось, что онъ лежитъ на полу около своей кровати!... Въ первую минуту онъ ничего не могъ сообразить и блуждающимъ взглядомъ осматривалъ свою комнату; все было на своемъ мѣстѣ, все оставалось въ томъ положеніи, въ какомъ онъ оставилъ, ложась вчера спать; сквозь щели ставней пробивались лучи восходящаго солнца.

Тутъ только Ануфріевъ сообразилъ, что никакого духа къ нему не являлось, и что все, что произошло съ нимъ, онъ видѣлъ во снѣ, который послалъ ему его ангелъ хранитель.

Черезъ минуту онъ привелъ себя въ порядокъ: умылся, причесался, помолился Богу (молился онъ на колѣняхъ и такъ искренно и усердно, какъ никогда еще въ жизни), открылъ ставни, и въ растворенное окно веселымъ голосомъ (онъ самъ даже удивился, какъ весело онъ крикнулъ) позвалъ своего работника.

Почтенный старикъ явился на этотъ зовъ и остановился у притолки, ожидая, что хозяинъ или сдѣлаетъ ему выговоръ, или прикажетъ что-нибудь сдѣлать; но Ануфріевъ, вмѣсто того и другого, быстро подошелъ къ нему и веселымъ голосомъ воскликнулъ:

— Христосъ воскресе, Иванъ!...

— Воистину воскресе!... — отвѣтилъ тотъ удивленно.

Они облобызались, и Ануфріевъ сунулъ своему вѣрному слугѣ въ руку десяти-рублевую бумажку.

— Вотъ тебѣ вмѣсто краснаго яичка—красную бумажку!...—воскликнулъ онъ и расхохотался самымъ добродушнымъ смѣхомъ, замѣтивъ изумленное лицо старика.

Только когда онъ увидѣлъ это лицо и когда расхохотался, вполнѣ невольно, искреннимъ смѣхомъ, Ануфріевъ понялъ—какъ пріятно дѣлать добро.

— А теперь,—продолжалъ онъ, когда его смѣхъ окончился,—собирай все наше (прежде бы онъ сказалъ: мое) розговѣнье, позови еще кого-нибудь и тащи все къ Сергѣю Ильичу!

Нужно ли досказывать нашу исторію? Ануфріевъ изъ человѣка жестокосерднаго разомъ обратился въ благодѣтеля всѣхъ дубковскихъ обывателей.

Онъ началъ съ того, что взялъ къ себѣ въ домъ Сергѣя и всю его семью; жена Сергѣя стала у него хозяйничать, и надо было видѣть, какъ всѣ они зажили весело и счастливо; вторымъ дѣломъ Ануфріева было то, что онъ бѣднымъ простилъ долги и впередъ давалъ взаймы рѣшительно всѣмъ, кто у него просилъ, и не бралъ ни копейки процентовъ.

Такъ прожилъ онъ очень долго, наслаждаясь полнымъ счастіемъ среди семьи Сергѣя, благословляемый всѣми односельчанами, и, когда, наконецъ, онъ умеръ, то хоронить его собралось не только все село, но пріѣхали толпы народа и изъ окрестныхъ деревень.

Когда тѣло его стали опускать въ могилу, то поднялся такой плачъ, какъ будто каждый изъ присутствующихъ хоронилъ родного отца.

Да, хорошо быть добрымъ и честнымъ человѣкомъ, и сохрани насъ Богъ отъ скупости, злости, зависти и жестокосердія. (Воскресенье, 1887 г., № 31).

6. Возможно ли общеніе между живыми и умершими 1)?

Примѣровъ общенія между членами земной (воинствующей) церкви и церкви небесной (торжествующей) множество. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ.

Въ царствованіе императоровъ Діоклитіана и Максиміана были замучены за исповѣданіе Христа Евстратій, Авксентій, Евгеній, Мардарій и Орестъ (память ихъ 13 декабря). По смерти ихъ, близъ г. Константинополя была выстроена церковь во имя св. мучениковъ и основанъ даже былъ монастырь. Уставъ послѣдняго былъ таковъ, чтобы братія не имѣли никакой собственности, а питались отъ доброхотныхъ дателей. Однажды, въ праздникъ св. мучениковъ, по изволенію Божію, случилась сильная буря на морѣ, такъ что никто не могъ пріѣхать на праздникъ. Братія была въ сильной скорби, потому что нечего было ѣсть, и они рѣшились было уйти изъ этого монастыря. Но вотъ, вечеромъ приходитъ къ игумену привратникъ со словами „благослови, отче, привести къ тебѣ мужа отъ царя съ двумя нагруженными верблюдами“. Вошелъ свѣтлый мужъ и предложилъ игумену пищу и питіе. Братія вкусили отъ принесеннаго и остались очень довольны. Спустя немного времени, пришелъ другой и третій мужъ, принесшіе рыбы для пропитанія братіи и церковные сосуды для совершенія литургіи. И литургія была совершена неизвѣстными мужами; но на вопросъ игумена: кто они таковые,—они отвѣчали: „мы—Евстратій, Авксентій, Евгеній, Мардарій и Орестъ“.

Видите, христіане, что святые мученики и по смерти своей не оставляли безъ своей помощи учрежденный во имя ихъ монастырь.

А то вотъ еще подобный примѣръ изъ жизни св. великом. Анастасіи Узорѣшительницы (память ея 22 декабря).

Когда св. Анастасія Узорѣшительница была брошена въ темницу и тамъ въ продолженіе 30 дней была мучима голодомъ, въ это время являлась ей святая мученица Ѳеодотія каждую ночь и укрѣпляла ее. Анастасія однажды спросила св. Ѳеодотію, какимъ образомъ она можетъ приходить къ ней по смерти? Ѳеодотія отвѣчала, что душамъ мучениковъ дана отъ Бога та особенная благодать, что онѣ приходятъ, къ кому пожелаютъ, бесѣдуютъ съ ними и утѣшаютъ ихъ...

Но не одни святые являются къ живымъ и помогаютъ имъ совѣтами и дѣломъ: даже грѣшные умершіе имѣютъ общеніе съ своими живущими родственниками. Какъ часто тяжело больные видятъ своихъ умершихъ родителей, и видятъ не во снѣ, а какъ бы наяву. Вотъ какой случай былъ недавно въ Москвѣ.

Одинъ молодой человѣкъ заболѣлъ злѣйшею чахоткою, такъ что до самой смерти не вставалъ съ постели. Прошло четыре мѣсяца болѣзни, и вотъ онъ однажды видитъ (не во снѣ), что къ нему подходитъ его умершій (10 лѣтъ тому назадъ) отецъ и проситъ его итти съ нимъ, но больной рѣшительно отвѣчалъ: „не пойду я съ тобою“. Тогда явившійся отецъ сказалъ: „ну, ладно,—я приду за тобою весною“. Черезъ

---

1) Примѣнительно къ просьбѣ богача извѣстить остававшихся въ живыхъ братьевъ его объ ужасныхъ мукахъ, ожидающихъ немилостивыхъ.

четыре мѣсяца послѣ этого видѣнія больной скончался, и, дѣйствительно, весною...

Нерѣдко случается, что родители умершіе являются дѣтямъ, чтобы напомнить имъ объ исполненіи обѣтовъ. Одинъ сынъ, лишившись отца и оставшись съ матерью, вслѣдствіе тяжкаго горя, далъ обѣтъ отслужить по отцѣ шесть обѣденъ. Но горе миновало, и сынъ не отслужилъ даже и одной обѣдни. Наканунѣ сорокового дня ему во снѣ явился покойный отецъ и тоскливыми глазами посмотрѣлъ на него... Тутъ-то онъ вспомнилъ про свой обѣтъ и, павши къ ногамъ родителя, со слезами говорилъ: „прости меня, батюшка, — я вѣдь не исполнилъ даннаго мною при твоей смерти обѣта“. Послѣ этого родитель, кивнувши головою, сказалъ: „ну, сынъ, теперь я пойду“. Съ этими словами онъ пошелъ къ церкви, въ оградѣ которой и скрылся...

Изъ этихъ разсказовъ ясно, что общеніе между живыми и умершими существуетъ. А если такъ, то христіане, заботящіеся объ участи своихъ умершихъ сродниковъ, должны молиться объ упокоеніи своихъ сродниковъ „въ мѣстѣ злачнѣ, мѣстѣ покойнѣ, идѣже вси праведніи пребываютъ“. Нерадивые же христіане пусть знаютъ, что нерадѣніе ихъ по отношенію къ усопшимъ гибельно какъ для нихъ самихъ, такъ и для усопшихъ. Для первыхъ гибельно потому, что они не молятся за усопшихъ и не исполняютъ ихъ завѣтныхъ желаній и завѣщаній, и чрезъ то становятся клятвопреступниками. Для вторыхъ гибельно это въ томъ отношеніи, что они лишаются, вслѣдствіе небрежности живыхъ родственниковъ, молитвъ за себя. А молитва въ данномъ случаѣ весьма и весьма важна... Какъ извѣстно, участь умершихъ еще не опредѣлена до всеобщаго суда. Существуетъ еще частный судъ, на основаніи котораго усопшій опредѣляется или на мученія, или на блаженство. Но... молитва церкви и сродниковъ можетъ измѣнить участь грѣшниковъ.

Поэтому, христіане, не прерывайте связи со своими усопшими сродниками: молитесь за нихъ всегда, и особенно въ дни, назначенные для поминовенія усопшихъ, и ваша усердная молитва можетъ облегчить участь вашего сродника. А это развѣ не отрадно?! (См. „Воскр. лист.“ № 662. изд. ред. „Воскр. день“).

7. Примѣръ благотворности заупокойныхъ литургій и молитвъ церкви за умершихъ.

I. Св. Григорій Двоесловъ представляетъ замѣчательный опытъ дѣйствія молитвы и жертвоприношеній за усопшаго, случившійся въ его монастырѣ. „Одинъ братъ, за нарушеніе обѣта нестяжанія, въ страхъ другимъ, лишенъ былъ по смерти церковнаго погребенія и молитвы въ продолженіе 30 дней, а потомъ изъ состраданія къ его душѣ 30 дней приносима была за него безкровная жертва съ молитвою. Въ послѣдній изъ сихъ дней усопшій явился въ видѣніи оставшемуся въ живыхъ родному брату своему и сказалъ: „доселѣ худо было мнѣ, а теперь я уже благополученъ: ибо сегодня получилъ пріобщеніе“ (т.-е. къ блаженной жизни) (Бес. кн. 4, гл. 55).

II. Св. Іоаннъ милостивый, патріархъ александрійскій, часто совершалъ божественную литургію о усопшихъ и говорилъ, что она весьма помогаетъ душамъ ихъ. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ слѣдующее обстоятельство: „одинъ узникъ, за котораго родители, почитавшіе его умершимъ, трижды въ годъ совершали божественную литургію: въ день богоявленія, пасхи и пятидесятницы, по освобожденіи изъ плѣна, явившись неожиданно къ своимъ родителямъ, вспомнилъ, что въ эти самые дни приходилъ къ нему въ темницу со свѣтильникомъ нѣкій славный мужъ: оковы спадали съ ногъ, и онъ былъ свободенъ, въ прочіе же дни опять содержимъ былъ въ оковахъ, какъ узникъ“ („Ч.-М.“ нояб. 12).

III. На востокѣ въ одномъ мѣстѣ стали рыть землю для основанія монастыря и нашли въ землѣ двадцать тѣлъ, черныхъ какъ уголь, но ни мало не тронутыхъ тлѣніемъ. Святитель, иноки и народъ, желая узнать, чьи это тѣла, стали со слезами молиться Богу, и, по ихъ молитвѣ, одинъ изъ этихъ несчастныхъ возсталъ и сказалъ, что тутъ былъ нѣкогда монастырь, что онъ и девятнадцать его товарищей, несмотря ни на какія убѣжденія и угрозы настоятеля, жили нечестиво, и вслѣдъ затѣмъ просилъ, чтобъ двадцать иноковъ обѣщались предъ Богомъ въ теченіе двадцати лѣтъ, проведенныхъ усопшими въ иночествѣ, молиться за нихъ Богу съ приношеніемъ безкровной жертвы. Когда же святитель съ иноками изъявилъ на то свое согласіе, усопшій оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и опять уснулъ сномъ смерти, — и сряду же тѣло его и тѣла его товарищей превратились въ прахъ, такъ что святитель тогда же велѣлъ ссыпать, по обычаю, всѣ кости ихъ въ общую усыпальницу. (Письма Святогорца, ч. 2, стр. 185—186. Подобное было въ 1832 и 1834 годахъ; см. „Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и св. землѣ“ инока Парѳенія, 1855 г., ч. 3, стр. 140—142; сн. кн. „Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу“, еп. Гермогена стр. 74).

IV. Св. Григорій Двоесловъ повѣствуетъ что при жизни св. Венедикта были двѣ постницы, которыя имѣли несчастную привычку осуждать своихъ ближнихъ. Св. старецъ увѣщевалъ ихъ оставить эту привычку и, наконецъ, за непослушаніе отлучилъ ихъ отъ св. церкви. Онѣ все-таки не исправились и ушли въ могилу со своимъ порокомъ; вслѣдствіе этого отлученіе осталось на нихъ. Но за свое постничество (и вѣроятно по причинѣ ходатайства родныхъ) онѣ были похоронены въ церкви. Но во время литургіи, когда діаконъ возглашалъ: „оглашеніи, изыдите!“ многіе христіане видѣли ихъ выходящими изъ церкви. Узналъ объ этомъ преподобный Венедиктъ, сжалился онъ надъ несчастными и послалъ въ ту церковь просфору, чтобы вынуть изъ нея часть за упокой душъ ихъ, а также повелѣлъ поминать ихъ при совершеніи Христовыхъ Таинъ. Послѣ того уже никто изъ христіанъ не видѣлъ ихъ выходящими изъ церкви. Изъ этого всѣ уразумѣли, что вслѣдствіе заупокойныхъ молитвъ св. церкви и жертвоприношеній усопшія постницы получили отъ Бога прощеніе. (Бесѣды, кн. II, гл. 23).

V. Передадимъ здѣсь видѣніе одного благочестиваго человѣка, который во времена святогорца Серафима подвизался на Аѳонѣ. Изъ этого видѣнія мы еще болѣе увидимъ, какъ молитва церкви избавляетъ души грѣшниковъ отъ мученій.

Благочестивый тотъ человѣкъ, будучи еще въ міру, однажды сильно захворалъ и два мѣсяца лежалъ въ постели. Въ одинъ день, когда болѣзнь его особенно усилилась, ему было видѣніе: къ нему вошли два юноши, взяли его за руки и сказали: „слѣдуй за нами!“ Больному показалось, что онъ безъ всякой болѣзни всталъ, оглянулся на свою постель и увидѣлъ, что тѣло его осталось на ней. Тогда только онъ понялъ, что онъ оставилъ земную жизнь и долженъ явиться въ иной міръ. Въ юношахъ онъ узналъ ангеловъ и въ сопровожденіи ихъ долго шелъ по мѣстамъ мрачнымъ. Вдругъ ему какъ будто издали послышался стонъ и вопль людей. Въ страхѣ и трепетѣ прошелъ онъ еще немного и увидѣлъ много печей, въ которыхъ бушевалъ огненный вихрь и крутилось пламя. Изъ пламени раздавались страдальческіе стоны грѣшниковъ. Юноши начали объяснять своему спутнику, за какой грѣхъ уготовано то или другое огненное мѣсто. Наконецъ, они показали ему различныя мученія за народныя безчинныя увеселенія и сказали: „если ты не отстанешь отъ своихъ грѣховъ и привычекъ прежней жизни, то здѣсь твое мѣсто“. Тотъ, видя свое огненное жилище на цѣлую вѣчность, дрожалъ, какъ листъ, и не могъ выговорить слова. Вслѣдъ затѣмъ, одинъ изъ ангеловъ выхватилъ изъ пламени человѣка, который былъ черенъ, какъ уголь, весь обгорѣлъ и былъ окованъ съ головы до ногъ. Страшно было смотрѣть на него. Оба ангела сняли съ несчастнаго оковы, и съ него слетѣла какъ будто мрачная шелуха: онъ сдѣлался чистъ и свѣтелъ, какъ ангелъ; неописанное райское веселіе сіяло въ его очахъ. Неизвѣстно откуда, ангелы взяли одѣяніе на подобіе царской порфиры, блиставшее какъ свѣтъ, и одѣли ею страдальца. Спутникъ ангеловъ недоумѣвалъ, почему произошла такая перемѣна. „Что это значитъ? — смиренно спросилъ онъ у нихъ, — ради Господа объясните и скажите мнѣ“. Тогда, одинъ изъ ангеловъ отвѣчалъ: „эта душа была очень грѣшна и потому должна была по дѣламъ своимъ вѣчно горѣть въ пламени. Между тѣмъ, родители этого грѣшника по смерти его много подавали за него милостыни, много дѣлали поминовеній на литургіи, и вотъ, ради поминовенія и молитвъ родительскихъ, ради ходатайства церкви, Богъ умилостивился: душа его избавлена отъ вѣчнаго мученія и теперь предстанетъ предъ лицо своего Господа и будетъ радоваться со святыми Его во вѣки“.

Тѣмъ видѣніе и кончилось. (Извлечено изъ „Писемъ“ Святогорца; сн. „Странникъ“ за 1882 г. май).

„Но кто можетъ исчислить, — восклицаетъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, — всѣ свидѣтельства, находящіяся въ жизнеописаніяхъ св. мужей и божественныхъ откровеніяхъ, ясно показывающія, что и по смерти приносятъ величайшую пользу усопшимъ совершаемыя о нихъ молитвы, литургіи и раздаваемыя милостыни: ибо ничто данное взаимъ Богу не погибаетъ, но вознаграждается отъ Него съ величайшею лихвою!“ (въ сл. о усопш. въ вѣрѣ, см. „Хр. чт.“ 1827 г., ч. 26).

8. Основанія вѣрить, что участь нѣкоторыхъ грѣшныхъ душъ послѣ смерти не безнадежна.

Мы имѣемъ основанія надѣяться, что мучительное состояніе нѣкоторыхъ грѣшныхъ душъ, осужденныхъ на судѣ послѣ смерти, можетъ измѣниться на лучшую участь.

Спаситель сказалъ: всякъ грѣхъ и хула отпустятся человѣкомъ..., а иже речетъ на Духа Святаго, не отпустится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій [1]. Въ этой рѣчи главнымъ образомъ выражается безнадежное состояніе тѣхъ, которые виновны въ хулѣ на Духа Святаго. Но естественно вытекаетъ отсюда и такое заключеніе: прочіе же грѣшники, значитъ, могутъ быть прощаемы даже и въ будущемъ вѣкѣ. Такъ и разсуждаетъ блаженный Августинъ: „не совсѣмъ справедливо было бы сказать объ извѣстныхъ грѣшникахъ, что имъ не отпустится ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, когда бы не было такихъ, которые если не въ сей, то въ будущій вѣкъ получаютъ прощеніе“ [2]. Святая же Анна, мать Самуила, исполненная Духа Святаго, прямо выразила, что Богъ не только низводитъ во адъ, но и возводитъ изъ ада [3]. Какъ знаемъ изъ слова Божія, Спаситель вслѣдъ за Своею смертію сходилъ во адъ и тамъ предложилъ проповѣдь. Плодомъ этой проповѣди было то, что Онъ извелъ оттуда вѣрующія души. Не такъ же ли возможенъ и въ настоящее время исходъ изъ ада нѣкоторыхъ душъ? Говорится также у апостола Павла, что предъ именемъ Іисуса поклонится колѣно не только небесныхъ (ангелы) и земныхъ (живые люди), но и преисподнихъ [4], т.-е. часть людей, находящихся въ преисподней [5]. Опять не о тѣхъ ли душахъ во адѣ здѣсь говорится, которыя еще могутъ воспользоваться милостію Божіею къ облегченію своихъ адскихъ мученій и даже способны къ переходу въ рай? Наконецъ въ Апокалипсисѣ читаемъ, что Господь Іисусъ, и послѣ того какъ сходилъ во адъ, имѣетъ ключи ада и смерти [1]. Значитъ, и нынѣ Онъ отворяетъ двери ада для нѣкоторыхъ душъ, повелѣвая имъ совсѣмъ выйти оттуда.

Какія же именно эти души? Это тѣ люди, которые допустили въ своей жизни однажды или болѣе смертные грѣхи. Хотя передъ смертію своею они и покаялись, сколько могли, но на самомъ дѣлѣ не успѣли оправдать покаянія. Такъ какъ въ рай не имать внити всяко скверно [2], а они еще не начинали жизни чистой: то и не удостоиваются рая, но нисходятъ во адъ. Однакожъ можно ли думать, чтобъ Господь Богъ оставилъ этихъ людей безъ вознагражденія за то доброе, съ которымъ они перешли въ вѣчность, за которое они не успѣли получить награды въ этой жизни, т.-е. за ихъ искреннее, глубокое раскаяніе предъ смертію? Церковь православная и говоритъ: „души людей, впадшихъ въ смертные грѣхи и при смерти не отчаявшихся, но еще до разлученія съ настоящею жизнію покаявшихся, только не успѣвшихъ принести плодовъ покаянія, каковы: молитвы, слезы, колѣнопреклоненія при молитвенныхъ бдѣніяхъ, сокрушеніе, утѣшеніе бѣдныхъ и выраженіе въ поступкахъ любви къ Богу и ближнимъ, что каѳолическая церковь съ самого начала признаетъ благоугоднымъ и благопотребнымъ, — нисходятъ во адъ и терпятъ за учиненные ими грѣхи наказанія, не лишаясь впрочемъ надежды облегченія отъ нихъ“ [3].

Не безнадежны еще послѣ смерти души тѣхъ людей, которые хоть предъ смертію и не покаялись во грѣхахъ своихъ (по чину исповѣди), — или потому что были вдругъ застигнуты смертію, или въ силу другихъ обстоятельствъ, которыя также не зависѣли отъ ихъ воли, однакожъ не были закоснѣлыми грѣшниками. Грѣхи слабости, грѣхи давнихъ привычекъ, „тмами обѣщанное, но не исполненное покаяніе“, словомъ грѣхи, не исповѣданные ими устно и не прощенные по таинству покаянія, очевидно, могутъ имъ препятствовать приблизиться ко Христу послѣ смерти, или войти въ рай. Но и объ этихъ грѣшникахъ молится церковь, чтобъ быть имъ помилованными: „яже покры вода и брань пожать, трусъ же яже объятъ и убійцы убиша, и огнь яже попали[1]), яже уби мечъ и конь восхити, градъ, снѣгъ и туча умноженная“ [2]).

---

[1] Мѳ. XII, 31—32.
[2] De civit. Dei lib. XXI, c. 24.
[3] 1 цар. II, 6.
[4] Филип. II, 11.
[5] Толк. блаж. Ѳеодорита.

[1] —I, 18.
[2] Апок. XXI, 27.
[3] Посл. вост. патр. о пр. вѣрѣ чл. 18.

Наконецъ, если безъ исповѣди и св. причастія предъ смертію остались и такіе изъ грѣшниковъ, которые согрѣшали въ жизни не разъ смертными грѣхами, наприм., блудомъ и прелюбодѣяніемъ, умышленнымъ убійствомъ, непримиримою долголѣтнею враждою съ кѣмъ, но которые, однако, умирая, изъявляли знаки самаго глубокаго и исполненнаго вѣры раскаянія (наприм., просили къ себѣ священника, плакали, крестились, признавали себя „достойными всякаго осужденія и муки“): не совсѣмъ безнадежна участь даже такихъ грѣшниковъ. Почему же? Они перешли въ вѣчность съ вѣрою во Христа Спасителя и съ надеждою на Божіе милосердіе. Находясь еще въ тѣлѣ (т.-е. когда человѣкъ бываетъ полнымъ человѣкомъ), они положили начало для своего помилованія. (См. брош. „О поминов. усопшихъ“ прот. Е. Попова).

9. **О неравенствѣ состояній** [3]).

Одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ нашего времени — вопросъ о неравенствѣ состояній: зачѣмъ одинъ богатъ, другой бѣденъ? одинъ живетъ въ роскоши и изобиліи, другой въ бѣдности и нуждѣ?

Богъ сотворилъ всѣхъ насъ для блага и блаженства. Это грѣхи наши внесли безпорядокъ и неурядицу въ жизни. Отъ грѣха мы лѣнимся, небрежемъ объ образованіи, дѣлаемъ разныя ошибки въ жизни. Отъ грѣха бываютъ пожары, наводненія, тяжкія болѣзни, смерть ранняя и поздняя — всѣ эти причины, производящія лишенія, страданія и бѣдность. Поэтому бѣдность до тѣхъ поръ будетъ, пока будетъ грѣхъ на землѣ. Господь Іисусъ Христосъ сказалъ: *нищихъ всегда имѣете съ собою* (Іоан. XII, 8).

Предположимъ, что, наконецъ, сбудутся химерическія мечты враговъ общаго порядка: въ одинъ день все, чѣмъ владѣютъ люди, — земли, дома, деньги, драгоцѣнности, — будутъ раздѣлены между всѣми поровну; на другой же день явится разница: одинъ сбережетъ, другой растратитъ, одинъ соберетъ, другой потеряетъ, и опять будетъ неравенство въ состояніи и опять бѣдность.

Есть ли же теперь какое-либо средство помочь горю, какъ-либо облегчить это бѣдствіе въ жизни?

Есть: смиреніе!

Богатый смиряйся предъ Богомъ. Помни, что ты всѣмъ Ему обязанъ. Родился въ богатой семьѣ, — чѣмъ ты это заслужилъ? Получаешь успѣхъ въ своемъ дѣлѣ, но развѣ другой менѣе тебя трудится? Домъ твой — полная чаша; да развѣ это вѣчное твое достояніе? Придетъ часъ, когда всѣ эти блага потеряютъ для тебя всякую цѣну и только увеличатъ тяжесть твоей отвѣтственности. Притча о богачѣ и Лазарѣ представляетъ и примѣръ, какъ легко при богатствѣ загубить свою душу. А какъ легко было бы для богатаго сдѣлать добро лежавшему у воротъ его Лазарю! Какъ недалеко отъ него было средство доброй милостыней стяжать себѣ ходатая и заступника предъ Богомъ!

И бѣдный смиряйся предъ Богомъ. Припоминай свои грѣхи вольные и невольные и старайся, чтобы не страдать напрасно, а съ пользой для своей души, для очищенія грѣховъ. Можетъ-быть, и у бѣднаго Лазаря были на душѣ грѣхи. Кто свободенъ отъ нихъ? И онъ сумѣлъ очистить ихъ, смирился душою, не предался ропоту. Не было у него того желчнаго раздраженія, которое въ нѣкоторыхъ бѣднякахъ возбуждаетъ видъ роскоши богатыхъ. Какъ скромны были его желанія! Хотѣлъ напитаться крошками, падающими со стола, въ чемъ не отказываютъ люди домашнимъ животнымъ; но и тѣхъ, какъ видно, ему не давали. Животныя оказались къ нему жалостливѣе людей.

Если бы богачи имѣли поболѣе страха Господня и не пользовались бы съ такимъ самоугожденіемъ своими средствами, а бѣдняки болѣе имѣли терпѣнія и благодаренія, если бы тѣхъ и другихъ связывала искренняя и нелицемѣрная любовь между собою, сколько бы горя убавилось на этой грѣшной землѣ!

По здѣшнимъ понятіямъ, хорошо богачамъ, худо бѣднымъ. Но небожителямъ едва ли это самое кажется не наоборотъ. Въ богатствѣ, можетъ-быть, они видятъ болѣе опасностей для вѣчной жизни, предъ которой настоящая не болѣе, какъ одно мгновеніе.

Трудно въ бѣдности удержаться отъ зависти, отъ лжи, отъ человѣкоугодія и другихъ пороковъ, свойственныхъ мрачной, бѣдной обстановкѣ, но бѣдность смиряетъ, сдружаетъ человѣка съ храмомъ Божіимъ, съ молитвой.

---

[1]) Канонъ въ субботу мясопустную.

[2]) Тамъ же.

[3]) Примѣнительно къ изображенію роскошной жизни евангельскаго богача и жалкаго земного состоянія нищаго Лазаря.

Богатому некому завидовать, не для чего лгать, нѣтъ нужды предъ кѣмъ-либо преклоняться, но среди полной обезпеченности, при этомъ раболѣпствѣ слугъ, при этихъ угодливыхъ рѣчахъ друзей и собесѣдниковъ, когда каждый опасается сказать ему слово правды, при этомъ неугомонномъ шумѣ житейской суеты, легко забыться, возмечтать о себѣ, усвоить безмѣрную обидчивость и заносчивость, охладѣть и еще въ этой жизни омертвѣть душой, что и видимъ часто.

Всѣ мы, и богатые и бѣдные, одинаково нуждаемся въ помощи Божіей и должны молиться: „ими же вѣси путями, Господи, спаси насъ!“ (См. „Воск. день“, 1899 г. № 45).

НЕДѢЛЯ 23-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Лук., зач. 38-е., гл. VIII, 26—39 ст.

1. Изгнаніе легіона нечистыхъ духовъ, въ странѣ Гадаринской.

Мѣстность по ту сторону озера Геннисаретскаго, или Галилейскаго, *лежащая противъ Галилеи* (ев. Луки VIII, 26), носитъ у евангелистовъ различныя названія. Ев. Маркъ и ев. Лука называютъ ее страною Гадаринскою, а ев. Матѳей — Гергесинскою (ев. Марка V, 1; Луки VIII, 26; Матѳея VIII, 28). Послѣ изысканій доктора Томсона, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Гергеса было имя небольшого города почти противоположнаго Капернауму, развалины котораго, въ настоящее время, извѣстны у бедуиновъ подъ именемъ *Керза* или *Герса*. О существованіи этого городка знали, по видимому, какъ Оригенъ, такъ равно св. Евсевій и блаженный Іеронимъ: въ ихъ время крутой скатъ близъ сказанныхъ развалинъ считался мѣстомъ совершенія чуда, о которомъ здѣсь будетъ говорено. Что же касается до названія страны Гадаринскою, то Гадарой назывался, вѣроятно, главный городъ, по которому цѣлый округъ носилъ имя Гадаринскаго.

„На другой сторонѣ озера, въ странѣ Гергесинской, Іисусъ встрѣченъ былъ зрѣлищемъ человѣческой злобы, бѣшенства и униженія, болѣе страшнымъ и опаснымъ, чѣмъ гнѣвъ возмущеннаго моря. На самомъ берегу, *гдѣ Онъ вышелъ*, (ев. Луки VIII, 27), изъ средины скалистыхъ пещеръ, *изъ гробовъ*, (ев. Луки VIII, 27; Марка V, 2,—3), появился человѣкъ, одержимый въ высшей степени бѣснованіемъ. Пробовали его связывать, но въ припадкѣ бѣшенства въ немъ являлась сверхъестественная сила, и ему всегда удавалось срывать съ себя цѣпи, свернувши ихъ, или разбивши вдребезги. Вслѣдствіе этого онъ заброшенъ былъ въ эти пустынныя горы и нечистыя мѣста, гдѣ, опасный для себя и для другихъ, безумецъ, весь изрѣзанный камнями, бродилъ ночь и день, оглашая окрестность своимъ воемъ.

„Здѣсь совершенно умѣстно указать на разность въ разсказѣ объ этомъ происшествіи у евангелистовъ Марка и Луки (ев. Марка V, 1—15; Луки VIII, 26—35) съ разсказомъ у евангелиста Матѳея (ев. Матѳея VIII, 28—33). У первыхъ двухъ показанъ одинъ бѣсноватый, а у послѣдняго два, но разность эта легко объяснима. Легко можно представить себѣ, что возмутительная фигура описаннаго выше, обнаженнаго и дышащаго убійствомъ бѣснующагося, который бросился къ Іисусу, когда Онъ высадился на берегъ, была такъ поразительна, что личность другого, который не былъ столько ужасенъ и стоялъ, можетъ-быть, въ нѣкоторомъ разстояніи, не только ничѣмъ не выдавалась, но почти стушевывалась передъ первымъ; а потому и пропущена у ев. Марка и Луки.

Св. Іоаннъ Златоустъ объясняетъ эту разность такъ: „то, что Лука упоминаетъ объ одномъ бѣснующемся, тогда какъ Матѳей говоритъ о двухъ, не показываетъ между ними разногласія. Ибо тогда бы только показалось между ними разногласіе, когда бы Лука сказалъ, что одинъ только былъ бѣснующійся, а другого не было. Когда же одинъ говоритъ объ одномъ, а другой о двухъ, то это не есть признакъ противорѣчія, а показываетъ только различный образъ повѣствованія. И мнѣ кажется, что Лука упомянулъ о томъ только, который былъ лютѣйшимъ изъ нихъ: почему и бѣдствіе его представляетъ самымъ плачевнымъ“ (XXVIII Бесѣда св. Іоанна Златоуста на еванг. Матѳея. М. 1843 г. Ч. I, стр. 578), ибо онъ былъ одержимъ бѣсами съ давняго времени, и въ одежду не одѣвался и жилъ не въ домѣ, а въ гробахъ; его связывали цѣпями и узами, сберегая его, но онъ разрывалъ узы и былъ гонимъ бѣсомъ въ пустыни (ев. Луки VIII, 27—29), а Маркъ свидѣтельствуетъ, что всегда, ночью и днемъ, въ горахъ и гробахъ кричалъ онъ и бился о камни (ев. Марка V, 5).

„Присутствіе Іисуса и Его взглядъ, прежде чѣмъ раздался Его голосъ, по видимому, укротили бѣснующихся. Вмѣсто того, чтобы напасть на учениковъ, одинъ изъ нихъ бросился къ Іисусу, палъ предъ Нимъ и громкимъ голосомъ сказалъ: что Тебѣ до меня, Іисусъ, Сынъ Бога Всевышняго? Умоляю Тебя, не мучь меня. Ибо Іисусъ повелѣлъ духу нечистому выйти изъ сего человѣка (ев. Марка V, 6—8; Луки VIII, 28—29). Іисусъ спросилъ его: какъ тебѣ имя? Онъ сказалъ въ отвѣтъ: легіонъ имя мнѣ, потому что насъ много (ев. Марка V, 9; Луки VIII, 30). И вотъ они (бѣсы устами обоихъ бѣсноватыхъ) закричали: что тебѣ до насъ, Іисусъ, Сынъ Божій? Пришелъ Ты сюда прежде времени мучить насъ (ев. Матѳея VIII, 29).

„Тогда какъ народъ считалъ Іисуса человѣкомъ, бѣсы исповѣдали Божество Его, и тѣ, которые оставались невнимательными при возмущеніи и укрощеніи моря, услышали демоновъ, взывающихъ о томъ, о чемъ возвѣщало море. Они прямо называютъ Іисуса *Сыномъ Бога Всевышняго* и, чтобы слова эти не показались лестію, доказываютъ истину ихъ опытомъ — мученіемъ, крича: *пришелъ Ты сюда прежде времени мучить насъ* и, такимъ образомъ, прежде всего признаются въ своей злобѣ и виновности, достойной наказанія, чтобы просьба ихъ не подверглась сомнѣнію. Они думали, что Спаситель, по причинѣ ихъ чрезмѣрныхъ злодѣяній надъ Его твореніемъ, не будетъ отлагать времени ихъ наказанія, и пришли въ ужасъ отъ предстоящаго имъ мученія, которому должны подвергнуться. Потому просили не подвергать ихъ наказанію прежде времени“ [1] (XXVIII Бесѣда св. Іоанна Златоуста на евангелиста Матѳея, М. 1843 года. Ч. I, стр. 577—578), умоляли и заклинали Его, чтобы „не высылалъ ихъ вонъ изъ страны той и не повелѣлъ имъ итти въ бездну. Вдали же отъ нихъ (отъ бѣсноватыхъ) при горѣ паслось большое стадо свиней, и бѣсы просили Его, чтобы позволилъ имъ войти въ нихъ, говоря: если выгонишь насъ, то пошли насъ въ свиней, чтобы намъ войти въ нихъ. Іисусъ немедленно позволилъ имъ и сказалъ: идите! И нечистые духи, вышедши, вошли въ свиней, и устремилось стадо съ крутизны въ море, а ихъ было около двухъ тысячъ, и потонули въ морѣ. Пастухи, видя происшедшее, побѣжали и разсказали въ городѣ и селеніяхъ. И вышли видѣть происшедшее; и пришедши къ Іисусу, нашли человѣка, въ которомъ былъ легіонъ, и изъ котораго вышли бѣсы, сидящаго у ногъ Іисуса, одѣтаго и въ здравомъ умѣ: и ужаснулись. Видѣвшіе же разсказали имъ о томъ, какъ это произошло съ бѣсноватымъ, и о свиньяхъ“ (ев. Матѳея VIII, 30—33; Марка V, 10—16; Луки VIII, 31—36).

„Это сдѣлано Спасителемъ не потому, чтобы Онъ былъ убѣжденъ просьбами бѣсовъ, но по многимъ премудрымъ цѣлямъ. Во-первыхъ, для того, чтобы освободившимся отъ этихъ злыхъ мучителей показать величіе вреда, причиняемаго имъ бѣсами; во-вторыхъ, для того, чтобы вразумить всѣхъ, — что бѣсы безъ Его позволенія не смѣютъ прикасаться даже къ свиньямъ; въ третьихъ, для того, чтобы дать знать, что бѣсы гораздо жесточе, нежели съ свиньями, поступили бы съ людьми, если бы они не удостоивались великаго промышленія Божія. Ибо всякому извѣстно, что бѣсы ненавидятъ людей болѣе, нежели безсловесныхъ животныхъ. Поэтому, если они не щадили свиней, но въ одно мгновеніе низвергли всѣхъ ихъ въ море, то тѣмъ болѣе сдѣлали бы это съ людьми, влачимыми ими по пустынямъ, если бы провидѣніе Божіе и при самомъ жестокомъ мученіи не обуздывало и не удерживало дальнѣйшаго ихъ стремленія. Отсюда видно, что нѣтъ ни одного человѣка, о которомъ бы не промышлялъ Богъ. Если же Онъ не о всѣхъ печется одинаковымъ образомъ, то и это есть величайшій знакъ Его промысла. Ибо Богъ являетъ промыслъ Свой сообразно съ пользою каждаго. И не вообще только о всѣхъ промышляетъ Богъ, но и въ особенности о каждомъ человѣкѣ, что видно и въ отношеніи къ бѣснующимся, которые давно были бы задушены, если бы не были свыше сохраняемы великимъ попеченіемъ. По этимъ-то причинамъ Спаситель позволилъ бѣсамъ войти въ стадо свиное, дабы жители тѣхъ странъ познали Его всемогущество. А что нѣкоторые изъ жителей тѣхъ находились въ безчувствіи, видно изъ конца происшествія. Имъ надлежало бы поклониться Господу и удивляться Его могуществу, а они отсылали Его и умоляли удалиться отъ ихъ предѣловъ. Кромѣ того, чтобы кто-нибудь не назвалъ этого происшествія баснею, но совершенно повѣрилъ исшествію бѣсовъ, это исшествіе доказывается погибелью свиней. И какая кротость соединена въ Іисусѣ Христѣ съ Его могуществомъ! Когда жители той страны, столь облагодѣтельствованные Имъ, принудили Его удалиться, Онъ безъ сопротивленія удалился и оставилъ показавшихъ себя недостойными Его ученія, давъ имъ наставниками какъ освобожденныхъ отъ демоновъ, такъ и пасшихъ свиней, чтобы отъ нихъ узнали о всемъ случившемся. Великая потеря разнеслась быстро, и хозяева потопленныхъ свиней, пастухи и исцѣлившіеся отъ бѣсовъ распространяли всюду слухъ о необыкновенномъ чудѣ“. (XXѴIII Бес. св. Іоанна Златоуста на еванг. Матѳея. М. 1843 года. Ч. I, стр. 581—584).

---

[1] Это доказываетъ, что не только умершіе нераскаянные грѣшники, но и самые бѣсы не подверглись еще совершенному мученію и ожидаютъ общаго послѣдняго суда при кончинѣ міра; и что мука эта такъ страшна, что самые бѣсы трепещутъ ее и предпочитаютъ лучше жизнь съ нечистыми свиньями. (Толкованіе воскрес. евангелій, сост. Никифоромъ, арх. астр. и ставр. М. 1805 г. Т. 1, л. 218, 219). Эту истину подтверждаютъ и апостолы: Петръ: «Богъ ангеловъ согрѣшившихъ не пощадилъ, но, связавъ узами адскаго мрака, предалъ блюсти на судъ, для наказанія. (2 Петр. II, 4)». И Іуда: «и ангеловъ, несохранившихъ своего достоинства, но оставившихъ свое жилище, соблюдаетъ въ вѣчныхъ узахъ, подъ мракомъ, на судъ великаго дня (Іуд. 1, 6)».

Съ грубымъ и настоятельнымъ единодушіемъ „просилъ Его весь народъ Гадаринской окрестности удалиться отъ нихъ, (отъ предѣловъ ихъ), потому что они объяты были великимъ страхомъ“ (ев. Луки ѴIII, 37; Матѳея ѴIII, 34; Марка Ѵ, 17); причемъ іудеи и язычники узнали великую истину, что иногда Господь, къ великой скорби Своей, исполняетъ неразумную молитву (ср. Исход. X, 28—29; Числъ XXII, 20). Іисусъ самъ училъ Своихъ учениковъ не давать псамъ того, что свято, не разбрасывать жемчуга передъ свиньями. Эти полуязычники полюбили свои грѣхи и своихъ свиней и, отдавая свободно все преимущество тому, что низко и ничтожно, отвергли благословеніе. Съ грустію оставилъ ихъ Іисусъ, зная, что несчастные гадаряне, за свое невѣріе, подвергнутся впослѣдствіи страшному избіенію, и городъ ихъ истребится огнемъ и мечомъ.

„Въ то время, когда множество гадарянъ просило Его оставить ихъ, „и когда Онъ вошелъ въ лодку, человѣкъ, изъ котораго вышли бѣсы, просилъ Его, чтобы быть съ Нимъ“ (ев. Марка Ѵ, 18; Луки ѴIII, 38). Но Іисусъ, желая оказать еще одну милость для отвергнувшаго Его народа, „не дозволилъ ему быть при Себѣ, а сказалъ: возвратись въ домъ свой и разскажи, что сотворилъ тебѣ Богъ и какъ помиловалъ тебя. И пошелъ исцѣленный и началъ проповѣдывать по всему городу и въ Десятоградіи, что сотворилъ съ нимъ Іисусъ, и всѣ дивились“ (ев. Марка Ѵ, 19—20; Луки ѴIII, 39). Такимъ образомъ исцѣлившійся отъ бѣснованія гергесянинъ сталъ первымъ великимъ миссіонеромъ въ странахъ Декапольскихъ, представляя своею личностію подтвержденіе своихъ словъ“.

Великій примѣръ истиннаго благотворенія подалъ Спаситель Своимъ незлобіемъ къ неблагодарнымъ гадарянамъ. Истинное благотвореніе есть плодъ любви, есть самая любовь, и должно быть оказываемо безо всякаго ожиданія земного воздаянія. Но люди, къ несчастію, извращаютъ истинное понятіе о благотвореніи и, требуя благодарности за благодѣяніе, впадаютъ въ многіе грѣхи: въ гнѣвъ и осужденіе, чѣмъ искореняютъ изъ сердца своего любовь къ ближнему и благотворительное расположеніе. Но истинный ученикъ Христовъ благодѣтельствуетъ всѣмъ безъ различія: иному совѣтомъ, другому защитою, иному матеріальною помощію, другому услугами, не ожидая ничего за это и не требуя никакой благодарности, зная, что, чѣмъ болѣе облагодѣтельствованные будутъ неблагодарны, тѣмъ большую милость явитъ Господь благодѣтелю, потому не предпочитаетъ временное человѣческое воздаяніе вѣчному воздаянію Божію, имѣя всегда предъ очами своими Спасителя своего, Который никогда не перестаетъ благотворить человѣкамъ, какъ бы они ни были неблагодарны за Его благодѣянія (См. кн. Лебединскаго: „Іисусъ Христосъ Сынъ Божій“ М. 1896 г.).

2. Противъ вѣры простого народа въ порчу.

Много у насъ на Руси, особенно среди простого народа, распространено суевѣрій, предразсудковъ; но особенно сильно распространена среди простого народа вѣра въ такъ называемую порчу. *Порча, онъ или она испорченъ, порченый,*—эти и подобныя слова чаще всего слышишь изъ устъ простого человѣка. Всякую болѣзнь онъ старается объяснить „порчею“. Страдаетъ ли кто тоскою—болью на сердцѣ, заболитъ ли головною болью, лихорадкою, горячкою, даже наружными ранами—сейчасъ готово объясненіе: „онъ испорченъ,—у него порча“. Кто же испортилъ его? спроситъ кто-нибудь. Лихой-злой человѣкъ,—слышится отвѣтъ. Но напрасно ищутъ и находятъ лихихъ—злыхъ людей тамъ, гдѣ и быть не можетъ ихъ. Болѣзни вообще происходятъ не отъ лихихъ людей, а отъ насъ самихъ, отъ нашей природы, испорченной грѣхомъ. И какъ немного нужно, чтобы заболѣть; дунетъ пронзительный вѣтеръ на человѣка—и человѣкъ заболѣваетъ простудою, лихорадкою. Не остережется человѣкъ, напьется, напр., холодной воды въ разгоряченномъ состояніи,—опять тѣ же болѣзни. А сколько болѣзней происходитъ отъ нашей невоздержной жизни: отъ объяденія, пьянства, распутства, отъ страстей душевныхъ, какъ, напр., зависти, злобы, ненависти, корыстолюбія! Такимъ образомъ, причину нашихъ болѣзней нужно искать прежде всего въ насъ самихъ, въ нашихъ страстяхъ и порокахъ, а не въ постороннихъ будто бы лихихъ и злыхъ людяхъ.

„Но,—говорятъ нѣкоторые,—порченые часто выкликаютъ и человѣка, который ихъ испортилъ, — указываютъ даже на то, какъ и чѣмъ именно испортилъ ихъ лихой человѣкъ“. На это нужно замѣтить, что нѣкоторые выкликающіе, указывающіе имена лицъ, ихъ испортившихъ, притворяются, т.-е. нарочно выкликаютъ ложь и клевету на людей, ни въ чемъ неповинныхъ,—выкликаютъ по разнымъ видамъ своимъ, для своихъ коварныхъ и злыхъ цѣлей. Но несомнѣнно есть между кликушами и дѣйствительныя, непритворныя. Дѣйствительно, могутъ быть и, вѣроятно, есть такіе люди, въ которыхъ вселяются, по попущенію Божію, злые духи. Кто можетъ въ этомъ сомнѣваться? Читайте евангельскую исторію, напр. положенное на эту недѣлю евангеліе, и вы увидите, какъ много было бѣсноватыхъ во время земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.

„Какъ же, какимъ образомъ входитъ въ человѣка бѣсъ?“ Говорятъ, что бѣсъ входитъ чрезъ лихого-злого человѣка: злой человѣкъ можетъ не только навести болѣзнь на другого, но и вселить въ него бѣса. Правда, довести человѣка до болѣзни можетъ лихой-злой человѣкъ; можетъ дать, напр., другому какихъ-либо ядовитыхъ веществъ въ пищѣ и питьѣ—и человѣкъ не только заболѣетъ, но, пожалуй, и умреть; но посадить, вселить бѣса въ другого—этого не можетъ сдѣлать никакой извергъ, хотя бы и желалъ! Бѣсъ входитъ въ человѣка самъ собою, безъ всякаго злого посредства человѣческаго, и входитъ только тогда, когда попуститъ на это Самъ Богъ, *безъ воли* Котораго, по слову Божію, *и волосъ съ головы нашей не пропадетъ*... Богъ предаетъ иногда людей во власть діавола за ихъ грѣхи и для ихъ вразумленія. Изъ жизнеописаній святыхъ извѣстно, что нераскаянные грѣшники наказываются иногда бѣснованіемъ. Въ угодныхъ же Богу людей бѣсы не могутъ войти; бѣсъ, изгнанный преп. Парѳеніемъ изъ одного человѣка, просилъ указать ему другого, въ котораго бы онъ вошелъ, и когда св. Парѳеній предложилъ войти въ него, діаволъ сказалъ: „какъ я могу войти въ домъ Божій“,—и съ этими словами исчезъ. Такимъ образомъ, діаволъ поселяется въ бѣсноватыхъ людей потому, что эти люди сами приготовили въ себѣ жилище для діаволовъ, выметенное и убранное нераскаянными грѣхами, не занятое Богомъ, благодатью Божіею. Стало-быть, виноваты мы сами, виноваты грѣхи наши и порочныя страсти, если вселяется въ насъ діаволъ, а не посторонніе люди, хотя бы они были и злые. А если такъ, то и главнымъ оружіемъ на діавола служитъ удаленіе отъ грѣховъ, воздержаніе отъ страстей. Но какъ часто многіе изъ христіанъ, вмѣсто того чтобы стараться объ отгнаніи отъ себя духа злобы, призываютъ его сами, напр., во взаимныхъ ссорахъ и перебранкахъ другъ друга посылаютъ къ нечистому. Положимъ, ты говоришь это, какъ будто на вѣтеръ, по дурной привычкѣ, не придавая особеннаго значенія произносимымъ словамъ, но все же какъ это неприлично христіанамъ, какъ это ужасно!.. Какъ этимъ оскорбляешь ты Господа, Искупителя душъ человѣческихъ отъ грѣха и діавола! Какъ этимъ ты радуешь врага Божія и злѣйшаго исконнаго нашего врага! Немало тѣшатъ лукаваго и тѣ изъ христіанъ, которые, по простой, но безобразной привычкѣ, почти на каждомъ шагу произносятъ имя нечистой силы. Какое неразуміе! Злые духи—это ужаснѣйшія существа,—это умнѣйшіе, сильнѣйшіе и въ то же время злѣйшіе, лукавѣйшіе враги наши. Ихъ постоянно нужно остерегаться, всегда нужно бояться ихъ злобы и коварства. *Діаволъ,* говоритъ св. апостолъ Петръ, *яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. V, 8). Вездѣ на пути нашего спасенія ставитъ онъ сѣти соблазновъ; вездѣ разбрасываетъ камни претыканія; обманъ, коварство, лесть—вотъ средства, которыми онъ располагаетъ. Какъ послѣ этого внимателенъ къ себѣ долженъ быть каждый христіанинъ и остороженъ въ словахъ и поступкахъ своихъ! Вмѣсто того чтобы употреблять черныя слова, скверныя и безсмысленныя, чаще всего призывай, христіанинъ, сладчайшее имя Господа нашего Іисуса Христа: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя“, и, повѣрь, къ тебѣ не смѣетъ приблизиться діаволъ. *Именемъ Моимъ бѣсы ижденутъ* (Марк. XVI, 17), сказалъ Спаситель. „Отъ имени Іисусова трясется адъ, колеблется преисподняя, тьмы князь исчезаетъ. Сіе имя есть сильное орудіе на супостаты“, говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ. (См. „Воскр. лист.“ № 227, изд. ред. „В. дня“).

3. Будь твердый борецъ противъ діавола.

„Если случится тебѣ когда отяготиться пищею, то понудь себя на тѣлесные труды, чтобъ прежде ночи облегчилось чрево, и ты не узрѣлъ мечтаній и привидѣній грѣховныхъ. Будь твердый борецъ противъ діавола: если онъ ударитъ тебя въ одну сторону, ударь ты его въ другую; если онъ вовлечетъ тебя въ излишнее насыщеніе пищею, отяготи его бдѣніемъ; если онъ отяготитъ тебя сномъ, сокруши его трудомъ тѣлеснымъ; если онъ прельститъ тебя тщеславіемъ, — ты смири себя какимъ-либо образомъ. И то знай, что ни о чемъ столько не скорбитъ сатана, и ничѣмъ столько не прогоняется и обезоруживается, какъ тѣмъ, когда человѣкъ любитъ смиреніе и безчестіе“. („Отеч.“ еп. Игнатія, стр. 374).

4. О средствахъ борьбы съ демонами.

Діаволъ, „яко левъ рыкая ходитъ, искій кого-либо изъ насъ поглотити“. Для борьбы съ нимъ намъ нужно пользоваться всѣми оружіями Божіими.—Какія же это оружія?

I. Первое средство есть — призываніе имени Божія. „Именемъ Моимъ бѣсы ижденутъ“ (Мр. XVI, 17), сказалъ Господь. „Донынѣ еще трепещутъ демоны при имени Христовомъ; сила сего имени не ослаблена и нашими пороками“, говоритъ св. Григорій Богословъ (Слово 3 въ „Тв. св. отц.“ I, 67). Авва Илія передаетъ слѣдующій разсказъ: одинъ старецъ жилъ въ идольскомъ капищѣ. Однажды приходятъ къ нему демоны и говорятъ: „выйди изъ нашего мѣста!“ Старецъ не хотѣлъ выйти. Демонъ, схвативъ его за руку, повлекъ насильно изъ капища. Когда же старецъ, приблизившись къ дверямъ, ухватился за нихъ и воскликнулъ: „Іисусе, помоги!“ демонъ исчезъ. (О подв. св. бл. отцовъ, стр. 88).

II. „Второе средство — животворящій крестъ Христовъ“. „Оружіе на діавола крестъ Твой, Господи, далъ еси намъ“, воспѣваетъ святая церковь (Хвал. стих. VIII гл.): „трепещетъ бо и трясется, не терпя взирати на силу его“. Даже сами демоны по неволѣ сознаются, что крестное знаменіе „связываетъ, палитъ ихъ, какъ огонь, и далеко прогоняетъ“ (См. въ „Ч.-М.“ житіе Кипріана и Іустины, окт. 8 д.; жит. Варлаама и Іоасафа, нбр. 19 д.). Но чтобы эта „непобѣдимая, непостижимая, божественная сила честнаго и животворящаго креста не оставляла насъ грѣшныхъ“, для сего нужно употреблять крестное знаменіе не просто по обыкновенію, по привычкѣ, не съ небреженіемъ, какъ это часто мы дѣлаемъ, и потому лишаемся силы крестной, но съ полнымъ сознаніемъ силы и важности святого креста, со страхомъ и благоговѣніемъ, съ сердечною и твердою вѣрою въ крестныя заслуги Христовы и съ воспоминаніемъ страстей Христовыхъ. „Должно изображать крестъ не просто, одними перстами“, говоритъ св. Златоустъ (на Мѳ. б. LIV), „но прежде начертать его въ мысли, со всею вѣрою.., съ воспоминаніемъ всей силы креста, всего крестнаго дѣла“.

Крестъ страшенъ демонамъ и людямъ нечестивымъ, и, бывали случаи, одно крестное знаменіе останавливало руку злодѣя, поднявшаго ножъ на беззащитную жертву. Вотъ тому примѣръ изъ недавняго прошлаго. „Въ одной станицѣ Сибирскаго казачьяго войска, — разсказываетъ одинъ почтенный пастырь церкви, — не такъ давно умеръ старый казакъ-ямщикъ; старикъ онъ былъ добрый, честный и довольно зажиточный. Между купцами, которыхъ онъ постоянно возилъ, былъ одинъ благочестивый и богатый сибирякъ, купецъ Борисовъ, который такъ подружился съ ямщикомъ, что даже воспринималъ отъ св. купели его дѣтей. Но врагъ рода человѣческаго позавидовалъ доброму согласію между кумовьями и внушилъ ямщику недобрую мысль—убить купца Борисова и завладѣть его деньгами. Страшное дѣло! Но казакъ поддался искушенію и не могъ уже отогнать отъ себя эту ужасную мысль... Долго боролся несчастный съ грѣшною мыслію, но съ каждымъ днемъ все больше и больше прилѣплялся къ ней. Наступилъ мѣсяцъ февраль. Поѣхали купцы на Ирбитскую ярмарку, поѣхалъ и Борисовъ съ кумомъ. Проѣхали кумовья верстъ восемь, какъ вдругъ ямщикъ свернулъ лошадей въ лѣсъ и поѣхалъ вовсе не по дорогѣ. Купецъ замѣтилъ это и говоритъ: „что это кумъ? Кажется, бурана не было, дорогу не занесло, а ты везешь меня Богъ вѣсть куда“. Ямщикъ молчитъ и ѣдетъ все дальше въ лѣсъ. Наконецъ, онъ останавливаетъ лошадей среди глухой поляны и говоритъ купцу: „слѣзай, кумъ! Я хочу убить тебя, вотъ и топоръ приготовилъ“. Изумленный купецъ сначала подумалъ, что тотъ шутитъ, но, когда взглянулъ на ямщика и увидѣлъ, какимъ зловѣщимъ огнемъ горѣли его глаза, то понялъ, что тутъ не до шутки... Оружія для защиты у него не было никакого; въ отчаяніи онъ выскочилъ изъ саней, бросился на колѣни передъ кумомъ и со слезами сталъ умолять его о пощадѣ... Но все было напрасно. Тогда купецъ съ воплемъ и рыданіями обратился къ Богу: „Господи! удержи руку этого человѣка! Не попусти ему погибнуть вмѣстѣ со мною: вѣдь моя смерть зачтется ему!“... И молитва его была услышана: какая-то невидимая сила удержала казака, и онъ опустилъ топоръ. Но только купецъ пересталъ молиться, какъ онъ опять бросился съ топоромъ на него. Купецъ снова воскликнулъ: „Господи, спаси мя!“ и перекрестился. И у казака снова опустились руки, и онъ отступилъ на шагъ отъ купца... Купецъ видитъ, что кумъ опустилъ топоръ, и начинаетъ умолять его о пощадѣ, но не успѣлъ сказать двухъ-трехъ словъ, какъ ямщикъ опять заноситъ топоръ... И снова несчастный призываетъ Господа, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ, и снова злодѣй трепещетъ и опускаетъ топоръ... Такъ повторилось до десяти разъ, и купецъ понялъ, наконецъ, что его кума удерживаетъ отъ убійства не что иное, какъ молитва и крестъ. Да и самъ ямщикъ смутно сознавалъ это. Тогда благочестивый купецъ, какъ бы вразумленный свыше, встаетъ съ колѣнъ, смѣло подходитъ къ куму и, осѣняя его крестнымъ знаменіемъ, со слезами произноситъ: „да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его!“ И вотъ, съ каждымъ словомъ молитвы, съ каждымъ осѣненіемъ креста злоба мало-по-малу стихаетъ въ сердцѣ его кума и, наконецъ, тотъ падаетъ на колѣни. Тутъ оба кума начинаютъ долго-долго и горячо молиться, и каждый изъ нихъ благодаритъ Бога за свое спасеніе... И съ тѣхъ поръ прежнія добрыя отношенія между кумовьями возобновились. („Душеп. чт.“ 1886 г., дек.).

III. „Третье оружіе противъ демоновъ—молитва и постъ. Христосъ Спаситель сказалъ: нечистый духъ не можетъ выйти иначе, какъ отъ молитвы и поста“ (Марк. IX, 29). „Кто молится съ постомъ, — учитъ св. Златоустъ, — тотъ имѣетъ два крыла, легчайшія самаго вѣтра; онъ быстрѣе огня и выше земли; потому-то таковой особенно является врагомъ и ратоборцемъ противъ демоновъ, такъ какъ нѣтъ сильнѣе человѣка, искренно молящагося“. („Толк. еванг.“ еписк. Михаила, стр. 335).

На св. мученицу Іустину діаволъ дѣлалъ частыя нападенія, но не могъ побѣдить праведницы. Однажды она стояла на молитвѣ и во время молитвы почувствовала въ сердцѣ своемъ наплывъ нечистыхъ, беззаконныхъ пожеланій; удивлялась праведница такому въ себѣ грѣховному движенію и стыдилась такой нечистоты, но мудрая Іустина скоро поняла, что это искушеніе ей приходитъ отъ діавола: она начала поститься и молиться Господу Богу—и своими молитвами и постомъ посрамила и побѣдила врага. („Ч.-М.“ октября 2 дня).

IV. „Четвертое средство нашей борьбы и побѣды надъ діаволомъ есть смиреніе“. Самъ діаволъ нѣкогда признался св. Антонію, что онъ однимъ смиреніемъ побѣждаетъ его („Чет.-Мин.“ жит. свят. Ант. янв. 19 д.). Смиреніе ненавистно для діавола потому, что поставляетъ христіанина на тотъ самый путь, которымъ шелъ Самъ Совершитель нашего спасенія, Сынъ Божій, Господь нашъ І. Христосъ.

V. Пятое средство противъ демоновъ—стяжаніе дара „разсужденія духовъ“ (различенія духовъ. 1 Кор. XII, 10). Безъ него воздѣйствіе діавола легко можно принять за доброе внушеніе отъ ангела, или отъ Бога, какъ это и случалось со многими подвижниками. Нѣкто старецъ Иронъ, подвизавшійся пятьдесятъ лѣтъ въ пустынѣ, получилъ повелѣніе отъ духа злобы, преобразившагося въ свѣтлаго ангела, броситься въ глубочайшій ровъ, дабы опытомъ удостовѣриться, что онъ уже не подверженъ никакой напасти по великимъ своимъ богоугоднымъ добродѣтелямъ и трудамъ. Не различивъ въ умѣ своемъ того, кто совѣтовалъ сіе, онъ въ полночь бросился въ ровъ. На третій день, по извлеченіи его изо рва, онъ умеръ. („Христ. чт.“ 1828 г. февр. стр. 133). Нѣкто, также принимая демона за ангела, получилъ отъ него повелѣніе принести Богу въ жертву сына своего, по примѣру Авраама. И совершилъ бы онъ это богопротивное повелѣніе врага, если бы сынъ его не спасся бѣгствомъ (тамъ же). Подобныхъ примѣровъ было не мало. Этотъ даръ различенія духовъ подается Духомъ Святымъ (1 Кор. XII, 11) и пріобрѣтается чрезъ смиреніе. Но прежде, нежели удостоится кто-либо дара различенія, онъ не долженъ довѣрять своимъ помысламъ, или внушеніямъ своего собственнаго сердца и разума, но все предлагать на судъ руководителямъ, опытнымъ въ духовной жизни.

VI. „Шестое могущественное средство въ борьбѣ съ демономъ — препоясаніе чреслъ нашихъ истиною, т.-е., такъ сказать, обложеніе себя кругомъ истинами христіанскаго вѣроученія“. Христіанинъ, зная и содержа ихъ въ умѣ постоянно, пресѣчетъ врагу, нерѣдко дѣйствующему чрезъ лжеучителей, самый доступъ къ себѣ, ибо онъ есть *ложь* и отецъ лжи и не можетъ показываться тамъ, гдѣ истина; христіанину нужно *облечься въ броня* (латы) *правды* (праведности, или всякихъ правыхъ, добрыхъ и святыхъ расположеній сердца и самыхъ дѣлъ); а въ облеченнаго въ нее хотя и прокрадется какой-либо злой помыслъ вражескій, но худого воздѣйствія не произведетъ въ сердцѣ; ему нужно *обуть нозѣ въ уготованіе благовѣствованія мира,* т.-е. быть готовымъ къ жизни по евангелію, готовымъ на всякія жертвы и самую смерть изъ-за него, или быть въ готовности благовѣствовать миръ, или иначе истины евангельскія; *надъ всѣми же,* т.-е. „поверхъ всѣхъ этихъ трехъ нужно наложить новый рядъ орудій, поверхъ каждаго особое: во-первыхъ, *воспріять щитъ вѣры,* имѣть твердое и непоколебимое убѣжденіе въ святости, истинности и непреложности всего открытаго намъ Богомъ“, или „дѣтскую увѣренность въ Богѣ, столь тѣсно съ Нимъ соединяющуюся, что она не раздѣляетъ себя отъ Него и Его отъ себя“, „отчего она и всесильна; ибо въ ней дѣйствующимъ является Самъ Богъ, Который и даетъ ее“, — *щитъ, въ немъ же* (которымъ) *возможемъ вся стрѣлы лукаваго разжженныя* (внутреннія и внѣшнія искушенія, сильныя и рѣшительныя, какъ бы послѣднія усилія врага) *угасити;* во-вторыхъ, — *воспріять и шлемъ* (крѣпчайшій покровъ головы со всѣхъ сторонъ) *спасенія,* т.-е. „сочетанія съ Господомъ Спасителемъ въ таинствахъ, и именно, *чрезъ частую исповѣдь и причащеніе*“, или научиться искусству во спасеніе, имѣть мудрую и строжайшую осмотрительность и постоянное преуспѣяніе въ христіанской жизни, и въ третьихъ — *мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій* (Ефес. VI, 11, 14—17), т.-е. богооткровенное слово. „Воспріять такой мечъ, значитъ, знать на память Божественныя изреченія, и во время благопотребное износить ихъ изъ сердца, наперекоръ внушеніямъ діавольскимъ“ (еп. Θеофанъ)—„читать вслухъ изреченія слова Божія противъ всякой страсти“. Особенно слова 67 пс.: „Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его“, какъ показываютъ опыты духовной жизни, оказываютъ поразительно быстрое дѣйствіе на враговъ нашего спасенія, которые съ быстротою молніи исчезали отъ тѣхъ христіанъ, которые съ вѣрою и благоговѣніемъ ихъ произносили. Св. Василій В. говоритъ, что, когда св. мужи спрашивали являвшагося къ нимъ діавола, какой молитвы особенно боятся демоны, діаволъ отвѣчалъ имъ: „нѣтъ столько страшнаго и прогоняющаго насъ слова, какъ начало псалма Давида 67“. И дѣйствительно, какъ только произносили св. мужи начальныя слова этого псалма: „Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его!“ — діаволъ сію же минуту исчезалъ отъ нихъ съ воплемъ. („Воскр. чт.“ 1842 г. № 13).

VII. Наконецъ, седьмое и могущественное оружіе противъ демоновъ — *помощь святыхъ*. Когда св. Андрей вступилъ на подвигъ юродства, тогда сатана съ такою силою напалъ на него съ подвластными ему бѣсами, что Андрей думалъ, что для него насталъ послѣдній часъ. И вотъ, находясь въ отчаянномъ положеніи, онъ воскликнулъ: „святый апостоле, Іоанне Богослове, помоги мнѣ!“ Послѣ этихъ словъ, ударилъ громъ, и послышался голосъ многихъ людей. И явился старецъ съ грозными очами, лицо котораго было почти такъ же свѣтло, какъ солнце, явилось и множество людей съ нимъ, одѣтыхъ въ ризы бѣлыя. И сказалъ старецъ съ гнѣвомъ къ бывшимъ съ нимъ: „затворите врата, чтобы изъ бѣсовъ никто не могъ убѣжать отсюда“. И воля старца была исполнена. Затѣмъ послышался голосъ бѣсовскій: „горе намъ въ часъ сей, въ который мы такъ обманулись. Грозенъ Іоаннъ и жестоко хочетъ насъ мучить“. А за этими словами послышались уже и вопли бѣсовскіе: „помилуй мя“ и „помилуй насъ!“ Потомъ скрылись люди, одѣтые въ бѣлыя ризы, исчезли также и демоны. Явившійся старецъ сказалъ Андрею: „видишь, какъ я скоро пришелъ къ тебѣ на помощь, и знай, что я весьма забочусь о тебѣ. Самъ Богъ повелѣлъ мнѣ вести тебя ко спасенію и пещись о тебѣ. Будь же терпѣливъ и терпи безъ ропота все. Уже недалеко то время, когда получишь полную свободу и будешь ходить по своей волѣ вездѣ, гдѣ тебѣ будетъ угодно“. Андрей спросилъ: „Господинъ мой, скажи, кто ты?“ Явившійся отвѣчалъ: „я тотъ, который возлежалъ на честныхъ персяхъ Господа“. И, сказавши это, скрылся отъ очей Андрея, который затѣмъ прославилъ явленную ему великую милость Божію. (Прологъ окт. 2).

Вотъ вся оружія противъ началъ, властей и міродержителей тмы вѣка сего, духовъ злобы поднебесныхъ! Противитеся же діаволу, и бѣжитъ отъ васъ. (Іак. IV, 7). (Свящ. Г. Дьяченко).

5. **Коварство и лживость злыхъ духовъ.**

Св. Антоній Великій, этотъ великій подвижникъ благочестія, такъ учитъ о борьбѣ христіанина съ демонами. „Демоны и всякому христіанину, преимущественно же монаху, какъ скоро увидятъ, что онъ трудолюбивъ и преуспѣваетъ въ добродѣтели, стараются положить на пути соблазны, внушая лукавые помыслы. Но мы не должны устрашаться таковыхъ внушеній: молитвою, постомъ и вѣрою въ Господа враги немедленно низлагаются. Впрочемъ, они безстыдны, и по низложеніи не успокоиваются, но скоро снова возстаютъ коварно и съ хитростію. И когда не могутъ обольстить сердце явнымъ и нечистымъ сластолюбіемъ, тогда снова нападаютъ, стараясь уже устрашить мечтательными привидѣніями, принимая на себя подобіе женщинъ, звѣрей, пресмыкающихся, великановъ, множества воиновъ и т. п. Но и въ такомъ случаѣ не должно приходить въ боязнь, потому что эти призраки сами по себѣ ничтожны и скоро исчезаютъ, особливо если кто съ вѣрою въ скорую помощь Божію оградитъ себя крестнымъ знаменіемъ. Впрочемъ, по дерзости и безстыдству демоны не прекращаютъ своихъ враждебныхъ дѣйствій и послѣ сего пораженія. Но если и въ этомъ бываютъ побѣждены, то нападаютъ инымъ способомъ, принимаютъ на себя видъ прорицателей, предсказываютъ то, что должно совершиться чрезъ нѣсколько времени. Иногда же представляются великорослыми или имѣющими чрезмѣрную толстоту, чтобы тѣхъ, кого не могли обольстить помыслами или уловить къ довѣрію, привести въ страхъ такими призраками. Если же и въ этомъ найдутъ, что душа ограждена сердечною вѣрою и упованіемъ на Бога, то приводятъ уже съ собою князя своего, который является или въ ужасающихъ призракахъ, чтобы поколебать въ подвижникѣ вѣру въ промыслъ Божественный и изгнать его изъ спасительнаго мѣста его служенія Богу, или въ призрачномъ величіи всемірнаго обладателя, чтобы, обольстивъ подвижника ложными обѣщаніями, ослабить въ немъ надежду благъ вѣчныхъ и чрезъ то ослабить въ немъ усердіе къ прохожденію исполненной труда и лишеній жизни. Но мы, вѣрные, и въ этомъ случаѣ не должны страшиться производимыхъ врагомъ привидѣній и обращать вниманіе на льстивыя слова его, потому что діаволъ лжетъ и никогда не говоритъ ничего истиннаго. Видимый въ нихъ свѣтъ не есть свѣтъ дѣйствительный. Внезапно являются, но немедленно также и исчезаютъ, не причиняя вреда никому изъ вѣрующихъ, потому что всѣ ихъ предначинанія по благости Христовой обращаются въ ничто. Но это еще не всѣ виды коварства и ухищреній діавола; злые духи принимаютъ на себя и другіе виды. Нерѣдко, будучи сами невидимы, представляются поющими псалмы, припоминаютъ иногда изреченія изъ Божественныхъ писаній. Иногда, если мы занимаемся чтеніемъ, и они немедленно, подобно эху, повторяютъ то же, что мы читаемъ; а если мы спимъ, пробуждаютъ насъ на молитву и дѣлаютъ это такъ часто, что не даютъ намъ почти и уснуть, (имѣя въ виду чрезмѣрнымъ утомленіемъ сдѣлать насъ потомъ совершенно неспособными къ духовному подвигу). Иногда, принявъ на себя монашескій образъ, представляются благоговѣйными собесѣдниками, чтобы обмануть подобіемъ образа и обольщенныхъ ими вовлечь уже, во что хотятъ. Не должно ихъ слушать ни въ какомъ случаѣ: побуждаютъ ли они на молитву, или совѣтуютъ вовсе не принимать пищи, или представляются сами осуждающими насъ за то, въ чемъ прежде были съ нами согласны, потому что это они дѣлаютъ не изъ благоговѣнія и не ради истины, но чтобы неопытныхъ ввергнуть въ отчаяніе. Подвижничество они представляютъ безполезнымъ, возбуждаютъ въ людяхъ отвращеніе отъ монашеской жизни, какъ самой тяжкой и обременительной, чтобъ однихъ не допустить до этого спасительнаго пути, а вступившихъ уже на этотъ путь, ведущій къ добродѣтели, — ослабить въ дальнѣйшемъ слѣдованіи по нему“.

6. Благодари Бога за всѣ Его дары [1]).

Одинъ прозорливый старецъ, сидя на общей трапезѣ, гдѣ всѣмъ подавалось одинаковое кушанье, увидалъ, что пища, вкушаемая братіею, перемѣняется: одинъ вкушаетъ медъ, другой простой хлѣбъ, а нѣкоторые овощную зелень. Удивленный таковою перемѣною брашна, онъ вопросилъ Господа открыть эту тайну. Господь возвѣстилъ старцу: ядущіе медъ означаютъ тѣхъ, которые со страхомъ и радостію духовною принимаютъ дары Божіи, обращаясь непрестанно мыслію своею къ Богу, ядущіе хлѣбъ—такъ же довольствуются съ благодарностію, а ядущіе зелень — это тѣ, которые недовольны пищею и ропщутъ. Потому для собственнаго блага всѣмъ надлежитъ пользоваться дарами Божіими съ чувствомъ благодаренія, по слову апостола: „аще ясте, аще піете, аще ли ино что творите, все во славу Божію творите“ (1 Кор. X, 31). (Прологъ 4 авг.).

7. О благодареніи Бога за благодѣянія.

„Богъ, когда увидитъ кого благодарнымъ за прежнее, ниспосылаетъ ему еще большіе дары; постараемся же и мы возносить ко Господу посильную благодарность за блага, намъ дарованныя отъ Него, чтобы намъ удостоиться еще и большихъ; и не будемъ никогда забывать оказанныхъ намъ благодѣяній Божіихъ, но всегда содержать ихъ въ умѣ нашемъ, дабы памятованіе объ нихъ побуждало насъ къ постоянной благодарности, хотя они такъ многочисленны, что умъ нашъ не въ состояніи и исчислить Божіихъ щедротъ къ намъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ и представить себѣ все, что уже намъ даровано, что обѣщано, что подается каждый день?

Онъ привелъ насъ изъ небытія въ бытіе, даровалъ намъ и тѣло и душу, сотворилъ насъ разумными, далъ намъ этотъ воздухъ для дыханія, устроилъ всю тварь для рода человѣческаго и восхотѣлъ съ начала, чтобы человѣкъ наслаждался пребываніемъ въ раю, провождалъ жизнь безъ печали и безъ всякаго труда, и, будучи въ тѣлѣ, ни въ чемъ не уступалъ ангеламъ и безплотнымъ силамъ, но былъ выше нуждъ тѣлесныхъ.

Потомъ, когда, по безпечности, человѣкъ былъ уловленъ лестію діавола посредствомъ змія, и тогда Богъ не пересталъ благодѣтельствовать преступному грѣшнику, но въ самыхъ наказаніяхъ явилъ избытокъ Своего человѣколюбія и оказалъ ему многоразличныя и безчисленныя благодѣянія.

Кратко сказать, какъ морскихъ волнъ мы никогда не можемъ перечислить, хотя бы тысячу разъ принимались за это: такъ не можемъ исчислить и разнообразныхъ благодѣяній Божіихъ, которыя Онъ явилъ роду нашему.

Наконецъ, когда Богъ увидѣлъ, что и послѣ такого промышленія естество человѣческое имѣетъ еще нужду въ великомъ и неизреченномъ человѣколюбіи, тогда, какъ бы сжалившись надъ нашимъ родомъ, послалъ къ намъ Врача душъ и тѣлесъ, воздвигнувъ, такъ сказать, отъ отеческихъ нѣдръ единороднаго Сына Своего, Который благоволилъ принять образъ раба и родиться отъ Дѣвы, жить вмѣстѣ съ нами и потерпѣть всѣ наши немощи, дабы наше естество, лежащее долу отъ множества грѣховъ, возвести отъ земли на небо. Сему-то удивляясь и представляя чрезмѣрность любви Божіей къ роду человѣческому, св. евангелистъ Іоаннъ восклицалъ: *тако возлюби Богъ міръ* (Іоан. VIII, 16). Смотри, какое удивленіе выражается въ этомъ изреченіи! Словомъ *тако* указываетъ на важность того, о чемъ хочетъ онъ сказать; вотъ почему онъ началъ такъ. Скажи же намъ, блаженный Іоаннъ, какъ *тако?* Укажи намъ мѣру, покажи величіе, открой превосходство. „Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный“. Видишь, причина пришествія Сына Божія та, чтобы люди, которымъ угрожала погибель, получили спасеніе чрезъ вѣру въ Него. Кто можетъ обнять мыслію великое, дивное и непостижимое для ума благоволеніе, которое Богъ явилъ нашему естеству въ дарѣ крещенія, даровавъ намъ отпущеніе всѣхъ нашихъ грѣховъ? Но что и говорить? Ни мысль, ни слово не въ состояніи исчислить прочихъ благодѣяній. Ибо, сколько бы я ни сказалъ, остальное все еще будетъ таково, что своею чрезмѣрностію превзойдетъ то, что уже сказано. Такъ, кто можетъ постигнуть умомъ тотъ путь покаянія, который Богъ, по неизреченному Своему человѣколюбію, открылъ роду нашему, и, послѣ дара крещенія, тѣ чудныя заповѣди, посредствомъ которыхъ мы, если захотимъ, можемъ снискать Его благоволеніе? Видишь, возлюбленный, бездну благодѣяній? Видишь, сколько ихъ мы перечислили и однакожъ не могли пересказать и малой части ихъ? Ибо какъ можетъ человѣческій языкъ изобразить словомъ то, что сдѣлано для насъ Богомъ? И между тѣмъ, какъ ни многочисленны и ни велики эти благодѣянія, еще гораздо больше и неизъяснимѣе тѣ блага, которыя Онъ обѣщалъ, послѣ здѣшней жизни, въ будущемъ вѣкѣ идущимъ по пути добродѣтели.

---

[1]) Примѣнительно къ 37 ст. VIII гл. еванг. Луки, гдѣ говорится о неблагодарности къ Господу жителей страны гадаринской.

Блаженный Павелъ, желая въ немногихъ словахъ представить намъ чрезмѣрное ихъ величіе, говоритъ: „ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его“ (1 Кор. II, 9). Видишь чрезмѣрность даровъ? Видишь, что Его благодѣянія превышаютъ всякое понятіе человѣческое? *И на сердце,* говоритъ, *человѣку не взыдоша.* Итакъ, если мы захотимъ размышлять о нихъ и воздавать по силамъ нашимъ благодарность Богу, то можемъ и снискать еще большее Его благоволеніе, и возбудить въ себѣ сильнѣйшее расположеніе къ добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, памятованіе о благодѣяніяхъ сильно возбуждаетъ къ подвигамъ добродѣтели и располагаетъ человѣка презирать все настоящее, прилѣпляться къ столь великому Благодѣтелю и ежедневно выказывать живую любовь къ Нему“. (Изъ 27 бесѣды св. Злат. на кн. Бытія).

8. Урокъ благодарности къ Богу.

Случилось, что разъ преп. Савва освященный, собирая въ пустынѣ коренья, которыми онъ питался, увидѣлъ четырехъ разбойниковъ, изнемогавшихъ отъ голода. Онъ высыпалъ предъ ними собранные коренья и накормилъ ихъ. Съ тѣхъ поръ благодарные разбойники стали приносить ему хлѣба и плодовъ. Растроганный ихъ благодарностью, Савва со слезами говорилъ себѣ: „о, горе душѣ моей! Эти люди за одно благодѣяніе такъ щедро платятъ мнѣ. Мы же, получая ежедневно отъ Бога столько благодѣяній, ничѣмъ не благодаримъ Его, а въ лѣности и нерадѣніи проводимъ дни, не исполняя Его заповѣдей!“ Такъ долженъ размышлять и каждый изъ насъ, и стараться пробудить въ себѣ благодарное чувство къ Богу. (Дост. сказ. о подв. св. и бл. от.).

НЕДѢЛЯ 24-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Лук., зачал. 39-е, гл. VIII, 41—56 ст.

1. Исцѣленіе кровоточивой и воскрешеніе дочери Іаира.

Одинъ изъ начальниковъ синагоги, именемъ Іаиръ, пришелъ къ Іисусу въ крайнемъ смущеніи: „у него была одна дочь лѣтъ двѣнадцати, и та была при смерти“ (ев. Луки VIII, 41—42). Падши къ ногамъ Іисуса, Іаиръ, прерывающимся отъ скорби голосомъ, усильно просилъ Его, говоря: дочь моя при смерти, можетъ быть теперь умираетъ, но приди, возложи на нее руку Свою, чтобы она выздоровѣла и осталась жива (Матѳея IX, 18; Марка V, 23; Луки VIII, 41—42). „Съ кротостію, которая никогда не могла холодно относиться къ крикамъ страдальца, Іисусъ вышелъ тотчасъ изъ-за стола и пошелъ съ нимъ, послѣдуемый не только учениками, но густою, полною ожиданій толпою, которая была свидѣтелемъ событія. Народъ, въ своей ревности, толпился около Него и стѣснялъ во время перехода“.

„Но среди этой толпы, между которой, безъ сомнѣнія, были нѣкоторые изъ фарисеевъ и учениковъ Іоанновыхъ, бесѣдовавшихъ съ Нимъ у св. Матѳея, а также нѣкоторые изъ мытарей и грѣшниковъ, сидѣвшихъ за столомъ, былъ одинъ человѣкъ, котораго привлекало къ Іисусу не любопытство быть свидѣтелемъ того, что будетъ совершено для начальника синагоги, а совершенно другое чувство. Это была женщина, страдавшая кровотеченіемъ двѣнадцать лѣтъ (ев. Матѳея IX, 20; Марка V, 25; Луки VIII, 43),—болѣзнію, которая заставляла ее прекратить всякое общеніе съ людьми, и была тѣмъ мучительнѣе, что въ народномъ мнѣніи считалась прямымъ послѣдствіемъ грѣха. Много различныхъ врачей, стараясь возстановить ея здоровье, только приводили ее въ худшее положеніе и, наконецъ, истощили все ея состояніе. Теперь, какъ къ послѣднему средству, она рѣшилась прибѣгнуть къ Великому Врачу, подававшему исцѣленія безмездно. Женщина эта первая приходитъ къ Іисусу при народѣ, потому что слышала, что Онъ и женщинъ исцѣляетъ и теперь идетъ къ умершей дѣвицѣ. Въ домъ пригласить Его она не осмѣлилась, можетъ-быть, въ своемъ невѣдѣніи, размысля, что не имѣетъ никакой возможности заплатить, можетъ-быть, стыдясь, по женской скромности, необходимости разсказать всенародно о болѣзни, которою страдала; однимъ словомъ, по чему бы то ни было, она рѣшилась восхитить у Іисуса незавѣдомо благословеніе, котораго душевно желала", и тайно прикоснуться къ Его одеждѣ, твердо вѣруя и говоря сама въ себѣ: если только прикоснусь хотя къ одеждѣ Его, то исцѣлюсь (ев. Матѳея IX, 21; Марка V, 28). „Такимъ образомъ, одушевляемая надеждою, силою протѣснилась она къ Нему сквозь густую толпу, такъ что могла прикоснуться къ Нему. Потихоньку, подошедъ сзади, она прикоснулась къ краю одежды Его, и тотчасъ теченіе крови у ней остановилось, и она ощутила въ тѣлѣ, что исцѣлена отъ болѣзни (ев. Матѳея IX, 22; Марка V, 27—29; Луки VIII, 43—44), „потому отступила назадъ въ толпу, ни кѣмъ не замѣченною,—не замѣченною другими, но не Христомъ. Чувствуя, что изъ Него изошла сила исцѣленія, узнавши прикосновеніе робкой вѣры даже среди тѣснившей Его толпы, Онъ остановился и спросилъ: кто прикоснулся къ Моей одеждѣ? Когда же всѣ отрицались, Петръ сказалъ и бывшіе съ нимъ: Наставникъ! народъ окружаетъ Тебя и тѣснитъ, и Ты говоришь: кто прикоснулся ко Мнѣ? (ев. Луки VIII, 45; Марка V, 31). Но Іисусъ высказалъ, что существуетъ различіе между тѣснотою любопытной толпы и прикосновеніемъ вѣры („они тѣснили, а она коснулась. Тѣло тѣснитъ, а вѣра прикасается", говоритъ бл. Августинъ (Aug. Serm. CCXLV. LVII, 4): прикоснулся ко Мнѣ нѣкто, ибо Я чувствовалъ силу исшедшую изъ Меня (ев. Луки VIII, 46). Онъ смотрѣлъ вокругъ, чтобы видѣть ту, которая сдѣлала это (ев. Марка V, 32). И женщина, сознавая въ душѣ, что тайно дозволила себѣ восхитить благословеніе, которымъ Онъ Самъ милостиво наградилъ ее, и видя, что она не утаилась, съ трепетомъ подошла и, падши предъ Нимъ, объявила Ему предъ всѣмъ народомъ, по какой причинѣ прикоснулась къ Нему, и какъ тотчасъ исцѣлилась (ев. Марка V, 33; Луки VIII, 47). Она забыла женскій стыдъ и страхъ, чтобы только загладить ошибку. Безъ сомнѣнія, она боялась Его гнѣва, потому что законъ ясно называлъ нечистымъ на цѣлый день до вечера и требовалъ обрядоваго очищенія отъ всякаго, кто прикоснулся къ женщинѣ, страдающей подобною болѣзнію (Левит. XV, 19). Но прикосновеніе, очистивъ ее, не могло осквернить Его. Довольный ея вѣрою, Онъ сказалъ ей: дерзай дщерь!—и звукомъ этого милостиваго слова запечатлѣлъ ея прощеніе,—вѣра твоя спасла тебя; иди съ миромъ и будь здорова отъ болѣзни твоей (ев. Марка V, 34; Луки VIII, 48). И женщина съ того часа стала здорова (ев. Матѳея IX, 22).

Эта исцѣленная женщина, по возвращеніи домой, въ благодарность за исцѣленіе, сдѣлала каменное изваяніе подобія Христа-Спасителя и поставила это изваяніе на знатномъ мѣстѣ въ своемъ городѣ Панеадѣ (другое названіе города было Кесарія Филиппова). Выросшая подъ этимъ изваяніемъ трава исцѣляла всѣ болѣзни. Изваяніе это, или Образъ Христовъ существовалъ до времени импер. Іуліана отступника, по повелѣнію котораго изваяніе то было сброшено и, опутанное веревками, влачимо по улицамъ до тѣхъ поръ, пока все раздробилось на части; осталась цѣлою одна только глава, которую одинъ изъ христіанъ тайно взялъ и сохранилъ. („Четьи-Минеи" Октябрь 20. Страданіе св. мученика Артемія).

„Событіе это заняло немного времени, но для Іаира была дорога каждая минута. Однако вѣдь не единственный же онъ страдалецъ, нуждающійся въ благодѣяніи Божіемъ? И такъ какъ не видно, чтобы онъ произнесъ хоть одно слово, то ясно, что печаль не поселила въ немъ себялюбія. Вдругъ, въ эту минуту одинъ изъ посланныхъ приблизился къ нему съ короткимъ извѣщеніемъ: *дочь твоя умерла,* и при этомъ прибавилъ: *что еще утруждаешь Учителя?* (ев. Марка V, 35; Луки VIII, 49). Не Іисусу передано было это извѣстіе, но Онъ слышалъ его и, изъ сострадательнаго желанія избавить бѣднаго отца отъ безполезныхъ терзаній, сказалъ эти знаменательныя слова: *не бойся, только вѣруй, и спасена будетъ*“ (ев. Марка V, 36; Луки VIII, 50).

„На основаніи правилъ раввиновъ, при покойникѣ должны были быть по крайней мѣрѣ два свирѣльника и одна наемная плакальщица, которая плакала, выла, била себя въ грудь и рвала на себѣ волосы, за условленное вознагражденіе (Таковъ былъ довольно древній обычай. Іерем. IX, 17; Амос. V, 16). Придя въ домъ, они застали эти продажные крики, нарушавшіе молчаніе истинной скорби и величіе смерти. Такое притворное терзаніе, вѣроятно, было противно душѣ Іисусовой; поэтому, ступивъ на порогъ дома и запретивъ толпѣ слѣдовать за Нимъ, Онъ вошелъ туда только съ тремя, изъ избраннаго кружка своихъ апостоловъ,—Петромъ, Іаковомъ и Іоанномъ. При входѣ Онъ остановилъ прежде всего напрасные вопли. Онъ сказалъ: не плачьте, дѣвица не умерла, но спитъ. И стали смѣяться надъ Нимъ, зная, что она умерла. Онъ же, выславъ всѣхъ, беретъ съ Собою отца и мать дѣвицы и бывшихъ съ Нимъ, и входитъ туда, гдѣ дѣвица лежала. И взявъ дѣвицу за руку, говоритъ ей: талиѳа куми, что значитъ: дѣвица, тебѣ говорю, встань. И дѣвица тотчасъ встала и начала ходить; ибо была лѣтъ двѣнадцати (ев. Матѳея IX, 23—25; Марка V, 38—42; Луки VIII, 51—55). Благоговѣйный ужасъ объялъ родителей и всѣхъ, видѣвшихъ это чудо. Іисусъ кротко приказалъ дать дитяти пищи, и хотя прибавилъ обычное предостереженіе, чтобы не говорили о случившемся, но не съ тѣмъ, чтобы событіе, происходившее на глазахъ толпы народа, осталось въ неизвѣстности, а съ тѣмъ, чтобы принявшіе неизмѣримое благодѣяніе отъ рукъ Божіихъ почтили Его глубочайшею благодарностію, скрывши этотъ даръ въ тайникахъ своихъ сердецъ, какъ драгоцѣнное сокровище“. *И разнесся слухъ о семъ по всей землѣ той* (ев. Матѳея IX, 26). (См. кн. Лебединскаго: „Іисусъ Христосъ—Сынъ Божій“ изд. 1896 г.).

2. **Блажени вси, надѣющіися на Господа.**

Много примѣровъ глубокой надежды на Бога представляетъ исторія христіанской церкви, но самыми сильными образцами надежды на Бога были св. апостолы. Вооруженные твердою надеждою на Бога, они не уклонялись ни отъ одного труда, ни отъ одного бѣдствія: они мужественно шли черезъ остріе меча, побіеніе камнями, чрезъ различныя смертныя опасности, укрѣпляемые упованіемъ на Бога, силою Котораго творили множество чудесъ. Таковъ, напримѣръ, празднуемый 14 ноября св. апостолъ Филиппъ. Филиппъ происходилъ изъ города Виѳсаиды, откуда были родомъ ап. Петръ и Андрей; онъ наученъ былъ отъ юности книжной премудрости и особенно любилъ читать пророчество о Мессіи. Однажды Іисусъ Христосъ проходилъ чрезъ городъ Виѳсаиду и увидѣлъ Филиппа, и сказалъ ему: *иди за Мною.* Этихъ словъ Спасителя было вполнѣ достаточно для Филиппа, чтобы онъ оставилъ все и послѣдовалъ за предвозвѣщеннымъ пророками Христомъ; и съ тѣхъ поръ онъ сталъ однимъ изъ избранныхъ двѣнадцати учениковъ Іисуса Христа. По вознесеніи Іисуса Христа на небо и по изліяніи Св. Духа на апостоловъ, св. Филиппу выпалъ жребій проповѣдывать евангеліе въ странахъ Асійскихъ, но сначала онъ отправился въ Галилею. Здѣсь встрѣтила его съ рыданіями одна женщина, имѣя на рукахъ умершаго отрока; св. апостолъ сжалился надъ бѣдною матерью: онъ въ твердой надеждѣ на Господа простеръ руку къ отроку и сказалъ: „возстани, повелѣваетъ тебѣ Христосъ мною проповѣдуемый!“ И—дивное чудо—надежда на Бога не посрамила апостола: отрокъ тотчасъ ожилъ. Благодарная мать вмѣстѣ съ сыномъ приняла св. крещеніе. Потомъ апостолъ Филиппъ отправился въ Грецію, гдѣ онъ сотворилъ множество чудесъ. Іудеи, жившіе въ Греціи, донесли объ этомъ въ Іерусалимъ своимъ архіереямъ. Тогда прибылъ въ Грецію одинъ гордый архіерей нарочито для суда надъ апостоломъ. Архіерей сталъ поносить вѣру христіанъ въ страдавшаго, погребеннаго и воскресшаго Іисуса Христа. Апостолъ сказалъ архіерею: „сыне человѣчъ! вскую любиши суетная и глаголаше лжу? Почто сердце твое окамененно, и не хощеши исповѣдати истины?... Самыя печати гробныя, которыя вы положили, суть свидѣтели воскресенія Христова и обличители вашей неправды“. Разгнѣвался архіерей на эти слова на апостола и хотѣлъ-было самъ убить его, но внезапно ослѣпъ и весь почернѣлъ. Эта казнь постигла и другихъ, когда они хотѣли погубить апостола. Но св. Филиппъ сжалился надъ ними: помолился Господу, и Онъ даровалъ исцѣленія. Видя такія чудеса, народъ въ большомъ количествѣ обратился ко Христу и вѣровалъ въ Него. Послѣ этихъ событій, апостолъ пошелъ въ другое мѣсто; во время пути онъ обратился къ Богу, прося Его помощи на дальнѣйшіе подвиги: и вотъ, когда онъ стоялъ на колѣняхъ, явился ему съ неба образъ орла съ распростертыми, наподобіе Распятаго Христа, позлащенными крыльями. Св. Филиппъ, укрѣпившись этимъ явленіемъ, отправился дальше, и, когда плылъ онъ моремъ, поднялась ночью страшная буря; всѣ отчаялись въ спасеніи, одинъ апостолъ, въ твердой надеждѣ на Бога, не палъ духомъ: онъ сталъ молиться, и тотчасъ въ воздухѣ явился свѣтлый образъ креста, который освѣтилъ ночной мракъ, и море успокоилось, и волненіе утихло. И какихъ только знаменій и чудесъ ни совершилъ св. апостолъ Филиппъ силою проповѣдуемаго имъ Іисуса Христа: мертвыхъ воскрешалъ, давалъ слѣпымъ прозрѣніе, исцѣлялъ отъ болѣзней и отъ укушеній змѣй и другихъ смертоносныхъ гадовъ. А сколькимъ опасностямъ онъ подвергался? Но Господь хранилъ Своего вѣрнаго и надѣющагося на Него раба. Но наступило время и пострадать апостолу за Христа. Начальникъ города Іераполя фригійскаго осудилъ св. Филиппа на распятіе: ему провертѣли пятки и, продѣвши чрезъ нихъ веревки, повѣсили на дерево внизъ головою и бросали въ него камнями. Св. апостолъ Филиппъ, въ надеждѣ на лучшее будущее, съ мужествомъ перенесъ страданія и съ молитвою за враговъ испустилъ духъ. Сестра его Маріамна и ап. Варѳоломей сняли тѣло св. Филиппа съ древа и съ честью похоронили его. На томъ мѣстѣ, гдѣ текла кровь святого апостола, чрезъ три дня выросла виноградная лоза, въ знакъ того, что св. апостолъ Филиппъ, по изліяніи своей крови за Христа, наслаждается вѣчнымъ веселіемъ съ Господомъ своимъ въ царствіи Его.

Видишь, христіанинъ, какъ благодѣтельно надѣяться на Бога во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. По истинѣ единъ Богъ, Создатель и Спаситель нашъ, есть наше упованіе, покровъ и спасеніе. Поэтому, подвергаешься ли ты бѣдности и нищетѣ: прибѣгай къ Богу, и *возверзи на Него печаль твою, и Той тя препитаетъ* (Пс. LIV, 27). Удручаютъ ли тебя болѣзни тѣлесныя: прибѣгай къ Богу и говори: *помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь*. Обуреваютъ ли тебя скорби душевныя: прибѣгай къ Богу и говори: *вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя; уповай на Бога*. Искушаетъ ли тебя діаволъ: прибѣгай къ Богу и говори: *Боже мой, избави мя изъ руки грѣшнаго, законопреступнаго и обидящаго*. Безпокоятъ тебя грѣхи твои: кайся въ нихъ и чаще обращайся къ Богу: *помилуй мя Боже, помилуй*... И если ты отъ всего сердца возложишь всю свою надежду на Бога, то тебѣ будетъ жить хорошо, и крайняя скудость для тебя будетъ пріятнѣе большого богатства, и не только какая-нибудь бѣда, но и самая смерть будетъ тебѣ ни во что, потому что ты весь будешь въ Богѣ, и Богъ въ тебѣ будетъ. И Богъ Самъ устроитъ всю жизнь твою, и что ни пошлетъ тебѣ—все будетъ на пользу. „Для насъ здѣсь, на землѣ, говоритъ св. Григорій Богословъ, одно оружіе, одна стѣна, одна защита — надежда на Бога“. („Воскр. лист.“ № 244, изд. ред. журнала: „В. день“).

3. Чудеса отъ св. иконъ 1).

Съ самаго появленія христіанства и до настоящаго времени, во всѣ вѣка, совершались и совершаются отъ св. иконъ различныя знаменія и чудеса для наказанія и вразумленія однихъ, для утѣшенія и помощи другимъ. Извѣстно, что еще въ древнія времена, до седьмого вселенскаго собора, много было знаменій и чудесъ отъ св. иконъ, что засвидѣтельствовано св. отцами (787 г.), и что послужило къ осужденію иконоборцевъ. Изъ многочисленнѣйшихъ и разнообразныхъ чудесъ, бывшихъ до 7 вселенскаго собора, достаточно указать хотя нѣсколь-

---

1) Примѣнительно къ Лук. VIII, 44 ст. и преданію объ устройствѣ хананеянкой изображенія Господа І. Христа, чрезъ которое подавались исцѣленія.

ко въ подтвержденіе истинности иконопочитанія, утвержденной на соборѣ.

Въ концѣ V столѣтія христіанская дѣвица Марія, проводившая грѣховную жизнь въ Александріи, прибыла въ Іерусалимъ на праздникъ Воздвиженія креста Господня. Желая войти въ храмъ, она невидимою силою долго была отталкиваема отъ входа въ него. Тогда она, увидѣвъ въ притворѣ храма икону Богоматери, стала со слезами молиться предъ нею о томъ, чтобы Божія Матерь допустила ее поклониться кресту Христову. Молитва ея была услышана: она безпрепятственно вошла въ храмъ, приложилась ко кресту и снова стала молиться предъ иконою Божіей Матери. Вдругъ она услышала голосъ отъ иконы, говорящій: „за Іорданомъ найдешь себѣ покой“. Переправившись за Іорданъ, она 47 лѣтъ провела въ пустынѣ среди тяжкихъ подвиговъ поста и покаянія и удостоилась отъ Бога дара знаменій и чудесъ. Это мы говоримъ о преп. Маріи Египетской, память которой празднуется 1 апрѣля. Когда на 7 вселенскомъ соборѣ прочитали объ этомъ чудѣ отъ иконы Божіей Матери, то пресвитеръ Іоаннъ, представитель іерусалимскаго патріарха, сказалъ: „эту икону мы видѣли во святомъ храмѣ Христа Бога нашего и часто лобызали ее“.

Изъ чудесъ, бывшихъ отъ св. иконъ до 7 вселенскаго собора, мы знаемъ такія, которыя дѣйствовали карающимъ и вразумляющимъ образомъ на хулителей св. иконъ.

Такъ, на самомъ 7 вселенскомъ соборѣ епископъ кипрскій Констанцій разсказалъ: „одинъ кипрянинъ-иконоборецъ гналъ пару воловъ и во время пути зашелъ въ молитвенный домъ и, взглянувъ во время молитвы наверхъ, увидѣлъ на стѣнѣ писанную красками икону Божіей Матери и говоритъ: „а эта что тутъ дѣлаетъ?“ Схвативъ остроконечную палку, которою погонялъ воловъ, онъ выкололъ этою палкою правый глазъ иконы. Вышедши изъ храма, этою палкою онъ ударилъ воловъ, но палка обломилась, и отлетѣвшій отъ нея острый осколокъ вонзился ему въ глазъ, и онъ ослѣпъ. Этого человѣка я видѣлъ и знаю“, — говорилъ собору епископъ кипрскій.

Тотъ же епископъ Костанцій разсказалъ слѣдующій случай. „Въ г. Говолѣ одинъ агарянинъ (магометанинъ) вошелъ съ товарищами въ христіанскій храмъ и, увидѣвши на стѣнѣ мозаическую икону, спросилъ у бывшаго тутъ христіанина: „какую пользу она приноситъ?“ Христіанинъ отвѣтилъ: „она приноситъ пользу благоговѣйно чтущимъ ее, а непочитающимъ ее вредитъ.“ Тогда агарянинъ сказалъ: „вотъ я выколю глазъ у ней и посмотрю, какой вредъ она принесетъ мнѣ.“ Сказавши это, онъ протянулъ копье и выкололъ правый глазъ иконы, тотчасъ и у него правый глазъ вытекъ на землю, и онъ впалъ въ сильную горячку“.

Разсказанныя чудеса съ клятвою въ ихъ достовѣрности засвидѣтельствованы были благочестивымъ епископомъ на 7 вселенскомъ соборѣ (Дѣян. соб. Соб. VII, 303), по внушенію Св. Духа утвердившемъ иконопочитаніе. Безъ сомнѣнія, Господь по Своему милосердію не на многихъ ругателей св. иконъ посылаетъ казни, но если посылаетъ, то для вразумленія многихъ.

И послѣ 7 вселенскаго собора отъ св. иконъ въ продолженіе 1100 л. совершилось неисчислимое множество чудесъ, какъ въ правосл.-греч. церкви, такъ и въ возникшей съ конца IX столѣтія, со времени равноапостол. князя Владиміра, православной русской церкви. Особенно Россія прославлена чудесами отъ св. иконъ Божіей Матери. Существуютъ цѣлыя книги о чудесахъ Божіей Матери и святыхъ. Въ 1853 г. издана цѣлая большая книга подъ названіемъ: „Слава Владычицы нашея Богородицы“. Въ этой книгѣ описано болѣе 140 иконъ Божіей Матери, которыя прославлены чудесами. Но здѣсь далеко не всѣ чудотворныя иконы Божіей Матери описаны; при томъ, нѣкоторыя иконы прославились чудесами послѣ изданія книги. Въ одной Москвѣ находится не менѣе 20 чудотворныхъ иконъ Богоматери. Да и другія мѣстности не скудны иконами Богоматери, прославившимися чудотвореніями. Такъ, въ сѣверныхъ уѣздахъ Калужской губерніи мы знаемъ чудотворныя иконы: Боголюбской, въ селѣ Юрьевскомъ, Боровск., уѣзда; Успенія, въ с. Рыжковѣ, Боровск., уѣзда; Взысканіе погибшихъ, иначе называемой Избавленіе отъ бѣдъ страждущихъ, въ с. Боръ, Тарусскаго уѣзда; Казанской Божіей Матери, въ самомъ г. Калугѣ и въ с. Калужкѣ, Калуж. уѣзда, весьма почитаемой въ городѣ Калугѣ. Есть и др. менѣе извѣстныя иконы.

Изъ всѣхъ многократныхъ и многообразныхъ чудотвореній, совершившихся въ православной Россіи въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ, позволимъ себѣ, чтобы не утомить вашего вниманія, читатель, разсказать только о двухъ въ честь и похвалу Иверской иконы Божіей Матери, празднованіе которой совершается 31 марта, и кратко напомнить о третьемъ, бывшемъ въ весьма недавнее время.

Въ 1869 г. совершилось замѣчательное чудо отъ иконы Иверской Божіей Матери въ Ставрополѣ. Капитанъ Улѣсскій, состоя на службѣ, долгое время страдалъ злокачественною лихорадкою и сильною болью въ ногахъ, такъ что иногда не въ состояніи былъ ни сидѣть, ни ходить при помощи костылей. Онъ лѣчился у многихъ врачей и во многихъ мѣстахъ: въ госпиталяхъ, на цѣлебныхъ грязяхъ, на минеральныхъ водахъ. Наконецъ, по болѣзни онъ принужденъ былъ выйти въ отставку, потому что ноги его такъ начали гнить, что сквозь икры по мѣстамъ виднѣлись уже кости. По совѣту жены, онъ вмѣстѣ съ нею и дѣтьми отправился въ Ставрополь, чтобы помолиться предъ иконою Иверской Божіей Матери, присланной съ Аѳона. Здѣсь, 1 октября, выслушавъ литургію и молебенъ, онъ отправился на монастырскій дворъ, чтобы поскорѣе сдѣлать перевязку на ногахъ. Но когда съ ногъ сняли повязки, то оказалось, что раны закрылись, боли уничтожились, и на мѣстѣ ранъ образовались струпья, скоро отпавшіе, болѣзнь прекратилась. Чрезъ годъ исцѣленный увидѣлъ во снѣ свѣтлаго юношу и невдалекѣ отъ него свѣтлую жену съ младенцемъ въ такомъ же видѣ, въ какомъ она изображена на иконѣ Иверской Божіей Матери. Указывая на жену, стоявшую недалеко, юноша сказалъ: „воздаждь славу“. Священникъ, которому исцѣленный все разсказалъ, объяснилъ, что слова „воздаждь славу“ взяты изъ евангельской исторіи о 10 прокаженныхъ, изъ которыхъ только одинъ воздалъ славу Богу. Послѣ того капитанъ Улѣсскій отправился въ Ставрополь отслужить передъ Иверскою иконою благодарственный молебенъ („Странникъ“ 1872 г., октябрь).

Не менѣе поразительно чудо, бывшее позднѣе и тоже отъ иконы Иверской Божіей Матери, находящейся въ Москвѣ въ Иверской часовнѣ. Одинъ учитель музыки, по вѣроисповѣданію протестантъ, не почитавшій св. иконъ, лишился слуха, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средствъ къ жизни. Проживъ все, что имѣлъ, онъ рѣшился покончить самоубійствомъ,— утопиться. Это было 22 іюня 1880 г. „Проходя мимо Иверской часовни, — говорилъ онъ (въ „Совр. Извѣст.“ 1880 г., № 213), — я увидѣлъ толпу народа, собравшагося вокругъ кареты, въ которой привезли икону Иверской Божіей Матери въ часовню. Во мнѣ явилось неудержимое желаніе помолиться вмѣстѣ съ народомъ и приложиться къ иконѣ. И вотъ я, доживши до 37 лѣтъ, въ первый разъ искренно перекрестился и упалъ на колѣни. И что же случилось? Произошло несомнѣнное, поразительное чудо: я, не слышавъ до той минуты почти ничего въ теченіе года и 3 мѣсяцевъ, признанный врачами неизлѣчимо глухимъ, приложившись къ иконѣ, въ то же мгновеніе снова получилъ способность слуха и при томъ до такой степени полно, что не только сильные звуки, но и тихій говоръ сталъ слышать совершенно явственно. И все это совершилось вдругъ, моментально. Тутъ же, предъ образомъ, я далъ себѣ клятву чистосердечно признаться предъ всѣми, что произошло со мною“.

Наконецъ, напомнимъ кратко о дивномъ исцѣленіи отрока Николая Грачева, совершившемся 6 декабря 1890 г. въ С.-Петербургѣ отъ иконы „Всѣхъ скорбящихъ радости“, находящейся въ часовнѣ близъ стеклянныхъ заводовъ. Извѣстіе объ этомъ чудесномъ событіи быстро разнеслось по всей Россіи. Но кому не пришлось слышать или читать объ этомъ, тотъ можетъ описаніе этого чуда найти въ „Церк. Вѣдомостяхъ“ за 1891 г., № 4. Весьма поучительны всѣ обстоятельства этого дивнаго исцѣленія. Сила и продолжительность болѣзни, отказъ и безнадежность самыхъ знаменитыхъ врачей помочь больному, неопровержимость свидѣтелей чудеснаго событія, — все это показываетъ и увѣряетъ насъ, что Спаситель, давшій власть Своимъ апостоламъ и всѣмъ истинно вѣрующимъ въ Него совершать знаменія и чудеса, и святымъ иконамъ далъ благодать Свою и даже всякому существу вложилъ благодатную силу. Исцѣляя слѣпорожденнаго, Онъ сдѣлалъ бреніе и бреніемъ отверзъ очи слѣпому. Кровоточивая женщина, прикоснувшись къ краю ризы Его, была исцѣлена.

Итакъ, полезно, нужно и спасительно почитать, устроять и украшать св. иконы.

Умъ нашъ чрезъ нихъ просвѣщается: чрезъ нихъ мы лучше и глубже усвояемъ св. исторію ветхаго и новаго завѣта и жизнь святыхъ; въ сердцѣ христіанина онѣ усиливаютъ любовь къ Богу и святымъ, возбуждая чувство умиленія и сокрушенія о грѣхахъ; волю нашу укрѣпляютъ въ добрѣ примѣрами и подвигами святыхъ, казнями грѣшниковъ, видомъ страшнаго суда и пр.

Для Господа св. иконы служатъ орудіемъ проявленія Его божественной силы къ нашему спасенію; чрезъ нихъ Онъ совершаетъ великія знаменія и чудеса для утвержденія вѣры и церкви. Чрезъ нихъ мы спасаемся не только отъ враговъ видимыхъ, но и отъ невидимыхъ духовъ злобы, которые, какъ дымъ, исчезаютъ предъ силою креста Христова и св. иконъ (См. „Калуж. Еп. Вѣдомости“ 1891 г., № 7).

4. Духовно умершіе.

Одинъ князь, по имени Іаиръ, просилъ І. Христа притти въ домъ свой, гдѣ дочь находилась при смерти. Горько было положеніе Іаира. Одна у него была дочь—и та вдругъ умираетъ. Можно ли было ему не восплакать о такой потерѣ? Одна только вѣра въ Бога, только утѣшенія отъ Господа даютъ намъ силу къ перенесенію подобныхъ лишеній.

Смерть тѣлесная — это опредѣленіе Божіе за грѣхи наши. Много и неутѣшно плакать объ умершихъ значитъ—выражать какъ бы непокорность этому Божескому опредѣленію, значитъ — грѣшить предъ Богомъ, особенно когда знаемъ, что нѣкогда силою божественнаго гласа во второе пришествіе Христово они воскреснутъ. Но есть другого рода умершіе, которые могутъ назваться воистину несчастными, — это умершіе духомъ. Вотъ о нихъ-то слѣдуетъ всякому возскорбѣть всѣмъ сердцемъ, о нихъ наипаче нужно чаще воздыхать предъ Богомъ. Кто же эти умершіе духомъ?

Въ духовномъ мертвецѣ происходитъ нѣчто подобное тому, что бываетъ въ мертвецѣ обыкновенномъ.

Умершій тѣлесно оставляетъ все дорогое ему, что услаждало его на землѣ. И духовный мертвецъ не почитаетъ для себя нужнымъ то, что такъ необходимо для души его. Покаянія, слезъ о грѣхахъ нѣтъ у него, причащенія св. таинъ удаляется онъ по нѣскольку лѣтъ. Ученіе Спасителя не услаждаетъ и не занимаетъ его; сколько вы ни проповѣдуйте, онъ всегда пребудетъ глухъ для него, словомъ—онъ умеръ для всего духовнаго, святого, для всякой христіанской обязанности.

Умершій тѣлесно неподвиженъ, и дѣятеленость его со смерію прекращается. Что можетъ сдѣлать истинно добраго и умершій духомъ? Онъ неспособенъ ни къ какимъ подвигамъ безкорыстной, чистой евангельской любви. Бѣдный не увидитъ помощи отъ него, печальный не дождется слова утѣшенія отъ него. Случится общественное бѣдствіе—онъ только о себѣ думаетъ; случится потерпѣть оскорбленіе—онъ не оставитъ безъ отмщенія обидчика своего. Онъ во всемъ видитъ свою пользу, свои блага, для себя одного живетъ онъ. Онъ только развѣ по необходимости иногда творитъ добро для ближняго своего!

Умершій тѣлесно подвергается разложенію, гніенію. И умершій духовно—это смердящій трупъ. Страсти, грѣховныя привычки, какъ черви, изъѣдаютъ душу его. Онъ издаетъ изъ себя духовное зловоніе, которое отгоняетъ отъ него Святаго Духа, ангела-хранителя, лишаетъ его общества людей благочестивыхъ. Отъ его гнилыхъ и зловредныхъ рѣчей бѣжитъ каждый истинный христіанинъ.

Умершій тѣломъ предается землѣ, и составъ тѣлесный обращается въ землю. И умершій духовно, по своей преданности чувственнымъ удовольствіямъ, по своей любви къ одному земному, до того оземленяется, что не остается и признаковъ того, что онъ когда-нибудь былъ возрожденъ для жизни духовной. Вся жизнь его проходитъ въ однѣхъ земныхъ суетахъ, какъ будто для земного онъ только и созданъ, какъ будто нѣтъ у него души вѣчной, безсмертной, какъ будто со смертію и кончится его существованіе.

Умершій тѣломъ не можетъ самъ собою возстать—ожить. И мертвый духомъ до того охладѣваетъ къ Богу и ближнему, такъ далеко уходитъ по пути жизни грѣховной, что возвратъ къ благочестію, переходъ къ служенію Богу и истинѣ безъ особенной благодати и помощи Божіей для него невозможенъ.

Ужасно положеніе духовно умершихъ. Они несравненно болѣе достойны слезъ, чѣмъ умершіе тѣломъ,—настолько болѣе, насколько вѣчность выше времени. Подумаемъ, христіане! — въ этомъ несчастномъ положеніи не находится ли душа и многихъ изъ насъ? Вникнемъ въ себя: не погребенъ ли въ насъ духовный человѣкъ со всѣми своими потребностями? не царствуетъ ли въ насъ, не управляетъ ли всею нашею жизнію плоть—этотъ первый противникъ жизни по духу? Если найдемъ въ себѣ больше признаковъ смерти духовной, чѣмъ жизни, то скорѣе обратимся къ Спасителю съ молитвою, да воскреситъ Онъ и наши умершія души, какъ воскресилъ Онъ дочь Іаира, да вольетъ Онъ въ нихъ жизнь, да дастъ имъ способность произращать плоды добрыхъ дѣлъ. Будемъ привлекать къ себѣ Спасителя покаяніемъ, молитвою и участіемъ въ таинствахъ. Господи, вразуми насъ и спаси! („Воскр. день“ 1896 г. № 42).

5. Что такое смерть и сколь полезно памятованіе о ней?

Въ книгѣ Бытія, начиная съ Адама о каждомъ праотцѣ, въ долголѣтіи пожившемъ, читаемъ одно и то же заключительное слово: *и умре. Поживе Адамъ лѣтъ 930, и умре. Поживе Сиѳъ лѣтъ 912, и умре. Поживе Еносъ лѣтъ 905, и умре. Поживе Каинанъ лѣтъ 910, и умре.* И о всѣхъ остальныхъ читаемъ все то же, что они смертію окончили долголѣтнюю жизнь свою, въ чемъ такъ очевидно открывается дѣйственная сила словесъ Божіихъ къ Адаму: въ онь же день снѣсте отъ древа заповѣданнаго, смертію умрете. А для насъ столь часто повторяемое въ писаніи слово: *и умре*—есть какъ бы молотъ, ударяющій въ камень: оно вбиваетъ въ нашъ умъ память смертную и сокрушаетъ окаменѣніе сердечное. Ибо если люди перваго міра, столь долго жившіе, не избѣжали смерти, то тѣмъ болѣе надлежитъ умереть намъ, послѣ скоротечной нашей жизни. Тѣ по нѣскольку сотъ лѣтъ ждали смерти своей, а намъ не долго ждать ее, нашъ конецъ при дверехъ... Не каждый ли вечеръ читаемъ мы въ молитвахъ на сонъ грядущимъ: *се ми гробъ предлежитъ, се ми смерть предстоитъ?*

Но что такое смерть? Каковы ея свойства, ея дѣйствія, и почему намъ всегда потребно памятовать о ней? Размыслимъ о семъ мы, смертные.

Смерть есть разлученіе души отъ тѣла, разрѣшеніе ихъ естественнаго союза; разложеніе составныхъ частей, изъ которыхъ состоитъ человѣческое естество, бездѣйствіе органовъ тѣлесныхъ, потеря чувствъ, окончаніе жизни, разрушеніе всего состава человѣческаго. Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, а когда онъ умретъ, то онъ уже не человѣкъ; ибо хотя и лежитъ предъ нами его тѣло, хотя и пребываетъ его душа безсмертною, но такъ какъ они разлучены другъ отъ друга, то ни душа уже не составляетъ всего человѣка, а есть просто только душа, ни тѣло не составляетъ человѣка, а есть только трупъ. Вотъ почему естество земнородныхъ боится смерти: смерть отнимаетъ у него его бытіе, отнимаетъ то, чѣмъ оно было, человѣкъ не бываетъ уже человѣкомъ, собственно человѣкъ уничтожается до дня суднаго и трубы архангельской, которая имѣетъ возбудить мертвыхъ отъ вѣка.

Свойство смерти есть то, что она приходитъ къ человѣку неожиданно, хотя и каждому достовѣрно извѣстно, что она къ нему придетъ. Ибо что достовѣрнѣе того, что мы умремъ? По слову апостола—предлежитъ человѣку единою умрети? И съ другой стороны: что безвѣстнѣе прихода или часа смертнаго, какъ и Самъ Господь говоритъ въ евангеліи: *не вѣсте дне ни часа, въ оньже Сынъ человѣческій*, жизнію и смертію обладающій, *пріидетъ* взять душу человѣческую. Смерть извѣстна всѣмъ и каждому, потому что непреложно, непремѣнно она придетъ ко всякому, и никому не избѣжать ея. Но невѣдомъ часъ прихода ея: она никому не даетъ о себѣ вѣсти, что идетъ, не назначаетъ времени, не исчисляетъ дней и лѣтъ, не ждетъ старости, не щадитъ юности, не спрашиваетъ: готовъ ли ты? а когда придетъ и застанетъ неготовымъ, не даетъ ни одной минуты сроку для приготовленія. Намъ извѣстно навѣрное, что душа наша разлучится съ тѣломъ, но неизвѣстно, какъ она разлучится, по общему ли закону естественной смерти, или какъ-нибудь насильственно. Всякій знаетъ, что умретъ, но образа смерти своей, какъ и по какому случаю онъ умретъ, никто знать не можетъ. Мы знаемъ, что умремъ, но не знаемъ, когда умремъ: сегодня или завтра, рано или поздно, днемъ или ночью. Многіе, отойдя ко сну ночному, уже не просыпались,—ихъ находили мертвыми, и дѣлался для нихъ сей сонъ смертію, а ложе ночное—гробомъ! Многіе, вставъ отъ сна ночного, и встрѣтивъ день, до слѣдующей ночи не дожили и умерли. Пируетъ царь халдейскій Валтасаръ съ вечера, и уже довольно навеселѣ, и вотъ появляется чья-то рука, которая загадочными словами пишетъ на стѣнѣ судъ смертный на пирующаго царя, и онъ былъ убитъ въ ту же ночь. Зналъ ли онъ, что такъ скоро наступитъ часъ смерти его? Думалъ ли въ ту ночь умереть? Или: уснулъ на ложѣ своемъ въ поздній часъ ночной ассирійскій полководецъ Олофернъ, уснулъ опьяненный виномъ, и въ тотъ же часъ его сонъ замѣнился смертію, и онъ былъ обезглавленъ рукою женщины,—и вотъ, кто хвалился назавтра взять іудейскій городъ Ветилую, какъ птицу съ гнѣзда,—самъ, какъ птица, попалъ въ сѣти смертныя. Тревожится богатый, у котораго нива принесла обильный плодъ, заботится, куда бы ему собрать свою пшеницу, онъ задумываетъ разломать тѣсныя, построить просторныя житницы, назначаетъ себѣ много лѣтъ жизни, чтобъ ѣсть, пить, веселиться, а Богъ ему говоритъ: *безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе* (Лук. XII, 20). И тотъ, кто чаялъ много лѣтъ прожить, умеръ нечаянно, не переживъ и одной ночи! О, сколь безвѣстенъ часъ смертный! Господь увѣщеваетъ насъ: *будите готови, бдите и молитеся, не вѣсте бо, когда время будетъ.*

Дѣйствія смерти таковы: она отнимаетъ у человѣка все, что онъ имѣетъ въ семъ мірѣ: богатство, почести, славу, красоту, наслажденія всякими благами; ибо, когда человѣкъ умираетъ, то оставляетъ все, и не сходитъ съ нимъ въ могилу слава его. Смерть разлучаетъ родителей съ дѣтьми, господина съ рабами, со всѣмъ, что любилъ человѣкъ, она разрушаетъ всѣ надежды, всѣ мечты о временныхъ благахъ. Она отворяетъ предъ человѣкомъ дверь вѣчности и начинаетъ собою эту вѣчность, какова бы она ни была, блаженная или несчастная. Для праведниковъ смерть отверзаетъ дверь вѣчности блаженной, дверь царства небеснаго, а для грѣшниковъ, умирающихъ безъ покаянія, отверзаетъ дверь вѣчности мучительной, двери ада. Кто какую жизнь ведетъ здѣсь, таково и воздаяніе получитъ тамъ.

Намъ, смертнымъ, должно всегда имѣть въ мысляхъ память смертную, и въ ней поучаться умомъ, чтобы страхомъ безвѣстности часа смертнаго воздерживать себя отъ дѣлъ, прогнѣвляющихъ Бога, и быть всегда готовыми къ исходу изъ сей жизни. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ, что память смертная столь же необходима человѣку, какъ необходимъ хлѣбъ, и какъ безъ хлѣба нельзя жить, такъ безъ памяти смертной невозможно управить жизнь свою. Безъ хлѣба человѣкъ слабѣетъ тѣлесно, безъ памяти смертной—духовно. Хлѣбъ укрѣпляетъ сердце человѣка, а память смертная укрѣпляетъ жизнь добродѣтельную. У кого есть хлѣбъ, тотъ съ голода не умретъ, и кто имѣетъ всегда память смертную, тотъ не умертвитъ своей души смертію грѣховною, не согрѣшитъ смертно. Тотъ же св. Лѣствичникъ пишетъ объ Исихіи Хоривскомъ, что онъ, проводя всю жизнь въ великомъ небреженіи, вдругъ разболѣлся и умеръ, но, чрезъ часъ послѣ того, возбудился отъ смерти, какъ бы отъ сна, и душа его Божіимъ повелѣніемъ возвратилась въ него. Послѣ воскресенія своего онъ затворился въ своей кельи, и оставался въ ней неисходно двѣнадцать лѣтъ, отнюдь ни съ кѣмъ не говоря ни слова, лишь немного вкушая хлѣба и воды, и всегда пребывая въ молчаніи; постоянно проливалъ изъ очей своихъ теплыя слезы. А когда приблизилась его кончина, то братія, отбивъ дверь его кельи, вошли къ нему, и долго умоляли его сказать имъ что-либо на пользу души, и, наконецъ, услышали отъ него только эти слова: „простите, братіе! кто стяжалъ память смерти, тотъ никогда не можетъ согрѣшить“. Сказавъ это, онъ отошелъ ко Господу. И удивлялись тѣ, которые знали его прежнюю небрежную жизнь, какъ онъ исправился страхомъ смерти. Будемъ и мы поучаться въ памяти смертной, будемъ исправлять себя, пока есть время, чтобы смерть не застала насъ не готовыми. Будемъ внимать совѣту Лѣствичника: „пусть память смертная и спитъ и встаетъ вмѣстѣ съ тобою“.

Праведный Исаакъ, провидѣвшій духомъ пророческимъ и предсказывавшій будущее, не зналъ времени своей кончины: *не вѣмъ,* говоритъ онъ, *дне скончанія моего* (Быт. XXVII, 2)! Почему же Господь Богъ, открывшій много таинъ Своему угоднику, не благоволилъ ему открыть и часъ его кончины? Думаю — для того, чтобы онъ служилъ для насъ примѣромъ памяти смертной и готовности къ исходу изъ сей жизни. Не зная, когда придетъ къ нему часъ смертный, онъ еще за много лѣтъ до своей кончины приготовился къ смерти и ожидалъ ее каждый день въ старости своей. За цѣлыхъ пятьдесятъ пять лѣтъ до смерти, праведникъ уже былъ готовъ къ ней, уже благословилъ своихъ дѣтей послѣднимъ отеческимъ благословеніемъ, и жилъ такъ, какъ бы на всякій день умереть готовый! Кто изъ живущихъ нынѣ найдется, который бы по крайней мѣрѣ за годъ, или хотя бы за одинъ только мѣсяцъ оказался готовымъ встрѣтить часъ смертный? Мы откладываемъ свое приготовленіе къ смерти съ году на годъ, со дня на день, съ юности на старость, а старики откладываютъ его до послѣдняго недуга смертнаго, и думаютъ, что успѣютъ приготовиться, возлежа на одрѣ болѣзни, когда на это и времени будетъ мало, и силы измѣнятъ, и болѣзни тяжкія одолѣютъ, а у иного и умъ, и рѣчь отнимется: не можетъ онъ, бѣдный, тогда исповѣдать грѣховъ своихъ и покаяться въ нихъ, какъ должно. Горе нерадѣнію нашему! Мы живемъ, какъ будто никогда намъ не придется умирать, какъ будто будемъ вѣчно здѣсь жить и наслаждаться въ этомъ мірѣ; даже и не помыслимъ, что конецъ уже при дверяхъ, сѣкира при корени, коса смертная надъ головой, день Господень яко тать близокъ, судъ не коснитъ, погибель не дремлетъ, и вдругъ мы впадаемъ въ сѣти смертныя и въ болѣзни адовы, какъ говоритъ св. писаніе: *не разумѣ человѣкъ времене своего, но якоже рыбы уловляемы во мрежи злѣ, и аки птицы уловляемы въ сѣти, уловляются сынове человѣчестіи во время лукаво, егда нападетъ на ня внезапу* (Еккл. IX, 12).

О смертные! почто не помнимъ о смерти, которой никоимъ образомъ не можемъ избѣжать? Почто не страшимся горькаго часа смертнаго, когда уже никто изъ людей не будетъ въ состояніи намъ помочь? Почему не приготовляемъ себя къ смерти, о коей не знаемъ, гдѣ она насъ ожидаетъ, и въ какой день, въ какую ночь, въ какой часъ придетъ взять насъ отсюда? Какъ труба гласитъ предостерегающее насъ благовѣстіе Христово: *бдите! не вѣсте бо, когда Господь дому пріидетъ,* чтобы взыскать съ насъ долгъ смертный, *въ вечеръ, или въ полунощь, или въ пѣтлоглашеніе, или утро, да не пришедъ внезапу обрящетъ вы спяща* (Мр. XIII, 35—36)... Но мы не внимаемъ сему гласу, какъ будто это не намъ сказано! Евангеліе говоритъ, что господинъ злого раба, ядущаго и піющаго съ пьяницами, біющаго своихъ клевретовъ, пріидетъ въ день, въ который онъ не ожидаетъ, и въ часъ, котораго не знаетъ, и *растешетъ его полма, и часть его съ невѣрными положитъ: тамо будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ* (Мѳ. XXIV, 51). А мы ни мало не страшимся сего, какъ будто мы и въ самомъ дѣлѣ добрые и избранные рабы Господа своего, хотя и преисполнены грѣховъ и беззаконій!.. И если люди святые и праведные боялись смерти и пріуготовляли себя къ часу смертному великими подвигами въ продолженіе долгаго времени (какъ, наприм., праведный Исаакъ), не вѣдая дня скончанія своего, тѣмъ болѣе намъ, грѣшнымъ, потребно бояться сего часа и уготовлять себя, очищая свои грѣховныя скверны теплыми слезами покаянія, чтобы не засталъ насъ конецъ житія нашего валяющимися въ тинѣ грѣховной, и не подвергъ страшному истязанію. Для сего-то и сокрыто отъ насъ время смерти нашей, чтобы мы, не зная сего грознаго часа, всегда его ожидали и боялись, и готовились къ исходу изъ сей жизни. Св. Златоустъ, объясняя слова евангелія: *будите готови, яко въ оньже часъ не мните, Сынъ человѣческій пріидетъ,* такъ бесѣдуетъ: „для того говоритъ Онъ имъ сіе, чтобы они бодрствовали и всегда были готовы; желая, чтобы они всегда были готовы къ срѣтенію Его и всегда добродѣтельны, сказалъ имъ, что пріидетъ тогда, когда и не ожидаютъ Его. Если бы люди знали, когда умрутъ, то, безъ сомнѣнія, позаботились бы о семъ днѣ“.—Онъ же, толкуя слова апостола: *день Господень якоже тать въ нощи, тако пріидетъ* (1 Сол. V, 2), говоритъ: „если же хотимъ знать, для чего сокрытъ этотъ день, и почему *якоже тать въ нощи, тако пріидетъ*, то я, какъ мнѣ кажется, справедливо скажу вамъ: никто никогда во всю жизнь свою не сталъ бы заботиться о добродѣтели, если бы этотъ день былъ извѣстенъ и не былъ сокрытъ, но всякій, зная послѣдній день свой, совершалъ бы безчисленныя преступленія, и уже въ тотъ день приступалъ бы къ купели, когда бы сталъ отходить отъ міра сего“. Вотъ слова Златоуста. И дѣйствительно, если мы, не зная ни дня, ни часа скончанія своего, несмотря на страхъ ожиданія его, рѣшаемся на безчисленныя и тяжкія грѣховныя дѣянія, то на что не рѣшились бы, если бы знали, что еще проживемъ много лѣтъ на землѣ и не скоро умремъ? Но такъ какъ мы не знаемъ, когда, въ какой день и часъ умремъ, то и должны каждый день такъ проводить, какъ бы ожидали ежедневно смерти, и при наступленіи дня помышлять: „не сей ли день будетъ послѣднимъ днемъ жизни моей?“ И при наступленіи ночи говорить самому себѣ: „не эта ли ночь будетъ послѣднею ночью моего пребыванія среди живыхъ?“ Помышляя такъ, проводи весь день, какъ бы уже готовясь умереть, и вечеромъ, отходя ко сну, исправляй свою совѣсть такъ, какъ бы имѣлъ ты въ сію ночь предать Богу духъ свой. Погибеленъ сонъ того, кто заснулъ въ грѣхѣ смертномъ, не безопасенъ сонъ и того, чей одръ окружаютъ бѣсы, выжидая случая увлечь душу грѣшника въ дебрь огненную. Худо тому, кто отошелъ ко сну, не примирившись съ Богомъ, ибо если въ томъ случаѣ, когда мы чѣмъ-либо оскорбили ближняго, апостолъ говоритъ: *солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ* (Ефес. VI, 26), то тѣмъ болѣе прогнѣвавшему Бога должно заботиться о томъ, чтобы не зашло солнце во гнѣвѣ Божіи, чтобы не уснуть ему, не примирившись съ Богомъ, ибо часъ кончины нашей неизвѣстенъ: какъ бы внезапная смерть не похитила насъ неготовыми. Не говори, человѣче: завтра примирюся съ Богомъ, завтра покаюсь, завтра исправлюсь. Не отлагай со дня на день твоего обращенія къ Богу и покаянія, ибо никто тебѣ не сказалъ, доживешь ли до утра, или до вечера. Хорошо поучаетъ преподобный Антоній Великій, приводя изреченіе апостола: *по вся дни умираю* (1 Кор. XV, 31), „пробуждаясь отъ сна, будемъ думать, что не доживемъ до вечера, и опять ложась спать, будемъ помышлять, что не доживемъ до утра, всегда памятуя безвѣстный предѣлъ жизни нашей. Живя такъ, мы не будемъ — ни грѣшить, ни имѣть похотѣнія къ чему-либо, ни воспламеняться гнѣвомъ на кого-либо, ни собирать себѣ сокровищъ на землѣ, но, ожидая каждый день смерти, все тлѣнное будемъ презирать. Тогда остынетъ въ насъ и похоть плотская, и всякое нечистое пожеланіе, все будемъ прощать другъ другу и будемъ предочищать себя, всегда имѣя предъ очами ожиданіе послѣдняго часа и борьбы. Ибо сильный страхъ смерти и суда, опасеніе мученій возстановляетъ душу, клонящуюся въ пропасть погибели“. Такъ говоритъ св. Антоній Великій. (Изъ Твореній св. Димитрія, митрополита ростовскаго).

6. Замѣчательное видѣніе.

Въ іюнѣ 1892 г. я пріѣхалъ изъ г. Баку въ Тифлисъ къ своей замужней дочери. Вскорѣ по пріѣздѣ она, между прочимъ, сказала мнѣ, что проживающая не подалеку отъ нихъ 13-лѣтняя дочь вдовы мѣщанки Е. Б—ой, Анна, имѣла видѣніе во время болѣзни, видѣла своего умершаго отца, братьевъ, сестеръ и проч. Я сначала на этотъ разсказъ не обратилъ вниманія, но когда услыхалъ о томъ же отъ родственниковъ отроковицы Анны, съ которыми я былъ знакомъ, то попросилъ ихъ пригласить Анну въ свой домъ; тамъ она лично разсказала мнѣ, въ присутствіи родныхъ, свое видѣніе, тогда же съ ея словъ мною записанное:

Въ 1892 году, на третій день св. Пасхи, я заболѣла дифтеритомъ и была отправлена въ городскую больницу. На другой день, когда я трудно больная лежала въ постели и стала забываться, какъ бы засыпать, въ это время вдругъ я увидѣла своего отца, который умеръ назадъ тому болѣе 6 мѣсяцевъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку, велѣлъ встать и повелъ меня. Очень скоро очутились мы на кладбищѣ. Отецъ повелъ меня къ своей могилѣ, гдѣ онъ былъ похороненъ.

— Вотъ это твоя могила, — сказалъ мнѣ отецъ, указывая мѣсто около своей могилы.

— Я не хочу, папа, умирать, — сказала я.

— Почему?

— Я еще молодая, хочу жить.

— Ну, живи. Я возьму дѣдушку твоего, если на то будетъ воля Господня.

— Скоро дѣдушку возьмешь? — спросила я.

— Я тогда тебѣ скажу.

— А скоро ли? — опять спросила я.

— Нѣтъ, не скоро.

— Какъ же, папа, ты теперь со мной говоришь, — спросила я, — вѣдь ты давно умеръ?

— Умерло мое тѣло, оно — спитъ, а душа живая.

— У всѣхъ ли такъ бываетъ?

— У всѣхъ. Хорошо ты дѣлаешь, Анюта, что помнишь и исполняешь мое приказаніе и зажигаешь лампаду предъ св. иконами. А вотъ о могилѣ моей никто изъ васъ не позаботился; хотя бы ячменю на ней посѣяли.

— Я скажу мамѣ, и мы посѣемъ.

Послѣ сего отецъ взялъ меня за руку, и мы съ нимъ пошли. Дорога была каменистая; потомъ вскорѣ началась тропинка, покрытая краснымъ блестящимъ пескомъ. Мы пошли по этой тропинкѣ. Она привела насъ къ большимъ высокимъ воротамъ, на нихъ было много иконъ, а по сторонамъ воротъ стояли два монаха и держали въ рукахъ иконы. Я *вошла* вмѣстѣ съ отцомъ въ отворенныя ворота. Тутъ, при входѣ, встрѣтили насъ очень много дѣтей; въ числѣ ихъ я увидала знакомыхъ и своихъ братьевъ и сестеръ, умершихъ въ разное время, Алексѣя 6 лѣтъ, Евгенію 7 лѣтъ, Ѳеодосію 5 лѣтъ, Марію 4 лѣтъ, Петра 3 лѣтъ, Антонину 1 года и Лидію 6 мѣсяцевъ. Всѣ они со мною поцѣловались. Одѣты они были не одинаково, а такъ, кого въ чемъ похоронили, но на всѣхъ были крестики снаружи, а на головахъ вѣнчики, какіе на умершихъ надѣваются въ церквахъ; за поясками у всѣхъ были платочки съ изображеніями ангельскихъ ликовъ и съ надписями, но что написано—я не знаю и не читала. Дѣти хотѣли было вести меня, но папа взялъ меня за руку, и самъ повелъ. Мы пришли къ церкви, очень большой, бѣлой, съ сіяющимъ куполомъ. Въ притворѣ было много иконъ: съ правой стороны стоялъ монахъ въ облаченіи и читалъ, тамъ же на столѣ были: крестъ, святая вода, свѣчи съ изображеніями Спасителя и Божіей Матери и вѣнчики. Я спросила: для чего здѣсь вѣнчики?

— Они даются тѣмъ, кого похоронятъ безъ вѣнчиковъ,—отвѣчалъ отецъ.

Среди церкви стоялъ монахъ и читалъ, но я не помню что; я разсматривала церковь. Иконостасъ весь блестѣлъ и въ немъ было много иконъ, царскія врата были растворены, надъ ними — бѣлый голубь. Съ правой стороны была икона Спасителя, а съ лѣвой — Божіей Матери; обѣ иконы большія, въ бѣлыхъ блестящихъ ризахъ, усѣянныхъ золотыми крестиками и звѣздочками. На обоихъ клиросахъ стояло много ангеловъ въ бѣломъ одѣяніи, всѣ въ одинъ ростъ, и всѣ они пѣли: Христосъ воскресе! Я узнала ангеловъ потому, что они были съ крыльями, какъ изображаются на иконахъ. Кромѣ ангеловъ и монаховъ никого въ церкви не было. Отецъ выпустилъ мою руку, которую все время держалъ въ своей рукѣ, и я стала молиться предъ иконой Божіей Матери. Помолившись, я хотѣла подойти и поцѣловать икону, но кто-то невидимо удержалъ меня, и я не могла подойти къ иконѣ. Послѣ сего отецъ взялъ меня за руку, и мы вышли изъ церкви. Тутъ я увидѣла очень сильный свѣтъ, не похожій на солнечный. Въ это время отецъ велѣлъ мнѣ поклониться, — я поклонилась; потомъ велѣлъ встать — я встала и спросила: что такое было, что мнѣ велѣли поклониться?

— Тебя Господь благословилъ,—отвѣчалъ отецъ.

Тутъ насъ опять встрѣтили дѣти, и мы всѣ пошли далѣе. Деревьевъ было много, какъ будто лѣсъ. Шли мы по широкой тропинкѣ, покрытой зеленью, какъ ковромъ и еще чѣмъ-то блестящимъ. Вскорѣ мы пришли къ тому мѣсту, гдѣ дѣти постоянно находятся. Тутъ на большомъ столѣ я опять увидала свѣчи, съ бантами изъ лентъ и изображеніями святыхъ. Дѣти срывали съ деревьевъ много разныхъ плодовъ и давали мнѣ, но я отказывалась, не брала; они были какъ будто недовольны моимъ отказомъ и клали плоды въ корзинки. Я стала спрашивать дѣтей.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Богу молимся, въ церковь ходимъ, поемъ.

— За кого вы молитесь?—спросила я.

— За тѣхъ, кто за насъ молится.

— Чѣмъ вы здѣсь питаетесь?

— Молитвами, когда насъ поминаютъ.

— Какими молитвами?

— Какія бываютъ на литургіи.

— А когда васъ не поминаютъ, тогда чѣмъ питаетесь?

— Когда ты придешь къ намъ, тогда все узнаешь.

Тутъ всѣ дѣти стали просить меня, чтобы я осталась у нихъ. — Ты будешь няньчить своихъ маленькихъ сестеръ; но я не желала оставаться; отецъ сказалъ мнѣ: пойдемъ отсюда.

Я стала прощаться съ дѣтьми, брала ихъ за руки, а они меня цѣловали.

Когда мы пошли, я стала разспрашивать папу:

— Спите ли вы здѣсь?

— На что намъ сонъ, — сказалъ онъ; спитъ наше тѣло, а душа не спитъ.

— Развѣ ночей здѣсь не бываетъ?

— У насъ какъ теперь свѣтло, такъ и всегда. *Свѣтъ незаходимый.*

— А холодно бываетъ?

— Здѣсь нѣтъ ни холодовъ, ни жаровъ.

Я стала смотрѣть вверхъ, думала увидѣть небо, облака, но ничего не видѣла, кромѣ сильнаго свѣта и большихъ деревьевъ, стоявшихъ вокругъ и поднимавшихся на значительную высоту, а сверхъ ихъ видѣла летающихъ ангеловъ и трубившихъ въ трубы.

Отсюда пошли дальше. Вижу бесѣдки, сплетенныя изъ растеній; въ нихъ были монахи и священники. Далѣе за бесѣдками, подъ деревьями, сидѣлъ кто-то въ креслѣ, съ короною на головѣ.

Я спросила папу: кто это сидитъ? Онъ сказалъ: Государь. Имени Государя я не знаю и не спрашивала, только вдали видѣла еще много такихъ же.

Пошли еще дальше. Вышли на тропинку, гдѣ не было ни лѣсу, ни земли, и дорога была не такая хорошая, какъ прежде. Чѣмъ дальше шли, свѣтъ постепенно все уменьшался, и мы подошли къ какимъ-то подваламъ; кругомъ было сыро, холодно, смрадъ. Тутъ я увидала много людей; изъ нихъ нѣкоторые сидѣли за какими-то перегородками, и всѣ плачутъ. У нѣкоторыхъ женщинъ, склонившихъ головы, вся одежда была мокрая отъ слезъ. Я узнала нѣкоторыхъ знакомыхъ и свою крестную мать, умершую назадъ тому два года. Она сидѣла и, увидавши меня, бросилась ко мнѣ, но невидимо кто-то удержалъ ее и не допустилъ до меня. Она опять сѣла и заплакала.

Я спросила: о чемъ вы плачете?

— О томъ, что обо мнѣ никто не молится.

— Хорошо ли вамъ здѣсь?

— Нѣтъ, — отвѣчала она.

Я хотѣла еще ее спросить, но папа повелъ меня дальше; шли мы какъ будто подъ гору, все внизъ. Свѣту тамъ почти не было; народу было очень много, одни сидѣли, другіе стояли. Вдругъ я увидала впереди огонь, выходившій откуда-то снизу, и сильно испугалась. Отецъ сказалъ мнѣ: ничего не бойся. Я спросила его: что это за люди? Грѣшники, — отвѣчалъ онъ.

Я опять стала смотрѣть въ ту сторону, гдѣ былъ огонь, и увидала что-то похожее на бревна, на нихъ висѣли цѣпи, а людей не видно было, только одни головы. Слышны были крики, стоны, оханье.

Отсюда мы пошли назадъ. Подошли къ воротамъ, около которыхъ стояло какое-то большое чудовище, похожее на корову; оно сильно зарычало, я испугалась и — вдругъ очнулась... Лежала въ постели, около меня никого не было. („Душ. собес.“ 1894 г. вып. 8).

7. Видѣнія обмиравшаго.

(Изъ рукописей библіотеки Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря).

Крестьянинъ Симеонъ Ѳедотовъ, 25-ти лѣтъ отъ роду, въ 1788 году 14 ноября поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, наклалъ тяжелый возъ и возвращался домой. Въ одномъ мѣстѣ возъ опрокинулся и придавилъ ему оба бедра, которыя и были совсѣмъ раздавлены, спинная кость свихнута, одна нога вывихнута, и онъ безъ памяти былъ привезенъ товарищами домой. Управляющій отправилъ его въ городъ къ лѣкарю, но уже по прошествіи 7 недѣль. Лѣкарь, осмотрѣвъ его, объявилъ,—что нога заросла хрящемъ, спинная кость сильно повреждена, и что всѣ медицинскія средства не могутъ ему помочь,—и рѣшительно отказался его лѣчить. На масленицѣ въ самое заговѣнье, на разсвѣтѣ, онъ почувствовалъ себя такъ дурно, что тотчасъ послалъ отца своего за священникомъ, — и только что ушелъ отецъ его, онъ увидѣлъ возлѣ себя двухъ юношей, ростомъ съ семилѣтнихъ мальчиковъ, одѣтыхъ въ платье, сіяющихъ какъ лучъ солнечный; лица ихъ были прекраснѣйшія. Юноши эти, взявъ подъ руки больного, повели его, какъ ему казалось, вонъ изъ избы, и онъ видѣлъ себя, какъ онъ есть, т.-е. въ одной рубашкѣ со скорченной ногой. Въ то же самое время показался ему необыкновенно яркій свѣтъ, и юноши показали ему мытарей, которые стояли какъ будто на лѣстницѣ—одинъ другого выше. Юноши сказали ему: „тутъ мы водимъ души грѣшныхъ, которыхъ мытари у насъ иногда отбиваютъ“.

Мытари показались ему въ человѣческомъ видѣ, но съ ужасными и безобразными лицами, и были столь страшны, что если бы увидѣлъ кто изъ живущихъ на землѣ, то въ то мгновеніе умеръ бы отъ страха.

Юноши, проводя его мимо мытарствъ, показали ему рай и многія свѣтлыя жилища, въ которыхъ онъ увидѣлъ ходящихъ лицъ, одѣтыхъ какъ бы въ ризы зеленаго цвѣта. Онъ спросилъ, чѣмъ они питаются? „Благодатію Св. Духа“, отвѣчали ему ангелы, водившіе его.

Они показали ему священника, на которомъ были ризы обыкновенныя золотого цвѣта; онъ былъ старъ, съ русою бородою, и гулялъ мимо какого-то храма великолѣпнаго вида, на вершинѣ котораго видѣлъ онъ крестъ; съ правой стороны блисталъ свѣтъ, во внутрь же храма онъ не былъ введенъ. Въ лѣвой сторонѣ отъ храма онъ увидѣлъ садъ, въ которомъ находились младенцы до 7 лѣтняго возраста; имъ тутъ опредѣлено быть. Ниже сего прекраснаго сада былъ другой, но менѣе свѣтлый, въ которомъ находились младенцы некрещенные.

Потомъ увидѣлъ онъ вдали прохаживающихся многихъ лицъ, между которыми особенно ходили пятеро, на которыхъ юноши указавъ, сказали: „одинъ изъ нихъ бывшій господинъ, а прочіе четверо слуги его; они всѣ пятеро во время своей жизни постились и вѣрно служили Господу и носили тайно власяницы, а въ обуви ежевую кожу, что продолжалось полтора года; и вотъ ужъ 150 лѣтъ, какъ они умерли и наслаждаются блаженствомъ“. Потомъ повели его внизъ, въ какое-то сумрачное мѣсто, гдѣ онъ увидѣлъ большой огонь, и водящіе ангелы сказали ему: „здѣсь нѣкоторые находятся въ мукѣ, а другіе безъ мукъ“.

Чрезъ это сумрачное мѣсто провели къ огненной рѣкѣ, которая такъ широка, что другого ея берега не видно; ему вдругъ сдѣлалось жарко;—ангелы остановились и сказали: „нельзя тебѣ ближе подойти, ибо мы—ангелы, но огня сего боимся и не можемъ помогать грѣшникамъ“. Въ огненной сей рѣкѣ видѣлъ онъ страждущихъ грѣшниковъ, которые съ отчаяніемъ вопили: „Истинный Владыко, Царь небесный! долго ли намъ мучиться здѣсь?“... Водившіе ангелы сказали ему: „тутъ находятся чернокнижники, убійцы, ростовщики, блудники, прелюбодѣи и самоубійцы“, и указавъ на нихъ, ангелы продолжали: „напрасно говорятъ и думаютъ, что можно уничтожить душу.—Нѣтъ! душа не уничтожается, не убивается, а умираетъ только одно тѣло“...

За рѣкой видѣлъ онъ тьму, гдѣ тоже страдаютъ грѣшники, особенно кровосмѣсители; также говорили ему ангелы, что и тѣ люди не избѣгнутъ казни, которые обманываютъ и окрадываютъ своихъ господъ; причемъ юноши сказали ему: „говори всѣмъ, чтобы подавали милостыню, понеже она сіяетъ паче солнца“.

Потомъ опять привели его къ царству небесному и показали ему вдали одну обитель, сказавъ: „тутъ будутъ скоро изъ вашего города купцы, изъ коихъ одинъ мыслитъ измѣнить Божію славу, но Господь, по милосердію Своему, не допуститъ его до сего, ибо лишитъ жизни его, какъ только онъ это задумаетъ“. Ангелы показали ему еще обитель пустую вродѣ великолѣпнаго сада и сказали: „въ ней будетъ обитать по смерти бѣдный Елисей“[1]. Видѣлъ онъ еще тутъ въ блаженствѣ многихъ знакомыхъ лицъ.

Вожатые ему говорили много назидательнаго: избѣгать клеветы, истинно любить Бога и ближняго; толковали также, что Господь хочетъ, чтобы всѣ шли въ рай, но люди сами туда нейдутъ; и какъ скоро человѣкъ покается, то Господь тогда же покрываетъ грѣхи его; но что иные хотя и каются, но каются лицемѣрно, таковыхъ Господь не пріемлетъ покаянія. „Владыка нашъ, говорили ангелы, не радуется тому, когда люди будутъ во тьмѣ. Онъ скоро прощаетъ и убійцу, если онъ покается“. Также говорили ему, что Богъ никому не опредѣлилъ умирать отъ пьянства и самоубійства, и если умираютъ подобными смертями, то по своей волѣ, и душа таковыхъ ввергается прямо въ огненную рѣку, которую ты видѣлъ. Еще говорили, что всѣ игры, которыя бываютъ въ великіе праздники, изобрѣтены діаволомъ въ поруганіе святыни. Потомъ повели его какъ будто подъ гору, и необыкновенный свѣтъ началъ удаляться, вдругъ сунули его съ горы, и онъ почувствовалъ холодъ; опомнившись, всталъ на ноги и увидѣлъ себя совершенно здоровымъ: скорченная нога выпрямилась, и спинная кость тоже исцѣлилась. Во время этого видѣнія, тѣло его лежало трое сутокъ бездыханно, жизненность же оставалась только въ пальцахъ, а потому и погребать его медлили. Ему запрещено было говорить три слова, и когда господинъ его настаивалъ, чтобы онъ сказалъ запрещенныя слова‘ то онъ отвѣчалъ, что „если я скажу объ этомъ, то вдругъ умру“. Послѣ сего его оставили въ покоѣ. („Душ. соб.“ 1894 г. вып. X).

8. Природа говоритъ о воскресеніи.

Взглянемъ весною на то мѣсто, гдѣ поблекла роза. Кустъ ея весь покрытъ новыми распуколками—новыми цвѣтами, которые благоухаютъ попрежнему.

Солнышко закатилось вчера въ глазахъ нашихъ. Ночь покрыла всю землю, всѣ краски потухли, всѣ звуки умолкли, а сегодня рано утромъ востокъ освѣтился новой зарею. Она позолотила вершины горъ и холмовъ. Жаворонки поднялись къ небу, чтобы пѣснями своими привѣтствовать восходящее солнце.

Вотъ ослабѣвшій червячокъ самъ готовитъ себѣ могилку, завертывается въ куколку, лежитъ въ ней мертвый; но черезъ нѣсколько времени онъ начнетъ прогрызать свою могилку и, полный силъ и красоты, раскрывъ пестрыя, блестящія крылья, взвивается на воздухъ, радуясь новой жизни: червячокъ пропалъ, но изъ него вылетѣла бабочка. Точно такъ же обновится и жизнь человѣка: красота возникнетъ изъ тлѣнія, и новая жизнь возникнетъ изъ праха.

---

[1] Знакомый ему крестьянинъ.

Недолго пролежимъ мы въ землѣ, какъ сѣмя брошенное въ нее, чтобы возстать въ новомъ видѣ.

Но кто же придетъ и отверзетъ гробы, кто пробудитъ мертвыхъ, кто соберетъ народы съ лица всей земли?

Господь нашъ І. Христосъ, нашъ Искупитель, Онъ явится на облакахъ небесныхъ съ силою и славою многою, съ сонмами ангеловъ, которые вострубятъ Его славу.

И потому перестанемъ печалиться, что смерть уничтожаетъ жизнь; будемъ помнить, что Христосъ — побѣдитель смерти, будемъ радоваться и торжествовать! (Сост. по кн. „Богъ въ природѣ“).

9. Мысли св. отцовъ о воскресеніи мертвыхъ.

I. „Какъ ртуть, пролитая на какомъ-нибудь покатомъ и пыльномъ мѣстѣ, говоритъ св. Григорій Нисскій, раздробляется на мелкіе шарики и разсыпается по землѣ, но, будучи кѣмъ-нибудь опять собрана въ одно цѣлое, сама собою сливается съ однороднымъ, ничего посторонняго не принимая въ свою смѣсь: такъ и человѣческій составъ безъ всякаго затрудненія и самъ собою соединится въ прежнихъ своихъ частяхъ, коль скоро послѣдуетъ Божіе на то повелѣніе“. (Св. Григорій Нисскій. „О душѣ и воскресеніи“ Русскій переводъ Моск. Дух. Академіи. Ч. IV, стр. 199).

II. „Пусть будутъ смѣшаны, говоритъ св. Кириллъ іерусалимскій, различныя сѣмена растеній (тебѣ, слабому въ вѣрѣ, и примѣры представляю слабые), и эти различныя сѣмена растеній будутъ находиться въ одной горсти твоей: для тебя, человѣка, трудно ли, или напротивъ легко различить, что находится въ твоей горсти, и сѣмена каждаго растенія по свойству ихъ отдѣлить и дать имъ свое мѣсто, чтобъ росли? Такъ, ты можешь различить и привесть въ прежнее состояніе, что находится въ рукѣ твоей, а Богъ ужели не можетъ различить и привесть въ прежнее состояніе, что содержится въ горсти Его!“ (Св. Кириллъ іерусалимскій. Огласит. поученіе XVIII).

НЕДѢЛЯ 25-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Лук. зач. 53-е, гл. X, 25—37 ст.

1. Притча о милосердомъ самарянинѣ.

Одинъ іудейскій законникъ, желая уловить Іисуса Христа, не скажетъ ли Онъ чего-нибудь противнаго закону, спросилъ Іисуса: что мнѣ дѣлать, дабы наслѣдовать жизнь вѣчную? Спаситель отвѣтилъ ему не прямо, а также далъ вопросъ: „въ законѣ что объ этомъ написано? Какъ ты читаешь?“ — Законникъ отвѣтилъ: „возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею крѣпостію твоею, и ближняго твоего, яко самъ себе“. Іисусъ сказалъ ему: „ты правильно отвѣчалъ, такъ поступай и спасешься“. Но законникъ, желая оправдать себя, сказалъ Іисусу: „кто мой ближній?“ На это Іисусъ Христосъ разсказалъ слѣдующую притчу: „одинъ человѣкъ шелъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ; на дорогѣ его схватили разбойники, ограбили, сняли одежду, избили его, изранили до полусмерти и бросили чуть живымъ“. — Кто изъ насъ, увидѣвши несчастнаго, не сжалился бы надъ нимъ? Кто бы, услышавъ его стоны, не подалъ ему помощи, какую могъ бы сдѣлать. — Но вотъ, проходитъ тою дорогой ветхозавѣтный священникъ, посмотрѣлъ на избитаго и пошелъ дальше. Вслѣдъ за нимъ шелъ левитъ — это низшій служитель при Іерусалимскомъ храмѣ, и онъ также прошелъ мимо. Наконецъ, идетъ тою дорогою самарянинъ. Самаряне—это были сосѣди іудеевъ по мѣсту жительства, но другъ съ другомъ ни въ чемъ не сообщались, ненавидѣли одни другихъ и даже при встрѣчѣ ничего не говорили между собою. Этотъ-то ненавистный для іудея самарянинъ, увидавъ избитаго іудеянина, сжалился надъ нимъ, остановился, перевязалъ несчастному раны, примочилъ ихъ виномъ и елеемъ, посадилъ на своего осла, на которомъ самъ ѣхалъ раньше, привезъ въ гостиницу и здѣсь заботился о немъ всю ночь. На другой день, уѣзжая, не оставилъ его безъ своего попеченія и призрѣнія, сдалъ его на руки содержателя гостиницы, а за труды заплатилъ ему два сребреника и обѣщалъ еще наградить по возвращеніи своемъ и уплатить всѣ издержки. Окончивъ разсказъ притчи, Спаситель спросилъ законника: кто по твоему изъ этихъ трехъ человѣкъ, т.-е. священника, левита и самарянина, ближній попавшемуся *разбойникамъ*? — Тотъ, кто оказалъ помощь, отвѣтилъ законникъ. — „Пойди и ты твори такожде“, говоритъ Христосъ, т.-е. помогай, не разбирая, свой или чужой человѣкъ находится въ бѣдѣ! Какъ вразумительна и какъ поучительна для всѣхъ насъ эта притча! Вникните, православные, въ смыслъ ея, кого она изображаетъ? Іерусалимъ — городъ священный, какъ для іудеевъ, такъ и для насъ — христіанъ; это мѣсто святости, спасенія и правды; Іерихонъ—это мѣсто нечестія и пороковъ. Іерусалимъ означаетъ жизнь святую и праведную, Іерихонъ—жизнь грѣховную. Между этими двумя городами лежала пустыня, дикое мѣсто, лѣсистое, гористое и скалистое; здѣсь водилось много звѣрей и былъ притонъ разбойниковъ. Въ иносказательномъ смыслѣ, путникъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ—это человѣкъ, уклоняющійся отъ Бога, изъ доброй жизни въ худую, сбивающійся съ истиннаго пути на путь погибели. Подъ разбойниками разумѣются здѣсь враги нашего спасенія: это прежде всего мы сами, наша плоть и похоть, наша гордость, зависть и злоба, потомъ міръ, или окружающіе насъ недобрые люди и, наконецъ, діаволъ. Одежда, снятая съ путника, это одежда невинности, въ которой мы выходимъ изъ св. купели, это дары, данные намъ Богомъ, какъ по природѣ—душевныя и умственныя способности, такъ и по благодати — дары Св. Духа. Грѣхи, какъ язвы, изъѣдаютъ насъ и причиняютъ боль по душѣ и по тѣлу. Священникъ и левитъ, прошедшіе мимо и не оказавшіе помощи несчастному, это законъ ветхій, бывшій до Рождества Христова, въ который вѣруютъ и теперь іудеи. Онъ служилъ только приготовленіемъ къ закону христіанскому. Милосердый Самарянинъ — это небесный Врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ, Господь Іисусъ Христосъ, Основатель и Начальникъ нашей св. вѣры и церкви.

Вино и елей, какъ врачебныя средства—это св. таинства Христовой церкви, исцѣляющія наши болѣзни—душевныя и тѣлесныя. Гостиница — это православная церковь, мѣсто утѣшенія и упокоенія для тѣхъ, которые подвизаются ради царства небеснаго, и для всѣхъ тѣхъ, которые идутъ по житейскому пути и отягчены грѣхами.

Содержатели гостиницы — это пастыри, служители и строители таинъ Христовыхъ, имъ заповѣдано отъ Господа имѣть попеченіе о грѣшникахъ до второго Его пришествія.

Православные читатели! Не подобны-ли всѣ мы тому человѣку, который шелъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ и впалъ въ руки разбойниковъ, былъ ограбленъ и оставленъ едва живымъ? Не ходимъ ли и мы по темнымъ и непроходимымъ дебрямъ нечестія, наполненнымъ камнями претыканія и соблазна, и подъ-часъ не напрашиваемся ли сами въ руки разбойниковъ, т.-е. не ищемъ ли поводовъ и случаевъ ко грѣху? Да, слышанная притча какъ нельзя болѣе относится къ намъ; насъ, именно, и изображаетъ она. Спросимъ себя: гдѣ у насъ та одежда невинности и чистоты, въ которую облечены мы при св. крещеніи? Гдѣ тѣ духовныя сокровища, которыя даны намъ отъ Бога, дары Св. Духа, которые напечатлѣны на насъ въ св. мѵропомазаніи? Куда употребляемъ тѣ природныя дарованія, посредствомъ которыхъ мы должны бы не угашать, а возгрѣвать и пріумножать благодать Св. Духа? Гдѣ Богомъ дарованные таланты ума, сердца и воли? Все расхитили враги нашего спасенія: они отняли у нашей души драгоцѣнное ея сокровище—дары природы и благодати, сняли съ нея благодатную одежду добродѣтели, а вмѣсто того оставили намъ однѣ раны и язвы грѣховныя, поражающія насъ по душѣ и по тѣлу. Теперь многіе изъ насъ не всегда, а иные и вовсе рѣдко или даже никогда не обращаютъ вниманія на эти раны, не чувствуютъ боли отъ нихъ и не заботятся объ излѣченіи: не раскаиваются во грѣхахъ и не думаютъ о своемъ исправленіи. Но придетъ пора, когда раны эти откроются съ ужасною силою и нетерпимою болью, будутъ ныть, терзать и мучить насъ. Тогда мы горько будемъ вспоминать пропущенное время, но будетъ ли возможность излѣчить ихъ? Теперь, теперь же, не теряя напрасно времени, позаботимся о нихъ: поспѣшимъ въ гостиницу и врачебницу — св. православную церковь, она для насъ благодатная обитель успокоенія отъ суетной жизни и исцѣленія язвъ грѣховныхъ; обратимся къ содержателямъ гостиницы, Богомъ поставленнымъ пастырямъ и учителямъ, кои возвѣщаютъ намъ путь спасенія, съ радостію принимаютъ заблудшихъ и врачуютъ болящихъ; попросимъ ихъ немедля возлить на наши раны цѣлительный елей и вино, т.-е. св. таинства, ученіе, наставленіе, молитвы, особенно таинство исповѣди и св. причастія. Призовемъ на помощь небесныхъ руководителей, св. ангеловъ-хранителей; отъ глубины души припадемъ къ Милосердному Спасителю, Который не сребромъ, ни золотомъ, но честною Своею Кровію „искупилъ насъ отъ клятвы законныя“. Ради заслугъ Христа Спасителя помилованъ весь міръ грѣшный; всѣ люди, уязвленные ядомъ грѣха, уврачеваны Его язвами и избавлены отъ вѣчной погибели Его безконечнымъ милосердіемъ. Поистинѣ Онъ благъ и милосердъ, до конца возлюбивъ насъ и смиривъ Себя даже до смерти.

Взирая на таковаго Наставника и Начальника вѣры и Совершителя нашего спасенія, и мы должны подражать Ему, должны любить и миловать братій нашихъ, оказывать имъ всякое снисхожденіе и милосердіе, помогать во всѣхъ нуждахъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Способовъ оказывать любовь къ ближнимъ у насъ такъ много, и такъ они разнообразны, какъ разнообразна жизнь человѣческая.

Вотъ ближній твой находится въ бѣдности: онъ голоденъ, босъ и безъ крова, помоги ему по силѣ твоей, надѣли его, чѣмъ можешь, пріюти, напой, накорми, обогрѣй и одѣнь его. Ближняго твоего постигла нужда: у него нѣтъ средствъ заплатить долги, выручи его изъ бѣды, дай ему, деньгами или вещами, или взаймы, или еще лучше безъ отдачи, по слову писанія: „просящему у тебя дай и отъ взявшаго твое не требуй назадъ“ (Лук. VI, 30).

Ближній твой боленъ, посѣти его, походи за нимъ, позаботься объ его излѣченіи. Ближній твой въ горѣ: у него или семейное огорченіе отъ дѣтей, отъ домашнихъ, или со стороны напасть какая, или другое какое несчастіе: ты утѣшь его, раздѣли съ нимъ печаль сердечнымъ участіемъ, задушевной бесѣдой, не допускай его до унынія, обнадежь милосердіемъ Божіимъ, посылающимъ испытанія для нашей же душевной пользы.

Да намъ и не перечислить всѣхъ дѣлъ милосердія христіанскаго; ихъ чрезвычайное и разнообразное множество. Жизнь наша подобна полю. Пойдешь въ поле, много найдешь тамъ красивыхъ, душистыхъ цвѣтовъ, изъ коихъ можно сплести красивый вѣнокъ. И въ жизни человѣка много встрѣчается дѣлъ милосердія — этихъ благовонныхъ цвѣтовъ, изъ коихъ можно сплести себѣ блаженный и неувядаемый вѣнецъ на небѣ.

Въ настоящую седмицу правительствомъ пріуроченъ сборъ по церквамъ въ пользу общества Краснаго Креста. Кто изъ насъ не слышалъ о Красномъ Крестѣ, о его благихъ задачахъ и полезной, попечительной дѣятельности въ посѣтившихъ наше родное отечество — Россію различнаго рода бѣдствіяхъ! Кто, какъ не мы сами въ недавнемъ прошломъ, въ годины засухи, голода и болѣзней (холера), испытали на себѣ благую попечительность Краснаго Креста! А сколько несчастныхъ раненыхъ воиновъ находили пріютъ и исцѣленіе, благодаря учрежденію Краснаго Креста! Однимъ словомъ, общество Краснаго Креста простираетъ свою помощь всякому несчастному, и съ каждымъ годомъ благотворительность его возрастаетъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ растутъ и нужды благотворительнаго общества.

Итакъ, неужели мы откажемся подать помощь благому Обществу, которое, исполняя заповѣдь Христа, заботится объ облегченіи участи нашихъ ближнихъ! Нашъ христіанскій долгъ подать посильную лепту на пользу собрату во имя Христово! Отъ вѣка не слыхано, что когда-либо доброе и сострадательное русское сердце затворило двери милосердія для достиженія благихъ цѣлей. Будемъ соучастниками въ дѣлѣ христіанской любви къ нашему ближнему!

Подавая посильную лепту, мы не останемся безъ награды Господа, Который воздастъ сторицею, ибо „блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ“. (См. Екатер. Епарх. Вѣд.).

2. Примѣры милосердія тѣлеснаго (дѣла милости тѣлесныя).

I. *Питаніе алчущаго.* Представимъ здѣсь нѣсколько примѣровъ благотворительности русскихъ подвижниковъ во время голода.

а) *При св. Ѳеодосіи* обитель Кіевопечерская была еще бѣдна: случалось, что келарь не могъ ничего дать братіи на трапезѣ. Между тѣмъ пр. Ѳеодосій построилъ даже особый дворъ, на которомъ и кормилъ бѣдныхъ. Для нихъ отдѣлялъ онъ десятую часть монастырскихъ доходовъ, и каждую субботу посылалъ возъ съ хлѣбомъ въ темницу. (Кіев. печ. пат.).

б) Пр. *Корнилій Комельскій* также во время голода раздавалъ хлѣбъ голодающимъ. Донесли ему, что нѣкоторые приходили за помощью по нѣскольку разъ; преподобный не обратилъ на это вниманія и велѣлъ продолжать раздачу хлѣба всѣмъ безъ различія.

в) Препод. *Димитрій Прилуцкій* († 11 февр. 1389 г.) иногда раздавалъ бѣднымъ милостыню тайно отъ братій, чтобы не вызвать безпокойства среди ихъ, въ виду случаевъ нужды, постигавшихъ самую обитель. Онъ былъ учителемъ истинной благотворительности и для мірянъ: когда нѣкто изъ нихъ, безучастный къ бѣднякамъ, но хотѣвшій быть благотворителемъ обители, принесъ Димитрію подаяніе на обитель, преподобный сказалъ ему: „отнеси назадъ то, что принесъ ты намъ, и накорми сперва своихъ слугъ и сиротъ (рабочихъ), живущихъ у тебя, чтобы не страдали они отъ голода и наготы; и когда останется что-нибудь отъ того, принеси нашей нищетѣ“.

г) *Прохоръ лебедникъ*, самъ всегда питаясь хлѣбомъ изъ лебеды и, по силѣ дарованной ему благодати, умѣя приготовлять изъ нея вкусные хлѣбы, въ обиліи раздавалъ ихъ нуждающимся во время голода, а во времена дороговизны соли, цѣна на которую, вслѣдствіе прекращенія подвоза ея, поднята была корыстолюбивыми торгашами, раздавалъ бѣднымъ вмѣсто соли золу, которая, бывъ взята изъ его рукъ, замѣняла соль. — Самъ тогдашній великій князь Святополкъ, сперва поблажавшій торгашамъ, хотѣвшимъ корыстоваться отъ народной нужды, впослѣдствіи раскаялся, вразумленный человѣколюбивымъ подвигомъ Прохора, оправданнымъ знаменіями дарованной ему благодати. (Послан. Поликарпа черноризца къ Поликарпу, арх. печ. мон.).

д) Преп. *Сергій Радонежскій* († 25 сентября 1392 г.) былъ такъ милостивъ къ бѣднымъ, что жизнеописатель его Епифаній выражается, что „рука его простерта была къ требующимъ, какъ рѣка многоводная, тихая струями, — что въ его обители находили пріютъ, и пропитаніе странные, нищіе, и болящіе“.

II. *Одѣяніе нагого*. (*Примѣры этой добродѣтели*).

а) По смерти родителей св. Маркіанъ, оставшись единственнымъ наслѣдникомъ всего отцовскаго богатаго достоянія, началъ строить новыя церкви на свой счетъ, обновлять приходившія въ ветхость, и помогать во множествѣ всѣмъ нуждающимся. Самъ же почасту оставался совсѣмъ безъ денегъ, и вообще велъ крайне простой и скромный образъ жизни, довольствуясь скудною пищею и нося бѣдную одежду. Изъ числа многихъ церквей Маркіанъ, между прочимъ, построилъ на свой счетъ великолѣпный храмъ во имя св. Анастасіи мученицы (память 22 декабря). На освященіи этой церкви присутствовали самъ императоръ со свитою и патріархъ Геннадій (457—471). Во время перенесенія мощей мученицы Анастасіи изъ старой церкви въ новую, Маркіанъ, въ числѣ прочихъ священниковъ, шелъ предъ мощами. Въ эту самую пору къ священникамъ подошелъ нищій. Какъ на бѣду, на этотъ разъ у преподобнаго не было денегъ, и онъ не могъ ничего подать. Не желая отпустить нищаго безъ подаянія, онъ незамѣтно выходитъ изъ ряда священниковъ, удаляется въ сокровенное мѣсто, и тамъ, снявъ съ себя одежду, отдаетъ ее бѣдняку, а самъ остается въ одной ризѣ на голомъ тѣлѣ, и въ такомъ видѣ является въ новоотстроенную церковь. Послѣ положенія мощей св. Анастасіи въ назначенномъ для того мѣстѣ, патріархъ начинаетъ божественную литургію и приказываетъ Маркіану остаться для служенія. Маркіанъ приходитъ въ ужасъ отъ такого приказанія: какъ онъ, безъ одежды, въ одной ризѣ на голомъ тѣлѣ будетъ присутствовать при торжественной литургіи, въ виду знати, и множества народа? Однако же, не смѣя противиться волѣ патріарха, онъ безропотно, но съ стѣсненнымъ сердцемъ остается въ церкви, и приготовляется къ служенію. Но вотъ странность, что это значитъ: священники и діаконы, замѣчаетъ Маркіанъ, начинаютъ между собою перешептываться и указывать на него. Вѣрно, они запримѣтили его наготу! Наконецъ, онъ ясно уже слышитъ такой голосъ: „посмотрите, какъ вырядился нашъ Маркіанъ, его одежда подъ ризою блещетъ золотомъ, точно онъ хочетъ перещеголять самого царя! Прилично ли священнику такъ роскошно одѣваться и тщеславиться?“ Не довольствуясь этимъ, священники докладываютъ о пышномъ нарядѣ Маркіана и самому святѣйшему патріарху Геннадію. „Вижу, вижу“, отвѣтствовалъ патріархъ докладчикамъ. По окончаніи обѣдни, Геннадій призываетъ къ себѣ Маркіана и строго выговариваетъ ему за неумѣстную роскошь одѣянія. Изумился Маркіанъ и, припавъ къ ногамъ патріарха, взмолился: „прости меня, владыко святый, я неповиненъ въ томъ, въ чемъ ты меня укоряешь, — съ самаго дѣтства я не любилъ роскошества, а теперь и подавно оно мнѣ не подъ-стать: не имѣю къ тому средствъ". — „Что ты запираешься, развѣ мы слѣпы всѣ, и не видимъ твоей одежды!" воскликнулъ святѣйшій Геннадій и приказалъ подняться съ земли Маркіану. Маркіанъ всталъ. Теперь патріархъ и всѣ его окружающіе пришли въ удивленіе, видя, что на обвиняемомъ въ пристрастіи къ богатымъ одеждамъ риза была надѣта на голое тѣло. Всѣ смотрятъ то на Маркіана, то другъ на друга, и удивляются. Наконецъ, патріархъ разспрашиваетъ Маркіана, и блаженный нищелюбецъ откровенно разсказываетъ о случившемся съ нимъ во время шествія въ новую церковь. Выслушавъ повѣствованіе, Геннадій и всѣ бывшіе съ нимъ поняли теперь, что видѣнная ими на Маркіанѣ во время литургіи дорогая золототканная одежда ниспослана была Господомъ. Послѣ того случая, видимо показавшаго благоволеніе Божіе къ Маркіану, святой пресвитеръ нисколько не перемѣнился: до конца жизни по-прежнему оставался ко всѣмъ простъ и ласковъ, милостивъ и набоженъ. И за все это Царь небесный прославилъ Своего угодника: Маркіанъ удостоился получить даръ чудотворенія. Доживъ до глубокой старости, преподобный, всѣми благословляемый, скончался мирно въ 471 г. по Р. Х. (Ч.-М. 10 янв.).

б) Однажды къ Іоанну милостивому пришелъ принять благословеніе богатый вельможа и увидѣлъ его постель, покрытую худымъ и уже полуизношеннымъ одѣяломъ. Возвратясь домой, онъ послалъ святителю новое, дорогое, стоившее 36 златницъ. Человѣкъ Божій не хотѣлъ оскорбить усердія вельможи, и въ слѣдующую ночь уснулъ подъ этимъ драгоцѣннымъ покрываломъ, но, пробудившись, тотчасъ раскаялся въ этомъ. „Горе тебѣ грѣшному! воскликнулъ онъ, спишь подъ нѣжною тканію, а братія Христовы—нищіе цѣпенѣютъ отъ холода. Сколько есть убогихъ, которые не имѣютъ и тряпокъ прикрыть наготу свою! Сколько есть странниковъ и пришельцевъ, которые спятъ на улицахъ, пронизываемые вѣтромъ! а ты имѣешь пышныя храмины, толпы рабовъ, разнообразную пищу и всякія питія, и еще вздумалъ разнѣжить себя подъ этимъ мягкимъ шелкомъ. Нѣтъ, не покроюсь я этимъ пышнымъ одѣяломъ въ слѣдующую ночь! Пусть цѣною его покроется нѣсколько бѣдныхъ". Въ такихъ размышленіяхъ, лишь только св. Іоаннъ дождался утра, немедленно послалъ подаренное ему одѣяло на рынокъ для продажи. Промыслъ Божій привелъ туда и вельможу. Онъ увидѣлъ свое одѣяло, купилъ его и вторично отослалъ св. Іоанну, усердно прося его, чтобы пользовался имъ самъ. Человѣкъ Божій, принявъ, поблагодарилъ и опять велѣлъ продать его. Такъ продолжалось это до трехъ разъ, и св. Іоаннъ приверженность къ себѣ вельможи обратилъ такимъ образомъ въ пользу страждущихъ, сдѣлавъ и его, хотя невольнымъ, участникомъ въ благотвореніи.—(Жит. св. Іоанна мил. 12 нояб.).

III. *Облегченіе участи заключенныхъ въ темницѣ.* (*Примѣры этой добродѣтели*).

а) Во дни императора римскаго Антонина, въ ѳракійскомъ городѣ Траянополѣ воздвигнуто было гоненіе на христіанъ. Прежде другихъ взята и заключена въ темницу св. Гликерія, недавно обратившаяся ко Христу, но показавшая уже болѣе всѣхъ ревности къ обличенію язычества и рѣшимости пострадать за вѣру. Одинокая оставалась въ темницѣ юная христіанка и исповѣдница. И вотъ, Филократъ, пресвитеръ малой церкви, въ которой собирались немногіе христіане города, рѣшился, презирая всѣ опасности, посѣтить Христову узницу. Гликерія проситъ Филократа благословить ее на предстоящій подвигъ мученичества. „Знаменай меня крестнымъ знаменіемъ: оно будетъ мнѣ украшеніемъ и какъ бы нѣкоторымъ помазаніемъ на подвигъ. Чрезъ сіе содѣлай ты меня угодною Царю и Богу, для Котораго самъ воинствуешь, чтобы я, огражденная и укрѣпленная знаменіемъ Его, могла побѣдить вражескія силы". Благословляя узницу крестнымъ знаменіемъ, пресвитеръ сказалъ: „знаменіе Христово да поможетъ тебѣ въ твоемъ намѣреніи, и Самъ Христосъ Господь да будетъ для тебя духовнымъ мѵромъ, умащающимъ тебя Своею благодатію, чтобы ты получила то, чего желаешь". Укрѣпивъ узницу именемъ Господа, пресвитеръ удалился. — Св. Гликерія, твердо вынесши страданія за Христа, предала святую душу свою въ руцѣ Божіи. Епископъ Дометій, взявъ многострадальное тѣло ея, честно похоронилъ близъ города; потомъ отъ святыхъ мощей ея источались дары исцѣленій вѣрующимъ. (В. чт. 1860 г. № 37).

б) *Св. Анастасія „узорѣшительница"*. „Въ темницѣ бѣхъ, и посѣтисте Мене"— глубоко проникло это слово въ душу св. Анастасіи. Бодрая, свѣтлая, обрадованная радостью, которую давала другимъ, она ежедневно обходила темницы, и вездѣ встрѣчали ее, какъ ангела Божія.

Но не долго была съ нею благодать этого утѣшенія: мужъ ея вознегодовалъ на нее и, опасаясь, что она все богатство свое расточитъ на заключенныхъ, сталъ держать ее взаперти, приставивъ къ ней стражу. Она доходила до отчаянія и писала своему бывшему воспитателю: „моли за меня Бога, за любовь къ Которому я страдаю до изнеможенія“... Старецъ ей отвѣтилъ на это: „не забывай, что ходящій по водамъ Христосъ силенъ утишить всякую бурю: „Онъ же воставъ запрети вѣтру и волненію водному: и улегоста и бысть тишина“... (Лук. VIII, 24). Ты теперь стоишь какъ бы среди волнъ морскихъ, въ терпѣніи ожидай Христа — Онъ придетъ къ тебѣ... Свѣту всегда предшествуетъ тьма; послѣ смерти обѣщана жизнь; конецъ предстоитъ земной скорби, какъ и земной радости. Благословенъ отъ Бога тотъ, кто уповаетъ на Него“.

Вскорѣ св. Анастасія овдовѣла и получила свободу отдать все свое богатсво и всю жизнь свою на то служеніе, которое она такъ возлюбила. Теперь она уже не ограничивалась темницами одного Рима, она переходила отъ города въ городъ, отъ страны въ страну—доставляла узникамъ пищу, одежду, омывала ихъ раны, большими деньгами подкупала темничныхъ стражей, чтобы они освобождали страдальцевъ отъ желѣзныхъ оковъ, натиравшихъ имъ раны. За эти дѣла и присвоено ей наименованіе *узорѣшительницы.*

Сколь многимъ ея любовь принесла утѣшеніе, сколь многимъ она дала силу претерпѣть до конца!

Трудясь день и ночь, она совершенно забывала, что и сама можетъ подвергнуться преслѣдованію. Однажды, придя въ темницу къ узникамъ, которымъ она служила еще наканунѣ, не нашла ихъ на мѣстѣ, такъ какъ ночью всѣ они были казнены, чтобъ опростать мѣсто въ темницѣ для множества другихъ, вновь забранныхъ христіанъ. — Она горько заплакала и спрашивала у всѣхъ сквозь слезы: „гдѣ же мои друзья-узники?“ Заключивъ изъ этого, что и она христіанка, ее взяли и представили на судъ къ правителю. Ее распяли между четырьмя столбами и развели огонь, чтобы ее сжечь, но, прежде чѣмъ разгорѣлось пламя, она скончалась среди мученій. (Изъ кн. „Исторія православной церкви“, новое испр. изд. К. Побѣдоносцева, стр. 62—64).

IV. *Служеніе больнымъ.*

Уходъ радушный за больными считается наилучшимъ богоугожденіемъ. Служеніе больнымъ Спаситель прямо относитъ къ Себѣ. Праведники вопросятъ всемірнаго Судію: „Господи, когда мы видѣли Тебя больнымъ и послужили Тебѣ?“ и Царь небесный скажетъ имъ въ отвѣтъ: „истинно говорю вамъ: поелику вы сдѣлали сіе одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ“.

Приведемъ примѣръ христіанскаго служенія больнымъ:

Преподобный Досиѳей, находясь при смерти, сказалъ одному великому старцу, именемъ Варсонофію: „владыко мой, уже не могу въ живыхъ быти“. На это Варсонофій отвѣчалъ: „чадо! иди съ миромъ предстать святѣй Троицѣ и моли о насъ“. Братія, услышавъ такой отвѣтъ великаго старца, начали негодовать между собою. „Что великаго сдѣлалъ этотъ юный инокъ, что удостоился принять такой отвѣтъ отъ святого отца? Мы не видѣли, чтобы онъ удручалъ себя постомъ или бдѣніемъ болѣе другихъ; напротивъ того, часто на всенощное богослуженіе онъ приходилъ послѣ всѣхъ насъ, а иногда и дома оставался“. Когда эти разсужденія достигли слуха Варсонофіева, святой старецъ за общею трапезою спросилъ у братіи: „когда колоколъ призываетъ въ храмъ Господень, а у меня есть на рукахъ недугующій братъ, — тогда что надлежитъ мнѣ дѣлать? оставить ли брата и итти въ церковь? или оставить церковь и утѣшить брата?“ Помощь, оказываемую ближнему, безъ сомнѣнія, Господь приметъ въ семъ случаѣ за истинное богослуженіе, отвѣчали иноки. „А если силы мои отъ постничества ослабѣютъ столько, что я не могу надлежащимъ образомъ служить болящей братіи, долженъ ли я укрѣпиться пищею, чтобы за недугующими ходить неусыпно, или продолжать свой постъ, хотя бы чрезъ это нѣчто отнималось у болящихъ, которые обыкновенно бываютъ прихотливы и взыскательны?“ — Для этого не надобно оставлять постъ, предписанный уставомъ обители, отвѣчали иноки, но самопроизвольный и чрезмѣрный постъ, кажется, въ этомъ случаѣ не столько будетъ пріятенъ Богу, сколько попеченіе о всѣхъ нуждахъ больного брата.—„Вы разсуждаете справедливо, сказалъ тогда святой Варсонофій гласомъ учительнымъ: — для чего же языку своему даете свободу говорить иначе? Богобоязненный Досиѳей, имѣя попеченіе о недугующихъ нашихъ собратіяхъ, не столь рано приходилъ на богослуженіе, какъ прочіе; не столь долговременно постился, какъ нѣкоторые изъ васъ, но вы сами были свидѣтелями, сколь усердно и неусыпно служилъ онъ болящей братіи! съ какою любовію предупреждалъ строптивыя ихъ требованія и прихоти! Мы не видѣли, чтобы онъ возроптал когда-нибудь на свои труды и усталость; напротивъ того, сколь часто видѣли его плачущимъ, какъ о величайшемъ согрѣшеніи, если когда, не въ силахъ будучи снесть излишнихъ требованій болящаго, что-нибудь скажетъ ему съ сердцемъ“.

Такъ смотрѣли на служеніе больнымъ богобоязненные и святые мужи. Они ставили его выше строгаго поста, всенощного бдѣнія, неопустительнаго хожденія къ церковному богослуженію, считали служеніемъ Самому Христу Богу.

V. *Примѣры страннолюбія изъ жизни святыхъ*:

а) Въ житіи преп. Иларіона,. память коего совершается 21 октября, повѣствуется, что когда преп. Иларіонъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ учениковъ своихъ, обходилъ монастыри, то одинъ страннопріимецъ, видя утомленіе странниковъ, пригласилъ всѣхъ въ свой виноградникъ для отдохновенія и утоленія жажды. Всѣ брали себѣ винограда, сколько хотѣли, и Богъ такъ благословилъ страннопріимца, что его виноградникъ, дававшій ему ежегодно сто мѣръ вина, въ это лѣто далъ втрое болѣе. Другой, жестокій и скупой человѣкъ, видя прохожихъ, отгонялъ ихъ отъ своего виноградника и за то лишился благословенія Божія; его виноградникъ въ этотъ годъ далъ менѣе плодовъ, чѣмъ прежде, и тѣ были недоброкачественные. („Житіе преп. Иларіона“).

б) Св. Григорій, папа римскій, разсказываетъ слѣдующее: „одинъ богатый человѣкъ каждый день имѣлъ обыкновеніе приглашать къ себѣ странниковъ, кормилъ ихъ и со всѣмъ семействомъ служилъ имъ. Однажды между обычными посѣтителями явился нѣкоторый новый, неизвѣстный ему странникъ. Хозяинъ пригласилъ его къ трапезѣ, а самъ, между тѣмъ, пошелъ за водою, чтобы по обычаю умыть ему руки. Съ водою онъ возвратился тотчасъ же, но, къ удивленію своему, новаго посѣтителя на мѣстѣ его уже не увидалъ. Страннолюбецъ недоумѣвалъ: что бы это значило? Но недоумѣніе его скоро разрѣшилось. Въ ту же ночь явился ему Господь и сказалъ: въ прежніе дни ты принималъ братій Моихъ меньшихъ, а вчера принялъ Самого Меня: и вотъ Имѣющій притти на судъ вмѣстѣ съ другими скажетъ и тебѣ: *понеже единому отъ братій Моихъ меньшихъ сіе сотвористе*, то *Мнѣ сотвористе*. И знай, что тѣхъ, которые прежде суда принимаютъ Его въ лицѣ странныхъ, Онъ на судѣ взыщетъ Своими милостями. („Душ. чт.“, 1881 г., мартъ).

VI. *Погребеніе умершихъ въ бѣдности*.

Этотъ подвигъ тѣлеснаго милосердія къ ближнему напоминаетъ намъ о тѣсномъ или безпомощномъ положеніи, въ какомъ находился возлюбленный Спаситель нашъ послѣ Своей крестной смерти. „Сего страннаго, Его же ученикъ лукавый на смерть предаде“ (Служб. вел. пятка), Сего Іосифъ аримаѳейскій приготовилъ къ погребенію и положилъ въ своей семейной могилѣ.

Этимъ-то подвигомъ обезсмертилъ себя въ исторіи праведный Товитъ (Тов. I, 17), потому что за городскими воротами, гдѣ онъ жилъ, просто выбрасывали тѣла убитыхъ плѣнниковъ, которые были съ нимъ одного отечества. Ради этого подвига Товитъ лишился имѣнія своего и потерялъ зрѣніе, но за то Господь Богъ наградилъ его семейнымъ счастіемъ и впослѣдствіи возвратилъ ему и зрѣніе.

Первые христіане съ великимъ усердіемъ собирали съ мѣстъ казни тѣла мучениковъ и погребали мученическія мощи. Въ IV вѣкѣ (въ греческой церкви) были извѣстны особенные люди, на которыхъ возлагался трудъ погребать бѣдныхъ мертвецовъ, эти люди назывались „труждающимися“.

Представимъ теперь нѣсколько примѣровъ этой прекрасной добродѣтели:

а) „Былъ нѣкто Магистріанъ, котораго царь отправилъ однажды въ извѣстное мѣсто съ порученіемъ. Когда онъ былъ въ пути, то увидалъ лежащаго мертваго, нагого нищаго, и явилъ ему состраданіе: отпустивъ на нѣкоторое отъ себя разстояніе своего раба, Магистріанъ снялъ съ себя одежду и прикрылъ ею мертвеца. Прошло довольно времени послѣ этого, и Магистріанъ, по другому порученію царскому, снова долженъ былъ отправиться куда-то въ путь. На этотъ разъ съ нимъ случилось несчастіе: выѣзжая изъ города, онъ упалъ съ коня, разбился и возвратился домой. Тутъ собрались къ нему врачи, и когда увидали, что у него сильно повреждена нога, пришли къ заключенію, что необходимо отнять ее, иначе несомнѣнно послѣдуетъ смерть. Рѣшивши такъ между собою, они сказали Магистріану: „завтра мы придемъ и исцѣлимъ тебя“. Когда они ушли, Магистріанъ позвалъ раба и сказалъ ему: „поди вслѣдъ за врачами, выспроси, что они думаютъ о моей болѣзни?“ Рабъ пошелъ, и врачи сказали ему: „ногу у твоего господина необходимо отнять, иначе умретъ; завтра мы скажемъ ему объ этомъ, а тамъ — какъ хочетъ“. Рабъ передалъ эти слова господину, а Магистріанъ опечалился, лишился сна и плакалъ! Ночью онъ остался одинъ; въ комнатѣ его горѣла лампада. Въ полночь является ему неизвѣстный и говоритъ: „что плачешь?“— „Какъ же мнѣ не плакать, господинъ мой, отвѣчалъ Магистріанъ, — когда я весь разбился, и врачи порѣшили отнять у меня ногу“. Явившійся сказалъ: „покажи мнѣ ногу“. Магистріанъ показалъ. Явившійся сказалъ: „встань и походи теперь“. Магистріанъ отвѣчалъ: „не могу, ибо нога моя переломлена“. Неизвѣстный сказалъ: „обопрись на меня“. Магистріанъ послушался и съ трудомъ пошелъ. Неизвѣстный замѣтилъ: „ты все еще хромаешь?“ и послѣ сего, натерши какъ будто бы чѣмъ больную ногу, сказалъ Магистріану: „теперь ложись и спи“, и къ этому прибавилъ нѣсколько словъ о милостынѣ. Магистріанъ воскликнулъ: „ты уже оставляешь меня? — „Что же тебѣ еще нужно, отвѣчалъ неизвѣстный,—вѣдь ты здоровъ теперь“. Магистріанъ сказалъ: „ради Бога, пославшаго тебя ко мнѣ, скажи, кто ты?“ Явившійся сказалъ: „вглядись въ меня и посмотри, не твое ли это одѣяніе?“ — „Да, мое, господинъ“, отвѣчалъ Магистріанъ. Явившійся сказалъ: „я тотъ, котораго ты видѣлъ нагимъ, мертвымъ лежащимъ, на котораго ты положилъ свою одежду, и вотъ за твое доброе дѣло Богъ послалъ меня исцѣлить тебя, — благодари Бога“. Сказавши это, явившійся сталъ невидимъ, а Магистріанъ сталъ совершенно здоровъ и прославилъ Бога“. (Прологъ, апрѣля въ 30 день, стр. 309 и др.).

б) *Преподобный Маркъ печерскій*, пишетъ Поликарпъ, живя въ пещерѣ, своими руками выкопалъ много пещеръ и на своихъ плечахъ носилъ землю, день и ночь трудясь для Господа. Онъ выкопалъ много мѣстъ для погребенія братіи и не бралъ за то ничего, развѣ кто самъ давалъ что-нибудь, да и это раздавалъ бѣднымъ. Надобно прибавить, что преподобный при всемъ томъ, что такъ много трудился, копая пещеры и могилы, носилъ на себѣ вериги: онѣ нынѣ висятъ надъ его мощами, здѣсь же крестъ его — памятникъ воздержанія его даже въ употребленіи воды; когда томила его жажда, онъ не болѣе пилъ, какъ сколько вмѣщалось въ этомъ мѣдномъ крестѣ.

„Въ одно время, повѣствуетъ Поликарпъ, Маркъ, копая землю, утомился до изнеможенія и оставилъ мѣсто тѣснымъ и нерасширеннымъ. Случилось одному брату заболѣть и умереть; другого мѣста ему не было, кромѣ того тѣснаго; мертвый, бывъ принесенъ въ пещеру, едва съ нуждою былъ вложенъ. Братія роптала на Марка, не имѣя возможности убрать по чину умершаго, ни возлить на него елея, такъ узко было мѣсто! Пещерникъ со смиреніемъ кланялся всѣмъ и говорилъ: „простите меня, святые отцы! по худости не докончилъ“. Они еще болѣе стали бранить его. — Маркъ сказалъ мертвому: „мѣсто тѣсно, самъ, братъ, потрудись, возьми и возлей на себя елей“. Мертвый простеръ руку и, нѣсколько поднявшись, взялъ масло, возлилъ крестовидно на лицо и на грудь и, отдавъ сосудъ, легъ и уснулъ. Когда совершилось это чудо, на всѣхъ напалъ страхъ“.

Другой братъ, послѣ долгой болѣзни, умеръ, и одинъ изъ друзей его, обмывъ тѣло его по обычаю, пошелъ въ пещеру посмотрѣть, гдѣ бы положить тѣло своего друга. Онъ спросилъ о томъ пещерника Марка, но тотъ отвѣчалъ: „иди, скажи брату, чтобы подождалъ до утра, пока выкопаю мѣсто, и тогда пусть идетъ на вѣчный покой“. — Отче, возразилъ братъ, кому велишь это сказать? Я уже отеръ губою мертвое тѣло. Но Маркъ повторилъ ему: „ты видишь, мѣсто еще не готово, иди, скажи умершему: грѣшный Маркъ говоритъ тебѣ, останься, братъ, еще на день, пока не скажу тебѣ, что мѣсто готово, на утро отойдешь ко Христу“. Инокъ возвратился въ монастырь, здѣсь братія уже совершали обычное пѣніе по умершемъ. При всѣхъ онъ сказалъ умершему: „Маркъ говоритъ тебѣ, что еще не готово мѣсто для тебя, подожди до утра“. При этихъ словахъ усопшій открылъ глаза, душа его возвратилась, и онъ всю ночь оставался живымъ, ни съ кѣмъ не говоря. На утро братъ опять пошелъ въ пещеру узнать о мѣстѣ, и пещерникъ сказалъ ему: „иди, скажи ожившему, — Маркъ говоритъ тебѣ: оставь теперь временную жизнь, предай духъ Богу, а тѣлу твоему мѣсто готово здѣсь“.—Какъ только братъ сказалъ это ожившему, тотъ, сомкнувъ глаза, предалъ духъ Богу. Преп. Маркъ провидѣлъ и часъ отшествія своего ко Господу.

Святыя мощи его положены въ пещерѣ, которую онъ самъ себѣ выкопалъ. (Изъ кн. „Русскіе святые, чтимые всею церк. или мѣстно“, Филарета, архіеп. черниг., ч. III, Спб. 1882 г., стр. 606—11).

VII. *Защита невинныхъ.*

Приведемъ примѣры этой высокой христіанской добродѣтели:

а) Ужасное бѣдствіе угрожало Италіи въ то время, когда въ Римѣ былъ папою св. Левъ. Атилла, царь гунновъ, прозванный бичомъ Божіимъ, около 452 года напалъ на Италію и шелъ съ войскомъ на Римъ. Левъ, усердно помолившись Богу и испросивъ заступничества святыхъ апостоловъ Петра и Павла (покровители Рима), вышелъ съ сенаторами римскими навстрѣчу грозному царю и сталъ умолять его о пощадѣ. Атилла, выслушавъ рѣчь святителя, обѣщалъ пощадить всю римскую область и, дѣйствительно, удалился, къ крайнему изумленію своихъ воиновъ, не привыкшихъ видѣть въ немъ такое милосердіе. Они съ удивленіемъ спрашивали у него, — почему онъ послушался словъ папы и такъ легко отказался отъ выгодъ, которыя покореніе Рима обѣщало ему?

— Развѣ вы не видѣли того, что видѣлъ я? спросилъ у нихъ Атилла. — Пока папа говорилъ со мною, два свѣтлые мужа держали надо мною обнаженные мечи и грозили мнѣ смертію, если я не послушаюсь архіерея Божія. (Чет.-Мин. февраль).

б) Подобный случай мужественной защиты пастыремъ своей паствы былъ и въ другомъ городѣ Италіи, а именно близъ Тревы. Несмѣтныя полчища гунновъ подъ предводительствомъ страшнаго Атиллы приближались уже къ городу Треву, предавая на пути своемъ все огню и мечу. Епископъ этого города Лупъ, видя крайнее отчаяніе паствы своей, рѣшился пожертвовать собою и итти навстрѣчу страшнаго врага, котораго одинъ наружный видъ приводилъ всѣхъ въ трепетъ, и просить у него пощады для паствы своей. Изумленный смѣлостію епископа, просившаго свиданія съ нимъ, Атилла сурово спросилъ его: „знаешь ли ты, кто я? бичъ Бога мстителя, исполняющій веленія Его“. — „А я, кротко, но безтрепетно отвѣчалъ блаженный старецъ, — я волкъ — (лупусъ— (lupus) съ латинск. значитъ волкъ), благодатію Христовою совлеченный прирожденной жестокости и приставленный на стражу и охраненіе овецъ стада Христова. Пощади же, о вождь, этихъ бѣдныхъ овецъ и порази, если нужно, одного пастыря!“ — Этотъ кроткій, но мудрый отвѣтъ тронулъ свирѣпаго гунна. Онъ почувствовалъ, что одинъ только Богъ, за орудіе Котораго онъ выдавалъ себя, можетъ внушить столько мужества и любви, и пощадилъ городъ отъ грабежа и разоренія. („В. чт.“ 1851).

в) Когда св. Серапіонъ постриженъ былъ игуменомъ Троицкой лавры, случилось, что злые люди оклеветали предъ великимъ княземъ Іоанномъ III въ тяжкой и небывалой винѣ чародѣйства трехъ именитыхъ боярынь. Раздраженный Іоаннъ, повѣрившій столь нелѣпому обвиненію, осудилъ ихъ на сожженіе. Напрасно митрополитъ и бояре умоляли царя помиловать осужденныхъ. Царь не хотѣлъ простить ихъ. Услышавъ о предстоящей казни, пр. Серапіонъ помолился живоначальной Троицѣ, явился предъ лицо разгнѣваннаго князя и своею настойчивостію и убѣжденіемъ въ невинности осужденныхъ понудилъ царя отмѣнить жестокій приговоръ.

Великій смертный грѣхъ беремъ мы на душу, когда, зная невинность ближняго, обвиняемаго въ чемъ-либо, не стараемся во что бы то ни стало оправдать его; хотя бы это стоило намъ самимъ не малыхъ безпокойствъ и страданій, мы должны помочь невинно страждущему. (В. чт.“).

VIII. *Спасеніе отъ смерти ближнихъ.*

Представимъ нѣсколько разсказовъ, объясняющихъ эту св. заповѣдь христ. вѣры.

а) Императоръ Константинъ послалъ трехъ вельможъ во Фригію для усмиренія возникшаго тамъ мятежа. Буря заставила ихъ на время остановиться въ ликійской епархіи. Здѣсь воины, бывшіе съ ними, стали было обижать гражданъ ликійскихъ. Святитель Николай, бывшій тогда епископомъ этой области, какъ только узналъ объ этомъ,— тотчасъ же поспѣшилъ сюда и кроткими убѣжденіями остановилъ ихъ дерзкіе поступки. Но въ это время пришли къ нему граждане изъ Мѵръ и сказали, что въ его отсутствіе градоначальникъ Евстафій, подкупленный злонамѣренными людьми, несправедливо осудилъ трехъ мужей на смертную казнь. Святитель тотчасъ же возвратился въ Мѵры и въ то именно время, когда смерть уже висѣла надъ главами невинно осужденныхъ. Угодникъ Божій увидѣлъ поле, покрытое народомъ, окружавшимъ осужденныхъ. У нихъ уже были связаны руки, закрыты лица, преклонены колѣна и протянуты обнаженныя шеи въ ожиданіи смертнаго удара. Палачъ для сего удара извлекъ мечъ, когда святитель, со властію пройдя среди народа, еще съ большею властію вырвалъ изъ руки палача мечъ, бросивъ его на землю, и началъ развязывать осужденныхъ. Никто не осмѣлился остановить добраго пастыря. Освобожденные отъ узъ плакали слезами радости, а народъ весь громогласно славилъ св. Николая. Когда упомянутые вельможи, усмиривъ мятежъ во Фригіи, возвратились въ Константинополь, царь щедро наградилъ ихъ, но потомъ зависть оклеветала ихъ, будто они не только не усмирили мятежниковъ, но и сами готовы открыть мятежъ при первомъ удобномъ случаѣ. Обманутый царь осудилъ ихъ на смерть. Тогда они вспомнили имя св. Николая, — и вотъ, угодникъ Божій является царю во снѣ и приказываетъ ему непремѣнно освободить ихъ. Изумленный царь не только освободилъ ихъ, но возвратилъ имъ и всѣ прежнія ихъ достоинства и сказалъ: „не я даю вамъ жизнь, а великій слуга Христовъ Николай, идите къ нему и поблагодарите его“. (По Ч.-М.).

б) Разъ шелъ препод. Варлаамъ хутынскій въ Новгородъ къ владыкѣ. На мосту народъ готовъ былъ сбросить въ Волховъ уличеннаго преступника.—Преподобный, взглянувъ на бѣднаго осужденнаго, сказалъ народу: „онъ загладитъ вины свои въ Хутынѣ, отдайте мнѣ его“. И народъ отдалъ уважаемому пустыннику.

Въ другое время точно такая же случилась встрѣча съ Варлаамомъ; въ этотъ разъ даже просили преподобнаго спасти осужденнаго отъ смерти, но онъ молча прошелъ мимо.—„Что это значитъ, отчего одного спасъ, а другому не хотѣлъ оказать той же милости?“ спросили его изумленные ученики. — „Господь всѣмъ хочетъ спасенія, сказалъ преподобный. Первый осужденъ былъ по правдѣ, но ему, кающемуся, Господь далъ время очиститься покаяніемъ, и онъ совершаетъ покаяніе въ обители; послѣдній осужденъ несправедливо, но за невинное страданіе получитъ онъ вѣнецъ праведника, тогда какъ иначе земная лесть могла испортить душу его“.—(Изъ кн. „Русскіе святые, чтимые всею церковію или мѣстно“ Филарета, архіеп. черниг. ч. III, стр. 326).

3. Примѣры милосердія духовнаго (дѣла милости духовныя).

I. *Примѣры обращенія грѣшника отъ заблужденія пути его.*

а) Преп. Таисія, родомъ египтянка, въ юности была увлечена своею матерью къ позорной жизни. И вотъ, преп. Пафнутій, ревнуя о спасеніи ближнихъ, вознамѣрился обратить ее на путь истины. Не боясь укоровъ и насмѣшекъ, онъ въ одеждѣ міряннна вошелъ въ домъ позора, гдѣ жила Таисія. Убѣдительныя наставленія св. подвижника сильно тронули грѣшницу и побудили ее искать спасенія души въ иноческихъ подвигахъ. Въ уединенной кельѣ она омывала грѣхи свои непрестанными слезами и спустя три года переселилась въ вѣчную, блаженную жизнь. (Ч.-М. окт. 8).

б) Св. Климентъ, сынъ идолопоклонника и христіанки, въ нѣжной юности лишившись отца и матери, былъ усыновленъ Софіею, благородною и добродѣтельною гражданкою Анкиры (городъ въ Малой Азіи), подругою его матери. Руководимый ея примѣромъ, юный христіанинъ воспитывался въ страхѣ Господнемъ. — Однажды сдѣлался въ Галатіи столь великій голодъ, что жители, по большей части невѣрные, не имѣя чѣмъ питать дѣтей своихъ, оставляли ихъ на произволъ судьбы. Что же дѣлалъ св. отрокъ? Онъ собиралъ сверстниковъ, повсюду скитавшихся безъ надежды утолить голодъ свой, и младенцевъ, на распутіи дорогъ испускавшихъ послѣдній вопль, давалъ имъ пищу, училъ грамотѣ и вѣрѣ евангельской и довершалъ свои благодѣянія тѣмъ, что приводилъ ихъ къ пресвитеру, который и крестилъ ихъ. Такимъ образомъ домъ Софіи чрезъ св. Климента сдѣлался гостиницею и училищемъ, а Софія болѣе, нежели матерью: ибо, возвращая бѣднымъ отрокамъ и младенцамъ жизнь временную, предуготовляла для нихъ черезъ юнаго благотворителя и вѣчную, блаженную жизнь на небѣ.

в) Два брата-инока пошли на торгъ продать свои домашнія вещи. Когда они разошлись другъ съ другомъ, то одинъ изъ нихъ впалъ въ грѣхъ противъ седьмой заповѣди. Пришедши, другой братъ сказалъ ему: „пойдемъ въ келью нашу, братъ!“ — „Не пойду“, отвѣчалъ онъ. „Почему же?“ спрашивалъ братъ. — „Потому, отвѣчалъ онъ, что, когда ты отошелъ отъ меня, я впалъ въ грѣхъ“. Желая *пріобрѣсти* его (Мат. XVIII, 15), братъ сталъ говорить ему: „и со мною то же случилось, какъ я отошелъ отъ тебя, но пойдемъ, покаемся прилежно, и Богъ проститъ намъ“. И пошедши, разсказали они старцамъ о случившемся съ ними. Старцы дали имъ заповѣдь — покаяться. И одинъ изъ нихъ каялся за другого, какъ будто и самъ онъ согрѣшилъ. Богъ, видя таковый подвигъ любви его, чрезъ нѣсколько дней открылъ одному старцу, что за великую любовь не согрѣшившаго брата Онъ простилъ согрѣшившему. Вотъ это по-истинѣ значитъ: *положить душу за брата своего* (Іоан. XV, 13). (Древн., пат. гл. V).

г) Примѣръ необычайнаго даже для святыхъ самоотверженія къ удаленію грѣховныхъ соблазновъ *ради спасенія души ближняго* мы находимъ въ слѣдующемъ разсказѣ блаженнаго Іоанна Мосха. „Въ бытность нашу въ Александріи, говоритъ онъ, одинъ христолюбивый мужъ разсказывалъ слѣдующее: „жила въ своемъ домѣ, въ уединеніи, одна монахиня и, заботясь о душѣ своей, все время проводила въ молитвѣ и бдѣніи и подавала много милостыни. Но врагъ рода человѣческаго, не терпя такихъ добродѣтелей въ дѣвственницѣ, поднялъ противъ нея страшную бурю. Онъ возжегъ сатанинскую страсть къ ней въ одномъ юношѣ, который жилъ около ея дома. Всякій разъ, какъ она хотѣла выйти изъ своего дома въ церковь, чтобы помолиться, этотъ юноша, возжигаемый блудною страстію, дѣлалъ ей оскорбленія, такъ что инокиня отъ этихъ оскорбленій принуждена была сидѣть дома. Въ одинъ день она послала свою служанку звать его къ себѣ. Онъ, представивъ себѣ, что достигъ своего желанія, съ радостію пришелъ. Дѣвица посадила его подлѣ себя и говорила: „скажи, сдѣлай милость, братъ, за что ты такъ немилостивъ ко мнѣ, что не выпускаешь меня изъ своего дома?“ Юноша отвѣчалъ: „я тебя сильно люблю и какъ скоро тебя увижу, то, какъ огнемъ, распаляюсь“. Она спросила: „что ты находишь во мнѣ привлекательнаго?“ Юноша сказалъ: „твои глаза прельщаютъ меня“. Тогда инокиня тотчасъ гребнемъ вырвала оба глаза и выбросила ихъ. Юноша, видя это, пришелъ въ ужасъ, раскаялся и, удалившись въ монастырь, сдѣлался добрымъ инокомъ“ („Лугъ дух.“ гл. 59).

II. *Обращеніе невѣдущихъ на путь истины и добра.*

Братская любовь христіанъ должна паче всего проявляться въ ревности о спасеніи другъ друга, въ поощреніи другъ друга въ христіанской жизни. Всѣмъ имъ свойственно заботиться о взаимномъ благѣ. Но какое благо можетъ быть выше спасенія души? и какое средство къ достиженію его дѣйствительнѣе, какъ не жизнь по духу евангелія? — Вотъ примѣры, которыми они могутъ руководствоваться въ этомъ дѣлѣ:

а) При самомъ вступленіи Спасителя въ общественное служеніе первыми учениками Его являются два брата: Андрей, именуемый первозваннымъ (потому что первый послѣдовалъ за Іисусомъ), *поспѣшилъ привести къ Іисусу старшаго брата* своего Симона, которому при семъ случаѣ Господь преднарекъ имя Петра. Родные братья Іоаннъ и Іаковъ, сыны Зеведеевы, скрѣпили свой кровный союзъ духовнымъ: сперва одинъ изъ нихъ вступилъ въ общество учениковъ Іисуса, его примѣру послѣдовалъ другой.

б) Великій святит. 4 вѣка, св. Григорій Бог. не могъ равнодушно смотрѣть на опасности и искушенія, какимъ подвергался его родной братъ Кесарій, жившій въ качествѣ лейбъ-медика при дворѣ Констанція аріанина и Юліана отступника. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы отвлечь его отъ этой службы и спасти его отъ соблазновъ жизни придворной.

в) Святитель *Тихонъ воронежскій* (13 августа), ревнуя о благочестіи своей паствы, не убоялся съ грознымъ словомъ обличенія явиться среди безчинствующей толпы; горячею рѣчью онъ убѣдилъ цѣлый городъ навсегда оставить неприличное христіанамъ празднованіе въ честь Ярила и вообще значительно улучшилъ нравы жителей Воронежа и ихъ поведеніе въ другихъ случаяхъ, наприм., на сырной недѣлѣ. Многіе письменные труды св. Тихона остались намъ незабвеннымъ памятникомъ его учительства. (См. брош. Н. Сперанск. „Тѣсн. врата“, изд. 1892 г.).

III. *Преподаніе совѣтовъ и наставленій относительно духовно-нравственнаго состоянія ближнихъ.*

Приведемъ примѣры этой христіанской добродѣтели.

а) Вотъ примѣръ мудрой осторожности, съ какою святые подавали душеполезные совѣты и вразумленія ближнимъ: однажды въ пустынномъ скиту было собраніе по случаю паденія одного брата. Отцы говорили, авва Піоръ молчалъ. Потомъ онъ всталъ и вышелъ, взялъ суму, наполнилъ ее пескомъ и носилъ на плечахъ своихъ, насыпалъ также немного песку въ корзину и носилъ ее предъ собою. Отцы спросили его: „что бы это значило?“ Онъ сказалъ: „эта сума, въ которой много песку, означаетъ мои грѣхи; много ихъ, но я оставилъ ихъ позади себя, чтобы не болѣзновать и не плакать о нихъ, а вотъ это—немногіе грѣхи брата моего, они напереди у меня; я разсуждаю о нихъ, и осуждаю брата,—а не должно бы такъ дѣлать: лучше бы мнѣ свои грѣхи носить напереди, скорбѣть о нихъ и просить Бога о помилованіи меня!“ — Отцы, выслушавъ такое наставленіе, встали и сказали: „вотъ истинный путь спасенія“. (Изъ „Скитскаго патерика“).

б) Не всегда можно сообщать истину въ непосредственномъ ея видѣ; мудрость христіанина дозволяетъ ему сообщать ее и въ формѣ приточной. Въ жизни человѣка могутъ быть обстоятельства, когда косвенное, прикровенное сообщеніе истины имѣетъ свое значеніе, именно, пролагая путь и отворяя двери для явнаго, неприкровеннаго сообщенія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ св. писаніе. Здѣсь, напримѣръ, мы можемъ вспомнить о пророкѣ Наѳанѣ, который, желая указать царю Давиду на грѣхи его, прежде всего началъ разсказывать притчу о богатомъ человѣкѣ, отнявшемъ у бѣдняка послѣднюю овцу, и только тогда, когда царь былъ подготовленъ такимъ приступомъ, онъ перешелъ прямо къ наступательному, знаменитому обличенію: „этотъ человѣкъ — ты!“ (Сост. по кн. „Христ. уч. о нравственности“, Мартенсена, т. II, стр. 223).

в) Никакія убѣжденія не могли обратить въ нѣдра вѣры нѣкоего вольнодумца. Но вотъ, онъ приходитъ къ одному изъ своихъ друзей и, увидѣвъ у него глобусъ, украшенный звѣздами, спрашиваетъ: „кто это такъ хорошо сдѣлалъ?“ — „Самъ сдѣлался!“ отвѣчаютъ ему. — „Быть не можетъ!“ — „Увѣряю тебя“. — „Нѣтъ это... невозможно!“ — „Какъ! Ужели невозможно, чтобъ эта столь незначительная вещь устроилась сама собою, случайно, безъ руки мудраго художника,—когда, по твоему сужденію, и вся земля съ ея разнообразными произведеніями, и небеса, украшенныя сонмами столь дивныхъ свѣтилъ, произошли по какому-то случаю?..“ — Вотъ самое естественное сужденіе разума! Но оно сдѣлало то, чего не могли произвесть никакія другія убѣжденія — привело заблудшаго въ лоно откровенной истины. (Изъ кн. „Христ. размышленія“, прот. Гречулевича, т. I, стр. 13).

г) Однажды приходскій священникъ зашелъ къ мѣстному владѣльцу, который любилъ хвалиться своимъ безвѣріемъ. — „Не о вѣрѣ ли, батюшка, пришли поспорить?“ сказалъ вольнодумецъ своему посѣтителю. — „Куда намъ, людямъ простымъ, спорить съ такими учеными людьми!“ былъ отвѣтъ смиреннаго пастыря. — „Однако, св. отецъ, охота же вамъ“, продолжалъ тотъ, „тревожить другихъ и самому тревожиться страхами о будущихъ мученіяхъ“... „Мы ничего не теряемъ отъ этой тревоги и въ настоящей жизни, а тѣмъ менѣе можемъ потерять — за гробомъ; если же наши вѣрованія справедливы, то, безъ сомнѣнія, очень много выиграемъ. Но посудите, если все то истина, что сообщается намъ Божественною вѣрою, — каково будетъ на томъ свѣтѣ человѣку, жившему такъ, какъ будто бы для него не существовало будущей жизни?..“ Вотъ опять самое простое сужденіе здравомыслящаго разума, но оно, какъ молнія, блеснуло въ душѣ невѣра, и — озарило ее свѣтомъ истины откровенной. (Оттуда же, стр. 14).

IV. *Молитва за ближняго.*

Жизнь святыхъ представляетъ многочисленные примѣры этой христіанской добродѣтели. Вотъ что повѣствуется о св. апостолѣ Петрѣ: однажды онъ содержался въ темничныхъ оковахъ; все христіанское общество возносило усердныя молитвы къ Богу объ избавленіи его отъ опасности; въ ночь, когда Иродъ хотѣлъ вывести Петра изъ темницы для суда и вѣроятно для убіенія, Петръ, связанный желѣзными цѣпями, спалъ между двумя воинами; передъ дверями темницы тоже были воины. Опасность была крайняя; избавленіе представлялось невозможнымъ. При томъ же самъ ап. Петръ, измученный усталостію, не молится объ избавленіи, — онъ спитъ. Но вотъ, внезапно предсталъ ангелъ предъ Петромъ.

Онъ разбудилъ его, оковы спали съ него сами собою. Ангелъ провелъ его сквозь запертыя двери, между стоящими при нихъ сторожами, и оставилъ на свободѣ. Такъ молитва христіанъ къ Богу — это святое и мощное проявленіе духовнаго милосердія—совершила избавленіе Петра безъ его усилія и безъ его вѣдома (Дѣян. XII, 3—11).

V. *Утѣшеніе печальнаго.*

Въ одномъ монастырѣ одинъ изъ братіи согрѣшилъ и по совѣту отшельника, подвизавшагося въ тѣхъ мѣстахъ, былъ изгнанъ изъ монастыря. Изгнанный былъ весьма опечаленъ, онъ поселился въ пещерѣ и горько плакалъ о своемъ безчестіи. Проходившіе мимо пещеры иноки увидали скорбящаго и совѣтовали ему итти къ преп. Пимену. Но тотъ не хотѣлъ и говорилъ: „я здѣсь умру". Иноки разсказали о печалующемся братѣ Пимену. Тогда преподобный попросилъ ихъ сходить къ печальному и сказать ему отъ его имени: „авва Пименъ зоветъ тебя". Падшій братъ пришелъ на зовъ Пимена. Старецъ, видя его печаль и сокрушеніе, привѣтствовалъ его, обращался съ нимъ ласково и попросилъ вкусить пищи. Печальный братъ былъ, такимъ образомъ, утѣшенъ преподобнымъ и успокоился. Но Пименъ не ограничился этимъ, но упросилъ простить падшаго у настоятеля монастыря, въ которомъ тотъ жилъ, и у отшельника, по совѣту котораго онъ былъ изгнанъ изъ монастыря". („Достоп. сказ. о подв. св. и блаж. оо.", стр. 224—226).

VI. *Прощеніе обидъ.*

„Побѣждай благимъ злое", учитъ слово Божіе, а зломъ зла побѣдить нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, „если воздано за рану раною", говоритъ святитель Филаретъ, митрополитъ московскій, — „то произойдетъ двое раненыхъ вмѣсто одного, и, слѣдовательно, зло удвоено, а не прекращено, потому что обиженный, нанеся рану обидчику, не излѣчилъ тѣмъ своей раны. Обида, нанесенная за обиду, не только не уничтожаетъ зла сдѣланнаго, но и не останавливаетъ хода зла или даже усиливаетъ оное. Въ комъ было довольно зла, чтобъ начать обиду, въ томъ, по всей вѣроятности, еще болѣе найдется его, чтобъ отвѣчать на взаимную обиду. Такимъ образомъ должна произойти цѣпь обидъ, и такъ какъ каждый воздающій за обиду естественно будетъ стараться сдѣлать соперника менѣе способнымъ вредить, то всякая дальнѣйшая обида должна быть тяжелѣе и убійственнѣе предыдущей... Итакъ, отражать силою силу въ настоящемъ случаѣ значило бы дѣлать брань большею, безконечною, убійственною; и потому надобно дѣлать напротивъ: благодѣтельствовать враждующему противъ насъ: „аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его, аще ли жаждетъ, напой его: сіе бо творя, угліе огненное собираеши на главу его". Нельзя долго держать горящаго угля на головѣ, чтобы не почувствовать жара, хотя бы кто былъ и самый нечувствительный человѣкъ, такъ и самый упорный изъ ненавидящихъ мира не долго останется безчувственнымъ, если будешь благотворить ему".

Приведемъ нѣсколько разсказовъ для поясненія этой истины.

а) Св. Тихонъ задонскій имѣлъ обыкновеніе утолять злобу своихъ безразсудныхъ враговъ, когда она особенно усиливалась, именно ухлѣбленіемъ ихъ, предложеніемъ имъ въ видѣ подарка чего-либо питательнаго, напримѣръ чаю, сахару.

б) Мучитель св. Іаннуарія, измышлявшій всякаго рода страданія для мученика, вдругъ самъ ослѣпъ. И что же? Незлобивый Іаннуарій помолился о немъ Богу и возвратилъ ему зрѣніе! — Вотъ какъ нужно по христіански платить добромъ за зло. Припомнимъ, что и въ церкви поется: *простимъ вся воскресеніемъ*, т.-е. *простимъ обиды всѣмъ по случаю праздника воскресенія Господня.* („Ч.-М." 21 апрѣля).

в) *Примѣръ прощенія враговъ и христіанской любви къ нимъ изъ военной исторіи русскаго народа.* Не можемъ не вспомнить объ одномъ случаѣ, описанномъ очевидцемъ турецкой войны въ 1877 г.: „была перестрѣлка въ укрѣпленіяхъ; озлобленные турки, отмщая на насъ свою (ночную) неудачу, (и днемъ) продолжали бить по каждому, кто только приподнималъ голову надъ валомъ укрѣпленія; за валомъ слышались громкіе стоны сквозь трескотню ружейнаго огня... „Что это такое! кто это стонетъ?" спросила сестра милосердія Васильева, подошедшая къ этому мѣсту.—„Турки, ихъ вчера ранили, свои подобрать не успѣли... Ну, и лежатъ тамъ въ кустахъ по оврагамъ", отвѣтили ей. „Что съ ними будетъ? до коихъ поръ?" опять спросила она. „Будутъ лежать, пока не умрутъ"... — „Братцы! обращается сестра милосердія къ солдатикамъ, ужели же раненымъ такъ умирать!.." Солдаты мялись... Кому охота на вѣрную смерть... „Душа-то вѣдь есть въ васъ, православные, жаль вѣдь ихъ“.—Жаль-то жаль, сестрица, да и то—какъ выйдешь? Тутъ смертушка... „Помогите, милые! Развѣ не такъ же, какъ и нашихъ солдатиковъ, и ихъ, бѣдныхъ, повели?.. Приказали и пошли... Что тутъ сдѣлаешь... развѣ они виноваты? Ахъ, нѣтъ! Пожалѣйте ихъ, пожалѣйте! Поди, у нихъ дома дѣтишки малые... голодные... Помогите!...“

„И прежде чѣмъ мы успѣли одуматься, прежде чѣмъ мы успѣли удержать ее, Васильева была уже за валомъ. Такъ и остались въ памяти: рѣзко обрисовавшійся на свѣту станъ ея, головка, закинутая къ небесамъ, рука, творящая кресты. Скрылась... Точно проскользнула въ амбразуру, оставленную для орудія.— „Что же это, братцы!.. Ужели жъ покинуть? — негоже!“ Старый унтеръ съ георгіевскими крестами и медалью за хивинскій походъ перескочилъ за валъ. Адъ поднялся опять... пули засвистали отовсюду, шипя впивались въ сырую землю... Сестра не обращала вниманія на смерть, наклонялась надъ кустарниками и отыскивала раненыхъ турокъ... Къ чести турокъ, какъ только они замѣтили, зачѣмъ сошли наши,—опустили ружья и, выставя головы надъ валомъ: слѣдили.. Видимо они были изумлены, ни одного выстрѣла. Тишина воцарилась на позиціяхъ. — „Мати скорбящая!...“ назвали сестру солдаты. Рослый турокъ, раненый въ спину насквозь, какъ только его внесли на носилкахъ за валъ, схватилъ руку Васильевой, прижалъ руку къ губамъ, а у самого слезы такъ и стоятъ на глазахъ.—„Ишь, гололобый, разжалобился!..“ тронутымъ голосомъ промолвилъ одинъ солдатикъ.

Да, дѣло милосердія для обѣихъ сторонъ пріятно: для обиженнаго и обидчика; равно какъ мстительность озлобляетъ обоихъ. Всѣ это знаютъ, но не всѣ такъ поступаютъ. (Сост. по „Воскр. чт.“ 1891 года № 31).

4. Духовная сила милостыни.

1. Св. апостолъ Ѳома проповѣдывалъ въ Индіи. Одинъ изъ тамошнихъ царей захотѣлъ имѣть такой роскошный дворецъ, какой у римскихъ кесарей, и искалъ, кто бы могъ ему построить такое зданіе. Ему сказали, будто св. Ѳома искусный строитель и зодчій. Царь призываетъ апостола, предлагаетъ ему это порученіе, и когда тотъ не отказался, даетъ ему много золота, а самъ на долгое время отправляется въ другія свои области. Но апостолъ Ѳома все золото, что получилъ отъ царя, роздалъ бѣднымъ и нуждающимся. Объ этомъ донесли царю. Царь, возвратившись, спросилъ св. апостола: „готовъ ли дворецъ?“ — „Готовъ, отвѣчалъ апостолъ, только не на землѣ, а на небѣ“. Эти слова царь принялъ за насмѣшку и заключилъ св. Ѳому въ темницу. Пока въ слѣдующіе дни царь придумывалъ, какою бы казнью замучить святого, въ это время страшно разболѣлся родной братъ его и впалъ въ продолжительный обморокъ. Въ такомъ состояніи душа его узрѣла чудныя видѣнія: добрый ангелъ понесъ ее къ небу, и были тамъ показаны ей различныя палаты, но прекраснѣе всѣхъ была одна изъ нихъ. На вопросъ, кому принадлежитъ такой чудный чертогъ, проводникъ сказалъ восхищенной душѣ: „этотъ домъ построилъ твоему брату зодчій Ѳома“. А когда душа пожелала остаться въ этомъ домѣ, проводникъ добавилъ: „если не пожалѣешь своего имущества и попросишь Ѳому, онъ и тебѣ такой построитъ“. Видѣніе кончилось. Больной пришелъ въ себя и разсказалъ брату все видѣнное и слышанное. Царь былъ пораженъ видѣніемъ своего брата и тотчасъ же освободилъ апостола, который обоихъ научилъ Христовой вѣрѣ и крестилъ ихъ. Они же сдѣлались христіанами милосердными и благотворительными.

Видите ли, какова сила милостыни и благаго подаянія. Ею мы созидаемъ себѣ прекрасную палату. Каждое наше подаяніе — это добрый, хорошій камень, который мы полагаемъ здѣсь на землѣ, а онъ незримо переносится на небо. Будемъ же искать себѣ сокровище на небѣ, гдѣ ни тля, ни червь, ни огонь, ни иное что не сгубитъ его (По „Ч.-М.“ 6 окт.).

2. Многіе изъ жителей Александріи, видя безпредѣльную сострадательность къ бѣднымъ св. Іоанна милостиваго, были сердечно тронуты его примѣромъ, продавали свои имѣнія и приносили къ нему деньги для раздачи милостыни. Въ числѣ этихъ благотворителей былъ одинъ человѣкъ, который, принесши къ св. Іоанну семь съ половиною литръ золота, составлявшихъ все его имущество, со слезами и земными поклонами просилъ угодника Божія помолиться, чтобы Господь спасъ сына его, отплывшаго въ Африку на кораблѣ. Святитель исполнилъ немедленно его желаніе и, собравъ весь клиръ свой, усердно молился Господу, чтобы Онъ благоволилъ спасти сына этого человѣка и возвратить его

цѣлымъ и невредимымъ въ пристань, вмѣстѣ съ кораблемъ, на которомъ онъ отплылъ.

Между тѣмъ, этотъ пятнадцатилѣтній юноша, о которомъ такъ усердно молились въ Александріи, скончался въ Африкѣ; а братъ отца его, взявъ съ собою остатки его имѣнія, сѣлъ на корабль и отплылъ обратно въ отечество; но у самыхъ береговъ Александріи буря разбила корабль, и все, бывшее съ нимъ, погибло, кромѣ людей. Несчастный человѣкъ, прибѣгавшій къ молитвамъ святителя, узнавъ отъ брата своего вдругъ о двухъ бѣдствіяхъ: о смерти единственнаго сына и о погибели всего своего имѣнія, такъ былъ убитъ горестію, что самъ едва не умеръ. Святитель скорбѣлъ объ участи несчастнаго, молился за него Господу, Утѣшителю страждущихъ, и увѣщевалъ его не предаваться отчаянію, а надѣяться на Бога, Которому онъ отдалъ все, что имѣлъ, и Который не оставитъ его безъ награды.

И дѣйствительно, милосердый Господь благоволилъ утѣшить скорбящаго раба Своего, ибо въ слѣдующую же ночь онъ увидѣлъ во снѣ мужа, подобнаго св. Іоанну, который говорилъ ему: „зачѣмъ скорбишь ты, любезный братъ, и позволяешь печали убивать тебя? Не ты ли просилъ меня молить Господа, чтобы Онъ спасъ твоего сына? И вотъ Онъ спасъ его. Повѣрь мнѣ, еслибъ сынъ твой не умеръ, онъ сдѣлался бы порочнымъ человѣкомъ. Что жъ касается до имѣнія твоего, которое было на кораблѣ, то знай, что ему предназначено было погибнуть со всѣми людьми, бывшими на кораблѣ, и единственно молитвы и доброе дѣло твое спасли брата твоего. Итакъ, встань и благодари Бога, Который сохранилъ тебѣ брата и спасъ сына твоего, призвавъ его въ Свои обители“. Проснувшись, этотъ человѣкъ почувствовалъ себя утѣшеннымъ, повергся немедленно къ ногамъ святителя, разсказалъ ему сонъ свой и отъ глубины сердца благодарилъ Бога и угодника Его. Св. Іоаннъ вмѣстѣ съ нимъ принесъ благодареніе милосердому Господу и потомъ сказалъ утѣшенному страдальцу: „не думай, сынъ мой, чтобъ эта милость Божія къ тебѣ произошла отъ недостойныхъ моихъ молитвъ: нѣтъ! Господь помиловалъ тебя за вѣру твою“ (Изъ „Жит. св. Іоанна милост.“).

5. Награжденное нищелюбіе.

1. Вотъ примѣры нищелюбія, награжденнаго еще здѣсь, на землѣ. „Одинъ крестьянинъ, костромской губерніи, удѣльнаго вѣдомства, отправляясь на промыселъ, чтобы честнымъ трудомъ пріобрѣсть насущный хлѣбъ себѣ и своему семейству, при самомъ выходѣ изъ деревни встрѣтилъ нищаго. Любя и во всякое время нищихъ, онъ на этотъ разъ особенно обрадовался такой встрѣчѣ. Съ радостію и неподдѣльною любовію онъ подалъ ему случившуюся въ карманѣ гривну и успѣлъ при этомъ замѣтить, что бѣднякъ, принявъ его жертву правою рукою, —лѣвую приложилъ къ сердцу, а очи, на которыхъ появились слезы, возвелъ къ небу. Безмолвно, съ невысказанною радостію разошлись крестьянинъ съ нищимъ, неизвѣстнымъ ему ни по имени, ни по мѣсту жительства. Легко сдѣлалось на сердцѣ отправлявшагося въ путь промышленника. За вѣстника Божія о своемъ благополучномъ предпріятіи онъ принялъ встрѣтившагося ему нищаго, и его надежда оправдалась. Надо замѣтить, что этотъ крестьянинъ имѣлъ судно, называемое расшивою, и занимался поставкою хлѣба изъ низовыхъ, по рѣкѣ Волгѣ, городовъ до Рыбинска. Промыселъ этотъ и всегда сопряженъ съ опасностями судопромышленниковъ, а на этотъ разъ упомянутый крестьянинъ - промышленникъ испыталъ и опасности особенныя, и милость Божію, явно покровительствовавшую ему за милость, оказанную нищему. Первая опасность, испытанная имъ, была та, что судно его, идя парусомъ во время хорошаго попутнаго вѣтра, набѣжало на большой камень. Опасность разбиться судну, — потопить чужую семнадцатитысячную кладь, — погубить пять, десять человѣкъ рабочихъ и лишиться своей жизни, — все это невольно располагало просить у Бога помощи Въ эту молитвенную минуту онъ слышитъ слова: „благодари Бога, благодари Бога за спасеніе, полученное тобою ради молитвъ награжденнаго тобою нищаго“. Послѣ того судно перешло камень, стукая объ него дномъ своимъ. Велика была опасность крестьянина, но велика была и радость его, когда онъ очувствовался послѣ страха. Благодарность къ Богу и къ молитвенику Его была плодомъ его спасенія. Вторую опасность, гораздо большую сравнительно съ высказанной, встрѣтилъ крестьянинъ ниже Нижняго. Опять подулъ попутный вѣтеръ; на всѣхъ плывшихъ судахъ начали поднимать паруса, велѣлъ поднять парусъ и онъ на своей расшивѣ. Но не успѣлъ еще работавшій

окончить своего дѣла, какъ поднялся сильный вихорь. На многихъ судахъ перервало паруса, поломало мачты, нѣкоторые суда повредило, одно потопило, а этотъ крестьянинъ, при молитвѣ къ Богу, получилъ опять милость Его. Судно его шло тихо и благополучно; вихорь не пошевелилъ даже паруса, а работавшій на мачтѣ, видимымъ для крестьянина образомъ, поддерживался извѣстнымъ ему одному нищимъ. Новое доказательство милости Божіей, новая помощь, оказанная бѣднякомъ, увѣрили крестьянина, что чистосердечную милостыню его, поданную одному изъ меньшихъ братій, принялъ Самъ Господь".

1859 годъ, въ которомъ было и разсказанное мнѣ самимъ крестьяниномъ милосердіе Божіе къ нему, остался памятнымъ для судопромышленниковъ по Волгѣ, потому что многіе суда, по случаю спада воды, не успѣли дойти до своего мѣста, а паузились (разгружались) на пути, отъ чего они понесли большія непріятности. Трата времени, достоянія, побѣгъ рабочихъ людей, судебныя дѣла у поставщиковъ хлѣба съ хозяевами его и подрывъ этого промысла пароходствомъ сдѣлали многія приволжскія семейства несчастными въ этотъ годъ. Но этотъ крестьянинъ,при угрожавшихъ ему тѣхъ же опасностяхъ, дошелъ до мѣста своего благополучно. Помощь Божію и покровительство сопутствовавшаго ему бѣдняка онъ чувствовалъ во весь свой путь. Несравненно благополучнѣе шло его судно, особенное какое-то согласіе было между рабочими, воздержаніе ихъ отъ обычнаго въ этомъ промыслѣ сквернословія, охота и любовь къ разговорамъ не только пріятнымъ и полезнымъ, но и спасительнымъ. Такъ наградилъ Господь нищелюбца еще здѣсь — на землѣ, но несравненно большая награда ждетъ истинныхъ нищелюбцевъ тамъ—на небѣ, когда на общемъ судѣ вѣчно правосудный Мздовоздаятель скажетъ имъ: *пріидите благословеніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. XXV, 34). („Воскр. день" 1897 г, № 46).

2. Въ Севастополѣ живетъ на покоѣ генералъ С. Ив. П—ковъ, съ которымъ авторъ этой статьи нерѣдко бесѣдовалъ. Въ одну изъ бесѣдъ маститый воинъ разсказалъ слѣдующее событіе изъ своей жизни.

Я служилъ въ артиллеріи. Бригада наша стояла въ Изюмѣ. Однажды мы, молодые офицеры, занимались различными гимнастическими упражненіями и, между прочимъ,—прыгали чрезъ скамейку и другія подобныя препятствія. Прыгалъ и я и одинъ разъ такъ прыгнулъ, что вдругъ почувствовалъ въ одномъ колѣнѣ какъ будто какой-то изломъ и затѣмъ страшную боль. Въ короткое время боль эта усилилась, и я не могъ ступить на ногу. Прибѣгаю къ помощи докторовъ. Лѣчитъ одинъ, лѣчитъ другой: ставятъ то горчичники, то піявки, то мушки; мажутъ то одной мазью, то другой, но ничто не помогаетъ; колѣно мое опухло, и боль перешла въ какую-то жгучую, соединенную съ ломотой. Призываю третьяго врача, онъ осматриваетъ и говоритъ: я скоро приду и сдѣлаю, что нужно. Ожидаю. Является фельдшеръ съ ящикомъ хирургическихъ инструментовъ и говоритъ — докторъ сейчасъ придетъ. Я догадался, что мнѣ хотятъ отрѣзать ногу. Это меня до такой степени потрясло, испугало и опечалило, что я, несмотря на страшную боль въ ногѣ и даже во всемъ тѣлѣ, вскочилъ съ кровати и выбросилъ ящикъ изъ окна, которое на этотъ разъ было отворено, сказавши фельдшеру, чтобы немедленно оставилъ меня и объявилъ доктору, что онъ не нуженъ мнѣ. Нельзя умолчать при этомъ, что при паденіи нѣкоторые изъ инструментовъ и самый ящикъ подверглись какой-то порчѣ, за что у меня и вычитали изъ жалованья. Но чѣмъ бы поплатился докторъ, если бы безъ нужды лишилъ меня ноги, возможности служить и заработывать себѣ кусокъ хлѣба?

Послѣ этого событія ни одинъ изъ докторовъ болѣе не навѣщалъ меня; боль ноги увеличивалась, казалось, съ каждой минутой. Такъ прошла недѣля, и я въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, съ самыми радужными надеждами, предался полному отчаянію; мысли самыя мрачныя, самыя тяжелыя давили меня, я видѣлъ передъ собою неизбѣжную и при томъ мучительную смерть, но замѣчу — не отъ своей руки. То было не въ модѣ въ тѣ времена, когда побольше было вѣры въ Бога и въ загробную жизнь.

Но вотъ, я слышу ударъ колокола. Помню—то было въ субботу. Заблаговѣстили въ соборной церкви въ тотъ колоколъ, который, по преданію, будто бы нѣкогда былъ подаренъ Петромъ Великимъ, и, по общему суду, отличался какимъ - то особымъ звукомъ: то былъ именно какъ будто нѣкій голосъ, призывающій на молитву. Призывъ его упалъ и на мою растерзанную душу, какъ будто блеснулъ лучъ надежды на выздоровленіе. Говорю денщику: одѣнь меня и веди въ церковь, хочу помолиться Богу. Съ великимъ усиліемъ, съ невыразимою болью въ ногѣ, брелъ я до церкви, которая была вблизи моей квартиры. Вошли мы въ домъ молитвы, перекрестился я, тяжело вздохнулъ передъ милосерднымъ Отцомъ небеснымъ и говорю денщику: веди меня назадъ, больше стоять не могу. Идемъ, или правильнѣе,—кое-какъ волочимъ наши ноги. Но вотъ, попадается намъ нищій, вѣроятно, шедшій къ церкви, чтобы стать на паперти съ протянутою рукою. Я велѣлъ денщику подать ему нѣсколько копеекъ. Онъ подалъ. Идемъ далѣе, — смотрю, и нищій идетъ за нами. Я съ сердцемъ закричалъ на него: чего тебѣ еще надобно? вѣдь, тебѣ подали, и убирайся! Слышу отвѣтъ: идите, ваше благородіе, я вамъ не мѣшаю и иду за вами не съ тѣмъ, чтобы еще получить отъ васъ какую-нибудь копейку, дай вамъ Богъ добраго здоровья! благодарю и за то, что вы дали мнѣ, на старости лѣтъ безродному горемыкѣ.

Вошли мы въ квартиру. Денщикъ уложилъ меня въ постель и вышелъ, затворивши за собою дверь. Но вдругъ дверь отворяется, и назойливый нищій предъ моими глазами. Кричу самымъ неистовымъ голосомъ: пошелъ вонъ! денщикъ! выгони этого негодяя, попрошайку! Но нищій на эти грозныя слова, какъ тихій ангелъ, говоритъ: успокойтесь, ваше благородіе, я служилъ въ полку костоправомъ, позвольте мнѣ осмотрѣть вашу ногу. — Замѣчу, что въ прежнее время въ нашей кавалеріи всегда находились костоправы; ихъ обыкновенно брали изъ солдатъ, подучали, и изъ нихъ иные выходили замѣчательными знатоками дѣла, благодаря которымъ многіе остались и при рукахъ, и при ногахъ.—Осмотрѣлъ онъ мою ногу, помялъ ее своими костлявыми пальцами со всѣхъ сторонъ и, ничего не сказавши, вышелъ. Чрезъ двѣ — три минуты входитъ съ моимъ денщикомъ, и оба они сажаютъ меня на стулъ. Я сѣлъ, и вдругъ денщикъ, замѣчу, здоровенный дѣтина, охватилъ меня обѣими руками вмѣстѣ со спинкою стула: въ это же мгновеніе мой нищій взялъ мое больное колѣно въ обѣ руки, и одною ногою, именно голенью, такъ ударилъ въ оконечность ступни моей больной ноги, что у меня какъ будто искры посыпались изъ глазъ, и я почувствовалъ такую нестерпимую боль, что бросился на костоправа, желая вцѣпиться въ его волосы, которыхъ, какъ я впослѣдствіи увидѣлъ, у него почти не было. Бросился и, конечно, долженъ былъ ступить на больную ногу,—и ступилъ,—и что же? Я почти не чувствовалъ боли. Боже мой! Кто опишетъ мою радость? Я кинулся на шею моего спасителя отъ неминуемой смерти, сталъ обнимать и цѣловать его и предложилъ ему единственные бывшіе у меня 25 руб. И что же я слышу? „Не могу взять такъ много, и рубля достаточно за такую легкую работу“. Едва я уговорилъ его раздѣлить со мною эти деньги пополамъ.

Мать моя въ это время жила въ С.-Петербургѣ и, когда узнала эту исторію, прислала моему незабвенному костоправу 50 руб. Два года онъ жилъ послѣ этого событія, доселѣ я считаю себя счастливымъ, что помогалъ ему въ его нищенскомъ положеніи, сколько мнѣ позволяли скудныя средства собственной жизни.

Что вы скажете, выслушавшіе мое сказаніе? Случай, скажутъ, натолкнулъ васъ на костоправа. Но что же это за существо — случай? Тотъ, кому приводилось быть или бывать подъ градомъ пуль и ядеръ, вѣритъ, что есть Тотъ, Кто создалъ міръ и управляетъ имъ. (Курск. Епарх. Вѣд. 1891 г., № 28).

6. Сестра Анна.

Во всей общинѣ сестра Анна или „матушка“, какъ называли ее всѣ больные и молоденькія сестры, пользовалась особенной любовью и уваженіемъ.

Это была невысокая, плотная, пожилая женщина. Бѣлый чепецъ обрамлялъ ея спокойное, добродушное лицо съ ясными, какъ у ребенка, голубыми глазами. Грудь ея была украшена орденами и медалями, полученными за разное время, за особыя заслуги. Она отличалась своимъ спокойнымъ, крѣпкимъ характеромъ и была истинной сестрой милосердія, потому что милосердіе и состраданіе являлось врожденной чертой ея характера.

Перевязывая раны больнымъ, присутствуя при различныхъ операціяхъ, гуляя въ часы досуга по дорожкамъ сада общины, или ласково бесѣдуя съ молодыми сестрами, сестра Анна оставалась одинаково спокойной и ясной.

Съ этой же спокойной лаской она утѣшала солдатъ, во время войны, и ободряла несчастнаго, у котораго отрѣзывали руку или ногу. Не измѣняя своему спокойствію, она совершала величайшіе подвиги самоотверженія, нимало не заботясь о собственной безопасности.

Усталая до изнеможенія, сестра Анна находила въ себѣ силы ласково улыбаться и утѣшать больныхъ, и нерѣдко изнуренный страдалецъ, всѣ силы котораго унесъ тяжелый недугъ, ободрялся при видѣ ласковаго лица „матушки“.

— Богъ не безъ милости! поправишься!—говорила она ему съ своей спокойной улыбкой, поправляя у него подушку или отирая потъ съ его измрожденнаго лица. — Надо молиться и надѣяться!.. И несчастный начиналъ надѣяться, упорно боролся съ тяжелой болѣзнію...

Матушка! ангелъ-хранитель!—нерѣдко шепталъ кто-нибудь изъ больныхъ, припадая губами къ худой рукѣ сестры Анны. И въ этомъ поцѣлуѣ выливалась вся благодарность несчастнаго, все его уваженіе къ „матушкѣ“.

Сестра Анна ласково отнимала руку и улыбалась ему, и ласкала несчастнаго, какъ ребенка. Она писала имъ послѣднія письма, послѣднее прощаніе съ міромъ, выслушивала ихъ завѣты, послѣднія желанія. Она принимала ихъ послѣдній вздохъ, закрывала глаза и, посмотрѣвъ нѣкоторое время на холодное застывшее лицо, тихонько смахивала съ глазъ слезы и шла къ другимъ. Здѣсь она была болѣе не нужна. Тамъ ждали ее другіе страдальцы. Она присутствовала при мучительной агоніи, при тихой смерти, похожей на стонъ. И всѣмъ старалась помочь, всѣхъ утѣшить и подкрѣпить.

Ея собственное здоровье, ея силы не страдали отъ этого постояннаго труда. Она чувствовала себя здоровой и сильной. Давно похоронивъ свою личную жизнь, она жила для людей. Человѣчество было ея огромной семьей. Больныхъ она называла своими дѣтьми. Она вела ихъ дѣла, заботилась, хлопотала о нихъ, какъ мать. Шумный, суетный міръ не зналъ ничего объ этой скромной героинѣ. Сестра Анна давно забыла о мірѣ и скромно дѣлала свое дѣло. И всѣ ордена, украшавшіе ея грудь, были слишкомъ малой наградой ея трудовъ! Только однажды сестра Анна была сильно смущена. Къ ней явилась молоденькая дѣвушка съ просьбой принять её въ сестры милосердія.

— Помогите мнѣ, матушка!—говорила дѣвушка,—попросите за меня. Для васъ все сдѣлаютъ, все!

— Дѣточка моя! Вѣдь это трудно для васъ... Подумайте... Зачѣмъ вы хотите итти въ сестры? Вы такъ молоды!

Сестра Анна немного знала эту молоденькую дѣвушку — сироту, знала небогатую семью, въ которой она жила.

— Я очень несчастна, матушка, очень... — говорила дѣвушка. — Умоляю васъ, помогите мнѣ. Мнѣ хочется чѣмъ-нибудь быть полезной. Я ничего не боюсь, я готова на все!

Сестра Анна взглянула на молодое грустное лицо бѣлокурой дѣвушки, въ ея ясные глаза, на которыхъ стояли слезы, и тихо кивнула головой. Она была тронута.

Дѣвушка ушла домой, а сестра Анна долго сидѣла неподвижно, обдумывая свое рѣшеніе.

Вправѣ ли была она согласиться? Не должна ли она была отговорить дѣвушку? Достанетъ ли у ней силъ, терпѣнія, не сляжетъ ли она сама отъ волненія, при видѣ всѣхъ этихъ страданій? Достаточно ли у ней силы и любви къ людямъ? Но согласіе было дано. Сестра Анна пошла хлопотать, рѣшившись положиться на волю Божію. Она сама будетъ поддерживать дѣвушку, ободрять ее и помогать ей. Молодое сердце, навѣрное, искренно отдастся этому великому труду на пользу ближнихъ.

Прошелъ мѣсяцъ. Дѣвушка стала сестрой милосердія. Сестра Анна была для нея лучшимъ другомъ, нѣжной матерью. Она старалась внушить ей свое спокойствіе, свою ревность, учила обращаться съ больными, облегчать ихъ страданія.

Но вновь поступившая молоденькая сестра Ольга сильно заботила сестру Анну. Она не знала отдыха. Она работала больше и усерднѣе всѣхъ, плакала надъ больными, блѣднѣла при ихъ вопляхъ и стонахъ, забывала все на свѣтѣ, желая облегчить ихъ страданія. Она страшно похудѣла и осунулась.

— Такъ нельзя! — журила ее сестра Анна.—Вы должны подумать о себѣ. Если у васъ не будетъ силъ, вы не будете въ состояніи помочь больнымъ. Это неразумно забывать о себѣ и волноваться.

Сестра Анна упускала изъ виду, что ученица пошла по ея слѣдамъ.

— Ничего, матушка, я молода и сильна. Посмотрите на нихъ, — говорила дѣвушка,—у меня сердце кровью обливается, при видѣ этихъ страданій.

И она снова бѣжала къ своимъ больнымъ, которыхъ не оставляла ни на минуту.

Прошло еще немного времени, и сестра Анна сидѣла у изголовья больной сестры Ольги. Ухаживая за тифозными больными, сестра Ольга заразилась и слегла въ постель. Отдыха она себѣ не давала, и измученный организмъ не въ силахъ былъ бороться съ болѣзнію. Сестра Анна горько упрекала себя за то, что согласилась на просьбу дѣвушки, что по ея милости она поступила сюда и теперь умираетъ. Всегда спокойное, ясное лицо „матушки“ было тревожно. Больная, словно угадавъ ея мысли, очнувшись отъ жара и постояннаго бреда, слабо проговорила:

— Нѣтъ, матушка, не печальтесь! Вы не виноваты! Господь судилъ такъ. Лучше умереть такъ, какъ я умираю... въ трудѣ, чѣмъ жить пустой, позорной жизнію. Я рада... счастлива...

Она откинулась на подушки и заметалась.

— Спасибо, матушка, мнѣ хорошо, — были ея послѣднія слова.

Сестра Анна встала, перекрестилась и долго смотрѣла на усопшую. Какъ прекрасно было это молодое лицо, спокойно встрѣтившее смерть.

Молодое тѣло умерло, но душа улетѣла туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія! Сестру Ольгу усыпали цвѣтами, схоронили и на могилѣ ея поставили простой деревянный крестъ! *Больше сея любве никто же иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя!* („Кормчій“, 1894 г. № 27).

7. Святая услуга.

Шелъ послѣдній лѣтній мѣсяцъ 1892 года. Солнце испускало такіе же жгучіе лучи, какъ въ маѣ и іюнѣ. Продолжительная засуха сказывалась на всемъ: много добра сгорѣло въ поляхъ и лугахъ; скотъ былъ такой тощій, понурый; люди выглядывали изнуренными... Не радовало лѣто Крутецкихъ крестьянъ! А тутъ еще, какъ бы въ довершеніе невзгоды, заглянула къ нимъ въ селеніе страшная гостья—холера. Дѣло было такъ.

Питавшаяся Христовымъ именемъ, тетка Анна ходила въ сосѣдній городъ, случайно попала на похороны умершаго отъ эпидеміи мѣщанина Голубева, получила тамъ шерстяной платокъ, а съ нимъ въ видѣ придатка и новую болѣзнь. Кое-какъ добрела бѣдная до своей родной хаты и свалилась.—Пробовали пользовать её домашними снадобьями, но нѣтъ, ничто не помогало: упадокъ силъ, поносъ, рвота не останавливались. „За священникомъ бы, простонала больная, не упустите меня“!

На дворѣ стояла ночь. Въ деревнѣ ужъ погасили огни и легли спать.

„Какъ быть? что дѣлать?“ такъ говорилъ растерявшійся въ бѣдѣ мужъ Анны, старикъ Адріанъ: „кто поѣдетъ для насъ горемычныхъ! Развѣ къ Тимоѳею сходить?! Онъ знаетъ, какова бѣдность, авось потрудится съѣздить за священникомъ“. Сказано-сдѣлано.

Крѣпкимъ сномъ спалъ работящій мужикъ Тимоѳей, когда дѣдушка Адріанъ пришелъ просить его. „Тимоѳей, а Тимоѳей, выглянь-ка!“ стуча въ окно, звалъ Адріанъ. Долго не было отвѣта. Но вотъ послышался въ домѣ трескъ половицы, растворилась ставенька въ рамѣ, и изъ нея показалась голова самого Тимоѳея. „Ты что, дядя Адріанъ? спросилъ онъ, или случилось что?“ — „Будь роднымъ отцомъ, сдѣлай Божеское дѣло, съѣзди за священникомъ! У меня старуха-то очень занемогла... Ради Бога! жалко упустить её безъ покаянія-то, заставь за себя Богу молиться!“

Тимоѳей слылъ за человѣка добраго, простодушнаго; хоть и плоха была у него кормилица-лошадка, не отказалъ онъ. „Какъ же, надо исполнить христіанскій долгъ!“ заключилъ онъ — и скоро выѣхалъ съ покосившагося двора на старой телѣгѣ. Лошадка была смореная и тихо шла. Начинало свѣтать.

„— Ты куда это, Тимоѳей?“ спросилъ его попавшійся на пути знакомый мужикъ, Петръ Акимовъ: „или надумалъ въ городъ разгуляться? Кажется время бы теперь на работу собираться“...

„— Ишь, что сказалъ! Я и въ добрую-то пору не гулялъ, а гдѣ ужъ теперь въ плохой годъ“. — „За какимъ же дѣломъ тебѣ понадобилось туда?“—„Видишь, къ священнику ѣду. У дяди-то нашего Адріана старуха-то новую хворь захватила въ городѣ, да и слегла. Такъ я за священникомъ, исповѣдать ее“...

„— А какъ же нынѣ работать? Страда время дорогое“...

„— Какъ не дорогое, Петръ Акимычъ, да оно не наше, Божье! Не все на себя тратить, не все для своего удовольствія жить, надо и Бога помнить, и другому человѣку въ нуждѣ помощь сдѣлать. А то какіе мы будемъ христіане, если любви-то Христовой въ насъ не будетъ? Положимъ, я не поѣду, другой не поѣдетъ, а хворь-то эта сама не ждетъ. Ну, помилуй Богъ, безъ покаянія помретъ,—на комъ грѣхъ-то будетъ? Работа не уйдетъ. Дастъ Богъ здоровье, все сдѣлаемъ, а прогнѣвимъ Бога, и что сдѣлаемъ, не послужитъ въ прокъ. Отъ воли Господней никуда не укроешься“.

„— А безъ тебя развѣ не управились-бы? Ты, кажется, не родной Адріановымъ-то?!“

„— Если пришли, значитъ не управились! Когда просятъ, грѣхъ отвращаться и разбирать, родня или нѣтъ, надо ѣхать... Да и дѣло это святое, читалъ намъ на-дняхъ батюшка. Любить надо человѣка не на рѣчахъ, а дѣломъ, то-есть: обезсилилъ, поддержать слѣдуетъ, занемогъ — послужить, забылся — образумить. Извѣстное дѣло, мало такъ живемъ. Охъ, Господи, помилуй и сохрани Ты насъ грѣшныхъ!“

Ну, пошла! началъ понукать тощую лошадку наговорившійся Тимоѳей. „Прощай, Петръ Акимычъ“. Лошадка затрусила, а Тимо́ѳей сталъ мало-по-малу тревожиться, какъ бы ему не запоздать со священникомъ къ теткѣ Аннѣ. „Ну какъ помретъ, какъ тогда быть?“ размышлялъ онъ и, не зная, что будетъ, успокоивалъ себя однимъ христіанскимъ упованіемъ: Господь милосердъ, можетъ, продлитъ жизнь больной! И не тщетна была надежда этого простого, нехитростнаго крестьянина: когда онъ вернулся въ деревню съ священникомъ, тетка Анна хоть и неподвижно лежала, однако въ ней еще теплилась жизнь, Господь хранилъ ее отъ челюстей смерти. Священникъ успѣлъ напутствовать больную. Тимоѳей перекрестился отъ радости, что Богъ привелъ ему оказать святую услугу безпомощному существу въ послѣднія минуты его жизни, и сіяющій обратно повезъ своего батюшку...

Вотъ она, истинно-русская, христіанская душа. („Кормчій“, 1894 г., № 35).

НЕДѢЛЯ 26-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Лук. зач. 66-е, гл. XII, 16—21 ст.

1. Притча о любостяжательномъ богачѣ.

Однажды Іисусъ Христосъ сказалъ слѣдующую притчу: „у одного богатаго человѣка былъ хорошій урожай въ полѣ, и онъ разсуждалъ самъ съ собою, что мнѣ дѣлать? некуда мнѣ собрать плодовъ моихъ. И сказалъ: вотъ что сдѣлаю: сломаю житницы мои, и построю бо́льшія, и соберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое. И скажу душѣ моей: душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей, веселись. Но Богъ сказалъ ему: безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя, кому же достанется то, что ты заготовилъ? Такъ бываетъ съ тѣмъ, кто собираетъ сокровища для себя, а не въ Бога богатѣетъ“

Какъ коротка и какъ полна значенія эта притча!

Въ притчѣ выведенъ богачъ изъ числа тѣхъ себялюбцевъ, для которыхъ все заключается въ своемъ собственномъ „я“. Онъ видѣлъ только одного себя, заботился объ одномъ себѣ. Полныя житницы и бездна плодовъ, которыхъ некуда дѣвать, не привели ему на память, что у иныхъ нѣтъ даже куска хлѣба. Богатый урожай, зависѣвшій не отъ него, а отъ Бога, не навелъ его на мысль, что если Богъ оказалъ такую неожиданную милость ему—рабу Своему, то и онъ обязанъ оказывать милость равнымъ себѣ людямъ, — своимъ братьямъ, своимъ ближнимъ. Онъ забылъ мудрое правило: „когда богатство умножается, не прилагайте къ нему сердца“ (Пс. LXI, 11); не хотѣлъ знать, что человѣкъ „долженъ уповать не на богатство невѣрное, но на Бога живаго, дающаго намъ все обильно для наслажденія; чтобы мы благодѣтельствовали, богатѣли добрыми дѣлами, были щедры и общительны, собирая себѣ сокровище, доброе основаніе для будущаго, чтобы достигнуть вѣчной жизни“ (1 Тимоѳ. VI, 17—19). Человѣкъ не знаетъ, — сколько времени онъ проживетъ; не знаетъ, — доживетъ ли даже до слѣдующаго дня и, *умирая, не возьметъ ничего, не пойдетъ за нимъ слава его* (Пс. XLVIII, 18). Богатство деньгами и имуществомъ, по смерти нашей, останется здѣсь и перейдетъ къ другимъ, а богатство добрыми дѣлами—*богатѣніе въ Бога* навсегда останется нашею неотъемлемою собственностію, пойдетъ съ нами въ жизнь будущую и будетъ добрымъ основаніемъ нашей вѣчной жизни.

2. А потомъ?

Однажды къ одному великому и опытному въ духовной жизни подвижнику пришелъ нѣкій благородный юноша и съ великою радостію сообщилъ ему, что онъ счастливо выдержалъ экзамены и можетъ начать изученіе правовѣдѣнія. Святой отвѣчалъ ему вопросомъ: „а потомъ?“ „Потомъ я стану усердно заниматься, чтобы получить ученую степень“,—сказалъ юноша. „А потомъ?“— „Потомъ я выступлю въ судѣ и постараюсь пріобрѣсти имя, какъ адвокатъ“. „А потомъ?“ — „Потомъ я женюсь и сдѣлаюсь счастливымъ отцомъ семейства“. „А потомъ?“—„Потомъ я стану вести пріятную жизнь среди богатства и почестей“. „А потомъ?“—„Потомъ... потомъ,— промолвилъ, запинаясь, юноша, — я состарѣюсь и умру“. „А потомъ?“ — еще разъ спросилъ святой. Но на этотъ разъ юноша понялъ его и замолчалъ.

Этотъ краткій разсказъ глубоко поучителенъ и наводитъ на серьёзныя размышленія. Въ самомъ дѣлѣ, часто ли мы думаемъ о томъ, что будетъ съ нами *потомъ*, и съ этимъ *потомъ* сообразуемъ свои поступки, жизнь и дѣятельность? А между тѣмъ, вѣдь это вопросъ неизбѣжный, неотступный. Въ жизни все должно быть цѣлесообразно, и человѣкъ, по самой природѣ своей, поступая такъ или иначе, обыкновенно имѣетъ въ виду какую-нибудь цѣль. Но бѣда вся въ томъ, что мы, нерѣдко даже лучшіе изъ людей, страдаемъ какою-то нравственною близорукостью: видимъ ближайшее и позабываемъ о конечной цѣли нашего земного бытія, о нашей окончательной участи, когда уже невозможно будетъ никакое иное „потомъ“. Одинъ губитъ время въ чувственныхъ удовольствіяхъ, помышляетъ о томъ лишь, какъ бы веселѣе провести время *завтра*. Но вѣдь послѣ этого „завтра“ будутъ опять другія завтра и завтра. А тамъ преждевременная старость, дряхлость, недуги. А *потомъ*? А потомъ — неизбѣжная смерть, которая заставитъ тебя распроститься съ этими призрачными, пустыми и мимолетными радостями. Другой поглощенъ честолюбивыми мечтами, добивается славы, почестей. Но придетъ смерть, — и все это разлетится, какъ пыль; предъ смертію всѣ равны: и царь, и рабъ... Иной трудится для того, чтобы пріобрѣсти богатство, но на долго ли тебѣ это богатство? Придетъ смерть, и ты не возьмешь же въ гробъ это богатство, да и къ чему оно для бездыханнаго тѣла. Иной поставляетъ завѣтною цѣлью всѣхъ своихъ стремленій тихую семейную пристань, но я спрошу его вышеприведенными словами святого подвижника: „а потомъ?“ Сегодня ты — счастливый отецъ семейства, а завтра ты можешь потерять это счастье, можешь лишиться и жены, и дѣтей, или самъ умереть, — и твое счастье, къ которому ты такъ стремился, не окажется ли тогда невѣрнымъ мыльнымъ пузыремъ? Нѣкоторые всю свою жизнь посвящаютъ наукѣ, другіе искусству. Несомнѣнно, они поставляютъ себѣ благородныя цѣли, но опять-таки не конечныя и несущественныя. Если они не заботятся при этомъ о своей душѣ, на что все это? Рано или поздно придетъ неизбѣжное *потомъ*, которое покажетъ, что не для этого жизнь дана тебѣ. Земная жизнь есть только одинъ краткій мигъ, подверженный къ тому же различнымъ случайностямъ съ постоянно повторяющимися „потомъ“. *Потомъ*— рано или поздно придетъ смерть, и ты поймешь, какъ ты жалокъ, какъ ничтожны были всѣ твои земныя стремленія и цѣли, къ которымъ ты стремился. Стоитъ ли такъ желать, такъ домогаться того, что завтра придется тебѣ потерять?!.

Но не все ты потеряешь. Ты не потеряешь свою душу безсмертную, о которой такъ мало думалъ и заботился въ своей скоропреходящей земной жизни. Смерть не есть еще разрѣшеніе вопроса, что будетъ съ нами „потомъ“. Этотъ вопросъ будетъ грозно звучать тебѣ и тогда, когда ты будешь умирать; тебя будетъ и въ страшный часъ смерти безпокоить и мучить: что же будетъ съ тобою потомъ? *Потомъ* будетъ жизнь *безконечная*, и счастіе въ *ней* и составляетъ конечную цѣль земного бытія. Вотъ къ чему долженъ былъ ты стремиться на землѣ, съ чѣмъ долженъ былъ сообразовать и всю свою жизнь и поступки! Тамъ, въ загробной жизни, — разрѣшеніе этого мучительнаго вопроса: „а потомъ?“—и отъ тебя зависитъ, что будетъ съ тобою потомъ? Бойся Бога, заботься о спасеніи твоей души, и ты будешь счастливымъ человѣкомъ. А кто Бога не боится, о душѣ не печется, а живетъ для міра, то онъ, если и міръ весь пріобрящетъ, — несчастный человѣкъ, согласно съ словомъ Божественнаго Спасителя: „какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или: какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою“ (Мѳ. XVI, 26)?

А такъ какъ наша немощная плоть, по ея грѣховности, болѣе тяготѣетъ къ міру и землѣ, чѣмъ къ небу, то мы чаще должны предаваться спасительнымъ размышленіямъ о томъ, что съ нами будетъ *потомъ*. (Изъ лист. Аѳонскаго Андреевскаго скита).

3. Притча о дворѣ и о зміи.

Жизнь наша, возлюбленные, подобна человѣку, который поселился съ женою своею, съ своимъ единственнымъ сыномъ и съ рабомъ въ одномъ дворѣ, гдѣ жилъ смертоносный змій. Узнавъ отъ сосѣдей о зміи, новый хозяинъ вознамѣрился убить его, но когда подошелъ къ нему, чтобы убить, то нашелъ предъ нимъ златицу, и поднявъ ее, подумалъ про себя: „если бы змій хотѣлъ умертвить насъ, то, конечно, не доставилъ бы этой златицы“. Обрадованный своею находкою, и надѣясь, что змій и еще будетъ носить ему золото, человѣкъ тотъ оставилъ змія въ покоѣ. На утро, дѣйствительно, онъ нашелъ еще златицу и сказалъ самъ себѣ: „да этотъ змій заслуживаетъ не смерти, а почета и ухода“. Такъ продолжалось нѣсколько времени: змій никого не трогалъ въ домѣ и доставлялъ хозяину каждый день по златицѣ.—Былъ у того человѣка дорогой конь, и вотъ однажды змій ужалилъ этого коня. Жаль стало хозяину любимаго коня, и онъ рѣшился убить змія, но, увидѣвъ новую златицу, одумался и разсуждалъ такъ: „если убью змія, то коня не верну, а златицъ больше не будетъ“, и не сталъ убивать змія. Прошло нѣсколько времени. Хозяинъ исправно получалъ отъ змія каждый день по златицѣ. Вдругъ змій ужалилъ его раба, когда тотъ спалъ на дворѣ. Громко закричалъ бѣдный рабъ; на его крикъ прибѣжалъ хозяинъ, проклиная и змія, и дворъ; онъ позвалъ врачей, просилъ ихъ помочь рабу, врачи давали ужаленному разныя лѣкарства, но рабъ все же умеръ. Тогда хозяинъ рѣшилъ убить змія, но лишь только подошелъ къ нему, то, увидѣвъ опять новую златицу, снова раздумалъ: „и раба, и коня, разсуждалъ онъ, я на деньги купилъ, а змій даетъ мнѣ больше того, что я за нихъ заплатилъ, будемъ осторожны, и змій намъ не сдѣлаетъ вреда“, и онъ не тронулъ змія. Прошло еще немного времени, и вотъ змій ужалилъ его сына... Зарыдалъ несчастный отецъ, — у него только и было одно дѣтище, — созвалъ врачей, умолялъ ихъ спасти сына, обѣщая имъ груды золота,—но, сколько ни трудились врачи, дитя умерло. Отецъ поклялся убить змія, но, увидѣвъ блестящую златицу, поднялъ ее и сталъ размышлять: „мой сынъ самъ виноватъ: не умѣлъ беречь себя, его ужъ мнѣ не возвратить, а змій доставляетъ мнѣ каждый годъ 365 златицъ... Будемъ съ женою осторожны, и онъ не тронетъ насъ“. И снова оставилъ онъ змія въ покоѣ. Прошло еще нѣсколько времени и—змій ужалилъ его жену... Завопила несчастная, прибѣжалъ мужъ, собрались родные и сосѣди, созвали врачей, но ничто не помогло — жена окончила жизнь... Всѣ совѣтовали несчастному покончить со зміемъ, да и самъ онъ рѣшился убить его и сталъ подстерегать, когда тотъ покажется. Но, подстерегая, онъ не утерпѣлъ, чтобы не взглянуть на то мѣсто, гдѣ по обычаю находилъ каждый день златицу, и вотъ онъ видитъ — вмѣсто златицы лежитъ большая, прекрасная, никогда имъ прежде невиданная жемчужина! Съ радостью онъ схватилъ ее, и, съ наслажденіемъ разсматривая ее, забылъ о смерти и жены, и сына, забылъ обо всемъ и думалъ про себя: „вотъ змій перемѣнилъ золото на чистый, бѣлый жемчугъ, — значитъ, теперь онъ никому не повредитъ!...“ И отъ радости хозяинъ расчистилъ мѣсто, гдѣ нашелъ жемчужину, и сталъ каждый день окроплять его ароматами; а змій цѣлый годъ доставлялъ ему каждый день по дорогой жемчужинѣ. Между тѣмъ человѣкъ этотъ устроилъ сосудъ изъ золота, положилъ въ него жемчужины тѣ, выкопалъ у себя подъ постелью яму и спряталъ тамъ свое сокровище. Но вотъ, когда онъ совсѣмъ забылъ и думать объ опасности, змій подкрался къ нему и ужалилъ его самого въ ногу... И сталъ онъ громко кричать; и собрались къ нему его друзья и родные и стали упрекать его: „не говорили ли мы тебѣ: убей ты этого змія! Вотъ, ты самъ теперь приготовилъ себѣ смерть; самъ видишь, какъ ты неразумно поступилъ“... Никакія усилія врачей не облегчили его страданій; тогда умирающій обратился съ молитвою къ Богу: „Господи, Господи!—такъ онъ молился,—прости мнѣ на этотъ разъ, и я покаюсь... Не прельститъ меня больше суета земная, я раздамъ все имѣніе и убѣгу въ пустыню, чтобы служить тамъ Тебѣ одному!..“ Онъ призывалъ на помощь и святыхъ Божіихъ и клялся, что исполнитъ предъ Богомъ всѣ свои обѣщанія. И умилостивился надъ нимъ Господь, и онъ выздоровѣлъ. Но сребролюбецъ не вразумился и этимъ несчастіемъ; онъ забылъ свои обѣщанія и даже сталъ такъ разсуждать: „если бы смертоносно было укушеніе змія, то я не выздоровѣлъ бы“... и на томъ успокоился, собирая опять каждый день по жемчужинѣ. Но вотъ, змій снова ужалилъ его въ ногу. И опять собрались къ нему друзья и родные, и опять бранили его за его неразуміе, за нарушеніе обѣтовъ, данныхъ Богу съ клятвою; и опять несчастный грѣшникъ возопилъ къ Господу, умоляя о помиловании и обѣщая больше не грѣшить... И снова умилосердился надъ нимъ человѣколюбивый Господь, и онъ опять выздоровѣлъ. Но сребролюбіе такъ овладѣло душою его, что и послѣ такихъ несчастій ему жаль было разстаться съ сокровищами: „сколько нищихъ на свѣтѣ,—такъ разсуждалъ онъ, — буду для нихъ собирать богатство, буду творить милостыню, и Богъ меня проститъ за это“. Но чѣмъ больше копилъ онъ сокровищъ, тѣмъ становился скупѣе и совсѣмъ пересталъ, наконецъ, думать о нищихъ... И вотъ, змій подкрадывается къ нему въ третій разъ и жалитъ его прямо въ сердце!.. И не помогли ему тогда ни родные, ни знакомые, ни врачи, ни богатство его.— Самъ Богъ отвратился отъ грѣшника, и онъ умеръ лютою смертію!...

Что же знаменуетъ эта притча?

Дворъ — это земная жизнь наша; змій — это міродержитель, лукавый діаволъ; златица — грѣховное удовольствіе или грѣховная похоть, ведущая человѣка къ погибели. Ядъ зміиный — это грѣхъ, человѣка умерщвляющій, какъ говоритъ апостолъ: *похоть заченши рождаетъ грѣхъ, грѣхъ же содѣянъ рождаетъ смерть* (Іак. I, 15). За наше нерадѣніе Богъ сначала попускаетъ умирать безсловеснымъ животнымъ, потомъ отнимаетъ у насъ близкихъ намъ людей. Но мы не вразумляемся Божескимъ наказаніемъ; лишь только пройдетъ горе, мы забываемъ его и снова отдаемся любимымъ грѣховнымъ привычкамъ, сегодня плачемъ и горюемъ, а завтра снова предаемся житейскимъ суетамъ, какъ будто и умирать никогда не будемъ. Діаволъ прельщаетъ насъ благами міра сего, какъ рыболовъ, забрасывая уду съ приманкою, а мы съ жадностью бросаемся на эти приманки, и попадаемъ къ нему на удицу. — Какъ нечистое животное, омывшись, возвращается снова въ любимую имъ грязь; какъ злой, неисправимый разбойникъ, выпущенный изъ темницы на свободу, забываетъ объ угрожавшей ему казни и принимается за прежнія злодѣянія, такъ и мы грѣшные, когда постигнетъ насъ искушеніе—каемся, а лишь только минуетъ бѣда — снова принимаемся за свои прежніе грѣхи и еще больше грѣшимъ... Этотъ неразумный человѣкъ придумывалъ себѣ всякія оправданія, копилъ богатство подъ предлогомъ милостыни и каждый разъ откладывалъ покаяніе, какъ будто думалъ обмануть Самого Господа Бога: подобнымъ образомъ поступаетъ и каждый грѣшникъ, обманывая самъ себя, обольщая свою совѣсть, лишь бы только не разставаться съ любимымъ грѣхомъ... А Господь долготерпѣливый все ждетъ отъ него покаянія, все отлагаетъ наказаніе, пока, наконецъ, грѣшникъ дойдетъ до глубины золъ, и тогда прогнѣванный Господь совершаетъ надъ нимъ праведный судъ Свой... Да избавитъ насъ Христосъ, Спаситель нашъ, отъ такого ожесточенія и да явитъ намъ Свое человѣколюбіе и милость здѣсь и въ будущей жизни. („Христ. чтен.“).

4. Кара Божія за грѣхъ лихоимства.

Много дивнаго, много необъяснимаго, много такого, предъ чѣмъ въ нашъ вѣкъ распущенности и безвѣрія темнѣетъ и теряется гордый умъ человѣческій, и среди всеобщей жажды наживы невольно смиряется и падаетъ ницъ предъ всемогущей силой Творца, не ждано, не гадано наказывающаго Свое заблудшее твореніе. Вотъ случай. Онъ произошелъ очень недавно, въ прежде глухомъ и забытомъ городишкѣ, нынѣ же не по днямъ, а по часамъ растущемъ Царицинѣ, въ которомъ, благодаря Волго-Донской и Грязе-Царицинской желѣзнымъ дорогамъ и водному пути, разрослась и окрѣпла всяческая торговля; разроссся, расцвѣлъ и самый городъ.

Понятно, съ хорошими сторонами общественнаго благостоянія и благоустройства появилось и много дурного. Нашлись и между русскими людьми любители легкой наживы, между которыми особенно прославился одинъ богатый человѣкъ, нѣкто Изюмскій.

Этотъ богачъ такъ поступалъ, обирая ближняго: давая деньги подъ векселя труженикамъ-бѣднякамъ, конечно, за безбожные проценты, при уплатѣ ими денегъ забывалъ отдавать векселя, отказываясь или неимѣніемъ времени, или потерею документа, — и простосердечные люди вѣрили богатому благодѣтелю. По истеченіи нѣкотораго времени, онъ предъявлялъ вексель ко взысканію, получая такимъ образомъ снова ту сумму, которая уже была уплачена.

Много бѣдняковъ пустилъ онъ по міру, много слезъ было пролито изъ-за алчности алчнаго богача, но онъ, несмотря на сыпавшіяся отовсюду проклятія, находилъ новыя жертвы, обогащаясь не по днямъ, а по часамъ, насчетъ простоты и неопытности своего ближняго.

Но всему бываетъ конецъ; настал часъ возмездія и для нераскаяннаго сребролюбца. Однажды, описавъ все до нитки у своего должника, безбожный лихоимецъ сидѣлъ за столомъ въ домѣ своей жертвы, ожидая окончанія судебнымъ приставомъ описи. — Послушай, Петръ Степановичъ! Пожалѣй не меня, старика, а вотъ этихъ малютокъ, которыя, по твоей милости, должны итти по міру. Вѣдь ты получилъ уже съ меня деньги, а теперь взыскиваешь вторыя. Грѣшно вѣдь такъ... Взгляни ты на Спасителя, Который одинъ остался не описаннымъ тобой... Взгляни и пощади! Повинуясь невидимой силѣ, богачъ хотѣлъ взглянуть по указанному направленію и... покатился подъ столъ.

Подняли его уже бездыханнаго, съ страшно исказившимся въ предсмертной агоніи лицомъ.

Какъ громомъ пораженные, стояли судебный приставъ и присутствовавшія лица, опомнившись же, пали ницъ предъ иконою Спасителя и, поднявъ умершаго, отнесли его въ его богатый домъ... („Смол. Еп. Вѣд.“ 1891 г., № 6).

5. Несчастная находка.

Три путешественника нашли однажды на дорогѣ драгоцѣнную находку. Надлежало раздѣлить ее поровну между всѣми троими; находка была такъ велика, что часть каждаго была бы весьма значительна. Но діаволъ тотчасъ явился съ своими спутниками: духомъ зависти, коварства и жадности. Полюбовавшись своею находкою, путешественники сѣли отдохнуть, чтобы подкрѣпить себя пищею, но каждый думалъ не о пищѣ, а о томъ, какъ бы одному завладѣть сокровищемъ. Нужно было кому-нибудь изъ нихъ сходить въ ближайшій городъ, чтобы купить припасовъ для ихъ обѣда. Одинъ отправился. Двое, оставшіеся на мѣстѣ, согласились убить этого третьяго, когда онъ возвратится, чтобы раздѣлить между собою часть его. Между тѣмъ, отправившійся за припасами отравилъ ихъ ядомъ, чтобы, по смерти обоихъ товарищей, богатство осталось ему одному. Когда онъ возвратился, то немедленно убитъ былъ своими спутниками, которые, поѣвъ принесенной имъ пищи, оба умерли. А драгоцѣнная находка осталась на мѣстѣ ждать другихъ подобныхъ безумцевъ, или руки болѣе достойной.

Подобнымъ образомъ діаволъ губитъ даже такихъ людей, которые устрашились бы одной мысли объ убійствѣ ближняго. Всѣмъ открыто поприще служенія обществу, всѣмъ доступно пріобрѣтеніе средствъ къ содержанію себя честнымъ трудомъ. Но діаволъ воздвигаетъ въ людяхъ страсть властолюбія, славолюбія и жадности къ богатству. И вотъ, несчастные, въ какомъ-то ослѣпленіи, стремятся къ своей цѣли, не разбирая средствъ, толкаютъ другъ друга, роняютъ другихъ, и сами падаютъ, губятъ и гибнутъ. А цѣль то, къ которой стремятся безумцы, уходитъ отъ нихъ дальше и дальше, иногда какъ будто приближается къ нимъ, дается имъ въ руки, — но вдругъ, одно мгновеніе, — и она исчезла изъ виду, оставивъ искателей своихъ на краю пропасти, или на самомъ днѣ ея. Составляется иногда какое-нибудь общество, задумываетъ хорошее предпріятіе, обѣщающее вѣрную пользу всѣмъ и каждому. Но между дѣятелями общества возникаетъ зависть, желаніе обогатиться одному насчетъ другихъ, и вотъ — предпріятіе не удается, или удается на время и вполовину; общество разстраивается, и польза его улетаетъ на вѣтеръ, или достается другому, о которомъ прежде и не думали, или котораго именно обмануть и обидѣть хотѣли. *Алчущія исполни благъ и богатящіяся отпусти тщи.* („Духовн. бес.“ 1862 г., № 42).

6. Загробная участь грѣшниковъ, безъ покаянія умирающихъ.[1]

Многіе современные умники отвергаютъ бытіе Божіе и будущую жизнь, не вѣрятъ въ существованіе ни добрыхъ духовъ—ангеловъ, ни злыхъ—демоновъ, однимъ словомъ, не вѣрятъ, что есть за гробомъ жизнь, а полагаютъ, что смерть конецъ всему. Когда наступитъ для нихъ неизбѣжный часъ смерти, часъ страшнаго разлученія души отъ тѣла, — ибо смерть грѣшниковъ люта, какъ говоритъ намъ слово Божіе, — тогда они увидятъ на самомъ дѣлѣ все то, что отвергали, надъ чѣмъ насмѣхались, или считали бредомъ воображенія, суевѣріемъ, глупостію и т. п., тогда они поищутъ покаянія, но уже не найдутъ его, тогда они всему повѣрятъ, но вѣра ихъ не оправдаетъ, ибо и бѣсы вѣруютъ и трепещутъ, но спасенія отъ такой вѣры не получаютъ. Всему есть свое время. Вѣра тогда спасительна, когда вѣруемъ мы непринужденно, какъ и всякая добродѣтель, совершаемая нами по дарованному намъ отъ Бога свободному произволу, а не по какой-либо необходимости. Руководствуясь словомъ Божіимъ и церковнымъ преданіемъ, постараемся изобразить, хотя отчасти, страшное состояніе умирающаго нераскаяннаго грѣшника, или невѣрующаго безумца (Пс. XIII, 1).

---

[1] Примѣнительно къ еванг. Лук. XII гл., 19—20 ст.

Грѣшникъ, не принесшій покаянія, слѣдовательно, и лишенный христіанскаго напутствія, оставляется Богомъ и св. ангелами, какъ чуждый имъ, и предается въ руки демоновъ, которые, какъ повѣствуется въ житіи св. Ѳеодоры, окружаютъ его, восклицая съ злобною радостію: „наша душа эта, намъ предана, нашу волю она исполняла и осуждена на вѣчное съ нами мученіе“. Бѣдная душа увидитъ тогда страшное и безвыходное свое положеніе, будетъ просить помилованія, раскаиваться, но въ отвѣтъ на это будетъ лишь слышать адскій хохотъ духовъ тьмы, ибо не услышитъ ея Господь. Съ злобною радостію будутъ говорить ей лютые эѳіопы: „раскаяніе твое подобно раскаянію Іуды или Каина, ты отвержена Богомъ на вѣки, ты наша, наша, наша!“ Ни откуда тогда грѣшной душѣ не будетъ ни отрады, ни помощи, никто не отзовется на вопли ея, она будетъ всѣми оставлена, и это страшное оставленіе наполнитъ ее ужасомъ и тоскою неизобразимыми, отчаяніемъ, ужаснѣйшимъ самой смерти. Безумный грѣшникъ, проводящій дни свои нечестиво, говоритъ: пей, ѣшь, душа моя, веселись, имѣешь богатства на многіе годы, но Господь, обличая его безуміе, отвѣтствуетъ: въ ночь эту истяжутъ душу твою... И вотъ, настала эта ночь для нераскаяннаго грѣшника, столпились вокругъ него лютые злобные духи. Горе грѣшнику, ибо имя его вычеркивается изъ книги животной; онъ злыми дѣлами своими заживо, самопроизвольно дѣлается достояніемъ князя тьмы, предаетъ себя въ руки его, и нѣтъ ему исхода. Тогда только узнаетъ онъ, какъ страшно быть оставленнымъ Богомъ, тогда только увидитъ онъ страшную бездну, разверзшуюся подъ ногами его и готовую поглотить его. Но уже не будетъ ему избавленія, прикоснется къ нему, какъ добычѣ своей, духъ злобы, и онъ вострепещетъ, какъ преступникъ отъ прикосновенія руки палача, или какъ жертва, попавшаяся въ когти тигра. Въ невыразимомъ отчаяніи станетъ онъ ломать себѣ руки, рвать волосы, заскрежещетъ зубами, захочетъ бѣжать, но напрасно: силы его ослабнутъ, всѣ члены его придутъ въ бездѣйствіе, и поверженный на смертномъ одрѣ своемъ, долженъ онъ будетъ безмолвно ожидать рѣшенія несчастной участи своей; а когда увидитъ приближеніе смерти, то дико, страшно начнетъ озираться на всѣ стороны, будетъ искать помощи тусклыми взорами своими, но ни откуда не будетъ ея. Тогда начнетъ онъ постепенно лишаться чувствъ, слуха, зрѣнія, языкъ свяжется нѣмотою, на лбу его выступятъ капли смертнаго пота, приступитъ къ нему лютая для грѣшниковъ смерть и поразитъ его, напоитъ его горечью, отъ которой весь онъ содрогнется, извлечетъ душу его изъ тѣла съ мученіями неизъяснимыми. Но это не конецъ его страшнымъ страданіямъ, а лишь начало ихъ. По разлученіи души отъ тѣла, грѣшникъ яснѣе и сознательнѣе пойметъ ужасное, безвыходное положеніе свое, лицомъ къ лицу будетъ тогда съ злыми бѣсами; вперятъ тогда они въ него свои яростные взоры, наслаждаясь его погибелью, и станутъ говорить ему съ злобнымъ смѣхомъ: „вотъ, мы тѣ существа, которыхъ ты отрицалъ, а потому и попался къ намъ; вотъ, мы тѣ, волю которыхъ ты всегда исполнялъ; вотъ, мы тѣ, съ которыми ты осужденъ на вѣчное мученіе; ты нашъ, ты нашъ, отъ насъ никуда не уйдешь!.. Бога ты не зналъ, закона Его не исполнялъ, и Богъ отъ тебя отказался, предавъ тебя намъ на вѣки, на безконечные вѣки: нашъ ты, нашъ, и изъ нашихъ рукъ тебя никто не избавитъ!..“ Напрасно грѣшникъ будетъ просить, умолять, дабы душу его возвратить въ тѣло для покаянія, — одинъ лишь злобный хохотъ будетъ отвѣтомъ на его мольбы и вопли, неумолимые бѣсы повлекутъ душу грѣшника въ свое логовище — въ бездну преисподнюю... Куда ни посмотритъ онъ, вездѣ тьма адская: ни луча свѣта, ни блеска звѣзднаго не увидитъ онъ, мракъ вѣчной ночи будетъ его удѣломъ. И вотъ, страшные бѣсы влекутъ грѣшника далѣе, изъ глубины въ глубину, изъ бездны въ бездну, чрезъ тѣсные сходы... вездѣ гробовое молчаніе, полное невыразимаго ужаса. Наконецъ, издали начинаютъ быть слышны голоса и вопли несчастныхъ осужденниковъ, томящихся въ адскихъ мукахъ. Это тотъ плачъ и скрежетъ зубовъ, о коемъ грѣшникъ слышалъ и смѣялся; это та геенна огненная, существованіе коей грѣшникъ всегда отвергалъ; это тотъ червь неусыпающій, котораго грѣшникъ за ничто считалъ; это та тьма и тотъ ужасный тартаръ, коего и бѣсы трепещутъ. Одинъ лишь грѣшникъ все это отрицалъ и надъ всѣмъ насмѣхался, и вотъ насталъ для него черный день, пришло время и ему вкусить плоды безвѣрія, вкусить и вѣчно вкушать горькій, неутѣшный, болѣзненный плачъ съ вѣчно плачущими, безнадежными осужденниками, которые жалобными стонами своими могли бъ и камень смягчить. Но тамъ нѣтъ никакой жалости,—тамъ одни лишь жестокіе бѣсы, утоляющіе злобу свою мученіями грѣшниковъ, тамъ сообщество братоубійцы Каина, Іуды предателя и виновниковъ его и своей погибели — Анны и Каіафы, христоубійцъ. Тамъ вѣчно мучатся Иродъ и Иродіада съ ихъ плясавицею дочерью; тамъ въ огнѣ неугасимомъ мучители христіанъ: Нероны, Діоклитіаны, Максиміаны, богоотступники Іуліаны; тамъ Аріи, Вольтеры и многіе, невѣровавшіе во Христа Спасителя. Тамъ и тебѣ, безбожный вольнодумецъ, готово мѣсто, и тебѣ, какъ и имъ, уготованъ огнь вѣчный, тьма непроницаемая, червь грызущій, тартаръ ужасный, если не поспѣшишь, пока еще живъ, покаяться. Тамъ ты будешь въ обществѣ человѣкоубійцъ, грабителей, зажигателей, прелюбодѣевъ, растлителей, содомлянъ, волшебниковъ, пьяницъ, обжоръ, клеветниковъ, обидчиковъ сирыхъ и безпомощныхъ, гордыхъ, злобныхъ, жестокосердыхъ, немилостивыхъ, невѣрующихъ, богоненавистниковъ и многихъ другихъ, въ грѣхахъ безъ покаянія умершихъ. Но общенія тамъ никто ни съ кѣмъ не будетъ имѣть: тамъ слышны будутъ лишь одни раздирающія сердце рыданія, вопли, тамъ будетъ томленіе духа, туга и тягота, земнороднымъ невѣдомыя. О мученіяхъ грѣшниковъ св. Іоаннъ Богословъ пишетъ слѣдующее: *и дымъ мученія ихъ во вѣки вѣковъ восходитъ* (Ап. XIV, 11). Тамъ приложатся мученія къ мученію, тоска къ тоскѣ, отчаяніе къ отчаянію. Здѣсь, на землѣ, какъ бы ни было иногда тяжко терпѣть скорби, болѣзни, нищету и проч..., но есть надежда на перемѣну въ будущемъ; тамъ же надежды этой и тѣни не будетъ, — одно безконечное страданіе, одно безнадежное томленіе. Слово Божіе не мимо идетъ. На страшномъ судѣ скажетъ Господь грѣшникамъ: *идите отъ Мене проклятіи въ огнь вѣчный* (Мѳ. XXV, 41). Тамъ уже не будетъ исчисленія годовъ, мѣсяцевъ и дней, не будетъ раздѣленія между днемъ и ночью, утра и вечера не будетъ, но все сольется въ одно безконечное время, коего и одна минута покажется за цѣлый вѣкъ. Тамъ, какъ страшныя тучи, вѣчно будутъ тяготѣть надъ головами грѣшниковъ проклятіе, вѣчное осужденіе и отчужденіе отъ Бога. Какимъ раемъ представится тогда наша жизнь на землѣ! съ какимъ восторгомъ возвратился бы туда! Всѣ труды, всѣ скорби земныя будутъ казаться наслажденіями, ибо ради нихъ уготовляется человѣку вѣчное блаженство. Съ какимъ бы восторгомъ онъ возвратился на землю, чтобы покаяться! Но этого уже не дано ему будетъ, удѣломъ его будетъ безконечное адское мученіе, безотрадное томленіе, безнадежное отчаяніе. Стенанія и вопли его никѣмъ не будутъ услышаны. Таково положеніе грѣшника, на вѣки отринутаго отъ лица Божія! Но вполнѣ никакими человѣческими словами оно не можетъ быть изображено, ибо превосходитъ всякое описаніе...

Одинъ вольнодумецъ повѣствуетъ о себѣ слѣдующее:

Разъ, ходя по лѣсу, размышлялъ я о томъ, есть ли за гробомъ жизнь и какой участи подвергаются невѣрующіе въ Бога? Вдругъ является мнѣ среди дня духъ въ видѣ человѣка, въ страшномъ и печальномъ видѣ, и говоритъ: „мы называемся вольнодумцами и не имѣемъ иной цѣли, кромѣ похвалъ себѣ отъ другихъ; въ такомъ состояніи и я умеръ, полагая, что смерть уничтожитъ бытіе мое, но какъ удивился я послѣ смерти моей, когда почувствовалъ себя живымъ!—Я съ ужасомъ ожидаю будущаго суда. Помощь, о которой я прошу тебя, состоитъ въ томъ, чтобы ты опровергалъ всѣ мои ученія, ибо, когда благочестивые люди опровергаютъ насъ, то это служитъ бальзамомъ для нашихъ ранъ. А чтобъ опровергнуть насъ, потребна одна простая истина, потому что всѣ познанія вольнодумцевъ состоятъ только въ заблужденіяхъ. О! если бы мы могли возвратиться въ прежнюю жизнь, чтобъ раскаяться!.. но это уже невозвратно. Я теперь оплакиваю свое несчастіе и тѣхъ людей, кои льстящій имъ гордый разумъ предпочитаютъ священному писанію, истолкованному богоносными отцами. — Ахъ! отчего не можемъ мы болѣе возвратиться въ прежнюю жизнь, чтобы поощрять людей, живущихъ въ вѣрѣ и любви къ Богу! — О, какъ удивятся человѣки, когда послѣ смерти увидятъ себя живыми, и когда человѣкъ долженъ будетъ дать отчетъ во всемъ, даже въ малѣйшемъ обстоятельствѣ своей жизни и за все понесетъ адскія наказанія, которыя существуютъ на самомъ дѣлѣ!.. Но теперь еще мученія слабы въ сравненіи съ тѣми, кои постигнутъ насъ послѣ страшнаго суда, котораго мы съ трепетомъ ожидаемъ; ибо будетъ воскресеніе мертвыхъ, и есть рай для праведныхъ, и адъ для грѣшныхъ вольнодумцевъ и еретиковъ“. (См. Аѳонск. лист. № 74).

7. Добрые совѣты о памяти смертной.

Молодые люди нерѣдко путешествуютъ въ чужія страны, чтобы тамъ изучать разныя науки. Люди мудрые называютъ память смертную особою наукой; а сталобыть, чтобы познать эту науку, стоитъ побывать и въ чужихъ краяхъ, поучиться у мудрыхъ людей. Пойдемъ же, братіе,— не тѣломъ, а умомъ — въ чужія страны, за море; перенесемся мыслію отъ нынѣшнихъ временъ въ вѣка, давно минувшіе. Вотъ, одинъ изъ семи греческихъ мудрецовъ, знаменитый философъ Солонъ, въ Аѳинахъ на дверяхъ капища написалъ крупными буквами: „познай себя самого“. Для чего ты, философъ, написалъ это на дверяхъ вашего капища? „А для того, говоритъ, что сюда каждый день приходитъ множество народа: пусть же каждый, входящій въ эти двери, читаетъ это ежедневно, а какой смыслъ въ этихъ словахъ и чему они научаютъ, самъ разсмотри и угадай“. Какъ же это разсудить?— Да предложи своему уму такіе вопросы: кто ты? откуда? и куда идешь?— Кто ты? человѣкъ бренный, тлѣнный, немощный, подверженный всякимъ болѣзнямъ, злымъ случайностямъ, всякимъ бѣдамъ и всякому несчастію.—Откуда ты? изъ персти земной созданъ, отъ похоти плотской зачатъ, отъ болѣзней матернихъ рожденъ... Куда ты идешь? — Во гробъ, и нѣтъ ни для кого: ни для царя, ни для князя, ни для богача, ни для нищаго, ни для ученаго, ни для невѣжды,— нѣтъ иного конца, кромѣ гроба, а во гробѣ тлѣніе, черви, смрадъ, гной, персть, а затѣмъ и совершенное уничтоженіе. Итакъ, каждый познавай самъ себя“. Не худо ученіе этого философа, можно похвалить его. Получивъ пользу въ Аѳинахъ — идемъ далѣе.

Въ Дельфахъ, одинъ знатный человѣкъ Зенонъ вопрошаетъ нѣмого идола Аполлонова: какъ бы ему вести получше жизнь? Какое наставленіе, что за совѣтъ отъ бездушнаго идола? Однако повелѣніемъ Божіимъ и камень издаетъ голосъ, и идолъ говоритъ. Заговорилъ и тотъ идолъ. Что же сказалъ? Онъ отвѣчалъ Зенону такъ: „спроси у мертвыхъ“... Видно, камень, вопреки своей природѣ, проговорилъ это чудеснымъ образомъ по повелѣнію Божію, въ поученіе людямъ, а проговорилъ онъ полезное слово: „спроси у мертвыхъ“, — какъ будто говоря: если хочешь вести хорошо свою жизнь, попроси полезнаго совѣта и мудраго наставленія у мертвыхъ: у нихъ спроси, они тебя научатъ, только пожелай слушать ихъ. Но ты скажешь: какъ мертвецъ можетъ поучать живого, когда онъ бездушенъ и безгласенъ, языкъ у него нѣмъ и уста неподвижны? По истинѣ научитъ, молча скажетъ, оставаясь нѣмымъ, возгласитъ, не двигая устами и языкомъ, будетъ говорить. Что же онъ скажетъ? Онъ будетъ говорить не словомъ, а дѣломъ, не рѣчью, но указаніемъ на самыя вещи. Итакъ, послушаемъ, что говорятъ намъ мертвецы. „О, люди! что теперь вы, то и мы были нѣкогда; что теперь мы, то и вы скоро будете. Вы теперь живете въ довольствѣ, ѣдите, пьете, утѣшаетесь удовольствіями міра сего: и мы такъ жили, а теперь вотъ въ тѣсныхъ гробахъ... Куда дѣвалась пища? гдѣ питіе? гдѣ веселіе и всякое мірское наслажденіе? не лишились ли мы всего этого? такъ и вы скоро будете ихъ лишены. И мы когда-то были живыми людьми, подобными вамъ; и вы будете мертвецами, подобными намъ“. И въ книгѣ Премудрости Соломоновой мертвецы говорятъ намъ: „какую пользу принесло намъ высокомѣріе, и что доставило намъ богатство съ тщеславіемъ? Все это прошло, какъ тѣнь и какъ молва быстротечная, какъ корабль, идущій по волнамъ, за которымъ не остается слѣда, или какъ птица, пролетающая по воздуху и не оставляющая никакого знака своего пути; или какъ стрѣла, пущенная въ цѣль; такъ и мы: родились и умерли“ (Ѵ, 8—13). Когда же мертвецы говорятъ намъ такъ, то будемъ спрашивать у нихъ обо всемъ. Придетъ ли кому грѣховное вожделѣніе плотской нечистоты,— спросись у мертвыхъ, а именно — у содомлянъ, горящихъ въ неугасимомъ огнѣ: что они тебѣ скажутъ? — „Если хочешь притти въ это огненное мѣсто и мучиться съ нами вѣчно, то иди, дѣлай, что тебѣ хочется“. Если явится желаніе роскошно пировать каждый день, пить, ѣсть,—спросись у мертвыхъ, а именно—у того богача, который во адѣ, возведъ очи свои, сый въ мукахъ, проситъ одной капли воды на языкъ свой отъ Лазарева перста и не получаетъ (Лук. XѴI, 23). Захочешь ли преслѣдовать и обвинять невинныхъ? Спросись у того фараона, который преслѣдовалъ неповинно людей Божіихъ и утонулъ въ морѣ, а нынѣ утопаетъ въ геennѣ. Вздумаешь ли возстать противъ своихъ начальниковъ, устроить противъ нихъ заговоръ,—посовѣтуйся съ Даѳаномъ и Авирономъ, возставшими на Моѵсея и Аарона и поглощенными землею. Захочешь ли завидовать беззаконнымъ, — спросись у жены Лотовой, оглянувшейся на Содомъ и превратившейся въ соляной столбъ. Захочешь ли похитить принадлежащее церкви, — спросись Иліодора, казнохранителя сѵрійскаго царя Селевка, который пришелъ было въ Іерусалимъ ограбить церковь и былъ наказанъ руками ангеловъ. Если захочешь величаться, надмеваясь гордостію, — спросись у Ирода, о которомъ писано въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, что онъ высокомѣрно, съ большою гордостію, возсѣлъ предъ всѣмъ народомъ, и внезапу порази его ангелъ Господень, зане не даде славы Богу, и бывъ червьми изъяденъ—издше (Дѣян. XII, 23). Придетъ ли мысль положиться на свое богатство, посовѣтуйся съ тѣмъ евангельскимъ богачомъ, который говорилъ душѣ своей: душе, имаши многа блага, лежаща на лѣта многа: почивай, яждь, пій, веселися. Рече же ему Богъ: безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже уготовалъ еси кому будутъ (Лук. XII, 19—20)? Захочешь ли вообще сдѣлать что-либо грѣховное, злое, прогнѣвляющее Бога, спросись грѣшныхъ, заключенныхъ во адѣ, осужденныхъ на вѣчныя муки, посовѣтуютъ ли они тебѣ прогнѣвать Бога.—Итакъ, спрашивайся мертвецовъ и будешь уменъ, научишься отъ нихъ благоразумію, получишь уроки мудрости.

Изъ Греціи идемъ въ Египетъ. Здѣсь царь Птоломей даетъ пиръ. Носятъ блюда съ кушаньями на царскую трапезу очень роскошныя. Но вотъ что заслуживаетъ удивленія: несутъ одно большое блюдо, а на немъ лежитъ человѣческій черепъ. На что это? Неужели ѣсть? Но кто же будетъ ѣсть обнаженную кость, да еще человѣка, давно умершаго? Но вотъ ставятъ голову предъ самимъ царемъ, а одинъ изъ стольниковъ громко говоритъ ему: „смотри, царь, и ты такимъ же будешь!“ Царь, взглянувъ на кость, вздохнулъ и смирился мыслію. Потомъ царь, забывшись, веселился, и вотъ опять одинъ изъ слугъ, указывая ему на ту же голову, говоритъ: „смотри, царь, и ты таковъ будешь!“ И опять царь вздохнулъ и опять смирился въ мысли, и свое веселье растворялъ, такимъ образомъ, памятію смертною. Вотъ любомудріе, вотъ прекрасная философія—память смертная. Спрашивался и онъ у мертвыхъ, что ему дѣлать, какъ вести свою жизнь. (Изъ „Твор. св. Димитрія ростовск.“).

8. Разсказы о приготовленіи себя благочестивыми людьми къ исходу часа смертнаго.

I. Предъ смертію къ преп. Марку пришелъ преп. Серапіонъ. Преп. Маркъ встрѣтилъ Серапіона съ сердечною радостію и сказалъ ему: „Богъ послалъ мнѣ тебя, чтобы ты св. твоими руками приготовилъ къ погребенію мое смиренное тѣло!“ Чрезъ часъ времени сказалъ: „брате Серапіоне! пребуди нощь сію безъ сна ради моего разлученія!“ Оба встали на молитву.

По окончаніи молитвы Маркъ сказалъ Серапіону: „тѣло мое по отшествіи моемъ положи въ пещерѣ сей съ миромъ Христовымъ, двери пещеры загради камнями и иди во свое мѣсто, а здѣсь не будь“. Серапіонъ просилъ его взять съ собою, но онъ сказалъ ему: „тебѣ не здѣсь слѣдуетъ умереть, но въ своемъ мѣстѣ“. Еще присовокупилъ: „великъ сей день, онъ мнѣ лучше всѣхъ дней живота моего, потому что сегодня разлучается душа моя отъ страданій плотскихъ и идетъ успокоиться во обители небесной, сегодня тѣло мое почіетъ отъ многихъ трудовъ и болѣзней; сегодня пріиметъ меня свѣтъ покоя моего“. При этихъ словахъ вертепъ исполнился свѣта, свѣтлѣе солнца, въ воздухѣ носился ароматъ; преп. Маркъ взялъ Серапіона за руку и сказалъ ему: „пусть мое мертвое тѣло, гдѣ трудилось во временной сей жизни, тамъ пребудетъ до всеобщаго воскресенія, здѣсь мой домъ болѣзнямъ, трудамъ и нуждамъ. Ты, Господи, разлучи душу мою отъ тѣла, потому что ради Тебя я претерпѣвалъ голодъ, жажду, наготу, морозъ, зной и всякую тѣсноту. Самъ, Владыко, одѣй меня одеждою славы въ страшный день пришествія Твоего; почійте очи и ноги мои, потрудившіяся во всенощномъ стояніи, отхожу отъ временныя жизни, всѣмъ же остающимся желаю спастися. Спасайтесь всѣ Бога ради!“ По наставленіи, поцѣловалъ Серапіона и сказалъ ему: „спасайся и ты, Серапіоне! Заклинаю тебя Богомъ, ничего не бери отъ смиреннаго моего тѣла“. Когда Серапіонъ заплакалъ, съ неба былъ голосъ: „принесите мнѣ сосудъ избранный отъ пустыни, принесите мнѣ дѣлателя правды, совершеннаго христіанина и вѣрнаго раба. Гряди, Марко! гряди! почій во свѣтѣ радости и духовныя жизни!“ Маркъ сказалъ Серапіону: „преклонимъ колѣна, брате!“ Тогда былъ голосъ ангельскій Марку: „простри руки твои!“ Этотъ голосъ слышалъ Серапіонъ.

Серапіонъ всталъ тотчасъ и увидѣлъ душу святого отъ союзовъ плотскихъ уже разрѣшившуюся и руками ангельскими бѣлосвѣтлою одеждою покрываемую и на небо возносимую. (5 апр. ж. Марк. въ Ч.-М.).

П. Преподобная Аѳанасія, получивъ извѣщеніе о времени часа смертнаго за 12 дней, не пила и не ѣла, а присутствующимъ сестрамъ говорила: „пойте и хвалите Бога всегда“. Когда наступилъ 12 день, она не докончила чтеніе псалтири и сказала: „помогите мнѣ изнемогшей, идите въ церковь и докончите чтеніе псалтири, я не могу кончить: сила моя изнемогла“. Онѣ, плача, спросили ее: „до котораго псалма она читала?“ Она отвѣтила: „19-й во устахъ имѣю и болѣе не могу“. Сестры ушли въ церковь и окончили чтеніе псалтири. Оставшіяся же сестры, Марина и Евпраксія, заплакали. Она обняла ихъ, поцѣловала и сказала имъ: „сегодня разлучимся, а въ будущемъ вѣкѣ увидимся!“ Лицо ея просвѣтилось, какъ солнце. Она сказала: „день праздника не оставляйте по службѣ. Церковное пѣніе пусть будетъ благочинно; сиротамъ, нищимъ и вдовамъ сотворите учрежденіе по силамъ; по божественной литургіи предайте мое тѣло убогое землѣ!“ Посемъ закрыла уста, очи смежила и почила о Господѣ, уснувши общимъ сномъ смерти. Скончалась въ навечеріе 14 августа. (12 апрѣля ж. прп. Аѳанасіи. „Ч.-М.“).

НЕДѢЛЯ 27-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Лук. зач. 71-е, гл. XIII, 10—17 ст.

1. Исцѣленіе Спасителемъ скорченной женщины въ субботу.

Каждую субботу іудеи собирались въ синагоги для чтенія и наученія закону. И Іисусъ Христосъ нерѣдко пользовался этимъ днемъ для проповѣди народу евангелія, посѣщая синагогу. Случилось Ему, уже подъ конецъ Своего общественнаго служенія, войти въ одну синагогу въ субботу и учить собравшійся туда народъ. Здѣсь среди слушателей Христосъ увидѣлъ женщину, которая, по дѣйствію духа злобы, цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ была скорчена, не могла разогнуться и стоять прямо. Господь попустилъ злому духу навести на нее эту болѣзнь подобно тому, какъ попустилъ ему нѣкогда поступить съ многострадальнымъ Іовомъ. Несмотря на болѣзненное свое состояніе, несчастная женщина та, какъ видно, не переставала, хотя и съ величайшими усиліями, приходить къ общественному богослуженію въ синагогу, чтобы находить здѣсь себѣ утѣшеніе въ своей немощи. Любвеобильный Спаситель, вѣроятно, видя въ страдавшей живую вѣру, подозвалъ ее къ Себѣ и сказалъ: *женщина! ты освобождаешься отъ недуга своего*, и возложилъ на нее руки. По всемогущему слову милосердаго Господа и чудодѣйственному возложенію Его рукъ, скорченная тотчасъ выздоровѣла, стала держаться почеловѣчески, прямо, и отъ полноты глубокой благодарности славословить Бога. Но потокъ ея благодаренія былъ прерванъ начальникомъ синагоги. Подобно фарисеямъ, онъ вознегодовалъ на Спасителя за то, что Онъ совершилъ исцѣленіе въ субботу, считая это нарушеніемъ субботняго покоя, заповѣданнаго закономъ, блюстителемъ котораго онъ себя считалъ. Зная, какъ строго обличалъ Спаситель въ подобныхъ случаяхъ фарисеевъ, и не имѣя смѣлости обратиться къ Самому Іисусу Христу, начальникъ синагоги обратился съ упрекомъ къ ни въ чемъ неповинному народу, но, безъ сомнѣнія, такъ, чтобы и Христосъ слышалъ его слова. Выставляя себя блюстителемъ закона Моисеева, онъ ссылается на букву его, не разумѣя духа его, и говоритъ народу: *есть шесть дней, въ которые должно дѣлать, въ тѣ и приходите исцѣляться, а не въ день субботній*. Правда, въ законѣ Моисея сказано: шесть дней есть, въ которые должно дѣлать, а седьмой долженъ быть посвященъ Богу (Исх. XX, 10 и др.), но это сказано объ обычныхъ житейскихъ дѣлахъ и работахъ, а не о дѣлахъ милосердія или благотворенія. По своему происхожденію, законъ о субботѣ былъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ божественной любви къ людямъ. Но фарисеи своими лживыми и своевольными толкованіями обратили этотъ законъ изъ божественнаго благодѣянія въ возмутительную и безсмысленную тягость. Іисусъ Христосъ нѣсколько разъ обличалъ лживость фарисейскихъ взглядовъ на субботу, пользуясь различными доводами и доказательствами, смотря по степени развитія и пониманія Своихъ противниковъ. На этотъ разъ Спаситель въ обличеніе ложной ревности о святости субботы начальника синагоги и его единомышленниковъ употребилъ доказательства, такъ сказать, самыя осязательныя, заимствованныя изъ обыденной жизни всякаго. *Лицемѣръ!* — сказалъ Господь въ отвѣтъ тому начальнику синагоги.— *Не отвязываетъ ли каждый изъ васъ вола своего или осла отъ яслей въ субботу и не ведетъ ли поить? Сію же дочь Авраамову, которую связалъ сатана вотъ уже осьмнадцать лѣтъ, не надлежало ли освободить отъ узъ сихъ въ день субботній?* Итакъ, обыденныя житейскія заботы о хозяйствѣ не запрещались мелочными фарисейскими толкованіями закона о субботѣ; и всѣ дѣлали это, не думая, что нарушается законъ. Если же попеченіе о животномъ не составляетъ нарушенія закона, то тѣмъ болѣе—попеченіе о человѣкѣ, оказаніе ему помощи и благодѣянія, особенно когда онъ нуждается въ этомъ. Спаситель въ обращеніи Своемъ къ начальнику синагоги называетъ его лицемѣромъ. По словамъ св. Іоанна Златоуста, это справедливо, потому что „онъ показывалъ себя хранителемъ закона, а внутренно былъ хитрецъ и завистникъ: не потому негодуетъ, что нарушается суббота, а потому, что прославляется Христосъ“. Исцѣленная была „дочь Авраамова“, т.-е. природная іудеянка. Посему начальникъ синагоги, на которомъ, между прочимъ, лежала и обязанность заботиться о благосостояніи всѣхъ, причислявшихся къ его синагогѣ, долженъ былъ бы радоваться благодѣянію Спасителя, а не негодовать. Ее, по образному выраженію Спасителя, „связалъ сатана“, или князь бѣсовскій, по попущенію Господа. Отъ дѣйствія духа нечистаго та женщина была скорчена, или какъ бы связана. Какъ связанный не можетъ распрямиться и дѣйствовать свободно, такъ и та женщина, скорченная болѣзнію, не могла стоять прямо, а оставалась всегда въ согбенномъ положеніи.

Поистинѣ, плачевно было состояніе скорченной женщины, которую „связалъ“ сатана на восемнадцать лѣтъ, и которую исцѣлилъ милосердый Господь въ одну минуту. Но и всякій изъ насъ, православный христіанинъ, связывается узами грѣховъ своихъ и можетъ потерять богодарованную свободу. „Вяжетъ насъ,— говоритъ одинъ отецъ церкви,—узами обольщенія плоть; узы для насъ—сребролюбіе, узы—пьянство, узы—гордость. Есть и узы діавола, который связываетъ насъ узами беззаконій, таковы узы вѣроломства, когда отвергаются Христа, узы жестокости, когда убиваютъ иногда подобнаго себѣ. Сими узами связанный склоняется такъ, что не можетъ возвысить души своей, не можетъ поднять взора ума своего къ небу, если Господь не скажетъ ему: отпущенъ ты отъ недуга твоего, и даромъ Своего благословенія не воздвигнетъ его“ (Амвросій). Не будемъ же, возлюбленный, предаваться страстямъ до забвенія о своемъ высокомъ назначеніи. Употребимъ всѣ данныя намъ Господомъ средства, чтобы не сдѣлаться игралищемъ той злой силы, которая восемнадцать лѣтъ держала въ оковахъ скорченную женщину, лишивъ ее возможности поднимать свои взоры къ небу (См. „Воскр. день“ 1899 г. № 47).

2. Главнѣйшія обязанности христіанъ во дни праздничные

I. Самая первая обязанность, налагаемая на насъ днемъ воскреснымъ, есть *посѣщеніе храма Божія* и присутствіе при богослуженіи. Въ этомъ могутъ служить намъ благочестивымъ примѣромъ христіане прежнихъ временъ. Усердіе ихъ къ храму Божію было такъ велико, что они еще въ навечеріе каждаго праздника собирались въ храмъ Божій для молитвы и слушанія слова Божія. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ св. Златоустъ о бдѣніяхъ при наступленіи праздниковъ христіанъ его времени: „войди въ церковь, посмотри на бѣдныхъ, съ полуноци до свѣта тамъ бывающихъ... посмотри на святыя бдѣнія, день съ нощію сопрягающія“ и въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „радуюсь, что вы такъ усердны къ общей матери всѣхъ—церкви, непрерывно стоите въ продолженіе всей всенощной службы... приносите Творцу немолчное славословіе“ (На Исаію бесѣд. 1 и 4). Въ житіи мученицы Сиры мы встрѣчаемъ разительный примѣръ усердія христіанъ къ бдѣніямъ въ навечеріи праздничныхъ дней: Сира заключена была въ темницу за исповѣданіе имени Христова; при наступленіи одного праздника она сильно скорбѣла душою о томъ, что не можетъ вмѣстѣ съ прочими христіанами посѣтить храма Божія. Но по просьбѣ одного христіанина она вмѣстѣ съ нимъ была отпущена на время богослуженія; съ великою радостію она поспѣшила въ храмъ на бдѣніе и утромъ снова возвратилась въ темницу. (См. „Ч.-М.“ авг. 24).

Св. Григорій нисскій, вышедши въ одинъ праздникъ говорить народу поученіе, замѣтилъ такое большое стеченіе народа въ храмѣ, что, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ: „многіе, не помѣстившись внутри храма, занимали всѣ входы, подобно тому, какъ пчелы—однѣ трудятся внутри, а другія около улья“.

Подобное говоритъ о христіанахъ своего времени и св. Златоустъ: „васъ (т.-е. антіохійскихъ христіанъ) должно хвалить за ревность,—за то, что вы ни въ одинъ воскресный день не покидаете насъ, но, оставляя все, приходите въ церковь... какъ на крыльяхъ слетаетесь къ слушанію слова о добродѣтели и поставляете все ниже божественныхъ словъ“. (О покаян., бесѣда 3).

Опущеніе богослуженія въ воскресные дни есть прямое нарушеніе правилъ церковныхъ; опустившіе троекратно воскресное богослуженіе, по суду церкви, подлежатъ наказанію. Такъ, 80-е правило шестого вселенскаго собора, между прочимъ, говоритъ: *„аще мірянинъ, не имѣя никакой настоятельной нужды или препятствія, которымъ бы надолго устраненъ былъ отъ своея церкви, но пребывая во градѣ, въ три воскресные дни не пріидетъ въ церковное собраніе, то... да будетъ удаленъ отъ общенія.“*

II. Другія приличныя днямъ праздничнымъ занятія суть *дѣла милосердія и любви христіанской.* Что подобныя занятія благовременны въ дни праздничные, ясно видно изъ примѣра Господа нашего Іисуса Христа, Который, сотворивъ благодѣяніе въ субботу, замѣтилъ при этомъ, что „достоитъ въ субботу добро творити“ (Мѳ. XII, 11—12). Святой Іоаннъ Златоустъ говоритъ о днѣ воскресномъ, какъ днѣ особенныхъ благотвореній, и такъ объясняетъ особенное расположеніе въ этотъ день къ благотвореніямъ: „это происходитъ отъ того, говоритъ святитель, что въ этотъ день прекращается всякая работа, душа отъ успокоенія становится веселѣе, а что всего важнѣе—въ этотъ день мы получили безчисленное множество благъ: въ этотъ день разрушена смерть, истреблено проклятіе, уничтоженъ грѣхъ, сокрушены врата адовы, связанъ діаволъ, прекращена долговременная брань, совершилось примиреніе Бога съ человѣками, родъ нашъ вошелъ въ прежнее или гораздо лучшее состояніе, и солнце увидѣло удивительное и чудное зрѣлище—человѣка, содѣлавшагося безсмертнымъ“ (Бесѣд. о милост.). О древнихъ христіанахъ также извѣстно, что въ дни праздничные они обыкновенно посѣщали больныхъ и заключенныхъ въ темницахъ и старались различными средствами облегчить участь ихъ, несмотря на то, что подобныя посѣщенія нерѣдко были не безопасны.

Въ дни праздничные христіане прежнихъ временъ оказывали милости должникамъ и рабамъ, первымъ прощая долги, послѣднимъ давая свободу, устроивали въ домахъ своихъ трапезы для нищихъ. Такъ, о преподобномъ Исаіи есть извѣстіе, что онъ во дни субботные и воскресные устроялъ въ своемъ домѣ три и даже четыре трапезы для бѣдныхъ („Чет.-Мин.“).

Проводя такимъ образомъ дни праздничные, мы будемъ, по заповѣди, святить ихъ. Такое празднованіе будетъ достойно христіанина и не останется безъ награжденія, ибо, по словамъ Іоанна лѣствичника, за благочестивое провожденіе праздничныхъ дней „Богъ ущедряетъ дарами рабовъ Своихъ“ („Лѣствица“, настав. къ пастыр., гл. 3, стр. 378).

3. Объ освященіи и покоѣ воскреснаго дня.

I. *Воскресный покой съ исторической стороны.* Вслѣдъ за разсказомъ о сотвореніи міра, въ Библіи говорится: „такъ совершены небо и земля и все воинство ихъ. И совершилъ Богъ къ седьмому дню дѣла Свои, которыя Онъ дѣлалъ, и почилъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя дѣлалъ. И благословилъ Богъ седьмый день и освятилъ его, ибо въ оный почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя Богъ творилъ и созидалъ (II, 1—3).

Здѣсь указано основаніе для счисленія времени недѣлями, которое, несомнѣнно, съ этихъ поръ и вошло въ употребленіе,—здѣсь указанъ и образецъ для такого провожденія дней недѣли. Неужели всемогущій Богъ подверженъ усталости и нуждается въ отдыхѣ? Очевидно, Богъ такимъ распорядкомъ Своей творческой дѣятельности и покоя подалъ людямъ примѣръ, чтобы и они шесть дней трудились, а въ седьмой прекращали свои дѣла. Но не въ одномъ только покоѣ отличіе седьмого отъ прочихъ дней недѣли: Богъ не только почилъ въ этотъ день, но и благословилъ его, а это значитъ, что онъ есть день святой или священный, т.-е. такой, который человѣкъ долженъ посвящать Богу. Такимъ образомъ, седьмой день, какъ праздникъ, есть: а) непосредственное установленіе Божіе, б) установленіе первобытное и в) установленіе необычайно важное, потому что напоминаетъ о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ завершеніе творенія міра, отчего и самый день седьмой далеко выдвигается изъ ряда другихъ дней. Самое названіе свое седьмой день получилъ отъ того, что слово *суббота на еврейскомъ языкѣ значитъ покой*.

Какъ люди проводили субботу отъ временъ Адама до Моѵсея, неизвѣстно. Но изъ библейскаго повѣствованія о жизни Ноя и Іакова видно (Быт. VIII, 10—12; XXIX, 27), что въ ихъ время употреблялся счетъ дней недѣли, а изъ этого можно заключать, что уже и тогда праздновали субботу. Но, кромѣ того, книга Исходъ даетъ и положительное свидѣтельство, что евреи еще раньше синайскаго законодательства праздновали субботу, и это считалось исполненіемъ заповѣди Божіей, а самое празднованіе состояло въ покоѣ.

Важность празднованія субботы, и вмѣстѣ забвеніе ея и нестрогое соблюденіе ея людьми побудили сдѣлать закономъ то, что существовало почти только, какъ обычай. Изъ десяти заповѣдей, данныхъ Богомъ при Синаѣ и содержащихъ въ себѣ весь нравственный законъ, четвертая обязываетъ человѣка шесть дней работать, а въ седьмой прекращать свои дѣла и служить Богу. Слова: *помни день субботній* показываютъ, что празднованіе субботы существовало и раньше, но только подвергалось забвенію, и заповѣдь какъ бы напоминала о древнемъ установленіи субботы и внушала исполнять его.

Существенныя принадлежности празднованія субботы въ заповѣди указаны тѣ же, какія были опредѣлены и при первоначальномъ установленіи субботы, а именно: покой, освященіе и служеніе Богу.

Христіане, какъ православные, такъ и другихъ исповѣданій, субботы не соблюдаютъ. Въ нашей церкви суббота есть малый праздникъ.

Не значитъ ли это, что христіане нарушаютъ четвертую заповѣдь? Да, это было бы нарушеніе заповѣди, если бы у христіанъ суббота не была замѣнена другимъ днемъ—воскреснымъ.

Замѣна эта произошла вскорѣ же послѣ воскресенія І. Христа, которое и послужило для этого основаніемъ. Празднованіе воскреснаго дня началось съ апостоловъ. Въ книгѣ „Дѣяній св. апостоловъ“ разсказывается, что ученики апостольскіе и вмѣстѣ съ ними ап. Павелъ собрались для преломленія хлѣба въ первый день недѣли (XX, 7), т.-е. они причащались въ воскресенье, которое есть первый день недѣли, какъ это дѣлали и всѣ христіане въ первенствующей церкви. Значитъ, въ воскресенье совершалось общественное богослуженіе. Въ первомъ посланіи къ коринѳянамъ апостолъ Павелъ убѣждаетъ раздавать въ воскресенье милостыню (XVI, 2). Свидѣтельства мужей апостольскихъ и многихъ древнѣйшихъ отцовъ церкви (64-е апостольское правило и слова римскаго писателя Плинія въ его письмѣ къ императору Траяну, который царствовалъ съ 98—117 г.), не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что празднованіе воскреснаго дня начато было апостолами. Но какъ скоро начали праздновать воскресенье, такъ празднованіе субботы неизбѣжно отошло на второй планъ, потому что по смыслу четвертой заповѣди должно праздновать не два, а одинъ день въ недѣлѣ. Такъ какъ апостолы были изъ евреевъ и потому не могли не питать глубокаго почтенія къ субботѣ, и такъ какъ замѣна субботы воскресеньемъ есть дѣло важное, то можно думать, что они даже не своею властію, а по наставленіямъ отъ І. Христа замѣнили субботу воскресеньемъ, хотя объ этомъ, какъ и о многомъ другомъ, въ писаніи не сказано. Подтвержденіемъ этого предположенія могутъ служить слова Аѳанасія Великаго; „у древняго человѣка въ великомъ почтеніи находилась суббота, но это празднованіе Господь перенесъ на день воскресный“.

Св. отцы указывали на богословскія основанія для замѣны субботы воскресеньемъ. Главное основаніе — это необычайная важность событія, совершившагося въ первый день по субботѣ: разумѣемъ воскресеніе Господа Іисуса Христа изъ мертвыхъ[1]). Важное само по себѣ, событіе воскресенія Іисуса Христа изъ мертвыхъ даетъ намъ радостную увѣренность въ томъ, что и мы воскреснемъ для вѣчной жизни. Въ воспоминаніе такого величайшаго событія самый день послѣ—субботній названъ воскресеньемъ и торжественно празднуется всѣми христіанами. Воскресенье важнѣе субботы: суббота напоминала о сотвореніи міра и промышленіи о немъ, воскресенье напоминаетъ о совершеніи искупленія и возсозданіи человѣческаго рода чрезъ Іисуса Христа.

Какъ же скоро воскресенье заступило мѣсто субботы, такъ стало обязательнымъ для христіанъ исполнять въ этотъ день все то, что требуется четвертою заповѣдію отъ субботы. Дѣйствительно, подобно субботѣ, воскресенье всегда почиталось днемъ покоя, днемъ благословеннымъ или радостнымъ и днемъ святымъ или священнымъ Богу, въ который совершалось служеніе Богу посредствомъ обще-церковной молитвы и дѣлъ милосердія.

II. *Празднованіе воскреснаго дня съ религіозно-нравственной стороны.*

а) *Воскресенье, какъ день покоя.* Косвенное указаніе на покой, соблюдаемый въ воскресный день, мы встрѣчаемъ уже у Игнатія Богоносца, въ посланіи къ магнезіанамъ (Гл. 9). Затѣмъ присутствованіе христіанъ первенствующей церкви въ воскресные дни при богослуженіи и на вечеряхъ любви показываетъ, что они прекращали свои житейскія дѣла по крайней мѣрѣ въ первую половину дня. Но можно догадываться, что христіане, изъ уваженія къ воскресному дню, замѣнившему субботу, не работали и весь день. О соблюденіи покоя въ воскресный день говорится въ „Постановленіяхъ апостольскихъ“ (книга 7, глава 33; книга 8, глава 33). Первое по времени церковное правило, которымъ узаконяется обычай покоиться въ воскресенье, есть 29 правило собора лаодикійскаго, бывшаго въ концѣ IV вѣка. „Не подобаетъ, гласитъ это правило, христіанамъ іудействовати и въ субботу праздновати, но дѣлати имъ въ сей день, а день воскресный преимущественно праздновати, аще могутъ, яко христіанамъ“. Здѣсь противоположеніе воскресенья, которое должно праздновать, субботѣ, въ которую должно работать, показываетъ, что празднованіе воскресенья должно состоять въ покоѣ, а слова: „аще могутъ“, даютъ понять, что необходимыя, важныя и неотложныя дѣла могутъ быть исполняемы и въ воскресенье, безъ нарушенія его святости, — что христіане не нуждаются въ принудительныхъ и мелочныхъ предписаніяхъ, которыми было обременено въ позднѣйшее время іудейское празднованіе субботы, — что они должны дѣйствовать по совѣсти и руководствоваться нравственной свободой.

Обычай соблюдать воскресный покой, кромѣ церковныхъ правилъ, былъ утвержденъ и властію императоровъ. Св. Константинъ Великій освободилъ воиновъ-христіанъ отъ воинскихъ занятій въ воскресные дни, чтобы они могли свободнѣе приходить въ церковь къ общественному богослуженію („Жизнь Константина“, кн. 4, гл. 17 и 22). Онъ же запретилъ производить въ воскресные дни торговлю, и это позже подтверждено было закономъ императора Юстиніана. Дозволялось торговать только необходимыми для жизни предметами. Кромѣ того, Константинъ Великій и многіе послѣдующіе императоры (Ѳеодосій Великій, Валентинъ 1-й, Валентиніанъ 2-й и Левъ философъ) запретили производить въ воскресенье судебныя дѣла, развѣ когда долгъ человѣколюбія и сохраненіе общественнаго порядка не допускали отсрочки.

Церковь запрещаетъ производить въ праздники именно житейскія дѣла. А дѣла богопочтенія, благочестія, какъ-то: посѣщеніе храма и присутствіе при общественномъ богослуженіи, домашнюю молитву, погребеніе мертвыхъ, крестные ходы, перенесеніе мощей, всякаго рода безкорыстную помощь ближнимъ, особенно несчастнымъ, чтеніе религіозныхъ книгъ, объясненія писанія и т. п., она не только не воспрещала, но или прямо и настойчиво узаконяла или, по крайней мѣрѣ, одобряла, потому что таковыми дѣлами главнымъ образомъ и освящается воскресный день.

б) *Воскресенье — день духовной радости.* Церковь всегда признавала воскресенье днемъ духовной радости. Это она выразила, прежде всего, въ запрещеніи поститься въ воскресенье (См. 64 ап. прав.; 18 пр. гангр.).

---

[1]) Іустинъ мученикъ приводитъ два основанія празднованія воскреснаго дня. «Въ день солнца,— говоритъ онъ,— мы всѣ вообще дѣлаемъ собраніе потому, что это есть первый день, въ который Богъ, измѣнивши мракъ и вещество, сотворилъ міръ, и Іисусъ Христосъ, Спаситель нашъ, въ тотъ же день воскресъ изъ мертвыхъ» (Первая апологія. гл. 67).

Св. Петръ александрійскій, (жившій во 2 половинѣ III вѣка и въ началѣ IV вѣка) въ своемъ 15 правилѣ, указавъ причину, почему должно поститься въ среду и пятницу, продолжаетъ: „воскресный же день провождаемъ, яко день радости, ради Воскресшаго въ оный“. Властарь всѣ эти правила объясняетъ такъ, что неумѣстно въ воскресенье предаваться печали и сѣтованію поста, а должно по преимуществу быть веселымъ и радостнымъ, ради воскресенія Господа и возстанія нашей природы отъ грѣховнаго паденія.

Взглядъ церкви на воскресенье, какъ день радости, выражается ясно и въ тѣхъ соборныхъ правилахъ и отеческихъ свидѣтельствахъ, которыя воспрещаютъ преклонять въ воскресенье колѣна при молитвѣ (См. 20 пр. 1 вс. соб.; 90 пр. 6 вс. соб.).

в) *Воскресенье — день священный.* Самособою понятно, по воззрѣнію церкви, воскресному дню прилична только духовная, священная, религіозная радость, такая радость не только не нарушаетъ святости этого дня, но даже есть одно изъ средствъ освященія его. Согласно такому взгляду на воскресенье, какъ день духовно-радостный и священный, церковь, а за нею и гражданское правительство, запрещали суетныя и мірскія увеселенія и повелѣвали упражняться въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ (См. 66 пр. VI всел. соб., 32 пр. карѳаг.).

Въ воскресные и праздничные дни соборными правилами запрещаются всякія вообще общественныя зрѣлища и присутствованіе на нихъ, хотя бы сами по себѣ они не были безнравственны, каковы, напримѣръ, конскія ристанія,— запрещаются частью потому, что они не согласуются съ священною важностію и святостію этихъ дней, частію потому, что они отвлекаютъ христіанъ отъ церковнаго богослуженія.

Но воздержаніе отъ удовольствій, доставляемыхъ общественными зрѣлищами, и закрытіе этихъ послѣднихъ въ дни воскресные и въ великіе праздники было только отрицательной стороной освященія или празднованія этихъ дней; положительная сторона освященія ихъ состояла въ совѣршеніи дѣлъ благочестія и христіанской нравственности.

III. *Воскресный покой съ гигіенической и экономической точекъ зрѣнія.*. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ нуждается, подобно всему живому, въ отдыхѣ. Растенія отдыхаютъ, находясь какъ бы въ состояніи сна, нѣсколько мѣсяцевъ, въ холодномъ климатѣ даже болѣе полугода; самыя крѣпкія и выносливыя животныя уже послѣ нѣсколькихъ часовъ тяжелаго труда ослабѣваютъ, утомляются и нуждаются въ подкрѣпленіи себя пищей и сномъ, или покоемъ. Также и человѣкъ: какъ бы онъ ни былъ молодъ, бодръ, силенъ и привыченъ къ труду, онъ не можетъ перенести безъ крайняго утомленія тяжелой работы въ теченіе даже и одного дня, если не подкрѣпитъ себя въ полдень пищей и краткимъ отдыхомъ. Еще нужнѣе для возстановленія затраченныхъ силъ ночной сонъ въ теченіе 5, 6 и даже въ иныхъ случаяхъ 7 часовъ: если человѣку случится не спать двое—трое сутокъ, то, хотя бы онъ ничего не дѣлалъ и пользовался обильной пищей, онъ умственно тупѣетъ, а физически на столько слабѣетъ, что бываетъ боленъ безъ болѣзни; частое же повтореніе такихъ случаевъ, равно какъ и вообще недостаточное пользованіе сномъ, разстроиваетъ здоровье, подрываетъ силы и служитъ отдаленной, но вѣрной причиной такихъ тяжкихъ и неисцѣлимыхъ недуговъ, которые сокращаютъ жизнь. Напротивъ, при правильномъ распредѣленіи труда и отдыха, трудъ для самаго слабаго организма будетъ служить средствомъ не удручающимъ или разрушающимъ, а укрѣпляющимъ. Нашъ „нервный вѣкъ“ служитъ яркимъ и страшнымъ показателемъ того, какъ, благодаря частію чрезмѣрности труда, частію его односторонности, а главное— безпорядочности въ распредѣленіи труда и отдыха, самые сильные люди подкашиваются въ цвѣтѣ лѣтъ и, что еще ужаснѣе, цѣлыя поколѣнія оказываются слабосильными и чахлыми.

„Швейцарское общество воскреснаго дня“ назначило премію за медицинское сочиненіе о значеніи праздничнаго покоя для здоровья человѣка, и одинъ нѣмецкій ученый медикъ Нимейеръ изслѣдовалъ этотъ вопросъ въ сочиненіи: „Покой воскреснаго дня съ точки зрѣнія ученія о здоровьи“. Въ этомъ сочиненіи онъ, между прочимъ, говоритъ, что работа въ воскресенье гибельна для здоровья и ведетъ къ ухудшенію расы, такъ какъ весь организмъ расшатывается, если не происходитъ періодическаго возстановленія посредствомъ отдыха силъ, истощаемыхъ работой.

Но и не врачъ только, а всякій образованный, несвоекорыстный и свободный отъ предразсудковъ человѣкъ скажетъ, что трудъ умѣренный, посильный, укрѣпляетъ силы, возвышаетъ жизненную энергію, приноситъ физическое здоровье и душевное равновѣсіе и благодушіе, и напротивъ, трудъ чрезмѣрный разслабляетъ тѣло, истощаетъ силы, подрываетъ здоровье, угнетаетъ духъ, производя отупѣніе и раздражительность, а въ концѣ-концовъ подрываетъ самую жизнь, или, по крайней мѣрѣ, преждевременно ослабляетъ и подрываетъ способность къ труду. Но соблюсти всегда умѣренность въ работѣ не легко даже людямъ, которые знаютъ о вредѣ чрезмѣрнаго труда, тѣмъ труднѣе достигнуть этого низшимъ классамъ общества, т.-е. огромному большинству работающихъ, потому что они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о гигіенѣ труда (т.-е. о наукѣ сохранить здоровье и устранить вредныя для него условія); нужда заставляетъ ихъ работать свыше силъ, а въ молодые годы, въ расцвѣтѣ силъ, самая тяжкая работа переносится безъ замѣтнаго вреда для здоровья. Плачевныя слѣдствія неумѣреннаго труда становятся особенно ощутительными на склонѣ лѣтъ, но тогда бываетъ уже поздно вернуть растраченное здоровье. Наилучшимъ и простѣйшимъ средствомъ для того, чтобы не перепутать въ трудѣ предѣловъ умѣренности, служитъ обязательный, періодически-правильный, повторяющійся отдыхъ отъ него. Такимъ врачебнымъ умѣрителемъ труда и являются воскресные дни, учрежденіе которыхъ нужно признать однимъ изъ величайшихъ благъ, данныхъ небомъ трудящемуся человѣку, и благоразумное пользованіе которыми можетъ лучше поддержать и надежнѣе сохранить здоровье человѣка, нежели многія гигіеническія мѣры.

Для всѣхъ тѣхъ, которые покушенія на неприкосновенность праздничнаго покоя оправдываютъ важными будто бы требованіями личнаго и народнаго благосостоянія и государственной экономіи, мы укажемъ на Англію. Она служитъ живымъ укоромъ и безпощаднымъ обличителемъ всѣхъ подобныхъ экономистовъ. Въ Англіи не только тяжелыя, но и *всѣ* вообще работы въ воскресенье прекращаются, за исключеніемъ совершенно необходимыхъ, вродѣ приготовленія пищи: не говоря о судебныхъ и административныхъ мѣстахъ, учебныхъ заведеніяхъ, банкахъ и конторахъ, всѣ театры, концертныя залы и другія зрѣлищныя мѣста закрыты на весь день; болѣе шести седьмыхъ лавокъ заперты, ѣзда въ экипажахъ, омнибусахъ и на желѣзныхъ дорогахъ сокращается вчетверо; на заводахъ и фабрикахъ производство или прекращается, или происходитъ въ возможно малыхъ размѣрахъ; всѣ мастерскія пусты; въ Лондонѣ не бываетъ ни разноски, ни пріема писемъ, въ другихъ мѣстахъ почтовая дѣятельность ограничена двумя-тремя часами. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого многолюдства, шума, движенія, жизнь такъ не кипитъ, какъ въ Лондонѣ въ будничный день, а въ воскресенье въ этомъ всемірномъ рынкѣ тишина, онъ будто заснулъ.

Какія же послѣдствія этого? Находятся ли тамъ въ упадкѣ промышленность, торговля, наука, финансы, какъ было бы можно ожидать? Гдѣ фабричная, заводская и ремесленная промышленность достигла образцоваго совершенства? Въ Англіи. Какое государство первенствуетъ въ Европѣ въ дѣлѣ изобрѣтенія и производства машинъ, въ судостроеніи, въ устройствѣ путей сообщенія и мореходствѣ? Англія. Какая страна ведетъ всемірную, въ полномъ смыслѣ слова, торговлю? Англія. Куда стекаются богатства со всѣхъ концовъ земли? въ Англію. Гдѣ образованность и науки, и въ частности политическая экономія и всѣ практическія отрасли знанія, стоятъ на высокой степени развитія? Опять-таки въ Англіи. (Сост. по брош. „О праздн. воскрес. дня“, проф. Моск. Духовн. Ак. А. Бѣляева).

4. Грѣшно предаваться безумному веселію въ дни праздничные.

Однажды преподобный Нифонтъ видѣлъ духовными очами, что около тридцати мужей собрались итти въ церковь на славословіе имени Божія; и вотъ бѣсъ, въ видѣ эѳіопа, подошелъ къ нимъ, началъ шептать нѣкоторымъ что-то на ухо, и эти тотчасъ омрачились лицомъ, начали безстыдно смѣяться, срамословить и пѣть пѣсни, забывъ про храмъ Божій. Потомъ встрѣтился имъ музыкантъ, и многіе пошли за нимъ, а тѣхъ, которые не хотѣли, бѣсъ тянулъ насильно, и всѣ шли съ пѣніемъ и пляскою. Блаженный Нифонтъ, видя все это духовными очами, съ сердечною скорбію воскликнулъ: „о, горе приносящимъ чрезъ игры бѣсамъ жертвы!“ Съ тѣхъ поръ онъ строго заповѣдывалъ своимъ ученикамъ, да блюдутся отъ скверныхъ и безчинныхъ игръ, ибо они отъ діавола суть (Чет.-Мин. 23 декабря).

5. Кто праздники почитаетъ, того Богъ благословляетъ.

Жилъ въ Константинополѣ одинъ благочестивый старецъ Николай. Онъ наблюдалъ всѣ праздники святые и особенно почиталъ день ангела своего, святителя Николая чудотворца, и въ этотъ день всегда, бывало, не только въ церковь Божію ходилъ, но и приносилъ туда что-нибудь, напримѣръ: свѣчи, масло, да и бѣднымъ раздавалъ милостыню. А разъ какъ-то у него дошло до того, что ему совсѣмъ нечего было принести въ церковь на праздникъ, потому что денегъ совсѣмъ у него не было. Вотъ онъ толковалъ, толковалъ съ благочестивою женою своею, какъ имъ быть въ праздникъ, и рѣшили, наконецъ, такъ: продать коверъ, который жена вышила своими руками, и на вырученныя деньги купить, что нужно для праздника. Взялъ почтенный старецъ коверъ и пошелъ продавать. Это было наканунѣ праздника. На дорогѣ встрѣчается съ нимъ какой-то старецъ и спрашиваетъ: „куда ты, другъ мой, идешь и зачѣмъ?“ — „Да вотъ,“ говоритъ Николай, „иду коверъ продавать, деньги нужны“. Старецъ продолжалъ: „а что бы ты взялъ за коверъ?“ — „Да прежде онъ стоилъ восемь золотыхъ,“ отвѣчалъ простодушный Николай, „а теперь кто что дастъ!“ — „Возьмешь ли за него шесть золотыхъ?“ — спрашиваетъ старецъ. — „Съ радостію“, отвѣчалъ Николай. Тѣмъ дѣло и кончилось: у Николая въ рукахъ шесть золотыхъ, у старца коверъ. А, между тѣмъ, въ то время, какъ Николай закупалъ, что нужно было для праздника, таинственный старецъ явился съ ковромъ къ женѣ Николая и, отдавая коверъ ей, сказалъ: „мужъ твой, старинный пріятель мой, встрѣтившись со мною, просилъ меня отдать тебѣ этотъ коверъ, — такъ возьми же“, — сказалъ и ушелъ. Жена крѣпко было разобидѣлась на мужа: ей въ голову пришло, что онъ дорогой раздумалъ пожертвовать коверъ на праздникъ, и когда воротился онъ домой, она пустилась упрекать его за это. Мужъ съ изумленіемъ слушалъ ее и показывалъ ей и масло, и вино, и просфоры, купленныя имъ на деньги за проданный коверъ, да еще много оставшихся денегъ. Удивлялась и жена, слушая мужа, и, когда они описали другъ другу видъ этого старца, то не могли не догадаться, что это былъ самъ святитель Николай. Такъ вотъ что значитъ святить дни праздничные! — Или вотъ еще другой случай: былъ въ Константинополѣ юноша, до того разслабленный, что не только не могъ ходить, но даже съ трудомъ ползалъ по землѣ. Видя, что народъ идетъ въ церковь со свѣчами на праздникъ угодника Божія Николая, и онъ тоже купилъ себѣ свѣчу и поползъ къ церкви. Вотъ онъ ползетъ, и на дорогѣ попадается ему самъ угодникъ Божій, и спрашиваетъ его: кто онъ, куда и зачѣмъ идетъ? Когда убогій далъ ему отвѣтъ, святитель Николай велѣлъ ему за собою ползти въ церковь. Бѣдный приползъ, поставилъ свѣчу предъ образомъ святителя Николая и началъ молиться, потомъ, всматриваясь въ образъ, онъ замѣтилъ, что точно такого же вида старецъ встрѣтился съ нимъ на пути. Вотъ онъ со слезами началъ просить себѣ помощи у угодника, и суставы его начали мало-по-малу разгибаться: онъ уже могъ вставать на ноги, а когда онъ помазался масломъ отъ лампады, горѣвшей предъ образомъ святителя, то и совершенно выздоровѣлъ... Вотъ что значитъ, возлюбленные, почитать святые праздники! Кто свято ихъ почитаетъ, того и Богъ никогда не оставляетъ! (См. „Троицк. лист.“ № 25).

6. Примѣры усерднаго посѣщенія храмовъ Божіихъ.

I. Преп. Ѳеодоръ Сикеотъ съ раннихъ лѣтъ началъ обнаруживать любовь къ церкви Божіей. Въ особенности онъ любилъ ходить въ храмъ великомученика Георгія, живописно стоявшій на уединенной горѣ, довольно далеко отъ дома Маріи, матери Ѳеодора.

Будучи восьми лѣтъ, Ѳеодоръ, обучаясь въ училищѣ, не ходилъ домой обѣдать, особенно въ великопостные дни, но обыкновенно отправлялся въ свою любимую церковь молиться Богу; уже вечеромъ возвращался онъ къ матери и тогда уже принималъ пищу. Мать нѣсколько разъ строго приказывала ему приходить домой къ обѣду, но юный отрокъ трапезу духовную предпочиталъ трапезѣ тѣлесной, и тѣлесное обученіе освящалъ благочестіемъ, которое на все полезно.

Бывало, всѣ домашніе спятъ глубокимъ сномъ, а Ѳеодоръ встанетъ съ первымъ проблескомъ зари и уйдетъ въ свою церковь на утреннія молитвы: его влекла туда любовь къ святому великомученику Георгію. Въ ночное время, на пути въ церковь, приходилось ему видѣть страшныя привидѣнія, въ видѣ свирѣпыхъ звѣрей, устремлявшихся на него съ ревомъ и визгомъ, а онъ шелъ себѣ смѣло и ничего не боялся: онъ вѣрилъ, что ему, съ копьемъ въ рукахъ, сопутствуетъ великомученикъ Георгій.

Случалось, что мать и прочія женщины, желая отклонить Ѳеодора, чтобы онъ не ходилъ въ церковь до разсвѣта, разсказывали ему, будто по ночамъ ходитъ волкъ и пожираетъ всѣхъ встрѣчныхъ, но женскіе разсказы не могли удержать его дома, — онъ непремѣнно уйдетъ въ церковь, такъ что, покоясь крѣпкимъ сномъ, домашніе и не замѣтятъ его ухода.

Однажды, Марія, проснувшись рано утромъ и не заставъ сына въ постели, съ гнѣвомъ побѣжала въ церковь, извлекла его оттуда за волосы, и во весь день продержала при себѣ, а на ночь привязала къ кровати. Но св. Георгій предсталъ въ ночномъ видѣніи предъ Маріею, обнажилъ мечъ и грозилъ ей отсѣчь голову, если она впредь будетъ препятствовать сыну ходить въ церковь.

Четырнадцати лѣтъ отъ роду Ѳеодоръ совершенно оставилъ родительскій домъ и началъ жить въ пещерѣ, которую выкопалъ близъ церкви св. Георгія, чтобы удобнѣе посѣщать любезный ему домъ молитвы. Восемнадцати лѣтъ онъ рукоположенъ былъ въ священника и началъ совершать безкровную жертву, достойно предстоя алтарю Господню. Такъ протекли дѣтскіе и отроческіе годы св. Ѳеодора. Сколько здѣсь уроковъ для нынѣшнихъ дѣтей, которыя лѣнятся ходить въ храмъ Божій, подъ предлогомъ малолѣтства, слабости тѣла, отдаленности отъ церкви, непогоды и другихъ препятствій! („Чет.-Мин.“).

II. Примѣръ самаго живого усердія къ посѣщенію храма Божія и явленной за то помощи Божіей мы находимъ и въ житіи св. Порфирія, еп. газскаго. Св. Порфирій съ 25 лѣтъ оставилъ родительскій домъ и посвятилъ себя иноческой жизни. Пять лѣтъ онъ жилъ въ одномъ скиту, потомъ перешелъ въ окрестности Іерусалима и поселился въ одной пещерѣ. Здѣсь онъ тяжко заболѣлъ и, при содѣйствіи одного инока, прибылъ въ Іерусалимъ. Въ Іерусалимѣ, несмотря на свою болѣзнь, онъ каждый день обходилъ св. мѣста, и когда не могъ итти ногами, то ползалъ на колѣнахъ, но не пропускалъ ни одного дня, чтобы не побывать въ храмѣ Воскресенія, гдѣ находилось древо животворящаго креста. За такую любовь къ святынѣ храма Господь вознаградилъ св. Порфирія внезапнымъ чудодѣйственнымъ исцѣленіемъ. Объ этомъ св. Порфирій такъ разсказывалъ: „былъ я на всенощной службѣ въ церкви Воскресенія и отъ сильной боли легъ у св. Голгоѳы и впалъ въ забытье; вдругъ я увидѣлъ Спасителя, пригвожденнаго на крестѣ, и на другомъ крестѣ одного висѣвшаго съ Нимъ разбойника; я сталъ звать: „помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Своемъ!“ Спаситель сказалъ разбойнику: „сойди со креста и исцѣли его отъ болѣзни тѣлесной, какъ я исцѣлилъ тебя отъ болѣзни душевной“. Разбойникъ сошелъ со креста, обнялъ меня, поцѣловалъ и, поднявъ съ земли, сказалъ: „приди ко Спасителю“. Я подошелъ къ Господу и увидѣлъ, что Онъ сошелъ съ креста и сказалъ мнѣ: „пріими это древо и храни его“. Я взялъ крестъ Христовъ, и когда пришелъ въ себя, то нашелъ себя совершенно здоровымъ“... Вскорѣ Порфирій былъ посвященъ въ пресвитера, и ему поручено было храненіе бывшей въ то время въ Іерусалимѣ части животворящаго креста Господня въ золотомъ ковчегѣ. Чрезъ три года св. Порфирій былъ посвященъ во епископы города Газы (По „Чет.-Мин.“ 26 февр.).

III. Въ жизни препод. Маркіана повѣствуется, что въ одинъ праздникъ, когда въ храмѣ было огромное стеченіе народа, одна женщина, не найдя себѣ мѣста въ самомъ храмѣ, взобралась на кровлю его, откуда по неосторожности упала и убилась до смерти. Но Господь за ея усердіе явилъ ей Свою милость: по молитвамъ св. Маркіана ей тутъ же возвращена была жизнь („Чет.-Мин.“ 10 янв.).

IV. Изъ житія преп. Исаака Сирина извѣстно слѣдующее обстоятельство: переходя однажды изъ Сиріи чрезъ городъ Споломану, онъ зашелъ въ церковь и просилъ, чтобы по окончаніи богослуженія ему дозволено было остаться въ храмѣ. Тамъ онъ молился непрестанно и безъ изнеможенія около трехъ сутокъ. („Чет.-Мин.“ 12 апр.).

А мы, къ стыду своему, должны сознаться, что тяготимся иногда прочитать молитвы утреннія и вечернія и выслушать безъ усталости всю утреню и литургію. Это отъ того, что мы не имѣемъ любви къ Богу, а если бы имѣли ее, то имѣли бы охоту и къ молитвѣ.

7. Примѣръ духовной пользы посѣщенія храмовъ Божіихъ.

Однажды блаженный Павелъ пришелъ въ сосѣднюю обитель. Въ это время звонили къ вечернѣ. Павелъ, никуда не заходя, пошелъ прямо въ церковь и сталъ у порога. Мимо него шла вся братія на богослуженіе. Павелъ былъ мужъ прозорливый: онъ видѣлъ, что всѣ иноки входили въ храмъ съ веселымъ видомъ, и каждаго изъ нихъ сопровождалъ ангелъ-хранитель. Послѣ всѣхъ вошелъ инокъ разстроенный, съ унылымъ видомъ, злой духъ влекъ его назадъ за край одежды, а ангелъ-хранитель шелъ поодаль ихъ и весьма о чемъ-то печалился. Видя это, Павелъ прослезился. По окончаніи богослуженія, когда всѣ монахи обратно проходили мимо Павла, Павелъ видитъ, что всѣхъ радостно сопровождаютъ ангелы ихъ, даже и разстроеннаго того инока ангелъ съ веселымъ видомъ велъ за руку изъ церкви. Остановя этого инока, Павелъ сказалъ: „скажи всѣмъ намъ, собратъ нашъ, какая перемѣна съ тобою совершилась сегодня во время богослуженія?“ Всѣ иноки остановились вокругъ ихъ. Спрошенный инокъ, видя, что Павелъ мужъ прозорливый, и что скрыть отъ него ничего нельзя, откровенно началъ говорить такъ: „всей братіи извѣстно, что я до сегодняшняго дня былъ человѣкъ порочный, слабый, но сегодня, стоя въ церкви, я услышалъ слова пророка Исаіи: „измыйтеся — и чисти будете, отъимите лукавства отъ душъ вашихъ; научитесь добро творить. И аще будутъ грѣхи ваша яко багряны, яко снѣгъ убѣлю, аще же будутъ яко червлены, яко волну убѣлю“. Эти слова до того укорили мою совѣсть, что я съ умиленіемъ воскликнулъ: „Боже милосердный! пріими меня кающагося; съ сего времени обѣщаюсь и клянусь, что не сдѣлаю предъ Тобою зла и буду служить Тебѣ въ чистотѣ совѣсти. Вотъ что сегодня было со мною въ храмѣ“, сказалъ инокъ. („Четьи-Мин.“ 4 октября).

8. Работа въ праздники не имѣетъ благословенія Божія и не приноситъ пользы.

Въ одной деревнѣ жилъ бѣдный человѣкъ, по имени Яковъ, который съ трудомъ, но честно едва прокармливалъ свою жену и трехъ дѣтей. Водяная мельница, на которой онъ работалъ въ продолженіе цѣлыхъ шести дней, принадлежала господину В., богатому, своекорыстному человѣку, который вездѣ, гдѣ только могъ, наблюдалъ только свою собственную выгоду. Онъ слишкомъ много требовалъ отъ своихъ работниковъ и даже по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ не приказывалъ останавливать мельницы. Изъ всѣхъ его работниковъ только одинъ Яковъ не хотѣлъ нарушать заповѣдь Божію относительно воскреснаго дня, но за это долженъ былъ безмолвно и покорно переносить весьма много насмѣшекъ и угрозъ.

Однажды заболѣлъ главный работникъ, который и по праздничнымъ днямъ всегда работалъ на мельницѣ, и поэтому вечеромъ, наканунѣ праздника, хозяинъ объявилъ Якову, что на слѣдующій день онъ долженъ замѣнить больного. Когда же Яковъ возразилъ, что совѣсть не позволяетъ ему нарушить четвертую заповѣдь Божію, то господинъ сильно разсердился и сказалъ съ гнѣвомъ: „береги про себя свои правила и убѣжденія, а я не хочу ничего знать! Или завтра ступай на работу, или же убирайся отъ меня прочь“, и съ этими словами ушелъ. Было около одиннадцати часовъ; съ полночи Яковъ долженъ былъ начать свою воскресную работу, и только оставался ему одинъ часъ на размышленіе и рѣшеніе.

Якову не съ кѣмъ было посовѣтоваться, и онъ одинъ ходилъ взадъ и впередъ по мельницѣ, моля Господа Бога наставить и просвѣтить его.

Уже приближался двѣнадцатый часъ и съ нимъ вмѣстѣ минута рѣшенія, а онъ все еще колебался. Образъ жены и дѣтей, дальнѣйшая будущность которыхъ зависѣла отъ его рѣшенія, живо представился ему. Долженъ ли онъ ради своихъ убѣжденій лишить ихъ хорошей квартиры и теплаго пріюта? Слабыя чувства человѣческія боролись въ его душѣ съ добросовѣстностью христіанина. Въ то время, когда онъ стоялъ въ мучительной нерѣшимости, положивъ руку на рычагъ, которымъ долженъ былъ поднять или опустить шлюзъ, вдругъ раздались въ его сердцѣ, и онъ какъ бы слышалъ, многозначительныя слова: „помни день субботній, еже святити его“ (Исх. XX, 8).

Тогда быстро оставилъ онъ рычагъ, и черезъ нѣсколько секундъ все было тихо. Мельница остановилась. Яковъ заперъ дверь и пошелъ домой.

Когда на другой день, въ воскресенье, хозяинъ узналъ, что Яковъ боялся больше Бога, нежели его, то сильно разгнѣвался и тотчасъ же отказалъ ему отъ мѣста, прибавляя, чтобы онъ въ понедѣльникъ утромъ выбрался изъ домика, который онъ ему далъ для житья.

Печально и съ сокрушеннымъ сердцемъ разсказалъ Яковъ своей женѣ о случившемся, но она не унывала, одобрила христіанскую вѣрность своего мужа и сквозь слезы сказала ему: „утѣшься, мой другъ, потому что ангелы Господни окружаютъ тѣхъ, которые боятся Господа, и помогаютъ имъ“.

„Благодарю тебя, дорогая жена,—сказалъ Яковъ,—за эти прекрасныя слова! Дѣйствительно, это правда, и псалмопѣвецъ говоритъ: „юнѣйшій быхъ, и состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмене его просяща хлѣба“ (Пс. XXXVI, 25).

Между тѣмъ, какъ они взаимно напоминали другъ другу объ обѣщаніяхъ Божіихъ, сердца ихъ укрѣпились, и предстоящее горе и печаль облегчились тихою надеждою и непоколебимою вѣрою. Но теперь нужно было подумать и посовѣтоваться о новомъ жилищѣ, потому что въ этотъ же день они должны были оставить домикъ, принадлежавшій ихъ хозяину. Яковъ, съ согласія жены, пошелъ къ священнику, разсказалъ ему свое печальное положеніе и просилъ пастырскаго его совѣта, зная его любовь къ своимъ прихожанамъ. Священникъ радовался, что могъ помочь доброму человѣку, и сказалъ Якову, что два дня тому назадъ былъ у него одинъ богатый человѣкъ, имѣвшій свою мельницу, и просилъ его посовѣтовать ему надежнаго и честнаго работника. „Мѣсто какъ разъ годится для тебя“, прибавилъ священникъ, „пойдемъ къ мельнику и поговоримъ окончательно“. Все устроилось какъ нельзя лучше. Въ общей искренней молитвѣ вознесли всѣ благодарность Творцу за Его безпредѣльныя щедроты. И, дѣйствительно, благословеніе Божіе было на нихъ. Положеніе ихъ видимо улучшалось, и когда, спустя нѣсколько лѣтъ, владѣтель мельницы умеръ, и мельница была продана, то Якову съ помощію его бережливости удалось открыть маленькую лавочку, и какъ всѣмъ онъ былъ извѣстенъ за честнаго и добросовѣстнаго человѣка, то вскорѣ къ нему обратились всѣ покупатели деревни, и торговля его имѣла большой успѣхъ. Но это не измѣнило Якова, онъ по-прежнему всякому, кто приходилъ въ его лавку, услуживалъ съ честною точностью и усердіемъ.

Въ это время господинъ В. круглый годъ содержалъ свою мельницу въ постоянномъ движеніи. Уже прошло около восьми лѣтъ со времени увольненія Якова, когда однажды въ кругу своихъ друзей онъ говорилъ: „не глупъ ли былъ бы я, если бы пропускалъ даромъ 52 воскресныхъ, да почти столько же праздничныхъ дней, тогда какъ каждый день мельница приноситъ мнѣ видимую выгоду и барышъ?“

„Но возьмите во вниманіе, что Господь самъ повелѣлъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ отдыхать и успокоиваться отъ трудовъ“, раздался отвѣтъ одного изъ друзей. „Ахъ, не говорите мнѣ о вашихъ религіозныхъ мнѣніяхъ!—я ихъ никогда не признавалъ и не буду признавать“, отвѣтилъ господинъ В., нетерпѣливо отворачиваясь.

Черезъ три дня послѣ этого разговора, ночью передъ воскресеньемъ случилось, что работникъ, находящійся на мельницѣ господина В., заснулъ. Во время его сна верхній хлѣбный ящикъ опустѣлъ, и черезъ то движеніе камней необыкновенно ускорилось, такъ что они отъ быстраго, безпрерывнаго тренія раскалились. Искры сыпались во всѣ стороны, и скоро вся мельница загорѣлась. Работникъ, бывшій въ третьемъ этажѣ, продолжалъ спокойно спать. Огонь быстро распространялся и скоро обнялъ все строеніе, и несчастный работникъ сдѣлался самъ жертвою пламени.

Съ потерею мельницы господинъ В. потерялъ почти все свое состояніе. У него была жена и дѣти, которыя вмѣстѣ съ нимъ сдѣлались несчастными. Но, для него не было теперь того успокоительнаго упованія и той преданности волѣ Божіей, какими обладалъ преслѣдуемый имъ Яковъ. Въ это печальное время встрѣтилъ онъ однажды Якова, дѣла и торговля котораго были въ хорошемъ состояніи. Господинъ В. прежде недружелюбно былъ расположенъ къ человѣку, котораго онъ, какъ самъ чувствовалъ, когда-то оскорбилъ, но теперь горе смирило его, и онъ невольно остановился и ласково поклонился прежнему своему работнику. Яковъ дружелюбно отвѣчалъ на его поклонъ и выразилъ предъ нимъ свое сердечное участіе въ его несчастіи. „Очень благодаренъ тебѣ за сочувствіе,—сказалъ господинъ В.,—и вѣрь мнѣ, что я очень часто раскаиваюсь въ своемъ прежнемъ поступкѣ и поведенiи противъ тебя! Въ послѣднее время часто я думалъ о работѣ въ праздники и, наконецъ, пришелъ къ тому убѣжденiю, что она мнѣ не принесла никакой пользы, потому что не было благословенiя Божiя.“—„Да,—сказалъ Яковъ строгимъ голосомъ,—такая работа не принесетъ никому пользы. Господь, создавши насъ, далъ намъ законы и правила, которые должны управлять нашею жизнiю и нашими обязанностями; при устройствѣ нашего временнаго благополучiя, мы не можемъ нарушать этихъ заповѣдей, не вредя своему счастiю и не подвергая свою жизнь опасности. Наказанiе не бываетъ всегда видимо, за каждымъ разомъ нарушенiя заповѣди, но его непремѣнно ожидать нужно, и напротивъ, благословенiе Божiе неразрывно съ трудомъ честнымъ и благочестивымъ“. Господинъ В. выслушалъ все спокойно и сказалъ: „твоя правда, жалѣю, что я раньше въ этомъ не убѣдился. Теперь я вижу, что нѣтъ мнѣ благословенiя на трудъ мой, и я по дѣламъ несчастливъ“.

„Не унывайте,—сказалъ Яковъ, стараясь всячески утѣшить бѣднаго господина, и въ опытахъ своей жизни указалъ ему на милосердiе Божiе, которое не разъ ему помогало въ его нуждахъ и печали. Потомъ онъ спросилъ господина В., что онъ теперь думаетъ дѣлать, и когда тотъ откровенно высказалъ ему свое безпомощное положенiе, то Яковъ предложилъ ему участiе въ своей собственной торговлѣ, которая въ теченiе года такъ увеличилась, что онъ самъ одинъ не могъ управиться и желалъ имѣть себѣ помощника. Невыразимая ласковость, съ какою было сдѣлано предложенiе, была искренняя, и господинъ В. сказалъ растроганнымъ голосомъ: „отъ души благодарю тебя за твое предложенiе и съ радостiю и благодарностiю принимаю его, Господь да наградитъ тебя за твои добрыя дѣла, я же до конца жизни не забуду твоего благодѣянiя“.

Черезъ нѣсколько дней господинъ В. былъ помощникомъ человѣка, котораго онъ къ стыду своему ранѣе выгналъ изъ своей мельницы, не за проступокъ какой-нибудь, а за доброе дѣло. Но это послужило въ его пользу и принесло ему благополучiе и благословенiе.

Господинъ В. до этихъ поръ почти никогда не посѣщалъ храма Божiя, теперь онъ началъ съ усердiемъ читать свящ. писанiе и сталъ исправно ходить въ церковь. Душа его обратилась къ божественной истинѣ, и онъ сдѣлался „новымъ человѣкомъ во Христѣ Iисусѣ“. Старость его была гораздо счастливѣе молодости, потому что онъ въ добродѣтели нашелъ источникъ утѣшенiя и благополучiя и никогда уже не стыдился признаваться, что „воскресная и праздничная работа не приноситъ никакой пользы и не имѣетъ благословенiя Божiя“ („Воскр. чт.“ 1867 г., № 44).

9. Праздники — дни Божiи, а не наши.

Нельзя не сознаться, что тяжела и безотрадна стала жизнь наша въ послѣднее время. Нѣтъ того года, чтобы Господь не посѣтилъ насъ какимъ-либо несчастiемъ: то неурожаемъ хлѣба, то падежомъ скота, то продолжительными засухами, то разными болѣзнями. За что Господь караетъ насъ? А караетъ Онъ за грѣхи наши, за неисполненiе заповѣдей Божiихъ и непочитанiе праздниковъ. А что это такъ, вполнѣ подтверждаетъ исторiя.

Въ царствованiе греческаго императора Юстинiана, въ послѣднихъ числахъ октября, въ Константинополѣ и окрестныхъ странахъ открылось моровое повѣтрiе и свирѣпствовало столь сильно, что людей умирало тысячъ до десяти ежедневно, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказалось такое запустѣнiе, что некому было погребать умершихъ. А въ Антiохiи, кромѣ этой язвы, продолжались ужасныя землетрясенiя, нѣсколько разъ повторявшiяся, разрушавшiя дома и церкви, и множество народа погибало подъ ихъ развалинами. Устрашенные этими бѣдствiями, христiане обратились къ Господу съ покаянiемъ и молитвою о помилованiи. И что же?—Господь открылъ одному угоднику Своему, мужу благочестивому, что христiане наказываются Богомъ за неисполненiе заповѣдей Господнихъ и непочитанiе праздниковъ, въ особенности же праздника Срѣтенiя Господня. Для избавленiя же себя отъ бѣдъ, они должны исполнять заповѣди Божiи и торжественно праздновать день Срѣтенiя Господня. И вотъ, какъ только 2 февраля начали совершать всенощное бдѣнiе съ крестнымъ ходомъ, въ тотъ часъ язва миновала, моръ прекратился и землетрясенiе утихло.—Вотъ за что наказываетъ насъ Господь различными бѣдствiями! За грѣхи наши и преимущественно за непочитанiе праздниковъ... Въ самомъ дѣлѣ, какъ проводятся у насъ праздники Божiи? Въ служенiи ли

Богу? Къ сожалѣнію, нѣтъ: они проводятся нами въ служеніи не Богу, а грѣху, они посвящаются нами не на славословіе Бога, не на добрыя дѣла, а на пьянство, разгулъ, сквернословіе и т. п. Сходить въ церковь въ праздникъ—некогда! Одинъ часъ удѣлить Богу—намъ недосужно! Какіе же послѣ этого мы христіане? Вѣримъ ли мы Христу, Спасителю нашему?—Господь милосердый знаетъ немощи наши, знаетъ, что нельзя намъ жить на землѣ безъ хлѣба насущнаго, и потому цѣлыхъ шесть дней въ недѣлѣ отдалъ намъ на дѣла наши земныя: *шесть дней дѣлай* свои дѣла, говоритъ Онъ, а *седьмый день* — одинъ только день въ недѣлѣ, отдай *Господу Богу твоему.* А мы и этотъ день не хотимъ отдать Ему, и этотъ Божій день на себя хотимъ употребить... Будетъ ли послѣ этого Божіе благословеніе на насъ грѣшныхъ и на нашихъ дѣлахъ? Напротивъ, не постигнетъ ли насъ гнѣвъ Божій, праведно на ны движимый?.. Вотъ нѣсколько примѣровъ наказанія Божія за непочитаніе св. праздниковъ.

Въ житіи свв. муч. Бориса и Глѣба разсказывается слѣдующее: въ городѣ Дорогобужѣ одна женщина работала въ домѣ своемъ въ день святителя Христова Николая, и явились ей святые страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ, грозно запрещая ей и говоря: „зачѣмъ работаешь въ день святого отца Николая? Развѣ не знаешь, что Господь не терпитъ безчестія угодниковъ Своихъ?“ Сказавши это, они разметали ту хижину, въ которой жила женщина, а сама она отъ страха сдѣлалась какъ бы мертва, потомъ едва пришла въ себя и цѣлый мѣсяцъ была больна. Въ болѣзни этой у ней изсохла рука и оставалась такою три года, пока не была исцѣлена тѣми же святыми мучениками, Борисомъ и Глѣбомъ.

Въ 1603 году, въ Перемышльскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, въ селѣ Торкахъ жила помѣщица Быковская, державшаяся лютеранской ереси. Какъ лютеранка, она относилась съ пренебреженіемъ къ праздникамъ православной церкви, и вотъ, однажды, въ праздникъ Преображенія Господня. она приказала своимъ слугамъ отправиться на поле жать рожь. Напрасно слуги упрашивали свою госпожу не оскорблять праздника Господня; она настояла на своемъ приказаніи, и слуги должны были повиноваться. Скоро и сама Быковская прибыла на поле и, обратившись къ жнецамъ, сказала насмѣшливо: „вотъ, вы хотѣли украсть у меня этотъ день со своимъ Спасомъ“. Едва только она успѣла произнести эти богохульныя слова, какъ, вдругъ, несмотря на стоявшую дотолѣ прекрасную погоду, поднялась страшная буря съ сильнымъ громомъ и молніею, отъ которой въ одно мгновеніе сгорѣла на полѣ Быковской вся рожь, какъ сжатая уже, такъ и стоявшая еще на корнѣ. Пораженная этимъ, Быковская дала публично обѣщаніе на будущее время не нарушать святости православныхъ праздниковъ, а бывшіе свидѣтелями совершившагося чуда православные слуги Быковской прославили Бога, сохранившаго честь святого праздника и посрамившаго еретичку.

Въ 1630 году, въ одной изъ деревень Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губерніи, одинъ землевладѣлецъ, державшійся католической вѣры, приказалъ своему работнику, православной вѣры, въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы выйти на поле пахать. Слуга отказывался исполнить приказаніе своего хозяина, замѣтивъ ему: „господинъ! сегодня у насъ на Руси великій праздникъ, въ который не слѣдуетъ работать, а потому я не могу повиноваться твоему приказанію!“ Но господинъ принудилъ его запрячь воловъ и выйти въ поле, куда скоро прибылъ и самъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ. Увидѣвъ, что слуга стоитъ въ полѣ безъ всякой работы, раздраженный хозяинъ сталъ бранить его скверными словами и богохульно отзываться о святости праздника Благовѣщенія. Но вѣрный сынъ церкви православной сказалъ своему господину: „позволяю, если хочешь, убей меня, но я все же не стану работать въ этотъ святой день“. Тогда озлобленный хозяинъ самъ сталъ работать съ сыномъ; а слуга отправился въ деревню. Едва онъ успѣлъ сойти съ поля своего хозяина, какъ поднялась страшная буря съ вихремъ и скрыла съ его глазъ работавшихъ на полѣ хозяина и сына, равно какъ воловъ и соху. Испуганный слуга поспѣшилъ въ деревню и разсказалъ обо всемъ народу. Всѣ отправились на поле, но никого не нашли тамъ: оскорбители святого праздника исчезли навсегда безслѣдно. (Изъ записокъ Петра Могилы, митр. кіевскаго).

Помни, христіанинъ, всегда эти разсказы и бойся работать въ праздничные дни, а тѣмъ болѣе бойся оскорблять святые дни пьянствомъ, разгуломъ и тому подобными непристойными дѣлами. Праздникъ—Божій день, Богу его и отдай. Непремѣнно сходи въ церковь Божію, помолись поусерднѣе, дай душѣ своей отдохнуть — подышать чистымъ воздухомъ молитвы церковной, дай сердцу твоему ощутить близость благодатной святыни, дай помысламъ твоимъ оторваться отъ суеты земной хоть на нѣсколько часовъ... И повѣрь, ты вернешься домой изъ храма Божія со свѣжими силами, и тутъ-то увидишь, сердцемъ почувствуешь всю ложь и неправоту тѣхъ отговорокъ, какія подсказывалъ врагъ твоей лѣности, чтобы отклонить тебя отъ посѣщенія храма Божія...

10. О наказаніи Божіемъ за непочтеніе воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Въ селѣ Березовскомъ съ прихожаниномъ моимъ крестьяниномъ Шишкинской волости, деревни Чечеринской, Василіемъ Метелевымъ, случилось слѣдующее поучительное событіе, разсказываетъ мѣстный священникъ.

1878 года 30 ноября я былъ приглашенъ для напутствованія Василія Метелева въ домъ его, гдѣ сосѣди и домашніе его хлопотали надъ нимъ. Когда я спросилъ его: „что съ нимъ случилось?“ онъ отвѣчалъ: „меня постигло наказаніе Божіе за то, что я занимаюсь дѣланіемъ гармоникъ въ воскресные и праздничные дни; въ это время и самъ не хожу въ церковь къ обѣднѣ, да и другихъ отвлекаю, такъ какъ тогда изъ разныхъ селеній собирается ко мнѣ много молодежи для заказа и поправки испорченныхъ гармоникъ“. Къ этому присовокупилъ: „три дня тому назадъ я видѣлъ вотъ какой замѣчательный сонъ: будто я прохожу по своей деревнѣ, играя на гармоникѣ, подъ тактъ которой припѣваю и приплясываю, навстрѣчу мнѣ идутъ два среднихъ лѣтъ мужа (едва ли это не мѣстночтимые св. безсребреники и чудотворцы Косма и Даміанъ, память которыхъ всѣ прихожане торжественно празднуютъ 1 ноября) въ хорошихъ священническихъ ризахъ; проходя мимо ихъ, я не поклонился имъ и не остановился играть. Одинъ изъ нихъ очень похожъ на тебя, батюшка, и подъ ризой у него подрясникъ такой же цвѣтомъ, какъ теперь на тебѣ; онъ обернулся ко мнѣ, погрозилъ мнѣ пальцемъ и гнѣвно сказалъ: „за то, что ты постоянно играешь и дѣлаешь гармоники въ воскресные и праздничные дни и не приходишь въ церковь, чрезъ три дня въ малой избѣ вашей случится съ тобою несчастіе!“ Послѣ этихъ словъ я палъ на колѣна, перекрестился и сказалъ ему: „отселѣ я даю обѣщаніе не только никогда не дѣлать гармоникъ, но и не играть на нихъ“. Тотчасъ послѣ этого въ ужасѣ пробудился я отъ такого страшнаго сна и разсказалъ этотъ сонъ сперва своей женѣ, а потомъ и матери. Вотъ сегодня точно исполнилось три дня со времени того самого сна, и когда съ вечера я легъ спать въ этой малой избѣ, то вдругъ у меня начало корчить пальцы одинъ за другимъ, сначала на правой рукѣ, потомъ на лѣвой, сильно пригибало ихъ къ ладонямъ, потомъ, наконецъ, и всего меня стало гнуть такъ, что я сдѣлался безъ ума. Домашніе и сосѣди отливали меня водой во все время, пока ѣздили за вами, батюшка. Если же Господь исправитъ меня, то я даю предъ вами обѣщаніе не только никогда не играть, не плясать и не пѣть пѣсенъ подъ гармонику, но даже никогда и не дѣлать гармоній“. Послѣ того онъ вскорѣ выздоровѣлъ и обѣтъ свой выполнялъ въ точности. (См. Доброе слово, свящ. Г. Дьяченко, г. III).

11. Радѣтели святого дѣла.

(Примѣръ, достойный подражанія, въ дѣлѣ построенія храма).

Отецъ Кириллъ, благообразный старикъ съ окладистою сѣдою бородою, одѣтый по домашнему, въ сѣрый люстриновый подрясникъ, ходилъ взадъ и впередъ по своей „зальцѣ“ и былъ, по видимому, чѣмъ-то сильно взволнованъ или озабоченъ.

„Зальца“ его представляла изъ себя очень чистенькую и свѣтленькую комнатку, очень скромно убранную, съ бѣлыми кисейными занавѣсками на окнахъ и сѣрыми холстинковыми чехлами на мебели. Въ „красномъ“ углу стоялъ кіотъ съ образами, передъ которыми постоянно теплилась лампада.

Супруга отца Кирилла — „матушка“ Марья Ниловна — сидѣла у окна и, разматывая мотокъ суровыхъ нитокъ, внимательно слушала, что ей говорилъ ея „батюшка“.

— Нѣтъ, мать моя,—говорилъ, между тѣмъ, отецъ Кириллъ,— не лежитъ у меня сердце къ этому повсемѣстно принятому способу добывать средства на построеніе храма Божьяго! Нечего побираться по міру, когда у человѣка голова есть, чтобы думать, и руки, чтобы работать! Не подумай, пожалуйста, что здѣсь во мнѣ говоритъ гордость — нѣтъ, избави меня Боже отъ такого грѣха! — а только я думаю, что и Господу Богу пріятнѣе будетъ, ежели, благодаря только своему личному поту и труду, мы воздвигнемъ Ему храмъ, а не будемъ безпокоить доброхотныхъ жертвователей, которымъ у насъ на Руси и числа нѣтъ! Истинно, что никогда у насъ „рука дающаго не оскудѣетъ“, да только не надо, когда самъ можешь это сдѣлать, уповать только на „дающаго“ — не резонъ! — Ну, вотъ у насъ, въ нашемъ Успенскомъ, пришелъ въ ветхость храмъ Успенія Пресвятой Богородицы, и намъ необходимо воздвигнуть новый, чтобы было куда русскому православному человѣку зайти помолиться! Что же намъ дѣлать? Можно, конечно, при посредствѣ газетъ, просить добрыхъ людей пожертвовать свою посильную лепту на богоугодное дѣло, да вѣдь когда еще кто вышлетъ въ редакцію свое пожертвованіе, и при томъ мы не одни просимъ на построеніе храма! Прохоръ Тимоѳеевъ тоже хочетъ съ книжкой за сборомъ итти — нечего говорить! — мужикъ онъ обстоятельный, уваженія достойный, да только скоро ли онъ можетъ собрать нужную сумму? — Вѣдь и самому ему пить-ѣсть надо, а отъ земли-то своей онъ, гляди, ужъ и оторвался, и хозяйство его на оскудѣніе пошло! Сама знаешь, — домъ безъ хозяина - сирота! Долго ему ходить придется по городамъ и весямъ матушки Россіи, набирать-то онъ будетъ копеечками и грошиками, а у самого, поди, въ домѣ все вверхъ дномъ пойдетъ! — Нѣтъ! — не слѣдъ русскому человѣку отъ своей земли уходить — она его мать-кормилица! такъ пусть же онъ съ нея и на Божій храмъ лепту возьметъ!

— Какъ такъ? — удивилась Марья Ниловна.

— А очень просто, — продолжалъ отецъ Кириллъ, — говорилъ я, какъ вотъ и съ тобою теперь говорю, съ нашимъ помѣщикомъ... съ Валерьяномъ Петровичемъ... все это ему я высказалъ. И порѣшили мы на томъ, что никакихъ публикацій въ газетахъ давать не нужно, что Прохору Тимофееву лучше всего дома оставаться, а что есть на то другой способъ, чтобы новый храмъ воздвигнуть.

— Неужели же Валерьянъ Петровичъ одинъ, на свои личныя средства, хочетъ все это дѣло оборудовать? — еще разъ удивилась Марья Ниловна.

— Нѣтъ! — Сама, чай, знаешь, что онъ не изъ богатыхъ...

— Такъ какъ же тогда?

— А вотъ, слушай, мать моя, — и отецъ Кириллъ сталъ посвящать Марью Ниловну въ составленный имъ, сообща съ владѣльцемъ села Успенскаго, планъ для добычи средствъ на постройку новаго храма въ честь Успенія Пресвятой Богородицы.

Никакихъ обращеній къ доброхотнымъ жертвователямъ ни чрезъ газеты, ни чрезъ хожденіе со сборными книжками ревнующихъ по дѣлу постройки храма крестьянъ дѣлать не надобно.

Валерьянъ Петровичъ даетъ въ аренду своимъ крестьянамъ безъ всякаго за то съ ихъ стороны вознагражденія двадцать десятинъ пахотной земли и сѣмена для первоначальнаго посѣва — также безвозмездно.

Землю эту всѣ крестьяне села Успенскаго должны обрабатывать сообща и всѣ вырученныя отъ того деньги передавать или отцу Кириллу или Валерьяну Петровичу Ямгурчееву, которые, по мѣрѣ ихъ накопленія, отвозятъ ихъ на сохраненіе въ мѣстное казначейство для того, чтобы получить на нихъ проценты, а потомъ, когда скопленная такимъ образомъ сумма достигнетъ извѣстныхъ размѣровъ, съ Божьею помощью приступить и къ самой постройкѣ храма во имя Успенія Пресвятой Богородицы[1]).

Когда отецъ Кириллъ сдѣлалъ своему приходу сообщеніе о выработанномъ имъ сообща съ Валерьяномъ Петровичемъ проектѣ способа постройки храма въ селѣ Успенскомъ для удовлетворенія насущныхъ духовныхъ нуждъ его населенія, то всѣ крестьяне съ радостью приняли его предложеніе и порѣшили, въ случаѣ чего, и въ праздничные дни работать для благаго дѣла.

Закипѣла дружная работа на заарендованной успенскими крестьянами у своего помѣщика землѣ, и любо-дорого было смотрѣть, какъ ревностно относились всѣ участники общаго труда къ добровольно принятымъ ими на себя обязанностямъ. Отецъ Кириллъ только душою умилялся, глядя, какъ его прихожане другъ передъ другомъ стараются показать себя и изъ-за того часто о собственной десятинѣ позабываютъ.

---

[1]) **Подобный способъ постройки храмовъ въ настоящее время составляетъ далеко не единичное явленіе. Такъ, напримѣръ, въ 1893 году въ газетѣ «Гражданинъ» сообщалось, что, подобнымъ же образомъ, воздвигается храмъ въ селѣ Рогачевѣ, Зубцовскаго уѣзда, Тверской губерніи, и уже близокъ къ окончанію. Недавно, бывшій на охотѣ въ одномъ изъ уѣздовъ Петербургской губерніи баронъ В. В. Тизенгаузенъ разсказывалъ, что лично видѣлъ въ одномъ селѣ совершенно новую церковь, только что отстроенную общимъ трудомъ прихода, причемъ иниціаторомъ этого дѣла является мѣстный священникъ.**

Въ первый же годъ, который къ тому же былъ еще и очень урожайный, крестьяне села Успенскаго собрали весьма солидную сумму и тутъ же, на общемъ сходѣ, порѣшили къ слѣдующему году еще заарендовать для той же цѣли небольшой участокъ земли и на этотъ разъ уже за деньги.

Второй годъ принесъ безкорыстнымъ труженикамъ еще большій урожай, и отецъ Кириллъ отвезъ въ мѣстное казначейство новый вкладъ, заранѣе предчувствуя близкую возможность приступить къ осуществленію своей завѣтной мечты — общимъ трудомъ прихода воздвигнуть въ Успенскомъ новую церковь въ замѣнъ пришедшей въ ветхость старой, деревянной.

Прошло еще года два, и къ великой радости всѣхъ обитателей села Успенскаго было приступлено къ закладкѣ новаго храма въ честь Успенія Пресвятой Богородицы.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ.

Совершенно случайно судьба забросила меня въ тотъ самый уѣздъ, гдѣ, на берегу величественной и живописной исторической рѣки, среди густой зелени садовъ, раскинулось село Успенское, въ которомъ мнѣ пришлось провести цѣлый день, въ гостяхъ у гостепріимнаго тамошняго помѣщика, Валерьяна Петровича Ямгурчеева, съ которымъ я познакомился, благодаря его сыну, Петру Валерьяновичу.

Еще издали, подъѣзжая къ Успенскому въ теплый и ясный іюльскій вечеръ, замѣтилъ я новую и красивую каменную церковь, всю залитую послѣдними лучами заходящаго солнца и невольно приковывавшую къ себѣ взоры изяществомъ своей постройки.

— Какая у васъ славная церковь! — обратился я къ моему возницѣ, который, какъ я узналъ отъ него въ дорогѣ, самъ былъ изъ Успенскаго.

— Да, нечего Бога гнѣвить! — Такой другой, думаемъ, и въ «самой губерніи» не сыщешь, кромѣ развѣ только собора!.. Міромъ строили! — добавилъ онъ съ оттѣнкомъ нѣкоторой гордости, что, дескать, въ этой постройкѣ есть и его капля пота.

— Какъ такъ? — поинтересовался я, такъ какъ ни старикъ Ямгурчеевъ, ни его сынъ ничего о постройкѣ храма въ селѣ Успенскомъ мнѣ не говорили, можетъ-быть, изъ скромности, а можетъ-быть, и просто отъ того, что считали дѣло этой постройки — своимъ личнымъ „земскимъ“ дѣломъ, которое не можетъ интересовать жителей столицы.

Везшій меня парень, насколько могъ, сообщилъ мнѣ обстоятельства, при которыхъ былъ воздвигнутъ въ селѣ Успенскомъ храмъ въ честь Успенія Пресвятой Богородицы, а дальнѣйшія подробности я узналъ отъ самого почтеннѣйшаго Валерьяна Петровича. (Русск. палом. 1899 г. № 30—31.)

НЕДѢЛЯ 28-ая ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еван. отъ Лук. зач. 76-е, гл. XIV, 16—24 ст.

1. Притча о званныхъ на вечерю, съ указаніемъ нашихъ оговорокъ отъ участія въ божественной вечери.

Однажды Іисусъ Христосъ, говоря о призваніи всѣхъ людей въ царство Божіе, предложилъ слѣдующую притчу: „Одинъ человѣкъ вздумалъ устроить большой ужинъ и звалъ многихъ на вечерю къ себѣ. Званные дали слово быть, и вотъ, когда наступило время ужина, посылаетъ человѣкъ тотъ раба сказать званнымъ: идите, ибо все готово, и что же? Званные всѣ, какъ бы сговорившись, начали отказываться отъ ужина. Одинъ говоритъ: „я купилъ землю, и мнѣ нужно посмотрѣть ее, прошу тебя, извини меня“. Другой говоритъ: „я купилъ пять паръ воловъ и иду испытать ихъ, прошу тебя, извини меня“. Третій говоритъ: „я женился и потому не могу прійти“. И, возвратившись, рабъ тотъ донесъ объ этомъ господину своему. Тогда разгнѣвался хозяинъ дома и сказалъ рабу своему: „пойди поскорѣе по улицамъ и переулкамъ города и приведи сюда нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ и слѣпыхъ“. Исполнивъ порученіе господина своего, рабъ приходитъ къ нему и говоритъ: „Господинъ! я исполнилъ, какъ приказалъ ты, но и еще есть мѣста, незанятыя за трапезой“. Господинъ снова приказываетъ рабу: „иди за городъ, по дорогамъ и загородямъ, не найдешь ли еще кого, чтобы наполнился домъ мой.

Ибо сказываю вамъ, что никто изъ тѣхъ званныхъ не вкуситъ ужина моего, ибо *много званныхъ, но мало избранныхъ*" (Лук. XIV, 16—24).

Притча эта очень проста и не требуетъ особеннаго разъясненія. Всякій изъ насъ можетъ догадаться, что хозяинъ дома есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, званные на вечерю—это іудеи, которыхъ Господь всѣми способами старался привлечь къ Себѣ, въ Свое царство, а также и мы всѣ, вѣрующіе во Христа. Какъ часто и насъ зоветъ Спаситель на пиръ вѣры, и мы часто отказываемся, подобно іудеямъ, отъ участія въ божественной вечери! Вотъ, напр., зоветъ Господь въ храмъ Божій ради праздника раздѣлить съ прочими христіанами пиръ вѣры, предлагаемый въ праздничной службѣ; ты же и навѣстить не хочешь храма Божія, и время праздника проводишь въ праздности и суетѣ или въ будничныхъ работахъ. Или еще: вотъ наступитъ время поста и покаянія. Господь и церковь усиленно зовутъ васъ въ храмъ Божій на тайную вечерю, къ участію въ трапезѣ тѣла и крови Христовыхъ и—увы!—зовутъ и не дозовутся. Странное среди христіанъ явленіе! Древніе христіане еженедѣльно и многіе ежедневно причащались св. таинъ. Отчего же нынѣ не то? Какія же отговорки слышимъ мы нынѣ? А почти такія же, какія въ евангельской притчѣ представляли званные на вечерю. Одни говорятъ: „занятія по торговлѣ не даютъ времени исполнить христіанскій долгъ; то за покупкою товара, то за продажею время незамѣтно идетъ, некогда даже оглянуться назадъ". Другіе говорятъ: „занятія по домашнему хозяйству отнимаютъ все время; въ хозяйствѣ за всѣмъ надо присмотрѣть, все устроить, все прибрать, все привести въ порядокъ, безъ того вѣдь все хозяйство распадется; при такихъ занятіяхъ нѣтъ времени и подумать о причащеніи". Бѣдные мы! Изъ 365 дней въ году у насъ не находится даже двухъ-трехъ дней свободныхъ, чтобы напитать свою грѣшную душу! „Успѣемъ,—говорятъ иные,—послѣ покаяться и во всякомъ случаѣ предъ смертію причаститься св. таинъ!" Но кто порукою въ томъ, что ты успѣешь? Не говоря уже о томъ, что смерть бываетъ внезапная, неожиданная, — но дѣло въ томъ, что въ предсмертныя минуты часто бываетъ человѣку не до того, чтобы подумать хорошенько о грѣхахъ своихъ: скорбь и боль тѣлесная, страхъ смерти, слезы родныхъ и знакомыхъ мѣшаютъ ему, какъ слѣдуетъ, приготовиться и приступить къ страшнымъ Христовымъ тайнамъ. Далѣе, ты предполагаешь причаститься предъ смертію? Но какъ предполагать то, что не въ нашей власти? Почему ты думаешь, что Богъ допуститъ тебя до причастія св. таинъ предъ смертію? Правда, Господь милосердъ, но помни, что Онъ и справедливъ. Бывали случаи, что Онъ не допускалъ до причастія, несмотря на все желаніе умирающихъ. Вотъ вамъ примѣръ, разсказанный однимъ священникомъ.

Пригласили его къ одному больному для напутствія; приходитъ и видитъ, что тотъ ходитъ въ тоскливости по избѣ. „Кто присылалъ за мною?" спрашиваетъ священникъ. „Я, батюшка, — отвѣчаетъ тотъ, — до смерти тоска одолѣла, исповѣдай меня и причасти св. таинъ". Священникъ исповѣдалъ его, приготовилъ св. дары, прочиталъ молитву: *вѣрую, Господи, и исповѣдую...* Больной стоялъ предъ нимъ и твердо повторялъ слова молитвы. Но вотъ священникъ подноситъ на лжицѣ святыя тайны къ устамъ больного, тотъ стискиваетъ зубы и не можетъ открыть рта. Священникъ говоритъ: „открой уста!" Больной силится и не можетъ. Наконецъ, больной протягиваетъ руку на полку, беретъ кочадыкъ (желѣзное орудіе, которымъ плетутъ лапти) и старается имъ раскрыть челюсти, но никакъ не можетъ этого сдѣлать. Священникъ поставилъ св. дары на столъ и спрашиваетъ: „что съ тобою?" Больной свободно говоритъ: „Господь заперъ уста мои, не могу, батюшка, принять святыхъ таинъ". Священникъ видитъ, что когда тотъ говоритъ, то зубы раскрываются, а когда онъ подноситъ къ его устамъ святыню, — опять стискиваются. Больной сталъ плакать, сталъ молиться, молился и отецъ его духовный, но раскрытія не было... Такъ и умеръ бѣдный на слѣдующее утро безъ святого напутствія. Одному Богу да, можетъ-быть, его духовному отцу извѣстна была причина сего страшнаго возбраненія отъ причащенія святыхъ Христовыхъ таинъ (см. Тр. лист. № 276). Да послужитъ этотъ разсказъ урокомъ для тѣхъ нерадивыхъ христіанъ, которые откладываютъ причащеніе до смертнаго часа.

2. Притча о слѣпцѣ и о хромцѣ св. Кирилла Туровскаго.

Выслушайте изъ поученій св. Кирилла Туровскаго притчу, показывающую непреложность будущаго праведнаго воздаянія человѣку за дѣла его и суетность его оправданій во грѣхахъ своихъ.

Одинъ хозяинъ, насадивши вертоградъ, оградилъ его и поставилъ при воротахъ стеречь слѣпца и хромца. Въ этомъ выборѣ стражей хозяинъ руководствовался слѣдующимъ соображеніемъ. Онъ думалъ, что, если поставить при вертоградѣ стеречь кого-либо изъ своихъ слугъ, они, зная его доброту, будутъ небрежно исполнять порученную имъ обязанность, и даже сами будутъ расхищать и поѣдать плоды вертограда, но слѣпецъ и хромецъ будутъ благонадежны. Слѣпецъ услышитъ, если кто захочетъ проникнуть въ вертоградъ, а хромецъ увидитъ. Самимъ имъ нельзя будетъ пользоваться плодами вертограда, потому что слѣпецъ, если и пойдетъ въ вертоградъ, ничего не найдетъ, а скорѣе попадетъ въ канаву, хромецъ же, не имѣя ногъ, тѣмъ болѣе не можетъ проникнуть въ вертоградъ. Такимъ образомъ, посадивъ ихъ обоихъ при воротахъ, домохозяинъ снабдилъ ихъ въ избыткѣ всѣмъ нужнымъ для пропитанія и успокоенія, а только строго заповѣдалъ не пользоваться ничѣмъ въ вертоградѣ безъ его позволенія. Нѣсколько времени они спокойно сидѣли при воротахъ вертограда и со всею внимательностію блюли достояніе господина своего. Но когда поспѣли плоды въ вертоградѣ и изъ него распространялось сильное благоуханіе, слѣпецъ спросилъ хромца: отъ чего это распространяется такое благоуханіе? Хромецъ сказалъ: въ вертоградѣ господина нашего есть много ароматныхъ и пріятныхъ на вкусъ плодовъ, но мы не можемъ проникнуть внутрь вертограда, ты по слѣпотѣ своей, а я потому, что не имѣю ногъ. Тогда слѣпецъ сказалъ: „вотъ что сдѣлаемъ, чтобы проникнуть въ вертоградъ и насытиться плодами: я, хотя слѣпъ, но силенъ и могу носить тебя, бери корзину, садись на меня и показывай дорогу, мы взойдемъ въ садъ и возьмемъ, что намъ захочется. Если придетъ хозяинъ и станетъ допрашивать, кто воровалъ, мы можемъ легко оправдаться. Я скажу: ты знаешь, господинъ, что я слѣпъ и не могу найти плодовъ въ вертоградѣ, а ты скажешь, что не имѣешь ногъ и тебѣ нельзя войти въ садъ. Такъ мы перехитримъ своего господина и оправдаемся“. Согласившись такимъ образомъ, они приступили къ выполненію своего лукаваго дѣла. Хромецъ сѣлъ на слѣпца, и они обворовали порученный имъ вертоградъ. Когда хозяинъ, пришедши, замѣтилъ покражу, сдѣланную въ вертоградѣ, онъ догадался, что это сдѣлали сами приставленные стражи,—тотчасъ обоихъ ихъ онъ разлучилъ, не подвергая истязаніямъ, но чрезъ нѣсколько времени, призвавъ къ себѣ, поставилъ ихъ на очную ставку и обличилъ ихъ лукавство. Тогда стали они другъ друга обличать, другъ на друга слагать вину: хромецъ говорилъ, что, еслибы его не носилъ слѣпецъ, онъ не могъ бы проникнуть въ вертоградъ, а слѣпецъ оправдывался тѣмъ, что ему показывалъ дорогу хромецъ и безъ него ему не воспользоваться бы плодами. Домохозяинъ не принялъ этихъ лукавыхъ оправданій, повелѣлъ обоихъ вмѣстѣ ввергнуть въ мрачную темницу, гдѣ имъ предстоялъ плачъ и скрежетъ зубовъ.

Въ этой притчѣ подъ слѣпцомъ разумѣется душа, а подъ хромцомъ тѣло, однимъ словомъ, полный человѣкъ, въ своемъ двойственномъ естествѣ живущій и дѣйствующій на землѣ. Вертоградъ это—совокупность добродѣтелей, благодатное царство добра, насажденное въ мірѣ Богомъ и порученное Создателемъ человѣку для соблюденія отъ вражіихъ расхищеній. Ограда—это законъ, который никто не можетъ безнаказанно нарушить. Врата вертограда, оставленные домохозяиномъ незапертыми — это свободное произволеніе человѣка, чрезъ которое ему открывается возможность или явить свое послушаніе Богу въ исполненіи Его закона, или сдѣлаться нарушителемъ этого закона. Когда душа и тѣло во взаимномъ союзѣ благоугождаютъ Богу исполненіемъ Его святой воли, то они вмѣстѣ и получаютъ награду, какъ сказано въ словѣ Божіемъ: „всѣмъ намъ должно явиться предъ судищемъ Христовымъ, чтобы каждому получить соотвѣтственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ доброе или худое“ (2 Кѳ. V, 10). Но къ сожалѣнію, въ поврежденномъ состояніи нашей природы, союзъ души и тѣла большею частію бываетъ для насъ ближайшимъ поводомъ ко грѣху, ведетъ къ нарушенію закона Божія и потомъ къ суетному оправданію нашему въ грѣхопаденіи. „Плоть бо похотствуетъ на духъ, духъ жъ на плоть, сія же другъ другу противятся“ (Гал. V, 17), такъ что согласія къ совершенію добра между ними не бываетъ. Когда же является искушеніе грѣха, душа и тѣло быстро сдружаются въ грѣховныхъ намѣреніяхъ и злыхъ предпріятіяхъ. Они другъ друга возбуждаютъ, другъ другу содѣйствуютъ и бываютъ единодушны въ преступныхъ стремленіяхъ обмануть довѣріе и любовь Создателя. Когда же бываютъ уличены въ своемъ беззаконіи прежде всего своимъ внутреннимъ судіею — совѣстію, то обыкновенно стараются себя оправдать и свою вину свалить одинъ на другого. „Плоть меня смутила, страсти тѣлесныя одолѣли“, такъ обыкновенно оправдывается грѣшная душа, забывая при этомъ, что сама не менѣе того возбуждаетъ въ тѣлѣ грѣховныя движенія и влечетъ тѣлесныя чувства къ преступнымъ дѣйствіямъ. Правосудный Судья и Мздовоздаятель начинаетъ судъ Свой надъ человѣкомъ со смерти его. Разлучая на нѣкоторое время душу отъ тѣла и не подвергая ихъ казни за грѣхи, Господь соединитъ ихъ опять вмѣстѣ и поставитъ на Своемъ страшномъ судѣ. Тогда обличатся всѣ лукавыя мысли, слова и дѣйствія человѣческія. Суетны окажутся предъ судомъ Божіимъ всѣ человѣческія оправданія въ грѣхѣ. Душа и тѣло, какъ при жизни вмѣстѣ грѣшили, такъ вмѣстѣ и будутъ преданы вѣчнымъ мученіямъ.

Позаботимся неосужденно въ чистой и нелицемѣрной совѣсти предстать предъ судищемъ Христовымъ, помня, что отъ всевидящаго Ока праведнаго Судіи ничто не скроется, но всякое наше дѣяніе будетъ положено на вѣсы Божественнаго правосудія.

3. **Силенъ грѣхъ!**[1]

Обычное восклицаніе! Кто не произносилъ его, когда пытался устоять въ благомъ настроеніи мыслей, въ добромъ намѣреніи, въ неуклонномъ продолженіи начатой добродѣтели, въ препобѣжденіи грѣховныхъ наклонностей, привычекъ и страстей, при искушеніяхъ и соблазнахъ грѣха? Внимательному къ себѣ немного потребно вниманія, чтобы замѣтить и сознаться, какъ силенъ живущій въ насъ грѣхъ, но много нужно вниманія къ себѣ, много потребно бодрствованія духовнаго и воздержанія тѣлеснаго, чтобы, при помощи Божіей, противостоять силѣ грѣха и побороть его; къ сожалѣнію, не всякій изъ насъ внимателенъ къ себѣ, не всякій бодрствуетъ духомъ и воздерживается тѣломъ, не всякій съ должнымъ постоянствомъ ведетъ борьбу съ силою грѣха, кто и сознаетъ, какъ силенъ грѣхъ.

Силенъ грѣхъ! произноситъ и неосторожный въ удовольствіяхъ юноша, въ первый разъ запятнавшій свое чистое сердце и сожалѣющій о потерѣ невинности; это — неосторожность, болѣе не будетъ такъ со мною. Но проходитъ время, юноша свыкается съ раною, нанесенною ему грѣхомъ, представляются опять искусительныя удовольствія жизни, онъ подходитъ къ нимъ ближе, забываетъ объ осторожности и бдительности надъ собою и снова упивается ядомъ преступныхъ удовольствій, снова — плѣнникъ грѣха и снова произноситъ слова безплоднаго сознанія: силенъ грѣхъ!

Силенъ грѣхъ! произноситъ рабъ грубыхъ страстей невоздержанія, когда мимоходомъ, въ минуты усыпленія пожеланій, увидитъ, какъ буйныя страсти обезобразили, исказили его душу и тѣло, но пожеланія пробуждаются, страсти поднимаются съ обычною своею силою, и онъ опять работаетъ своимъ страстямъ невоздержанія, забывая о томъ, какъ сильно грѣхъ обезображиваетъ душу и тѣло.

Силенъ грѣхъ! сознается человѣкъ, подверженный припадкамъ страсти гнѣва, когда увидитъ, что въ минуты вспыльчивости своей онъ того обидѣлъ безъ причины, другого наказалъ безъ вины, но поднимается гнѣвъ, онъ забываетъ о силѣ грѣха, дѣйствующаго въ этой страсти, предается раздражительной взыскательности, и сила грѣха опять торжествуетъ надъ его безплоднымъ сознаніемъ.

Силенъ грѣхъ! со вздохомъ произноситъ старецъ, собирающійся съ силами быть стражемъ своихъ мыслей, чувствованій и поступковъ, и съ огорченіемъ сознающійся, что пустая мелочь жизни развлекаетъ и побѣждаетъ его, что онъ въ забывчивости увлекается на сторону слабостей, преступныхъ и для юности, но минута строгой бдительности надъ собою проходитъ, старецъ отдается безпечности мыслей и желаній, и — снова на сторонѣ легкомыслія, порочныхъ слабостей и снова сознается въ своемъ безсиліи противъ грѣха.

Силенъ грѣхъ! глубоко сознаемся мы всѣ предъ исповѣдію, когда обозрѣваемъ грѣхопаденія своей жизни и видимъ, какъ ничтожны были побужденія къ тому, сознаемся и послѣ исповѣди, облобызавъ крестъ и евангеліе, когда благодать покаянія коснется нашей совѣсти и пробудитъ въ насъ желаніе впередъ быть исправнѣе и менѣе уступать силѣ грѣха. Что же потомъ?—Потомъ опять забываемъ эту истину, пока крестъ и евангеліе снова не напомнятъ намъ, какъ силенъ грѣхъ.

---

[1] Примѣнительно къ отговоркамъ и оправданіямъ отказывавшихся отъ участія на вечери.

Итакъ, у кого отъ сердца, у кого на устахъ только, вездѣ можно слышать ту великую истину, которую предъ всѣми исповѣдалъ великій апостолъ языковъ—о силѣ живущаго въ насъ грѣха: *не еже хощу доброе творю,* говоритъ онъ, *но еже не хощу злое, сіе содѣваю. Аще ли еже не хощу азъ, сіе творю, уже не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ* (Римл. VII, 15—20). Но какими разнообразными тонами произносимъ мы это печальное сознаніе нашего духовнаго безсилія и нашихъ грѣхопаденій! Одинъ произноситъ какъ обычную истину, на которой вѣчно покоится его грѣховная совѣсть, его бездушное сознаніе собственнаго безсилія. Другой произноситъ легкомысленно, разсѣянно, съ лукавствомъ, затверженную оговорку своихъ слабостей и пороковъ. Немногіе произносятъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ и съ рѣшимостію духа, какъ истину, сознаніе которой должно остерегать насъ отъ непредвидѣнныхъ соблазновъ грѣха, хранить при встрѣчѣ съ его искушеніями, одушевлять въ борьбѣ съ нимъ („Воскр. чт." 1858 г., № 48).

4. Сила грѣховныхъ навыковъ.

Преп. авва Дороѳей въ одномъ изъ своихъ душеполезныхъ поученій разсказываетъ слѣдующій, по истинѣ достойный вниманія, случай.

Когда преп. Дороѳей подвизался въ общежительномъ монастырѣ преп. Серида, игуменъ обители съ совѣтомъ старцевъ поручили ему исправлять обязанности духовника всей братіи. Однажды приходитъ къ нему одинъ изъ иноковъ и говоритъ: „прости меня, отче, и помолись обо мнѣ: я краду и ѣмъ". Авва Дороѳей спросилъ его: „зачѣмъ же, развѣ ты голоденъ?" Онъ отвѣчалъ: „да, я не насыщаюсь за братской трапезой, а просить не могу".—„Отчего же ты не пойдешь и не скажешь игумену?" спросилъ преподобный. Согрѣшившій инокъ отвѣчалъ: „стыжусь". Тогда преп. Дороѳей спросилъ его: „хочешь ли, чтобы я пошелъ и сказалъ ему?" „Какъ тебѣ угодно, господинъ", отвѣчалъ инокъ. Послѣ этого авва Дороѳей пошелъ и сообщилъ о томъ игумену, который и ввѣрилъ преподобному оказать любовь согрѣшившему и позаботиться о немъ, какъ знаетъ. Тогда преп. Дороѳей привелъ согрѣшившаго брата къ келарю и сказалъ: „окажи любовь, и когда придетъ къ тебѣ этотъ братъ, давай ему, сколько онъ хочетъ, и ни въ чемъ не отказывай ему". Келарь обѣщалъ исполнить приказаніе аввы. Но чрезъ нѣсколько дней согрѣшившій братъ снова приходитъ къ нему и говоритъ: „прости меня, отче, я снова началъ красть".—„Зачѣмъ же?—спросилъ его преп. Дороѳей,—развѣ келарь не даетъ тебѣ, чего ты хочешь?" Тотъ отвѣчалъ: „да, прости меня, онъ даетъ мнѣ, чего я желаю, но я стыжусь его".—„Что же, ты и меня стыдишься?" спросилъ авва. „Нѣтъ", отвѣчалъ братъ. Тогда преподобный говоритъ ему: „итакъ, когда хочешь, приходи и бери у меня, но не кради". Но черезъ нѣсколько дней инокъ опять началъ красть и пришелъ къ своему духовному отцу со скорбію и сказалъ ему: „вотъ, я опять краду". Авва спросилъ его: „зачѣмъ же, братъ мой? развѣ я не даю тебѣ, чего ты хочешь?" Братъ отвѣчалъ: „нѣтъ, даешь".—„Что же, ты стыдишься брать у меня?" спросилъ преп. Дороѳей. „Нѣтъ", отвѣчалъ братъ. „Такъ зачѣмъ же ты крадешь?" спросилъ преподобный. „Прости меня,—со скорбію отвѣчалъ инокъ,—самъ не знаю зачѣмъ, но такъ, просто краду". Тогда преп. Дороѳей сказалъ ему: „скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, по правдѣ, что же ты дѣлаешь съ тѣмъ, что крадешь?" Инокъ отвѣчалъ: „я отдаю это ослу". И дѣйствительно,—заканчиваетъ свой поучительный разсказъ преп. авва Дороѳей,—оказалось, что этотъ братъ кралъ куски хлѣба, финики, смоквы, лукъ и вообще все, что онъ ни находилъ, и пряталъ это—одно подъ свою постель, другое въ иномъ мѣстѣ и, наконецъ, не зная, куда это употребить, и видя, что оно портится, выносилъ это вонъ и выбрасывалъ или отдавалъ безсловеснымъ животнымъ.

Такъ страшна привычка ко грѣху, такъ опасенъ и пагубенъ злой навыкъ! Посему-то и долженъ христіанинъ въ самомъ началѣ, въ зародышѣ, отсѣкать свои страсти и грѣховныя наклонности, чтобы онѣ не обратились въ навыкъ, привычку. Не столько самый грѣхъ страшенъ, сколько этотъ грѣховный навыкъ, привычка грѣшить. Иной и тяжкій, великій грѣхъ содѣлаетъ, но покается, омоетъ его слезами сердечнаго сокрушенія и дѣлами христіанскими—и изъ бездны паденія снова возстаетъ на путь добродѣтели. А иной, по видимому, и незначительный грѣхъ сдѣлаетъ, но повторитъ его, потому что сочтетъ его за неважный проступокъ, разъ, два—и у него уже образуется пагубный навыкъ къ этому грѣху. А отъ малаго до великаго только одинъ шагъ, и привычка ко грѣху въ маломъ, по видимому, и незначительномъ, можетъ легко увлечь и праведника на путь погибели. Такъ говоритъ и богомудрый Златоустъ: „не смотри на то, что грѣхъ въ самомъ себѣ малъ, но помни, что онъ бываетъ корнемъ великаго зла, когда вознерадятъ о немъ. Сказать ли тебѣ достойное удивленія?—Не столько требуютъ тщанія и трудовъ большіе грѣхи, сколько, напротивъ, малые и незначительные. Ибо тѣхъ отвращаться заставляетъ самое свойство грѣха, а малые, по тому самому, что малы, располагаютъ насъ къ лѣности и не попущаютъ мужественно возстать на истребленіе ихъ. Посему они скоро дѣлаются великими, когда мы спимъ“ (86 Бес. на ев. Мѳ.).

Примѣръ вышеприведеннаго несчастнаго инока, у котораго воровство обратилось въ пагубную привычку, нагляднымъ и очевиднымъ образомъ подтверждаетъ справедливость этого разсужденія. Сначала грѣхъ соблазнилъ его потребностію голода,—и онъ укралъ; потомъ такъ же согрѣшилъ другой, третій разъ — и у него образовался уже навыкъ красть. Несчастный раскаялся въ своемъ грѣхѣ, захотѣлъ отстать отъ него, но уже не могъ. Тогда онъ обратился къ помощи своего духовнаго наставника, но и всѣ старанія послѣдняго не помогли ему. Голодъ его былъ утоляемъ, какъ онъ хотѣлъ, тогда грѣхъ сталъ смущать его ложнымъ признакомъ стыда. Когда и это было устранено, онъ все-таки продолжалъ красть безцѣльно, самъ не зная, для чего и почему. Инокъ зналъ, что это зло, зналъ, что худо дѣлаетъ, и скорбѣлъ, плакалъ, однако увлекался, несчастный, дурнымъ навыкомъ, который образовался въ немъ отъ прежняго нерадѣнія. Справедливо сказано: „если кто увлекается страстію, то онъ будетъ рабомъ страсти“ (слова аввы Нестероя). „Не тотъ, кто однажды разгнѣвался, — замѣчаетъ другой, опытный въ духовной жизни наставникъ,—называется уже гнѣвливымъ; и не тотъ, кто однажды впалъ въ блудъ, называется уже блудникомъ; и не тотъ, кто однажды оказалъ милость ближнему, называется милостивымъ, но какъ въ добродѣтели, такъ и въ порокѣ, отъ частаго въ оныхъ упражненія, душа получаетъ нѣкоторый навыкъ, и потомъ этотъ навыкъ или мучитъ или покоитъ её“.

Такимъ образомъ, всякій порокъ, всякая страсть и грѣховная наклонность, если не обратить на нихъ вниманія вначалѣ и не постараться искоренить ихъ слезами сердечнаго сокрушенія и добрыми усиліями воли, — какъ бы прививаются къ душѣ и чрезъ частое, легкомысленное упражненіе въ нихъ образуютъ въ человѣкѣ противный человѣческой природѣ навыкъ, — навыкъ какъ бы нѣкоего губительнаго недуга. Въ состояніи этого опаснаго недуга, мы, если и пожелаемъ, не можемъ исцѣлиться безъ многой помощи, безъ многихъ молитвъ и многихъ слезъ, которыя могли бы приклонить къ намъ милосердіе Христово. Даже такіе столпы церкви, какъ апостолъ Павелъ, чувствовали иногда свое безсиліе противъ этого злого навыка и со скорбію говорили: „не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю... Желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ“ (Рим. VII, 15, 18—20).

Итакъ, христіане, не допускайте, чтобы какая-либо страсть обратилась у васъ въ навыкъ. Согрѣшилъ, хотя бы немного, — тотчасъ покайся, исправь свой грѣхъ и впредь приложи добрыя усилія воли избѣгать его, какъ огня, не разсуждая, - великъ ли тотъ грѣхъ, или нѣтъ. Явилась страсть — тотчасъ отсѣки ее, пока она молода и не успѣла укорениться въ душѣ, и поревнуй о противоположной этой страсти добродѣтели христіанской. Подвизайся, молись Богу день и ночь, чтобы не впасть въ искушеніе. Если же мы и будемъ побѣждены, какъ человѣки, и впадемъ въ согрѣшеніе, то постараемся тотчасъ возстать, покаемся въ немъ, восплачемъ предъ благостію Божіею, будемъ бодрствовать и подвизаться. И Богъ, видя наше доброе произволеніе, смиреніе и сокрушеніе, подастъ намъ руку помощи и сотворитъ съ нами милость. („Воскр. день“ 1896 г., № 25).

5. Умягченіе сердца.

У естествоиспытателей есть приборъ, состоящій изъ вогнутой большой тарелки, которая, принимая лучи теплоты, собираетъ ихъ въ одну точку и зажигаетъ такимъ образомъ вещество, какое будетъ подставлено. Нѣчто подобное можно сдѣлать и надъ сердцемъ. Соберемъ на сводѣ ума нашего всѣ поразительныя истины, какія представляетъ намъ св. вѣра, и наведемъ ихъ на сердце. Тѣснимое и проникаемое ими со всѣхъ сторонъ, оно, можетъ-быть, уступитъ силѣ ихъ, умягчится, расплавится, породитъ пары воздыханій и загорится огнемъ сокрушенія.

Истины, могущія умягчить сердце, всякому извѣстны; ихъ стоитъ только припомнить. Возьмемъ первыя, какія придутъ на мысль: безпредѣльная любовь Творца и Промыслителя нашего оскорблена грѣхомъ, обѣты крещенія нарушены, грѣхами мы второе распинаемъ Господа и Спасителя нашего, предаемъ Его подобно Іудѣ, заушаемъ, оплевываемъ, ругаемся надъ Нимъ; черезъ грѣхъ теряемъ всѣ высокія преимущества христіанскія, и не только христіанскія, но и человѣческія, и уподобляемъ себя скотамъ. Къ тому жъ еще — не нынче, завтра смерть, а тамъ судъ, котораго, не покаявшись, нѣтъ возможности перемѣнить. Еще: можетъ-быть, мы, какъ безплодная смоковница, оставлены только на это время покаянія, въ ожиданіи, что принесемъ добрый плодъ; если же нѣтъ, то будемъ посѣчены. Эти и подобныя имъ поражающія мысли собирайте въ душѣ, и бейте ими свое сердце. Особенно дѣлайте это во время молитвы. Одного только не забывайте: не вѣрьте своему сердцу. Оно лукаво и есть первый нашъ измѣнникъ. Его надо взять въ руки и безъ жалости жать и бить, какъ жмутъ и колотятъ бѣлье, которое моютъ; его надо бить за то, что оно, какъ жадная губка, впивало въ себя всякую встрѣтившуюся нечистоту, и жать для того, чтобы выжать изъ него эту нечистоту.

Когда же умягчится сердце, тогда легко совладать съ нимъ; тогда оно готово бываетъ на все, и становится гибкимъ, что твой шелкъ; тогда, что ни скажи ему, — все сдѣлаетъ. Скажи ему: „плачь“, — заплачетъ; скажи: „исповѣдуй грѣхи“, — исповѣдуетъ; скажи ему: „перестань грѣшить!“ — оно отвѣтитъ: „перестану“. Тогда остается еще одно только сдѣлать надъ нимъ: навесть на него зеркало слова Божія, или Божественныхъ заповѣдей, и заставить его смотрѣться въ немъ. Оно тотчасъ отразится въ этомъ зеркалѣ со всѣми своими пятнами, морщинами и ранами, т.-е. со всѣми грѣхами, большими и малыми; тутъ оно увидитъ и гордость, и спесь, и блудъ, и тщеславіе, и щегольство, и сластолюбіе, и обиды, и гнѣвъ, и зависть, — словомъ, все, чѣмъ грѣшно оно передъ Богомъ. Тогда спросите его: „ты ли это?“ — и оно охотно отвѣтитъ вамъ: „да, это я, я несчастное“; а въ другое время оно спрячется и укажетъ на другого. Говорите ему: „это ты надѣлало? это ты во всемъ виновато?“ — и оно отвѣтитъ: „да, все я надѣлало и еще добровольно, и потому кругомъ виновато.“ А въ другое время отъ него и слова не услышишь. Говорите ему: „ты безотвѣтно?“ оно скажетъ: „да, безотвѣтно“, а въ другое время наговоритъ вамъ кучу оправданій и извиненій. Прибавьте ему подъ конецъ: „слушай же, припади къ стопамъ милосерднаго Бога, умоляй Его о помилованіи, плачь и сокрушайся, исповѣдуй всѣ грѣхи свои и положи твердое намѣреніе не поблажать болѣе страстямъ своимъ, не грѣшить и не оскорблять тѣмъ Господа своего!“ — и все это оно исполнитъ, какъ послушное дитя; а въ другое время ему хоть и не говори.

Вотъ какъ дорого умягченіе сердца! Оно одно можетъ замѣнить всѣ правила и всѣ руководства въ дѣлѣ покаянія. Умягчите сердце, сокрушите его, — и тогда оно само научитъ васъ всему. Какъ несчастный, попавшій въ тюрьму, является изобрѣтательнымъ, чтобъ облегчить свою участь или вымолить себѣ прощеніе; въ такомъ точно положеніи увидитъ себя и сердце сокрушенное, ибо оно тогда будетъ въ тѣснотѣ, какъ пойманный и уличенный преступникъ. И какъ же начнетъ оно тогда хлопотать о томъ, чтобы какъ нибудь облегчить свою участь и избѣжать грозящей бѣды! Съ какою радостью ухватится оно за способы, предлагаемые церковью, къ которымъ безъ того и веревкой бы его не притащить, — и ухватится тѣмъ радостнѣе, что они немногосложны; переузнай всѣ грѣшныя дѣла, слова, мысли, чувства и расположенія свои, поди и исповѣдуй ихъ отцу твоему духовному, — и будешь непороченъ, и выйдешь изъ бани покаянія чистъ, какъ волна, и бѣлъ, какъ снѣгъ. Вотъ и все! Видите, какъ немного; а плодъ-то каковъ! Таковъ, что и описать нельзя, ибо того, кто такъ поступаетъ, Господь не сочтетъ уже недостойнымъ вселенія Своего, но пріидетъ къ нему, по обѣщанію, и обитель сотворитъ у него съ Отцомъ и Святымъ Духомъ, чрезъ причащеніе плоти и крови Своей. Вотъ вамъ и царствіе, о которомъ мы молимся ежедневно! Вотъ и все, чего мы такъ ищемъ и добиваемся съ такимъ трудомъ! (Еп. Ѳеофанъ; см. „Домаш. бес.“ 1873 года, вып. 9-й).

НЕДѢЛЯ 29-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Лук., зач. 85-е, гл. XVII, 12—19 ст.

1. Бесѣда объ исцѣленіи десяти прокаженныхъ.

Іисусъ Христосъ, предъ послѣднимъ Своимъ путешествіемъ въ Іерусалимъ, когда надлежало Ему Самого Себя принести въ жертву искупленія за родъ человѣческій, проходя между Самаріею и Галилеею, передъ нѣкоторою весію встрѣченъ былъ десятью прокаженными, изъ коихъ девять были іудеи, а десятый самарянинъ.

Эти несчастные, узнавъ о прибытіи Іисуса Христа, сошлись вмѣстѣ, дабы испросить у Него исцѣленіе отъ болѣзни, и, остановясь на значительное, закономъ предписанное, разстояніе отъ дороги, по которой проходилъ Іисусъ Христосъ, единодушно вопіяли о милости, *глаголюще: Іисусе Наставниче, помилуй ны!*

Одно и то же несчастіе, одна и та же надежда, несмотря на различіе странъ и языка, соединили этихъ несчастныхъ. Они вмѣстѣ возносятъ свои голоса и умоляютъ не каждый за себя, но всѣ вмѣстѣ и каждый за всѣхъ: *помилуй ны!* Такое единодушіе молитвы, заповѣданное самимъ Іисусомъ Христомъ, не могло быть непріятнымъ для Него, не могло остаться безъ удовлетворенія, по собственному Его обѣтованію (Матѳ. XVIII, 19). О, будемъ чаще собираться для совокупной молитвы въ храмѣ Божіемъ, дабы надежнѣе умилостивить къ себѣ Господа. Удаляясь отъ собраній церковныхъ, уклоняясь отъ единенія въ молитвѣ общественной въ св. храмахъ, безъ важной причины, безъ важнаго препятствія, мы лишаемъ себя благодатныхъ даровъ Божіихъ, ибо молитвенное единеніе многихъ одушевляетъ ревностію каждаго и взаимно вспомоществуетъ другъ другу, усердіемъ однихъ дополняя изнеможеніе другихъ,—и сей общественный единодушный вопль преклоняетъ Господа на милость.

Іисусъ Христосъ, услышавъ вопль прокаженныхъ, обратился къ нимъ *и, видѣвъ, рече имъ: шедше покажитеся священникомъ...* Какое величіе въ этомъ повелѣніи!.. Но надлежало имѣть вѣру смиренную, чтобы принять и безъ ропота исполнить такое повелѣніе. Іисусъ Христосъ, исцѣляя больныхъ, нерѣдко прикасался къ нимъ и милостиво бесѣдовалъ съ ними. Но съ этими несчастными поступилъ иначе; не подошелъ къ нимъ, не коснулся ихъ, не говорилъ съ ними, ничего имъ не обѣщалъ, только издали сказалъ: идите, покажитесь священникамъ! Законъ Моисеевъ обязывалъ прокаженныхъ являться къ священникамъ, впрочемъ, уже тогда, когда они исцѣлялись, для того чтобы, по удостовѣреніи въ ихъ очищеніи отъ проказы, снова ввести ихъ въ жизнь общественную (Лев. гл. 14). Но эти десять прокаженные могли думать: насъ посылаютъ къ священникамъ, а мы еще не исцѣлились; какъ же покажемся въ томъ состояніи, въ которомъ находимся?... О, для чего подобныя разсужденія въ дѣлѣ вѣры и спасенія! Будемъ въ простотѣ сердца вѣрить и повиноваться слову Божію и св. церкви. Это одно условіе, исполненія котораго Богъ требуетъ отъ насъ за даръ спасенія. Прокаженные не разсуждали, въ простотѣ сердца повиновались велѣнію Господа; и вѣра ихъ была вознаграждена. *И бысть идущимъ имъ очистишася...*

Одинъ изъ десяти прокаженныхъ, *видѣвъ яко исцѣлѣ*, что не осталось на немъ никакихъ слѣдовъ безобразной нечистоты, и сообразивъ, съ какою благостію и могуществомъ, однимъ хотѣніемъ Своей воли, Іисусъ Христосъ исцѣлилъ ихъ, *возвратися со гласомъ велімъ славя Бога. И паде ницъ при ногу Его, хвалу Ему воздая...*

Много и для насъ побужденій къ благодаренію Господа! Не съ равною ли благостію и могуществомъ Господь даруетъ и намъ всѣ блага жизни, прощаетъ намъ грѣхи, предохраняетъ и освобождаетъ отъ множества золъ! Есть ли мгновеніе въ нашей жизни, за которое мы не были бы обязаны Ему вѣчною благодарностью!

Отвѣщавъ же Іисусъ рече: не десять ли очистишася, да девять гдѣ? Како не обрѣтошася возвращшеся дати славу Богу, токмо иноплеменникъ сей?

Послѣ исповѣди, совершаемой, обыкновенно, предъ какимъ либо великимъ праздникомъ, когда многіе грѣшники пріемлютъ исцѣленіе отъ своей грѣховной проказы, всѣхъ ли мы видимъ во время самыхъ этихъ праздниковъ приходящими къ Спасителю съ искреннею благодарностью! Не такъ же ли изъ десяти одного; а девять гдѣ? Они предали забвенію полученную милость и, можетъ-быть, уже погубили ее. Они предались снова заботамъ временнымъ, вступили въ обычную суету, снова погрузились уже въ прежніе свои грѣхи, въ прежніе преступные навыки.

Одинъ иноплеменникъ оказался признательнымъ Господу Іисусу, потому что живо чувствовалъ и жестокость своей болѣзни, и милосердіе Божіе, сознавалъ свое недостоинство и признавалъ величіе милости, ему оказанной.

И рече ему (Іисусъ): *воставъ иди; вѣра твоя спасе тя*... Другіе девять также спасены чрезъ вѣру, но не имѣли счастія слышать объ этомъ изъ устъ Спасителя. Такъ благодарное сердце привлекаетъ къ себѣ новыя милости со стороны благодѣтелей (См. кн. „Часы благоговѣйн. размышленій“. Кн. I. СПБ. 1858 года).

2. **Въ утѣшеніе болящему.**

О, болѣзни — болѣзни! Только тотъ, кто не испытывалъ ихъ, кто отъ роду боленъ не бывалъ (а много ли найдешь такихъ счастливцевъ въ наше грѣшное время?), не знаетъ, какъ бываютъ тяжелы онѣ, какой неоцѣненный даръ Божій здоровье! Не даромъ святые отцы называютъ болѣзни *крестомъ:* не легко терпѣть ихъ человѣку грѣшному! Смотритъ страдалецъ на добрыхъ людей: всѣ такіе они веселые да довольные, всѣмъ такъ легко дышится, всѣ свободны, точно птички Божіи на волѣ; а онъ лежитъ неподвижно, точно привязанный къ постели, не можетъ иногда и повернуться безъ чужой помощи, и грустно-грустно ему, и больно, и невольно иной разъ заплачетъ и скажетъ: „Господи! А что какъ я умру, да безъ добрыхъ дѣлъ на тотъ свѣтъ пойду? О, какъ тяжело мнѣ, Господи!“

Но не скорби, другъ мой, Богомъ возлюбленный, не жалѣй много о томъ, что отнято у тебя здоровье-сокровище: кто знаетъ, что бы ты сталъ дѣлать съ этимъ здоровьемъ? На пользу ли тебѣ послужило бы оно? А Богъ видитъ скорбь твою, не укроется отъ Него ни одна слезинка твоя. Онъ не оставитъ тебя! Вѣдь Онъ кого любитъ, того и наказуетъ! Послушай вотъ, что разсказываетъ преподобный Поликарпъ о Пименѣ многоболѣзненномъ, который цѣлыхъ 20 лѣтъ лежалъ неподвижно,—другихъ исцѣлялъ, а самъ не хотѣлъ разстаться съ своимъ отраднымъ крестомъ, съ своими болѣзнями. „Блаженный Пименъ больнымъ и родился, и выросъ, и въ недугѣ этомъ остался чистъ отъ всякой скверны, и отъ утробы матери не позналъ грѣха. Много разъ просилъ онъ у родителей своихъ позволенія постричься; но они, любя своего сына, надѣясь и желая имѣть его своимъ наслѣдникомъ, запрещали ему. Когда же онъ изнемогъ совершенно, такъ что отчаялись за его жизнь,—принесли его въ Печерскій монастырь и всѣхъ просили молиться за него, чтобы онъ исцѣлился отъ недуга. И много потрудились тѣ преподобные отцы, но ничто не приносило пользы больному: его молитва превозмогала всѣ другія. А онъ просилъ себѣ не здоровья, а прибавленія болѣзней, чтобы, по выздоровленіи его, родители не взяли его противъ воли изъ монастыря. Но отецъ и мать сидѣли возлѣ него и не давали его постричь. И встужилъ блаженный и сталъ прилежно молить Бога, чтобы Онъ исполнилъ его желаніе. И вотъ, въ одну ночь, когда всѣ спали, туда, гдѣ лежалъ Пименъ, вошли какъ бы юноши свѣтлые. Въ рукахъ у нихъ были свѣчи; они несли съ собой евангеліе, свитку, мантію, куколь и все, что нужно для постриженія. И сказали они ему: „хочешь ли,—мы пострижемъ тебя?“ Онъ же съ радостію согласился, и они постригли его по чину, надѣли на него мантію и куколь, дали ему имя Пименъ и, зажегши свѣчу, сказали: „пусть не угасаетъ эта свѣча сорокъ дней и сорокъ ночей“. Затѣмъ они отошли въ церковь, волосы же постриженнаго взяли съ собой въ платкѣ и положили на гробѣ святого Ѳеодосія. Братія же въ сосѣднихъ келліяхъ слышали звуки пѣнія и перебудили спавшихъ вокругъ нихъ. Думая, что игуменъ съ нѣкоторыми братіями постригаетъ Пимена, или что этотъ больной уже скончался, вошли всѣ вмѣстѣ въ келлію, гдѣ онъ лежалъ, и нашли всѣхъ спящими: и отца, и мать, и рабовъ. Разбудили ихъ, подошли къ блаженному, и всѣ исполнились благоуханія и увидѣли его веселаго и радостнаго, облеченнаго въ иноческую одежду. И спросили его: „кто постригалъ тебя?“—Больной отвѣчалъ: „я думаю, что это игуменъ приходилъ съ братіей; они взяли мои волосы, и пошли въ церковь“. Услыша это, иноки пошли въ церковь и нашли ее запертой. Разбудили пономарей и спросили: не входилъ ли кто въ церковь послѣ повечерницы? Они отвѣчали, что никто не входилъ, и ключи у эконома. Взяли ключи и вошли въ церковь. И увидѣли на гробѣ Ѳеодосія въ платкѣ волосы Пимена. Объявили обо всемъ игумену, стали искать, кто постригалъ блаженнаго, и не нашли. И поняли всѣ, что то былъ промыслъ свыше отъ Бога, тѣмъ болѣе, что и свѣча, которой бы только на день должно было стать, сорокъ дней и сорокъ ночей постоянно горѣла и не сгорала. И потому не стали совершать надъ Пименомъ постриженія и сказали ему: „довольно тебѣ, братъ Пименъ, дара Божія и Имъ даннаго тебѣ имени“. И много лѣтъ пробылъ блаженный Пименъ въ той тяжкой болѣзни. Служившіе ему гнушались имъ и много разъ, по-два и по-три дня, безъ пищи и безъ питья оставляли его. Онъ же все терпѣлъ съ радостью, и за все благодарилъ Бога. Другой больной принесенъ былъ въ пещеры и постриженъ. Иноки же, приставленные служить больнымъ, взяли его и принесли къ Пимену, чтобы служить обоимъ за разъ. Но, будучи небрежны къ такой службѣ, они и не помнили про больныхъ, и тѣ изнемогали отъ жажды. Наконецъ, Пименъ сказалъ другому больному: „такой смрадъ отъ насъ, что служащіе гнушаются нами. Если Господь возставитъ тебя, можешь ли ты взять на себя эту службу?“ Тотъ обѣщался блаженному до смерти своей съ усердіемъ служить больнымъ. Тогда Пименъ сказалъ ему: „вотъ, Господь снимаетъ съ тебя болѣзнь твою. Теперь, выздоровѣвъ, исполни обѣтъ свой и служи мнѣ и мнѣ подобнымъ. На тѣхъ же, которые нерадятъ объ этой службѣ, Господь наведетъ лютую болѣзнь, чтобы могли спастись, принявши такое наказаніе“. И тотчасъ же больной всталъ и сталъ служить ему. На нерадивыхъ же и не хотѣвшихъ служить больнымъ, на всѣхъ напалъ недугъ по слову блаженнаго. Однажды, братъ, исцѣлившійся отъ недуга, погнушался смрада, шедшаго отъ Пимена, уклонился отъ блаженнаго и оставилъ его безъ пищи и безъ питья. Братъ этотъ лежалъ въ отдѣльной комнатѣ, и вдругъ огнемъ стало жечь его, такъ что онъ не могъ встать три дня и, не стерпѣвъ жажды, началъ кричать: „помилуйте меня Господа ради! Умираю отъ жажды!“ Услышали въ другой кельѣ, пришли къ нему и, видя его въ такомъ недугѣ, сказали Пимену: „братъ, который служилъ тебѣ, умираетъ“. Блаженный же сказалъ: „что человѣкъ посѣетъ, то и пожнетъ: такъ какъ онъ оставилъ меня мучиться голодомъ и жаждой, солгалъ Богу и презрѣлъ мою худость; то и съ нимъ сдѣлалось то же. Но мы научены не воздавать зломъ за зло. Итакъ, подите и скажите ему: зоветъ тебя Пименъ, встань и приди сюда“. Только что пришли и выговорили эти слова предъ больнымъ, онъ тотчасъ сталъ здоровъ и пришелъ къ блаженному, никѣмъ не поддерживаемый. Преподобный обличилъ его, говоря: „маловѣрный! Вотъ ты здоровъ; теперь не согрѣшай. Развѣ ты не знаешь, что одинаковую награду получаютъ и больной, и служащій ему? Здѣсь и скорбь, и горе, и недугъ на малое время; а тамъ радость и веселіе, и нѣтъ тамъ ни болѣзни, ни печали, но жизнь безконечная. Для того-то я и терплю такъ, братъ мой. Богъ же, чрезъ меня исцѣлившій тебя отъ твоего недуга, можетъ и меня поднять съ постели и исцѣлить мою немощь; да я самъ не хочу. Лучше мнѣ всему изгнить въ этой жизни, чтобы только тамъ тѣло мое было безъ тлѣнія, и смрадный запахъ обратился бы въ неизреченное благоуханіе. Апостолъ говоритъ о скорбяхъ: „если вы наказаніе терпите, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Если же остаетесь безъ наказанія, то вы незаконныя дѣти, а не сыны“ (Евр. 12, 7, 8). И Господь сказалъ: „терпѣніемъ вашимъ спасайте души ваши“ (Лук. 21, 19). И двадцать лѣтъ лежалъ преподобный Пименъ въ такомъ страданіи. Въ день же своего преставленія преподобный Пименъ выздоровѣлъ. Онъ обошелъ всѣ келліи и, кланяясь всѣмъ до земли, просилъ прощенья, и объявлялъ о своемъ исходѣ изъ этой жизни. Больнымъ же онъ говорилъ: „братья и друзья мои! встаньте и проводите меня“. И тотчасъ, по слову его, отступала отъ нихъ болѣзнь, они дѣлались здоровы и шли съ нимъ. Самъ же онъ, вошедши въ церковь, причастился животворящихъ Христовыхъ таинъ; потомъ взялъ свою постель и пошелъ къ пещерѣ, хотя никогда въ ней не бывалъ и никогда отъ роду не видалъ ея. Вошедши, онъ поклонился на мѣстѣ погребенія святого Антонія и показалъ мѣсто, гдѣ положить его. Потомъ блаженный сказалъ: „вотъ пришли постригшіе меня, хотятъ меня взять“. И съ этими словами легъ и почилъ о Господѣ, и положили его въ пещерѣ съ великою честью“.

Видишь, другъ мой, болѣзнь есть такая же милость Божія, такой же даръ Божій, какъ и здоровье. Хочешь ли убѣдиться въ томъ своимъ опытомъ? Есть средство дивное: оно можетъ самую скорбь твою обратить въ утѣшеніе, такъ что крестъ болѣзни будетъ для тебя воистину отраднымъ крестомъ.—Какое же это средство? Да очень простое: *возблагодари Господа* отъ всего сердца за болѣзнь твою, скажи: „Господи! Ты лучше меня знаешь, что для меня полезнѣе, Ты послалъ мнѣ болѣзнь, значитъ, такъ надобно, и слава Тебѣ, Господи, что сподобилъ меня, грѣшнаго, потерпѣть хоть немного за грѣхи мои!“ Скажи такъ: и вѣрь, братъ мой, тебѣ сразу легче станетъ: твое сердце согрѣется надеждою на милосердіе Божіе, и душа твоя почувствуетъ, что съ этой минуты она на рукахъ небеснаго Отца. Такъ чувствовалъ себя и преподобный Пименъ многоболѣзненный. (Изъ кн. „Всѣмъ скорбящимъ во утѣшеніе“, изд. ред. Троицкихъ лист.).

3. Размышленія, утѣшающія въ болѣзни.

1. Болѣзни гораздо меньше въ сравненіи въ великостью нашихъ беззаконій, и мы гораздо большихъ мученій и страданій достойны. Господь подлинно, какъ говоритъ царе-пророкъ, *не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ есть намъ, ниже по грѣхомъ нашимъ воздалъ есть намъ* (Псал. СII, ст. 10).

2. Іисусъ Христосъ, Спаситель нашъ, несказанно продолжительнѣйшія и мучительнѣйшія претерпѣлъ страданія. Державный пророкъ, предвидя духомъ страданія Спасителя, говоритъ въ лицѣ Его слѣдующее: „Азъ же есмь червь, а не человѣкъ, поношеніе человѣковъ и уничиженіе людей. Вси, видящіи Мя, поругашася, глаголаша устами, покиваша главою: упова на Господа, да избавитъ Его, да спасетъ Его, яко хощетъ Его... Обыдоша Мя пси мнози, сонмъ лукавыхъ одержаше Мя, ископаша руцѣ Мои и нозѣ Мои, исчетоша вся кости Моя... Раздѣлиша ризы Моя себѣ и о одежди Моей меташа жребій“ (Пс. XXI, ст. 7, 8, 9, 17, 18 и 19). То же предрекъ о Немъ Исаія, какъ будто бы самовидецъ бывшій страданій Христовыхъ. „И видѣхомъ Его (Мессію),—говоритъ онъ,—и не имяше вида, ни доброты: но видъ Его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Человѣкъ въ язвѣ сый, и вѣдый терпѣти болѣзнь... Сей грѣхи нашаноситъ, и о насъ болѣзнуетъ, и мы вмѣнихомъ Его быти въ трудѣ, и въ язвѣ отъ Бога, и во озлобленіи. Той же язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша, наказаніе мира нашего на Немъ, язвою Его мы исцѣлѣхомъ. Вси яко овцы заблудихомъ, человѣкъ отъ пути своего заблуди, и Господь предаде Его грѣхъ ради нашихъ. И той, зане озлобленъ бысть, не отверзаетъ устъ Своихъ, яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ“ (Исаіи LIII, ст. 2, 3, 4, 5, 6 и 7). Многихъ святыхъ болѣзни и страданія далеко превзошли болѣзни и страданія наши. Примѣромъ тому служатъ Іовъ, Давидъ (сей послѣдній во псалмахъ VI, XXX, XXXVII, и XL живо и трогательно описываетъ тѣлесныя и душевныя свои страданія). Нищій Лазарь (Лук. гл. XVI), разслабленный, 38 лѣтъ находившійся въ разслабленіи, многіе бѣсноватые, слѣпые, хромые, и другіе безчисленные, болѣзнями одержимые, какихъ страданій не претерпѣли!

3. Богъ возлюбленныхъ и избранныхъ Своихъ предопредѣлилъ къ тому, чтобы они сообразны были образу Сына Его и въ страданіи, и въ терпѣніи болѣзней и мученій. *Ихъ же предувѣдѣ,* — говоритъ апостолъ Павелъ,—*тѣхъ и предустави сообразныхъ быти образу Сына Своего* (Римл. VIII, ст. 29).

4. Неизреченна милость Господня къ намъ, что мы еще живы, что болѣзни не восхитили насъ доселѣ изъ среды живыхъ, что еще продолжаются къ намъ милости Господни, и съ каждымъ днемъ возобновляются, изъ коихъ важнѣйшая и драгоцѣннѣйшая есть вѣра во Іисуса Христа, Господа нашего. Пророкъ Іеремія говоритъ: милость Господня, яко не погибохомъ, не скончашася бо щедроты Твоя, новая во утріихъ, многа есть вѣра Твоя. Часть моя Господь: сего ради пожду Его (Плач. Іер. III, ст. 22, 23 и 24).

5. Болѣзни тѣла суть врачевства для души. Что лѣкарство для тѣла, то тѣлесная *болѣзнь* для души. Душа христіанина заражается грѣхомъ, одержима бываетъ слабостію вѣры и любви, а посему Богъ между прочими врачевствами благоволитъ врачевать ее тѣлесными болѣзнями и немощами. Но какъ лѣкарства больному, хотя обыкновенно и непріятны, однакожъ, нужны и полезны: такъ и болѣзни тѣлесныя хотя для насъ непріятны, но нужны и полезны.

6. Болѣзни отъ Бога не посылались бы на насъ, если бъ не нужно было посредствомъ ихъ доводить насъ до помы-

шленія о причинахъ болѣзней, то-есть, о грѣхахъ и беззаконіяхъ, о возстаніи отъ паденія, о исканіи Врача души Христа Іисуса. А иногда служатъ онѣ къ обузданію плотскихъ вожделѣній и къ прекращенію случаевъ и склонности ко грѣхамъ.

7. Богъ не отягчалъ бы избранныхъ Своихъ таковою тяжестію, если бъ не полезно имъ было нести ее. Болѣзнь дѣлаетъ ихъ терпѣливыми, готовыми къ понесенію бо́льшихъ тяжестей и укрѣпленными противу постигающихъ злоключеній. Болѣзненными страданіями научаются они терпѣть всякія страданія и бѣдствія, какія должно сносить за Христа; сверхъ того научаются истинно цѣнить здоровье, какъ наилучшій даръ Божій, дорожить имъ и, сколько возможно, стараться о сбереженіи его.

8. Съ христіанами то же случается, что было съ Іовомъ и Давидомъ, которые жесточайшія претерпѣли болѣзни и страданія, какъ въ тѣлахъ, такъ и въ душахъ своихъ.

9. Мы не одни бываемъ больны: другіе, лучшіе насъ, жесточайшими одержимы болѣзнями, заключены въ темницы, терпятъ ужаснѣйшія пытки и наказанія; а иные каждую минуту терпятъ мученія, жесточайшія самой смерти,

10. Справедливо наказуемся болѣзнями, ибо, *аще быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были* отъ Господа (1 Кор. XI, ст. 31).

11. Какъ мы сами исправляемся отъ болѣзней и побуждаемся къ возстанію отъ грѣховъ и къ молитвамъ, такъ и съ другими то же происходитъ.

12. Христосъ - Спаситель избавилъ насъ отъ болѣзней адовыхъ.

13. Надлежитъ земной храминѣ тѣла нашего мало-по-малу болѣзнями разрушаться, дабы получить *созданіе отъ Бога, храмину нерукотворену, вѣчну на небесѣхъ* (2 Кор. V, ст. 1).

14. Временныя страданія въ болѣзняхъ суть ничто въ сравненіи съ радостями, уготованными въ вѣчной жизни любящимъ Бога и пребывшимъ твердыми въ вѣрѣ.

15. Чрезъ болѣзни, какъ бы въ славномъ училищѣ, научаемся быть способными къ наслажденію будущими благами на небесѣхъ.

16. Нѣтъ такой болѣзни, нѣтъ такого страданія, отъ коего бы Богъ не могъ избавить, кого только восхощетъ. „Аще слухомь услышиши гласъ Господа Бога твоего,—глаголетъ Господь Моѵсею, — и угодная предъ Нимъ сотвориши, и внушиши заповѣдемъ Его, и сохраниши вся оправданія Его: всяку болѣзнь, юже наведохъ египтяномъ, не наведу на тя. Азъ бо есмь Господь Богъ твой исцѣляяй тя“ (Исход. XV, ст. 26). *Многи скорби праведнымъ,*—говоритъ державный пророкъ,—*и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь* (Псал. XXXIII, ст. 20). И въ другихъ мѣстахъ: *спасеніе праведныхъ отъ Господа, и защититель ихъ есть во время скорби* (Псал. XXXVI, ст. 39). „Возваша (праведніи) ко Господу, внегда скорбѣти имъ, и отъ нуждъ ихъ спасе я. И изведе я изъ тьмы и сѣни смертныя, и узы ихъ растерза“. (Псал. CVI, ст. 13 и 14). *Вѣсть Господь,* — говоритъ апостолъ Петръ,—*благочестивыя отъ напасти избавляти, неправедники же на день судный мучимы блюсти* (2 Петр. II, ст. 9).

17. Богъ не возложитъ на насъ большей тяжести, нежели какую мы можемъ понести. Искушеніе васъ не достиже,— говоритъ апостолъ Павелъ, — точію человѣческое: вѣренъ же Богъ, Иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести“ (1 Кор. X, ст. 13).

18. Болѣзни намъ посылаются для открытія чрезъ нихъ славы Божіей. *Ни сей* (слѣпорожденный) *согрѣши, ни родителя его, но да явятся дѣла Божія на немъ* (Іоан. IX, ст. 3). *Сія болѣзнь* (Лазаря) *нѣсть къ смерти, но къ славѣ Божіей, да прославится Сынъ Божій ея ради* (Іоан. XI, ст. 4).

19. Чрезъ страданія и мученія подобаетъ намъ входить въ вѣчную славу, такъ какъ Христосъ Спаситель предшествовалъ намъ въ томъ Своимъ примѣромъ. *Не сія ли подобаше,*—говоритъ Самъ Спаситель,—*пострадати Христу, и внити въ славу Свою?* (Лук. XXIV, ст. 26). (См. кн. „Утѣшеніе скорбящихъ“, свящ. Гр. Дьяченко, ч. 1-я).

4. Образецъ христіанскаго человѣколюбія.

Всѣмъ намъ извѣстна заповѣдь Божія, что мы ближнихъ своихъ должны любить, какъ самихъ себя. Но въ чемъ же должна выражаться эта любовь? Обратимся къ жизни святыхъ, и тогда найдемъ рѣшеніе этого вопроса. Образецъ христіанскаго человѣколюбія, между прочимъ, представляетъ намъ св. Кипріанъ священномученикъ. Исторія рисуетъ слѣдующую картину его святой жизни. Солнце льетъ горячіе лучи на пустынныя улицы города Карѳагена. Нестерпимый зной разлитъ въ воздухѣ. Городъ угрюмъ и печаленъ. Не видно въ немъ обычнаго оживленія: не слышно шума людского, не мчатся колесницы, не тѣснятся пѣшеходы. Въ домахъ больные страшною моровою язвою, умирающіе отъ этой жестокой болѣзни, да тлѣющіе трупы уже умершихъ; и на улицахъ всюду гибельные слѣды ужаснаго мора: слышны стоны больныхъ, напрасно взывающихъ о помощи, проклятія отчаявшихся, видны неубранные, почернѣвшіе трупы. Всѣ же живые, здоровые, всѣ, кто могъ двигаться, всѣ бѣжали въ неописуемомъ страхѣ вонъ изъ несчастнаго города, изъ этого ужаснаго царства смерти и страданій. Но во дни безпощаднаго бѣдствія, среди брошенныхъ больныхъ и умирающихъ часто появляется христіанскій пастырь Купріанъ и неутомимо служитъ страждущимъ. Однимъ онъ приноситъ пищу, другимъ—утоляетъ жажду, инымъ устраиваетъ удобное ложе, даетъ лѣкарства, ко всѣмъ спѣшитъ онъ съ добрымъ, ласковымъ словомъ ободренія и утѣшенія... Его человѣколюбивый взоръ останавливается не только на единовѣрцахъ, но и на всѣхъ несчастныхъ, страждущихъ, безъ различія ихъ вѣры и происхожденія. Всѣмъ одинаково онъ другъ, благодѣтель и слуга. Не страшитъ его дыханіе заразы, не останавливаетъ смрадъ тлѣющихъ труповъ, не отвращаетъ ни ужасный видъ страдальцевъ, ни ихъ стоны мученій, ни крики отчаянія и озлобленія. Полный любви, онъ готовъ откликнуться на всякій крикъ и стонъ. Св. Кипріанъ — истинный служитель Христовъ, другъ страждущихъ, ранѣе былъ невѣжественный язычникъ. Всю юность свою провелъ онъ въ роскоши и удовольствіяхъ. Встрѣча съ однимъ христіанскимъ священникомъ и бесѣды съ нимъ были причиною рѣшительной перемѣны внутренней и внѣшней жизни Кипріана. Принявъ св. крещеніе, онъ пріучилъ себя къ посту и молитвѣ, внимательно изучалъ священное писаніе и свое имущество тратилъ уже не на прихоти и роскошь, а на помощь бѣднымъ и несчастнымъ. Такова-то сила и вліяніе истинной вѣры и слова Божія! За свое благочестіе Кипріанъ былъ поставленъ во священники, и съ тѣхъ поръ началась его человѣколюбивая, пастырская дѣятельность. Свою святую жизнь Кипріанъ закончилъ ссылкой и мученическимъ подвигомъ. Когда, въ 297 г. по Р. Хр., за твердое исповѣданіе вѣры его привели на казнь, то онъ, помолившись Богу, благословилъ плачущій о немъ, своемъ другѣ и благодѣтелѣ, народъ, самъ завязалъ себѣ глаза, склонился подъ мечъ палача и мирно переселился къ Тому, Кто обѣщалъ вѣчное блаженство всѣмъ вѣрнымъ послѣдователямъ Своимъ...

Прекрасна и полна подвигами жизнь св. Кипріана! Но изъ всѣхъ подвиговъ ярче сіяетъ свѣтомъ истинной любви подвигъ его во время моровой язвы! Этотъ подвигъ съ похвалою помянетъ правосудный Судія въ день страшнаго суда. Въ этомъ подвигѣ проявилась самая высшая степень христіанской любви! Въ немъ Кипріанъ не только благотворилъ и помогалъ, но и самого себя, свою жизнь, ежеминутно подвергалъ опасности; слѣдовательно, всегда *былъ готовъ душу свою положить за други своя* — имѣлъ такую *любовь, больше которой нѣтъ...*

5. Самоотверженный подвигъ миссіонера среди прокаженныхъ.

Бельгійскій миссіонеръ, священникъ Даміанъ Вейстеръ, десять лѣтъ проповѣдуя евангеліе на Сандвичевыхъ островахъ (съ 1863 г. по 1873 г.), до глубины души тронутъ былъ положеніемъ пораженныхъ проказою, которыхъ очень много на этихъ островахъ, и которыхъ правительство выселяетъ на особо назначенный для нихъ уединенный островъ Молокаи. Въ 1873 г., 33-хъ лѣтъ отъ роду, въ полномъ расцвѣтѣ силъ, о. Даміанъ рѣшился поселиться на островѣ Малокаи, съ тѣмъ чтобы посвятить всю свою жизнь этимъ брошеннымъ страдальцамъ—прокаженнымъ не только физически, но и нравственно.

Отчаяніе, гнетущая тоска и развратъ—вотъ что встрѣтилъ на островѣ о. Даміанъ, гдѣ было до тысячи прокаженныхъ. Въ недѣлю ихъ умирало отъ 10 до 12-ти человѣкъ, но взамѣнъ умершихъ являлись новые, и убыли не было замѣтно. Прокаженные приготовляли водку изъ туземнаго растенія „ки“ и, подавленные отчаяніемъ, пили это зелье безъ мѣры, чтобы забыться въ опьяненіи. Послѣдствіемъ была страшная распущенность, особенно поражающая и омерзительная среди этихъ обезображенныхъ, разлагающихся живыхъ труповъ.

Но о. Даміанъ не отшатнулся отъ этой бездны порока; онъ кротко, съ словомъ любви и увѣщанія обратился къ этимъ озвѣрѣвшимъ людямъ, и—въ короткое время переродилъ ихъ. „Ки“ исчезло, и его замѣнили молитва и трудъ... О. Даміанъ сталъ неразлученъ съ своей паствой, давая имъ примѣръ во всемъ; мѣняя топоръ на лопату, лопату на кирку, устраивалъ онъ опрятныя, удобныя жилища, изыскивалъ колодцы, строилъ церкви. Страшную болѣзнь, разумѣется, нельзя было излѣчить, но попеченіями и мѣропріятіями о. Даміана разъѣдающая сила болѣзни была пріостановлена, самыя же страданія значительно уменьшены. О. Даміанъ сумѣлъ утѣшить страждущихъ, возбудить въ нихъ вѣру, наполнивъ души ихъ надеждою на иную, лучшую жизнь ихъ тамъ, „идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе“.

За время своего служенія на островѣ о. Даміанъ обратилъ къ христіанской вѣрѣ и напутствовалъ при кончинѣ болѣе двухъ тысячъ прокаженныхъ. Великая сила любви принесла свой плодъ: не одинъ изъ прокаженныхъ говорилъ, что если исцѣленіе связано съ уходомъ съ острова и разлукой съ о. Даміаномъ, то онъ не хочетъ исцѣленія; что касается о. Даміана, то никакія земныя побужденія не могли бы разлучить его съ прокаженными.

— „Меня жалѣютъ,—говорилъ онъ,—а я счастливѣйшій изъ миссіонеровъ“... Мягкой рукой дотрогивался онъ до ранъ тѣлесныхъ и душевныхъ, былъ пастыремъ, судьею, школьнымъ учителемъ, плотникомъ, садовникомъ и могильщикомъ; тринадцать лѣтъ проказа не коснулась о. Даміана и, при непосредственномъ и постоянномъ общеніи его съ прокаженными, всѣ приписывали это чуду.

Черезъ 13 лѣтъ, въ 1885 г., о. Даміанъ впервые почувствовалъ въ себѣ признаки заразы и остался совершенно спокоенъ. „Я всегда ожидалъ этого“,—проговорилъ онъ.

„Я самъ зараженъ этой страшной болѣзнью“,—пишетъ онъ.—„Микробы поселились въ лѣвой ногѣ, а также въ ухѣ; одна изъ бровей исчезла... Вскорѣ я буду обезображенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я не сомнѣваюсь въ своей болѣзни, я испытываю особенное спокойствіе, чувствую себя счастливѣе, чѣмъ когда-либо, и предаю себя волѣ Божіей. Богу лучше извѣстно, что нужно для моего спасенія; Богъ любитъ насъ больше, чѣмъ мы умѣемъ любить себя, и, глубоко въ томъ убѣжденный, произношу: „да будетъ воля Твоя“.

„Я счастливъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—доволенъ и спокоенъ въ томъ нѣсколько исключительномъ положеніи, въ которое Провидѣнію угодно было поставить меня“.

Черезъ годъ, уже въ жестокихъ страданіяхъ, измученный проказой, онъ пишетъ: „слава Богу, до сихъ поръ руки цѣлы, я ежедневно служу обѣдню, и это для меня величайшее утѣшеніе. Такъ какъ у меня много работы, то время проходитъ скоро, и радость, которою Богъ наполняетъ мою душу, дѣлаетъ меня счастливымъ. Вѣроятно, Господь для Своихъ благихъ цѣлей и для пользы души моей послалъ мнѣ эту болѣзнь“.

Въ мартѣ 1889 г., за нѣсколько дней до кончины, среди невѣроятныхъ мученій, онъ пишетъ посѣщавшему его художнику Клифорду: „шлю искреннюю память дорогому другу. Тихо восхожу по крестному пути и скоро достигну своей „Голгоѳы“.

Его соборуютъ, и онъ радостно восклицаетъ: „какъ благъ Господь! Я дожилъ до того, что оставляю здѣсь послѣ себя двухъ священниковъ и трехъ сестеръ въ больницѣ. Мнѣ осталось сказать: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ.* Дѣло прокаженныхъ обезпечено, я болѣе не смущенъ, я могу отойти“.

15 апрѣля 1889 года его не стало. (Изъ брошюры: „Жизнь миссіонера отца Даміана Вейстеръ“; снес.: „Радость христіанина при чтеніи библіи, какъ слова жизни“. Годъ 2-й, VII кн. 29 іюля 1893 г., стр. 73—5).

6. Состраданіе къ больнымъ и убогимъ въ древней Руси.

Есть семейства, которыя не только не тяготятся убогими, а окружаютъ ихъ всевозможными попеченіями, почитая присутствіе ихъ въ своей средѣ залогомъ благословенія Божія. Въ старину даже цари наши не гнушались убогими, какъ братіей Христовой, и въ обращеніи съ ними показывали поразительное смиреніе. Это, напримѣръ, извѣстно о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Этотъ благочестивый царь, лично показывая антіохійскому патріарху Макарію благоустроенный его царскими щедротами Саввинъ Сторожевскій монастырь, привелъ патріарха къ параличнымъ и больнымъ братіямъ обители. Описавшій это событіе, одинъ изъ спутниковъ патріарха, говоритъ по сему случаю: „нѣкоторые изъ насъ едва вошли въ ихъ жилище, не могли вытерпѣть чрезвычайно испорченнаго воздуха и не могли вынести зрѣлища этихъ недвижимыхъ страдальцевъ. Но царь ни на что не обращалъ вниманія, занятый желаніемъ, чтобы патріархъ помолился объ ихъ исцѣленіи. По мѣрѣ того, какъ патріархъ благословлялъ каждаго особо, царь подходилъ и цѣловалъ каждаго въ голову, въ уста и руки—всѣхъ отъ перваго до послѣдняго. И было чудно видѣть столько святости и смиренія, хотя мы о томъ только думали, какъ бы поскорѣе выбраться изъ этого мѣста. Но этимъ царь еще не удовлетворился: онъ повелъ патріарха въ келью, гдѣ находился больной монахъ, лѣтъ восемь лишившійся употребленія ногъ: его снимали съ одра и возили въ санкахъ; онъ постоянно молился, чтобы смерть прекратила его страданія. Патріархъ, по предложенію царя, прочиталъ нѣсколько молитвъ надъ болящимъ, преподалъ ему благословеніе и наставленіе. Послѣ того царь приблизился къ страдальцу и, какъ у прочихъ, поцѣловалъ у него голову, уста и руки. „Выходя отсюда, — заключаетъ описатель происшествія,—мы едва вѣрили своему счастію, счастію избавиться отъ этого убійственнаго воздуха“. (Извлеч. изъ кн.: „*Очерки христ. жизни*“, прот. В. П. Нечаева, нынѣ епископа костромского Виссаріона).

7. **За все благодари Господа.**

Св. Павлинъ, епископъ ноланскій, говорилъ: „если Богъ есть нашъ помощникъ въ борьбѣ со врагомъ, то и паутинныя сѣти охранятъ насъ лучше, чѣмъ каменныя стѣны; напротивъ, если Богъ оставилъ меня и нѣтъ Его со мною, тогда тончайшая паутинная ткань сдѣлается сильнѣйшею для меня преградою къ достиженію моей цѣли, чѣмъ самыя крѣпкія стѣны“, и въ доказательство справедливости своихъ словъ приводитъ такой разсказъ: „Одинъ ноланскій священникъ, по имени Феликсъ, укорялъ язычниковъ за ихъ мерзкое идолопоклонство; язычники за это злобно преслѣдовали его и хотѣли убить его; но онъ, убѣгая отъ преслѣдованія, скрылся отъ глазъ ихъ въ тѣсномъ промежуткѣ, между двухъ каменныхъ старыхъ построекъ или стѣнъ; въ одной изъ послѣднихъ находилась разсѣлина, чрезъ которую гонимый священникъ пролѣзъ, и такимъ образомъ язычники потеряли его изъ виду, хотя и прилежно разсматривали ту разсѣлину, затканную паутиною, которую паукъ немедленно исправилъ, и изъ этого заключили они, что чрезъ разсѣлину никто не пролѣзалъ, иначе паутина была бы разорвана, а потому и прекратили преслѣдованіе“. Итакъ, вѣрно сказано: праведные взываютъ (молитвенно призываютъ Бога на помощь), и Господь слышитъ и отъ всѣхъ бѣдствій избавляетъ ихъ.

Какъ же послѣ этого не славословить Господа Бога и не благодарить Его?! Недаромъ поэтому каждое богослуженіе начинается славословіемъ: *Благословенъ Богъ нашъ... Благословенно царство Отца, и Сына, и Святаго Духа,*—такъ начинается каждая церковная служба. И каждое почти моленіе оканчивается прославленіемъ имени Божія: *яко подобаетъ Тебѣ всякая слава, честь и поклоненіе Отцу, и Сыну, и Святому Духу... Яко Твоя держава, и Твое есть царство, и сила, и слава... Яко Твое есть царство, и сила, и слава...*

Необходимость благодарности Богу засвидѣтельствована какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ. Вотъ что мы читаемъ въ ветхомъ завѣтѣ: „Тако глаголетъ Господь Богъ: слушайте небеса, и внимай земля; Я воспиталъ и возвысилъ сыновей, а они возмутились противъ Меня. Волъ знаетъ владѣтеля своего и оселъ—ясли господина своего, а народъ Мой не разумѣетъ. Оставили Господа, презрѣли Святаго Израилева, повернулись назадъ“ (Ис. I, 2, 3 и 4). Такъ Господь Богъ укорялъ народъ еврейскій за неблагодарность и даже какъ бы жаловался на него... Въ новомъ завѣтѣ Господь также осуждаетъ неблагодарность и похваляетъ благодарность. Возьмемъ въ примѣръ евангельскій разсказъ объ исцѣленіи десяти прокаженныхъ мужей. Однажды Іисусъ Христосъ входилъ въ одно селеніе, и Его встрѣтили десять человѣкъ прокаженныхъ, т.-е. людей, страдавшихъ болѣзнью „проказа“. Не смѣя близко подойти къ Нему, они остановились издали и громкимъ голосомъ говорили: *Іисусе Наставниче, помилуй ны!* Увидѣвши ихъ, Іисусъ Христосъ повелѣлъ имъ показаться священникамъ. Тѣ пошли и дорогою исцѣлились отъ проказы. Одинъ изъ нихъ, замѣтивъ, что онъ исцѣлился, возвратился къ своему Благодѣтелю, громкимъ голосомъ прославляя Бога, и палъ ницъ къ ногамъ Его, благодаря Его; и это былъ самарянинъ. Тогда Спаситель сказалъ: „Не десять ли очистились? Гдѣ же девять? Какъ они не возвратились воздать славу Богу, кромѣ сего иноплеменника? И сказалъ ему: встань, иди, вѣра твоя спасла тебя“ (Лук. XVII, 12—19).

Не уподобляемся ли и мы, христіане, неблагодарнымъ прокаженнымъ людямъ? Сколько благодѣяній мы ежедневно получаемъ отъ Отца небеснаго! Но благодаримъ ли мы Его, славословимъ ли мы Его?! Довольно намъ только продолжительнаго благоденствія, здоровья, успѣховъ и ничѣмъ не смущаемой беззаботности, чтобы привести насъ къ забвенію того, что всѣ эти блага намъ дарованы Богомъ.

Нѣтъ, христіанинъ, всегда и во всемъ благодари Отца небеснаго, помня наставленіе апостола Павла: *за все благодарите* (1 Ѳессал. 5, 18). „Прославляй своего Создателя,—говоритъ св. Василій Великій,—ибо для того ты и созданъ, чтобы быть достойнымъ орудіемъ славы Божіей“. „Мы для того созданы разумными и столько возвышены надъ безсловесными, чтобы возносили къ Создателю всяческихъ непрестанныя хвалы и славословія... Нашъ долгъ — непрестанно прославлять Господа нашего и словами и добродѣтельною жизнію“,—говоритъ другой отецъ церкви (св. Іоаннъ Златоустъ). (См. „Воскр. лист.“ № 349, изд. ред. журн. „Воскр. День“).

8. Какъ возбуждать въ себѣ духъ молитвенный? [1]).

(Изъ твореній покойнаго епископа Ѳеофана).

Дѣло молитвы есть первое дѣло въ христіанской жизни. Молитва — дыханіе духа. Есть молитва, — живетъ духъ; нѣтъ молитвы, — нѣтъ жизни въ духѣ.

Стоять предъ иконою и класть поклоны — не есть еще молитва, а только принадлежность молитвы; читать молитвы — на память, или по книжкѣ, или слушать ихъ — не есть еще молитва, а только орудіе молитвы, или способъ обнаруженія и возбужденія ея. Сама молитва есть возникновеніе въ сердцѣ нашемъ одного за другимъ благоговѣйныхъ чувствъ къ Богу, — чувства самоуничиженія, преданности, благодаренія, славословія, прошенія, сокрушенія, покорности волѣ Божіей, усерднаго припаданія и пр.

Вся наша забота здѣсь должна быть о томъ, чтобы во время нашей молитвы эти и подобныя чувства наполняли душу нашу, чтобы сердце не было пусто. Когда есть въ немъ всѣ эти чувства, или какое-либо одно изъ нихъ, устремленное къ Богу, то молитвословіе наше есть молитва, а когда нѣтъ, — оно не есть еще молитва.

Молитву, или устремленіе сердца къ Богу, нужно возбудить и возбужденную укрѣпить, или, что то же, нужно воспитать въ себѣ молитвенный духъ.

Первый способъ къ этому есть читательное, или слушательное наше молитвословіе. Читай или слушай, какъ слѣдуетъ, молитвословіе, — и непремѣнно возбудишь и укрѣпишь восхожденіе въ сердце твоемъ къ Богу, т.-е. войдешь въ молитвенный духъ. Въ молитвахъ св. отцовъ движется великая молитвенная сила, и кто всѣмъ вниманіемъ и усердіемъ проникаетъ въ нихъ, тотъ—въ силу закона взаимодѣйствія—непремѣнно вкуситъ молитвенной силы, по мѣрѣ сближенія настроенія своего съ содержаніемъ молитвы. Чтобы наше молитвословіе сдѣлать намъ дѣйствительнымъ средствомъ къ воспитанію молитвы, необходимо совершать его такъ, чтобы и мысль и сердце воспринимали содержаніе молитвъ, составляющихъ молитвословіе.

Вотъ для этого три самыхъ простыхъ пріема: не приступай къ молитвословію безъ должнаго приготовленія; не совершай его кое-какъ, а со вниманіемъ и чувствомъ, и не тотчасъ по окончаніи молитвъ переходи къ обычнымъ занятіямъ.

а) *Приготовленіе къ молитвословію.*

Приступая къ молитвословію, когда бы то ни было, постой немного, или посиди, или походи, — и потрудись въ это время отрезвить мысль, отвлекши ее отъ всѣхъ земныхъ дѣлъ и предметовъ. Затѣмъ помысли, кто Тотъ, къ Кому обратишься ты въ молитвѣ, и кто ты, имѣющій начать теперь это молитвенное къ Нему обращеніе; и возбуди въ душѣ своей соотвѣтственное тому настроеніе самоуничиженнаго и проникнутаго благоговѣйнымъ страхомъ предстоянія Богу въ сердцѣ. Въ этомъ все малое, но немалозначительное приготовленіе — благоговѣйно стать предъ Богомъ въ сердцѣ. Здѣсь — начало молитвы, а доброе начало — половина дѣла.

---

[1]) По поводу молитвеннаго воззванія прокаженныхъ ко Іисусу Христу: «Іисусе Назарянинъ, помилуй ны!»

б) Самое совершеніе молитвословія.

Установившись такъ внутренно, стань предъ иконами, перекрестись, поклонись, и начинай обычное молитвословіе. Читай неспѣшно, — вникай во всякое слово, — мысль всякаго слова доводи до сердца, сопровождая это поклонами — съ крестомъ.—Въ этомъ все дѣло пріятнаго Богу и плодоноснаго чтенія молитвы. — *Вникай во всякое слово и мысль слова доводи до сердца*, иначе: *понимай, что читаешь, и понятое чувствуй.* Читаешь: „очисти мя отъ всякія скверны“, — восчувствуй скверну свою, возжелай чистоты, и — съ полною надеждою проси ее у Господа. Читаешь: „да будетъ воля Твоя“, и въ сердцѣ своемъ совершенно предай участь твою Господу, съ полною готовностію благодушно встрѣтить все, что Господь пошлетъ тебѣ. Читаешь: „и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“,—и въ душѣ своей всѣмъ прости все и, такимъ образомъ, проси себѣ прощенія у Господа. Если такъ будешь дѣйствовать при всякомъ стихѣ молитвы твоей, то у тебя будетъ надлежащее молитвословіе. А чтобы тебѣ успѣшнѣе совершать его именно такимъ образомъ, вотъ что нужно сдѣлать 1) имѣть у себя извѣстное молитвенное правило—небольшое, чтобы, при своихъ обычныхъ дѣлахъ, ты могъ исполнять его неспѣшно; 2) въ свободное время вчитывайся въ молитвы твоего правила, пойми каждое слово молитвы и прочувствуй его, чтобы напередъ знать, что при какомъ словѣ у тебя должно быть на душѣ и въ сердцѣ, дабы — во время молитвословія — легко тебѣ было понимать и чувствовать; 3) если твоя летучая мысль во время молитвы будетъ отбѣгать на другіе предметы, напрягайся сохранять вниманіе и возвращай мысль свою къ предмету молитвы; опять отбѣгаетъ, опять возврати: повторяй чтеніе, пока каждое слово молитвы не прочтешь съ понятіемъ и чувствомъ. Этимъ отучишь мысль свою отъ разсѣянности въ молитвѣ; 4) если же какое слово молитвы сильно подѣйствуетъ на душу,—остановись на немъ и не читай далѣе, — стой на этомъ мѣстѣ вниманіемъ и чувствомъ, — напитай имъ душу свою, или тѣми помыслами, которые оно будетъ производить,—не разоряй этого состоянія, пока оно не пройдетъ само: это знакъ, что духъ молитвы у тебя начинаетъ внѣдряться, а состояніе это—самое надежное средство къ воспитанію и укрѣпленію въ насъ молитвеннаго духа.

в) Что дѣлать послѣ молитвы?

Когда кончишь свое молитвословіе, — не тотчасъ переходи къ какимъ-либо занятіямъ; но также хоть немного постой и подумай,—что это тобою сдѣлано, и къ чему это тебя обязываетъ, сохраняя послѣ молитвы особенно то, что на тебя крѣпко подѣйствовало. Самое свойство молитвы таково, что если хорошо помолишься, какъ слѣдуетъ,—то не захочешь скоро озабочиваться дѣлами: кто вкуситъ сладкаго, не захочетъ горькаго; а вкушеніе этой сладости молитвы есть цѣль молитвословія, и чрезъ это вкушеніе сладости молитвенной въ молитвословіи воспитывается молитвенный духъ.

Исполняя эти немногія правила, скоро увидишь плоды молитвеннаго труда. Всякое молитвословіе оставитъ слѣдъ молитвы въ душѣ, — непрерывное продолженіе его въ томъ же порядкѣ вкоренитъ ее, а терпѣніе въ этомъ трудѣ привьетъ и духъ молитвенный.

Вотъ первый—начальный способъ воспитанія въ насъ молитвеннаго духа! Это—сообразное съ своимъ назначеніемъ совершеніе нашихъ молитвословій. Но это еще не все; здѣсь полагается только начало молитвенной наукѣ. Надобно итти далѣе.

Навыкнувши умомъ и сердцемъ обращаться къ Богу съ стороннею помощію— по молитвенникамъ, необходимо затѣмъ дѣлать опыты и своего собственнаго возношенія къ Богу,—доходить до того, чтобъ душа сама, такъ сказать, своею рѣчью вступала въ молитвенную бесѣду съ Богомъ, сама возносилась къ Нему, и Ему себя открывала и исповѣдывала, что въ ней есть и чего она желаетъ. И этому надо учить душу. Что должно дѣлать, чтобы успѣть въ этой наукѣ?

Первый способъ обученія души къ частому обращенію къ Богу есть *богомысліе*, или благоговѣйное размышленіе о Божественныхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ, — размышленіе о благости Божіей, правосудіи, премудрости, всемогуществѣ, вездѣсущіи, всевѣдѣніи, — о твореніи и промышленіи, объ устроеніи спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ,—о благодати и словѣ Божіемъ, о св. таинствахъ, о царствѣ небесномъ. О какомъ изъ этихъ предметовъ ни стань размышлять, — размышленіе это непремѣнно исполнитъ душу благоговѣйнымъ чувствомъ къ Богу: оно прямо устремляетъ къ Богу все существо человѣка, и потому есть самое прямое чувство къ тому, чтобы пріучить душу возноситься къ Богу. Окончивъ молитвословіе, особенно утромъ, сядь и начинай размышлять—нынѣ объ одномъ, завтра о другомъ Божіемъ свойствѣ и дѣйствіи, и производи въ душѣ соотвѣтственное тому расположеніе. Говори съ св. Димитріемъ ростовскимъ: „иди, св. богомысліе, и погрузимся въ размышленіе о великихъ дѣлахъ Божіихъ“, — растрогивай тѣмъ свое сердце и начнешь изливать душу свою въ молитвѣ. Труда немного, а плода много. Нужны только желаніе и рѣшимость. Стань, напримѣръ, размышлять о благости Божіей, — увидишь, что ты окруженъ милостями Божіими и тѣлесно и духовно, и падешь предъ Богомъ въ изліянія чувствъ благодарности; стань размышлять о вездѣсущіи Божіемъ, уразумѣешь, что ты всюду предъ Богомъ, и Богъ предъ тобою, и не можешь не исполниться благоговѣйнымъ страхомъ; стань разсуждать о правдѣ Божіей, увѣришься, что ни одно худое дѣло не останется безъ наказанія, и непремѣнно положишь очистить всѣ грѣхи свои сердечнымъ сокрушеніемъ предъ Богомъ и покаяніемъ; стань размышлять о всевѣдѣніи Божіемъ, — познаешь, что ничто въ тебѣ не сокрыто отъ ока Божія, и непремѣнно положишь быть строгимъ къ себѣ и внимательнымъ во всемъ, чтобы какъ нибудь не оскорбить всевидящаго Бога.

Второй способъ обученія души къ частому обращенію къ Богу есть обращеніе всякаго дѣла — большого и малаго, во славу Божію. Ибо, если положимъ себѣ за правило, по заповѣди апостола (1 Кор. 10, 31), все творить, даже ѣсть и пить во славу Божію, то непремѣнно при каждомъ дѣлѣ вспомнимъ о Богѣ, и вспомнимъ не просто, а съ опасеніемъ, какъ бы не поступить въ какомъ случаѣ неправо и не оскорбить Бога какимъ-либо дѣломъ. Это и заставитъ обращаться къ Богу со страхомъ и молитвенно просить помощи и вразумленія. А такъ какъ мы почти непрестанно что-нибудь дѣлаемъ, то почти непрестанно будемъ молитвенно обращаться къ Богу; и слѣдовательно, почти непрестанно будемъ проходить науку молитвеннаго въ душѣ возношенія къ Богу. Такъ мы научимъ душу какъ можно чаще въ продолженіе дня обращаться къ Богу.

Третій способъ обученія души къ частому обращенію къ Богу есть частое, въ продолженіе дня, взываніе изъ сердца къ Богу краткими словами, судя по нуждамъ души и текущимъ дѣламъ. Начинаешь что, — говори: Господи, благослови! Кончаешь дѣло, — не языкомъ только, но и чувствомъ сердца говори: слава Тебѣ, Господи! Страсть какая подымется, говори: спаси, Господи, погибаю! Находитъ тьма смутительныхъ помышленій, взывай: изведи изъ темницы душу мою! Предстоятъ неправыя дѣла, и грѣхъ влечетъ къ нимъ, молись: настави мя, Господи, на путь, или: не даждь во смятеніе ноги моея. Грѣхи подавляютъ и влекутъ въ отчаяніе, возопій мытаревымъ гласомъ: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному. Такъ и во всякомъ случаѣ. Или просто чаще говори: „Господи, помилуй! Владычице Богородице, спаси меня! Ангеле Божій, хранителю мой святый, защити меня!“ Или другимъ какимъ словомъ взывай. Только сколько можно чаще дѣлай эти воззванія, всячески стараясь, чтобы они выходили изъ сердца, какъ бы выжатыя изъ него. Когда будемъ такъ дѣлать, будутъ у насъ совершаться частыя умныя восхожденія изъ сердца къ Богу, частыя обращенія къ Богу, частая молитва, а это учащеніе сообщитъ намъ навыкъ умнаго собесѣдованія съ Богомъ.

Итакъ, кромѣ, молитвеннаго правила научать душу молитвенно возноситься къ Богу, существуютъ еще три способа, вводящіе въ молитвенный духъ. Это — посвящать утромъ нѣсколько времени на богомысліе, всякое дѣло обращать во славу Божію и часто обращаться къ Богу краткими воззваніями. Когда утромъ хорошо будетъ совершено богомысліе, оно оставитъ глубокое настроеніе къ помышленію о Богѣ; помышленіе о Богѣ заставитъ душу всякое дѣйствіе свое, и внутреннее и внѣшнее, осторожно содѣвать и во славу Божію обращать; а то и другое поставятъ душу въ такое положеніе, что изъ нея часто будутъ исторгаться краткія молитвенныя воззванія къ Богу. Эти три: богомысліе, твореніе всего во славу Божію и частыя воззванія, суть самыя дѣйствительныя орудія умной и сердечной молитвы. Всякое изъ нихъ возноситъ душу къ Богу. Кто положилъ упражняться въ нихъ, тотъ скоро пріобрѣтетъ навыкъ полагать восхожденія въ сердцѣ своемъ къ Богу. Отторгшись отъ земли, душа вступитъ въ свою область и будетъ сладостно обитать горѣ, здѣсь сердечно и мысленно, а тамъ и существенно сподобится пребывать предъ лицомъ Бога.

НЕДѢЛЯ 30-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Лук. зач. 91-е, гл. XVIII, 18—27 ст.

1. Бесѣда I. Христа съ юношей, вопрошавшимъ Господа о пути ко спасенію.

Въ евангеліи 30-й нед. по 50-цѣ повѣствуется о богатомъ юношѣ, который имѣлъ извѣстную степень совершенства, но былъ далекъ отъ царствія Божія вслѣдствіе пристрастія къ богатству. Приступивъ къ Іисусу, онъ сказалъ: „*Учителю благій, что сотворивъ животъ вѣчный наслѣдствую?*“ Юношескій возрастъ склоненъ болѣе къ разсѣянности и удовольствіямъ; но, при пылкости возраста, удобство исполненія всѣхъ прихотей сердца, подъ защитою высокаго положенія въ свѣтѣ, еще болѣе затрудняетъ борьбу съ искушеніями міра и плоти. И при такихъ-то условіяхъ жизни, несмотря на искушенія отъ міра и плоти, евангельскій юноша заботливо помышляетъ о томъ, чтобы заслужить жизнь вѣчную. Образецъ, достойный подражанія!..

Іисусъ же рече ему: что Мя глаголеши блага; никто же благъ, токмо единъ Богъ. Іисусъ Христосъ возводитъ мысли вопрошающаго юноши къ единому благому по существу Богу, изъ Коего, какъ изъ источника, проистекаетъ все благое и въ людяхъ, и, въ то же время, совершенствуетъ его вѣру къ Себѣ Самому. Говоря: *никто же благъ, токмо единъ Богъ,* Іисусъ Христосъ даетъ разумѣть, что юноша, называя Его благимъ, не имѣетъ объ Немъ яснаго понятія, какое должно имѣть, хотя впрочемъ и самъ несознавая исповѣдуетъ Его такимъ, каковъ Онъ, дѣйствительно, есть. Іисусъ Христосъ какъ бы такъ сказалъ: если ты называешь Меня благимъ, какъ одного изъ обыкновенныхъ учителей, то несправедливо называешь; ибо никто изъ людей не можетъ называться истинно благимъ: но Я не отвергаю отъ Себя наименованія, тобою Мнѣ даннаго, и потому ты, который даешь Мнѣ названіе, приличное одному Богу, долженъ смотрѣть на Меня, какъ на Бога. — *). Вслѣдъ затѣмъ Іисусъ Христосъ прямо отвѣчаетъ на вопросъ юноши: *аще ли хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди. Глагола Ему: кія? Іисусъ же рече: заповѣди вѣси, еже не убіеши, не прелюбы сотвориши, не украдеши, не лжесвидѣтельствуеши; чти отца и матерь, и возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе.*—И каждому изъ насъ, безъ сомнѣнія, извѣстны эти заповѣди; но извѣстно и то, что за нарушеніе ихъ мы подвергаемся тѣмъ большей отвѣтственности, чѣмъ лучше понимаемъ ихъ. Вѣрное соблюденіе заповѣдей требуетъ, чтобы все, въ нихъ заключающееся, во всей полнотѣ, во всемъ пространствѣ было соблюдаемо. Уклоняясь отъ дѣлъ, явно противузаконныхъ, будемъ наблюдать за собою, чтобы не оставалось въ нашемъ кроткомъ, по-видимому, сердцѣ ни гнѣва, ни памятозлобія; чтобы, при обычной скромности нашего поведенія, ни малѣйшая тѣнь своеволія не помрачала нашего цѣломудрія; чтобы, при видимомъ усердіи къ пользамъ ближняго, не было нанесено ему оскорбленія, не только дѣломъ, даже словомъ, не только въ отношеніи къ внѣшнему его благосостоянію, но и въ отношеніи къ его доброму имени; будемъ точны и строги въ исполненіи обязанностей любви и почтенія къ родителямъ, наставникамъ, начальникамъ; позаботимся о внѣшнемъ и внутреннемъ благосостояніи каждаго ближняго столько же, какъ о самихъ себѣ.

Глагола Ему юноша: вся сія сохранихъ отъ юности моея... О, если бы и каждый изъ насъ могъ сказать о себѣ предъ лицомъ Господа, что сохранилъ невинность, въ святомъ крещеніи дарованную, и въ продолженіе юности не сотворилъ грѣха смертнаго! Но страсти отняли отъ насъ это похваленіе совѣсти, которое такъ утѣшительно слышать изъ устъ евангельскаго юноши!

Искреннее свидѣтельство юноши о своей непорочности подтверждено милостивымъ воззрѣніемъ Господа Іисуса. *Іисусъ же, воззрѣвъ нанъ, возлюби его.*—И какъ не полюбить молодого человѣка, въ цвѣтѣ возраста, богатаго и знатнаго, который сохранилъ свою непорочность и стремится къ усовершенствованію въ добродѣтели! Часто ли можно встрѣтить молодыхъ людей съ подобными качествами?

Вся сія сохранихъ отъ юности моея, что есмь еще не докончалъ? Юноша какъ бы не доволенъ соблюденіемъ заповѣдей закона; онъ желаетъ исполнять сверхъ-законное, сверхъ-должное и проситъ указать, что еще сдѣлать ему? *Что есмь еще не*

---

*) Объясненіе сдѣлано на основаніи толкованій блаж. Ѳеофилакта Болг.

докончалъ? Іисусъ Христосъ въ отвѣтъ на это говоритъ: *аще хощеши совершенъ быти...* Сего-то и желаетъ юноша, для того-то онъ и приступилъ къ Божественному Учителю съ такою ревностію, что бы, по Его указанію, сдѣлаться совершеннымъ. Итакъ, радуйся благочестивый израильтянинъ! ты близокъ къ совершенству. *Единаго еси не докончалъ*; тебѣ остается одно, что надлежитъ сдѣлать для достиженія вожделѣнной цѣли. Итакъ, *иди, елика имаши, продаждь, и даждь нищимъ...* Ты смущаешься?—Слушай далѣе: *и имѣти имаши сокровище на небеси, и ходи въ слѣдъ Мене...* Сколько побужденій къ радости въ одну минуту! Вмѣсто суетныхъ благъ, коими ты обладаешь, и которыя нѣкогда долженъ будешь поневолѣ оставить, ты пріобрѣтаешь сокровище на небеси; вмѣсто временныхъ мірскихъ наслажденій, никогда не удовлетворяющихъ собою душевныхъ стремленій, будешь наслаждаться удовольствіями райскими, доставляющими истинное, неизмѣняемое веселіе въ продолженіе всей вѣчности. Сверхъ того, Іисусъ Христосъ призываетъ тебя ходить въ слѣдъ Его, призываетъ единственно по любви къ тебѣ; ты будешь однимъ изъ Его апостоловъ, однимъ изъ любимыхъ Его учениковъ, которыхъ обѣщалъ посадить на двунадесяти престолѣхъ. Столько-то побужденій къ радости!.. И что же? Юноша отходитъ отъ Господа съ поникшей главой, молча, скорбя...

Слышавъ же юноша слово, отъиде скорбя: бѣ бо имѣя стяжанія многа. Несчастныя стяжанія! Гибельное богатство! Бѣдственная любовь къ удобствамъ жизни! Сколько вы заглушаете благодатныхъ призываній, сколько полагаете препятствій на пути ко спасенію, сколько творите обаяній для совращенія съ этого пути! Но если юноша не чувствовалъ въ себѣ довольно мужества слѣдовать за Іисусомъ, рѣшась на самолишенія, то къ этому Господь и не обязывалъ его подъ угрозою лишенія вѣчной жизни. Ему данъ только совѣтъ къ совершенству, исполненіе котораго предоставлялось его доброй волѣ. Почему же юноша съ прискорбіемъ отходитъ отъ Іисуса Христа? Конечно, потому, что уклоненіе отъ призыванія Божія всегда соединяется съ тайною скорбію, которая, обличая нашу лѣность, неправильную наклонность, пристрастіе къ чему либо, какъ бы въ наказаніе за то отравляетъ горечью жизнь нашу. Можно спастись, не удаляясь отъ міра въ уединеніе и обладая богатствомъ; но должно блюстись отъ привязанности къ міру и благамъ его, которыя легко совращаютъ съ пути къ совершенству, заставляютъ пренебрегать требованіями духа, приводятъ въ забвеніе мысль о благахъ небесныхъ, вѣчныхъ. Мы не знаемъ, что случилось съ евангельскимъ юношей и какова была его послѣдующая участь: можемъ, однако же, предполагать, что привязанность къ богатству, имъ обнаруженная и въ настоящемъ случаѣ воспрепятствовавшая слѣдовать за Іисусомъ, не воспрепятствовала впослѣдствіи содѣлаться христіаниномъ съ пожертвованіемъ не только имѣнія, но и самой жизни за имя Христово. Милостивое на него воззрѣніе Господа и самая скорбь юноши ручаются за добрыя послѣдствія. Обратимся къ себѣ самимъ и размыслимъ: не налагаетъ ли примѣръ евангельскаго юноши и на насъ обязанности—заботиться объ усовершеніи себя въ добрѣ? Какого бы кто состоянія ни былъ, отъ каждаго изъ насъ Господь Іисусъ Христосъ требуетъ совершенства въ добродѣтели, въ любви къ Богу и ближнему, въ дѣлахъ благочестія, правды и цѣломудрія. Только живое усердіе и постоянная заботливость объ усовершеніи себя въ добрѣ содѣлываетъ святыхъ во всякомъ званіи и состояніи, и только единая святость даетъ намъ право на царство небесное.

Но безъ благодатнаго содѣйствія Божія невозможно не только совершенство, даже самое начало добра; посему будемъ молиться Господу, чтобы вразумилъ насъ: что надлежитъ намъ дѣлать для достиженія желаемаго совершенства? А чтобы вмѣсто гласа Божія не вслушаться въ льстивый отвѣтъ собственной плоти, собственнаго самомышленія, и такимъ образомъ не обмануться въ избираемыхъ средствахъ къ усовершенію, будемъ чаще прибѣгать къ совѣту тѣхъ, кто поставленъ Богомъ для нашего наставленія и руководства въ дѣлахъ вѣры и благочестія.

По удаленіи печальнаго юноши, Іисусъ Христосъ, окинувъ взоромъ окружающихъ Его учениковъ и народъ, какъ бы давая знакъ, что хочетъ сказать нѣчто особенно важное, заслуживающее всего ихъ вниманія, сказалъ: *аминь глаголю вамъ,—яко не удобь богатый внидетъ въ царствіе небесное...*

Удобѣе бо есть вельбуду сквозѣ иглинѣ уши пройти, неже богату въ царствіе Божіе внити.

Отчего трудно, отчего почти невозможно богачу въ царствіе Божіе внити? Оттого, что богатому трудно, почти невозможно удержаться отъ привязанности къ богатству и уберечься отъ пороковъ, порождаемыхъ богатствомъ. *Идѣже есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше*, сказалъ сердцевѣдецъ Христосъ (Матѳ. 6, 21). Богатство вообще служитъ удобнымъ и вѣрнымъ средствомъ къ удовлетворенію желаній сердца, всегда склоннаго къ чувственнымъ наслажденіямъ. Сколько же надобно имѣть твердости воли, чтобы постоянно противоборствовать пожеланіямъ, оставлять ихъ безъ удовлетворенія, когда удовлетвореніе такъ удобно, а противодѣйствіе всегда болѣзненно. Блаженъ богатый, если онъ устоитъ противъ искушеній чувственности!—Богатство не многимъ достается вдругъ, по дару или по наслѣдству; большею частію его должно пріобрѣтать. И здѣсь-то заботливость о пріобрѣтеніяхъ нерѣдко соединяется съ обманами, двоедушіемъ, несправедливостями разнаго рода. Пріобрѣтенное требуетъ сбереженія; и вотъ, новыя заботы о сохраненіи богатства, которыя часто обращаются въ жалкую скупость. Скупость страшится потери своихъ сокровищъ; отсюда недовѣрчивость и жестокосердіе. Замѣтимъ притомъ, что пороки, порождаемые богатствомъ, легко извиняются и оправдываются. Такъ, роскошь мы называемъ щедростью, или оправдываемъ необходимостью жить сообразно съ званіемъ и состояніемъ; скупость извиняемъ разумною бережливостью; домогательство прибытка, лихоимство, прикрываемъ взаимнымъ согласіемъ, необходимою въ жизни расчетливостью. А когда есть благовидный предлогъ къ удовлетворенію страстямъ, тогда страсти дѣйствуютъ смѣло, сильно, неудержимо. Порицая въ другихъ иныя страсти, мы одобряемъ страсть къ обогащенію и соревнуемъ ей. Стараясь скрыть всѣ другія страсти, мы не только не скрываемъ суетной заботливости о пріобрѣтеніи богатства, но еще вмѣняемъ себѣ въ обязанность, въ честь. Какъ послѣ этого рачителю богатства любить Бога и ближняго, искать благъ небесныхъ, жить на землѣ для неба, заслужить царство небесное!

Рѣша же слышавшіи: то кто можетъ спасенъ быти? Многіе изъ насъ почти не думаютъ о вѣчномъ спасеніи; многіе смотрятъ на дѣло спасенія, какъ на дѣло очень легкое, не требующее никакой заботы, для пріобрѣтенія котораго довольно одной минуты раскаянія, даже при послѣднемъ вздохѣ смертномъ; иные, напротивъ, смотрятъ на дѣло вѣчнаго спасенія, какъ на дѣло не только трудное, даже невозможное, и потому предаются удовольствіямъ настоящей жизни, не заботясь о томъ, что бы ни случилось въ будущей. При такой общей нечувствительности къ спасенію, при такомъ легкомысліи и маловѣріи, возможно ли достигнуть спасенія? О, будемъ помышлять о дѣлѣ столь важномъ съ большею заботливостію и осмотрительностію. Несомнѣнно, что Богъ хощетъ нашего спасенія, для того и сотворилъ насъ и искупилъ Своею кровію; но не должно сомнѣваться и въ томъ, что мы сами собою, чрезъ собственныя наши усилія, при нашихъ страстяхъ, среди безчисленныхъ препятствій, не сильны устроить наше спасеніе. Для того-то Господь содѣлался человѣкомъ, что люди не могли спастися своими силами; но потому-то мы и можемъ спастися, что Господь, содѣлавшись человѣкомъ, указалъ намъ примѣръ и далъ средства къ спасенію.

Іисусъ Христосъ, чтобы ободрить Своихъ учениковъ, сказалъ: „*отъ человѣкъ невозможно, но не отъ Бога; вся бо возможна суть отъ Бога*“. Слова, утѣшительныя для всѣхъ грѣшныхъ, и даже для тѣхъ, коими обладаютъ страсти сильныя, укорененныя навыкомъ. Итакъ, ободритесь, грѣшные! Богъ желаетъ спасти насъ; а для Него ничего нѣтъ невозможнаго. Нѣтъ препятствій, каковы бы они ни были, которыхъ не могло бы побѣдить Его могущество. Что же остается намъ дѣлать? Съ полнымъ упованіемъ, съ твердою надеждою на помощь Божію, не отлагая времени, вступить на путь спасенія, указанный евангеліемъ. Положивъ доброе начало, мужественно пойдемъ впередъ и впередъ, не обращая вниманія на трудности и препятствія, которыя намъ встрѣтятся, не смущаясь собственною слабостію и паденіями: мало-по-малу препятствія устранятся, изгладятся, силы наши укрѣпятся, паденія будутъ рѣже, и, наконецъ, дастся намъ крѣпость въ добрѣ, несокрушаемая зломъ. Безчисленное множество подобныхъ намъ человѣковъ шли прежде насъ тѣми же путями ко спасенію, и при помощи Божіей достигли его. Спасались люди знатные, сильные, богатые, покинувъ все свое величіе для нищеты Іисусъ Христовой; спасались богатые среди своихъ богатствъ, живя безъ привязанности къ нимъ, въ истинномъ смиреніи, въ постоянной заботливости объ умерщвленіи своихъ пожеланій и страстей, употребляя свои сокровища, по удовлетвореніи необходимыхъ своихъ потребностей, на дѣла любви и благочестія; спасались и бѣдные, не домогаясь обогащенія, довольные своимъ состояніемъ, своею бѣдностью. Много было людей намъ подобострастныхъ, которые изъ гнѣвливыхъ и мстительныхъ содѣлались тихими, кроткими, смиренными; изъ сластолюбивыхъ чудесно превратились въ цѣломудренныхъ и воздержныхъ до крайняго самоумерщвленія; много было міролюбцевъ, которые всецѣло отреклись отъ міра, которые, бывъ равнодушны къ вѣрѣ, хладны въ любви, обратились въ жаркихъ ревнителей вѣры и благочестія; бывъ разсѣянными, содѣлались бдительными, предались саморазмышленію, возлюбили молитву. Однимъ словомъ: много было грѣшныхъ, слабыхъ, лѣнивыхъ, такихъ же, какъ мы, и они содѣлались кающимися, сильными въ добрѣ, совершенными, святыми... Ахъ, что же препятствуетъ и намъ содѣлаться таковыми? Богъ хощетъ, чтобы были и мы святы и совершенны, какъ и Онъ святъ. Мы слабы, немощны; но Онъ всемогущъ. Не будемъ надѣяться на свои силы, возложимъ всю надежду на Бога; постараемся дѣлать только то, что можемъ, а что выше силъ нашихъ, предоставимъ то силѣ Божіей, которая не умедлитъ явиться на помощь намъ. (См. кн. „Часы благогов. размышленій“, кн. I. СПБ. 1858 г.).

2. Церковно-историческіе разсказы объ отреченіи отъ богатства и мірской славы ради Бога и для спасенія души.

Въ числѣ св. подвижниковъ русской земли, промѣнявшихъ и славу и богатство жизни мірской на тѣсную келью, мы видимъ князей, именитыхъ бояръ, купцовъ и людей простого званія.

I. Въ XV вѣкѣ князь вологодскій Андрей Дмитріевичъ оставилъ княженіе на двадцатомъ году своей жизни. Онъ пришелъ въ Спасовъ монастырь, что на Каменномъ островѣ, и просилъ у игумена Кассіана постриженія. Удивился игуменъ, услышавъ такую просьбу изъ устъ юноши-князя. „Напрасно смущаешься, говорилъ на это князь, я имѣю твердое намѣреніе не принимать услуги отъ другихъ, а служить другимъ и нести крестъ по слѣдамъ моего Господа“. Игуменъ, наконецъ, рѣшился принять молодого подвижника въ монастырь и подъ именемъ Іосафа (10 сентября) постригъ въ монашество, сдѣлавъ увѣщаніе не возвращаться помыслами къ разъ покинутому земному величію. Бывшій князь сталъ примѣрнымъ инокомъ, до конца жизни соблюдалъ строжайшій постъ, и мысль о богатствѣ и славѣ никогда не нарушала его душевнаго міра. Однажды, дядя его, ржевскій князь Борисъ, посѣтивъ Іосафа, предложилъ ему основать свой монастырь и давалъ для этого деньги; молодой подвижникъ сказалъ ему: „серебро и золото не нужно тому, кто искренно желаетъ жить въ пустынѣ; раздай бѣднымъ то, что ты опредѣлилъ для меня, и получишь награду отъ Бога“. Такъ и скончался бывшій князь бѣднымъ монахомъ.

II. Такимъ же образомъ оставилъ княженіе и скончался строгимъ подвижникомъ въ Петропавловскомъ монастырѣ, въ XIII в., князь Олегъ Романовичъ Брянскій (20 сентября).

III. Преподобный Варлаамъ Шенкурскій былъ въ IV в. новгородскимъ посадникомъ, т.-е. первымъ послѣ князя лицомъ. Родовыя имѣнія его были такъ велики, что могли бы составить большое княжество. Утомленный трудами правленія такимъ безпокойнымъ городомъ, какъ Новгородъ, вѣчными мятежами и клятвопреступленіями новгородцевъ, бояринъ Василій Степановичъ Своеземцевъ оставилъ свой высокій постъ и удалился въ свои владѣнія на р. Вагѣ (Архангельской губ.). Тамъ построилъ онъ монастырь и къ концу своей жизни постригся въ немъ съ именемъ Варлаама (19 іюня).

IV. Сынъ богатыхъ родителей, препод. Арсеній Тверской (2 марта) отпустилъ на волю своихъ рабовъ, щедро наградилъ ихъ и, раздавъ все имѣніе, тайно ушелъ въ Кіево-Печерскій монастырь (XIV в.).

V. Преп. Авраамій Смоленскій, раздавъ богатство свое церквамъ, монастырямъ и бѣднымъ, ходилъ въ рубищѣ, моля Бога указать ему путь спасенія, и, наконецъ, постригся въ Смоленскомъ монастырѣ Богоматери (21 авг.).

VI. Св. Прокопій Устюжскій (8 іюля) былъ иностранный купецъ, католикъ. Жизнь православныхъ русскихъ иноковъ такъ плѣнила его душу, что онъ принялъ православіе, оставилъ торговлю и нажитое посредствомъ ея богатство и принялъ иночество въ Хутынскомъ Новгородскомъ монастырѣ (XIII в.).

Подобныхъ примѣровъ въ исторіи православнаго подвижничества можно найти множество. Но и приведенные показываютъ, что русскіе люди мужественно выполняли заповѣдь Христову — оставить имѣніе свое, и твердою ногою вступали на эту первую ступень подвижническаго пути. (См. брош. „Тѣсныя врата,“ Сперанскаго, Спб. 1893 г. стр. 13—16).

3. Богатство препятствуетъ спасенію.

(Изъ твореній св. Іоанна Златоуста).

„Не столько имѣютъ препятствій на пути ко спасенію тѣ, кои имѣютъ малое богатство, сколько тѣ, кои погружены въ бездну его, ибо страсть къ богатству тогда совершенно ими владѣетъ. *Яко неудобь богатый внидетъ въ царствіе небесное*. Христосъ этими словами не богатство порицаетъ, но тѣхъ, кои пристрастились къ нему. А ежели трудно войти въ царствіе небесное богатому, то что сказать о любостяжателѣ; ибо ежели не давать отъ своего имѣнія другимъ есть уже препятствіе на пути къ царствію, то представь, какой собираетъ огонь тотъ, кто захватываетъ чужое! Но какъ можетъ возстать тотъ, кѣмъ уже овладѣла ненасытимая страсть къ богатству? Если онъ начнетъ раздавать имѣніе и раздѣлять свои избытки, чрезъ это онъ мало-по-малу будетъ удаляться отъ своей страсти, а впослѣдствіи сіе поприще для него облегчится... Ибо ничто сей страсти не прекращаетъ такъ легко, какъ постепенное ослабленіе желанія корысти. Кто презираетъ богатство, тотъ только подавляетъ въ себѣ страсть къ нему, а напротивъ, кто желаетъ обогатиться и умножить свое имѣніе, тотъ болѣе воспламеняетъ оную и никогда уже не въ силахъ подавить ее. Послѣдній хотя бы собралъ безчисленное богатство, но все желаетъ получить еще столько же; хотя бы удалось ему и это получить, но и тогда онъ пожелаетъ имѣть еще вдвое болѣе; и такимъ образомъ, болѣе и болѣе желая, онъ впадаетъ въ нѣкоторый новый, ужасный и никогда неизлѣчимый родъ сумасшествія, которое заставляетъ его желать, чтобы и горы, и земля, и море, и вообще все претворилось для него въ золото.... Размысливъ о всемъ этомъ, истреби въ себѣ злую страсть къ богатству, ибо ты не можешь сказать и того, что она доставляетъ блага настоящія, а лишаетъ только будущихъ; да хотя бы это было и такъ, впрочемъ, и это есть уже крайнее наказаніе и мученіе.

Да при томъ и не такъ еще бываетъ, ибо страсть къ богатству подвергаетъ тебя жестокому наказанію не только въ гееннѣ, но еще и прежде оной въ настоящей жизни. Страсть сія разоряла многіе дома, воздвигала жестокія войны и заставляла прекращать жизнь насильственною смертію. Да еще и прежде сихъ бѣдствій она помрачаетъ добрыя качества души и часто содѣлываетъ человѣка рабомъ, слабымъ, дерзкимъ, обманщикомъ, клеветникомъ, хищникомъ, лихоимцемъ и вообще имѣющимъ въ себѣ всѣ низкія качества. Но, можетъ быть, ты, смотря на блескъ серебра, на множество рабовъ, на великолѣпіе зданій и на уваженіе къ богатству въ собраніяхъ, обольщаешься всѣмъ этимъ? Какое же средство противъ этой гибельной болѣзни? Собственное твое помышленіе, сколь тяжко это уязвляетъ твою душу, сколько помрачаетъ ее и дѣлаетъ гнусною, безобразною и порочною; собственное твое размышленіе, съ какими бѣдствіями соединено собираніе богатства, съ какими трудами и опасностями должно его беречь, и даже едва ли можно уберечь его до конца жизни.

Но если и удастся тебѣ сберечь его, то приходитъ смерть и передаетъ твое богатство часто въ руки враговъ, а тебя самого похищаетъ ничего не имѣющаго, кромѣ ранъ и язвъ, съ которыми душа твоя переселяется въ тотъ міръ. Итакъ, если ты увидишь кого-нибудь облеченнаго блестящею одеждою и окруженнаго многими тѣлохранителями, то раскрой его совѣсть, и ты найдешь внутри его много паутины и увидишь много нечистоты. Представь Павла и Петра, Іоанна и Илію, и въ особенности Самого Сына Божія, Который не имѣлъ *гдѣ главу подклонити* (Луки IX, 58). Подражай Ему и Его рабамъ и помышляй о неизреченныхъ благахъ ихъ. Если же ты, нѣсколько прозрѣвъ опять, помрачишься земными благами, подобно погибающимъ во время кораблекрушенія, то припомни, что невозможно богатому войти въ царствіе небесное, какъ говоритъ Іисусъ Христосъ... Помышляй не о множествѣ богатства, но о томъ вредѣ, которому подвергаются слишкомъ пристрастившіеся къ оному; они изъ-за него теряютъ небесныя блага и уподобляются тѣмъ, кои въ царскихъ чертогахъ, лишившись великой чести, получаютъ вмѣсто оной кучу навоза и даже еще гордятся этимъ, ибо куча богатства ничѣмъ не лучше кучи навоза, даже еще хуже. Навозъ годенъ къ земледѣлію, истопленію бань и подобному; золото же, закопанное въ землю, совершенно безполезно, да и дай Богъ, чтобы оно было только безполезно. Но оно въ душѣ обладающаго имъ воспламеняетъ какъ бы огненную печь, если не употребляется, какъ должно. Ибо какихъ золъ оно не причиняетъ? Посему свѣтскіе писатели называютъ любостяжаніе верхомъ золъ, а гораздо лучше и съ большею выразительностію назвалъ оное блаженный Павелъ корнемъ всѣхъ золъ. Итакъ, размышляя о всемъ этомъ, поревнуемъ тому, что достойно ревности: не желая величественныхъ зданій или дорогихъ помѣстьевъ, поревнуемъ мужамъ, имѣющимъ великое дерзновеніе къ Богу, которые приготовили себѣ сокровище на небесахъ и наслаждаются онымъ; мужамъ, которые по истинѣ богаты, поелику сдѣлались бѣдными для Христа; поревнуемъ симъ, дабы получить намъ вѣчныя блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому со Отцомъ и Святымъ Духомъ слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ“. (Изъ бес. 64 на еван. Матѳ.).

4. Человѣкъ, не ищи счастія на землѣ!

Что это значитъ, что никакая земная вещь: ни честь, ни богатство, ни таланты, ни знанія не удовлетворяютъ наше сердце? Что значитъ, что мы среди земного счастія скучаемъ и чувствуемъ пустоту души нашей?—Это выразительный голосъ сердца, говорящій: человѣкъ! не ищи благъ на землѣ, въ этой юдоли суеты и тлѣнія, твое блаженство — въ единомъ Богѣ. Къ Нему обращай всѣ твои желанія, въ Немъ ищи постоянныхъ наслажденій и успокоенія!

Этой истинѣ учитъ жизнь царя іудейскаго Соломона. Онъ былъ царь, и царь богатѣйшій, великолѣпнѣйшій и знаменитѣйшій изъ царей своего времени, но послушайте, однако, что говоритъ онъ: „я предпринялъ у себя множество дѣлъ: настроилъ домовъ, насадилъ виноградниковъ, развелъ сады и вертограды, въ которыхъ были у меня всякія плодовыя деревья, надѣлалъ водохранилищъ для орошенія рощей, накупилъ рабовъ и рабынь и множество прислуги; у меня было множество крупнаго и мелкаго скота, болѣе, чѣмъ у всѣхъ, которые жили до меня въ Іерусалимѣ; я собралъ множество золота и серебра, богатства различныхъ царей и странъ хранились въ моей сокровищницѣ; я окружилъ себя пѣвцами и пѣвицами. Никто до меня въ Іерусалимѣ не достигалъ такого величія, не говоря уже о моей мудрости. Все имѣлъ я; чего только ни пожелало бы мое сердце, ни въ какомъ удовольствіи я себѣ не отказывалъ. Но я взглянулъ серьезно на все, что я сдѣлалъ, и увидѣлъ, что вся моя дѣятельность, всѣ труды мои—суета и мученіе духа; суета и мученіе духа — одно, что осталось мнѣ отъ всей моей дѣятельности“ (Еккл. II, 4—11).

5. Гдѣ истинное счастіе для человѣка?

Сердце человѣческое стремится къ счастію. Человѣкъ чувственный ищетъ этого счастія въ земныхъ радостяхъ и наслажденіяхъ, въ земныхъ богатствахъ и почестяхъ. Болѣе возвышенный человѣкъ ищетъ его въ духовныхъ дарахъ. Но какъ часто возмущается это счастіе! Человѣкъ ищетъ истины и замѣчаетъ часто, что онъ принималъ за дѣйствительность пустой только призракъ; — сомнѣнія и противорѣчія безпокоятъ его. Онъ ищетъ счастія въ спокойствіи своей совѣсти,— но какъ часто чувствуетъ и сознаетъ онъ въ минуты одиночества свое ничтожество и безсиліе, и не можетъ найти истиннаго мира! Люди съ низкимъ развитіемъ ума и сердца ничего не знаютъ объ этой борьбѣ. Но сердца болѣе благородныя должны пройти и перечувствовать всѣ ея мученія и перенести все ея бремя и зной. Знаменитый англійскій поэтъ Байронъ расчиталъ, что только одиннадцать счастливыхъ дней онъ имѣлъ въ своей жизни. Калифъ Абдеррахманъ передъ своею смертію писалъ: „я царствовалъ 50 лѣтъ; я имѣлъ богатства, почести и всевозможныя наслажденія; я пользовался любовію и уваженіемъ моихъ друзей; у меня не было недостатка ни въ чемъ, чѣмъ въ этомъ скоропреходящемъ мірѣ можетъ Творецъ надѣлить человѣка, поэтому я захотѣлъ сосчитать тѣ дни, въ которые, по моему мнѣнію, я чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, и нашелъ, что такихъ 14 дней“. А между тѣмъ несчастный негритянскій рабъ въ Америкѣ всплескиваетъ своими отягченными оковами руками и восклицаетъ: „я счастливъ, я счастливъ!“ И почему? „Потому что я имѣю Христа!“ отвѣчалъ онъ. Одно только христіанство и одно только евангеліе въ состояніи удовлетворить стремленію къ счастію. Правда, наша жизнь полна заботъ и трудовъ. Много ненависти и огорченій, печали и страданій отравляетъ кратковременную жизнь человѣка; каждый день приноситъ съ собою новое мученіе. Но христіанинъ, который вѣруетъ въ Бога, содержащаго въ Своей десницѣ всю жизнь его и съ любовію управляющаго всѣми путями его, который знаетъ, что онъ чадо Божіе и *наслѣдникъ небеснаго царства*, который нашелъ наконецъ въ своемъ Спасителѣ миръ и блаженство—онъ одинъ можетъ со смиреніемъ и терпѣніемъ совершенно предаться всеблагой волѣ Божіей,—онъ одинъ можетъ сказать съ апостоломъ: „мы знаемъ, что любящимъ Бога все содѣйствуетъ ко благу“ (Римл. VIII, 28); онъ одинъ пойметъ того негритянскаго невольника и его восклицаніе, и со всею радостію засвидѣтельствуетъ, что онъ ежедневно и обильно находитъ то же счастіе въ своемъ Спасителѣ и въ общеніи съ Нимъ. (Свящ. Г. Дьяченко).

6. Нравственныя преимущества бѣдныхъ людей предъ богатыми.

„Не представляй мнѣ осуждающихъ бѣдность, но представь тѣхъ, которые чрезъ бѣдность прославились, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ. Въ бѣдности воспитанный Илія восхищенъ былъ тѣмъ блаженнымъ восхищеніемъ; ею Елисей прославился, въ бѣдности были Іоаннъ (Предтеча) и апостолы. Съ богатствомъ же Ахаавъ, Іезавель, Іуда, Неронъ и Каіафа погибли. Гдѣ деньги, тамъ случай ко враждѣ и безчисленнымъ распрямъ. Уста корыстолюбія исполнены обидъ, тщеславія, чрезмѣрной гордости, проклятія и лести, а у бѣдности уста и языкъ здравы, исполнены всегда благодарности, благословенія, словъ кроткихъ, ласковыхъ, покорныхъ, одобреній и похвалъ.

Ты скажешь: бѣднаго обижаетъ богатый.—Опять говоришь въ похвалу бѣдности, ибо кто блаженъ, скажи мнѣ? тотъ ли, который обижаетъ, или тотъ, котораго обижаютъ? Очевидно, блаженъ обижаемый и великодушно сносящій обиды. Но обижать заставляетъ сребролюбіе, сносить обиды—бѣдность. Бѣдный, говоришь ты, томится гладомъ; и Павелъ (св. апостолъ) алкалъ. Бѣдный не имѣетъ спокойнаго пристанища; и Сынъ человѣческій не имѣлъ, гдѣ главу преклонить.

Видишь ли ты, какъ далеко простирается достоинство бѣдности, гдѣ она поставляетъ тебя, какимъ уподобляетъ мужамъ, и какъ дѣлаетъ тебя подражателемъ Самого Господа? Если бы имѣть золото было благо, то Іисусъ Христосъ, Который далъ ученикамъ Своимъ неизреченныя блага, далъ бы имъ его. А Онъ не только не далъ имъ его, но и запретилъ имѣть“. (Изъ 90 бес. св. Іоанна Златоуста на ев. Матѳ.).

7. Не ропщи при потерѣ имущества!

Разъ воры украли у препод. Арефы печерскаго, имѣвшаго большое богатство и въ началѣ страдавшаго недугомъ скупости, все его имѣніе; въ отчаяніи онъ хотѣлъ наложить на себя руки, но духовные старцы удерживали его и уговаривали. Онъ никого не хотѣлъ слушаться и отвѣчалъ грубостями на всѣ убѣжденія. Отъ сильной скорби о потерѣ имущества онъ впалъ въ болѣзнь, однако, и въ болѣзни своей не переставалъ роптать на свою участь. Но милосердый Господь, не хотящій погибели грѣшныхъ, дивно вразумилъ его. Однажды онъ долго лежалъ недвижимъ, какъ мертвый, а послѣ началъ взывать: „Господи, помилуй! Господи, прости! согрѣшилъ я, Господи! Все—Твое, и ни о чемъ не жалѣю“. Онъ всталъ и разсказалъ собравшимся братіямъ свое видѣніе. „Я видѣлъ,—говорилъ онъ,—какъ ко мнѣ пришли ангелы и множество бѣсовъ. Бѣсы говорили, что я не прославилъ Бога за покражу имущества и долженъ быть преданъ имъ, ангелы же говорили: „несчастный человѣкъ! если бы ты благодарилъ Бога за украденное у тебя имущество, то это вмѣнилось бы тебѣ въ милость, какъ Іову: великая награда тому, кто даетъ милостыню по своему желанію, но если кто благодарно терпитъ и утрату и предаетъ все благодушно Богу, то въ борьбѣ съ искушеніями заслуживаетъ еще большей милости у Бога“. Когда сказали мнѣ это ангелы, то я закричалъ: „Господи, помилуй! Твое оно — не жалѣю“. Тогда бѣсы исчезли, ангелы же возрадовались. Съ тѣхъ поръ Арефа совершенно измѣнился; теперь онъ уже не роптала, а постоянно хвалилъ Бога и повторялъ слова Іова: „Господь мнѣ далъ, Господь и взялъ. Какъ было угодно Богу, такъ и случилось. Да будетъ благословенно имя Господне во вѣки!“ Онъ сдѣлался добръ и сострадателенъ ко всѣмъ.

Послѣдніе дни своей жизни онъ проводилъ въ затворѣ и здѣсь слезами покаянія заслужилъ прощеніе своихъ прегрѣшеній и удостоился блаженной кончины.

Кончина его послѣдовала въ концѣ XII вѣка. Днемъ ея называютъ 24 октября. (Кіево-печерскій патерикъ).

8. Не считай свою бѣдность великимъ несчастіемъ.

Идетъ бѣдный человѣкъ въ знойный лѣтній день скалистою дорогою и ропщетъ на Бога: „отчего я уродился такимъ несчастнымъ бѣднякомъ, что не имѣю даже на что купить себѣ сапогъ и вотъ совсѣмъ искалѣчилъ свои ноги?“—Послѣ долгаго пути прибылъ онъ, наконецъ, въ городъ и увидѣлъ здѣсь безногаго калѣку, котораго возили для собиранія подаянія на особомъ маленькомъ возкѣ. Бѣднякъ сильно призадумался: „развѣ лучше этому калѣкѣ, чѣмъ мнѣ?“ сказалъ онъ самъ себѣ, — „онъ безъ посторонней помощи не можетъ даже съ мѣста сдвинуться, а я на своихъ собственныхъ ногахъ прошелъ такое большое разстояніе!..“ И тотчасъ же поспѣшилъ онъ въ церковь, упалъ здѣсь на колѣна и съ сокрушеніемъ каялся въ томъ, что возроптал было на Бога, такъ какъ, и будучи босымъ, онъ все же могъ назваться вполнѣ счастливымъ человѣкомъ, въ сравненіи съ безногимъ калѣкою. — Съ тѣхъ поръ бѣднякъ никогда уже болѣе не роптал на Бога и на свою горькую долю. („Воскрес. чтен.“ 1884 г., стр. 799).

9. Примѣры нестяжательности.

I. Жизнь Господа Іисуса Христа представляетъ совершеннѣйшій образецъ полнаго отчужденія отъ всякаго земного стяжанія. Сынъ человѣческій не имѣлъ даже мѣста, гдѣ бы главу преклонить.

II. Св. Макарій такъ мало заботился о своемъ имуществѣ, что когда воръ вошелъ въ его келью и началъ грабить его достояніе, то онъ, увидѣвъ это, не мѣшалъ ему окончить его дѣло и даже помогъ ему навьючить награбленное на мула, причемъ Макарій произнесъ слова Іова: „Богъ далъ, Богъ и отнялъ; да будетъ благословенно имя Господне!“

III. Замѣчательный примѣръ пренебреженія къ земному достоянію показываетъ, далѣе, одинъ древній подвижникъ Агаѳонъ; онъ отказывался не только принимать деньги для себя лично, но и для раздачи бѣднымъ. „Если бы я взялъ деньги для раздачи бѣднымъ, то я принялъ бы двоякую вину“, говорилъ онъ: „съ одной стороны я принялъ бы то, въ чемъ я не имѣю нужды; съ другой стороны я вниду въ грѣхъ тщеславія, принявъ на себя раздачу чужихъ денегъ“.

IV. Египетскіе монахи такъ боялись корыстолюбія, что не дозволяли оставлять послѣ своей смерти даже самое малое количество денегъ, и если у кого изъ нихъ по смерти находили деньги, то зарывали ихъ вмѣстѣ съ владѣльцемъ въ землю, причемъ въ поученіе другихъ восклицали; „серебро твое да будетъ съ тобою въ погибель!“ (Дѣян. VIII. 20).

V. Нѣкоторые изъ грековъ пришли однажды въ городъ Острацины, въ нижнемъ Египтѣ, раздать милостыню. Они взяли съ собою приставниковъ, дабы показывали имъ, кто особенно имѣетъ нужду въ подаяніи. Приставники привели ихъ къ одному изувѣченному и предлагали ему подаяніе. Но онъ не захотѣлъ принять, говоря: „вотъ, я тружусь, плету эти молодые прутья и ѣмъ хлѣбъ отъ трудовъ своихъ“. Потомъ привели ихъ къ хижинѣ одной вдовы съ семействомъ. Когда они постучались въ двери, откликнулась внутри дочь ея, бывшая нагою. А мать уходила въ это время на работу, — она была портомоя. Они предлагали дочери одежду и деньги, но она не хотѣла принять, говоря: „когда пошла мать моя, то сказала мнѣ: будь покойна, — Богъ восхотѣлъ, и я нашла нынѣ работу, теперь мы имѣемъ пищу свою“. Когда пришла мать, они стали и ее просить принять подаяніе, но и она не приняла и сказала: „я имѣю Покровителя моего, Бога, — и вы теперь хотите отнять Его у меня!“ — Услышавъ вѣру ея, они прославили Бога. (Изъ Скитск. пат.).

VI. Принесъ нѣкто старцу денегъ и сказалъ: „возьми на свои нужды, ты состарѣлся и находишься въ болѣзни“,— ибо онъ былъ изувѣченный. Старецъ отвѣчалъ: „ты пришелъ отнять Питателя моего въ продолженіе шестидесяти лѣтъ! Вотъ я сколько лѣтъ нахожусь въ болѣзни,—и ни въ чемъ не имѣлъ нужды, когда Богъ вспомоществуетъ мнѣ и питаетъ меня“, и не рѣшился принять деньги. (Изъ Древн. пат. гл. VI).

VII. Нѣкогда въ скиѳскую обитель пришелъ одинъ незнакомецъ, человѣкъ богатый и изъ высшаго сословія, посмотрѣть братію и пожертвовать нѣкоторую сумму денегъ. И увидѣвъ нищету братіи, онъ далъ настоятелю обители большую сумму денегъ съ тѣмъ, чтобъ онъ раздѣлилъ ее между братіею. Но авва сказалъ ему: „возьми свои деньги назадъ, потому что моя братія ни въ чемъ не нуждается“. Когда же тотъ не переставалъ просить, то авва взялъ деньги, положилъ передъ церковными дверьми и сказалъ братіи: „если кто изъ васъ будетъ имѣть въ чемъ нужду, тотъ пусть возьметъ отсюда!“ Но никто и не коснулся ихъ, многіе же изъ нихъ даже и не хотѣли взглянуть на деньги. Тогда авва сказалъ посѣтителю: „Богъ принялъ твою жертву, теперь возьми опять свои деньги и раздай тѣмъ, кои ничего не имѣютъ“. (Изъ кн. „О трехъ обѣтахъ монашества“, епископа Петра).

10. Поучительный примѣръ милосердія.

Нищелюбивый инокъ Мартирій, идя изъ обители своей въ другую обитель къ духовному своему отцу, встрѣтилъ лежащаго на пути нищаго, покрытаго струпами, который желалъ итти въ ту же обитель, но по причинѣ недуга никакъ не могъ. Тронутый состраданіемъ къ сему нищему, блаженный Мартирій обвилъ его своею мантіею, поднялъ на плеча и продолжалъ съ нимъ путь. Въ то время, какъ онъ уже приближался къ монастырю, духовный отецъ его, имѣющій даръ прозорливости, воззвалъ къ братіи своей: „теките скорѣе, отверзите врата монастырскія; братъ Мартирій несетъ къ намъ Бога“. Но нищій, несомый Мартиріемъ, мгновенно поднялся съ плечъ его и явился ему въ образѣ Христа Спасителя, въ какомъ обыкновенно изображаютъ Его на иконѣ, и, возносясь на небо, сказалъ Мартирію: „ты не презрѣлъ Меня на землѣ, и Я не презрю тебя на небеси; ты на краткое время воззрѣлъ на Меня окомъ милосердія, а Я тебя на вѣки облаженствую,“—и сталъ невидимъ. „Гдѣ Тотъ, Котораго ты несъ?“—спросилъ Мартирія духовный отецъ его, по входѣ въ обитель.—„Если бы я зналъ, отецъ мой, Кого удостоился я нести, то крѣпко ялся бы за нозѣ Его“, — отвѣчалъ Мартирій. — „Тяжело ли тебѣ было нести Его“?—продолжалъ старецъ. „Нѣтъ, отче, сказалъ Мартирій, бремя носимаго мною не имѣло никакой тяжести; ибо я несъ Того, Кто меня и весь міръ носитъ и словомъ Своимъ все содержитъ“ (Прологъ 17 янв.).

11. Угрозы за неисполненіе заповѣдей закона Божія (10-ти заповѣдей).

Вотъ какое слово, какое поученіе предлагаетъ Самъ Богъ тѣмъ, кои не послушаютъ его Божественныхъ повелѣній. Послушайте это грозное поученіе, и да потрясутся всѣ кости наши при мысли, что, можетъ-быть, и мы ослушники, нарушители десяти заповѣдей Господнихъ. „Глагола Господь сыномъ Израилевымъ, глаголя: аще (если) не послушаете Мене, ниже сотворите повелѣній Моихъ сихъ, ни покоритеся Имъ, и о судьбахъ Моихъ вознегодуетъ душа ваша, яко не творити вамъ всѣхъ заповѣдей Моихъ, и яко разорити завѣтъ Мой, и Азъ сотворю сице вамъ, и наведу на васъ скудость, и посѣете вотще сѣмена ваша, и поядятъ я супостаты ваша. И утвержу лицо Мое на васъ, и падете предъ враги вашими, и поженутъ вы ненавидящіи васъ, и побѣгнете никому же гонящу васъ. И положу небо вамъ яко желѣзно, и землю вашу яко мѣдяну. И будетъ вотще крѣпость ваша, и не дастъ земля ваша сѣмени своего, и древа села (поля) вашего не дадятъ плода своего. И пошлю на вы звѣри лютые, земные, и изъядятъ вы, и потребятъ скоты ваша, и умалены сотворю вы, и погубитъ вы находяй мечъ. И будетъ земля ваша пуста, и дворы ваша будутъ пусты. Аще же пойдете ко мнѣ страною, и Азъ пойду съ вами въ ярости страною и накажу вы Азъ седмижды по грѣхамъ вашимъ“ (Левит. XXIV, 14—17, 19, 20, 22, 23, 24). Послушайте, что еще говоритъ Господь Богъ святый Израилевъ къ ослушникамъ заповѣдей Его. „И будетъ, аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего, хранити и творити вся заповѣди Его, и пріидутъ на тя вся клятвы сія. Проклятъ ты во градѣ, и проклятъ ты на селѣ; прокляты житницы твои, и останки твои, проклята исчадія утробы твоея, и плоды земли твоея, стада воловъ твоихъ, и паствы овецъ твоихъ, проклятъ ты внегда входити тебѣ, и проклятъ ты внегда исходити тебѣ. Да пошлетъ тебѣ Господь скудость, и гладъ и истребленіе на вся, на няже возложиши руку твою, елика аще сотвориши, дондеже потребитъ тя, и дондеже погубитъ тя вскорѣ, злыхъ ради начинаній твоихъ, зане оставилъ еси Мя. Да прилѣпитъ Господь къ тебѣ смерть, дондеже потребитъ тя отъ земли. Да поразитъ тя Господь неимѣніемъ, и огневицею, и стужею, и жженіемъ, и убійствомъ, и вѣтромъ тлетворнымъ, и блѣдостію (ржавчиною), и поженутъ тя, дондеже погубятъ тя. И будутъ мертвецы ваши снѣдь птицамъ небеснымъ и звѣремъ земнымъ, и не будетъ отгоняяй. Жену поймеши, и инъ мужъ возымѣетъ ю: домъ созиждеши, и не поживеши въ немъ: виноградъ (или садъ) насадиши, и не обереши его (не собереши плодовъ)... Сынове твои и дщери твоя отданы будутъ языку иному... Сѣмя много изнесеши на поле, и мало внесеши, яко поядятъ я прузи (саранча)... И пріидутъ на тя вся клятвы сія и поженутъ тя, и постигнутъ тя, дондеже потребятъ тя, и дондеже погубятъ тя, яко не послушалъ еси гласа Господа Бога твоего, еже хранити заповѣди Его и оправданія Его, елика заповѣда тебѣ“ (Втор. XXVIII, 15—45).

Проклятъ! Проклятъ!... Страшная нищета, страшный голодъ, и холодъ, и жаръ нестерпимый, всѣ роды болѣзней... Ни дома, ни жены, ни дѣтей, ни скотины, даже для мертвеца нѣтъ горсти земли, чѣмъбы прикрыть бездушный трупъ его!.. Что еще, Господи? Осталась ли у тебя какая-нибудь казнь для преступниковъ святого закона Твоего? — Адъ и вѣчная мука, вѣчный огонь и вѣчная тьма кромѣшная, вѣчный плачъ и вѣчный скрежетъ зубовъ, отвѣтствуетъ слово Божіе.

Ужаснися, всякая душа христіанская, этихъ грозныхъ судовъ Божіихъ! Вострепещите вся кости и плоти наша отъ лица праведнаго гнѣва Божія, грядущаго на насъ, окаянныхъ преступниковъ и ослушниковъ заповѣдей Господа и Судіи нашего! Покаемся, братіе мои возлюбленные, и уничижимъ себя предъ Богомъ, и отъ сердца сокрушеннаго, изъ глубины плачущаго духа возопіемъ ко Господу, *яко Іона изъ чрева китова*: Господи, помилуй! Господи, спаси ны, погибаемъ, понеже не вѣдаемъ заповѣдей Твоихъ, и доселѣ не хотѣли ни вѣдать, ни исполнять ихъ! Господи, ради неизреченнаго человѣколюбія Твоего, Самъ пріиди и воздвигни насъ, падшихъ во глубины золъ и нечестія, и веди насъ, какъ слабыхъ дѣтей, путемъ святыхъ заповѣдей Твоихъ. Ей, *пріиди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны, и спаси, Блаже, души наша* (Изъ поуч. Евсевія, архіеп. могилевскаго, см. Душ. собесѣдн. 1892 г. вып. VII).

НЕДѢЛЯ 31-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Лук. зач. 93-е., гл. XVIII, 35—43 ст.

1. Объ исцѣленіи Господомъ слѣпого на пути въ Іерихонъ.

Егда приближися Іисусъ во Іерихонъ, слѣпецъ нѣкій сидяше при пути прося. Слѣпцу незнакомы тѣ радости жизни, которыя доставляетъ зрѣніе. И дорогихъ сердцу онъ не видитъ. Благодѣтельствуемый, онъ принимаетъ милостыню, и не имѣетъ счастія носить въ сердцѣ своемъ образа своего благодѣтеля...

Прискорбное положеніе слѣпого усугубляется тѣмъ, что онъ не можетъ трудиться для насущнаго своего пропитанія. Его дѣятельность почти ограничивается тѣмъ, чтобы производить состраданіе въ видящихъ его, и на этомъ состраданіи основывать свои надежды на хлѣбъ насущный.

Въ утѣшеніе такихъ несчастливцевъ приведемъ достойныя памяти слова св. Антонія великаго, сказанныя имъ ученому Дидиму, потерявшему зрѣніе отъ болѣзни. „Не трогайся, Дидимъ, потерею очей тѣлесныхъ! Ты лишился такого зрѣнія, которое имѣютъ и насѣкомыя, но лучше радуйся тому, что имѣешь очи, коими видишь ангеловъ, созерцаешь Бога и Его свѣтъ!“ Дай Богъ, чтобы это утѣшеніе великаго Антонія удобно прилагалось къ каждому несчастливцу, потерявшему зрѣніе тѣлесное. Но это самое утѣшеніе можетъ обратиться въ упрекъ тому, кто, имѣя здравыя очи тѣлесныя, слѣпотствуетъ душевно.

Ахъ, братія! Если печально положеніе, страждущихъ слѣпотою тѣлесною, то тѣмъ бѣдственнѣе положеніе тѣхъ, кои, лишась свѣта благодати Божіей, живутъ въ слѣпотѣ душевной. Все нравственно-прекрасное и высокое въ Божіемъ мірѣ не существуетъ для нихъ. Они не только не способны зрѣть лицо Божіе, — они не видятъ чудныхъ дѣлъ Его всемогущества и благости, ни въ себѣ, ни въ природѣ, ихъ окружающей; пріемлютъ благодѣянія Божіи и не вѣдаютъ своего Благодѣтеля. Сокрыты отъ ихъ умственнаго ока истины, самыя очевидныя для сердца вѣрующаго. Великія и утѣшительныя таинства, явленныя въ искупительной смерти Бога-Спасителя, суть для нихъ предметы темные, въ которыхъ они видятъ не то, что видѣть должно, и которые потому не производятъ въ ихъ сердцахъ упованія, надежды и любви. Они говорятъ иногда о сихъ самыхъ таинствахъ, присутствуютъ при обрядахъ, ихъ изображающихъ, слушаютъ поученія, ихъ объясняющія, и, не вѣруя въ тайнодѣйствующую силу Божію, равнодушно смотрятъ на то, что другимъ приноситъ отраду, утѣшеніе и доставляетъ вѣчное спасеніе.

И ничего истинно добраго, ничего истинно полезнаго не можетъ дѣлать тотъ, кто не руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ свѣтомъ вѣры, кто не видитъ ни святыхъ побужденій, ни спасительной цѣли, для которой долженъ дѣйствовать, живя на землѣ. Между тѣмъ, и онъ непрестанно дѣйствуетъ, неутомимо трудится, но только для временной славы, для временнаго счастія; а эта слава, это счастіе—дымъ, скоро исчезающій. И онъ трудится, но только для настоящей жизни, для удовлетворенія потребностей тѣла; но самая продолжительная жизнь въ здѣшнемъ мірѣ меньше мгновенія въ сравненіи съ вѣчностью, для которой мы предназначены, и самое прекрасное тѣло—благоустроенная глыба земли, въ которую скоро превратится. Итакъ, что же вся жизнь душевно слѣпотствующихъ, какъ не безполезная дѣятельность?.. Но если бы только безполезная! Ахъ, ничего не дѣлая для души, для вѣчнаго ея счастія, мы подвергаемъ себя страшной опасности страдать вѣчно, безъ всякаго утѣшенія. Таково печальное сходство слѣпоты душевной съ тѣлесною.

Но есть не менѣе плачевное и различіе между слѣпотою душевною и тѣлесною.

Слѣпота тѣлесная почти всегда приключается непроизвольно, отъ какого-либо непредвидимаго случая или болѣзни, А слѣпота душевная происходитъ отъ добровольнаго подчиненія страстямъ, усиливается отъ потворства имъ и извиненія подъ разными благовидными предлогами.

Число страждущихъ слѣпотою тѣлесною очень не велико въ сравненіи съ хорошо видящими. Но какъ велико число душевно слѣпотствующихъ! Кто изъ насъ не грѣшенъ! Кто не помраченъ душевною слѣпотою болѣе и менѣе! И тѣмъ бѣдственнѣе наше состояніе, что мы не сознаемъ своей слѣпоты; а не сознавая болѣзни, не ищемъ исцѣленія. Но это душевное ослѣпленіе и безъ нашего желанія исчезнетъ тогда, какъ смерть закроетъ зрѣніе тѣлесное, и тогда, но уже поздно, грѣшникъ почувствуетъ весь ужасъ своего положенія... О, предупредимъ угрожающее намъ неисправимое бѣдствіе! Сознавая въ себѣ слѣпоту душевную, воспользуемся дарованными намъ средствами къ ея исцѣленію, доколѣ есть время, доколѣ можемъ еще вознаградить потерю прошлаго времени, доколѣ можно трудиться для своего спасенія.

Дабы воспользоваться дарованными намъ средствами къ исцѣленію слѣпоты душевной, будемъ, подобно іерихонскому слѣпцу, внимательны къ представляющимся случаямъ къ исцѣленію и не опустительно ими пользоваться, несмотря ни на какія препятствія.

Слышавъ же народъ мимоходящь, вопрошаше: что убо есть се? Повѣдаша же ему, яко Іисусъ Назарянинъ мимоходитъ.

Благодать Іисуса Христа извѣстна была всѣмъ, и преимущественно страждущимъ какими-либо недугами. Никто изъ подобныхъ несчастливцевъ не сомнѣвался въ Его помощи. И этотъ самый слѣпецъ, безъ сомнѣнія, зналъ, что Іисусъ Христосъ исцѣлилъ многихъ слѣпыхъ, и даже слѣпорожденнаго. Предваряемый этими свѣдѣніями, онъ съ невыразимой радостію узнаетъ, что Іисусъ всеблагій идетъ мимо его; онъ рѣшается воспользоваться столь благопріятнымъ для него случаемъ, не теряя времени; полный надежды, онъ *возопи глаголя: Іисусе, Сыне Давидовъ, помилуй мя!* И такъ какъ не зналъ минуты, когда Іисусъ будетъ проходить мимо его, то кричалъ безпрестанно, повторяя смиренную свою мольбу.

И намъ, грѣшнымъ, вѣдомы благость и всемогущество Господа Іисуса Христа, и мы знаемъ, что Онъ просвѣщаетъ грѣшниковъ, подобно намъ слѣпотствующихъ. Итакъ, подобно слѣпцу Іерихонскому, будемъ молить Господа объ исцѣленіи нашей слѣпоты душевной, безъ отлагательства времени и непрерывно; ибо не знаемъ, когда благодать Божія коснется нашего сердца и произведетъ въ немъ спасительное обращеніе; не утомляясь, не ослабѣвая въ молитвѣ, потому что зло наше велико, и отъ него можетъ избавить насъ одинъ только Іисусъ Христосъ, Который внемлетъ молитвамъ только постояннымъ, неотступнымъ. Вотъ и случай, для насъ благопріятный; вотъ слышится шумъ отъ множества мимоидущихъ во св. храмъ Божій, куда стекаются всѣ желающіе получить исцѣленіе отъ обдержащихъ ихъ недуговъ. Присоединимся къ сему сонму вѣрующихъ, пойдемъ съ ними, и во святомъ храмѣ соединимся для совокупнаго испрошенія милости у Господа. Вотъ время поста, молитвы и слышанія слова Божія! Нынѣ Господь Іисусъ, Сей Врачъ всемогущій, мимо ходитъ и прислушивается: не воззоветъ ли Его кто, дабы подать нуждающимся помощь немедленную.

И предыдущіи прещаху ему, да умолчитъ, онъ же паче множае вопіяше: Сыне Давидовъ, помилуй мя!

Шедшіе впереди народной толпы, наскучивъ воплемъ слѣпого и думая, что этотъ вопль, можетъ-быть, обезпокоиваетъ самого Іисуса, заставляли молчать вопіющаго. Они не чувствовали тяготы несчастія, на которое обреченъ былъ слѣпецъ, и не принимали искренняго участія въ судьбѣ страждущаго. Но слѣпой и не слушалъ ихъ прещеній, вопіялъ съ большимъ усиліемъ: *Сыне Давидовъ, помилуй мя!*

Нѣчто подобное можетъ случиться и съ вами, грѣшники, ищущіе оттрясти слѣпоту душевную! Когда вы вступите на путь спасенія, станете трудиться надъ преобразованіемъ вашего сердца, будете часто молиться, ходить въ храмъ Божій, соблюдать установленные церковію посты, посвящать время на размышленіе о Богѣ и о своемъ спасеніи, начнете жить скромно, цѣломудренно, праведно, благочестиво, тогда,—будьте осмотрительны! — тогда толпа міролюбцевъ употребитъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать вашимъ добрымъ подвигамъ. Первый изъ нихъ, кто замѣтитъ въ васъ перемѣну къ лучшему, будетъ первымъ, который постарается измѣнить ваши намѣренія — то насмѣшками, то упреками, то, можетъ-быть, приказаніями и угрозами. Къ толпѣ міролюбцевъ присоединится множество собственныхъ вашихъ страстей, которыя поднимутъ свои вопли, чтобы заглушить голосъ совѣсти, наложить молчаніе на ваши добрыя расположенія. О, будьте мужественны! Не уступайте этимъ воплямъ безстуднымъ, не повинуйтесь велѣніямъ, столь противнымъ вѣчному вашему благополучію. Подумайте о злѣ, которое тяготитъ васъ; о благопріятномъ случаѣ, который представляется къ вашему обращенію; о блаженствѣ, которое ждетъ васъ, когда освободитесь отъ грѣха. Не угашайте жара вашихъ молитвъ, усугубьте ваше усердіе, усильте ваши благожеланія и вѣрныя надежды, и тогда, за ваше мужество и постоянство, вы получите благодать исцѣленія отъ грѣховъ, восторжествуете и надъ собственнымъ растлѣніемъ и надъ тѣми, которые отвращали васъ отъ благодати Божіей, и тогда сами противники похвалятъ васъ, а, можетъ-быть, и воспользуются примѣромъ вашего обращенія.

Ставъ же Іисусъ повелѣ привести его къ Себѣ... Можно вообразить, съ какою радостію, съ какою живостію подошелъ слѣпецъ къ Господу Іисусу! Но какое, напротивъ, различіе въ слѣпотствующихъ духовно—при такихъ же точно обстоятельствахъ, то-есть, когда они сами желаютъ прозрѣть душою и когда для сего приглашаютъ ихъ къ Господу-Врачу. Когда говорятъ имъ: мужайтесь, вотъ наступили святые дни поста! Во всѣхъ церквахъ найдете духовныя врачебницы; таинства любви открыты для всѣхъ: поспѣшите! Іисусъ Христосъ, въ лицѣ Своихъ служителей, зоветъ васъ, ждетъ васъ, чтобы разрѣшить отъ грѣховъ, исцѣлить душевную вашу слѣпоту, даровать вамъ наслажденіе свѣтомъ благодати Своея... Ахъ, какое тогда смущеніе объемлетъ душу грѣшника! И вмѣсто того, чтобъ спѣшить къ Спасителю Христу, душа грѣшная сокрывается подъ сѣнь своихъ обязанностей, немощей, недосуговъ, неготовности, и отлагаетъ свое исцѣленіе. Благопріятный случай проходитъ, и грѣшные остаются въ слѣпотѣ, отъ которой желали было исцѣлиться.

Приближшуся же ему къ Нему, вопроси его, глаголя: что хощеши, да ти сотворю?— Слѣпой отвѣчаетъ просьбой, достойной его вѣры, достойной величія Господа Іисуса. *Онъ же рече: Господи, да прозрю!* Это такое прошеніе, которое можетъ исполнить одинъ только Богъ, какъ Творецъ и Владыка природы.

Іисусъ же рече ему: прозри; вѣра твоя спасе тя! и абіе прозрѣ... Чудо исцѣленія совершено однимъ хотѣніемъ воли, испрошено вѣрою! Такъ и намъ потребно немногое, чтобъ испросить отъ Господа чудо исцѣленія,—потребно чувство немощи, сознающее нужду въ небесной помощи, и любовь, привлекающая небесную помощь. Ахъ, убѣдимся въ той истинѣ, что только по собственной нашей безпечности и равнодушію къ душевной слѣпотѣ мы остаемся во меракѣ злыхъ дѣлъ и помысловъ. Если бы молились мы Господу преимущественно о душевномъ просвѣщеніи, и молились съ вѣрою и упованіемъ, мы всегда получали бы просимое. Долго ли же оставаться намъ въ нищетѣ, въ лишеніи благъ духовныхъ, когда Спаситель, со всѣми Своими благами, ждетъ только нашего хотѣнія, чтобы даровать намъ ихъ? Будемъ просить Господа о самой вѣрѣ, если не имѣемъ ея, и когда вслушаемся въ Его тайное, въ совѣсти нашей, вопрошеніе: *чего хощеши?* будемъ отвѣчать молитвенно: *Господи, да прозрю!*

Господи Спасителю! вѣруя въ Твою благость и всемогущество, усердно молимъ Тебя, сотвори, да прозримъ! Да видимъ и наше ничтожество и Твое величіе, нашу нищету и Твое милосердіе, нашу слабость и Твое могущество, наши грѣхи и Твои благодѣянія, нашу неблагодарность и Твою любовь! Открой очи души нашей, да узримъ ясно и обязанности нашего званія, и опасности, съ ними соединенныя, и подвиги, ими предписываемыя; да познаемъ обольщенія со стороны міра, діавола и собственныхъ страстей; да видимъ ничтожество благъ земныхъ, цѣну благъ небесныхъ и блаженный путь къ Тебѣ; однимъ словомъ: да познаемъ себя самихъ и Тебя, о Іисусе; ибо сіе единое познаніе достаточно будетъ соединить насъ съ Тобою тѣснѣйшими узами любви, николиже отпадающей. (См. „Часы благогов. размышленій“, ч. I. Спб. 1858 г.).

2. Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаетъ.

„Призови Мя, — говорилъ Господь въ ветхомъ завѣтѣ,—въ день скорби твоея и услышу тя“. „Пріидите ко Мнѣ,—говоритъ въ новомъ завѣтѣ Спаситель Іисусъ Христосъ,—всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ“. Когда кто-нибудь изъ насъ попадетъ въ яму, не постарается ли онъ, не употребитъ ли всѣхъ своихъ силъ на то, чтобы какъ-нибудь выбраться изъ нея? Точно такъ же утопающій въ водѣ не соберется ли съ послѣдними силами, чтобы достигнуть берега и избавиться отъ опасности? Подобно этому и во всѣхъ житейскихъ скорбяхъ и напастяхъ нужно помнить, что Господь намъ прибѣжище и сила, нужно вѣрить и надѣяться, что Онъ единый нашъ Отецъ, готовый подать намъ невидимую и всесильную руку помощи. Люди вѣрующіе и праведные такъ и поступаютъ: они остаются непоколебимыми въ упованіи на Бога, и упованіе не посрамляетъ ихъ: Господь неожиданно прелагаетъ печаль ихъ на радость и скорбь въ веселіе. Въ церковныхъ книгахъ приводится не мало такихъ случаевъ.

Итакъ, не будемъ, православный христіанинъ, изнемогать въ постигающихъ насъ несчастіяхъ, оставимъ малодушіе и уныніе. Перестанемъ предаваться въ скорбныхъ обстоятельствахъ своей жизни безмѣрной печали, ибо излишняя почаль сокрушаетъ наше сердце, не доставляя намъ никакого утѣшенія. Какъ моль портитъ одежду и червь дерево, такъ и постоянная и безнадежная скорбь точитъ наше сердце. Лучше всего, когда томительная скорбь будетъ угнетать нашу душу, смиримся предъ Господомъ, повергнемся предъ Нимъ въ слезной молитвѣ, откроемъ Ему скорбь свою и печаль свою возвѣстимъ Ему. Вмѣстѣ съ этимъ будемъ прибѣгать въ своихъ нуждахъ съ теплыми молитвами и къ угодникамъ Божіимъ, вѣрнымъ ходатаямъ за насъ предъ престоломъ Всевышняго.

3. Библейскіе разсказы о глубокой надеждѣ на Бога.

I. Авраамъ вѣрилъ Богу и уповалъ на Него; не имѣя надежды имѣть дѣтей, онъ не усомнился въ обѣтованіи Божіемъ невѣрованіемъ, но превозмогъ вѣрою, прославивъ Бога, и зналъ, что Богъ силенъ содѣлать то, что Онъ обѣщалъ. Когда же Богъ даровалъ ему сына, онъ не пощадилъ этого единороднаго своего сына, принося его въ жертву по повелѣнію Божію.

II. Моисей, укрѣпляемый Богомъ, всѣ полки египетскіе въ одинъ разъ потопилъ въ морѣ; на войнѣ съ амаликитянами, вмѣсто безчисленныхъ воинскихъ орудій имѣя одинъ только жезлъ въ рукѣ, сказалъ онъ своему военачальнику (Іисусу Навину): „выбери намъ мужей (сильныхъ) и пойди сразись съ амаликитянами, а я завтра стану на вершинѣ холма, и жезлъ Божій будетъ въ рукѣ моей“. Чудное дѣло! Моисей стоялъ, ничего не дѣлая, какъ зритель, и поразилъ всѣ полки враговъ.

III. Іисусъ Навинъ, военачальникъ, имѣя невыразимое словами упованіе, дерзнулъ повелѣть солнцу, чтобы оно остановилось въ своемъ теченіи, сказавъ: „стой, солнце, надъ Гаваономъ!“... И оно остановилось, и стояло среди неба, не спѣша къ западу, почти цѣлый день; и не было такого дня ни прежде, ни послѣ того, въ который бы Господь былъ такъ внимателенъ къ голосу человѣческому, и это потому, что Самъ Господь сражался за израильтянъ (Іис. Нав. X, 12—14).

IV. Столь же сильное упованіе на Бога имѣлъ Гедеонъ, рожденный скорѣе быть земледѣльцемъ, нежели воиномъ; онъ, уповая на Бога, дерзнулъ съ тремя стами воиновъ выступить противъ безчисленнаго непріятельскаго войска, напалъ на него и побѣдилъ.

V. Упованіе на Бога Езекіи обнаружилось во всей силѣ своей, когда Сеннахиримъ, царь ассирійскій, обложилъ многочисленнымъ войскомъ Іерусалимъ. Езекія, укрѣпляя городъ Давидовъ, болѣе всего укрѣплялъ въ народѣ упованіе на Бога, говоря: „будьте тверды и мужественны, не бойтесь и не страшитесь царя ассирійскаго, и всего множества, которое съ нимъ, потому что съ нами болѣе защиты, нежели съ нимъ: съ нимъ мышца плотская (человѣческая сила), а съ нами Господь Богъ нашъ, чтобы помогать намъ и сражаться въ войскахъ нашихъ противъ враговъ“; и укрѣпилъ онъ народъ свой надеждою на Бога: и открылась чудная помощь Божія: Господь послалъ ангела, и онъ истребилъ всѣхъ: и главноначальствующаго и начальствующихъ въ войскѣ царя ассирійскаго, и тотъ со стыдомъ возвратился въ землю свою (Ср. 2 Паралип. XXII. 7. 8. 21, а также Исаіи XXXVII. 16. 17. 20. 21).

VI. Упованіе на Бога возвысило царя Давида на высокую степень святости: въ этой добродѣтели онъ всѣхъ превзошелъ; читающій съ любовію псалмы его, самъ увидитъ то. Какъ часто повторялъ онъ устами, говоря отъ искренняго сердца: Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюсь (Пс. XXVI, 1)? чего мнѣ бояться во дни бѣдствія, когда злоба гонителей моихъ окружаетъ меня? (Пс. XLVIII, 6, ср. и мн. друг. псалмы).

VII. Іона, заключенный во чревѣ кита, находясь уже на послѣдней ступени къ смерти, не палъ въ уныніе, но, какъ бы находясь на безопасномъ кораблѣ, молитвенно воззвалъ къ Господу Богу своему; молитвѣ и прошенію всегда и вездѣ—мѣсто благопріятно; чего онъ просилъ? „Ты ввергъ меня въ глубину, въ сердце моря, и потоки окружили меня; всѣ воды Твои и волны Твои проходили надо мною; однако жъ я вспомнилъ о Господѣ... и молитва моя дошла до Тебя, до храма святого Твоего“ (Прор. Іон. II, 4—8). Вотъ образъ величайшаго упованія на Бога!

VIII. Такимъ же образомъ молились Даніилъ во рвѣ среди голодныхъ львовъ и три отрока въ вавилонской пещи, надежда на Бога не посрамила ихъ: они спасены изъ челюстей смерти.

IX. Товія представляетъ въ этомъ дѣлѣ удивительный намъ примѣръ: онъ, потерявши имущество, родину—нищій, странникъ, ослѣпшій, однако не потерялъ крѣпкаго упованія на Бога, прилежно хранилъ его и сохранилъ, хотя родственники его, жена его и близкіе къ нему люди насмѣхались надъ нимъ, говоря: „гдѣ теперь твоя надежда, ради которой давалъ ты нищимъ милостыню, и столь многихъ погребалъ? тщетна была твоя надежда“. Но онъ, вразумляя ихъ, сказалъ: „не говорите сего, ибо мы дѣти Святого и ожидаемъ той вѣчной жизни, которую Богъ обѣщалъ и даетъ тѣмъ, которые крѣпки въ вѣрѣ въ Него и упованіи на Него“ (Тов. II, 15—18). Это упованіе на Бога возвратило Товіи его имѣніе, его отечество, его зрѣніе и вѣчную награду въ будущей жизни утвердило за нимъ.

X. Есѳирь имѣла столь же крѣпкую надежду на Бога. При дворѣ Артаксеркса царя былъ обычай, по которому никто какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, не имѣлъ права входить во внутренній домъ царя, не бывъ имъ призванъ, и нарушителю этого закона не было спасенія — смерть ему, исключая тотъ случай, когда царь въ знакъ помилованія простеръ къ вошедшему золотой жезлъ. Когда по извѣту Амана угрожало евреямъ поголовное избіеніе во всѣхъ областяхъ царства, о чемъ предувѣдомленъ былъ Мардохей, воспитатель Есѳири царицы, супруги Артаксерксовой изъ евреекъ, Мардохей настаивалъ на томъ, чтобы Есѳирь пошла въ царскіе покои съ прошеніемъ объ избавленіи евреевъ отъ смерти, а между тѣмъ, царь не призывалъ ее; боясь нарушить царскій законъ, она прежде всего велѣла всѣмъ іудеямъ пребывать три дня въ постѣ и молитвахъ, то же и сама сдѣлала съ дѣвицами своими; по истеченіи этихъ дней она, возложивъ на Бога величайшее упованіе, вошла къ царю съ моленіемъ объ отмѣнѣ изданнаго Аманомъ закона объ избіеніи евреевъ—и все исполнилось по ея просьбѣ (Есѳир. гл. XIII).

XI. Какіе успѣхи сдѣлалъ св. ап. Павелъ въ добродѣтели упованія на Бога открывается изъ слѣдующаго: часто онъ, представляя въ умѣ себя уже окончившимъ земное поприще, возглашалъ: „я знаю, въ Кого увѣровалъ, и увѣренъ, что Онъ силенъ сохранить залогъ мой (вѣру, преданность) на оный день“ (т.-е. день суда Божія) (2 Тимоѳ. I. 12). Вооруженный такимъ упованіемъ, св. Павелъ не уклонялся ни отъ одного труда, ни отъ одного бѣдствія ни правыми, ни лѣвыми путями, онъ мужественно шелъ чрезъ острее меча, побіеніе камнями, чрезъ различныя смертныя опасности, стрѣлы и огонь, укрѣпляемый упованіемъ на Бога, силою Котораго часто проходилъ сквозь желѣзные затворы. (Сост. по кн. „Иліотропіонъ, или сообразованіе человѣческой воли съ Божественною волею“, І. Максимовича, митр. тобольск. Кіевъ, 1890 г., стр. 326—332).

4. Церковно-историческіе разсказы о крѣпкой надеждѣ на Бога.

I. „Нѣкогда, повѣствуетъ о себѣ одинъ отецъ, по своимъ нуждамъ ходилъ я въ Константинополь. Въ то время, какъ я сидѣлъ въ церкви, входитъ нѣкто изъ мірянъ, знаменитый и весьма набожный человѣкъ; онъ, увидѣвъ меня, сѣлъ подлѣ и началъ бесѣдовать со мною о спасеніи души. Во время бесѣды я сказалъ ему, что хорошо живущимъ въ мірѣ за земное имъ воздается небомъ. Онъ отвѣчалъ: „правду сказалъ ты, отче: *блаженъ тотъ, кто надѣется на Бога и всего себя предаетъ Богу*. Я самъ сынъ славнаго отца, который былъ очень щедръ и много раздавалъ бѣднымъ; онъ однажды подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ: сынъ мой, что тебѣ болѣе угодно, то ли, чтобы я оставилъ тебѣ деньги, или чтобы поручилъ тебя покровительству Христову? Я, подумавъ нѣсколько, отвѣчалъ: „лучше желаю предаться Христу, потому что все земное съ каждымъ днемъ исчезаетъ“. Отецъ мой, выслушавъ меня, увеличилъ щедрость свою до того, что по смерти его мнѣ почти ничего не осталось. Итакъ, я остался бѣднымъ и незнатнымъ, съ крѣпкою надеждою на Бога, покровительству Коего ввѣрилъ меня отецъ мой. Въ томъ же городѣ жилъ одинъ знатный и богатый человѣкъ, имѣвшій набожную и богобоязненную жену. Они имѣли одну только дочь. Жена говоритъ мужу своему: „дѣтей у насъ только и есть, что одна дочь,— а Богъ наградилъ насъ такимъ богатствомъ“. — Чего же не достаетъ ей? спросилъ мужъ. „Если мы будемъ стараться, отвѣчала жена, выдать ее за человѣка равнаго намъ по богатству, но съ дурнымъ сердцемъ, то онъ будетъ огорчать ее, такъ не лучше ли намъ поискать для нея бѣднаго, но богобоязненнаго человѣка, который бы любилъ ее и покоилъ?“ —Хорошо ты придумала, отвѣчалъ мужъ, ступай же въ церковь, молись прилежно и сядь тамъ; кто первый придетъ въ церковь, тотъ пусть и будетъ избранный женихъ для нашей дочери. Они такъ и сдѣлали, и когда она, помолившись, сѣла, я первый вошелъ въ церковь. Она тотчасъ послала слугу за мною, и лишь только я подошелъ къ ней, начала спрашивать меня: „откуда ты?“ Я сказалъ ей:—изъ такого города и такого-то отца сынъ. „Это того милостиваго?—прервала она, и потомъ спросила: женатъ ли я?“— Нѣтъ, отвѣчалъ я. Она же, прославивъ Господа, сказала: „Благій Промыслитель послалъ тебѣ жену и богатство, чтобы ты тою и другимъ обладалъ въ страхѣ Божіемъ“ (Лимонарь).

II. Самый сильный и опасный врагъ св. Стефана, просвѣтителя Перми, былъ нѣкто Памъ или Панъ сотникъ, глубокій старикъ и начальникъ всѣхъ зырянскихъ волхвовъ. Имѣя сильное вліяніе на зырянъ, онъ многихъ удерживалъ отъ крещенія и самихъ крещенныхъ отвлекалъ отъ вѣры. Много разъ св. Стефанъ вступалъ съ нимъ въ открытый споръ, пренія ихъ длились дни и ночи, но Панъ оставался непреклоннымъ язычникомъ. Наконецъ, знаменитый кудесникъ самъ вызвался пройти вмѣстѣ съ Стефаномъ сквозь огонь и воду, покрытую льдомъ, чтобы испытать, чья вѣра правая. Онъ никакъ не ожидалъ, что противникъ его согласится на этотъ опытъ. Между тѣмъ, Стефанъ сейчасъ же велѣлъ народу зажечь одно строеніе, стоявшее особнякомъ, и, *проникнутый непоколебимою надеждою на помощь Божію*, подалъ Паму руку, чтобы вмѣстѣ итти въ огонь, но тотъ отказался, несмотря ни на какія убѣжденія и требованія со стороны зырянъ. Тогда зыряне бросились на посрамленнаго кудесника и хотѣли его умертвить. Но св. Стефанъ не допустилъ ихъ до сего и настоялъ только на томъ, чтобы Памъ навсегда удалился изъ пермскихъ предѣловъ. („Истор. христіан. правосл. церкви“, прот. П. Смирнова, изд. 4-е, стр. 162).

5. Нива, слезами возращенная.

Какъ сильна можетъ быть молитва, возносимая къ Богу съ вѣрою и упованіемъ на Его безпредѣльное милосердіе, это открыто намъ въ словѣ Божіемъ, въ этомъ утверждаетъ насъ св. вѣра, объ этомъ непрестанно напоминаетъ намъ св. церковь. Молитва проходитъ небеса, достигаетъ Бога, умилостивляетъ Его и соединяетъ насъ съ Нимъ. И такая сила молитвы является не только у св. Божіихъ человѣковъ, но иногда и у обыкновенныхъ людей, вѣрующихъ въ простотѣ своего незлобиваго сердца. Бываютъ иногда въ жизни христіанина вѣрующаго такія событія, которыми „Господь не несвидѣтельствована Себе оставляетъ, благотворя, съ небеси дожди дая и времена плодоносна, исполняя пищею и веселіемъ сердца наша“ (Дѣян. XIV, 17).

О такомъ именно событіи и хочу я, во славу Божію, передать правдивый разсказъ самой очевидицы, женщины простой, но благочестивой, по происхожденію духовнаго званія и уже престарѣлой.

„Давно уже это было. Отецъ мой, бѣдный причетникъ, содержалъ насъ трудами рукъ своихъ, преимущественно занимаясь земледѣліемъ, въ чемъ и мы съ матушкой помогали ему изо всѣхъ силъ. Насъ было три сестры, и я была старшая. Мы воспитывались по-просту, по старинному, дома; обучены были чтенію преимущественно церковныхъ, божественныхъ книгъ, а псалтирь была моею любимою книгою. Не много, можетъ-быть, я понимала въ ней, да многое ложилось на сердцѣ, и хорошо какъ-то чувствовалось во время чтенія псалмовъ, много утѣшенія почерпнула я изъ нихъ. Но перейду къ дѣлу. Въ одно лѣто Господь послалъ плохой урожай на хлѣбъ. Съ тяжелымъ сердцемъ сжали мы свою плохую ржицу, и такъ какъ старый хлѣбъ уже доѣли, то и поспѣшили смолотить ее скорѣе. Вывѣялъ батюшка зерна, смѣрили, и оказалось, что у насъ всей-на-всей ржицы-то 19 мѣрочекъ. Загоревали наши бѣдные родители, а съ ними и мы,—вѣдь этимъ придется только поле обсѣменить, а ужъ ѣсть-то намъ и нечего будетъ. Покупной же хлѣбъ на цѣлый годъ, по скуднымъ причетническимъ доходамъ, тяжелъ и горекъ намъ будетъ. Первая я, а за мной и сестры мои, принялись упрашивать батюшку, чтобы не высѣвалъ всей ржи, 9 бы мѣръ посѣяли, а 10 оставилъ на ѣду. Долго колебался онъ, говоря, что и на будущій годъ ничего не дождешься, наконецъ, рѣшилъ, что и покупать хлѣбъ съ новины тоже трудно, согласился и посѣялъ только 9 мѣръ, оставивъ пустовать остальную землю, а мы утѣшали сами себя надеждою, что, можетъ-быть, Господь пошлетъ хорошій урожай на будущій годъ, и тогда поправимся.

„Однако, по грѣхамъ нашимъ, послѣ посѣва сдѣлалась продолжительная засуха, рожь едва-едва зеленѣла на нивѣ. Оставалась надежда на весну. Но весна была такая холодная, продолжительная, морозы убивали всякую растительность, а дождей опять долго не выпадало, и наша убогая полоса хуже всѣхъ выдѣлялась изъ поля. Затужилъ нашъ батюшка: каждый день ходилъ онъ провѣдывать свою ниву и съ каждымъ днемъ все пасмурнѣй возвращался домой. Онъ сердился, что послушался насъ, что на будущій годъ и сѣять будетъ нечѣмъ, сердился на насъ, а наши сердца сжимались отъ страха и горя. И вотъ, когда, однажды, мы за ужиномъ доѣдали послѣднюю краюшку хлѣба, и матушка боязливо заговорила, что нужно опять мучицы купить,—вся вышла, отецъ, уже разстроенный, раскричался на матушку ни за что, намъ досталось еще горше. Со слезами мы вышли изъ-за стола и, со слезами помолясь Богу, легли спать. Но не до сна только мнѣ было: какъ старшая, я главнымъ образомъ винила себя, считала себя виноватѣе всѣхъ въ общемъ бѣдствіи—въ неурожаѣ. Ручьемъ лились мои слезы въ темнотѣ, и думы одна другой мрачнѣе роились въ головѣ: „голодать будемъ! на посѣвъ не родится! по міру придется ходить!“—слышались мнѣ грозныя слова отца. А все это я! все я виновата, зачѣмъ больше всѣхъ уговаривала посѣять такъ мало... Господи! что же это дѣлать-то будетъ?!. „Вскую прискорбна, душе моя, уповай на Господа!“ вдругъ какъ-то вспомнились мнѣ знакомыя слова псалма. Я подняла голову, перекрестилась: „къ Тебѣ воздвигохъ душу мою, Боже мой, на Тя уповахъ, да не постыжуся“, прошептала я, и съ этими словами встала съ своей постели, постояла нѣсколько секундъ и рѣшила, что я должна дѣлать, чтобы отвратить гнѣвъ Божій отъ своего семейства. Отецъ съ матерью спали. Я подошла къ сестрамъ, пошептала тихонько имъ обѣимъ на ухо, онѣ послушно встали, одѣлись, и мы всѣ трое безъ шума вышли изъ горницы, сошли съ крылечка и съ опущенными головами пошли изъ села за околицу. Вотъ мы и въ полѣ. Вотъ и она, наша горемычная, полупропавшая нива, которая, если не поправится, несетъ намъ голодъ и горе. Мы всѣ трое упали на нее и принялись горячо, по-дѣтски, молиться: Господи, помози намъ! Господи, помилуй насъ, пошли намъ дождичка, чтобы ржица наша поправилась. Долго такъ молились мы и плакали, поливая свою ниву слезами своими. Наконецъ, встали и вернулись домой. Дорогой мы уговорились съ сестрами каждую ночь тихонько уходить въ поле и молиться на своей полоскѣ, чтобы Господь зародилъ намъ хлѣбушка. Такъ и ходили мы; дѣвочкамъ сначала казалось это немножко страшно, а потомъ ихъ заинтересовало то, что никто-таки, никто не знаетъ, что мы дѣлаемъ, и что мы, точно, какъ въ житіяхъ описано, древніе христіане-то по ночамъ собирались на молитву. Двѣнадцать ночей прошло нашего молитвенно-дѣтскаго подвига, а дождя все не было, дни стояли холодные, вѣтреные, травка желтѣла уже, и не было, казалось, надежды, что Господь смилуется надъ нами и пошлетъ дождь на изсохшую землю. Грустно у меня было на душѣ, но не теряла я все-таки надежды, все еще вѣрилось мнѣ, что услышитъ Господь нашу слезную молитву. Съ этими мыслями открыла я однажды свою Псалтирь, и что же?!. первое, что представилось глазамъ моимъ, были слова: „сѣющій слезами—радостію пожнетъ!“ Господи! что же это такое?. точно для меня это написано. Такъ радостно стало у меня на сердцѣ, точно я уже видѣла исполнившимся свое завѣтное желаніе. И „благословенъ Господь, яко услыша гласъ моленія моего! Господь помощникъ мой и защититель мой: на Него упова сердце мое, и поможе ми, и процвѣте плоть моя, и волею моею исповѣмся Ему“ (Псал. XXVII, 6—7). Въ эту же ночь пошелъ сильный дождь, ожило все и позеленѣло. Ожила и нива наша—откуда только что взялось, а когда выколосилась и налились колосья, то они были такъ крупны, что нѣкоторые были болѣе четверти длиною, а когда созрѣла она, матушка наша ржица, сжали мы ее и смолотили, то изъ 9 мѣръ-то получили ровнехонько 90! И вотъ радость-то намъ была тогда, истинно сбылось воочію псаломское слово: сѣющій слезами—радостію пожнетъ“.

Невѣрующій, конечно, припишетъ случаю описанное здѣсь событіе, а истинный христіанинъ, „имѣющій очеса сердца просвѣщенна“ (Ефес. I, 10), и въ собственной жизни и въ жизни другихъ видитъ чудодѣйствующую силу и помощь Божію, которая посылается по вѣрѣ простымъ сердцамъ. Да будетъ же Онъ, всеблагій и милосердый, благословенъ во вѣки.

Вотъ мой простой разсказъ, въ которомъ лжи нѣтъ ни слова, и свидѣтель этого разсказа живъ и доселѣ („Калуж. Еп. Вѣд.“ 1893 г. № 19).

6. Сила призыванія имени Господа І. Христа [1]).

Нѣтъ ни одного человѣка, который былъ бы доволенъ и не былъ бы обремененъ какими-либо житейскими невзгодами. Одинъ жалуется на болѣзни и немощи, другой на бѣдность и неудачи житейскія; тотъ несетъ тяжелый крестъ скорбей отъ семейныхъ своихъ, а этотъ — отъ постороннихъ людей; тяжело отцу съ матерью терпѣть грубость своевольныхъ дѣтей; тяжело мужу отъ прихотей своенравной жены, а сколько горя несетъ иная жена отъ жестокаго мужа—о томъ и говорить нечего. Однимъ словомъ, всюду и вездѣ преслѣдуютъ насъ бѣды и несчастія. Рождаясь въ мірѣ, мы какъ будто для того и рождаемся, чтобы только терпѣть горе и бѣды. Бѣды, по выраженію ап. Павла, предстоятъ намъ въ рѣкахъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустынѣ, бѣды въ морѣ, бѣды во лжебратіи (2 Кор. XI, 26). Что же дѣлать намъ? Неужели намъ отчаиваться въ своихъ житейскихъ неудачахъ и падать духомъ? Избави Богъ! У насъ есть Защитникъ отъ бѣдъ и скорбей — Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Стоитъ только отъ глубины души воскликнуть Ему: *Іисусе, Сыне Божій, помилуй насъ*, и Онъ по безконечному милосердію Своему не отвергнетъ моленія нашего. Эту молитву и предписываютъ св. отцы-подвижники для постояннаго и, такъ сказать, ежеминутнаго употребленія христіанина. Кратка она, но какъ много въ ней чувства и силы! Выражая вполнѣ глубокое покаянное чувство молящагося, она вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о живой вѣрѣ его въ Іисуса Христа, Сына Божія, какъ Спасителя грѣшныхъ; въ ней видна и скорбь грѣшника о потерѣ внутренняго спокойствія своей души и надежда снова обрѣсти миръ и радость въ Богѣ Спасителѣ нашемъ. Нѣтъ грѣха, котораго не простило бы милосердіе Божіе; нѣтъ несчастья, отъ котораго не избавила бы безконечная благость Господа; нѣтъ скорби, которую не облегчила бы божественная сила Искупителя. Возопій только каждый труждающійся и обремененный: *Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя*,—и скоро почувствуешь облегченіе.

---

[1]) Примѣнительно къ еванг. Лук. XVIII, 38—39

Святитель Палладій разсказываетъ о себѣ и своихъ спутникахъ слѣдующее: „когда мы шли черезъ одно мѣсто въ Нитрійскую гору, то приблизились къ одной большой ямѣ, въ которой оставалось много крокодиловъ, послѣ того какъ вода уходила съ полей; когда мы подошли къ этой ямѣ, то увидѣли, что на краю ея лежали три крокодила, и мы подумали, что они мертвые, но они вдругъ бросились на насъ. Мы громко воззвали: „Іисусе Христе, помоги намъ!“ — и тотчасъ какъ будто ангелъ остановилъ крокодиловъ, и они бросились въ воду“.

Видите, христіане, какую могущественную силу имѣетъ призываніе сладчайшаго имени Іисуса Христа! *Призови Мя въ день скорби твоея*, — говоритъ Господь человѣку устами пророка Давида, — *и изму тя, и прославиши Мя* (Пс. XLIX, 15). Какъ бы ни было сильно искушеніе, какъ бы ни было тяжко бѣдствіе, — не забывай, что ты — не одинъ: съ тобою Господь, а съ Господомъ Богомъ не страшно никакое бѣдствіе. Ты немощенъ, это правда: зато Онъ силенъ, и сила Его въ немощи совершается. *Вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Филип. IV, 13), взывалъ ап. Павелъ. Поэтому при всякомъ бѣдствіи или несчастіи возведи очи свои ко Христу и молись: *Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя!* Но чтобы эта молитва имѣла силу и значеніе, нужно произносить ее отъ глубины сердца, съ живою и твердою вѣрою въ Искупителя міра. А мы больше молимся только наружно, молимся устами, а не сердцемъ; поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, если Господь не внемлетъ нашимъ прошеніямъ, и въ такомъ случаѣ не отчаиваться намъ нужно, а больше усиливать свою молитву съ несомнѣнною вѣрою, что въ свое время Господь *дастъ блага просящимъ у Него* (Мѳ. VII, 11).

7. Среди бѣдъ и страданій подкрѣпляй себя молитвой.

Кто больше святыхъ мучениковъ страдалъ на землѣ? Кто больше ихъ перенесъ истязаній отъ злыхъ гонителей? И что же? Обыкновенно, до самой послѣдней секунды своего бытія земного, терпѣливо пили они чашу страданій за имя Христово... Чѣмъ же они подкрѣпляли себя на страдальческомъ пути? Молитвою, истинно христіанской, усердной молитвой, она-то и въ темницахъ и на кострахъ, и подъ ударами палача, и въ предсмертныя минуты удерживала ихъ отъ ропота, унынія, озлобленія и измѣны, она-то давала имъ силы и въ мученіяхъ славить Творца, въ скорбяхъ — благодарить Его за ниспосланную участь. Подтвержденіе сей истины находимъ мы, между прочимъ, въ житіи свят. свящ. мученика Ѳеодота. Онъ въ концѣ III вѣка пришелъ на островъ Кипръ проповѣдывать вѣру Христову, и его слово, вмѣстѣ съ добродѣтельной жизнію, благотворно вліяло на окружающихъ: многіе обратились ко Христу. Скоро онъ былъ избранъ во епископа. Во время жестокихъ гоненій, при царѣ Ликиніи, Ѳеодота вызвали на судъ, и правитель-язычникъ сказалъ ему: „до тѣхъ поръ буду мучить тебя, пока не поклонишься нашимъ богамъ“... — „Не страшны мнѣ угрозы твои, отвѣтилъ св. епископъ, я служу Богу, Который поможетъ мнѣ среди страданій“...

Начались жестокія мученія: св. исповѣдника терзали желѣзными оружіями, а онъ терпѣливо сносилъ страданія и взывалъ ко Господу: — „Господи Іисусе Христе! укрѣпи меня въ страданіяхъ, дай помощь въ слабости моей, да узнаютъ всѣ, что Ты Богъ, дающій крѣпость тѣмъ, которые уповаютъ на Тебя!“

Богъ помогъ ему терпѣливо перенести страданія, причемъ его твердость и спокойствіе были такъ изумительны, что многіе изъ свидѣтелей его мученій стали громко славить Бога христіанскаго. Тогда правитель велѣлъ мученія прекратить, а Ѳеодота отвели въ темницу. Вскорѣ потомъ императоръ Константинъ, побѣдивши Ликинія, освободилъ всѣхъ заключенныхъ за имя Христово, въ томъ числѣ и Ѳеодота, который, проживъ еще два года епископомъ Киринейскимъ, мирно скончался.

Христіане! вспоминая святого страдальца муч. Ѳеодота, молитвою подкрѣпляющаго себя среди мученій, поучимся у него этому. Вѣдь безъ скорбей, бѣдъ и напастей невозможно грѣшнымъ, слабымъ людямъ вѣкъ прожить: то сами мы бываемъ виновниками своихъ бѣдствій, то терпимъ ихъ отъ недоброжелательныхъ и злыхъ людей, а иногда и Самъ Господь Богъ посылаетъ намъ бѣдствія для нашего вразумленія и наказанія. Но, какъ бы то ни было, а разъ пришла скорбь, постигло несчастіе, намъ, по долгу христіанскому, слѣдуетъ покорно переносить ихъ. Но, къ сожалѣнію, этого мы не дѣлаемъ. Даже въ довольствѣ и благополучіи не всякій себя чувствуетъ вполнѣ счастливымъ, а тѣмъ болѣе въ нуждахъ и лишеніяхъ. Едва скорбь коснулась человѣка, онъ, малодушный, уже ропщетъ на Бога, проклинаетъ свою жизнь, злобствуетъ на людей. Тяжело и горько ему становится проводить дни свои. Но кто въ скорбяхъ привыкъ утѣшать себя пламенной молитвой ко Господу, тотъ благодушно, по христіански перенесетъ ихъ и отъ пагубнаго, унылаго настроенія избавится. Не напрасно сказано въ словѣ Божіемъ: „въ тѣснотѣ моей я призвалъ Господа и къ Богу моему воззвалъ, и Онъ услышалъ изъ святого чертога голосъ мой, и вопль мой дошелъ до слуха Его". (2 Ц. XXII, 7). Да, нужно всегда помнить, что хотя Господь попускаетъ намъ испытывать скорби, но только такія, какія мы въ состояніи перенести, и что если „Онъ причиняетъ раны, то Самъ же и обвязываетъ ихъ, Онъ поражаетъ, и Его же рука врачуетъ"... (Іов. 5, 18). Посему, христіанинъ, въ день скорби скорѣе всѣмъ сердцемъ воззови къ Богу, Спасителю нашему, Онъ Самъ въ послѣднюю ночь земной жизни, когда смертельная тоска и скорбь за грѣхи міра угнетали Его человѣческую душу, подъ тихою сѣнію сада Геѳсиманскаго опустился на колѣна и молился до пота кроваваго; — Онъ милосердый и всякому несчастному, просящему у Него помощи, посылаетъ Свою животворную благодать, которая успокоиваетъ скорбную душу, подобно тому, какъ благотворный лѣтній дождь оживляетъ и освѣжаетъ поблекнувшія отъ зноя растенія. И какъ тихо, легко и покойно становится на душѣ, горячо и съ вѣрою помолившейся!

Итакъ, христіанинъ, Господь ли послалъ тебѣ скорби, скорѣй къ Нему взывай о помощи! Люди ли причинили тебѣ обиду—опять къ Богу воззови, чтобы онъ Своею благодатію вражду угасилъ и скорби и обиды утолилъ! Самъ ли по своей грѣховности въ напасть впалъ, ни къ кому другому, а къ милосердному Отцу небесному прибѣгай за прощеніемъ и проси у Него вразумленія на будущее время... Никогда не забывай и мудрыхъ словъ пророка, сказанныхъ отъ лица Господа: „не бойся, ты Мой. Будешь ли переходить черезъ воды — Я съ тобою; чрезъ рѣки ли, онѣ не потопятъ тебя; пойдешь ли чрезъ огонь, не обожжешься, и пламя не опалитъ тебя. (Пс. XLIII, 1—2). Значитъ, бойся только тогда, когда ты одинокъ въ скорби, когда не хочешь призвать молитвенно Господа на помощь и заступленіе. (См. № 8 лист., приложен. къ журналу „Кормчій").

НЕДѢЛЯ 32-я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Еванг. отъ Лук., зач. 94-е, гл. XIX, 1—10 ст.

1. Праведный Закхей.

Въ то время какъ фарисеи, гордые своею праведностію отъ закона, съ презрѣніемъ отвергали отъ общества чадъ Божіихъ мытарей и язычниковъ, Іисусъ Христосъ, пришедшій *призвати не праведники, но грѣшники на покаяніе* (Матѳ. IX, 13), съ заботливостію добраго Пастыря, *оставляющаго девятьдесятъ и девять овецъ въ горахъ* (Матѳ. XVIII, 12) и взыскующаго единую заблудшую, искалъ и обрѣталъ раскаивающіяся души, ждавшія, казалось, только пастырскаго голоса Его для возвращенія на путь правды. Такъ обрѣлъ Онъ Левія мытаря, и хананею, и блудницу, отершую ноги Его власами главы своей, и многихъ мытарей и грѣшниковъ, такъ обрѣлъ Онъ и праведнаго Закхея.

Евангельская исторія не раскрываетъ намъ подробностей жизни праведнаго Закхея, предшествовавшихъ его обращенію ко Христу, и говоритъ только, что онъ *бѣ старѣй мытаремъ* (Лук. XIX, 2). Это одно показываетъ уже, что имя Закхея было обременено всеобщимъ позоромъ, и что всѣ, почитавшіе себя истинными израильтянами, чуждались его, какъ прокаженнаго; но по душѣ этотъ старѣйшина мытарей былъ несравненно выше многихъ фарисеевъ и книжниковъ, почившихъ на законѣ. Онъ чувствовалъ грѣховное состояніе свое, и — не только чувствовалъ, но и тяготился имъ и желалъ сложить бремя грѣховъ своихъ у ногъ Того, Который съ отеческою любовію принималъ всѣхъ раскаявшихся грѣшниковъ: *искаше видѣти Іисуса, кто есть, и не можаше отъ народа, яко возрастомъ малъ бѣ* (ст. 3). Но истинная любовь къ Богу изобрѣтательна! Препятствія, охлаждающія людей, нетвердыхъ въ ней, только болѣе воспламеняютъ ее: тогда она возвышается до дѣйствій нерѣдко странныхъ, или же предосудительныхъ по суду лукаваго свѣта, но тѣмъ не менѣе великихъ предъ очами Божіими: по свидѣтельству апостола Павла, она забываетъ и себя и весь міръ, и *вмѣняетъ все уметы быти, только бы пріобрѣсть Христа* (Филип. III, 8)! Такъ поступилъ и праведный Закхей. Онъ забылъ и свое богатство, и судъ свѣта, и—*предитекъ возлѣзе на ягодичину, да видитъ, яко хотяше мимо ея проити* (4). Гордость мірская не поняла и не оцѣнила бы этого поступка Закхеева, быть-можетъ еще бы поглумилась бы надъ нимъ, но его понялъ и оцѣнилъ Тотъ, Который зритъ тайная сердецъ человѣческихъ, и—Онъ, *являющійся и не ищущимъ Его, обрѣтающійся и не вопрошающимъ о Немъ* (Ис. LXV, 1), Самъ пошелъ теперь навстрѣчу столь пламенной любви: *и яко пріиде на мѣсто, воззрѣвъ Іисусъ, виде его, и рече къ нему: Закхее, потщався слѣзи; днесь бо въ дому твоемъ подобаетъ Ми быти* (ст. 5). Какая неописанная и великая награда для любви Закхеевой! Скромный мытарь, безъ сомнѣнія, никогда и не помышлялъ о томъ, чтобы Господь удостоилъ его Своимъ посѣщеніемъ; для него одна возможность видѣть Господа и наслаждаться лицезрѣніемъ Его была уже великимъ благомъ — особенною милостію, и потому понятна та священная радость, которою объятъ былъ духъ его, когда Спаситель благословилъ домъ его Своимъ посѣщеніемъ: *и потщався слѣзе и пріятъ Его радуяся* (ст. 6).

Но, въ то время какъ душа смиреннаго мытаря предавалась, по видимому, безмятежно святой радости, завистливый и лукавый свѣтъ, прикрываясь личиною праведности по закону, произносилъ неправедный судъ свой и надъ Закхеемъ, и надъ Самимъ Господомъ, удостоившимъ его Своей милости: *и видѣвше вси роптаху, глаголюще: яко ко грѣшну мужу вниде витати* (ст. 7). Если бы это осужденіе касалось лица одного Закхея, то, безъ сомнѣнія, въ избыткѣ святой радости, онъ не обратилъ бы на него никакого вниманія. Но это неправедное осужденіе касалось теперь лица Божественнаго благодѣтеля Закхея, и — сей послѣдній спѣшилъ теперь оправдать Его — не словами, но самимъ дѣломъ, которое сомкнуло уста мнимыхъ праведниковъ и заставило ихъ обратить взоры на самихъ себя: *ставъ же Закхей рече ко Господу: се, полъ-имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ, и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею* (ст. 8).

Нѣтъ сомнѣнія, что праведный мужъ исполнилъ впослѣдствіи все, что обѣщалъ Спасителю, и что, подклонившись однажды благому игу Христову, онъ уже не обращался вспять, ибо Самъ Сердцевѣдецъ торжественно засвидѣтельствовалъ искренность его обѣтовъ и преподалъ ему Божественное благословеніе Свое: *днесь спасеніе дому сему бысть, зане и сей сынъ Авраамль есть, пріиде бо Сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго* (ст. 9, 10).

Блаженны и тѣ изъ христіанъ, которые, восчувствовавъ свою грѣховность и удостоившись благодатнаго озаренія свыше, не устрашаются ни трудовъ покаянія, ни мнѣній лукаваго свѣта, и не угашаютъ въ себѣ Духа Божія, но, подобно праведному Закхею, отверзаютъ сердца свои для полнаго вселенія Его въ нихъ, и однажды навсегда отказываются отъ мертвыхъ дѣлъ прежней жизни, для того, чтобы безпрепятственно любить одного Бога *всѣмъ сердцемъ, всею душою, всею крѣпостію и всѣмъ помышленіемъ своимъ* (Лук. X, 27)! (См. „Душеп. соб." 1895 г.).

2. И Богъ требуетъ, и душа проситъ исповѣди [1]).

О совѣсть, совѣсть! Кто не испыталъ на себѣ горькихъ обличеній твоихъ? Кто не томился душою, не страдалъ сердцемъ отъ тайныхъ укоровъ твоихъ? Иной несчастный грѣшникъ, терзаемый тобою, теряетъ надежду на Божіе милосердіе и предается мрачному отчаянію... Но прочь это исчадіе гордыни сатанинской! Отецъ небесный далъ намъ благодатное средство облегчить душу, снять съ нея тяжкое бремя грѣховное и примирить ее съ правосудіемъ Божіимъ. Это спасительное средство есть святое таинство покаянія, или *исповѣдь*. Ты согрѣшилъ, тебя мучитъ совѣсть, иди скорѣе къ отцу твоему духовному, открой ему рану сердечную, исповѣдуй предъ нимъ грѣхъ твой, и лишь только онъ скажетъ тебѣ: *прощаю и разрѣшаю* тебя,—тотчасъ же тебѣ станетъ легче и отрадно, и совѣсть твоя не будетъ такъ безпощадно терзать твое сердце. *Глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Исаіи XLIII, 26), говоритъ Самъ Богъ во св. писаніи. „Аще исповѣдуемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ Господь, да оставитъ намъ грѣхи наша и очиститъ насъ отъ всякія неправды" (1 Іоан. I, 9), поучаетъ возлюбленный ученикъ Христовъ Іоаннъ Богословъ. Душа сама проситъ этой исповѣди, сама требуетъ, чтобы ядъ грѣховный, который терзаетъ ее въ совѣсти, былъ извергнутъ изъ нея покаяніемъ. Грѣхъ—это ядовитая змѣя, которая не перестанетъ мучить грѣшную душу, пока ея не убьешь, не выкинешь изъ души чистосердечнымъ раскаяніемъ, пока не пожалуешься на самого себя, не произнесешь самъ надъ собою суда предъ лицомъ Божіимъ и не получишь, чрезъ твоего отца духовнаго, разрѣшенія, умиротворенія, успокоенія въ благодатномъ таинствѣ св. покаянія. Голосъ совѣсти есть голосъ Божій въ душѣ грѣшника, и сколько бы ни лукавилъ грѣшникъ, сколько бы ни старался оправдать себя предъ этимъ неподкупнымъ судіею, совѣсть его не можетъ успокоиться, пока онъ не осудитъ себя самого. Послушайте, вотъ какъ въ древности исповѣдывали грѣхи свои истинно кающіеся грѣшники: исповѣдывали не предъ отцомъ только духовнымъ, но предъ всею церковью, готовые исповѣдать ихъ предъ цѣлымъ свѣтомъ! „Въ мою бытность въ одной обители, разсказываетъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, случилось, что одинъ разбойникъ пришелъ, изъявляя желаніе вступить въ монашество. Превосходный пастырь и врачъ (игуменъ) велѣлъ ему семь дней пользоваться совершеннымъ покоемъ, и только разсматривать устроеніе обители. Потомъ пастырь призываетъ его и спрашиваетъ наединѣ: желаетъ ли онъ остаться съ ними жить? И увидѣвъ, что онъ со всею искренностію согласился, опять спрашиваетъ, что онъ сдѣлалъ худого, живя въ мірѣ? Разбойникъ немедленно и со всемъ усердіемъ исповѣдалъ ему всѣ грѣхи свои. Тогда пастырь сказалъ: „хочу, чтобы ты объявилъ все это предъ всемъ братствомъ“. Онъ же, истинно возненавидѣвши грѣхъ свой и презрѣвши весь стыдъ, не колеблясь отвѣчалъ: „если хочешь, то сдѣлаю это даже посреди Александріи“. Тогда пастырь собралъ въ церковь всѣхъ своихъ овецъ, которыхъ было триста тридцать, и во время совершенія Божественной литургіи, по прочтеніи евангелія, повелѣлъ ввести сего непорочнаго осужденника. Нѣкоторые изъ братій влекли его, и слегка ударяли; руки были у него связаны назади; онъ былъ одѣтъ въ волосяное вретище, и голова его была посыпана пепломъ. Когда онъ былъ близъ святыхъ дверей, священный оный и человѣколюбивый судія воззвалъ къ нему громкимъ голосомъ: „остановись, ибо ты недостоинъ войти сюда“. Пораженный исшедшимъ къ нему изъ алтаря гласомъ пастыря (ибо, какъ онъ послѣ съ клятвою увѣрялъ насъ, ему казалось, что онъ слышитъ громъ, а не голосъ человѣческій), разбойникъ палъ на землю, трепеща отъ страха. Когда онъ такимъ образомъ омочилъ помостъ слезами, тогда сей чудный врачъ повелѣлъ ему объявлять предъ всѣми, подробно, всѣ сдѣланныя имъ беззаконія, и онъ съ трепетомъ исповѣдалъ одинъ за другимъ всѣ возмутительные для слуха грѣхи свои, которые не слѣдуетъ предавать писанію. Тотчасъ послѣ сей исповѣди пастырь повелѣлъ его постричь и причислить къ братіи. На мой вопросъ: для чего онъ употребилъ такой образъ покаянія? сей истинный врачъ отвѣтилъ: „во-первыхъ, для того, чтобы исповѣдавшагося настоящимъ посрамленіемъ избавить отъ будущаго, что и сбылось, ибо онъ, брате Іоанне, не прежде всталъ съ помоста, какъ получивши прощеніе всѣхъ согрѣшеній. И не сомнѣвайся въ этомъ, ибо одинъ изъ братій, присутствовавшихъ при семъ, увѣрялъ меня, что онъ видѣлъ нѣкотораго страшнаго мужа, державшаго писанную бумагу и трость, и какъ только лежащій выговаривалъ какой-нибудь грѣхъ свой, то онъ тростію своею изглаждалъ его. Да и справедливо, ибо Давидъ говоритъ: „рѣхъ, исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви, и ты оставилъ еси нечестіе сердца моего“ (Пс. XXXI, 5). Во-вторыхъ, какъ въ числѣ братій моихъ есть и такіе, которые имѣютъ согрѣшенія неисповѣданныя, то я хотѣлъ этимъ примѣромъ побудить ихъ къ исповѣданію, безъ котораго никто не можетъ получить прощенія“.—Правда, не легко бываетъ открыть отцу духовному рану сердечную: грѣшнику стыдно сознаться въ своемъ грѣхѣ;—стыдно, но необходимо! Вотъ что разсказываетъ самъ о себѣ одинъ подвижникъ: „въ юности моей я былъ часто побѣждаемъ одною грѣховною страстію. Между тѣмъ я зналъ, что св. старецъ Зенонъ многихъ избавляетъ отъ страстей, и желалъ открыть свою страсть, но врагъ все меня останавливалъ: „ты самъ знаешь, внушалъ онъ мнѣ, что нужно тебѣ дѣлать, чтобы исцѣлиться отъ страсти, зачѣмъ же тебѣ соблазнять старца?“ И когда я хотѣлъ итти, страсть утихала во мнѣ, а когда не шелъ — она снова обуревала меня. Старецъ видѣлъ, что я страдаю отъ помысла, но не обличалъ меня, ожидая, когда я самъ ему откроюсь въ этомъ. Поговоритъ, бывало, со мною о доброй жизни и отпуститъ. Наконецъ, со скорбію и плачемъ я сказалъ самъ себѣ: доколѣ, окаянная душа, ты не захочешь исцѣлиться? Многіе издалека приходятъ и получаютъ пользу, а ты живешь около врача, какъ же тебѣ не стыдно оставаться такъ? Пойду сейчасъ же къ старцу, и если тамъ никого не застану—значитъ есть воля Божія, чтобы я открылъ ему свои помыслы. Прихожу—у старца нѣтъ никого. Онъ сталъ поучать меня о томъ, какъ очищать себя отъ грѣшныхъ помысловъ, а я опять сталъ колебаться и хотѣлъ уйти безъ исповѣди. Старецъ всталъ, помолился и пошелъ провожать меня. Томимый совѣстію я шелъ за нимъ. Старецъ видѣлъ мое состояніе и, подойдя къ дверямъ, вдругъ обратился ко мнѣ, слегка толкнулъ меня въ грудь и ласково сказалъ: „что у тебя тутъ? вѣдь и я—человѣкъ!“—И только что онъ сказалъ это, какъ будто открылось у меня сердце,—я упалъ къ его ногамъ и со слезами сказалъ: „помилуй меня, отче!“—Что съ тобою?—спросилъ онъ. Я отвѣчалъ: „ты самъ вѣдаешь, отче!“ — И сказалъ старецъ: „тебѣ самому нужно исповѣдать, что тебя такъ томитъ“.—Съ трудомъ я открылся ему, и онъ сказалъ мнѣ: „цѣлыхъ три года томился ты, чего же ты стыдился? Вѣдь и я такой же грѣшникъ... Иди съ миромъ въ свою келью, да смотри—никого не осуждай!“ Съ той поры, благодатію Христовою и молитвами старца, страсть больше меня не тревожила.—А вотъ еще поразительный случай, когда Господь возвратилъ умершаго къ жизни, дабы онъ могъ исповѣдать забытый имъ грѣхъ. „Одинъ благочестивый крестьянинъ, напутствованный св. тайнами, вскорѣ умеръ. Его омыли, положили на столъ и приготовили гробъ. Прошло два часа, какъ больной испустилъ духъ; — вдругъ открываетъ онъ глаза и садится самъ собою, тогда какъ въ теченіе всей своей болѣзни не могъ того сдѣлать, оставаясь въ крайнемъ изнеможеніи силъ. Первыя слова его при этомъ были: „пошлите поскорѣе за священникомъ“,—что и было тотчасъ же исполнено. Когда священникъ прибылъ къ ожившему, тотъ просилъ всѣхъ выйти изъ комнаты. Домашніе удалились, ожившій глубоко вздохнулъ и сказалъ: „батюшка! я вѣдь умиралъ, былъ взятъ ангелами и представленъ ко Господу. Когда явился я предъ Него и поклонился Ему,—Онъ посмотрѣлъ на меня такъ милостиво, съ такою любовію, что и выразить невозможно. Видъ Его, и сказать нельзя, какъ хорошъ!—„Что жъ вы взяли его?“ наконецъ, кротко сказалъ Господь приведшимъ меня ангеламъ, „а у него есть еще на душѣ грѣхъ, въ которомъ онъ никогда не каялся своему духовнику“. И при этомъ Господь напомнилъ мнѣ неисповѣданный мой грѣхъ. Тогда только и самъ я почувствовалъ, что точно было у меня такое дѣло, но забылъ и никогда не каялся въ томъ священнику. „Отведите жъ его“, продолжалъ Господь, „чтобъ онъ очистилъ свою совѣсть предъ духовникомъ, и потомъ опять возьмите его сюда“. — И самъ не знаю, сказалъ послѣ того ожившій, какъ я сдѣлался опять живъ“.—Тутъ онъ съ чувствомъ разсказалъ забытый грѣхъ, священникъ прочелъ надъ нимъ разрѣшительную молитву, прося вспомнить и его, какъ духовнаго своего отца, когда снова предстанетъ предъ Господомъ. И едва священникъ вышелъ, какъ ожившій мирно предалъ духъ свой Господу. Такъ-то милостивъ Господь! И такъ необходимо для насъ таинство исповѣди! (См. „Троицк. лист.“ № 262).

---

[1]) Примѣнительно къ ев. Лук. XIX гл. 8—10 ст.

3. Условія истиннаго покаянія и необходимость чистосердечно раскаяться.

Для того, чтобы приступающій къ таинству покаянія могъ дѣйствительно получить отпущеніе грѣховъ, отъ него требуются, по ученію православной церкви („Прав. испов.“, ч. I, отв. на вопр. 111 и 113; „Простр. катих.“ о покаяніи), слѣдующія условія:

а) *Сокрушеніе о грѣхахъ.* Это необходимо по самому существу покаянія: кто истинно кается, тотъ не можетъ не сознавать всей тяжести своихъ грѣховъ и ихъ гибельныхъ послѣдствій, не можетъ не чувствовать своей виновности предъ Богомъ, своего недостоинства, не можетъ не скорбѣть сердцемъ, не сокрушаться, и тамъ, гдѣ нѣтъ истиннаго сокрушенія о грѣхахъ, тамъ нѣтъ и истиннаго покаянія, а одно только наружное. Посему-то св. отцы и учители церкви единогласно признавали сокрушеніе о грѣхахъ самою существенною и необходимою принадлежностію покаянія.

„Вы, братіе возлюбленнѣйшіе, писалъ св. Кипріанъ..., каясь и сокрушаясь, разсмотрите ваши грѣхи; сознайте тягчайшую вину своей совѣсти, откройте очи сердца къ уразумѣнію вашего преступленія... Чѣмъ больше мы согрѣшили, тѣмъ болѣе мы должны оплакивать“.

б) *Твердое намѣреніе впредь исправить свою жизнь* Св. ап. Петръ въ рѣчи своей къ іудеямъ сказалъ: „покайтеся и обратитеся, да очиститеся отъ грѣховъ вашихъ“ (Дѣян. III, 19).

Св. Василій Великій говоритъ: „не тотъ исповѣдуетъ грѣхъ свой, кто сказалъ: согрѣшилъ я, и потомъ остается во грѣхѣ; но тотъ, кто, по слову псалма, обрѣлъ грѣхъ свой и возненавидѣлъ (Пс. LIII, 3)... Премудрый Домостроитель нашей жизни хочетъ, чтобы жившій во грѣхахъ и потомъ дающій обѣтъ возстать къ здравой жизни, положилъ конецъ прошедшему, и послѣ содѣянныхъ грѣховъ сдѣлалъ нѣкоторое начало, какъ бы обновившись въ жизни чрезъ покаяніе“ („Толк. кн: Ис. I, ст. 14, въ тв. св. отц.“ IV, 58—59). „Кающимся недостаточно ко спасенію одно удаленіе отъ грѣховъ, но потребны имъ и плоды, достойные покаянія“. („Нравств. прав.“ I, 4, тамъ же VII, 361).

Св. Амвросій наставляетъ: „кто приноситъ покаяніе, тотъ не только долженъ омывать грѣхъ свой слезами, но покрывать прежнія прегрѣшенія лучшими дѣлами, чтобы грѣхъ ему не вмѣнился“...

в) *Вѣра во Іисуса Христа и надежда на Его милосердіе.* Іисусъ Христосъ одинъ примирилъ насъ съ Богомъ Своею крестною смертію (Рим. V, 1—2, 8, 24, 35), одинъ есть вѣчный нашъ первосвященникъ, тѣмъ же и спасти до конца можетъ приходящихъ чрезъ Него къ Богу, всегда живъ сый, во еже ходатайствовати о насъ (Евр. VII, 25). Слѣд., безъ вѣры во Христа Спасителя и надежды на Него, какъ бы ни было глубоко наше сокрушеніе о грѣхахъ и твердо наше намѣреніе исправить свою жизнь, мы никогда не удостоились бы получить отъ Бога отпущеніе грѣховъ.

г) *Устное и при томъ чистосердечное исповѣданіе грѣховъ предъ священникомъ.* Необходимость этого исповѣданія сама собою очевидна изъ того, что разрѣшить грѣхи въ таинствѣ покаянія долженъ священникъ, а чтобы разрѣшить или не разрѣшить какіе-либо грѣхи, надобно напередъ знать ихъ.

Въ церкви постоянно существовало и соблюдаемо было это учрежденіе. Св. Ириней повѣствуетъ, какъ нѣкоторыя жены, увлеченныя въ ересь и нечестіе гностиками, при своемъ возвращеніи въ церковь, исповѣдали грѣхи свои и заблужденія, а другія, не желая подвергнуться этому испытанію, впадали въ отчаяніе.

Св. Григорій нисскій внушаетъ кающемуся: „пролей предо мною горькія и обильныя слезы, да и я соединю мои слезы съ твоими: въ соучастника и общника твоей скорби прими священника, какъ отца... Священникъ столько сокрушается о грѣхѣ того, кого имѣетъ по вѣрѣ вмѣсто сына, сколько скорбѣлъ Іаковъ, узрѣвъ одежду Іосифа... Посему на родившаго тебя въ Богѣ ты долженъ полагаться болѣе, нежели на родившихъ тебя по тѣлу. Смѣло показывай ему свои сокровенности; открывай ему тайны духа, какъ тайныя раны врачу, онъ позаботится и о твоемъ здравіи“. (См. Догм. Богосл. митр. Макарія, т. IV).

Къ сожалѣнію, многіе отъ самолюбія, отъ невнимательности къ своему духовному состоянію и отъ усыпленія совѣсти, придя на исповѣдь, кромѣ общихъ выраженій: „грѣшенъ во всемъ“, вовсе не исповѣдуютъ своихъ *частныхъ*, нерѣдко весьма тяжкихъ, грѣховъ противъ всѣхъ заповѣдей Божіихъ. Въ этомъ случаѣ священнику остается вопросами вызвать сознаніе въ грѣхахъ и краткимъ назиданіемъ раскрывать предъ совѣстію тяжесть грѣховъ, оскорбляющихъ Бога, и необходимость отстать отъ нихъ.

Устное исповѣданіе грѣховъ должно быть, повторяемъ, *чистосердечное*, искреннее, безъ утайки, безъ самооправданія. Кромѣ убѣжденія, предложеннаго въ чинѣ исповѣди: „се, чадо, невидимо Христосъ предстоитъ“... духовникъ можетъ сказать кающемуся слѣдующія слова святителя Тихона Задонскаго: „Богу ты, чадо, исповѣдуешься, Котораго грѣхами прогнѣвалъ, а я служитель Его недостойный и свидѣтель твоего покаянія, ничего не утаи, не стыдись и ничего не бойся, ибо трое только здѣсь насъ: Богъ, предъ Которымъ ты согрѣшилъ, Который всѣ грѣхи твои, какъ они сдѣлались, совершенно знаетъ, потому что Богъ вездѣ есть, на всякомъ мѣстѣ, и гдѣ ты что дѣлалъ, или что говорилъ и думалъ худое или доброе, Онъ тутъ былъ и все то совершенно знаетъ, и нынѣ съ нами есть, да только единаго твоего самовольнаго покаянія ожидаетъ; ты самъ также грѣхи свои знаешь, не стыдись выговорить всѣ, которыхъ дѣлать не стыдился; я третій тебѣ подобострастенъ, такой же человѣкъ, какъ ты, посему, чего и меня стыдиться?“ (См. брош. „Наканунѣ исповѣди“, протоіер. Г. Дьяченко, изд. 2-е).

4. Обращеніе Евдокіи.

Живо слово Божіе и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же *и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ* (Евр. IV, 12). Какъ бы глубоко ни палъ человѣкъ, но если Сердцевѣдецъ Господь еще видитъ въ его сердцѣ хотя малую искру смиренія, Онъ пошлетъ слово Свое животворящее и коснется имъ сердца грѣшнаго, и воскреснетъ сей мертвецъ къ новой благодатной жизни, какъ воскресъ нѣкогда по слову Жизнодавца Лазарь четверодневный. Житіе св. преподобномученицы Евдокіи представляетъ тому разительный примѣръ. И родомъ, и вѣрою она была самарянка; не было дѣвицы прекраснѣе ея, но не было, казалось, и грѣшнѣе: повсюду проходила слава о ея безподобной красотѣ и привлекала въ Иліополь, гдѣ жила она (въ Сиріи), множество знатныхъ и богатыхъ, но развращенныхъ душою юношей; за то не было счета и богатствамъ ея. Кто бы могъ подумать, что эта самарянка, богатая, развращенная, невѣрующая во Христа, чрезъ какой-нибудь годъ будетъ игуменіей въ одномъ изъ пустынныхъ, бѣдныхъ женскихъ монастырей? Этого, конечно, и сама она не могла бы помыслить; но что невозможно у людей, то все легко и возможно для Господа: Онъ послалъ *слово* Свое и исцѣлилъ душу гибнущую, воззвалъ ее къ новой жизни и содѣлалъ достойнымъ сосудомъ Своей благодати. Проходилъ чрезъ Иліополь одинъ благочестивый инокъ, именемъ Германъ, и остановился ночевать у своего знакомца, христіанина, именно въ томъ домѣ, гдѣ жила Евдокія. Его комната пришлась рядомъ со спальнею великой грѣшницы, только чрезъ тонкую деревянную стѣнку. Отдохнувъ немного, онъ всталъ на молитву и началъ пѣть псалмы — обычное свое правило; потомъ сѣлъ, вынулъ изъ пазухи книжку, которую всегда неразлучно носилъ съ собою, и сталъ вслухъ читать. Долго читалъ онъ слово Божіе о будущемъ страшномъ судѣ Христовомъ, о томъ, какъ послѣ сего суда праведники просвѣтятся яко солнце въ царствіи небесномъ, а грѣшники пойдутъ въ муку вѣчную, въ огнь неугасимый. Богобоязненный инокъ читалъ съ чувствомъ и чтеніе часто прерывалъ глубокими воздыханіями. Богу угодно было, чтобы Евдокія проснулась при самомъ началѣ чтенія. Никогда въ жизни не слыхала она того, что теперь слышала; сначала изъ простого любопытства она стала прислушиваться, стараясь не проронить ни одного слова. Выраженія: *грѣхъ, праведный Судія, адъ, вѣчное мученіе,* съ другой стороны слова: *праведникъ, любовь Божія, рай, вѣчное блаженство* — глубоко потрясли ея душу; въ первый разъ въ жизни она почувствовала, въ какомъ ужасномъ положеніи находится, невольный вздохъ вырвался и изъ ея грѣшнаго сердца; чѣмъ больше она представляла себѣ множество грѣховъ своихъ, тѣмъ больше устрашала ее мысль о страшномъ судѣ Божіемъ, и она не могла заснуть до самаго разсвѣта. На утро Евдокія послала пригласить къ себѣ того, кто ночевалъ въ сосѣдней комнатѣ. Старецъ пришелъ. Скрывая свое сердечное смущеніе, она спросила его: „скажи мнѣ, добрый старецъ, кто ты и откуда? И что это такое ты читалъ въ прошедшую ночь? Ты меня удивилъ и напугалъ до крайности... Неужели правда, что грѣшники осуждены на огонь вѣчный? И если такъ, то скажи мнѣ: кто же можетъ спастися?“—Мудрый пустынникъ на всѣ ея вопросы отвѣчалъ удовлетворительно, не оскорбляя самолюбія, заставилъ ее признаться въ слабостяхъ и порокахъ своихъ, показалъ ей, къ какой погибели ведутъ богатства, неправедно собираемыя и такъ же неправедно расточаемыя, и, наконецъ, довелъ ее до того, что она пала къ ногамъ его и слезно стала умолять его: „возьми у меня, отче, сколько хочешь золота, только останься здѣсь на нѣсколько дней, чтобы научить меня вашей вѣрѣ христіанской. Я раздамъ всѣ мои богатства и пойду за тобою, куда хочешь, только бы мнѣ спастись!“ — Блаженный Германъ отвѣчалъ: „не нужно мнѣ твоего золота; довольно съ меня и надежды привести овцу заблудшую въ Христову ограду. Я охотно останусь на нѣсколько дней, а ты позови къ себѣ одного изъ христіанскихъ пресвитеровъ; онъ окреститъ тебя по чину церковному, а потомъ все пойдетъ своимъ порядкомъ“. — Немедленно призванъ былъ священникъ. Евдокія поклонилась ему до земли и объявила, что она желаетъ быть христіанкой. Удивленный іерей Божій спросилъ ее: какой она вѣры? –„Я самарянка, отвѣчала Евдокія: я всему міру была супруга, однимъ словомъ — я море всякаго зла! Есть ли у Бога вашего милость для такихъ грѣшниковъ, какъ я?“—Пресвитеръ отвѣчалъ, что для кающихся грѣшниковъ есть у Бога прощеніе, только должно принять св. крещеніе, а для нераскаянныхъ нѣтъ прощенія, нѣтъ помилованія.—„Что же мнѣ дѣлать?“ спросила Евдокія. Пресвитеръ посовѣтовалъ ей раздать свое имѣніе бѣднымъ и приготовиться къ крещенію. „Сними съ себя дорогія одежды, сказалъ онъ, надѣнь худыя; затворись въ уединенной комнатѣ, постись и молись семь дней, и тогда Христосъ Богъ, мытаря оправдавшій и грѣшницу помиловавшій, помилуетъ и тебя“. Евдокія такъ и сдѣлала. Она приказала рабынямъ говорить всѣмъ, что ея нѣтъ дома, и на семь дней затворилась въ своей спальнѣ. Тамъ въ слезахъ и покаяніи она оплакивала грѣхи свои и просила Господа помиловать ее. Въ седьмой день пришелъ къ ней блаженный Германъ. Увидѣвъ ее блѣдную, исхудалую отъ поста, онъ сталъ ее спрашивать: какъ она провела эти дни? — Евдокія отвѣчала: „семь дней я молилась и постилась по совѣту пресвитера и твоему, отче; и вотъ, въ прошлую ночь осіялъ меня свѣтъ паче солнечнаго. Я поднялась съ земли и увидѣла прекраснаго, но и грознаго юношу, одѣтаго въ бѣлоснѣжную одежду; онъ взялъ меня за руку и вознесъ выше облаковъ. Во мгновеніе очутились мы среди обителей чудныхъ; безчисленное множество святыхъ душъ встрѣчали и привѣтствовали меня съ улыбкой свѣтлой радости, называя меня своею сестрою. Вдругъ на воздухѣ показалось страшилище: его видъ былъ мраченъ, какъ ночь; глаза горѣли какъ уголья; онъ скрежеталъ зубами, рыкалъ какъ левъ, и съ наглостью порывался вырвать меня изъ рукъ моего безплотнаго вождя. „Какъ? — кричалъ онъ: ужели и эту отчаянную грѣшницу, всю землю осквернившую грѣхами своими, ты отнимаешь у меня, о, архистратигъ силъ Божіихъ!? Послѣ этого собирай со всей земли грѣшниковъ, не по-человѣчески, а по-скотски живущихъ, и веди ихъ къ Богу, а я сокроюсь въ уготованной мнѣ безднѣ вѣчныхъ мукъ, только гдѣ же будетъ правда тогда?“... И вотъ, когда онъ такъ неистово кричалъ, вдругъ послышался свыше, отъ неизреченнаго онаго свѣта, голосъ: „такъ угодно Богу милосердому, чтобы грѣшники чрезъ покаяніе были восприняты паки въ лоно Авраамово. Повелѣваю тебѣ, Михаиле, завѣта Моего хранителю: отведи ее туда, откуда взялъ ты, пусть она совершитъ подвигъ свой, а Я буду съ нею во всѣ дни жизни ея“. И ангелъ Божій поставилъ меня опять въ спальнѣ моей. Тогда я осмѣлилась спросить его: кто онъ? — „Я князь ангеловъ Божіихъ, отвѣчалъ онъ, на мнѣ лежитъ попеченіе о кающихся грѣшникахъ. О, какая бываетъ на небеси радость для ангеловъ Божіихъ, когда какой-нибудь грѣшникъ приноситъ покаяніе! Не хочетъ Богъ, Отецъ небесный, чтобы погибла хотя одна душа человѣческая; вѣдь человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію: какъ же не радоваться намъ его обращенію?“ — Тутъ архангелъ оградилъ меня крестнымъ знаменіемъ; я поклонилась ему до земли, и онъ вознесся на небо, — „Что повелишь мнѣ дѣлать, честный отче?“ закончила свой разсказъ Евдокія. — „Прими знаменіе вѣры — св. крещеніе“, отвѣчалъ Германъ. Онъ далъ ей нѣсколько отеческихъ наставленій о томъ, какъ достойно приготовиться къ крещенію, и удалился въ свою пустынную обитель. Евдокія наложила на себя строгій постъ на нѣсколько дней, молилась, плакала о грѣхахъ своихъ и, наконецъ, просила у епископа того города св. крещенія. Затѣмъ все свое богатство, чрезъ того же епископа, она раздала бѣднымъ и вскорѣ послѣдовала въ пустыню за блаженнымъ Германомъ, который помѣстилъ ее въ одномъ изъ женскихъ монастырей, а чрезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ того она была уже избрана игуменіей въ той же обители дѣвственницъ... Такъ могущественно было дѣйствіе на ея сердце слова Божія, которое она, по особенному дивному устроенію Промысла Божія, нечаянно услышала! И сколько чудесъ она содѣлала! Она смягчала сердца звѣроподобныхъ тирановъ; воскрешала мертвыхъ; внезапно поражала молніей гонителей христіанства; крестнымъ знаменіемъ умерщвляла ядовитыхъ зміевъ, и, наконецъ, скончалась страдальчески, спустя 55 лѣтъ послѣ своего обращенія, какъ смиренная агница Христова. („Ч.-М.“).

5. Сказаніе о св. Петрѣ праведномъ, который прежде былъ мытаремъ.

(Память празднуется 22 сентября).

Въ африканской землѣ жилъ мытарь, именемъ Петръ, человѣкъ безжалостный, не помогшій на своемъ вѣку ни одному несчастному. Въ немъ не было памяти о смертномъ часѣ, онъ не ходилъ въ церковь Божію и уклонялъ слухъ свой отъ просящихъ милостыню. Но человѣколюбецъ Богъ, не хотящій смерти грѣшниковъ и промышляющій о спасеніи всѣхъ, простеръ благость Свою и на Петра мытаря и спасъ его.

Однажды нищіе и убогіе, сидя на улицѣ, стали славить семьи милостивыхъ и молить за нихъ Бога, а немилостивыхъ укоряли. Договорились они и до Петра мытаря и спрашивали другъ друга, получилъ ли кто когда-нибудь изъ дома Петра какую-нибудь милостыню. Оказалось, что ни разу ни надъ кѣмъ не сжалился мытарь. Тогда поднялся одинъ убогій и сказалъ: „что вы дадите мнѣ? Я выпрошу у него подаяніе“,—и побились между собою убогіе объ закладъ.

Нищій отправился къ дому Петра и сталъ поджидать его на улицѣ, и, когда тотъ прошелъ мимо, ведя за собою осла, нагруженнаго хлѣбами, которые онъ везъ къ своему царю, нищій поклонился ему и началъ съ громкимъ воплемъ просить милостыню. Петръ, не найдя подъ рукой камня, схватилъ хлѣбъ и швырнулъ его въ лицо нищаго. Нищій подхватилъ хлѣбъ и разсказалъ товарищамъ, что принялъ хлѣбъ изъ рукъ Петра, и прославилъ Бога за милостыню мытаря.

Черезъ два дня разболѣлся Петръ и былъ близокъ къ смерти. И явилось ему видѣніе: онъ стоитъ на послѣднемъ судѣ, и всѣ дѣла его возлагаютъ на вѣсы. Съ одной стороны вѣсовъ—страшные и смрадные эѳіопы, а съ другой—мужи свѣтлые и благолѣпные. Эѳіопы, собравши всѣ дѣла злыя, сотворенныя Петромъ отъ юности во всю жизнь, клали ихъ на вѣсы, а свѣтлые юноши не могли найти ничего добраго въ дѣлахъ мытаря, что бы можно было положить на другую чашку, и стояли уныло, говоря другъ другу: „намъ нѣтъ здѣсь части“.

Тогда одинъ изъ нихъ отвѣтилъ: „нѣтъ у насъ ничего, кромѣ того хлѣба, который далъ на дняхъ Петръ Христу, и то невольно“. И они положили этотъ хлѣбъ на вѣсы,—и чашка съ хлѣбомъ перетянула. Тогда тѣ свѣтлые отроки сказали Петру: „иди, Петръ убогій, и приложи новый грузъ къ этому хлѣбу, чтобъ не ввели тебя враги въ муку вѣчную“.

Очнулся Петръ и сталъ размышлять о томъ, что видѣлъ, и понялъ, что это была совершенная истина. И обнажились предъ нимъ всѣ грѣхи его—и тѣ, которые онъ уже забылъ, и всѣ, которые клали эѳіопы на чашку вѣсовъ. Онъ сказалъ себѣ: „если одинъ хлѣбъ, который я бросилъ въ лицо убогому, спасъ меня отъ бѣсовъ, то какую пользу оказываетъ милостыня, творимая съ кротостью и усердіемъ тѣмъ, кто нещадно раздаетъ свое богатство убогимъ!“.

И съ того дня сталъ Петръ великимъ милостивцемъ и не сталъ жалѣть себя.

Однажды шелъ онъ на свою мытницу, и встрѣтился ему корабельщикъ, еле прикрытый лохмотьями, потерявшій все свое имущество при потопленіи корабля. Припавъ къ ногамъ мытаря, несчастный просилъ у него одежды, чтобы прикрыть наготу своего тѣла.

И Петръ, снявъ съ себя свою верхнюю, дорогую и прекрасную одежду, отдалъ ему. А корабельщикъ, стыдясь ходить въ такой прекрасной одеждѣ, поручилъ ее продать одному купцу. Случилось, что Петръ, возвращаясь домой, увидѣлъ ту одежду выставленною на рынкѣ на продажу, это обидѣло его. Придя домой, онъ отъ печали не коснулся и пищи, но, затворившись у себя, съ плачемъ и рыданіемъ размышлялъ: „не принялъ Богъ моей милостыни, недостоинъ я, чтобъ нищій сохранилъ мой даръ на память обо мнѣ“. Въ этой скорби онъ уснулъ. И вотъ, видитъ онъ Кого-то прекраснаго, сіяющаго ярче солнца, съ крестомъ на головѣ, одѣтаго въ одежду, поданную корабельщику, и слышитъ мытарь голосъ.

— Что плачешь, братъ Петръ?

— Какъ не плакать, Владыко мой, когда убогіе продаютъ на рынкахъ то, что я даю имъ отъ сокровищъ, врученныхъ мнѣ Тобою!

Тогда явившійся сказалъ ему.

— Узнаешь ли ты одежду, которая на Мнѣ?

— Знаю, Владыко, — отвѣчалъ мытарь.—Это моя одежда, я ею покрылъ нагого.

— Не скорби же; когда ты далъ ее нищему, Я принялъ ее и ношу, какъ ты видишь, хваля твое благое произволеніе за то, что ты одѣлъ Меня, изнемогавшаго отъ стужи.

Воспрянувъ отъ сна, чудился въ себѣ мытарь и ублажилъ въ сердцѣ своемъ участь убогихъ и сказалъ себѣ: „если съ убогими Христосъ, живъ Богъ мой, не умру я, пока не стану, какъ они“.

И тогда роздалъ онъ все богатство свое нищимъ, отпустилъ рабовъ на волю и, оставивъ одного только раба, сказалъ ему.

— Я повѣдаю тебѣ тайну, которую ты долженъ сохранить, если же ты не исполнишь моего завѣта, я продамъ тебя въ далекую страну.

Рабъ отвѣтилъ Петру, что исполнитъ въ точности все.

— Такъ слушай же,—сказалъ мытарь,—мы пойдемъ въ Іерусалимъ поклониться святому гробу Господню; тамъ продай меня въ рабство какому-нибудь христіанину, вырученную за меня цѣну раздай нищимъ, а потомъ самъ иди на свободу.

Удивился рабъ такому странному намѣренію господина своего и отказывался исполнить его волю, говоря:

— Пойти съ тобой въ Іерусалимъ я долженъ, какъ твой рабъ, но продать тебя, господина своего, мнѣ невозможно.

— Тогда я продамъ тебя, какъ сказалъ, если не будетъ по моему.

Итакъ, пошли они въ Іерусалимъ.

Совершивъ поклоненіе святымъ мѣстамъ, Петръ сказалъ рабу:

— Теперь исполни волю мою—продай меня въ рабство.

Видя непреклонное желаніе своего господина, скрѣпя сердце, послушался его рабъ: нашелъ онъ богобоязненнаго человѣка, ремесломъ литейщика серебра, по имени Зоила, и предложилъ купить у него хорошаго раба.

— Я очень стѣсненъ, — отвѣчалъ тотъ,—мнѣ нечѣмъ заплатить за него.

— Возьми взаймы у кого-нибудь и купи: онъ праведный человѣкъ, и ради него Господь благословитъ твои дѣла.

Повѣривъ ему, занялъ Зоилъ у друга своего тридцать монетъ и на нихъ купилъ у раба господина его, Петра, не зная тайны его. Получивъ деньги, рабъ отправился въ Царьградъ, никому не говоря о томъ, что было, и роздалъ нищимъ деньги, полученныя за господина своего.

Петръ же сталъ работать на Зоила, неся непривычную службу: то онъ трудился на поварнѣ, то вывозилъ соръ изъ дома Зоила, то копалъ землю въ виноградникѣ и мучилъ тѣло свое и всякою другою работой и при этомъ безмѣрно смирялся.

Видѣлъ Зоилъ, что ради Петра сошло на домъ его Божіе благословеніе, какъ на домъ Пентефріевъ ради Іосифа, и что умножается его богатство. Полюбилъ онъ Петра и скорбѣлъ, видя его безграничное смиреніе.

Однажды онъ сказалъ ему.

— Братъ Петръ, я хочу освободить тебя, чтобъ былъ ты мнѣ, какъ братъ.

Но Петръ не хотѣлъ свободы и старался ему служить, какъ рабъ.

И часто ругались надъ нимъ другіе рабы, и били его, и всячески оскорбляли, а онъ все, молча, терпѣлъ.

Однажды ночью видитъ Петръ во снѣ Того солнцеобразнаго мужа, Который явился ему въ Африкѣ; на Немъ была одежда, данная Петромъ корабельщику, а въ рукахъ у Него были тридцать серебрениковъ. И сказалъ Онъ Петру: „не скорби, братъ Петръ! Я принялъ цѣну твою; терпи до той поры, пока все не откроется“.

Прошло нѣсколько времени.

Изъ Африки во святыя мѣста пришли на поклоненіе торговцы серебра, и Зоилъ, господинъ Петра, позвалъ ихъ къ себѣ на обѣдъ.

Во время обѣда гости, вглядываясь въ Петра, стали говорить другъ другу: „какъ похожъ этотъ рабъ на Петра мытаря!“ Петръ угадалъ ихъ рѣчи и старался закрыть свое лицо, чтобы они не признали его окончательно. Но это было напрасно, гости убѣдились, что предъ ними, дѣйствительно, мытарь, и сказали Зоилу: „мы откроемъ тебѣ странную вещь: знай, что въ домѣ у тебя знатный человѣкъ, и онъ служитъ тебѣ, какъ рабъ. Это—Петръ, который былъ сильнымъ вельможею въ нашей странѣ. Онъ отпустилъ на волю своихъ рабовъ, а самъ... Но мы возьмемъ его съ собой на родину, нашъ царь огорчился его исчезновеніемъ и скорбитъ по немъ“.

Петръ, стоя за дверьми, слышалъ эти слова; онъ положилъ на землю блюдо, которое было у него въ рукахъ, и побѣжалъ къ воротамъ, чтобы скрыться совсѣмъ.

Привратникъ того двора былъ глухонѣмой отъ рожденія, и только знаками его заставляли отпирать и затворять ворота.

Сильно спѣша, Петръ закричалъ нѣмому.

— Тебѣ говорю, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, отвори скорѣй ворота!

И нѣмой отвѣтилъ.

— Да, господинъ, отворю! — и онъ отперъ ворота, а Петръ вышелъ.

Нѣмой пошелъ къ своему господину и предъ всѣми заговорилъ, и всѣ домашніе дивились, слыша нѣмого говорящимъ. Стали искать Петра, и не могли найти его, а нѣмой сказалъ.

— Не скрылся ли онъ совсѣмъ? Это—великій рабъ Божій. Когда онъ подошелъ къ воротамъ, онъ произнесъ: „тебѣ говорю, именемъ Господа Іисуса Христа, отвори!“—и я видѣлъ пламя, исшедшее изъ его устъ, оно коснулось устъ моихъ, и я заговорилъ.

Услыхавъ о такомъ чудѣ, всѣ тотчасъ же бросились за Петромъ, но какъ ни искали, не могли найти его.

Тогда восплакали о немъ великимъ плачемъ, что не знали въ свое время, какой великій жилъ среди нихъ рабъ Божій,—и прославили Господа, у котораго много такихъ сокровенныхъ праведниковъ.

Петръ же мытарь, избѣгая человѣческой славы, скрывался въ неизвѣстныхъ мѣстахъ и такъ преставился („Русск. паломн.“ 1897 г. № 38).

6. Примѣры благотворности покаянныхъ слезъ.

I. Одинъ инокъ безмолвствовалъ въ нѣкоторомъ монастырѣ, и молитва его постоянно состояла въ слѣдующемъ: „Господи! нѣтъ во мнѣ страха Твоего, пошли мнѣ или тяжкій недугъ, или напасть, чтобъ хотя такимъ образомъ пришла окаянная душа моя въ страхъ Твой; знаю, что грѣхи мои сами по себѣ непростительны, много согрѣшилъ я предъ Тобою, Владыко, согрѣшилъ много и тяжко, но ради милости Твоей, по святой волѣ Твоей, прости мнѣ грѣхъ мой. Если же и этого не можетъ быть, то помучь меня здѣсь, чтобъ здѣшними муками была нѣсколько ослаблена мука будущая. Начни казнить меня отселѣ, Владыко, казнить не въ гнѣвѣ Твоемъ, а въ человѣколюбіи“. Братъ провелъ цѣлый годъ, молясь такимъ образомъ въ сокрушеніи и смиреніи сердца, въ строгомъ постѣ. Между тѣмъ постоянно соприсутствовала ему мысль, какое значеніе имѣютъ слова Господа: блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся? Однажды, когда братъ, объятый печалію, по обычаю сидѣлъ на землѣ и плакалъ, напалъ на него тонкій сонъ. Явился къ нему Христосъ Спаситель, воззрѣлъ на него милостиво и сказалъ тихимъ голосомъ: „что съ тобою? о чемъ ты плачешь?“ Братъ отвѣчалъ Господу:—„Господи! я палъ“. Явившійся сказалъ на это: „возстань!“ Братъ отвѣчалъ, сидя на землѣ:—не могу встать, если Ты не прострешь руки Твоей и не возставишь меня. Господь простеръ руку и воздвигъ его. Явившійся опять сказалъ тихо: „что ты плачешь, о чемъ скорбишь?“ Братъ отвѣчалъ:—Господи! какъ мнѣ не плакать и не скорбѣть, когда я столько прогнѣвалъ Тебя? Тогда явившійся простеръ руку Свою, приложилъ ладонь къ сердцу брата и, погладивъ его сердце, сказалъ ему: „не скорби, Богъ поможетъ тебѣ; Я уже не буду карать тебя, потому что ты самъ наказалъ себя. Ради тебя я пролилъ кровь Мою, пролію и человѣколюбіе Мое на всякую душу, приносящую покаяніе“. Братъ, пришедши въ себя по окончаніи видѣнія, ощутилъ сердце свое исполненнымъ радости и пріялъ извѣщеніе, что Богъ сотворилъ милость съ нимъ. Прочее время жизни своей онъ провелъ въ великомъ смиреніи, славословя Бога, и отошелъ къ Богу въ этомъ настроеніи исповѣданія. („Отечникъ“, еписк. Игнатія, стр. 436).

II. „Жилъ нѣкто Викторинъ, пишетъ св. Григорій Двоесловъ, который назывался и другимъ именемъ Эмиліана, достаточный человѣкъ; но такъ какъ при богатствѣ вещей преобладаетъ грѣховность плоти, то онъ впалъ въ нѣкоторое преступленіе. Проникнутый размышленіемъ о своей виновности, онъ самъ возсталъ противъ себя самого, оставилъ въ этомъ мірѣ все и поступилъ въ монастырь. Въ этомъ монастырѣ онъ показалъ такое смиреніе и такіе подвиги покаянія, что всѣ братья, которые тамъ возрастали любовію къ Богу, принуждены были презирать свою жизнь, когда видѣли его покаяніе, ибо онъ со всѣмъ усердіемъ души *старался распять плоть, переломить собственную волю, потаенно молиться, омывать себя ежедневными слезами, желать себѣ презрѣнія и страшиться почтенія отъ братіи.* Онъ привыкъ вставать ранѣе всѣхъ братій на ночныя бдѣнія; и такъ какъ гора, на которой стоялъ монастырь, съ одной стороны выдавалась, то онъ имѣлъ обыкновеніе выходить туда прежде бдѣній для того, чтобы тѣмъ свободнѣе ежедневно изнурять себя плачемъ покаянія, чѣмъ потаеннѣе было мѣсто. Но въ одну ночь бодрствующій настоятель монастыря, увидѣвъ его тайно выходящаго, тихо пошелъ за нимъ издали. Увидѣвъ его въ горной пещерѣ простершагося на молитву, онъ хотѣлъ дождаться, когда тотъ встанетъ, чтобъ узнать самую терпѣливость его молитвы, какъ вдругъ пролился съ неба свѣтъ на того, кто лежалъ простертымъ на молитвѣ; и такая ясность распространилась въ томъ мѣстѣ, что вся часть той стороны побѣлѣла отъ того свѣта. Увидѣвъ это, настоятель испугался и ушелъ. И когда, по продолжительномъ времени, тотъ братъ возвратился въ монастырь, авва (т. - е. настоятель монастыря), чтобъ узнать, сознавалъ ли онъ надъ собою проліяніе такого свѣта, старался вывѣдать отъ него, говоря: „гдѣ ты, брате, былъ?“ Но онъ, думая, что можетъ скрыться, отвѣчалъ, что онъ былъ въ монастырѣ. Авва вынужденъ былъ сказать, что онъ видѣлъ. Но тотъ, видя, что открытъ, сказалъ и то, что было тайною для аввы, присовокупляя: „когда ты видѣлъ свѣтъ, нисходящій на меня съ неба, тогда вмѣстѣ приходилъ и гласъ, глаголющій: *грѣхъ твой отпущенъ*“. И хотя всемогущій Богъ могъ и безъ словъ очистить грѣхъ его, однако же, издавая гласъ, осіявая свѣтомъ, Онъ хотѣлъ примѣромъ Своего милосердія потрясти наши сердца къ покаянію“. (Изъ разск. св. Гр. Двоеслова).

III. При императорѣ Маврикіи, на границахъ Ѳракіи, появился страшный разбойникъ, который грабежами и убійствами своими навелъ ужасъ на всѣ сосѣднія мѣста, такъ что никто не отваживался и проходить тамъ, гдѣ онъ производилъ разбои. Правительство не разъ посылало отряды солдатъ, чтобы схватить его; принимали всѣ мѣры предосторожности и хитрости, чтобы нечаянно застигнуть его, но ничто не удавалось. Наконецъ, императоръ рѣшился послать къ нему отъ себя лично свои повелѣнія съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который взялся доставить ихъ разбойнику и исполнилъ порученіе это съ точностію. Едва только увидѣлъ разбойникъ указъ царскій, какъ весь измѣнился, будто пораженный нѣкоторою божественною силою, тотчасъ оставилъ гнусное занятіе свое и поспѣшилъ повергнуться къ ногамъ императора, разсказалъ предъ нимъ всѣ преступленія свои и предалъ себя его милости.

Императоръ простилъ разбойника. Но угрызенія совѣсти такъ мучили бывшаго преступника, что онъ скоро заболѣлъ и былъ отправленъ въ общую врачебницу, гдѣ болѣзнь его усилилась до послѣдней степени. Чувствуя себя близкимъ къ смерти и припоминая грѣхи жизни своей, онъ сильно сокрушался объ нихъ, и одно только упованіе на милосердіе Божіе удерживало его отъ отчаянія. Уста его невольно, вслѣдъ за сердцемъ, произнесли такую молитву къ Іисусу Христу: „о, преблагій Спасителю, будь милосердъ ко мнѣ, какъ Ты милосердъ былъ къ разбойнику, распятому одесную Тебя, пріими слезы мои, источаемыя мною при дверяхъ смерти! Ты милостиво принялъ пришедшихъ на дѣланіе и во единадесятый часъ, хотя они уже ничего не могли сдѣлать достойнаго милости: ради сей же благости Твоей воззри благоутробно и на мои слезы, и содѣлай ихъ для меня второю купелію крещенія, да очищуся и получу прощеніе всѣхъ грѣховъ моихъ“.

Молитву эту слышали многіе, окружающіе одръ умирающаго. При этомъ изъ очей кающагося въ такомъ обиліи источались слезы, что ими пропитанъ былъ весь платокъ его. Наконецъ, онъ умеръ съ тѣми же чувствами сердечнаго сокрушенія.

Въ это время врачъ, посѣщавшій больницу, человѣкъ весьма даровитый и извѣстный по своимъ знаніямъ и опытности, видѣлъ сонъ, или лучше видѣніе, въ которомъ представилось ему, что около постели больного разбойника было множество эѳіоповъ, изъ коихъ каждый имѣлъ въ рукахъ листъ, исписанный преступленіями умирающаго; тутъ же были и два лица, блиставшія свѣтомъ, которыя изслѣдовали, не совершилъ ли умирающій какихъ-либо добрыхъ дѣлъ. Принесены были вѣсы, и когда эѳіопы положили на одну сторону ихъ всѣ листы свои, то эта сторона быстро опустилась, а другая поднялась высоко; два же ангела, присутствовавшіе при этомъ, говорили: „а намъ неужели нечего положить на другую сторону вѣсовъ, чтобы склонить ихъ сюда?.. Такъ, было ли и время сдѣлать ему какое-нибудь доброе дѣло, когда онъ недавно оставилъ свои злодѣянія?..“ Они однако жъ приступили къ одру его и, нашедши платокъ, которымъ онъ отиралъ слезы, сказали: „положимъ его на вѣсы, и если Богъ приложитъ тяжесть милосердія Своего, то желанія наши исполнятся“. Едва они успѣли сдѣлать это, какъ вѣсы склонились на ихъ сторону, а листы, бывшіе на другой сторонѣ, исчезли. — „Милосердіе Божіе, воскликнули ангелы, препобѣдило неправды этого грѣшника!“ Они тотчасъ пріяли къ себѣ его душу, а эѳіопы со стыдомъ бѣжали.

Врачъ проснулся послѣ этого видѣнія и тотчасъ отправился въ больницу, желая провѣрить истину своего видѣнія. Больной только что скончался, и платокъ, промоченный слезами, еще лежалъ на глазахъ его.

Присутствовавшіе при его кончинѣ свидѣтельствовали о его покаяніи, и врачъ, взявши платокъ, пошелъ съ нимъ прямо къ императору, разсказалъ ему свое видѣніе и то, что узналъ отъ другихъ, потомъ присовокупилъ слѣдующее: „ты знаешь, благочестивѣйшій императоръ, что говоритъ евангеліе о разбойникѣ, получившемъ при смерти своей прощеніе грѣховъ отъ Іисуса Христа: вотъ человѣкъ, которому Спаситель даруетъ нынѣ ту же благодать подъ державою твоею“. („Воскр. чт.“ XVII, 459).

IV. Повѣствуется объ одномъ грѣшномъ человѣкѣ, который послѣ многихъ грѣховъ пришелъ въ чувство глубокаго раскаянія, сдѣлался монахомъ и каждый день безутѣшно плакалъ о грѣхахъ своихъ, вспоминая день судный, и въ такомъ сокрушеніи сердечномъ провелъ много лѣтъ. И восхотѣлъ Господь утѣшить раба Своего плачущаго и показать, сколь пріятны Ему слезы кающагося грѣшника. Онъ явился этому человѣку въ видѣніи, въ образѣ іерея, носящаго потиръ, полный слезъ. Увидѣвъ Его, плачущій грѣшникъ палъ къ Его ногамъ и сталъ цѣловать ихъ съ сердечною любовію. Онъ спросилъ Господа, что у Него во святой чашѣ? Явившійся ему отвѣчалъ: „это слезы грѣшницы, плакавшей у ногъ Моихъ въ дому Симона прокаженнаго; Я и доселѣ храню ихъ, потому что онѣ весьма пріятны для Меня“. Видѣніе окончилось, плачущій пришелъ въ себя и ощутилъ въ своемъ сердцѣ невыразимую радость и утѣшеніе; онъ прославилъ неизреченное благоутробіе Господа, Которому и послужилъ со всѣмъ усердіемъ до конца своей жизни. А мы обратимъ вниманіе на слова Господа: „это слезы грѣшницы, плакавшей у ногъ Моихъ; Я храню ихъ и донынѣ“; отсюда ясно, сколь пріятны Господу слезы кающагося,—онѣ дороги Ему, какъ жемчужины, и Онъ имѣетъ ихъ всегда предъ очами Своими: положилъ еси слезы моя предъ Тобою! (Изъ „Твор. св. Димитрія, митр. ростовскаго“).

V. Однажды преп. Нифонтъ увидалъ двухъ ангеловъ, которые несли душу человѣка на небо, не допуская истязать ее на воздушныхъ мытарствахъ. Бѣсы—воздушные мытари, начали вопіять: „зачѣмъ вы эту душу не отдаете намъ? вѣдь она наша“. — Ангелы сказали: „а чѣмъ вы докажете, что она ваша?“—„Да она, отвѣчали бѣсы, до смерти только одно зло дѣлала, и нѣтъ грѣха, котораго бы она не сотворила; она была порабощена страстямъ и безъ покаянія разлучилась съ тѣломъ, а кто умеръ рабомъ грѣху, тотъ нашъ“. Одинъ изъ ангеловъ отвѣтствовалъ имъ: „такъ какъ вы всегда лжете, то вамъ не вѣримъ, пусть будетъ призванъ ангелъ-хранитель этой души, ему и дадимъ вѣру, ибо онъ лжи не скажетъ.“ Ангелъ-хранитель явился, и ангелы спросили его: „душа эта покаялась, или въ грѣхахъ оставила тѣло?“—„Подлинно, человѣкъ этотъ грѣшникъ былъ, отвѣчалъ ангелъ, но когда сталъ болѣть, тогда со слезами исповѣдалъ Богу грѣхи свои и съ воздѣтыми на небо руками усердно просилъ Бога о помилованіи“. Тогда ангелы удержали у себя душу, и бѣсы были посрамлены. Но они не успокоились и снова возопили: „ужъ если этотъ человѣкъ могъ быть помилованъ, то значитъ спасется и весь міръ, и всуе мы трудимся?“ — „Да, отвѣчали ангелы, всѣ грѣшники, исповѣдающіе грѣхи свои смиренно и со слезами, отъ Бога получатъ прощеніе, а тѣ, которые умираютъ безъ покаянія, будутъ судимы Богомъ“. И съ этими словами „отыдоша“, сказано, „ко вратамъ небеснымъ, и спасена бысть душа та“. (Прологъ, декабрь).

7. Мы не только должны перестать грѣшить, но еще должны загладить свои грѣхи противоположными имъ добрыми дѣлами.

Задолго еще до великаго поста, въ который христіане обыкновенно исповѣдаются въ грѣхахъ своихъ, церковь святая уже начинаетъ понемногу приготовлять насъ къ тому. Такъ, въ недѣлю 32 по пятидесятницѣ или недѣлю о Закхеѣ она опредѣлила читать такое евангеліе, изъ котораго могли бы мы научиться, какъ должно каяться во грѣхахъ. Въ этомъ евангеліи описывается слѣдующее:

I. Христосъ въ одно время проходилъ чрезъ городъ Іерихонъ. Въ Іерихонѣ былъ нѣкто богатый человѣкъ, по имени Закхей. Закхею очень хотѣлось посмотрѣть на Іисуса Христа; но, будучи малъ ростомъ, изъ-за народа онъ не могъ Его видѣть, и потому, забѣжавъ впередъ, влѣзъ на смоковницу, мимо которой надлежало проходить Господу. Господь, какъ скоро подошелъ къ смоковницѣ, тотчасъ взглянулъ вверхъ и, увидѣвъ Закхея, сказалъ ему: *Закхей, сойди скорѣе, сегодня Мнѣ надобно быть у тебя въ домѣ.* Закхей поспѣшно слѣзъ и съ радостію принялъ Господа въ свой домъ. Народъ, увидѣвъ это, сталъ роптать на Іисуса: зачѣмъ Онъ вошелъ въ домъ къ человѣку грѣшному. Закхей между тѣмъ, ставъ предъ Іисусомъ, сказалъ: *Господи, половину имѣнія моего я отдамъ нищимъ, и, если кого чѣмъ обидѣлъ, воздамъ вчетверо.* Господь сказалъ ему: *нынѣ пришло спасеніе дому сему, потому что и онъ сынъ Авраама* (Лук. XIX,1—9).

Итакъ, вотъ какъ должно каяться во грѣхахъ: мало того, что должно перестать грѣшить, мы должны еще заглаждать грѣхи свои добрыми дѣлами: въ противномъ случаѣ наше покаяніе будетъ неполно и мало полезно. И въ самомъ дѣлѣ, какъ можемъ надѣяться, что Богъ проститъ намъ грѣхи, когда мы не загладимъ зла, которое произошло отъ нашихъ грѣховъ? — что Богъ оставитъ намъ наши неправды, когда мы все еще будемъ пользоваться тѣмъ, что пріобрѣли неправдою? — что Богъ забудетъ обиды, сдѣланныя нами ближнимъ, когда обиженные нами все еще будутъ терпѣть отъ насъ?—что Богъ будетъ къ намъ милостивъ, когда отъ нашей жестокости все еще будутъ страдать другіе? Промышлявшіе лживою мѣрою, неправильнымъ вѣсомъ, излишнею цѣною, какъ могутъ ожидать себѣ прощенія отъ Бога, когда все еще будутъ владѣть тѣмъ, что ими такимъ образомъ нажито?—Нѣтъ, не такъ поступилъ Закхей. Онъ былъ человѣкъ богатый; богатство, вѣроятно, нажилъ неправдою, ибо былъ начальникомъ надъ сборщиками податей; жилъ по всей вѣроятности порочно, ибо богатство давало ему средства предаваться порокамъ. Но вотъ онъ, наконецъ, раскаивается въ своихъ грѣхахъ, что же дѣлаетъ?—даетъ обѣщаніе половину имѣнія отдать бѣднымъ, вчетверо возвратить тѣмъ, кого обидѣлъ. Вотъ истинное и полное покаяніе, за то истинное и полное прощеніе: *нынѣ пришло спасеніе дому сему,* сказалъ Господь Закхею. (См. поуч. прот. Р. Путятина).

Итакъ, читатель, одно изъ двухъ: или принеси такое покаяніе, какое принесъ Закхей, или страшись той участи, какая опредѣлена нераскаяннымъ грѣшникамъ. (Изъ „Ежедн. поуч.“ свящ. Гр. Дьяченко, т. I, изд. 1897 г.).

8. Какъ должно каяться?

(Изъ слова преосвящ. Ѳеофана).

Цѣль говѣнія нашего есть приготовленіе къ неосужденному принятію св. Христовыхъ таинъ, къ принятію Самого Господа, Который говоритъ: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ.* Какъ Господь есть пречистъ, а мы нечисты, то пріобщенію св. пречистыхъ Христовыхъ таинъ предшествуетъ у насъ очищеніе совѣсти и полученіе всепрощенія въ таинствѣ покаянія.

Кто чистъ, съ тѣмъ уже несомнѣнно сообщится Христосъ Спаситель: Онъ любообщителенъ, Самъ ищетъ общенія съ нами, и если не общится, причина сему наша нечистота. Стало-быть, главное въ насъ дѣло есть очищеніе совѣсти и полученіе прощенія въ таинствѣ покаянія. Вотъ на это и обратимъ нынѣ всю свою заботу и попеченіе.

Очистится въ совѣсти и получитъ прощеніе тотъ, кто, какъ должно, покается.

Спрашивается теперь: *кто же, какъ должно, кается?..* Тотъ, кто познаетъ свои грѣхи и сознается въ нихъ искренно; сознавшись, сокрушается о нихъ и оплакиваетъ ихъ; сокрушившись же и оплакавши, полагаетъ твердое намѣреніе болѣе не оскорблять Бога своими грѣхами, а наконецъ, въ этихъ расположеніяхъ смиренно исповѣдуетъ всѣ грѣхи свои предъ духовникомъ, чтобы получить разрѣшеніе въ нихъ и явиться къ чашѣ Господней оправданнымъ и чистымъ предъ очами Божіими.

Итакъ, озаботьтесь познать свои грѣхи и сознаться въ нихъ. Познать свои грѣхи значитъ сказать, что такой-то и такой грѣхъ совершенъ нами; а сознаться въ нихъ—значитъ осудить себя въ нихъ, сказать: „виноватъ“, не допуская никакихъ оправданій и извиненій. „Согрѣшилъ“, „виноватъ“ — эти два слова надобно произнести прежде всего, и произнести искренно.

Посмотрите же: въ чемъ и какъ согрѣшили вы? Не думаю, чтобы это было трудно. Заповѣди вѣдомы и совѣсть есть. Заповѣдь укажетъ, что слѣдовало намъ дѣлать, а совѣсть засвидѣтельствуетъ, сдѣлано ли то нами, или нѣтъ. Для сего посмотри заповѣди десятословія и заповѣди о блаженствахъ (а также и „заповѣди церковныя“, прибавимъ отъ себя) и смотри, какая заповѣдь нарушена и какихъ добродѣтелей недостаетъ въ сердцѣ. Какъ въ зеркалѣ чистомъ, когда въ него смотрятъ съ не закрытыми и не запорошенными глазами, видны и малыя крапинки на лицѣ, такъ обнаружатся всѣ наши проступки и грѣхи въ словахъ, дѣлахъ и помышленіяхъ, когда заставимъ совѣсть свою смотрѣться въ зеркало заповѣдей Божіихъ, въ словѣ Божіемъ указанныхъ.

Останется только приложить къ сему осужденіе себя, сознаніе своей виновности, и это придетъ, когда отвергнемъ всякое оправданіе себя ни обстоятельствами жизни, ни родомъ служенія и условіемъ отношеній, ни увлеченіями, ни невѣдѣніемъ, словомъ ничѣмъ, а сдѣлаемъ такъ, чтобъ, коль скоро замѣченъ грѣхъ, искренно говорить: „виноватъ, безотвѣтно виноватъ“.

Сознавши грѣхи, надобно оплакать ихъ, *сокрушаться* о томъ, что они сдѣланы. Кто искренно сказалъ: „виноватъ“, тому не далеко до того, чтобы сказать: „зачѣмъ же все это мною надѣлано?“ — пожалѣть о томъ, устыдить себя, поболѣть предъ Господомъ, устрашиться суда Его и бѣды, ожидающей того, кто останется неоправданнымъ во грѣхахъ своихъ! Недалеко до сего, однако жъ и это требуетъ труда надъ собою, самоуправленія и самопринужденія, ибо есть окаменѣніе сердца, по которому, и сознавая грѣхи, и не имѣя чѣмъ оправдаться въ нихъ, говорятъ: „что-же такое?“ Помяни, сколько разъ говорилъ ты: „не буду“, „не буду“, и все грѣшилъ, и еще болѣе и упорнѣе, чѣмъ прежде; помяни, что никто тебя не принуждалъ, самъ по злому нраву своему грѣшилъ и оскорблялъ въ лицо Бога, Который все видитъ, и руку Его, которою Онъ останавливалъ тебя, ты отрывалъ. Помяни смерть, судъ, адъ; помяни и прочее все, чѣмъ надѣешься сокрушить упорное сердце свое. Всячески тревожь его, возбуждай и приводи въ движеніе. Къ этимъ размышленіямъ приложи молитву къ Господу, чтобы Владыка всяческихъ далъ тебѣ возобладать надъ сердцемъ своимъ. Что за покаяніе, въ которомъ нѣтъ печали, сокрушенія!..

Вслѣдъ за болѣзнію сердца о грѣхахъ придетъ *намѣреніе отстать* отъ нихъ, не оскорблять ими болѣе Господа и не губить себя.

А за симъ послѣдуетъ исповѣданіе грѣховъ самое искреннее, и разрѣшеніе ихъ самое дѣйственное. И совершится покаяніе во истину спасительное.

А то, что пользы, если безъ чувствъ, со скукою или разсѣяніемъ будемъ стоять на службахъ, досадуя, что долго тянутся; время, свободное отъ службъ, будемъ проводить въ полуснѣ и бездѣйствіи; затѣмъ холодно проговоримъ на духу: „грѣшенъ“ про грѣхи, о которыхъ спросятъ, и помышленія не имѣя о томъ, что главною у насъ цѣлію должно быть совершенное исправленіе жизни... Что пользы? Это будетъ значить исполнить обычай говѣнія, а не говѣть во спасеніе.

9. **Урокъ алчнымъ до наживы на чужой счетъ.**

Если мы вдумаемся, православный христіанинъ, въ евангельскій разсказъ о Закхеѣ, то придемъ далеко не къ радостнымъ мыслямъ. Мало есть между нами Закхеевъ, но зато много мытарей. Въ самомъ дѣлѣ, всякій ли изъ насъ похвалится, что онъ совершенно чистъ отъ неправедныхъ прибытковъ? Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, съ какою ловкостію, съ какимъ подчасъ невозмутимымъ спокойствіемъ и упорствомъ совершаются между нами всевозможные обманы и хищенія. Кто не слыхалъ про недобросовѣстныхъ торговцевъ, обвѣшивающихъ и обмѣривающихъ? Кто не знаетъ про тѣхъ богачей, которые пользуются несчастіемъ, крайностію или бѣдностію другихъ для собственной наживы, которые даютъ взаймы нуждающемуся столько, а послѣ требуютъ съ него вдвое больше?

Да, такихъ людей есть достаточно, но какъ мало встрѣчается между ними подобныхъ Закхею. Какъ рѣдки бываютъ случаи, когда кто-нибудь въ сознаніи своей грѣховности, подобно Закхею, рѣшился бы посвятить еще при жизни своей злѣ пріобрѣтенное на пользу бѣдныхъ. Большинству изъ насъ даже и мысли такой никогда не приходитъ въ голову. Воспоминанія о нашихъ неправдахъ и беззаконіяхъ предъ Богомъ и ближними по временамъ безпокоятъ нашу совѣсть, а святой рѣшимости оставить грѣховныя дѣла, вознаградить ихъ пожертвованіями на пользу страждущихъ отъ нашихъ неправдъ все не является. А между тѣмъ всякая обида ближняго вопіетъ къ Богу объ отмщеніи. И Господь иногда явно караетъ неправедныхъ богачей: на нашихъ же глазахъ часто въ прахъ разсыпаются дома и состоянія, нажитые неправдою. Вотъ что говоритъ объ этомъ св. Василій Великій въ своемъ словѣ о многоимѣніи: „иже чуждаго желаетъ, по малѣхъ днехъ по своемъ возрыдаетъ“. Итакъ, по словамъ святого отца и вселенскаго учителя, кто желаетъ чужого, тотъ впослѣдствіи можетъ лишиться и своего имѣнія. Эта истина подтверждается нерѣдко примѣрами. Когда св. Спиридонъ былъ епископомъ въ Тримифунтѣ, тамъ случился однажды голодъ. Хлѣбопродавцы, какъ это бываетъ и въ наше время, радовались этому, бѣдные же, конечно, сокрушались и молили Бога о помощи. Одинъ изъ торговцевъ, человѣкъ весьма богатый, привезъ изъ далекихъ странъ очень много хлѣба, сложилъ его въ амбары и сталъ выжидать, когда голодъ усилится, и цѣна на него поднимется еще болѣе. Однажды къ корыстолюбивому богачу пришелъ едва живой отъ изнуренія и голода бѣднякъ и сталъ умолять его, чтобы онъ спасъ его и семью отъ голодной смерти. Но безсердечный богачъ отказалъ несчастному въ своей помощи. Не зная, къ кому еще обратиться, несчастный пошелъ къ преподобному Спиридону и разсказалъ ему о своемъ горѣ. Святитель утѣшилъ его, сказавши: „не плачь, утромъ наполнится домъ твой хлѣбомъ, богатаго же увидишь умоляющимъ тебя и дающимъ тебѣ хлѣбъ даромъ“. Въ тотъ же день вечеромъ, по повелѣнію Божію, хлынулъ огромный дождь, вода снесла и размыла житницы богача. Поднятый ею, хлѣбъ поплылъ по улицамъ городскимъ, а наказанный сребролюбецъ сталъ просить народъ о помощи. Но помощь была уже безполезна, тогда бѣдняки набрали себѣ хлѣба, кто сколько могъ, и совсѣмъ безплатно. Такъ наказываетъ Господь алчныхъ до наживы богачей, ненасытныхъ корыстолюбцевъ, не щадящихъ благосостоянія другихъ. Сознающіе за собою такую вину пусть во̀-время одумаются и постараются исправиться. У обиженныхъ словомъ пусть они испросятъ себѣ прощеніе, а тѣхъ, кому нанесли вредъ или ущербъ, пусть постараются вознаградить изъ своихъ достатковъ. Этимъ, и только этимъ, можно загладить грѣхъ любостяжанія и отвратить отъ себя справедливую кару Бога, грозящую жестокосердымъ лихоимцамъ. (См. „Воскр. лист.“, изд. редак. журн. „Воскр. день“, № 201).

10. Сила покаянія.

(Разсказъ изъ русской жизни).

Въ прохладномъ утреннемъ воздухѣ ранней весны звонко раздавался надъ селомъ Тихимъ рѣдкій благовѣстъ небольшого колокола. Солнце уже выплыло на синеватый небосклонъ и начинало побѣждать теплыми лучами свѣжесть утренника. На улицѣ стояла великопостная тишина. Отъ села къ церкви плелись старушки; на паперти столпилась кучка ребятокъ.

Съ высокаго узорчатаго крыльца новаго, большого трактира спустился дюжій, исправно одѣтый мужчина лѣтъ 45; сановито пошелъ онъ по направленію къ церкви, съ важностью откланиваясь на почтительныя привѣтствія встрѣчавшихся крестьянъ.

— Далеко ли вы собрались, Акимъ Петровичъ?—спрашивали его болѣе словоохотливые изъ нихъ.

— Да, вотъ, поговѣть надумалъ, для Бога потрудиться захотѣлъ, — отвѣчалъ онъ имъ. — О. Алексѣй все ладитъ: „поговѣй да поговѣй, стыдно, говоритъ, больше 10 годовъ не былъ на духу-то... не по-христіански это, не хорошо“... даже при людяхъ стыдить сталъ. Оно, признаться, правда его, что не хорошо-то... вотъ и надумалъ.

— Дай Богъ, дай Богъ... Конечно, поговѣть-то лучше, наше дѣло грѣшное, что ступилъ, то и согрѣшилъ: неровенъ часъ и того... помереть недолго, — слышалось въ отвѣтъ, а Акимъ Петровъ Мамоновъ вошелъ въ церковь, пробрался сквозь рѣдкіе ряды богомольцевъ къ правому клиросу и сталъ около него.

Непривычно было ему молиться, и думы его дружно тянулись къ торговлѣ, къ хозяйству, соображалъ онъ, какъ бы удобнѣе перевезти къ празднику товарцу изъ города по наступившей уже распутицѣ, какъ бы заставить нѣкоторыхъ мужиковъ отдать ему долги и т. п. Но среди своихъ обычныхъ размышленій оглянулся онъ на собравшихся богомольцевъ и на многихъ лицахъ этихъ бѣдняковъ замѣтилъ то, чего уже давно не появлялось на его сытомъ, горделивомъ лицѣ: вотъ старушка, опустившись на колѣни передъ образомъ Спасителя, шепчетъ: „Господи, Царь небесный! помилуй меня, грѣшницу... Мать, Пресвятая Богородица! спаси меня, окаянную...“, а слезы, между тѣмъ, текутъ изъ ея старческихъ очей, съ вѣрою и любовію обращенныхъ къ образу. Рядомъ со старушкой горячо и громко вздыхала молодая женщина; тутъ же около нея бѣдно одѣтый, но съ умнымъ лицомъ крестьянинъ, смиренно наклонясь, внимательно вслушивался въ чтеніе псаломщика. Съ иконостаса и стѣнъ строго смотрѣли лики св. угодниковъ....

Одинокимъ почувствовалъ себя Акимъ Петровъ среди всѣхъ этихъ простыхъ людей, собравшихся въ храмъ помолиться Творцу за свои грѣхи, выплакать здѣсь предъ Нимъ свою скорбь. Жутко стало у него на сердцѣ среди благоговѣйной церковной тишины.

Вышелъ священникъ изъ алтаря и передъ царскими вратами звучнымъ голосомъ прочелъ молитву: „Господи, Владыко живота моего...“ Всѣ клали земные поклоны... Но вотъ на клиросѣ стройно запѣли: „Во царствіи Твоемъ помяни насъ, Господи...“ Вдумался Акимъ Петровъ въ смыслъ прекрасной молитвы и сладкихъ евангельскихъ словъ, тронули они его огрубѣлое сердце, въ немъ заговорило что-то новое, небывалое... напоминали они ему забытыя имъ наставленія давно уже умершей матери — жить по Божьи, жалѣть людей, молиться о царствіи небесномъ. Рядомъ съ этими воспоминаніями, въ глубинѣ его души шевельнулась совѣсть: „недостоинъ ты“, заговорила она, „царствія Божія, далеко, далеко стоишь ты отъ него, а удалила отъ него твоя грѣшная, безобразная, скотская жизнь“.

Палъ на колѣни Акимъ Петровъ, и изъ его зачерствѣлой души вырвался первый, послѣ многихъ лѣтъ безсовѣстной жизни, покаянный вздохъ, первый молитвенный вопль...

Солнце уже высоко стояло на небѣ и обильно лило свои ласковые лучи, когда кончилась литургія „преждеосвященныхъ даровъ“, и говѣльщики стали расходиться изъ церкви по домамъ. Шелъ къ себѣ домой и Акимъ Петровъ, но не такъ, какъ онъ обыкновенно ходилъ по своему селу, гордо посматривая по сторонамъ, сознавая свое превосходство и силу надъ односельчанами, но скромно, потупя голову, шелъ онъ вдоль улицы. Дома онъ и не поглядѣлъ на свое обычное мѣсто-стулъ за буфетомъ, а прошелъ въ отдѣльную каморку, досталъ съ полки запыленныя, забытыя сказанія о жизни святыхъ и сталъ читать ихъ. Читалъ онъ, не отрываясь, до самаго благовѣста къ исповѣди, и какъ только раздался первый ударъ колокола, всталъ онъ съ лавки, набожно перекрестился и поспѣшно сталъ собираться въ церковь. Въ церкви за ширмами уже ждалъ священникъ кающихся; первымъ подошелъ къ нему Акимъ Петровъ; долго, искренно бесѣдовалъ онъ съ своимъ пастыремъ и каялся предъ нимъ въ своемъ беззаконіи какъ никогда, ни разу въ своей жизни.

Семья вся улеглась спать, а Акимъ Петровъ, съ усталой и разгоряченной отъ непривычныхъ думъ головой, вышелъ на воздухъ. Отъ церкви неслись дребезжащіе звуки сторожевого колокола; безконечная синева небеснаго свода опрокинулась надъ селомъ и его дремавшими окрестностями, съ высоты небесной ярко смотрѣли звѣздочки на заснувшій грѣшный міръ.

Напротивъ трактира вросла въ землю плохенькая избенка бѣдняка Власа, у котораго на-дняхъ Акимъ Петровъ взялъ за долгъ послѣднюю лошаденку, а на задахъ прилѣпилась убогая хатка вдовы Акулины, вчера только умолявшей своего сосѣда-богача, Акима Петрова, дать хоть немножко соломки прокормить коровенку, послѣднюю кормилицу своихъ малыхъ сиротъ.

— Много васъ здѣсь шляется такихъ...—крикнулъ тотъ въ отвѣтъ на ея жалобныя просьбы, пошла, пошла!.. кто здѣсь приготовилъ про васъ соломки?

Чѣмъ дальше и дальше смотрѣлъ Акимъ Петровъ вдоль сельскихъ слободокъ, тѣмъ больше и больше вспоминалъ онъ случаевъ того, какъ одного мужика онъ обсчиталъ, другого обмѣрилъ, того споилъ, этого прижалъ въ нуждѣ... Кругомъ тихо... ничто не мѣшало трактирщику вспоминать свои дѣянія; только гдѣ-то кричалъ ребенокъ, да голодная Акулинина корова жалобно мычала на дворѣ.

— Господи! — сказалъ самъ себѣ Акимъ Петровъ, — какъ я безсовѣстенъ, нехорошъ! и стою ли я милости Твоей? Стою ли я того, чтобы Ты допустилъ меня завтра пріобщиться Св. Таинъ?..

Спустя немного времени, послышался стукъ въ окно Власовой избы. „Кто тутъ?“—крестясь, съ просонокъ, окликнулъ Власъ“. — Это я, твой сосѣдъ— трактирщикъ... выдь-ка на минутку“.

Ветхія ворота заскрипѣли, и въ нихъ показался Власъ, но, увидя богача сосѣда въ смиренномъ, небываломъ видѣ, державшаго за поводъ лошадь, онъ въ удивленіи остановился.

— Прости меня, сосѣдъ, — началъ Акимъ Петровъ, за всѣ мои обиды тебѣ, да вотъ и лошадку- то свою возьми назадъ, владѣй ей на здоровье, а теперь пока прощай, счастливо оставаться....

Изумленный Власъ постоялъ, постоялъ, посмотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся трактирщику, съ радостью ласково потрепалъ по шеѣ своего возвращеннаго конягу и пошелъ во дворъ. „Охъ, Господи! дѣла, дѣла... говорилъ онъ, затворяя ворота, видно на исповѣди опомнился нашъ тиранъ-то.... вразумилъ его Христосъ, Царь небесный“. А тиранъ, между тѣмъ, отправился ко вдовѣ Акулинѣ и ее тоже не мало удивилъ своимъ приходомъ въ неурочный часъ. „Вотъ что, тетка Акулина, заговорилъ Акимъ Петровъ, ты на меня не серчай за вчерашнее-то, что покричалъ-то я на тебя... корму-то ты возьми у меня, сколько тебѣ требуется, а гнѣвъ и брань мою забудь... а вотъ тебѣ за обиду, возьми, годится ребятишкамъ на баранки, и сунулъ ей въ руку рублевку....

Въ большомъ окнѣ Акимовой каморки сіяли блѣдные лучи лампадки, самъ онъ на колѣняхъ стоялъ предъ большой кіотой съ образомъ и молился....

Кончивъ молитву, снявъ съ гвоздя поддевку, положилъ ее подъ голову и, крестясь, легъ на голую лавку. Молитва, чистосердечная исповѣдь и положенное начало добрыхъ дѣлъ навѣяли миръ и отраду на грѣшную его душу. Помоги мнѣ, Господи, шепталъ онъ, сдѣлать побольше добра всѣмъ тѣмъ, кого я такъ много и такъ часто обижалъ.... и не отвергни завтра меня, Милостивый, за мои грѣхи отъ Св. Таинъ —.... И заснулъ вразумленный богачъ на голой, жесткой лавкѣ такъ сладко и спокойно, какъ не спалъ онъ никогда на своихъ мягкихъ пуховикахъ.

Прошло 15 лѣтъ. Село Тихое нисколько не измѣнилось; мало измѣнился и домъ Акима Петрова; не видно только надъ его крыльцомъ расписанной зеленой вывѣски.... зато много перемѣнъ произошло въ приходскомъ храмѣ и около него: прежняя бѣдная, плохо выкрашенная, съ погнувшимися главами церковь превратилась въ чистенькій, бѣлый, красивый храмъ, увѣнчанный вызолоченнымъ, ярко сіяющимъ на солнцѣ крестомъ; около же церковной ограды, на пустой прежде площадкѣ, пріютился новенькій домикъ съ вывѣской: —Приходская школа, — а рядомъ съ нимъ — другое, бѣлое каменное зданіе—церковная богадѣльня.

Была Пасха. Изъ дома Акима Петрова только что вынесли св. иконы и вышла толпа народа. Причтъ служилъ у него обычный пасхальный молебенъ, а послѣ молебна соборовалъ самого хозяина.

Акимъ Петровъ лежалъ на смертномъ одрѣ, но смерти не боялся онъ, на его душѣ было мирно, покойно: онъ точно исполнилъ свое обѣщаніе, данное ночью послѣ исповѣди, наканунѣ причастія. Онъ бросилъ торговлю виномъ и кулачество, сталъ добрымъ христіаниномъ; выбрали его церковнымъ старостой, и, въ теченіе почти пятнадцатилѣтней службы своей храму и приходу, онъ произвелъ все то, чѣмъ теперь отличался приходъ села Тихаго; украсилъ церковь, построилъ школу и богадѣльню, пріобрѣлъ новый колоколъ, помогалъ бѣднякамъ, весь свой неправедно нажитый капиталъ употребилъ на доброе дѣло. Господь услышалъ молитву раскаявшагося грѣшника и помогъ ему, какъ онъ искренно желалъ, сдѣлать много добра всѣмъ прежде обиженнымъ имъ.

—Подойдите ко мнѣ, сказалъ умирающій Акимъ дѣтямъ и внучатамъ. Тѣ подошли. —Вотъ вамъ, дѣтушки, началъ онъ прерывающимся голосомъ, мое послѣднее, родительское завѣщаніе: не отбивайтесь отъ храма Божьяго.... говѣйте каждый годъ непремѣнно.... чаще размышляйте о своихъ грѣхахъ... былъ я звѣрь безжалостный, хуже безсловеснаго скота... продалъ всю совѣсть, не зналъ состраданія къ людямъ, но, благодареніе Господу, Онъ вразумилъ меня въ храмѣ, во время говѣнья, и... сталъ я изъ звѣря человѣкомъ.

Вечеромъ того же дня все село узнало, что Акима Петрова не стало, отошелъ онъ ко Господу въ радостный, пасхальный день. Въ каждой избѣ не мало было разговору про покойнаго; помнилъ его народъ великимъ грѣшникомъ, зналъ потомъ и за добрѣйшаго христіанина. — Чудное дѣло, говорилъ одинъ старичокъ въ кругу крестьянъ, собравшихся посидѣть на завалинкѣ около одной хаты: —какимъ покойникъ былъ прежде и какимъ сдѣлался потомъ.— „Утромъ всталъ звѣремъ плотояднымъ, а вечеромъ легъ человѣкомъ жалостливымъ“, вотъ какъ самъ про себя говаривалъ покойникъ, царство ему небесное... А все почему? А потому, что внялъ молитвѣ церковной, поговѣть вздумалъ, вотъ и вразумилъ его, грѣшнаго, Батюшка, Царь небесный, Милостивецъ-то нашъ. (Кормчій“, 1894 года. № 14).

11. Судъ Божій надъ ворами.

Скоръ и страшенъ судъ Божій; куда скорѣе и страшнѣе суда человѣческаго! Отъ суда человѣческаго можно иногда какъ-нибудь уклониться, можно поставить за себя ходатая или защитника, который сумѣетъ, можетъ-быть, прикрыть виновнаго и освободить его отъ должнаго наказанія; но отъ суда Божьяго не укроешься, и всевѣдущаго Судію не проведетъ никакой ходатай. Разскажу извѣстный мнѣ примѣръ скораго и строгаго суда Божія надъ ворами.

Дѣло было въ 1891 году. Въ одномъ селѣ по Волгѣ жилъ бѣдный псаломщикъ. Этотъ годъ былъ для него особенно тяжелый. Прошло лѣто, онъ перестроилъ свою развалившуюся избу, отчего нажилъ себѣ не мало долговъ, а зимою овдовѣла его старшая дочь и, не имѣя чѣмъ кормиться, пріѣхала къ нему жить съ двумя малолѣтними дѣтьми. Весна, хлѣбъ свой вышелъ весь, — приходилось покупать каждый пудъ на базарѣ, а доходовъ совсѣмъ нѣтъ: прихожане сами бѣдствуютъ весною, едва добываютъ на хлѣбъ и за требами обращаются къ батюшкамъ въ долгъ. Да и какой доходъ псаломщика! А тутъ еще приступаютъ заимодавцы, требуютъ отдачи долга. Собралъ псаломщикъ оставшагося льна и сѣмянъ и послалъ свою жену въ городъ продать эти остатки. Выручила она отъ продажи всего 9 рублей, да у знакомыхъ заняла 2 рубля. Въ нуждѣ 11 рублей — большія деньги. Ѣдетъ она домой и утѣшается, что хоть сколько-нибудь заплатятъ долгу и отвяжутся отъ назойливаго заимодавца, да и на хлѣбъ себѣ оставятъ немного. Но когда вернулась домой, то денегъ этихъ не оказалось. Горя и отчаянія ея нельзя и описать. Не знаетъ она: выронила ли какъ деньги изъ кармана въ дорогѣ, или нашелся лихой человѣкъ, который не побоялся Бога и вытащилъ ихъ у нея?.. Какъ перенесъ бѣдный псаломщикъ эту потерю—вѣдомо одному Богу. Прошло двѣ недѣли; получается вѣсть, что деньги дѣйствительно украдены, и что воровъ постигло уже страшное наказаніе Божіе за этотъ грѣхъ. Вотъ что писала объ этомъ дочь псаломщика своему брату, состоящему на военной службѣ.

„15 іюня узнали мы, кто укралъ деньги. Разскажу тебѣ, братчикъ, про гибельную участь воровъ. 23 іюня я попросилась у папы въ городъ и заходила въ ту деревню, изъ которой воры. Деньги украли два мужика, когда мама переѣзжала черезъ Волгу: одинъ вытащилъ, а другой подглядѣлъ. Подглядѣвшій все уговаривалъ, чтобы отдать деньги назадъ, а тотъ не согласился. Когда они пришли домой, и деньги еще были цѣлы, товарищъ все-таки уговаривалъ его отнести деньги, но онъ не согласился. 2 іюля, въ воскресенье, стали они деньги эти дѣлить и раздѣлили благополучно, купили четверть водки и стали пить на горѣ (деревня находится на Волгѣ). Къ нимъ подошли сосѣди. Для сосѣдей они купили еще полведра и стали ихъ угощать какъ будто за то, чтобы у нихъ не отрѣзали полосъ. Сосѣди хотѣли убавить у нихъ полосы (то-есть уменьшить земельный надѣлъ). Теперь скажу, чѣмъ все это кончилось. Когда они пили вино, дѣтки сидѣли около нихъ на горѣ, потомъ сошли на Волгу и сѣли въ маленькій и худой ботикъ (то-есть въ лодку, выдолбленную изъ дерева; иначе она называется корытень). Вора было тутъ двое дѣтокъ: мальчикъ семи лѣтъ и дѣвочка лѣтъ пяти, а товарища его—единственная дѣвочка лѣтъ семи. Когда они отъѣхали отъ берега, ботикъ сталъ тонуть. Воръ самъ бросился ихъ спасать, сначала вытащилъ свою дѣвочку, потомъ бросился за мальчикомъ, да вмѣстѣ съ мальчикомъ и самъ утонулъ. Потонула и дѣвочка его товарища. Такъ всѣ трое и лежали вытащенные на берегу. Вотъ какъ ихъ Господь наказалъ! А этотъ товарищъ лежитъ теперь въ больницѣ въ городѣ. Когда ловили утоплениковъ, онъ ступилъ на раковину и подрѣзалъ ногу; послѣ этого подрѣза нога его распухла, и приключился антоновъ огонь. Когда повезли его въ больницу 14 числа, тогда онъ и послалъ намъ вѣсть и просилъ прощенья. Вотъ я и ходила въ ихъ деревню черезъ недѣлю, а раньше было нельзя. Послѣ вора осталось пятеро дѣтокъ, а у товарища его—жена да мать старуха. Заходила я и въ больницу къ товарищу вора, и онъ просилъ у меня прощенья“...

Нужно ли еще что-нибудь прибавлять къ этому простому и такому ясному разсказу о погибели воровъ? Господь видимо покаралъ ихъ. Онъ видѣлъ нужду бѣднаго псаломщика и опредѣлилъ разсудить обиду его Своимъ праведнымъ судомъ, наложилъ на воровъ Свое скорое и страшное наказаніе, чтобы всѣ видящіе и слышащіе про это наказаніе помнили и никогда не забывали, что есть праведный Судія на небѣ, Который видитъ всѣ дѣла человѣческія, много и долго терпитъ грѣшникамъ, но часто опредѣляетъ имъ и немедленное наказаніе. („Воскр. день“ 1897 г. № 4).

12. Вліяніе добраго слова [1]).

Однажды св. Макарій египетскій пошелъ съ ученикомъ въ Нитрійскую гору и, подходя къ горѣ, сказалъ ученику: „иди впереди меня“. Ученикъ, оставя старца, отправился впередъ и встрѣтилъ идольскаго жреца, несущаго большое дерево. Увидѣвъ его, ученикъ закричалъ: „эй ты, демонъ, куда идешь?“ Жрецъ, услышавши это, бросилъ дерево, подбѣжалъ къ ученику, избилъ его до полусмерти и, схвативши свое дерево, побѣжалъ, оставивъ ученика на мѣстѣ еле живымъ. Когда жрецъ отбѣжалъ недалеко отъ этого мѣста, встрѣтилъ его Макарій и сказалъ: „спасайся, трудолюбецъ, спасайся!“ Жрецъ остановился въ изумленіи отъ такого привѣтствія и спросилъ: „что ты видишь во мнѣ хорошаго, что такъ привѣтствуешь меня?“ Макарій отвѣтилъ: „я вижу, что ты трудишься“. Эти привѣтственныя, полныя любви слова такъ подѣйствовали на жреца, что онъ палъ къ ногамъ старца и просилъ сподобить его св. крещенія и иночества. При этомъ разсказалъ Макарію и то, что онъ сдѣлалъ съ его ученикомъ за его грубыя насмѣшки, и они пошли вмѣстѣ, взяли еле живого ученика и отнесли его къ нитрійскимъ отшельникамъ, гдѣ жрецъ принялъ св. крещеніе и сдѣлался монахомъ; а его примѣромъ многіе язычники обратились въ христіанство. По этому случаю св. Макарій говорилъ: „злое слово и добрыхъ дѣластъ злыми, а слово доброе и злыхъ дѣлаетъ добрыми“. (Чет.-Мин. янв. 19).

---

[1]) Примѣнительно къ Лук. XIX, 5—6 ст.

НЕДѢЛЯ О МЫТАРѢ И ФАРИСЕѢ.

Еванг. отъ Лук. зач. 89-е, гл. XVIII, 10—14 ст.

1. Притча о мытарѣ и фарисеѣ, съ назиданіемъ, что часто и краткая молитва спасаетъ человѣка.

Каждый православный христіанинъ знаетъ, какъ необходима ему молитва. Молитвою мы входимъ въ общеніе съ Богомъ, чрезъ нее испрашиваемъ у Бога милости, ею утѣшаемся въ скорбяхъ, ею же благодаримъ Бога за великія Его милости къ намъ, грѣшнымъ. И всякій изъ насъ постоянно прибѣгаетъ къ молитвѣ: молится каждый изъ насъ дома, молится и въ церкви. Зная нашу потребность молитвы, св. церковь намъ составила много образцовъ молитвъ. Но не всякому христіанину доступны эти образцы молитвъ. Многіе изъ христіанъ неграмотны и потому не могутъ выучить наизусть молитвы, и горько сокрушаются они объ этомъ, говоря: „что же намъ дѣлать? мы не умѣемъ молиться, т.-е. не знаемъ молитвъ!“ Но, нужно сказать въ ободреніе подобныхъ людей, дѣло не въ количествѣ прочитанныхъ молитвъ, а въ томъ, какъ произносить молитвы. Можно прочитать и много молитвъ, но онѣ будутъ неугодны Богу, и напротивъ, можно прочитать или произнесть нѣсколько словъ, и молитва будетъ услышана Богомъ. И апостолъ Павелъ говоритъ, что *лучше пять словесъ умомъ глаголати*, т.-е. изъ глубины души, *нежели тмы словесъ однимъ языкомъ*, т.-е. безъ участія сердца (1 Кор. XIV, 19). Лучшимъ разъясненіемъ этой мысли служитъ притча Спасителя о мытарѣ и фарисеѣ.

Два человѣка, говорится въ евангеліи, пришли въ храмъ помолиться; одинъ изъ нихъ былъ фарисей—человѣкъ, который отличался особенною строгостію жизни, а другой былъ мытарь—сборщикъ податей, который, уже по самому званію своему, не пользовался уваженіемъ народа. Гордый, тщеславный фарисей таковымъ оказался и на молитвѣ: онъ просилъ Бога не о прощеніи грѣховъ, которыхъ у каждаго множество, а только благодарилъ Бога за свои добродѣтели, хвалился ими и даже осуждалъ другихъ. Между тѣмъ мытарь, вполнѣ сознавая себя грѣшникомъ, ни о чемъ больше не думалъ, какъ только о своемъ недостоинствѣ, и со смиреніемъ и кратко молился Богу: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* Немного молился мытарь, немного словъ произносилъ онъ, но молитва его была угодна Богу: онъ вышелъ изъ храма оправданнымъ и чистымъ.

Итакъ, христіанинъ, если желаешь, чтобы твоя молитва была услышана, не старайся о томъ, чтобы произнести побольше словъ; часто и краткія молитвы, какъ, напр., „Боже, очисти мя грѣшнаго“, „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“, „Господи, помилуй и спаси мя“ и т. под., бываютъ лучше и угоднѣе Богу, чѣмъ длинныя молитвословія, лишь бы только онѣ произносились отъ чистаго сердца, съ сокрушеніемъ о грѣхахъ. Богу нужны не слова наши, а сердце. *Жертва Богу,* говоритъ св. прор. Давидъ, *духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. L, 19). Въ доказательство этой мысли послушайте разсказъ изъ жизни препод. Нифонта. Въ молодости Нифонтъ предавался всевозможнымъ порокамъ, совсѣмъ развратился, и не было дурного дѣла, какого бы онъ ни дѣлалъ.

Но Господь не далъ погибнуть Своему созданію. Однажды Нифонтъ пришелъ къ другу своему Никодиму, послѣдній, взглянувъ на друга, долго съ удивленіемъ смотрѣлъ на лицо его. „Что ты на меня такъ смотришь?“ — спросилъ Нифонтъ.— „Вѣришь ли, братъ,— отвѣчалъ Никодимъ,—я никогда не видалъ у тебя такого лица, какое сегодня: оно черно и страшно“. Нифонтъ, слыша эти слова, устрашился и со стыдомъ вышелъ отъ друга. Дорогою онъ, вдумываясь въ свою жизнь, ужаснулся своихъ пороковъ и принесъ полное раскаяніе Богу. Онъ говорилъ себѣ: „если въ этомъ мірѣ я такъ черенъ душою и тѣломъ, то на судѣ Божіемъ что буду? и какъ явлюсь лицу Божію? Горе мнѣ грѣшному! Но, Господи Боже мой, на Тя уповаю, спаси меня, да не похититъ діаволъ душу мою!“ Много плакалъ и скорбѣлъ о грѣхахъ своихъ Нифонтъ и, придя въ храмъ, возвелъ глаза свои къ иконѣ Божіей Матери и воскликнулъ: „помилуй меня, Заступница христіанъ! Помоги мнѣ ради великой Твоей милости, ибо Ты — кающихся упованіе и надежда!“ Говоря это, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что на иконѣ ликъ Богоматери просвѣтился и какъ бы улыбнулся. Видя это, Нифонтъ возрадовался сердцемъ. Однажды шелъ онъ въ церковь и дорогою встрѣтилъ человѣка, котораго въ чемъ-то мысленно осудилъ. Придя въ храмъ и обратясь по обычаю къ иконѣ Богоматери, онъ съ ужасомъ замѣтилъ, что Ея ликъ строгъ и какъ бы отворачивается отъ него. Нифонтъ, перебирая свои мысли, вспомнилъ, что недавно осудилъ ближняго, и, припавши на землю предъ иконою, со слезами молился: Боже, прости меня, грѣшнаго! Я похитилъ славу Твою, осудивши моего ближняго прежде, нежели Ты воздалъ ему Твой праведный судъ. Владыко! помилуй меня, съ этихъ поръ я никогда не буду осуждать брата моего“. Ликъ Богоматери снова прояснился. Вотъ ясный примѣръ истинной, богоугодной молитвы. Немного словъ произносилъ Нифонтъ, но много слезъ пролилъ онъ, прося прощенія своего грѣха. Какъ мытарь взывалъ: „Боже, будь милостивъ ко мнѣ, грѣшнику“, такъ и Нифонтъ говорилъ: „горе мнѣ, грѣшному! Господи, помоги мнѣ! Помилуй меня, Заступница христіанъ!“

Итакъ, ни одинъ христіанинъ не долженъ оправдываться незнаніемъ молитвъ; есть молитвы краткія, доступныя всѣмъ и каждому; ихъ заучить можетъ не только взрослый, но и дитя. Поэтому нашъ долгъ—не только самимъ выучить молитвы, но и дѣтей научить. Пусть дитя сначала хоть безсознательно будетъ произносить слова молитвы, а потомъ привыкнетъ и станетъ молиться, какъ слѣдуетъ. Какое благотворное дѣйствіе на дѣтей оказываетъ молитва, это наилучше всего разъясняетъ слѣдующій случай. Объ одномъ восьмилѣтнемъ отрокѣ разсказываютъ, что его заставляли часто повторять молитву Іисусову: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго!* Сначала ему это не нравилось, и онъ всячески уклонялся отъ молитвы; но потомъ сталъ усерднѣе и охотнѣе исполнять приказаніе и—дотолѣ рѣзвый и шаловливый—мало-помалу сталъ тихъ и молчаливъ, а наконецъ такъ привыкъ къ молитвѣ, что уже безъ всякаго понужденія творилъ ее всегда и при всякомъ дѣлѣ. Когда его спрашивали, почему ему такъ полюбилась молитва, онъ въ простотѣ сердца отвѣчалъ: „когда я говорю молитву, то мнѣ бываетъ очень хорошо!“—„Да какъ же это хорошо?“—„Не знаю, какъ сказать,— отвѣчалъ отрокъ,—весело мнѣ очень!.. Весело, хорошо“,—больше ничего не могъ сказать блаженный отрокъ о томъ благодатномъ утѣшеніи, какое испытывала его чистая дѣтская душа.

Вотъ какое благотворное дѣйствіе оказываетъ на душу молящагося и краткая молитва. Только молись, христіанинъ, усерднѣе, молись какъ мытарь, съ сокрушеніемъ сердечнымъ о своихъ грѣхахъ и избѣгай самохвальства и осужденія другихъ. „Боже, очисти мя грѣшнаго! Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Господи, помилуй и спаси мя грѣшнаго!“ Произноси эти краткія молитвы какъ можно чаще и усерднѣе, и твоя молитва будетъ угоднѣе длинныхъ молитвъ, произносимыхъ безъ участія сердца. (См. „Воскр. лист.“ № 353, изд. ред. журн. „Воскр. день“).

2. Не надобно осуждать ближняго.

Не знаю, откуда вошла въ людей эта болѣзнь: мы стали болтливы, въ нашей душѣ не держится ничего. Послушай одного мудреца, который, увѣщевая, говоритъ: *слышалъ ли еси слово, да умретъ съ тобою: не убойся, не расторгнетъ тебе* (Сирах. XIX, 10); и еще: *если услышитъ слово буй, то поболитъ, якоже раждающая отъ лица младенца* (—11). Мы готовы на обвиненія, скоры на осужденія. Если бы мы не сдѣлали никакого другого зла, то и это одно достаточно для того, чтобы погубить насъ, свести въ геенну, причинить намъ тысячи бѣдъ. А дабы ты точнѣе узналъ это, послушай пророка, который говоритъ: *сѣдя на брата твоего клеветалъ еси* (Псал. XLIX, 20). Но не я, говоришь, а другой. Нѣтъ,—ты. Если бы ты не говорилъ, то другой не услышалъ бы, а если бы и услышалъ, то ты не былъ бы виновенъ въ грѣхѣ. Недостатки ближнихъ должно умалчивать и прикрывать, а ты подъ предлогомъ доброжелательства выставляешь ихъ на видъ, дѣлаешься если не обвинителемъ, то разсказчикомъ, болтуномъ, глупцомъ. О, срамъ! Вмѣстѣ съ нимъ ты срамишь себя самого, и не чувствуешь! Смотри, сколько золъ происходитъ отсюда: ты прогнѣвляешь Бога; огорчаешь ближняго; дѣлаешь самого себя повиннымъ наказанію! Не слышалъ ли, что Павелъ говоритъ о вдовицахъ? *Не точію праздны*, говоритъ, *учатся обходити домы, но и блядивы и любопытны, глаголющія, яже не подобаетъ* (1 Тим. V, 13). Такимъ образомъ, даже и тогда, когда бы ты вѣрилъ сказанному о твоемъ братѣ, не слѣдуетъ пересказывать, а тѣмъ болѣе, когда не вѣришь. О себѣ ты всегда заботишься, опасаясь, чтобы не быть осуждену отъ Бога. Бойся же, чтобы не быть тебѣ осуждену и за болтливость. Для чего ты распространяешь слухъ? Для чего умножаешь зло? Оно можетъ погубить насъ. Посему и говоритъ Христосъ: *не судите, да не судимы будете* (Матѳ. VII, 1). Но мы нисколько не думаемъ объ этомъ, и примѣръ фарисея не вразумляетъ насъ: онъ сказалъ правду: *нѣсмь якоже сей мытарь*, сказалъ тогда, какъ никто не слушалъ его, и однако осужденъ (Лук. XVIII, 11). Если же онъ осужденъ, высказавъ правду и сказавъ тогда, какъ никто не слушалъ его, то какому подвергнутся мученію тѣ, которые всюду разглашаютъ ложное и такое, въ чемъ сами не увѣрены, подобно болтливымъ женщинамъ? Чего не потерпятъ они? Положимъ же на уста свои дверь и огражденіе. Отъ болтливости произошло безчисленное множество золъ; разстроились семейства, разрывались узы дружбы, происходили тысячи другихъ бѣдствій. Не старайся же, человѣкъ, узнавать то, что касается ближняго. Но ты болтливъ, ты имѣешь этотъ недостатокъ! Говори лучше о своихъ дѣлахъ Богу,—и это не будетъ недостаткомъ, а будетъ пріобрѣтеніемъ, говори о своихъ дѣлахъ друзьямъ, друзьямъ истиннымъ и справедливымъ, на которыхъ ты полагаешься, дабы они молились о грѣхахъ твоихъ. Если будешь говорить о чужихъ дѣлахъ, то не получишь никакой пользы, никакого пріобрѣтенія, но еще получишь вредъ; а если будешь исповѣдывать свои дѣла предъ Господомъ, то получишь великую награду. *Рѣхъ*, говоритъ псалмопѣвецъ, *исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви, и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Псал. XXXI, 5). Ты хочешь осуждать? Осуждай себя самого, никто тебя не осудитъ, если ты будешь осуждать самъ себя; но осудитъ, если ты не будешь осуждать самъ себя; осудитъ, если ты не будешь скорбѣть о себѣ самомъ. Видишь ли ты, что кто-нибудь гнѣвается, раздражается, или дѣлаетъ что-нибудь другое безразсудное? Подумай тотчасъ о своихъ дѣлахъ, тогда и его не слишкомъ будешь осуждать, и себя избавишь отъ бремени грѣховъ. Если мы такимъ образомъ будемъ умѣрять себя, если такимъ образомъ будемъ осуждать самихъ себя, то, конечно, не допустимъ многихъ грѣховъ, но сдѣлаемъ много добраго, будемъ кроткими и умѣренными, и получимъ всѣ блага, обѣщанныя любящимъ Бога, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа. (Изъ твореній св. Іоанна Златоустаго).

3. Разсказы, показывающіе, что Богъ награждаетъ тѣхъ, кто не осуждаетъ ближнихъ.

1. Авва Пафнутій разсказывалъ о себѣ: „однажды, путешествуя, сбился я съ дороги, ибо былъ туманъ, и очутился близъ одного селенія. Тамъ увидѣлъ я нѣкоторыхъ, безстыдно разговаривавшихъ между собою. Остановившись, началъ я молиться о грѣхахъ своихъ. И вотъ, явился мнѣ ангелъ съ мечомъ и говоритъ: Пафнутій! всѣ, осуждающіе братій своихъ, погибнутъ отъ меча сего! Но ты не осудилъ, а смирился предъ Богомъ, какъ бы виновный въ грѣхѣ. Посему имя твое вписано въ книгу живыхъ“. (Достоп. сказ. о подвиг. св. отецъ, стр. 235, 1).

Итакъ, да внимаемъ себѣ самимъ и о своихъ грѣхахъ будемъ болѣе заботиться, чтобы отъ нихъ освободиться. Одинъ благочестивый старецъ, видя, что братъ его согрѣшилъ, со вздохомъ сказалъ: „горе мнѣ! какъ онъ согрѣшилъ сегодня, такъ согрѣшу и я завтра“. Подобнымъ образомъ и всякому изъ насъ надлежитъ памятію о собственномъ недостоинствѣ и безсиліи отражать отъ ума своего горделивые помыслы осужденія ближняго.

II. Одинъ инокъ былъ довольно нерадивъ на пути спасенія, въ постничествѣ и молитвахъ. Наконецъ, пришло время разстаться ему съ жизнію, и собравшіеся вокругъ одра его братія чрезвычайно удивились, видя, что этотъ, по мнѣнію ихъ, безпечный инокъ оставляетъ міръ не только безъ трепета, но благодаря Бога, и даже улыбаясь.—„Отчего ты въ грозный часъ суда Божія такъ безпечаленъ?“ спросили они: „мы знаемъ твою жизнь и не понимаемъ твоего равнодушія; укрѣпись силою Христа, Бога нашего, и скажи намъ, да прославимъ Его милосердіе“. — Тогда умирающій инокъ, нѣсколько поднявшись съ одра, сказалъ имъ:—„такъ, отцы и братія! я жилъ нерадиво, и нынѣ всѣ мои дѣла представлены мнѣ и прочтены ангелами Божіими; я съ сокрушеніемъ признался въ нихъ и ожидалъ всей строгости суда Господня... Но вдругъ ангелы сказали мнѣ: „при всемъ небреженіи, ты не осуждалъ и былъ незлобивъ, и съ этими словами раздрали рукописаніе грѣховъ моихъ. Вотъ источникъ моей радости!“ Сказавъ это, инокъ предалъ съ миромъ душу свою Господу. *Не осуждайте, да не осуждены будете; оставьте, и оставится вамъ,* сказалъ Господь (Лук. VI, 37). („Уч. бл.“).

„Вотъ одинъ изъ самыхъ краткихъ путей, ведущихъ къ полученію прощенія грѣховъ, говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, а именно—*не осуждать!* Если вы не судите, то и васъ не будутъ судить“ (Лук. VI, 37). („Лѣствица“).

4. О женскихъ пересудахъ.

Много у насъ есть такихъ грѣховъ, которымъ мы не придаемъ никакого значенія и которые мы даже не считаемъ за грѣхъ. Возьмемъ, напримѣръ, грѣхъ осужденія ближнихъ, или пересуды. Какъ онъ распространенъ среди христіанъ и особенно христіанокъ! Если увидишь нѣсколько женщинъ, и даже двухъ, сидящихъ и разговаривающихъ между собою, то знай, что онѣ говорятъ о другихъ и судятъ ихъ по своему. „Ты слышала ли, что говорятъ про такого-то или про такую-то, что сдѣлалъ онъ, и какъ ведетъ себя?.. Онъ и пьяница, и развратникъ, и картежникъ, мошенникъ и т. п.“,—такія слова обыкновенно слышатся изъ устъ сошедшихся между собою женщинъ. И замѣчательно то, что рѣдко кто хорошо отзывается о другомъ, но непремѣнно припишетъ ему худое, умалчивая о хорошемъ. Разскажемъ таковымъ про случай, бывшій при преп. Венедиктѣ (память его 14 марта).

Жили двѣ богоугодныя дѣвицы, давшія Богу обѣщаніе проводить свою жизнь въ постничествѣ и дѣвствѣ, не удаляясь въ монастырь. Онѣ строго исполняли свое обѣщаніе, жизнь ихъ была чиста и безукоризненна, онѣ были милосерды къ нищимъ и щедродательны на храмъ Божій. Но, къ несчастію, эти постницы имѣли необузданный языкъ: обсудить, оболгать, укорить — было обычнымъ ихъ дѣломъ. Преподобный Венедиктъ увѣщевалъ ихъ оставить свою порочную привычку, угрожалъ имъ гнѣвомъ Божіимъ, но все было напрасно. Во всемъ старались преуспѣвать благочестивыя дѣвы — въ молитвѣ, постѣ, цѣломудріи, милосердіи, но не хотѣли подумать объ обузданіи своего языка потому, можетъ-быть, что считали маловажными свои пересуды о ближнихъ. Но Богъ судилъ иначе, и вотъ какое явилъ Онъ знаменіе Своего осужденія злоязычію: когда благочестивыя дѣвственницы, достойно чтимыя за свою чистую жизнь и благотворенія, были погребены въ церкви, то нѣкоторые изъ христіанъ, во время совершенія службы, когда діаконъ возглашалъ: „елицы оглашенніи—изыдите“, видѣли этихъ двухъ дѣвицъ, выходящихъ изъ гробовъ и изъ церкви. Это чудное явленіе продолжалось нѣсколько времени и явно показывало, что скончавшіяся постницы находятся подъ гнѣвомъ Божіимъ и, какъ не предочистившія себя раскаяніемъ и исправленіемъ отъ своего злоязычія, недостойны находиться въ таинственномъ общеніи съ Господомъ. Сообщили объ этомъ преподобному Венедикту, и онъ, сжалившись надъ этими дѣвами, послалъ въ ту церковь просфору, приказавши принести ее въ жертву о душахъ дѣвъ. Съ тѣхъ поръ никто не видѣлъ дѣвъ, выходящихъ изъ церкви, и всѣ поняли, что дѣвы святою жертвою и молитвами преподобнаго получили прощеніе отъ Бога.

Изъ этого разсказа видишь, христіанинъ, насколько предосудителенъ грѣхъ осужденія другихъ, или пересудовъ!

Поэтому, христіане и, особенно, христіанки, старайтесь отстать отъ дурной привычки — судить, пересуживать другихъ. Лучше обращайте вниманіе на свою душу и заботьтесь объ исправленіи своей жизни, а не занимайтесь грѣхами и проступками другихъ. Одинъ святой мужъ говорилъ: „если будемъ внимательны къ своимъ грѣхамъ, мы не будемъ смотрѣть на грѣхи ближняго. Ибо это—неразуміе человѣческое: оставлять своего мертвеца и итти плакать надъ мертвецомъ ближняго. (По Ч. М.).

5. **Фарисейство.**

Есть люди такіе добрые, такіе чувствительные, что проливаютъ преизобильныя слезы надъ страницами, изображающими несчастія другихъ, но эти же самые люди преспокойно идутъ мимо, когда встрѣтится имъ дѣйствительно несчастный. Это—фарисейство!

Есть люди, у которыхъ сердце разрывается, когда они слышатъ о жестокости другихъ, которые громко вопіютъ противъ несправедливости мірской, строго осуждаютъ несострадательныхъ, но, когда нищій попроситъ у нихъ милостыни, они великодушно отвѣчаютъ: *Богъ дастъ!* — когда сирота и убогій попроситъ у нихъ хлѣба, они говорятъ: *у меня своихъ дѣтей много.* И это фарисейство!

Есть люди весьма услужливые, которые весьма охотно всякому предлагаютъ свою помощь, преубѣдительно совѣтуютъ не одолжаться тому, другому и третьему, а только имъ: но ихъ рѣчь оканчивается тяжкимъ условіемъ объ огромныхъ процентахъ. Лукавое фарисейство!

Есть люди, такіе ласковые въ обществѣ, что, глядя на нихъ, невольно думаешь: „какъ хорошо жить съ ними!“ Но эти же люди морятъ голодомъ своихъ домашнихъ, суровы, какъ звѣри, къ женѣ и дѣтямъ, жестоки къ своей прислугѣ. Жестокое фарисейство!

Есть благодѣтели, которые благодѣтельствуютъ изъ тщеславія; есть честность, которая честна по неволѣ; есть умѣренность и воздержаніе, которое строго потому, что не на что быть невоздержнымъ; есть смиреніе, проникнутое глубочайшею гордостію; есть кротость, таящая подъ собою звѣриную лютость; есть преданность, въ глазахъ которой Іудино предательство; есть увѣренія совѣстію самыя безсовѣстныя; есть клятвы, *Богъ свидѣтель!*—и при всемъ томъ клятвы самыя наглыя; есть благочестіе, „почивающее“ на законѣ... И все это фарисейство и фарисейство! (Изъ сочин. Я. К. Амфитеатрова).

6. **Не тщеславься и не гордись, человѣкъ!**

„Видишь, что вода во время весны съ великимъ стремленіемъ и шумомъ течетъ, но вскорѣ и протекаетъ; или дымъ и огонь высоко подымаются, но тотчасъ и исчезаютъ, такое точно состояніе гордыхъ и ненавистныхъ людей: свирѣпѣютъ и шумятъ и они въ гордости своей, но уничтожаются, яко вода мимо текущая,—возносятся, какъ пламень и дымъ, высоко, но исчезаютъ такъ же, какъ пламень и дымъ, такъ что и слѣда ихъ не видно бываетъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ пророкъ Божій, очевидный и вѣрный истины свидѣтель: „видѣхъ нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры ливанскія, и мимоидохъ, и се не бѣ: и взыскахъ его, и не обрѣтеся мѣсто его“ (Псал. XXXVI, 35—36). Напротивъ того, о богобоящемся говорится: „яко въ вѣкъ не подвижется. Въ память вѣчную будетъ праведникъ, отъ слуха зла не убоится. Готово сердце его уповати на Господа, утвердися сердце его, не убоится, дондеже воззритъ на врази своя“ (Псал. CXI, 5—6), о чемъ и въ псалмѣ 36 свидѣтельствуется.

Этотъ случай и разсужденіе научаетъ тебя, христіанинъ, не слѣдовать примѣру безстрашныхъ и гордящихся богатствомъ, славою и честію міра сего, да не съ ними погибнешь, но смириться подъ крѣпкую руку Божію и бояться имени Его, да со смиренными и богобоящимися отъ Него *вознесешися* (Петр. V, 6), *яко всякъ возносяйся смирится; смиряяй же себе вознесется* (Лук. XVIII, 14), по ученію вѣчныя истины—Христа. (Изъ твор. св. Тихона задонскаго, изд. 3, т. II, стр. 72).

7. **Гордость гибельна.**

Одинъ дивный, отличавшійся даромъ прозрѣнія подвижникъ (столпникъ) разсказалъ слѣдующее епископу едесскому Ѳеодору: „я съ братомъ, съ юныхъ лѣтъ, оставилъ мірскую жизнь и вмѣстѣ съ нимъ удалился въ монастырь; пробыли мы здѣсь три года и, по совѣту духовнаго отца, удалились въ пустыню; найдя здѣсь двѣ пещеры, мы поселились въ нихъ, тамъ мы безмолвствовали, питаясь только тѣми растеніями, которыя давала скудная природа пустыни; однажды, собирая травы, я поднялъ глаза и увидѣлъ, что братъ мой что-то остановился, перекрестился и потомъ поспѣшно удалился; желая узнать, что тамъ такое, я пришелъ къ тому мѣсту, отъ котораго ушелъ братъ мой, и, къ удивленію своему, нашелъ громадное количество золота; снялъ я съ себя мантію, собралъ все то сокровище и принесъ въ свою пещеру; поживъ немного, я отправился въ городъ, купилъ домъ, устроилъ монастырь, создалъ храмъ и при немъ странноприимный домъ для больныхъ; все найденное богатство я употребилъ на помощь нищимъ и устройство обители, себѣ я ничего не взялъ, и, покончивъ свои дѣла, я снова удалился въ пустыню, съ сознаніемъ, что я сдѣлалъ доброе дѣло; но оно погибло отъ моей гордости и высокоумія и потеряло свою цѣну отъ осужденія: идя по пустынѣ, я думалъ, что поступилъ лучше брата и сталъ его совершеннѣе; въ такихъ мысляхъ я приближался къ жилищу брата моего; не дошелъ я до пещеры, въ которой подвизался братъ, какъ вдругъ предсталъ мнѣ ангелъ Божій и обличилъ меня въ самохваленіи; одобрилъ поступокъ брата моего и сказалъ мнѣ: „если не покаешься, то не получишь той благой части, которая опредѣлена брату твоему".

„Долго я каялся, долго я молился, на этомъ столпѣ пребывая,—и вотъ, только нынѣ сладкій свѣтъ осіялъ мое сердце, и я удостоился услышать отъ ангела: „миръ тебѣ и спасеніе!" Въ радости духовной и въ чувствѣ сердечной благодарности къ милосердному Господу я палъ на землю, и св. ангелъ, поднимая меня, сказалъ: „за высокоуміе твое,— за то, что ты уничижалъ брата твоего, я скрылся отъ очесъ твоихъ, но не переставалъ охранять тебя, какъ заповѣдалъ мнѣ Господь; нынѣ же, видя твое смиреніе, Господь упомянулъ о тебѣ и повелѣлъ мнѣ быть съ тобою въ сей жизни и въ будущемъ вѣкѣ, и далъ тебѣ Богъ даръ видѣть праведныхъ и грѣшныхъ". И вотъ что, отче, зрю: если вижу мужа праведнаго, то ангелы Божіи свѣтлые находятся около него; если же идетъ мимо меня грѣшникъ, то вижу множество бѣсовъ около него, ангелъ же Божій далеко стоитъ отъ него и скорбитъ; если же бѣсы хотятъ погубить душу того грѣшника, не даетъ имъ ангелъ Божій: ибо благій Богъ ожидаетъ обращенія грѣшника и его покаянія и продолжаетъ ему жизнь, чтобы онъ исправился". (Изъ „Воскр. чт." 1889 г.).

8. Наказанное самохвальство.

(Разсказъ изъ русской жизни).

Въ нашей деревнѣ (Ростовскаго уѣзда), по сосѣдству со мною, жилъ Кондратій Михайлычъ; онъ же мнѣ и сродни доводился, и потому все это дѣло было мнѣ извѣстно до точности. Мужикъ онъ былъ хорошій, смирный, и грѣхъ помянуть его недобрымъ словомъ. Сидимъ мы однажды у него и разговариваемъ, только хозяинъ нашъ все какъ-будто такой сердитый. Тутъ дѣти бѣгали о ту пору по избѣ, ну, вѣстимо, дѣти вездѣ, какъ дѣти,— любятъ, чтобы ихъ поприласкали, поприголубили; не разъ подбѣгали они къ отцу своему; кто лѣзетъ къ нему на колѣни, кто за спину на лавку встаетъ; а дѣтей было у него много и все малъ-мала-меньше, но отецъ не хотѣлъ имъ сказать ни одного ласковаго словечка. Того онъ щелкнулъ, другого пырнулъ отъ себя, а третьяго толкнулъ; дѣти убѣжали къ матери и заревѣли. Вотъ мы и говоримъ ему:

— Что съ тобой, Кондратій Михайлычъ? ты словно дѣтьми своими не доволенъ, какъ-будто не радъ имъ. Что ты, Господь съ тобой, вѣдь это все работники тебѣ; Богъ дастъ, выростутъ, какая семьища-то будетъ у тебя! Какъ ты заживешь!

— Такъ-то такъ, Василій Михеичъ,— отвѣчалъ нашъ Кондратій Михайлычъ,— да ждать-то долго, когда еще все это будетъ, подушныя же подавай, да и семью корьми, а какіе они работники, какую они мнѣ помощь могутъ оказать? ровно никакой. Къ тому же и добыча здѣсь, что ни на есть, плохая. Земля, говорятъ, кормилица наша, а что она даетъ въ нашихъ краяхъ? какъ она вознаграждаетъ насъ?.. Право, бросилъ бы все и пошелъ на заработки, да жалко бросить, хоть и денегъ больше будетъ да въ жизни спокойствія такого не будетъ, какъ здѣсь въ деревнѣ: тутъ у тебя и лошадка, и коровка, и овечка; хоть ребятишки, по крайней мѣрѣ, молокомъ сыты, да при томъ же я здѣсь самъ себѣ хозяинъ, подушныя заплатилъ, живи себѣ, какъ хочешь; потому оставить деревню и не хочется. А одному итти, женѣ тутъ не справиться.

— Дѣло ты говоришь, Кондратій Михайлычъ,—началъ опять Василій Михеичъ,—въ самомъ дѣлѣ, куда тебѣ самому ѣхать съ такой большой семьей! А вотъ бы что я тебѣ посовѣтовалъ: отправь вмѣсто себя кого-нибудь изъ своихъ парнишекъ. Я какъ поѣду опять въ Питеръ, пожалуй, возьму съ собою и пристрою къ хорошему мѣсту. У меня же есть на примѣтѣ одно отмѣнное мѣсто. Въ одинъ магазинъ я ставлю арбузы и дыни и, полагать надо, тамъ съ удовольствіемъ его возьмутъ, и онъ тебѣ будетъ хорошій помощникъ.

— Жалко Василій Михеичъ, — отвѣчалъ сосѣдъ, — хоть и надоѣдаютъ, когда забалуютъ, а все же жалко отпустить въ дальнюю сторонушку, въ чужіе люди, право слово, жалко!..

Однако жъ, совѣтъ этотъ ему понравился, и онъ отпустилъ съ Васильемъ Михеичемъ второго своего сына Ванюшу, который былъ побойчѣе и посмышленѣе другихъ. Ему тогда было, знать, лѣтъ десять или одиннадцать. Какъ думалъ Василій Михеичъ, такъ и вышло. Ванюшу взяли въ этотъ магазинъ, о которомъ онъ сказывалъ, что ставитъ туда дыни да арбузы; тамъ онъ выучился читать и писать, и, дѣйствительно, вышелъ парень хоть куда. Какъ сталъ получать настоящее жалованье, помогалъ и отцу. И отецъ, бывало, не нахвалится своимъ Ванюшей. Онъ ужъ и пересталъ его называть Ванюшею, а все Иваномъ Кондратьичемъ. Бывало, о чемъ ни заговорятъ съ нимъ наши мужики, одинъ только и разговоръ былъ, что Иванъ Кондратьичъ да Иванъ Кондратьичъ! Не больно-то нравилось это нашимъ мужичкамъ. Иной разъ и ничего не скажутъ, а иной разъ промолвятъ: „да полно тебѣ хвастаться своимъ Иваномъ, надоѣлъ ты намъ“. А онъ-таки опять: „да вы послушайте, какую онъ мнѣ помочь-то оказываетъ: по веснѣ на сѣмена прислалъ десять рублей, предъ Казанской—двадцать, да вотъ еще предъ Рождествомъ хотѣлъ выслать двадцать рублей, и непремѣнно вышлетъ, да великимъ постомъ пріѣдетъ—женѣ моей привезетъ на сарафанъ, да мнѣ сукна на чуйку, ну, разумѣется, я не стану шить себѣ, а которому-нибудь парню отдамъ; куда ужъ мнѣ, старику, рядиться; да, вотъ какой мой Ванюша! Онъ, вѣдь, просто сказать, кормитъ насъ“.

Послушаютъ, послушаютъ мужики и перечить не станутъ. Но не такъ равнодушно слушали старика его сыновья, которые стали уже подрастать. Иной разъ, какъ станетъ отецъ корить ихъ Иваномъ, они и браниться съ нимъ готовы.

— Что же ты насъ обижаешь своимъ Иваномъ, — бывало, заговорятъ они, — развѣ мы тоже не работники на тебя, развѣ мы всѣ дѣлъ своихъ не справляемъ? Хорошъ твой Иванъ, слова нѣтъ, да все же трезвый деревенскій мужикъ надежнѣе его; не дай Богъ согрѣшить, а неровенъ часъ, случись съ нимъ какая бѣда—къ намъ же пріѣдетъ, у насъ же станетъ жить, онъ же еще не женатый. Коли же ты недоволенъ нами, такъ пусти насъ въ раздѣлъ.

Но Кондратію нужно было только похвастаться и при случаѣ задѣть своихъ сыновей, а когда онъ видѣлъ, что дѣти начинаютъ сердиться на него, онъ, обыкновенно, переставалъ говорить; человѣкъ онъ былъ добрый и смирный. Зналъ это и Иванъ, что изъ-за него нерѣдко бываютъ неудовольствія между его отцомъ и братьями, но онъ мало обращалъ на то вниманія, а, напротивъ, еще ставилъ это себѣ въ особенное удовольствіе.

Когда онъ пришелъ въ совершенный возрастъ, хозяинъ магазина очень полюбилъ его и сдѣлалъ приказчикомъ, причемъ и жалованье положилъ большое: пятьсотъ рублей серебромъ. Старикъ, получивши объ этомъ извѣстіе, не преминулъ оповѣстить всѣхъ мужиковъ въ нашей деревнѣ и, ужъ истинно сказать, всѣмъ сталъ надоѣдать частыми разговорами о своемъ сынѣ. А когда его сынъ пріѣзжалъ къ намъ въ деревню, отецъ не зналъ, какъ и принять его, гдѣ и посадить. Ну, и Иванъ Кондратьичъ тоже очень зазнался и любилъ похвастаться предъ нами. Его пріѣздъ, бывало, составлялъ праздникъ не только для семейства Кондратія Михайлыча, но почти что для всей деревни; гость питерскій привозилъ съ собою разныхъ заморскихъ винъ и всякихъ гостинцевъ. Насъ, бывало, угощаютъ чаемъ, выставятъ бутылки съ виномъ и разныя сласти, смотрите, молъ, вотъ какъ у насъ. Въ это-то время, бывало, и расходится Иванъ Кондратьичъ (и мы тоже тогда стали величать его Иваномъ Кондратьичемъ). Да и какъ ему было не хвастаться передъ нами? Посмотришь, бывало, мы всѣ сидимъ, какъ настоящіе мужики деревенскіе; и волосы нечесаны, и борода сваляласъ, и рубахи деревенскаго тканья, и отъ каждаго изъ насъ несетъ дегтемъ, али овиномъ, али капустой, а Иванъ Кондратьичъ расхаживаетъ по избѣ словно баринъ какой, въ ситцевой дорогой рубахѣ, въ шелковомъ жилетѣ, въ козловыхъ сапогахъ, раздушенный, примазанный. Мы и говоримъ-то по деревенски, а онъ куда-те, съ такими учтивостями, такую обходительность показывалъ, что ужъ сразу было видно, что это питерскій жилецъ, а не деревенскій. И разговоръ-то его былъ совсѣмъ не таковъ, какъ нашъ, и говорилъ-то онъ таково машисто; наши мужики только, бывало, уши развѣсятъ отъ такихъ рѣчей. А отецъ его, Кондратій Михайлычъ, сидитъ себѣ за столомъ, да бороду разглаживаетъ.

Когда же Ивану Кондратьичу ударитъ въ голову, и братья его и гости тоже подопьютъ, тутъ хвастливымъ рѣчамъ его и конца не было. Братья его слушаютъ, слушаютъ, и зачнутъ ему перечить, а онъ пуще.

— Да что вы разговариваете? — начнетъ онъ, бывало. — Какъ вы можете супротивъ меня говорить? Да знаете ли, кто вашъ кормилецъ? Отецъ что ли вашъ, который вонъ сидитъ въ углу и смотритъ мокрой курицей?.. Я, я вашъ кормилецъ. Кто за васъ оброки выплачивалъ, кто вамъ помогалъ при выдачѣ сестеръ, кто отъ солдатчины васъ освободилъ? Я, я, вотъ это кто!

Тутъ ему одинъ старичокъ изъ нашей деревни,—такой умный былъ старикъ, его всѣ звали дѣдушка Матвѣй, онъ ужъ теперь покойникъ, дай Богъ ему царство небесное,—не разъ говаривалъ:

— Полно тебѣ, Иванъ Кондратьичъ, человѣкъ-то ты, кажется, не глупый, а такія пустыя и обидныя рѣчи ведешь. Не ты кормилецъ своей семьи, а Богъ, Богъ, вотъ кто намъ кормилецъ!

— Ну, коли Богъ кормилецъ, такъ и просите у Него, а я вамъ копейки высылать не стану,—скажетъ, бывало, онъ съ обидой.

— Да ты послушай меня, старика, я вѣдь тебѣ въ дѣдушки гожусь и на своемъ вѣку всего видѣлъ на бѣломъ свѣтѣ; и въ Москвѣ и въ Питерѣ живалъ, значитъ знаю, какъ живутъ добрые люди. Ты не моги говорить этого: „у Бога просите, а я не стану высылать“. Не дай Богъ прогнѣвить Отца небеснаго: такъ прогнѣвается, что не только-что высылать не будешь, но еще тебѣ, пожалуй, придется выслать. Нѣтъ, ты благодари Царя небеснаго, что Онъ надѣлилъ тебя такими дарованіями, что ты можешь помогать своему отцу и своей семьѣ, да молись Ему, чтобы Онъ хранилъ тебя въ добромъ здравіи и добромъ поведеніи, вѣдь, не знаешь, братъ, гдѣ живетъ бѣда; не даромъ пословица говоритъ: „гдѣ не чаешь, тамъ и упадешь“; а на себя не надѣйся, не хвались, а сперва Богу помолись. Ну, опять и это не ладно, и старика своего обижать не слѣдуетъ. Онъ тебя же породилъ, вскормилъ, а ты передъ нимъ такого форсу задаешь. Ты помни, что кто оскорбляетъ отца земного, тотъ оскорбляетъ и Отца небеснаго. Что онъ смиренъ у васъ, такъ и надо передъ нимъ куражиться! Нѣтъ, будь ты моимъ сыномъ, да я бы тебя послѣ такихъ рѣчей и въ городъ не пустилъ; паши здѣсь землю вмѣстѣ съ нами, и кончено дѣло.

Не по нраву были такія рѣчи Ивану Кондратьичу; иной разъ онъ замолчитъ, а иной разъ и пуще того; и до того доходилъ, что просто начиналъ и на Бога хулы говоритъ, да вѣдь какъ, что страшно было слушать.

Но не прошли ему даромъ его похвальбы: видно, прогнѣвался на него Господь Богъ, Отецъ нашъ небесный, и сбылись на немъ слова дѣдушки Матвѣя. Вотъ какая бѣда случилась съ нимъ: онъ отморозилъ себѣ руки и ноги. Но надобно прежде сказать, что чѣмъ дольше онъ жилъ въ Питерѣ, тѣмъ становился онъ скупѣе къ своей семьѣ, сталъ меньше писать къ своимъ и меньше присылать денегъ, а жалованье, какъ я докладывалъ, получалъ большое. Стали слухи доходить, что онъ началъ погуливать со своими товарищами и, дѣйствительно, погуливалъ. И вотъ, однажды какъ-то зимой онъ такъ подгулялъ, что свалился гдѣ-то на морозѣ и чуть было не замерзъ. Но, видно, Господь не хотѣлъ его смерти безъ покаянія. Его подняли добрые люди, отогрѣли и положили въ больницу; но оттого ли, что не досмотрѣли, или ужъ такъ надо было грѣху случиться, только руки и ноги Иванъ Кондратьичъ совсѣмъ отморозилъ, такъ что, несмотря на лѣченіе, ихъ свело, да такъ свело, что ни ходить, ни ползать, ни въ руки что-нибудь взять онъ не могъ. Что дѣлать, куда дѣваться? Ну, разумѣется, куда,—домой, въ деревню и пріѣхалъ. Ахнулъ только старикъ, когда посмотрѣлъ на своего дорогого сына, и съ тѣхъ поръ пересталъ онъ говорить о немъ, а если кто и спрашивалъ его: „что же ты, молъ, ничего не скажешь про своего Ивана Кондратьича, дядя Кондратій?“—то въ отвѣтъ на это онъ только скажетъ, бывало, махнувъ рукою:

— Нечего говорить, братцы, прогнѣвали мы Господа Бога.

Приняли братья своего калѣку-брата, дѣлать, вѣдь, нечего, братъ родной. И вотъ, тотъ, кто прежде хвалился, что онъ кормилецъ семьи, теперь дошелъ до того, что самъ не могъ поднести ложки ко рту и дожидался, когда маленькіе ребята, его племянники или племянницы, придутъ и покормятъ его. Нечего говорить, горькая была жизнь! Но еще хорошо, что братья его помнили прежнюю хлѣбъ-соль, прежнюю его помощь! А то бы попрекамъ не было конца.

— Ну, что, братъ Иванъ, кто у насъ кормилецъ-то?—спросятъ его иной разъ братья.

— Ну, ужъ, братцы, Христа ради не говорите и не поминайте,—скажетъ онъ, бывало, имъ, мотнувъ своей скорченной рукой. (Изъ „Странника“).

9. Смиреніе святыхъ.

Одинъ святой старецъ молился Богу такъ: „покажи мнѣ, Господи, въ чемъ состоитъ совершенство души, и я постараюсь достигнуть его“. И Богъ послалъ ему другого старца, который на его вопросъ о томъ же отвѣчалъ: „ступай, паси свиней“. И старецъ сталъ выполнять этотъ совѣтъ, и всѣ, кто видѣлъ его, думали, что онъ сошелъ съ ума. Но Господь чрезъ это показалъ ему, что все дѣло спасенія — въ смиреніи, и потомъ призвалъ его опять къ прежнему служенію. Смиреніе—вотъ истинное совершенство души: оно показываетъ, что человѣкъ снискалъ благодать Божію. Вотъ почему всѣ святые Божіи, паче всего и прежде всего, старались научиться святому смиренію, вотъ почему они ставили смиреніе выше всѣхъ добродѣтелей. Безъ смиренія всѣ добродѣтели ничто, а смиреніе и одно можетъ замѣнить всѣ добродѣтели, хотя и съ трудомъ: такъ учатъ богомудрые учители смиренія. „Горе той душѣ, которая не сознаетъ язвъ своихъ,—говоритъ преп. Макарій Великій,—такую душу не посѣщаетъ и не врачуетъ Врачъ небесный, ибо сказано: не требуютъ здравіи врача, но болящіи“. Однажды, святитель александрійскій Ѳеофилъ посѣтилъ гору Нитрійскую; къ нему пришелъ авва (начальникъ) горы той. „Что нашелъ ты лучшаго на пути семъ?“—спросилъ его святитель. Старецъ отвѣчалъ ему: „постоянное обвиненіе и осужденіе самого себя“. И святитель подтвердилъ: „поистинѣ нѣтъ другого пути, кромѣ сего“. Вотъ почему въ житіяхъ святыхъ подвижниковъ мы видимъ такіе прекрасные примѣры этой ангелоподобной добродѣтели. „Грѣшникомъ я засыпаю, грѣшникомъ и пробуждаюсь“, — говорилъ преподобный Сисой ѳивейскій. „Когда я былъ юнъ,—говорилъ препод. Матой,—я думалъ самъ съ собою: можетъ-быть, я дѣлаю что-нибудь доброе, а теперь, когда состарѣлся, вижу, что я не имѣю въ себѣ ни одного добраго дѣла“. Чѣмъ ближе человѣкъ къ Богу, тѣмъ больше сознаетъ себя грѣшникомъ. Пророкъ Исаія, увидѣвъ Бога, назвалъ себя окаяннымъ и нечистымъ (Ис. VI, 5). Разсказывали о преп. Моисеѣ: когда онъ былъ сдѣланъ клирикомъ и облекли его въ стихарь, архіепископъ сказалъ ему: „вотъ ты теперь весь сталъ бѣлымъ“ (у древнихъ стихарь всегда былъ бѣлаго цвѣта). Онъ отвѣчалъ: „ахъ, если бы, владыко, и извнутри быть такимъ же бѣлымъ, какъ снаружи!“ Архіепископъ, желая испытать его смиреніе, сказалъ клирикамъ: „когда авва Моисей войдетъ въ алтарь, то изгоните его и идите за нимъ, слушайте, что онъ будетъ говорить“. Старецъ вошелъ; клирики начали поносить его и выгнали, говоря: „ступай вонъ, эѳіопъ!“ А старецъ, выходя, говорилъ самому себѣ: „по-правдѣ съ тобою сдѣлано, чернокожій эѳіопъ: ты не человѣкъ, зачѣмъ же ходишь съ людьми?“ Такъ уничижалъ себя святой подвижникъ. Препод. Нилъ говорилъ: „блаженъ изъ людей тотъ, кто почитаетъ себя хуже всѣхъ“. Одинъ братъ спросилъ препод. Пимена: „какъ могу я думать о себѣ, что я хуже убійцы?“ Старецъ отвѣчалъ: „скажи себѣ: онъ однажды сдѣлалъ сей грѣхъ, а я убиваю каждый день (словомъ осужденія)“. Препод. Оръ говорилъ: „если придетъ къ тебѣ помыслъ высокоумія и гордости, то испытывай свою совѣсть: всѣ ли исполнилъ ты заповѣди? Любишь ли враговъ своихъ? Болѣзнуешь ли объ ихъ несчастіяхъ и почитаешь ли себя рабомъ непотребнымъ, грѣшнѣйшимъ изъ всѣхъ? Тогда не будешь гордо думать о себѣ, будто все исполнилъ. Притомъ знай, что помыслъ гордости все доброе обращаетъ въ ничто“. Преп. Пименъ говорилъ: „если будешь смиренно думать о себѣ, то найдешь покой вездѣ, гдѣ бы ты ни былъ“. Безъ смиренія ни одна добродѣтель не имѣетъ цѣны въ очахъ Божіихъ: такъ учатъ святые отцы. Много можно было бы и еще привести примѣровъ святого смиренія угодниковъ Божіихъ. Можетъ-быть, иной скажетъ: „то были великіе угодники Божіи; гдѣ ужъ намъ грѣшнымъ подражать имъ?“ Такому отвѣчаю: не только можешь, но и долженъ ты подражать ихъ смиренію. А что это возможно, вотъ тебѣ примѣръ смиренія не инока, не пустынника, а простого кожевника, который поставленъ въ примѣръ величайшему изъ пустынниковъ, преп. Антонію Великому. Разъ св. Антоній молился въ кельѣ своей и услышалъ голосъ: „Антоній! Ты еще не пришелъ въ мѣру кожевника, живущаго въ Александріи“. Услышавъ это, старецъ всталъ рано утромъ, взялъ посохъ и пошелъ въ Александрію. Когда онъ нашелъ тамъ кожевника, тотъ крайне удивился, увидѣвъ у себя Антонія. Старецъ сказалъ кожевнику: „повѣдай мнѣ дѣла твои, потому что ради тебя я пришелъ сюда, оставивъ пустыню“. Кожевникъ отвѣчалъ: „какія у меня могутъ быть добрыя дѣла? Не знаю никакихъ, и потому, когда утромъ выхожу на работу, говорю самъ себѣ: „всѣ жители этого города, отъ мала до велика, пойдутъ въ царство небесное за добродѣтели свои, а я одинъ пойду въ муку вѣчную за грѣхи мои. То же повторяю я въ сердцѣ моемъ и тогда, когда ложусь въ постель“. Услышавъ это, преподобный Антоній сказалъ: „поистинѣ, сынъ мой, ты, сидя спокойно въ домѣ своемъ, стяжалъ царство небесное; а я, хотя всю жизнь провелъ въ пустынѣ, но не стяжалъ того разума духовнаго, который ты имѣешь“... Такъ, и живя въ мірѣ, и занимаясь житейскими дѣлами, можно и должно учиться великой наукѣ смиренія, безъ которой невозможно и самое спасеніе! (См. № 612 „Троицк. лист.“).

10. Ложное смиреніе.

Однажды къ преп. Серапіону пришелъ нѣкто изъ отшельниковъ окрестной пустыни, и когда онъ просилъ его сѣсть рядомъ съ собою, то послѣдній отказался, считая себя недостойнымъ этой чести, но сѣлъ у ногъ его. Между тѣмъ, наступилъ часъ молитвы. „Отче“, сказалъ пришедшій, „я столько грѣшенъ, что не дерзаю стать вмѣстѣ съ тобою на молитву, позволь мнѣ удалиться, и только прошу тебя помянуть меня въ своихъ молитвахъ!“ Равнымъ образомъ, по тому же чувству недостоинства, онъ отказался вкусить пищу вмѣстѣ съ преподобнымъ, но принялъ ее особо. Видя такое смиреніе гостя своего, преп. авва рѣшился преподать ему нѣкоторое наставленіе, которое сдѣлать считалъ себя обязаннымъ, по чувству любви къ брату. Онъ сказалъ отшельнику, что, по его мнѣнію, жизнь его была бы пріятнѣе Богу и назидательнѣе для ближнихъ, если бы онъ, вмѣсто того, чтобы блуждать по пустынѣ съ одного мѣста на другое, занялъ какую-нибудь келью и посвятилъ себя, подобно другимъ отшельникамъ, молитвѣ и трудамъ на одномъ мѣстѣ. При этихъ словахъ, гость обнаружилъ нетерпѣніе и гнѣвъ; въ глазахъ его блеснуло негодованіе и укоръ старцу. Тогда преподобный понялъ, что смиреніе было только на устахъ, а не въ сердцѣ отшельника, и сказалъ ему: „чадо, еще не прошло и трехъ часовъ послѣ того, какъ ты называлъ себя величайшимъ изъ грѣшниковъ, недостойнымъ ни молиться, ни вкушать пищи, ни даже сидѣть рядомъ со мною, и—вотъ, твое смиреніе не можетъ уже стерпѣть простого совѣта, который любовь внушила мнѣ. Чего же искалъ ты, унижая себя столько предо мною? Можетъ-быть, того только, чтобы я приложилъ къ тебѣ слова премудраго: праведникъ обличаетъ самъ себя!“

Такъ нерѣдко гордость прикрываетъ себя личиною смиренія, и—по видимому, преобразуется въ *ангела свѣтла*, но отъ прикосновенія къ истинѣ тотчасъ познается отъ плодовъ своихъ (Лук. VI, 44). („Воскр. чт.“ 1851 г., № 18).

НЕДѢЛЯ О БЛУДНОМЪ СЫНѢ.

Еванг. отъ Лук. зач. 79-е, Лук. XV, 11—32 ст.

1. Притча о блудномъ сынѣ.

У нѣкотораго человѣка было два сына, и сказалъ младшій изъ нихъ отцу: „отче! дай мнѣ слѣдующую мнѣ часть имѣнія“. И отецъ раздѣлилъ имъ имѣніе. По прошествіи немногихъ дней, младшій сынъ, собравъ все, пошелъ въ дальнюю сторону и тамъ расточилъ имѣніе свое, живя распутно. Когда же онъ прожилъ все, настать великій голодъ въ той странѣ, и онъ началъ нуждаться. И пошелъ, присталъ къ одному изъ жителей страны той, а тотъ послалъ его на поля свои пасти свиней. И онъ радъ былъ наполнить чрево свое рожками, которыя ѣли свиньи, но никто не давалъ ему. Пришедши же въ себя, сказалъ: „сколько наемниковъ у отца моего избыточествуютъ хлѣбомъ, а я умираю отъ голода, встану, пойду къ отцу моему и скажу ему: отче! я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою, и уже недостоинъ называться сыномъ твоимъ, прими меня въ число наемниковъ твоихъ“.

Онъ всталъ и пошелъ къ отцу своему. И когда онъ былъ еще далеко, увидѣлъ его отецъ его и сжалился, и, побѣжавъ, палъ ему на шею и цѣловалъ его. Сынъ же сказалъ ему: „отче! я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою, и уже недостоинъ называться сыномъ твоимъ“. А отецъ сказалъ рабамъ своимъ: „принесите лучшую одежду, и одѣньте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги. И приведите откормленнаго теленка, и заколите: станемъ ѣсть и веселиться, ибо сей сынъ мой былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся“. И начали веселиться.

Старшій же сынъ его былъ на полѣ, и, возвращаясь, когда приближался къ дому, услышалъ пѣніе и ликованіе. И, призвавъ одного изъ слугъ, спросилъ: „что это такое?“ Онъ сказалъ ему: „братъ твой пришелъ, и отецъ твой закололь откормленнаго теленка, потому что принялъ его здоровымъ“. Онъ осердился и не хотѣлъ войти. Отецъ же его, вышедши, звалъ его, но онъ сказалъ въ отвѣтъ отцу: „вотъ, я столько лѣтъ служу тебѣ, и никогда не преступалъ приказанія твоего, но ты никогда не далъ мнѣ и козленка, чтобы мнѣ повеселиться съ друзьями своими. А когда этотъ сынъ твой, расточившій имѣніе твое съ блудницами, пришелъ, ты закололь для него откормленнаго теленка“. Онъ же сказалъ ему: „сынъ мой! ты всегда со мною и все мое—твое. А о томъ надобно было радоваться и веселиться, что братъ твой сей былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ, и нашелся“.

Нигдѣ, никогда, ни на какомъ языкѣ человѣческомъ не найдется такихъ выраженій цѣлаго міра любви и благости, какія слышатся въ этихъ немногихъ безсмертныхъ словахъ притчи о блудномъ сынѣ! Жалкій высокомѣрный молодой человѣкъ, требующій выдѣла на цѣлую жизнь, оставленіе имъ родного пепелища, путешествіе въ отдаленную сторону, непродолжительная, судорожная радость, затѣмъ страшный голодъ въ той сторонѣ, рановременное истощеніе всего, что могло облагородить жизнь и сдѣлать ее сносною, послѣдовавшая потомъ бездна униженія и невыразимой бѣдности, опамятованіе и воспоминаніе о томъ, что оставлено назади, раскаяніе и глубокое смиреніе разбитаго сердца, встрѣча съ отцомъ, увидѣвшимъ его издали, мгновенное проявленіе въ отцѣ чувствъ состраданія и жалости къ несчастному возвратившемуся расточителю, шумная радость всего дома ради того, кто былъ любимъ и потерянъ, а теперь возвратился; завистливая и мелкая жалоба старшаго сына, а потомъ сладостное заключеніе притчи обращеніемъ отца къ старшему сыну: „сынъ мой! Ты всегда со мною, и все мое—твое. А о томъ надобно было радоваться и веселиться, что братъ твой сей былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся“. Все это вмѣстѣ представляетъ въ сокращенномъ видѣ дивную картину заблужденій человѣческихъ и любви Божіей. Сложите въ одно мѣсто все, что писано и говорено разными мудрецами, а они писали и говорили много прекраснаго, и сопоставьте имъ только притчу о расточительномъ сынѣ со всѣми ея оттѣнками и значеніями, неужели же чистый духомъ можетъ усомниться, который изъ сопоставленныхъ предметовъ будетъ имѣть наибольшую вѣскость въ примѣненіи къ нуждамъ человѣчества?“ [1]).

Такимъ образомъ объяснено было Іисусомъ отношеніе Его къ мытарямъ и грѣшникамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ выражена крайняя противоположность между духомъ Его ученія и надутымъ ханжествомъ, которое представляетъ всегда грубую и фальшивую поддѣлку истинной религіи. Современное Христу іудейство принимало за истину пустыя формы и мелочную обрядность; смѣшивало немилосердную исключительность съ настоящею чистотою; любило выставлять себя при свѣтѣ солнца, воображая себя въ своей несправедливости любимцемъ Божіимъ, и держало въ тѣни и мракѣ всѣхъ прочихъ дѣтей Божіихъ. Оно такъ глубоко проникнуто было притворствомъ, что не замѣчало его въ себѣ и вмѣняло себѣ въ заслугу, если могло сокрушить хрупкій тростникъ, или затоптать остатокъ курящейся кудели, согласно съ выраженіемъ блаж. Іеронима, что не простершій руку грѣшнику ломаетъ хрупкій тростникъ, а потушающій искру вѣры въ меньшей братіи гаситъ дымящійся ленъ. Это фарисейство благодарило Бога за то, что другіе грѣшатъ, и мечтало, что можетъ угодить Ему служеніемъ, въ которомъ не было ни смиренія, ни вѣры, ни честности, ни любви. Такіе формалисты, которые воображали, что они богаты и переполнены дарованіями, должны были увѣриться, что они пусты, бѣдны, слѣпы и наги. Эти овцы, считавшія себя не заблудившимися, должны были узнать, что бѣдная, потерянная и найденная овца съ большею еще нѣжностію отнесена будетъ домой на плечахъ добраго пастыря. Эти старшіе сыновья должны были научиться, что мысль Отца ихъ,—которую они мало способны были осмыслить въ своихъ ледяныхъ, несочувствующихъ никому сердцахъ,—заключается всецѣло въ выраженіяхъ: „надобно радоваться и веселиться, что твой братъ былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся“ [1]).

---

[1]) Жизнь Іисуса Христа. Ф. В. Фаррара, пер. Матвѣева. М. 1887 г. Ч. II, стр. 81, 82.

2. Любовь небеснаго Пастыря.

Азъ есмь Пастырь добрый, пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы, глаголетъ о Себѣ возлюбленный Господь нашъ Іисусъ Христосъ (Іоан. X, 11). Овцою заблудшею былъ весь родъ человѣческій предъ пришествіемъ Спасителя, такъ что, казалось, весь онъ взывалъ къ Богу устами пророка Давида: *заблудихъ, яко овча погибшее, взыщи раба Твоего* (Пс. CXVIII, 176). И вотъ, когда Единородный Сынъ и Слово Божіе, сошедши съ высоты Своей Божественной славы, сталъ человѣкомъ, тогда Онъ, какъ добрый пастырь, оставивъ девяносто девять овецъ—девять чиновъ ангельскихъ на небеси, пришелъ на землю для взысканія сей единой заблудшей овцы. И чего Онъ не сдѣлалъ, чего не понесъ для того, чтобы найти ее? Онъ и алкалъ, и жаждалъ, и трудился до пота кроваваго, и распялся, и умеръ, чтобы найти Свою овцу заблудшую въ самой утробѣ адской, куда загнало ее преслушаніе Божіей заповѣди. И смотрите, съ какою ревностію, съ какою любовію Онъ ее ищетъ! Во всей евангельской исторіи не вижу я ни одного такого грѣшника, котораго Іисусъ Христосъ не привлекалъ бы къ Себѣ со всею кротостію, со всею любовію, безъ всякаго гнѣва и понужденія. Чтобы привлечь къ Себѣ мытаря Матѳея, начальника мытарей—Закхея и фарисеевъ, Онъ Самъ напрашивался къ нимъ въ домы, соизволялъ раздѣлять съ ними трапезу, и тѣмъ, кто за это Его осуждалъ, Онъ обыкновенно говорилъ, что болящіе имѣютъ нужду во врачѣ, то-есть, что грѣшники-то и нуждаются въ Спасителѣ. Чтобы привлечь къ Себѣ блудницъ и подобныхъ имъ грѣшницъ, Онъ не укорялъ ихъ, не угрожалъ, а принималъ, прощалъ и защищалъ. Когда привели къ Нему женщину, уличенную въ прелюбодѣяніи, Онъ одинъ ее не осудилъ и съ прощеніемъ отпустилъ. Не отрекся ли отъ Него Петръ? Но и его онъ привлекъ къ покаянію не инымъ чѣмъ, какъ только Своимъ любящимъ взоромъ: *воззрѣ Іисусъ на Петра и — исшедъ вонъ* Петръ *плакася горько* (Лук. XXII, 61,—62). Не вѣровалъ Его воскресенію Ѳома, однако же Онъ привелъ его къ вѣрѣ не укоризною, не гнѣвомъ, а кротко повелѣлъ ему вложить руку въ Свои ребра... Не предалъ ли Его Іуда? Но — чего не сдѣлалъ милосердый Господь для его вразумленія! Не назвалъ онъ Его измѣнникомъ, отступникомъ, сребролюбцемъ, а сказалъ только, что знаетъ его злое намѣреніе. И притомъ — какъ сказалъ? Такъ, что никто посторонній не могъ догадаться, о чемъ идетъ рѣчь. Онъ умылъ ноги Іудѣ, назвалъ его другомъ, попустилъ сему нечестивцу поцѣловать Себя въ ту самую минуту, когда тотъ измѣннически предавалъ Его врагамъ на смерть... О, крайнее милосердіе Твое, Іисусе сладчайшій! Воистину Ты пришелъ, чтобы грѣшниковъ спасти!

Вотъ съ какою любовію ищетъ сей добрый Пастырь Своихъ заблудшихъ овецъ,—ищетъ и тебя, и меня, и всякаго другого грѣшника. Та совѣсть, которая угрызаетъ твое сердце, тотъ страхъ смерти и трепетъ муки вѣчной, который иногда тревожитъ твой умъ, та болѣзнь, которая безпокоитъ тебя, та бѣда, которая грозитъ тебѣ, та святая литургія, при которой ты присутствуешь, то слово Божіе, которое слышишь, — что все это, какъ не тайный гласъ милосердія Христова, которое ищетъ тебя, зоветъ тебя къ покаянію: *Адаме, гдѣ еси?* Овча погибшее, гдѣ ты блуждаешь? Грѣшникъ, куда ты отъ Меня удаляешься? Душа заблудшая, гдѣ ты находишься? Человѣче, *не вѣси ли, яко благость Божія на покаяніе тя ведетъ?* (Рим. II, 4). Слышишь ли? Разумѣешь ли? Милосердіе Христово тебя ищетъ и призываетъ, а ты его не слушаешь и дальше убѣгаешь, — смотри же, что дѣлаетъ твой добрый Пастырь — Іисусъ Христосъ? Гнѣвается ли Онъ? Нѣтъ, Онъ терпитъ и ждетъ тебя... И если, овча заблудшее, истинно покаешься, къ Нему возвратишься, то съ какою радостію приметъ тебя сей добрый Пастырь! Онъ подниметъ тебя на рамена Свои, то-есть, поможетъ тебѣ всею силою Своей благодати Божественной, Онъ приведетъ тебя въ стадо Свое—въ святую церковь Свою, Онъ приметъ тебя въ объятія Своей любви. Одна только заблудшая овца вернулась въ стадо и — смотрите, какъ радуется Пастырь!—Ангелы святые! Радуйтесь со Мною, говоритъ Онъ, *яко обрѣтохъ овцу Мою погибшую!* (Лук. XV, 6). Одинъ только грѣшникъ кается на землѣ, и радостно торжествуетъ весь рай на небѣ! *Радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся.* Почему такая радость? Что Богу изъ сего? Развѣ отъ того пріумножается Его безконечная слава, Его блаженство? Нѣтъ. Такъ что же побуждаетъ Бога такъ радоваться о покаяніи единаго грѣшника? — Не что другое, какъ только его милосердіе. О, безконечное милосердіе! О, непостижимая благость!.. Боже многомилостивый! *Что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его?* (Пс. VIII, 5). Что такое человѣкъ? Не червь ли земной? не прахъ ли, не земля ли? Онъ—ничто, и къ нему ли являешь Ты толикую любовь, такое милосердіе? О немъ ли столько заботишься? Вѣдь онъ, неблагодарный, преступилъ Твою заповѣдь, онъ попралъ законъ Твой, онъ обезчестилъ имя Твое, презрѣлъ Твои таинства... Онъ такъ долго жилъ въ удаленіи отъ Тебя, и Ты не помнишь, сколь многократно онъ согрѣшилъ предъ Тобою!.. Отвѣтствуетъ на это милосердый Богъ: правда, человѣкъ—грѣшникъ, но онъ—созданіе рукъ Моихъ: *живу Азъ, не хощу смерти грѣшника, но еще обратитися ему и живу быти* (Іез. XXXIII, 11). Знаетъ Создатель Свое созданіе и терпитъ его немощи, прощаетъ согрѣшенія... Итакъ, утѣшься, кающійся грѣшникъ, хотя ты и много согрѣшилъ, но нѣтъ грѣха, побѣждающаго Божіе милосердіе. Ты согрѣшилъ, но если покаешься, то всѣ твои грѣхи будутъ забыты, будутъ прощены. Какъ таетъ воскъ отъ огня, такъ таетъ и грѣхъ человѣческій отъ теплоты Божія милосердія.

---

[1]) Жизнь Іисуса Христа. Ф. В. Фаррара, пер. Матвѣева. М. 1887 г. Ч. I, стр. 230, 231.

Покайся же и обратись къ своему доброму Пастырю, овча заблудшее! Востани и пріиди къ милосердому Отцу, блудный сыне! Увѣряю тебя, что и тебя приметъ добрый Пастырь и чадолюбивый Отецъ, приметъ съ любовію, съ радостью, съ распростертыми объятіями. Ручаюсь тебѣ, что Онъ проститъ всѣ твои грѣхи, хотя бы ты имѣлъ грѣхи блудницы, мытаря, разбойника. Увѣряю тебя въ семъ святою плотію, которую на Себя Слово Божіе воспріяло, когда человѣкомъ стало, тѣмъ благодатнымъ именемъ *Іисусъ*, которое означаетъ *Спаситель: Той бо спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ!* (Сост. по слов. святит. Иліи Минятія).

3. Грозные примѣры наказанія Божія за непочтеніе родителей.

I. Блаженный Августинъ разсказываетъ слѣдующій несчастный случай, постигшій въ его время цѣлое семейство въ Кесаріи Каппадокійской, вслѣдствіе клятвы матерней. Одна мать имѣла десять человѣкъ дѣтей: семь сыновей и три дочери. Однажды старшій сынъ нагрубилъ матери и даже дерзнулъ ударить ее. Другіе дѣти были свидѣтелями сего преступленія, и ни одинъ изъ нихъ, ни словомъ ни движеніемъ, не воспрепятствовалъ буйству старшаго брата. Оскорбленная и разгнѣванная мать, въ отчаяніи, побѣжала въ храмъ Божій и горько взывала: Боже мститель! рази дѣтей безчувственныхъ! пусть, блуждая по свѣту, подобно братоубійцѣ Каину, они содѣлаются для всѣхъ предметомъ ужаса!.. Вслѣдъ за сею клятвою раздраженной матери, старшій сынъ объятъ былъ трясеніемъ во всемъ тѣлѣ, а въ теченіе года и всѣ дѣти, одинъ за другимъ, подверглись той же болѣзни. Ни одинъ не избѣжалъ горестныхъ слѣдствій проклятія матерняго. Но и сама несчастная мать, слыша отовсюду порицаніе и угрызаемая совѣстью, скоро умерла самымъ бѣдственнымъ образомъ. Дѣти проклятія, оставивъ свой домъ и родину, разошлись въ разныя стороны чтобы скрыть отъ сосѣдей и знакомыхъ свой стыдъ и преступленіе. Уже черезъ долгое время двое изъ нихъ, братъ и сестра, — Павелъ и Палладія, получили исцѣленіе въ Иппонѣ при мощахъ св. первомуч. Стефана, во время богослуженія, въ присутствіи народа и самого блаженнаго Августина, епископа иппонійскаго (о градѣ Божіемъ, кн. 22, гл. 6).

II. У одной бѣдной вдовы былъ единственный сынъ. Мать надѣялась имѣть въ немъ добраго кормильца и опору въ своей старости, но сынъ своими грубыми поступками часто доводилъ бѣдную мать до слезъ. Разъ онъ побилъ ни за что жену; мать со слезами стала его уговаривать, но раздраженный сынъ бросился на мать съ бранными словами и,—страшно сказать,—схватилъ ее за грудь и тряхнулъ съ такою силой, что бѣдная женщина больно ударилась о стѣну головой...

Стоны матери, крикъ жены и плачъ дѣтей заставили его выпустить изъ рукъ старушку-мать и уйти изъ дома. Тогда глубоко оскорбленная мать, вся въ слезахъ, падаетъ на колѣни предъ св иконами и говоритъ: „Господи, Ты видишь, какъ обижаетъ меня мой родной, неблагодарный сынъ, чѣмъ онъ платитъ мнѣ за мою любовь, за мои о немъ попеченія: да будетъ онъ отнынѣ проклятъ, да не будетъ ему ни моего, ни Твоего благословенія!..“

И что же? Судъ Божій совершился: въ тотъ же самый день оскорбитель-сынъ почувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ; эта дрожь съ каждымъ днемъ усиливалась болѣе и болѣе и дошла, наконецъ, до того, что онъ, дотолѣ сильный и здоровый работникъ, не могъ владѣть не только сохой или косой, но даже и ложкой, съ трудомъ передвигалъ ноги и не иначе принималъ пищу, какъ изъ рукъ жены и дѣтей... Правда, онъ испросилъ прощеніе у матери, которая вскорѣ затѣмъ и умерла, сталъ тихъ и смиренъ, какъ дитя, но жизнь его часъ отъ часу становилась тягостнѣй. Былъ онъ и у св. угодниковъ въ Кіевѣ, Почаевѣ, Воронежѣ и другихъ мѣстахъ, но Богу не угодно было, несмотря на его слезныя мольбы, даровать ему исцѣленіе...

Такъ прошло тринадцать лѣтъ; наконецъ, болѣзнь его до того усилилась, что онъ не могъ говорить; позвали къ нему священника, онъ исповѣдался и причастился св. таинъ, — это укрѣпило его настолько, что онъ сталъ свободно говорить, и, поучивъ довольно дѣтей и родныхъ, какъ тяжекъ грѣхъ непочтенія къ родителямъ, мирно скончался... (См. журн. „Странникъ“ за 1861 г.).

III. У одного зажиточнаго, но малосемейнаго хозяина заболѣла жена, уже престарѣлыхъ лѣтъ. Какъ подготовленная къ смерти, больная лежала въ постели, чисто одѣвшись, и, подозвавъ къ себѣ единственнаго сына, уже восемь лѣтъ женатаго, стала наставлять его — слушаться во всемъ отца и не разорять трудового ихъ достоянія. Своевольный сынъ принялъ это наставленіе въ обиду себѣ и съ дерзостію отвѣчалъ, что онъ больше всѣхъ трудится, и самъ знаетъ, какъ распорядиться своимъ хозяйствомъ. Тогда больная, поднявшись съ своей постели, стала креститься и умолять Бога, чтобы Онъ вразумилъ непокорнаго сына слушаться родного отца своего. На это сынъ дерзко сказалъ матери: „куда какъ нездорова, а теперь какъ пава плывешь по полу, въ постели разряженная“. Озадаченная дерзостію сына больная мать, поднявши глаза вверхъ, успѣла промолвить только слѣдующія слова: „дай Богъ, чтобы ты, сынъ мой, плавалъ и не наплавался“. Что же? Эти слова буквально исполнились на непокорномъ сынѣ.

На третій день послѣ смерти матери и по окончаніи погребальнаго обѣда, непокорный сынъ долженъ былъ отправиться на водяную мельницу. Взявъ на плечи мѣшокъ съ хлѣбомъ и проходя по доскѣ къ мельницѣ, онъ споткнулся, упалъ въ рѣку Днѣпръ и утонулъ, несмотря на то, что тамъ глубины было менѣе 1 сажени, самъ же онъ былъ роста большого. Когда объявили объ этомъ отцу, то начали отыскивать трупъ утопленика, но, несмотря на всѣ поиски, трупъ найти не могли, хотя рѣка была не глубока. Поставивъ послѣ этого стражу, съ цѣлію поймать всплывшее тѣло и предать его христіанскому погребенію, плачущіе — отецъ, жена и дѣти утопшаго — только черезъ двѣ недѣли услышали, что всплывшее тѣло задержано было въ другомъ селѣ, внизъ по рѣкѣ за 10 верстъ, но означеннаго утопленика народъ отодвинулъ отъ своего берега, желая избѣжать полицейскихъ допросовъ. Узнавъ здѣсь, что, дѣйствительно, указанный утопшій есть отыскиваемый сынъ, печальный отецъ поспѣшилъ объѣхать на лодкѣ прибрежныя мѣста, но и здѣсь, еще дальше, за 10 верстъ ниже по рѣкѣ, заявили ему гнавшіе плоты и барки по Днѣпру, что видѣли утопшаго, но онъ прошелъ посрединѣ рѣки и, должно-быть, уже далеко. Послѣ этого отецъ оставилъ поиски утопшаго сына. Но, спустя послѣ этого мѣсяцъ, односельчане, возвратившись изъ заработковъ по переправѣ плотовъ чрезъ днѣпровскіе пороги, съ клятвою завѣряли, что за 50 верстъ отъ своего села они нашли утопшее тѣло на берегу и по одеждѣ узнали своего односельчанина Д. Усердствуя со стороны своей воздать послѣдній долгъ бывшему сотоварищу, они вознамѣрились вырыть на берегу яму и загребсти утопшаго и затѣмъ увѣдомить его отца для христіанскаго погребенія. Но въ то самое время хозяинъ плотовъ приказалъ отчаливать отъ берега и спѣшить къ мѣсту назначенія. Такимъ образомъ намѣреніе означенныхъ людей, по волѣ Божіей, не могло исполниться. Такъ тѣло утопленника и не предали христіанскому погребенію.

Такимъ образомъ материнскія слова: „чтобы ты плавалъ и не наплавался“, сказанныя противъ дерзкаго сына, въ точности и скоро исполнились съ очевидною ясностію для всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, бывшихъ очевидцами послѣдняго и печальнаго разговора больной матери съ непокорнымъ сыномъ („Стран.“ 1874 г., іюль).

IV. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія жило въ селѣ Юрьевскомъ-Поволгскомъ, Тверского уѣзда, одно крестьянское семейство. Оно состояло изъ вдовы, преклонныхъ лѣтъ старушки, Анны Галактіоновой, изъ сына ея Егора, жены его и дочери. Когда еще была молода эта старушка и живъ былъ ея мужъ, Василій Исаевъ, они, не имѣя на первыхъ порахъ своей супружеской жизни своихъ дѣтей, взяли въ пріемыши себѣ сиротку Луку, воспитали и выростили его, и женили на простой и доброй, безотвѣтной женщинѣ, Марьѣ Левоновой. Лука вскорѣ померъ, оставивши послѣ себя трехъ сиротъ: двухъ дѣвочекъ и мальчика. Между тѣмъ Анна Галактіонова, спустя нѣсколько лѣтъ супружеской бездѣтной жизни, и сама родила сына Егора. — но за то вскорѣ послѣ родовъ схоронила своего мужа.

Двѣ вдовы жили сначала мирно. Марья Левонова была женщина рабочая, трудолюбивая, безмолвная и покорная: дѣти ея были безотвѣтны предъ Анной. Но у Анны вскорѣ стала проявляться особенная, предпочтительная, неразумная любовь къ своему Егорушкѣ. Пріемышей, бывало, Анна посылаетъ и уголья жечь, и косить, и молотить, всякую работу работать, а Егорушка гдѣ-нибудь около дома съ матерью. Пріемышъ поди и дровъ наруби, и воды принеси, и коровамъ дай корму; дѣвочки и туда и сюда сходи, и то сдѣлай, и другое сдѣлай, а Егорушка знать ничего не хочетъ. Егорушкѣ и лепешку мать нарочно испечетъ, и молока нальетъ, и каши дастъ, — а пріемышамъ щи да хлѣбъ. Пріемыши и молитвъ хорошенько не знали: гдѣ и когда имъ учиться? Чуть встали, сейчасъ на ту, на другую, на третью работу, а Егорушку грамотѣ выучили; Егорушка читалъ часовникъ и псалтирь; Егорушка въ церкви на клиросѣ пѣлъ. Егорушка чистехонекъ, бѣлехонекъ, всегда причесанъ, всегда вымытъ, всегда прибранъ, а пріемыши — какъ случится. Марья Левонова терпѣла, плакала, молилась Богу, и работала со своими дѣтьми безъ устали. — „Ну что жъ дѣлать, вѣдь она же насъ приголубила“, говорила она про первые годы своей жизни въ домѣ Анны.

Наконецъ, терпѣнье Марьи истощилось. Видя ежедневныя притѣсненія своимъ дѣтямъ отъ Анны, слыша ея брань и ворчанье, она рѣшилась отойти отъ грѣха со своими дѣтьми въ особую избушку и жить, — пока міръ не надѣлитъ ея дѣтей землею, хотя Христовымъ именемъ, да своимъ честнымъ трудомъ.

Анна осталась одна съ Егорушкою. Егорушка сталъ подрастать. Понимая, что мать его чрезмѣрно любитъ и балуетъ, онъ началъ своевольничать и капризничать. „Того хочу, этого подай“. Мать исполняетъ капризы сынка. Работалъ Егоръ лѣниво и худо, за то мать старалась работать за троихъ. Егору было это и на руку. Хуже и хуже онъ дѣлался нравственно. Добрые люди, особенно сельскій священникъ, говорили Аннѣ, чтобъ она перестала баловать сына, чтобъ она вразумляла и останавливала его, что вѣдь это и ему будетъ во вредъ, и ей на горе. — Куда!... Мать и слышать ничего не хотѣла. — „Да онъ у меня такой смирный, такой добрый, говорила, такой послушный.... кажется, и на свѣтѣ-то нѣтъ никого лучше его“. Добрые люди качали головой и отходили отъ нея. Священникъ и самого Егора вразумлялъ и наставлялъ, но какъ можно вразумить человѣка, избалованнаго и испорченнаго съ младенчества?

Настало время женить Егора. Мать выбрала ему въ жены женщину неглупую и добрую, и надѣялась, что сынокъ женится, — перемѣнится. Но Егора трудно ужъ было перемѣнить. Если дерево уросло и окрѣпло, его скорѣе можно сломить, а не выпрямить: такъ и тутъ. Мать и сама, наконецъ, увидѣла непорядки его, да было уже поздно. — „Что ты, батюшка? Христосъ съ тобой, ты то не хорошо дѣлаешь, другое — не хорошо, хоть бы людей постыдился; вѣдь ты ужъ женатый“, — бывало начнетъ она говорить Егору. Егоръ и слышать ничего не хотѣлъ, дѣлалъ все по своему. — Мать опять начнетъ говоритъ: „посмотри, дитятко, вотъ у добрыхъ людей-то такъ и такъ идетъ дѣло, а у тебя что?“ — Егоръ не только не слушаетъ матери, но ужъ начинаетъ и перебраниваться съ нею. — „Поди прочь, надоѣла“, скажетъ онъ. —

Мать заплачетъ и отойдетъ. — „Ну, расплакалась старая“, — скажетъ Егоръ, и хлопнетъ дверью.

Горько было матери, но она терпѣла. Егоръ сталъ браниваться съ нею чаще и чаще. Мать начала плакать, стала людямъ говорить о своемъ горѣ, стала священника просить пособить ея бѣдѣ.— „Вѣдь и немного пьетъ“, говорила она, а такъ, Богъ его знаетъ, ужъ очень своенравенъ“. — Егора все это только больше раздражало.

Однажды, — это было въ заговѣнье предъ великимъ постомъ, — Егоръ безъ причины сильно бранилъ мать.

— Полно, Егоръ, образумься, — говорила жена, останавливая его.—Что ты дѣлаешь? Вѣдь она мать тебѣ.

— Прочь... Не твое дѣло; и тебя убью! Егоръ ходилъ какъ левъ. Жена отстала. Егоръ не зналъ, какъ назвать мать свою; не зналъ, какъ сильнѣе и больнѣе уязвить ее, даже ударилъ ее.

Мать въ слезахъ ушла на печку, и тамъ цѣлый день пролежала и проплакала.

Настало время ужинать и заговляться. Въ этотъ вечеръ, по обычаю христіанскому, крестьяне ходятъ прощаться въ селѣ къ роднымъ своимъ, къ священнику, къ знакомымъ. Егоръ и самъ никуда не ходилъ, и къ нему никто не показался: всѣ боялись взойти къ нимъ въ домъ, потому что слышали шумъ и крикъ. Когда стали садиться за ужинъ, жена говоритъ Егору: „полно воевать-то, поди позови мать заговѣться, нехристь, да простись съ нею, нынѣ и съ чужими прощаются“.

— Пускай съ голоду околѣваетъ тамъ, на печи,—отвѣчалъ Егоръ во гнѣвѣ и сѣлъ за столъ.

Горько, горько стало матери; не вытерпѣло ея сердце.

— Богъ съ тобою, сынокъ любезный,— молвила она ему сквозь слезы.—По твоей милости я нынѣ куска въ ротъ не брала. Заговляйся одинъ. Дай Богъ, чтобъ тебѣ такъ пришлось и разговѣться, какъ я заговляюсь. Она взглянула на образъ и перекрестилась.

Наступилъ великій постъ. Матернее сердце забыло ссору и простило сына, но у Егора тяжело было на душѣ. Думалъ было поговѣть онъ постомъ, но какъ-то раздумалъ: „вотъ на страстной поговѣю, Богъ дастъ“. Но настала и страстная недѣля, а Егоръ не собрался все поговѣть. Жена и мать пріобщились св. Таинъ, а Егоръ все думалъ, да думалъ.

Наступила великая суббота. Егоръ и въ этотъ день не попалъ въ церковь. Часу къ третьему дня жена истопила баню. По обычаю деревенскому, Егоръ вмѣстѣ съ женою и дочерью, которой было не болѣе шести лѣтъ, отправились мыться. Когда они ужъ мылись, вдругъ жена слышитъ, что въ предбанникѣ что-то затрещало: минута еще, трескъ сильнѣе и сильнѣе, она говоритъ мужу. Егоръ отворяетъ дверь изъ бани—и видитъ, что предбанникъ весь въ огнѣ. Костра, солома, охлопки—все горѣло, пламя быстро распространялось. Въ испугѣ Егоръ нагой бросился вонъ изъ бани черезъ пылавшій предбанникъ. Это была единственная дорога вонъ изъ бани, потому что окно, по неразумному обычаю, дѣлается въ деревенскихъ баняхъ чрезвычайно маленькое. Одну минуту только бѣжалъ Егоръ предбанникомъ, но огонь обхватилъ его со всѣхъ сторонъ. Впрочемъ, онъ выбѣжалъ изъ огня, и нагой же бросился съ крикомъ въ село сбить народъ, чтобы затушить пожаръ и спасти жену и дочь. Обгорѣвшая кожа лоскутьями висѣла на немъ и лопалась. Народъ, дѣйствительно, тотчасъ [1] увидѣлъ пожаръ и бросился тушить его. Чрезъ четверть часа огонь былъ залитъ; воды весной было много около бани, снѣгу тоже—довольно. Предбанникъ, построенный, или правильнѣе сказать, приставленный кое-какъ къ банѣ и состоявшій изъ нѣсколькихъ стойкомъ поставленныхъ заборинъ, живо былъ растасканъ. На банѣ крыша только занялась, ее скоро стащили. Отворили дверь въ баню; тамъ ни жива, ни мертва, сидѣла, прижавшись къ углу, жена Егорова съ малолѣтнею дочерью. Онѣ были чрезвычайно перепуганы, но ничѣмъ невредимы. Ихъ спасъ Господь отъ видимой смерти, и при томъ самой ужасной смерти. Когда Егоръ въ испугѣ бросился въ пламя, чтобы выбѣжать изъ бани, жена, не помня какъ и почему, успѣла затворить за нимъ дверь и осталась на волю Божію въ банѣ съ дочерью. Пламя не успѣло еще пробраться къ нимъ, какъ ужъ залитъ былъ пожаръ.

Между тѣмъ, Егоръ, нагой, весь обожженный прибѣжалъ домой къ матери. „Матушка, прости меня окаяннаго, — были первыя слова его,—Господь наказалъ меня за тебя“.

Медицинскихъ пособій подать было не откуда, да и поздно. Антоновъ огонь быстро началъ охватывать всѣ обожженныя мѣста тѣла Егорова. Позвали священника. Егоръ исповѣдывался съ такимъ самоосужденіемъ и сокрушеніемъ, что подобнаго покаянія рѣдко можно встрѣтить. Егоръ мучился цѣлую ночь и весь слѣдующій свѣтлый день. Онъ все стоналъ и молилъ мать о прощеніи. Къ вечеру свѣтлаго дня онъ былъ покойникомъ.

---

[1] Многіе были тоже въ своихъ баняхъ, которыя стояли рядомъ съ Егоровой.

4. Родители и дѣти.

Въ наше время часто слышатся жалобы на дѣтей: тамъ, слышишь, дѣти не чтутъ своихъ родителей — часто оскорбляютъ ихъ, а тамъ — совсѣмъ испортились: занялись воровствомъ, предались пьянству и распутству. Господи Іисусе! Что жъ это такое? Отчего это дѣти наши такъ испортились? Гдѣ причина всему этому? Не возводите, родители, порчу вашихъ дѣтей на другихъ; вините прежде всего самихъ себя: *яко древо доброе плоды добры творитъ, а злое древо плоды злы творитъ.* Дѣти наши, не говорю о нашемъ недобромъ воспитаніи ихъ, —еще отъ чрева матери расположены къ порочной жизни. *Ибо въ беззаконіяхъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя* (Пс. L), вопіялъ еще царь Давидъ, оплакивая свои грѣхи.

Дѣти есть образъ и подобіе родителей. Все доброе и хорошее, и все худое и злое родители передаютъ еще въ самомъ рожденіи дѣтямъ: отличныя душевныя дарованія — умственныя способности, доброта сердца, и наоборотъ: душевныя недостатки и нравственные пороки, а также тѣлесныя достоинства—цвѣтъ и красота лица, крѣпкія силы и здоровье, и всѣ тѣлесные недостатки и пороки— все это передается по наслѣдству отъ родителей дѣтямъ. *Отцы наши согрѣшиша, и нѣсть ихъ, мы же беззаконія ихъ подъяхомъ,* взывалъ съ плачемъ одинъ пророкъ (Плачъ Іереміи V, 7).

Внемли же, родитель, и ужаснись! Ты предаешься нетрезвости, ты портишь, отравляешь спиртными напитками свою кровь; знай же, отъ тебя родятся и дѣти съ заразною кровью, съ расположенностію къ спиртнымъ напиткамъ; придя въ возрастъ, дѣти пойдутъ по твоимъ стопамъ и даже превзойдутъ тебя—станутъ еще горшими пьяницами. Испортивши свою кровь спиртными напитками, ты, вмѣстѣ съ расположенностію къ пьянству, надѣляешь своихъ дѣтей еще разными болѣзнями: худосочіемъ, золотухою и слабостію силъ, отсюда: лѣность, неохота трудиться и склонность къ воровству—вотъ неотразимыя и роковыя послѣдствія пьянства, которыя также наслѣдуютъ отъ тебя дѣти!

Ты сквернословишь, распутничаешь: знай, ни одно слово праздное не пропадетъ даромъ. *Блудяй,* сказано въ словѣ Божіемъ, *во свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. VI, 18), т.-е. худые помыслы, срамныя слова и дѣла остаются, отпечатлѣваются на тѣлѣ, а по связи души съ тѣломъ— и на душѣ. Отсюда слѣдуетъ: въ какомъ нравственномъ состояніи находится отецъ, въ такомъ рождаются отъ него и дѣти,—часто случается, что развратный отецъ надѣляетъ и дѣтей своихъ расположенностію къ разврату, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣлесными недостатками, происходящими отъ разврата; даже по голосу, по лицу, по различнымъ другимъ внѣшнимъ признакамъ можно узнать дитя отъ развратныхъ родителей.

Отъ добрыхъ, милосердыхъ родителей рождаются и дѣти добрыя, милосердыя, которыя еще въ младенчествѣ охотно отдаютъ другимъ все, что у нихъ имѣется въ рукахъ, а отъ скупыхъ родителей, которые скупятся подать на церковь или бѣднымъ и самую малость, рождаются и дѣти такіе же жестокосердые и жалкіе себялюбцы!

Такъ вотъ почему въ наше время дѣти злы, порочны. Мы сами тому виною. *Не можетъ древо зло плоды добры творити* (Матѳ. VII, 18).

Ужаснитесь же, родители! Вѣдь если мы не исправимся сами и своимъ поведеніемъ не исправимъ своихъ дѣтей,— о, не красна будетъ наша жизнь! Наши враги, наши каратели и мучители будутъ наши же дѣти. *Отца нечестива укорятъ чада,* свидѣтельствуетъ Премудрый, *яко его ради поношеніе пріимутъ* (Сирах. XLI, 10). А какъ тяжело терпѣть родителямъ отъ своихъ дѣтей! Терпѣть не обиды только. Видѣть дѣтей своихъ порочными и сознавать, что мы сами причиною ихъ погибели, — о, нужно имѣть каменное сердце, чтобы не чувствовать ужасныхъ укоровъ совѣсти! А въ будущемъ что!?

Всяко убо древо не творящее плода добра, сказано въ евангеліи, *посѣкается и во огнь вметается* (Лук. III, 9). Огнь сугубый, огнь геенскій ждетъ въ будущей жизни порочныхъ родителей: они отвѣтятъ и за себя и за своихъ дѣтей. *Имѣяй уши слышати, да слышитъ* (Сар. Еп. В.).

Святитель Тихонъ Задонскій говоритъ, „Блаженъ родитель, который и къ временной жизни родилъ, и къ вѣчной жизни отродилъ дѣтей своихъ. Окаяненъ родитель, который къ временной жизни родилъ дѣтей, но къ вѣчной жизни двери имъ заключилъ,—заключилъ или небреженіемъ о добромъ воспитаніи, или своими соблазнами. Лучше человѣку не родиться, нежели родиться, и въ вѣчной погибели быть". (Томъ IV, стр. 185).

5. Послушаніе родителямъ — выше поста и молитвы.

Въ настоящее время слышится много жалобъ на непокорныхъ и на непослушныхъ дѣтей. Жалобы эти вполнѣ справедливы. Дѣйствительно, въ наше время не считается грѣхомъ обмануть родителей, сказать имъ какую-либо дерзость и даже дѣломъ показать свою непокорность имъ. А вотъ послушайте, что говоритъ древній мудрецъ: „Господь возвысилъ отца надъ дѣтьми и утвердилъ судъ матери надъ сыновьями. Почитающій отца будетъ имѣть радость отъ дѣтей своихъ и въ день молитвы своей будетъ услышанъ. Уважающій отца будетъ долгоденствовать, и послушный Господу успокоитъ мать свою. Боящійся Господа почтитъ отца и, какъ владыкамъ, послужитъ родившимъ его" (Сир. III, 2—7). *Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли*, — вотъ заповѣдь, данная Богомъ.

Прекрасный примѣръ исполненія этой заповѣди представляетъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. *Пріиде Іисусъ въ Назаретъ и бѣ повинуяся има* (т.-е. старцу Іосифу и Преблагословенной Своей Матери), — кратко замѣчается въ евангеліи (Лук. II, 51). Воплотившійся Сынъ Божій повинуется престарѣлому плотнику Іосифу и юной Матери Маріи. Онъ помогаетъ отцу и Матери въ хозяйствѣ и участвуетъ въ ихъ работахъ. Совершеннѣйшій во всемъ, Іисусъ Христосъ высоко ставилъ отца и мать и велъ Себя, какъ самый почтительный Сынъ: не гнушался Онъ ихъ бѣдною обстановкою, не пренебрегалъ скромнымъ званіемъ „древодѣла".

Святые Божіи, шедшіе по стопамъ Владыки своего, также являли примѣръ послушанія родителямъ. Таковъ, напр., преподобный Лука Елладскій, память коего празднуется 7 февраля.

Преподобный Лука съ самыхъ раннихъ лѣтъ сталъ проявлять духъ благочестія: онъ любилъ молчаніе, скромность, честность и особенно воздержаніе въ пищѣ. Будучи послушенъ родителямъ, онъ безпрекословно исполнялъ приказанія ихъ: пасъ овецъ, обработывалъ землю и несъ другія обязанности по хозяйству. При этомъ онъ отличался еще сострадательностію къ бѣднымъ. Когда онъ, отправляясь на работу, встрѣчалъ нищихъ, то отдавалъ имъ послѣдній хлѣбъ, а самъ оставался голоднымъ. Однажды шелъ онъ въ поле сѣять пшеницу, но на дорогѣ попались ему бѣдные, которые просили помощи, и онъ отдалъ имъ бо̀льшую половину сѣмянъ, а самъ посѣялъ гораздо меньшую. Но Господь наградилъ его за это: урожай былъ необыкновенный. По смерти отца Лука тайно ушелъ изъ дома матери и въ одномъ изъ монастырей горы Аѳона былъ постриженъ въ монахи. Между тѣмъ мать его сильно скорбѣла о потерѣ своего единственнаго сына и умоляла Господа возвратить его. Господь услышалъ ея молитву. Въ одну ночь настоятель монастыря, гдѣ подвизался преп. Лука, увидѣлъ слѣдующій сонъ: предстала предъ нимъ какая-то женщина и съ горькимъ упрекомъ требуетъ отъ него возвратить единственнаго сына ея. Настоятель сразу догадался, что это Лука, потому что онъ скрылъ свое происхожденіе. Не хотѣлось Лукѣ оставлять монастырской жизни, но, по наставленію игумена, онъ принужденъ былъ оставить монастырь и возвратиться къ матери, потому что онъ послушаніе родителямъ считалъ выше поста и молитвы. Проживши въ домѣ родительскомъ четыре мѣсяца, онъ, съ благословенія матери, отправился на дальнѣйшіе иноческіе подвиги. Поселившись въ одной приморской горѣ, св. Лука устроилъ въ ней небольшую келью, гдѣ и сталъ подвизаться. Днемъ св. Лука трудился въ своемъ садикѣ, который находился близъ его кельи, а плоды изъ сада раздавалъ бѣднымъ людямъ. Ночь же проводилъ въ молитвѣ. Одинъ человѣкъ изъ любопытства подсмотрѣлъ въ скважину двери и увидѣлъ преподобнаго стоящимъ на колѣняхъ и ударяющимся головою о землю, съ произнесеніемъ при каждомъ ударѣ молитвы: „Господи, помилуй"! Воздержаніе преподобнаго было также замѣчательно: онъ питался ячменнымъ хлѣбомъ и пилъ немного воды. Сна онъ почти не зналъ, а когда нужно было ему уснуть, онъ ложился въ приготовленную имъ могилу близъ кельи. За свою строго подвижническую жизнь Лука получилъ отъ Бога даръ прозорливости и исцѣленія. Скончался онъ въ 946 году.

Жизнь св. Луки поучительна во всѣхъ отношеніяхъ, но мы обратимъ вниманіе только на одну черту его—на послушаніе матери. Рѣшился онъ на доброе дѣло, на угожденіе Богу, но только не спросясь матери. Послѣдняя отыскала его, и преп. Лука не ослушался матери, а вернулся домой.

Таково ли послушаніе у нашихъ дѣтей?! Горько говорить даже объ этомъ... Лишь только человѣкъ пришелъ въ возрастъ и получилъ нѣкоторое образованіе, какъ начинаетъ грубить родителямъ, говоря, что они необразованы. А когда поживутъ въ столицахъ и другихъ городахъ, то еще больше зазнаются: и хата тѣсна, и кушаніе бѣдно и невкусно. Вздумаетъ отецъ какое слово сказать, сейчасъ начнутся разсужденія: „ты ничего не понимаешь, ты человѣкъ необразованный, ты ничего не видалъ,“ и т. п.. Захотѣлъ отецъ наказать непокорныхъ дѣтей, послѣдніе начнутъ возставать противъ этого, говоря, что это теперь не принято. А если родители, несмотря на ихъ возраженія, примутъ крутыя мѣры, то дѣти оставляютъ родительскій домъ и ужъ больше въ него не возвращаются... Но бываетъ ли толкъ отъ самовольнаго удаленія изъ родительскаго дома? Едва ли. Дѣтямъ непочтительнымъ и грубымъ не бываетъ счастія какъ въ сей жизни, такъ и въ будущей. *Проклятъ Господомъ раздражаяй матерь свою* (Сир. III, 16). *Иже злословитъ отца своего или матерь, смертію да умретъ; иже біетъ отца своего, или матерь свою, смертію да умретъ* (Ис. XXI, 15—16).

Убойтесь, дѣти, этого страшнаго гнѣва Божія и во всемъ слушайтесь родителей. Будьте для нихъ утѣшеніемъ въ жизни, опорою въ старости и молитвенниками по смерти ихъ. Наградою за подобное почитаніе родителей будетъ долгоденствіе и благополучіе въ жизни. (См. „Воскр. лист.“ № 671, изд. ред. журн. „Воскр. день“).

6. Родительскій примѣръ—лучшее средство при воспитаніи дѣтей.

Сколько думъ и заботъ посвящаютъ родители воспитанію своихъ дѣтей, и кто изъ нихъ не желаетъ отъ всей души видѣть дѣтей своихъ добрыми христіанами и полезными членами общества?.. Но какое лучшее средство воспитать дѣтей именно такими? Средство это, можно сказать, въ рукахъ самихъ же родителей, въ добромъ родительскомъ примѣрѣ. Одно изъ многихъ доказательствъ благотворности родительскаго примѣра въ дѣлѣ воспитанія мы находимъ въ житіи св. муч. Іуліана, память коего празднуется церковью 21 іюня. Онъ родился отъ знатныхъ родителей, но отецъ его былъ язычникъ, а мать христіанка. По смерти своего мужа, мать Іуліана, сознавая важность и святость материнскихъ обязанностей, удаляется въ г. Тарсъ, ведетъ тихую, уединенную жизнь, всецѣло посвятивъ себя воспитанію сына. Какъ христіанка, она сознавала и была убѣждена, что молитва есть именно тотъ свѣточъ благотворный, который освѣщаетъ и согрѣваетъ внутренній міръ въ человѣкѣ, указуетъ ему правильные пути въ жизни сей — а потому старалась всячески зажечь этотъ свѣточъ въ сердцѣ сына. Много, разумѣется, вліяетъ на ребенка задушевное материнское слово, доброе, кроткое наставленіе, но мать Іуліана не ограничивалась одними наставленіями, а заботилась повліять и собственнымъ примѣромъ. И вотъ, какъ только ночной сумракъ спустится на городъ, на улицахъ стихнетъ шумъ дневной, люди погрузятся въ сонъ, въ скромномъ жилищѣ благочестивой вдовы замерцаетъ блѣдный свѣтъ лампады. Колѣнопреклоненная молится она, взирая на ликъ Спасителя и Богоматери, вѣра и любовь кладутъ свой яркій отпечатокъ на лицо ея, уста шепчутъ слова молитвъ, вѣрующій взоръ роняетъ слезу умиленія, а рядомъ съ колѣнопреклоненною матерію пріютился ея малютка сынъ. Его любознательный взоръ устремляется то на св. иконы, то на лицо пламенно молящейся матери, его чуткій слухъ внимаетъ словамъ материнской молитвы, его нѣжное сердце уже ощущаетъ святость, важность и сладость молитвенныхъ минутъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, малютка Іуліанъ подъ благотворнымъ дыханіемъ благочестивыхъ материнскихъ примѣровъ возросъ въ добраго, глубоко вѣрующаго юношу. Но въ это время страшная гроза разразилась надъ христіанскими обществами — началось безпощадное гоненіе на нихъ отъ жестокаго царя Діоклитіана. Въ числѣ многихъ мучениковъ привлеченъ былъ къ допросу и заключенъ въ темницу и 18-лѣтній Іуліанъ. Мучители угрозами, ласками и обѣщаніями старались склонить его къ отреченію отъ Христа, но въ сердце юноши глубоко запали сѣмена вѣры — ярко горѣлъ свѣточъ молитвы, не страшна была ему и темница съ ея ужасами, спокойно, точно на ясное голубое небо, смотрѣлъ онъ на приближающуюся смерть. Наконецъ, раздраженные мучители, завязавъ Іуліана въ мѣшокъ, наполненный пескомъ и гадами, утопили въ рѣкѣ; тѣло св. мученика потомъ было вынесено волнами на берегъ и погребено. Вскорѣ послѣ сына замучили и его благочестивую мать.

Вотъ какую силу оказалъ добрый родительскій примѣръ: 18-лѣтній юноша, полный жизни и силъ, настолько усвоилъ свѣтлый образъ Христовъ, настолько проникся святою вѣрою, что на самой зарѣ своей жизни оттолкнулъ отъ себя всѣ земныя радости, захотѣлъ лучше страдать за имя Христово, чѣмъ отречься отъ Него, умеръ мученически и сподобился вѣнца святости!

Отцы и матери христіанскіе! Вы несомнѣнно желаете, чтобы ваши дѣти возросли добрыми христіанами, а поэтому глубже запишите въ своихъ сердцахъ примѣръ матери Іуліана и всѣми силами старайтесь слѣдовать ему! Она научила сына своимъ примѣромъ не только вѣрить и молиться, но тѣмъ самымъ зажгла въ его душѣ неугасимый и спасительный свѣточъ евангельской правды. Учите и вы дѣтей своихъ собственнымъ примѣромъ вѣрить и молиться. Настанетъ день праздничный, день Божій, заслышите благовѣстъ, спѣшите въ храмъ на общую молитву, стойте здѣсь благоговѣйно и внимайте съ усердіемъ молитвамъ и пѣснопѣніямъ, пусть и дѣти ваши будутъ около васъ поучаться вашему усердію къ молитвѣ. Настанетъ ли день будничный, — собираясь на свои труды, не забывайте начало дня освятить молитвою, станьте сами передъ иконою, прочтите вслухъ сами, заставляйте повторять и дѣтей своихъ положенныя молитвы. Окончится день труда и заботъ, накроетъ васъ мракомъ ночь, опять не забывайте помолиться вмѣстѣ со своими дѣтьми. Если на вашихъ лицахъ будетъ сіять лучъ вѣры и мольбы къ Господу, этотъ лучъ отразится и въ юныхъ сердцахъ вашихъ дѣтей. Если на вашихъ лицахъ будетъ разливаться святое, молитвенное умиленіе, то и дѣти ваши проникнутся имъ, и знайте, что никогда они не забудутъ того семейнаго уголка, гдѣ они предъ ликомъ Спасителя стояли радостные, чистые, около своихъ любимыхъ родителей, вторя ихъ молитвамъ, никогда не забудутъ они этихъ воистину свѣтлыхъ и счастливѣйшихъ минутъ своей жизни. А чтобы вамъ имѣть еще большее побужденіе воспитывать дѣтей собственными примѣрами, вспоминайте почаще слова св. писанія: *кто сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ*... Это ли не высочайшая награда и не единственная цѣль для каждаго вѣрующаго христіанина?! (См. № 93 лист., прилож. къ журн. „Кормчій“).

7. Покаянный подвигъ мученика Вонифатія.

Жила въ Римѣ знатная боярыня, именемъ Аглаида, дочь славнаго отца, бывшаго великимъ въ Римѣ лицомъ. Была она молода лѣтами, красива лицомъ и богата значительнымъ отцовскимъ имѣніемъ. Не было у нея мужа, и она проводила жизнь свою въ беззаконіяхъ. У нея былъ довѣренный рабъ Вонифатій, юный и пріятный видомъ. Онъ былъ соучастникомъ ея грѣховъ и завѣдывалъ всѣмъ домомъ и имѣніемъ ея.

Вонифатій и во время беззаконій своихъ, хотя и работалъ грѣху, имѣлъ и нѣкоторыя добродѣтели, достойныя похвалы. Онъ былъ милостивъ къ нищимъ, заботливо относился къ странникамъ, сердоболенъ былъ къ людямъ въ бѣдѣ, и имѣлъ всегда въ умѣ желаніе исправить когда-нибудь свою жизнь. Часто воздыхалъ онъ къ Богу, чтобы избавиться ему отъ сѣтей діавола и стать господиномъ желаній своихъ и страстей. И не презрѣлъ Господь созданія Своего и не далъ этому человѣку съ задатками добродѣтелей погрязнуть въ беззаконныхъ вожделѣніяхъ, не попустилъ, чтобы дѣла милосердія его осквернились грѣхами нечистоты. Но явилъ Богъ ему милость Свою и далъ ему дѣла скверны омыть изліяніемъ крови, и обагреніе этой крови, какъ царская багряница, украсило его душу, и увѣнчался онъ вѣнцомъ мученичества. Случилось же это такъ.

Въ то время продолжалось еще гоненіе на христіанъ, глубокая идольская тьма охватывала весь востокъ, и множество вѣрныхъ было убиваемо и мучимо за Христа.

Госпожу Вонифатія, Аглаиду, посѣтилъ спасительный помыслъ и сильное, непреодолимое желаніе сердца,—имѣть въ домѣ своемъ мученическія мощи. И такъ какъ она считала Вонифатія самымъ вѣрнымъ и усерднѣйшимъ въ служеніи изо всѣхъ слугъ своихъ, то, призвавъ его, она объявила ему свое желаніе и потомъ прибавила: „ты знаешь, какіе лежатъ на насъ грѣхи, мы не думаемъ о будущемъ, какъ предстанемъ мы на страшный судъ Божій и примемъ тяжкія по дѣламъ нашимъ муки. Слышала я отъ одного благочестиваго мужа, что, если кто имѣетъ у себя мощи страдавшихъ за Христа и почитаетъ ихъ, насколько можетъ, тотъ получаетъ великую помощь для спасенія души, и сподобляется вѣчнаго воздаянія, и насытится того же блаженства, какъ святые мученики. Говорятъ, что и теперь многіе принимаютъ на себя чудные подвиги за Христа и, отдавъ тѣло свое на раны, принимаютъ мученическіе вѣнцы. Сослужи мнѣ службу. Ибо пришло время тебѣ показать, каково твое усердіе ко мнѣ. Отправляйся скорѣе въ тѣ страны, гдѣ слышно о гоненіяхъ на христіанъ отъ язычниковъ, и постарайся принести мощи кого-нибудь изъ мучениковъ. Тогда мы съ честью примемъ ихъ къ себѣ и воздвигнемъ надъ ними церковь. И тотъ святой станетъ намъ хранителемъ и защитникомъ и всегдашнимъ ходатаемъ за насъ къ Богу!“

Выслушавъ эти слова, Вонифатій съ радостью согласился и сталъ собираться въ путь. Дала ему его госпожа множество золота, такъ какъ невозможно было никому иначе получить тѣлъ мученическихъ, какъ, цѣною многихъ даровъ и золота. Ибо нечестивые мучители, видя великую любовь и усердіе христіанъ къ мученическимъ мощамъ, не выдавали ихъ даромъ, но продавали ихъ по высокой цѣнѣ, наживая тѣмъ большія деньги. Сверхъ того, Вонифатій приготовилъ различные ароматы и ткани, чтобъ достойнымъ образомъ повить тѣ святыя тѣла. Ѣхало съ нимъ немало рабовъ его госпожи, а его товарищей, и коней, и вотъ, всѣ они выступили въ путь. Покидая домъ, Вонифатій со смѣхомъ сказалъ госпожѣ своей: „что будетъ, госпожа, если окажется для меня невозможнымъ найти мученика, и если принесутъ къ тебѣ мое тѣло, замученное за Христа, примешь ли ты его съ честью?“ Она сперва разсмѣялась, потомъ же, назвавъ его пьяницею и грѣшникомъ, стала наставлять его: „теперь, братъ, время не глумиться, а благоговѣть; нужно тебѣ охранять себя заботливо въ пути отъ всякаго безчинія и глумленія; благочинно приступать ко всему и совершать путь въ кротости и воздержаніи. Подумай, чему послужишь ты: мощамъ святыхъ, коихъ мы недостойны не только касаться, но и смотрѣть на нихъ. Иди же въ міръ, Богъ же, принявшій образъ раба и пролившій за насъ кровь Свою, да пошлетъ ангела Своего съ тобою, не памятуя грѣховъ нашихъ, и да устроитъ благополучно шествіе и возвращеніе твое“.

Внялъ Вонифатій въ сердцѣ своемъ наставленію госпожи своей, и, нося въ умѣ мысль о томъ, чего предстоитъ коснуться ему грѣшными руками, жалѣлъ о сдѣланныхъ раньше грѣхахъ нечистоты. И началъ онъ поститься, не ѣсть мяса, не пить вина, часто и прилежно молиться, и нашелъ на него страхъ Божій. А страхъ—отецъ, вниманіе же—мать внутренняго покоя, который рождаетъ совѣсть. Совѣсть же производитъ то, что душа видитъ свое безобразіе, какъ въ чистой, невозмущенной водѣ. И такъ зарождаются начатки и корни покаянія.

Такъ и Вонифатій насаждалъ въ себѣ корни покаянія, начавъ со страха Божія, вниманія къ себѣ и съ разсмотрѣнія своей совѣсти. И желаніе начать совершенную жизнь ясно выражалось въ немъ постомъ и непрестанными молитвами.

Достигнувъ странъ Асійскихъ и знаменитаго Киликійскаго города Тарса, гдѣ въ то время царствованія Діоклитіана и Максиміана мучили святыхъ,—Вонифатій оставилъ рабовъ съ конями въ гостиницѣ, велѣвъ имъ отдохнуть. Самъ же, не отрясши съ себя даже пыли отъ дороги, пошелъ смотрѣть на муки христіанъ, о которыхъ услышалъ.

На площади, среди громадной языческой толпы, мучили разными муками святыхъ, которые всѣ были обвинены въ равной винѣ: христіанской вѣрѣ и благочестивой жизни. Но разныя терпѣли они мученія.

Иной былъ повѣшенъ стремглавъ, и внизу подъ нимъ разведенъ былъ огонь. Иной протянутъ и привязанъ къ четыремъ столбамъ, другого пилили пилами, тѣхъ раздробляли острыми орудіями, инымъ прокалывали глаза, кто стоялъ посаженный на колъ, проходившій до его шеи, у иныхъ отсѣчены были руки и ноги. Но во всѣхъ было одинаковое мужественное терпѣніе, и на лицахъ ихъ сіяло духовное веселіе. Такъ, укрѣпляемые Божіею благодатію, терпѣли они нестерпимое для естества человѣческаго.

Видѣлъ все это блаженный Вонифатій и удивлялся онъ терпѣнію мучениковъ и желалъ себѣ того же вѣнца. И вотъ, исполнившись божественной ревности, ставъ среди мѣста казни, онъ открыто началъ обнимать мучениковъ, которыхъ было числомъ двадцать, и громко возгласилъ: „Великъ Богъ христіанскій, помогающій рабамъ Своимъ, укрѣпляющій ихъ въ такихъ мукахъ!“ — И, сказавъ это, онъ снова съ любовію пришелъ къ святымъ мученикамъ и цѣловалъ ноги ихъ, а у кого онѣ были отрублены, прижималъ къ груди оставшіеся члены ихъ, называя блаженными, за то, что они, потерпѣвъ немного, получатъ вѣчную отраду и покой и безконечное веселіе. О себѣ же молилъ онъ, чтобъ стать ему участникомъ ихъ подвига и вѣнцовъ, которые получатъ они отъ подвигоположника Христа.

Весь народъ сталъ смотрѣть на Вонифатія. И судія, мучившій страстотерпцевъ, спросилъ со своего судилища: кто онъ и откуда? — и велѣлъ подвести его. На вопросъ о томъ, какъ имя его, Вонифатій отвѣчалъ: „первое имя мое, которымъ я очень люблю называться такъ: я *христіанинъ*, пришедшій сюда изъ Рима. Если же хочешь знать имя, которымъ назвали меня родители — то я зовусь Вонифатій“.

Тогда судія велѣлъ принести ему жертву богамъ, обѣщая ему милости и грозя за отказъ мученіями. На это Вонифатій возразилъ: „не стоило бы и отвѣчать на твои слова, но скажу то, что уже говорилъ: я христіанинъ. Больше ты отъ меня ничего не услышишь. Если же нестерпимы для тебя эти слова мои, дѣлай со мною, что хочешь“. И судья велѣлъ, обнаживъ, повѣсить его стремглавъ и бить крѣпко. И лютые удары пали на мученика, такъ что плоть его отпадала и открывались нагія кости. Онъ же, точно не чувствуя боли, не думалъ о ранахъ, но, обращая взоры ко святымъ мученикамъ, принималъ страданіе ихъ за образецъ себѣ, утѣшаясь тому, что сталъ имъ сообщникомъ по мукамъ за Христа.

Когда, послѣ этой первой муки, судья сталъ снова уговаривать Вонифатія пощадить себя и принести жертвы богамъ, и снова отвѣтилъ мученикъ, что и слухъ его не выноситъ имени боговъ, судья велѣлъ забивать ему подъ ногти рукъ и ногъ гвозди. А святой, возведя очи и умъ свой къ небу, терпѣлъ молча. И новую изобрѣлъ пытку мучитель: велѣлъ растопить олово и влить въ уста Вонифатія. Когда стали растоплять олово, святой, воздѣвъ руки къ небу, молился: „Господь мой Іисусъ Христосъ, Ты сотворилъ меня побѣдителемъ миновавшихъ мукъ, будь и теперь со мною, облегчая мнѣ болѣзнь. Ты одно мое утѣшеніе. — Покажи же ясно, что Ты помогаешь мнѣ одолѣть сатану и этого судію неправеднаго, ибо Ты самъ знаешь, что стражду я за Тебя!“ Потомъ просилъ онъ другихъ мучениковъ, чтобъ помогли они ему своими молитвами претерпѣть ту страшную муку.

Когда мучители подошли къ Вонифатію и, растворивъ ему уста желѣзнымъ орудіемъ, влили олово въ гортань его, — оно не сдѣлало вреда святому. И народъ, видя такую лютость мученія, содрогнулся, пришелъ въ смятеніе и взывалъ: „Великъ Ты, Богъ христіанскій! Великъ Ты, Царь Христосъ. Всѣ вѣруемъ въ Тебя, Господи!“

Съ этими криками народъ бросился къ стоявшему вблизи идольскому капищу, чтобъ низвергнуть его, и съ воплями кидалъ каменьями въ судію, желая побить его. Судія съ позоромъ бѣжалъ съ судилища, а Вонифатія приказалъ держать въ тюрьмѣ.

На утро же, когда утихла молва народная и прекратился мятежъ, снова возсѣлъ судія на судилищѣ и, поставивъ предъ собою св. Вонифатія, сталъ хулить предъ нимъ имя Христово, ругаясь тому, что Христосъ былъ распятъ.

А мученикъ сильными словами обличалъ бездушіе боговъ и безуміе и ослѣпленіе тѣхъ, кто поклоняется имъ.

Тогда въ ярости судія приказалъ бросить мученика въ котелъ кипящей смолы. Но Господь не оставилъ Своего раба. Внезапно сошелъ ангелъ и оросилъ мученика въ котлѣ, а смола, разлившись, потекла огненнымъ ручьемъ и попалила многихъ изъ стоявшихъ кругомъ язычниковъ. Святой же вышелъ здравымъ, не тронутый огнемъ и смолою. Тогда мучитель, видя дѣйствіе силы Христовой, — и боясь, какъ бы не пострадать и самому отъ народа, повелѣлъ усѣкнуть Вонифатія мечомъ. И когда воины привели мученика на мѣсто казни, онъ попросилъ ихъ дать ему помолиться и, обратившись къ востоку, помолился такъ:

„Господи, Господи Боже, да предварятъ меня милости Твои. Будь мнѣ нынѣ помощникомъ, чтобъ не заградилъ мнѣ врагъ мой воздушнаго пути моего ради грѣховъ моихъ, въ безуміи содѣянныхъ. Но прими душу мою въ мирѣ и вчини меня съ тѣми, кто проливалъ за Тебя кровь свою и соблюдалъ до конца вѣру. Сохрани свойственниковъ моихъ отъ всякаго нечестія и заблужденія языческаго, ибо Ты благословенъ и прославленъ во вѣки!“

Помолившись такъ, онъ преклонилъ голову подъ мечъ, и былъ усѣченъ, и истекло изъ язвы съ кровью молоко. Видя это чудо, 550 язычниковъ обратитились ко Христу. Такова была кончина святого Вонифатія, и то, о чемъ, выходя изъ дому въ путь, онъ шутя говорилъ госпожѣ своей — то показалъ онъ во истину, приведя слово въ дѣло.

Между тѣмъ товарищи Вонифатія, рабы Аглаиды, сидѣли въ гостиницѣ, ничего не зная и поджидая его. Видя, что онъ не идетъ назадъ ни къ вечеру, ни ночью, ни во весь слѣдующій день, они стали осуждать его, предполагая, что онъ упился гдѣ-нибудь виномъ и предался распутству. „Такъ-то—говорили они—ходитъ онъ за мощами!“

Но, когда наступилъ третій день, и Вонифатій не возвращался, они пришли въ недоумѣніе и стали искать его по всему городу. По случаю же или же, лучше сказать, по Божію смотрѣнію, встрѣтили они брата того писца, который записывалъ на судѣ истязаніе мучениковъ. Онъ сказалъ имъ, какъ наканунѣ одинъ пришлецъ былъ мучимъ и казненъ за Христа, и описалъ имъ внѣшность его. Но и по этому описанію, въ которомъ узнали Вонифатія, его товарищи не могли повѣрить, что это былъ онъ. Вспоминая прежніе нравы Вонифатія, они ругались надъ нимъ и говорили: „неужели пьяница и любодѣй будетъ страдать за Христа?“ Напрасно уговаривалъ ихъ встрѣчный и, наконецъ, повелъ ихъ туда, гдѣ лежало тѣло убіеннаго. И когда вслѣдъ за стражей, которая оберегала отъ похищенія тѣла мучениковъ, товарищи Вонифатія увидѣли тѣло его и потомъ приложили къ нему лежавшую особенно голову его, тогда увѣрились они, что это Вонифатій. Дивились они, и стыдно имъ было, что дурно они думали и говорили о немъ. И опасались они, чтобъ не нашла на нихъ какая бѣда, что осуждали они святого и смѣялись надъ жизнію его, не зная сердечныхъ мыслей его и добрыхъ рѣшеній.

И смотря съ раскаяніемъ въ лицо святого и въ ужасѣ дивясь — увидѣли они, какъ святой понемногу открылъ глаза свои, смотря на нихъ съ любовью, улыбаясь имъ устами, и свѣтилось лицо его. Онъ точно говорилъ и прощалъ имъ ихъ грѣхъ противъ него. Въ радости и въ ужасѣ заплакали они и говорили: „не помяни, рабъ Христовъ, нашихъ беззаконій, что мы несправедливо осуждали жизнь твою и безумно поругались надъ тобою!“

Они за пятьсотъ золотыхъ монетъ выкупили тѣло и главу святую и, помазавъ ароматами, обвили его чистыми, приготовленными Вонифатіемъ, плащаницами, вложили его въ ковчегъ и пустились въ обратный путь, везя госпожѣ своего мученика.

Когда приблизились они къ Риму, тогда ангелъ Господень явился въ видѣніи Аглаидѣ, говоря: „прими того, кто нѣкогда былъ слугою твоимъ, нынѣ же нашъ братъ и сослужитель. Прими того, кто былъ тебѣ рабомъ, а теперь господинъ твой, и благочестно почитай его, ибо онъ хранитель души твоей и защитникъ жизни твоей“.

Аглаида встала въ ужасѣ и, пригласивъ съ собою нѣсколькихъ честныхъ мужей изъ клира, вышла въ срѣтеніе святому мученику Вонифатію. И кого недавно послала въ путь, какъ раба, того возвращающагося приняла въ домъ свой съ почестями, какъ господина своего, съ радостными слезами, и вспоминала пророчество святого, которое сказалъ онъ, идя въ путь. И благодарила она Бога, сотворившаго такъ, что святой Вонифатій сталъ благопріятною жертвою Богу за свои и за ея грѣхи. Воздвигла Аглаида въ помѣстьи своемъ, отстоящемъ отъ Рима въ пятидесяти стадіяхъ, пречудный храмъ во имя святого мученика Вонифатія и съ великою честью внесла въ него честныя мощи. Много чудесъ совершалось молитвами мученика, и бѣсы отгонялись отъ людей, и исполнялись прошенія молившихся у гроба того святого.

Блаженная же Аглаида раздала все имѣніе свое нищимъ и убогимъ, отреклась отъ міра и, поживъ пятнадцать лѣтъ въ великомъ покаяніи, преставилась къ Господу и соединилась со святымъ мученикомъ Вонифатіемъ, бывъ схоронена при его гробѣ.

Такъ эта двоица, измѣнивъ чуднымъ измѣненіемъ прежнюю свою жизнь, достигла добраго конца: одинъ, омывъ кровью грѣхи свои, сподобился вѣнца мученическаго; другая же слезами и жестокимъ житіемъ очистила скверну свою. Явились они оправданными и непорочными предъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, Которому слава во вѣки. (См. „Русск. паломн.“ 1897 г. № 50).

8. Библейскіе примѣры цѣломудрія.

(По изображенію св. Іоанна Златоуста).

I. *Прекрасный Іосифъ.* „Вотъ цѣломудреннѣйшій Іосифъ призываетъ насъ подражать ему, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ. Будемъ же ликовать вмѣстѣ съ этимъ прекраснымъ юношей духовнымъ ликованіемъ, прославляя его цѣломудріе не словами только, но и подражаніемъ въ дѣлахъ. Онъ былъ поистинѣ ревностнымъ хранителемъ цѣломудрія, тогда какъ могъ бы управлять самою царицею. Онъ помнилъ, что богатство, власть и слава проходятъ съ настоящею жизнію, и что одна только добродѣтель не имѣетъ конца, и потому удерживалъ грѣховныя пожеланія какъ бы какою-нибудь уздою—страхомъ Божіемъ, а все остальное презрѣлъ, считая страданія въ темницѣ пріятнѣе всякихъ великолѣпныхъ жилищъ. Красотою души онъ затмилъ красоту тѣла, уподобившись по тѣлесной красотѣ нѣкоторой прекрасной звѣздѣ, а по душевной доблести—ангеламъ. Мы должны удивляться не только цѣломудрію этого юноши, но и тому, какія онъ претерпѣлъ опасности за это, считая угожденіе похоти страшнѣе самой смерти. Стоитъ только вспомнить время, въ какое онъ сохранилъ душу свою чистою. Это было прежде, нежели явился на землѣ Господь Іисусъ Христосъ. Поэтому Іосифъ можетъ сказать намъ, христіанамъ: „если я, который жилъ прежде Рождества Христова и не слышалъ верховнаго апостола Павла, взывающаго, что *тѣлеса наши суть члены Христовы* (1 Кор. VI, 15), однако былъ убѣжденъ, что рабамъ Божіимъ должно преодолѣвать похоть, то тѣмъ болѣе вамъ, христіанамъ, подобаетъ со страхомъ и трепетомъ вести жизнь цѣломудренную, чтобы вы, члены Христовы, не сдѣлались членами блудницы!“ Эти слова могутъ обуздать самыя пламенныя пожеланія. Не такъ легко дождь, падающій на огонь, погашаетъ пламень, какъ эта рѣчь, проникнувъ въ душу, истребляетъ порочныя похоти“.

II. *Праведный Іовъ.* „Великій Іовъ *положилъ завѣтъ очамъ* своимъ, чтобы они не смотрѣли на лицо дѣвицы, дабы красота, ослѣпляя умъ его, какъ-нибудь не увлекла его (Іов. XXXI, 1). Кто не удивился бы и не изумился бы, видя, что этотъ мужъ, который, какъ левъ, боролся съ самимъ діаволомъ и побѣждалъ всѣ козни лукаваго, избѣгалъ лица дѣвицы и не допускалъ глазамъ своимъ смотрѣть на красивую отроковицу! Онъ зналъ, что въ борьбѣ противъ бѣсовъ нуженъ мужественный и смѣлый духъ, а въ соблюденіи цѣломудрія побѣда пріобрѣтается не обращеніемъ съ дѣвицами, а удаленіемъ отъ нихъ. Итакъ, кто даетъ обѣтъ дѣвства, тотъ пусть приметъ совѣты цѣломудреннѣйшаго изъ всѣхъ людей, который былъ такимъ блюстителемъ цѣломудрія еще прежде Рождества Христова“. (Изъ слова къ новокрещ., 18 бесѣда на 1 Коринѳ., 24-я на Римл., 7-я на 2 Коринѳ.),

9. Примѣры цѣломудренныхъ христіанъ.

I. Ѳомаида, юная супруга одного александрійскаго гражданина, захотѣла лучше быть разсѣченною на части, чѣмъ измѣнить супружеской вѣрности: беззаконный свекоръ ея за непреклонность святой жены на грѣхопаденіе мечомъ разсѣкъ ее на двое. И это мученичество цѣломудрія почтилъ самъ преподобный Даніилъ скитскій; онъ призналъ святую жену мученицею, и удостоилъ ее погребенія вмѣстѣ со святыми отцами. Богъ прославилъ мощи ея чудесами: по молитвамъ у св. мощей ея одержимые страстію блуда получали исцѣленія. („Ч.-М.“, апрѣля 13 дня).

II. Жена одного царедворца въ Константинополѣ по смерти мужа своего не хотѣла и слышать о другомъ мужѣ. Когда же одинъ вельможа, прельстясь красотою юной вдовы, хотѣлъ взять ее силою, она, сохраняя цѣломудріе, раздавъ все имѣніе бѣднымъ и отпустивъ всѣхъ рабовъ на свободу, съ двумя вѣрнѣйшими рабынями убѣжала въ пустыню и въ расщелинѣ одной горы 11 лѣтъ провела, живя для одного Бога, Который питалъ здѣсь рабу Свою посредствомъ вороновъ, приносившихъ ей древесные плоды. (См. Прол. сент. 10 д.).

III. Гонитель Магнентинъ, жившій въ 3 вѣкѣ, имѣя преступныя связи съ многими язычницами, старался завести такія же и съ христіанками. Но послѣднія желали лучше умереть, чѣмъ продать свое цѣломудріе. Когда Магнентинъ прибылъ въ одинъ городъ, ему понравилась жена одного совѣтника при градоначальникѣ. Устрашенный мужъ ея сказалъ Магнентину: „пошли, возьми ее“. За нею присланы были солдаты, но она сказала имъ: „погодите немного, пока я займусь обычными своими нарядами“: она пошла въ спальню, взяла мечъ и пронзила имъ свое тѣло.

Слушайте и устыдитесь, рабы Христовы, измѣняющіе Ему своими нечистыми вожделѣніями. Да даруетъ Господь каждому изъ насъ хранить цѣломудріе и восклицать съ псалмопѣвцемъ: пригвозди страху Твоему плоти моя, отъ судебъ Твоихъ убояхся (Псал. CXVIII, 120); и съ апостоломъ: „живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ“ (Гал. II, 20). (Лавсаикъ, стр. 383).

IV. Одинъ купецъ, нагрузивъ корабль богатыми товарами, поплылъ въ Африку; но вскорѣ случилась буря: корабль разбился, всѣ сокровища потонули, а спасшійся купецъ возвратился домой съ пустыми руками. Но тамъ ждало его другое несчастіе: заимодавцы расхитили оставшееся въ домѣ имѣніе, но такъ какъ еще оставался на немъ долгъ, то несчастнаго посадили въ темницу. Въ этомъ горестномъ состояніи жена несчастливца чрезъ женскія рукодѣлія снискивала насущный хлѣбъ и тѣмъ пропитывала себя и мужа. Она была молода и красива, а это-то и было причиною слѣдующаго происшествія: однажды она обѣдала въ темницѣ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, въ это время пришелъ туда одинъ богатый человѣкъ, чтобъ подать милостыню бѣднымъ узникамъ. Увидѣвъ молодую женщину въ столь злополучномъ мѣстѣ, онъ такъ тронулся ея красотою, что въ сердцѣ своемъ почувствовалъ непреоборимую къ ней страсть... Богачъ немедленно вышелъ изъ темницы и послалъ за ней слугу своего. Бѣдная супруга поспѣшила увидѣться съ нимъ, думая, что онъ, сжалившись надъ ихъ состояніемъ, хочетъ подать ей что-нибудь Христа ради. „Какое сдѣлала ты преступленіе, что сидишь въ темницѣ?“ спросилъ у нея богачъ. И когда несчастная супруга объявила ему все, что случилось съ ея мужемъ, онъ продолжалъ: „я согласенъ заплатить весь долгъ твоего мужа, если согласишься быть моею женою; ты невинна, для чего тебѣ быть участницею злополучія?“—„Я клялась предъ алтаремъ Господнимъ быть вѣрною ему до смерти, отвѣчала добродѣтельная жена, и потому не могу располагать сама собою: если угодно тебѣ, подожди здѣсь, а между тѣмъ я спрошу у него“. Богачъ согласился на ея отзывъ, твердо надѣясь, что бѣдный человѣкъ охотно своею женою пожертвуетъ свободѣ. Встревоженная женщина приходитъ къ своему мужу и пересказываетъ предложеніе богача. Услышавъ это, несчастный вздохнулъ и прослезился, потомъ отвѣчалъ ей: „любезная супруга! скажи преступному благодѣтелю, что мы, въ какой бы крайности ни находились, преступленіемъ закона Божія не желаемъ купить себѣ свободы, скажи ему также, что Богъ, испытующій сердца, видитъ тѣхъ, которые низвержены въ темницы; что этотъ Богъ знаетъ, какими путями избавить насъ; скажи ему, наконецъ, что мы не надѣемся на князи, ни на сыны человѣческіе, въ нихъ же нѣтъ спасенія“. Супруга опять вышла къ богачу и пересказала ему все отъ слова до слова.

Добродѣтельная чета не обманулась, что Богъ имѣетъ тысячу средствъ избавить человѣка отъ напасти: въ другой подлѣ нихъ перегородкѣ заключенъ былъ разбойникъ; онъ слышалъ весь разговоръ мужа съ женою, и сколько онъ ожесточенъ ни былъ, но до глубины сердца тронулся ихъ добродѣтелью; онъ подалъ имъ голосъ, чтобы подошли поближе, и сквозь стѣну сказалъ имъ: „я—разбойникъ, много сдѣлалъ зла и убійствъ, и совершенно увѣренъ, что вскорѣ буду казненъ смертію; итакъ умоляю васъ—пойдите послѣ смерти моей въ такое-то мѣсто; раскопавъ землю, вы найдете тамъ много золота; оно похищено, но я не знаю у кого; если объявлю о немъ судьямъ, то оно останется у нихъ: возьмите вы его себѣ, какъ люди добродѣтельные, и молите о мнѣ Бога“. Разбойникъ, чрезъ нѣсколько дней, въ самомъ дѣлѣ, былъ лишенъ жизни. Добродѣтельная жена, съ позволенія своего супруга, идетъ поздно на показанное разбойникомъ мѣсто, роетъ землю и—какъ удивилась, увидѣвъ великое сокровище! Это былъ ящикъ съ золотыми монетами; съ крайнею осторожностію она унесла ихъ домой, начала выплачивать долгъ мужа и—вскорѣ освободила его изъ темницы. (Изъ Прол. іюня 14 д.).

V. Пр. Мартиніанъ (память его 13 февр.) въ юныхъ лѣтахъ удалился для уединеннаго жительства на одну гору близъ Кесаріи Палестинской и такъ прославился своими иноческими подвигами, что о молодомъ инокѣ съ удивленіемъ всѣ говорили въ городѣ, какъ о высокомъ подвижникѣ. Слыша многія похвалы юному подвижнику, одна блудница, наущаемая діаволомъ, рѣшилась проникнуть въ уединеніе, чтобы соблазнить инока. Совлекшись пышнаго одѣянія и надѣвши старыя, раздранныя одежды, она въ одну бурную и дождливую ночь пришла къ пустынной кельѣ Мартиніана и съ притворнымъ стенаніемъ и слезами, какъ заблудившаяся, просила укрыть ее отъ непогоды и не отдать на жертву звѣрямъ. Мартиніанъ, проникнутый состраданіемъ, принялъ странницу, развелъ огонь для того, чтобы согрѣться ей, принесъ финиковъ и, оставивъ ее во внѣшней кельѣ, самъ затворился во внутреннюю келью и всю ночь по обычаю пѣлъ псалмы. Блудница же, перемѣнивъ опять одежды свои на пышныя, утромъ встрѣтила удивленнаго Мартиніана съ распростертыми объятіями и всячески старалась обольстить юнаго подвижника, такъ что едва не поколебала его мысли. Но онъ внезапно ободрился духомъ и, вышедши изъ кельи, набралъ сухого хвороста, зажегъ и, снявши свои сандаліи, всталъ среди огня. Опаливши ноги и все тѣло, Мартиніанъ привелъ себѣ на память огнь геенскій, который гораздо ужаснѣе сего временнаго огня, и такимъ напоминаніемъ, вмѣстѣ съ дѣйствіемъ жгучей боли, онъ уничтожилъ въ душѣ своей вожделѣніе плотской страсти. Видѣвши это, блудница ужаснулась своего грѣховнаго состоянія и окончательно отвратилась отъ своей постыдной жизни. Но еще поразительнѣе былъ другой случай въ жизни пр. Мартиніана, подвигшій его рѣшиться къ преодолѣнію соблазна. Преподобный послѣ сказаннаго происшествія рѣшился удалиться въ другое мѣсто и, узнавши отъ одного корабельщика, что есть среди моря безлюдный утесъ, съ радостію поселился на немъ. Пробывши въ этомъ уединеніи нѣсколько времени, Мартиніанъ однажды увидалъ, что корабль, несомый быстрымъ теченіемъ, разбитъ былъ объ утесъ, такъ что всѣ, бывшіе на кораблѣ, потонули. Одна же юная отроковица, прибитая волнами къ утесу, видя сидящаго на немъ человѣка, просила о своемъ спасеніи. Преподобный подалъ погибавшей руку помощи и извлекъ ее изъ морской бездны. И вотъ, опять юному подвижнику предстояла близкая опасность—какъ же онъ поступилъ? Разсудивши, что ему невозможно оставаться болѣе на островѣ и что съѣстныхъ припасовъ достаточно до прибытія корабельщика, преподобный, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, бросился вплавь по морю и чудеснымъ образомъ переплылъ морскія пучины. Такъ рѣшительно поступилъ пр. Мартиніанъ, опытно зная, какъ сильны козни діавола и какъ трудно погашать пламень нашихъ вожделѣній при близкомъ допущеніи къ себѣ искусительныхъ предметовъ.

Итакъ, если мы желаемъ спасти себя отъ грѣховныхъ паденій, должны вооружиться твердою рѣшимостію поборать приражающіяся къ намъ искушенія, или же благовременно удаляться отъ соблазновъ. Если же кого врагъ одолѣетъ, обращайтесь къ Богу съ искреннимъ довѣріемъ, любовію и раскаяніемъ, а не льстите себя пагубнымъ самооправданіемъ и не искушайте Господа всевѣдущаго, отъ Коего не можетъ быть скрыто ничто.

10. Обращеніе блудницы.

Два старца шли однажды изъ Эговъ въ Тарсъ киликійскій и зашли, по усмотрѣнію Божію, въ гостиницу для отдохновенія. Стоялъ сильный зной. Въ гостиницѣ они нашли трехъ молодыхъ людей, отправлявшихся въ Эги, и съ ними была блудница. Старцы сѣли подалъ. Одинъ изъ нихъ, вынувъ изъ своей сумки св. евангеліе, началъ читать. Блудница, увидавъ это, оставила своихъ спутниковъ и, подойдя, сѣла близъ старца, но онъ, отстранивъ ее, сказалъ:

— Несчастная, въ тебѣ и стыда нѣтъ; ты не задумалась подойти и сѣсть вблизи отъ насъ!

— Отецъ, не отвергай меня, — отвѣчала блудница, — хотя я и преисполнена всякими грѣхами, но Владыка всѣхъ Господь и Богъ нашъ не отвергъ приступившей къ Нему блудницы.

— Но вѣдь та блудница съ той поры перестала быть блудницей, — возразилъ старецъ.

— Уповаю на Сына Бога живаго, — воскликнула женщина, — что отъ нынѣшняго дня и я отвергаю грѣхъ мой!..

И оставивъ молодыхъ людей и свое имущество, она послѣдовала за старцами. Они помѣстили ее въ монастырь, близъ Эговъ, называемый Нанкиба, гдѣ она въ покаяніи и окончила жизнь свою (Лугъ духовный, блаж. І. Мосха).

11. Борьба съ плотію.

„Скажи мнѣ, естество мое: какъ я самъ себѣ и врагъ и другъ? Скажи мнѣ: какъ я могу побѣдить твое мучительство? какъ мнѣ связать тебя, плоть моя? что мнѣ дѣлать съ тобою, помощница моя и соперница, заступница и предательница моя?“—Такъ жалуется на плоть преподобный Іоаннъ въ своей Лѣствицѣ. Преподобный Кассіанъ римлянинъ называетъ подвигъ борьбы съ плотію подвигомъ великимъ и многотруднымъ, потому что эта борьба объемлетъ душу и тѣло. Плоть — это нашъ домашній врагъ; похоть плоти — это такая склонность, съ которою мы родимся на свѣтъ. Прочитайте житіе преп. Маріи египетской, преп. Мартиніана, нашего кіево-печерскаго подвижника — пр. Іоанна многострадальнаго и многихъ другихъ, и вы увидите, чего стоило святымъ Божіимъ побороть эту грѣховную склонность. Но чѣмъ труднѣе борьба, тѣмъ выше подвигъ, тѣмъ ближе къ человѣку всемогущая благодать Божія. Вотъ что разсказываетъ о себѣ одинъ семидесятилѣтній старецъ-подвижникъ, преп. Пахонъ, въ утѣшеніе брату, боримому похотію блудною. „Ты видишь, —говорилъ онъ,— что я ужъ старъ и хилъ, сорокъ лѣтъ я прожилъ въ этой одной кельѣ, но и въ самой старости не совсѣмъ еще оставилъ меня демонъ, а когда былъ я въ твои годы, подобныя твоимъ мысли и страсти до того обуревали, до того обезсиливали меня, что я приходилъ въ отчаяніе, даже думалъ, что Богъ меня вовсе оставилъ. Въ теченіе десяти лѣтъ страдалъ я такъ и днемъ и ночью. При всемъ томъ я лучше рѣшился умереть, чѣмъ растлить чистоту моего дѣвства. Дѣло до того доходило, что разъ я бросился изъ кельи и убѣжалъ въ самую глушь пустыни. Тамъ мнѣ попалась пещера, и я спустился въ нее, въ надеждѣ найти дикихъ звѣрей, которые бы разорвали меня и тѣмъ прекратили мои страданія. Я не обманулся. Пещера была занята звѣрями, я бросался на нихъ, дразнилъ, сердилъ ихъ, стараясь привести ихъ въ ярость и бѣшенство, но они, вмѣсто того чтобъ разорвать меня, валялись при ногахъ моихъ, играли какъ ягнята, облизывали мнѣ руки и ноги, наконецъ, удалились изъ пещеры. Это меня удивило. — „Вѣрно, — подумалъ я, — Богъ помнитъ и хранитъ меня!“ Мнѣ сдѣлалось тогда же легче: страсти утихли, и я весело воротился въ мою келью. Я былъ спокоенъ, мысль моя была невозмутима, страсти спали, но демонъ не дремалъ. Немного прошло времени, какъ брань упорнѣе прежней возникла на меня отъ демона, въ движеніяхъ моей собственной плоти; онъ пустился на хитрости, и видя, что я не сдаюсь на влеченіе мысли, предсталъ предо мною въ видѣ дѣвицы, которую зналъ я и съ которою былъ во взаимности чувствъ во дни моей безпечной юности, безъ всякой, впрочемъ, преступной связи съ нею. Это видѣніе, признаюсь, меня очаровало, минувшее воскресло предо мною, я совершенно растерялся, самъ былъ не свой, и близокъ былъ къ паденію... Едва могъ я, наконецъ, притти въ себя, хотѣлъ вырваться отъ искусительницы, но она прильнула ко мнѣ... Въ досадѣ, я замахнулся и такъ ударилъ ее по щекѣ, что она, какъ дымъ, исчезла предо мною. Не повѣришь, отъ руки, которою нанесъ я демону пощечину, такой гадкій, такой мерзкій исходилъ запахъ, что я въ теченіе двухъ лѣтъ не могъ его заглушить. Но и этимъ не отдѣлался я отъ демона, онъ снова довелъ меня до того, что я, какъ помѣшанный, бросился въ пустыню и искалъ дикаго звѣря, чтобъ итти къ нему навстрѣчу и сдѣлаться жертвою лютости его. Долго бродилъ я по пустынѣ; нестерпимый жаръ солнца палилъ меня, внутренній страстный огонь и того болѣе тревожилъ меня. Случайно наткнулся я на аспида, схватилъ его, положилъ на мое тѣло, въ чаяніи его угрызенія, и ждалъ послѣднихъ минутъ жизни, но и здѣсь совершилось чудо благодати: аспидъ издохъ прежде, нежели успѣлъ повредить или уязвить меня. Это поразило меня до крайности, и я съ чувствомъ благодарности заплакалъ предъ Богомъ, такъ дивно сохранившимъ меня отъ язвительности самыхъ ядовитыхъ Его твореній. Тогда-то послышался мнѣ таинственный голосъ свыше: „миръ тебѣ, Пахонъ! мужайся и крѣпись: Я съ тобою! Ты былъ силенъ въ подвигахъ, и если бъ не оставить тебя на борьбу съ плотскими страстями, ты могъ бы погубить себя гордостью, которая ненавистна Мнѣ. Твое смиреніе, твои слезы и страдальческій подвигъ привлекли на тебя благодать Мою, Я съ тобою!“ Дѣйствительно, съ той поры я покоенъ и не чувствую уже въ плоти моей дѣйствія прежнихъ бурныхъ страстей“. Вотъ какъ боролись съ своими похотѣніями святые подвижники! Боролись и при помощи благодати Христовой побѣждали. У кого же, если не у нихъ, учиться и намъ сей великой наукѣ — побѣждать страсти свои?.. Итакъ, послушаемъ, какъ учатъ они, наученные многоскорбнымъ опытомъ, бороться съ плотскою страстію—этимъ домашнимъ и всегдашнимъ нашимъ врагомъ. „Когда стужаютъ тебѣ блудные помыслы,—говоритъ пр. Нилъ Сорскій,—тогда наиболѣе ограждай себя страхомъ Божіимъ и напоминай себѣ, что отъ Бога ничего нельзя утаить, даже самаго сокровеннаго помышленія, что Онъ есть судія и истязатель всѣхъ таинъ сердечныхъ. Помни, что истинно цѣломудренъ только тотъ, кто чистъ бываетъ отъ скверныхъ помысловъ,—вотъ что предъ Богомъ многоцѣнно и вселюбезно! А кто предается нечистымъ помысламъ, тотъ любодѣйствуетъ въ сердцѣ своемъ, какъ сказали свв. отцы. Таковый отъ помысловъ легко доходитъ и до дѣла. А какъ тяжекъ грѣхъ блудный, это видно уже изъ того, что никакой другой грѣхъ у свв. отцовъ не называется *паденіемъ,* кромѣ сего грѣха“. Вспоминай стыдъ и срамъ предъ людьми: что, если бы люди застали тебя въ сквернодѣйствѣ семъ? Не пожелалъ ли бы тогда лучше умереть, нежели понести такой срамъ? *Блюди главу змія,* то-есть, всячески гони отъ себя прочь, возникающіе блудные помыслы, гони ихъ прежде всего прилежною сердечною молитвою. Молитва — это страшное оружіе противъ всякаго врага. Пр. Максимъ Исповѣдникъ велитъ молиться противъ блудныхъ помысловъ словами пророка Давида: *изгоняющіи мя нынѣ обыдоша мя* (Пс. XVI, 11); *радосте моя, избави мя отъ обышедшихъ мя!* (Пс. XXXI, 7). И пр. Іоаннъ Лѣствичникъ приводитъ образецъ такой молитвы противъ помысловъ блудныхъ: *Боже, въ помощь мою вонми!* (Пс. LXII, 2). Полезно въ этомъ случаѣ призывать на помощь тѣхъ святыхъ, которые подвизались особенно за цѣломудріе и чистоту Такъ, преп. Даніилъ Скитскій приказалъ брату, боримому отъ блуда, молиться, призывая на помощь св. мученицу Ѳомаиду, за цѣломудріе пострадавшую— и молиться такъ: *Боже, за молитвы мученицы Ѳомаиды помози мнѣ!* — и сей братъ, помолившись такъ у гроба мученицы, тотчасъ избавился отъ блудной страсти. (Хорошо также призывать въ молитвѣ преподобныхъ Моисея Угрина и Іоанна Многострадальнаго, кіевскихъ чудотворцевъ, пр. Моисея Мурина, пр. Мартиніана, св. муч. Философа и др.). Если брань не утихаетъ, то встань, простри на небо очи и руки и молись, по наставленію пр. Григорія Синаита и пр. Исаака Сирина, говоря: „Ты, Господи, силенъ, Ты все можешь, Ты Самъ, Господи, побори и побѣди за насъ во брани сей!“ И св. Іоаннъ Лѣствичникъ учитъ: „возопій къ Могущему спасти тебя не хитросложенными словами, но смиреннымъ вѣщаніемъ симъ: *помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь* (Пс. VI, 3), и тогда познаешь силу Вышняго и враговъ невидимыхъ отженешь. Бей всегда супостатовъ *именемъ Іисусовымъ,* ибо крѣпче сего оружія не обрящешь ни на небѣ, ни на землѣ. Врагъ, по замѣчанію пр. Іоанна Лѣствичника, особенно возстаетъ на насъ тогда, когда намъ неудобно помолиться видимымъ образомъ: внимай же и, когда начнутъ тебя смущать скверные помыслы, возведи очи душевныя и тѣлесныя ко Господу силъ, и тогда опытомъ уразумѣешь, что силою Вышняго отражается всякая вражеская сила. А если облѣнишься это сдѣлать, то ослабѣешь, и осквернится тогда совѣсть твоя. Не смотри на лица женскія, избѣгай воспоминать о нихъ, гони и отсѣкай тотчасъ же всякій нечистый помыселъ, лишь только онъ появится въ душѣ твоей, хотя бы это было съ цѣлію самоукоренія. Бѣгай непристойныхъ шутокъ и разговоровъ, не читай книгъ, въ которыхъ описывается нечистая любовь, и чаще вспоминай то, что говоритъ Лѣствичникъ отъ лица плоти нашей: „если познаешь, говоритъ она, глубокую мою и твою немощь, то тѣмъ свяжешь мнѣ руки. Если гортань умучишь постомъ и воздержаніемъ, то свяжешь мои ноги; если отречешься отъ своей воли въ дѣлѣ спасенія, то освободишься отъ меня, а если пріобрѣтешь смиреніе, то отсѣчешь мнѣ голову“. Такъ учатъ свв. отцы побѣждать похоть блудную. (См. „Троицк. лист.“ № 197).

12. О средствахъ борьбы съ сладострастными пожеланіями, святоотеческія наставленія.

I. *Воздерживайся въ пищѣ и питіи.*

1. „Аще хощеши побѣдити блудъ“, говоритъ св. Нилъ, „возлюби алчбу, и жажду, и бдѣніе, и воспоминай смерть, и николи же бесѣдуй съ женою, и побѣдиши“ (св. Нилъ въ прологѣ).

2. „Изнуряй плоть свою“, говоритъ св. Максимъ исповѣдникъ, „постомъ и бдѣніемъ, и упражняйся нелѣностно въ пѣніи и молитвѣ, и освященіе цѣломудрія найдетъ на тя, любовь Божію носящее“ (св. Макс. Сот. I, гл. 45).

3. Отъ лица этой страсти нѣкто говоритъ: „ежели ты мою и свою познаешь немощь, то тѣмъ самымъ свяжешь мнѣ руки; если пресѣчешь обжорство, то свяжешь мнѣ ноги такъ, что далѣе шествовати не возмогутъ; ежели прилѣ-

пишься послушанію, то тѣмъ самымъ отъ меня разрѣшишься; ежели снищешь смиренномудріе, то тѣмъ отсѣчешь главу мою" (Лѣств. ст. 15).

4. „Вѣсомъ вкушай хлѣбъ и мѣрою пей воду, — и духъ блуда убѣжитъ отъ тебя" (Авва Евагрій).

5. „Кто наполняетъ чрево и обѣщается быть цѣломудреннымъ, тотъ подобенъ утверждающему, что соломою остановитъ дѣйствіе огня. Какъ невозможно соломою удержать стремительность разливающагося огня, такъ и невозможно пресыщеніемъ остановить жгучее стремленіе непотребства" (Препод. Нилъ синайскій; сн. „Добротол.", т. II, стр. 251).

6. „Братъ былъ боримъ блудомъ и пошелъ къ старцу, прося его, чтобъ онъ помолился Богу объ освобожденіи его отъ нечистой похоти. Старецъ сжалился о братѣ и молился о немъ Богу въ продолженіе семи дней. Когда на восьмой день братъ, по данному ему приказанію, пришелъ, то старецъ спросилъ его: „братъ! какъ твоя брань?" Онъ отвѣчалъ: „отецъ! мнѣ нисколько не сдѣлалось легче". Старецъ, услышавъ это, удивился и опять ночью началъ молиться о братѣ. Тогда предсталъ ему діаволъ и сказалъ: „повѣрь мнѣ, старецъ,—въ первый день, когда ты сталъ молиться Богу за него, я тотчасъ отступилъ отъ него, но онъ имѣетъ собственнаго бѣса и собственную брань отъ гортани и чрева своего; уже въ этомъ я не виноватъ! онъ самъ себѣ причиняетъ брань тѣмъ, что ѣстъ, пьетъ и спитъ безъ мѣры, сколько хочетъ: по этой причинѣ брань безпокоитъ его" („Отечн.", еписк. Игнатія, стр. 452).

II. *Никогда не вспоминай прежде совершенныхъ плотскихъ грѣховъ.*

„Никогда не воспоминай прежде совершенныхъ тобою плотскихъ грѣховъ, чтобы не осквернить тѣмъ снова своей души, но лучше молись Богу, говоря: „Господи! Ты знаешь скверные и безмѣрные грѣхи мои! Самъ убо, какъ хочешь, изгладь ихъ, а я не дерзаю воспоминать о нихъ, чтобы тѣмъ еще болѣе не прогнѣвать Тебя" (Дух. цв.).

III. *Избѣгай обращенія съ женщинами.*

1. „Елей питаетъ пламень свѣтильника, — обращеніе же съ женщинами разжигаетъ огнь сласти похотной" (Преп. Нилъ син.; сн. „Доброт.", т. II, стр. 250).

2. „Взоръ женщины—ядовитая стрѣла, ранитъ душу и вливаетъ въ нее ядъ; и чѣмъ болѣе застарѣваетъ сія язва, тѣмъ больше производитъ поврежденіе". (Онъ же, сн. „Доброт.", т. II, стр. 250).

IV. *Обращайся къ Богу съ молитвою объ избавленіи отъ блудныхъ помысловъ.*

1. „Если безпокоитъ тебя духъ блуда, запрети ему, говоря: „Господь да потребитъ тебя, исполненный зловонія, бѣсъ нечистоты" (Онъ же, сн. „Доброт.", т. II, стр. 408).

2. „Одинъ монахъ, терпя отъ блуда, запрещалъ бѣсу, говоря: „иди во тьму, сатана! развѣ не знаешь, что хотя и не достоинъ я, однако же ношу члены Христовы?" И тотчасъ мгновенно прекращалось распаленіе (какъ будто кто, дунувъ, погашаетъ свѣтильникъ), почему онъ самъ въ себѣ дивился этому и прославлялъ Господа (Онъ же, сн. „Доброт.", т. II, стр. 409).

3. „Если во время работы тревожитъ тебя духъ блуда, не облѣнись простереть руки свои на молитву—и молитва вѣры противостанетъ за тебя" (Онъ же, сн. „Доброт.", т. II, стр. 409).

4. „Повергни предъ Господомъ немощь своего естества, сознавъ свое во всемъ безсиліе — и неощутительно получишь дарованіе цѣломудрія" (Св. Іоаннъ лѣствичникъ, сн. „Доброт.", т. II, стр. 555).

5. Кто созналъ собственное безсиліе въ борьбѣ со страстію, тотъ въ одномъ ищетъ себѣ спасенія отъ враговъ — *въ смиренной молитвѣ къ Богу-Спасителю,* какъ дѣлалъ преп. Іоаннъ Коловъ. „Я, говоритъ онъ, подобенъ человѣку, который сидитъ подъ большимъ деревомъ и видитъ, что къ нему приближается множество звѣрей и змѣй. Если онъ не можетъ стоять противъ нихъ, влѣзаетъ на дерево и спасается. Такъ и я: сижу въ своей кельѣ и вижу злые помыслы, возстающіе на меня, и когда у меня не достаетъ силъ противъ нихъ, прибѣгаю къ Богу посредствомъ молитвы, и спасаюсь отъ врага" (Дост. сказ., стр. 102).

6. „Тѣмъ, которые не пріобрѣли еще истинной сердечной молитвы, помогаетъ (въ борьбѣ съ блудною страстію) утомленіе себя въ тѣлесной молитвѣ,—разумѣю,—воздѣяніе рукъ, біеніе въ перси, очей на небо умиленное возведеніе, воздыханія съ стенаніями и частое преклоненіе колѣнъ,—чего однако жъ часто они не могутъ дѣлать по причинѣ присутствія другихъ лицъ. Тогда-то особенно демоны и пытаются нападать на нихъ, и они, не имѣя силъ противостать имъ твердостію ума и невидимымъ дѣйствомъ молитвы, по необходимости, можетъ-быть, уступаютъ иногда борющимъ ихъ. Ты же въ такомъ случаѣ удались, если можно, поскорѣе отъ людей, скройся гдѣ-

нибудь незамѣтно на короткое время, — и тамъ, возведши горѣ око — душевное, если можешь, а если нѣтъ, хоть тѣлесное,—и руки крестовидно распростерши, на посрамленіе и побѣжденіе симъ образомъ мысленнаго Амалика, — возопій къ Могущему спасти, не преухищренными словесами, а смиренными реченіями, прежде и паче всего взывая: помилуй мя, яко немощенъ есмь (Псал. VI, 3). Тогда опытомъ познаешь силу Всевышняго, и невидимо невидимою помощію обратишь въ бѣгство невидимыхъ“. (Онъ же, сн. „Доброт.“, т. II, стр. 560—561).

V. *Обуздывай свои чувства, особенно зрѣніе, слухъ.*

1. „Чего глаза не видѣли, того и гортань по одному слуху не сильно желаетъ вкушать: такъ и чистые тѣломъ получаютъ отъ своего невѣдѣнія (сласти блудной) большее облегченіе въ брани противъ блуда“ (Онъ же, сн. „Доброт.“, т. II, стр. 561).

2. „Чего глазъ не видитъ, и ухо не слышитъ, то и въ сердце не будетъ ударять“ (Дух. цв.).

VI. *Удерживай себя отъ нечистыхъ пожеланій страхомъ будущихъ наказаній за гробомъ.*

Братъ спросилъ старца: „что мнѣ дѣлать, отецъ? меня убиваетъ блудный помыслъ!“ Старецъ говоритъ ему: „когда мать захочетъ дѣтище свое отнять отъ молока, прикладываетъ къ сосцамъ своимъ горькій морской лукъ; младенецъ по обыкновенію припадаетъ къ груди сосать молоко, но по причинѣ горечи отвращается отъ нея: такъ и ты поступай, положи на мысль твою горечи“. Братъ спросилъ его: „какая это горечь, которую мнѣ должно положить?“—„Памятованіе о смерти и мученіяхъ въ будущей жизни“, сказалъ старецъ (Др. пат.).

VII. *Употреби усиліе воли для отгнанія блудныхъ пожеланій.*

О помыслѣ блуда сказалъ одинъ пустынникъ старецъ: „не хочешь ли спастись, лежа на постели? Ступай—дѣлай, ступай трудись! Ступай, ищи—и найдешь! Бодрствуй, толкай,—и отверзется тебѣ. (Матѳ. VII, 7—8). Есть въ мірѣ на всякій бой способные бойцы, которые за многія раны отъ противниковъ, за терпѣніе и мужество получаютъ вѣнецъ. Но часто и одинъ, получая раны отъ двоихъ, сохраняетъ мужество при ударахъ и побѣждаетъ бьющихъ его. Видишь ли, какое они являютъ мужество ради плотской награды? Стой и ты и мужайся,—и Богъ поборетъ за тебя врага“ (Древн. патер.).

VIII. *Пользуйся крестнымъ знаменіемъ, какъ орудіемъ для отгнанія нечистыхъ влеченій твоего сердца.*

„Когда ты дѣлаешь крестное знаменіе, внушаетъ св. Златоустъ, вспомни всю силу креста—и потушишь ярость и всѣ прочія страсти. Для сего надобно изображать крестъ не просто, одними перстами, но прежде *начертать его въ мысли съ великою вѣрою.* Если *такимъ образомъ* ты изобразишь оный на челѣ твоемъ, то ни одинъ изъ нечистыхъ духовъ не возможетъ приблизиться къ тебѣ, видя оружіе, которымъ онъ претерпѣлъ пораженіе, видя мечъ, которымъ нанесенъ ему смертельный ударъ“ (Въ бесѣдѣ 55, на ев. Матѳ. См. „Хр. чт.“. 1839 г., ч. III, стр. 296). „Если ты хочешь истребить непотребныя воспоминанія, оставшіяся въ умѣ, совѣтуетъ преп. Исидоръ Пелусіотъ, и уничтожить разнообразныя козни врага, то вооружись воспоминаніемъ Спасителя нашего и усердно призывай, день и ночь, достопоклоняемое имя Его, *часто ограждая чело и грудь знаменіемъ креста Господня:* ибо когда упоминается имя Спасителя нашего и знаменуются крестомъ Господнимъ сердце, чело и проч. части, то разрушается сила врага, и злые демоны съ трепетомъ убѣгаютъ отъ насъ“ (См. „Хр. чт.“ 1844 г., ч. I, стр. 47. Макарія В., бесѣда XV, стр. 175 и Симеона, нов. богосл. въ „Хр. чт.“ 1825 г., ч. XIX, стр. 163).

IX. *Для одержанія побѣды надъ блудными помыслами чаще представляй смерть и тлѣніе.*

„Если въ мысляхъ твоихъ родится представленіе красиваго лица, — совѣтуетъ Аѳанасій Великій,—то его должно изгонять слѣдующимъ образомъ: выколи глаза у образа своего, который въ умѣ твоемъ представляется, отними полноту щекъ, отрѣжь и губы, и послѣ смотри на отвратительный составъ голыхъ костей, и подумай, наконецъ, что тутъ занимательнаго? Такимъ образомъ обезображенное помышленіе можетъ воспрянуть отъ пустого очарованія. Ибо нѣтъ тутъ ничего привлекательнаго: кровь смѣшана съ мокротою, что самое есть принадлежность животныхъ. Такимъ образомъ и такими размышленіями можно прогнать гнусное зло: должно выталкивать демона, какъ гвоздь, гвоздемъ же.— Кромѣ того, должно представить все тѣло любимаго предмета въ смердящихъ ранахъ и гною; кратко сказать, представить его внутреннимъ очамъ, подобно мертвому трупу, или еще и самого себя мертвымъ" (Въ жизни Синклитикіи. См. „Хр. чт." 1824 г., ч. 16).

X. *Обращайся за помощію противъ плотской брани къ своему духовному отцу.*

Разъ древняя злоба воздвигла въ многотрудномъ тѣлѣ св. преподобно-муч. Игнатія новаго (пам. окт. 20 и 1 мая) такую плотскую брань, что онъ, сожигаемый этимъ адскимъ пламенемъ похоти, палъ на землю и долго лежалъ какъ полумертвый, но потомъ, какъ получилъ себѣ малую ослабу, тогда пришелъ къ попечителю своему, старцу Акакію, и, объяснивъ ему свою бѣду, сталъ просить у него утѣшенія. Добрый старецъ, какъ и подобало, утѣшилъ и утвердилъ его словами божественными и примѣрами святыхъ мужей (Аѳон. пат. ч. II, стр. 254).

XI. *Обращайся съ молитвою къ пречистой и преблагословенной Дѣвѣ Маріи и св. дѣвственницамъ и дѣвственникамъ.*

1. „Св. преподобно-мученикъ Игнатій, желая избавиться отъ блудной брани, пришелъ въ церковь и со слезами сталъ просить пресвятую Дѣву избавить его отъ этой несносной брани; тогда, благодатію Богоматери, окружило его нѣкоторое неизреченное и неописанное благоуханіе, и съ того времени оставила его эта смертоносная брань". (Древн. пат.).

2. Разъ, въ скиту аввы Даніила, возстала блудная брань на одного инока, и онъ объявилъ о томъ аввѣ Даніилу. „Иди, сказалъ ему старецъ, въ октодекатскій монастырь, въ гробницу отцовъ и молись тамъ такъ: „Боже, ради молитвъ св. Ѳомаиды, помоги мнѣ". Братъ поступилъ такъ, какъ велѣлъ старецъ, и, возвратясь изъ октодекатскаго монастыря, палъ къ ногамъ старца. „Богъ, по молитвамъ твоимъ, избавилъ меня отъ блудной брани", говорилъ братъ. „Не то говоришь ты; говори, какъ освободился?" сказалъ старецъ. Братъ отвѣчалъ: „я сотворилъ только 12 поклоновъ и, наклонившись на гробницу, заснулъ. Приходитъ отроковица и говоритъ мнѣ: пріими сіе благословеніе и иди съ миромъ въ келью свою; сейчасъ же я почувствовалъ, что брань перестала. Но что значитъ то благословеніе, не понимаю". Старецъ сказалъ: „благословеніе— даръ мученицы цѣломудрія; такое дерзновеніе имѣютъ предъ Богомъ подвижники чистоты". (Древній патер.).

XII. *Молитвенно созерцай Бога.*

Наконецъ, *самое вѣрнѣйшее,* но и самое высшее *средство* охранить умъ отъ страстныхъ помысловъ — есть *непрестанное молитвенное созерцаніе Бога.* Ибо „насъ плѣняютъ *плотскія страсти,*—какъ увѣряетъ преп. Ѳеонъ, — потому что умъ нашъ *удаляется отъ созерцанія Бога".* (Дост. сказ., стр. 289). „Кто Тебя, Господи Іисусе, *имѣетъ предъ очами,* — молится преп. Ефремъ,—того не обольститъ никакой грѣхъ; кто *на Тебя взираетъ,* у того ничѣмъ другимъ не возмущается духъ; кто любитъ Тебя, для того совершенно презрѣнна вся тварь. Къ тебѣ возвелъ взоръ Іосифъ въ ложницѣ (ложница — спальня), и не поколебалась мудрость его; а Сампсонъ доведенъ до паденія Далидой, и всѣ доблестныя дѣянія его обратились въ ничто. Даруй мнѣ, Господи, подобно Іосифу, *на Тебя взирать въ клѣти духа моего* и избавиться отъ паденій, въ какія низринулся Сампсонъ! Ты будь моимъ путемъ, по которому буду ходить, и сокровенною храминою, гдѣ укроюсь отъ лукаваго, который превозносится предо мною, подстерегаетъ каждый мой шагъ!" (Въ ст. III о покаяніи, стр. 200).

Таковы средства борьбы съ блудной похотью. Да поможетъ намъ Богъ воспользоваться ими. (Свящ. Гр. Дьяченко).

13. Пьянство и его послѣдствія, съ точки зрѣнія медицинской науки.

а) Винный спиртъ (алкоголь), котораго содержится въ водкѣ довольно много, въ чистомъ видѣ *очень ядовитъ*: если его выпить, онъ обжигаетъ губы, ротъ, языкъ, глотку, пищепроводъ и желудокъ, которые бѣлѣютъ, сморщиваются, и выстилающая ихъ ткань (оболочка), извѣстная подъ названіемъ слизистой, лупится, шелушится и отходитъ слоями, обнажая нижележащія части и вызывая воспаленіе. Все это сопровождается сильнымъ щипаніемъ, жженіемъ и болью; при этомъ большая часть спирта вбирается желудкомъ (всасывается) и переходитъ въ кровь, *отравляетъ* ее, мозгъ и всѣ части тѣла. Если не подать пособія отравившемуся, то выпившій несоразмѣрное количество спирта (напримѣръ $^1/_2$—1 стаканъ) отравляется и сильно заболѣваетъ, или даже умираетъ отъ воспаленія желудка, кишекъ, отравленія крови, мозга и всего тѣла.

Изъ этого ясно, что чистый винный спиртъ очень ядовитъ.

б) Чтобы *отравлять* себя спиртомъ ежедневно и медленно, не испытывая означенныхъ выше мучительныхъ припадковъ, и въ то же время развеселяться, человѣкъ придумалъ разбавлять спиртъ водою, и такимъ образомъ явилась *водка*, содержащая на 100 частей приблизительно 40 частей спирта и 60 частей воды. Есть сорты водокъ (старыя водки), содержащія на 100 частей болѣе 40 частей спирта; многіе напитки, напримѣръ, коньякъ, ромъ и нѣкоторыя фруктовыя водки, содержатъ на 100 частей отъ 50—70% чистаго спирта, а поэтому онѣ крѣпче, сильнѣе и вреднѣе обыкновенной водки.

Итакъ, если человѣкъ пьетъ водку ежедневно, то не отравляется ею потому, что она содержитъ въ себѣ больше воды, нежели спирту; но, избѣгая быстраго отравленія, онъ, употребляя водку ежедневно, отравляетъ себя *медленно*, но прочно и вѣрно.

в) Всѣ, выпившіе много водки сразу, *скоро впадаютъ въ безчувственное состояніе*, въ глубокую спячку, несмотря на то, что часто у нихъ дѣлается рвота, которою удаляется большая часть водки: эта рвота указываетъ на то, что тѣло, сберегая свое здоровье, хочетъ всѣми силами удалить вредящую ему водку.

Проспавшись, опьянѣвшіе пробуждаются съ головною болью, болью подъ ложечкой, отрыжкой, слабостію, вялостію, неохотою къ движеніямъ и работѣ, не имѣютъ позыва къ пищѣ, дѣлаются скучными, грустными, и, если давно пьютъ, у нихъ является неодолимое желаніе пить водку опять (опохмеляться). Если кто-либо часто повторяетъ такія попойки, или ежедневно пьетъ по нѣскольку рюмокъ водки, то онъ, наконецъ, медленно отравитъ себя спиртомъ. У него заболѣетъ мозгъ, явится бредъ, ему начнутъ представляться разныя животныя: собаки, кошки, мыши, разныя насѣкомыя— черви, клопы, тараканы и даже черти, съ хвостиками и рогами, почему о такомъ человѣкѣ говорятъ: *онъ допился до чортиковъ*.

Если не оставить употребленія водки, то наступаетъ параличъ, иногда воспаленіе мозга и смерть отъ бѣлой горячки, или упомѣшательство пьяницъ.

Но если у пьющаго и не случится бѣлой горячки, все же онъ сильно пострадаетъ: у него отъ водки, наконецъ, пропадаетъ совершенно позывъ на пищу (аппетитъ): всѣ знаютъ, какъ мало ѣдятъ пьяницы, они нерѣдко довольствуются кусочкомъ селедки, соленаго огурца и хлѣба и питаются водкой, оживая только въ то время, когда пьютъ, а потому и опохмеляются безъ конца. Это зависитъ отъ того, что ихъ мозгъ, нервы, желудокъ и всѣ части тѣла (органы) измѣнились до такой степени, что безъ водки жизнь дѣлается немыслимой, потому-то отчаянные пьяницы безъ водки испытываютъ невыносимыя мученія: ихъ гложетъ какой-то червь, который требуетъ водки, заставляетъ пить и, такимъ образомъ, эти люди предаются запою. Червь этотъ не что иное, какъ болѣзнь мозга и нервовъ — отравленіе, причемъ, чтобы избѣгнуть мученій, необходимо опьянять себя постоянно. Спиртъ отравляетъ тѣло, подобно другимъ ядамъ, и производитъ привычку къ постоянному употребленію отравляющаго вещества, подобно тому, какъ, *табакъ* и многія другія ядовитыя средства, напримѣръ, опій и морфій.

г) *Даже и умѣренно употреблять водку опасно*. Положимъ, что нѣкто пьетъ по двѣ рюмки водки въ день: одну передъ обѣдомъ, другую передъ ужиномъ. Допустимъ, что это лицо начало пить водку съ 20-тилѣтняго возроста (многіе начинаютъ съ 14, 15 и 16 лѣтъ) и пило ее до 50 лѣтъ жизни: въ 30 лѣтъ оно выпьетъ 21.900 рюмокъ, которыя, считая содержаніе спирта въ 40%, а вѣсъ рюмки водки въ 2 унца (около 8 золотниковъ), будутъ содержать 1500 фунтовъ чистаго спирта (алкоголя). Слѣдуетъ вопросъ: можетъ ли остаться здоровымъ тѣло, которое переработало такое громадное количество ядовитаго вещества, — можетъ ли человѣкъ надѣяться быть здоровымъ, не увядать быстро, сохранять свои способности и силы и жить долго? Отвѣтъ, конечно, получится отрицательный.

Итакъ, умѣренное употребленіе водки и спиртныхъ напитковъ — ни больше, ни меньше, какъ слабое утѣшеніе и обманъ самого себя.

д) Точно такъ же, какъ водка, *дѣйствуютъ вредно виноградное вино, пиво, ликеры, наливки, коньякъ, ромъ*.

Всего вреднѣе водка, получаемая изъ картофеля (картофельная), и всякая дурно-очищенная водка (сивуха), потому что содержитъ много убійственнаго для мозга и нервовъ яда, извѣстнаго подъ названіемъ сивушнаго масла (амиловаго или крахмальнаго спирта), а потому пьющіе такіе сорты водки отравляются двумя ядами сразу, легче подвергаются запою, заболѣваютъ скорѣе и чаще и обыкновенно скоро и окончательно спиваются съ кругу.

е) *Многіе пьютъ водку съ цѣлію согрѣть тѣло*, но согрѣвающее дѣйствіе водки обнаруживается только *вначалѣ*, когда ускоряется работа сердца и усиливается кровообращеніе (движеніе крови) для того, чтобы удалить и переработать спиртъ въ тѣлѣ; а потомъ, вскорѣ, теплота тѣла уменьшается, сердце работаетъ слабѣе, и обращеніе крови замедляется. Поэтому, собственно говоря, водка не согрѣваетъ тѣла, *а уменьшаетъ его теплоту* (понижаетъ температуру), почему *и пить ее для согрѣванія тѣла нѣтъ никакихъ основаній.* Доказано, напротивъ, что чай, кофе и жирныя вещества лучше согрѣваютъ тѣло, и люди, которые ихъ пили съ этой цѣлію, напримѣръ, солдаты во время походовъ, путешественники въ холодныя страны, лучше переносили стужу, болѣе выносили трудности походной жизни и путешествій. Всѣ эти лица увѣряютъ, и это доказано положительно, что чай и кофе возбуждаютъ и согрѣваютъ тѣло лучше и вѣрнѣе водки: солдаты и путешественники меньше устаютъ, выносливѣе, крѣпче и даже храбрѣе пьющихъ водку. Зимой, при длинныхъ переходахъ и при случайныхъ морозахъ и метеляхъ, люди, пьющіе водку, легче мерзнутъ, легче обмораживаютъ тѣло и умираютъ отъ замерзанія, такъ что есть примѣры, что пьяницы замерзали при 5°—6° мороза, а трезвые, несмотря на то, что были въ однихъ съ ними условіяхъ, не только не замерзли, но даже не отмораживали членовъ, а слѣдовательно, сохранили достаточную теплоту тѣла для противодѣйствія холоду. Наблюденія и опыты, произведенные во всѣхъ странахъ, показали, что $^3/_4$ людей, умирающихъ отъ замерзанія, бываютъ не трезвы: это всего очевиднѣе и нагляднѣе доказываетъ, что водка и спиртныя средства не годятся для согрѣванія тѣла.

ж) *Весьма неосновательно пить водку для улучшенія позыва къ пищѣ* (аппетита) и для хорошаго пищеваренія: задача пищеваренія состоитъ въ томъ, что желудокъ изъ пищи, которую мы принимаемъ, долженъ извлечь самую питательную составную часть — бѣлокъ, находящійся въ вареной и жареной пищѣ (въ мясѣ, въ рыбѣ и пр.) въ свернувшемся состояніи. Сокъ желудка этотъ свернувшійся бѣлокъ дѣлаетъ способнымъ къ раствореню, образуя новыя соединенія бѣлка (пептоны), а если пьютъ водку или вино во время ѣды, то спиртъ ихъ опять свертываетъ бѣлокъ, сдѣлавшійся растворимымъ отъ вліянія желудочнаго сока. Отъ этого замедляется пищевареніе, желудокъ начинаетъ трудно варить пищу: оттого-то всѣ люди, пьющіе водку, страдаютъ медленнымъ, затяжнымъ катарромъ желудка (катарръ желудка состоитъ въ ослабленіи его силы, большомъ скопленіи слизи, остротѣ его соковъ и вялости ткани, отчего пища варится плохо, является изжога, отрыжка или кислая или гнилыми яйцами, запоры на низъ, или поносъ и т. п.) и должны для понужденія желудка къ работѣ (перевариванію пищи) пить водку, которая мимолетно возбуждаетъ желудокъ, привыкшій къ ней, подобно тому какъ отъ нея оживаетъ пьяница, силы котораго уже ослаблены и истощены. За возбужденіемъ желудка водкой слѣдуетъ скоро ослабленіе, а потому такое возбужденіе мимолетно, и позывъ на пищу отъ него есть не истинный аппетитъ, а ложный, искусственный.

з) Доказано, что водка и спиртные напитки вообще могутъ ослаблять *зрѣніе,* и тогда развивается большая или меньшая степень ослабленія зрѣнія, которая, въ отличіе отъ табачной и другихъ формъ слѣпоты, названа спиртовою или алкогольною слѣпотою.

и) Далѣе, пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ производитъ столь сильныя потрясенія мозга, что развивается особая форма сумасшествія, извѣстная подъ названіемъ *помѣшательства ума отъ пьянства,* которое отъ частаго повторенія упомянутой выше бѣлой горячки нерѣдко переходитъ въ *меланхолію и идіотизмъ* (глупость, отупѣніе).

Идіотизмъ и многія формы помѣшательства ума нерѣдко бываютъ врожденными, такъ что дѣти пьяницъ *уже рождаются больными.* Многія изъ нихъ въ первые же годы жизни получаютъ неизлѣчимыя болѣзни мозга (острую водянку, воспаленіе) и умираютъ; другія переживаютъ дѣтство, но отличаются слабоуміемъ, малыми способностями, недостаткомъ памяти и сообразительности, а достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, заболѣваютъ помѣшательствомъ ума, и если вступаютъ въ бракъ, то производятъ опять больное потомство.

Такимъ образомъ замѣчается въ потомствѣ пьяницъ вырожденіе рода, ослабленіе тѣла, ужасающія болѣзни, огромная смертность и нерѣдко полное вымираніе всѣхъ членовъ семьи.

і) Наконецъ, злоупотребленіе спиртными напитками *сильно вредитъ нравственности людей.* Многія преступленія, особенно грабежи, кражи и мошенничества, совершаются для того, чтобы добыть водку, приводятся въ исполненіе при помощи водки, т.-е. людьми пьяными, *потерявшими временно разсудокъ и способность размышлять,* къ чему поведетъ запрещенное закономъ дѣяніе. Да и первые слѣды преступленій гдѣ открываются чаще всего? Въ корчмахъ, кабакахъ, харчевняхъ, трактирахъ, причемъ зачастую оказывается, что преступленія совершены людьми или прежде, или во время преступленія хлебнувшими водки, иногда для храбрости, людьми, которымъ отъ водки, какъ говорится, море по колѣно. Судебные отчеты доказываютъ, что изъ 100 случаевъ кражъ, мошенничества, грабежа, въ 75 водка играла главнѣйшую роль, т.-е., что преступленія совершены въ пьяномъ видѣ!

к) Не говоримъ здѣсь о томъ, что пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ есть самая вѣрная причина разоренія и полной нищеты: тысячи и милліоны богатыхъ людей оно сдѣлало нищими и безпріютными.

л) Въ народѣ и даже между образованными людьми распространено *нелѣпое мнѣніе*, что водка не только не вредна, но очень полезна *для дѣтей.* На этомъ основаніи даютъ ее груднымъ дѣтямъ, чтобы они лучше спали, употребляютъ для лѣченія многихъ болѣзней дѣтей, по совѣту знахарей и знахарокъ; наконецъ, нерѣдко матери, кормящія грудью своихъ дѣтей, и кормилицы пьютъ водку. Отъ этого зависитъ столь частое заболѣваніе грудныхъ дѣтей болѣзнями мозга, а именно воспаленіемъ мозга. Изъ всего, что сказано выше, можно видѣть, какъ вредитъ водка мозгу взрослаго человѣка, а тѣмъ болѣе она вредитъ мозгу ребенка. Нужно знать, что мозгъ ребенка очень нѣженъ, чувствителенъ и потому никакъ не можетъ справиться съ водкой, а слѣдовательно давать водку ребенку — значитъ отравлять его спиртомъ и вызывать у него воспаленіе мозга, котораго у малаго дитяти почти никогда не удается вылѣчить. Болѣзнь мозга, воспаленіе, почти всегда у малыхъ дѣтей кончается водяной, т.-е. въ черепѣ скопляется вода, которая придавливаетъ мозгъ, а удалить ее оттуда почти не представляется возможнымъ: дитя умираетъ. Правда, въ первое время дитя отъ водки начинаетъ, повидимому, спать лучше, но у него дѣлается жаръ въ головкѣ и въ тѣлѣ, является головная боль, а оно не можетъ сказать, что у него болитъ головка; выражаетъ же эту боль тѣмъ, что кричитъ, капризничаетъ и скоро перестаетъ спать, является рвота и большая слабость, дитя не принимаетъ груди. Вотъ тутъ-то начинаютъ его лѣчить и даютъ ему водку, т.-е. подливаютъ масло въ огонь, и вмѣсто того, чтобы удалить причину болѣзни, ее усиливаютъ; дѣйствительно, у ребенка появляется сонъ, даже спячка, судороги, и онъ умираетъ. Такимъ образомъ, при лѣченіи дѣтей водкой, или если *сами матери и кормилицы пьютъ водку,* заболѣваетъ множество дѣтей, и часто, если не пригласятъ опытнаго врача, то и причина болѣзни останется неузнанной: никому и въ голову не придетъ, что дитя заболѣло и умерло отъ водки.

м) Нужно замѣтить, что *бросить водку никогда не поздно*, и пусть всякій, привыкшій къ ней, не говоритъ: *уже слишкомъ поздно, уже нечего дѣлать.* Напротивъ, человѣкъ долженъ побѣждать препятствія; для этого ему даны Богомъ разумъ, воля и характеръ. Кто захочетъ бросить водку, это никогда не поздно. Дознано, что отчаянные пьяницы, бросившіе водку и никогда къ ней не вернувшіеся, совершенно оживали. При томъ, если кто захочетъ бросить водку, къ нему съ помощію придетъ и медицинская наука, которая имѣетъ средства помочь такому человѣку. *Слѣдовательно, не нужно отчаиваться и не нужно говорить себѣ: уже поздно!* Отъ этой гибельной нерѣшимости пропадаетъ много жизней, гибнетъ много людей, а если бы они, вмѣсто отчаянія, бросили водку и начали бы искать исцѣленія, то обрѣли бы его и могли быть возвращены своимъ семьямъ и обществу, какъ люди, излѣчившіеся отъ гибельнаго пристрастія къ водкѣ и могущіе еще быть полезными членами человѣческой семьи.

Итакъ, бойся протягивать руку къ рюмкѣ съ водкой! Лучше не пробуй ея и не прикасайся къ ней: доведетъ она тебя до бѣды, не сжигая, сожжетъ и погубитъ, ввергнетъ въ нищету и въ болѣзни, и пойдешь ты въ сырую могилу, съ проклятіями семьи и никѣмъ не оплаканный: бойся водки, какъ злого врага, какъ злого духа, и если еще не пробовалъ пить, то и не прикасайся къ этой отравѣ! (Сост. свящ. Гр. Дьяченко по брошюрѣ д-ра медиц. А. И. Ильинскаго: „Водка и спиртные напитки, какъ причина болѣзней“).

Для борьбы съ порокомъ пьянства устраиваются общества, которыя извѣстны подъ скромнымъ именемъ „обществъ трезвости“. Имѣя одну общую задачу трезвиться и жить честно, по-христіански, появившіяся на землѣ русской общества трезвости не всегда одинаковыми путями стремятся къ достиженію святой своей цѣли. И какъ *звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ,* такъ и общества трезвости другъ отъ друга отличаются выраженіемъ живоноснаго нравственнаго свѣта воздержанія отъ хмельныхъ напитковъ. Каждое общество трезвости имѣетъ во главѣ своей такого или другого основателя, руководителя, радѣтеля и благоустроителя, котораго имя есть и будетъ памятно въ той мѣрѣ и степени, въ какой оно послужило священному дѣлу отрезвленія и благоденствія ближнихъ. Каждое изъ обществъ трезвости заключаетъ въ своемъ кружкѣ тѣхъ или другихъ членовъ, какъ живые органы, смиренно красующіеся внутреннею красотою, просвѣщающею свѣтомъ воздержанія, трезвости и благочестія мѣстную свою среду. Раньше появившіяся общества трезвости всѣ извѣстны по преимуществу своимъ направленіемъ, избравшимъ рѣшительною мѣрою трезвости закрытіе и устраненіе питейныхъ заведеній, какъ опасныхъ мѣстъ народнаго искушенія, соблазна и паденія. Другой путь трезвости избрало недавно основанное „Татевское“ общество трезвости (основатель котораго С. А. Рачинскій). Члены этого общества, „давъ обѣтъ трезвиться отъ всѣхъ хмельныхъ напитковъ въ теченіе не менѣе годового срока, по выслушаніи молебна, знаменуютъ свой обѣтъ цѣлованіемъ святой иконы и затѣмъ вписываютъ свои имена въ книгу трезвости“.

Нельзя не воздать достойной чести татевскому обществу трезвости, въ богатствѣ христіанской свободы нашедшему полную возможность выступить на борьбу съ нетрезвостью и пьянствомъ; *достойно подражанія* предварительное укрѣпляющее душу моленіе, призывающее благословеніе святой церкви на начатіе добраго дѣла трезвой жизни; а цѣлованіе святой иконы, сопровождающее обѣтъ трезвости, составляетъ духовно-благодатный актъ соединенія съ живыми христіанскими членами-людьми трезвящимися, рѣшившимися жить по началамъ высшимъ, нравственнымъ, евангельскимъ.

Отдаемъ достойную честь достойному предпріятію — общественной трезвости, но, въ виду различныхъ условій, положенныхъ въ основаніе существованія обществъ трезвости, естественно рождается вопросъ: какому изъ этихъ обществъ дать преимущество, и какой путь трезвости наилучше пригоденъ, цѣлесообразенъ и болѣе благонадеженъ? Тотъ ли, который устраняетъ изъ среды общества питейныя заведенія, какъ опасную приманку и соблазнъ, или тотъ, который, не устраняя отъ себя питейныхъ заведеній, руководствуетъ и даже обязываетъ своихъ членовъ обѣтами трезвости.

Думаемъ, гораздо легче ввести общества трезвости по обѣту, чѣмъ посредствомъ устраненія питейныхъ заведеній. Объясняемъ наше предположеніе такъ: во многихъ православно-русскихъ обществахъ есть люди, которые, не вписываясь въ книгу трезвости, трезвятся— по преданности благочестію, не употребляютъ хмельныхъ напитковъ многіе годы и даже десятки годовъ. По почину такихъ людей, на основаніи ихъ добраго примѣра, можно, при помощи Божіей, составить и въ каждомъ православномъ поселеніи „общества трезвости“ и добрымъ христіанскимъ взаимодѣйствіемъ достигать развитія и утвержденія въ святомъ общественномъ дѣлѣ трезвости. Введеніе же народной трезвости устраненіемъ питейныхъ заведеній представляетъ дѣло не всегда удободостижимое; при немъ потребно бываетъ постоянное и неослабное, продолжительное и твердое, настоятельное и терпѣливо трезвенное воздѣйствіе на массу народа. Нужно замѣтить, что при этомъ условіи водворенія общественной трезвости неизбѣжною бываетъ борьба съ кабакомъ, съ его кліентами—„завсегдатаями“, любителями спирта и охранителями во всеоружіи неправды излюбленныхъ ими теплыхъ и доходныхъ, но жестокихъ и пагубныхъ для народа питейныхъ заведеній. (Извлеч. въ сокращ. изъ „Церк. Вѣд.“ изд. при св. Сѵнодѣ за 1890 г. ст. 14 - 15).

14. Средства борьбы съ пьянствомъ, по ученію св. Іоанна Златоустаго.

Вотъ подлинныя слова св. Іоанна Златоуста относительно средствъ противъ погибельнаго порока пьянства:

а) „Нужно намъ многое любомудріе и великое терпѣніе,—говоритъ этотъ св. отецъ церкви, — чтобы *бдѣть и бодрствовать,* чтобы разстаться навсегда со всякою роскошью, какъ въ одеждѣ, такъ и въ пищѣ, чтобы избѣжать любостяжанія, пьянства. А не малый трудъ—соблюдать это съ точностію. И чтобы понять тебѣ, какъ трудно любомудрствовать и какъ несовмѣстимъ съ этимъ дѣломъ покой, послушай, что говоритъ Павелъ: „удручаю тѣло мое и порабощаю" (1 Кор. IX, 27), ибо сими словами онъ указалъ на то принужденіе и великій трудъ, какіе необходимо употреблять желающимъ сдѣлать тѣло свое благопокорнымъ во всемъ. И І. Христосъ сказалъ ученикамъ: „въ мірѣ скорбни будете, но дерзайте: Азъ побѣдихъ міръ" (Іоан. XVI, 33). Эта скорбь, говоритъ, доставитъ вамъ покой. Настоящая жизнь есть мѣсто борьбы, и среди подвиговъ не можетъ наслаждаться покоемъ тотъ, кто хочетъ заслужить вѣнецъ. Итакъ, если кто желаетъ быть увѣнчаннымъ, тотъ пусть изберетъ жизнь строгую и многотрудную, чтобы, потрудившись здѣсь немного времени, насладиться тамъ вѣчною почестью". (Бесѣда о Лазарѣ, Злат.).

б) *Печаль*, по ученію св. Іоанна Златоуста, *вѣрнѣе всякаго совѣта и увѣщанія можетъ отвратить отъ пьянства.* Посмотримъ, — говоритъ онъ, — на мѣста смѣха, разумѣю пиршества, гдѣ тунеядцы, льстецы и великое невоздержаніе, — и на другія мѣста, гдѣ хромые и слѣпые. Тамъ пьянство, объяденіе, развратъ, здѣсь все напротивъ. Посмотри и на наше тѣло: когда оно тучно и изнѣженно, то легко впадаетъ въ болѣзнь; и когда истощено, то не такъ скоро заболѣваетъ; душа, угнетенная скорбію, не можетъ быть предана злу. Мудро Павелъ изображаетъ пользу отъ ней, когда говоритъ: скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе; упованіе же не посрамитъ". (Рим. V, 3—5). (На кн. Дѣян. бес. 42 и 4).

в) Для предохраненія себя отъ пристрастія къ вину, св. Іоаннъ Златоустъ совѣтуетъ *обращаться съ молитвою къ св. угодникамъ Божіимъ предъ ихъ нетлѣнными останками.* „Ибо, — говоритъ онъ, — не только кости мучениковъ, но и гробы и раки источаютъ великое благословеніе. Прими святой елей и помажь все тѣло, языкъ, уста, шею, глаза, — и никогда не впадешь въ погибель пьянства. Ибо елей своимъ благовоніемъ будетъ напоминать тебѣ о подвигахъ мучениковъ, обуздывать всякое невоздержаніе, удерживать въ великомъ терпѣніи и побѣждать душевныя болѣзни". (Бес. на день св. мучениковъ).

г) *Чтобы оградить себя отъ опьяненія во время пиршества, св. Іоаннъ Златоустъ учитъ начинать и оканчивать ихъ молитвою.* „Кто будетъ поступать такъ, — говоритъ онъ, — тотъ никогда не впадетъ въ невоздержаніе и пьянство, но молитвою, какъ бы уздою, удерживая свои помыслы, будетъ въ надлежащей мѣрѣ употреблять все предлагаемое, и какъ душу, такъ и тѣло исполнитъ великаго благословенія, ибо столъ, начинающійся и оканчивающійся молитвою, никогда не оскудѣетъ, но, обильнѣе всякаго источника, принесетъ намъ всѣ блага. Не будемъ же пренебрегать столь великою пользою. Странно, что слуги наши, получивъ отъ насъ что-нибудь со стола, благодарятъ насъ и отходятъ съ добрымъ словомъ, — а мы, наслаждаясь столь великими благами, не воздаемъ Богу и такой чести, и при томъ тогда, когда чрезъ это можемъ достигнуть великой безопасности: ибо, гдѣ молитва и благодареніе, туда приходитъ благодать Св. Духа, оттуда прогоняются демоны, и всѣ вражескія силы отступаютъ и обращаются въ бѣгство. Кто намѣревается (послѣ стола) итти на молитву, тотъ и во время стола не осмѣливается сказать что-либо неприличное, а если и скажетъ, тотчасъ раскаивается. Итакъ, должно, и при началѣ и концѣ (стола), благодарить Бога въ особенности потому, какъ я выше сказалъ, что если мы войдемъ въ этотъ навыкъ, то не легко впадемъ въ пьянство. Но если когда и встанешь (изъ-за стола) хмельный и опьянѣлый, и тогда не оставимъ своей привычки, но и съ тяжелою головою, и шатаясь и падая, будемъ молиться и не измѣнимъ своему обычаю. Если сегодня ты такъ молился, то завтра исправишь погрѣшность, сдѣланную наканунѣ". (Бес. объ Аннѣ XI, п. 8).

д) *Чтобы не заразиться гибельнымъ примѣромъ пьянства отъ людей, преданныхъ этому пороку, св. Іоаннъ Златоустъ убѣждаетъ удаляться отъ худого, пьянаго общества.* „Какъ тѣла, — говоритъ онъ, — часто погибаютъ отъ заразы испорченнаго воздуха, такъ точно и душа часто терпитъ вредъ отъ общенія съ людьми порочными. Обыкновенно не столько причиняютъ вреда дикіе звѣри, сколько порочные люди; тѣ явно производятъ свои губительныя дѣйствія, а эти нечувствительно и неслышно каждый день распространяютъ заразу, мало-помалу ослабляя силу добродѣтели" (Бес. на пс. IV, п. 14). „Аще нѣкій братъ именуемъ будетъ пьяница, съ таковымъ ниже ясти" (1 Кор. V, 11). Вотъ какая строгость! „А мы не только не убѣгаемъ отъ пьяницъ, но сами идемъ къ нимъ, чтобы участвовать въ дѣлахъ ихъ. Посему у насъ все низвратилось, все смѣшалось, разстроилось и погибло". (Бес. 25 на посл. къ евр. п. 3). „Безчестная дружба хуже всякой вражды, ибо отъ враговъ, когда захотимъ, получаемъ пользу, а отъ такихъ друзей ничего не бываетъ, кромѣ нужды и всякаго вреда. Не имѣй друзьями учителей вреда; не имѣй такихъ друзей, которые больше любятъ (сытный) столъ, нежели дружбу, ибо всѣ такіе друзья, какъ скоро прекратишь пиры, прекратятъ и дружбу. Кто соединенъ съ тобою добродѣтелію, тотъ неотлучно при тебѣ пребываетъ, перенося всякій недостатокъ. А эти тунеядцы такого свойства, что часто тебѣ мстятъ и навлекаютъ на тебя худую славу. И я знаю многихъ людей благородныхъ, которые чрезъ связи съ ними заслужили о себѣ худое мнѣніе" (Бес. на Мѳ. 84).

е) *Въ противоположность худому, пьяному товариществу св. Іоаннъ Златоустъ совѣтуетъ составлять товарищества противъ пьянства или общества трезвости.* „Нынѣ,—говоритъ онъ,—когда кто изъ нашихъ ближнихъ умираетъ, тогда многіе окружаютъ его, многіе утѣшаютъ близкихъ къ нему; и осла упавшаго мы часто поднимаемъ, а когда падаютъ души нашихъ братій, тогда мы не обращаемъ вниманія и думаемъ о нихъ меньше, нежели объ ослѣ. Видя, что кто-нибудь безстыдно входитъ въ питейный домъ, мы не удерживаемъ его; напивается ли онъ, или совершаетъ какое-нибудь другое безчинство, мы не только не препятствуемъ, но еще сами принимаемъ въ томъ участіе. Многіе составляютъ товарищества для гулянья и пьянства. Нѣтъ, вы составляйте товарищества для того, чтобы истреблять страсть къ пьянству, вопреки тому пагубному обычаю, по которому для пьянства, пированья и гулянья мы теперь дѣлаемъ все: и общественныя собранія, и общій столъ, и общее вино, и общія издержки" (На 2-е посл. къ Тимоѳ. 1 бес. п. 4).

ж) *Весьма сильнымъ и дѣйствительнѣйшимъ средствомъ для предохраненія себя отъ порока пьянства св. Іоаннъ Златоустъ признаетъ чтеніе св. писанія.* „Пусть,—говоритъ онъ,—каждый изъ насъ извлекаетъ изъ писанія приличное для себя врачевство. Что тѣлесная пища для поддержанія нашихъ силъ, то же и чтеніе (писанія) для души: оно есть духовная пища, которая укрѣпляетъ умъ и дѣлаетъ душу сильною, твердою и мудрою, не позволяя ей увлекаться неразумными страстями, напротивъ, еще облегчая полетъ ея и вознося ее, такъ сказать, на самое небо" (Бес. 24 на кн. Бытія п. 1 и 3). „Радость бываетъ не отъ пьянства, но отъ духовной молитвы, не отъ вина, но отъ назидательнаго слова. Вино производитъ бурю, а слово—тишину, то причиняетъ шумъ, а это прекращаетъ смятенія; то помрачаетъ умъ, а это просвѣщаетъ и помраченнаго; то привлекаетъ скорби, которыхъ не было, а это прогоняетъ и тѣ, которыя были". (Слово на новый годъ).

з) Св. Іоаннъ Златоустъ учитъ *христіанъ увѣщевать другъ друга оставить гибельный порокъ пьянства* и замѣчаетъ, что, при увѣщаніи другихъ избѣгать пьянства, не слѣдуетъ смущаться тѣмъ, если кто этимъ увѣщаніемъ будетъ соблазняться и негодовать на проповѣдниковъ трезвости. „Когда,—говоритъ онъ,—изъ-за того, что другой соблазняется, можетъ остановиться дѣло, благоугодное Богу, тогда не должно обраащать на него вниманія. Скажи мнѣ: когда мы бесѣдуемъ и обличаемъ предающихся пьянству, а кто-нибудь соблазняется этимъ, неужели я долженъ перестать говорить?" Затѣмъ св. І. Златоустъ указываетъ на слова Господа нашего І. Христа, обращенныя къ апостоламъ послѣ того, какъ многіе изъ слушавшихъ Его божественное ученіе соблазнились тѣмъ, что вѣрующіе во Христа будутъ вкушать тѣло и кровь Христову. „Послушай, что говоритъ Христосъ; еда и вы хощете ити (Іоан. VI, 67)? Такимъ образомъ не слѣдуетъ ни пренебрегать, ни слишкомъ заботиться о слабости другихъ. Не видимъ ли мы, какъ поступаютъ врачи? Когда можно, они угождаютъ больнымъ, а когда это угожденіе можетъ принести вредъ, то уже не дѣлаютъ послабленія: во всемъ хорошо соблюдать мѣру" (Бес. на Дѣян. св. апостоловъ 46 п. 3).

Дабы слово вразумленія было принято предающимися пьянству съ надлежащимъ вниманіемъ, св. Іоаннъ Златоустъ совѣтуетъ увѣщевать ихъ въ то время, когда они находятся въ трезвомъ видѣ. „Когда пьяный,—говоритъ онъ,—придетъ въ чувство, опиши ему все его безобразіе. Скажи ему: вино дано для увеселенія, а не для того, чтобы безобразить себя; дано для того, чтобы быть веселымъ, а не для того, чтобы быть посмѣшищемъ; дано для подкрѣпленія здравія, а не для разстройства,—для уврачеванія немощей тѣлесныхъ, а не для ослабленія духа. Богъ почтилъ тебя симъ даромъ: для чего же ты неумѣреннымъ употребленіемъ сего дара безчестишь себя? Послушай, что говоритъ ап. Павелъ: „мало вина пріемли, стомаха (желудка) ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ“ (1 Тимоѳ. V, 23). Если и святой, одержимый болѣзнію и частыми недугами, не употреблялъ вина, доколѣ не повелѣлъ ему учитель, какого же мы достойны будемъ осужденія, когда мы, здоровые, упиваемся? Сказано: мало вина пріемли, стомаха ради твоего и недуговъ твоихъ. А изъ васъ каждому упивающемуся скажетъ апостолъ: употребляй меньше вина, потому что отъ пьянства рождается блудодѣяніе (Ефес. V, 18). Если по другимъ побужденіямъ не хотите воздерживаться отъ пьянства, то по крайней мѣрѣ воздерживайтесь потому, что оно возбуждаетъ гнусныя похоти. Вино дано для веселья, ибо сказано: „вино веселитъ сердце человѣка“, а вы это доброе его свойство порочите. Ибо что за радость быть не въ себѣ, мучиться множествомъ болѣзней, видѣть все кружащимся и все во мракѣ, подобно находящимся въ горячкѣ имѣть нужду въ томъ, чтобы кто-нибудь смочилъ тебѣ голову? И скоты не требуютъ ничего болѣе того, что нужно, а эти (т.-е. пьяницы) становятся безсмысленнѣе тѣхъ, преступая границы умѣренности. И подлинно, не гораздо ли лучше таковыхъ людей оселъ? Не гораздо ли лучше песъ? Каждое изъ этихъ животныхъ, и всѣ прочія вообще, ѣдятъ ли, пьютъ ли— знаютъ предѣлъ довольства и не простираются далѣе нужды, и хотя бы тысячи человѣкъ принуждали ихъ, никогда не дадутъ себѣ дойти до неумѣренности. Итакъ, вы, пьяницы, хуже безсловесныхъ и въ этомъ отношеніи. И что вы сами о себѣ думаете хуже, нежели о свиньяхъ и ослахъ, это видно изъ того, что этихъ животныхъ вы не заставляете ѣсть сверхъ мѣры. Почему же это такъ?— спросятъ. Ты скажешь: чтобы не нанести имъ вреда. А о себѣ ты и этой предусмотрительности не употребляешь. Итакъ, ты думаешь о себѣ хуже, нежели о скотахъ, и всегда обуреваемый нерадишь о себѣ“ (Бес. 57 на еванг. Матѳея).

16. **Разсказъ, показывающій, что пьянство есть причина многихъ грѣховъ.**

Нѣкоторому пустынножителю египетскому, подвергавшемуся частымъ искушеніямъ отъ козней сатаны, лукавый искуситель обѣщалъ не безпокоить его впредь никакими враждебными дѣйствіями, если онъ только совершитъ одинъ разъ какой-нибудь изъ трехъ предложенныхъ имъ грѣховъ: или убійство, или блудодѣяніе, или пьянство. Пустынникъ, размышляя объ этомъ предложеніи, находилъ, что убить человѣка страшно,—ибо такое преступленіе подлежитъ смертной казни по суду Божію и гражданскому; сотворить блудъ стыдно, и при томъ жаль потерять хранимую дотолѣ чистоту тѣлесную; упиться же однажды не великій грѣхъ, тѣмъ болѣе, что упившійся человѣкъ скоро истрезвляется посредствомъ сна. Такое размышленіе расположило его рѣшиться на послѣдній изъ трехъ грѣховъ, дабы избавиться навсегда отъ искушеній бѣсовскихъ и мирно продолжать жизнь въ пустынѣ. Онъ отправился въ городъ, продалъ тамъ свое рукодѣліе, вошелъ въ корчемницу и неумѣренно упился виномъ. На тотъ разъ, по дѣйствію сатаны, случилось ему встрѣтиться съ одною женщиною, которая обольстила его и вовлекла въ грѣхъ любодѣянія. Въ минуту несчастнаго грѣхопаденія его пришелъ мужъ этой женщины и, увидѣвши его съ своею женою, началъ бить его, но тотъ сталъ защищаться и, наконецъ, убилъ мужа. Такимъ образомъ пустынникъ совершилъ вдругъ три грѣха, которыхъ прежде, въ трезвомъ состояніи, боялся и гнушался, и чрезъ то погубилъ всѣ духовныя сокровища свои, пріобрѣтенныя долголѣтними подвигами и добродѣтельною жизнію. „Пьянство,— справедливо говоритъ св. Златоустъ,— аще въ комъ и цѣломудріе обрящетъ, аще и стыдѣніе, аще и разумъ, аще и кротость, аще смиренномудріе, вся повергаетъ въ пучину законопреступленія“. (Древн. патерикъ, сн. „Воскр. чтеніе“ 1856 г. стр. 107—108).

17. **Десять горькихъ гроздовъ пьянства.**

„Если мы захотимъ внимательно разсмотрѣть силу пьянства и если назовемъ его виноградною лозою, говоритъ святитель Димитрій ростовскій, то найдемъ въ ней десять нравственныхъ гроздовъ, приносящихъ человѣку вредъ и печаль:

Первый гроздъ его есть *помраченіе ума*, потемнѣніе разсудка, потеря сознанія, ибо отъ желудка, переполненнаго виномъ, винные пары поднимаются въ голову, дѣйствуютъ на мозгъ и возмущаютъ умъ. Поэтому многіе, въ состояніи опьяненія, не помнятъ себя сами и не знаютъ, что дѣлаютъ и что говорятъ, точно безумные, и какое бы ни случилось съ ними зло: безчестіе ли, или побои, назавтра они ничего не помнятъ. Надъ таковыми исполняется писанное въ Притчахъ: *биша мя, и не поболѣхъ, и поругашася ми, азъ же не разумѣхъ* (XXIII, 35).

Второй гроздъ есть *безстыдство*: пьяный никого не стыдится, но, потерявъ совѣсть, произноситъ скверныя, хульныя, нелѣпыя и оскорбительныя для цѣломудреннаго слуха рѣчи, уста его бываютъ подобны стоялищу скотскому, наполненному смрадною нечистотою, а языкъ—лопатѣ, которою выбрасываютъ эту нечистоту... Что же другое сердце такого человѣка, какъ не вмѣстилище многихъ золъ, изъ котораго не можетъ выходить ничего, кромѣ зла, по слову евангелія: *злый человѣкъ отъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое; отъ избытка бо сердца глаголютъ уста его* (Лук. VI, 45).

Третій гроздъ съ лозы пьянства есть *несоблюденіе тайны*. Пьяный откровенно разсказываетъ всѣмъ и каждому всѣ тѣ тайны, свои или чужія, которыя тщательно сокрывалъ въ глубинѣ своей души, сохраняя ихъ въ молчаніи, когда былъ трезвъ. Этого мало: что давно уже прошло и предано забвенію, и то онъ припоминаетъ, и аки мертвеца воскрешаетъ отъ гроба. И какъ обычно пьяному извергать пищу изъ желудка, такъ же обычно и тайны открывать: и то и другое, и пища и тайны, въ пьяномъ не держатся.

Четвертый гроздъ содомской лозы пьянства есть *возбужденіе плотской похоти*, почему и увѣщеваетъ апостолъ: *не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть блудъ* (Ефес. V, 18).

Пятый гроздъ, полный яда зміинаго, есть *ярость*, гнѣвъ, вражда, ссоры, брань и кровопролитія. Упившись виномъ, люди возстаютъ съ яростію другъ противъ друга.

Шестой желчный гроздъ съ лозы пьянства есть *поврежденіе здоровья*, изнеможеніе тѣлесныхъ силъ, дрожаніе рукъ, головная боль, ослабленіе зрѣнія, страданія желудка, стоны, немощи, преждевременная старость, умаленіе лѣтъ жизни и несчастная смерть.

Седьмой гроздъ — *расточеніе имущества*, потеря богатства, лишеніе выгодъ: *дѣлатель бо пьянивый*, говоритъ сынъ Сираховъ, *не будетъ богатъ* (XIX, 1). Какъ много людей, которые изъ-за пьянства отъ большого богатства пришли въ послѣднюю нищету! Примѣръ этому блудный сынъ, описанный въ евангельской притчѣ.

Осьмой горькій гроздъ—*утрата спасенія*. Какъ вещественное богатство, такъ и духовныя сокровища расточаются отъ пьянства, потому что пьяный имѣетъ дерзость на всѣ грѣхи. Какого грѣха трезвый гнушается, боится или стыдится, того самаго грѣха не стыдится дѣлать, ни боится, ни гнушается, когда бываетъ пьянъ. Человѣкъ, который чрезъ пьянство лишился всѣхъ добродѣтелей, развѣ не лишаетъ себя спасенія и не отчуждаетъ себя отъ небеснаго наслѣдія? Справедливо говоритъ апостолъ: *пьяницы царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. VI, 10).

Девятый желчный гроздъ—*гнѣвъ Божій*: пьяница, преступая заповѣди Божіи, возбуждаетъ на гнѣвъ Самого Бога своими грѣхами. Вотъ почему вопіетъ Исаія пророкъ: *горе востающимъ заутра, и сикеръ гонящимъ до вечера: вино бо сожжетъ я!* (Ис. V, 11).

Десятый самый горькій плодъ пьянства есть *всеконечная погибель души*... Другіе грѣшники, когда настанетъ ихъ смертный часъ, могутъ каяться и сожалѣютъ о грѣхахъ своихъ, потому что ихъ умъ трезвъ, а умирающій пьяница какъ можетъ покаяться, когда онъ не помнитъ себя, когда онъ не сознаетъ, что наступаетъ его смерть, которой онъ вовсе не ожидалъ? А для умирающаго безъ покаянія—геенна неизбѣжна. Вотъ каковы нравственные грозды сего содомскаго винограда, т.-е. пьянства; хотя на вкусъ они и кажутся *въ началѣ* сладкими, но *потомъ* эта сладость превращается въ горечь желчи, въ ядъ зміевъ и аспидовъ". (Изъ тв. св. Димитрія рост.).

18. Два благодатныхъ врачевства отъ пьянства.

Чтеніе слова Божія и усердныя молитвы къ Господу Іисусу Христу—вотъ благодатныя средства противъ пьянства. Приведемъ разсказы, показывающіе дѣйствительность этихъ благодатныхъ средствъ.

I. „Былъ у меня одинъ прихожанинъ, страдавшій много лѣтъ отъ запоя, разсказывалъ одинъ священникъ; сколько горя его семья терпѣла, сколько разъ самъ онъ съ клятвою давалъ обѣщаніе не пить больше водки, но все было напрасно: онъ продолжалъ пить и буянить...

Разъ жена его купила гдѣ-то за одну копейку листъ, въ которомъ былъ напечатанъ разсказъ о томъ, какъ одинъ офицеръ избавился отъ запоя, *читая по одной главѣ изъ евангелія, какъ только его начинала томить жажда къ водкѣ,*—купила и дала мужу прочитать. Сѣмя доброе запало въ его сердце: бѣднякъ сталъ поступать по примѣру того офицера... И что же? съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже стало являться у него побужденіе къ вину, и онъ, *читая благодатное слово Божіе,* совсѣмъ исцѣлился отъ запоя (Изъ „Троицк. листк.“).

II. Въ одномъ селѣ на фабрикѣ былъ одинъ мастеровой, очень искусный въ своемъ дѣлѣ, добрый и дорогой мастеръ, но, къ несчастію, запивалъ, да и часто. Одинъ богобоязненный человѣкъ посовѣтовалъ ему, чтобы онъ, когда захочется ему пить вина, произносилъ про себя молитву Іисусову: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“, 33 раза, по числу тридцати трехъ-лѣтней земной жизни Іисуса Христа. Мастеровой послушался, сталъ это исполнять и вскорѣ совершенно пересталъ пить. Да еще что же? Чрезъ три года ушелъ въ монастырь. (См. „Душеп. чт.“ янв. 1864 г.).

19. Обличительное видѣніе.

(Разсказъ священника).

Недавно, по долгу званія своего, былъ я приглашенъ напутствовать больного крестьянина нашего села, Николая. Прихожу къ нему въ домъ и нахожу его настолько еще въ силахъ, что онъ могъ подойти ко мнѣ принять благословеніе. Умилительна была его исповѣдь: горячія слезы струились по старческому лицу больного; вздохи сокрушеннаго сердца одинъ за другимъ вырывались изъ груди. Невольно подумалъ я: „что, если бы всѣ мы и всегда каялись такъ, какъ Николай, вѣрно, велика была бы радость на небѣ“.

Окончивъ свое дѣло, я пріостановился немного, чтобы еще болѣе утвердить Николая на пути къ спасенію словомъ священнаго писанія и примѣрами святыхъ, изъ коихъ многіе сперва были великими грѣшниками. Слушая меня, Николай не переставалъ вздыхать и плакать... А много этотъ Николай приносилъ печали въ свою семью, когда, бывало, и въ будни, и праздникъ одинъ былъ у него путь — къ питейному дому, одна забота съ утра до ночи — какъ бы и гдѣ выпить. Поразила меня такая перемѣна въ Николаѣ, и я невольно сказалъ: „слава Богу, ты, Николай, начинаешь приходить въ себя. Ты былъ въ странѣ далекой, но вспомнилъ милосердіе Отца небеснаго и воротился къ Нему“.

— Да, батюшка, не хотѣлось бы ужъ жить такъ, какъ доселѣ жилось... Вотъ послушай-ка, что разскажу я тебѣ. Въ праздникъ Покрова Богородицы поѣхали мы съ женою въ Пантелеевку: тамъ въ этотъ день празднуютъ Ей, Царицѣ небесной. Извѣстно, какъ мы проводимъ праздники-то. Пожалуй, и не помолишься, какъ слѣдуетъ, а только норовишь, какъ бы тебя получше попотчевали. Вотъ я, грѣшный, то винца, то пивца хлебну, да подъ вечеръ ужъ и мамы не кликалъ: не помню, какъ привезла меня жена домой, въ село, какъ вынесли меня окаяннаго и уложили въ постель. Но вотъ Богъ послалъ мнѣ видѣніе; Господь, я думаю, потому что діаволу нѣтъ нужды отвлекать насъ отъ пороковъ... Слышу, кто-то назвалъ меня по имени. „Смотри“ — сказалъ мнѣ голосъ. Я въ великомъ страхѣ проснулся и вижу: идетъ какой-ко человѣкъ къ петлѣ... ровно она на воздухѣ виситъ... подошелъ да и говоритъ: „нѣтъ, страшно отъ своихъ рукъ уйти... поживу еще... или что началъ кончу“. Да три раза подходилъ онъ и уходилъ отъ петли, а въ четвертый разъ подошелъ да и сунулъ голову въ петлю... точно проволока впилась въ шею. И не опомнился я, какъ страшный трупъ упалъ въ бездну. А сверху откуда-то падаетъ стремглавъ опять человѣкъ въ ту же бездну. „То смерть пьяницы“, — сказалъ мнѣ голосъ. Дрожу я, страхъ сковалъ мнѣ языкъ, голоса нѣтъ вскричать. А тутъ опять лежитъ предо мною человѣкъ на одной соломинкѣ. По ту и другую сторону соломинки пропасть страшная... Только шевельнется, думаю, этотъ человѣкъ, такъ и погибнетъ. „Такова жизнь пьяницы“, — сказалъ мнѣ голосъ, и все исчезло. Тогда узналъ я клѣть свою, въ которой лежалъ, и постель свою, и мои вещи около меня. Холодный потъ выступилъ на мнѣ... Съ тѣхъ поръ я измѣнился, сказывалъ и другимъ, да смѣются только, не вѣрятъ. Мнѣ же надобно отъ всего сердца благодарить Господа, вразумившаго меня. Ахъ, какъ бы я желалъ, чтобы этотъ разсказъ послужилъ въ обличеніе многихъ другихъ, подобныхъ мнѣ грѣшниковъ! (Изъ „Странника“ 1861 г.).

20. Крестьянскій семейный раздѣлъ.

Разсказъ.

У крестьянина Ѳедора Куликова было два женатыхъ сына: Ѳедоръ и Филиппъ. Старшій—Ѳедоръ былъ очень коренастый и обладалъ не малою силою; онъ былъ очень прилеженъ къ своей крестьянской работѣ, которая спорилась въ его могучихъ рукахъ какъ на пашнѣ, такъ и на гумнѣ. Филиппъ же былъ слабаго здоровья отъ рожденія, а послѣ военной службы его здоровье еще болѣе разстроилось,—и онъ частенько прихварывалъ. Онъ имѣлъ скромный характеръ, былъ набожнымъ, къ своему отцу онъ всегда относился съ почтеніемъ и любовью, за что и отецъ его любилъ гораздо болѣе старшаго сына; за это Ѳедоръ нерѣдко упрекалъ отца, а брата Филиппа часто называлъ лѣнтяемъ и лежебокомъ. Ѳедоръ былъ характера вспыльчиваго и сварливаго, вслѣдствіе чего въ домѣ Ѳедора Куликова нерѣдко происходили семейныя перебранки и ссоры. Ѳедоръ, постоянно занимаясь своими крестьянскими работами, рѣдко, очень рѣдко бывалъ въ церкви, даже и въ великіе праздники, за что часто получалъ отъ отца строгіе выговоры. Но Ѳедоръ не вразумлялся этимъ; онъ, обыкновенно, съ грубостью отвѣчалъ отцу: „хорошо вамъ съ Филиппомъ, своимъ любимымъ сынкомъ, ходить въ церковь и размаливаться, когда обоимъ лѣнь работать; я почти одинъ веду все наше хозяйство, а вы съ нимъ ѣдите готовый хлѣбъ. Мнѣ размаливаться Богу нѣтъ времени; у меня каждый день работы дома и на пашнѣ конца нѣтъ“. Эти дерзости старшаго сына очень оскорбляли отца, и онъ нерѣдко плакалъ отъ нихъ. Ѳедоръ не одинъ уже разъ высказывалъ отцу, чтобы онъ его съ семьей отдѣлилъ, но отецъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Онъ всегда говорилъ: „пока я живъ, этого никогда не будетъ; нѣтъ тебѣ на это моего родительскаго благословенія; когда умру, тогда, какъ знаете, дѣлитесь съ братомъ, хотя я желалъ бы, чтобы вы до смерти жили съ нимъ вмѣстѣ, но только жили бы по-братски, въ мирѣ и согласіи, а не смѣшили добрыхъ людей своими семейными перебранками и ссорами, да не грѣшили бы предъ Господомъ Богомъ и не прогнѣвляли Его милосердія“.

На эти наставленія своего родителя Ѳедоръ непочтительно и дерзко отвѣчалъ такъ:

— Ну, нѣтъ, я не желаю быть всегда батракомъ въ домѣ; я буду работать до поту и до мозолей на рукахъ, а твой „любимый сыночекъ“ будетъ лежебокомъ, будетъ лежать на палатяхъ, да читать разныя книженки, которыхъ у него цѣлая полка. Нѣтъ, ужъ спасибо, этого не будетъ,—такъ заканчивалъ всегда Ѳедоръ.

Отецъ, бывало, махнетъ рукою и скажетъ: „ну, какъ тамъ знаешь, а все-таки при жизни моей тебѣ раздѣла не будетъ“.

Часто происходили такія пререканія между отцомъ и сыномъ; часто въ домѣ Ѳедора Куликова происходили перебранки и ссоры и между невѣстками—женами Ѳедора и Филиппа. Все это тяжело отзывалось на сердцѣ отца, и онъ часто плакалъ, горько плакалъ.

Ѳедоръ Куликовъ умеръ отъ холеры. Послѣ смерти отца, Ѳедоръ еще больше началъ обижать своего брата Филиппа; онъ часто язвительно называлъ его монахомъ и богомольцемъ за то, что онъ почти всегда въ праздники ходилъ къ службамъ церковнымъ.

Наконецъ, онъ окончательно задумалъ раздѣлиться съ своимъ братомъ Филиппомъ. При раздѣлѣ Ѳедоръ очень обидѣлъ своего брата: онъ отломалъ новую горницу, а ему оставилъ ветхую избу; взялъ лучшихъ лошадей и коровъ и лучшую крестьянскую снасть и утварь. Филиппъ „смиренникъ“, какъ его называли всѣ односельцы, погоревавъ и поплакавъ объ обидѣ братомъ, началъ жить со своею женою собственнымъ хозяйствомъ.

Филиппъ занимался хозяйствомъ очень прилежно, въ чемъ ему усердно помогала его трудолюбивая жена. Хотя онъ нерѣдко и прихварывалъ, но все-таки хозяйство его значительно и очень замѣтно начало поправляться. Хлѣбъ у него каждогодно родился хорошій, домашній скотъ замѣтно размножался. Изъ всего ясно усматривалось, что милосердый Господь, за его любовь и усердіе къ храму Божію и усердныя молитвы, наградилъ его Своими благами и щедротами.

Напротивъ, Ѳедоръ Куликовъ не имѣлъ успѣха въ своихъ крестьянскихъ трудахъ, хотя и трудился неусыпно, не покладая рукъ ни днемъ, ни ночью,—не разбирая ни воскресныхъ, ни праздничныхъ дней. Скотъ, отобранный у брата съ обидою, весь попадалъ, спустя годъ времени послѣ смерти отца; урожай хлѣба былъ у него плохой. Видя, какъ благоустроилось хозяйство его брата, Ѳедоръ съ завистью говорилъ: „богомольному монаху во всемъ удается, несмотря на его лѣность и лежебокость“.

Въ Ильинъ день священникъ, идя служить обѣдню, встрѣтилъ Ѳедора Куликова, который ѣхалъ на пашню; онъ остановилъ его и сказалъ: „одумайся, Ѳедоръ! сегодня слѣдуетъ оставить всякія работы и итти въ храмъ Божій, чтобы тамъ прославить св. пророка Илію, нашего молитвенника и помощника въ нашихъ дѣлахъ. Сегодня, какъ и тебѣ хорошо извѣстно, у насъ на селѣ будетъ крестный ходъ. Я тебѣ скажу, что работа въ праздникъ никогда не будетъ имѣть желаемаго успѣха; Самъ Богъ говоритъ: безъ Меня не можете дѣлать ничего; безъ Божія благословенія мы всегда будемъ безуспѣшны въ нашихъ трудахъ и предпріятіяхъ. За послѣднее время ты, Ѳедоръ, совсѣмъ забылъ храмъ Божій—никогда не бываешь у службъ церковныхъ. Одумайся, Ѳедоръ, пока правосудный Господь не наказалъ тебя за явное нарушеніе заповѣди Божіей, которая повелѣваетъ намъ святить воскресные и праздничные дни.

— Что же, батюшка, я сдѣлаю,—отвѣчалъ Ѳедоръ,—когда нужда и бѣдность меня заѣла? Тружусь я, усиленно тружусь до пота и мозолей, не знаю покоя ни днемъ, ни ночью, а успѣха въ своихъ трудахъ я не вижу, остаюсь съ однимъ горемъ на своемъ сердцѣ.

— А потому и остаешься безъ желаннаго успѣха въ своихъ трудахъ,—сказалъ священникъ,—что ты забылъ Бога, а Богъ забылъ тебя. И св. апостолъ поучаетъ насъ—христіанъ: приблизьтесь къ Богу, и Онъ приблизится къ вамъ (Іак. IV, 8), а если отречемся отъ Бога, и Онъ отречется отъ насъ (2 Тим. II, 12). Одумайся, Ѳедоръ, и исправься! Помни всегда одно, что у Бога милосердіе и гнѣвъ, и на грѣшникахъ пребываетъ ярость Его“ (Сирах. V, 7).

Сказавъ эти слова, священникъ отправился въ церковь. Ѳедоръ, къ душевному его огорченію, не внялъ его пастырскому наставленію: онъ, стегнувъ свою лошадь, поѣхалъ на свою пашню.

Жаркій день клонился къ вечеру; черныя тучи надвигались на деревню Сидорову, въ которой проживалъ Ѳедоръ Куликовъ со своимъ братомъ Филиппомъ; слышны были раскаты грома. Черезъ часъ гроза усилилась, частые раскаты грома съ трескомъ раздавались надъ деревнею, сопровождаемые часто мелькающею молніею. Наконецъ, послѣдовалъ сильнѣйшій ударъ грома, послѣ котораго на деревнѣ послышались крики крестьянъ: „пожаръ, пожаръ!“ Горѣлъ домъ Ѳедора Куликова со всѣми пристройками. Когда Ѳедоръ пріѣхалъ къ своему дому, то увидѣлъ, что отъ него остались однѣ тлѣющія головни. Увидѣвъ домъ свой сгорѣвшимъ, Ѳедоръ палъ безмолвно на землю и громко зарыдалъ, а рядомъ съ нимъ, лежа на землѣ, голосила его жена. Крестьяне, находившіеся на пожарищѣ, какъ умѣли, утѣшали рыдающихъ. Подошелъ, опираясь на старческій посохъ, и уважаемый всѣми дѣдушка Парамонъ, онъ сказалъ рыдающему Ѳедору: „Ѳедоръ, правосудный Богъ наказалъ тебя Своимъ праведнымъ гнѣвомъ за твою дерзость и непочтительность къ твоему покойному отцу, отъ чего нерѣдко онъ проливалъ горькія слезы; Богъ наказалъ тебя и за то, что ты, дѣлясь съ братомъ своимъ, сильно обидѣлъ его; а знаешь, что говоритъ премудрый Соломонъ? Онъ говоритъ: „наслѣдство, поспѣшно захваченное въ началѣ, не благословится впослѣдствіи“ (Притч. XX, 21).

Стоявшіе на пожарищѣ крестьяне, склонивъ голову, со вниманіемъ слушали мудрыя рѣчи дѣдушки Парамона, а Ѳедоръ, всхлипывая, говорилъ: „правда, дѣдушка Парамонъ, что Богъ наказалъ меня за грѣхи мои“ („Воскр. чт.“ 1895 г. № 24).

21. Разсказъ странника.

Родился я въ одной многолюдной подгородной деревнѣ, въ зажиточной семьѣ; отецъ мой былъ огородникъ. Ребенкомъ я росъ ловкимъ, на все способнымъ: успѣшно учился въ городской школѣ, и успѣвалъ въ то же время во всякихъ шалостяхъ. Присмотрѣть за мной путемъ было некому, мать была женщина смирная, я ея почти и не слушался, а отецъ самъ баловалъ меня за шустроту мою, да и поглядѣть-то за мной некогда было ему; то торги, то работа, такъ и росъ я, можно сказать, какъ крапива у забора, что ни льютъ на нее, а она знай себѣ выше и выше поднимается, и въ мою душу лилось много грязи всякой, только хорошаго, добраго-то мало. Деревня наша была разгульная, народъ бойкій, торговый, благочестивыхъ примѣровъ не видать было, за то кабаковъ да трактировъ было много, и всѣ они такіе обширные, красивые, всегда около нихъ шумно, многолюдно. Для насъ, малолѣтокъ, первое удовольствіе было вертѣться около трактировъ, отвести насъ отъ пагубнаго мѣста и въ голову не приходило, такъ и наслушивались мы съ самыхъ раннихъ лѣтъ всякаго сквернословія, наглядывались на безобразія кабацкія, драки, и сами привыкали издѣваться надъ старшими, шалить, чѣмъ не слѣдуетъ. Соберемъ, бывало, по пятачку, купимъ полбутылки, да и разопьемъ гдѣ-нибудь на задворкахъ.

Подросъ я, отецъ сталъ брать меня по базарамъ въ помощники себѣ, и здѣсь добраго не очень наберешься: обманъ, божба, ругань такъ и жужжатъ, бывало, въ ушахъ цѣлый день. Мнѣ на руку было, что отецъ меня беретъ съ собой; къ шалостямъ я привыкъ, а на нихъ деньги требовались, вотъ и обдумываю я, бывало, сидя на возу, какъ бы притаить гривенникъ-другой. Но скоро про всѣ мои продѣлки узналъ отецъ, сталъ меня урезонивать, и черезъ недѣлю рѣшилъ отправить въ Москву къ знакомому мастеру „въ года". „Не хотѣлъ",— приговаривалъ онъ на прощаньи,—„отцу служить хорошо, ну, ступай чужимъ людямъ послужи, тамъ изъ тебя все дурное скорѣе вытрясутъ". Но ошибся мой родитель: чужіе люди и чужая сторона дурного во мнѣ не убавили, а прибавили.

Слесарная мастерская, куда я попалъ на обученье, была большая, мастеровыхъ много, но хозяинъ нашъ объ насъ, малолѣтнихъ, не заботился; старшіе мастера, народъ больше все грубый, пьяный, что хотѣли, то и дѣлали съ нами,—особенно плохо приходилось тѣмъ, кто посмирнѣе, да безотвѣтнѣе. Я былъ изъ всѣхъ подростковъ малый самый бойкій, обижали меня мало, но за то пріучали ко всему худому больше, чѣмъ другихъ, впрочемъ, я и самъ на худое былъ способенъ.

Пагубная то была жизнь. Сейчасъ не могу безъ содроганія вспомнить, что творилось въ нашей душной, грязной мастерской. Хирѣли мы тѣломъ, гибла и душа наша. Кончится работа, сейчасъ у старшихъ и пьянство, а съ нимъ сквернословіе, драка, надругательство надъ слабыми, беззащитными мальчуганами,—то же самое въ праздники Божіи, и некому-то было вразумить заблудшихъ, о стыдѣ напомнить, въ церковь Божію послать, или доброе, ласковое слово сказать намъ, несчастнымъ подросткамъ. Не мудрено, что многіе изъ насъ дурными вышли людьми, научились разнымъ пакостямъ, забыли родъ и племя. Пролетѣли 5 лѣтъ житья въ горестяхъ, сталъ я мастеромъ хорошимъ, жалованье положили; попади въ хорошія руки, можетъ-быть, и на путь добрый сталъ бы, но добраго-то человѣка вокругъ не было, и пошла моя жизнь еще хуже; про домъ я совсѣмъ не помнилъ, и не тянуло меня туда! Отецъ писалъ, чтобы денегъ выслалъ, а я и письма-то путемъ не прочту, а отвѣчаю, что самому-де до себя, жалованье малое, прожитіе дорогое.

Долго терпѣлъ отецъ, наконецъ, задумалъ къ рукамъ прибрать, паспорта не выслалъ и велѣлъ немедленно ѣхать въ деревню. Пришлось покориться. Ѣду, а самъ злобствую: „погодите, я свое возьму!"

Пріѣхалъ, ко мнѣ родные съ лаской, съ разспросами, а я волкомъ гляжу. Дождался перваго праздника—въ трактиръ, и ну бражничать. Ни угрозы отцовы, ни уговоры матери не дѣйствовали на меня. Пожилъ съ мѣсяцъ, деньжонки вышли всѣ, гулять не на что, а ужъ безъ гулянья-то мнѣ скучно становилось. Сталъ проситься у отца снова въ Москву, все равно, говорю, не работникъ я вамъ здѣсь. „Нѣтъ, Сеня (звать меня Семеномъ), шалишь, не на такого напалъ, чтобы по головѣ гладить тебя"... твердилъ онъ мнѣ. Вижу, что съ отцомъ ничего не подѣлаешь, задумалъ взять свое хитростью, прикинулся путнымъ, заботливымъ, отецъ должно-быть и повѣрилъ мнѣ. Прошло такъ съ полгода, и говоритъ онъ мнѣ: „я тебя, Семенъ, женить надумалъ, собирайся невѣсту смотрѣть". Я не противился. Невѣсту мнѣ пріискали дѣвушку смирную, но бѣдную, изъ богатой-то семьи за меня бы не пошла, и эту-то, слышно было, родители приневолили. Невѣсту посмотрѣли, сразу и дѣло порѣшили, а черезъ недѣлю и свадьбу сыграли. Пожилъ еще мѣсяца три тихо, скромно, и опять сталъ у отца на заработки проситься. „Ну, если хочешь, пожалуй, ступай, трудись съ Богомъ, только, смотри, не безпутствуй, ты теперь человѣкъ женатый, долженъ понимать самъ, какъ жить слѣдуетъ",— сказалъ отецъ.

„Помилуйте, батюшка, говорю я ему, мало ли что было, ужъ теперь будьте покойны, развѣ мы безъ разума".

Хитрость моя удалась, снова я въ Москвѣ, и опять окунулся въ свою прежнюю безобразную жизнь, только денегъ изрѣдка сталъ посылать домой, чтобы въ деревню опять не вытребовали меня. Писали мнѣ, что сынъ у меня народился, но это нисколько меня не порадовало. Пріѣхала потомъ жена, пожила со мною года полтора, и ужъ наглядѣлась же, бѣдная, на все мое безобразіе, натерпѣлась же отъ меня обидъ—все сносила и терпѣла, видно, сильно ей хотѣлось образумить меня заблудшаго. Народилась у насъ еще дочь, я и радъ случаю спровадить жену въ деревню: въ городѣ, говорю, съ ребятами жить намъ не по силамъ, почти, можно сказать, прогналъ ее отъ себя. Не знаю, сердилась ли она на меня или нѣтъ, ничего мнѣ не сказала, только заплакала, какъ поѣхала, и ужъ извелась же она у меня за эти полтора года; поѣхала блѣдная, худая, что называется, краше въ гробъ кладутъ!.. На этихъ словахъ странникъ прервалъ свою рѣчь, я замѣтилъ, что глаза его подернулись слезой, тяжело, видно, было ему вспоминать свой прежній позоръ.

Но, видно, Господь смилостивился надо мною окаяннымъ, сталъ Онъ мнѣ посылать вразумленіе за вразумленіемъ, Тутъ пришло извѣстіе, что отецъ померъ. мать съ женой сильно домой звали, или, по крайней мѣрѣ, денегъ побольше просили прислать, а то дѣло наше совсѣмъ становилось. Поѣхать-то я и не думалъ, денегъ также послать не могъ, за свое дурное поведеніе съ мѣста хорошаго я слетѣлъ и перебивался кое-какъ отъ одного хозяина къ другому. Но въ то же время и стыдно стало мнѣ за себя: совѣсть, видно, еще уцѣлѣла во мнѣ, какъ ни топилъ я ее въ винѣ, да въ праздной жизни.

Встрѣтилъ меня разъ землякъ и говоритъ: „что же это ты, Семенъ, аль Бога не боишься, совсѣмъ кинулъ семью, а ребятки-то у тебя какіе славные растутъ, хоть бы поглядѣть съѣздилъ“. Ничего я ему не сказалъ на это, но понялъ, что правда его, что скверно я дѣлаю. Иду я какъ-то по улицѣ, незадолго до масленицы, утромъ въ воскресенье, по Москвѣ колокола гудятъ, народъ православный въ храмы спѣшитъ, а у меня на сердцѣ тоска камнемъ лежитъ, не знаю, куда и дѣться отъ нея, въ кабакъ—денегъ нѣтъ, а отъ церкви я отсталъ давно: больше 10 лѣтъ ужъ на духу не былъ. Иду, и попадается мнѣ оборванный, худенькій, синій отъ холода, мальчикъ лѣтъ 8: „подай, дяденька, на хлѣбушекъ, Христа ради“,—протянулъ онъ. Жаль мнѣ стало мальчика, а подать ему нечего. „Кто же,—спрашиваю его,—послалъ тебя побираться?“ „А вонъ мама“,—отвѣтилъ онъ, указывая на женщину, которая одной рукой держала ребенка, а другую протягивала за милостыней къ прохожимъ.

Что же, аль у тебя отца-то нѣтъ? „Нѣтъ, есть, только нехорошій онъ у насъ,—маму все билъ, а теперь совсѣмъ бросилъ, пьянствуетъ, а намъ ѣсть нечего...—мама говоритъ, что Богъ его накажетъ за насъ“. Какъ выслушалъ я слова мальчика, такъ и похолодѣло во мнѣ все; эти дѣтскія уста строгое обличеніе произнесли мнѣ: вѣдь и я бросилъ ради пьянства свою семью, и я глубоко обидѣлъ родныхъ, и я заслужилъ наказаніе Божіе... Чисто ножомъ кто рѣзалъ мнѣ по сердцу, пока я шелъ, самъ не знаю куда. Шелъ, шелъ я, и слышу хорошее складное пѣніе, остановился, смотрю—около самой церкви; дай, думаю, зайду, вошелъ, обѣдня давно уже началась, діаконъ вышелъ читать евангеліе. Читалъ онъ о томъ, какъ одинъ непокорный сынъ отдѣлился отъ отца, ушелъ въ далекую сторону, прожилъ тамъ свое имѣніе, сталъ бѣдствовать, какъ, потомъ, образумился, воротился къ отцу своему, и какъ отецъ ласково и милостиво принялъ его... Господи, подумалъ я, слушая чтеніе, опять ты посылаешь мнѣ вразумленіе: не я ли такой же заблудшій грѣшникъ?—и много думъ промелькнуло въ головѣ моей во время службы этой, вспомнилъ я и про Бога милосерднаго, увидѣлъ и все свое безобразіе. Кончилась обѣдня. Священникъ вышелъ говорить проповѣдь. Говорилъ онъ опять о томъ же блудномъ сынѣ,—о томъ, какъ грѣшно непочитать родителей, какъ пагубно предаваться пьянству, распутству. „Посмотрите,—говорилъ онъ,—на скотъ безсловесный, и тотъ знаетъ мѣру, не объѣдается, не опивается до безчувствія, а человѣкъ разумный доводитъ себя нерѣдко до того, что не помнитъ себя, растерзанный, безчувственный валяется на позоръ и посмѣшище среди улицы“... Глубоко запали мнѣ въ душу эти слова, справедливы они были.

Изъ церкви вышелъ я успокоенный, въ душѣ явилась жалость къ брошенной семьѣ. Иду на квартиру, да думаю: нѣтъ, пора все бросить, пора образумиться. Послѣ того работать сталъ усерднѣе, пить совсѣмъ бросилъ, одна дума въ головѣ: скопить немножко деньжонокъ, да съ ними скорѣй въ деревню къ своимъ. Но, видно, легко-то только падать, а подниматься трудненько. Очень ужъ я привыкъ къ разгульной жизни, и соблазнъ былъ на каждомъ шагу. Съ мѣсяцъ я крѣпился,—жилъ хорошо, а тутъ на грѣхъ товарищи попались—слабые, и деньжонки завелись, не выдержалъ соблазна,—напился, а, извѣстное дѣло, худо сдѣлаешь, другой разъ ужъ легче повторить—и пошелъ я снова кутить. Напьюсь, забудусь, а просплюсь, не знаю, куда дѣться отъ стыда, совѣсть мучила меня, одно средство было противъ нея: залить виномъ—и заливалъ же я, не знаю, какъ только живъ остался. Эхъ, какъ бы драгоцѣнна въ то время была поддержка и забота обо мнѣ, погибавшемъ, добраго человѣка! Но откуда же она могла притти? Кому пьяница горькій былъ нуженъ?.. Скоро дошелъ до того, что все съ себя заложилъ, пить, ѣсть нечего было, и здоровье совсѣмъ испортилось; во рту сухо, внутри горитъ, руки трясутся, ноги не ходятъ, на лицо смотрѣть страшно, смерти у Господа просилъ. Вотъ въ это-то самое время земляки привезли мнѣ печальную вѣсть, что дѣти мои померли отъ скарлатины, и жена вскорѣ послѣ нихъ Богу душу отдала, извелась, сердечная, отъ меня, обидчика. Какъ услыхалъ я про это такъ не помню, что сдѣлалось со мною: помню только, что весь лежалъ, какъ въ огнѣ, и все рвалъ на себѣ, тутъ же захворалъ и горячкой, 4 недѣли въ больницѣ пролежалъ. Въ бреду мнѣ представлялось: то дѣтскія ручки грозятся на меня, то видѣнный мною на улицѣ оборванный мальчикъ кричитъ: „накажетъ тебя Богъ, накажетъ!“.. а то блѣдное, заплаканное лицо жены такъ строго, укоризненно смотритъ на меня, что не знаю, куда спрятаться отъ него.

Поправившись отъ болѣзни, я почувствовалъ, что силы во мнѣ нѣтъ, работать не могу, къ вину отвращеніе. Немедля я отправился въ свою деревню, на дорогу собрали меня добрые знакомые, своего-то у меня ужъ ничего не было. Путь былъ длинный—около 150 верстъ; иду, да думаю: Господь бы допустилъ поплакать надъ родными могилками, да у матери вымолить прощеніе, она теперь одна, бѣдная, горюетъ на старости лѣтъ.

Время было теплое, хлѣба высокіе, травы густыя,—отвыкъ я отъ деревни, а тутъ и мнѣ стало веселѣе, какъ увидѣлъ знакомыя поля... Вотъ показался крестъ церковной колокольни, а вотъ изъ-за бугра выглянули кровли нашей деревни; подхожу къ дому, стройка вся обветшала, опустилась, смотрю — у нашего дома толпится народъ, меня никто не узнаетъ— и гдѣ же узнать! Пошелъ молодцомъ, а воротился чуть не старикомъ. Слышу— изъ дома несется протяжное чтеніе. Вошелъ, на столѣ подъ образами лежитъ моя родительница, готовая къ погребенію; какъ увидѣлъ ее, родимую, такъ и грохнулся на полъ безъ памяти.

Мать похоронили, а у меня на душѣ туча черная. Прогнѣвался на меня Господь, не допустилъ и съ матерью свидѣться... справедливо ты, Господи, наказуешь меня... не замолить мнѣ, безпутному, всѣ обиды, которыя я дѣлалъ кровнымъ своимъ... За что, Господи,— думалось мнѣ,—земля-то сырая держитъ меня окаяннаго? не имъ, а мнѣ бы слѣдовало въ могилѣ лежать за все мое беззаконіе. Случалось временами, такое отчаяніе и уныніе нападетъ, что даже, грѣшно и сказать, руки хотѣлъ наложить на себя. Только и успокоишься немного, какъ въ церковь къ службѣ сходишь.

Что дѣлать? Чѣмъ заняться? Ума не могъ я приложить къ своей долѣ. Дай, думаю, пойду къ батюшкѣ, у него попрошу наставленія. Батюшка принялъ меня ласково, утѣшилъ: „много ты, Семенъ, грѣшилъ, но милости у Бога нѣтъ конца, молись Ему за себя и за своихъ родныхъ, усерднѣе молись, и Онъ укажетъ тебѣ путь добрый“. Послушался я батюшки и сталъ пріучать себя къ молитвѣ, трудно было сперва, но потомъ Богъ помогъ, ничего для меня не стало слаще того, какъ сходить въ храмъ Божій и помолиться Господу Богу; Онъ услышалъ меня и указалъ мнѣ путь, по которому мнѣ легче и спокойнѣе итти. Въ деревнѣ нашей задумали школу открывать, затрудненіе было только въ помѣщеніи; нашъ домъ былъ хоть и ветхій, но просторный, дай, думаю, хоть имъ послужу православнымъ, пришелъ на сходку и объявилъ, что жертвую его подъ школу. Остатки же имущества распродалъ, деньги положилъ на вѣчный поминъ родныхъ, а самъ пошелъ по святымъ мѣстамъ замаливать свои грѣхи, да благодарить Бога за милости ко мнѣ окаянному, недостойному. Теперь лѣтомъ хожу по монастырямъ, а зимой прибьюсь въ какую-нибудь глухую деревеньку и учу ребятокъ азбукѣ, молитвамъ, какъ умѣю, и за все благодарю Господа... во истину милостивъ Онъ къ намъ, грѣшнымъ, такъ закончилъ свой разсказъ странникъ („Кормчій“ 1894 г. №№ 36—37).

НЕДѢЛЯ МЯСОПУСТНАЯ.

Еванг. отъ Матѳ., зач. 106-е, гл. XXV, 31—46 ст.

1. Евангельское изображеніе страшнаго суда.

Когда придетъ Сынъ человѣческій во славѣ Своей, и всѣ святые ангелы съ Нимъ, тогда сядетъ на престолѣ славы Своей; и соберутся предъ Нимъ всѣ народы, и отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ; и поставитъ овецъ по правую свою руку, а козловъ по лѣвую. Тогда скажетъ Царь тѣмъ, которые по правую руку Его: придите, благословенные Отца Моего! наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; былъ боленъ, и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ. Тогда праведники скажутъ Ему въ отвѣтъ: Господи! когда мы видѣли Тебя алчущимъ, и накормили? или жаждущимъ, и напоили? Когда мы видѣли Тебя странникомъ, и приняли? или нагимъ, и одѣли? Когда мы видѣли Тебя больнымъ, или въ темницѣ, и пришли къ Тебѣ? И Царь скажетъ имъ въ отвѣтъ: истинно говорю вамъ: поелику вы сдѣлали сіе одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ. Тогда скажетъ и тѣмъ, которые по лѣвую руку: идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его. Ибо алкалъ Я, и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили Меня; былъ странникомъ, и не приняли Меня; былъ нагъ, и не одѣли Меня; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Меня. Тогда и они скажутъ Ему въ отвѣтъ: Господи! когда мы видѣли Тебя алчущимъ или жаждущимъ, или странникомъ, или нагимъ, или больнымъ, или въ темницѣ, и не послужили Тебѣ? Тогда скажетъ имъ въ отвѣтъ: истинно говорю вамъ, поелику вы не сдѣлали сего одному изъ сихъ меньшихъ, то не сдѣлали Мнѣ. И пойдутъ сіи въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную.

2. О второмъ пришествіи Господа нашего І. Христа.

„Видишь, говоритъ святитель Тихонъ задонскій, что, когда граждане ожидаютъ пришествія царя своего во градъ свой, къ достойному срѣтенію его пріуготовляются и между собою часто говорятъ: царь пріидетъ! царь пріидетъ! Когда-то онъ будетъ? ночью или днемъ? поутру или къ вечеру? и съ какою-то свитою пріидетъ? Это и подобное тому говорятъ между собою граждане, ожидая пришествія царя.

Христіане! мы ожидаемъ пришествія къ намъ Царя небеснаго, Іисуса Христа. Видѣли мы первое Его къ намъ пришествіе, ожидаемъ и второго и увидимъ оное. Видѣли, что первое Его пришествіе было въ смиреніи, нищетѣ, кротости и долготерпѣніи, второе будетъ въ страшной и Божественной славѣ. Въ первомъ пришелъ тихо и снисшелъ *яко дождь на руно, и яко капля каплющая на землю:* во второмъ возсіяетъ, яко молнія, которая на востокѣ блистаетъ и является на западѣ. Видишь въ писаніи святомъ, что тогда будетъ: *тогда небеса съ шумомъ мимо идутъ, стихіи же сжигаемы разорятся, земля и яже на ней дѣла сгорятъ* (2 Петр. II, 10). Тогда небо отлучится, яко свитокъ свиваемо, и всяка гора и островъ отъ мѣстъ своихъ двинутся, царіе земстіи, и вельможи, и богатіи, тысящники, и сильніи, и всякъ рабъ и свободь скроются въ пещерахъ и каменіи горномъ и возглаголютъ горамъ и каменію: *падите на ны и покрыйте ны отъ лица сидящаго на престолѣ и отъ гнѣва Агнча; яко пріиде великій день гнѣва Его, и кто можетъ стати* (Апок. VI, 14—15, 16 и 17)? Тогда всѣ отъ начала міра умершіе возстанутъ изъ гробовъ своихъ; тогда отъ всѣхъ концовъ земли соберутся всѣ народы и станутъ предъ Царемъ небеснымъ, праведнымъ Судіею.

Таковаго пришествія Царя нашего Іисуса Христа мы ожидаемъ; итакъ, приготовимъ себя къ достойному срѣтенію Его. Да будутъ и наши разговоры чаще о томъ днѣ! Да повторяемъ и мы другъ другу: Царь небесный идетъ! Царь небесный идетъ къ намъ! Идетъ спасти праведниковъ, грѣшниковъ же мучить. Когда-то пріидетъ Онъ? Въ нощи, или во днѣ, поутру, или къ вечеру? въ которомъ мѣсяцѣ, днѣ и часу? Проповѣдники Его то и знаютъ, что возглашаютъ намъ: Царь небесный грядетъ! Готовьтесь къ срѣтенію Его!

О, любезные благовѣстники! Скажите намъ, когда Онъ пріидетъ? Когда солнце праведное возсіяетъ намъ? Когда молнія Его блеснетъ и освѣтитъ вселенную? Когда поставится престолъ Его святый на судъ, и узримъ Его всѣ? Скоро идетъ, отвѣтствуютъ они намъ, скоро *идетъ и не закоснитъ*. Пришествіе Господне приблизися, се Судія предъ дверьми стоитъ, *но не вѣмы дне, ни часа, въ который Онъ пріидетъ*: *бдите убо. Глаголетъ свидѣтельствующій сія: ей гряду скоро: аминь. Ей, гряди, Господи Іисусе* (Апокал. XXII, 20). (Изъ „Твор. св. Тихона задонскаго“).

3. Страшенъ судъ Твой, Господи!

Помыслимъ, братіе, о второмъ пришествіи Господа, о нашемъ воскресеніи и страшномъ судѣ. Тогда, по словамъ Господа, „солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ небесе, и силы небесныя подвигнутся: и тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси, и восплачутся вся колѣна земная, егда узрятъ Сына человѣческаго грядущаго на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою многою. И послетъ ангелы Своя съ трубнымъ гласомъ веліимъ, и соберутъ избранныя Его отъ четырехъ вѣтръ, отъ конецъ небесъ до конецъ ихъ (Матѳ. XXIV, 29—32). Грядетъ часъ, въ оньже вси, сущіи во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавше, оживутъ, и изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда (Іоан. V, 28—29). Егда же пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ Своей, и вси святіи ангели съ Нимъ, тогда сядетъ на престолѣ славы Своея, и соберутся предъ Нимъ вси языцы, и разлучитъ ихъ другъ отъ друга, якоже пастырь разлучаетъ овцы отъ козлищъ... И поставитъ овцы одесную Себе, а козлища ошуюю. Тогда речетъ Царь стоящимъ одесную Его: пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Къ сущимъ же ошуюю Его речетъ: идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его. И идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный (Матѳ. XXV, 31 — 34 41. 46). — Что можетъ быть тягостнѣе и страшнѣе того приговора и зрѣлища, когда увидимъ всѣхъ непокаявшихся грѣшниковъ отсылаемыхъ на вѣчныя муки, трепещущихъ и горестно плачущихъ? Какъ не восплакать и не возрыдать, когда помыслимъ о тѣхъ страшныхъ и лютыхъ мукахъ, которыя исчислило писаніе: вѣчный огнь, тьма кромѣшная, жестокій неусыпающій червь, скрежетаніе зубовъ и прочія мученія, ожидающія прогнѣвавшихъ преблагаго Бога злыми нравами своими! Какой страхъ обыметъ насъ тогда, когда поставятся престолы, разгнутся книги, Богъ возсядетъ на судѣ со славою, когда и самые ангелы будутъ предстоять Богу съ трепетомъ? Что сдѣлаемъ мы, человѣки, повинные многимъ грѣхамъ, что скажемъ въ оправданіе тогда, когда обнаружатся всѣ наши дѣла, откроются всѣ тайные грѣхи наши, содѣланные нами днемъ и ночью, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ? Какой стыдъ обыметъ насъ тогда! Столь будетъ великъ страхъ сей, что нѣкто изъ отцовъ сказалъ: если бы тогда возможно было умереть, то весь міръ умеръ бы отъ сего страха. Посему и мы убоимся и ужаснемся, будемъ всегда помнить о семъ, хотя бы и не хотѣлось намъ, будемъ принуждать себя къ таковымъ размышленіямъ, говоря такъ душѣ своей: о, душа омраченная! почто не оставляешь злыхъ дѣяній? что не думаешь о часѣ смертномъ? что не трепещешь грознаго судилища Спасителева? Вотъ, дѣла твои предстоятъ, обличая и обвиняя тебя. Итакъ, пока еще есть время, душа, оставь смрадныя дѣла и начни добрую жизнь, поспѣши, ускори и воззови съ вѣрою: согрѣшилъ я, Господи, безъ числа согрѣшилъ я предъ Тобою, но знаю благоутробное Твое человѣколюбіе; почему припадаю и молюся Твоей благости, да пріидетъ на меня, Владыко, Твоя милость, потому что смущается моя душа и болѣзнуетъ о своемъ разлученіи съ окаяннымъ и сквернымъ моимъ тѣломъ. Владыко, будь ко мнѣ милостивъ! Да не увидитъ душа моя темнаго взора лукавыхъ демоновъ, но да пріимутъ ее Твои святые и пресвѣтлые ангелы. Ты, имѣющій власть прощать грѣхи, прости ихъ и мнѣ, чтобы предстать мнѣ предъ Тобою безъ всякой скверны на лицѣ души моей. Да не восхититъ меня грѣшнаго темная рука князя міра сего, чтобы ввергнуть меня въ глубину ада, но Ты предстань мнѣ, будь моимъ избавителемъ и заступникомъ. Помилуй, Господи, душу мою, оскверненную страстями жизни сей, пріими ее, очистивъ покаяніемъ и исповѣданіемъ. Не посрами меня предъ ангелами и человѣками, но пощади меня, Боже, и помилуй меня. Ибо трепещу и боюсь суднаго дня, будучи обличаемъ моею совѣстію; горько сожалѣю о злыхъ моихъ дѣлахъ и недоумѣваю: что буду отвѣчать Тебѣ, безсмертному Царю? Прогнѣвалъ я Тебя несказанно. Какъ дерзну, скверный и блудный, возрѣть на Тебя, страшнаго Судію? Но, Господи славы, Отче Благоутробный, Сыне Единородный и Душе Святый! помилуй меня, избави меня тогда отъ огня негасимаго и сподоби стать одесную Тебя, Судія праведнѣйшій! Аминь. (Изъ слова преподобнаго Нила Сорскаго).

4. Почему мы не страшимся страшнаго суда?

Поминай, говорилъ древній мудрецъ, *послѣдняя твоя, и во-вѣки не согрѣшиши.* А развѣ мало мы имѣетъ такихъ напоминаній? Вотъ въ душѣ нашей, послѣ грѣховнаго усыпленія, пробуждается совѣсть, зоветъ на судъ съ собой и грозно требуетъ отчета въ нашихъ дѣлахъ: не ясно ли это напоминаетъ намъ о томъ великомъ судѣ, на который позоветъ насъ Богъ? — Смотрите: природа такъ нерѣдко потрясается громами, бурями, землетрясеніями: не напоминаетъ ли это намъ о будущемъ великомъ превращеніи міра, о тѣхъ ужасахъ, которые будутъ предшествовать ужаснѣйшему изъ всѣхъ дней—дню судному? Пусть же, христіанинъ, память о страшномъ судѣ будетъ неразлучна съ тобою, при каждомъ твоемъ дѣлѣ, словѣ и мысли, и ты не совершишь тѣхъ грѣховныхъ дѣйствій, которыя теперь творишь; и твои уста не изрекутъ тѣхъ праздныхъ словъ, которыя теперь износятъ; и въ твоемъ сердцѣ не найдутъ мѣста такія мысли, которыхъ ты самъ иногда стыдишься.—Не каждый ли день св. церковь напоминаетъ намъ о страшномъ судѣ Христовомъ? Не каждый ли день и сами мы, въ своихъ молитвахъ, вспоминаемъ о немъ утромъ и вечеромъ? Такъ отчего же сія святая истина о страшномъ судѣ Божіемъ такъ слабо дѣйствуетъ на нашу душу даже и тогда, когда, кажется, мы не забываемъ о ней? Оттого, что она очень слабо напечатлѣна въ душѣ нашей. О, думаемъ ли мы о ней? Помнимъ ли? Если бы думали и помнили, то не нарушали бы такъ часто закона Божія, не носили бы въ сердцѣ коварства, зависти, ненависти, вражды къ своимъ собратіямъ, не осуждали бы ближнихъ, не имѣя на то никакого права! Осмѣлится ли кто, предъ лицомъ царя земного, произнести что-либо для него оскорбительное, когда знаетъ, что царь его слышитъ? Нарушитъ ли кто волю царскую, если увѣренъ, что царь тотчасъ узнаетъ объ этомъ? Но вотъ, Царь небесный все знаетъ, все слышитъ, что мы творимъ, говоримъ или о чемъ думаемъ, и во всемъ этомъ мы должны дать строгій отчетъ Ему, а мы о томъ и подумать не хотимъ, — это ли вѣра наша? всѣ наши мысли, слова и дѣла раскроются предъ лицомъ всего неба и земли, а сколько совершаемъ мы такихъ дѣлъ, которыхъ сами стыдимся, сколько произносимъ грѣшныхъ словъ, сколько питаемъ въ душѣ мыслей, которыхъ, по чувству стыда, мы ни за что не рѣшились бы открыть другимъ! Можно ли же, послѣ сего, сказать, что въ сердцѣ нашемъ глубоко напечатлѣна мысль о томъ, что все, совершаемое нами тайно или явно здѣсь, откроется непремѣнно тамъ? Рѣшились бы мы хотя на одно дѣло грѣшное, допустили бы въ свое сердце хотя одну мысль постыдную, если бы твердо вѣрили, что все это будетъ непремѣнно извѣстно всему міру? На страшномъ судѣ Божіемъ отъ насъ потребуютъ отчета во всей нашей жизни: послѣ сего испытанія мы пойдемъ или въ рай Божій, или на вѣчныя муки ада. Но, Боже мой! Сколько между нами есть такихъ людей, которые до того погрузились въ заботы о настоящей жизни, какъ будто имъ никогда не разставаться съ нею! Можно ли сказать, что такіе люди вѣрятъ въ будущій страшный судъ Божій? Напечатлѣй же, христіанинъ, въ твоемъ умѣ и сердцѣ истину сего суда страшнаго, и она, какъ невидимая рука Божія, будетъ удерживать тебя отъ грѣха, какъ ангелъ-хранитель поведетъ тебя по пути добродѣтели.—Впрочемъ, нашъ ветхій человѣкъ нерѣдко разсуждаетъ такъ: „правда, что Богъ нѣкогда позоветъ насъ на судъ, что послѣ этого суда грѣшники будутъ наказаны, но вѣдь Богъ безконечно милосердъ: Онъ не захочетъ погубить Свое созданіе; Онъ столько любитъ человѣка, что и Сына Своего единороднаго предалъ смерти для спасенія нашего. Станетъ ли Онъ наказывать за грѣхи временной жизни муками цѣлой вѣчности?“—Такъ наша безпечная природа грѣховная успокоиваетъ себя надеждою на милосердіе Божіе! Но какъ невѣрна, какъ неосновательна эта надежда наша, если она ведетъ ко грѣху! Да, Богъ безконечно милосердъ, никакое созданіе не въ силахъ вмѣстить въ себѣ той безпредѣльной любви, того безконечнаго милосердія, какое Богъ имѣетъ къ намъ.

Но Онъ же и правосуденъ: въ какой мѣрѣ милосердъ, въ такой же мѣрѣ и провосуденъ; безконечно Онъ милосердъ, безконечно и правосуденъ: кто даетъ перевѣсъ одному изъ сихъ совершенствъ, тотъ совсѣмъ превращаетъ понятіе о Богѣ, Существѣ совершеннѣйшемъ. По закону правды Божіей за всякимъ грѣхомъ должно слѣдовать наказаніе: такъ оно и бываетъ еще здѣсь, тѣмъ болѣе будетъ тамъ, потому-то слово Божіе и говоритъ, что Богъ *судити имать вселеннѣй въ правду, судити имать въ правотѣ* (Пс. IX, 9), что послѣ суда праведные пойдутъ въ жизнь вѣчную, а грѣшные въ муку вѣчную (Мѳ. XXV, 34—36). Какъ же можно думать, что на судѣ Божіемъ нераскаянный грѣшникъ будетъ помилованъ, что тамъ будетъ насъ судить одно милосердіе, а правосудіе умолкнетъ? На что тогда и самый судъ? Указываютъ на заслуги Спасителя. Но Его заслуги будутъ ходатайствовать только за тѣхъ, которые принесли достойное покаяніе, напротивъ, онѣ еще болѣе отяготятъ наказаніе тѣхъ, которые во зло употребили самую благодать Спасителя. Скажутъ: зачѣмъ вѣчныя муки за грѣхи временной жизни? Но посмотрите на законы человѣческіе: какъ они судятъ о тяжести преступленій. Кто оскорбилъ равнаго себѣ, тотъ наказывается легче, чѣмъ тотъ, кто обидѣлъ начальника; а кто оскорбилъ царя, тотъ подвергается несравненно строгому наказанію. Судите же сами: какъ тяжко согрѣшаемъ мы, когда своими грѣхами оскорбляемъ Бога, безконечно великаго!.. Богъ безконечно великъ, потому каждый грѣхъ нашъ безконечно тяжекъ: какое же должно быть и наказаніе за него, какъ не безконечное? А сколько такихъ грѣховъ у каждаго изъ насъ! Какъ же не сказать: правы суды Твои, Господи, осуждающіе нераскаяннаго грѣшника на муку вѣчную! Никогда не упускай этого изъ виду, братъ христіанинъ, и воспоминаніе о страшномъ судѣ Божіемъ будетъ удерживать тебя отъ грѣховъ и располагать къ добродѣтельной жизни.—„Но, говорятъ, если вѣчность мученій неизбѣжна, то вѣдь это еще не скоро будетъ, судъ не скоро настанетъ, еще можно успѣть покаяться, чтобы не явиться на судъ виновнымъ... Зачѣмъ спѣшить разставаться съ любимыми привычками, зачѣмъ торопиться мѣнять пріятный образъ жизни на трудную и скучную заботу о спасеніи души? Еще время впереди; успѣемъ это сдѣлать“. Такъ нерѣдко думаетъ грѣховная безпечность человѣческая, когда мысль о страшномъ судѣ Божіемъ пробуждаетъ въ душѣ чувство необходимости покаянія. И сколько благихъ намѣреній не приведено въ исполненіе чрезъ эту надежду на будущее, сколько прекрасныхъ дѣлъ не исполнено, именно потому, что откладывали ихъ все на завтра, тогда какъ ихъ надобно бы было совершить сегодня? Удивительно ли послѣ сего, что истина о страшномъ судѣ не производитъ въ насъ никакихъ благотворныхъ дѣйствій? Мы успѣемъ еще покаяться, говоримъ мы. Но, откладывая покаяніе, не затрудняемъ ли его для себя еще больше? Умножая грѣхи, мы болѣе и болѣе ослабляемъ силы духа нашего и безразсудно думаемъ, что оставить грѣхи состарѣвшіеся съ нами такъ же удобно, какъ и тѣ, которые не обратились еще въ привычку. Страшный судъ Христовъ, говоримъ мы, еще не скоро настанетъ. Можетъ-быть, дѣйствительно всеобщій судъ отдаленъ отъ насъ. Но для каждаго изъ насъ будетъ свой частный судъ. Кто поручится хотя за одинъ годъ, даже за одинъ день своей жизни, что онъ проживетъ его? А послѣ смерти—этотъ частный судъ, начало того, что окончательно совершится и послѣдуетъ на судѣ страшномъ. Что же мы выигрываемъ, послѣ сего, съ нашею безпечною надеждою на отдаленность суда? И кто даже увѣритъ насъ, что судъ Христовъ замедлитъ настать? св. писаніе не говоритъ намъ сего; оно, напротивъ, убѣждаетъ каждую минуту ожидать суда, ибо время, когда онъ настанетъ, неизвѣстно (Мѳ. XXIV, 36. 42. 44. 2 Петр. III, 10. Апок. XXII, 12). *Блюди убо, душе моя, да не сномъ отяготишися, да не смерти* вѣчной *предана будеши!..* (См. „Воскр. чтен.“ за 1840 г. № 48).

5. О безсмертіи души.

„Различны доказательства безсмертія души и по степени силы, и по своимъ источникамъ, говоритъ одинъ изъ ученѣйшихъ русскихъ іерарховъ (Сергій, епископъ могилевскій). Одни доказательства берутся *отъ видимой природы, другія отъ свойствъ Божіихъ и отъ свойствъ души,—есть, наконецъ, доказательства откровенныя и опытныя*“.

I. Что видимъ въ *природѣ?* Переходы однихъ и тѣхъ же существъ отъ одной формы жизни къ другой, высшей. Особенно же это видится въ мірѣ насѣкомыхъ. Вотъ изъ малаго яичка выползаетъ червячокъ безъ головы и безъ ногъ, потомъ является у него голова и шесть ногъ, далѣе число ногъ увеличивается; насѣкомое растетъ, нѣсколько разъ перемѣняетъ свой покровъ или верхнюю оболочку, потомъ заключается въ пеленѣ, имъ же сдѣланной изъ своего тѣла, или въ шелковичномъ домикѣ, который остается неподвижнымъ; но внутри идетъ работа, кипитъ жизнь, и вотъ оболочка прорывается и вылетаетъ великолѣпная бабочка или мотылекъ, и тотъ червячокъ, который съ трудомъ въ долгое время проползаетъ малое пространство по вѣткамъ, теперь съ быстротою вѣтра порхаетъ и летаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ. Такъ и человѣкъ здѣсь, на землѣ, переходитъ двѣ главныя формы жизни, не говоря о возрастахъ; сначала онъ образуется и живетъ безсознательно во мракѣ матерней утробы, затѣмъ, по рожденіи на свѣтъ, живетъ на землѣ. Эта жизнь уже несравненно выше первой, но и здѣсь для человѣка свѣтъ дня смѣняется мракомъ ночи, за благополучными днями наступаютъ невзгоды; естественно ожидать ему третьей, лучшей жизни, когда онъ будетъ летать въ надземныхъ пространствахъ, гдѣ вѣчный день, и нѣтъ печали и воздыханія.

Конечно, это доказательство предположительное, но имѣетъ не малую силу убѣдительности. Самъ Господь для насъ положилъ въ природѣ прообразы и предуказанія имѣющей быть лучшей для насъ жизни.

Еще мы видимъ, что на землѣ живыя существа наслаждаются жизнію неодинаковое время; есть насѣкомыя, которыя живутъ въ продолженіе немногихъ дней, и есть животныя, которые живутъ сотни лѣтъ; почему не могутъ быть существа, которыхъ бытіе никогда бы не прекращалось?

Мы видимъ также, что животнымъ и человѣку дано родовое безсмертіе; животныя и люди, передавая жизнь изъ поколѣнія въ поколѣніе, будутъ существовать дотолѣ, доколѣ будетъ находиться земля въ настоящемъ ея состояніи. Почему не можетъ быть дано Богомъ высшему изъ всѣхъ тварей и владычествующему надъ ними человѣку вмѣстѣ съ родовымъ и личное безсмертіе? Господь всемогущъ, Онъ можетъ создать безсмертныя существа; Онъ всеблагъ, а лучшее благо безпечальная, непрекращаемая жизнь.

Если бы и самое высшее существо на землѣ — человѣкъ не былъ предназначенъ вѣчно славить безсмертнаго Бога, и если бы онъ не былъ безсмертенъ, то земля была бы печальнымъ зрѣлищемъ всеразрушающей и всепоглощающей смерти, и Богъ былъ бы только Богъ мертвыхъ, а не живыхъ на землѣ.

Конечно, вышеизложенныя соображенія только еще предположительно говорятъ о безсмертіи души человѣческой.

II. Но есть болѣе полныя и твердыя доказательства безсмертія души, которыя основываются на двухъ началахъ въ совокупности: во 1-хъ, *на бытіи и свойствахъ Божіихъ*, во 2-хъ, *на свойствахъ души*.

а) Первое положительное и ясное доказательство сего рода слѣдующее: несомнѣнно есть Богъ, ибо Онъ является человѣку не только въ его душѣ, но и въ видимой природѣ и чрезъ непосредственныя Свои откровенія. Онъ есть существо правосудное, всесвятое; въ существѣ души человѣка Имъ вложено стремленіе къ добрымъ дѣламъ и отвращеніе отъ злыхъ, и многіе люди стараются творить добрыя дѣла и добровольно несутъ при этомъ тяжкіе подвиги самоотверженія, но на землѣ мы видимъ, что грѣшники часто наслаждаются благополучіемъ, а праведники страдаютъ до самой смерти и большею частію отъ грѣшниковъ. Если бы не было для людей другой жизни, въ которой должно быть воздаяніе по дѣламъ, то Богъ не былъ бы правосуденъ и святъ. Онъ былъ бы немилосердъ въ отношеніи къ праведникамъ, будучи снисходителенъ къ грѣшникамъ, а этого представить невозможно. И такъ какъ Богъ святъ, то будетъ другая жизнь, въ которой грѣшники и праведники получатъ должное воздаяніе.

б) Другое доказательство безсмертія души подобно сему, но шире по содержанію: въ умѣ человѣка вложено Богомъ стремленіе къ истинѣ, въ волѣ стремленіе къ добру, въ сердцѣ стремленіе къ блаженству, но умъ человѣка не удовлетворяется познаніями, пріобрѣтаемыми на землѣ; онъ видитъ, что они далеко не полны и не совершенны: воля его встрѣчаетъ многія препятствія къ усовершенію въ добрѣ; хотя человѣкъ и много трудится на землѣ для добра, но представляетъ себя далеко незрѣлымъ въ нравственномъ отношеніи, тяготится чувствомъ грѣховности, — сердце его не находитъ истиннаго счастія на землѣ, Въ душѣ человѣка укоренена мысль о вѣчности и безконечности; душа не только имѣетъ мысль о безконечномъ, высочайшемъ Существѣ, но и самымъ сердцемъ и волею стремится къ Нему.

Далѣе, что значитъ и то явленіе, что человѣкъ разными средствами старается увѣковѣчить свое имя даже и на землѣ, желаетъ, чтобы объ немъ какъ можно долѣе помнили и по смерти. Наконецъ, всѣ народы на землѣ вѣрятъ въ будущую жизнь. Зачѣмъ бы Творцу влагать въ душу человѣка такія высокія стремленія, если бы они не удовлетворились, и такія чаянія и надежды, если бы они не исполнились, т.-е., если бы не было лучшей, безсмертной жизни? Это было бы противно и благости, и премудрости, и святости Божіей. Итакъ, какъ несомнѣнно, что есть вѣчный, премудрый и всесовершенный Богъ, такъ несомнѣнно и то, что будетъ безсмертная жизнь для человѣка, въ которой стремленія души его удовлетворятся.

Чаяніе будущей жизни вмѣстѣ съ вѣрою въ Бога служитъ основаніемъ благоустроенной жизни и на землѣ. Извѣстно, что тѣ народы, у которыхъ ослабѣвала вѣра въ будущую жизнь, подвергались разнымъ бѣдствіямъ; основы семейной и общественной жизни у нихъ потрясались; эти народы подвергались внутреннимъ междоусобіямъ и порабощенію отъ внѣшнихъ враговъ. Было время, что цѣлое поколѣніе всего рода человѣческаго, кромѣ семейства праведнаго Ноя, по опредѣленію Божію, истреблено было потопомъ, потому что оно потеряло вѣру въ Бога и въ безсмертіе души, у людей того времени плоть такъ поработила духъ, что онъ забылъ о самостоятельномъ своемъ бытіи и своемъ высокомъ достоинствѣ; потому и Богъ сказалъ объ этихъ людяхъ: *не имать духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ въ вѣкъ, зане суть плоть* (Быт. VI, 3). Подобное будетъ предъ второю и послѣднею кончиною рода человѣческаго на землѣ.

Идущіе тернистымъ путемъ добродѣтели да напечатлѣютъ въ сердцахъ своихъ слова св. ап. Павла: *вѣровати подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть, и взыскающимъ Его мздовоздатель бываетъ* (Евр. XI, 6), и слова Самого Господа І. Христа: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити: убойтеся же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ* (Мѳ. X, 28).

III. Есть еще доказательства безсмертія души болѣе опредѣленныя и рѣшительныя, это—доказательства богословскія отъ откровеній божественныхъ и опытныя отъ явленій душъ умершихъ людей.

а) Самъ Господь Богъ открывался многоразлично и многократно людямъ и доселѣ открывается чрезъ святыхъ людей, наиболѣе въ пророчествахъ, знаменіяхъ и чудесахъ. Но для чего Онъ открывался и открывается людямъ? Для того, чтобы приготовить ихъ къ будущей блаженной жизни. Господь многократно открывалъ людямъ, что *они созданы для лучшей—не земной жизни, и указалъ имъ пути къ достиженію небесной блаженной жизни.* Господь въ откровеніяхъ Своихъ говорилъ, что душа будетъ жить вѣчно и никогда не умретъ, и что человѣкъ самымъ тѣломъ по воскресеніи изъ мертвыхъ умереть уже не можетъ (Лук. XX, 35—39).

б) Остановимся на *опытномъ* доказательствѣ, на явленіи душъ умершихъ людей. Господь Богъ отъ глубокой древности рода человѣческаго или допускалъ только эти явленія умершихъ, или и Самъ посылалъ ихъ къ живущимъ на землѣ. Еще во дни Моѵсея, за 3500 лѣтъ до нашего времени, были люди, которые вызывали души умершихъ. Господь воспретилъ подъ смертною казнію это волшебство чрезъ Моѵсея. *Мужчина или женщина, если будутъ они вызывать мертвыхъ или волхвовать, да будутъ преданы смерти; камнями должно побить ихъ* (Лев. XX, 27; Второз. X, 12; Сир. XLVI, 23; 1 Цар. XXVIII), (сн. „Начертаніе церковно-библейской исторіи“ Филарета. Изд. 10, стр. 200).

Въ христіанскомъ мірѣ, по изволенію Божію, было много явленій душъ умершихъ людей живущимъ на землѣ, начиная съ Моѵсея и Иліи, явившихся во славѣ во время преображенія І. Христа на Ѳаворѣ. О многократныхъ явленіяхъ І. Христа по воскресеніи, въ продолженіе сорока дней, не только душою, но и тѣломъ, апостоламъ и многимъ христіанамъ извѣстно всѣмъ изъ евангельской исторіи.

Обращаясь къ явленіямъ другого рода, мы должны сказать, что если бы собрать достовѣрнѣйшія сказанія объ явленіяхъ душъ усопшихъ въ христіанскомъ мірѣ, то составилась бы цѣлая книга. Являлись не только святые, но и грѣшные или обыкновенной жизни люди живущимъ на землѣ для вразумленія ихъ и увѣренія въ будущей жизни. Укажемъ сперва на важнѣйшія, болѣе извѣстныя явленія умершихъ, бывшія въ королевскихъ и императорскихъ фамиліяхъ.

Въ 1821 году, вскорѣ послѣ смерти Наполеона на островѣ св. Елены, поставленный вмѣсто его на престолъ Франціи изъ прежней династіи Бурбоновъ Людовикъ XVIII въ одну ночь лежалъ въ своей спальной комнатѣ, но долго не могъ заснуть и думалъ о Наполеонѣ. Свѣчи тускло горѣли, на столѣ лежала корона французскаго государства и брачный контрактъ маршала Мармона. Этотъ контрактъ предложенъ былъ для подписи Наполеону, но военныя событія помѣшали утвержденію его, и вотъ онъ опять лежалъ предъ Людовикомъ. Часы на храмѣ Богоматери возвѣстили полночь. Едва затихъ послѣдній ударъ, отворилась дверь спальной комнаты, которую заперъ самъ Людовикъ. Вошелъ Наполеонъ, подошелъ къ столу, надѣлъ на себя корону, взялъ брачный контрактъ и потомъ перо, — въ это время чувства оставили Людовика. Когда онъ пришелъ въ себя, было уже свѣтлое утро. Первымъ дѣломъ его было осмотрѣть дверь; она найдена запертою замкомъ и еще задвижкою изнутри; затѣмъ король подошелъ къ столу и нашелъ кантрактъ подписаннымъ „Наполеонъ". Дальнѣйшее изслѣдованіе показало, что нѣкоторые слуги, долго ожидавшіе возвращенія своихъ товарищей, въ полночь видѣли блѣдный призракъ, спѣшившій въ спальную комнату короля. Почеркъ подписи императора на контрактѣ признанъ былъ за истинный, и этотъ замѣчательный контрактъ находился еще въ 1847 году въ королевскомъ архивѣ въ Парижѣ (у Шальберга въ его соч.: „О безсмертіи", изд. 2, стр. 42).

Въ лѣтописяхъ Англіи записано, какъ умершая 4 января 1736 г. королева англійская Софія, по происхожденію Брауншвейгская, являлась по смерти дважды супругу своему, королю Георгу первому, и просила его разорвать преступную связь съ Гораціею, начатую еще при жизни королевы. Явившись во второй разъ, она взяла кружевной воротничекъ короля, лежавшаго въ постели, завязала на немъ узелъ и бросила на грудь короля, сказавъ, что изъ смертныхъ никто его не развяжетъ. Горація на другой день, не могши развязать узла, бросила воротничекъ въ огонь, король вытащилъ его изъ камина, но онъ упалъ на платье Гораціи, которое быстро воспламенилось, и она умерла отъ обжоговъ. Георгъ раскаялся, подолгу молился, основалъ госпиталь, много дѣлалъ добра именемъ королевы и умеръ спустя два мѣсяца послѣ послѣдняго ея явленія. (Тамъ же, стр. 44).

Много писано было о явленіяхъ въ разныя времена во дворцахъ и замкахъ прусской династіи *бѣлой женщины*, предвѣщавшей смерть кого-либо изъ членовъ королевской фамиліи. Судя по найденному портрету, это — принцесса Берта фонъ Розенбергъ, жившая за четыре столѣтія до нашего времени (въ XV столѣтіи). Въ декабрѣ 1628 года она ходила по Берлинскому дворцу и произнесла слѣдующія слова: „гряди, Судія живыхъ и мертвыхъ, еще остается мнѣ надежда суда!" Въ началѣ настоящаго столѣтія она дважды являлась королевѣ Луизѣ, которая сочла это за предзнаменованіе своей смерти и вскорѣ послѣ того скончалась. Портреты этой бѣлой женщины продавались тогда во всѣхъ книжныхъ лавкахъ Берлина.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія императоръ Петръ I, явившись наслѣднику русскаго престола, впослѣдствіи императору Павлу I, предсказалъ ему печальную участь и недолгую жизнь и убѣждалъ его жить по законамъ справедливости. Это явленіе описано со словъ самого, тогда еще наслѣдника престола, Павла Петровича. Разсказъ объ этомъ Павла Петровича записанъ баронессою Оберъ-Кирхъ, а самый разсказъ былъ въ Брюсселѣ, гдѣ наслѣдникъ былъ въ 1772 году („Рус. арх." 1869 гл. III, стр. 517 – 526).

Въ Бозѣ почившему московскому митрополиту Филарету († 19 ноября 1867 г.) за два мѣсяца до его кончины было необычайное извѣщеніе въ Сергіевой лаврѣ о близкомъ отшествіи его въ вѣчность, именно утромъ 17 сентября 1867 года. Пробудившись, онъ сказалъ намѣстнику лавры, архимандриту Антонію: „мнѣ явился родитель мой и сказалъ: береги девятнадцатое число". Намѣстникъ позволилъ себѣ замѣтить: „владыко святый! Развѣ можно вѣрить сновидѣніямъ и искать въ нихъ какого-нибудь значенія? притомъ какъ же можно обращать вниманіе на такое неопредѣленное указаніе? Вѣдь девятнадцатыхъ чиселъ въ каждомъ году бываетъ двѣнадцать". Но владыка ему съ увѣренностію сказалъ: „не сонъ я видѣлъ, и потому думаю съ этого времени девятнадцатое число причащаться св. таинъ". И дѣйствительно, онъ причащался 19 сентября, 19 октября и 19 ноября — въ день кончины. („Утѣш. въ смерти“, еп. Гермогена, изд. 7, стр. 111).

„Одинъ высокообразованный христіанинъ, говоритъ въ своей проповѣди высокопреосвященный Никаноръ, архіепископъ одесскій, разсказалъ про своего брата, офицера, слѣдующее: „братъ его ѣхалъ съ товарищемъ домой съ вечерней пирушки въ одномъ экипажѣ. Пріѣхалъ и вошелъ въ свою квартиру, а товарищъ поѣхалъ дальше въ свою квартиру. Входитъ братъ въ кабинетъ, сопровождаемый денщикомъ и собакою. Въ кабинетѣ видитъ: за его письменнымъ столомъ, къ нимъ спиною, сидитъ его товарищъ, съ которымъ онъ только что сію минуту разстался. Денщикъ говоритъ: „вотъ и не замѣтилъ, какъ они вошли“... Даже собака обнаружила признаки, что видитъ сторонняго человѣка. Братъ заглядываетъ въ лицо сидящему и видитъ ужасное мертвенное лицо товарища... Въ ту же минуту слуга товарища прибѣжалъ доложить, что „баринъ сію минуту воротился домой и умеръ“...

Одинъ кавказецъ сидѣлъ ночью у себя въ квартирѣ и читалъ книгу. Поднимаетъ глаза и видитъ противъ себя въ углу туманъ. Машетъ рукою, чтобы туманъ разсѣять. Но изъ тумана выдѣляется свѣтлая фигура его невѣсты, которая была въ эту минуту далеко въ Россіи. Тотъ невольно падаетъ передъ тѣнью на колѣни. Невѣста кладетъ ему вѣнокъ на голову и исчезаетъ въ туманѣ. Онъ долго чувствовалъ на головѣ тотъ кругъ, къ которому прикоснулся вѣнокъ. Идетъ сейчасъ же къ своимъ родителямъ и разсказываетъ о видѣніи. Записали день и часъ; оказалось, что въ этотъ день его невѣста умерла. (Извлеч. изъ слова Никанора, арх. херсонск.; сн. „Паст. соб.“ за 1887 годъ).

6. Видѣніе райскихъ обителей св. Андреемъ Христа ради юродивымъ.

(Изъ Пролога).

Святой Андрей, Христа ради юродивый, былъ такъ угоденъ и любезенъ Богу, что однажды восхищенъ былъ до третьяго неба. Случилось это такъ. Въ Царьградѣ, гдѣ жилъ св. Андрей (въ X в. по Р. Хр.), была однажды жестокая зима. Цѣлыя двѣ недѣли былъ сильнѣйшій морозъ, многіе дома полны были снѣгу, холодный сѣверный вѣтеръ былъ такъ силенъ, что разрушались и падали высокія зданія, отъ бури и вѣтра ломались деревья, птицы отъ недостатка пищи и холода падали мертвыми на землю. Тогда всѣ нищіе и убогіе были въ великой бѣдѣ и въ несчастіи; они плакали, стонали и тряслись отъ мороза, а многіе отъ холода и голода и умирали. Тогда и блаженный Андрей, не имѣвшій ни пристанища, ни одежды, немалую скорбь претерпѣлъ отъ зимы, ибо, когда приходилъ къ другимъ нищимъ, желая гдѣ-либо вмѣстѣ съ ними укрыться отъ холода, они отгоняли его отъ себя палками, какъ пса, говоря: „ступай, ступай отсюда, песъ“. Послѣ того уже рѣшительно не зная, гдѣ укрыться отъ бѣды, и отчаявшись въ своей жизни, онъ сказалъ самъ себѣ: „благословенъ Господь Богъ! если я умру отъ сей зимы, пусть умру ради Его любви, но силенъ Богъ вмѣстѣ съ сею зимою подать мнѣ и терпѣніе“. Затѣмъ, зашедши въ одинъ уголъ, нашелъ лежащаго тамъ пса и легъ съ нимъ, желая согрѣться отъ него, но песъ, увидѣвъ его, всталъ и ушелъ. И св. Андрей сказалъ себѣ: „о, какъ ты грѣшенъ, окаянный, что не только люди, но даже и псы гнушаются тобою“. Лежа здѣсь, онъ трясся отъ жестокаго мороза и вѣтра, все тѣло его посинѣло и обмерзло, и онъ уже думалъ, что пришелъ послѣдній часъ его. Тогда, возведши къ Богу свои сердечныя очи, онъ сталъ молиться, чтобы Богъ принялъ въ мирѣ его душу. Въ эту самую минуту онъ вдругъ почувствовалъ въ своемъ тѣлѣ теплоту и, открывъ глаза, увидѣлъ предъ собою нѣкоего красиваго юношу, лицо котораго свѣтилось какъ солнце, а въ рукѣ своей онъ держалъ вѣтвь, цвѣтущую разными цвѣтами. Посмотрѣвъ на Андрея, юноша сказалъ: „Андрей, гдѣ ты?“ Андрей отвѣчалъ: „во тьмѣ и сѣни смертной нахожусь нынѣ“. Тогда явившійся юноша, коснувшись лица Андреева тою цвѣтною вѣтвію, которую держалъ въ рукѣ своей, сказалъ: „получи обновленіе тѣлу твоему“; и тотчасъ святой Андрей почувствовалъ благоуханіе отъ тѣхъ цвѣтовъ, которое, вошедши внутрь его, оживило и согрѣло все тѣло его. Потомъ слышалъ голосъ: „ведите его, пусть утѣшится здѣсь на время, а потомъ опять возвратится“. При этихъ словахъ онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ и видѣлъ неизреченныя откровенія Божіи, которыя и разсказалъ потомъ самъ, говоря: „что было со мною — не знаю; какъ иногда сладко кто спитъ всю ночь и утромъ пробуждается, такъ я цѣлыя двѣ недѣли пробылъ въ сладкомъ видѣніи, по изволенію Божію. Видѣлъ же я себя какъ бы въ прекрасномъ и весьма дивномъ раю и, удивляясь, размышлялъ самъ съ собою: что это такое? Знаю, что имѣю пребываніе въ Царьградѣ, но какъ очутился здѣсь, не знаю. И не сознавалъ того, въ тѣлѣ ли я былъ или безъ тѣла, — Богъ знаетъ, но видѣлъ, что я облеченъ былъ въ свѣтлую одежду, вытканную какъ бы изъ молніи, а на головѣ имѣлъ вѣнецъ, сплетенный изъ большого цвѣтка, опоясанъ былъ царскимъ поясомъ и весьма радовался о красотѣ своей, — и умомъ и сердцемъ удивлялся невыразимой красотѣ рая Божія и, ходя по нему, веселился. Были тамъ многіе сады, въ которыхъ высокія деревья, колебля верхушки свои, весьма услаждали зрѣніе, и благоуханіе большое исходило отъ вѣтвей ихъ. Одни изъ деревьевъ постоянно цвѣли, а другія были украшены листьями златовидными, иныя еще имѣли различные плоды — красоты и доброты несказанной; нѣтъ возможности уподобить красоты тѣхъ деревьевъ ни одному дереву на землѣ, ибо Божья, а не человѣческая рука насадила ихъ. Безчисленное множество птицъ было въ садахъ тѣхъ,—у однѣхъ изъ нихъ крылья были золотыя, у другихъ — бѣлыя, какъ снѣгъ, а у иныхъ разныхъ цвѣтовъ — пестрыя. Сидя на вѣткахъ деревьевъ, онѣ такъ чудно пѣли, что отъ сладкаго пѣнія ихъ я не помнилъ самъ себя,—такъ услаждалось мое сердце, и казалось мнѣ, что звуки пѣнія ихъ слышны были даже въ высотѣ небесной. Стояли тѣ сады рядами—одинъ противъ другого, какъ стоитъ полкъ противъ полка; идя между ними въ сердечномъ веселіи, видѣлъ я большую рѣку, текущую по серединѣ и орошавшую тѣ прекрасные сады. По обѣ стороны рѣки росъ виноградъ, далеко распространявшій свои вѣтви, украшенныя златовидной листвой и плодами. Съ разныхъ сторонъ вѣяли тамъ тихіе и благоуханные вѣтры, производя въ садахъ дивный шумъ. Въ сіи минуты нѣкій ужасъ напалъ на меня, и казалось мнѣ, что я стою на самомъ верху тверди небесной, а предо мною шелъ нѣкоторый юноша, одѣтый въ красную одежду и имѣвшій лицо, подобное солнцу; кажется, это былъ тотъ самый, который коснулся вѣткою лица моего. Когда я пошелъ за нимъ, то увидѣлъ большой и прекрасный крестъ, вокругъ котораго стояли огневидные, какъ пламень, пѣвцы и пѣли нѣкую прекрасную пѣснь, прославляя распятаго на крестѣ Господа. Юноша, который шелъ передо мною, подошедши ко кресту, облобызалъ его, потомъ далъ знакъ мнѣ, чтобы и я лобызалъ. Со страхомъ и великою радостію припалъ я къ святому кресту и съ усердіемъ лобызалъ его; когда же лобызалъ, насытился неизреченной духовной радости и почувствовалъ еще больше, чѣмъ въ раю, благоуханіе. Минувъ крестъ, посмотрѣлъ я внизъ и увидѣлъ подъ собою какъ бы бездну морскую; казалось мнѣ, что я шелъ по воздуху, и вотъ сталъ страшиться и сказалъ водившему меня: „господинъ, я боюсь, какъ бы мнѣ не упасть въ глубину“. А онъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: „не бойся, намъ нужно взойти еще выше“, и подалъ мнѣ руку. Когда я взялся за его руку, то очутился выше второго неба. Видѣлъ тамъ дивныхъ мужей и покой ихъ, а радость торжества ихъ невыразима языкомъ человѣческимъ. Потомъ вошли мы въ нѣкоторый дивный пламень, который не опалялъ, а только освѣщалъ насъ. Я опять сталъ ужасаться, а водившій меня, обратившись ко мнѣ, опять подалъ мнѣ руку, говоря: „еще выше нужно взойти намъ“, и тотчасъ, съ этимъ словомъ, очутились мы выше третьяго неба, гдѣ видѣлъ и слышалъ я множество силъ небесныхъ, поющихъ и славословящихъ Бога. Вотъ подошли мы къ нѣкоторой завѣсѣ, блиставшей какъ молнія, предъ которою стояли высокіе, страшные юноши, по виду,—какъ пламень огненный, лица ихъ сіяли свѣтлѣе солнца, въ рукахъ у нихъ было огненное оружіе. Водившій меня юноша сказалъ мнѣ: „когда отнимется завѣса, ты увидишь Владыку Христа, поклонись же престолу славы Его“. Слыша это, я трепеталъ и радовался, ибо объялъ меня ужасъ, а вмѣстѣ и радость неизреченная, и я стоялъ, смотря, когда отнимется завѣса. И вотъ, когда нѣкая пламенная рука отняла завѣсу, видѣлъ я Господа моего, какъ нѣкогда Исаія пророкъ,— сѣдящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ, а вокругъ стояли серафимы; облеченъ Онъ былъ въ багряную (красную) ризу, лицо Его было пресвѣтло, очи—ласково взиравшія на меня. Увидѣвъ Его, я палъ предъ нимъ ницъ, кланяясь пресвѣтлому и страшному престолу славы Его. Невозможно передать словами, какая радость объяла меня тогда отъ видѣнія лица Божія. Даже и теперь, припоминая сіе видѣніе, я испытываю неизреченную сладость. Лежа ницъ передъ Владыкою моимъ въ трепетѣ, я удивлялся такому милосердію Его, что допустилъ Онъ меня, грѣшнаго и нечистаго человѣка, притти къ Нему и видѣть Божественную красоту Его. Приходилъ вмѣстѣ и въ умиленіе, размышляя о своемъ недостоинствѣ и разсматривая величіе Владыки моего, и сказалъ самъ въ себѣ слова пророка Исаіи: „о, окаянный я, что, будучи человѣкомъ, имѣющимъ нечистыя уста, удостоился видѣть глазами моими Господа моего!“ Затѣмъ слышалъ премилосерднаго Творца моего, Своими пресладкими и пречистыми устами изрекшаго ко мнѣ три Божественныхъ слова, которыя такъ усладили сердце мое и распалили любовію, что я весь, какъ воскъ, таялъ отъ теплоты духовной, такъ что исполнились на мнѣ тогда слова Давидовы: бысть сердце мое, яко воскъ тая посредѣ чрева моего (Псал. XXI, 15). Затѣмъ небесныя воинства воспѣли дивную и неизреченную пѣснь, и послѣ сего, уже не знаю какъ, очутился я ходящимъ въ раю и думалъ въ себѣ, что не видѣлъ Пречистой Госпожи Богородицы. И вотъ, увидѣлъ нѣкоего свѣтлаго, какъ облако, мужа, несшаго крестъ и сказавшаго: ты пожелалъ видѣть здѣсь свѣтлѣйшую Царицу силъ небесныхъ, но Ея нѣтъ здѣсь нынѣ, ибо отошла въ бѣдный міръ помогать людямъ и утѣшать скорбящихъ. Я показалъ бы тебѣ Ея святое мѣсто, но теперь нѣтъ времени, ибо тебѣ слѣдуетъ уже возвратиться туда, откуда пришелъ, какъ повелѣваетъ тебѣ Владыка“. Когда онъ говорилъ мнѣ это, мнѣ показалось, что я, какъ будто, сладко заснулъ, затѣмъ, пробудившись, очутился на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде,—лежащимъ въ углу,—и удивился, гдѣ былъ въ видѣніи и что удостоился видѣть. Сердце мое исполнилось тогда неизреченной радости, и я благодарилъ Владыку моего, оказавшаго мнѣ столь великую милость“.

Все сіе святой Андрей предъ кончиною своею разсказалъ другу своему Никифору и взялъ съ него клятву никому не говорить о томъ, пока онъ (Андрей) не разрѣшится отъ тѣлесныхъ узъ. Никифоръ усердно просилъ его сказать ему хотя одно слово изъ тѣхъ трехъ, которыя сказалъ ему Господь, но Андрей никакъ не хотѣлъ открыть сего. Такъ святой Андрей, бывъ восхищенъ подобно святому Павлу, видѣлъ то, чего не видѣло бренное око, слышалъ то, чего не слыхало смертное ухо, и насладился тѣми открытыми ему небесными красотами, которыя не приходили и на сердце человѣку.

7. Адъ и вѣчное мученіе грѣшниковъ.

Есть ли на языкѣ человѣческомъ такое слово, которое бы столь приводило въ ужасъ, содроганіе и оцѣпенѣніе, какъ слово адъ? Ада и мученій его боятся даже бѣсы (Лук. VIII, 31). И такое-то мѣсто будетъ вѣчною обителью всѣхъ грѣшниковъ!

Рай уготованъ отъ сложенія міра (Матѳ. XXV, 34) для блаженства людей. Ада первоначально не было. Онъ былъ уготованъ послѣ, и то не для людей, а для діавола и аггеловъ его, возмутившихся противъ Бога (Матѳ. XXV, 41).

Что же такое адъ? Адъ есть мѣсто мрачное, удаленное отъ Бога (Матѳ. VII, 23; XXII, 13; 1 Петр. III, 18), мѣсто наказанія діавола и всѣхъ грѣшниковъ темница. Адъ находится въ преисподней, въ дольнѣйшихъ странахъ земли (Ефес. IV, 9). Какъ рай имѣетъ многи обители Іоан. XIV, 2), такъ и адъ имѣетъ многія отдѣленія, затворы. Одно изъ нихъ называется собственно адомъ, другое геенною, третье тартаромъ, четвертое озеромъ огненнымъ (Апок. XX, 13; 3 Ездр. IV, 32. 35. 41). (Руководство къ изученію догмат. богосл. Макарія, митр. моск. § 181, стр. 356).

Во адѣ грѣшниковъ ожидаютъ мученія сообразно со степенью и мѣрою грѣховъ (Римл. XII, 6; 2 Кор. V, 10). Св. Златоустъ говоритъ: во адѣ постигнутъ не всѣхъ равныя наказанія—однихъ болѣе тяжкія, другихъ — меньшія (Догмат. богосл. еп. Іустина, часть II, стр. 538).

Въ чемъ же будутъ состоять вѣчныя мученія грѣшниковъ? Состояніе осужденныхъ на всемірномъ судѣ грѣшниковъ такъ страшно-мучительно, что мы не въ силахъ составить себѣ точнаго понятія о немъ. Священное писаніе открываетъ его, большею частію, образно, примѣнительно къ нашему теперешнему разумѣнію.

Вотъ нѣкоторыя черты этого несчастнаго состоянія.

Богъ есть источникъ живота, Онъ — Отецъ щедротъ и всякія утѣхи, красота въ десницѣ Его въ конецъ (2 Кор. I, 3; псал. XV, 11, 10). Грѣшники будутъ удалены отъ лица Божія. „Отъидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе“ (Матѳ. VII, 23. XXV. 41), речетъ Сынъ Божій на страшномъ судѣ грѣшникамъ. И изыдутъ они отъ лица Божія. Съ минуты отлученія отъ Бога они будутъ не жить, а прозябать. Безъ Бога у нихъ не будетъ просвѣщенія для ума, покоя для сердца, добра для воли. „Быть отверженнымъ отъ Бога значитъ вытерпѣть уже геенну“ говоритъ св. Златоустъ (Догмат. богосл. еписк. Іустина т. II,534), т.-е. это первѣйшее и главнѣйшее мученіе грѣшниковъ. Но они будутъ не только изгнаны и удалены отъ лица Божія, но и ввержены: одни въ адъ, другіе въ озеро огненное, третьи въ тартаръ.

Низверженные во адъ, который есть темница (2 Петр. III, 19), будутъ лишены всякой свободы. Свобода такой драгоцѣнный даръ, которымъ дорожатъ даже животныя. Вотъ, стало быть, тѣ, которые при жизни попирали этотъ даръ Божій въ другихъ — притѣсняли ихъ, употребляли насилія, которые злоупотребляли этимъ даромъ, нарушили волю Божію, и лишатся блаженной свободы. Да, идѣже духъ Господень, ту и свобода (2 Кор. III, 17). Какая же можетъ быть свобода тамъ, т.-е. во адѣ, гдѣ не присѣщаетъ свѣтъ лица Божія? Неволя земныхъ преступниковъ, даже закованныхъ въ желѣзо, не можетъ дать понятія о неволѣ насельниковъ ада. На землѣ, терпящіе заключеніе, если были бы скованы болѣе, чѣмъ по рукамъ и ногамъ, могутъ хотя свободно думать, мечтать, воспоминать о прошломъ и на время забывать свои страданія. Будутъ ли имѣть такую свободу адскіе узники? Если они лишены будутъ свободы думать о постороннемъ? Какое это мученіе! Испытывали ли вы, то угнетеніе, которое въ болѣзненномъ снѣ вызываютъ неотвязчивыя грезы, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ наполняющія разстроенное болѣзнію воображеніе? или во время печали однѣ и тѣ же мрачныя думы наполняютъ вашъ умъ, и вы не въ состояніи отъ нихъ освободиться? Представьте, что грѣшники во адѣ лишены будутъ свободы перевести умъ съ однѣхъ мрачныхъ мыслей на другія, что они застынутъ, замрутъ въ этихъ мысляхъ навсегда, навѣки. Представьте, что сердце грѣшника будетъ вѣчно грызть одна и та же печаль о своей участи, что онъ не будетъ въ состояніи оживить въ себѣ тѣхъ радостныхъ движеній, которыя когда-либо въ жизни онъ испытывалъ. Представьте себѣ, что грѣшникъ желалъ бы освободиться отъ мученій, но чувствуетъ полное безсиліе воли. Бывали примѣры, что живыхъ людей, въ извѣстной болѣзни, какъ бы дѣйствительно умершихъ, родные провожали къ могилѣ. Больной слышитъ и понимаетъ, что вотъ покроютъ его гробовой крышкой и заживо погребутъ. Сильнымъ желаніемъ онъ горитъ дать о себѣ знать, что онъ живъ, но воли нѣтъ... Нѣкоторые изъ такихъ больныхъ въ самыя рѣшительныя для нихъ минуты возвращались къ жизни; они разсказывали, что душевныя страданія отъ безсилія воли дать знать о себѣ невыносимо мучительны. Какія же мученія будетъ испытывать грѣшникъ вслѣдствіе лишенія свободы всѣхъ силъ души? Присоедините мученія, происходящія отъ нахожденія въ адской тьмѣ. Тьма на землѣ не даетъ понятія о тьмѣ адской. Въ тьмѣ на землѣ есть хотя малые отблески звѣздъ, луны, которые ослабляютъ ее. Адская тьма совершенная, полная. Какое угнетающее дѣйствіе на насъ производитъ пасмурная погода! Судите, если можете, о дѣйствіи мрака адскаго!

Другіе грѣшники будутъ ввержены въ озеро огненное (Апок. XX, 13) или въ пещь огненную (Матѳ. XIII, 50). И здѣсь, и тамъ огонь вѣчный (Матѳ. XXV, 41), неугасимый. Какой это огонь... того никто не знаетъ, развѣ кому покажетъ Духъ Святый (блаж. Августинъ). Только „не думай, — говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, — что тамошній огонь похожъ на здѣшній; этотъ, что захватитъ, сожжетъ и измѣнитъ, а тотъ, кого однажды обыметъ, будетъ жечь всегда и никогда не перестанетъ. Сила же его такова: „насколько огонь дѣйствительный сильнѣе огня, изображеннаго на картинахъ, настолько огонь геенскій сильнѣе огня настоящаго“ (Догм. богосл. еп. Іустина, т. II, стр. 537).

Есть еще мученія въ тартарѣ и гееннѣ... но, въ чемъ они будутъ состоять, слово Божіе не открываетъ.

Плачъ и скрежетъ зубовъ (Матѳ. XXII, 13) наполнятъ мѣста мученій отъ невообразимо-ужасныхъ страданій грѣшниковъ. Но количество золъ для нихъ не исчерпывается перечисленными. Каждаго грѣшника еще будетъ терзать совѣсть. О, и на землѣ ея угрызеній иногда не выносятъ люди! Будутъ грѣшниковъ мучить и ихъ страсти, потому что, кто къ чему привыкъ на землѣ, тотъ того будетъ желать и въ загробной жизни, такъ какъ и по смерти человѣкъ останется все тѣмъ же, чѣмъ былъ на землѣ. Желать чего-либо всей душой и не имѣть ни малѣйшей возможности удовлетворить желанія—это мучительно. Вѣдь на томъ свѣтѣ нечѣмъ будетъ удовлетворить страстей, потому что всѣ предметы страстей земные. Сами онѣ останутся въ душѣ и будутъ требовать себѣ удовлетворенія, но удовлетворить ихъ будетъ нечѣмъ; поэтому жажда будетъ все сильнѣе и томительнѣе. И чѣмъ болѣе будетъ жить душа, тѣмъ болѣе томиться и терзаться неудовлетворенными страстями. Не прекращается мука эта, все будетъ расти и расти, и конца не будетъ этому возрастанію и усиленію (Еп. Ѳеофанъ-затворникъ. См. Сборн. на четвероеван. М. Барсова, т. II, стр. 445).

Братіе христіане! Будемъ помнить вѣчныя муки, уготованныя грѣшникамъ, чтобы избѣгнуть ихъ.

Въ древности одинъ отшельникъ былъ искушаемъ отъ діавола блудною похотью. Искуситель, чтобы скорѣе соблазнить его на грѣхъ, представилъ ему подобіе женщины. Отшельникъ протянулъ палецъ на огонь горѣвшей свѣчи. Не могъ онъ вынести страданій, отнялъ руку и сказалъ себѣ: если одной минуты не могу вытерпѣть, чтобы горѣлъ мой палецъ, то какъ я вытерплю вѣчную муку, когда буду горѣть весь тѣломъ и душою въ пламени геенны? Иди отъ меня, сатана! Призракъ женщины исчезъ; отшельникъ побѣдилъ похоть, посрамилъ діавола, избѣжалъ грѣха, спасъ душу (Пол. год. кругъ поуч., свящ. Гр. Дьяченко т. I, стр. 347). Будемъ и мы представленіемъ мученій, ожидающихъ грѣшниковъ, побѣждать страстныя пожеланія.

8. Тяжесть адскихъ мученій.

Одинъ разслабленный, изнемогая въ духѣ терпѣнія, съ воплемъ просилъ Господа прекратить его страдальческую жизнь.

— Хорошо, сказалъ явившійся больному ангелъ, — Господь, будучи неизреченно благъ, соизволяетъ на твою молитву, Онъ прекращаетъ твою временную жизнь, только съ условіемъ: вмѣсто одного года страданій на землѣ, которыми каждый человѣкъ очищается, какъ золото въ огнѣ, согласенъ ли ты пробыть три часа въ адскихъ мученіяхъ? Твои грѣхи требуютъ очищенія въ страданіяхъ собственной твоей плоти; ты долженъ бы быть въ разслабленіи еще годъ, потому что какъ для тебя, такъ и для всѣхъ вѣрующихъ, нѣтъ другого пути къ небу, кромѣ крестнаго, проложеннаго безгрѣшнымъ Богочеловѣкомъ. Этотъ путь тебѣ наскучилъ на землѣ, испытай эти муки только въ теченіе трехъ часовъ, а послѣ, молитвами св. церкви, ты будешь спасенъ.

Страдалецъ задумался: годъ страданій на землѣ это—ужасное продолженіе времени! лучше же я вытерплю три часа въ этихъ безконечныхъ мукахъ, сказалъ онъ себѣ, чѣмъ годъ на землѣ.

— Согласенъ въ адъ! — сказалъ онъ ангелу.

Ангелъ тихо принялъ его страдальческую душу и, заключивши ее въ преисподнихъ ада, удалился отъ страдальца съ словами утѣшенія: „черезъ три часа явлюсь я за тобою!“

Господствующій повсюду мракъ, тѣснота, долетающіе отовсюду звуки неизъяснимыхъ грѣшническихъ воплей, видѣніе духовъ злобы въ ихъ адскомъ безобразіи, все это слилось для несчастнаго страдальца въ невыразимый страхъ и томленіе. Онъ всюду видѣлъ и слышалъ только страданіе и вопли и ни ползвука радости въ необъятной безднѣ ада; одни лишь огненные глаза демоновъ сверкали въ преисподней тьмѣ, и носились предъ нимъ ихъ исполинскія тѣни, готовыя сдавить его и сжечь своимъ геенискимъ дыханіемъ. Бѣдный страдалецъ затрепеталъ и закричалъ, но на его крикъ и вопли отвѣчала только адская бездна своимъ замирающимъ вдали эхомъ и клокотаніемъ гееннскаго пламени, которое клубилось въ виду трепетавшаго заключенника. Ему казалось, что протекли уже цѣлые вѣка страданій; съ минуты на минуту ждалъ онъ къ себѣ свѣтоноснаго ангела, но ангела не было. Наконецъ, страдалецъ отчаялся въ его райскомъ появленіи и, скрежеща зубами, застоналъ, но никто не внималъ его воплямъ. Всѣ грѣшники, томившіеся въ безднѣ гееннской, были заняты собою, своимъ собственнымъ только мученіемъ, и ужасные демоны въ адской радости издѣвались надъ мученіями грѣшниковъ.

Наконецъ, тихій свѣтъ ангельской славы разлился надъ бездною. Съ райскою улыбкою приступилъ ангелъ къ добровольному страдальцу и спросилъ о его состояніи.

— Не думалъ я, чтобы въ устахъ ангельскихъ могла быть ложь, — прошепталъ едва слышнымъ, прерывающимся отъ страданій голосомъ страдалецъ. Ты обѣщался взять меня отсюда чрезъ три часа, а между тѣмъ цѣлые годы, цѣлые вѣка протекли въ моихъ невыразимыхъ страданіяхъ.

— Что за годы, что за вѣка?—кротко отвѣчалъ ангелъ. Часъ, одинъ только часъ прошелъ со времени моего отсутствія, и два часа еще быть тебѣ здѣсь.

— Два часа? — въ испугѣ спросилъ страдалецъ, два часа? а это часъ только протекъ? Охъ, не могу болѣе терпѣть, нѣтъ силы! Если только можно, если только есть воля Господня, умоляю тебя: возьми меня отсюда! Лучше на землѣ буду я страдать годы и вѣка, даже до послѣдняго дня, до самаго пришествія Христова на судъ, только выведи меня отсюда. Невыносимо. Пожалѣй меня! со стономъ воскликнулъ страдалецъ, простирая руки къ свѣтлому ангелу.

— Богъ, какъ отецъ щедротъ и утѣхи,—отвѣчалъ ангелъ, удивляетъ на тебѣ благодать Свою. Но ты долженъ знать и помнить, сколь жестоки и невыносимы адскія мученія. (Извлеч. изъ „Писемъ Святогорца“, стр. 224, письмо 15).

9. Три путника.

(Притча изъ «Хр. чтенія» 1833 г.).

Въ одну отдаленную страну шли три путника. Обширна и прекрасна была страна сія, добродѣтельны и счастливы ея жители; пріятно было путникамъ называть ее своею родиною, хотя съ незапамятныхъ временъ предки ихъ были удалены изъ нея. Труденъ и тяжелъ былъ ихъ далекій путь. То извивался онъ по скаламъ обнаженнымъ, то, терялся въ пустынныхъ пескахъ, то перепутанный, раздѣлялся и расходился въ разныя стороны. Рѣдко шелъ онъ по прекрасной, плодоносной равнинѣ. Однажды проходили три путника по такой равнинѣ. Величественно блистало солнце на голубомъ небѣ. Тихій вѣтерокъ едва колебалъ благорастворенный воздухъ. Лугъ усѣянъ былъ прекрасными цвѣтами, между коими почти незамѣтно струились прозрачные ручейки. — „Я усталъ“, сказалъ одинъ изъ путниковъ, — „останемся здѣсь подкрѣпить свои силы и насладимся красотами природы!“ И онъ остался. — „Нѣтъ,“ сказалъ другой, — „мы пойдемъ, дабы достигнуть родной страны, гдѣ ожидаютъ насъ покой и счастіе; но не будемъ спѣшить, дабы не утомиться на семъ незнакомомъ пути“. И онъ пошелъ, но медленно. — „Поспѣшимъ“, сказалъ третій. „Не всегда путь такъ благопріятенъ, какъ теперь, Послѣ продолжительной теплой и ясной погоды наступаетъ долгое и мрачное ненастье“. И онъ удалился! — Сладостенъ былъ покой перваго. Страна, гдѣ онъ остался, по видимому, сотворена была для доставленія удовольствій. Чѣмъ больше онъ наслаждался, тѣмъ больше жаждалъ наслажденій. Наконецъ, въ разслабленіи чувствъ простерся онъ на зеленой муравѣ и—заснулъ. — Другой шелъ медленно. Если путь становился тернистъ, то онъ старался обойти его другимъ, на коемъ росли розы. Часто, чтобы избѣжать столкновеній на пути своемъ, онъ придумывалъ способы угладить весь предстоящій ему путь. — Третьему путь казался не такъ дологъ и утомителенъ. Мимоходомъ взиралъ онъ на окрестныя страны, имъ проходимыя. Мысль, что его ждетъ на родинѣ счастье, подкрѣпляла его. — Прошло нѣсколько времени, и видъ природы перемѣнился. По голубому небу протянулись черныя тучи; блестящее свѣтило не разсыпало на землю теплотворныхъ лучей своихъ; убійственные вихри всклубились въ воздухѣ; молніи бороздили небо отъ края до края, и громъ потрясалъ всю окрестность: — все сдѣлалось пусто и безотрадно! Спящимъ застигла буря перваго изъ путниковъ и оставила его—спящимъ на вѣки... Другой, увидѣвъ угрожавшее ему бѣдствіе, хотѣлъ избѣжать его, но было уже поздно. Онъ свернулъ съ настоящаго пути и пошелъ было другимъ, по его мнѣнію болѣе безопаснымъ; но сей, раздѣляясь и извиваясь около одного и того же мѣста, наконецъ завелъ его въ страну непроходимую, гдѣ онъ долженъ былъ заблудиться. Третій благовременно и благополучно достигъ счастливой страны, былъ съ истинною радостью принятъ тамъ и поселился въ ней, дабы вѣчно блаженствовать.

Путникъ земной! Спѣши въ родную — небесную страну! Пышна и привлекательна страна удовольствій и наслажденій житейскихъ, какъ страна Содома и Гоморры, но огнь и жупелъ пожжетъ нѣкогда страну сію и тебя вмѣстѣ съ нею. Удаляясь изъ міра грѣховнаго, не обращай на него очей своихъ, не ухищряйся вдвойнѣ наслаждаться и земными и небесными благами: — вспомни участь жены Лотовой! Кто хочетъ спастись, тотъ спѣши!

10. Надо спѣшить!

Я прибылъ на пароходъ нѣсколько раньше времени, назначеннаго для отплытія. Пассажиры собирались; колокольчикъ звенѣлъ не одинъ разъ, и прежде нежели отняли лѣстницу, по которой съ берега сходятъ на судно, кормчій прокричалъ, чтобъ желающіе отплыть шли поскорѣе. Помѣстившись на палубѣ, я началъ наблюдать происходившее. Тѣ, кои ранѣе перебрались на судно, теперь спокойно и беззаботно занимались разговорами, или, подобно мнѣ, наблюдали; а опоздавшіе бѣгали, хлопотали, торопливо бросали на палубу связки, чемоданы и верхнюю одежду. Колокольчикъ прозвенѣлъ въ послѣдній разъ, и только лишь отняли лѣстницу, какъ многіе прибѣжали, задыхаясь и крича, чтобы ихъ подождали.—„Зачѣмъ такъ поздно? Ну, идите скорѣй; еще минута, и вы остались бы на берегу“. Кормчій сталъ на свое мѣсто, колеса пришли въ движеніе, и судно начало удаляться отъ берега. Я смотрѣлъ еще на зрителей, стоявшихъ на берегу, какъ вдругъ мое вниманіе обратилъ на себя одинъ молодой человѣкъ, бѣжавшій по берегу. Онъ махалъ платкомъ, давая разумѣть, чтобъ его взяли на пароходъ. Кормчій какъ будто не замѣчалъ его, и занимался только судномъ. Молодой человѣкъ бросился въ лодку, кричалъ изо всей силы, чтобъ его подождали; гребцы употребляли всѣ усилія догнать насъ. Кормчій и на это по видимому не обращалъ вниманія, но, наконецъ, отвѣчалъ: „нельзя, слишкомъ поздно!“ Лодка воротилась къ берегу, а пароходъ продолжалъ свой путь.—Долго я думалъ о молодомъ человѣкѣ, пока мысли мои не обратились на моихъ сопутниковъ. Всѣхъ насъ ожидаетъ, сказалъ я себѣ, другого рода путешествіе, гораздо важнѣйшее; и сколько такихъ людей, которые никогда не думаютъ о немъ! Сколько такихъ, которые, подобно зрителямъ, коихъ мы оставили на берегу, безпечно смотрятъ, какъ другіе отправляются изъ сего міра въ другой, а сами почти вовсе не заботятся о томъ, что и имъ нѣкогда надобно будетъ предпринять подобное путешествіе. Слава Богу, есть и такіе, которые не забываютъ о безсмертіи своей души, а посему благовременно приходятъ къ Господу Іисусу Христу и посвящаютъ Ему начатки дней своихъ. Другіе медлятъ, окованные житейскими попеченіями, прельщенные земными удовольствіями, увлеченные примѣрами порочныхъ людей, они со дня на день отлагаютъ великое дѣло спасенія, пока Святый Духъ не возбудитъ ихъ гласомъ евангельскимъ, чтобы они поскорѣе послѣдовали Его призыванію. Но увы! Какъ опасно не покоряться Божію призыванію!.. Наступитъ время когда человѣкъ сдѣлается совершенно неспособнымъ внимать внушеніямъ Божественной любви.

Читатели! не отлагайте попеченія о спасеніи до часа смертнаго: иначе вы, можетъ-быть, придете слишкомъ поздно. Тѣ, кои не внимаютъ гласу своей совѣсти, ни призыванію евангельскому, и противятся Всемогущему до послѣдней минуты своей жизни, можетъ быть, воззовутъ, и не будутъ услышаны, будутъ вопіять и умолять, но напрасно.—*Се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія!*. (2 Кор. VI, 2). („Христ. чтен.“ 1833 г., сн. „Троицк. лист.“ № 327).

11. Повѣсть объ Исихіи, инокѣ горы Хорива, показывающая благотворность памяти о смерти.

„Инокъ Исихій велъ прежде самую нерадивую жизнь и нисколько не заботился о душѣ своей. Наконецъ, впалъ въ жестокую болѣзнь, въ которой душа его съ часъ времени была въ совершенномъ разлученіи отъ тѣла; потомъ онъ пришелъ въ себя и умолялъ всѣхъ насъ, чтобы тотчасъ онъ него удалились: заключивъ дверь своей кельи, онъ прожилъ въ этомъ затворѣ лѣтъ 12, никому никогда не сказавъ ни единаго слова, и ничего не вкушая, кромѣ хлѣба и воды. Живя въ своей кельѣ, онъ погружался мыслію въ тѣ видѣнія, которыя представлялись ему во время обмиранія; ужасался и сѣтовалъ какъ предъ лицомъ Господнимъ, и никогда не измѣнялъ образа жизни своей, но постоянно былъ какъ бы внѣ себя, и не преставалъ тихо проливать теплыя слезы. Когда же онъ приблизился къ смерти, мы отворили дверь и вошли въ его келью; но, много просивши его отвѣчать на наши вопросы, мы услышали только слѣдующія слова: „простите“, сказалъ онъ, „кто стяжалъ память смерти, тотъ никогда не можетъ согрѣшить“. Мы изумились, видя, что въ томъ, который былъ прежде столько нерадивъ, внезапно произошло такое блаженное измѣненіе и преображеніе“. („Лѣствица“ св. Іоанна. Сл. VI. § 18, стр. 100—101).

12. Примѣръ благотворительности, взятый изъ жизни святыхъ [1]).

Въ житіи преподобнаго Памвы разсказывается о двухъ единоутробныхъ братьяхъ. Имя первому—Паисій, второму—Исаія; они были дѣти богатыхъ купцовъ; по смерти родителей, раздѣливъ наслѣдство, избрали оба иноческое житіе. Одинъ доставшуюся ему часть имѣнія роздалъ нищимъ, церквамъ и, ничего себѣ не оставивъ, удалился въ пустыню, снискивая себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ; другой братъ, невдалекѣ отъ мірскихъ селеній устроивъ небольшой монастырь, съ небольшимъ числомъ иноковъ, всю свою заботу посвятилъ страннолюбію и питанію нищихъ, устроилъ страннопріимный покой и больницу, всѣхъ приходящихъ съ любовію упокоивалъ и со всѣмъ усердіемъ служилъ больнымъ; въ субботы же и въ дни воскресные уготовлялъ для нищихъ по двѣ, по три и даже по четыре трапезы. Черезъ нѣсколько лѣтъ оба брата скончались о Господѣ. По кончинѣ ихъ появились у иноковъ разногласія: одни больше хвалили того, который служилъ странникамъ, нищимъ и больнымъ, а другіе отшельника, раздавшаго свое имѣніе бѣднымъ. Для разрѣшенія своихъ разногласій иноки обратились къ преподобному Памвѣ, пожелавъ узнать, котораго изъ этихъ двоихъ братьевъ жизнь была болѣе угодна Богу, и кто изъ нихъ получилъ большее воздаяніе? Препод. Памва отвѣчалъ: „оба совершенны предъ Богомъ: страннопріимецъ уподобился праведному Аврааму, пустынникъ же—святому Иліи пророку, и оба равно угодили Богу“. Но иноки не удовлетворились этимъ отвѣтомъ, одни болѣе хвалили пустынника, ибо онъ исполнилъ евангельскую заповѣдь: продалъ имѣніе свое, роздалъ нищимъ и, взявъ крестъ свой, послѣдовалъ Христу, пребывая всю жизнь въ алчбѣ и жаждѣ. Страннопріимецъ же, хотя служилъ нищимъ, однако имѣлъ то утѣшеніе, что ѣлъ и пилъ съ странниками. Противники же ихъ говорили, что и страннопріимецъ исполнилъ слово Христово: „не пріидохъ бо, да послужатъ Мнѣ, но да послужу имъ“; онъ столь многимъ послужилъ, исходя каждый день на дороги и ища страннаго, нищаго, больного и бѣднаго, вводилъ ихъ въ домъ свой и упокоивалъ; если за одну чашу воды, поданной жаждущему, обѣщана отъ Бога награда, то сколь великую мзду долженъ получить страннопріимецъ, который удовлетворилъ и упокоилъ безчисленное множество алчущихъ и жаждущихъ и всякому болящему, какъ Христу, послужилъ? Слыша такое несогласіе братій, преп. Памва сказалъ имъ: „подождите, братія, немного, пока я получу отъ Бога извѣщеніе и потомъ скажу вамъ“. Чрезъ нѣсколько времени преподобный отвѣчалъ инокамъ: „предъ Богомъ глаголю вамъ, яко обоихъ тѣхъ братій—Паисія и Исаію видѣлъ купно въ раи стоящихъ“ („Четьи-Минеи“, іюнь, сн. „Воскр. чт.“, 1889 г. № 22).

---

[1]) Примѣнительно къ еванг. Матѳ. XXV, 34—36 ст.

13. Отвѣтъ Іоанна милостиваго на вопросъ о подаяніи милостыни.

Одинъ изъ домоправителей спрашивалъ Іоанна милостиваго: „должно ли уважать просьбы людей, которыхъ одежда не показываетъ нищеты?“ Человѣкъ Божій отвѣчалъ: „если ты рабъ Христовъ, то подавай милостыню такъ, какъ повелѣлъ Христосъ, не взирая на лица требующихъ. Мало ли есть сребролюбцевъ, одѣтыхъ въ раздранныя рубища? и мало ли есть бѣдныхъ, достойныхъ всякаго сожалѣнія, одѣтыхъ опрятно? Встрѣчаются тысячи случаевъ, что тотъ, кто вчера хотя съ нуждою могъ обойтись безъ помощи другихъ, сегодня поневолѣ требуетъ пособія. Наипаче береги осиротѣвшихъ дѣвицъ: сама природа заставляетъ одѣваться ихъ по возможности опрятно. Замѣть сіе и *не мудрись излише*“. (Изъ житія св. Іоанна милост.).

14. Молитва убогихъ.

Лѣтъ семьдесятъ назадъ жилъ въ Петербургѣ одинъ добрый и благочестивый вельможа. Къ сожалѣнію, онъ имѣлъ несчастіе подвергнуться немилости государя: на него взвели предъ государемъ какую-то клевету, отдали подъ судъ, и дѣло грозило тюрьмой. Несчастный вельможа заболѣлъ и слегъ съ горя въ постель.

Въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ строгій подвижникъ Валаамскаго монастыря, отецъ Назарій. Онъ былъ знакомъ съ несчастнымъ вельможей и зашелъ утѣшить его въ скорби. Супруга вельможи встрѣтила Назарія словами: „помолись, отецъ, чтобы дѣло моего мужа получило добрый исходъ“. „Хорошо,—отвѣчалъ ей старецъ,—конечно, надо молиться Господу, но необходимо попросить ходатайства и приближенныхъ государя; дайте мнѣ немного денегъ, я самъ попрошу ихъ за васъ“. Старцу подали золота. „Нѣтъ,—сказалъ онъ,—это мнѣ не годится, нѣтъ ли мѣдныхъ или мелкаго серебра?“ Подали тѣхъ и другихъ. Отецъ Назарій взялъ деньги и ушелъ.

Поздно вечеромъ приходитъ онъ опять къ вельможѣ и спокойно говоритъ: „всѣ царскіе приближенные обѣщались похлопотать за васъ; успокойтесь и ждите радостныхъ вѣстей“. И что же? Еще старецъ сидѣлъ у постели больного, какъ получается извѣстіе о благополучномъ окончаніи дѣла. Радостная вѣсть благотворно подѣйствовала на больного. Онъ началъ благодарить старца и просилъ его открыть ему, кто изъ приближенныхъ государя больше другихъ принималъ участіе въ немъ.

Тутъ только открылось, что о. Назарій ни у кого изъ ближнихъ къ государю не былъ и ни у кого не просилъ. Вмѣсто того онъ ходилъ цѣлый день по улицамъ города и раздавалъ бѣднымъ деньги, взятыя имъ у вельможи. „Итакъ, благодарите Господа,—сказалъ въ заключеніе старецъ,—Онъ, милосердый, внялъ молитвамъ убогихъ и положилъ на сердце доброму государю еще разъ пересмотрѣть ваше дѣло; да не забывайте и вельможъ Его, вашихъ благодѣтелей, нищихъ и убогихъ: они много могутъ у Господа Бога!“ (Сост. по „Троицк. листк.“).

15. Образъ благотворенія.

Въ тѣ дни, когда св. Василій Великій со славою правилъ кесарійскою паствою, жилъ близъ Кесаріи одинъ пресвитеръ именемъ Анастасій. Былъ онъ мужъ добродѣтельный, воздержный, кроткій, особенно же милосердый къ убогимъ и благотворительный. Его жена, Ѳеогнія, была достойною подругою своего добродѣтельнаго супруга; четырнадцать лѣтъ прожили они въ любви и согласіи, не какъ мужъ съ женою, а какъ братъ съ сестрою. Не имѣя дѣтей, они всѣ свои заботы, всю свою любовь отдали бѣднымъ, нищимъ, убогимъ и страннымъ, оттого благодать Божія преизобильно почила на святыхъ супругахъ.

Однажды, св. Василій Великій сказалъ своему клиру: „дѣти мои, идите со мною, и мы узримъ славу Божію“. Сказавъ это, великій святитель, окруженный клиромъ, вышелъ изъ города, не сообщивъ никому, куда онъ хочетъ итти.

Но благочестивый Анастасій силою Святаго Духа увѣдалъ, что св. архипастырь хочетъ посѣтить его домъ, и сказалъ своей женѣ-сестрѣ: „я иду работать на поле: ты же, сестра моя, убери жилище наше, а въ девятый часъ, взявъ кадильницу и возженную свѣчу, выйди навстрѣчу святого Василія архіепископа, который идетъ посѣтить насъ, грѣшныхъ“. Удивилась благочестивая Ѳеогнія чуднымъ словамъ своего мужа, но безпрекословно исполнила все, приказанное ей.

Въ девятомъ часу она вышла изъ дому и съ великою честью встрѣтила св. архипастыря. Св. Василій, благословивъ ее, спросилъ: „здрава ли ты, Ѳеогнія?“ Услышавъ свое имя, добродѣтельная жена удивилась и отвѣчала: „здрава, святитель Божій, раба твоя“. „Гдѣ Анастасій, братъ твой?“—спросилъ ее снова святитель.—„Владыко,—отвѣчала она,—онъ мужъ мой и теперь работаетъ въ полѣ, но я сейчасъ пойду и призову его“. „Не трудись,—сказалъ св. Василій,—теперь дома братъ твой“.

Когда всѣ подошли къ дому пресвитера, ихъ встрѣтилъ самъ Анастасій. Поклонившись св. архипастырю, онъ облобызалъ его и, введши въ домъ свой, омылъ ноги его. Потомъ всѣ пошли въ церковь, и св. Василій приказалъ Анастасію совершить божественную литургію. Напрасно смиренный пресвитеръ отказывался, предоставляя эту честь высокому гостю, святитель напомнилъ ему о святости послушанія, и Анастасій приступилъ къ совершенію безкровной жертвы. И вотъ, когда онъ предстоялъ св. престолу, Духъ Святый сошелъ въ видѣ огненнаго облака, осѣнившаго священнослужителя и весь алтарь, такъ что всѣ присутствующіе ужаснулись.

Пріобщившись св. таинъ, всѣ снова пошли въ домъ пресвитера, гдѣ гостепріимный хозяинъ предложилъ своимъ гостямъ скромный обѣдъ. Во время обѣда Василій Великій обратился къ Анастасію и спросилъ: „скажи мнѣ, братъ мой, какое у тебя есть имѣніе, и какъ ты живешь? повѣдай все откровенно“. „Святитель Божій,—отвѣчалъ тогда пресвитеръ,—я человѣкъ грѣшный; имѣю я двѣ пары воловъ, и на одной пашу самъ свое поле, а на другой—мой работникъ. Доходы съ одной пары идутъ на наше содержаніе, а съ другой—на милостыню бѣднымъ; въ работахъ помогаетъ мнѣ жена моя“... „Зови ее сестрою,—прервалъ тогда его рѣчь прозорливый святитель,—и повѣдай мнѣ о прочихъ твоихъ добрыхъ дѣяніяхъ“. „Владыко святый,—былъ смиренный отвѣтъ Анастасія,—я человѣкъ грѣшный и не знаю за собой никакой добродѣтели“.

Тогда св. Василій сказалъ ему: „встань, пойдемъ вмѣстѣ со мною“. Они встали изъ-за стола, и святитель, подведши хозяина къ запертой двери въ одну комнату, сказалъ: „отвори ее“. „Святитель Христовъ,—отвѣчалъ Анастасій,—не изволь входить сюда, ибо здѣсь лежитъ мое имѣніе“. „Я для того и пришелъ, чтобы видѣть твое имѣніе",— произнесъ св. архипастырь и приказалъ дверямъ отвориться. Тотчасъ двери сами собою отворились, и святитель, вошедши въ комнату, увидѣлъ здѣсь лежащаго на одрѣ неизлѣчимаго больного, за которымъ тайно отъ всѣхъ ухаживали хозяинъ и его благочестивая супруга. „Зачѣмъ, — обратился тогда къ Анастасію Василій Великій,—хотѣлъ ты скрыть отъ меня свое богатство?" „Отецъ мой и владыко, — оправдывался смущенный пресвитеръ, — прости меня, но этотъ страдалецъ очень раздражителенъ и сварливъ, и я боялся, что онъ оскорбитъ тебя".

Тогда св. архипастырь похвалилъ милосердіе Анастасія и сказалъ: „оставь меня въ этой комнатѣ на сегодняшнюю ночь, ибо хочу и я раздѣлить съ тобою награду твою". Всѣ вышли и затворили двери, оставивъ святителя одного съ больнымъ.

Страдалецъ отъ лютыхъ мукъ лежалъ, какъ мертвый. Но великій чудотворецъ обратился за помощью къ небесному Врачу душъ и тѣлесъ и всю ночь молился Господу. На утро же онъ подошелъ къ одру больного и произнесъ надъ нимъ молитву. И тотчасъ всталъ разслабленный здравымъ и воскликнулъ: „слава Тебѣ, Боже, творящій волю боящихся Тебя!" Этотъ возгласъ услышалъ Анастасій и его прочіе гости, и когда они подошли къ комнатѣ больного, изъ нея вышелъ великій чудотворецъ Василій, ведя за руку исцѣленнаго, который славилъ Бога и святого Василія и своего милосердаго хозяина, пресвитера Анастасія („Русскій паломникъ" № 25, 1887 г.).

16. Масленица и несоотвѣтствіе празднованія ея съ духомъ христіанства и ученіемъ св. церкви Христовой.

Масленой недѣлей (мясопустной) или масленицей называется послѣдняя недѣля предъ наступленіемъ св. великаго поста. У всѣхъ народовъ Европы существуетъ обычай веселиться въ теченіе этой недѣли и проводить ее въ разнообразныхъ удовольствіяхъ.

Между нашими предками — славянами—изстари сложились народныя празднества въ честь боговъ, которыя, въ видѣ остатковъ языческаго ихъ состоянія, сохранились до нашихъ временъ, и наша широкая масленица состоитъ въ полной зависимости отъ древнѣйшихъ празднествъ. Наши предки — язычники послѣ каждаго жертвоприношенія обязательно проводили время въ пиршествахъ и забавахъ, причемъ умѣренность и воздержаніе считались даже прямо грѣхомъ. Языческіе боги, по понятіямъ славянъ, за жертву позволяли всѣ земныя утѣхи: пѣсни, пляски, пиршества, пьянство. Древніе славяне, по своей грубости нравовъ, не знали высшей нравственности и даже, принявши христіанство, они не могли разорвать свою связь съ язычествомъ, такъ что часто свои языческія понятія смѣшивали съ истиннымъ христіанствомъ.

Самымъ первымъ въ году, любимымъ праздникомъ у славянъ—земледѣльцевъ, былъ день зимняго солнцеворота, когда солнце поворачиваетъ на лѣто и полагаетъ начало побѣдѣ пріятнаго тепла надъ суровымъ холодомъ. Этотъ языческій праздникъ начинался въ декабрѣ и кончался въ январѣ, т. е. какъ разъ по времени соотвѣтствовалъ римскимъ сатурналіямъ. Двери всякаго дома открывались для знакомыхъ и незнакомыхъ для угощенія. Многіе въ это время переряжались, надѣвали маски и разрисовывали себѣ лица, ходили съ пѣснями по улицамъ и заходили къ богатымъ, требуя подарковъ за пѣсни въ честь хозяина и хозяйки. Молодые люди гадали о будущей своей судьбѣ. Это былъ веселый праздникъ, и память о немъ сохраняется до сихъ поръ между всѣми славянскими племенами подъ именемъ „Святокъ" и „Коляды".

Почти вслѣдъ за этимъ главнымъ праздникомъ совершался другой съ тѣмъ же характеромъ—въ знакъ побѣды свѣта надъ тьмою, жизни надъ смертію въ природѣ. Въ концѣ февраля и началѣ марта славяне, встрѣчая дорогую весну, совершали изгнаніе зимы, или смерти, называвшейся „Мораной". Во всѣхъ селахъ Балтійскіе славяне дѣлали изъ соломы чучело, изображающее смерть-зиму, выносили изъ села въ поле и тамъ или сожигали его, или разрывали на части, или же топили въ рѣкѣ, причемъ обыкновенно припѣвали: „несемъ смерть изъ села, новое лѣто — въ село, привѣтствуемъ лѣто любезное, привѣтствуемъ зеленые хлѣба!" И въ тотъ же день ходили на кладбище до зари и приносили жертвы умершимъ, клали пищу разнаго рода на могилы умершихъ отцовъ и предковъ. Въ знакъ побѣды надъ Мораной зажигали костры. Этотъ древне-славянскій праздникъ совпадаетъ съ празднованіемъ нашей масленицы, и хотя въ древности считался онъ второстепеннымъ, тѣмъ не менѣе праздновался, и доселѣ празднуется, не менѣе шумно, чѣмъ праздникъ главный, соотвѣтствующій „святкамъ“. Историческій смыслъ этого праздника, конечно, утратился, однако и доселѣ, по укоренившемуся обычаю, на масленицѣ наступленіе весны сопровождается цѣлымъ поѣздомъ „Масленицы“: на саняхъ, запряженныхъ тройкой и болѣе лошадей, возятъ чучело съ лентами и бубенчиками, или разряженнаго мужика, убраннаго зеленью, вѣнками, съ полуштофомъ водки и чаркою въ рукахъ, въ сопровожденіи пѣсельниковъ, медвѣдя съ козой и т. д. Чѣмъ грубѣе народъ, тѣмъ веселье шумнѣе и грубѣе по своимъ проявленіямъ.

Въ старину масленица была осьмидневнымъ празднествомъ. Въ субботу предъ масленой предки поминали обыкновенно своихъ усопшихъ родныхъ, но лишь только оканчивался этотъ печальный обрядъ, народъ какъ будто чудомъ измѣнялъ свое настроеніе и предавался всѣмъ масленичнымъ потѣхамъ: катался съ пѣснями съ горъ и на саняхъ, дрался на кулачкахъ и объѣдался блинами. Все это дѣлалось во всю ширь русской натуры, и масленица наша невольно поражала иностранцевъ своимъ разгуломъ. Одинъ изъ иностранныхъ путешественниковъ по Россіи въ XVII столѣтіи такъ говоритъ: „во всю масленицу день и ночь (у русскихъ) продолжается обжорство, пьянство, игра. Въ это время пекутъ пирожки, калачи и тому подобное въ маслѣ и яйцахъ и упиваются медомъ, пивомъ и водкой до упаду“.

Для простого народа, по селамъ и деревнямъ, масленица и теперь по прежнему желанный и веселый праздникъ. И доселѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно видѣть даже и сдѣланное изъ соломы чучело, которое возятъ по улицамъ съ пѣснями и пляской. Однако и по селамъ празднованіе продолжается въ настоящее время не всю недѣлю и не такъ буйно, какъ то было въ XVII вѣкѣ, хотя мы еще и теперь въ празднованіи масленицы превосходимъ всякіе карнавалы нѣмцевъ и итальянцевъ. Если образованные люди со всей Европы съѣзжаются въ Римъ или Венецію посмотрѣть на пышность и веселость карнавальскихъ удовольствій, то у насъ и теперь въ иной деревнѣ можно многому подивиться такому, чего и не снилось жителямъ Рима.

О масленичномъ разгулѣ, хотя бы и потерявшемъ теперь свой религіозно-языческій смыслъ, но все-таки близко подходящемъ къ язычеству по своему характеру, по истинѣ должно сказать, что онъ не соотвѣтствуетъ ни времени, ни духу христіанской религіи. Св. Христова церковь, по духу христіанскаго ученія, наставляетъ насъ и матерински предупредительно призываетъ къ совершенно противоположной жизни и дѣятельности. Начиная временемъ празднованія дня Рождества Христова, идетъ постепенное приготовленіе христіанъ къ наступленію великаго поста, т.-е. со времени Рождества Христова и до великаго поста св. церковь не оставляетъ мѣста для разгула, но постепенно и болѣе рѣшительно зоветъ христіанъ къ покаянію. Какъ Господь Іисусъ Христосъ по крещеніи Своемъ удалился въ пустыню, гдѣ провелъ въ постѣ и молитвѣ 40 дней, такъ и св. православная церковь, послѣ праздника Крещенія, своимъ богослуженіемъ начинаетъ приготовлять къ подвигамъ великаго поста. Первою приготовительною недѣлею къ великому посту считается недѣля *о Мытарѣ и Фарисеѣ*, названная такъ по евангельской притчѣ, которая въ эту недѣлю читается на литургіи (Луки XVIII, 10—14).

Фарисеи между іудеями составляли древнюю секту; они хвалились знаніемъ и исполненіемъ закона устнаго, который, по словамъ ихъ, былъ данъ Моисею Богомъ вмѣстѣ съ закономъ писаннымъ, отличались точнымъ исполненіемъ внѣшнихъ обрядовъ и особенно — крайнимъ лицемѣріемъ. Многіе ихъ почитали за людей дѣйствительно добродѣтельныхъ и праведниковъ. Напротивъ, мытари, сборщики податей, дѣлали много притѣсненій и неправдъ при исполненіи своихъ обязанностей, а потому всѣ порицали ихъ грѣшниками и неправедными. Въ притчѣ разсказывается, съ какимъ расположеніемъ духа и чувства молились въ храмѣ два человѣка: фарисей и мытарь. Фарисей молился съ гордымъ сознаніемъ своей святости за исполненіе обрядовыхъ законовъ, а мытарь молился со смиреніемъ, вслѣдствіе сознанія своей грѣховности. И вотъ, о послѣднемъ замѣчено, что онъ пошелъ оправданнымъ въ домъ свой болѣе фарисея, ибо всякій, самъ себя возвышающій, униженъ будетъ, а унижающій себя—возвысится.

Такимъ образомъ, св. церковь этою притчею научаетъ христіанъ при наступленіи великаго поста духовной борьбѣ, выставляя первымъ условіемъ добродѣтели — покаяніе и смиреніе, а главнымъ источникомъ грѣха и препятствіемъ къ добродѣтели — гордость.

Обличивъ гордость и возвысивъ смиреніе, св. церковь въ слѣдующую приготовительную недѣлю призываетъ вѣрующихъ къ покаянію, предъ наступленіемъ поста, изображеніемъ неизреченнаго милосердія Божія ко всѣмъ грѣшникамъ, которые съ искреннимъ раскаяніемъ обращаются къ Богу. И это милосердіе Божіе опять представляется въ евангельскомъ чтеніи за литургіей притчи о *блудномъ сынѣ* (Луки XV, 11—32), по имени котораго называется и самая недѣля. Въ притчѣ повѣствуется о нѣкоторомъ человѣкѣ, который, взявши должную ему часть изъ наслѣдства, удалился въ страну дальную и тамъ, расточивъ все свое имущество, дошелъ до самаго крайняго бѣдствія. И когда онъ снова возвратился къ отцу своему съ раскаяніемъ въ своемъ поступкѣ, то отецъ принялъ его съ распростертыми объятіями. Очевидно, блудный сынъ въ этомъ иносказательномъ повѣствованіи изображаетъ собою всякаго грѣшника, который, удаляясь отъ Отца небеснаго и исполненія заповѣдей Его, тратитъ дары благодати Божіей и начинаетъ терпѣть духовную нищету, разладъ съ своею совѣстію и пустоту, безполезность своего существованія. Но при обращеніи снова къ Отцу небесному и исполненію Его заповѣдей, съ истиннымъ раскаяніемъ, въ душѣ грѣшника снова загорается надежда, блещетъ лучъ радости и сіяетъ благодать Божія, умиротворяющая его и обогащающая новыми дарами.

И эту евангельскую притчу о блудномъ сынѣ св. церковію установлено читать для того, чтобы примѣромъ блуднаго, но покаявшагося сына внушить христіанамъ ту мысль, что никто не долженъ отчаиваться въ помилованіи и спасеніи своей души. Кто согрѣшилъ— пусть не замедлитъ въ наступающемъ посту покаяться искренно, и Господь Богъ помилуетъ его.

Третья приготовительная недѣля къ св. Четыредесятницѣ называется *мясопустною*, потому что ею заканчивается употребленіе мяса на предстоящій великій постъ. На литургіи этой недѣли читается евангеліе о страшномъ судѣ при второмъ пришествіи на землю Господа нашего Іисуса Христа (Мѳ. XXV, 31—46). Чтеніемъ этого евангелія св. церковь располагаетъ насъ, чадъ своихъ, къ искреннему раскаянію во грѣхахъ, напоминая о той страшной участи, какая грозитъ каждому нераскаянному грѣшнику и не творившему дѣлъ добродѣтели. При этомъ указываетъ и на то, что не слѣдуетъ слишкомъ много расчитывать на милосердіе Божіе, потому что это божественное свойство состоитъ въ неразрывной связи съ другимъ свойствомъ существа Божія — правосудіемъ.

Итакъ, побуждая и располагая христіанъ къ посту и покаянію изображеніемъ страшнаго суда, св. церковь еще сильнѣе пользуется въ достиженіи своихъ духовныхъ цѣлей страхомъ предстоящаго нелицепріятнаго суда Божія, чтобы христиане, помня это, удалялись отъ всякихъ дурныхъ дѣлъ и помышленій.

Наконецъ, четвертая и послѣдняя приготовительная недѣля предъ наступленіемъ поста носитъ названіе *сырной*, а въ просторѣчіи, *масленой*, или *масленицы*, отъ употребленія въ теченіе этой седмицы сыра и масла; называется она и *мясопустною*, потому что на ней прекращено употребленіе мясной пищи, послѣ нея наступаетъ полное воздержаніе отъ всякой скоромной пищи. Въ эту недѣлю подобаетъ еще больше удаляться отъ всякой невоздержной жизни. Въ церковной пѣсни недѣля эта называется преддверіемъ *покаянія*, (а не наклонности къ грѣху), предпразднествомъ *воздержанія* (а не разгула), свѣтлымъ предпутіемъ *поста* (а не пресыщенія), седмицею *предочистительной* (а не широкой масленицей) Въ эту седмицу св. церковь предочищаетъ христіанъ тѣлесно и духовно воздержаніемъ въ пищѣ, „дабы мы, отъ мясъ и многояденія ведомы къ строгому воздержанію, не опечалились, но, малопо-малу отступая отъ пріятныхъ яствъ, приняли бразду поста“. Это мудрое правило *постепенности* въ сокращеніи количества и рода пищи имѣетъ особенную важность даже въ физіологическомъ отношеніи, т.-е. въ отношеніи сохраненія тѣлеснаго здравія. Были и другія обстоятельства, обусловливавшія церковное постановленіе о воздержаніи отъ мясной пищи въ теченіе этой недѣли. По словамъ блаженнаго Симеона Солунскаго, употребленіе одной сырной только пищи въ эту недѣлю установлено первоначально въ видѣ противодѣйствія нѣкоторому еретическому мнѣнію, а затѣмъ въ VII вѣкѣ это постановленіе церкви утвердилось и распространилось по обѣту византійскаго царя Ираклія. Въ продолженіе шести лѣтъ воюя съ Хозроемъ, царемъ персидскимъ, Ираклій далъ обѣтъ Богу—пресѣчь употребленіе мяса въ послѣднюю недѣлю предъ великимъ постомъ, если Богу угодно будетъ даровать ему благополучное окончаніе войны. И когда Ираклій дѣйствительно вскорѣ счастливо заключилъ миръ, то, по его ходатайству, а вмѣстѣ и согласно съ собственными видами, св. церковь окончательно установила строгое воздержаніе отъ употребленія мясъ въ теченіе этой недѣли.

Св. церковь, приготовляя своихъ чадъ къ наступленію поста, предочищаетъ еще вѣрующихъ и соотвѣтствующимъ времени богослуженіемъ: въ теченіе всей сырной недѣли св. церковь не допускаетъ совершенія браковъ; въ среду и пятницу, вмѣсто литургіи, совершаетъ одни часы, какъ постомъ, и даже въ эти дни за богослуженіемъ произносится съ колѣнопреклоненіемъ молитва св. Ефрема Сирина: „Господи и Владыко живота моего...“ Кромѣ того, въ среду на этой же масленичной недѣлѣ за богослуженіемъ читается канонъ, въ которомъ выражается прославленіе ветхозавѣтнымъ святымъ, пребывавшимъ въ подвигахъ поста; въ пятницу воспоминаются крестныя страданія Спасителя, а въ субботу богослуженіе укрѣпляетъ насъ на духовные подвиги примѣромъ всѣхъ преподобныхъ и богоносныхъ мужей и женъ, подвизавшихся въ постѣ и молитвѣ.

Въ воскресенье за богослуженіемъ св. церковь напоминаетъ намъ событіе изгнанія прародителей нашихъ изъ рая за преслушаніе ихъ заповѣди Божіей и за невоздержаніе. Этимъ св. церковь ясно внушаетъ, какъ важны въ дѣлѣ благочестія и спасенія постъ и воздержаніе отъ грѣховныхъ наклонностей къ удовольствіямъ. На литургіи въ воскресенье читается евангеліе (Мѳ. VI, 14—20) о томъ, что нужно намъ для полученія отъ Бога прощенія грѣховъ во время поста, и какъ должно поститься. Св. церковь научаетъ насъ, что для полученія отъ Бога прощенія намъ самимъ нужно прежде простить искренно ближнихъ, согрѣшившихъ противъ насъ. Такимъ образомъ, св. церковь предуготовляетъ насъ къ наступленію великаго поста еще призваніемъ ко всепрощенію и примиренію, полагая тѣмъ основаніе христіанскому обычаю взаимнаго прощенія. Обычай этотъ получилъ свое начало еще съ первыхъ временъ христіанства. Такъ, извѣстно изъ исторіи церкви, что египетскіе пустынники въ послѣдній день сырной недѣли собирались вмѣстѣ для совмѣстной общей молитвы и затѣмъ, послѣ вечерни, испросивши другъ у друга прощеніе и благословеніе, расходились по разнымъ дебрямъ и пустынямъ для уединенныхъ подвиговъ въ продолженіе свят. четыредесятницы, и ворота обители запирались до вербнаго воскресенья, потому что въ этотъ день пустынники снова возвращались въ монастырь. Этотъ благочестивый обычай прощенія сохранился изстари и у насъ въ православной Руси. Его придерживались русскіе благочестивые цари, что видно изъ историческихъ актовъ 1598 года, гдѣ читается: „митрополиты, архіепископы, епископы благословиша царя и прощеніе подаша ему, а архимандриты, игумены и честные старцы такоже прощеніе подаша ему и отъ него прощеніе купно получиша; получивъ же благословеніе и прощеніе къ подвигу постному, тщашеся (царь) духовный подвигъ св. четыредесятницы совершити“. Соблюдается у насъ этотъ древній святой обычай доселѣ между простымъ народомъ по городамъ, селамъ и деревнямъ, но съ сожалѣніемъ должно сказать, что уклоненій отъ него становится все больше и больше въ особенности среди тѣхъ людей, которые считаются образованными и стоящими выше всякаго рода обычаевъ.

Итакъ, изъ сказаннаго о масленицѣ всякому должно быть понятно, что для разгула христіанину не предоставлено св. церковію какого-либо основанія; что въ веселыхъ увлеченіяхъ мы безсознательно уподобляемся язычникамъ, не имѣвшимъ яснаго понятія о Творцѣ и Его отношеніи къ міру и человѣку. (Извлеч. въ сокращ. изъ „Сарат. Епарх. Вѣд.“ 1888 г. № 5).

17. **Объясненіе молитвы св. Ефрема Сирина.**

Господи и Владыко живота моего! Духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми.

Съ наступающей недѣли вы услышите эту молитву, чтеніе которой сопровождается великими поклонами. Составителемъ ея былъ преподобный Ефремъ Сиринъ, жившій въ 4 в. по Р. Христовѣ и проведшій всю жизнь въ слезахъ покаянія. Для душевной пользы нашей вникнемъ въ ея смыслъ и значеніе.

Господи и Владыко живота моего! Памятуй же, христіанинъ, что жизнь твоя находится во власти Господа, Творца твоего. Безъ воли Его ничего не совершается въ мірѣ: Онъ, Всевышній, богатитъ и убожитъ, смиряетъ и возвышаетъ, Онъ и твой Спаситель; Онъ силенъ возставить тебя отъ бездны грѣха. Посему припадай къ Нему и изъ глубины души взывай: *согрѣшихъ, Господи, паче всякаго человѣка, но Самъ спаси мя.* И Господь въ день печали твоей и сокрушенія сердечнаго *услышитъ тя.*

И такъ какъ св. постъ должно проводить намъ во всякомъ воздержаніи, чистотѣ и въ твореніи добрыхъ дѣлъ, а сего нельзя сдѣлать безъ помощи Божіей, то мы и взываемъ: *Господи, духъ праздности не даждь ми.* И всегда праздность, или лѣность, воспрещена намъ Богомъ и вредна намъ: она признается матерью всѣхъ пороковъ. А въ настоящіе дни поста и покаянія праздность для насъ душепагубна. Вѣдь не для праздности созданъ человѣкъ, а для трудовъ, и трудовъ усиленныхъ. Намъ заповѣдано Творцомъ: *шесть дней дѣлай и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя.* Не ослаблять намъ теперь нужно свою дѣятельность, а усилить. Не дѣлая опущенія въ дѣлахъ своего званія, не дадимъ праздности уму своему: пусть онъ займется разсмотрѣніемъ всѣхъ грѣховъ и беззаконій нашихъ, содѣянныхъ нами послѣ прошедшей исповѣди, чтобы мы могли открыть отцу духовному всѣ грѣховныя раны души своей въ подробностяхъ; пусть поразмыслитъ, что ожидаетъ грѣшника; — что Господь ждетъ нашего обращенія;—какъ спаслись мытарь, блудница, разбойникъ и ап. Петръ, трижды отрекшійся отъ Христа-Спасителя. Не дадимъ праздности и волѣ своей: пусть она упражняется въ постоянной покаянной молитвѣ, въ твореніи добрыхъ дѣлъ, въ оказаніи дѣлъ милосердія ближнему, даже врагамъ нашимъ.

Все это нужно для того, чтобы спасительное время поста не прошло въ нерадѣніи—безъ всякой пользы для души, какъ, можетъ-быть, бывало прежде.

И духъ унынія не даждь ми, Господи. Не будемъ унывать, что прошли дни веселія и удовольствій и настало время постное съ строгимъ воздержаніемъ въ пищѣ, но, постясь *тѣлеснѣ и духовнѣ,* возблагодаримъ Господа, введшаго насъ въ пречестные дни сіи, еще отверзающаго намъ двери милосердія Своего и не погубившаго насъ со беззаконіями нашими. И, готовясь къ исповѣди, воспоминая грѣхи свои, мы увидимъ, что они многочисленны и тяжки; не должно однако впадать въ уныніе отъ множества грѣховъ своихъ, тѣмъ болѣе не должно отчаиваться въ своемъ спасеніи. Господь не отвергнулъ мытаря, блудницу, разбойника и хулителя Своего Савла,—не отвергнетъ и нашего покаянія, если будетъ оно искреннее, сокрушенное.

Далѣе молимъ Господа: *духъ любоначалія не даждь ми.* Любоначаліе — это высокоуміе и гордость. Кажется, намъ ли, обремененнымъ грѣхами многими, высокоумствовать о себѣ и гордиться въ эти дни смиренія нашего? Однако у многихъ изъ насъ замѣтенъ духъ гордости. Когда судимъ о постѣ, говоря, что поститься по уставу церкви невозможно, что постъ вреденъ для здоровья, что не грѣхъ съѣсть то и другое и проч., не показываемъ ли этими своими разглагольствіями своего высокоумія? Какъ будто св. церковь, любвеобильная мать наша, руководимая Духомъ Святымъ, менѣе насъ знаетъ, что намъ полезно! А когда мы услаждаемся въ мысляхъ, что я-де пощусь строже другихъ, — не превозношеніе ли свое высказываемъ?! Не по гордости ли мы не хотимъ поклониться своему ближнему, котораго обидѣли, и испросить у него прощенія?!

Постараемся же отгонять отъ себя горделивыя мысли; вѣдь *Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать,* а теперь намъ особенно нужна благодать прощенія грѣховъ. Примѣръ гордаго фарисея да вразумитъ насъ.

И, заканчивая первую часть молитвы, взываемъ: *духъ празднословія не даждь ми.* Грѣхъ празднословія такъ укоренился въ насъ, что и св. постъ не удерживаетъ нашего языка: и въ постъ мы продолжаемъ произносить слова пустыя, лживыя, постыдныя и злыя, даже смѣхотворныя. Многіе изъ насъ соблюдаютъ строгое воздержаніе въ пищѣ, а на языкъ не хотятъ наложить поста. Нѣтъ, такой постъ не угоденъ Богу. По наставленію церкви: *постящеся тѣлеснѣ, постимся и духовнѣ,* — постясь тѣломъ, воздержаніемъ въ пищѣ, постись и душою, воздержаніемъ отъ всякаго зла, хотя бы это было и пустое слово. Ты обидѣлъ ближняго словомъ,—знай, что согрѣшилъ болѣе, чѣмъ бы наѣлся скоромной пищи. Лучше всего хранить молчаніе въ эти дни и, сходясь другъ съ другомъ, не будемъ пустословить.

Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любве даруй ми, рабу Твоему.

Первѣе всего *даруй ми, Господи, духъ цѣломудрія.* Цѣломудръ тотъ, кто пребылъ ради Господа дѣвственникомъ или дѣвственницей, кто сохраняетъ душу и тѣло отъ плотскихъ похотей. А мы, христіане, искупленные и освященные кровію Іисуса Христа, должны избѣгать и грѣховъ мыслями. „Кто, по словамъ Спасителя, посмотритъ на женщину съ похотствованіемъ, уже совершилъ прелюбодѣйство въ сердцѣ своемъ“. Братіе! внимайте къ себѣ въ эти дни, да не оскверните себя грѣховными мыслями. Вѣдь мысль рождаетъ грѣхъ, а грѣхъ—смерть. Удаляйтесь всякаго соблазна, что можетъ разсѣять вашу мысль. Займите умъ свой умною молитвою, т.-е. держите постоянно на умѣ молитву *Іисусову*, идете ли куда, сидите ли, работаете ли. Помышляйте о Богѣ, какъ Онъ благъ и милосердъ къ намъ, грѣшнымъ, даруя всѣмъ, приходящимъ къ Нему, вѣчное блаженство; размыслите, какъ тяжки и губительны грѣхи наши, когда за нихъ нужно было Сыну Божію претерпѣть на крестѣ страшныя мученія и пролить Свою пречистую кровь; памятуйте слова Спасителя: *если не покаетесь, вси погибнете.*

Духъ смиренномудрія даруй ми... Смиренномудръ тотъ, кто считаетъ себя за ничто, кто все, что имѣетъ добраго въ себѣ, относитъ къ Богу, а не себѣ приписываетъ; кто не превозносится, а считаетъ себя грѣшнѣе всѣхъ; никого не уничижаетъ, а готовъ услужить всякому, какъ и Господь Іисусъ Христосъ служилъ Своимъ ученикамъ, умывая имъ ноги. Въ настоящіе дни особенно будьте смиренны, молись каждый, какъ мытарь,—не дерзай и очи свои возводить на небо отъ множества грѣховъ; плачь, какъ блудница, омывшая слезами своими ноги Спасителя; плачь горько, какъ ап. Петръ. Но смотри, не произноси безумные глаголы фарисея: Боже, благодарю Тебя, что я не такой, какъ прочіе грѣшники.

Духъ терпѣнія даруй ми... Терпѣніе заповѣдалъ намъ Спаситель: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ*, учитъ Онъ. Безъ терпѣнія невозможно наше спасеніе. *Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе.*

Итакъ, вооружимся терпѣніемъ противъ всѣхъ обидъ и оскорбленій, причиняемыхъ намъ; во всякихъ скорбяхъ и страданіяхъ, окружающихъ всюду насъ, одно только терпѣніе можетъ усладить горечь настоящей жизни.

И всѣ подвижники благочестія въ своихъ злостраданіяхъ находили утѣшеніе въ терпѣніи, въ надеждѣ на помощь свыше, въ надеждѣ на полученіе вѣчнаго блаженства за вѣрность Господу до конца. Итакъ, братіе, *вся терпите*, по наставленію апостола. Не будьте раздражительны къ окружающимъ васъ.

Духъ любве даруй ми... Любовь—глава всѣхъ добродѣтелей. Въ любви къ Богу и ближнему, по ученію Спасителя, заключается весь законъ. Кто пребываетъ въ любви, тотъ въ Богѣ пребываетъ. Св. апостолъ Павелъ учитъ: „если я буду говорить на ангельскомъ языкѣ, буду горы переставлять съ мѣста на мѣсто, а любви не имѣю, то я ничто; если я отдамъ тѣло на сожженіе, и любви не имѣю, нѣтъ никакой пользы“. Итакъ, возлюбимъ Бога всею душою, да страшимся оскорблять Его своими грѣхами; предадимъ самихъ себя и всю жизнь свою Христу Богу. Святая воля Его да совершается надъ нами; покоримся ей безъ ропота. Какими знаетъ Онъ путями, пусть спасетъ насъ. Ничто да не разлучаетъ насъ отъ Господа: ни родство, ни дружба и никакая скорбь. Но кто любитъ Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ, говоритъ апостолъ, лжецъ. А потому возлюбимъ, и ближняго своего, какъ самихъ себя. Безъ любви къ ближнему Господь не приметъ ни молитвы нашей, ни постовъ, ни жертвъ. Каждый кающійся грѣшникъ милъ Ему; за каждаго Спаситель пролилъ кровь Свою. Намъ ли послѣ сего пренебрегать своимъ ближнимъ! Но пріимемъ къ сердцу и слова Спасителя нашего: „Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите кленущыя вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напасть и изгонящыя вы“ (Матѳ. V, 44). Вотъ до чего должна простираться любовь наша: до любви ко врагамъ нашимъ. Да и кто изъ насъ осмѣлится просить прощенія своихъ грѣховъ у Господа, прежде не простивъ своему врагу? Если сердце твое не согрѣто любовію къ ближнему, врагу твоему, то проси Господа отъ всего сердца: *духъ любве даруй ми, Господи, рабу Твоему.* Не имѣя любви въ сердцѣ къ ближнему, недостоинъ будешь и самъ любви отъ Господа твоего.

Ей, Господи Царю! Даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата *моего: яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ. Аминь.*

Вотъ еще о чемъ намъ, кающимся грѣшникамъ, нужно усиленно молить Бога: — даровать намъ зрѣть – видѣть наши прегрѣшенія, содѣянныя словомъ, дѣломъ и помышленіемъ. Самимъ ли, кажется, намъ не знать себя, каковы мы! А нужно сознаться,—не знаемъ, да и не узнаемъ безъ помощи благодати Божіей. Мы склонны скорѣе замѣчать *сучокъ* въ глазѣ брата своего, а въ своемъ и бревна не замѣчать, какъ свидѣтельствуетъ Спаситель. Нѣтъ, въ наступающіе дни нашего покаянія, приготовленія нашего къ очищенію отъ всѣхъ грѣховъ, намъ неотложно нужно заняться разсмотрѣніемъ своей грѣховной жизни: получше разузнать болѣзни души своей—грѣхи свои, чтобы открыть духовному отцу своему и получить исцѣленіе себѣ. Чтобы видѣть себя, каковы мы есть, мы смотримся въ зеркало. И чтобы видѣть себя, каковы мы предъ Богомъ, чистъ ли въ насъ образъ Божій, начертанный въ нашей душѣ, Господь далъ намъ нѣсколько зеркалъ: это слово Божіе, св. законъ въ 10 заповѣдяхъ и евангельскій законъ. Въ нихъ видно, каковъ долженъ быть христіанинъ; посмотрись, таковъ ли ты? Для удобства нашего Господь Спаситель нашъ заключилъ весь законъ въ двухъ заповѣдяхъ. Первая: „Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею душою твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ и всею крѣпостію твоею“. Вторая: „Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“. Вотъ по этимъ заповѣдямъ и провѣрь, кающійся грѣшникъ, свою жизнь. Если ты плохо знаешь свою вѣру, не стараешься научиться ей въ храмѣ или въ домѣ, не любишь читать слово Божіе, слушать благочестивые разговоры о вѣрѣ и жизни святыхъ, лѣнишься молиться, надѣешься на свою хитрость и изворотливость, а не на помощь Божію; вѣришь въ сны, въ гаданія, въ разные заговоры и примѣты, а не полагаешься на волю и силу Божію; если не твердо держишься своей православной вѣры, не прочь въ чемъ либо измѣнить ей, позволяешь при себѣ смѣяться надъ своею вѣрою или надъ уставами церкви, не защищаешь своей вѣры, какъ умѣешь, готовъ послушать какого-либо отступника отъ вѣры; если ты гордишься, притѣсняешь ближняго въ несчастіи ради прибытка, берешь за одолженіе несоразмѣрные проценты, изъ-за денегъ не прочь покривить душою; предаешься пьянству, объѣдаешься, лицемѣришь; если небрежно кладешь крестное знаменіе, ропщешь на Бога, въ шутку обращалъ священные предметы, молился разсѣянно, божился и клялся, нарушалъ клятву и присягу, не исполнялъ обѣтовъ, данныхъ Богу; если ты не чтишь праздниковъ Господнихъ, не стараешься въ эти дни быть въ св. храмѣ у службы церковной, проводишь ихъ въ разгулѣ, пьянствѣ, въ безобразныхъ играхъ; если ты работалъ въ праздники во время службы для себя или другому кому изъ-за вина, если ты не соблюдаешь постовъ и проводишь ихъ во всякомъ плотскомъ невоздержаніи, не бываешь у исповѣди и св. таинъ причастія яко бы за недосугомъ; проводишь будніе дни въ бездѣліи и лѣности; если ты, христіанинъ, во всемъ указанномъ грѣшенъ, то нарушилъ первую заповѣдь. Значитъ, ты любишь Бога на словахъ только, а дѣлами оскорблялъ Его. Если бы ты истинно любилъ Бога, то старался бы угождать Ему; страшился бы оскорблять Его своими грѣхами. Познай же, кающійся грѣшникъ, что ты сильно прогнѣвалъ Господа Спасителя своего: скорѣе спѣши принести Ему искренное покаяніе въ своихъ тяжкихъ грѣхахъ.

Итакъ, противъ первой заповѣди мы безотвѣтны. Не лучше ли исполнялась нами вторая заповѣдь: *Возлюби ближняго своего, какъ самого себя?* Самые близкіе намъ—родители. Если ты, христіанинъ, обходился съ ними грубо, дерзко отвѣчалъ имъ, не слушалъ и не принималъ къ сердцу ихъ добрыхъ совѣтовъ, не заботился о нихъ, не покоилъ ихъ, когда они по старости и немощи нуждались въ твоей помощи; скупился издержать что на церковное поминовеніе ихъ, не жалѣя ничего на пустую трату; если ты ослушался начальниковъ, отъ Царя поставленныхъ, не воздавалъ имъ должной чести, не страшился оскорблять ихъ своими неправыми осужденіями, удерживалъ царскую дань; если ты не повиновался своимъ духовнымъ пастырямъ, прекословилъ имъ при ученіи тебя благочестію, худо говорилъ о нихъ; не радѣлъ о воспитаніи дѣтей своихъ въ страхѣ Божіемъ; если дѣти твои отъ тебя же научались безобразной *ругани,* а молитвъ никакихъ не знаютъ; если не пріучаешь ихъ къ храму Божію, — какъ ты избѣжишь гнѣва и суда Божія? Если ты вредилъ жизни ближняго, оскорблялъ его, вовлекалъ его въ грѣхъ, подавалъ соблазнъ; если ты нарушалъ супружескую вѣрность, сквернилъ тѣло свое грѣхами, о которыхъ срамно и говорить; предавался сквернословію, срамнымъ пѣснямъ и пляскамъ; искажалъ свой образъ наряжаніями; если ты удерживалъ чужое хитростію или обманомъ, служилъ и работалъ недобросовѣстно, жилъ на чужой счетъ, имѣя силу трудиться; если ты ложно свидѣтельствовалъ на ближняго своего, позорилъ его доброе имя, осуждалъ всѣхъ и каждаго; если ты завидовалъ ближнему, его счастію семейному, его благосостоянію; если ты во всемъ этомъ повиненъ, то тяжко согрѣшилъ противъ 2-й заповѣди. Итакъ мы—преступники всего закона Господня. Поспѣшимъ омыться отъ нечистоты грѣховной слезами покаянія. Усердно займемся врачеваніемъ самихъ себя, а не осужденіемъ грѣховъ брата. Будемъ не устами только, но отъ всего сердца мысленно взывать: *Ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего.* Аминь (Извл. въ сокращ. изъ „Христ. бесѣды“ 1893 г.).

18. Опасно предаваться тоскѣ [1]).

Сколь много несчастныхъ случаевъ, отъ тоски происходящихъ, извѣстно всякому. Иной, слышимъ, утопился, другой зарѣзался и проч., и всѣ, вообще, несчастные случаи скоропостижной, насильственной смерти происходятъ чаще всего отъ тоски. Случилось ли съ человѣкомъ какое несчастіе, или неблагополучіе, напримѣръ, лишеніе имѣнія, или родныхъ, потеря имущества и денегъ и проч. сему подобное, сначала рождается у него печаль, потомъ уныніе, далѣе тоска, и если человѣкъ не скоро, такъ сказать, образумится, не взыщетъ благодати и помощи Божіей, то конецъ его близокъ, погибель неизбѣжна. Врагъ человѣческаго рода всѣми силами нападаетъ тутъ на ослабѣвшую душу человѣка, давитъ, тѣснитъ ее, не даетъ силъ и времени образумиться и обратиться къ помощи Божіей, и такимъ образомъ губитъ человѣка временно и вѣчно. Это единственная цѣль его—погибель человѣка, въ особенности христіанина; а печаль и происходящая отсюда тоска есть наилучшее средство у него къ достиженію этой адской его цѣли.

Мнѣ пришлось услышать отъ одной почтенной вдовы бывшее съ ней искушеніе вражіе, отъ котораго спаслась она только всесильною благодатію Божіею.

„Лѣтъ около 20 тому назадъ, говорила она, когда я жила у родителей своихъ (также благочестивыхъ христіанъ), случилось мнѣ, отъ простуды что ли, заболѣть. Болѣзнь была не слишкомъ серьезна и опасна, только я значительно ослабѣла, потомъ лишилась аппетита и слегла въ постель. Отъ потери аппетита, безъ пищи, произошла безсонница. Бывало, говоритъ, не сплю всю ночь, а безпрестанная почти ѣзда и стукъ по большой улицѣ, на которой домъ ихъ стоялъ, дѣйствовали на меня весьма тяжело. Я стала тосковать. Что дальше, то больше и хуже. И хотя болѣзнь моя продолжалась всего только около двухъ недѣль, потому что, какъ только я причастилась св. таинъ тѣла и крови Христовой, то тутъ же чудеснымъ образомъ исцѣлилась душевно и тѣлесно и выздоровѣла; но и въ это, можно сказать, короткое время я вполнѣ и ощутительно видѣла на себѣ сильныя козни вражіи, готовыя погубить человѣка, и спасающую силу Божію. Въ одну ночь, при сказанной безсонницѣ и тоскѣ, я слышу внутри меня живо говорящій мнѣ помыслъ: „да что ты думаешь? — Поди вонъ въ колодезь и утопись“. Я содрогнулась отъ такого помысла и отвѣчаю ему: „да я и не дойду:“ потому что я такъ была слаба, что едва могла сдѣлать два, или три шага. „Ну, возьми ножъ и зарѣжься,“—опять говоритъ тотъ же помыслъ. Еще болѣе испугалась я, и какъ ни боролъ меня этотъ адскій помыслъ, я не рѣшилась на него, не знаю ужъ какъ и почему, а должно-быть Богъ помиловалъ меня. Прошла эта ночь страшная и грозная. И вотъ, днемъ мать и сестра мои, тщательно за мною наблюдавшія и ухаживавшія, замѣтя мою усиленную слабость и крайнее изнеможеніе, говорятъ между собою и при мнѣ, что надобно меня исповѣдать и причастить святыхъ таинъ. Я же бывшее со мною въ ночи искушеніе, сама не знаю почему, не открыла имъ. И когда заговорили онѣ о напутствованіи меня, я была совершенно противъ этого. „Какъ можно, думала и говорила я, причаститься безъ приготовленія и говѣнія? Нельзя этого никакъ сдѣлать“. Сколько онѣ ни убѣждали меня, я рѣшительно не хотѣла... И сама не могу понять причины такого моего упорства, а думаю, что это было не что иное, какъ только тѣ же козни и навѣты вражіи. А онѣ порѣшили, несмотря на отказы и противность мою, завтра же отъ ранней обѣдни пригласить священника. Я молчала, а была все въ томъ же упорствѣ. Настала ночь. И тѣ же самые помыслы и козни бѣсовскія повторились со мною въ большей силѣ; но помощію Божіею я превозмогла ихъ, не рѣшилась на самоубійство, ибо это казалось мнѣ весьма страшнымъ. Наступило благодатное утро. Онѣ посылаютъ за священникомъ, а мнѣ все хочется какъ-нибудь отдѣлаться. Замѣтила я, что всѣ вышли изъ комнаты; собравши всѣ силы, я встала и поспѣшила къ водѣ, въ томъ, думая про себя, намѣреніи, чтобы хоть воды напиться и отклонить св. причащеніе: скажу, что я напилась и не могу теперь причащаться. Какъ только подползла я къ водѣ, вдругъ входитъ мать моя и весьма удивилась моему положенію. „Что это, Таничка, ты хочешь? Какъ это ты встала и прошла?“ Пристыженная и испуганная, я не знала, что отвѣчать. Меня отвели опять на мѣсто. Тутъ же является священникъ съ св. дарами. Я не могла уже противиться нѣжной христіанской заботливости о мнѣ, тутъ же исповѣдалась и сподобилась святыхъ таинъ. Что же?.. О, несказанная сила спасающей благодати Божіей! Не только всѣ прежніе помыслы и искушенія разсѣялись какъ прахъ, ибо я тутъ же просвѣтлѣла душою моею, успокоилась и возвеселилась духовно, какъ нельзя лучше... но въ тотъ же самый день встала и съ одра болѣзни и весьма скоро выздоровѣла.

---

[1]) По повод. молитвы св. Ефрема Сирина о прогнаніи духа унынія.

„Да, прибавила она, никогда не забуду я этого обстоятельства со мною“.

Да, скажемъ и мы, великое зло и пагуба душевная тоска. Козни и искушенія вражіи такъ бываютъ тутъ сильны, что одна только спасающая благодать Божія вполнѣ можетъ преодолѣть и побѣдить ихъ. „Какъ тяжко, повторимъ еще слова разсказчицы, несносно, мучительно быть въ тоскѣ, это чистый адъ! И какъ, напротивъ, благодатно съ вѣрою обращаться къ таинствамъ исповѣди и причащенія, кои возвращаютъ миръ душѣ страдающей, это истинный рай!! Тутъ осязательно познаемъ, сколь благъ Господь и какъ всемогуща спасительная сила Божія!“ (См. „Тамб. Епарх. Вѣд.“ 1865 г. № 3.)

НЕДѢЛЯ СЫРОПУСТНАЯ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 17-е, гл. XI, 14—21 ст..

1. Прощеное воскресеніе.

Въ послѣднее воскресенье предъ великимъ постомъ читаются на литургіи во святомъ евангеліи слова Господа: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный; аще ли не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ.* Оттого и называется этотъ день *прощенымъ воскресеньемъ.* И дѣйствительно, въ этотъ день всѣ добрые христіане просятъ другъ у друга прощенія: дѣти просятъ прощенія у родителей, братья, сестры, всѣ семейные и сосѣди другъ у друга, младшіе у старшихъ, и всѣ у своего отца духовнаго; въ этотъ день добрые хозяева прощаются съ своею прислугою, купцы съ приказчиками, подчиненные съ начальниками; въ христіанскихъ православныхъ домахъ вездѣ слышится достолюбезное слово: *простите Христа ради.* Вотъ истинно святой, истинно христіанскій обычай! Подите въ этотъ день въ какую-нибудь св. обитель, войдите послѣ вечерни въ монастырскій храмъ или въ братскую трапезу, и вы увидите здѣсь поистинѣ трогательный обрядъ: вся братія, отъ самого настоятеля до послѣдняго послушника, монашествующіе въ мантіяхъ, при тихомъ умилительномъ пѣніи тропарей: *Покаянія отверзи ми двери...* или ирмосовъ: *Помощникъ и покровитель*, кланяются другъ другу въ ноги, просятъ взаимнаго прощенія и со словами: *Христосъ посредѣ насъ и есть и будетъ*, цѣлуютъ другъ друга въ плечи... И вспоминается при этомъ другая картина всеобщаго торжества братской любви на св. Пасху, съ тою лишь разницею, что тогда отъ избытка радости, обнимая другъ друга, христіане восклицаютъ: *Христосъ воскресе, воистину воскресе*! а теперь слышится только смиренное слово: *прости...* Вотъ отчего, можетъ-быть, и произошелъ въ нѣкоторыхъ обителяхъ обычай пѣть послѣ вечерни въ прощеное воскресенье канонъ Пасхи съ торжественными стихирами: *Пасха священная намъ днесь показася!* Всеобщее примиреніе другъ съ другомъ, дѣйствительно, приводитъ на память пасхальное приглашеніе церкви: *и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ!*

Братъ-христіанинъ! И мы съ тобой не ангелы. И у насъ есть если не враги, то все же люди, которые имѣютъ нѣчто противъ насъ. Пойдемъ же къ нимъ сегодня, поклонимся смиренно каждому изъ нихъ и скажемъ: прости, братъ, меня грѣшнаго ради Господа, ради святыхъ дней покаянія! Завтра великій постъ, дни примиренія грѣшниковъ съ Богомъ, но прежде, братъ, надо намъ примириться другъ съ другомъ, чтобы съ мирнымъ сердцемъ, съ мирною душою просить у Бога прощенія. Завтра чистый понедѣльникъ, очистимъ же себя прежде всего отъ всякаго чувства небратскаго, чтобы съ чистою совѣстью сказать Отцу небесному: *Отче нашъ!... остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ!* Довольно грѣшить! Не все же оскорблять намъ Бога и тѣшить врага враждою и злопамятствомъ! Что если застанетъ насъ смерть во взаимной враждѣ? Вѣдь для такихъ нѣтъ входа въ царствіе Божіе! Такихъ свяжутъ и бросятъ во тьму кромѣшнюю... И какъ прибѣгнуть къ Богу съ покаяніемъ, когда совѣсть осквернена неудовольствіемъ на ближняго и самооправданіемъ?.. (См. № 357 Троицк. лист.).

2. Прощеные дни въ древней Руси.

Масленица. Русскій народъ, справляя стародавній языческій обычай, готовился къ шумному веселію. Но благочестивые люди уже съ половины недѣли начинали готовиться къ великимъ днямъ поста и покаянія. Съ среды начинались *прощеные дни*. Самъ великій Государь являлъ своимъ подданнымъ примѣръ благочестія. Въ среду онъ посѣщалъ ближайшіе монастыри: Чудовъ, Вознесенскій, Алексѣевскій и другіе, прощался съ братіею, съ больничными старцами и жаловалъ имъ царскую милостыню. Въ слѣдующіе два дня—четвергъ и пятницу, царь отправлялся въ загородные монастыри: Новоспасскій, Симоновъ, Андрониковъ, Новодѣвичій и др. Въ Новоспасскомъ монастырѣ покоились предки благословеннаго дома Романовыхъ. Въ субботу Государь, окруженный боярами, и патріархъ съ священнымъ соборомъ приходили для прощенія къ царицѣ. Она принимала ихъ въ своей золотой палатѣ, гдѣ и происходилъ обрядъ прощенія

Въ воскресенье, главный прощеный день, рано поутру, до совершенія Божественной литургіи, патріархъ, предшествуемый соборнымъ ключаремъ, который несъ крестъ и св. воду, приходилъ во дворецъ „прощатися“ съ государемъ. Вмѣстѣ съ патріархомъ шли митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь освященный соборъ, т.-е. высшее духовенство. Государь встрѣчалъ первосвятителя въ „Столовой избѣ“. Послѣ обряда прощенія съ духовными особами, Государь совершалъ тотъ же обрядъ съ дворовыми и служилыми чинами. Къ государю справа и слѣва приближались первостепенные бояре. Одинъ изъ нихъ держалъ Государя подъ правую руку, и бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки, стольники, стряпчіе, дворяне, московскіе жильцы, головы и полуголовы стрѣлецкіе и всѣхъ приказовъ дьяки и подъячіе, по чину, подходили и цѣловали Государеву руку.

Въ московскихъ храмахъ уже благовѣстили къ Божественной литургіи. Послѣ литургіи и полуденнаго отдыха вечеромъ Государь, сопровождаемый боярами, окольничими, думными дворянами, стольниками и проч., шествовалъ въ Успенскій соборъ, гдѣ совершался святѣйшимъ патріархомъ обрядъ прощенія по церковному чину. Діаконъ возглашалъ эктеніи. Послѣ молитвословія Государь приближался къ патріарху, и, произнося слово прощенія, цѣловалъ св. крестъ. Затѣмъ то же самое совершали всѣ духовныя и свѣтскія власти. Прямо изъ собора государь шествовалъ, въ сопровожденіи всѣхъ высшихъ чиновъ, прощаться къ патріарху, какъ бы возвращая утреннее посѣщеніе. Для государева посѣщенія у патріарха убиралась сукнами и дорогими коврами Крестовая палата. Тамъ уже ждали царскаго прихода митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты—словомъ, весь освященный соборъ. Первая встрѣча происходила на сѣняхъ. Патріархъ встрѣчалъ Государя среди Крестовой палаты. Благословивъ Государя и принявъ его подъ руки, патріархъ шелъ съ своимъ державнымъ гостемъ на обычное мѣсто, гдѣ возглашалъ „Достойно“ и „приходную молитву“, послѣ чего давалъ благословеніе Государю и всѣмъ своимъ гостямъ. Государь садился на большой лавкѣ—на южной сторонѣ палаты. Патріархъ на восточной сторонѣ, на лавкѣ подъ образами. На лавкѣ у сѣверной стороны—бояре. У дверей палаты становились по чину стряпчіе, стольники и проч. Начинались „прощальныя чаши“. Послѣ „прощальныхъ чашъ“ бояре и прочіе чины, по указу Государя, выходили въ сѣни. Оставляло подъ конецъ палату и высшее духовенство, Государь и патріархъ оставались совершенно одни „съ полчаса времени“. Затѣмъ палата вновь наполнялась всѣми присутствовавшими при обрядѣ. Патріархъ снова возглашалъ „Достойно“ и затѣмъ прощальную молитву. Благословивъ Государя и гостей своихъ, патріархъ отпускалъ всѣхъ. Изъ крестовой палаты Государь шествовалъ въ Чудовъ и Вознесенскій монастыри. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ онъ прощался у св. мощей,—въ Архангельскомъ—у гробовъ родителей и предковъ.

Во дворцѣ государь прощался съ ближайшими къ нему особами, съ „комнатными“, равно какъ и со всѣми лицами, служащими у его государева двора.

Наконецъ, въ этотъ великій „прощеный“ день великій государь вспоминалъ и тѣхъ, кто, можетъ-быть, болѣе всего нуждался въ прощеніи. Начальники всѣхъ приказовъ докладывали ему о „колодникахъ, которые въ какихъ дѣлахъ сидятъ многія лѣта“. Весьма многимъ Государь изрекалъ освобожденіе... Такъ заключался этотъ знаменательный день. (См. „Волынск. Епарх. Вѣд.“ 1895 г. № 7).

3. **Богъ проститъ!!**

Прощеное воскресенье. Жарко въ маленькой сельской церкви. Вечерня подходитъ къ концу.

Жарко горятъ трудовыя свѣчи передъ потомнѣвшими, старинными образами. Пахнетъ ладономъ и воскомъ. Тихо, отрадно звучитъ молитвенный голосъ старика-священника...

Горячо молятся поселяне въ своей маленькой, старой церкви. Съ сердечнымъ благоговѣніемъ внимаютъ они святымъ словамъ молитвы.

Милостиво глядитъ на поселянъ иконостасный образъ Спасителя... Кроткій ликъ Богоматери съ глубокой любовью внимаетъ горячей молитвѣ.... Глубока искренняя молитва простого народа!

Послѣдній возгласъ священника... Благословляетъ онъ и съ миромъ отпускаетъ прихожанъ своихъ... Кончилась вечерня...

Всей толпой повалили прихожане прощаться съ батюшкой... Прощаются поселяне и между собой... „Простите, Христа ради“, „простите, ради Бога“, слышится повсюду.

Съ чистымъ, успокоеннымъ сердцемъ исполняютъ поселяне евангельскій завѣтъ любви и прощенія... Сколько великаго и глубокаго смысла въ этомъ простомъ обычаѣ! Забывается долгая вражда, долгая непріязнь. Мирятся враги между собой. Обиженный прощаетъ виноватаго! Словно тяжелый гнетъ снимается съ человѣческой души великимъ словомъ любви и прощенія...

Смягчается сердце... Свѣтлыя слезы навертываются на глаза. И тихо, тихо становится на душѣ... Изъ глубины сердца вырывается горячая молитва Всевышнему... „Богъ проститъ! Господь прощаетъ, какъ же мнѣ, грѣшному, не простить тебя?“ звучитъ въ церкви...

Ушелъ въ алтарь старикъ-священникъ, народъ расходится. Тихо и благоговѣйно покидаютъ поселяне свой храмъ.

Тутъ снова сплотились они въ одну семью во имя великаго евангельскаго завѣта любви и прощенія.

У лѣваго клироса стоитъ молодой поселянинъ. Около него вся его семья. Онъ какъ-то робко глядитъ на другую сторону церкви. Тамъ стоитъ его братъ. Давно враждуютъ они между собой...

Умеръ ихъ отецъ. Захотѣли братья раздѣлиться. Завязались споры, непріязнь, ссора. Вмѣшались чужіе люди. Пошли толки и пересуды. Мирная семья распалась на части. Каждый братъ обвинялъ другого въ утайкѣ имущества. Вражда и зло поселились въ ихъ сердцахъ.

Старшій братъ женился и зажилъ своимъ хозяйствомъ. Младшій уѣхалъ въ другое село. Долгіе годы братья не видѣлись и не говорили... Они были чужіе другъ другу.

Въ прошломъ году старшій, Иванъ, захотѣлъ помириться. Пришелъ онъ къ брату, хотѣлъ попросить прощенья... Василій жилъ въ чужомъ селѣ бобылемъ. Работникъ онъ былъ хорошій, но скука донимала его. Надоѣдало молодому парню одному, безъ родной семьи, жить. Началъ онъ съ горя попивать и кутить; измѣнился въ короткое время молодой, добрый парень. Пришелъ къ нему Иванъ. Увидалъ онъ пьянство брата, его гульбу да пирушки и... слова замерли на устахъ его. Стоялъ онъ и молчалъ. Василій на смѣхъ его поднялъ и глубоко обидѣлъ.

Вернулся Иванъ домой съ тяжелымъ сердцемъ. Еще сильнѣе загорѣлась вражда между братьями. Тяжесть глубокая лежала у нихъ на сердцѣ.

Благословилъ Богъ семьей Ивана. И хозяйство у него шло порядочно. Началъ онъ жалѣть бобыля-брата. Мучила его ихъ ссора, покоя не давала.

Сегодня увидѣлъ Иванъ въ церкви своего брата. Мрачный да задумчивый стоитъ Василій. Вѣрно, не легко и ему живется со зломъ на сердцѣ!

Умилилось сердце Ивана. Увидалъ онъ, какъ прощались поселяне между собой...

Пришелъ и онъ отъ души помириться и порадѣть брату.

Кончилась вечерня. Ушелъ изъ храма священникъ. Скоро запрутъ и церковь. Подошелъ Иванъ къ брату.

— Прости, братъ, Христа ради, бросимъ ссору нашу, помиримся! говоритъ онъ и кланяется въ ноги брату.

А у самого слезы на глазахъ. Тихо и искренно звучитъ голосъ.

Посмотрѣлъ Василій на брата, потупился. Помолчалъ онъ и тоже поклонился брату до земли.

— Прости, братъ Иванъ, и меня ради Господа! Радъ я помириться съ тобой! Говоритъ это парень, а самъ отвертывается, слезы смахиваетъ.

Обнялись братья, расцѣловались. Сладко, сладко у нихъ на сердцѣ... Забыта вражда братская. Миръ да любовь въ сердцѣ.

Ликуютъ ангелы на небеси! Слава въ вышнихъ Богу! („Кормчій“ 1888 г. № 2).

4. Библейскіе примѣры прощенія обидъ.

I. *Іосифъ.* Послѣ смерти Іакова всѣ дѣти его, братья Іосифа, опасаясь, чтобы онъ не сталъ мстить имъ за то зло, которое они нѣкогда сдѣлали ему, продавъ его въ рабство въ Египетъ, гдѣ по устроенію Божію онъ вскорѣ сдѣлался первымъ при дворѣ фараона министромъ, послали сказать ему, что отецъ предъ смертію завѣщалъ ему простить ихъ за грѣхъ ихъ противъ него: „скажите Іосифу,—говорилъ онъ:—прости братьямъ твоимъ, рабамъ Бога отца твоего“. Іосифъ плакалъ, когда ему говорили это. Пришли и сами братья его, пали предъ нимъ и сказали: „вотъ мы рабы твои“. Іосифъ, успокоивая ихъ, сказалъ: „не бойтесь, ибо я боюсь Бога. Вы умышляли противъ меня зло, но Богъ обратилъ это въ добро, чтобы сдѣлать то, что теперь есть, и сохранить жизнь великому числу людей. Итакъ, не бойтесь. Я буду питать васъ и дѣтей вашихъ“, и такимъ образомъ успокоилъ ихъ и осыпалъ благодѣяніями до конца жизни своей (Быт. XLVI и др.).

II. *Давидъ.* Оставаясь вѣрнымъ Саулу и по смерти его, Семей, сынъ Геры, изъ рода Саулова, питалъ самую глубокую ненависть къ Давиду. Когда Давидъ, спасаясь отъ Авессалома, дошелъ до Бахурина, здѣсь Семей, вышедши изъ города, началъ проклинать Давида, злословя его и бросая камнями въ него и на всѣхъ рабовъ его. „Уходи, уходи, кровопійца и беззаконникъ, — говорилъ онъ,—Господь обратилъ на тебя всю кровь дома Саулова, вмѣсто котораго ты воцарился, предавъ царство въ руки сына твоего, и вотъ бѣдствіе (достойно) обрушилось на тебя, ибо ты — мужъ кровей“. Тутъ Авесса, сынъ Саруинъ, сказалъ царю: „какъ этотъ издохшій песъ смѣетъ злословить государя моего, царя? Я пойду и сниму съ него голову“. Но Давидъ сказалъ на это: „оставьте его, дѣти Саруины! пусть онъ проклинаетъ меня. Можетъ-быть, ему Господь повелѣлъ проклинать Давида. Кто же можетъ сказать: зачѣмъ ты такъ дѣлаешь?“ И обратясь къ Авессѣ и всѣмъ слугамъ своимъ, сказалъ: „вотъ уже родной мой сынъ ищетъ души моей, что же говорить объ этомъ веніамитянинѣ? пусть онъ злословитъ, можетъ-быть, Господь призритъ на мое уничиженіе, и воздастъ мнѣ благостію за теперешнее его злословіе“. Давидъ продолжалъ итти своею дорогою; Семей же долго не отставалъ отъ него, идя стороною по окраинѣ горы, и шелъ и злословилъ его, бросая въ него камнями и пылью (2 Цар. XVI, 5—13).

III. *Св. первомуч. Стефанъ.* Преклонивъ колѣна, (Стефанъ) воскликнулъ громкимъ голосомъ: Господи! не вмѣни имъ (побивающимъ его) грѣха сего. И, сказавъ сіе, почилъ (Дѣян. VII, 60).

5. Церковно-историческіе разсказы о прощеніи обидъ врагамъ.

I. Однажды преподобный Епифаній, бывшій впослѣдствіи архіепископомъ кипрскимъ, ходя по пустынѣ, встрѣтился съ толпою сарацынскихъ разбойниковъ. Варвары начали издѣваться надъ нимъ, и одинъ изъ нихъ, одноглазый отъ рожденія, взмахнулъ мечомъ съ тѣмъ, чтобы отрубить голову Епифанію, но въ то самое мгновеніе, когда обнажилъ мечъ, кривой глазъ его, по молитвѣ препод. Епифанія, открылся, и разбойникъ сталъ видѣть имъ совершенно явственно. Обрадованный открывшимся зрѣніемъ, разбойникъ бросилъ мечъ свой на землю и палъ съ чувствомъ живой благодарности въ ноги преподобному. При видѣ столь явнаго чуда всѣ остальные разбойники свои ругательства и ненависть перемѣнили на благоговѣніе и любовь къ преподобному. „Будь нашимъ хранителемъ,—сказали они,—сопутствуй намъ и защищай насъ отъ бѣдъ и несчастій“. Епифаній три мѣсяца странствовалъ съ разбойниками, наставляя ихъ въ благочестіи. Получившій исцѣленіе ока увѣровалъ во Христа и остался навсегда при св. Епифаніи въ качествѣ ученика. Нареченный Іоанномъ, этотъ прежде свирѣпый варваръ былъ послѣ первымъ проповѣдникомъ чудотвореній Епифанія и описателемъ его жизни („Чет.-Мин.“).

II. Св. Іоаннъ милостивый, щедрый на дѣла тѣлесной милостыни, творилъ и духовную милостыню. Такъ, однажды, онъ по защитѣ людей бѣдныхъ вошелъ въ столкновеніе съ свѣтскимъ начальникомъ, который сильно оскорбилъ великаго святителя. Проходили сутки съ того времени, какъ начальникъ оскорбилъ его. Тогда онъ посылаетъ сказать своему оскорбителю: „скоро зайдетъ солнце—примиримся“. Начальникъ такъ былъ тронутъ этими словами, что не только помирился съ нимъ, но и положилъ обѣщаніе избѣгать въ жизни своей распрей съ кѣмъ бы то ни было.

III. Въ житіи пр. Аѳанасія аѳонскаго разсказывается, что одинъ изъ иноковъ его монастыря, по вражію дѣйствію, возымѣлъ такую злобу противъ преподобнаго, что рѣшился убить его. Взявъ острый ножъ, злодѣй ночью отправился къ кельѣ св. Аѳанасія, который въ это время по обычаю исполнялъ молитвенное правило; подошедши къ дверямъ кельи, онъ вызывалъ его, говоря: „отче, благослови“. Преподобный, праведный какъ Авель, не зналъ, что внѣ стоитъ Каинъ и зоветъ его на убіеніе. Вопросивъ извнутри кельи: „кто тамъ?“ преподобный отворилъ дверь. Но лишь только коварный инокъ увидѣлъ кроткаго отца своего, руки его невольно оцѣпенѣли, и ножъ упалъ на землю. Въ трепетѣ палъ злодѣй въ ноги своего настоятеля и съ горькимъ плачемъ говорилъ: „помилуй, отче, убійцу своего, прости беззаконіе мое и оставь нечестіе сердца моего!“ Преподобный, зажегши свѣчу, увидѣлъ на полу острый ножъ, узналъ адское противъ себя намѣреніе и кротко сказалъ измѣннику: „какъ будто на разбойника ты пришелъ на меня, чадо мое! Богъ да проститъ тебѣ беззаконіе твое, не плачь и не говори никому о случившемся“. Сказавши это, онъ облобызалъ его, какъ друга своего, увѣрилъ, что забудетъ злое его намѣреніе и не перестанетъ любить его. И дѣйствительно, преподобный въ послѣдствіи до самой смерти не обнаруживалъ къ преступному иноку никакой вражды, но всегда любилъ его и по смерти искренно оплакивалъ его: такъ кротокъ и непамятозлобивъ былъ пр. Аѳанасій (Изъ Аѳонск. патер.).

IV. Нѣкоторый старецъ жилъ въ монастырѣ внѣ Александріи. Старецъ этотъ былъ очень вспыльчивъ и малодушенъ. Одинъ юный инокъ, наслушавшись о немъ, далъ обѣтъ предъ Богомъ, говоря: „Господи! за все злое, сдѣланное мною, я пойду и буду жить съ этимъ старцемъ, претерпѣвая отъ него все и служа ему, какъ рабъ!“ Такъ и поступилъ онъ: пошелъ къ старцу и началъ жить съ нимъ.

Старецъ поступалъ съ нимъ, какъ со псомъ, ежедневно издѣваясь надъ нимъ. Богъ призрѣлъ на терпѣніе брата: послѣ шести лѣтъ жизни его со старцемъ онъ увидѣлъ во снѣ нѣкоего страшнаго мужа съ великимъ свиткомъ въ рукѣ. Явившійся сказалъ ему, что половина написаннаго на свиткѣ изглажена, и сказалъ: „вотъ, половину твоего долга изгладилъ Владыка, позаботься и о прочемъ!“ По сосѣдству ихъ жилъ другой старецъ, духовный, и слышалъ всегда, какъ малодушествуетъ старецъ и оскорбляетъ брата, какъ братъ кланяется ему въ ноги, а старецъ не прощаетъ. Встрѣчая молодого монаха, духовный старецъ говаривалъ ему: „что, чадо? какъ прошло сегодня? пріобрѣли ли мы что? изгладили ль что изъ свитка?“ Братъ, зная, что старецъ духовенъ, не скрывалъ отъ него таинъ своихъ, но отвѣчалъ: „да, отецъ, сегодня мы немного потрудились“. Когда же онъ проводилъ день спокойно, не будучи ни обруганъ, ни оплеванъ, ни битъ, ни изгнанъ, то приходилъ къ духовному старцу вечеромъ, плача и говоря: „увы, авва! нынѣшній день былъ несчастливъ, ничего не пріобрѣли мы, провели день спокойно“. По прошествіи другихъ шести лѣтъ терпѣливый братъ скончался. И повѣдалъ духовный старецъ, что онъ видѣлъ умершаго брата предстоящимъ Богу въ ликѣ мучениковъ, съ великимъ дерзновеніемъ молящагося Богу о старцѣ своемъ, и говорившаго: „Господи! какъ Ты помиловалъ меня при посредствѣ его, такъ помилуй и его по благости Твоей и ради меня, раба Твоего!“ По истеченіи сорока дней братъ взялъ къ себѣ и старца въ мѣсто упокоенія. Вотъ какое дерзновеніе имѣютъ къ Богу терпящіе скорби ради Его (Извлеч. изъ „Отечн.“ еп. Игнатія, стр. 432).

V. Однажды св. Андрей, Христа ради юродивый, ходилъ посреди народа на торговой площади, находившейся у башни, которую построилъ императоръ св. Константинъ равноапостольный. Тутъ была и нѣкоторая жена, по имени Варвара. Она, по дѣйствію Духа Божія, пришла въ изступленіе и увидѣла, что блаж. Андрей ходитъ посреди многолюдства подобно огненному, блистающему столпу; одни толкали его пинками, другіе били, многіе, смотря на него, говорили: „этотъ человѣкъ не принадлежитъ себѣ; онъ сошелъ съ ума, не желаемъ такого состоянія и врагамъ нашимъ!“ За Андреемъ ходили бѣсы въ образѣ черныхъ эѳіоповъ и говорили между собою: „не дай Богъ другого такого на землѣ: никто не изжегъ сердецъ нашихъ такъ, какъ этотъ, притворившійся сумасшедшимъ по нежеланію служить господину своему, теперь онъ издѣвается надъ всѣмъ міромъ“. Варвара видѣла, что эѳіопы налагали знаки на тѣхъ, которые били святого, и говорили другъ другу: „по крайней мѣрѣ служитъ намъ утѣшеніемъ то, что его бьютъ безъ милости; бьющіе угодника Божія, безъ всякой на то причины, будутъ осуждены за это въ часъ кончины ихъ, и нѣтъ имъ спасенія“. Блаженный, услышавъ это, устремился на нихъ дѣйствіемъ Духа Божія, какъ пламень, силою страшною разсыпалъ знаки, наложенные демонами, и грозно выговаривалъ имъ: „вы не имѣете права налагать знаковъ на тѣхъ, которые бьютъ меня, потому что я молюсь моему Владыкѣ, чтобъ не вмѣнены были въ грѣхъ наносимые мнѣ побои тѣмъ, которые наносятъ ихъ. Они поступаютъ такъ въ невѣдѣніи, и по причинѣ ихъ невѣдѣнія получатъ прощеніе“. Когда произнесъ это святой, отверзлось небо, какъ отверзаются врата, и вылетѣло оттуда къ преподобному множество прекрасныхъ ласточекъ, посреди ихъ былъ бѣлоснѣжный голубь, державшій въ клювѣ золотой масличный листъ; онъ сказалъ человѣческимъ голосомъ: „прими этотъ листъ, посланный тебѣ Господомъ Вседержителемъ изъ рая, въ знаменіе благодати Божіей за то, что ты милостивъ и человѣколюбивъ, какъ милостивъ и человѣколюбивъ Самъ Господь. Онъ прославитъ тебя, возвеличитъ милость Свою надъ тобою, потому что и ты прощаешь и милуешь бьющихъ тебя, молясь объ оставленіи имъ этого грѣха“. Сказавъ это, голубь сѣлъ на главѣ святого. Смотря на это, благочестивая жена удивлялась и, пришедши въ себя по окончаніи видѣнія, размышляла: „сколько свѣтильниковъ имѣетъ Богъ на землѣ, и никто не знаетъ ихъ!“ Нѣсколько разъ покушалась Варвара пересказать другимъ видѣнное ею, но сила Божія возбраняла ей. Послѣ этого встрѣтилъ ее въ городѣ св. Андрей и сказалъ ей: „Варвара! храни тайну мою, и никому не повѣдай видѣннаго тобою до того времени, какъ я пройду въ мѣсто селенія дивна, даже до дому Божія“ (Псал. XLI, 5). Она отвѣчала ему: „свѣтильникъ и угодникъ Божій, случалось, что я намѣревалась повѣдать, но мнѣ возбраняла невидимая сила Божія“. (Житіе св. Андрея, написанное іереемъ Никифоромъ, см. также въ „Чет.-Мин.“, окт. 2 дня).

Приведемъ теперь нѣсколько разсказовъ о дивномъ всепрощеніи своимъ врагамъ и обидчикамъ изъ русской церковной исторіи.

VI. Тверской епископъ Андрей по зависти сталъ распускать на святителя Петра (жившаго въ первой половинѣ XIV вѣка) разнаго рода клеветы. Неудовольствовавшись этимъ, онъ тайно отправилъ къ константинопольскому патріарху Аѳанасію посланіе, въ которомъ возводилъ на него тяжкія вины. Патріархъ съ изумленіемъ прочиталъ посланіе тверского епископа; ему показались сомнительными слова его. Впрочемъ, патріархъ послалъ отъ себя въ Россію одного изъ своихъ клириковъ, требуя отъ русскаго митрополита оправданія. Св. Петръ смиренно принялъ постигшее его искушеніе, уповая на Бога защитника. Съ прибытіемъ довѣреннаго отъ патріарха собрался соборъ въ городѣ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. На этомъ соборѣ были: ростовскій епископъ Симеонъ и тверской Андрей, преподобный Прохоръ, игуменъ печерскій, князь, бояре, игумены и священники. Когда прочитанъ былъ присланный къ патріарху доносъ, произошло между присутствовавшими сильное волненіе. Чтобъ укротить его, невинный святитель, подобно св. Григорію Богослову, сказалъ: „я не лучше пророка Іоны: если ради меня такое волненіе, то извергните меня изъ среды своей“. Но преступная клевета еп. Андрея ясно открылась предъ всѣми; истина восторжествовала. Всѣ обратились противъ Андрея съ укоризною.

Одинъ Петръ принялъ его подъ свою защиту, и изрекъ ему: „миръ тебѣ, чадо, не ты виновенъ въ семъ, но древній завистникъ рода человѣческаго—діаволъ. Отнынѣ блюдися лжи, а прошедшее да проститъ тебѣ Богъ!“ Святитель Петръ, простивъ своего клеветника и преподавъ всѣмъ пастырское благословеніе, распустилъ соборъ. (Житіе св. Петра, митр. моск.).

VII. Въ жизни своей св. Тихонъ, епископъ задонскій, обнаружилъ великое незлобіе и всегда говорилъ: „прощеніе лучше мщенія“. Однажды онъ встрѣтился съ молодымъ и богатымъ дворяниномъ и вступилъ съ нимъ въ споръ о вѣрѣ. Въ пылу спора дворянинъ до того забылся, что ударилъ архіерея Божія въ щеку. Святитель вмѣсто гнѣва упалъ въ ноги дерзкому дворянину и просилъ у него прощенія за то, что вызвалъ его на такую дерзость. Дворянинъ почувствовалъ стыдъ, упалъ въ ноги св. Тихону и съ того времени, оставивъ свою дерзость, замѣтно исправился. (Жит. св. Тихона задонскаго).

Много такихъ примѣровъ изъ жизни святыхъ извѣстно на поученіе намъ, но еще больше было случаевъ такого рода, о которыхъ знала лишь лѣсная глушь, да сердце тѣхъ людей, которые за свое зло получили отъ подвижниковъ прощеніе, молитву и благословеніе. (Прот. Г. Дьяченко).

6. Разсказы изъ жизни подвижниковъ о добродѣтели воздержанія.

Нѣкогда одинъ старецъ отправился въ (пустыню) Скитъ; съ нимъ шелъ другой братъ. Когда надлежало имъ разойтись другъ съ другомъ, старецъ сказалъ брату: — „вкусимъ вмѣстѣ, братъ“. Тогда было утро и начало седмицы. Въ субботу же старецъ, совершивъ утреню, пошелъ къ брату и говоритъ ему: „взалкалъ ли ты, братъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы поѣли вмѣстѣ?“—Братъ отвѣчалъ: „нѣтъ, ибо, принимая пищу каждый день, я не алчу“. Старецъ говоритъ ему: „а я, повѣрь мнѣ, сынъ мой, еще не ѣлъ съ тѣхъ поръ“. Услышавъ сіе, братъ пришелъ въ сокрушеніе и многую отсюда получилъ пользу.

II. Былъ нѣкогда праздникъ въ Скиту. Одному старцу подали чашу вина, но онъ возвратилъ ее, сказавъ: „возьми отъ меня смерть сію“. Видя это, и прочіе, кушавшіе вмѣстѣ съ нимъ, не приняли вина.

III. Одинъ братъ взалкалъ съ утра и боролся съ помысломъ своимъ, чтобъ не ѣсть, по крайней мѣрѣ, до третьяго часа. Но когда наступилъ третій часъ, онъ понудилъ себя не ѣсть до шестого. Потомъ, намочивъ хлѣбъ, онъ сѣлъ уже ѣсть, но опять всталъ и сказалъ помыслу: „потерпимъ до девятаго часа“. Когда пришелъ девятый часъ, онъ сотворилъ молитву и увидѣлъ, что навожденіе бѣсовское, какъ дымъ, восходило къ небу отъ рукодѣлія его, и вмѣстѣ съ тѣмъ утихла алчба его.

IV. Пришелъ одинъ старецъ посѣтить другого. Сей сказалъ ученику своему: „приготовь намъ немного чечевицы,“ — и онъ приготовилъ; „намочи намъ хлѣбовъ“,—и онъ намочилъ. Но они до другого дня пробесѣдовали о духовныхъ предметахъ, забывъ о пищѣ. Тогда старецъ опять сказалъ ученику своему: „приготовь намъ немного чечевицы“.— Ученикъ отвѣчалъ: „я приготовилъ ее еще со-вчера“. И такимъ образомъ они вкусили.

V. Другой старецъ пришелъ къ одному изъ отцовъ. Сей, сваривъ немного чечевицы, сказалъ ему: „сотворимъ небольшое правило“;—и одинъ кончилъ всю псалтирь, а братъ прочиталъ на память двухъ большихъ пророковъ. Когда настало утро, пришедшій старецъ пошелъ домой, не вспомнивъ о пищѣ.

VI. „Въ самый зной полудня“, разсказывалъ о себѣ авва Евагрій, „пошелъ я къ св. отцу Макарію и, будучи истомленъ зноемъ, попросилъ воды, чтобъ прохладиться питіемъ. Но онъ сказалъ: будь доволенъ тѣнію; многіе путешественники и мореплаватели терпятъ жажду не менѣе тебя!“ Потомъ, когда я исповѣдалъ ему помыслы мои относительно воздержанія, онъ сказалъ: „повѣрь мнѣ, сынъ, въ цѣлыя двадцать лѣтъ я не употребилъ досыта ни хлѣба, ни воды, ни сна: хлѣбъ мой ѣлъ я вѣсомъ, воду пилъ мѣрою, и позволялъ себѣ немного уснуть, прислонившись къ стѣнѣ“. („Отечникъ“ еписк. Игнатія, стр. 106).

VII. Авва Піоръ ѣлъ ходя. Кто-то спросилъ его: „для чего ты такъ ѣшь?“ Авва отвѣчалъ: „я не хочу заниматься пищею какъ дѣломъ, потому ѣмъ между дѣломъ“. Еще кто-то спросилъ его о томъ же. Старецъ отвѣчалъ: „такъ дѣлаю для того, чтобы, когда ѣмъ я, душа моя не чувствовала тѣлеснаго удовольствія“. (Изъ „Скитск. патер.“; сн. „Древн. пат.“ гл. IV.)

VIII. Преп. Сергій (въ мірѣ Варѳоломей) еще отрокомъ понялъ ту истину, что страсти начинаютъ проявлять свою губительную силу уже въ отроческихъ лѣтахъ. И вотъ, благоразумный отрокъ принимаетъ всѣ мѣры, чтобы пресѣчь всѣ пути, которыми онѣ обыкли находить доступъ къ сердцу человѣка. Такъ, прежде всего онъ совершенно уклоняется отъ дѣтскихъ игръ, шутокъ, смѣха и пустословія, помня, что со строптивыми можно и самому развратиться (Пс. XVII, 27); потомъ, сознавая, что воздерживать себя во всемъ есть лучшее средство сдерживать страсти, св. отрокъ налагаетъ на себя *строгій постъ*: по средамъ и пятницамъ онъ не позволяетъ себѣ вкушать ничего, а въ прочіе дни питается только хлѣбомъ и водою; о какихъ-нибудь другихъ питіяхъ, не говоря уже о винѣ, онъ не позволялъ себѣ и помыслить во всю свою жизнь. Когда мать старалась умѣрить строгость его поста и уговаривала его поберечь себя, онъ отвѣчалъ ей: „не отклоняй меня, матушка, отъ воздержанія, которое такъ сладостно душѣ моей; зачѣмъ ты совѣтуешь своему сыну неполезное? Вѣдь вы же сказали мнѣ, что я еще въ колыбели постился по средамъ и пятницамъ; какъ же я могу не понуждать себя угождать Богу, чтобы Онъ избавилъ меня отъ грѣховъ моихъ?“ Мать удивлялась разумнымъ рѣчамъ своего сына, и, не желая препятствовать его доброму произволенію о Богѣ, обыкновенно говорила ему: „если такъ ты разсуждаешь, то дѣлай, какъ хочешь, Господь съ тобою, я не хочу стѣснять тебя въ добромъ, дитя мое!“ И св. отрокъ никогда не позволялъ себѣ даже отвѣдать какихъ-нибудь сладкихъ блюдъ или напитковъ, слѣдуя мудрому наставленію Василія Великаго: „аще хощеши внити въ рай, воздержи чрево, бѣжи пьянства!“ Такъ укрощая юную плоть свою воздержаніемъ и трудами для сохраненія чистоты душевной и тѣлесной, онъ ни въ чемъ не выходилъ изъ воли своихъ родителей: какъ кроткій и послушный сынъ, онъ былъ истиннымъ утѣшеніемъ для нихъ. (Извлеч. въ сокращ. изъ № 481 „Троицк. листка“).

7. Мысли о воздержаніи.

I. „Челнокъ легче плыветъ, когда онъ не обремененъ излишнею поклажею: такъ и молитва легче, удобнѣе совершается, когда тѣло не обременено излишнею, утучняющею пищею и питіемъ, или, что то же, когда человѣкъ постится“. (Іаковъ, архіеп. нижегород.).

II. „Берегитесь измѣрять постъ простымъ воздержаніемъ отъ пищи. Тѣ, которые воздерживаются отъ пищи, а ведутъ себя дурно, уподобляются діаволу, который, хотя ничего не ѣстъ, однако жъ, не перестаетъ грѣшить“. (Св. Вас. Вел.).

III. Одинъ старецъ сказалъ: „если будетъ бороть тебя душа твоя на разныя яства, стѣсни ее и въ хлѣбѣ, чтобъ она просила насытиться хотя хлѣбомъ“. (Древн. патерикъ).

8. Постъ.

а) *Новозавѣтное ученіе о постѣ.* Многіе изъ тѣхъ, которые нарушаютъ посты, говорятъ въ оправданіе себя, что заповѣди о постахъ нѣтъ въ словѣ Божіемъ: глубоко они ошибаются! Вотъ какъ учитъ о постѣ слово Божіе новозавѣтное.

I. Христосъ говоритъ: „когда поститесь, не будьте унылы, какъ лицемѣры, ибо они принимаютъ на себя мрачныя лица, чтобы показаться людямъ постящимися... А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лицо твое“ (Мѳ. VI, 16—17).

II. У св. ев. Мѳ. (IX, 14), Мр. (II, 18) и Лук. (V, 35) говорится: „ученики Іоанновы и фарисейскіе постились. Приходятъ къ Нему и говорятъ: почему ученики Іоанновы и фарисейскіе постятся, а Твои ученики не постятся? И сказалъ имъ Іисусъ: могутъ ли поститься сыны чертога брачнаго, когда съ ними женихъ? Доколѣ съ ними женихъ, не могутъ поститься. Но пріидутъ дни, когда отнимется у нихъ женихъ, и тогда будутъ поститься въ тѣ дни“.

III. У ев. Мѳ. (XVII, 21) и у Мр. (IX, 29) сказано: „сей родъ (бѣсовскій) не можетъ выйти иначе, какъ отъ молитвы и поста“. Изъ этихъ словъ Спасителя ясно видна заповѣдь Христова о постѣ, когда мы протолкуемъ ихъ такъ: „всякій долженъ всячески прогонять отъ себя бѣсовскую силу, ибо этому и сама природа научаетъ насъ. Но прогнать бѣсовскую силу ничѣмъ другимъ нельзя, какъ только молитвою и постомъ. Слѣдовательно, всякій долженъ молиться и поститься“.

IV. Св. ап. Павелъ пишетъ: „какъ днемъ, будемъ вести себя благочинно, не предаваясь ни пированіямъ, ни пьянству... и попеченія о плоти не превращайте въ похоть (Рим. XIII, 13—14); не уклоняйтесь другъ отъ друга, развѣ по согласію, на время, для упражненія въ постѣ и молитвѣ (1 Кор. VII, 5); не упивайтесь виномъ, отъ котораго бываетъ распутство (Еф. V, 18); и такъ не будемъ спать, какъ и прочіе, но будемъ бодрствовать и трезвиться (1 Сол. V, 6); итакъ умертвите земные члены ваши“ (Колос. III, 5). Это ученіе о постѣ, а вотъ и примѣры поста.

V. Самъ Спаситель нашъ постился сорокъ дней и сорокъ ночей, и искусителю сказалъ: „не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ исходящимъ изъ устъ Божіихъ“ (Мѳ. IV, 2—4; Мр. I, 13; Лук. IV, 4).

VI. Объ апостолахъ говорится: „когда они служили Господу и *постились,* Духъ Святый сказалъ: отдѣлите Мнѣ Варнаву и Савла на дѣло, къ которому Я призвалъ ихъ. Тогда они, совершивъ постъ и молитву и возложивъ на нихъ руки, отпустили ихъ“ (Дѣян. XIII, 2—3); „рукоположивъ же имъ пресвитеровъ въ каждой церкви, они помолились съ постомъ, и предали ихъ Господу“ (Дѣян. XIV, 23).

VII. Св. Анна пророчица, вдова 84 лѣтъ, не отходила отъ храма, постомъ и молитвою служа Богу день и ночь (Лук. II, 36—37).

VIII. Св. ап. Павелъ, въ началѣ обращенія своего, три дня не ѣлъ и не пилъ (Дѣян. IX, 9); и вообще—о пощеніяхъ своихъ неоднократно говоритъ въ посланіяхъ своихъ.

Кромѣ этихъ примѣровъ можно бы указать и другіе въ новомъ завѣтѣ, доказывающіе, что въ новомъ завѣтѣ *есть* заповѣдь о постѣ, и она *исполнялась* въ самыя первыя времена христіанства. Но и приведенныхъ указаній достаточно для нашихъ цѣлей. (Изъ кн. „Догматъ о св. пост.“ по Стефану Яворскому, изд. 2. стр. 7 и др.).

б) *Польза постовъ, по ученію слова Божія.* Первая польза, происходящая отъ поста, есть обузданіе плоти. А это весьма радуетъ Бога, Которому угодно, чтобы мы распинали грѣхолюбивую плоть свою со страстями и похотями. Объ этомъ говоритъ св. ап. Павелъ: *умерщвляю тѣло мое и порабощаю* (т.-е. духу). Обузданіе св. постомъ плоти есть дѣло, по истинѣ, весьма полезное,—ибо какъ, если стремленіе коня бываетъ необузданно, всадникъ несется на немъ, куда тотъ желаетъ, и носимый безпутнымъ стремленіемъ его впадаетъ въ ровъ или погибельную пропасть: такъ и для тѣхъ, которые имѣютъ необузданную плоть, у которыхъ нѣтъ правила, отъ пути лукаваго уклоняющаго и на путь правый наставляющаго, открыты врата на всякое беззаконіе.

Вторая польза, происходящая отъ св. поста, заключается въ томъ, что онъ дѣлаетъ душу способною къ молитвѣ и небесному мудрствованію. Моисей предуготовалъ душу свою постомъ прежде, чѣмъ дерзнулъ приступить къ Богу, бесѣдовать съ Нимъ и принять отъ Него богоначертанныя скрижали закона (Исх. XXXIV). Илія сорокъ дней постился прежде, чѣмъ сподобился, на горѣ Хоривѣ, видѣть Бога *во гласѣ хлада* или свѣта *тонка* (3 цар. XIX). Даніилъ трехнедѣльнымъ постомъ приготовился къ видѣнію и разумѣнію откровеній Божіихъ (Дан. X). Постъ есть какъ бы лѣствица, возводящая умъ на небо,—есть какъ бы крылья, которыми душа возлетаетъ къ Богу, къ богомыслію и горнему мудрствованію.

Третья польза св. поста состоитъ въ томъ, что постомъ мы служимъ Богу: говѣніе есть богопочтеніе. Такъ св. Анна пророчица, въ постѣ и молитвѣ, служила Богу день и ночь (Лук. II). И не по Божію повелѣнію эта жена хранила такой постъ, но по своему собственному произволенію; однако же этимъ самопроизвольнымъ постомъ поистинѣ чтила Бога и служила Ему.

в) *Въ чемъ состояла пища древнихъ святыхъ постниковъ?*—Это были смоквы и финики, разныя огородныя растенія, самымъ простымъ образомъ приготовленныя, безъ всякихъ приправъ, развѣ только съ солью, очень рѣдко съ масломъ. Одному подвижнику въ день пасхи ученикъ приготовилъ пищу съ масломъ, онъ посмотрѣлъ на нее, залился слезами и, сказавъ: „Господь мой вкусилъ оцетъ съ желчію,—и я ли буду ѣсть съ масломъ!“—велѣлъ подать себѣ обычную пищу безъ масла.

Вкушали они большею частію вареныя зерна пшеничныя, ячменныя, чечевичныя или другія, что у нихъ называлось сочивомъ. И при такомъ-то скудномъ питаніи они еще никогда не ѣли и досыта: оставлять пищу, когда еще есть нѣкоторый остатокъ голода—вотъ какое у нихъ было правило!

Они смотрѣли на пищу, какъ на лѣкарство. Фунтъ хлѣба въ сутки—вотъ самая обычная мѣра ихъ пропитанія.

Но многіе и эту мѣру сокращали: преп. Досиѳей уменьшилъ ее до четверти фунта въ день; преп. Макарій александрійскій сдѣлалъ себѣ сосудъ съ узкимъ отверстіемъ, такъ, чтобы только могла проходить рука, и клалъ въ этотъ сосудъ мелко нарѣзанные сухари: сколько можно было за одинъ разъ захватить рукою, столько и составляло его дневное пропитаніе,—это было не болѣе осьмушки фунта въ день. (См. „Троицк. лист.“ № 544).

Вотъ каковъ былъ постъ древнихъ подвижниковъ!

г) *Труды св. постниковъ.* Меньше ли насъ они трудились, болѣе ли ослабѣвали насъ? Нѣтъ, и трудились больше и ослабѣвали менѣе. Послушайте, напримѣръ, что говорится о преподобномъ Евфиміи: „кто опишетъ, кромѣ поста, духовные его подвиги, всенощныя стоянія... постоянныя колѣнопреклоненія, спаніе на голой землѣ, житіе безъ возженія огня... тѣлесную наготу, ибо онъ имѣлъ одну только обветшавшую одежду, да и та отъ ветхости и безпрерывныхъ подвиговъ распалась!“ (Аѳ. пат. стр. 49). Или еще: „ночи онъ проводилъ въ молитвахъ, а дни въ трудахъ, участвуя лично во всѣхъ работахъ“ (Тамъ же, 57). Также и про Діонисія читаемъ, что онъ проводилъ жизнь въ неусыпныхъ трудахъ братскаго послушанія (Аѳ. пат. ч. 2, стр. 44).

Что скажутъ на эту живую проповѣдь о постѣ слабые люди нашего времени? Скажутъ ли, что такая скудная пища вредна для здоровья, сокращаетъ жизнь?... Но едва ли кто изъ насъ способенъ выносить такіе великіе труды тѣлесные, какіе выносили св. постники: цѣлыя ночи выстаивали они на молитвѣ съ земными поклонами, весь день проходилъ у нихъ въ тяжелой работѣ, легко переносили нестерпимый лѣтній зной и зимнюю стужу, спали часъ-два въ сутки на голой землѣ, а иные и вовсе не ложились, а только дремали сидя или стоя. И при всемъ этомъ они почти не знали болѣзней, всегда были бодры духомъ и тѣломъ, хотя на видъ они были только кожа да кости.

д) *Посты не сокращаютъ жизни человѣка.* Преподобный Симеонъ столпникъ стоялъ на столпѣ 80 лѣтъ, а всего жилъ 103 года; св. Киріакъ отшельникъ жилъ 109 лѣтъ; св. Алипій столпникъ 118; Іоаннъ молчальникъ 104; Антоній и Ѳеодосій Великіе по 105; Павелъ ѳивейскій 113; Павелъ комельскій 112; Макарій александрійскій 100; Сергій радонежскій 78 лѣтъ; Кириллъ бѣлоозерскій 90 лѣтъ; Макарій желтоводскій 95 лѣтъ. Итакъ, *самый строгій постъ не только не вредитъ здоровью,* не сокращаетъ жизни человѣка, но напротивъ, *постники-то и живутъ дольше другихъ.* Впрочемъ, не къ тому и говоримъ мы о св. подвижникахъ - постникахъ, чтобы во всемъ брать съ нихъ примѣръ. Для насъ довольно и того, чтобы на основаніи ихъ опыта рѣшить вопросъ: много ли человѣку нужно хлѣба насущнаго, чтобы онъ могъ въ добромъ здоровьи трудиться во славу Божію, ближнему на пользу и себѣ на спасеніе? И если бы наша плоть грѣхолюбивая стала сѣтовать, что того ей мало, другое не по вкусу, если бъ возопила: „того не могу, другого не хочу—заболѣю“,—то скажемъ ей: лжешь, обманщица, можешь и не заболѣешь!.. Тебѣ и нужно-то немного: мало яждь, мало пій—вотъ и здрава будеши. (См. „Троицк. лист.“ № 544).

е). *Мысли о томъ, что поститься христіанину необходимо.* Поститься христіанину необходимо для того, чтобы прояснить умъ, возбудить и развить чувство, и подвигнуть къ благой дѣятельности волю. Эти три способности человѣка мы затмеваемъ и подавляемъ болѣе всего *объяденіемъ, пьянствомъ и заботами житейскими,* а чрезъ то отпадаемъ отъ источника жизни — Бога и ниспадаемъ въ тлѣніе и суету, извращая и оскверняя въ себѣ образъ Божій. Объяденіе и сластолюбіе пригвождаютъ насъ къ землѣ и обсѣкаютъ, такъ сказать, у души ея крылья. А посмотрите, какой высокій полетъ былъ у всѣхъ постниковъ и воздержниковъ! Они, какъ орлы, парили въ небесахъ; они, земнородные, жили умомъ и сердцемъ на небесахъ и слышали тамъ неизреченные глаголы, и тамъ научились божественной премудрости.

И какъ человѣкъ унижаетъ себя чревоугодіемъ, объяденіемъ и пьянствомъ! Онъ извращаетъ свою природу, созданную по образу Божію, и уподобляется скоту безсловесному и даже дѣлается хуже его. О, горе намъ отъ пристрастій нашихъ, отъ беззаконныхъ навыковъ нашихъ! Они препятствуютъ намъ любить Бога и ближнихъ и исполнять заповѣди Божіи; они коренятъ въ насъ преступное плотское себялюбіе, коего конецъ — погибель вѣчная. Такъ, пьяница для удовлетворенія плоти и одуренія себя не жалѣетъ множества денегъ, а нищимъ жалѣетъ копейки; куритель табаку бросаетъ на вѣтеръ десятки и сотни рублей, а нищимъ жалѣетъ копеекъ, которыя могли бы спасти его душу; любящіе одѣваться роскошно, или охотники до модной мебели и посуды тратятъ на одежду и мебель съ посудою огромныя деньги, а мимо нищихъ проходятъ съ холодностію и презрѣніемъ; любящіе хорошо поѣсть не жалѣютъ на обѣды десятки и сотни рублей, а бѣднымъ жалѣютъ грошей.

Поститься и потому христіанину необходимо, что съ вочеловѣченіемъ Сына Божія природа человѣческая одуховлена, обожена, и мы поспѣшаемъ къ горнему царствію, *которое нѣсть брашно и питіе но правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Римл. XIV,17).

Ѣсть и пить, т.-е. имѣть пристрастіе къ чувственнымъ удовольствіямъ, свойственно только язычеству, которое, не зная духовныхъ, небесныхъ наслажденій, поставляетъ всю жизнь въ удовольствіи чрева, въ многояденіи и многопитіи. Оттого Господь часто обличаетъ въ евангеліи эту пагубную страсть. Да и разумно ли человѣку жить непрестанно въ желудочномъ чаду, желудочныхъ испареніяхъ, поднимающихся внутри отъ непрестаннаго варенія пищи и ея броженія? Развѣ человѣкъ только ходячая кухня или самодвижущая дымовая труба, каковой по справедливости можно уподобить всѣхъ, занимающихся непрестаннымъ куреніемъ? Какое удовольствіе жить въ непрестанномъ чаду, испареніи и дыму? На что будутъ похожи жилища наши? Зачѣмъ мы будемъ заражать воздухъ смрадомъ и дышать имъ, а паче всего омрачать и подавлять душу, убивать ея послѣдпія духовныя силы?“ (Изъ кн.: „Моя жизнь во Христѣ“ прот. кронштадтскаго Іоанна Сергіева, т. II, изд. 1-е 1882 г. стр. 230—1).

ж). *Постъ по принужденію не составляетъ заслуги предъ Богомъ.* Возвратясь однажды въ Тавеннисіотскій монастырь послѣ мѣсячнаго отсутствія, преп. Пахомій Великій узналъ, что поваръ во все время его отлучки не приготовлялъ варева, потому что братія питалась сухояденіемъ. „Чтобы времени не проводить въ праздности, пояснялъ поваръ, я плелъ рогожи для монастыря“. — „А много ты сплелъ рогожъ?“ спросилъ Пахомій. — „Пятьсотъ“, былъ отвѣтъ. Преподобный приказалъ ихъ сжечь при себѣ. — „Это тебѣ въ наказаніе, сказалъ Пахомій, за нарушеніе устава. Разъ положено готовить варево—ты и обязанъ былъ исполнять повелѣнное; не твое дѣло разсуждать—ѣдятъ ли, или не ѣдятъ; другой бы, можетъ, и поѣлъ, а ты заставилъ всѣхъ поневолѣ поститься, а постъ по принужденію не составляетъ заслуги предъ Богомъ“. (Ч.-М. май). (Прот. Г. Д-ко).

9. Наставленіе предъ говѣніемъ.

Се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія (2 Кор. VI, 2).

Да, наступило время благопріятное для того, чтобы приготовить себя къ истинному покаянію. Кончились обычные дни житейской суеты, пустыхъ мірскихъ развлеченій. Наступилъ постъ—св. Четыредесятница. Все ли будемъ грѣшить и грѣшить? Не пора ли пріостановиться? Не пора ли поглубже заглянуть въ душу свою грѣшную: что она? насколько она *можетъ* „подвигомъ добрымъ подвизатися и теченіе поста совершити?“ Готова ли она сбросить съ себя тяжесть грѣховъ, т.-е. забыть все, что она въ мірѣ возлюбила, къ чему очень привязалась, чѣмъ особенно увлекалась, въ чемъ искала и находила для себя удовольствіе? Если не готова (но гдѣ ей и быть готовой?), должна приготовиться. Для того-то и учредила св. матерь наша — церковь особые нарочитые дни говѣнія; для того-то она и заповѣдуетъ каждому изъ насъ непремѣнно, безотлагательно воспользоваться этими днями, поговѣть въ теченіе седмицы. Изъ семи недѣль можно выбрать одну, и уже такъ выбрать, чтобы все время, по возможности, посвятить молитвѣ, посту и внутреннему размышленію о своихъ грѣхахъ и немощахъ духовныхъ. Изъ семи дней обыкновенныхъ одинъ день повелѣлъ Господь отдавать служенію ради спасенія души, а въ постѣ требуется изъ семи недѣль одну недѣлю отдать, отдать совсѣмъ, всецѣло, чтобы только одному Господу служить, а все остальное отбросить, забыть, потому что,—сказано въ евангеліи,—невозможно *Господеви работати и мамонѣ,* т.-е. невозможно всей душой служить въ одно и то же время Божіему и мірскому. Св. церковь каждый день въ теченіе поста трижды зоветъ тебя въ церковь, утромъ, предъ полуднемъ и вечеромъ,—иди, молись вмѣстѣ со всѣми предстоящими, слушай молитвы священника, чтеніе и пѣніе на клиросѣ, слушай и старайся понять, уразумѣть, что читаютъ и поютъ. Все, что здѣсь поется и читается, все это призываетъ христіанина къ молитвѣ, къ посту, къ размышленію о грѣхахъ, къ сердечному сокрушенію, къ смиренному преклоненію предъ святѣйшимъ именемъ Божіимъ. Надобно молиться, молиться отъ глубины души, надобно расшевелить, растрогать свою душу, чтобы черствое сердце смягчилось, умилилось, чтобы каждый поклонъ — и земной, и поясной — дѣлался со страхомъ Божіимъ, со вздохомъ сердечнымъ, отъ чистаго умиленія. Молиться надобно и здѣсь, въ домѣ Божіемъ, и дома, молиться, когда идешь въ церковь и когда уходишь изъ церкви домой, и на пути надобно молиться, про себя молитву творить, безъ молитвы ничего не нужно дѣлать. Въ дни говѣнія не время думать о дѣлахъ житейскихъ, о томъ и о семъ, а только о грѣхахъ, о немощахъ, о недостаткахъ своихъ, о томъ, какъ бы отстать отъ той или другой привычки, какъ бы получше устроить свою жизнь ради душевной пользы, для приготовленія къ вѣчности. Чаще христіанинъ долженъ размышлять о томъ, что сдѣлалъ для насъ Богъ, какія великія, неисчислимыя благодѣянія мы получили отъ Него, какъ ради любви къ намъ грѣшнымъ, скверньмъ, недостойнымъ, не пожалѣлъ Онъ даже и Сына Своего возлюбленнаго, Единороднаго отдать на смерть крестную, дабы вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. Не исчислить, не измѣрить, не описать всѣхъ неисчетныхъ благодѣяній любви Божіей къ намъ!... Дивны дѣла Твои, Господи! Да поможетъ намъ Господь Спаситель, положившій жизнь Свою ради нашего спасенія, положить нынѣ начало покаянію и исправленію!

Постимся, братіе, тѣлеснѣ, постимся и духовнѣ: такъ взываетъ нынѣ св. церковь. Недостаточно одного воздержанія въ пищѣ тѣлесной. Однимъ только употребленіемъ постной пищи не спасешься, все равно, какъ и одними только наружными поклонами. У христіанина все наружное должно выходить изъ внутренняго, изъ души, изъ сердца. Иначе Господь скажетъ и о насъ то же, что сказалъ чрезъ пророка Исаію объ іудеяхъ, которые думали угодить Богу только внѣшностью, обрядами, а не духомъ: „приближаются Мнѣ людіе сіи усты своими, устнами чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене: всуе же чтутъ Мя“. Слышите: „всуе чтутъ Мя“, т.-е. напрасно, попусту бываетъ молитва, когда совершается безъ души. Такую молитву и молитвой нельзя назвать, это пустой обрядъ, это обманъ; такой обрядъ — *мерзость* предъ Господомъ. Что относится къ молитвѣ, то относится въ одинаковой силѣ и къ посту. Постъ истинный не на пищу только простирается, онъ есть вообще воздержаніе во всемъ, что относится только до похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской, воздержаніе отъ излишняго сна, отъ развлеченій всякихъ, даже тѣхъ, которыя считаются невинными, отъ смѣха, шутокъ, болтовни и отъ всякихъ, вообще, суетныхъ разговоровъ, даже дѣловыхъ, если только они касаются житейскихъ, суетныхъ попеченій. Говѣющій долженъ чуждаться всего не только прямо грѣховнаго, но и всего, что только можетъ имѣть хотя какое-нибудь отношеніе къ мірской суетѣ и обыденной жизни. Не даромъ нѣкоторые святые подвижники налагали на себя обѣтъ молчанія: языкъ нашъ очень нерѣдко бываетъ опаснымъ врагомъ нашимъ.

Говѣніе установлено для того, чтобы, воздержавшись отъ пищи тѣлесной и занятій плотскихъ, съ большимъ удобствомъ можно было позаботиться о хлѣбѣ духовномъ, питающемъ душу, о словѣ Божіемъ, которое есть „единое на потребу“...

Кто грамотенъ, пусть возьметъ душеспасительную книгу и, читая со вниманіемъ, пусть назидается ею. Кто не знаетъ грамоты, иди къ грамотному изъ говѣющихъ, или вообще изъ людей богобоязненныхъ и церковныхъ, и попроси его почитать что-нибудь святое и душеполезное. Постарайся, однимъ словомъ, такъ, чтобы времени свободнаго, празднаго у тебя не было; праздность и всегда вредна, а во время говѣнія тѣмъ болѣе. Въ старину, бывало, говорили: „праздность есть мать всѣхъ пороковъ“. Это истинная правда.

Помните, православные христіане, что говѣніе приведетъ васъ къ таинству исповѣди, а потомъ, если Богъ благословитъ, къ св. причащенію. Нужно приготовиться къ принятію сихъ таинствъ; нужно строже, внимательнѣе испытать себя; а безъ испытанія себя, безъ размышленія, безъ сокрушенія сердечнаго грѣшно приступать къ св. таинствамъ. *Да искушаетъ человѣкъ себе, и тако отъ хлѣба да ястъ и отъ чаши да піетъ. Ядый бо и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ, не разсуждая тѣла Господня,* такъ говоритъ св. апостолъ. Уразумѣйте слово: *судъ* и, значитъ, погибель тому человѣку, который хочетъ причащаться св. тѣла и крови Христовой, а самъ не разсуждаетъ о томъ, какое это величайшее и отвѣтственное предъ Богомъ дѣло.

Братіе! Что для насъ можетъ быть дороже нашего душевнаго спасенія? Конечно, ничто. Вся цѣль нашей жизни—приготовленіе ко спасенію, чтобы удостоиться добраго отвѣта на страшномъ судѣ Христовомъ и войти *въ радость Господа* нашего. Кто понимаетъ это, тотъ долженъ воспользоваться наступившимъ временемъ святого поста. *Се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія* (См. „Самар. Еп. Вѣд.“ № 5, 1894 г.).

10. Св. великомученикъ Θеодоръ Тиронъ. [1]

Въ числѣ подвижниковъ-мучениковъ съ самыхъ древнихъ временъ истинные христіане съ глубокимъ благоговѣніемъ чествуютъ св. мученика Θеодора Тирона (память его 17 февраля), пострадавшаго въ царствованіе римскаго царя-язычника Максиміана. Этотъ нечестивый царь издалъ приказъ, чтобы всѣ, исповѣдующіе вѣру Христову, принесли жертву языческимъ истуканамъ, обѣщая ослушниковъ царскаго повелѣнія подвергнуть страшной казни. Когда стали принуждать св. Θеодора принести жертву идоламъ, то онъ открыто предъ всѣми говорилъ: „я христіанинъ; мнѣ не велѣно приносить жертвы богамъ, ибо я имѣю истиннаго Бога и Царя на небѣ, Іисуса Христа“. Его старались убѣдить оставить свою вѣру изъ послушанія царю и исполнить царскій приказъ, тѣмъ болѣе что онъ служилъ въ войскѣ царскомъ. Желая склонить св. Θеодора къ идолослуженію, языческіе начальники дали ему нѣсколько дней для размышленія. Но св. Θеодоръ, желая показать ничтожность языческихъ боговъ, ночью улучилъ удобный часъ и поджегъ храмъ матери этихъ боговъ. Его схватили и привели на судъ къ игемону. Этотъ грозно спросилъ его: „зачѣмъ ты вмѣсто жертвы и ѳиміама принесъ богинѣ огонь?“—„Я возжегъ дрова, смѣло отвѣчалъ Θеодоръ, чтобы попалить камень, ибо такова ваша богиня и такова у нея сила, что огонь къ ней прикасается и опаляетъ“. Тогда игемонъ пришелъ въ ярость, приказалъ св. мученика отвести въ темницу и, запечатавъ двери, оставить его тамъ, чтобы извести голодною смертію. Вверженный въ смрадную темницу, блаженный Θеодоръ былъ укрѣпляемъ Св. Духомъ. Однажды ночью ему явился Господь и сказалъ: „мужайся, Θеодоръ, ибо Я съ тобою. Не принимай пищи и питія земного: тебѣ предстоитъ иная жизнь, негибнущая и вѣчная со Мною на небѣ“. Съ этими словами Господь отошелъ отъ него, а св. Θеодоръ сталъ воспѣвать Господу, и множество ангеловъ внимало его пѣнію и небесной радости. Услышали это сладкое пѣснопѣніе темничные сторожа и увидали вмѣстѣ съ святымъ мученикомъ множество людей, одѣтыхъ въ бѣлыя ризы. Когда сторожа донесли объ этомъ начальнику, то и тотъ не мало удивился, слыша въ темницѣ поющихъ вмѣстѣ съ узникомъ. Думая, что въ темницу проникли христіане, игемонъ распорядился, чтобы темницу окружили вооруженные воины, а самъ взошелъ въ нее. Какой же ужасъ объялъ его, когда въ темницѣ не оказалось никого, кромѣ Θеодора, содержащагося въ оковахъ! Но это не образумило мучителя. На слѣдующій день онъ, послѣ напрасныхъ попытокъ склонить Θеодора къ почитанію идоловъ, велѣлъ повѣсить праведника на деревѣ и терзать его тѣло желѣзными когтями. Нестерпимы были мученія страдальца, но онъ оставался непоколебимъ и благодушествовалъ, воспѣвая псаломъ: „Благословлю Господа на всякое время“, какъ будто не онъ, а кто-либо другой терпѣлъ эти мученія. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на терпѣніе и мужество страдальца. Не зная, какъ бы склонить святого къ жертвоприношенію, мучитель обратился къ нему и сказалъ: „не стыдно ли тебѣ, несчастнѣйшій изъ всѣхъ людей, вѣровать въ человѣка, называемаго Христомъ, и ради Него такъ безразсудно предавать себя мученіямъ и казнямъ?“ „Это безчестіе, отвѣчалъ непобѣдимый воинъ Христа, пусть будетъ со мною и со всѣми, исповѣдующими имя Господа Іисуса Христа“. Тогда нечестивый судія понялъ, что ничто не въ силахъ поколебать твердости вѣры св. исповѣдника имени Христа, и повелѣлъ предать его огню. Во время этой смертной ужасной казни святой страдалецъ, какъ и прежде, воспѣвалъ славословія Господу, пока не предалъ духъ свой Господу. Но и послѣ своей мученической кончины св. Θеодоръ не переставалъ бороться съ язычествомъ за имя Христово, подавая изъ горняго міра христіанамъ благопотребную помощь въ ихъ бѣдахъ и напастяхъ, ободряя ихъ духъ къ подвигамъ неустрашимаго исповѣдничества вѣры Христовой.

---

[1] Къ пятницѣ 1-й седмицы великаго поста.

Злочестивый римскій царь, Юліанъ Отступникъ, вознамѣрился хитрыми способами ослабить христіанство, восторжествовавшее было при его предкѣ, равноапостольномъ Константинѣ. Желая возобновить въ имперіи служеніе идоламъ, онъ подвергалъ христіанъ явнымъ и тайнымъ преслѣдованіямъ. Зная, что христіане въ первую недѣлю великаго поста особенно наблюдаютъ чистоту душевную и тѣлесную, проводятъ эти дни въ строгомъ воздержаніи и постѣ, Юліанъ приказалъ градоначальнику константинопольскому собрать всю пищу на рынкахъ, а вмѣсто нея продавать другую, оскверненную заранѣе кровью идоложертвенныхъ животныхъ. Приказаніе царя было въ точности исполнено: всѣ снѣди и питія, находившіяся въ продажѣ, были осквернены кровію такъ, что христіанамъ грозила неминуемая опасность оскверниться такою пищею. Господь не допустилъ до этого Своихъ рабовъ. Константинопольскому епископу Евдоксію явился тогда св. страстотерпецъ Ѳеодоръ Тиронъ и возвѣстилъ: „немедленно собери всѣхъ христіанъ и запрети имъ покупать пищу и питіе, продаваемыя на торжищахъ, ибо нечестивый Юліанъ все осквернилъ кровію отъ идольскихъ жертвъ“. Когда Евдоксій спросилъ, какъ могутъ исполнить это требованіе люди бѣдные, не имѣющіе при себѣ съѣстныхъ запасовъ, то св. мученикъ сказалъ: „дай имъ колива (вареная пшеница съ медомъ) и этимъ восполни ихъ недостатокъ“. Такъ при чудесной помощи св. Ѳеодора Тирона христіане, по милости Божіей, избавились отъ коварства своего гонителя. Въ память своего избавленія отъ вражескихъ козней христіане совершили въ субботу первой седмицы великаго поста празднованіе св. великомученику Ѳеодору, поставивъ коливо, которое послѣ раздѣлили между бѣдными. Съ того времени православная церковь установила въ пятницу первой недѣли св. четыредесятницы въ концѣ преждеосвященной литургіи пѣть молебный канонъ св. Ѳеодору Тирону и освящать на немъ коливо, или хлѣбныя зерна съ медомъ.

Видишь ли, православный христіанинъ, изъ сего, какъ Господь и Его святые угодники пекутся объ исполненіи вѣрующими установленныхъ постовъ? Обрати вниманіе на то, какъ строго проводили спасительные дни великаго поста наши предки по вѣрѣ, первые христіане. Не побуждаетъ ли это и насъ съ тобою, возлюбленный, свято соблюдать на будущее время святые посты, въ особенности же важнѣйшій изъ нихъ — постъ наступившей четыредесятницы? Съ терпѣніемъ и любовію исполнимъ мы предлежащій намъ подвигъ спасительнаго поста. Молитвы и заступничество св. великомученика Ѳеодора Тирона да укрѣпятъ всѣхъ насъ въ борьбѣ съ искушеніями плоти, міра и тайнаго врага нашего спасенія. (См. „Воскр. лист.“ № 110, изд. журн. „Воскр. день“).

НЕДѢЛЯ І-я ВЕЛИКАГО ПОСТА. (ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВІЯ).

Еванг. отъ Іоан. зач. 5-е, гл. I, 43—51 ст.

1. Призваніе апостоловъ: Филиппа и Наѳанаила.

По призваніи апостоловъ: Андрея, Іоанна, Петра и Іакова, Господь хотѣлъ съ этими четырьмя учениками итти съ береговъ Іордана въ Галилею, гдѣ Онъ постоянно жилъ до сего времени, гдѣ находилась теперь Пречистая Матерь Его, и гдѣ Онъ начнетъ теперь Свое служеніе спасенію міра, Свою проповѣдь о наступленіи царствія Божія. Но тутъ же, на берегахъ Іордана, Господь встрѣчаетъ Филиппа, происходившаго изъ Виѳсаиды, города Андрея и Петра. Сердцевѣдецъ видѣлъ, что и душа Филиппа желала найти Того, о Комъ проповѣдывалъ Іоаннъ Креститель, и потому Онъ сказалъ Филиппу: *иди за Мною*. Это приглашеніе Господа отвѣчало тайному желанію сердца Филиппа, который безмолвно желалъ и искалъ счастія быть ученикомъ и послѣдователемъ Іисуса Христа, о Которомъ онъ слышалъ возвышенную проповѣдь Іоанна на Іорданѣ. Филиппъ всѣмъ сердцемъ вѣровалъ уже, что Іисусъ изъ Назарета дѣйствительно есть Тотъ, Кому надлежало притти по предсказанію пророковъ, и потому для него достаточно было одного приглашенія со стороны Іисуса, чтобы послѣдовать за Нимъ и никогда уже не разлучаться съ Нимъ. Филиппъ былъ изъ тѣхъ людей, которые слѣдуютъ чувству вѣрующаго сердца, а сердце говорило ему, что Пригласившій его слѣдовать за Собою и есть Тотъ, Кого ищетъ онъ.

Не таковъ былъ другъ его Наѳанаилъ. И этотъ тоже искалъ Христа, но онъ прежде вѣры сердца любилъ испытывать разсудокъ, точно ли истинно то, во чтò хочетъ вѣровать, точно ли согласно это съ убѣжденіями его ума. Но лишь бы искренне было желаніе вѣры, а Господь откроетъ путь и для убѣжденія ума въ истинѣ, которой ищетъ сердце. Такъ и было съ призваніемъ Наѳанаила въ число апостоловъ Христовыхъ. Филиппъ встрѣтилъ Наѳанаила и говоритъ ему съ простотою и откровенностью вѣры: *мы нашли Того, о Которомъ писали Моисей въ законѣ и пророки, Іисуса, Сына Іосифова, изъ Назарета.* Наѳанаилъ раздѣлялъ общій тогда многимъ евреямъ предразсудокъ, что Христосъ, какъ царь съ земнымъ величіемъ, придетъ и явится во славѣ среди высшаго Іерусалимскаго общества, или другого какого знаменитаго города, прославленнаго въ древности дѣлами царей; а Галилея, которая не пользовалась славою между іудеями, и особенно небольшой городокъ Назаретъ, о которомъ ни разу не упоминается въ писаніяхъ ветхаго завѣта, никакъ не могли быть, по мнѣнію іудеевъ, мѣстомъ рожденія и явленія обѣщаннаго Христа (Іоан. VII, 42—52). Поэтому, какъ только услышалъ отъ Филиппа слова, что Христосъ изъ Назарета, Наѳанаилъ съ живостью возразилъ: *изъ Назарета можетъ ли быть что доброе?* Филиппъ не берется опровергать словами этотъ старый предразсудокъ; вѣрующая душа его находитъ лучшимъ предоставить друга съ его сомнѣніями Самому Господу. *Поди и посмотри,* отвѣчалъ Филиппъ на возраженіе Наѳанаила. Предразсудокъ былъ на поверхности, а искренность во глубинѣ сердца Наѳанаила, и потому онъ не хочетъ безъ изслѣдованія отвергать то, чтò другъ его признаетъ истиною: онъ пошелъ къ Господу. Когда Іисусъ Христосъ увидѣлъ его, то сказалъ о немъ Своимъ спутникамъ, но сказалъ тàкъ, что слова эти слышалъ и Наѳанаилъ: *вотъ подлинно израильтянинъ, въ которомъ нѣтъ лукавства!* Наѳанаилъ дѣйствительно былъ таковъ, и всѣ знали его, какъ человѣка простого и откровеннаго, но его удивило теперь то, почему знаетъ объ немъ съ этой стороны Іисусъ Христосъ, съ Которымъ онъ встрѣчается въ первый разъ въ жизни; поэтому Наѳанаилъ съ удивленіемъ спрашиваетъ Іисуса Христа: *почему Ты знаешь меня?* Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Господь намекнулъ Наѳанаилу на одно таинственное обстоятельство, смыслъ котораго никому не былъ извѣстенъ, кромѣ самого Наѳанаила: *прежде нежели позвалъ тебя Филиппъ,* сказалъ Господь, *когда ты былъ подъ смоковницей, Я видѣлъ тебя...* Чтò происходило въ душѣ Наѳанаила, когда онъ былъ подъ смоковницею, это было тайною, о которой, кромѣ самого Наѳанаила, могъ знать только одинъ Богъ. А Іисусъ говоритъ ему объ этомъ такъ, какъ можетъ говорить одинъ только Тотъ, предъ Кѣмъ открыты всѣ сокровенные помыслы и тайны души человѣческой. Сомнѣніе слетѣло съ мысли Наѳанаила, онъ вѣритъ, что съ нимъ говоритъ Христосъ, Котораго искала душа его. Но такъ какъ обѣтованный Христосъ, по предсказанію пророковъ, долженъ быть не простой человѣкъ, и не простой царь израильскій, а такой царь, который сначала царствуетъ надъ Израилемъ, а потомъ надъ всѣмъ міромъ, и которому Отецъ небесный даетъ народы въ наслѣдіе и предѣлы земли во владѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ называется въ писаніи Сыномъ Божіимъ, то Наѳанаилъ, исповѣдуя Іисуса обѣтованнымъ Христомъ, называетъ Его, на основаніи пророчества Давида (Псал. II), именно Сыномъ Божіимъ: *Учитель!* воскликнулъ Наѳанаилъ, *Ты — Сынъ Божій, Ты — Царь Израилевъ!* (Изъ „Воскр. чт.“ 1867 г., кн. II, стр. 765—771).

Живую вѣру Наѳанаила Господь награждаетъ обѣтованіемъ познанія высочайшихъ тайнъ Богооткровенія: *ты увѣровалъ въ Меня потому, что Я сказалъ тебѣ, что Я видѣлъ тебя подъ смоковницею: увидишь больше сего.* И обращаясь ко всѣмъ Своимъ спутникамъ, Господь прибавилъ: *истинно, истинно говорю вамъ: отнынѣ будете видѣть небо отверстымъ и ангеловъ Божіихъ восходящихъ и нисходящихъ къ Сыну человѣческому.* Такъ какъ вѣра Наѳанаила во Христа, Котораго онъ призналъ теперь въ Іисусѣ Назарянинѣ, основывалась на пророчествахъ, то Господь указываетъ ему на одно такое пророчество, которое говоритъ о соединеніи неба съ землею и Бога съ человѣкомъ, или о тайнѣ воплощенія Сына Божія. Онъ напоминаетъ Наѳанаилу и прочимъ ученикамъ о видѣніи Іаковомъ лѣстницы, по которой восходили и нисходили ангелы и наверху которой стоялъ *яко Сынъ человѣческій,* и этимъ даетъ имъ разумѣть, что пророчественное видѣніе это теперь исполняется. Этимъ именемъ Сына человѣческаго Господь и сталъ называть Себя часто („Воскр. чт.“ 1867 г., кн. II, стр. 771).

Съ призваніемъ Наѳанаила стало шесть учениковъ у Господа. Съ этими учениками Онъ и пошелъ съ береговъ Іордана въ Галилею, которую оставилъ еще тогда, когда пошелъ на Іорданъ креститься отъ Іоанна. Тамъ, въ Галилеѣ, началось Его торжественное служеніе спасенію міра, начались Его бесѣды къ народу и Его чудеса. (См. кн. „Сборникъ статей по истолков. чтенію четвероев.“ Е. Барсова, т. I.).

2. **Помогай спасенію своего ближняго!**

Господь Іисусъ Христосъ, Совершитель нашего спасенія, Основатель новозавѣтной церкви, добровольно принесъ Себя въ искупительную жертву за грѣхи людей. Онъ Самъ свидѣтельствовалъ о Себѣ: *сего ради Мя Отецъ любитъ, яко Азъ душу Мою полагаю, да паки пріиму ю. Никтоже возметъ ю отъ Мене, но Азъ полагаю ю о Себѣ. Область имамъ положити ю, и область имамъ паки пріяти ю. Сію заповѣдь пріяхъ отъ Отца Моего* (Іоан. X, 17—18). *Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV, 13),—сказалъ Христосъ. Онъ, безгрѣшный Царь и Господь, добровольно пострадалъ за спасеніе міра. По примѣру Его и мы, Его послѣдователи и ученики, должны также содѣйствовать спасенію своихъ ближнихъ, съ полною готовностью ради этого великаго дѣла положить даже свою душу. Наша нравственная обязанность— заботиться объ умноженіи членовъ церкви Христовой и приводить ко Христу всякаго, кто не знаетъ Его, или почему-либо забылъ, оставилъ Его. Такъ поступать заповѣдалъ намъ Самъ Христосъ, такъ поступали прежде всего Его св. апостолы.

Вотъ и примѣръ того, какъ апостолы заботились о спасеніи своихъ ближнихъ, какъ они старались приводить ко Христу всякаго, кто еще не позналъ Его.—14 ноября творится память св. ап. Филиппа, онъ происходилъ изъ Галилейскаго города Виѳсаиды, родины ап. Петра и Андрея. Рано наученный грамотѣ, онъ усердно прилежалъ чтенію книгъ св. писанія; ему хорошо были извѣстны всѣ ветхозавѣтныя пророчества о Мессіи. Часто прочитывая эти пророчества, Филиппъ воспламенялся любовію къ Тому, Кого не зналъ еще, но Кого съ нетерпѣніемъ ожидалъ. Поэтому, когда Христосъ встрѣтилъ Филиппа и сказалъ ему: „иди за Мной“, онъ отъ всего сердца повѣрилъ, что это именно и есть обѣтованный Мессія и послѣдовалъ за Нимъ, внимая Его Божественному ученію, подражая Его добровольной нищетѣ. Но радуясь отъ всего сердца тому, что обрѣлъ Мессію, Филиппъ не хотѣлъ, „да единъ токмо тѣмъ Сокровищемъ обогащается, но желаше, да и другіе тогожде дара причастницы будутъ“. И вотъ, встрѣтивши друга своего Наѳанаила, Филиппъ съ радостію открываетъ ему: „мы нашли Того, о Комъ писали Моисей и пророки — Іисуса, Сына Іосифова, изъ города Назарета“. Наѳанаилъ возражаетъ Филиппу: „отъ Назарета можетъ ли быть что доброе?“ А Филиппъ отвѣчаетъ ему: „поди и посмотри“,—и ведетъ его ко Христу. Увидавши Наѳанаила, Іисусъ говоритъ: „вотъ истинный израильтянинъ, въ которомъ нѣтъ лукавства“. Удивленный Наѳанаилъ спрашиваетъ у Христа: „почему Ты знаешь меня?“ Христосъ отвѣчаетъ ему: „прежде нежели позвалъ тебя ко Мнѣ Филиппъ, Я видѣлъ тебя подъ смоковницею“. Наѳанаилъ вѣруетъ, что передъ нимъ стоитъ Мессія, и въ избыткѣ неописанной радости восклицаетъ: „Равви, Ты Сынъ Божій, Ты Царь Израилевъ“. Послѣ этого Наѳанаилъ возблагодарилъ Филиппа за то, что онъ возвѣстилъ ему о Спасителѣ. Радовался и Филиппъ тому, что привелъ ко Христу новаго ученика. За ревностное проповѣданіе евангелія св. ап. Филиппъ перенесъ много мученій отъ своихъ враговъ. Но при этомъ онъ не гнѣвался на мучителей, а горькими слезами оплакивалъ ихъ ослѣпленіе и усердно молился Богу о вразумленіи ихъ. Жизнь свою св. Филиппъ, какъ и всѣ почти апостолы, окончилъ мученически: онъ былъ распятъ на крестѣ внизъ головою.

Примѣръ ап. Филиппа, приведшаго ко Христу Наѳанаила, достоинъ подражанія. Подобно ему должны поступать и мы всѣ. Въ наше время есть много людей, не знающихъ истиннаго Бога и единороднаго Сына Его Іисуса Христа, есть много язычниковъ, поклоняющихся бездушнымъ истуканамъ. — Нашъ долгъ привести ихъ ко Христу, просвѣтить свѣтомъ истинной вѣры, ввести въ ограду православной церкви. У насъ въ Россіи учреждено такъ называемое Миссіонерское Общество, принявшее на себя заботы о просвѣщеніи язычниковъ. Оно избираетъ опытныхъ проповѣдниковъ, отправляетъ ихъ на окраины нашего отечества, населенныя язычниками, снабжаетъ ихъ необходимыми средствами.

Дѣятельность этого общества съ каждымъ годомъ расширяется все болѣе и болѣе, и число членовъ церкви, поэтому, растетъ и увеличивается. Задача этого Общества высока, а средства его скудны. Если мы искренно любимъ Христа, если намъ дорого обращеніе на истинный путь и одного человѣка, мы должны жертвоватьсвои лепты на миссіонерское дѣло, должны усердно молить Господа, чтобы Онъ воздвигъ ревностныхъ, самоотверженныхъ проповѣдниковъ и вѣнчалъ полнымъ успѣхомъ ихъ миссіонерскіе труды. Этимъ мы, хотя и не прямо, непосредственно, но зато вѣрно послужимъ дѣлу спасенія своихъ ближнихъ и, такимъ образомъ, исполнимъ заповѣдь своего Господа.

Есть въ нашемъ отечествѣ много раскольниковъ, сектантовъ, добровольно удалившихся изъ лона церкви Божіей: они своимъ удаленіемъ отъ православной церкви лишаютъ себя надежды на спасеніе. И эти должны быть предметомъ нашихъ горячихъ заботъ. У насъ есть миссіонеры, спеціально подготовленные къ веденію собесѣдованій съ раскольниками и сектантами, чтобы такимъ путемъ раскрывать отщепенцамъ ихъ заблужденіе и снова приводить ихъ ко Христу. И на это св. дѣло мы должны нести свои жертвы во имя любви къ своимъ ближнимъ. Да и сами мы можемъ раскрывать раскольникамъ и сектантамъ ихъ ошибки въ простой бесѣдѣ съ ними; иногда достаточно бываетъ одного простого сердечнаго слова, чтобы вразумить забуждающагося. Но, чтобы лучше дѣйствовать на раскольниковъ, для этого прежде всего надо намъ самимъ жить по уставу своей церкви, строго соблюдать всѣ ея постановленія,—чаще ходить въ храмъ, правильно творить крестное знаменіе, хранить посты; вообще надо избѣгать всего того, что служитъ соблазномъ для нихъ — и въ чемъ они могли бы упрекнуть насъ.

Между нами часто встрѣчаются люди невѣрующіе, глумящіеся надъ уставами церкви, называющіе себя передовыми. Ихъ мы должны приводить ко Христу—путемъ убѣжденія, нагляднымъ показаніемъ природы, вѣщающей о премудромъ Творцѣ, — путемъ разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ своей жизни, въ которой всегда найдется много случаевъ особеннаго дѣйствія Промысла Божія. Когда Наѳанаилъ сказалъ Филиппу: „отъ Назарета можетъ ли быть что доброе“, Филиппъ отвѣтилъ ему: „иди и посмотри“, т.-е. пойди, посмотри Христа, узнай Его, послушай Его ученіе, и ты убѣдишься, что Онъ есть обѣтованный Мессія. Филиппъ не оставилъ Наѳанаила въ сомнѣніи, когда тотъ не повѣрилъ его словамъ, а повелъ его ко Христу и, такимъ образомъ, доказалъ ему истинность своихъ словъ.

Мы должны приводить ко Христу „малыхъ сихъ“, т.-е. дѣтей. Для этого недостаточно только совершить надъ ними таинство крещенія. Нѣтъ, ихъ надо наставлять и учить истинамъ православной вѣры. До школьнаго возраста дѣтей надо дома учить молитвѣ, благонравію, а затѣмъ непремѣнно каждый родитель обязанъ отдавать ихъ въ школу, гдѣ они могутъ разумно усвоить ученіе вѣры, правила нравственности.

Мы должны содѣйствовать спасенію даже враговъ своихъ. Самое лучшее средство для этого — не мстить имъ, а дѣлать добро, обходиться съ ними кротко, ласково, а главное, молиться за нихъ, какъ молились за своихъ мучителей св. ап. Филиппъ и многіе святые. Христосъ заповѣдалъ намъ любить враговъ своихъ, благотворить ненавидящимъ насъ и молиться за творящихъ намъ напасть, чтобы быть достойными сынами небеснаго Отца Его (Матѳ. V, 44—57; Лук. VI, 32—35).

Холодность и небреженіе о спасеніи ближнихъ есть великій грѣхъ. св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „хотя бы все въ нашей жизни устроено было хорошо, довольно этого одного грѣха — небреженія о спасеніи ближнихъ, чтобы ввергнуть насъ въ геенну“. (Слова; CXI, 77). Какія страшныя слова! Убоимся ихъ и поревнуемъ св. ап. Филиппу, который, спасшись самъ, заботится о спасеніи своего друга и влечетъ его ко Христу. (См. № 179 лист., прил. къ журналу „Кормчій“).

3. Объ участіи христіанъ въ дѣлѣ распространенія христіанской вѣры.

26 апрѣля св. церковь празднуетъ память св. Стефана, просвѣтителя язычниковъ въ Перми, жившаго въ половинѣ 14 в. Будучи молодымъ причетникомъ Устюжскаго собора, онъ благодатію Божіею возымѣлъ желаніе посвятить жизнь свою просвѣщенію зырянъ — дикихъ сыновъ лѣсовъ сѣверныхъ. Въ ростовскомъ Богоявленскомъ монастырѣ онъ, подъ руководствомъ Арсенія, ростовскаго епископа и прежняго князя, изучалъ догматы вѣры. Зырянскій языкъ знакомъ

ему былъ еще на родинѣ въ Устюгѣ; а теперь онъ занимался имъ съ тѣмъ, чтобы быть въ состояніи переводить на него церковныя книги. Приготовивъ себя такимъ образомъ къ званію проповѣдника вѣры, онъ испросилъ святительское благословеніе на свое дѣло и прибылъ на устье Вычегды къ грубымъ, но простодушнымъ людямъ, и началъ проповѣдывать Бога истиннаго. Простые сердцемъ слушали съ умиленіемъ и потомъ крестились; упорные и особенно жрецы-кудесники возмущали противъ него народъ.—Стефанъ же съ надеждою на Господа продолжалъ проповѣдывать истинную вѣру зырянамъ, онъ умножилъ число христіанъ до тысячи и построилъ для нихъ храмъ во имя Благовѣщенія Богоматери. Чтобы показать на дѣлѣ пустоту идоловъ, онъ обратилъ въ пепелъ одну изъ самыхъ знаменитыхъ кумирницъ. Народъ пришелъ въ ужасъ. Стефанъ показывалъ истину въ опытѣ. Главный волхвъ Пама, отецъ и наставникъ зырянъ, вызвался пройти сквозь огонь и воду, требуя того же отъ Стефана „Я не повелѣваю стихіями,—отвѣчалъ смиренный Стефанъ, — но Богъ христіанскій великъ, — иду съ тобою". Пама затрепеталъ и тѣмъ довершилъ торжество вѣры надъ суевѣріемъ и обманомъ. Народъ толпами крестился и бросалъ въ огонь идоловъ. Въ 1396 г. св. Стефанъ скончался въ Москвѣ, проведя 18 лѣтъ въ апостольскихъ трудахъ.

Можемъ ли и мы подражать св. Стефану въ его св. подвигѣ распространенія христіанской вѣры среди язычниковъ и невѣдущихъ истиннаго Бога? Безъ сомнѣнія, можемъ и должны подражать ему въ этомъ, если не своими личными трудами благовѣствованія, къ чему не всѣ призываются, то молитвою и вещественными пожертвованіями.

Молитвою должно начинаться и сопровождаться всякое дѣло: отъ молитвы зависитъ успѣхъ всякаго дѣла, тѣмъ болѣе дѣла такого великаго и святого, какъ распространеніе вѣры между людьми, невѣдущими истиннаго Бога. И если сами св. апостолы, осѣненные особенною благодатною силою свыше—проповѣдники слова Божія, нуждались въ молитвенномъ содѣйствіи своему дѣлу отъ другихъ вѣрующихъ (Кол. IV, 3; 1 Сол. V, 2—4; 2 Сол. III, 1; Евр. XIII, 18), то тѣмъ болѣе нуждаются въ немъ обыкновенные проповѣдники слова Божія. Много великихъ трудностей предстоитъ проповѣдникамъ вѣры въ ихъ служеніи. Многимъ опасностямъ приходится подвергаться имъ. Много умѣнья, силы, терпѣнія, самоотверженія нужно имъ, чтобы достойно призванія проходить свой великій подвигъ. И наконецъ, при всѣхъ человѣческихъ усиліяхъ, при всемъ умѣніи, при всей горячей ревности къ дѣлу благовѣствованія, такое великое дѣло, какъ обращеніе къ истинной вѣрѣ людей суевѣрныхъ, грубыхъ, непросвѣщенныхъ, не можетъ совершиться иначе, какъ по особенному дѣйствію Божіей благодати. *Никто не можетъ пріити ко Мнѣ, если не привлечетъ его Отецъ Мой,* сказалъ Господь Іисусъ Христосъ (Іоан. VI, 44). Будемъ же просить Отца небеснаго, чтобы Онъ принялъ подъ Свой всемогущій покровъ благовѣствованіе имени Христова между невѣрующими нашего отечества, далъ проповѣдникамъ вѣры силу достойно проходить свое служеніе, помогъ имъ преодолѣть встрѣчающіяся въ немъ трудности, избавилъ ихъ отъ всѣхъ навѣтовъ и опасностей, не допустилъ ихъ впасть въ уныніе и ослабѣть въ своемъ подвигѣ, согрѣлъ ихъ душу горячею любовію и ревностію къ Нему, и Самъ Своею благодатію руководилъ ихъ въ путяхъ благовѣствованія.

При усердной молитвѣ объ успѣхахъ св. благовѣствованія, при искреннемъ сочувствіи и благожеланіи этому великому дѣлу, каждый изъ насъ, по мѣрѣ силъ своихъ, можетъ помогать ему и какими либо вещественными пособіями, и пожертвованіями — деньгами, вещами, издѣліями рукъ своихъ и т. д. Въ первенствующей христіанской церкви также усердные христіане помогали апостоламъ своими приношеніями. И св. апостолы съ радостію и любовію принимали такія приношенія, потому что видѣли въ нихъ выраженія любви христіанъ и усердія ихъ къ дѣлу Божію. Такъ, св. ап. Павелъ, находясь въ Римѣ въ узахъ, съ радостію принялъ присланныя ему отъ филиппійскихъ христіанъ приношенія, *какъ благовонное куреніе, какъ жертву пріятную, благоугодную Господу,* не потому, говорилъ онъ, чтобы лично искалъ какого-либо даянія, но потому, что видѣлъ въ этомъ приношеніи плодъ вѣры и любви къ дѣлу Божію (Филип. IV, 10—19).

Въ наши времена, при проповѣданіи христіанства въ отдаленныхъ предѣлахъ нашего отечества, вещественныя пособія являются необходимыми для дѣла проповѣдническаго. За недостаткомъ вещественныхъ средствъ, въ иныхъ случаяхъ останавливается, или идетъ неуспѣшно дѣло проповѣдническое... Нужны средства, чтобы дать проповѣдникамъ возможность совершать свои отдаленныя путешествія изъ одного мѣста въ другое для благовѣствованія христіанства; нужны средства, чтобы построить, хотя небольшой, храмъ для новопросвѣщенныхъ христіанъ; нужны средства, чтобы завести при храмѣ школу для утвержденія новопросвѣщенныхъ и дѣтей ихъ въ христіанскихъ понятіяхъ; наконецъ, нерѣдко оказывается необходимымъ дѣлать разныя пособія новопросвѣщеннымъ, потому что многіе изъ нихъ съ принятіемъ крещенія должны бываютъ разорвать всѣ связи съ своею семьею, съ своимъ родомъ и лишиться всѣхъ прежнихъ средствъ къ жизни. Имъ необходимо дать пріютъ, ихъ необходимо ободрить и приласкать, ихъ необходимо пріучить къ какимъ-нибудь новымъ занятіямъ, которыя бы давали имъ средства къ жизни. На все это нужны пособія. Если бы каждый изъ православныхъ христіанъ поставилъ себѣ долгомъ хотя самую малую долю достоянія своего употреблять на дѣло Божіе, изъ этого могли бы составиться величайшія средства. А всякій изъ насъ, какъ бы мало ни имѣлъ достатка, всегда можетъ что-нибудь удѣлить изъ него на доброе дѣло. И самая малая доля достатка, отдѣляемая на дѣло Божіе, не пропадаетъ даромъ, но привлекаетъ на насъ сторицею благословеніе Божіе, дающее успѣхъ всякому нашему дѣлу (Мѳ. X, 41). Оказывающій пособіе апостольскому дѣлу благовѣствованіе получаетъ участіе въ наградѣ, уготованной св. благовѣстникамъ (Мѳ. X, 42). Точно также, кто удѣлитъ на святое дѣло хотя самую малую долю достоянія своего, не оставленъ будетъ безъ награды отъ Господа. Пусть не смущается никто принести свою копейку тамъ, гдѣ другіе приносятъ десятки, сотни и тысячи рублей; пусть не смущается никто принести кусокъ холстины на рубашку новокрещенному тамъ, гдѣ другіе приносятъ богатыя облаченія и украшенія для церквей, устрояемыхъ между новокрещенными: всякое приношеніе, какъ бы оно мало ни было, найдетъ себѣ мѣсто, принесетъ свою долю пользы въ великомъ дѣлѣ распространенія христіанства.

Господь да благословитъ всякое доброе расположеніе и всякое доброе дѣло во славу Его святого имени. (Сост. по проп. протоіерея Иванцова-Платонова).

4. Второе Лицо Св. Троицы, Господь Іисусъ Христосъ.

(*Вѣрую*) *и во единаго Господа Іисуса Христа Сына Божія, Единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, не сотворенна, Единосущна Отцу, Имъ же вся быша.*

Такъ читается второй членъ символа нашей вѣры. Въ этихъ словахъ мы исповѣдуемъ, что Спаситель нашъ, Господь Іисусъ Христосъ есть истинный Сынъ Божій, единый у Бога Отца, рожденный отъ Отца прежде всякаго времени, есть вѣчный Свѣтъ отъ вѣчнаго Свѣта, Богъ истинный отъ Бога истиннаго, одного существа съ Богомъ Отцомъ, Творецъ всего. Это засвидѣтельствовано и священнымъ писаніемъ, и многочисленными чудесами, какія сотворилъ Спаситель во время земной Своей жизни. Самъ небесный Отецъ Божественнымъ Своимъ гласомъ дважды, сперва на Іорданѣ, а потомъ на Ѳаворѣ, провозгласилъ объ Іисусѣ Христѣ: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе“. И св. апостолы еще до воскресенія Іисуса Христа исповѣдывали Его Сыномъ Божіимъ, во плоти пришедшимъ на землю. Но св. православная церковь отъ временъ апостольскихъ исповѣдуетъ Христа не просто Сыномъ Божіимъ, но еще Единороднымъ, т.-е. единственнымъ у Бога Отца. „Тако,— говоритъ Самъ Спаситель въ евангеліи,— возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный“ (Іоан. III, 16). Хотя въ священномъ писаніи и ангелы Божіи и даже люди вѣрующіе и благочестивые иногда называются сынами или чадами Божіими, но это сыны не по природѣ, не изъ существа Божія родившіеся, но содѣлавшіеся сынами Божіими по благодати и по вѣрѣ въ Іисуса Христа, Сына Божія. Спаситель же нашъ именуется Сыномъ Божіимъ по естеству, потому что Онъ имѣетъ одинаковую природу съ Богомъ Отцомъ, одинаковыя съ Нимъ свойства. Какъ Сынъ Божій родился отъ Отца, этого постигнуть не можетъ нашъ слабый человѣческій разумъ; рожденіе это духовное, божественное, непостижимое. Намъ открыто только, что Сынъ Божій родился отъ Отца „прежде всѣхъ вѣкъ“, прежде всякаго времени, не такъ, какъ всѣ сотворенныя существа, которыя рожденіемъ начинаютъ свою жизнь и бытіе. Сынъ Божій предвѣчно рождается отъ Отца и потому такъ же вѣченъ, какъ и Богъ Отецъ. Желая хотя нѣсколько объяснить намъ тайну безлѣтнаго рожденія Сына Божія, символъ вѣры прибавляетъ „Свѣта отъ Свѣта“. Сынъ Божій родился отъ Бога Отца, какъ свѣтъ отъ солнца. Солнце никогда не бываетъ безъ свѣта, съ появленіемъ солнца всегда появляется и свѣтъ около него и во всей подсолнечной. Свѣтъ, сіяющій вокругъ солнца, нельзя отдѣлить отъ свѣта, который видимъ въ самомъ солнцѣ. Посему свѣтъ въ солнцѣ и свѣтъ около солнца есть одинъ свѣтъ, одной природы, неотдѣлимый одинъ отъ другого. Такъ же точно отъ Бога Отца предвѣчно рождается Сынъ Божій. Какъ видимое нами солнце никогда не было безъ свѣта, сіяющаго вокругъ него, такъ и Богъ Отецъ не былъ безъ Сына. Какъ Богъ Отецъ есть вѣчный Свѣтъ, такъ и Сынъ Его тотъ же вѣчный Свѣтъ, нераздѣльный съ Нимъ по существу. Священное писаніе одинаково называетъ Свѣтомъ и Бога Отца и Сына Божія. „Богъ Свѣтъ есть, и тьмы въ Немъ нѣсть ни единыя“ (1 Посл. Іоан. I, 5), говоритъ апостолъ Іоаннъ о Богѣ Отцѣ. „Въ Немъ была жизнь, и жизнь была свѣтъ человѣковъ, и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его“ (Іоан. I, 4—5), говоритъ тотъ же апостолъ о Сынѣ Божіемъ.

Что означаютъ послѣдующія слова о Сынѣ Божіемъ въ символѣ вѣры: „Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имъ же вся быша?“ Слова эти имѣютъ цѣлію своею яснѣе и полнѣе утвердить истинное ученіе о Сынѣ Божіемъ противъ всѣхъ человѣческихъ заблужденій, чтобы ни одна недостойная мысль никогда и нимало не касалась Божественнаго достоинства лица нашего Спасителя. Были люди, которые по слѣпотѣ ума и развращенію сердца не хотѣли вѣровать такъ, какъ учитъ св. церковь и священное писаніе, дерзали судить о Сынѣ Божіемъ неправо, Эти гордые люди, колебавшіе истинную вѣру, переданную св. апостолами, назывались еретиками. Нѣкоторые изъ нихъ унижали Божество Сына Божія, утверждая, что Сынъ Божій, подобно другимъ тварямъ, сотворенъ Богомъ Отцомъ, а не совѣченъ и равенъ Ему. Въ обличеніе такихъ лжеученій и прибавлены въ символѣ вѣры слова: „Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, несотворенна“. Были между еретиками и такіе, которые, не постигая равночестія Сына Божія съ Богомъ Отцомъ, хотѣли признавать Его Богомъ не равнымъ, но меньшимъ Бога Отца. Противъ нихъ прибавлены въ символѣ слова: „Единосущна Отцу, Имъ же вся быша“. Это значитъ, что Сынъ Божій имѣетъ одно существо, одну природу съ Богомъ Отцомъ, какъ сказалъ о Себѣ Самъ Іисусъ Христосъ: „Азъ и Отецъ едино есма“ (Іоан. X, 30). Будучи единой природы съ Богомъ Отцомъ, Сынъ Божій имѣетъ одинаковую славу, силу, могущество и власть; Онъ наравнѣ съ Богомъ Отцомъ есть Творецъ міра. „Имъ же вся быша“, т.-е. черезъ Него или Имъ все сотворено, какъ и говорится въ евангеліи Іоанна о Сынѣ Божіемъ: „вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничто же бысть, еже бысть“ (Іоан. I, 3).

Единородный Сынъ Божій, явившись на землѣ во плоти человѣка, былъ названъ Іисусомъ Христомъ. Еврейское слово *Іисусъ* значитъ Спаситель. Такое наименованіе дано Господу при самомъ рожденіи Его отъ Пресвятой Дѣвы Маріи. Онъ подлинно нашъ Спаситель, потому что нѣтъ „иного имене подъ небесемъ, даннаго во человѣцѣхъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ“ (Дѣян. IV, 12). *Христомъ* или Помазанникомъ Богъ Сынъ названъ еще пророками, по преизбыточеству въ Немъ всѣхъ Божественныхъ дарованій. У евреевъ чрезъ помазаніе священнымъ елеемъ посвящались въ свое званіе пророки, первосвященники и цари; черезъ это помазаніе имъ сообщались особые дары Св. Духа, необходимые для успѣшнаго прохожденія ихъ званія. Такъ, царямъ сообщался духъ совѣта и крѣпости, пророкамъ—духъ премудрости и разума, первосвященникамъ—духъ страха Божія, духъ вѣдѣнія и благочестія. Богу Сыну и Его человѣческому естеству сообщены были всѣ эти дары въ безмѣрной полнотѣ: и вѣдѣніе пророка, и святость первосвященника, и могущество царя. Посему-то Господь Іисусъ и называется Христомъ, т.-е. Помазанникомъ.

Таково православно-христіанское ученіе о Сынѣ Божіемъ. Что же оно внушаетъ намъ, къ чему побуждаетъ насъ, исповѣдующихъ Христа, во плоти пришедшаго? Побуждаетъ прежде всего всѣмъ сердцемъ вѣровать въ Него и повиноваться Ему. Онъ есть Господь, а мы—рабы Его: какой же рабъ не долженъ повиноваться своему господину? Но Сынъ Божій не только Господь нашъ, но и

Спаситель или Іисусъ, какъ читаемъ въ символѣ вѣры. Не внушается ли этимъ христіанину во всѣхъ своихъ нуждахъ съ вѣрою прибѣгать къ Единородному Сыну Божію? Если Онъ Самого Себя предалъ ради нашего спасенія, то ужели не даруетъ его намъ, искренно умоляющимъ Его объ этомъ? Онъ Самъ говоритъ намъ въ св. евангеліи: „просите и дастся вамъ, ищите и обрящете“ (Мѳ. VII, 7). Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій Единородный. Будемъ же искать у него ходатайства предъ Богомъ Отцомъ, „да и мы чада Божія наречемся“. Онъ есть Свѣтъ отъ Свѣта, Богъ истинный отъ Бога истиннаго. Будемъ умолять Его, чтобы Онъ просвѣтилъ наши сердца свѣтомъ Своей премудрости, извлекъ наши души изъ тьмы грѣховной и поставилъ насъ на свѣтлый путь спасенія (См. „Воскр. лист.“ № 307, изд. журн. „Воскр. день“).

5. Явленіе Господа нашего І. Христа по молитвѣ св. Григорія, архіепископа омиритскаго.

Когда св. Григорій, архіепископъ омиритскій, препирался съ іудеями о преимуществахъ вѣры Христовой предъ іудейской, іудеи не хотѣли вѣрить словамъ святителя и требовали въ доказательство явленія Самого же Господа. И Господь І. Христосъ, по молитвѣ св. Григорія, дѣйствительно, явился. Но какъ? Когда св. Григорій, послѣ долгаго спора о вѣрѣ, сталъ на молитву и произнесъ: „явись, о Владыко! да, узрѣвъ Тебя, увѣруютъ въ Тебя, единаго истиннаго Бога“, вдругъ отъ востока возстала буря и раздался столь ужасный громъ, что вся земля поколебалась, весь народъ отъ страха повергся на землю. Но когда одинъ послѣ другого, какъ бы пробуждаясь, возстали и воззрѣли къ востоку, отверзлось небо, и облако свѣтлѣе солнца сходило на землю; посреди облака они увидѣли Мужа, красивѣйшаго паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Господь І. Христосъ въ молніезрачныхъ одеждахъ, ступая по облакамъ, приближался долу и сталъ предъ архіепископомъ. Небесная красота привлекла сердца всѣхъ, какъ христіанъ такъ и іудеевъ, но отъ страха и величества славы Его, какъ нѣкогда на Ѳаворѣ, всѣ опять поверглись ницъ. Іудеи, пораженные трепетомъ, устремились въ бѣгство, но колѣна ихъ подогнулись, божественное блистаніе опалило ихъ, невидимая сила отнимала у нихъ движеніе. Тогда св. архіепископъ, укрѣпившись и собравъ свои мысли, вперенныя въ небесную Славу, сказалъ: „видите и вѣруйте, яко единъ святъ, единъ Господь І. Христосъ во славу Бога Отца, аминь!“ Въ это время раздался голосъ: „ради молитвъ архипастыря помилуетъ васъ Распятый“. Отъ этихъ словъ всѣ, словно мертвые, поверглись на землю и въ страхѣ взывали: „Господи, помилуй! Господи, помилуй!“ („Чет.-Мин.“ 19 дек.).

6. Краткое сказаніе (Синаксарь) о торжествѣ Православія въ первую недѣлю св. четыредесятницы.

Въ первое воскресенье великаго поста церковь Христова приняла совершать торжество Православія, т.-е. возстановленія святыхъ и честныхъ иконъ, совершеннаго (императоромъ греческимъ) Михаиломъ и святою и блаженнѣйшею царицею Ѳеодорою и св. Меѳодіемъ, патріархомъ константинопольскимъ. А совершилось это такъ: когда Левъ Исаврянинъ изъ состоянія погонщика ословъ и свинопаса, попущеніемъ Божіимъ, достигъ царскаго престола, тогда кормило церковнаго правленія принялъ св. Германъ. Царь тотчасъ же призываетъ его къ себѣ и говоритъ: „думается мнѣ, владыко, что святыя иконы ничѣмъ не разнятся отъ идоловъ; такъ повели въ возможно скорѣйшемъ времени изъять ихъ изъ употребленія. Хотя они истинныя изображенія святыхъ, но пусть будутъ поставлены выше [1]), чтобы намъ, погруженнымъ во грѣхахъ, не осквернять ихъ своимъ лобызаніемъ“. Патріархъ старался отвратить царя отъ такого безумія, и за то, что не согласился его послушаться, Левъ изгналъ его и на его мѣсто поставилъ единомысленнаго съ собою Анастасія, и тогда началъ проявлять борьбу противъ святыхъ иконъ. Говорятъ, евреи внушили ему такую ненависть на святыя иконы, предсказавъ ему по какому-то волшебству возведеніе его на царство, когда онъ, еще будучи бѣднымъ, снискивалъ себѣ пропитаніе однимъ съ ними промысломъ,—былъ погонщикомъ ословъ. Когда же несчастнымъ образомъ кончилъ свою жизнь этотъ Левъ, преемникомъ его власти, а еще больше его безумнаго неистовства противъ святыхъ иконъ дѣлается происшедшій отъ него и еще его превзошедшій свирѣпостью — Константинъ Гноеименный

---

[1]) Разумѣлось—въ иконостасахъ.

(Копронимъ). Какъ пересказать все то, что этотъ беззаконный сдѣлалъ!.. Затѣмъ, когда и этотъ постыднымъ образомъ покончилъ жизнь, сынъ его отъ хазарянки поставляется на царство. Когда же и сей послѣдній покончилъ злочастную жизнь, наслѣдниками царства дѣлаются Ирина и Константинъ. Они, по наставленію святѣйшаго патріарха Тарасія, созываютъ седьмой соборъ, и святая церковь опять получаетъ святыя иконы. По окончаніи ихъ царствованія возводится на царство Никифоръ Геникъ, затѣмъ Ставрикій, потомъ Михаилъ Ранкавей—чтители божественныхъ иконъ. Преемникомъ Михаила дѣлается звѣроподобный Левъ Армянинъ, который, бывъ развращенъ нѣкоторымъ злочестивымъ затворникомъ-монахомъ, вторично воздвигаетъ иконоборчество, и опять церковь Божія лишается своего украшенія. Преемникомъ его дѣлается Михаилъ Амморей, а преемникомъ Михаила—сынъ его Ѳеофилъ, продолжая гоненіе на святыя иконы. Этотъ Ѳеофилъ многихъ изъ святыхъ отцовъ предалъ различнымъ истязаніямъ и мукамъ. Послѣ двѣнадцатилѣтняго царствованія, онъ, бывъ пораженъ болѣзнію внутренностей, находился при смерти. Уста его расширились такъ, что изъ нихъ внутренности выдавались наружу. Царица же Ѳеодора, болѣзнуя о приключившемся, уснула на краткое время и узрѣла во снѣ Пречистую Богородицу, окруженную пресвѣтлыми ангелами, которые Ѳеофила, мужа ея, били и уничижали. И вотъ, когда отступилъ отъ нея сонъ, и Ѳеофилъ, пришедши нѣсколько въ себя, возопилъ: „увы мнѣ, это меня бьютъ за святыя иконы!“ царица тотчасъ же возлагаетъ на него икону Пресвятыя Богородицы, молясь Ей со слезами. Тогда Ѳеофилъ, увидѣвъ на одномъ изъ окружавшихъ его панагію, ухвативъ ее, сталъ лобызыть. И тотчасъ же возмутительно на иконы расширявшіяся уста его пришли въ первоначальное устроеніе; онъ освободился отъ своего страданія и уснулъ, исповѣдавъ, что почитаніе святыхъ иконъ есть истинное благо. Итакъ, царица, вынувъ изъ своихъ хранилищъ святыя и честныя иконы, предлагаетъ ихъ Ѳеофилу къ лобызанію и вседушевному чествованію. Вскорѣ послѣ этого Ѳеофилъ лишается своей жизни. Ѳеодора же, вызвавъ всѣхъ находившихся въ изгнаніяхъ и въ темницахъ, возвращаетъ имъ свободу пребыванія. И низвергается съ патріаршескаго престола Іоаннъ, иначе Анній,—скорѣе волхвоначальникъ[1]) чѣмъ пастыреначальникъ; исповѣдникъ же Христовъ Меѳодій, много пострадавшій предъ тѣмъ и при жизни заключенный въ могилу[2]), восходитъ на патріаршій престолъ. Тогда было нѣкоторое божественное откровеніе Іоанникію Великому, обучавшемуся подвижничеству въ горѣ Олимпѣ. Великій постникъ Арсаакій, пришедшій къ нему, сказалъ: „Богъ меня послалъ къ тебѣ, чтобы намъ, сходивъ къ преподобному мужу Исаіи затворнику, въ Никомидію, отъ него узнать, что угодно Богу и полезно Его церкви“. Итакъ, пришедши къ преподобному Исаіи, слышатъ отъ него: такъ говоритъ Господь: „вотъ приблизился конецъ врагамъ Моего изображенія; итакъ идите къ царицѣ Ѳеодорѣ и къ патріарху Меѳодію и скажите такъ: „оставь все несвященное, и принесешь Мнѣ жертву съ ангелами; изображеніе Мое и креста Моего почитай“. Услышавъ это, они тотчасъ же отправляются въ Царьградъ и возвѣщаютъ патріарху Меѳодію и всѣмъ избраннымъ Божіимъ. Тѣ, собравшись, приходятъ къ царицѣ и находятъ ее готовою повиноваться Божію повелѣнію во всемъ, ибо она еще отъ родительскаго воспитанія была благочестива и боголюбива. И такъ царица тотчасъ же, изъявши носимый на груди Богородичный образъ, въ виду всѣхъ лобызала его, говоря: „кто этимъ изображеніямъ не поклоняется и не цѣлуетъ ихъ съ любовію, не идолопоклонствуя, не какъ божества, но какъ изображенія, по любви къ изображенному на нихъ, тотъ да будетъ анаѳема, т.-е. отлученъ.“ Они же возрадовались великою радостію. Въ замѣнъ того и она отъ нихъ проситъ, чтобы они сотворили молитву по мужѣ ея Ѳеофилѣ. Они хотя и отказывались сначала, но, видя ея вѣру, покорились. Св. патріархъ Меѳодій, собравъ весь народъ, весь причтъ церковный и архіереевъ, пришелъ съ ними въ великую церковь; здѣсь были слѣдующіе избранные: Великій Іоанникій изъ Олимпа, Арсаакій, Навкратій и ученики Ѳеодора Студита, Ѳеофанъ и Ѳеодоръ начертанные, и исповѣдники: Михаилъ Святоградецъ и Сенгелъ и многіе другіе. Всѣ они, всенощно молясь со слезами, совершаютъ по Ѳеофилѣ панихиды и литіи, и это продолжалось всю первую седмицу поста; равно какъ и сама Ѳеодора дѣлала то же самое съ женами и прочимъ народомъ. Тогда-то царица Θеодора, въ пятокъ, когда разсвѣтало уже утро, засыпаетъ и видитъ себя во снѣ у столба, на которомъ водруженъ былъ крестъ, а мимо ея идутъ будто бы съ шумомъ какіе-то люди, несущіе различныя орудія пытки; посреди ихъ видитъ Θеофила, котораго будто бы ведутъ скованнаго и съ связанными назади руками; узнавъ его, пошла и она за ведущими. Когда же дошли они до мѣдныхъ воротъ, она узрѣла какого-то сидящаго предъ образомъ Христовымъ мужа, превышеестественнаго вида, предъ которымъ и поставили Θеофила. Царица, припавъ къ ногамъ его, умоляла его о царѣ. Онъ же, едва отверзши уста, говоритъ ей: „о, женщина! велика твоя вѣра! знай же, что ради слезъ твоихъ и вѣры, а также ради прошенія и молитвъ рабовъ Моихъ и священниковъ Моихъ, даю прощеніе мужу твоему Θеофилу. Тогда говоритъ ведущимъ: развяжите его и отдайте женѣ его“. Она же, взявъ его, отошла съ веселіемъ и радостію, и тотчасъ же проснулась. Патріархъ Меθодій, когда о царѣ совершаемы были молитвы и моленія, взявъ чистую бумагу, написалъ на ней имена всѣхъ еретичествовавшихъ царей (Греціи), включивъ и Θеофила, и положилъ ее надъ св. престоломъ. Въ пятокъ видитъ и онъ исполинскаго и страшнаго вида какого-то ангела, который входитъ во храмъ и, подойдя къ нему, говоритъ: „услышана, о епископъ, молитва твоя, и получилъ прощеніе царь Θеофилъ, не утруждай же болѣе моленіемъ объ этомъ Господа“. Онъ же, чтобы испытать, истинно ли представляющееся ему, сошедши съ своего мѣста, взялъ бумагу и, раскрывъ, находитъ (о, судьбы Божіи!), что имя Θеофилово совершенно Богомъ изглажено. Узнавъ объ этомъ, царица несказанно была обрадована; она посылаетъ къ патріарху и повелѣваетъ собрать весь народъ съ честными крестами и святыми иконами въ великую церковь, дабы возвратить (церкви Божіей) украшенія святыхъ иконъ и возвѣстить всѣмъ новое Божіе чудо. Вскорѣ всѣ сбираются въ церковь со свѣщами; приходитъ и царица съ сыномъ. И совершивъ здѣсь моленіе, исходятъ со святыми иконами, изображеніями честнаго креста Господня и священнымъ и Божественнымъ евангеліемъ, до мѣста, такъ называемаго, поприща, взывая: „Господи, помилуй!“ И такимъ образомъ, возвратившись въ церковь, совершили Божественную литургію. По возстановленіи святыхъ и честныхъ иконъ, отъ вышеупомянутыхъ святыхъ мужей провозглашены были имена благочествующихъ и православныхъ, нечестивые же противники и непринимающіе почитанія святыхъ иконъ были отринуты и преданы отлученію (анаθемѣ). И съ того времени этими святыми исповѣдниками было опредѣлено, чтобы это священное торжество ежегодно было совершаемо, чтобы снова не впалъ кто въ прежнее злочестіе.

---

[1]) Современники считали его волхвователемъ, имѣвшимъ посредствомъ таинственныхъ заклинаній власть надъ бѣсами.

[2]) Въ подземную темницу.

Такимъ образомъ обрядъ православія былъ установленъ въ воспоминаніе торжества церкви надъ иконоборцами, но съ теченіемъ времени онъ получилъ дальнѣйшее развитіе. Православные стали соединять съ нимъ воспоминаніе не только о низложеніи иконоборчества, но и всѣхъ другихъ ересей, когда-либо нарушавшихъ миръ церкви.

Въ нынѣ совершаемомъ чинѣ православія находится двѣнадцать анаθематствованій, какъ бы въ соотвѣтствіе двѣнадцати членамъ символа вѣры, читаемаго во время совершенія молебна. Кто же въ этотъ день предается анаθемѣ?

Святая церковь произноситъ свою анаθему на тѣхъ грѣшниковъ, которые давно уже сами себя отдѣлили отъ церкви и преданы анаθемѣ еще апостоломъ Павломъ, сказавшимъ: „аще мы, или ангелъ съ небеси благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаθема да будетъ“ (Гал. I, 8).

Но почему же святая церковь, обыкновенно любвеобильная и милосердая, въ этотъ день, въ лицѣ смиренныхъ своихъ служителей, является строгою и грозною? Имѣетъ ли она на это право?

Да, по всѣмъ законамъ, человѣческимъ и Божескимъ, святая церковь можетъ и должна удалять отъ себя вредныхъ членовъ своихъ.

Вездѣ и всегда испорченные члены исторгаются и удаляются. Пастухъ, стерегущій свое стадо, замѣтивши пораженную болѣзнію овцу, удаляетъ ее изъ стада, чтобы она не заразила другихъ овецъ. Отецъ семейства прогоняетъ отъ себя распутныхъ и злонравныхъ дѣтей, которыя выходятъ изъ послушанія и нарушаютъ спокойствіе и семейное счастье. Государство не только удаляетъ, но даже лишаетъ жизни вредныхъ членовъ своихъ, такъ или иначе нарушающихъ его порядокъ и вредящихъ его благосостоянію.

Если никакое общество человѣческое не терпитъ вредныхъ членовъ, но судитъ и наказываетъ ихъ иногда даже смертью, то святая церковь, давшая намъ жизнь духовную, имѣетъ тѣмъ большее право судить и отлучать отъ себя сыновъ противленія, отсѣкать тѣ члены, которые, будучи охвачены огнемъ нечестія и вольнодумства, готовы погубить все ея тѣло.

Указанное право дано церкви Самимъ Іисусомъ Христомъ и раскрыто апостоломъ Павломъ. Въ посланіи къ галатамъ этотъ апостолъ пишетъ: „кто будетъ благовѣстить вамъ не то, что вы приняли, да будетъ анаѳема“.

Итакъ, судъ церкви есть судъ Божественный, данный пастырямъ церкви отъ Самого Пастыреначальника—Господа нашего Іисуса Христа, и есть судъ необходимый, такъ какъ грѣшники въ церкви всегда были, есть и будутъ. Посему-то церковь Христова, торжественно прославляя въ недѣлю православія благовѣрныхъ и покорныхъ чадъ своихъ, отлучаетъ отъ себя недостойныхъ членовъ, чтобы немощные въ вѣрѣ не обольщались и не увлекались ихъ пагубнымъ примѣромъ и ученіемъ. Съ другой стороны, строгостію приговора она старается пробудить усыпленную совѣсть грѣшниковъ, заставить ихъ одуматься, показать имъ ужасное ихъ положеніе и подвигнуть сердца ихъ къ раскаянію.

Неправы поэтому тѣ, которые хотятъ видѣть въ обрядѣ православія фанатическую нетерпимость къ разномыслящимъ, жестокое ихъ преслѣдованіе, несогласное съ духомъ христіанства. Ничего подобнаго нѣтъ. Духъ любви проникаетъ все это священнодѣйствіе: мольба о мирѣ, о прекращеніи раздоровъ, объ обращеніи отступившихъ отъ истиннаго ученія слышится постоянно. Развѣ это противно духу христіанства? И самое анаѳематствованіе не только не противорѣчитъ христіанской любви, но и прямо вытекаетъ изъ этого источника. Анаѳема значитъ отлученіе; анаѳематствуя извѣстныхъ лицъ, церковь только объявляетъ, что эти лица своимъ ученіемъ или своими поступками „сами себя отдѣлили отъ церкви“ и не хотятъ къ ней принадлежать. (См. брош. Г. Орлова: „Чинъ православія“).

НЕДѢЛЯ 2-я ВЕЛИКАГО ПОСТА[1].

Еванг. отъ Марка, зач. 7-е, гл. II, 1—12 ст.

1. При болѣзняхъ тѣлесныхъ спѣши очистить свою совѣсть.

Путешествуя по городамъ галилейскимъ, Іисусъ Христосъ однажды пришелъ въ Капернаумъ. Въ этомъ городѣ Онъ проводилъ большую часть времени, такъ что Капернаумъ названъ былъ Его городомъ. Такъ какъ Іисусъ часто бывалъ въ Капернаумѣ, то жители этого города всегда съ восторгомъ встрѣчали Его. Подошедши къ дому, въ которомъ Онъ имѣлъ обыкновеніе останавливаться, Іисусъ Христосъ и на этотъ разъ встрѣченъ былъ большою толпою, наполнявшею домъ и даже окружавшею его дворъ, такъ что не было возможности дойти до двери. Туда же принесенъ былъ бѣдный страдалецъ, человѣкъ пораженный въ сильнѣйшей степени параличомъ. Четверо носильщиковъ, за многолюдствомъ не нашедши, гдѣ пройти, взлѣзли на верхъ дома и, раскрывши кровлю, спустили больного на постели къ ногамъ Іисуса. Іисусъ Христосъ увидѣлъ въ этомъ живую вѣру и рѣшился оказать помощь больному. Такъ какъ корнемъ, главною и первоначальною причиною всѣхъ болѣзней человѣка служитъ грѣхъ, то Спаситель сначала исторгнулъ изъ больного этотъ ядовитый корень, сказавши разслабленному: „прощаются тебѣ грѣхи твои“. Слыша это, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ здѣсь книжниковъ іудейскихъ стали думать про себя, что Спаситель присвояетъ Себѣ не принадлежащія якобы Ему божескія права, и назвали это богохульствомъ. По гордости своей, книжники никакъ не хотѣли признать Іисуса Христа Мессіею, хотя въ сотворенныхъ Имъ чудесахъ могли и должны были видѣть явное доказательство Его божественнаго посланничества. Уразумѣвъ лукавыя помышленія книжниковъ и фарисеевъ, божественный Сердцевѣдецъ обратился тогда къ нимъ съ слѣдующими обличительными словами: „что вы помышляете въ сердцахъ своихъ? Что легче, сказать: прощаются тебѣ грѣхи твои, или сказать: встань и ходи? Но чтобы вы знали, что Сынъ человѣческій имѣетъ власть на землѣ прощать грѣхи, — Онъ сказалъ разслабленному: — тебѣ говорю: встань, возьми одръ твой и иди въ домъ твой“. Исполняя слово всемогущаго Повелителя, разслабленный тотчасъ же взялъ свою постель и, къ изумленію всѣхъ, отправился домой вполнѣ здоровымъ.

---

[1] Примѣч. Содержаніе евангельскаго чтенія этой недѣли сходно съ положеннымъ въ недѣлю 6-ю по Пятидесятницѣ. Статьи и разсказы настоящей недѣли могутъ служить дополненіемъ той, и наоборотъ.

Въ исцѣленіи разслабленнаго Господомъ Іисусомъ Христомъ примѣчательно то обстоятельство, что Онъ отпущаетъ больному сперва грѣхи, а потомъ уже и исцѣляетъ болѣзнь тѣлесную, потому что причина и корень нашихъ болѣзней находятся въ душѣ, въ ея неправильныхъ и противозаконныхъ стремленіяхъ, направленіяхъ и дѣйствіяхъ. Въ тѣлѣ отдается только отраженіе и произведеніе неправильнаго отношенія къ нему души. Нѣкоторыя душевныя страсти явно вліяютъ разрушительно на тѣло. Такъ, зависть сушитъ тѣло, плотоугодіе и невоздержаніе разстраиваютъ мозгъ и нервную систему, объяденіе и пьянство, умножая количество крови и излишне горяча ее, располагаютъ къ апоплексическимъ ударамъ или общимъ, или мѣстнымъ, лѣность и неподвижность ведутъ къ утратѣ быстроты движеній рукъ и ногъ и т. д. Искусный и опытный врачъ, слѣдя болѣзненное видоизмѣненіе въ тѣлѣ, старается узнать и произведшую его причину въ душѣ врачуемаго, даетъ совѣты и наставленія, нерѣдко прямо къ душѣ относящіеся, напримѣръ, быть покойнѣе, удаляться непріятностей, соблюдать строгую умѣренность въ удовольствіяхъ. Но, имѣя дѣло съ тѣломъ больного, врачъ по необходимости частію только касается душевныхъ его отправленій, предоставляя это или произволу самого больного, или дѣйствію врачевства духовнаго, тѣмъ болѣе, что лѣкарства его прямо къ душѣ, какъ вещественныя, приложены быть и не могутъ, а дѣйствуютъ только чрезъ посредство тѣла же. Нѣкоторыя болѣзни тяжкія и длительныя, періодическія, трудно постигаемыя и необъяснимыя изъ причинъ естественныхъ и случайныхъ, по необходимости приходится признавать дѣйствіемъ правосудія Божія, наказующаго и вразумляющаго грѣшный родъ человѣческій. Благоразуміе и справедливость требуютъ, чтобы въ болѣзняхъ тѣлесныхъ мы заботились объ уврачеваніи не тѣла только, но и души своей и по преимуществу послѣдней. Врачеваніе одного тѣла безъ уврачеванія души вмѣстѣ съ симъ будетъ имѣть характеръ только временный и случайный, будетъ походить на замазываніе сосуда, готоваго развалиться снова при первомъ неосторожномъ толчкѣ и движеніи. Нельзя не одобрять тѣхъ немногихъ въ обществѣ христіанскомъ, которые блюдутъ за своею душою, и въ случаѣ болѣзни тѣлесной прежде врача тѣлеснаго ищутъ уврачеванія души своей въ таинствахъ покаянія и елеосвященія, и затѣмъ въ перемѣнѣ къ лучшему образа жизни. Съ благодарностію нужно относиться и къ тѣмъ врачамъ, которые сами подаютъ больному мысль и совѣтъ очистить совѣсть въ таинствѣ покаянія. Напрасно думаютъ многіе, что это излишне и необходимо только въ случаѣ крайней опасности. Не только для облегченія исхода души изъ тѣла таинство покаяніе необходимо и спасительно, но и для благоуспѣшности самаго врачеванія тѣла. Господь мертвитъ и живитъ. Врачъ вольно или невольно исполняетъ только волю и опредѣленія Божественныя. Послѣ примиренія души съ правосудіемъ Божественнымъ, послѣ благословенія и освященія таинствомъ, и самыя лѣкарства съ новою и большею силою дѣйствуютъ на тѣло, и выборъ и составъ ихъ врачомъ болѣе благонадежны. Внимай, христіанинъ, уроку, который подается тебѣ Самимъ Спасителемъ нашимъ въ исцѣленіи разслабленнаго, и спѣши покаяніемъ, примиреніемъ съ Богомъ, исправленіемъ житія своего, заглажденіемъ неправдъ своихъ, врачевать первѣе душу твою, да здраво будетъ и тѣло. Особенно въ періодъ губительныхъ болѣзней держись первѣе всего сего правила. („Воскр. день“ 1897 г., № 27).

2. Что есть грѣхъ.

Грѣхъ есть величайшее зло для человѣка.

Что есть грѣхъ?

а) *Нарушеніе пресвятой воли Творца.* Малое ли дѣло стать противникомъ и врагомъ Существа всемогущаго, — Того Существа, въ рукахъ Коего мы и весь міръ, наша жизнь и дыханіе, наше время и наша вѣчность?

б) *Уклоненіе на сторону врага Божія— діавола.* Малое ли дѣло стать за одно съ симъ человѣкоубійцей, сдѣлаться похожимъ на него въ измѣнѣ истинѣ, заразиться его ядомъ зміинымъ?

в) *Ослѣпленіе ума, развращеніе воли, искаженіе совѣсти, растлѣніе тѣла.* Бездѣлица ли—испортить такимъ образомъ все Богоподобное существо свое, уклонить его отъ цѣли бытія въ противную сторону, и внести въ него сѣмя тли и смерти вѣчной?

Что ожидаетъ грѣшника въ будущемъ? Ожидаетъ еще большая тьма, еще большее изможденіе силъ, еще большее горе и пагуба, ожидаетъ конечное лишеніе всѣхъ благъ, душевныхъ и тѣлесныхъ, конечное отверженіе отъ лица Божія, осужденіе на вѣчное мученіе въ адѣ, съ діаволомъ и аггелами его.

Довольно и этихъ самыхъ простыхъ понятій о грѣхѣ, чтобы затрепетать всѣмъ существомъ своимъ при одной мыслѣ о грѣхѣ. (См. проп. Иннокентія, архіеп. херсон. и тавр. т. III, изд. 1873 г.).

3. **О гнѣвѣ Божіемъ противъ грѣха.**

Читаемъ въ св. писаніи, что различныя казни Богъ на грѣшниковъ посылаетъ. Аггеловъ согрѣшившихъ съ небеси сверже. О семъ же глаголетъ Христосъ: *видѣхъ сатану, яко молнію, съ небесе спадша* (Лук. X, 18); и Петръ апостолъ глаголетъ: *аггеловъ согрѣшившихъ не пощаде, но, плѣницами мрака связавъ, предаде на судъ мучимыхъ блюсти* (2 Петр. II, 4). Прародители наши, Адамъ и Ева, изъ рая за преступленіе изгнаны, и всякому бѣдствію подвержены, а съ ними и мы. За грѣхи первый міръ, кромѣ Ноя, *правды проповѣдника*, ужаснымъ потопомъ погубленъ (Быт. VII; 2 Петр. II, 5). Содомъ и Гоморра съ окрестными градами за мерзкую нечистоту огнемъ пожжены (Быт. XIX; 2 Петр. II, 6). Гордый и ожесточенный фараонъ со всѣмъ воинствомъ своимъ въ Чермномъ морѣ потопленъ (Исх. XIV). Даѳанъ и Авиронъ, съ единомышленниками своими возставшіе на Моисея и Аарона въ пустынѣ, живые землею пожерты (Числ. XVI). *Отверзеся земля и пожре Даѳана, и покры на сонмищи Авирона* (Пс. CV, 17). Прочіе люди израильскіе тамъ же за различныя беззаконія различно поражены гнѣвомъ Божіимъ, иные огнемъ, иные ядовитыми зміями, иные мечомъ иноплеменническимъ, иные инымъ образомъ, какъ о томъ читаемъ въ книгахъ Моисеевыхъ, пророческихъ и въ X гл. 1 посл. къ коринѳянамъ. Пришедшіе въ землю обѣтованную сколько разъ въ работу иноплеменникамъ предаваемы, сколько въ плѣненіе отведены и инымъ образомъ казнены были: книги ветхаго завѣта тельствуютъ. Всему тому грѣхи и беззако- свидѣнія виною были, какъ о томъ же свидѣтельствуютъ святыя оныя книги. По пришествіи Христовомъ въ міръ, также видимъ казни Божіи, на грѣшниковъ посланныя. Читаемъ, что Ананія съ Сапфирою, женою своею, за ложь, что солгали Духу Святому, внезапно поражены смертію (Дѣян. V, 1—10). *Ирода внезапу порази ангелъ Господень, зане не даде славы Богу и бывъ червьми изъяденъ издше* (Дѣян. XII, 23—24). Градъ Іерусалимъ, избивый пророки и каменіемъ побившій посланныя къ нему, и кровію Христа Сына Божія обагренный, совсѣмъ разоренъ, и чада его, т.-е. жители, остріемъ меча разбіены, какъ о томъ Самъ Христосъ съ плачемъ пророчествовалъ: *пріидутъ дніе на тя, Іерусалиме, и обложатъ врази твои острогъ о тебѣ, и обыдутъ тя, и разбіютъ тя и чада твоя въ тебѣ* (Лук. XIX, 43—44).

Но что въ книгахъ читаемъ, то и въ наши времена видимъ. Тѣ же страшные Божіи суды и нынѣ примѣчаемъ; тотъ же праведный его гнѣвъ и нынѣ на грѣшникахъ нераскаянныхъ является. Видимъ и слышимъ страшныя брани, и ужасныя и плача достойныя кровопролитія; столько тысячей падающихъ на брани, столько остающихся вдовъ, сиротъ, плачущихъ отцовъ и матерей, столько разоряемыхъ градовъ отъ иноплеменническаго оружія, отъ моровой язвы, отъ глада, труса и огня, столько внезапно восхищается беззаконниковъ и исходятъ отъ сего свѣта.

Все это суть слѣды праведнаго Божія суда и гнѣва, который беззаконниковъ нераскаянныхъ, яко огнь, поѣдаетъ.

Что имъ приключилося праведнымъ Божіимъ судомъ, того надобно ожидать и прочимъ нераскаяннымъ грѣшникамъ. Читаемъ въ благовѣстіи св. евангелиста Луки, что, когда нѣкіе пришли ко Христу и повѣдали Ему о галилеянахъ, которыхъ *кровь Пилатъ смѣси съ жертвами ихъ*, отвѣчалъ Христосъ и сказалъ: *мните ли, яко галилеяне сіи грѣшнѣйши паче всѣхъ галилеянъ бяху, яко тако пострадаша? Ни, глаголю вамъ: но аще не покаетеся, вси такожде погибнете* (Лук. XIII, 1—3). Отъ сихъ словъ Христовыхъ заключается, что и прочимъ грѣшникамъ нераскаяннымъ надобно ожидать такой же погибели, каковую на другихъ видятъ. *Уже бо и сѣкира при корени дерева лежитъ: всяко убо древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаемо бываетъ, и во огнь вметаемо* (Матѳ. III, 10). Отъ бывшихъ и бываемыхъ казней заключаемъ и о будущихъ, и отъ временныхъ о вѣчныхъ примѣчаемъ. Будетъ грѣшникамъ ожесточеннымъ вѣчная казнь, будетъ геенна огненная, будетъ адъ, тьма кромѣшная, скрежетъ зубовъ; отринутся отъ лица Божія и царствія Его беззаконники. *Не льстите себѣ, ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни сквернители, ни малакіи, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татіе, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы, царствія Божія не наслѣдятъ,* написалъ св. апостолъ (1 Кор. VI, 9—10; Гал. V, 19—21). Христосъ возглаголетъ въ день праведнаго Своего суда грѣшникамъ: *идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его* (Матѳ. XXV, 41). (Изъ твор. св. Тихона Задонскаго).

4. Переходныя степени грѣховъ мысли въ грѣхи дѣла съ указаніемъ борьбы съ грѣхомъ.

Всякій грѣхъ рождается въ сердцѣ, въ видѣ нечистыхъ мыслей и пожеланій, зрѣетъ какъ сѣмя, а потомъ постепенно обнаруживается въ словахъ и дѣлахъ, какъ бы въ плодахъ.

Посему крайне важно знать всѣ переходные моменты грѣховъ мысли въ грѣхи дѣла и вмѣстѣ средство борьбы съ грѣховными мыслями, какъ съ сѣменами дурныхъ дѣлъ.

„Способъ образованія грѣха изъ мысли въ дѣло у св. отцевъ опредѣленъ съ точностію, и съ точностію опредѣлена виновность каждаго въ семъ ходѣ дѣла момента, говоритъ современный великій учитель духовной жизни, въ Бозѣ почившій затворникъ—епископъ Ѳеофанъ. Весь ходъ дѣла изображается такъ: сначала бываетъ *прилогъ,* далѣе *вниманіе,* потомъ *услажденіе,* за нимъ *желаніе,* изъ него *рѣшимость,* и, наконецъ, *дѣло* (См. Филоѳея синайскаго, „Добротолюбіе". Т. 3, гл. 34 и дал.). Чѣмъ далѣе какой моментъ отъ исхода и чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ онъ значительнѣе, развратнѣе и грѣшнѣе. Верхъ виновности—въ дѣлѣ, и ея почти нѣтъ въ прилогѣ".

Вотъ какъ изображаетъ преосвященный Ѳеофанъ - затворникъ означенные моменты:

Прилогъ есть простое представленіе вещи, отъ дѣйствія ли чувствъ или отъ дѣйствія памяти и воображенія представшей нашему сознанію. Здѣсь нѣтъ грѣха, когда рожденіе образовъ не въ нашей власти. Иногда, впрочемъ, посредственно переходитъ сюда виновность, когда, напримѣръ, образъ соблазнительный вспадаетъ на мысль по причинѣ допущеннаго позволенія на мечты. Нерѣдко и самодѣятельно вызывается образъ, тогда по качеству его сіе дѣло становится грѣхомъ, ибо человѣкъ обязанъ держать умъ свой въ вещахъ божественныхъ.

Вниманіе есть установленіе сознанія или ока ума на родившемся образѣ съ тѣмъ, чтобъ посмотрѣть его, какъ бы побесѣдовать съ нимъ. Это есть медленіе въ помыслѣ единичномъ или многосложномъ. Сіе дѣйствіе во власти человѣка, ибо родившійся противъ воли образъ можно тотчасъ изгнать. Потому оно и болѣе виновно. Кто внутренно смотритъ на преступный предметъ, тотъ обличаетъ худое настроеніе сердца. Онъ походитъ на того, кто въ чистый жилой покой вводитъ нечистое животное, или вмѣстѣ съ честными гостями сажаетъ отвратительнаго нечестивца. Вообще этотъ моментъ очень важенъ въ нравственной жизни: *онъ стоитъ на переходѣ къ дѣламъ.* Кто прогналъ помыслы, тотъ погасилъ всю брань, прекратилъ все производство грѣха. Потому и совѣтуется все вниманіе обращать на помыслы, съ ними воевать.

Услажденіе есть приложеніе къ предмету вслѣдъ за умомъ и сердца. Оно приходитъ, когда, вслѣдствіе вниманія къ предмету, онъ начинаетъ намъ нравиться, и мы находимъ удовольствіе въ умномъ смотрѣніи на него, лелѣемъ его въ мысли. Услажденіе грѣховными предметами есть уже прямо грѣхъ, ибо если сердце наше должно быть предано Богу, то всякое его сочетаніе съ другими предметами есть нарушеніе вѣрности Ему, разрывъ союза, измѣна, духовное прелюбодѣяніе. Должно сердце свое хранить въ чистотѣ, потому что изъ-за него помышленія ума становятся злыми (Матѳ. XV, 18), когда, то-есть, оно начинаетъ услаждаться ими беззаконно. Во многихъ, впрочемъ, случаяхъ услажденіе вырывается необходимо или неудержимо. Тутъ одно правило: не соизволяй, отринь, вознегодуй.

Отъ услажденія одинъ шагъ до желанія. Отличіе между ними то, что душа услаждающаяся пребываетъ въ себѣ, напротивъ, желающая склоняется къ предмету, имѣетъ къ нему стремленіе, начинаетъ искать его. Оно никакъ не можетъ быть безвиннымъ, ибо совершается *согласіемъ* или рождается современно съ нимъ, какъ бы изъ подъ него, согласіе же всегда въ нашей волѣ.

Отъ желанія еще одною чертою отличается рѣшимость, именно, тѣмъ, что въ составъ или въ условіе рожденія ея входитъ увѣренность въ возможности и видѣніе средствъ. Желающій изрекъ согласіе на дѣло, но еще ничего не придумалъ и не предпринималъ къ достиженію своей цѣли; у рѣшившагося все уже осмотрѣно и рѣшено, остается только приводить въ движеніе члены тѣла или другія силы для соотвѣтственнаго производства дѣлъ.

Когда же, наконецъ, и это будетъ совершено, тогда кончается все дѣлопроизводство грѣха и является дѣло,—плодъ развращенія, зачатаго внутри и родившаго беззаконіе во внѣ.

Послѣ услажденія такъ быстро стремленіе къ дѣлу, какъ паденіе тяжкаго камня по крутому скату. Посему-то общее правило: *бори и гони помыслы, пока еще ими не уязвлено сердце, ибо тогда очень трудна, если не невозможна, побѣда.*

Въ главнѣйшемъ ходѣ образованія грѣха замѣтно, какъ одна за другою силы человѣка сквернятся грѣхомъ. Послѣ того, какъ въ услажденіи осквернено сердце, въ желаніи оскверняется воля, въ рѣшимости, чрезъ изобрѣтеніе средствъ, становится причастникомъ сей скверны и разсудокъ; въ дѣлѣ, наконецъ, и самыя силы тѣла проникаются грѣхомъ: и сталъ весь человѣкъ грѣшенъ. (См. кн. „Начертаніе христ. нравоученія“, еп. Ѳеофана, Москва. 1891 г., стр. 152—157).

Необходимо поэтому побѣждать грѣхъ въ самомъ зародышѣ.

Съ чего начинается этотъ нелегкій и не кратковременный подвигъ? Прежде всего, съ живого убѣжденія, что начало его принадлежитъ Богу. Если бы Богъ не началъ за насъ великой брани со грѣхомъ, который при первомъ нападеніи одержалъ страшную побѣду надъ нами въ раю, плѣнивъ въ нашихъ прародителяхъ все ихъ потомство; если бъ Господь Спаситель не одержалъ побѣды надъ адомъ, измыслившимъ грѣхъ, и грѣхомъ, которымъ силенъ былъ надъ нами адъ; если бы благодать Божія не сотворила изъ насъ воинства Христова подъ знаменемъ Христовой церкви, не облекла насъ силою своихъ даровъ: кто бы изъ насъ могъ сдѣлать успѣшно хотя одинъ шагъ въ брани противъ цѣлаго царства грѣха? Если бы и въ каждомъ изъ насъ благодать Божія не полагала начала обращенія и покаянія, Богъ вѣдаетъ, когда бы мы сами положили, и положили ль бы когда-нибудь, это начало. Весь нашъ трудъ, если бъ и былъ онъ, ограничивался бы тѣмъ только, что мы, грѣша, осуждали бы себя и подъ вліяніемъ мученій совѣсти разсуждали о борьбѣ со грѣхомъ. Но все это были бы только праздныя слова, чуждыя силы, доколѣ Господь Своею благодатію не сокрушитъ сердца нашего, не откроетъ очей нашихъ, чтобы мы въ себѣ самихъ увидѣли живущій и царствующій грѣхъ, не возбудитъ отвращенія и ненависти ко грѣху, которымъ мы сами одержимы. Къ Нему-то, Сердцевѣдцу и Подвигоположнику нашему, надобно, прежде всего, прибѣгать съ усильною и непрерывною мольбою о помощи. Прочти въ словѣ Божіемъ, какъ велико зло—грѣхъ, однимъ только вкушеніемъ плода запрещеннаго затворившій для человѣка двери рая и неба, отравившій все человѣчество, заразившій весь міръ, — и въ страхѣ припадай ко Господу съ молитвою: Господи, помилуй! Присмотрись къ подвигамъ святыхъ Божіихъ, указуемымъ словомъ же Божіимъ и въ писаніяхъ церковныхъ, исчисли эти десятки лѣтъ, которые проводили они въ пустыняхъ и отшельническихъ обителяхъ, измѣрь тяжесть этихъ подвиговъ постничества, самоумерщвленія, слезнаго покаянія, которые они несли въ продолженіи цѣлой жизни, борясь со грѣхомъ: это подавитъ въ тебѣ лукавую мысль, будто для успѣшной борьбы со грѣхомъ не нужно усилій особенныхъ, и ты въ страхѣ и трепетѣ припадешь ко Господу съ молитвою: Господи, помилуй! Посмотри вокругъ себя, прослѣди, много ли осталось въ тебѣ и въ твоей дѣятельности не зараженнаго ядомъ грѣха, не запечатлѣннаго погибельною печатію самоугодія, тщеславія, сластолюбія, любостяжанія, человѣкоугодничества; присмотрись, сколько въ каждую минуту возникаетъ разнообразныхъ искушеній въ тебѣ самомъ, сколько приносятъ къ тебѣ соблазновъ твой глазъ, ухо, чрево, сколько поводовъ ко грѣху представляютъ тебѣ твои отношенія и занятія домашнія, твои дѣла общественныя, книги, какія ты читаешь, люди, съ которыми бесѣдуешь, или, вѣрнѣе, празднословишь: какъ затрепещетъ въ тебѣ душа твоя, видя себя среди столькихъ сѣтей, и какъ глубоко отдастся въ ней молитвенный вопль ко Господу: Господи, помилуй! Какъ часто, среди занятій и развлеченій, изъ сердца, а можетъ-быть и съ устъ, будетъ исходить у тебя слезная мольба: Господи, помилуй! Храни, питай, продолжай, повторяй день и ночь эту мольбу и не прекращай ея, доколѣ Господь услышитъ тебя и придетъ на помощь душѣ твоей...

Привлеченная молитвою спасительная сила благодати Божіей, войдя въ душу, какъ свѣтъ и жизнь, тотчасъ начинаетъ свое дѣло... Намъ останется на этотъ разъ благоговѣйно хранить даръ Божій и покорно слѣдовать указаніямъ Божіей силы. Благодать озаритъ душу, — и человѣкъ, какъ будто осіянный молніею, вдругъ усматриваетъ около себя столько опасностей, столько зла, что ему уже становится не до другихъ грѣшниковъ: „я первый изъ грѣшниковъ, вопіетъ онъ въ трепетѣ, я погибаю!“ Благодать согрѣетъ душу, возгорится огнь пробужденной совѣсти подъ вліяніемъ теплоты благодатной и начнетъ жечь душу горькими укорами, непрестанными укорами въ безчисленныхъ грѣхахъ, которые уже содѣланы, которые уже давно лежатъ на душѣ, хотя доселѣ и не примѣчались; растаетъ подъ лучами благодати, какъ воскъ подъ огнемъ, окаменѣлое сердце и станетъ стенать о потерянной невинности души, о погубленныхъ дарахъ Божіей милости, — вспомнитъ страшную правду Бога карающаго — и будетъ горько стенать и рыдать; вспомнитъ безпредѣльную благость Бога милующаго — и еще горче будетъ стенать и рыдать въ цѣлительной скорби о грѣхѣ, удалившемъ насъ отъ безпредѣльнаго въ благости Господа нашего! О, какъ ненавистенъ становится для человѣка въ такія минуты грѣхъ, какъ горячо искреннее желаніе борьбы съ нимъ! Здѣсь-то собственно начало брани со грѣхомъ. Такія благодатныя посѣщенія бываютъ у всякаго, такъ какъ всякому человѣку Богъ хочетъ спастися и въ разумъ истины пріити. Только у иного они бываютъ раньше, у другого позже; у одного внезапно и какъ бы случайно, у другого въ дни, когда можно скорѣе ожидать ихъ, въ дни покаянія, среди молитвы, послѣ причащенія; у иного въ дни скорбей и лишеній, когда душа, удрученная скорбію, бываетъ способнѣе къ воспріятію дѣйствій благодати и къ печали, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлывающей; у однихъ бываютъ чаще, но короче, у другихъ рѣже, но продолжительнѣе. Каково бы, однако жъ, ни было то посѣщеніе благодати, которымъ тебя собственно хочетъ Богъ исправить и спасти, во всякомъ случаѣ долгъ твой одинаковъ. Слѣди за состояніемъ души, чтобы не пропустить безъ вниманія минуты озаренія благодати, о которой молитвенно вопіешь къ Богу. Дай полную свободу дѣйствію благодати, когда она посѣтитъ тебя, отдай себя на волю благодати, когда, подъ вліяніемъ ея, объемлетъ тебя страхъ и трепетъ, возникаетъ въ тебѣ истинное сокрушеніе; бѣги въ эти минуты развлеченій внѣшнихъ, пребывая въ молитвенномъ собесѣдованіи съ посѣтившимъ тебя Господомъ; поддерживай сокрушеніе, зарождаемое въ сердцѣ дѣйствіемъ благодати. Попроси духовнаго отца твоего до глубины раскрыть тебѣ твои духовныя язвы, всю тяжесть виновности твоей предъ Богомъ, всю гибельность прежней твоей грѣховной жизни. Когда первою мыслію твоей души будетъ: „я грѣшникъ“, — когда сердце твое будетъ скорбѣть отъ непрестанныхъ воздыханій: „я погибшій грѣшникъ, если Господь не спасетъ меня“, тогда можно сказать, что въ тебѣ есть уже начало покаянія и исправленія, начало благонадежной борьбы со грѣхомъ.

Но — только еще начало, за которымъ долженъ слѣдовать новый трудъ, подъ вліяніемъ и при помощи благодати, „Не люблю грѣха; не хочу грѣшить“ — сказать не трудно, но такъ ли легко заставить замолчать свое самолюбіе и самоугодіе, преодолѣть чувственность, пріобрѣтшую силу отъ грѣховной жизни, отъ суеты вѣка, глубоко приразившейся къ душѣ? Доселѣ я обходился съ собою, какъ мать съ своимъ единственнымъ младенцемъ, предупреждая желанія, дѣлая всякое угожденіе себѣ, всячески стараясь обезопасить свой покой: какъ теперь подниму руку на все это? начну мучить себя лишеніями, къ которымъ не привыкъ? Плоть моя, пусть и враждующая противъ стремленій духа, есть моя же плоть: чувство лишеній, на которыя обреку ее, не будетъ ли болѣзненно открываться въ самой душѣ, доселѣ столько заботившейся о покоѣ и благосостояніи внѣшнемъ, не будетъ ли затруднять души въ ея, и безъ того трудной, борьбѣ съ собою? Міръ, конечно, чуждъ мнѣ останется, когда я умру, измѣнитъ, можетъ-быть, прежде, чѣмъ я умру, но — все же я въ мірѣ; какъ отдѣлюсь отъ него? что скажутъ, что подумаютъ люди, съ которыми связанъ и живу, которые, можетъ-быть, живутъ не лучше, но и не хуже меня, и будутъ смотрѣть на меня, какъ на живой упрекъ имъ, или, что еще хуже, будутъ съ мучительнымъ соболѣзнованіемъ смотрѣть, какъ на больного, жалѣть, какъ о потерянномъ, утѣшать, какъ несчастнаго, потерявшаго смыслъ человѣческій?.. Такія колебанія и сомнѣнія весьма легко могутъ охладить не утвердившуюся въ рѣшимости душу. Что дѣлать? Уступить имъ? Но въ такомъ случаѣ надобно рѣшиться выйти опять на прежній погибельный путь, съ тою противъ прежняго порядка разностію, что душа, уже озарившаяся однажды свѣтомъ благодати, не можетъ оставаться во грѣхѣ безчувственно-покойною. Противиться? Но какъ?.. Ничего нѣтъ труднаго здѣсь, воспомоществуемый благодатію ратникъ Христовъ, какъ ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что сатана усиливается удержать тебя всячески въ своей власти. Продолжай, усиливай молитвенные вопли ко Господу, а между тѣмъ, не щадя ни себя, ни облегчающихъ тебя обманчивыхъ призраковъ, разоблачай разумомъ, при помощи слова Божія, подъ руководствомъ твоего духовнаго отца, увлекающіе тебя соблазны. Предъ тобою рисуется картина жизни временной со всеми грѣховными удобствами и удовольствіями плоти и міра: противопоставляй ей другую картину, картину истинной и существеннѣйшей дѣйствительности, образъ смерти, страшнаго суда, вѣчной муки въ геенскомъ огнѣ. Сила благодати дастъ жизнь твоимъ умопредставленіямъ, и ты скоро увидишь, какъ сами собою будутъ становиться ненавистными для тебя узы, въ которыхъ держится оживающая твоя душа. Скажи однажды навсегда грѣху: „я врагъ твой“,—и при каждомъ искушеніи говори каждому лукавому помыслу: „я врагъ твой“.

Съ теченіемъ времени, изъ чувства сокрушенія, первоначально возбуждаемаго благодатію, и изъ колебанія души, затрудняющейся въ подвигѣ самоотреченія, возникнутъ новыя затрудненія для души. Начнутся наущенія діавола: „куда тебѣ, такому грѣшнику, приниматься за подвиги? гдѣ уже вознаградить тебѣ то зло, какое ты сдѣлалъ? а что, если не выдержишь подвига и опять возвратишься на прежнія стези, не горшему ли подвергнешься осужденію? не лучше ли уже итти своимъ путемъ, доколѣ въ состояніи будешь разомъ отказаться отъ грѣха?“ Начнутся вопли плоти: „еще одинъ день, хоть одинъ день, дай мнѣ! Успѣешь еще подумать о спасеніи! По-немножку отлагай пріобрѣтенные навыки, нельзя же всего сдѣлать вдругъ! Пощади себя, иначе не станетъ у тебя силы вынести въ одинъ разъ всю тяжесть подвига!“ И это опять будетъ приражаться къ душѣ не однажды, не дважды. Можетъ-быть, годы пройдутъ, пока замолкнутъ всѣ эти соблазны и искушенія. Что дѣлать? Молиться, терпѣть и стоять на своемъ! Видишь, что жить во грѣхѣ страшно, умереть еще страшнѣе. Надобно положить конецъ грѣховной жизни; надобно предупредить неизбѣжный, но неизвѣстный, — можетъ-быть, уже очень близкій, — часъ перехода туда, гдѣ можно найти только вѣчность — или жизнь вѣчную, или смерть вѣчную, муку вѣчную. Томится бѣдная душа твоя, колеблющаяся еще между рѣшимостью исправиться и влеченіемъ къ привычному грѣху; болѣзненно ноетъ сердце, отъ сладости грѣха отрекающееся, къ сладости спасенія только еще стремящееся; скорбитъ и страдаетъ очищаемое внутреннимъ огнемъ душевнаго сокрушенія тѣло, привыкшее къ гибельному покою, къ нечистымъ наслажденіямъ, къ плотскому порядку жизни. Перетерпи это томленіе, болѣзнь, скорбь, препобѣждай одно за другимъ, — по одиночкѣ не тяжело, — возникающія искушенія; минуту за минутой переживай въ борьбѣ съ минутными движеніями остатковъ зла. Господь уже простираетъ къ тебѣ Свои объятія; каждую слезу твою видитъ, каждый вздохъ слышитъ, каждое усиліе борьбы съ собою запечатлѣваетъ въ книгѣ живота, какъ подвигъ, какъ заслугу, имѣющую все значеніе добраго, богоугоднаго дѣла, какъ одно изъ дѣлъ одного святого труда — очищенія души для Бога. Иди къ Нему: что не докончено, Онъ довершитъ; чего ты не сможешь, Онъ поможетъ тебѣ. Молись Ему, Онъ не дастъ тебѣ возвратиться вспять. На Него надѣйся и — терпи.

Но — не конецъ еще слову о брани, которая длится вмѣстѣ съ жизнью и оканчивается только тамъ—въ царствѣ вѣчной славы.

Когда почувствуешь миръ въ душѣ, пріосѣненной благодатію Божіей, не думай, чтобы уже оконченъ былъ трудъ борьбы. Измѣнится нѣсколько видъ брани, когда добрая рѣшимость противиться грѣху проложитъ благодати путь къ твоему сердцу, и благодать изгонитъ изъ сердца заложниковъ вражескихъ. Діавольскіе навѣты будутъ приражаться отвнѣ, издалека, въ видѣ отдѣльныхъ одно отъ другого искушеній. Но здѣсь-то и нужно особенно беречь себя. Одна уступка грѣху — и всѣ прежніе пороки возвратятся съ сугубою силою и повлекутъ смущенную душу на распутія грѣха, усиленною злобою мстя за прежнее пораженіе. Одна уступка лукавому духу— и онъ завладѣетъ душою, какъ хищный врагъ, который тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ будетъ мучить свою добычу, чѣмъ больше озлобленъ былъ прежде потерею. Одна минута забвенія Бога — и благодать, уже оскорбленная, отступитъ отъ сердца, и снова начнется у грѣшника трудъ безуспѣшной борьбы, и снова ему нужно начинать прежній подвигъ, въ началѣ тяжелый и мучительный.

Примѣни къ себѣ порядокъ отшельнической жизни, добрый ратоборецъ Христовъ, стяжавшій уже ненависть ко грѣху, вкусившій сладость побѣды надъ нимъ, рѣшившійся на подвигъ спасенія души и уже имѣющій отрадныя надежды на успѣхъ. Сдѣлай свой домъ похожимъ на обитель благочестія; прегради въ него входъ мірской суетѣ и молвѣ, соблазнительнымъ прихотямъ, празднымъ и безпечнымъ людямъ. Когда нужно войти въ столкновеніе съ людьми и дѣлами житейскими, огради себя стражею вниманія къ себѣ, *познавая, яко посредѣ сѣтей минуеши и по забраломъ града ходиши* (Сир. IX, 18). Сдерживай глазъ, ухо и языкъ свой, да не разсѣевается душа по соблазнамъ, приражающимся отвнѣ, держась внутри, какъ въ крѣпости, за постояннымъ дѣломъ—молитвы къ Богу. Повѣряй свою совѣсть каждый день, выбрось наружу затаившееся съ сердцѣ зло, повѣдавъ свою бѣду своей женѣ, своему другу, своему духовнику. Съ каждымъ опытомъ покаянія будетъ возрастать ненависть ко грѣху, усиливаться навыкъ слѣдить за собою, умножаться мудрость духовно-житейская. Случилось паденіе? Отбрось свое самолюбіе; вмѣсто того, чтобы безплодно укорять себя, спѣши скорѣй къ духовному отцу своему и повѣдай ему грѣхъ свой. Не все погибло еще, возлюбленное чадо любви Божіей, или лучше, ничего еще не потерялъ ты, если поспѣшилъ прибѣгнуть подъ кровъ милосердія Божія. Плачь предъ Богомъ твоимъ, моли Человѣколюбца, да исцѣлитъ рану души твоей, теплѣе моли Его о помощи, усильнѣе зови Его къ себѣ на помощь. Не замедлитъ помощь, не отречется отъ тебя Тотъ, Кто положилъ за грѣхи твои душу Свою. Кайся, молись и еще больше люби Его, — кому много отпущено, тотъ больше любитъ, — и въ любви трудись въ дѣлахъ богоугожденія больше, чѣмъ прежде, съ бо́льшимъ усердіемъ, какъ добрый сынъ, случайно провинившійся предъ отцомъ и усиливающійся вознаградить проступокъ, возвратить прежнюю любовь отеческую. (Извлеч. въ сокращ. изъ кн. „Минуты уединенн. размышл. христ.“ еписк. Кирилла, изд. 1856 г.).

5. Покаемся!

Для согрѣшившихъ по святомъ крещеніи едина надежда осталась—истинное покаяніе. Слава Богу о семъ, слава Богу, еще мы не погибли. Грѣшники! еще осталась надежда для насъ, еще щедроты Божіи не скончались, еще покаяніе грѣшникамъ проповѣдуется, еще милость Царя небеснаго вездѣ благовѣствуется, еще двери милосердія не затворены, еще благодать Божія всѣмъ доступна, еще евангеліе и Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, проповѣдуется, еще царствіе Божіе возвѣщается, еще кающіеся грѣшники спасаются, и мытари и любодѣи, очистившіеся покаяніемъ, входятъ въ царствіе Божіе; еще Богъ милосердый всѣхъ отвратившихся къ Себѣ призываетъ и ожидаетъ, и обѣщаетъ милость; еще Отецъ человѣколюбивый пріемлетъ блудныхъ сыновъ, отъ страны дальней возвращающихся, и отверзаетъ имъ двери дома Своего, и въ первую облекаетъ ихъ одежду, и даетъ перстень каждому на руку, и сапоги на ноги, и всей церкви Своей святой велитъ радоватися о нихъ: радуйтеся, ангелы и всѣ избранники Мои! Грѣшники ко Мнѣ обращаются, человѣки, созданіе Мое, по образу Моему и по подобію сотворенное, грѣшники погибшіе спасаются, мертвые оживляются, погибшіе обрѣтаются. Слава благости Его, слава человѣколюбію Его, слава милосердію Его, слава щедротамъ Его! Бѣдные грѣшники! что же мы медлимъ въ дальней странѣ и не идемъ ко Отцу нашему? что гладомъ гибнемъ? что беззаконіями, аки рожцами, питаемся? Въ дому Отца нашего всякое изобиліе есть, тамъ и наемники до избытка насыщаются. Съ великимъ усердіемъ и желаніемъ ждетъ насъ Отецъ нашъ, и возвращающихся къ Нему издалеча любезно увидитъ насъ, и милосердыми очами воззритъ на насъ, и милы будемъ Ему, и грѣховъ нашихъ и беззаконій нашихъ не помянетъ ктому, и начнутъ о насъ радоваться и веселиться всѣ святые ангелы и избранные Его. Пріидемъ же въ себя, и возставши пойдемъ и поспѣшимъ ко Отцу нашему, и пусть каждый изъ насъ скажетъ Ему со смиреніемъ и жалѣніемъ: *Отче! согрѣшихъ на небо и предъ Тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ Твой; сотвори мя яко единаго отъ наемникъ Твоихъ!..* Поспѣшимъ, поспѣшимъ, грѣшники, пока время не ушло, пока Отецъ ждетъ, пока двери дома Его святого не затворены. Покаемся, пока милосердіе Божіе дѣйствуетъ, да не познаемъ на себѣ дѣло правды Божіей— вѣчнаго суда! Аминь. (Изъ твореній святителя Тихона задонскаго).

6. О епитиміяхъ.

Епитимія значитъ *наказаніе* (2 Кор. II, 6), опредѣляемое за грѣхи по церковнымъ правиламъ для уврачеванія нравственныхъ недуговъ, или короче: епитимія есть духовное врачевство, приличное недугу[1]. Духовнымъ врачевствомъ называется епитимія не потому, чтобы ограничивалась всегда только духовными средствами, но потому, что она назначается духовными лицами, по духовному закону евангельскому, и для достиженія духовныхъ цѣлей, для освобожденія грѣшника отъ грѣховъ. Въ этомъ смыслѣ епитиміями называются особенно назначаемыя благочестивыя упражненія и нѣкоторыя лишенія, служащія къ исправленію грѣшника, каковы, напримѣръ, молитва, соединяемая съ поклонами, особенный постъ, подаяніе милостыни, за тяжкіе грѣхи отлученіе отъ причастія святыхъ таинъ на опредѣленное время.

Епитиміи ведутъ свое начало отъ самого основателя и главы церкви, Іисуса Христа. Право налагать епитиміи, данное св. апостоламъ и преемникамъ ихъ, заключается въ словахъ Спасителя: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси; и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ* (Матѳ. XVIII, 18); *имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ; и имже держите, держатся* (Іоан. XX, 23).

Такъ какъ право вязать или не отпускать грѣхи Христосъ далъ апостоламъ, то употребленіе этой власти встрѣчаемъ еще въ церкви апостольской. Примѣръ такого наказанія видимъ въ посланіяхъ апостола Павла въ коринѳянамъ. Въ первомъ посланіи къ коринѳянамъ (V, 1—5) св. Павелъ, обличая равнодушіе и безпечность коринѳскихъ христіанъ объ искорененіи зла, когда слышно стало о появившемся между ними страшномъ беззаконіи, *яковоже,* по слову апостола, *ни во языцѣхъ именуется, яко нѣкоему имѣти жену отчую,* произноситъ судъ на кровосмѣсителя: *зане азъ убо аще не у васъ сый тѣломъ, ту же живый духомъ, уже судихъ, яко тамо сый, содѣявшаго сице сіе, о имени Господа нашего Іисуса Христа, собравшимся вамъ и моему духу, силою Господа нашего Іисуса Христа предати таковаго сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется въ день Господа нашего Іисуса Христа.* Въ этихъ словахъ апостолъ изрекаетъ такое опредѣленіе: „беззаконника отлучить отъ церкви, чтобы онъ, изверженный изъ ограды церкви, подвергся тяжкому вліянію діавола на его тѣло и чрезъ то вразумился и обратился на путь спасенія“. Такая тяжкая епитимія не напрасно была положена: беззаконникъ раскаялся и оставилъ беззаконіе. Потому апостолъ во второмъ посланіи къ коринѳской церкви писалъ, чтобы, внявъ раскаянію отлученнаго отъ церкви, простили его, приняли въ любовь свою и тѣмъ утѣшили, дабы иначе онъ не былъ поглощенъ чрезмѣрною печалію (2 Кор. II, 6—8).

Апостолъ Павелъ ученику своему, ефесскому епископу Тимоѳею, давалъ такое наставленіе: *согрѣшающихъ предъ всѣми обличай, да и прочіи страхъ имутъ* (1 Тим. V, 20). Ап. Іуда писалъ: *овѣхъ убо милуйте разсуждающе; овѣхъ же страхомъ спасайте, отъ огня восхищающе* (ст. 22—23).

Послѣдуя ученію Іисуса Христа, церковь Христова и послѣ апостоловъ, руководствуясь примѣромъ и наставленіями апостольскими, во всѣ времена употребляла епитиміи, для блага членовъ своихъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ отцы и учители второго, третьяго и четвертаго христіанскаго вѣка, какъ св. Ириней, Тертулліанъ, св. Кипріанъ. Постановленія о епитиміяхъ читаемъ въ правилахъ апостольскихъ. Много правилъ о нихъ оставили св. Василій Великій, Григорій нисскій и другіе св. отцы и учители церкви; многое также постановлено объ этомъ на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ.

Св. церковь, какъ мудрая, чадолюбивая мать, заботясь о спасеніи чадъ своихъ, не всегда одинаково дѣйствовала по отношенію къ согрѣшающимъ и падающимъ членамъ своимъ, но иногда поступала строже, иногда снисходительнѣе, иногда употребляла однѣ мѣры наказанія грѣшниковъ, иногда другія, смотря потому, какія въ извѣстное время и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, оказывались болѣе надежными для достиженія цѣли. Впрочемъ, церковь всегда имѣла въ виду одинаковыя намѣренія при употребленіи епитимій и всегда побуждаема была къ сему попеченіемъ о спасеніи чадъ своихъ.

---

[1] Вселенск. собор. VI прав. 101.

Кто изъ насъ не знаетъ, какъ важны и необходимы наказанія въ жизни семейной и общественной? Какъ часто наказанія бываютъ наилучшимъ средствомъ для уврачеванія нравственныхъ болѣзней не только въ дѣтяхъ, но и во многихъ совершеннолѣтнихъ, требующихъ, впрочемъ, попеченія и руководства не менѣе, чѣмъ дѣти? Какъ нерѣдко на дѣтей и не на дѣтей наказанія дѣйствуютъ благотворнѣе многихъ совѣтовъ и убѣжденій? Да и что было бы съ обществами человѣческими, если бы наказанія и страхъ наказаній не обуздывали гибельнаго своеволія страстей человѣческихъ?

То же надобно сказать и о епитиміяхъ: онѣ необходимы для благоустройства церкви, которая, подобно другимъ обществамъ, состоитъ изъ членовъ разныхъ духовныхъ возрастовъ и разныхъ совершенствъ. Въ церкви нужны также своего рода наказанія, соотвѣтствующія духу сего общества: для однихъ они служатъ врачевствомъ отъ болѣзней, а другихъ предохраняетъ отъ такихъ болѣзней самый страхъ наказаній.

Это видѣли вы въ показанномъ выше примѣрѣ. Апостолъ Павелъ оказавшемуся въ коринѳской церкви кровосмѣсителю, съ апостольскою властію, назначаетъ тяжкое наказаніе, опредѣляетъ отлучить его отъ общества вѣрующихъ, *предать сатанѣ во изможденіе плоти*. Но, изрекая свое опредѣленіе о наказаніи грѣшника, апостолъ въ то же время имѣлъ въ виду исправленіе его и возвращеніе на путь спасенія, заповѣдалъ наказать виновнаго, *да духъ спасется въ день Господа нашего Іисуса Христа* (1 Кор. V, 5). И употребленная мѣра наказанія достигла своей цѣли такъ, что самъ назначившій наказаніе писалъ коринѳской церкви простить наказаннаго и тѣмъ утѣшить его, чтобы не былъ онъ поглощенъ чрезмѣрною печалію (2 Кор. II, 7).

Такъ, апостолъ Павелъ писалъ къ солунянамъ, чтобы они не сообщались съ тѣмъ, кто не повинуется его слову, и чрезъ это хотѣлъ устыдить его: *аще кто не послушаетъ словесе нашего, не примѣшайтеся ему, да посрамится* (2 Солун. III, 14).

Обыкновенныя наказанія въ обществахъ употребляются не только для исправленія виновныхъ, но и для предохраненія невинныхъ отъ пороковъ. Равнымъ образомъ и въ церкви открытыя епитиміи издревле употреблялись какъ для исправленія согрѣшающихъ, такъ и для предостереженія другихъ отъ подобныхъ грѣховъ. Это видимъ мы въ словахъ апостола Павла къ св. Тимоѳею: *согрѣшающихъ предъ всѣми обличай, да и прочіи страхъ имутъ* (1 Тим. V, 20).

Такъ и нынѣ дѣйствуетъ церковь. Подъ ея руководствомъ, духовные пастыри иногда, снисходя человѣческимъ немощамъ, нетяжкіе грѣхи искренно кающихся разрѣшаютъ безъ епитимій, иногда же за тайные грѣхи налагаютъ и тайныя епитиміи; а чьи грѣхи явны и соблазняютъ другихъ членовъ церкви, таковыхъ подвергаютъ и явной епитиміи предъ церковію, *да и прочіи страхъ имутъ,* дабы и другіе боялись грѣха, какъ гибельной язвы, и, страшась посрамленія предъ лицомъ церкви, страшились грѣховъ, подвергающихъ сему посрамленію, и тѣмъ спасались отъ вѣчнаго осужденія.

При этомъ обратите вниманіе на самое свойство епитимій, обыкновенно налагаемыхъ на грѣшниковъ для ихъ исправленія. Эти духовныя наказанія не только своею тяжестію смиряютъ грѣшника и заставляютъ его чувствовать виновность и зловредность грѣха, но и сами собою имѣютъ благотворное дѣйствіе на наказываемыхъ. Представимъ, напримѣръ, обыкновенные виды духовныхъ наказаній: молитву, постъ, подаяніе милостыни. Каждое изъ сихъ дѣйствій уже само по себѣ есть долгъ благочестиваго христіанина. Если нерадящему о молитвѣ духовный отецъ назначитъ въ наказаніе, на извѣстное время, особенное правило молитвъ, съ опредѣленнымъ числомъ земныхъ поклоновъ, то усердно исполняющій наложенную епитимію скоро увидитъ, что она есть собственно не наказаніе, а цѣлебное врачевство противъ его недуга; скоро испытаетъ и почувствуетъ сладость молитвы, подобно больному, который, по принятіи цѣлительнаго лѣкарства, чувствуетъ благотворность для своего здоровья. Какъ, чрезъ употребленіе лѣкарства, здоровье больного возстановляется и получаетъ естественную крѣпость, такъ и чрезъ исполненіе такой епитиміи грѣшникъ пріобрѣтаетъ благотворный навыкъ молиться Богу, навыкъ существенно необходимый для жизни по духу.

Или, пусть невоздержному человѣку отцомъ духовнымъ назначенъ на нѣкоторое время особенный постъ. Можетъ-быть, получившему такую епитимію сначала не легко будетъ соблюдать строгое воздержаніе, предписываемое правилами о постѣ. Но если эта епитимія будетъ принята и исполняема, какъ должно, то больной недугомъ невоздержанія скоро почувствуетъ цѣлебную силу поста; испытавъ же благотворность поста, охотно будетъ пользоваться имъ и, пользуясь довольное время, при помощи Божіей, пріобрѣтетъ навыкъ къ умѣренности и истинному воздержанію.

Или, пусть обладаемый страстію корыстолюбія, при искреннемъ сознаніи своего грѣха на исповѣди, получитъ отъ духовнаго отца епитимію подавать милостыню. Явно, что эта епитимія будетъ благонадежнымъ врачевствомъ противъ недуга корыстолюбія. Одержимый недугомъ сей страсти, съ благимъ расположеніемъ выполняя свою епитимію, то-есть, подавая милостыню, увидитъ, какое благо для души посредствомъ земныхъ, скоропреходящихъ сокровищъ собирать сокровище небесное, не ветшающее, вѣчное; увидитъ, какое заблужденіе зарывать земной талантъ въ землю, чтобы потерять вмѣстѣ съ нимъ и свою безсмертную душу, а не сберегать ее для жизни вѣчной посредствомъ правильнаго употребленія ввѣреннаго таланта.

Такова важность епитимій, или духовныхъ врачеваній! Онѣ получили начало отъ Самого Господа вмѣстѣ съ установленіемъ таинства покаянія, и отъ апостольскихъ временъ до нынѣ были употребляемы церковію и употребляются для исправленія грѣшниковъ и для предостереженія другихъ отъ подобныхъ грѣховъ. Видите, какъ благотворны епитиміи!

Поэтому, братія, когда духовный отецъ на исповѣди признаетъ нужнымъ наложить на кого извѣстную епитимію, соотвѣтствующую его недугу, не только не должно отвергать ее, но надобно съ благоговѣніемъ принимать и въ точности исполнять по слову назначившаго. Какъ больной, ища лѣкарства у врача, не долженъ отвергать или измѣнять по произволу предписанное лѣкарство, такъ и грѣшнику надобно благопокорливо пользоваться предлагаемыми средствами къ уврачеванію грѣховныхъ болѣзней, и никто не долженъ измѣнять или оставлять безъ исполненія наложенной епитиміи, вопреки воли того, кѣмъ она была назначена. Какъ исповѣданіе грѣховъ приносится предъ Самимъ Господомъ Спасителемъ, невидимо предстоящимъ, ибо священникъ есть только посредникъ между Богомъ и кающимся грѣшникомъ, такъ и епитимію надобно принимать и исполнять съ благоговѣніемъ къ Самому Господу. Неся духовное наказаніе, не о томъ надобно заботиться, чтобы скорѣе освободиться отъ него, но о томъ, чтобы совершеннѣе исполнить свой долгъ и отъ исполненія получить обильнѣйшую пользу для души, при содѣйствіи благодати Христа Спасителя нашего. („Изъ „Бесѣд. пр. Евсевія, архіепископа могилевскаго“).

НЕДѢЛЯ 3-я ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Еванг. отъ Марк. зач. 37-е, гл. VIII, 34—38 ст. IX, 1 ст.

1. Ученіе І. Христа о крестѣ Своихъ послѣдователей.

Однажды, подозвавъ народъ съ учениками Своими, І. Христосъ сказалъ всѣмъ: „если кто хочетъ итти за Мною, отвергнись себя“ (не думай о себѣ и о своихъ выгодахъ), „каждый день бери крестъ свой“ (переноси непріятности, огорченія и несчастія, которыя безъ твоей вины падаютъ на тебя) „и слѣдуй за Мною“. „Потому, что кто хочетъ душу (жизнь) свою сберечь, тотъ потеряетъ блаженную жизнь въ вѣчности, а кто не пощадитъ души (жизни) своей ради Меня и евангелія, тотъ спасетъ ее и обрѣтетъ блаженную жизнь. А что пользы человѣку, если бы онъ и цѣлый міръ пріобрѣлъ, душѣ же своей повредилъ, и себя самого погубилъ? и какой выкупъ могъ бы дать человѣкъ за душу свою? Потому что, если кто постыдится Меня и Моихъ словъ среди этого прелюбодѣйнаго и грѣшнаго рода, того и Сынъ человѣческій постыдится въ Свое пришествіе. А Онъ пріидетъ во славѣ Своей и Отца Своего со Своими святыми ангелами, и тогда воздастъ каждому по дѣламъ его“.

Слушая это, многіе, естественно, могли подумать (и вѣроятно думали), что, проповѣдуя терпѣніе, лишенія, страданія, Іисусъ Христосъ не соберетъ Себѣ послѣдователей, а напротивъ, суровымъ ученіемъ отдалитъ отъ Себя и тѣхъ, которые теперь присоединились къ Нему, конечно, въ ожиданіи близкихъ выгодъ и почестей, да и Самъ едва ли прославится.

И Господь заключилъ Свою рѣчь словами: „истинно говорю вамъ: нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь не вкусятъ смерти, какъ уже увидятъ Сына человѣческаго, грядущаго въ царствіи Своемъ, и царствіе Божіе пришедшее въ силѣ“. (См. кн. „Сборникъ по истолков. чт. четвероевангелія“, Е. Барсова, т. II).

2. **Истинный и прямой путь въ царствіе небесное.**

Путь въ царствіе небесное есть Самъ І. Христосъ: только тотъ идетъ по сему пути, кто идетъ за І. Христомъ. Но какъ надобно итти по нему? Послушайте, что говоритъ Самъ І. Христосъ: *кто хочетъ итти за Мною,*

а) *отвергнись себя,*

б) *и возьми крестъ свой,*

в) *и слѣдуй за Мною* (Марк. VIII, 34).

I. Итакъ, *первая* обязанность христіанина, т.-е. ученика и послѣдователя І. Христа, есть *отвергнуться себя.*

Отвергнуться себя значитъ оставить свои худыя привычки, исторгнуть изъ сердца своего все, что привязываетъ насъ къ міру; не питать въ себѣ худыхъ желаній и помысловъ, утушать и подавлять худыя мысли, удаляться случаевъ ко грѣху; не дѣлать и не желать ничего по самолюбію, но все дѣлать по любви къ Богу. *Отвергнутьея себя* значитъ, по слову апостола Павла: *быть мертвымъ для грѣховъ и міра, но живымъ для Бога.*

II. *Вторая* обязанность христіанина, т.-е. идущаго за І. Христомъ, есть *взять крестъ свой.*

Подъ именемъ *креста* разумѣются страданія, горести и непріятности. Взять *крестъ свой* значитъ принимать и безропотно переносить все, что бы ни случилось съ нами въ жизни нашей непріятнаго, горестнаго, печальнаго, труднаго и тяжкаго. И потому, обидитъ ли кто тебя, смѣется ли надъ тобою, или причиняетъ тебѣ скуку, печаль и досаду, или ты кому сдѣлалъ добро, а онъ, вмѣсто того чтобы благодарить тебя, противъ тебя же востаетъ и даже дѣлаетъ козни, или ты хочешь сдѣлать добро, но тебѣ не удается, случилось ли съ тобою какое несчастіе, напр., или самъ ты боленъ, или жена твоя, или дѣти и пр., или ты при всей дѣятельности твоей и неусыпныхъ трудахъ терпишь нужды и недостатокъ, или даже самая бѣдность и нищета подавляютъ тебя, или кромѣ этого ты терпишь какую-либо непріятность, все это переноси безъ злобы, безъ ропота, безъ пересудовъ, безъ жалобы, т.-е. не считая себя обиженнымъ и безъ чаянія за то земной награды, но переноси все это съ любовію, съ радостію и твердостію.

III. *Третья* обязанность ученика І. Христа есть *итти за Нимъ.*

Итти за І. Христомъ значитъ во всѣхъ дѣлахъ и поступкахъ своихъ подражать дѣламъ и поступкамъ І. Христа. Какъ жилъ и поступалъ І. Христосъ на землѣ, такъ точно должны и мы жить и поступать. Такъ напримѣръ:

а) *І. Христосъ всегда воздавалъ благодареніе и хвалу Богу Отцу Своему, и всегда молился Ему;* точно такъ и мы, во всякомъ состояніи и во всѣхъ обстоятельствахъ жизни нашей, должны благодарить Бога, любить Его, и явно и тайно воздавать хвалу Ему и молиться Ему, и всегда имѣть Его въ своемъ умѣ и сердцѣ.

б) *І. Христосъ Пречистую Матерь Свою и мнимаго отца Своего и начальниковъ почиталъ и имъ повиновался;* точно такъ и мы должны слушать и почитать своихъ родителей и воспитателей, не раздражать и не оскорблять ихъ своими поступками; должны уважать своихъ начальниковъ и всякую *власть,* и должны имъ повиноваться и безропотно исполнять ихъ повелѣнія.

в) *І. Христосъ, Царь вселенныя, платилъ дань царю земному,* и Судія живыхъ и мертвыхъ не хотѣлъ присвоять Себѣ гражданской власти судіи или дѣлителя (Лук. XII, 14); точно такъ и мы должны платить дань царю нашему безъ всякаго ропота, и не принимать на себя власти, не принадлежащей намъ, напр., *власти судить и осуждать имѣющихъ власть,* и пр.

г) *І. Христосъ должность, принятую Имъ на Себя, и дѣло, на которое Онъ посланъ въ міръ, исполнялъ съ охотою, ревностію и любовію;* точно такъ и мы должны съ усердіемъ, охотою и безропотно исполнять свои обязанности, какія налагаютъ на насъ Богъ и Господь, несмотря на то, хотя бы должности наши были или трудны, или низки.

д) *І. Христосъ всякаго человѣка любилъ и всѣмъ дѣлалъ всякое добро;* точно такъ и мы должны любить своихъ собратій и, сколько возможно, дѣлать имъ добро или дѣломъ, или словомъ, или мыслію.

е) *І. Христосъ для спасенія человѣковъ предалъ Самого Себя;* точно такъ и мы для доставленія добра людямъ не должны жалѣть ни трудовъ своихъ, ни здоровья; для спасенія и защиты отечества не должны щадить даже самой жизни своей, а для І. Христа, какъ искупителя и благодѣтеля нашего, не должны жалѣть ни самыхъ утѣшеній души нашей, ни тѣла нашего, ни живота нашего, подобно святымъ мученикамъ, за І. Христа претерпѣвшимъ различныя мученія и смерть.

ж) *І. Христосъ волею предалъ Себя на страданія и смерть;* точно такъ и мы не должны убѣгать отъ страданій и горести, посылаемыхъ намъ отъ Бога, но должны также со смиреніемъ и преданностію къ Богу принимать и переносить ихъ.

з) *І. Христосъ прощалъ врагамъ Своимъ все, что они дѣлали Ему, и сверхъ того дѣлалъ имъ всякое добро и молился о спасеніи ихъ;* точно такъ и мы должны прощать врагамъ своимъ, добромъ платить за сдѣланное намъ зло, благословлять ругающихъ насъ, въ полной вѣрѣ и надеждѣ на Бога, правосуднѣйшаго и всевидящаго Судію, безъ воли Коего и волосъ съ головы нашей не погибнетъ. Перенеся обиду безъ жалобы, безъ мщенія и съ любовію, ты поступишь, какъ истинный христіанинъ.

и) *І. Христосъ, Царь неба и земли, жилъ въ бѣдности и Своими трудами снискивалъ Себѣ необходимое для жизни;* точно такъ и мы должны быть трудолюбивыми и безлѣностно искать необходимаго для жизни нашей, быть довольными своимъ состояніемъ и не желать богатства, потому что, по слову Спасителя, удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царствіе небесное.

і) *І. Христосъ, будучи кротокъ и смиренъ сердцемъ, никогда не искалъ и не желалъ похвалы отъ другихъ;* точно такъ и мы не должны ничѣмъ хвалиться предъ другими и искать похвалы отъ другихъ. Напримѣръ, дѣлаешь ли ты добро другимъ, творишь ты милостыню, живешь ли благочестивѣе другихъ, или ты разумнѣе многихъ, или вообще лучше и отличнѣе ты своихъ собратій, не хвались этимъ ни предъ людьми, ни предъ собою. Потому что все, что ты имѣешь въ себѣ и у себя добраго и похвальнаго, все это не твое, но даръ Божій, твои одни только грѣхи и слабости, а все прочее Божіе.

к) *Итти за І. Христомъ значитъ еще то, чтобы повиноваться слову І. Христа, и потому мы должны слушать, вѣрить и исполнять все, что сказалъ І. Христосъ въ евангеліи и чрезъ апостоловъ Своихъ, и все это дѣлать безъ мудрованія и въ простотѣ сердца.* Кто слушаетъ и внимаетъ слову І. Христа, тотъ можетъ *называться* ученикомъ его, а кто слушаетъ и исполняетъ слова Его, и притомъ въ простотѣ сердца и съ совершенною преданностію, тотъ есть *истинный и любимый* ученикъ Его.

Итакъ, вотъ что значитъ отвергнуться себя, взять крестъ свой и итти за І. Христомъ! Вотъ истинныя качества и свойства ученика І. Христа. Вотъ истинный и прямой путь въ царствіе небесное, которымъ прошелъ Самъ І. Христосъ, живя на землѣ, и которымъ должны итти христіане! Не было, и нѣтъ, и не будетъ другого пути, кромѣ этого пути.

И конечно, путь этотъ негладокъ, узокъ и колючъ, и особенно такимъ онъ покажется при началѣ своемъ, но за то онъ прямо и вѣрно ведетъ въ рай, въ царствіе небесное, въ вѣчное блаженство, къ Богу—источнику всякаго блаженства. Скорбенъ путь этотъ, но можно сказать, что за каждый шагъ по нему предстоятъ тысячи наградъ. Страданія на этомъ пути не вѣчны и даже, можно сказать, минутны, а награда за нихъ нескончаема и вѣчна, какъ Самъ Богъ. Страданія день отъ дня будутъ становится меньше и легче, а награда часъ отъ часу будетъ увеличиваться болѣе и болѣе, во всю безконечную будущую жизнь.

Итакъ, не страшитесь этого пути, ибо гладкій и ровный путь - въ адъ, а колючій и неровный—на небо. (Извлеч. въ сокр. изъ кн. „Указаніе пути въ царствіе небесное“, Иннокентія, митр. московскаго, изд. 14, Москва, 1886 г. стр. 23, 31—32; 42—46).

3. **О самоотверженіи.**

Подъ самоотверженіемъ ближайшимъ образомъ разумѣется отреченіе отъ своей воли со всецѣлымъ покореніемъ ея волѣ Божіей, выражающейся въ заповѣдяхъ нравственнаго закона Господня, также въ судьбахъ нашей жизни. Воля наша по самой природѣ своей, поврежденной первороднымъ грѣхомъ, имѣетъ неодолимую склонность къ злу или противленію волѣ Божіей. *Не еже бо хощу доброе, сіе творю; но еже не хощу злое, сіе содѣваю* (Рим. VII, 19). *Еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю* (ст. 18). Но какъ ни трудно по сей причинѣ исполнять волю Божію, отъ ея исполненія уклоняться нельзя. Нужно всячески бороться съ этими трудностями, приневоливать себя къ борьбѣ съ грѣховными искушеніями и соблазнами, не жалѣть для сего силъ и трудовъ, и взывать къ Богу о помощи для успѣха въ этой борьбѣ. Въ этомъ и состоитъ самоотверженіе. Напримѣръ, не хочешь молиться ни дома, ни въ церкви,—употреби надъ собою насиліе, заставь себя непремѣнно молиться. Не жди времени, когда придетъ къ тебѣ расположеніе къ молитвѣ, его, пожалуй, не дождешься; если же постоянно будешь упражняться въ молитвѣ не по свободному расположенію, а по сознанію долга, то явится и расположеніе къ молитвѣ вслѣдствіе навыка къ исполненію долга молитвы. То же должно сказать о другихъ дѣлахъ благочестія и добродѣтели. Безъ самоотверженія ихъ нельзя исполнять, но, по мѣрѣ неослабной ревности къ исполненію ихъ, тяжесть ихъ будетъ умаляться: иго заповѣдей Христовыхъ будетъ благо и бремя ихъ легко. По волѣ Божіей приходится испытывать разныя житейскія невзгоды и болѣзни. Является искушеніе малодушія, унынія, ропота на Бога, на людей, даже отчаянія. Потребно великое самоотверженіе, чтобы стать выше этихъ искушеній. Потребна всецѣлая преданность волѣ Божіей въ устроеніи нашей участи, и только подъ этимъ условіемъ можно примириться съ тяжкими испытаніями въ надеждѣ на милость Божію, все устрояющую къ нашему благу.

Въ самоотверженіи должно упражнять не одну волю, но всѣ силы душевныя: умъ, сердце, память, воображеніе, чувства тѣлесныя и совѣсть.

Положимъ, Господь одарилъ тебя пытливымъ и обширнымъ умомъ и вдобавокъ ты обладаешь многостороннимъ образованіемъ. Потому тебѣ нелегко, быть-можетъ, простою, дѣтскою вѣрою усвоить истины откровенія, превышающія человѣческое разумѣніе, напримѣръ, ученіе о таинствѣ Святой Троицы, ученіе о рожденіи свыше, какъ необходимомъ условіи для вступленія въ царствіе Божіе, о таинствѣ Тѣла и Крови Христовыхъ, о таинствѣ искупленія грѣшнаго человѣка крестными страданіями и смертію Богочеловѣка, каковое ученіе для іудеевъ служитъ соблазномъ, для еллиновъ безуміемъ. Тебѣ хотѣлось бы всѣ эти истины понять такъ же ясно, какъ ясно понимаешь истины изъ круга природы и житейскаго быта. Откажись отъ этого гордаго притязанія, смиренно покори твой разумъ въ послушаніе вѣры, заставь замолчать въ себѣ плотское мудрованіе, вземлющееся на разумъ Божій. Тяжело это для твоего самолюбія, для самолюбія ума, которое почитается раздражительнѣйшимъ изъ всѣхъ видовъ самолюбія, судя по тому, что ни одинъ упрекъ въ недостаткахъ не бываетъ такъ чувствителенъ человѣку, какъ упрекъ въ скудоуміи. Но знай, что безъ отреченія отъ этого самолюбія, безъ самоотверженія нельзя быть истиннымъ христіаниномъ, что мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ (1 Коринѳ. III, 19).

Сердце есть органъ любви. Любовь есть такое душевное настроеніе, которое не терпитъ принужденія, къ которому нельзя приневоливать. Между тѣмъ Господь заповѣдалъ всѣхъ любить безъ различія, хорошихъ и дурныхъ, достойныхъ и недостойныхъ, близкихъ намъ по душѣ и противныхъ намъ, пріятелей и враговъ. Какъ трудно исполнить эту заповѣдь! Могу ли я любить того, къ кому не лежитъ мое сердце? Но если дана заповѣдь, ее во что бы ни стало должно исполнить. Потребенъ великій подвигъ самоотверженія, чтобы ее исполнить. Заставь себя смотрѣть на ближняго, какъ на такое существо, которое Господь украсилъ образомъ и подобіемъ Своимъ, за которое пролита искупительная кровь на Голгоѳѣ, которое Онъ нарекъ чадомъ Своимъ по благодати духовнаго возрожденія въ таинствѣ крещенія и предназначилъ къ наслѣдію вѣчнаго блаженства. Чѣмъ глубже будешь размышлять о любви Отца небеснаго ко всякому человѣку, тѣмъ стыднѣе будетъ тебѣ не любить того, кого Онъ возлюбилъ. Ты возлюбишь его ради Господа, не обращая вниманія—хорошъ ли онъ самъ по себѣ или худъ, и такимъ образомъ легко примиришься съ заповѣдію о самоотверженіи. Сначала тягостная, она, по мѣрѣ упражненія въ исполненія ея, сдѣлается легкою.

Однимъ изъ видовъ, или проявленій любви къ ближнему служитъ кротость. Быть кроткимъ, т.-е., никого не обижать и никѣмъ не обижаться, легко для того, кто по самой природѣ своей миролюбивъ и мягкосердеченъ. Но что сказать о людяхъ, по природѣ вспыльчивыхъ и раздражительныхъ? Между тѣмъ кротость есть добродѣтель, обязательная для всѣхъ. Какъ же достигнуть этого? Не иначе, какъ посредствомъ самоотверженія; всячески старайся обуздывать порывы гнѣва. Въ отношеніи къ высшимъ тебя ты не позволишь себѣ выходить изъ предѣловъ самообладанія, зная, что этого нельзя сдѣлать безнаказанно. Стало-быть, подобное самообладаніе ты можешь сохранить и въ отношеніи къ низшимъ, зависящимъ отъ тебя, хотя бы для сего потребно было не малое самоотверженіе.

Въ чемъ состоитъ самоотверженіе въ отношеніи къ памяти и воображенію? Та и другая сила души можетъ служить добру и злу. Великое зло есть злопамятство, когда человѣкъ не забываетъ оскорбленій со стороны ближняго, когда во что бы ни стало онъ желаетъ отомстить ему и придумываетъ жестокія средства заплатить зломъ за зло. Чѣмъ больше у кого самолюбія, тѣмъ сильнѣе злопамятство. Но злопамятство есть смертный грѣхъ. Помилуй Богъ, если злопамятный умретъ безъ покаянія. Христіанинъ долженъ знать, что, кто не прощаетъ обиды ближнему, тотъ, какъ бы ни былъ по видимому благочестивъ и богомоленъ и сколько бы ни дѣлалъ благотвореній, не получитъ прощенія отъ Бога и ничѣмъ не умилостивитъ Его. Посему, если онъ хочетъ заслужить благоволеніе Божіе, долженъ во что бы ни стало мириться съ обидчикомъ, хотя бы для сего потребовалось немалое самоотверженіе.

Наше воображеніе должно наполняться представленіями и образами чистыми, святыми. Представленія и мечтанія нечистыя не вмѣняются намъ, если вторгаются въ нашу душу независимо отъ нашей воли и не возбуждаютъ въ ней сочувствія. Но и они смущаютъ благочестивую душу, приводятъ ее въ уныніе и даже въ отчаяніе, если неотвязчиво, несмотря на отвращеніе къ нимъ, приражаются къ ней. Потребно немалое самоотверженіе, чтобы избавиться отъ нихъ. Но что сказать о тѣхъ нечистыхъ представленіяхъ и образахъ, которые вызываются нами добровольно и оскверняютъ душу до того, что въ ней не остается мѣста для представленій и образовъ чистыхъ и святыхъ? Не надобно дожидаться времени, когда они сами собою опротивѣютъ намъ. Никакой нѣтъ заслуги въ томъ, если грѣхъ оставитъ насъ, надобно, чтобы мы оставили грѣхъ. А для сего потребно великое самоотверженіе.

Заповѣдь о самоотверженіи простирается на внѣшнія чувства — зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія, осязанія. Всѣ они служатъ проводниками добрыхъ и злыхъ впечатлѣній. Что нужно для того, чтобы не увлекаться послѣдними, чтобы, напримѣръ, не вторгались въ нашу душу нецѣломудренные помыслы путемъ зрѣнія и осязанія, гнилыя, кощунственныя и богохульныя рѣчи путемъ слуха, и не дѣлали насъ своими плѣнниками? Надобно держать себя подальше отъ тѣхъ мѣстъ и предметовъ, съ которыми соединены подобныя искушенія. Если же неизбѣжна встрѣча съ ними, то надо настроить свою душу такъ, чтобы видя не видѣть, слыша не слышать и т. п. Въ обоихъ случаяхъ, особенно въ послѣднемъ потребно великое самоотверженіе. (См. Костромскія поуч. еписк. Виссаріона за 1898 г.).

4. Нужно нести тотъ крестъ, какой Богъ послалъ.

Не приходитъ ли вамъ иногда, друзья мои, на мысль: почему это однимъ людямъ Богъ далъ въ этой жизни и богатство, и счастіе, а другіе живутъ въ бѣдности и терпятъ всякія нужды и несчастія? Въ отвѣтъ на это передаемъ вамъ одно древнее сказаніе, изъ котораго вы сами увидите, что всякій человѣкъ долженъ быть доволенъ своею судьбою, потому что Господь Богъ лучше насъ знаетъ, кому что полезно, и каждому посылаетъ то, что по его силамъ.

Былъ одинъ простодушный поселянинъ, который жилъ трудами рукъ своихъ, но зарабатывалъ очень мало: едва доставало ему, чѣмъ прокормить себя и семью. Разъ пошелъ онъ къ берегу моря, присѣлъ тутъ на камень и сталъ смотрѣть, какъ къ пристани подходили большіе корабли съ богатыми товарами, и какъ потомъ эти товары выгружали и везли въ городъ для продажи. И вотъ запала ему въ голову грѣшная мысль: зачѣмъ Господь однимъ людямъ послалъ богатство и всякое довольство, а другихъ оставилъ жить въ бѣдности? И началъ простецъ роптать на свою горемычную долю. Между тѣмъ полуденное солнце сильно пекло; бѣдняка стала одолѣвать дремота, и онъ незамѣтно заснулъ.

И вотъ снится ему, что стоитъ онъ у подошвы высокой горы; подходитъ къ нему почтенный старецъ съ длинною бородою и говоритъ ему: „иди за мной“. Онъ послушался и пошелъ за нимъ. Долго они шли и, наконецъ, пришли на такое мѣсто, гдѣ лежало великое множество крестовъ всякаго вида и различной величины. Были тутъ кресты и большіе и малые, и золотые и серебряные, и мѣдные и желѣзные, и каменные и деревянные. И говоритъ ему старецъ: „видишь ли, сколько здѣсь крестовъ? Выбирай себѣ любой и неси его на вершину той самой горы, которую ты видѣлъ предъ собою“.

Взглянулъ нашъ простецъ на золотой крестъ: такой онъ красивый, точно красное солнышко блеститъ. Понравился ему этотъ крестъ, и онъ хотѣлъ взять его на плеча, но, сколько ни трудился, не могъ онъ этотъ крестъ не только поднять, но и съ мѣста сдвинуть.

„Нѣтъ“, говоритъ ему старецъ, „видно, не взнести тебѣ этого креста на гору. Бери вотъ другой — серебряный, можетъ-быть, онъ будетъ по твоимъ силамъ“.

Взялъ простецъ серебряный крестъ. Этотъ былъ, правда, полегче золотого, но все-таки и съ нимъ онъ ничего не могъ сдѣлать. То же было и съ мѣднымъ, и съ желѣзнымъ, и съ каменнымъ крестами.

„Нечего дѣлать“, говоритъ ему старецъ, „бери одинъ изъ деревянныхъ крестовъ“.

Тогда взялъ себѣ простецъ самый малый изъ деревянныхъ крестовъ и легко и скоро отнесъ его на ту гору. — Обрадовался онъ, что нашелъ, наконецъ, одинъ крестъ по своимъ силамъ, и спросилъ своего спутника: „а какая награда мнѣ будетъ за это?“ — „Чтобы ты самъ разсудилъ, чѣмъ наградить тебя“, отвѣчалъ ему тотъ, „я открою тебѣ, что это за кресты, которые ты видѣлъ. Золотой крестъ, который такъ тебѣ сначала приглянулся,—это царскій крестъ. Ты себѣ думаешь: какъ хорошо и легко быть царемъ! А того не соображаешь, что царская власть—нелегкая власть, что царскій крестъ—самый тяжелый крестъ. Трудно, очень трудно быть царемъ! Ты, вотъ, спокойно заснулъ на берегу моря; нѣтъ у тебя никакихъ особыхъ заботъ, кромѣ развѣ заботъ о насущномъ пропитаніи самого себя и своей семьи. Не то — у царя: онъ никогда не имѣетъ покоя, потому что ему ввѣрено Богомъ попеченіе о цѣломъ государствѣ. Съ ранняго утра до поздняго вечера онъ занятъ трудами управленія и заботами о своихъ подданныхъ, о безопасности отечества отъ враговъ, о томъ, чтобы всѣмъ добрымъ людямъ у него въ царствѣ хорошо жилось, а злодѣямъ нельзя было зла творить, такъ что отъ всѣхъ этихъ трудовъ и заботъ немного остается ему времени для отдыха. Онъ и законы издаетъ, и самъ же слѣдитъ за тѣмъ, чтобы эти законы въ точности исполнялись. Подумай, какъ все это трудно, и ты поймешь, почему золотой, царскій крестъ, хоть и блеститъ, какъ солнышко, а все же самый тяжелый крестъ.—А серебряный крестъ — это крестъ всѣхъ тѣхъ, кто властью облеченъ, это крестъ пастырей церкви Божіей, крестъ ближайшихъ слугъ царевыхъ, его министровъ и совѣтниковъ, которые помогаютъ царю въ управленіи государствомъ. Хотя имъ жить и не такъ трудно, какъ царю, но все же и у нихъ много заботъ и скорбей, и у нихъ отдыха очень мало. — А мѣдный крестъ — это крестъ всѣхъ, кому Богъ богатство послалъ. Ты, вотъ, имъ завидуешь и думаешь: какіе они счастливые! А богатымъ тяжелѣе жить, чѣмъ тебѣ. Правда, имъ не нужно своими плечами работать, чтобы кормить себя и своихъ домашнихъ, — всего у нихъ вдоволь, —но зато и враговъ, и завистниковъ у нихъ много. Тебѣ послѣ своихъ трудовъ можно спокойно уснуть: никто не тронетъ твоей убогой хаты и твоего малаго добра, — а богатый человѣкъ всегда — и днемъ, и ночью — боится, какъ бы кто-нибудь не обманулъ его, не обокралъ, или не поджогъ его дома. У тебя, вотъ, нѣтъ лишней копейки, съ тебя и Богъ не взыщетъ, если не поможешь бѣдняку, а богатый и за богатство Богу отвѣтъ дастъ: какъ онъ свое богатство употреблялъ. А случится бѣда—пошлетъ Богъ испытаніе, — обнищаетъ богачъ: сколько скорбей тогда на него обрушится! Никому не приведи Богъ испытать такое несчастіе; лучше, во сто разъ лучше родиться бѣднякомъ, чѣмъ быть богатымъ, а потомъ въ нищету притти... Тяжелъ этотъ крестъ, очень тяжелъ!.. А какой богачъ можетъ поручиться, что избѣжитъ онъ такого креста?.. А вотъ желѣзный крестъ — это крестъ людей военныхъ. Поразспроси тѣхъ, которые бывали на войнѣ, и они скажутъ тебѣ, какъ имъ часто приходится проводить ночи на голой, сырой землѣ, – терпѣть голодъ и холодъ; а о томъ ужъ и говорить нечего, что каждый воинъ обязанъ присягою въ случаѣ нужды и животъ свой положить за вѣру, царя и отечество, а другой, если и домой съ войны воротится, то несчастнымъ калѣкою. — А каменный крестъ — это крестъ людей торговыхъ. Тебѣ нравится ихъ жизнь, потому что имъ не приходится работать, какъ тебѣ? Но развѣ не бываетъ, что ѣдетъ купецъ за море, тратитъ весь свой капиталъ на товаръ, а товаръ весь гибнетъ отъ кораблекрушенія, и возвращается несчастный купецъ домой совершеннымъ бѣднякомъ? А разныя другія несчастія: бѣды отъ пожара, бѣды отъ разбойниковъ, бѣды отъ безчестныхъ людей... Кто изъ купцовъ можетъ быть увѣренъ, что онъ будетъ счастливъ во всю свою жизнь, что никогда не разорится, что ему не грозитъ никакая бѣда? И чѣмъ больше и шире его торговое дѣло, тѣмъ больше у него заботъ и тревогъ... Нѣтъ, незавиденъ ихъ крестъ, и не всякому подъ силу нести его! И особенно тяжелъ этотъ крестъ для человѣка честнаго. Тебѣ, земледѣльцу, нѣтъ случая ни лгать, ни красть, ни обманывать, а торговому человѣку то и дѣло представляются такіе случаи. Не напрасно сказано въ писаніи: „купецъ едва можетъ избѣжать погрѣшности, а корчемникъ не спасется отъ грѣха (Сир. XXVI, 27). Какъ посреди скрѣпленій вбивается гвоздь, такъ посреди продажи и купли вторгается грѣхъ“ (XXVII, 2). Вотъ какъ много искушеній человѣку торговому, какъ надо быть осторожнымъ, чтобы предъ Богомъ не согрѣшить и ближняго не обидѣть. Не легко поэтому доброму и честному купцу нести свой тяжелый крестъ!.. А вотъ деревянный крестъ, который ты такъ легко внесъ на гору, это и есть твой крестъ. Ты жаловался, что жизнь у тебя трудная, а теперь вотъ видишь, что она гораздо легче, чѣмъ жизнь другихъ людей. Твое занятіе — земледѣліе — самое безгрѣшное. Кто знаетъ? Будь ты богатъ — ты забывался бы въ счастіи, будь ты славный вельможа — сталъ бы другихъ притѣснять, будь купецъ — сталъ бы всѣхъ обманывать, а если бы воиномъ былъ — не понесъ бы трудовъ и лишеній военнаго времени, возропталъ бы на Бога... Зналъ сердцевѣдецъ Господь, что во всякомъ другомъ званіи и положеніи ты загубилъ бы душу свою, вотъ Онъ и далъ тебѣ крестъ самый смиренный, самый легкій — крестъ деревянный... Итакъ, ступай и не ропщи на Господа Бога за свою бѣдную долю. Господь даетъ каждому крестъ по его силамъ, — сколько кто можетъ снести“.

При послѣднихъ словахъ старца, нашъ простецъ проснулся, поблагодарилъ Бога за вразумительный сонъ, который Онъ ему послалъ, и съ того времени никогда больше не ропталъ на Бога.

Вотъ урокъ для каждаго изъ насъ, — чтобы и мы были довольны тѣмъ положеніемъ, въ какое Господу угодно было насъ поставить. Повѣрьте: Онъ всѣхъ насъ любитъ, какъ чадъ Своихъ, и потому всякому даетъ только то, что ему полезно. Итакъ, никогда не будемъ роптать на свою судьбу: это — великій грѣхъ. Что бы Господь намъ ни послалъ: счастье или несчастье, богатство или бѣдность, болѣзнь или здоровье, — за все всегда будемъ благодарить и прославлять Его и говорить: *Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ!* Ты лучше насъ знаешь, что намъ полезно, что вредно; *да будетъ* же во всемъ *воля Твоя* святая! (См. Утѣшеніе въ скорби, изд. ред. Троицк. лист.).

5. I. Христосъ понесъ всѣ виды креста.

Исчислимъ вкратцѣ разные виды крестовъ, понесенныхъ Господомъ Іисусомъ Христомъ. Съ первыхъ дней земной Своей жизни, отъ утробы рождшей Его, Онъ возлюбилъ *нищету:* насъ ради *обнища богатъ сый да мы нищетою Его обогатимся* (2 Кор. VIII, 9). Какое мѣсто избралъ Онъ, Создатель міра, при рожденіи Своемъ? Вертепъ былъ для Него вмѣсто дома, а ясли ложемъ; вмѣсто багряницы были простыя пелены, и вмѣсто царской порфиры бѣдное рубище. Въ ученики Себѣ верховный Учитель избралъ самыхъ ничтожныхъ, по мнѣнію міра, людей, такихъ же убогихъ, каковъ и Самъ былъ. Онъ не имѣлъ мѣста, гдѣ бы могъ преклонить главу Свою, и потому говорилъ: *лиси язвины имутъ и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не имать гдѣ главы подклонити* (Матѳ. VIII, 20). Онъ *соболѣзновалъ* немощамъ и паденіямъ человѣческимъ, а потому и плакалъ надъ погибшимъ Іерусалимомъ. Также, когда Лазарь, другъ Его, умеръ, Онъ возмутился духомъ, поскорбѣлъ и прослезился, такъ что іудеи говорили: *виждь, како любяше его* (Іоан. XI, 36). Онъ испилъ полную чашу *безчестія и поруганій:* словамъ Его прекословили, наблюдали за Его дѣлами, издѣвались надъ муками, ругались надъ самою смертію Его, называли Господа винопійцею, другомъ мытарей и грѣшниковъ, льстецомъ, имѣющимъ въ Себѣ бѣса, самаряниномъ, хульникомъ, безумно присвоивавшимъ Себѣ Божеское достоинство, и такимъ образомъ предвѣчную Божію премудрость вмѣнили въ буйство и безуміе. Недовольствуясь словеснымъ уничиженіемъ, іудеи самыми дѣлами ругались надъ Нимъ: закрывши лицо Его, они издѣвались надъ Нимъ и, ударяя Его, вопрошали: *прорцы, кто есть ударей Тя?* (Лук. XXII, 64). Какъ презрѣннаго похитителя царскаго достоинства, они вѣнчали Его терновымъ вѣнцомъ, вмѣсто скипетра дали Ему трость, и вмѣсто порфиры въ посмѣяніе облекли Его червленою хламидою. Извѣстно, какъ велики были *тѣлесныя страданія* Господа Іисуса Христа, какъ Его связали, съ великимъ неистовствомъ влачили по стогнамъ и *на раны готоваго* немилосердно били, ударяли по ланитамъ, по уязвленной отъ терноваго вѣнца главѣ били тростію и подвергали Его другимъ многимъ и жестокимъ мученіямъ. И такъ исполнилось на Немъ слово псалмопѣвца: *болѣзнь Моя предо Мною выну* (Псал. XXXVII, 18). Потомъ, идя на распятіе, Онъ Самъ на раменахъ Своихъ несъ крестъ Свой и былъ пригвожденъ ко кресту. Что же сказать о крестныхъ страданіяхъ Агнца Божія? О семъ Исаія сказалъ, что Онъ, *человѣкъ въ язвѣ сый, и вѣдый терпѣти болѣзнь, грѣхи вашаноситъ, и о васъ болѣзнуетъ* (Исаіи LIII, 3—4). Былъ Онъ напоенъ и горькимъ питіемъ: *помяни*, по слову пророка, *горесть и желчь Его* (Плач. Іер. III, 20); вспомни, какъ исполнились на Немъ слова псалмопѣвца: *въ жажду Мою напоиша Мя оцта* (Пс. LXVIII, 22). При такихъ невыразимыхъ страданіяхъ Господь несъ и *внутренній крестъ*. Готовясь на вольныя страданія и смерть въ вертоградѣ Геѳсиманскомъ, Онъ уже *началъ скорбѣти и тужити*, глаголя: *прискорбна есть душа Моя до смерти* (Матѳ. XXVI, 37—38). А потомъ на крестѣ, чтобы избавить родъ человѣческій отъ клятвы и примирить съ Отцомъ небеснымъ, Онъ восхотѣлъ быть какъ бы оставленнымъ отъ Бога Отца. Какая скорбь томила душу Его, когда Онъ испускалъ предсмертный вопль: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ* (Матѳ. XXVII, 46)! Какую тяжесть испытало сердце Богочеловѣка, когда Онъ всѣ грѣхи, содѣланные каждымъ человѣкомъ отъ начала міра, принималъ на Себя, чтобы истребить ихъ; когда Онъ, непорочный Агнецъ, *иже грѣха не сотвори* (1 Петр. II, 22), предавалъ Себя, какъ виновнаго, дабы за насъ удовлетворить правдѣ Отца Своего, какъ пророчествовалъ о семъ св. Давидъ: *яже не восхищахъ, тогда воздаяхъ* (Псал. LXVIII, 5). И среди такихъ-то ужаснѣйшихъ страданій Сынъ Божій за животъ міра предалъ, наконецъ, духъ Свой Богу Отцу, *послушливъ бывъ* Ему *даже до смерти* (Филип. II, 8).

Теперь скажи, какого креста еще не доставало Спасителю міра? А все это понесъ Онъ ради тебя, чтобы ты, *помышляя таковое пострадавшаго отъ грѣшникъ прекословіе* (Евр. XII, 3), не ослабѣвалъ душою, но, взирая на страданія Христа твоего, возбуждался Его примѣромъ, говоря такъ: если Онъ столько претерпѣлъ, что же мнѣ должно? *Аще въ суровѣ древѣ сія сотвориша*, во мнѣ, *въ сусѣ*, только что не преданномъ пламени, *что будетъ* (Лук. XXIII, 31)?

6. Наши кресты.

Господь повелѣваетъ намъ *взять крестъ свой*. Подъ именемъ *креста* разумѣются страданія, горести и непріятности. Кресты бываютъ *наружные* и *внутренніе*. Взять крестъ свой значитъ—принимать и безропотно переносить все, что бы ни случилось съ нами въ жизни нашей непріятнаго, горестнаго, печальнаго, труднаго и тяжкаго. И потому, обидитъ ли кто тебя, смѣется ли надъ тобою, или причиняетъ тебѣ скуку, печаль и досаду; или ты кому сдѣлалъ добро, а онъ, вмѣсто того, чтобы благодарить тебя, противъ тебя же возстаетъ, или ты хочешь сдѣлать добро, но тебѣ не удается; или самъ ты боленъ, или жена твоя, или дѣти и проч.; или ты, при всѣхъ неусыпныхъ трудахъ, терпишь нужды и недостатокъ; или даже самая бѣдность и нищета подавляютъ тебя,—все это переноси безъ злобы, безъ ропота, безъ пересудовъ, безъ жалобы,—т.-е. не считай себя обиженнымъ и не жди за то земной награды, но переноси все это съ любовію, радостію и твердостію. Все это—кресты наружные! Когда ты будешь нести такіе кресты по глаголу Господню, и если въ это время возродится въ тебѣ гордая мысль, что ты человѣкъ не такой, какъ прочіе человѣки, но человѣкъ твердый, благочестивый и лучшій изъ твоихъ собратій и сосѣдей, то всячески искореняй таковыя мысли, ибо эти мысли могутъ уничтожить всѣ твои добродѣтели.—Но наружные кресты или наружныя страданія несутъ не одни только ученики Іисуса Христа, но всѣ и каждый человѣкъ, т.-е. нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который бы не страдалъ или не терпѣлъ отъ того или отъ другого. Но кто хочетъ быть истиннымъ ученикомъ Іисуса Христа и послѣдователемъ Его, тотъ непремѣнно долженъ перенести и внутренніе кресты.—*Внутренніе* кресты можно найти во всякое время, и скорѣе, чѣмъ наружные. Стоитъ только обратить вниманіе на самого себя, и въ покаянномъ чувствѣ разсматривать свою душу, и тогда тотчасъ представятся тысячи внутреннихъ крестовъ. Напримѣръ, размысли: *для чего ты существуешь на семъ свѣтѣ? и живешь ли ты такъ, какъ должно тебѣ жить?* и проч. Обрати на это должное вниманіе,—и ты съ перваго взгляда увидишь, что ты, будучи твореніе и дѣло рукъ Всемогущаго Бога, для того единственно существуешь на семъ свѣтѣ, *чтобы всѣми дѣлами твоими, всею жизнію твоею и всѣмъ существомъ твоимъ прославлять Его святое и великое имя;* а ты не только не прославляешь Его, но, напротивъ того, оскорбляешь и безчестишь Его своею беззаконною жизнію и проч. Потомъ вспомни и размысли: *что ожидаетъ тебя по ту сторону гроба твоего? на которой сторонѣ ты явишься во время страшнаго суда Христова: на правой или на лѣвой?* и проч. И если ты будешь размышлять такимъ образомъ, то невольно придешь въ смущеніе и начнешь безпокоиться. И это будетъ началомъ внутреннихъ крестовъ. Тогда адъ, о которомъ ты до тѣхъ поръ, можетъ-быть, и не вспоминалъ, или вспоминалъ съ равнодушіемъ, будетъ представляться тебѣ во всемъ своемъ ужасѣ. Рай, который Господь уготовалъ тебѣ, о которомъ ты до тѣхъ поръ не помышлялъ или помышлялъ мелькомъ, тогда живо представится тебѣ мѣстомъ вѣчныхъ и чистыхъ радостей, которыхъ ты самъ себя лишаешь по своему нерадѣнію и безумію, и проч.—И ежели ты, несмотря на скорбь и внутреннія страданія, какія ты будешь чувствовать отъ такихъ размышленій, не станешь искать утѣшенія ни въ чемъ мірскомъ, не будешь прилежнѣе молиться Господу о спасеніи твоемъ и всего себя предашь въ волю Его: то Господь начнетъ открывать и показывать тебѣ состояніе души твоей въ томъ видѣ, въ какомъ она есть въ самомъ дѣлѣ.—Видѣть состояніе души нашей во всей наготѣ ея мы никогда не можемъ безъ особенной милости и помощи Господней: ибо внутренность души нашей всегда отъ насъ прикрыта нашимъ самолюбіемъ, мудрованіемъ, страстями, заботами житейскими, прелестями міра и проч.—врагъ души нашей діаволъ, зная, какъ спасительно для насъ разсматривать и видѣть состояніе души нашей, употребляетъ всѣ хитрости свои для того, чтобы не допустить человѣка увидѣть его состояніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть. Но когда діаволъ видитъ, что это коварство его не помогаетъ, и человѣкъ, при помощи благодати Божіей, начинаетъ видѣть себя, то діаволъ старается показать человѣку состояніе души его вдругъ, и сколько можно болѣе съ опасной стороны,—для того, дабы тѣмъ поразить человѣка ужасомъ и привести въ отчаяніе. И точно, если бы Господь попускалъ діаволу всегда показывать намъ состояніе души нашей съ самой опасной стороны, то немногіе бы изъ насъ устояли, потому что, въ самомъ дѣлѣ, состояніе души грѣшника, и особливо грѣшника нераскаявшагося, весьма опасно и страшно, да и не только грѣшника,—но даже самые святые и праведные люди, при всей своей праведности, не находили довольно слезъ оплакивать душу свою.—Когда Господь благоволитъ открывать тебѣ состояніе души твоей, тогда ты начнешь ясно видѣть и живо чувствовать, что при всѣхъ твоихъ добродѣтеляхъ сердце твое испорчено и развращено, душа твоя осквернена, и ты самъ не что иное, какъ рабъ грѣха и страстей, которые совершенно овладѣли тобою и не допускаютъ тебя приблизиться къ Богу. Начнешь также видѣть, что въ тебѣ нѣтъ ничего истинно добраго, и тогда непремѣнно ты будешь страдать: тогда обыметъ тебя *страхъ* отъ того, что ты находишься въ опасности погибнуть, *печаль и горесть*—о томъ, что ты такъ долго и безбоязненно прогнѣвлялъ Господа своими беззаконіями. Вотъ что называется внутренними крестами!—Такъ какъ люди не всѣ имѣютъ одинаковыя добродѣтели и одинаковые грѣхи, то и внутренніе кресты не для всѣхъ бываютъ одинаковые. Все это зависитъ отъ состоянія души каждаго, точно такъ, какъ продолженіе и способъ врачеванія болѣзни зависятъ отъ состоянія больного. Но кто хочетъ быть здоровымъ, тотъ все согласится перенести.—Внутренніе кресты бываютъ для нѣкоторыхъ такъ тягостны, что они иногда ни въ чемъ не находятъ для себя утѣшенія.—Все это можетъ случиться и съ тобою, но какія бы ни чувствовалъ ты страданія душевныя, не отчаивайся и не думай, что Господь оставилъ тебя. Нѣтъ! Онъ всегда будетъ съ тобою, и невидимо будетъ подкрѣплять тебя даже и тогда, когда тебѣ покажется, что ты находишься на самомъ краю погибели. Нѣтъ! Онъ не попуститъ искуситься тебѣ болѣе, нежели сколько Ему угодно попустить. Не отчаивайся и не бойся, но съ полною покорностію и преданностію къ Нему *терпи и молись*. Ибо Онъ есть всегда Отецъ нашъ и Отецъ самый чадолюбивѣйшій. И ежели Онъ попускаетъ преданному Ему человѣку впасть во искушенія, то не иначе, какъ для того только, чтобы тѣмъ вразумительнѣе и яснѣе *показать человѣку собственное его безсиліе, немощь и ничтожество, и научить его, чтобы онъ никогда не надѣялся на самого себя, и что никто безъ Бога ничего не можетъ сдѣлать добраго*. И ежели Господь вводитъ человѣка въ страданіе, или налагаетъ на него кресты, то единственно для того, чтобы тѣмъ *уврачевать его душу и совершенно очистить его сердце*, въ которомъ Онъ хочетъ обитать Самъ съ Сыномъ и Святымъ Своимъ Духомъ. Въ сихъ скорбяхъ твоихъ Господь твой и Помощникъ, и Утѣшитель, и Наставникъ, къ Нему единому прибѣгай, и въ Немъ единомъ ищи утѣшенія и помощи, и Онъ, по милости Своей, не оставитъ тебя безъ утѣшенія; среди страданій твоихъ ты восчувствуешь въ сердцѣ твоемъ неизъяснимую сладость, дивное спокойствіе и радость, какихъ ты никогда не чувствовалъ,—и съ тѣмъ вмѣстѣ ты восчувствуешь въ себѣ силы и возможность молиться Богу истинною молитвою и вѣровать въ Него истинною вѣрою: и сердце твое загоритъ чистою любовію къ Богу и ближнему. И все это есть даръ Духа Святаго. Но если Господь удостоитъ тебя такого дара, то отнюдь не считай это наградою за свои труды и скорби, и не подумай, что ты достигъ совершенства или святости. Такія мысли суть не что иное, какъ внушеніе *гордости*, которая такъ глубоко проникла въ душу нашу, что можетъ проявляться даже тогда, когда человѣкъ имѣетъ силу чудотвореній. Таковыя утѣшенія не суть награда, но только милость Господня, которая даруетъ тебѣ вкусить блага, которыя Богъ уготовалъ любящимъ Его, чтобы ты, вкусивъ ихъ, искалъ ихъ съ большею ревностію и усердіемъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ приготовился и укрѣпился къ перенесенію новыхъ скорбей и страданій. (Изъ „Указанія пути въ царство небесное“, соч. Иннокентія м. московскаго).

7. Что дороже: душа или міръ?

Кая польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, и отщетитъ душу свою?

Мар. VIII, 36.

И то и другое, и душа и міръ сей, дороги для насъ. Дорога душа,—ибо тою живемъ, тою движемся; дорогъ и міръ сей, — ибо въ томъ наслаждаемся, въ немъ находимъ покой и все потребное для настоящей жизни нашей. Дорога душа, ибо кому же хочется умирать—съ душою разставаться? Дорогъ и міръ, ибо кто не ищетъ удобства жизни и другихъ благъ мірскихъ? Но—что изъ двухъ должно быть для насъ дороже: душа ли, или міръ сей? Да позволитъ мнѣ любовь ваша положить на вѣсы то и другое, дабы лучше распознать, что изъ нихъ дороже. — Безъ всякаго сомнѣнія, то для насъ лучше и любезнѣе, что прекраснѣе, что драгоцѣннѣе и что полезнѣе. Сравнимъ же теперь душу нашу и міръ сей.—Итакъ, что же? Не прекрасенъ ли міръ сей? Вѣдь столько въ немъ высокихъ и почетныхъ должностей, столько чиновъ, столько въ немъ украшеній золотыхъ и многоцѣнныхъ, столько лицъ прекрасныхъ, столько храминъ дивно построенныхъ; къ тому же—столько сладкихъ и пріятныхъ дружествъ, обществъ, пиршествъ, веселій, прохладъ и утѣхъ, а—выше всего—временныя грѣховъ сладости! Такъ прекрасенъ міръ сей, что невольно влечетъ къ себѣ и очи и сердце человѣка, какъ магнитъ влечетъ желѣзо. А душа наша имѣетъ ли какую-нибудь красоту?—Да что такое душа?—Душа есть существо разумное, невидимое, безтѣлесное, безсмертное, богоподобнѣйшее, имѣющее образъ Создателя своего. Разсмотримъ со вниманіемъ здѣсь одно слово: богоподобнѣйшее. Что прекраснѣе Самого Творца вселенной? Конечно—ничто, ибо Онъ есть Источникъ всякой красоты. А что изъ всѣхъ созданій небесныхъ и земныхъ подобно Богу? Ничто, кромѣ двухъ созданій: ангела и души человѣческой; въ этихъ только существахъ явленъ образъ Пресвятой Троицы. Но человѣческое естество и надъ ангелами превознесено еще воплощеніемъ Сына Божія; ибо, по глаголу апостольскому, *не отъ ангелъ когда пріемлетъ* Единородный Сынъ Божій, *но отъ сѣмени Авраамова пріемлетъ* (Евр. II, 16), пріемлетъ, искупляя душу человѣческую кровію Своею и обновляя въ ней древнее подобіе Свое, и украшая ее еще больше и превосходнѣе. Здѣсь, собравъ вся красная міра сего, положи противъ красоты души человѣческой, и смотри, что прекраснѣе—міръ, или душа человѣческая? Если душа человѣческая, кровію Сына Божія искупленная, и невѣста, и на вѣки съ Нимъ сопряженная, прекраснѣе небесной красоты, сіянія звѣзднаго и свѣта солнечнаго, и подобна красотѣ Создателевой, то что будетъ противъ нея вся красота міра сего? Не то же ли, что тьма противъ солнца? Ибо міръ сей окаянный подобится не Богу, а развѣ своему господину, которому служитъ, князю вѣка сего, діаволу, всему помраченному и никогда не могущему убѣлиться.—Посмотримъ теперь, что драгоцѣннѣе:—душа или міръ сей? Какъ вы думаете, дорогъ ли міръ сей? Люди часто цѣнятъ богатства мірскія дороже души своей: за золото и серебро и за другія вещи полагаютъ душу свою, неся ее, какъ деньги, на куплю. Вотъ идетъ наемный воинъ на брань изъ-за одной корысти,—онъ несетъ душу свою: Богъ вѣсть, возвратится ли онъ съ нею! Вотъ идетъ купецъ съ своимъ товаромъ въ далекій путь, ради пріобрѣтенія,—несетъ душу свою: Богъ вѣсть, принесетъ ли ее обратно! Вотъ идетъ разбойникъ на разбой, чтобы добыть нѣчто,—несетъ душу свою: Богъ вѣсть, не самъ ли убитъ будетъ! Или вотъ идетъ воръ на кражу,—несетъ душу свою: кто знаетъ, вѣдь, можетъ-быть, поймаютъ и повѣсятъ его! Словомъ, человѣкъ непрестанно полагаетъ душу свою за блага мірскія. Не хотите ли, я представлю вамъ истиннаго цѣнителя всѣхъ сокровищъ мірскихъ? Это угодникъ Божій, святой Андрей, Христа ради юродивый. Онъ видѣлъ однажды такое видѣніе: прекрасный юноша, сошедшій съ высоты небесной, держалъ въ рукѣ три вѣнца: одинъ златой, другой жемчужный, третій изъ цвѣтовъ бѣлыхъ и красныхъ. Святой Андрей, приступивъ къ юношѣ тому, говоритъ: „продаешь ли эти вѣнцы? Хотя я самъ и не могу ихъ купить, но подожди меня, я пойду и скажу господину моему, и онъ дастъ тебѣ за нихъ столько злата, сколько хочешь“. Что жъ отвѣчалъ юноша? „Повѣрь мнѣ, говоритъ, если бы ты принесъ злато всего міра, и тогда не отдалъ бы я ни тебѣ, ни другому кому, ни одного цвѣтка“. — Слышите ли цѣну всѣхъ богатствъ міра: они не стоютъ одного цвѣтка райскаго! Но, о, юноша прекрасный! почему же такъ дорогъ у тебя одинъ цвѣтъ райскій, что за него не хочешь отъ всего міра собраннаго золота? Отвѣчалъ юноша: „потому что цвѣтъ райскій имѣетъ такую красоту, которой умъ человѣческій постигнуть и языкъ изъяснить не можетъ. Онъ имѣетъ силу радостнотворную, потому что самою красотою своею и неизреченнымъ благоуханіемъ столь увеселяетъ человѣческое сердце, что если бы человѣкъ всегда на него смотрѣлъ, то не захотѣлъ бы ни ѣсть, ни пить, и не ощущалъ бы въ себѣ никакой болѣзни; къ тому же, цвѣтъ оный не увядаетъ, но всегда цвѣтетъ“.—Посмотримъ же на богатство міра сего,—имѣетъ ли оно такую силу, какъ цвѣтъ оный райскій: не увядаетъ ли, и красоты своей не теряетъ ли? и поистинѣ ли увеселяетъ человѣческое сердце? Увеселяетъ, но на самое краткое время, а великихъ печалей надолго исполняетъ. Ибо кому вопіетъ апостолъ: *пріидите нынѣ богатіи, плачитеся и рыдайте о лютыхъ скорбехъ вашихъ, грядущихъ на вы. Богатство ваше изгни, и ризы ваша моліе поядоша* (Іак. V, 1—2). Теперь всякій знай цѣну всѣхъ богатствъ мірскихъ: они не стоютъ одного цвѣта райскаго!—Но попытаемся узнать цѣну души человѣческой—христіанской. Если одинъ цвѣтъ райскій такъ драгоцѣненъ, что богатства всего міра не могутъ сравниться съ нимъ, то тѣмъ болѣе душа человѣческая, ради который насажденъ отъ Бога рай и обогащенъ всякими отъ Бога добротами. Цѣна души человѣческой та же, что и цѣна крови Сына Божія; ибо святой апостолъ говоритъ: *не истлѣннымъ сребромъ или златомъ* вы искуплены, *но честною кровію Агнца непорочна и пречиста Христа* (1 Петр. I, 18.—19). Взвѣсь кровь Сына Божія, взвѣсишь и цѣну души; оцѣни воплощеніе Сына Божія, оцѣни Его чудеса, страданія, крестъ и смерть,—тогда оцѣнишь и душу. Пусть всякій разсудитъ, въ какую цѣну Самъ Сынъ Божій поставилъ душу человѣческую: выше небесъ, выше ангеловъ, выше престола Своего Божественнаго и всего небеснаго царства; ибо ради ея, оставивъ все то, на землю снисшелъ, ради ея Себя не пощадилъ, душу Свою за нее на крестѣ положилъ... Ищи же тутъ цѣну души человѣческой!—Наконецъ, что полезнѣе—душа или міръ сей? Полезнѣе то, что долговѣчнѣе, чѣмъ дольше можно пользоваться, чего на должайшее время станетъ. Но извѣстно ли кому, какъ долго можно пользоваться міромъ, годъ ли, два ли, десять, или сто? Поистинѣ, никто не знаетъ, поживетъ ли въ мірскихъ благахъ и одинъ день, отъ утра до вечера, или отъ вечера до возсіянія другого дня; ибо всякому и всегда возглашаетъ труба евангельская: *безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже уготовалъ еси, кому будутъ?* (Лук. XII, 20). А душа надолго ли дана человѣку?—Не только на временную сію жизнь, но и на вѣки вѣчные. Ибо хотя человѣкъ временно и умираетъ, однако душа безсмертна и живетъ по смерти человѣческой, какъ написано: *праведныхъ души въ руцѣ Божіей и не прикоснется ихъ мука* (Прем. III, 1). А въ общее, несомнѣнно чаемое воскресеніе мертвыхъ душа снова соединится съ тѣломъ, *егда тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе и мертвенное сіе облечется въ безсмертіе* (1 Кор. XV, 54). О, какъ долго, въ безконечные вѣки, будетъ жить душа наша! Что же предъ нею міръ сей, днесь сущій, а утрѣ погибающій?—Такимъ образомъ, взвѣсивъ душу и міръ, съ дерзновеніемъ говорю, что душа несравненно лучше и дороже міра, ее подобаетъ любить, о ея спасеніи всячески пещися. Безуменъ же и пребезуменъ всякъ, кто душу свою погубляетъ за суету мірскую! *Кая польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, и отщетитъ душу свою?* (Изъ сочиненій святителя Димитрія, митрополита ростовскаго).

8. Правила благочестивой жизни христіанина (съ присовокупленіемъ наставленій, содѣйствующихъ къ избранію и мужественному прохожденію сей жизни).

I. *Въ началѣ добродѣтельной жизни избирай пока одну какую-либо добродѣтель,* къ которой особенно расположена душа. Дабы удобнѣе совершать служеніе добродѣтели, которое требуетъ отъ человѣка особеннаго вниманія и разсудительности, для сего мужи опытные въ духовной жизни совѣтуютъ, не оставляя прочихъ добродѣтелей, избирать преимущественно одну изъ нихъ, къ которой особенно расположена душа, и подвизаться въ ней. Нѣкто изъ отцовъ спросилъ великаго авву Нистероя, друга аввы Антонія: „какое бы доброе дѣло дѣлать мнѣ?“ Авва отвѣчалъ ему: „не всѣ ли дѣла равны? Писаніе говоритъ: Авраамъ былъ страннолюбивъ, и Богъ былъ съ нимъ; Илія любилъ безмолвіе, и Богъ былъ съ нимъ; Давидъ былъ кротокъ, и Богъ былъ съ нимъ. Итакъ смотри, чего желаетъ по Богу душа твоя, то и дѣлай и блюди сердце твое“. („Достоп. сказ. о подвиж. св. отц.“ 211, 2).

И исторія подвижничества показываетъ намъ, что нѣкоторые святые прославились особенно въ служеніи какой-либо одной добродѣтели: иной подвизался преимущественно въ милосердіи, иной въ терпѣніи, другой въ воздержаніи и цѣломудріи.

II. *Подкрѣпляй и освѣжай свои духовныя силы* въ церкви *чрезъ св. таинства, въ особенности чрезъ частое вкушеніе св. тѣла и крови Христовой,* чрезъ церковныя молитвы, чрезъ благодать св. Духа, чрезъ совѣты и наставленія Богоучрежденнаго пастырства: потому что церковь есть дѣйствительно прекрасный домъ, гдѣ путникъ, идущій въ царствіе Божіе, получаетъ подкрѣпленіе и освѣженіе своихъ силъ для дальнѣйшаго пути.

III. *Не смущайся скорбями на пути благочестивой жизни, ведущей человѣка въ царство небесное: онѣ необходимы и спасительны.*

„Что ученіе о скорбяхъ ради царствія небеснаго есть *коренное или существенное* и всеобщее въ христіанствѣ, въ этомъ не трудно удостовѣриться изъ наставленій Самого Спасителя и Господа нашего Іисуса Христа, учитъ мудрый учитель отечественной церкви, святитель Филаретъ, митр. московскій. Посмотрите, чѣмъ началъ Онъ Свое ученіе о царствіи небесномъ: *блажени нищіи духомъ; блажени плачущіи...* (Мѳ. V, 3—4). Ощущеніе нищеты болѣе или менѣе соединено съ ощущеніемъ скорби; и плачъ, даже благочестивый, течетъ изъ источника скорби; впрочемъ должно быть и такое время, когда, какъ Моисей древомъ усладилъ горькія воды Мерры, Христосъ крестомъ услаждаетъ горесть благочестиваго плача. Чѣмъ оканчиваетъ Господь Свое ученіе о блаженствѣ? *Блажени есте, егда поносятъ вамъ и ижденутъ, и рекутъ всякъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради* (Мѳ. V, 11). Видите, что ученіе Господне о блаженствѣ скорбію начато, и еще большею скорбію окончено! Или, какое ученіе можетъ быть болѣе общимъ для христіанъ, какъ ученіе о послѣдованіи Христу? Но въ чемъ состоитъ это ученіе? *Аще кто хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возьметъ крестъ свой, и* *по Мнѣ грядетъ. Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю: и иже аще погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю* (Мѳ. XVI, 24—25). Какъ ни уменьшайте силу, какъ ни смягчайте значеніе этихъ изреченій Господнихъ, во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что ими предрекаются послѣдователю Христову многія скорби. Если ты возьмешь крестъ и пойдешь за Христомъ, то куда ты придешь? Очевидно, туда, куда шелъ, взявъ крестъ, Онъ Самъ, слѣдовательно на Голгоѳу, на страданіе, на распятіе. *Погубить душу свою* ради Христа—значитъ ли пострадать за Него мученически, или значитъ пресѣчь и умертвить въ душѣ страстныя движенія, составляющія жизнь ветхаго человѣка, изсушить похоть, угасить ярость, обуздать порывы собственной воли, отвергнуть пристрастіе къ собственному мудрованію, самое выраженіе: *погубить душу,* которымъ изображены эти подвиги послѣдователя Христова, эти душевныя преобразованія, даетъ разумѣть, что здѣсь имѣютъ мѣсто многія скорби, простирающіяся даже до смертнаго боренія и подвига.

Апостолъ Петръ учитъ: *Христу пострадавшу за ны плотію, и вы въ ту же мысль вооружитеся* (1 Петр. IV, 1). Подлинно, *мысль о страданіи Христовомъ за насъ одна можетъ быть достаточна для того, чтобы примирить насъ со всякою скорбію* и страданіемъ ради Христа и Его царствія. Если Христосъ, не сотворившій грѣха, пострадалъ: можно ли намъ, грѣшнымъ, роптать на страданіе? Если Христосъ пострадалъ за насъ: какая была бы неблагодарность не хотѣть принять скорбь ради Его и Его заповѣдей? Если возлюбленный Спаситель нашъ піетъ чашу страданій: любовь къ Нему не должна ли ощутить жажду причаститься отъ чаши Возлюбленнаго? Если *подобаше,* должно было, сообразно было съ премудрою, праведною и благою судьбою Божіею *пострадати Христу и внити въ славу Свою* (Лук. XXIV, 26), и сіе *подобаше* ради насъ: какъ не повѣрить, что и намъ *подобаетъ,* должно, прилично сообразоваться съ примѣромъ и судьбою нашего Подвигоположника, *многими скорбями внити въ царствіе Божіе?*

Апостолъ указываетъ и *причину,* почему скорби нужны на пути въ царство небесное: *зане пострадавый плотію преста отъ грѣха, во еже не ктому человѣческимъ похотемъ, но воли Божіей прочее во плоти жити время* (1 Петр. IV, 1—2). Безъ сомнѣнія, Божественное просвѣщеніе апостола и его собственные страдальческіе опыты показывали ему причину, почему христіанинъ долженъ поставлять себя въ готовность къ страданіямъ: *зане пострадавый плотію преста отъ грѣха.* Въ самомъ дѣлѣ, грѣхъ, который человѣкомъ допущенъ, пробилъ себѣ дорогу въ его сердце и въ его существо. Если ты усиліемъ свободной воли, при помощи благодати, изгоняешь его: по пробитой дорогѣ онъ силится возвратиться. По слѣдамъ прежнихъ грѣховныхъ впечатлѣній вновь идутъ страстныя и грѣховныя движенія, возбуждаемыя воспоминаніемъ или присутствіемъ искушающихъ предметовъ и привычкою. Что же надобно дѣлать, чтобы рѣшительнѣе освободить себя отъ грѣха? Надобно не только изгнать его, но и пробитую имъ дорогу заградить, разрушить, истребить. Надобно глубоко взрыть землю сердца, чтобъ уничтожить слѣды грѣховнаго услажденія, чтобъ исторгнуть глубоко проникшіе тонкіе корни грѣха. Надобно съ огнемъ пройти по стезямъ внутреннихъ чувствъ, чтобъ очистить ихъ отъ остатковъ грѣховныхъ впечатлѣній. Слѣдовательно, надобны скорби и страданія, дабы *пострадавый плотію престалъ отъ грѣха.*

Найдя такимъ образомъ, что скорби въ рукѣ Провидѣнія суть очистительное орудіе для человѣка угототовляемаго къ царствію Божію, *мы не должны удивляться, если найдемъ въ опытахъ святыхъ и то, что высшему очищенію нерѣдко соотвѣтствуютъ преимущественно многія и великія скорби. Многи скорби праведнымъ* (Псал. XXXIII, 20), сказуетъ псалмопѣвецъ по наблюденію, а также и по собственному опыту исповѣдуетъ предъ Богомъ: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшеніе Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. XCIII, 19). *Лишени, скорбяще, озлоблени* (Евр. XI, 37): такими чертами апостолъ Павелъ описалъ ветхозавѣтныхъ подвижниковъ вѣры, не заботясь называть ихъ по именамъ: такъ находилъ онъ черты эти общими и обыкновенными. Если желаемъ изобразить жизнь и новозавѣтныхъ подвижниковъ вѣры, апостоловъ, мучениковъ, преподобныхъ, то и къ сему опять годятся тѣ же черты: *лишени, скорбяще озлоблени.*

Надобно намъ, братія-христіане, *прилежно* всматриваться въ эти два вѣрныя зеркала, именно въ зеркало слова

Божія и въ зеркало житія святыхъ, и *замѣчать, такъ ли, какъ подобаетъ,* мы *идемъ къ царствію Божію?*

Апостолъ Павелъ о себѣ говоритъ: *хвалимся въ скорбехъ* (Рим. V, 3). Отъ насъ, можетъ-быть, еще рано сего требовать. Исполняется ли въ насъ хотя другое, меньшее слово апостольское: *скорби терпяще, въ молитвѣ пребывающе* (XII, 12)? Скорби, которыми, по судьбамъ Божіимъ, мы посѣщаемся, пріемлемъ ли съ терпѣніемъ, и, когда изнемогаетъ терпѣніе, подкрѣпляемъ ли оное молитвою, чтобъ не впасть въ нетерпѣніе или ропотъ? Не тяготимся ли, напротивъ, даже легкими и обыкновенными въ жизни скорбями, трудностію нѣкоторыхъ дѣлъ, исполненіемъ нѣкоторыхъ желаній, лишеніемъ нѣкоторыхъ пріятностей жизни? И малая скорбь оскорбительнаго слова не истощаетъ ли иногда всего терпѣнія нашего, такъ что вмѣсто пріобрѣтенія посредствомъ ея награды терпѣнія, мы мучимъ сами себя преувеличенною и вредною скорбію гнѣва и памятозлобія?

Апостолъ Павелъ писалъ къ коринѳскимъ христіанамъ: *нынѣ радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся въ покаяніе, оскорбѣсте бо по Бозѣ* (2 Кор. VII, 9). Скорбимъ ли мы о грѣхахъ нашихъ, скорбію по Бозѣ, скорбію покаянія, столь искренняго и глубокаго, чтобы о нашей скорби радовались ангелы, какъ о залогѣ нашего исправленія и спасенія?

Кто не подвергаетъ себя добровольно очистительной работѣ внутренней скорби покаянія и самоукоренія, и внѣшнихъ скорбей не пріемлетъ съ терпѣніемъ и смиреніемъ: тотъ еще не на пути, который указываетъ евангеліе къ царствію Божію. *Многими бо скорбми подобаетъ внити въ царствіе Божіе.*“ (Пропов. Филар., митр. моск. ч. I. с. 229 - 302).

IV. *Будь увѣренъ, что добродѣтель не есть дѣло трудное.* Св. Исидоръ Пелусіотъ говоритъ: „добродѣтель, какъ я думаю, казалась и теперь кажется дѣломъ труднымъ не по собственной ея природѣ, но по причинѣ холодной безпечности тѣхъ, кои не хотѣли слѣдовать ея закону. Кто смотритъ на вещи со вниманіемъ, для того добродѣтель гораздо легче кажется, нежели порокъ. А кто сему не вѣритъ, тотъ пусть не шумитъ, но безъ предразсудка и спора подождетъ доказательствъ. Я умолчу о томъ, что добродѣтель есть вещь божественная, благороднѣйшая и съ природою чтителей ея сообразнѣйшая; не буду говорить, что она составляетъ для нихъ украшеніе и славу, въ этомъ согласны всѣ, а коснусь только того, что служитъ предметомъ спора. Что труднѣе, скажи мнѣ: искать ли несмѣтныхъ сокровищъ, или довольствоваться тѣмъ, что имѣешь? денно и нощно вычислять гнусные прибытки и насильственные проценты, или наслаждаться довольствомъ и любовію къ ближнему? Что труднѣе: обижать ли всѣхъ, или помогать обиженнымъ? страдать отъ мучительной болѣзни сребролюбія, или быть свободнымъ отъ ея свирѣпства? сплетать обманы, или торговать съ другими по честности? возмущаться противъ правителей, или жить спокойно? похищать чужое имущество, или дарить и собственное? вмѣшиваться въ чужія дѣла и злодѣянія, или не быть причастнымъ ихъ дѣламъ и страху? Что труднѣе: заботиться ли о многомъ и несбыточномъ, или имѣть одну заботу, какъ бы не измѣнить добродѣтели? безъ нужды подвергать себя трудамъ, или наслаждаться покоемъ? никогда не знать сытости, или не любить того, что возбуждаетъ непрестанно большую алчность? плавать по морямъ и терпѣть кораблекрушеніе, или оставаться въ пристани и спасать погибающихъ? Я хотѣлъ было показать только легкость добродѣтели и трудность порока, но увлекся далѣе и сказалъ больше. Я показалъ и то, что добродѣтель соединена съ удовольствіемъ, а порокъ съ скорбію... Если же это такъ, если не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что добродѣтель и легче, и пріятнѣе, и сообразнѣе съ природою человѣка: то прилѣпимся къ ней всѣми силами и всею душою; прилѣпимся къ той, которая и въ настоящей и въ будущей жизни ревнителямъ своимъ доставляетъ славу“.

V. *Подвигъ спасенія своей души облегчается помощію Божіею и нашимъ усердіемъ.* Одинъ инокъ подвергся смущенію помысловъ о трудности спасенія и не могъ продолжать своего подвига отъ унынія. Онъ пошелъ къ одному святому старцу и разсказалъ ему о скорби своей. Старецъ, выслушавъ брата, разсказалъ ему слѣдующую притчу: нѣкоторый человѣкъ имѣлъ землю, которая по небреженію его обратилась въ неудобную, поросшую волчцами и терніемъ; впослѣдствіи онъ нашелъ нужнымъ воздѣлать ее и сказалъ сыну своему: „поди, очисти принадлежащее намъ это поле“. Сынъ пошелъ. Когда онъ обозрѣлъ поле, то увидѣлъ, что оно поросло множествомъ плевеловъ и тернія. Упавъ духомъ, онъ сказалъ самъ себѣ: „когда искореню весь этотъ соръ и очищу землю?“ Съ этими словами онъ легъ на землю и предался сну. Такъ поступалъ онъ въ теченіе многихъ дней. Послѣ этого пришелъ отецъ посмотрѣть, что сдѣлано, и увидѣлъ, что ничего не сдѣлано. Онъ сказалъ сыну: „почему ты до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ?“ Юноша отвѣчалъ отцу: „я пришелъ было на работу, но, увидѣвъ множество волчца и тернія, отказался отъ исполненія работы, отъ смущенія подвергся на землю и спалъ“. Тогда отецъ сказалъ ему: „сынъ! если бы ты каждый день обрабатывалъ такое пространство земли, какое занимаешь, лежа на ней, то работа твоя подвигалась бы мало-по-малу“. Услышавъ это, юноша поступилъ по наставленію отца: въ короткое время поле было очищено и обработано. „Такъ и ты братъ, сказалъ старецъ въ наставленіе пришедшему къ нему иноку, *мало-по-малу входи въ подвигъ и не унывай, а Богъ благодатію Своею возведетъ тебя въ прежнее твое состояніе*. Услышавъ это, братъ ушелъ и поступалъ такъ, какъ наученъ былъ. Обрѣтши миръ душевный, онъ преуспѣвалъ о Господѣ“. („Отечникъ“, стр. 495).

VI. *Знай, что и маловажныя дѣла могутъ служить средствами ко спасенію.* Исторія христіанскаго подвижничества представляетъ не мало примѣровъ того, какъ и маловажныя по суду міра дѣла могутъ служить для многихъ важнымъ средствомъ ко спасенію, облегчая возможность совершать другія богоугодныя дѣла. Такъ, воздержность или умѣренность въ пищѣ, которую многіе считаютъ ничтожною вещію въ дѣлѣ спасенія и, почитая за малость, пренебрегаютъ ею, указана была одному смиренному христіанину, какъ главное средство къ его спасенію. Бывъ озабоченъ своимъ спасеніемъ, онъ молилъ Бога указать ему путь къ нему; и вотъ въ одну ночь во время легкаго сна онъ слышитъ голосъ[1]), на иностранномъ языкѣ, повелѣвающій ему обуздывать чрево. Что за важность въ томъ, буду ли я удаляться общенія съ людьми, или не буду, буду ли молчать, или скажу слово, другое, третье? Такъ, многіе думаютъ и говорятъ, считая это за ничто, но преп. Арсенію Великому открыто было, что удаленіе отъ людей и молчаніе были главныя и существенныя средства къ его спасенію; находясь еще при царскомъ дворѣ, молился онъ Богу такъ: „Господи! научи меня, какъ спастися“. И былъ къ нему таинственный голосъ: „Арсеній! бѣгай отъ людей и спасешься“. Удалившись въ уединеніе, онъ опять молился Богу тѣми же словами, и услышалъ голосъ, говорящій ему: „Арсеній! бѣгай, молчи, пребывай въ безмолвіи, ибо въ этомъ корни святой жизни“. („Дост. сказ. о подв. св. отцовъ“ въ русск. пер.). Такъ св. отцы и подвижники, по дарованному имъ отъ Бога прозрѣнію въ состояніе душъ тѣхъ благоговѣйныхъ людей, которые искали отъ нихъ совѣтовъ и наставленій къ богоугодной жизни, одному совѣтовали неисходное пребываніе въ своей кельѣ (тамъ же стр. 14; ст. 11, стр. 158), другому—молчаніе и обузданіе языка (тамъ же стр. 53, ст. 10, стр. 136, ст. 1), иному неосужденіе (тамъ же стр. 112, ст. 2; стр. 149, ст. 27) и удаленіе отъ злословія (тамъ же стр. 116, ст. 1); каждому совѣтовали то, что служило главнымъ средствомъ къ усовершенствованію его въ дѣлѣ спасенія.

Итакъ, читатель, можетъ-быть то или другое дѣло, которое кажется тебѣ не важнымъ, та или другая заповѣдь, нарушеніе которой ты считаешь грѣхомъ малымъ, *есть то самое дѣло*, та самая заповѣдь, которая предоставлена тебѣ Богомъ, какъ врачевство къ исправленію твоихъ пороковъ, къ уврачеванію господствующей въ тебѣ страсти, которая, если бы ты тщательно исполнялъ ее, послужила бы тебѣ дѣйственнымъ средствомъ къ спасенію души твоей и ключомъ небеснаго царства. (Сост. по „Душ. чт.“ 1865 г.).

VII. *Соблюдай слѣдующія правила благочестивой жизни, необходимыя для тѣхъ христіанъ, которые идутъ въ царствіе небесное по пути, указанному Іисусомъ Христомъ:*

а) Не смотри на другихъ порочныхъ людей, какъ они живутъ, и не оправдывай себя ихъ примѣромъ и не говори такъ, какъ говорятъ многіе: что дѣлать, я не одинъ живу такъ, и не одинъ не исполняю заповѣдей Христовыхъ, но почти всѣ такъ дѣлаютъ. На страшномъ судѣ не защититъ тебя то, что не одинъ ты худо жилъ на свѣтѣ...

б) Когда ты пойдешь по сему пути, то многіе люди, а можетъ-быть и самые ближніе и домашніе, будутъ насмѣхаться надъ тобою; ты не смотри на это и не безпокойся. Вспомни, что и надъ Іисусомъ Христомъ смѣялись, но Онъ не враждовалъ на нихъ, молчалъ и молился объ нихъ; точно такъ поступай и ты.

---

[1]) Голосъ послышался ему на греческомъ языкѣ. Пробужденный этимъ голосомъ, онъ встаетъ, справляется въ словарѣ и узнаетъ знаменательное значеніе дотолѣ непонятнаго ему слова.

в) Есть нѣкоторые люди, которые путь въ царствіе небесное, показанный надъ Іисусомъ Христомъ, Сыномъ Божіимъ, считаютъ не тѣмъ, чѣмъ должно, и говорятъ, что и безъ этого пути можно достигнуть царствія небеснаго, и что этотъ путь не для всѣхъ, а для немногихъ, и проч. Но ежели кто изъ таковыхъ людей встрѣтится съ тобою и будетъ останавливать тебя или отсовѣтывать тебѣ, то *не слушай его*; и даже если бы ангелъ сошелъ съ неба и сталъ говорить тебѣ, что не надобно итти по тому пути, по которому прошелъ Іисусъ Христосъ, то не слушай и его. Но и не спорь съ такими соблазнителями твоими и врагами, лучше пожалѣй ихъ и помолись объ нихъ.

г) Когда ты истинно пойдешь по сему пути, то самъ діаволъ возстанетъ на тебя и будетъ искушать тебя различными искушеніями: онъ будетъ внушать тебѣ худыя мысли или сомнѣнія въ самой вѣрѣ и явныхъ истинахъ или даже хулу на святыню, и проч., но ты не бойся его, потому что діаволъ безъ Божія попущенія не можетъ тебѣ сдѣлать ничего; и тебѣ стоитъ только помолиться Господу, и діаволъ, какъ стрѣла, отлетитъ отъ тебя.

д) Теперь надобно сказать, что кто, идя по пути христіанства, будетъ надѣяться только на свои силы, тотъ не сдѣлаетъ даже шагу на немъ; и если бы І. Христосъ, великій благодѣтель нашъ, не давалъ намъ помощи къ тому, то никакой человѣкъ не могъ бы пройти симъ путемъ. И самые даже апостолы, когда не имѣли этой помощи, не могли, боялись и страшились итти за І. Христомъ; но когда получили помощь отъ І. Христа, тогда пошли они за Нимъ съ радостію и веселіемъ, и никакія трудности и страданія, и даже самая смерть не устрашили ихъ. Но какая это помощь, которую даетъ І. Христосъ идущимъ за Нимъ? Помощь эта есть помощь Духа Святаго, Котораго даруетъ намъ І. Христосъ, и Который всегда при насъ, и всегда окружаетъ насъ и привлекаетъ къ Себѣ; и всякій, кто только хочетъ, можетъ получить Его и исполняться Имъ.

Извѣстныя и *истинныя средства къ полученію Духа Святаго,* по ученію священнаго писанія и по опытамъ великихъ святыхъ, суть слѣдующія: *чистота сердца и цѣломудріе, смиреніе, слушаніе гласа Божія, молитва, каждодневное самоотверженіе. чтеніе и слушаніе священнаго писанія, таинства церкви и въ особенности святое причащеніе.*

Всякая вѣрная душа исполнится Духомъ Святымъ, если она очищена отъ грѣховъ и не загромождена и не закрыта самолюбіемъ и гордостію, ибо Духъ Святый всегда окружаетъ насъ и желаетъ наполнить насъ, но злыя дѣла наши, окружающія насъ подобно каменной и крѣпкой оградѣ, какъ злые стражи, не допускаютъ Его до насъ и удаляютъ Его отъ насъ. Всякій грѣхъ можетъ удалять отъ насъ Духа Святаго, но особенно Ему противны тѣлесная нечистота и духовная гордость. Духъ Святый, какъ совершеннѣйшая чистота, никакъ не можетъ быть въ человѣкѣ, оскверненномъ грѣхами. Да и какъ Онъ можетъ быть въ сердцѣ нашемъ, когда оно наполнено и загромождено разными заботами, желаніями и страстями? (Заим. съ сокращ. изъ книги: „Указаніе пути въ царствіе небесное“, Иннокентія, митр. моск.).

VIII. *Помни всегда, что въ добродѣтели начало трудно, но продолженіе пріятно и легко.* Представьте случай, когда огромная рѣка принимаетъ другое направленіе теченія, по мысли людей. Въ началѣ это требуетъ громадныхъ, почти невозможныхъ усилій, пока не выкопано новое дно, пока теченіе воды не введено въ новое русло. Но если рѣка приняла однажды новое теченіе, то-есть, если вся сила воды устремилась по новому дну, между новыми берегами, быстрота теченія начинаетъ увеличиваться больше и больше, по мѣрѣ пройденнаго пути. То же самое бываетъ и съ твердостію въ добрѣ. Въ началѣ она требовала отъ людей сильной борьбы противъ чувственной природы, противъ себя, многихъ слезъ и молитвъ, пока ихъ мысли и желанія, все сердце ихъ не отрѣшилось отъ земного и не утвердилось въ Господѣ, пока вся жизнь ихъ не оставила прежняго теченія и не приняла новаго. Но когда любовь къ своему Господу І. Христу глубоко укоренилась въ ихъ сердцѣ, когда она пріобрѣла силу и жизнь и окрѣпла въ борьбѣ противъ грѣха, тогда имъ стало легко постоянно мыслить о Немъ и какъ бы жить предъ очами Его; потокъ мысли ихъ шелъ обыкновенно въ своемъ руслѣ. („Цвѣт. дух.“, ч. І. 1882 г., стр. 108—109).

IX. *Крѣпко держись той истины, что до ужасной степени зла человѣкъ можетъ доходить и дѣйствительно доходитъ постепенно, начиная съ самаго малаго зла.* „Молю васъ,—говоритъ св. Златоустъ,—не давайте мѣста въ своей душѣ какому бы то ни было злу; не обольщайте себя симъ душепагубнымъ помысломъ: что за важность въ томъ или этомъ? Отсюда-то рождаются безчисленные роды золъ. Коварный діаволъ начинаетъ дѣйствія свои съ малаго. Ибо есть въ душѣ нашей нѣкоторый стыдъ грѣха, котораго вдругъ одолѣть, чтобы дойти до безстыдства, нельзя; напротивъ, душа нисходитъ до крайней погибели непримѣтно, мало-по-малу, когда вознерадитъ. Смотри, какъ поступилъ діаволъ съ Каиномъ: не тотчасъ увлекъ его на убійство брата, да иначе и не успѣлъ бы убѣдить его, но, во-первыхъ, склоняетъ его принести худшее на жертву, внушаетъ ему, что въ этомъ нѣтъ грѣха; во-вторыхъ, возжегъ въ немъ зависть, увѣряя, что ничего и въ этомъ нѣтъ; потомъ, въ-третьихъ, убѣдилъ умертвить брата и запираться предъ Богомъ въ гнусномъ смертоубійствѣ, и не прежде отступилъ отъ него, пока не довелъ до крайняго зла. Итакъ, надобно отражать зло въ началѣ. Если бы іудеямъ не представлялось маловажнымъ то, что они плѣнены тщеславіемъ, то, конечно, не дошли бы до Христоубійства. И всякое зло такъ обыкновенно совершается: всякій не скоро и не вдругъ впадаетъ въ нечестіе“ (Бес. на Мѳ. LXXXVI).

X. *Избѣгай одного наружнаго благочестія, которое не имѣетъ никакой цѣны въ очахъ Божіихъ.* Часто бываетъ такъ, что на видъ дѣлается будто дѣло Божіе, а въ существѣ это совсѣмъ другое. Сколько лукавства скрывается въ развращенной волѣ человѣка! И кто въ силахъ разгадать всѣ его уклоненія и распутія? Разскажемъ одинъ случай, бывшій въ Москвѣ въ 1812 году. Былъ въ Москвѣ одинъ благочестивый человѣкъ, постникъ, богомолецъ, милостивецъ, всѣ его чтили и всѣ были увѣрены въ твердости его добродѣтели. Но когда русскіе оставили Москву и, по вступленіи въ нее французовъ, всѣ наши порядки тамъ разстроились и всякому было возможно жить, какъ хочетъ, то этотъ человѣкъ, оставшійся въ Москвѣ по какимъ-то причинамъ, предался пьянству и нечистой жизни съ такою неудержимостью и безстыдствомъ, какія рѣдко встрѣчали у постоянныхъ грѣшниковъ. Единому Господу извѣстно, что это значитъ! Могло случиться, что въ сердцѣ этотъ человѣкъ всегда имѣлъ позывъ на такія дѣла и никогда сердцемъ не отрицался отъ нихъ. Внѣшняя обстановка, въ какой онъ находился прежде, удерживала его въ исправномъ поведеніи, но когда этой преграды не стало, тогда скрывавшіяся въ сердцѣ его расположенія выступили наружу и явили себя въ соотвѣтственныхъ дѣлахъ. Сколько, можетъ-быть, есть на свѣтѣ такого рода лицъ. До времени все исправно, а потомъ все падаетъ и является никуда негоднымъ. Почему? Потому, что все дѣлалось *по внѣшнимъ причинамъ,* и съ устраненіемъ ихъ прекратились самыя дѣла. У кого есть такой порядокъ жизни, этого никто, кромѣ Господа, не вѣдаетъ. Всякій самъ про себя разумѣй, не на такомъ ли непрочномъ основаніи строится его исправное поведеніе. (См. кн. „Письма о христіанской жизни“, еписк. Ѳеофана, стр. 98).

XI. *Достигай изъ трехъ степеней нравственнаго совершенства высшей.* „Мнѣ извѣстны,—говоритъ св. Григорій Богословъ,—три степени въ спасаемыхъ: рабство, наемничество и сыновство. Если ты рабъ, то бойся побоевъ; если наемникъ, одно имѣй въ виду — получить; если стоишь выше раба и наемника, даже сынъ, стыдись Бога, какъ Отца; дѣлай добро, потому что хорошо повиноваться Отцу. Хотя бы ничего не надѣялся ты получить, угодить Отцу само по себѣ награда“ („Слово на святое крещеніе“, томъ III, стр. 283). Въ другихъ мѣстахъ тотъ же св. отецъ выражается о томъ же предметѣ еще опредѣленнѣе: „истинно любомудрые и боголюбивые, — говоритъ онъ, — любятъ общеніе съ добромъ ради самаго добра, а не ради почестей, уготованныхъ за гробомъ, ибо это уже вторая степень похвальной жизни: дѣлать что-либо изъ-за награды и воздаянія; а третья—избѣгать зла по страху наказанія“. („1-е слово противъ Юліана“, томъ I, стр. 110).

XII. *Не упускай изъ виду, что добродѣтельная жизнь не только не вредитъ здоровью, но, наоборотъ, укрѣпляетъ и даже просвѣтляетъ самое тѣло человѣка.*

а) Вотъ что повѣствуетъ достовѣрный свидѣтель объ одномъ древнемъ подвижникѣ (св. Орѣ): „видъ онъ имѣлъ ангельскій, ему было 90 лѣтъ отъ роду, но тѣло его ничего не потеряло, лицо у него было свѣтлое и доброе, съ перваго взгляда внушало почтеніе къ себѣ". И между тѣмъ, „живя въ пустынѣ, онъ питался только травами и сладкими кореньями, пилъ воду, и то когда находилъ, все же время проводилъ въ молитвахъ и пѣніи". (Палладія, еп. еленопольскаго „Лавсаикъ", гл. 9).

б) И о самомъ отцѣ иночествующихъ, Антоніи Великомъ, повѣствуетъ жизнеописатель его св. Аѳанасій, что послѣ 20 лѣтъ самаго строгаго подвижничества, въ продолженіе котораго цѣлыя ночи проводилъ онъ безъ сна, питался только хлѣбомъ и водою однажды въ день, по захожденіи солнца, иногда же чрезъ два и чрезъ четыре дня,—знавшіе его нашли его такимъ же, какимъ былъ и до отшельничества: къ удивленію всѣхъ лицо его цвѣло прежнею свѣжестію и красотою, и вообще лицо его имѣло великую и необычайную пріятность. (Тв. св. Аѳанасія алекс. III, 218, 263). И можно было бы представить множество подобныхъ примѣровъ, ибо самые строгіе подвижники благочестія большею частію доживали до глубокой старости и пользовались здоровьемъ.

XIII. *Потрясай и умягчай свое сердце какими-либо грозными и отрезвляющими представленіями, которыя могли бы подвигнуть тебя къ дѣятельной заботѣ о своемъ спасеніи.*

Потрясай и умягчай ими нечувственное сердце свое, какъ тяжелый молотъ умягчаетъ жестокій камень.

а) *Помяни послѣдняя твоя.* Говори себѣ: „увы, скоро *смерть*". Одинъ, другой умираютъ около тебя; вотъ-вотъ ударитъ и твой часъ. Не отдаляя отъ себя часа смертнаго, внуши себѣ, что уже посланъ ангелъ смерти, идетъ, приблизился. Или вообрази себя человѣкомъ, надъ головою котораго мечъ, готовый поразить его. Затѣмъ живѣе представь, что будетъ съ тобою въ смерти и послѣ смерти. *Судъ при дверехъ.* Тайная твоя обличатся предъ ангелами и всѣми святыми. Тамъ, предъ лицемъ всѣхъ, будешь стоять ты одинъ съ дѣлами твоими. Отъ нихъ или осудишься, или оправдишься. А что—*рай*, и что—*адъ*?.. Въ раю—блаженство, котораго описать нельзя; въ адѣ—мука безъ отрады и конца; на немъ печать рѣшительнаго отверженія Божія. Воспріими все это въ чувство и понудь себя побыть въ немъ, пока не исполнитъ тебя *страхъ и ужасъ*.

б) *Обратись потомъ къ Богу, и поставь себя, оскверненнаго и обремененнаго многими грѣхами, предъ лицомъ Его, вездѣсущаго, всевѣдущаго, всещедраго, долготерпѣливаго!..* Еще ли будешь оскорблять око Божіе мерзкимъ видомъ своимъ грѣховнымъ? Еще ли будешь обращать неблагодарно хребетъ къ ущедряющему тебя всесторонне? Еще ли будешь затыкать уши предъ отеческимъ гласомъ, милостиво призывающимъ тебя? Еще ли будешь отвращать руку, простираемую къ пріятію тебя?.. Воспріими въ чувство эту несообразность и поспѣши возбудить и укрѣпить въ себѣ *жалость и печаль въ Богѣ.*

в) *Помяни при томъ, что ты христіанинъ, искупленъ кровію Христовою, омытъ водою крещенія, пріялъ даръ Духа Святаго, бываешь на трапезѣ у Господа и питаешься плотію и кровію Его.* И все это попрано тобою грѣха ради, разрушающаго тебя!.. Взойди мысленно на Голгоѳу, и пойми, чего стоютъ грѣхи твои... Ужели и еще будешь уязвлять главу Господа терніями грѣховъ твоихъ? Еще ли будешь пригвождать Его ко кресту, пробождать ребра Его и издѣваться надъ долготерпѣніемъ Его? Или ты не вѣдаешь, что, грѣша, участвуешь и въ мученіи Спасителя и раздѣлишь за то участь мучителей, а если бросишь грѣхъ и покаешься, то причастишься силы смерти Его? Избирай одно изъ двухъ: или распинать и вѣчно гибнуть,—или сраспинаться и животъ съ Нимъ вѣчный наслѣдовать.

г) *Разсуди далѣе, что такое грѣхъ, къ которому ты такъ льнешь.* Это зло, бѣдственнѣйшее изъ всѣхъ золъ, оно отдаляетъ насъ отъ Бога, разстраиваетъ душу и тѣло, предаетъ мученіямъ совѣсти, подвергаетъ казнямъ Божіимъ въ жизни, въ смерти и по смерти, ввергаетъ въ адъ, заключая рай на вѣки. Какое чудовище любимъ!.. Воспріими въ чувство все зло отъ грѣха, и напрягись *мерзить имъ и отвращаться отъ него.*

Когда, такимъ образомъ, будешь втѣснять въ сердце одно за другимъ сокрушающія и умягчающія чувства—то ужасъ и страхъ, то печаль и жалость, то отвращеніе и ненависть, оно будетъ мало-по-малу согрѣваться, приходить въ движеніе, а за нимъ начнетъ приходить въ движеніе и напрягаться разслабленная воля. Какъ струи электричества сообщаютъ тѣлу нѣкоторую напряженность и возбужденность, или какъ утренній, чистый и прохладительный воздухъ сообщаетъ нѣкоторую свѣжесть и подвижность, такъ и чувства эти, исполнивъ душу, возбудятъ уснувшую ея энергію, возродятъ позывъ и готовность дѣйствовать для выхода изъ опаснаго своего положенія. Это будутъ первые начатки дѣятельнаго попеченія о спасеніи своемъ. Спѣши же съ сей минуты еще рѣшительнѣе. (См. кн. „Путь ко спасенію", еписк. Ѳеофана, изд. 6, стр. 166—170).

XIV. *Гони отъ себя сонъ безпечности о своемъ спасеніи.* Разслабла воля на добро долгимъ пребываніемъ въ грѣхѣ, собирай теперь вокругъ нея такія помышленія, которыми обыкновенно возбуждается энергія, представь на сторонѣ добра спасительность, высоту, общегодность, легкость исполненія и удаленія препятствій, отраду, сейчасъ готовую, и главное—необходимость; на сторонѣ же грѣха—все противоположное сему; подольше и поискреннѣе потолкуй это собѣ, пока расшевелишь себя и приведешь въ бодренное напряженіе, готовое тотчасъ приступить къ дѣлу. Говори душѣ своей:

а) Вѣдь одно изъ двухъ,—или вѣчно погибать, если такъ останешься, или, если не хочешь этого, то покайся и обратись ко Господу и заповѣдямъ Его. А медлить чего ради? Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Блюдись при томъ: вѣдь смерть при дверяхъ.

б) Много ли труда? Только начни, только подвигнись. Господь близъ, и всякая помощь отъ Него готова тебѣ.

в) А благо какое!.. Сбрось это бремя и эти узы, вступишь въ свободу чадъ Божіихъ.

г) Что мучишь ты себя, какъ врагъ какой? Ни днемъ, ни ночью не видишь покоя. Всюду смятеніе и тревога. Только одинъ сдѣлай поворотъ внутри, и все это исчезнетъ—увидишь отраду жизни.

д) Посмотри: всѣ уже пошли ко Господу... и тотъ обратился, и другой, и третій. Ты что стоишь? Иди! Развѣ ты хуже другихъ?

е) Все вокругъ тебя живетъ, и все призываетъ тебя къ жизни. Богъ нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ. Пріобщись и ты къ живущимъ Его жизнію. Иди, пей изъ источниковъ воды живой.

Энергія разслабѣвшей воли всегда возбуждается, когда поставитъ себя человѣкъ между крайностями, — или гибнуть, или измѣнить жизнь. Чувство самосохраненія тотчасъ начнетъ возбуждать на дѣло. Укажи послѣ сего, сколь великое благо ожидается отъ перемѣны жизни на лучшее, какъ легко это сдѣлать, и какъ ты способенъ къ тому, и призванъ, и всѣ средства имѣешь подъ руками, какъ всѣ добрые, и на землѣ и на небѣ, будутъ обрадованы, вступятъ въ общеніе съ тобою, на руки тебя возьмутъ, и пойдетъ радость въ общей жизни со всѣми живущими о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, укажи все это, и воспрянетъ ослабшая воля, исправятся разслабленныя колѣна твои.

Такъ трудясь надъ собою, больше и больше будешь прогонять свое ослѣпленіе, нечувствіе и безпечность. Но трудись, и трудись, не ослабѣвая. Есть лукавство въ грѣшной душѣ, что она всячески уклоняется отъ труда по дѣлу спасенія. Приди, возьми и понеси ее, поперечить не станетъ, ей лишь самой потрудиться не хочется. Въ твоемъ внутреннемъ никто господиномъ быть не можетъ, кромѣ тебя самого. Самъ войди въ себя и самъ себя ломай, поражай, вразумляй; самъ съ собою веди дѣло предъ лицомъ Бога; самъ себя уговаривай и убѣждай. Посему-то, въ дѣлѣ обращенія, разсужденіе съ самимъ собою, можно сказать, единственная къ тому дверь. Ужъ если самъ собою не разсудишь и не обдумаешь, какъ быть, кто за тебя это сдѣлаетъ? Оттого и говорится тебѣ: „о томъ разсуди, то представь, въ то и то вникни".

Разсужденіе свое надо такъ вести, чтобы оно было приспособлено къ цѣли дѣйствовать на душу и возбуждать. Для сего:

а) Когда разсуждаешь, то не умствуй, задаваясь разными вопросами, но, уяснивъ себѣ предметъ, поставь его къ сердцу той стороной, какая, чаешь, будетъ впечатлительнѣе, и созерцай его такъ.

б) Не перебѣгай скоро отъ одной мысли къ другой, это скорѣе разсѣетъ, чѣмъ соберетъ и окажетъ какое-либо дѣйствіе на душу. И солнце не согрѣло бы ни одной твари на землѣ, если бы пробѣгало по лицу ея мгновенно. Мѣрою разсужденія о томъ или другомъ да будетъ сочувствіе. Всякую мысль доводи до чувства и до тѣхъ поръ не отступай отъ нея, пока не проникнетъ она сердце.

в) Если можно, не оставляй мысль голою, въ одной, такъ сказать, разсудочной формѣ, а облеки ее въ какой-либо образъ и носи его потомъ въ головѣ, какъ постояннаго возбудителя. Всего лучше, если можно въ одномъ образѣ сосредоточить нѣсколько поразительныхъ представленій. Такъ, св. Тихонъ, чтобы напечатлѣть въ умѣ грѣшника мысль объ опасности его положенія, вотъ что говоритъ: „надъ тобою—мечъ правды, подъ тобою—адъ, готовый пожрать тебя, впереди—смерть, сзади—множество грѣховъ, по правую и лѣвую стороны—толпы злобныхъ враговъ; тебѣ ли быть въ безпечности?“.. Образъ легче вспоминается и держится въ умѣ, дѣйствуетъ сильнѣе и впечатлительнѣе.

г) Прибери краткія, но сильныя изреченія, примѣнительно къ твоему состоянію, и потомъ чаще повторяй ихъ въ себѣ умственно, или внѣшнимъ словомъ. Напримѣръ: „позна волъ стяжавшаго, и оселъ ясли господина, а ты? Или о богатствѣ благости и долготерпѣніи нерадиши?.. По жестокости твоей и нераскаянному сердцу собираешь себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и праведнаго суда Божія. Бди, не вѣси бо, когда Господь пріидетъ. Се ми гробъ предлежитъ, се ми смерть предстоитъ. Камо пойду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего камо бѣгу? Оброцы грѣха смерть. Врагъ, яко левъ рыкая, ходитъ. Дай отчетъ о приставленіи домовнѣ, ему же дано много, много взыщется отъ него; рабъ, вѣдѣвый волю господина, біенъ будетъ много; помяни, откуда ниспалъ еси“, и проч. Собери и запомни такія изреченія и бей ими твое сердце. Можетъ-быть, какая-либо изъ нихъ станетъ огненною стрѣлою, которая поразитъ и разжжетъ.

Съ однимъ разсужденіемъ однако жъ не оставайся, а перемежай его молитвою. Вѣдь мы то же теперь дѣлаемъ, какъ и тогда, когда хотимъ вырвать дерево, вросшее въ землю. Подходимъ и колышемъ, напрягая силу разсужденія съ самимъ собою, себя—уговариванія, себя—убѣжденія. Колышемъ, и вытащить не можемъ,—глубоко вросли корни. Нѣтъ въ насъ потому силы, нѣтъ силы и подрѣзать эти корни. Вотъ и ищи помощи!

а) Во время ли разсужденія падетъ какое чувство на сердце, или такъ возбудится какое умиленіе,—встань и молись. Молись, чтобы Богъ освятилъ твой трудъ надъ своимъ окаменѣлымъ сердцемъ, чтобы какой-нибудь твоей мысли далъ силу, разрушающую и созидающую, или Самъ пришелъ бы и умягчилъ, пробудилъ, уязвилъ.

б) Въ молитвѣ сей самъ молись; изреки то, что на душѣ, и свою кровную нужду открой благонадежно, словомъ простымъ, дѣтскимъ, краткимъ, а лучше и безъ словъ, такъ, припадай къ Богу въ болѣзненномъ къ нему обращеніи.

в) Не умствуй, не сочиняй молитвъ. Приступи въ простотѣ, съ одною нуждою своею, какъ больной къ врачу, какъ связанный къ освободителю, разслабленный къ возстановителю, съ искреннею исповѣдію немощи своей и безсилія одолѣть себя и съ преданіемъ себя Божію вседѣйствію.

г) Падай ницъ, клади поклоны, многіе, многіе, бей въ перси. И не отходи отъ молитвы, пока движется молитва. Охладѣетъ молитва, берись опять за размышленіе, а отъ сего опять переходи къ молитвѣ.

д) И для молитвы, какъ для разсужденія, прибери краткія къ Богу воззванія и повторяй ихъ чаще: „Пощади Твое созданіе, Владыко! Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! О, Господи, спаси же! О, Господи, благопоспѣши же!“ Припоминай церковныя возбудительныя пѣсни и пой ихъ: „Се женихъ грядетъ... Множество содѣянныхъ мною лютыхъ помышляя, окаянный, трепещу страшнаго дне суднаго. Душе моя, душе моя, востани, что спиши!“ и подобныя...

Такъ труди себя, бей непрерывно въ двери милосердія Божія. (См. кн. „Путь ко спасенію“, еп. Ѳеофана, изд. 6, стр. 176).

XV. *Избѣгай праздности.* Тогда какъ трудъ есть лучшее средство противъ искушеній плоти, праздность есть источникъ всякихъ чувственныхъ помысловъ; діаволъ, внушающій эти помыслы, не имѣетъ никакой силы надъ людьми благочестивыми и трудолюбивыми; зная все это, мы должны распредѣлять свое время между трудомъ, молитвой и чтеніемъ. Праздность погубила Соломона; сперва она внушила ему безумную любовь къ роскоши, затѣмъ довела его до постыднаго идолопоклонства. Нѣтъ ничего полезнѣе трояваго времяпрепровожденія: молитвы, чтенія духовныхъ книгъ и труда: молитва очищаетъ насъ, чтеніе умудряетъ насъ, наконецъ, трудъ наполняетъ душу нашу внутренней радостью. „Ты будешь ѣсть отъ трудовъ рукъ твоихъ; блаженъ ты и благо тебѣ“ (Псал. CXXVII, 3). Итакъ, страшись и избѣгай праздности и всѣхъ сопровождающихъ ее пороковъ, не давай слишкомъ много отдыха ни тѣлу, ни душѣ твоей; распредѣляй время такъ, чтобы отъ одного занятія переходить къ другому; дѣлай только то, что ведетъ ко благу. (См. „Правила св. жизни“, аввы Бернарда, стр. 212).

XVI. *Пріучай себя къ воздержанію въ пищѣ и питьѣ.* „Пресыщеніемъ отягченное чрево, какъ гиря, виситъ подъ крылами духа и тянетъ его къ землѣ, такъ что, при всѣхъ усиліяхъ, онъ болѣе бьется о землю, нежели возносится къ небу“,—говоритъ великій учитель отечественной церкви, Филаретъ, митр. моск.—„Безъ поста нельзя распять плоть со страстьми и похотьми ея; безъ поста нельзя дать торжество духу надъ плотію. Всѣ святые были великіе постники и заповѣдали постъ, какъ лучшее средство въ борьбѣ противъ страстей“.

Вотъ правила благочестія, которыя мы изложили для тебя, душа христіанская, по руководству благочестивыхъ и мудрыхъ наставниковъ духовной жизни. (Прот. Гр. Дьяченко).

9. Оружіе непобѣдимое.

Святой священномученикъ Никонъ въ молодости своей служилъ въ воинскомъ званіи; онъ былъ идолопоклонникомъ, хотя мать его и была благочестивая христіанка. Добрая мать всячески старалась склонить сына къ Христовой вѣрѣ, но сынъ крѣпко держался вѣры отца-язычника. Однажды, отпуская Никона на войну, мать сказала ему: „сынъ мой любезный! Если тебѣ будетъ угрожать смертная опасность, — что часто бываетъ на войнѣ,— ограждай себя крестнымъ знаменіемъ, и тогда ни стрѣла, ни мечъ, ни копье не коснутся тебя, и въ самомъ пылу кровавой сѣчи ты останешься невредимъ“... Такъ и случилось. Произошла кровопролитная битва. Почти весь полкъ, въ которомъ служилъ Никонъ, былъ истребленъ; ему самому грозила вѣрная гибель. Тутъ онъ вспомнилъ завѣтъ любящей матери: взглянувъ на небо, вздохнулъ изъ глубины сердечной и, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: „Христе Боже всесильный! покажи теперь на мнѣ силу Твоего креста, и я съ сей минуты буду Твой рабъ, и послужу Тебѣ съ моею матерію!“ — И вотъ, какъ только онъ произнесъ эту молитву, какъ только оградилъ себя крестомъ святымъ,—въ его сердцѣ явилось такое мужество, что онъ, какъ левъ, бросился па враговъ и множество изъ нихъ положилъ на мѣстѣ копьемъ своимъ, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство. Послѣ сего Никонъ не замедлилъ принять св. крещеніе.

Вотъ что значитъ, съ вѣрою и призываніемъ имени Христова оградить себя крестнымъ знаменіемъ! Поистинѣ крестъ — оружіе непобѣдимое, данное намъ отъ великаго Царя — Христа. Имъ ограждай себя отъ враговъ видимыхъ, имъ же защищайся и отъ враговъ невидимыхъ. Пристанутъ ли къ твоему уму нечистые помыслы, поднимутъ ли страсти въ твоемъ сердцѣ бурю пожеланій грѣховныхъ, найдетъ ли на твою душу темное облако сомнѣнія, унынія и другихъ навожденій бѣсовскихъ, — скорѣе ограждай себя знаменіемъ креста, скорѣе зови на помощь всесильнаго Господа, и будь благонадеженъ: никакая сила вражія не устоитъ противъ сего оружія непобѣдимаго!

Какъ ужасно крестное знаменіе для бѣсовъ, и потому какъ спасительно противъ искушеній отъ нихъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ сами бѣсы. Кипріанъ волхвъ (въ послѣдствіи священномученикъ) нѣсколько разъ, одного за другимъ, посылалъ бѣсовъ къ св. дѣвѣ Іустинѣ, чтобы они разожгли въ ней похоть плотскую, но нечистые духи возвращались къ нему каждый разъ безуспѣшно. На вопросъ его: почему они не могутъ къ ней приблизиться — они отвѣчали: „мы видимъ на ней крестное знаменіе, котораго мы боимся, не можемъ на него смотрѣть и бѣжимъ отъ него... оно, какъ огонь, опаляетъ насъ и гонитъ прочь“. Когда Кипріанъ узналъ, что крестнаго знаменія и имени Христова не можетъ одолѣть никакая сила бѣсовская, то бросилъ свои волхвованія и сталъ смѣяться надъ безсиліемъ діавола. Діаволъ съ яростію напалъ на него и сталъ его бить и душить, но Кипріанъ сотворилъ на себѣ крестное знаменіе, и врагъ, какъ стрѣла, отскочилъ отъ него.

Да развѣ можно перечислить всѣ случаи, когда святые Божіи, ограждаемые силою креста Христова, сохраняемы были отъ различныхъ бѣдъ и напастей?! Мы лучше приведемъ подобный случай изъ обыденной жизни. Вотъ что повѣдала о себѣ одна крестьянка. „Вы знаете, что мы теперь живемъ съ мужемъ согласно; но лѣтъ тридцать тому назадъ я отъ мужа своего терпѣла жестокіе побои. Это могутъ засвидѣтельствовать всѣ мои прежніе сосѣди. Долго я терпѣла, наконецъ, стала просить Бога, чтобы Онъ послалъ мнѣ смерть или перемѣнилъ характеръ моего мужа. Но ни того ни другого не было. Тогда я грѣшная задумала сама найти себѣ смерть. Долго думала, какъ помереть; наконецъ, порѣшила потонуть въ рѣкѣ Ононѣ, на которой мы тогда, какъ и теперь, жили. И вотъ, когда однажды я съ наслажденіемъ думала о такой смерти, мужъ мой началъ бить меня безъ сожалѣнія. Я вырвалась отъ него и прямо побѣжала къ рѣкѣ Ононѣ, чтобы тамъ покончить съ своею жизнью и навсегда избавиться отъ напрасныхъ и жестокихъ побоевъ мужа. Около берега, куда я бросилась, было мелко, и я принуждена была пробѣжать по водѣ, чтобы достигнуть глубины и потонуть. Когда я достигла желаемой глубины и только что хотѣла опуститься на дно рѣки, да перекрестилась въ это время, какъ обыкновенно мы привыкли съ малолѣтства креститься предъ всякимъ дѣломъ, — вдругъ вода, до того казавшаяся мнѣ пріятною избавительницею отъ несчастной жизни, показалась тутъ такою страшною, черною, студеною, хотя было это лѣтомъ, такой обуялъ меня ужасъ, что я, не помня себя отъ страха, бросилась изъ всѣхъ силъ назадъ... Потомъ опять я хотѣла было броситься въ воду, но тѣло мое отъ ужаса тряслось, какъ въ лихорадкѣ. И что произвело во мнѣ такой ужасъ?— думалось мнѣ. Да крестное знаменіе, сама себѣ отвѣчала я. Должно-быть, меня Господь жалѣетъ и не допускаетъ навѣки погибнуть. „Перекрестись!.. Перекрестись!“ какъ-будто кто мнѣ шепталъ. Я перекрестилась, и со слезами даже на глазахъ. Гляжу, а мужъ мой подбѣгаетъ ко мнѣ и съ дубиною въ рукахъ. Но въ сердцѣ моемъ произошла какая-то перемѣна: я желала лучше померeть подъ кулаками моего мужа, чѣмъ тонуть въ этой водѣ. Мужъ меня схватилъ и поволокъ, и я съ покорностью отдалась ему на побои... Только не довелось ему долго тираниться надо мною. Скоро онъ захворалъ и по выздоровленіи совсѣмъ перемѣнился: сталъ такъ со мною жить, что всѣ начали завидовать нашему счастью и удивляться такой перемѣнѣ мужа. Я вѣрила и теперь вѣрю, что тогда отъ такой несчастной смерти я избавилась силою честнаго креста Христова (черезъ крестное знаменіе). (См. „Воскр. день“, сбор. общедост. статей Маврицкаго, стр. 446—448).

Итакъ, вѣруй, христіанинъ, что если ты съ вѣрою будешь молиться: „силою креста Своего сохрани насъ, Господи“, то къ тебѣ не приблизится никакое зло, и ты избѣгнешь всѣхъ опасностей. Хорошо поступаютъ христіане, когда при всякой опасности и во всякой бѣдѣ читаютъ молитву честному кресту. Вотъ эта молитва: „Да воскреснетъ Богъ, и расточатся (разсѣются) врази Его, и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящіе Его: яко исчезаетъ дымъ, да (такъ они) исчезнутъ; яко таетъ воскъ отъ лица (вида) огня, тако да погибнутъ бѣси отъ лица любящихъ Бога, и знаменующихся крестнымъ знаменіемъ, и въ веселіи глаголющихъ: радуйся, пречестный и животворящій кресте Господень, прогоняяй бѣсы силою на тебѣ пропятаго Господа нашего Іисуса Христа, во адъ сшедшаго и поправшаго силу діавола, и даровавшаго намъ тебе, крестъ Свой честный, на прогнаніе всякаго супостата. О, пречестный и животворящій кресте Господень, помогай ми со святою Госпожею, Дѣвою Богородицею, и со всѣми святыми во вѣки, аминь“. (См. № 332-й „Троицк. лист.“).

НЕДѢЛЯ 4-я ВЕЛИКАГО ПОСТА [1]).

Еванг. отъ Марк. зач. 40-е, гл. IX, 17—31 ст.

1. Исцѣленіе бѣсноватаго отрока.

Когда І. Христосъ на другой день послѣ преображенія возвратился къ остальнымъ ученикамъ, то нашелъ ихъ въ большомъ затрудненіи. Во время отсутствія Господа, одинъ человѣкъ привелъ бѣсноватаго своего сына для исцѣленія его отъ болѣзни. Остававшіеся въ долинѣ ученики, такъ какъ не было съ ними Іисуса, пытались сами исцѣлить больного, но не могли изгнать нечистаго духа. Это произвело большое впечатлѣніе. Около учениковъ собралось множество народа, и между прочимъ нѣкоторые изъ книжниковъ, которые вошли въ споръ съ учениками по поводу неудавшагося исцѣленія. Между тѣмъ, Іисусъ показался съ горы. Народъ удивился, что Іисусъ явился какъ разъ въ нужное время, и съ привѣтствіями побѣжалъ къ Нему навстрѣчу, въ надеждѣ, что Онъ совершитъ то, что напрасно старались сдѣлать Его ученики. На вопросъ Іисуса, о чемъ спорятъ книжники и Его ученики, выступилъ отецъ бѣсноватаго и разсказалъ Ему о болѣзни своего сына и о томъ, что ученики напрасно пытались исцѣлить его. Съ горькимъ соболѣзнованіемъ высказалъ Господь свое неудовольствіе на невѣріе всего этого рода. Онъ ясно видѣлъ расположеніе духа, съ какимъ искали Его помощи, видѣлъ сомнѣніе въ Его чудодѣйственной силѣ. Потому Онъ сказалъ: „о, роде невѣрный и развращенный! доколѣ буду съ вами? доколѣ буду терпѣть васъ?“ Затѣмъ повелѣваетъ привести къ нему больного. Какъ скоро бѣсноватый увидѣлъ Іисуса, злой духъ сотрясъ его, повергъ его на землю, и тотъ валялся, испуская пѣну. Іисусъ сохранилъ при этомъ полное спокойствіе и съ состраданіемъ спросилъ отца: какъ давно это сдѣлалось съ его сыномъ? Отецъ отвѣчалъ: „съ дѣтства, и многократно духъ бросалъ его въ огонь и въ воду, чтобы погубить его“, и видя усилившіяся мученія своего сына, заключилъ настоятельною просьбою: „если что можешь, сжалься надъ нами и помоги намъ!“ Такъ какъ въ этихъ словахъ его заключалось нѣкоторое сомнѣніе, то Іисусъ хочетъ уничтожить это сомнѣніе и возбудить въ немъ вѣру. Поэтому отвѣчаетъ ему: „если сколько-нибудь можешь вѣровать, все возможно вѣрующему“. Тогда отецъ отрока воскликнулъ со слезами: „вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію“. Достаточно было этого одного слова; гдѣ такая просьба, тамъ и вѣра, а поэтому недалеко и помощь Господа. Іисусъ всемогущимъ Своимъ словомъ изгналъ нечистаго духа и этимъ положилъ конецъ толкамъ, бывшимъ въ народѣ. Всѣ удивились величію Божію, которое они видѣли въ этомъ исцѣленіи.

---

[1]) Примѣч. Евангельское чтеніе этой недѣли по содержанію сходно съ читаемымъ въ недѣлю 10 по Пятидесятницѣ; статьи и разсказы, помѣщенные тамъ, могутъ служить дополненіемъ здѣсь, и обратно.

Когда Іисусъ съ учениками Своими вошелъ въ домъ, они спросили Его, почему они не могли изгнать нечистаго духа. Онъ отвѣчалъ имъ: „по невѣрію вашему; это истинно говорю вамъ: если вы будете имѣть вѣру съ горчичное зерно, и скажете горѣ сей: перейди отсюда туда, то она перейдетъ; и ничего не будетъ невозможно для васъ. Сей же родъ изгоняется только молитвою и постомъ“. Этими словами Онъ наставляетъ ихъ, какъ они должны приготовлять свое сердце, чтобъ достигнуть такой силы и крѣпости вѣры.

Вышедши оттуда, Іисусъ съ учениками Своими проходилъ чрезъ Галилею, занимаясь исключительно съ учениками, не желая, чтобы кто узналъ Его. При этомъ Онъ въ другой разъ объявилъ ученикамъ о Своемъ страданіи, смерти и воскресеніи словами: „Сынъ человѣческій преданъ будетъ въ руки человѣковъ, и убьютъ Его, и, по убіеніи, въ третій день воскреснетъ“. Такое повтореніе было необходимо, потому что Іисусъ уже приближался къ Своей смерти, и потому что ученики, при всеобщемъ удивленіи только что совершеннымъ чудесамъ, скоро могли забыть первое Его извѣстіе о Своихъ страданіяхъ, что они при этомъ не совсѣмъ и поняли. Они и теперь не поняли Его, и слова Его оставались для нихъ еще темными. Однако они боялись спросить Его о смыслѣ этихъ словъ, такъ какъ они предчувствовали отвѣтъ. Имъ лучше желалось остаться въ неизвѣстности касательно значенія словъ Іисуса, чѣмъ быть увѣренными, что Онъ несомнѣнно долженъ пострадать и умереть. (См. кн. „Земная жизнь І. Христа“, пер. съ нѣмец. Орды).

2. Молитва и постъ отгоняютъ бѣсовъ.

Одинъ священникъ святой жизни и прозорливый шелъ въ церковь для богослуженія, и довелось ему итти мимо кельи одного лѣниваго монаха, который не любилъ Богу молиться. Только видитъ онъ около этой кельи множество бѣсовъ, изъ которыхъ одни имѣли видъ женщинъ, произносящихъ непотребныя слова, другіе—видъ юношей, ругающихся и пляшущихъ, а нѣкоторые изъ бѣсовъ принимали другіе образы. Тяжело вздохнувъ, священникъ поскорбѣлъ о лѣности монаха, которая была причиною собранія бѣсовъ около его кельи. Совершивъ службу, онъ заходитъ по пути къ тому монаху, около кельи котораго случилось видѣніе, и говоритъ ему: „братъ! мнѣ что-то грустно, тяжело, скорбь раздираетъ душу мою; я вѣрую, что, если ты помолишься обо мнѣ, то скорбь, какъ камень, свалится съ сердца моего.“ Лѣнивый монахъ вздумалъ было отказаться отъ молитвы, но священникъ неотступно просилъ молитвъ его: не отступлю отъ тебя до тѣхъ поръ, говорилъ онъ, пока дашь мнѣ слово каждую ночь молиться обо мнѣ. Эти слова такъ были убѣдительны для монаха, что онъ рѣшился исполнить просьбу священника. Но вотъ, когда онъ началъ свои молитвы за священника, въ это время вдругъ ему приходитъ на мысль слѣдующее: что же такое я дѣлаю—молюсь за священника, а не молюсь за себя самого? Не лучше ли, молясь за другихъ, молиться и за себя? Такимъ образомъ расположился онъ молиться и за себя, и творилъ двѣ молитвы во всю недѣлю—одну за себя, а другую за священника. Послѣ этого, когда прозорливый священникъ шелъ опять въ церковь мимо кельи лѣниваго монаха, то видѣлъ демоновъ уже вдали отъ кельи и унылыхъ. Это обстоятельство заставило его снова зайти къ монаху и просить его молиться. Тутъ онъ научилъ монаха не лѣниться. Монахъ послушался наставленій священника, и сдѣлался усерднымъ молитвенникомъ. А бѣсы, видя его молитвы, отбѣжали отъ его кельи благодатію Божіею (Прол. 18 іюл.).

Изъ этого сказанія ясно открывается, насколько близки злые духи, а съ ними и грѣхи, къ тѣмъ, которые лѣнятся Богу молиться, и насколько далеки они бываютъ отъ тѣхъ, которые возсылаютъ къ Богу молитвы свои. Слѣдовательно, чтобы намъ не грѣшить, чтобы не подпадать гибельному бѣсовскому дѣйствію, надо постоянно Богу молиться: молитва есть проводникъ благодати Св. Духа, Который всегда можетъ наставить насъ на всякую истину и очистить отъ всякаго грѣха.

Но все ли тутъ? Нѣтъ, не все; чтобы цѣль наша была достигнута, т.-е. чтобы страсти наши не бунтовали и не сталкивали насъ съ пути благочестія, для этого, кромѣ молитвы, нуженъ еще постъ, который бываетъ двоякій: духовный и тѣлесный. Духовный состоитъ въ благочестивомъ настроеніи души—въ воздержаніи ея отъ худыхъ мыслей, отъ праздныхъ словъ, отъ нечистыхъ пожеланій,—а тѣлесный состоитъ въ воздержаніи отъ извѣстнаго рода пищи и питія. Такой постъ заповѣдуетъ намъ и слово Божіе (2 Кор. VI, 4—5; Іоан. II, 15. 16 и 17) и св. церковь (Правосл. испов., ч. 1., вопр. 88 и ч. 3., вопр. 7),—и этотъ постъ для нашихъ страстей и для ихъ возбудителей—бѣсовъ—то же, что вода для огня и дымъ для пчелъ: водою можно залить огонь, дымомъ—прогнать пчелъ, а постомъ можно потушить страсти и отогнать бѣсовъ. „Постъ“, скажемъ словами св. Ефрема Сирина, „есть честное и Богу угодное дѣло: постъ колесница на небо, постъ пророковъ рождаетъ, законоположителей умудряетъ, постъ души охраненіе..., постъ искушенія отражаетъ..., постъ цѣломудрія дѣлатель..., постъ домовъ миръ, постъ дѣвства податель и хранило, постъ покаянія путь и слезъ дѣлатель“ (слов. о пост.). Вотъ какъ благодѣтеленъ постъ. „Вѣдай“, говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ, „что бѣсъ часто присѣдитъ при желудкѣ..., и по насыщеніи дѣлаетъ съ человѣкомъ все, что хочетъ, оскверняя душу мерзкими воображеніями, а тѣло нечистотою... Глава и источникъ всѣхъ страстей есть пресыщеніе... Сыны его—блудъ, жестокосердіе, излишній сонъ.., а дщери—лѣность, многоглаголаніе, дерзость, смѣхотворство, суесловіе, противорѣчіе, жестоковыйность, упорство, нечувствительность, непомѣрное хвастовство, человѣкоугодіе и проч.“ (14-я степ.).

Итакъ, будемъ жить, какъ слово Божіе и св. церковь повелѣваютъ: будемъ молиться постоянно и поститься, по крайней мѣрѣ, въ тѣ дни, которые узаконены св. церковію, — тогда и страсти утихнутъ, и представители ихъ—бѣсы отбѣгутъ отъ насъ благодатію Божіею, и мы, при помощи той же благодати, будемъ неуклонно шествовать по пути къ небесному Іерусалиму.

3. Примѣры побѣды христіанъ надъ искушеніями діавола.

I. Были два инока, родные братья по плоти и братья по духу. Противъ нихъ враждовалъ лукавый діаволъ съ цѣлію разлучить ихъ другъ отъ друга какимъ бы то ни было образомъ. Однажды къ вечеру, по обычаю ихъ, младшій братъ засвѣтилъ лампаду и поставилъ ее на подсвѣчникѣ. По зломѣренному дѣйствію демона упалъ подсвѣчникъ—и лампада погасла. Лукавый діаволъ устраивалъ этимъ поводъ къ ссорѣ между ними: старшій братъ вскочилъ и въ ярости началъ бить младшаго. Этотъ упалъ ему въ ноги и уговарилъ своего родного брата такъ: „успокойся, владыко мой: я снова засвѣчу лампаду“. По той причинѣ, что онъ не отвѣчалъ гнѣвными словами, лукавый духъ, будучи посрамленъ, тотчасъ отступилъ отъ нихъ. Въ ту же ночь духъ этотъ отправился къ князю демоновъ и возвѣстилъ ему, что „онъ ничего не могъ сдѣлать этимъ монахамъ по причинѣ смиренія того монаха, который поклонился въ ноги брату, и просилъ у него прощенія. Богъ, видя смиреніе его, излилъ на него благодать Свою, и я чувствую, что жестоко мучусь и терзаюсь, не успѣвъ разлучить ихъ другъ отъ друга“. Всѣ эти слова слышалъ жрецъ идольскій, пребывавшій въ томъ мѣстѣ: страхъ Господень и любовь къ Іисусу Христу объяли его.

Онъ понялъ, что поклоненіе идоламъ есть великое обольщеніе и погибель для души, оставилъ все, поспѣшно пришелъ въ монастырь къ святымъ отцамъ, и пересказалъ имъ, что злобные демоны говорили между собою. Наставленный ученіемъ святыхъ отцовъ въ вѣрѣ въ Господа Спасителя, онъ принялъ святое крещеніе, а потомъ и монашество; при помощи и содѣйствіи благодати Божіей, содѣлался искуснѣйшимъ монахомъ:— столько преуспѣлъ въ кротости и смиреніи, что всѣ удивлялись его величайшему смиренію. Онъ говорилъ что смиренное настроеніе души уничтожаетъ всю силу противниковъ нашихъ—діаволовъ; Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ при посредствѣ смиренія восторжествовалъ надъ діаволомъ и сокрушилъ силу его; къ этому присовокуплялъ, что онъ часто слышалъ демоновъ, разговаривающихъ между собою. Между прочимъ, они говорили: „когда мы возбуждаемъ сердца человѣческія къ гнѣву, тогда, если кто изъ человѣковъ выдержитъ терпѣливо злословіе и безчестіе и обратится къ средствамъ, доставляющимъ миръ, говоря: „я согрѣшилъ“,—тотчасъ чувствуемъ уничтоженіе всей нашей силы, и поступающихъ такъ осѣняетъ благодать Божественнаго всемогущества“. (Изъ „Отечн.“, епископа Игнатія, стр. 454).

II. Въ „Лавсаикѣ“ Палладія повѣствуется о нѣкоемъ юношѣ, подвизавшемся въ гробницѣ, что бѣсы, послѣ тщетныхъ усилій вызвать его изъ уединенія, схватили его, и начали тяжко бить и терзать все тѣло его, и, жестоко измучивъ, оставили полумертвымъ. Лежа неподвижно тамъ, гдѣ оставили его демоны, онъ однако-жъ тотчасъ началъ свои слезныя о грѣхахъ своей жизни молитвы, едва пришелъ въ себя. Между тѣмъ искавшіе его сродники, нашедши его и узнавъ, кѣмъ онъ былъ такъ изъязвленъ, хотѣли отвести его домой, но онъ не согласился, несмотря на многократныя ихъ убѣжденія. Въ слѣдующую ночь демоны нападаютъ на него еще съ большею лютостію, чѣмъ въ прошедшую. Но и теперь сродники не могли уговорить его, чтобы онъ оставилъ его мѣсто; „лучше, говорилъ онъ, умереть, нежели жить въ грѣховныхъ нечистотахъ“. Въ 3-ю ночь демоны такъ жестоко избили его, что едва совсѣмъ не лишили жизни. Но, не успѣвши и теперь побѣдить его, ушли, оставивъ его бездыханнымъ, и уходя кричали: „ты побѣдилъ, побѣдилъ!“ Послѣ этого онъ уже не испытывалъ такихъ страшныхъ искушеній; напротивъ, до самой кончины жилъ безбоязненно въ пещерѣ при гробахъ, подвизаясь въ чистой добродѣтели. („Лавс.“ стр. 139).

III. Препод. Нифонтъ особенно прославился своею борьбою съ бѣсами и своею во имя Господа побѣдою надъ ними. Сначала діаволъ произвелъ въ Нифонтѣ изступленіе ума, которое прошло спустя 4 года, и тогда же онъ сподобился отъ Бога духовнаго дара провидѣть тайны человѣческаго сердца, бесѣдовать съ ангелами и видѣть ясно бѣсовъ. Когда препод. Нифонтъ создалъ церковь во имя Богородицы и многихъ обратилъ ко Христу, то діаволъ не стерпѣлъ этого. Однажды ночью собралось къ Нифонту множество бѣсовъ, такъ что келья его была полна ими. Напавъ на святого, они хотѣли мучить его, но онъ запретилъ имъ крестомъ, и они дали ему обѣщаніе, что не будутъ уже приближаться и къ мѣсту, гдѣ произносится имя святого. („Ч.-М.“).

4. Постъ долженъ быть соединяемъ съ другими добродѣтелями.

Одинъ человѣкъ пожелалъ видѣть царя и просилъ одного изъ друзей проводить его къ царю. Другъ согласился, но сказалъ, что онъ можетъ проводить его только до половины пути. Тогда человѣкъ обратился къ другому другу, который согласился довести его до царскаго дворца. Чтобы исполнить свое желаніе видѣть самого царя, человѣкъ обратился къ третьему другу. Этотъ согласился ввести къ самому царю. „Что же значитъ притча эта? Первый другъ есть постъ, который доводитъ насъ до половины спасительнаго пути, второй — цѣломудріе или чистота души, доводящая до небесъ, — третій другъ — послушаніе, которое вводитъ насъ къ Самому Богу“. Изъ этого вы видите, что постъ долженъ быть соединяемъ съ другими добродѣтелями, чтобы имъ благоугодить Богу. (Скитск. патерикъ).

5. Чудесное исцѣленіе силою молитвы.

Недавно, разсказываетъ одинъ пастырь, я познакомился съ однимъ уже довольно немолодымъ человѣкомъ, нѣкіимъ г. *Памфиловымъ*. Часто мы потомъ встрѣчались съ нимъ и разговаривали о различныхъ предметахъ.

Сегодня (это было 21 ноября) онъ зашелъ ко мнѣ между утреней и обѣдней. Начался разговоръ.

Чувствуя себя не особенно здоровымъ, я, мало-по-малу, и разговоръ склонилъ на тему о здоровьѣ человѣка и о различныхъ недугахъ.

— А развѣ вы больны? — спросилъ меня мой себесѣдникъ.

— Боленъ и уже довольно давно! — отвѣчалъ я.

— Да, — продолжалъ онъ, глубоко вздохнувъ, — былъ боленъ и я! — При этомъ присовокупилъ, что самыя ужасныя страданія ему пришлось перенести въ концѣ 1876 и началѣ 1877 годовъ.

— Въ это время, — говорилъ онъ, — я жилъ въ Николаевѣ [1]). И вотъ какъ началась моя болѣзнь: однажды сидѣли мы съ женой за вечернимъ чаемъ, при открытой форточкѣ, которая замѣняла вентиляторъ. Я сидѣлъ прямо противъ форточки и наслаждался освѣжающимъ меня легкимъ вѣтеркомъ. Такъ продолжалось довольно долго. Но потомъ вдругъ налетѣлъ на меня сильный напоръ вѣтра, причемъ я мгновенно ощутилъ сильную боль въ правомъ ухѣ, соединенную съ какимъ-то особеннымъ шумомъ и какъ бы звономъ, и тотчасъ же упалъ въ припадкѣ. Припадокъ потомъ возобновлялся ежедневно, и даже по нѣскольку разъ въ день. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ стали представляться всевозможныя явленія нечистыхъ духовъ, при помощи которыхъ я получалъ созерцательную способность.

Трудно опредѣлить родъ тогдашней моей болѣзни: временами я бывалъ, по видимому, совершенно здоровъ и только чувствовалъ надъ собою, или вѣрнѣе— въ себѣ, какую-то внѣшнюю силу, которая давила меня. Но бывали моменты, когда я претерпѣвалъ ужасныя страданія. Въ такіе моменты боль въ правомъ ухѣ усиливалась, а шумъ переходилъ въ звонъ или даже трезвонъ. Мнѣ казалось иногда, что въ ухѣ трезвонятъ въ цѣлую дюжину колоколовъ. Наконецъ, съ какой-то особенной силой происходилъ ударъ какъ бы въ большой колоколъ,—и я тогда терялъ надъ собой уже всякую силу и мгновенно падалъ въ припадкѣ.

Страшно, говорятъ, было смотрѣть на меня во время припадка: вся лѣвая сторона корпуса, часть головы, а также лѣвая рука и нога нѣмѣли и цѣпенѣли, а правая рука и нога корчились и производили какія-то неестественныя движенія, похожія на конвульсіи. Вообще трудно и представить все, совершавшееся со мною въ припадочное время! Ротъ, носъ, губы передергивались въ правую сторону къ самому уху; глаза тоже какъ бы выступали изъ своихъ орбитъ; зубы скрежетали. Наконецъ, припадокъ, продолжавшійся отъ 15 минутъ и до 1 часу, прекращался, и я вставалъ совершенно здоровымъ. Но при этомъ и я самъ ощущалъ въ себѣ какую-то особенную сверхъестественную силу, и другіе замѣчали во мнѣ то же.

Вслѣдъ за первымъ припадкомъ, слѣдовалъ обыновенно вторичный припадокъ, но еще хуже перваго: я выходилъ изъ себя и бѣсновался. При этомъ всѣ мѣры, принимаемыя къ укрощенію меня, оказывались безуспѣшными: люди меня не могли удержать; привязать же не было никакой возможности, такъ какъ я разрывалъ самыя крѣпкія веревки.

Первые доктора Николаева, Кіева и Одессы не могли мнѣ оказать никакой помощи.

Видя это, жена приходила въ совершенное отчаяніе. Наконецъ, кто-то посовѣтовалъ ей обратиться за помощью къ одному изъ священниковъ кладбищенской церкви г. Николаева [1]) отцу Іоанну.

Долго не принималъ онъ меня; но въ среду на пятой недѣлѣ великаго поста велѣлъ привести меня въ церковь.

При этомъ замѣчательно то, что, когда первый разъ я шелъ въ церковь, то у входа въ церковную ограду я увидѣлъ одного изъ нечистыхъ духовъ, стоящаго съ огненнымъ мечомъ. Масса народа проходила въ ворота совершенно безпрепятственно, ничего не замѣчая; но когда приближался я, то духъ направлялъ на меня весь пламень этого огненнаго меча, и я всякій разъ съ какой-то неестественной силой отбрасывался назадъ, боясь быть опаленнымъ.

Долго бился я у входа, силясь во что бы то ни стало пройти въ ворота, но духъ не пропускалъ меня до тѣхъ поръ, пока не вышелъ изъ церкви самъ отецъ Іоаннъ. Подойдя ко мнѣ, онъ (отецъ Іоаннъ) покрылъ мою голову эпитрахилью, провелъ меня въ церковь и поставилъ у клироса. Послѣ обѣдни онъ оставилъ меня одного и отслужилъ молебенъ. И когда я возвращался домой, то чувствовалъ, что мнѣ стало гораздо легче, что непонятная мнѣ сила давила меня гораздо слабѣе. Точно также отстоялъ я обѣдню и молебенъ въ четвергъ, послѣ чего почувствовалъ еще большее облегченіе.

---

[1]) Уѣздный приморскій городъ Херсонской губерніи.

[1]) Въ г. Николаевѣ всего только и есть одна кладбищенская церковь.

Но замѣчательно, что произошло со мной во время молебна въ пятницу. Когда весь народъ вышелъ изъ церкви, отецъ Іоаннъ выходитъ изъ алтаря, становится рядомъ со мной и начинаетъ обычный въ подобныхъ случаяхъ молебенъ. Я стою и молюсь. Во время молебна шумъ въ ухѣ начинаетъ усиливаться, переходитъ въ звонъ, и, наконецъ, какъ бы при послѣднемъ ударѣ въ большой колоколъ, какая-то непонятная сила съ шумомъ вырвалась изъ моего уха, ударивъ предварительно въ грудь такъ сильно, что едва я устоялъ на ногахъ.

Пробившись изъ уха (я такъ выражаюсь потому, что не только мнѣ такъ казалось, но и дѣйствительно все такъ происходило), звонъ постепенно сталъ отдаляться и слабѣть, и наконецъ совсѣмъ пропалъ гдѣ-то въ пространствѣ.

И чудо! возвращаюсь я домой со мной припадки уже не повторяются. Проходитъ такъ день, другой, и даже до сего времени припадки не возобновлялись ни разу.

Такъ я совершенно и исцѣлился силою молитвы священника кладбищенской церкви г. Николаева, отца Іоанна, въ то время еще очень молодого".

И только отъ послѣдняго сильнаго потрясенія и удара осталась слабая глухая боль въ груди. („Смол. Еп. Вѣд." 1892 г.; сн. Паст. соб. 1892 г., № 14—15).

НЕДѢЛЯ 5-я ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Еванг. отъ Марк., зач. 47-е, гл. X, 32—45 ст.

1. Евангельское повѣствованіе о просьбѣ ап. Іакова и Іоанна быть первыми въ царствѣ небесномъ, съ указаніемъ какъ и о чемъ мы должны молиться Господу.

Мы часто возносимъ ко Господу такія прошенія, которыя не умилостивляютъ, но прогнѣвляютъ Его, Премилосерднаго. „Часто бо, — говоритъ святитель Тихонъ задонскій, — мы о томъ просимъ Бога, что намъ вредно и волѣ Его святой противно". И этотъ недостатокъ такъ свойственъ людямъ, что отъ него не были свободны даже апостолы Христовы до сошествія на нихъ Св. Духа. Въ евангеліи, читаемомъ на литургіи въ пятую недѣлю великаго поста, разсказывается слѣдующій назидательный для насъ случай изъ земной жизни Спасителя и Его учениковъ. Во время послѣдняго Своего путешествія по Іудеѣ, Іисусъ Христосъ, подходя уже къ Іерусалиму, желалъ заблаговременно подготовить учениковъ къ ожидающему ихъ тамъ испытанію. Для сего, подозвавъ къ Себѣ двѣнадцать, Онъ началъ говорить имъ о томъ, что будетъ съ Нимъ. Въ это время къ Нему подошли Его любимые ученики, два сына Зеведеевы—Іаковъ и Іоаннъ, и сказали Ему: „Учитель! мы желаемъ, чтобы Ты сдѣлалъ намъ, о чемъ попросимъ". Онъ сказалъ имъ: „что хотите, чтобы Я сдѣлалъ вамъ?" Они сказали Ему: „дай намъ сѣсть у Тебя одному по правую сторону, а другому по лѣвую въ славѣ Твоей". Но Іисусъ сказалъ имъ: „не знаете, чего просите" (Марк. X, 35—38). „Вы думаете, что царство Мое земное, но оно не отъ міра сего. Вы хотите предсѣдательствовать въ Моемъ царствѣ, но прежде испытайте себя: рѣшитесь ли вы умереть крестною смертію, какъ Я? Въ состояніи ли вы столько страдать, сколько Я буду страдать? При томъ же, это первенство дается не по дружбѣ или лицепріятію, но по истиннымъ заслугамъ: оно будетъ дано тѣмъ, *имже уготовася отъ Отца Моего* (Матѳ. XX, 23).—Когда услышали о желаніи сыновъ Зеведеевыхъ прочіе апостолы, то выразили свое неудовольствіе противъ Іакова и Іоанна: *и начаша*, сказано, *негодовати*, т.-е. обнаружили духъ превозношенія и зависти. И вотъ, Спаситель подзываетъ прочихъ учениковъ къ Себѣ и говоритъ: „кто хочетъ быть между вами большимъ, тотъ долженъ сдѣлаться слугою другихъ; и кто хочетъ быть первымъ между вами, да будетъ всѣмъ рабъ. Примѣръ вы должны брать съ Меня, Который не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить другимъ и дать душу Свою для искупленія многихъ". — Эти слова, обращенныя ко всѣмъ апостоламъ, ясно показывали, что смиренномудріе и любовь суть добродѣтели, неразлучныя и необходимыя для желающаго быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ. Кто истинно любитъ ближняго, тотъ старается уступить другому первенство, а напротивъ—кто ищетъ первенства, въ томъ нѣтъ любви къ ближнему (Воскр. чт., гл. XXV, стр. 1253—1255).

Какъ поучительно для насъ замѣчаніе Іисуса Христа: *не вѣста, чесо просита*. Оно научаетъ насъ, христіанинъ, возносить Спасителю и Господу только достойныя молитвы, научаетъ насъ просить у Господа только необходимаго и полезнаго. Молись же, православный христіанинъ, прежде всего о самомъ важномъ для тебя—о спасеніи души твоей, проси себѣ у Бога даровъ духовныхъ. Иные просятъ себѣ у Бога довольства въ этой жизни, а ты проси Бога о томъ, чтобы душа твоя обогащалась добрыми дѣлами, ведущими въ жизнь вѣчную, а молясь, — говоритъ св. Василій Великій, смотри, „не проси одного вмѣсто другого и не прогнѣвляй Господа, не проси ни имѣнія, ни славы человѣческой, ни могущества, ни другого чего преходящаго, но проси царствія Божія, и все, служащее на потребу тѣла, подастъ тебѣ Самъ Господь, какъ учитъ насъ Онъ же: „ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ“ (Мѳ. VI, 38). Если мы прежде житейскихъ и временныхъ благъ будемъ просить у Господа царствія Божія и правды его, т.-е. исполненія нами закона Христова, то всѣ блага земныя приложатся намъ, даны будутъ какъ бы въ придачу. Спаситель сказалъ *приложатся* потому, что настоящія, скоропреходящія блага ничего не значатъ съ истинными благами, ожидающими праведниковъ на небѣ.

Правда, христіанину не запрещено молиться Господу о подаяніи и благъ тѣлесныхъ, какъ научилъ насъ этому Самъ Спаситель: „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“. Однако этими словами молитвы Господней предписывается намъ просить себѣ у Бога лишь самаго необходимаго для здѣшней жизни. Не будемъ же просить у Господа ничего излишняго, чтобы не показаться недовольными тѣмъ, что имѣемъ, не будемъ просить сего особенно во дни спасительнаго поста и покаянія, чтобы не показаться болѣе заботящимися о тѣлѣ, чѣмъ о душѣ. Надобно сперва сдѣлать Божіе, исполнить наши обязанности по отношенію къ Богу, а Господь устроитъ уже Самъ наше земное житіе. Приступая же къ молитвѣ, мы должны оставить всякое земное попеченіе, отогнать отъ себя всѣ суетные помыслы, весь свой умъ и душу обратить къ Богу, предстать Ему со страхомъ и смиреннымъ благоговѣніемъ, съ вѣрою, надеждою и терпѣніемъ. Если человѣкъ не вѣритъ или не надѣется, что получитъ просимое отъ Господа на пользу, то напрасно и молится. „Да проситъ вѣрою, ничто же сумняся, сумняйся бо уподобися волненію морскому“, свидѣтельствуется въ словѣ Божіемъ (Іак. I, 6). Такъ молясь, не переставай, христіанинъ, просить себѣ у Господа достойнаго Его и полезнаго тебѣ. Пусть пройдетъ мѣсяцъ, годъ или болѣе, пока не получишь просимаго, не отступай, но усугубляй еще болѣе молитву свою. По свидѣтельству одного изъ вселенскихъ святителей и учителей церкви, иногда Господь медлитъ исполненіемъ нашихъ прошеній для того, чтобы мы лучше узнали, что такое даръ Божій, и со страхомъ хранили данное.

2. Крестный путь нашего Спасителя.

Когда, какъ въ нынѣ чтенномъ евангеліи, мы слышимъ предсказаніе Господа о Своихъ страданіяхъ, то не является ли у насъ желаніе взглянуть окомъ вѣры на священныя мѣста, гдѣ совершилось спасеніе міра, не переносится ли наша мысль въ далекій Іерусалимъ — колыбель христіанства, въ стѣнахъ и около котораго прошли послѣдніе часы земной жизни Господа нашего Іисуса Христа. Если когда, то въ дни поста, при воспоминаніи страданій Христовыхъ, значеніе Іерусалима безмѣрно возрастаетъ въ глазахъ христіанина. Тамъ,—говоритъ одинъ благочестивый путешественникъ,—самые камни и скалы окрестныя способны пробудить уснувшую совѣсть; тамъ на каждомъ шагу урокъ вѣры и покаянія, которое въ другихъ мѣстахъ бываетъ часто не искренно и лицемѣрно, но въ Іерусалимѣ—никогда. Вотъ почему многія тысячи христіанъ, не ограничиваясь воспоминаніемъ Іерусалима, съ наступленіемъ настоящаго поста спѣшатъ туда—уронить слезу на гробъ Господень и принести покаяніе во грѣхахъ тамъ, гдѣ за нихъ принесена жертва небесному Правосудію. Но и всѣ мы въ настоящее время склонны обращаться туда же, на востокъ солнца; въ эту, хотя и другую, чѣмъ наша, но тѣмъ не менѣе родственную для каждаго христіанина страну свѣта; всѣмъ намъ отрадно перенестись къ мѣсту смерти Христовой и пройти тѣмъ путемъ священнымъ, который у благочестивыхъ жителей Іерусалима извѣстенъ подъ именемъ *Страстнаго*.

На восточной сторонѣ Іерусалима, на скатѣ горы Елеонской, покрытомъ масличными деревьями, потомками тѣхъ самыхъ деревъ, которыя не разъ тѣнію своею укрывали Іисуса Христа и апостоловъ, и доселѣ еще существуетъ по ту и другую сторону дороги, ведущей въ гору Елеонскую, обнесенный каменною оградой небольшой садикъ, принадлежащій мѣстечку Геѳсиманіи. Это именно то мѣсто, съ котораго начался страстный путь Спасителя. Вспомнимъ сказаніе о той ночи, когда съ тремя учениками Господь нашъ Іисусъ Христосъ вышелъ сюда изъ города для послѣдней молитвы и душевнаго успокоенія. Для простого глаза это была прекрасная ночь съ полною, четырнадцатидневною луной, съ совершенно безоблачнымъ небомъ, потому что облаковъ на іерусалимскомъ горизонтѣ около времени Пасхи не бываетъ. Прибавимъ къ этому совершенное уединеніе, свѣжесть загороднаго сада въ ночное время, на первой порѣ весны, и мы будемъ имѣть общее представленіе о той видимо пріятной обстановкѣ, какую можно было найти въ это время въ саду геѳсиманскомъ. Но не такими были этотъ садъ и эта ночь для Христа Спасителя. Оставленный и непонятый всѣми, не нашедшій сочувствія даже въ Своихъ трехъ любимыхъ ученикахъ, уснувшихъ на уступѣ скалы, которую доселѣ указываютъ въ смежности съ геѳсиманскимъ садомъ, какъ вѣчный укоръ безпечному человѣчеству, Іисусъ Христосъ не находитъ сочувствія Себѣ въ самой природѣ, которая въ своемъ весеннемъ ликованіи вовсе не соотвѣтствовала кануну великихъ для всего міра событій. Такимъ образомъ, для Своей молитвы Іисусъ Христосъ скрывается отъ самой этой природы, не узнавшей скорби Творца своего, въ пещеру. Пещеры, кіоски и часовни были очень обыкновенны во всѣхъ садахъ древняго Іерусалима; онѣ строились съ благочестивыми цѣлями, большею частью служа фамильными гробницами, и были открытыми. Толпы нищихъ, прокаженныхъ, изгнанниковъ всякаго рода, находили обыкновенно мѣсто въ этихъ пріютахъ, принадлежавшихъ болѣе міру загробному, чѣмъ настоящему. Итакъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, для рожденія Котораго нашлось мѣсто только въ ясляхъ, и для послѣднихъ минутъ Своихъ могъ воспользоваться только могильною пещерой. Въ настоящее время изъ этой пещеры устроенъ скромный придѣлъ, надъ престоломъ котораго изображена очень извѣстная, но здѣсь имѣющая особенное значеніе, картина молящагося на колѣнахъ Спасителя, принимающаго изъ рукъ ангела чашу, которая не должна была пройти мимо; на боковой стѣнѣ видны дремлющіе три апостола съ дѣтскою безпечностью на сонныхъ лицахъ. Нужно ли прибавлять, какія мысли выноситъ изъ этого мѣста христіанскій путешественникъ?..

Но вотъ совершилось предательство, и шумная толпа увлекаетъ Іисуса Христа изъ геѳсиманскаго уединенія. Отъ сада геѳсиманскаго начинается подъемъ на скалы Іерусалима, отдѣляемый еще небольшимъ потокомъ Кедронскимъ, по которому направилось шествіе. Все это мѣсто, ниже геѳсиманскаго сада, вдоль потока Кедронскаго, называется часто и у насъ произносимымъ, печальный смыслъ имѣющимъ, именемъ Іосафатовой долины. Уже по одному естественному положенію своему, съ своими приземистыми, согнутыми, безцвѣтными оливковыми деревьями, этотъ оврагъ имѣетъ очень унылый видъ. Съ незапамятныхъ временъ онъ всегда служилъ мѣстомъ погребенія. Вдоль бѣлыхъ каменистыхъ береговъ Кедрона лежитъ прахъ сотни человѣческихъ поколѣній, прахъ іевусеевъ, евреевъ, египтянъ, сирійцевъ, македонянъ, римлянъ. Важнѣйшія изъ древнихъ гробницъ извѣстны по именамъ, напр., гробница Авессалома, Іосафата, Іакова, Захаріи; вокругъ этихъ именитыхъ гробницъ—тысячи безыменныхъ могилъ съ насыпями и надгробными плитами, такъ что вся мѣстность противъ горы масличной можетъ назваться однимъ великимъ кладбищемъ. Можетъ-быть, такое направленіе пути взяли ведшіе Іисуса воины по грубой наклонности къ сильнымъ ощущеніямъ, какія можно было найти въ этой долинѣ смерти, наполненной ночными шакалами; можетъ-быть, при этомъ имѣлась въ виду злобная насмѣшка надъ Іисусомъ, называвшимъ себя свѣтомъ и жизнію. Во всякомъ случаѣ, этотъ трудный переходъ былъ вдвойнѣ тяжелъ для Богочеловѣка. Есть преданіе, что во время перехода долиною Іосафатовою Іисусъ Христосъ упалъ колѣномъ на могильный камень; потомъ, стертый съ тропы толпою, оступился въ потокъ и, мучимый жаждой, напился его мутной воды. Но съ другой стороны, это прохожденіе Спасителя дорогою смерти даетъ глубокую знаменательность. Пройдя среди памятниковъ временъ минувшихъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ обвелъ Своимъ Божественнымъ взоромъ весь міръ древній, ожидавшій Его пришествія, міръ пророковъ и царей іудейскихъ, приводя ихъ во свидѣтельство того, что творилось теперь, и что имъ дано было видѣть въ откровеніи. Немного картинъ представляетъ человѣческая исторія и искусство, которыя бы, по своей печальной поэзіи и по своей глубокой назидательности, производили такое безконечное, духъ потрясающее впечатлѣніе, какое должна была производить картина шествія Божественнаго Страдальца среди буйной толпы, между могильными холмами, при свѣтѣ луны, никогда еще не озарявшей такого страшнаго и непонятнаго зрѣлища.

Перейдя потокъ Кедронскій, іудеи, ведшіе Іисуса Христа, обогнули поворотъ іерусалимскихъ стѣнъ на юго-западъ и, въ поруганіе надъ Іисусомъ, направились въ городъ черезъ самыя грязныя ворота, называвшіяся Гнойными, хотя имъ гораздо удобнѣе было пройти такъ называемыми Золотыми воротами, которыми незадолго предъ тѣмъ торжественно проходилъ Іисусъ Христосъ при оглушительныхъ крикахъ: „Осанна!“ Теперь на мѣстѣ прохожденія Христа Спасителя, около Гнойныхъ воротъ, течетъ чистый источникъ, названный именемъ Пресвятой Дѣвы Маріи. Этимъ путемъ въ ту же ночь Господь нашъ Іисусъ Христосъ приведенъ былъ въ домъ Анны, тестя первосвященника, а потомъ—въ домъ Каіаѳы, самого первосвященника. Оба эти дома лежали на самомъ южномъ концѣ Іерусалима. Въ домѣ Каіаѳы первое пѣніе пѣтуховъ возвѣстило полночь, ознаменовавшуюся печальнымъ обстоятельствомъ отреченія апостола Петра.

Это была еще только первая половина страстнаго пути Богочеловѣка. Изъ дома первосвященника, при многочисленномъ стеченіи вельможъ, священниковъ и народа, Господь нашъ Іисусъ Христосъ отсылается на судъ къ Пилату въ видѣ возмутителя общественнаго покоя. Такъ какъ домъ Пилата былъ въ самой сѣверной части Іерусалима, то Іисусъ Христосъ долженъ былъ въ обычной для преступниковъ обстановкѣ пройти черезъ весь городъ, тотъ самый городъ, который Онъ особенно любилъ и для котораго въ особенности не щадилъ Своихъ благодѣяній. И если по загороднымъ дебрямъ Іисусъ Христосъ проведенъ былъ ночью, то на позорищѣ по площадямъ городскимъ долженъ былъ пройти полнымъ днемъ. Но вотъ и грозный дворецъ Пилата. По виду своему онъ ничѣмъ не напоминалъ другихъ іерусалимскихъ зданій, скромно жавшихся одно къ другому, но состоялъ изъ цѣлаго ряда широкихъ зданій въ греческомъ вкусѣ, съ порфировыми колоннами, широкою каменною стѣной, террасами для прогулокъ и бастіонами для защиты отъ нападеній. Открытые дворы здѣсь были усажены деревьями и цвѣтами, среди зелени которыхъ проведены были каналы и изобильно текла вода. Фонтаны струились изо ртовъ дельфиновъ и фантастическихъ существъ; стаи голубей носились въ воздухѣ; садъ пріютился на болѣе низменной мѣстности двора, выходившей на югъ. Все дышало здѣсь новымъ, западнымъ, не еврейскимъ духомъ Іудеи, приведшіе Іисуса, даже не вошли во дворъ Пилатовъ, чтобы не осквернитъся духомъ язычества передъ Пасхою. Среди такой обстановки предъ дворцомъ возвышалось судное мѣсто, какъ его называютъ евангелисты, Гавваѳа или Лиѳостротонъ, то-есть выложенная разноцвѣтнымъ мраморомъ скамья, на которой совершалось судопроизводство. Вступивъ въ широкій дворъ Пилатовъ, Іисусъ Христосъ вступилъ, такъ сказать, въ новую область, сталъ предъ лицомъ тогдашняго языческаго греко-римскаго міра. Еще одно испытаніе нужно было. Нужно было, чтобы міръ языческій принялъ участіе въ безвинномъ уничиженіи Божественнаго Страдальца. Но здѣсь уже чаша переполнилась, и приговоръ смерти былъ подписанъ во дворѣ Пилата, предъ лицомъ ветхо-завѣтнаго храма, блиставшаго прямо противъ Лиѳостротона своимъ замѣчательнымъ, но уже упадавшимъ величіемъ, предъ лицомъ Іерусалима, который почти весь, какъ на ладони, виденъ съ террасъ дворца Пилата... И теперь еще, когда уже столько вѣковъ прошло со времени этихъ событій, печать проклятія тяготѣетъ надъ этимъ несчастнымъ дворцомъ, въ стѣнахъ котораго совершилось безпримѣрное въ человѣческой исторіи по своей несправедливости осужденіе. Нынѣшніе правители іерусалимскіе боятся жить въ этомъ мѣстѣ преступленія. По показанію іерусалимскаго преданія, тяжелыя видѣнія, подобныя тому, которое мучило жену Пилата въ ночь искупленія, изгнали отсюда жившихъ здѣсь мусульманъ, вслѣдствіе чего дворецъ обреченъ запустѣнію.

Осталась послѣдняя часть пути,—путь на Голгоѳу. Въ своемъ крестномъ шествіи Іисусъ Христосъ обошелъ уже восточную, южную и сѣверную часть Іерусалима, оставалась сторона западная, обращенная къ намъ, на Европу. Отъ дворца Пилата, по направленію къ западу, идетъ довольно прямая улица, собственно такъ называемая страстная (Via dolorosa). Около полудня началось по ней печальное шествіе. Если пройти сто шаговъ отъ дома Пилатова, улица будетъ поворачивать нѣсколько налѣво. Тутъ на углу мраморная колонна обозначаетъ мѣсто, гдѣ Спаситель изнемогъ подъ тяжестью креста, возложеннаго на Него, по обычаю, при выходѣ изъ Пилатова судилища. Немного далѣе, при новомъ поворотѣ улицы направо, на крутизну, указываютъ мѣсто, гдѣ печальную процессію встрѣтилъ Симонъ киринейскій, раздѣлившій съ Іисусомъ тяжелую ношу креста. Тутъ же вышли навстрѣчу съ рыданіями жены іерусалимскія. Немного далѣе домъ, изъ котораго на крикъ толпы вышла святая Вероника и освѣжила лицо Богочеловѣка, отерши полотенцемъ Его кровавые ручьи. Но вотъ и послѣдняя цѣль путешествія. Трепетъ объемлетъ путешественника, по мѣрѣ приближенія къ замыкавшимъ Іерусалимъ по этому пути воротамъ Суднымъ, называвшимся такъ потому, что къ нимъ привѣшивались смертные приговоры. „По мѣрѣ нашего приближенія къ этому мѣсту,—разсказываетъ одинъ благочестивый путешественникъ,—ноги наши ослабѣвали, какъ будто тяжесть всемірнаго креста доселѣ еще даетъ себя чувствовать проходящимъ этимъ путемъ смерти; слезы закрывали для насъ предметы и не давали видѣть подробностей этого страшнаго мѣста“. Мѣсто это, дѣйствительно, было страшно. По объясненію евангелистовъ, Голгоѳа иначе называлась *Краніево мѣсто* (порусски это значитъ лобное мѣсто, мѣсто череповъ). Здѣсь воры, убійцы, грабители, измѣнники всякаго рода предавались смертной казни, и такъ какъ трупы преступниковъ считались недостойными погребенія, то ихъ бросали тутъ же на растерзаніе шакаламъ, такъ что это мѣсто буквально было усѣяно человѣческими костями, между которыми валялись и орудія казни—кресты, принесенные на плечахъ преступниковъ. Мѣсто за Судными воротами теперь застроено, а возвышенность Голгоѳы осѣнена храмомъ.

Дерзнемъ вступить въ это святилище смерти и воскресенія. Двѣ мраморныя лѣстницы ведутъ теперь съ двухъ сторонъ на вершину Голгоѳы. Церковь на Голгоѳѣ очень сумрачна и низка, такъ какъ она обнимаетъ въ своихъ стѣнахъ самую вершину скалы, доходящей почти до потолка. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ вкопанъ крестъ Спасителя, стоитъ теперь огромный греческій престолъ, открытый съ боковъ и подъ нимъ круглое, обложенное золотомъ, отверстіе, гдѣ стоялъ крестъ. Направо отъ престола видна разсѣлина скалы, распавшейся въ часъ смерти Господа. Ужасный безпорядокъ разбросанныхъ камней громче исторіи и преданія свидѣтельствуетъ вѣкамъ о совершившемся здѣсь необыкновенномъ событіи, оставившемъ навѣки неизгладимые слѣды. Другая половина голгоѳскаго храма принадлежитъ гробу Господню. Евангелистъ говоритъ, что Іисусъ Христосъ былъ погребенъ близъ того мѣста, гдѣ былъ распятъ. Ближе всего на это печальное мѣсто выходилъ заднею своею стороной садъ Іосифа аримаѳейскаго, наблюдавшаго за обстоятельствами этого дня и одушевившагося ревностію оказать послѣднюю услугу невинному Страдальцу. По обычаю того времени, каждый достаточный житель Іерусалима считалъ долгомъ еще при жизни приготовить себѣ могилу гдѣ-либо у городскихъ стѣнъ, чтобы по смерти никому не быть обязаннымъ приготовленіемъ мѣста упокоенія. Іосифъ аримаѳейскій, человѣкъ чужой въ Іерусалимѣ, тоже имѣлъ уже для себя близъ воротъ своего сада свѣжую пещеру, или гробницу, въ которой еще ни одинъ человѣкъ не былъ положенъ. Эта-то пещера, или гробница, удостоилась быть предметомъ высшаго поклоненія, какое только возможно земному праху, съ того времени, какъ ея приснопамятный владѣтель уступилъ ее лишенному гробницы Богочеловѣку.

Голгоѳою закончился крестный путь нашего Спасителя. Отцы и учители церкви находили въ страстномъ пути Христовомъ образъ жизни каждаго христіанина. Въ самомъ дѣлѣ, мало ли что приходится встрѣчать человѣку на пути къ вѣчной жизни, что требуетъ тяжкихъ усилій, сопряжено съ испытаніями, скорбію и страданіями? Видимые и невидимые враги спасенія нашего развѣ не напоминаютъ собой іудейской толпы, жаждущей крови, развѣ не гонятъ душу страстнымъ путемъ до Голгоѳы? А весь міръ, окружающій насъ, развѣ не юдоль Іосафатова, въ которой мы ходимъ, по выраженію пророка, ощупью, какъ слѣпые, въ которой отовсюду вѣетъ смертію и разрушеніемъ, а еще болѣе нравственнымъ разложеніемъ и порчею?.. И если бы не свѣтъ вѣры озарялъ путь нашъ, какъ свѣтъ луны въ ночь искупленія, если бы не сила молитвы и покаянія, развѣ не пали бы мы на первый камень соблазна, развѣ не унесъ бы насъ безвозвратно потокъ Кедронскій,—широкій и бурный потокъ нашихъ грѣховныхъ страстей? Жизнь истинно христіанская есть собственно жизнь подвижническая. Нельзя быть ученикомъ Христовымъ, не слѣдуя за Нимъ, а Его путь—страстный („Воскр. день“, 1898 г., № 13).

3. Первый—всѣмъ слуга.

Перенесемся мыслію и сердцемъ въ отдаленную по времени, но тѣмъ болѣе близкую нашему сердцу родную древность, повитаемъ хотя мысленно съ святыми и преподобными отшельниками дремучихъ лѣсовъ Радонежскихъ, подышимъ благоуханіемъ молитвъ Сергіевыхъ, насладимся созерцаніемъ его боголюбезнаго смиренія!.. Вотъ уже около него собралось до 12 братій; тихо и безмятежно идетъ жизнь пустынниковъ въ новоустроенной обители. Нѣтъ въ ней ни начальника, ни даже пресвитера: никто не дерзаетъ и думать о такой высокой чести, чтобы принять на себя санъ священный; однако же строго соблюдается весь порядокъ повседневнаго богослуженія, исключая, конечно, божественной литургіи. День отшельниковъ начинается съ глубокой полуночи: во исполненіе словъ Псалмопѣвца: *седмерицею днемъ хвалихъ Тя*, Господи (Пс. CXVIII, 164), пустынные подвижники каждый день собираются въ церковь на полунощницу, утреню, третій, шестой и девятый часъ, на вечерню и повечеріе, совершая между этими службами еще частыя молебныя пѣнія. Въ рукописяхъ, сохранившихся въ библіотекѣ Лавры отъ того времени, находимъ каноны: за творящихъ милостыню, за болящихъ, за умершихъ. Непрестанная молитва, по заповѣди апостола, была ихъ постояннымъ правиломъ и въ церкви, и въ кельѣ. А для совершенія божественной литургіи въ праздничные дни обыкновенно приглашали священника изъ ближайшаго села, или игумена, быть-можетъ, того же старца Митрофана, который постригалъ самого преподобнаго Сергія. Священнослужителя всегда встрѣчали съ радостью и съ подобающею честью. Годъ спустя послѣ того, какъ собрались къ преподобному братія, пришелъ къ нимъ на жительство и упомянутый игуменъ Митрофанъ. Сергій очень радъ былъ ему, по нуждѣ въ іереѣ Божіемъ; при томъ онъ надѣялся, что старецъ сей не откажется принять на себя начальство надъ собравшимися пустынножителями; но недолго порадовался Сергій: поживъ немного подъ кровомъ своего постриженника, Митрофанъ тяжко занемогъ и отошелъ ко Господу. И снова обитель осталась безъ совершителя таинъ Божіихъ, потому что самъ преподобный, по своему глубокому смиренномудрію, не хотѣлъ принять на себя ни игуменства, ни сана священнаго. Подражая кроткому и смиренному сердцемъ Господу, онъ управлялъ только посредствомъ своего примѣра, и точно: по слову Христову, былъ первый тѣмъ, что былъ всѣмъ слуга (Мр. IX, 35). Три или четыре кельи для братіи онъ построилъ своими руками, самъ рубилъ и кололъ дрова, носилъ ихъ къ кельямъ, мололъ въ ручныхъ жерновахъ, пекъ хлѣбы, варилъ пищу, кроилъ и шилъ одежду и обувь, носилъ на гору воду въ двухъ водоносахъ и поставлялъ у кельи каждаго брата. Когда кто-нибудь изъ братіи отходилъ ко Господу, угодникъ Божій своими руками омывалъ и приготовлялъ къ погребенію усопшаго. Однимъ словомъ, онъ служилъ братіи, по выраженію блаженнаго ученика его Епифанія, какъ купленный рабъ, всячески стараясь облегчить ихъ трудную жизнь пустынную, хотя и приводилъ братію въ немалое смущеніе такимъ глубокимъ смиреніемъ и трудолюбіемъ. Служа другимъ въ теченіе дня, Сергій не имѣлъ и одного часа свободнаго отъ труда и молитвы; питался онъ только хлѣбомъ и водою, и то малою мѣрою, а ночь почти всю проводилъ въ келейной молитвѣ, и гдѣ бы онъ ни былъ, что бы ни дѣлалъ, всегда имѣлъ въ умѣ и на устахъ слово псалмопѣвца: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. XV, 8). А братія съ любовью благоговѣніемъ взирали на своего возлюбленнаго авву, и всѣми силами старались подражать ему. И трудно было пришедшему въ первый разъ посѣтителю различить, кто былъ старшій изъ нихъ и кто младшій, кто начальникъ мѣста сего и кто подчиненный, потому что, взирая на смиреннаго и кроткаго Сергія, каждый старался смирять себя предъ смиреннѣйшимъ. Всѣ считали другъ друга братіями, и никто изъ нихъ не хотѣлъ быть старшимъ. Какой поучительный урокъ гордымъ сынамъ нашего суетнаго вѣка, желающимъ весь міръ передѣлать по своимъ безумнымъ мечтамъ! Не путемъ безначалія, насилій и полной разнузданности страстей человѣческихъ достигаются истинно-братскія отношенія между людьми, а путемъ глубочайшаго смиренія, путемъ полнаго самоотреченія въ духѣ евангельской любви, когда люди забываютъ о своихъ правахъ, и во имя любви думаютъ только о своихъ обязанностяхъ, да горько оплакиваютъ немощи падшей природы своей... (См. кн. „Житіе и подвиги преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія, игумена радонежскаго и всея Россіи чудотворца“, архимандр. Никона).

4. Разсказъ, показывающій, какъ опасно для души самообольщеніе и самопревозношеніе.

Жилъ одинъ инокъ, благоугождавшій Богу въ дальней пустынѣ и много лѣтъ подвизавшійся въ добродѣтели; наконецъ, уже въ старости подвергся онъ искушенію отъ демоновъ. Подвижникъ любилъ безмолвіе и, проводя дни въ молитвѣ, въ пѣснопѣніяхъ и созерцаніи, имѣлъ нѣсколько Божественныхъ видѣній и въ бодрственномъ состояніи, и во снѣ; онъ почти уже достигъ безтѣлесной жизни: не воздѣлывалъ земли, не заботился о пропитаніи, не искалъ въ растеніяхъ и травахъ пищи для тѣла, не ловилъ ни птицъ, ни другихъ какихъ животныхъ, но, исполненный упованія на Бога, съ тѣхъ поръ какъ изъ міра перешелъ въ пустыню, нисколько не думалъ о томъ, какъ питать свое тѣло. Забывъ все добровольно, онъ все желаніе свое устремилъ къ Богу, въ ожиданіи часа, когда воззванъ будетъ изъ міра; питался же болѣе всего сладостію видѣній и надеждъ. Между тѣмъ и тѣло у него не слабѣло отъ напряженія, и душа не теряла бодрости;—такой твердый навыкъ пріобрѣлъ онъ въ благочестіи!

Впрочемъ, Богъ, милуя его, въ опредѣленное время посылалъ ему на трапезу хлѣбъ на два или на три дня, которымъ онъ и питался, Всякій разъ какъ, ощутивъ въ себѣ потребность пищи, входилъ онъ въ свою пещеру, находилъ тамъ пищу; по принесеніи Богу молитвы подкрѣплялъ онъ себя пищею, и потомъ услаждался пѣснопѣніями; молитва и созерцаніе были постояннымъ его занятіемъ. Такъ онъ съ каждымъ днемъ совершенствовался и, подвизаясь въ настоящемъ, постоянно ближе становился къ ожидаемому будущему, и почти увѣренъ былъ въ спасеніи своемъ, какъ бы уже получилъ его, что и было причиною того, что онъ едва не палъ отъ постигшаго его затѣмъ искушенія.

Когда онъ дошелъ до такой увѣренности,—въ сердце его *непримѣтно* вкралась мысль, что онъ выше другихъ, и что онъ знаетъ и имѣетъ больше прочихъ людей; въ такихъ мысляхъ онъ сталъ уже полагаться *на себя*, а отсюда скоро раждается въ немъ безпечность, сначала небольшая, потомъ она растетъ все больше и становится замѣтною; уже онъ не съ такою бодростію встаетъ отъ сна для пѣснопѣній, лѣнивѣе сталъ къ молитвѣ, и пѣніе его не такъ было продолжительно; душа захотѣла покоиться, умъ палъ долу, и помыслы стали блуждать; безпечность втайнѣ была уже любима, и только прежній навыкъ, какъ оплотъ, нѣсколько останавливалъ подвижника въ этомъ стремленіи и охранялъ его до времени. Входя по вечерамъ, послѣ обычныхъ молитвъ, въ пещеру, онъ еще иногда находилъ на трапезѣ хлѣбъ, посылаемый ему отъ Бога, и питался имъ, но не изгонялъ изъ ума тѣхъ негодныхъ мыслей, не думалъ, что невнимательность губитъ труды, и не старался объ уврачеваніи зла; небольшое уклоненіе отъ обязанностей ему казалось маловажнымъ. И вотъ, похоть страстная, овладѣвъ его мыслями, влекла его въ міръ. Но онъ пока еще удержался,—слѣдующій день провелъ въ обычныхъ подвигахъ, и послѣ молитвы и пѣснопѣній, вошедши въ пещеру, попрежнему нашелъ приготовленный ему хлѣбъ, впрочемъ не такъ тщательно приготовленный и чистый, какъ прежде, но съ соромъ. Онъ удивился и нѣсколько опечалился, однако съѣлъ его и укрѣпилъ себя. Настала третья ночь—и зло утроилось. Умъ его еще скорѣе предался любострастнымъ помысламъ, и воображеніе представляло ему нечистыя мечты такъ живо, какъ бы онѣ сбывались на самомъ дѣлѣ. Несмотря на то, еще и на третій день онъ продолжалъ свои подвиги,—молился и пѣлъ псалмы, но уже не съ чистымъ расположеніемъ, и часто оборачивался и смотрѣлъ по сторонамъ: доброе дѣло его прерывали разныя мысли; вечеромъ, почувствовавъ потребность въ пищѣ, вошелъ онъ въ пещеру и, хотя нашелъ хлѣбъ на трапезѣ, но какъ бы изъѣденный мышами или собаками, а внѣ пещеры сухіе остатки. Тогда начинаетъ онъ стенать и плакать, но не столько, сколько нужно было для укрощенія нечистой похоти. Однако жъ, вкусивши хоть и не столько, сколько ему хотѣлось, онъ расположился успокоиться. Тутъ помыслы во множествѣ нападаютъ на него, побѣждаютъ его умъ, и плѣнника тотчасъ влекутъ въ міръ. Онъ оставилъ свою пустыню и ночью пошелъ въ селеніе. Насталъ день, а до селенія было еще далеко. Инокъ, палимый зноемъ, изнемогъ и началъ смотрѣть вокругъ себя, нѣтъ ли гдѣ монастыря, въ которомъ бы ему можно было отдохнуть. Вблизи, дѣйствительно, оказался монастырь.

Благочестивые и вѣрные братія приняли его, какъ родного отца, омыли ему лицо и ноги, и по молитвѣ предложили трапезу, прося его принять съ любовію, что случилось; послѣ трапезы братія молили его преподать имъ слово спасенія, какъ избѣгать сѣтей діавола и какъ побѣждать нечистые помыслы. Бесѣдуя съ ними, какъ отецъ съ дѣтьми, онъ поучалъ ихъ быть мужественными въ трудахъ и увѣрялъ, что они скоро обратятся для нихъ въ великое наслажденіе; много и еще говорилъ имъ старецъ весьма назидательнаго о подвижничествѣ. По окончаніи наставленія онъ невольно подумалъ о себѣ самомъ и сталъ разсуждать: „какъ онъ, вразумляя другихъ, самъ оставался невразумленнымъ“! Тогда увидѣлъ онъ свое пораженіе, и немедленно возвратился въ пустыню оплакивать свое паденіе; „аще не Господь помоглъ бы ми, говорилъ онъ, вмалѣ вселилася бы во адъ душа моя“ (Псал. XCIII, 17). И сбылось надъ нимъ писаніе: „братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ (Прит. XVIII, 19), и какъ стѣна неподвижная“. Съ того времени онъ во всю жизнь плакалъ и, не получая болѣе пищи отъ Бога, своими трудами доставалъ себѣ пропитаніе. Заключившись въ пещерѣ и постлавъ на полу вретище, онъ дотолѣ не вставалъ съ земли и не прекращалъ своего плача, пока не услышалъ голоса ангела, говорившаго ему во снѣ: „Богъ принялъ твое покаяніе и помиловалъ тебя, только смотри—не обольщайся. Придутъ посѣтить тебя братія, которыхъ наставлялъ ты, и принесутъ тебѣ на благословеніе хлѣбы; раздѣли ихъ вмѣстѣ съ ними, и всегда благодари Бога!“. (Лавсаикъ, стр. 181 и др.).

5. **О томъ, какъ св. Іоаннъ милостивый обличалъ гордыхъ.**

Видя кого-либо изъ горделивыхъ, св. патріархъ не обличалъ таковаго прямо въ гордости, а заводилъ рѣчь о смиреніи и обличалъ въ тщеславіи самого себя. „Удивительно, господа мои, какъ это не помнитъ душа моя о смиреніи, какое явилъ намъ Сынъ Божій на земли, но я надмеваюсь и превозношусь предъ братомъ моимъ, если я хотя нѣсколько красивѣе его, или богаче, или почетнѣе, или власти больше имѣю... Не разумѣю я Божественнаго гласа: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ:* не помышляю я о томъ, что и святые люди называли себя—кто землею и пепломъ, кто червемъ, а не человѣкомъ... Не изъ глины ли созданъ я, изъ которой дѣлаются кирпичи? Не завянетъ ли, какъ цвѣтъ полевой, вся мнимая слава моя?“... (Изъ житія святого Іоанна милостиваго).

6. **Гордость—врагъ благочестія.**

Благодать Божія не можетъ пребывать въ душѣ человѣка гордаго, подобно тому какъ вода не останавливается на мѣстахъ возвышенныхъ. Вотъ одинъ изъ множества примѣровъ тому.

Во время гоненія на христіанъ представленъ былъ на судъ христіанинъ по имени Никомахъ. Имъ овладѣло при этомъ чувство гордости, что онъ можетъ со славою совершить подвигъ исповѣдника Христова, и—въ этомъ чувствѣ онъ безпрестанно и громко взывалъ: „я христіанинъ! я христіанинъ!“ И когда мучитель сталъ принуждать его, чтобы онъ принесъ жертву богамъ, онъ съ гордостію отвѣчалъ: „развѣ ты не знаешь, что христіане идоламъ не приносятъ жертвы?“ Послѣ этого отдано было повелѣніе испытать его твердость, вмѣстѣ съ прочими христіанами, различными мученіями. Нѣсколько времени Никомахъ равнодушно принималъ всѣ раны, и въ то время, какъ другіе молились Господу, чтобы Онъ ниспослалъ имъ Свою помощь и укрѣпилъ ихъ совершить подвигъ страданія, — онъ дерзновенно восклицалъ: „я христіанинъ! христіанской твердости поколебать нельзя!“

Уже близокъ былъ конецъ его мученіямъ, и слава христіанскаго мученика и вѣнецъ небесный былъ бы концомъ его подвиговъ, но сила Божія не могла быть въ душѣ, исполненной гордостью: ибо не любовь къ сладчайшему Іисусу, а желаніе прославиться великодушіемъ и терпѣніемъ противъ ужасовъ смерти руководила имъ на священномъ подвигѣ страдальчества. Никомахъ внезапно перемѣнилъ голосъ и закричалъ: „за что вы такъ безчеловѣчно бьете меня? Я никогда не былъ христіаниномъ!“..

Въ то же мгновеніе сняли его съ орудія мученій, разрѣшили узы, осыпали похвалами. Но, какъ скоро отступникъ началъ поклоняться идоламъ, мгновенная и внезапная болѣзнь повергла его на землю: онъ сдѣлался какъ бѣсноватый, началъ грызть языкъ свой, изъ устъ его клубилась пѣна, и тутъ же извергъ онъ душу свою. (См. „Училище благоч.“).

7. О средствахъ борьбы съ духомъ гордости.

1) *Первое средство борьбы съ гордостію сознавать, что мы не имѣемъ высокихъ христіанскихъ добродѣтелей.* Когда одному подвижнику, ревнующему о блаженномъ смиреніи, приходили на умъ горделивые помыслы, что сталъ онъ ужъ очень праведенъ и святъ, то, заранѣе написавъ на стѣнѣ своей кельи названія самыхъ высшихъ добродѣтелей: совершенной любви, ангельскаго смиренномудрія, чистой молитвы, и проч., онъ говорилъ самъ себѣ: пойдемъ за доказательствомъ, и, подойдя къ стѣнѣ, читалъ наименованіе и обличалъ себя въ превозношеніи отвѣтомъ: „покуда не пріобрѣтешь этихъ добродѣтелей, дотолѣ знай, что ты еще далекъ отъ Бога“. (Лѣств. стр. 252, § 24).

2) *Второе оружіе для пораженія гордости можно находить въ мысли, что горделивые не войдутъ въ царствіе Божіе.* Преп. Арсенію Вел. представились въ видѣніи два человѣка, которые, сколько ни силились пронести бревно въ отворенныя двери церкви, никакъ не могли достигнуть своей цѣли и войти въ церковь, потому что бревно несли поперекъ дверей, не давая одинъ другому зайти впередъ и нести вдоль, какъ бы слѣдовало. И ангелъ объяснилъ преподобному, что эти люди добродѣтельные, но гордые, не желающіе смириться другъ предъ другомъ, и потому остающіеся внѣ царства небеснаго. (По „Ч.-М.“).

3) *Дальнѣйшее средство отраженія горделивыхъ помысловъ состоитъ въ пораженіи ихъ изреченіями слова Божія.* „Когда сидѣлъ я однажды въ собраніи, говорилъ о себѣ одинъ изъ имѣвшихъ даръ духовнаго видѣнія, то демонъ тщеславія и демонъ гордости подсѣли ко мнѣ съ обѣихъ сторонъ. И вотъ, одинъ изъ нихъ внушалъ мнѣ разсказать изъ тщеславія о какомъ-нибудь подвигѣ моемъ пустынномъ. Когда же я не поддался лукавому внушенію и отвѣтилъ на него мысленно словами писанія: *да будутъ обращены назадъ и преданы посмѣянію желающіе мнѣ зла* (Пс. XXXIX, 15), тогда другой обольститель возбуждалъ во мнѣ другую горделивую мысль, говоря: „хорошо, хорошо ты сдѣлалъ и сталъ великъ“. А я, удачно воспользовавшись слѣдующимъ стихомъ псалма, отвѣтилъ и ему: *да смятутся отъ посрамленія своего говорящіе мнѣ: хорошо, хорошо* (ст. 16), и этимъ способомъ отогналъ отъ себя обоихъ искусителей“. („Лѣств.“, стр. 223 § 35).

4) *Для преодолѣнія гордости весьма полезно сознавать смерть и тлѣніе, какимъ подвергается всякій человѣкъ.* „Почто возносишься, о человѣче, бреніе сый и пепелъ? взывалъ св. І. Златоустъ. Почто надмеваешися, яко водный пузырь, а земля еси и не по мнозѣ въ землю паки пойдеши? Нынѣ гордъ, а помалѣ червемъ покоище. О! человѣче, разумѣй твою немощь и не гордися“ (Прол. 8 мар.). И нашъ русскій Златоустъ, св. Тихонъ задонскій учитъ въ томъ же родѣ, говоря: „раждаемся мы наги и съ плачемъ, живемъ въ бѣдахъ, напастяхъ и грѣхахъ; умираемъ со страхомъ, болѣзнію и воздыханіемъ; погребаемся въ землю и въ землю обращаемся. Тутъ не видно, гдѣ богатый, гдѣ нищій, гдѣ благородный, гдѣ слуга, гдѣ господинъ, гдѣ рабъ, гдѣ мудрый и гдѣ неразумный лежитъ. Всѣ тамо сравняемся, ибо всѣ въ землю обратимся. Почто же убо земля и гной возносится?.. Срамно гордиться христіанамъ, когда Христосъ, великій и высокій Богъ, смирилъ Себя: срамно гордиться рабамъ, когда Господь ихъ смиренъ. Нѣтъ ничего такъ неприличнаго и непристойнаго христіанамъ, какъ гордость, и ничто такъ не показуетъ христіанина, какъ смиреніе. Отъ смиренія познается человѣкъ, что онъ истинный есть ученикъ кроткаго и смиреннаго сердцемъ Іисуса“ (т. III, стр. 188 и далѣе). „Превозношеніе гордаго не падетъ ли, говоритъ въ Бозѣ почившій святитель московск. Филаретъ, если противопоставятся ему послѣдняя его: безобразіе разрушенія, смрадъ гніенія, червь мо-

гильный, тлящій и истлѣвающій, и, наконецъ, червь адскій, никогда не усыпающій?“ (Слова и рѣчи, т. IV, стр. 342—343).

5) *Затѣмъ, гордый никогда не долженъ забывать, что высокомѣріе со тщеславіемъ всегда приносили одну гибель человѣку. Да не хвалится премудрый премудростію своею, да не хвалится сильный силою своею и да не хвалится богатый богатствомъ своимъ. Какую пользу принесло высокомѣріе съ тщеславіемъ?* взываетъ премудрый (Прем. Сол. V, 8). Величался нѣкогда вавилонскій царь Навуходоносоръ собой, своимъ столичнымъ городомъ и царствомъ, говоря: это ли не величественный Вавилонъ, который построилъ я въ домъ царства силою моего могущества и въ славу моего величія! И еще рѣчь была въ устахъ царя, какъ услышалъ онъ съ неба гласъ: тебѣ говорятъ, царь Навуходоносоръ, царство отошло отъ тебя! И отлучатъ тебя отъ людей, и отымется отъ тебя сердце человѣческое, и дастся тебѣ сердце звѣриное, и будетъ обитаніе твое съ полевыми звѣрями, травою будутъ кормить тебя, какъ вола. Тотчасъ и исполнилось это слово надъ Навуходоносоромъ, и отлученъ онъ былъ отъ людей, ѣлъ траву какъ волъ, и орошалось тѣло его росою небесною, такъ что волосы выросли у него, какъ у льва, и когти, какъ у птицы. И возвратились къ нему разумъ человѣческій, сановитость, прежній видъ и самое царство лишь чрезъ семь лѣтъ, когда онъ смирился предъ Царемъ небеснымъ, возвелъ очи свои къ небу и благословилъ и прославилъ Всевышняго, владычествующаго надъ царствомъ человѣческимъ и дающаго его, кому хочетъ (Дан. гл. 14).

Зазнался и царь іудейскій Иродъ, когда, *одѣвшись въ царскую одежду, сѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ и высокомѣрно говорилъ къ народу, а народъ, раболѣпствуя ему, восклицалъ: это голосъ Бога, а не человѣка... Но вдругъ ангелъ Господень поразилъ его за то, что онъ не воздалъ славы Богу, и онъ, будучи изъѣденъ червями, умеръ* (Дѣян. XII, 21—23). *Видѣлъ я,* — говоритъ св. царь и пророкъ Давидъ, *нечестивца грознаго, расширявшагося подобно укоренившемуся многовѣтвистому дереву. Но прошелъ, и вотъ нѣтъ его; ищу и не нахожу* (Псал. XXXVI, 35—36). Такъ плачевна участь гордецовъ уже и въ этой жизни, а о будущей говорить нечего. Они ненавистны Богу и обречены съ діаволомъ въ вѣчныя муки, тогда какъ смиреннымъ, нищимъ духомъ и принадлежитъ по преимуществу царство небесное, и къ нимъ-то особенно благоволитъ Господь, говоря устами пророка: *на кого воззрю, токмо на кроткаго, и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ*. (См. окт. кн. „Душепол. чт.“ за 1890 годъ).

6) Какъ врачевство противъ гордости чаще прочитывай слѣдующія и другія подобныя мѣста св. писанія, направленныя противъ нея: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лук. XVII, 10). — *Аще кто мнитъ себе быти что, ничтоже сый, умомъ льститъ себѣ* (Гал. VI, 3). — *Еже есть въ человѣцѣхъ высоко, мерзость есть предъ Господомъ* (Лук. XVI, 15). — *Не хваляй себе, сей искусенъ, но его же Богъ восхвалитъ* (2 Кор. X, 18). — *Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ*,—говоритъ Господь (Мѳ. XI, 29).— *Нечистъ предъ Господомъ всякъ высокосердый* (Притч. XVI, 4). („Доброт.“, т. II, стр. 449).

8. Марія египетская — образецъ покаянія.

Чадолюбивая мать наша св. церковь, всегда неусыпно заботящаяся о спасеніи нашемъ, въ продолженіе всего великаго поста руководитъ насъ въ подвигахъ поста и покаянія. Такъ, напримѣръ, на истекающей пятой седмицѣ побуждаетъ къ подвигамъ благочестія: въ среду на стояніи (или въ четвергъ на утренѣ, гдѣ какой обычай) великимъ канономъ св. Андрея критскаго и житіемъ препод. Маріи египетской; въ субботу молебнымъ послѣдованіемъ акаѳиста или похвалы Пресвятой Богородицѣ, постоянной нашей Заступницѣ отъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, Споспѣшницѣ и покаянію; и сегодня, въ пятую недѣлю, примѣромъ препод. Маріи египетской, представляющей образецъ истиннаго покаянія и неизреченнаго Божія человѣколюбія.

Кто имѣетъ возможность, прочитайте полное житіе препод. Маріи египетской, и вы не пожалѣете ни средствъ, ни времени, ни трудовъ, употребленныхъ на это; такъ назидательна жизнь ея, такъ глубоко поучительны подвиги ея! Въ ея жизни вы увидите двѣ противоположности: бездну грѣха и высоту благочестія и добродѣтели. Родившись въ Египтѣ въ первой половинѣ 5 вѣка, Марія съ 12 лѣтъ самовольно ушла изъ дома родительскаго въ г. Александрію и, попавъ на скользкій путь порока, въ теченіе 17 лѣтъ глубже и глубже ниспадала въ бездну разврата. Жизнь веселая и свободная, жизнь грѣховная, плотская, полная всѣхъ мірскихъ и плотскихъ наслажденій, обратилась въ привычку... И единственно неизреченное человѣколюбіе Божіе извлекло ее изъ бездны. Однажды, не по благочестію, а только для развлеченія отправилась она въ Іерусалимъ съ поклонниками, спѣшившими для поклоненія св. гробу Господню и Животворящему Кресту на праздникъ Воздвиженія, и продолжала обычную жизнь свою какъ въ дорогѣ, такъ и по прибытіи въ Іерусалимъ. Изъ празднаго любопытства пришла она въ праздникъ и въ храмъ Воскресенія Христова. Но, о чудо! Всѣ свободно проходили чрезъ притворъ церковный и вступали въ самый св. храмъ, гдѣ совершался величественный и умилительный обрядъ воздвиженія. Одна Марія, какъ ни старалась, сколько разъ ни порывалась, не могла переступить черезъ порогъ храма: какая-то невидимая сила отталкивала ее назадъ... Марія смутилась, раздумье овладѣло ею... И благодать Божія коснулась души ея: предъ нею возстали ея мерзость и нечистота, ея грѣховность и недостоинство; стыдъ и ужасъ, скорбь и раскаяніе потрясли ее... И, увидѣвъ на стѣнѣ притвора икону Богоматери, она повергласъ предъ Всесильною Заступницею всѣхъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ и слезною мольбою исходатайствовать ей прощеніе грѣховъ и входъ во св. храмъ, помочь ей въ искупленіи прежней порочной жизни жизнью цѣломудренною, жизнью подвижническою вдали отъ суетнаго міра. Вставъ съ вѣрою и надеждою на Преблагословенную Матерь Божію, Марія устремляется въ храмъ, безпрепятственно входитъ въ него, со страхомъ и слезами раскаянія падаетъ предъ Животворящимъ Крестомъ, даетъ обѣтъ исправленія и снова въ притворѣ предъ иконою Ходатаицы своей молитъ наставить ее на путь спасенія и руководить на пути покаянія. „За Іорданомъ найдешь успокоеніе!“ слышитъ она гласъ отъ Споручницы своей, и удаляется въ глубину пустыни Іорданской. Здѣсь 47 лѣтъ проводитъ она въ уединенныхъ подвигахъ. Цѣлыхъ 17 лѣтъ прошло въ борьбѣ со страстями, какъ съ лютыми звѣрями: привычныя прежнія вкусныя пища и вино, веселыя пѣсни, безумное веселье, нечистые помыслы, преступныя пожеланія, соблазнительные образы не давали ей покоя, и только твердость раскаянія и вѣры, постоянные постъ и слезныя мольбы сохранили ее отъ искушеній и даровали побѣду надъ ея сильными и закоренѣлыми страстями. Наконецъ, послѣ 17 лѣтъ тяжкой борьбы и чрезвычайныхъ подвиговъ покаянія, насталъ вожделѣнный покой: въ душѣ ея водворился благодатный миръ, прежняя грѣховная жизнь была искуплена, и въ теченіе 30 лѣтъ въ уединеніи и безмолвіи, въ постоянныхъ молитвахъ, постѣ и богомысліи совершается ея восхожденіе на высоту добродѣтели, ведется ангелоподобная жизнь. За годъ до ея преставленія, съ нею, по волѣ Божіей, встрѣтился въ пустынѣ подвижникъ старецъ Зосима. По просьбѣ ея чрезъ годъ онъ снова пришелъ въ пустыню, чтобы напутствовать святую въ жизнь загробную причащеніемъ св. таинъ.

Изъ жизни и примѣра препод. Маріи египетской убѣдимся въ крайнемъ милосердіи Божіемъ къ грѣшнику кающемуся, а также и въ неосновательности и ложности всѣхъ нашихъ разсужденій о закоренѣлости и непобѣдимости страстей и привычекъ, постоянно приводимыхъ нами въ оправданіе своихъ грѣховъ! Нѣтъ! „Не уклони, Господи, сердца наши въ словеса лукавствія непщевати вины о грѣсѣхъ“ на лукавыя слова пріискивать извиненія грѣхамъ своимъ! Безъ борьбы, безъ труда, безъ лишеній, конечно, не одержать побѣды... Напротивъ, при нихъ и пламенной молитвѣ къ Богу о помощи и милости, всякій закоренѣлый грѣхъ, всякая дурная привычка могутъ быть искоренены, всякая сильная и бурная страсть можетъ быть побѣждена. Только каждый постоянно и тщательно наблюдай за собою, во время останавливай себя отъ всего худого и порочнаго, всегда мужественно борись со страстями и искушеніями и усердно молись, и пойдешь по пути добродѣтели и благочестія, чего, молитвами преподобныя Маріи египтяныни, да сподобитъ всѣхъ насъ Милосердый Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ! (Изъ „Христ. бес.“, прилож. къ „Пастыр. собесѣд.“).

НЕДѢЛЯ ВАЙ ИЛИ ЦВѢТОНОСНАЯ (6-я ВЕЛИКАГО ПОСТА).

Еванг. отъ Іоан. зач. 41-е, гл. XII, 1—18 ст.

1. Евангельское повѣствованіе о торжественномъ входѣ Господа въ Іерусалимъ, съ изъясненіемъ значенія вай и свѣчъ при богослуженіи въ этотъ день.

Прежде шести дній Пасхи, говоритъ евангелистъ, *пріиде Іисусъ въ Виѳанію.* Виѳанія—селеніе, отстоявшее отъ Іерусалима на полчаса пути. Тамъ жило благочестивое семейство Марѳы, Маріи и брата ихъ Лазаря, котораго Іисусъ незадолго предъ тѣмъ воскресилъ изъ мертвыхъ, уже четыре дня лежавшаго во гробѣ. Поэтому евангелистъ и присовокупляетъ: *идѣже бѣ Лазарь умерый, его же воскреси отъ мертвыхъ.*

Тамъ приготовили Ему ужинъ. *И Марѳа служаше. Лазарь же единъ бѣ отъ возлежащихъ.* Онъ былъ теперь предметомъ общаго вниманія, какъ гость этой жизни, недавно всесильнымъ словомъ Господа Іисуса возвращенный изъ области мертвыхъ. По этому вниманію къ Лазарю и евангелистъ о немъ упоминаетъ, какъ о возлежавшемъ съ Іисусомъ, не упомянувъ ни о комъ другомъ изъ возлежащихъ (Евсевій еписк. могилевскій).

„Марія же, взявъ фунтъ нардоваго, чистаго, драгоцѣннаго мѵра, помазала ноги Его и отерла волосами своими ноги Его, и домъ исполнился благоуханіемъ отъ мѵра“.

Нардъ—ароматическое растеніе (Пѣсн. пѣсн. IV, 13), разводимое въ южной Индіи. Изъ корней его выжималось масло, самое превосходное изъ ароматическихъ жидкостей, и составляло предметъ роскоши. Наилучшимъ образомъ приготовляли эту ароматическую жидкость въ Малоазійскомъ городѣ Тарсѣ. Цѣльный чистый (πιστικός) нардъ былъ *многоцѣнный,* цѣнился очень дорого. По оцѣнкѣ Іуды за Маріинъ сосудъ нарда можно было выручить 300 динаріевъ, по нашему счету до 60 рублей.—У древнихъ предъ вечерею мыли ноги и иногда намащали масломъ; особенно обязаны были оказывать эту услугу дѣти родителямъ. (Филаретъ, архіеписк. черниговъ.).

Іуда поднялъ голосъ противъ добраго и богоугоднаго дѣла Маріи, говоря: „для чего бы не продать это мѵро за триста динаріевъ и не раздать ихъ нищимъ“? Такое сужденіе—по-видимому благовидное, основанное на любви къ ближнимъ. Но Іуда такъ говорилъ по недоброму намѣренію, которое обличаетъ евангелистъ Іоаннъ, говоря: „сказалъ же сіе не потому, чтобы заботился о нищихъ, но потому, что былъ тать. Онъ же имѣлъ денежный ящикъ и носилъ, что туда опускали“. Ношеніе ящика было послушаніемъ для пользы братства, потому что Іисусъ съ Своими учениками не отвергалъ доброхотнаго подаянія, и когда не было хлѣба, покупали его (Іоан. IV, 8). Но это послушаніе для Іуды служило поводомъ къ воровству.

Іисусъ же сказалъ: „оставьте ее; она это сберегла на день погребенія Моего. Ибо нищихъ всегда будете имѣть съ собою, а Меня не всегда имѣть будете“.

Марія помазала ноги Іисуса единственно по своему усердію и высокому уваженію къ Іисусу. Когда сталъ Іуда осуждать ея поступокъ, какъ необдуманный, она молчала. Она дѣлала, что внушало ей благоговѣніе къ великому Учителю и Благодѣтелю, и не боялась укоризнъ, равно какъ и не ожидала похвалъ. Іуда, по злому расположенію души своей, началъ осуждать ее; но Іисусъ, какъ вѣдающій тайны сердечныя и всѣмъ премудро управляющій, восхваливъ дѣло Маріи, далъ ему высокое знаменованіе. Какъ-бы такъ говорилъ Господь: „всему свое время: нищимъ можно всегда дѣлать добро, а Мнѣ не всегда; ибо недолго буду съ вами. Марія помазаніемъ приготовила Меня къ погребенію“. Іудеи, по древнему восточному обыкновенію, тѣла умершихъ намащали ароматами, какъ и тѣло Іисусово жены мѵроносицы хотѣли почтить исполненіемъ сего обряда, когда носили ароматы ко гробу Іисусову. И помазанію, какое совершила Марія, Іисусъ Христосъ даетъ значеніе того же погребальнаго намащенія (Евсевій) еписк. могилевскій).

„Нищихъ всегда имѣете съ собою и, когда захотите, можетѐ имъ благотворить“. Это урокъ для всѣхъ мечтателей—филантроповъ, для всѣхъ сенъ-симонистовъ и коммунистовъ и въ частности для тѣхъ изъ нихъ, которые безпощадно осуждаютъ за приношенія храмамъ. Всѣмъ имъ говорится: *нищія всегда имате съ собою.* Пусть не мечтаютъ о величіи филантропіи своей: бѣдность, болѣзни, бѣды всегда останутся между людьми. Отчего? Оттого, что людямъ не сдѣлать проклятой земли едемскимъ садомъ. Все, что могутъ дѣлать для смягченія скорбей жизни земной, пусть дѣлаютъ. Но при этомъ, прежде всего пусть смиряютъ въ себѣ своекорыстіе, которое такъ нерѣдко, какъ Іуда, хлопочетъ о бѣдныхъ только для своего кармана или для суетной извѣстности; пусть не увеличиваютъ несчастія другихъ мечтами, пріятными для страстей, и вредными какъ для нихъ, такъ и для цѣлыхъ обществъ. Никогда не надобно забывать, что, какъ Богъ выше всего, такъ прежде всего нужны дѣла для прославленія имени Его (Филаретъ, арх. черниговскій).

Разумѣ же народъ многъ отъ Іудей, яко ту есть: и пріидоша не Іисуса ради токмо, но да и Лазаря видятъ, его же воскреси отъ мертвыхъ. Приближался праздникъ Пасхи. Народъ со всѣхъ сторонъ собирался въ Іерусалимъ, не только изъ странъ іудейскихъ и галилейскихъ, но изъ-за предѣловъ Палестины, такъ какъ іудеи были разсѣяны въ разныхъ странахъ за предѣлами земли обѣтованной. Народъ собирался въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи, потому что іудеи не могли праздновать Пасху ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ храма Іерусалимскаго. Къ этой Пасхѣ и Господь шелъ въ Іерусалимъ, чтобы окончить дѣло Своего служенія; чтобы, въ исполненіе древнихъ пророчествъ и прообразованій, принести Себя въ жертву за грѣхи міра. Когда Іисусъ отъ Іерихона шествовалъ къ Іерусалиму, Ему сопутствовало множество народа, шедшаго также въ Іерусалимъ. Но Іисусъ остановился въ Виѳаніи, гдѣ приготовили Ему вечерю. Въ Іерусалимѣ стало извѣстно, что Іисусъ въ Виѳаніи, гдѣ Онъ остановился на ночь. Народъ, слышавшій объ Іисусѣ, какъ великомъ Учителѣ и Чудотворцѣ, Который недавно воскресилъ уже четыре дня лежавшаго во гробѣ Лазаря, устремился въ Виѳанію. Многіе изъ народа, безъ сомнѣнія, еще никогда не видали Іисуса. Были даже язычники (Іоан. XII, 20). Всѣ желали видѣть Іисуса и Лазаря, котораго воскресилъ Онъ.

Совѣщаша же архіерее, да и Лазаря убіютъ. Яко мнози его ради идяху отъ Іудеи и вѣроваху во Іисуса.

Уже въ то время, какъ Іисусъ воскресилъ Лазаря, нѣкоторые изъ іудеевъ сказали фарисеямъ, что сдѣлалъ Іисусъ, и первосвященники съ фарисеями на совѣщаніи положили убить Іисуса (Іоан. XI, 53). Но Іисусъ удалился и не ходилъ между іудеями явно (54). А первосвященники и фарисеи дали повелѣніе,—если кто узнаетъ, гдѣ Онъ будетъ, то объявилъ бы, чтобы взять Его. Вотъ теперь молва разнеслась, что Іисусъ въ Виѳаніи, что туда стремится народъ, чтобы видѣть Іисуса и Лазаря, котораго воскресилъ Онъ. Это движеніе народа снова собрало первосвященниковъ на совѣтъ. Видѣли они, что вниманіе народа особенно привлекаетъ воскресшій Лазарь, потому къ прежнему опредѣленію—убить Іисуса—недобрые совѣтники присовокупили еще новое, то-есть, чтобы вмѣстѣ съ Іисусомъ убить и Лазаря; потому что ради его многіе изъ іудеевъ приходили туда и вѣровали во Іисуса. (См. „Сборн. ст. по истолк. еван.“ Барсова, т. II).

На слѣдующій день Господь шелъ съ Своими учениками изъ Виѳаніи пѣшкомъ. Но достигнувъ Виѳсфагіи, небольшого селенія при подошвѣ горы Елеонской, Онъ послалъ впередъ двухъ учениковъ Своихъ, сказавъ имъ: „Подите въ селеніе, которое прямо передъ вами. Входя въ него, вы тотчасъ найдете привязанную ослицу и съ нею молодого осленка; отвязавъ, приведите ихъ ко Мнѣ. И если кто скажетъ вамъ что-нибудь, отвѣчайте, что они надобны Господу, и онъ тотчасъ отпуститъ ихъ“. Все исполнилось такъ, какъ было сказано Господомъ. Войдя въ селеніе, посланные ученики, дѣйствительно, нашли привязанную ослицу и около нея осленка, именно такого, какой имъ былъ нуженъ, т.-е. на котораго не садился еще ни одинъ человѣкъ. Стоявшіе тамъ хозяева сказали имъ: „что вы дѣлаете? зачѣмъ отвязываете?“ Ученики отвѣчали, какъ повелѣлъ Господь, — и тѣ безпрепятственно отпустили ихъ.

Іисусъ, между тѣмъ, оставался на томъ же мѣстѣ, откуда пошли ученики. Число народа, Его окружавшаго, все возрастало: жители Іерусалима и богомольцы, пришедшіе на праздникъ, узнавъ, что Онъ идетъ въ Іерусалимъ, во множествѣ шли Ему навстрѣчу. На приведеннаго осленка ученики накинули свои верхнія одежды, и когда Господь возсѣлъ, открылось торжественное шествіе. Такимъ образомъ, Іисусъ Христосъ совершилъ Свой торжественный входъ въ Іерусалимъ не на конѣ, какъ издревле шествовали побѣдоносные цари, а на осленкѣ, знаменуя этимъ миръ (оселъ у евреевъ—символъ мира), въ соотвѣтствіе пророчеству, которое въ такомъ именно видѣ представляло явленіе Іерусалиму Мессіи и видѣло въ Немъ Царя мирнаго и кроткаго. Ученики Христовы только впослѣдствіи, послѣ прославленія Христа, поняли, что это событіе было исполненіемъ пророчества Захаріи: „ликуй отъ радости, дщерь Сіона, торжествуй, дщерь Іерусалима: се Царь твой грядетъ къ тебѣ, праведный и спасающій, кроткій, сидящій на ослицѣ и на молодомъ ослѣ, сынѣ подъяремной“ (Зах. IX, 9—10). Въ то же время, возсѣдя на осленкѣ, Іисусъ Христосъ, по замѣчанію богомудрыхъ толковниковъ (св. Іоанна Златоуста, бл. Ѳеофилакта), „предвозвѣстилъ призваніе нечистыхъ язычниковъ, непокоривыхъ и ненаученныхъ, какъ жребя, т.-е., что Онъ въ нихъ почіетъ, что они пріидутъ къ Нему и за Нимъ послѣдуютъ“. Эта же мысль высказывается въ церковномъ пѣснопѣніи: *стропотное языковъ сѣдалище жребя прообразоваше, изъ невѣрія въ вѣру претворяемое* (стих. на стиховнѣ), тогда какъ ослица подъяремная предызображала іудеевъ, долго носившихъ на выяхъ своихъ иго закона, но потомъ перемѣнившихъ его на благое и легкое бремя Христа.

Между тѣмъ, шествіе подвигалось впередъ къ Іерусалиму съ великою торжественностью. Въ народѣ явилась мысль, что Іисусъ ѣдетъ въ Іерусалимъ для торжественнаго объявленія Себя Мессіею и для открытія Своего царства. Къ тому же слава о великихъ чудесахъ Его и воскрешеніи Лазаря привлекала къ Нему сердца всѣхъ. Густыя толпы народа сопровождали Спасителя и по пути все увеличивались. Народъ забѣгалъ впередъ и постилалъ свои одежды тамъ, гдѣ надлежало ѣхать Христу. Другіе срѣзывали съ деревьевъ вѣтви и бросали ихъ по дорогѣ.

Когда Іисусъ Христосъ сталъ уже спускаться съ горы Елеонской, то ученики Его начали въ радости громко прославлять Бога за всѣ чудеса, видѣнныя ими. Многіе изъ народа, пришедшаго въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи, услышавъ, что Іисусъ въ торжественномъ шествіи приближается къ Іерусалиму, взяли пальмовыя вѣтви и вышли къ Нему навстрѣчу. Всѣ съ восторгомъ восклицали: „осанна (т.-е. спасеніе) Сыну Давидову! Благословенъ грядый во имя Господне, Царь Израилевъ. Осанна въ вышнихъ“. Іисусъ не препятствовалъ народному ликованію, зная, что теперь чрезъ уста народа должны были исполниться пророчественныя слова Захаріи; но въ то же время зналъ, что чрезъ нѣсколько дней этотъ самый народъ, наущенный первосвященниками и фарисеями, будетъ просить у Пилата Его смерти и вмѣсто *осанна* будетъ кричать: *распни, распни Его!* Между тѣмъ, радостныя восклицанія народа, смѣшиваясь съ восклицаніями учениковъ Христовыхъ, все болѣе и болѣе оглашали воздухъ: „осанна сыну Давидову! Благословенъ Царь, грядущій во имя Господне. Миръ на небеси и слава въ вышнихъ“ (изъ пс. CXVII, 25, который употреблялся евреями на пасхальной вечерѣ и содержалъ въ себѣ и другія указанія на Мессію).

Среди народа, встрѣчавшаго Іисуса Христа, были и фарисеи, которые, вмѣшавшись въ толпу, внимательно наблюдали за всѣмъ происходившимъ. Прославленіе Іисуса, эти громкія восклицанія народной радости крайне тяжело было слышать этимъ завистливымъ и ослѣпленнымъ врагамъ Спасителя; но они не смѣли высказаться явно передъ народомъ. И вотъ, улучивъ удобную минуту, они обращаются къ самому Господу: „Учитель! запрети ученикамъ своимъ“. (Лк. XIX, 39). По-видимому, хитрые лицемѣры хотѣли какъ будто бы дать этимъ понять, что восклицанія народа, называвшаго Іисуса Сыномъ Давидовымъ, могутъ быть опасны какъ для Него, такъ и для народа со стороны римскаго правительства. Сердцевѣдецъ зналъ, изъ какихъ побужденій проистекаетъ совѣтъ предосторожности; но, не обличая теперь ихъ явно, сказалъ только имъ въ отвѣтъ со властію: „сказываю вамъ, что если эти люди умолкнутъ, то камни возопіютъ“. Этимъ давалъ Онъ разумѣть, что настоящее событіе содержитъ въ себѣ столько отраднаго для всего человѣчества, что самые холодные, черствые люди не могутъ не чувствовать побужденія къ торжественной радости. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слова Спасителя какъ бы выражали ту мысль, что настоящее событіе совершается по непреложному опредѣленію свыше, и что безумно со стороны человѣка итти противъ таинъ божественнаго Промысла.

Между тѣмъ, Спаситель, сопровождаемый народными восклицаніями, достигъ послѣдняго спуска съ горы Елеонской. Съ этого мѣста, какъ на картинѣ, открывался величественный видъ Іерусалима, съ его многочисленными великолѣпными постройками. При взглядѣ на этотъ городъ, избившій пророковъ и готовившійся умертвить Іисуса Христа и за это впослѣдствіи долженствовавшій быть разореннымъ, необъятный порывъ божественнаго состраданія охватилъ душу Спасителя. Божественное лицо Господа выразило глубокую скорбь, и Онъ громко заплакалъ. Его мысленнымъ взорамъ ясно представлялось приближающееся запустѣніе Іерусалима и отверженіе богоубійственнаго народа. Окруженный ликующею толпою, среди радостныхъ криковъ, торжественно встрѣчаемый почти всѣмъ Іерусалимомъ, какъ Царь,—всевѣдущій Господь видѣлъ, что этотъ день посѣщенія, который могъ бы составить славу и счастіе Израиля, сдѣлается для него началомъ ужасныхъ бѣдствій. Господь зналъ, что торжественное *осанна* чрезъ нѣсколько дней будетъ замѣнено яростными воплями: *смерть, смерть Ему! Распни Его!* (Іоан. XIX, 15). Онъ зналъ, что дщерь Сіонова, привѣтствующая нынѣ своего Царя, скоро отречется отъ Него и скажетъ: *нѣтъ у насъ царя, кромѣ кесаря*! Онъ предвидѣлъ уже исполненіе грознаго суда Божія надъ отверженнымъ городомъ и народомъ. Струи горючихъ слезъ оросили божественное лицо Спасителя, и Онъ съ плачемъ произнесъ, обращаясь къ Іерусалиму: „Іерусалимъ, Іерусалимъ! О если бы ты хотя въ сей твой день узналъ, что служитъ къ миру твоему! Но это сокрыто нынѣ отъ глазъ твоихъ, ибо пріидутъ на тебя дни, когда враги твои обложатъ тебя окопами, и окружатъ тебя, и стѣснятъ тебя отовсюду, и разорятъ тебя, и побьютъ дѣтей твоихъ въ тебѣ, и не оставятъ камня на камнѣ за то, что ты не узналъ времени посѣщенія твоего“. Это печальное пророчество исполнилось съ поразительною точностью, когда еще не успѣло одно поколѣніе смѣниться другимъ: въ 70-мъ году по Рождествѣ Христовомъ, Іерусалимъ, несмотря на упорную защиту, былъ взятъ римлянами и преданъ совершенному разоренію, такъ что подлинно исполнились слова Спасителя: „не оставятъ въ тебѣ камня на камнѣ“.

Шествіе продолжалось. Когда Іисусъ Христосъ, сопровождаемый необозримыми толпами народа съ зеленѣющими въ рукахъ вѣтвями, вступилъ въ Іерусалимъ, весь городъ пришелъ въ движеніе, по выраженію евангелиста. Всякій стремился узнать, Кто это вступаетъ въ Іерусалимъ съ такою торжественностью. Пріѣхавшіе на праздникъ изъ дальнихъ странъ съ изумленіемъ спрашивали: „Кто это?“ Имъ отвѣчали: „это Іисусъ, Пророкъ изъ Назарета галилейскаго“, а нѣкоторые изъ бывшихъ съ Іисусомъ Христомъ въ Виѳаніи и видѣвшихъ чудо воскрешенія Лазаря прибавляли къ этому, что это тотъ Іисусъ, который „воскресилъ изъ мертвыхъ уже четыре дня лежавшаго во гробѣ Лазаря“.

Шествіе направлено было прямо къ храму. Вступленіемъ во храмъ Христосъ открылъ Свое общественное служеніе: сюда пришелъ Онъ и теперь, какъ Царь, пришелъ какъ бы требовать отчета у прежнихъ управителей дома Отца Своего, посмотрѣть, что они сдѣлали вслѣдствіе перваго Его требованія, какъ исполнили они свое служеніе... Вступивъ во храмъ, Господь снова, какъ три года назадъ въ первую Свою Пасху, увидалъ въ притворѣ его столы мѣновщиковъ и продавцовъ голубей и съ негодованіемъ прогналъ ихъ, а столы и скамьи ихъ опрокинулъ и не потерпѣлъ даже, чтобы народъ, проходя съ различными сосудами чрезъ святилище, нарушалъ тишину его, дѣлая изъ него проходной дворъ (Мр. XI, 16). „Не сказано ли въ писаніи (Исаія LVI, 7; Іер. VII, 11), —воскликнулъ Іисусъ,—что домъ Мой домомъ молитвы наречется, а вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ?!“

Услыхавъ это, книжники и первосвященники въ безумной ярости и злобѣ искали, какъ бы погубить Іисуса, но не смѣли, потому что народъ съ восторгомъ внималъ Ему и прославлялъ Его. Въ храмѣ приступили къ Господу больные, слѣпые и хромые, и Онъ, какъ *Царь кроткій и спасаяй*, не оставилъ ни одного недужнаго безъ утѣшенія и отрады: кто только находился въ храмѣ и требовалъ Его помощи, всѣмъ подалъ божественною Своею силою исцѣленіе. Торжественныя восклицанія не умолкали. Народъ, видя обиліе чудесъ, и въ самомъ храмѣ началъ восклицанія: *осанна!* У большихъ переняли дѣти, и даже младенцы привѣтствовали Спасителя своего: *осанна, Сыну Давидову!* Всѣмъ было радостно; однимъ врагамъ Господа больно было слушать эти простодушныя изъявленія радости. Начальники храма, фарисеи и книжники, надменные своею ученостью, раздраженные всѣмъ происшедшимъ, обратились къ Іисусу Христу съ насмѣшливымъ упрекомъ: „слышишь ли, что они говорятъ?“ и предлагали унять, по крайней мѣрѣ, дѣтей, которыя сами не знали, что кричатъ и лепечутъ. Но Спаситель возразилъ имъ: „развѣ вы никогда не читали въ писаніи: изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей Ты устроилъ хвалу“ (Пс. VIII, 3)? Эти простодушныя, радостныя привѣтствія малыхъ дѣтей были не безсмысленными криками, а отголоскомъ чистаго сердца, къ которому надлежало бы прислушаться и надменнымъ фарисеямъ, ослѣпленнымъ своею ненавистью и злобою. Слава Божія такъ живо ощутительна и для младенцевъ, что и дитя поетъ пѣснь Богу безыскусственную, но тѣмъ болѣе искреннюю, сердечную, и этими своими чувствами посрамляетъ противниковъ Божіихъ.

Враги Господа умолкли. Злоба ихъ, въ виду торжественнаго Его входа въ Іерусалимъ и всеобщаго ликованія, онѣмѣла, но въ тишинѣ продолжала строить ковы. „*Видите ли,*—говорили фарисеи старѣйшинамъ, —*что вы не успѣваете ничего?* Вотъ послѣдствія вашей нерѣшительности. А между тѣмъ, какъ вы дремали, *весь міръ идетъ за Нимъ*“ (Іоан. XII, 19). И съ этой минуты еще ревностнѣе стали искать случая убить Іисуса.

Воспоминая торжественный царскій входъ Господа нашего Іисуса Христа въ Іерусалимъ, св. церковь воспѣваетъ: *Богъ Господь и явися намъ: составите праздникъ и веселящеся пріидите, возвеличимъ Христа, съ ваіями и вѣтвми, пѣсньми зовуще: благословенъ грядый во имя Господа Спаса нашего,* и на утреннемъ богослуженіи вручаетъ своимъ чадамъ зеленѣющія древесныя вѣтви, которыя обыкновенно украшаются зажженными свѣчами. Такими вѣтвями, вслѣдствіе того, что недѣля ваій бываетъ раннею весной, у насъ обыкновенно служитъ верба, какъ начинающая зеленѣть ранѣе другихъ древесныхъ растеній. Передъ канономъ, на утренѣ, во время чтенія псалма „Помилуй мя, Боже“, священникъ совершаетъ освященіе вербы: трижды ходитъ кругомъ приготовленныхъ вѣтвей вербы, читаетъ составленную на этотъ случай молитву, окропляетъ вербу св. водою и потомъ раздаетъ вѣтви молящимся, которые должны тихо и съ благоговѣніемъ подходить къ священнику для принятія ихъ. Съ этими вѣтвями, украшенными восковыми свѣчами, вѣрующіе и стоятъ въ храмѣ до окончанія богослуженія.

Этотъ церковный обрядъ имѣетъ глубокій внутренній смыслъ. Въ древности у евреевъ былъ обычай, по которому вождей, одержавшихъ побѣду надъ врагами, прославляли, между прочимъ, тѣмъ, что встрѣчали и провожали ихъ съ древесными, постоянно цвѣтущими, вѣтвями. И Господа нашего Іисуса Христа, послѣ воскрешенія Лазаря, народъ провожалъ отъ горы Елеонской въ Іерусалимъ съ зелеными пальмовыми вѣтвями, какъ царя — побѣдителя смерти. Подобно сему и мы въ праздникъ входа Господня въ Іерусалимъ прославляемъ Господа, какъ побѣдителя смерти. Зеленѣющія вѣтви вербы, по изъясненію церкви, служатъ *знаменіями побѣды надъ смертію и воскресенія* Іисуса Христа и нашего *общаго воскресенія. Общее воскресеніе,* — воспѣваетъ св. церковь въ тропарѣ праздника, *прежде Твоея страсти увѣряя, изъ мертвыхъ воздвиглъ еси Лазаря, Христе Боже. Тѣмже и мы, яко отроцы, побѣды знаменія носяще, Тебѣ Побѣдителю смерти вопіемъ: осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне.* Такимъ образомъ, зеленѣющими ваіями въ праздникъ входа Господня въ Іерусалимъ мы прославляемъ Господа, какъ побѣдителя смерти, и воспоминаемъ наше будущее воскресеніе.

И сами эти начинающія зеленѣть вѣтви являются намъ живымъ напоминаніемъ и образомъ нашего воскресенія. Зимою онѣ были какъ бы мертвы, безъ жизни: смотря на нихъ, кажется, трудно и вообразить, чтобы это безжизненное дерево могло опять ожить, зазеленѣть и, однако же, всегда такъ бываетъ, и съ наступленіемъ весны дерево снова оживаетъ, вѣтви снова зеленѣютъ. И мы умремъ, и для насъ наступитъ смерть,— эта суровая зима, но придетъ и наша весна всеобщаго воскресенія, и мы опять оживемъ, и наше тѣло, истлѣвшее въ землѣ, опять соединится съ душою. Смотря на мертвецовъ, опуская тѣла ихъ въ могилу, трудно и представить себѣ, чтобы истлѣвшее ихъ тѣло когда-либо ожило и возстало, и, однако же, такъ будетъ: Богъ тлѣнное облечетъ въ нетлѣніе и мертвое содѣлаетъ безсмертнымъ. Такъ начинающія зеленѣть вѣтви вербы напоминаютъ намъ о нашемъ будущемъ воскресеніи.

Въ то же время верба означаетъ *крестъ,* которымъ Господь попралъ смерть и даровалъ вѣрующимъ жизнь вѣчную, почему церковь въ недѣлю ваій и возглашаетъ: *днесь благодать Св. Духа насъ собра, и вси вземше крестъ Твой глаголемъ: благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ.* И мы для того, чтобы послѣ всеобщаго воскресенія встрѣтить въ Господѣ Царя кроткаго, милующаго и спасающаго, должны въ своей земной жизни подъять на себя крестъ Господень, сораспяться Христу и распять на этомъ спасительномъ крестѣ всѣ свои грѣховныя наклонности, себялюбивыя стремленія и чувственныя вожделѣнія, должны совершать путь жизни не во имя благъ земныхъ и чувственныхъ удовольствій, а во имя Господне, во имя заповѣданныхъ Господомъ добродѣтелей и будущаго вѣчнаго блаженства: за безропотное перенесеніе этого креста намъ уготовано *осанна* (спасеніе) *въ вышнихъ*—на небѣ.

Держа въ рукахъ вмѣстѣ съ вербами (знаменіями побѣды и воскресенія) горящія свѣчи, мы изображаемъ величіе настоящаго торжества и немерцающій свѣтъ блаженнаго воскресенія для вѣчной жизни. Подобно этой возженной свѣчѣ, мы должны пламенѣть любовію къ Господу нашему І. Христу и желаніемъ встрѣтить Его; пламенѣть желаніемъ истиннаго нашего отечества небеснаго, предъ вѣчными благами котораго такъ ничтожны всѣ эти обманчивыя радости нашего земного бытія. („Вос. д. 1896 г. № 11).

Такъ любвеобильная матерь наша св. церковь, прославляя въ своихъ богослужебныхъ обрядахъ и пѣснопѣніяхъ великія событія изъ земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, вмѣстѣ съ тѣмъ побуждаетъ насъ стремиться къ Нему всѣмъ сердцемъ, всѣми чувствами и помышленіями, отрѣшаться отъ своихъ страстей и грѣховныхъ привязанностей и помышлять о достойномъ срѣтеніи Господа на страшномъ судищи Христовомъ. (Сост. по указ. источн.).

2. **Виѳанія.**

Небольшое селеніе Виѳанія, изъ котораго Господь Іисусъ Христосъ совершалъ Свой торжественный входъ въ Іерусалимъ, отстоитъ отъ Іерусалима всего на полчаса пути, не далѣе трехъ съ половиною миль. Въ настоящее время оно называется арабами *эль Лазаріе*. Поклонники съ любовію посѣщаютъ эту благословенную весь вмѣсто прогулки. Путь туда лежитъ чрезъ восточныя врата Іерусалима, близъ коихъ страдальчески скончался первомученикъ и архидіаконъ Стефанъ; далѣе, чрезъ *Кедронскій* потокъ, по склону св. горы Елеонской, мимо священнаго сада *Геѳсиманскаго,* гдѣ молился Господь нашъ до пота кроваваго; и еще далѣе по сѣверному склону *горы Соблазна,* гдѣ царь Соломонъ построилъ когда-то идольскія капища для своихъ женъ идолопоклонницъ и тѣмъ соблазнилъ свой народъ; вотъ селеніе *Силоамъ,* а почти смежно съ нимъ, вправо, видны небольшіе остатки селенія *Виѳсфагіи,* откуда апостолы привели Спасителю осля и жребя для Его торжественно-смиреннаго царскаго входа въ Іерусалимъ... По этому пути часто ходилъ Господь Своими пречистыми стопами и въ Виѳанію, и чрезъ Виѳанію къ Іерихону, по пути въ родную Галилею, и обратно; по этому пути ѣхалъ Онъ, кроткій и спасающій царь Сіона, на осляти въ Іерусалимъ, грядый на вольныя страданія ради нашего спасенія... На полпути укажутъ вамъ мѣсто, гдѣ красовалась покрытая листьями, но безплодная смоковница, которую Господь предалъ проклятію, чтобы преподать намъ урокъ крѣпкой вѣры и предостеречь насъ самихъ отъ подобной участи: если Онъ, милосердый, наказалъ нечувственное дерево за безплодіе, то что будетъ съ нами, если Онъ, праведный Судія, не найдетъ у насъ ничего кромѣ ничтожныхъ листьевъ гордости и лицемѣрія?.. Наконецъ, путникъ видитъ предъ собою нѣсколько низкихъ и грязныхъ арабскихъ хижинъ, которыя лѣпятся на покатости горы Елеонской: это и есть Виѳанія. Когда-то, во времена Спасителя, все это мѣстечко было роскошнымъ садомъ; тутъ прекрасно росли маслины, фиги, виноградъ, миндаль, гранаты, пальмы и хлѣбъ. Отсюда плоды доставляли въ Іерусалимъ; а особенно много росло тутъ финиковыхъ пальмъ, почему и самое селеніе получило названіе *Виѳанія,* что значитъ: *домъ финиковъ.* Но теперь долины и горы, по которымъ были раскинуты дома и сады древней Виѳаніи, опустѣли; едва примѣтно кое-гдѣ пріютились тощія деревца, а пальмъ и вовсе не видно... Таковъ видъ теперешней Виѳаніи. Но сколько сладостныхъ для вѣрующаго сердца воспоминаній возбуждаетъ одно это дорогое имя—Виѳанія! Нигдѣ, кажется, Господь нашъ Іисусъ не проводилъ болѣе спокойныхъ часовъ, нигдѣ столько не отдыхалъ Онъ Своею святою душой послѣ великихъ Своихъ трудовъ, какъ въ этой Виѳаніи, въ домѣ праведнаго друга Своего Лазаря. Здѣсь всегда встрѣчали Его съ великою радостію; этотъ тихій, благословенный домъ всегда былъ открытъ для успокоенія Того, Кто въ земной жизни Своей не имѣлъ гдѣ главы приклонити... Зато и любилъ Господь это счастливое Его любовію семейство, любилъ Онъ друга Своего Лазаря и двухъ праведныхъ сестеръ Его—радушную, трудолюбивую, гостепріимную Маѳу и тихую, молчаливую, глубоко Ему преданную Марію. У нихъ Онъ обычно останавливался, когда приходилъ въ Іерусалимъ на праздники; въ ихъ домѣ проводилъ Онъ послѣднія предъ Своими страданіями ночи, удаляясь сюда изъ шумнаго Іерусалима... А за нѣсколько дней до Своихъ страданій въ этомъ домѣ приготовили Ему вечерю — угощеніе, и Маѳа, по обычаю, служила Ему, и Лазарь былъ одинъ изъ возлежавшихъ съ Нимъ. Марія же взяла фунтъ нардоваго чистаго драгоцѣннаго мѵра, помазала ноги божественнаго Учителя и отерла волосами своими, желая тѣмъ излить чувство своей сердечной благодарности предъ Воскресителемъ ея брата, мертвеца четверодневнаго! Какія трогательныя воспоминанія! Но вотъ другой домъ—домъ Симона прокаженнаго. И въ этомъ домѣ Господь былъ однажды гостемъ. И сюда пришла къ Нему женщина съ алавастровымъ сосудомъ мѵра драгоцѣннаго; но это не была праведная сестра Лазарева, это была жена грѣшница, грѣхами оскверненная и всѣми презираемая. Она пришла сюда, чтобы излить свою душу въ слезахъ покаянія, и, разбивъ дорогой сосудъ, возлила благоуханное мѵро на главу Вземлющаго грѣхи всего міра... Ропщетъ расчетливый Іуда на безполезную, по его мнѣнію, трату ароматовъ; слышится слово порицанія и отъ другихъ учениковъ; но Сердцевѣдецъ лучше ихъ знаетъ цѣну усердія грѣшной жены: „что смущаете жену — говоритъ Онъ имъ, — она доброе дѣло сдѣлала; она предварила помазать тѣло Мое къ погребенію. Истинно говорю вамъ: гдѣ ни будетъ проповѣдано евангеліе сіе, въ цѣломъ мірѣ сказано будетъ въ память ея и о томъ, что она сдѣлала!“ И вотъ, скажемъ словами св. Златоуста: молчитъ исторія о подвигахъ безчисленныхъ царей и полководцевъ, которыхъ надгробные памятники доселѣ еще сохраняются; неизвѣстны даже по имени многіе изъ тѣхъ, которые построили города, покорили народы, издали законы; но то, что въ Виѳаніи, въ домѣ нѣкоего Симона прокаженнаго, жена-блудница излила мѵро на главу Христову, объ этомъ знаетъ весь христіанскій міръ... На мѣстѣ бывшаго дома Лазарева св. царица Елена построила прекрасную церковь, но отъ этой церкви уцѣлѣла только передняя стѣна, къ которой пристроена арабская мечеть. А на мѣстѣ дома Симона прокаженнаго былъ когда-то католическій женскій монастырь, а теперь все въ развалинахъ. Третья святыня Виѳаніи это—гробъ Лазаря, находящійся въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ дома Симона прокаженнаго. Въ святой землѣ всѣ гробы были изсѣчены въ скалахъ, а Лазарь былъ человѣкъ богатый, и потому ему была изсѣчена особая пещера, въ которую теперь спускаются по 26 ступенямъ. Въ углу пещеры сложенъ изъ камней престолъ, на которомъ францисканe (католическіе монахи) два раза въ году служатъ литургію. Изъ этой пещеры, чрезъ низкое и тѣсное отверстіе, по пяти или шести ступенямъ, можно сойти въ другую пещеру, аршина 2 ширины и 4 длины; вотъ тутъ-то, налѣво, и высѣчено смертное ложе четверодневнаго мертвеца Лазаря. Прежде бѣлый мраморъ украшалъ этотъ гробъ Лазаревъ, и прекрасная церковь покрывала всю пещеру; теперь все опустошено, и кромѣ голой скалы, да сору и развалинъ, ничего не видно. Здѣсь богомольцы читаютъ евангельское сказаніе о воскрешеніи Лазаря, и поразительно звучатъ для сердца подъ сводами этой опустѣлой пещеры слова Господа: *„Лазаре, гряди вонъ!..* Мысль невольно переносится къ этой темной, тѣсной пещерѣ, откуда вышелъ Лазарь, обвитый погребальными пеленами, но цвѣтущій жизнію и здоровьемъ...

Недалеко отъ Виѳаніи, близъ дороги Іерихонской, показываютъ большой круглый камень. Преданіе говоритъ, что тутъ остановился Господь, когда пришелъ въ Виѳанію возбудить Своего друга отъ смертнаго сна; тутъ отдыхалъ Онъ, усталый отъ дальнаго пути и отъ высокаго подъема на гору; здѣсь встрѣтила Его заботливая Маѳа, и вслѣдъ за нею глубокоскорбная Марія, повергшаяся къ божественнымъ стопамъ Учителя со словами: „Господи, если бы Ты былъ здѣсь, не умеръ бы братъ мой!“ Отсюда, отъ этого *камня бесѣды*, какъ называетъ преданіе этотъ гранитъ, растроганный до слезъ скорбію близкихъ, преданныхъ Ему людей, Господь нашъ пошелъ ко гробу мертвеца—друга. Что ни шагъ, то священное воспоминаніе, что ни мѣсто, то трогательная картина изъ жизни Спасителя!..

Такова Виѳанія, отечество Лазарево. Таковъ этотъ тихій уголокъ, гдѣ и развалины говорятъ о любви Жизнодавца, и самые камни проповѣдуютъ о Его снисхожденіи къ скорбямъ человѣческимъ даже до пролитія человѣческихъ слезъ!.. (См. № 413 „Троиц. лист.“).

3. О благоукрашеніи храмовъ Божіихъ [1]).

Съ самаго начала устроенія церкви Христовой на землѣ, христіане стали устраивать для молитвенныхъ собраній вѣрующихъ и для совершенія святыхъ таинствъ особые молитвенные дома, или священныя зданія, т.-е. храмы. И впослѣдствіи времени, согласно съ волею на то Господа, храмы стали существенною и необходимою принадлежностью церкви Христовой. Христіанскіе храмы большею частію созидались на добровольныя приношенія истинныхъ членовъ церкви не только на великія, но и на малыя, подобныя лептамъ вдовицы, освященныя благоволеніемъ Господа. Въ нашемъ православномъ отечествѣ храмы Божіи сіяютъ какъ звѣзды на небѣ, и всѣ они, исключая государственныхъ, сооружены рѣдко на богатыя жертвы, но въ большинствѣ на лепты, собираемыя отъ усердія православныхъ. И мы съ почтеніемъ должны смотрѣть на вольнаго труженика, съ непокрытою головою собирающаго лепты на сооруженіе храма, и не скупиться положить ему на блюдо свою жертву. Отстраняясь отъ помощи въ построеніи храма, мы отторгаемъ себя отъ единенія со всею церковію, всегда неусыпно заботящеюся о созиданіи и украшеніи священныхъ мѣстъ Божія между нами обитанія. Посему, православный христіанинъ, никогда не отказывайся отъ поддержанія благоустройства и благолѣпія храма Божія, старайся всегда содѣйствовать сему благому дѣлу посильными жертвами отъ трудовъ своихъ праведныхъ. Помни, что святая церковь каждый день и почти на всякой службѣ молится о плодоносящихъ и добродѣющихъ во святомъ храмѣ; каждый день взываетъ къ Господу: „освяти любящихъ благолѣпіе дома Твоего“, а молитва церкви всегда имѣетъ великую силу предъ Богомъ. Въ житіяхъ святыхъ подвижниковъ можно найти не одно указаніе на то, что Господь и Царица небесная являютъ къ создателямъ и украсителямъ храмовъ Божіихъ особенную любовь и милосердіе. Преподобный Еразмъ, инокъ печерскій (память его совершается св. церковію 24 февраля), былъ въ мірѣ очень богатымъ человѣкомъ. Принявъ монашество и соединенный съ нимъ обѣтъ нестяжательности, онъ, изъ любви къ благолѣпію дома Божія, рѣшился все свое богатство употребить на украшеніе церковное, и на многія иконы въ церкви Печерской сдѣлалъ золотыя и серебряныя ризы. Сначала преподобный проводилъ строго-благочестивую жизнь, а потомъ впалъ въ искушеніе нерадѣнія. Когда онъ истратилъ все свое имущество на украшеніе церкви, то знакомые стали презирать его, какъ бѣдняка, а діаволъ сталъ внушать ему, что онъ напрасно истратилъ на храмъ свое имѣніе, что ему не будетъ за это отъ Бога никакой награды, и что онъ лучше бы сдѣлалъ, если бы роздалъ свое имущество бѣднымъ. Еразмъ принялъ къ сердцу внушеніе діавольское и, впавъ въ отчаяніе, сталъ проводить свою жизнь во всякомъ небреженіи и лѣности. Но вскорѣ Господь вразумилъ его: онъ впалъ въ жестокую болѣзнь, лишился языка и зрѣнія и близокъ былъ къ смерти. Къ нему однажды собрались иноки и, видя его страдальческое состояніе, говорили: „горе душѣ его! Поелику онъ жилъ въ лѣности и грѣхахъ, то вотъ за это и мучится“. Но, къ великому изумленію всѣхъ присутствующихъ, Еразмъ вдругъ всталъ съ постели совершенно здоровымъ и сказалъ: „Подлинно, отцы и братіе, я таковъ, какимъ вы меня считаете, и жилъ безъ покаянія, но сегодня явились мнѣ преподобные Антоній и Θеодосій и сказали: мы за тебя молились Господу и по нашимъ молитвамъ Онъ даетъ тебѣ время на покаяніе. Потомъ я увидѣлъ Пресвятую Богородицу съ Богомладенцемъ на рукахъ и множество святыхъ съ Нею. Владычица сказала мнѣ: Еразмъ, поелику ты украсилъ церковь Мою иконами, то и Я украшу тебя и возвеличу славою въ царствѣ Сына Моего. Итакъ, вставши, покайся и прими великій ангельскій образъ: въ третій же день Я возьму тебя чистымъ къ Себѣ“. Сказавъ это, Еразмъ тотчасъ же открыто предъ всѣми исповѣдалъ свои грѣхи, пошелъ въ церковь и здѣсь былъ постриженъ въ схиму. На третій же день послѣ сего онъ, дѣйствительно, скончался (Чет. Мин. февр. 24 ч.).

Видишь ли, православный христіанинъ, какъ благотворны жертвы на храмъ Божій? Внемлите сему всѣ, любящіе благолѣпіе дома Божія, плодоносящіе и добродѣющіе въ немъ! Ваши чистыя жертвы на храмы святые пріятны Господу, и Онъ несомнѣнно явитъ вамъ Свое милосердіе, освятитъ и прославитъ васъ Своею благодатію. Не смущайтесь злокозненными словами тѣхъ, которые говорятъ вамъ: „зачѣмъ большія траты на украшенія храмовъ? Богу не нужно богатства, а эти тысячи могутъ быть употреблены на благотворительныя дѣла“. Помните, что такія мысли внушалъ преподобному Еразму діаволъ, исконный врагъ нашего спасенія. Помните, что и Іуда-предатель Маріи, сестрѣ воскрешеннаго Лазаря, помазавшей ноги Господа драгоцѣннымъ мѵромъ, говорилъ: „для чего бы не продать это мѵро за триста динаріевъ и не раздать нищимъ?“ Но Спаситель сказалъ: „что смущаете женщину? она доброе дѣло сдѣлала для Меня. Ибо нищихъ всегда имѣете съ собою, а Меня не всегда имѣете“. Прими, христіанинъ, это наставленіе Спасителя и никогда не поддавайся совѣтникамъ, отклоняющимъ тебя отъ спасительнаго дѣла благоукрашенія храмовъ Божіихъ. (См. № 124 „Воскр. лист.“, изд. редак. журн. „Воскр. день“).

---

[1]) Примѣнительно къ еванг. Іоанн. XII гл. 3—8 ст.

4. Построеніе храмовъ — дѣло богоугодное.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ жизни святыхъ, подтверждающихъ эту истину.

I. Преподобный Даніилъ переяславскій, любившій заниматься погребеніемъ усопшихъ, видѣлъ однажды ночью на кладбищѣ огонь надъ могилою, въ которую онъ недавно опустилъ тѣло усопшаго странника. Это явленіе расположило его къ мысли построить храмъ на кладбищѣ, тѣмъ болѣе, что въ то же время и одинъ благочестивый игуменъ сообщилъ ему, что и онъ на томъ же мѣстѣ видѣлъ ночью свѣтъ и даже слышалъ звонъ. Даніилъ сразу же хотѣлъ начать святое дѣло, но его останавливаютъ три какіе-то невѣдомые странника и говорятъ: „повремени года три, и ты увѣришься, что эта мысль отъ Бога, а между тѣмъ, къ тому времени найдутся и средства исполнить ее“.

Прошли три года, и вотъ для Даніила открывается новое побужденіе устроить храмъ надъ прахомъ усопшихъ: къ нему является какая-то жена и, вручая ему сто сребрениковъ, говоритъ: „возьми и устрой церковь на кладбищѣ, гдѣ покоятся и мои близкіе: я часто видѣла во снѣ своихъ родителей, которые требовали отъ меня тамъ молитвы“. Потомъ столько же сребрениковъ даетъ ему неизвѣстный рыбакъ и говоритъ: „возьми и устрой церковь на кладбищѣ: я тамъ видѣлъ ночью огонь“. Приходитъ, наконецъ, еще какой-то мужъ и, вручая ему столько же денегъ, говоритъ: „возьми и устрой церковь на кладбищѣ, гдѣ и мои родные: я слышалъ тамъ голосъ, требующій, чтобы тамъ была церковь“. Кто были эти таинственные жертвователи, одному Богу извѣстно; только Даніилъ, при помощи ихъ, устроилъ церковь во имя всѣхъ святыхъ, чтобы ангелы всѣхъ усопшихъ призываемы были на мѣстѣ ихъ погребенія. (См. сочин. Муравьева: „Мысли о православіи при посѣщеніи святыни русской“; сн. кн. „Минуты пастырск. досуга“ еп. Гермогена, т. I, стр. 116—117).

II. Насколько построеніе храмовъ Божіихъ дѣло богоугодное, видно изъ того, что Самъ Богъ и святые Его принимаютъ участіе и поспѣшествуютъ построенію и благоукрашенію храмовъ.

Однажды препод. Евфросинія полоцкая (пам. ея 23 мая), видя, что день ото дня умножаются сестры въ ея обители, задумала создать болѣе обширную каменную церковь во имя Спаса. Началась постройка. Приставникомъ при работахъ былъ благочестивый мужъ Іоаннъ. Онъ нѣсколько разъ во время отдыха до восхода солнца слышалъ голосъ: „Іоаннъ, встань и иди на созиданіе храма Вседержителю“. Разъ онъ спросилъ преподобную: „ты ли, святая мать, присылаешь понуждать меня къ работѣ?“ Преподобная, разумѣя, что этотъ голосъ свыше, сказала: „если и не я понуждаю тебя, но ты дѣлай, что тебѣ велятъ, ибо это дѣло Божіе“. Потомъ, спустя нѣкоторое время, случилось, что на окончаніе церкви не хватило кирпичей. Преподобная усердно помолилась Господу о помощи, и утромъ оказалась полная печь жженыхъ кирпичей, уже остывшихъ и очень крѣпкихъ. Всѣ съ удивленіемъ прославили Господа за Его дивную помощь (Ч.-М. 23 мая).

5. Обычай зажигать предъ иконами лампады.

У православныхъ христіанъ есть обычай предъ иконами зажигать лампады. Нѣтъ ни одного почти семейства, какъ бы бѣдно оно ни было, у котораго бы въ переднемъ углу дома предъ святыми иконами не теплился огонекъ, особенно на праздники. У многихъ, обыкновенно, горитъ нѣсколько лампадъ, гдѣ только поставлены иконы, и вообще большая часть православныхъ христіанъ старается поддерживать этотъ огонь неугасимымъ... Какъ должно судить о такомъ обычаѣ? Какой онъ имѣетъ смыслъ и къ чему обязываетъ христіанъ?.. Въ нынѣшнее время приходится иногда слышать осужденіе этого благочестиваго обычая: „Къ чему, говорятъ, напрасная трата елея, вещества дорогого, — лучше бы употребить истрачиваемую сумму на благотвореніе. Богу не нужны наши наружныя дѣйствія и вещественныя пожертвованія. Онъ требуетъ отъ насъ любви, самоотверженія и сердечной духовной молитвы“. Съ другой стороны, мы видимъ, что многіе изъ православныхъ христіанъ, дѣйствительно, только тѣмъ и ограничиваются, что зажигаютъ лампады въ извѣстные дни, а въ молитвѣ не преуспѣваютъ и даже, чѣмъ больше праздникъ, тѣмъ меньше находятъ времени не только сходить въ церковь, но и дома помолиться, чрезмѣрно озабоченные житейскими праздничными приготовленіями. Все это не даетъ намъ права отвергать этотъ благочестивый обычай, какъ бы безполезный, потому только, что многіе не пользуются имъ, какъ слѣдуетъ, и не извлекаютъ изъ него той пользы душевной, съ какою св. православная церковь допустила и съ древнихъ временъ сохраняетъ свой обычай, какъ богоугодный и душеспасительный. Что, дѣйствительно, возжженіе лампадъ предъ иконами дѣйствіе богоугодное, мы находимъ подтвержденіе этого въ житіи пр. Іоанна отшельника, память коего совершается 19 іюня.

Преподобный Іоаннъ жилъ въ 6 вѣкѣ по Р. Христовѣ въ Палестинѣ, недалеко отъ Іерусалима. Онъ проводилъ свое богоугодное житіе въ одной пещерѣ, не имѣлъ у себя никакого имущества, кромѣ иконы Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ. Предъ сею иконою св. подвижникъ всегда поддерживалъ зажженную лампаду, упражняясь въ молитвѣ съ пламеннымъ усердіемъ, чрезъ что и пріобрѣлъ особенную благодать предъ Богомъ. Имѣя нужду, по усердію къ святымъ, бывшимъ далеко отъ Іерусалима, отлучаться изъ своей пещеры на продолжительное время, преподобный всякій разъ съ святымъ дерзновеніемъ молился предъ иконою Божіей Матери, да управитъ Она путь его, и просилъ Богоматерь, чтобы Она Сама благоволила въ его отсутствіе поддерживать лампаду неугасимою. И получалъ просимое, — всякій разъ, возвращаясь съ своего богомолья чрезъ два или три мѣсяца, св. отшельникъ находилъ лампаду полною елея и неугасшею. Такъ Сама Царица небесная благоволила принимать отъ смиреннаго подвижника жертву его усердія. Видно, такая жертва была Ей угодна и пріятна, что Она являла ему столь чудодѣйственное знаменіе Своего благоволенія! Безъ сомнѣнія, св. подвижникъ удостоенъ былъ такого благоволенія Богоматери не за одно внѣшнее почтеніе Ея возжиганіемъ лампады, но, главнымъ образомъ, за ту пламенную молитву, которую всегда возносилъ къ Божіей Матери и за подвиги своей святой жизни.

И мы должны быть увѣрены, что благочестивымъ обычаемъ возжигать лампады предъ иконами можно достигнуть пользы и спасенія души своей только тогда, когда съ этимъ будетъ соединена нелѣностная и сердечная молитва... (Астрах. Епарх. Вѣдом. 1893 г. № 13).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

недѣли особыя.

НЕДѢЛЯ ПРЕДЪ ВОЗДВИЖЕНІЕМЪ.

Еванг. отъ Іоан. зач. 9-е, гл. III, 13—17 ст.

1. Евангельское чтеніе въ недѣлю предъ Воздвиженіемъ, съ указаніемъ спасительныхъ плодовъ страданій и смерти Іисуса Христа.

Евангельское чтеніе настоящей недѣли взято изъ бесѣды Господа съ Никодимомъ, тайно приходившимъ послушать ученіе Іисуса Христа. Въ немъ Господь говоритъ, что: „какъ Моисей вознесъ змію въ пустынѣ, такъ должно вознесену быть Сыну человѣческому, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. Ибо такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего единороднаго, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Іоан. III, 14—16).

Въ этихъ словахъ Господа содержится указаніе на родъ смерти, избранной Имъ для искупленія падшаго человѣчества и на спасительные плоды Его страданій.

„Боюсь говорить и коснуться языкомъ страшнаго сказанія о страданіяхъ Спасителя. Печаль и слезы сжимаютъ сердце, когда представляю себѣ, что Владыка терпитъ отъ рабовъ оскорбленія и укоризны, бичеваніе, заплеваніе и заушеніе“. Такъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ твореній преподобный Ефремъ Сиринъ. Подлинно, велики, несказанно велики и безмѣрно тяжки были страданія, которыя претерпѣлъ за насъ отъ беззаконныхъ іудеевъ безгрѣшный Христосъ Спаситель. Сама бездушная природа содрогнулась и сострадала пригвожденному на крестѣ: потряслись основанія земли, солнце омрачилось и удержало лучи своей свѣтлости; а святые небожители — ангелы и архангелы—закрыли лица свои крылами, ужаснувшись поруганія надъ Владыкою. Но сколь велики были страданія Іисуса Христа, столь же важны и спасительны заслуги Его для насъ, грѣшныхъ людей. Страданіями Сына Божія Іисуса Христа очистились наши грѣхи, потребилась клятва, умертвилась вѣчная смерть, возстановлена и обновлена падшая, разстроенная грѣхомъ человѣческая природа. Принявъ человѣческое естество отъ Пресвятой Дѣвы Маріи, сдѣлавшись во всемъ подобнымъ намъ, кромѣ грѣха, человѣкомъ, единородный Сынъ Божій сталъ новымъ родоначальникомъ людей. Какъ грѣхъ Адама вслѣдствіе естественнаго происхожденія отъ него всѣхъ людей внесъ во весь человѣческій родъ растлѣніе и вѣчную смерть, такъ и святѣйшая праведность Іисуса Христа, второго Адама, сообщила людямъ оправданіе и вѣчную жизнь. Какъ чрезъ грѣхъ Адамовъ всѣ потомки его подверглись отъ Бога осужденію, такъ точно заслугами Христа Спасителя, Его искупительною смертію, всѣмъ вѣрующимъ во Христа доставлено оправданіе. Какъ въ первомъ Адамѣ всѣ мы погибли, такъ во второмъ Адамѣ, Іисусѣ Христѣ, всѣ мы спасаемся. „Якоже единаго прегрѣшеніемъ, говоритъ св. апостолъ Павелъ, во вся человѣки вниде осужденіе; такожде и единаго оправданіемъ во вся человѣки внидe оправданіе жизни“ (Римл. V, 18). Грѣхъ прародителей нашихъ навлекъ на людей проклятіе отъ Господа, всеправеднаго Судіи. Христосъ, Сынъ Божій, принялъ на Себя проклятіе человѣческаго рода, взявъ на рамена Свои крестъ и бывъ вознесенъ на немъ, „писано бо есть: проклятъ всякъ висяй на древѣ“ (Галат. III, 13). Крестныя страданія Христа, добровольно понесенныя Имъ изъ любви къ падшему человѣку, служатъ достаточнымъ выкупомъ за всѣ беззаконія людей, они одни исчерпываютъ чашу страданій, назначенныхъ всѣмъ и каждому изъ людей въ наказаніе за грѣхи. Страданія безгрѣшнаго Богочеловѣка имѣютъ безконечно высокую цѣну, они несравненно превышаютъ всю тяжесть грѣховъ людскихъ и составляютъ совершеннѣйшую жертву правосудію Божію за грѣхи всего человѣческаго рода. Вслѣдствіе этой жертвы, принесенной за насъ Іисусомъ Христомъ на крестѣ, Богъ Отецъ „отпустилъ намъ грѣхи, прежде бывшіе“ (Римл. III, 5), возвратилъ намъ Свое благоволеніе и освободилъ отъ вѣчной смерти. „Не могла искупить насъ кровь пророковъ,—говоритъ объ этомъ св. Амвросій медіоланскій, — не искупилъ насъ Петръ или Павелъ; одинъ тотъ могъ искупить насъ Своею смертію, кто и Богъ есть и человѣкъ“. И св. Василій Великій такъ разсуждаетъ: „что можетъ человѣкъ найти столько цѣнное, чтобы дать въ искупленіе души своей? Но нашлось одно равноцѣнное всѣмъ людямъ вмѣстѣ, что и дано въ цѣну искупленія души нашей: это святая и многоцѣнная кровь Господа нашего Іисуса Христа, которую Онъ пролилъ за всѣхъ насъ“.

Такъ велики и спасительны для насъ плоды крестныхъ страданій и смерти Христовой. Размышляя о нихъ со страхомъ и трепетомъ, со слезами и воздыханіями, возблагодаримъ Господа за Его безмѣрную благость. Помня, какую великую милость оказалъ намъ, грѣшнымъ, единородный Сынъ Божій, будемъ непрестанно благодарственными пѣснями возносить Господа Бога нашего и покланяться страстямъ Христовымъ. Да будутъ для насъ примѣромъ въ этомъ случаѣ святые, которые всегда памятовали о страданіяхъ Іисуса Христа. Такъ, въ пустынѣ Іорданской спасался авва Стефанъ, который только и думалъ о распятомъ Христѣ. Однажды пришли къ нему посовѣтоваться три старца. Святой подвижникъ долго безмолвствовалъ и, наконецъ, сказалъ на ихъ вопросы: „простите мнѣ, братія, что я доселѣ не внималъ вашей бесѣдѣ. Скажу вамъ только то, что я днемъ и ночью помышляю о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, пригвожденномъ ко кресту“. То же самое разсказывается въ житіяхъ святыхъ о преподобномъ Пименѣ (память котораго совершается въ церкви 27 августа). Однажды пришелъ къ нему авва Исаакъ и засталъ его сидящимъ въ безмолвіи и какъ бы въ нѣкоторомъ изступленіи. Подождавши нѣсколько времени, авва спросилъ преподобнаго, куда онъ возносился умомъ своимъ въ продолженіе безмолвія. Убѣжденный моленіемъ его, святой Пименъ отвѣтилъ: „умъ мой былъ тамъ, гдѣ Пречистая Дѣва Марія Богородица стояла при крестѣ и плакала“ („Ур. и прим. христ. вѣры, над. и любви“, свящ. Гр. Дьяченко, ч. I, стр. 79). Но, размышляя о спасительныхъ страданіяхъ Христовыхъ, будемъ стремиться, христіанинъ, къ спасительному общенію со Христомъ. Тѣсное общеніе со Христомъ, нашимъ новымъ Божественнымъ Прародителемъ, намъ необходимо. Безъ этого намъ не принесутъ никакой пользы страданія и смерть Христовы; въ отчужденіи отъ Христа, нашего Ходатая и Искупителя, мы всѣ будемъ подъ гнѣвомъ у Бога. Общеніе же со Христомъ совершается посредствомъ вѣры, любви и участія въ установленныхъ Господомъ святыхъ таинствахъ. Зная это, возлюбленный христіанинъ, воспользуемся всѣми божественными средствами, яже къ животу и благочестію. Содѣлаемся общниками спасительныхъ страстей Господа Іисуса и дарованной Имъ безсмертной жизни, пребудемъ съ Нимъ и въ Немъ вѣрою, любовію, святою и непорочною жизнію. Блаженъ человѣкъ, который предъ очами своими имѣетъ Распятаго и въ подражаніе Ему распинаетъ плоть свою съ ея страстями и похотями. (См. „Воскр. лист.“ № 312, прилож. къ журн. „Воскр. день“).

2. Чудеса креста Христова (крестнаго знаменія).

(Изъ книги «Камень вѣры»).

Поклоняясь кресту Господню, св. церковь именуетъ его хранителемъ всей вселенной, красотою церковною, державою царей, ангеловъ славою и демоновъ язвою. Она призываетъ непостижимую и божественную силу креста Господня, чтобы мы, ограждаемые сею благодатною силою, побѣждали враговъ нашего спасенія. Крестъ Христовъ есть то побѣдное знамя, подъ сѣнію коего воинствуетъ каждый христіанинъ, яко добрый воинъ Христовъ. Одинъ видъ креста, одно изображеніе его въ крестномъ знаменіи, страшно для духовъ тьмы: оно напоминаетъ имъ Христову побѣду надъ ихъ царствомъ зла, оно палитъ ихъ, какъ пламенный мечъ херувима, обращавшійся въ вратахъ райскихъ послѣ изгнанія изъ рая нашихъ праотцевъ согрѣшившихъ. Господь, по милосердію Своему, именно чрезъ крестъ Свой и являлъ, и присно являетъ силу Свою во спасеніе наше. Дивны чудеса креста Христова! Кто изочтетъ ихъ?..

А сколько чудесъ совершено знаменіемъ крестнымъ съ тѣхъ поръ, какъ Господь нашъ, отходя на небо, воздвигъ руки Свои и благословилъ учениковъ Своихъ, а они, послѣдуя Его примѣру, стали благословлять вѣрующихъ! — Св. Прохоръ, ученикъ Іоанна Богослова, повѣствуетъ, что апостолъ Іоаннъ однажды нашелъ на дорогѣ больного человѣка и исцѣлилъ его крестнымъ знаменіемъ. Онъ же разсказываетъ: былъ одинъ бѣднякъ христіанинъ, который, не имѣя чѣмъ расплатиться съ заимодавцами, рѣшился покончить съ собою и пошелъ къ одному волхву жидовину. Тотъ далъ ему какого-то яду, и несчастный, придя домой, не зналъ, что дѣлать съ собою: страшно казалось ему умирать. Наконецъ онъ оградилъ сосудъ съ ядомъ крестнымъ знаменіемъ и выпилъ... Ядъ нимало не подѣйствовалъ. Тогда онъ опять пошелъ къ еврею и сталъ просить яду посильнѣе. Еврей удивился, что тотъ остался живъ, однако же далъ просимое. Бѣднякъ опять перекрестилъ сосудъ, выпилъ и снова остался невредимъ... Приходитъ онъ снова къ еврею и начинаетъ бранить его, какъ обманщика. Тотъ не вѣритъ своимъ глазамъ, что христіанинъ живъ... „Да что ты дѣлалъ, когда пилъ отраву?“—спросилъ онъ.— „Ничего особеннаго“, отвѣчалъ христіанинъ: „я только ограждалъ сосудъ крестнымъ знаменіемъ“. Тогда еврей позналъ силу св. креста и, желая еще болѣе удостовѣриться въ томъ, далъ того же яду собакѣ: собака тотчасъ же пала... И вотъ, оба они, іудей и христіанинъ, бѣгутъ къ св. апостолу Іоанну Богослову и разсказываютъ все, что было. Еврей принимаетъ св. крещеніе, а христіанину св. апостолъ велитъ принести вязанку сѣна, которое возлюбленный ученикъ Христовъ тутъ же крестнымъ знаменіемъ претворилъ въ золото для бѣдняка.—Св. евангелистъ Матѳей крестнымъ знаменіемъ исцѣлилъ одного князя—своего мучителя. Св. ап. Филиппъ повелѣлъ одному новопросвѣщенному христіанину, по имени Иру, осѣнить крестнымъ знаменіемъ болящіе члены нѣкоего Аристарха, и лишь только Иръ исполнилъ повелѣнное, какъ изсохшая рука Аристарха ожила, слѣпой глазъ прозрѣлъ, уши стали слышать, и онъ сдѣлался здоровымъ. Св. мученики Зинонъ, Александръ и Ѳеодоръ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, однимъ дуновеніемъ сокрушили идоловъ въ капищѣ. Юный царевичъ индійскій, св. Іосифъ, прогналъ отъ себя крестнымъ знаменіемъ духовъ злобы, подосланныхъ къ нему волхвомъ Ѳевдою, чтобы склонить его на грѣхъ плотской, и лукавые бѣсы вынуждены были сознаться своему повелителю—волхву, что они не могутъ вынести даже тѣни св. креста.—Преподобный Иларіонъ Великій крестнымъ знаменіемъ разгонялъ полчища бѣсовскія, и однажды утишилъ бурно волновавшееся море, грозившее затопить находившійся неподалеку отъ его пустыни городокъ Епидавръ, начертивъ на пескѣ три креста. Когда св. Епифаній, впослѣдствіи знаменитый епископъ кипрскій, былъ еще мальчикомъ, онъ упалъ съ осла и разбилъ себѣ бедро, такъ что не могъ подняться съ земли. Въ это время проходилъ мимо одинъ благочестивый мужъ, по имени Клеовій; онъ осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ больное мѣсто Епифанія, и отрокъ всталъ здравъ... Сей же Епифаній самъ потомъ исцѣлилъ слѣпое око одного юноши знаменіемъ крестнымъ И много—много такихъ сказаній въ житіяхъ святыхъ, такъ что, если бы всѣ ихъ собрать во едино, то можно бы написать большую книгу.—Имѣя столько свидѣтельствъ исторіи церковной о спасительной силѣ благодати Божіей, всегда пребывающей и дѣйствующей чрезъ св. знаменіе креста Христова, мы съ любовію лобызаемъ св. крестъ, какъ знаменіе спасенія нашего, и поклоняемся ему, какъ подножію ногъ Христовыхъ, освященному не только прикосновеніемъ Его пречистой плоти, но и изліяніемъ Его святѣйшей крови.

3. Крестъ — обличитель преступника.

Въ селѣ Ильинскомъ, Боровскаго уѣзда, 31 августа 1887 года на постоялый дворъ Зеленина пріѣхалъ торговецъ краснымъ товаромъ на ночлегъ. Почти одновременно съ нимъ прибыли на постоялый дворъ и офени—торговцы книгами и разною мелочью. Находясь на постояломъ дворѣ, пріѣхавшіе разговорились о торговлѣ, и офени узнали, что торговецъ краснорядецъ ведетъ торговлю съ воза, разъѣзжая по помѣщичьимъ усадьбамъ во многихъ губерніяхъ, что торговля идетъ хорошо, и что въ возу есть и бархатъ, и мѣха, и шелковая матерія.

Поговоривъ до ужина, они вмѣстѣ сѣли за столъ и, окончивъ трапезу, разошлись кто куда, на ночлегъ. Въ 3 часа офени поднялись и разбудили хозяйку получить съ нихъ за ужинъ и ночлегъ, Хозяйка удивилась, что они слишкомъ рано отправляются въ путь, но они сказали, что имъ нужно рано быть въ Медыни. Проводивъ ихъ и заперевъ за ними ворота, хозяйка снова легла спать.

Въ 6 или 7 часовъ утра она была разбужена голосами многихъ лицъ и, одѣвшись, узнала, что изъ воза торговца украденъ тюкъ съ шелковою матеріею. Послали за урядникомъ. Прибывъ и собравъ понятыхъ, урядникъ произвелъ осмотръ двора, и оказалось, что похищеніе произведено чрезъ подкопъ земли подъ стѣною двора, сзади. Осматривая подкопъ, урядникъ усмотрѣлъ, что на глинистомъ грунтѣ, днѣ подкопа, отпечатался весьма явственно деревянный грудной крестъ, бывшій на ворѣ, когда онъ, вѣроятно, въ одной рубахѣ, и, быть-можетъ, съ растегнутымъ воротомъ, влѣзалъ въ подкопъ. Урядникъ осторожно вынулъ комъ земли съ отпечатаннымъ крестомъ и, положивъ въ ящикъ для сохраненія отпечатка, отправился на розыскъ по дорогѣ въ Медынь. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ильинскаго онъ увидалъ отдыхающихъ офеней, ночевавшихъ на постояломъ дворѣ Зеленина, и, въ виду ихъ ранняго ухода со двора, нашелъ нелишнимъ осмотрѣть ихъ коробы. Въ коробахъ ничего не было найдено, и офени такъ спокойны были, что у всякаго родилось бы убѣжденіе въ ихъ невинности, но урядникъ хотѣлъ совершенно убѣдиться въ томъ и попросилъ ихъ показать кресты. Они совершенно спокойно вынули изъ пазухи свои нагрудные крестики, и одинъ изъ нихъ оказался совершенно такимъ, какимъ былъ отпечатанъ на глинѣ. Это такъ поразило виновнаго, что онъ тутъ же сознался въ преступленіи и показалъ, гдѣ скрыто было похищенное. Виновный переданъ въ руки правосудія.

Не дивно ли это? Нужно же было налечь вору на глину именно тою частью груди, гдѣ приходился крестъ, и такъ налечь, на такой грунтъ, чтобы крестъ явственно отпечатался! Какъ крестъ и осѣненіе крестомъ съ вѣрою спасаетъ отъ вражеской силы и всякаго несчастія, такъ и обличаетъ нечестивыхъ, совершившихъ проступокъ и богопротивное дѣло. По-истинѣ велика сила креста! („Ворон. Епарх. Вѣд.“ 1888 г., № 20).

4. Благодатная сила троеперстнаго крестнаго знаменія надъ болящимъ и благословеніе Божіе надъ нерушимо сохраняющимъ постановленія св. церкви.

Не желаю долѣе молчать о милости Божіей, явленной мнѣ лѣтъ около 30-ти тому назадъ, и рѣшаюсь, въ назиданіе благочестиво живущимъ, для прославленія имени Божія и въ доказательство святости постановленій св. церкви, предать гласности все то, что сотворилъ со мною Господь Богъ.

Родился я въ Москвѣ, въ купеческой семьѣ, отъ родителей, приверженныхъ къ старообрядчеству. Хотя крещенъ въ православной церкви, но воспитывался въ духѣ старообрядчества и молился раскольническимъ крестомъ, двуперстно. Былъ отъ рожденія слабымъ, хилымъ и золотушливымъ ребенкомъ, до 10-лѣтняго возраста совсѣмъ не ходилъ. Послѣ 10-ти лѣтъ, хотя и началъ ходить, но въ ногахъ чувствовалъ слабость, былъ косноязыченъ, въ книжномъ ученіи непонятливъ, не могъ терпѣть запаха бѣлаго хлѣба и питался чернымъ хлѣбомъ и картофелемъ. Въ такомъ состояніи прожилъ до 14-ти лѣтъ отъ роду. Въ этомъ году, въ день моего ангела, 17 апрѣля, премилосердый Богъ явилъ на мнѣ Свою милость: я сдѣлался совершенно здоровымъ, въ ногахъ моихъ явилась крѣпость, языкъ мой началъ говорить ясно и твердо, и во мнѣ явился правильный аппетитъ на употребленіе пищи. Это случилось такъ. Апрѣля 17 дня, по случаю моихъ именинъ, я былъ съ моею матерью за обѣднею въ одной изъ московскихъ церквей. Здѣсь, стоя между молящимися, я замѣтилъ, что всѣ стоящіе вблизи меня дѣлали на себѣ крестное знаменіе тремя перстами, а также и дьяконъ, когда обращался къ народу со словами: *И во вѣки вѣковъ*, держалъ орарь тремя перстами. Какая-то невидимая сила заставила и меня перекреститься тремя перстами. Когда я это сдѣлалъ, т.-е. сложилъ въ первый разъ три перста правой руки во имя св. Троицы и два остальные пригнулъ во исповѣданіе Божества и человѣчества Господа Іисуса, то почувствовалъ въ себѣ огонь палящій, и какой-то клубокъ вродѣ мяча повернулся во мнѣ, хлынули слезы изъ глазъ, явилась сладостная любовь ко Спасителю, миръ и спокойствіе неземное, братская любовь ко всему окружающему, а что всего удивительнѣе, почувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Тутъ же во мнѣ явилась стойкая рѣшимость креститься всегда въ три перста, если бы и стали за это бранить мои родители. Такъ проплакалъ и прорыдалъ всю обѣдню. Во время великаго входа замѣтилъ меня плачущимъ служащій священникъ и, когда послѣ обѣдни я вмѣстѣ съ другими подошелъ служить молебенъ своему ангелу, спросилъ меня, о чемъ плакалъ. Я ему отвѣтилъ, что плакалъ отъ радости, что исцѣлился отъ болѣзни, и разсказалъ ему при этомъ, какая произошла во мнѣ перемѣна, и какъ окрѣпли мои ноги, и что все это произошло отъ того, что я въ первый разъ въ жизни съ вѣрою перекрестился истовымъ перстосложеніемъ. Священникъ, зная моихъ родителей, изумился и приписалъ такую перемѣну во мнѣ дѣйствію благодати Божіей. Онъ благословилъ продолжать начатое мною, но совѣтовалъ съ родителями объ этомъ не спорить и относиться къ нимъ съ сыновнимъ почтеніемъ, переносить всѣ укоренія отъ родителей терпѣливо, совѣтовалъ вѣровать, что надо мною невидимо простерта всесильная рука Божія, которая всегда наставитъ, утвердитъ и укрѣпитъ меня. Послѣ обѣдни и молебна возвратился я вмѣстѣ съ матушкою моею домой. Здѣсь родитель мой, сильный ревнитель старообрядства, узнавъ о случившемся, вмѣсто того, чтобы возблагодарить Бога за исцѣленіе сына отъ болѣзни, разгнѣвался на меня за перемѣну перстосложенія и сказалъ мнѣ: „если сталъ своевольничать, то ты не сынъ мнѣ“ и выгналъ меня вонъ. Я же почувствовалъ въ себѣ силу слѣдовать внушенію свыше и, вѣруя въ неисповѣдимыя судьбы Божіи, взглянувъ на образъ Спасителя съ благословляющею десницею, у Котораго мысленно испросилъ благословенія, сказалъ родителямъ: „прощайте“ и вышелъ изъ дома родительскаго, не давая себѣ отчета, куда пойду. Попавъ на дорогу, ведущую въ Троице-Сергіеву лавру, пошелъ по ней.

Между тѣмъ, родитель сожалѣлъ, что такъ круто поступилъ со мною, и послалъ двоихъ работниковъ догонять меня. Посланные догнали меня, идущаго около деревни Ростокино, и возвратили въ домъ къ родителямъ. Послѣ сего отецъ, хотя враждебно относился ко мнѣ, но молиться троеперстнымъ крестомъ не препятствовалъ.

Ноги мои совершенно окрѣпли, и я сдѣлался вполнѣ здоровымъ. Но дивны дѣла Божіи, и неизреченно милосердіе ко мнѣ, грѣшному! По легкомыслію, свойственному въ молодыхъ лѣтахъ, и невнимательности къ себѣ, я сталъ забывать совершившееся надо мной дѣло милости Божіей и крестился уже не такъ благоговѣйно, а иногда и небрежно, и вообще не такъ велъ себя, какъ при началѣ полученія исцѣленія. И вотъ, Господь Богъ не замедлилъ меня вразумить. Меня постигли снова болѣзни, но болѣзни болѣе серьезныя. Цѣлый годъ страдалъ рвотою и поносомъ, а другой годъ страдалъ желчью. За эти два года такъ я ослабъ, что постоянно лежалъ въ постели и съ трудомъ большимъ могъ ходить. Лежа на одрѣ болѣзненномъ, я вспомянулъ о первомъ моемъ выздоровленіи. Вотъ тутъ-то возопилъ я ко Господу отъ всего сердца: Господи Боже! Отнынѣ буду истово полагать на себѣ крестное знаменіе съ вѣрою въ Тебя, въ св. Троицѣ поклоняемаго. Молитва вѣры спасла меня въ другой разъ отъ болѣзней, и я мало-по-малу началъ выздоравливать. Минуло мнѣ 19 лѣтъ, и я въ это время совершенно поправился въ силахъ, выросъ и окрѣпъ, и болѣзни мои прежнія ко мнѣ уже никогда не возвращались.

Испытавши на себѣ двоекратно слѣды милости Божіей отъ изображенія на себѣ крестнаго знаменія при правильномъ перстосложеніи, я уже болѣе не колебался въ истинѣ троеперстія и съ того времени положилъ себѣ креститься въ три перста, не обращая вниманія на замѣчанія со стороны родителя. Родитель же мой не переставалъ враждебно смотрѣть на меня и лишалъ меня, видимо, своего благоволенія, давая мнѣ часто такое дѣло, гдѣ я находился подъ властью приказчиковъ, а иногда и совсѣмъ отстранялъ отъ дѣла. Но Богъ меня не оставлялъ вразумленіемъ и помощью. Я часто утѣшалъ себя тѣмъ, что все терплю для славы имени Божія и на пользу своей души. Вѣра и надежда на Бога укрѣпляли меня, и я ободрялся и переносилъ всѣ скорби и лишенія отъ родителя съ великодушіемъ.

Братья мои (два) были крѣпкіе здоровьемъ, находились въ любви у родителей. Отецъ къ нимъ всегда былъ благосклоненъ и постепенно передавалъ дѣло свое торговое въ ихъ руки; меня же все болѣе и болѣе удалялъ отъ себя и, наконецъ, чтобы совершенно отстранить отъ совмѣстной торговли съ братьями, отдѣлилъ отъ себя. Въ одной торговой мѣстности купилъ для меня клокъ земли, построилъ на немъ деревянный домъ съ лавкою для торговли. Въ этотъ-то домъ меня родители и водворили для постояннаго въ немъ жительства. Я покорялся волѣ Божіей и родительской. При этомъ одного только желалъ, чтобы родитель мой благословилъ меня на новомъ жительствѣ иконою Господа Вседержителя съ распростертымъ раскрытымъ евангеліемъ и благословляющею десницею. И вотъ, родитель мой, по ошибкѣ, вмѣсто предположенной для благословенія иконы, привозитъ съ собою именно ту икону, которую я желалъ, и ею благословилъ меня въ новомъ домѣ, хотя желалъ благословить меня другою иконою.

Съ того времени благословеніе Божіе видимо почиваетъ на мнѣ и на моемъ семействѣ. Взирая всегда на св. икону, данную мнѣ родителемъ въ благословеніе, я всегда мысленно испрашиваю благословеніе Божіе на всѣ мои дѣла и предпріятія и вѣрую, что въ св. иконѣ Своей Господь Богъ вседержащею Своею рукою наставляетъ и вразумляетъ меня на пути жизни, укрѣпляетъ и утверждаетъ въ добродѣтели. Вѣрую, что крестное знаменіе спасало и спасаетъ меня отъ всякихъ бѣдъ и напастей и даруетъ мирную и безмятежную жизнь. Примѣръ всему этому вижу въ своей жизни и жизни моихъ братьевъ. Я, по милости Божіей и благословенію родительскому, живу въ той же мѣстности доселѣ и при торговлѣ. Но братья мои давно бросили торговлю и живутъ при другихъ условіяхъ, но не такъ уже безбѣдно, какъ прежде.

Потому вѣрую и исповѣдую, что въ жизни каждаго человѣка управляетъ рука Всеблагаго, Всемогущаго, Премудраго и Правосуднаго Бога. Велика сила крестнаго знаменія. Велика и вѣра въ истиннаго, въ Троицѣ поклоняемаго Бога. Предъ всѣми свидѣтельствую, что меня спасла и исцѣлила отъ болѣзней сила креста, при крѣпкой вѣрѣ изображаемаго на челѣ, персяхъ и раменахъ во имя, въ честь и поклоненіе св. Троицы, при сильной молитвѣ и надеждѣ на Спасителя моего, даровавшаго мнѣ крестными страданіями Своими путь ко спасенію, содѣлавшаго меня возлюбленнымъ чадомъ Божіимъ и причастникомъ благодати Св. Духа. (См. „Воскр. день“, 1897 г., № 35).

НЕДѢЛЯ ПО ВОЗДВИЖЕНІИ[1]).

Еванг. отъ Марка, зач. 37-е, гл. VIII, 34—38; IX, I ст.

1. Примѣры гнѣва Божія на отпадавшихъ отъ Христовой вѣры *).

Св. священномученикъ Кипріанъ, епископъ карѳагенскій, въ своемъ сочиненіи „О падшихъ“ (т.-е. отвергнувшихся отъ Христовой вѣры) приводитъ слѣдующіе разсказы:

I. Одинъ человѣкъ, отрекшись отъ І. Христа въ Капитоліи, пораженъ былъ нѣмотою.

II. Одна женщина, которая послѣ своего вѣроотступничества отправилась прямо въ баню, схвачена была тамъ нечистымъ духомъ и изранила себѣ языкъ своими зубами.

III. Юліанъ, сынъ Юлія Константа, брата Константина Великаго, хотя былъ крещенъ, но впослѣдствіи, подпавъ вліянію языческихъ философовъ и лицъ, враждебно настроенныхъ противъ христіанства, отрекся отъ Христа и открыто объявилъ себя язычникомъ, когда сдѣлался императоромъ. Впрочемъ, всѣ его попытки воскресить язычество и уничтожить христіанство оказались безсильными. Изучая исторію того времени, мы должны признать, что Юліанъ никогда сознательно не принадлежалъ ко Христу, и что онъ не понималъ того духовнаго безмѣрнаго величія христіанства, той спасительной силы его для человѣчества, противъ которыхъ онъ въ своемъ ослѣпленіи напрасно боролся. Но промыслу Божію угодно было въ скоромъ времени прекратить эту безумную и богохульную борьбу: въ сраженіи съ персами неизвѣстно кѣмъ пущенная непріятельская стрѣла *поразила богоотступника.* Изнемогая въ смертныхъ мукахъ, онъ взялъ изъ прострѣленной раны кусокъ запекшейся своей крови и, бросивъ ее вверхъ, сказалъ: „Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ!“

IV. Св. Вадимъ жилъ въ 4 вѣкѣ въ персидскомъ царствѣ. Въ то время персидскій царь Саворій воздвигъ жестокое гоненіе на христіанъ. Всѣ, которые не хотѣли поклоняться солнцу и огню, по повелѣнію царя были осуждаемы на смерть.

Многіе истинные христіане явили въ это время твердость своего исповѣданія и, мужественно претерпѣвъ различныя истязанія, запечатлѣвали свою вѣру мученическою смертью; въ числѣ этихъ исповѣдниковъ былъ пр. Вадимъ, архимандритъ персидскій. Заключенный въ темницу, онъ не хотѣлъ оказать даже наружнаго богопочитанія солнцу, чтобы избавиться отъ смерти.

Но въ то же время были и измѣнники христіанской вѣрѣ изъ числа заключенныхъ подъ стражу: таковъ былъ нѣкто Нирсанъ, князь арійскій, который, устрашась предстоящихъ мукъ, объявилъ царю свое желаніе возвратиться къ прежней языческой вѣрѣ, чтобы этимъ пріобрѣсть благосклонность царя и возвратить свое прежнее положеніе. Царь согласился возвратить Нирсану его прежній санъ княжескій и его прежнее богатство, если онъ собственноручно умертвитъ пр. Вадима, содержавшагося съ нимъ вмѣстѣ въ темницѣ. Измѣнникъ вѣрѣ Христовой не убоялся поднять братоубійственную руку на святого. Но когда преп. Вадимъ въ оковахъ приведенъ былъ, и Нирсанъ уже взялъ мечъ, чтобы исполнить царское повелѣніе, вдругъ въ душѣ измѣнника пробудилось чувство совѣсти. Укорительный взоръ и кроткія слова преподобнаго, не боявшагося смерти, но скорбѣвшаго о погибели брата, поразили преступника: онъ затрепеталъ, и рука его оцѣпенѣла. Нужно было бы несчастному послушаться голоса совѣсти, чтобы избѣжать своего вѣчнаго осужденія, но онъ заглушилъ свою совѣсть и дрожащею рукою и не въ одинъ разъ умертвилъ преподобнаго. Царь возвратилъ Нирсану его прежнее княжеское достоинство и всѣ богатства, но ничто не могло возвратить преступной душѣ его спокойствія и радости. Отъ угрызенія совѣсти онъ впалъ въ состояніе отчаянія, подобно братоубійцѣ Каину, и покончилъ жизнь свою самоубійствомъ, испытавъ такимъ образомъ участь Іуды предателя. („Ч.-М.“ 9 апр,).

---

*) Примѣнительно къ еванг. Марк. VIII гл. 38 ст.

[1]) *Примѣч.* Евангеліе въ эту недѣлю читается то же, что въ недѣлю 3-ю великаго поста. Помѣщаемыя здѣсь статьи и разсказы служатъ дополненіемъ къ имѣющимся той недѣли, и наоборотъ.

2. Два рода враговъ вѣры, въ присутствіи которыхъ можетъ открыться надобность исповѣдать вѣру.

Одни изъ нихъ – гонители, облеченные повелѣніемъ преслѣдовать вѣрующихъ и принудить ихъ къ отреченію отъ вѣры; другіе враги — невѣрующіе, которые не имѣютъ права употреблять насиліе, но преслѣдуютъ вѣрующихъ своими разговорами, насмѣшками, поведеніемъ, обращеніемъ, и такимъ образомъ внушаютъ слабымъ христіанамъ страхъ исповѣдывать истинную вѣру и жить по ея правиламъ. Когда молчаніемъ нашимъ можетъ быть оскорблено величіе Божіе, или уничижена слава Божія, или нанесенъ вредъ церкви и спасенію ближнихъ, тогда постыдно молчать и соглашаться есть великій грѣхъ: христіанинъ съ дерзновеніемъ долженъ исповѣдывать свою вѣру. (Рим. X, 10). Посему апостоловъ, мучениковъ, исповѣдниковъ и всѣхъ истинныхъ христіанъ ни прельщенія, ни угрозы, ни самая смерть не могли принудить отречься отъ Христа и вѣры Его; они съ дерзновеніемъ исповѣдывали свою вѣру: *вѣровахъ, тѣмъ же возглаголахъ* (Псал. CXV, 1; сн. Рим. X, 10).

Впрочемъ, ревность къ исповѣданію вѣры, соединенному съ опасностью жизни, должна быть управляема благоразуміемъ. Самъ Іисусъ Христосъ неоднократно укрывался отъ ожесточенныхъ противъ Него іудеевъ (Іоан. VII, 1) и апостоламъ заповѣдалъ: *егда гонятъ вы во градѣ семъ, бѣгайте въ другій* (Матѳ. X, 23).

3. Церковно-историческіе примѣры твердаго исповѣданія православной вѣры.

1. *Св. ап. Іаковъ.* Климентъ александрійскій передаетъ слѣдующее преданіе о послѣднихъ часахъ жизни ап. Іакова, старшаго брата ап. Іоанна Богослова, пострадавшаго за І. Христа въ Іерусалимѣ при царѣ Иродѣ Агриппѣ. Человѣкъ, приведшій Іакова въ судилище, видя, какъ непоколебимо исповѣдуетъ онъ вѣру, глубоко тронутъ былъ этимъ и объявилъ себя самого христіаниномъ. Тогда повели обоихъ ихъ на казнь. На пути онъ испросилъ у апостола прощеніе себѣ, и имъ обоимъ отсѣчены были главы. Ап. Іаковъ умеръ въ 44-мъ году по Р. Хр. и былъ погребенъ въ Іерусалимѣ. Память его празднуется 30-го апрѣля. (Евс. „Церк. ист.“ II, 9).

2. *Свв. священномученикъ Зиновій и мученица Зиновія* были братъ съ сестрою, жили въ Киликіи, въ г. Егахъ, въ III столѣтіи. Родители научили ихъ благочестію и благотворительности. Получивъ большое наслѣдство отъ родителей, они употребили его на дѣла благотворительности. Господь вознаградилъ ихъ за это еще здѣсь, на землѣ, тѣмъ, что Зиновій получилъ силу исцѣлять болѣзни прикосновеніемъ руки, а св. Зиновія — крѣпость сохранить обѣтъ дѣвства, несмотря на бывшія искушенія. За св. жизнь Зиновія возвели въ епископа въ отечественномъ городѣ. Когда императоръ Діоклитіанъ открылъ гоненіе на христіанъ, то правитель Лисій сказалъ Зиновію: „выбирай одно изъ двухъ — или жизнь или смерть“. — „Жизнь безъ Христа — не жизнь, а смерть; смерть же за Христа — не смерть, а жизнь вѣчная“, отвѣчалъ Зиновій. И его начали мучить. Увидѣвъ мученія брата, св. Зиновія бросилась къ нему и, обратившись къ мучителю, сказала: „и я исповѣдую Христа вмѣстѣ съ братомъ своимъ, съ нимъ хочу и пострадать и умереть за Христа“. — „Женщина, побереги себя, — сказалъ Зиновіи Лисій. — Стыдно и больно тебѣ будетъ, если я велю обнажить и мучить тебя“. — „Большій стыдъ приноситъ нагота духовная, — отвѣчала св. мученица, — чѣмъ тѣлесная, и несравненно мучительнѣе страданія въ аду, чѣмъ на землѣ“. Мучитель приказалъ жечь горячими угольями Зиновія и Зиновію, положенныхъ на желѣзномъ одрѣ, и самъ смѣялся: „пусть Христосъ придетъ и поможетъ вамъ“. Господь сохранилъ невредимыми Своихъ угодниковъ, тогда мучитель велѣлъ отсѣчь имъ головы. (Ч.-М. окт. 30).

3. *Св. муч. Христина* происходила изъ г. Тира отъ богатыхъ и знатныхъ родителей. Она отличалась замѣчательною красотою, и отецъ хотѣлъ опредѣлить ее въ языческія жрицы. Чтобы приготовить къ сему, отецъ помѣстилъ ее въ особой части своего дома, гдѣ поставилъ множество золотыхъ и серебряныхъ идоловъ. Но св. Христина въ своемъ одиночествѣ, нерѣдко любуясь природою, — созерцая, напримѣръ, небо, усѣянное звѣздами и планетами, — задумывалась: кто же сотворилъ такой прекрасный міръ? Неужели наши безжизненные истуканы? А если не они, то кто же сотво-

рилъ? Гдѣ та религія, которая ясно и вразумительно рѣшала бы всѣ вопросы о мірѣ, человѣкѣ и Творцѣ ихъ? Спрашивала объ этомъ св. Христина своихъ прислужницъ, и тѣ ввели къ ней христіанскихъ учителей, которые разрѣшили всѣ ея вопросы. Христина крестилась и побросала идоловъ. Когда же узналъ объ этомъ отецъ Христины, то страшно разгнѣвался, убилъ всѣхъ служанокъ, а ее жестоко мучилъ и заключилъ въ темницу. Сюда приходила къ Христинѣ мать и слезно умоляла отречься отъ Христа; но Христина оставалась твердою. На другой день отецъ приказалъ вывесть дочь изъ темницы и началъ ласками склонять къ отреченію отъ Христа; но, видя непреклонность, приказалъ снова мучить ее и затѣмъ утопить въ морѣ. Ангелъ спасъ Христину отъ потопленія, и она явилась предъ отцомъ. Отецъ хотѣлъ погубить мученицу мечомъ на другой день, но не успѣлъ, потому что въ ночь умеръ. Мучилъ ее новый начальникъ города, но и тотъ былъ наказанъ смертью. Заступившій мѣсто сего начальника приказалъ посадить святую въ разожженную печь и затворить ее тамъ. Но она 5 дней пробыла въ печи и осталась живою и невредимою. Мучитель бросилъ ее къ змѣямъ, но и тѣ не коснулись мученицы. Наконецъ, закололи ее мечами и пиками. Жила св. мученица около 300 года, при Діоклитіанѣ. (Ч.-М. іюля 24).

НЕДѢЛЯ ПРЕДЪ РОЖДЕСТВОМЪ ХРИСТОВЫМЪ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 1-е и 2-е, гл. I, 1—25 ст.

1. Родословіе Господа нашего Іисуса Христа.

Родословіе I. Христа у евангелиста Матѳея распадается на три отдѣла: съ Авраама до Давида (2—6); съ Давида до плѣна Вавилонскаго (7—11) и съ плѣна Вавилонскаго до Христа (12—16).

Ст. 1. *Книга родства Іисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамля.*

Первое выраженіе: *Книга родства Іисуса Христа*, по мнѣнію нѣкоторыхъ, служитъ какъ бы общимъ заглавіемъ, въ которомъ указывается главный предметъ и главное содержаніе всего евангелія, и это не неосновательно, потому что все, что повѣствуетъ евангелистъ объ Іисусѣ Христѣ, заключается въ родословіи, какъ въ корнѣ или началѣ. „Всего изумительнѣе, выше всякой надежды, говоритъ Златоустъ, что Богъ сталъ человѣкомъ. А когда сіе совершилось, все, что затѣмъ ни послѣдовало, и понятно, и естественно“. Прямѣе и лучше, однако, разумѣть подъ этимъ выраженіемъ сказаніе, запись о происхожденіи Іисуса Христа по плоти или Его генеалогію, подобно тому, какъ въ 4 ст. II гл. книги Бытія выраженіе: сія книга *бытія небесе и земли,* означаетъ описаніе происхожденія неба и земли.

Имя *Іисусъ* есть личное имя, по-еврейски Іешуа, — значитъ Богъ Спаситель или просто Спаситель, имя довольно обыкновенное у іудеевъ. Здѣсь, въ приложеніи къ Христу оно имѣетъ особенное значеніе, выражаетъ понятіе совершеннаго Имъ дѣла спасенія рода человѣческаго (см. ст. 21). Нарицательное имя *Христосъ* есть собственно греческое и значитъ *помазанный*,—то же, что еврейское Машіахъ—Мессія, почему Іисусъ и называется то Христомъ, то Мессіей, что все равно. „Въ имени Христа, по словамъ св. Иринея, подразумѣвается Помазавшій и Помазанный, и самое помазаніе, которымъ Онъ помазанъ. Помазалъ Отецъ, помазанъ же Сынъ посредствомъ Духа, Который есть помазаніе, какъ чрезъ Исаію говоритъ Слово: „Духъ Божій на Мнѣ, потому что Онъ помазалъ Меня“ (LXV, 1), обозначая и помазующаго Отца, и помазаннаго Сына, и помазаніе, которое есть Духъ“.

Сына Давидова, Сына Авраамля. Происхожденіе Іисуса Христа отъ Давида и Авраама было первымъ и самымъ важнымъ въ глазахъ каждаго іудея основаніемъ Его мессіанскаго достоинства; при множествѣ самыхъ поразительныхъ доказательствъ мессіанскаго достоинства Іисуса Христа во время Его земной жизни, каковы были Его чудеса и Божественное, невольно приводившее каждаго въ изумленіе, Его ученіе, одного сомнѣнія въ происхожденіи Спасителя отъ Давида достаточно было для того, чтобы на мѣсто уже начинавшейся вѣры въ Іисуса, какъ Мессію, стало полное невѣріе (Іоан. VII, 41—42, 52). Всякій іудей, какъ скоро была рѣчь о мессіанскомъ достоинствѣ Іисуса, прежде всего спрашивалъ: отъ кого Онъ происходитъ? Апостолы въ своихъ устныхъ рѣчахъ и писаніяхъ, для возбужденія вѣры въ Іисуса, какъ Мессію, часто указывали преимущественно на Его происхожденіе отъ Давида (Дѣян. II, 22—30. Римл. I, 3. 2 Тимоѳ. II, 8. Апокалипс. XXII, 16). И ев. Матѳей, если имѣлъ цѣлію, какъ утверждаетъ вся христіанская древность, доказать іудеямъ въ своемъ евангеліи мессіанское достоинство Іисуса, могъ начать его не иначе, какъ словами: „Іисусъ — Мессія, Сынъ Давидовъ, Сынъ Авраамовъ“. Сыномъ Давида и Авраама евангелистъ называетъ Іисуса Христа въ смыслѣ общемъ, т.-е. въ смыслѣ потомка, каковымъ Іисусъ Христосъ и былъ, согласно обѣтованію Божію (Быт. XII, 1 и слѣд. XXII, 18. Галат. III, 17. 2 Царств. VII, 12. 1 Паралипом. XVII, 11. Псал. LXXXVIII, 4; CXXXI, 11. Исаія XI, 1 и др.). Назвалъ Іисуса Христа прежде Сыномъ Давида, вѣроятно, потому, что обѣтованіе послѣднему было новѣе, относилось не ко всей націи іудейской, какъ это было въ обѣтованіи Аврааму, и не къ одному изъ двѣнадцати колѣнъ, какъ это было въ обѣтованіи Іудѣ, но частнѣе, — относилось къ дому Давида, имя котораго было Ему усвоено (Іерем. XXX, 9. Іезек. XXXIV, 24; XXXVII, 24). Такимъ образомъ, евангелистъ, назвавъ Іисуса Христа прежде всего Сыномъ Давида, хотѣлъ этимъ показать іудеямъ, что онъ говоритъ о томъ именно Христѣ, Котораго они ожидали, какъ Сына Давида и Наслѣдника обѣщаннаго славнаго царства. Послѣ этого краткаго вступленія слѣдуетъ самое родословіе.

Первый отдѣлъ (2—6): „Авраамъ роди Исаака. Исаакъ же роди Іакова. Іаковъ же роди Іуду и братію его. Іуда же роди Фареса и Зару отъ Ѳамари. Фаресъ же роди Эсрома. Эсромъ же роди Арама. Арамъ же роди Аминадава. Аминадавъ же роди Наассона. Наассонъ же роди Салмона. Салмонъ же роди Вооза отъ Рахавы. Воозъ же роди Овида отъ Руѳи. Овидъ же роди Іессея. Іессей же роди Давида царя. Давидъ же царь роди Соломона отъ Уріины.

Почему св. Матѳей упомянулъ въ родословіи только о братьяхъ Іуды и ничего не сказалъ ни объ Измаилѣ, братѣ Исаака, ни объ Исавѣ, братѣ Іакова?

„Такъ поступилъ евангелистъ, по замѣчанію Златоуста, не безъ основательной причины. Онъ хотѣлъ чрезъ это показать, что Измаилъ и Исавъ съ происшедшими отъ нихъ народами: измаильтянами, сарацинами, арабами и друг. ничего не имѣли общаго съ народомъ іудейскимъ, и что Христосъ отъ нихъ не произошелъ“; тогда какъ дѣти Іакова — Іуда и братья его — были родоначальниками двѣнадцати колѣнъ народа израильскаго, которыя и составляли избранное Богомъ сѣмя Авраамово. Что евангелистъ поименовалъ изъ дѣтей Іакова Іуду, такъ это потому, что въ имени Іуды обнимаются всѣ потомки Іакова, и онъ является (Быт. XLIX, 3—8) какъ бы главой ихъ. А въ родословіе только и входятъ главы родовъ, отъ которыхъ имѣлъ произойти Мессія.

Какой смыслъ, какое значеніе имѣютъ женскія лица, введенныя св. Матѳеемъ въ родословіе Іисуса Христа: Ѳамарь Рахавъ, Руѳь и жена Уріи? Но прежде, что это были за женщины? Ѳамарь была невѣсткою Іуды. Библія передаетъ о ней слѣдующее. Послѣ смерти двухъ своихъ мужей, сыновей Іуды, она осталась бездѣтной и, по предложенію свекора, должна была удалиться въ домъ отца своего и жить тамъ до совершеннолѣтія третьяго сына Іуды Силома, котораго отецъ обѣщалъ женить на ней же. Между тѣмъ умерла жена Іуды. Послѣ этого случилось, что Іуда вышелъ посмотрѣть въ поле, какъ стригли его овецъ. Когда сказали объ этомъ Ѳамари, она сбросила съ себя траурную одежду, нарядилась и вышла встрѣтить своего свекора. Она знала, что Силомъ былъ уже большой, а, между тѣмъ, не была еще, согласно обѣщанію, его женою. Іуда, увидѣвъ Ѳамарь и не узнавъ ее, прельстился ею, плодомъ чего были два сына — близнецы — Фаресъ и Зара (Быт. XXXVIII). Назвалъ евангелистъ того и другого, какъ думаютъ, потому, что Фаресъ и Зара послужили прообразомъ двухъ народовъ, вошедшихъ въ царство Христово — іудейскаго и языческаго.

Рахавъ была женою Салмона, сына Наассона, отъ которой родился Воозъ. Большая часть толковниковъ признаютъ ее за одно лицо съ Раавъ, іерихонской блудницей, о которой говорится въ книгѣ Іисуса Навина (II, 1. Срав. Евр. XI, 31), но нѣкоторые сомнѣваются и больше по хронологическимъ соображеніямъ, которыя будто бы не позволяютъ отождествить Рахавъ съ Раавъ. Ея высокое положеніе между іудеями засвидѣтельствовано въ апостольскихъ писаніяхъ (Іаков. II, 25 и Евр. XI, 31).

Руѳь — мать Овида — была по происхожденію моавитянка, язычница, и случайно сдѣлалась женою Вооза по закону ужичества.

Четвертое лицо женскаго пола, введенное въ родословіе, была незаконная жена Давида, Вирсавія, отнятая имъ у Уріи.

Вводя такихъ женщинъ въ родословіе Іисуса Христа, евангелистъ хотѣлъ этимъ показать, что Іисусъ Христосъ Свое достоинство получаетъ не отъ Своихъ предковъ, что Его посланничество основывается не на человѣческихъ заслугахъ, а на благости и милосердіи Божіемъ, что обѣтованія Божіи не разрушены грѣхами людей, что Христосъ явился на землѣ не для спасенія одного только избраннаго народа, но для спасенія всего рода человѣческаго, для спасенія всѣхъ, кто бы какого рода, званія, достоинства и пола ни былъ, какъ учитъ апостолъ: *нѣсть іудей, ни еллинъ: нѣсть рабъ, ни свободь: нѣсть мужескій полъ, ни женскій: вси бо вы едино есте о Христѣ Іисусѣ* (Галат. III, 28). Такой смыслъ и такое значеніе имѣютъ женскія лица, введенныя евангелистомъ въ родословіе Іисуса Христа, хотя и вопреки обычаю восточныхъ писателей...

Второй отдѣлъ начинается съ Соломона, сына Давидова (7—11): Соломонъ же роди Ровоама. Ровоамъ же роди Авію. Авія же роди Асу. Аса же роди Іосафата. Іосафатъ же роди Іорама. Іорамъ же роди Озію. Озія же роди Іоаѳама. Іоаѳамъ же роди Ахаза. Ахазъ же роди Езекію. Езекія же роди Манассію. Манассія же роди Амона. Амонъ же роди Іосію. Іосія же роди Іоакима и братію его. Іоакимъ же роди Іехонію въ переселеніе Вавилонское.

Во второмъ отдѣлѣ главнымъ образомъ обращаютъ на себя вниманіе два пропуска—это, во-первыхъ, пропускъ трехъ царей — Охозіи, Іоаса и Амасіи, между Іорамомъ и Озіей, другой пропускъ касается имени Іоакима, сына Іосіи, и отца Іехоніи. Имени этого, дѣйствительно, недостаетъ въ нашемъ славянскомъ переводѣ, недостаетъ его и во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ подлиннаго текста, равно какъ во многихъ рукописяхъ такъ называемой западной рецензіи, Ватиканскаго, Ефрема Сирина и другихъ; но зато это имя сохранилось во многихъ рукописяхъ восточной рецензіи, отличающихся большею исправностью, сравнительно съ западными рукописями. Поэтому издавна съ основательностью замѣчаютъ, что опущеніе имени Іоакима во многихъ древнихъ кодексахъ произошло, по всей вѣроятности, отъ переписчика, обманутаго сходствомъ имени Іоакима и Іехоніи, и подлиннымъ текстомъ евангелиста Матѳея справедливо считаютъ слѣдующее чтеніе, принятое уже отчасти въ нашемъ русскомъ переводѣ: Іосія родилъ Іоакима и братьевъ его... Не только въ русскомъ переводѣ, какъ мы сейчасъ замѣтили, но и въ нашей славянской Библіи такое именно приведено чтеніе подъ строкой съ поясненіемъ, что такъ читается это мѣсто въ нѣкоторыхъ греческихъ спискахъ евангелія отъ Матѳея. Чтеніе это несомнѣнно подлинное, иначе отъ Давида до Вавилонскаго плѣна не было бы четырнадцати родовъ, какъ это замѣтилъ уже блаженный Іеронимъ. Вопросъ, такимъ образомъ, о такъ называемомъ недочетѣ родовъ въ евангельскомъ родословіи втораго отдѣла оказывается теперь совершенно излишнимъ, хотя прежде много труда и времени тратили для рѣшенія его.

Ст. 12—16. По переселеніи же Вавилонстѣмъ, Іехонія роди Салаѳіиля. Салаѳіиль же роди Зоровавеля. Зоровавель же роди Авіуда. Авіудъ же роди Еліакима. Еліакимъ же роди Азора. Азоръ же роди Садока. Садокъ же роди Ахима. Ахимъ же роди Еліуда. Еліудъ же роди Елеазара. Елеазаръ же роди Матѳана. Матѳанъ же роди Іакова. Іаковъ же роди Іосифа, мужа Маріина, изъ Нея же родися Іисусъ, глаголемый Христосъ.

Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ нѣкоторые останавливаются на мнимой ошибкѣ. Говорятъ, что имя Іосифа внесено въ текстъ по ошибкѣ переписчика, который вмѣсто Ἰωαχίμ — Іоакимъ — прочиталъ Ἰωσήφ — Іосифъ, а потомъ, зная, что Іосифъ былъ не отцомъ, а нареченнымъ мужемъ Св. Дѣвы Маріи, замѣнилъ слово „отецъ“ словомъ „мужъ“. Правильное поэтому чтеніе 16 ст. евангелія отъ Матѳея, по мнѣнію такихъ толковниковъ, должно быть слѣдующее: Іаковъ же роди Іоакима, отца Маріина. Предположеніе это ни на чемъ не основывается и есть, ни больше ни меньше, какъ догадка, придуманная съ цѣлью оправдать мнѣніе, что Матѳей излагаетъ родословіе предковъ Дѣвы Маріи. Но это совершенно невѣроятно. Напротивъ, такъ какъ св. Матѳей писалъ свое евангеліе преимущественно для христіанъ изъ іудеевъ, невѣріе которыхъ въ Іисуса Христа, какъ Мессію, онъ имѣлъ въ виду, то уже по этому самому онъ не имѣлъ ни побужденія, ни возможности отступить отъ общаго іудейскаго обычая — считать роды только по мужской линіи, уже по этому одному, повторяемъ, онъ долженъ былъ ввести въ свое родословіе Іосифа, на котораго іудеи смотрѣли, какъ на естественнаго отца Іисуса Христа (Матѳ. XIII, 55. Лук. IV, 22. Іоан. VI, 42). Что Іосифъ называется здѣсь мужемъ Маріи, объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что у іудеевъ женихъ и невѣста тотчасъ послѣ обрученія назывались мужемъ и женой (срав. Быт. XXIX, 21. Второзак. XXII, 23 - 24), а съ другой стороны, и тѣмъ, что Іосифъ, по повелѣнію ангела, принялъ Пресвятую Дѣву въ домъ свой, какъ жену свою (I, 20). Въ талмудѣ и у древнихъ отцовъ церкви, Іосифъ, мнимый отецъ Іисуса, носитъ еще другое имя Панѳира, а Іисусъ называется сыномъ Панѳира или Пантера. Но какъ и почему, неизвѣстно.

Замѣчательно, наконецъ, въ этомъ стихѣ самое выраженіе евангелиста о рожденіи Іисуса Христа. Онъ не сказалъ такъ, какъ говорилъ выше о рожденіи предковъ Его по человѣчеству: Авраамъ роди Исаака, Исаакъ — Іакова, Іаковъ — Іуду и проч., не сказалъ: Іаковъ же роди Іосифа, Іосифъ же Христа; но: *Іаковъ же роди Іосифа, мужа Маріина, изъ Нея же родися Іисусъ, глаголемый Христосъ*. Іосифъ не былъ отцомъ Іисуса по плоти, но былъ только обрученъ съ Пресвятой Дѣвой Маріей. Потому евангелистъ и относитъ рожденіе Іисуса только къ Маріи: *изъ Нея же родися Іисусъ*. Это послѣднее выраженіе составляетъ вступленіе къ дальнѣйшему повѣствованію евангелиста о сверхъестественномъ рожденіи Іисуса Христа.

Въ заключеніи евангелистъ, какъ бы подводя итогъ всему сказанному, говоритъ, что родословіе Іисуса Христа раздѣляется на три отдѣла или эпохи, и что каждая эпоха состоитъ изъ четырнадцати родовъ.

Ст. 17. *Всѣхъ же родовъ отъ Авраама до Давида родове четыренадесяте: и отъ Давида до переселенія Вавилонскаго родове четыренадесяте: и отъ переселенія Вавилонскаго до Христа родове четыренадесяте.*

Общее раздѣленіе родословія на три отдѣла или эпохи имѣетъ въ своемъ основаніи три весьма важныхъ момента, или состоянія, въ жизни еврейскаго народа, послѣ чего, по слову Божію, чрезъ пророковъ возвѣщенному, надлежало явиться Спасителю міра. Такъ, первая эпоха отъ Авраама до Давида обнимаетъ начало образованія еврейскаго народа и времена теократіи до учрежденія царской власти и явленія царя, родоначальника Мессіи. Въ это время народъ былъ подъ управленіемъ патріарховъ, или пророковъ. Вторая эпоха обнимаетъ времена царей до потери народной самостоятельности съ наступленіемъ Вавилонскаго плѣна. Наконецъ, третья — времена возстановленія народной самостоятельности подъ управленіемъ первосвященниковъ до явленія Самого Мессіи. Мессія, по пророчествамъ, долженъ былъ быть и Пророкъ, и Царь и Первосвященникъ. Такимъ образомъ, три указанныя эпохи, предшествующія явленію Его, были фактическимъ пророчествомъ о Немъ. На три эти эпохи въ приготовленіи рода человѣческаго Самъ Господь указалъ прикровенно въ притчѣ о дѣлателяхъ винограда (Матѳ. XXI, 33—41. Лук. XX, 9 и слѣд.).

Весьма замѣчательна здѣсь и удивительная соразмѣрность родовъ во всѣхъ трехъ эпохахъ, на что, не безъ причины, обращаетъ вниманіе читающихъ св. евангелистъ. Отъ Авраама смѣнилось четырнадцать поколѣній или родовъ, какъ явился царь Давидъ, славнѣйшій послѣ Авраама изъ предковъ обѣтованнаго сѣмени. Столько же родовъ смѣнилось отъ царя Давида до плѣна Вавилонскаго: царство пало, и едва часть народа, отведеннаго въ плѣнъ, возвратилась въ землю отцовъ. Отъ плѣна ровно столько же еще родовъ прошло до совершеннаго порабощенія іудеевъ римлянами: не слѣдовало ли поэтому быть чему-нибудь особенному и въ это время, — какъ бы такъ продолжалъ св. евангелистъ? По пророчествамъ оставалось только явиться Спасителю міра—*чаянію языковъ и утѣхъ Израиля*, какъ предсказалъ Іаковъ при благословеніи сына своего Іуды (Быт. XLIX, 10). Но такъ какъ Спаситель міра явился, согласно пророчествамъ, изъ рода Авраамова и Давидова, такъ какъ все предсказанное сбылось на Немъ, то мы и должны вѣрить въ Него, какъ бы такъ говорилъ евангелистъ. (См. кн. „Сборникъ статей по истолков. чтен. четвероевангелія“. Е. Барсова, т. I [1]).

2 Какъ святая церковь встрѣчаетъ праздникъ Рождества Христова?

Съ какой радостью встрѣчаемъ мы праздникъ Рождества Христова! Будто гостя дорогого ждемъ мы къ себѣ въ этотъ великій день и заботимся, чтобы въ жилищахъ нашихъ все было чисто и прибрано къ празднику, а св. церковь, какъ заботливая мать, спѣшитъ приготовить насъ самихъ къ достойной встрѣчѣ этого дня. Она знаетъ, что для Господа всего дороже чистая душа, и потому заповѣдуетъ четыредесятидневный постъ, дабы мы оглянулись на себя, осмотрѣли свою душу и сердце: нѣтъ ли въ нихъ (а какъ не быть!) грѣховной нечистоты, и заблаговременно очистили себя покаяніемъ и молитвою. Она знаетъ, что мы лѣнивы на покаяніе, и потому еще задолго до праздника даетъ вкусить всю сладость предстоящаго духовнаго торжества и возбуждаетъ насъ пѣснопѣніемъ: *Христосъ рождается—славите! Христосъ съ небесъ — срящите! Христосъ на земли—возноситеся!*... И какъ отрадно бываетъ на душѣ, когда услышишь это — *Христосъ рождается.* Какъ бы издали повѣетъ на тебя небеснымъ благоуханіемъ сего добраго и свѣтлаго торжества! Проснется дремлющая душа, прислушается къ священнымъ звукамъ, и если не устремится навстрѣчу грядущему съ небесъ Христу Спасителю, то хотя воздохнетъ къ Нему изъ глубины сердечной и попроситъ у Него благодатной помощи оторваться отъ земныхъ суетъ и попеченій житейскихъ, къ которымъ она такъ крѣпко прильнула.

---

[1] *Примѣч.* Евангельское повѣствованіе о Рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа см. во 2-й части подъ 25-мъ числомъ декабря мѣсяца.

Но вотъ постъ приближается къ концу: въ пѣснопѣніяхъ церковныхъ все чаще и чаще слышатся священныя имена Іосифа и Маріи, Виѳлеема и вертепа. Чувствуешь, что праздникъ недалеко. Два послѣднихъ воскресныхъ дня предъ самымъ праздникомъ церковь посвящаетъ воспоминанію всѣхъ ветхозавѣтныхъ праотцевъ и патріарховъ, начиная съ Адама и кончая Захаріею, отцемъ Предтечевымъ. Предъ нами какъ бы развертывается дивная картина всего ветхозавѣтнаго домостроительства Божія, воспоминается все, что сдѣлано было Богомъ для приготовленія людей къ достойному принятію Христа Спасителя. И какъ благовременно именно теперь, предъ праздникомъ Рождества Христова, воскресить въ памяти всѣ ветхозавѣтныя пророчества и прообразованія о Христѣ, всѣ чаянія и надежды древнихъ святыхъ мужей, ихъ святыя желанія — скорѣе видѣть день Христовъ, видѣть утѣху Израиля—желаннаго Спасителя и Искупителя! „Господи, взывали они, приклони небеса и сниди! Сѣдяй на херувимѣхъ, явися!“

Какъ бы откликаясь на это завѣтное моленіе древнихъ праотцевъ, св. церковь взываетъ въ своихъ пѣснопѣніяхъ: „радуйтеся, пророки! ликуйте, патріархи! Готовися, Виѳлееме! Отверзися всѣмъ, Едеме! Красуйся, Евфраѳо! Благоукраситеся, ясли! Христосъ рождается прежде падшій возставити образъ!“

Послѣдній день предъ праздникомъ Рождества Христова св. церковь особеннымъ образомъ посвящаетъ посту и молитвѣ. Вѣрующіе, памятуя звѣзду волхвовъ, не разрѣшаютъ поста до появленія звѣзды, срѣтая ее на молитвѣ, ибо въ сей день поздняя литургія Василія Великаго соединена съ вечернею. И особенные часы, называемые царскими, составлены на этотъ день по подобію часовъ великаго Пятка: что за умилительные тропари поются на этихъ часахъ!

Еще торжественнѣе пѣснопѣнія на вечернѣ: *Пріидите, возрадуемся Господеви... Что Тебѣ принесемъ, Христе, яко явился еси яко человѣкъ насъ ради?..* и другія. Послѣ стихиръ читается восемь паремій, или чтеній изъ ветхаго завѣта, изъ коихъ послѣдняя оканчивается возвышенною пѣснью пророка Исаіи: *съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся.*

По окончаніи литургіи предъ Царскими дверьми возжигается свѣтильникъ, въ воспоминаніе звѣзды, указавшей путь волхвамъ, и всѣ священнослужители, подобно пастырямъ, собравшимся изъ долины, гдѣ пасли стада, исходятъ на средину церкви и торжественно поютъ тропарь праздника: *Рождество Твое, Христе Боже нашъ...* и кондакъ: *Дѣва днесь Пресущественнаго рождаетъ...* Трудно удержать слезы умиленія и душевнаго восторга въ эту священную минуту... Праздникъ наступилъ, Христосъ на землѣ, душа заликовала!...

Сколько благодатныхъ утѣшеній изливается въ сердце христіанина при одномъ размышленіи о рождествѣ Спасителя! Самъ Предвѣчный Богъ ради насъ, грѣшныхъ, сталъ отроча младо, родился въ вертепѣ, возлежалъ въ ясляхъ убогихъ, повитъ былъ рубищемъ, какъ и всякій бѣдный младенецъ... „О, Божественный Человѣколюбецъ! Бѣдныя пелены Твои для насъ драгоцѣннѣе всѣхъ царскихъ украшеній Давида и Соломона; ясли, въ которыхъ возлежалъ Ты, сто кратъ священнѣе древняго храма Іерусалимскаго!“ (Иннокентій). Пріидите, братіе, повергнемся предъ сими священными яслями:

въ нихъ почиваетъ наша надежда и спасеніе! Сбросимъ здѣсь свою тяжелую ношу грѣховную: Почіющій въ ясляхъ есть Агнецъ, вземлющій на Себя грѣхи всего міра! Облобызаемъ Его пречистыя пелены: Онъ покроетъ ими нашу наготу душевную!...

Въ праздникъ Рождества Христова россійская церковь приноситъ благодареніе виѳлеемскому Агнцу—Христу Спасителю за спасеніе православнаго отечества нашего отъ нашествія галловъ въ 1812 году. Трогательно слышать, среди многолѣтій Царствующему Дому, вѣчную память Александру Благословенному и Его сподвижникамъ.

3. Вертепъ и ясли.

Главный алтарь виѳлеемскаго храма основанъ надъ самымъ вертепомъ Рождества Христа Спасителя. Съ обѣихъ сторонъ алтаря сходятъ по 15-ти мраморнымъ ступенямъ въ подземную церковь. Можно ли объяснить сладостное чувство восторга и благоговѣнія, которымъ исполняется сердце при вступленіи въ таинственный сумракъ этого святилища? Прежде нежели я могъ что-нибудь разглядѣть, пишетъ одинъ благочестивый паломникъ, я палъ ницъ на мраморный помостъ, тамъ, гдѣ серебряная звѣзда, освѣщенная лампадами, означаетъ мѣсто рожденія нашего Искупителя! Изливъ чувство умилительной благодарности Спасителю за спасеніе всего человѣчества и моей души, я прочелъ латинскую надпись кругомъ сіяющей звѣзды: „здѣсь родился Іисусъ Христосъ отъ Дѣвы Маріи“. Что можно сказать болѣе? Это мѣсто находится въ полукружномъ углубленіи. Помостъ вертепа Рождества, образуя также полукругъ, обвѣшанъ шестнадцатью богатыми лампадами, надъ которыми мраморная доска служитъ престоломъ, гдѣ совершается литургія.

Отступя нѣсколько шаговъ отъ мѣста Рождества Спасителя, вы видите на правой сторонѣ особливую пещеру, куда сходятъ по двумъ или тремъ ступенямъ; тамъ были ясли, гдѣ покоился тотъ Младенецъ, Кому небо престолъ, земля же подножіе ногъ Его (Ис. 66, 1), и гдѣ впервые поклонились Ему волхвы и пастыри: мудрость и простота.

Ясли высѣчены въ природномъ камнѣ (ибо въ Іудеѣ лѣсъ довольно дорогъ). Они имѣютъ видъ продолговатаго ящика и обложены бѣлымъ мраморомъ. Это святое мѣсто, освѣщенное такъ же, какъ и вертепъ Рождества, драгоцѣнными лампадами, служитъ престоломъ для совершенія литургіи. Престольный образъ изображаетъ поклоненіе пастырей. Противъ колыбельныхъ яслей Спасителя устроенъ, въ томъ же вертепѣ, другой престолъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Пресвятая Богородица принимала, съ Младенцемъ Іисусомъ на Ея лонѣ, поклоненіе трехъ волхвовъ. Всѣ стѣны вертепа какъ здѣсь, такъ и у святилища Рождества, одѣты богатыми тканями, множество серебряныхъ и позолоченныхъ лампадъ висятъ вдоль главнаго свода и по сторонамъ. Весь вертепъ имѣетъ вообще саженей 5 въ длину и сажени полторы въ ширину. (См. „Троицк. лист.“ № 37).

4. Духовная бесѣда блаженнаго Іеронима въ Виѳлеемѣ съ Богомладенцемъ Іисусомъ.

Перенесемся своими мыслями въ Виѳлеемъ, гдѣ родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи. Представьте, что вы стоите въ вертепѣ надъ яслями, гдѣ лежалъ повитый Младенецъ Господь Іисусъ. Какія чувства наполняли бы тогда вашу душу? Мы передадимъ одну прекрасную бесѣду, которую велъ въ душѣ своей съ Младенцемъ Іисусомъ блаженный Іеронимъ, когда онъ жилъ въ Виѳлеемѣ и стоялъ у яслей Господнихъ.

„Когда бы я ни посмотрѣлъ“, говоритъ Іеронимъ, „на мѣсто, гдѣ родился мой Спаситель, всегда имѣю съ Нимъ сладкій въ душѣ разговоръ. „Господи Іисусе!“ говорю я, „какъ твердо было Тебѣ лежать тамъ въ ясляхъ Твоихъ ради моего спасенія! Что долженъ я воздать Тебѣ за это!“ И мнѣ казалось, какъ будто Младенецъ отвѣчалъ мнѣ: „ничего Я не желаю; пой только: „слава въ вышнихъ Богу“... Еще хуже будетъ Мнѣ въ геѳсиманскомъ саду и на крестѣ“. А я говорю: „ахъ, возлюбленный Младенецъ! Что же я дамъ Тебѣ? Я отдалъ бы Тебѣ все, что имѣю“...

Но Онъ отвѣчалъ: „и небо Мое, и земля Моя: Я не нуждаюсь ни въ чемъ: отдай лучше все это бѣднымъ людямъ, и Я приму, какъ бы это было сдѣлано для Меня“.

Я продолжалъ: „охотно сдѣлаю я это; но что я далъ бы *Тебѣ* собственно?“ Тогда Младенецъ отвѣчалъ мнѣ: „если ты такой щедрый, то Я скажу тебѣ, что ты долженъ дать Мнѣ: дай Мнѣ твои грѣхи, твою испорченную совѣсть и твое осужденіе“.—„Что же хочешь Ты съ ними сдѣлать?“ спросилъ я. „Я возьму ихъ на Свои рамена: это будетъ Моимъ достояніемъ и тѣмъ великимъ дѣломъ, о которомъ предсказывалъ Исаія: „Той грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ“. Тогда я началъ плакать и сказалъ: „Божественный Младенецъ! Возьми, что есть моего, и дай мнѣ Твое! Тобою я оправданъ отъ грѣховъ и вѣрую въ жизнь вѣчную!“ (Извлеч. изъ „Воскр. чт.“ за 1867 г.).

5. О воплощеніи Сына Божія.

Пріиде Сынъ человѣческій, взыскати и спасти погибшаго (Лук. XIX, 10). „Воплощеніе Сына Божія и пришествіе Его въ міръ весьма поощряетъ грѣшниковъ къ покаянію“, говоритъ святитель Тихонъ задонскій. „Ради кого пришелъ Христосъ въ міръ? Ради грѣшниковъ. Для какой цѣли? Ради ихъ спасенія. Такъ дорого, высоко поставилъ Богъ наше спасеніе. Самъ ради нашего спасенія пришелъ въ міръ. Слышите, грѣшники, и уразумѣйте! Самъ Богъ ради нашего спасенія пришелъ въ міръ и пришелъ въ нашемъ образѣ. О, воистину велія благочестія тайна: Богъ явился во плоти. *Господи! что есть человѣкъ, яко познался еси ему? или сынъ человѣчь, яко вмѣняеши его?* Воистину чудна благость Божія къ человѣку, чудно и это дѣло Его. Провидя это, пророкъ со страхомъ и ужасомъ воскликнулъ къ Нему: *Господи, услышахъ слухъ Твой и убояхся. Господи, разумѣхъ дѣла Твоя и ужасохся* (Аввак. III, 1—2). Грѣшники! Помянемъ дѣло Божіе, ради насъ сотворенное, и покаемся: помянемъ, какъ насъ ради Господь нашъ родился отъ Дѣвы и младенцемъ сталъ, млекомъ матернимъ питаясь, невидимый видимымъ содѣлался, безначальный начало принялъ, пеленами повивался, какъ Младенецъ, неосязаемый осязался, Слово стало плотію; помянемъ, какъ Онъ, еще будучи Младенцемъ, бѣжалъ отъ убійцы, Ирода царя; помянемъ, какъ жилъ Онъ на землѣ и странствовалъ, какъ съ мѣста на мѣсто переходилъ, трудясь ради нашего спасенія, какъ неприступный и херувимамъ, и серафимамъ между грѣшниками обращался, какъ, имѣя небо престоломъ и землю подножіемъ и живя во свѣтѣ неприступномъ, не имѣлъ Онъ, гдѣ главы подклонить, какъ богатъ Сый обнищалъ, да мы нищетою Его обогатимся; помянемъ, какъ одѣяйся свѣтомъ, яко ризою, тлѣнною одеждою одѣвался, дающій пищу земную всякой плоти хлѣбомъ земнымъ питался, какъ всесильный немощнымъ былъ, всѣмъ дающій крѣпость утруждался; помянемъ, какъ высшій всякой чести и славы отъ беззаконныхъ устъ хулимъ и поносимъ былъ, какъ болѣзновалъ, тужилъ, печалился, плакалъ и ужасался; помянемъ, какъ отъ беззаконнаго ученика проданъ и преданъ и отъ прочихъ учениковъ оставленъ былъ, какъ связанъ и веденъ былъ на судъ, какъ отъ беззаконныхъ судимъ былъ, заушаемъ, ударяемъ, въ ризу поруганія одѣваемъ, какъ Царь съ поруганіемъ поздравляемъ: *радуйся, царю іудейскій!* Былъ Онъ терновымъ вѣнцомъ вѣнчаемъ, тростію по главѣ біенъ, слышалъ отъ беззаконныхъ людей Своихъ: *возьми, возьми, распни Его*! Былъ съ двумя злодѣями веденъ на распятіе и на крестѣ между злодѣями былъ распятъ Онъ, Сынъ Божій, носяй всяческая глаголомъ силы Своея. Все это сотворилъ Онъ ради нашего спасенія.

Во Адамѣ мы потеряли было спасеніе и все наше блаженство, но Христосъ, Сынъ Божій, благоволеніемъ Отца небеснаго, возвратилъ намъ его. Итакъ, разсудимъ, грѣшники, не самая ли кровь Христова, за наше спасеніе изліянная, и все Его страданіе вопіетъ къ намъ, да покаемся и чрезъ то спасеніе вѣчное улучимъ. Безъ покаянія нѣтъ спасенія никому; однако жъ, грѣшникъ окаянный о томъ небрежетъ. Христосъ Спаситель представляетъ ему въ евангеліи Свое, ради него, пришествіе въ міръ, Свое вольное истощаніе, вольную нищету, вольное и глубокое смиреніе, Свои труды, скорби, болѣзни, печали, страданія и смерть крестную и говоритъ: человѣкъ! все это Я принялъ ради тебя и твоего спасенія, а ты небрежешь, ибо не хочешь покаяться и отъ грѣховъ отстать, не хочешь Моею кровью пользоваться и имѣть жизнь. Но грѣшникъ, хотя и слышитъ въ евангеліи этотъ жалостный и сладкій гласъ Іисусовъ, однако нерадитъ о томъ. Христосъ обѣщается не помянуть грѣховъ его и беззаконій, если онъ обратится къ Нему; но грѣшникъ все-таки нерадитъ. Христосъ призываетъ его къ Себѣ и обѣщаетъ ему покой, но грѣшникъ о томъ небрежетъ: пребываетъ неисправенъ, какъ и былъ, беззаконнуетъ, какъ и беззаконновалъ, творитъ злыя дѣла, какъ и творилъ, любитъ тьму, какъ и любилъ, ненавидитъ свѣтъ, какъ и ненавидѣлъ, и потому не приходитъ къ свѣту и остается съ діаволомъ, княземъ тьмы. О, бѣдный грѣшникъ! пробудись и очувствуйся; если же нѣтъ, то самая кровь Христова, за тебя изліянная, объ отмщеніи на тебя возопіетъ. Послушай, что пророкъ Божій отъ лица Божія говоритъ тебѣ: *обличу тя, и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя,* т.-е. всѣ твои дѣла, слова, мысли, замыслы и злыя начинанія пойдутъ за тобою на тотъ свѣтъ, предстанутъ на всемірномъ судѣ Христовомъ, и ты получишь за нихъ достойную мзду. Если нынѣ не хочешь покаяться и спастись благодатію Христовою, то послѣ, хотя и захочешь каяться, но будетъ уже поздно и безполезно: *востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ* (Еф. V, 14), Сый надъ всѣми Богъ благословенный во вѣки вѣковъ". (Изъ твор. св. Тихона задонскаго).

6. Ангелъ-хранитель [1]).

При одной сельской церкви сторожемъ состоялъ старикъ, отставной солдатъ. Славный это былъ человѣкъ! Давно ужъ нѣтъ его въ живыхъ, но память о немъ долго хранилась у прихожанъ той церкви, и не проходило ни одного воскресенія, чтобы кто изъ нихъ не посѣтилъ его могилу и не отпѣлъ на ней панихиду за упокой его души. Деревенскіе жители любили покойника за разныя его хорошія свойства: за непритворное участіе въ горѣ каждаго ближняго, за готовность помочь всякому, чѣмъ только можно, особенно же за его интересные и занимательные разсказы, въ которыхъ, главнымъ образомъ, вездѣ была правда, а не то, чтобы какая-нибудь выдумка или небывальщина, какъ это бываетъ иногда. Деревенскія дѣти, охотники до разныхъ разсказовъ, толпой окружали старика, ловя каждое его слово.

Да и не одни дѣти, но и взрослые и пожилые съ удовольствіемъ подъ-часъ подсаживались къ нему на завалинку, чтобы послушать отъ него: что и какъ бываетъ на бѣломъ свѣтѣ?

Разъ вотъ какой случай изъ собственной жизни разсказывалъ старикъ своимъ слушателямъ.

„Шелъ я, родимые мои, — говорилъ онъ,—на родину къ одной знакомой мнѣ деревнѣ, какъ меня настигли сумерки. Пора была тогда осенняя, глухая; темно сдѣлалось, хоть глазъ выколи; притомъ же заморосилъ и дождь. Итти дальше было нельзя; пришлось искать гдѣ-нибудь ночлега. Тутъ на дорогѣ было много постоялыхъ дворовъ, и хотя нашему брату, служивому, эти постоялые дворы не очень сподручны, да тутъ ужъ нечего было дѣлать, не до выбора въ такую пору. Подошелъ я къ одному изъ этихъ дворовъ, смотрю: у воротъ стоитъ мужикъ, такой бородатый, плечистый.

— Здорово, — говорю, — землякъ; если хозяинъ ты, такъ пусти ночевать въ хату.

— Ты,—говоритъ,—кто такой?

— Служивый,—говорю.

— А если такъ, то ступай дальше; знаемъ мы васъ. Охота мнѣ кормить тебя даромъ...

— Развѣ ты,—говорю,—въ карманѣ-то у меня считалъ? Не сто рублей, чай, возьмешь за щи-то? Будетъ — говорю, — расплатиться-то съ тобой.

Хозяинъ подумалъ съ минуту, однако, пустилъ въ избу.

Вошелъ я, помолился, поздоровался съ хозяиномъ; вижу, и хозяйка есть, только такая злая, неразговорчивая, какъ самъ хозяинъ. Не понравились они мнѣ; да что, думаю: не вѣкъ же мнѣ вѣковать тутъ, нынѣ пришелъ, а завтра чѣмъ свѣтъ выйду; проведу какъ-нибудь ночь; благо еще нашелъ покой...

Поужиналъ я и тутъ же сталъ расплачиваться, чтобы на утро, не мѣшкавши, итти своимъ путемъ.

Только хозяинъ съ хозяйкой увидѣли, знать, что у меня денегъ-то не грошъ, и заговорили...

— Знать, ты, служивый, — говоритъ хозяинъ,—не съ пустымъ мѣшкомъ идешь домой-то. Деньги, видно, есть?

— Есть,—говорю,—малая толика.

— Откуда же ты взялъ ихъ, служивый? — спросила хозяйка.

— Въ заграничной арміи,—говорю, — служилъ, такъ тамъ большое жалованье давали; ну, вотъ и берегъ его, и нужду терпѣлъ, да берегъ. Братъ у меня,—говорю,—въ деревнѣ барскій человѣкъ, съ семействомъ: такъ больше для него хлопоталъ, чтобы притти къ нему съ подмогой; вотъ, Богъ дастъ, приду, такъ и поправимся, можетъ.

Мы замолчали.

Вставши изъ-за стола, я скинулъ шинель, положилъ котомку подъ головы, да какъ свалился, такъ и уснулъ; только еще помолился Богу и прочиталъ молитву своему ангелу. Вдругъ, просыпаюсь ночью, такъ вотъ словно кто меня студеной водой окатилъ, и я сразу вскочилъ на ноги; гляжу: около меня стоитъ хозяинъ и надъ самой моей шеей ножъ держитъ, значитъ, погубить меня хочетъ... Пропалъ я, стало-быть: вотъ, думаю, въ какую берлогу нелегкая меня занесла, а при мнѣ не было даже и дорожнаго батога, чтобы оборониться... Только и самъ не знаю, какъ и съ чего вдругъ у меня пришло въ голову сказать хозяину эти слова: „что ты, молъ, дѣлаешь? Вѣдь я не одинъ здѣсь изъ солдатъ; насъ здѣсь много, меня спохватятся!“...

---

[1]) По поводу явленія ангела Іосифу во снѣ.

Хозяинъ мой какъ будто немного опѣшилъ, задумался, однако опять пріободрился.

— Поздно теперь, — говоритъ, — басни распускать. Молись, да и смерть тебѣ!

— Чего ты его слушаешь?—закричала хозяйка изъ-за перегородки и сама кинулась на меня съ топоромъ. Жизнь моя висѣла на волоскѣ; кромѣ воли Божіей, помощи никто не могъ подать; была самая полночь; въ деревнѣ всѣ кругомъ спали... Въ ожиданіи, что сейчасъ вопьется въ мое сердце ножъ, или топоръ раздвоитъ мою голову, я палъ на колѣни и сталъ читать молитву ангелу-хранителю, какъ это я всегда дѣлалъ въ минуты смертной опасности. Только вдругъ слышу: кто-то крѣпко застучалъ въ окно, такъ что стекла задрожали.

— Хозяинъ, хозяинъ!—кричалъ голосъ снаружи,—отпирай живѣй, не то ворота разобьемъ; господа офицеры пріѣхали на постоялое.

Хозяинъ и хозяйка увидѣли, что теперь для нихъ самихъ пришло дѣло плохо, и повалились мнѣ въ ноги. „Не погуби, не выдай, вопили они, врагъ смутилъ насъ, окаянный“... Но мнѣ не до того было, чтобы ихъ слушать. Я схватилъ съ лавки котомку, накинулъ шинель, да такъ безъ сапоговъ и шмыгнулъ изъ избы. Выбѣгаю на улицу: ни у воротъ, нигдѣ никого нѣтъ, да, знать, и не бывало, только вдали какъ будто звенѣлъ гдѣ-то колокольчикъ. Но я безъ памяти радъ былъ, что вырвался изъ-подъ ножа, и, что было духу, побѣжалъ впередъ по проселку.

Долго ли, коротко ли я бѣжалъ, не знаю; какъ будто какая сила несла меня, я не чувствовалъ даже устали. Только тогда ужъ и пріостановился, когда прибѣжалъ въ средину знакомой мнѣ деревеньки. Тутъ у меня отлегло отъ сердца: я былъ спасенъ!

— Кто же это постучался въ окно и сказалъ, что офицеры пріѣхали, когда ты никого не видалъ у воротъ?—спросили слушатели.

— Эхъ, вы, маловѣрные! И то вамъ надо толковать! Да кому я взмолился въ опасности? А кто меня здравымъ и невредимымъ выносилъ изъ всѣхъ сраженій, какія были въ продолженіе моей 30-ти-лѣтней службы? Конечно,—ангелъ-хранитель!“ („Стран.“ 1884 г. сн. „Подольск. Епарх. Вѣд.“ 1889 г., № 29).

НЕДѢЛЯ ПО РОЖДЕСТВѢ ХРИСТОВОМЪ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 4-е, гл. II, 13—23 ст.

1. Бѣгство св. Семейства въ Египетъ.

Когда волхвы поклонились Господу Іисусу и удалились изъ Виѳлеема, ангелъ Господень является во снѣ Іосифу и говоритъ: „встань, возьми Младенца и Матерь Его, и бѣги въ Египетъ и будь тамъ, доколѣ не скажу тебѣ, ибо Иродъ хочетъ искать Младенца, чтобы погубить Его“. Іосифъ всталъ, взялъ Младенца и Матерь Его ночью, и пошелъ во Египетъ. Тяжело было старцу предпринимать этотъ далекій путь; но онъ долженъ былъ повиноваться повелѣнію Божію. Древнее преданіе сохранило трогательныя подробности этого путешествія св. семейства. Передадимъ кратко нѣкоторыя изъ нихъ.—Не надѣясь на свои слабыя силы, Іосифъ взялъ съ собою своего сына, св. Іакова, который впослѣдствіи былъ наименованъ братомъ Божіимъ. Чрезъ нѣсколько дней св. путешественники очутились въ тѣхъ самыхъ безводныхъ пустыняхъ, по которымъ шелъ изъ Египта народъ Израильскій. Страшныя трудности и невзгоды встрѣтили ихъ здѣсь. Дорога шла все мѣстами песчаными и нерѣдко совсѣмъ исчезала среди песчаныхъ холмовъ; въ пустынѣ негдѣ было достать необходимаго для пропитанія, а потому все надобно было взять съ собою въ потребномъ количествѣ, а у нихъ былъ только одинъ оселъ, который необходимъ былъ и для юной Матери съ Божественнымъ Младенцемъ. Днемъ подвергались они нестерпимому жару, ночью принуждены были защищать себя отъ холода; а какъ защититься отъ всего этого тамъ, гдѣ мѣстомъ отдыха, какъ днемъ, такъ и ночью, могъ служить только песокъ, по которому они шли, а кровомъ—одинъ сводъ небесный?—Повѣствуютъ, что въ одномъ мѣстѣ, среди пустыни, напали на нихъ разбойники и хотѣли отнять у нихъ осла, но одинъ изъ разбойниковъ до того былъ плѣненъ красотою Божественнаго Младенца, что не позволилъ своимъ товарищамъ обижать святыхъ путниковъ: „если бы, говорилъ онъ, Самъ Богъ воспріялъ на Себя человѣческій образъ, то и Онъ не былъ бы прекраснѣе сего Дитяти". Тогда Матерь Божія сказала сему благоразумному разбойнику: „вѣрь, что сей Младенецъ не забудетъ твоего благодѣянія. Онъ воздастъ тебѣ благимъ воздаяніемъ за то, что ты теперь охранилъ жизнь Его". Это былъ тотъ самый разбойникъ, который впослѣдствіи былъ распятъ одесную Господа и сподобился услышать отъ него: „днесь со Мною будеши въ раи". Такъ исполнилось надъ нимъ слово Матери Божіей!—Близъ египетскаго города Гермополя было большое прекрасное дерево, въ которомъ обиталъ нечистый духъ; этому дереву мѣстные жители поклонялись какъ Богу и приносили жертвы. Но едва Богоматерь приблизилась къ нему съ Своимъ Богомладенцемъ, какъ оно тотчасъ же страшно сотряслось до корня, и бѣсъ, устрашенный пришествіемъ Господа Іисуса, бѣжалъ, а само оно преклонило свои вѣтви къ землѣ, воздавая достодолжное поклоненіе своему Создателю и Его Пречистой Матери. Утомленные странники укрылись отъ зноя солнечнаго подъ его широколиственною тѣнью, и съ того времени дерево то стало исцѣлять своими листьями отъ всякихъ болѣзней.—Вошелъ св. Іосифъ съ Богоматерью и Богомладенцемъ Іисусомъ въ храмъ идольскій, гдѣ было 365 идоловъ, и всѣ эти идолы пали на землю и сокрушились; и исполнилось надъ ними слово пророческое: *се Господь сидитъ на облацѣ легцѣ* —на рукахъ Пречистой Дѣвы—Матери, *и пріидетъ во Египетъ и потрясутся рукотворенная египетская отъ лица Его* (Ис. XIX, 1).—Остановилось св. семейство близъ селенія, именуемаго Матаріэ; св. Іосифъ оставилъ Матерь Божію съ Господомъ Іисусомъ подъ однимъ деревомъ, а самъ пошелъ въ селеніе пріискать убѣжище, гдѣ можно было бы имъ остановиться. И вотъ дерево, подъ которымъ отдыхала Матерь Божія, вдругъ раздвоилось съ верху до низу, наклонило свой верхъ и образовало у своихъ корней какъ бы шатеръ для Божественной Путницы и Ея дивнаго Младенца, а вблизи того дерева внезапно появился родникъ чистой, прохладной воды для утоленія ихъ жажды. Огромный пень этого дерева и доселѣ сохранился; изъ его вершины идутъ и теперь сочныя вѣтви. Сохранился и источникъ, изобилующій вкусною водою.—Сколько времени провели св. странники въ Египтѣ—неизвѣстно. Иродъ между тѣмъ долго и напрасно ожидалъ возвращенія волхвовъ. Когда же увидѣлъ, что они его обманули, пришелъ въ страшный гнѣвъ и рѣшился непремѣнно умертвить Христа-Младенца, возраста котораго точно онъ не зналъ. Онъ повелѣлъ избить въ Виѳлеемѣ и окрестностяхъ его всѣхъ младенцевъ, отъ двухъ лѣтъ и ниже, ибо такимъ образомъ, думалъ онъ, не избѣжитъ смерти и страшное для него дитя. Вскорѣ послѣ этого Иродъ умеръ ужасною смертью. По смерти Ирода снова явился во снѣ Іосифу ангелъ Божій, и по его повелѣнію св. семейство возвратилось въ землю Израилеву.

2. Блаженна участь умершихъ младенцевъ 1).

Св. церковь вѣруетъ, что „всѣ младенцы, умершіе послѣ крещенія, несомнѣнно получатъ спасеніе, по силѣ смерти Іисуса Христа. Ибо если они чисты отъ грѣха, какъ отъ общаго всѣмъ людямъ,—потому что очищаются божественнымъ крещеніемъ, — такъ и своего собственнаго, ибо, какъ дѣти, не имѣютъ еще своего произвола и потому не грѣшатъ,—то, безъ всякаго сомнѣнія, они спасаются". Такъ точно учили и св. отцы церкви. Св. Ефремъ Сиринъ говоритъ о младенцахъ: „выше и прекраснѣе степень ихъ, нежели дѣвственниковъ и святыхъ: они — чада Божіи, питомцы Духа Святаго". Душа младенца, — говоритъ одинъ изъ учителей нашей церкви (митроп. Филаретъ),— крещеніемъ очищенная, произвольными грѣхами не оскверненная, своею невинностью, простотою, незлобіемъ представляетъ нѣкоторую содружность естеству ангельскому. А что, дѣйствительно, младенцы пребываютъ въ обителяхъ небесныхъ, это подтверждали сами небожители. Такъ, преподобный Сергій одной болящей возвѣстилъ объ участи ея умершихъ братьевъ-младенцевъ: „Имъ тамъ хорошо,—сказалъ онъ,—а ты съ ними быть не можешь; они, какъ младенцы, безгрѣшны, а ты, несмотря на то, что мала (одиннадцати лѣтъ), грѣхи

---

1). По поводу евангельскаго повѣствованія объ избіеніи Иродомъ виѳлеемскихъ младенцевъ.

уже имѣешь, хотя и невеликіе. Напрасно мать твоя жалѣла о ихъ смерти: оставшись въ живыхъ, они того не получили бы“.

Итакъ, несомнѣнно, что младенцы суть наслѣдники царства небеснаго, какъ это ясно выразилъ Самъ Спаситель, который, призвавши къ Себѣ дѣтей, благословилъ ихъ и сказалъ: *таковыхъ есть царство небесное* (Мѳ. XIX, 14). Поэтому грѣшно поступаютъ тѣ родители, которые предаются безутѣшной скорби по умершимъ дѣтямъ.

Что касается до участи младенцевъ, умирающихъ безъ крещенія, объ этомъ извѣстны два главныхъ мнѣнія древнихъ отцовъ и учителей церкви. Одни (таковъ, напр., блаж. Августинъ) полагали, что такіе младенцы терпятъ муку, хотя, сколько возможно, легкую. Другіе помѣщали ихъ въ какомъ-то среднемъ состояніи между блаженствомъ и осужденіемъ. Эту послѣднюю мысль выражаютъ: 1) св. Григорій Нисскій: „преждевременная смерть младенцевъ не даетъ еще мысли, чтобы такъ оканчивающій жизнь былъ въ числѣ несчастливыхъ, равно какъ и чтобы наслѣдовалъ одинаковую участь съ тѣми, кои въ сей жизни очистили себя всякою добродѣтелью“; 2) св. Григорій Богословъ: „послѣдніе (несподобившіеся крещенія по малолѣтству) не будутъ у праведнаго Судіи ни прославлены, ни наказаны, потому что, хотя не запечатлѣны, однако же и не худы, и больше сами потерпѣли, нежели сдѣлали вреда, ибо не всякій, недостойный наказанія, достоинъ уже и чести, равно какъ не всякій, недостойный чести, достоинъ уже наказанія“.

То же самое приложимо и къ мертворожденнымъ дѣтямъ. Участь ихъ намъ неизвѣстна, но достаточно знать, что она опредѣлена Самимъ Богомъ, и перемѣнить ее намъ невозможно. Поэтому молитва наша къ Богу о подобныхъ дѣтяхъ безполезна, а тѣмъ болѣе безполезны и даже вредны разныя суевѣрія по этому случаю,—суевѣрія, основанныя на невѣжествѣ народа. Лучше бы было, если бы мы молились Богу объ отпущеніи *своихъ* грѣховъ, которые служатъ причиною разныхъ бѣдъ и несчастій въ семейной жизни. Вѣдь рожденіе мертвыхъ дѣтей по большей части, за исключеніемъ болѣзни, зависитъ отъ неосторожности матери. Поэтому судьба мертворожденнаго младенца должна побуждать мать, во первыхъ, къ осторожности (особенно въ періодъ беременности), а во-вторыхъ, къ молитвѣ Богу о своихъ грѣхахъ, а не объ участи ни въ чемъ неповиннаго младенца (См. № 391-й „Воскр. лист.“, прил. къ ж. „Воскр. день“.

3. Злые злѣ и погибаютъ, по суду правды Божіей[1]).

Хотимъ ли видѣть изъ исторіи подтвержденіе сказаннаго? Арій, отвергавшій Божество І. Христа, распространитель этого пагубнаго ученія, погибъ ужасною смертью: утроба его разсѣлась, и внутренности его вышли вонъ. Юліанъ — императоръ греческій — богоотступникъ и насмѣшникъ надъ Христовою вѣрою— погибъ на войнѣ, пронзенный стрѣлою,—въ отчаяніи онъ говорилъ: „побѣдилъ Ты меня, Галилеянинъ!“ (т.-е. І. Христосъ). Ахаавъ, царь израильскій, погубившій Навуѳея и неправильно воспользовавшійся его виноградникомъ, погибъ тою же злою смертью, какою погубилъ онъ Навуѳея. Онъ былъ раненъ на войнѣ, его везли въ колесницѣ, и капавшую по дорогѣ кровь лизали псы,—точь въ точь испытывалъ то, что испытывалъ отъ его руки убитый Навуѳей. Завистники пророка Даніила, замыслившіе приготовить ему смерть во рвѣ отъ устъ львиныхъ, сами должны были подвергнуться этой участи, которую изготовили праведному человѣку, и, брошенные въ ровъ, сами были съѣдены вмѣсто Даніила голодными львами, которые растерзали ихъ еще налету. И сколько и въ исторіи, и въ жизни можно указать подобныхъ примѣровъ!

4. Нѣсколько библейскихъ и церковно-историческихъ примѣровъ правосудія Божія.

Святитель Тихонъ задонскій говоритъ: „бываетъ, что человѣкъ ископаетъ яму ради нѣкоей своей потребы, но самъ, по случаю, въ ту яму впадаетъ. Такъ навѣтниковъ и злодѣевъ зло, ближнимъ своимъ отъ нихъ уготованное, часто постигаетъ. Часто ядъ, который ближнимъ своимъ изготовляютъ, сами испиваютъ и умерщвляются; часто мечомъ, который на ближняго своего подымаютъ, себя самихъ ударяютъ и убиваютъ; часто въ большое поношеніе впадаютъ, когда замышляютъ ближнихъ своихъ оклеветать и опорочить; часто своей земли и прочаго имѣнія лишаются, когда чужимъ хотятъ и стараются завладѣть, и такъ впадаютъ въ яму, которую ради другихъ искапываютъ. Видимъ сего довольно въ мірѣ.

---

[1]) По поводу ужасной смерти Ирода, избившаго виѳлеемскихъ младенцевъ, который умеръ заживо изъѣденный червями.

Вотъ царь египетскій погнался было за израильтянами, которые освободились отъ работы его, хотѣлъ ихъ нагнать и снова взять въ плѣнъ; но вмѣсто сего погибель себѣ сыскалъ, со всѣмъ войскомъ своимъ утонулъ въ Чермномъ морѣ.

Вотъ Авессаломъ, сынъ царя Давида, задумалъ овладѣть царствомъ израильскимъ и искалъ случая убить неповиннаго и святого отца своего: но, вмѣсто того, зацѣпился длинными волосами своими за дерево и повисъ, какъ Іуда, между небомъ и землею, и такъ попалъ въ ровъ, который копалъ для праведнаго своего отца.

Вотъ и еще подобныя тому исторіи. При персидскомъ царѣ Артаксерксѣ былъ царедворецъ, по имени Аманъ, настолько гордый, что приказывалъ воздавать себѣ Божескія почести. Нѣкто еврей, Мардохей по имени, не захотѣлъ до того унизиться, чтобъ Амана почитать, какъ Бога, и поклоняться ему до земли. Разсерженный этимъ царедворецъ приказываетъ устроить противъ своего дома висѣлицу, на которой хотѣлъ повѣсить Мардохея. Аманъ былъ самымъ приближеннымъ человѣкомъ къ царю; но обстоятельства перемѣнились, и царь приказалъ повѣсить на той самой висѣлицѣ Амана (Есѳирь, гл. VII). Итакъ, кто другому выкопалъ яму, тотъ самъ въ нее попалъ.

Св. апостолъ Ѳома проповѣдывалъ евангеліе въ Индіи. Тамъ одинъ идольскій жрецъ собственною рукою убилъ своего сына и свалилъ вину свою на св. апостола Ѳому. По городу скоро разнеслась вѣсть, что Ѳома совершилъ убійство. Собралось множество народа. Апостола Ѳому схватили и, какъ убійцу, предали суду. Никто не могъ его оправдать. Тогда апостолъ началъ просить у судей и народа позволенія спросить убитаго: кто его убилъ? На этотъ вопросъ апостола мертвецъ отвѣчалъ: „отецъ убилъ меня“. Немедленно жреца предали суду, а потомъ казнили. „Не рой ямы другому: самъ попадешь въ нее“. Жрецъ попалъ въ ту яму, которую приготовилъ для апостола“ (Чет.-Мин. 6 окт.). (Твор. св. Тихона Зад. т. IV).

5. Судъ Божій, карающій убійцъ.

Не убій (Исх. XX, 13). *Я взыщу и вашу кровь... взыщу... душу человѣка отъ руки брата его* (Быт. IX, 5).

Какъ часто самыя маловажныя обстоятельства, самые случайные признаки даютъ основаніе и не всегда опытнымъ судьямъ узнавать и уличать скрывшагося человѣкоубійцу... Но иногда Богъ попускаетъ человѣкоубійцѣ скрыться на время отъ законнаго преслѣдованія, но и тогда какъ поразительно, какъ поучительно праведный судъ Божій изобличаетъ убійцу!

I. *Мученіе совѣсти за совершенное человѣкоубійство.* Преп. Зосима проводилъ безмолвную жизнь въ синайской пустынѣ. Однажды, пришелъ къ нему разбойникъ и, исповѣдавъ свои тяжкія преступленія, просилъ преподобнаго принять его въ иночество, чтобы слезами покаянія омыть свои грѣхи. Пр. Зосима, по испытаніи искренности кающагося, облекъ его въ иноческій чинъ. Вскорѣ послѣ того онъ сказалъ новопоступившему иноку, что ему въ этомъ мѣстѣ трудно будетъ укрыться, потому что многіе сюда приходятъ и его, какъ бывшаго разбойника, могутъ узнать, потому совѣтовалъ изъ монастыря удалиться, и самъ препроводилъ его въ уединенный скитъ аввы Дороѳея.

Девять лѣтъ прожилъ въ этомъ скиту кающійся разбойникъ, изучилъ всѣ псалмы и неизмѣнно исполнялъ всѣ скитскія послушанія. Послѣ столь продолжительнаго иночества онъ неожиданно оставляетъ скитъ и возвращается къ преп. Зосимѣ, прося его взять отъ него иноческія одежды и возвратить мірскія. Зосима въ недоумѣніи спросилъ: „что заставляетъ его отречься отъ иноческаго житія?“ Бывшій разбойникъ повѣдалъ старцу слѣдующее: „вотъ уже девять лѣтъ, какъ ты самъ знаешь, я, отче, пробылъ въ скиту и, сколько возможно, постился, пребывалъ въ воздержаніи и трудахъ, повинуясь всѣмъ съ кротостью, молчаніемъ и страхомъ Божіимъ, надѣясь на милосердіе Божіе о прощеніи тяжкихъ грѣховъ моихъ, но не нашелъ себѣ мира и отрады. Представляется мнѣ ежеминутно дитя, убитое мною и спрашивающее: за что ты убилъ меня?.. Это представляется мнѣ не только во снѣ, но и на яву, когда въ церкви стою на молитвѣ, когда къ божественнымъ тайнамъ приступаю, когда въ трапезѣ съ братіею пищу вкушаю, когда иду куда-нибудь, непрестанно предо мною дитя, одно и то же говорящее: за что ты убилъ меня?.. Потому хочу, отче, продолжалъ бывшій разбойникъ, итти туда, гдѣ я разбойничалъ, чтобы меня взяли и предали казни". Преп. Зосима, не предвидя другого исхода ко умиротворенію души разбойника, отпустилъ его, и онъ, самъ отдавшись въ руки правосудія, былъ усѣченъ мечомъ и такимъ образомъ только своею кровью могъ омыть свое преступленіе, мучительнаго воспоминанія о которомъ никакія слезы и сокрушенія покаянныя не въ силахъ были изгладить изъ *его совѣсти и сердца.* („Дост. сказ. о подв. св. и блаж. отцовъ").

II. Иногда бываетъ такъ, что смущеніе совѣсти производитъ у человѣкоубійцы *нѣкоторое помѣшательство,* такъ что невинно пролившій кровь человѣческую самъ выдаетъ себя убійцею и признаетъ надъ собою непосредственный судъ Божій.

Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ, записанныхъ исторіею. Ѳеодерикъ, царь варваровъ остготовъ, когда овладѣлъ Италіею, по клеветѣ и неосновательному подозрѣнію, вопреки убѣжденіямъ своей совѣсти, папу Іоанна уморилъ въ темницѣ, знаменитаго сенатора Боэція замучилъ въ страшныхъ пыткахъ, а тестю его Симмаху отсѣкъ голову. Хотя онъ давно привыкъ къ убійству и крови, но все же не могъ не чувствовать угрызенія совѣсти въ пролитіи крови неповинной; онъ хотѣлъ, однако же, заглушить судъ совѣсти и не хотѣлъ признаться и покаяться въ злодѣяніи. Между тѣмъ, судъ Божій судомъ совѣсти сдѣлалъ свое: Ѳеодерикъ отъ душевнаго смущенія и душевной борьбы впалъ въ мрачное и томительное расположеніе духа, а потомъ и совсѣмъ помѣшался въ умѣ. Разъ за обѣдомъ слуги подали Ѳеодерику на столъ голову большой рыбы. Ему показалось, что это голова недавно убитаго Симмаха, и что она, прикусивъ зубами нижнюю губу и смотря на него глазами, выражающими дикость и бѣшенство, страшно грозитъ ему... Испуганный необыкновеннымъ явленіемъ и дрожа какъ бы въ лихорадкѣ, онъ бѣгомъ бросился къ постелѣ. Онъ оплакивалъ свой грѣхъ противъ Симмаха и Боэція, изъявляя сожалѣніе объ этомъ несчастіи, и тутъ же скончался.

III. Судъ Божій дѣйствуетъ иногда въ обличеніи человѣкоубійцы *посредствомъ безсловесныхъ животныхъ и даже вещей неодушевленныхъ.* Въ царствѣ греческомъ, при императорѣ Константинѣ Погонатѣ, случилось вотъ что: пустынной дорогой шелъ путникъ, сопровождаемый домашнею собакою. На путника напалъ разбойникъ, убилъ его и скрылся. Животное—свидѣтель человѣкоубійства, осталось при трупѣ убитаго хозяина неотлучно. Другой прохожій предалъ трупъ мертвеца землѣ; животное послѣдовало за благодѣтелемъ своего хозяина и осталось при немъ. Новый хозяинъ былъ содержателемъ гостиницы. Прошло много времени, и вотъ въ гостиницу входитъ тотъ скрывшійся убійца; собака, ласкавшаяся по обычаю ко всѣмъ постояльцамъ, вдругъ, къ изумленію всѣхъ, съ лаемъ и озлобленіемъ бросается на пришельца и кидается ему въ лицо; ей запрещаютъ, она не слушается и повторяетъ свое нападеніе нѣсколько разъ. Видѣвшіе это заподозрѣли незнакомца во враждебныхъ отношеніяхъ къ прежнему хозяину животнаго и объявили объ этомъ суду. На судѣ злодѣй признался въ человѣкоубійствѣ.

Или вотъ еще замѣчательный случай: шли вмѣстѣ два товарища; одинъ рѣшился лишить жизни другого, чтобы завладѣть его сокровищемъ. Беззащитный страдалецъ въ рукахъ злодѣя умолялъ взять его сокровище, только бы не убивалъ его, и клятвенно обѣщался сохранить въ тайнѣ злодѣйское покушеніе его; но злодѣй не внималъ мольбамъ страдальца. И вотъ, когда онъ заносилъ послѣдній, смертельный ударъ своей жертвѣ, до нихъ долетѣлъ звукъ церковнаго колокола; умирающій призывалъ во имя всевидящаго Бога этотъ священный звукъ во свидѣтели убійства и обличителя убійцы. Съ злой насмѣшкою надъ безсиліемъ умирающаго и надъ несбыточностью надеждъ его, злодѣй довершилъ свое ужасное дѣло. И что же? Человѣкоубійца съ того времени не могъ спокойно слышать звука церковнаго колокола: всякій разъ, когда только слышалъ его, злодѣй приходилъ въ смущеніе и трепетъ. Мучимый сознаніемъ суда Божія надъ собою, преступникъ убѣдился въ необходимости признаться въ человѣкоубійствѣ, и признался.

IV. *Промыслъ Божій часто наказываетъ убійцу тѣмъ родомъ смерти, какой онъ употреблялъ по отношенію къ своимъ жертвамъ.*

а) Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ убійства св. Іоанна Предтечи, царь іудейскій Иродъ, какъ за это безчеловѣчное злодѣяніе, такъ и за посмѣяніе надъ Искупителемъ въ день Его страданія (Лук. XXIII, 11), подвергся праведному гнѣву Божію. Онъ обнаружился такъ:

бывъ оклеветанъ предъ римскимъ императоромъ Калигулою своимъ же племянникомъ — братомъ Иродіады — Иродомъ Агриппою въ измѣнническихъ будто бы замыслахъ противъ римлянъ, Иродъ лишенъ былъ всей своей власти и богатствъ и сосланъ въ заточеніе сначала въ Ліонъ (Лугдунъ) галльскій, а потомъ въ Лериду — испанскую крѣпость. Иродіада съ дочерью (Саломіею) раздѣлили съ нимъ его изгнаніе, въ которомъ бѣдственно окончили они и жизнь свою. Саломія погибла прежде ихъ. Преданіе говоритъ, что однажды, въ зимнее время, переходила она по льду небольшую рѣку Сикорисъ; среди рѣки ледъ подъ нею подломился, и она погрузилась въ воду такъ, что ледъ стиснулъ ея шею и она повисла на немъ своею головою, между тѣмъ какъ туловище ея, не доставая дна рѣчного, колебалось изъ стороны въ сторону до тѣхъ поръ, пока ледъ не перерѣзалъ шеи. Трупъ погрузился на дно рѣки, а Ироду и Иродіадѣ принесена была голова погибшей. Такъ правосудіе Божіе наказало плясавицу, ради которой усѣкнута была честная глава Предтечи Господня! (Воскр. чт.).

б) *Вси пріемшіи ножъ ножемъ погибнутъ* (Матѳ. XXVI, 52). Эту истину оправдалъ на себѣ препод. Моисей Муринъ: бывши до принятія христіанства разбойникомъ, онъ послѣ былъ и самъ убитъ отъ одного изъ нападавшихъ на него разбойниковъ. („Ч.-М.“).

Если бы мы были внимательнѣе къ самимъ себѣ, то увидѣли бы множество опытовъ этой истины въ собственной нашей жизни, — увидѣли бы не только то, что за каждымъ преступленіемъ слѣдуетъ наказаніе, но что самое орудіе и образъ нашего преступленія бываютъ очень часто орудіемъ и образомъ нашего наказанія. Да возблагоговѣетъ же каждый изъ насъ предъ неисповѣдимымъ правосудіемъ Божіимъ и, по увѣщанію Спасителя, да броситъ поспѣшно свой ножъ, дабы ему ножомъ не погибнуть. (Прот. Г. Дьяченко).

6. Какъ христіанинъ долженъ относиться къ сновидѣніямъ?

(По поводу сновъ праведнаго Іосифа).

Еще языческіе мудрецы различно судили о снахъ. Одинъ языческій мудрецъ (Протагоръ) говорилъ: „каждый сонъ имѣетъ свое значеніе, свой смыслъ, и для человѣческой жизни полезно обращать на сны вниманіе“. Другой же языческій мудрецъ (Ксенофанъ) объяснялъ, что всѣ сны пусты и обманчивы, и что заблуждается тотъ, кто обращаетъ на нихъ вниманіе и устрояетъ по нимъ свои дѣла. — Истины нужно искать въ срединѣ; т.-е. *во-первыхъ, не на всѣ сны надобно обращать вниманіе; но, во-вторыхъ, не всѣ сны надобно презирать, считать ихъ пустыми.*

Во-первыхъ, — говоримъ — не на всѣ сны надобно обращать вниманіе. Самъ Богъ увѣщеваетъ людей чрезъ Моѵсея „не гадать по снамъ“ (Лев. XIX, 26). „Безразсудные люди“, говоритъ Сирахъ, „обманываютъ самихъ себя пустыми и ложными надеждами; кто вѣритъ снамъ, тотъ подобенъ обнимающему тѣнь или гоняющемуся за вѣтромъ; сновидѣнія совершенно то же, что отображеніе лица въ зеркалѣ“ (34, 1—3). Большая часть сновъ суть только естественное слѣдствіе возбужденнаго воображенія человѣка. О чемъ человѣкъ днемъ думаетъ, чѣмъ онъ сильно заинтересованъ, чего онъ страстно желаетъ или не желаетъ, это и снится ему. Св. Григорій разсказываетъ объ одномъ человѣкѣ, который безразсудно вѣрилъ снамъ, и которому во снѣ обѣщалась долгая жизнь. Онъ собралъ много денегъ, чтобы имѣть чѣмъ благополучно прожить долгую жизнь свою; но вдругъ заболѣлъ и вскорѣ умеръ, и такимъ образомъ не могъ сдѣлать никакого употребленія изъ своего богатства, и въ то же время не могъ взять съ собою въ вѣчность никакихъ добрыхъ дѣлъ. Слѣдовательно, есть много сновъ пустыхъ и обманчивыхъ, которые ничего не значатъ и на которые не надобно обращать вниманія.

Но, во-вторыхъ, есть и такіе сны, которые имѣютъ значеніе для насъ, и на которые надобно обращать вниманіе. Укажемъ для примѣра на сонъ Іосифа, одного изъ двѣнадцати сыновей патріарха Іакова. Іосифу снилось, что онъ съ отцомъ и братьями жнетъ въ полѣ пшеницу: снопъ Іосифа стоялъ прямо, а снопы отца и братьевъ окружили его и поклонились ему. Этотъ сонъ точно исполнился: по истеченіи нѣкотораго времени Іосифъ, проданный братьями въ Египетъ, сдѣлался владыкою Египта, и пріѣхавшіе въ Египетъ отецъ и братья его должны были кланяться ему и почитать его. Точно также сбылся пророческій сонъ фараона, царя египетскаго. Если бы фараонъ не обратилъ вниманія на этотъ сонъ и не сдѣлалъ большихъ запасовъ хлѣба въ урожайные годы для годовъ неурожайныхъ, то онъ горько раскаивался бы, — жители Египта, а также отецъ и братья Іосифовы, умерли бы голодною смертью.

И многіе изъ людей, а, можетъ-быть, и изъ находящихся среди насъ, имѣютъ причину раскаиваться въ томъ, что не обратили вниманія на нѣкоторые сны свои. Вотъ для примѣра одинъ разсказъ. Одинъ безпутный юноша, не слушавшій увѣщаній своихъ лучшихъ друзей, направлявшихъ его на другую, лучшую дорогу, увидѣлъ однажды во снѣ своего отца, который строго повелѣвалъ ему оставить безпутную и безбожную жизнь и жить лучше; но — согласно изреченію І. Христа — „если не слушаютъ закона, то не послушаютъ и того, кто бы воскресъ изъ мертвыхъ“ — юноша не обратилъ никакого вниманія на свой сонъ. Тогда онъ снова видитъ такой же сонъ: ему снова снится отецъ, который заявляетъ сыну, что если онъ не перемѣнитъ своей жизни, то въ такой-то день его застигнетъ смерть, и онъ предстанетъ на судъ Божій. Юноша разсказалъ шуточно о снѣ своимъ, подобнымъ же ему, товарищамъ и не только не думалъ объ исправленіи жизни, но даже какъ бы хотѣлъ посмѣяться надъ угрозою, полученною во снѣ. Именно — на тотъ день, въ который во снѣ отецъ угрожалъ сыну смертью, онъ назначилъ большую пирушку съ товарищами. И что же? Среди винопитія сына поражаетъ внезапно апоплексическій ударъ. и онъ чрезъ нѣсколько минутъ умираетъ! Изъ приведенныхъ здѣсь разсказовъ мы видимъ, что не всѣ сны обманчивы и пусты: есть сны, которые дѣйствительно исполняются въ жизни.

Вотъ нѣсколько совѣтовъ о томъ, какъ нужно относиться къ сновидѣніямъ: 1) если сны побуждаютъ васъ къ добру и удерживаютъ отъ зла, то считайте эти сны перстомъ Божіимъ, указывающимъ вамъ на небо и отклоняющимъ васъ отъ дороги къ аду.

„Богъ говоритъ однажды и, если того не замѣтятъ, въ другой разъ, во снѣ, въ ночномъ видѣніи, когда сонъ находитъ на людей, во время дремоты на ложѣ. Тогда Онъ открываетъ у человѣка ухо и запечатлѣваетъ Свое наставленіе, чтобы отвесть человѣка отъ какого-либо предпріятія и удалить отъ него гордость, чтобы отвесть душу его отъ пропасти и жизнь его отъ пораженія мечомъ“ (Іов. XXXIII, 14, 18).

„Когда увидишь во снѣ образъ креста, учитъ преп. Варсанофій, знай, что этотъ сонъ истиненъ и отъ Бога; но постарайся отъ святыхъ получить истолкованіе значенія его и не вѣрь своему помыслу“. („Руковод. къ дух. жизни“ Варсанофія и Іоанна, стр. 368).

2) Если же вы не увѣрены или не имѣете разумной причины думать, что сонъ происходитъ отъ Бога, въ особенности если сонъ касается неважныхъ, безразличныхъ предметовъ, тогда нѣтъ надобности обращать вниманіе на сны и устроять по нимъ свои дѣйствія; будьте осторожны, дабы, обращая вниманіе на каждый сонъ, не сдѣлаться суевѣрными и не подпасть опасности согрѣшить.

3) Если, наконецъ, сонъ соблазняетъ человѣка на грѣхъ, то онъ есть слѣдствіе нашего испорченнаго, разстроеннаго воображенія, нашей фантазіи, или же онъ происходитъ отъ того, отъ кого да сохранитъ насъ Богъ Своею благодатію, т.-е. отъ діавола. (Сост. по № 9 „Проп. листка“ за 1890 г. и др. источн.).

НЕДѢЛЯ ПРЕДЪ ПРОСВѢЩЕНІЕМЪ.

Еванг. отъ Марк. зач. 1-е, гл. I, 1—8 ст.

1. Святый Предтеча Христовъ Іоаннъ, его проповѣдь о покаяніи въ пустынѣ Іорданской и крещеніе.

Въ пятнадцатый годъ владычества Тиверія кесаря (5538 г. отъ сотв. міра, 30 г. отъ Р. Х.), когда Понтій Пилатъ былъ правителемъ (начальствовалъ) въ Іудеѣ, Иродъ (былъ) четверовластникомъ въ Галилеѣ, Филиппъ, братъ его четверовластникомъ въ Итуреѣ и Трахонитской области, и Лисаній четверовластникомъ въ Авилинеѣ, при первосвященникахъ Аннѣ и Каіафѣ, былъ глаголъ Божій къ Іоанну, сыну Захаріину, въ пустынѣ. И онъ пошелъ по всей окрестной странѣ Іорданской, проповѣдуя крещеніе покаянія для прощенія грѣховъ. Какъ написано въ книгѣ словъ пророка Исаіи, который говоритъ: гласъ вопіющаго въ пустынѣ: приготовьте путь Господу; исправьте стези Ему; всякій долъ да наполнится, и всякая гора и холмъ да унизятся; кривизны выпрямятся, и неровные пути сдѣлаются гладкими; и узритъ всякая плоть спасеніе Божіе.

(Ев. Луки III, 1 — 6; Исаіи LX, 3 — 5). Іоаннъ же носилъ одежду изъ верблюжьяго волоса и кожаный поясъ на чреслахъ своихъ и ѣлъ акриды[1] и дикій медъ. (Ев. Марка. I, 6.)

„Вѣкъ тотъ былъ переходнымъ вѣкомъ неизвѣстности и сомнѣній. Уже скипетръ переданъ былъ чужеземцу; уже въ первосвященство стали вмѣшиваться идумейскіе тираны, или римскіе прокураторы; уже главное вліяніе на приниженный синедріонъ было въ рукахъ льстивыхъ иродіанъ, или коварныхъ саддукеевъ. Не было, по-видимому, утѣшенія ни въ чемъ, кромѣ усиленной вѣрности Моисееву закону, кромѣ напряженныхъ ожиданій прихода Мессіи. Это было общее ожиданіе „грядущаго гнѣва,“ который былъ болями предъ рожденіемъ грядущаго царства, глубочайшею тьмою передъ близкимъ разсвѣтомъ. Міръ устарѣлъ и сумасбродство язычества дошло до отвратительныхъ размѣровъ. За атеизмомъ, какъ это и всегда бывало между народами, слѣдовалъ упадокъ нравственности. Несправедливость перешла крайніе предѣлы. Философія стала отрицать, исключая нѣкоторыхъ излюбленныхъ, всѣ свои функціи, которыми прежде хвалилась. Преступленіе царствовало повсюду, и не было никакихъ средствъ противъ ужасовъ и разрушенія, которыхъ оно было причиною. Угрызеній совѣсти какъ будто не бывало; люди стали какъ бы „безчувственны.“ Ожесточеніе сердецъ и окаменѣніе нравственнаго чувства были таковы, что способные при этомъ положеніи дѣлъ чувствовать душевныя муки считались людьми ненормальными и несчастными.“ (Жизнь Іисуса Христа. Ф. В. Фаррара, пер. Матвѣева. М. 1887 г. Ч. I, 58, 59. Ср. Ефес. IV, 17—19).

Въ это-то время томительнаго страха грядущаго гнѣва, напряженнаго ожиданія прихода Избавителя — Мессіи, раздался, въ окрестностяхъ Іордана, голосъ Іоанна: *покайтесь! ибо приблизилось царство небесное*. (Ев. Матѳея III, 2.)

Іоаннъ, сынъ пророка Захаріи и Елизаветы, во время варварскаго избіенія Иродомъ младенцевъ спасенный отъ рукъ убійцъ своею матерью, убѣжавшею съ нимъ въ горную пещеру, и — по смерти матери, послѣдовавшей чрезъ нѣсколько дней, — оставшійся безпомощнымъ младенцемъ, былъ питаемъ ангеломъ до своего возраста и отъ самой колыбели жилъ въ пустынѣ (Четьи-Минеи. Сентября 5. Житіе св. пророка Захаріи, отца Предтечева. См. еще X Бесѣду св. Іоанна Златоуста на евангелиста Матѳея), не заботясь ни о кровѣ, ни о пищѣ, ни о постелѣ. Домомъ для него была вся пустыня, постелью — голая земля, а пищею то, что могла дать пустыня, и онъ, нося плоть, велъ какую-то ангельскую жизнь. „Въ такой суровой жизни, въ такомъ глубокомъ уединеніи, въ молитвѣ и бесѣдахъ съ ангеломъ, въ думахъ о великихъ дѣлахъ Божіихъ, являемыхъ природою, и о бѣдствіяхъ падшаго человѣчества, при видѣ проклятаго Мертваго моря, онъ пріобрѣлъ полное господство надъ самимъ собою и ту непреклонную твердость въ стремленіи къ правдѣ, которая не страшится никакихъ опасностей, не размягчается лестью и похвалами; а изъ Божественныхъ откровеній научился тому, чему не научитъ никакая школа. Духъ его былъ весь проникнутъ пламенною любовью къ Богу и ожиданіемъ Спасителя, для Котораго онъ долженъ былъ приготовить путь.“

„Только такіе учители и пригодны къ подобному времени. Прежде чѣмъ раздался громовой звукъ его голоса, загорѣлая наружность, длинные волосы, кожаный поясъ, одежда изъ верблюжьяго волоса уже доказывали, что тутъ истинно человѣкъ во всемъ его природномъ величіи, съ несокрушимою силою воли, — человѣкъ, который, подобно суровому Ѳесвійцу Иліи, могъ бы спокойно стоять передъ разодѣтымъ въ пурпуръ Ахавомъ и развратною Іезавелью. Не разчитывая ни на что отъ любви своихъ послѣдователей, онъ не боялся ихъ нерасположенія. Онъ стоялъ выше своихъ братьевъ на неизмѣримой высотѣ спокойствія и чистоты, не ослѣпленный ничтожною мглою, которая застилала ихъ глаза, и невозмутимый отъ вліяній, которыя нарушали спокойствіе ихъ жизни.“ (Жизнь Іисуса Христа. Ф. В. Фаррара, пер. Матвѣева. М. 1887 г. Ч. I, стр. 60, 61.)

„Далеко прошла молва, что въ пустынѣ Іудейской живетъ человѣкъ, котораго жгучее слово достойно того, чтобы его услышать, который своими изреченіями напоминаетъ Исаію, а жизнію — Илію. Мѣстомъ его проповѣди была дикая, необработанная, безлюдная пустыня, тянущаяся къ югу отъ Іерихона и волнъ Іорданскихъ къ берегамъ Мертваго озера. Грозно нависшія надъ этимъ узкимъ проходомъ, ведущимъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ, скалы были притономъ опаснѣйшихъ разбойниковъ; дикіе звѣри не были еще истреблены въ заросшихъ тростникомъ заводяхъ Іорданскихъ“ (Тамъ же. стр. 61, 62); „но отовсюду — изъ Іерусалима, со всѣхъ концовъ Іудеи и изъ окрестностей Іорданскихъ — сходился народъ, чтобы увидѣть сына первосвященника Захаріи, черезъ тридцать лѣтъ жизни въ пустынѣ явившагося на проповѣдь, и послушать словъ его. Іудеи никогда не чувствовали грѣховъ своихъ, но, будучи подвержены крайнимъ порокамъ, всегда считали себя праведными, а это собственно погубляло ихъ и отдаляло отъ вѣры; потому Іоаннъ стремился расположить и убѣдить ихъ къ покаянію, чтобы, сознаніемъ грѣховъ сдѣлавшись уничиженными и презрѣнными для самихъ себя, они прибѣгли къ полученію прощенія. Ибо, если бы они не осудили самихъ себя, то не стали бы просить и милости, а не ища ее, не удостоились бы и оставленія грѣховъ.“ (X Бесѣда св. Іоанна Златоуста на евангелиста Матѳея. М. 1843 г. Ч. I, стр. 178).

---

[1] Акридами называются: саранча, древесные побѣги и сладкій корень травы.

Не стѣсняясь ничѣмъ, Іоаннъ обличалъ всѣхъ за ихъ грѣхи: мытарей, или сборщиковъ податей—за ихъ вымогательство; воиновъ—за ихъ насилія и недовольство; богатыхъ саддукеевъ и пышныхъ фарисеевъ—за ихъ притворство. Онъ говорилъ имъ: *порожденія эхиднины! кто внушилъ вамъ бѣжать отъ будущаго гнѣва? Принесите же достойные плоды покаянія и не думайте говорить въ себѣ: отецъ у насъ былъ Авраамъ; ибо говорю вамъ, что Богъ можетъ изъ камней сихъ воздвигнуть дѣтей Аврааму. Уже и сѣкира при корнѣ деревъ лежитъ: всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубаютъ и бросаютъ въ огонь.* (Ев. Луки III, 7—9; Матѳея III, 7—10).

Всѣ слова Іоанна подобны были молоту, дробящему въ пыль каменныя сердца, или пламени, проникающему въ самые глубокіе тайники душъ. Чувствуя угрызеніе проснувшейся совѣсти, люди слушали его съ разбитымъ сердцемъ и спрашивали: „что же намъ дѣлать?“ Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: у кого двѣ одежды, тотъ дай неимущему; и у кого есть пища, дѣлай то же. Пришли и мытари креститься у него и сказали ему: „учитель! что намъ дѣлать?“ Онъ отвѣтствовалъ имъ: ничего не требуйте болѣе опредѣленнаго вамъ. Спрашивали его также и воины: „а намъ что дѣлать?“ И сказалъ имъ: никого не обижайте; не клевещите, и довольствуйтесь своимъ жалованьемъ. (Ев. Луки III, 10—14).

Іоаннъ избралъ символомъ покаянія крещеніе „и выходили къ нему вся страна Іудейская и іерусалимляне и вся окрестность Іорданская, и крестились отъ него всѣ въ рѣкѣ Іорданѣ, исповѣдуя грѣхи свои.“ (Ев. Матѳея III, 5, 6; Марка I, 5; Луки III, 21.

„Но у Іоанна было иное, особое, исполненное надеждъ, призваніе — назначеніе быть провозвѣстникомъ грядущаго Мессіи. Для себя онъ не требовалъ никакой славы, кромѣ славы Предтечи: для своего крещенія никакого значенія, кромѣ посвященія въ тайны царства, которое наступаетъ.“ (Жизнь Іисуса Христа. Ф. В. Фаррара, перев. Матвѣева. М. 1887 г. Ч. I, стр. 62.) „И когда народъ былъ въ ожиданіи, и всѣ помышляли въ сердцахъ своихъ объ Іоаннѣ: не Христосъ ли онъ? Іоаннъ всѣмъ отвѣчалъ: я крещу васъ водою (Ев. Луки III, 15, 16) въ покаяніе; (Ев. Матѳея III, 11), но идетъ за мною (Ев. Марка I, 7) сильнѣйшій меня, у Котораго я недостоинъ, наклонясь, развязать ремень обуви Его. Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ. Лопата Его въ рукѣ Его; и Онъ очиститъ гумно Свое и соберетъ пшеницу Свою въ житницу Свою; а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ.“ (Ев. Луки III, 16, 17; Марка I, 7; Матѳея III, 11, 12.)

Вотъ главная цѣль, для которой собственно Іоаннъ пришелъ крестить въ извѣстное мѣсто. „Онъ пришелъ для свидѣтельства, чтобы свидѣтельствовать о Свѣтѣ, дабы всѣ увѣровали чрезъ него. Не (самъ) онъ былъ Свѣтъ, но былъ посланъ, чтобы свидѣтельствовать о Свѣтѣ“. (Ев. Іоанна I, 7—8). Онъ смиренно признаетъ недостаточность своего крещенія, которое ничего не можетъ сдѣлать болѣе, какъ привести людей къ покаянію; но прощеніе грѣховъ зависитъ отъ Того, *Кто идетъ за нимъ*, Кто такъ великъ, что Іоаннъ считаетъ себя недостойнымъ быть даже послѣднимъ изъ Его рабовъ и *развязать ремень Его обуви*. Этотъ грядущій за нимъ, теперь, въ первое Свое пришествіе, будетъ *крестить Духомъ Святымъ и огнемъ* и не только подастъ совершенное прощеніе грѣховъ и возжетъ въ сердцѣ духовный, очистительный огонь; но дастъ даже Духа Святаго вѣрующимъ въ Него; а, во второмъ пришествіи, невѣрующихъ предастъ огню неугасимому, какъ ни къ чему негодные и засаривающіе лишь пшеницу плевелы и солому. Теперь все перемѣшано между собою, и хотя пшеница блистаетъ, но лежитъ вмѣстѣ съ плевелами, какъ на гумнѣ, а не какъ въ житницѣ. Тогда же будетъ большое различіе. (X и XI Бесѣды св. Іоанна Златоуста на евангелиста Матѳея. М. 1843 г. Ч. I, стр. 179, 180, 203—207).

Многое и другое благовѣствовалъ онъ народу, поучая его (Ев. Луки III, 18) и разъясняя, что для полученія прощенія грѣховъ и спасенія недостаточно только сознаться въ своихъ грѣхахъ и отстать отъ прежнихъ худыхъ дѣлъ, но нужно еще *принести плоды, достойные покаянія.* (Ев. Луки III, 8; Матѳея III, 8). Эти плоды покаянія состоятъ въ полной перемѣнѣ прежней жизни и въ дѣлахъ, противоположныхъ грѣху. Кто похищалъ чужое, — впередъ давай и свое. Кто оскорблялъ другихъ,— долженъ впередъ не только не оскорблять никого, но безропотно переносить обиды и благодѣтельствовать обижающимъ. Кто гордился, считалъ себя выше всѣхъ и презиралъ всѣхъ,—тотъ впередъ считай себя хуже всѣхъ и уважай всѣхъ. Кто предавался сластолюбію и пьянству,—долженъ вести жизнь воздержную". (X Бесѣда св. Іоанна Златоуста на евангелиста Матѳея. М. 1843 г. Ч. I, стр. 189, 190).

Такимъ образомъ, смиряя гордыхъ, исправляя нравы буйныхъ, обращая къ покаянію развратныхъ, возбуждая въ лихоимцахъ милосердіе и увѣщевая всѣхъ къ благотворенію, Іоаннъ, — по слову пророка: *се, Я посылаю ангела* (вѣстника) *Моего предъ лицомъ Твоимъ, который приготовитъ путь Твой предъ Тобою* (Малахіи III, 1),— приготовлялъ путь Господу и возвѣщалъ людямъ, что время пришествія давно обѣщаннаго Мессіи настало, что Онъ уже среди ихъ, но они не чувствуютъ этого. (См. книгу Лебединскаго: „Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, Спаситель міра“).

2. Не медли обратиться ко Господу и не отлагай покаянія.

Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя, — вотъ вопль кающагося грѣшника, которому научаетъ насъ св. церковь. Вотъ какъ заботлива о насъ святая церковь, наша духовная матерь! какихъ только мѣръ ни предпринимаетъ она, чтобы побудить грѣшника къ покаянію! *Душе моя, душе моя,* вопіетъ она къ каждой душѣ христіанской, *востани, что спиши? конецъ приближается... Время сокращается; востани, близъ при дверехъ Судія есть.* Но слушаемся ли мы этихъ материнскихъ зововъ нашей православной церкви? Думаемъ ли мы о своемъ спасеніи, заботимся ли мы о своемъ исправленіи? Къ сожалѣнію, весьма мало. Мы только и думаемъ о земномъ, о житейскомъ; насъ безпокоитъ только забота о томъ, какъ бы жить и прожить безбѣдно, въ довольствѣ, въ спокойствіи. А о томъ, какъ бы избавиться отъ грѣховъ и начать жизнь добродѣтельную,—о томъ мы заботимся весьма мало, эту заботу мы отлагаемъ на будущее время, отъ сегодня до завтра. Годы идутъ, а мы все тѣ же, все съ тѣми же расположеніями и мыслями, съ тѣми же житейскими заботами, съ тѣми же почти желаніями и страстями,—въ насъ почти нѣтъ перемѣны. Какой же этому будетъ конецъ? Вѣдь смерть всегда у насъ, какъ говорится, за плечами. Что, если она внезапно порѣшитъ нашу судьбу? А ужъ порѣшитъ, конечно, не на радость намъ. Вѣдь, по слову Божію, *смерть грѣшниковъ люта* (Пс. XXXIII, 22). Конецъ грѣшниковъ— погибель. *Господь вся грѣшники потребитъ* (Пс. CXXXXIV, 20), говоритъ то же слово Божіе. Самъ Господь сказалъ: *аще не обратитесь* (Мѳ. XVIII, 3) *и не покаетеся, вси погибнете* (Лук. XIII, 3). Правда, Господь долготерпѣливъ и многомилостивъ; но справедливо говоритъ русская пословица: „Богъ долго терпитъ, но и больно бьетъ“, и немало тому примѣровъ содержится въ словѣ Божіемъ.

Вы слышали, конечно, о всемірномъ потопѣ. Ужасно и представить себѣ, какому страшному бѣдствію подвергся развращенный родъ человѣческій! Казалось бы, что послѣ потопа люди станутъ жить благочестиво и добродѣтельно. Но увы! вышло не такъ. Конечно, были и есть праведники, но все же грѣшниковъ больше, чѣмъ праведниковъ. Что же? Не подвергнутся ли и нынѣшніе грѣшники гнѣву и осужденію Божію? Съ прискорбіемъ нужно сказать: да, Богъ всегда и ко всѣмъ правосуденъ. Нынѣшнихъ грѣшниковъ ожидаетъ еще болѣе тяжкое и болѣе страшное наказаніе. Имъ предопредѣленъ другой, уже не водный, а огненный потопъ, въ которомъ они вѣчно будутъ горѣть и никогда не сгорятъ. Что точно будетъ эта страшная казнь грѣшникамъ, и такъ же внезапно постигнетъ ихъ, какъ и прародителей нашихъ, послушайте объ этомъ Самого Христа Господа, Который говоритъ: *какъ было во дни Ноя, такъ будетъ и въ пришествіе Сына человѣческаго. Ибо какъ во дни передъ потопомъ ѣли, пили, женились и выходили замужъ до того дня, какъ* *вошелъ Ной въ ковчегъ, и не думали, пока не пришелъ потопъ, и не истребилъ всѣхъ: такъ будетъ и пришествіе Сына человѣческаго* (Мѳ. XXIV. 37. 38. 39). *Пошлетъ Сынъ человѣческій ангеловъ Своихъ, и соберутъ изъ царства Его всѣ соблазны и дѣлающихъ беззаконіе; и ввергнутъ ихъ въ печь огненную; тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ* (Мѳ. XIII, 41. 42). О, какой же неоцѣненный даръ Божій—покаяніе! Стоитъ только обратиться къ Богу, исповѣдать предъ Нимъ грѣхи, испросить у Него помилованіе и прощеніе,—и мы помилованы, спасены. Поучительный примѣръ такого помилованія представляетъ исторія св. пророка Іоны.

Св. пророкъ Іона посланъ былъ отъ Бога проповѣдывать покаяніе язычникамъ—ассиріянамъ и возвѣстить за беззаконія ихъ разрушеніе столицы ихъ—Ниневіи. Зналъ пророкъ, что Господь многомилостивъ, что, если ниневитяне станутъ каяться, Онъ сжалится надъ ними и не исполнитъ угрозы Своей; зналъ это пророкъ и побоялся, чтобы его пророчество не осталось неисполненнымъ; поэтому, вмѣсто того, чтобы итти, по повелѣнію Божію, въ Ниневію, Іона садится на корабль и плыветъ въ Ѳарсисъ, избѣгая возложенной на него отъ Бога проповѣди. Но можетъ ли человѣкъ убѣжать отъ лица Божія и измѣнить Его святую волю? Лишь только корабль, на которомъ сидѣлъ пророкъ Іона, отплылъ въ море, поднялась страшная буря, которая грозила потопленіемъ кораблю. Находившіеся на кораблѣ, видя неминуемую смерть, стали на молитву, каждый по своей вѣрѣ, и бросили жребій, кто изъ нихъ особенно прогнѣвалъ Бога. Жребій палъ на пророка Іону; Іону бросили въ море, и волненіе утихло. Но пророкъ не погибъ. Господь Богъ повелѣлъ огромному морскому звѣрю, киту, поглотить Іону, сохранивъ его и во чревѣ китовомъ живымъ и невредимымъ. Здѣсь-то пророкъ обратился съ покаяннымъ воплемъ къ Богу, и Господь услышалъ молитву его: черезъ три дня Богъ повелѣлъ киту выбросить Іону на землю и снова послалъ пророка возвѣщать паденіе Ниневіи. И всталъ Іона, и пошелъ въ Ниневію по слову Господню; сталъ проповѣдывать, говоря: „еще сорокъ дней, и Ниневія будетъ разрушена“. И повѣрили ниневитяне Богу, и наложили на себя постъ, и одѣлись во вретища. Слово прор. Іоны дошло до царя Ниневіи, и онъ всталъ съ престола своего, и снялъ съ себя царское облаченіе свое, и одѣлся во вретище, и сѣлъ на пеплѣ. И приказалъ по всему царству: „чтобы ни люди, ни скотъ ничего не ѣли и воды не пили; и чтобы покрыты были вретищемъ люди и скотъ, и крѣпко вопіяли къ Богу; и чтобы каждый обратился отъ злого пути своего и отъ насилія рукъ своихъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, еще Богъ умилосердится и отвратитъ отъ насъ гнѣвъ Свой, и мы не погибнемъ“. Дѣйствительно, раскаяніе и молитва ниневитянъ не остались тщетными. Богъ, по милосердію Своему, пощадилъ ихъ, и городъ ихъ остался цѣлъ.—Но это сильно огорчило Іону пророка: онъ вышелъ изъ города и, сдѣлавши себѣ кущу (палатку), сѣлъ подъ нею, чтобы видѣть, что будетъ съ городомъ. И вотъ, по повелѣнію Божію, надъ головою пророка выросло большое дерево, которое защищало его отъ солнечнаго зноя; Іона весьма обрадовался этому растенію. Но на другой день червь подточилъ растеніе, и оно засохло. Когда же взошло солнце, навелъ Богъ знойный вѣтеръ, и солнце стало палить голову Іоны, такъ что онъ изнемогъ, и просилъ себѣ смерти, говоря: „лучше мнѣ умереть, нежели жить“. И сказалъ Богъ пророку Іонѣ: „ты сожалѣешь о растеніи, надъ которымъ ты не трудился и котораго ты не растилъ, которое въ одну ночь выросло и въ одну же ночь пропало. Мнѣ ли не пожалѣть Ниневіи, города великаго, въ которомъ болѣе ста двадцати тысячъ младенцевъ, не умѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой, и множество скота“. Такъ милосердный Господь вразумилъ пророка и пощадилъ ниневитянъ. (См. „Воскр. лист“. №№ 260 и 261, прилож. къ журн. „Воскр. день“).

3. Ожившіе для покаянія на малое время мертвецы.

(Изъ дневника сельскаго священника).

I. Если бы все дивное, Промысломъ Божіимъ явно для насъ грѣшныхъ содѣваемое, постоянно случающееся въ нашей пастырской практикѣ, записывать, то можно бы покрыть этими записями всю вселенную, и какъ бы, думаю, это было не лишне, особенно въ нынѣшнія времена, когда безвѣріе, или невѣріе, такъ усиливается, влача за собою и многоразличныя бѣдствія людей въ настоящей жизни, а съ переходомъ изъ нея въ жизнь вѣчную награждая еще большими скорбями — вѣчнымъ плачемъ и тоскою безутѣшною...

Такія мысли занимаютъ меня по случаю нижеслѣдующаго разсказа примѣрнаго старца, духовника нашего округа, отца Іакова К. Н. — Прочитавъ въ данныхъ мною брошюркахъ нѣсколько случаевъ благодатныхъ исцѣленій недугующихъ, отецъ духовный съ особеннымъ воодушевленіемъ, полнымъ глубокаго благоговѣнія къ дивному Промыслу Божію о грѣшникахъ, разсказалъ слѣдующее:

— „Да,—говорилъ онъ:—дѣйствительно, много такихъ дивныхъ случаевъ встрѣчается въ жизни человѣческой, особенно въ нашей практикѣ пастырской. Я, по милости Божіей, священствую вотъ уже болѣе 37-ми лѣтъ, и сколько въ это время видѣлъ собственными глазами дивнаго на свѣтѣ Божіемъ — даже только въ своемъ приходѣ... Но что дивнѣе всего было, такъ это то, что на моихъ глазахъ вдругъ ожилъ одинъ малютка, умершій, и скоро потомъ опять умеръ. Это было лѣтъ 25 тому назадъ. Разъ пріѣзжаетъ ко мнѣ раскольникъ, хорошо извѣстный мнѣ, мой прихожанинъ, и проситъ пожаловать къ нему поскорѣе „съ причастіемъ“: мальчикъ лѣтъ 11—12, сынъ его, очень-де, очень плохъ: не умеръ бы...

— А давно ли онъ болѣетъ? — спрашиваю я.

— Да ужъ давненько, — отвѣчаетъ раскольникъ.

Чувствуя что-то неладное, я безъ дальнѣйшихъ разспросовъ спѣшу къ умирающему въ домѣ раскольника, занятый мыслью: едва ли не къ мертвому ужъ требуютъ меня; но какъ бы хорошо было, еслибы Господь привелъ застать живымъ малютку и причастить его, дабы спасти несчастнаго отъ горькой участи нераскаянныхъ, чего отецъ его, раскольникъ, и понимать не хочетъ. Пріѣзжаю... И что же вы думали?! Предчувствіе мое не обмануло меня: бѣдный малютка лежитъ подъ образами и уже безъ малѣйшихъ признаковъ жизни — мертвый! Не повѣрите, какъ мнѣ сдѣлалось душевно жаль его и какъ досадно было на жестокаго отца, душеубійцу дѣтища своего... Замѣтно было — онъ и поѣхалъ-то ко мнѣ отъ мертваго тѣла. Очень жаль, говорю, было мнѣ бѣднаго малютки: ибо онъ, хотя крещенъ и муропомазанъ въ церкви Христовой, но ни разу не пріобщался Пречистыхъ и Животворящихъ Таинъ Христовыхъ. Отъ души жалѣя несчастное дѣтище и съ болью въ сердцѣ разсматривая его, я положительно убѣждаюсь, что уже онъ не мірѣ семъ, и высшее блаженство общенія со Христомъ для него уже потеряно безвозвратно. Закоснѣлый отецъ упорно молчитъ на мои пастырскіе упреки и какъ бы тайно торжествуетъ, имѣя въ виду, конечно, уговорить меня похоронить дѣтище его „безо всякихъ хлопотъ“, такъ какъ-де онъ хворалъ давно и умеръ своею смертью... вѣдь и причастить-то-де хотѣли, да только жалко, вотъ, чуточку не поспѣли... Что же подѣлаешь? Такъ уже видно быть грѣху!“ Конечно, дѣлать мнѣ было нечего: пожалѣвъ, поохавъ о несчастной смерти малютки, стоя при одрѣ его не малое время (около получаса, а, быть-можетъ, и болѣе), съ глубокою болью сердечною и мысленно прося милосердаго Бога пощадить несчастнаго въ день страшнаго Своего пришествія, я благословляю его и направляюсь вонъ изъ дома погибельнаго... Но какое же чудо вдругъ?! Господи, Боже мой! Дивны дѣла Твоя... Малютка вдругъ встрепенулся, открылъ глаза и уставилъ на меня. Я былъ крайне пораженъ явнымъ чудомъ; однако не растерялся, но, неизъяснимо радуясь, тотчасъ же говорю ожившему: „причастись, голубчикъ мой...“ Малютка пристально смотритъ и слушаетъ... „Желаешь ли причаститься, другъ, я нарочно вотъ пріѣхалъ къ тебѣ и принесъ Христово причастье“, снова говорю я... „Желаю — хочу“, — громко воскликнулъ мальчикъ и, увидя маленькую дѣвочку, сестру свою, бывшую тутъ же на рукахъ у нянюшки, заплакалъ и закричалъ: „милая моя, дорогая ты моя, прости меня, прости...“ Съ особеннымъ благоговѣніемъ и благодареніемъ къ неизреченному о насъ Промыслу Божію, мальчикъ былъ исповѣданъ мною и пріобщенъ Пречистыхъ Таинъ Христовыхъ... Слава Богу! но еще болѣе поразило меня, что явное чудо нисколько не тронуло загрубѣлое сердце отца-раскольника: онъ даже какъ будто былъ и не радъ, что сынъ его ожилъ для того только, чтобы причаститься и потомъ снова умереть...“

— Какъ - „снова умереть?!“ — съ изумленіемъ прерываю я чудный разсказъ многочтимаго батюшки.

— „Да, умереть: малютка ожилъ и опять вскорѣ умеръ“, — продолжалъ отецъ духовный. „Вотъ это-то и чудо, въ которое я, какъ очевидецъ, вполнѣ вѣрю, и которое должно убѣдить всякаго; потому что если бы вторично не умеръ мальчикъ, то можно бы подумать, что онъ замеръ въ припадкѣ и, по миновавіи онаго, выздоровѣлъ. Но онъ, дѣйствительно, умеръ и только непостижимымъ смотрѣніемъ Божіимъ ожилъ для того только, чтобы принять Тайны Христовы. Принялъ ихъ и въ тотъ же день, вскорѣ послѣ напутствія, опять умеръ съ радостною улыбкою, оставивъ безсердечнаго отца доживать свой вѣкъ по его суемудрію...“

II. При вышеозначенномъ разсказѣ отца духовнаго, невольно вспомнилъ я подобный же разсказъ своей матушки родимой, который не могу не присовокупить здѣсь. Въ ея годы молодые, на ея родинѣ, умираетъ въ дому ихъ ея тетушка, женщина пожилыхъ лѣтъ. Она уложена уже была въ гробъ и на другой день по смерти назначена къ выносу въ церковь и затѣмъ къ погребенію. Топилась печка на утро дня, назначеннаго къ погребенію умершей, и матушка моя принимала участіе въ обычной стряпнѣ для поминокъ... „Только вдругъ смотримъ“, говорила матушка, „умершая раскинула сложенныя на груди руки, открыла глаза и, приподнимая голову, какъ бы усиливается приподняться, но не можетъ. Это всѣхъ насъ такъ поразило, что у стряпухи бывшій въ рукахъ сковородникъ выпалъ изъ рукъ, и мы — ни живы ни мертвы — страсть какъ испугались!..“

— „Подойдите, родимые!“ — вдругъ слабымъ голосомъ заговорила ожившая: „не бойтесь, вѣдь я живая! Подойдите ко мнѣ“. Что дѣлать? Всѣ на цыпочкахъ подошли ко гробу, а ожившая ужъ и руки подняла и снова проситъ поднять ее и пособить вылѣзти изъ гроба. Ужъ и не помню, какъ мы осмѣлились и высадили ее изъ гроба. Она тотчасъ же велѣла позвать священника: „забыла грѣхъ, говоритъ, родимые, поскорѣе позовите батюшку — покаяться нужно“. Поосмѣлившись, не утерпѣли мы, чтобы не спросить воскресшую: каково на томъ свѣтѣ; что она тамъ видѣла, и т. п.?

— „Горе грѣшникамъ, родимые мои!“ говорила намъ тетушка... „Батюшки мои, горе! живите—Бога бойтесь и другъ друга не обижайте, да усерднѣе молитесь и во всѣхъ грѣхахъ кайтесь — не забывайте: горе грѣшникамъ — бѣда страшная!..“ Болѣе она ничего намъ не сказала, и такой страхъ навела на всѣхъ, что мы и разспрашивать ее болѣе ужъ боялись. Священникъ приходилъ къ ней и снова причастилъ ее... что-то потолковали. — Послѣ него она сказала только: „простите меня всѣ, мои родимые, Христа ради“, и тутъ же Богу отдала душу свою. — Поминокъ нашъ въ этотъ день нарушился — не до того ужъ всѣмъ было... Такой страхъ напалъ на всѣхъ! Не помнимъ, какъ и время коротали. Похоронили ее ужъ на 3-й день послѣ сего...

И дивно и страшно воспроизводить въ памяти такія, потрясающія душу, событія! (См. Аѳонск. лист. № 54).

4. Блаженные осужденники.

(Разсказъ преподобнаго Іоанна Лѣствичника).

Стекитесь всѣ, прогнѣвавшіе Господа, и приступите; пріидите и услышьте, что я повѣдаю вамъ; соберитесь и увидите, что Господь показалъ мнѣ, въ назиданіе души моей. Слышалъ я, немощный, о чудномъ смиреніи осужденниковъ, заключенныхъ въ особенной обители, называемой *Темницею*, и пришедши въ сію обитель кающихся, въ сію поистинѣ страну плачущихъ, увидѣлъ я, что одни изъ сихъ неповинныхъ осужденниковъ всю ночь, до самаго утра, стояли на открытомъ воздухѣ, не передвигая ногъ, и не давали себѣ нимало покоя, а укоряли сами себя, и безчестіями, и поношеніями возбуждали себя. Другіе умиленно взирали на небо, и съ рыданіемъ и воплемъ призывали оттуда помощь. Иные стояли на молитвѣ, связавши себѣ руки назади, какъ преступники; печальныя лица ихъ были преклонены къ землѣ; они считали себя недостойными взирать на небо, отъ недостоинства помысловъ и отъ угрызенія совѣсти не знали, что сказать и какъ проговорить, какія молитвы вознести къ Богу. Другіе сидѣли на землѣ во вретищѣ и пеплѣ, лицо скрывали между колѣнами и челомъ ударяли о землю. Иные непрестанно били себя въ грудь. Иные омочали землю слезами; а другіе рыдали о душахъ своихъ, какъ о мертвецахъ. Нѣкоторые отъ сильной печали были безгласны. Другіе сидѣли въ задумчивости, поникши къ землѣ, и стенали изъ глубины сердца. Я видѣлъ тамъ души столь уничиженныя, сокрушенныя, что онѣ могли бы и самые камни привести въ умиленіе своими словами и воплями къ Богу. „Знаемъ“, говорили они, поникши къ землѣ: „знаемъ, что мы по правдѣ достойны всякаго мученія и томленія, ибо не можемъ уплатить множества долговъ нашихъ, хотя бы мы и всю вселенную созвали плакать за насъ... Но о томъ только просимъ, о томъ умоляемъ, и той милости ищемъ, *да не яростію Твоею обличиши* насъ, Господи, *ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши* насъ (Пс. VI, 2), ни праведнымъ судомъ Твоимъ мучиши насъ, но съ пощадѣніемъ. Для насъ довольно, Господи, освободиться отъ страшнаго прещенія Твоего и мукъ безвѣстныхъ и тайныхъ; совершеннаго же прощенія мы не смѣемъ просить“. — Иные томили себя зноемъ; иные мучили себя холодомъ. Нѣкоторые, вкусивши немного воды, переставали пить, только чтобы не умереть отъ жажды. Другіе, вкусивъ немного хлѣба, далеко отвергали его отъ себя рукою, говоря, что они недостойны человѣческой пищи, потому что дѣлали свойственное скотамъ. Иные же, ударяя себя въ грудь, какъ бы стоя предъ вратами небесными, говорили Богу: „отверзи намъ, о Судія, отверзи намъ! мы затворили для себя грѣхами двери сіи; отверзи намъ!“ Всѣ они непрестанно имѣли предъ очами смерть и говорили: „что будетъ съ нами? Какой приговоръ о насъ послѣдуетъ? Каковъ будетъ конецъ намъ? Сдѣлаемъ, что зависитъ отъ нашего произволенія; и если Онъ отверзетъ двери царства небеснаго, то хорошо и благо; а если нѣтъ, то и тогда благословенъ Господь Богъ, праведно затворившій ихъ для насъ!.. Однако, будемъ стучаться до конца жизни нашей; можетъ-быть, по многой нашей неотступности, Онъ и отверзетъ намъ“. Такъ и дѣлали эти блаженные осужденники. У нихъ видимы были колѣна, оцѣпенѣвшія отъ множества поклоновъ; глаза, померкшіе и много впадшіе; ланиты, уязвленныя и опаленныя горячестью многихъ слезъ; лица, увядшія и блѣдныя, ничѣмъ не отличавшіяся отъ мертвыхъ. Что, въ сравненіи съ ними, злостраданія бѣснующихся, или плачущихъ надъ мертвецами, или осужденныхъ за убійства? И молю васъ, братія, не подумайте, что повѣствуемое мною — басни.— Часто они умоляли пастыря своего наложить желѣза и оковы на руки и на шеи ихъ, а ноги ихъ, какъ ноги преступниковъ, заключить въ колоды и не освобождать отъ нихъ, пока не пріиметъ ихъ гробъ. Но иногда они сами себя лишали и гроба. Видѣвшій себя при концѣ жизни, умолялъ и заклиналъ великаго авву, чтобы онъ не сподоблялъ его человѣческаго погребенія, но, какъ скота, повелѣлъ бы предать тѣло его рѣчнымъ струямъ, или выбросить въ поле на съѣденіе звѣрямъ. — А какое страшное и умилительное зрѣлище было при послѣднемъ ихъ часѣ! Осужденники сіи, видя, что кто-нибудь изъ нихъ приближался къ кончинѣ, окружали его, когда онъ еще былъ въ полной памяти, и съ плачемъ спрашивали умирающаго: „что, братъ и осужденникъ? Каково тебѣ? Что скажешь намъ? Чего ты надѣешься? Что думаешь? Отверзъ ли ты себѣ дверь милосердія, или еще повиненъ суду? Былъ ли внутри тебя гласъ, глаголющій: *се здравъ еси* (Іоан. V, 14), или: *отпущаются тебѣ грѣси твои* (Матѳ. IX, 2); или: *вѣра спасе тя?* (Матѳ. V, 34). Или слышишь такой гласъ: *да возвратятся грѣшницы во адъ* (Пс. IX, 18); еще: *свяжите ему руцѣ и нозѣ* (Матѳ. XXII, 13); еще: *да возмется нечестивый, да не видитъ славы Господней?* (Исаіи XXVI, 10). Что скажешь намъ, братъ нашъ? скажи намъ кратко, умоляемъ тебя, чтобы и мы узнали, въ какомъ будемъ состояніи“. На это нѣкоторые изъ умирающихъ отвѣчали: „*благословенъ Господь, Иже не остави молитву мою и милость Свою отъ мене* (Пс. LXV, 20)“. Другіе говорили: „*благословенъ Господь, Иже не даде насъ въ ловитву зубомъ ихъ* (Пс. CXXII, 5)“. А иные съ болѣзнью произносили: „горе душѣ, несохранившей обѣта своего въ непорочности; въ сей только часъ она познаетъ, что ей уготовано“. — Я же, видя и слыша у нихъ все это, едва не пришелъ въ отчаяніе, зная свое нерадѣніе и сравнивая его съ ихъ злостраданіемъ. И каково еще было устройство того мѣста и жилища ихъ! Все темно, все нечисто и смрадно. Оно справедливо называлось *Темницею* и затворомъ осужденныхъ. Пробывши тамъ тридцать дней, я, нетерпѣливый, возвратился въ общежитіе, къ великому отцу, который, видя, что я весь измѣнился, сказалъ: „что, отче Іоанне, видѣлъ ли ты подвиги труждающихся?“ Я отвѣчалъ: „видѣлъ, отче, удивился и ублажилъ падшихъ и плачущихъ паче непадшихъ и неплачущихъ о себѣ; потому что тѣ чрезъ паденіе возстали возстаніемъ благонадежнымъ“.

5. Сила покаянія.

Нѣтъ грѣха, котораго бы истинно кающійся грѣшникъ не могъ загладить покаяніемъ. Сколько мы знаемъ грѣшниковъ, чрезъ покаяніе получившихъ прощеніе и помилованіе! Покаяніемъ мытарь оправдался паче фарисея; за покаяніе помилована грѣшница, омывшая слезами ноги Спасителя; покаяніемъ разбойнику отверсты райскія двери; покаяніемъ и горькими слезами апостолъ Петръ, троекратно отрекшійся отъ Господа, снова возведенъ въ званіе апостольское; покаяніемъ многіе величайшіе грѣшники востекли на путь добродѣтелей и получили вѣчное блаженство. Такъ, св. преподобномученица Евдокія была сначала явною блудницею, но, раскаявшись, получила даръ чудотворенія и сподобилась пріять вѣнецъ мученическій. Такъ, преподобная Марія египетская 17 лѣтъ провела въ жизни, полной грѣховныхъ, порочныхъ удовольствій, но, покаявшись, обрѣла у Господа такую благодать, что переходила рѣку Іорданъ, какъ по суху. Такъ, Іаковъ-пустынникъ, совершившій грѣхъ противъ седьмой заповѣди съ одною дѣвицею и потомъ убившій ее, совершенно загладилъ эти тяжкіе смертные грѣхи свои и снова получилъ даръ чудотворенія. Поистинѣ, велика и непостижима сила покаянія!

Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „покаяніе всякіе грѣхи, какіе бы они ни были, очищаетъ. Покаяніе есть врачевство грѣховъ, потребленіе беззаконій, оружіе на діавола, мечъ, главу онаго отъемляй, упованіе спасенія, истребленіе отчаянія. Кто по согрѣшеніи кается, тотъ недостоинъ есть плача, но его блаженнаго вмѣнять должно“ (см. „Творенія св. Тихона, епископа задонскаго“, т. I, стр. 146).

6. Напоминаніе изъ духовнаго міра о покаяніи.

Одна изъ духовныхъ дочерей моихъ, сообщаетъ о. протоіерей П. Полидоровъ, разсказала мнѣ свой сонъ, довольно замѣчательный, имѣвшій на нравственную жизнь ея весьма благотворное вліяніе. Представилось ей, что она видитъ женщину, одѣтую съ ногъ до головы въ бѣлое одѣяніе. „Кто это?“ спросила означенная духовная дочь моя стоявшаго здѣсь же нѣкоего мужа, котораго почла она за святого. „Это твоя смерть“! — отвѣчалъ онъ.

— „Какъ, неужели я должна теперь же умереть?“ — „Да“, отвѣчалъ онъ. — „Но я еще къ смерти не готова“, говоритъ въ страхѣ видѣвшая сонъ. — „Обратись съ усердною молитвою ко Владычицѣ“, сказалъ ей тотъ мужъ, „и проси, чтобы Она умолила за тебя Господа, дабы ты не отошла изъ сей жизни, подобно многимъ другимъ, безъ христіанскаго напутствованія“! При этомъ имѣвшая видѣніе узрѣла на стѣнѣ икону Матери Божіей, къ которой она имѣла особенную вѣру. Тотчасъ повергшись предъ этою св. иконою, она со слезами просила Заступницу рода человѣческаго не попустить ей умереть преждевременно и безъ покаянія. Но, къ ужасу своему, она узрѣла на иконѣ, что ликъ Матери Божіей отвратился отъ нея. Послѣ сего она съ великимъ страхомъ и трепетомъ стала сильнѣе умолять Владычицу и такъ сильно и много рыдала, какъ никогда не рыдала въ жизни своей. Тогда упомянутый святолѣпный мужъ снова приступилъ къ ней и повторилъ прежде сказанныя слова: „ступай! приготовляйся къ смерти, да не отойдешь изъ временной жизни, подобно многимъ другимъ, безъ напутствованія“! — И она проснулась.

Теперь эта женщина съ христіанскимъ напутствіемъ переселилась въ вѣчность, проживши лѣтъ 10 послѣ бывшаго ей видѣнія. („Странникъ“, 1873 г.).

НЕДѢЛЯ ПО ПРОСВѢЩЕНІИ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 8-е, гл. IV, 12—17 ст.

1. Евангельское чтеніе въ недѣлю по Просвѣщеніи.

Отверженный назаретянами, Іисусъ Христосъ пришелъ и поселился въ Капернаумѣ приморскомъ, въ предѣлахъ Завулоновыхъ и Нефѳалимовыхъ, да сбудется реченное чрезъ пророка Исаію, который говоритъ: земля Завулонова и земля Нефѳалимова, на пути приморскомъ, за Іорданомъ, Галилея языческая, народъ, сидящій во тьмѣ, увидѣлъ свѣтъ великій, и сидящимъ въ странѣ и тѣни смертной возсіялъ свѣтъ. Съ того времени Іисусъ началъ проповѣдывать и говорить: покайтеся, ибо приблизилось царство небесное (ев. Матѳея, IV, 13—17; Исаіи IX, 1—2).

Съ этого времени Капернаумъ сталъ для Него своимъ городомъ (ев. Матѳея, IX, 1), гдѣ Онъ, еще передъ первою Пасхою, оставилъ Пречистую Свою Матерь и куда переселились также и братья Его, дѣти Іосифовы, которые не могли не чувствовать тяготѣвшей надъ Нимъ общей ненависти назаретянъ, отразившейся, конечно, и на ихъ жизни. Но ихъ домъ не былъ Его домомъ, котораго, въ собственномъ смыслѣ этого слова, у Него совсѣмъ не было. Для временнаго пристанища Онъ избралъ домъ одного изъ старѣйшихъ апостоловъ („Жизнь Іисуса Христа“. Ф. В. Фаррара, перев. Матвѣева. М. 1887 г. Ч. I, стр. 123).

2. Гласы, призывающіе насъ ко спасенію.

Было время, когда Самъ Христосъ, ходя по землѣ іудейской, призывалъ людей къ спасенію. Но не забудемъ, что Господь *вчера и днесь той же и во вѣки;* не забудемъ, что Онъ и теперь, какъ и прежде, непрестанно взываетъ къ намъ: *покайтеся.*

Господь зоветъ насъ къ Себѣ чрезъ насъ самихъ. Не вѣсте ли, говоритъ апостолъ, *яко храмъ Божій есте вы и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. III, 16). Итакъ, мы—храмъ Божій, и Духъ Божій живетъ въ насъ: нужно ли послѣ этого доказывать, что Господь насъ зоветъ къ Себѣ чрезъ насъ самихъ? *Мы Имъ живемъ, движемся и существуемъ* (Дѣян. XVII, 28), пріемля отъ Него *вся божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (1 Петр. I, 3): что же послѣ этого значатъ всѣ наши свѣтлыя мысли, добрыя чувствованія, какъ не благія вѣщанія въ насъ Духа Божія?.. А эта неземная радость, которою играетъ сердце наше послѣ каждаго добраго дѣла, эти упреки совѣсти, такъ сильно терзающіе насъ за наши грѣхи, эти вздохи, вырывающіеся по временамъ изъ нашей груди, или слезы умиленія, появляющіяся иногда на нашихъ глазахъ, что это такое, какъ не крѣпкій гласъ Того, Кто говоритъ о Себѣ: *се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему и вечеряю съ нимъ и той со Мною* (Апок. III, 20)?—Св. Варваръ былъ прежде страшный разбойникъ: триста душъ пали подъ убійственнымъ ножемъ его, въ томъ числѣ и два священника!.. Кто бы могъ подумать, что такой человѣкъ, закаленный въ убійствахъ, могъ когда-нибудь одуматься? Но силенъ грѣхъ, а благодать Божія въ насъ еще сильнѣе. Не слышалъ Варваръ въ себѣ гласа Божія среди убійствъ и шумныхъ бесѣдъ съ товарищами: но когда онъ остался одинъ въ вертепѣ, когда вошелъ глубже въ самого себя, тогда внутри его, въ упрекахъ совѣсти, такъ громко и сильно раздался обличительный гласъ Божій, что Варваръ вдругъ совсѣмъ перемѣнился. Подобны Варвару были и Давидъ преподобный и Моисей Муринъ, и тотъ же гласъ Божій изъ исчадій тьмы превратилъ ихъ въ чадъ свѣта (Чет.-Мин. мая 6, сент. 6 и август. 28). Слышится и въ насъ этотъ гласъ Божій; но бѣда наша та, что онъ остается иногда въ насъ безъ всякаго дѣйствія, подобно тому, какъ и въ храмахъ часто раздаются глаголы Божіи, но раздаются иногда мимо нашего сердца, или даже и мимо нашего слуха. Взывалъ нѣкогда Господь къ падшему Адаму: Адаме, гдѣ еси? Адамъ слышалъ гласъ Божій; но вмѣсто того, чтобы отозваться на него съ сокрушеніемъ сердца, съ сознаніемъ своей виновности, онъ думалъ скрыться отъ Вездѣсущаго между райскими деревьями... Не то же ли бываетъ и съ нами? Раздается иногда и въ нашей душѣ: Адаме, гдѣ еси? Грѣшникъ, гдѣ ты? Еще шагъ, и ты въ пропасти, одумайся, остановись... А мы, вмѣсто того, чтобы одуматься и остановиться, бѣжимъ отъ преслѣдованія совѣсти и думаемъ заглушить спасительный голосъ ея шумомъ мірскихъ забавъ и удовольствій. И гласъ Божій въ насъ остается безплоденъ.

Господь зоветъ насъ къ Себѣ чрезъ обстоятельства нашей жизни. Жизнь наша есть училище, гдѣ Господь дѣйствуетъ на насъ подобно тому, какъ мудрый наставникъ дѣйствуетъ на своихъ питомцевъ. Для преуспѣянія питомцевъ въ наукѣ и нравственности, наставникъ то награждаетъ ихъ, то наказываетъ, то сближаетъ ихъ съ такими лицами, которыя бы могли имѣть на нихъ благотворное вліяніе. Подобное бываетъ и съ нами. Господь изливаетъ на насъ Свои милости: даетъ богатство, облекаетъ силою, вѣнчаетъ честію и славою не для того ли, чтобъ мы чаще обращались къ Нему съ благодарною молитвою, чтобы своими избытками дѣлились съ меньшею братіею Его, своею силою защищали невинныхъ, своею властію отирали слезы несчастныхъ? А все это не есть ли зовъ Его къ намъ: гряди ко Мнѣ! *Рабе благій и вѣрный! О малѣ буди Ми вѣренъ; надъ многими тя поставлю; вниди въ радость Господа твоего* (Матѳ. XXV, 23). О, если бы мы были внимательнѣе ко всѣмъ обстоятельствамъ нашей жизни: какъ часто мы слышали бы здѣсь гласъ Господа къ намъ: покайся!

А обращали ли вы должное вниманіе на тѣ лица, съ которыми Господь сближаетъ насъ? Дѣти! У васъ есть родители, давшіе вамъ жизнь и воспитаніе. Родители! У васъ есть дѣти, готовящіе вамъ покой и утѣшеніе въ старости. Супругъ!

У тебя есть супруга, которая дѣлитъ съ тобою и радость и горе. Друзья! У васъ есть близкіе, которые подаютъ вамъ добрые совѣты, заботятся о вашемъ счастіи и услаждаютъ ваши горести...

Скажите сами, не есть ли это немолчные вѣстники, громко проповѣдующіе, что Самъ Господь силою любви привитаетъ въ нѣдрахъ вашего семейства, что Онъ послалъ вамъ такихъ людей, за которыхъ вы вѣчно должны благодарить и прославлять Его? Не суть ли это земные ангелы—хранители ваши, чрезъ которыхъ Самъ Господь хранитъ и поддерживаетъ васъ на скользкомъ пути жизни?.. Преподобный Нифонтъ въ цвѣтѣ лѣтъ сначала удивлялъ всѣхъ быстрыми успѣхами въ наукахъ и нравственности, но послѣ, мало-по-малу, такъ привыкъ къ распутной жизни, что его и узнать было нельзя: праздность, пьянство, воровство, убійство, распутство было любимымъ занятіемъ юноши; его упрекали, ему угрожали, но онъ былъ безчувственнѣе камня. Но милосердъ Господь! Встрѣчается, однажды, съ Нифонтомъ прежній добрый другъ его, Никодимъ, и, взглянувъ на лицо его, обезображенное развратомъ, съ изумленіемъ говоритъ: „другъ мой! не узнаю тебя: лицо твое ужасно!“ Немного словъ, но они такъ сильно подѣйствовали на юношу, что онъ вдругъ перемѣнился и столько угодилъ Богу святостью своей жизни, что удостоился отъ Него многихъ откровеній (Чет.-Мин. 23 дек). Подобнымъ образомъ Господь воззвалъ къ Себѣ св. мученика Іустина и преподобномученицу Евдокію (Чет.-Мин. 1 іюня и 1 марта). Такъ зоветъ Онъ къ Себѣ и каждаго изъ насъ, посылая къ намъ добрыхъ людей и руководителей...

Господь зоветъ насъ къ Себѣ чрезъ природу, насъ окружающую. Самъ Онъ, во время земной жизни Своей, не разъ указывалъ на природу, какъ на такую книгу, въ которой много для насъ полезныхъ уроковъ, и надобно только смотрѣть на нее въ духѣ благочестія, и тутъ откроется для насъ цѣлое училище благочестія. Вотъ безпредѣльное небо съ его солнцемъ и безчисленными свѣтилами! Смотри, душа моя, и поучайся... Свѣтло солнце, такъ свѣтло, что мы и смотрѣть на него не можемъ прямо: а очи Божіи несравненно свѣтлѣе солнца. Стыдно намъ при свѣтѣ солнца творить дѣла темныя: о, какъ же стыдно должно быть для насъ и помыслить что худое въ очахъ Божіихъ!.. Сколько мы ни грѣшимъ, однако жъ, подъ солнцемъ, а оно не перестаетъ освѣщать насъ и согрѣвать: научи насъ, солнце, благодѣтельствовать людямъ, сколько бы они противъ насъ ни грѣшили... Кто исчислитъ звѣзды небесныя? Кто исчислитъ и обители Отца небеснаго? Для насъ онѣ назначены; тамъ наша пристань, тамъ наша родина; но, Боже мой, какъ мало мы думаемъ о нихъ, и какъ много заботимся о землѣ, какъ будто здѣсь вѣчное наше жилище?.. Страшны для насъ громы и молніи, а кто изобразитъ тотъ ужасъ грѣшника, когда солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, когда звѣзды спадутъ съ неба, и силы небесныя поколеблются, когда при трубномъ гласѣ ангельскомъ пріидетъ Сынъ человѣческій во всей славѣ Своей и всѣ святые ангелы съ Нимъ (Матѳ. XXIV, 29, 31)!..

Поучительно для насъ небо, но и земля поучительна. Сколько въ ней тернія и волчцевъ! А откуда они? Въ раю ихъ не было: ихъ породили наши грѣхи. Итакъ, каждый тернъ и каждый волчецъ не напоминаетъ ли намъ о нашихъ грѣхахъ? И, исторгая плевелы изъ земли, не приходимъ ли мы къ мысли, что намъ нужно исторгать плевелы изъ сердца?.. Сколько земля терпитъ мученій подъ плугомъ земледѣльца! Но чѣмъ болѣе ее рѣжутъ, тѣмъ болѣе она становится годною: не крестъ ли, не бѣдствія ли и насъ дѣлаютъ годными для царствія Божія? Любо смотрѣть земледѣльцу на полные зеренъ колосья: о, какъ пріятно смотрѣть и Богу на людей добродѣтельныхъ! Полные колосья склоняютъ вершины свои книзу, а пустые смотрятъ вверхъ: не образъ ли это людей добродѣтельныхъ и порочныхъ?.. Тамъ зерна, здѣсь стебли; тамъ глубокое смиреніе, здѣсь непомѣрная гордость. Вотъ, подлѣ пшеницы и плевелы: на одной растутъ они почвѣ, одно солнце ихъ грѣетъ, одна роса и одинъ дождь питаютъ, но не одна ихъ будетъ участь; и въ мірѣ вмѣстѣ съ добрыми живутъ и злые, со святыми и грѣшные; для тѣхъ и другихъ одни условія жизни, но только до времени: придетъ пора, и первые собраны будутъ въ царство Божіе, какъ добрая пшеница въ житницы, а послѣдніе будутъ брошены въ огонь геенскій, какъ трава негодная...

Поучительна земля, поучительно и море. Не море ли и вся жизнь наша на землѣ? Сколько въ морѣ волнъ, сколько и въ мірѣ суеты! Волна волну катитъ волна волну преслѣдуетъ, а для чего это усиліе моря, для чего это напряженіе вѣтра? Для того только, чтобы волны неслись и разбивались о берегъ морской... Не тѣмъ ли кончаются и всѣ наши житейскія думы и заботы, что, наконецъ, разбиваются вдребезги о берегъ смерти. Бѣда пловцу безъ якоря: бѣда христіанину безъ вѣры... Но мы бы не окончили слова, если бы захотѣли въ духѣ благочестія обозрѣть подробно всѣ предметы природы. Сколько въ ней предметовъ, столько въ ней для насъ уроковъ. Вотъ почему одинъ св. отецъ говорилъ: „мнѣ и книгъ ненадобно: у меня есть одна большая книга, въ которой для меня написано все, что нужно; эта книга — природа“. (См. кн. „Минуты пастырск. досуга“, еп. Гермогена).

3. Разсказы о покаянномъ плачѣ и сердечномъ сокрушеніи о грѣхахъ.

I. Ученикъ св. ап. Петра, св. Климентъ, говоритъ, что св. Петръ каждую ночь, заслышавъ пѣніе пѣтуха, тотчасъ вспоминалъ свое отверженіе отъ Христа, вставалъ отъ ложа своего и повергался на землю, въ горькомъ плачѣ проливая многія слезы, и такъ дѣлалъ онъ въ продолженіе всей жизни своей. А церковный историкъ Никифоръ присовокупляетъ, что очи св. апостола отъ повседневнаго плача были всегда красны и какъ-бы кровавы. Вотъ каково было Петрово покаяніе! „А ты, надѣющійся въ одинъ часъ оплакать всѣ грѣхи свои, можешь-ли такъ горько плакать, какъ плакалъ Петръ?“ — спрашиваетъ святитель Димитрій Ростовскій. „Можешь-ли каждую ночь рыдать такъ, какъ рыдалъ онъ? Въ состояніи ли ты понести такіе труды и подвиги, какіе понесъ св. Петръ ради Господа своего за свое отверженіе, даже до распятія главою внизъ на крестѣ. Итакъ, не полагайся на свое малое нѣкое сокрушеніе сердечное, не уповай на слабый свой трудъ, на кратковременный подвигъ: покажи покаяніе предъ Господомъ, соотвѣтствующее твоимъ великимъ грѣхамъ, и даже больше ихъ, со многими слезами, и тогда, о грѣшниче, ожидай отъ Него милости!“

II. Есть сказаніе объ одномъ старцѣ, который, оставя міръ, удалился въ пустынныя мѣста, но не строилъ себѣ кельи, а переходилъ съ мѣста на мѣсто, какъ птица перелетная. Видалъ ли кто его вкушающимъ пищу, невѣдомо: но никто не видалъ его безъ слезъ, рыданій и стенаній. Если случалось, что онъ приближался къ какому городу или селенію, то не входилъ внутрь, но садился внѣ, на какомъ-либо камнѣ, и, преклонивъ голову къ персямъ, вопіялъ со слезами: „увы! о горе! о бѣда! что-то будетъ?“ Случалось, что жители того мѣста выходили къ нему и изъ состраданія брались утѣшать его, но это еще болѣе растравляло его горе и умножало плачъ и слезы. Предлагали ему и пищу, и одежду, и деньги,—ничто не утѣшало, ничто его не занимало, и были слезы ему хлѣбъ день и ночь. Иногда обращались къ нему съ рѣчью, говоря: „о чемъ плачешь ты, и какая бѣда постигла тебя? Скажи намъ; можетъ-быть, мы по силѣ нашей поможемъ тебѣ и облегчимъ горькую участь твою“. Но старецъ отъ этихъ словъ еще больше начиналъ плакать, закрывая лицо свое съ тѣмъ же воплемъ и не имѣя силъ произнести ни одного членораздѣльнаго слова. И только послѣ долгихъ докучаній, сквозь слезы произносилъ иногда: „не знаю, поможете ли вы мнѣ, но вотъ бѣда моя: господинъ мой ввѣрилъ мнѣ большое богатство, а я промоталъ его все на балы, театры, гулянья, на пиршества и роскошную, нечистую жизнь съ порочными женщинами теперь господинъ мой ищетъ меня и, нашедши, предастъ суду и позорной казни. И дѣлать не знаю что... что-то будетъ?“ И опять предавался плачу, рыданію и воплямъ. Понятно вамъ, о чемъ это онъ плакалъ? Онъ плакалъ о грѣхахъ и боялся суда Владыки всѣхъ — Бога!... Вотъ такъ восплачемъ, и, можетъ-быть, помилуетъ насъ Богъ! (Изъ „Пис. о христ. жизни“, еп. Ѳеофана, стр. 139).

III. Разсказываютъ о преп. Арсеніи великомъ, что онъ, во все время своего подвижничества, сидя за работой, имѣлъ на груди своей платокъ, потому что слезы постоянно струились изъ очей его. Авва Пименъ, когда услышалъ, что онъ почилъ, сказалъ, прослезившись: „блаженъ ты, авва Арсеній, что оплакалъ себя въ здѣшнемъ мірѣ! Ибо кто здѣсь не плачетъ о себѣ, тотъ будетъ вѣчно плакать тамъ“. („Достоп. сказанія о подв. св. и блаж. отц.“ 1846 г.).

4. Основное чувство нашего сердца — грусть.

(Изъ «Писемъ о христіан. жизни» еп. Ѳеофана).

Что значитъ, что послѣ самаго полнаго веселія душа погружается въ грусть, забывая о всѣхъ утѣхахъ, отъ которыхъ предъ тѣмъ не помнила себя? Не то ли, что изъ глубины существа нашего дается знать душѣ, какъ ничтожны всѣ эти увеселенія, сравнительно съ тѣмъ блаженствомъ, которое потеряно съ потерею рая? Мы готовы радоваться съ радующимися, но, какъ бы ни были разнообразны и велики предметы радостей человѣческихъ, они не оставляютъ въ нихъ глубокаго слѣда и скоро забываются. Но, если увидимъ мать, плачущую надъ умершимъ сыномъ, единственною своею опорою, или жену, рыдающую надъ могилою любимаго мужа,—скорбь глубоко прорѣзываетъ душу нашу, и слово и образъ сѣтующихъ неизгладимыми остаются въ памяти нашей. Не значитъ ли это, что скорбь ближе и сроднѣе намъ, нежели радость? Вы слушаете пѣніе или музыку; пріятно, конечно, отзываются въ душѣ и веселые тоны, но они скользятъ только на поверхности ея, не оставляя замѣтнаго въ ней слѣда, между тѣмъ какъ тоны грустные погружаютъ душу въ себя и надолго остаются ей памятными. Спросите путешественника, и онъ скажетъ вамъ, что изъ множества видѣннаго выдаются изъ-за другихъ у него въ головѣ преимущественно такіе предметы и мѣста, которые погружали его въ грустную задумчивость.

Этихъ примѣровъ достаточно, кажется, въ поясненіе той мысли, что основное чувство нашего сердца есть грусть. Это значитъ то, что природа наша плачетъ о потерянномъ раѣ, и какъ бы мы ни покушались заглушить плачъ этотъ, онъ слышится въ глубинѣ сердца, наперекоръ всѣмъ одуряющимъ веселостямъ, и внятно говоритъ человѣку: перестань веселиться въ самозабеніи; ты, падшій, много потерялъ: поищи лучше, нѣтъ ли гдѣ способа воротить потерянное?..

Одинъ язычникъ подслушалъ этотъ плачъ души человѣческой, и вотъ въ какое иносказаніе облекъ онъ свою о томъ мысль! Какой-то мудрецъ ходилъ въ уединенномъ мѣстѣ, погруженный въ размышленіе о судьбахъ человѣчества. Изъ этой задумчивости онъ выведенъ былъ вопросомъ: „ты, вѣрно, видѣлъ его? скажи, куда онъ пошелъ; я устремлюсь вслѣдъ его и, можетъ-быть, настигну его“.—Оборотившись, мудрецъ увидѣлъ дѣвицу. На ней была одежда царскихъ дочерей, но изношенная и изорванная. Лицо ея было мрачно и загорѣло, но черты его показывали бывшую нѣкогда высокую красоту. Осмотрѣвъ странницу, мудрецъ спросилъ ее: „что тебѣ нужно?“ Она опять повторила: „ты, вѣрно, знаешь его, скажи, гдѣ и какъ мнѣ найти его?“—„Но о чемъ это говоришь ты?“—сказалъ мудрецъ. „Ты развѣ не знаешь объ этомъ?—отвѣчала дѣва. А я думаю, что нѣтъ человѣка, который бы не зналъ о горѣ моемъ“. Мудрецъ съ участіемъ спросилъ ее: „скажи, въ чемъ твое горе, и, можетъ-быть, я придумаю, какъ пособить тебѣ“.—„Подумай и пособи, отвѣчала она.—Вотъ что я скажу тебѣ: Я была въ странѣ, исполненной радости. Мнѣ было тамъ хорошо, какъ хорошо! Готовился бракъ... Женихъ мой, не помню чертъ лица его, былъ неописанной красоты... Ужъ все почти я забыла... но помню, что все уже было готово къ браку... какъ вотъ кто-то пришелъ и говорилъ мнѣ такія сладкія рѣчи... Потомъ далъ мнѣ что-то выпить. Я выпила и тотчасъ впала въ безпамятство или заснула. Проснувшись,—ахъ, лучше бы мнѣ не просыпаться никогда!—проснувшись, я нашла себя на этой землѣ, мрачной и душной. Гдѣ дѣвалось то мое свѣтлое жилище? Гдѣ мой женихъ и его радостныя очи, я того не знала. На первыхъ порахъ я только бѣгала въ безпамятствѣ туда и сюда, рвала на себѣ волосы и била себя въ перси отъ сильной муки, томившей душу мою. Успокоившись немного, я рѣшилась искать потерянное. И вотъ, сколько уже времени хожу по землѣ и не нахожу того, его же возлюби душа моя. Днемъ спрашиваю солнце, а ночью луну и звѣзды: „каждыя сутки обходя кругомъ землю, не видали ль вы гдѣ того, кого ищетъ душа моя?“ И они не даютъ мнѣ отвѣта... Есть ли горы, гдѣ бы не слышался голосъ мой? есть ли лѣса, гдѣ бы не раздавался вопль мой? есть ли долины, которыхъ бы не истоптала нога моя? Но, вотъ, сколько уже времени блуждаю, ища потеряннаго, и не нахожу. Но скажи: не знаешь ли и не слыхалъ ли ты, гдѣ то, о чемъ такъ тужитъ душа моя?“ Мудрецъ подумалъ немного и сказалъ: „если бъ ты назвала мнѣ имя жениха твоего и имя царства его и страны, гдѣ было свѣтлое жилище твое, я указалъ бы тебѣ туда дорогу, а такъ какъ ты говоришь неопредѣленно, то никто не можетъ руководить тебя! Развѣ не сжалится ли надъ тобою женихъ твой и не пошлетъ ли кого указать тебѣ дорогу въ потерянное тобою блаженное жилище, или не придетъ ли самъ за тобою?“ Сказавъ это, мудрецъ отвернулся, и дѣва пошла далѣе, снова искать необрѣтаемаго.

Понятно, что значитъ это иносказаніе! Оно изображаетъ душу, сѣтующую о потерѣ рая и общенія съ Богомъ, ищущую его и не находящую. Такова и всякая душа, таковы и наши души по естеству! Разница въ чемъ? Въ томъ, что языческая душа только искала и искала, но не находила искомаго, и язычникъ не могъ далѣе итти! Разумъ встрѣчается съ ясными признаками—указателями паденія и потери рая, но не умѣетъ найти способа къ возстановленію падшаго и возвращенію потеряннаго. Мы же не сыны ночи и тьмы, но сыны свѣта и дня. У насъ не можетъ быть о томъ никакого недоумѣнія. Мы знаемъ, что Господь и Спаситель Самъ приходилъ на землю взыскать и спасти погибшаго: Самъ всѣхъ призываетъ къ Себѣ: пріидите ко Мнѣ, и Азъ упокою вы. Вы потеряли царство... Вотъ оно приблизилось. Покайтесь и вѣруйте въ евангеліе, и Я возьму васъ къ Себѣ, и будете со Мною въ раю, въ обителяхъ Отца Моего веселитися и вечеряти.

КОНЕЦЪ I-й ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Разсказы и размышленія на евангельскія чтенія во дни праздничные.

Сентябрь мѣсяцъ.

8-й ДЕНЬ.

РОЖДЕСТВО ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ.

Евангеліе отъ Лук. зач. 54 и 58-е, гл. X, 38—42; XI, 27—28.

1. Посѣщеніе Спасителемъ дома Маренѳы и Маріи въ Виѳаніи.

Путешествуя съ проповѣдью евангелія царствія Божія по разнымъ странамъ и селеніямъ Іудеи, Іисусъ Христосъ зашелъ однажды въ нѣкое селеніе, какъ нужно думать, въ Виѳанію. Здѣсь, въ этомъ небольшомъ селеніи, лежавшемъ среди нагорной страны, вблизи Іерусалима, находилось дружественное, почтенное и всею душою преданное Спасителю семейство, состоявшее изъ двухъ сестеръ, Маѳы и Маріи, и ихъ брата Лазаря. Какъ всегда, Спаситель былъ принятъ и встрѣченъ на этотъ разъ сестрами съ величайшею радостью. Особенно хлопотала и усердно обнаруживала внѣшніе знаки вниманія къ Высокому Посѣтителю старшая сестра, Марѳа, вѣроятно имѣвшая вообще попеченіе о домѣ и исполнявшая всегда долгъ гостепріимства. Принявъ Господа въ свой домъ, Марѳа вся отдалась заботамъ о томъ, чтобы какъ можно лучше угостить глубокопочитаемаго Странника, приготовить достойное и приличное угощеніе не только Самому Іисусу Христу, но и Его ученикамъ, сопровождавшимъ Спасителя всегда и вездѣ. Въ то время, какъ Марѳа исполняла внѣшнее служеніе Спасителю и суетилась за хозяйственными хлопотами, Марія вмѣстѣ съ учениками Господа всею душою своею внимала Божественному ученію Его. Не раздѣляя заботливости сестры объ угощеніи, она, какъ внимательная ученица, вмѣстѣ съ апостолами сѣла у ногъ Іисуса и слушала ученіе Христа. У іудеевъ, въ знакъ смиреннаго и почтительнаго отношенія ученика или ученицы къ учителю, нерѣдко садились къ ногамъ учащаго, такъ что и самое выраженіе: сидѣть у ногъ кого-либо, значило то же, что быть чьимъ-либо ученикомъ. Сладость словъ Спасителя занимала все вниманіе Маріи, такъ что она не отходила отъ Него ни на минуту. Между тѣмъ, у Марѳы хлопотъ по хозяйству было такъ много, что она не могла единолично справиться съ ними и нуждалась въ помощи сестры. Зная, что Марія безъ особеннаго повелѣнія или позволенія Спасителя не осмѣлится оставить Его и приняться за домашнія хлопоты, Марѳа съ простосердечныхъ довѣріемъ обратилась тогда къ Іисусу Христу и сказала: *Господи! или Тебѣ нужды нѣтъ, что сестра моя одну меня оставила служити?*

скажи ей, чтобы помогла мнѣ. Несомнѣнно, что Марѳа любила и чтила Іисуса Христа, но принимала Его болѣе, какъ великаго гостя земного, чѣмъ небеснаго Учителя. Она не сознавала, что должна была болѣе заботиться не о насыщеніи Христа пищею животною, но о воспріятіи отъ Него пищи вѣчной для своего безсмертнаго духа. Принявъ Христа въ домъ свой, Марѳа еще не могла возвыситься внутренно до мысли, что нарицающій Себя хлѣбомъ животнымъ, призывающій къ Себѣ жаждущихъ, не тѣмъ богоугождается, чтобы Ему въ изобиліи предлагали брашно гиблющее, но тѣмъ, чтобы отъ Него воспринимали брашно негиблющее, воду живую, слово истины и спасенія. Любя Господа, Марѳа не отрѣшалась и отъ любви къ суетѣ мірской; забота о суетѣ мірской и житейскія попеченія ея были настолько сильны, что она рѣшилась отвлечь Марію отъ спасительнаго дѣла, призвать ее къ той суетѣ, которой она сама предалась. Но Господь не допустилъ до этого; Онъ сказалъ въ отвѣтъ на просьбу Марѳы: *Марѳо! Марѳо!* *ты заботишься и суетишься о многомъ; а одно только и нужно. Марія же избрала благую часть, которая не отнимется отъ нея.* Итакъ, пользуясь случаемъ, Спаситель изрекаетъ ту великую истину, что нужно посвящать болѣе силъ и времени Богу, чѣмъ обычнымъ житейскимъ дѣламъ, хотя бы и добрымъ по намѣреніямъ. Христосъ не обличаетъ Марѳу за ея гостепріимство, но обращаетъ ея взоры къ высшему благу и, въ примѣрѣ сестры ея Маріи, указываетъ ей путь къ достиженію этого блага. То, о чемъ заботилась Марѳа, не предосудительно, но оно, доставивъ удовлетвореніе тѣлесной потребности человѣка, минуетъ и проходитъ безслѣдно тотчасъ же, принесши нѣкоторую пользу и удовольствіе тлѣнному тѣлу нашему. Напротивъ, то, что дѣлала Марія, внимая Божественному ученію и заботясь о спасеніи души, приноситъ пользу духовную, вѣчную, содѣлываетъ благую часть, лучшую долю, которая не отнимается отъ человѣка даже смертью, но переходитъ съ нимъ въ горній и вѣчный міръ. Блаженный Ѳеофилактъ (твор. Ѳеоф. ч. III, стр. 157) говоритъ въ объясненіе этого евангельскаго мѣста слѣдующее: „Великое благо и отъ гостепріимства, какъ показала Марѳа, и не нужно пренебрегать имъ, но еще большее благо—внимать духовнымъ бесѣдамъ. Ибо тѣмъ питается тѣло, а сими оживляется душа. Не для того, какъ бы такъ говоритъ Спаситель, существуемъ мы, Марѳа, чтобы наполнять тѣло разными яствами, но для того, чтобы творить полезное душамъ. Примѣчай и божественную мудрость Господа. Онъ ничего не сказалъ Марѳѣ прежде, чѣмъ отъ нея получилъ поводъ къ упреку. Когда же она покусилась отвлечь свою сестру отъ слушанія, тогда Господь, воспользовавшись поводомъ, упрекаетъ ее. Ибо гостепріимство дотолѣ похвально, доколѣ оно не отвлекаетъ и не отводитъ насъ отъ того, что болѣе нужно; когда же оно намъ начнетъ препятствовать въ важнѣйшихъ предметахъ, тогда должно предпочесть ему слушаніе о божественныхъ предметахъ. Притомъ Господь возбраняетъ не гостепріимство, но разнообразіе и суетность, т.-е. развлеченіе и смущеніе“.

Евангельское повѣствованіе о посѣщеніи Христомъ Спасителемъ дома двухъ сестеръ, Марѳы и Маріи, чрезвычайно просто и всѣмъ доступно, такъ сказать, по своему содержанію; но оно весьма поучительно и важно по тому выводу и нравственному уроку, который оно преподаетъ собою. Недаромъ святая православная церковь установила читать и провозглашать его на литургіи во всѣ богородичные праздники. Это чтеніе ясно показываетъ, что одержащія всѣхъ и каждаго изъ насъ житейскія попеченія, привязанности къ земнымъ и малоцѣннымъ хлопотамъ составляютъ сильное препятствіе къ успѣшному достиженію царствія Божія, къ снисканію благодатнаго посѣщенія Христа. Въ самомъ дѣлѣ, излишнее житейское попеченіе развлекаетъ и смущаетъ насъ въ стремленіи къ *единому на потребу,* препятствуетъ въ достиженіи благодати Христовой. Заботливость о житейскомъ — это врагъ лукавый, незамѣтный и потому опасный. Кто не остановитъ своихъ житейскихъ попеченій и не удержитъ своихъ заботъ въ должныхъ границахъ, того незамѣтно приводятъ они къ совершенному забвенію о жизни вѣчной, небесной и истинно блаженной. Господь называетъ блаженными не пекущихся о многомъ, но ищущихъ единаго на потребу, не заботящихся объ удобствахъ и удовольствіяхъ житейскихъ, но слушающихъ слово Божіе и хранящихъ оное. Будемъ же стараться, христіанинъ, слушать и исполнять повелѣнное намъ отъ Господа, проходить свой жизненный путь согласно съ законами и заповѣдями Христовыми, болѣе „горняя мудрствовати, а не земная". (См. № 449 „Воскр. лист.", прилож. къ журн. „Воскр. день").

2. Рождество Пресвятой Богородицы.

Пресвятая Богородица родилась отъ престарѣлыхъ, бездѣтныхъ благочестивыхъ родителей въ галилейскомъ городѣ Назаретѣ. Во всей Галилеѣ не было болѣе маловажнаго городка, какъ Назаретъ: „отъ Назарета можетъ ли что добро быти?" — говорили евреи, когда услышали, что оттуда явился пророкъ Іисусъ.

Согласно съ предсказаніями пророковъ, обѣтованный Спаситель міра долженъ былъ произойти изъ царскаго племени Давидова. Но со времени Вавилонскаго плѣна потомки царя Давида теряли мало-по-малу свои права, и, когда возвысилось племя Маккавеевъ, исчезло все отличіе царскаго племени и стало оно на-ряду съ простымъ народомъ.

Въ Назаретѣ жила благочестивая чета Іоакимъ и Анна. Іоакимъ происходилъ отъ колѣна Іудина, царскаго племени; Анна была младшею дочерью священника отъ племени Аарона, Матѳана. Іоакимъ и Анна были праведны предъ Господомъ и чистымъ сердцемъ соблюдали заповѣди Его и всѣмъ были извѣстны не столько знатностью своего происхожденія, сколько своимъ смиреніемъ и милосердіемъ.

Такъ достигли они глубокой старости. Вся ихъ жизнь была проникнута любовью къ Богу и милосердіемъ къ ближнимъ; ежегодно выдѣляли они изъ своихъ значительныхъ доходовъ двѣ трети: одну жертвовали въ храмъ Божій, другую раздавали бѣднымъ и странникамъ; остальное же употребляли для своихъ потребностей.

И вотъ, они такъ много угодили Богу, что Онъ сподобилъ ихъ быть родителями непорочной Дѣвы, избранной Ему въ Матери. Этимъ однимъ уже доказывается, что жизнь ихъ была честная, святая и Богу угодная, потому что имъ даровалась Дщерь, Святѣйшая изъ святыхъ, болѣе всѣхъ угодившая Богу и херувимовъ честнѣйшая. Да! въ то время на землѣ не было людей болѣе пріятныхъ Богу, какъ Іоакимъ и Анна. Было много праведно живущихъ и Богу угождающихъ, но они двое превзошли другихъ своими добродѣтелями и за то обрѣлись предъ Богомъ достойнѣйшими произвести на свѣтъ Матерь Божію. Безъ сомнѣнія, столь высокій даръ получили они за свою добродѣтель и святость. Какъ Самъ Господь воплотился отъ Святѣйшей и Пречистой Матери, такъ надлежало, чтобъ и Матерь Господа происходила отъ святыхъ и чистыхъ родителей. Цари земные носятъ одежды изъ золотыхъ тканей, а не изъ простой нити, такъ и Царь небесный восхотѣлъ имѣть Матерь Свою, облекаясь въ плоть Ея, какъ въ царскую порфиру, не отъ обыкновенныхъ, невоздержныхъ супруговъ, но отъ цѣломудренныхъ и святыхъ. Это самое прообразовалось древле въ святой скиніи, которую Богъ повелѣлъ Моисею сдѣлать изъ *багряницы, червленицы и виссона*. Дѣва Марія, вмѣстившая въ Себѣ Бога, Которому надлежало *пожить съ человѣками*, означала скинію, какъ сказано: *„се скинія Божія съ человѣками, и вселится съ ними!"* (Апокал. XXI, 3). Багряница, червленица и виссонъ, изъ которыхъ сотканы были покровъ и завѣсы скиніи, прообразовали родителей Божіей Матери и означали ихъ цѣломудріе, воздержаніе и совершенное житіе во всѣхъ отношеніяхъ.

Но этимъ святымъ супругамъ Божіе изволеніе опредѣлило быть долгое время безчадными, дабы въ самомъ зачатіи и рожденіи Пречистыя Дѣвы явились и сила благодати Божіей, и честь Родившейся, и достоинство родившихъ! Они въ этомъ уподобились св. патріарху Аврааму и супругѣ его, благочестивой Саррѣ, родившимъ Исаака въ старости, по обѣтованію Божію. Но мы говоримъ, не сомнѣваясь, что Іоакимъ и Анна были болѣе и выше Авраама и Сарры, какъ и Дѣва Марія — выше Исаака. Однако жъ, до такой высокой почести дошли они не скоро; они достигли до нея пощеніемъ великимъ и молитвами многими, проливаемыми предъ Богомъ въ скорби сердечной. Радость приходитъ послѣ скорби; почесть—послѣ безчестія. Такъ было и съ благочестивыми родителями Пресв. Дѣвы, Іоакимомъ и Анною. Прежде рожденія Приснодѣвы имъ пришлось испытать скорбь и безчестіе неплодія и безчадія. По понятіямъ того времени, безчадіе считалось безславіемъ и тяжелымъ наказаніемъ, тѣмъ болѣе прискорбнымъ, что потомкамъ Давида дана была надежда сдѣлаться орудіями спасенія человѣческаго рода чрезъ рожденіе обѣщаннаго Мессіи.

Прошло 50 лѣтъ ихъ брачной жизни, а они терпѣли поношеніе бездѣтства. По закону, поддерживаемому фарисеями, Іоакимъ имѣлъ право требовать развода за неплодство жены; но Іоакимъ, мужъ праведный, любилъ и почиталъ жену свою Анну за ея необыкновенную кротость и высокія добродѣтели, не хотѣлъ разлучаться съ нею.

Съ сердечною скорбью, но безропотно они несли тяжесть испытанія и продолжали вести жизнь свою въ постѣ, молитвѣ и милостыняхъ, укрѣпляя другъ друга взаимною любовью и не теряя надежды, что Богъ всегда силенъ помиловать рабовъ Своихъ.

Въ великіе праздники они имѣли обыкновеніе ходить въ Іерусалимъ. Ко дню обновленія храма пришелъ Іоакимъ во храмъ, чтобы вмѣстѣ съ другими своими соотечественниками принести жертву; но архіерей Иссахаръ отвергъ приношеніе Іоакима и, укоривъ его безчадіемъ, сказалъ: „Господь ради какихъ-нибудь тайныхъ грѣховъ твоихъ отнялъ отъ тебя Свое благословеніе“ („Земн. жизнь Пресв. Богородицы“ С. Снессоревой, стр. 12—14).

Также и другой еврей, изъ колѣна Рувимова, принесшій дары свои съ прочими, поносилъ Іоакима, говоря: „зачѣмъ хочешь ты принесть Богу даръ твой прежде меня? Развѣ ты не знаешь, что ты недостоинъ этого?“ Іоакимъ, услышавъ такой укоръ, жестоко опечалился и вышелъ изъ храма, покрытый стыдомъ и униженный... Грустенъ сталъ ему праздникъ. Отъ сильной скорби не захотѣлъ уже онъ возвратиться въ домъ свой, но пошелъ въ пустыню, къ пастухамъ своихъ стадъ, и тамъ сталъ горько плакать о своемъ безчадіи и безчестіи. Онъ вспомнилъ о святомъ Авраамѣ, которому и въ старости Богъ даровалъ сына, и началъ усердно молиться Господу, да сподобитъ и его такого же благословенія; да услышитъ и помилуетъ его; да сниметъ съ него поношеніе между людей и дастъ ему въ старости плодъ супружества, какъ нѣкогда Аврааму; да назовется и онъ отцомъ чаду своему, и да не укоряютъ его люди, какъ безплоднаго и отверженнаго Богомъ. Эту молитву подкрѣпилъ онъ постомъ, не желая вкусить даже хлѣба чрезъ сорокъ дней. „Не вкушу, — говорилъ онъ, — никакой пищи, не возвращуся въ домъ свой; но слезы будутъ мнѣ пищею, а пустыня домомъ дотолѣ, пока услышитъ и посѣтитъ меня Господь Богъ израилевъ“. Также и жена его, оставшаяся дома, плакала неутѣшно, услышавъ, что архіерей не хотѣлъ принять ихъ даровъ за ихъ неплодіе, и что мужъ ея въ великой скорби покинулъ ее и ушелъ въ пустыню. „Теперь я всѣхъ несчастнѣе: Богъ отвергнулъ меня, люди поносятъ, и мужъ оставилъ! О чемъ мнѣ болѣе плакать теперь? О моемъ ли безчадіи или о вдовствѣ, о моемъ ли сиротствѣ или о томъ, что не удостоилась называться матерью?..“ Говоря такъ, она безпрестанно проливала слезы и сокрушалась. Прислужница ея, Юдиѳь, утѣшала ее, какъ умѣла, но безъ всякаго успѣха. И кто могъ утолить грусть великую, какъ море? Оставшись одна, пошла она въ свой садъ, сѣла подъ лавровымъ деревомъ, вздохнула изъ глубины сердца и, поднявши очи кверху, увидѣла на деревѣ птичье гнѣздо съ маленькими птенцами. Тутъ скорбь ея еще болѣе умножилась, и она стала вопіять: „увы мнѣ одинокой, грѣшнѣйшей изъ всѣхъ дщерей израиля, предъ всѣми женами униженной! Другія носятъ на рукахъ дѣтей своихъ и ими утѣшаются, а я одна лишена этого утѣшенія; отъ другихъ принимаются дары въ церковь Божію, и имъ оказываютъ уваженіе за то, что они рождали чадъ, а я одна отвержена отъ церкви Бога моего. Увы! съ кѣмъ я могу сравнить себя? Ни съ птенцами небесными, ни съ звѣрями! Они приносятъ Тебѣ плодъ свой, Господи, а я остаюсь безплодною. Даже съ землею не могу я сравнить себя, потому что она, прозябая и принося плоды свои Богу, благословляетъ Отца небеснаго. Я одна безчадная на землѣ! Горе, горе мнѣ, Господи!.. Ты, Который *Саррѣ* даровалъ сына въ глубокой старости, Ты, Который отверзъ утробу Анны, матери Самуила, пророка Твоего, призри на меня и услыши молитву мою, *Адонаи Саваоѳъ!* Ты вѣдаешь, какъ межъ насъ поносимо безчадіе. Самъ разрѣши болѣзнь сердца моего, разверзи узы моего неплодія, да рожденное отъ меня приведемъ въ даръ Тебѣ, благословляя и прославляя всещедрое Твое милосердіе!“ Плачущей и рыдающей Аннѣ явился ангелъ Господень и сказалъ: „Анна! Анна! услышана молитва твоя, воздыханія твои прошли сквозь облака, и слезы твои дошли до Господа. Ты зачнешь и родишь Дщерь благословенную! Ради Ея благословятся всѣ роды земные, Ею дается спасеніе всему міру, и Она наречется Маріей!“ Анна, услышавъ эти слова ангела, поклонилась Господу и сказала: „живъ Господь Богъ! Если у меня будетъ дитя, то отдамъ его Господу на служеніе. Пусть оно служитъ Ему день и ночь, восхваляя имя Его святое во всю жизнь свою!..“

Исполнившись радости неизреченной, св. Анна поспѣшила въ храмъ съ благоговѣніемъ, чтобъ воздать Богу свою благодарность и молитву за Его милостивое посѣщеніе.

Въ то же самое время и св. Іоакиму явился ангелъ въ пустынѣ и сказалъ: „Іоакимъ! Богъ услышалъ твою молитву, и даруетъ тебѣ благодать Свою. Жена твоя Анна зачнетъ и родитъ тебѣ дочь, и ея рожденіе принесетъ радость всему міру. Вотъ тебѣ и знаки истины того, что я тебѣ теперь возвѣщаю: ступай въ Іерусалимъ, въ церковь Господню, тамъ, у золотыхъ воротъ, найдешь супругу твою Анну: ей возвѣщено то же самое!“ Удивляясь сему благовѣстію ангела, славя и благодаря Бога сердцемъ и устами за столь великое милосердіе, Іоакимъ поспѣшилъ въ церковь Господню и тамъ, по словамъ ангела, у золотыхъ воротъ нашелъ Анну, молящуюся Богу. Онъ возвѣстилъ ей о благовѣстіи ангела, и она ему разсказала о своемъ видѣніи. Изливъ взаимную радость и прославляя Бога за столь великую къ нимъ милость, они возвратились изъ святого храма въ домъ свой, и Анна зачала въ девятый день декабря.

Восьмого сентября Анна родила дочь, Пречистую и Преблагословенную *Дѣву Марію*, о рожденіи Которой возрадовались земля и небо. (Жизнь Пресв. Дѣвы Богородицы. А. Глинка. 15—19).

Ни блескъ, ни слава міра не окружали Ея колыбели; всѣ эти земныя преимущества померкли при свѣтѣ незримой славы, уготованной отъ вѣка Матери Божіей, называемой, по свидѣтельству евангелія, Благодатною и Благословенною со дня воплощенія отъ Нея Спасителя міра; вѣчная Премудрость сокрыла эту благодатную тайну отъ ограниченнаго человѣческаго ума: вѣрою пріемлется благодатная тайна.

По обычаю іудейскому, въ 15-й день по рожденіи младенца дано было Ей имя, указанное ангеломъ Божіимъ, Марія, что значитъ по-еврейски „госпожа“, „надежда“. Пресв. Марія, сдѣлавшись Матерью Творца, явилась госпожею и надеждою всѣхъ тварей.

Въ воспоминаніе рождества Пресв. Богородицы издревле установленъ церковью праздникъ: еще въ IV в. равноапостольная Елена соорудила храмъ въ честь и память рождества Матери Божіей. Праздникъ этотъ великій, двунадесятый, вселенскій: это праздникъ всемірной радости, потому что Богородицею весь родъ человѣческій обновился, и печаль праматери Евы перемѣнилась въ радость. (Сост. по кн.: „Земная жизнь Пресв. Богородицы...“ С. Снессоревой. С.-Пб. 1892 г. и „Жизнь Пресв. Дѣвы Богородицы“, А. Глинка. Москва. 1896 г.).

3. Внѣшній видъ и нравственное величіе Пресвятой Богородицы.

Церковный историкъ Никифоръ Каллистъ сохранилъ для насъ преданіе о внѣшнемъ видѣ Пресвятой Богородицы. „Она была, — читаемъ у него, — роста средняго, или, какъ иные говорятъ, нѣсколько болѣе средняго, волосы златовидные, глаза быстрые, брови дугообразныя и умѣренно черныя, носъ продолговатый, губы цвѣтущія, исполненныя сладкихъ рѣчей, лицо не круглое и не острое, но нѣсколько продолговатое; руки и пальцы длинные“.

„Она была Дѣвою, — говоритъ св. Амвросій,—не тѣломъ только, но и душою: смиренна сердцемъ, осмотрительна въ словахъ, благоразумна, немногорѣчива, любительница чтенія, трудолюбива, цѣломудренна въ рѣчи, почитая не человѣка, но Бога судьею своихъ мыслей, правиломъ Ея было никого не оскорблять, всѣмъ благожелать, почитать старшихъ, не завидовать равнымъ, избѣгать хвастовства, быть здравомысленною, любить добродѣтель. Когда Она хотя бы выраженіемъ лица обидѣла родителей? Когда была въ несогласіи съ родными, погордилась предъ человѣкомъ скромнымъ, посмѣялась надъ слабымъ, уклонилась отъ неимущаго? У Нея не было ничего суроваго въ очахъ, ничего неосмотрительнаго въ словахъ, ничего неприличнаго въ дѣйствіяхъ: тѣлодвиженія скромныя, поступь тихая, голосъ ровный; такъ что тѣлесный видъ Ея былъ выраженіемъ души, олицетвореніемъ чистоты“.

Церковный историкъ Никифоръ Каллистъ такъ дополняетъ нравственный образъ Пресвятой Дѣвы: „Она въ бесѣдѣ съ другими сохраняла благоприличіе, не смѣялась, не возмущалась, особенно же не гнѣвалась; совершенно безыскусственная, простая, Она нимало о себѣ не думала и, далекая отъ изнѣженности, отличалась полнымъ смиреніемъ. Относительно одеждъ, которыя носила, Она довольствовалась естественнымъ цвѣтомъ ихъ, что еще и теперь доказываетъ священный головной покровъ Ея. Коротко сказать, во всѣхъ Ея дѣйствіяхъ обнаруживалась особенная благодать“.

„У насъ всѣ знаютъ, — писалъ св. Игнатій Богоносецъ, — что Приснодѣвственная Матерь Божія исполнена благодати и всѣхъ добродѣтелей. Разсказываютъ, что Она въ гоненіяхъ и бѣдахъ всегда бывала весела; въ нуждахъ и нищетѣ не огорчалась; на оскорбляющихъ Ее не гнѣвалась, но даже благодѣтельствовала имъ; въ благополучіи кротка; къ бѣднымъ милостива и помогала имъ, какъ и чѣмъ могла; въ благочестіи — учительница и на всякое доброе дѣло наставница. Она особенно любила смиренныхъ, потому что Сама исполнена была смиренія. Много похвалъ воздаютъ Ей видѣвшіе Ее“.

Св. Діонисій Ареопагитъ, чрезъ три года послѣ его обращенія въ христіанство сподобившійся видѣть въ Іерусалимѣ лицомъ къ лицу Пресвятую Дѣву Марію, такъ описываетъ это свиданіе: „Когда я введенъ былъ предъ лице Богообразной, свѣтлѣйшей Дѣвы,— меня облисталъ извнѣ и внутри столь великій и безмѣрный свѣтъ божественный, и разлилось окрестъ меня такое дивное благоуханіе различныхъ ароматовъ, что ни немощное тѣло мое, ни самый духъ не въ силахъ были вынести столь великихъ и обильныхъ знаменій и начатковъ вѣчнаго блаженства и славы. Изнемогло сердце мое, изнемогъ духъ во мнѣ отъ ея славы и Божественной благодати! Человѣческій умъ не можетъ представить себѣ никакой славы и чести (даже въ состояніи людей прославленныхъ Богомъ) выше того блаженства, какое вкусилъ тогда я, недостойный, но удостоенный по милосердію и блаженный выше всякаго понятія“.

Добродѣтели Пресвятой Богородицы и благодать Святаго Духа, предочистившая Ее для великаго дѣла быть Матерью Божіей, поставили Ее выше всѣхъ праведныхъ и святыхъ людей и даже силъ небесныхъ. Ея усердіе къ молитвѣ и благочестивымъ занятіямъ, приснодѣвственная чистота и цѣломудріе, вѣра въ обѣтованія Божіи, всегдашняя внимательность къ путямъ Промысла Божія, преданность волѣ Божіей, благодушное перенесеніе трудныхъ житейскихъ обстоятельствъ, непоколебимое мужество среди величайшихъ искушеній и скорбей, материнская заботливость, сердечная теплота къ сродникамъ, а, главное, безусловное во всемъ смиреніе: вотъ нравственныя совершенства, постоянно проявлявшіяся въ Ней, отъ младенчества до успенія. (Извлеч. изъ книги: „Уроки и примѣры христіанск. вѣры“, прот. Г. Дьяченко).

4. Историческое воспоминаніе, связанное съ праздникомъ Рождества Пресвятыя Богородицы.

Въ началѣ XIII столѣтія Русь постигло тяжелое испытаніе. Въ это время, подобно опустошительному урагану, промчались по лицу нашего отечества свирѣпыя орды татаръ, предводительствуемыя Батыемъ. Въ числѣ первыхъ городовъ пала Рязань; за нею послѣдовали другіе. Въ теченіе одного мѣсяца татарами было уничтожено 14 городовъ и множество селъ. Плачевный видъ представляла русская земля послѣ этого погрома. Вмѣсто городовъ, селъ, монастырей, стояли однѣ обгорѣлыя развалины, въ которыхъ валялись разлагавшіеся трупы. Вмѣсто обработанныхъ полей, виднѣлись вытоптанные пустыри, по которымъ рыскали волки за богатою добычею. Тяжелое иго легло на выю тѣхъ русскихъ, которые осталися въ живыхъ.

Особенно былъ обременителенъ для русскихъ способъ собиранія татарами дани. Дани эти обыкновенно отдавались на откупъ хивинскимъ и бухарскимъ купцамъ, которые, естественно, не могли имѣть особенныхъ побужденій быть великодушными и человѣчными. Въ Софійскомъ Временникѣ подъ 1240-мъ годомъ помѣщенъ плачъ земли русской о гибели ея чадъ. „Сыны, сыны русскіе!.. Вижу иго работъ на плечахъ вашихъ. Я же безъ васъ, моихъ чадъ любимыхъ, остаюсь вдовою бѣдной и бездомной. Но кого мнѣ прежде оплакивать—мужа ли, чадъ ли любимыхъ? Вдовство мое — опустѣніе градовъ, честныхъ монастырей, святыхъ церквей, лишеніе чадъ, учителей, священниковъ, властителей и народа“.

Долго продолжалось для Россіи это злосчастное время. Наконецъ, Богъ сжалился надъ Своимъ народомъ и воздвигъ на московскомъ престолѣ князя, у котораго явилось намѣреніе возстать противъ страшнаго врага. Великій князь московскій Дмитрій, названный впослѣдствіи Донскимъ, рѣшилъ свергнуть постыдное для Россіи татарское иго. Узнавъ объ этомъ, грозный ханъ Мамай пришелъ въ ярость. „Пойдемъ на русскую землю, говорилъ онъ, церкви попалимъ, христіанъ изобьемъ, законъ ихъ уничтожимъ“. Но князь не смутился, хотя его положеніе было далеко не изъ хорошихъ. Литовскій князь соединился съ татарами; даже нѣкоторые изъ сосѣднихъ русскихъ князей измѣнили Дмитрію и отказали въ содѣйствіи. Препод. Сергій Радонежскій благословилъ Дмитрія на доброе дѣло и отъ имени Божія предсказалъ о счастливомъ исходѣ войны. На Куликовскомъ полѣ, между Непрядвою и Дономъ, сошлись враждующія войска, и началась сѣча, кровавая и небывалая еще на русской землѣ. Дрожала земля отъ крика ратнаго, отъ топота конскаго, отъ стука оружія и стона раненыхъ. На пространствѣ 10 верстъ лилась кровь ручьями. Бились не только оружіемъ, но и въ ручныхъ схваткахъ. Цѣлый день длилась битва съ перемѣннымъ счастіемъ и, наконецъ, была рѣшена въ пользу русскихъ. Этимъ счастливымъ днемъ для русскихъ оказалось восьмое сентября, — день, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ великой радости о рожденіи міру преблагословенной Маріи, Матери Спасителя міра. Предки наши, конечно, видѣли въ такомъ событіи не случайное совпаденіе, а особенное покровительство Царицы небесной, пославшей побѣду надъ врагами, которые казались уже для русскаго народа непобѣдимыми. Такъ смотрѣлъ на одержанную побѣду прежде всего самъ князь Дмитрій Донской.

На мѣстѣ битвы онъ воздвигъ храмъ во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, и въ обѣтномъ (устроенномъ по его обѣщанію, данному предъ битвой) московскомъ монастырѣ главный храмъ былъ посвященъ также въ память Рождества Пресвятыя Богородицы. („Рус. паломн.“ 1896 г., № 36).

5. Слово св. Златоуста къ мужьямъ и женамъ.

Если каждый изъ супруговъ будетъ стараться исполнять свои обязанности, то сами скоро увидятъ и всю пользу отъ сего. Если, напримѣръ, жена готова будетъ терпѣть и жестокаго мужа, а мужъ не станетъ раздражать жену гнѣвливую, то между ними водворится совершенная тишина, и жизнь ихъ будетъ подобна пристани, свободной отъ волнъ. Такъ и было у древнихъ. Смотри: Авраамъ принимаетъ къ себѣ племянника, жена не обвиняетъ его за это; Авраамъ велитъ ей итти съ нимъ въ дальній путь, и она безъ противорѣчія слѣдуетъ за нимъ. Далѣе, когда Авраамъ, послѣ многихъ бѣдъ, безпокойствъ и трудовъ, сталъ господиномъ огромнаго имущества и лучшую часть уступилъ Лоту, то Сарра не только не досадовала на это, но даже не открывала устъ своихъ и не говорила ничего подобнаго тому, что нынѣ говорятъ многія жены, когда видятъ, что мужья ихъ дѣлятся имѣніемъ съ ближними, и говорятъ притомъ предъ низшими, бранятъ своихъ мужей, называютъ ихъ глупыми, слабыми, безумными, нерасчетливами. Сарра, напротивъ, ничего подобнаго не сказала и не подумала, но даже одобряла всѣ распоряженія Авраамовы. А что еще важнѣе — послѣ того, какъ Лотъ получилъ свободу въ выборѣ земли для обладанія и дядѣ отдалъ худшую часть, его постигла тяжкая участь. Патріархъ Авраамъ, узнавъ, что онъ взятъ въ плѣнъ, вооружилъ всѣхъ своихъ домочадцевъ и пошелъ съ одними слугами своими противъ сильнаго сирійскаго войска. Но Сарра и тогда не удерживала его и не говорила: „мужъ, куда ты идешь? Ты пускаешься на опасности, спѣшишь на явную гибель и готовъ пролить кровь за человѣка, который обидѣлъ тебя и все твое отнялъ у тебя. Если ты не бережешь себя, то, по крайней мѣрѣ, сжалься надо мною, которая оставила домъ, отечество, друзей, сродниковъ и пошла съ тобою въ такую далекую и чужую сторону; сжалься и не повергай меня во вдовство и всѣ бѣдствія, съ нимъ неразлучныя“. Это Сарра могла сказать Аврааму и, между тѣмъ, ничего подобнаго не говорила, даже и не подумала, но все переносила съ молчаніемъ. Смотри же, какъ они оба наблюдаютъ свою обязанность. Авраамъ не презираетъ Сарры, какъ безчадной, и не упрекаетъ ее за это чѣмъ-либо; Сарра старается доставить ему нѣкое утѣшеніе въ безчадіи.—Ты, жена, возразишь мнѣ, что Авраамъ, по приказанію Сарры, прогоняетъ рабыню. Правда, я же и хочу показать тебѣ то, что и онъ ей во всемъ повиновался, и она ему. Но ты, которая говоришь сіе, не останавливайся только на одномъ этомъ обстоятельствѣ, а разсмотри также и прежнія, вспомни, что рабыня оскорбляла Сарру, что она тщеславилась предъ госпожею своею, а что можетъ быть несноснѣе этого для жены благородной и свободной?—Итакъ, пусть жена не ожидаетъ напередъ добродѣтелей отъ мужа, чтобы потомъ уже показать ему свои; равнымъ образомъ и мужъ пусть не ожидаетъ благонравія отъ жены прежде, чтобы потомъ уже заботиться о ней, потому что это уже не будетъ добродѣтель; но каждый пусть самъ напередъ исполняетъ свои обязанности. Христосъ заповѣдалъ, чтобы мы, когда кто ударитъ насъ въ ланиту, подставляли ему и другую; тѣмъ болѣе жена должна терпѣть и жестокаго мужа. Я не то говорю, чтобы мужъ билъ свою жену, нѣтъ: это крайнее безчестіе не только для жены, но и для самого мужа, который ее бьетъ. Напротивъ, если ты, жена, случайно выберешь такого супруга, то не досадуй, а помышляй о той наградѣ, которая готовится тебѣ тамъ, на небѣ, и о той похвалѣ, которую ты заслуживаешь еще въ сей жизни. И вамъ, жены, и вамъ, мужья, говорю: сохрани васъ Богъ отъ такого грѣха, который бы доводилъ мужа до необходимости бить жену. Но что я говорю о женѣ? Для мужа благороднаго должно быть постыдно бить и даже поднимать руку и на рабыню. Если же для мужа безчестіе бить и служанку, то во сколько разъ болѣе безчестно поднимать руку на жену! Такого мужа (если только можно назвать его мужемъ, а не звѣремъ) я ставлю наравнѣ съ отцеубійцею и матереубійцею. Ибо если намъ заповѣдано оставлять ради жены отца и матерь, то не крайнее ли безуміе оскорблять ту, для которой Богъ повелѣлъ оставлять даже родителей? Но одно ли безуміе это? А безславіе, происходящее отъ сего? Какое слово въ состояніи даже выразить то, когда вопли и стенанія жены разносятся по улицамъ, и когда сосѣди и прохожіе сбѣгаются къ дому того, кто дѣлаетъ такое безчестіе, какъ бы къ жилищу нѣкоего звѣря, который въ своемъ логовищѣ пожираетъ свою добычу? Лучше было бы, если бы земля поглотила того нечестивца, нежели ему опять показываться среди добрыхъ людей!

Но жена, скажешь ты, обнаруживаетъ дерзость. Пусть и такъ, но ты не забывай, что она жена, сосудъ слабый, а ты — мужъ. Ты для того и поставленъ начальникомъ и главою жены, чтобы сносить слабость жены, которая должна подчиняться тебѣ. Посему поступай такъ, чтобы власть твоя была почтенною, а это будетъ тогда, когда ты не станешь безчестить подчиненную тебѣ. Посмотри на земледѣльцевъ: какъ они стараются всячески воздѣлывать землю, хотя бы она была суха и произращала дурныя травы, хотя бы затоплялась водою; такъ и ты поступай: тогда ты первый будешь наслаждаться и добрыми плодами и безмятежнымъ спокойствіемъ. Когда въ домѣ случится что-либо непріятное оттого, что жена твоя сдѣлала ошибку, утѣшай ее, а не увеличивай печали. Хотя бы ты все потерялъ, но нѣтъ ничего прискорбнѣе, какъ раздоръ съ женою. Посему-то любовь къ ней должна быть для тебя драгоцѣннѣе всего. Если каждый изъ насъ долженъ *другъ друга тяготы носить* (Гал. VI, 2), то тѣмъ болѣе мужъ обязанъ такъ поступать съ женою.

Хотя бы она была бѣдна, не унижай ее за это; хотя бы она была глупа, не нападай на нее, но лучше исправляй; она часть тебя самого, и ты составляешь съ нею одно тѣло.

Но она, говоришь, сварлива, пьяница, гнѣвлива... Если такъ, то надобно скорбѣть о семъ, а не гнѣваться, надобно молиться Богу, чтобы онъ исправилъ ее, надобно увѣщевать ее, уговаривать и употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы истребить въ ней эти пороки. Если же ты станешь бить и притѣснять жену, то этимъ болѣзнь ея не излѣчится, потому что жестокость усмиряется кротостью, а не другою жестокостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ помышляй еще и о томъ, что за кроткое обхожденіе твое съ женою тебя ожидаетъ награда отъ Бога. Хотя бы тебѣ и можно было развестись съ своею супругою, не дѣлай сего по страху Божію, но переноси и великіе недостатки ея, боясь даннаго о семъ закона, который запрещаетъ изгонять жену, какимъ бы недугомъ она не страдала. За это получишь ты неизреченную награду и пріобрѣтешь величайшія блага, потому что и ее заставишь быть скромнѣе, и самъ сдѣлаешься болѣе кроткимъ къ ней. Говорятъ, что одинъ изъ языческихъ мудрецовъ (Сократъ) имѣлъ жену злую, сварливую и дерзкую; когда его спросили: для чего онъ, имѣя такую жену, терпитъ ее, мудрецъ отвѣчалъ, что въ ней онъ имѣетъ въ домѣ какъ бы школу и училище любомудрія: „я буду, говорилъ онъ, терпѣливѣе другихъ, если каждый день стану учиться въ семъ училищѣ“.—Васъ чрезвычайно удивляетъ это? А я тяжко вздыхаю, когда вижу, что язычники поступаютъ мудрѣе насъ, — насъ, коимъ заповѣдано подражать ангеламъ, или лучше, коимъ повелѣвается подражать Самому Богу въ кротости. Говорятъ, что тотъ мудрецъ по тому самому и не изгонялъ злой жены своей, что она имѣла дурной характеръ; а нѣкоторые утверждаютъ, что онъ даже и взялъ ее по причинѣ такого ея характера. Но я не даю совѣта, чтобы съ намѣреніемъ поступать такъ—избирать злую жену; я увѣщеваю мужей употреблять сначала всѣ мѣры къ тому, чтобы взять жену благонравную и исполненную всякой добродѣтели. Купецъ не отправитъ корабля въ море и не станетъ заниматься никакою торговлею, прежде нежели заключитъ съ своимъ товарищемъ такія условія, которыя могли бы ручаться за ихъ взаимное согласіе. Такъ и ты употребляй напередъ всѣ средства къ тому, чтобы имѣть совершенное внутреннее согласіе съ будущею подругою твоей жизни — подобно кораблю. Если же ошибешься въ выборѣ невѣсты и введешь въ домъ жену недобрую и несносную, въ такомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, подражай языческому мудрецу и всячески исправляй свою жену, а худого ничего ей не дѣлай. А когда станешь переносить супружеское иго въ согласіи съ нею, то чрезъ это пріобрѣтешь во всемъ великую пользу и въ духовныхъ дѣлахъ великій успѣхъ... (См. „Кіевск. лист.“ изд. журнала „Воскресное чтеніе“).

6. Образцовыя христіанскія супруги.

1) Мать св. Григорія Богослова, блаженная Нонна, была дочь добрыхъ христіанъ, и родители воспитали ее по правиламъ христіанскаго благочестія. Но вотъ ея несчастіе: родители выдали ее за язычника, и горько, горько ей, пламенной христіанкѣ, было видѣть, какъ мужъ ея, вмѣсто истиннаго Бога, чтитъ бездушныя твари и кланяется огню и свѣтильникамъ. Въ самомъ дѣлѣ, каково ей было, когда она станетъ на свою молитву, а мужъ на свою; она начнетъ молиться Богу, а мужъ — исправлять идольскіе обряды? Да, тяжело ей было! Но къ чести ея должно сказать, тяжело было только сначала. Нонна была женщина мудрая и волей сильная, и скоро нашла средство выйти изъ тяжелаго положенія, и худого мужа сдѣлала добрымъ и изъ него, язычника, сдѣлала также примѣрнаго и святого христіанина. Какимъ же образомъ она достигла этого?

„Нонна день и ночь припадала къ Богу, въ постѣ и со многими слезами просила у Него даровать спасеніе главѣ ея, неутомимо дѣйствовала на мужа, стараясь пріобрѣсть его различными способами: убѣжденіями, услугами..., а болѣе всего своею жизнью и пламенною ревностью о благочестіи, чѣмъ всего сильнѣе склоняется и смягчается сердце, добровольно давая вести себя къ добродѣтели. Ей надобно было, какъ водѣ, пробивать камень безпрерывнымъ паденіемъ капли, отъ времени ожидать успѣха въ томъ, о чемъ старалась, какъ и оправдало послѣдствіе. Объ этомъ просила она, этого ожидала не только съ жаромъ юныхъ лѣтъ, сколько съ твердостію вѣры. И разсудокъ мужа сталъ мало-по-малу исцѣляться, а Господь сталъ его еще привлекать къ Себѣ и сонными видѣніями. Разъ мужу Нонны представилось, будто бы онъ поетъ слѣдующій стихъ Давида: „возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ“ (Пс. 121, 1), — пѣніе небывалое, а вмѣстѣ съ пѣніемъ явилось и желаніе. Когда услышала объ этомъ Нонна, то, пользуясь временемъ, объяснила видѣніе въ самую добрую сторону и ускорила дѣло спасенія мужа, дабы не помѣшало что-нибудь призванію и не разстроило того, о чемъ столько старалась. Въ то время въ Никею собралось множество архіереевъ, и мужъ Нонны предалъ себя Богу и проповѣдникамъ истины, и искалъ у нихъ помощи для спасенія“ (Твор. св. Григорія 2, 110 — 112). Онъ сдѣлался христіаниномъ, глубоко понялъ званіе христіанина, посвященъ былъ во священника и съ этихъ поръ весь предался дѣламъ новаго званія.

Итакъ, вотъ вамъ примѣръ, жены несчастныя! Подражайте св. Ноннѣ, и Богъ дастъ, и вы обратите на добрый путь вашихъ мужей. Молитесь пламенно о нихъ Богу; дѣйствуйте на нихъ убѣжденіями и услугами; показывайте имъ собою примѣръ благочестивой жизни, вѣруйте въ милосердіе Божіе, вооружитесь терпѣніемъ и повѣрьте, что, какъ капля воды безпрерывнымъ паденіемъ пробиваетъ камень, такъ и вы, несомнѣнно, рано или поздно, тронете сердца мужей вашихъ и эти сердца обратите къ Господу. Но если бы, при всемъ томъ, вы и не тронули ихъ, то и тутъ ваше не пропадетъ; ибо, чрезъ свое здѣсь, на землѣ, терпѣніе отъ мужей, вы стяжете себѣ вѣнецъ мученическій и причтетесь на небѣ къ лику претерпѣвшихъ до конца („Душ. чт.“ 1890 г., янв.).

2) Св. Моника, мать блаженнаго Августина, имѣла мужа язычника, по имени Петрикія, который былъ грубъ, гнѣвливъ и сначала обращался съ своею женою жестоко и несправедливо. Но блаж. Августинъ говоритъ о ней: „она повиновалась своему мужу, какъ Господу; она заботилась о томъ, чтобы обратить его ко Христу, потому она говорила съ

нимъ о Іисусѣ Христѣ больше святыми дѣлами, чѣмъ словами. Такъ она пріобрѣла его себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣла его любовь и уваженіе. Недостатки его она сносила съ такою кротостью и терпѣніемъ, что никогда не сдѣлала ему ни одного упрека. Если она замѣчала, что онъ гнѣвенъ, то остерегалась, какъ бы не противорѣчить ему словомъ или дѣломъ; когда же онъ бывалъ спокоенъ, тогда она отдавала ему отчетъ о себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ показывала ему, что онъ несправедливо на нее гнѣвался“. Такъ-то между этими мужемъ и женою не только сохранялся миръ на землѣ, но жена даже пріобрѣла мужа для неба, такъ какъ мужъ ея сдѣлался христіаниномъ, крестился и умеръ счастливою смертью (Изъ „В. чт.“).

3) Св. муч. Наталія, супруга св. муч. Адріана, служитъ образцомъ истинной христіанской любви къ своему мужу и вѣрности ему до самой смерти своей. Адріанъ былъ начальникомъ судебной палаты и пользовался между языческими властями большимъ почетомъ. Онъ жилъ въ царствованіе Максимиліана, жестокаго гонителя христіанъ. Однажды въ его палату привели нѣсколько христіанъ, преданныхъ различнымъ пыткамъ и мученіямъ. Видя непоколебимое терпѣніе св. мучениковъ, Адріанъ спросилъ ихъ: „какой награды ожидаете вы отъ своего Бога за эти мученія?“ Они отвѣтили: „такой, какой уста наши не могутъ разсказать, а уши твои не могутъ слышать и умъ постигнуть“. Уразумѣвъ истину, Адріанъ сказалъ тогда писцамъ, записывавшимъ имена преданныхъ на мученія: „запишите и меня, такъ какъ и я христіанинъ, и съ радостью умру за Христа Бога“. Когда донесли объ этомъ царю, то тотъ велѣлъ заковать и отвести исповѣдника въ темницу. Одинъ изъ слугъ Адріана поспѣшилъ извѣстить объ этомъ его супругу, Наталію, которая въ душѣ уже была христіанкою. Исполнившись радости, что мужъ ея рѣшился принять мученическій вѣнецъ, она тотчасъ же поспѣшила къ нему съ словами ободренія. Лобызая его узы, Наталія со всею силою глубоко вѣрующей души старалась воодушевить своего мужа на предлежащій ему подвигъ. Съ полнымъ самоотверженіемъ проводила она время въ темницѣ, омывая раны св. мучениковъ и своими словами укрѣпляя ихъ вѣру и надежду на Христа. Среди самыхъ мученій, св. Наталія не переставала поддерживать мужество страдальцевъ. „Молю тебя, говорила она своему мужу Адріану, когда предстанешь Христу, то принеси за меня первую молитву, чтобы не принудили меня выйти за другого мужа—язычника. Тогда расторгнется союзъ нашъ“. Когда, послѣ смерти мучениковъ, язычники хотѣли сжечь тѣла замученныхъ, то вдругъ поднялась страшная гроза, разогнавшая всѣхъ слугъ. Тогда Наталія похоронила тѣла мучениковъ и удалилась въ свой домъ. Тысяченачальникъ императорской арміи хотѣлъ жениться на ней, но она, узнавъ объ этомъ, скрылась въ Византію. Здѣсь явился ей во снѣ Адріанъ и сказалъ, что она скоро будетъ успокоена Господомъ. И, дѣйствительно, она вскорѣ мирно скончалась, оставшись такимъ образомъ вѣрною и неизмѣнною помощницею своему мужу, особенно въ сохраненіи имъ вѣры Христовой и достиженіи мученическаго вѣнца. Хотя Наталія и не пострадала вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, но св. церковь причислила ее къ лику мучениковъ, коимъ она сострадала своею душою не менѣе того, чѣмъ они страдали тѣломъ. (Ч.-М.).

4) Представимъ теперь образецъ цѣломудренной и благочестивой супруги изъ исторіи русскаго народа. Такова была княгиня *Евфросинія*, супруга муромскаго князя, Давида Юрьевича.

Князь муромскій, Давидъ Юрьевичъ предъ женитьбою заболѣлъ: его тѣло покрылось струпьями. Дочь пчелинца, дѣвица Евфросинія, вылѣчила его мазью. Благодарный князь женился на ней. Такой неравный и несоотвѣтственный бракъ не понравился муромскимъ боярамъ: они, какъ обиженные, требовали отъ князя или развода съ женою-крестьянкою, или отреченія отъ престола. Князь, помня слова писанія: *еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ,* остался вѣрнымъ браку, а престолъ покинулъ. Въ такомъ несчастіи умная и трудолюбивая супруга, утѣшая его, говорила: „не печалься, князь, милосердый Господь не оставитъ насъ въ нищетѣ“. И, дѣйствительно, скоро случились такія обстоятельства, которыя заставили бояръ умолять князя снова вступить на княженіе. Теперь его умная и добрая супруга Евфросинія помогала ему совѣтами, занялась дѣлами благотворительности, корысть презирала, всѣхъ любила, не гордилась своимъ положеніемъ, съ мужемъ жила въ полномъ согласіи, взаимно—вѣрно и цѣломудренно, хотя и моложе его была.

Вотъ какъ поучала княгиня одного женатаго человѣка. Онъ, любуясь ея красотою и мудростью, обуревался дурными помыслами. Княгиня, замѣтивъ искушеніе, приказала ему почерпнуть воды изъ рѣчки сперва съ одной стороны, а потомъ съ другой, и испить. Тотъ повиновался. „Находишь-ли ты разность,—спросила цѣломудренная княгиня,—въ водѣ?“ —Никакой! —„Точно такъ одинаково женское естество,“ замѣтила она: „напрасно ты, оставляя жену свою, думаешь о чужой.“ Подъ старость и князь и княгиня, съ обоюднаго согласія, вступили въ монашество, съ именами Петра и Февроніи. Въ 1228 г. на св. Пасху они въ одинъ день скончались и, по завѣщанію, положены были въ одномъ гробѣ. („Русскіе святые“ Филарета, архіепископа черниговск. ч. II, Спб. 1872 г).

7. Утѣшеніе бездѣтнымъ супругамъ.

Супруги, не имѣющіе дѣтей, большею частію сильно скорбятъ о своемъ безчадствѣ. У иныхъ все есть: и богатство, и высокое положеніе въ свѣтѣ, и здоровье, и удача во всемъ, а дѣтей, радующихъ сердце родителей, нѣтъ. И вотъ, желаніе имѣть ихъ у таковыхъ даже переходитъ иногда въ страданіе. Что сказать въ утѣшеніе подобнымъ людямъ и какой совѣтъ предложить имъ?

Примѣры древнихъ благочестивыхъ безчадныхъ супруговъ научаютъ находить въ семъ случаѣ помощь въ молитвѣ. Пламенно молилась о дѣтищѣ мать Самуила Анна, и горѣло лицо ея во время молитвы, и отъ волненія даже голосъ ея пресѣкался; но услышана была и родила пророка великаго, излюбленнаго Богомъ и бывшаго почти полвѣка наилучшимъ судьею народа Божія. Не менѣе горяча была молитва и матери Пресвятой Богородицы, которая вопіяла: „призри на меня нынѣ, Господи, и услыши молитву мою. Разрѣши болѣзнь сердца моего и покажи неплодную плодоносною“. И эта молитва была услышана, и ей съ мужемъ дарована дщерь, содѣлавшаяся впослѣдствіи матерью Господа. Не тща, наконецъ, была и молитва Захаріи съ Елисаветою, какъ и возвѣстилъ ему ангелъ: *не бойся, Захаріе: зане услышана бысть молитва твоя: и жена твоя Елизаветъ родитъ сына тебѣ и наречеши имя ему Іоаннъ, и будетъ тебѣ радость и веселіе* (Лук. I, 13—14). Вотъ и вы, безчадные супруги, прибѣгайте къ этому средству, и Господь и вашу молитву услышитъ.

Но скажете: „прибѣгаемъ; да, видно, не принимаетъ нашей молитвы Богъ“. Въ такомъ случаѣ усугубьте ее, и если она была кратка и неполна, то дополните ее. Чѣмъ? Представленіемъ Господу, что вы не для своей утѣхи земной просите себѣ дѣтей у Него, а для того, чтобы ихъ Ему же отдать и въ нихъ какъ бы продолжать свое служеніе. Такъ, эти обѣщанія давали Господу, для благоуспѣшности своихъ молитвъ, и обѣ упомянутыя Анны. Мать Самуила говорила: *Господи, аще призирая призриши на смиреніе рабы Твоея, и помянеши мя, и даси рабѣ Твоей сѣмя мужеско, то дамъ е предъ Тобою въ даръ до дне смерти его* (1 Цар. I, 11). И мать Пресвятыя Богородицы также говорила: „тогда, Господи, (т.-е. въ случаѣ исполненія прошенія), рожденное чадо мы приведемъ въ даръ Тебѣ, благословляя, воспѣвая и славя Твое милосердіе“. Какъ видите, полезны и таковые обѣты при молитвѣ о дарованіи дѣтей, а потому присоединяйте и ихъ къ молитвамъ вашимъ, говорите, по крайней мѣрѣ, Господу, что, если Онъ благословитъ васъ дѣтородіемъ, вы будете воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ, въ православной вѣрѣ и въ строгомъ послушаніи православной церкви.

Ревнуйте также съ вашими молитвами соединять и благочестивую жизнь. Помните, что сначала безчадные, но потомъ благословенные отъ Бога дѣтьми, Авраамъ и Исаакъ, также родители Сампсона и Самуила, Пресвятой Богородицы и Предтечи, всѣ были люди благочестивые. Вотъ съ нихъ и берите примѣръ.

И аще соблюдете себя подобно имъ, *то будутъ вамъ* не только дѣти, но *и внуцы, и упованіе ваше не отступитъ* (Притч. XXIII, 18). (См. кн. „Прологъ въ поуч.“ свящ. В. Гурьева, изд. 1889 г.).

8. Какъ воспитывать дѣтей?

Незадолго до Рождества Христова въ галилейскомъ городѣ Назаретѣ жила св. праведная чета — Іоакимъ и Анна; чистая, святая любовь соединила ихъ сердца; горячая любовь къ Богу, ревностное исполненіе Его заповѣдей, братское служеніе ближнимъ тѣсно связали ихъ единодушный брачный союзъ; тихо, мирно течетъ ихъ святая жизнь въ бѣдномъ, незначительномъ городкѣ! Но вотъ ихъ горе, вотъ ихъ бѣда, вотъ скорбь ихъ великая: дѣтей у нихъ нѣтъ. А безъ дѣтей что за радость семейная жизнь? Горячо молятся они Господу, просятъ себѣ дитя; но Господь какъ бы не слышитъ ихъ, какъ бы не внемлетъ ихъ усердной молитвѣ. Такъ благость Божія любитъ испытывать терпѣніе избранниковъ Своихъ. Вотъ ужъ глубокіе старцы праведные Іоакимъ и Анна, а все нѣтъ у нихъ дѣтей, нѣтъ радости, нѣтъ утѣшенія „Великіе грѣшники мы; Господь наказываетъ насъ“,—такъ думали праведные супруги, но все же не переставали молить Господа о дарованіи имъ дитяти. И молитва вѣры была, наконецъ, услышана Богомъ: у нихъ родилась дочь, будущая матерь Спаса Христа. Возблагодарилъ св. Іоакимъ Господа, поклонился небесному вѣстнику и пошелъ повѣдать свою радость супругѣ своей. Единодушная, святая молитва благодарности наполнила души св. супруговъ... И вотъ, родилась у нихъ дочь Марія; пришли родные и знакомые порадоваться вмѣстѣ съ св. старцами.

Братіе! возрадуемся, возвеселимся и мы вмѣстѣ съ Іоакимомъ и Анною о рождествѣ Пречистой Владычицы нашей Богородицы и вмѣстѣ съ тѣмъ поучимся у праведныхъ старцевъ, какъ намъ воспитывать дѣтей своихъ. Несомнѣнно, что Іоакимъ и Анна удостоились быть родителями Богоизбранной Маріи, долженствовавшей послужить тайнѣ воплощенія Сына Божія, потому, что имѣли всѣ добродѣтели вѣрующихъ и благочестивыхъ супруговъ, и поэтому лучше всѣхъ своихъ современниковъ могли воспитать Пречистую Дѣву. Извѣстно, что не только тѣлесныя достоинства или недостатки, сила или слабость, красота или безобразіе, живость или вялость, но и душевныя способности переходятъ отъ родителей къ дѣтямъ, какъ естественное ихъ наслѣдство. Дитя еще во чревѣ матери питается хорошими или испорченными соками и воспринимаетъ, такимъ образомъ, хорошія и дурныя наклонности родителей. И послѣ того дѣти прежде всего берутъ примѣръ съ родителей. Богомольны родители, и дѣти ихъ съ младенчества пріучаются молиться Богу. Свято соблюдаютъ родители постановленія церкви, напр., посты, праздники, и дѣти научаются свято соблюдать ихъ. Кротки родители, милостивы, почитаютъ своихъ родителей, и дѣти мало-по-малу пріобрѣтаютъ эти прекрасныя свойства. Добродѣтели родителей посѣютъ въ воспріимчивыхъ сердцахъ дѣтей сѣмена святыхъ склонностей къ дѣламъ благимъ. Особенно силенъ примѣръ благочестивой матери: одинъ ея взоръ, выражающій благоговѣніе и преданность Богу, часто производитъ на дѣтей самое благодѣтельное дѣйствіе. Мать стоитъ предъ освѣщеннымъ лампадою образомъ и съ усердіемъ молится Богу; дѣти, стоя около нея и не понимая еще всѣхъ произносимыхъ ею въ молитвѣ словъ, углубляются чувствами въ таинство молитвы ко Всевышнему и засѣваютъ въ сердцахъ своихъ сѣмена благочестія. Къ несчастію, не однѣ добрыя, но и худыя склонности и привычки переходятъ отъ родителей къ дѣтямъ. У добрыхъ родителей почти всегда хорошія дѣти, у худыхъ—худыя. Исключенія бываютъ, но рѣдко.

Кто изъ насъ не хочетъ имѣть добрыхъ дѣтей? Будемъ же прежде всего сами сохранять заповѣди Божіи. Будемъ учить дѣтей своихъ доброму не столько словами, сколько примѣромъ нашей жизни. Какъ часто теперь жалуются на непочтеніе и грубость дѣтей! И кто не хочетъ имѣть кроткихъ и благопокорныхъ дѣтей? Постараемся же прежде всего сами воспитать въ себѣ эти прекрасныя качества, сами никогда не позволимъ себѣ ни словомъ, ни дѣломъ оскорблять своихъ родителей, родственниковъ, ближнихъ. Какъ часто теперь слышны жалобы на разгульную, нетрезвую жизнь нашихъ молодыхъ людей! Отцы и матери! Хотите, чтобы ваши дѣти были трезвы, цѣломудренны, скромны, сами будьте трезвенны, сами проводите время благоразумно и благоугодно Господеви, сами никогда, не нарушайте законовъ скромности и цѣломудрія. Хотите, чтобы дѣти ваши молились за васъ Богу при жизни вашей и не забывали молиться о васъ по смерти? Сами молитесь. Знайте, что худымъ примѣромъ вы, родители, сами соблазняете, ведете въ погибель, и кого же? Своихъ дѣтей! Что будетъ, если дѣти возопіютъ къ Богу на своихъ родителей: „Господи, мы не были бы такъ грѣшны, если бы не брали примѣра съ своихъ родителей, мы дѣлали то же, что они дѣлали, и вотъ погибаемъ! Горе намъ, что мы имѣли такихъ родителей“. Именемъ любви вашей къ дѣтямъ просимъ васъ: учите ихъ не словомъ только, а болѣе примѣромъ — своею благочестивою жизнію; не дѣлайте при нихъ ничего худого, даже не говорите ничего соблазнительнаго. Матерь Божія да поможетъ намъ воспитывать дѣтей нашихъ въ страхѣ Божіемъ и въ христіанскомъ благочестіи. (См. № 167-й лист., прилож. къ журн. „Кормчій“).

14-ЫЙ ДЕНЬ.

ВОЗДВИЖЕНІЕ ЧЕСТНАГО И ЖИВОТВОРЯЩАГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ.

Еванг. отъ Іоан. зач. 60-е, гл. XIX, 6—11, 13—20, 25—28, 31—35 ст.

1. Іисусъ Христосъ на судѣ предъ Пилатомъ и на крестѣ.

На другой день послѣ преданія Господа, рано поутру, члены синедріона, или верховнаго судилища, послѣ новаго допроса Іисуса, повели Его къ Пилату, который отъ имени римскаго императора управлялъ тогда Іудеею. Пилатъ прежде никогда не видалъ Іисуса, но слышалъ о Немъ и долго не хотѣлъ осудить Его, потому что не находилъ въ Немъ никакой вины. Но народъ, подстрекаемый врагами Іисуса, настоятельно требовалъ казни Его. Былъ въ Іудеѣ обычай, ради праздника Пасхи, отпускать одного узника. Пилатъ предложилъ отпустить Іисуса, но народъ кричалъ: „распни, распни Его; отпусти Варавву!“ А Варавва былъ извѣстный разбойникъ. Слабый и малодушный правитель, хотя былъ увѣренъ въ невинности Іисуса, уступилъ и осудилъ Его на крестную смерть. Эта казнь считалась самою позорною, и на нее осуждались лишь злѣйшіе преступники. Воины били Іисуса, надѣли на Него багряницу и возложили Ему на главу терновый вѣнокъ; они дали Ему въ руки трость и, смѣясь надъ Нимъ, говорили: „радуйся, Царь іудейскій!“, плевали Ему въ лицо и ударяли Его тростью по головѣ. Потомъ повели Его на казнь. Мѣсто, назначенное для Его казни, называлось Голгоѳа, то-есть лобное мѣсто.

Были въ то время и нѣкоторые добрые люди, которые плакали при видѣ страдающаго Спасителя и съ ужасомъ смотрѣли на злыя дѣла начальниковъ іудейскихъ. Но кто тужилъ, кто плакалъ болѣе Пречистой Его Матери? Она издали шла за Іисусомъ. Она видѣла, какъ вели Его на распятіе, какъ били и мучили Его. Какъ страдало сердце Матери при видѣ мученій Своего Сына! Какъ сожалѣла она о тѣхъ грѣшныхъ людяхъ, которые вели на смерть Іисуса! Вмѣстѣ съ Пречистою Дѣвою шли другія благочестивыя жены, и всѣ горько плакали.

Іисусъ Христосъ Самъ несъ тяжелый крестъ Свой и, утомленный долгими страданіями, съ трудомъ восходилъ на гору. Воины принудили одного встрѣтившагося человѣка, по имени Симона, нести крестъ. Когда они дошли до вершины горы голгоѳской, то поставили тамъ крестъ и распяли на немъ Іисуса, пригвоздивъ къ кресту руки и ноги Его.

Какое ужасное страданіе! Руки и ноги Спасителя были растерзаны острыми гвоздями, голова изранена до крови колючими терніями. На крестѣ, въ насмѣшку надъ Нимъ, сдѣлали надпись: „Іисусъ назарянинъ, царь іудейскій“. Стражи, прохожіе и начальники іудейскіе, издѣваясь надъ Нимъ, кланялись Ему и смѣялись надъ Его мученіями, забывъ, какъ много помогалъ Онъ и дѣлалъ добра людямъ. Они говорили, смѣясь надъ Нимъ: „другихъ спасалъ, Себя же не можетъ спасти. Пусть теперь сойдетъ со креста, и увѣруемъ въ Него. Уповалъ на Бога; пусть теперь избавитъ Его, если Онъ угоденъ Ему“. А Господь и на крестѣ молился за тѣхъ, которые Его мучили; Онъ говорилъ: „Отецъ! прости имъ; они не знаютъ, что дѣлаютъ“.

Вмѣстѣ съ Іисусомъ распяли на крестахъ двухъ разбойниковъ, одного по правую, другого по лѣвую сторону. Одинъ изъ нихъ злословилъ Его и говорилъ Ему: „если Ты Христосъ, спаси Себя и насъ“. Но другой унималъ товарища своего. „Или ты не боишься Бога, говорилъ онъ, когда и самъ осужденъ на то же? Но мы терпимъ справедливое наказаніе за наши злыя дѣла, а Онъ ничего худого не сдѣлалъ“. Потомъ, обратившись къ Іисусу, онъ сказалъ: „помяни меня, Господи, когда пріидешь во царствіе Твое!“

Іисусъ сказалъ ему: „истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ раю“.

Когда распяли Христа, воины раздѣлили между собою одежды Его и о верхней одеждѣ Его бросали жребій.

При крестѣ Іисуса стояла Мать Его и нѣкоторыя жены, слѣдовавшія за Нимъ; стоялъ и любимый ученикъ Іисуса, апостолъ Іоаннъ. Господь сказалъ Матери Своей, указавъ на Іоанна: „вотъ сынъ твой“, а ученику: „вотъ мать твоя“. И съ того времени Іоаннъ взялъ къ себѣ Пресвятую Богородицу и служилъ ей, какъ сынъ матери.

Крестныя страданія Іисуса Христа продолжались отъ шестого часа до часа девятаго. По-нашему счету это было бы отъ двѣнадцати часовъ до трехъ пополудни. Около девяти часовъ (то-есть трехъ по-нашему) Господь сказалъ: „совершилось!“ Потомъ Онъ громко воскликнулъ: „Отче! въ руки Твои предаю духъ Мой“ и, преклонивъ голову, испустилъ духъ.

Съ того времени, какъ распяли Христа, тьма сдѣлалась по всей землѣ; а какъ только Онъ испустилъ духъ, то земля затряслась, завѣса церковная раздралась сверху до низу, камни разсѣлись, и многіе умершіе воскресли. Видя знаменія эти, многіе увѣровали, и сотникъ, стоявшій на стражѣ у креста, воскликнулъ: „воистину Онъ былъ Сынъ Божій!“ (Изъ кн. „Разсказы о земной жизни Господа Іисуса Христа“, Бахметевой).

2. Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста Господня.

Въ день Воздвиженія Честнаго Креста православная церковь празднуетъ три событія: 1) явленіе Честнаго Креста Константину Великому, 2) Обрѣтеніе Святаго Креста въ Іерусалимѣ св. Еленою и 3) Возвращеніе Святаго Креста изъ Персіи, по окончаніи войны съ персидскимъ царемъ Хозроемъ.

а) *Явленіе Честнаго Креста царю Константину.*

Въ началѣ IV столѣтія римской имперіей правили нѣсколько кесарей. Максентій правилъ Италіей и Римомъ, а Константинъ—Галліей (Франціей), Британіей (Англіей) и Испаніей. Римляне въ то время были язычниками, и римскіе императоры жестоко преслѣдовали христіанъ; но, не смотря на всѣ гоненія и притѣсненія, число христіанъ болѣе и болѣе умножалось въ римской имперіи. Хотя Константинъ былъ язычникъ, но уважалъ христіанъ за ихъ святую жизнь и, по примѣру отца своего Констанція, былъ къ нимъ добръ и справедливъ.

Въ 312 году Максентій, сильно гнавшій христіанъ, объявилъ войну Константину. Силы Константина были несравненно слабѣе Максентія, и онъ чувствовалъ, что одинъ не можетъ побѣдить непріятеля своего. „Поэтому,—какъ повѣствуетъ Евсевій, писатель того времени,—Константинъ сталъ думать, какого Бога призвать себѣ на помощь. И пришло ему на мысль, что немалое число *прежнихъ* державныхъ лицъ, возложивъ надежду свою намногихъ боговъ, обманывались въ своихъ ожиданіяхъ и претерпѣвали пораженіе, и что, напротивъ, отецъ его, во всю свою жизнь почитавшій Единаго Всевышняго Бога, имѣлъ знаменія Его покровительства. Константинъ началъ призывать Его, просить и умолять, чтобы Онъ явился, вразумилъ его и въ предстоящемъ дѣлѣ, простеръ ему Свою десницу. Усердно вознося свои молитвы и приношенія, получилъ онъ удивительнѣйшее, посланное отъ Бога знаменіе.

„Идя противъ Максентія, который заключился въ Римѣ, въ часы дня, когда солнце начало уже склоняться къ западу,—говорилъ самъ царь—я собственными очами видѣлъ составившееся изъ свѣта и лежавшее на солнцѣ знаменіе креста съ надписью: симъ побѣждай“. Это видѣніе объяло ужасомъ какъ его самого, такъ и все войско, которое, само не зная куда, слѣдовало за нимъ и продолжало созерцать явившееся чудо. Константинъ недоумѣвалъ, что бы значило такое явленіе? Въ слѣдующую ночь во снѣ явился ему Христосъ, Сынъ Божій, съ видѣннымъ на небѣ знаменіемъ, и повелѣлъ по подобію его устроить воинское знамя и употреблять его для защиты отъ нападенія враговъ. Едва только показался дневной свѣтъ, Константинъ разсказалъ приближеннымъ свою тайну и потомъ, призвавъ людей, умѣвшихъ обращаться съ золотомъ и драгоцѣнными камнями, и описавъ имъ образъ знаменія, приказалъ по подобію его сдѣлать такое же изъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Это знамя нѣкогда случалось видѣть и намъ своими глазами. Оно имѣло слѣдующій видъ: на длинномъ, покрытомъ золотомъ, копьѣ былъ вверху поперечникъ, образовавшій съ копьемъ образъ креста. На самой вершинѣ копья неподвижно лежалъ вѣнокъ изъ драгоцѣнныхъ камней и золота, а на вѣнкѣ знакъ Спасительнаго наименованія: двѣ первыя буквы показывали имя Христа, изъ средины коихъ выходила буква р. Эти буквы впослѣдствіи царь имѣлъ обычай носить и на шлемѣ своемъ. На поперечникѣ копья висѣлъ тонкій бѣлый платъ—царская ткань, покрытая различными драгоцѣнными камнями, блиставшая лучами свѣта. Вышитый золотомъ, этотъ платъ казался зрителямъ невыразимо красивымъ и, вися на поперечникѣ, имѣлъ одинаковую широту и долготу. На прямомъ копьѣ, котораго *нижній* конецъ былъ весьма длиненъ, надъ знакомъ креста, при самой верхней части ткани висѣло сдѣланное изъ золота грудное изображеніе Боголюбезнаго царя и его дѣтей. Этимъ-то спасительнымъ знаменіемъ, какъ оборонительнымъ оружіемъ, всегда пользовался царь для одолѣнія противной и враждебной силы и повелѣлъ во всѣхъ войскахъ носить подобныя знамена. Пораженный дивнымъ видѣніемъ и рѣшившись не чтить никакого другого Бога, кромѣ видѣннаго, Константинъ призвалъ къ себѣ таинниковъ Его слова и спросилъ ихъ, кто тотъ Богъ и какой смыслъ знаменія, которое онъ видѣлъ. Они отвѣчали ему, что Богъ, явившійся ему, есть единородный Сынъ Единаго и Единственнаго Бога, а явившееся знаменіе есть знаменіе безсмертія и торжественный знакъ той побѣды надъ смертью, которую одержалъ Онъ въ дни Своей земной жизни. Потомъ, подробно раскрывъ ученіе о вочеловѣченіи, объяснили Константину и причины пришествія Сына Божія на землю. Константинъ вразумлялся ихъ словами и, сравнивая небесное видѣніе съ словеснымъ объясненіемъ, утверждался въ своихъ мысляхъ. Онъ началъ заниматься чтеніемъ Божественныхъ писаній. Сверхъ сего, повелѣлъ находиться при себѣ Божіимъ іереямъ, въ той мысли, что видѣннаго Бога должно чтить всѣми способами служенія. Оградившись такимъ образомъ благими на Него надеждами, онъ поспѣшилъ, наконецъ, угасить пламень непріятельскаго огня. Призвавъ Бога всяческихъ и призвавъ, какъ Спасителя и Помощника, Христа Его, также поставивъ предъ своими латниками и тѣлохранителями побѣдную хоругвь съ спасительнымъ знаменіемъ, Константинъ выступилъ съ войскомъ своимъ противъ Максентія, укрѣпившагося въ Римѣ. Силою Божіею Константинъ низложилъ непріятеля, который, спасаясь бѣгствомъ, былъ низринутъ съ Нитвіанскаго моста въ Тибръ, въ 15 верстахъ отъ Рима, и утонулъ. Побѣдитель съ торжествомъ вступилъ въ царствующій городъ, гдѣ всѣ встрѣчали Константина съ веселыми лицами и сердцами, съ благословеніями и невыразимою радостью. Но, обладая врожденнымъ благочестіемъ, онъ нисколько не тщеславился народными восклицаніями и не возгордился похвалами, но, сознавая помощь Божію, тотчасъ же вознесъ благодарственную молитву къ Виновнику побѣды. Всенародными памятниками и подписями онъ повѣдалъ всѣмъ силу спасительнаго Христова знаменія. Среди царственнаго города онъ воздвигъ эту священную хоругвь и начерталъ опредѣленно и неизгладимо, что сіе спасительное знамя есть хранитель римской имперіи и всего царства. Когда же на самомъ людномъ мѣстѣ Рима поставили ему статую, онъ немедленно приказалъ то высокое копье въ видѣ креста утвердить въ рукѣ своего изображенія и начертать на латинскомъ языкѣ слѣдующую надпись: „симъ спасительнымъ знаменіемъ, истиннымъ свидѣтельствомъ мужества, я спасъ и освободилъ городъ нашъ отъ ига мучителя и возвратилъ римскому сенату и народу свободу, прежній блескъ и знаменитость“.

Впослѣдствіи Константинъ и воины его неоднократно испытали силу и помощь креста. По сказанію Евсевія, „гдѣ знамя креста показывалось, тамъ враги обращались въ бѣгство, а побѣдители преслѣдовали ихъ“. Когда царь узналъ объ этомъ, то спасительное знамя, какъ дѣйствительнѣйшее средство побѣды, повелѣлъ переносить туда, гдѣ видѣлъ какой-либо свой полкъ ослабѣвшимъ. При этомъ знамени побѣда тотчасъ возстановлялась, потому что сражавшихся при немъ укрѣпляла бодрость и сила, посылаемыя свыше. Посему тѣмъ изъ своихъ щитоносцевъ, которые отличались крѣпостью тѣла, силою души и благочестивымъ нравомъ, Константинъ повелѣлъ состоять единственно при служеніи этому знамени. Такихъ мужей числомъ было не болѣе пятидесяти; они не имѣли другой обязанности, какъ стоять вокругъ знамени, либо слѣдовать за нимъ въ видѣ стражи; обыкновенно каждый изъ нихъ поперемѣнно несъ его на своихъ плечахъ. Писателю настоящей исторіи, Евсевію, разсказалъ объ этомъ самъ царь и къ своему разсказу присоединилъ слѣдующее: — Однажды, въ самомъ жару сраженія произошелъ въ войскѣ шумъ и распространилось смятеніе. Въ это время несшій знамя сильно страдалъ отъ робости и потому передалъ свою ношу другому, чтобы бѣжать съ поля битвы. Когда же одинъ принялъ знамя, а другой удалился и находился уже вдали, пущенная стрѣла пронзила ему чрево и лишила его жизни. Принимая наказаніе за боязливость невѣрія, онъ упалъ и умеръ. Напротивъ, для того, кто взялъ спасительную хоругвь, она сдѣлалась охранительницею его жизни, такъ что, сколько ни пускали въ него стрѣлъ, онъ остался невредимъ.

Такимъ образомъ, крестъ, считавшійся самымъ позорнымъ орудіемъ казни, сдѣлался знаменіемъ торжества и побѣды христіанства надъ язычествомъ. Съ тѣхъ поръ Константинъ запретилъ наказывать крестною казнью; знамена и оружіе украсилъ изображеніемъ на нихъ креста; устроилъ палатку внѣ лагеря, гдѣ поставилъ крестъ, и туда часто уединялся, чтобы возносить молитвы къ Богу.

Вскорѣ послѣ того Константинъ крестился, разрушилъ всѣ языческіе храмы и объявилъ христіанскую вѣру господствующей во всей римской имперіи.

б) *Обрѣтеніе Честнаго Креста св. Еленою.*

Царь Константинъ, въ благодарность за одержаніе имъ побѣды и чудныя явленія благодати Божіей, пожелалъ построить храмъ въ Іерусалимѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ распятъ Господь, чтобы содѣлать это мѣсто предметомъ всеобщаго благоговѣнія. Въ этомъ предпріятіи много содѣйствовала ему матерь его, св. Елена. Въ 326 году она пріѣхала въ Іерусалимъ, чтобы поклониться святымъ мѣстамъ и отыскать Крестъ, на которомъ Спаситель принесъ Себя въ жертву за грѣхи міра. Предполагали найти Крестъ на Голгоѳѣ, потому что у іудеевъ было обыкновеніе зарывать орудія казни на томъ мѣстѣ, гдѣ совершена была казнь. Но гдѣ была Голгоѳа?

Іудеи глубоко засыпали мѣсто, гдѣ положенъ былъ Крестъ Господень, какъ бы предчувствуя, что онъ будетъ имъ знаменіемъ отверженія ихъ отъ Бога. Да и не только іудеи, но и язычники впослѣдствіи, изъ ненависти къ христіанамъ, старались изгладить и скрыть мѣсто страданій Спасителя. Въ 119 году, по повелѣнію Адріана, пещера, куда христіане собирались на поклоненіе святому Кресту, завалена была землею, замощена камнемъ, и здѣсь воздвигнуто было идольское капище.

Св. Елена, съ патріархомъ Іерусалимскимъ Макаріемъ, долго отыскивала Крестъ Господень. Наконецъ, царица обратилась къ іудеямъ, и тѣ, послѣ угрозы, указали ей на одного престарѣлаго іудея, именемъ Іуду, который зналъ мѣсто нахожденія Креста, но онъ сталъ отговариваться незнаніемъ. Тогда его посадили въ глубокій ровъ и стали томить голодомъ; пробывъ тамъ безъ пищи 6 дней, онъ, наконецъ, вынужденъ былъ показать искомое св. мѣсто, о коемъ слышалъ въ младенчествѣ отъ своего дѣда. Находящееся здѣсь идольское капище было разрушено, и, когда мѣсто это расчистили, открыта была пещера, гдѣ былъ гробъ Господень, и тутъ же найдены три креста, и отдѣльно отъ нихъ доска съ надписью еврейской, греческой и римской, по свидѣтельству евангелиста Іоанна: *Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій.* Но какъ было отличить Крестъ Господень отъ другихъ крестовъ, когда всѣ три креста лежали вмѣстѣ и надпись находилась отдѣльно отъ нихъ? Тогда Богъ чудомъ указалъ на тотъ Крестъ, на которомъ распятъ былъ Спаситель. Вотъ что преданіе намъ повѣствуетъ. Въ то время, когда св. Елена и Макарій недоумѣвали, который именно Крестъ Господень, проносили тѣло умершаго. Св. Елена велѣла остановить шествіе и положить кресты, поочереди, на тѣло умершаго; и когда положенъ былъ Крестъ Господень, мертвый ожилъ.

Положенъ былъ также Крестъ на больную женщину, и она тотчасъ же исцѣлилась. Св. Елена, патріархъ и всѣ присутствующіе при семъ чудѣ съ радостью и благоговѣніемъ поклонились и цѣловали животворящій Крестъ; но стеченіе народа было такъ велико, что не позволяло каждому подойти къ нему, и многіе желали, по крайней мѣрѣ, видѣть его. Тогда патріархъ Макарій взошелъ на возвышенное мѣсто и оттуда показывалъ святой Крестъ, *воздвигая* или поднимая его. Народъ съ благоговѣніемъ молился и взывалъ: „Господи, помилуй“. И многіе язычники при этомъ увѣровали во Христа и крестились.

Такимъ образомъ, день обрѣтенія Креста сдѣлался началомъ ежегоднаго празника *Воздвиженія* и тѣхъ молитвъ, поклоненій и лобзаній, которыя сохранились православной церковью.

На самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ найденъ св. Крестъ, воздвигнутъ былъ храмъ во имя Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа.

Событіе обрѣтенія Креста Господня случилось 3 мая 326 года. Первоначальное празднованіе его совершилось во второй день св. Пасхи. Когда же Константинъ Великій, въ благодарность Богу за дарованную ему побѣду надъ Максентіемъ, выстроилъ храмъ Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ, тогда празднованіе Кресту перенесено было на 14 сентября, такъ какъ освященіе новоустроеннаго христіанскаго храма на мѣстѣ страданія и смерти Спасителя міра происходило 13 сентября.

в) *Возвращеніе Креста Господня изъ Персіи.*

Воспоминаніе этого событія присоединено было къ празднику Воздвиженія уже впослѣдствіи, въ VII вѣкѣ.

Почти 300 лѣтъ св. Крестъ Христовъ находился въ Іерусалимскомъ храмѣ Воскресенія, оставаясь предметомъ особеннаго почтенія къ нему всѣхъ христіанъ. Но въ 612 г. надъ Іерусалимомъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, разразилось страшное бѣдствіе.

По воцареніи греческаго (византійскаго) императора Фоки, въ 603 г., Хозрой II, царь персидскій, вскорѣ объявилъ ему войну, продолжавшуюся много лѣтъ. Ираклій I, низложившій Фоку, продолжалъ войну съ персами, которые въ 614 году перешли Іорданъ и осадили Іерусалимъ, принадлежавшій въ то время Византійской имперіи. Послѣ кровопролитной битвы они овладѣли имъ, сожгли храмъ Воскресенія, умертвили многихъ священниковъ, монашествующихъ и множество христіанъ, похитили все, что было въ храмѣ Воскресенія цѣннаго, и, между прочимъ, Крестъ Господень.

Четырнадцать лѣтъ персы владѣли св. крестомъ. Наконецъ, въ концѣ уже 628 г., Сароэсъ, сынъ Хозроя, побѣжденный Иракліемъ, принужденъ былъ возвратить Крестъ.

Ираклій самъ, съ патріархомъ, клиромъ и съ множествомъ народа, встрѣтилъ въ Константинополѣ Крестъ Господень и потомъ сопровождалъ его до Іерусалима, чтобы тамъ еще принести благодареніе Богу за возвращеніе св. Креста и за дарованную ему побѣду. Дошедши до горы Елеонской, Ираклій взялъ Крестъ на плеча, чтобы нести его на лобное мѣсто. Но патріархъ, сопровождавшій царя, замѣтилъ ему, что Сынъ Божій несъ крестъ на Голгоѳу не въ царскомъ величіи, но въ смиренномъ образѣ раба. Тронутый внушеніемъ святителя, царь сложилъ съ себя царскую одежду, надѣлъ убогую и съ открытой головой и босыми ногами внесъ въ храмъ Воскресенія св. Крестъ и положилъ его на то мѣсто, откуда онъ былъ похищенъ персами.

Христіане съ радостью взирали на торжество возвращенія Креста Господня. Въ храмѣ Іерусалимскомъ, въ подражаніе древнему Воздвиженію, Честный Крестъ снова былъ воздвигаемъ руками патріарха, и народъ опять въ умиленіи восклицалъ: „Господи, помилуй“.

Православная церковь присоединила къ празднику *Воздвиженія Обрѣтеніе и Возвращеніе Креста Господня* изъ Персіи, и это присоединеніе болѣе придало торжественности этому празднику. Онъ причисленъ къ *двунадесятымъ,* и въ этотъ день положенъ церковью *постъ* въ память смерти Господа нашего Іисуса Христа.

Воспоминая *Воздвиженіе* Креста, церковь прославляетъ въ особенности Божественную его силу, какъ залогъ побѣды и жизни, и потому называетъ его *Животворящимъ* и изображаетъ его могущество такою молитвою: „Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды благовѣрному императору нашему на сопротивныя даруя, и Твое сохраняя крестомъ Твоимъ жительство“—(тропарь праздника). Такъ какъ сила креста особенно проявилась въ побѣдахъ благовѣрныхъ государей надъ врагами, потому церковь въ этотъ день молится о дарованіи побѣды нашему императору. („Воскресный день“, 1888 г., № 36, стр. 405—408).

Дальнѣйшая исторія Креста Христова такова:

Когда Палестина была завоевана турками, тогда для освобожденія святой земли западные христіане снарядили большое войско—крестоносцевъ, которое, подступивъ къ Іерусалиму въ 1099 году, взяло его у турокъ (11 іюля). Іерусалимскіе христіане встрѣтили своихъ освободителей-крестоносцевъ съ св. Крестомъ, взглядъ на который такъ восхитилъ крестоносцевъ, что они видѣли на крестѣ какъ бы Самого распятаго Господа Іисуса Христа. Радость христіанъ такъ была велика, что св. крестъ торжественно носили по улицамъ Іерусалима, его лобызали, обнимали, плакали, обливали слезами радости, пока опять не поставили его въ храмѣ Воскресенія. Послѣ сего турки нѣсколько разъ намѣревались отнять у крестоносцевъ-христіанъ Іерусалимъ, но Крестъ Господень, носимый въ рядахъ войска, ограждалъ и воодушевлялъ крестоносцевъ противъ турокъ, подавая побѣду за побѣдой. Такъ Балдуинъ I, царь Іерусалимскій, неудачи на войнѣ всегда приписывалъ отсутствію Креста Господня въ рядахъ войскъ. При Балдуинѣ III, во время войны, турки зажгли терніе на поляхъ, чрезъ которыя необходимо нужно было проходить крестоносцамъ, погибель коихъ была неминуема, такъ какъ, съ одной стороны, враги поражали христіанъ тучами стрѣлъ, а съ другой,—ѣдкій дымъ не давалъ дышать защитникамъ Креста Господня. Тогда, въ трудныя минуты опасности, назаретскій епископъ, помолившись, воздвигъ честный Крестъ Христовъ, — и вѣтеръ, перемѣнивъ направленіе, погналъ весь дымъ въ сторону враговъ.

Во время третьяго крестоваго похода (1171—1188) противъ Саладина Крестъ Христовъ также находился въ рядахъ войскъ, который, будучи поставленъ на возвышеніи, при битвѣ тиверіадской воодушевлялъ благочестивыхъ воиновъ такъ, что самъ Саладинъ отзывался о ихъ храбрости и мужествѣ съ нескрываемой досадой. Но когда во время сей битвы былъ убитъ птолемаидскій епископъ, державшій Крестъ Господень, послѣдній попалъ въ руки враговъ. Отчаянный крикъ раздался въ рядахъ христіанскихъ воиновъ и, несмотря на всѣ усилія христіанъ отнять у враговъ орудіе нашего спасенія—св. Крестъ, онъ остался, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, въ рукахъ невѣрныхъ турокъ. Тогда воины кидали свое оружіе, не думали болѣе о побѣгѣ и спасеніи, но сами бросались на мечи и копья враговъ. Поле сраженія представляло зрѣлище отчаянія, скорби и страшнаго горя... Христіане, потерявъ Животворящій Крестъ Господень, болѣе уже не боялись потерять свободу и дорогую жизнь. Послѣ битвы Крестъ Господень былъ отнесенъ врагами въ городъ Багдадъ, гдѣ находился болѣе 30 лѣтъ, такъ какъ Саладинъ и его преемники ни за какія сокровища въ мірѣ не хотѣли возвратить его христіанамъ. Только въ 1221 г., послѣ удачной войны, христіанамъ былъ возвращенъ св. Крестъ, отъ котораго съ сего времени начали отдѣлять и отдавать большія части Креста Господня, какъ благословеніе, нѣкоторымъ большимъ городамъ. Одна большая часть Креста Господня находится въ Царь-градѣ; другая его часть—въ Іерусалимѣ; у грековъ также большая часть его находится и хранится въ золотомъ ковчегѣ, который стоитъ за престоломъ. Многіе и изъ русскихъ городовъ и даже селъ имѣютъ маленькія частицы его, вдѣланныя въ престольные кресты и ковчежцы. И, такимъ образомъ, Крестъ Господень, по словамъ Кирилла Іерусалимскаго, раздѣленъ былъ во всѣ концы вселенной, для спасенія которой Христосъ и былъ распятъ за насъ, грѣшниковъ.

3. Какъ надобно изображать на себѣ крестное знаменіе?

Въ день празднованія кресту всего приличнѣе говорить о крестѣ. Да намъ, христіанамъ, и всегда прилично говорить о крестѣ. Крестъ есть орудіе нашего спасенія. Крестъ есть примиреніе наше съ Богомъ. Крестъ есть и животворящая, побѣдоносная сила наша, крѣпость, утвержденіе и огражденіе. Итакъ, читатель, крестомъ побѣждай и побѣдишь все противное вѣрѣ и спасенію, враговъ внутреннихъ — свои страсти, и всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ — всю силу вражію. Нападутъ на тебя страсти, внутренніе домашніе враги твои возстанутъ на тебя, напр., гнѣвъ, мщеніе, гордость, огради грудь твою знаменіемъ креста, и враги твои сокрушатся. Такова сила креста! Но какъ надо изображать на себѣ крестное знаменіе? Объ этомъ теперь поговоримъ.

Прежде всего, мы должны изображать крестное знаменіе съ живою вѣрою. Крестное знаменіе само по себѣ есть внѣшній знакъ, который можетъ получать значеніе только отъ внутренняго смысла, какой мы съ нимъ соединяемъ. И если мы не будемъ изображать на себѣ это знаменіе съ вѣрою во Христа Спасителя, умершаго за насъ на крестѣ, съ вѣрою и въ благодатную силу самаго креста Господня — орудія нашего спасенія: въ такомъ случаѣ, наше крестное знаменіе, сколько бы мы ни возлагали его на себѣ, будетъ лишено христіанскаго смысла и останется неугоднымъ Богу: *безъ вѣры невозможно угодити Богу* (Евр. XI, 6).

Должно, во-вторыхъ, начертывать на себѣ знаменіе св. креста, по установленію св. церкви, соединеніемъ трехъ первыхъ перстовъ правой руки во имя Пресвятой Троицы. Когда мы начертываемъ на себѣ св. крестъ тремя перстами вмѣстѣ: тогда самымъ сочетаніемъ перстовъ мы выражаемъ то же, что нерѣдко выражаемъ и устами при осѣненіи себя крестнымъ знаменіемъ, говоря: во имя Отца и Сына, и Св. Духа, и, слѣдовательно, самымъ соединеніемъ перстовъ исповѣдуемъ вѣру въ Тріипостаснаго Бога, которая прежде всего требуется отъ насъ, какъ, вообще, въ дѣлѣ нашего спасенія, такъ, въ частности, и при употребленіи крестнаго знаменія. Съ другой стороны, этотъ обычай творить крестное знаменіе тремя перстами, потому еще достоинъ всего нашего уваженія, что онъ всегда и вездѣ употреблялся въ православной церкви, не только у насъ въ Россіи, но и въ другихъ странахъ міра, а не есть обычай новый и частный. Поэтому, сами видите, сколь неумѣстны всѣ укоризны касательно православнаго нашего перстосложенія со стороны старообрядцевъ: они крайне несправедливо глумятся надъ трехперстнымъ сложеніемъ и хвалятся своимъ двухперстнымъ. Дай Богъ, чтобы они также возлюбили трехперстное сложеніе, какъ теперь любятъ двухперстное!

Наконецъ, должно возлагать на себѣ знаменіе св. креста такъ, чтобы дѣйствительно начертывался на насъ св. крестъ, и чтобы этотъ крестъ, по наставленію св. церкви, верхнимъ концомъ своимъ касался нашего чела, нижнимъ — нашей груди, боковыми—нашихъ плечъ. Иначе, если въ нашемъ крестномъ знаменіи не будетъ собственно креста: какъ и ожидать отъ него спасительныхъ дѣйствій? Полагая на себѣ знаменіе св. креста во время молитвы и запечатлѣвая имъ свое чело, грудь и плечи, мы тѣмъ самымъ освящаемъ и какъ бы посвящаемъ и приносимъ въ жертву Господу нашъ умъ съ его мыслями и познаніями, наше сердце съ его чувствованіями и желаніями, и наши силы душевныя и тѣлесныя съ ихъ дѣятельностью. А посему какъ неразсудительно поступаютъ тѣ христіане, которые крестятся, даже въ церкви, видимо развлекаясь посторонними предметами, или, вмѣсто изображенія креста, дѣлаютъ рукою на груди какое-то торопливое, безпорядочное движеніе, не имѣющее никакого значенія. Такіе люди похожи на безпечныхъ воиновъ, которые, находясь среди враговъ и имѣя оружіе, съ нерадѣніемъ берутся за оное и устремляютъ въ противную сторону, ни мало не думая о защищеніи себя отъ враговъ. Отъ такого небрежнаго крестнаго знаменія душѣ нашей не польза, а одинъ вредъ.

Но и это все еще не столь много значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, какія страшныя злоупотребленія дѣлаются у насъ изъ крестнаго знаменія. Скажи, что ты дѣлаешь, когда божишься напрасно? Крестишься, то-есть творишь на себѣ крестное знаменіе и даешь въ поруки распятаго на крестѣ Господа. Какъ ты обманываешь другихъ?—Крестнымъ знаменіемъ. Какъ ты выдаешь ложь за правду? —Крестнымъ знаменіемъ. Чѣмъ ты завѣряешь клеветы свои на ближняго твоего? —Крестнымъ знаменіемъ. Чѣмъ ты отпираешься отъ долговъ своихъ? — Крестнымъ знаменіемъ. Покуда рука недостойнаго христіанина творитъ крестное знаменіе, его нечестивыя уста въ то же время изрыгаютъ хулы, ругательства, проклятія, разныя непотребныя слова; сердце его кипитъ злобою и мщеніемъ, въ умѣ строятся козни на погибель другихъ; а такимъ образомъ крестное знаменіе всѣми хулится чрезъ нашу недостойную жизнь и употребляется такъ, какъ будто оно есть изображеніе не священное; на такое богохульство едва ли дерзаютъ даже некрещенные, и за такое богохульство, по слову апостола, *погибель* наша *не воздремлетъ* (2 Петр. II, 3).

Православные христіане! Никогда не оставляйте дѣла Господня и бойтесь совершать его съ небреженіемъ; въ словѣ Божіемъ написано: *проклятъ человѣкъ, творяй дѣло Господне съ небреженіемъ* (Iерем. XLVIII, 10). Гдѣ бы вы ни были— въ Божіемъ ли храмѣ, въ домѣ, на пути; вкушаете ли пищу, занимаетесь ли работою, отходите ли ко сну, — всегда полагайте на себя крестное знаменіе должнымъ порядкомъ, съ благоговѣніемъ и вѣрою въ распятаго на крестѣ Христа. Тогда Господь за ваше благочестіе и благоговѣніе будетъ ниспосылать вамъ Свою благодать и благословеніе и сохранять васъ отъ всякаго зла. Да не смотрите на тѣхъ людей, которые, хотя и считаются образованными, но, подражая какой-то, конечно, созданной по внушенію лукаваго, модѣ, не слѣдуютъ благочестивому обычаю креститься. Они горько заблуждаются и грѣшатъ... А вы старайтесь исповѣдывать, при всякомъ удобномъ случаѣ, распятаго Господа—и словомъ, и знаменіемъ креста, и никогда не стыдитесь сего исповѣданія. „Не стыдись,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ о крестномъ знаменіи,—не стыдись креста, чтобы тебя не постыдился Христосъ, когда придетъ со славою Своею, и когда предъ Нимъ явится знаменіе свѣтлѣе лучей солнечныхъ“ (Толков. на еванг. Мѳ., Бесѣд. 34). (См. „Христ. бесѣд.“, прилож. къ журн. „Паст. собес.“ за 1899 г.).

4. Разсказы о силѣ крестнаго знаменія.

Невозможно исчислить всѣхъ случаевъ, въ которыхъ св. человѣки Божіи поражали и прогоняли св. крестомъ діавола и аггеловъ его: сказаніями о семъ переполнены житія святыхъ.

I. Знайте, что нѣтъ *такой страсти*, нѣтъ такой похоти, *которая могла бы противиться всепобѣждающей силѣ креста*. Это не наши слова. „Когда ты,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,—дѣлаешь крестное знаменіе, вспомни всю силу креста, все крестное дѣло, и потушишь ярость и всѣ прочія страсти“ (св. Злат., бес. на

Матѳ. 54), потушишь весь этотъ, по выраженію св. Григорія Богослова (въ его сл. „о человѣческой природѣ“), „охлаждающій огонь“, который снѣдаетъ твою плоть, томитъ твое сердце. Вотъ и одинъ изъ множества примѣровъ, показывающихъ, какъ рѣшительно побѣждается наша плоть силою св. креста! Св. Софроній, патріархъ іерусалимск., повѣствуетъ (см. „Лимонарь“, или „Лугъ духовный“, гл. 3), что нѣкоторый пресвитеръ, по имени Кононъ, совершая св. крещеніе надъ эллинами, обращавшимися къ христіанской вѣрѣ, и погружая въ св. водахъ не только мужей, но и женъ и дѣвъ, — чувствовалъ въ себѣ столь сильные порывы страсти, что, наконецъ, рѣшился навсегда оставить мѣсто своего служенія и пустился бѣжать въ горы... Но бѣглеца настигнулъ явившійся св. Іоаннъ Креститель, остановилъ его, трижды знаменовалъ св. крестомъ, и симъ оружіемъ „отъялъ отъ него брань“ плоти. Пресвитеръ немедленно возвратился къ мѣсту своему, и уже „нисколько не ощущалъ въ себѣ похоти“, кого бы ни случалось ему погружать. „Если ты, братъ мой,— говоритъ св. Ефремъ Сиринъ, — всегда будешь употреблять св. крестъ въ помощь себѣ, то не пріидетъ къ тебѣ зло, и язва не приближится къ жилищу твоему“ (пр. Ефрема Сир. „сл. на честный и животворящій крестъ“). Ибо крестъ, какъ учитъ св. Кириллъ іерусалимскій, „великое предохраненіе, данное бѣднымъ и слабымъ безъ труда“ (Оглас. поуч. XIII, 36).

II. Защищаясь крестомъ святымъ отъ враговъ и отъ житейскихъ бѣдствій, мы должны стяжать въ немъ и *врача нашихъ недуговъ*, какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ. „Но какимъ образомъ, — подумаетъ кто-нибудь, — крестъ можетъ врачевать болѣзни тѣлесныя, когда мы всѣ имѣемъ св. крестъ и, между тѣмъ, принуждены пользоваться другими врачевствами для излѣченія нашихъ немощей?“ – Ахъ! это зависитъ совершенно не отъ св. креста. Вина въ насъ самихъ. Видно, мы или не пользуемся, или не такъ, какъ должно, не съ живою вѣрою и любовію, не съ твердымъ упованіемъ употребляемъ это спасительное врачевство. Но обратитесь къ нашимъ священнымъ лѣтописямъ, къ жизнеописаніямъ святыхъ Божіихъ человѣковъ: вы здѣсь, можно сказать, на каждой страницѣ увидите, какъ многоцѣлебна сила креста Христова. Укажемъ хотя на нѣкоторые изъ безчисленныхъ примѣровъ. Такъ, по сказанію св. Прохора, ученика Іоанна Богослова, св. апостолъ знаменіемъ креста исцѣлилъ нѣкогда лежавшаго при пути больного человѣка (житіе св. Іоанна Богослова, сент. 26).

Нѣкто благочестивый Иръ, по наставленію св. апостола Филиппа, начерталъ рукою своею образъ креста Христова на поврежденныхъ членахъ недужнаго Аристарха, и тотчасъ усохшая рука исцѣлѣла, око прозрѣло, слухъ открылся, и больной сталъ здоровъ (Жит. св. ап. Филиппа, ноября 14).

Преп. Макрина, сестра св. Василія В., страдая „отъ вреда нѣкоего лютаго на персяхъ ея“, просила свою мать осѣнить больное мѣсто крестомъ, и какъ скоро употреблено было это врачевство, мгновенно получила исцѣленіе (Жит. преп. Макрины, іюля 19).

III. Но чудодѣйственный крестъ Христовъ не только исцѣлялъ недуги, *онъ даже содѣлывалъ тѣло человѣческое невредимымъ* ни отъ пламени, ни отъ челюстей свирѣпыхъ звѣрей, ни отъ смертоносныхъ ядовъ. Такъ, св. первомученица Ѳекла осѣнила крестомъ „множество дровъ и хврастія, собраннаго подъ нею на сожженіе ея“, и огонь не дерзнулъ прикоснуться къ ея тѣлу (Жит. св. Ѳеклы, сент. 24). Св. мученица Василисса никомидійская оградила себя знаменіемъ креста и, посреди пламени, въ разожженной пещи, „стояла на многъ часъ въ огни горящемъ“, безъ всякаго вреда (Жит. св. мученицы Василиссы, сент. 4).

Обреченные на снѣдь звѣрей, св. мученики Авдонъ и Сеннисъ напечатлѣли на себѣ св. крестъ, и лютые звѣри, подобно кроткимъ агнцамъ, лобызали ноги человѣковъ Божіихъ (Жит. св. мученик. Авдона и Сенниса, іюля 1).

IV. *Сила креста прогоняетъ бѣсовъ.* Однажды, діаволъ напалъ на св. Кипріана. Не могши ничѣмъ избавиться отъ своего мучителя, Кипріанъ воскликнулъ: „Боже, помоги мнѣ!“ и при этомъ перекрестился. Діаволъ тотчасъ, какъ стрѣла, отскочилъ отъ него и исчезъ („Ч.-М.“, окт. 2 д.).

Нельзя не вспомнить здѣсь о томъ достопримѣчательномъ случаѣ, о которомъ разсказываетъ св. Григорій назіанзинъ. Юліанъ отступникъ рѣшился нѣкогда „въ одной изъ недоступныхъ для народа страшныхъ пещеръ совѣщаться съ подземными демонами о будущемъ“. Но вдругъ „храбреца объемлетъ ужасъ; съ каждымъ шагомъ ему становится страшнѣе... Пораженный нечаянностью, какъ неопытный въ такомъ дѣлѣ, онъ прибѣгаетъ ко кресту, сему древнему пособію, и знаменуется имъ противъ ужасовъ. Знаменіе подѣйствовало, демоны побѣждены, страхи разсѣялись. Но отступникъ порывается итти далѣе, и опять тѣ же ужасы. Онъ еще разъ крестится, и демоны утихаютъ" („св. Григ. наз. или Богослова, слово 1, обличит. на царя Юліана").

Ѵ. Приведемъ въ заключеніе свидѣтельство неба о силѣ креста, который безумцами нашего времени—штундистами, отвергается и даже порицается. Одинъ изъ врачей императора Константина Великаго—Пробіанъ, обратившійся въ христіанство изъ язычества, принималъ всѣ догматы христіанской вѣры потому лишь, что находилъ ихъ правдоподобными, но не допускалъ того, чтобы крестъ Христовъ былъ основаніемъ спасенія людей,—словомъ, онъ не почиталъ креста Господня. Разъ онъ находился въ храмѣ. Вдругъ ему является ангелъ Господень и, указывая на одно изъ изображеній креста Господня, сказалъ: „со времени распятія Христа, изъ всѣхъ дѣлъ и случаевъ, направленныхъ къ общей пользѣ рода человѣческаго и къ частной нѣкоторыхъ людей, ничего не сдѣлано безъ креста ни святыми ангелами, ни благочестивыми людьми" („Цер. ист. Созом., кн. 2, гл. 3").

5. Почему крестъ Христовъ достопоклоняемъ?

Почему крестъ Христовъ достопоклоняемъ и достопочитаемъ?

Потому 1), что на немъ былъ распятъ Христосъ, Царь и Господь (Іоан. XIX. 17, 19, 25, 31; Матѳ. XXVII. 40 и др.), искупившій насъ чрезъ Свои крестныя страданія отъ грѣха, проклятія и смерти, тяготѣвшихъ надъ родомъ человѣческимъ. „Пригвоздившій ко кресту дерзновенный адамовъ грѣхъ, Онъ разодралъ (уничтожилъ) и согрѣшеній нашихъ рукописаніе (Колос. II. 14), примирилъ Бога съ человѣкомъ" (Ефес. III. 16; Колос. 1. 20; Іоан. XIѴ. 27), въ чемъ и проявилась безмѣрная любовь Божія къ падшему человѣчеству. Такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего единороднаго, дабы всякъ вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную (Іоан. III. 16).

2) Здѣсь, на крестѣ, совершилась побѣда надъ діаволомъ, врагомъ спасенія рода человѣческаго. Чрезъ крестъ Христовъ разрушены его козни и сокрушены врата адовы, и связанные грѣховнымъ плѣномъ получили свободу и право называться сынами Божіими и членами церкви Христовой (Матѳ. XII. 20; Лук. XI. 21—22; Іоан. 1. 12; Кол. II. 15; 2 Кор. VI. 16).

3) Крестъ Христовъ есть побѣдное знаменіе церкви Христовой, ибо силою креста Христова побѣждаются враги видимые и невидимые. Крестъ Христовъ есть божественное оружіе къ отгнанію всякаго врага и супостата (1 Кор. 1, 18; Лук. 1. 71—74: Матѳ. XXII. 44),

4) Крестъ Христовъ есть начало и конецъ нашего спасенія (Іоан. III. 16—17; 36). Безъ креста мы не христіане, мы не члены церкви Христовой, мы не сыны Божіи. Для креста мы рождаемся, съ крестомъ живемъ и съ крестомъ умираемъ (Матѳ. X, 38; 16. 24; 28. 19; Лук. XIѴ, 27; Марк. X. 21; 16. 16). Крестъ Христовъ есть наша броня, или одѣяніе, въ которое мы должны облекаться (Матѳ. XX. 22—23; Мар. X. 38—39; Лук. XII. 50) во время нашего земного подвигоположничества, чтобы тѣмъ сразу отличаться отъ всякаго иновѣрнаго или невѣрующаго (Апок. VII. 3; Іезек. IX. 4).

5) Крестъ Христовъ есть хвала для христіанина и грозное наказаніе для отвращающихся и гнушающихся креста Христова, для отпадающихъ изъ-за него отъ церкви Христовой и для враговъ Божіихъ (Гал. VI. 14. 24; 1 Кор. I. 18; Евр. XIII. 13; VI. 6; Филип. III. 18).

И, наконецъ, 6) крестъ Христовъ есть страшное знаменіе въ день страшнаго и окончательнаго суда Божія для всѣхъ противниковъ имени Христова (антихристовъ). (Мѳ. 24, 30).

Съ значеніемъ креста Христова тѣсно связанъ вопросъ о его *формѣ* и изображеніи крестнаго знаменія рукою. Форма креста Христова въ разное время изображалась различно, и древнѣйшая изъ нихъ несомнѣнно та, которая употреблялась у римлянъ-язычниковъ для распинаемыхъ на крестахъ. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, она была трехконечная и очень походила на изображеніе греческой литеры (Т). А у христіанъ—та, которая сохранилась и до нашего времени. Эта форма двухъ видовъ креста: *прямого* (+) или *четвероконечнаго* и *восьмиконечнаго*. И то и другое изображеніе креста Христова свято и достопочитаемо въ силу распятаго на крестѣ Господа Іисуса. Но думаемъ, самую вѣрнѣйшую и правильнѣйшую форму креста Своего показалъ намъ собою Самъ распятый на крестѣ

Христосъ Спасъ нашъ, распростершій Свои пречистыя руки и чрезъ то какъ бы привлекшій обоя (т.-е. іудеевъ и язычниковъ) къ примиренію съ Богомъ и спасенію чрезъ Свои крестныя страданія, смерть и воскресеніе. (См. ж. І. Хр. по ев. и нар. пред. Скворцова. Кіевъ. 1876 г., стр. 205. У Фаррара „Жизнь І. Хр," пер. Лопухина, стр. 436. 1885 г.).

Что касается *изображенія* крестнаго знаменія рукою на челѣ и персяхъ въ формѣ креста Христова, то оно восходитъ ко временамъ апостольскимъ. По свидѣтельству Тертулліана и Василія Великаго, уже во II в. христіане изображали знаменіе креста на своемъ челѣ при началѣ каждаго новаго дѣла, когда входили въ домъ или выходили изъ дома, когда одѣвались, садились за столъ, отходили ко сну и проч. Со временъ апостольскихъ крестное знаменіе употреблялось при богослуженіи и совершеніи таинствъ. У евангелистовъ (Мѳ. XIX, 13. 15; XXVIII, 18—20. Мар. XVI, 16—17. Лук. 24, 50) встрѣчаемъ указанія на образъ совершенія крестнаго знаменія, а въ ветхомъ завѣтѣ встрѣчаемъ прообразъ сего въ крестообразныхъ дѣйствіяхъ и сложеніяхъ рукъ (Исх. XII, 7. 13. Числ. 21, 5—9. Іезек. IX, 4. Іоан. III, 14). Апостолъ Павелъ, сопоставляя ветхозавѣтный прообразъ съ новозавѣтнымъ образомъ, заповѣдуетъ въ посланіи къ Тимоѳею (1—2, 8) употребленіе при молитвѣ воздѣянія рукъ съ крестнымъ знаменіемъ, что и служитъ знаменіемъ побѣды Христа надъ діаволомъ посредствомъ креста. Несомнѣнно, что и сами апостолы употребляли крестное знаменіе, благословляли крестнымъ знаменіемъ во имя Іисуса Христа. (См. о перстосл. для крест. знам. и благосл. Бес. Никанора архіеп. херсонск. С.-Пб. 1890. стр. 5, 59 и др.).

Ношеніе креста Христова *на шеѣ* также очень древне. Оно восходитъ къ первымъ временамъ христіанства и есть несомнѣнный видимый знакъ принадлежности ко Христу и Его церкви, а, съ другой стороны, есть знакъ и огражденіе себя той невидимой и спасительной силой, которая побѣждаетъ діавола, смерть и всякое зло. Все это можно видѣть изъ исторіи мученія *св. Ореста,* который, нося изображеніе креста Христова на шеѣ, исповѣдывалъ тѣмъ самымъ свою принадлежность къ церкви Христовой и Христу, и, находясь на служеніи среди войскъ языческихъ (при Лисіи), не боялся враговъ своихъ видимыхъ и невидимыхъ, и, вооружившись силою креста Христова, не устрашился смерти и принялъ мученическій вѣнецъ, какъ побѣдное знаменіе надъ врагами спасенія. (Четьи-Минеи, изд. 1837 г. М. дек. 13 д. кн. 1. л. 80). Святая церковь, освящая это спасительное знаменіе для ношенія на груди, молится: да будетъ оно всякому, на себѣ носящему, защищеніе и соблюденіе отъ всякаго зла, души и тѣлу спасительное, и въ умноженіе въ немъ духовныхъ даровъ и христіанскихъ добродѣтелей; да будетъ исполнено оно силы и крѣпости къ проганію и разоренію всякія діавольскія козни, въ защищеніе души и тѣла отъ лица враговъ видимыхъ и невидимыхъ, и отъ всякаго зла.

Вотъ почему крестъ Христовъ достопочитаемъ. Пріидите, вси вѣрніи, поклонимся честному кресту Христову! (Изъ журн. „Воскресный день" 1893 г. № 8. стр. 118—119).

6. О четвероконечномъ крестѣ.

Православная церковь почитаетъ крестъ не ради количества концовъ, а ради воспоминанія страданія Господня; поклоняется не веществу крестному, не четыремъ только или восьми концамъ, но Господу І. Христу, распятому на крестѣ. „Кланяемся образу честнаго и животворящаго креста, — говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, — аще и изъ иныя вещи будетъ, не веществующе, — да не будетъ! но образъ, яко Христовъ символъ" (І. Дам. кн. 4, о вѣр., гл. 12), а въ другомъ мѣстѣ: „образъ Христова крестованія видѣвше и спасительнаго страданія въ воспоминаніе пришедше, падше поклоняемся не веществу, но образуемому" (тамъ же, гл. VII). Согласно съ такимъ взглядомъ, православная церковь одинаково почитаетъ и четвероконечный, и восьмиконечный крестъ. На православныхъ храмахъ, на священныхъ сосудахъ и облаченіяхъ находится и тотъ, и другой видъ креста.

Раскольники же утверждаютъ, что истиннымъ и животворящимъ крестомъ Христовымъ называется лишь крестъ 8-конечный, т.-е. состоящій изъ прямого древа, поперечнаго древа, титла и подножія. На этомъ крестѣ, по ихъ мнѣнію, былъ распятъ І. Христосъ; этотъ видъ креста Онъ освятилъ Своею кровію. Четвероконечный же крестъ не есть истинный Христовъ крестъ, а крыжъ латинскій, и потому православная церковь, почитая его, поступаетъ несправедливо, вопреки ученію отцовъ церкви и церковному обычаю. Никонъ, по словамъ Никиты Пустосвята, почитаніемъ этого креста „непорочную во Христа вѣру нарушилъ". Нѣкоторые же изъ расколоучителей дошли до такого ослѣпленія, что признали четвероконечный крестъ печатію антихриста.

Такое ученіе явилось у раскольниковъ давно. Находится оно въ сочиненіяхъ первыхъ расколоучителей (Никиты, Лазаря, инока Авраамія, въ Соловецкой челобитной, а особенно оригинально изложено у Аввакума) и подробно раскрыто въ „Поморскихъ отвѣтахъ". Долгое время держались его всѣ безъ исключенія раскольники. Но образовавшееся въ XVIII в. согласіе дьяконовцевъ оставило ученіе родоначальниковъ раскола и признало четвероконечный крестъ. То же сдѣлали впослѣдствіи и поповцы, принявшіе „Окружное посланіе".

1) По мнѣнію раскольниковъ, четвероконечный крестъ не есть истинный Христовъ крестъ, а крыжъ латинскій, и потому не заслуживаетъ чести и поклоненія. Но такое мнѣніе ихъ совершенно несогласно съ ученіемъ отцовъ церкви, которые ясно свидѣтельствуютъ, что четвероконечный крестъ есть истинный крестъ Христовъ. Такъ преп. Ефремъ Сиринъ называетъ *животворящимъ* тотъ крестъ, который мы полагаемъ на себѣ, значитъ, четвероконечный. Онъ пишетъ: „вся уды животворящимъ крестомъ утверди". Онъ же далѣе называетъ этотъ крестъ истиннымъ крестомъ Христовымъ, говоря: „сей бысть водруженъ на мѣстѣ лобнѣмъ", и ниже: „симъ оружіемъ драгимъ Христосъ Богъ нашъ разверзе всенесытую адову утробу" (Сл. 102 о похв. кресту). Св. Аѳанасій Вел. свидѣтельствуетъ, что кресту, отъ двою древу сложенному, слѣдуетъ поклоняться. „Образъ крестный отъ двою древу совокупляюще. Внегда кто насъ укоритъ отъ невѣрныхъ, яко древу кланяющеся, можемъ, обѣ древѣ разлучивше и образъ крестный разрушивше, сия непщевати праздна древа и невѣрному заградити уста, яко не древо, но образъ крестный почитаемъ" (Вып. Озер. т. II, стр. 250 въ Скриж. 1656 г. л. 51). Въ Ч.-Минеѣ подъ 7 мая находится слѣдующій разсказъ.

Въ 351 г, въ царствованіе императора Констанція, въ святую пятидесятницу, 7 мая, произошло необычайное событіе: около третьяго часа дня надъ горою Голгоѳой явилось на небѣ знаменіе креста Господня, блистаніемъ своимъ превосходившее самое сіяніе солнца. Это знаменіе простиралось отъ Лобнаго мѣста до горы Елеонской (ок. 2 вер.), „и согласоваше крестная широта долготѣ своей". Очевидно, крестъ, явившійся на небѣ, имѣлъ видъ четвероконечный съ равными сторонами; между тѣмъ, онъ былъ показанъ людямъ Самимъ Богомъ. (Другія свидѣтельства см. въ Вып. Озер. ч. II, стр. 251—271 и въ брош. Арсеньева: „О равночестномъ почитаніи св. креста четвероконеч. и осьмиконечнаго". Изд. Брат. св. Петра митр.).

2) По мнѣнію раскольниковъ, четвероконечный крестъ есть новшество, введенное патр. Никономъ, но не то говорятъ вещественные памятники древности. Въ нихъ, на-ряду съ восьмиконечными и шестиконечными крестами, не мало встрѣчается и четвероконечныхъ крестовъ. Такъ, въ Константинопольскомъ Софійскомъ соборѣ, обращенномъ въ турецкую мечеть, во многихъ мѣстахъ на колоннахъ и стѣнахъ вырѣзаны на мраморѣ четвероконечные кресты, сохранившіеся въ цѣлости и до настоящаго времени. Въ алтарѣ московскаго Успенскаго собора находится такъ называемый корсунскій крестъ четвероконечный. Въ Кіево-Печерской лаврѣ хранится византійской работы мѣдный крестъ, четвероконечный, преп. Марка Пещерника (XI в.) На новгородскомъ Софійскомъ соборѣ и на многихъ другихъ древнихъ храмахъ новгородскихъ кресты четвероконечные. Въ раскопкахъ Херсонеса найдено много церковныхъ мраморныхъ круглыхъ колоннъ, капителей и частей иконостасовъ, на которыхъ изображены выпуклые кресты, все четвероконечные. Херсонъ запустѣлъ въ концѣ XIII или нач. XIV в., а колонны, капители и части иконостасовъ были сдѣланы, конечно, въ цвѣтущее время и потому много раньше XIII в. На московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, построенномъ при Іоаннѣ Васильевичѣ, въ 1488 г., крестъ четвероконечный. (Другія свидѣт. см. въ Вып. Озер. ч. II. стр. 273—279 и въ брошюрѣ Арсеньева).

Несмотря на столь ясныя и многочисленныя доказательства, раскольники не соглашаются признать четвероконечный крестъ истиннымъ крестомъ Христовымъ, а называютъ крыжемъ латинскимъ и говорятъ, что въ Россіи онъ почитаемъ не былъ. Въ доказательство того, что четвероконечный крестъ не почитался въ Россіи, раскольники ссылаются на разсказъ о прибытіи папскаго легата Антонія въ

Москву, съ царевною Софьею, помѣщенный въ Никоновой лѣтописи. Здѣсь говорится, что когда легатъ входилъ въ Москву, а предъ нимъ несли крестъ, данный папою для большей почести, то митр. Филаретъ, спрошенный по этому поводу княземъ Іоанномъ Васильевичемъ III, сказалъ: „не мощно тому быти, еже въ градъ сей ему внити, но и приближитися. Аще ли же тако учинишь, почтити его хотяй, то онъ во врата граду, и язъ, отецъ твой, другими враты изъ града... Слышавъ же сія, князь великій отъ святителя, посла къ тому лягатосу, чтобъ не шелъ предъ нимъ крыжъ, но повелѣ скрыти его“ (Ник. лѣт. ч. 6, стр. 49—50). Но здѣсь, очевидно, оказано неуваженіе не ко кресту, а легату, который несеніемъ креста предъ собою хотѣлъ доставить себѣ и своей церкви почесть.

3) Наконецъ, раскольники говорятъ, что четвероконечный крестъ есть печать антихриста. Но такое мнѣніе не имѣетъ для себя ни малѣйшаго основанія ни въ Св. Писаніи, ни въ твореніяхъ отцовъ и учителей церкви, и есть не болѣе, какъ нечестивая хула на честный и животворящій крестъ Господень. По словамъ св. Ипполита, папы римскаго, и св. Ефрема Сирина, имѣющій на себѣ печать антихриста не будетъ въ состояніи изобразить на себѣ крестное знаменіе, но связана рука его будетъ (Б. Собор. л. 131, Ефр. Сир. сл. 105, л. 298). Между тѣмъ, каждый изъ православныхъ христіанъ изображаетъ на себѣ крестное знаменіе. Св. Ипполитъ говоритъ: „даде Господь знаменіе иже въ Него вѣрующимъ честный крестъ, и той (антихристъ) подобнѣ дастъ *свое* знаменіе“ (л. 127 въ Б. Собор.), и далѣе: „вси уклонишася отъ Бога и лестцу (антихристу) вѣроваша, *пріемше начертаніе сквернаго богоборца, вмѣсто животворящаго креста Спасова*“ (л. 133 об.). Отсюда ясно, что печатію антихриста будетъ не животворящій крестъ Спасовъ, а начертаніе сквернаго богоборца, или, какъ говоритъ Іоаннъ Богословъ, начертаніе, или имя звѣря, или число имене его (Апок. XIII, 17). Наконецъ, если четвероконечный крестъ — печать антихриста, то почему раскольники знаменаются этою печатію?

Раскольники возражаютъ: почитая крестъ четвероконечный и восьмиконечный, правосл. церковь почитаетъ два креста Господня. — Нѣтъ. „Какъ икона Христова, полная ли она, представляющая весь образъ тѣла до ногъ, или сокращенная, напр., поясная, либо представляющая только существенную часть образа, лицо, напр., на образѣ нерукотворенномъ, всегда есть одна икона единаго Христа и равно почитается: такъ и крестъ Христовъ, полный ли онъ или сокращенный, каковъ есть, четвероконечный и равноконечный, всегда есть одинъ крестъ единаго Христа, и равно почитается въ православной церкви“ (м. Филаретъ). Притомъ же, если православные, почитая крестъ восьмиконечный и четвероконечный, почитаютъ два различныхъ креста, то и раскольники, почитая крестъ восьмиконечный и шестиконечный, почитаютъ также два креста. (Извлеч. съ сокращ. изъ кн. „Руководство по обличенію русскаго раскола“. Изд. 2. К. Плотникова, стр.138—148).

7. Изъясненіе догмата объ искупленіи по житіямъ святыхъ.

I. Св. мученикъ Акакій такъ научалъ св. вѣрѣ узниковъ, бывшихъ съ нимъ вмѣстѣ въ темницѣ: „Сынъ Божій, пришедши въ міръ, воспріялъ плоть отъ Пресвятыя и Пречистыя Дѣвы Маріи и, содѣлавшись человѣкомъ, волею претерпѣлъ крестъ, да загладитъ древомъ креста грѣхъ преслушанія Адамова и вольнымъ Своимъ страданіемъ воздастъ за насъ удовлетвореніе и дастъ отпущеніе осужденному человѣку, ибо, будучи пригвожденъ на крестѣ, Онъ раздралъ рукописаніе, писанное на насъ, и отпустилъ грѣхъ, и смертію Своею сокрушилъ смерть, плѣнилъ адъ, посрамивши всю силу и власть діавольскую; потомъ возсталъ изъ мертвыхъ въ третій день и даровалъ роду человѣческому то, что всѣ воскреснутъ и будутъ жить въ безконечные вѣки“ (Ч.-Минеи, мая 7 дня).

II. Для іудеевъ, ждавшихъ обѣтованнаго Мессію, какъ славнаго завоевателя, слово крестное, т.-е. проповѣдь о крестныхъ страданіяхъ Господа Іисуса Христа, по апостолу, казалось соблазномъ. Такимъ же оно казалось и язычникамъ. Для уясненія имъ дѣйствительности и сообразности съ совѣтомъ Божіимъ страданій Господа, Спасителя нашего, св. угодники приводили ветхозавѣтныя пророчества, которыми дорожили сами іудеи. Такъ, приведя многія ветхозавѣтныя пророчества объ І. Христѣ, св. Сильвестръ, папа римскій, рѣшая возраженіе іудеевъ, какъ Богъ могъ страдать, назидалъ ихъ: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ имѣлъ два естества: Божеское и человѣческое; человѣчество Его въ единомъ Его лицѣ пострадало за насъ, а Божество Его не было подвержено страданіямъ. Какъ дерево, освѣщенное солнечными лучами, хотя и бываетъ посѣкаемо, но въ это время лучъ солнечный не сѣчется, такъ и человѣчество во Христѣ, соединенное съ Божествомъ, хотя потерпѣло страданія, но Божество не страдало" (Ч.-М. января 2 д.).

III. Истина искупленія и спасенія людей крестными страданіями и смертію Господа была утверждаема явленіями Самого Распятаго Господа. „Господи! — вопрошалъ св. Симеонъ Дивногорецъ явившагося ему I. Христа,— какъ Тебя распяли іудеи?" Господь распростеръ крестообразно Свои руки и сказалъ: „такъ Меня распяли іудеи; но Я Самъ восхотѣлъ быть распятымъ". (Ч.-М. мая 24 д.).

IV. Отъ царя Діоклитіана былъ посланъ воевода Неаній (въ крещеніи Прокопій) мучить христіанъ. На пути былъ къ нему гласъ съ неба: „Неаніе, на кого идешь и на кого возстаешь?" — „Посланъ отъ царя, отвѣчалъ со страхомъ воевода, убивать всѣхъ вѣрующихъ въ Распятаго". — „О, Неаніе, и ты идешь на Меня?" — „Кто Ты, Господи? Я не могу знать Тебя!" Въ это время показался ему на воздухѣ пресвѣтлый крестъ, и слышанъ былъ гласъ отъ креста: „Я Іисусъ распятый, Сынъ Божій!" — Неаній съ трепетомъ спросилъ: „если Ты воистину Сынъ Божій, то какъ іудеи могли надругаться надъ Тобой, распять Тебя и умертвить?" Снова былъ гласъ отъ креста: „для рода человѣческаго волею подъялъ Я сіе, да избавлю грѣшныхъ отъ власти діавольской, взыщу погибшихъ и оживотворю мертвыхъ. Если бы Я не былъ Сынъ Божій, то могъ ли бы говорить съ тобою?" Послѣ сихъ словъ крестъ восшелъ на небо (Ч.-М. іюля 8 д.). (Сн. кн.: „Православное исповѣданіе христіанск. вѣры въ Четіихъ-Минеяхъ". Прот. А. Свирѣлина, Спб. 1893 г. стр. 100—107).

25-Й ДЕНЬ.

ПРЕСТАВЛЕНІЕ ПРЕП. СЕРГІЯ, РАДОНЕЖСКАГО ЧУДОТВОРЦА.

Еванг. отъ Лук., зач. 24, гл. VI, 17—23 ст.

1. Евангеліе о путяхъ къ блаженству, читаемое во дни преподобныхъ, которые шли этимъ путемъ въ царствіе небесное.

Одна изъ бесѣдъ Спасителя, слышанная нынѣ изъ евангелія св. Луки, передана намъ съ особенною подробностью евангелистомъ Матѳеемъ. Это—нагорная проповѣдь Спасителя объ условіяхъ къ достиженію вѣчнаго блаженства.

Спаситель началъ проповѣдь Свою слѣдующими словами: „Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное. Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся. Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю. Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ. Блаженны чистые сердцемъ, ибо они увидятъ Бога. Блаженны миротворцы, ибо они назовутся сынами Божіими. Блаженны гонимые за правду, ибо ихъ есть царство небесное. Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать за Меня, ибо награда ваша велика на небесахъ".

Мы часто слышимъ въ церкви переданныя здѣсь слова Спасителя; они читаются или поются за обѣднею, передъ выходомъ со святымъ евангеліемъ. Великимъ постомъ они поются послѣ часовъ, съ прибавленіемъ молитвы кающагося разбойника: „помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіе Твое". Постараемся понять эти божественныя слова. Мы узнаемъ изъ нихъ, кого Спаситель называетъ блаженными, то-есть, самыми счастливыми людьми, и какъ мы можемъ достигнуть такого блаженства. Блаженство, о которомъ говоритъ Спаситель, не похоже на радости земныя. Мы радуемся богатству, славѣ, почестямъ; но все это очень часто отдаляетъ насъ отъ Бога. Господь называетъ блаженствомъ только такое благополучіе, которое соединено съ чистотою сердца и близостью къ Богу.

Блаженны нищіе духомъ. Нищій есть самый бѣдный, безпомощный человѣкъ; его кормятъ Христа ради; онъ знаетъ, что у него нѣтъ ничего, всѣмъ кланяется, у всѣхъ проситъ помощи. Почему же Спаситель обѣщаетъ царство тѣмъ, которые въ душѣ своей нищи? Потому, что Онъ любитъ смиренныхъ, тѣхъ, которые почитаютъ себя послѣдними изъ людей, никогда не гордятся и сознаются въ недостаткахъ своихъ. Такіе смиренные люди, чувствуя, что имъ нельзя исправиться безъ помощи Божіей, усердно просятъ у Него небесной помощи и отъ души каются въ своихъ грѣхахъ. Эти нищіе духомъ уважаютъ въ другихъ людяхъ не знатность ихъ и богатство, а ихъ доброту и душевныя качества. Они готовы всегда смиренно служить ближнимъ. Спаситель самъ всегда подавалъ намъ примѣръ смиренія. Онъ благоволилъ родиться въ бѣдномъ семействѣ, терпѣлъ оскорбленія и обиды, умылъ ноги ученикамъ Своимъ и говорилъ, что Сынъ человѣческій „не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для избавленія многихъ“. „Кто хочетъ быть первымъ между вами,—сказалъ Онъ ученикамъ Своимъ, — пусть будетъ всѣмъ рабъ“. Это значитъ, что мы всѣ усердно и смиренно должны трудиться на пользу ближняго, не ожидая за то наградъ, ни даже благодарности.

Господь всегда особенно любилъ несчастныхъ, страждущихъ людей. Онъ говорилъ: „пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я васъ упокою“. Сколько разъ Спаситель во время земной Своей жизни помогалъ несчастнымъ, исцѣлялъ больныхъ, утѣшалъ страждущихъ; Онъ и теперь подаетъ чудныя утѣшенія тѣмъ, которые къ Нему обращаются въ горестяхъ. Когда мы страдаемъ отъ тяжкой болѣзни или бѣдности, когда теряемъ тѣхъ, которыхъ любимъ, когда насъ люди преслѣдуютъ или обижаютъ, гдѣ намъ искать утѣшенія и отрады?—Въ божественномъ ученіи Спасителя, въ теплой молитвѣ, обращенной къ нашему Господу, Который, живя на землѣ, Самъ много страдалъ. Много есть несчастныхъ дѣтей, но они не забыты Богомъ. Если ты несчастный сирота, у котораго нѣтъ ни доброй матери, ни нѣжнаго отца, — знай, что Господь, Отецъ небесный, видитъ твои слезы и одиночество. Если ты боленъ и не можешь принимать участія въ радостяхъ жизни, — не унывай, но будь увѣренъ, что Господь видитъ твои страданія. Молись Ему, и Онъ тебя утѣшитъ, дастъ тебѣ силу и терпѣніе, и, если Ему угодно и для тебя полезно, то исцѣлитъ тебя.

Господь называетъ блаженными тѣхъ плачущихъ, которые ищутъ въ Немъ утѣшенія, молятся Ему и вспоминаютъ объ Его страданіяхъ. „*Блаженны плачущіе,*—сказалъ Спаситель,— *ибо они утѣшатся.*“

Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю. „Научитесь отъ Меня, — сказалъ Спаситель, — ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ“. Кроткій человѣкъ не знаетъ ни гнѣва, ни ссоры; его любятъ родные и товарищи, онъ, такимъ образомъ, и на землѣ находитъ награду; о кроткихъ говоритъ царь Давидъ въ своихъ псалмахъ: „кроткіе наслѣдуютъ землю и насладятся о множествѣ міра“.

Что такое *алчущій и жаждущій правды?* Въ голодѣ и жаждѣ человѣкъ хочетъ ѣсть и пить; этого требуетъ его тѣло, и такому требованію должно удовлетворять для поддержанія здоровья. Но человѣкъ созданъ не изъ одного тѣла, у него есть еще душа; для души также необходима пища. Эта пища—правда, добро, хорошія мысли и добрыя дѣла. Здоровое тѣло требуетъ пищи, а больному она противна. Такъ и душа больная не ищетъ правды; но живая и крѣпкая душа проситъ своей пищи, и Господь говоритъ, что таковыя души блаженны и насытятся.

Гдѣ же пища для души? Гдѣ та правда, которая должна напитать сердце человѣка?—Въ законѣ Божіемъ, въ святомъ ученіи Христовомъ. Тамъ душа найдетъ покой; умъ—наставленіе на все хорошее; воля найдетъ правила для земной жизни. И малый ребенокъ можетъ стараться узнавать изъ священнаго писанія волю и заповѣди своего Создателя и небеснаго Отца. Утоленіемъ душевной жажды прежде и болѣе всего служитъ, далѣе, возможно частое пріобщеніе святѣйшаго Тѣла и Крови Господа І. Христа.

Блаженны милостивые. Блаженны тѣ, которые чувствуютъ сожалѣніе къ страданіямъ ближняго и стараются ему помочь. Вспомнимъ, какъ жилъ Спаситель нашъ на землѣ, сколько творилъ Онъ добра, какъ принималъ больныхъ, проповѣдывалъ народу. Съ какою готовностью шелъ Онъ къ тѣмъ, которые призывали Его и съ вѣрою къ Нему обращались! И мы должны стараться подражать Ему; мы должны не только помогать тѣмъ, которые насъ окружаютъ, но даже отыскивать тѣхъ, которымъ можемъ чѣмъ-нибудь помочь. Во всякомъ состояніи и даже во всякомъ возрастѣ можно оказать милосердіе ближнему. Защитить слабаго товарища, помочь ему въ работѣ, дать ему хорошій совѣтъ, отвести отъ дурного дѣла, выучить ребенка молиться Богу, утѣшить его, вотъ—добрыя дѣла, къ которымъ мы должны и можемъ пріучиться съ раннихъ лѣтъ. Вспомнимъ, что если мы не будемъ исполнять этого, то и Господь не приметъ молитвъ нашихъ, не окажетъ намъ помощи, и что только тѣ, которые милостивы къ ближнимъ, будутъ помилованы Богомъ.

Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ. Кто не останавливаетъ мыслей своихъ на дурномъ, кому противно всякое грѣшное удовольствіе, всякое нескромное желаніе, у того сердце чисто. Господь есть совершенство чистоты и святости; поэтому Его можетъ видѣть только человѣкъ съ чистымъ сердцемъ. Что значитъ видѣть Бога?—Это значитъ силою любви уразумѣвать Его святость и постоянно имѣть ее предъ глазами. Всякій грѣхъ, всякая дурная мысль похожи на пятно, которое понемногу распространяется по всему сердцу и все заражаетъ. Во все продолженіе нашей жизни мы должны стараться сохранять чистоту нашей души и очищать ее покаяніемъ. Царь Давидъ былъ человѣкъ, избранный Богомъ, но впалъ въ согрѣшеніе. Онъ отъ души покаялся, и мы повторяемъ молитву, въ которой онъ выразилъ свое раскаяніе и просилъ: „сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей“.

Спаситель говоритъ, что *миротворцы назовутся сынами Божіими.* Такъ велика заслуга передъ Господомъ тѣхъ, которые не только сами никого не обижаютъ и бранятъ, но и ссорящихся стараются мирить. Мы должны безпрестанно заботиться о томъ, чтобы удалять всякій предлогъ и причину къ ссорѣ; лучше пожертвовать своимъ удовольствіемъ или своею выгодою, чѣмъ допустить себя до такого грѣха. Чтобы быть въ мирѣ со всѣми, надобно удерживать языкъ свой отъ всякаго гнѣвнаго и браннаго слова. „Языкъ, — говоритъ апостолъ Іаковъ, — небольшой членъ, но много дѣйствуетъ; имъ мы благословляемъ Бога и Отца, имъ проклинаемъ людей, сотворенныхъ по подобію Божію... Гдѣ зависть и сварливость, тамъ неустройство и все худое. А мудрость, сходящая свыше, чиста, кротка, мирна, исполнена милосердія и добрыхъ плодовъ. Плодъ же правды сѣется въ мирѣ у тѣхъ, которые хранятъ миръ“.

Во всемъ должны мы уступать своимъ ближнимъ, чтобы сохранить съ ними миръ и согласіе; въ одномъ только мы должны всегда твердо стоять, не боясь ни ненависти, ни гоненія—это въ вѣрѣ православной и исполненіи заповѣдей Христовыхъ. Никакая брань, никакая насмѣшка не должны склонить насъ на дурное дѣло или отдалить насъ отъ благочестиваго поступка и отъ исполненія заповѣди Божіей, и если мы нашею твердостью навлечемъ на себя непріятность, то мы должны перенести это не только съ терпѣніемъ, но и съ радостью.

Спаситель сказалъ: *„блаженны гонимые за правду, ибо ихъ есть царство небесное.* Какимъ ужаснымъ мученіямъ подвергались первые христіане! Но ни казнь, ни самыя ужасныя пытки не могли убѣдить ихъ отказаться отъ Христа и поклониться идоламъ. Въ житіяхъ святыхъ разсказано о томъ, какъ они страдали и умерли за имя Христово. Первые христіане и жизнью, и смертью своею утвердили и распространили вѣру христіанскую; они заповѣдали намъ продолжать это святое дѣло. Всѣ мы должны непремѣнно о томъ стараться и къ этому направлять съ раннихъ лѣтъ нашу волю и способности. (Сост. по кн. Бахметевой: „Разсказы о земной жизни І. Христа“).

2. **Краткое сказаніе о житіи преп. Сергія.**

Преподобный Сергій родился въ Ростовѣ, въ 1319 году, отъ родителей благородныхъ и благочестивыхъ, которыхъ звали Кирилломъ и Маріею, и при крещеніи названъ Варѳоломеемъ. Разсказываютъ, что до рожденія его необыкновенный случай изумилъ всѣхъ. Однажды мать его, имъ беременная, пришла въ церковь, и нерожденный еще младенецъ три раза закричалъ громкимъ голосомъ. Это заставило на него потомъ обратить особенное вниманіе; но, къ огорченію родителей, когда семилѣтняго мальчика стали учить, успѣхи его были слабы. Учитель наказывалъ его, родители увѣщевали; онъ самъ старался, сколько могъ, но грамота ему не давалась. Съ раннихъ лѣтъ ему пришлось узнать, что во всемъ надобно прибѣгать къ помощи Божіей. Однажды, въ лѣсу, онъ вдругъ увидѣлъ около дерева инока, стоявшаго на молитвѣ. Мальчикъ остановился и, выждавъ, пока тотъ кончилъ молитву, подошелъ къ нему. „Что тебѣ надобно, чадо?“ спросилъ монахъ. „Я учусь грамотѣ, отвѣчалъ Варѳоломей, но плохо успѣваю, и это меня огорчаетъ. Помолись за меня Богу, отецъ святой, чтобы Онъ мнѣ помогъ“. Старецъ помолился и благословилъ мальчика, который съ тѣхъ поръ сталъ дѣлать значительные успѣхи. Скоро онъ сталъ предпочитать чтеніе дѣтскимъ играмъ. Возрастая, онъ болѣе и болѣе занимался чтеніемъ божественныхъ книгъ; и слово Божіе, укореняясь въ его сердцѣ, укрѣпляло его въ благочестіи и во всемъ добромъ.

Родителямъ его пришлось переселиться съ семействомъ въ городъ Родонежъ, недалеко отъ Москвы. Старшіе братья его женились, а Варѳоломей пожелалъ вступить въ монашество; но родители считали его еще слишкомъ юнымъ. Они желали, чтобъ онъ сперва испыталъ себя, дабы послѣ не раскаиваться. Какъ покорный сынъ, онъ повиновался; и только послѣ ихъ смерти, уступивъ наслѣдство младшему брату, онъ пошелъ искать себѣ пустыннаго мѣста. Старшій братъ его, Стефанъ, который, овдовѣвши, вступилъ въ Хотьковскій монастырь, захотѣлъ послѣдовать его примѣру, и оба брата отправились вмѣстѣ. Въ это время окрестности Москвы были покрыты почти непроходимыми лѣсами. Братья отошли нѣсколько верстъ отъ Радонежа. Среди лѣса полюбилось имъ одно мѣсто, и они, помолившись, начали рубить лѣсъ. Они сдѣлали себѣ хижину изъ листьевъ и хворосту, а потомъ своими руками поставили келью и маленькую деревянную церковь во имя св. Троицы. Вотъ начало славной Свято-Троицкой обители.

Стефанъ, вскорѣ по освященіи церкви, ушелъ въ Москву и тамъ поступилъ въ монастырь; но братъ его остался твердъ въ намѣреніи жить въ пустынѣ. На 24-мъ году онъ принялъ постриженіе отъ одного игумена, по имени Митрофана, причемъ былъ названъ Сергіемъ; это было 7-го октября, въ день св. мучениковъ Сергія и Вакха. Митрофанъ, благословивъ его, сказалъ: „да распространитъ Богъ на мѣстѣ семъ обитель великую и преславную". Потомъ онъ удалился, и молодой пустынникъ остался одинъ среди непроходимыхъ лѣсовъ, которые были тогда наполнены дикими звѣрями и представляли очень скудныя средства къ жизни, но вѣра помогала Сергію преодолѣвать всѣ трудности уединеннаго житія. Голодъ, жажда, непогода, недостатокъ самыхъ необходимыхъ предметовъ, ничто не могло побѣдить его терпѣнія. Труднѣе всѣхъ лишеній была дла него внутренняя борьба, борьба противъ страха, унынія и душевной немощи. Иногда, послѣ долгаго поста, бдѣнія и трудной работы, ему чудились страшныя видѣнія; ему слышались голоса, говорящіе: „бѣги отсюда, не надѣйся здѣсь жить". Но св. Сергій неутомимо боролся, укрѣплялъ силы духа постоянной молитвой, и находилъ въ ней твердость и успокоеніе душевное. Менѣе всего опасался онъ дикихъ звѣрей, хотя они часто доходили до самой его кельи. Увидѣвши разъ около нея медвѣдя, который показался ему голоднымъ, святой вынесъ ему кусокъ хлѣба. Съ тѣхъ поръ медвѣдь сталъ часто приходить къ кельи пустынника, который иногда самъ лишалъ себя почти необходимой пищи, чтобы накормить голоднаго звѣря.

Не долго, однако жъ, пришлось преподобному Сергію оставаться въ совершенномъ одиночествѣ. Слухъ о его святой жизни распространился; стали его посѣщать, и люди, желавшіе посвятить себя Богу, стали просить позволенія селиться около него. Сергій представлялъ имъ всѣ трудности пустынной жизни, но наконецъ соглашался принять тѣхъ, которыхъ она не страшила.

Собралось до двѣнадцати братій. Съ помощью преподобнаго Сергія, поставили они кельи и несли вмѣстѣ труды пустынножительства. Изъ другихъ мѣстъ приходилъ священникъ для совершенія богослуженія: своего еще не было. Св. Сергій не хотѣлъ принять сана ни игуменскаго, ни пресвитерскаго. Онъ не желалъ имѣть какого-нибудь превосходства надъ прочими, а служилъ всѣмъ, исполняя самыя тяжелыя работы. Нѣсколько келлій онъ построилъ самъ; онъ рубилъ дрова, носилъ ихъ, мололъ на мельницѣ, варилъ пищу, шилъ одежду и обувь, носилъ воду на гору и ставилъ въ кельѣ каждаго.

Но необходимость имѣть игумена дѣлалась все болѣе чувствительна; и наконецъ, по неотступной просьбѣ братіи и по повелѣнію епископа, Сергій согласился принять на себя эту должность. Епископъ посвятилъ его въ санъ пресвитера и поставилъ игуменомъ. Сергій, вошедши въ церковь, долго молился со слезами; потомъ, обратясь къ собраннымъ братіямъ, онъ благословилъ ихъ и поручилъ себя ихъ молитвамъ, сознавая свою немощь. Принявъ начальство, св. Сергій, однако жъ, не измѣнилъ своего образа жизни. Онъ кроткими словами поучалъ братію и продолжалъ по-прежнему служить ей во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ.

Между тѣмъ, число иноковъ росло; архимандритъ Симонъ, услышавъ о Сергіи, оставилъ свое настоятельство въ Смоленскѣ, чтобъ жить въ послушаніи у него, и своимъ имѣніемъ помогъ ему создать церковь пространнѣе прежней.

Но средства обители были еще довольно скудны: Сергій не позволялъ братіямъ просить вспомоществованія въ окрестностяхъ, но научалъ ихъ надѣяться на милость Божію. Недостатокъ же случался часто; болѣе пятнадцати лѣтъ обитель находилась въ такомъ положеніи, что до нея едва можно было добраться чрезъ непроходимые лѣса. Иногда не было воска для свѣчей; тогда зажигали лучины, и при этомъ освѣщеніи совершалось богослуженіе. Недостатокъ въ пищѣ прежде всего постигалъ игумена, который мало заботился о себѣ. Разъ наступилъ настоящій голодъ; иные уже не ѣли два дня, и братія приступили къ Сергію, чтобы онъ имъ позволилъ итти просить хлѣба; но Сергій, собравъ всѣхъ ихъ на молитву, обнадеживалъ милостью Божіей, говоря имъ: „вѣрую, что Богъ не оставитъ насъ и обители нашей". И дѣйствительно, вѣра святого оправдалась: одинъ благочестивый человѣкъ прислалъ въ обитель множество съѣстныхъ припасовъ и три дня сряду возобновлялъ это приношеніе.

Сила Господня не разъ оправдывала вѣру преподобнаго. Мѣсто, въ которомъ онъ поселился, было безводное; братія жаловались иногда, что далеко ходить за водой. „Я хотѣлъ здѣсь жить одинъ", отвѣчалъ Сергій, „но Богъ, Которому угодно было, чтобы на семъ мѣстѣ воздвиглась обитель, силенъ подать намъ и воду, какъ Онъ въ пустынѣ далъ воду народу Израильскому". Взявъ съ собой одного изъ братіи, онъ сошелъ въ дебрь подъ монастыремъ; тамъ въ маленькомъ рвѣ оказалось немного дождевой воды. Святой, ставъ на колѣна, помолился усердно, и тутъ образовался источникъ, въ которомъ вода не оскудѣвала, и изъ котораго черпаютъ до сихъ поръ. Святому была дарована сила творить чудеса: онъ молитвой исцѣлялъ больныхъ и однажды воскресилъ умершаго; но со смиреніемъ отвергалъ всегда воздаваемую ему славу, повелѣвая благословлять и благодарить одного Бога.

Однажды преподобный Сергій, по обычаю своему, ночью, молился о братіи, какъ вдругъ услышалъ голосъ, звавшій его. Перекрестившись, онъ отворилъ окно и увидѣлъ необыкновенный свѣтъ съ небеси. „Сергій", сказалъ прежній голосъ, „Господь услышалъ молитву твою. Смотри, подобно симъ птицамъ умножится число учениковъ твоихъ". И святой, взглянувши вверхъ, увидѣлъ множество прекрасныхъ птицъ, со всѣхъ сторонъ окружившихъ монастырь.

Святый митрополитъ Алексій пожелалъ поставить преподобнаго Сергія епископомъ, готовя себѣ въ немъ преемника. Призвавъ его, онъ надѣлъ на него золотой крестъ и предложилъ занять его санъ послѣ смерти его; но св. Сергій, поклонившись ему, смиренно отвѣчалъ: „прости меня, владыко, отъ юности моей я не былъ златоносцемъ, въ старости же тѣмъ болѣе хочу остаться въ нищетѣ". Долго убѣждалъ его митрополитъ. „Прости меня", рѣшительно сказалъ ему преподобный, „ты хочешь возложить на меня бремя выше силъ моихъ, ты не найдешь во мнѣ, чего ищешь, ибо я человѣкъ грѣшный".

Но, при всемъ отчужденіи отъ міра, св. Сергій хранилъ въ сердцѣ горячую любовь къ отечеству, глубоко сожалѣлъ о его бѣдствіяхъ, и сочувствовалъ его славѣ. Въ это время Россія находилась подъ владычествомъ татаръ. Уже болѣе ста лѣтъ она страдала подъ жестокимъ игомъ; князья ѣздили въ орду покланяться хану, народъ былъ обложенъ тяжкими налогами; за малѣйшую непокорность города и цѣлыя области подвергались разоренію и варварскимъ набѣгамъ. Россія не была довольно сильна, чтобы свергнуть ненавистное иго. Въ это время на великокняжескомъ престолѣ былъ Димитрій Іоанновичъ, князь молодой, который съ нетерпѣніемъ переносилъ свое положеніе и бѣдствія отечества; но вступить въ борьбу съ сильнымъ ханомъ было трудно; и онъ, какъ и прочіе князья, долженъ былъ покориться и ѣздить въ орду. Однако жъ, возникли съ ханомъ Мамаемъ несогласія; Мамай послалъ войско, которое было разбито Димитріемъ при рѣкѣ Вожѣ. Нѣсколько лѣтъ прошло еще; Димитрій не совсѣмъ покорялся волѣ Мамая; и тотъ, въ гнѣвѣ, съ многочисленнымъ войскомъ двинулся на великаго князя. Димитрій нѣсколько времени недоумѣвалъ, не зная, какой бы избрать путь: покориться, или бороться съ огромными силами хана. Боясь опрометчивымъ поступкомъ вовлечь отечество свое въ новыя бѣдствія, онъ долго совѣтовался съ приближенными своими и поѣхалъ просить совѣта и благословенія св. Сергія, который уже пріобрѣлъ общее уваженіе. Преподобный Сергій благословилъ князя на брань, говоря: „слѣдуетъ тебѣ, государь, попещись о ввѣренномъ тебѣ отъ Бога христоименитомъ стадѣ, и съ помощью Его ты получишь побѣду“. Потомъ, помолившись, онъ благословилъ всѣхъ воиновъ, бывшихъ съ княземъ, и далъ ему въ сподвижники двухъ иноковъ, Александра Пересвѣта и Андрея Ослябя, которымъ вручилъ знаменіе креста на схимахъ. Князь и воины выѣхали изъ обители, ободренные словами и благословеніемъ преподобнаго. Димитрій вышелъ навстрѣчу татарамъ; но, видя превосходство ихъ силъ, смутился и недоумѣвалъ; вдругъ, явился посланный отъ Сергія съ письмомъ, въ которомъ преподобный, обнадеживая князя помощью Господней, увѣщевалъ его итти безъ боязни на непріятеля. Произошелъ жестокій бой около Дона, на Куликовомъ полѣ, въ 1380 году, и Мамай былъ совершенно разбитъ. Эта побѣда, въ честь которой Димитрій названъ Донскимъ, сильно поколебала власть татаръ, хотя Россія совершенно освободилась отъ нихъ уже гораздо позднѣе. Разсказываютъ, что во время битвы св. Сергій, стоящій въ Троицкой обители на молитвѣ съ иноками, возвѣщалъ имъ о ходѣ битвы, называлъ убитыхъ и молился о нихъ.

Многими знаменіями и чудесами Господь Богъ являлъ милость Свою преподобному. О нихъ разсказано въ болѣе подробныхъ описаніяхъ его жизни; но между ними есть одно чудесное явленіе, о которомъ нельзя умолчать. Однажды *ночью св. Сергій молился пресвятой* Богородицѣ, прося Ея всесильнаго покровительства для созданной имъ обители. Помолившись, онъ сѣлъ, чтобы отдохнуть немного, но вдругъ обратился къ ученику своему Михею и сказалъ ему: „бодрствуй, чадо! сейчасъ будетъ намъ чудесное посѣщеніе“ Только что онъ выговорилъ эти слова, какъ послышался голосъ, говорившій: „Пречистая грядетъ!“ Святой вышелъ изъ кельи въ сѣни и, вдругъ, былъ озаренъ удивительнымъ свѣтомъ, и увидѣлъ въ сіяніи пресвятую Дѣву съ двумя апостолами, Петромъ и Іоанномъ. Смущенный, онъ упалъ ницъ; но пресвятая Богородица, прикоснувшись къ нему, сказала: „не ужасайся, избранникъ Мой! услышана молитва твоя: при жизни твоей и по твоей смерти буду неотступно при обители твоей.“ Послѣ того видѣніе кончилось, и святой, пришедъ въ себя, увидѣлъ ученика своего, лежащаго, какъ мертвый; онъ поднялъ его. „Скажи мнѣ, отецъ святый“, сказалъ тотъ, „что это за чудное видѣніе? Душа моя едва не разлучилась отъ тѣла“. Но святой самъ едва могъ говорить: такъ полно было его сердце радости, трепета и благоговѣнія. „Потерпи немного“, сказалъ онъ ученику, „ибо духъ мой трепещетъ отъ чудеснаго видѣнія“. По нѣкоторомъ времени онъ призвалъ двухъ благочестивыхъ братій, Исаака и Симона, и разсказалъ имъ о бывшемъ видѣніи. Всѣ вмѣстѣ радостно благодарили Бога и пресвятую Богородицу. Это чудесное явленіе изображается на иконахъ.

Преподобному исполнилось 78 лѣтъ; конецъ его благочестивой жизни приближался. Онъ предузналъ его за шесть мѣсяцевъ и, призвавъ всю братію, поручилъ начальство ученику своему, преподобному Никону. Въ сентябрѣ онъ занемогъ и, вновь созвавъ иноковъ, далъ имъ послѣднія наставленія, причастился святыхъ таинъ и скончался 25 сентября 1392 года. Въ минуту смерти благоуханіе разлилось отъ тѣла его, и лицо его сіяло тихою радостію.

Чрезъ тридцать лѣтъ, тѣло его было найдено нетлѣннымъ. Съ тѣхъ поръ святыя мощи его, положенныя въ соборномъ храмѣ, привлекаютъ въ обитель множество богомольцевъ, которые по вѣрѣ и молитвамъ своимъ получаютъ чудесныя исцѣленія отъ болѣзней. Глубоко почитая память преподобнаго Сергія, церковь проситъ его заступническихъ молитвъ и воспѣваетъ ему:

„*Иже добродѣтелей подвижникъ, яко „истинный воинъ Христа Бога на страсти „вельми подвизался еси въ жизни временнѣй въ пѣніихъ, бдѣніихъ же и „пощеніихъ образъ бывъ твоимъ ученикомъ: тѣмже и вселися въ тя пресвятый Духъ, его же дѣйствіемъ свѣтло „украшенъ еси. Но яко имѣя дерзновеніе „ко святой Троицѣ, поминай стадо, еже „собралъ еси мудрѣ, и не забуди, якоже „обѣщался еси, посѣщая чадъ твоихъ, „Сергіе преподобне, отче нашъ*“. (Извлеч. въ сокращ. изъ кн. „Избранныя житія святыхъ“. Бахметевой, сентябрь. Москва, изд. 1891 г., с. 118—130).

3. Простецъ и благодатный старецъ.

По мѣрѣ того, какъ Господь прославлялъ Своего возлюбленнаго раба, преподобнаго отца нашего Сергія, дивными знаменіями благодатныхъ исцѣленій и даромъ прозорливости, сей досточудный мужъ все болѣе и болѣе нисходилъ во глубину смиренія. „Онъ бѣгалъ“, говоритъ святитель Платонъ митрополитъ московскій, „суетной славы человѣческой, какъ погибели, и почиталъ обидою для себя то, чего нерѣдко съ такимъ усиліемъ домогаются, не пренебрегая никакими средствами, гордые властители земные: тѣми руководитъ одно тщеславіе, простирающееся до самозабвенія, а имъ — одна пламенная, чистая, святая любовь къ Богу и ближнему“.

Съ умноженіемъ числа посѣтителей, обитель Сергіева уже не терпѣла такой нужды, какъ прежде; скромныя потребности пустынножителей, при ихъ собственныхъ постоянныхъ трудахъ, съ избыткомъ удовлетворялись приношеніями благочестивыхъ посѣтителей и окрестныхъ жителей, которые, сознавая великую духовную пользу отъ обитателей пустыни, съ усердіемъ доставляли все для нихъ потребное. Итакъ, обитель Сергіева изобиловала уже всѣмъ потребнымъ, но душа Сергія была по-прежнему свободна отъ всякаго пристрастія къ земнымъ вещамъ. Если случалось ему имѣть въ рукахъ что-нибудь излишнее, онъ тотчасъ отдавалъ или въ церковь, или бѣднякамъ. Жившіе съ нимъ много лѣтъ старцы разсказывали преподобному Епифанію, списателю житія его, что никогда новая одежда не восходила на тѣло его, никогда не одѣвался онъ въ красивыя или мягкія одежды. Вмѣсто дорогихъ суконъ, преподобный Сергій носилъ сермяжную ткань изъ простой овечьей шерсти, да притомъ еще ветхую, которую, какъ негодную, другіе отказывались носить. Большею частію такая одежда и сшита была его же святыми руками и отличалась отъ одежды его сподвижниковъ развѣ тѣмъ, что вся была покрыта заплатами, и, по прекрасному выраженію святителя Платона, „вмѣсто дорогихъ камней обильно украшалась каплями его пота“. Эта одежда у него была одна и та же и лѣтомъ, и зимою. „За рай, который мы потеряли“, говаривалъ блаженный Сергій своимъ ученикамъ, „надобно теперь отложить одежды теплыя; за грѣхъ мы нѣкогда покрыты были одеждою, потерпимъ же теперь лишеніе одежды, чтобы облечься потомъ въ нетлѣнныя ризы, — будемъ изнурять плоть, чтобы получить нетлѣнные вѣнцы отъ Христа Бога“. Такъ думалъ, такъ училъ, такъ и самъ поступалъ смиренный игуменъ Сергій.

Однажды не случилось хорошаго сукна въ его обители; была всего одна половинка гнилая, какая-то пестрая и плохо сотканная. Никто изъ братій не хотѣлъ ею воспользоваться: одинъ передавалъ ее другому, и такъ обошла она до семи человѣкъ. Но преподобный Сергій взялъ ее, самъ скроилъ изъ нея себѣ рясу и, надѣвъ ее на себя, не хотѣлъ уже болѣе разставаться съ нею, пока, въ продолженіе одного года, вся она не распалась отъ гнилости.

Нерѣдко случалось, что люди, которые, по пословицѣ, встрѣчаютъ по одеждѣ, увидавъ его, не хотѣли вѣрить, чтобы то былъ знаменитый игуменъ Сергій. Обыкновенно принимали его за какого-нибудь странника или одного изъ послѣднихъ трудниковъ его обители. По этому поводу блаженный Епифаній разсказываетъ одинъ случай, прекрасно характеризующій смиреніе и кроткое, благостное настроеніе души преподобнаго Сергія. Кажется, Епифаній самъ былъ свидѣтелемъ этого случая, который такъ глубоко запечатлѣлся въ душѣ благоговѣйнаго ученика, что онъ передаетъ его со всѣми подробностями. Приводимъ его разсказъ.

Много слышалъ о немъ одинъ поселянинъ, простой земледѣлецъ, и пожелалъ видѣть его. При входѣ въ монастырскую ограду, онъ сталъ спрашивать братію: гдѣ ему повидать ихъ славнаго игумена? А преподобный въ это время трудился на огородѣ, копая заступомъ землю подъ овощи.

— Подожди немного, пока онъ выйдетъ оттуда, — отвѣчали иноки пришельцу.

Нетерпѣливый посѣтитель заглянулъ въ огородъ чрезъ отверстіе въ заборѣ и увидѣлъ тамъ смиреннаго старца въ разодранной, ушитой заплатами одеждѣ, трудившагося въ потѣ лица надъ грядою. Простодушный поселянинъ не хотѣлъ повѣрить, чтобы этотъ старичокъ былъ тотъ самый Сергій, котораго онъ желалъ видѣть. Онъ снова сталъ докучать братіи, требуя, чтобы показали ему игумена: „я издалека пришелъ сюда, чтобы видѣть его, у меня есть до него важное дѣло“,—говорилъ онъ.

— Мы уже указали тебѣ игумена, — говорили ему иноки; — если не вѣришь, что это онъ, то спроси его самого.

Тогда поселянинъ сталъ у калитки огородной, поджидая, пока выйдетъ старецъ. Преподобный вышелъ, и случившіеся тутъ иноки показали на него поселянину, говоря: „вотъ онъ самый, кого тебѣ нужно“.

Но простецъ отвернулся отъ него въ сторону и сказалъ: „я издалека пришелъ посмотрѣть на пророка, а вы мнѣ показываете какого-то нищаго!.. Напрасно же я трудился — шелъ сюда: я думалъ получить пользу душѣ своей въ вашей честной обители, и вмѣсто того встрѣчаю только насмѣшки... Но я еще не дожилъ до такого безумія, чтобы почесть этого убогаго старика за того знаменитаго Сергія, о которомъ такъ много слышалъ я славныхъ вещей!..“

Такъ разсуждалъ простецъ, въ своемъ невѣдѣніи смотрѣвшій на все только тѣлесными очами, а не внутренними. Понятно, что братія оскорбилась за честь своего любимаго игумена, и нѣкоторые даже сказали преподобному: „только тебя не смѣемъ, отче, а то гостя твоего мы выгнали бы вонъ изъ обители—такой онъ невѣжа! Да еще насъ же укоряетъ, будто мы смѣемся надъ нимъ!“

Но человѣкъ Божій взглянулъ на нихъ съ удивленіемъ: „нѣтъ“, сказалъ онъ, „за что выгонять его? Онъ не къ вамъ пришелъ, а ко мнѣ, не трогайте его; своими простодушными словами онъ не причинилъ мнѣ никакого зла. Да если бы и погрѣшилъ онъ въ чемъ-нибудь, то намъ, духовнымъ, подобаетъ, по слову апостола Христова, *исправляти таковыхъ духомъ кротости*“ (Галат. VI, 1).

И не дожидаясь себѣ поклона отъ поселянина, угодникъ Божій самъ подошелъ къ нему и съ великимъ смиреніемъ поклонился ему до земли... Потомъ поцѣловалъ его съ любовію и поблагодарилъ за то, что этотъ простецъ имѣетъ объ его убожествѣ надлежащее мнѣніе. Такъ смиренномудренный радуется своему безчестію и униженію столько же, сколько тщеславный приходитъ въ восторгъ отъ почестей и похвалъ людскихъ!

Но и этого было мало. Преподобный взялъ гостя за руку, посадилъ рядомъ съ собою за трапезу и самъ сталъ угощать его. Простодушный поселянинъ, видя такое радушіе старца, повѣрилъ ему печаль свою, что доселѣ ему не удалось видѣть игумена Сергія.

— Не скорби, брате, — утѣшалъ его преподобный,—Богъ такъ милостивъ къ мѣсту сему, что никто отсюда не уходитъ печальнымъ. И тебѣ онъ скоро покажетъ, кого ты ищешь“.

И вотъ, они еще продолжали бесѣду, какъ въ обитель прибылъ князь (можетъ-быть, Радонежскій), окруженный многочисленною свитою изъ бояръ и рабовъ. Преподобный всталъ, чтобы встрѣтить именитаго гостя, а рабы князя, расчищая дорогу для своего господина, далеко оттолкнули поселянина и отъ своего князя, и отъ игумена... Между тѣмъ, прибывшій князь еще издали смиренно поклонился до земли угоднику Божію, который поцѣловалъ его и благословилъ; затѣмъ оба они сѣли, а всѣ бояре и братія почтительно стояли вокругъ нихъ. Смущенный простецъ ходилъ около ихъ, стараясь сквозь толпу разсмотрѣть, который былъ Сергій; онъ опять спросилъ одного изъ иноковъ: „кто же этотъ чернецъ, что сидитъ направо отъ князя?“

Инокъ взглянулъ на него и съ упрекомъ сказалъ: „развѣ ты пришлецъ здѣсь, что не знаешь преподобнаго Сергія?“

Тогда только понялъ свое невѣжество поселянинъ и, укоряя себя, сталъ просить нѣкоторыхъ изъ братіи, чтобы они попросили за него прощенія у старца, котораго онъ оскорбилъ своимъ невѣжествомъ. „Вотъ ужъ справедливо зовутъ насъ, мужиковъ, невѣжами“, говорилъ онъ, „какъ будто я ослѣпъ и не вижу, съ кѣмъ говорю!.. Съ какими же глазами покажусь я теперь святому старцу?“

Такъ горевалъ простодушный гость, и, дождавшись, когда князь вышелъ изъ обители, онъ бросился къ ногамъ преподобнаго, умоляя простить его невѣжество и невѣріе. Но смиренный игуменъ сказалъ ему: „не скорби, чадо; одинъ ты справедливо разсудилъ обо мнѣ: вѣдь они всѣ ошибаются!“ — И онъ утѣшилъ его назидательнымъ словомъ и отпустилъ его съ благословеніемъ...

Но доброе сердце простого человѣка такъ было тронуто смиреніемъ и любовію великаго подвижника, что онъ скоро опять пришелъ въ обитель, дабы уже никогда ея не оставлять; здѣсь онъ принялъ постриженіе и, потрудившись нѣсколько лѣтъ, съ миромъ преставился къ Богу... (Изъ кн. архимандр. Никона: „Житіе и подвиги преп. Сергія“).

4. Историческая заслуга Троице-Сергіевой лавры.

Начало XVII вѣка было несчастнѣйшимъ временемъ для русскаго царства. Какъ будто за какіе-то тяжкіе грѣхи кара Божія обрушилась тогда на него со всѣхъ сторонъ. Родъ дотолѣ княжившаго на Руси Мономахова дома прекратился. Русскаго престола стали домогаться разные проходимцы, выдававшіе себя за царевича Димитрія, который незадолго предъ тѣмъ былъ убитъ въ Угличѣ. Русскій народъ не зналъ, кому и вѣрить. Немного довѣрялъ онъ и избранному на царство боярами своему избавителю отъ лютаго волка, самозванца Лжедимитрія, царю Василію Шуйскому. И слова русскихъ іерарховъ, раздававшіяся съ церковныхъ каѳедръ для умиротворенія народа, не для всѣхъ тогда имѣли силу. Не надолго имѣло силу въ тѣ времена и торжественное общественное покаяніе русскаго народа въ виду двухъ патріарховъ. „Во всемъ виноваты мы, отцы честные,—слышался въ московскомъ Успенскомъ соборѣ слезный вопль народа въ отвѣтъ на призывъ патріарховъ, Іова и Гермогена, къ покаянію,—простите насъ, отцы духовные, и дайте благословеніе, да пріимемъ въ душѣ миръ и радость“. Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ этотъ же народъ московскій готовъ былъ низвести съ престола и даже низвелъ законно-поставленнаго государя и становился въ ряды—кто за Тушинскаго вора, кто за Петрушку, кто за Ивашку, кто за Ерошку, кто за Мартынку и другихъ жалкихъ, ничтожныхъ искателей русскаго престола. А между тѣмъ, въ то же время, царство русское громили съ сѣвера шведы, а съ запада поляки, поддерживаемые вольницею казацкою. Часть поляковъ была уже въ Москвѣ, завладѣла кремлемъ, а другая сильнѣйшая ихъ рать, съ королемъ Сигизмундомъ во главѣ, стояла у Смоленска, выжидая удобнаго случая двинуться къ Москвѣ, утвердить тутъ на престолѣ королевича польскаго Владислава и завести всѣ польскіе порядки, перемѣнить даже и вѣру на Руси. Что тогда дѣлалось у насъ на Руси, прекрасно говоритъ объ этомъ очевидецъ-современникъ, келарь Троицко-Сергіевой лавры, Авраамій Палицынъ. „Россію тогда терзали свои болѣе, чѣмъ иноплеменники. Наши измѣнники были для ляховъ путеводителями, первыми и послѣдними въ междоусобныхъ сѣчахъ. Всѣхъ твердыхъ въ добродѣтели измѣнники предавали жестокой казни, метали съ крутыхъ береговъ въ глубину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ и самопаловъ; въ глазахъ родителей убивали дѣтей, носили головы ихъ на копьяхъ, грудныхъ младенцевъ вырывали изъ рукъ матерей и разбивали о камни. Сердца окаменѣли, умы омрачились. Гибли отечество и церковь. Храмы Божіи разорялись; скотъ и псы жили въ алтаряхъ, воздухами и пеленами украшались кони; злодѣи пили изъ святыхъ потировъ; на иконахъ играли въ кости. Иноковъ, священниковъ палили огнемъ, допытываясь сокровищъ... Медвѣди и волки, оставивъ лѣса, витали въ пустыхъ городахъ, враны сидѣли станицами на трупахъ человѣческихъ. Могилы, какъ горы, вездѣ возвышались. Не свѣтомъ луны, а пожарами озарялись ночи; ибо грабители жгли, чего не могли взять съ собою, — дома и скирды хлѣбовъ“. Въ эти-то тяжелѣйшія времена для русской земли и сослужила великую службу Троице-Сергіевская лавра, воодушевляемая духомъ почивавшаго въ ней ея основателя, преподобнаго Сергія. 1608 года, 25 сент., въ самый день памяти преп. Сергія, военачальники польскіе, Сапѣга и Лисовскій, съ 30.000 войска подступили къ лаврѣ и требовали ея сдачи, какъ пункта, весьма важнаго для русскихъ въ защитѣ самой Москвы. Лавра имѣла тогда кое-какія укрѣпленія, имѣла и пушки, имѣла и защитниковъ; но ихъ всего съ иноками было 2.500 человѣкъ. „Надежда наша и упованіе — пресвятая животворящая Троица; стѣна и покровъ нашъ — Пресвятая Богородица; помощникъ намъ и молитвенникъ — преподобный Сергій. Не измѣнимъ вѣрѣ и царю, хотя бы намъ предлагали сокровища всего міра“, — отвѣтили осажденные посланцамъ Сапѣги. Молясь въ этотъ день у раки преподобнаго Сергія, всѣ бывшіе въ лаврѣ обязались общею присягою сидѣть въ осадѣ „безъ измѣны“. Съ появленіемъ непріятеля, обитель Сергіева, какъ послѣднее убѣжище, наполнялась женщинами, стариками, дѣтьми, увѣчными разнаго рода, которыхъ нужно было кормить, за которыми нужно было ухаживать, которые, разумѣется, были только помѣхою въ защитѣ. И, несмотря на все это, Троице-Сергіевская лавра выдержала съ честью и славою шестнадцатимѣсячную осаду отъ враговъ, въ десять разъ ея сильнѣйшихъ по численности войска, и во сто разъ ея искуснѣйшихъ. Укрѣплялъ осажденныхъ въ это время, несомнѣнно, и могучій духъ преподобнаго Сергія. „Чудесныя явленія укрѣпляли вѣру въ всесильное заступничество преподобнаго Сергія, — пишетъ одинъ свѣтскій писатель о тогдашней защитѣ Троице-Сергіевой лавры.—Многіе видѣли его, ходящаго по стѣнамъ обители съ молитвою и благословеніемъ; другимъ онъ являлся во снѣ и предувѣдомлялъ объ опасности; ободрялъ воиновъ на защиту церкви и отечества, укорялъ тѣхъ, которые преступали заповѣди Господни“. (Разск. изъ ист. цер. рус. Бахмет., ч. II, стр. 425). Однажды, когда въ лаврѣ распространился слухъ, что подъ нее ведется непріятелями подкопъ, всѣ готовились къ смерти, такъ какъ направленіе подкопа было неизвѣстно. Но въ одну изъ такихъ ночей архимандриту лавры явился преподобный Сергій, молящимся предъ храмовою иконою пресвятой Троицы, и сказалъ: „бдите и молитесь; всесильный Господь, по множеству щедротъ Своихъ, милуетъ васъ и даетъ время на покаяніе“. Это явленіе преподобнаго Сергія такъ ободрило осажденныхъ, что они не только мужественно отразили нападеніе осаждавшихъ, но даже привели въ смятеніе послѣднихъ своими вылазками. Подкопъ былъ найденъ и взорванъ. Осаждавшіе должны были, наконецъ, со стыдомъ отступить отъ обители. 12 января 1610 года освобожденная лавра совершила благодарственное Господу молебствіе о своемъ спасеніи. Съ этого времени и донынѣ лавра совершаетъ въ этотъ день благодарственное молебствіе Господу съ крестнымъ ходомъ по стѣнамъ обители. Выдержавшая такъ счастливо осаду, Троице-Сергіевская лавра, по завѣту своего основателя, какъ всегда, такъ и теперь въ особенности, въ трудныя времена отечества, была теплымъ убѣжищемъ для всѣхъ несчастныхъ, немощныхъ, голодныхъ, раненыхъ; а такихъ теперь на Руси было великое множество. „Иноки посвящали тогда всѣ свои силы и средства на службу несчастныхъ. — говоритъ тотъ же свѣтскій писатель. — Въ самой обители и въ монастырскихъ селахъ были устроены больницы и страннопріимные дома. Архимандритъ Діонисій и иноки положили питаться однимъ хлѣбомъ, дабы лучшую пищу сберечь для больныхъ. На помощь бѣднымъ употребляли и монастырскую казну. Монахи и служки ѣздили по окрестностямъ, подбирая раненыхъ, голодныхъ и умершихъ, сами подвергались опасности отъ разбойниковъ. Въ обители и селахъ монастырскихъ хоронили мертвыхъ, лѣчили больныхъ, шили для нихъ одежды и обувь. Архимандритъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобъ у страждущихъ была хорошая пища; самъ давалъ лѣкарства, причащалъ умирающихъ, не зная покоя ни днемъ, ни ночью. А между тѣмъ, въ то же время онъ писалъ посланія къ разнымъ городамъ, увѣщевая всѣхъ и каждаго твердо стоять за отечество, помогать Москвѣ ратью и деньгами. Цѣлые дни писцы сидѣли у него въ келліи и переписывали эти посланія; а гонцы развозили ихъ въ отдаленнѣйшіе города русскаго царства“. Когда наконецъ на Руси не стало и патріарха Гермогена, грамотами котораго призывался народъ на защиту отечества, слова Троице-Сергіевской лавры были единственнымъ мощнымъ призывомъ всѣхъ — ополчаться за Русь святую. „Вспомните, православные, — писалось въ этихъ грамотахъ, — что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменовались святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать въ святую единосущную Троицу; возложивъ упованіе на силу животворящаго креста, Бога ради, молите всѣхъ служилыхъ людей, чтобы всѣмъ православнымъ христіанамъ быть въ единеніи и стать сообща противъ нашихъ предателей... Смилуйтесь и поспѣшите на это дѣло; помогите ратными людьми и казною; о семъ много и слезно всѣмъ народомъ христіанскимъ бьемъ вамъ челомъ“. На такія призывныя грамоты и патріарха Гермогена, и обители преп. Сергія, отозвались, какъ извѣстно, и Минины и Пожарскіе... Явились къ Москвѣ народныя ополченія. Троице-Сергіевская обитель напутствовала ратниковъ молитвами и благословеніями. Но такъ какъ и въ московскомъ станѣ между собравшимися — ратью, ополченіями и казаками стали возникать раздоры, то и тутъ, въ качествѣ миротворца, явился представитель Сергіевской обители, келарь ея, Авраамій Палицынъ; слезно умолялъ онъ всѣхъ дружными силами спасать отечество; онъ предлагалъ казакамъ даже всѣ оставшіяся завѣтныя сокровища монастыря — священные сосуды, ризы и пр., лишь бы только они помогли отечеству въ трудныя его минуты. И Богъ милостивъ!.. Святый подвигъ лавры, по молитвамъ преподобнаго Сергія, увѣнчался полнымъ успѣхомъ. 22 октября 1612 года русскіе взяли Китай-городъ, занятый поляками, отняли отъ нихъ кремль; Москва и Русь были спасены. На русскій престолъ взошелъ родоначальникъ нынѣ царствующаго дома, Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ; и съ того времени на Руси стали лучшіе порядки. Во главѣ духовенства, торжественно совершавшаго въ московскомъ Успенскомъ соборѣ благодарственное молебствіе о спасеніи Руси отъ лихолѣтья, стоялъ архимандритъ Троице-Сергіевой лавры Діонисій, такъ какъ онъ много потрудился для спасенія отечества. Въ его лицѣ тогда несомнѣнно молился невидимо и радовался за спасенную Русь и самъ преподобный Сергій, своимъ небеснымъ ходатайствомъ и силою своего духа много, много содѣйствовавшій спасенію и основанной имъ обители, и всей Руси.

Счастлива ты, наша Русь православная, что имѣешь такихъ сильныхъ молитвенниковъ предъ Богомъ и такихъ мощныхъ покровителей, каковы преподобный Сергій Радонежскій, Антоній и Ѳеодосій печерскіе, св. князь Александръ Невскій, Зосима и Савватій соловецкіе и многіе другіе святые прославленные, твои чада! Счастливъ ты, русскій народъ православный, что, между прочимъ, и въ обители преподобнаго Сергія ты имѣешь неизсякаемый источникъ живой воды, утѣшающей и укрѣпляющей тебя, особенно въ трудныя минуты твоей жизни. (См. „Воскр. день“, 1889 г., № 39).

26-й ДЕНЬ.

ПРЕСТАВЛЕНІЕ СВ. АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА ІОАННА БОГОСЛОВА.

Еванг. отъ Іоан., зач. 61, 67-е, гл. XIX, 25—27 ст., XXI, 24—25 ст.[1]).

1. Житіе св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова.

Имя св. Богослова приводитъ намъ на память особеннаго друга Іисуса Христа, покровителя Пресвятой Дѣвы Маріи, которую умирающій на крестѣ Спаситель ввѣрилъ его попеченію. Эти три лица—Іисусъ, Марія и Іоаннъ—кажутся нераздѣльными, связанными неразрывными узами чистой и пламенной любви. Попытаемся воспроизвести здѣсь то, что Священное Писаніе и преданіе сообщили намъ о св. Іоаннѣ Богословѣ.

Св. Іоаннъ происходилъ изъ Галилейскаго города Виѳсаиды, сынъ Заведея и Саломоніи — дочери Іосифа обрученника, братъ апостола Іакова, одинъ изъ рыбарей Галилейскаго озера. Онъ видѣлъ чудесную ловлю Петра, который бросилъ свои сѣти, по слову Господа, и понялъ, что только Богъ можетъ творить подобныя чудеса. Когда же Господь воззвалъ его и брата его Іакова отъ рыболовства, то они, оставивъ лодку и своего отца, послѣдовали за Іисусомъ. Вступивъ въ общество учениковъ Іисуса, св. Іоаннъ получилъ отъ Господа названіе „Воанергесъ“ т.-е. сынъ громовъ, въ предзнаменованіе того, что онъ своимъ ученіемъ, какъ громомъ, огласитъ міръ и исполнитъ землю истиннымъ Богопознаніемъ. За свою кротость, незлобіе и дѣвственное цѣломудріе св. Іоаннъ, преимущественно предъ другими апостолами, пользовался особенною любовію Господа Іисуса. Все, что сдѣлалъ Господь особенно важнаго, — все происходило въ присутствіи Іоанна: воскрешалъ ли Онъ мертвыхъ, Его сопровождалъ любимый ученикъ; преображался ли Господь на Ѳаворѣ, св. Іоаннъ былъ свидѣтелемъ Божественной Его славы; учреждалъ ли Господь послѣднюю таинственную вечерю,—приготовленія къ ней дѣлаются чрезъ этого чистаго и цѣломудреннаго ученика; и во время этой вечери, бывшей послѣднею въ земной жизни Господа Іисуса, съ какою любовію позволяетъ Онъ Своему другу возлежать на Своей груди! Въ Геѳсиманскомъ саду, гдѣ душа Іисуса была прискорбна, даже до смерти, Онъ открылъ ее этому другу, какъ единственному сердцу, способному понять всю скорбь Его души.

Но чтобы сдѣлаться предметомъ особенной, Божественной любви Богочеловѣка—Іисуса, для сего требовалось со стороны ученика особенное очищеніе его души. И какое удивительное преобразованіе въ душѣ Іоанна произвелъ Господь Іисусъ! Казалось, вся душа Господа перешла въ душу Его любимца. Такъ, когда настало важное мгновеніе, подвергавшее тяжкому испытанію учениковъ Іисуса Христа, время Его страданій и крестной смерти, тогда любовь Іоанна и всецѣлая его преданность Господу открылись во всей полнотѣ своей силы и свѣтлости. Ни одинъ изъ апостоловъ не устоялъ противъ ужаснаго испытанія; страхъ обратилъ ихъ въ бѣгство, когда Божественный Учитель ихъ былъ схваченъ врагами; ихъ не было ни одного при страданіяхъ и крестѣ Господа, одинъ только Іоаннъ остался вѣрнымъ чувству любви своей.

И любовь къ Господу Іисусу привела его ко кресту Христову. Она—сильная, чистая и святая, хотя и безмолвствовала при крестѣ, но языкъ чувствъ не умолкалъ и говорилъ краснорѣчивѣе всякаго слова. Этотъ голосъ—пламенно любящаго сердца, неслышимый цѣлымъ міромъ, услышанъ былъ Господомъ Іисусомъ со креста. Безпримѣрная любовь Іоанна не осталась безъ награды, и награда была примѣрная: Іисусъ Христосъ усыновилъ Іоанна Матери Своей, сказавъ со креста: *Жено, се Сынъ Твой, се Мати твоя* (Іоан. 19, 27). Спаситель какъ бы такъ сказалъ: „только тебѣ и твоей любви, возлюбленный ученикъ Мой, довѣряю драгоцѣнное Мое сокровище: соблюди его, какъ сынъ, которымъ ты вполнѣ достоинъ назваться.“ Да и кому бы лучше довѣрилъ Господь попеченіе о пренепорочной и святѣйшей Матери Его, какъ не такому непорочному, каковъ былъ Іоаннъ? И онъ въ точности выполнилъ Божественное завѣщаніе: онъ былъ вѣрнымъ блюстителемъ спокойствія Богоматери до самаго блаженнаго Ея успенія.

---

[1]) *Примѣч.* Большая часть евангелія, читаемаго въ этотъ день, содержится въ положенномъ на Воздвиженіе честнаго Креста Господня, 14 сентября.

Видѣть страданія крестныя съ такою любящею душою, какова душа Іоанна, значитъ какъ бы распинаться самому. На какія жертвы не обрекаетъ себя истинная любовь! Она не оставляетъ любимое существо и тогда, когда и весь міръ оставляетъ его. Іоаннъ видѣлъ предсмертное томленіе Спасителя и не отходилъ отъ креста, слышалъ послѣднее таинственное слово Его со креста: *совершишася*, все кончилось; но, какъ прикованный къ землѣ, стоялъ у креста, и поколебавшаяся Голгоѳа не удалила его отъ ужасовъ голгоѳскихъ. Только тогда, когда пришли Іосифъ Аримаѳейскій и Никодимъ, чтобы снять тѣло Іисуса со креста, тутъ только Іоаннъ разлучился съ крестомъ, присовокупивъ свое погребальное мѵро—слезы сердца, исторгнутыя совершеннѣйшею любовію, болѣе благоуханныя всякаго мѵра.

Приходитъ ужасная для апостоловъ ночь послѣ погребенія Господа, приходитъ суббота, настаетъ другая ночь, а тѣло Господа все еще покоится во гробѣ. Что перечувствовало въ это время нѣжное и любящее сердце Іоанна? Безъ сомнѣнія, онъ въ это время вмѣстѣ съ другими апостолами предавался горести тѣмъ болѣе неутѣшной, что ему, какъ и прочимъ ученикамъ, представилось какъ бы неудобоисполнимымъ предсказаніе ихъ Учителя, что Онъ воскреснетъ. Отъ того и произошло, что они съ недовѣріемъ выслушали, когда Марія Магдалина, первая увидавшая воскресшаго Господа, разсказывала имъ о Его воскресеніи. Однако, любопытство пробудило въ Петрѣ и Іоаннѣ желаніе посмотрѣть, что случилось въ гробѣ Господнемъ. Апостолъ Петръ, увидѣвъ гробъ пустымъ и только однѣ пелены лежащія, ушелъ назадъ, дивясь видѣнному (Марк. 16, 12); слѣдовательно, въ такомъ состояніи души, которое еще не предполагаетъ убѣжденія и увѣренности. А Іоаннъ, вошедши въ гробъ, *и видѣ, и вѣрова* (Іоан. 20, 8). Любящее сердце его стремилось впередъ, значитъ, въ немъ еще свѣтились искры надежды, которыя для прочихъ апостоловъ казались погасшими. Чрезъ нѣсколько дней Іоаннъ находился съ Петромъ на берегу Тиверіадскаго озера, когда воскресшій Господь явился имъ подъ образомъ незнакомца. Но кто можетъ обмануть глаза нѣжной любви! Іоаннъ первый узналъ Господа Іисуса и сказалъ Петру: „*это Господь.*“ Во время обѣда, послѣдовавшаго за этой встрѣчей, Петръ имѣлъ случай засвидѣтельствовать свою вѣру съ любовію и узнать свое будущее. Онъ хотѣлъ также знать и будущее Іоанна, но получилъ отъ Божественнаго Учителя слѣдующій отвѣтъ: „если Я хочу, чтобы онъ пребылъ, пока пріийду, что тебѣ до того?“ Господь какъ бы такъ сказалъ Петру: „ты занимайся исполненіемъ данныхъ тебѣ порученій; а что тебѣ прибавится, если бы ты узналъ, что Я не хочу подвергать его мучительной смерти до самаго того времени, въ которое Мнѣ угодно будетъ взять его изъ этого міра, т.-е. до его кончины.“ Изъ словъ Іисуса Христа ученики, однако, заключили, что Іоаннъ не умретъ; но скромный и безпристрастный къ себѣ наперсникъ Христовъ торжественно и всемірно объявилъ въ своемъ евангеліи, что слова Господа не содержатъ такого значенія: Іисусъ не сказалъ ему — Іоанну, что не умретъ но: если Я хочу, чтобы онъ пребылъ, пока пріиду.

По сошествіи Св. Духа, ап. Іоаннъ жилъ въ Іерусалимѣ до самаго успенія Пресвятой Богоматери. Здѣсь онъ вмѣстѣ съ Петромъ проповѣдывалъ вѣру Христову, сопровождая проповѣдь чудесами, и подвергался преслѣдованіямъ со стороны іудейскихъ начальниковъ. Изъ Іерусалима св. Іоаннъ и Петръ ходили съ проповѣдію въ Самарію. По отшествіи апостоловъ на проповѣдь въ разныя страны, св. Іоаннъ проповѣдывалъ ученіе Христово въ Іудеѣ и Самаріи.

Послѣ успенія Божіей Матери святой Іоаннъ отправился на проповѣдь въ Малую Азію. Его апостольская дѣятельность съ самаго начала ея ознаменовалась чудесами. Во время путешествія св. Іоанна въ Малую Азію, на морѣ поднялась сильная буря, корабль разбился, и Іоаннъ съ ученикомъ своимъ Прохоромъ были выброшены на берегъ. Подкрѣпивъ свои силы въ ближайшемъ селеніи, они отправились въ Эфесъ. Тамъ они поступили въ услуженіе къ одной богатой женщинѣ, содержавшей общественныя бани, и много должны были потерпѣть отъ своей жестокой госпожи, которая налагала на нихъ тяжелыя работы и жестоко била ихъ. Святые апостолы съ кротостію переносили все и служили усердно и покорно. Господь вскорѣ прославилъ Своихъ угодниковъ. Въ банѣ, гдѣ они служили, неожиданно умеръ одинъ отрокъ Домнъ, сынъ начальника города, Діоскорида. Пораженный неожиданнымъ несчастіемъ, Діоскоридъ умеръ отъ горя. Тогда госпожа стала обвинять Іоанна и Прохора въ смерти Домна и жестоко била ихъ. Господь, по молитвѣ св. Іоанна, воскресилъ Домна и Діоскорида. Это чудо сильно подѣйствовало на жителей, и они называли Іоанна волшебникомъ. Св. Іоаннъ объяснилъ имъ, что онъ сотворилъ это чудо силою Христовою, и слѣдствіемъ его проповѣди было то, что многіе увѣровали во Христа, въ томъ числѣ Діоскоридъ и ихъ госпожа. По просьбѣ Діоскорида, св. Іоаннъ поселился въ его домѣ и съ этого времени усердно проповѣдывалъ вѣру Христову въ Ефесѣ и другихъ городахъ. Успѣхъ проповѣди св. Іоанна возбудилъ противъ него злобу со стороны язычниковъ, но Господь чудесно хранилъ жизнь Своего апостола. Во время праздника въ честь Діаны, св. Іоаннъ взошелъ на возвышеніе около храма богини и, ставъ близъ идола ея, началъ проповѣдывать собравшемуся народу о Христѣ. Озлобленные язычники бросали въ апостола камнями, но камни, не дѣлая ему никакого вреда, побивали тѣхъ, которые бросали ихъ. Въ то же время многіе умерли отъ палящаго зноя и, по молитвѣ св. апостола, воскресли. Эти чудеса обратили ко Христу множество народа. Жрецы языческихъ боговъ, озлобленные успѣхами проповѣди апостола, возмутили противъ него народъ. Толпа подступила къ дому Діоскорида и требовала выдать Іоанна, угрожая въ противномъ случаѣ сжечь домъ. Апостолъ добровольно вышелъ къ народу, и его повели ко храму Діаны, но, когда подошли къ храму, храмъ по молитвѣ Іоанна разрушился, не причинивъ никому никакого вреда. Всѣ пришли въ ужасъ, и многіе увѣровали во Христа.

Императоръ Домиціанъ воздвигъ жестокое гоненіе противъ христіанъ. Узнавъ о силѣ проповѣди св. Іоанна, Домиціанъ вызвалъ его въ Римъ и требовалъ, чтобы онъ отрекся отъ Христа. Св. апостолъ отвѣтилъ твердымъ исповѣданіемъ своей вѣры. Тогда, послѣ жестокихъ побоевъ, императоръ приказалъ дать ему яду, но сила Христова сохранила его невредимымъ. Послѣ этого, Домиціанъ велѣлъ бросить апостола въ котелъ съ кипящимъ масломъ, но св. Іоаннъ остался невредимъ, подобно тремъ отрокамъ въ пещи Вавилонской. Народъ, бывшій при мученіяхъ апостола, сталъ восклицать: „Великъ Богъ христіанскій!“ Надѣясь отнять у св. апостола возможность распространять вѣру Христову, императоръ сослалъ его на островъ Патмосъ. Это былъ небольшой, дикій и гористый островокъ на Эгейскомъ морѣ, состоящій большею частью изъ голыхъ, безплодныхъ скалъ, и ссылка на этотъ островъ считалась у римлянъ тяжкимъ наказаніемъ.

Закованнаго повезли св. апостола на мѣсто ссылки. Благодать Господня не оставляла св. Іоанна, и чудеса, совершенныя апостоломъ во время плаванія по морю, обратили ко Христу его спутниковъ. Въ одинъ день воины сидѣли за обѣдомъ, пили и веселились. Вдругъ одинъ юноша, по неосторожности, упалъ въ море и утонулъ. Это несчастіе сильно опечалило всѣхъ плывшихъ на кораблѣ; отецъ юноши порывался отъ горя броситься въ море и едва былъ удержанъ спутниками. Плывшіе на кораблѣ призывали на помощь своихъ боговъ, кто Аполлона, кто Діану и другихъ. Св. Іоаннъ сказалъ имъ: „такъ много у васъ боговъ! Неужели ни у одного изъ нихъ нѣтъ силы воскресить умершаго?“ На другое утро св. Іоаннъ помолился Господу. На морѣ произошло сильное волненіе, и утонувшій юноша живымъ былъ выброшенъ волною къ ногамъ Іоанна. Кромѣ этого чуда, св. апостолъ утишилъ бурю на морѣ, исцѣлилъ больного, при недостаткѣ воды на кораблѣ сдѣлалъ годною къ употребленію соленую морскую воду. Вслѣдствіе этихъ чудесъ, всѣ спутники Іоанна увѣровали во Христа и хотѣли дать ему свободу; но апостолъ убѣдилъ воиновъ не дѣлать этого и исполнить повелѣніе императора.

Пребывая въ заточеніи на островѣ Патмосѣ, св. Іоаннъ просвѣтилъ вѣрою во Христа жителей этого острова, именемъ Господа Іисуса изгоняя бѣсовъ, исцѣляя больныхъ и воскрешая мертвыхъ. И здѣсь такъ же, какъ въ Ефесѣ, быстрые успѣхи проповѣди апостола вооружили противъ него жрецовъ языческихъ. До прибытія Іоанна, жрецы и волхвы пользовались большимъ вліяніемъ на суевѣрныхъ жителей и сильно возненавидѣли апостола, своею проповѣдью обращавшаго къ вѣрѣ Христовой множество народа. Подъ предводительствомъ волхва Кинопса, пользовавшагося особымъ почетомъ и вліяніемъ въ народѣ, они употребили всѣ усилія, чтобы погубить апостола; но Господь посрамилъ враговъ его. По молитвѣ апостола уничтожились всѣ козни Кинопса, и самъ онъ погибъ въ морѣ.

Не смотря на злобу и всѣ препятствія языческихъ жрецовъ, св. Іоаннъ небоязненно проповѣдывалъ вѣру Христову и ревностно уничтожалъ безнравственные языческіе обычаи. Въ праздникъ въ честь бога Діонисія (Бахуса), во время котораго совершались разныя безнравственныя игры, св. апостолъ пришелъ ко храму Діонисія и сильнымъ словомъ обличалъ безнравственность собравшихся на праздникъ и убѣждалъ оставить идолопоклонство и обратиться къ вѣрѣ Христовой. Многочисленные жрецы Бахуса напали на апостола, жестоко избили его и продолжали празднество. Тогда, по молитвѣ апостола, разрушился языческій храмъ и задавилъ всѣхъ жрецовъ. Всѣ, бывшіе свидѣтелями этого, пришли въ ужасъ и умоляли апостола пощадить ихъ.

Но чудесное наказаніе жрецовъ Бахуса не вразумило враговъ апостола. Жившій въ томъ городѣ волхвъ Нукіанъ, узнавъ о разрушеніи храма Бахуса, возмутилъ противъ апостола народъ разными клеветами и ложными разсказами о немъ, такъ что хотѣли убить апостола. Когда же обманъ Нукіана былъ открытъ, народъ схватилъ его самого и привелъ къ Іоанну. „Этотъ злой обманщикъ хотѣлъ погубить тебя. Скажи, какъ намъ поступить съ нимъ“,— говорилъ разъяренный народъ. Св. апостолъ кротко отвѣтилъ: „отпустите его, пусть покается“. Но кротость апостола не вразумила Нукіана, и онъ снова сталъ злоумышлять противъ св. Іоанна. Тогда св. апостолъ поразилъ его слѣпотою. Это наказаніе подѣйствовало. Нукіанъ упалъ къ ногамъ апостола, раскаиваясь въ своемъ грѣхѣ и прося прощенія. Св. Іоаннъ исцѣлилъ его. Нукіанъ увѣровалъ во Христа, принялъ св. крещеніе и пригласилъ апостола къ себѣ въ домъ. Какъ только св. Іоаннъ вошелъ въ домъ Нукіана, всѣ идолы упали и разбились. При видѣ этого новаго чуда, всѣ домашніе Нукіана увѣровали во Христа. Подобно Нукіану, св. апостолъ вразумилъ и обратилъ ко Христу одну женщину. Злая и развратная, эта женщина заставляла много терпѣть сына своего, Сосипатра, не соглашавшагося вести безнравственную жизнь. Не имѣя болѣе силъ переносить свое тяжелое положеніе въ домѣ матери, Сосипатръ убѣжалъ изъ дома къ св. Іоанну, который проповѣдывалъ около того города. Чрезъ нѣсколько дней мать нашла сына, съ наслажденіемъ слушающаго проповѣдь апостола, и, не могши уговорить сына возвратиться въ домъ къ ней, принесла жалобу судьѣ на Іоанна и сына своего, обвиняя ихъ въ разныхъ преступленіяхъ. Судья, не разсмотрѣвши дѣла, осудилъ ихъ обоихъ на смерть. Но, по молитвѣ апостола, наказаніе отъ Господа поразило несправедливаго судью и злую женщину; у судьи высохла рука, которою онъ указывалъ взять св. Іоанна, а у матери Сосипатра высохли обѣ руки и она лишилась зрѣнія. Въ ужасѣ упалъ судья къ ногамъ апостола, прося помилованія, а мать Сосипатра убѣжала домой. Видя раскаяніе и вѣру судьи, апостолъ исцѣлилъ и крестилъ его. Потомъ св. Іоаннъ убѣдилъ Сосипатра воротиться къ матери и самъ отправился вмѣстѣ съ нимъ. Когда они подходили къ дому, мать Сосипатра вышла къ нимъ навстрѣчу, упала къ ногамъ апостола, каялась въ своихъ грѣхахъ и со слезами просила прощенія. Апостолъ научилъ ее вѣрѣ Христовой, исцѣлилъ ее и крестилъ со всѣми домашними. Болѣе года прожилъ св. Іоаннъ на островѣ Патмосѣ и въ теченіе этого времени неослабно проповѣдывалъ вѣру Христову, обходя всѣ города и совершая многія чудеса. Сильная проповѣдь апостола, подкрѣпляемая чудесами, обратила ко Христу почти всѣхъ жителей острова.

Утѣшаясь успѣхами проповѣди о Христѣ на островѣ, св. апостолъ въ то же время скорбѣлъ о церкви Христовой, подвергавшейся сильнымъ гоненіямъ отъ враговъ вѣры, и особенно о церквахъ Малоазійскихъ. Господь утѣшилъ апостола, открывъ ему будущую судьбу Своей церкви. Въ одинъ воскресный день св. Іоаннъ удостоился видѣть Господа Іисуса Христа во всей Его божественной славѣ, окруженнаго ангелами. Господь открылъ св. Іоанну, какую тяжелую борьбу будетъ вести церковь съ врагами внѣшними и внутренними, но эта борьба окончится славною побѣдою церкви надъ всѣми врагами, послѣ чего наступитъ славное царство Христово. Это откровеніе св. апостолъ записалъ въ книгу Апокалипсисъ и разослалъ ее церквамъ малоазійскимъ.

По смерти Домиціана, императоръ Нерва издалъ повелѣніе прекратить гоненіе противъ христіанъ и далъ имъ позволеніе возвратиться изъ мѣста ссылки. Тогда и св. Іоаннъ возвратился съ Патмоса, оставивъ тамъ епископа изъ своихъ учениковъ. Съ великою радостью и честью встрѣтили жители Ефеса св. апостола, который опять поселился въ домѣ Домна.

Возвратившись въ Ефесъ, св. Іоаннъ съ тою же ревностью проповѣдывалъ ученіе Христово, и для этого обходилъ города Малой Азіи. И, въ глубокой старости, до самой смерти апостолъ не оставлялъ трудовъ проповѣдничества, не жалѣя силъ своихъ.

Долѣе всѣхъ другихъ апостоловъ потрудившись для распространенія вѣры Христовой, св. апостолъ Іоаннъ скончался въ глубокой старости, имѣя болѣе 100 лѣтъ, въ Ефесѣ. Почувствовавъ приближеніе смерти, св. Іоаннъ вмѣстѣ съ учениками вышелъ за городъ; велѣлъ имъ выкопать для него могилу; потомъ, давъ имъ послѣднія наставленія и благословивъ ихъ, легъ въ гробъ и предалъ душу свою Господу.

Вся жизнь св. Іоанна представляетъ прекрасный образецъ высоконравственной, христіанской жизни и самымъ дѣломъ выясняетъ основной характеръ ученія Христова — любовь къ Богу и ближнимъ. Любовь ко Христу и ближнимъ дышала во всѣхъ мысляхъ, желаніяхъ, словахъ и поступкахъ апостола. На какіе труды и подвиги не рѣшился бы св. апостолъ для прославленія имени своего Учителя и Господа, какія лишенія и мученія готовъ онъ былъ съ радостью перенести за вѣру Христову! Когда нужно было просвѣтить ближняго ученіемъ Христовымъ и спасти отъ грѣха, для св. апостола не существовало никакихъ опасностей, трудностей, которыя бы могли остановить его. (См. разсказъ на стр. 233 — 234). Нѣсколько разъ онъ подвергался жестокимъ побоямъ, униженіямъ, опасности лишиться жизни за проповѣдь о Христѣ, и, не смотря ни на что, небоязненно обличалъ невѣріе и пороки и училъ вѣрѣ во Христа. Эта чистая любовь руководила всѣми отношеніями св. апостола къ ближнимъ. У него не было враговъ; кротостью и незлобіемъ отвѣчалъ онъ на злыя дѣйствія ихъ и съ радостью прощалъ всѣ обиды; съ отеческою любовью и нѣжностью обращался онъ съ учениками своими, и словомъ, и дѣломъ внушая имъ искреннюю любовь другъ къ другу. Эта любовь другъ къ другу служила постоянно предметомъ бесѣды апостола. Достигнувъ глубокой старости, такъ что съ трудомъ могъ ходить и говорить, св. Іоаннъ постоянно повторялъ: „дѣти, любите другъ друга“. На вопросъ учениковъ, почему онъ такъ часто говоритъ это, онъ отвѣтилъ: „это заповѣдь Господня; одна она замѣнитъ вамъ всѣ прочія“. Только враги Христа Спасителя, еретики, искажавшіе ученіе Христово и своимъ ложнымъ ученіемъ вводившіе другихъ въ пагубу, возбуждали гнѣвъ апостола, и онъ не хотѣлъ быть даже близъ этихъ людей. Такъ, св. апостолъ, встрѣтивъ, однажды, еретика Керинѳа въ банѣ, бѣжалъ оттуда и, на вопросъ о причинѣ этого, отвѣтилъ, что боится разрушенія зданія оттого, что внутри его находится врагъ истины Христовой.

Кромѣ апокалипсиса, св. апостолъ Іоаннъ написалъ евангеліе и три посланія. Появленіе еретиковъ, отвергавшихъ Божество Іисуса Христа, которыхъ со всею силою обличалъ св. апостолъ, побудило его написать евангеліе, чтобы и послѣ своей смерти дать вѣрующимъ возможность сохранить въ чистотѣ ученіе, преподанное апостоломъ. Евангеліе св. Іоаннъ написалъ въ Ефесѣ, въ глубокой старости. Въ это время уже были написаны три евангелія. Св. Іоаннъ, прочитавъ ихъ, нашелъ нужнымъ дополнить ихъ, потому что въ первыхъ евангеліяхъ говорится болѣе о земной жизни Іисуса Христа. Въ своемъ евангеліи св. Іоаннъ раскрываетъ Божество Сына Божія, Іисуса Христа, и по высотѣ ученія, изложеннаго имъ, онъ названъ Богословомъ. Принявъ намѣреніе написать евангеліе, св. апостолъ наложилъ постъ на вѣрующихъ и самъ съ ученикомъ своимъ Прохоромъ провелъ три дня въ постѣ и молитвѣ. На третій день произошло сильное землетрясеніе, поднялась гроза съ громомъ и молніей. Прохоръ отъ страха упалъ на землю. Св. Іоаннъ поднялъ его и велѣлъ писать то, что услышитъ отъ него. Одушевленный Духомъ Божіимъ, св. апостолъ началъ свое евангеліе словами: *„Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово“*. Вскорѣ послѣ написанія евангелія, св. Іоаннъ написалъ и посланія, въ которыхъ изложилъ правила жизни христіанской. (Сост. по ст. „Паст. назид.“, изд. ред. „Паст. собесѣдникъ“ и брошюрѣ „Жизнь св. І. Богослова“, изд. отдѣла распрост. дух.-нрав. книгъ. М. 1899 г.).

2. О значеніи и силѣ любви.

Сегодня память св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова, поэтому съ его заповѣдью и обращаюсь къ вамъ, правосл. христіане: — *Возлюбленные, возлюбимъ другъ друга* (1 Іоан. IV, 7).

И утѣшительно, и благотворно, и благоплодно, и преславно любить Божескою и богоугодною любовію, — мы обязаны къ тому, мы должны стараться о томъ, ежели точно желаемъ благъ себѣ и на землѣ и на небѣ, ежели дорого намъ и благополучіе и спасеніе. Но какъ приступить къ дѣлу, какъ послушаться апостола, какъ намъ полюбить другъ друга?.. Мы не знаемъ другъ друга, — вы меня не знаете, я васъ въ первый — а можетъ быть, и въ послѣдній—разъ встрѣчаю. Да и между всѣми нами, думаю, мало близкихъ другъ къ другу. Какъ же показать намъ свою взаимную любовь? Кому она сейчасъ нужна? Готовы ли мы явить ее?.. Можно ли приложить къ дѣлу, къ жизни, приглашеніе многолюбящаго апостола, можно ли? Можно, несомнѣнно можно.

Прежде выслушайте, что такое любовь, какое это благо, въ чемъ оно состоитъ. Любовь есть такое расположеніе сердца, по которому желаешь, чтобы всѣ, — и свой и чужой, и близкій и дальный, и знаемый и незнаемый — были благочестивы; это высшій знакъ любви, ибо благочестіе имѣетъ обѣтованіе, даетъ залогъ счастливой жизни настоящей и блаженной будущей (1 Тим. IV, 8); потомъ, чтобы всѣ были здоровы, цѣлы, невредимы, довольны. Любовь есть такая готовность, по которой не жалѣешь ни умѣнья, ни силъ, ни средствъ, ни даже жизни, лишь бы составить, поддержать, сохранить и продлить благополучіе всякаго ближняго. Любовь есть такое понятіе, такое убѣжденіе, что если твой ближній бѣдствуетъ, страдаетъ, терпитъ, словомъ, несчастливъ, то и твое благополучіе неполно, не совершенно радостно и сладостно, потому что ты въ сердцѣ своемъ непремѣнно сочувствуешь, соболѣзнуешь и сострадаешь ему. Вотъ что любовь!

Какъ видите, любовь есть прекраснѣйшее свойство души, лучшее изъ всѣхъ чувствъ, богоугоднѣйшая изъ добродѣтелей, пріятнѣйшая изъ всѣхъ условій христіанской жизни. О, если бы христіанская любовь всегда наполняла наши сердца, если бы мы думали и старались жить по однимъ ея внушеніямъ! Если бъ всѣ люди во всю свою жизнь больше всего учились бы любви и проявленіямъ ея въ своихъ дѣйствіяхъ и во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ!

Но какъ ее показать или на дѣлѣ доказать не только родному, сосѣду, своему знакомому, тому, съ кѣмъ имѣешь общеніе, съ кѣмъ встрѣчаешься, но и тому, кого не знаешь, съ кѣмъ не видишься, кто отъ тебя далекъ, — какъ показать, чтобы исполнить заповѣдь апостола?

Любовь не въ томъ только состоитъ, чтобы дѣлиться своими внѣшними благами съ нуждающимися, не въ томъ только, чтобы накормить, одѣть, послужить, пріютить кого-нибудь; такое выраженіе любви, конечно, очень важно и похвально, но оно случайно и временно, и не всегда возможно: есть еще любовь, въ которой любовь проявляется въ большихъ размѣрахъ и въ лучшихъ видахъ. Какая же это любовь, какъ нужно вести себя для нея?

Будемъ всѣмъ сердцемъ любить Бога: станемъ всеусердно исполнять Его заповѣди и заповѣди матери нашей, православной церкви, о молитвахъ, постахъ, покаяніи, пріобщеніи, о чтеніи слова Божія, и прочія; будемъ трудолюбивы, учительны, назидательны, гдѣ бы мы ни были, будемъ благожелательны и благодѣтельны къ тѣмъ, кто возлѣ насъ, кого встрѣтимъ случайно; будемъ всегда привѣтливы, независтливы, негнѣвливы всѣ, непремѣнно всѣ, — тогда любовь или добро разольется какъ животворный воздухъ, какъ благотворный свѣтъ, какъ великая, плодотворящая пустыню рѣка: я ненамѣренно и невольно услужу вамъ, вы другимъ, другіе третьимъ, тѣ, въ свою очередь, еще другимъ и третьимъ, и такъ далѣе,—добро дойдетъ до всѣхъ, и безъ вѣдома нашего станемъ служить и помогать другъ другу, т.-е. будемъ любить другъ друга по заповѣди апостола, да и по заповѣди Спасителя. Онъ тоже заповѣдалъ: *да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. По тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою* (Іоан. XIII, 35). (См. Полн. собр. поучен. прот. І. Романова).

3. **Величіе и красота христіанской любви, по изображенію св. Іоанна Златоустаго.**

„Любовь крѣпче стѣны, она тверже адаманта, и если бы ты указалъ на другое еще болѣе крѣпкое вещество, твердость любви превосходитъ все.

Ея не побѣждаетъ ни богатство, ни бѣдность, или лучше: не было бы ни бѣдности, ни излишняго богатства, если бы была любовь, а было бы только добро, проистекающее изъ того и другого. Отъ богатства мы имѣли бы довольство, отъ бѣдности свободу отъ заботъ, не терпѣли бы ни заботъ, неразлучныхъ съ богатствомъ, ни опасеній отъ бѣдности. Но что я говорю о пользѣ отъ любви?

Представь, какъ прекрасна любовь сама по себѣ, сколько она приноситъ радостей, сколько доставляетъ душѣ удовольствій; это по преимуществу ей свойственно. Другія дѣла добродѣтели, напримѣръ: постъ, цѣломудріе, бдительность, сопряжены съ трудомъ, сопровождаются недовольствомъ, порочнымъ пожеланіемъ, высокомѣріемъ; любовь же, кромѣ пользы, доставляетъ еще великое удовольствіе, а труда никакого, и, какъ добрая пчела, собирая добро отвсюду, слагаетъ его въ душѣ любящаго. Рабъ ли кто, она дѣлаетъ рабство пріятнѣе свободы; ибо кто любитъ, тотъ не столько радуется тогда, когда повелѣваетъ, сколько тогда, когда повинуется, хотя повелѣвать и пріятно. Любовь измѣняетъ самое существо вещей и неразлучно приноситъ съ собою всѣ блага; она нѣжнѣе всякой матери, щедрѣе всякой царицы; трудное она дѣлаетъ легкимъ и удобнымъ, добродѣтель представляетъ привлекательною, а порокъ отвратительнымъ. Посмотри: раздавать свое, по-видимому, прискорбно, но любовь дѣлаетъ это пріятнымъ; брать чужое, по-видимому, пріятно, но любовь не позволяетъ считать это пріятнымъ, а заставляетъ убѣгать, какъ преступнаго; худо говорить о другихъ для всѣхъ кажется пріятнымъ, но любовь представляетъ это непріятнымъ, а хорошо говорить—пріятнымъ; ничто такъ не пріятно намъ, какъ хвалить того, кого мы любимъ. Еще: гнѣвъ имѣетъ въ себѣ нѣкоторую пріятность, но при любви его не можетъ быть; она совершенно уничтожаетъ его; если любимый и оскорбитъ любящаго, то гнѣва не будетъ, а будутъ слезы, увѣщанія, просьбы: такъ далека любовь отъ раздраженія! Когда она видитъ согрѣшающаго, то плачетъ и скорбитъ, и эта скорбь приноситъ ей удовольствіе. Слезы и скорбь любви пріятнѣе всякаго смѣха и всякой радости; не столько чувствуютъ наслажденія смѣющіеся, сколько плачущіе о любимыхъ. Если не вѣришь, то удержи ихъ слезы, и они огорчатся, какъ потерпѣвшіе что-нибудь крайне непріятное...

Св. ап. Павелъ называетъ любовь матерью всѣхъ благъ и предпочитаетъ ее чудотвореніямъ и прочимъ дарованіямъ. Какъ при золотой одеждѣ и обуви нужно бываетъ нѣкоторое одѣяніе, дабы намъ узнать царя; а когда мы видимъ порфиру и діадему, то не требуемъ никакого другого знака царскаго достоинства, такъ точно и здѣсь: когда есть діадема любви, то она достаточно отличаетъ истиннаго ученика Христова не только для насъ, но и для невѣрныхъ. *О семъ,*—говоритъ Христосъ, — *разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 35). Этотъ знакъ важнѣе всѣхъ знаменій, потому что по немъ узнается ученикъ Христовъ. Пусть иные совершаютъ тысячи знаменій, но если они питаютъ вражду между собою, они будутъ осмѣяны невѣрными; напротивъ, хотя бы они не произвели ни одного знаменія, но только бы искренно любили другъ друга, они будутъ всѣми уважаемы и неукоризненны. И Павлу мы удивляемся не потому, что онъ воскрешалъ мертвыхъ, очищалъ прокаженныхъ, а потому, что говорилъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? кто соблазняется, и азъ не разжизаюся?* (2 Кор. XI, 29) Хотя бы ты сравнилъ съ этимъ тысячи знаменій, ничто не будетъ равно; и самъ онъ ожидалъ себѣ великой награды не за то, что совершалъ знаменія, но за то, что для немощныхъ былъ, какъ немощный... Онъ даже готовъ былъ умереть съ голода для спасенія учениковъ: *добрѣе бо ми,* говоритъ, *паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (I Кор. IX, 15), говоритъ не съ тѣмъ, чтобы похвалить самого себя, но дабы не подумали, что онъ укоряетъ ихъ. Онъ никогда не хвалится своими совершенствами, если этого не требовали обстоятельства, и, когда бываетъ вынужденъ къ тому, называетъ себя *буимъ* (I Кор. I, 25; 2 Кор. XI, 1).

Чего же въ сравненіи съ нимъ достойны мы, которые не хотимъ презирать денегъ для блага насъ же самихъ и подавать даже избытковъ своего имущества? А онъ былъ не таковъ, но отдалъ и душу, и тѣло свое, дабы получили царствіе небесное тѣ самые, которые побивали его камнями и бичевали. Такъ любить, говорилъ онъ, научилъ меня Христосъ, преподавшій новую заповѣдь о любви, и Самъ исполнившій ее на дѣлѣ. Онъ, будучи царемъ всего и существомъ блаженнымъ, не отвратился отъ людей, которыхъ сотворилъ изъ ничего и безконечно облагодѣтельствовалъ, которые оскорбляли Его и плевали на Него, но сдѣлался для нихъ человѣкомъ, обращался съ блудницами и мытарями, исцѣлялъ бѣсноватыхъ и обѣтовалъ небо. Послѣ всего этого люди, взявъ Его, ударяли по ланитамъ, связали, били, осмѣяли и, наконецъ, распяли; но Онъ и тогда не отвратился отъ нихъ и, бывъ пригвожденъ ко кресту, говорилъ: *Отче, отпусти имъ грѣхъ ихъ* (Луки XXIII, 34). Разбойника, который вначалѣ поносилъ Его, Онъ ввелъ въ рай; Павла изъ гонителя сдѣлалъ апостоломъ, а ближайшихъ и преданныхъ Ему учениковъ предалъ на смерть для спасенія распявшихъ Его іудеевъ. Итакъ, представляя себѣ все это, сдѣланное Богомъ и людьми, будемъ подражать дѣламъ добрымъ и питать въ себѣ любовь, превосходящую всѣ дары, дабы намъ получить блага настоящія и будущія, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа“. (Изъ 32 бесѣды св. Іоанн. Злат. на 1 посл. къ коринѳ.).

Октябрь мѣсяцъ.

1 ДЕНЬ.

ПОКРОВЪ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.

Еванг. отъ Лук., зач. 54 и 58, гл. X, 38—42. XI, 27—28 ст. [1]).

1. Исторія празднуемаго событія.

Событіе, которое положило начало празднику Покрова Пресв. Богородицы, совершилось не у насъ въ Россіи, а въ Греціи. Было оно за тысячу слишкомъ лѣтъ до нашихъ дней.

Нынѣшняя столица турецкаго государства, Константинополь, называвшійся прежде Царьградомъ, когда-то особенно отличался великолѣпными христіанскими храмами. Между многими изъ этихъ храмовъ особенно выдавался влахернскій храмъ, посвященный имени Пресвятыя Владычицы. Православные жители Царьграда, вообще усердно посѣщавшіе храмы Божіи, любили особенно посѣщать церковь влахернскую, какъ храмъ Заступницы своей, Царицы небесной. Случалось какое-нибудь народное бѣдствіе: моръ, голодъ, землетрясеніе, война, влахернскій храмъ съ утра до ночи наполнялся усердными молитвенниками. Вотъ, въ 903 году по рождествѣ Христовомъ, при императорѣ Львѣ Мудромъ, въ послѣднихъ числахъ сентября, по Царьграду разнеслась печальная вѣсть, что страшные враги христіанства, сарацыны (арабы), грозятъ греческому государству, что самая столица въ опасности. И старые и малые спѣшатъ въ храмы; толпы народа спѣшатъ и въ храмъ влахернскій. Между молившимися тогда во влахернскомъ храмѣ былъ св. Андрей, за свою странную подвижническую жизнь прозванный юродивымъ. Андрей былъ нищимъ; онъ казался малоумнымъ, но этимъ онъ только старался прикрывать свои высокія достоинства, святые христіанскіе подвиги, за которые многіе, еще при жизни его, питали къ нему уваженіе и благоговѣніе. Наканунѣ 1 октября, за всенощною въ храмѣ влахернскомъ въ числѣ многихъ молитвенниковъ былъ и св. Андрей юродивый съ своимъ ученикомъ Епифаніемъ. Молитва шла общая, слезная. Вдругъ св. Андрей, поднявши глаза кверху, видитъ необычайное явленіе: въ высотѣ храма, въ куполѣ, на воздухѣ паритъ надъ молящимися Пречистая Дѣва, окруженная ликами св. ангеловъ, пророковъ и апостоловъ, держитъ въ рукахъ Своихъ распростертый омофоръ (длинный, узкій платокъ) и осѣняетъ имъ, какъ бы покрываетъ народъ; Она молится Сыну Своему и Богу за родъ христіанскій. „Видишь ли, брате, Царицу и Госпожу всѣхъ, молящуюся о всемъ мірѣ?“—спрашиваетъ св. Андрей у стоявшаго тутъ же ученика своего. — „Вижу, отецъ святой, — отвѣчаетъ Епифаній, — вижу и ужасаюсь“. Затѣмъ явленіе исчезаетъ. Удостоившіеся видѣнія не могли молчать о немъ, такъ какъ оно клонилось къ славѣ Царицы небесной, къ утѣшенію и ободренію падавшаго духомъ народа. Слухъ объ этомъ видѣніи съ быстротою молніи пронесся по всѣмъ предѣламъ греческаго царства.

---

[1]) *Примѣч.* Евангел. разсказъ о посѣщеніи Господомъ дома Марѳы и Маріи см. выше, подъ 8 сентября.

Жители Константинополя, услышавъ о семъ чудѣ, исполнились радости и упованія, что Богъ, по ходатайству Заступницы рода христіанскаго, избавитъ ихъ отъ бѣдъ, нанесенныхъ вторженіемъ непріятелей въ ихъ страну. Упованіе было не ложно: враги церкви Христовой были вскорѣ побѣждены и прогнаны. Это произошло въ 911 г.; но, по случаю многихъ смутъ въ греческой имперіи, день Покрова не былъ внесенъ въ число праздничныхъ. Честь установленія этого праздника принадлежитъ россійской церкви. Православная Россія сама видѣла много примѣровъ чудеснаго заступленія, явленнаго нашему отечеству небесною Заступницею, а потому твердо хранитъ вѣру, что Приснодѣва Марія всѣмъ можетъ оказать помощь и защиту, что Она молитъ за всѣхъ насъ Сына Своего, Христа Бога нашего, и всѣмъ творитъ спастися, въ державный Ея покровъ прибѣгающимъ. Эта-то вѣра и послужила основаніемъ къ установленію на Руси праздника Покрова Пр. Богородицы, который совершается 1 октября въ тотъ день, когда было видѣніе св. Андрею во влахернск. церкви. (Пр. Г. Дьяченко).

2. Покровъ Божіей Матери надъ православнымъ нашимъ отечествомъ.

Подобно греческой имперіи, и наше отечество не лишено покровительства Царицы небесной. Вся исторія нашего отечества представляетъ непрерывный рядъ сказаній о милостяхъ Богоматери къ нашему царству. Памятниками Ея неисчислимыхъ благодѣяній къ намъ, русскимъ людямъ, служатъ, какъ и въ Греціи, святыя иконы, отъ которыхъ Она, Милосердая, въ знаменіяхъ и чудесахъ изливала Свои щедроты на всѣхъ, кто съ вѣрою и твердымъ упованіемъ прибѣгалъ подъ Ея всемогущій покровъ. У насъ нѣтъ города, нѣтъ страны, которая бы не могла повѣдать о милостяхъ и чудесахъ Богоматери. Пройдите все пространство широкой матушки Руси: побывайте вы въ холодныхъ странахъ сѣверныхъ и въ теплыхъ странахъ южныхъ, на отдаленномъ востокѣ и западѣ,—и вы всюду встрѣтите безчисленное множество святыхъ чудотворныхъ иконъ. Какъ свѣтозарныя звѣзды онѣ озаряютъ всѣ предѣлы нашего отечества. Времена славы и бѣдствій нашего отечества связаны съ чудодѣйственнымъ прославленіемъ наиболѣе чтимыхъ у насъ иконъ Богоматери.

Самая древняя изъ чтимыхъ у насъ на Руси иконъ есть чудотворная икона Богоматери, именуемая „Владимірскою.“ Она есть копія съ тѣхъ иконъ, которыя, по преданію, написаны евангелистомъ Лукою. Привезена она къ намъ, въ Кіевъ, изъ Константинополя русскимъ гостемъ Пирогощею. Въ 1115 году она находилась въ Вышгородѣ, близъ Кіева. А когда во Владимірѣ была построена, такъ называемая, десятинная церковь, святая икона была перенесена княземъ Андреемъ Юрьевичемъ во Владиміръ, въ эту церковь, почему и получила названіе Владимірской. Андрей Юрьевичъ за свое примѣрное благочестіе, любовь и усердіе къ чудотворной иконѣ Богоматери удостоился отъ Нея получить чудесную помощь. Область суздальская часто подвергалась нападенію болгаръ, которые жестоко опустошали ее. Князь Андрей вынужденъ былъ защищать свои владѣнія отъ нападенія болгаръ и въ 1164 году предпринялъ походъ противъ нихъ. Выступая въ походъ, онъ взялъ съ собою и икону Богоматери и двухъ священниковъ, которые въ облаченіи вмѣстѣ съ иконою несли и честный крестъ Христовъ. Предъ битвою благочестивый князь пріобщился Святыхъ Таинъ и повергся предъ образомъ Заступницы съ словами: „о, Владычица Богородица, уповающіе на Тебя не погибаютъ, и я, рабъ Твой, прибѣгаю подъ покровъ Твой и защиту и вѣрую, что Крестъ Сына Твоего есть оружіе обоюдоострое противъ враговъ. Умоли Спасителя міра, Котораго держишь на рукахъ, да будетъ сила Креста Его огнемъ, попаляющимъ лица сопротивныхъ, и Твое всесильное предстательство да поможетъ намъ и низложитъ враговъ нашихъ“ [1]). Вмѣстѣ съ княземъ поверглось предъ чудотворнымъ образомъ Богоматери и все воинство. Съ вѣрою въ помощь и покровительство Богоматери воины русскіе бросились на болгаръ и побѣдили непріятелей. Князь преслѣдовалъ ихъ и взялъ нѣсколько непріятельскихъ городовъ. Возвратясь съ поля битвы, князь и все воинство, павъ предъ образомъ Богоматери, со слезами торжественной радости благодарили Ее за видимую небесную помощь, и въ это время чудный свѣтъ осѣнилъ все православное воинство. Точно такой же свѣтъ осѣнилъ войско греческаго императора Мануила во время битвы его съ сарацынами, доставившей ему побѣду надъ ними. Въ воспоминаніе столь видимой небесной помощи оба повелителя установили празднество, которое совершается въ греко-россійской церкви 1-го августа 1).

---

[1]) См. Чет.-Мин. 1-го августа.

Но не это только одно чудо обязываетъ насъ, русскихъ, воздавать особенное чествованіе чудотворной Владимірской иконѣ Богоматери. Чрезъ эту чудотворную икону Божія Матерь неоднократно оказывала помощь и цѣлой Россіи.

Въ 1395 году, при великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ, съ несмѣтною силою вторгнулся въ предѣлы Россіи грозный завоеватель, ханъ ордынскій, Тамерланъ. Этотъ страшный завоеватель подошелъ къ предѣламъ рязанскимъ, взялъ Елецъ, плѣнилъ елецкаго князя, избилъ множество христіанъ и устремился на Москву, угрожая опустошить всю землю русскую и искоренить вѣру Христову. Всеобщій страхъ обуялъ всѣхъ. Для отраженія непріятеля великій князь повелъ свои войска къ Коломнѣ и тамъ, на берегу рѣки Оки, остановился. Москвичи, устрашенные слухомъ о несмѣтныхъ силахъ и свирѣпости Тамерлана, проливали слезы предъ алтарями, постились и молились объ избавленіи ихъ отъ нашествія иноплеменниковъ. Въ храмахъ непрестанно возносились молитвы о князѣ и воинствѣ. Бывшій въ то время митрополитъ Кипріанъ почти не выходилъ изъ церкви. Онъ то поучалъ оставшихся въ Москвѣ, то совершалъ молебствія за идущихъ проливать кровь свою за вѣру и отечество. И великій князь, не надѣясь на свои собственныя силы, искалъ себѣ помоши свыше. Онъ укрѣплялъ себя молитвою къ Богу и Пречистой Богоматери, призывалъ на защиту себѣ великихъ угодниковъ Божіихъ: Петра, Алексія, преподобнаго Сергія Радонежскаго и прочихъ чудотворцевъ россійскихъ, писалъ изъ Коломны къ митрополиту Кипріану, чтобы онъ послалъ во Владиміръ за чудотворною иконою Богоматери. Но святитель Кипріанъ и прежде князя думалъ о перенесеніи святой иконы. Во Владиміръ немедленно были отправлены высшія духовныя лица, которыя 15-го августа прибыли во Владиміръ и приняли въ свои руки драгоцѣнную Святыню. Самъ же митрополитъ остался въ Москвѣ, день и ночь не переставая проливать во храмѣ слезное моленіе о побѣдѣ надъ врагами, о великомъ князѣ и его воинствѣ и о всѣхъ православныхъ христіанахъ. 26-го августа чудотворная икона Владимірская приближалась къ Москвѣ. Митрополитъ, епископы и все духовенство, въ ризахъ и съ крестами, и безчисленное множество народа вышли въ срѣтеніе Ей. Встрѣча эта была зрѣлищемъ умилительнымъ. Народъ, какъ только увидѣлъ святую икону Богоматери, палъ на колѣна и съ воплемъ и слезами воззвалъ: „Матерь Божія! спаси землю русскую.“ По словамъ лѣтописца, въ этомъ безчисленномъ множествѣ народа не было человѣка, который не плакалъ и не возсылалъ молитвъ къ Пречистой Богородицѣ. Матерь Божія не посрамила надежды прибѣгающихъ подъ Ея честный покровъ. Въ тотъ самый день, когда святая икона была принесена въ Москву и, торжественно встрѣченная, поставлена въ храмѣ Успенія Пресвятой Богородицы, Тамерланъ увидѣлъ необыкновенный страшный сонъ, который побудилъ его бѣжать изъ Россіи. Сонъ этотъ былъ слѣдующій. Онъ видѣлъ высокую гору, съ вершины которой спускались многіе святители съ златыми жезлами и грозили ему, Тамерлану. Въ воздухѣ же надъ ними блисталъ необыкновенный свѣтъ, а среди него въ неизреченной славѣ была видима Царица небесная, окруженная безчисленнымъ множествомъ воиновъ, готовыхъ на брань. Она какъ бы молилась съ распростертыми кверху руками, грозила Тамерлану, повелѣвая ему удалиться изъ предѣловъ Россіи, и какъ будто посылала на него Свое воинство. Онъ въ страхѣ проснулся и, какъ безумный, сталъ кричать: „бѣда моя! что значитъ это страшное видѣніе?“ По его повелѣнію къ нему собрались воеводы и князья его. Онъ разсказалъ имъ свое видѣніе и спрашивалъ ихъ о значеніи своего сна. Болѣе мудрые изъ нихъ отвѣчали: „видѣнная Царица есть Матерь Бога христіанскаго. Очевидно, Она хочетъ вступиться за христіанъ, потому что Она ихъ Помощница и Попечительница.“—„Если такова у христіанъ Помощница,—сказалъ Тамерланъ,—то напрасно мы шли на нихъ и безъ успѣха трудимся теперь 1).“ Сказавъ это, Тамер-

---

1) См. Истор. Карамз. т. 3, гл. 3, примѣч. 331 и Чет. Мин. 1-го августа.

1) См. Чет. Мин. 26-го августа.

ланъ приказалъ полкамъ своимъ поспѣшно выходить изъ предѣловъ Россіи. Но какъ только они стали выходить изъ нашего отечества, имъ представилось, будто множество полковъ русскихъ гонятся вслѣдъ ихъ. Они въ смятеніи и ужасѣ бѣжали, мяли другъ друга на пути и побросали награбленную добычу и даже свое оружіе, имѣя одно только желаніе выбраться цѣлыми и невредимыми изъ нашего отечества. Съ невыразимою радостью москвичи приняли вѣсть объ удаленіи Тамерлана. Благодаря Бога и прославляя Его милость, всѣ восклицали: „не воеводы наши прогнали его, не воинства наши устрашили его, но сила невидимая послала на него страхъ. Гнѣвомъ Божіимъ гонимый, онъ удалился изъ земли русской.“ Такъ молитвами и заступленіемъ Царицы небесной дарована была христіанамъ побѣда надъ врагами безъ брани и кровопролитія. Съ этого времени въ Москвѣ, въ благодарное воспоминаніе чудеснаго избавленія ея и всего нашего отечества отъ враговъ, установленъ праздникъ Срѣтенія иконы Богоматери, а на самомъ мѣстѣ встрѣчи чудотворнаго образа основанъ Срѣтенскій монастырь, куда ежегодно 26-го августа бываетъ крестный ходъ изъ Успенскаго собора [1]).

Чрезъ 77 лѣтъ, въ 1472 году, чрезъ тотъ же чудотворный образъ Свой Царица небесная снова проявила Свою милость и покровительство Москвѣ, а чрезъ нее и всему нашему отечеству. Въ этомъ году, при царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ III, на Москву ополчился татарскій царь Ахметъ. Онъ достигъ уже рѣки Оки и съ сильною ратью подходилъ къ Москвѣ съ намѣреніемъ разорить ее. Великій князь Іоаннъ, помолившись и принявъ благословеніе отъ митрополита Геронтія и своего духовнаго отца, благочестиваго старца Вассіана, бывшаго въ то время архіепископомъ ростовскимъ, выступилъ въ походъ противъ татаръ. Но милосердая Владычица не допустила до кровопролитія, безъ боя даровала побѣду православному русскому воинству, сохранивъ Свое достояніе—Москву и всю Россію. Великій князь съ войскомъ еще не перешелъ Оки, какъ на татаръ напалъ страхъ, и они, никѣмъ не гонимые, бѣжали. Возвратившись въ Москву, царь съ воинствомъ и народомъ своимъ въ радости прославилъ Бога и Пречистую Богородицу, приписывая Богоматери побѣду надъ татарами. Въ вѣчную благодарность за это вторичное избавленіе Москвы отъ татаръ, въ 1472 году, установлено 23 іюня совершать празднество и крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь, въ честь Владимірской чудотворной иконы Богоматери [1]).

Такимъ же чудеснымъ образомъ Москва была спасена и отъ татарскаго нашествія Махметъ-Гирея, въ 1521 году.

Въ память послѣдняго избавленія, въ Москвѣ, 21 мая, совершается празднество въ честь чудотворной иконы Владимірской, и совершается крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь. Вся Россія, проникнутая чувствомъ благодаренія ко Владычицѣ за столь великія Ея милости, взываетъ къ Ней во дни этихъ праздниковъ: „Днесь свѣтло красуется славнѣйшій градъ Москва, яко зарю солнечную воспріимши, Владычице, чудотворную Твою икону, къ ней же нынѣ мы притекающе и молящеся Тебѣ взываемъ сице: о пречудная Владычице Богородице, молися изъ Тебе воплощенному Христу Богу нашему, да избавитъ градъ сей, и вся грады и страны христіанскія невредимы отъ всѣхъ навѣтъ вражіихъ, и спасетъ души наша, яко милосердъ“ [2]). „Взбранной воеводѣ побѣдительная, яко избавльшеся отъ злыхъ пришествіемъ Твоего честнаго образа, Владычице Богородице, свѣтло сотворяемъ празднество и обычно зовемъ Ти: радуйся, Невѣсто неневѣстная“ [3]).

Такую же помощь, какъ Владимірская икона Богоматери, оказала Москвѣ и всему нашему отечеству чудотворная икона, именуемая Донской. Кѣмъ и когда она написана и въ какое время появилась—неизвѣстно. Извѣстно только то, что она написана давно, существовала уже во второй половинѣ 14 вѣка и находилась въ области Донской, въ какомъ-то Сиротинскомъ городкѣ, и уже тогда была чтима православнымъ русскимъ народомъ. Въ 1380 году на Россію ополчился ордынскій ханъ Мамай. Навстрѣчу ему выступилъ съ отборнымъ многочисленнымъ войскомъ великій князь Димитрій Іоанновичъ Донской. Этотъ походъ великаго князя московскаго противъ Мамая былъ первою смѣлою и рѣшительною попыткою свергнуть иго татарское, которое многіе годы тяготѣло надъ русскимъ народомъ. Димитрій Іоанновичъ предпринялъ его съ вѣрою, надеждою на Бога и на заступленіе Царицы небесной, съ благословенія святителя Алексія, митрополита московскаго, и преподобнаго Сергія Радонежскаго. На помощь великому князю противъ грозныхъ полчищъ татарскихъ и ихъ грознаго предводителя Мамая выступили донскіе казаки. Донцы шли въ походъ этотъ съ глубокою вѣрою въ заступленіе Богоматери, а потому изъ города Сиротина взяли съ собою въ походъ и чтимый ими чудотворный образъ Донской Богоматери. Во все время войны Донская икона находилась въ станѣ русскихъ воиновъ, для помощи имъ противъ враговъ. И, благодареніе Богу, заступленіемъ Царицы небесной побѣда осталась на сторонѣ русскихъ. Татары въ первый разъ были разбиты русскими и прогнаны. Владычество ихъ надъ русскою землею поколебалось. Великій князь и все православное воинство, приписывая успѣхи своего оружія силѣ Божіей и покровительству Богоматери, съ чувствомъ живѣйшей радости благодарили Бога и Матерь Божію за одержанную надъ врагами побѣду. Донцы, въ уваженіе къ великому князю Димитрію Іоанновичу, прозванному Донскимъ за одержанную имъ побѣду на берегахъ рѣки Дона, предложили ему въ даръ свой образъ Богоматери ¹). Съ великою честію и благодарностію былъ принятъ этотъ даръ великимъ княземъ. Онъ торжественно перенесъ его въ Москву и поставилъ сначала въ Успенскомъ, а потомъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Благочестивая супруга Димитрія Іоанновича, Евдокія, выразила свою благодарность къ Богоматери тѣмъ, что построила на мѣстѣ деревянной церкви Воскресенія Лазаря каменный храмъ въ честь Рождества Пресвятой Богородицы, который, по словамъ лѣтописца, имѣлъ себѣ подобный только во Владимірѣ и былъ чудный ²). Самъ же Димитрій Іоанновичъ, при содѣйствіи и указаніи преподобнаго Сергія, устроилъ обитель во имя Богоматери, которая теперь извѣстна подъ именемъ Стромынскаго монастыря ³).

---

[1]) См. Чет. Мин. августъ 26-е число и Душепол. чтен. 1861 г. августа, стр. 380—384.

[1]) См. Чет. Мин. 23 іюня, Ист. Карамз. т. VI гл. 1.

[2]) См. тропарь 26 августа.

[3]) См. кондакъ праздника.

Въ 1591 году, въ царствованіе Θеодора Іоанновича, Россія снова была спасена помощію и заступленіемъ Донской Божіей Матери. Въ этомъ году крымскіе татары, подъ предводительствомъ Муратъ Гирея, въ огромномъ количествѣ нечаянно подступили къ Москвѣ и проникли до Воробьевыхъ горъ. Благочестивый царь Θеодоръ Іоанновичъ, устрашенный внезапнымъ вторженіемъ враговъ и потерявъ надежду одержать побѣду надъ многочисленнымъ крымскимъ войскомъ, прибѣгнулъ съ теплою молитвою о помощи къ Богоматери. Онъ повелѣлъ съ Донскою иконою Богоматери и другими иконами совершить крестный ходъ вокругъ города и икону Богоматери поставить въ его палаткѣ, расположенной среди войска. Ночью, во время усердной молитвы, Θеодоръ Іоанновичъ получилъ откровеніе отъ скорой Помощницы, что, по Ея предстательству, силою Христа Спасителя, онъ одержитъ побѣду надъ врагами. 4 іюля, 1592 года, произошла страшная битва. Москвичи съ замираніемъ сердца слѣдили за ея исходомъ. Всѣхъ спокойнѣе былъ благочестивый царь. Онъ глубоко вѣрилъ и надѣялся на заступленіе Царицы небесной, предъ Донскимъ образомъ Которой молился день и ночь. Кто-то изъ бояръ, наблюдая за ходомъ сраженія, выразилъ предъ Θеодоромъ Іоанновичемъ опасеніе за благополучный для Москвы исходъ битвы. „Будь покоенъ, — отвѣтилъ ему царь,—завтра же не будетъ хана". Предсказаніе царя исполнилось. На слѣдующій день хана уже не было подъ стѣнами Москвы. Обманутые ложною вѣстію, будто къ москвичамъ прибыло сильное войско, и русскіе наутро собираются сдѣлать сильное нападеніе, татары ночью бѣжали и съ такою поспѣшностію, что побросали и обозы, и оружіе. Православные воины устремились за ними, многихъ взяли въ плѣнъ и овладѣли всѣмъ станомъ непріятельскимъ. Въ благодарную память о спасеніи отъ враговъ, благочестивый царь Θеодоръ Іоанновичъ основалъ монастырь на мѣстѣ, гдѣ во время битвы находился чудотворный образъ, и назвалъ его Донскимъ. Въ немъ поставлена была чудотворная икона и установленъ ежегодный праздникъ въ честь Донской иконы Божіей Матери, въ 19 день августа.

Не отъ однихъ татаръ страдало наше отечество; страдало оно и отъ поляковъ. Какъ отъ первыхъ оно спаслось чрезъ чудотворный образъ Владимірской и Донской Богоматери, такъ и отъ вторыхъ оно было избавлено помощію Царицы небесной, которую Она явила въ 1611 году чрезъ Свою икону, именуемую „Ка-

---

¹) См. Руковод. для сельск. пастырей, 1890 года, августъ.

²) См. Карам. Истор. т. IV, примѣчаніе 254.

³) Смотр. Душепол. чтен. 1861 г. августъ, стр. 379.

занскою“. Поляки долгое время угнетали наше отечество. Когда же Василій Іоанновичъ Шуйскій былъ низложенъ съ престола, они совсѣмъ овладѣли Москвою. Вѣрные сыны отечества приглашали всѣхъ грамотами къ освобожденію Москвы отъ поляковъ. „Здѣсь, — писали они,—корень царства, здѣсь знамя отечества, здѣсь Богоматерь, изображенная евангелистомъ Лукою“. Такое воззваніе не осталось безуспѣшнымъ. Со всѣхъ сторонъ православные устремились съ оружіемъ въ рукахъ на освобожденіе своего отечества. Благочестивые предки наши прежде всего обратились съ молитвою о помощи къ Богу и Пречистой Богородицѣ. Всему православному воинству и народу было заповѣдано поститься. Однако, первое ополченіе было безуспѣшно. Не замедлило явиться новое. Его составилъ мощный голосъ Козьмы Минина, нижегородскаго гражданина. Воспламененный любовію къ своему отечеству, онъ созвалъ народное собраніе и убѣждалъ каждаго постоять за отечество. „Станемъ за святую Русь, говорилъ онъ, за домъ Пречистой Богородицы; продадимъ женъ и дѣтей, но освободимъ отечество!“ Образъ Казанской Богоматери былъ взятъ вождемъ Пожарскимъ въ средину новаго священнаго ополченія. Но и это послѣднее ополченіе, по-видимому, должно было остаться напраснымъ. У войска не было средствъ содержанія и оружія, у вождей недоставало единодушія. Надежды на освобожденіе Москвы было мало. Но народъ не переставалъ молиться Богу и Пречистой Богоматери. Богъ услышалъ вопль кающагося и молящагося народа. Въ то самое время, когда всѣ земныя надежды пали, небесная помощь не замедлила явиться во всей своей очевидности. Вѣстникомъ небеснаго милосердія къ Россіи былъ избранъ архіепископъ Арсеній, родомъ грекъ. Онъ находился въ самыхъ стѣнахъ московскихъ плѣнникомъ у поляковъ. Томимый голодомъ и тяжелою болѣзнію, онъ былъ уже при послѣднемъ издыханіи. Въ это время, среди ночной тишины, въ его темницѣ вдругъ заблисталъ ослѣпительный свѣтъ, и онъ увидѣлъ предъ собой преподобнаго Сергія Радонежскаго: „Арсеній, сказалъ ему угодникъ Божій, Богъ услышалъ молитву Своихъ рабовъ и, по ходатайству Пречистой Владычицы, въ слѣдующій день поможетъ имъ одержать побѣду надъ врагами и возвратитъ имъ городъ“. Арсеній до земли поклонился чудотворцу. Свѣтъ, озарившій темницу Арсенія, исчезъ, вмѣстѣ съ нимъ скрылся и угодникъ Божій. Страдалецъ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Эта радостная вѣсть быстро разнеслась по всему городу, проникла въ ряды православнаго воинства и воспламенила его такимъ мужествомъ, что оно на слѣдующій день съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ и крѣпкимъ упованіемъ на помощь Богоматери устремилось на поляковъ. Поляки не въ состояніи были устоять противъ русскихъ и, потерявъ надежду удержать за собою кремль, сами сдали его русскимъ. Благоговѣя предъ небесною помощію, христолюбивое воинство въ слѣдующій воскресный день совершило крестный ходъ въ возвращенную столицу и тамъ торжественно принесло благодареніе Господу и Его Пречистой Матери за освобожденіе отечества отъ враговъ.

Въ то время, какъ торжественное священное шествіе приближалось къ кремлю, изъ него навстрѣчу ему вышелъ архіепископъ Арсеній съ бывшимъ при немъ духовенствомъ, неся икону Божіей Матери, честные кресты и другія святыя изображенія, бывшія въ плѣну у поляковъ. Всѣ отъ умиленія и радости прослезились, увидѣвъ чудотворную икону Богоматери, видѣть которую уже потеряли было надежду. Въ храмѣ Успенія Богоматери совершена была литургія, за которою всѣ вѣрноподданные въ сердечной радости возсылали благодареніе Богу и Его Пречистой Матери за избавленіе отъ бѣдствій.

Въ память избавленія Москвы отъ поляковъ, въ честь Казанской Божіей Матери въ 1614 г. установленъ праздникъ, который ежегодно совершается 22 октября. Самое же явленіе святой иконы наша церковь празднуетъ 8-го іюля. Въ эти праздники православные, возсылая хвалу Богоматери, съ умиленнымъ сердцемъ и умиленною душою воспѣваютъ: „Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго! За всѣхъ молиши Сына Твоего Христа Бога нашего и всѣмъ твориши спастися въ державный Твой покровъ прибѣгающимъ; всѣхъ насъ заступи, о, Госпоже, Царице и Владычице, иже въ напастехъ и въ скорбехъ и болѣзнехъ обремененныхъ грѣхи многими, предстоящихъ и молящихся Тебѣ умиленною душою и сокрушеннымъ сердцемъ предъ пречистымъ Твоимъ образомъ со слезами, и невозвратно надежду имущихъ на Тя, избавленія всѣхъ золъ, всѣмъ полезная даруй и вся спаси, Богородице Дѣво, Ты бо еси божественный покровъ рабомъ Твоимъ". (См. Оренб. Епарх. Вѣдом.).

3. Примѣры чудесной помощи Богоматери.

I. *Чудо исцѣленія Богоматерью отсѣченной руки св. Іоанна Дамаскина.* Св. Іоаннъ Дамаскинъ, сильно поражавшій— и письменно, и устно — иконоборную ересь, за свою ревность въ этомъ святомъ дѣлѣ былъ оклеветанъ греческимъ императоромъ Львомъ Исавряниномъ (въ VIII в.) предъ эмиромъ Дамаска, гдѣ св. Іоаннъ занималъ важную должность. Эмиръ, не разобравъ дѣла и повѣривъ клеветѣ, велѣлъ отсѣчь у него руку, будто-бы писавшую ко Льву измѣнническія письма. Отсѣченная рука, въ страхъ всѣмъ, была вывѣшена на торжищѣ. Подъ вечеръ, когда утихъ гнѣвъ князя дамасскаго, св. Іоаннъ ходатайствовалъ предъ нимъ, чрезъ друзей своихъ, чтобъ позволено было взять ему вывѣшенную на позоръ кисть его усѣченной руки. Князь склонился на ходатайство своихъ придворныхъ, друзей Іоанновыхъ, и кисть руки была возвращена страдальцу. Когда наступила ночь, св. Іоаннъ затворился въ горницѣ, назначенной для молитвы, и, приложивши мертвую кисть руки къ составу ея, палъ предъ иконою Богоматери, горько зарыдалъ и всею силою сердечной вѣры и любви просилъ у Нея исцѣленія руки своей, въ защиту православія и на пораженіе усиливающейся иконоборной ереси. По долгой молитвѣ св. Іоаннъ задремалъ и въ тонкомъ снѣ увидѣлъ Богоматерь, свѣтлыми, милостивыми очами взиравшую на него. „Вотъ твоя рука теперь здорова — сказала Богоматерь Іоанну—не скорби болѣе!" Іоаннъ проснулся, ощупываетъ свою руку и едва вѣритъ собственнымъ чувствамъ: рука, какъ и прежде, цѣла; ни слѣда болѣзни, и только, какъ-бы во свидѣтельство событія, тамъ, гдѣ она была отсѣчена, наподобіе нити остался признакъ кроваваго усѣченія. Тронутый чувствомъ невыразимой признательности къ Богоматери за Ея милость, въ память дивнаго событія, св. Іоаннъ вычеканилъ изъ серебра кисть руки и приложилъ ее къ иконѣ, отъ чего она впослѣдствіи и получила названіе „Троеручицы". (Изъ кн.: „Сказ. о земн. жизни пресв. Богородицы", изд. 5, стр. 229).

II. *Спасеніе отъ неминуемой смерти заступленіемъ Богоматери.* Преподобный Палладій александрійскій однажды разсказалъ своимъ посѣтителямъ слѣдующую повѣсть. Одинъ извѣстный ему благочестивый человѣкъ имѣлъ супругу, женщину кроткую и благочестивую, и шестилѣтнюю дочь, которую воспитывалъ въ благочестіи и страхѣ Божіемъ. Разъ, по торговымъ дѣламъ долженъ былъ онъ отправиться въ Царьградъ. Жена, провожая его на корабль, между прочимъ спросила: „кому на руки оставляешь меня и дочь твою?"—„Госпожѣ нашей Богородицѣ",—отвѣчалъ отецъ семейства и, распростившись, отплылъ.

Вскорѣ послѣ того произошло покушеніе одного злодѣя на жизнь жены и дочери. Дѣло было такъ: діаволъ внушилъ слугѣ того благочестиваго дома поднять руку на госпожу и, убивъ ее, похитить лучшія вещи и бѣжать. Злодѣй взялъ изъ поварни ножъ и пошелъ въ горницу; но, едва коснулся порога, вдругъ пораженъ былъ слѣпотою и не могъ двинуться ни взадъ, ни впередъ. Долго усиливался онъ войти, но невидимая сила удерживала его. Безумецъ не позналъ здѣсь руку Промысла, пекущагося о всемъ мірѣ и особенно о человѣкѣ. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало осуществить мысль, внушенную ему діаволомъ. И вотъ, онъ начинаетъ кликать госпожу свою, приглашая ее подойти къ нему. Удивилась госпожа та поступку слуги и не пошла на его зовъ, а приказала самому подойти. Слуга просилъ ее, чтобы приблизилась къ нему, или, по крайней мѣрѣ, послала дочь свою; но она, хотя и не подозрѣвала никакого злоумышленія на жизнь свою и дочери, однако почему-то рѣшила не итти и на его просьбу отвѣтила отказомъ. И тогда злодѣй не образумился, но въ отчаяніи отъ того, что не могъ исполнить своего злодѣйскаго поступка, поразилъ себя ножомъ... На крикъ госпожи немедленно собрались сосѣди и, заставъ злодѣя еще въ живыхъ, узнали, что и какъ произошло. Всѣ познали тогда въ этомъ случаѣ неисповѣдимые пути Промысла, прославили Бога и заступницу вѣрныхъ, Богородицу и Приснодѣву Марію. (Лавсаикъ).

III. Взбранная Воевода. Въ № 46 „Церковныхъ Вѣдомостей" 1892 г. помѣщена слѣдующая замѣчательная выписка изъ письма преосвященнаго Исидора, экзарха грузинскаго, впослѣдствіи митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, отъ 24 декабря 1853 г., къ митрополиту Филарету московскому:

„Генералъ-маіоръ, князь Багратіонъ Мухранскій, отличившійся въ послѣднемъ сраженіи противъ турокъ, сообщилъ мнѣ весьма занимательное свѣдѣніе, о которомъ я съ радостью сообщаю вашему высокопреосвященству.

„Плѣнные турки объявили намъ открыто, что, когда сраженіе подъ Александрополемъ сильно разгорѣлось, и весь русскій отрядъ былъ введенъ въ дѣло, турки увидѣли сходящую съ неба свѣтлую Жену, держащую знамя въ рукѣ и сопровождаемую двумя воинами. Свѣтъ отъ Нея былъ столь ярокъ, что подобенъ былъ солнечному сіянію, и никакой глазъ не могъ выдержать его. Это явленіе навело ужасъ въ рядахъ сражающихся и было причиною того, что турки, видя явное заступленіе Бога за Русь, обратились всѣ въ бѣгство и проиграли сраженіе.

„Русскіе этого явленія не видали. Божіимъ Промысломъ о томъ свидѣтельствовали иноплеменные враги наши. Турки увѣряютъ, что въ арміи ихъ всѣ это видѣли съ ужасомъ и всѣ о томъ знаютъ, но начальство ихъ, подъ опасеніемъ смертной казни, запретило о томъ говорить и старалось затмить это событіе.

„Русскіе военноначальники, поздравляя съ побѣдою, столь блистательною, главнаго начальника, воздали славу Богу, Который одинъ могъ дать намъ побѣду надъ врагомъ, ожесточеннымъ мусульманскимъ фанатизмомъ, въ силахъ, много превосходящихъ наши, такъ что по человѣческимъ соображеніямъ трудно было ожидать столь блистательнаго успѣха.

„Изъ нѣкоторыхъ частныхъ писемъ изъ арміи узнали мы радостное для христіанъ событіе, что многіе турки послѣ того громогласно исповѣдали Христа, просили крещенія и запечатлѣли мученическою кровью признаніе всепросвѣщающаго Свѣта — Христа“. („Цер. Вѣд“. изд. при св. Синодѣ 1892 г., № 46).

22-й ДЕНЬ.

ПРАЗДНОВАНІЕ ВЪ ЧЕСТЬ КАЗАНСКОЙ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Еванг. отъ Лук., зач. 54-е и 58-е, гл. X, 38—42, XI, 27—28 ст. [1]).

1. Происхожденіе праздника въ честь Казанской иконы Пресвятыя Богородицы, 22 октября.

Въ православной русской церкви существуютъ два праздника въ честь Казанской иконы пресвятыя Богородицы: одинъ 8-го іюля, а другой 22-го октября. По происхожденію своему праздники эти отечественные, русскіе. Они неизвѣстны ни греческой церкви, ни православнымъ чужестраннымъ церквамъ славянскихъ племенъ. На Руси оба эти праздника, особенно праздникъ 22-го октября, весьма почитаются.

Чудотворная Казанская икона Богоматери явилась въ г. Казани въ 1579 году, за четыре года до смерти Іоанна Грознаго.

По сказанію, изложенному въ прологѣ (8 іюля), святая Казанская икона Богоматери была обрѣтена въ Казани одной дѣвицей.

„Явленный образъ былъ извлеченъ изъ земли и поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ обрѣтенъ. Немедленно стеклось множество народа, который съ благоговѣйнымъ удивленіемъ взиралъ на святыню, тѣмъ болѣе, что отъ нея въ то же время начала проистекать благодать чудотвореній“. Когда Іоанну Грозному донесли объ обрѣтеніи святой чудотворной иконы въ Казани, то онъ повелѣлъ устроить, не медля, на мѣстѣ нахожденія иконы церковь и женскій монастырь, который и названъ былъ Богородицкимъ. Сынъ Іоанна Грознаго, Ѳеодоръ Іоанновичъ повелѣлъ явленную икону украсить золотомъ, дорогими каменьями и жемчугомъ изъ царскихъ сокровищъ.

Въ смутное время московскаго государства, время потрясенія почти всѣхъ основъ народно-государственной жизни, время самозванцевъ и междуцарствія, началось новое, вторичное всероссійское прославленіе Казанской иконы Божіей Матери. Прославленіе это стоитъ въ слѣдующей связи съ событіями отечественной исторіи.

Въ смутное время подъ Москву, въ русскій станъ, одинъ казанскій пресвитеръ принесъ снимокъ съ Казанской иконы Богоматери.

---

[1]) *Примѣч.* Еванг разсказъ см. выше подъ 8-мъ числомъ сентября.

Небесную защиту, общее примиреніе и единодушіе несъ народному ополченію и враждующимъ вождямъ его сей св. образъ. Но бояре и ополченіе, стоявшее тогда подъ Москвой, не были способны къ „совѣту“ и единенію; какъ увидимъ ниже, другую народную рать и другихъ бояръ, болѣе достойныхъ и проникнутыхъ общимъ дѣломъ спасенія отечества, приняла подъ Свою защиту пресвятая Богородица.

Между тѣмъ, бѣдствія Россіи достигли крайней степени. Духовныя власти Троицкой лавры, въ виду общихъ бѣдствій, разослали по всѣмъ городамъ тогдашней Россіи слѣдующую грамоту: „Православные христіане! вспомните истинную православную христіанскую вѣру, что мы всѣ родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатію, святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать во св. Троицу; возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой; молите служилыхъ людей, чтобъ быть всѣмъ православнымъ христіанамъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства. Сами видите конечную погибель всѣмъ христіанамъ; видите, какое разоренье учинили они въ московскомъ государствѣ. Гдѣ святыя Божіи церкви и Божіи образа? Гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе, инокини, добродѣтелями украшенныя? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ; не пощажены ни старики, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь надъ общею смертною погибелью, чтобы васъ самихъ та же лютая не постигла смерть. Пусть служилые, безъ всякаго мѣшканія, спѣшатъ къ Москвѣ, въ сходѣ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время надлежитъ, — безвременное же всякому дѣлу начинаніе суетно и бездѣльно бываетъ; хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, для Бога отложите все это на время, чтобы всѣмъ вамъ сообща потрудиться для избавленія православной христіанской вѣры, пока къ врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это дѣло поскорѣе, ратными людьми и казною помогите, чтобъ собранное теперь здѣсь, подъ Москвою, войско отъ скудности не разошлось“.

Грамота духовныхъ троицкихъ властей произвела на народъ сильное впечатлѣніе; народъ готовъ былъ встать на защиту отечества, какъ одинъ человѣкъ. Вслѣдствіе этого, по совѣту всей земли московскаго государства, во всѣхъ городахъ, всѣмъ православнымъ христіанамъ приговорили поститься три дня. Итакъ, все было готово; ожидали только начала народнаго движенія на защиту гибнувшаго отечества. Движеніе обнаружилось въ Нижнемъ-Новгородѣ. Когда въ Нижнемъ была получена грамота изъ Троицкой лавры, то на другой день послѣ этого зазвонили въ большой колоколъ въ храмѣ Спаса Преображенія. Сошлось множество народа. Была отслужена литургія. А послѣ литургіи священникъ Савва сказалъ народу: „горе намъ! Пришли дни конечной гибели нашей. Погибаетъ наше московское государство; гибнетъ и православная вѣра. Горе намъ, горе великое, лютое обстояніе!.. Польскіе и литовскіе люди, въ нечестивомъ совѣтѣ своемъ, умыслили московское государство разорить и обратить истинную вѣру Христову въ латинскую ересь. Кто не восплачется, кто не испуститъ источники слезъ! Ради грѣховъ нашихъ Господь попустилъ врагамъ нашимъ возноситься. Горе нашимъ женамъ и дѣтямъ! Еретики разорили до основанія Богохранимый градъ Москву и предали всеядному мечу дѣтей ея. Что намъ творить?“ Когда народъ вышелъ изъ собора и столпился на паперти, здѣсь посадскій староста Косьма Мининъ-Сухорукъ громко сказалъ міру такое слово: „если намъ пожелать подать помощь московскому государству,—не пожалѣемъ животовъ нашихъ, да не токмо животовъ, дворы свои продадимъ, женъ и дѣтей въ кабалу отдадимъ и будемъ бить челомъ, чтобъ шли заступиться за истинную вѣру, и былъ бы у насъ начальный человѣкъ. Дѣло великое мы совершимъ, если насъ Богъ благословитъ; слава будетъ намъ отъ всей земли русской, что отъ такого малаго города произойдетъ такое великое дѣло. Я знаю, только мы на дѣло подвигнемся, многіе города къ намъ пристанутъ, и мы избавимся отъ чужеземцевъ“.

Составилось русское народное ополченіе. Собрали и казну. Начальнымъ человѣкомъ этого ополченія избрали, какъ извѣстно, князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, на которомъ за прежнія времена не лежало никакой неправды. Вѣдалъ казной выборный человѣкъ Косьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукъ.

Въ началѣ апрѣля 1612 г., князь Пожарскій и Мининъ привели народное ополченіе въ Ярославль. Здѣсь, въ Ярославлѣ, Пожарскій и Мининъ и народное ополченіе увидѣли Казанскую икону пречистыя Богородицы. Св. чудотворная Казанская икона Богоматери сдѣлалась какъ бы *полковой иконой* народной русской рати, предводительствуемой княземъ Пожарскимъ и Мининымъ. Отъ Ярославля эта св. икона сопутствовала рати и къ Москвѣ. Сію-то рать и приняла пресвятая Богородица подъ Свой покровъ.

Народное ополченіе 20 августа подступило къ разоренній столицѣ.

Не будемъ описывать хода войны подъ Москвой. Каждому извѣстно, что много было пролито здѣсь крови русской, пали тысячи жертвъ. Русскимъ народнымъ ополченіемъ были употреблены всѣ средства, чтобы взять царствующій городъ. Все было напрасно. Ополченіе почти начало терять надежду на успѣхъ. А между тѣмъ, настала осень съ дождями и холодами, когда положеніе осажденныхъ, безъ всякаго сравненія, выгоднѣе положенія осаждающихъ, лишенныхъ тепла и крова. Во время этого, крайне труднаго „московскаго взятья", по свидѣтельству лѣтописца, и были многія чудеса отъ чудотворной иконы Казанской. Чудеса эти только и поддерживали надежду и укрѣпляли вѣру ополченія.

Наконецъ, 22 октября народное ополченіе пошло на приступъ. Китай-городъ взятъ; туда побѣдоносно вошло наше ополченіе, а съ нимъ и досточтимая Казанская икона Пресвятыя Богородицы. Поляки ушли въ кремль и заперлись тамъ, но не надолго.

Такимъ образомъ, 22 октября 1612 г. былъ день истинно радостный для всего русскаго народа и для всей обширной русской земли. Сей день—день избавленія русской земли въ смутное время.

Освобожденіе царствующаго града, а съ нимъ и всего нашего отечества, народное ополченіе приписало не себѣ, а защитѣ и мольбамъ Пречистыя Богородицы. Русское ополченіе, въ знакъ своей благодарности Заступницѣ Пресвятой Богородицѣ, положило выстроить въ Москвѣ храмъ въ честь ея Казанской иконы. И до нашихъ временъ Казанскій соборъ на Красной площади въ Москвѣ служитъ памятникомъ очищенія царствующаго града отъ поляковъ въ 1612 г.

Октября 24 поляки отворили въ кремлѣ Троицкія ворота и стали выпускать бояръ и русскихъ людей, которые сидѣли въ осадѣ. На другой день, 25 октября, были отворены и всѣ ворота священнаго кремля. Земское ополченіе ознаменовало свое вступленіе въ столицу торжественнымъ крестнымъ ходомъ. Въ крестномъ ходѣ земскаго ополченія несли Казанскую икону Богоматери. Во главѣ духовенства сталъ архимандритъ Троицкой лавры Діонисій, грамоты котораго и двинули земское ополченіе къ Москвѣ. Начался молебенъ. Изъ Спасскихъ воротъ въ это время вышелъ навстрѣчу побѣдоносному шествію въ столицу архіепископъ Арсеній съ кремлевскимъ духовенствомъ. Архіепископъ Арсеній держалъ въ рукахъ Владимірскую икону пресвятыя Богородицы. Когда народъ увидѣлъ Владимірскую икону, то послышались вопли и рыданія. Народъ никогда не чаялъ уже видѣть эту дорогую для Россіи икону. Архіепископъ Арсеній, соединившись съ крестнымъ ходомъ земскаго ополченія, торжественно вошелъ въ кремль, въ Успенскій соборъ. Торжество закончилось божественной литургіей и благодарственнымъ молебномъ въ Успенскомъ соборѣ, въ „домѣ Пресвятыя Богородицы", за который и шло сражаться русское земское ополченіе.

По окончаніи смутнаго времени, „всей русской землей былъ избранъ царь изъ дома Романовыхъ". Этотъ августѣйшій домъ даровалъ намъ и царя освободителя, и царя миротворца, и нынѣ царствующаго государя императора Николая Александровича.

Итакъ, 22 октября 1612-го года есть день спасенія русской земли отъ смутъ междуцарствія и самозванцевъ и воцаренія благоденственно царствующаго дома Романовыхъ. („Вят. Еп. Вѣд.").

2. Крестный ходъ на 22-е октября въ древности.

Въ дни памяти казанской иконѣ Богоматери въ Москвѣ совершается крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Казанскій соборъ.

Этотъ крестный ходъ въ старину отличался необыкновеннымъ великолѣпіемъ по количеству участвовавшихъ въ немъ святынь и духовенства. Рѣшительно вся Москва въ этотъ день представляла собой одно священное шествіе, въ благодарную память о небесной помощи въ тяжелую годину. Изъ дворца самъ царь выходилъ съ иконами придворныхъ церквей. Ему навстрѣчу изъ Успенскаго собора шелъ патріархъ, окруженный многочисленнымъ духовенствомъ и всѣми святынями московскихъ церквей. Въ этотъ ходъ поднимали обыкновенно и части мощей св. апостола Андрея Первозваннаго и св. Іоанна Златоуста. Послѣ молебна на Лобномъ мѣстѣ и патріаршаго осѣненія иконой Богоматери на четыре стороны, начинался величественный *крестный ходъ по всей Москвѣ.* Одинъ изъ архіереевъ, съ частью святыхъ иконъ и духовенства, шелъ на стѣны Кремля и, обходя его кругомъ, у каждыхъ воротъ совершалъ водосвятіе и чтеніе молитвы. Два архимандрита, сопровождавшіе его, во все время хода кропили святою водой стѣны, одинъ по правую, другой по лѣвую сторону. Другой архіерей, также съ частью св. иконъ и духовенства, шелъ по стѣнамъ Китай-города, совершая все то же, что и первый. Одновременно отправлялись крестные ходы, съ протопопами во главѣ, для обхожденія Бѣлаго и Земляного города. При этомъ Бѣлый городъ одновременно обходили два протопопа: одинъ отъ Москвы-рѣки до Тверской, а другой—отъ Тверской улицы до конца. На Земляной городъ патріархъ отпускалъ одновременно четырехъ протопоповъ съ крестными ходами: одинъ изъ нихъ шелъ отъ Москвы-рѣки до Яузы Александро-невской, другой—отъ Воронцова поля до Тверскихъ воротъ, третій — отъ Тверскихъ воротъ до Крымскаго брода и четвертый — за Москвой рѣкой. Самъ патріархъ, вмѣстѣ съ царемъ, шелъ служить обѣдню къ празднику въ Казанскій соборъ. Послѣ обѣдни они съ крестнымъ ходомъ возвращались въ Успенскій соборъ чрезъ Никольскія ворота. Къ этому времени должны были окончиться всѣ крестные ходы и собраться у этихъ воротъ. Патріархъ читалъ здѣсь молитву и окроплялъ святою водою. Иногда отсюда съ царемъ онъ входилъ на кремль и самъ совершалъ крестный ходъ по стѣнамъ его. Въ Успенскомъ соборѣ совершался отпускъ святыхъ иконъ и духовенства. (Изъ кн. „Праздничныя службы и церковныя торжества въ старой Москвѣ“. Гр. Георгіевскаго. Москва, изд. 1897 г., стр. 142—143).

3. Что привлекаетъ небесную помощь Богоматери?

День праздника въ честь Казанской иконы Божіей Матери весьма важенъ для православныхъ сыновъ Россіи. Это—день чудеснаго освобожденія Россіи отъ ига иноземнаго и внутреннихъ раздоровъ, день обновленія и возрожденія Россіи. Москва, а вмѣстѣ съ нею и вся Россія, осталась бы въ рукахъ враговъ, если бы не приспѣло на помощь заступленіе Божіей Матери, ибо земныя средства всѣ уже были истощены. Поэтому настоящій день есть, по-истинѣ, день Покрова Пресвятыя Богородицы надъ нашимъ отечествомъ. Какая намъ, радость, какое утѣшеніе, что о насъ печется и намъ помогаетъ Сама Матерь Божія! Если всякому живому существу тепло и отрадно быть подъ крыломъ родной матери, то насколько отраднѣе быть подъ кровомъ и заступленіемъ Богоматери, небесной и всесильной Помощницы и Заступницы!

Посмотримъ теперь, что же обратило на предковъ нашихъ милостивый, матерній взоръ небесной Царицы и приблизило къ нимъ Ея дивную помощь? Изъ словъ преп. Сергія старцу Арсенію видно, что за нашихъ предковъ возносились молитвы святыхъ угодниковъ Божіихъ, чудотворцевъ россійскихъ, каковы: самъ преп. Сергій, Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ, Фотій, Кипріанъ и др., и ихъ-то святыя молитвы къ Господу о спасеніи нашего отечества подвигли на ходатайство о немъ Самую Матерь Божію, Которая, будучи ближе всѣхъ святыхъ къ Первоисточнику всемогущей силы, Господу І. Христу, скорѣе всего можетъ принести къ Нему Свои ходатайственныя моленія и получить исполненіе Своихъ молитвъ за обращающихся къ Ней вѣрныхъ христіанъ. Но, вмѣстѣ съ молитвами угодниковъ Божіихъ о спасеніи нашего отечества, возносились также къ Господу горячія молитвы и самихъ благочестивыхъ предковъ нашихъ, какъ это мы видимъ опять изъ словъ преп. Сергія старцу Арсенію, что „Господь услышалъ молитву рабовъ Своихъ“. Будучи не чужды свойственныхъ всѣмъ людямъ недостатковъ и слабостей и терпя за нихъ тяжкія бѣдствія, предки наши не знали иныхъ боговъ, кромѣ Бога отцовъ своихъ, умѣли сохранять твердую вѣру при самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ, и, какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи, въ простотѣ сердецъ своихъ обращались за помощью къ Нему Единому, Его Пречистой Матери и святымъ угодникамъ. Если и нельзя сказать, что, имѣя твердую и чистую вѣру, предки наши и жизнь проводили всегда и во всемъ сообразную съ своею вѣрою, то, къ чести ихъ, мы можемъ вполнѣ утверждать, что они всегда сознавали свои недостатки, смиренно переносили посылаемыя отъ Бога бѣдствія, какъ вполнѣ заслуженныя, и часто обращались къ Господу съ раскаяніемъ во грѣхахъ своихъ. При всемъ этомъ они были сильно одушевлены любовью къ своему отечеству, о чемъ свидѣтельствуетъ ихъ безпримѣрное усердіе, съ которымъ они жертвовали охотно всѣмъ за домъ Пресвятыя Богородицы, за градъ престольный и за отечество. И вотъ, ихъ живая и твердая вѣра, ихъ горячія молитвы къ Господу Богу, Его Пречистой Матери и всѣмъ святымъ угодникамъ, ихъ смиреніе, покаяніе и самоотверженіе, преклонили къ милосердію Пречистую Богородицу, и Она Своимъ матернимъ дерзновеніемъ и ходатайствомъ къ Сыну Своему, преклонила и Его Самого на помощь къ нимъ.

Но, конечно, не всякая вѣра и не всякая молитва преклоняетъ Господа и Его Пречистую Матерь на помощь намъ. Вѣровали, безъ сомнѣнія, и тогдашніе наши враги—поляки, владѣвшіе Москвою и желавшіе завладѣть всею Русью, ибо и они были также христіане,—но не сотворилъ Господь по вѣрѣ ихъ. Почему же такъ? Потому что, вѣруя устами, они дѣлами своими ниспровергали и уничтожали свою вѣру. Не давая пощады ни мирнымъ хижинамъ, ни даже самымъ храмамъ Божіимъ, дерзко ругаясь святынѣ и стремясь незаконно овладѣть Россіей, они, вмѣсто помощи Божіей, получили полное пораженіе и униженіе. Вѣруя, они, безъ сомнѣнія, также возносили молитвы Господу и Его Пречистой Матери, но молитва ихъ не склонила къ нимъ на помощь Пресвятую Дѣву и не дошла до престола Всевышняго. Опять почему? Потому что они, желая насильственнымъ образомъ захватить власть чужеземную и имъ по праву не принадлежащую, въ своихъ молитвахъ просили нечистаго и неправеднаго. А просящіе неправеднаго получаютъ отъ Праведнаго и Нелицепріятнаго Судіи не только отказъ, но и осужденіе, и вмѣстѣ лишь прогнѣвляютъ Честнѣйшую херувимъ. Да и какой при томъ можно было ожидать молитвы отъ нихъ, предававшихся всякой нечистотѣ и разнаго рода преступленіямъ! Всякая молитва для того, чтобы быть услышанною Богомъ, непремѣнно должна сопровождаться и добрыми дѣлами съ нашей стороны, или, во всякомъ случаѣ, полною преданностью волѣ Божіей, смиреніемъ и покаяніемъ.

Что же извлечемъ, изъ всего сказаннаго? То несомнѣнное, что Пресвятая Помощница и Заступница наша, Матерь Божія, со святыми угодниками Божіими, какъ всегда помогала, такъ и въ будущемъ всегда поможетъ намъ во всѣхъ бѣдахъ и несчастіяхъ нашихъ, если мы съ твердою, чистою вѣрою будемъ обращаться къ Ней въ молитвахъ своихъ, если молитвы наши сами по себѣ будутъ чисты и праведны, и если при этомъ, вмѣстѣ съ молитвою и вѣрою, будемъ мы соединять добрую жизнь нашу или, по крайней мѣрѣ, горячее раскаяніе въ грѣхахъ, глубокое смиреніе и надежду на милосердіе Божіе.

При такомъ настроеніи ума и сердца нашего, если мы будемъ находиться въ разныхъ бѣдахъ и несчастіяхъ, то да не убоимся: Матерь Божія какъ была, такъ и всегда будетъ Помощницею и Заступницею нашею и покроетъ насъ, прибѣгающихъ къ Ней, Своимъ державнымъ покровомъ! (Изъ „Пастыр. собесѣд.“).

4. Разсказы о любви святыхъ, уже почившихъ, къ своей родинѣ, и помощи отъ нихъ.

Эта отрадная истина подтверждается слѣдующими историческими событіями:

I. Шведы, подъ предводительствомъ Биргера, неожиданно вторглись въ предѣлы новгородской области, съ цѣлью не только завоевать Новгородъ, но и обратить жителей въ римско-католическую вѣру. Св. Александръ, князь новгородскій (Невскій), не ожидалъ нападеній и вдругъ получилъ извѣстіе, что шведы идутъ къ Ладогѣ. Биргеръ прислалъ гордый вызовъ: „защищайся, если можешь, а я на твоей землѣ“. Нечаянность нападенія придавала духу заносчивому Биргеру.

Горько было князю, что въ готовности у него не было войска; твердо надѣясь на Бога, рѣшился онъ итти противъ шведовъ и съ малою дружиною. Онъ поспѣшилъ въ храмъ Божій и въ молитвѣ своей призывалъ судъ на тѣхъ, которые хотятъ похищать чужое и оскорблять невиновныхъ предъ ними. Затѣмъ, онъ спѣшилъ вступить въ брань съ слугами папы въ день равноапостольнаго Владимира, столько знавшаго папу, призывая въ помощь его и его св. сыновей—Бориса и Глѣба. „Насъ немного,—сказалъ онъ весело дружинѣ,—но Богъ не со многими, а съ правыми“. Одушевленное, живое благочестіе Александра одушевило всѣхъ. Кто только могъ изъ народа, присоединялся къ дружинѣ военной. Надежды Александра были не обманчивы, какъ показали послѣдующія событія.

Въ ночь на 5 іюля (1240 г.), ижорянинъ Пелгусій, въ крещеніи Филиппъ, мужъ благочестивый, удостоился видѣнія. Когда князь приблизился къ мѣсту брани, Пелгусій, высмотрѣвшій напередъ расположеніе силъ Биргера, сообщилъ ему нужныя свѣдѣнія. Св. Александръ поручилъ ему продолжать наблюденія. На этой-то стражѣ ночной, къ утру, при первомъ восходѣ солнца, вдругъ слышитъ онъ шумъ отъ плывущей по водѣ лодки. Онъ думалъ, не враги ли это, и сталъ зорче всматриваться. Гребцы какъ будто покрыты были мглою; видны были только витязи, стоящіе на лодкѣ; свѣтлыя лица ихъ, какъ и одежды, напоминаютъ ему св. лики страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Вотъ слышитъ онъ, какъ старшій говоритъ младшему: „Братъ Глѣбъ! прикажи гресть; надобно помочь сроднику нашему, Александру“. Слухъ подтвердилъ то, что видѣли глаза. И Пелгусій съ радостью пересказалъ благовѣрному князю, что видѣлъ и слышалъ онъ. Князь въ тотъ же день напалъ на шведовъ; битва была упорная, она продолжалась съ утра до вечера; разбитые на всѣхъ пунктахъ непріятели, потерявъ храбрѣйшихъ, не посмѣли даже остаться на полѣ битвы до утра: наполнивъ двѣ ямы своими трупами, и взявъ знаменитыхъ мертвецовъ на суда съ собою, они ночью поспѣшили удалиться отъ негостепріимныхъ береговъ. Уронъ со стороны князя былъ незначительный. Благовѣрный князь заключилъ высокій подвигъ свой живою благодарностью предъ Господомъ, которую принесъ онъ торжественно въ Софійскомъ храмѣ. Побѣда на Невѣ навсегда оставила за Александромъ имя *невскаго*. (Сост. по кн. „Русскіе святые, чтимые всею церковью, или мѣстно“; Филарета, архіеп. черниг. Ч. III, стр. 387—388).

II. Въ 1608 году ляхи дѣлали три раза нападенія на Владиміръ, почти беззащитный, но взять не могли. Во время этой осады, въ самую полночь, сторожа собора замѣтили въ соборѣ какое-то освѣщеніе и дали знать о томъ пономарю Герасиму. Онъ, отворивъ дверь, увидѣлъ свѣтъ, а у гробницы св. князя Глѣба (сына Андрея Боголюбскаго) кто-то сидитъ, и ему, испуганному, говоритъ: „Не бойся, я не привидѣніе; Господь не предастъ сего города въ руки враговъ: мы хранимъ его и молимъ за него Господа и пречистую Матерь Его; иди и скажи протоіерею и причту, что сказалъ я тебѣ; я лежу въ этомъ гробѣ“. Герасимъ отъ страха едва пришелъ въ себя и разсказалъ о всемъ протоіерею и всѣмъ настоятелямъ обителей. Въ эту же ночь ляхи удалились отъ Владиміра, гонимые страхомъ. Мощи благов. князя открыты 30 ноября 1702 г. Въ 1818 г. устроена прекрасная серебряная рака для мощей его. Мощи святого юнаго князя отличаются изумительною живостью, какъ ничьи другія: рука его свободно поднимается, гнется, наклоняется, совершенно, какъ у живого. (Доброхотова, „Памятники древности во Владимірѣ“, стр. 13—15, 19, 24—26, 42. М. 1849 г.; сн. Ркп. сказаніе о жизни и чудесахъ св. кн. Глѣба у Царскаго, № 445, писанное въ 1702 г.).

5. Сила молитвы къ Божіей Матери.

Въ нашемъ приходѣ особымъ уваженіемъ издавна пользуется одинъ крестьянинъ пожилыхъ лѣтъ, человѣкъ грамотный, трезвый, честный и умный, занимающій съ пользою одну изъ общественныхъ должностей. Но не всегда онъ былъ такимъ, какъ оказывается. Жена его, скромная, простая женщина, однажды, разговорившись о своемъ житьѣбытьѣ, между прочимъ, упомянула, что смолоду она видѣла много горя и слезъ пролила немало, потому что мужъ ея велъ очень безнравственную и нетрезвую жизнь. Собесѣдница ея такъ удивлена была ея словами, что сначала подумала, что разсказчица, вѣроятно, была такъ несчастлива въ первомъ бракѣ, и что рѣчь идетъ не объ настоящемъ ея мужѣ, этомъ уважаемомъ человѣкѣ. „Нѣтъ, родимая“, отвѣчала она, „я дѣвушкой сиротой выдана была за него вдовца и съ той поры живу съ нимъ“.

— „Да что же это такое было съ нимъ? И отъ чего онъ могъ не только исправиться, но и заслужить всеобщее уваженіе?“ спросила ее собесѣдница.—„Ахъ, это матушка Царица небесная заступилась. А какъ это все было, сейчасъ я разскажу“.

„Было это дѣло осенью; холода большіе наступили, и трое моихъ дѣтокъ лежали въ оспѣ почти при смерти. Это ли не великая скорбь для материнскаго сердца? Но скорбь эта не одна была у меня въ то время: мужъ мой имѣлъ въ сосѣдней деревнѣ красильное заведеніе и тамъ большею частью проживалъ, тамъ же, въ мѣстномъ трактирѣ, почасту и пропивалъ свой заработокъ. И вотъ, какъ сейчасъ помню, наступилъ праздникъ Казанской Божіей Матери; рано поутру приходитъ къ намъ въ домъ сосѣдка наша и разсказываетъ, что мужъ мой опять запилъ напропалую, пропилъ даже съ себя всю одежду и остался совсѣмъ въ одной рубашкѣ.

Не въ первый разъ уже случалось мнѣ слышать и видѣть его безобразное пьянство, но въ этотъ-то разъ, при смертной болѣзни моихъ дѣтушекъ, ужъ очень это поразило меня. Я упала на лавку и зарыдала съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Сосѣдка испугалась даже за меня; принялась было меня уговаривать, но, видя, что не въ силахъ успокоить меня, вспомнила, что нынче праздникъ-то большой, и затѣмъ уговорила меня итти съ нею въ церковь помолиться Богу—„авось, тебѣ полегчаетъ, отлегнетъ хоть маленько отъ сердца-то“, говорила она, „а за ребятами свекровь покуда походитъ“. Не зная, куда мнѣ дѣваться отъ своего лютаго горя, я встала, рыдая, и пошла въ церковь. Въ церкви, когда мы пришли туда, пѣли очень умилительно „Заступница усердная!..“ Слезы полились у меня рѣкою, я упала на колѣни, и плакала, и молилась, а сердце мое точно разрывалось на части отъ горя. Никого не видѣла я вокругъ себя, слышу только, наконецъ, сзади: „что это она такъ плачетъ-то? или у ней отецъ съ матерью умерли?“—„Нѣтъ“, говорятъ другіе, „у ней давно нѣтъ ни отца, ни матери, житье ей очень плохое, мужъ-то ея...“ Я еще горьче заплакала, еще горячѣе молилась: „Матушка! Заступница Ты моя! Какъ же мнѣ жить-то?!... Не уйду отъ Тебя, заступись! Вступись за меня, сироту горькую!!...“ И вступилась же Царица небесная! Услышала мою слезную, горькую молитву. Ахъ! и сейчасъ не забуду: пришла я домой, гляжу и глазамъ не вѣрю: мужъ-то мой дома не пьяный. У меня вдругъ какъ-то сорвалось: что же это, Господи!... Аль вытрезвляешься? — „Да“, отвѣтилъ онъ тихонько, а самъ смотритъ таково боязливо. И разсказалъ онъ, что, какъ всталъ онъ утромъ, такъ и отправился прямехонько въ трактиръ опохмѣляться; подошелъ къ самой двери, взялся уже за скобу, только вдругъ точно кто крикнулъ на него: „воротись, ступай домой!“ Онъ, не оглядываясь, бросился бѣжать, въ испугѣ не раздумывая, кто бы могъ такъ отогнать его, и такъ пришелъ домой, не понимая, что съ нимъ дѣлается. Когда же я, съ горя и радости вмѣстѣ плача, стала разсказывать, какъ была я въ церкви и какъ молила Царицу небесную, Заступницу, то и поняли мы съ нимъ со страхомъ и великою радостью, что это никто, какъ Она матушка, Заступница наша, попечалилась о насъ предъ Богомъ и воротила его отъ погибели этой. И съ этого дня хоть бы онъ каплю какую взялъ въ ротъ по сіе время, а ужъ этому больше 25-ти лѣтъ теперь будетъ.

Съ тѣхъ поръ мы каждый годъ въ Казанскую (22 окт.) служимъ молебенъ, и икону Казанской Божіей Матери мы въ ту же пору задумали написать въ память нашей радости и благодарности Заступницѣ. Самъ мужъ-то и въ Москву тогда за ней ѣздилъ. А еще, какъ ждали мы его съ иконою, вотъ удивительное тоже дѣло было! Сижу я всю ночь, и огонь у меня горѣлъ, все жду его; только вдругъ дѣвчурка моя глядитъ на меня и спрашиваетъ: „матушка, пріѣхалъ тятя-то“?—„Нѣтъ—говорю,—не пріѣзжалъ еще.“—„Да какъ же не пріѣзжалъ? Я его сейчасъ вотъ тутъ видѣла въ бѣлой, пребѣлой рубашкѣ! А икона-то новая на лавочкѣ стояла, гдѣ жъ она?!“ Мнѣ жутко даже стало, я принялась увѣрять дѣвочку свою, что ей приснилось.—„Нѣтъ, матушка, я не спала, а все глядѣла и на тебя, и на батюшку, и на икону“. Вскорѣ, и въ самомъ дѣлѣ, пріѣхалъ мужъ мой съ иконою. И возрадовались же мы всѣ, что привелъ Господь намъ получить такую радость въ своемъ домѣ.

„Такъ-то,—закончила свою истинную повѣсть разсказчица,—по гробъ буду помнить, какую милость великую сотворила намъ Заступница наша, Царица небесная“. („Кал. Еп. Вѣд.“).

Ноябрь мѣсяцъ.

8-й ДЕНЬ.

СОБОРЪ АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА И ПРОЧИХЪ СИЛЪ БЕЗПЛОТНЫХЪ.

Еванг. отъ Лук. зач. 51-е, гл. X. 16—21 ст.

1. Евангельское повѣствованіе о возвращеніи съ проповѣди 70 апостоловъ.

Неизвѣстно, сколько времени посланные Господомъ на проповѣдь семьдесятъ учениковъ ходили каждый съ проповѣдью о царствѣ Мессіи, и въ какіе именно мѣста они заходили. Вѣроятно, ихъ проповѣдь обнимала бо́льшія пространства, чѣмъ проповѣдь двѣнадцати; можетъ-быть, они оглашали своею проповѣдью и полуязыческую Галилею и Самарію. Евангелистъ Лука замѣчаетъ только о возвращеніи посланныхъ. *Возвратишася же седмьдесятъ съ радостію, глаголюще: Господи, и бѣси повинуются намъ о имени Твоемъ* (силою Твоею мы изгоняли бѣсовъ). *Рече же имъ* Іисусъ: *видѣхъ сатану, яко молнію съ небесе спадша* (князь тьмы несомнѣнно побѣжденъ). *Се даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію, и на всю силу вражію: и ничесоже васъ вредитъ. Обаче о семъ не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ* (вы получите вѣчное блаженство на небесахъ). Спаситель, по словамъ того же евангелиста, заключилъ Свою бесѣду съ 70 апостолами молитвою къ Отцу небесному. *Въ тотъ часъ возрадовался духомъ Іисусъ и рече: исповѣдаютися, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ. Ей, Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою.*

Эти 70 апостоловъ Христовыхъ, по мнѣнію толковниковъ, не составляли такой замкнутой группы, какъ 12 апостоловъ: миссія ихъ была только временная, послѣ которой они вступили въ ряды обыкновенныхъ послѣдователей Христа. Точно намъ неизвѣстны ни имена всѣхъ семидесяти апостоловъ, ни послѣдующая дѣятельность каждаго изъ нихъ. „Имена апостоловъ Спасителя всякому извѣстны изъ евангелій, пишетъ древній церковный историкъ, Евсевій, но списковъ семидесяти учениковъ Его нигдѣ никакихъ нѣтъ. Говорятъ, впрочемъ, что однимъ изъ нихъ былъ Варнава, о которомъ упоминаютъ въ разныхъ мѣстахъ апостольскія Дѣянія, а не менѣе и Павелъ въ посланіи къ галатамъ. Къ нимъ же принадлежалъ, говорятъ, и Сосѳенъ, вмѣстѣ съ Павломъ писавшій коринѳянамъ; такъ же Матѳей, причисленный къ апостоламъ вмѣсто Іуды предателя, равно и тотъ (Іустъ), съ которымъ вмѣстѣ онъ почтенъ былъ жребіемъ (Дѣян. I, 23), и Ѳаддей“. Святитель Димитрій Ростовскій пишетъ, что, на основаніи внимательнаго изслѣдованія Божественнаго Писанія, преданія святыхъ отцовъ и древнихъ церковныхъ писателей, къ лику святыхъ семидесяти апостоловъ могутъ быть причислены слѣдующіе: 1) Іаковъ, братъ Господень, первый епископъ іерусалимскій, о которомъ упоминаетъ и апостолъ Павелъ (Галат. I, 18—19), 2) евангелистъ Маркъ, бывшій впослѣдствіи епископомъ александрійскимъ, о которомъ упоминаетъ апостолъ Петръ (1 Петр. V, 13), 3) евангелистъ Лука, писатель и Дѣяній апостольскихъ, о которомъ упоминаетъ апостолъ Павелъ (Колос. IV, 14), 4) Клеопа, младшій братъ Іосифа обручника, спутешествовавшій евангелисту Лукѣ въ Эммаусъ (Лук. XXIV, 35), 5) Симеонъ, сродникъ Господень, второй епископъ іерусалимскій, 6) Варнава, бывшій спутникомъ апостола Павла, а затѣмъ епископомъ въ Медіоланѣ (Дѣян. ап. IV, 36. Галат. II, 1), 7) Іустъ, сынъ Іосифа обручника, сожребникъ Матѳіевъ (Дѣян. I, 23. Колос. IV, 2), 8) Ѳаддей, крестившій Авгаря, князя едесскаго (Церк. ист. Евс., стр. 46—52), 9) Ананія, крестившій апостола Павла въ Дамаскѣ, 10) архидіаконъ Стефанъ первомученикъ (Дѣян. VII, 59), 11) діаконъ Филиппъ, крестившій Симона волхва и каженика кандакійскаго, 12) діаконъ Прохоръ, первый епископъ никомидійскій, 13) діаконъ Никаноръ (Дѣян. VI), 14) Тимонъ, 15) Парменъ, тоже изъ числа семи первыхъ діаконовъ, 16) Тимоѳей, епископъ ефесскій, къ которому апостолъ Павелъ писалъ два посланія, 17) Титъ и 18) Филимонъ, къ которымъ также писалъ посланія апостолъ Павелъ, 19) Онисимъ, упоминаемый въ посл. къ Филимону, 20) Епафрасъ, о которомъ упоминаетъ апостолъ Павелъ (Колос. VI, 12—13),

21) Архиппъ, епископъ колосскій (Колос. IV, 17), 22) Сила, епископъ коринѳскій (Дѣян. XV, 40—41), 23) Силуанъ, епископъ солунскій (1 Петр. V, 12. 2 Коринѳ. I, 19), 24) Крискентъ, епископъ галатійскій (2 Тимоѳ. IV, 10), 25) Криспъ, епископъ на островѣ Егинѣ (Дѣян. XVIII, 8), 26) Епинетъ, 27) Андроникъ, 28) Стахій, 29) Амплій, 30) Урванъ, 31) Наркисъ, 32) Апеллій, 33) Аристовулъ, 34) Иродіонъ, 35) Руѳъ, 36) Асигкритъ, 37) Флегонтъ, 38) Эрмъ, 39) Патровъ и 40) Эрмій, о которыхъ упоминаетъ апостолъ Павелъ въ посланіи къ римлянамъ (XVI, 13—14), 41) Агавъ, пророчествовавшій объ апостолѣ Павлѣ (Дѣян. XXI, 10—11), 42) Линъ, послѣ апостола Петра епископъ Антіохійскій, 44) Гай, 45) Филологъ, 46) Лукій, 47) Іасонъ, 48) Сомпатръ, 49) Олимпанъ, 50) Тертій, 51) Эрастъ, 52) Куартъ, о которыхъ также упоминаетъ апостолъ Павелъ въ посл. къ римлянамъ (XVI, 15—23), 53) Онисифоръ (2 Тимоѳ. I, 16), 54) Климентъ, епископъ римскій (Филиппис. IV, 3), 55) Сосѳенъ (Дѣян. XVII, 17), 56) Аполлосъ (Дѣян. XVIII, 24—25), 57) Тихикъ (Ефес. VI, 21—22), 58) Епафродитъ (Филиппис. XI, 25), 59) Карпъ (2 Тимоѳ. IV, 13), 60) Кодратъ, 61) Маркъ, онъ же и Іоаннъ (Дѣян. XII, 25), 62) Зина (Тимоѳ. III, 13), 63) Аристархъ (Дѣян. XIX, 29), 64) Пудъ (2 Тимоѳ. IV, 21), 65) Трофимъ (Дѣян. XX, 4), 66) Марко (Колос. IV, 10), 67) Артема (Тимоѳ. III, 12), 68) Ахила (Дѣян. XVIII, 2), 69) Фортунатъ и 70) Ахаикъ, о которыхъ упоминаетъ апостолъ Павелъ въ 1 посл. къ коринѳянамъ (XVI, 17). Всѣ почти они, какъ мы отчасти уже указали, были епископами въ разныхъ новоустроенныхъ церквахъ, и всѣ они почти окончили жизнь свою мученически за имя Христово. Къ нимъ причисляютъ иногда и другихъ, потрудившихся въ дѣлѣ проповѣди Христовой; напримѣръ, Діонисія Ареопагита (Дѣян. XVII, 34), Симеона Нигера (тамъ же XIII, 1), а за ними и Лазаря, воскрешеннаго Спасителемъ, и Іосифа Аримаѳейскаго, и Никодима, тайнаго ученика Іисусова, и Гамаліила, учителя апостола Павла, и крещеннаго Филиппомъ евнуха, и сотника Корнилія и другихъ. О всѣхъ подобныхъ благовѣстникахъ выше упомянутый церковный историкъ Евсевій говоритъ слѣдующее: „легко усмотришь, что у Спасителя было учениковъ болѣе семидесяти, если обратимъ вниманіе на свидѣтельство Павла, который говоритъ, что, по воскресеніи изъ мертвыхъ, Спаситель *явился сперва Кифѣ, потомъ двѣнадцати апостоламъ, затѣмъ болѣе пятисотъ братій единою, изъ коихъ иные,* по его словамъ, *уже умерли, а большая часть еще жили* въ то время, какъ онъ писалъ это“. (Воскр. чт. 1881 г., стр. 7—9)

2. Объ ангелахъ Божіихъ.

8-й день ноября мѣсяца посвящается чествованію св. архангела Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ. Основанія для такого чествованія слѣдующія:

Мы благоговѣемъ предъ существами совершеннѣйшими. А кто совершеннѣе ангеловъ? Господь благоволилъ наградить ихъ такими дарами любви Своей, какими не награждено ни одно изъ твореній Его. Они имѣютъ разумъ совершенный, способный ясно созерцать славу Божію, они имѣютъ могущество такое, при посредствѣ коего легко разрушаютъ всѣ козни діавола; они настолько утверждены въ добрѣ, что не могутъ пасть, но все болѣе и болѣе возвышаются и усовершаются въ чистотѣ, покорности Богу и любви къ Нему. Итакъ, если ангеловъ возлюбилъ Самъ Господь, то намъ ли не любить и не почитать ихъ!

Мы съ благодарностію вспоминаемъ имена и жизнь своихъ благодѣтелей и благотворителей. А кто оказываетъ людямъ благодѣяній больше архангеловъ и ангеловъ? Для кого такъ дорого наше спасеніе, какъ не для нихъ! Кто послѣ Сына Божія и пречистой Матери Его болѣе принималъ участія въ спасеніи и искупленіи человѣка? Смотрите: архангелъ Гавріилъ благовѣститъ начало спасенія Пресвятой Дѣвѣ Маріи, ангелы возвѣщаютъ пастырямъ о рожденіи Спасителя. Они же въ безчисленномъ множествѣ славословятъ Его родившагося. Ангелъ увѣдомляетъ о коварныхъ замыслахъ Ирода и велитъ святому семейству спасаться бѣгствомъ въ Египетъ. Ангелъ является волхвамъ, отклоняя ихъ отъ вторичнаго свиданія съ Иродомъ. Ангелъ укрѣпляетъ Спасителя предъ Его страданіями. А драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ событій жизни Спасителя—Его славное воскресеніе—кто первые благовѣствуютъ женамъ? Ангелы. Такъ все великое въ жизни Спасителя, можно сказать, совершилось при участіи ангеловъ. А теперь кто болѣе радуется о нашемъ преуспѣяніи въ добродѣтеляхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скорбитъ о нашемъ нерадѣніи, кто болѣе молится за насъ, помогаетъ, утѣшаетъ, вразумляетъ, отвлекаетъ отъ зла, направляетъ къ добру,— кто, какъ не ангелъ-хранитель, данный каждому изъ насъ при крещеніи? Мало того. Этотъ ангелъ предстанетъ намъ въ часъ смерти, будетъ сопутствовать намъ на страшный судъ, предстанетъ по воскресеніи нашего бреннаго тѣла, покроетъ и утѣшитъ насъ, скорбныхъ и всѣми оставленныхъ, на страшномъ судѣ. О, въ какое время помощь дороже, какъ не въ эти, подлинно страшныя минуты! Итакъ, достойно и праведно величать архангеловъ и ангеловъ.

Что же представляютъ собою ангелы? Какова ихъ природа? Какова ихъ жизнь?

Слово ангелъ не русское, а греческое, и по-нашему, по-русски, ангелъ значитъ: вѣстникъ. А вѣстниками они называются потому, что Богъ посылаетъ ихъ возвѣщать волю Свою.

По своей природѣ ангелы суть безплотные духи, одаренные разумомъ и волею гораздо совершеннѣйшими, нежели какія имѣетъ человѣкъ. Ихъ умъ гораздо свѣтлѣе, ихъ познанія совершенно обширнѣе и яснѣе, чѣмъ наши; но и отъ нихъ многое скрыто. Есть тайны, въ которыя и ангелы желали бы проникнуть. Одинъ Богъ всевѣдущъ.

Ангелы безплотны и безсмертны, а потому не имѣютъ нужды ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ. Ангелы въ одно мгновеніе могутъ сходить съ неба на землю, однако же не могутъ въ одно и то же время быть и здѣсь, и тамъ. Они могутъ проходить чрезъ затворенныя двери. По причинѣ этой величайшей ихъ быстроты, ангеловъ обыкновенно и изображаютъ съ крыльями, въ которыхъ они, какъ духи, на самомъ дѣлѣ не имѣютъ никакой нужды.

Сотворены ангелы раньше міра видимаго. Это видно изъ свидѣтельства книги Іова. Тамъ сказано: *егда сотворены быша звѣзды, восхвалиша Мя гласомъ веліимъ вси ангели Мои.* (Іова XXXVIII, 7).

Всѣ ангелы сотворены были святыми и добрыми Но нѣкоторые изъ нихъ нераскаянно пали во грѣхахъ, сдѣлались діаволами и непримиримыми врагами добра, истины и блаженства (2 Петр. XI, 4; Іуд. 6). Святые же ангелы приближеніемъ къ Богу и созерцаніемъ Его божественнаго величія утвердились въ добрѣ и истинѣ и стали непреклонны ко злу. Они суть неумолкаемые проповѣдники величія Божія. (Ис. VI, 3; Ап. IV, 8), вѣстники воли Божіей для людей (Псал. СII, 20—21. Лук. I, 13, 26—28), хранители человѣковъ (Быт. XIX, 16; Матѳ. XVIII, 10; Дѣян. XII, 15) и служители для хотящихъ наслѣдовати спасеніе (Евр. I, 14; Ап. VIII, 3—4).

Не всѣ безплотные духи имѣютъ одинаковое достоинство, власть, славу и честь.

И на небѣ, не смотря на взаимную любовь, радость и блаженство всѣхъ и и каждаго, нѣтъ, однако же, того равенства, коего нѣкоторые, по крайнему неразумію, ищутъ на землѣ; и тамъ одни начальствуютъ и предстоятъ, другіе повинуются и послѣдуютъ. Существенное и полное равенство находится только между тремя лицами Пресвятыя Троицы: Богомъ Отцомъ, Богомъ Сыномъ и Богомъ Духомъ Святымъ. Ангелы, начальствующіе надъ другими, называются архангелами.

Хотя число ангеловъ крайне велико, *тьмы темъ,* по выраженію писанія, но архангеловъ только семь. *Азъ есмь единъ отъ седьми ангеловъ,*—такъ говорилъ архангелъ Гавріилъ праведному Товиту,— *иже приносятъ молитвы* святыхъ и входятъ предъ славу Святаго (Тов. 12, 15). И св. Іоаннъ въ своемъ дивномъ Апокалипсисѣ, изрекая благодать и миръ церквамъ отъ Сущаго, и иже бѣ, и Грядущаго, изрекаетъ потомъ благословеніе и отъ седми духовъ, иже предъ престоломъ Его суть. (Апок. 1, 4). Отчего главныхъ ангеловъ только седмь — не менѣе и не болѣе?—Это—тайна творенія, вѣдомая лишь Господу и Творцу ангеловъ. Мы съ благоговѣніемъ можемъ примѣтить только при настоящемъ случаѣ, что седмеричное число составляетъ одинъ изъ самыхъ главныхъ законовъ происхожденія и бытія тварей и въ мірѣ духовномъ, и въ мірѣ вещественномъ. Ибо, воззримъ ли на царство благодати?— обрѣтаемъ семь даровъ Духа Святаго, семь таинствъ. Посмотримъ ли на царство природы? — находимъ семь лучей свѣта, семь тоновъ звука, семь дней творенія и проч.

I. Изъ числа седми верховныхъ духовъ св. церковь первымъ признаетъ Михаила, почему и празднество ему именуется соборомъ Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ. *Кто яко Богъ?* означаетъ имя его; *кто яко Богъ,* выражаютъ собою и всѣ дѣла его. Онъ первый возсталъ противъ Люцифера, когда сей возсталъ противъ Вседержителя Извѣстно, чѣмъ кончилась эта ужасная брань первая,—низверженіемъ Денницы съ неба. Съ тѣхъ поръ Михаилъ не престаетъ ратоборствовать за славу Творца и Господа всяческихъ, за дѣло спасенія рода человѣческаго, за церковь и чадъ ея. Почему и изображается всегда въ воинственномъ видѣ съ копіемъ или мечомъ въ рукѣ, имѣя подъ ногами дракона, то-есть духа злобы. Бѣлая хоругвь, украшающая верхъ копія его, означаетъ неизмѣнную чистоту и непоколебимую вѣрность ангеловъ Царю небесному; а крестъ, коимъ оканчивается копіе, даетъ знать, что брань съ царствомъ тьмы и побѣда надъ нимъ самыми архангелами *совершается во имя креста Христова, совершается посредствомъ терпѣнія, смиренія, самоотверженія*. Посему для тѣхъ, кои украшаются именемъ перваго изъ архангеловъ, всего приличнѣе отличаться ревностію къ славѣ Божіей, вѣрностію Царю небесному и царямъ земнымъ, всегдашнею бранію противъ порока и нечестія, и всегдашнимъ смиреніемъ и самоотверженіемъ.

II. Второе мѣсто въ ряду ангеловъ принадлежитъ Гавріилу: имя, означающее силу Божію. Поелику у небожителей названіе всегда выражаетъ самую вещь, то архангелъ сей въ дѣлѣ служенія спасенію человѣческому является особенно провозвѣстникомъ и служителемъ всемогущества Божія. Такъ—имѣетъ ли открыться сила Божія въ чудесномъ зачатіи Предтечи отъ престарѣлыхъ родителей—вѣсть о семъ зачатіи возлагается на Гавріила. Имѣетъ ли произойти безсѣменное зачатіе Самого Сына Божія—честь благовѣстія о семъ достается паки Гавріилу. Этотъ же архангелъ, по мнѣнію богомудрыхъ мужей, посланъ былъ для подкрѣпленія Спасителя въ саду Геѳсиманскомъ, и для возвѣщенія Богоматери Ея всечестнаго Успенія. Посему церковь именуетъ его служителемъ чудеси. Но, служа чудесамъ, онъ по тому самому есть особенный служитель и таинъ Божіихъ: ибо одно предполагаетъ другое. Посему, когда нужно было нѣкогда открыть Даніилу пророку будущія событія, то онъ слышалъ гласъ: *Гавріиле! скажи видѣніе оному* (Дан. 8, 16). Имѣя въ виду такое служеніе Гавріила, св. церковь изображаетъ его иногда съ райскою въ рукѣ вѣтвію, которая принесена имъ была Богоматери, а иногда въ правой рукѣ съ фонаремъ, внутри коего горитъ свѣща, а въ лѣвой съ зерцаломъ. Изображаетъ съ зерцаломъ - поелику Гавріилъ есть вѣстникъ судебъ Божіихъ о спасеніи рода человѣческаго; изображаетъ со свѣщею въ фонарѣ, поелику судьбы Божіи бываютъ закрытыми до времени исполненія ихъ и, по самомъ исполненіи, постигаются только тѣми, кои неуклонно смотрятъ въ зерцало слова Божія и своей совѣсти. Такимъ образомъ если кому, то носящимъ имя Гавріила прилична та вѣра Божія (Мар. XI, 21), для коей, по слову Спасителя Самого, нѣтъ ничего невозможнаго; и если отъ кого, то отъ нихъ должно быть какъ можно далѣе то наказаніе, которое за скудость вѣры принужденъ былъ нѣкогда наложить сей архангелъ на отца Предтечи (Лук. I, 20).

III. Рафаилъ, или помощь и исцѣленіе Божіе, есть имя третьяго архангела, имя по тому самому любезное всѣмъ страждущимъ. Въ святомъ писаніи есть цѣлая книга, въ коей описывается, какъ сей архангелъ, въ видѣ человѣка, сопутствовалъ праведному Товіи, освободилъ отъ злого духа его невѣсту, возвратилъ зрѣніе престарѣлому его отцу, Товиту, и потомъ вознесся отъ нихъ на небо. Посему сей архангелъ и изображается съ сосудомъ врачебнымъ въ лѣвой рукѣ, правою ведущій Товію. Весьма поучительны слова, сказанныя этимъ архангеломъ при разлученіи съ семействомъ Товита.

„Благо молитва съ постомъ и милостынею и правдою,“ вѣщалъ Рафаилъ, „милостыня бо отъ смерти избавляетъ и тая очищаетъ всякъ грѣхъ. Егда молился еси ты и невѣстка твоя Сарра, азъ приношахъ память молитвы вашея предъ Святаго, и егда погребалъ еси мертвыя, подобнѣ присутствовахъ тебѣ; а егда не лѣнился еси востати и оставити обѣдъ твой, да отшедъ покрыеши мертваго, не утаился еси мене благотворяй, но съ тобою бѣхъ“ (Тов. XII, 8—9; 12—14.).—Посему кто желаетъ сподобиться небесной помощи Рафаила, тому первѣе всего надобно самому быть милостивому къ бѣдствующимъ. Милостивые скорѣе всего бываютъ помилованы сами. Тѣмъ паче добродѣтель милосердія и сердоболія должна отличать носящихъ имя Рафаила; иначе у нихъ не будетъ духовнаго союза съ архангеломъ.

IV. Четвертаго архангела изображаютъ съ мечомъ, обращеннымъ противъ персей, а въ шуйцѣ съ пламенемъ, ниспускающимся долу; а имя его Уріилъ, т.-е свѣтъ, или огнь Божій; какъ ангелъ свѣта, онъ просвѣщаетъ умы людей откровеніемъ истинъ, для нихъ полезныхъ; какъ ангелъ огня Божественнаго, онъ воспламеняетъ сердца любовію къ Богу и потребляетъ въ нихъ нечистыя привязанности земныя. Итакъ, это вашъ архангелъ, люди, посвятившіе себя наукамъ! Какъ отрадно должно быть для васъ знать, что нощныя бдѣнія и труды ваши надъ собраніемъ познаній освѣщаются не однимъ стихійнымъ мерцаніемъ отъ лампады, а и свѣтомъ отъ пламенника архангела. И вотъ, конечно, источникъ многихъ истинно полезныхъ и великихъ открытій въ области наукъ,—тѣхъ открытій, о коихъ сами сдѣлавшіе ихъ замѣчаютъ, что они приходили на умъ внезапно, какъ бы по откровенію свыше. Удивительно ли приходить внезапнымъ озареніямъ свыше, когда есть особый архангелъ свѣта и познаній?—Чего однако же можно ожидать отъ сего премірнаго наставника?—Откровенія таинъ природы, превышающихъ нашъ разумъ и наши нужды? Предвозвѣщенія будущихъ событій или чего-либо подобнаго? Нѣтъ, это дѣло не архангела. Послушайте, что отвѣчалъ Уріилъ одному благочестивому, но слишкомъ любознательному мужу, когда онъ, въ жару страсти къ познаніямъ, желалъ увѣдать отъ него тайну міроправленія Божественнаго. Архангелъ отрекся отвѣчать на вопросы, но потребовалъ, чтобы Ездра (такъ назывался сей мужъ) сдѣлалъ для него прежде одно изъ трехъ: взвѣсилъ пламень огня, или указалъ начало вѣтра, или возвратилъ прошедшій день. Когда Ездра отрекся невозможностію сдѣлать это, то архангелъ сказалъ: „аще быхъ вопросилъ тя, глаголя: коль много жилищъ есть въ сердцѣ морстѣмъ, или коль много источниковъ въ началѣ бездны, или коль много жилъ есть надъ твердью небесною, или кія суть предѣлы райскія; негли[1]) отвѣщалъ бы ми еси: въ бездну не снидохъ, ни въ адъ еще, ниже на небеса когда взыдохъ. Нынѣ же о семъ не вопросихъ тя, точію о огни, и о вѣтрѣ, и о дни, въ онь же еси пребывалъ, и безъ сихъ вещей быти не можеши: и ты о сихъ ничтоже ми отвѣщалъ еси. Ты сихъ убо, яже твоя суть и съ тобою возрастоша, познати не можеши, и какъ сосудъ твой возможетъ вмѣстити пути Вышняго (3 Ездр. IV, 7—11)?“ Замѣтьте урокъ сей, люди, преданные наукамъ, и не забывайте, по примѣру вашего архангела, быть служителями не одного свѣта истины, а и огня Божественной любви. *Разумъ кичитъ*, одна *любы созидаетъ* (1 Кор. VIII, 1.).

V. Пятый архангелъ есть верховный служитель молитвы и называется Салафіиломъ. Чистая и пламенная молитва сама можетъ служить вмѣсто херувима для души, охраняя ее отъ всѣхъ враждебныхъ силъ. Но каковы наши молитвы?—Слабы, кратки, нечисты, холодны. И вотъ, Господь, зная, сколь необходима для каждаго изъ насъ молитва, даровалъ намъ цѣлый ликъ ангеловъ молитвенныхъ съ ихъ вождемъ Салафіиломъ, да чистымъ дохновеніемъ устъ своихъ согрѣваютъ наши хладныя сердца и подвизаютъ ихъ на молитву, да вразумляютъ насъ, о чемъ, когда и какъ помолиться, да возносятъ самыя прошенія наши къ престолу благодати. Когда увидите, братіе, на иконѣ архангела, стоящаго въ молитвенномъ положеніи, съ очами, потупленными долу, съ руками приложенными съ благоговѣніемъ къ персямъ;—то знайте, что это Салафіилъ. А видя въ такомъ положеніи самого архангела молитвы, старайтесь сами во время молитвы быть всегда въ положеніи, приличномъ молящемуся. Приличномъ—говорю, ибо у многихъ нѣтъ и сего. Смотря на то, какъ иные изъ насъ молятся, подумаешь, что они не просятъ, а повелѣваютъ и угрожаютъ Тому, у Кого просятъ. Это ли молитва?...

VI. У шестого архангела въ десницѣ златой вѣнецъ, а въ шуйцѣ бичь изъ трехъ червленныхъ вервій. Это потому, что обязанность сего архангела съ ликомъ ангеловъ, ему ввѣренныхъ, есть поощрять наградою благъ вѣчныхъ и защищать именемъ Святыя Троицы и силою креста Христова людей, труждающихся въ различныхъ родахъ служенія во славу Божію; почему онъ и называется Эгудіилъ, или хвала Божія. Между нами нѣтъ людей, носящихъ это имя, за это всякій изъ насъ, отъ мала до велика, обязанъ жить и трудиться для славы Божіей; и коль скоро труждается надъ симъ воистину, то быть не можетъ, чтобы не встрѣчалъ при семъ различныхъ препятствій, ибо на нашей грѣшной землѣ, среди насъ, грѣшныхъ людей, всякое благое дѣло иначе не совершается, какъ съ трудомъ, а многія—съ великимъ и тяжкимъ. Что нужды? Господь и Владыка нашъ *не обидливъ забыть* никакого благаго *дѣла* нашего и никакого *труда любве* (Евр. VI, 10.), во имя Его; чѣмъ больше подвигъ, тѣмъ выше и свѣтлѣе награда. Въ десницѣ архангела не напрасно вѣнецъ: это награда для воина, который во время брани не щадитъ жизни за церковь и отечество, а во время мира *никого же обидитъ*, *дово-*

---

[1]) Негли—неужели.

ленъ своими оброки (Лук. III, 14.), — для градоправителя, который не воздремлетъ, ни же уснетъ, храняй ввѣренный ему градъ,—для судіи, который твердо держитъ вѣсы правды, судитъ безъ лицепріятія сира и смиренна; это—награда для пастыря церкви, право правящаго слово истины, для домовладыки, подающаго примѣръ богобоязненности своимъ домашнимъ, для раба, несущаго съ вѣрою и терпѣніемъ свой жребій.

VII. Послѣднему архангелу,—послѣднему по порядку, а не по достоинству и силѣ, — богомудрые учители церкви даютъ названіе Варахіила. Это ангелъ благословеній Божіихъ, какъ то означаетъ его имя и выражаетъ тотъ видъ, въ какомъ представляется онъ на святыхъ иконахъ; ибо его изображаютъ со множествомъ цвѣтовъ розовыхъ въ нѣдрахъ его одежды. Поелику благословенія Божія различны, то и служеніе сего архангела многообразно: чрезъ него посылается благословеніе домочадія и благоустройства семейственнаго; чрезъ него пріемлется благословеніе плодовъ земныхъ; чрезъ него сподобляются благословенныхъ успѣховъ въ купляхъ и прочихъ дѣлахъ житейскихъ Но когда сподобляются?—Тогда, безъ сомнѣнія, когда земныя благословенія хотятъ принимать для стяжанія благословеній небесныхъ и вѣчныхъ; когда, напр., желаютъ имѣть чадъ, дабы воспитать ихъ въ страхѣ Божіемъ; ожидаютъ обилія плодовъ земныхъ, дабы подѣлиться ими съ бѣдностью, истаевающею отъ глада; ищутъ умноженія доходовъ, дабы имѣть возможность украсить храмъ Божій, призрѣть сираго, искупить должника невиннаго, и тому подобное. Въ противномъ случаѣ Господь не пошлетъ, и архангелъ не принесетъ благословенія. Какъ же, скажете, міролюбцы, совершенно забывшіе Бога, пользуются иногда всѣми дарами счастія земного?—Для нераскаянныхъ это даръ гнѣва, а не любви Божественной: служителемъ сихъ даровъ,—не архангелъ, а тотъ міродержитель тьмы вѣка сего, который Самому Сыну Божію дерзнулъ сказать: сія вся Тебѣ дамъ, аще падъ поклонишимися (Мѳ. IV, 9). (См. пропов. Иннокентія, архіеп. херс.).

Таковъ составъ міра ангельскаго, чествованіе котораго совершается въ 8-й день ноября.

Въ праздникъ святыхъ архангеловъ православная церковь взываетъ къ нимъ: „Небесныхъ воинствъ архистратизи! молимъ васъ присно мы, недостойніи, да вашими молитвами оградите насъ кровомъ крилъ невещественныя вашея славы, сохраняюще ны, припадающія прилѣжно и вопіющія: „отъ бѣдъ избавите насъ, яко чиноначальницы вышнихъ силъ“. (Прот. Г. Дьяченко).

3. Доказательства бытія ангеловъ.

Доказывая бытіе ангельскаго міра, митрополитъ Филаретъ говоритъ: если бы не имѣли мы о семъ свидѣтельства въ книгѣ Откровенія, *мы могли бы найти его въ книгѣ природы.* На всемъ видимомъ написано свидѣтельство о невидимомъ. Апостолъ Павелъ говоритъ, что *невидимое Божіе, Его присносущая сила и Божество, отъ созданія міра, чрезъ разсматриваніе тварей, есть видимо* (Рим. I, 20). Посмотрите на дерево или траву: то, что вы видите, можетъ только увянуть, засохнуть и разрушиться; а то, что производитъ зелень, ростъ, цвѣтъ и плодъ, не есть ли невидимое? Оглянитесь на самихъ себя: то, что въ васъ чувствуетъ, желаетъ, мыслитъ, не есть ли невидимое? Примѣтьте подобную лѣствицѣ постепенность тварей, которыя столько совершеннѣе одна другой, сколько болѣе открывается въ нихъ дѣйствіе невидимаго; начните отъ земли и камня, въ которыхъ невидимое совершенно погребено; взойдите по лѣстницѣ видимыхъ тварей до человѣка, въ которомъ невидимое можетъ уже господствовать: не естественно ли надъ сею степенью предполагать тварей, которыхъ видимое совершенно поглощено,—существа чисто невидимыя, духовныя?

Правда, въ нынѣшнемъ омраченномъ состояніи человѣка и міра сквозь письмена видимыхъ вещей тускло мелькаетъ свѣтъ міра невидимаго. Но зато въ *книгѣ Откровенія* очищенное вѣрою око ясно усматриваетъ не только существованіе міра невидимаго, но и его близость, и тѣсный союзъ его съ видимымъ. Тамъ херувимъ стережетъ путь древа жизни (Быт. III, 24); здѣсь ангелъ *утѣшаетъ отчаянную Агарь* (Быт. XVI, 7—12); въ другомъ мѣстѣ ангелы вмѣстѣ съ Господомъ гостятъ у Авраама (Быт. XVIII); *ангелы спасаютъ Лота изъ погибающаго Содома* (Быт. XIX): Іаковъ, то спящій во множествѣ видитъ ангеловъ, по лѣствицѣ восходящихъ на небо и нисходящихъ на землю (Быт. XXVIII, 12), то бдящій встрѣчается съ полками ангеловъ (Быт. XXXII, 1). Ангелъ является Моисею въ горящей купинѣ (Исх. III, 2), для приготовленія его къ изведенію израильтянъ изъ Египта. Исаія видитъ серафимовъ, окружающихъ престолъ Господень, и отъ одного изъ нихъ пріемлетъ огненное очищеніе (Исаіи VI).

Откроемъ новый завѣтъ. Се восходитъ Солнце духовъ, является Царь откровеній, Іисусъ Христосъ. Что же? Самъ Царь провозглашаетъ: *отселѣ узрите небо отверсто, и ангелы Божія восходяща и нисходяща къ Сыну человѣческому* (Іоан. I, 51): и, дѣйствительно, мы видимъ ангела, возвѣщающаго неплодное зачатіе Предтечи (Лука, I, 11) и безсѣменное зачатіе Спасителя (Лук. I, 26), цѣлое воинство ангеловъ, воспѣвающихъ славу рождества Спасителева (Лук. II, 13), ангела разрѣшающаго недоумѣніе Іосифа (Матѳ. I, 20) и устрояющаго безопасность Младенца Іисуса отъ ищущихъ души Его (Матѳ. II, 13), ангеловъ, служащихъ Іисусу по искушеніи Его въ пустынѣ (Матѳ. IV, 11), ангела, явившагося для укрѣпленія Его въ Геѳсиманскомъ подвигѣ (Лук. XXII, 43), ангеловъ, *отверзающихъ гробъ Его* (Матѳ. XXVIII, 2), *возвѣщающихъ Его воскресеніе* (Іоан. XX, 12), ангеловъ сопровождающихъ Его вознесеніе и возвѣщающихъ Его паки пришествіе (Дѣян. I, 10. 11).

Христіане! Іисусъ Христосъ, по изреченію Іоанна Богослова, есть *Святый, истинный, имѣяй ключъ Давидовъ, отверзаяй, и никтоже затворитъ* (Апок. III, 7). Итакъ, если Онъ отверзъ небо: кто же смѣетъ затворить его? Или кто смѣетъ сказать, что теперь уже не время видѣть ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ по волѣ Сына человѣческаго? *Не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе?* Кто же и нынѣ можетъ утверждать, что они уже безъ дѣла и мы безъ помощи?

Но чѣмъ несомнѣннѣе удостовѣряемся мы въ близости къ намъ св. ангеловъ и о ихъ готовности на помощь намъ: тѣмъ съ большею заботливостью мы должны помыслить о томъ, *отчего въ наши дни такъ мало слышатъ о сей помощи, а еще менѣе вѣрятъ слышанному о томъ?*

Какъ въ видимыхъ своихъ явленіяхъ св. ангелы нерѣдко принимаемы были человѣками за подобныхъ человѣковъ: такъ легко случиться можетъ, что и невидимыя ихъ дѣйствія человѣкъ приметъ за собственныя человѣческія или обыкновенныя естественныя дѣйствія. Не случается ли, напримѣръ, что, среди недоумѣнія или нѣкоего бездѣйствія ума, вдругъ, какъ молнія, просіяваетъ чистая, святая и спасительная мысль; что въ обуреваемомъ или холодномъ сердцѣ мгновенно водворяется тишина, или возгорается небесный пламень любви къ Богу? Если всякое явленіе по роду своему свидѣтельствуетъ о присутствіи дѣйствующей силы, то эти внутреннія явленія души нашей не свидѣтельствуютъ ли о присутствіи небесныхъ силъ, по человѣколюбію бросающихъ лучи свои въ нашъ умъ и искры въ наше сердце? Не суть ли это дѣйствія ангеловъ, по изреченію пророка Захаріи, *глаголющихъ въ насъ?* Какъ достойно сожалѣнія, если мы не примѣчаемъ этой ангельской помощи! Ибо, не примѣчая, не пріемлемъ ея, какъ должно, и не пользуемся ею; не пользуясь, остаемся неблагодарными и виновными, не приготовляемъ себя къ другимъ подобнымъ посѣщеніямъ и такимъ образомъ даже удаляемъ отъ себя хранителей нашихъ.

Если мы, человѣки, удаляемся отъ человѣковъ, которыхъ расположенія противны нашимъ расположеніямъ; если наставникъ, наконецъ, отрекается отъ ученика, не внемлющаго наставленіямъ, или воспитатель отъ воспитанника, отвергающаго руководство его, если самый отецъ удаляетъ отъ себя непокорнаго сына: то какъ не удалиться, наконецъ, отъ насъ св. ангеламъ, когда мы не слѣдуемъ ихъ спасительнымъ внушеніямъ и оставляемъ безплоднымъ для насъ ихъ служеніе? Какъ не удалиться отъ насъ небеснымъ силамъ, когда мы предаемся только земному? Какъ не удалиться чистымъ духамъ, когда мы живемъ въ нечистотахъ плоти? (Сост. по проп. Филарета, митр. моск., т. II, изд. 1874 г.).

4. Изображеніе св. архистратига Михаила.

Св. архангелъ Михаилъ часто изображается въ воинственномъ ополченіи. Что это значитъ? Почему житель неба, гдѣ обитаетъ миръ и любовь, представленъ вооруженнымъ? Потому что была нѣкогда брань и тамъ—въ царствѣ мира и любви. Кто противъ кого возставалъ и ратовалъ? Одинъ изъ высшихъ духовъ, обладавшій великими совершенствами — Люциферъ, съ надменіемъ и гордостію возсталъ противъ своего Творца и Владыки всяческихъ; за нимъ увлеклось много другихъ духовъ, и они составили страшное ополченіе возмутителей небеснаго порядка. Тогда-то изъ среды ангеловъ является поборникъ славы Божіей, св. архангелъ Михаилъ. Собравъ всѣ ангельскіе чины и воинства, вѣрные Богу, онъ велегласно воззвалъ: „вонмемъ, станемъ добрѣ предъ сотворшимъ ны и не помышляемъ противная Богу“. И, стоя на первомъ мѣстѣ въ сонмѣ духовъ безплотныхъ, воспѣлъ торжественную пѣснь: „святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ!“ И вскорѣ за симъ всѣ духи злобы низвержены были съ неба. Вотъ почему архангелъ Михаилъ, какъ главный поборникъ славы Божіей, побѣдитель діавола и аггеловъ его, именуется св. церковію началовождемъ ангеловъ, посреди полковъ ангельскихъ старѣйшимъ, небесныхъ чиновъ архистратигомъ! Вотъ почему она изображаетъ его всегда въ воинственномъ видѣ, съ мечемъ или копіемъ въ рукѣ, имѣющимъ подъ ногами дракона, *змія древняго, иже есть діаволъ и сатана* (Апок. XX, 2), духъ злобы, имъ пораженный и низверженный.

Послѣ сего, что внушаетъ намъ воинственный видъ архистратига небесныхъ силъ, ревнующаго по славѣ Божіей и ратоборствующаго за церковь Христову? Ту же ревность по Бозѣ, всегда бодрствующую, всегда готовую стать въ ополченіи противъ нападеній діавола—древняго змія, въ началѣ сокровенныхъ, а потомъ явныхъ и страшныхъ, — внушаетъ, чтобы мы во время нападеній со стороны врага Божія обращались къ сему ратоборцу съ молитвою о помощи и заступленіи: предводитель воинства безплотныхъ на небѣ, конечно, есть лучшій защитникъ напаствуемыхъ на землѣ со стороны исконнаго человѣкоубійцы.

Нерѣдко, впрочемъ, святый архангелъ Михаилъ изображается съ копіемъ, котораго верхъ украшаетъ бѣлая хоругвь съ крестомъ. Что это значитъ?

Бѣлая хоругвь, украшающая верхъ копія, составляетъ особенное отличіе архангела и всего воинства его, свидѣтельство о воинственной его доблести. Она означаетъ неизмѣнную чистоту нравственную и непоколебимую вѣрность ангеловъ Царю небесному. Мужественное воинство добрыхъ ангеловъ отъ начала бытія своего сохраняетъ чистоту въ мысляхъ, желаніяхъ, чувствованіяхъ и дѣйствіяхъ своихъ; отъ созданія своего доселѣ остается вѣрнымъ и неизмѣннымъ Богу, и до того утвердилось въ своей вѣрности, что никогда уже не можетъ нарушить своего святого служенія Царю царей. Намъ, земнымъ духовнымъ воинамъ, — ибо хотя мы и живемъ на землѣ, но принадлежимъ къ тому же воинству небесному, ратующему за славу Божію, отчего и наша церковь земная называется воинствующею, — намъ, говоримъ, *должно подражать архистратигу и всѣмъ безплотнымъ добрымъ силамъ въ чистотѣ и вѣрности Господу силъ*; намъ, такъ часто имѣющимъ нужду въ заступленіи и помощи ангеловъ, по преимуществу должно заботиться о сохраненіи нравственной чистоты и вѣрности волѣ Божіей, для того чтобы находиться въ постоянномъ общеніи съ небесными силами, безъ помощи коихъ мы, по своей слѣпотѣ и лѣности, по своему невниманію и слабости, не могли бы совершить ни одной побѣды надъ врагомъ нашимъ.

Что означаетъ крестъ, которымъ оканчивается копье, изображаемое въ рукахъ архангела? Онъ означаетъ, что брань съ царствомъ тьмы и побѣда надъ нимъ самими силами небесными совершается во имя креста Христова, совершается притомъ посредствомъ терпѣнія, смиренія и самоотверженія. Кто совершитель окончательной побѣды надъ врагомъ Божіимъ? Кто можетъ сокрушить до конца главу змія? Одинъ Тотъ, въ руцѣ Коего всякое начальство, всякая власть и сила надъ небомъ и землею. Сатана съ своими клевретами воинствомъ ангеловъ, подъ начальствомъ св. архистратига, низверженъ съ неба, но не сокрушенъ совершенно: низверженный, онъ на землѣ образовалъ ополченіе противъ неба, несокрушимое, можно сказать, никакимъ ангеломъ, но сокрушенное Богочеловѣкомъ Іисусомъ Христомъ, чрезъ крестную смерть Его. Съ того времени это воинство небесное ратоборствуетъ противъ духовъ злобы подъ знаменемъ Побѣдителя ада и смерти, заимствуя въ крестѣ силу и мужество.

Итакъ, изображеніе св. архистратига Михаила естественно обращаетъ нашу мысль къ тому великому Крестоносцу, Который есть начальникъ и совершитель нашего спасенія. Если и небесныя силы совершаютъ побѣду надъ древнимъ врагомъ Бога, ангеловъ и человѣковъ подъ знаменемъ Господа нашего Іисуса Христа, то намъ, слабымъ и немощнымъ, какъ можно ближе надлежитъ подходить подъ сѣнь креста, всѣми мѣрами стараться, чтобы никогда не выходить изъ-подъ его спасительнаго осѣненія. (Сост. по „Словамъ и рѣч.“ Леонтія, митр. моск., т. II).

5. Отношеніе ангеловъ къ людямъ; ангелы-хранители.

Съ явленіемъ въ мірѣ новаго разумно свободнаго существа—человѣка, ангелы получили назначеніе содѣйствовать его спасенію, руководить и хранить его, быть вѣстниками воли Божіей къ нему. Но между святыми ангелами есть и такіе, которые очень близки къ намъ, которые отъ колыбели до гроба пребываютъ неотлучно и берегутъ насъ. Эти ангелы называются ангелами-хранителями. При рожденіи каждаго человѣка ему обязательно дается такой ангелъ-хранитель, который руководитъ его до самой смерти и провожаетъ за гробомъ до частнаго суда. Что каждый изъ насъ имѣетъ ангела-хранителя, это видно изъ словъ Спасителя: *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго* (Мѳ. XVIII, 10), то-есть: берегитесь, говоритъ Іисусъ Христосъ, дѣлать зло малымъ дѣтямъ, ибо у нихъ есть ангелы-хранители, которые на небесахъ всегда предстоятъ Отцу Моему небесному. Что сказано о дѣтяхъ, то надо прилагать и ко всѣмъ людямъ безъ различія; ибо всякій христіанинъ равно Богу любезенъ. Господь всѣхъ насъ одинаково любитъ и всѣмъ равно хочетъ спастися.

Отцы церкви единогласно признаютъ бытіе ангеловъ-хранителей. Василій Великій учитъ: „съ каждымъ изъ вѣрныхъ есть ангелъ; противъ сего никто не будетъ спорить“ („Твор. его по р. п.“ ч. 3 стр. 130) св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „прежде ангелы по числу народовъ, а нынѣ по числу вѣрующихъ“ (Въ бес. на посл. къ Колос.).

Житія святыхъ представляютъ много примѣровъ той истины, что ангелы охраняютъ человѣка.

Вотъ нѣсколько такихъ примѣровъ. Блаженный Ѳеодоръ, епископъ едесскій, спросилъ одного прозорливаго столпника, какимъ образомъ онъ узнаетъ и различаетъ праведныхъ и грѣшныхъ. Столпникъ отвѣчалъ: „если мимо столпа моего проходитъ мужъ праведный и боящійся Бога, то я вижу благодать Божію, и свѣтлые ангелы шествуютъ съ нимъ по обѣ стороны, а бѣсы идутъ издалека, не смѣя приблизиться къ нему; если же проходитъ человѣкъ грѣшный, то вижу вокругъ него полчище торжествующихъ бѣсовъ, а ангелъ-хранитель слѣдуетъ за нимъ въ отдаленіи, сѣтуя и сокрушаясь о погибели грѣшника. Но когда бѣсы хотятъ окончательно погубить этого человѣка, тогда является ангелъ съ огненнымъ оружіемъ и прогоняетъ ихъ“. Такъ святые ангелы хранятъ насъ отъ поглощенія вражескаго. Они наблюдаютъ за людьми не только въ бодрственномъ состояніи ихъ, но и во время сна. — Къ преподобному Паисію пришелъ нѣкоторый инокъ, имѣя нужду побесѣдовать съ нимъ. Нашедши его спящимъ, онъ увидѣлъ стоявшаго предъ нимъ святого ангела-хранителя въ образѣ прекраснаго юноши, и съ удивленіемъ сказалъ: „по истинѣ Богъ хранитъ любящихъ Его“. Онъ не осмѣлился приступить къ спящему аввѣ ради присутствія ангельскаго и, воздавъ благодареніе Богу, удалился. Подобнымъ образомъ видимы были ангелы Божіи, съ вѣерами въ рукахъ, надъ почившимъ Петромъ, епископомъ севастійскимъ, братомъ святого Василія Великаго. Эти посланники небесные имѣютъ попеченіе не только о душевномъ спасеніи, но и о тѣлесномъ здравіи людей. Такъ, въ Патерикѣ упоминается, что одинъ пустынникъ, страдавшій отъ сильной боли въ желудкѣ, исцѣленъ былъ ангеломъ. Пришедши къ больному и узнавши причину его страданія, ангелъ-хранитель перстомъ своимъ, какъ бы ножомъ, разрѣзалъ болѣзненное мѣсто, очистилъ накопившійся тамъ гной, потомъ рукою загладилъ рану, и этимъ дѣйствіемъ исцѣлилъ пустынника и возвратилъ ему тѣлесное здравіе. Но самый разительный примѣръ, несомнѣнно доказывающій попечительность святыхъ ангеловъ о людяхъ, ввѣренныхъ храненію ихъ, представляется въ исторіи юнаго Товіи, составляющей главное содержаніе священной книги Товита. (Прот. Гр. Дьяченко).

21-ый ДЕНЬ.

ВВЕДЕНІЕ ВО ХРАМЪ ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ.

Еванг. отъ Лук. зач. 54-е и 58-е, гл. Х, 38—42; XI, 27—28 ст. 1)).

1. Исторія введенія во храмъ Пресв. Богородицы.

Пресвятая Дѣва Марія, какъ даръ Божій, данный праведнымъ Іоакиму и Аннѣ въ старости по ихъ усердной молитвѣ, была ими посвящена Богу, согласно данному ими обѣту, на особенное служеніе Ему въ храмѣ и воспитаніе при немъ въ святой его обстановкѣ. И вотъ, когда исполнилось богоданной отроковицѣ три года отъ рожденія, благочестивые родители Ея стали внушать Ей, что Она родилась вслѣдствіе пламенныхъ молитвъ ихъ, что Она посвящена ими Богу еще до рожденія и, какъ Божіе дитя, должна теперь разлучиться съ ними и быть у Бога въ храмѣ. Преблагословенная Дѣва, не смотря на ранній Свой возрастъ, постигла смыслъ такихъ внушеній и Сама просила Своихъ родителей о скорѣйшемъ исполненіи ихъ высокаго обѣта. По выраженію церковныхъ пѣснописцевъ, Святая Дѣва „младенчествовала плотію, но была совершенна душою, трилѣтствовала тѣломъ и многолѣтствовала духомъ“ (Кан. 2, п. 3, тр. 5). Посему святые родители рѣшились разстаться съ юною своею дочерью и посвятить Ее Богу, безъ всякой скорби, даже „съ веселіемъ“ (На лит. стих. 6). (См. „Полн. годичный кругъ краткихъ поученій“, прот. Г. Дьяченко т. II. Москва изд. 1895 г., стр. 517).

Къ торжеству посвященія собралось въ Назаретѣ много родныхъ и ближнихъ Іоакима и Анны, а также множество юныхъ дѣвъ, сверстницъ Маріи, для сопровожденія Ея во храмъ. Всѣ отправились въ Іерусалимъ, отстоявшій на три дня пути отъ Назарета. Послѣ вступленія въ святый городъ и семидневнаго очищенія постомъ и молитвою, по обычаю, предписанному приносящимъ жертву во храмъ, праведные Іоакимъ и Анна, со всѣми сопровождавшими ихъ, приблизились къ храму, ведя за руки свою трехлѣтнюю дочь, Благодатную Марію; ликъ непорочныхъ дѣвъ предшествовалъ имъ; сродники и знакомые шли за ними: всѣ спѣшили, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, участвовать въ торжествѣ посвященія храму Дѣвы Маріи, единственной дочери престарѣлыхъ родителей, и пѣли священныя пѣснопѣнія. Навстрѣчу имъ вышли съ пѣніемъ изъ храма священники, имѣя во главѣ первосвященника Захарію. Они вышли съ торжественнымъ пѣніемъ священныхъ псалмовъ Давида.

Увидя это срѣтеніе, богоотцы, родители Преблагословенной, исполнились Духомъ Божіимъ, и праведная Анна стала говорить: „иди, дочь моя, къ Богу, иди къ Тому, Кто Тебя мнѣ даровалъ; иди, кивотъ освященія, къ благоутробному Владыкѣ. Дверь жизни, иди къ милостивому Подателю благъ! Ковчегъ Слова, иди ко храму Господню. Радость и веселіе міра, войди въ церковь Господню!“

Затѣмъ, обратившись съ Іоакимомъ къ родственнику своему Захаріи, она стала говорить: „прими, Захарія, сѣнь нескверную, прими, непорочный священникъ, ковчегъ; прими, пророкъ, кадильницу невещественнаго угля; прими, праведникъ, кадило духовное! Прими — заключила она рѣчь свою къ первосвященнику — пророкъ, дочь, что мнѣ Господь даровалъ, введи Ее на гору святыни и насади Ее на ней въ совершенномъ жилищѣ Божіемъ. Не допытывайся ничего, пока не угодно будетъ то Богу, Который сюда Ее призвалъ, пока надъ Нею не исполнится все до конца“.

У входа во храмъ, какъ разсказываетъ блаженный Іеронимъ, было пятнадцать высокихъ ступеней. Тихо подымались обыкновенно священники по этимъ ступенямъ и на каждой пѣли извѣстныхъ въ церковныхъ книгахъ пятнадцать степенныхъ псаловъ.

На самой нижней ступени богоотцы поставили свою преблагословенную дочь, Она по всѣмъ этимъ ступенямъ пробѣжала и добѣжала до послѣдней безъ посторонней помощи и поддержки. Поднявшись на послѣднюю ступень, Она остановилась.

Всѣ не мало дивились такому явленію, когда увидѣли, что трехлѣтній ребенокъ скорѣе взошелъ по такимъ высокимъ ступенямъ, чѣмъ могъ бы взойти взрослый человѣкъ.

Особенно сталъ удивляться этому первосвященникъ Захарія. Онъ, какъ пророкъ, сталъ предусматривать по этому

---

1) *Примѣч.* Евангельское чтеніе см. выше, подъ 8-мъ сентября.

поводу будущее и, будучи объятъ Духомъ Божіимъ и исполнившись Духа Святаго, какъ говоритъ святый Тарасій, воскликнулъ: „о, отроковице несквернная, о, Дѣва непорочная, Дѣва прекрасная, о, краса женъ и примѣръ дочерямъ, благословенна Ты въ женахъ, препрославлена по чистотѣ, запечатлѣна дѣвствомъ. Ты — разрѣшеніе клятвы Адамовой!“ Это Захарія говорилъ, обратившись къ пречистой Дѣвѣ.

Затѣмъ, обратившись къ праведной Аннѣ, Захарія сталъ говорить: „благословенъ плодъ и преславно рожденіе твое, жена, болѣе другихъ почтенная, преславно дитя, которое ты привела, жена боголюбезная!“

Послѣ этихъ словъ, все еще продолжая быть въ состояніи вдохновенія отъ Святаго Духа, взявъ ребенка за руки, съ веселіемъ въ душѣ, ввелъ его во *Святая*, то-есть первую часть храма, говоря къ ней: „иди, на Тебѣ исполнится мое пророчество, — иди, въ Тебѣ совершится то, что Господь обѣщалъ... Иди, зеркало пророковъ, иди, обновленіе обветшавшихъ, свѣтъ во тьмѣ лежащихъ, войди въ радости въ церковь Господа Твоего, въ церковь пока дольнюю, для людей доступную, а скоро въ церковь и неприступную!“

Святой ребенокъ былъ полонъ благодатной радости, что вошелъ въ домъ Господень, потому что, не смотря на свой трехлѣтній возрастъ, былъ исполненъ благодати Божіей.

Водимый Духомъ Божіимъ, Захарія не остановился на Святая, куда могли еще входить священники и другіе служащіе церкви (левиты), но провелъ Ее далѣе, во *Святая святыхъ*, тотъ отдѣлъ храма, въ который не только лицамъ женскаго пола не позволено было входить, но куда и изъ священниковъ, по закону, никто не долженъ былъ входить, и только разъ въ годъ, для очищенія народа отъ грѣха, имѣлъ право входить одинъ архіерей.

Дивное то было дѣло — всѣ люди дивились такому отступленію отъ закона Моисеева въ храмѣ, который былъ и устроенъ, и содержался по этому закону. Но всѣ видѣли и знали, что Захарія это сдѣлалъ по внушенію Духа Божія, и ничего болѣе и не могли сдѣлать, какъ только теряться отъ удивленія. Сами *ангели*, какъ воспѣваетъ святая церковь наша, *вхожденіе Пречистыя зряще, удивишася, како Дѣва вниде во святая святыхъ.*

Но этого было какъ бы еще мало, — преданіе говоритъ, что Захарія, по внушенію Духа Божія, назначилъ Ей мѣсто для молитвы именно *во Святая святыхъ*.

Святые отцы (Кириллъ александрійскій и Григорій нисскій) разсказываютъ, что дѣвицамъ, посвящаемымъ Богу, — а посвящались онѣ обыкновенно не на всю жизнь, а до совершеннолѣтія, — мѣсто для молитвы назначалось между церковью и жертвенникомъ и никому изъ нихъ не дозволялось приступать къ жертвеннику: на это былъ строгій запретъ архіерея. Да и посвященнымъ Богу дѣвицамъ сказанное мѣсто предоставлялось только въ извѣстные часы дня. Пречистой же Дѣвѣ, со времени введенія во храмъ, во всякое время позволялось входить внутрь храма и притомъ за вторую завѣсу, значитъ во *Святая святыхъ*.

Блаженный Іеронимъ разсказываетъ, что праведные богоотцы Іоакимъ и Анна, по случаю посвященія пречистой своей дочери Богу, принесли вмѣстѣ съ нею дары Богу — жертвы и всесожженія. Архіерей, съ благословеніями и молитвою, отпустилъ ихъ домой.

Преданіе гласитъ, что святая Дѣва, въ началѣ жизни Своей при храмѣ Господнемъ, отдана была въ пріютъ для дѣвицъ, посвященныхъ Богу.

Чтобы имѣть болѣе ясное понятіе объ этомъ, хотимъ замѣтить кое-что о пристройкахъ при тогдашнемъ храмѣ іерусалимскомъ. — Іудейскій бытописатель Іосифъ Флавій говоритъ, что, когда Зоровавель обновилъ храмъ іерусалимскій, онъ сдѣлалъ при немъ много пристроекъ. Онѣ сдѣланы были вокругъ стѣнъ самаго храма. Было ихъ числомъ тридцать. Расположены онѣ были отдѣльно одна отъ другой. Онѣ были просторны и хорошо выстроены. И не низки были эти пристройки — въ три яруса возвышались онѣ. Всѣхъ комнатъ въ нихъ было до девяноста, со всѣми удобствами для жилья. Вся вышина этихъ зданій не была болѣе, чѣмъ вышина стѣнъ самого храма. Опираясь съ разныхъ сторонъ о стѣны храма, онѣ поддерживали эти стѣны вродѣ столбовъ. Постройки были каменныя.

Пристройки эти были предназначены для разнаго рода людей, посвящавшихъ себя Богу. Такъ, особо жили дѣвы, посвященныя до времени на службу Богу, особо жили вдовы, давшія обѣтъ до смерти въ чистотѣ и святости служить Богу, какова была и Анна, дочь Фануила; особо проживали *назореи*, которые были вродѣ нашихъ иноковъ. Всѣ эти обитатели храмовыхъ пристроекъ несли особыя службы при храмѣ и кормились отъ имѣній храма. Были также комнаты для отдохновенія странниковъ и пристанища путешественниковъ изъ дальнихъ странъ.

Когда пресвятая Марія отдана была въ пріютъ для дѣвицъ, Ее поручили надзору дѣвицъ старшихъ, искусныхъ въ рукодѣліи и знающихъ *писанія*, чтобы они Ее учили всему этому.

Праведные родители Іоакимъ и Анна часто посѣщали пресвятую дочь свою Марію, особенно часто приходила для свиданія съ Нею и для наставленія праведная мать Ея.

Пресвятая Дѣва вскорѣ стала показывать замѣчательные успѣхи какъ въ изученіи священнаго писанія, такъ и въ рукодѣльныхъ работахъ. Древніе писатели (св. Амвросій, св. Епифаній и Георгій историкъ) согласно свидѣтельствуютъ о свѣжемъ въ ихъ время священномъ преданіи насчетъ успѣховъ пресвятыя Дѣвы въ дѣтскомъ возрастѣ. Такъ, они передаютъ, что святая Дѣва была очень *остроумна*, любила изучать священное писаніе, занималась пряжею льну и шелку. Благоразумію ея, говорятъ, всѣ удивлялись. Работы Она больше изготовляла такія, которыя могли быть нужны священникамъ при ихъ служеніи Господу Богу въ церкви. Приготовившись и пріучившись такимъ образомъ, святая Дѣва и въ храмѣ выполняла долгъ Свой по Своему посвященію и, впослѣдствіи, честнымъ трудомъ Своихъ рукъ святыхъ могла питать Себя и божественнаго Сына Своего. Нешвенный, но весь искусно истканный *хитонъ*, изъ-за котораго воины при распятіи метали жребій, и который чуднымъ образомъ сохранился до нашихъ временъ, служитъ дивнымъ образомъ Ея святыхъ работъ.

Что касается того, какъ пресвятая Дѣва проживала при храмѣ іерусалимскомъ, то объ этомъ тоже дивныя дѣла разсказываются древними святыми писателями. Блаженный Іеронимъ разсказываетъ древнее преданіе о томъ, какъ пресвятая Дѣва проводила время при храмѣ: „Блаженная Дѣва, говоритъ онъ въ посланіи къ Иліодору, живя при храмѣ съ прочими сверстницами Своими, будучи еще ребенкомъ, проводила время весьма чинно. Съ самаго утра и до третьяго часа дня стояла Она на молитвѣ, отъ третьяго часа до девятаго занималась рукодѣльемъ и читала (священное писаніе); отъ девятаго часа опять начинала Свою молитву и продолжала ее дотолѣ, пока не являлся къ ней ангелъ, изъ рукъ котораго Она обыкновенно принимала пищу. Такимъ образомъ Она все болѣе и болѣе возрастала въ любви Божіей“.

Святой Епифаній тоже разсказываетъ, что Пречистой, какъ и дѣвицамъ, посвященнымъ Господу Богу, отпускалась пища обыкновенная отъ правленія храма, но пищу эту Она отдавала нищимъ и странникамъ, а сама питаема была *хлѣбомъ небеснымъ*, какъ и церковь воспѣваетъ это (въ стихирахъ на хвалитѣхъ).

Святой Георгій никомидійскій разсказываетъ, что святитель Захарія видѣлъ своими глазами, какъ являлся пречистой Дѣвѣ ангелъ и приносилъ Ей пищу. Онъ разсказываетъ, что, когда Захарія по священническому обычаю, былъ въ храмѣ, онъ видѣлъ, что кто-то разговариваетъ съ Дѣвою и подаетъ ей пищу. Чудный видъ его былъ, потому что это былъ ангелъ. Удивился Захарія и сталъ помышлять въ себѣ: „что за новость, что за диво? — съ виду ангелъ, а говоритъ съ дѣвицей, съ виду безплотный, а приноситъ пищу, которая плоть питаетъ, — невещественный по природѣ подаетъ Дѣвѣ кошницу (корзинку) вещественную. Ангельское видѣніе, — все раздумывалъ въ себѣ святитель Захарія, здѣсь бываетъ только священникамъ и то не часто, а явленіе здѣсь ангела лицу женскаго пола, да еще и столь молодой дѣвицѣ, по правдѣ, дѣло невиданное“... Чѣмъ больше думалъ да раздумывалъ въ себѣ святитель Захарія, тѣмъ больше приходилъ въ удивленіе, въ недоумѣніе и въ большій ужасъ. Что это будетъ? съ какою вѣстію приходитъ ангелъ и какую пищу приноситъ?! Припоминая себѣ одно за другимъ явленія ангеловъ людямъ, Захарія не находилъ ничего подобнаго и пришелъ въ мысли къ сильному недоразумѣнію, какъ это пречистая Дѣва еще въ младенчествѣ сподобилась такихъ великихъ даровъ, что Ей служатъ сами безплотныя силы. Затѣмъ, мало-по-малу переходя къ любимой мысли о томъ, чего такъ пламенно ожидаютъ израильтяне, онъ сталъ въ себѣ помышлять: „ужъ не въ этой ли Дѣвѣ конецъ нашихъ ожиданій и надеждъ? ужъ не отъ Нея ли родится Тотъ, Который придетъ спасти родъ нашъ?! Тайна эта предсказана пророками уже прежде. Не это ли та Дѣва, что предызбрана послужить сей тайнѣ?“

Болѣе и болѣе утверждаясь въ этой мысли, Захарія, конечно, силою Духа Божія воскликнулъ: „о, какъ счастливъ ты, домъ израилевъ, что отъ тебя произросла розга, отъ которой долженъ для міра прозябнуть цвѣтъ спасенія! Какъ славна память тѣхъ, что Ее родили! Какъ счастливъ и я, что вижу это и что славлю эту Дѣву!“ Такъ все это разсказываетъ о чудномъ видѣніи первосвященника Захаріи святой Георгій никомидійскій[1]).

День ото дня, возрастая тѣлесными силами, пресвятая Дѣва вмѣстѣ съ этимъ равно укрѣплялась и силами духовными. Чѣмъ болѣе пріучалась Она къ работамъ и упражнялась въ нихъ, тѣмъ болѣе и болѣе глубока, сердечна и свята была молитва Ея и возрастала въ силѣ Божіей, пока не осѣнила Ее въ совершенствѣ сила Вышняго.

Силы духа у пречистой Дѣвы образовывались, возрастали и укрѣплялись ангельскою бесѣдою, а тѣлесныя поддерживались небесною пищею, которую приносилъ Ей каждый день архангелъ. Особенно часто и горячо Она молилась. О чемъ же могла молиться и чего просить у Господа Бога пресвятая Дѣва, вполнѣ довольная Своимъ положеніемъ во храмѣ? Отлично зная священное писаніе, Она не могла не знать всѣхъ пророчествъ о пришествіи Помазанника Божія — Утѣхи Израилевой. Какъ истая *дочь израильскаго народа*, Она не могла не желать, чтобы это добро послано было народу Ея поскорѣе и было принято имъ, какъ слѣдуетъ.

Въ послѣдніе годы жизни Пречистой во храмѣ, скончались праведные ея родители, богоотцы Іоакимъ и Анна. Сначала почилъ въ глубокой старости (80 лѣтъ) праведный Іоакимъ, а затѣмъ и Анна.

Праведные Іоакимъ и Анна наречены церковью Богоотцами, и церковь ежедневно, по окончаніи Божественной службы, испрашиваетъ на отпустѣ выходящимъ изъ храма помилованіе и спасеніе отъ Господа молитвами Богородицы и святыхъ и праведныхъ Іоакима и Анны. Память ихъ празднуется ежегодно 9 сентября, на другой день праздника Рождества Богородицы.

Мѣсто погребенія ихъ и теперь указываютъ въ сторонѣ лѣстницы, по которой спускаются къ погребальной пещерѣ Пресвятой Богородицы въ Геѳсиманіи.

Лишившись любимыхъ родителей, Марія испытала горькое чувство сиротства и сознала, что ничто уже не привязываетъ Ее къ землѣ. Всѣмъ сердцемъ Она предалась Единому Богу и питала одно желаніе — оставаться до конца жизни рабою Господа, всегда покорною святой Его волѣ. Тогда же Она дала обѣтъ Богу сохранить дѣвство Свое. (Сост. по разн. источн. прот. Г. Дьяченко).

2. Легкій, но прекрасный способъ домашняго воспитанія дѣтей.

Въ дѣлѣ воспитанія однихъ дѣтей посредствомъ *добраго вліянія другихъ* могутъ имѣть особенное значеніе *старшій* братъ или сестра, и потому благоразумные родители, если хотятъ облегчить себѣ трудъ воспитанія дѣтей, должны обращать преимущественное вниманіе на воспитаніе *перворогдняго* изъ нихъ. Если первенцы — сынъ или старшая дочь, поставлены на прямую дорогу, воспитаны хорошо и преимущественно въ духѣ христіанскаго благочестія, то родителямъ уже не такъ трудно будетъ дать такое же воспитаніе слѣдующимъ дѣтямъ, — они будутъ брать примѣръ со старшаго. Въ противномъ случаѣ, родителямъ предстоитъ слишкомъ много труда, чтобы дать доброе направленіе младшимъ дѣтямъ; усиліямъ родителей избѣжать при воспитаніи ихъ тѣхъ ошибокъ, какія допущены при воспитаніи старшаго сына или дочери, будетъ на каждомъ шагу вредить дѣйствіе дурного примѣра со стороны старшихъ дѣтей. Намъ приходилось читать про двухъ отцевъ семейства, изъ которыхъ одинъ весьма недоволенъ былъ поведеніемъ своихъ дѣтей и никакъ не могъ успѣть въ исправленіи ихъ, другой, напротивъ, благословлялъ Бога, смотря на своихъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ былъ лучше другого. Первый однажды приходитъ въ гости къ послѣднему и не отрываетъ глазъ отъ его дѣтей. Ихъ смиреніе, послушаніе, любовь и ласковость къ родителямъ, миръ и дружба между собою невольно напомнили гостю слова псалмопѣвца: „се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ“. Онъ глубоко вздохнулъ, когда вспомнилъ свое семейство. Улучивъ благопріятную минуту, онъ спросилъ счастливаго отца, какъ онъ могъ устроить такой прекрасный порядокъ между дѣтьми, что не нарадуешься, глядя на нихъ? Тотъ отвѣчалъ: „я не слишкомъ много хлопоталъ.

---

[1]) Слово по р. Богородицы.

Видалъ ли ты стадо журавлей, при наступленіи осени отлетающихъ на югъ?“— „Не разъ видалъ“.—„Ты, конечно, замѣтилъ, что впереди летитъ одинъ журавль, который указываетъ дорогу остальнымъ, твердо зная, куда надо летѣть,— а остальные только слѣдуютъ за нимъ. При воспитаніи дѣтей я, признаюсь, имѣлъ въ виду примѣръ журавлей: я много положилъ труда на воспитаніе первенца и усердно молился объ успѣхѣ. Господь благословилъ мой трудъ Своею благодатію. Мой старшій сынъ сталъ передовымъ для младшихъ,—онъ показываетъ имъ путь къ небу, тѣ уважаютъ и любятъ его и съ охотою слѣдуютъ его руководству и примѣру“. Открытіе необходимое для родителей и дѣтей! („Душ. чт.“).

3. **Какъ воспитывали и учили своихъ дѣтей древніе христіане?**

Первенствующіе христіане не только заботились сами приблизиться къ царству Божію, но и всѣ усилія употребляли, чтобы и дѣтей своихъ содѣлать достойными сынами его. *Къ этому* было направлено все образованіе и воспитаніе, какое они старались дать имъ.

I. *Прежде всего, древніе христіане старались напечатлѣть въ дѣтскомъ умѣ живое познаніе Іисуса Христа.* Имя Спасителя дѣти впивали, такъ сказать, еще съ матернимъ молокомъ. Потому, въ самыхъ юныхъ лѣтахъ они безтрепетно исповѣдывали это святое имя предъ мучителями. Одного христіанскаго мальчика спрашивали: „откуда узналъ ты христіанское ученіе о единомъ Богѣ?“ Онъ отвѣчалъ: „мать моя научила меня, а она узнала отъ Бога; Святый Духъ наставилъ ее на сію истину для того, чтобы она внушала ее мнѣ въ моей колыбели; когда я питался грудью своей матери, тогда я и научился вѣровать во Христа“.

Хорошо ли поступаютъ теперь тѣ родители, которые отлагаютъ спасительныя внушенія вѣры до извѣстнаго времени, а къ приличіямъ свѣта пріучаютъ дѣтей чуть не съ колыбели?

II. *Вмѣстѣ съ понятіемъ объ Искупителѣ дѣтямъ внушали и высокое ученіе Его о таинствахъ вѣры и правилахъ богоугодной жизни*, какъ-то: о единомъ Богѣ, вѣчной жизни, силѣ смиренія и чистой любви къ Богу; говорили объ обязанностяхъ дѣтей подражать Господу въ смиреніи, имѣть страхъ Божій, почитать родителей и старшихъ; говорили о терпѣніи, прощеніи обидъ и незлобіи, скромности, стыдливости, смиреніи, покорности, молчаливости, благотворительности, состраданіи и цѣломудріи.

III. Нѣкоторые изъ христіанъ все умственное образованіе дѣтей ограничивали однимъ словомъ Божіимъ, воспрещая знакомство съ ученостію язычниковъ; другіе, напротивъ, не боялись вводить въ кругъ образованія христіанскаго юношества нѣкоторыя книги и науки, изучаемыя въ школахъ языческихъ.

Глубокія и обширныя познанія нѣкоторыхъ отцовъ церкви въ философіи, исторіи, естественныхъ и другихъ наукахъ, равнымъ образомъ бесѣды ихъ съ юношами о предметахъ ученыхъ показываютъ, что и сами они не были чужды, и дѣтей не хотѣли отчуждать отъ учености, лишь бы она не сопровождалась вредомъ для вѣры и христіанскаго благочестія. Поэтому во многихъ училищахъ и семействахъ позволяли дѣтямъ учиться поэзіи, музыкѣ, философіи, языкамъ, гражданскимъ и другимъ полезнымъ наукамъ. Василій Великій даже совѣтовалъ юношамъ знакомиться съ сочиненіями поэтовъ, историковъ, ораторовъ и вообще читать тѣ сочиненія писателей языческихъ, изъ которыхъ можно извлечь какую-нибудь пользу и назиданіе для души.

Впрочемъ, всѣ свѣтскія и житейскія науки были уже предметы *второстепенные, а главнымъ и первымъ предметомъ образованія было ученіе христіанское.* Сообразно съ цѣлію христіанскаго воспитанія, науки естественныя, опытныя и умозрительныя преподавались только достаточно утвержденнымъ въ ученіи христіанскомъ: притомъ, ихъ позволяли изучать не какъ предметъ одного любопытства, не по страсти къ пріобрѣтенію познаній, и не для славы и корысти, но только по той мѣрѣ, въ какой знаніе ихъ было нужно и полезно для добродѣтелей и для церкви. Во всѣхъ другихъ случаяхъ такія науки почитались неприличными для христіанина, излишними и даже вредными. Того почитали несчастнымъ, кто знаетъ все и не знаетъ Бога; того блаженнымъ, кто знаетъ Бога, хотя бы и не зналъ ничего другого.

IV. *Какъ древніе христіане учили дѣтей?* Когда наступало время учить дѣтей грамотѣ, имъ давали для чтенія Библію. Сажая за письмо, имъ давали въ руководство прописи, состоящія изъ изреченій св. писанія. Когда, послѣ сего, доходила очередь до устнаго катихизическаго изученія догматовъ вѣры и обязанностей христіанина, въ руководство по сему предмету опять давали дѣтямъ священное писаніе, задавая изъ него уроки для изученія на память. Дѣтская душа, начинавшая рядъ своихъ ощущеній и мыслей изученіемъ слова Божія, скоро свыкалась съ благочестивымъ занятіемъ, находила въ немъ для себя высокое наслажденіе и предпочитала его другимъ занятіямъ и удовольствіямъ. Блаженный Іеронимъ разсказываетъ объ одномъ христіанскомъ мужѣ, что, въ дѣтствѣ своемъ, онъ никогда не садился за столъ, не прочитавъ напередъ какого-нибудь отдѣленія изъ Библіи, никогда не ложился спать прежде, нежели кто-нибудь изъ окружающихъ его прочтетъ ему изъ нея какое-либо мѣсто. То же дѣлалъ онъ и поутру: едва окончитъ свою молитву, тотчасъ принимается за чтеніе Библіи. По приказанію своего отца онъ выучивалъ изъ нея нѣкоторыя мѣста наизусть. И такъ полюбилъ занятіе, что не довольствовался однимъ чтеніемъ читаемыхъ мѣстъ, а спрашивалъ своего отца, какое собственное значеніе того или другого изреченія. Подобныхъ примѣровъ много представляютъ древніе писатели, и изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что Библія была для дѣтей, какъ и для всѣхъ христіанъ, предметомъ тщательнаго и благоговѣйнаго изученія, и была предпочитаема всѣмъ другимъ книгамъ.

Священное писаніе было первою учебною книгою, такъ что писатели церковные, говоря о христіанскихъ училищахъ, называютъ ихъ училищами св. писанія, упражненіемъ въ божественныхъ писаніяхъ, а каждый домъ и семейство-христіанъ — церковію. „Если вы хотите, говорили учители церкви родителямъ, чтобы ваши дѣти слушались васъ, то пріучайте ихъ къ слову Божію. Душа, предназначенная быть храмомъ Божіимъ, должна пріучаться и слушать и говорить только то, что возбуждаетъ и поддерживаетъ страхъ Божій“. Послѣ божественныхъ книгъ отцы и учители церкви совѣтовали родителямъ давать дѣтямъ для чтенія сочиненія святыхъ отцовъ.

V. *Въ молитвѣ древніе христіане проводили наибольшую часть времени, пріучая къ тому и дѣтей своихъ.* Можно сказать, что вся жизнь ихъ была непрестанная молитва, или, какъ говоритъ Климентъ александрійскій, „торжественный святой праздникъ“.

Молитвой начинались и оканчивались всѣ ихъ занятія, начиная отъ важныхъ до самыхъ незначительныхъ, такъ что, когда обувались, надѣвали одежду, раздѣвались, учили дѣтей, возжигали огонь, садились или вставали съ мѣста, прогуливались и отдыхали, принимались за рукодѣлье, садились за столъ, вкушали пищу и выходили изъ-за стола, входили въ домъ и выходили изъ дома,—вообще при всякомъ дѣйствіи и состояніи, даже среди безмолвія ночи, вставая отъ сна, ограждали себя крестнымъ знаменіемъ и творили молитву. И въ этой непрестанной молитвѣ пребывали не одни возрастные, но призывали и дѣтей участвовать въ богослуженіи какъ общественномъ, совершаемомъ служителями церкви, такъ и домашнемъ, совершаемомъ главою семейства въ присутствіи всѣхъ обитателей дома; заставляли ихъ затверживать извѣстныя молитвы на память, пѣть гимны и псалмы при обыкновенныхъ ихъ занятіяхъ, вставать на молитву ночью.

VI. *Первенствующіе христіане удаляли дѣтей отъ всего, что могло возбудить въ нихъ нецѣломудренныя мысли и движенія.* Такъ, они дѣтямъ ни подъ какимъ видомъ не позволяли присутствовать на свадебныхъ пиршествахъ, общественныхъ зрѣлищахъ и играхъ; скрывали отъ нихъ соблазнительныя сочиненія языческихъ стихотворцевъ, трагедіи, комедіи, оперы и другія подобныя, предохраняли отъ знакомства съ свѣтскими пѣснями и сладострастною музыкою, удаляли отъ сообщества съ лицами другого пола, съ людьми зазорнаго поведенія. Въ отношеніи тѣла пріучали дѣтей къ скромности въ одеждѣ и другихъ внѣшнихъ украшеніяхъ, къ умѣренности, воздержанію и простотѣ въ пищѣ и питіи.

VII. Оградивъ дѣтское сердце отъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ соблазновъ, благочестивые воспитатели въ то же время употребляли и средства, которыя прямо служили къ насажденію и укорененію въ нихъ христіанскаго благочестія. *Первымъ изъ такихъ средствъ,* послѣ устнаго и письменнаго наставленія въ правилахъ христіанской дѣятельности, *былъ примѣръ благочестія,* который воспитатели показывали въ своей жизни, и которому обязывали подражать своихъ воспитанниковъ. „Помните, писалъ блаженный Іеронимъ родителямъ, помните, что лучше можно научить дитя примѣромъ, нежели словами“. Тотъ учитель самый холодный, который разсуждаетъ только на словахъ, ибо это свойственно не учителю, а комедіанту и лицемѣру. Потому-то апостолы учили сперва примѣромъ жизни, а потомъ словами. Даже не было нужды въ словахъ, когда они поучали самымъ дѣломъ. Примѣромъ учители и воспитатели побуждали дѣтей съ раннихъ лѣтъ упражняться въ чтеніи слова Божія; примѣромъ же учили ихъ исполнять христіанскія обязанности, изложенныя въ словѣ Божіемъ. Дѣти, находясь подъ кровомъ отеческаго дома, слышали и видѣли образецъ всѣхъ добродѣлей: непрестанное молитвословіе, дѣйствія глубокаго смиренія, презрѣніе міра, умѣренность и скромность въ одеждѣ и внѣшнихъ украшеніяхъ, воздержаніе въ пищѣ и питіи, цѣломудріе, постоянное упражненіе въ словѣ Божіемъ, справедливость, любовь, благотворительность и проч.

VIII. *Упражненіе дѣтей въ дѣлахъ благочестія* было однимъ изъ первыхъ средствъ къ утвержденію въ нихъ навыка къ христіанскимъ добродѣтелямъ. *Дѣти вездѣ и во всякое время участвовали въ благочестивыхъ дѣйствіяхъ своихъ родителей.* Совершалась ли домашняя молитва всѣми членами семейства,—въ ней участвовали и дѣти во всѣ часы дня и ночи, назначаемые для славословія Бога; собирались ли вѣрующіе въ храмъ Божій на общую молитву, въ извѣстные дни недѣли и часы дня, — они непремѣнно брали съ собой и дѣтей, пріобщали ихъ св. даровъ. Не только заставляли ихъ участвовать при общихъ молитвахъ и славословіи, *но пріучали ихъ пѣть нѣкоторыя молитвы самихъ по себѣ*, при всеобщемъ молчаніи вѣрующихъ. Церковь въ этомъ случаѣ была истиннымъ училищемъ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей и обязанностей, какъ по отношенію къ Богу, такъ и по отношенію къ ближнимъ, ибо здѣсь въ молитвахъ дѣти со всѣмъ обществомъ вѣрующихъ не только славили Бога и воздавали Ему должное поклоненіе, но и молились въ то же время о своихъ ближнихъ, вѣрующихъ, невѣрныхъ и готовящихся вступить въ общество вѣрующихъ, прося имъ всѣмъ у Бога всѣхъ лучшихъ благъ, даруемыхъ человѣку благодатію Божіею чрезъ вѣру.

IX. *Родители большею частію сами занимались воспитаніемъ и образованіемъ дѣтей своихъ.* Преимущественно же обязанность эту брали на себя *матери* семействъ, такъ какъ и природа вложила въ ихъ сердце болѣе нѣжности къ дѣтямъ, и внѣшнія занятія не отвлекаютъ ихъ отъ обязанностей семейныхъ, и, слѣдовательно, въ ихъ рукахъ болѣе средствъ къ благоуспѣшному воспитанію. Блаженный Іеронимъ писалъ къ одной благочестивой матери: „ты сама должна быть наставницею своей дочери; тебѣ должна подражать ея неопытная юность. Ни въ тебѣ, ни въ своемъ отцѣ она не должна видѣть ничего порочнаго“.

Воспитаніе входило въ составъ собственныхъ благочестивыхъ занятій отца и матери. Отцы церкви поставляли отцамъ семейства въ обязанность говорить и дѣлать только то, чрезъ что могъ бы назидаться въ благочестіи весь домъ ихъ, а матерямъ—охраняя домъ, преимущественно смотрѣть, какъ семейство дѣлаетъ то, что принадлежитъ небу.

Мать, носившая въ своемъ сердцѣ христіанскую жизнь, была истинной образовательницею дѣтей, въ христіанскомъ значеніи этого слова. Если Римъ и Спарта славились великодушіемъ нѣкоторыхъ матерей, то христіанство далеко превосходитъ ихъ домашними добродѣтелями матерей Оригена, Златоуста, Григорія назіанзена, Григорія нисскаго, Ѳеодорита, Августина, Климента анкирскаго и другихъ благочестивыхъ мужей христіанской древности.

Первенствующіе христіане сознавали, что *примѣръ благочестивой матери особенно силенъ.* Кто испыталъ истинную материнскую заботливость, тотъ не можетъ безъ сердечнаго умиленія слышать слова, произнесенныя однимъ благочестивымъ учителемъ къ своей матери, уже перешедшей въ страну вѣчности: „благодарю тебя, любезнѣйшая мать! Я вѣчно останусь твоимъ должникомъ. Когда замѣчалъ я твой взоръ, твои тѣлодвиженія, твое хожденіе предъ Богомъ, твои страданія, твое молчаніе, твои дары, твои труды, твою благословляющую руку, твою тихую, постоянную молитву, тогда, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, каждый разъ какъ бы вновь возрождалась во мнѣ жизнь духа—чувство благочестія, и этого чувства не могли послѣ истребить никакія понятія, никакія сомнѣнія, никакія обольщенія, никакіе вредные примѣры, никакія страданія, никакія притѣсненія, даже никакіе грѣхи. Еще живетъ во мнѣ эта жизнь духа, хотя уже протекло болѣе сорока лѣтъ, какъ ты оставила временную жизнь“.

X. *Первое мѣсто послѣ родителей въ дѣлѣ воспитанія занимали у древнихъ христіанъ воспріемники.* Они ручались предъ лицомъ Самого Бога за будущую вѣру и христіанскую жизнь крещаемыхъ, когда сіи достигнутъ возраста самосознанія. Поэтому церковь возлагала на нихъ обязанность учить воспринятыхъ ими отъ св. купели истинамъ вѣры и дѣятельности, и не только примѣромъ, но и словами наставлять ихъ на всякое доброе дѣло. Эту высокую и святую обязанность церковь поручала еще лицамъ извѣстнымъ ей по своей вѣрѣ и христіанской жизни, и потому способнымъ къ исполненію сей обязанности, и особенно посвятившимъ себя на служеніе Богу и церкви, какъ-то діаконамъ и діакониссамъ, монахамъ и посвященнымъ Богу дѣвамъ.

Въ домашніе учителя первенствующіе христіане избирали обыкновенно людей зрѣлыхъ лѣтъ и строгой жизни.

XI. *При воспитаніи дѣтей древніе христіане особенно дорожили первыми годами ихъ дѣтства,* дабы, предупредивъ время полнаго развитія разума и свободы, не всегда легко покоряющихся въ послушаніе вѣры и добродѣтели, самую природу дѣтей употребить въ оружіе для достиженія благихъ цѣлей, глубже напечатлѣть на дѣтской душѣ истины вѣры и расположеніе къ добродѣтели. *Когда дѣти были еще во чревѣ матернемъ, матери уже и тогда заботились о ихъ тѣлѣ,* опасаясь повредить имъ своею неумѣренною жизнію, *и о душѣ,* посвящая ее Господу и испрашивая у Него благословенія для рождавшагося дитяти. Какъ скоро начинало обнаруживаться въ дѣтяхъ сознаніе, то родители прежде всего старались внушать имъ вѣру въ Бога и любовь къ благочестію, дабы такимъ образомъ *предупредить вліяніе другихъ вредныхъ впечатлѣній,* овладѣвающихъ юною душою на цѣлую жизнь, и дать ей съ самыхъ первыхъ минутъ жизни благочестивое направленіе. „Душѣ, говорили учители церкви родителямъ, душѣ, съ первыхъ лѣтъ получающей впечатлѣнія слова Божія, трудно забыть страхъ Божій. Нѣжный возрастъ легко принимаетъ и, какъ печать на воску, напечатлѣваетъ въ душѣ то, что слышитъ, преимущественно съ этого времени жизнь дѣтей наклоняется къ добру или ко злу. Если, начиная отъ самыхъ дверей жизни, отводятъ ихъ отъ зла и наводятъ на путь правый, то добро обращается у нихъ въ господствующее свойство и природу, потому имъ не такъ легко перейти на сторону зла, когда сама привычка будетъ влечь ихъ къ добру. Отецъ небесный хотѣлъ, чтобы каждый возрастъ былъ совершенъ въ благочестіи, и не исключилъ изъ этой обязанности ни одного возраста, такъ что и самымъ малолѣтнимъ дѣтямъ обѣтовалъ побѣду надъ грѣхомъ“. Поэтому дѣти отъ самой колыбели были посвящаемы Богу, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, по обычаю церкви христіанской, наставляемы были въ священномъ писаніи, обращались съ учителями и благочестивыми мужами. Такое раннее воспитаніе приносило и плоды еще въ самыхъ раннихъ лѣтахъ дѣтей, ибо самыя малолѣтнія дѣти имѣли духъ и мужество являться предъ мучителями, исповѣдывать предъ ними свою вѣру въ Іисуса Христа и принять мученическую смерть за имя Его. (Сост. по статьѣ А. Невскаго, напеч. въ „Рус. духовно-нравств. христ.“ его же).

4. Духовное восхожденіе.

Ступивъ на лѣстницу, какъ потомъ восходятъ? Дѣйствуя руками и ногами, ступая то правою, то лѣвою ногою, и напрягаясь всѣми членами тѣла. Такъ и покаявшійся, и возымѣвшій благую рѣшимость угождать Богу, тотчасъ вступаетъ въ трудъ, требующій напряженія силъ, и душевныхъ и тѣлесныхъ, и безжалостнаго ихъ утомленія. Ему вѣдь необходимо противиться самому себѣ въ худомъ, нудить себя на добро, внимать себѣ и всему встрѣчающемуся, изъ многаго избирать лучшее, не отставать, не упреждать, не пропускать, отстранять препятствія, угадывать способы, усматривать враговъ и быть готовымъ бороться съ ними, не снимая съ себя оружія. Все это и подобное тому составляетъ трудъ борьбы со страстями и преуспѣянія въ добродѣтеляхъ, чѣмъ собственно и опредѣляется успѣшность восхожденія къ духовному совершенству; ибо что такое совершенство, какъ не искорененіе страстей и вкорененіе, вмѣсто ихъ, добрыхъ расположеній? И не одну ступень надо перешагнуть, пока этотъ трудъ кончится: не искоренишь вдругъ всѣхъ страстей и, слѣдовательно, не насадишь вдругъ всѣхъ добродѣтелей; то и другое совершается постепенно.

Говорятъ, что, чѣмъ выше отъ земли, тѣмъ меньше бываетъ тяготѣніе къ землѣ и, слѣдовательно, тѣмъ легче борьба съ своею тяжестію у того, кто восходитъ горѣ; а есть, говорятъ, и такая черта, за которою тѣла совсѣмъ перестаютъ тяготѣть къ землѣ, становятся, то-есть, совсѣмъ безъ тяжести. Такъ и въ степеняхъ совершенства духовнаго: чѣмъ кто выше въ немъ восходитъ, тѣмъ меньше тяготитъ его земное; другими словами: чѣмъ кто тверже становится въ добродѣтеляхъ, тѣмъ меньше борютъ его грѣхи и страсти; а есть и такая высота совершенства, гдѣ страсти почти совсѣмъ замираютъ, и душа наслаждается покоемъ пребыванія въ добрѣ, въ которомъ дѣйствуетъ уже безпрепятственно, свободно, непринужденно, естественно, какъ, напримѣръ, дыханіе и обращеніе крови. Но эта степень достигается уже тогда, когда въ душѣ совершенно укореняется всякая добродѣтель и возсіяваетъ безстрастіе и чистота. Это и есть небо духовное, верхній конецъ лѣствицы духовной. Достигшимъ этого предѣла принадлежатъ всѣ прописанныя Господомъ блаженства, верхомъ коихъ есть вселеніе Бога, видѣннаго Іаковомъ на верху лѣствицы. (Еп. Ѳеофанъ).

5. О вѣрности обѣтамъ, даваемымъ Богу.

Въ наше время многіе родители жалуются на тяжесть и обременительность многосемейной жизни, но въ прежнее время безчадіе у всѣхъ народовъ возбуждало скорбь супруговъ о своемъ одиночествѣ. Въ особенности въ богоизбранномъ еврейскомъ народѣ бездѣтность считалась великимъ лишеніемъ, даже гнѣвомъ Божіимъ. Безчадіе у евреевъ приносило безплоднымъ людямъ поношеніе и униженіе среди единоплеменниковъ. Насколько тяжело было благочестивымъ евреямъ переносить свое неплодство, всего лучше можно видѣть изъ жизни св. Богоотецъ Іоакима и Анны. Оба они были весьма благочестивые и богобоязненные, но Господу угодно было испытать ихъ вѣру и терпѣніе огорченіемъ безчадія, чтобы впослѣдствіи явить имъ величайшую Свою милость и содѣлать ихъ орудіями Своего домостроительства. Благочестивые супруги дожили до глубокой старости, однако не теряли надежды и вѣры во всемогущую силу Божію, способную разрѣшить ихъ неплодство. Они постились и пламенно молились Господу снять съ нихъ поношеніе, обѣщаясь посвятить рожденное у нихъ дитя на служеніе Господу. Господь услышалъ молитву праведниковъ и даровалъ Іоакиму и Аннѣ пречистую дщерь Марію, содѣлавшуюся одушевленнымъ Храмомъ Божіимъ. Всѣ старанія благочестивыхъ родителей теперь устремились къ тому, чтобы богодарованное имъ дитя отъ дня рожденія сохранить въ чистотѣ и нравственномъ совершенствѣ. Три года они воспитывали пренепорочную дѣву Марію дома, а потомъ, исполняя данное ими Богу обѣщаніе, отвели ее на жительство въ іерусалимскій храмъ. Здѣсь, вдали отъ суеты мірской, пречистая Марія и приготовлялась къ великому жребію содѣлаться Матерію Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа.

Поучительна и назидательна для насъ съ тобою, православный христіанинъ, жизнь св. праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны. При всемъ своемъ благочестіи они долгое время лишены были отъ Господа утѣшенія имѣть дѣтей. Посмотри, возлюбленный, какъ они терпѣливо переносятъ это лишеніе; обрати вниманіе на то, что они дѣлаютъ для полученія желаемаго! Усердно молятся Господу, подателю всѣхъ благъ, и даютъ обѣщаніе употребить во славу Божію просимое, а потомъ и вѣрно исполняютъ обѣщанное. Вотъ истинный образецъ для насъ, какъ нужно переносить постигающія насъ несчастія и лишенія! Вотъ живой урокъ, какъ мы должны относиться къ обѣтамъ, даваемымъ Господу! Обѣщаться въ чемъ-либо Господу—это великое дѣло. Нужно помнить, что мы изрекаемъ свое обѣщаніе предъ Существомъ высочайшимъ и всемогущимъ, Котораго трепещутъ небо и земля, Которое окружаютъ воинства ангеловъ, многоочитіи херувимы и шестокрылатіи серафимы. Какъ же страшно и грѣшно, давши обѣтъ Господу, послѣ не исполнить его! Это значитъ явить къ Нему, премилосердному, полное невниманіе, показать недостатокъ благоговѣнія къ владыкѣ неба и земли. Обѣщанное Господу принадлежитъ уже Ему, а обѣщанное и неисполненное—все равно, что отданное Богу, а потомъ самовольно взятое у Него. Если и вообще грѣшно нарушать свое доброе слово, то тѣмъ преступнѣе не исполнять своего обѣщанія Господу. Въ исторіи ветхозавѣтной церкви Божіей мы видимъ не мало примѣровъ, что всѣ, давшіе Богу обѣтъ, въ точности исполняли его, какъ бы это трудно ни было для нихъ. Вспомнимъ, что праведные Іоакимъ и Анна, давши обѣщаніе посвятить новорожденное дитя на служеніе Богу, не умедлили привести въ исполненіе это свое обѣщаніе. Они разстались съ единственною своею дочерью, они отдали величайшее утѣшеніе своей старости, не успѣвши еще достаточно насладиться имъ. Вспомнимъ, что такъ же поступила и мать пророка Самуила, обѣщавшая еще до рожденія посвятить его на служеніе Богу. А Іефѳай, судія еврейскаго народа? Отправляясь на войну съ врагами, онъ обѣщался въ случаѣ побѣды принести въ жертву Богу того, кто первый выйдетъ къ нему навстрѣчу изъ дому. Каково же было его изумленіе, когда первою встрѣтила его единственная дочь! Сколько нужно было употребить ему усилій надъ собою, чтобы не сдѣлаться нарушителемъ своего обѣта! Тою же вѣрностію обѣтамъ всегда отличались и святые угодники Божіи и подвижники церкви Христовой.

Приведемъ два примѣра строгаго соблюденія обѣтовъ.

Піоръ, ученикъ Антонія, оставляя домъ своего отца, принялъ обѣтъ, что онъ никогда опять не взглянетъ ни на кого изъ своихъ родственниковъ. Когда онъ провелъ 50 лѣтъ въ пустынѣ, его сестра узнала, что онъ еще живъ; она была слишкомъ слаба, чтобы отыскать его, но своими настойчивыми просьбами она тронула старѣйшихъ его, и Піору было приказано посѣтить ее. Прибывъ къ ея жилищу, онъ послалъ ей извѣстіе о своемъ прибытіи. Какъ только дверь отворилась, онъ закрылъ свои глаза и держалъ ихъ закрытыми во все время встрѣчи съ сестрой, и, давъ возможность своей сестрѣ увидѣть себя такимъ образомъ, онъ отказался войти въ ея домъ и поспѣшилъ обратно, въ пустыню. (Pallad. Hist. Laus. 87).

Другой инокъ, давши обѣтъ отреченія отъ міра, получивъ большую пачку писемъ изъ своего дома, съ которымъ онъ не имѣлъ никакихъ сношеній въ теченіе 15 лѣтъ, не раскрывая ихъ, сжегъ, чтобы содержаніе писемъ не развлекло его души, пробуждая воспоминаніе о домашнихъ. (Cass. De Coen. Inst. V, 32; сн. „Ист. хр. церкви," Робертсона въ пер. А. Лопухина, т. I, стр. 314—315).

А какія мученія и пытки претерпѣвали св. мученики за вѣрность обѣту, даваемому и каждымъ изъ насъ при св. крещеніи? Всѣ мы, православные христіане, при своемъ крещеніи даемъ обѣтъ служить Христу, сочетаться съ Нимъ на всю свою жизнь. О, если бы этотъ главный обѣтъ нашъ былъ всегда предъ очами нашими, дабы, сообразно ему, мы располагали всю свою жизнь! Къ сожалѣнію, многіе изъ насъ ежеминутно нарушаютъ заповѣди Христа, а иные даже забываютъ о нихъ совершенно и живутъ такъ, какъ будто они предъ Богомъ ничѣмъ не обязывались. Кромѣ сего, всякій изъ насъ пусть поспѣшитъ исполнить и другія обѣщанія, кто какія далъ Богу. Не откладывай, возлюбленный, исполненія ихъ до будущаго времени, ибо будущее находится не въ нашемъ распоряженіи, но во власти Бога. Что, если ты не доживешь до задуманнаго тобою времени? Что, если явишься на судъ предъ лицо Божіе неисполнившимъ своего обѣщанія, удержавшимъ при себѣ принадлежащее Ему, нелицепріятному Судіи? Тогда уже насъ не оправдаютъ тѣ маловажныя препятствія и извиненія, какими мы при жизни любимъ успокаивать свою совѣсть. Итакъ, если мы лѣнивы исполнять обѣщаемое предъ Богомъ, если мы постоянно обременены заботами житейскими, то лучше не будемъ скоры на обѣщанія. Пусть же каждый изъ насъ на будущее время, прежде чѣмъ произнести предъ Богомъ обѣтъ, хорошо обдумаетъ, достанетъ ли у него усердія и силъ свято и неукоснительно исполнить обѣщанное. Если кто чувствуетъ въ себѣ слабость, тотъ пусть обратится сначала съ простою молитвою къ Господу, у Него попроситъ себѣ помощи на всякое благое начинаніе и не возлагаетъ на себя бремя неудобоносимое. (Сост. съ дополн. по № 86 „Воскр. лист.", прилож. къ журн. „Воскр. день").

Декабрь мѣсяцъ.

6-й ДЕНЬ.

ПАМЯТЬ СВЯТИТ. И ЧУДОТВОРЦА НИКОЛАЯ, АРХІЕП. МѴРЪ-ЛИКІЙСКАГО.

Еванг. отъ Лук., зач. 24-е, гл. VI, 17—23 ст. [1].

1. О жизни и чудесахъ св. Николая Чудотворца, архіепископа мѵръ-ликійскаго.

Кто не слышалъ славнаго имени св. Николая Чудотворца? Кажется, весь міръ слышалъ о немъ. И почитаютъ Его не только христіане, но и язычники. Всѣ наши инородцы, оканчивая самоѣдами, кажется, прежде всѣхъ именъ христіанскихъ узнаютъ славное имя Николая Чудотворца. Несмотря на все это, однако, далеко не всѣ изъ насъ имѣютъ правильныя свѣдѣнія о немъ и его земной жизни. Посему благоволите выслушать краткую исторію его святой жизни.

---

[1] *Примѣч.* Объясненіе евангельскаго чтенія см. выше подъ 25 числомъ сентября.

Св. Николай родился въ г. Патарѣ (въ Малой Азіи) въ 257 году. Родители его—Өеофанъ и Нонна—были христіане. Они отличались благочестіемъ и милосердіемъ къ бѣднымъ, раздавая имъ свое богатство. Долго у нихъ не было дѣтей, но вотъ Господь даровалъ имъ сына, который былъ для нихъ великимъ утѣшеніемъ.

Съ раннихъ лѣтъ св. Николай полюбилъ чтеніе священныхъ книгъ и молитву, особенно въ храмѣ. И родители содѣйствовали развитію этихъ добрыхъ навыковъ въ немъ, а также и любви къ бѣднымъ. Когда возросъ св. Николай, въ Патарахъ епископомъ былъ дядя св. Николая. Видя добрую жизнь племянника, онъ уговорилъ его сдѣлаться священникомъ. Теперь помощь бѣднымъ для Николая стала обязанностью; и онъ совершалъ дѣла милосердія постоянно. По смерти же родителей, онъ роздалъ все свое наслѣдство на добрыя дѣла, на помощь нуждающимся, причемъ всячески старался дѣлать милостыню въ тайнѣ, помня слова Спасителя: *егда твориши милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя* (Матө. VI, 2). И многихъ онъ спасъ отъ грѣха своею благовременною помощію. Напримѣръ, жилъ въ Патарахъ одинъ бѣдный человѣкъ, бывшій прежде богатымъ. Не имѣя куска хлѣба, онъ задумалъ продать честь своихъ трехъ дочерей. Узнавъ о бѣдствіи этого человѣка, пресвитеръ Николай подошелъ ночью къ окну дома бѣдняка и бросилъ ему кошель съ золотыми. Едва могъ повѣрить такому неожиданному счастью бѣднякъ. Возблагодаривши Господа за такую милостыню, бѣднякъ выдалъ вскорѣ замужъ одну свою дочь. Узнавъ объ этомъ, св. Николай опять бросилъ кошелекъ съ золотомъ въ домъ бѣдняка. Старикъ палъ на колѣни и со слезами возблагодарилъ Бога и просилъ указать ему земного ангела. Потомъ онъ выдалъ замужъ вторую дочь. Когда же св. Николай бросилъ въ домъ бѣдняка золото въ третій разъ, онъ подстерегъ его, догналъ и возблагодарилъ его со слезами. Но св. Николай взялъ съ него клятву не разсказывать до времени объ этомъ никому.

Въ это время св. Николай управлялъ дѣлами епархіи за своего дядю, который путешествовалъ въ Іерусалимъ. Когда же епископъ возвратился, то и св. Николай отправился туда, причемъ по молитвѣ его утишилась на морѣ буря, грозившая погибелью ему и его спутникамъ. Въ Іерусалимѣ онъ поклонился Гробу Господню и обошелъ всѣ святыя мѣста земли той. Здѣсь ему такъ понравилось все, что́ онъ остался жить въ Сіонскомъ монастырѣ.

Но вотъ, въ одну ночь, стоя на молитвѣ, онъ вдругъ услышалъ голосъ, говорившій ему: „пойди къ народу и среди него прославь имя Божіе!“ Покоряясь волѣ Божіей, св. Николай съ готовностію отдать всѣ свои силы на служеніе церкви явился въ Мѵры, главный городъ ихъ области. Здѣсь въ то время находились всѣ епископы области, для избранія новаго архіепископа, вмѣсто умершаго. Затрудняясь выборомъ, они молились Господу, чтобы Онъ указалъ достойнаго. И вотъ, одинъ изъ старшихъ епископовъ, во время молитвы, увидѣлъ сіяющаго неземнымъ свѣтомъ мужа, который велѣлъ ему стать ночью у дверей церковныхъ и ожидать приходящихъ. Первый, кто войдетъ въ храмъ Божій, и есть избранникъ Божій, имя ему Николай. Объявивши о семъ откровеніи другимъ епископамъ, онъ пришелъ вмѣстѣ съ ними въ храмъ и сталъ у дверей. Св. же Николай, по обычаю своему, всталъ рано на молитву и первый пришелъ къ утрени. Епископъ спросилъ о его имени. Узнавши въ немъ указаннаго Господомъ, всѣ епископы провозгласили его архіепископомъ г. Мѵръ-ликійскаго. Народъ очень обрадовался сему чудному избранію, и въ тотъ же день св. Николай былъ посвященъ во епископа. Зная завѣщаніе Іисуса Христа, сказанное Его апостоламъ: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла,* и помня данное ему повелѣніе славить имя Божіе среди людей, святитель Николай весь отдался своему великому служенію. Двери его дома были всегда для всѣхъ открыты. Онъ былъ отцомъ сиротъ, утѣшителемъ страждущихъ и плачущихъ, помощникомъ больныхъ и обидимыхъ и милостивымъ раздаятелемъ всего, что имѣлъ. Языческіе императоры преслѣдовали тогда христіанъ и мучили ихъ. Св. Николай былъ для всѣхъ ободрителемъ и подкрѣпителемъ. За это его самого посадили въ темницу. И здѣсь онъ безбоязненно проповѣдывалъ о Христѣ Спасителѣ. Однихъ страдальцевъ онъ утѣшалъ, другихъ укрѣплялъ и всѣхъ наставлялъ. Съ восшествіемъ на императорскій престолъ царя Константина, гоненіе прекратилось, христіанство было объявлено свободнымъ вѣроисповѣданіемъ, тогда и св. Николай возвратился къ мѣсту своего служенія. Но вскорѣ потомъ открылось новое бѣдствіе церковное. Еретикъ Арій своимъ безбожнымъ ученіемъ объ Іисусѣ Христѣ смутилъ всю церковь. Для сужденія о семъ былъ собранъ первый вселенскій соборъ въ Никеѣ, гдѣ было до 318 епископовъ. Арій упорно и дерзко защищалъ свое нечестивое ученіе. Это такъ взволновало кроткаго св. Николая, что онъ, въ порывѣ ревности о Господѣ, нанесъ ударъ Арію. За это онъ подлежалъ лишенію сана, но видимая защита его Пр. Богородицею, простершею надъ нимъ въ воздухѣ омофоръ, избавила его отъ этого наказанія. Лжеученіе же Арія было осуждено, и онъ приговоренъ былъ къ изгнанію и потомъ былъ наказанъ Богомъ, пославшимъ ему страшную смерть. А св. Николай возвратился домой, продолжалъ укрѣплять въ вѣрѣ свою паству и помогать всѣмъ, чѣмъ только могъ, съ радостію совершая все это и для людей иныхъ мѣстъ. Такъ, однажды, по повелѣнію римскаго императора, три военачальника явились во Фригію для усмиренія мятежа. Ихъ войско, послѣ кораблекрушенія, предалось грабежу, отчего возгорѣлось еще большее нестроеніе. Но вотъ, къ спорящимъ явился св. Николай и примирилъ всѣхъ враждовавшихъ. Въ то же время начальникъ города Мѵры приговорилъ къ смертной казни трехъ невинныхъ жителей. Несчастные уже были приведены къ мѣсту казни, и одинъ изъ нихъ преклонилъ голову на плаху, а палачъ занесъ страшный мечъ. Но вдругъ явился св. Николай, удержалъ мечъ и отбросилъ его въ сторону. И никто не смѣлъ противиться ему, видя его дѣйствующимъ съ небесною силою. Самъ начальникъ повинился, и св. Николай простилъ его, видя его раскаяніе. Между тѣмъ, римскіе начальники были оклеветаны въ измѣнѣ и посажены въ темницу, а вскорѣ потомъ и приговорены были къ смерти. Тогда одинъ изъ нихъ вспомнилъ, какъ, въ ихъ присутствіи, святитель Николай избавилъ невинно осужденныхъ въ г. Мѵрахъ, и обратился съ молитвою къ Богу, Котораго чтилъ св. Николай, чтобы Онъ помогъ имъ оправдаться. И что же? Въ ту же ночь св. Николай явился во снѣ императору Константину и велѣлъ освободить невинныхъ страдальцевъ, причемъ онъ открылъ царю свое имя. Устрашенный царь, позвалъ страдальцевъ, которые убѣдили царя въ своей невинности. При этомъ они прославили св. Николая и повѣдали царю о видѣнномъ ими избавленіи св. Николаемъ невинныхъ отъ смертной казни въ г. Мѵрахъ. Послѣ сего царь не только освободилъ ихъ и возвысилъ, но и далъ имъ разные дары для передачи св. Николаю, какъ-то: евангеліе, обложенное золотомъ, золотую кадильницу и два золотыхъ подсвѣчника.

И много другихъ дѣлъ милосердія творилъ св. Николай, совершая все это съ великою кротостію и смиреніемъ. Бѣдные и несчастные находили въ немъ своего всегдашняго покровителя и утѣшителя. Язычники, видя его милость и слыша его вдохновенную проповѣдь, во множествѣ обращались ко Христу; еретики же и раскольники примирялись съ церковію Господнею, въ которой служилъ такой великій святитель.

Доживъ до половины восьмого десятка лѣтъ, святитель Божій скончался, послѣ непродолжительной болѣзни,—6 декабря (342 г.). Восхваляя его, св. церковь наша называетъ его „правиломъ вѣры, образцомъ кротости, учителемъ воздержанія“. Но въ особенности онъ славенъ своею щедродательностію и милостію, почему онъ и именуется нашимъ народомъ *милостивымъ Николою.*

Много дивныхъ чудесъ милости Божіей людямъ творилъ св. Николай при жизни, но еще большимъ даромъ чудотворенія наградилъ его Господь по смерти.

Вскорѣ же послѣ погребенія его въ г. Мѵрахъ стало собираться при гробѣ его множество народа, среди котораго совершались разныя чудеса. Но еще болѣе стали очевидными они тогда, когда перенесены были мощи святителя Божія. Это было около 800 лѣтъ тому назадъ.

На Мѵръ-ликійскую область тогда напали турки, которые немилосердно грабили все, брали людей въ плѣнъ и опустошали храмы Божіи. Также разоренъ былъ и тотъ храмъ, въ которомъ покоились мощи св. Николая.

Тогда св. Николай явился во снѣ одному священнику въ г. Барѣ (въ Италіи) и сказалъ ему: „передай духовенству и народу, чтобы взяли мои мощи изъ г. Мѵръ и перенесли сюда, ибо Богу не угодно, чтобы я оставался въ опустошенномъ городѣ“. Священникъ, конечно, исполнилъ это повелѣніе. И вотъ, жители города снарядили три корабля для перенесенія мощей св. Николая. Когда былъ открытъ гробъ святителя, то онъ оказался полнымъ благовоннаго мѵра, которое истекало изъ мощей Чудотворца. Наполнивъ мѵромъ сосуды и взявъ раку съ мощами, посланные привезли ихъ благополучно въ г. Баръ 9 мая 1087 года. Встрѣченныя жителями, св. мощи были поставлены въ церкви, и здѣсь-то совершилось множество разныхъ чудесныхъ исцѣленій: хромыхъ, глухихъ, слѣпыхъ, одержимыхъ разными другими болѣзнями, и потомъ совершался безконечный рядъ ихъ. Сюда до нынѣ многіе тысячи христіанъ путешествуютъ для молитвъ предъ мощами святителя и Чудотворца Николая, и многіе по вѣрѣ своей получаютъ разныя милости. И вотъ, востокъ и западъ, христіане и иныхъ вѣръ люди высоко чтутъ святителя, какъ дивнаго Чудотворца.

Въ старыхъ сербскихъ книгахъ разсказывается чудо объ исцѣленіи царскаго сына Стефана, которому св. Николай возвратилъ глаза, выколотыя по приказанію злой его мачехи при церкви св. Николая. Это исцѣленіе совершилось черезъ нѣсколько времени, въ сонномъ состояніи. Видя послѣ того всѣ предметы, царевичъ не сразу открылся о своемъ счастіи, но лишь тогда, когда онъ сдѣлался по смерти отца царемъ.

И въ нашихъ русскихъ лѣтописяхъ также имѣется множество разсказовъ о чудесахъ, совершенныхъ св. Николаемъ въ нашей странѣ. Вотъ почему и у насъ такъ много церквей и монастырей въ честь св. Николая Чудотворца. Можно даже сказать, что, куда бы ни шли русскіе люди на новое поселеніе, они брали съ собою иконы святителя Николая и прежде всего основывали тамъ часовни и храмы во имя Николая Чудотворца. Такъ было, напр., въ Казани и Астрахани.

Даже наши пустынныя сѣверныя тундры и Новая Земля удостоились неоднократно дивной помощи св. Николая Чудотворца. Такъ, напр., недавно было повѣдано міру, какъ св. Николай нѣсколькимъ самоѣдамъ, погибавшимъ въ безконечномъ пути и не имѣвшимъ пристанища и пищи, показалъ путь къ Никольскому скиту на Новой Землѣ, и какъ одинъ самоѣдинъ, оторванный отъ берега и уносимый на льдинѣ въ море, сталъ плакать и молиться св. Николаю, который и явился ему, вывелъ его на берегъ и потомъ скрылся. Въ благодарность онъ поставилъ потомъ ему свѣчу. При этомъ, пораженный сходствомъ спасшаго его старца съ написаннымъ на иконѣ, онъ пришелъ въ такой ужасъ, что у него задрожали руки, и едва онъ могъ поставить свѣчу. При воспоминаніи же о семъ у него на глазахъ показывались слезы. Вообще, видимо, святитель Божій Николай сдѣлался неоскудѣвающимъ источникомъ милостей для всѣхъ обращающихся къ нему за помощію съ горячею молитвою.

Св. Димитрій Ростовскій такъ заключаетъ свое сказаніе о Николаѣ Чудотворцѣ: „Многа великая и преславная чудеса великій сей угодникъ Божій сотвори по земли и по морю, въ бѣдахъ сущимъ помогая, отъ потопленія спасая, и изъ глубины морскія на сухо износя, отъ плѣненія восхищая, отъ узъ и темницъ избавляя и отъ смерти свобождая, и многимъ многая подаде исцѣленія: слѣпымъ зрѣніе, хромымъ хожденіе, глухимъ слышаніе, нѣмымъ глаголаніе. И нынѣ такожде призывающимъ его помогаетъ и отъ бѣдъ избавляетъ. Его же чудесъ яко нѣсть мощно исчести, сице ниже удобно вся подробну предати писанію“.

Братіе христіане! Кто изъ насъ не имѣетъ какихъ-либо нуждъ и печалей? Кто, наконецъ, изъ насъ не нуждается въ милостивой помощи ко спасенію отъ грѣховъ, въ дивномъ направленіи ко святой жизни и мирному христіанскому исходу отъ сей жизни и водворенію со святыми? Будемъ посему усердно молиться о скорой и милостивой помощи намъ святителя и Чудотворца Николая.

Святая церковь наша, воспѣвая и прославляя чудеса св. Николая, научаетъ насъ такъ взывать къ нему съ умиленіемъ: „О, преизящный и предивный Чудотворче Николае! Тебе прославляемъ и тебе величаемъ, яко надежду всѣхъ христіанъ, источника чудесъ, защитителя вѣрныхъ, премудраго учителя, алчущихъ кормителя, плачущихъ веселіе, нагихъ одѣяніе, болящихъ врача, по морю плавающихъ управителя, плѣнниковъ свободителя, вдовъ и сиротъ питателя и заступника, цѣломудрія хранителя, младенцевъ кроткаго наказателя, старыхъ укрѣпленіе, постниковъ наставника, труждающихся успокоеніе, нищихъ и убогихъ изобильное богатство! Услыши насъ молящихся тебѣ, сохрани обитель сію и градъ сей и всякую страну христіанскую отъ всякихъ враговъ, губительства, труса, града, глада, потопа, огня, меча, нашествія иноплеменниковъ, и отверзи намъ двери милосердія Божія, да сподобимся видѣти благая на земли живыхъ, славяще Отца и Сына и Святаго Духа, единаго въ Троицѣ славимаго Бога, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. Аминь. (Изъ „Поучен.“ Никанора, еписк. смоленск.).

2. **Никола спасъ.**

(Разсказъ).

Гудитъ и стонетъ вьюга... Вѣтеръ со свистомъ несется по полю, мететъ снѣгъ и съ вихремъ крутитъ его. Горе путнику въ такую погоду... Дороги всѣ засыпало, по полю бѣшено носится вихрь, который слѣпитъ глаза, пронизываетъ тѣло и, какъ иглами, колетъ лицо, заметаетъ свѣжій слѣдъ снѣжною пылью и быстро уносится далѣе, жалобно завывая, какъ стая голодныхъ волковъ...

По большой дорогѣ, отъ уѣзднаго городка N. шелъ молодой путникъ, въ нагольной дубленой овчинной шубѣ и съ холщевою котомкою на спинѣ. Несмотря на разыгравшуюся непогоду, онъ смѣло и бодро шагалъ впередъ, съ полной надеждой на то, что къ вечеру будетъ въ своей деревнѣ, въ родной и теплой избѣ, гдѣ давно ждутъ его нѣжно-любимая жена, малютки дѣти и старикъ отецъ...

— Господи, ну и погодка же разыгралась, просто хоть не иди!—раздумывалъ путникъ, и плотнѣе укутывалъ новымъ цвѣтнымъ шарфомъ шею и голову; но снѣгъ со всѣхъ сторонъ съ вихремъ набѣгалъ на него и залѣплялъ ему лицо.

— Миръ тебѣ дорога, землякъ!—вдругъ раздался почти надъ самой его головой чей-то грубый, сипловатый голосъ.

Путникъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, обернулся назадъ и, къ удивленію своему, увидалъ предъ собою рослаго мужика, въ старой, рваной шубенкѣ.

— И тебѣ также,—отвѣтилъ онъ.

Они нѣсколько минутъ прошли молча.

— Куда идешь, другъ? чай поди иззябъ ты въ этой шубенкѣ-то?—спросилъ путникъ новаго товарища.

— Нѣтъ, ничего... А я и позабылъ спросить: куда ты идешь?

— Домой... къ празднику спѣшу...

— Такъ. И я домой... а чей же ты будешь?

— Изъ села Васильевскаго.

— А я изъ Казурина... недалече отъ васъ, чай знаешь?

— Какъ же не знать,—верстъ пять отъ насъ будетъ.

— Вотъ намъ и по пути съ тобой... и итти-то веселѣе... Небось, къ празднику-то и деньжонокъ несешь домой?

— Какъ же, побольше двухъ красненькихъ несу,—чай, самъ ты знаешь, что онѣ въ деревнѣ-то нужны, а въ особенности къ такому празднику...

— Оно, конечно, вѣрно, что онѣ нужны... Ты, вотъ, домой несешь деньги, а я съ пустыми карманами иду... за всѣми, братъ, не угоняешься!—произнесъ новый товарищъ и подумалъ про себя: „подожди, дружокъ, дай намъ только войти въ лѣсъ, тамъ узнаемъ, сколько у тебя деньжонокъ-то!“

Они, разговаривая, и не замѣтили, какъ уже вошли въ лѣсъ, въ которомъ было тихо, не такъ, какъ въ полѣ. Незнакомецъ отсталъ отъ молодого путника, который и не думалъ ни о какой опасности, а она надвигалась надъ его головой. Онъ думалъ, какъ бы ему поскорѣе притти домой. „Вотъ Танька-то съ Ванькой какъ обрадуются гостинцамъ, да и жена поблагодаритъ за платокъ... чай, поди, ждутъ меня не дождутся, когда я при...“, какъ вдругъ размышленья его прервались на полусловѣ, и онъ почувствовалъ ударъ въ голову. Бѣдняга только что хотѣлъ обернуться назадъ, какъ вторичный ударъ лишилъ его всякаго сознанія. Онъ только и могъ вскрикнуть: „Святый Никола, спаси меня!“—и безъ чувствъ упалъ на пушистый снѣгъ.

Разбойникъ снялъ сумку, шубу, осмотрѣлъ карманы и за руки стащилъ свою жертву въ сторону отъ дороги. „Ну, вотъ теперь и я богатъ!“—проговорилъ онъ самъ съ собою, выходя на дорогу. Но не прошелъ онъ и четверти версты, какъ услыхалъ позади себя чей-то стонъ. Онъ остановился, прислушался и подумалъ: „а вѣдь, это онъ стонетъ, оживѣлъ, итти развѣ доколотить его... да, надо итти добить!“—сказалъ про себя разбойникъ и вернулся, чтобы довершить свое преступное дѣло. Болѣе двухъ часовъ ходилъ онъ по одному и тому же мѣсту, ища убитаго и ограбленнаго имъ путника, но никакъ не могъ найти, хотя и слышалъ его стонъ возлѣ себя. „Что за чудо, ужъ не лукавый ли меня плутаетъ!“—подумалъ разбойникъ, остановясь среди дороги.

Въ эту минуту до его слуха долетѣлъ скрипъ полозьевъ саней. „Никакъ кто-то ѣдетъ? да, такъ и есть... Попрошу ихъ довести меня, а онъ — можетъ, замерзнетъ, либо волки съѣдятъ...“ — проговорилъ про себя разбойникъ и обернулся назадъ. Онъ увидѣлъ лошадь, запряженную въ сани, и двухъ мужичковъ. Когда они поровнялись съ нимъ, онъ поклонился и спросилъ ихъ:

— Почтенные, гдѣ мнѣ тутъ въ Казурино пройти?

— Садись съ нами, довеземъ, если ты вина купишь...

— Куплю!—проговорилъ разбойникъ и сѣлъ въ сани. Мужики собрались было ѣхать, какъ въ ту же минуту они услыхали въ сторонѣ отъ дороги чей-то слабый человѣческій стонъ. Они остановили лошадь и смекнули, что тутъ дѣло не совсѣмъ-то ладно.

— Игнатъ, сходи, посмотри туда, кто тамъ стонетъ.

Мужикъ, называемый Игнатомъ, вылѣзъ изъ саней и пошелъ въ ту сторону, откуда слышался стонъ. Разбойникъ тѣмъ временемъ хотѣлъ было выпрыгнуть изъ саней и скрыться, но сидѣвшій въ саняхъ мужикъ замѣтилъ это и, схвативъ разбойника за воротъ шубы, сказалъ:

— Нѣтъ, братъ, не уйдешь... Ты, знать, здѣсь христіанскую душу погубилъ?!

Между разбойникомъ и мужичкомъ завязалась ожесточенная борьба. Разбойникъ одержалъ верхъ, быстро выпрыгнулъ изъ саней и поспѣшно скрылся въ лѣсу.

„Ну, и здоровъ же онъ, проклятый! — отдуваясь, подумалъ мужикъ, — ишь ты, вѣдь, и сумку тутъ оставилъ...“

— Гдѣ же онъ?—проговорилъ вернувшійся Игнатъ.

— Убѣжалъ.

— А, вѣдь, знать онъ ограбилъ нашего Николая... Вонъ, онъ тамъ чуть живехонекъ лежитъ...

— Какого нашего?

— Ивана Евстигнѣева сына...

— Да неужто правда?...

— Право слово.

— Такъ пойдемъ, принесемъ его и свеземъ домой...

Оба мужика торопливо скрылись за деревьями, оставивъ лошадь одну, и минутъ черезъ пять вернулись, неся на рукахъ еле живого своего однодеревенца; они бережно положили его въ сани, укутали халатами и уѣхали.

Черезъ часъ Николай былъ въ теплой избѣ, въ кругу рыдающихъ—любимой жены, дѣтей и старика отца.

Дня черезъ три—четыре онъ оправился и разсказалъ своимъ домашнимъ, какимъ чудомъ онъ остался живъ.

— Когда меня разбойникъ стащилъ съ дороги въ лѣсъ, я не помню и не знаю, долго ли я пролежалъ. Когда же очнулся, открылъ глаза, то возлѣ себя я увидалъ какого-то старичка, который заботливо согрѣвалъ меня и дотрогивался своей рукой до ушибленнаго мѣста. Вотъ, слышу я, кто-то подходитъ ко мнѣ. Ну, думаю, это онъ, убьетъ меня... смотрю, нѣтъ, не онъ, а нашъ Игнатъ... Сидѣвшій старичокъ тутъ же пропалъ куда-то!..—такъ закончилъ свой правдивый разсказъ Николай и набожно перекрестился,

Что же сталось съ убійцей? Его вскорѣ нашли въ лѣсу растерзаннымъ волками; очевидно, онъ заблудился въ ту ночь и понесъ достойное возмездіе за свое преступленіе („Кормчій“ 1899 г. № 49).

3. Разсказъ объ освобожденіи изъ плѣна казака Герасима Жолуба.

(Дѣйствительное происшествіе).

Дѣло происходило въ 1851 году, въ эпоху кровавой борьбы русскихъ съ черкесами. Черкесы нерѣдко нападали на станицы и, при удачѣ, захватывали въ плѣнъ жителей: казаковъ, ихъ женъ и дѣтей. Не мало казаковъ въ то время томилось въ плѣну у черкесовъ. Попался въ плѣнъ и казакъ Н—ской станицы, Герасимъ Жолубъ. Три года онъ пробылъ въ Дженджиріевскомъ аулѣ. Дни за днями проходили въ работахъ, подъ наблюденіемъ черкесовъ, а на ночь плѣнникъ былъ приковываемъ цѣпью по рукамъ и ногамъ къ колодѣ. Невыносимо тяжело томиться въ плѣну, да еще у такихъ дикарей, какъ черкесы, питавшихъ въ то время неумолимую ненависть къ русскимъ. Какія лишенія испытывалъ плѣникъ — неизвѣстно, между прочимъ, передавалъ только Жолубъ, что маленькіе татарчата часто подходили къ нему, очевидно научаемые своими матерями, и горячимъ желѣзомъ „штрикали“ его по рукамъ и ногамъ... Невыразимая тоска по родинѣ охватывала душу плѣнника, и чего бы онъ не далъ, чтобы выбраться на родину, но увы! побѣгъ изъ плѣна былъ невозможенъ, такъ какъ онъ всегда находился подъ строгимъ надзоромъ, да при томъ прикованный цѣпью къ колодѣ. Къ кому обратиться за помощью при такихъ обстоятельствахъ? Къ кому же, какъ не къ Богу, живому и крѣпкому, и къ Его угодникамъ!. И вотъ, плѣнникъ съ жаркою молитвою и съ горькими слезами взмолился къ защитнику угнетенныхъ:

— Святый отче Николае! умоли Господа, помози мнѣ избавиться отъ плѣна—и я не захочу никакихъ наградъ на землѣ!.. Я буду работать только для спасенія души.

И вотъ, совершилось нѣчто чудесное. Послѣ этой молитвы плѣнника, къ нему подходитъ старикъ, лѣтъ 80, и говоритъ ему:

— Бѣги, казакъ, изъ плѣна!

Считая его за выпытчика, подосланнаго съ цѣлью испытать плѣнника, Жолубъ сказалъ:

— Какъ же я могу убѣжать, будучи прикованъ?

Тогда старикъ подошелъ ближе къ плѣннику и съ волненіемъ и слезами на глазахъ сказалъ:

— Не бойся меня, я самъ русскій—бѣглецъ изъ военной службы... Здѣсь я живу очень давно: у меня здѣсь четыре сына... Теперь я чувствую приближеніе смерти, скорблю по родинѣ, по вѣрѣ православной,—но вернуться мнѣ на родину поздно... не сегодня — завтра постигнетъ меня смерть... Теперь я вспоминаю свои грѣхи и думаю, что если я помогу тебѣ уйти изъ плѣна, то, можетъ - быть, Господь проститъ мнѣ сколько-нибудь прегрѣшеній!

Услышавъ эти слова и слезы старика, Жолубъ болѣе уже не сомнѣвался и сказалъ:

— Но какъ же я освобожусь отъ цѣпей?

— Молись Богу—Богъ поможетъ... А теперь я уйду, а не то замѣтятъ насъ черкесы!—сказалъ старикъ и ушелъ.

Черезъ нѣкоторое время, когда уже начало смеркаться, приходитъ молодая черкешенка и пробуетъ ключами замки на цѣпяхъ; затѣмъ связку этихъ ключей она отдаетъ маленькому ребенку, лѣтъ 3-хъ, притащившемуся за нею, Наигравшись ключами, ребенокъ бросилъ ихъ здѣсь же. Увидавши ключи возлѣ себя, Жолубъ поперемѣнно чувствовалъ въ душѣ то радость и надежду, то страхъ и опасность. Поднявъ, чрезъ нѣкоторое время, ключи, Жолубъ отомкнулъ замки на рукахъ и ногахъ, а затѣмъ, положивши три земныхъ поклона, направился прямо на востокъ. Собаки подняли лай, но время оказалось благопріятное для бѣглеца: аулъ занятъ былъ свадьбою. Но, тѣмъ не менѣе, часа черезъ полтора поднялась въ аулѣ тревога и погоня за бѣглецомъ.

Четыре дня посреди великихъ опасностей и лишеній прошли для Жолуба, пока онъ достигъ Кубани. Однако, берегъ Кубани, къ которому прибился бѣглецъ, былъ безлѣсенъ и только одинъ кустъ торчалъ на полянѣ. Жолубъ влѣзъ въ средину куста, ожидая удобнаго времени, чтобы безопасно переправиться на другой, уже русскій берегъ Кубани... Но вотъ послышался скрипъ татарскихъ арбъ, говоръ, лай собакъ—и затѣмъ къ роковому кусту подбѣгаетъ стая собакъ и начинаетъ лаять.

„Ну, теперь гибель моя неизбѣжна!“ думаетъ Жолубъ, сидя подъ кустомъ; и на этотъ разъ снова вознесъ усердную молитву Богу, давая обѣтъ посвятить свою жизнь спасенію души и еженедѣльному, по субботамъ, поминовенію своихъ усопшихъ родителей. И вотъ, вдругъ изъ куста выскочилъ заяцъ и помчался по направленію къ лѣсу; собаки съ громкимъ лаемъ помчались за зайцемъ. Мало-по-малу лай псовъ и скрипъ арбъ утихъ, и бѣглецъ, переплывши Кубань, достигъ русскихъ поселеній.

Свой побѣгъ изъ плѣна Герасимъ Жолубъ всецѣло приписываетъ божественному Промыслу и заступничеству чудотворца, святителя Николая, таинственными путями расположившаго сердце находившагося среди черкесовъ русскаго перебѣжчика къ покаянію и оказанію помощи плѣнному соотечественнику. Точно также, появленіе женщины съ ключами отъ цѣпей, оставленіе ключей, появленіе въ смертельно-опасную минуту зайца, отвлекшаго вниманіе псовъ отъ находившагося подъ кустомъ бѣглеца,—все это Герасимъ Жолубъ приписываетъ чудесному заступничеству предъ Богомъ великаго чудотворца Николая. Да и кому изъ людей вѣрующихъ, ознакомившихся съ этимъ безыскусственнымъ расказомъ о побѣгѣ плѣнника, побѣгъ этотъ не покажется чудеснымъ? Конечно, не безъ энергіи, трудовъ и лишеній со стороны самого Жолуба совершился этотъ побѣгъ: пробираясь непроходимыми лѣсами и тропинками, среди терновника и боярышника, онъ прибылъ къ русскимъ весь окровавленный и израненный тернами и шипами. Но что значили эти раны и царапины — въ сравненіи съ тою радостью, которую почувствовалъ плѣнникъ, теперь уже свободный, при видѣ родины, родичей и св. храмовъ? И вотъ теперь, по освобожденіи изъ плѣна, Жолубъ, дѣйствительно, всю свою жизнь посвятилъ, согласно обѣту, спасенію своей души и еженедѣльному поминовенію усопшаго родителя (мать была еще жива). Начальство представило Жолуба къ наградѣ и пенсіи,—но, согласно своего обѣта, онъ не пожелалъ ни награды, ни пенсіи. Объ этомъ было доведено (по словамъ его сына, Іосифа Жолуба) до свѣдѣнія Государя, который повелѣлъ выдать 100 рублей его матери. („Кормчій“ 1899 г., № 50).

4. Къ кому особенно милостивъ св. Николай?

Св. церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ прославляетъ святителя Николая, какъ алчущихъ кормителя, обуреваемыхъ на морѣ изряднаго правителя и скораго помощника всѣмъ, находящимся въ бѣдахъ и скорбяхъ. И дѣйствительно, дѣла христіанскаго милосердія были, такъ сказать, призваніемъ св. Николая,—они проявились у него еще съ раннихъ лѣтъ. Такъ, онъ роздалъ бѣднымъ свое имущество, доставшееся ему по смерти родителей. Когда же онъ поставленъ былъ епископомъ мѵръ-ликійскимъ, то и церковное имущество и свое личное употреблялъ на дѣла милосердія. Однимъ изъ такихъ дѣлъ онъ спасъ отъ позора и беззаконія цѣлое семейство. При этомъ онъ не дожидался, пока придутъ къ нему съ просьбою нуждающіеся, а самъ разыскивалъ таковыхъ и старался оказывать свою помощь тайно. Зато и сподобилъ Господь Богъ Своего вѣрнаго раба такой славы, какая выпадаетъ на долю очень немногимъ. — Но къ кому особенно былъ милостивъ св. Николай? Кому преимущественно онъ благотворилъ и оказывалъ помощь?—Преимущественно тѣмъ, которые любили его, чтили память его и посѣщали храмъ Божій.

Вотъ какой замѣчательный случай разсказываетъ въ своихъ запискахъ одинъ сельскій священникъ.

Одинъ прихожанинъ его, крестьянинъ, имѣлъ сильную любовь къ церкви Божіей: если ударъ праздничнаго колокола заставалъ его за какою-либо работой, хотя бы и спѣшною, онъ тотчасъ же бросалъ ее и шелъ со всѣмъ семействомъ въ храмъ Божій. Насталъ храмовой праздникъ св. Николая,—заблаговѣстили къ обѣднѣ. Благочестивый поселянинъ встрепенулся, сталъ спѣшно собираться въ церковь и замѣтилъ, что у его жены еще пироги не посажены въ печь. „Смотри, жена,—сказалъ онъ ей внушительно,—какъ бы тебѣ изъ-за пироговъ не остаться для праздника безъ обѣдни!“ А самъ взялъ ребенка и ушелъ. Жена управилась, взяла другого малютку и поспѣшила къ службѣ.—Окончилась обѣдня, и всѣ пошли по домамъ. Подходятъ и наши добрые богомольцы къ своему дому и видятъ, что ворота немножко пріотворены; идутъ далѣе,—сѣни тоже отворены, а въ избѣ, слышно, кто-то бродитъ и шаритъ руками... Тутъ только хозяйка вспомнила, что, поспѣшая въ церковь, чтобы застать начало обѣдни, она забыла запереть ворота. Предполагая, что въ избѣ недобрый человѣкъ, хозяева не рѣшились сразу войти туда, а пригласили сосѣдей. И вотъ, отворивши дверь въ избу, они видятъ, что извѣстный въ ихъ селѣ воръ, глядя во всѣ глаза, ощупываетъ стѣны и ищетъ выхода. „Какъ ты сюда попалъ?“ стали допрашивать его. Тотъ откровенно сознался, что, замѣтивъ неприпертыя ворота, онъ хотѣлъ этимъ воспользоваться, чтобы что-нибудь украсть: „я видѣлъ, какъ хозяева пошли въ церковь,— говорилъ онъ, — и былъ увѣренъ, что никого нѣтъ дома. Но только что вошелъ я въ избу, какъ слѣдомъ за мною входитъ низенькій сѣденькій старичокъ въ красной бархатной одеждѣ церковной и, взглянувъ на меня, строго говоритъ мнѣ: „какъ?! Эти добрые христіане пошли ко мнѣ на праздникъ и второпяхъ забыли припереть свой домъ, а ты и радъ случаю, чтобы ихъ обворовать?!“ И при этихъ словахъ старецъ быстро ударилъ меня по лицу такъ, что сразу у меня потемнѣло въ глазахъ, и я все потерялъ изъ виду... Вотъ и сейчасъ ничего не вижу и выхода не найду“... Такъ разсказывалъ о себѣ обличенный на мѣстѣ преступленія тотъ недобрый человѣкъ. Его судили и присудили за покушеніе на кражу въ Сибирь на поселеніе. Отправляясь туда, онъ пожелалъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни зайти въ сельскій храмъ помолиться. Когда подвели его къ мѣстной иконѣ святителя Николая, чтобы ему приложиться, онъ вдругъ прозрѣлъ и въ строгомъ ликѣ угодника Божія на иконѣ узналъ того старца, который обличилъ его поступокъ и наказалъ слѣпотою.

5. Городъ Бари (въ Апуліи) и мощи святителя Николая, мѵрликійскаго чудотворца.

Городъ Бари, знаменитый пребываніемъ въ немъ великой христіанской святыни *честныхъ и многоцѣлебныхъ мощей свят. Николая, мѵрликійскаго чудотворца*, находится въ юго-восточной части Италіи, въ области Апуліи, на берегу Адріатическаго моря.

Сюда спѣшатъ паломники, чтобы на мѣстѣ нынѣшняго покоища великаго угодника Божія вознести къ нему свой молитвенный гласъ, прильнуть устами къ его честному гробу и принять благодатное освященіе отъ него въ непосредственной близости къ святымъ и многоцѣлебнымъ мощамъ его. *Храмъ св. Николая въ Бари* представляетъ величественную базилику (продолговатой формы), раздѣляющуюся двумя рядами изящныхъ колоннъ на три нефа, или корабля, которые заканчиваются на восточной сторонѣ тремя абсидами (полукружіями). Въ среднемъ абсидѣ устроенъ главный престолъ, который стоитъ вверху гроба св. Николая. Весь онъ серброкованъ и украшенъ искусной рѣзьбой; онъ отдѣляется отъ средней части храма изящными колоннами изъ блѣдно-розоваго мрамора. Его осѣняетъ такого же цвѣта мраморный, весьма художественной работы, киворій. На самомъ престолѣ стоитъ большая статуя св. Николая, изображающая его, впрочемъ, не православнымъ, а католическимъ епископомъ. Съ лѣвой стороны алтарной рѣшетки находится серебряная чаша съ манною, истекающею отъ мощей св. Николая, какъ вода; изъ нея католическіе священники помазываютъ приходящихъ крестообразно. Для поклоненія мощамъ сходятъ въ *нижнюю церковь,* или *крипту,* въ которой находится и гробъ св. угодника Божія. Сперва священники католическіе читаютъ краткую литанію (молитву) св. Николаю. Затѣмъ наступаетъ торжественная минута созерцанія *мѵроточивыхъ останковъ угодника Божія, св. Николая.* Священникъ, совершавшій литанію, растворяетъ небольшія дверцы въ передней сторонѣ главнаго престола крипты и, взявъ свѣчу съ огнемъ, налѣпленную на тонкую и длинную палочку, подлѣзаетъ подъ крышу престола въ упомянутыя дверцы до пояса и чрезъ небольшое отверстіе, продѣланное въ мраморной крышкѣ гроба, внутри его зажигаетъ лампаду, а потомъ уже даетъ позволеніе поочередно всѣмъ богомольцамъ подлѣзать подъ ту же крышку престола и своимъ окомъ на нѣсколько минутъ приникнуть къ отверстію въ гробѣ, чтобы видѣть дорогое для насъ содержимое. Въ преизбыткѣ чувства благодарнаго сердца паломники проливаютъ надъ мраморной плитой обильныя слезы и осыпаютъ ее благоговѣйными поцѣлуями. Что же заключаетъ въ себѣ этотъ драгоцѣнный гробъ? Вотъ простой, безыскусственный разсказъ одного изъ нашихъ соотечественниковъ: „Влѣзохъ же, говоритъ онъ, и азъ по немъ (католич. священникѣ) и мнѣхъ раку отверсту быти, якоже въ нашихъ странахъ повсюду рака отворяется, тамо же не тако: рака бо мощей никако же отверзается, понеже отъ мрамора изсѣчена толсто и широко, яки нѣкій сосудъ, или ковчегъ, и глубоко въ землю, яко на пять пядей, равно съ подножіемъ престола поставлена недвижимо и доскою великою мраморною привалена крѣпко; сквозь же оной дски мраморной сверху есть оконце просѣченное не великое, яко можетъ рубль покрыти его. Бысть же надъ онымъ оконцемъ на цѣпочкѣ желѣзной внутрь зажженная свѣща и завѣшена глубоко, яко до половины раки. И влѣзши азъ тамо внутрь, положихъ око надъ оною дирицею (скважиной), и видѣхъ раку оную мраморну, глубочаѣ лактя въ землѣ, яки кладязь до половины воды или манну имущую, яже аки наичистѣйшая вода свѣтла есть, и сквозь ю подъ спудомъ зрятся аки бы кости бѣлыя, отъ нихже она вода исходитъ непрестанно, тѣла же нѣсть, но все растлися, глаголютъ, въ мѵро, и кости немощно познати, отъ каковаго члена суть, понеже не на своемъ мѣстѣ лежатъ... Тогда мы за вся, яже видѣхомъ и слышахомъ, воздахомъ благодареніе Богу и Его угоднику, св. Николаю“ [1]). По желанію благочестивыхъ паломниковъ, изъ гробницы великаго чудотворца можетъ быть извлечено для нихъ цѣльбоносное мѵро св. Николая, или „святая манна“. Мѵро это, или „св. манна“ Николая, извлекается изъ раки святителя такъ: чрезъ отверстіе раки опускается въ нее на тонкомъ снурѣ корецъ, которымъ и зачерпывается оное мѵро, или же губка, которая напитывается симъ мѵромъ. Вынутая губка затѣмъ выжимается, надъ особымъ серебрянымъ сосудомъ. Отсюда она дается всѣмъ желающимъ ее испить, или же разливается въ разнообразные пузырьки и флакончики и распродается богомольцамъ въ большомъ количествѣ.

---

[1]) Странств. В. Григоровича-Барскаго, стр. 83—85. СПБ., изд. 1885 г.

Удовлетворивъ своей духовной потребности, поклонившись и облобызавъ гробъ святителя Николая и испивъ во здравіе души и тѣла св. мѵра, источаемаго отъ священныхъ останковъ его, наши паломники на слѣдующій день присутствуютъ въ криптѣ св. Николая на тайной католич. мессѣ, совершаемой на гробѣ угодника Христова, по окончаніи которой, при руководствѣ проводника, осматриваютъ достопримѣчательности этой крипты [1]). Прежде всего вниманіе ихъ останавливается на небольшомъ *ковчежцѣ съ частицею мощей св. Николая,* прикрѣпленномъ къ правой сторонѣ крипты. Такъ какъ ковчежецъ этотъ значительно приподнятъ надъ поломъ и облобызать св. мощи устами невозможно, то богомольцы прикасаются къ нимъ перстомъ, который, потомъ, въ знакъ благоговѣнія и почтенія, цѣлуютъ. Оттуда переходятъ къ *столбу розоваго цвѣта, стоящему посрединѣ крипты,* отличающемуся отъ другихъ колоннъ своею меньшею величиною и огражденному рѣшеткою. Поставленіе этого столба на настоящемъ мѣстѣ считается чудеснымъ. Разсказываютъ, будто при построеніи сей церкви потребовалось 26 столбовъ, но на лицо имѣлось только 25, и никакъ не могли достать 26-го. Это очень огорчало барянъ, потому что пришлось изъ-за этого остановить даже строевыя работы. Черезъ нѣсколько дней, „чудеснымъ промысломъ великаго чудотворца, святителя Христова Николая“, увидѣли въ морѣ вблизи города столбъ мраморный, плавающій, какъ бы нѣкоторое дерево. По наступленіи ночи, когда всѣ спали, столбъ этотъ былъ перенесенъ св. Николаемъ и двумя ангелами въ храмъ и поставленъ на настоящее мѣсто, причемъ раздался при церкви сильный колокольный звонъ, разбудившій жителей и собравшій сюда множество народа. Тѣ, которые первыми вошли въ церковь, будто бы видѣли даже св. Николая и двухъ ангеловъ, поставляющихъ столбъ. „И видѣвше людіе чудо такое“, повѣствуетъ мѣстное преданіе, „прославиша Бога и угодника Его; въ незабвенную же память образъ чудотворенія того написаша на стѣнѣ высоко, на странѣ десной въ верхнемъ костелѣ, иже и доселѣ пребываетъ“. Такъ передаетъ преданіе нашъ соотечественникъ — паломникъ [1]). Вокругъ этого столба стоитъ рѣшетка. Она поставлена здѣсь, по объясненію того же нашего паломника, вслѣдствіе того, что столбъ этотъ считается *чудотворнымъ,* и многіе получаютъ здѣсь исцѣленіе, въ особенности отъ головной боли, и когда прежде онъ стоялъ не огражденнымъ, то многіе стали усѣкать его тайно и отрывать части его орудіями желѣзными, „исцѣленія ради“; поэтому его оградили со всѣхъ сторонъ густою рѣшеткою, такъ что можно только прикоснуться къ нему перстами, „якоже и доселѣ творятъ, осязающе его и цѣльбу пріемлюще“

Изъ крипты проводникъ ведетъ паломниковъ наверхъ, въ *базилику св. Николая.* Здѣсь, на правой ея сторонѣ они молятся предъ *чудотворнымъ образомъ святителя Христова Николая,* писаннымъ въ строго византійскомъ стилѣ. Затѣмъ они обозрѣваютъ по всей базиликѣ *памятники разныхъ чудесъ, совершенныхъ,* по молитвамъ, *угодникомъ Божіимъ св. Николаемъ.* Въ числѣ предметовъ, напоминающихъ о чудесахъ св. Николая, особенно сильно поражаетъ и останавливаетъ на себѣ вниманіе паломниковъ громадная рыбья кость „толстая аки нога человѣческая, долгая же на два сажны“, висящая на стѣнѣ съ правой стороны базилики. Объ этой кости нашъ путешественникъ Барскій слышалъ слѣдующій разсказъ. Одинъ изъ тамошнихъ рыбаковъ, закидывая мрежу (сѣти) въ море, „верже на имя святого Николая, рекъ въ себѣ, яко не всуе трудъ мой на имя его будетъ“. И тотчасъ поймалъ рыбу размѣровъ, „аки гору“, такъ что не видѣлъ никакихъ средствъ, чтобы извлечь ее изъ воды. Тогда рыбакъ опять помолился къ тому же скорому помощнику, чтобы онъ пособилъ ему такъ же и извлечь ее, какъ помогъ ему поймать; онъ былъ въ страхѣ, какъ бы эта рыба и его не потопила. Только тогда онъ могъ съ великомъ трудомъ извлечь эту рыбу изъ воды, сперва застрѣливши ее. Взявъ потомъ одну изъ реберныхъ костей этой рыбы, онъ принесъ въ церковь святителя Николая „и исповѣда предъ всѣми преславное чудотвореніе его“. Церковники оковали ее желѣзною цѣпью и повѣсили на правой стѣнѣ верхней церкви, между иными знаменіями чудесъ его, „яже виситъ и доселѣ на большее прославленіе угодника Христова“ [1]). Но болѣе всего вещественныхъ знаковъ чудотвореній и помощи св. Николая находится въ сакристіи (ризницѣ) крипты св. Николая, сдѣланныхъ изъ воска. Тамъ же въ сакристіи не мало развѣшано картинъ съ чудесами св. Николая, принадлежащихъ кисти различныхъ художниковъ.

---

[1]) Послѣдующій разсказъ передается почти буквально словами современнаго путешественника, проф. К. Д. Академіи А. А. Дмитріевскаго. Правос. паломничество на западѣ. 1897 г. Стр. 16—18 и 37—38.

[1]) Странствов. Григоровича-Барскаго по св. мѣстамъ, ч. I., стр. 79—80.

Самая *внутренность церкви* весьма благолѣпна. Очень жаль только, что въ Бари, у мощей великаго угодника Божія, поборника православія и чудотворца, такъ чтимаго русскимъ благочестивымъ народомъ, наши паломники лишены духовнаго утѣшенія слышать молитвы и получать благословеніе своей родной духовной матери—православной церкви. При мощахъ св. Николая и вообще при соборѣ все духовенство католическое. Все богослуженіе и обряды здѣсь латинскіе, неправославные. (Изъ кн. „Святыя мѣста и святыни на востокѣ, въ Россіи и на западѣ Европы“. Петрушевскаго, т. III, Спб. изд. 1898 г.).

25-й ДЕНЬ.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 3-е, гл. II, 1—12

1. Приготовленіе вѣрующихъ св. церковію къ празднику Рождества Христова.

Задолго до праздника Рождества Христова св. церковь начинаетъ приготовлять вѣрующихъ къ нему.

Болѣе чѣмъ за мѣсяцъ до него, она учредила постъ, который называется Филипповскимъ, потому что онъ начинается на другой день послѣ дня, въ который празднуется память св. ап. Филиппа, (14 ноября), но который, по церковному, называется Рождественскимъ, такъ какъ цѣлію его учрежденія служитъ достойное приготовленіе вѣрующихъ къ празднику Рождества Христова. Начало этого поста, несомнѣнно, восходитъ къ временамъ глубокой древности христіанской, потому что древніе христіане вообще имѣли обычай предъ великими праздниками проводить время въ постѣ, молитвѣ и духовномъ бодрствованіи. Съ IV вѣка встрѣчаются уже многочисленныя и ясныя указанія на Рождественскій постъ. Первоначально не у всѣхъ христіанъ онъ имѣлъ одинаковую продолжительность; но на соборѣ, бывшемъ при патріархѣ Лукѣ и императорѣ Мануилѣ, въ 1166 году, опредѣлено было хранить всѣмъ христіанамъ постъ предъ великимъ праздникомъ Рождества Христова 40 дней.

Этотъ-то постъ, учрежденный св. церковію предъ Рождествомъ Христовымъ, какъ толкуетъ св. Сѵмеонъ Солунскій, „изображаетъ постъ Моѵсея, который, постившись 40 дней и 40 ночей, получилъ на каменныхъ скрижаляхъ начертаніе словесъ Божіихъ“. „А мы“, говоритъ тотъ же св. отецъ, „постясь 40 дней, созерцаемъ и пріемлемъ живое Слово отъ Дѣвы, начертанное не на камняхъ, но воплотившееся и родившееся, и пріобщаемся Его Божественной плоти“.

21 ноября св. церковь воспоминаетъ введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы. Съ этого дня св. церковь полагаетъ пѣть торжественно-величественный канонъ въ честь Рождества Христова, составленный св. Космою Маіумскимъ. Начинается онъ призываніемъ всѣхъ вѣрующихъ къ славословію и какъ бы срѣтенію родившагося Христа словами св. Григорія Богослова: *Христосъ рождается—славите! Христосъ съ небесъ—срящите,* а заканчивается словами св. Іоанна Златоустаго, указывающими на таинство воплощенія Христа отъ Дѣвы Маріи: *Таинство странное вижу и преславное...* Съ благоговѣйнымъ восторгомъ прославляя снисшедшаго на землю Богочеловѣка, св. пѣснописецъ, наконецъ, въ недоумѣніи останавливается на самомъ событіи Рождества Христова и поражается тайною воплощенія Сына Божія, непостижимою и для ангеловъ: „таинство странное вижу и преславное: небо — вертепъ; престолъ херувимскій—Дѣву, ясли—вмѣстилище, въ нихъ же возлеже невмѣстимый Христосъ Богъ“.

Предпослѣднее воскресенье предъ праздникомъ Рождества Христова называется *недѣлею св. праотецъ.* Въ богослуженіи въ это время воспоминаются всѣ святые праведники, ветхозавѣтные патріархи и пророки. Въ старину на утренѣ этой недѣли въ знатнѣйшихъ храмахъ совершалось у насъ такъ называемое пещное дѣйство, т.-е. обрядъ, который представлялъ въ лицахъ исторію изъ ветхаго завѣта о вверженіи трехъ отроковъ въ огненную печь при Навуходоносорѣ, царѣ вавилонскомъ. Эти три отрока, какъ извѣстно, не захотѣли исполнить повелѣніе царя поклониться золотому истукану, поставленному царемъ, и за это ввержены были въ сильно разженную печь. Но среди пламени они остались невредимыми и съ веселіемъ воспѣвали пѣснь истинному Богу. Съ ними видимо пребывалъ ангелъ, который прелагалъ огонь въ росу и сохранялъ ихъ невредимыми. Въ этомъ ангелѣ церковь внушаетъ намъ видѣть Слово Божіе, Второе Лицо Пресвятыя Троицы, І. Христа, вѣрою въ пришествіе Котораго спасались всѣ ветхозавѣтные праведники. Древняя русская церковь не напрасно изъ всей ветхозавѣтной исторіи такъ наглядно показывала вѣрующимъ именно эту исторію трехъ отроковъ, вверженныхъ въ пещь огненную за вѣру: въ этой исторіи мы видимъ наиболѣе выразительный образецъ всей ветхозавѣтной вѣры и наиболѣе ясный прообразъ христіанскаго мученичества.

---

[1]) Странств. Григоровича-Барскаго, т. I., стр. 81.

Послѣднее воскресенье предъ праздникомъ Рождества Христова называется недѣлею св. отецъ. Въ богослуженіи этой недѣли воспоминаются только тѣ ветхозавѣтные праведники, отъ племени которыхъ родился Христосъ. Поэтому въ воскресенье этой недѣли на литургіи читается евангеліе, повѣствующее о родѣ и предкахъ І. Христа по плоти, начиная съ Авраама, отца вѣрующихъ, до праведнаго Іосифа, которому обручена была св. Дѣва Марія, Матерь Божія; а изъ апостольскихъ посланій читается 11 и 12 главы изъ посланія св. Павла къ евреямъ, гдѣ свят. апостолъ повѣствуетъ о вѣрѣ ветхозавѣтныхъ праведниковъ и о дѣлахъ, въ которыхъ они выражали свою вѣру. Заканчивается это чтеніе урокомъ, необходимымъ для всѣхъ насъ: *тѣмже убо и мы, толикъ имуще облежащь насъ облакъ свидѣтелей* (т.-е. образцовъ твердой вѣры, которые въ такомъ множествѣ представляетъ намъ исторія ветхозавѣтныхъ праведниковъ), *гордость всякую отложше и удобь обстоятельный грѣхъ, терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ, взирающе на начальника вѣры и совершителя Іисуса, иже вмѣсто предлежащія Ему радости претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ, одесную же престола Божія сѣде* (Евр. XII, 1—2).

Такимъ образомъ весь періодъ предшествующаго празднику поста съ церковными службами напоминаетъ собою тотъ до-христіанскій періодъ, когда люди зрѣли грядущаго Христа въ образахъ, обѣтованіяхъ, пророчествахъ, ожидали Его пришествія и готовились къ достойному срѣтенію Его. Чѣмъ ближе къ празднику, тѣмъ болѣе увеличиваются пѣснопѣнія, относящіяся къ нему. За пять дней до праздника начинается такъ называемое предпразднество его, — какъ бы преддверіе наступающаго торжества. *Предпразднуимъ людіе, Христово рождество*,—поется въ этотъ день,— *и умъ вознесше къ Виѳлеему, вознесемся мыслію и узримъ въ вертепѣ веліе таинство: отверзеся бо Эдемъ, отъ Дѣвы чистыя Богу происходящу, совершенъ сый тойжде въ божествѣ и человѣчествѣ* (стихира на вечернѣ).

Самый канунъ праздника называется въ богослужебныхъ книгахъ *навечеріемъ*, на обычномъ языкѣ *сочельникомъ,* а правильнѣе сочевникомъ, отъ слова сочиво, потому что въ этотъ день предписывается особенно строгій постъ и по церковному уставу полагается *сочиво обварено,* или *кутія съ медомъ*. Это—кушанье изъ пшеницы, гороха, чечевицы, ячменя, что, размочивъ водою, ѣдятъ съ медомъ или безъ меду. Но усердные православные христіане въ сочельникъ не вкушаютъ ничего „до звѣзды“, т.-е. до наступленія вечера, когда появятся звѣзды. Въ навечеріе праздника, если только оно не случится въ субботу или воскресенье (дни свободные отъ поста), отправляется особое богослуженіе—*царскіе часы*. Богослуженіе это совершается при открытыхъ царскихъ дверяхъ, среди храма, предъ евангеліемъ, положеннымъ на аналоѣ, какъ бы въ знаменіе того, что Спаситель уже сіяетъ всѣмъ языкамъ. Предъ евангеліемъ воскуряется ладанъ, въ воспоминаніе ладана и смирны, принесенныхъ волхвами родившемуся Царю іудейскому. На часахъ этихъ обыкновенные псалмы и стихиры замѣняются псалмами, тропарями и стихирами, приличными празднику. На нихъ всѣ важнѣйшіе пророки, предвозвѣстившіе явленіе Бога во плоти, соединены церковію въ одно, и какъ бы привѣтствуютъ съ хорами ангеловъ сошествіе на землю Того, Котораго они такъ пламенно желали узрѣть. Здѣсь мы слышимъ вдохновенныя слова пророка и Богоотца Давида, который сквозь сумракъ вѣковъ отдаленныхъ ясно созерцалъ величіе своего Божественнаго Потомка (Псал. XLIV); онъ же воспѣваетъ предвѣчное рожденіе Христа: *изъ чрева прежде денницы родихъ Тя* (Пс. CIX); видитъ, какъ иноземные цари привѣтствуютъ рожденнаго Царя царей, и народы спѣшатъ укрыться въ Его благодатномъ царствѣ: *царіи Ѳарсійстіи и острови дары принесутъ, царіи Аравстіи и Сава дары приведутъ; и поклонятся Ему вси царіе земстіи, вси языцы поработаютъ Ему* (Пс. LXXI); воспѣваетъ, наконецъ, миръ и благоденствіе Его славнаго царства: *возсіяетъ во днехъ Его правда и множество мира* (Пс. LXXI и LXXVII). Здѣсь же мы слышимъ гласы древнихъ пророковъ: Михея, предвозвѣстившаго рожденіе Христа въ Виѳлеемѣ, какъ великаго вождя Израилева, — Іереміи, предузрѣвшаго *Востокъ*, свыше грядущій озарить вселенную новымъ свѣтомъ, и особенно — Исаіи, за семь вѣковъ съ особенною ясностію предсказавшаго безсѣменное зачатіе Христа отъ Дѣвы: *се Дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ Сына и нарекутъ Ему имя Еммануилъ... съ нами Богъ!* Эти свѣтлыя видѣнія пророковъ смѣняются трогательнымъ повѣствованіемъ евангелистовъ о первыхъ минутахъ земной жизни Господа — Младенца и словами боговдохновеннаго апостола, раскрывающими догматическую и нравственную мысль праздника. Въ промежуткахъ между этими чтеніями пѣснь церковная, живая и торжественная болѣе, нежели въ обыкновенныхъ церковныхъ службахъ, то изумляется, славитъ, призываетъ небо и землю къ хвалѣ Всевышнему, то изливается въ святыхъ чувствахъ благодаренія и покорности Создателю вселенной, то представляетъ лицъ изъ временъ самаго событія дѣйствующими и трогательно бесѣдующими. Большая часть этихъ пѣснопѣній принадлежитъ славному христіанскому пѣснотворцу Софронію. Установленіемъ такого богослуженія и даже самымъ названіемъ его *царскими часами* церковь выражаетъ ту мысль, что съ возстановленіемъ и обновленіемъ падшаго рода человѣческаго, для чего и родился Сынъ Божій І. Христосъ, начинается благодатное царство Божіе на землѣ, и что потому день Рождества Христова есть для нея великая и вѣчная годовщина начала этого благодатнаго царства. Въ древности, въ Царьградѣ царскіе часы совершались въ царской палатѣ, въ присутствіи царей, и имъ возглашалось тогда, какъ и нынѣ возглашается въ знатнѣйшихъ храмахъ, многолѣтіе съ произнесеніемъ полнаго царскаго титула. Въ древности царь, вошедши въ церковь, прежде всего преклонялся предъ св. евангеліемъ, по подобію восточныхъ царей или мудрецовъ, которые, отложивъ земное свое величіе, нѣкогда смиренно повергались предъ убогою колыбелью Богомладенца.

Если навечеріе Рождества Христова придется не въ субботу или воскресенье, то совершается въ этотъ день и литургія Василія Великаго въ соединеніи съ вечернею. Въ этомъ установленіи нельзя не видѣть желанія церкви сблизить, по возможности, время празднованія съ временемъ, въ которое совершалось самое празднуемое событіе, такъ какъ Рождество Христово совершилось ночью, что видно изъ словъ евангелиста: *и пастыри бяху стрегуще стражу нощную*. (См. Наставленія и утѣшенія св. вѣры христіанской, № 27, 1890 г.).

2. Рождество Христово.

Рождество Спасителя міра, Господа нашего Іисуса Христа, было такъ (Матѳ. I, 18): „По обрученіи Матери его Маріи съ Іосифомъ, прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имѣетъ во чревѣ отъ Духа Святаго“.

Тайна воплощенія Сына Божія до времени была сокрыта отъ всѣхъ; не зналъ этого преславнаго таинства и обручникъ св. Дѣвы—старецъ Іосифъ, хранитель дѣвства Ея и попечитель обрученной ему Маріи. Между тѣмъ теченіе времени яснѣе и яснѣе стало открывать, что св. Дѣва Марія готовится быть матерью; особенно это ясно стало, когда Она послѣ трехъ мѣсяцевъ, которые пробыла въ домѣ родственницы Своей, праведной Елизаветы, возвратилась въ домъ обручника Своего. Видя это, Іосифъ былъ въ недоумѣніи, былъ пораженъ великою печалью. Смущенный старецъ размышлялъ: „откуда ей бысть сіе? азъ ея не познахъ, и ниже помысломъ на ню согрѣшихъ, и се непраздна зрится“ (Четьи-Минеи 25 декабря). То же свидѣтельствуетъ и св. церковь: „бурю внутрь имѣяй помышленій сомнительныхъ цѣломудренный Іосифъ смятеся къ Тебѣ зря небрачнѣй, и бракоокрадованную помышляя, Непорочная!“ (Конд. 4 акаѳ. Б. М.).

Не таитъ Іосифъ своихъ сомнительныхъ помышленій, но начинаетъ обнаруживать ихъ, вопрошая св. Дѣву: „Маріе, что дѣло сіе, еже въ тебѣ зрю? Азъ недоумѣваю, удивляюсь и умомъ ужасаюсь. Маріе, что дѣло сіе, еже въ тебѣ вижу? Ты причинила мнѣ за честь срамоту, вмѣсто веселія—скорбь, вмѣсто похвалы — укоризну и поношеніе принесла мнѣ“. (Послѣд. 1 часа 24 дек.). Св. Аѳанасій Александрійскій о томъ же повѣствуетъ такъ: „что съ тобою случилось, Маріе? Не ты ли, чистая дѣва, была воспитана въ притворахъ св. храма? Не ты ли, Маріе, не хотѣла смотрѣть и на лицо мужчины? Не ты ли обѣщалась сохранить неувядаемую розу дѣвства?.. Какъ стыдилась неповинная, нескверная Агница, непорочная Голубица—св. Дѣва Марія, слыша изъ устъ Іосифа эти и подобныя имъ слова!“ (Четьи-Минеи).

Не смѣла св. Дѣва сказать Своему обручнику объ архангельскомъ благовѣстіи, о тѣхъ многознаменательныхъ и радостныхъ привѣтствіяхъ, которыми встрѣтила Ее праведная Елизавета, назвавъ Ее матерью Господа: „откуда это мнѣ, что пришла Матерь Господа моего ко мнѣ?“ (Лук. І, 43). Она думала,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ (Бесѣда на Матѳ. IV), что не увѣритъ обручника, сказавши о необыкновенномъ дѣлѣ, а, напротивъ, огорчитъ его, подавъ мысль что прикрываетъ сдѣланное. Если сама Она, слыша о даруемой Ей толикой благодати, судитъ по человѣчески и говоритъ: „какъ будетъ это, когда Я мужа не знаю“ (Лук. І, 34)? то еще болѣе усомнился бы Іосифъ, особенно услышавъ о семъ отъ дѣвы“. Можетъ ли быть что затруднительнѣе такого положенія пречистой Дѣвы? Она предала Себя въ волю Всевышняго, прибѣгла къ молитвѣ, какъ единственному средству для засвидѣтельствованія ангельской чистоты Своей, и кротко отвѣчала Іосифу: „живъ Господь, хранящій Меня донынѣ въ дѣвствѣ, не познала Я грѣха, никтоже Мнѣ коснуся, а еже во Мнѣ — отъ Божія есть изволенія и дѣйства“. (Аѳанасій Александрійскій).

Но Іосифъ судитъ по человѣчески, не давая вѣры словамъ обрученной ему Дѣвы. Доброта же его сердца и знакомый нравъ Дѣвы, Ея благочестіе, Ея цѣломудренность расположили его отнестись къ Маріи какъ можно легче. Будучи праведенъ и не желая огласить Ее, хотѣлъ тайно отпустить, — намѣревался дать письмо разводное безъ тѣхъ формальностей, какія предписывалъ законъ (Второз. 24); рѣшился дать это письмо, не упоминая причинъ, по которымъ съ Нею разводится. Но лишь только помыслилъ онъ это, се (Матѳ. І, 20—23) ангелъ Господень явился ему во снѣ и сказалъ: Іосифъ, сынъ Давидовъ! не бойся принять Марію, жену твою, не сомнѣвайся въ чистотѣ и невинности Ея: ибо родившееся въ Ней отъ Духа Святаго. Устраняя сомнѣнія Іосифа и открывая ему смутившую его тайну, ангелъ увѣряетъ, что Марія родитъ именно Сына и предрекаетъ Ему имя: родитъ же *Сына,* и назоветъ Его *Іисусомъ,* ибо Онъ спасетъ людей Своихъ отъ грѣховъ ихъ. А все сіе произошло, замѣчаетъ св. евангелистъ Матѳей, — да сбудется реченное Господомъ чрезъ пророка (Исаію), который говоритъ: „се, дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ сына, и нарекутъ имя ему Эммануилъ, что значитъ: съ нами Богъ“.

Вставъ отъ сна, Іосифъ поступаетъ, какъ повелѣлъ ему ангелъ Господень, и принялъ жену свою (Матѳ. І, 24) не съ боязнію уже, а съ радостію и благоговѣніемъ, чтобы быть свидѣтелемъ небесной чистоты Ея.

Приближалось время, опредѣленное естественнымъ закономъ чревоношенія, въ которое имѣлъ произойти на свѣтъ Творецъ естества. Святая Дѣва жила въ Назаретѣ, мѣстѣ жительства обрученнаго Ей мужа Іосифа. Между тѣмъ Мессія, Спаситель, какъ Сынъ (потомокъ) Давидовъ, долженъ былъ родиться въ городѣ Давидовомъ Виѳлеемѣ. (Виѳлеемъ — домъ хлѣба, такъ назвалъ его Іаковъ, вмѣсто прежняго имени Евфраѳа, провидя духомъ и предвозвѣщая, что на томъ мѣстѣ родится хлѣбъ, сшедый съ небесе, Христосъ Господь). Всѣмъ было извѣстно древнее предсказаніе пророка, данное еще до плѣненія вавилонскаго, что Виѳлеемъ долженъ быть отечествомъ славнаго Вождя Израилева: такъ предсказалъ пророкъ Михей: „и ты, Виѳлеемъ—Евфраѳа, малъ ли ты между тысячами Іудиными? изъ тебя произойдетъ Мнѣ Тотъ, Который долженъ быть Владыкою въ Израилѣ, и Котораго происхожденіе изъ начала, отъ дней вѣчныхъ“ (Михея, V, 2). Этому славному пророчеству, опредѣленно указывающему на мѣсто рожденія Мессіи, нужно было исполниться, но какъ? Промыслъ Божій устрояетъ это.

Въ то время кесарь Августъ повелѣлъ сдѣлать перепись по всей землѣ, во всемъ римскомъ государствѣ, въ предѣлы котораго входила и Палестина. Сообразно законамъ іудейскимъ, каждый долженъ былъ записываться не въ томъ городѣ, въ которомъ живетъ, но въ томъ, откуда происходитъ его родъ. И пошли всѣ записываться каждый въ свой городъ. Пошелъ также и Іосифъ изъ Галилеи, изъ города Назарета, въ Іудею, въ городъ Давидовъ, называемый Виѳлеемъ, потому что онъ былъ изъ дома и рода Давидова; отправился въ путь старецъ, несмотря на то, что домашнія обстоятельства располагали его нѣсколько промедлить въ Назаретѣ, отправился немедленно вмѣстѣ съ Маріею, обрученною ему женою, которая была беременна.

„Ни законъ, ни обычай не требовали, чтобы женщины лично являлись съ мужьями для записи, тѣмъ не менѣе Марія сопутствуетъ Іосифу въ этомъ трудномъ путешествіи, по горнымъ высотамъ, въ Виѳлеемъ. Это объясняется тѣмъ, что Марія и Іосифъ уже знали, что отъ Нея долженъ родиться Мессія, а они, безъ сомнѣнія, знали также, что Онъ долженъ родиться въ градѣ Давидовомъ. Теперь, когда былъ имъ объявленъ указъ кесаря о переписи, не должно ли было благочестивое чувство подсказать имъ, что это повелѣніе кесаря въ рукахъ провидѣнія есть орудіе для того, чтобы въ исполненіе пророчества Сынъ Дѣвы родился именно въ Виѳлеемѣ, а не въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ? И Марія, несмотря на то, что приближалось время разрѣшенія Ея, рѣшилась сопутствовать обручнику Своему, видя въ этомъ чудесные пути промышленія Божія о Ней и Младенцѣ Ея будущемъ“ (Толков. еванг. еп. Михаила). Такимъ образомъ вмѣстѣ съ матерію „написался еси кесаревымъ повелѣніемъ, Всецарю, хотя написати въ книгѣ жизни человѣка“. (Служба праздника).

Послѣ трехъ дней пути Іосифъ и Марія приблизились къ своему отечественному городу, и неискусобрачной невѣстѣ наступило время родить благословенный Плодъ чрева Своего. По обязанности хранителя Дѣвы, старецъ Іосифъ ищетъ мѣста для нея; обходитъ весь городъ и не находитъ ни одного незанятаго дома въ Виѳлеемѣ. Здѣсь было такъ тѣсно отъ множества народа, собравшагося для записи, что бѣднымъ пришельцамъ Назаретскимъ не оставалось мѣста и въ гостиницѣ, гдѣ было бы удобнѣе для Маріи въ послѣдніе часы Ея беременности. Гдѣ же найти мѣсто рожденія Сыну Божію? День склонялся уже къ вечеру. Внѣ города, среди каменистыхъ скалъ, у подошвы горы увидѣлъ Іосифъ пещеру, въ которую пастухи загоняли свой скотъ во время бури и въ дождливую пору года. Въ пещерной стѣнѣ было сдѣлано углубленіе, служившее вмѣсто яслей для животныхъ. Въ эту-то пещеру, и то послѣ долгихъ и многихъ исканій, зашелъ старецъ съ Богоматерью для пристанища. „Въ малый вертепъ внити тщится Царь великій, да возвеличитъ и обогатитъ человѣка безмѣрнымъ богатствомъ“.

Здѣсь-то, въ маломъ вертепѣ, въ полночь пречистая и преблагословенная Дѣва Марія, теплѣ къ Богу молящися, и вся въ Бозѣ благомысліемъ пребывающи и любовію горящи (Четьи-Минеи 25 декаб.), родила Сына Своего первенца, въ 25 день декабря мѣсяца.

„Веліе и преславное чудо совершися днесь: Дѣва рождаетъ и утроба не истлѣваетъ: Слово воплощается и Отца не отлучается. Како изреку великое таинство? Безплотный начинается, невидимый видится, неосязаемый осязается, и безначальный начинается. Сынъ Божій Сынъ человѣчь бываетъ. (Служба празд.). Отецъ благоволи, Слово плоть бысть, и Дѣва днесь Пресущественнаго рождаетъ“.

Сама пречистая Матерь спеленала рожденное Отроча и положила Его въ ясли (Лук. II, 7). Ясли стали яко престолъ херувимскій. — „Смотри, сколь таинственно рождаетъ Она, Сама рождаетъ, Сама повиваетъ: не допустила Она никого коснуться нечистыми руками до рожденнаго Ею пречистаго Младенца“ (св. Аѳан. Александр. въ словѣ на рождество Христово). Сама нетлѣнному рождеству Своему послужи, не ждуще Саломіи старицы, сродницы своей, позвать которую пошелъ Іосифъ, но та пришла, когда рожденіе уже совершилось: яже бо роди, та и послужи, носящи, повивающи и полагающи (Четьи-Минеи). „Дѣвою зачала, Дѣвою носила, Дѣвою родила“. (Св. Григ. Нисскій). Непорочная Родительница повила Свое сладчайшее Чадо льняными, чистыми, тонкими, бѣлыми пеленами, принесенными изъ Назарета, ранѣе тамъ приготовленными. Пеленами повивается Младенецъ, превѣчный Богъ, да разрѣшитъ плѣницы моихъ грѣхопаденій (служба предпраздн.). Положивъ Его въ ясляхъ, первая поклонилась Ему до земли, какъ Богу и Создателю Своему (Четьи-Мин.).

Но не одна Приснодѣва славила воплотившагося Господа—Спасителя: „окружаху, яко престолъ херувимскій, ангели ясли, вертепъ бо небо зряху, лежащу въ немъ Владыцѣ, и слава въ вышнихъ Богу вопіяху". (Пѣснь 9, 23 декабря).

Хотя въ великой тайнѣ совершилось рожденіе Спасителя, но небо всѣмъ Его проповѣдало.

Въ эту знаменательную ночь около Виѳлеема пастухи стерегли свое стадо. Вдругъ предсталъ имъ ангелъ Господень, по мнѣнію свят. Кипріана, Гавріилъ, и слава Господня осіяла ихъ. Очень естественно, что эти люди, одни среди ночи, при видѣ небеснаго вѣстника и при сильномъ, внезапномъ чудесномъ блескѣ, пришли въ великій страхъ. Но небожитель, успокоивая ихъ, говоритъ: „не бойтесь; я возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всѣмъ людямъ: ибо нынѣ родился вамъ въ городѣ Давидовомъ Спаситель, Который есть Христосъ Господь. И вотъ вамъ знакъ: вы найдете Младенца въ пеленахъ, лежащаго въ ясляхъ. И внезапно, неожиданно для пастырей, въ то время какъ они выслушивали рѣчь ангела о рожденіи Спасителя, явилось съ ангеломъ многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣкахъ благоволеніе" (Лук. II, 8—14). Давно на землѣ не было слышно такой пѣсни, съ тѣхъ поръ не оглашалась она ангельскимъ пѣніемъ, какъ палъ, согрѣшилъ первый человѣкъ. Величественна эта пѣснь: „она обнимаетъ собою и небо, и землю, и людей; она связываетъ съ бытіемъ, совершившимся въ Виѳлеемской пещерѣ, все, что есть на небѣ свѣтлѣйшаго, на землѣ вожделѣннѣйшаго, для людей благодатнѣйшаго: славу Божію, миръ или полное блаженство, благоволеніе Божіе" (Горскій). Такую пѣснь могли пѣть только ангелы Божіи! „Души праведныхъ вси радуйтеся: се бо избавленіе всѣхъ явися во градѣ Виѳлеемѣ!"

„Когда ангелы отошли отъ пастырей на небо, они сказали другъ другу: пойдемъ въ Виѳлеемъ и посмотримъ, что тамъ случилось, о чемъ возвѣстилъ намъ Господь. И, поспѣшивъ, пришли, и нашли Марію, и Іосифа, и Младенца, лежащаго въ ясляхъ. Увидѣвъ же, разсказали о томъ, что было возвѣщено имъ о Младенцѣ семъ. И всѣ слышавшіе дивились тому, что разсказывали имъ пастухи. А Марія сохраняла всѣ слова сіи, слагая въ сердцѣ Своемъ. И возвратились пастыри, славя и хваля Бога за все, что слышали и видѣли." (Лук. II, 15—20).

Когда же Іисусъ родился въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ, во дни царя Ирода, пришли въ Іерусалимъ волхвы — мудрецы съ востока поклониться новорожденному Царю. Это были тогдашніе астрономы — звѣздамъ служащіе, и звѣздою были научены пріити на поклоненіе Солнцу правды, Христу Богу. — Древнее преданіе сохранило имена ихъ: Мелхіоръ, Гаспаръ и Валтасаръ. Нѣтъ прямого указанія, изъ какой именно страны пришли они — объ этомъ и въ древности были разныя мнѣнія; болѣе вѣроятное и принятое мнѣніе, что они были изъ Персіи или изъ Вавилона. „Боготечную звѣзду узрѣвше волсви, тоя послѣдоваша зари" (Конд. 5 акаѳ. Б. М.). Видно, было имъ извѣстно предсказаніе Валаама: „возсіяетъ звѣзда отъ Іакова, и востанетъ человѣкъ отъ Израиля" (Числъ XXIV, 17); видно, знали они и о другихъ пророчествахъ о пришествіи Мессіи и времени Его пришествія и послѣдовали за указаніемъ чудной звѣзды. По мнѣнію свв. Златоуста и Ѳеофилакта — это была божественная, ангельская сила, вмѣсто звѣзды явившаяся. Всѣ звѣзды, по данному имъ Творцомъ закону, совершаютъ свое теченіе отъ востока къ западу, а эта звѣзда шла съ востока на югъ, къ Іерусалиму. Всѣ звѣзды постоянно движутся, а сія иногда шла, иногда стояла: шли волхвы, шла и звѣзда, останавливались они, стояла и она. — О времени явленія сей чудной звѣзды также различны мнѣнія: одни полагаютъ, что она явилась въ ту самую ночь, въ тотъ замый часъ, какъ родился Спаситель; но тогда будетъ мало времени, чтобы изъ восточныхъ странъ достигнуть Іерусалима и поклониться Спасителю, бывшему въ Виѳлеемѣ, хотя бы и послѣ дней очищенія. Другіе же время явленія звѣзды полагаютъ въ тотъ день и часъ, въ оньже благовѣщеніемъ архангеловымъ, Духа же Святаго нашествіемъ, Слово плоть бысть, заченшися въ пренепорочнѣй утробѣ дѣвичестѣй: за 9 мѣсяцевъ предъ Рождествомъ Христовымъ звѣзда явилась на востокѣ. (Четьи-Минеи 25 декабря. Матѳ. II, 2).

Вспомнили, увидѣвъ чудную звѣзду, волхвы древнее Валаамово пророчество и двинулись въ путь и, подъ руководствомъ ея, достигли Іерусалима. Войдя въ него, они спрашиваютъ: „гдѣ родившійся Царь іудейскій? Ибо мы видѣли звѣзду Его на востокѣ и пришли поклониться Ему." (Чет.-Минеи 25 дек. Матѳ. II, 3—8). Вѣсть эта удивила народъ и смутила подозрительнаго Ирода. Онъ собираетъ всѣхъ первосвященниковъ и книжниковъ народныхъ и спрашиваетъ у нихъ: гдѣ должно родиться Христу, согласно пророчествамъ и обѣтованіямъ? Они сказали ему: въ Виѳлеемѣ іудейскомъ; ибо такъ написано чрезъ пророка: и ты, Виѳлеемъ, земля Іудина, ничѣмъ не меньше воеводствъ Іудиныхъ: ибо изъ тебя произойдетъ Вождь, Который упасетъ народъ Мой, Израиля. Тогда Иродъ тайно призвалъ къ себѣ волхвовъ и сталъ вывѣдывать у нихъ время появленія звѣзды. Потомъ послалъ ихъ въ Виѳлеемъ, говоря: пойдите, тщательно развѣдайте о Младенцѣ; когда найдете Его, извѣстите меня, чтобы и мнѣ пойти поклониться Ему“.

Когда волхвы вышли изъ Іерусалима, то звѣзда опять явилась имъ и шла передъ ними, пока, наконецъ, пришла и остановилась надъ мѣстомъ, гдѣ былъ Младенецъ. Увидѣвъ звѣзду, волхвы возрадовались радостію великой. Войдя въ домъ, они увидѣли Младенца съ Маріею, Матерью Его, и пали, поклонились Ему не простымъ поклоненіемъ, но Богу должнымъ. Открывъ сокровища свои, принесли Ему дары — золото, ладанъ и смирну: золото какъ царю, ладанъ какъ Богу, смирну какъ человѣку смертну — (имѣющему вкусить смерть).

Получивъ откровеніе во снѣ не возвращаться къ Ироду, инымъ путемъ волхвы отошли въ страну свою, и тамъ были проповѣдниками пришествія въ міръ Христа, Сына Божія.

Ради насъ родившемуся Господу ангели приносятъ пѣніе, небеса — звѣзду, волсви — дары, пастыріе — чудо, земля — вертепъ, пустыня — ясли, люди — Матерь Дѣву. А мы что принесемъ? Вѣру вмѣсто злата, любовь же яко смирну, яко ливанъ дѣянія принесемъ Зиждителю, Емуже возопіимъ изъ глубины сердца: „Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума: въ немъ бо звѣздамъ служащіи звѣздою учахуся Тебѣ кланятися Солнцу правды и Тебе вѣдѣти съ высоты востока, Господи, слава Тебѣ. (См. Тоб. Еп. Вѣд.).

3. О звѣздѣ, приведшей волхвовъ ко Христу.

Что звѣзда, приведшая волхвовъ ко Христу, была не обыкновенная, и даже не звѣзда, а, какъ мнѣ кажется, какая-то невидимая сила, принявшая видъ звѣзды, сіе доказываетъ, во-первыхъ, самый путь ея. Ибо нѣтъ, точно, нѣтъ звѣзды, которая бы имѣла такой путь. Видимъ, что и солнце, и луна, и всѣ прочія звѣзды идутъ отъ востока къ западу, а сія текла отъ сѣвера на полдень: ибо въ такомъ положеніи находится Палестина въ отношеніи къ Персіи. Во-вторыхъ, сіе видѣть можно изъ самаго времени: ибо она является не ночью, а среди дня, при сіяніи солнца, что не свойственно не только звѣздѣ, но и лунѣ. Хотя луна больше всѣхъ звѣздъ, но при появленіи солнечнаго свѣта тотчасъ скрывается и дѣлается невидимою. Звѣзда же Христова превосходствомъ своего блеска преодолѣла самый свѣтъ солнечный, была яснѣе солнца, и какъ оно ни блистательно, а она сіяла больше. Въ-третьихъ, доказывается тѣмъ, что звѣзда то является, то опять скрывается. Ибо, когда волхвы шли въ Палестину, она была видна и указывала имъ путь, а когда вошли въ Іерусалимъ, она скрылась. Потомъ, когда они, сказавши Ироду, зачѣмъ пришли, оставили его и собрались въ путь, звѣзда опять является. Это уже есть движеніе не звѣзды, а нѣкоторой совершенно разумной силы. Она не имѣла своего опредѣленнаго пути, но, когда нужно было волхвамъ итти, и она шла, а когда нужно было остановиться, и она стояла, во всемъ соображаясь съ ихъ нуждою, подобно столпу облачному, по которому полкъ іудеевъ и останавливался и поднимался съ мѣста, когда было нужно. Въ-четвертыхъ, то же ясно видѣть можно изъ самаго способа, какимъ звѣзда указала мѣсто. Ибо не съ высоты неба указано оное, — въ такомъ случаѣ волхвы не могли бъ различить мѣста; но, дабы указала оное, спустилась внизъ. Сами знаете, что обыкновенной звѣздѣ нельзя показать такого мѣста малаго, какое занимала хижина, особливо же въ какомъ вмѣщалось тѣло Младенца. Ибо, такъ какъ высота ея неизмѣрима, то она не могла бы собою обозначить и опредѣлить такого тѣснаго пространства для желающихъ узнать оное. Такъ скажи же, какъ бы звѣзда указала такое тѣсное мѣсто яслей и хижины, если бы, оставивъ высоту, не сошла она внизъ и не стала надъ самою главою Младенца? Это самое давалъ разумѣть и евангелистъ, сказавъ: *и се звѣзда идяше предъ ними, дондеже пришедше ста верху, идѣже бѣ отроча* (Матѳ. II, 9). Видишь, сколько доказательствъ на то, что эта звѣзда была необыкновенная, и явилась не по законамъ внѣшней природы! (Изъ твор. св. Іоанна Златоуста).

4. О происхожденіи кондака въ день Рождества Христова.

Преподобный Романъ, именуемый сладкопѣвецъ, съ молоду началъ угождать Богу, живя въ дѣвствѣ и цѣломудріи. Онъ былъ пономаремъ въ Софійской церкви г. Константинополя. Хотя св. Романъ и не зналъ книжнаго писанія, но былъ премудръ добрыми дѣлами, которыми превосходилъ премудрыхъ книжниковъ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ сказалъ апостолъ Павелъ: *Богъ избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ* (1 Кор. I, 27). Патріархъ Евфимій полюбилъ Романа за его добродѣтельное житіе и, видя труды его по церкви, давалъ ему равную часть съ клириками. Между тѣмъ послѣдніе стали роптать на патріарха, говоря: „невѣжду сравнялъ съ нами!“ Поэтому ненавидѣли св. Романа и причиняли ему всевозможныя огорченія. Однажды, въ навечеріе праздника Рождества Христова, когда былъ въ церкви самъ царь, а Романъ ставилъ въ церкви свѣчи, вдругъ клирики схватили Романа и потащили на амвонъ, со словами: „равной части ты съ нами удостоенъ, такъ, взошедши на амвонъ, воспой богохвальную пѣснь, подобно тому, какъ и мы“. Это они сдѣлали изъ зависти, желая посрамить его, потому что знали, что Романъ, какъ необразованный, не можетъ сдѣлать того. Романъ, получивши такое оскорбленіе при царѣ и при всемъ народѣ, горько заплакалъ. По окончаніи пѣнія, когда всѣ вышли изъ церкви, св. Романъ упалъ на колѣни предъ образомъ Богоматери и съ плачемъ и рыданіемъ долго молился. Потомъ, когда, пришедши домой, онъ немного уснулъ, явилась ему во снѣ Пресвятая Владычица Богородица, Которая есть утѣшеніе всѣмъ скорбящимъ, и, держа въ рукѣ маленькій книжный свитокъ, сказала ему тихимъ голосомъ: „открой уста!“ Когда онъ открылъ уста, Владычица вложила свитокъ и сказала: „проглоти его!“ Романъ проглотилъ хартію (бумагу) и тотчасъ же проснулся и никого уже не видѣлъ. Сердце же его исполнилось неизреченной сладости и утѣшенія, а въ умѣ своемъ ощутилъ книжное разумѣніе, какое сообщила ему Дѣва Богородица. Св. Романъ, исполненный премудрости, сталъ со слезами воздавать благодареніе своей Учительницѣ за то, что Она въ малое время научила его болѣе, чѣмъ кто чрезъ много лѣтъ разумѣетъ. Когда настало время всенощнаго бдѣнія (подъ Рождество Христово), то онъ съ радостію пошелъ въ церковь. Наступилъ часъ пѣнія кондака: св. Романъ взошелъ на амвонъ (тогда былъ обычай пѣть кондакъ одному клирику на амвонѣ) и сладкимъ голосомъ воспѣлъ кондакъ, который самъ составилъ: *Дѣва днесь пресущественнаго рождаетъ и земля вертепъ неприступному приноситъ; ангели съ пастырьми славословятъ, волсви же со звѣздою путешествуютъ: насъ бо ради родися Отроча младо превѣчный Богъ.* Всѣ, видѣвшіе и слышавшіе, удивились и въ сладость послушали пѣнія св. Романа. По окончаніи пѣнія патріархъ спросилъ: откуда у него такая премудрость? Онъ не скрылъ, но открыто исповѣдалъ силу Богородицы, вразумившей его. Послѣ этого устыдились клирики, оскорбившіе его, и съ раскаяніемъ припали къ ногамъ св. Романа, прося у него прощенія. Патріархъ поставилъ его тотчасъ діакономъ, и изъ устъ его, какъ рѣка, текла премудрость; тѣ, которые прежде смѣялись надъ его простотою и невѣжествомъ, потомъ стали учиться у него. Св. Романъ составилъ множество кондаковъ праздникамъ Господскимъ, Богородичнымъ и святымъ. За это онъ получилъ названіе „сладкопѣвецъ“. Поживши на землѣ богоугодно и праведно, св. Романъ преставился въ вѣчныя селенія и нынѣ съ небесными ликами воспѣваетъ Богу трисвятую пѣснь. (Ч.-М.).

5. Виѳлеемъ и Виѳлеемскій храмъ.

Святое мѣсто рожденія Спасителя міра—Виѳлеемъ лежитъ на 3—4 дневномъ разстояніи отъ Назарета и на 2—3 часовомъ — къ югу отъ Іерусалима. Видъ Виѳлеема, котораго названіе въ переводѣ значитъ: „домъ хлѣба“, представляетъ чрезвычайно пріятную для глазъ картину. Родной городъ Спасителя расположенъ на подковообразной возвышенности, которая въ срединѣ образуетъ сѣдловину, и какъ самое возвышеніе, такъ и внутренняя покатость горы, густо застроены домами.

Окрестности Виѳлеема также весьма живописны. Глубокія долины окружаютъ городъ со всѣхъ сторонъ; изъ нихъ средняя, сдавленная двумя боковыми возвышенностями, круто спускается внизъ. Вѣчно зеленая долина эта сплошь покрыта виноградниками, масличными, фиговыми, миндальными, гранатовыми и рожковыми деревьями. На сѣверѣ и западѣ горизонтъ замыкается горами, висящими надъ Виѳлеемомъ, а на югѣ и на востокѣ открывается чудный, безграничный видъ. Далѣе стелется пустыня іудейская со своими сѣрыми песчаными высотами, похожими на гигантскія кучи сѣраго пепла. Солнце золотитъ эту пустыню, но ничто не зрѣетъ на ея безплодной почвѣ. Позади, — въ пропасти, надъ которою, точно крѣпость, высится голубовато-фіолетовая масса Моавитскихъ скалъ, — Мертвое море прячетъ свои синія воды.

Когда любуешься на эти живописныя окрестности священнаго города, то невольно припоминаешь всѣ тѣ библейскія событія, какія совершались здѣсь. Вотъ ржаное поле, гдѣ собирала колосья моавитянка Руѳь; подлѣ него, на небольшой возвышенности, деревушка Веѳсуръ, гдѣ находилось гумно Вооза. А тамъ внизу, въ долинахъ виѳлеемскихъ и по окрестнымъ плодоносным холмамъ, богатымъ родниками вкусной воды, пасъ стада отца своего прекрасный правнукъ Руѳи— юноша Давидъ: тамъ онъ вступалъ въ бой со львомъ и медвѣдемъ, защищая свое стадо, и тамъ же игралъ на арфѣ и пѣлъ свои дивные псалмы; многіе псалмы его поютъ объ этихъ горахъ, въ которыхъ онъ зналъ каждое ущелье, каждую пещеру, каждый источникъ прохладной воды. Въ этихъ горахъ не разъ укрывался онъ отъ Саула, когда тотъ повсюду гонялся за нимъ, какъ за бѣглымъ рабомъ или какимъ-нибудь злодѣемъ. Далѣе, къ югу за горами, находятся знаменитые пруды Соломоновы, откуда премудрый царь устроилъ водопроводъ въ Іерусалимъ, и доселѣ снабжающій водою мечеть Омарову (турецкій храмъ).

Въ настоящее время Виѳлеемъ — небольшое селеніе, въ которомъ насчитывается около 4.500 жителей, и замѣчательно, что между ними нѣтъ ни одного еврея. Еще Тертулліанъ, писатель II вѣка по Рожд. Хр., спрашивалъ евреевъ: „какъ же вы ожидаете Мессію изъ Виѳлеема, когда тамъ нѣтъ ни одного изъ васъ?“ Въ Виѳлеемѣ собственно одна главная улица, которая тянется отъ восточнаго склона возвышенности до юго-восточнаго конца города; кромѣ того, множество кривыхъ и съ крутыми подъемами переулковъ прорѣзываютъ городъ по всѣмъ направленіямъ. По преимуществу одноэтажные дома выстроены изъ сѣроватаго камня; плоскія крыши имѣютъ по срединѣ куполообразное возвышеніе, съ цѣлью представлять лучшій стокъ для зимнихъ дождей. Окна большею частію закрываются деревянными ставнями, и дома бѣдняковъ вовсе не имѣютъ оконныхъ стеколъ.

Обитатели Виѳлеема отличаются энергіей и трудолюбіемъ; по наружности они очень представительны. Городъ особенно славится рѣзной работой: выдѣлкою костяныхъ и масличныхъ четокъ, перламутровыхъ крестовъ, образковъ, изображеній гроба Господня, а также довольно изящныхъ чашекъ и другихъ вещицъ изъ чернаго камня Мертваго моря. Все это въ большомъ количествѣ раскупается паломниками. Какъ въ одѣяніи, такъ и въ обычаяхъ, жители Виѳлеема придерживаются въ значительной мѣрѣ той простоты, которая существовала здѣсь еще при земной жизни Спасителя.

Величайшимъ праздничнымъ днемъ Виѳлеема, естественно, считается Рождественская ночь, и главною притягательною силою для поклонниковъ всѣхъ странъ служитъ храмъ Рождества, воздвигнутый надъ пещерою, гдѣ родился Спаситель. Чтобы его достигнуть, нужно пройти весь городъ, и тамъ, на восточномъ склонѣ возвышенности, гдѣ уже оканчиваются городскія постройки, находится храмъ, съ такимъ благоговѣніемъ почитаемый христіанами. Обширныя и неправильно расположенныя постройки латинскаго, греческаго и армянскаго монастырей окружаютъ храмъ Рождества.

Величественный храмъ Рождества построенъ царицею Еленою, въ видѣ креста. Въ западной конечности креста расположено, въ 4 ряда, 48 мраморныхъ колоннъ, раздѣляющихъ эту конечность на пять отдѣльныхъ частей. Потолка надъ колоннами нѣтъ, а прямо на стѣнахъ положены кедровыя балки и стропила, украшенныя рѣзьбою, а на нихъ оловянная крыша. На стѣнахъ находятся значительно еще сохранившіеся остатки греческихъ мозаичныхъ изображеній, представляющихъ вселенскіе соборы. Западная оконечность храма отъ самой церкви отдѣляется поперечною стѣною. Чрезъ дверь, продѣланную въ этой стѣнѣ, входятъ собственно въ греческій храмъ Рождества. Очаровательно блеститъ, хотя на половину уже потускнѣвшая, позолота иконостаса и рѣзьбы на клиросахъ. По истинѣ величественное впечатлѣніе производитъ громадный, золотой, высящійся надъ царскими дверьми, по восточному православному обычаю, крестъ, на которомъ изображенъ распятый Спаситель. Освѣщенный только одною спускающеюся сверху лампадой, таинственно блеститъ онъ въ полумракѣ верхняго пространства храма. (См. подроб. на стр. 589).

Верстахъ въ двухъ отъ Виѳлеема, въ масличной рощѣ, стоитъ бѣдная и какъ бы заброшенная часовня во имя „Ангела-Благовѣстника пастухамъ“. Она по преданію, основана на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ виѳлеемскіе пастыри услышали радостную вѣсть, что родился въ городѣ Давидовѣ Спасъ, Который есть Христосъ Господь. Часовня „Ангела-Благовѣстника“ — простой, необдѣланный склепъ, и когда странникъ сходитъ внизъ по разваливающимся ступенямъ, то ему трудно даже вѣрить, что онъ находится въ священномъ мѣстѣ. И однако же, въ этомъ кажущемся пренебреженіи сказывается также святое чувство правды. Бѣдность часовни какъ бы гармонируетъ съ убогимъ трудомъ пастуховъ, въ воспоминаніе которыхъ она и существуетъ. (Сост. по „Правит. вѣстн.“ 1893 г. № 286-й, „Русск. паломн.“ 1897 г. № 51 и „Нивѣ“ 1883 г. № 52).

6. Богослуженіе въ Виѳлеемскомъ храмѣ въ день Рождества Христова.

Во всѣхъ странахъ міра, куда только проникъ свѣтъ христіанства, день *Рождества Христова* воспоминается особеннымъ торжественнымъ богослуженіемъ. На родинѣ Спасителя — въ *Виѳлеемѣ іудейскомъ* рождественское богослуженіе, помимо своей торжественности, отличается еще нѣкоторыми своеобразными чертами, живо приводящими на память дорогія для сердца христіанина подробности приснославнаго событія.

Наканунѣ Рождества Христова, подъ вечеръ, изъ Іерусалима выѣзжаетъ въ Виѳлеемъ патріаршій намѣстникъ, въ сопровожденіи двухъ архіереевъ и многихъ духовныхъ лицъ. Имъ предшествуетъ конная стража съ литаврщикомъ и отрядомъ музыкантовъ. На половинѣ пути, около обители св. Иліи, къ архіерейскому поѣзду присоединяются толпы богомольцевъ съ радостными возгласами и пѣніемъ. Въ виду стѣнъ виѳлеемскаго храма шумъ смолкаетъ, уступая мѣсто церковной церемоніи. Митрополитъ и его свита на площади сходятся въ одно мѣсто; навстрѣчу митрополита выходятъ: настоятели виѳлеемскаго монастыря съ крестами и хоругвями, священники и діаконы въ облаченіяхъ, съ кадильницами въ рукахъ; крестный ходъ вступаетъ, наконецъ, внутрь великолѣпнаго храма. Патріаршій намѣстникъ восходитъ на свое мѣсто. Начинается вечерня, а за нею и утреня. Во время поліелея архіереи, облачившись, идутъ, предшествуемые крестами и хоругвями, изъ главнаго алтаря въ вертепъ Рождества, для чтенія евангелія на мѣстѣ самаго событія. Хоръ пѣвчихъ поетъ: „пріидите, вѣрніи, да видимъ мѣсто, идѣже Христосъ рождается, и путеводимые звѣздой волхвовъ со ангелами и съ пастырьми возгласимъ: „слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ“. Послѣ благоговѣйнаго поклоненія мѣсту, „идѣже родися Христосъ“, намѣстникъ читаетъ на престолѣ Рождества евангеліе объ ангелахъ и пастыряхъ, какъ болѣе знаменательное. Вся пещера въ это время горитъ огнями безчисленныхъ свѣчъ и блескомъ священной утвари невольно напоминаетъ внимательному поклоннику величественную пѣснь: „Таинство странное вижу и преславное: небо — вертепъ, престолъ херувимскій — Дѣву, ясли – вмѣстилище, въ нихже возлеже невмѣстимый Христосъ Богъ“. За престоломъ въ этотъ день поставляется великолѣпная икона, изображающая празднуемое событіе — Рождество Христово. Послѣ окончанія поліелея, при громкомъ пѣніи перваго ирмоса рождественскаго канона: „Христосъ рождается, славите, Христосъ съ небесъ, срящите, Христосъ на земли, возноситеся“, духовенство выходитъ изъ св. вертепа, чтобы итти крестнымъ ходомъ вокругъ храма. Послѣ троекратнаго обхожденія вокругъ церкви по великолѣпной колоннадѣ, крестный ходъ возвращается въ алтарь оканчивать служеніе.

Въ св. вертепѣ, на самомъ мѣстѣ празднуемаго событія, совершается ранняя литургія,—и очень часто на славянскомъ языкѣ, въ утѣшеніе русскихъ поклонниковъ. Предъ обѣдней по мѣстному обычаю, покуда совершается проскомидія, пѣвчіе поютъ ирмосы рождественскаго канона и потомъ: „слава въ вышнихъ Богу“. Едва оканчивается ранняя литургія въ вертепѣ, поверхъ его (въ храмѣ) начинается служеніе поздней литургіи, на которой, вмѣсто причастнаго, воспѣвается та же знаменательная пѣснь: „слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“. Эта послѣдняя литургія совершается обычнымъ порядкомъ, апостолъ и евангеліе читаются на трехъ языкахъ: греческомъ, славянскомъ и арабскомъ.

Послѣ литургіи въ греческомъ монастырѣ бываетъ обычное угощеніе для поклонниковъ, которые послѣ краткаго отдыха возвращаются въ Іерусалимъ. (См. „Кормчій“ 1894 г., № 51).

7. Благодарственное молебствіе въ день Рождества Христова въ С.-Петербургѣ.

Праздникъ Рождества Христова соединенъ, въ россійской церкви, съ воспоминаніемъ избавленія отечества нашего отъ нашествія галловъ (французовъ) и съ ними двадесяти языковъ въ 1812 году. И радостнымъ трепетомъ бьется православное русское сердце, внимая послѣ торжественной литургіи благодарственной молитвѣ, которую во всѣхъ нашихъ храмахъ на колѣнахъ возсылаютъ сыны Россіи за спасеніе ихъ отчизны. Съ особливою торжественностію, съ поражающимъ величіемъ отправляется это благодарственное молебствіе въ нашихъ столицахъ — въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ.

Въ каѳедральномъ Исаакіевскомъ соборѣ столичнаго города, С.-Петербурга,— одинъ изъ самыхъ торжественныхъ моментовъ — обѣдня въ день Рождества Христова, и послѣ нея извѣстное, родное каждой православной русской душѣ благодарственное молебствіе, по случаю нашествія на Москву и на Россію галловъ и съ ними двадесяти языкъ.

Какое торжество изъ всѣхъ общественныхъ собраній можетъ сравниться съ этимъ торжествомъ въ величіи, въ истинѣ и сосредоточенности чувства, проникающаго всѣхъ и каждаго, объединяющаго въ себѣ два великія, два господственныя ощущенія человѣческой природы — религіозное и національное? Поистинѣ міръ самыхъ возвышенныхъ явленій искусства и науки не можетъ представить ничего подобнаго. Вся эта сплошная, громадная масса головъ — слилась какъ будто воедино, и живетъ одною жизнью праздничнаго, торжественнаго настроенія, и изъ груди ея льется единая пѣснь Родившемуся Христу, Спасителю человѣчества, Спасителю вѣрующей Россіи.

Идетъ литургія – гремитъ съ клироса могущественное, гармоническое пѣніе — старый и малый, самый знатный и самый простой человѣкъ стоятъ рядомъ — въ простомъ, безсознательномъ, и тѣмъ болѣе драгоцѣнномъ состояніи общаго равенства передъ Богомъ, и празднуютъ Богу въ молитвѣ.

Но, вотъ, кончилась литургія.

Изъ алтаря выходитъ процессія, направляясь къ возвышенію посреди храма. На помостъ становится весь соборъ пребывающихъ въ столицѣ іерарховъ. Начинается служба, великая служба, составленная художникомъ церковной рѣчи, коей каждое слово отдается въ русскомъ сердцѣ, начиная съ громогласнаго „съ нами Богъ“. Русскіе люди съ трепетомъ ждутъ, послѣ Рождественскихъ пѣсенъ, когда загремитъ „Всемірная слава“ съ ея могучимъ „Дерзайте, людіе Божіи“, — когда раздадутся знакомыя слова пророчества о гордомъ завоевателѣ, раздражавшемъ землю, потрясавшемъ царей, положившемъ вселенную всю пусту, — слова апостола Павла о герояхъ народной брани, побѣдившихъ враговъ вѣрою,—слова евангелія о тяжкихъ временахъ, когда возстанетъ языкъ на языкъ и царство на царство. Діаконъ возглашаетъ умилительныя прошенія сугубой ектеніи, съ благодареніемъ и исповѣданіемъ Богу, что не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ намъ, но въ годину искушенія, пришедшую на всю вселенную, избавилъ насъ и, внегда обышедше обыдоша насъ враги наши, явилъ намъ Свое спасеніе, съ молитвою о упокоеніи душъ вождей и воиновъ и всѣхъ ревнителей вѣры и правды, въ годину искушенія душу свою за братію положившихъ.

Наконецъ настаетъ самая торжественная минута богослуженія, когда, вслѣдъ за митрополитомъ, вся громада народа, наполняющая храмъ, какъ бы вся церковь россійская, преклоняетъ колѣна и слушаетъ въ глубокомъ молчаніи великую, подлинно великую заключительную молитву.

„Ты глаголалъ сынамъ Израилевымъ, возглашаетъ святитель: если не послушаютъ гласа Твоего хранить и творить всѣ заповѣди Твои, наведешь на нихъ языкъ безстуденъ лицомъ, да сокрушитъ ихъ во грѣхахъ ихъ... И мы вѣдали, что страшный глаголъ сей наступалъ на насъ и на отцовъ нашихъ! Но, не убоявшись прещенія Твоего и вознерадивъ о Твоемъ милосердіи, оставили мы путь правды Твоей и ходили въ воляхъ сердецъ нашихъ, и не научились имѣть въ разумѣ и сердцѣ Тебя, Бога разумовъ и сердецъ! И еще,—вмѣнивъ ни во что отеческое преданіе, прогнѣвали мы Тебя ради чужихъ. И вотъ за то насъ, какъ древле сыновъ Израилевыхъ, объяло лютое обстояніе, и тѣ самые, кого мы желали имѣть учителями себѣ и наставниками, явились намъ буйными и звѣронравными врагами... Но ты, Господи Боже, щедрый и милостивый... на малое время оставивъ насъ, помиловалъ насъ веліею милостію!... Ты призрѣлъ на скорбь нашу и на потребленіе царствующаго града, въ коемъ отъ лѣтъ древнихъ призываемо было имя Твое, и на моленія наши... и далъ намъ хребетъ нечестивыхъ супостатовъ... Даруй намъ, Господи, имѣть въ себѣ тверду и непрестанну память сего славнаго посѣщенія Твоего“...

Кто изъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ, свидѣтелей незабвеннаго 1812 года, не проливалъ горячихъ слезъ при чтеніи этой великой, потрясающей русскую душу молитвы! Но можемъ ли и мы, сыны людей того вѣка, слышать ее равнодушно? Въ ней вопіетъ къ намъ вся исторія русской земли, исторія бѣдствій и внезапныхъ радостей, тяжкихъ паденій и возстаній отъ нападенія, безначалія и внезапнаго воскрешенія власти, исторія, проникнутая непоколебимою вѣрою добраго народа въ промыслъ Божій надъ нашимъ отечествомъ... (См. кн. „Праздники Господни“. Москва, 1898 г. Изд. 3-е.

8. О воплощеніи Сына Божія.

Много поучительнаго для насъ въ событіи воплощенія Сына Божія. Въ воплощеніи Сына Божія выразилась прежде всего любовь къ намъ. Самъ Іисусъ Христосъ говорилъ объ этомъ: *тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III, 16). Эта любовь Божія научаетъ и насъ любви къ Богу и къ ближнимъ нашимъ, которыхъ Богъ возлюбилъ, какъ самой главной добродѣтели. *Возлюбиши Господа Бога твоего,* говорилъ Іисусъ Христосъ, *всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею мыслію твоею. Сія есть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе* (Матѳ. XXII, 37—39). Воплощеніе Сына Божія принесло намъ на землю міръ отъ Бога и благоволеніе Божіе. По рожденіи Спасителя явилось множество ангеловъ, которые воспѣли пѣснь: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ: въ человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. II, 14). Такими словами ангелы прославили воплощеніе Сына Божія. Еще болѣе обнаружится предъ нами безграничная любовь Божія къ намъ, если мы обратимъ вниманіе на обстоятельства самаго воплощенія и на жизнь Спасителя на землѣ. Воплощеніе Его и жизнь земная были состояніемъ Его и уничиженія. Сынъ Божій принялъ на Себя тѣло человѣка, родился въ пещерѣ, куда загоняли скотъ, и положенъ былъ въ ясляхъ. Жилъ Онъ въ бѣдной семьѣ, пропитывавшей себя трудами рукъ своихъ. Самъ ІисусъХристосъ говорилъ о Своей жизни: *лиси язвины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не имать гдѣ главы подклонити* (Матѳ. VIII, 20). Онъ проповѣдывалъ людямъ ученіе Свое и оказывалъ имъ милости Своими чудесами, но Его ненавидѣли, преслѣдовали и, наконецъ, предали смерти. Такъ вся жизнь Его была уничиженіемъ. На это-то состояніе уничиженія и указываетъ апостолъ Павелъ, когда говоритъ, что Іисусъ Христосъ *Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ; смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. II, 7—8). Такова сила любви Божіей къ намъ.

Воплощеніе Сына Божія научаетъ насъ уважать въ себѣ и въ другихъ людяхъ достоинство человѣческой природы. Такъ какъ Господу угодно было воспринять на Себя тѣло наше, то мы не должны уничижать его грѣхами своими. Тѣло наше послѣ воплощенія Сына Божія стало храмомъ живущаго въ насъ Духа Святаго. *Или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть, Его же имате отъ Бога, и нѣсте свои? Куплени бо есте цѣною,*— писалъ апостолъ Павелъ коринѳянамъ (1 Кор. VI, 19—20). Поэтому мы должны хранить тѣло свое въ чистотѣ, служить Богу не только душою, но и тѣломъ. Тотъ же апостолъ убѣждалъ коринѳскихъ христіанъ: *прославите (убо) Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ, и во душахъ вашихъ, яже суть Божія. Аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ: храмъ бо Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. VI. 20; III, 17).

Наконецъ, воплощеніе Сына Божія научаетъ насъ прославлять пресвятую, пречистую, преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію. Она удостоилась быть Матерію Господа и чрезъ это содѣлалась какъ бы виновницею нашего спасенія. Посему о Ней радуется всякая тварь и Ее ублажаютъ всѣ роды христіанскіе. Православная церковь почитаетъ Ее превыше херувимовъ и серафимовъ. Обращаясь къ Ней съ молитвою, будемъ съ любовію взывать къ Ней: „Богородице Дѣво, радуйся, благодатная Марія, Господь съ Тобою. Благословенна Ты въ женахъ, и благословенъ плодъ чрева Твоего; яко Спаса родила еси душъ нашихъ. Достойно есть, яко воистину, блажити Тя Богородицу, присноблаженную и пренепорочную и Матерь Бога нашего, честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія серафимъ, безъ истлѣнія Бога Слова родшую, сущую Богородицу Тя величаемъ“. По качеству Матери Господа, Пресвятая Дѣва Марія является Предстательницею христіанъ, ходатаицею и усердною заступницею за насъ предъ Богомъ. Посему и мы должны прибѣгать къ Ней во всякихъ бѣдахъ и напастяхъ, на Нее возлагать надежду и упованіе. Обращаясь къ Ней съ молитвою, будемъ усердно взывать къ Ней: „Пресвятая Богородица, спаси насъ! Мати Божія, сохрани насъ подъ кровомъ Твоимъ! Спаси отъ бѣдъ рабы Твоя, Богородице, яко вси по Бозѣ къ Тебѣ прибѣгаемъ, яко къ нерушимѣй стѣнѣ и предстательству. Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебе, Владычице, Ты намъ помози, на Тебе надѣемся и Тобою хвалимся, Твои бо есмы раби, да не постыдимся“.

Ублажая Пресвятую Богородицу и призывая Ее въ своихъ молитвахъ, будемъ стараться и подражать Ей. Научимся отъ Нея тому смиренію и той преданности волѣ Божіей, какія выказала Она во время благовѣстія Ей архангела Гавріила, и которыми отличалась вся Ея жизнь. *Се раба Господня, буди Мнѣ по глаголу твоему*, такъ отвѣчала Она архангелу на его благовѣстіе. Будемъ и мы, обращаясь къ Богу, съ сокрушеннымъ и смиреннымъ сердцемъ всегда взывать къ Нему: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.* (Изъ Катихиз. бесѣдъ свящ. С. Садковскаго ч. 1).

9. О томъ, какъ св. Константинъ философъ объяснялъ сарацинамъ тайну воплощенія Бога Слова.

Тайну воплощенія Бога Слова отъ Пречистыя Дѣвы Маріи изъяснялъ св. Константинъ въ состязаніяхъ съ іудеями и сарацинами. Сарацины возражали: „вы, христіане, говорите, что Богъ отъ жены родился; можетъ ли Богъ родиться отъ жены?“—Св. Константинъ отвѣчалъ: не отъ простой жены родился Богъ, но отъ безбрачной Пресвятой Дѣвы наитіемъ Святаго Духа, Который въ Пресвятой и дѣвственной Ея утробѣ основалъ плоть Христу Богу и устроилъ Отчему Слову воплощеніе и рожденіе, Богъ такъ восхотѣлъ, а Его волѣ и хотѣнію повинуется всякое созданное естество. Идѣже бо восхощетъ Богъ, тамо побѣждается естества чинъ. „Какъ же это женскій полъ можетъ вмѣстить во чревѣ Бога, на Котораго и зрѣть невозможно, не то что родить Его?“—Св. философъ, указавъ на бывшихъ тутъ кагана (князя хозарскаго) и совѣтника его, сказалъ: если бы кто сказалъ, что сей первый совѣтникъ не можетъ принять въ свой домъ кагана и угостить его, а послѣдній подданный можетъ это сдѣлать, то какъ назвать такого человѣка—безумнымъ или разумнымъ? Очень безумнымъ.—Скажите теперь: что въ поднебесной есть лучшаго изъ всѣхъ тварей? Человѣкъ, ибо онъ почтенъ разумною душою, созданною по образу Божію. Неразумны, слѣдовательно, тѣ, которые почитаютъ невозможнымъ, дабы Богъ вмѣстился во утробѣ человѣческаго естества, когда знаютъ, что Онъ могъ вмѣститься въ купинѣ. Ужели купина, бездушная тварь, лучше чувствующей и разумной твари, почтенной Богоподобною душою? Когда Богъ являлся Іову, то вмѣщался въ облакѣ, Моисею—въ дымѣ, Иліи—въ легкомъ вѣяніи прохлады; что жъ удивительнаго и несообразнаго, если Онъ вмѣстился въ честнѣйшей, одушевленной твари?

Затѣмъ, объясняя причины и цѣль воплощенія Бога Слова, св. Константинъ говорилъ: если бы Слово Отчее, подобно пластырю, не приложилось къ человѣку воплощеніемъ, то какъ бы Оно исцѣлило человѣка? Врачъ, желая оказать помощь человѣку, прикладываетъ пластырь не къ дереву или къ камню, а къ больному человѣку, такъ и Богъ приложилъ Единородное Слово Свое, какъ цѣлебный пластырь, не къ дереву, какъ въ неопалимой купинѣ, не къ камню, какъ это было на каменныхъ горахъ Синая и Хорива, но приложилъ къ человѣку, смертно зараженному грѣховною болѣзнію, приложилъ сей цѣлебный пластырь крѣпко, благоволивъ вселиться Тому, дѣйствіемъ Св. Духа, въ чистой, дѣвственной утробѣ, а не просто женской, воплотиться и родиться, какъ предсказалъ о томъ пророкъ Исаія: *се, Дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ Сына и* *нарекутъ имя Ему Еммануилъ* (VII, 14). Пророкъ здѣсь ясно указываетъ на Бога Сына, имѣющаго родиться на землѣ отъ чистой и безбрачной Дѣвы (Ч.-М. мая 11 д.).

10. Блага, принесенныя на землю рожденіемъ Сына Божія.

Христіанскій міръ торжественно празднуетъ день Рождества Господа нашего Іисуса Христа. Божественный день, величественный день, свѣтозарный день! Это день, въ который въ первый разъ во мракѣ жизни человѣческой возсіяло Солнце правды—Христосъ Богъ нашъ. Это день, съ котораго начинается обновленіе погибшаго во грѣхахъ рода человѣческаго. Это день, въ который Богъ нисходитъ къ людямъ, и люди озаряются свѣтомъ истины, свѣтомъ добра, свѣтомъ любви, свѣтомъ правды. Недостанетъ силъ человѣческихъ обнять, уразумѣть и понять всю полноту благъ, принесенныхъ міру родившимся Спасителемъ, потому что, какъ говоритъ одинъ писатель, „предметъ этотъ отличается вѣчнымъ и безконечнымъ достоинствомъ, всегда будетъ для насъ новъ и никогда не будетъ нами, по своей безконечности, вполнѣ объятъ“. Поэтому вникнемъ хоть только въ нѣкоторую часть тѣхъ благъ, которыя явилъ міру Христосъ. Взглянемъ на человѣчество въ его исторической жизни, посмотримъ, чѣмъ оно было въ религіозной и нравственной жизни безъ Христа и чѣмъ оно стало со Христомъ.

Христосъ сообщилъ людямъ самое возвышенное понятіе о Богѣ. До пришествія Христа одна часть человѣчества совершенно не знала истиннаго Бога. Тамъ разумный человѣкъ преклонялъ колѣна предъ идолами и служилъ, какъ богамъ,—несовершеннымъ и ограниченнымъ тварямъ приносилъ имъ въ жертву животныхъ и людей, пытался пріобрѣсти ихъ благосклонность постыдными и гнусными дѣлали. Другая часть человѣчества—народъ еврейскій—знала Бога истиннаго, какъ Творца, Премудраго и Всемогущаго Управителя вселенной, какъ Промыслителя, на котораго очи всѣхъ уповаютъ и который подаетъ всѣмъ пищу въ свое время, какъ Существо безконечно великое, ни въ какомъ случаѣ несклонное оправдывать грѣхъ, и однако же милосердное, долготерпѣливое, изобилующее благостію. Но только Христосъ открылъ намъ въ полномъ свѣтѣ Бога любви, показавъ, что Богъ такъ возлюбилъ міръ, что послалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчно. Въ новомъ завѣтѣ Богъ въ первый разъ названъ Отцомъ всѣхъ людей въ обширномъ смыслѣ. Ветхій завѣтъ называлъ Его Богомъ Авраама, Исаака, Іакова, наслѣдія Израиля. Христосъ указываетъ на Него всѣмъ народамъ, какъ на Бога всего человѣчества.

Чѣмъ были взаимныя отношенія людей и цѣлыхъ народовъ до Христа и безъ Христа? До Христа люди не знали человѣколюбія и милосердія; они были эгоистичны: ибо всякій преслѣдовалъ свои собственные интересы, не заботясь о другихъ. Такъ, древность языческая не знала милосердія къ бѣднымъ и сострадатнія къ слабымъ. Ни одинъ изъ тысячей богатыхъ людей, живущихъ въ Римѣ, никогда не думалъ объ учрежденіи какого-либо убѣжища для бѣдныхъ или больницы для больныхъ. „Какъ это упалъ ты такъ низко, что не гонишь отъ себя нищаго съ презрѣніемъ?“—этотъ вопросъ былъ предложенъ однимъ риторомъ времени имперіи одному богатому человѣку. А какъ теперь страшно звучатъ мысли Платона, благороднѣйшаго среди древнихъ мудрецовъ,—что всѣ нищіе должны быть изгнаны изъ государства. „Плохую услугу, говорится у Плавта, оказываетъ бѣдному тотъ, кто даетъ ему ѣсть и пить потому что и то, что онъ даетъ ему, только ухудшаетъ и удлинняетъ ему жизнь въ его бѣдственности“. У евреевъ о нищихъ думали, что они несутъ наказаніе за свои грѣхи или за грѣхи отцовъ. Но помните, что сказалъ Христосъ: „блаженнѣе давать, нежели принимать“; „алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; былъ боленъ, и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ“, „раздай (имѣніе свое) нищимъ“. Всѣ отверженные и обойденные получили права человѣческія, когда Христосъ возвѣстилъ, что всѣ люди суть братья, что они суть чада одного Всемогущаго Отца и одна семья во Христѣ, своемъ Искупителѣ и Спасителѣ.

До Христа тяжелое иго рабства лежало на выяхъ цѣлой половины человѣчества. Рабы были, до пришествія Христа, лишены всѣхъ человѣческихъ правъ, они считались частію имущества, менѣе цѣннаго, чѣмъ земля или скотъ.

Древній римскій законъ налагалъ наказаніе смертію на того, кто убьетъ вола во время паханія; но убійца раба не подлежалъ никакой отвѣтственности. Убійствами и казнями рабовъ богатые и знатные люди устраивали потѣхи и зрѣлища. Троянъ, лучшій изъ римлянъ своего времени, приказалъ 10000 рабамъ сражаться одновременно въ амфитеатрѣ для потѣхи народа. Эта рѣзня продолжалась въ теченіе 123 дней. Христосъ возвѣстилъ людямъ о всеобщемъ ихъ братствѣ и равенствѣ ихъ предъ Богомъ, и этой истиной подсѣкъ въ корнѣ позорное языческое воззрѣніе на рабовъ. Въ христіанствѣ нѣтъ уже ни іудея, ни язычника; нѣтъ раба, ни свободнаго нѣтъ мужскаго пола, ни женскаго; ибо всѣ мы одно во Христѣ Іисусѣ. Между тѣмъ какъ у язычниковъ достоинство человѣка цѣнилось по его внѣшнему состоянію, это послѣднее въ христіанствѣ не имѣетъ значенія, и истинное внутреннее достоинство человѣка стоитъ совершенно независимо отъ него. Рабъ или господинъ—это лишь нѣчто случайное. Рабъ можетъ быть по истинѣ,—внутренно, свободнымъ, а господинъ можетъ быть по истинѣ, внутренно, рабомъ. Есть только одно истинное рабство, именно рабство грѣха, и одна только истинная свобода, именно свобода во Христѣ. И мы знаемъ, что среди мучениковъ первенствующей церкви встрѣчается множество рабовъ, и этотъ высочайшій вѣнецъ предоставлялся имъ въ той же мѣрѣ, какъ и свободнымъ. Возвышая въ рабѣ человѣческое достоинство, христіанство призываетъ господъ помнить это и относиться къ своимъ подчиненнымъ и слугамъ любвеобильно, съ кротостію и нѣжностію. „Не подобаетъ относиться,—говорится въ ученіи Господа чрезъ двѣнадцать апостоловъ —къ твоему рабу и твоей рабынѣ, которые уповаютъ на того же самаго Бога, съ жестокостью, дабы они не устрашились Бога, Который владычествуетъ надъ вами обоими, ибо Онъ пріидетъ призвать не по лицепріятію, но тѣхъ, которыхъ приготовилъ Духъ“.

Чѣмъ было безъ Христа семейство, эта основа всякаго истиннаго развитія и благополучія? Оно было тѣмъ же, чѣмъ и до сихъ поръ является у не-христіанскихъ народовъ. Мужъ не былъ супругомъ и отцомъ, а владыкой и тираномъ и жены и дѣтей. Древность никогда не признавала за женщиною полнаго человѣческаго достоинства. Жена была собственностію мужа, его рабою; она не призывалась къ обсужденію семейныхъ дѣлъ и жизни, а была слѣпою исполнительницею воли мужа; о духовномъ образованіи женщинъ не было помина. Чистота семейной жизни, составляющая принадлежность и честь всякаго истиннаго христіанскаго семейства, едва ли была извѣстна въ древности по имени. Дѣти въ семьѣ были совершенно безправны. Отецъ могъ безусловно распоряжаться ими по своему произволу, онъ могъ ихъ принимать и воспитывать, но также могъ выбросить и умертвить. Платонъ и Аристотель снисходительно смотрѣли на то, если родители выбрасывали дѣтей, которыхъ они не въ состояніи были воспитать, или которыя, какъ слабыя, больныя, не могли быть полезными государству. Тотъ, кто принималъ выброшеннаго такимъ образомъ ребенка, могъ распоряжаться имъ по своему произволу. Римскій законъ прямо уполномочивалъ больныхъ и слабыхъ дѣтей умерщвлять, какъ безполезныхъ для цѣлей государства, для защиты котораго требовались здоровыя и крѣпкія силы. Самое начальное домашнее воспитаніе дѣтей вручалось рабамъ; свободные граждане считали это дѣло недостойнымъ себя. О нравственныхъ основахъ воспитанія, конечно, никто не помышлялъ. Христосъ Спаситель возвысилъ, облагородилъ семейную жизнь. Въ христіанствѣ мужъ не владыка и тиранъ, а супругъ и отецъ въ благородномъ смыслѣ слова: онъ долженъ почитать и любить свою жену, какъ равную и единочестную съ нимъ, любить своихъ дѣтей и отечески заботиться о нихъ. Жена болѣе уже не раба, а супруга и мать въ томъ значеніи, которое заключаетъ въ себѣ сладчайшее имя матери; супруга и мать, любящая и почитающая мужа и заботящаяся прежде всего о воспитаніи дѣтей, дающая намъ Василіевъ, Григоріевъ, Златоустовъ. Дѣти для родителей въ христіанствѣ—даръ Божій, ввѣренный имъ залогъ, за который они становятся отвѣтственными предъ Богомъ. Христіанство говоритъ не только объ обязанностяхъ дѣтей, но и объ обязанностяхъ родителей и, окружая послѣднихъ, какъ замѣстителей Бога, нѣкоторымъ величіемъ и честью, налагаетъ на родителей высокую задачу воспитывать своихъ дѣтей, какъ чадъ Божіихъ, для Его царства.

Но видимъ ли мы въ современномъ намъ обществѣ христіанскомъ осуществленіе тѣхъ высокихъ началъ, которыя явилъ міру снисшедшій на землю Господь нашъ Іисусъ Христосъ? Мы научены вѣровать въ Единаго только Бога, но сколько есть теперь христіанъ, которые и словомъ, и особенно жизнію своею отрицаютъ Бога Мы научены вѣровать въ Бога. Промыслителя и надѣяться на Него; но сколько есть между нами живущихъ такъ, какъ бы вовсе не было на небесахъ всеблагаго Отца, какъ бы слѣпой рокъ и жестокая судьба царствовала повсюду, и которые всѣ свои надежды возлагаютъ на вещественныя блага и на человѣческую помощь, и при первомъ же затрудненіи и неудачѣ приходятъ въ отчаяніе. Мы научены вѣровать въ Іисуса Христа, какъ Искупителя и Богочеловѣка. Но сколько есть въ наше время людей, которые отрицаются отъ Христа, своего Господа Спасителя. Сонмъ этихъ людей весьма многочисленъ и разнообразенъ. Вотъ одни изъ нихъ совершенно утратили вѣру въ Божественное достоинство и искупительныя заслуги Іисуса Христа, отвергаютъ Его ученіе о Единосущіи Его съ Богомъ Отцомъ и объ искупительномъ значеніи Его страданій и крестной смерти; не вѣруютъ въ догматическое ученіе христіанской вѣры, а изъ нравоученія Христа отдаютъ справедливость только немногимъ Его наставленіямъ, да и тѣ толкуютъ превратно. Вотъ, далѣе, другіе, которые говорятъ, что они вѣруютъ во Христа, какъ Богочеловѣка и Искупителя, но на самомъ дѣлѣ отрицаются Его, потому что не вѣруютъ въ Его святую церковь. Они мечтаютъ спастись непосредственнымъ общеніемъ со Христомъ, не признаютъ для себя нужными таинства церковныя, слѣдовательно, чужды благодати Божіей, въ нихъ сообщаемой. Такъ относятся къ церкви разнообразные сектанты, число которыхъ у насъ подлинно извѣстно одному Богу. Наконецъ, отрекаются отъ Христа всѣ тѣ, которые хотя и вѣруютъ во Христа и Его святую церковь, но на самомъ дѣлѣ нерадятъ объ исполненіи заповѣдей Христовыхъ, называютъ Христа Господомъ, а волѣ Его, выраженной въ Его заповѣдяхъ, не покоряются, именуютъ себя Его рабами, но на самомъ дѣлѣ служатъ и слѣдуютъ внушеніямъ своихъ страстей и самолюбія, и при служеніи этимъ гнуснымъ и отвратительнымъ идоламъ они приносятъ въ жертву и долгъ и совѣсть и, увы!—самую честь свою!

Евангеліе освятило и облагородило семью; но какъ часто и христіанская семья представляетъ печальное зрѣлище! Бракъ, этотъ священный и божественный союзъ, у многихъ упалъ до простой финансовой сдѣлки, и вслѣдствіе этого взаимныя другъ къ другу любовь мужа и жены поколебались. Рядомъ съ этимъ женщина, потерявъ истинное понятіе о своемъ призваніи и назначеніи быть помощницею мужа и воспитательницею своихъ дѣтей, выступила на общественное поприще съ предъявленіемъ своихъ правъ равенства съ мужчиною, равенства не только въ человѣческомъ достоинствѣ, которое ей дано и указано Христомъ, но равенства и въ правахъ служебныхъ и общественныхъ. А дѣти?.. Но кто измѣритъ глубину зла, которое распространяется и впитывается нашимъ молодымъ поколѣніемъ! Угасаетъ у многихъ молодыхъ людей страхъ Божій, ослабѣла покорность и почтеніе къ родителямъ, уваженіе къ старшимъ, меркнетъ дѣвственная чистота мыслей и чувствъ, и на мѣстѣ этого является преждевременная зрѣлость, влекущая за собою множество болѣзней духовныхъ и тѣлесныхъ.

Исчезло изъ христіанскаго міра рабство: всѣ уравнены предъ закономъ; но какъ часто это равенство оказывается пустой фразой! Какъ часто законы оказываются сильными только въ примѣненіи къ безсильнымъ! Исчезли жестокія и безчеловѣчныя зрѣлища языческія; но какъ часто нынѣшнія зрѣлища оказываются безчеловѣчнѣе древнихъ, поелику вмѣсто того, чтобы освѣжать, научать и облагораживать лишь разжигаютъ страсти, вливаютъ по каплѣ ядъ порчи и нечестія въ нѣжныя сердца юношества, и ведутъ его къ погибели. Разнеслась по всему міру проповѣдь Христова о любви; но сколько есть между христіанами такихъ, которые оказываются жестокими и безчеловѣчными къ бѣднымъ и несчастнымъ! Они тратятъ свое богатство на удовольствія и роскошь, или поклоняются ему, какъ Богу, а между тѣмъ безучастно смотрятъ на страданія, бѣдность и нужду ближнихъ, которые ждутъ отъ нихъ помощи!

Но удержимъ себя отъ дальнѣйшаго изображенія мрачныхъ картинъ нашей жизни, стоящей нерѣдко въ противорѣчіи съ возвышеннымъ ученіемъ, принесеннымъ въ міръ Христомъ. Христіанство не уничтожило совершенно зла, и зло существуетъ въ людяхъ и будетъ существовать, въ большей или меньшей мѣрѣ, до скончанія міра. Но зато теперь никогда не умретъ въ человѣчествѣ Христосъ, и никакія врата адова не одолѣютъ Его силы въ семъ мірѣ. Имъ человѣчество живетъ, Его ученіемъ дышитъ, Его помощью побѣждаетъ зло, Его силою творитъ добро. Какъ ни много зла въ мірѣ, но духъ Христовъ живетъ въ насъ: Онъ сдѣлался руководителемъ жизни человѣческой. Отсюда правда становится потребностію жизни людей, водворяется въ людяхъ уваженіе къ личности, правамъ и жизни человѣка; личная безопасность и права всѣхъ и каждаго ограждаются не столько внѣшнею силою, сколько сознаніемъ своего долга; любовь христіанская умягчаетъ законы человѣческіе, вливаетъ въ нихъ духъ кротости и человѣколюбія, открываетъ многія благотворительныя учрежденія, имѣющія цѣлію уменьшить зло и человѣческія бѣдствія. И все это творитъ въ людяхъ одинъ Христосъ Своею безсмертною личностію, Своимъ безсмертнымъ ученіемъ, Своими безсмертными дѣлами. (Орловск. Епарх. Вѣдом.).

11. Святки.

Величайшее, всеміpное событіе Рождества Христова воспоминается и прославляется торжественно святою церковію въ теченіе двѣнадцати дней, называемыхъ *святками*, или святыми днями. Первые три дня этого великаго торжества, въ богослужебныхъ нашихъ книгахъ, называются *св. Пасхою и праздникомъ тридневнымъ*. Въ эти три дня, по древнему обычаю, христіане оставляли всѣ дѣла мірскія и житейскія, не только частныя, но и гражданскія или общественныя, что отчасти соблюдается и доселѣ.

Въ эту тридневную Пасху у древнихъ христіанъ рабамъ давалась свобода отъ трудовъ, — а должникамъ и узникамъ являлось помилованіе, и всѣмъ — всеобщее прощеніе. Всѣ спѣшили въ храмы Божіи къ общественному богослуженію, во время котораго христіане, во взаимномъ примиреніи другъ съ другомъ, причащались святыхъ Христовыхъ таинъ и слушали пастырскія поученія. „Нынѣ возсіялъ день милости, — говорилъ нѣкогда св. Ефремъ Сиріянинъ на праздникъ Рождества Христова,—днесь ликуютъ ангелы на небеси и радуются человѣцы на земли. Да не преслѣдуетъ же никто ближняго своего мщеніемъ за нанесенную ему обиду. Насталъ день радости всеобщей; да не будетъ никто виною печали и скорби для другихъ, да обуздается злорѣчивый языкъ и гнѣвъ, возмутитель мира и спокойствія. Это день, въ который Богъ снисшелъ на землю къ грѣшникамъ; да устыдится же мнимый праведникъ превозноситься предъ грѣшникомъ. Это день, въ который Господь твари сошелъ къ рабамъ; да не стыдится же и господинъ, съ такою же любовію, снизойти къ слугамъ своимъ. Это день, въ который Божій Сынъ обнищалъ насъ ради; да не устыдятся же богатые раздѣлить свою трапезу съ бѣдными“. Такія наставленія добраго пастыря, безъ сомнѣнія, въ свое время, свято соблюдались его пасомыми и во всѣ великіе, святые дни, а тѣмъ болѣе, въ эту тридневную Пасху!

Въ остальные девять дней *святокъ* не запрещались обычныя занятія мірянамъ, за исключеніемъ, конечно, праздниковъ, какіе приходились въ это время; но всѣ вечера этихъ дней назывались *святыми вечерами*, потому что христіанамъ вмѣнялось въ обязанность проводить ихъ въ чтеніи священныхъ книгъ и душеспасительныхъ семейныхъ бесѣдахъ, особенно о той великой милости, какая намъ дарована свыше воплощеніемъ для насъ Сына Божія.

Быть-можетъ, у насъ доселѣ, на Руси, кое-гдѣ обрящутся такія добрыя, благочестивыя семейства, въ которыхъ и этотъ древній обычай сохраняется свято. Но болѣе извѣстно, что въ эти дни святые, и особенно въ святые вечера, многіе, именующіе себя христіанами и при томъ православными, предаются празднествамъ языческимъ, — и такимъ занятіямъ, которыя противны чести и достоинству природы человѣческой. Таковы-то, именно: почти повсюдныя, суевѣрныя гаданія, особенно у дѣвъ юродливыхъ и особенно подъ Новый годъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на праздникъ Обрѣзанія Господня и день памяти Великаго святителя Василія, а также переряживанія изъ мужской одежды въ женскую и наоборотъ, съ надѣваніемъ при этомъ масокъ или личинъ.

Въ желаніи предостеречь отъ такого поруганія святыхъ, великихъ дней, отчасти и дѣтей, а болѣе — родителей, которые не смотрятъ за дѣтьми, или смотрятъ на такое безобразіе довольно снисходительно и даже одобрительно, повторимъ тѣ правила вселенской церкви, въ которыхъ строго запрещаются подобныя занятія и во всякую пору года, а тѣмъ болѣе, конечно, въ дни и вечера святые, или, что то же, святки.

Въ правилахъ (61 и 62) вселенскаго собора говорится слѣдующее: *Прибѣгающіе къ волшебникамъ, или другимъ гадателямъ, или гаданіямъ, чтобы узнать отъ нихъ что-либо сокровенное, согласно съ прежними отеческими о нихъ постановленіями, да подлежатъ правилу шестилѣтней епитиміи* (т.-е. шесть лѣтъ не должны быть допускаемы до св. причащенія). *Той же епитиміи надлежитъ подвергать и тѣхъ, кои производятъ гаданія о счастіи — судьбѣ* (или, какъ выражаются безумныя дѣвицы, о своемъ суженомъ ряженомъ). *А тѣхъ, которые не будутъ слушать и исполнять этого постановленія и продолжать таковые пагубные и языческіе вымыслы, опредѣляемъ совсѣмъ извергать изъ церкви. Ибо кое общеніе свѣту ко тьмѣ,* говоритъ апостолъ (2 Кор. VI, 14), *или кое смѣшеніе церкви Божіей съ идолами, соучастіе вѣрнаго съ невѣрнымъ; какое же согласіе Христа съ веліаромъ, или сочетаніе Его съ діаволомъ?*

Также,—продолжаютъ св. отцы,—*и всенародныя пляски, могущія причинить великій вредъ и пагубу, и другіе скверные обряды, по старинному и чуждому христіанскаго житія обычаю совершаемые, отвергаемъ и опредѣляемъ: никому изъ мужей не одѣваться въ женскую одежду, не свойственную мужу; а равно и тѣмъ болѣе, конечно, ни женщинамъ, ни дѣвицамъ мужской одежды не надѣвать, и масокъ отнюдь не носить. Посему тѣхъ, кои отнынѣ, зная это, дерзнутъ дѣлать что-либо изъ вышесказаннаго, если они клирики* (т.-е. лица, принадлежащія къ духовному званію), *повелѣваемъ извергать изъ священнаго чина, а если міряне, то отлучать отъ общенія церковнаго.*

Это соборное постановленіе сдѣлано, согласно со св. писаніемъ, въ которомъ говорится: *да не будетъ утварь мужеска на женѣ, ни да облачится мужъ въ ризу женску, яко мерзость есть Господеви Богу твоему всякъ творяй сія* (Второз. II, 2—5).

На этомъ основаніи, и законами нашего правительства (какъ и значится о томъ въ XIV томѣ свода законовъ, ч. 18, ст. 35, 34) запрещено: „въ навечеріе Рождества Христова и въ продолженіе святокъ заводить, по старинномъ идолопоклонническимъ преданіямъ, игрища и, наряжаясь въ кумирскія одѣянія, производить по улицамъ пляски и соблазнительныя пѣсни“. (Изъ проповѣди протоіерея І. Полисадова).

Январь мѣсяцъ.

1 ДЕНЬ.

НОВЫЙ ГОДЪ.—ОБРѢЗАНІЕ ГОСПОДНЕ.—ПАМЯТЬ СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО, ЕПИСКОПА КЕСАРІИ КАППАДОКІЙСКОЙ.

(Еванг. отъ Лук. зач. 6 и 8, гл. II, 20—21, 40—52 ст. Св. Василію Великому: Лук. 24 зач. VI гл. 17—23 ст.).

1. Обрѣзаніе Господне.

По сказанію (еванг. Луки II, 21), въ осьмой день по рожденіи Божественный Младенецъ былъ обрѣзанъ по закону. Какъ объ общеизвѣстномъ обрядѣ, исполняемомъ всѣми евреями безусловно, евангелистъ говоритъ объ обрѣзаніи Господа нашего весьма кратко. Св. Лука не упоминаетъ даже, гдѣ совершено было обрѣзаніе, въ той же самой пещерѣ, гдѣ родился Іисусъ Христосъ, или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ. Ему достаточно было показать, что Божественный Младенецъ чрезъ обрѣзаніе принялъ на Себя обязанность подчиняться требованіямъ закона Моѵсеева (Гал. V, 3).

Является вопросъ: какой смыслъ имѣло обрѣзаніе у евреевъ и зачѣмъ обрядъ этотъ нужно было исполнять Спасителю?

Обрѣзаніе, одно изъ важнѣйшихъ священныхъ дѣйствій ветхозавѣтной религіи, было установлено самимъ Богомъ. Оно имѣло значеніе близкое къ тому, что мы называемъ теперь таинствомъ. Обрѣзаніе служило символомъ вступленія человѣка въ завѣтъ съ Богомъ и принадлежности его къ избранному Богомъ народу, и было отличительнымъ признакомъ чтителей истиннаго Бога. При вступленіи Авраама въ завѣтъ съ Богомъ, обрѣзаніе должно было служить праотцу евреевъ напоминаніемъ о томъ, чтобы онъ ходилъ предъ Богомъ всемогущимъ и былъ *непороченъ* (Быт. XVII, 1—11), а законъ Моѵсеевъ говоритъ народу, чтобы онъ обрѣзалъ *крайнюю плоть сердца* своего и не былъ *жестоковыйнымъ* (Втор. X, 15) и чтобы любилъ Господа Бога своего *отъ всего сердца своего и отъ всей души своей* (XXXVI, 6) и, слѣдовательно, смотритъ на обрѣзаніе, какъ на символъ покорности Богу (Лев. XXVI, 41). Такъ смотрятъ на это *знаменіе завѣта* и пророки, требуя обрѣзанія злыхъ склонностей (Іер. IV, 4; Іез. XLIX, 7). Такимъ образомъ обрѣзаніе было выраженіемъ очищенія отъ грѣховной порчи, которая путемъ естественнаго рожденія переходитъ на всѣхъ людей.

Сынъ Божій, сдѣлавшись сыномъ Пресвятой Дѣвы Маріи, благоволилъ подвергнуть Себя обрѣзанію, „яко человѣкъ осмодневный“. Безъ сомнѣнія, Онъ не имѣлъ нужды въ этомъ внѣшнемъ знакѣ союза съ Богомъ, но если принялъ его на Себя, то въ знакъ Своего вступленія въ завѣтную, подзаконную жизнь того народа, среди котораго Онъ родился. Съ другой стороны, если бы Онъ не принялъ обрѣзанія, то никто не призналъ бы Его за обѣтованнаго Мессію, за того великаго потомка Авраамова, въ Которомъ одномъ должны были получить благословеніе всѣ народы земли. По ученію апостола Павла, Іисусъ Христосъ принялъ на Себя законъ грѣха для того, чтобы даровать намъ оправданіе (2 Кор. V, 21), и для того Онъ явился въ подобіи плоти грѣха, чтобы изгладить грѣхъ во плоти (Рим. VIII, 3).

Кромѣ сего, Своимъ обрѣзаніемъ Спаситель научаетъ насъ исполнять законъ Божій съ совершенною точностію, не изыскивать никакихъ предлоговъ къ нарушенію заповѣдей Божіихъ и ничѣмъ не оправдывать своего уклоненія отъ постановленій св. церкви.—Времена ветхаго завѣта прошли, обрѣзаніе отмѣнено, и вмѣсто его установлено благодатное таинство св. крещенія. Народъ избранный, сдѣлавшійся богоубійцею, отверженъ Богомъ, и внѣшній знакъ его избранія—обрѣзаніе—сдѣлался не нужнымъ. Однако и для насъ христіанъ есть обрѣзаніе, которому мы должны подвергнуть себя добровольно,—*обрѣзаніе духовное*, состоящее въ отсѣченіи отъ души плотскихъ страстей и пожеланій. *Обрѣзани бысте*, говоритъ св. Павелъ увѣровавшимъ изъ необрѣзанныхъ язычниковъ, *обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, въ совлеченіи тѣла грѣховнаго плоти, въ обрѣзаніи Христовѣ, спогребшеся Ему крещеніемъ* (Кол. XI, 11).

При самомъ обрѣзаніи Божественный Младенецъ получилъ имя: Іисусъ, нареченное Ему ангеломъ еще до зачатія (Лук. I, 31; Мѳ. I, 21),—такое имя, которое указывало на Его назначеніе и на Его божественную природу. Іисусъ съ еврейскаго значитъ: Богъ намъ помощникъ, а по объясненію ангела Іосифу, Іисусъ значитъ Спаситель. Дѣйствительно, это имя выражало все, что весь міръ могъ ожидать отъ Него. Это было то имя, предъ которымъ должно *преклониться всяко колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ* (Фил. II, 10). Оно *выше всякаго имени* (Фил. II, 9), да и *нѣтъ* кромѣ него, по словамъ апостола Петра, *иного имени подъ небесемъ даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. IV, 12).

Въ воспоминаніе обрѣзанія Господня въ осьмой день по рожденіи Его отъ Пресвятой Дѣвы Маріи, православная церковь, изъ года въ годъ, 1 числа января совершаетъ издревле великій праздникъ. Начало его относится къ первымъ вѣкамъ христіанства. До насъ дошли многія слова св. отцовъ IV вѣка, произнесенныя ими въ этотъ праздникъ. Таковы, напримѣръ, поученія св. Амфилохія иконійскаго, св. Григорія нисскаго, Амвросія медіоланскаго, и др. День обрѣзанія и нареченія Господа, какъ осьмой по рожденіи Его на землѣ, служилъ заключеніемъ праздника Рождества Христова. Посему древніе отцы церкви: Амфилохій иконійскій, Григорій Богословъ и Григорій нисскій, въ своихъ писаніяхъ называли день Обрѣзанія „осьмымъ днемъ“ по Рождествѣ Христовѣ. („Русск. палом.“ 1895 г. № 1).

2. Святитель Василій Великій.

Святитель Василій Великій родился около 330 года въ городѣ Кесаріи Каппадокійской. Отецъ его былъ учителемъ въ мѣстныхъ школахъ. По наслѣдству онъ получилъ въ полное владѣніе нѣсколько земельныхъ участковъ и считался человѣкомъ зажиточнымъ. Не менѣе его богата была и избранная имъ подруга жизни, благочестивая Эммилія. Какъ отецъ, такъ и мать отъ родителей наслѣдовали и вѣру христіанскую. Но особеннымъ благочестіемъ славилась между жителями Кесаріи мать Эммиліи, Макрина. Съ малыхъ лѣтъ Василій порученъ былъ на воспитаніе своей благочестивой бабкѣ. Набожная старица взяла его къ себѣ въ родовое деревенское имѣніе и, здѣсь вдали отъ городского шума, успѣла привить къ душѣ ребенка страхъ Божій, который есть начало всякой премудрости. Она же вмѣстѣ съ этимъ воспитала въ малюткѣ Василіи любовь къ Богу. Своими разсказами о жизни и дѣлахъ Господа Іисуса Христа, о судьбѣ Его церкви и о жизни святыхъ бабка поселила въ немъ любовь къ слушанію слова Божія и душеспасительныхъ книгъ. Отъ нея семилѣтній Василій перешелъ на попеченіе отца и матери. Но отецъ не имѣлъ большого досуга заниматься съ мальчикомъ. Эммилія, мать многочисленнаго семейства, все время посвящала воспитанію дѣтей. Самъ Василій Великій не разъ съ благодарностію воспоминалъ объ урокахъ бабки и матери. „Осмѣливаюсь похвалиться о Господѣ тѣмъ однимъ, говорилъ святитель, что я никогда не держался погрѣшительныхъ мнѣній о Богѣ и не перемѣнялъ впослѣдствіи мыслей, какія прежде имѣлъ; но то понятіе о Богѣ, которое я пріобрѣлъ съ дѣтства отъ блаженной матери моей и бабки Макрины, и возрастало во мнѣ, потому что съ раскрытіемъ разума не мѣнялъ одного на другое, но усовершалъ ими преподанныя мнѣ начала“. Но если мать и бабка учили дитя вѣрѣ и благочестію, то отецъ скоро научилъ его начальной грамотѣ. При блестящихъ способностяхъ Василій быстро научился читать, писать и считать. Такъ какъ отецъ располагалъ достаточными средствами, то онъ рѣшился посылать своего даровитаго сына въ школы. Средняя школа давала ученикамъ навыкъ правильно говорить, правильно писать и, отчасти, понимать лучшія произведенія ученыхъ людей греческой земли, а также сообщала свѣдѣнія изъ наукъ математическихъ.

Закончивъ курсъ средняго учебнаго заведенія, Василій сталъ слушать уроки высшей мудрости. Краснорѣчіе и философія тогда считались высшими предметами образованія. Кесарія въ то время славилась частными школами. Сюда, какъ въ многолюдный и важный на востокѣ городъ, прибывали частные преподаватели высшихъ наукъ и успѣвали собирать вокругъ себя толпы молодыхъ людей. То было время, когда наука хотя и значительно упала по сравненію съ прошлымъ Греціи, но продолжала еще занимать собою и общество, и правителей, и частныхъ лицъ. Города востока и запада соперничали между собою въ привлеченіи лучшихъ преподавателей. Ихъ приглашали въ разные города хотя бы на короткое время, и вездѣ они были желанными гостями. Въ Кесаріи Василій скоро пріобрѣлъ себѣ почетъ и уваженіе среди учителей и товарищей. Онъ обнаружилъ высокія качества ума своего и сердца. Здѣсь впервые познакомился съ нимъ и Григорій, получившій впослѣдствіи имя Богослова, юноша столько же, если только не болѣе, даровитый. Здѣсь между Василіемъ и Григоріемъ положено было начало той прочной дружбѣ, которою уже до конца жизни связаны были эти великіе отцы церкви.

Хотя Кесарія славилась на востокѣ своими школами, но, конечно, уступала въ многомъ такимъ важнымъ городамъ, какъ Александрія, столичный городъ Царьградъ и „золотыя“ Аѳины. Друзья рѣшаются покинуть Кесарію въ цѣляхъ высшаго образованія. Въ то время какъ Григорій отбылъ въ Александрію, гдѣ уже обучался братъ его Кесарій, Василій рѣшился посѣтить столицу. Въ Константинополѣ было не мало высшихъ школъ и хорошихъ книгохранилищъ. Неизвѣстно, долго ли пробылъ Василій въ столицѣ, но въ Аѳины онъ прибылъ позднѣе Григорія. Старинный, издавна славный своими школами, городъ Аѳины привлекалъ къ себѣ цѣлыя тысячи учащихся со всѣхъ мѣстъ обширной имперіи. Здѣсь можно было встрѣтить римлянъ, галловъ, природныхъ грековъ, египтянъ, сирійцевъ и др. Сюда всѣ стремились за окончаніемъ образованія у лучшихъ учителей. Конечно, съ этою же цѣлью прибыли сюда и Василій съ Григоріемъ. Они помѣстились вмѣстѣ. Теперь узы дружбы ихъ окрѣпли еще сильнѣе. „Казалось, воспоминалъ Григорій Богословъ, въ насъ обоихъ одна душа поддерживала два тѣла“. „Мы вели дружбу и съ товарищами, но не съ наглыми, а съ цѣломудренными, съ которыми можно было сойтись не безъ пользы... Что касается уроковъ, то мы любили не столько пріятнѣйшее, сколько совершеннѣйшее, потому что сіе способствуетъ молодымъ людямъ къ образованію себя въ добродѣтели, а не порокѣ. Намъ извѣстны были двѣ дороги: одна, это первая и превосходнѣйшая, вела къ нашимъ священнымъ храмамъ и къ тамошнимъ учителямъ; другая, — это вторая и неравнаго достоинства съ первою, вела къ наставникамъ наукъ внѣшнихъ. Другія же дороги: на праздники, на зрѣлища, на пиршества, предоставляли мы желающимъ“.

Блестящція способности обоихъ друзей, усиленныя занятія науками доставили имъ славу ученыхъ людей. Ихъ обоихъ приглашали остаться въ Аѳинахъ, предлагали имъ почетныя мѣста преподавателей наукъ. Но нельзя было удержать людей, стремившихся къ неземной славѣ.

Для нихъ полученное образованіе не было цѣлью, а только средствомъ къ уразумѣнію иной, неземной истины. „Насталъ день отъѣзда, воспоминаетъ Григорій, и, какъ обыкновенно при отъѣздахъ, начались прощальныя рѣчи, проводы, упрашиванія остаться, рыданія, объятія, слезы. Насъ окружала толпа друзей и сверстниковъ, были даже нѣкоторые изъ учителей; они увѣряли, что ни подъ какимъ видомъ не отпустятъ насъ, просили, убѣждали и удерживали силою“. Однако ничто не могло поколебать рѣшенія Василія. Онъ покинулъ Аѳины. Григорій же сдался на просьбы товарищей и пробылъ еще нѣкоторое время въ Аѳинахъ.

Прибывъ домой, Василій не засталъ уже отца въ живыхъ. Мать и сестра его, Макрина, жили вмѣстѣ, проводя время въ богоугодныхъ дѣлахъ. Онѣ предлагали Василію заняться преподаваніемъ наукъ. Просьбы нѣкоторыхъ знатныхъ горожанъ понудили его произнести нѣсколько рѣчей. Похвалы слушателей не вскружили головы Василія. „Мы, говоритъ Григорій Богословъ, не имѣли расположенія жить для зрѣлищъ и на показъ“. Василій рѣшился было уединиться. Онъ сознавалъ, что много времени посвятилъ на изученіе свѣтской мірской мудрости и мало потрудился въ области боговѣдѣнія. До сего времени онъ еще не принималъ святого крещенія. Тогда было въ обычаѣ у нѣкоторыхъ христіанъ отлагать крещеніе до предѣловъ возможности. Церковь снисходила временно къ этому обычаю, отнюдь не допуская его для всѣхъ своихъ чадъ. Исключенія оправдывались обстоятельствами времени. Христіанамъ приходилось учиться вмѣстѣ съ язычниками. Конечно, христіанская жизнь не могла мириться съ языческими обычаями. И оглашенный не дозволилъ бы себѣ нарушенія правилъ жизни христіанской, но все же спокойнѣе чувствовалъ себя среди языческихъ товарищей. Частые припадки тѣлесныхъ немощей побудили Василія не отлагать принятіемъ святѣйшаго таинства крещенія. Кесарійскій епископъ Діаній сподобилъ его возрожденія въ новую, святую, духовную жизнь. Теперь Василій рѣшился посвятить себя всецѣло отшельничеству. Область кесарійская не имѣла еще въ своихъ предѣлахъ монашескихъ обителей, которыми такъ богатъ былъ Египетъ и нѣкоторыя другія страны востока. Въ египетскихъ пустыняхъ преп. Антоній давно уже положилъ основаніе монастырямъ отшельническимъ. На-ряду съ другими обителями быстро тамъ размножались монастыри общежительные, основателемъ которыхъ былъ преп. Пахомій Великій. Изъ Египта, какъ изъ своей родины, монашество быстро распространилось въ Палестину и Сирію. Василій, конечно, слышалъ объ инокахъ-подвижникахъ. Но послѣ своего крещенія онъ пожелалъ и видѣть ихъ. Побывалъ онъ во многихъ монастыряхъ Египта и Святой Земли, присмотрѣлся къ подвигамъ монаховъ и познакомился съ монашескими уставами. „Многихъ нашелъ я, — говоритъ Василій, такихъ мужей, т.-е. великихъ подвижниковъ въ Александріи, много и въ другихъ мѣстахъ Египта; видѣлъ такихъ мужей и въ Святой Землѣ, удивился ихъ воздержанію въ пищѣ и неутомимости въ молитвахъ. На самомъ дѣлѣ показывали они, что носятъ на тѣлѣ своемъ мертвенность Іисуса“.

Хотя осмотрѣнныя обители произвели на Василія глубокое впечатлѣніе, а подвиги иноковъ возбудили въ душѣ его желаніе подражать имъ въ образѣ жизни, однако онъ не остался ни въ Египтѣ, ни въ Палестинѣ. Василій возвратился на родину и рѣшился основать здѣсь свой монастырь. Полюбилось ему мѣстечко въ Понтѣ, на берегу рѣки Ириса, обильное водою и лѣсомъ. Поселившись въ малой хижинѣ, онъ сталъ проводить время въ молитвѣ, чтеніи священнаго писанія, въ изученіи твореній христіанскихъ писателей и въ трудахъ рукодѣлія. Въ пищу Василій употреблялъ только хлѣбъ съ водою и солью, а спалъ на голой землѣ. Одежду онъ имѣлъ только одну ветхую верхнюю, и одну исподнюю. Свѣтильникъ святой жизни засвѣтилъ ярко. Увидѣли его люди и потянулись на свѣтъ. Василія нашли любители подвиговъ и поселились съ нимъ. Образовался монастырь. Василій письменно началъ приглашать къ себѣ друга своего Григорія, который уже возвратился изъ Аѳинъ въ домъ отца своего, епископа города Назіанза, и помогалъ ему въ трудахъ. Григорій прибылъ. Какъ понравилась ему обитель Василія, это онъ описалъ въ письмѣ къ нему вскорѣ послѣ разлуки. „Кто возвратитъ мнѣ, писалъ Григорій, тѣ дни, въ которые я увеселялся съ тобою злостраданіемъ, потому что скорбное, но добровольное предпочтительнѣе пріятнаго, но невольнаго? Кто дастъ мнѣ сіи псалмопѣнія, бдѣнія и молитвенныя къ Богу преселенія? Кто дастъ жизнь какъ бы невещественную и безплотную? Кто дастъ согласіе и единодушіе братій, которыхъ ты ведешь на высоту и къ обоженію? Кто дастъ соревнованіе и поощреніе къ добродѣтели, которое мы ограждали письменными уставами и правилами? Кто дастъ трудолюбіе въ чтеніи Божіихъ словесъ и, при путеводительствѣ Духа, обрѣтаемый въ нихъ свѣтъ? Кто дастъ поденныя и ручныя работы: переноску дровъ, тесаніе камней, сажаніе и поливаніе?“ (Письмо 5). Григорій упоминаетъ о письменномъ уставѣ. И точно, въ это время Василій Великій при помощи Григорія Богослова написалъ полный уставъ монашеской жизни, который широко распространился послѣ по обителямъ востока.

Григорій скорбѣлъ о томъ, что принужденъ былъ оставить пустынную жизнь въ сообществѣ съ своимъ другомъ. Но и этому послѣднему не пришлось наслаждаться излюбленнымъ имъ образомъ жизни. Нужды церкви понудили Василія принять самое широкое участіе въ ея судьбахъ. Въ то время шла борьба православныхъ съ еретиками аріанами. Императоръ Констанцій покровительствовалъ еретикамъ. Главный и самый горячій и опытный защитникъ православнаго ученія, Аѳанасій Великій, архіепископъ Александріи, былъ въ изгнаніи. Многіе другіе епископы, исповѣдывавшіе вѣру согласно съ отцами Никейскаго вселенскаго собора, лишались своихъ каѳедръ. Аріане, по видимому, готовы были торжествовать побѣду. Но это кажущееся торжество не помѣшало внутреннему разложенію общества еретиковъ. Среди поборниковъ еретическаго ученія шли несогласія. Явились партіи, враждовавшія между собою. Партія полуаріанъ отдѣлилась отъ строгихъ аріанъ. Къ этому присоединился споръ о Святомъ Духѣ. Наконецъ, ясно уже обозначились неправыя ученія Маркелла, еп. анкирскаго, и Апполинарія, еп. лаодикійскаго. Смута умовъ была великая. Враждѣ и раздѣленію, по видимому, и не предвидѣлось конца. Предстоятели помѣстныхъ церквей другъ друга подозрѣвали, взаимно раздѣлялись. Два сосѣднихъ епископа не всегда уживались въ мирѣ. Василій Великій уподоблялъ религіозное состояніе тогдашняго общества морской битвѣ среди тумана и непроглядной тьмы.

При такихъ-то обстоятельствахъ трудно было Василію, уже заявившему о себѣ жизнію, образованіемъ и православнымъ образомъ мыслей, оставаться въ монастырскомъ уединеніи. Въ 360 году его вызвалъ изъ обители кесарійскій епископъ Діаній и возвелъ на степень чтеца при своей каѳедрѣ. Скоро Василію пришлось принять участіе въ борьбѣ православныхъ съ аріанами. Приглашенный епископами, отправлявшимися на соборъ въ Селевкію, онъ прибылъ въ Константинополь. Здѣсь главенствовали еретики. Православныхъ было весьма немного. Василій велъ бесѣды съ аріанами и поражалъ ихъ въ спорахъ. Между тѣмъ на соборѣ въ Селевкіи взяли верхъ полуаріане. Составленъ былъ неправославный символъ вѣры. Епископъ Діаній подписалъ его. Это такъ огорчило Василія, что онъ рѣшился уйти въ свою обитель, гдѣ и пробылъ до самой кончины Діанія, съ которымъ, впрочемъ, примирился, ибо онъ подписалъ полуаріанскій символъ по невѣдѣнію.

Преемникомъ Діанія на кесарійской каѳедрѣ былъ Евсевій. Онъ до избранія состоялъ въ числѣ оглашенныхъ. Какъ мало подготовленный къ епископству, Евсевій чувствовалъ великую нужду въ помощникѣ. Онъ вызвалъ Василія и въ 364 году посвятилъ его въ санъ священника. Дѣятельность ученаго пресвитера была весьма плодотворна. Онъ проповѣдывалъ въ храмахъ, толковалъ священное писаніе, писалъ посланія къ защитникамъ православной вѣры, проявилъ широкую благотворительность, ходатайствовалъ за обиженныхъ, посѣщалъ больныхъ и ограждалъ слабыхъ отъ угнетеній сильныхъ. Народъ полюбилъ Василія. Слава о немъ распространилась далеко за предѣлы Кесаріи. Евсевій епископъ началъ завидовать всюду прославлявшемуся священнику. Примѣтивъ это, Василій опять удалился въ свою пустыню. Но теперь-то въ немъ и обнаружилась великая нужда. Императоромъ восточной половины имперіи сдѣлался съ 364 года Валентъ, строгій аріанинъ. Онъ съ ревностію, достойною лучшаго дѣла, началъ распространять еретическое ученіе, мѣрами жестокости и насилій. Много слабыхъ душою пало. Прошелъ слухъ, что императоръ ѣдетъ въ Кесарію. Евсевій испугался и поспѣшилъ примириться съ Василіемъ. Посредникомъ ихъ былъ Григорій Богословъ.

Возвратившись въ Кесарію, Василій рѣшился воодушевить жителей на защиту православнаго ученія. Каждый день, а иногда и по два раза въ день, онъ проповѣдывалъ въ храмахъ, писалъ отъ имени Евсевія посланія и письма къ епископамъ, заявившимъ о себѣ ревностію къ православію. Императоръ не доѣхалъ до Кесаріи на этотъ разъ. Но въ 370 году умеръ епископъ Евсевій. На каѳедру былъ избранъ Василій, хотя и нашлись противники ему. Теперь для его дѣятельности открылся большій просторъ. Святитель Василій рѣшился увеличить число православныхъ епископовъ, способныхъ защищать правое ученіе. Онъ посвятилъ во епископскій санъ своихъ братьевъ: Григорія и Петра, а также и друга своего Григорія Богослова. Въ часы досуга онъ писалъ большія сочиненія противъ аріанъ и въ защиту божественнаго достоинства Святаго Духа. Святитель началъ переписку съ Аѳанасіемъ Великимъ о средствахъ доставленія торжества православію. Писалъ онъ письма и на западъ къ епископамъ, прося у нихъ помощи и участія къ положенію православной церкви на востокѣ. Плодотворная дѣятельность неутомимаго, несмотря на недуги тѣла, кесаріскаго архипастыря встревожила аріанъ. Посыпались жалобы и клеветы на него императору. Валентъ предпринялъ попытку обратить Василія Великаго къ аріанскому образу мыслей. Онъ въ концѣ 371 года самъ предпринялъ поѣздку до Кесаріи. Предъ нимъ шелъ префектъ Модестъ. Этому послѣднему поручено было совратить святителя, хотя бы съ насиліемъ. Посѣтивъ Василія, Модестъ имѣлъ съ нимъ бесѣду, которую повѣдалъ намъ святитель Григорій Богословъ. „Для чего тебѣ, началъ Модестъ, не назвавъ даже Василія епископомъ, хочется съ дерзостію противиться такому могуществу и одному изъ всѣхъ оставаться упорнымъ?“

— Въ чемъ и какое мое высокоуміе?— возразилъ Василій. — Въ томъ, что не держишься одной вѣры съ царемъ, когда всѣ другіе склонились и уступили. — Не сего требуетъ царь мой, — отвѣчалъ Василій, не могу поклониться твари (аріане учили, что Сынъ есть твореніе Отца), будучи самъ Божія тварь и имѣя повелѣніе быть Богомъ.—Но что же мы, по твоему мнѣнію?—спросилъ правитель, или ничего не значимъ мы, повелѣвающіе это? Почему не важно для тебя присоединиться къ намъ и быть съ нами въ общеніи?— Вы—правители,—отвѣчалъ Василій, и не отрицаю, что правители знаменитые, однако же не выше Бога. И для меня важно быть въ общеніи съ вами (почему и не такъ? и вы Божія тварь), впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ общеніи со всякимъ другимъ изъ подчиненныхъ вамъ, потому что христіанство опредѣляется не достоинствомъ лицъ, а вѣрою. — Тогда правитель пришелъ въ волненіе, сильнѣе воскипѣлъ гнѣвомъ, всталъ съ своего мѣста и началъ говорить съ Василіемъ суровѣе прежняго. Что же, сказалъ онъ, развѣ не боишься ты власти?—Нѣтъ.—Даже хотя бы потерпѣлъ ты одно изъ многаго, что состоитъ въ моей волѣ?—Что же такое? объясни мнѣ это. — Отнятіе имущества, изгнаніе, смерть. — Если можешь, угрожай инымъ, а это нимало насъ не трогаетъ.—Какъ же это, почему?—спросилъ правитель.—„Потому, – отвѣчалъ Василій, что не подлежитъ описанію имуществъ, кто ничего у себя не имѣетъ, развѣ потребуешь отъ меня и этого волосянаго рубища и немногихъ книгъ, въ которыхъ состоятъ всѣ мои пожитки. Изгнанія не знаю, потому что не связанъ никакимъ мѣстомъ, и то, на которомъ живу теперь, не мое, и всякое, куда меня ни кинутъ, будетъ мое. Лучше же сказать, вездѣ Божіе мѣсто... А истязанія что возьмутъ, когда нѣтъ у меня и тѣла, развѣ разумѣешь первый ударъ, въ которомъ одномъ ты и властенъ? Смерть для меня благодѣтельна: она скорѣе предпошлетъ меня къ Богу, для Котораго живу и тружусь“. Модестъ удивился величію духа святителя и высказалъ, что съ нимъ еще никто такъ не говорилъ. Святитель кротко замѣтилъ, что онъ, Модестъ, никогда ранѣе, вѣроятно, не встрѣчалъ епископа. „Императоръ! мы побѣждены епископомъ этой церкви, докладывалъ префектъ Валенту. Онъ стоитъ выше угрозъ. Этотъ человѣкъ никогда не уступитъ“. Однако и еще дѣлались попытки склонить святителя Василія къ уступкамъ. Но онъ остался непоколебимымъ, заявивъ, что онъ не можетъ ни прибавить, ни убавить ни единаго слова въ символѣ вѣры, даже не можетъ измѣнить порядка словъ. Императоръ Валентъ рѣшился лично повліять на святителя. Въ праздникъ Богоявленія, 372 года, онъ пришелъ къ богослуженію, которое совершалъ Василій въ храмѣ. Богомольцевъ было великое множество. Появленія императора никто какъ бы не замѣтилъ. Въ глубокомъ молчаніи всѣ предстоящіе сосредоточили взоры свои на лицѣ епископа. Онъ стоялъ за престоломъ. Благоговѣніе отпечатлѣвалось на лицѣ святителя. По бокамъ его стояли пресвитеры, какъ ангелы Божіи. Читалось святое евангеліе. Императоръ пораженъ былъ величіемъ святителя, порядкомъ и тишиною въ храмѣ. По окончаніи богослуженія онъ бесѣдовалъ съ архипастыремъ въ ризницѣ и былъ ласковъ. Богослуженія, совершавшіяся святителемъ Василіемъ, производили необыкновенно великое впечатлѣніе на богомольцевъ. Прекрасное свидѣтельство оставилъ намъ объ этомъ преп. Ефремъ Сиринъ. „При одномъ случаѣ, пишетъ онъ, въ нѣкоторомъ городѣ (Кесаріи) услышалъ я голосъ, говорившій мнѣ: „востань, Ефремъ, и яждь мысленныя снѣди... Вотъ въ дому Моемъ царскій сосудъ преподастъ тебѣ снѣдь“. Весьма удивившись сказанному, я всталъ и вступилъ въ храмъ Всевышняго. Тихо вошедши на церковный дворъ и съ сильнымъ желаніемъ устремивъ взоры въ преддверіе, увидѣлъ во Святомъ святыхъ сосудъ избранный, свѣтло простертый предъ паствою, изукрашенный боголѣпными словесами, и очи всѣхъ были обращены къ нему. Тамъ видѣлъ я, что храмъ питаемъ былъ отъ него Духомъ, что особенно были имъ милуемы вдовица и сирота. Тамъ видѣлъ я рѣкою ліющіяся къ нему слезы, и златозарно сіяющее для всѣхъ руно жизни, и самого пастыря на крылахъ Духа возносящаго о насъ моленія и поучающаго словомъ. Видѣлъ красующуюся имъ церковь, видѣлъ возлюбленную имъ преукрашенную. Видѣлъ, какъ преподаетъ онъ Павловы уроки, законъ евангельскій, и внушаетъ страхъ къ таинствамъ. Видѣлъ тамъ полезное и спасительное слово, несомнѣнно высящееся до самаго неба. Однимъ словомъ, видѣлъ, что все это собраніе озарено лучами благодати“ (Твор. II, 468—69 стр.). Преподобный Ефремъ присутствовалъ при совершеніи святителемъ Василіемъ литургіи. Чинъ ея онъ самъ пересмотрѣлъ, записалъ и ввелъ въ употребленіе. Этотъ чинъ и донынѣ извѣстенъ съ именемъ литургіи Василія Великаго, которая совершается у насъ десять разъ въ году.

Но если императоръ Валентъ и проникся уваженіемъ къ Василію Великому, то, къ сожалѣнію, только на короткое время. Аріанствовавшіе епископы снова вооружили его противъ святителя. Императоръ уже собрался подписать указъ объ изгнаніи его изъ Кесаріи. Однако, и перо не захотѣло повиноваться безбожному велѣнію. Оно сломалось. Императоръ взялъ другое. И это сокрушилось. Послѣ того какъ третье также не оказало повиновенія рукѣ императора, онъ понялъ, что Самъ Богъ защищалъ святителя отъ направленнаго противъ него злого умысла. Скоро императору пришлось обратиться къ святителю Василію за помощію. Шестилѣтній мальчикъ, сынъ Валента, Галатій, сильно разболѣлся. Врачи не оказали ему помощи. Мать ребенка усмотрѣла въ болѣзни сына Божіе наказаніе за гоненіе святителя Василія. Она начала упрекать мужа—императора. Послѣдній обратился къ святителю съ просьбою помолиться за болящаго. Василій отвѣтилъ, что онъ помолится, и Богъ дастъ здоровье больному, если только императоръ согласится окрестить сына по православному обряду и воспитаетъ его въ православной вѣрѣ. Императоръ согласился исполнить завѣтъ святителя, который, дѣйствительно, своими молитвами исцѣлилъ царскаго сына. Но аріане стали увѣрять императора Валента, что и они своими молитвами исцѣлили бы сына его. Посему-де нѣтъ нужды крестить и воспитывать мальчика въ православной церкви. Императоръ повѣрилъ имъ и дозволилъ совершить таинство крещенія аріанскому епископу. Мальчикъ скоро заболѣлъ и умеръ. Тогда-то императоръ и вспомнилъ о словахъ святителя Василія и оставилъ его въ покоѣ. Префектъ Модестъ въ болѣзни также испыталъ силу молитвъ Василія Великаго и сталъ относиться къ нему почтительно.

Въ семъ же 372 году святителю Василію пришлось испытать не мало огорченій по поводу печальныхъ извѣстій о смерти близкихъ и дорогихъ ему лицъ, объ отпаденіи нѣкоторыхъ отъ православной церкви и, наконецъ, отъ собственныхъ тѣлесныхъ недуговъ. Въ этомъ году онъ такъ тяжко заболѣлъ, что въ Кесаріи разнесся слухъ о кончинѣ его. Еще не успѣлъ святитель оправиться отъ болѣзни, какъ въ 373 году получилъ извѣстіе о кончинѣ александрійскаго архіепископа, св. Аѳанасія Великаго, бывшаго опорою всѣхъ православныхъ. Въ половинѣ этого года скончался старецъ Григорій, епископъ Назіанза, отецъ Григорія Богослова. Наконецъ, императоръ сослалъ въ заточеніе друга Василіева, Евсевія, еп. самосатскаго. Но среди этихъ огорченій на долю святителя выпадали иногда и утѣшительныя извѣстія. Въ 375 году онъ съ радостію привѣтствовалъ избраніе на медіоланскую каѳедру Амвросія. Скоро полученъ былъ и указъ западнаго императора, чтобы всѣ христіане неизмѣнно держались символа вѣры, утвержденнаго отцами Никейскаго перваго вселенскаго собора. Вѣроятно, этотъ указъ былъ изданъ по настоянію западныхъ православныхъ епископовъ. Однако сношенія востока съ западомъ шли весьма вяло. Римскій митрополитъ весьма недовѣрчиво относился къ восточнымъ отцамъ. Василій Великій этимъ былъ не мало огорченъ. Онъ уже думалъ прервать письменныя сношенія съ западомъ. „Если умилостивится надъ нами Богъ, писалъ онъ другу своему Евсевію, то для чего намъ другая помощь? Если же продлится гнѣвъ Божій, то какой помощи ждать намъ отъ высокомѣрія западныхъ? Они не знаютъ истинннаго положенія дѣлъ и не хотятъ узнать“. Однако, когда ревнители православія возымѣли рѣшительное намѣреніе еще разъ обратиться къ западу, Василій Великій снова сталъ во главѣ ихъ. Въ двухъ своихъ посланіяхъ къ западнымъ епископамъ онъ яркими красками изобразилъ бѣдствія, которыя терпитъ православная церковь на востокѣ. „Вотъ уже тринадцатый годъ, писалъ святитель Василій, какъ еретиками воздвигнута противъ насъ брань, въ которой церквамъ было болѣе скорбей, нежели сколько ихъ упоминалось съ тѣхъ поръ, какъ возвѣщается евангеліе Христово...“ (Письм. 234 и 235). Нарисовавъ затѣмъ картину бѣдствій и страданій православныхъ, Василій Великій умолялъ западныхъ епископовъ подать помощь. Просьбы святителя и теперь не произвели желаннаго дѣйствія. Обстоятельства измѣнились къ лучшему безъ всякаго участія западныхъ епископовъ. Вѣрно слово Господа, что и всѣ силы ада не одолѣютъ церкви святой (Мѳ. XVI, 18). Что же могутъ сдѣлать ей люди, хотя бы они были сильны и властны? Господь до времени попускаетъ и церкви Своей терпѣть испытанія. Но это обыкновенно служитъ на пользу ей. Самъ же Господь даруетъ ей великихъ и славныхъ дѣятелей. Они—то съ Божіею помощью и доставляютъ торжество истинѣ. Императоръ Валентъ силою поддерживалъ и распространялъ аріанскую ересь. Но чего же достигъ? Въ 378 году онъ лишился жизни на войнѣ. Аріане упали духомъ. Ясно, что они чувствовали свою слабость безъ внѣшней опоры. Ряды ихъ быстро начали рѣдѣть. Василій Великій уже высказывалъ мысль о новомъ вселенскомъ соборѣ, который бы между другими вопросами занялся и принятіемъ покаявшихся аріанъ въ лоно церкви. Занималась заря лучшихъ дней. Но жизнь великаго кесарійскаго святителя клонилась къ заходу. Въ концѣ 378 года онъ сильно заболѣлъ и слегъ въ постель. Печальный народъ тѣснился у дома святителя, спрашивая о положеніи его. Непритворныя слезы лились изъ очей весьма многихъ. Лишалась кесарійская паства великаго и святого учителя, кормильца бѣдныхъ и защитника угнетаемыхъ. Въ лицѣ его она теряла мудраго и ревностнаго борца за святую истину, опытнаго руководителя въ вопросахъ вѣры и жизни, великаго архіерея, сильнаго въ своихъ молитвахъ предъ Господомъ Богомъ. Больной святитель самъ прочиталъ уже себѣ молитвы на исходъ души. Но Господь Всемогущій даровалъ Своему угоднику силу совершить въ первый день мѣсяца января 379 года литургію, крестить обратившагося ко Христовой вѣрѣ врача, еврея Іосифа, и причастить его. (См. слѣд. разсказъ). Къ вечеру же сего дня съ словами: *въ руцѣ Твои предложу духъ мой*, Великій Василій уснулъ сномъ смертнымъ, почивъ о Господѣ. (См. „Христ. бесѣд.“, прил. къ журн. „Паст. собес.“ за 1897 г., т. II).

3. **Сила молитвы.**

Перваго января церковь празднуетъ память святого Василія, архіепископа Кесаріи Каппадокійской, великаго учителя вѣры и великаго молитвенника. Вотъ два примѣра силы его молитвы.

Въ Кесаріи, во дни святительства Василія, жила одна благороднаго происхожденія и весьма богатая вдова, которая усердно работала грѣху и предавалась всѣмъ видамъ чувственныхъ удовольствій, даже самыхъ постыдныхъ. Но всемилостивый Богъ, хотящій всѣмъ спастися, коснулся ея сердца Своею благодатію, и эта жена пришла въ себя, увидѣла бездну, въ которую увлекаема была своимъ плотоугодіемъ, и начала глубоко сокрушаться о своемъ окаянствѣ. Со слезами искренняго раскаянія, воспоминая множество грѣховъ, содѣянныхъ ею отъ лѣтъ юности, она рѣшилась написать ихъ на хартіи, въ концѣ же этого длиннаго списка беззаконій написала одинъ особенно тяжкій грѣхъ, — и запечатала хартію. Однажды, когда святой Василій Великій шелъ въ церковь, кающаяся грѣшница приблизилась къ нему и, припавши къ ногамъ его, говорила: „святитель Божій, помилуй меня, паче всѣхъ согрѣшившую!“ На вопросъ святого Василія: чего она хочетъ отъ него? — она отвѣчала: „вотъ, Владыко, всѣ грѣхи и беззаконія мои написала я на этой запечатанной хартіи; ты же, угодникъ Божій, не читай написаннаго и даже не разрѣшай печати, но только помолись о мнѣ и своею молитвою очисти грѣхи мои, ибо я вѣрую, что Господь, внушившій мнѣ эту мысль, услышитъ твою молитву о мнѣ грѣшницѣ“. И святый Василій взялъ хартію и, возведши очи на небо, сказалъ: „Тебѣ единому, Господи, возможно совершить дѣло сіе; если Ты взялъ грѣхи всего міра, то кольми паче можешь очистить прегрѣшенія этой одной души: ибо всѣ грѣхи наши изочтены предъ Тобою; милосердіе же Твое безконечно и неизреченно“. — Сказавъ сіе, угодникъ Божій вошелъ съ хартіею въ церковь и, повергшись въ алтарѣ предъ престоломъ, долго молился о женѣ той. На другой день, по окончаніи богослуженія, она получаетъ нераспечатанную свою хартію, и, открывъ ее, къ великому изумленію своему находитъ, что всѣ грѣхи ея изглажены, кромѣ самаго тяжкаго грѣха, написаннаго послѣ всѣхъ. Увидѣвъ это, вдова съ ужасомъ и рыданіями опять припадаетъ къ ногамъ святителя и проситъ его умолять Бога, да проститъ Онъ ей и этотъ великій грѣхъ, какъ простилъ всѣ другіе ея грѣхи. Глубоко тронутый сердечнымъ сокрушеніемъ жены, святитель говоритъ ей: „вспомни, что и я—человѣкъ грѣшный и самъ имѣю нужду въ помилованіи и прощеніи:—Господь же, очистившій прочіе грѣхи твои по Своей благости, можетъ и неизглаженный грѣхъ твой очистить, если ты станешь блюсти себя отъ грѣха и будешь усердно ходить путемъ Господнимъ“. Онъ присовѣтовалъ ей обратиться съ своею просьбою къ нѣкоему святому мужу, именемъ Ефрему, живущему въ пустынѣ, да испроситъ онъ отпущенія грѣха ея у Человѣколюбца — Бога. Исполняя этотъ совѣтъ, она отправилась въ пустыню и, послѣ долгаго путешествія, нашла келью Ефрема и, подавая ему свою хартію сказала: „архіепископъ Василій послалъ меня къ тебѣ, чтобы ты помолился Богу объ очищеніи грѣха моего, на хартіи сей написаннаго; всѣ другіе онъ изгладилъ своею молитвою“. Но преподобный Ефремъ, въ смиренномъ сознаніи своего недостоинства, отвѣчалъ: „кто могъ умолить Бога о многихъ твоихъ грѣхахъ, тотъ кольми паче можетъ умолить Его объ одномъ послѣднемъ грѣхѣ твоемъ. Итакъ, возвратись же къ Василію, и не медли ни мало, дабы обрѣсти его въ живыхъ: ибо онъ скоро отойдетъ ко Господу“.—Жена, поклонившись преподобному, съ возможною поспѣшностію отправилась въ Кесарію. При входѣ въ городъ, она узнала, что великій святитель скончался, и уже совершается погребеніе тѣла его. Съ неописанною горестію она пошла навстрѣчу погребальному шествію и, припавши ко гробу святого, съ горестію вопіяла: „увы, святитель Божій, увы мнѣ, окаянной! для того ли ты отсылалъ меня въ пустыню, чтобы я не безпокоила тебя своею просьбою предъ твоею смертію? Вотъ и возвратилась, безъ всякой пользы совершивши трудный путь въ пустыню: да судитъ Богъ между мною и тобою—въ томъ, что ты, будучи самъ въ состояніи оказать мнѣ помощь, отослалъ меня за нею къ другому“. Потомъ она положила свою хартію на гробъ святителя и разсказала о случившемся всѣмъ бывшимъ здѣсь людямъ. Одинъ изъ клириковъ взялъ хартію, распечаталъ ее и, не найдя въ ней ни одного написаннаго слова сказалъ женѣ, что она напрасно сокрушается, не вѣдая явившагося надъ нею неизреченнаго человѣколюбія Божія. Весь народъ, узнавъ о чудѣ, прославилъ Бога, дарующаго столь великую силу и власть вѣрнымъ рабамъ Своимъ и по смерти ихъ.

Не менѣе замѣчателенъ и другой примѣръ. Жилъ въ Кесаріи іудей, именемъ Іосифъ, врачъ столь искусный и опытный въ разумѣніи свойства и исхода болѣзней, что очень нерѣдко за три и четыре дня предузнавалъ кончину больныхъ. Святой Василій Великій питалъ къ нему расположеніе и, въ частныхъ бесѣдахъ съ нимъ, убѣждалъ его оставить іудейскій законъ и принять святое крещеніе. Но Іосифъ всегда отказывался, говоря, что онъ хочетъ умереть въ той вѣрѣ, въ которой родился. Однажды святитель Божій пророчески сказалъ ему: „повѣрь мнѣ, что ты крестишься еще прежде моей смерти“,—и съ особою силою убѣждалъ его принять Христову вѣру, говоря, что и отцы его нѣкогда крестились въ облакѣ и морѣ, и пили воду отъ камня, который былъ прообразомъ духовнаго камня—Христа, родившагося отъ святой Дѣвы ради нашего спасенія. Но, несмотря на всѣ убѣжденія святого Василія, іудей упорствовалъ въ своемъ невѣріи. Святитель, не задолго до своей кончины, впалъ въ тяжкую болѣзнь и пригласилъ къ себѣ Іосифа, какъ бы прося помощи отъ его врачебнаго искусства. Когда тотъ пришелъ, святой Василій спросилъ его объ исходѣ своей болѣзни. Внимательно осмотрѣвъ больного, Іосифъ рѣшительно сказалъ его домашнимъ, чтобы они приготовили все нужное къ погребенію, поелику архіепископъ умретъ сего же дня до захожденія солнца. „А если я останусь въ живыхъ до половины слѣдующаго дня“,— спросилъ его святитель, „ты что тогда сдѣлаешь? согласишься ли креститься?“—„Клянусь тебѣ, Владыко, что, если ты будешь живъ до утра, я исполню твою волю“. — Крѣпко помолился Богоносный отецъ нашъ Василій, да продлитъ Господь жизнь его для обращенія іудея, и его святая молитва была услышана. Поутру онъ послалъ за Іосифомъ. Тотъ долго не вѣрилъ словамъ слуги, что святитель доселѣ еще живъ, и съ великимъ изумленіемъ убѣдился въ томъ собственными глазами. Павши къ ногамъ святителя, онъ изъ глубины сердца воскликнулъ: „великъ Богъ христіанскій! я отрицаюсь іудейства и приступаю къ истинной вѣрѣ христіанской. Повели, святый Владыко, немедленно преподать святое крещеніе мнѣ и всему дому моему“. Святой Василій изъявилъ намѣреніе крестить его своими руками. И когда Іосифъ замѣтилъ ему, что его силы до конца ослабѣли, и потому онъ не въ состояніи будетъ совершать таинства, — человѣкъ Божій съ твердою вѣрою отвѣчалъ: „мы имѣемъ Создателя, насъ укрѣпляющаго“. И, возставъ отъ одра болѣзни, онъ вошелъ въ церковь, самъ крестилъ Іосифа со всѣмъ его семействомъ, самъ совершилъ въ тотъ день литургію, и еще говорилъ пространное поученіе къ новокрещеннымъ и къ другимъ духовнымъ чадамъ своимъ. — Когда потомъ скончался великій святитель, новокрещенный іудей, увидѣвъ его уже преставльшагося, говорилъ со слезами: „воистину, рабъ Божій, ты и нынѣ не умеръ бы, если бы самъ того не восхотѣлъ“. (Чет.-Мин. 1 января).

4. Новый годъ.

Нынѣ у насъ новолѣтіе. Съ Новымъ годомъ поздравляютъ насъ родные и знакомые. А давно ли стали исправлять новолѣтіе съ 1 дня января мѣсяца? У евреевъ гражданскій годъ начинается съ мѣсяца сентября, а начало церковнаго новаго года падало на первый день марта. Съ марта же мѣсяца начинался годъ и у римлянъ. Въ 45 году до Р. Христова новолѣтіе перенесено было у нихъ съ 1 марта на 1 января. Въ христіанской церкви на мѣсяцъ мартъ падаютъ воспоминанія о важнѣйшихъ событіяхъ: сотвореніи міра, воплощеніи Божія Сына (Благовѣщеніе), о страданіяхъ, смерти и воскресеніи Его. Посему „сей первый есть въ мѣсяцѣхъ мѣсяцъ, говорится въ слѣдованной Псалтири въ первый день марта... Отъ перваго числа марта пріемлютъ начало всѣ круги солнечные и лунные и проч.“ Какъ важнѣйшій среди другихъ мѣсяцевъ, мартъ положенъ былъ въ основу церковнаго лѣтоисчисленія, которое велось отъ сотворенія міра. Такъ это было у насъ на Руси святой до XV вѣка. Въ 1492 году въ Москвѣ состоялся соборъ, на которомъ и поднятъ былъ вопросъ о началѣ новолѣтія. Положено было день Новаго года праздновать 1 сентября.

Государь императоръ Петръ Великій въ 1699 издалъ два указа, изъ которыхъ въ одномъ повелѣвалось съ 1 января 1700 года во всѣхъ бумагахъ писать лѣта отъ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра. „А буде кто похочетъ и отъ сотворенія міра, и имъ писать оба тѣ лѣта, отъ сотворенія міра и отъ Рождества Христова, сряду свободно“. Другой указъ касался празднованія Новаго года. „Великій государь указалъ сказать: извѣстно ему, великому государю, не только что во многихъ европейскихъ христіанскихъ странахъ, но и въ народахъ славянскихъ, которые съ восточною православною нашею церковью во всемъ согласны, какъ-то: волохи, молдавы, сербы, долматы, болгары и всѣ греки, всѣ тѣ народы согласно лѣта своя счисляютъ отъ Р. Хр. семь дней спустя т.-е. съ 1 января“... Повелѣвалось и у насъ на Руси съ 1700 года принять этотъ порядокъ лѣтоисчисленія. Предписаны были торжества, съ какими должно было совершаться въ Москвѣ первое празднованіе „новаго столѣтняго вѣка“: въ храмахъ послѣ литургіи молебствія служить, а городскіе дома украсить вѣтвями ели и сосны; на Красной площади зажигать огненныя потѣхи, производить стрѣльбу, пускать ракеты и въ знакъ веселія въ 1 день января поздравлять другъ друга съ Новымъ годомъ. Съ этихъ поръ и сталъ у насъ справляться Новый годъ 1 января. Но это Новый годъ гражданскій, а церковный и донынѣ празднуется 1 сентября.

Какъ проводился и нынѣ проводится день Новаго года? Въ древнія времена у язычниковъ греко-римскаго государства проводился этотъ день по праздничному и съ особенными обрядами. Въ капищахъ языческихъ приносились обильныя жертвы предъ идолами. Дома украшались зеленью и цвѣтами въ честь мнимыхъ боговъ. Принято было посѣщать родныхъ и знакомыхъ съ поздравленіями, желаніями счастія и подарками. Многіе гадали о судьбѣ. Шумны и многолюдны бывали мѣста общественныхъ увеселеній. Ряженые и переодѣтые потѣшали народъ. Нескромность, невоздержность были отличительными признаками увеселеній этого дня. Христіане изъ язычниковъ не вдругъ забывали о празднествахъ въ новолѣтіе. Посему-то и святымъ отцамъ приходилось возставать противъ грѣховнаго новолѣтняго разгула. Въ концѣ IV вѣка св. Іоаннъ Златоустъ обличалъ современниковъ въ томъ, что они не по христіански и не благочестиво проводили канунъ и день Новаго года. „Намъ предстоитъ борьба... съ демонами, которые ходятъ торжественно по площади, говорилъ онъ въ словѣ на Новый годъ. Происходящіе сегодня діавольскія всенощныя гулянья, шутки, бранные крики, ночныя пляски и смѣшныя забавы хуже всякаго непріятеля плѣнили нашъ городъ; и тогда, какъ должно было бы сокрушаться, плакать, стыдиться, какъ согрѣшившимъ, такъ и несогрѣшившимъ, однимъ смотря на свои грѣхи, а другимъ смотря на безчиніе братій, нашъ городъ веселится, красуется и увѣнчивается; площадь, какъ любящая наряды и роскошная женщина, сегодня заботливо украшается, облекаясь въ золотыя и драгоцѣнныя одежды, обувь и прочее тому подобное... А болѣе всего прискорбны состязанія, которыя происходятъ сегодня въ гостиницахъ и преисполнены распутства и великаго нечестія: нечестія потому, что занимающіеся ими замѣчаютъ дни, гадаютъ и думаютъ, что если первый день этого мѣсяца они проведутъ въ удовольствіи и веселіи, то и во весь годъ будетъ то же; а распутства потому, что на самомъ разсвѣтѣ и женщины и мужчины, наполнивъ стаканы и чаши виномъ, напиваются съ великою неумѣренностію“ (1 т. 759—60 стр.). Неудивительно, что нѣкоторые отцы церкви установляли въ своихъ епархіяхъ на первый день января постъ. По мѣстамъ постъ этотъ продолжался до трехъ дней. Однако церковь не узаконила сего обычая. Предоставлено благоразумію самихъ членовъ церкви упорядочить поведеніе свое на новолѣтіе. Къ сожалѣнію, христіане не проявили доселѣ надлежащаго благоразумія. Поученіе святителя Іоанна Златоуста можно и теперь произнести въ обличеніе новолѣтняго разгула. Развѣ мало еще сохранилось у насъ, православныхъ христіанъ, странныхъ, грѣховныхъ и непристойныхъ новолѣтнихъ обычаевъ? Нѣкоторые переряживаются, надѣвая на себя странныя одежды и украшая лица масками. Иные гадаютъ о судьбѣ, какъ бы показывая свое невѣріе въ Промыслъ Божій. Весьма многіе встрѣчаютъ Новый годъ съ виномъ, въ веселіи, пляскѣ, воображая, что если они первый часъ Новаго года проведутъ въ веселіи, то и весь годъ приносить будетъ счастіе. Не суевѣріе ли это? Не станемъ уже говорить о принятыхъ повсюду поздравленіяхъ съ Новымъ годомъ, желаніяхъ новаго счастія и проч., что имѣетъ характеръ какой-то дѣтской суетности.

Иной порядокъ жизни внушаетъ намъ святая церковь на новолѣтіе. Празднуя обрѣзаніе Господа Іисуса Христа по плоти, она указуетъ намъ въ лицѣ святителя Василія Великаго примѣръ, до какой степени духовной чистоты и святости можетъ дойти съ Божіею помощію человѣкъ, трудящійся надъ обрѣзаніемъ сердца своего отъ всего грѣховнаго. Не въ примѣрѣ только, но и въ своихъ молитвахъ и прошеніяхъ ко Господу, святая церковь желаетъ намъ благъ и временныхъ, но болѣе вѣчныхъ. Въ началѣ молебнаго пѣнія въ новолѣтіе читается 64 псаломъ, въ которомъ псалмопѣвецъ воспѣваетъ Божіе промышленіе о мірѣ и людяхъ. Вотъ въ чемъ наше истинное счастіе — быть въ любви у Господа. Волосъ не падетъ съ головы безъ воли Божіей. Для чего же послѣ этого веселіе, пляски, невоздержное питіе съ увѣренностію, что счастливое и веселое начало года сдѣлаетъ его благополучнымъ весь сполна? Любовь Божія снискивается благочестіемъ, а веселіе, вино и пляски только Бога прогнѣвляютъ. Ясно, что за такими увеселеніями должно будетъ ожидать не счастія и благополучія, а бѣдъ и горестей. Если Господь на время оставитъ насъ Своею благодатію, то что будетъ съ нами? Страшно и помыслить. Но продолжимъ далѣе рѣчь о благожеланіяхъ и моленіяхъ церкви. Она молится въ великой ектеніи: „о прощеніи грѣховъ въ мимошедшемъ лѣтѣ злѣ нами содѣянныхъ; и еже благословити начатокъ о провожденіи лѣта сего, благодатію человѣколюбія Своего; времена же мирна, благорастворены воздухи и безгрѣшенъ намъ въ здравіи съ довольствомъ животъ даровати... О еже отгнати отъ насъ вся душетлѣнныя страсти и растлѣнные обычаи... О еже низложити вся ереси и отступства и насадити всюду правовѣріе и благочестіе, и обратити всѣхъ отступившихъ отъ правыя вѣры къ познанію Своея истины, и соединити ихъ святѣй Своей церкви православной“... На „Богъ Господь“ поются тропари благодарственныя и новолѣтію: „всея твари Содѣтелю, времена и лѣта во Своей власти положивый, благослови вѣнецъ лѣта благости Твоея, Господи, сохраняя въ мирѣ Императора и градъ (или весь) Твой, молитвами Богородицы, и спаси ны“. Въ апостольскомъ чтеніи преподается намъ наставленіе апостола Павла *прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія, за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть: да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (I Тимоѳ. II, 1—6). По сугубой ектеніи читается съ колѣнопреклоненіемъ молитва: „Владыко, Господи Боже нашъ, источниче жизни и безсмертія, всея твари видимыя и невидимыя Содѣтелю, времена и лѣта во Своей власти положивый, и управляяй всяческая премудрымъ и всеблагимъ Твоимъ промысломъ. Благодаримъ о щедротахъ Твоихъ, яже удивилъ еси на насъ въ мимошедшее время живота нашего, молимъ Тя, всещедрый Господи, благослови вѣнецъ наступающаго лѣта Твоею благостію: сохрани возлюбленнаго Раба Твоего (Государя Императора и весь царствующій домъ). Подаждь свыше благая Твоя и всѣмъ людемъ Твоимъ здравіе же и спасеніе, и во всемъ благое поспѣшеніе, церковь Твою святую и вся грады и страны отъ всякаго злаго обстоянія избави, миръ и безмятежіе тѣмъ даруй“. Вникните въ эти моленія и прошенія церкви святой. Въ чемъ она полагаетъ счастіе наше? Счастливы мы тѣмъ, что Господь сохранилъ насъ до новолѣтія. Посему и благодаримъ Господа. Будемъ мы счастливы, когда Богъ сохранитъ насъ въ здравіи и въ наступающій годъ, когда съ здравіемъ подастъ намъ всесильную Свою помощь. Съ Божіею же помощію мы преуспѣемъ и во всѣхъ дѣлахъ нашихъ. Если Господь защититель жизни нашей, то кого и чего мы устрашимся? Но мы вѣдь члены государства. У насъ есть Державный Вождь, Государь Императоръ, Божій Помазанникъ. Да подастъ Ему Господь миръ, здравіе, долгоденствіе и во всемъ благомъ поспѣшеніе, на враговъ побѣду и одолѣніе! О, великое это счастіе для насъ! Мы будемъ жить въ мирѣ, можемъ преуспѣвать во всякомъ благочестіи и чистотѣ. А благочестіе и чистота и суть истинное счастіе человѣка. Но какъ можемъ мы очистить себя отъ множества грѣховъ? Божіею благодатію. Посему-то святая церковь и молится прежде всего о прощеніи намъ нашихъ беззаконій и грѣховъ, въ мимошедшемъ лѣтѣ злѣ содѣянныхъ. Если Господь очиститъ и освятитъ насъ, то будемъ святы и чисты, воистину счастливы. Святымъ и чистымъ уготовано вѣчное блаженство, вѣчная радость со всѣми святыми. „Итакъ, если ты хочешь получить пользу отъ начала новаго года, поучаетъ святой Іоаннъ Златоустъ, то поступай такъ: по окончаніи года возблагодари Владыку, что Онъ сохранилъ тебя до этого предѣла годовъ; сокрушись своимъ сердцемъ, исчисли время твоей жизни, и скажи самъ себѣ: дни бѣгутъ и проходятъ; годы оканчиваются; много пути нашего мы уже совершили; а что мы сдѣлали добраго? Неужели пойдемъ отсюда безъ всего, безъ всякой добродѣтели? Судъ при дверяхъ, остальная жизнь наша клонится къ старости“. Мы путники въ царство небесное. Милосердый Господь призвалъ насъ въ Свое общеніе, содѣлавъ насъ членами церкви святой, и опредѣлилъ намъ подвигомъ добрымъ подвизаться, вѣру соблюсти и, скончавъ теченіе, вступить въ безопасную пристань. Если доселѣ мы были лѣнивы и нерадивы къ своему спасенію, то положимъ въ новомъ лѣтѣ благое начало. Богъ на помощь! Это и будетъ достойнымъ празднованіемъ Новаго года. Въ этомъ и будутъ истинное новое счастіе, которое вамъ желаютъ сегодня родные и друзья. Спасайтесь! Совершенствуйтесь духовно. Каждый шагъ на пути къ совершенству доставитъ вамъ долю счастія. А совершенное счастіе опредѣлилъ намъ Господь Іисусъ Христосъ кратко и ясно: „будьте сынами Отца вашего небеснаго... Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный" (Мѳ. V, 45—48). Сего счастія желаемъ и мы вамъ, поздравляя васъ съ Новымъ годомъ. Всѣ мы, вѣрующіе во Христа, „по обѣтованію Его, ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ обитаетъ правда. Итакъ, возлюбленные, ожидая сего, потщитесь явиться предъ Нимъ неоскверненными и непорочными въ мирѣ... Будучи предварены о семъ, берегитесь, чтобы вамъ не увлечься заблужденіемъ беззаконниковъ и не отпасть отъ своего утвержденія, но возрастайте въ благодати и познаніи Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа. Ему слава и нынѣ и въ день вѣчный. Аминь" (2 Петр. III, 13—14, 17—18). Если вы исполните этотъ завѣтъ святого апостола Петра, то во истину будете счастливы! (См. Христ. бес., прил. къ журн. „Паст. собес.", 1897 г. т. второй).

5. Въ чемъ заключается истинное счастіе человѣка?

Въ томъ ли заключается счастье, въ чемъ мы его привыкли полагать и полагаемъ?

Счастливымъ мы обыкновенно называемъ того, кто занимаетъ почетную должность, имѣетъ высокій чинъ, владѣетъ большимъ капиталомъ, проводитъ жизнь въ нѣгѣ и роскоши и т. п. Но если взглянемъ на жизнь очами вѣры, то увидимъ, что счастіе живетъ и въ кругу людей незнатнаго происхожденія, среди бѣдности и нищеты, среди голода и холода. Одинъ знаменитый своими познаніями учитель встрѣтилъ какъ-то на церковной паперти нищаго старца. Изможденное тѣло его покрывало рубище, и онъ весь былъ въ ранахъ. — „Добрый день тебѣ, старецъ!" — сказалъ нищему въ привѣтствіе учитель. Нищій отвѣтилъ: — не помню, чтобы день былъ когда-нибудь несчастнымъ для меня.— Учитель продолжалъ: „я желаю тебѣ счастія". Нищій сказалъ на это: „несчастливымъ я никогда не бывалъ". Удивился учитель и, подумавъ, что нищій хорошо не вслушался въ его слова, присовокупилъ: „я желаю, чтобы ты былъ благополучнымъ". Нищій замѣтилъ, что „злополучнымъ" не бывалъ. — „Ужели ты одинъ счастливецъ между всѣми людьми, — въ совершенномъ уже недоумѣніи спросилъ учитель, — когда земная жизнь полна скорбей и лишеній?"—„Несчастливъ тотъ,— объяснилъ нищій, — кто ищетъ счастія, а на землѣ нѣтъ иного счастія, какъ во всемъ полагаться на волю Божію; пріятное и противное, горькое и сладкое въ жизни я принимаю отъ Бога всегда съ любовію и покорностію и желаю только того, что угодно Господу,—а потому все случается по моему желанію".

И дѣйствительно, въ жизни мы можемъ быть покойны, счастливы, блаженны только лишь одною благодатію Господа нашего Іисуса Христа. Онъ громко взываетъ всѣмъ и каждому, ищущему спасенія: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы; возьмите иго Мое на себе и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть". Такимъ образомъ Спаситель прямо говоритъ этими словами Своими, что только въ Немъ одномъ найдемъ мы покой себѣ, только тогда будемъ счастливы, когда припадемъ къ Нему и возьмемъ на себя Его иго и бремя, т.-е. когда будемъ исполнять Его свв. заповѣди. Весь же законъ Его, всѣ его заповѣди заключаются въ двухъ главныхъ: возлюби Господа Бога твоего всею душою твоею, всею крѣпостію твоею, всею мыслію твоею" и „возлюби ближняго твоего, какъ себя самого". По этимъ двумъ заповѣдямъ и располагай всѣ дѣла твои — и найдешь себѣ истинное счастіе (См. „В. чт." за 1888 г. № 1).

6. Будь доволенъ своимъ состояніемъ.

Если бы каждому изъ насъ предложить вопросъ: „доволенъ ли ты своимъ состояніемъ?" то, навѣрно можно сказать, получился бы отрицательный отвѣтъ. Бѣднякъ недоволенъ своимъ состояніемъ потому, что влачитъ суровую, горькую жизнь, часто не доѣдая и не допивая, изнуренный тяжелымъ трудомъ, обезсиленный. Богачъ, недовольствуясь тѣмъ, что имѣетъ, стремится пріобрѣсти еще больше, и также недоволенъ своимъ настоящимъ состояніемъ. Честолюбецъ усиливается еще болѣе возвыситься, и трудно указать предѣлъ его честолюбивымъ замысламъ. Тотъ боленъ, иной обремененъ большею семьей, у другого семейныя ссоры, брань, вражда, у этого дѣти непочтительныя, неудавшіеся планы, разбитыя надежды, неудовлетворенное самолюбіе, ложь, клевета; того не поняли люди, этотъ видитъ на своемъ пути соперника, волнуется и съ затаенною злобою опускаетъ руки въ полномъ сознаніи своего безсилія равняться съ нимъ; — и можно ли перечислить всѣ виды и случаи недовольства своимъ состояніемъ?

Это состояніе очень гибельно для души. Припомнимъ, какъ недовольство своимъ состояніемъ низвергло денницу съ неба и изъ свѣтоноснаго ангела сдѣлало его коварнымъ демономъ; оно изгнало нашего прародителя изъ рая сладости и внесло смерть въ падшую природу человѣка. Оно всегда было и есть источникъ, изъ котораго проистекаютъ многовидные и многочисленные пороки и страсти. Не недовольство ли своимъ состояніемъ побуждаетъ жестокосердаго татя простирать свою руку на чужую собственность, а иногда и на достояніе храма Господня? Не оно ли подслуживается, низкопоклонничаетъ предъ начальникомъ? Не оно ли заставляетъ человѣка преклоняться передъ золотымъ идоломъ, въ ущербъ совѣсти, закону и чести? Не оно ли доводитъ человѣка до ропота на Господа, а иногда и до отчаянія?

Отчего же происходитъ это недовольство своимъ состояніемъ? Отъ недостатка твердой вѣры въ Промыслъ Божій, Который даетъ каждому то, что соотвѣтствуетъ его силамъ и способностямъ, а также отъ недостатка искренней, братской любви. „Не мучь себя завистію, говоритъ св. Димитрій Ростовскій, видя, что другіе болѣе тебя пользуются почестями, славою и богатствомъ. Ибо знаетъ Богъ Свои опредѣленія, — знаетъ съ кѣмъ что сдѣлать, кому что дать... Поэтому оставь зависть, отвергни ненависть, чтобы не остаться внѣ чертога Христова. Ибо завидующій судится какъ убійца, говоритъ нѣкто“. (Урок. и прим. хр. любви, свящ. Гр. Дьяченко; стр. 709).

Слово Божіе ясно научаетъ насъ быть довольными своимъ состояніемъ. Еще съ горы Синая прогремѣлъ голосъ Божій, говорившій: „не желай дома ближняго твоего; не желай жены ближняго твоего,—ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ничего, что у ближняго твоего“ (Исх. XX, 17). Коротко эту заповѣдь можно изложить такъ: „не завидуй ближнему, будь доволенъ своимъ состояніемъ“. Св. евангелистъ Лука, повѣствуя о проповѣди Іоанна Предтечи въ Іорданской пустынѣ и о крещеніи имъ народа въ струяхъ Іорданскихъ, говоритъ, что, когда къ нему приходили воины и спрашивали: „что намъ дѣлать“? Предтеча отвѣчалъ имъ: „никого не обижайте и будьте довольны своимъ жалованьемъ“ (Лук. III, 14).

Св. отцы и учители церкви, какъ жизнію, такъ и писаніями своими учатъ насъ быть довольными своимъ состояніемъ. Св. свящ.-муч. Меѳодій, еп. Патарскій, въ сочиненіи о свободѣ воли человѣка, научая людей довольству своимъ состояніемъ, говоритъ, между прочимъ: „роптать за недостатокъ благъ земныхъ—не умно: человѣкъ долженъ быть выше всего земного; Богъ сотворилъ человѣка для дѣятельности, а не для наслажденій, разслабляющихъ душу и тѣло. Совершенное равенство невозможно: разнообразіе — принадлежность совершенства; бѣдность допускается, или какъ наказаніе за грѣхи, или какъ предостереженіе отъ грѣховъ“.

Послѣдуемъ, этому мудрому совѣту св. отца нашего Меѳодія и будемъ довольны своимъ состояніемъ. Станемъ, по заповѣди Спасителя, искать прежде всего царствія Божія и правды Его, а все остальное само-собою приложится намъ (Матѳ. VI, 33).

7. Не ворожите и не гадайте.

Господь заповѣдалъ Моисею: *Не ворожите и не гадайте* (Лев. XIX, 26). *Не обращайтесь къ вызывающимъ мертвыхъ и къ волшебникамъ не ходите, и не доводите себя до оскверненія отъ нихъ* (—31 ст.). За ворожбы и гаданія церковь назначаетъ шестилѣтнее покаяніе съ отлученіемъ отъ святого причащенія.

Значитъ грѣхъ не малъ! А между тѣмъ, сколько найдется между нами лицъ, повинныхъ этому грѣху. Однихъ легкомысліе и шалость располагаютъ прибѣгать къ гаданіямъ, какъ къ безвинному, по ихъ мнѣнію, средству позабавиться и убить время, которому не знаютъ цѣны; другихъ недовольство настоящимъ, нетерпѣніе и недовѣрчивость къ Промыслу заставляютъ вопрошать невѣдомое будущее, часто съ боязнію и съ сомнѣніемъ, рѣже съ твердою вѣрою въ возможность посредствомъ гаданій и ворожбы вывѣдать у судьбы то, что она такъ тщательно скрываетъ, т.-е. что ожидаетъ ихъ въ близкомъ будущемъ: счастье или скорби, подвѣнечное ли платье или саванъ гробовой.

Первымъ скажемъ, что для христіанина и для христіанки есть много занятій и благороднѣе и безвиннѣе, чѣмъ гаданіе, и человѣкъ разумный, понимающій свои обязанности и отношенія къ Богу и ближнимъ, не захочетъ злоупотреблять легкомысленно временемъ, не захочетъ и другихъ соблазнять дурными примѣрами. Вторымъ можно съ искреннимъ участіемъ къ ихъ состоянію присовѣтовать: не прибѣгая къ непозволеннымъ средствамъ пытать сокровенное отъ насъ будущее, со смиреніемъ предаться руководству всеблагаго и премудраго Промысла, обратиться сердцемъ и душою къ Отцу небесному и отъ Его благости съ вѣрою ожидать направленія своихъ дѣлъ къ наилучшему концу.

Безсмысленное желаніе узнать свое будущее заставляетъ ихъ прибѣгать къ средствамъ жалкимъ, безтолковымъ, беззаконнымъ, а часто и опаснымъ. Ибо что такое гаданіе, ворожба, какъ не безумное и не беззаконное покушеніе проникнуть въ тайны, которыя Господь сокрылъ отъ людей, и которыхъ, конечно, не разоблачить намъ никакими путями? Кого вы вопрошаете? Отъ кого доискиваетесь раскрытія вашей будущности? Зеркало, олово, воскъ и другія бездушныя вещи, согласитесь, не могутъ ничего сказать вамъ; слушанье подъ замками, подъ окнами, на перекресткахъ и прочее—явная нелѣпость; итакъ, что же такое ваше гаданіе, ваши ворожбы, какъ не чистое безуміе? Остается одинъ лукавый клеветникъ и исконный душегубецъ діаволъ, всегда готовый къ подобнымъ услугамъ. Многіе гадатели и ворожеи, дѣйствительно, его имѣютъ въ виду при своихъ преступныхъ дѣйствіяхъ. Иначе, почему же при нѣкоторыхъ гаданіяхъ не дозволяется употреблять крестнаго знаменія или имѣть на себѣ креста? Видно, гадатели опасаются крестнымъ знаменіемъ разрушить обаятельную силу діавола или прогнать его отъ себя и, такимъ образомъ, ничего не сдѣлать, ничего не узнать. Но и діаволъ что вамъ скажетъ? Онъ во истинѣ не стоитъ, всегда лжетъ, какъ ложь, по самой падшей своей природѣ, и отецъ и изобрѣтатель всякой лжи, обмана, коварства (Іоан. VIII, 44). Истина жжетъ, палитъ его болѣе адскаго огня; и отъ него ли искать чего-либо дѣльнаго, правдиваго, даже сколько-нибудь путнаго? И чего хочетъ онъ, вводя васъ въ заблужденіе и научая васъ прибѣгать къ дѣйствіямъ беззаконнымъ, богопротивнымъ?—Вашей погибели; и бойтесь, чтобы Господь Богъ не попустилъ ему погубить васъ въ конецъ.

А врагъ-діаволъ во всю жизнь вашу только одного этого и ищетъ, на этомъ сосредоточена вся его неусыпная коварная, бѣсовская дѣятельность. У него нѣтъ иного дѣла, иной заботы, какъ только вводить человѣка въ грѣхъ и погибель. Онъ же, этотъ же злѣйшій врагъ вашъ, повѣрьте, учитъ васъ и побуждаетъ своимъ нашептываніемъ или чрезъ глупыхъ, преданныхъ ему, людей прибѣгать къ гаданіямъ и ворожбѣ, доискиваться недозволеннаго и сокрытаго отъ насъ въ глубинѣ судебъ Божіихъ и, такимъ образомъ, оскорблять Бога въ томъ чаяніи, что, быть-можетъ, въ этомъ безумномъ вашемъ дѣйствіи онъ найдетъ случай ввергнуть васъ въ бѣду и даже погубить васъ совсѣмъ, если благодать Божія отступится отъ васъ за вашу невѣрность и предательство.

Вамъ кажется, что иногда и сбывается то, что вамъ видится и слышится во время ворожбы и гаданій вашихъ. Не мудрено чему-нибудь случайно и подойти подъ ваши желанія: самыя обстоятельства нерѣдко сближаютъ событія съ вашими видами и желаніями, и врагъ этимъ пользуется. Не мудрено дѣвицѣ-невѣстѣ выйти замужъ въ продолженіе года, старымъ или больнымъ людямъ умереть и проч. Скажемъ болѣе. Врагъ хорошо знаетъ, кто на кого и на что имѣетъ виды, кто къ чему особенно расположенъ и стремится, и сообразно съ тѣмъ легко можетъ въ мечтахъ вашего воображенія и представить различныя лица и предметы. Чаще же всего подкидываетъ онъ легковѣрнымъ что-либо неопредѣленное, двусмысленное, подобно тому, какъ давалъ онъ отвѣты въ древнихъ языческихъ прорицалищахъ, и какъ дѣлаютъ слуги его, цыганки и такъ называемые колдуны, знахари и ворожеи; и вы сами помогаете ему выпутываться изъ этой путаницы, всѣми силами стараясь истолковать его бредни или въ свою пользу или сходно съ обстоятельствами. Послушайте, какъ демонъ-помощникъ, или справедливѣе, руководитель людей въ преступныхъ гаданіяхъ, объяснялъ св. Андрею Юродивому о хитростяхъ отца своего, сатаны.

Однажды демонъ хвалился предъ блаженнымъ, что настанетъ время, когда преисподнимъ слугамъ нечего будетъ дѣлать, потому что люди будутъ злѣе демоновъ, такъ что и малыя дѣти превзойдутъ лукавствомъ старыхъ, и тогда-то, прибавилъ бѣсъ, я начну наслаждаться, потому что люди сами по себѣ станутъ творить всю мою волю. Св. Андрей спросилъ: „какъ тебѣ знать это? демону не открыто будущее“. Бѣсъ отвѣчалъ на это: „отецъ нашъ сатана разумѣваетъ, во адѣ сидя, и волшебствуетъ о всемъ, и оттуда все повѣдаетъ намъ, яко родъ нашъ ничесоже вѣсть“ (Прол. 6 окт.).

Видите ли, откуда начало волшебства, гаданія и ворожбы, и кто отецъ и наставникъ ворожей и гадателей?

Прилично ли христіанину имѣть дѣло и, тѣмъ болѣе, учиться у демона?

Прилично ли крещеному и вѣрующему во св. Троицу давать вѣру діаволу, отъ котораго отрекся въ крещеніи и коего, по справедливости, долженъ бояться, какъ злѣйшаго своего врага, по слову апостола: *трезвитеся, бодрствуйте, зане супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. V, 8).

Прибѣгать къ духу тьмы, врагу Божію и смертельному врагу человѣческаго рода, просить его услугъ, искать у него какого-то откровенія о будущей судьбѣ своей, что это, какъ не отступничество отъ Бога, какъ не вражда на Него? Не даромъ же и Богъ, оскорбляемый такимъ отступничествомъ, въ праведномъ гнѣвѣ на безумныхъ людей, иногда попускаетъ имъ погибать отъ собственнаго безумія. Не ради ли этихъ мерзостей — гаданій, волхвованій, чародѣйствъ въ древнее время Господъ Богъ осудилъ на истребленіе цѣлые народы?

Какія бѣды постигаютъ нашихъ любителей и любительницъ ворожбы и гаданія, вѣроятно, многіе знаютъ изъ вѣрныхъ разсказовъ или несчастныхъ событій, случившихся, можетъ-быть, предъ ихъ глазами. Приведемъ и мы нѣсколько случаевъ, за справедливость которыхъ можемъ поручиться.

Однажды пять крестьянскихъ дѣвицъ, въ отсутствіи своихъ домашнихъ, принялись на Новый годъ разгадывать тайны жизни такимъ образомъ: желающая узнать свое будущее (или своего суженаго) ложилась на лавки подъ св. иконы, предъ которыми теплилась свѣчка, и складывала руки, какъ покойница; ее покрывали по грудь полотномъ и клали на грудь зеркальце, въ которое лежащая должна смотрѣть пристально, пока не усмотритъ желаемаго, или пока что-нибудь не представится ея возбужденному воображенію. Остальныя дѣвицы уходятъ въ подполье и, выходя оттуда поперемѣнно и поодиночкѣ, кланяются лежащей, приговаривая обычный деревенскій привѣтъ: „прости и благослови!“

Нѣтъ нужды намъ знать, мечталось ли что-нибудь и что именно первымъ двумъ дѣвицамъ, выдержавшимъ этотъ тяжелый искусъ. Легла въ свою чреду по счету третья. Подруги одна за другой выходятъ изъ подполья и кланяются ей съ обычнымъ привѣтомъ. Такимъ образомъ, переходили по одиночкѣ всѣ, а гадальщица лежитъ да лежитъ безъ малѣйшаго движенія. Странно показалось это дѣвицамъ; сомнѣніе запало въ душу. Послѣдняя изъ привѣтствовавшихъ лежащую, вглядываясь пристально въ лицо ея, съ ужасомъ замѣчаетъ, что глаза ея, устремленные въ зеркало, неподвижны. Зоветъ другихъ; будятъ лежащую, и ни гласа, ни послушанія; несчастная уснула смертнымъ, непробуднымъ сномъ, до возглашенія трубы архангельской, воззывающей мертвыхъ на судъ. Таковы послѣдствія легкомысленной вѣры въ гаданье для этой несчастной!

Другой случай еще болѣе поразительный, еще болѣе несчастный, прогремѣвшій своей необычайностью на далекое пространство и, вѣроятно, многихъ любительницъ гаданья заставившій призадуматься. Двѣ дѣвицы, имѣвшія незаконную связь съ солдатами и жившія вмѣстѣ, въ одинъ изъ святочныхъ вечеровъ загрустились о томъ, что нѣтъ съ ними ихъ любезныхъ, вытребованныхъ въ ту пору на службу, и поминутно повторяли: „ахъ, если бы пріѣхали, какое было бы у насъ веселье!“ Разгоряченныя страстью, по дѣйству бѣсовскому, онѣ принялись гадать, смотря въ зеркало.

Вдругъ одна съ изступленною радостію кричитъ: „будутъ, будутъ!“

Около полуночи несчастныя слышатъ шумъ отъ санныхъ полозьевъ, голоса подъ окномъ, потомъ стукъ въ сѣнныя двери. У одной сердце запрыгало отъ радости; она бѣжитъ, отворяетъ, встрѣчаетъ гостей и бросается въ объятія своего возлюбленнаго. Другая чего-то испугалась, ей страшно. Ей кажется, что отъ гостей несетъ мертвящимъ, могильнымъ холодомъ, такъ что кровь у нея какъ бы застыла. Гости, между тѣмъ, пристаютъ къ ней, и ей кажется, что изъ глазъ ея возлюбленнаго точно сверкаютъ искры, и онъ готовъ пожрать ее своими взорами. Въ страхѣ она выбѣгаетъ изъ избы, бѣжитъ въ теплый курятникъ, креститъ тамъ всѣ углы, стѣны, двери, окошечки, и ни жива, ни мертва садится въ углу. Въ избѣ, между тѣмъ, поднялась страшная возня: стукъ, шумъ, свистъ, пѣсни, пляска, такія, что весь домъ дрожитъ.

Ужасная ночь на исходѣ. Гости собрались въ обратный путь, вышли на улицу, свистятъ, хохочутъ около курятника, называютъ бѣдную женщину трусихой, потерявшей чудесную ночь, обѣщаются навѣщать ее послѣ, а нынѣ оставляютъ ее въ покоѣ, потому что не даетъ имъ возможности приступить къ ней побѣдное знамя Распятаго, начертанное палящими пламенниками на стѣнахъ.

Проходитъ ночь. Крестьянки давно встали и удивляются, долго не видя веселыхъ сосѣдокъ. Около полудня нѣкоторымъ вздумалось навѣстить ихъ, но жилицъ нѣтъ, а въ избѣ ужаснѣйшій безпорядокъ. Ищутъ ихъ, кличутъ по именамъ, а бѣдная дѣвица и теперь не смѣетъ выйти. Наконецъ, находятъ ее и обезпамятѣвшую выносятъ изъ курятника. Другую нашли въ подпольѣ, до половины тѣла всунутую въ квасную кадку, избитую и обезображенную до того, что трудно узнать ее.

Чудесно спасшаяся отъ этого бѣсовскаго пира дѣвица, опамятовавшись, разсказала сосѣдямъ, какъ было дѣло, и долго послѣ этого по ночамъ слышала шумъ полозьевъ, стукъ, свистъ и прочее, и спасалась отъ этого бѣсовскаго навожденія только молитвою и крестнымъ знаменіемъ. Она бросила жизнь разгульную, странствовала по святымъ мѣстамъ и черезъ нѣсколько лѣтъ поступила въ монастырь.

И солдаты, лица которыхъ въ эту несчастную ночь представляли демоны, уцѣломудренные страшнымъ событіемъ, исправились и зажили истинно-христіанскою жизнію.

Что прибавить къ этой страшной повѣсти? Развѣ то, что Богъ попускаетъ нѣкоторымъ гадательницамъ, почему-либо заслуживающимъ кару небесную, погибать внезапною, а иногда и постыдною смертію для того, чтобы видящіе тутъ явный судъ и гнѣвъ Божій исправились и покаялись. А что гаданіе способствовало здѣсь страшной развязкѣ, это очевидно. Не будь вѣры въ возвращеніе солдатъ, не будь пламеннаго ожиданія ихъ, порожденнаго зеркаломъ, солдаты адскаго легіона и не явились бы.

При томъ двѣ грѣшницы въ этомъ несчастномъ приключеніи были дѣйствующими лицами, и обѣ, по видимому, въ одинаковыхъ расположеніяхъ. Но Богъ, испытующій сердца и утробы, нашелъ въ нихъ большую разность и одной попустилъ погибнуть, а другой далъ спастись знаменіемъ, предъ коимъ трепещетъ вся сила адская.

Вотъ и еще несчастье отъ гаданія. Двумъ дѣвицамъ-сестрамъ, подслушивавшимъ въ ночь на св. Пасху подъ окнами, съ желаніемъ услышать и узнать о своемъ будущемъ, въ концѣ деревни вдругъ представилась похоронная процессія, и старшая сестра—лежащею во гробѣ. Младшая въ испугѣ убѣжала домой, а другая упала тутъ же на мѣстѣ безъ чувствъ; три мѣсяца была она послѣ этого больна и въ помѣшательствѣ разсудка. Теперь она старуха лѣтъ 70, и въ долгій свой вѣкъ послѣ этого несчастія съ ней своими увѣщаніями многихъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ отговорила отъ неразумныхъ покушеній пытать невѣдомое будущее.

Еще случай. Одна дѣвица купеческаго сословія, много мечтавшая о своихъ достоинствахъ и отказавшая нѣсколькимъ женихамъ своего званія, въ надеждѣ выйти замужъ за человѣка чиновнаго, лила о святкахъ олово. Два пріема показались ей неудовлетворительными, въ третій олово, раскаленное до высокой степени, разбрызгалось, изуродовало все лицо ея и лишило ее глаза. Вскорѣ состояніе отца ея разстроилось. Несчастная умерла въ богадѣльнѣ. Богъ наказалъ ее за гордость и безумное покушеніе разоблачить будущую судьбу свою.

Но вотъ примѣръ, доказывающій, что діаволъ льнетъ ко всякому случаю, гдѣ есть вѣра въ суевѣрныя гаданія и загадыванія.

Одинъ старикъ разсказывалъ мнѣ вотъ что: торговецъ рыбой разъ выѣхалъ на базаръ очень рано и, соскучившись ожиданіемъ покупателей, мысленно загадалъ на первомъ покупателѣ рѣшить, какова будетъ торговля на цѣлый день. Когда нетерпѣніе и неудовольство, выражаемыя по русскому обычаю крупными бранными словами, возросли въ купцѣ до высокой степени, является мужикъ необычнаго роста и приказываетъ отвѣсить пудъ рыбы, сказавъ при томъ: „молитва твоя дошла до царя нашего и милостиво выслушана“. Купецъ въ хлопотахъ мало тогда обратилъ вниманія на эти слова, а при расчетѣ, какъ есть обычай между мелочными торговцами, перекрестился, сказавъ: „Господи, благослови!“ и покупатель внезапно исчезъ. Старикъ этотъ по самую смерть свою не переставалъ заповѣдать дѣтямъ и внукамъ своимъ, сколько возможно чаще, для избѣжанія вражескихъ козней, осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ и призывать имя Господне и отнюдь не вдаваться ни въ какія суевѣрныя гаданія, которыя такъ пріятны врагу, и коими онъ легко можетъ насъ завлечь и запутать въ свои сѣти и, чего добраго, довести до бѣды и несчастія.

8. Мысли христіанина въ день новаго года [1].

Еще одинъ годъ безвозвратно канулъ въ вѣчность! Еще разъ Милосердый Господь удостоилъ насъ грѣшныхъ вступить въ начало новаго лѣта и вмѣстѣ съ матерію нашею св. православною церковью помолиться о всѣхъ своихъ грѣхахъ, злѣ содѣланныхъ въ мимошедшемъ лѣтѣ; съ чувствомъ глубокой любви и благодарности вознести ему теплыя молитвы и благодаренія за всѣ тѣ благодѣянія, которыя оказаны были Имъ намъ въ прошломъ году, и испросить себѣ въ новомъ лѣтѣ благословенія на продленную милосердіемъ Божіимъ нашу жизнь...

Какъ во всякое время, такъ въ особенности при окончаніи одного и началѣ другого года мысль наша порывается прозрѣть въ будущее, поднять ту таинственную завѣсу, которая закрываетъ отъ нашего взора все, что ожидаетъ насъ впереди, узна ть, что принесетъ намъ новый годъ... Будемъ ли мы счастливы и благоуспѣшны въ своихъ предпріятіяхъ, или встрѣтимъ скорби, лишенія, потери? Наступающій новый годъ увѣнчаетъ ли труды рукъ нашихъ обиліемъ плодовъ земныхъ, или же нанесетъ губительный вредъ всему нашему благосостоянію? Долго ли будетъ продолжаться жизнь наша, или же смерть вскорѣ прекратитъ наши дни и не дастъ намъ воспитать своихъ дѣтей и увидѣть сыны сыновъ своихъ? Стоя на распутіи между временемъ, улетѣвшимъ въ вѣчность и только что еще желающимъ развернуться предъ нами, съ особенною настойчивостью пытливый умъ представляетъ ему эти назойливые вопросы, и будущее съ своимъ неизвѣстнымъ становится предъ нами неразрѣшенной загадкой. А если прошедшее при этомъ оставило по себѣ много тяжелыхъ воспоминаній, если настоящее не даетъ намъ того, что мы требуемъ отъ жизни, то тѣмъ съ большею нетерпѣливостью мы ждемъ себѣ отъ будущаго искомаго блага и съ большимъ любопытствомъ стараемся поднять ту завѣсу, которая непроходимою бездною отдѣляетъ отъ насъ будущее...

Но ни пытливый умъ человѣка, желающій проникнуть въ тайны будущаго, ни безразсудныя и нелѣпыя гаданія, которыя нѣкоторые изъ насъ дозволяютъ себѣ подъ новый годъ, ничто не можетъ прояснить намъ того, что Господомъ Богомъ сокрыто отъ насъ для нашего собственнаго блага. Кто знаетъ и можетъ быть увѣренъ въ томъ, что, начиная нынѣ новый годъ, мы доживаемъ до конца его?! Быть-можетъ, не пройдетъ и нѣскольких часовъ, какъ въ стѣнахъ нашего дома раздадутся посмертные вопли: счастливая семья разрознится, довольство въ ней исчезнетъ, счастіе утратится... и на крышку нашего гроба посыплются тяжелыя глыбы земли. Одно только сознаніе того, что отъ вѣка, какъ въ цѣломъ мірѣ, такъ и въ жизни каждаго человѣка ничего не совершается безъ воли нашего Творца и Промыслителя, что всѣ судьбы Божіи о мірѣ и человѣкѣ направлены къ достиженію внутренняго и внѣшняго блага, можетъ успокоить нашъ мятущійся духъ, и вмѣсто напраснаго заглядыванія въ неизвѣстное намъ будущее, котораго намъ все равно не узнать собственными силами, только это сознаніе можетъ заставить насъ предать себя въ руки нашего милосерднаго Промыслителя, Который лучше насъ знаетъ, что съ нами сдѣлать и что клонится къ нашему благу и миру. Но не человѣческая мудрость, всегда юная, колеблющаяся, внушаетъ и воспитываетъ въ насъ это успокоивающее сознаніе, а вѣчно-непреложное слово Божіе, переданное для нашихъ временъ въ книгахъ священнаго писанія. Оно учитъ насъ, что Господь, какъ нашъ Владыка и Промыслитель, поднебесную всю назираетъ, вѣдый, яже на земли, вся, яже сотвори (Іов. XXVIII, 24); Онъ указываетъ путь гремящей молніи; Онъ повелѣваетъ быть на землѣ бурѣ и дождю; въ рукѣ Его крѣпость и власть, и милость возвеличити и укрѣпити вся (1 Пар. XXIX, 12); Онъ поставляетъ цари и преставляетъ (Дан. II, 21); Онъ мертвитъ и живитъ, смиряетъ и изситъ (1 Царств. II, 67); безъ Его воли не падаетъ на землѣ ни одна птица, какъ бы ни была мала (Мѳ. X, 29). И всѣ дѣйствія нашего Творца направлены къ нашему же благу къ нашему спасенію, потому что Онъ, какъ Самъ есть безконечная любовь и благость, такъ и всю тварь создалъ причастной Своей славы и любви и способною пользоваться тѣми благами и щедротами, которыя Онъ ниспосылаетъ на рабовъ Своихъ. Для насъ Онъ повелѣваетъ восходить солнцу; для насъ повелѣваетъ существовать животнымъ и землѣ производить все на службу человѣка. Для благоденствія нашего и счастья Онъ устроаетъ царства и общества, поставляетъ царей и начальниковъ, для насъ даруетъ и самую вѣчность. Всякое возникающее чрезъ удаленіе отъ добра зло, Онъ, Милосердый, уничтожаетъ, или обращаетъ къ добрымъ послѣдствіямъ, и всѣ бѣдствія, лишенія и скорби въ мірѣ допускаетъ для лучшаго устроенія нашего счастья на землѣ при настоящемъ нашемъ положеніи.

---

[1] Статья эта составлена по ст. «Духовной бесѣды» за 1860 годъ, «Странника» за 1865 годъ и «Воскреснаго чтенія» за 1883 годъ.

Во дни счастья нашего и во дни бѣдствій, на насъ посылаемыхъ, мы слышимъ постоянно Его то кроткій, то грозный, голосъ, призывающій насъ къ духовному преуспѣянію, или раскаянію. Онъ Своею невидимою силою удерживаетъ насъ отъ нравственныхъ паденій и поставляетъ на стезю заповѣдей Своихъ. Ни одна нѣжная мать столь не заботится о своихъ дѣтяхъ, какъ милосердый Господь о насъ грѣшныхъ! Вотъ утѣшеніе для насъ при всемъ нашемъ незнаніи будущаго! Вотъ куда должны быть обращены очи наши въ день новаго года, вотъ гдѣ нашъ путь, истина и животъ! Имѣя такую твердую вѣру въ нашего небеснаго Отца, такъ нѣжно пекущагося о насъ, мы можемъ быть вполнѣ убѣждены, что и въ наступающемъ году все, что съ нами ни случится, случится по волѣ нашего Творца.

Другая мысль, которая такъ же крѣпко лежитъ на сердцѣ каждаго истиннаго христіанина и неотвязчиво напрашивается на разрѣшеніе, особенно въ день новолѣтія—это мысль о томъ, какъ мы провели прошлый годъ? въ день новаго года христіанинъ паче другихъ дней обязанъ оглянуться назадъ на свою жизнь и побесѣдовать съ своею совѣстью: что совершили мы для спасенія своего душевнаго въ прошломъ году, какія желанія и намѣренія были главными руководителями нашей дѣятельности и жизни, и насколько мы исполнили тѣ правила и постановленія, какія обязаны были исполнить, какъ данныя намъ Богомъ для нашего же спасенія? Поставивъ предъ очами совѣсти своей, съ одной стороны, книгу заповѣдей Божіихъ, а съ другой—книгу собственныхъ въ прошломъ году дѣяній, предъ этимъ двойнымъ зеркаломъ составимъ себѣ внимательный и подробный отчетъ, какъ соблюдали мы всѣ эти заповѣди Божіи? Стыдно признаться, но грѣхъ и утаить,—Бога, своего Творца и Промыслителя, мы часто забывали, должной хвалы и благодаренія за всѣ Его благодѣянія не воздавали; при употребленіи милостей Божіихъ не сообразовались съ ихъ божественнымъ назначеніемъ; сыновней любви къ Нему не высказывали, болѣе надѣялись на свои силы, на своихъ друзей и знакомыхъ; заботились болѣе о пищѣ и одеждѣ, о куплѣ и продажѣ, о богатствѣ и прибыткахъ, и до того прилагали свое сердце къ земнымъ благамъ, что подъ тяжестью ихъ не могли возноситься къ Подателю оныхъ. Имя Божіе произносили всуе, воскресные и праздничные дни проводили въ празднословіи, въ веселостяхъ и забавахъ; постовъ, Богомъ установленныхъ, не исполняли, совѣсть свою не очищали покаяніемъ и чистосердечною исповѣдію; не пользовались мудрыми и любвеобильными попеченіями о насъ церкви, нисколько не усердствовали въ дѣлѣ молитвы и благочестивыхъ подвиговъ; родителей своихъ не почитали и даже нарочито ихъ оскорбляли и прекословили правой ихъ волѣ; за властей не молились, духовныхъ наставниковъ не чтили и часто надъ ними смѣялись; мы нисколько не заботились о чистотѣ своей тѣлесной, жили въ похотяхъ плоти, простирали виды на чужое добро, обижали другъ друга, одинъ на другого клеветали, завидовали... Горестныя событія нашей жизни встрѣчали не съ покорностію волѣ Божіей, а съ малодушіемъ и ропотомъ... Вотъ что откроетъ намъ зеркало души нашей, если мы внимательно присмотримся къ содѣланному нами: мы избрали для своей жизни не тѣсный путь вѣры и добродѣтели, вводящій въ животъ, а широкій путь страстей, ведущій въ пагубу.

Раскрывши такимъ образомъ свою совѣсть, чего пожелаемъ себѣ въ день новаго года? „Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ“, говоримъ мы обычно другъ другу въ день новаго года. Доброе пожеланіе, если только подъ счастіемъ мы будемъ разумѣть то, что составляетъ истинное счастіе человѣка, а подъ новымъ счастьемъ будемъ разумѣть всецѣлое обновленіе самихъ себя, всѣхъ своихъ силъ и способностей; руководимый свѣтомъ Христовымъ умъ, честное, проникнутое любовію къ Богу и ближнему сердце и согласную съ закономъ Божіимъ волю,—именно то самое, чего въ настоящей нашей жизни, полной разныхъ нравственныхъ недостатковъ, недостаетъ намъ, христіанамъ.

Пожелаемъ же себѣ въ наступившемъ новомъ году того счастія, которое заключается не въ земныхъ, скоропреходящихъ вещахъ, не въ богатствѣ, не въ знатности и славѣ, но въ насъ самихъ, въ нашей душѣ и сердцѣ; того, что одобряетъ наша совѣсть, что заслуживаетъ одобренія отъ Бога, за что обѣщается намъ блаженство въ будущей жизни. Пусть вѣра Христова богатно вселяется въ сердца наша, и да будетъ она главнымъ началомъ, заправляющимъ нашею волею на всѣхъ путяхъ нашихъ. Пусть духъ благочестія, которымъ такъ крѣпки были наши дѣды и отцы, снова оживетъ среди насъ, внушитъ намъ уваженіе къ святынѣ народной и сдѣлаетъ насъ сынами Россіи, достойными своихъ предковъ. Пожелаемъ другъ другу неуклоннаго и ревностнаго исполненія своихъ обязанностей, неослабнаго стремленія къ высшему совершенству, плодомъ чего является чистота сердца и кротость духа въ соединеніи съ искреннѣйшею любовью къ Богу и ближнимъ и съ полною готовностью на всякія съ нашей стороны жертвы, когда того потребуетъ долгъ нашъ, налагаемый на насъ Богомъ и совѣстью. Но одного положенія, хотя бы и самаго благочестиваго, мало. Отъ каждаго изъ насъ требуется послушаніе и безпрекословная преданность волѣ Божіей, начертанной Имъ Самимъ на скрижаляхъ Моисеевыхъ,—и тогда только Господь поможетъ намъ найти то вожделѣнное счастіе, которое уготовалъ Онъ всѣмъ, возлюбльшимъ явленіе Его. И все тогда, что ни дастъ намъ жизнь, добро или зло, мы будемъ принимать безропотно, въ полной надеждѣ, что все дѣлается по волѣ Божіей. Жизнь ли долгая суждена намъ,—да послужитъ она къ большему преуспѣянію нашему въ добрѣ, къ совершенію большихъ и многочисленныхъ дѣлъ правды: святый да святится еще (Ап. XXII, 11). Скорая ли смерть суждена намъ—но и она да послужитъ для насъ пріобрѣтеніемъ (Фил. I, 21). Богатство ли и слава, бѣдность и неизвѣстность, удовольствія и радости, огорченія и печали,—все, что ни подастъ намъ въ семъ лѣтѣ благодѣющая десница Божія, все да послужитъ намъ къ истинному благополучію нашему и счастію.

И наша православная церковь въ молебномъ пѣніи, совершаемомъ на новый годъ, высказываетъ за насъ предъ Богомъ всѣ наши нужды и потребности, всѣ наши желанія и чувства. И жизнь семейную съ ея радостями и скорбями, и жизнь государственную съ ея благоденствіемъ и процвѣтаніемъ, съ ея тревогами, миромъ вожделѣннымъ и бранями, и жизнь церковную съ ея распространеніемъ и утвержденіемъ,—все обняла мать наша, св. православная церковь, въ молитвѣ предъ Богомъ въ этотъ день, прося у Него милости и щедротъ намъ грѣшнымъ. Она ставитъ насъ, странниковъ и пришельцевъ на землѣ, предъ лицомъ всемогущаго и всеблагаго Бога и заставляетъ насъ припасть къ Нему съ благодареніемъ, мольбами, прошеніями. Ему поручаетъ она и дальнѣйшую жизнь нашу; Ему поручаетъ и общественное спокойствіе наше; Ему поручаетъ и самое себя. У Него проситъ избавленія отъ всѣхъ бѣдъ и золъ, могущихъ постигнуть насъ за грѣхи наши. По примѣру ея, предадимся и мы, какъ дѣти, нѣжно любящія своего Отца небеснаго, всецѣло въ руки Божіи и вмѣстѣ съ церковію воскликнемъ: „Твоихъ благодѣяній и даровъ туне, яко раби непотребніи, сподобившеся, Владыко, къ Тебѣ усердно притекающе, благодареніе по силѣ приносимъ и Тебя, яко Благодѣтеля и Творца, славяще вопіемъ: слава Тебѣ, Боже всещедрый, Всея твари Содѣтелю, времена и лѣта въ Своей власти положивый! Благослови вѣнецъ лѣта благости Твоея, Господи; сохрани въ мирѣ Императора и градъ Твой и спаси насъ“. (Тропари на молеб. пѣніи въ новый годъ). („Астрах. Еп. Вѣд.“).

6-ой ДЕНЬ.

КРЕЩЕНІЕ ГОСПОДНЕ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 6-е, гл. III, 13—17 ст.

1. Исторія Крещенія Господня.

Для того, чтобъ уготованное людямъ, милостію Божіею, спасеніе было принято ими, Іисусу Христу надлежало явиться въ міръ,—къ людямъ и сказать имъ о Самомъ Себѣ, о Своемъ посольствѣ отъ Бога Отца,—надлежало поучить людей вѣрѣ и доброму житію... Но Онъ не являлся міру до тридцатилѣтняго Своего возраста,—потому что этимъ возрастомъ, по закону евреевъ, опредѣлялось право учительства, т.-е., по закону Моисееву, учителемъ могъ быть только тотъ, кто отъ роду имѣлъ тридцать лѣтъ... При томъ до вступленія въ служеніе роду человѣческому, Іисусу Христу надлежало принять крещеніе; какъ безгрѣшному, Ему не было нужды въ крещеніи для Самого Себя, но Онъ крестился въ рѣкѣ Іорданѣ для того, чтобы положить начало нашему очищенію отъ грѣховъ,—чтобы „освятить Собою Іорданскія струи“ и Своимъ прикосновеніемъ сообщить водѣ силу къ очищенію нашему... Крещеніе Его совершилось такъ: за шесть мѣсяцевъ до явленія Іисуса Христа на Іорданъ, Іоаннъ, Предтеча Христовъ, проповѣдывалъ людямъ о пришествіи Мессіи, въ странѣ Іорданской; Іоаннъ говорилъ приходящимъ къ нему: „покайтесь, приблизилось спасеніе“—и многихъ крестилъ онъ крещеніемъ покаянія... Но вотъ, между другими людьми, подошелъ къ Іоанну и Іисусъ Христосъ изъ Назарета и просилъ у него крещенія. Іоаннъ съ дѣтства своего зналъ о высокой жизни Іисуса Христа и потому говоритъ Ему: „мнѣ надобно креститься у Тебя и Ты ли приходишь ко мнѣ?“ Іисусъ Христосъ сказалъ ему: „теперь не время говорить объ этомъ. Намъ надобно исполнить то, къ чему призваны“. Такъ нужно, такъ установлено Богомъ, чтобъ Я крестился отъ тебя: Намъ „надлежитъ исполнить всяку правду“; Іоаннъ повиновался и крестилъ Іисуса Христа во Іорданѣ. Пречудное было это событіе! Но вотъ новое знаменіе: когда Іисусъ Христосъ вышелъ изъ воды, отверзлись небеса, и Духъ Божій тѣлесно, въ видѣ голубя, спустился съ неба на Іисуса Христа и былъ слышенъ голосъ Бога Отца: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ все Мое благоволеніе“, т.-е. ради Него, ради Этого Сына Моего Я буду любить и миловать всѣхъ, кто увѣруетъ въ Него и будетъ послушенъ Его ученію. Такъ Самъ Отецъ небесный, Своимъ словомъ, возвѣстилъ всѣмъ, что Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, есть Тотъ Мессія, о Которомъ сказано было еще Адаму; „Сѣмя жены сотретъ главу змія“—есть Тотъ, Котораго ожидали цѣлыхъ 5508 лѣтъ.

Понятно теперь намъ и то, почему Крещеніе Іисуса Христа называется Богоявленіемъ,—потому что Богъ во Святой Троицѣ ясно открылся міру: Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ крестился, Богъ Отецъ говорилъ съ неба, Духъ Святый сходилъ въ видѣ голубя. Пресвятая Троица, слава Тебѣ!

2. Особенности въ праздновaніи Крещенія Господня.

Празднованіе крещенія Господня совершается въ православной церкви съ особенною торжественностію и отличается многими особенностями. Церковь подготовляетъ вѣрующихъ къ празднованію Богоявленія Господня постомъ, который называется сочельникомъ, причемъ многіе воздерживаются отъ пищи, по преданію, до вкушенія св. воды, подобно тому, какъ сочельникъ рождественскій такое воздержаніе отъ пищи сохраняется до вечерней звѣзды. Далѣе, подобно навечерію Рождества Христова, въ навечеріе Богоявленія бываютъ (кромѣ субботы и воскресенія) царскіе часы и литургія св. Василія Великаго, которая начинается вечернею съ 12 пареміями. Наконецъ, въ воспоминаніе крещенія Господня, какъ въ сочельникъ, такъ и въ самый праздникъ совершается въ храмахъ великое освященіе воды, а въ самый день праздника на рѣкахъ, прудахъ и колодцахъ, что у насъ именуется хожденіемъ на Іордань. Обычай этотъ происходитъ отъ временъ апостольскихъ. При богослуженіи воспоминаются пророчества, относящіяся къ событію крещенія, самое крещеніе и таинственное значеніе его, произносятся молитвы, призывающія благословеніе Божіе на воды, и троекратно погружается въ нихъ животворящій крестъ Господень. Торжественное шествіе къ водѣ, по окончаніи литургіи, совершается съ крестомъ и евангеліемъ, при колокольномъ звонѣ, при свѣтѣ свѣтильниковъ, съ хоругвями и при пѣніи церковныхъ пѣсней. Особенно торжественно совершается освященіе воды въ С.-Петербургѣ. Противъ Зимняго дворца, на рѣкѣ Невѣ, устраивается великолѣпная Іордань; во дворцѣ, при парадѣ войскъ, отправляется божественная литургія митрополитомъ С.-Петербургскимъ, въ сослуженіи съ придворнымъ духовенствомъ; по окончаніи же литургіи, торжественная процессія, въ которой принимаютъ участіе Ихъ Императорскія Величества и Члены Августѣйшаго Дома, присутствующіе въ св. Сѵнодѣ архіереи и многочисленное духовенство, выходитъ къ Іордани, и въ ту минуту, когда животворящій крестъ погружается митрополитомъ въ рѣку, съ Петропавловской крѣпости раздаются пушечные выстрѣлы.

Праздникъ Богоявленія Господня церковь повелѣваетъ проводить благоговѣйно. „Да будетъ праздникъ Богоявленія въ великомъ уваженіи, сказано въ Постановленіяхъ апостольскихъ, — да будутъ въ оный всѣ свободны отъ дѣлъ“. И вѣрующіе всегда принимали самое живое участіе въ этомъ великомъ церковномъ торжествѣ, собираясь въ храмы Божіи какъ въ навечеріи, такъ и въ самый праздникъ, для присутствованія при богослуженіи, для слушанія пастырскихъ поученій и для пріобщенія св. таинъ. Св. Григорій Богословъ (въ IV вѣкѣ) такъ говоритъ въ словѣ на день Богоявленія Господня: „нынѣ я узнаю свое стадо; нынѣ вижу церковь въ приличномъ ей убранствѣ, ибо вы, оставивъ плотскія попеченія, стеклись къ богослуженію въ такомъ множествѣ, что народъ въ храмѣ стѣснился, и вторгаются даже въ алтарь; а остальные, не вмѣщаясь внутри, заняли собою всѣ входы, подобно тому, какъ изъ пчелъ однѣ трудятся внутри, а другія жужжатъ около улья“. Повелѣніями благочестивыхъ императоровъ греческихъ предписывалось въ праздники Богоявленія удаляться отъ общественныхъ игръ, зрѣлищъ и увеселеній для безпрепятственнаго упражненія въ дѣлахъ благочестія.

3. Почему для празднованія Богоявленія назначено 6-е число января мѣсяца?

Празднованіе Богоявленія, по церковному установленію, совершается въ 6 день января мѣсяца. Основаніе для этого правосл. церковь находитъ въ таинственномъ пониманіи тѣхъ соотношеній, какія существуютъ между Адамомъ и Христомъ, между виновникомъ смерти и грѣха и Начальникомъ спасенія и жизни. По ученію отцовъ церкви, Адамъ сотворенъ въ шестой день, Адамъ вкусилъ отъ запрещеннаго плода и умеръ духовно въ тотъ же день, въ который сотворенъ; такъ и Іисусъ Христосъ крестился въ 6 день 1-го мѣсяца и умеръ въ 6 день недѣли для искупленія человѣчества отъ той смерти, какой оно подвергалось чрезъ грѣхъ Адама. А 6 января соотвѣтствуетъ *шестому* дню творенія. По іудейскому преданію, новый годъ, празднуемый 1-го мѣсяца (тисри) есть и первый день міра, какъ и день суда. Отсюда, когда іудейскій календарь перенесенъ былъ на римскій, и когда началомъ гражданско-римскаго года утверждено было 1-е января, то 6-е янв. было, естественно, избрано для празднованія Богоявленія, какъ соотвѣтствующее шестому дню міра, въ который сотворенъ Адамъ. Такое основаніе исполнено глубины смысла и вызываетъ благоговѣніе къ церкви, которая такъ глубоко проникла въ таинства соотношенія паденія и искупленія! („Воскр. чт.“ 1883 г. № 2).

4. Святая вода Богоявленская.

Вода, освященная троекратнымъ погруженіемъ въ ней святого животворящаго креста въ праздникъ Богоявленія, называется *святою Богоявленскою водою*. Ей приписывается особенная сила и важность. По свидѣтельству св. Златоуста, она „никогда не портится въ домахъ вѣрующихъ и берегущихъ ее, какъ святыню, съ уваженіемъ“. Этого не можетъ быть съ обыкновенною, простою, неосвященною водою, что могутъ подвердить на опытѣ и нынѣ всѣ благочестивые христіане.

Вода богоявленская такъ важна и такъ необходима для всѣхъ христіанъ, что они непремѣнно должны имѣть ее въ своихъ домахъ для освященія ею себя и своихъ грѣшныхъ жилищъ, и для употребленія оной прежде вкушенія обыкновенной пищи и питія, для сохраненія себя въ здравіи и для избавленія себя отъ различныхъ недуговъ и болѣзней. Даже были многократные примѣры и того, что нѣкоторые несчастные, подверженные сильному пьянству или запою, а также одержимые припадками и бѣснованіемъ, послѣ долговременнаго (напримѣръ шестинедѣльнаго) употребленія этой богоявленской воды, натощакъ, по вѣрѣ въ чудодѣйственную ея силу, исцѣлялись навсегда отъ своихъ страшныхъ недуговъ.

Самое вкушеніе этой воды въ церковныхъ книгахъ называется *причащеніемъ*, конечно не въ томъ смыслѣ, чтобъ оно могло имѣть такую же божественную силу, какъ самое причащеніе тѣла и крови Іисуса Христа, но въ томъ, что для нѣкоторыхъ лицъ, за тяжкіе грѣхи отлученныхъ отъ св. причащенія, она назначалась вмѣсто самаго причащенія святыхъ Христовыхъ таинъ. А въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ храма, въ случаяхъ смертной опасности, эта вода, называемая по-гречески *агіасмою*, т.-е. *святынею*, не безъ особенной пользы и отрады для души умирающаго можетъ быть ему преподаваема, вмѣстѣ съ пасхальнымъ артосомъ, или отдѣльно, какъ *напоминаніе* о святомъ причащеніи.

Но не выведите отсюда того заключенія, будто и во всѣхъ другихъ случаяхъ можно замѣнять святое причащенія тѣла и крови Христовой этою водою, какъ это силятся доказать наши раскольники, не имѣющіе возможности, при своемъ самовольномъ отступленіи отъ святой церкви, причащаться святыхъ Христовыхъ таинъ. Важна и свята богоявленская вода, но, во всякомъ случаѣ, она никогда не можетъ замѣнить св. пріобщеніе великихъ, пренебесныхъ, святыхъ божественныхъ Христовыхъ таинъ. Она должна быть нами употребляема въ той увѣренности, что она служитъ: „къ избавленію грѣховъ, исцѣленію души и тѣла, и на всякую пользу изрядную, и отгнанію всякаго навѣта видимыхъ и невидимыхъ враговъ“, какъ и говоритъ намъ это святая церковь, освящающая эту воду благодатію Святаго Духа.

Нѣкоторые, въ самую полночь, почерпаютъ воду изъ рѣкъ или источниковъ и, смѣшивая ее вмѣстѣ съ освященною наканунѣ, или въ самый день Крещенія, водою, также хранятъ ее благоговѣйно, для священнаго употребленія. Обычай почерпать воду въ полночь, наканунѣ Богоявленія, имѣетъ то основаніе, что Спаситель, по преданію, крестился отъ Іоанна именно въ полночь, какъ такое для насъ знаменательное время, въ которое совершились и многія другія событія ветхаго и новаго завѣта. На основаніи этого преданія, и доселѣ іерусалимскіе христіане, изъ мѣстныхъ жителей и путешественниковъ — богомольцевъ, приходящихъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ, съ вечера, наканунѣ праздника Богоявленія, на рѣкѣ Іорданѣ, близъ того мѣста, гдѣ, по преданію, крестился Іисусъ Христосъ, собираются, въ огромномъ множествѣ, съ зажженными свѣщами и съ священными пѣснопѣніями. И дожидаются, пока, въ самую полночь, начнется великое водоосвященіе, съ троекратнымъ погруженіемъ креста, послѣ чего всѣ наперерывъ спѣшатъ взять себѣ святой воды и сами погрузиться въ священныхъ струяхъ священной рѣки. На основаніи этого преданія, еще во времена святого Златоуста, тоже былъ обычай у христіанъ и въ прочихъ рѣкахъ и источникахъ почерпать воду въ полночь на Богоявленіе, и сохранять ее, какъ святыню, для употребленія въ теченіе цѣлаго года.

Но, хваля добрые обычаи христіанъ, сохранившіеся до сего времени отъ древнихъ временъ, мы, къ прискорбію, должны замѣтить, что нѣкоторые изъ христіанъ, и особенно простыхъ, необразованныхъ людей, мало понимаютъ святость и силу этой богоявленской воды и не умѣютъ обходиться съ нею, какъ съ великою святынею. Такъ, иные, въ навечеріе Богоявленія, не дожидаясь окончанія богослуженія, съ шумомъ и крикомъ бросаются черпать ее безъ всякаго благоговѣнія и страха Божія. При этомъ многіе другъ друга толкаютъ, другъ у друга разбиваютъ сосуды въ безпорядочной толпѣ и проливаютъ святую воду понапрасну. И отсюда происходитъ между ними то страшная давка, то даже открытая брань.

Христіане православные! Устрашитесь Божія гнѣва за такое поруганіе святой богоявленской воды и за такое страшное поруганіе святого храма, который обращается вами, въ это время, не въ домъ молитвы, а *въ вертепъ разбойниковъ* (Марк. XIV, 17). Именемъ св. церкви всѣхъ васъ прошу: послѣ окончанія великаго освященія воды, когда будете почерпать освященную воду, помните, что это—святыня, которую нужно брать *съ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ,* не бросаясь и не толкаясь въ шумномъ безпорядкѣ. Иначе, благодать Божія, которую мы призываемъ на эту воду молитвами св. церкви, отступитъ отъ вашихъ сердецъ! И самая святая вода, добытая вами съ насиліемъ, шумомъ и обидою ближняго, какъ и всякая святыня, при такихъ условіяхъ, обратится для васъ, вмѣсто здравія души и тѣла, только въ осужденіе отъ Бога и добрыхъ людей.

Не скверните того, что Самъ Богъ освятилъ, *почерпите воду съ веселіемъ* (Исаіи XII, 3),—въ тишинѣ души и тѣла, и съ полнымъ благоговѣніемъ! Нѣтъ особенной нужды набирать воды болѣе надлежащаго. Въ случаѣ ея умаленія, она можетъ быть разбавлена и простою, чистою, или въ другое время освященною водою, не теряя чрезъ то своей благодатной силы, даже и въ малѣйшихъ ея капляхъ. (Изъ „Проповѣдей“ о. протоіерея Іоанна Полисадова).

5. Праздникъ Богоявленія Господня у нашихъ предковъ.

Ни одинъ изъ Господскихъ праздниковъ въ древней Руси не праздновался съ такою торжественностью, какъ день Богоявленія Господня. По словамъ очевидцевъ, въ этотъ день со всего государства русскаго съѣзжалось въ Москву необычайное множество народа видѣть „любопытное дѣйство“—обрядъ освященія воды, совершавшійся патріархомъ на Москвѣ-рѣкѣ.

Торжество начиналось около полудня. Часу въ 12-мъ утра, въ то время, какъ патріархъ въ Успенскомъ соборѣ полагалъ начало службы, звонъ колоколовъ на Иванѣ Великомъ возвѣщалъ народу, что государь началъ шествіе изъ своего дворца. Государь выходилъ въ соборъ, обыкновенно, въ сопровожденіи бояръ и прочихъ сановниковъ, по красному крыльцу. При его появленіи народъ, увидѣвъ пресвѣтлыя царскія очи, билъ челомъ. Въ соборъ съ государемъ входили только одни высшіе чины: бояре, окольничьи, думные и ближніе люди, остальной народъ толпами стоялъ у собора.

По совершеніи литургіи въ Успенскомъ соборѣ, начиналось торжественное шествіе на іордань. Шествіе открывали стрѣльцы въ числѣ 400 или 600 человѣкъ, иногда и болѣе. Они были въ цвѣтномъ служиломъ платьѣ, съ знаменами и барабанами, и шли по четыре человѣка въ рядъ. За этимъ блестящимъ отрядомъ стрѣльцовъ слѣдовалъ крестный ходъ, замыкавшійся шествіемъ патріарха. Здѣсь, въ преднесеніи хоругвей, крестовъ и св. иконъ, шли митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, соборяне и весь священническій чинъ, по степенямъ, младшіе впереди, старшіе позади, всѣ въ богатыхъ облаченіяхъ. Духовныхъ лицъ въ ходу участвовало очень много,—однихъ приходскихъ священниковъ бывало до 300 и до 200 діаконовъ.

За патріархомъ, въ сопровожденіи разныхъ воинскихъ чиновъ, шествовалъ государь. Онъ былъ въ большомъ царскомъ нарядѣ. Сверхъ роскошнаго зипуна и богатѣйшаго станового кафтана, на немъ было царское платье изъ дорогой золотистой матеріи съ жемчугомъ и кружевами; на головѣ его былъ вѣнецъ или, какъ тогда называлась, царская шапка, блестѣвшая драгоцѣнными каменьями: алмазами, изумрудомъ, яхонтами. Плечи государя покрывала богатая діадима, на груди на золотой цѣпи висѣлъ крестъ съ частицей Животворящаго Древа, а иногда золотой крестъ со Спасовой ризою.

На Москвѣ-рѣкѣ, куда тихо и торжественно слѣдовало это шествіе, предъ Тайницкими воротами, надъ мѣстомъ, гдѣ должно было совершиться дѣйствіе погруженія въ воду честнаго креста, устраивалась красивая іорданская сѣнь, поддерживаемая четырьмя колоннами и карнизомъ, расписаннымъ красками, серебромъ и золотомъ. По угламъ сѣни были изображены 4 евангелиста, а внутри апостолы и другіе святые, тутъ же ставился и образъ Крещенія Господня. Кромѣ того вся іордань украшена была шелковыми и жестяными расписанными цвѣтами, зелеными кистями и даже птицами, вырѣзанными изъ мѣдныхъ листовъ и раскрашенными также красками; на верху ея утверждали золоченый крестъ.

Подлѣ іордани стояли особыя мѣста для царя и патріарха. Царское мѣсто, поставляемое на іордани обыкновенно шатерничимъ, было въ видѣ небольшого круглаго храма, съ пятью главами, сдѣланными изъ слюды; на главахъ были кресты. Этотъ пятиглавый верхъ утвержденъ былъ на пяти точеныхъ столбахъ, расписанныхъ по золоту виноградными вѣтвями. Вверху столбовъ шелъ гмызъ (карнизъ), съ внутренней стороны писанный травами, снаружи золоченый и украшенный сквозною рѣзьбою. По этому карнизу въ пригодныхъ мѣстахъ устраивались высеребренныя доски, а „на нихъ писаны стихи къ ердани“. Внутри царское мѣсто задергивалось вокругъ суконною или тафтяною занавѣсью. Все пространство около іорданской сѣни, царскаго и патріаршаго мѣста огораживалось рѣзною рѣшеткою и устлано было краснымъ сукномъ. Кромѣ рѣшетки, іордань была отдѣлена отъ народа двумя перилами.

Когда процессія приходила къ іордани, и царь съ патріархомъ вступали на свои мѣста, — по сторонамъ іордани становилось обыкновенно духовенство, а подлѣ царскаго мѣста — бояре и прочіе высшіе чины. По берегамъ рѣки тѣснился густыми толпами народъ. Войска били въ это время въ барабаны, дѣлая честь празднику.

Совершеніе обряда освященія воды происходило слѣдующимъ образомъ. Сначала духовныя власти и соборяне подходили къ государю и патріарху, по степенямъ, по двое въ рядъ, и кланялись. Потомъ патріархъ раздавалъ всѣмъ свѣчи, начиная съ государя, и совершалъ *дѣйствіе* по чину. Въ то время, какъ онъ погружалъ въ воду Животворящій крестъ при пѣніи: „спаси, Господи“, начальные люди всѣхъ полковъ и знаменщики со знаменами подступали къ іордани для окропленія ихъ св. водою. Послѣ погруженія креста, патріархъ серебрянымъ ведромъ черпалъ воду изъ іордани и отдавалъ ее ключарю, затѣмъ онъ наполнялъ также св. водою государеву „стопу“, которую духовныя лица относили во дворецъ и окропляли тамъ всѣ комнаты и иконы. „Дѣйство“ оканчивалось тѣмъ, что патріархъ трижды осѣнялъ государя крестомъ, кропилъ его св. водою и поздравлялъ его съ торжествомъ. Государь, вмѣстѣ со всѣмъ синклитомъ, прикладывался ко кресту и въ свою очередь поздравлялъ патріарха. Поздравляли государя и всѣ другіе духовные чины съ боярами, думными и ближними людьми, причемъ одинъ изъ первостепенныхъ бояръ говорилъ царю поздравительную рѣчь. — Послѣ того два архимандрита кропили знамена и войска, стоявшія на Москвѣ-рѣкѣ.

Крестный ходъ возвращался назадъ въ томъ же торжественномъ порядкѣ, при стройномъ пѣніи народа и при громкомъ звонѣ „сорока-сороковъ“ Бѣлокаменной. (Русск. паломн. 1895 г. № 1).

6. О священной рѣкѣ Іорданѣ.

Нѣтъ въ мірѣ Божіемъ болѣе священной для христіанъ рѣки, какъ рѣка Іорданъ. Въ струяхъ сей священной рѣки благоволилъ принять отъ Предтечи Іоанна крещеніе Господь нашъ Іисусъ Христосъ. На Іорданѣ, послѣ крещенія Господня, явилось міру новозавѣтное поклоненіе Св. Троицѣ. На Іорданѣ открылась людямъ Божіимъ величайшая тайна Богоявленія. *Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи, Тройческое явися поклоненіе.* (Троп. праздн. Богоявл.).

Существуетъ на землѣ самая глубокая долина — это долина Іорданская; глубже этой долины нѣтъ на землѣ. Будучи такой глубочайшей долиной земного шара, мѣстность эта не знала и не знаетъ нашей русской зимы, нашихъ снѣговъ, нашихъ трескучихъ морозовъ... Глубокая долина Іорданская есть природное и естественное ложе священныхъ струй священной рѣки Іордана. Никогда еще сіи струи не сковывались льдомъ и не видѣли ледяного покрова рѣкъ сѣвера. Теплота водъ Іорданскихъ не бываетъ менѣе 15 градусовъ теплоты... А беретъ Іорданъ свое начало отъ таянія вѣковѣчныхъ снѣговъ высотъ Ливанскихъ горъ... Истоки рѣки Іордана образуются такимъ образомъ: *Во дни жатвы пшеницы* въ св. землѣ начинаютъ таять снѣга и льды сосѣднихъ съ святою землею Ливанскихъ горъ. У древнихъ предѣловъ „колѣна Данова“, изъ Ливана беретъ свое начало первый небольшой ручей Іордана. (Имя *Дана*, несомнѣнно, отразилось здѣсь и въ наименованіе Іор-*Дана*). Второй, уже гораздо большій, ручей беретъ свое начало у предѣловъ города Кесаріи Филипповой (Матѳ. XVI, 13). Попутно, по своему теченію, принимая въ себя множество другихъ горныхъ потоковъ, этотъ ручей, сливаясь съ первымъ истокомъ Іордана, впадаетъ уже малой горной рѣкой въ небольшое озеро Самохонитское (или теперь Меромъ). Озеро это въ 6 верстъ длины. Изъ Мерома Іорданъ вытекаетъ уже пѣнистой рѣкой, на подобіе нашихъ кавказскихъ рѣкъ—Ріона, Арагвы и др. Быстро пробѣжавъ пространство въ 15 верстъ, Іорданъ впадаетъ въ Галилейское или Тиверіадское море,—то море, на которомъ апостолы Христовы, прежде чѣмъ удостоились къ призванію быть *ловцами человѣковъ*, занимались ловлей многочисленной рыбы родного озера. Частыя, мгновенныя бури сего озера — моря вѣдали Божественный повелительный гласъ нашего Спасителя, *запрещавшаго вѣтрамъ* и водворявшаго *тишину среди бури* (Матѳ. VIII, 26). Изъ Тиверіадскаго моря, имѣющаго въ длину 25 верстъ, Іорданъ выходитъ прекрасной, полноводной, быстро-текущей рѣкой. Здѣсь принимаетъ рѣку извивающаяся между Моавитскими и Іудейскими горами широкая и благодатная долина Іорданская. Долина сія — дивный садъ Божій! Здѣсь никогда не увядающая зелень травъ, цвѣтовъ, олеандровъ, пальмъ и другихъ, ласкающихъ взоръ, тѣнистыхъ деревъ и злаковъ. Прошедши во всю длину св. земли, Іорданъ окончательно скрывается въ неподвижныхъ водахъ Мертваго моря. Въ мертвыхъ объятьяхъ этого моря какъ бы замираетъ полный жизни, всегда журчащій Іорданъ. Если маленькая іорданская рыба быстротекущими струями рѣки заносится въ асфальтовыя (смоляныя) пучины Мертваго, моря, то она немедленно засыпаетъ. Такъ часто объятія смерти неожиданно похищаютъ и того, кто слишкомъ стремительно плыветъ по потоку житейской суеты!

Іорданская долина, по прямому своему протяженію отъ Тиверіадскаго моря до Мертваго, простирается не болѣе 100 верстъ. Но, извиваясь среди сосѣднихъ горъ, по ихъ изгибамъ и уклонамъ, долина эта простирается до 300 верстъ. Это-то пространство и проходилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, когда изъ Галилеи совершалъ Свой путь въ Іерусалимъ не по прямой дорогѣ, чрезъ враждебную Самарію, а кружной дорогой, по за-Іорданской странѣ. Этимъ путемъ шествовалъ Христосъ Господь и въ третью Пасху на вольныя Свои страданія на вершинѣ Голгоѳы.

Ширина священнаго Іордана не вездѣ, конечно, одинакова. Въ иныхъ мѣстахъ, сошедшіяся справа и слѣва горы іудейскія и моавитскія сжимаютъ воды рѣки въ самый узкій пробѣгъ. Здѣсь ширина рѣки всего только сажень. И быстро же пробѣгаетъ Іорданъ эти страшные проходы! Здѣсь онъ клокочетъ и кипитъ. Въ сихъ мѣстахъ, по сравненію пророка Божія Іереміи, Іорданъ исходитъ, какъ левъ отъ возвышенностей (XLIX, 19). Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ ширина долины очень просторна—верстъ 15—20, Іорданъ въ своемъ руслѣ журчитъ своими струями мѣрно и тихо. Ширина его въ такихъ мѣстахъ бываетъ сажень 20 и болѣе того.

Мостовъ на Іорданѣ не было. Не существуетъ ихъ и теперь. Какъ патріархъ *Іаковъ переходилъ съ жезломъ своимъ сей Іорданъ* (Быт. XXXII, 10), такъ и теперь всѣ паломники переправляются чрезъ Іорданъ въ бродъ по водѣ. Іорданъ вообще рѣка глубокая. Но на протяженіи его теченія существуетъ около 5 естественныхъ переправъ въ бродъ. Эти переправы и замѣняютъ мосты на рѣкѣ. Существуетъ толкованіе, что такія переправы именовались Виѳаварами. Св. евангелистъ Іоаннъ Богословъ, благовѣствуя о крещеніи Предтечей Господа, глаголетъ, что *сіе происходило въ Виѳаварѣ, при Іорданѣ, гдѣ крестилъ Іоаннъ* (Іоан. I. 28).

Выше уже было замѣчено, что священный Іорданъ, какъ рѣка горная, течетъ очень быстро, унося при своемъ теченіи все, что попадается на пути. Сколько „вѣтокъ Палестины" унесено быстротечной рѣкой въ неподвижныя воды Мертваго моря! Со дна и боковъ Іорданъ уноситъ въ своемъ теченіи большое количество ила и песку. Поэтому вода Іорданская, при своемъ теченіи, мутна и илиста, какъ и наши рѣки горнаго Кавказа. Но если вода эта отстоится въ чистомъ сосудѣ, она прозрачна и чиста, какъ самый чистый кристаллъ. Въ хорошо закупоренномъ сосудѣ вода эта никогда не подвергается порчѣ. И сколько на св. Русь принесено Іорданской воды нашими отечественными паломниками!

На Іорданѣ имѣли мѣсто многія священныя событія, какъ изъ исторіи ветхаго завѣта, такъ изъ исторіи завѣта новаго и еще изъ исторіи вселенской церкви Христовой. Рѣку Іорданъ переходилъ родоначальникъ 12 колѣнъ еврейскаго народа — патріархъ Іаковъ. Чрезъ Іорданъ чудесно перевелъ весь сонмъ еврейскаго народа Іисусъ Навинъ (I. Нав. III, 15). За Іорданомъ укрывался царь Давидъ, уходя отъ преслѣдованій своего любимаго сына Авессалома (2 Цар. XVII, 22). По слову пророка Божія Елисея, Нееманъ Сиріанинъ, омывшись въ Іорданѣ 7 разъ, получилъ исцѣленіе отъ тяжкой проказы (4 Цар. V, 10). За Іорданомъ былъ временный станъ Іуды Маккавея (1 Мак. V, 52). Часто переходили черезъ Іорданъ и свв. апостолы, сопутствуя своему Божественному Учителю. И теперь, по пути отъ Іордана въ Іерусалимъ, указываютъ „колодцы апостоловъ".

Окончимъ съ чего и начали. Самое главное священное событіе на Іорданѣ— крещеніе Господне и Богоявленіе Пресвятыя Троицы.

Но, можетъ-быть, кто скажетъ: какъ я несчастливъ, что не былъ на рѣкѣ Іорданѣ. Неосновательное сѣтованіе! — Всѣ мы, христіане, сподобились великаго и святого таинства крещенія. Купель крещенія, омывъ нашъ первородный грѣхъ, была для каждаго изъ насъ священнымъ Іорданомъ. (Кіевск. Еп. Вѣд.).

7. Значеніе крещенія І. Христа въ дѣлѣ искупленія.

> *Іисусъ живота начальникъ разрѣшити осужденіе грядетъ Адама первозданнаго, очищеній же яко Богъ не требуя, падшаго очищаетъ во Іорданѣ, въ немъ же вражду убивъ преимущъ всякъ умъ миръ даруетъ.*

Въ этомъ церковномъ стихѣ канона праздника Богоявленія указуется и прославляется искупительное значеніе крещенія Христова во Іорданѣ.

Іисусъ живота начальникъ. Іисусъ, яко Богъ, есть Творецъ всего міра, слѣдовательно Онъ есть Начальникъ или Виновникъ жизни всѣхъ существъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ, наполняющихъ вселенную. Но въ разсматриваемомъ стихѣ разумѣется не всякая жизнь, но жизнь человѣческая, имѣющая начало отъ Христа: „Имъ мы живемъ, движемся и существуемъ“ (Дѣян. XVII, 28). Человѣкъ сотворенъ для жизни вѣчно-блаженной не только по душѣ, но и по тѣлу. Такова и была жизнь его въ раю до грѣхопаденія. По душѣ она поддерживаема была тѣснымъ общеніемъ съ Богомъ, Который относился къ нему, какъ родной отецъ къ дѣтямъ, бесѣдовалъ съ нимъ лицомъ къ лицу, а по тѣлу поддерживаема была плодами древа жизни, питаясь которыми, человѣкъ былъ бы безболѣзненъ и безсмертенъ. Но недолго человѣкъ наслаждался блаженною жизнію въ раю. За грѣхопаденіе первозданный Адамъ изгнанъ былъ изъ рая и не только себя самого подвергъ осужденію отъ Бога на смерть тѣлесную и на лишеніе благодати Божіей, но и все свое потомство, которое наслѣдовало отъ него грѣхъ, ибо всѣ мы въ беззаконіяхъ рождаемся и во грѣхахъ зачинаемся,— и съ грѣхомъ получаемъ смерть тѣлесную и духовную, состоящую въ нравственномъ удаленіи отъ Бога. Падшему человѣку грозила вѣчная погибель, одинаковая участь съ діаволомъ. Но милосердый Господь, не хотящій смерти грѣшника и желающій всѣмъ спасенія, еще въ предвѣчномъ совѣтѣ положилъ спасти человѣка чрезъ Единороднаго Сына Своего. Онъ такъ возлюбилъ людей, созданныхъ по Его образу и подобію, что Сына Своего Единороднаго для спасенія не пожалѣлъ, но предалъ Его за насъ на уничиженіе и страданія во образѣ человѣческомъ, да „всякъ, вѣрующій въ Него, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный“. Онъ явился на землѣ въ семъ образѣ для нашего искупленія. Къ числу искупительныхъ Его дѣйствій относится крещеніе во Іорданѣ. Спустя тридцать лѣтъ Своей земной жизни, Онъ грядетъ на Іорданъ, чтобы *разрѣшить*, то-есть уничтожить, „осужденіе Адама первозданнаго“. Для снятія сего осужденія Ему надлежало очистить первозданнаго Адама въ лицѣ его потомства отъ грѣховъ, и вотъ, Онъ очищаетъ отъ грѣховъ падшаго Адама, принимая крещеніе покаянія въ водахъ Іорданскихъ. Самъ Онъ не имѣлъ нужды въ этомъ очищеніи. „Очищеній Онъ, какъ Богъ, не требовалъ“. Крещеніе было соединено съ покаяніемъ во грѣхахъ и исповѣданіемъ ихъ. Грѣховъ Онъ, святѣйшій по существу, не имѣлъ, и каяться Ему было не въ чемъ. Но, будучи безгрѣшенъ, Онъ взялъ на Себя одного грѣхи всего міра и, погружаясь въ водахъ Іордана, Онъ въ Своемъ лицѣ омывалъ отъ сквернъ грѣховныхъ всѣхъ людей. Его крещеніе имѣло очистительную силу не для Него лично, а для всѣхъ грѣшниковъ, имѣющихъ увѣровать въ Него, какъ въ Искупителя. На крестѣ Онъ искупилъ людей Своею кровью, а во Іорданѣ водою. Какъ крестною смертію Онъ примирилъ людей съ Богомъ, разгнѣваннымъ грѣхами ихъ, такъ и крещеніе въ водахъ Іордана имѣло цѣлью то же примиреніе. Чрезъ грѣхопаденіе человѣкъ поставилъ себя во враждебное отношеніе къ Богу и навлекъ на себя праведный гнѣвъ Его, ибо перешелъ на сторону врага его. Во Іорданѣ Христосъ „убилъ эту вражду“ и возстановилъ миръ Бога съ человѣкомъ, *миръ всякъ умъ преимущій*, то-есть столь глубокій, что превышаетъ всякое разумѣніе. Какъ сообщается намъ этотъ миръ? Благодатію Святаго Духа, даруемою намъ въ таинствахъ святой церкви, начиная съ крещенія. Эта спасительная благодать есть плодъ искупительныхъ заслугъ Іисуса Христа. (Костром. поуч. за 1898 г., еписк. Виссаріона).

8. Примѣры изъ жизни святыхъ, доказывающіе и разъясняющіе догматъ о пресвятой Троицѣ.

I. На первомъ вселенскомъ соборѣ было состязаніе христіанъ православныхъ съ аріанами, отвергавшими единосущіе лицъ Пресвятыя Троицы. Господь даровалъ св. Спиридону (тримифунтскому) силу защитить истину православія чудомъ. Взявши въ руки глиняный сосудъ (плинѳу), онъ сжалъ его, и вышелъ кверху огонь, а книзу потекла вода: сосудъ же остался въ рукѣ. „Вотъ, сказалъ святой, три предмета, а плинѳа одна! Такъ и въ Троицѣ — три лица, а единъ Богъ“ (Ч.-М. дек. 19 д.).

II. На второмъ вселенскомъ соборѣ въ обличеніе же аріанъ просили св. Мелетія изложить правое ученіе о св. Троицѣ. Святитель, вставши, показалъ присутствующимъ три совокупленные перста во образъ трехъ Лицъ Пресвятыя Троицы; потомъ, два перста совокупивъ и одинъ пригнувъ, благословилъ такимъ образомъ народъ — и вышелъ отъ него огонь, на подобіе молніи. Послѣ сего воскликнулъ: „такъ мы три Ѵпостаси разумѣваемъ, о существѣ единомъ бесѣдуемъ!“ (Ч.-М. февр. 12 д.).

III. Однажды сарацинскіе мудрецы спросили у святого Константина: „какъ вы, христіане, единаго Бога раздѣляете на три Бога? у васъ есть Отецъ, Сынъ и Духъ Святый“... „Не злословьте пресвятыя Троицы“, отвѣчалъ богодухновенный мудрецъ, „Отецъ, и Сынъ, и Духъ Святый суть три ѵпостаси, существо же едино. Воззрите на солнце, отъ Бога въ образъ святыя Троицы на небеси поставленное; въ немъ три вещи: кругъ, сіяніе и теплота; такъ же и въ пресвятой Троицѣ: Отецъ, Сынъ и Духъ Святый. Солнечный кругъ есть подобіе Бога Отца: ибо, какъ кругъ не имѣетъ ни начала, ни конца, такъ и Богъ безначаленъ и безконеченъ: и какъ отъ круга солнечнаго происходитъ сіяніе и теплота, такъ отъ Бога Отца рождается Сынъ и исходитъ Духъ Святый. Сіяніе, отъ солнца происходящее и всю поднебесную просвѣщающее, есть подобіе Бога Сына, отъ Отца рожденнаго и весь міръ евангеліемъ просвѣтившаго; а теплота солнечная, отъ того же круга вмѣстѣ съ сіяніемъ происходящая, есть подобіе Бога Духа Святаго, Который отъ того же Отца исходитъ предвѣчно. Итакъ, разсмотрите солнце и познайте пресвятую Троицу. Солнце стоитъ изъ трехъ веществъ: изъ круга, сіянія и теплоты, но раздѣляется ли на три солнца, хотя каждая вещь особливое имѣетъ свойство? Одно есть кругъ, другое—сіяніе, третіе — теплота; но кто скажетъ, что не одно, а три солнца? Такъ и пресвятая Троица, хотя имѣетъ три лица: Отца, и Сына, и Святаго Духа, однако Божествомъ не раздѣляется на три Бога, но единъ есть Богъ“. — Сарацинскіе мудрецы не знали, что сказать противъ доказательства Константинова, и обратили разговоръ свой на другіе предметы (Уч. бл. т. 2).

9. Обѣты, данные нами при крещеніи.

Воспоминаемое нами крещеніе Іисуса Христа переноситъ мысль нашу къ нашему собственному крещенію. Безъ сомнѣнія, полезно размыслить внимательно о томъ, что принято нами въ дѣтствѣ безсознательно, подумать о тѣхъ обѣтахъ, которые даны были за насъ нашими крестными отцомъ и матерью, о силѣ и значеніи для насъ перваго таинства въ нашей жизни. И еще болѣе несомнѣнно, что спасительно было бы для каждаго изъ насъ какъ можно чаще останавливаться мыслью на этихъ предметахъ и подольше размышлять объ нихъ.

а) Всякій человѣкъ, какъ потомокъ падшаго праотца нашего, есть рабъ грѣха и діавола. Потому-то первое дѣйствіе, какое совершаетъ надъ нами церковь при крещеніи, есть заклинаніе діавола и отреченіе отъ него. Священникъ молитъ Бога отогнать всѣ нападенія и соблазны діавольскіе отъ крещаемаго, даровать ему свѣтлаго ангела-хранителя и, послѣ такъ называемыхъ заклинательныхъ молитвъ, трижды спрашиваетъ крещаемаго или его воспріемниковъ: *отрицаеши ли ся сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всѣхъ аггелъ его, и всего служенія его, и всея гордыни его? Отрекся ли еси сатаны?* И крещаемый трижды отвѣчаетъ на первый вопросъ: *отрицаюся*, а на второй: *отрекохся*. Въ знакъ полнаго, совершеннаго отказа отъ сатаны и отвращенія отъ всякой службы ему, крещаемый, по священническому приглашенію, дуетъ и плюетъ на него. Первое дѣйствіе благодати, даруемой въ крещеніи, то, что человѣкъ освобождается отъ рабства грѣху и діаволу. Человѣкъ уже не рабъ діавола, но Сынъ Божій и наслѣдникъ Божіихъ обѣтованій. *Вси вы сынове Божіи есте вѣрою о Христѣ Іисусѣ: елицы бо во Христа креститеся, во Христа облекостеся* (Гал. III, 26—27).—Избѣгаемъ ли мы потомъ въ жизни этого рабства грѣху и діаволу? Не отдаемся ли легко и добровольно въ это рабство? Разнообразныя страсти не дѣлаютъ ли насъ усердными слугами ихъ? Инымъ овладѣлъ демонъ лѣности, другимъ гордости и тщеславія, инымъ скупости и любостяжанія, другимъ ненависти и зависти, инымъ чревоугодія и лакомства, другимъ лицемѣрія и фарисейства. Припомнимъ же снова обѣтъ крещенія и благодать, данную въ этомъ таинствѣ, всѣми силами постоянно будемъ отрекаться отъ сатаны, и отъ всѣхъ дѣлъ его, и отъ всякаго служенія ему.

б) Вслѣдъ за вопросами объ отреченіи отъ діавола, священникъ предлагаетъ крещаемому слѣдующіе вопросы: *сочетаваешься ли Христу?—то-есть, вступаешь ли ты въ союзъ со Христомъ? Сочетался ли еси Христу? И вѣруеши ли Ему?* А крещаемый на каждый вопросъ, предлагаемый трижды, столько же разъ отвѣчаетъ: *сочетаваюся, сочетахся, вѣрую Ему, яко Царю и Богу.* Господь Спаситель нашъ ясно сказалъ намъ: *иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ* (Марк. XVI, 16). Такъ, изъявляя нашу вѣру въ Господа Іисуса Христа, мы благодатію, даруемою при погруженіи въ воду, возрождаемся въ новую, духовную жизнь. Доселѣ мертвые духовно, мы оживаемъ, доселѣ отвергнутые отъ Бога, разгнѣваннаго на человѣка, мы вступаемъ въ благодатное общеніе съ Нимъ, облекаемся во Христа, т.-е. получаемъ отъ Него оправданіе и всѣ оружія, необходимыя для достиженія спасенія. Мы становимся возлюбленными чадами Христовыми, Его союзниками и сонаслѣдниками. Благо тому изъ насъ, кто непрестанно пребываетъ въ этомъ союзѣ съ Господомъ, Спасителемъ нашимъ,—кто всегда помнитъ что онъ—сынъ и послѣдователь Христа,—кто всегда поступаетъ сообразно съ этимъ званіемъ своимъ,—кто всѣми силами старается блюсти непорочною и чистою одежду крещенія,—кто, наконецъ, если и согрѣшитъ, обращается къ Нему же, милосердному Отцу нашему, и вымаливаетъ у Него прощеніе грѣхамъ своимъ. И да хранитъ насъ всегда Господь отъ измѣны святымъ христіанскимъ обѣтамъ и убѣжденіямъ. Пожалѣемъ о томъ только, что есть такіе измѣнники между христіанами,—есть люди, только называющіеся христіанами, но въ Господа Іисуса Христа совсѣмъ невѣрующіе и объ этомъ заявляющіе не только устнымъ, а даже и печатнымъ словомъ. Если когда-нибудь въ жизни придется вамъ читать подобныя сочиненія, берегитесь неразумнаго увлеченія ими, ради ихъ новости и моды. *Возлюбленные*, говоритъ намъ св. ап. Іоаннъ, *не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они* (1 Іоан. IV, 1). (Сост. по „Поучен.“ прот. Мегорскаго; сн. Ежедневныя поученія въ словѣ Божіемъ, т. 2, Г. Дьяченко).

7-ой ДЕНЬ.

СОБОРЪ СВ. ІОАННА КРЕСТИТЕЛЯ.

Еванг. отъ Іоан. зач. 3-е, гл. I, 29—34 ст.

1. Свидѣтельство объ Іисусѣ Христѣ Іоанна Крестителя.

Іоаннъ стоялъ со своими учениками на берегу Іордана, когда Іисусъ Христосъ, послѣ пустынныхъ подвиговъ и побѣды надъ искусителемъ, шелъ по пустынному берегу Іордана. Іоаннъ указываетъ на Господа ученикамъ своимъ и говоритъ имъ: *се, Агнецъ Божій, Который беретъ на Себя грѣхи міра.* Въ этихъ краткихъ словахъ заключалась въ существѣ цѣлая проповѣдь, которая полнѣйшимъ образомъ раскрыта въ евангеліи. Всѣ іудеи ожидали обѣщаннаго Спасителя, но ожидали Его, какъ великаго Царя земного. Одинъ только Іоаннъ указывалъ народу истинный образъ Спасителя, пришедшаго взять на Себя грѣхи міра и пострадать за нихъ. Этотъ образъ припоминалъ ученикамъ пророчество Исаіи, гдѣ Святой Израилевъ изображается смиреннымъ, какъ агнецъ, носящимъ на Себѣ грѣхи наши, скорбящимъ и страждущимъ за беззаконія наши (Исаія LIII). Подобно древнимъ пророкамъ, Іоаннъ видитъ въ лицѣ Іисуса Христа Царя и вмѣстѣ Страдальца, Владыку міра и вмѣстѣ Искупителя людей Своею смертію. Выраженіе глубокаго самоуничиженія, кротости и искренняго смиренія, которое видѣлъ Іоаннъ какъ на лицѣ, такъ и во всемъ образѣ Іисуса, грядущаго къ нему, сильно подѣйствовало на душу Іоанна, и онъ изрекъ: *се, Агнецъ;* а чтобы внушить своимъ слушателямъ, что этотъ Агнецъ Іисусъ Христосъ не случайно имѣетъ подвергнуться смерти, но по вѣчному опредѣленію Божію, что *Онъ* только въ состояніи принести вѣчному правосудію умилостивленіе за грѣхи людей,—называетъ Его Агнцемъ *Божіимъ,* избраннымъ Самимъ Богомъ. Дальнѣйшими словами—*вземляй грѣхи міра*—Іоаннъ, безъ сомнѣнія, указываетъ не сколько на терпѣніе и кротость Господа въ перенесеніи обидъ и вообще бѣдствій сей жизни, чистоту Его жизни и непорочность духа, но преимущественно и главнымъ образомъ — на умилостивительную смерть Господа, коею Онъ доставилъ людямъ прощеніе грѣховъ.

Сей есть, продолжалъ Іоаннъ, указывая своимъ слушателямъ на Іисуса, *о Немже азъ рѣхъ: по мнѣ грядетъ Мужъ, Иже предо мною бысть, яко первѣе мене бѣ* (Іоан. І, 30). Не совсѣмъ опредѣленное выраженіе: „Иже предо мною бысть“, которое употребилъ Іоаннъ въ противоположность выраженію: „по мнѣ грядетъ“, и которое можетъ быть понимаемо какъ въ отношеніи времени, такъ и въ отношеніи достоинства, тотчасъ объясняется: „яко первѣе мене бѣ“. Очевидно, что Іоаннъ не дѣлаетъ здѣсь одного только повторенія, но имѣетъ въ виду достоинство природы Грядущаго по немъ, и этимъ показываетъ, что Мессія, какъ бывшій до его рожденія, есть Существо Вѣчное и потому Божественное. Отсюда разливается свѣтъ на всѣ прочія мѣста, въ которыхъ Креститель представляетъ себя въ такой степени ниже своего Преемника, что почитаетъ себя недостойнымъ отвязать ремень у сапоговъ Его, или исполнять предъ Нимъ какую-либо другую службу послѣдняго раба (Матѳ. Ш, 11. Марк. І, 17. Лук. Ш, 16, Іоан. І, 27); такъ представляетъ себя онъ собственно потому, что исповѣдуетъ въ Мессіи Божественное лицо: *Сей есть Сынъ Божій,* именуя Его Сыномъ Божіимъ, какъ уже изъ сказаннаго можно заключать, не въ томъ смыслѣ и значеніи, по которому цари и судіи именуются въ ветхомъ завѣтѣ сынами Божіими, или богами (Псал. LXXXII, 1—6),—но признавая Его Богомъ истиннымъ, Богомъ по самому существу Его.

Чтобы указать основанія своей проповѣди объ Іисусѣ Христѣ и сдѣлать ее убѣдительнѣе для учениковъ, Іоаннъ продолжаетъ, что въ Іисусѣ Христѣ онъ признаетъ обѣщаннаго Искупителя не по собственному своему разумѣнію и убѣжденію, а по непосредственному откровенію отъ Самого Бога: „я видѣлъ Духа, сходящаго съ неба, какъ голубя, и пребывающаго на Немъ. Я не зналъ Его, но Пославшій меня крестить въ водѣ сказалъ мнѣ: на Кого увидишь Духа, сходящаго и пребывающаго на Немъ, Тотъ есть крестящій Духомъ Святымъ. И я видѣлъ и засвидѣтельствовалъ, что Сей есть Сынъ Божій“. Оставалось закончить эту проповѣдь тѣмъ, что само собою было понятно для учениковъ Іоанна: „если вы ожидаете обѣтованнаго Избавителя и желаете войти въ царство Его, то слѣдуйте за Нимъ; Онъ теперь предъ глазами вашими“. (См. кн. „Сборникъ стат. по истолк. чт. четвероеванг.“ Е. Барсова, т. І).

2. Учитель воздержанія.

Святая церковь имѣетъ обычай на другой день послѣ великихъ праздниковъ прославлять тѣхъ угодниковъ Божіихъ, которые были главными участниками празднуемаго событія. Такъ какъ главнымъ участникомъ крещенія Господа нашего Іисуса Христа былъ Іоаннъ, то слѣдующій послѣ праздника Богоявленія день мы посвящаемъ прославленію этого славнаго пророка и подвижника благочестія, сподобившагося крестить Спасителя міра. Вся жизнь Предтечи Господня, отъ дня рожденія его и до самой кончины, ознаменовалась особенными, чрезвычайными качествами. Родители Іоанна были праведные Захарія и Елизавета. Они дожили до старости, не имѣя дѣтей, но терпѣливо переносили свое безчадіе. За это были утѣшены Господомъ на закатѣ своихъ дней. Захарія былъ священникомъ при храмѣ Іерусалимскомъ, и вотъ, однажды, когда онъ исправлялъ свою чреду служенія въ храмѣ, ему явился ангелъ съ радостною вѣстію о рожденіи отъ него сына. „Твоя молитва услышана, — говорилъ посланникъ Божій:—жена твоя, Елизавета, родитъ тебѣ сына и наречешь ему имя Іоаннъ; онъ будетъ великъ предъ Господомъ и Духа Святаго исполнится еще отъ чрева матери своей“. Такое обѣтованіе показалось Захаріи столь необычайнымъ, что онъ не повѣрилъ тому, что самъ слышалъ и видѣлъ. Тогда ангелъ сказалъ Захаріи: „Я Гавріилъ, предстоящій передъ Богомъ, посланъ благовѣстить тебѣ сіе. И вотъ, ты останешься нѣмъ до того дня, какъ это сбудется, за то что ты не повѣрилъ словамъ моимъ“. И, дѣйствительно, Захарія тотчасъ же лишился рѣчи, такъ что не могъ окончить службы. Все случилось потомъ, какъ возвѣстилъ ангелъ: Елизавета родила сына, и всѣ увидѣли въ этомъ особенное благоволеніе Божіе къ престарѣлымъ благочестивымъ супругамъ. Наступилъ восьмой день младенцу; въ этотъ день у евреевъ обыкновенно давали новорожденному имя. Родственники хотѣли назвать младенца именемъ отца его, Захаріею, но мать сказала, что желаетъ назвать своего сына Іоанномъ. Тогда рѣшились знаками спросить отца, еще остававшагося въ нѣмотѣ. Захарія потребовалъ себѣ дощечку и на ней написалъ: „Іоаннъ будетъ имя ему“. Тотчасъ послѣ этого у него разрѣшился языкъ, и онъ предвозвѣстилъ судьбу своего сына. Съ юныхъ еще лѣтъ Іоаннъ удалился въ пустыню, гдѣ проводилъ строго-уединенную и подвижническую жизнь. Онъ былъ дѣвственнымъ, не пилъ вина и никакого другого напитка. Онъ не ублажалъ своей плоти сладкою пищею, но питался сухими плодами и дикимъ медомъ. Одѣвался онъ въ жесткую ткань, сдѣланную изъ грубаго верблюжьяго волоса, точно также и подпоясывался кожанымъ поясомъ. Вдали отъ людей и мірской суеты, Іоаннъ приготовилъ себя къ высокому служенію. Явившись къ народу, Предтеча сталъ проповѣдывать о наступленіи царства Христова. „Покайтеся, приблизилось царствіе небесное,—взывалъ онъ,—сотворите плоды достойные покаянія.“ Множество народа приходило къ Іоанну на Іорданъ, чтобы послушать его ученія. Нѣкоторые исповѣдывали предъ нимъ свои грѣхи и заявляли свое желаніе исправиться. Таковыхъ онъ погружалъ въ волнахъ Іордана въ знаменіе того, что они, омывшись водою тѣлесно, должны быть также чисты и по душѣ, свободны отъ скверны грѣха. Всѣ, начиная съ правителя Іудеи Ирода, уважали и почитали Іоанна, какъ великаго пророка. Онъ безбоязненно обличалъ царя Ирода въ незаконномъ супружествѣ его съ женою брата своего и требовалъ расторженія этого супружества. За это досадовала на него злая Иродіада. По ея навѣтамъ Иродъ заключилъ Іоанна Крестителя въ темницу. Но этимъ еще не довольна была мстительная Иродіада. Однажды Иродъ сдѣлалъ у себя пиръ. Во время пира пришла дочь Иродіады, Саломія, и стала плясать. Пляска ея такъ понравилась Ироду, что онъ обѣщалъ дать ей все, чего она ни попроситъ. Тогда дѣвица, по совѣту матери своей, испросила у Ирода смерти Іоанна. И вотъ, св. Предтеча Христовъ Іоаннъ былъ обезглавленъ воиномъ, воспріявъ мученическій вѣнецъ въ царствѣ Христа.

Въ лицѣ святого славнаго Предтечи и Крестителя Господня Іоанна св. церковь предлагаетъ намъ величественный образъ, ясный примѣръ воздержанія. Пусть нѣкоторыя черты, нѣкоторые подвиги изъ жизни прославляемаго св. церковію Крестителя Христова Іоанна для насъ недостижимы. Но что препятствуетъ всѣмъ намъ подражать, напримѣръ, воздержанію, въ какомъ пребывалъ съ юныхъ лѣтъ св. Іоаннъ? Всякій изъ насъ можетъ понять благія послѣдствія воздержанія: оно есть вѣрнѣйшее средство къ сохраненію и нашего здоровья, и нашего земного благосостоянія. Какъ часто мы видимъ, что отъ невоздержнаго образа жизни разстраиваются тѣлесныя силы человѣка, и приходитъ преждевременная смерть. Напротивъ, когда всему дается свое время, когда трудъ и отдыхъ правильно смѣняются одинъ другимъ, тогда силы человѣка сохраняются во всей крѣпости до самой старости его. Воздержанный человѣкъ всякое дѣло совершаетъ въ свое время, оттого и успѣхъ его трудовъ бываетъ счастливъ и благоплоденъ. Не то мы замѣчаемъ въ жизни человѣка разгульнаго, предающагося невоздержанію въ питіи, въ пищѣ и удовольствіяхъ. Такой человѣкъ мало-по-малу отвыкаетъ отъ дѣла, впадаетъ въ лѣность, предается расточительности и скоро разстраиваетъ свое благосостояніе. Въ нынѣшнее время почти всѣ жалуются на бѣдность, на трудность жизни. Но отчего мы стали бѣдны, отчего у многихъ изъ насъ нѣтъ достатка? Не оттого ли, что мы стали забывать скромность и воздержаніе въ жизни нашихъ предковъ? Кто сравнитъ настоящую нашу жизнь съ жизнію нашихъ дѣдовъ и отцовъ, тотъ много найдетъ у насъ лишняго и въ одеждѣ, и въ пищѣ, и въ удовольствіяхъ. Но еще болѣе зла приноситъ невоздержаніе для нашей души и спасенія. Когда человѣкъ впадаетъ въ порокъ невоздержанія, онъ теряетъ свою совѣсть, стыдъ и разумъ. Вспомнимъ объ Иродѣ, правителѣ іудейскомъ: онъ согласился на безумную просьбу злой дочери Иродіады во время пира, когда неумѣренно предался веселію и потѣхамъ забывшей стыдъ дѣвицы. То же самое бываетъ и со многими изъ насъ, христіанъ; и нынѣ многіе, предавшись какой-нибудь страсти, очень часто рѣшаются на великій грѣхъ. Такъ, возлюбленный, знай, какъ благодѣтельно воздержаніе и какъ гибельно излишество или прихоти. О, еслибы примѣръ прославляемаго св. церковію Предтечи и Крестителя Христова Іоанна возбудилъ въ насъ ревность и непоколебимое рѣшеніе проводить жизнь въ строгомъ воздержаніи отъ всѣхъ соблазновъ врага нашего спасенія! Правда, въ мірѣ много соблазновъ, и противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма трудно устоять. Но мы имѣемъ Ходатая, Который Своею всесильною благодатію всегда готовъ поддержать нашу слабость, а Своею благостію покрыть наши невольныя согрѣшенія.

Итакъ, будемъ молиться Господу, да подастъ Онъ намъ, Милосердый, силы мужественно бороться съ мірскими соблазнами. (См. „Воскр. лист." № 61, прилож. къ журн. „Воскр. день").

30-й ДЕНЬ.

СОБОРЪ ТРЕХЪ СВЯТИТЕЛЕЙ: ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО, ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА И ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО.

Еванг. отъ Матѳ., зач. 11-е, гл. V, 14—19 ст.

1. Наставленіе Господа апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ пастырямъ, объ ихъ назначеніи и ученіе о ненарушимости заповѣдей ветхаго завѣта.

Рече Господь Своимъ ученикомъ: вы есте свѣтъ міра. Назвавъ апостоловъ свѣтомъ міра, Христосъ указалъ имъ важное ихъ назначеніе и высокія качества. Будучи *Свѣтомъ отъ Свѣта, Отцомъ и Источникомъ свѣтовъ* (1 Іоан. I, 5. Іаков. I, 17) и Виновникомъ озареній, — *свѣтомъ истиннымъ, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ* (Іоан. I, 9), Онъ одинъ собственно есть *свѣтъ міру:* кто послѣдуетъ Ему, *тотъ не будетъ ходить во тмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни* (Іоан. VIII, 12). Назвать же, послѣ сего, человѣка свѣтомъ міра значитъ — приписать ему то свойство, которое принадлежитъ одному Богу, и, слѣдовательно, назвать его этимъ именемъ никто не можетъ, кромѣ Бога, Который, соотвѣтственно названію, можетъ удѣлить ему часть Своей славы.

Іисусъ Христосъ съ названіемъ учениковъ и апостоловъ Своихъ свѣтомъ міра соединилъ ту мысль, что они должны изливать свѣтъ свой предъ прочими людьми, а эти должны созерцать свѣтъ учениковъ Его и въ ихъ свѣтѣ находить для себя лучшее побужденіе жить такъ, чтобы жизнью своею прославить Отца небеснаго.

Многомилостивый Господь нашъ благоволилъ сосредоточить свѣтъ міра не въ апостолахъ только, но и въ преемствующихъ въ служеніи апостольскомъ, провозвѣстникахъ явленія во плоти Источника свѣта, благоволилъ совершить дѣло спасенія нашего чрезъ подобныхъ же намъ человѣковъ — пастырей и учителей церкви.

Итакъ, когда и преемники апостольскаго служенія — пастыри и учители церкви суть свѣтъ міра и свѣтильники (Матѳ. V, 14—15), то міръ чего можетъ ожидать отъ нихъ? Подобнаго тому, чего можно ожидать отъ свѣтоноснаго и животворнаго, самого по себѣ, свѣтила вещественнаго — солнца. Какъ необходимо, чтобы свѣтъ, исходящій изъ солнца, производилъ озареніе и теплоту, которыя бы сообщали жизненность всему живущему, — что возможно только тогда, когда солнце бываетъ чисто само по себѣ и не заслоняется отвнѣ облаками, и когда находится въ прямомъ положеніи къ землѣ, такъ равнымъ образомъ необходимы условія благоплоднаго дѣйствія свѣта благодатнаго, — что также возможно только при чистотѣ души пастыря, почерпающей свѣтъ истины въ свѣтлыхъ струяхъ слова Божія, и только при надлежащемъ отношеніи ея къ тѣмъ, для которыхъ она должна быть свѣтомъ и жизнью. Какъ чувственный солнечный свѣтъ, лучами своими просвѣщая очи наши, даетъ намъ возможность видѣть предметы міра вещественнаго, при опредѣленномъ разстояніи, и разсуждать о нихъ, такъ пастырское слово прогоняетъ тьму невѣдѣнія, просвѣщаетъ умы вѣрою и сообщаетъ вѣрующимъ ясное познаніе предметовъ міра духовнаго, только бы сами пастыри не были заражены грѣхомъ. Ибо *всякій, дѣлающій худыя дѣла, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы* (Іоан. III, 20). Вотъ почему Іисусъ Христосъ, назвавъ апостоловъ и ихъ преемниковъ свѣтомъ міра, хотя и отдалъ имъ свѣтъ какъ бы въ ихъ собственность, но вмѣстѣ заповѣдалъ имъ пользоваться симъ свѣтомъ не для себя только, но и для освѣщенія другихъ, — заповѣдалъ не скрывать его отъ людей. *Не можетъ,* — говоритъ Онъ, *укрыться городъ, стоящій на верху горы, и зажегши свѣчу, не ставятъ ея подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтитъ всѣмъ въ домѣ* (Матѳ. V, 14—15), т.-е. какъ бы такъ сказалъ: „васъ избралъ и содѣлалъ Богъ проповѣдниками вѣры; значитъ, вы всѣмъ должны быть извѣстны, всѣ должны видѣть васъ, подобно тому, какъ и городъ, стоящій на возвышенной мѣстности, видимъ бываетъ на значительное разстояніе; васъ избралъ Богъ проповѣдниками вѣры,—не скрывайте же евангельской проповѣди по своему небреженію или по страху, подобно тому какъ неблагоразумно ставить зажженную свѣчу подъ сосудомъ, а, между тѣмъ, людей, находящихся въ домѣ, оставлять въ темнотѣ".

Какимъ способомъ по преимуществу можетъ распространяться между людьми этотъ благодатный свѣтъ? *такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми,* заповѣдуетъ апостоламъ Іисусъ Христосъ, *чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего небеснаго* (Матѳ. V, 16). Вотъ истинный свѣтъ, который долженъ исходить отъ пастырей и учителей церкви: только посредствомъ добрыхъ дѣлъ они могутъ распространять свой свѣтъ между другими. — Примѣры пастырей весьма примѣчательны. Пасомые смотрятъ на своихъ пастырей очень внимательно, потому всѣ дѣла и поступки пастырей должны быть чисты, свѣтлы, поучительны и назидательны; пастырь всегда долженъ проявлять одни добрыя качества. Впрочемъ, это не значитъ, чтобы онъ творилъ добрыя дѣла для похвалы и изъ тщеславія. По заповѣди Господней, не пастыри сами должны стараться являть предъ людьми свои добродѣтели, но чтобы свѣтъ пастырей просвѣщался предъ человѣками, чтобы побѣдоносная сила примѣра пастырей воспламеняла другихъ къ христіанскимъ добродѣтелямъ.

Но если къ служителямъ Божіимъ относятся слова Господа: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки,* то и къ поучаемымъ и руководимымъ ими на пути къ вѣчному спасенію относится ожиданіе Господа, что они будутъ видѣть добрыя дѣла своихъ руководителей и будутъ прославлять Отца небеснаго. Видѣть въ пастыряхъ опыты и примѣры высокихъ добродѣтелей и не усовершать своихъ дѣлъ по симъ опытамъ и примѣрамъ, значитъ находиться во мракѣ невѣжества, быть подъ вліяніемъ грубыхъ страстей и пороковъ. Надобно дорожить добрыми примѣрами руководителей на пути ко спасенію, которые они подаютъ своимъ *словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тимоѳ. IV, 12). Но если бы случилось, что добрыя наставленія служителя Слова не написаны въ книгѣ собственной его жизни,— и въ такомъ случаѣ руководимые поступили бы непростительно, если бы отвергли справедливыя и полезныя наставленія тѣхъ, которыхъ дѣла не соотвѣтствуютъ словамъ. *Благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкомъ,* изливается на христіанъ чрезъ пастыря независимо отъ его поведенія. Спаситель даетъ прямую заповѣдь: *вся убо, елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите: по дѣломъ же ихъ не творите* (Матѳ. XXIII, 3). Святой апостолъ Павелъ всѣмъ безъ исключенія христіанамъ внушаетъ — со страхомъ и трепетомъ содѣвать свое спасеніе, дабы быть неповинными и цѣлыми чадами Божіими, непорочными, и являться якоже свѣтила въ мірѣ (Филиппис. II, 12,—15), слово животно предержаще (16).

Не мните,— продолжаетъ Господь, *яко пріидохъ разорити законъ, или пророки: не пріидохъ разорити, но исполнити. Аминь бо глаголю вамъ: дондеже прейдетъ небо и земля, іота едина, или едина черта не прейдетъ отъ закона, дондеже вся будутъ.*

Подъ *закономъ и пророками* разумѣются не только книги закона Моисеева и книги пророческія въ тѣсномъ смыслѣ сего имени, но и все ветхозавѣтное слово Божіе; ибо и учительныя и дѣеписательныя святыя книги написаны также пророками и служатъ къ раскрытію и дополненію закона Моисеева (Матѳ. XXII, 40; Лук. XVI, 29—31. Дѣян. XIII, 15). Этими двумя наименованіями очень естественно называются писанія ветхозавѣтныя; поелику законъ и пророки составляютъ существенныя части ветхозавѣтнаго распоряженія Божія о спасеніи человѣческомъ; законъ, потому что онъ пробуждаетъ нужду въ искупленіи; пророки, потому что они показываютъ, гдѣ искать удовлетворенія сей нужды.

Подъ исполненіемъ закона и пророковъ Спаситель разумѣетъ, *во-первыхъ,* полное и глубокое раскрытіе смысла и вмѣстѣ совершеннѣйшее духовное исполненіе нравственнаго закона. Что Господь исполнилъ законъ въ этимъ смыслѣ, сего не нужно доказывать, когда евангельская исторія ясно свидѣтельствуетъ, что вся жизнь Господа была совершеннѣйшимъ выраженіемъ и исполненіемъ воли Отца небеснаго.

Впрочемъ, неосновательно было бы ограничивать мысль Іисуса Христа объ исполненіи закона и пророковъ только нравственными предписаніями ветхаго завѣта. Сего не дозволяетъ какъ общій образъ выраженія о законѣ и пророкахъ: *не мните, яко пріидохъ разорити законъ, или пророки,* то-есть вообще, а не въ той или другой части ветхаго завѣта, такъ и особенное указаніе на исполненіе закона въ каждой его іотѣ и чертѣ: *іота едина, или едина черта не прейдетъ, дондеже вся будетъ.* Итакъ, подъ исполненіемъ закона и пророковъ разумѣется, *во-вторыхъ,* исполненіе обрядоваго закона и пророчествъ ветхозавѣтныхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. И дѣйствительно, до Іисуса Христа не была исполнена обрядовая часть закона въ ея сущности. Все, что совершали священники ветхаго завѣта, было только образомъ, а не самою вещію. Іисусъ Христосъ всесовершенно исполнилъ сей законъ, принесши Себя въ истинную и благоугодную жертву Богу и Отцу и восшедши, какъ истинный Первосвященникъ, въ вѣчное и истинное Святое святыхъ, въ самое небо. Та же жертва приносится донынѣ въ церкви Его, и самая церковь представляетъ себя въ жертву живую и благоугодную Богу, будучи укрѣпляема и очищаема духомъ Христовымъ. Посему отмѣненіе обрядоваго закона надобно понимать не такъ, какъ будто бы сила его кончилась навсегда. Въ новозавѣтной церкви обрядовый законъ также исполняется, но исполняется не въ буквѣ, а въ духѣ; ибо законные ветхозавѣтные обряды имѣли духовное значеніе и служили образомъ *будущихъ,* то-есть Христовыхъ *благъ.* Такъ, напримѣръ, законъ обрѣзанія, отмѣненный въ своей буквѣ, по своему духу исполняется у насъ въ таинствѣ *крещенія* (Колос. II, 11—12).

Подобнымъ образомъ Господь исполнилъ и ветхозавѣтныя пророчества въ событіяхъ и дѣлахъ Своихъ и продолжаетъ исполнять ихъ въ Своей церкви, которая есть тѣло Его. Объ этомъ говорятъ писанія новаго завѣта; объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія Христовой церкви.

„Какъ же Онъ исполнилъ его?“—говоритъ блаженный Ѳеофилактъ въ изъясненіи сихъ словъ. „Онъ исполнилъ его, во-первыхъ, совершеніемъ всего сказаннаго о Немъ пророками. Посему и евангелистъ часто говоритъ: *да сбудется реченное* тѣмъ, или другимъ *пророкомъ.* Онъ исполнилъ и всѣ предписанія закона: *беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (Псал. LIII, 9). Онъ исполнилъ законъ и въ томъ смыслѣ, что восполнилъ его, ибо Онъ въ полномъ совершенствѣ начерталъ то, чего законъ представлялъ одну тѣнь. Законъ сказалъ: *не убій,* а Христосъ: и не гнѣвайся напрасно. Такъ и живописецъ не изглаждаетъ начальнаго очертанія, но проясняетъ и дополняетъ его.“

Слова: *дондеже прейдутъ небо и земля, іота едина, или едина черта не прейдетъ отъ закона, дондеже вся будутъ,* заключаютъ въ себѣ подтвержденіе того, что законъ не можетъ быть нарушенъ; скорѣе прейдетъ небо и земля, нежели законъ останется неисполненнымъ. *Іота* есть самая малая по начертанію буква еврейскаго алфавита. *Чертою* раввины называли изгибъ, которымъ одна буква отличается отъ другой, сходной по начертанію.

Господь говоритъ далѣе: *иже аще разоритъ едину заповѣдій сихъ малыхъ и научитъ тако человѣки, мній наречется въ царствіи небеснѣмъ: а иже сотворитъ и научитъ сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ.*

Разоритъ, то-есть превратнымъ толкованіемъ отниметъ силу у заповѣди, какъ это дѣлали іудейскіе законоучители, и, взирая на нее, какъ на маловажную, не сочтетъ за грѣхъ нарушить ее.

Едину заповѣдій сихъ малыхъ. Въ этихъ словахъ Господь имѣетъ въ виду образъ мыслей фарисеевъ. Фарисеи раздѣляли заповѣди нравственнаго закона на два класса: на заповѣди большія и малыя. Первыя называли *матерями,* послѣднія *дщерями.* О сихъ послѣднихъ говорили, что нарушеніе ихъ не составляетъ важнаго грѣха. Но между сими послѣдними, по своему ослѣпленію, поставляли такія правила, которыя относились къ сущности закона — къ любви, милостынѣ и правосудію (см. Матѳ. XXIII, 23). О сихъ-то послѣднихъ заповѣдяхъ говоритъ здѣсь Спаситель и ихъ-то называетъ малыми, малыми, впрочемъ, только по ложному понятію фарисейскому. Спаситель сказалъ какъ бы такъ: если кто не будетъ признавать вполнѣ важности и тѣхъ заповѣдей, которыя, по мнѣнію фарисеевъ, маловажны; если кто не почтетъ преступнымъ ихъ нарушенія, тотъ меньшимъ будетъ въ царствіи небесномъ. Итакъ, бесѣда Господа отъ общей рѣчи о законѣ и пророкахъ, или о ветхомъ завѣтѣ, начинаетъ склоняться уже къ ученію объ исполненіи въ особенности духовно-нравственныхъ предписаній ветхаго завѣта, какъ необходимомъ условіи для достиженія царства небеснаго.

Мнiй наречется, т.-е. будетъ. Слово — *мнiй* Спаситель употребилъ въ соотвѣтствiе съ предыдущимъ выраженiемъ — малыя заповѣди, но оно не означаетъ того, что учитель, разоряющiй малыя заповѣди, останется въ царствѣ Христовомъ, занимая только низшую спепень блаженства. Когда Господь сказываетъ, что нарушающiй, подобно фарисеямъ, нѣкоторыя заповѣди и научающiй тому же другихъ будетъ самымъ малымъ въ царствѣ Божiемъ, то Онъ разумѣетъ, что этотъ человѣкъ навсегда будетъ удаленъ отъ царства славы. „Когда ты слышишь слова: *меньшiй въ царствiи небеснѣмъ,* — говоритъ святой Златоустъ, то разумѣй подъ оными не иное что, какъ геенну или мученiе. Ибо возможно ли, чтобы тотъ, кто назоветъ брата своего глупымъ и нарушитъ одну заповѣдь, былъ вверженъ въ геенну; а кто нарушитъ весь законъ и другихъ доведетъ до сего, будетъ находиться въ царствiи? Не это разумѣется здѣсь, но то, что таковый въ то время будетъ *меньшимъ,* т.-е. отверженнымъ, послѣднимъ; а послѣднiй, безъ сомнѣнiя, вверженъ будетъ тогда въ геенну“.

На слова: *сотворитъ и научитъ,* блаженный Ѳеофилактъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчанiе: Господь „напередъ сказалъ: *сотворитъ,* а потомъ уже *научитъ:* ибо какъ мнѣ другого вести по пути, по которому самъ я не хаживалъ? Съ другой стороны, если я и творю, а не учу: не буду имѣть такой награды, а заслужу даже наказанiе, если не учу по зависти, или по лѣности.

Такимъ образомъ общiй смыслъ разсмотрѣнныхъ словъ Христовыхъ слѣдующiй: „вы ревнуете“, какъ бы такъ Христосъ говорилъ iудеямъ, „ревнуете о законѣ и пророкахъ, трепеща за каждую ихъ букву, какъ научили васъ руководители ваши — книжники и фарисеи. Знайте, что Я для того и пришелъ, чтобы осуществить, раскрыть, утвердить всю силу закона и пророковъ, показать истинный смыслъ и духъ ветхаго завѣта. Небо и земля скорѣе прейдутъ, нежели одна живая и животворная черта въ откровенiи слова Божiя можетъ прейти безъ свойственнаго ей исполненiя, или утратить обязательную, живительную для вѣры силу. Ваши наставники говорятъ, что есть и неважныя заповѣди Божiи, но Я говорю, что унижающiй и одну изъ сихъ мнимо-неважныхъ заповѣдей и научающiй другихъ тому же будетъ и самъ столько униженъ въ отношенiи къ царствiю небесному, что не войдетъ въ оное. Только тотъ, для кого священноважны и непреложно-обязательны всѣ заповѣди слова Божiя, кто сiе доказываетъ собственною жизнью чрезъ исполненiе всѣхъ заповѣдей Божiихъ и то же внушаетъ другимъ чрезъ ученiе, только такой руководитель великъ въ отношенiи къ царству небесному; онъ и самъ войдетъ, и руководимыхъ имъ приведетъ въ царство небесное.“ (См. „Сборн. стат. по истолк. чтен. четвероеванг.“, Е. Барсова, т. I).

2. **Праздникъ трехъ святителей вселенскихъ.**

Въ царствованiе греческаго царя Алексѣя Комнина о сихъ трехъ святителяхъ возникла распря: который изъ нихъ былъ общеполезнѣе и боголюбезнѣе? Иные превозносили Василiя Великаго, называя его по уму и дѣламъ совершеннымъ генiемъ, человѣкомъ ангелонравнымъ; иные возвышали Iоанна Златоуста, нарицая его пастыремъ человѣколюбивымъ, къ слабости естества человѣческаго снисходительнымъ и обладавшимъ дивною силою слова, когда нужно тронуть ожесточеннаго грѣшника; иные предпочитали Григорiя Богослова, какъ пастыря, въ наукѣ божественной всѣхъ превосходящаго. Отъ этого произошло раздѣленiе: одни назывались василiанами, другiе iоаннитами, третьи григорiанами; и такимъ заблужденiемъ былъ зараженъ не столько простой народъ, сколько ученые.

Но Господь восхотѣлъ, чтобы великiе святители сами утолили раздоръ, о нихъ возставшiй; и они, явившись Iоанну, епископу евхаитскому, мужу въ то время по учености и благочестiю знаменитѣйшему, единогласно сказали: „мы имѣемъ одно достоинство предъ Богомъ; нѣтъ въ насъ противоположностей; каждый изъ насъ, въ свое время, подвизаемый Духомъ Святымъ, проповѣдывалъ спасенiе; нѣтъ изъ насъ ни перваго, ни второго, ни третьяго; и такъ скажи, чтобы православные люди раздоръ оставили; скажи имъ, что мы, какъ въ жизни, такъ и по кончинѣ, болѣе всего стараемся о томъ, чтобы всѣхъ привести въ единомыслiе. Совокупи насъ въ одинъ день и составь одинъ праздникъ; а мы — всѣмъ, насъ поминающимъ, будемъ споспѣшествовать ко спасенiю“. — Сказавъ сiе, они, свѣтомъ небеснымъ осiяваемые, вознеслись на небо.

Преподобный Iоаннъ всенародно объявилъ чудесное видѣнiе и, поелику память трехъ великихъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, празднуется въ январѣ, установилъ торжествовать праздникъ ихъ совокупно, въ 30-й день января, и тѣмъ примирилъ неблагоразумное разногласіе христіанъ.

3. Святой Григорій Богословъ [1]).

Св. Григорій родился около 329 года, въ мѣстечкѣ Аріанзѣ, принадлежавшемъ къ Каппадокійской области, недалеко отъ Назіанза, гдѣ отецъ святого Григорія впослѣдствіи былъ епископомъ. Отецъ святого Григорія, называвшійся также Григоріемъ, сначала не былъ христіаниномъ; но бесѣды, увѣщеванія, и особенно молитвы благочестивой супруги его, святой Нонны, были причиною, что онъ принялъ святое крещеніе и такимъ образомъ, по слову апостольскому, освятися мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ (1 Коринѳ. VII, 14). Самое рожденіе святого Григорія было плодомъ теплыхъ молитвъ святой Нонны. Подобно Аннѣ, матери Самуила, она усердно молилась о дарованіи ей сына и обѣщалась посвятить его Богу. Вскорѣ послѣ рожденія Григорія, она принесла его въ храмъ Божій и освятила руки его прикосновеніемъ къ святому евангелію, которое впослѣдствіи было первою его книгою для чтенія.

Наставленный въ правилахъ благочестія матерію и обученный всѣмъ наукамъ, какимъ и сколько можно было научиться въ отечествѣ, святой Григорій отправился, вмѣстѣ съ братомъ Кесаріемъ, въ Александрію, знаменитую тогда огромнымъ книгохранилищемъ и собраніемъ ученыхъ людей. Потомъ жажда просвѣщенія и познаній повлекла святого Григорія изъ Александріи въ Аѳины, славившіяся тогда особенно искусными преподавателями краснорѣчія.

Въ Аѳинахъ св. Григорій, кромѣ сокровища познаній, нашелъ еще болѣе драгоцѣнное сокровище въ дружествѣ съ Василіемъ Великимъ, съ которымъ дѣлилъ труды, занятія, молитвы и не разлучался до тѣхъ поръ, пока св. Василій не отправился въ Египетъ искать у святыхъ отшельниковъ мудрости лучшей и высшей, чѣмъ земная. Неотступныя просьбы учителей и соучениковъ принудили св. Григорія остаться на нѣкоторое время въ Аѳинахъ безъ Василія. Но скоро грусть о разлукѣ съ другомъ и сердечное воспоминаніе о престарѣлыхъ родителяхъ заставили его тайно оставить Аѳины и отправиться въ отечество сухимъ путемъ чрезъ Константинополь. Въ этой столицѣ св. Григорій имѣлъ радость встрѣтиться съ братомъ своимъ Кесаріемъ, возвращавшимся также на родину изъ Александріи. Господь, даровавшій молитвамъ святой Нонны сына ея — Григорія, исполнилъ ея молитву и о томъ, чтобъ оба ея сына вмѣстѣ возвратились въ домъ родительскій, какъ вмѣстѣ, въ одно время, покинули его.

По возвращеніи въ отечество, св. Григорій принялъ святое крещеніе отъ рукъ своего родителя, которому сдѣлался необходимымъ помощникомъ въ дѣлахъ житейскихъ и церковныхъ. Но не по душѣ были житейскія заботы святому Григорію. Духъ его стремился въ уединеніе, въ пустыню, гдѣ бы онъ могъ, ничѣмъ не развлекаемый, бесѣдовать съ Богомъ. Къ тому же св. Василій неотступно звалъ его въ свою прекрасную пустынную Понтійскую обитель. Но дряхлая и безпомощная старость родителей требовала его присутствія при родителяхъ. При нихъ онъ и оставался. Впрочемъ, и живя въ мірѣ, св. Григорій жилъ, какъ въ пустынѣ, провождая самую строгую и уединенную жизнь: пищею его былъ хлѣбъ съ солью, питіемъ — вода, ложемъ — голая земля, постояннымъ главнымъ занятіемъ — чтеніе священнаго писанія и древнихъ отцовъ церкви. Между тѣмъ св. Василій, подружившись съ Григоріемъ въ Аѳинахъ, со всею настойчивостію звалъ своего друга въ пустыню, увлекательно описывая ему свой образъ жизни въ уединеніи и изъясняя, какъ много онъ способствуетъ благочестивымъ подвигамъ. Св. Григорій рѣшился, наконецъ, отправиться въ Понтъ къ св. Василію и прожилъ тамъ нѣсколько времени. Но св. Григорія, епископъ назіанзскій, имѣлъ нужду въ пособіи сына по дѣлу пастырскаго служенія, вызвалъ его изъ понтійскаго уединенія къ себѣ и противъ его воли поставилъ его въ священники. Это было 25 декабря 362 года. Святитель, дѣйствительно, много помогъ своему отцу въ примиреніи его съ паствою и монахами, которые отпали было отъ него за то, что онъ подписалъ въ простотѣ своей полуаріанское изложеніе вѣры, и въ управленіи наслѣдственными имѣніями. Такъ провелъ онъ 10 лѣтъ. Въ 372 году дружба св. Григорія съ Василіемъ Великимъ едва не прервалась, когда св. Василій, противъ воли Григорія, постановилъ его епископомъ въ Сасимы, селеніе на самомъ большомъ каппадокійскомъ трактѣ, гдѣ сходились вмѣстѣ три дороги. Чрезъ нѣсколько времени, по просьбѣ своего отца, онъ прибылъ на родину и принялъ дѣятельное участіе въ управленіи назіанзскою паствою, которую онъ любилъ отечески; на него особенно возложено было проповѣданіе слова Божія и посвященіе пресвитеровъ. По смерти же отца своего, въ 374 году, онъ взялся на нѣсколько времени управлять всѣми дѣлами назіанзской церкви, по неотступной просьбѣ назіанзской паствы, но съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы какъ можно скорѣе былъ избранъ на мѣсто отца его новый епископъ. Архипастырскіе труды сдѣлались тѣмъ обременительнѣе для Григорія, что онъ въ то время страдалъ различными болѣзнями; но, несмотря на то, назіанзскіе христіане и не думали объ избраніи новаго епископа. Поэтому святитель, при первомъ удобномъ случаѣ, оставилъ Назіанзъ и удалился въ Селевкію. Тамъ жилъ онъ около 4 лѣтъ, до 379 года; но въ этомъ году, съ восшествіемъ на престолъ константинопольскій Ѳеодосія, нѣкоторые епископы и небольшое число православныхъ христіанъ, оживившись надеждою на возстановленіе порядка въ церквахъ, потрясенныхъ сорокалѣтнимъ господствомъ аріанства, обратились къ св. Григорію съ усиленными просьбами прибыть въ Константинополь и взять на свое попеченіе малочисленную церковь православную Прибывъ въ Константинополь, св. Григорій остановился въ домѣ однихъ благочестивыхъ своихъ родственниковъ. Вѣроятно, не имѣя особаго мѣста для церковныхъ собраній, православные начали сходиться въ этомъ домѣ, какъ въ церковь. Святитель сильнымъ словомъ своимъ воскресилъ здѣсь православіе, отчего этотъ домъ и названъ храмомъ Анастасіи. Успѣхи проповѣди св. Григорія были необыкновенны: своими пятью словами о богословіи онъ пріобрѣлъ здѣсь множество новыхъ вѣрныхъ поклонниковъ св. Троицы, а себѣ — имя Богослова.

---

[1]) *Примѣч.* Житіе св. Василія Великаго см. подъ 1 числомъ января.

Мало-по-малу стала распространяться молва, что этотъ епископъ говоритъ проповѣди, въ которыхъ опровергаетъ еретиковъ. Послѣдніе постарались познакомиться съ поученіями святителя и скоро узнали, что противъ нихъ никто еще не говорилъ съ такою силою ума, съ такимъ убѣдительнымъ разоблаченіемъ всѣхъ ихъ хитросплетеній. Теперь уже еретики не хотятъ оставить Григорія въ покоѣ. Они начинаютъ съ насмѣшекъ надъ его внѣшнимъ видомъ, одеждою и пр. Отъ насмѣшекъ дѣлается быстрый переходъ къ дѣйствіямъ, направленнымъ къ тому, чтобы помѣшать дѣлу Григорія. Еретики часто врывались въ тотъ маленькій храмъ, въ которомъ святитель произносилъ во время богослуженія свои слова, производили здѣсь безпорядки, шумъ, а иногда и побои. Самого Григорія Богослова нѣсколько разъ представляли они начальнику города, обвиняя его въ нарушеніи общественнаго спокойствія. Этого мало, — еретики покушались на жизнь святителя, подсылали убійцъ. Но, чѣмъ болѣе преслѣдовали въ столицѣ Григорія Богослова, тѣмъ болѣе росла его слава. Православные изъявили желаніе имѣть его столичнымъ архіепископомъ. Въ пользу Григорія подали голоса многіе и изъ православныхъ епископовъ. И это осуществилось съ воцареніемъ Ѳеодосія Великаго.

Призванный къ управленію восточною половиною имперіи, Ѳеодосій долженъ былъ окончить войну съ готами. Счастливо окончивъ порученное ему дѣло, онъ уже держалъ путь въ столицу. На пути Ѳеодосій сдѣлался сильно боленъ. До сего времени еще некрещенный, императоръ обратился къ ѳессалоникійскому епископу, Асхолію, съ просьбою совершить надъ нимъ таинство крещенія. Асхолій былъ извѣстенъ въ ряду православныхъ, какъ ревностный защитникъ чистоты вѣры. Ѳеодосій, принявшій отъ руки его таинство крещенія, тѣмъ самымъ открыто засвидѣтельствовалъ о своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Всѣмъ стало ясно, что новый императоръ православный. Это Ѳеодосій и доказалъ въ изданномъ имъ отъ 28 февраля 380 года указѣ, которымъ призывалъ всѣхъ истинно вѣровать во святую Троицу, а непослушнымъ предоставлялъ позорное имя еретиковъ. Съ нетерпѣніемъ ждали православные пріѣзда императора. Намѣченъ уже былъ епископъ для столицы въ лицѣ Григорія Богослова. Но въ это-то время совершилось событіе, котораго менѣе всего ожидалъ святитель. Изъ Александріи въ Константинополь прибыло нѣсколько епископовъ. Съ ними находился одинъ ученый міряинъ, нѣкто Максимъ, по прозванію

Циникъ. Григорій, ничего не подозрѣвая, принялъ въ свое общеніе прибывшаго гостя, приблизилъ его къ себѣ и оказывалъ ему большое вниманіе. Между тѣмъ гость святителя замышлялъ противъ него недоброе дѣло. Онъ вознамѣрился сдѣлаться епископомъ столицы. Для достиженія предположенной цѣли Максимъ подкупомъ и иными средствами расположилъ къ себѣ нѣсколькихъ столичныхъ гражданъ. Египетскіе епископы согласились рукоположить его. Это было сдѣлано тайно, въ ночное время. Темное дѣло однако было скоро обнаружено. Максима никто не признавалъ за епископа. Григорій Богословъ этимъ событіемъ такъ былъ оскорбленъ, что рѣшился тайно оставить Константинополь. Но о намѣреніи святителя скоро узнали, и усиленныя просьбы православныхъ заставили его покинуть мысль о бѣгствѣ.

Выздоровѣвъ, императоръ въ ноябрѣ 380 г. прибылъ въ столицу. Онъ, безъ сомнѣнія, много слышалъ о трудахъ святителя Григорія на пользу православія и потому рѣшился утвердить его въ санѣ столичнаго епископа. Но Григорій, принявъ въ управленіе главный Константинопольскій храмъ, отклонилъ это назначеніе до времени собора. Предположено было собрать епископовъ для умиротворенія церкви и для рѣшенія нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросовъ. Императоръ разослалъ грамоты, приглашая епископовъ на вселенскій соборъ. Изъ ближайшихъ мѣстъ не замедлили явиться въ столицу уполномоченные. Въ то время въ Антіохіи уже обсуждались церковныя дѣла соборно. Отцы, присутствовавшіе здѣсь подъ предсѣдательствомъ св. Мелетія, еп. антіохійскаго, переѣхали въ столицу. Въ 381 г. открытъ былъ вселенскій соборъ. Поставили вопросъ о столичной каѳедрѣ. Прибывшіе отцы высказались въ пользу Григорія Богослова. Вдругъ, совершенно неожиданно, предсѣдатель собора, Мелетій, заболѣлъ и скоро скончался. Явился новый вопросъ о преемникѣ ему. Въ Антіохіи былъ другой православный епископъ, Павлинъ, поставленный западными епископами для православной антіохійской паствы во времена аріанскихъ волненій. Уполномоченные представители римскаго папы подали голосъ за Павлина. Ихъ поддержалъ и Григорій Богословъ. Но отцы собора рѣшительно не хотѣли и слышать о Павлинѣ. Григорій, желавшій болѣе всего видѣть миръ, до глубины души огорченъ былъ обнаружившимся раздѣленіемъ. Онъ пересталъ посѣщать соборныя засѣданія. Между тѣмъ прибыли египетскіе епископы. Узнавъ о возведеніи Григорія Богослова на столичную каѳедру, они высказали свое неудовольствіе, прикрывшись ревностію о точномъ исполненіи церковныхъ постановленій, по которымъ святитель, имѣвшій за собою сасимскую каѳедру, не имѣлъ права оставить ее. Св. Григорій рѣшился покинуть Константинополь, справедливо предполагая, что противъ него имѣютъ „нѣчто человѣческое“ и епископы, и высшее столичное общество, къ которому онъ не подходилъ по своимъ привычкамъ и скромному образу жизни. Явившись въ одно изъ собраній, онъ произнесъ предъ отцами рѣчь: „я охотно слѣдую примѣру Іоны и для спасенія нашего корабля (церкви) готовъ жертвовать собою, хотя ни въ какомъ случаѣ не могу признать себя виновникомъ настоящей бури. Возьмите меня, обреченнаго жребіемъ, и ввергните въ море; какой-нибудь странолюбивый китъ приметъ меня изъ глубины морской. Противъ воли я занялъ престолъ сей и теперь охотно оставляю его. Простите и не забывайте трудовъ моихъ“. Испросивъ позволеніе на оставленіе каѳедры у императора, Григорій Богословъ еще разъ простился съ епископами, пожелавъ имъ оставить споры и пререканія. Покинувъ столицу, святитель посѣтилъ Кесарію, гдѣ произнесъ похвальное слово въ честь Василія Великаго и затѣмъ, устроивъ церковныя дѣла въ Назіанзѣ, удалился въ свое родовое имѣніе, въ Аріанзъ. Изъ всего наслѣдственнаго имущества у него оставался только тѣнистый садъ съ источникомъ воды. Здѣсь Григорій Богословъ провелъ остатокъ дней своихъ, предаваясь трудамъ, лишеніямъ, подвигамъ поста и молитвѣ. Въ 390 году скончался святитель. Послѣдними словами его были: „свѣтозарные ангелы, неизмѣримымъ кругомъ обстоящіе равночестный свѣтъ трисіяннаго божества, пріимите недостойнаго Григорія священника“. (Сост. по кн. „Пастырское назиданіе“, изд. журн. „Пастырскій собесѣд.“ т. II, Москва, изд. 1891 г., стр. 145—201 и др. источн.).

4. Святой Іоаннъ Златоустый.

Святой Іоаннъ родился въ 354 году въ Антіохіи, столичномъ городѣ Сиріи, отъ богатыхъ и знатныхъ родителей:

Секунда, военачальника сирійскаго, и Анѳусы, благочестивой христіанки. Лишившись мужа въ ранней молодости (20 лѣтъ), Анѳуса не пожелала вступить во второй бракъ и посвятила себя воспитанію сына. Уроки ея въ христіанскомъ благочестіи такъ глубоко напечатлѣлись въ душѣ Іоанна, что ничто въ послѣдствіи не могло изгладить ихъ: ни примѣры товарищей, ни образованіе въ языческихъ школахъ, ни увлеченія молодости. Достигнувъ 18 лѣтъ, Іоаннъ началъ изучать всѣ тогдашнія науки въ школахъ Антіохіи и Аѳинъ, которыя славились учителями, и былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ знаменитаго оратора того времени, Ливанія. Когда Ливанія однажды спрашивали, кого онъ хотѣлъ бы назначить въ преемники себѣ, онъ отвѣчалъ: „я хотѣлъ бы назначить послѣ себя Іоанна, но христіане отняли его у насъ“. По окончаніи образованія Іоаннъ, преимущественно изучившій краснорѣчіе, занялъ должность адвоката, нѣкоторое время велъ дѣла, но вскорѣ душа его перестала лежать къ этой дѣятельности, появилось недовольство мірскою жизнью и желаніе уединенія. Іоаннъ рѣшился посвятить себя на служеніе Богу: онъ ревностно изучалъ священное писаніе, посѣщалъ богослуженіе и проводилъ много времени въ молитвѣ. Антіохійскій епископъ Мелетій, услышавъ объ Іоаннѣ, часто приглашалъ его къ себѣ для бесѣды; отъ Мелетія Іоаннъ получилъ крещеніе. Іоаннъ желалъ совсѣмъ оставить міръ и удалиться въ пустыню, но, уступая просьбамъ матери, остался при ней до ея кончины. Когда же Анѳуса умерла, Іоаннъ предназначилъ все свое имѣніе неимущимъ, отпустилъ на волю своихъ слугъ и удалился въ монастырь близъ Антіохіи. Когда императоръ Валентъ, державшійся аріанства, началъ преслѣдовать христіанъ, епископъ Мелетій за вѣрность православію былъ осужденъ на изгнаніе, и народъ антіохійскій остался безъ пастыря. Въ другихъ мѣстахъ епископы также терпѣли различныя притѣсненія и оскорбленія, заключались въ темницы или изгонялись. Въ столь трудныхъ для церкви обстоятельствахъ святой Іоаннъ старался укрѣплять мужество въ гонимыхъ и утѣшать паству. Къ нему стекалось много посѣтителей, искавшихъ его совѣтовъ и наставленій, которые и подавалъ онъ съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца, сообразно съ душевнымъ состояніемъ каждаго. Къ этому времени жизни его относятся написанныя имъ: книга *о священствѣ*, два слова *о сокрушеніи духовномъ* и письмо къ Ѳеодору. Въ книгѣ о священствѣ Іоаннъ выясняетъ величіе, власть и обязанности священнаго сана. Священникъ, по словамъ Іоанна, есть отецъ, духовный судія и учитель своей паствы, посредникъ Бога и людей, несущій строгую отвѣтственность за ввѣренную ему паству передъ Богомъ. Книга о священствѣ принесла великую пользу священникамъ, укрѣпивъ въ нихъ ясное понятіе о пастырскихъ обязанностяхъ. Желая увеличить свои иноческіе подвиги, святой Іоаннъ перешелъ въ уединенную пещеру и провелъ въ ней четыре года. Впослѣдствіи, вспоминая о своей иноческой жизни, Іоаннъ такъ описывалъ подвиги иноковъ, среди которыхъ жилъ онъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ. „День этихъ иноковъ раздѣлялся на четыре части; каждую изъ частей они начинали пѣніемъ псалмовъ и молитвами. Они вставали обыкновенно въ полночь, пѣли псалмы и нѣсколько времени отдыхали передъ разсвѣтомъ; при восходѣ солнца пѣли утреню, послѣ чего каждый занимался чтеніемъ священнаго писанія или, кто умѣлъ, списываніемъ книгъ. Затѣмъ иноки расходились по кельямъ. По окончаніи первыхъ трехъ молитвъ они занимались ручными работами: дѣлали корзинки и власяницы, обработывали землю, рубили дрова и служили посѣтителямъ обители. Одежда иноковъ была изъ козьей или верблюжьей шерсти; обуви они не носили. Ничего не почитали они своею собственностію, но все у нихъ было общее. Никакихъ слугъ не было, но все исправляли сами. Ненарушимый миръ царствовалъ въ обители. Пища иноковъ состояла въ хлѣбѣ, водѣ и овощахъ; спали они на голой землѣ или на соломѣ. Иноки не имѣли ни стражи, ни запоровъ, ибо не было у нихъ ни денегъ, ни чего-либо другого цѣннаго. Если кто занемогалъ, другіе не плакали и не скорбѣли, а обращались къ молитвѣ, и часто молитва вѣры возстановляла силы болящаго; если кто умиралъ, другіе не печалились, ибо умершій переходилъ въ лучшую жизнь“. Такова была жизнь пустынниковъ, среди которыхъ жилъ святой Іоаннъ. Но тяжелые подвиги, принятые имъ на себя, разстроили его здоровье; силы его стали ослабѣвать, и онъ возвратился въ Антіохію.

Епископъ Мелетій посвятилъ Іоанна въ санъ діакона; Іоаннъ проходилъ это служеніе въ теченіе пяти лѣтъ, затѣмъ былъ рукоположенъ въ пресвитера. Съ этого времени онъ началъ говорить поученія къ народу, ежедневно во время постовъ и два или три раза въ недѣлю въ другіе дни, не считая праздниковъ и особенныхъ случаевъ. Сила его краснорѣчія и убѣдительность поученій привлекала и православныхъ и заблуждающихся, іудеевъ и язычниковъ. Въ своихъ поученіяхъ Іоаннъ не оставлялъ ни одного порока или заблужденія своей паствы безъ обличенія, но особенно вооружался противъ суевѣрія, скупости, неуваженія къ святынѣ, гордости и роскоши. Всѣ эти пороки господствовали въ тогдашней Антіохіи. Іоаннъ укорялъ народъ за вѣру въ худые и добрые дни, за обычай при рожденіи ребенка зажигать множество свѣчъ и давать свѣчамъ разныя имена, чтобы потомъ наречь ребенку имя той свѣчи, которая больше горѣла, будто бы предзнаменуя этимъ долголѣтнюю жизнь, за гаданія въ первый день новаго года и другія суевѣрія. Обычай безъ мѣры упиваться виномъ наканунѣ новаго года (и до сихъ поръ существующій за границей и у насъ) возбуждалъ строгія порицанія Іоанна. „Не тогда счастливъ будетъ для тебя годъ“, говорилъ онъ, „когда ты напьешься въ первый день, но когда и въ первый и въ прочіе дни будешь дѣлать то, что угодно Богу“. Убѣждая богачей оказывать помощь неимущимъ, онъ говорилъ: „тотъ, который получаетъ милостыню, гораздо полезнѣе и необходимѣе того, кто раздаетъ ее, ибо, если бы не было бѣдныхъ, тогда и не важна была бы милостыня. Она врачуетъ душу нашу. При видѣ бѣднаго мы получаемъ урокъ полезный для нашей гордости, который внушаетъ намъ, какъ кратковременны и непрочны блага міра: юность, красота, здоровье, почетъ и самое богатство. Но и въ бѣдности есть хорошія стороны. Бѣдность есть наставница смиренія и терпѣнія. Душу сребролюбца терзаютъ тысячи заботъ и попеченій и приводятъ въ постоянное безпокойство; подобно одеждѣ, источенной молью, она не имѣетъ ни одного мѣста цѣлаго. Душа истиннаго бѣдняка, покорнаго своему положенію, блеститъ какъ золото; ее не точитъ зависть, не тревожитъ ненасытная страсть къ пріобрѣтенію.“ Святой Іоаннъ утѣшалъ бѣдныхъ не однимъ словомъ, но и дѣломъ. Оставшись наслѣдникомъ большого богатства, онъ его употребилъ на вспомоществованіе бѣднымъ, такъ что самъ терпѣлъ нужду. Болѣе трехъ тысячъ лицъ были на его попеченіи и получали удовлетвореніе всѣхъ своихъ нуждъ. Но бывали обстоятельства, когда не одни бѣдные, но и всѣ граждане вообще пользовались утѣшеніемъ и помощью Іоанна. Въ 383 году императоръ Θеодосій, нуждаясь въ средствахъ для военныхъ нуждъ, наложилъ на народъ обременительный налогъ. Повсюду поднялся ропотъ: въ Антіохіи началось возмущеніе, толпа бросилась въ дома властей и разграбила ихъ, царскія статуи были разбиты. Возмущеніе, наконецъ, было усмирено, и тогда начались допросы и казни виновныхъ. Прошелъ даже слухъ, что всѣ имѣнія антіохійцевъ будутъ отобраны, а жители будутъ казнены. Уныніе и скорбь овладѣли гражданами. Многіе обращались къ епископу Флавіану съ просьбою ходатайствовать за нихъ предъ императоромъ, и Флавіанъ отправился въ Константинополь къ императору. Іоаннъ остался, чтобы утѣшить скорбящихъ, говорилъ поученія, ободрялъ согражданъ надеждою на прощеніе, убѣждалъ не отчаиваться и покориться волѣ Божіей. Онъ объяснялъ народу, что истинный христіанинъ долженъ бояться самаго преступленія, а не наказанія за него, что гнѣвъ Божій страшнѣе смерти, а смерть—лишь начало вѣчной жизни. „Что страшнаго имѣетъ смерть? Если мы и должны ея бояться, то лишь потому, что не живемъ благочестиво и не имѣемъ чистой совѣсти, ибо живущаго добродѣтельно никто не можетъ тревожить. Лишитъ ли кто его сокровищъ, но его сокровище на небесахъ. Изгонитъ ли изъ отечества, его ожидаетъ отечество небесное. Заключитъ ли въ темницу, но совѣсть его останется свободна. Умертвитъ ли тѣло, оно опять воскреснетъ. Итакъ, перестань плакать о смерти, а плачь о грѣхахъ своихъ и старайся омыть ихъ“. Наконецъ, Флавіанъ возвратился съ прощеніемъ императора. Іоаннъ въ первый день пасхи объявилъ антіохійцамъ о милости императора, и радость христіанскаго праздника соединилась съ радостью объ избавленіи отъ опасности.

Святой Іоаннъ былъ душою, радостью, жизнью Антіохіи. Подъ его вліяніемъ народъ началъ соблюдать большее уваженіе къ праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, охотнѣе посѣщалъ богослуженіе и особенно тогда, когда проповѣдывалъ Іоаннъ. Свои поученія Іоаннъ говорилъ просто и вразумительно, чтобы ихъ легко могъ понять каждый. Въ первые годы проповѣди въ Антіохіи онъ говорилъ нѣсколько искусственнѣе и понятнѣе для образованныхъ и ученыхъ людей, чѣмъ для всѣхъ. Одна женщина сказала ему: „учитель духовный Іоаннъ, златыя уста! Кладезь ученія твоего слишкомъ глубокъ, а вервія ума нашего слишкомъ коротки“. Съ того времени Іоаннъ измѣнилъ характеръ своей проповѣди и сталъ говорить проще, а народъ сталъ называть его *Златоустомъ*. Иногда слушатели невольно прерывали его рѣчь похвалами и рукоплесканіями, но Іоаннъ всегда останавливалъ такія выраженія похвалы. „Что мнѣ въ вашихъ рукоплесканіяхъ“, говорилъ онъ: „исправленіе вашей жизни и обращеніе къ Богу — вотъ лучшая похвала для меня“. Въ 397 году скончался патріархъ константинопольскій Нектарій. Въ преемники ему было предложено много достойныхъ лицъ, но, едва только приближенный сановникъ императорскій Евтропій указалъ на Іоанна Златоуста, духовенство немедленно избрало его. Народъ радовался избранію пастыря, святость жизни и проповѣдничество котораго были извѣстны повсюду, и императоръ охотно утвердилъ избраніе. Іоаннъ долго отказывался принять санъ константинопольскаго патріарха, указывая на слабость силъ своихъ и на свое недостоинство, но, видя, что возраженія не приносятъ пользы, покорился избранію. 26 февраля 398 года онъ принялъ посвященіе.

Первою заботою святителя было исправленіе нравовъ константинопольскаго духовенства. Сребролюбіе, страсть къ роскоши, расточительность и честолюбіе были обычными явленіями среди духовныхъ лицъ. Гдѣ не дѣйствовали убѣжденія, тамъ Іоаннъ Златоустъ употреблялъ рѣшительныя мѣры для искорененія зла и подвергалъ виновныхъ церковнымъ наказаніямъ: лишалъ степеней, запрещалъ на нѣкоторое время служить и даже отлучалъ отъ церкви. Изобличая подчиненныхъ ему духовныхъ, святой Іоаннъ подавалъ въ своемъ лицѣ примѣръ скромности и простоты. Имѣя самую простую одежду, пользуясь самою простою пищею, онъ желалъ видѣть ту же простоту и въ другихъ. Послѣ покойнаго патріарха Нектарія осталась богатая мебель и другія цѣнныя вещи: Іоаннъ продалъ ихъ и замѣнилъ предметами простыми и необходимыми. Благодаря простотѣ и скромности жизни Іоанна и образцовому порядку въ распоряженіи церковнымъ имуществомъ, образовались значительныя суммы на вспомоществованіе бѣднымъ и больнымъ. Іоаннъ улучшилъ больницы, существовавшія съ прежнихъ временъ, и основалъ нѣсколько новыхъ. Внушая въ поученіяхъ слушателямъ любовь къ дѣламъ милосердія и страннолюбія, Іоаннъ самъ показывалъ примѣръ этихъ добродѣтелей, посѣщая и утѣшая страдальцевъ и принимая странниковъ.

Много было сдѣлано святителемъ въ Константинополѣ, какъ и въ Антіохіи, на пользу паствы. Стараясь отвлечь православныхъ отъ посѣщенія аріанскихъ собраній, онъ ввелъ въ православныхъ церквахъ стройное пѣніе, установилъ всенощныя бдѣнія и крестные ходы, и не только самъ неустанно проповѣдывалъ слово Божіе, но старался также водворить христіанство въ другихъ странахъ, посылая съ этою цѣлью проповѣдниковъ въ Персію, Финикію, Скиѳію и Ѳракію. Но особенно заботился онъ объ исправленіи нравовъ своей паствы, и эта ревность вооружила противъ него многихъ въ Константинополѣ. Худшая часть константинопольскаго духовенства, пороки котораго постоянно обличалъ Іоаннъ, возненавидѣла обличителя. Духовные начали говорить, что Іоаннъ гордъ и золъ, въ проповѣдяхъ своихъ не наставляетъ, а укоряетъ съ досадой; они начали наблюдать за нимъ и превратно толковать всѣ его слова, стараясь составить противъ него обвиненіе. Наконецъ, такъ какъ святитель постоянно вооружался противъ общаго развращенія нравовъ, противъ злоупотребленія богатствомъ, роскоши въ одеждѣ, страсти къ безнравственнымъ зрѣлищамъ и другихъ пороковъ, свойственныхъ преимущественно высшимъ классамъ константинопольскаго общества, то преданные этимъ порокамъ понемногу стали проникаться неудовольствіемъ противъ проповѣдника, относили обличенія его къ себѣ и затѣмъ дѣлались врагами его. — Скоро враги Іоанна нашли себѣ сильную союзницу въ лицѣ Евдоксіи, жены императора Аркадія. Это была женщина очень сребролюбивая и оскорблялась строгими обличеніями Іоанна противъ этого порока. Нерѣдко она наговаривала императору на богатыхъ людей съ цѣлью захватить и присвоить ихъ имущество. Іоанну часто приходилось ходатайствовать за обиженныхъ, и это ходатайство еще болѣе раздражало императрицу. Вскорѣ найденъ былъ и предлогъ къ преслѣдованію святителя. Александрійскій патріархъ Ѳеофилъ отлучилъ отъ церкви египетскихъ пустынниковъ за то, что они будто бы неправо мыслятъ о вѣрѣ. Пустынники, сознавая себя невиновными, надѣялись найти защиту противъ Ѳеофила въ Константинополѣ и отправились туда. Іоаннъ Златоустъ, разобравъ ихъ дѣло, нашелъ, что они неправильно отлучены отъ церкви, и написалъ Ѳеофилу, убѣждая его снять съ пустынниковъ отлученіе. Между тѣмъ они подали императору жалобу на Ѳеофила, обвиняя его въ гордости и корыстолюбіи. Императоръ потребовалъ Ѳеофила въ Константинополь для оправданія по жалобамъ на него. Но Ѳеофилъ счелъ за лучшее явиться не подсудимымъ, а судьею. Онъ вступилъ въ сношенія съ врагами Златоуста, созвалъ епископовъ недовольныхъ имъ (въ числѣ этихъ епископовъ были и низложенные святителемъ за недостойную жизнь) и въ сопровожденіи ихъ прибылъ въ Константинополь. Здѣсь онъ успѣлъ убѣдить императора въ своей правотѣ, расточалъ деньги и обѣщанія и, наконецъ, успѣлъ составить соборъ въ селеніи Дубъ близъ Халкидона. На этомъ соборѣ враги Іоанна, пользуясь покровительствомъ императрицы, обвинили его въ оскорбительныхъ противъ нея словахъ, въ надменномъ и жестокомъ обращеніи съ духовенствомъ и даже въ расхищеніи церковнаго имущества. Противозаконный соборъ лишилъ Іоанна епископской каѳедры. Императоръ утвердилъ это рѣшеніе и осудилъ святителя на изгнаніе въ Виѳинію, хотя другой соборъ, составившійся въ Константинополѣ въ защиту Іоанна, утверждалъ, что по церковнымъ правиламъ никакой епископъ не можетъ быть судимъ внѣ своей епархіи. Лишеніе Іоанна епископства произвело смятеніе въ народѣ. Народъ цѣлую ночь стерегъ церковь, чтобы изъ нея не взяли Іоанна, а людей, назначенныхъ для отведенія его въ ссылку, не допускалъ до него. Тогда Іоаннъ добровольно и скрытно отъ народа предалъ себя въ руки стражи, а въ словѣ, сказанномъ имъ наканунѣ изгнанія, старался успокоить народъ. Но едва Іоаннъ оставилъ Константинополь, какъ волненіе еще болѣе усилилось: патріарху Ѳеофилу, какъ главному виновнику удаленія святителя, грозила опасность быть убитымъ, противъ императора также высказывалось неудовольствіе. Въ слѣдующую ночь страшная гроза разразилась надъ Константинополемъ, затѣмъ было землетрясеніе. Въ этихъ явленіяхъ народъ видѣлъ казнь Божію за несправедливо осужденнаго святителя и сталъ требовать его возвращенія. Императрица, опасаясь открытаго возмущенія, упросила своего мужа возвратить Златоуста и отправила къ нему письмо, въ которомъ увѣряла, что нисколько не виновата въ его осужденіи, и умоляла его возвратиться. Черезъ два дня Златоустъ возвратился въ Константинополь, гдѣ народъ встрѣтилъ его съ великимъ торжествомъ. Новый соборъ, созванный послѣ того въ Константинополѣ, объявилъ недѣйствительнымъ низложеніе святого Іоанна и возвратилъ ему епископскую каѳедру. Но недолго продолжалось его служеніе. Враги нашли новый поводъ къ низложенію его. Вскорѣ въ Константинополѣ, на площади близъ Софійскаго храма, была поставлена серебряная статуя императрицы Евдоксіи, и для увеселенія народа устроены были игры и пляски. Все это нарушало порядокъ богослуженія, совершаемаго въ храмѣ. Іоаннъ не могъ не возстать противъ такого неуваженія къ святынѣ и произнесъ сильную обличительную рѣчь противъ безчинныхъ зрѣлищъ. Императрицѣ донесли, что въ этой рѣчи были оскорбительныя для нея слова. Гнѣвъ ея еще болѣе усилился, когда ей сказали, что Іоаннъ началъ одну бесѣду къ народу словами: „опять Иродіада бѣснуется! опять Иродіада пляшетъ! опять требуетъ главы Іоанна“. Послѣ того императрица поклялась лишить Іоанна епископства и употребила для этого всѣ средства. Она вооружила противъ него императора, который снова созвалъ соборъ изъ враждебныхъ Іоанну епископовъ. Когда же Златоустъ сталъ защищаться, и враги его не могли подтвердить своихъ обвиненій, они, оставивъ прежнія клеветы, поставили въ вину ему, что онъ, будучи осужденъ дубскимъ соборомъ, самовольно занялъ снова каѳедру, не принеся оправданій въ прежнихъ обвиненіяхъ. Іоаннъ справедливо возражалъ, что дубскій соборъ уже признанъ незаконнымъ, но врагамъ его нуженъ былъ только предлогъ, и они осудили Іоанна. Въ великую субботу стража ворвалась въ храмъ, гдѣ святитель совершалъ служеніе, и захватила его. Это удаленіе Іоанна сопровождалось такъ же, какъ и первое, сильнымъ волненіемъ въ народѣ и пожаромъ въ Софійскомъ храмѣ, гдѣ Іоаннъ въ послѣдній разъ проповѣдывалъ. Враги Златоуста обвиняли въ этомъ пожарѣ его приверженцевъ, и многіе изъ нихъ были подвергнуты пыткамъ и казнямъ, другіе сосланы въ изгнаніе. Іоаннъ сначала былъ удаленъ въ Никею, затѣмъ въ Кесарію. Въ Кесаріи его народъ принялъ радушно, стараясь выразить ему уваженіе и сочувствіе. Тогда его перевели въ Кукузъ, безплодное мѣстечко въ Арменіи. 70 дней принужденъ онъ былъ итти туда, въ сопровожденіи стражи, пѣшкомъ, терпя на пути отъ зноя и набѣговъ дикихъ исавровъ, при томъ здоровье его было очень разстроено отъ постоянныхъ огорченій. Въ Кукузѣ святой Іоаннъ пробылъ годъ. „Я не имѣю постояннаго мѣстопребыванія“, писалъ онъ епископу Элпидію, „я то скрываюсь среди холмовъ и лѣсовъ, то ухожу внутрь пещеръ и пустынь. Все здѣсь въ развалинахъ и въ огнѣ, много городовъ погибло отъ набѣговъ варваровъ, и мы каждую минуту ожидаемъ смерти“. Но, испытывая такія скорби, Іоаннъ не забывалъ константинопольскую паству, онъ постоянно писалъ изъ заточенія своимъ друзьямъ, утѣшая ихъ въ несчастіяхъ, и наставлялъ ихъ. Враги Іоанна не забыли о немъ въ изгнаніи. Они настояли на переведеніи его въ мѣстечко Питіусъ, на берегу Чернаго моря, представивъ императору, что это удаленіе нужно для спокойствія церкви. Это было приведено въ исполненіе самымъ жестокимъ образомъ. Не обращая вниманія на болѣзненное состояніе Іоанна, его вели и въ зной и въ холодъ, не давая ему ни малѣйшаго отдыха, и святитель, изнуренный страданіями, окончилъ жизнь въ городѣ Команахъ, въ 407 году, 14 сентября, Тѣло его было положено въ храмѣ святого мученика Василиска. Въ 438 году, при императорѣ Θеодосіи II, мощи святителя были перенесены въ Константинополь[1]). Въ настоящее время онѣ покоятся въ римскомъ Ватиканскомъ соборѣ. Часть главы Іоанна находится въ московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Святой Іоаннъ Златоустъ оставилъ много письменныхъ трудовъ. Ему принадлежатъ поученія, бесѣды на книги священнаго писанія и литургія его. Она сокращена изъ литургіи святого Василія Великаго. Это сокращеніе сдѣлано по снисхожденію къ христіанамъ, которые тяготились продолжительностію литургіи Василія Великаго. Слово Златоуста на первый день Пасхи уставомъ положено читать послѣ утрени этого праздника; оно начинается словами: „аще кто благочестивъ и боголюбивъ, да насладится сего добраго и свѣтлаго торжества; аще кто рабъ благоразумный, да внидетъ, радуясь, въ радость Господа своего“ и т. д. (См. житія святыхъ, празднуемыхъ православною русскою церковью. И. Протопопова.

Вотъ что разсказалъ авва Аθанасій объ епископѣ Аделфіи[1]), а онъ слышалъ отъ сестры его, игуменіи Іанніи. „Когда константинопольскій епископъ Іоаннъ Златоустъ былъ сосланъ въ Кукузъ, говорила Іаннія, то онъ останавливался въ нашемъ домѣ. Это произвело въ насъ великое дерзновеніе и любовь къ Богу. Братъ мой Аделфій говорилъ, какъ при вѣсти о кончинѣ блаженнаго Іоанна въ ссылкѣ имъ овладѣла невыносимая печаль, что этотъ мужъ, вселенскій учитель, радовавшій церковь Божію рѣчами своими, скончался, лишенный своего престола. „Я просилъ Бога со слезами, говорилъ братъ, чтобы Онъ открылъ мнѣ, въ какомъ состояніи онъ находится и причисленъ ли къ лику патріарховъ. Долго я молился объ этомъ. Однажды, придя въ восхищеніе, я увидалъ весьма благообразнаго мужа. Взявъ за правую руку, онъ привелъ меня въ свѣтлое и дивное мѣсто и показалъ мнѣ проповѣдниковъ благочестія и учителей церкви. Я озирался вокругъ, стараясь увидѣть того, кого желала душа моя, великаго и возлюбленнаго моего Іоанна. Показавъ мнѣ всѣхъ и назвавъ каждаго по имени, онъ снова взялъ меня за руку и вывелъ вонъ. Опечаленный тѣмъ, что не видалъ съ отцами св. Іоанна, я послѣдовалъ за нимъ. При нашемъ выходѣ стоявшій при дверяхъ сказалъ мнѣ:

— Кто только входитъ сюда, ни одинъ не выходитъ съ печалью.

— Я печалюсь о томъ, говорю я, что я не видалъ въ числѣ другихъ учителей моего возлюбленнѣйшаго Іоанна, епископа константинопольскаго.

— Ты говоришь объ Іоаннѣ, проповѣдникѣ покаянія? спросилъ меня мой собесѣдникъ.

---

[1]) Перенесеніе мощей св. Іоанна празднуется 27 января.

[1]) Еп. Аделфій присутствовалъ на халкидонскомъ Вселенскомъ соборѣ и впослѣдствіи состоялъ въ перепискѣ съ императоромъ Львомъ (457—474). Когда Аделфій былъ еще въ молодыхъ годахъ, семейство его имѣло счастіе принимать у себя Іоанна Златоуста, изгнаннаго въ Кукузъ, это было въ 406 году. Пребываніе великаго святителя произвело на всѣхъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе.

— Да, о немъ.

— Человѣкъ во плоти не можетъ увидать его: онъ предстоитъ престолу Божію... (Изъ „Луга духовнаго“, блаж. Іоанна Мосха).

5. Необычайная помощь св. трехъ святителей.

Въ „Церковн. Вѣдом.“ 1889 г. объявляется священ. о. Георгіемъ Похвальскимъ о слѣдующемъ замѣчательномъ событіи, въ которомъ явилась, по истинѣ, чудесная помощь св. трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста мальчику при страшной опасности для жизни. Въ селѣ Саблуковѣ, Арзамасскаго уѣзда, Нижегородской губ., проживаетъ семейство добраго, смиреннаго и правдиваго мельника, крестьянина Ив. Ив. Кочеткова; старикъ, по своей честности и разсудительности, былъ по выбору старшиной, а сынъ его Кодратъ состоитъ въ должности сельскаго старосты.

Семейство И. И. Кочеткова многолюдное: состоитъ изъ отца—старика, его жены, двухъ сыновей женатыхъ съ дѣтьми и 22—лѣтняго сына Петра. Кроткіе и правдивые Кочетковы отличаются нищелюбіемъ и преданностію св. церкви. Они имѣютъ христіанскій обычай, унаслѣдованный отъ предковъ, каждый день класть три земныхъ поклона предъ иконой св. трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, призывая ихъ на помощь и прося у нихъ милости и успѣха въ дѣлахъ. Отправляясь на мельницу, они молятся дома предъ почитаемою иконою, и тамъ, въ сѣняхъ мельницы, воздаютъ поклоненіе тѣмъ же тремъ святителямъ, и потомъ пускаютъ мельницу въ ходъ. 28 января 1889 года, въ самый полдень, бушевала страшная буря. Старшіе братья Петра были заняты уборкой съ току соломы и хлѣба, и отецъ, за недосугомъ старшихъ сыновей, послалъ молоть младшаго сына Петра, которому тогда было 15 лѣтъ. Петръ, не сообразивши того, что была буря, пустилъ мельницу въ ходъ и, по примѣру братьевъ, сошелъ подъ полъ осмотрѣть пяту вала,—не требуется ли подмазать; но, когда онъ близко подошелъ къ валу и обглядывалъ его вокругъ, какъ-то нечаянно движеніемъ шестерни привернуло полы его полушубка и забрало его рубаху: еще одно мгновеніе, и Петръ могъ погибнуть. Въ минуту грозящей опасности онъ взмолился святымъ отъ всего дѣтскаго вѣрующаго сердца: „Угодники Божіи, св. тріе святителіе! спасите меня, помогите мнѣ, погибаю я. Святые Божіи! защитите меня, не дайте умереть безъ покаянія. Вѣрую, что вы все можете сдѣлать, можете меня спасти“. Вдругъ мельница сама собой останавливается, стоитъ неподвижно, несмотря на то, что буря продолжается. Чрезъ полчаса, или нѣсколько меньше, на мельницу приходитъ одинъ крестьянинъ узнать, смолота ли его рожь, и видитъ: мельница стоитъ, а мальчикъ скрученъ и привернутъ шестерней. Крестьянинъ немедленно взялъ бывшій топоръ, перерубилъ полы полушубка, рубаху, штаны, и освободилъ страдальца. Чрезъ часъ онъ принесенъ былъ домой, но былъ еще безъ сознанія. По осмотрѣ его тѣла нашли, что одна нога сильно ранена, но кость не повреждена. Когда пострадавшій пришелъ въ себя, то, перекрестившись, сталъ разсказывать окружающимъ о своемъ несчастіи на мельницѣ и въ концѣ своего разсказа прибавилъ, что онъ своимъ спасеніемъ обязанъ единственно ходатайству угодниковъ Божіихъ, св. трехъ святителей, имъ призванныхъ на помощь.

Февраль мѣсяцъ.

2-ой ДЕНЬ.

СРѢТЕНІЕ ГОСПОДНЕ.

Еванг. отъ Лук. зач. 7-е, гл. II, 22—40 ст.

1. Срѣтеніе Господне.

За древнее избавленіе отъ рабства египетскаго и въ память послѣдней казни смертію первенцевъ египетскихъ, законъ Господень требовалъ отъ евреевъ, чтобы всякій перворожденный младенецъ мужескаго пола, какъ собственность Божія, пріобрѣтенная кровію чуждыхъ первенцевъ, былъ принесенъ въ 40-й день по рожденіи во храмъ, посвященъ Богу и искупленъ у Господа: это называлось посвященіемъ младенца. Первенецъ Дѣвы Маріи исполнилъ законъ: принесенъ во храмъ и искупленъ Тотъ, Кто пришелъ на землю, чтобы смертію

Своею освятить, искупить и воскресить всѣхъ людей отъ грѣха и смерти. *Ветхій деньми, давшій древле на Синаѣ законъ Моисею, днесь Младенецъ видится и, законъ исполняя, во храмъ приносится.*

По закону Моисееву, женщина, родившая младенца мужескаго пола, признавалась нечистою въ продолженіе 7 дней и послѣ этого еще 33 дня не могла участвовать въ общественномъ богослуженіи, въ 40-й же день по рожденіи своего первенца должна была принести его во храмъ и представить во всесожженіе Богу однолѣтняго агнца, а въ случаѣ бѣдности, двухъ горлицъ или молодыхъ голубей. Смыслъ сего священнаго обряда тотъ, что если чадородіе есть даръ Божій, то кому, какъ не Богу, слѣдуетъ посвятить первый плодъ этого дара? Евреи должны были посвящать Богу своихъ первенцевъ въ благодарность Богу за спасеніе ихъ при общемъ избіеніи египетскихъ первенцевъ.

Дѣва Марія, сдѣлавшись Матерью Господа, освятилась рожденіемъ Его и, не переставая быть пренепорочною и пречистою Дѣвою, не имѣла нужды въ очищеніи, но, по чувству глубокаго смиренія, подчинилась установленному обряду. Не превозносилась Она Своею чистотою, но, приблизившись къ вратамъ храма, стала на мѣстѣ, назначенномъ для родившихъ. Она принесла съ собою жертву, но то была жертва убогихъ: пара молодыхъ голубей. По принятіи священникомъ жертвы и по принесеніи всесожженія, Пречистая Дѣва вступила въ храмъ съ Божественнымъ Младенцемъ въ сопровожденіи Іосифа

Въ это время пришелъ въ храмъ, по внушенію Духа Святаго, старецъ Симеонъ и, приблизившись къ благодатной Маріи, принялъ изъ Ея рукъ Новорожденнаго, почему и называется Богопріимцемъ. Прославивъ Бога, старецъ въ священномъ восторгѣ произнесъ пророчественную пѣснь о Спасителѣ міра: *Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе Твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей: свѣтъ во откровеніе языковъ и славу людей Твоихъ, Израиля.*

Священное писаніе говоритъ объ этомъ Симеонѣ: *человѣкъ бѣ праведенъ и благочестивъ, чаяй утѣхи Израилевы.* Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ Симеонъ называется священникомъ и святителемъ, приносившимъ законныя жертвы. Есть также преданіе, что Симеонъ, будучи однимъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени, находился въ числѣ 72 толковниковъ, переводившихъ священныя книги, по желанію египетскаго царя Птоломея-Филадельфа, съ еврейскаго языка на греческій. Въ исторіи Никифора Каллиста повѣствуется, что, при переводѣ книги пророка Исаіи, Симеонъ остановился на извѣстномъ пророчествѣ: *се Дѣва во чревѣ зачнетъ*, и хотѣлъ исправить это мѣсто, зачеркнувъ слово *Дѣва*, и написать *Жена*, но явился ангелъ, удержалъ его руку и, запретивъ исправлять пророчество, сказалъ ему, что не умретъ онъ, пока самъ не увидитъ исполненія пророчества: *вѣруй написанному; ты самъ увидишь исполненіе.* Съ тѣхъ поръ Симеонъ каждый день ходилъ во храмъ и, по внушенію Святаго Духа, узналъ Дѣву Марію, съ Богомладенцемъ на рукахъ потому, что Они были озарены необыкновеннымъ свѣтомъ.

Отпусти, Владыко, раба Твоего, потому что видѣли очи мои спасеніе Твое! воскликнулъ Симеонъ въ священномъ восторгѣ. Праведный старецъ обращался къ Іисусу, какъ бы не къ Младенцу, а къ Владыкѣ и Господу, имѣющему власть отпускать въ другую жизнь или удержать на землѣ.

Возвративъ Младенца въ руки Матери, Симеонъ благословилъ Ее и Іосифа. По внушенію Святаго Духа, Симеонъ, провидѣвъ крестныя страданія Спасителя, слезы и скорби Его Матери, продолжалъ пророчество свое: *се лежитъ сей на паденіе и на востаніе многихъ во Израилѣ и въ знаменіе пререкаемо, и Тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе, яко да открыются отъ многихъ сердецъ помышленія.* Твой Сынъ принесъ на землю спасеніе, объясняетъ онъ, но не всѣ воспользуются имъ: востаніемъ отъ паденія Онъ будетъ для вѣрующихъ и послѣдующихъ за Нимъ; но камнемъ преткновенія для невѣрующихъ и отвергающихъ Его. Онъ всегда будетъ предметомъ противорѣчій, чтобы открылись помышленія людей. Люди предадутъ смерти своего Спасителя, и Ты будешь свидѣтельницею всѣхъ Его страданій: *и тебѣ самой душу пройдетъ оружіе.* Такъ предсказывалъ вдохновенный Симеонъ, представитель ветхаго завѣта, дождавшійся пришествія обѣтованнаго Мессіи, Первенца новаго завѣта.

Какъ бы для полноты славы Предвѣчнаго Младенца, приблизилась къ нимъ праведная Анна пророчица, престарѣлая вдова, жившая при храмѣ. По внушенію

Святаго Духа, она начала хвалить и благодарить Бога и прославлять Божественнаго Младенца во услышаніе всѣмъ ожидавшимъ избавленія въ Іерусалимѣ. Анна была дочь Фануилова, отъ колѣна Асирова, извѣстнаго богатствомъ, силою и вмѣстѣ кротостью и миролюбіемъ. Семь лѣтъ прожила она съ мужемъ и послѣ его смерти посвятила себя на служеніе Богу въ іерусалимскомъ храмѣ. Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ проходила ея жизнь, и такъ достигла она 84-лѣтняго возраста, когда ей была дана неизреченная радость увидѣть и прославить Спасителя міра. Святая церковь называетъ ее всехвальною вдовою, цѣломудренною, преподобною старицею и пророчицею.

Исполнивши все по закону очищенія, Святое Семейство возвратилось въ Назаретъ.

Въ воспоминаніе Срѣтенія Господа Іисуса Христа, съ древнихъ временъ установленъ церковью на 2 февраля дванадесятый праздникъ, чѣмъ утверждается непреложная истина, что Христосъ явился міру не мнѣніемъ, не привидѣніемъ, но истиною. На другой же день Срѣтенія Господня, 3 февраля, церковь вспоминаетъ Симеона Богопріимца и Анну пророчицу. (Изъ книги: „Земная жизнь Пресв. Богородицы“. Софіи Снессоревой, Спб. изд. 1892 г., стр. 62—67).

2. Поучительные уроки праздника Срѣтенія Господня.

Празднуемъ Срѣтеніе Господне... Чему научаетъ насъ этотъ праздникъ? Первѣе всего, изъ разсказа о Срѣтеніи Господнемъ мы извлекаемъ тотъ урокъ, что душа человѣка-христіанина, какъ и душа ветхозавѣтнаго іудея, всегда должна стремиться ко храму, здѣсь получать свое освященіе, здѣсь по преимуществу изливаться въ молитвѣ прошенія, хвалы и благодаренія,—сюда, а не въ другое мѣсто, должны устремляться стопы человѣческія... Храмъ долженъ быть связующимъ звеномъ для всей во Христѣ братіи, живущей въ извѣстной мѣстности,—быть какъ бы ея живымъ и всегдашнимъ знаменемъ... Можно вездѣ и на всякомъ мѣстѣ молиться,—но молиться съ бóльшимъ успѣхомъ, съ большею для себя пользою, можно только во храмѣ; здѣсь душа человѣка, среди кадильнаго ѳиміама, освящаясь въ таинствахъ, въ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ, скорѣе предочищается и дѣлается способною къ воспріятію духовныхъ предметовъ, нежели въ домашней будничной обстановкѣ, часто среди крика и шума дѣтей, прислуги, и, нерѣдко, среди кухоннаго чаду и табачнаго дыму...

Другой урокъ даютъ всѣмъ намъ Христосъ Спаситель и Пресвятая Дѣва... Спаситель нашъ,—безгрѣшный, Самъ Владыка всей твари, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ,—благоволилъ однако же принять обрѣзаніе, быть принесеннымъ во храмъ въ сороковой день, креститься въ струяхъ Іорданскихъ отъ Іоанна, поститься, молиться до кроваваго поту; платить дань въ храмъ, въ корвану церковную, ежегодно; во всѣ уреченные случаи давать подать и кесарю,—словомъ, исполнять законъ Божескій и человѣческій... А Его Пречистая Матерь является вмѣстѣ съ прочими во храмъ, и издалека, чтобы подвергнуть Себя очистительному дѣйствію священниковъ,—и несмотря на Свою бѣдность, приноситъ жертву и проч. Для чего же все это дѣлается?—А для того,—какъ Самъ Онъ сказалъ Іоанну Крестителю,—чтобы исполнить всякую правду; значитъ—законъ, долгъ, Онъ ставитъ выше всего... Пусть же сей примѣръ Безгрѣшнаго и Пречистой научитъ и тебя, христіанинъ, грѣшнаго и студнаго, какъ подчиняться закону Божію и человѣческому,—какъ исполнять предписанія того и другого,—ибо если праведникъ, по слову апостола, едва спасется, то нечестивый и грѣшный гдѣ явится (1 Петр. IV, 18)?

„Все это старина“, говорятъ нѣкоторые,—это „несовременно“, говорятъ другіе,—это „непринято“, отвѣтствуютъ третіи... И вотъ, въ силу этихъ неизвѣстно кѣмъ и когда составленныхъ рѣшеній и мнѣній,—выносятся изъ комнатъ иконы (непринято!),—дѣтей оставляютъ некрещенными не только по мѣсяцамъ, но даже и вовсе; въ храмъ Господень не только въ сороковой день не приносятъ, но даже и совсѣмъ не приводятъ по многу лѣтъ,—а сами матери не берутъ очистительной молитвы; посты не соблюдаются,—точно круглый годъ сплошная недѣля; молитвы предъ праздникомъ Рождества Христова и Пасхою, молитвы на освященіе дома, на освященіе полей и др.—совершенно забыты; въ церковь не только ничего не приносятъ—вродѣ свѣчей, елея, просфоръ, вина,—но и сами совсѣмъ не ходятъ, а если и приходятъ, то приходятъ съ цѣлью не столько молиться, сколько развлечься, а затѣмъ—осудить и смиренныхъ пастырей, и чтеніе и пѣніе, и немногихъ предстоящихъ, но не раздѣляющихъ ихъ мнѣній... Браки церковные замѣнены гражданскими; исповѣдь оставлена, и проч. и проч. Что сказать на все это? Нѣтъ, лучше не отвѣчать, а послѣдовать совѣту Премудраго: не отвѣчай безумному по безумству его.

Третій урокъ,—что и мы всѣ, подобно праведному Симеону и Аннѣ пророчицѣ,—если будемъ жить не по влеченію своихъ страстей и похотей, а по велѣніямъ закона Божія,—если и мы будемъ пребывать въ постѣ, молитвѣ и послушаніи св. церкви, то и мы, какъ бы сперва ни были грѣшны, можемъ постепенно очиститься отъ всякія скверны плоти и духа и сдѣлаться способными духовно зрѣть своего Владыку и Господа, и—если не въ объятіяхъ внѣшнихъ носить Его, то въ объятіяхъ внутреннихъ: въ сердцѣ своемъ чувствовать Его благодатное присутствіе, ощущать небесную, вслѣдствіе этого, сладость;—будемъ и мы готовы въ такомъ же состояніи мира и спокойствія отойти отъ сей земной жизни—въ будущую, съ какимъ готовъ былъ разстаться праведный Симеонъ.

Братіе христіане! апостолъ Христовъ говоритъ, что, кто въ сей жизни сѣетъ скудостію, тотъ и въ той пожнетъ такожде, а кто сѣетъ въ сей жизни о благословеніи, то и въ той пожнетъ изобильно... Будемъ же сынами свѣта, а не чадами тьмы; будемъ ходить во свѣтѣ, дондеже свѣтъ въ насъ есть, да тьма насъ не иметъ (Іоанна XII, 35)!—(Изъ проповѣдей Николая, епископа алеутскаго и аляскинскаго.)

3. Воцерковленіе.

Въ законѣ Моисеевомъ было постановленіе (Исх. XIII, 2), чтобы всякій младенецъ-первенецъ посвященъ былъ Богу. Поэтому св. Дѣва Марія, по истеченіи 40 дней отъ рожденія Іисуса, принесла Его въ Іерусалимъ, чтобы представить предъ Господа и совершить надъ Нимъ законное освященіе. Это постановленіе закона Моисеева приняла и церковь христіанская. Но у насъ не только первенецъ, но и всякій младенецъ—по примѣру Іисуса Христа — приносится матерію въ храмъ и посвящается на служеніе Богу. Это посвященіе называется воцерковленіемъ и совершается слѣдующимъ образомъ: въ сороковой день родившая женщина приходитъ съ младенцемъ въ храмъ. Здѣсь священникъ читаетъ молитвы и проситъ Господа, чтобы Онъ очистилъ родившую женщину отъ всякаго грѣха и отъ всякія скверны, и сподобилъ ее входа въ храмъ славы Своея и содѣлалъ достойною причаститися св. таинъ; потомъ священникъ проситъ Господа, чтобы Онъ родившагося младенца благословилъ, возрастилъ, освятилъ, вразумилъ и присоединилъ къ святому Своему стаду (треб. мол. въ 40 д.). По прочтеніи молитвъ священникъ беретъ младенца на руки и, начертывая имъ образъ креста, произноситъ: „воцерковляется рабъ Божій (имя) во имя Отца и Сына и Св. Духа“; произноситъ это трижды, подходя ближе и ближе къ дверямъ св. алтаря. И если младенецъ мужескаго пола,—вноситъ его во св. алтарь и обноситъ кругомъ престола (Нов. скр. ч. 4, гл. 3, § 4), а если младенецъ женскаго пола, то подноситъ къ царскимъ вратамъ и полагаетъ его близъ оныхъ, или, какъ обыкновенно, отдаетъ на руки матери (Уст. Ник.), читая молитву Симеона Богопріимца: „нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко“... Все это совершается на глазахъ матери, чтобы она знала, какъ должно заботиться о воспитаніи своего дитяти, посвященнаго Богу. Этотъ обрядъ воцерковленія совершался и надъ каждымъ изъ насъ, благочестивые читатели! И насъ въ младенческихъ пеленахъ приносили въ церковь, вносили въ святилище храма. Для чего же это дѣлали надъ нами? Для того, чтобы съ младенчества и до конца жизни мы служили своему Господу, какъ вѣрные рабы Его. Для того насъ воцерковляли, чтобы мы отнюдь не отлучались отъ церкви и при каждой возможности посѣщали храмъ Божій, какъ родное мѣсто, гдѣ мы духовно родились и освятились. Этого требуетъ обязанность христіанская. Ибо если мы сдѣлались сынами церкви, то какъ удаляться отъ нея, матери нашей? Если мы присоединились къ стаду овецъ Христовыхъ, то какъ же удаляться отъ двора, гдѣ оно охраняется отъ расхищенія? Какъ отлучаться отъ пажити, гдѣ пасется стадо это? Дворъ есть церковь, гдѣ собираются христіане, пажить—слово Божіе и таинства, которыми питаются наши души. Какъ животныя не могутъ жить безъ пищи, такъ и души наши не могутъ жить безъ благодатныхъ таинствъ. А гдѣ совершаются и преподаются спасительныя таинства? Гдѣ проповѣдуется слово Божіе? Въ храмѣ! Здѣсь, въ храмѣ, возносится хвала Богу, здѣсь прославляются Св. Дѣва Богородица и всѣ святые, здѣсь представляются образцы жизни благочестной. Здѣсь получаемъ исцѣленіе душевныхъ и тѣлесныхъ недуговъ, получаемъ утѣшеніе въ скорбяхъ и несчастіяхъ. Нигдѣ нельзя получить такого облегченія, какъ въ храмѣ!

Недаромъ псалмопѣвецъ Давидъ не однажды восклицаетъ: „Господи! возлюбилъ я обитель дома Твоего и мѣсто жилища славы Твоея“ (Пс. XXѴ, 8); „Обиліе радостей предъ лицемъ Твоимъ (XѴ, 11), подъ кровомъ крилъ Твоихъ я покоенъ“ (LX, 5). И вѣрно! что можетъ быть отраднѣе для сердца и спасительнѣе для души, какъ не усердная и частая молитва въ храмѣ Божіемъ?! А потому, какъ неразумно поступаютъ тѣ, которые отдѣляются отъ православной церкви или рѣдко ходятъ въ храмъ Божіей! Оставлять церковь—не желать себѣ счастія и спасенія: „кромѣ церкви Божія, нигдѣ же нѣсть спасенія... иже нынѣ въ церкви святѣй не будутъ, тіи въ озеро оное огненное ввержены будутъ“. (Бол. кат., л. 121 об. и 122). Отлучаться отъ церкви—значитъ отлучать себя отъ благословеннаго стада Христова, удаляться отъ Самого Христа.

Возлюбленные читатели! Вы всѣ присоединены къ стаду Христову, помните же всѣ свои обязанности. Любите и чтите Господа, посѣщайте чаще съ усердіемъ храмъ Божій, какъ училище духовное, какъ тихую пристань, дающую спасеніе всѣмъ вѣрнымъ, обуреваемымъ волнами житейскаго моря. Здѣсь вы найдете неизреченное богатство милостей Божіихъ. Уклоняйтесь отъ дурныхъ поступковъ, омрачающихъ званіе христіанина. Помните всегда, для чего вы сочетались со Христомъ и соединились съ Его св. церковію,—для того, чтобы, поживши цѣломудренно, и праведно, и благочестно въ нынѣшнемъ вѣцѣ, вы могли предстать чистыми и неповинными въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія (Рим. II, 5). (См. Христ. бесѣд., прилож. къ журн. „Пастыр. собес.“, 1899 г., № 1).

4. Противъ страха смерти.

Индійскій царь Авениръ, до принятія крещенія злой гонитель христіанъ, однажды издалъ повелѣніе, чтобы всѣ жившіе въ его царствѣ иноки въ продолженіе трехъ дней непремѣнно оставили его страну и искали себѣ убѣжище, гдѣ знаютъ; тѣмъ же, которые не исполнятъ его повелѣнія, угрожалъ смертію.

Вскорѣ послѣ этого, во время поѣздки на охоту Авениру пришлось встрѣтиться съ двумя иноками. Увидя ихъ, царь пришелъ въ сильное раздраженіе и съ гнѣвомъ сказалъ имъ: „что же? развѣ вы не знаете, что въ три дня вы всѣ должны были оставить мою страну?“—Знаемъ, отвѣчали иноки, и вышли изъ твоей страны; а что нынѣ проходимъ ею, то это для того, чтобы доставить пищу оставшимся здѣсь братьямъ. „Да какая же имъ пища нужна,— вскричалъ царь, когда они осуждены на смерть? Развѣ вы не знаете, что всѣ приговоренные къ смерти находятся въ ужасѣ и печали и не требуютъ пищи?“ — Нѣтъ, царь, не всѣ осужденные на смерть въ страхѣ и печали находятся, — отвѣчали иноки; ужасаются смерти только тѣ изъ нихъ, которые ничего хорошаго не ожидаютъ для себя въ жизни будущей, и къ земнымъ благамъ настолько привязаны, что съ величайшимъ трудомъ разстаются съ ними, — мы же, оставивши этотъ міръ и все, что въ немъ, и проходя ради Христа узкій и прискорбный путь, смерти не боимся, потому что любовь имѣемъ лишь къ небесному, и смерть весьма желательна для насъ, какъ скорѣйшее прехожденіе къ жизни лучшей и вѣчной.— „Но, однако, — сказалъ царь, вы вышли изъ моей страны, значитъ, на самомъ дѣлѣ боитесь смерти“. — Нѣтъ, царь, не ради страха смерти мы вышли изъ твоей страны, — отвѣчали иноки, а ради жалости къ тебѣ, чтобы не подвергнуть тебя за умерщвленіе насъ вящшему осужденію. А ужъ если нашей смерти непремѣнно желаешь, то опять повторяемъ тебѣ, что она для насъ не страшна.

Слыша это, Авениръ еще болѣе разгнѣвался и тотчасъ повелѣлъ предать иноковъ злой смерти — сжечь. „И тако, заключаетъ сказаніе, смерть пріяша Христовы угодники огнемъ и мученическій подвигъ и вѣнцы получиша“.

Итакъ, вотъ каково средство не бояться смерти! „Оно состоитъ въ томъ, чтобы не привязываться въ продолженіе жизни къ земнымъ благамъ, любить всѣмъ сердцемъ Господа Іисуса и постоянно размышлять о томъ блаженствѣ, которое уготовалъ Богъ любящимъ Его“.

„Не бойся смерти, — говоритъ святитель Димитрій ростовскій, но готовься къ ней, проводя святую жизнь; если будешь готовъ къ смерти, не убоишься смерти; если возлюбишь всѣмъ сердцемъ

Господа, то самъ впередъ пожелаешь ее". (Сост. по кн. „Поученія по рук. пролога", свящ. Гурьева, и твор. св. Димитрія рост.).

5. О приготовленіи къ смерти.

I. „Смерть, — говоритъ святитель Тихонъ, невидимою дорогою за всякимъ ходитъ и восхищаетъ человѣка, когда не чаетъ, и гдѣ не чаетъ, и какъ не чаетъ. Что, когда она и къ тебѣ придетъ, и безъ голоса возгласитъ тебѣ: иди, человѣче, Господь Вседержитель зоветъ тебя, грѣшная душа!.. Богъ обѣщалъ намъ благодать Свою и милость, но завтрашняго дня не обѣщалъ". „Буди убо разуменъ и мудръ, и заблаговременно къ часу тому (т.-е. смертному) покаяніемъ и сокрушеніемъ сердца приготовляйся". („Изъ твор. свят. Тихона задонск.").

II. Св. Ефремъ Сиринъ говоритъ: „надобно намъ приложить все попеченіе и всю заботу о своемъ исшествіи, и заготовить добродѣтели, которыя будутъ сопровождать насъ изъ этой жизни и заступаться за насъ въ часъ нужды". („Тв. св. от." 1850 г. стр. 77).

III. „Пока мы находимся въ настоящей жизни, учитъ св. Іоаннъ Златоустъ, для насъ еще возможно избѣжать наказанія чрезъ исправленіе себя. А когда отойдемъ въ жизнь другую, напрасно уже будемъ оплакивать грѣхи свои". (Злат. на пс. 9).

А готовимся ли мы къ смерти? Весьма мало. То ли назвать приготовленіемъ къ смерти, что мы алчемъ награды за наградою, строимъ зданія за зданіями, переходимъ отъ удовольствія и забавы къ новымъ удовольствіямъ и забавамъ? Ты прожилъ, напримѣръ, уже болѣе полвѣка: самъ чувствуешь, что давно за полдень, недалекъ вечеръ, въ виду ночь: скажи же, что приготовилъ ты для подземнаго ночлега? И такое невниманіе къ смерти у самыхъ престарѣлыхъ. Что же сказать о людяхъ въ мужескомъ возрастѣ? Что сказать о юношахъ? Вы произвели бы на ихъ устахъ улыбку, напомнивъ о необходимости приготовляться къ смерти: между тѣмъ сколько юношей нисходитъ каждый годъ въ могилу!

Ахъ, какъ опасно для насъ забывать о смерти! Праматерь наша Ева на одну минуту забыла о семъ, лишь на мгновеніе вняла лукавому совѣту діавола: *не смертію умрете* (Быт. 3—4), какъ лишилась блаженной райской жизни и подвергла себя и весь родъ человѣческій смерти тѣлесной. Что же будетъ съ тѣми кои совсѣмъ не помнятъ о смерти, кои всю жизнь проводятъ только въ чувственныхъ удовольствіяхъ? О, эти люди, вмѣсто страха отъ одной мысли о смерти, которой они такъ убѣгали, встрѣтятся внезапно и неизбѣжно съ ужасами дѣйствительной смерти, не тѣлесной, временной, но духовной, вѣчной, *идѣже червь ихъ не умираетъ и огнь не угасаетъ* (Марк. IX, 44).

Господи! избавь насъ отъ такой безпечности, *даждь намъ память смертную,* дабы мы не ослѣплялись временными благами, а стремились бы къ вѣчнымъ! (Прот. Г. Дьяченко).

Мартъ мѣсяцъ.

25-й ДЕНЬ.

БЛАГОВѢЩЕНІЕ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Еванг. отъ Лук., зач. 3-е, гл. I, 24—38 ст..

1. Повѣствованіе о благовѣщеніи Пресвятой Богородицы.

Когда, по свидѣтельству святого Евода, совершился одиннадцатый годъ пребыванія св. Дѣвы Маріи во храмѣ, а по свидѣтельству Георгія Кедрина исполнилось Ей 14 лѣтъ, архіерей и священники приказывали Ей, чтобы, переселясь изъ храма въ домъ, Она, по обычаю законному, подобно другимъ дѣвицамъ однѣхъ съ Нею лѣтъ, вышла замужъ. Но Пресвятая отвѣчала имъ, что Она еще отъ пеленъ отдана Богу Своими родителями, и обѣщалась Ему сохранить навсегда дѣвство Свое, а потому и невозможно Ей соединиться съ человѣкомъ смертнымъ, когда Она уже обѣщана безсмертному Богу, и ничто въ свѣтѣ не принудитъ Ее вступить въ обыкновенное состояніе брачное. Архіереи удивились новости такого обѣта, ибо не было еще на землѣ дѣвицы, обѣщавшей Богу сохранить свое дѣвство. И вотъ, явилась Она первая. Они стали совѣтоваться между собою, какъ въ этомъ случаѣ поступить. Не хотѣли они пускать Ее болѣе въ храмъ Господень за внутреннюю завѣсу, а между тѣмъ и не смѣли обручить обѣщавшуюся Богу, и потому были въ большомъ недоумѣніи, съ одной стороны боясь прогнѣвать Господа, съ другой, не вѣдая: какъ приличнѣе устроить дѣвическую жизнь Ея согласно съ волею Божіею.

И вотъ, священники предъ кивотомъ завѣта усердно молились Богу (какъ повѣствуетъ Іеронимъ), прося Его назнаменовать достойнаго мужа, которому, подъ видомъ супружества, могла быть отдана Дѣва для сохраненія Ея дѣвства. И Господь, услышавъ молитву ихъ, повелѣлъ имъ избрать изъ дома и племени Давидова безбрачныхъ мужей, положить жезлы ихъ на алтарь и потомъ отдать Дѣвицу тому изъ нихъ, чей жезлъ расцвѣтетъ. Въ самое то время наступилъ *праздникъ освященія храма*, установленный Маккавеями (его начинали праздновать въ 25-й день ноября и оканчивали декабря 3-го). На этотъ праздникъ изъ окрестныхъ городовъ множество народа собралось въ церковь. Святитель Захарія собралъ двѣнадцать безбрачныхъ мужей изъ племени Давидова, между которыми находился и святой Іосифъ, мужъ праведный и уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Тутъ взялъ Захарія жезлы тѣхъ мужей и положилъ на ночь на алтарь, сказавъ: „Господи Боже! яви мужа, достойнаго обручиться съ Дѣвою!“ На другой день, поутру, когда вошли священники въ церковь съ двѣнадцатью мужами, увидѣли что *жезлъ Іосифа расцвѣлъ*, и на немъ сидѣла голубица, какъ о томъ пишетъ блаж. Іеронимъ. Тогда всѣ узнали благоизволеніе Божіе, чтобъ Дѣва вручена была на сохраненіе Іосифу. Другіе утверждаютъ, что Пресвятой Дѣвѣ, весьма печалившейся о семъ обрученіи, было особенное откровеніе, чтобъ не усомнилась итти въ домъ Іосифа, мужа праведнаго, Ея сродника и обручника. Всевышній промыслъ устроилъ такъ, что богоугодный мужъ Іосифъ взялъ къ себѣ св. Дѣву изъ рукъ архіерея и священниковъ не на обычное супружество, но на соблюденіе Ея чистоты безсупружней. Итакъ мужъ по имени, на самомъ дѣлѣ былъ хранителемъ и служителемъ дѣвства и высокой святости пренепорочной Отроковицы.

Пресвятая Дѣва, живя въ домѣ Своего обручника, не измѣнила прежняго образа жизни, какой имѣла Она во святая святыхъ. Она непрестанно упражнялась въ богомысліи, молитвѣ, чтеніи божественныхъ книгъ и въ обыкновенномъ женскомъ рукодѣльѣ. Домъ Іосифа былъ для Нея храмъ молитвенный. Никуда не выходя, Она пребывала въ уединеніи, постѣ и молчаніи, бесѣдуя только съ дочерьми Іосифа. Послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія св. Дѣвы въ домѣ Іосифа, наступилъ часъ воплощенія Бога-Слова, часъ, ожидаемый вѣками и вожделѣнный для всего міра, часъ, въ который началось наше спасеніе. И Богъ послалъ единаго изъ духовъ небесныхъ, предстоящихъ у престола Его, архангела Гавріила, съ повѣщеніемъ таинства, сокровеннаго отъ вѣка и невѣдомаго самимъ ангеламъ. Онъ послалъ его возвѣстить Пречистой Дѣвѣ дивное Сына Божія зачатіе, превосходящее всякое разумѣніе и естество человѣческое.

Въ то самое время, когда пришелъ къ Дѣвѣ небесный вѣстникъ, Она, какъ думаютъ учители церкви, размышляла о словахъ пророка Исаіи: „се Дѣва зачнетъ во чревѣ“. Какимъ же образомъ, и когда сбудется это странное и необыкновенное дѣвическому естеству зачатіе и рожденіе?

И во время этихъ размышленій, вдругъ тихо предсталъ предъ Ней благовѣститель архангелъ Гавріилъ и привѣтствовалъ Ее словами: радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою!

Услышавши привѣтствіе ангела, Дѣва смутилась отъ словъ его и Сама съ Собою размышляла: „что бы это было за привѣтствіе?“

Тогда ангелъ сказалъ Ей: „не бойся Марія!“ Не сомнѣвайся болѣе о томъ, что о Дѣвѣ предрекъ Исаія. Ты Самая та истинная Дѣва, Которая обрѣла благодать, чтобъ зачать безсѣменно Еммануила и родить Его неизреченно, какъ Онъ Самъ то вѣдаетъ. Ты обрѣла благодать Божію многими добродѣтелями, и родишь Сына, не простого смертнаго, но Божественнаго, Сына Вышняго, Бога отъ Бога, прежде вѣковъ отъ Отца безъ матери рожденнаго, отъ Тебя же, Дѣвы-Матери, безъ отца произойти имѣющаго. Его имя будетъ чудное, неизреченное: Ты назовешь Его Іисусомъ, что значитъ: *Спаситель*, ибо Онъ спасетъ весь міръ, и царство Его, безъ сравненія, славнѣе будетъ царства праотца Давида и всѣхъ прежде бывшихъ царей изъ дома Іакова. Но царство Его не будетъ временное, а вѣчное, нескончаемое.

Марія сказала ангелу: „какъ будетъ сіе, когда Я мужа не знаю?“ И ангелъ открылъ Ей, что сіе зачатіе будетъ не по естеству человѣческому, но сверхъестественно; ибо тамъ, гдѣ *Богъ* захочетъ, побѣждается законъ естества. Онъ сказалъ Ей, что зачатіе сіе будетъ по дѣйствію Святаго Духа: „Духъ Святый найдетъ на Тя, и сила Вышняго осѣнитъ Тя!“

Услышавъ отъ ангела сіе благовѣстіе, Пречистая преклонилась подъ волю Господа Своего. Съ глубочайшимъ смиреніемъ и отъ сердца, любящаго Бога, отвѣчала Она: „се раба Господня! да будетъ Мнѣ по глаголу твоему“. И въ то мгновеніе, дѣйствіемъ Святаго Духа, совершилось въ утробѣ Ея несказанное зачатіе безъ услажденія плотскаго, но не безъ восторга духовнаго.

Ангелъ, окончивъ по повелѣнію Божію свое благовѣстіе и трепетно, благоговѣйнымъ поклоненіемъ почтивъ Воплощающагося въ дѣвической утробѣ и Дѣву, пріявшую въ Себя Бога, отлетѣлъ къ престолу Господа-Саваоѳа, славя таинство вочеловѣченія Божія со всѣми небесными силами въ радости неизреченной. (Четьи Минеи, 25 марта).

2. Чествованіе въ прав. церкви и среди русскаго народа праздника Благовѣщенія пресв. Богородицы.

Благовѣщеніе всѣми христіанами почитается, какъ одинъ изъ торжественныхъ праздниковъ. По словамъ церкви, „событіе Благовѣщенія есть главизна нашего спасенія, явленіе таинства отъ вѣка предопредѣленнаго, исполненіе благословенія, даннаго Богомъ Аврааму, Исааку, Іакову, Давиду“. Въ настоящій день *Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Іоан. I, 14), Богъ соединился съ человѣками, и всѣ прообразованія и пророчества ветхозавѣтныя объ этомъ благодатномъ и обѣтованномъ событіи, въ Лицѣ Пресвятой Дѣвы Маріи, исполнились (Дни Богосл. Дебольскаго). По глубокой вѣрѣ своей въ величіе событія, многіе христіане, въ утро Благовѣщенія, наблюдаютъ за восходомъ солнца и увѣряютъ, что и солнце „играетъ“, торжествуетъ при восходѣ своемъ въ этотъ день. Хотя 25 марта, большею частію, приходится встрѣчать въ великій постъ, но торжество богослуженія не оставляется, напротивъ, въ этотъ день ослабляется постъ. Литургія совершается Златоустаго. Празднованіе Благовѣщенія не оставляется даже и тогда, когда 25 марта бываетъ на Пасху. Всенощное бдѣніе начинается великимъ повечеріемъ, какъ на Рождество Христово и Крещеніе, и поется — „съ нами Богъ. Разумѣйте языцы и покоряйтеся: яко съ нами Богъ“. На полiелеѣ — величаніе: „Архангельскій гласъ вопіемъ Ти, Чистая: радуйся, благодатная, Господь съ Тобою“. Тропарь: „Днесь спасенія нашего главизна, и еже отъ вѣка таинства явленіе: Сынъ Божій Сынъ Дѣвы бываетъ, и Гавріилъ благодать благовѣствуетъ. Тѣмже и мы съ нимъ Богородицѣ возопіимъ: радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою“.

3. Что значитъ Благовѣщеніе и что внушаетъ оно намъ?

Почему нынѣшній день называется днемъ Благовѣщенія? — Очевидно, по какой-либо благой вѣсти для всѣхъ насъ. Что это за вѣсть? Та вѣсть, что къ намъ бѣднымъ на землю нисшелъ нынѣ Единородный Сынъ Божій, вѣчное Слово, Коимъ сотворено и держится въ бытіи все видимое и невидимое; — нисшелъ до того, что облекся естествомъ нашимъ, содѣлался во всемъ, кромѣ грѣха, подобнымъ намъ человѣкомъ, и это не на время только какое-либо, малое или великое, а на всю вѣчность.

Та вѣсть, что сей воплотившійся Сынъ Божій содѣлаетъ для нашего спасенія все, что нужно: озаритъ насъ свѣтомъ истины и укажетъ путь къ жизни вѣчной, воспріиметъ на Себя грѣхи наши и загладитъ ихъ Своими страданіями, низойдетъ во гробъ и воскресеніемъ Своимъ разсѣетъ для насъ мракъ гроба и страхъ смерти; подастъ намъ Духа Святаго и съ Нимъ всю полноту даровъ благодатныхъ, да, очистившись отъ всякія скверны, содѣлаемся способными къ сожитію на небѣ съ ангелами.

Та вѣсть, что мы, посредствомъ сего безпримѣрнаго снисхожденія къ намъ и соединенія съ нами Сына Божія, изъ враговъ Богу сдѣлались близкими и опять Своими Богу, изъ изгнанниковъ рая, пришельцевъ земли, наслѣдниками неба и благъ вѣчныхъ.

Видите, сколько радости и надеждъ принесъ намъ день настоящій.

Достойно убо и праведно именуется день настоящій днемъ Благовѣщенія, достойно и праведно небо и земля призываются нынѣ къ радости и прославленію Господа: ибо небо и земля дѣйствительно участвуютъ въ Его милосердіи и торжествѣ нашемъ.

Но, радуяся и прославляя Господа за великую безпредѣльную милость Его, не забудемъ, что благая вѣсть тогда бываетъ совершенно дѣйствительна и достигаетъ своей цѣли, когда, получивъ ее, сообразуются съ нею и дѣйствуютъ именно такъ, какъ того требуетъ существо ея.

Сколько ни увѣдомляйте блуждающаго по чуждымъ домамъ и странамъ сына, что онъ прощенъ отцомъ, но если сей сынъ не оставитъ своего блужданія, не пойдетъ къ отцу, то благая вѣсть останется безъ дѣйствія и не облаженствуетъ его.

То же и съ благою вѣстію, намъ принесенною. Все — и сошествіе на землю Сына Божія, и Его вочеловѣченіе ради насъ, и Его смерть, и воскресеніе за насъ, все сіе останется втунѣ, если мы не оставимъ грѣховной жизни и не начнемъ вести себя, какъ требуетъ новое, великое и святое предназначеніе наше. Въ такомъ случаѣ, христіане истинные, слѣдуя за нисшедшимъ съ неба Спасителемъ и творя Его волю, примутъ все, что Онъ принесъ и стяжалъ для нихъ, достигнутъ благъ вѣчныхъ и вселятся съ Нимъ въ царствіи Отца Его; а нерадящіе о своемъ спасеніи, не послѣдующіе заповѣдямъ и стопамъ Его, продолжающіе ходить по дебрямъ грѣха и похотей, и съ благою вѣстію, Имъ принесенною, какъ ни къ чему неспособные, останутся во грѣхахъ своихъ, и явятся подъ конецъ, яко ничтоже имуще.

Не остановимся же, подобно малымъ дѣтямъ, на благой вѣсти о нашемъ спасеніи; постараемся узнать, чего она отъ насъ требуетъ и что намъ должно дѣлать для нашего спасенія; исполнимъ потомъ все требуемое, дабы такимъ образомъ благая вѣсть обратилась въ благое дѣло: тогда, — и только тогда, — день сей для насъ воистину будетъ днемъ благовѣщенія, еже да сбудется надъ всѣми нами благодатію Господнею! (Сост. по проп. Иннок., арх. херс. т. 2).

4. Назаретъ.

Когда поднимешься на одну изъ близкихъ къ Назарету горныхъ высотъ, вдругъ открывается видъ на весь скромный Назаретъ; это въ настоящее время небольшой городокъ, съ 5,000 жителей— арабовъ, изъ коихъ 2,000 православныхъ, а остальные католики, протестанты и магометане; расположенъ въ нагорной лощинѣ, между двумя хребтами известковыхъ горъ, отличается здоровымъ климатомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ праведнаго Іосифа, въ коемъ совершилось Благовѣщеніе, устроенъ католическій монастырь. Отъ святого дома сего сохранились три небольшія комнаты, одна надъ другою, въ видѣ пещеръ, вырытыхъ въ природной, каменной скалѣ. Все это скромное жилище святѣйшаго семейства заключено теперь въ стѣнахъ красиваго католическаго храма, главный алтарь коего значительно возвышенъ; подъ нимъ, въ нижней природной пещерѣ, гдѣ было жилище Пресвятой Богородицы, устроенъ католическій же храмъ, въ который спускаются по мраморнымъ ступенямъ. Подъ престоломъ сего храма изображенъ мраморный кругъ съ крестомъ, означающій то мѣсто, гдѣ стояла Пресвятая Дѣва во время архангельскаго благовѣстія; вокругъ надпись на латинскомъ языкѣ: *И Слово плоть бысть*; нѣсколько дорогихъ лампадъ неугасимо горятъ, озаряя это святое мѣсто. А гдѣ предсталъ Дѣвѣ небесный вѣстникъ — архангелъ Гавріилъ, то мѣсто обозначено мраморною колонною, средина которой выпилена. Преданіе говоритъ, что ее выпилили невѣрные, думая найти въ этой колоннѣ скрытое сокровище, и за дерзость свою были поражены слѣпотою. Съ глубокимъ благоговѣніемъ поклоняются вѣрующіе святѣйшему сему мѣсту, падаютъ ницъ и, лобызая какъ бы живые слѣды стоявшей здѣсь Честнѣйшей херувимъ и Славнѣйшей серафимъ Пресвятой Дѣвы и небеснаго вѣстника, приносятъ небесной Заступницѣ нашей изъ глубины сердечной архангельское привѣтствіе: „радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою!“ — Изъ нижней комнаты или пещеры, гдѣ было Благовѣщеніе, съ правой стороны входятъ по каменной лѣстницѣ въ верхнія двѣ комнаты, которыя сохраняются въ первобытномъ своемъ видѣ. Въ первой изъ нихъ, по преданію, Богоматерь воспитывала Господа Іисуса Младенца: углубленіе вь стѣнѣ, гдѣ теперь престолъ, служило для Него колыбелью. Благоговѣйно поклонившись сему святому мѣсту, входятъ во вторую комнату, тоже изъ природнаго гранита; тутъ жилъ святой праведный Іосифъ — хранитель Богоматери и Ея Божественннаго Сына. Въ этомъ-то убогомъ жилищѣ мирно протекала жизнь Господа нашего до 30-лѣтняго Его возраста, здѣсь Онъ провелъ Свое дѣтство и юность, здѣсь Онъ возрасталъ и духомъ и тѣломъ, въ повиновеніи Своей святой Матери и мнимому отцу — древодѣлу Іосифу. Нѣсколько дальше монастыря Благовѣщенія указываютъ мѣсто плотничной мастерской святого Іосифа; здѣсь Спаситель Отрокъ помогалъ въ работѣ плотничной Своему воспитателю; здѣсь же продолжалъ Онъ и Самъ трудиться по кончинѣ мнимаго отца Своего, для пропитанія Своей Божественной Матери. Потому-то, конечно, и называли Его іудеи плотникомъ (Марк. VI, 3).

Отъ Назарета въ разстояніи $1^{1}/_{2}$ часа ходу находится та гора, съ коей хотѣли озлобленные іудеи сбросить Господа, обличавшаго ихъ лицемѣріе; указываютъ и самое то мѣсто, куда іудеи привели Господа, дабы низринуть Его — небольшая площадка, обнесенная нынѣ камнями; внизу подъ площадкою страшная пропасть, съ выдающимися обрывистыми утесами. *И воставше,* повѣствуетъ святой евангелистъ, *изгнаша Его вонъ изъ града, и ведоша Его до верху горы, на нейже градъ ихъ созданъ бяше, да быша Его низринули.* Но еще не насталъ часъ страданій Его, а потому и не могли ничего сдѣлать съ Нимъ злобные враги Его: *Онъ же прошедъ посредѣ ихъ идяше* (Лук. IV, 29—30).

Близъ Назарета устроена очень хорошая и довольно большая арабско-греческая церковь, посвященная имени Пречистой Дѣвы Богоматери; въ лѣвой сторонѣ церкви, въ углубленіи, находится источникъ, изъ коего Пречистая Дѣва Марія почерпала воду: это мѣсто обложено бѣлымъ мраморомъ и вообще прекрасно устроено, въ видѣ придѣла. Предъ иконой Благовѣщенія горятъ непрестанно лампады и свѣчи, а внизу сдѣлано отверстіе, съ опускающеюся въ него кружкою, для почерпанія воды, которую поклонники съ благоговѣніемъ пьютъ и умываются ею, съ молитвою къ Благодатной Маріи, почерпавшей воду изъ сего источника. Какія скромныя, но глубоко умиляющія душу воспоминанія!.. (См. „Троицк. листокъ“ № 112).

5. Дивное видѣніе инока Ѳеофана.

Старецъ, великій предъ Богомъ, именемъ Киріакъ, жилъ въ лаврѣ Каламонской, около священнаго Іордана. Однажды пришелъ къ нему братъ чужестранецъ, по имени Ѳеофанъ, спросить старца о блудныхъ помыслахъ. Старецъ началъ наставлять его рѣчами о цѣломудріи и чистотѣ. Братъ, получивъ отъ этихъ наставленій великую пользу, воскликнулъ: „отецъ мой, въ моей стронѣ я нахожусь въ общеніи съ несторіанами. Не будь этого—я бы остался навсегда съ тобой!“ Услышавъ имя Несторія,[1] старецъ глубоко опечалился о погибели брата и сталъ убѣждать его и молить, чтобы онъ оставилъ эту пагубную ересь и присоединился ко святой каѳолической и апостольской церкви.

— Невозможно спастись, если не будешь право мыслить и вѣровать, что пресвятая Дѣва Марія есть истинная Богородица.

— Отче, возражалъ братъ, да вѣдь всѣ ереси говорятъ точно такъ же: если не будешь въ общеніи съ нами, не получишь спасенія. Не знаю, несчастный, какъ мнѣ и поступить. Помолись Господу, чтобы Онъ явно показалъ мнѣ, какая вѣра истинная.

Старецъ радостно выслушалъ слова брата.

— Оставайся въ моей кельи, сказалъ онъ. Я имѣю упованіе на Бога, что Онъ, по Своему милосердію, откроетъ тебѣ истину.

И оставивъ брата въ своей пещерѣ, старецъ отправился къ Мертвому морю и сталъ молиться о братѣ. И точно, на другой день, около девятаго часа, братъ видитъ, что кто-то явился къ нему, страшный по виду, и говоритъ: „поди и познай истину!“ И взявъ его, ведетъ въ мѣсто мрачное, смрадное и испускающее пламя и показываетъ ему въ пламени Несторія и Ѳеодора[2]), Евтихія[3]), Арія[4]) и другихъ. И говоритъ явившійся брату: „вотъ это мѣсто уготовано еретикамъ и тѣмъ, кто нечестиво учитъ о пресвятой Богородицѣ, равно какъ и тѣмъ, кто слѣдуетъ ихъ ученію. Если тебѣ нравится это мѣсто, оставайся при своемъ ученіи. Если же не желаешь вкусить такого наказанія, обратись къ св. каѳолической церкви, къ которой принадлежитъ и наставлявшій тебя старецъ. Я говорю тебѣ: хотя бы и всѣми добродѣтелями украсился человѣкъ, но, если онъ неправо вѣруетъ, онъ попадетъ въ это мѣсто“. — При этихъ словахъ братъ пришелъ въ себя. Когда старецъ возвратился, братъ разсказалъ ему все, что видѣлъ, и въ скоромъ времени присоединился къ св. каѳолической апостольской церкви. Оставшись въ Каламонѣ при старцѣ, онъ прожилъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ и скончался въ мирѣ. („Лугъ духовный“, блаж. І. Мосха).

---

[1]) Несторій, патріархъ константинопольскій, училъ, что пресв. Дѣву Марію слѣдуетъ именовать не Богородицей, а Христородицей, такъ какъ Она родила не Бога, а простого человѣка, Христа, съ Которымъ Божество только впослѣдствіи нравственно соединилось за Его святую жизнь. Ересь Несторія осуждена на третьемъ Вселенскомъ соборѣ. Лишенный епископскаго сана, Несторій за свое упорство въ лжеученіи былъ сосланъ въ пустынное мѣсто въ Египтѣ и скончался тамъ бѣдственной смертью. Нѣкоторые говорятъ, что языкъ его былъ изъѣденъ червями.

[2]) Ѳеодоръ, епископъ мопсуетскій, сконч. въ V вѣкѣ. Его сочиненія были осуждены за несторіанство на пятомъ Вселенскомъ соборѣ въ 553 году.

[3]) Евтихій, архимандритъ одного монастыря въ Константинополѣ, былъ виновникомъ монофизитской (признававщей въ І. Христѣ не два естества, но лишь одно) ереси.

[4]) Арій, пресвитеръ александрійскій, произвелъ страшную смуту въ христіанскомъ мірѣ своимъ лжеученіемъ о неравенствѣ Сына Божія съ Богомъ Отцомъ. Его ересь была осуждена на первомъ Вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ, въ 325 году.

6. Величіе Божіей Матери и сила ходатайства Ея предъ Богомъ.

Архангелъ Гавріилъ именуетъ Дѣву Марію „благословенною въ женахъ, обрѣтшею благодать у Бога“, тогда какъ всѣ сыны и дщери Евы подлежали еще проклятію. Этой степени величія удостоена Преблагословенная Дѣва за безпримѣрное цѣломудріе, котораго началомъ была пламенная любовь Ея къ Богу, и за высочайшее смиреніе, которымъ превзошла Она всѣхъ земнородныхъ. Степень Ея смиренія указывается самымъ возвышеніемъ Ея отъ Бога, Который возноситъ только смиренныхъ, только имъ даруетъ благодать Свою и только ихъ Богомъ благоволитъ именоваться (Іов. V, 11, Ис. LXVI, 2. Іудиѳ. IX, 11).

Итакъ, достойно и праведно именуется Св. Дѣва благословенною въ женахъ, ибо къ Ней, чрезъ Сына, обращаются обѣтованія Божіи Аврааму и Давиду о сѣмени, о немъ же имѣли благословиться вси языцы земніи. Достойно и праведно ублажаютъ Ее вси роди, какъ единую избранную Богоотроковицу, послужившую тайнѣ соединенія Божества съ человѣчествомъ.

Еще св. пророкъ Давидъ провидѣлъ небесную славу Богоматери, и въ словахъ, „предста Царица одесную Тебе“, выразилъ, что Она и ближняя Божія, превознесенная выше всѣхъ святыхъ ангеловъ, и Царица. Благочестивое преданіе свидѣтельствуетъ, что, когда Богоматерь предстала Престолу Божію, преукрашенная сіяніемъ благодати и добродѣтелей, церковь небесная прежде земной воспѣла Ей пѣснь сію: Достойно есть яко во истину блажити Тя Богородицу, присноблаженную и пренепорочную и Матерь Бога нашего. (Письма съ востока ч. 1, стр. 115. Письма Святогорца ч. 1, стр. 95—166).

Величіе Матери Божіей даетъ разумѣть и о силѣ ходатайства Ея предъ Богомъ за насъ грѣшныхъ, которыхъ усыновилъ Ей Сынъ Ея, почтивъ насъ званіемъ братій. Примѣръ въ Канѣ галилейской и безчисленные опыты прежнихъ и нынѣшнихъ временъ даютъ намъ непререкаемое право на увѣренность въ силѣ ходатайства Ея за насъ предъ Богомъ. Св. церковь, отъ лица испытавшихъ на себѣ благодѣянія Богоматери, называетъ Ее надеждою ненадежныхъ, и такъ повторяетъ благодарственныя ихъ воззванія: „не умолчимъ никогда, Богородице, силы Твоя глаголати недостойніи: аще бо Ты не бы предстояла молящи, кто бы насъ избавилъ отъ толикихъ бѣдъ? Кто же бы сохранилъ до нынѣ свободны? Не отступимъ, Владычице, отъ Тебе; Твоя бо рабы спасаеши присно отъ всякихъ лютыхъ.“

Спасеніе селъ, городовъ и цѣлыхъ царствъ отъ многоразличныхъ бѣдъ ознаменовано было заступленіемъ и чудесами Богоматери. На это указываетъ исторія міра; объ этомъ свидѣтельствуетъ св. церковь. Сыны православной Россіи много знаютъ примѣровъ заступленія Божіей Матери изъ исторіи Россіи. (См. напр. стр. 653—658 нашей книги). И до нынѣ, въ тяжкихъ бѣдахъ общественныхъ и частныхъ, мы обыкновенно призываемъ на помощь заступницу усердную, Матерь Господа Вышняго, Владычицу міра...

Если пророкъ Моисей силенъ былъ своими молитвами отмѣнить уже произнесенный Богомъ приговоръ объ истребленіи іудейскаго народа и измѣнить гнѣвъ Его на милость, то можно ли сомнѣваться въ томъ, чтобы Матерь Божія молитвою Своею не испросила подобной милости грѣшному роду человѣческому! Будемъ же прибѣгать съ молитвами къ Царицѣ небесной, какъ заступницѣ рода человѣческаго (См. кн. „Часы благоговѣйныхъ размышленій“, ч. I).

Апрѣль мѣсяцъ.

23-й ДЕНЬ.

ПАМЯТЬ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ГЕОРГІЯ ПОБѢДОНОСЦА И ЦАРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ.

Еванг. отъ Іоан. зач. 52-е, гл. XV, 17—26 ст.; XVI, 1—2 ст.

1. Прощальная рѣчь І. Христа къ ученикамъ.

На тайной вечерѣ, давая послѣднія наставленія Своимъ апостоламъ, Іисусъ Христосъ указываетъ сущность всѣхъ Своихъ заповѣдей: *сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга.* Затѣмъ Іисусъ предсказываетъ имъ о ненависти міра. „Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ.“ Для нихъ должно быть утѣшеніемъ, что и съ Нимъ не лучше было. Но также имъ должно служить утѣшеніемъ и то, что ненависть міра служитъ свидѣтельствомъ ихъ званія, ихъ образа мыслей, ихъ исповѣданія. Поэтому Іисусъ продолжаетъ: „если бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое: а какъ вы не отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ. Помните слово, которое Я сказалъ вамъ: рабъ не больше господина своего. Если Меня гнали, будутъ гнать и васъ; если Мое слово соблюдали, будутъ соблюдать и ваше. Но все то сдѣлаютъ вамъ за имя Мое, потому что не знаютъ пославшаго Меня.“ Эта ненависть къ Іисусу и Его имени, Его евангелію и Его ученикамъ—великій и тяжелый грѣхъ. Грѣхъ этотъ ничѣмъ не можетъ быть оправданъ, потому что слова и дѣла Іисуса подтверждаютъ божественное Его посланничество. Ненависть къ Нему есть, поэтому, и ненависть къ Богу Отцу. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Господь слѣдующими словами: „если бы Я не пришелъ и не говорилъ имъ, то не имѣли бы грѣха, а теперь не имѣютъ извиненія во грѣхѣ своемъ. Ненавидящій Меня ненавидитъ и Отца Моего.. Если бы Я не творилъ между ними дѣлъ, какихъ никто другой не дѣлалъ, то не имѣли бы грѣха, а теперь и видѣли, и возненавидѣли и Меня и Отца Моего. Но да сбудется слово, написанное въ законѣ ихъ: возненавидѣли Меня напрасно“.

Среди этихъ преслѣдованій, ученики Его должны утѣшаться и ободряться тѣмъ, что они будутъ имѣть всемогущую помощь въ Святомъ Духѣ, котораго Господь пошлетъ имъ: *когда же пріидетъ Утѣшитель, котораго Я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ, Онъ будетъ свидѣтельствовать, о Мнѣ. А также и вы будете свидѣтельствовать, потому что вы сначала со Мною* (Іоан. XV, 17—26). Таково содержаніе нынѣ читаннаго евангелія.

2. Житіе св. великомученика Георгія Побѣдоносца.

Святой Георгій жилъ въ началѣ IV-го столѣтія, при римскомъ императорѣ Діоклитіанѣ. Онъ родился въ Каппадокіи и былъ еще отрокомъ, когда отецъ его пострадалъ и умеръ за имя Христово. Мать его, по смерти мужа, поселилась въ Палестинѣ, гдѣ у нея было большое имѣніе, а молодой Георгій поступилъ на службу въ царское войско. Начальники скоро замѣтили его и полюбили за красоту и мужество, такъ что 20-ти лѣтъ Георгій имѣлъ уже чинъ военнаго трибуна. Около этого времени умерла мать его.

Занимая важную должность въ царскомъ войскѣ, Георгій сдѣлался однимъ изъ приближенныхъ къ царю людей. Діоклитіанъ не зналъ, какую вѣру исповѣдуетъ Георгій. Въ это время изданы были самые строгіе указы противъ христіанъ: велѣно сожигать ихъ книги, разрушать ихъ церкви и самихъ ихъ отдавать на мученіе. Узнавъ о всемъ этомъ, Георгій сталъ готовиться къ смерти. Онъ роздалъ друзьямъ деньги и дорогія вещи, какія у него были, отпустилъ на волю рабовъ своихъ и завѣщалъ бѣднымъ помѣстья и все остальное имущество свое.

Устроивъ такимъ образомъ всѣ житейскія дѣла свои, мужественный юноша отложилъ всякій человѣческій страхъ и явился въ совѣтъ царскій, собранный въ городѣ Никомидіи, гдѣ тогда рѣшалась участь христіанъ. Прибывъ туда, онъ громко сказалъ: „долго ли тебѣ, царь, и вамъ, князья и совѣтники, совершать злыя дѣла подъ предлогомъ закона? Долго ли будете преслѣдовать людей невинныхъ и добродѣтельныхъ, которые никого не обижаютъ, а, напротивъ, подаютъ примѣръ благочестивой жизни? Вы заблуждаетесь, поклоняясь идоламъ. Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ. Познайте истину, или, по крайней мѣрѣ, перестаньте смущать своимъ безуміемъ тѣхъ, которые уразумѣли ее!“

Всѣ удивились неожиданному появленію Георгія и смѣлой рѣчи его; всѣ молчали и ожидали, что скажетъ царь. Но Діоклитіанъ отъ удивленія долго не могъ произнести слова. Наконецъ, онъ далъ знакъ проконсулу Магненцію, чтобы онъ отвѣчалъ Георгію. Магненцій подозвалъ Георгія и спросилъ:

— Что заставило тебя отважиться на такой дерзкій поступокъ?

— Истина, — отвѣчалъ юноша.

— Какая эта истина?

— Истина есть Самъ Христосъ, гонимый вами.

— Неужели и ты христіанинъ? — спросилъ Магненцій.

— Я рабъ Христа Бога моего; въ надеждѣ на Него я пришелъ въ ваше собраніе, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ.

Поднялись крики, брань, и долго нельзя было ничего разслышать. Наконецъ, Діоклитіанъ приказалъ всѣмъ замолчать и заговорилъ самъ.

— Я давно тебя знаю, Георгій, и уважаю твое мужество. Я почтилъ тебя высокимъ саномъ и теперь еще готовъ простить твой дерзкій поступокъ, въ память прежнихъ заслугъ твоихъ. Какъ отецъ, совѣтую тебѣ: не губи своей молодости, не лишай себя нашихъ милостей и сейчасъ же принеси жертву богамъ.

— Царь! — отвѣчалъ Георгій, — лучше ты обратись къ истинному Богу и воздай Ему жертву хвалы. Онъ и тебя сподобитъ небеснаго царства. Земное могущество непостоянно, богатство непрочно; въ немъ не можетъ быть истиннаго счастія. Никакія земныя блага не отвратятъ меня отъ Бога; никакія муки не устрашатъ меня и не поколеблютъ вѣры моей!

Разгнѣванный Діоклитіанъ велѣлъ заключить Георгія въ темницу. Тамъ, по приказанію царя, ему забили ноги въ колодки и положили на грудь тяжелый камень. Но Георгій мужественно переносилъ страданія и благодарилъ Господа.

На слѣдующее утро Діоклитіанъ призвалъ его къ себѣ и спросилъ:

— Раскаялся ли ты, Георгій?

Мученикъ едва могъ говорить, но отвѣчалъ:

— Неужели ты думаешь, царь, что эти ничтожныя страданія отвлекутъ меня отъ вѣры моей? Скорѣе ты устанешь мучить меня, нежели я — терпѣть мученія!

Тогда Діоклитіанъ велѣлъ принести колесо съ острыми ножами и колесовать имъ Георгія. Во время этой страшной пытки юноша не испустилъ ни одного стона. Сначала онъ громко славилъ Бога, потомъ тихо молился и, наконецъ, умолкъ. Всѣ почитали его умершимъ, Діоклитіанъ говорилъ, ругаясь надъ могуществомъ Божіимъ: „гдѣ же Богъ твой, Георгій? Почему Онъ не избавилъ тебя отъ этихъ мукъ?“ Потомъ царь велѣлъ снять съ колеса окровавленное тѣло мученика, а самъ пошелъ во храмъ Аполлона приносить жертву идолу. Только что онъ удалился, какъ раздался громовой ударъ, небесное сіяніе освѣтило всю площадь, и многимъ внятно послышались слова: „не бойся, Георгій! Я съ тобою!“ Мученику явился ангелъ, возложилъ на него руку и исцѣлилъ его раны. Георгій самъ сошелъ съ колеса, славя и благодаря Бога. Изумленные воины поспѣшили въ идольское капище донести царю о случившемся. Вслѣдъ за ними пошелъ самъ Георгій.

Вѣсть о совершившемся чудѣ и внезапное появленіе Георгія въ языческомъ храмѣ произвели ужасное смятеніе. Діоклитіанъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ. Два царскихъ сановника, Анатолій и Протолеонъ, при видѣ здороваго и бодраго мученика, уразумѣли силу Божію и воскликнули: „одинъ только и есть Богъ великій и истинный — Богъ христіанъ!“ Діоклитіанъ приказалъ немедленно казнить ихъ. Многіе другіе также увѣровали, но не смѣли явно исповѣдать Христа. Супруга Діоклитіана, царица Александра, бывшая въ то время въ языческомъ храмѣ, познала истину и хотѣла явно исповѣдать имя Божіе, но ее уговорили возвратиться во дворецъ и скрыли отъ царя обращеніе ея.

Такое проявленіе силы Божіей не вразумило Діоклитіана. Онъ велѣлъ зарыть Георгія въ известковую яму. Георгій помолился, оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и спокойно вошелъ въ яму. Діоклитіанъ чрезъ нѣсколько дней приказалъ вынуть тѣло его и разбросать истлѣвшія кости, но мученикъ оказался живъ и здоровъ. Онъ спокойно молился. и лицо его сіяло небесною радостію. Всѣ видѣвшіе это были въ невыразимомъ удивленіи и славили Георгія.

Царь снова послалъ за нимъ и спрашивалъ, какими чарами онъ сохраняетъ свою жизнь?

Мученикъ отвѣчалъ: „я надѣялся, царь, что послѣ всего, что случилось, ты не дерзнешь больше произносить хулу на истиннаго Бога, Которому все возможно, и Который чудесно избавляетъ уповающихъ на Него. Но если ты называешь чародѣйствомъ явленіе силы Божіей, то мнѣ нечего тебѣ отвѣчать; жалѣю только о слѣпотѣ твоей".

Послѣ этого Діоклитіанъ придумалъ новое мученіе; на Георгія надѣли раскаленную обувь съ гвоздями внутри. Въ этои обуви святого влачили по улицамъ и жестоко били; но среди тяжкихъ страданій онъ повторялъ слова: „иди, Георгій, и достигнешь," и, возносясь мыслію къ Богу, молилъ Его дать ему силу и терпѣніе. „Призри съ неба, Господи! Виждь трудъ мой; услышь стенанія раба Твоего! Возненавидѣли меня за имя святое Твое! содрогнулась плоть моя; исцѣли меня и дай мнѣ терпѣніе". Такъ молился святой страдалецъ.

Царь, видя твердость мученика, рѣшительно убѣдился, что св. Георгій волшебникъ, и по совѣту приближенныхъ призвалъ волхва Аѳанасія, приказавъ ему или покорить мученика, или отравить его. Волхвъ приготовилъ два ядовитыхъ питья, но святой выпилъ безъ смущенія и остался невредимымъ. Удивленію нечестивыхъ не было границъ. Царь, по совѣту волхва, рѣшился на послѣднее средство: онъ предложилъ св. Георгію воскресить умершаго. Съ Божіею помощью святой сотворилъ и это великое чудо и тѣмъ окончательно посрамилъ язычниковъ. Совершившимся чудомъ были поражены всѣ и особенно Аѳанасій. Онъ припалъ къ ногамъ святого и, исповѣдуя Христа, умолялъ простить ему причиненныя оскорбленія; царь въ изступленіи приказалъ отсѣчь Аѳанасію голову, а св. Георгія держать въ темницѣ.

Многіе посѣщали Георгія въ темницѣ, подкупая для того сторожей, и просили у него наставленій. Георгій говорилъ имъ объ истинномъ Богѣ, увѣщевалъ отстать отъ идолопоклонства, и множество язычниковъ обратилось ко Христу, Приносили также въ темницу больныхъ, которыхъ Георгій исцѣлялъ молитвою.

Приговоренный къ смертной казни, Георгій наканунѣ кончины своей былъ утѣшенъ явленіемъ Спасителя, Который ободрилъ его и обѣщалъ ему блага небесныя. Святой упросилъ темничнаго сторожа допустить къ нему одного стараго слугу своего, который проводилъ дни и ночи у воротъ темницы. Слуга со слезами припалъ къ ногамъ своего господина. Георгій утѣшалъ его, просилъ исполнить завѣщаніе его объ имуществѣ и простился съ нимъ.

Передъ самою казнію Діоклитіанъ, все еще надѣясь склонить Георгія къ отреченію отъ Христа, сталъ предлагать ему богатые дары и высокія почести, если онъ согласится отказаться отъ вѣры своей. Вмѣсто отвѣта Георгій предложилъ ему итти въ храмъ Аполлона. Діоклитіанъ обрадовался, думая, что мученикъ послушался его; но въ идольскомъ храмѣ, среди многочисленнаго собранія, Георгій сталъ доказывать ложь и суету язычества и молитвою сокрушилъ идоловъ. Царица Александра, услышавъ о томъ, что дѣлается въ храмѣ, не захотѣла далѣе скрывать своего обращенія. Она пришла въ храмъ и громко воскликнула: „Боже Георгія, помилуй меня, ибо Ты Богъ истинный и всемогущій!" Съ этими словами она бросилась къ ногамъ мученика.

Разгнѣванный Діоклитіанъ осудилъ жену свою на смерть и велѣлъ вести ее вмѣстѣ съ Георгіемъ къ мѣсту казни. Съ поднятыми къ небу глазами и съ молитвою на устахъ шла царица на казнь. Дорогою, остановившись отъ усталости, она попросила воиновъ, чтобы они позволили ей отдохнуть немного, и, прислонившись къ стѣнѣ, предала душу Богу. Георгій, при видѣ такой тихой кончины, прославилъ Господа и, пришедши на мѣсто казни, спокойно склонилъ голову подъ сѣкиру палача.

Св. великомученикъ Георгій называется побѣдоносцемъ, потому что дважды явился побѣдоносцемъ, такъ какъ онъ не зналъ пораженія во многихъ бояхъ съ врагами императора, наконецъ, побѣдилъ и самого императора, — побѣдилъ сперва свою признательность ему, свою привязанность, свою любовь къ своему благодѣтелю, второму отцу, источнику необычайнаго счастья, свою надежду занять со временемъ римскій тронъ, а съ нимъ и единовластительство надъ вселенною. Это была самая тяжелая побѣда. А за нею перенести всѣ адскія муки—стоило уже немного. Встрѣтить же мученическую за Іисуса Христа смерть уже было даже отрадою.

По кончинѣ св. Георгія любовь христіанскаго міра къ этому великому украшенію прекраснаго мученическаго сонма возрастала, можно сказать, по мѣрѣ того, какъ смерть его уходила назадъ въ глубь вѣковъ. Всѣ скорбящіе, особенно въ грозныхъ воинскихъ столкновеніяхъ, обращались къ побѣдоносцу Георгію. Разсказываютъ о многихъ видѣніяхъ, что великомученикъ, среди сраженій, появлялся на бѣломъ конѣ, поборая по братіяхъ своихъ христіанахъ.

Оттого наши великіе князья приняли въ гербъ свой, великокняжескій, государственный гербъ, изображеніе св. великомученика и побѣдоносца Георгія, всадника на конѣ, который поражаетъ копьемъ, съ крестомъ наверху, дракона. Драконъ—символъ (знакъ) язычества, а драконъ съ вонзеннымъ въ него остріемъ, которое увѣнчано крестомъ,— это древній— (IV — V вѣковъ) — символъ побѣды христіанства надъ язычествомъ.

Изображеніе Георгія принято затѣмъ и въ царскій государственный гербъ, которымъ сталъ гербъ древнихъ римскихъ императоровъ,—двуглавый орелъ. Это соединеніе гербовъ древне-римскаго съ древне-русскимъ великокняжескимъ остается и до сихъ поръ гербомъ Россіи императорской. Оттого мудрая и великая Екатерина II, когда учреждала орденъ въ награду самоотверженной воинской доблести,—учредила знакъ креста съ изображеніемъ именно великомученика Георгія, учредила славный въ Россіи Георгіевскій крестъ.

Всякій изъ русскихъ воиновъ, конечно, горитъ желаніемъ стать въ ряды соратниковъ св. побѣдоносца Георгія. А всѣ, безъ сомнѣнія, должны горѣть желаніемъ подражать ему въ мужествѣ среди сраженій, въ самоотверженномъ исполненіи воинскаго долга, въ христіанской любви ко Христу и братіи, до готовности положить за нихъ душу свою. (Извлеч. въ сокращеніи изъ „Жит. свят.“ Бахметевой и „Поученій“ Никанора, архіеп. херсон. и одес., т. II, стр. 435—8, изд. II).

3. Почему св. великомученикъ Георгій изображается сидящимъ на бѣломъ конѣ и поражающимъ змія?

Святого великомученика Георгія часто изображаютъ сидящимъ на бѣломъ конѣ, поражающимъ копьемъ страшнаго змія. Это основано на слѣдующемъ преданіи.

Разсказываютъ, что недалеко отъ того мѣста, гдѣ былъ похороненъ Георгій, близъ города Берита, у горы Ливана, выходилъ изъ озера страшный змій, который опустошалъ всю окрестность и заражалъ воздухъ смертоноснымъ дыханіемъ своимъ. Жители той страны не знали, куда дѣваться отъ бѣды, и просили совѣта у жрецовъ идольскихъ, ибо были язычники. Жрецы сказали имъ, что каждое семейство должно поочередно отдавать одного изъ дѣтей своихъ на съѣденіе змію. Не видя никакого средства избавиться отъ страшнаго чудовища, жители приняли этотъ совѣтъ, и каждый день новая жертва приводилась къ берегу озера. Очередь дошла до единственной дочери тамошняго царя.

Дѣвица была приведена къ озеру и съ трепетомъ ожидала смерти, какъ вдругъ явился ей великомученикъ Георгій, въ образѣ свѣтлаго юноши, на бѣломъ конѣ и вооруженный копьемъ.

„— О чемъ ты плачешь?“ спросилъ онъ дѣвицу.

„— Добрый юноша“, отвѣчала она,— удались скорѣе, чтобы тебѣ не погибнуть вмѣстѣ со мною“. И дѣвица разсказала юношѣ о зміѣ.

„— Не бойся, дѣвица“, сказалъ онъ ей,—„именемъ Бога истиннаго я избавлю тебя отъ чудовища“.

„— Нѣтъ, добрый воинъ“, возразила она,—„не губи себя. Я уже обречена на смерть, ты не спасешь меня, а только самъ погибнешь“.

Едва она выговорила эти слова, какъ страшное чудовище показалось изъ озера и стало приближаться къ дѣвицѣ. Она громко закричала: „бѣги!“ Но храбрый воинъ Господень, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ и призвавъ въ помощь Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, устремился на чудовище и поразилъ его копьемъ. Потомъ онъ велѣлъ дѣвицѣ снять съ себя поясъ, связать имъ змія и тащить его за собою въ городъ. Такъ и было сдѣлано.

Змій, при великомъ стеченіи народа, былъ преданъ огню. Вслѣдъ за тѣмъ всѣ жители страны приняли христіанскую вѣру.

За эту побѣду надъ чудовищемъ и за мужество среди страшныхъ мученій святой Георгій называется *Побѣдоносцемъ* и почитается защитникомъ воиновъ. Церковь поетъ ему: „яко плѣнныхъ свободитель, и нищихъ защититель, немощствующихъ врачъ, царей поборниче, побѣдоносче великомучениче Георгіе, моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ“.

4. Святой великомученикъ Георгій Побѣдоносецъ, какъ покровитель скотоводства.

Русскіе люди, занимающіеся скотоводствомъ, какъ горожане, такъ и обыватели селъ и деревень, имѣютъ обычай, при наступленіи весны, въ первый разъ собирать въ стада и выгонять на пастбища свой скотъ не ранѣе и не позже, какъ 23 апрѣля, въ день памяти св. великомученика Георгія Побѣдоносца.

Основаніемъ этого обычая служитъ всеобщее на Руси православной вѣрованіе, что св. великомученикъ Георгій есть покровитель скотоводства. На чемъ же основывается это вѣрованіе, или оно—вѣрованіе безотчетное, подобное многимъ другимъ народнымъ вѣрованіямъ, не имѣющимъ для себя никакихъ основаній?

Благочестивое преданіе о св. великомученикѣ Георгіи, между прочимъ, гласитъ то, что во время мученическихъ своихъ подвиговъ онъ, по требованію Діоклитіана, воскресилъ изъ мертвыхъ нѣкоего человѣка.

Когда въ окрестностяхъ Каппадокіи, въ скоромъ времени, сдѣлалось извѣстнымъ это чудо, то въ это время у одного бѣднаго земледѣльца — язычника, по имени Гликерія, случилось такое несчастіе: у него палъ единственный волъ, на которомъ онъ пахалъ землю. Скорбя о своей потерѣ, опасаясь нищеты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣруя отъ всей души, что св. Георгій чудотворецъ, по слухамъ, оказавшій себя милостивымъ и благотворительнымъ ко всѣмъ, искавшимъ его помощи, окажетъ и ему бѣдному какую-либо помощь въ его горѣ, земледѣлецъ пошелъ къ темницѣ св. великомученика и, съ глубокою грустью, заявилъ ему, что у него былъ одинъ только волъ, и—тотъ палъ, и нѣтъ ему возможности землю пахать. Св. чудотворецъ, сочувствуя горю бѣднаго земледѣльца, сказалъ ему: „иди съ радостію, Христосъ мой оживилъ вола твоего“. Земледѣлецъ, возвратившись домой, съ радостію увидѣлъ, что волъ его дѣйствительно живъ.

Это-то чудесное и единственное въ своемъ родѣ событіе, т.-е., возвращеніе св. Георгіемъ жизни павшему волу сказаннаго земледѣльца, и послужило основаніемъ вѣрованія, что св. великомученикъ Георгій, по усерднымъ молитвамъ къ нему владѣльцевъ домашняго скота, покровительствуетъ имъ, т.-е. охраняетъ стада ихъ отъ разныхъ напастей, болѣзней и падежа. А это вѣрованіе, перешедши съ православнаго востока въ Грецію, а изъ Греціи, по принятіи предками нашими христіанской вѣры, въ наше отечество, служило и служитъ у насъ основаніемъ обычая, въ весеннее время, въ первый разъ собирать скотину въ стада и выгонять ее на подножный кормъ 23 апрѣля, въ день памяти св. великомученика и чудотворца Георгія Побѣдоносца, и не иначе, какъ послѣ молитвеннаго обращенія къ нему предъ св. иконою его, обнесенія ея около стадъ, и окропленія ихъ святою водою. („Странникъ“ 1879 г.).

5. Разсказы, показывающіе, что Господь не оставляетъ безъ Своей всесильной помощи св. мучениковъ.

I. Послѣ многихъ тягчайшихъ страданій, мученики Климентъ и Агаѳангелъ преданы были лютѣйшей казни: сперва содрали у нихъ кожу съ плечъ, потомъ положили на желѣзныхъ, разженныхъ доскахъ и поливали горячею сѣрою и смолою. Но мученики, укрѣпляемые свыше, какъ на мягкой постели заснули и въ видѣніи узрѣли І. Христа, пришедшаго со множествомъ ангеловъ, Который сказалъ имъ: *не бойтесь! Азъ есмь съ вами!* („Ч.-М.“ 23 янв.).

II. Св. Ѳеодоръ Тиронъ за то, что сожегъ идольское капище, посаженъ былъ въ темницу. Но здѣсь явился ему Господь и сказалъ: *дерзай, Ѳеодоръ! Азъ бо есмь съ тобою; не пріемли пищи и питія земного, будетъ бо тебѣ животъ иный негибнущій и вѣчный со Мною на небеси* („Ч.-М.“ 19 февр.).

III. Св. сорокъ мучениковъ были воины и за то, что не захотѣли принести жертвы идоламъ, посажены были въ темницу; но здѣсь въ полночь явился имъ Господь и сказалъ: *добръ есть начатокъ изволенія вашего; но претерпѣвый до конца той спасенъ будетъ*. Эти мученики выведены были изъ темницы, но не для свободы, а для испытанія новыхъ мученій; приказано было бросать въ лица ихъ каменья. Но Провидѣнію угодно было направить удары камней такъ, что слуги вмѣсто мучениковъ побивали ими себя самихъ и даже, когда самъ воевода хотѣлъ бросить камень на одного изъ нихъ, вмѣсто его ударилъ въ лицо одного вельможу, стоявшаго близъ него. Въ сильной злобѣ и досадѣ тотъ же воевода приказалъ снова заключить мучениковъ въ темницу, но здѣсь опять, явившись имъ, І. Христосъ сказалъ: *вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ, дерзайте и не бойтесь мукъ маловременныхъ, вскорѣ бо прейдутъ; мало потерпите, законно постраждете, да вѣнцы пріимете* („Ч.-М.“ 9 марта).

IV. Св. Савва Стратилатъ сперва вверженъ былъ въ котелъ съ горячею смолою, но, будучи охраняемъ невидимою силою, остался невредимъ; потомъ посаженъ былъ въ темницу, но здѣсь, когда онъ молился, въ полночь явился ему Господь Іисусъ Христосъ въ полномъ свѣтѣ славы Своея и сказалъ: *не бойся, но дерзай* („Ч.-М.“ апрѣля 24).

V. Когда муч. Аѳиногенъ былъ жестоко мучимъ, то молился: „на Тебя, Господи, уповаю! спаси меня по милости Твоей!“ Въ это время былъ ему голосъ свыше: *дерзай, избранный Мой! Я есмь Богъ, сохраняющій тебя.* И въ другой разъ онъ слышалъ голосъ съ неба: *нынѣ ты со Мною и съ учениками твоими будешь въ раю, и все прошеніе твое исполнится* („Ч.-М.“ іюля 16).

6. Чѣмъ облегчались страданія св. мучениковъ за Христа?

Страданія св. мучениковъ облегчались слѣдующими духовными средствами:

а) *Размышленіемъ о страданіяхъ Христа Спасителя.* Ап. Павелъ, призывая вѣрующихъ на предлежащій подвигъ спасенія, говоритъ: *съ терпѣніемъ будемъ проходить предлежащее намъ поприще, взирая на Начальника и Совершителя вѣры Іисуса, Который вмѣсто предлежащей Ему радости претерпѣлъ крестъ, пренебрегши посрамленіе, и возсѣлъ одесную престола Божія* (Евр. XII, 1—2). Этотъ-то взоръ на Пострадавшаго всегда былъ присущъ чистой душѣ св. мучениковъ, и услаждалъ горесть ихъ страданій. Если воины во время сраженія безстрашно подвергаютъ жизнь свою опасности, одушевляясь примѣромъ вождей своихъ, презирающихъ опасности, какимъ сами подвергаются, то могли ли бояться мукъ и смерти воины Христовы, имѣя предъ очами Вождя спасенія Христа Спасителя, за всѣхъ пострадавшаго и всѣмъ оставившаго примѣръ, да послѣдуютъ стопамъ Его въ несеніи креста?

б) *Надеждою на будущее воздаяніе.* Св. мученики взирали на свой великій подвигъ и на всѣ предлежащія страданія, какъ на что-то малое и незначащее, и были увѣрены, что ихъ ожидало блаженство вѣчное, — что послѣ кратковременныхъ земныхъ страданій они перейдутъ въ тотъ свѣтлый міръ, гдѣ уже *не будутъ ни алкать, ни жаждать, и не будутъ палить ихъ солнце и никакой зной* (Апокал. VII, 16). Если мореплаватель благодушно переноситъ всѣ трудности и опасности морского путешествія изъ-за надежды достигнуть отечества, гдѣ ожидаетъ его родное семейство и многія сокровища, то несравненно съ большимъ благодушіемъ и терпѣніемъ могли переносить всѣ страданія тѣ богоизбранные мужи и жены, для которыхъ за предѣлами здѣшняго міра уже сіялъ тотъ чудный благоукрашенный градъ, *гдѣ свѣтильникъ его Агнецъ* и гдѣ уже *ночи не будетъ* (Апок. XXI, 23—25).

в) *Пламенною лобовію ко Христу.* Эта любовь, какъ высшая духовная сила, невидимо услаждала горечь страданій ихъ и мукъ. И въ явленіяхъ жизни обыкновенной мы видимъ силу любви. Вотъ, нѣжная мать несетъ на рукахъ своего младенца въ сильный полуденный зной и идетъ по неровному, жесткому пути. Спросите ее: приходитъ ли ей мысль бросить свою драгоцѣнную ношу, и все это не тягостно ли ей и трудно? Съ увѣренностію можно сказать, что всего этого она какъ будто и не замѣчаетъ по любви къ своему младенцу: тяжесть ноши, сильный зной, неровный, жесткій путь — все поглощено любовію! Если такъ сильна и дѣйственна любовь естественная, то что сказать о любви божественной? Мученики, исполненные любовію ко Христу, не только не боялись страданій, но еще съ радостію желали принять ихъ. Силу этой любви такъ изображаетъ ап. Павелъ: *кто отлучитъ насъ отъ любви Божіей: скорбь или тѣснота, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или опасность, или мечъ* (Рим. VIII, 35).

г) *Особеннымъ дѣйствіемъ божественной благодати.* Самая рѣшимость страдать за Христа была плодомъ упованія на благодатную помощь. „Надѣюсь,—говорила св. мученица Агаѳія, на Христа Бога моего, яко имать съ высоты смотрѣти на подвигъ мой со множествомъ св. Своихъ ангеловъ и помогати мнѣ немощнѣй будетъ“ (Ч.-М. февр. 5). Подобное чувство упованія на благодатную помощь Божію было у всѣхъ христіанскихъ мучениковъ. Они никогда съ самообольщеніемъ не опирались на свои силы и дарованія. Въ духѣ глубокаго смиренномудрія они начинали великій свой подвигъ. Каждый изъ нихъ мысленно говорилъ съ апостоломъ: *все могу въ укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ* (Филипп. IV, 13).

И дѣйствительно, божественная благодать совершала два чуда для вступавшихъ въ подвигъ мученичества: первое состояло въ томъ, что надъ ними теряли силу стихіи и страшныя орудія казни,— такъ, часто (хотя это было и не всегда) пламень огня охладѣвалъ, кипящая вода не причиняла вреда, дикіе звѣри укрощались и самое желѣзо умягчалось, какъ воскъ; второе чудо — это великое, необыкновенное терпѣніе св. мучениковъ въ перенесеніи всѣхъ истязаній и мучительствъ. Это терпѣніе изумляло даже мучителей, и они приписывали это дѣйствію волшебства и обаяній. Божественная благодать иногда такъ утѣшала св. мучениковъ во время страданій, что они веселились духомъ, и веселіе сіе отражалось въ самомъ взорѣ ихъ. Такъ, о св. муч. Ѳеофилѣ, бывшемъ прежде языческомъ философѣ, говорится, что „святой веселяшеся въ мукахъ, яко не слышай болѣзни и бѣ лице свѣтло“ (февр. стр. 45). Очевидно, что это веселіе и эта свѣтлость лица не могли быть у мученика безъ благодати Христовой, ибо человѣку, какъ немощному, неестественно веселиться и являть свѣтлость лица во время страданій. То же засвидѣтельствовала о себѣ и св. муч. Ѳеодулія (5 февр.). Вися на кипарисѣ и опаляемая огнемъ она сказала мучителю: „вѣждь, воевода, яко азъ не чувствую муки и тебе паче зрю мучима и побѣждаема“ И сбывались такимъ образомъ слова апостола: *вѣренъ Богъ, Который не попуститъ вамъ быть искушаемыми сверхъ силъ, но при искушеніи дастъ и облегченіе такъ, чтобы вы могли перенести* (1 Кор. X, 13).

д) *Чудеснымъ явленіемъ І. Христа.* Иногда Самъ Господь Іисусъ Христосъ въ видимомъ образѣ являлся страдавшимъ за вѣру въ Него и Своимъ явленіемъ утѣшалъ ихъ, такъ что они безъ малѣйшаго смущенія, съ невозмутимымъ миромъ душевнымъ принимали казнь. Такъ, въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ о св. первомучен. архидіаконѣ Стефанѣ повѣствуется, что онъ въ то время, когда враги его *рвались сердцемъ и скрежетали на него зубами, воззрѣвъ на небо, увидѣлъ славу Божію и Іисуса, стоящаго одесную Бога* (VII, 54—55), и, объятый радостію божественнаго видѣнія, онъ, побиваемый камнями, мирно перешелъ въ вѣчно-блаженный міръ, среди колѣно-преклонной молитвы Другіе примѣры явленія І. Христа св. мученикамъ см. выше въ ст. 5-й. (Извл. въ сокращ. изъ ноябрьской кн. „Душепол. чт.“ за 1873 г., стр. 317—321).

7. Какимъ образомъ мы можемъ уподобляться св. мученикамъ?

Однажды старецъ Аѳанасій услышалъ, что нѣкоторые изъ иноковъ хотѣли уподобиться древнимъ мученикамъ и спрашивали: „гдѣ нынѣ гоненія на христіанъ и мученичество?“ Онъ отвѣчалъ такъ:— „ты хочешь мученичества? мучься совѣстію, умри для грѣха, и будешь мученикомъ. Противъ мучениковъ были языческіе цари и князья; и у тебя есть противники — діаволъ, царь грѣхамъ, и князья — демоны. Тѣмъ предлежали капища (языческіе храмы), жертвы и скверное служеніе идоламъ (ложнымъ богамъ); знай и ты, что нынѣ есть также капище, жертва и идолы въ душахъ—мысленные; кто рабъ сладострастія, тотъ отрекся Іисуса и поклоняется идолу (ложному богу), кто побѣжденъ гнѣвомъ и яростію, тотъ также отрекся Іисуса и имѣетъ въ себѣ своего ложнаго бога; сребролюбецъ и сластолюбецъ, презирающій и не милующій ближняго своего, опять отрекся Іисуса и работаетъ своему идолу: онъ почитаетъ тварь больше Творца. Итакъ, если ты отъ всего этого удержишься, если сохранишь себя отъ неистовыхъ страстей, то ты попираешь языческіе кумиры и дѣлаешься мученикомъ“. (Изъ „Дост. сказ. о подв. св. и бл. отцовъ“).

Май мѣсяцъ.

8-й ДЕНЬ

ПАМЯТЬ АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА ІОАННА БОГОСЛОВА[1].

Еванг. отъ Іоан., зач. 61-е и 67-е, гл. XIX, 15—25; XXI, 24—25 ст.

1. Свойства христіанской любви по изъясненію св. отцевъ и учителей церкви.

Аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любве же не имамъ, быхъ яко мѣдь звеняща, или кимвалъ звяцаяй, — говоритъ св. ап. Павелъ (1 Кор. XIII, 1).

„Апостолъ говоритъ: если узнаю всѣ человѣческіе языки, а сверхъ того и языки невидимыхъ силъ, но любви къ ближнему имѣть не буду, то ничѣмъ не отличусь отъ неодушевленныхъ орудій“ (Ѳеодоритъ). „И смотри, съ чего начинаетъ онъ: прежде всего съ того, что они почитали удивительнымъ и великимъ, т.-е съ дара языковъ, и, говоря объ этомъ дарѣ, представляетъ его не такимъ, какой они имѣли, но гораздо большимъ. Не сказалъ: *аще языки глаголю,* но: *аще языки человѣческими глаголю.* Что значитъ *человѣческими?* Языки всѣхъ народовъ вселенной. Не довольствуясь и этимъ увеличеніемъ, прибавляетъ еще другое, гораздо большее: *и ангельскими,* говоритъ. Видишь ли, какъ онъ возвысилъ этотъ даръ и какъ послѣ низвелъ и уничтожилъ его? Не просто сказалъ: тогда я ничто, но: *быхъ яко мѣдь звеняща,* нѣчто безчувственное и бездушное, издающее звукъ попусту, безъ цѣли и безъ всякой пользы, и не только пользы никому не приносящее, но для многихъ кажущееся безпокойнымъ, тягостнымъ и несноснымъ (κύμβαλον — означаетъ и трещетку)“ (св. Злат.).

И аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь (1 Кор. XIII, 2).

Св. Златоустъ такія мысли высказалъ на это мѣсто: „апостолъ не останавливается на дарѣ языковъ, но указываетъ и на прочіе дары и, показавъ ничтожность ихъ безъ любви, потомъ уже начертываетъ *ея изображеніе.* А какъ онъ хотѣлъ постепенно усиливать рѣчь, то восходитъ отъ меньшаго къ большему“. Сказавъ: *аще имамъ пророчество,* присовокупляетъ: *и вѣмъ тайны вся и весь разумъ,* представляя и этотъ даръ въ превосходной степени“.

„Потомъ апостолъ переходитъ и къ прочимъ дарамъ и, дабы не показаться тягостнымъ, исчисляя ихъ порознь, указываетъ на мать и источникъ всѣхъ ихъ, и опять въ превосходной степени: *и аще,* говоритъ, *имамъ всю вѣру.* Не довольствуясь этимъ, присовокупляетъ и то, что Христосъ призналъ великимъ: *яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь.*

И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть (1 Кор. XIII, 3).

Св. Златоустъ говоритъ: „какая усиленная рѣчь! И здѣсь онъ представляетъ все въ превосходной степени. Не сказалъ: если я отдамъ бѣднымъ половину имѣнія, или двѣ, или три части: *но вся имѣнія моя;* не сказалъ: отдамъ, но *раздамъ* — (ψωμίζω — кормить кого своими руками), выражая кромѣ употребленія имущества *самую усердную услужливость.* Также не сказалъ: если я умру, но опять выражается усиленно, представляетъ самую жестокую смерть, т.-е. сгорѣть живому, и говоритъ, что и такая смерть безъ любви не важное дѣло“.

Любы долготерпитъ, милосердствуетъ: любы не завидитъ: любы не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла. Не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ: вся любитъ (покрываетъ), всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ, — говоритъ св. апостолъ Павелъ (1 Кор. XIII, 4—7).

Любы долготерпитъ, т.-е. благодушно сноситъ всѣ непріятности, оскорбленія и напраслины, не поддаваясь движеніямъ гнѣва или отмщенія. „Долготерпѣніе — корень всякаго любомудрія; посему и Премудрый говоритъ: *долготерпѣливъ мужъ многъ въ разумѣ: малодушный же крѣпко безуменъ* (Притч. XIV, 29); и далѣе, сравнивая эту добродѣтель съ крѣпкимъ городомъ, говоритъ, что она крѣпче его. Это несокрушимое оружіе, непоколебимый столпъ, легко отражающій всѣ нападенія. Какъ искра, упадшая въ море, не причиняетъ ему никакого вреда, но сама тотчасъ исчезаетъ: такъ все, неожиданно непріятное, поражая долготерпѣливую душу, скоро исчезаетъ, а ея не возмущаетъ. Долготерпѣливый, какъ бы пребывая въ пристани, наслаждается глубокимъ спокойствіемъ; причинишь ли ему вредъ, не подвинешь этого камня; нанесешь ли ему обиду, не потрясешь этого столпа; нанесешь ли ему удары, не сокрушишь этого адаманта. Эта добродѣтель раждается отъ любви, и тѣмъ, которые имѣютъ и хорошо употребляютъ ее, доставляетъ великую пользу“.

---

[1] *Примѣч.* Дополнительныя статьи см. выше, подъ 26 сентября.

Милосердствуетъ: отъ другихъ терпитъ непріятности, сама же не только никому не причиняетъ ничего скорбнаго,— напротивъ, всѣ скорби другихъ считаетъ своими и, входя въ сочувствіе ихъ скорби, всячески старается облегчить ихъ горе; она, какъ елей на раны, такъ есть на всякую нужду, скорбь и немощь ближняго; не успокоивается, пока не утѣшитъ, не поможетъ, не умиротворитъ; болѣзнуетъ о всѣхъ, паче же о нуждающихся и страждущихъ; даже тѣмъ самымъ, которые ей причиняютъ непріятности, старается вложить въ душу мирное расположеніе; „кротко поступаетъ съ пламенѣющими гнѣвомъ, чтобы укротить его и погасить, и не только мужественнымъ терпѣніемъ, но и угожденіемъ и увѣщаніемъ врачуетъ рану и исцѣляетъ язву гнѣва“ (св. Злат.).

Любы не завидитъ ни дарованіямъ, ни внѣшнему благосостоянію, ни отличіямъ, ни успѣху въ дѣлахъ, и никакому благу и преимуществу другого предъ собою. Это противно ея природѣ; существо ея есть и желать и дѣлать другимъ одно добро и при томъ всякое; потому не ищетъ того, чтобы самой быть счастливѣе другихъ, а чтобы всѣ были счастливы возможно полнымъ счастіемъ; къ благу предлежащему сама пропуститъ всѣхъ, чтобы всѣ вкусили его, не заботясь, достанется ли что на ея долю, лишь бы другимъ всѣмъ досталось.

Любы не превозносится,—не заносится. Заносчивый въ словахъ, сужденіяхъ, манерахъ, въ обращеніи, въ дѣлахъ, допускаетъ много неосмотрительнаго, потому что дѣйствуетъ съ плеча, въ увѣренности, что все, отъ него исходящее, прекрасно и должно въ другихъ оставлять одно изумленіе и похвалу; онъ паритъ, ни на чемъ не останавливаясь, отъ того ничего полезнаго ни произвесть, ни посовѣтовать не можетъ: во все вмѣшивается съ своимъ сужденіемъ и кромѣ смятенія ничего по себѣ не оставляетъ. Любовь такъ не паритъ; она дѣйствуетъ потихоньку, высматривая и удостовѣриваясь, гдѣ, что, какъ можетъ сдѣлать полезнаго, и дѣлаетъ то безъ шума и заявленій. Св. Златоустъ говоритъ: „любы *не превозносится* (не заносится), т.-е. не поступаетъ легкомысленно; она дѣлаетъ любящаго благоразумнымъ, степеннымъ, и основательнымъ. Заносчивое легкомысліе свойственно людямъ, любящимъ плотскою любовію; а любящій любовію истинною совершенно свободенъ отъ этого; любовь, пребывая въ душѣ, какъ бы какой-нибудь искусный земледѣлецъ, не допускаетъ вырастать на полѣ сердца ни одному подобному злому тернію“. То же пишетъ и блаж. Ѳеодоритъ: „любящій ни въ чемъ не соглашается поступать опрометчиво“.

Не гордится. Какими бы совершенствами любовь ни обладала, она думаетъ, что ничего не имѣетъ сравнительно съ другими лучшаго, и сколько бы добра ни надѣлала въ своемъ кругу, совсѣмъ не думаетъ, что что-либо сдѣлала. Какъ мать, ухаживающая за дѣтьми, сколько бы ни трудилась надъ ними, такъ себя имѣетъ, будто бы ничего не дѣлала, и дѣлая что, снова дѣлаетъ такъ, какъ будто начинала дѣлать въ первый разъ: такова и любовь. „Не превозносится надъ братіями“ (Ѳеодор.). „Но смиренномудрствуетъ, несмотря на то, что обладаетъ высокими совершенствами“ (Ѳеофил.). „Мы видимъ, что многіе гордятся самыми своими добродѣтелями, т.-е. тѣмъ, что они не завистливы, не злы, не малодушны, не безразсудны (эти пороки соединены бываютъ не только съ богатствомъ и бѣдностію, но и самыми добрыми по природѣ качествами, а любовь совершенно очищаетъ все“ (св. Златоустъ).

Не безчинствуетъ, — не мерзитъ, не брезгуетъ, не гнушается ничѣмъ, коль скоро того требуетъ благо ближняго; какъ бы что ни казалось унизительнымъ въ глазахъ людей, она не останавливается предъ тѣмъ, а съ охотою рѣшается на то, лишь бы сдѣлать добро любимому. Такъ учатъ всѣ наши толковники: Ѳеодоритъ пишетъ: „не отказывается для пользы братій сдѣлать что-либо и унизительное, не почитаетъ и такого дѣйствія для себя не благоприличнымъ“. Посмотримъ въ этомъ отношеніи на І.

Христа и увидимъ истину сказаннаго: Господь нашъ І. Христосъ подвергался *оплеванію* и *бичеванію* отъ жалкихъ рабовъ, и не только не считалъ этого безчестіемъ, но еще радовался и вмѣнялъ въ славу; разбойника и человѣкоубійцу Онъ вмѣстѣ съ Собою прежде другихъ ввелъ въ рай, бесѣдовалъ съ блудницею, при томъ въ присутствіи всѣхъ обвинителей Своихъ, и не считалъ этого постыднымъ, а даже позволилъ ей цѣловать Свои ноги, орошать слезами Свое тѣло и отирать волосами, и все это предъ глазами враговъ и противниковъ, потому что любовь не гнушается ничѣмъ. Посему и отцы, хотя бы они были мудрѣе и краснорѣчивѣе всѣхъ, не стыдятся лепетать вмѣстѣ съ дѣтьми, и никто изъ взирающихъ на это не осуждаетъ ихъ, а напротивъ, это кажется столь хорошимъ дѣломъ, что даже и удостоивается похвалы". (Св. І. Златоустъ).

Не ищетъ своихъ си. „Сказавъ: не безчинствуетъ, апостолъ показываетъ и то, какимъ образомъ любовь не терпитъ безчестія. Какимъ же? *Она не ищетъ своихъ си.* Любимый составляетъ для нея все, и она вмѣняетъ себѣ въ безчестіе, когда не можетъ избавить его отъ безчестія, такъ что если можно собственнымъ безчестіемъ помочь любимому, то не считаетъ и этого безчестіемъ для себя; любимый для любящаго есть то же, что онъ самъ. Любовь такова, что любящій и любимый составляютъ уже не два отдѣльныя лица, а одного человѣка, чего не можетъ сдѣлать ничто, кромѣ любви. Посему не ищи своего, дабы тебѣ найти свое; ибо кто ищетъ своего, тотъ не находитъ своего. Потому и Павелъ говоритъ: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. X, 24). Польза каждаго заключается въ пользѣ ближняго, а польза ближняго въ его пользѣ. Богъ такъ устроилъ для того, чтобы мы были привязаны другъ къ другу" (св. Злат.).

Не раздражается, — не огорчается. Встрѣчая что-либо непріятное отъ того самаго, которому усиливается сдѣлать добро, не огорчается тѣмъ, или не огорчается неуспѣшностію трудовъ своихъ во благо чье-либо, и не перестаетъ искать способовъ къ тому, чтобъ достигнуть въ семъ отношеніи цѣли; или такъ, какъ Ѳеодоритъ пишетъ: „если и прискорбное что встрѣчаетъ отъ кого-либо, переноситъ великодушно по горячности любви, какую имѣетъ въ себѣ". То же говоритъ и св. Златоустъ: „смотри опять, какъ она не только истребляетъ пороки, но даже не дозволяетъ имъ получить начало. Ибо не сказалъ: хотя раздражается, но преодолѣваетъ раздраженіе, а *не раздражается*". Не допускаетъ и зародиться огорченію.

Не мыслитъ зла, — не беретъ въ счетъ зла, и даже совсѣмъ не думаетъ, чтобы въ дѣйствіяхъ другого было зло, не видитъ во злѣ зла; другіе видятъ, а она не видитъ; для любящаго всѣхъ всѣ кажутся добрыми, и какъ онъ ничего не замышляетъ для другихъ кромѣ добра, такъ и въ дѣйствіяхъ другихъ въ отношеніи къ себѣ не подозрѣваетъ никогда нечего злого. Такъ Ѳеодоритъ говоритъ: „извиняетъ погрѣшительные поступки, предполагая, что то сдѣлано не съ худымъ намѣреніемъ". „Другая мысль: не замышляетъ зла въ отмщеніе— будетъ прямымъ слѣдствіемъ предыдущей, и можетъ-быть видима здѣсь, но въ связи съ тою" (Ѳеофилактъ). Св. Златоустъ разумѣетъ не замышленіе зла, помимо обидъ полученныхъ, а такъ: „не только не дѣлаетъ, но даже и не замышляетъ ничего худого противъ любимаго. И дѣйствительно, какъ она будетъ дѣлать зло, когда не допускаетъ даже худой мысли? А здѣсь и есть источникъ любви".

Не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ. Толковники такъ разнообразно понимаютъ эти слова, что, собравъ все во едино, мы должны подъ неправдою разумѣть всякое зло, а подъ истиною всякое добро. Св. Златоустъ говоритъ: „не радуется, когда другіе страдаютъ какимъ-либо зломъ (нравственнымъ); радуется же о тѣхъ, которые благоустроены въ жизни. Или здѣсь то же самое содержится, что говорится въ другомъ мѣстѣ: *радоватися съ радующимися и плакати съ плачущими* (Римлян. XII, 15). Потому она и не завидуетъ, потому и не гордится: блага другихъ она признаетъ своими. Видишь ли, какъ любовь дѣлаетъ питомца своего ангеломъ? Ибо если онъ не имѣетъ гнѣва, чуждъ зависти и чистъ отъ всякой пагубной страсти, то очевидно, что онъ уже выше природы человѣческой и достигнулъ безстрастія ангеловъ. Ѳеодоритъ пишетъ сообразно съ этимъ: „ненавидитъ противозаконное, веселится о томъ, что хорошо". Ѳеофилактъ нѣсколько отлично: „не радуется, когда кого не оправдываютъ, обижаютъ и причиняютъ ему зло; сорадуется же людямъ благоустроеннымъ, радуется тогда, какъ истина благоспѣется, считая то славою для себя".

Вся любитъ, — покрываетъ. Св. Златоустъ говоритъ: „любовь *вся покрываетъ,* по своему долготерпѣнію и кротости, что бы ни случилось прискорбное и тяжкое, хотя бы то были обиды, хотя бы побои, хотя бы смерть, или что-нибудь другое подобное. Это можно видѣть изъ примѣра блаж. Давида: что можетъ быть тяжелѣе, какъ видѣть сына возмутившагося, ищущаго власти и жаждущаго крови своего отца? Но блаженный Давидъ перенесъ и это, не хотѣлъ даже произнести укоризненнаго слова противъ убійцы, а, предоставивъ все прочее военачальникамъ, повелѣлъ сохранить его жизнь; такъ крѣпко было у него основаніе любви! Посему и говоритъ апостолъ: *вся покрываетъ.* Этими словами онъ выражаетъ силу любви". Ѳеодоритъ пишетъ: „по любви терпитъ и прискорбное".

Всему вѣру емлетъ. „Любимаго почитаетъ нелживымъ" (Ѳеодоритъ). „Вѣритъ всему, что ни скажетъ любимый, и не только сама не говоритъ ничего съ хитрымъ лукавствомъ, но и не подозрѣваетъ даже, чтобы другой кто говорилъ такъ" (Ѳеофил.).

Вся уповаетъ. Дѣлая добро и встрѣчая неуспѣхъ, любовь не останавливается, но изобрѣтаетъ новые способы, и, если эти не приводятъ къ цѣли, берется еще за другіе, и такъ далѣе, воодушевляясь надеждою, что Богъ благословитъ, наконецъ, этотъ трудъ любви успѣхомъ. Ѳеодоритъ пишетъ: „если видитъ любимаго склоннымъ къ худому, ожидаетъ въ немъ перемѣны на лучшее". Сама же не сложа руки сидитъ, но употребляетъ съ своей стороны всѣ зависящія средства къ его исправленію и, употребляя ихъ, „не отчаивается, но уповаетъ, что онъ, наконецъ, возвратится на лучшее" (Ѳеофил.).

Вся терпитъ: всѣ труды, необходимые въ добродѣланіи, поднимаетъ охотно, мужественно преодолѣваетъ препятствія, благодушно переноситъ непріятности, и все, что ни встрѣтится на пути добра, терпитъ, имѣя одну цѣль—дѣлать добро любимому, т.-е. всякому человѣку; терпитъ и самую безуспѣшность въ добрѣ. „Если случится, что любимый не поддается ея заботамъ и остается на своемъ недобромъ пути, благодушно терпитъ его паденія" (Ѳеофилактъ). „И что бы ни было въ любимомъ, или со стороны его, ничто не можетъ отторгнуть любящаго отъ любви къ нему" (Ѳеодоритъ).

Св. Златоустъ всѣ сіи три: „уповàетъ, вѣритъ, терпитъ" соединяетъ въ одну рѣчь и говоритъ: „не отчаиваясь, ожидаетъ отъ любимаго человѣка всего добраго и, хотя бы онъ былъ худъ, не перестаетъ исправлять его, пещись и заботиться о немъ; и не просто надѣется, но съ увѣренностію, потому что сильно любитъ; и хотя бы сверхъ чаянія не происходило добра, и даже любимый становился бы еще хуже, она переноситъ и это" (Составл. по кн. „Толкованіе перваго посланія къ коринѳянамъ", еп. Ѳеофана. Москва, 1876 г., стр. 420—436).

9-Й ДЕНЬ.

ПЕРЕНЕСЕНІЕ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ И ЧУДОТВОРЦА НИКОЛАЯ, ЕП. МѴРЪ ЛИКІЙСКАГО [1]).

Еванг. отъ Лук., зач. 24-е, гл. VI, 17—23 ст.

1. Праздникъ перенесенія мощей святителя и чудотворца Николая изъ Ликійскаго города Мѵръ въ г. Баръ.

Настоящій день святая церковь посвящаетъ воспоминанію торжественнаго перенесенія многоцѣлебныхъ мощей святителя и чудотворца Николая изъ г. Мѵръ (въ Ликіи), гдѣ празднуемый святитель окончилъ свои дни и подвиги вѣры, благочестія и добродѣтели, въ Апулійскій, что въ южной Италіи, городъ Баръ. Это было 9 мая 1087 года и совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ концѣ XI вѣка, въ царствованіе греческаго императора Алексѣя Комнена, жестокіе сарацины вторглись въ предѣлы малой Азіи, овладѣли Ликіею, а въ ней разрушили и главный ея городъ Мѵры. Это печальное событіе послужило благопріятнымъ случаемъ къ тому, чтобы прославить нетлѣнные останки Мѵръ-ликійскаго святителя, хранившіеся подъ спудомъ неприкосновенно въ теченіе 744 лѣтъ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ нашествія вар-

---

[1]) См. дополнит. статьи подъ 6-мъ декабря.

варовъ и разоренія г. Мѵръ, св. Николай въ ночномъ видѣніи внушилъ одному пресвитеру, проживавшему въ Апулійскомъ г. Барѣ, перенести его мощи изъ Мѵръ-ликійскихъ въ г. Баръ. На утро пресвитеръ сообщаетъ о бывшемъ ему видѣніи сначала клиру, а потомъ и всему народу. Всѣ съ полнымъ вниманіемъ и радостію выслушали его видѣніе и тотчасъ же порѣшили выбрать нѣсколько знатнѣйшихъ гражданъ и вмѣстѣ съ священнослужителями отправить ихъ въ г. Мѵры для перенесенія оттуда мощей св. чудотворца. Такъ и сдѣлали. Посланные сѣли на корабль и, въ видѣ странствующихъ промышленниковъ, прибыли въ гор. Мѵры. Тамъ, по указанію нѣкоторыхъ иноковъ, въ одной церкви они нашли, дѣйствительно, въ землѣ раку святителя, наполненную благоухающимъ мѵромъ, истекшимъ отъ мощей его. Священники взяли св. мощи, на собственныхъ рукахъ перенесли ихъ на корабль и отплыли на родину. Это было 11 апрѣля, а мая 9 они уже прибыли въ г. Баръ. Жители города, въ предшествіи священнаго клира, съ свѣтильниками въ рукахъ и духовными пѣснопѣніями, вышли къ берегу и, принявъ съ радостію и честію мощи угодника Божія, положили ихъ въ недалеко находящейся отъ моря церкви св. Іоанна Предтечи. Но недолго оставались св. мощи чудотворца въ этой церкви Іоанна Предтечи. Испытавъ чудодѣйственную силу св. мощей въ многочисленныхъ исцѣленіяхъ, признательные жители г. Бара соорудили во имя чудотворца Николая великолѣпный каменный храмъ, устроили и серебряную позлащенную раку и въ третій годъ послѣ перенесенія мощей изъ Мѵръ, собравъ изъ окрестныхъ странъ архіереевъ и священниковъ, совершили торжественное перенесеніе ихъ изъ церкви Іоанна Предтечи въ новоотстроенный храмъ и положили въ приготовленной для нихъ ракѣ, въ алтарѣ. Но, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, по волѣ самого святителя, возвѣщенной одному иноку въ видѣніи, честныя мощи его поставлены подъ престоломъ въ томъ же самомъ алтарѣ, гдѣ онѣ почиваютъ и донынѣ, источая и теперь свою чудодѣйственную силу на пользу и утвержденіе вѣрующихъ. У насъ въ Россіи этотъ праздникъ установленъ вскорѣ же послѣ перенесенія мощей въ гор. Баръ, какъ объ этомъ можно судить на основаніи свидѣтельства одного поученія на этотъ праздникъ, относящагося къ концу XI или началу XII вѣка.

2. Уроки изъ жизни св. Николая, чудотворца Мирликійскаго.

Святая душа пастыря Мирликійскаго есть цѣлый рай добродѣтелей, въ которомъ каждый цвѣтъ прекрасенъ и благоуханенъ, каждый привлекаетъ зрѣніе, каждый обѣщаетъ чистое и святое наслажденіе.

Прекрасна и достославна святая ревность по вѣрѣ и благочестію, коею пламенѣлъ мирликійскій пастырь, какъ новый Илія, съ которою возставалъ онъ противъ продерзкихъ развратниковъ божественнаго ученія, по которой благоговѣйный и цѣломудренный слухъ его не могъ даже снести растлѣнныхъ словъ богохульнаго еретика, прикрывавшагося видомъ ревнителя о древнемъ благочестіи. О, какъ много подвиговъ встрѣтила бы эта святая ревность и въ наши времена, когда, съ одной стороны, духъ вѣка дышитъ не только слабодушнымъ маловѣріемъ, но и убійственною холодностію къ вѣрѣ, съ другой, самозванные учители, *поныряющіе въ домы*, какъ описываетъ ихъ апостолъ (2 Тим. III, 6), прикрываясь мнимою ревностію о благочестивой древности, уловляютъ лестію простыя души, влекутъ ихъ въ сѣть діаволу и творятъ еще въ жизни чадами геенны, сугубѣйшими себя.

Прехвальны и достолюбезны кротость и незлобіе святителя Николая, коими побѣдилъ онъ всякую злобу и лукавство, въ коихъ преуспѣлъ онъ до той высокой степени незлобиваго младенчества во Христѣ, которое похваляетъ святой апостолъ (1 Кор. XIV, 20). Это такая добродѣтель, за которую Самъ Господь обѣтовалъ въ наслѣдіе новую землю: *блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю* (Матѳ. V, 5). Достолюбезно и прехвально глубокое смиреніе великаго іерарха Христова, подъ коимъ сокрывалъ онъ высоту добродѣтелей и величіе чудесъ своихъ, и которымъ *стяжалъ* онъ *высокая*, какъ воспѣваетъ о немъ св. церковь, ибо за глубокое смиреніе Господь превознесъ его на высоту славы и блаженства. Эта ангелоподобная добродѣтель болѣе всего привлекаетъ милостивый и благоволительный взоръ Отца небеснаго: *на кого воззрю*, глаголетъ Господь, *токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ* (Ис. LXVI, 2).

Достоблаженно и любезно великое воздержаніе святителя Христова, коимъ отъ самой юности онъ попралъ въ себѣ всѣ страсти и вожделѣнія плотскія, стяжалъ ангельскую чистоту духа и плоти и уготовалъ себя въ чистый и боголѣпный храмъ Пресвятыя Троицы.

Прехвальна и достославна высокая нестяжательность святителя Николая, который, по примѣру апостольскому, вмѣнилъ вся въ уметы, да Христа пріобрящетъ, и этою совершенною нищетою, Христа ради, стяжалъ богатая, какъ воспѣваетъ о немъ св. церковь, такъ что ни одинъ богачъ въ мірѣ не обогатилъ столько людей, не отеръ столько слезъ, не отвратилъ столько бѣдъ, какъ святитель мирликійскій.

Впрочемъ, мы никогда не кончили бы, если бы захотѣли исчислить всѣ добродѣтели, украшавшія душу великаго пастыря мирликійскаго. Всѣ онѣ свѣтлы и боголѣпны, всѣ святы и достолюбезны; но любезнѣе всѣхъ его человѣколюбіе, милосердіе и сострадательность къ несчастнымъ, о коихъ мысль сама собою соединяется съ именемъ Николая — отца сирыхъ, помощника безпомощныхъ, утѣшителя страждущихъ, защитителя гонимыхъ.

Таковъ боголѣпный ликъ добродѣтелей, украшающихъ святую душу пастыря мирликійскаго. Наслаждаясь созерцаніемъ ихъ, возведемъ умъ и сердце наше къ святителю Христову, да вселитъ онъ въ насъ, молитвами своими, духъ ревности по вѣрѣ и благочестію, духъ кротости и смиренія, духъ воздержанія и нищеты духовной, духъ любви и милосердія къ ближнимъ нашимъ, да будемъ сынове Вышняго, чадами любви и благоволенія Отца небеснаго. (Извлеч. въ сокращ. изъ „Полн. собр. проповѣд.“ Димитрія, архіеп. херсонск. и одесск., т. II, изд. 1889 г.).

3. О помощи бѣдствующимъ на водахъ.

> *Разгоняя тьму искушеній и бѣдъ... спасай насъ, яко предстатель нашъ великій Николае.* (Тропар. празд.).

Съ такими словами обращаются нынѣ къ ублажаемому нами святителю многіе, многіе милліоны вѣрующихъ, — обращаются потому, что или сами испытали, или отъ другихъ знаютъ, что св. чудотворецъ Николай для всѣхъ въ бѣдахъ готовый помощникъ, теплый заступникъ и скорый предстатель и защитникъ. Такимъ былъ онъ и въ земной своей жизни, такимъ еще въ большей степени сдѣлался по смерти. Такимъ онъ остался и по-днесь, чему краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ служитъ тотъ неоспоримый фактъ, что въ настоящее время почти невозможно указать мѣста или страны, гдѣ бы для помощи христіанину не совершились чудесныя событія, соединенныя съ именемъ святителя Николая.

Для примѣра и назиданія разскажемъ объ одномъ случаѣ чудесной помощи святителя, относящемся къ недавнему времени. 21 мая 1885 года былъ въ Кіевѣ для поклоненія тамошнимъ святынямъ настоятель Козельской пустыни, архим. Исаакій, и съ особеннымъ усердіемъ молился онъ предъ чудотворнымъ образомъ св. Николая, именуемаго „Мокрымъ“: такое названіе присвоено иконѣ въ воспоминаніе того, какъ сей святитель спасъ отъ потопленія въ водахъ Днѣпра младенца, который изъ глубины водной былъ чудесно перенесенъ имъ въ Кіево-софійскій соборъ и здѣсь, предъ иконою святителя, былъ найденъ родителями лежащимъ въ мокрыхъ пеленахъ. Упомянутый арх. Исаакій, поклонясь св. иконѣ, видимо былъ тронутъ до глубины души: онъ глубоко вздыхалъ, усердно молился и потомъ сказалъ: „великъ воистину святитель и чудотворецъ Николай, скорый помощникъ въ бѣдѣ молитвенно его призывающимъ. Вотъ со мною недавно случилось явное чудо его заступленія: онъ избавилъ меня отъ внезапной смерти, внявъ одному моему молитвенному къ нему воздыханію. Зимою поѣхалъ я изъ обители своей на монастырскую мельницу. Снѣгу было довольно, санный путь былъ отличный... рѣзвая тройка, въ крытомъ возкѣ, очень скоро довезла меня до г. Болхова, гдѣ и заночевалъ я у знакомаго купца, а на утро отправился далѣе. Путь мой шелъ сначала хорошо, но вотъ встрѣтился крутой спускъ къ р. Окѣ: лошади чего-то испугались и понесли... кучеръ свалился съ козелъ въ снѣгъ, а меня, сидѣвшаго въ закрытомъ возкѣ, вихремъ понесли они подъ гору внизъ. Видя неминуемую погибель, такъ какъ лошади неслись прямо къ рѣкѣ, гдѣ былъ крутой обрывъ, не помня себя, воскликнулъ я молитвенно: „святителю отче Николае, спаси меня погибающаго!“ Не успѣлъ я произнести этихъ словъ, какъ вдругъ лошади стали, какъ вкопаныя, на самомъ крутомъ спускѣ горы, гдѣ и при тихой ѣздѣ остановить ихъ очень трудно; тутъ же несшіеся вихремъ кони мои остановились, какъ на ровномъ мѣстѣ, и стояли тихо, точно повинуясь какому-либо невидимому вождю. Я вышелъ изъ возка здравъ и невредимъ, и не скоро пришелъ кучеръ, блѣдный и перепуганный, и, бросившись ко мнѣ, сталъ спрашивать: „живы ли вы, батюшка, цѣлы ли остались? я въ ужасъ пришелъ, смотря, какъ возокъ-то перебрасывало изъ стороны въ сторону, когда несли его по ухабамъ съ горы взбѣсившіяся лошади“... Нѣтъ, братъ, живъ и невредимъ остался я милостію Божіей и угодника Божія Николая... Когда я сошелъ потомъ съ горы пѣшкомъ и взглянулъ на утесистый обрывъ ея къ рѣкѣ, куда мчали меня лошади, тогда только понялъ вполнѣ, отъ какой страшной, смертной опасности избавилъ меня святитель Николай.“

Итакъ, подлинно сей святитель есть скорый помощникъ бѣдствующимъ въ пути, по сушѣ путешествующимъ и по морю плавающимъ“ (Душеп. чт., іюль 1885 г.).

Святитель Николай избавлялъ отъ несчастій плавающихъ по морю и утопающихъ, и вы можете въ этомъ ему уподобиться, ибо какъ тогда, такъ и теперь много людей совершаютъ плаванія по водамъ и испытываютъ иногда несчастія, оканчивающіяся смертью только потому, что своевременно не была подана имъ возможная помощь.

Для оказанія такой помощи болѣе 25 лѣтъ тому назадъ у насъ въ Россіи основано „Общество спасанія на водахъ“, находящееся подъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Широка область дѣйствованій этого Общества и велики уже плоды его трудовъ. За время до 1893 г., имъ было спасено болѣе 8 тыс. человѣкъ отъ потопленія и предупреждено крушеній до 800 судовъ, а съ ними, слѣдовательно, сколько и еще спасено жизней отъ напрасной смерти?! Общество имѣетъ 1286 спасательныхъ станцій, которыя снабжены разнаго рода спасательными средствами. Но что значитъ эта цифра спасательныхъ станцій, при необъятномъ пространствѣ нашей страны съ цѣлыми тысячами рѣкъ, озеръ и морскихъ побережій! Потребны новые и новые спасательные пункты, а между тѣмъ поддержка и существующихъ невозможна безъ благотворенія всѣхъ и каждаго изъ насъ.

Сознавая въ себѣ нравственную обязанность выражать на дѣлѣ свою любовь къ ближнимъ, воспользуемся нынѣ воззваніемъ Императорскаго Общества спасанія на водахъ: вѣдь устами его взываютъ къ намъ сами утопающіе и молятъ насъ: „братія и сестры, спасите насъ, мы погибаемъ!“ Ужели можно остаться глухимъ къ этимъ воплямъ и слезамъ погибающихъ?! Простремъ же имъ руку помощи, удѣливъ изъ своего достоянія посильную лепту! На эти лепты устроится новый спасательный пунктъ, который благовременно окажетъ свою помощь многимъ, многимъ путникамъ, погибающимъ отъ волнъ морскихъ и рѣчныхъ. А Господь, вѣдящій наше милосердіе и лепты, воздастъ за нихъ и намъ Своею благодатію, сохранитъ насъ во всѣхъ путяхъ нашихъ и даруетъ намъ уготованное наслѣдіе въ царствіи небесномъ. (Кишинев. Еп. Вѣд.).

11-Й ДЕНЬ.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ РАВНОАП. КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ, ПРОСВѢТИТЕЛЕЙ СЛАВЯНЪ.

Еванг. отъ Лук., зач. 24-е гл. VI, 17—23 ст. [1]).

1. Житіе св. Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянъ.

На югъ отъ рѣки Дуная и Балканскихъ горъ, въ нынѣшней Турціи, есть страна Македонія; главный городъ въ ней — *Солунь*, который иначе называется Ѳессалоники. Въ этомъ городѣ, въ девятомъ столѣтіи, жилъ знатный и богатый мужъ, по имени Левъ, занимавшій мѣсто послѣ главнаго военачальника. Какъ онъ, такъ и супруга его Марія, были люди весьма благочестивые. Дѣтей у нихъ было семь человѣкъ. Старшій былъ *Меѳодій*, а самый младшій *Константинъ* (родился въ 827 году), который послѣ, принявъ монашество, названъ былъ *Кирилломъ*. Св. Меѳодій, кончивъ свое образованіе, сперва пошелъ было по государственной службѣ. Ему ввѣрена была власть надъ всѣмъ славянскимъ населеніемъ родной его страны. Македонія была хоть и греческая страна, но въ ней было очень много славянъ. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ св. Меѳодій оставилъ эту службу и, удалившись въ монастырь на горѣ Олимпѣ, началъ тамъ строгую монашескую жизнь. Онъ такъ прославился своею подвижническою жизнію, что его хотѣли было поставить митрополитомъ Солуня; но онъ отказался отъ столь высокаго сана, вѣроятно, считалъ себя еще недостаточно къ нему подготовленнымъ; тогда убѣдили его, хотя съ большимъ трудомъ, принять игуменство въ Полихроніевомъ монастырѣ, на Мраморномъ морѣ. Не безъ содѣйствія промысла Божія совершился такой переходъ въ жизни св. Меѳодія, то есть, переходъ отъ княженія надъ славянами къ благочестивымъ подвигамъ въ монастырѣ. Управляя славянами, онъ имѣлъ полную возможность хорошо изучить ихъ характеръ, настроеніе, нравы, языкъ; подвизаясь въ монастырѣ, онъ удобнѣе достигалъ все большей и большей духовной зрѣлости, нравственнаго совершенства. Это раннее ознакомленіе его съ славянами весьма много помогло ему впослѣдствіи, когда онъ явился среди славянскаго народа (моравовъ) пастыремъ и учителемъ. Духовная же зрѣлость его оказалась впослѣдствіи необходимою и полезною для успѣшной борьбы со врагами православной церкви и славянства и для твердаго перенесенія разныхъ горестей и притѣсненій со стороны этихъ враговъ. Такимъ образомъ указанный переходъ въ жизни св. Меѳодія не былъ случайностью, а дѣйствіемъ промысла Божія, который заранѣе и разными способами приготовлялъ этого избраннаго мужа для будущаго великаго служенія.

---

[1]) *Примѣч.* Еванг. повѣствованіе **см.** выше подъ 25 числомъ сентября.

О св. Кириллѣ въ книгахъ написано больше, чѣмъ о св. Меѳодіи. Изъ разсказовъ о дѣтствѣ и юности Кирилла мы узнаемъ, что еще когда онъ былъ груднымъ младенцемъ, то рѣзко выдѣлился изъ ряда всѣхъ другихъ дѣтей. Мать отдала было его кормилицѣ на воспитаніе, но онъ ни за что не хотѣлъ брать ея грудь, между тѣмъ какъ грудью матери питался охотно.

Когда св. Кириллу было семь лѣтъ, онъ видѣлъ однажды необыкновенный сонъ. „Мнѣ снилось, — разсказывалъ отрокъ родителямъ, — будто воевода нашъ собралъ предо мною всѣхъ солунскихъ дѣвицъ и приказалъ мнѣ выбрать изъ нихъ себѣ невѣсту. Я пересмотрѣлъ ихъ всѣхъ и, наконецъ, выбралъ себѣ самую красивую и самую нарядную. Звали ее *Софія*“. Со вниманіемъ выслушали родители разсказъ сына объ этомъ снѣ, — выслушали и задумались. „Что это за сонъ? размышляли они. Вѣдь это не простой сонъ. Сынъ нашъ еще вовсе ребенокъ: помысловъ о невѣстахъ, о бракѣ онъ, конечно, не можетъ имѣть, не можетъ засыпать съ мечтаніями о дѣвицахъ, а стало быть и во снѣ не свойственно ему видѣть себя женихомъ. Онъ говоритъ, что избранную во снѣ невѣсту звали *Софіей*. Софія (греческое слово) значитъ мудрость... А, такъ вотъ что значитъ этотъ сонъ! догадались родители св. Кирилла. Онъ означаетъ, что младшему сыну нашему назначено *сочетаться съ мудростью*, — отдать всю свою жизнь ученью, наукѣ“... И убѣдились родители, что сынъ ихъ особенный избранникъ Божій, и стали его воспитывать съ особеннымъ усердіемъ. Рано отдали его въ школу. Учился онъ охотно и весьма успѣшно.

Выучившись грамотѣ, онъ предался чтенію книгъ. Особенно любилъ онъ читать сочиненія великаго святителя, св. Григорія Богослова. Эти глубокомысленныя и нѣжно-сердечныя сочиненія возбудили въ св. Кириллѣ чувства и умиленія, и благоговѣнія къ св. Григорію.

Но вотъ что смущало и огорчало св. Кирилла: сочиненія Григорія Богослова по мѣстамъ очень мудрены и не подъ силу отроческому уму. Чтобъ понять ихъ вполнѣ, требовалось знаніе нѣсколькихъ наукъ, которыхъ св. Кириллъ, по младости лѣтъ, не успѣлъ изучить. Но гдѣ было отроку изучать высшія науки? Высшія науки преподавались въ столицѣ, въ Царь-градѣ, а онъ жилъ далеко отъ столицы. При томъ у него померъ отецъ, средства къ жизни, а слѣдовательно и къ образованію, оскудѣли. Томимый жаждою высшаго образованія и колеблемый сомнѣніемъ въ возможности получить такое образованіе, св. Кириллъ плакалъ и молился. И Господь услышалъ его молитву.

Какъ разъ въ это самое время въ Царь-градѣ, при дворѣ, озабочены были воспитаніемъ юнаго императора Михаила III. И вдовствующая царица — мать, Ѳеодора, и вельможи порѣшили набрать для императора сверстниковъ изъ знатнаго рода, благонравныхъ и усердныхъ къ ученію, чтобъ императору было охотнѣй и полезнѣй съ ними учиться. Вотъ и начали набирать ко двору такихъ мальчиковъ. Тутъ-то вспомнили и про св. Кирилла, о которомъ еще прежде дошла до нѣкоторыхъ придворныхъ вельможъ молва, какъ объ отрокѣ необыкновенно разумномъ, любознательномъ и скромномъ. И взяли его ко двору вмѣстѣ съ другими подобными ему сверстниками. Это произошло въ 842 году, когда св. Кириллу было 15 лѣтъ. И радовался онъ радостію неописанною, что наконецъ-то исполнилось его пламенное желаніе получить образованіе.

Учителемъ его былъ ученѣйшій мужъ *Фотій,* который послѣ сдѣлался знаменитѣйшимъ патріархомъ константинопольскимъ. Фотій обучалъ своихъ избранныхъ учениковъ многимъ наукамъ: грамматикѣ, риторикѣ, философіи, ариѳметикѣ, геометріи, астрономіи и проч. Св. Кириллъ всей душой предался ученію и такъ хорошо усвоилъ себѣ всѣ преподаваемыя ему науки, какъ иной не въ состояніи усвоить себѣ даже одну какую-нибудь науку. И вотъ, сдѣлался онъ ученѣйшимъ и образованнѣйшимъ человѣкомъ. Обо всемъ онъ имѣлъ понятіе, все могъ правильно объяснить, обо всемъ могъ вести разумную и поучительную бесѣду. За все это прозвали его *философомъ*; всѣ его глубоко уважали и почитали. Самъ императоръ нерѣдко приглашалъ его къ себѣ и съ наслажденіемъ слушалъ его бесѣду. При такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ, св. Кирилла ожидало высокое мѣсто въ имперіи, величайшія почести, словомъ, ему предстояли такія блага, о которыхъ иной и помечтать даже не смѣетъ. Но св. Кириллъ ничего этого не желалъ, ни къ чему этому не стремился.

Когда императоръ и любимый воспитатель замѣтили, что св. Кириллъ чуждается мірской молвы, мірскихъ почестей и вообще мірскихъ благъ, то придумали другое средство, чтобы удержать поближе къ себѣ такого знаменитаго и полезнаго человѣка. Они попросили патріарха посвятить его во священники (холостого — не въ примѣръ прочимъ) и назначили его библіотекаремъ при главномъ цареградскомъ храмѣ св. Софіи. Но св. Кириллу не понравилось такое положеніе, и онъ скрылся неизвѣстно куда. Цѣлые полгода розыскивали его повсюду и, наконецъ, нашли его въ одномъ монастырѣ, въ которомъ въ это время былъ игуменомъ старшій братъ его, Меѳодій. Тогда опредѣлили его учителемъ философіи въ цареградскую школу. Эта должность пришлась по душѣ св. Кириллу, и онъ съ такою же ревностію училъ другихъ, съ какою прежде самъ учился. И императоръ радъ былъ, что у него на виду и, такъ сказать, подъ руками—такой ученѣйшій мужъ. Не разъ выходили такіе случаи, когда императору и патріарху особенно нуженъ былъ ученѣйшій человѣкъ, когда безъ такого человѣка имъ никакъ нельзя было обойтись. И каждый разъ въ такихъ случаяхъ св. Кириллъ охотно помогалъ имъ своею ученостію и оказывалъ драгоцѣнную услугу православной церкви и греческому государству.

Такъ, онъ побѣдилъ въ спорѣ иконоборца Аннія, посрамилъ также магометанъ своими разсужденіями о вѣрѣ у одного малоазійскаго эмира, и, наконецъ, магометанъ вмѣстѣ съ евреями у хозаровъ.

Во время путешествія къ хозарамъ, куда Кириллъ отправился вмѣстѣ съ Меѳодіемъ, св. братья открыли мощи св. Климента, епископа римскаго.

Когда св. Кириллъ и Меѳодій отъ хозаровъ возвратились въ Царь-градъ, то императоръ и патріахъ встрѣтили ихъ съ чувствомъ глубокой, искренней благодарности и съ превеликими похвалами. Но св. братья, чуждаясь, какъ и прежде, людской молвы и славы, тотчасъ же удалились въ уединеніе: св. Меѳодій поселился въ своей обители, а св. Кириллъ пріютился при храмѣ св. апостоловъ въ Царь-градѣ. Присоединяя къ подвигамъ строгаго поста и молитвы усиленныя ученыя занятія, св. Кириллъ, несмотря на младость лѣтъ своихъ, разстроилъ свое здоровье.

Но, какъ ни любили св. братья уединеніе, этимъ свѣтильникамъ вѣры не суждено было *горѣть подъ спудомъ*. И ихъ воспитаньемъ, и ихъ подвигами, и всѣми тѣми обстоятельствами, которыя они до сихъ поръ пережили, Господь готовилъ ихъ къ тому, чтобы поставить ихъ свѣтить цѣлому славянскому міру,—свѣтить открыто, торжественно, душеспасительно. И вотъ, съ 862 года они, неожиданно для себя, становятся апостолами славянъ, и каждый изъ нихъ продолжаетъ это служеніе до самой своей смерти.

Въ это время князь сѣверной Моравіи, Святополкъ, и князь паннонскій, Коцелъ, обратились къ константинопольскому императору съ просьбой прислать учителей вѣры.

Для совѣщаній по поводу этого въ высшей степени важнаго посланія императоръ немедленно собралъ соборъ. Когда на этомъ соборѣ поставленъ былъ вопросъ о томъ, кого послать къ славянамъ, то всѣ единогласно назвали св. Кирилла, какъ мужа мудраго, многоопытнаго, который уже не разъ, и при томъ блистательно, доказалъ свою опытность въ разъясненіи истинъ православной вѣры. Императоръ призвалъ св. Кирилла на соборъ и, сообщивши ему просьбу славянскихъ князей, просилъ отправиться къ славянамъ. Кириллъ согласился. Но прежде всего онъ принялся за составленіе славянской азбуки, такъ какъ у нихъ не было ея.

Откуда же св. Кириллъ взялъ для славянъ азбуку? Прежде всего онъ воспользовался готовою азбукою, греческою. Но такъ какъ въ этой азбукѣ было только 24 буквы, а звуковъ въ славянской рѣчи было гораздо больше, то греческихъ буквъ оказалось недостаточнымъ для славянской азбуки. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, св. Кириллъ нѣкоторыя буквы взялъ еще изъ еврейской и другихъ восточныхъ азбукъ, а остальныя самъ выдумалъ [1]). Кончивъ этотъ трудъ, онъ принялся за переводъ слова Божія на славянскій языкъ, и прежде всего перевелъ евангеліе отъ Іоанна.

Императоръ и патріархъ прославили за это Господа и душевно возблагодарили св. тружениковъ. Св. братьямъ вручено было императорское письмо для передачи моравскому князю Ростиславу; въ этомъ письмѣ императоръ славилъ св. Кирилла и Меѳодія, какъ мужей великихъ по уму и благочестію, и просилъ Ростислава дорожить ими и не оставлять своей заботливости о просвѣщеніи своихъ подданныхъ православною вѣрою. Взяли они это письмо и все нужное для будущаго великаго дѣла, помолились Богу и отправились въ свой апостольскій путь.

Путь ихъ въ Моравію пролегалъ черезъ *Болгарію* (тоже славянскую землю). Къ болгарамъ еще въ седьмомъ столѣтіи проникла греческая вѣра, но распространялась у нихъ медленно, такъ какъ этому препятствовали ихъ князья — язычники. Но не задолго передъ тѣмъ, какъ св. братьямъ отправиться въ Моравію (въ 861 году), болгарскій князь Борисъ принялъ отъ православной греческой вѣры крещеніе, и христіанство уже окончательно утвердилось въ Болгаріи. Но слова Божія у болгаръ, какъ и у моравовъ, не было на родномъ языкѣ. И вотъ, Господь устроилъ такъ, что св. учители славянства, идя на помощь одному славянскому народу, имѣли возможность сдѣлать добро и другому. Сколь долго пробыли они въ Болгаріи и чѣмъ именно занимались, — объ этомъ не говорится въ книгахъ подробно. Но, должно-быть, они принесли болгарамъ величайшую пользу, потому что болгары до сихъ поръ съ особеннымъ благоговѣніемъ чтутъ память св. Кирилла и Меѳодія и держатъ такое преданіе, что если бы не эти святые братья, такъ у нихъ и христіанства бы не было.

Наконецъ, св. Кириллъ и Меѳодій прибыли въ Моравію... Весьма обрадовались всѣ моравы, отъ князя до послѣдняго простолюдина, когда узнали, что къ нимъ прибыли самые лучшіе мужи, что эти мужи отлично говорятъ по-славянски, какъ природные славяне, да еще, въ добавокъ, принесли имъ родную азбуку, родную грамоту! Моравы сроду и не думали о такой благодати. Началось богослуженіе на родномъ для нихъ языкѣ, раздалась славянская, понятная проповѣдь. Доселѣ моравы были все равно, что глухіе: произносились предъ ними священныя слова, но совсѣмъ безъ пользы, словно на вѣтеръ; теперь они вдругъ какъ бы прослышали, все для нихъ стало очень вразумительно, теперь только они познали, что есть христіанская вѣра, и какъ нужно жить по ней. Усердно поучая взрослыхъ, св. братья не оставили безъ руководства и дѣтей. Они завели школу и обучали въ ней славянской грамотѣ, молитвамъ и слову Божію. Кромѣ того, они продолжали переводить на славянскій языкъ тѣ священныя и церковныя книги, которыхъ прежде не успѣли еще перевести. Неутомимо, почти безъ отдыха, трудились св. братья для просвѣщенія и спасенія славянъ-моравовъ. Жатвы было много, а жателей мало: только двое ихъ на цѣлый народъ. Но Господь утѣшилъ ихъ такимъ успѣхомъ, какого никогда не имѣетъ цѣлый сонмъ учителей, цѣлое общество просвѣтителей. Моравы въ короткое время какъ бы переродились,— стали разумнѣй и нравственнѣй. Воочію увидѣвъ неизмѣримое превосходство новыхъ наставниковъ передъ прежними, они всею душою привязались къ св. Кириллу и Меѳодію и отвратились отъ латинянъ. Радовались св. братья, радовались и моравы.

---

[1]) Азбука, составленная св. Кирилломъ, называется Кириллицей.

Но крѣпкій духовный союзъ св. Кирилла и Меѳодія съ моравскою паствою былъ не по сердцу латинскому духовенству, и оно начало строить противъ св. братьевъ разныя козни, чтобъ отнять у нихъ ту духовную силу, которую они получили надъ моравскою паствою, — и чтобы не дать имъ никакого хода.

Дѣло началось такъ.

Латиняне начали утверждать, что проповѣдывать слово Божіе на славянскомъ языкѣ — грѣхъ, что будто только на трехъ языкахъ можно славить Бога: на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, такъ какъ на этихъ языкахъ была сдѣлана надпись на крестѣ Спасителя (*Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій*). Св. братья на это отвѣчали: „надпись эту сдѣлалъ Пилатъ, попустившій распять Христа, а коли для васъ Пилатъ— законъ, такъ вы не христіане, а пилатники. Въ словѣ Божіемъ сказано: *хвалите Господа вси языцы... Всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца*. Развѣ вы этого не знаете? и развѣ вамъ неизвѣстно, что истинная церковь Христова никогда не запрещала новообращеннымъ христіанамъ писать слово Божіе и богослужебныя книги на родномъ языкѣ?“...

Видя, что въ спорахъ нельзя побѣдить св. братьевъ, латинскіе духовные прибѣгли къ другому, совсѣмъ ужъ безчестному средству для уничтоженія славянской проповѣди: они оклеветали св. Кирилла и Меѳодія предъ римскимъ папою въ томъ, будто они проповѣдуютъ не истинное Божественное ученіе, а еретическое. Папа (Николай I) повѣрилъ этой клеветѣ и потребовалъ св. братьевъ къ себѣ въ Римъ для объясненій.

Св. учители охотно подчинились этому требованію и, взявши мощи св. Климента, найденныя ими въ Корсунѣ, отправились въ путь.

Въ то время, когда св. братья находились въ пути, папа Николай I померъ, и его мѣсто заступилъ Адріанъ II. Новый папа заранѣе узналъ, что св. Кириллъ и Меѳодій идутъ съ мощами св. Климента, и приготовилъ славянскимъ учителямъ торжественную встрѣчу. При вступленіи ихъ въ Римъ, онъ самъ вышелъ имъ навстрѣчу, въ блестящемъ облаченіи, со свѣчами, въ сопровожденіи огромной массы римскаго народа. Послѣ того, какъ папа съ благоговѣніемъ принялъ мощи св. Климента, св. братья представили ему славянскія священныя книги. Не найдя ни въ этихъ книгахъ, ни въ устной бесѣдѣ св. Кирилла и Меѳодія ничего несогласнаго съ божественнымъ ученіемъ, папа рѣшилъ выказать уваженіе какъ книгамъ, такъ и св. переводчикамъ ихъ. Онъ положилъ славянскія священныя книги въ церковь св. Маріи и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы римскіе епископы и священники, вмѣстѣ съ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, нѣсколько дней совершали въ разныхъ римскихъ церквахъ литургію на славянскомъ языкѣ. Тутъ же велѣлъ онъ посвятить прибывшихъ съ славянскими учителями учениковъ ихъ,—кого во священники, кого въ чтецы, т.-е. св. Кириллъ и Меѳодій, явившись въ Римъ въ качествѣ подсудимыхъ, не только не услышали здѣсь порицанія себѣ, но, напротивъ, почтены были всеобщимъ вниманіемъ, уваженіемъ и прославленіемъ.

Но среди этихъ утѣшительныхъ обстоятельствъ совершилось событіе, скорбное какъ для всего славянскаго міра, такъ и для православной греческой церкви. Св. Кириллъ, съ юныхъ лѣтъ неутомимо и непрерывно трудившійся на благо ближнихъ, теперь почувствовалъ крайній упадокъ силъ и заболѣлъ смертельно. Настали послѣднія минуты святого. Съ любовью поцѣловавъ присутствующихъ при немъ учениковъ своихъ, онъ обратился къ брату, св. Меѳодію, съ такими словами: „мы были съ тобой, братъ, какъ пара воловъ, воздѣлывающихъ одну ниву. И вотъ я, падая на браздѣ, окончилъ день свой. Ты очень любишь гору Олимпъ, такъ, пожалуйста, ради этой горы не оставляй своего ученія!“... И вскорѣ предалъ духъ свой Господу. Скончался онъ 14 февраля, 869 года, на 45 году своей жизни.

Оказывая ему уваженіе при жизни, римляне почтили его и послѣ его смерти. Погребеніе его было чрезвычайно торжественное, точно папское. Останки св. Кирилла были помѣщены въ храмѣ св. Климента, по лѣвую сторону алтаря.

Между тѣмъ Коцелъ, князь паннонскій послалъ къ папѣ Адріану посольство съ просьбою отпустить къ нему славянскихъ апостоловъ (Коцелъ не зналъ еще, что св. Кириллъ уже отошелъ ко Господу). Папа поспѣшилъ исполнить просьбу князя и, провожая къ нему св. Меѳодія, вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ къ Коцелу большое посланіе. Въ этомъ посланіи онъ восхвалялъ св. Меѳодія, задобривалъ всѣхъ князей южнославянскихъ и самихъ славянъ, всѣмъ имъ выразилъ свое сочувствіе и обѣщалъ свою помощь во всякое время.

Коцелу не понравилось, что папа прислалъ въ Паннонію св. Меѳодія простымъ священникомъ. Онъ снова отправляетъ св. мужа въ Римъ и проситъ папу посвятить его въ епископы. Папа исполняетъ и эту просьбу славянскаго князя. Св. Меѳодій поставленъ былъ епископомъ паннонскимъ. Теперь латинскіе священники, служившіе въ земляхъ южно-славянскихъ, очутились подъ его властью. Досадно имъ это было, и они искали случая какъ-нибудь повредить своему нежеланному владыкѣ. Случай этотъ скоро представился.

Князь южной Моравіи, Святополкъ, племянникъ Ростислава, затѣялъ крамолу противъ своего дяди, предалъ его нѣмцамъ, а самъ захватилъ его престолъ. Чтобы удержаться на безчестно похищенномъ престолѣ и избавиться отъ мщенья за такое дѣло со стороны славянъ, онъ сталъ подслуживаться нѣмецкимъ властямъ, свѣтскимъ и духовнымъ. Тогда-то подчиненные св. Меѳодію нѣмецкіе священники пріободрились и возстали противъ своего законнаго архипастыря. Они оклеветали его передъ нѣмецкимъ королемъ Людовикомъ. Св. Меѳодія потребовали на судъ и, не принявъ отъ него никакого оправданія, заключили его въ Швабскую темницу, въ которой онъ томился два года съ половиной. Латиняне торжествовали въ увѣренности, что пришелъ конецъ славянскому православію. Но торжество ихъ оказалось преждевременнымъ.

Въ 874 г., по настоянію новаго римскаго папы, Іоанна VIII, св. Меѳодій отпущенъ былъ на свободу и возвратился въ Паннонію. И хоть эта несчастная Паннонія скоро попала въ руки сыну нѣмецкаго короля, Карломану, и насильно была олатинена, но за то въ то же самое время Моравія зажила лучшею жизнью. Святополкъ только на время притворился другомъ и слугой нѣмцевъ, но потомъ такъ ловко обошелъ ихъ, что сдѣлалъ Моравію совершенно независимою отъ нѣмецкаго господства. Моравцы упросили папу, чтобъ онъ перевелъ къ нимъ изъ Панноніи св. Меѳодія, и папа вскорѣ вручилъ ему моравскую паству въ управленіе, и возвелъ его въ званіе паннонско-моравскаго архіепископа.

Страданія за православную вѣру не только не обезсилили св. мужа, но еще болѣе укрѣпили его душевныя силы и вдохнули въ него непобѣдимую рѣшимость вести паству свою ко спасенію, что бы ни случилось, что бы его ни постигло въ будущемъ. За святость жизни и необычайно ревностное исполненіе пастырскихъ обязанностей, св. Меѳодій удостоенъ былъ отъ Бога дара прозрѣнія и пророчества. Такъ, напримѣръ, онъ предсказалъ своему князю Святополку день побѣды его надъ однимъ языческимъ народомъ, съ которымъ онъ долго и неудачно воевалъ; предсказалъ гибель однимъ супругамъ, самовольно вступившимъ въ беззаконный бракъ, и т. п. Этотъ чудный даръ еще болѣе возвышалъ архипастыря въ глазахъ пасомыхъ.

Но злымъ людямъ всегда противно видѣть дѣло святое, дѣло Божіе. Въ то время, когда св. Меѳодій всею душою радовался успѣхамъ своего учительства и процвѣтанію моравской паствы, противъ него строились новыя козни со стороны латинскихъ враговъ его. Латиняне послали въ Римъ доносъ на св. Меѳодія, будто бы св. Меѳодій потому собственно распространяетъ въ Моравіи славянское богослуженіе, что не желаетъ находиться въ зависимости отъ римской церкви. Этотъ доносъ сильно затронулъ властолюбіе римскаго первосвятителя.

Папа отправилъ въ Моравію посла съ тѣмъ, чтобы запретить тамъ славянское богослуженіе, а потомъ вызвалъ св. Меѳодія въ Римъ, чтобы самолично убѣдиться, правильно ли онъ вѣруетъ и учитъ.

Смиренный святитель славянскій не возмущался, не отговаривался, а съ покорностью поспѣшилъ въ Римъ, крѣпко вѣруя, что Господь поможетъ ему выпутаться изъ сѣтей вражіихъ. Когда онъ прибылъ въ Римъ и явился къ папѣ, папа созвалъ соборъ изъ нѣсколькихъ латинскихъ епископовъ и при нихъ допросилъ славянскаго апостола. Кончилось дѣло тѣмъ, что папа отпустилъ св. Меѳодія съ честью, а моравскому князю Святополку послалъ письмо съ высокими похвалами моравскому святителю. Въ этомъ же письмѣ папа высказалъ одобреніе славянской грамотѣ, снова разрѣшилъ славянское богослуженіе и въ защиту этого богослуженія, совершенно неожиданно, высказалъ тѣ самыя мысли, которыя нѣкогда св. Кириллъ и Меѳодій высказывали противъ подручныхъ папѣ латинянъ.

Обстоятельства жизни Меѳодія, по возвращеніи его изъ этого путешествія въ Римъ, были довольно горестны.

Въ 882 году папа Іоаннъ VIII скончался. Послѣ него римскій престолъ занимали, одинъ за другимъ, такіе папы, отъ которыхъ для славянской церкви можно было ожидать еще меньше добра, чѣмъ отъ самого Іоанна и его ближайшихъ предшественниковъ. И латиняне въ Моравіи прониклись теперь увѣренностью, что побѣда въ борьбѣ съ св. Меѳодіемъ останется за ними. Для ускоренія этой побѣды они распустили слухъ, будто цареградскій императоръ и патріархъ перемѣнили къ св. Меѳодію свое расположеніе и гнѣваются на него. Этой выдумкой они надѣялись поколебать въ православной моравской паствѣ довѣріе и уваженіе къ ея великому архипастырю. Но, какъ бы для опроверженія этого нелѣпаго слуха, случилось, такъ, что при началѣ его распространенія св. Меѳодій былъ вызванъ въ Царьградъ почтительною грамотою царя и былъ принятъ тамъ съ почетомъ и благоговѣніемъ, какъ великій человѣкъ Божій.

Утѣшенный и ободренный сочувствіемъ къ своимъ трудамъ со стороны знаменитаго патріарха цареградскаго, св. Меѳодій, немедленно по возвращеніи въ свою паству, ревностно принялся доканчивать то, что доселѣ не было кончено въ его апостольскомъ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ двумя священниками, — учениками своими, — онъ въ весьма короткій срокъ (въ шесть мѣсяцевъ) довершилъ переводъ библіи; остались не переведенными лишь Маккавейскія книги (не особенно важныя, сравнительно съ остальными). Вслѣдъ затѣмъ онъ перевелъ съ греческаго книгу правилъ церковныхъ, извѣстную подъ названіемъ Номоканона, и нѣкоторыя творенія св. отцовъ.

Не даромъ св. Меѳодій такъ спѣшилъ этими трудами. Онъ чувствовалъ, что дни его земной жизни сочтены, и что скоро онъ долженъ будетъ предстать предъ великимъ Архіереемъ—Господомъ и дать Ему отчетъ о духовныхъ чадахъ своихъ.

Замѣтивъ, что великій свѣтильникъ славянской церкви угасаетъ, ученики и сотрудники собрались къ св. Меѳодію, выражали тяжкую скорбь свою, въ виду предстоящей вѣчной разлуки съ нимъ и съ тревогой спрашивали его: „кого избираешь ты, отецъ и учитель нашъ, настольникомъ своей каѳедры по тебѣ и продолжателемъ твоего ученія?“ Св. Меѳодій указалъ на Горазда, который былъ однимъ изъ особенно любимыхъ учениковъ его.

Въ Вербное воскресеніе угасающій святитель совершилъ въ послѣдній разъ божественную службу, преподалъ всѣмъ присутствующимъ задушевное наставленіе и, обращаясь къ ученикамъ своимъ, сказалъ: „дѣти мои, поберегите меня до третьяго дня“. Этими словами онъ ясно и точно опредѣлилъ время своей кончины. Насталъ вторникъ страстной седмицы, а вмѣстѣ съ тѣмъ настали и послѣднія минуты драгоцѣнной, многоплодной жизни святителя. Воздѣвъ ослабѣвшія руки свои, онъ благоговѣйно и умиленно произнесъ: „Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой!“ — и скончался.

Это было 6 октября, 885 года. Проникнутые чувствами глубочайшей любви и высокаго благоговѣнія къ великому учителю своему, священнослужители — изъ учениковъ св. Меѳодія — устроили ему необычайно торжественное погребеніе; они пѣли надъ его гробомъ на трехъ языкахъ: греческомъ, латинскомъ и славянскомъ, и тѣмъ самымъ показали, что закатившееся солнце свѣтило не одному только міру славянскому, но также и греческому, и латинскому,—что св. Меѳодій былъ учитель обще-міровой. Народъ съ глубокою скорбію, съ рыданіями отдавалъ своему наставнику и отцу послѣднее цѣлованіе. Тѣло св. Меѳодія было погребено по лѣвую сторону алтаря соборнаго храма Пресв. Богородицы въ моравской столицѣ, Велеградѣ. (Извлеч. въ сокращ. изъ книги „Пастырское назиданіе“ изд. журн. „Пастыр. собесѣдн.“).

2. **Значеніе церковно-славянскаго языка.**

Церковно-славянскій языкъ, какъ языкъ первичный, имѣетъ высокія преимущества и неоспоримыя достоинства, которыя одни достаточны, чтобы оставить у насъ исключительно за нимъ значеніе языка богослужебнаго. Изобрѣтенный св. богомудрыми Кирилломъ и Меѳодіемъ, церковно-славянскій языкъ нашъ отличается особенною силою и выразительностію, благозвучіемъ и торжественностію, и въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ гармонируетъ съ выражаемыми на немъ святыми, высокими истинами нашего православія и св. вѣры Христовой. И въ то же время этотъ родной нашъ языкъ вполнѣ понятенъ всякому истинному сыну св. православной нашей вѣры и церкви. Не даромъ обороты славянской рѣчи пріятны нашему слуху, а благоразумное, въ мѣру и къ мѣсту, употребленіе ихъ считается у насъ однимъ изъ признаковъ возвышеннаго слога. Не даромъ народъ нашъ, вѣрующій въ простотѣ своего добраго сердца и тѣмъ же сердцемъ иногда угадывающій, гдѣ истина, такъ любитъ церковно-славянскій языкъ нашъ и даже самыя буквы славянскія.

Посмотримъ, далѣе, на старыхъ людей нашихъ, для которыхъ чтеніе свящ. писанія и посѣщеніе храма составляетъ не капризную прихоть, а насущную потребность вѣрующаго ихъ сердца: они всегда отдаютъ полное предпочтеніе церковно-славянскому тексту свящ. писанія предъ русскимъ его переводомъ. Въ этихъ явленіяхъ одинъ общій глубокій смыслъ. Языкъ свящ. писанія и богослуженія долженъ быть особый, возвышенный, отличный отъ нашего обыденнаго литературнаго и разговорнаго языка, какъ возвышенна и отлична отъ обыденной жизни область вѣры нашей.

Но церковно-славянскій языкъ нашъ и потому долженъ быть намъ дорогъ, что онъ объединяетъ между собою не только всѣхъ православныхъ разныхъ мѣстностей нашего отечества, но и объединяетъ насъ, русскихъ, съ православными славянами другихъ странъ общностію и единствомъ богослуженія, совершаемаго у нихъ на томъ же самомъ языкѣ, какъ и у насъ. Житель крайняго нашего сѣвера, находясь у православныхъ сербовъ и болгаръ, чувствуетъ себя дома, среди своихъ, какъ только услышитъ знакомые ему звуки богослуженія и молитвъ въ славянскомъ православномъ храмѣ. Тѣ же чувства переживаютъ и жители юга, православные сербъ и болгаринъ, случайно очутившись на крайнемъ нашемъ сѣверѣ. Уничтожься вдругъ церковно-славянскій языкъ въ нашемъ богослуженіи и замѣнись какимъ-либо другимъ, порвется тогда самая могучая, естественная и многовѣковая связь наша съ православнымъ и инославнымъ славянствомъ, истребится совершенно дорогое для всѣхъ насъ напоминаніе о единствѣ происхожденія славянъ, о поименномъ братскомъ родствѣ ихъ между собою; между тѣмъ взамѣнъ этого ничего не будетъ дано. Въ дѣло, утвержденное и освященное вѣками, будетъ внесено одно лишь разрушеніе, отъ чего да сохранитъ насъ Господь! (См. „Проп.“, прилож. къ „Рук. для сельск. паст.“ за 1885 г., апр.).

3. Зачѣмъ преимущественно учатся грамотѣ христіане?

Послушайте, братцы, разскажу вамъ, какъ и зачѣмъ добрые люди научили меня, православнаго русскаго христіанина, грамотѣ.

Посовѣтовали добрые люди отцу моему отдать меня въ училище, увѣряли его, что меня научатъ тамъ хорошему. Отецъ разсказалъ это моей матери, собралъ всю семью, посовѣтовались и рѣшили отвезти меня въ школу.

Когда отецъ собрался везти меня, тогда матушка принесла мнѣ много съѣстного: мяса, масла, яицъ, орѣховъ, меду и хлѣба, и все это уложила въ мѣшокъ. Когда и все прочее было готово и уложено въ дорожную нашу телѣгу, братья мои запрягли лошадь. Потомъ всѣ мы собрались въ избу; мать и сестра плакали, а отецъ и братья ободряли меня. Поговоривъ немного, мы всѣ встали, помолились Богу, родители благословили меня; прослезились и братья и отецъ; всѣ желали мнѣ здоровья, просили меня не забывать ихъ, любить ихъ и быть хорошимъ человѣкомъ, какъ велитъ Богъ. Всѣ мы вышли на дворъ. Я съ отцомъ сѣлъ въ телѣгу; братья отворили ворота. Отецъ перекрестился, напомнилъ мнѣ перекреститься и, кланяясь семейнымъ, сказалъ: будьте здоровы.— „Богъ васъ храни“, — отвѣчала мать. Господи благослови, — сказалъ опять отецъ. — Ну, вези, гнѣдко! — сказалъ онъ, обратясь къ нашей смирной лошадкѣ. Гнѣдко тронулся, матушка съ сестрою и братьями моими вышли вмѣстѣ съ нами на улицу проводить меня еще нѣсколько шаговъ. Они остались близъ воротъ, мы поѣхали.

Долго ѣхали мы съ батюшкой; много, много деревень проѣхали. Къ позднему вечеру гнѣдко нашъ очень усталъ, и мы остановились въ большой какой-то деревнѣ ночевать.

Когда мы ѣхали, всю дорогу мнѣ думалось: зачѣмъ это будутъ учить меня грамотѣ?.. Слыхалъ я, что знающіе грамоту учатъ ей другихъ и за то получаютъ много денегъ.—Такъ не затѣмъ ли, думалъ я, учатся грамотѣ, чтобы зарабатывать денегъ больше и легче, чѣмъ тяжелымъ земледѣльческимъ трудомъ?.. Видѣлъ я, что въ деревнѣ грамотныхъ всѣ уважали и почитали болѣе, чѣмъ неграмотныхъ. — Такъ не затѣмъ ли и меня хотятъ научить грамотѣ, чтобы мнѣ было больше почета!.. Слыхалъ я также, будто грамота дѣлаетъ людей умными... Но никакъ не могъ я придумать навѣрно, зачѣмъ учатся грамотѣ.

Утромъ, вставъ еще чуть свѣтъ, отецъ мой накормилъ и напоилъ нашу лошадь, потомъ разбудилъ меня. Опять ѣхали мы долго, опять тревожили меня вчерашнія думы, и опять не могъ я ихъ разрѣшить.

Наконецъ, передъ вечеромъ доѣхали мы до училища, въ которое меня хотѣли отдать. Пришли къ учителю; онъ былъ въ школѣ. Тамъ было довольно много учениковъ. Учитель похвалилъ отца моего за то, что онъ привезъ меня учиться, обласкалъ меня и сказалъ, чтобы я былъ послушнымъ и прилежнымъ.

Въ школѣ насъ учили понимать и знать наизусть символъ христіанской вѣры, главнѣйшія событія священной исторіи, а также и русской, и употребительнѣйшія молитвы, которыя мы и пѣли по-церковному. Учили насъ читать и писать по-русски. Прочитанное мы разсказывали и объясняли, какъ понимали. Еще учили насъ и цифрамъ съ разными надъ ними дѣйствіями, кромѣ того всегда объясняли намъ все, что мы не понимали. Зналъ нашъ учитель и ремесла: столярное, сапожное, швейное, переплетное, и имъ также онъ обучалъ насъ.

Особенно хорошо разсказывалъ намъ учитель: какъ Богъ сотворилъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды; какими хорошими создалъ Господь нашу землю и перваго человѣка; какъ много Богъ любитъ все доброе; какъ человѣкъ непослушаніемъ прогнѣвалъ Бога; какъ за то былъ наказанъ человѣкъ, и какъ потомъ, по безпредѣльной любви къ людямъ, предвѣчный и единосущный Богу Отцу Сынъ Божій, Господь Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, заслужилъ намъ отъ Бога прощеніе и даровалъ въ Своемъ ученіи средства къ спасенію.

Также хорошо говорилъ нашъ учитель объ ангелахъ, о пророкахъ, объ апостолахъ и о святыхъ Божіихъ: какъ ангелы послушны Богу, и какъ ревностно пророки и апостолы проповѣдывали людямъ слово Божіе; какъ согласно съ закономъ Божіимъ жили святые и праведные люди. Когда обо всемъ этомъ вспомнишь, то задумаешься, становится очень хорошо; такъ бы вотъ и намъ надо стараться жить.

Очень занимательны и поучительны были также разсказы нашего учителя изъ русской исторіи о томъ: какъ подъ сѣнью Божественнаго ученія Христова, въ теченіе вѣковъ, собиралась, крѣпла и возвеличивалась Россія — наша родина; какъ величественны и полны жизненныхъ силъ духа Христова замѣчательныя лица и событія историческаго существованія русскаго народа.

Всѣ такія разсказы добраго нашего учителя очень нравились намъ, и мы старались научиться грамотѣ, чтобы читать самимъ книги, гдѣ все такое написано.

Когда мы уже научились грамотѣ и, передъ разъѣздомъ изъ школы, сошлись въ воскресенье потолковать о томъ, кто куда собирается ѣхать, что дѣлать и какъ жить, пришелъ къ намъ по обыкновенію добрый нашъ учитель и сказалъ: миръ вамъ, братцы; помоги вамъ Богъ на добро разговаривать! — Потомъ, узнавъ о чемъ мы бесѣдуемъ, онъ сказалъ: ладно, братцы, хорошо вы дѣлаете; обдумывать заранѣе свои дѣйствія полезно. Если всегда будете спрашивать у себя отчетъ въ своихъ дѣлахъ, то больше будете видѣть ваши собственные недостатки и будете дѣйствовать лучше. Это очень хорошо. Но вотъ вы теперь уже научились грамотѣ, считаетесь славными грамотѣями, и большинство изъ васъ посылается учителями въ другія училища, а скажите откровенно, какъ понимаете вы, для чего главнымъ образомъ научили васъ грамотѣ и всему тому, что узнали вы здѣсь въ школѣ.

„Мы научились грамотѣ, поспѣшилъ отвѣтить одинъ изъ насъ, для того, чтобы умѣть читать и писать все, что захотимъ.“

„А я думаю, сказалъ Яковъ, что мы научились грамотѣ за тѣмъ, чтобы могли зарабатывать себѣ денегъ легче и больше, чѣмъ родственники наши тяжелымъ земледѣліемъ, и чтобы могли жить спокойнѣе и богаче ихъ“.

„Это еще не все, сказалъ Иванъ. Мнѣ кажется, что мы научились еще и для того, чтобы самимъ больше знать и быть умнѣе, чѣмъ простые, неученые люди, за что насъ будутъ почитать и уважать“.

„Ну, а я полагаю, сказалъ Семенъ, что насъ учили и мы другихъ будемъ учить за тѣмъ, чтобы и изъ насъ, бѣдныхъ крестьянъ, выходили, какъ говорится, въ люди на разныя высокія должности тѣ, которые окажутся умными и способными“.

„Мнѣ же кажется, сказалъ Андрей, что научили насъ грамотѣ и всему доброму, что мы здѣсь въ школѣ узнали, для того, чтобы продолжали подробнѣе все узнавать“.

Добрые вы малые, сказалъ учитель, но всѣ вы только отчасти справедливы и недостаточно вникаете въ самое существо дѣла. Вы указали все только частныя, второстепенныя послѣдствія обученія и больше вниманія обращаете на то, какія выгоды грамота даетъ вамъ самимъ. Хотя Господь не запрещаетъ намъ и даже обязываетъ насъ стараться объ умноженіи и улучшеніи тѣхъ даровъ, которыми Онъ надѣлилъ насъ, но вмѣстѣ съ этимъ Богъ требуетъ, чтобы мы, какъ заботимся о самихъ себѣ, равно старались бы о временныхъ и вѣчныхъ, вещественныхъ и духовныхъ благахъ и всѣхъ ближнихъ нашихъ. „Любите ближнихъ вашихъ, какъ любите самихъ себя... Любите не только любящихъ васъ и дѣлайте добро не только тѣмъ, которые вамъ дѣлаютъ добро: но *вы любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ, и гонящихъ васъ*“, — заповѣдуетъ намъ Самъ Христосъ Спаситель (Мѳ. XXII, 39; V, 44—46; Лук. VI, 33). Почему и благотворительная любовь наша должна обнимать всѣхъ людей безъ исключенія. Всѣ мы, люди, имѣемъ, по слову Божію (Быт. I, 27; IX, 1; Дѣян. XVII, 26—29), одно происхожденіе, весь родъ человѣческій составляетъ одну семью и, какъ дѣти одного небеснаго Отца — Бога, всѣ мы должны въ союзѣ любви единодушно стараться достигать какъ временныхъ, земныхъ нашихъ законныхъ цѣлей, такъ и въ особенности вѣчнаго нашего назначенія. Мы обязаны „искать не (только) своей пользы, но пользы многихъ, чтобы (всѣ) спаслись“ (1 Кор. X, 33). Для этого всѣ (Правосл. Догмат. Богословіе Филарета, архіеп. черн., изд. 1865 г., ч. 2 § 304, стр. 412—415) мы всѣмъ и всегда должны „проповѣдывать слово Божіе... назидать, наставлять и увѣщевать другъ друга каждый день, пока можно говорить... (2 Тимоѳ. IV, 2; 1 Ѳес. V, 11; Евр. III, 13; X, 25); однихъ исправлять въ духѣ кротости... а другихъ строго обличать... страхомъ спасать“ (Гал. VI, 1; Тит. I, 13; Іуды I, 23). Такъ вотъ, и должны мы всѣми силами нашими содѣйствовать ближнимъ нашимъ сохранять высокое достоинство образа Божія и возвышаться постепенно къ тому духовному совершенству, какое указано всѣмъ намъ Богомъ, „доколѣ всѣ пріидемъ въ единство вѣры и познаніе Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова, дабы мы не были болѣе младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству человѣковъ, по хитрому искусству обольщенія“,—но дабы истинною любовью, „облечься (намъ) въ новаго человѣка, созданнаго по Богу... и жить въ любви, которая есть исполненіе всего закона Божія (Ефес. IV, 13—15, 24; V, 2; Рим. XIII, 10). А достигать такого состоянія особенно помогаетъ намъ грамота. Она даетъ намъ возможность всесторонне научиться закону Божію, выраженному письменно. Грамота же помогаетъ намъ познавать Всевышняго небеснаго нашего Отца „чрезъ разсматриваніе Его твореній“ (Рим. I, 20), объясняемыхъ въ благочестивымъ книгахъ. Помогая намъ ясно уразумѣвать Божественныя истины ученія Христова, грамота вмѣстѣ съ этимъ научаетъ насъ истинно благой жизни христіанина во всѣхъ общественно-житейскихъ положеніяхъ и состояніяхъ. Изъ всего этого ясно, что христіанъ грамотѣ учатъ главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы образовать какъ можно больше хорошихъ, дѣятельныхъ людей — христіанъ. Вотъ для этого-то васъ научили грамотѣ, и вы должны учить другихъ. (См. „Народн. собесѣдникъ“ ч. I, изд. 1898 г.).

21-ЫЙ ДЕНЬ.

ПРАЗДНОВАНІЕ ВЛАДИМІРСКОЙ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Еванг. отъ Лук. зач. 58-е, гл. X, 38—42; XI, 27—28 ст. [1]).

1. Надежда наша непостыдная.

Какъ часто мы слышимъ и въ церкви за богослуженіемъ, и дома на молитвѣ произносимъ пѣснопѣнія, воспѣвающія величіе и славу честнѣйшей херувимъ и славнѣйшей безъ сравненія серафимъ Пренепорочной Дѣвы Богоматери. „Богородице Дѣво, радуйся... Изрядно о пресвятѣй, пречистѣй, преблагословеннѣй, славнѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ... Честнѣйшую херувимъ“,—вотъ общія употребительныя пѣснопѣнія въ честь Богородицы... Да и какъ намъ не прославлять и не восхвалять Пречистой Дѣвы Маріи! Благодѣянія, изливаемыя Ею на родъ человѣческій, неисчислимы. Какъ Царица неба и земли, Она укрѣпляетъ царей и утверждаетъ царства; избранная Воевода—спасаетъ грады отъ нападеній враговъ; какъ Ходатаица міра, Она заботится объ обращеніи заблудшихъ на путь покаянія и добродѣтели; Радость скорбящихъ—спѣшитъ на помощь страждущему человѣчеству; Заступница обидимыхъ—защищаетъ безпомощныхъ. Она заступаетъ всѣхъ,—иже въ напастехъ и въ скорбехъ и въ болѣзняхъ, обремененныхъ грѣхами многими, молящихся Ей умиленною душою и сокрушеннымъ сердцемъ...

---

[1]) *Примѣч.* Евангельское чтеніе на сей день см. выше на 8 сентября. О чудотворной Владимірской иконѣ Пресвятой Богородицы и чудесахъ отъ нея см. стр. 653—655 нашей книги.

Но особенно много милостей изливала и изливаетъ Пресвятая Богородица на нашу русскую землю. Въ исторіи нашей церкви и нашего отечества мы видимъ постоянно распростертымъ Матерній покровъ Ея надъ Россіею. Вотъ, напр., образъ Владимірской Божіей Матери. О чемъ онъ говоритъ намъ? О заступленіи Богоматерію русской земли отъ татаръ—отъ Тамерлана и Ахмета. Донская икона Богоматери свидѣтельствуетъ о такомъ же заступленіи отъ тѣхъ же враговъ. А икона Казанской Божіей Матери говоритъ объ избавленіи при помощи Ея — Царицы небесной, русской земли отъ поляковъ. Впрочемъ, невозможно перечислить тѣ чудеса и милости, которыя явила и являетъ землѣ русской Пресвятая Дѣва Богородица. *Не умолчимъ никогда, Богородице, силы Твоя глаголати недостойніи...*

Пресвятая Дѣва Марія — заступница усердная не только нашей русской земли, но и всѣхъ насъ, — лишь бы только мы усердно прибѣгали къ Ней. „За всѣхъ,—поется въ одной церковной пѣсни,—молиши Сына Твоего, Христа Бога нашего, и всѣмъ твориши спастися въ державный Твой покровъ прибѣгающимъ“. Какъ бы ни были велики твои грѣхи, христіанинъ, но, если случится съ тобою какая бѣда, несчастье, – смѣло прибѣгай подъ державный покровъ Богоматери, и Она — Заступница усердная защититъ тебя отъ всякаго зла. Примѣровъ сильнаго ходатайства Божіей Матери за грѣшниковъ весьма много. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Въ книгѣ „Четьи-Минеи“ упоминается о нѣкоемъ Ѳеофилѣ. Этотъ несчастный впалъ въ тягчайшій грѣхъ, отвергшись Бога и предавшись сатанѣ. Затѣмъ лишился онъ мира и спокойствія душевнаго; страхъ, тоска и отчаяніе овладѣли имъ. Что же дѣлаетъ Ѳеофилъ? Онъ обращается къ Божіей Матери съ пламенною молитвою, повергается предъ Ея иконою, въ сокрушеніи сердца проливаетъ горькія слезы — и вскорѣ изъ величайшаго грѣшника дѣлается человѣкомъ прощеннымъ, возвратившимъ и спокойствіе, и радость, и надежду на полученіе царства небеснаго.

А то вотъ еще поразительный опытъ заступленія Богоматери — опытъ, показывающій, насколько сильна молитва: „Богородице Дѣво, радуйся...“ Въ одной странѣ былъ могучій и отчаянный разбойникъ. Занимая пути и распутья, онъ съ отважной шайкою билъ, грабилъ и убивалъ всѣхъ встрѣчныхъ; но, находясь въ такомъ погибельномъ состояніи, онъ, между прочимъ, имѣлъ добрый обычай — каждодневно совершать извѣстное правило и читать молитвы, особенно молитву Богородицѣ: „Богородице Дѣво, радуйся!..“ Однажды нѣкоторый великій подвижникъ-прозорливецъ проходилъ тѣмъ путемъ, гдѣ разъѣжали разбойники. Они, какъ дикіе звѣри, схватили подвижника и представили своему атаману. Предъ атаманомъ прозорливецъ началъ говорить: „послушай, чадо, я хочу открыть тебѣ и твоимъ товарищамъ великую тайну: прикажи для этого собрать сюда всѣхъ твоихъ подчиненныхъ“. Атаманъ подалъ знакъ предстоявшимъ, и въ одинъ мигъ собрана была вся шайка разбойниковъ. „Всѣ ли здѣсь, — оглядывая шайку, спросилъ подвижникъ, — или кого еще нѣтъ?“ — „Одинъ еще не пришелъ,—отвѣчалъ атаманъ. „Ну, такъ позови и его“, — сказалъ старецъ. Позвали и послѣдняго, но тотъ поморщился, пожалъ плечами и нехотя пошелъ къ атаману. Едва только переступилъ онъ порогъ ихъ лачуги, какъ вдругъ затрясся всѣмъ тѣломъ, лицо свое отворотилъ въ сторону отъ прозорливца и движеніемъ своихъ рукъ показывалъ, что онъ не смѣетъ къ нему подойти. „Заклинаю тебя именемъ Іисуса Христа, — воскликнулъ подвижникъ, не сводя глазъ съ этого прислужника атаманова (а онъ былъ у него поваромъ), — скажи, кто ты и зачѣмъ здѣсь?“ — „Я не человѣкъ, — закричалъ тотъ, — но демонъ, и отъ моего владыки сатаны приставленъ наблюдать за этимъ атаманомъ, чтобы, какъ только оставитъ онъ правило свое и молитвы къ Дѣвѣ Маріи, задушить его и похитить во адъ... И вотъ уже 14 лѣтъ я для того только и нахожусь въ услуженіи у него, но не могу его погубить единственно потому, что онъ каждый день, производя разбой, грабежи и убійства, вмѣстѣ съ тѣмъ не оставляетъ и ревности къ молитвѣ предъ этою иконою (а икона была Пресв. Богородицы). Тайная сила Маріи не даетъ мнѣ возможности не только погубить его, но и малѣйшаго зла причинить ему".—„Исчезни же,—повелительно сказалъ подвижникъ,—и никогда не смѣй приближаться къ тѣмъ, кто только молитвенно призываетъ имя всепѣтыя Владычицы нашея Богородицы!" — Какъ дымъ, исчезъ демонъ. Разбойники пали въ ноги прозорливцу вмѣстѣ съ своимъ атаманомъ — и съ той поры, бросивши разбой, исправили жизнь свою и въ искреннемъ покаяніи предъ Богомъ оплакивали свои злодѣянія. Такова сила молитвы къ Божіей Матери!

Прибѣгай и ты, христіанинъ, подъ защиту Царицы небесной, чаще молись Ей: Богородице Дѣво, радуйся!.. „Пресвятая Богородице, спаси насъ!" и Она—всемилостивая Госпожа и Царица—защититъ и сохранитъ тебя отъ всякаго зла. (См. „Воскр. лист." № 275, изд. ред. журн. „Воскр. день").

Іюнь мѣсяцъ.

23-й ДЕНЬ.

ПРАЗДНОВАНІЕ ВЛАДИМІРСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ.

См. выше подъ 21 мая и подъ 1 октября.

24-й ДЕНЬ.

РОЖДЕНІЕ СВ. ПРОРОКА, ПРЕДТЕЧИ И КРЕСТИТЕЛЯ ГОСПОДНЯ, ІОАННА[1].

Еванг. отъ Лук. зач. 2-е, гл. I, 5—25; 57—68, 76 и 80 ст.

1. Чему научаетъ насъ жизнь и проповѣдь св. Іоанна Крестителя?

Когда Сыну Божію надлежало явиться и проповѣдать евангеліе царствія Божія, то напередъ предъ Нимъ посланъ былъ отъ Бога св. Іоаннъ, какъ денница предъ восходящимъ солнцемъ, по слову Божію чрезъ пророка: *се Азъ посылаю ангела Моего предъ лицемъ Твоимъ, иже уготовитъ путь Твой предъ Тобою* (Малах. III, 1; Матѳ. XI, 10), каковое слово Самъ Сынъ Божій приводитъ о Предтечѣ Своемъ и приписываетъ ему. Этотъ великій Предтеча родился отъ престарѣлыхъ и неплодныхъ родителей, Захаріи и Елисаветы, и родился по обѣщанію Божію (Лук. I, 13). Потомъ Сама Истина, Сынъ Божій, свидѣтельствовалъ о немъ, что онъ *лишше пророка* и что *не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя* (Матѳ. XI, 9—11). И у самихъ іудеевъ онъ былъ въ великомъ почтеніи за свою святость, такъ что они ожидали и помышляли въ сердцахъ своихъ: *еда той есть Христосъ* (Лук. III, 15)? Онъ жилъ въ пустынѣ, какъ ангелъ Божій, удаленный отъ общества и молвы человѣческой, питался самою простою пищею и одѣвался въ простую одежду, какъ проповѣдникъ покаянія, которое онъ проповѣдывалъ и словомъ, и житіемъ своимъ. Этотъ великій мужъ предъ самымъ явленіемъ Христовымъ, по повелѣнію Божію, вышелъ изъ пустыни, пришелъ въ страну Іорданскую и проповѣдывалъ приходящимъ къ нему людямъ, говоря: *покайтеся, приближибося царствіе небесное* (Матѳ. III, 2). *Грядетъ крѣплій мене, Ему же нѣсмь достоинъ отрѣшити ремень сапогу Его*; *Той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* и т. д. (Лук. III, 16). Это онъ говорилъ людямъ о Христѣ Спасителѣ нашемъ. Прочая его святая проповѣдь записана въ евангеліи.

Обрати вниманіе, христіанинъ, здѣсь, какъ великъ Тотъ, о Которомъ говорилъ Предтеча людямъ: *грядетъ въ слѣдъ мене;* самъ былъ, какъ ангелъ безплотный и отъ всѣхъ высокопочитаемый, но считалъ себя предъ Нимъ весьма малымъ, такъ что призналъ себя недостойнымъ оказать Ему даже послѣднее рабское служеніе, т.-е., развязать ремень сапогъ, ибо онъ сознавалъ себя тварью, а Его Творцомъ, хотя Тотъ и носилъ человѣческій образъ.

Святая проповѣдь Іоанна Предтечи имѣла ту цѣль, чтобы люди очистили себя покаяніемъ и приготовились къ принятію Мессіи, явившагося уже на землѣ и столь великаго, что онъ и служить Ему даже недостоинъ: *Ему же нѣсмь достоинъ отрѣшити ремень сапогу Его*. Когда царь земной приближается къ какому-либо городу, жители котораго долго ждали царя, то прежде приходитъ въ тотъ городъ вѣстникъ и говоритъ гражданамъ: „вотъ, царь уже идетъ къ вамъ, приготовьтесь встрѣтить его и принять съ подобающею честью“; такъ же точно, когда Царь небесный, Іисусъ Христосъ, проповѣданный пророками и ожидаемый міромъ, явился на землѣ, и пришло Ему время явиться міру и дать познать Себя, св. Іоаннъ Предтеча, пророковъ всѣхъ печать, какъ вѣстникъ благопріятный, предшелъ предъ Нимъ и возвѣстилъ ожидающимъ Его людямъ: „вотъ, пришелъ уже ожидаемый вами Мессія, проповѣданный закономъ и пророками; приготовьтесь же принять Его, какъ должно: *уготовайте путь Господень, правы творите стези Его* (Матѳ. III, 3).

---

[1] Житіе св. Предтечи и Крестителя Іоанна см. выше, подъ 7 января, стр. 740—741.

Видишь изъ этого, что, кто хочетъ принять Христа въ свое сердце, тому надобно очистить себя истиннымъ покаяніемъ, познать изъ закона грѣхи свои и очистить ихъ покаяніемъ, сожалѣніемъ и сокрушеніемъ сердца, а главное—просить очищенія ихъ у Бога,—и тогда пріидетъ къ нему Христосъ Сынъ Божій съ Своимъ евангеліемъ и подастъ ему утѣшеніе не мірское, но такое, какого міръ не можетъ принять.

Видишь, наконецъ, какъ угодники Божіи смиряются предъ Богомъ. Іоаннъ признаетъ себя недостойнымъ развязать ремень сапогъ у Христа Бога. Такъ Авраамъ святой признавалъ себя недостойнымъ бесѣдовать съ Богомъ и говорилъ: *азъ есмь земля и пепелъ* (Быт. XVIII, 27). Ибо они понимали величіе Божіе и свою ничтожность предъ Нимъ. Такъ Петръ, изъ множества пойманныхъ по повелѣнію Христову рыбъ познавши, сколь великъ Христосъ, припалъ къ колѣнамъ Іисусовымъ, говоря: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь, Господи. Ужасъ бо одержаше его и вся сущыя съ нимъ, о ловитвѣ рыбъ, яже яша* (Лук. V, 8—9). Но чѣмъ болѣе они признаютъ себя недостойнѣйшими, тѣмъ болѣе Богъ, какъ Благій и Милосердый, удостоиваетъ ихъ.

Покаемся же и мы, признаемъ себя недостойными,—и Христосъ Богъ, какъ Человѣколюбецъ, удостоитъ насъ Своей милости, ибо Онъ призираетъ на смиренныхъ и подаетъ имъ благодать Свою! (Изъ твореній св. Тихона Задонскаго).

2. О силѣ врожденныхъ наклонностей.

Св. церковь празднуетъ нынѣ день рожденія Предтечи и Крестителя Христова Іоанна, великаго пророка и дивнаго подвижника. О немъ Спаситель сказалъ, что *не воста болій Іоанна изъ рожденныхъ женами* (Матѳ. XI, 11). Кто же возрастилъ въ немъ ангелоподобную жизнь? Конечно, главнымъ воспитателемъ и руководителемъ св. Предтечи былъ Самъ Богъ; *рука Господня бѣ съ нимъ* (Лук. I, 66), говоритъ евангелистъ. Много онъ и самъ потрудился въ борьбѣ съ прирожденною всѣмъ порчею, что доказываетъ строгій образъ его жизни. Но нельзя отвергать и того, что на его святую жизнь много вліяло и благочестіе родителей, которые *оба бѣста праведна предъ Богомъ; ходяще во всѣхъ заповѣдехъ и оправданіяхъ Господнихъ* (Лук. I, 6).

Въ настоящее время нерѣдко приходится слышать жалобы отъ родителей на дѣтей, что молодое поколѣніе вообще плохо слушается родителей, ведетъ себя очень вольно, живетъ не по-божески, что, надо сказать, и сущая правда. Отчего происходитъ это печальное явленіе? Не мы ли портимъ и губимъ своихъ дѣтей небрежнымъ воспитаніемъ? Извѣстно, что все рождающее производитъ подобное себѣ. Это подобіе не ограничивается однимъ внѣшнимъ видомъ, но простирается и на внутреннія качества. Этому закону подлежитъ и человѣкъ; онъ также передаетъ своимъ дѣтямъ не только тѣлесныя, но и нравственныя качества, свой характеръ, свои страсти и наклонности. Неудивительно послѣ этого, что у распутныхъ, злыхъ, нетрезвыхъ не имѣющихъ страха Божія родителей и плодъ ихъ, въ беззаконіяхъ зачатый и стыдомъ повитый, впослѣдствіи, когда выраститъ, оказывается не имущимъ ни стыда, ни совѣсти, склоннымъ къ нетрезвости и готовымъ на вся злая.

Скажете: св. крещеніе возродитъ? Въ немъ, вѣдь, омываются всѣ скверны грѣховныя, и человѣкъ возрождается вновь. Дѣйствительно, крещеніе есть второе рожденіе, только не забывайте,—рожденіе не тѣлесное, а духовное. Прощается здѣсь грѣхъ Адамовъ и всѣ прочіе грѣхи, но наклонности остаются. Вслѣдствіе чего крещаемый хотя и становится чадомъ Божіимъ, но не перестаетъ быть и чадомъ своихъ родителей, продолжая сохранять ту природу, которую ему дали при зачатіи. Значитъ, дитя отъ природы надѣляется или добрыми или дурными качествами, смотря потому, каковы мы сами.

Впрочемъ, нужно сказать, что врожденныя качества, злыя и добрыя, развиваются, укрѣпляются и уничтожаются вслѣдствіе воспитанія дѣтей. Хотя человѣку и прилежитъ помыслъ на злая отъ рожденія его, но онъ можетъ быть ослабленъ и уничтоженъ добрымъ воспитаніемъ. Но увы! духъ времени сильнымъ холодомъ повѣялъ на нашу религіозную жизнь. Многіе родители, даже искренно любящіе своихъ дѣтей, думаютъ только о томъ, какъ бы только насытить дѣтей своихъ и успокоить, доставить имъ всевозможныя развлеченія и игры, удовлетворить всякому ихъ капризу и прихоти, но о душѣ ихъ мало заботятся и не обращаютъ своевременно вниманія на проявленія въ нихъ дурныхъ наклонностей: своенравія, раздраженія, гнѣвливости, грубаго и жестокаго обращенія съ прислугою и домашними животными. На эти дѣйствія родители не обращаютъ вниманія, думая, что дѣти малы и глупы, а подрастутъ—поумнѣютъ, сдѣлаются лучшими. Далъ бы Богъ, чтобы такъ случилось. Но, вѣдь, въ злыхъ дѣйствіяхъ и наклонностяхъ дитяти заключается зародышъ и начало той необузданности, какую дѣти постепенно усвояютъ себѣ, такъ что даже всѣ усилія воспитателей остаются безплодными къ исправленію самонравія дѣтей.

Не мало также вліяетъ на развитіе врожденныхъ наклонностей жизнь и поведеніе родителей. Благо тому дитяти, родители котораго имѣютъ страхъ Божій и чужды грубыхъ пороковъ. У нихъ оно научится быть добрымъ, благочестивымъ и чуждымъ всего того, что противно волѣ Божіей и вредно вліяетъ на его нравственность. Но горе тому дитяти, которое видитъ, что его родители не молятся Богу, осуждаютъ ближнихъ, порицаютъ старшихъ, ведутъ жизнь развратную, противную волѣ Божіей. Дурные примѣры укоренятся въ немъ, дитя сдѣлается своенравнымъ, не будетъ вѣровать въ Бога, не будетъ любить ближнихъ и уважать старшихъ. Все это плоды нашего невнимательнаго отношенія къ воспитанію дѣтей.

Братіе христіане! Что сѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ. Отъ насъ самихъ главнымъ образомъ зависитъ характеръ и поведеніе дѣтей нашихъ. Будемъ же всемѣрно остерегаться нечистыхъ мыслей и желаній, въ особенности же грѣшныхъ дѣлъ, потому что они отпечатлѣваются въ юной душѣ дѣтей, какъ на мягкомъ воскѣ, и служатъ началомъ порочныхъ наклонностей, причиняющихъ столько зла имъ и слезъ родителямъ ихъ. Будемъ учить дѣтей добру съ раннихъ лѣтъ, а худое искоренять. Вѣковой опытъ да научитъ насъ той непререкаемой истинѣ, что *сынъ не наказанный студъ отцу своему* (Сир. XXII, 3), *наказуяй же сына своего насладится о немъ и посредѣ знаемыхъ похвалится* (Сир. XXX, 2). Баловство дѣтей весьма вредно, разумная же строгость необходима и спасительна для нихъ. *Ласкай чадо, и устрашитъ тя,* говоритъ премудрый, *играй съ нимъ, и опечалитъ тя. Не смѣйся съ нимъ, да не поболиши о немъ и на послѣдокъ стиснеши зубы твои. Сляцы выю его въ юности, дондеже младъ есть, да не когда ожестѣвъ не покорится* (Сир. XXX, 9—12). Станемъ же учить дѣтей добру съ раннихъ лѣтъ не только словомъ, но и примѣромъ. Видя добрыя наши дѣла, они научатся сами собою славить Бога и радовать насъ честнымъ поведеніемъ и доброю жизнію.

Ты же, Предтече и Крестителю Спасовъ, Іоанне! Призри милостиво на народъ христіанскій, благоговѣйно чтущій память твою, и моли Господа, да умножитъ Онъ между нами родителей такихъ добродѣтельныхъ, каковы были твои, такихъ и дѣтей, которые бы уподоблялись тебѣ по чистотѣ сердца и святости жизни (См. Христ. бес. 1899 г., прил. къ журн. „Пастыр. собес.“).

3. Горній градъ Іудовъ.

Ближе другихъ важнѣйшихъ священныхъ мѣстъ къ Іерусалиму находятся *горній градъ Іудовъ и пустыня Іоаннова.* Градъ Іудовъ отстоитъ отъ Іерусалима къ юго-востоку на часъ съ четвертью ѣзды. Дорога къ нему, выходя изъ Виѳлеемскихъ воротъ, идетъ мимо греческаго *Крестнаго монастыря,* который основанъ, по преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ росло дерево, промыслительно употребленное на крестъ, на коемъ былъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и понынѣ здѣсь, подъ престоломъ соборнаго храма, указываютъ мѣсто, гдѣ былъ корень сего дерева. Отсюда вскорѣ достигаемъ плодоносной долины *горняго града Іудова.* На мѣстѣ сего града нынѣ находится арабское селеніе. Здѣсь жили родители св. Іоанна Предтечи—священникъ Захарія и жена его Елисавета. Здѣсь родился тотъ *ангелъ* Божій (Мал. III, 1), который долженъ былъ приготовить путь Спасителю міра. Селеніе св. Іоанна и теперь красивое и веселое. Оно находится въ горной лощинѣ, посреди садовъ и обработанныхъ полей. На *мѣстѣ рождества Іоанна Предтечи* стоялъ издревле православный храмъ и при немъ укрѣпленный замокъ. Въ началѣ XVI в. этимъ мѣстомъ завладѣли латиняне и основали здѣсь свой монастырь. Главный храмъ и понынѣ носитъ характеръ византійскій. Главный алтарь посвященъ имени св. Захаріи; на правой сторонѣ отъ входа—придѣлъ во имя св. Елисаветы, а на лѣвой сторонѣ—пещера, или мѣсто рожденія Предтечи; надъ вырѣзанною въ полу ея изъ мрамора звѣздою находится слѣдующая надпись по-латыни: „Здѣсь родился Предтеча Господень“. Своды и стѣны этой пещеры обложены мраморомъ и покрыты богатою матеріей, а полъ украшенъ разноцвѣтною мозаикой. Вотъ гдѣ родился тотъ, *болѣе кого*,—по свидѣтельству Самого Господа,—*никто не возсталъ изъ рожденныхъ женами* (Матѳ. XI, 11). Главный престолъ храма, по преданію, находится на тотъ мѣстѣ, гдѣ счастливый отецъ излилъ извѣстную пѣснь благодаренія: *Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ Своимъ и воздвиже рогъ спасенія намъ, въ дому Давида отрока Своего, якоже глагола усты святыхъ сущихъ отъ вѣка пророкъ Его... И ты, отроча, пророкъ Вышняго наречешися: предъидеши бо предъ лицемъ Господнимъ, уготовати пути Его...* (Лк. I, 68—76)

За латинскимъ монастыремъ, въ концѣ селенія, виденъ подъ тѣнью смоковничныхъ деревьевъ водоемъ, называющійся *источникомъ Маріи*; сюда, гласитъ преданіе, Пресвятая Богородица, во время трехмѣсячнаго пребыванія у Своей родственницы Елисаветы, ходила почерпать воду. Отъ этого водоема идетъ дорога къ развалинамъ *загороднаго дома Захаріи и Елисаветы*, которыя находятся на скатѣ горы, прилежащей къ этому источнику. Подъ сводами этихъ развалинъ устроенъ престолъ, на которомъ однажды въ годъ монахи монастыря св. Іоанна Предтечи совершаютъ богослуженіе. Къ сѣверу, внизу, на скалѣ, находится небольшая келья, гдѣ, по преданію, погребена св. Елисавета. Здѣсь показываютъ то мѣсто, гдѣ, по преданію, произошла встрѣча праведной Елисаветы съ Пресв. Дѣвою, описанная въ евангеліи: *и бысть яко услыша Елисаветъ цѣлованіе Маріино, взыграся младенецъ во чревѣ ея, и исполнися Духа Свята Елисаветъ. И возопи гласомъ веліимъ и рече: благословена Ты въ женахъ, и благословенъ плодъ чрева Твоего. И откуда мнѣ сіе, да пріидетъ Мати Господа моего ко мнѣ. Се бо, яко бысть гласъ цѣлованія Твоего во ушію моею, взыграся младенецъ радощами во чревѣ моемъ. И блаженна вѣровавшая, яко будетъ совершеніе глаголаннымъ Ей отъ Господа. И рече Маріамъ: величитъ душа Моя Господа, и возрадовася духъ Мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ, яко призрѣ на смиреніе рабы Своея, се бо отнынѣ ублажатъ Мя вси роди, яко сотвори Мнѣ величіе Сильный, и свято имя Его...* (Лук. I, 41—49). Вдохновенная пѣснь эта невольно просится здѣсь на уста, и наши поклонники не упускаютъ случая пропѣть ее хоромъ. Вѣковыя деревья осѣняютъ останки священнаго крова, гдѣ нѣкогда обитало св. семейство.

4. Пустыня св. Іоанна Предтечи.

Въ разстояніи одного часа пути отъ развалинъ дома св. Захаріи, по трудной дорогѣ въ обнаженныхъ скалахъ, поклонники достигаютъ той *мѣстности, гдѣ св. Іоаннъ Предтеча проводилъ пустынную жизнь*, приготовляясь на великій подвигъ служенія спасенію людей. На половинѣ пути находится бѣлый камень, значительно возвышенный надъ поверхностью земли, вродѣ небольшого холма; на немъ Іоаннъ Предтеча, по преданію, поучалъ народъ. Въ самой пустынѣ Предтеча Господень проводилъ все утро своей чудесной жизни (до 30-лѣтняго возраста), какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ св. еванг. Лука: *отроча же растяше и крѣпляшеся духомъ и бѣ въ пустыняхъ до дне явленія своего ко Израилю* (Лук. I, 80). Трудно найти мѣсто столь прекрасное, какъ эта пустыня: предъ вами тянется огромное и глубокое ущелье, на лѣвой сторонѣ коего, въ самой верхней части боковой скалы, находится пещера, гдѣ, по преданію, обиталъ св. Іоаннъ Предтеча — Илія новаго завѣта. Она не велика—всего 8 шаговъ длины и 4 ширины. Кромѣ дверей, есть два окна, изъ которыхъ открывается прекрасный видъ на долину. Въ глубинѣ пещеры небольшой выступъ обдѣланъ въ видѣ престола: здѣсь почивалъ тотъ, который потомъ *показался воистину и пророкъ честнѣйшій* (троп. на Усѣкнов. честн. его главы). Надъ пещерой высятся остатки древняго храма и монастыря, теперь заросшіе деревьями и растеніями и представляющіе довольно живописный видъ. Съ вершины скалы выходитъ источникъ, который малой струей сочится по скалѣ и у самой пещеры собирается въ каменное овальное ложе, а затѣмъ бѣжитъ съ журчаніемъ въ глубину долины. Здѣсь-то *бысть глаголъ Божій ко Іоанну, Захаріиному сыну, въ пустыни: и пріиде во всю страну Іорданскую, проповѣдая крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ* (Лук. III, 2). (Изъ кн.: „Святыя мѣста и святыни...! Петрушевскаго. Вып. I, изд. 1896 г., стр. 156—161).

29-й ДЕНЬ.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ ПЕРВОВЕРХОВНЫХЪ АПОСТОЛОВЪ ПЕТРА И ПАВЛА.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 67-е, гл. XVI; 13—19 ст.

1. Исповѣданіе Петра.

Кого Мя глаголютъ человѣцы быти, Сына человѣческаго, т.-е. обѣтованнаго Мессію (Матѳ. XVI, 13; сн. Дан. VII, 13)?—спрашивалъ Іисусъ Христосъ приближенныхъ учениковъ Своихъ. Ученики отвѣчали: одни—*Іоанна Крестителя*, другіе—*Илію*, иные—*Іеремію или единаго отъ пророковъ. Вы же кого Мя глаголете быти?* Тогда Симонъ Петръ исповѣдалъ: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго!* На сіе Іисусъ сказалъ въ отвѣтъ: *блаженъ еси, Симоне, варъ* (*сынъ*) *Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, Иже на небесѣхъ. И Азъ тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою. и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI, 13—18). Вотъ мѣсто, гдѣ Іисусъ Христосъ въ первый разъ говоритъ о церкви Своей!

И прежде ученики исповѣдали Его Сыномъ Божіимъ (Матѳ. XIV, 33), но тогда не было слова о церкви, вѣроятно, потому, что къ тогдашнему случаю примѣшивалось маловѣріе Петрово, и самое исповѣданіе основывалось на видѣнномъ чудѣ—спасеніи апостола Петра отъ потопленія и укрощеніи бури, чѣмъ спаслись и прочіе ученики, бывшіе на кораблѣ, потому-то они и говорили: *воистину Божій Сынъ еси*; но потому-то и вѣра ихъ, можетъ-быть, была не такъ совершенна, какъ здѣсь вѣра Петрова. Здѣсь же безъ всякихъ постороннихъ обстоятельствъ, которыя могли бы возбуждать вѣру, исповѣданіе апостола Петра льется стремительною рѣчью: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго!* Видно, что это исповѣданіе излилось изъ всей души Петровой, проникнутой вѣрою въ Іисуса, какъ Христа, Сына Божія; видно, что такого полнаго, сердечнаго исповѣданія ученики Христовы не изрекали еще ни однажды, хотя уже исповѣдали Его Сыномъ Божіимъ; и Самъ Іисусъ Христосъ замѣчаетъ, что такое исповѣданіе внушили апостолу Петру *не плоть и кровь*, т.-е не соображенія просто человѣческія, по коимъ иные называли Іисуса то Іоанномъ Крестителемъ, то Иліею, то Іереміею, то единымъ отъ пророкъ, но Самъ *Отецъ небесный*, Который, по слову Христову, Одинъ и привлекаетъ людей къ Сыну (Іоан. VI, 44). Потому-то, какъ доселѣ не было столь полной вѣры и такого сердечнаго исповѣданія Іисуса Христомъ, Сыномъ Божіимъ, т.-е. истиннымъ Мессіею, такъ не было и слова о церкви. Что же изъ сего должно заключить?—То, что твердая, сердечная, Самимъ Богомъ въ сердцѣ человѣка производимая вѣра во Христа и есть въ человѣкѣ тотъ камень, на которомъ Христосъ созидаетъ церковь Свою.

Но не есть ли этотъ камень—Симонъ, поименованный Петромъ, или Петръ переименованный изъ Симона, какъ нѣкоторые полагаютъ? Сему мнѣнію, кажется, служитъ опорою и значеніе имени Петръ, и названіе онымъ Симона. *Петръ*, какъ и въ другомъ мѣстѣ (Іоан. I, 42) *Кифа* (сирское) означаетъ *гору*, *скалу* или *камень*; для чего жъ Петру и такое имя, если не быть ему основнымъ камнемъ церкви Христовой?—Но не очевидно ли, съ другой стороны, что это наименованіе относится не къ лицу Симона, но къ твердой его вѣрѣ? Какъ бы такъ сказалъ ему Іисусъ: „настоящее исповѣданіе твое такъ твердо, какъ скала, по ней называю тебя Петромъ; и *на семъ камени*, на такой-то скалѣ, на такомъ-то твердомъ, какъ скала, исповѣданіи, Я созижду церковь Мою“.—Такая вѣра, безъ сомнѣнія, не можетъ ограничиваться однимъ лицомъ апостола Петра, какъ и не одинъ Петръ призывается въ церковь; между тѣмъ съ неподвижностью скалы, на которой бы могла основаться церковь такъ прочно, чтобы и *врата адовы*, т.-е. всѣ усилія враговъ ея, *не могли одолѣть ее*, нельзя, кажется, въ самомъ Петрѣ согласить ни троекратнаго отреченія его отъ своего Учителя (Матѳ. XXVI, 64—75), ни всенароднаго обличенія, сдѣланнаго ему апостоломъ Павломъ (Галат. II, 11—14); какъ же послѣ сего апостолъ Петръ могъ быть основнымъ камнемъ церкви? Развѣ скажутъ, что онъ первый имѣлъ твердое дерзновеніе проповѣдать Іисуса Христа іудеямъ (Дѣян. II, 14 и д.) и язычникамъ

(Дѣян. X, 1 и до конца), и, слѣдовательно, первый положилъ основаніе, или лучше, начало созиданію церкви? Но это, очевидно, не то значитъ, что апостолъ Петръ былъ основнымъ камнемъ церкви Христовой, а то, что онъ былъ первымъ по ревности и рѣшительности *соработникомъ Богу* и *искуснымъ строителемъ церкви* (1 Коринѳ. III, 9—10), созидавшимъ, подобно прочимъ апостоламъ, на данномъ уже основаніи или камнѣ, который собственно и единственно есть Іисусъ Христосъ. *Основанія бо инаго*, говоритъ апостолъ Павелъ, *никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (ст. 11, сн. Матѳ. XXI, 42; Марк. XII, 10; Лук. XX, 17; Дѣян. IV, 11; Псал. CXVII, 22—23; Исаія XXVIII, 16), въ чемъ совершенно согласуется съ нимъ и самъ апостолъ Петръ (1 Петр. II, 4—8). Посему, ежели можно назвать его основаніемъ церкви, то въ такомъ только смыслѣ, въ какомъ и прочіе апостолы и пророки называются такимъ основаніемъ въ словахъ апостола Павла, называющаго вѣрующихъ *назданными на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну* (камню) *Самому Іисусу Христу* (Ефес. II, 20—21); но и здѣсь безъ всякаго особаго преимущества предъ другими апостолами, какъ бы Петръ былъ, если не основнымъ камнемъ, то главою церкви,—дабы въ церквахъ, мѣстностью, или временемъ раздѣляемыхъ, не произошло того же, что произошло нѣкогда въ коринѳской церкви, гдѣ иной говорилъ—я *Павловъ*, другой—я *Аполлосовъ*, тотъ—я *Кифинъ* (Петровъ), сей—я *Христовъ. Еда раздѣлися Христосъ? еда Павелъ распятся по васъ* (1 Коринѳ. I, 12—13)? *кто Павелъ, кто Аполлосъ* (кто слѣдовательно и Петръ), *какъ не служители только, посредствомъ которыхъ вы увѣровали?*—писалъ апостолъ Павелъ (1 Коринѳ. III, 5). Такимъ образомъ, чтобы яснѣе и полнѣе сказать о семъ предметѣ, говоримъ, что основной камень церкви внѣ человѣка—есть Іисусъ Христосъ, а въ самомъ человѣкѣ—твердая вѣра въ Него; апостолъ же Петръ есть, какъ и прочіе апостолы, только служитель церкви, первый по предупредительной своей рѣшительности, съ какою онъ началъ свое служеніе, а не по какому-либо преимуществу,—впрочемъ и столпъ церкви, какъ Іаковъ и Іоаннъ (Галат. II, 9).

На семъ-то камени—на Христѣ и твердой вѣрѣ въ Него, какъ Сына Божія, и созидаетъ Господь Свою церковь такъ прочно, что *врата адова не одолѣютъ ей*. Это выраженіе, впрочемъ, по отношенію къ людямъ, очевидно не значитъ того, чтобы вѣра ихъ была всегда такъ тверда, что врата адовы никогда не одолѣютъ ея; вѣра и апостола Петра, въ первомъ исповѣданіи такъ твердая, впослѣдствіи, какъ извѣстно, поколебалась; равно нельзя поручиться и за вѣру каждаго человѣка, всегда свободнаго по сердцу и несвободнаго отъ паденія; но значитъ, что для того, дабы вѣрующіе могли, какъ *каменіе живо* (1 Петр. II, 4—5), составлять церковь столь твердую, чтобы врата адовы не одолѣли ея, имъ прежде и паче всего необходима вѣра во Христа, столь же твердая, сколько она была тверда въ первомъ исповѣданіи апостола Петра.—Буди, христіанинъ, *вѣренъ даже до смерти* (Апокалипс. II, 10). (Христ. чт. 1839 г., ч. III, стр. 44—51).

2. **Святые первоверховные апостолы Петръ и Павелъ.**

Св. апостолъ Петръ, сынъ Іонинъ, родомъ изъ Виѳсаиды, старшій братъ Андрея Первозваннаго, занимался рыбною ловлею. До призванія онъ назывался Симономъ; по призваніи же Господь нарекъ ему имя Кифа по-сирски, или Петръ по-гречески, т.-е. камень, въ предзнаменованіе твердости его въ вѣрѣ. Петръ столь былъ равностенъ и усерденъ къ Іисусу Христу, что чаще, скорѣе и пламеннѣе другихъ апостоловъ свидѣтельствовалъ свою вѣру и свою преданность Ему. И Господь всегда отличалъ его предъ прочими апостолами, дѣлая его участникомъ и свидѣтелемъ самыхъ большихъ чудесъ Своихъ (Лук. VIII, 51) и важнѣйшихъ событій Своей жизни (Мѳ. XVII, 1; XXVI, 37). Насколько, однако, природныя качества его души были еще несовершенны! Любовь его, громко провозглашаемая въ торжественныя минуты, его преданность и вѣрность Господу, заставившая его взять мечъ въ руки для защиты Его противъ враговъ, могли поколебаться предъ насмѣшками нѣсколькихъ слугъ! Петръ отрекся отъ Господа съ клятвою, что не знаетъ Его вовсе. Вслѣдъ затѣмъ, сознавъ свое паденіе, Петръ горько плакалъ. Послѣ Своего воскресенія Господь утѣшилъ его особымъ ему явленіемъ, простилъ его измѣну и возстановилъ его въ апостольскомъ достоинствѣ (Лук. XXIV, 34; Іоан. XXI).

По сошествіи на апостоловъ Св. Духа, облекшаго ихъ божественною силою свято жить, учить, дѣйствовать и управлять, горячность и ревность ап. Петра освятились и возвысились. Исполненный силы и ревности, ап. Петръ является однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей образующейся церкви Христовой. Онъ первый выступаетъ предъ народомъ съ проповѣдію о Христѣ въ день пятидесятницы. Это не прежній Петръ робкій и колеблющійся, но мужественный и неустрашимый. Онъ говоритъ, что необычайное явленіе, совершившееся предъ нимъ, есть дѣйствіе Св. Духа, котораго Богъ нѣкогда обѣщалъ послать на Своихъ рабовъ, что сего Духа ниспослалъ на Своихъ учениковъ Самъ Іисусъ, Котораго недавно распяли іудеи и Котораго Богъ воскресилъ изъ мертвыхъ, прославилъ и посадилъ одесную Себя, слѣдов., Онъ есть истинный Мессія. Чрезвычайно тронутый этою рѣчью народъ спрашивалъ, что нужно дѣлать, и св. Петръ отвѣчалъ: „покайтеся, и да крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа для прощенія грѣховъ, и получите даръ Св. Духа“. Не тщетно призывалъ апостолъ своихъ слушателей: онъ имѣлъ радость видѣть, что около трехъ тысячъ душъ увѣровало и крестилось въ этотъ день. Какъ въ ученіи, такъ и въ чудотвореніи апостолъ Петръ былъ первымъ. Чудо исцѣленія хромого при храмѣ поражаетъ удивленіемъ народъ. Ап. Петръ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы благовѣствовать ему о Христѣ распятомъ и воскресшемъ, силою Котораго совершено чудо. Онъ увѣщевалъ его покаяться и обратиться, чтобы изгладить грѣхи, которые тяготѣютъ надъ нимъ. Священники, начальникъ стражи при храмѣ и саддукеи, раздраженные проповѣдію его и особенно тѣмъ, что онъ возвѣщалъ воскресеніе, прервали его, схватили и бросили въ темницу вмѣстѣ съ ап. Іоанномъ, ибо уже былъ вечеръ, чтобы можно было приступить къ допросу. Однако большое число слушателей обратилось ко Христу, такъ что общество христіанское увеличилось на пять тысячъ человѣкъ. Въ слѣдующій день собрался синедріонъ; ввели Петра и Іоанна вмѣстѣ съ исцѣленнымъ хромымъ. Спрашиваютъ у нихъ: какою силою или чьимъ именемъ они совершили это исцѣленіе? Тогда Петръ, объятый Св. Духомъ, сказалъ исполненную силы рѣчь. „Такъ какъ мы,— говорилъ апостолъ, приведены на судъ за благодѣяніе, дарованное несчастному, то мы воспользуемся этимъ, чтобы объявить членамъ синедріона и всему Израилю, что чудо это совершилось именемъ Іисуса Христа Назорея, распятаго ими, но Котораго Богъ воскресилъ. Онъ есть камень, Который былъ отвергнутъ строителями, но Который сдѣлался краеугольнымъ камнемъ новозавѣтной церкви. Отъ Него одного происходитъ спасеніе, обѣщанное пророками; внѣ Его имени нѣтъ спасенія.“ Синедріонъ былъ въ большомъ затрудненіи. Онъ не могъ объяснить себѣ увѣренности этихъ простыхъ и необразованныхъ людей, въ которыхъ онъ призналъ учениковъ Іисуса Христа; кромѣ того, не было средства отвергнуть исцѣленіе только что совершившееся, потому что исцѣленный присутствовалъ здѣсь. Не зная, что сдѣлать, синедріонъ запретилъ апостоламъ подъ строжайшими угрозами говорить кому-либо впредь объ Іисусѣ Христѣ, какъ Мессіи. Но Петръ и Іоаннъ не хотѣли обѣщать ничего подобнаго. Когда рѣшеніе синедріона было имъ объявлено, они отвѣчали, спрашивая у своихъ судей, справедливо ли предъ Богомъ повиноваться имъ болѣе, нежели Богу, и объявляя, что имъ невозможно хранить молчаніе. Члены синедріона усугубляютъ угрозы по отношенію къ апостоламъ, но не достигаютъ своей цѣли и вынуждены освободить апостоловъ, ибо не имѣли предлога, чтобы наказать ихъ, и боялись раздражить народъ, который прославлялъ Бога за великое чудо, совершенное Имъ.

Второе гоненіе, спустя нѣкоторое время, обратилось также къ славѣ евангелія. Апостолы, послѣ долгихъ поисковъ ихъ, снова приведены на судъ. Предсѣдатель обращается къ нимъ съ рѣчью. „Не запретили ли мы вамъ накрѣпко,— сказалъ онъ, говорить о вашей вѣрѣ, и несмотря на это, вы наполняете Іерусалимъ ученіемъ вашимъ и хотите сдѣлать насъ отвѣтственными за смерть этого человѣка“! Ничего не боясь, ап. Петръ отвѣчалъ на этотъ упрекъ, что нужно повиноваться Богу болѣе, нежели человѣкамъ. Члены синедріона были раздражены такимъ отвѣтомъ и готовы были уже произнести смертный приговоръ, какъ одинъ изъ нихъ, фарисей, по имени Гамаліилъ, учитель закона и уважаемый всѣмъ народомъ, всталъ, приказалъ вывесть обвиняемыхъ и изложилъ свое мнѣніе. Онъ совѣтовалъ осторожность. Нужно хорошо поразмыслить, прежде чѣмъ прибѣгать къ насилію. Дурныя дѣла въ концѣ-концовъ падаютъ сами собою. Если проповѣдь апостоловъ была дѣломъ человѣческимъ, была основана на заблужденіи, то она уничтожится сама собою, безъ содѣйствія синедріона. Насиліе тогда было бы излишнимъ. Но если бы оказалось, что мы имѣли дѣло съ истиною, происходящею отъ Бога, то употребленіе насилія было бы большою ошибкою, потому что не только было бы тщетною попыткою, но и противленіемъ Богу. Судьи приняли совѣтъ Гамаліила. Призвали апостоловъ, приказали бить ихъ палками, повторили запрещеніе говорить объ Іисусѣ и затѣмъ освободили ихъ. Радуясь, что за имя Господа Іисуса удостоились принять безчестіе, апостолы удалились изъ синедріона и не переставали каждый день въ храмѣ и дома возвѣщать, что Іисусъ есть Мессія.

Дѣятельность ап. Петра не ограничивалась Іерусалимомъ. Онъ предпринимаетъ путешествія и проповѣдуетъ евангеліе въ Самаріи и въ селеніяхъ самарійскихъ (Дѣян. VIII, 25) и въ различныхъ мѣстахъ іудейской страны (IX, 31—43). Объ этой дѣятельности ап. Петра свидѣтельствуетъ, кромѣ книги Дѣяній апостольскихъ, и посланіе ап. Павла къ галатамъ (XI, 7—8). Петръ посѣщалъ церкви, которыя находились во всей Палестинѣ, и которыя сдѣлались весьма цвѣтущими послѣ обращенія главнаго гонителя ихъ, Савла. Онъ приходилъ также въ Лидду, гдѣ исцѣлилъ силою имени Іисуса разслабленнаго Энея, который восемь уже лѣтъ лежалъ въ постели. По усердной просьбѣ онъ отправился потомъ къ вѣрующимъ Іоппіи, города, расположеннаго на берегу моря, недалеко отъ Лидды. Его пригласили потому, что тамъ умерла христіанка, смерть которой оплакивали, ибо она была благодѣтельница бѣдныхъ. Она называлась Тавиѳа. Еще не погребли ее въ надеждѣ на прибытіе апост. Петра. Онъ возвратилъ ее къ жизни, къ великой радости вѣрующихъ и особенно бѣдныхъ и вдовъ, которыхъ она снабжала одеждою. Благодаря этимъ двумъ чудесамъ, апостолъ пріобрѣлъ вѣрѣ великое число душъ — въ Лиддіи и Іоппіи и во всѣхъ окрестностяхъ.

Изъ Іоппіи апостолъ, послѣ бывшаго ему видѣнія чистыхъ и нечистыхъ животныхъ, отправился въ Кесарію и здѣсь положилъ начало церкви христіанской изъ язычниковъ обращеніемъ Корнилія. Это событіе указываетъ новую эпоху въ распространеніи христіанства. Съ этого времени открывается необозримое поле для дѣятельности апостоловъ среди язычниковъ. Вѣсть о крещеніи язычниковъ быстро распространилась между христіанами и вызвала удивленіе. Когда ап. Петръ, спустя нѣкоторое время, возвратился въ Іерусалимъ, то многіе вѣрующіе изъ іудеевъ стали упрекать его за то, что онъ ѣлъ вмѣстѣ съ необрѣзанными. Онъ тогда подробно разсказалъ видѣніе, бывшее ему, и все то, что случилось потомъ, упомянулъ о дарѣ Св. Духа, дарованнаго Корнилію и всѣмъ бывшимъ съ нимъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ ап. Петръ указалъ на свидѣтельство шести братьевъ изъ Іоппіи. Когда узнали объ этихъ событіяхъ, то всѣ признали въ нихъ перстъ Божій и прославили Господа за то, что Онъ язычникамъ также далъ благодать для достиженія спасенія.

Послѣ мученической кончины св. Стефана апостолы и вѣрующіе дѣлаются жертвами кроваваго преслѣдованія. Былъ послѣдній годъ царствованія Ирода Агриппы I. По ложной ревности своей къ іудейскому закону, этотъ царь, другъ фарисеевъ, дѣлалъ насилія многимъ вѣрующимъ. Одинъ изъ сонма апостоловъ, Іаковъ, сынъ Зеведеевъ, убитъ былъ мечомъ, и церкви угрожалъ ударъ еще болѣе тяжкій. Царь, видя, что его строгость угодна іудеямъ, приказалъ схватить ап. Петра и не задолго до Пасхи заключилъ его въ темницу. Онъ намѣренъ былъ всенародно предать его смерти по окончаніи праздника. Но Петръ особеннымъ Божіимъ содѣйствіемъ былъ освобожденъ изъ темницы. По молитвѣ о немъ церкви, ангелъ разрѣшилъ его узы, извелъ изъ запертой темницы, ввелъ въ городъ и спасъ апостола отъ смерти для блага церкви. Послѣ этого ап. Петръ оставилъ Іерусалимъ и удалился въ другія страны для проповѣди евангелія какъ своимъ соотечественникамъ, жившимъ въ разсѣяніи, такъ и язычникамъ. Видятъ его въ Римѣ, куда влекла его ревность проповѣдывать Христа въ этомъ центрѣ язычества, въ Антіохіи, въ знаменитомъ въ древности Вавилонѣ и, наконецъ, опять въ Римѣ, гдѣ онъ закончилъ свое апостольское служеніе мученическою кончиною. Переходя изъ одной страны въ другую и распространяя свѣтъ ученія Христова, ап. Петръ вмѣстѣ съ другими апостолами бдительно охраняетъ чистоту ученія и нравовъ церкви. Онъ пишетъ новообращеннымъ свои посланія и настойчиво убѣждаетъ ихъ жить въ чистотѣ и невинности, умерщвлять свои страсти, быть покорными властямъ, усовершаться во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, опредѣлять свое поведеніе по примѣру и заповѣдямъ Іисуса Христа и назидать невѣрныхъ святостію своей жизни. Но, какъ ни ревностна и многоплодна была дѣятельность ап. Петра и другихъ апостоловъ, поле было слишкомъ обширно, и жатва предстояла *многа*. Поэтому Господь избираетъ на служеніе Павла, причисленнаго Духомъ Св. къ высшимъ апостоламъ (2 Кор. XI, 5).

Происшедшій изъ колѣна Веніаминова, обрѣзанный въ восьмой день, ап. Павелъ былъ воспитанъ въ самомъ строгомъ повиновеніи предписаніямъ закона и преданіямъ. Его глубокое уваженіе и его горячая ревность къ вѣрѣ отцовъ были пріобрѣтены съ самыхъ раннихъ лѣтъ; онъ сердцемъ и душою принадлежалъ къ фарисейской сектѣ. Ложная ревность о законѣ воодушевляла его и сдѣлала его упорнымъ и жестокимъ гонителемъ христіанъ. Не удовлетворившись преслѣдованіемъ христіанъ въ Іерусалимѣ, онъ испрашиваетъ себѣ дозволеніе отправиться въ Дамаскъ, чтобы и тамъ пролить кровь вѣрующихъ въ Іисуса Христа. Какая пылкость въ этомъ характерѣ, которую дурно направленное изученіе закона дѣлало несовмѣстною съ евангельскою кротостію! Онъ отправляется, какъ волкъ хищный, въ Дамаскъ, онъ жаждетъ произвести опустошеніе въ робкомъ стадѣ Іисуса Христа. Но, о, сила благодати Божіей! — Отъ одного слова этотъ страшный врагъ повергается на землю, и это слово не есть ударъ молніи,—это упрекъ, исполненный доброты: *Савлъ, Савлъ! Что ты гонишь Меня? Я Іисусъ, Котораго ты преслѣдуешь* въ Моихъ ученикахъ. Прежде это слово воспламеняло его гнѣвъ, когда св. Стефанъ произнесъ его; сто разъ клялся онъ уничтожить это святое имя, но на этотъ разъ онъ имѣлъ въ своемъ сердцѣ и на устахъ только изъявленіе своей совершенной покорности: *Господи! что повелишь мнѣ дѣлать? Встань,* сказано было ему, *и иди въ Дамаскъ, тамъ сказано будетъ тебѣ, что тебѣ надобно дѣлать.* Павелъ входитъ въ общество вѣрующихъ, вступаетъ въ общеніе съ апостолами, слушаетъ и принимаетъ все ученіе о спасеніи людей, проводитъ время только въ молитвѣ и постѣ. Это уже апостолъ, и эта перемѣна столь быстра, столь необыкновенна, что вѣрные трепещутъ еще въ присутствіи бывшаго гонителя Савла, потому что не знаютъ о томъ глубокомъ впечатлѣніи, какое слово Іисуса Христа произвело на его сердце. Слава обращеннаго Павла есть чудо всемогущества Божія. Этотъ человѣкъ дѣлается сосудомъ избраннымъ, котораго Іисусъ Христосъ посылаетъ возвѣщать имя Его предъ народами, царями и сынами Израилевыми. Іудей умеръ въ немъ, отнынѣ онъ проповѣдуетъ, что не дѣлами, но вѣрою, не закономъ, но благодатію люди спасены, и что, слѣдовательно, нѣтъ различія между іудеемъ и язычникомъ. Душа его всецѣло влеклась къ Іисусу Христу, Который изъ послушанія Богу Отцу и по любви къ людямъ былъ распятъ на крестѣ и сжалился даже надъ нимъ, Павломъ, Его врагомъ и гонителемъ. Онъ такъ соединился духомъ съ Распятымъ, что какъ будто онъ пригвожденъ былъ ко кресту со Христомъ, умерши такимъ образомъ для закона, міра и грѣха, и какъ если бы онъ воскресъ изъ мертвыхъ, чтобы быть отнынѣ новымъ человѣкомъ и чтобы жить единственно для Бога и со Христомъ. Христосъ такъ глубоко напечатлѣлся въ его душѣ, что онъ не можетъ заниматься другимъ предметомъ. Съ какою пламенною ревностію онъ проповѣдуетъ евангеліе и съ какою любовію готовъ пролить кровь свою, чтобы поддержать и защищать его отъ нападеній враговъ! Со времени выступленія своего на поприще апостольскаго служенія св. Павелъ не знаетъ отдыха и покоя. Онъ проникаетъ въ страны самыя отдаленныя, возвѣщаетъ слово Божіе царямъ, какъ и народамъ, необразованнымъ, какъ и мудрымъ. Онъ проповѣдуетъ въ Антіохіи, Ефесѣ, Филиппахъ, Коринѳѣ, Аѳинахъ и Римѣ; повсюду онъ устрояетъ церкви и управляетъ ими. Когда измѣряешь на картѣ пространство странъ, пройденное апостоломъ съ проповѣдію о Христѣ; когда вызовешь въ воображеніи безчисленныя и громадныя трудности, какія проповѣдникъ слова Божія долженъ былъ въ то время преодолѣть; когда подумаешь, сколько пути сообщенія были рѣдки и трудны, сколько средства къ жизни были недостаточны; когда представишь себѣ всякаго рода опасности, которымъ онъ подвергался, то съ изумленіемъ останавливаешься предъ великими подвигами и дѣлами апостола языковъ. Одинъ Богъ, Который воодушевлялъ и укрѣплялъ его, далъ ему силу, мужество и постоянство, чтобы преодолѣть всѣ трудности. Особенно не нужно забывать, что самое дѣло, для котораго онъ подвергался столькимъ опасностямъ и лишеніямъ, было чрезвычайно трудно и навлекало на него почти вездѣ насмѣшки, противодѣйствія и преслѣдованія. Къ этимъ тяжкимъ страданіямъ за любовь ко Христу присоединились великія скорби для апостола. Нѣкоторые христіане изъ іудеевъ, будучи строгими приверженцами закона Моѵсеева, усиливались повсюду поставить ему препятствія. Нѣсколько разъ неизбѣжная смерть угрожала ему, часто сердце его обливалось кровію глубоко раненное, не разъ онъ чувствовалъ, что тѣлесныя силы оставляли его, но онъ всегда оставался непоколебимымъ, и твердая вѣра его одерживала полную побѣду (2 Кор. I, 8—9; XI, 4; IѴ, 16 и слѣд.). Такимъ образомъ, имя и евангеліе Іисуса Христа были проповѣданы ап. Павломъ отъ одного до другого конца древняго міра и восторжествовали надъ высокомѣрнымъ равнодушіемъ однихъ, непріязненностію, исполненною ярости, другихъ, надъ язвительными насмѣшками ученыхъ и страшною ненавистію сильныхъ. Общество языческое, погруженное во тьму пороковъ и заблужденій, подъ вліяніемъ евангелія возрождается и преобразуется.

Выслушаемъ изъ устъ самого апостола исторію его миссіонерскихъ подвиговъ (2 Кор. VI, 24—29).

„Отъ іудеевъ, говоритъ онъ, пять разъ дано мнѣ было по сороку ударовъ, безъ одного“ — весьма строгое наказаніе, которое примѣнялось въ синагогахъ и отъ котораго, случалось, умирали. „Три раза, продолжаетъ онъ, я былъ битъ палками по приказанію языческихъ властей“—наказаніе гораздо болѣе жестокое еще, чѣмъ удары бича іудеевъ. Книга Дѣяній упоминаетъ только объ одномъ бичеваніи ап. Павла въ Филиппахъ. Апостолъ продолжаетъ: „я былъ побитъ камнями однажды“, и остался живъ! Это было чудо. Дѣянія упоминаютъ объ этомъ побіеніи камнями въ Листрѣ.— „Три раза я терпѣлъ кораблекрушеніе, день и ночь пробылъ въ открытомъ морѣ, подвергался каждую минуту опасности быть потопленнымъ волнами“. Послѣ этихъ подробностей апостолъ продолжаетъ въ болѣе общихъ чертахъ. „Въ многочисленныхъ моихъ путешествіяхъ, говоритъ онъ, я былъ въ опасностяхъ на рѣкахъ“, подвергаясь опасности утонуть, переправляясь съ одного берега на другой или во время плаванія; „въ опасностяхъ отъ разбойниковъ“, проходя малонаселенныя страны; „въ опасностяхъ отъ единоплеменниковъ“, которые преслѣдовали ненавистію того, кого они считали отступникомъ отъ закона; „въ опасностяхъ отъ язычниковъ“, которые принимали своего благодѣтеля за нечестиваго или нарушителя общественнаго порядка; „въ опасностяхъ въ городѣ“ по причинѣ сборищъ, которыя тамъ легко составлялись изъ негодныхъ людей, и которыя угрожали жизни апостола; „въ опасностяхъ въ пустынѣ“, гдѣ онъ могъ заблудиться и легко погибнуть отъ недостатка пищи; „въ опасностяхъ на морѣ“, если бы онъ упалъ въ воду или потерпѣлъ кораблекрушеніе; наконецъ „въ опасностяхъ между лжебратіями“—іудео-христіанами, которые посягали на его дѣло, его спокойствіе, свободу и даже жизнь.—Далѣе апостолъ продолжаетъ: „сколько другихъ трудовъ, другихъ страданій я еще претерпѣлъ ради Іисуса Христа! бдѣнія безпрерывно, голодъ, жажду, частые посты, холодъ и наготу. Къ этимъ внѣшнимъ бѣдствіямъ нужно присоединить безпокойство души, бремя дѣлъ, которыя слѣдовали одно за другимъ, и заботу о всѣхъ церквахъ, которыя я основалъ. Кто изнемогаетъ, съ кѣмъ бы и я не изнемогалъ? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?“ Онъ писалъ еще: „даже донынѣ терпимъ голодъ и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословятъ насъ, мы благословляемъ, гонятъ насъ, мы терпимъ; хулятъ насъ, мы молимъ, мы соръ для міра, какъ прахъ всѣми попираемый (1 Кор. IѴ, 11—13)“. Но все это не можетъ привести апостола въ уныніе. „Мы отовсюду притѣсняемы, писалъ онъ опять, но не стѣснены; мы въ отчаянныхъ обстоятельствахъ, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставляемы; низлагаемы, но не погибаемъ“ (2 Кор. IѴ, 8—9); ибо въ его слабости обнаруживается сила Божія. „Посему я благодушествую въ немощахъ, въ обидахъ, нуждахъ, въ гоненіяхъ, притѣсненіяхъ за Христа, ибо, когда я немощенъ, тогда я силенъ“ (2 Кор. XII, 10). Кто не былъ бы тронутъ разсказомъ, который апостолъ предлагаетъ здѣсь о своихъ трудахъ и страданіяхъ при устроеніи имъ церквей? Находясь въ теченіе двухъ лѣтъ въ узахъ въ Римѣ, апостолъ Павелъ трудится здѣсь съ величайшимъ успѣхомъ для просвѣщенія невѣрующихъ и утѣшенія и обогащенія новыми духовными дарами вѣрующихъ. Слово Божіе не было плѣнено, и его узы дали только болѣе мужества тѣмъ, которыхъ онъ просвѣщалъ. Освободившись отъ ярости враговъ, онъ вновь посѣтилъ и утѣшилъ востокъ, просвѣтилъ западъ и, наконецъ, завершилъ свою дѣятельность мученичествомъ.

Святые первоверховные апостолы! Даруйте намъ свое покровительство предъ Богомъ, чтобы намъ получить Его милость и благодать и достигнуть жизни вѣчной. („Кур. Еп. Вѣд.“).

3. Почему апостолъ Петръ изображается на иконахъ съ ключами, а апостолъ Павелъ съ мечомъ?

Ключи на иконѣ апостола Петра означаютъ *ключи царства небеснаго,* которые Господь Іисусъ Христосъ, во время земной жизни Своей, обѣщалъ первоверховному апостолу дать за твердое и рѣшительное исповѣданіе Его Сыномъ Божіимъ. Дѣло происходило такъ: „шедши въ страны Кесаріи Филипповой, Іисусъ спрашивалъ учениковъ Своихъ: за кого люди почитаютъ Меня, Сына человѣческаго? Они сказали: одни за Іоанна Крестителя, другіе за Илію, а иные за Іеремію, или за котораго-нибудь изъ пророковъ. Онъ говоритъ имъ: а вы за кого почитаете Меня? Симонъ же Петръ, отличавшійся отъ прочихъ апостоловъ особенною горячностію и рѣшимостію духа, одинъ, предваряя ихъ, исповѣдалъ Христа новымъ исповѣданіемъ христіанскимъ: „Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго“. И за такое твердое и рѣшительное исповѣданіе Господь не только похваляетъ его, но и ублажаетъ: „Блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ, — сказалъ Онъ апостолу,—потому что не плоть и кровь (не люди и не твой разумъ) открыли тебѣ это, но Отецъ Мой сущій на небесахъ“. За симъ въ награду за первое и новое исповѣданіе Христа Петръ одинъ, преимущественно предъ другими апостолами, услышалъ отъ Христа новое слово о церкви и на первоначальномъ всеобщемъ камнѣ основанія—Христѣ (1 Петр. II, 4) положенъ первымъ изъ послѣдующихъ, меньшихъ камней основанія, то-есть апостоловъ (Еф. II, 20). „И Я говорю тебѣ,—сказалъ ему Господь, — ты Петръ, и на семъ камнѣ (на камнѣ вѣры твоей и исповѣданія) Я создамъ церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ея. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго“, — говоритъ, наконецъ, Господь (Матѳ. XVI, 13—18).

Царствіемъ небеснымъ, въ ключари котораго поставляется Петръ, здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ евангелія (Матѳ. III, 2; IV, 17; XIII, 24), называется царство Господа благодатное, или церковь Его, создать которую на камнѣ Петровой вѣры и исповѣданія Онъ предъ симъ обѣщалъ. Церковь земная называется царствомъ небеснымъ потому, что глава церкви Господь Іисусъ есть Царь не земной, а небесный, — и потому, что члены церкви, живя на землѣ, должны приготовлять себя къ небу. Какъ понимать надобно врученіе апостолу Петру ключей отъ царства небеснаго, или церкви? По обычаю древнихъ народовъ, въ частности и еврейскаго, врученіе ключей служило знакомъ врученія кому-либо власти надъ домомъ (Ис. XXII, 22. Ап. III, 7). Сообразно съ этимъ и образное выраженіе Спасителя: *и дамъ тебѣ ключи царства небеснаго,* надобно понимать въ смыслѣ врученія апостолу Петру власти отверзать и заключать входъ въ это царство, принимать въ общеніе съ церковью и отлучать отъ нея. Но съ этою властію необходимо соединяется другая,—власть вязать, т.-е., объявлять непрощенными грѣхи людей, и разрѣшать, т.-е. прощать ихъ. Ибо только тотъ можетъ сдѣлаться членомъ церкви, кто чрезъ раскаяніе получитъ отпущеніе своихъ грѣховъ, даруемое церковною властію; равно и отлученіе отъ церковнаго общенія угрожаетъ только тому, кто пребываетъ нераскаяннымъ во грѣхахъ, и потому не получаетъ прощенія въ нихъ. Посему, вручивши апостолу Петру власть ключей, Господь Іисусъ уполномочилъ его вязать и рѣшить, обѣщая, что его приговоры о грѣшникахъ будутъ утверждаемы на небесахъ: „и что свяжешь на землѣ (т.-е. какіе грѣхи объявишь непрощенными), то будетъ связано на небесахъ, и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ“.

Такъ святой апостолъ Петръ, какъ первый исповѣдавшій Христа Сыномъ Божіимъ, первый изъ апостоловъ получаетъ отъ Него обѣтованіе имѣть ключи царства небеснаго, первый облекается властію вязать и разрѣшать совѣсти человѣческія. Но исключительно ли онъ одинъ изъ всѣхъ апостоловъ получилъ эту власть? Нѣтъ, вскорѣ послѣ этого власть вязать и разрѣшать Господь обѣтовалъ всѣмъ пастырямъ церкви (Матѳ. XVIII, 18). И по славномъ воскресеніи Своемъ Онъ за всѣми апостолами, и слѣдовательно за преемниками ихъ служенія — пастырями церкви, торжественно утвердилъ эту власть (Іоан. XX, 23).

„Съ какою цѣлію,—пишетъ святой Златоустъ, — ввѣрилъ имъ (апостоламъ Іисусъ Христосъ) и ключи? Ибо если не будутъ судить, то не будутъ имѣть никакой важности, и слѣдовательно всуе получили власть вязать и рѣшать“.

Итакъ, видя на иконѣ апостола Петра въ рукѣ его ключи, мы должны, во-первыхъ, вспоминать и восхвалять твердое и рѣшительное исповѣданіе имъ Божества Іисуса Христа, ибо это самое исповѣданіе было причиною врученія ему, первому изъ апостоловъ, ключей царства небеснаго; во-вторыхъ, въ лицѣ апостола Петра, держащаго въ рукѣ ключи, мы должны видѣть образъ церковной власти, имѣющей полномочіе отъ Господа Іисуса связывать и разрѣшать, прощать и не прощать, отверзать и заключать входъ въ церковь (Мѳ. XVIII, 17). „Церковь связываетъ, — пишетъ блаженный Августинъ, — церковь разрѣшаетъ, церковь, основанная на краеугольномъ камнѣ— Самомъ Іисусѣ Христѣ (Еф. II, 20), связываетъ и разрѣшаетъ. Да убоятся же и связанные, и разрѣшенные: разрѣшенные, чтобы не подпасть опять тому же, связанные, чтобы не остаться навсегда въ томъ же состояніи, ибо *пленицами своихъ грѣховъ,* — говоритъ Премудрый, — *кійждо затязается* (Прем. V, 22): а кромѣ сей святой церкви нигдѣ не можно получить разрѣшенія“.

Апостолъ Павелъ изображается на иконѣ держащимъ мечъ. Что знаменуетъ этотъ мечъ? — Знаменуетъ неутомимое, самое ревностное проповѣдываніе св. апостоломъ слова Божія, которое самъ онъ дважды въ своихъ посланіяхъ представляетъ подъ образомъ меча. Такъ, въ посланіи къ ефесскимъ христіанамъ, говоря о предстоявшей имъ постоянной брани съ начальниками, властями и міроправителями тьмы вѣка сего, съ духами злобы поднебесными, апостолъ, для успѣха этой брани, совѣтуетъ имъ запастись оружіями духовными и въ числѣ сихъ оружій предлагаетъ имъ мечъ духовный, подъ образомъ котораго заповѣдуетъ разумѣть слово Божіе (Еф. VI, 12 — 17). Въ посланіи къ христіанамъ изъ евреевъ, для показанія особенной силы и дѣйственности слова Божія, апостолъ сравниваетъ его съ мечомъ обоюдуострымъ и показываетъ превосходство перваго предъ послѣднимъ; *слово Божіе живо и дѣйственно,* — говоритъ онъ,—*и острѣе всякаго меча обоюдуостраго: оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, до суставовъ и мозговъ, и судитъ помышленія и намѣренія сердечныя* (IV, 12). Святой Павелъ позднѣе всѣхъ избранныхъ учениковъ Спасителя вступилъ въ апостольское служеніе Его слову; въ проповѣданіи же сего слова, въ дѣйствованіи этимъ духовнымъ мечомъ для обращенія къ вѣрѣ іудеевъ, особенно язычниковъ, онъ, какъ самъ о себѣ свидѣтельствуетъ, *потрудился паче всѣхъ* апостоловъ (1 Кор. XV, 10). И замѣчательно, что этотъ пламенный поборникъ Господа Іисуса Христа, со времени своего обращенія не престававшій ни днемъ, ни ночью дѣйствовать мечомъ слова Божія (Дѣян. XX, 27, 31), заповѣдавшій и другимъ, какъ мы видѣли, вооружаться симъ мечомъ, одинъ изъ всѣхъ апостоловъ, какъ римскій гражданинъ, свободный по тогдашнимъ законамъ отъ тѣлесныхъ наказаній (Дѣян. XVI, 37—39; XXII, 25 — 29), окончилъ земное свое поприще отъ усѣченія мечомъ.

Итакъ, видя на иконѣ святого апостола Павла въ рукѣ мечъ, который означаетъ въ духовно - нравственномъ смыслѣ слово Божіе, во-первыхъ, вспомнимъ и ублажимъ его пламенную и неутомимую, пресѣченную только усѣченіемъ отъ меча, ревность въ проповѣданіи слова Божія для блага и спасенія ближнихъ; а во-вторыхъ, будемъ, сколько возможно, подражать этой ревности. Когда мы пламенно возлюбимъ своего Господа и своихъ ближнихъ, для насъ всегда откроются удобные случаи для дѣйствованія духовнымъ мечомъ во славу Господа и во благо нашихъ ближнихъ. *Подобни мнѣ бывайте,* — вѣщаетъ намъ апостолъ,—*якоже азъ Христу* (1 Кор. IV, 16). (См. „Наст. и утѣш. св. вѣры христ.“ № 12, 1890 г.)

4. Явленіе апостола Петра святому Льву, папѣ римскому.

Во время святительства святаго Льва, папы римскаго, отвратившаго своимъ ходатайствомъ Аттилу отъ разрушенія Рима, появилась ересь евтихіанская, названная такъ по имени ересеначальника Евтихія, константинопольскаго архимандрита, который, вопреки православному ученію, училъ, будто человѣчество въ Іисусѣ Христѣ было совсѣмъ поглощено Божествомъ, и потому въ Немъ должно признавать только Божеское естество. Много зла причинила эта ересь православной церкви. Въ это время святитель Левъ показалъ особенную ревность, охраняя православное ученіе: онъ упросилъ царей созвать вселенскій соборъ.

Послѣдній былъ созванъ въ городѣ Халкидонѣ и осудилъ евтихіанскую ересь. Но святой Левъ по дальности разстоянія не могъ присутствовать на соборѣ; зато онъ написалъ посланіе, въ которомъ онъ подробно разоблачилъ ересь. Это посланіе замѣчательно потому особенно, что оно исправлено самимъ апостоломъ Петромъ. Вотъ что повѣствуетъ объ этомъ святой Софроній Іерусалимскій:

Когда святой Левъ написалъ свое посланіе къ святому Флавіану, константинопольскому патріарху, противъ еретиковъ: Евтихія, соединявшаго два естества въ Іисусѣ Христѣ въ одно, и Несторія, раздѣлявшаго естества, то онъ положилъ это посланіе на гробъ апостола Петра, въ молитвахъ, бдѣніяхъ и пощеніяхъ прося апостола: „если въ чемъ-либо я, какъ человѣкъ, погрѣшилъ или не такъ понялъ, то ты исправи“. Спустя сорокъ дней, молящемуся святому Льву явился святой апостолъ Петръ и сказалъ ему: „прочелъ и исправилъ“. Святой Левъ взялъ отъ гроба апостола Петра посланіе, раскрылъ его и нашелъ его исправленнымъ апостольскою рукою. Когда это посланіе было прочитано на соборѣ, то всѣ отцы заявили: „устами Льва говоритъ апостолъ Петръ“, и, согласно его разсужденію, утвердили извѣстное вѣроопредѣленіе: „Вѣрую во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, Единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, свѣта отъ свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша“. Этимъ посланіемъ святого Льва дорожили и послѣ (да и какъ не дорожить такимъ неоцѣненнымъ сокровищемъ!). Доживши до глубокой старости и приблизившись къ концу жизни, святой Левъ сорокъ дней молился у гроба святого апостола Петра, прося у него заступленія предъ Господомъ за свои грѣхи. И вотъ, по окончаніи сорока дней явился ему апостолъ Петръ и сказалъ: „я молился за тебя, и твои грѣхи будутъ отпущены“. Спустя немного времени послѣ этого, святитель Христовъ Левъ мирно предалъ духъ свой Господу.

Видишь, христіанинъ, какъ составлялись писанія святыхъ отцовъ: они писались подъ руководствомъ Святаго Духа и святыхъ Божіихъ. Посему старайтесь внимательно читать ихъ. („Воскр. день“ 1900 г, № 6).

5. Мѣсто упокоенія мощей св. ап. Петра и Павла въ Римѣ.

Мощи ап. Петра покоятся въ Ватиканскомъ соборѣ его имени. Храмъ этотъ, превосходящій величиною и богатствами своими всѣ существующіе храмы въ мірѣ, стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда красовались сады и циркъ Нерона, въ которыхъ, по повелѣнію этого тирана, пролита была кровь безчисленнаго множества христіанъ. Вскорѣ послѣ этой жестокой расправы съ христіанами послѣдовала мученическая кончина св. ап. Петра, распятаго, по повелѣнію Нерона, въ 67 г. по Р. Х. Вѣрные, снявъ тѣло апостола со креста, съ честію положили его на холмѣ Ватиканскомъ, возлѣ цирка Нерона, вмѣстѣ съ мученическими тѣлами страдальцевъ Христовыхъ, умерщвленныхъ въ томъ же циркѣ. Въ 90 г. по Р. Х. папа римскій Анаклетъ или Клитъ (79—91) соорудилъ надъ мѣстомъ упокоенія св. апостола надгробный памятникъ, подъ которымъ честные останки первоверховнаго апостола и покоились долгое время въ мирѣ. Въ III в. они, въ видахъ безопасности, взяты были вѣрными отсюда и перенесены въ загородныя катакомбы св. муч. Севастіана, по Аппіевой дорогѣ (выходящей изъ Рима на югъ), гдѣ и положены были въ одной пещерѣ. Вскорѣ, однако же, при папѣ Корниліи (251—253 г.), они вновь отнесены были на Ватиканскій холмъ и положены на прежнее мѣсто, подъ сооруженнымъ папою Анаклетомъ памятникомъ, гдѣ почиваютъ и доселѣ. Въ 324 г. императоръ Константинъ Великій положилъ надъ симъ памятникомъ основаніе благолѣпной церкви во имя св. славнаго, всехвальнаго и первоверховнаго ап. Петра. Этотъ основанный христолюбивымъ императоромъ храмъ существовалъ въ продолженіе 11 съ половиною столѣтій.

Въ 1450 г, онъ сталъ грозить разрушеніемъ, и папа Николай V приступилъ къ его перестройкѣ, съ намѣреніемъ создать новый храмъ, который, по своему благолѣпію, былъ бы подобіемъ храма Соломонова. Постройка новаго храма длилась очень долго и лишь къ концу XVIII вѣка была окончена. Новый соборъ построенъ надъ прежде существовавшею церковью, только въ несравненно большихъ размѣрахъ. Внутренность собора представляетъ собою базилику, величайшую въ мірѣ. Длина ея

$87^{1}/_{2}$ саженъ, а вышина $54^{1}/_{2}$ саж. На самой срединѣ собора, подъ главнымъ куполомъ, на возвышеніи, къ которому ведутъ 7 мраморныхъ ступеней, стоитъ *главный престолъ собора*. Престолъ этотъ сдѣланъ изъ одного цѣльнаго куска бѣлаго мрамора. Надъ престоломъ возвышается богатая сѣнь, покоящаяся на четырехъ столбахъ ($19^{1}/_{2}$ саж. высоты).

Подъ главнымъ престоломъ собора, въ особо устроенномъ склепѣ почиваютъ *мощи св. первоверховнаго ап. Петра*. Спускъ къ этому склепу устроенъ посреди собора. Обширное, полукруглое мѣсто, примыкающее къ возвышенію, на коемъ стоитъ главный престолъ, обнесено мраморнымъ баллюстрадомъ (перегородка изъ колоннъ). Отъ двустворчатыхъ дверецъ, устроенныхъ въ баллюстрадѣ, ведутъ внизъ двѣ лѣстницы, идущія параллельно одна другой, съ мраморными ступенями. Богомолецъ, спустившись по одной изъ этихъ лѣстницъ, подходитъ къ наружной стѣнкѣ вышеупомянутаго склепа, обложенной разноцвѣтнымъ мраморомъ. Въ срединѣ этой стѣны устроены бронзовыя, вызолоченныя, рѣзныя, двустворчатыя врата. Черезъ нихъ открывается видъ на внутренность склепа. Внутри наружной стѣны склепа идетъ другая, обложенная также разноцвѣтнымъ мраморомъ. Въ верхней части этой внутренней стѣнки, за рѣшеткою виденъ тотъ древній деревянный, почернѣвшій отъ времени гробъ, въ который вслѣдъ за мученическою кончиною св. ап. Петра положено было его страдальческое тѣло, и въ которомъ мощи первоверховнаго апостола почивали до перенесенія ихъ изъ катакомбъ, что по Аппіевой дорогѣ, на холмъ Ватиканскій. По срединѣ же этой внутренней стѣны имѣется одностворная дверца. За сею послѣднею видна небольшая ниша, которая именуется *мѣстомъ исповѣданія св. Петра*. Въ глубинѣ означенной ниши, на стѣнѣ ея — весьма *древнее мозаическое изображеніе Спасителя;* по обѣимъ сторонамъ его изображены также мозаикою св. ап. Петръ и Павелъ. Дно этой ниши бронзовое, позолоченное. Это и есть крышка отъ небольшой гробницы, въ которой почиваютъ мощи св. ап. Петра, положенныя туда папою Анаклетомъ. Такъ какъ объемъ всей упомянутой ниши весьма небольшой, то и гробница съ мощами св. ап. Петра видна не вся; остальная часть ея выходитъ въ существующій позади той ниши и находящійся собственно въ ватиканскихъ гротахъ подъ соборомъ *придѣлъ гроба св. ап. Петра*. Гробница эта была открываема въ послѣдній разъ для государя императора Николая I, въ бытность Его Величества въ Римѣ при папѣ Григоріи XVI[1]).

Въ 25 минутахъ ѣзды на извозчикѣ отъ юго-западныхъ городскихъ воротъ, именуемыхъ „воротами св. Павла“, по дорогѣ Остійской, находится *загородная церковь во имя св. ап. Павла*. Она устроена на мѣстѣ погребенія другого первоверховнаго апостола—св. Павла. Здѣсь нѣкогда была загородная мыза, принадлежавшая благочестивой матронѣ римской Лукинѣ. Когда, въ 67 г. по Р. Х., по повелѣнію императора Нерона, усѣкнута была честная глава св. ап. Павла (что послѣдовало недалеко отъ Рима, въ мѣстности, именуемой „у здоровыхъ водъ“, гдѣ нынѣ стоитъ загородный монастырь „у трехъ фонтановъ“), то благочестивая Лукина собрала священные останки первоверховнаго апостола и съ честью погребла ихъ на своей загородной мызѣ. Съ этого времени мыза Лукины сдѣлалась усыпальницею древнихъ христіанъ, извѣстною подъ именемъ *катакомбъ св. Лукины*. Епископъ Анаклетъ (79—91) воздвигнулъ на мѣстѣ упокоенія св. ап. Павла надгробную часовню его имени, а Константинъ Великій въ 324 г. соорудилъ вмѣсто оной базилику, которая послѣдующими императорами и епископами римскими была постоянно расширяема и улучшаема. По обширности своихъ размѣровъ она занимаетъ, послѣ Ватиканскаго собора во имя св. ап. Петра, первое мѣсто въ числѣ всѣхъ церквей г. Рима. *Главный престолъ церкви* стоитъ на возвышеніи, состоящемъ изъ пяти ступеней. Въ передней доскѣ сего престола, т.-е. той, предъ которою становится священнослужащій, имѣются небольшія двустворчатыя рѣшетчатыя дверцы; для желающихъ изъ числа богомольцевъ онѣ отворяются, и богомолецъ, заглянувъ внутрь престола, видитъ стоящую тамъ *гробницу*, надъ которою висятъ нѣсколько лампадъ, а на самой гробницѣ надпись: „Павлу апостолу-мученику“. Въ гробницѣ этой почиваютъ *мощи св. первоверховнаго ап. Павла*. Мощи св. ап. Павла, погребенныя на настоящемъ мѣстѣ Лукиною, покоились здѣсь мирно (такъ же, какъ и мощи св. ап. Петра на Ватиканской горѣ) до III вѣка. Въ означенномъ столѣтіи, когда послѣдовало перенесеніе мощей св. ап. Петра въ катакомбы св. Севастіана (по дорогѣ Аппіевой), одновременно съ тѣмъ туда же перенесены были и священные останки апостола языковъ. При папѣ Корниліи (251—252) мощи св. ап. Павла вновь были отнесены на дорогу Остійскую и положены на прежнее мѣсто, гдѣ почиваютъ и понынѣ.

---

[1]) Честная глава св. ап. Петра хранится въ Латеранскомъ соборѣ, рука его въ церкви Божіей Матери въ Трастеверѣ (за Тибромъ), а перстъ отъ руки его—въ сокровищницѣ настоящаго собора.

Въ ризницѣ церковной, въ числѣ многихъ святынь, находятся: *вериги св. ап. Павла*, которыми онъ былъ связанъ по рукамъ, когда заключенъ былъ подъ стражу, подъ надзоромъ воиновъ, *часть отъ посоха св. ап. Павла, частица отъ мощей св. ап. Іакова Зеведеева, частица отъ мощей св. ап. Варѳоломея, часть отъ честной ноги св. ап. Іакова, брата Господня, честная глава св. ап. Ананіи,* одного изъ 70 апостоловъ, который, по указанію свыше, крестилъ Савла, *часть честной главы св. мученицы Фотины самарянки,* съ которою бесѣдовалъ Христосъ при кладезѣ Іаковлевомъ, и др. (См. кн. „Святыя мѣста и святыни на востокѣ, въ Россіи и на западѣ Европы“ П. Петрушевскаго, Спб. изд. 1898 г. стр. 147—151, 155—158).

Іюль мѣсяцъ.

8-й ДЕНЬ.

ЯВЛЕНІЕ КАЗАНСКОЙ ИКОНЫ ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ.

Еванг. отъ Лук. зач. 54-е и 58-е гл. X, 38—42 ст., XI, 27—28 ст.[1]

1. О явленіи святой чудотворной Казанской иконы Божіей Матери.

О явленіи чудотворной иконы Пресвятой Бородицы въ городѣ Казани такъ сообщается въ древнемъ сказаніи, составленномъ Гермогеномъ, митрополитомъ казанскимъ, бывшимъ впослѣдствіи патріархомъ всероссійскимъ.

„Въ 1579 году, въ царствованіе благочестивѣйшаго и христолюбиваго государя-царя и великаго князя Іоанна Васильевича, всея Россіи Самодержца, при святѣйшимъ митрополитѣ Антоніи московскомъ и всея Россіи и архіепископѣ казанскомъ Іереміи, было явленіе этой иконы Божіей Матери такимъ образомъ.

Послѣ пожара, который былъ въ томъ году въ городѣ Казани, въ 23 день іюня, въ память святой мученицы Агриппины, недалеко отъ того мѣста, гдѣ загорѣлось, близъ церкви святого Николая, который назывался—Тульскій, остался дворъ нѣкоего воина, по имени—Даніила Онучина. Осталась также часть посада и половина города къ соборной церкви, и дворъ архіепископскій остался. Большую же часть посада, и базары, и въ городѣ обитель боголѣпнаго Преображенія Христова, и дворъ великаго князя истребилъ всепожирающій огонь, такъ что отъ многаго не осталось и слѣда. Но христолюбивые люди не отчаялись, а, сознавши свои грѣхи, прибѣгли къ покаянію и исправленію. И начали они вновь созидать храмы Божіи и свои дома, и, при помощи Божіей, иноязычное и новопросвѣщенное мѣсто опять просвѣтилось церквами и божественнымъ ученіемъ.

Язычниковъ же и невѣрующихъ было въ городѣ много; они держались разныхъ вѣръ, и православная вѣра была у нихъ въ глумленіи и поношеніи, а цѣлебнаго источника тогда не было въ городѣ. Не разумѣя божественной благодати и силы, язычники и иновѣрцы, по своему зловѣрію, унижали насъ въ сердцахъ своихъ, такъ какъ они — неразумные видѣли (но не понимали) Божіе милосердіе къ намъ, которое соединено было съ наказаніемъ, ибо Богъ, какъ чадолюбивый Отецъ, милуя и наказуя насъ за наши прегрѣшенія, тѣмъ самымъ очищалъ грѣхи наши.

Видя терпѣніе людей Своихъ и вѣру ихъ, и поруганіе, и поношеніе иновѣрцевъ, живущихъ кругомъ, человѣколюбецъ Богъ не вынесъ поношенія и хуленій на святыя иконы, чтобы язычники не говорили: гдѣ Богъ ихъ, въ Котораго они вѣруютъ, чтобы замолкли уста, которыя говорятъ неправду, и чтобы исчезло и не вспоминалось жидовское и мусульманское злословіе и гордое хуленіе, чтобы искоренилось еретическое ученіе, посѣвающее злые плевелы, и утвердилась бы и прославилась бы истинно-христіанская, православная вѣра, греческаго закона, точнымъ ученіемъ Господа нашего Іисуса Христа, святыхъ Его учениковъ и апостоловъ, богоносныхъ и святыхъ отецъ, утвердившихъ православную вѣру Христову и научившихъ вѣровать въ Отца и Сына и Св. Духа, предстательствомъ и моленіемъ заступницы нашей Царицы Владычицы Богородицы и Приснодѣвы Маріи, чрезъ всегдашнее предстояніе около Сына Своего и Бога нашего. И вотъ, по благодати Своей, въ эти послѣднія времена Богъ явилъ намъ истинное и свѣтлѣйшее солнце, которое отверзло намъ какъ бы затворенный Едемъ (рай); явилъ намъ Богъ отъ земли преславную икону, неисчерпаемый источникъ, по человѣколюбивому промыслу скрываемую въ землѣ чудотворную икону Своей Матери, нашей Царицы Владычицы Богородицы и Приснодѣвы Маріи, почитаемую подъ именемъ Одигитріи (Путеводительницы) и Свой (Іисуса Христа) образъ. Явилась же икона Богородицы слѣдующимъ образомъ.

---

[1] *Примѣч.* Еванг. разсказъ см. выше на 8 сентября; дополнительныя статьи помѣщены подъ 22 числомъ октября.

Владычица не открыла Своей иконы ни святителю города, ни гражданскому начальству, ни вельможѣ, ни кому богатому, ни мудрому, но открыла Она Свое сокровище, неисчерпаемый источникъ приходящимъ съ вѣрою, Свой чудотворный образъ, дочери нѣкоего простого человѣка, искуснаго въ стрѣльбѣ воина, девятилѣтней дѣвицѣ, по имени—Матронѣ. Сей-то дѣвицѣ и явилась чудотворная и преславная икона Богородицы. Итакъ, послѣ пожара, въ томъ же году и мѣсяцѣ, такъ начала являться преславная икона Божіей Матери сказанной дѣвицѣ и повелѣвала ей пойти въ городъ и разсказать про икону Богородицы архіепископу и воеводамъ, чтобы они пошли и взяли ее изъ земли.

И указано было ей мѣсто. Дѣвица же по недоразумѣнію боялась разсказать о семъ. Однако же, спустя нѣсколько времени, она сказала матери своей, но мать не придала сему никакого значенія. Потомъ той же дѣвицѣ въ видѣніи опять явилась та же икона Пресвятой Богородицы и повелѣла безъ смущенія разсказать объ этомъ видѣніи. И дѣвица не однажды, а многократно говорила матери своей про явленіе иконы, но безъ успѣха. Наконецъ, въ одинъ день случилось дѣвицѣ уснуть въ своемъ домѣ въ полудни. И вдругъ, она оказалась посреди своего двора, и явилась ей икона Пресвятой Богородицы, въ страшномъ огненномъ видѣ, испускающею огненные лучи, столь грозные, что дѣвица подумала, что она можетъ быть сожжена тѣми огненными преславными лучами. И былъ отъ иконы страшный голосъ, говорившій дѣвицѣ: „если ты не повѣдаешь повелѣнія Моего о взятіи иконы Моей изъ—внутри земли, то Я имѣю явиться въ другомъ мѣстѣ, ты же страшно лишишься жизни своей“. Дѣвица отъ этого страшнаго видѣнія пришла въ великій страхъ, упала на землю и была какъ мертвая, и лежала много часовъ на землѣ. И воскликнула она къ своей матери громкимъ голосомъ, чтобы она пошла къ архіепископу и воеводамъ города и повѣдала о явившейся ей иконѣ Пресвятой Богородицы, и разсказала ей всѣ тѣ слова, которыя слышала она отъ иконы, и указала мѣсто. Мать же, поспѣшивъ къ воеводамъ въ городъ, поставила предъ ними дѣвицу и велѣла ей, чтобы она сама разсказала о всемъ, что совершилось. И дѣвица разсказала имъ все сказанное и что слышала отъ святой иконы, и указала мѣсто, показанное ей. Они же, одержимые невѣріемъ, ни во что вмѣнили все это. Мать отроковицы, видя, что нисколько нѣтъ успѣха, прослезилась и, взявши дочь свою, пошла къ архіепископу, гдѣ передала все сказанное и сказала объ указанномъ мѣстѣ, чтобы онъ приказалъ вынуть святую икону. Но и архіепископъ также не внялъ сказанному ею и отослалъ ее, не сдѣлавъ ничего.

Приходила она къ воеводамъ и архіепископу іюля мѣсяца въ 8-й день въ 7 часовъ утра. Въ 12-мъ часу дня жена та, взявши мотыку, начала копать многое время и не нашла того, чего искала. Спустя немного стали копать другіе, изрыли все мѣсто и не нашли ничего. Сказанная же дѣвица стала копать на томъ мѣстѣ, гдѣ была печь, съ ней копали и другіе, и какъ только выкопали немного больше двухъ локтей, о чудо! — тотчасъ явилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы, называемая Одигитріей, съ Предвѣчнымъ Младенцемъ Ея, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. На ней былъ ветхій рукавъ изъ какой-то суконной одежды, вишневаго цвѣта. Самая же чудотворная икона чудно сіяла свѣтлостію, какъ вновь написанная красками, нисколько не поврежденная землею, коснувшеюся ей. Дѣвица та, взявши икону, со страхомъ и трепетомъ и радостію, поставила ее на томъ же мѣстѣ, и люди, находившіеся въ томъ мѣстѣ города, услышавъ, стеклись въ безчисленномъ множествѣ на предивное то чудо, вопія со слезами и восклицая: „Владычице, спаси насъ!.“ И послали вѣсть къ архіепископу и важнѣйшимъ лицамъ.

Архіепископъ же тотчасъ пошелъ къ мѣсту, гдѣ обрѣли чудную икону, съ крестами, со всѣмъ освященнымъ соборомъ (духовенствомъ), съ градоначальниками и множествомъ народа, и, видя святую икону, какъ нѣкоторое драгоцѣннѣйшее сокровище, чудно блистающую, весьма удивились, такъ какъ никогда не видали иконы такого письма, и недоумѣвали, будучи объяты радостію и страхомъ за свое недовѣріе. Припадши же къ чудотворной иконѣ, архіепископъ и воеводы со слезами молились, испрашивая милостиваго прощенія Пресвятой Богородицы о грѣхѣ недовѣрія своего. Весь же народъ, стекшійся на предивное чудо это, возсылалъ со слезами и радостною душою хвалу Богу и Богородицѣ за обрѣтеніе драгоцѣннаго и неоцѣненнаго сокровища. А мнѣ же,—пишетъ блаженный Гермогенъ,—случилось тогда быть священникомъ у Николы, который зовется Гостиннымъ; каменно сердечный вообще, однако, я прослезился и припалъ къ чудотворной иконѣ Богородицы и Предвѣчному Младенцу Христу. Потомъ я поклонился архіепископу и испросилъ у него благословеніе, чтобы онъ повелѣлъ взять мнѣ пречудную икону Богородицы. Архіепископъ благословилъ меня и позволилъ взять мнѣ. И я, хотя и недостоинъ былъ, однако со страхомъ и радостію прикоснулся къ чудотворному образу и взялъ ее съ дерева, которое было воткнуто на томъ мѣстѣ, гдѣ была въ землѣ та святая и чудная икона. И повелѣлъ архіепископъ нести святую икону вмѣстѣ съ прочими св. иконами и честными крестами въ близъ находящуюся церковь святого Николая, который называется—Тульскій, гдѣ и былъ совершенъ молебенъ. Когда потомъ архіепископъ съ духовенствомъ и начальники города со множествомъ народа, съ женами и дѣтьми, шли вмѣстѣ въ слѣдъ святыхъ иконъ во градъ, то многіе люди такъ устремились къ новоявленной чудотворной иконѣ, что попирали другъ друга, а нѣкоторые, идя по головамъ другихъ, прикасались къ чудотворному образу. И явила въ то время Госпожа Владычица Богородица отъ Своей иконы чудо первое: исцѣлила бѣднаго человѣка, по имени Іосифа, три года ничего невидѣвшаго. Тогда народъ, видя это чудо, возымѣлъ еще большую любовь къ Пречистой иконѣ, и, принесши ее, поставили въ соборномъ храмѣ Пресвятой Богородицы, честнаго и славнаго Ея Благовѣщенія, и тамъ Пресвятая Богородица нѣкотораго человѣка, по имени Никиту, больного глазами, исцѣлила. И неисчетное множество другихъ исцѣленій подавалось приходящимъ съ вѣрою къ образу Пречистыя Богородицы“.

На другой день въ соборномъ храмѣ совершена была литургія. Архіепископъ и градоначальники, снявъ списокъ съ новоявленнаго образа и описавъ обрѣтеніе его и чудеса отъ него бывшія, отправили все это въ Москву, къ царю Ивану Васильевичу IV. Царь на мѣстѣ обрѣтенія чудотворной иконы повелѣлъ создать деревянный храмъ во имя новоявленнаго образа, устроить женскій монастырь и здѣсь поставить икону. Дѣвица Матрона, обрѣтшая святыню, постригшись въ монашество подъ именемъ Мавры, была первою инокинею, а потомъ настоятельницею этого монастыря.

Особенное уваженіе къ чудотворному образу Богоматери имѣлъ благочестивый царь Ѳеодоръ Іоанновичъ. Въ 1595 году онъ создалъ въ монастырѣ новую церковь и повелѣлъ обложить чудотворный образъ Богоматери золотомъ и драгоцѣнными камнями.

Казанская икона Божіей Матери до 1612 года была чтима только мѣстно, въ Казани, и празднованіе иконы совершалось 8 іюля, въ день ея обрѣтенія.

Но, когда въ 1612 году „молитвами и заступленіемъ Пречистыя Владычицы, явленіемъ чудотворной иконы Казанскія, московское государство отъ поляковъ было очищено“, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ память сего событія установилъ праздновать въ Москвѣ Казанской иконѣ Божіей Матери два раза въ годъ: въ день Ея обрѣтенія (8 іюля) и въ день избавленія Москвы отъ поляковъ (22 октября), съ учрежденіемъ крестныхъ ходовъ изъ Успенскаго собора въ Введенскую церковь, гдѣ князь Пожарскій поставилъ свой списокъ съ Казанской иконы Божіей Матери.

Государыня императрица Екатерина II къ чудотворной иконѣ приложила брилліантовую корону, а императоръ Павелъ I устроилъ величественный храмъ на мѣстѣ Ея обрѣтенія.

Не оскудѣваютъ и нынѣ чудеса милости Божіей, совершающіяся по усердной молитвѣ предъ чудотворною иконою. Посему св. икона сія чтится не только въ Казани, но и по всей Россіи, украшающейся множествомъ св. храмовъ въ честь Казанской иконы Богородицы, съ многими чудотворными списками съ Нея.

Молясь предъ чудотворною иконою, православные христіане усердно молятся ко Владычицѣ Богородицѣ. Помолимся Ходатаицѣ всего рода христіанскаго и и мы, взывая къ Ней такъ:

„Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго! за всѣхъ молиши Сына Твоего, Христа Бога нашего, и всѣмъ твориши спастися, въ державный Твой покровъ прибѣгающимъ. Всѣхъ насъ заступи, о Госпоже, Царице и Владычице, иже въ напастехъ и въ скорбехъ и въ болѣзнехъ, обремененныхъ грѣхи многими, предстоящихъ и молящихся Тебѣ умиленною душою и сокрушеннымъ сердцемъ предъ пречистымъ Твоимъ образомъ со слезами и невозвратно надежду имущихъ на Тя, избавленіе всѣхъ золъ, всѣмъ полезная даруй и вся спаси, Богородице Дѣво! Ты бо еси Божественный покровъ рабомъ Твоимъ“ (Тропарь гл. IV). (Никанора, еписк. смоленск. „Слова и рѣч.“. изд. 1897 г.

2. **Милость Божія, явленная чрезъ чудотворную икону Казанской Божіей Матери 2 апрѣля 1899 года.**

2 апрѣля 1899 года въ г. Казани совершилось великое явленіе милости Божіей чрезъ икону Казанской Божіей Матери. Наше неоцѣненное сокровище, Заступница и Покровъ нашего града Казани, славимая по всей Руси православной и оказавшая ей столько благодѣяній — чудотворная икона Божіей Матери подвергалась серьезной опасности, неотвратимой для обыкновенной человѣческой, немощной силы, и не только сама осталась цѣлою и невредимою, но и сохранила цѣлыми и невредимыми и лицъ, сопровождавшихъ святую икону и подвергавшихся смертельной опасности!

Обстоятельства, при которыхъ совершилось означенное чудо, состоятъ въ слѣдующемъ.

2 апрѣля одно благочестивое семейство Шевнина, квартирующаго въ домѣ Суслова, на Малой Проломной улицѣ, имѣя больного главу семейства Іакова, рѣшило отслужить при больномъ молебенъ Казанской Божіей Матери. Для сего рѣшено поднять икону Казанской Божіей Матери на домъ. А такъ какъ отъ казанскаго женскаго монастыря до квартиры Шевнина довольно значительное разстояніе, а при томъ и время стояло весеннее, грязное, то рѣшено привезти икону въ домъ больного въ каретѣ. Часовъ около 9 утра была подана карета, собраны члены причта для служенія молебна и надлежащій штатъ монахинь для сопровожденія чудотворной иконы. Изъ монахинь были посланы мать Досифея и мать Виталія; изъ членовъ причта: священникъ Михаилъ Нефедьевъ, діаконы Николай Соколовъ и Рафаилъ Миловъ. Священникъ Михаилъ Нефедьевъ и діаконъ Николай Соколовъ помѣстились въ каретѣ, поддерживая поставленную на каретную скамеечку чудотворную икону, вложенную въ довольно массивный и значительныхъ размѣровъ кіотъ съ изображеніемъ чудесъ отъ иконы, описанныхъ патріархомъ Гермогеномъ. Кіотъ съ иконою заняли большую. часть кареты, такъ что лишили лицъ, сопровождающихъ икону, возможности свободныхъ движеній. Карета была запряжена парою лошадей въ дышло. Монахини и о. Р. Миловъ размѣстились на извозчикахъ. Поѣздъ тронулся и благополучно достигъ мѣста своего назначенія. Извозчики въѣхали во дворъ. Стала дѣлать оборотъ для въѣзда и карета. Вдругъ на лошадей, по показанію кучера Василія Ряжина, управлявшаго каретными лошадьми, бросилась какая-то собака. Одна изъ лошадей была пуглива. При видѣ собаки она шарахнулась въ сторону, чѣмъ и нарушила расчетъ кучера. Дышло задѣло за уголъ каменныхъ воротъ и переломилось на три части: средняя послѣ была найдена на этомъ мѣстѣ, верхняя стала бить по колѣнамъ, а нижняя — довольно острая — уперлась въ лошадей, что раздражило послѣднихъ. Вмѣсто того, чтобы итти въ ворота, лошади ринулись въ сторону, сдѣлавъ крутой оборотъ чрезъ тротуаръ и тумбу, и пустились по Малой Проломной. Уже отпертая для изнесенія иконы дверца кареты распахнулась, ударилась о тумбу, оторвалась напрочь и отлетѣла въ сторону. Началась бѣшеная скачка пары сильныхъ лошадей, постоянно раздражаемыхъ осколками дышла. Кучеру не было никакой возможности сдержать лошадей. Въ то время, какъ онъ осаживалъ ихъ назадъ, нижняя

часть оставшагося дышла раздражала лошадей сзади; въ то время, какъ онъ отпускалъ вожжи, верхній осколокъ дышла билъ лошадей по колѣнамъ. Остановкѣ лошадей препятствовало и еще другое обстоятельство. По разсказу кучера, ему дважды удавалось умѣрять бѣгъ лошадей, но на нихъ, по инерціи, наѣзжала массивная карета и, подталкивая ихъ, раздражала острымъ концомъ оставшагося дышла, послѣ чего лошади пускались въ бѣгъ съ еще большею стремительностью.

Малая Проломная улица, сама по себѣ покатая, при пересѣченіи съ другими улицами, имѣетъ довольно значительныя углубленія. Часть улицы, ближайшая къ дому Суслова (Птичій и Москательный ряды), кромѣ того, загромождена кучами песку, сваленнаго желѣза и сундуковъ, что значительно сокращаетъ проѣздную часть улицы и пугаетъ лошадей. Впрочемъ раздраженныя лошади, кажется, всего пугались, вслѣдствіе чего бѣгъ ихъ направлялся не по прямой линіи, а зигзагами, вслѣдствіе чего и движеніе кареты было крайне неправильно. По свидѣтельству очевидцевъ, карета то раскачивалась изъ стороны въ сторону, то ныряла въ углубленіяхъ пересѣкающихъ улицъ, то подскакивала вверхъ, то накренялась совершенно на бокъ, грозя паденіемъ, то задѣвала за тумбы и телеграфные столбы, то въѣзжала на тротуаръ; даже въ тѣ моменты, когда она двигалась по прямому направленію, это направленіе было не прямое, а зигзагообразное: не имѣя устойчивости въ дышлѣ, передняя ось кареты стала въ зависимость отъ постромокъ, и карета колесила то въ ту, то въ другую сторону, смотря по тому, какая постромка болѣе натягивалась. Къ счастію еще — и уже одно это, само по себѣ, есть дивное чудо милости Божіей! — на перекрестныхъ улицахъ не встрѣтилось ни одного проѣзжающаго. Какая свалка могла бы произойти въ противномъ случаѣ и какъ гибельны бы были ея послѣдствія и для проѣзжающаго, и для кареты съ чудотворною иконою! Но Пресвятая Богородица, милостивая и милосердная, не допустила такого столкновенія.

Еще большая предстояла опасность и еще болѣе могли быть гибельны послѣдствія бѣшеной скачки чрезъ Толкучій рынокъ. Гостинодворская улица, отдѣляющая Толкучій рынокъ отъ Малой Проломной улицы, очень поката. По свидѣтельству очевидцевъ, карета, пробѣгая эту улицу, прыгала, а не катилась, лошади неслись полнымъ галопомъ. Карета двигалась по узкому пустому пространству, назначенному собственно для пѣшеходовъ. Направленіе этого пространства дугообразное. Съ одной стороны его расположены лари, предназначенные для мелочной торговли; съ другой расположены лавки и желѣзные ряды, загромождающіе дорогу кучами стараго желѣза. Изрѣдка, и то съ большою предосторожностью, проѣзжаютъ здѣсь ломовыя дроги для отвоза и привоза желѣза, но болѣе лучшихъ экипажей эта мѣстность никогда не видѣла. Какъ проѣхала здѣсь карета съ чудотворною иконою и ея спутниками — это единственно только можно объяснить чудомъ величайшаго милосердія Божія и благодати Божіей, присущей чудотворной иконѣ Богоматери. Одинъ изъ хлѣботорговцевъ, желая остановить лошадей, махнулъ на нихъ метлою, чѣмъ и привелъ ихъ въ еще большую ярость. Лошади обезумѣли окончательно и стали уже лягаться.

Въ концѣ Толкучій рынокъ соединяется проходомъ съ узкимъ переулкомъ, соединяющимъ Большую Проломную улицу съ площадью Городской Думы. Переулокъ этотъ (безымянный), въ данномъ случаѣ былъ опасенъ тѣмъ, что онъ соединяется съ Толкучимъ рынкомъ подъ прямымъ угломъ и требуетъ для въѣзда въ него крутого поворота, невозможнаго для кареты безъ дышла. Если итти внизъ съ Толкучаго рынка, то правую сторону переулка составляетъ каменная стѣна Іоанно-Предтеченскаго монастыря, непосредственно и по прямой линіи примыкающая къ теплой церкви Іоанно-Предтеченскаго монастыря; лѣвую сторону составляетъ деревянный заборъ; въ немъ, на разстояніи саженъ 3 — 4 отъ начала переулка, — ворота, около которыхъ стоятъ лари; у конца забора — мелочная лавочка — ларь. Въ помѣщеніяхъ подъ теплою церковію Іоанно-Предтеченскаго монастыря живутъ шубныхъ дѣлъ мастера, Озеровъ и Степановъ. Большая Проломная улица въ этомъ мѣстѣ не широка. Противъ безымяннаго переулка—домъ Е. Ѳ. Шевалиной, бывшій Мореплавцева; во дворъ этого дома ведутъ ворота, входъ въ которыя довольно узокъ.

Лошади, совершенно разъяренныя еще при бѣгѣ чрезъ Толкучій рынокъ, налетѣли прямо на окна квартиръ Озерова и Степанова. Карета, по инерціи, налетѣла на нихъ и почти придавила къ стѣнѣ (по слѣдамъ, осмотрѣннымъ послѣ, можно заключать, что для лошадей осталось не болѣе аршина разстоянія между стѣною и каретою), вслѣдствіе чего лошади стали на дыбы, сдѣлали полуоборотъ на заднихъ копытахъ и затѣмъ отчаянный скачекъ внизъ, по направленію къ противулежащимъ воротамъ. Вслѣдствіе столь сильнаго толчка карета съ невообразимою быстротою заворотилась бокомъ къ фасаду квартиръ Озерова и Степанова, прокатилась по крыльцу квартиры Степанова, глиняной насыпи (причемъ карета совершенно наклонилась набокъ) и погналась за лошадьми. Лошади, видимо, принимали карету за какое-то гнавшееся за ними чудовище, и вся цѣль ихъ была какъ-нибудь убѣжать отъ него. Лишь только карета подкатилась къ воротамъ, лошади ринулись отъ нея къ стѣнѣ монастыря, рванули карету и заставили ее, на всемъ лету, сдѣлать полуоборотъ къ этой стѣнѣ; карета, накренившись совершенно на бокъ и грозя паденіемъ, по наклонной площади летитъ за ними; лошади бросаются въ противоположную сторону, карета, все въ томъ же положеніи, но только накренившись на другой бокъ, летитъ за ними. (Такихъ полукруговъ, по показанію Озерова, карета совершила около 8 на незначительномъ разстояніи короткаго переулка[1]). При этомъ лошади то поднимаются на дыбы, то бьютъ задними ногами, и все это совершается съ неимовѣрною быстротою. (По показанію Озерова, весь спускъ съ горы совершенъ не болѣе, какъ въ 2—3 секунды). Карета трясется и трещитъ. Находившіеся въ ней замерли въ ожиданіи неминуемой гибели. Послѣдній оборотъ въ переулкѣ карета сдѣлала по направленію къ лавочкѣ—ларю (въ сторону къ Николо-Низской церкви). Лишь только карета подкатилась къ лавочкѣ и такимъ образомъ выѣхала на Большую Проломную улицу, лошади ринулись по Большой Проломной по направленію къ крѣпости; карета сдѣлала крутой оборотъ, причемъ правыя колеса ея, по разсказамъ очевидцевъ, поднялись вершковъ на 8. Лошади, видя, что карета слѣдуетъ за ними, ринулись въ противоположную сторону — къ воротамъ дома Мореплавцева; карета, описавъ полуокружность, ударилась о телеграфный столбъ около этого дома. Ударъ былъ настолько силенъ, что у священника, сопровождавшаго чудотворную икону, упала съ головы довольно низко надвинутая скуфья. Впослѣдствіи оказалось, что ударомъ кареты была снесена вся обшивка телеграфнаго столба. И вдругъ случилось нѣчто невѣроятное, невообразимое! Карета остановилась, дверцы ея пришлись какъ разъ въ уровень съ тротуаромъ, какъ будто карета подкатила къ парадному крыльцу. На тротуарѣ валялись щепы (какъ оказалось, это были щепы отъ сорванной обшивки столба). На сидѣвшихъ въ каретѣ это произвело ошеломляющее впечатлѣніе. Они нѣкоторое время продолжали сидѣть. Потомъ священникъ сказалъ о. діакону: „вылѣзайте скорѣе!“ Онъ вылѣзъ и сталъ на тротуарѣ. Священникъ сказалъ: „о. діаконъ! икону!“ Тотъ помогъ священнику изнести чудотворную икону изъ кареты. Встали на тротуарѣ. Вся улица была запружена народомъ. Народъ кинулся къ иконѣ. Икона была цѣла и невредима! Многіе плакали отъ умиленія, многіе крестились и говорили: слава Богу! слава Богу! Многимъ хотѣлось хотя прикоснуться къ иконѣ. Однако священникъ вспомнилъ, что опасность еще не миновала и сказалъ: „надо какъ можно скорѣе скрыть куда-нибудь икону. Лошади могутъ кинуться и смять насъ“. Тутъ же оказалась парадная дверь дома Мореплавцева незапертой. Икона была внесена въ коридоръ. О, Боже, какое невыразимое счастіе! Наша драгоцѣнность, наша слава и защита, чудотворная икона Богоматери — внѣ опасности! Священникъ и о. діаконъ, сопровождавшіе чудотворную икону, съ чувствомъ глубокаго умиленія и благодарности, со слезами, преклонили колѣна передъ образомъ Богоматери и, помолившись, приложились къ нему. Затѣмъ, оставивъ икону въ безопасномъ мѣстѣ и на рукахъ благонадежныхъ и благочестивыхъ лицъ, священникъ пошелъ посмотрѣть, что случилось. Глазамъ его представилось слѣдующее зрѣлище: толпа народа; на козлахъ сидитъ кучеръ Василій — блѣдный, на лицѣ его крупныя капли пота, его бьетъ, какъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ; онъ, что называется, окостенѣлъ; съ его рукъ распутываютъ вожжи. (Потомъ его сняли съ козелъ. и онъ нѣкоторое время стоялъ во дворѣ, опершись о стѣну, пока не пришелъ въ чувство). Около кареты лежитъ лошадь, одна нога ея подъ колесомъ кареты, другая лошадь смирно стоитъ, прижатая къ стѣнѣ лежащею лошадью.

---

[1] Насколько ужасенъ былъ этотъ спускъ съ горы, объ этомъ можетъ до нѣкоторой степени дать понятіе разсказъ Озерова. Онъ говоритъ, что сосѣдъ его, Степановъ, не могъ смотрѣть на эту бѣшеную скачку и почти потерялъ сознаніе, а онъ самъ, Озеровъ, при каждомъ поворотѣ кареты, хватался за голову, думая, что все кончено, и его била лихорадка.

Такъ чудомъ милости Божіей и силою присущей (иконѣ) благодати была избавлена отъ опасности и сохранена въ цѣлости и невредимости чудотворная икона Казанской Божіей Матери и такъ цѣлыми и невредимыми были соблюдены ею лица, ее сопровождавшія! Произволъ разъяренныхъ до дикости лошадей, обезсиленный до окостенѣнія кучеръ, лишенные возможности произвольныхъ движенія, священникъ и діаконъ, сопровождавшіе икону, самая неудобная для проѣзда мѣстность,—вотъ условія, которыя для всякаго безпристрастнаго наблюдателя могутъ служить неопровержимымъ доказательствомъ того, что не сила естественная, обыкновенная, а только неизреченная милость Божія и божественная благодать, присущая чудотворной иконѣ Божіей Матери Казанской, были виновниками благополучнаго исхода той бѣшеной скачки, которая выше описана.

Слава Заступницѣ нашей Пресвятой Владычицѣ Богородицѣ! Слава чудному, пречистому Ея образу! (Изв. по Казанск. епарх., сн. „Пастыр. собес.“ 1899 г., № 24.

15-й ДЕНЬ.

ПАМЯТЬ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА.

Еванг. отъ Іоан. зач. 35-е, гл. X, 1—9. ст.

1. Притча о пастырѣ добромъ и наемникѣ.

Въ читанной сегодня притчѣ о пастырѣ добромъ Господь изображаетъ любовь Свою къ людямъ.

„Я есмь пастырь добрый, говорилъ Онъ; пастырь добрый душу свою полагаетъ за овецъ, а наемникъ, который не есть пастырь и которому овцы не свои, видитъ волка приходящаго, и оставляетъ овецъ, и бѣжитъ, и волкъ расхищаетъ ихъ. А наемникъ бѣжитъ, потому что онъ наемникъ и нерадитъ объ овцахъ. Я есмь пастырь добрый и знаю Моихъ, и Мои знаютъ Меня. Какъ знаетъ Меня Отецъ, такъ и Я знаю Отца, и жизнь Мою полагаю за овецъ. Есть у Меня и другія овцы, которыя не сего двора, но и тѣхъ надлежитъ Мнѣ привести, и голосъ Мой услышатъ, и будетъ одно стадо и одинъ Пастырь“.

Въ этой притчѣ Іисусъ Христосъ пастыремъ назвалъ Самого Себя, а всѣхъ людей сравнилъ съ овцами. Онъ такъ любилъ всѣхъ людей, что принялъ смерть для спасенія ихъ и для дарованія имъ жизни вѣчной. Этой же притчей Онъ научаетъ насъ тому, что мы должны повиноваться спасительному ученію Христа и должны слушать тѣхъ пастырей и учителей, которые церковью избираются въ сіе достоинство, и, напротивъ, должны избѣгать такихъ учителей, которые учатъ вопреки истиннымъ богопоставленнымъ пастырямъ церкви.

„Истинно, истинно говорю вамъ,—сказалъ Господь,—Я есмь дверь овцамъ; кто войдетъ Мною, тотъ спасется, и войдетъ, и выйдетъ, и пажить найдетъ. Воръ приходитъ только для того, чтобы украсть, убить и погубить. Я пришелъ для того, чтобы имѣли жизнь, и имѣли съ избыткомъ“.

Этимъ Іисусъ показалъ, что только черезъ вѣру въ Него можетъ человѣкъ войти въ царство небесное, что только одна есть истинная вѣра,—это вѣра христіанская, и одинъ путь ко спасенію—вѣра и любовь къ Богу.

Есть еще и теперь въ отдаленныхъ странахъ народы, которые не знаютъ христіанской вѣры; но благочестивые люди предпринимаютъ туда путешествія, чтобы проповѣдывать имъ евангеліе и просвѣтить ихъ. Церковь молится о томъ, чтобы всѣ присоединились къ единой нетлѣнной церкви, и мы твердо уповаемъ, что придетъ время, когда всѣ услышатъ святую истину, и будетъ, по словамъ Господа, „одно стадо и одинъ Пастырь“. (См. Разсказы о зем. жизни Господа І. Христа, Бахметевой).

2. Житіе св. Владимира и его участіе въ просвѣщеніи Руси свѣтомъ христіанства.

Съ давнихъ поръ наша родная земля называется святою Русью, православною Россіей. Однако, было время, когда и наши предки блуждали во тьмѣ языческихъ суевѣрій. Языческое нечестіе уничтожилъ равноапостольный князь Владимиръ, котораго народъ наименовалъ впослѣдствіи „краснымъ солнышкомъ“.

Св. Владимиръ былъ сынъ великаго князя кіевскаго, Святослава. Святославъ, былъ язычникъ и всю жизнь свою провелъ въ походахъ. Мать его, княгиня Ольга пыталась отклонить его отъ военныхъ предпріятій; она не разъ умоляла его остаться хотя не надолго въ Кіевѣ, принять христіанство и креститься, но напрасно — Святославъ не покинулъ своихъ языческихъ страстей и заблужденій, а умеръ на войнѣ отъ меча своихъ враговъ, хищныхъ печенѣговъ. Каковъ былъ князь, таковы были и его подданные. Почти всѣ они были язычники. Всѣ непонятныя для нихъ явленія природы, всѣ предметы, удивительные по своей величинѣ или силѣ, они обожали. Въ каждомъ темномъ мѣстѣ,—на днѣ ручья, въ чащѣ лѣса, въ темныхъ домашнихъ пристройкахъ,—они подозрѣвали существованіе различныхъ божествъ. Всякій изъ нихъ поклонялся деревяннымъ идоламъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Десятинная церковь, стоялъ тогда огромный истуканъ бога молніи, Перуна. Нравы и обычаи народные были такъ же грубы, какъ и религіозныя заблужденія. Удовлетвореніе плотскимъ страстямъ считалось вполнѣ законнымъ. Наносить обиды слабѣйшему было первымъ удовольствіемъ для сильнаго, мстить за обиды считалось для обиженнаго и его родственниковъ священною обязанностію; точно также и другимъ губительнымъ страстямъ легко поддавались наши предки, не вѣдая Бога истиннаго и пути праваго. Владимиръ былъ воспитанъ въ этихъ языческихъ понятіяхъ и вѣрованіяхъ. Такъ, онъ вполнѣ предавался крайнему разврату и имѣлъ множество женъ и наложницъ. По примѣру своего отца, онъ непрестанно ходилъ войною на своихъ сосѣдей, и побѣды надъ ними были для него источникомъ удовольствія. За эти побѣды онъ усердно благодарилъ истукановъ и разъ простеръ свое идолослуженіе до того, что рѣшился принести человѣческую жертву богамъ. Бросили жребій между жителями Кіева, кому изъ нихъ подпасть жестокой участи—быть принесеннымъ въ благодарственную жертву Перуну. Жребій палъ на одного юношу, который вмѣстѣ съ отцомъ своимъ исповѣдывалъ христіанскую вѣру. Кіевляне обступили домъ ихъ и съ неистовствомъ требовали сына. Тогда отецъ вышелъ къ нимъ на крыльцо и сказалъ: „не суть то боги, но древо сдѣлано бездушно; днесь есть, а помалѣ изгніетъ, не ядятъ бози, ни піютъ, ни молвятъ, но сдѣланы руками въ древѣ сѣкирою и ножомъ, а Богъ есть единъ на небесѣхъ, Ему же служатъ греци и кланяются, во имя Іисуса Христа Сына Божія, — Той сотворилъ небо, и солнце, и луну, и звѣзды, и человѣка; а ваши боги что сотворили? но сами вами дѣлани суть. И не дамъ сына своего бѣсамъ“. Эти слова возбудили противъ него народное возмущеніе. Домъ былъ раскиданъ на части, сынъ умеръ на жертвенникѣ предъ Перуномъ въ жестокихъ мученіяхъ,— погибъ и отецъ.

Это были первые христіанскіе мученики, пострадавшіе на Руси за свою православную вѣру. Руководимый, однако жъ, десницею Провидѣнія, Владимиръ скоро понялъ всю тщету язычества. Въ его умѣ возникали вопросы, на которые вѣра языческая не могла дать никакого отвѣта. Его совѣсть была неспокойна и громко говорила ему, что онъ идетъ не по правому пути. Ему припоминались наставленія, которыя онъ слышалъ въ дѣтствѣ отъ мудрой своей бабушки, в. кн. Ольги... И вотъ, въ Кіевѣ стали поговаривать, что князь задумалъ перемѣнить вѣру.

Кіевъ былъ стольный городъ русской земли; сюда пріѣзжало немало и изъ чужихъ странъ разныхъ торговыхъ людей. Бывали тутъ и магометане, и іудеи, и римскіе католики, и греки. Прослышали они о намѣреніи князя перемѣнить свою вѣру и дали знать въ свои земли о томъ: понятно, каждому хотѣлось, чтобы русскій князь перешелъ въ его родную вѣру. И вотъ, ко Владимиру стали являться проповѣдники разныхъ вѣръ. Первыми пришли послы съ Волги рѣки, вѣры Магометовой. „Мы вѣруемъ во единаго Бога, на небесахъ живущаго, и въ его пророка Магомета, который позволяетъ намъ имѣть женъ, кто сколько хочетъ, только велитъ обрѣзываться, не ѣсть свиного мяса и не пить вина“.—Такъ говорили магометане. Владимиръ со вниманіемъ слушалъ ихъ, пока они говорили о женахъ, а когда упомянули объ обрѣзаніи и о томъ, чтобы не пить вина, то рѣшительно отказался принять ихъ вѣру. Послы нѣмецкихъ папистовъ говорили о величіи невидимаго Бога Вседержителя, но князь зналъ властолюбіе римскихъ папъ и сказалъ посламъ: „идите обратно, отцы наши не принимали вѣры отъ папы“.— Явились къ нему и хазарскіе евреи, и онъ спросилъ ихъ: „а гдѣ ваше отечество?“—Тѣ отвѣчали: „въ Іерусалимѣ, но Богъ прогнѣвался на отцовъ нашихъ и разсѣялъ ихъ по чужимъ странамъ“.— „Какъ же вы смѣете предлагать свою вѣру другимъ?“—сказалъ имъ мудрый князь, „или вы хотите, чтобы и мы лишились своего отечества?“ Пришелъ, наконецъ, и греческій проповѣдникъ — мудрый и ученый инокъ; онъ долго бесѣдовалъ съ княземъ о вѣрѣ христіанской, разсказалъ ему о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи первыхъ людей, о древнихъ патріархахъ и пророкахъ—потомъ перешелъ къ рождеству Христа Спасителя, говорилъ подробно о Его жизни, чудесахъ, ученіи, страданіи, смерти и воскресеніи, когда же дошелъ до ученія о будущемъ второмъ пришествіи и страшномъ судѣ, то развернулъ предъ взоромъ смущеннаго князя большую завѣсу, на которой былъ художественно изображенъ страшный судъ Божій: — „вотъ, говорилъ инокъ, на правой сторонѣ стоятъ праведники, вотъ и уготованный имъ прекрасный Божій рай; а вотъ это—налѣво—грѣшники и ожидающія ихъ мученія адскія“.—Долго и съ великимъ вниманіемъ разсматривалъ Владимиръ эту картину; видно было, что она глубоко поразила его правдолюбивое сердце; онъ подробно разспрашивалъ инока о всемъ, что тутъ было изображено, наконецъ, тяжело вздохнулъ и сказалъ: „хорошо тѣмъ, которые направо, и горе тѣмъ, которые налѣво!“ — „Крестись, и ты будешь въ раю съ праведниками“, — сказалъ ему инокъ-проповѣдникъ, „а если не примешь крещенія, то твое мѣсто будетъ вотъ здѣсь, на лѣвой сторонѣ - съ грѣшниками“. Владимиръ задумался. „Подожду еще немного“,—сказалъ онъ, наконецъ,— „получше разузнаю о разныхъ вѣрахъ, и тогда рѣшу“. Онъ одѣлилъ греческаго проповѣдника богатыми дарами и отпустилъ съ почетомъ въ Царьградъ. А въ душѣ своей онъ уже порѣшилъ—принять вѣру православную и только объ одномъ теперь думалъ: какъ бы лучше сдѣлать, чтобы и бояръ своихъ, и любимую дружину, и весь народъ привести съ собою въ вѣру крещеную.

Прошло нѣсколько времени послѣ бесѣды съ греческимъ инокомъ, князь созвалъ къ себѣ бояръ и старшинъ на совѣтъ. Онъ разсказалъ имъ все, что слышалъ отъ разныхъ пословъ, и особенно отъ греческаго инока—и спрашивалъ ихъ мнѣнія и разсужденія. Умные бояре сказали: — „никто своей вѣры хулить не станетъ; если хочешь, великій княже, истину узнать, то, вѣдь, есть у тебя немало разумныхъ людей, пошли изъ нихъ въ разныя стороны и къ разнымъ народамъ; пусть посмотрятъ и разузнаютъ каждую вѣру на мѣстѣ, а потомъ и намъ съ тобою скажутъ: кто какъ молится и служитъ своему богу въ своей землѣ.“—Этотъ совѣтъ очень понравился Владимиру, и онъ рѣшилъ послать десять мудрыхъ мужей въ чужія земли.

Побывали эти посланцы въ разныхъ земляхъ,—были и у нѣмцевъ, и у приволжскихъ магометанъ, и у другихъ народовъ; пришли, наконецъ, и къ православнымъ грекамъ въ Царьградъ. Здѣсь императоры греческіе, Василій и Константинъ, приняли ихъ съ радостію и дали знать патріарху, зачѣмъ прибыли русскіе посланцы. Патріархъ приготовился къ торжественному служенію, и вотъ, нашихъ предковъ повели въ прекрасный и величественный храмъ Софіи Премудрости Божіей и поставили ихъ въ такомъ мѣстѣ, откуда они могли все хорошо видѣть и слышать. Служилъ литургію самъ патріархъ съ соборомъ епископовъ и священниковъ; на нихъ были златотканныя облаченія; кадильный ѳиміамъ наполнялъ храмъ благоуханіемъ, стройное пѣніе услаждало слухъ; тысячи молящихся съ благоговѣніемъ преклонялись предъ Господомъ, возсылая Ему свои теплыя, сердечныя молитвы... Можно ли выразить тѣ чувства, которыя наполняли сердца пословъ Владимировыхъ въ эти минуты? Возвратясь въ Кіевъ, они съ восторгомъ говорили великому князю и боярамъ: „мы не помнили себя, гдѣ мы стоимъ: на небѣ, или на землѣ! Нигдѣ мы не видали такого благолѣпнаго богослуженія, какое видѣли у грековъ, и никогда не забудемъ его, ибо, кто отвѣдалъ сладкаго, тотъ не захочетъ горькаго, и мы вѣруемъ, что Самъ истинный Богъ живетъ съ этими людьми!“ — А бояре при этомъ замѣтили князю: „если бы греческая вѣра не была лучше всѣхъ другихъ, то ее не приняла бы бабка твоя Ольга: вѣдь она была мудрѣйшая изъ людей“

„Гдѣ же намъ принять крещеніе?“ спрашивалъ Владимиръ своихъ бояръ, когда на общемъ совѣтѣ было рѣшено принять вѣру православную.—„Гдѣ тебѣ любо, княже“,—отвѣчали они. И вотъ, можетъ-быть, совсѣмъ неожиданно для грековъ русскій великій князь двинулся съ своимъ войскомъ на греческій городъ Корсунь, находившійся верстахъ въ двухъ отъ нынѣшняго Севастополя, и осадилъ его. Славный своими завоеваніями Владимиръ не хотѣлъ унижаться предъ греками, которые заставили его блаженную бабку, великую княгиню Ольгу, цѣлый мѣсяцъ стоять въ пристани, прежде чѣмъ позволили ей выйти на берегъ,—онъ положилъ завоевать себѣ вѣру. Долго длилась осада, греки храбро защищали городъ. Наконецъ, Корсунь былъ взятъ, и Владимиръ послалъ сказать греческимъ императорамъ, Василію и Константину: „я взялъ вашъ славный городъ Корсунь; то же сдѣлаю и съ Царьградомъ, если не отдадите за меня свою сестру, царевну Анну". Ему отвѣчали: „непристойно намъ, христіанамъ, выдавать сестру за язычника; крестись — тогда и сестру нашу получишь, и царство небесное наслѣдуешь". — Владимиръ отвѣчалъ чрезъ посланцевъ: „я давно слышалъ о вашемъ законѣ; полюбилась мнѣ ваша вѣра, пришлите ко мнѣ епископа, чтобы крестить меня, и сами съ сестрою приходите или пришлите ее ко мнѣ, а я возвращу вамъ за это и Корсунь, и всю Тавриду". Тяжело было молодой царевнѣ покидать родной городъ и итти къ народу некрещеному, къ князю, который еще недавно воевалъ противъ братьевъ ея; но братья императоры утѣшали ее: „можетъ-быть, Господь обратитъ чрезъ тебя всю землю русскую, — тогда ты и свою родную страну избавишь отъ лютаго и сильнаго врага, и сама получишь за это царство небесное и вѣчную память у людей". Съ плачемъ разсталась добрая царевна съ братьями и, предавая себя волѣ Божіей, отправилась на кораблѣ въ Корсунь, гдѣ ждалъ ее женихъ. Съ нею поѣхалъ святитель Михаилъ съ священниками для крещенія русскаго народа. Между тѣмъ Владимира постигло Божіе испытаніе: онъ разболѣлся глазами и совсѣмъ ослѣпъ. Тогда онъ началъ сомнѣваться въ святой вѣрѣ и говорилъ: „боги русскіе разгнѣвались на меня за то, что хочу оставить ихъ, и наказываютъ меня". И онъ откладывалъ святое крещеніе. Но царевна послала ему сказать: „если хочешь выздоровѣть, то поскорѣе крестись, иначе не получишь исцѣленія". Князь согласился, и вотъ, лишь только вошелъ онъ во св. купель, и епископъ возложилъ на него руку,—онъ тотчасъ же прозрѣлъ.—„Теперь-то позналъ я Бога истиннаго!"—воскликнулъ тогда великій самодержецъ россійскій, нареченный во святомъ крещеніи Василіемъ,—и небесною радостію исполнилось его сердце. Чудо исцѣленія поразило его дружину и бояръ, и многіе изъ нихъ тогда же приняли св. крещеніе. Вскорѣ затѣмъ весело отпраздновали и свадьбу великаго князя съ греческой царевной.

Въ память своего крещенія Владимиръ построилъ въ Корсунѣ церковь; онъ возвратилъ городъ греческимъ императорамъ, и съ торжествомъ возвратился съ молодою супругою въ свой стольный городъ Кіевъ. Съ нимъ прибыли сюда: митрополитъ Михаилъ, епископы и священники, которые привезли съ собою и богослужебные сосуды и книги. Первою заботою равноапостольнаго князя было окрестить всѣхъ своихъ сыновей. Потомъ онъ приказалъ рубить и жечь идоловъ: Перуна, главнаго бога языческаго, онъ велѣлъ привязать къ лошадиному хвосту, стащить съ горы и бросить въ Днѣпръ. Суевѣрный народъ со слезами провожалъ по берегу истукана и кричалъ ему вслѣдъ: „выдыбай (выплывай) боже!" Между тѣмъ Владимиръ велѣлъ объявить по всему городу: кто назавтра не явится на рѣку, будь онъ богатый или бѣдный, старый или малый—тотъ будетъ считаться ослушникомъ воли княжеской.

На другой день открылось зрѣлище великое. Берегъ Днѣпра былъ покрытъ народомъ. Уже кіевляне знали, зачѣмъ были призваны, и не противились велѣнію князя. „Если бы не добръ былъ греческій законъ, князь и бояре не приняли бы его",—говорили они другъ другу. Владимиръ въ торжественной процессіи вышелъ къ народу. Освятили Днѣпръ, народъ вошелъ въ воду, и крещеніе было совершено. „Боже, сотворившій небо и землю! (молился Владимиръ при видѣ этой умилительной картины) призри новые люди сіи, даждь имъ увѣдѣти Тебе, истиннаго Бога, и утверди вѣру въ нихъ". Изъ Кіева, при усердномъ содѣйствіи Владиміра и его сыновей, вѣра Христова быстро распространилась по другимъ областямъ Россіи. Во всѣхъ городахъ ниспровергнуты были идолы и выстроены церкви: никто не ослушался, вездѣ народъ безпрекословно крестился по повелѣнію князя.

Дивную перемѣну произвела вѣра Христова въ добромъ сердцѣ нашего просвѣтителя — великаго князя Владимира! — „Господи!" — такъ говорилъ онъ, преисполненный чувствомъ благодарности къ Богу: „Господи, былъ я какъ звѣрь, много худого дѣлалъ, когда своимъ идоламъ кланялся; жилъ совсѣмъ по-скотски, но Ты укротилъ меня,—слава Тебѣ, Господи!“—И въ самомъ дѣлѣ: когда Владимиръ былъ идолопоклонникомъ, у него было много женъ и наложницъ; теперь онъ всѣхъ ихъ отпустилъ отъ себя, вступивъ въ бракъ съ греческою царевною Анною. Пока Владимиръ не зналъ истиннаго Бога, онъ былъ жестокъ и мстителенъ къ своимъ врагамъ; а когда принялъ вѣру Христову, сталъ примѣромъ кротости и любви ко всѣмъ. Какъ отецъ родной, онъ заботился о всѣхъ бѣдныхъ; на его княжескомъ дворѣ они могли во всякое время получать пищу, одежду, деньги; онъ покоилъ странниковъ, выкупалъ должниковъ, отпускалъ на свободу рабовъ. Мало и того было ему: „больные, думалъ онъ, не въ силахъ добраться до моего двора“,—и онъ приказывалъ развозить по улицамъ мясо, рыбу, хлѣбъ, квасъ и медъ для раздачи несчастнымъ бѣднякамъ. При церквахъ, по его приказанію, заводились пріюты и странно-пріимницы для бѣдныхъ и больныхъ. Такъ глубоко запечатлѣлась въ его добромъ сердцѣ заповѣдь Христова: *блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ!* Духовный чинъ онъ уважалъ и любилъ; въ праздничные дни у него всегда бывало три трапезы: первая для митрополита съ епископами, иноками и священниками; вторая—для нищихъ, а за третьей садился самъ князь съ своими боярами и дружиною.—До святого крещенія онъ распространялъ свои владѣнія воинскимъ мечомъ, теперь онъ жилъ мирно со всѣми сосѣдями, только дикіе печенѣги вынуждали его по временамъ воевать съ ними. Забота о распространеніи св. вѣры православной между своими подданными была первымъ и главнымъ дѣломъ всей его жизни послѣ крещенія. Вездѣ, гдѣ были идольскія капища, онъ сталъ строить храмы Божіи. На мѣстѣ идола Перуна онъ поставилъ церковь во имя Спаса Всемилостиваго, потомъ построилъ церкви: во имя своего ангела—святителя Василія Великаго, св. апостола Петра и—Десятинную въ честь Матери Божіей. Послѣдняя церковь была благолѣпно украшена. Великій князь назначилъ въ пользу ея *десятую* часть своихъ великокняжескихъ доходовъ, отчего она и названа *Десятинною*.

Мудрый князь зналъ, что для утвержденія истинной вѣры въ сердцахъ его подданныхъ особенно нужно ученіе книжное, зналъ и то, что иноземные священники, приходившіе изъ Греціи, будь то греки или болгары, не могли такъ успѣшно распространять вѣру Христову, какъ священники свои родные, изъ русскихъ, и потому онъ велѣлъ заводить школы и въ нихъ обучать боярскихъ дѣтей славянской и греческой грамотѣ, чтобы потомъ они могли быть священниками. Въ Кіевѣ было открыто училище, куда собирали мальчиковъ и изъ простого народа. Богослужебныя и учительныя книги получены были изъ Болгаріи, которая раньше просвѣщена была святою вѣрою. По приказанію великаго князя, эти книги усердно переписывались (печатать книгъ тогда еще никто не умѣлъ) и разсылались по городамъ.

Такъ трудился великій князь Владимиръ для просвѣщенія своего народа вѣрою Христовою, и благословилъ Господь труды его праведные: русскій народъ получилъ вѣру православную и въ благодарность за свое просвѣщеніе прозвалъ своего добраго князя—просвѣтителя „Краснымъ солнышкомъ“, а святая церковь причислила его къ лику святыхъ угодниковъ Божіихъ и возвеличила наименованіемъ Равноапостольнаго. Владимиръ преставился ко Господу 15 іюля 1015 года, и былъ погребенъ въ созданной имъ Десятинной церкви рядомъ съ своею супругою Анною. Митрополитъ Иларіонъ называетъ его вторымъ Константиномъ, апостоломъ русской земли, и, обращаясь къ нему въ своемъ похвальномъ словѣ, говоритъ: „за благія дѣла получивъ нынѣ воздаяніе на небесахъ, получивъ благая, яже уготова Богъ любящимъ Его, и наслаждаясь лицезрѣніемъ Его, помолися Господу о землѣ твоей и людяхъ, надъ которыми ты благовѣрно владычествовалъ!“...

Со времени князя Владимира русская земля стала—„святою Русью, Русью православною“; въ вѣрѣ православной русскіе люди обрѣли то благодатное сокровище, за которое беззавѣтно полагали свою жизнь наши предки благочестивые, за которую и нынѣ съ радостью идутъ на смерть наши воины христолюбивые. Святая вѣра православная не разъ спасала землю русскую отъ конечной гибели; сею вѣрою наши предки побѣждали царства, она слила—соединила въ одну родную семью разныя мелкія племена, ее населявшія. (Сост.

по Воскр. чт. № 13, 1869 г. и „Троицк. лист.“ № 366—368).

3. Христіанская вѣра есть единственно истинная, благодатная и спасительная.

Исповѣдуемая нами вѣра есть единственно истинная, благодатная и душеспасительная вѣра.

а) Исповѣдуемая нами вѣра есть самая истинная Христова вѣра. Это видно изъ того, что всѣ догматы ея основаны на божественномъ ученіи Самого Іисуса Христа; ее проповѣдывали ближайшіе ученики Христовы—апостолы, ее утвердили на соборахъ и въ писаніяхъ своихъ святые отцы и учители древней Христовой церкви, ее исповѣдывали пострадавшіе за нее мученики и сонмъ другихъ праведниковъ, обитающихъ нынѣ на небѣ. Въ нашемъ отечествѣ ее насадили и возрастили, при помощи Божіей, православные греческіе пастыри, изъ коихъ многіе отличались великимъ благочестіемъ и святостію жизни; главнымъ изъ нихъ былъ св. Михаилъ, первый митрополитъ кіевскій, нетлѣнно почивающій въ Кіево-печерской лаврѣ. Такіе вѣрные служители Божіи, очевидно, не могли учить нашихъ предковъ неправой вѣрѣ и, конечно, никому не позволяли вносить въ ихъ чистое ученіе какія-нибудь суемудрія,—*они право правили слово истины* (2 Тим. II, 17).

б) Будучи истинною вѣрою Христовою, исповѣдываемая нами вѣра есть благодатная. Она благодатна не только потому, что по вѣрѣ нашей въ священныхъ таинствахъ нашей св. церкви подается намъ благодать или сила Божія, необходимая въ духовной и тѣлесной нашей жизни по естественной нашей немощи для совершенія нашего спасенія (Дѣян. II, 38; 2 Кор. XII, 7), но и потому, что милосердый Богъ, по усерднымъ молитвамъ нашимъ, возносимымъ къ Нему съ искреннею вѣрою, подаетъ намъ все потребное въ нашихъ нуждахъ (Матѳ. XXI, 22; Марк. IX, 23). Это, думаемъ, испыталъ на себѣ каждый истинно православный христіанинъ; это показываютъ разныя благодѣянія, оказанныя Богомъ Россіи въ трудныхъ ея обстоятельствахъ по молитвамъ нашей церкви и вѣрныхъ чадъ ея; это подтверждаютъ и чудеса, многократно бывшія и доселѣ совершающіяся въ нашемъ отечествѣ надъ больными по молитвамъ вѣрующихъ, чего свидѣтелями были, безъ сомнѣнія, многіе.

в) А что наша вѣра душеспасительна,—въ этомъ никто не долженъ сомнѣваться, потому что не только догматы ея, ея ученіе—но и все, къ ней относящееся—священные обряды, молитвословія и пѣснопѣнія,—все напоминаетъ о спасеніи душъ нашихъ, располагаетъ къ нему и содѣйствуетъ ему. Поэтому въ нашей церкви, хотя есть, къ сожалѣнію, грѣшники, не пекущіеся о своемъ спасеніи, но много и такихъ праведниковъ, которые достигли въ ней спасенія.

Что же мы должны дѣлать, сознавъ, что по милости Божіей владѣемъ такой вѣрой? Очевидно, должны вседушно благодарить Господа, что Онъ сподобилъ насъ исповѣдывать такую вѣру, и свято хранить ее, какъ великій даръ Божій и священное наслѣдіе нашихъ предковъ, безъ всякаго измѣненія ея и уклоненія отъ нея, при томъ жить такъ, какъ она требуетъ, ибо *не всякій именующій Меня Господомъ,* говоритъ Спаситель, *внидетъ въ царствіе небесное, а только исполняющій волю Отца Моего* (Матѳ. VII, 21), т.-е. благочестивый и добродѣтельный христіанинъ. (Изъ бесѣды Платона, митрополита кіевскаго).

4. Превосходство св. вѣры христіанской предъ другими религіями, по ученію св. мучениковъ.

1. „Нѣтъ иного благовѣщенія, наставлялъ преп. Варлаамъ царевича Іоасафа, нѣтъ иной вѣры лучшей, кромѣ проповѣданной апостолами, извѣщенной Богоносными отцами на соборахъ и преданной соборной церкви“ (Ч.-М. ноября 19).

2. Св. мученицу Сиру спрашивалъ мучитель-язычникъ, почему она отвергла отеческихъ боговъ и приняла иную вѣру,—она отвѣчала ему: „всякій человѣкъ, имѣющій здравый смыслъ, не уподобляется животнымъ, которыя идутъ по слѣдамъ родившихъ ихъ, но идетъ тѣмъ путемъ, который признаетъ лучшимъ, и не слѣдуетъ своимъ отцамъ и праотцамъ заблуждающимся: такъ и я, видя христіанскую вѣру лучшею, нежели отеческое нечестіе, избрала лучшее, отвергнувъ худшее“. Когда же мучитель грозилъ ее многими муками, она, положивъ руку на свою выю, сказала: „отсѣки сію“ (Ч.-М. августа 24).

3. Имя *христіанинъ* св. мученики считали лучшимъ и почтеннѣйшимъ изъ всѣхъ именъ и часто однимъ этимъ именемъ означали свое высокое званіе и

назначеніе. „Како именуешися?“ спросилъ воевода-язычникъ св. мученика Акакія.—Вожделѣнное, отвѣчалъ мученикъ, мнѣ и всему моему роду имя, отъ Христа происходящее: христіанинъ называюся (Ч.-М. мая 7).

4. Когда разрѣшали отъ узъ мученика Мардарія, чтобы вести его къ мучителю на допросы, онъ просилъ своего старца пресвитера (Евстратія): „молю тебя, господине мой, научи меня, что мнѣ отвѣчать тому пагубному человѣку, чтобы онъ меня некнижнаго не обольстилъ какъ“. Старецъ отвѣчалъ: „говори, брате мой, только одно: христіанинъ я, Христовъ рабъ, и больше ничего не говори“. Нѣсколько разъ былъ вопрошаемъ св. Мардарій о своемъ имени, отечествѣ и вѣрѣ—и всякій разъ говорилъ: „христіанинъ я, Христовъ рабъ“ (Ч.-М. дек. 13).

5. Язычники въ защиту своей языческой вѣры выставляли св. угодникамъ то, что она вѣра давняя, а въ униженіе христіанской вѣры то, что она недавняя. „Не о томъ только слѣдуетъ разсуждать, отвѣчали св. угодники, что вѣра ваша древняя, но о томъ, достойна ли она того, чтобы ее принять, ибо не все древнее честно; есть и зло древнее, однако, оно не должно почитаться ради одной древности. Боги же ваши не что иное, какъ дѣло рукъ человѣческихъ, нѣмы и глухи, и не только другимъ, но и себѣ никакой пользы принести не могутъ; почитаніе боговъ вашихъ было виною злого и порочнаго житія людей, изъ-за нихъ потопъ истребилъ родъ человѣческій. Если бы хранить все древнее ради одной древности, то слѣдовало бы подражать и Каину братоубійцѣ и тѣмъ, которые хотѣли построить башню до небесъ“ (Ч.-М. окт. 13 и апр. 11).

20-й ДЕНЬ.

ПАМЯТЬ СВ. ПРОРОКА ИЛІИ.

Еванг. отъ Луки, зач. 14-е, гл. VI, 22—30 ст.

1. Іисусъ Христосъ, отверженный назаретянами.

Послѣ посѣщенія многихъ городовъ Галилеи, Іисусъ Христосъ приходитъ въ Назаретъ. Дошла и сюда молва о многихъ благодатныхъ дѣйствіяхъ Іисуса Но имъ или не вѣрили, или не давали такой важности, чтобы считать ихъ дѣлами Мессіи. Хотѣлось имъ самимъ что-нибудь чудесное видѣть отъ Него; впрочемъ, и въ такомъ случаѣ они не способны были принять Его, какъ принимали Его другіе. Въ нихъ слишкомъ сильны были предубѣжденія, посѣянныя долговременнымъ пребываніемъ Іисуса въ Назаретѣ — въ убогомъ видѣ. Въ такомъ-то расположеніи нашелъ къ Себѣ сердца Своихъ соотечественниковъ Іисусъ въ то время, когда, явившись въ Назаретъ, вошелъ въ синагогу ихъ и началъ учить. Іисусъ предложилъ для первой бесѣды чтеніе изъ пророка. По особенному намѣренію Божію открылось Ему мѣсто изъ Исаіи: XLI, 1—2, гдѣ пророкъ предвѣщаетъ лѣто Господне благопріятное, истинное лѣто отпущенія (юбилей), времена отрады и утѣшенія для народа Божія съ пришествіемъ Мессіи. Но тотъ же пророкъ предсказывалъ вмѣстѣ, что Помазанникъ Божій будетъ благовѣствовать *нищимъ* духомъ, будетъ исцѣлять, — но *сокрушенныхъ сердцемъ*, будетъ проповѣдывать освобожденіе *плѣннымъ*, т.-е. держимымъ въ узахъ грѣха и діавола, возвѣститъ прозрѣніе *слѣпымъ*, которые и сами сознаютъ свою слѣпоту, отпуститъ на свободу измученныхъ, — подъ игомъ князя тьмы, но которые сами будутъ желать того. Между тѣмъ Его слушатели были не изъ числа тѣхъ, которые сознавали свою слѣпоту и желали исцѣленія отъ нея. Поэтому слово Его, при всей своей силѣ, не могло произвести на нихъ спасительнаго дѣйствія. Они только дивились, что извѣстный имъ съ младенчества Іисусъ можетъ говорить такъ краснорѣчиво; соглашались, что теперь наступило это время, предвозвѣщенное пророкомъ; проповѣдь Іоанна, проповѣдь Самого Іисуса вездѣ были принимаемы съ охотою. Когда же, по прямому приложенію словъ пророка къ лицу Самого Іисуса, нужно было признать Его Мессіею, тогда возбудились въ нихъ сомнѣнія: можетъ ли совершать такія дѣла Тотъ, Котораго мы знаемъ Мать, братію и сестеръ, Котораго привыкли считать сыномъ плотника? Не имѣя сердечнаго расположенія къ духовнымъ благамъ, указываемымъ пророкомъ, а потому и не дорожа ими, они, безъ сомнѣнія, требовали отъ Іисуса, если не словами, то, по крайней мѣрѣ, въ мысляхъ, чудесъ, какія совершилъ Онъ въ Капернаумѣ и въ другихъ мѣстахъ, по вѣрѣ прибѣгавшихъ къ Нему за помощью. Но творить чудеса тамъ, гдѣ не было никакой пріемлемости вѣры, только для удовлетворенія грубаго чувства любопытства — этого не могъ Господь. — „Правда, — сказалъ Онъ, — вы можете сказать, что Самъ Я не стараюсь ничѣмъ привлечь расположеніе ваше, не дѣлаю, чего вамъ хочется: — но это уже не въ первый разъ оправдывается, что пророку нѣтъ чести въ отечествѣ своемъ. Такъ было съ Иліею, такъ было съ Елисеемъ. И какъ Илія и Елисей, когда не имѣли къ нимъ вѣры израильтяне, свои благодѣянія оказывали посторонним, такъ приходится сдѣлать и Мнѣ“. Эта рѣчь, которая ставила жителей Назарета ниже язычниковъ, принимавшихъ съ вѣрою пророковъ, вывела ихъ совершенно изъ себя: они выгнали Іисуса изъ синагоги, изъ города, хотѣли сбросить съ горы, на которой былъ расположенъ ихъ городъ, но Іисусъ закрылъ Себя отъ нихъ Своею Божественною силою и удалился.

2. О жизни св. пророка Божія Иліи.

Св. пророкъ Илія жилъ и трудился въ Палестинѣ. Въ его времена это была страна, текущая млекомъ и медомъ (Втор. XXVI, 9), какъ говорится въ св. писаніи, т.-е. она была весьма плодородна. Какъ у насъ растетъ простой кустарникъ, на который мы совершенно не обращаемъ вниманія, такъ тогда въ Палестинѣ росъ виноградъ, и онъ былъ такъ обиленъ ягодами и такими крупными, что двое мужчинъ съ трудомъ носили на шестѣ одну его кисть (Чис. XIII, 24). Но кромѣ винограда въ этой странѣ были тогда огромныя пастбища, на которыхъ свободно гуляли большія стада скота; поля, засѣянныя пшеницею, давали превосходные урожаи; цѣлыми садами росли, широко раскидываясь, смоковныя деревья, съ которыхъ получаются винныя ягоды. Это была страна, въ которой, по словамъ св. писанія, можно было ѣсть хлѣбъ, не опасаясь недостатка, и ни въ чемъ не терпѣть нужды (Вт. VIII, 9). И тогда населеніе Палестины было большое, и евреи жили безпечно всякій въ виноградникѣ своемъ и подъ смоковницею своею.

Было много въ Палестинѣ городовъ съ хорошими зданіями и съ хорошей торговлей. Главнымъ среди нихъ былъ Богомъ возлюбленный Іерусалимъ съ прекраснымъ храмомъ, который еще за много верстъ кидался въ глаза путнику. И далеко, по многимъ землямъ, шла слава о Іерусалимѣ и вообще о всемъ царствѣ еврейскомъ (3 Цар. IX, 10—28; X, 1, 24).

Вокругъ царства еврейскаго жили народы языческіе, которые истиннаго Бога не знали, а молились истуканамъ-идоламъ. Дѣлали они ихъ изъ камня, дерева или металла и считали ихъ за боговъ и имъ жертвы приносили. Конечно, идолы не могли научить ихъ никакой истинѣ, а потому эти народы жили по волѣ своей, а не Божіей, служили своимъ похотямъ. Такое служеніе идоламъ понравилось евреямъ, и они стали перенимать его у сосѣдей, а Бога истиннаго забывать. Господь Богъ за такое нечестіе евреевъ наказывалъ: Онъ попускалъ этимъ же народамъ притѣснять евреевъ, а для наученія ихъ посылалъ къ нимъ пророковъ. Такъ назывались люди благочестивые, которые по волѣ Божіей безбоязненно обличали въ нечестіи евреевъ, учили ихъ истинной вѣрѣ и предсказывали имъ, по откровенію Св. Духа, будущее за много лѣтъ впередъ.

Одинъ изъ числа такихъ пророковъ былъ и Илія. Мало намъ извѣстно о его дѣтствѣ. Существуетъ лишь одно преданіе, что его отца звали Савахъ. При рожденіи сына Савахъ видѣлъ замѣчательный сонъ: нѣсколько человѣкъ въ бѣлыхъ одеждахъ обвивали его новорожденнаго младенца огнемъ и огонь же вкладывали въ уста его. Савахъ, пораженный такимъ сномъ, сталъ спрашивать священниковъ, что бы онъ означалъ. Одинъ священникъ объяснилъ ему, что младенецъ будетъ великимъ ревнителемъ закона Божія, будетъ горячъ, какъ огонь, въ защитѣ славы имени Божія отъ поругателей ея.

Съ юныхъ лѣтъ Илія сталъ изучать законъ Божій и возлюбилъ Бога болѣе всего въ мірѣ. Онъ отдался Ему всею своею пламенной душою, и молитва для него была не въ тягость, а въ утѣшеніе. Чтобы его ничто не развлекало во время нея, онъ уходилъ въ пустыню, — мѣсто безлюдное, песчаное и каменистое, и здѣсь свободно изливалъ свои молитвы Господу. Онъ молился и о себѣ, и о своихъ братьяхъ по плоти — о всемъ народѣ еврейскомъ. Хорошо зная законъ Божій, онъ видѣлъ, что народъ еврейскій далеко уклонился отъ пути Господня, что онъ ходитъ во тьмѣ кромѣшней.

Въ это время на престолѣ еврейскомъ сидѣлъ царь Ахавъ. Онъ былъ нечестивѣе всѣхъ царей, которые ранѣе были въ царствѣ израильскомъ. Взялъ онъ себѣ въ жены дочь тоже нечестиваго царя сидонскаго Іезавель и началъ служить Ваалу и поклоняться ему. Этотъ Ваалъ былъ истуканъ; онъ изображалъ изъ себя человѣка, руки котораго были протянуты впередъ, вмѣсто же человѣческой головы у него была голова быка съ открытымъ ртомъ. Внутри истукана была устроена печь. И вѣрили тогда евреи, что этотъ богъ особенно любитъ, когда ему приносятъ въ жертву маленькихъ дѣтей. Сами родители клали на его руки своего младенца, и онъ по нимъ скатывался въ его пасть и оттуда падалъ въ растопленную печь, въ его внутренности. И чтобы не слышно было дѣтскаго плача, въ это время играли на различныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Другой идолъ, которому тогда молились евреи, назывался Астартою. Астарта дѣлалась въ видѣ женщины и помѣщалась обыкновенно въ тѣнистыхъ рощахъ. Тамъ, въ древесной тѣни, подъ звуки музыки въ честь этого идола, евреи предавались всякому разврату, думая, что тѣмъ они служатъ Богу. Отъ служенія идоламъ сердца ихъ грубѣли дѣлались жестокими, немилосердыми, евреи переставали различать правду отъ неправды, и неправда царствовала въ судахъ; никто не могъ считать себя безопаснымъ отъ клеветы и отъ разоренія. И все это заблужденіе всячески поддерживали множество ложныхъ пророковъ и жрецовъ идольскихъ, которые старались выдавать себя за посланниковъ Божіихъ. Горе въ это время ожидало того, кто рѣшился бы прямо и смѣло сказать слово правды. Тьма свѣта не любитъ, ложь всегда старается задавить правду.

Но Илія не убоялся смерти и, скорбя о своемъ народѣ, безбоязненно явился предъ Ахавомъ со словомъ обличенія на устахъ.

Предъ царемъ предсталъ человѣкъ, одѣтый во власяницу, изможденный постомъ, съ гнѣвнымъ взоромъ и безстрашнымъ словомъ на устахъ. То *воста Илія пророкъ, яко огнь, и слово его, яко свѣща горяща* (Сир. XLVIII, 1). Это былъ пророкъ Илія, покинувшій пустыню для обличенія царя. *Живъ Господь Богъ силъ, Богъ Израилевъ, Ему же предстою предъ Нимъ, аще будетъ въ лѣта сія роса и дождь точію отъ устъ словесе моего* (3 Цар., XVII, 2), сказалъ онъ Ахаву. Живъ Господь, поруганный тобою, царь, живъ и грозенъ. Онъ долго ждалъ отъ тебя и всего Израиля покаянія, но теперь поражаетъ засухою всю страну за грѣхи ея, пока я опять не предстану предъ лицо твое. Сказалъ пророкъ эти слова и ушелъ. Господь повелѣлъ ему итти на гору Хоривъ. Тамъ онъ поселился въ одной пещерѣ. Близъ ея протекалъ источникъ чистой воды, изъ котораго онъ утолялъ жажду; пищу же для него Господь повелѣлъ носить воронамъ, которые и приносили ему хлѣбъ и мясо. Такъ чудно Господь спасаетъ вѣрующихъ въ Него. Не скорби же, когда тебя посѣтитъ горе, не падай духомъ, но воззови къ Нему, *дающему скотомъ пищу и птенцемъ врановымъ призывающимъ Его* (Псал. CXLVI, 9). Если о скотахъ и птицахъ Господь такъ печется, насъ ли, исповѣдающихъ Его, покинетъ Онъ?

Не раскаялся Ахавъ, и пророчество Иліи начало сбываться: началась засуха. Шли дни за днями, небо было безоблачно, отъ зари до зари жгло солнце. Въ Палестинѣ жаркіе дни не рѣдкость, и жара тамъ бываетъ не такая, какъ у насъ, но несравненно сильнѣйшая. Тамъ путники часто нарочно ѣздятъ по ночамъ, чтобы днемъ не погибнуть отъ солнечнаго удара. Если бы кто изъ насъ вошелъ въ жаркій день въ городъ Палестины, то подумалъ бы, что онъ весь вымеръ: его обитатели во время жары скрываются въ своихъ домахъ и только къ вечеру выходятъ на улицу. Дожди въ Палестинѣ идутъ два раза въ годъ: въ октябрѣ и весной—въ мартѣ и апрѣлѣ, и дожди проливные. Въ остальные же мѣсяцы ихъ собою вполнѣ замѣняютъ росы, и росы такія обильныя, что земля вполнѣ освѣжается ими; вода даже остается на ея поверхности въ видѣ лужъ, какъ у насъ послѣ дождя.

Но вотъ, по слову пророка, дождь и роса въ царствѣ израильскомъ прекратились и ничто уже не освѣжало землю. Днемъ была жара, не успѣвала за ночь остыть земля, и опять всходило солнце и накаливало ее. Такъ проходили мѣсяцы за мѣсяцами, бѣдствіе становилось все болѣе и болѣе страшнымъ и захватило даже сосѣднія языческія земли. Исполнилось надъ Израилемъ древнее пророчество Моисеево: *небеса твои, надъ головою твоею, сдѣлаются мѣдью, и земля подъ тобою желѣзомъ* (Втор. XXVIII, 23). Съ теченіемъ времени начали высыхать рѣки и озера. Все живое начало нуждаться въ водѣ и вслѣдъ за тѣмъ въ пищѣ: поля отъ засухи стояли безплодными, трава вездѣ пожелтѣла и засохла.

Первоначально Илія, Богомъ питаемый, жилъ на Хоривѣ. Но высохъ и его ручей, и тогда Господь повелѣлъ ему итти въ городъ Сарепту къ одной вдовицѣ. Сарепта была за предѣлами царства израильскаго въ землѣ финикійской. Въ своемъ отечествѣ пророкъ не могъ найти себѣ пристанища: его вездѣ искалъ Ахавъ, раздраженный его обличеніемъ и засухой. И пророкъ пошелъ въ указанный ему городъ, въ чужую землю, тоже пораженную засухой. Онъ шелъ по землѣ, печально чернѣвшей безъ зелени и воды, дышалъ воздухомъ, напитаннымъ пылью, вся его родная земля стала пустынею, вездѣ народъ ждалъ смерти, какъ неминуемаго конца.

Но вотъ показалась и Сарепта съ ея стѣнами и башнями.

У воротъ Сарепты Илія увидѣлъ женщину, бѣдно одѣтую, собиравшую дрова. „Принеси, сказалъ онъ ей, мнѣ сейчасъ немного воды, и я напьюсь“. Она, ничего не возражая, пошла за водой. Замѣтьте, что она не отказалась напоить въ такую страшную засуху, когда была дорога всякая капля воды, человѣка незнакомаго и даже чужеземца. А у ней былъ сынъ, у котораго она отнимала эту воду. Вотъ какъ должно уповать на Бога и любить ближняго своего.

Пророкъ понялъ изъ ея поступка, что это именно та вдова, которая должна, по волѣ Божіей, пропитать его, но, желая ее еще испытать, воскликнулъ во слѣдъ ей: „принеси мнѣ въ рукѣ своей кусокъ хлѣба, чтобы мнѣ вкусить его!“ Но этого вдова уже не могла дать ему. „Живъ Господь Богъ твой“, т.-е. Богъ свидѣтель, отвѣчала она, „если есть у меня опрѣснокъ (небольшой хлѣбецъ). Есть у меня немного муки и масла, и вотъ я наберу дровъ, приготовлю пищу себѣ и сыну, съѣдимъ ее, а потомъ умремъ“. И на эту просьбу пророка вдова не обидѣлись, а отвѣчала кротко и печально. А мы такъ ли бы поступили? Хорошо бы—если такъ. А то иной и отказать просящему откажетъ, да еще наговоритъ ему много горькихъ словъ: „вотъ, въ такую пору да ходятъ тутъ еще попрошайки, самимъ ѣсть нечего, а тутъ имъ подавай“ и т. п. Тяжело слушать бѣдняку такія рѣчи! Но послушайте, какъ Господь наградилъ добродѣтель вдовицы.

Не успѣла она войти въ городскія ворота, какъ пророкъ остановилъ ее и сказалъ: „не бойся, приготовь сначала опрѣснокъ для меня, а послѣ сдѣлаешь для себя и сына. Ибо я отъ имени Божія говорю тебѣ, что мука и масло не убавятся у тебя, пока Господь не пошлетъ дождя на землю“. Вдова повѣрила пророку, приняла его къ себѣ, и онъ сталъ жить у ней, будучи въ неизвѣстности. И чудо Господне стало твориться въ бѣдной хижинѣ вдовы: мука и масло у ней не убывали, сколько бы она ихъ ни тратила. И тутъ она поняла, что у ней живетъ великій угодникъ Божій, и, конечно, старалась выказывать ему великое уваженіе.

Еще болѣе возымѣла вдова уваженія къ пророку по слѣдующему поводу: у ней разболѣлся сынъ и умеръ. „Человѣкъ Божій, воскликнула она, ты пришелъ ко мнѣ напомнить грѣхи мои и умертвить сына моего!“ т.-е. ты угодникъ Божій, и Господь наказалъ меня смертью сына за то, что я, грѣшная, жила подъ одною кровлею съ тобою, праведнымъ. И тутъ вдова не роптала ни на Бога, ни на людей, а лишь на себя, за свою грѣховность. Пророкъ Илія помолился надъ умершимъ и воскресилъ его.

Три года уже истекало, какъ въ царствѣ израильскомъ стояла засуха. Время гнѣва Божія кончалось, и Господь сказалъ Иліи: „иди и явись предъ Ахавомъ: Я дамъ дождь на землю“. Илія пошелъ въ царство израильское.

Царь Ахавъ ѣздилъ съ своими слугами по царству и тщательно искалъ травы для скота. Въ это время предъ нимъ и предсталъ пророкъ Илія. „Ты ли это возмутитель Израиля?“ воскликнулъ царь, увидѣвъ его. Такъ назвалъ онъ Илію потому, что, вслѣдствіе голода, въ царствѣ израильскомъ были, конечно, безпорядки: многіе оставляли свои жилища для поисковъ пропитанія, подати поступали неисправно, народъ колебался въ вѣрѣ въ идоловъ, видя ихъ безсиліе, но еще не рѣшался и вернуться къ вѣрѣ отцовъ своихъ въ Бога истиннаго. „Не я, безбоязненно отвѣчалъ пророкъ, развращаю народъ, но ты и домъ отца твоего тѣмъ, что оставили Бога истиннаго и служите идоламъ. Но, чтобы узнать, чья вѣра правая, собери народъ на гору Кармилскую и приведи туда же жрецовъ Ваала“. Ахавъ исполнилъ волю пророка. И вотъ гора Кармилъ,—три года тому назадъ славная своимъ плодородіемъ, такъ что даже называлась садомъ Божіимъ, а теперь сухая и печальная,—покрылась народомъ; сюда же пришли жрецы Ваала, прибылъ и царь. Тогда пророкъ Илія громкимъ голосомъ воззвалъ къ народу: „долго ли вы будете хромать на оба колѣна? Если вы вѣруете въ Бога истиннаго, — идите въ слѣдъ Его; если въ Ваала,—идите за нимъ“. Народъ молчалъ. Трудно ему было что либо отвѣчать Иліи: и въ Ваала онъ не твердо вѣрилъ, и отъ Бога истиннаго отшатнулся. Тогда Илія продолжалъ: „я одинъ пророкъ Бога истиннаго, пророковъ Ваала много. Пусть дадутъ намъ двухъ воловъ, и мы принесемъ ихъ поочередно въ жертву каждый своему Богу. Какой Богъ пошлетъ огонь съ неба на жертву,—тотъ и есть Богъ истинный“. Народъ одобрилъ предложеніе пророка.

Сдѣлали жрецы Ваала жертвенникъ, положили на него убитаго вола и стали молиться своему богу: „Ваалъ, Ваалъ, послушай насъ!“ По своему обычаю они плясали вокругъ жертвенника, чтобы разжалобить Ваала, били себя бичами, рѣзали ножами. Но шло время, прошелъ полуденный часъ, а огонь съ неба не падалъ. Сталъ склоняться день къ вечеру, а огня все не было. Съ негодованіемъ смотрѣлъ пророкъ Илія на этихъ прыгающихъ обманщиковъ, развратителей народа, доведшихъ его до такой кары Господней. Съ презрѣніемъ сказалъ онъ имъ: „кричите громче, можетъ-быть, вашъ богъ заснулъ или занятъ чѣмъ“. Жрецы кричали, день уже вечерѣлъ, огонь же все не сходилъ съ неба. Видя, что они достаточно показали свое безсиліе предъ народомъ, пророкъ велѣлъ имъ отойти.

Тогда онъ соорудилъ жертвенникъ, положилъ на него дрова и животное, велѣлъ окопать жертвенникъ рвомъ и облить его водою. Жертва намокла, и даже канава, вокругъ жертвеннника, наполнилась водою. Такъ дѣлалъ пророкъ, чтобы кто-либо изъ народа не подумалъ, что онъ гдѣ-либо скрылъ огонь. И говорилъ Илія ко Господу: „Господи Боже! да познаетъ народъ сей, что Ты единый Богъ Израилевъ; услышь меня: пошли съ неба огонь на жертву сію!“ И вдругъ огонь упалъ съ неба на жертву и такой сильный, что сжегъ не только жертву, но даже камни жертвенника, даже землю, на которой онъ былъ сложенъ, и высушилъ воду во рвѣ. Въ ужасѣ народъ упалъ на колѣна, взывая: Господь Богъ есть истинный Богъ!

Вотъ что можетъ совершить твердая вѣра въ Бога: огонь низвести съ неба! *Кто вѣрова Господеви и постыдеся? или кто пребысть въ страсѣ Его и оставися? Или кто призва Его и презрѣ и?* (Сир. II, 10). Только *мужъ двоедушенъ* (Іак. I, 8) оставляется Имъ. Всякій изъ насъ, вѣроятно, помнитъ въ своей жизни такіе случаи, когда онъ въ горѣ обращался къ Богу, и горе смѣнялось радостію. Если мы будемъ имѣть такую вѣру всегда, то всегда будемъ получать помощь отъ щедраго Бога.

Ревнуя о Богѣ и желая избавить народъ израильскій отъ обманщиковъ, Илія избилъ жрецовъ Ваала, царю же посовѣтовалъ ѣхать поскорѣй домой, чтобы его не засталъ на дорогѣ дождь. И дождь, по молитвѣ пророка, пошелъ сильный и благотворный, и возрадовался народъ израильскій о милости Божіей. Но эта радость не посѣтила сердце самого пророка. Онъ опять долженъ былъ спасать свою жизнь. Теперь Ахавъ смирился предъ нимъ, видя силу его молитвы, но тѣмъ сильнѣе возненавидѣла пророка Іезавель, жена царя. Ахавъ былъ человѣкъ невѣрующій и преступный, но Іезавель была вполнѣ злодѣйкой, готовой на самое ужасное преступленіе. Ахавъ иногда раскаивался и скорбѣлъ о своихъ беззаконіяхъ, Іезавель только укоряла его за то. Узнавъ, что Илія избилъ пророковъ Ваала, она послала сказать ему, что она не будетъ Іезавель царица, если на другой день онъ не будетъ лежать такимъ же бездыханнымъ, какими положилъ пророковъ Ваала. Илія, зная ея злобность, рѣшился, по волѣ Божіей, спасаться бѣгствомъ. И вотъ, онъ опять одинъ въ пустынѣ, не имѣя другого крова надъ собой, кромѣ неба. Несмотря на дивныя чудеса пророка Божія, Ахавъ остался тѣмъ же слабымъ человѣкомъ-полувѣромъ, царица тою же злобной идолопоклонницею, и, казалось, весь народъ Израильскій возвратился опять къ жертвенникамъ идоловъ. Тоска напала на душу пророка: вся его борьба за славу Бога истиннаго показалась ему безплодною, и самъ онъ себѣ безсильнымъ. И возопилъ Илія ко Господу, чтобы Онъ послалъ ему смерть: „возьми душу мою, Господи, молился онъ, я не лучше отцовъ моихъ; я такой же слабый человѣкъ, какъ и всѣ люди: дѣло, которое я взялъ на себя, мнѣ не по силамъ, Лучше мнѣ умереть, нежели видѣть беззаконія моего народа“. Утомленный продолжительною ходьбою, онъ уснулъ, но ангелъ Господень разбудилъ его, напиталъ хлѣбомъ и велѣлъ итти на гору

Хоривъ. Поддерживаемый благодатію Божіею, Илія день и ночь безостановочно шелъ сорокъ сутокъ, не вкушая пищи. Этимъ постомъ онъ приготовлялся къ чудесному видѣнію, которое ожидало его на Хоривѣ.

Чудесный сорокодневный путь пророка Иліи былъ оконченъ: онъ взошелъ на Хоривъ, нашелъ здѣсь пещеру и во мракѣ ея продолжалъ скорбѣть о нечестіи своего родного народа. Вдругъ раздался надъ нимъ голосъ Господень: „почто ты здѣсь, Илія?“ т.-е., что тебѣ нужно, о чемъ ты скорбишь? Илія отвѣчалъ на этотъ вопросъ жалобой на народъ израильскій: „онъ оставилъ завѣтъ Твой, разрушилъ Твои жертвенники, убилъ Твоихъ пророковъ; остался я одинъ, и моей души ищутъ, чтобы взять ее“. Господь отвѣчалъ ему: „утромъ выдь и стань на горѣ передъ Господомъ, Онъ пройдетъ предъ тобою, но не въ бурѣ, не въ землетрясеніи, не въ огнѣ, а въ легкомъ вѣяніи прохладнаго вѣтра“. Илія утромъ вышелъ и закрылъ лицо свое, считая себя недостойнымъ видѣть Господа лицомъ къ лицу. И вотъ, вокругъ него зашумѣлъ вѣтеръ, заблестѣла молнія, загремѣлъ громъ, загудѣла буря, вырывая съ корнемъ деревья и сокрушая скалы. Вслѣдъ затѣмъ гора задрожала отъ землетрясенія, закачались съ древности неподвижныя горы, и скалы растрескались и образовали пропасти. И всѣ эти ужасы внезапно освѣтились явившимся на горѣ огнемъ. Илія стоялъ въ ожиданіи конца этихъ явленій. Не въ нихъ было угодно явиться Господу. И вотъ, погасъ огонь, прекратилось землетрясеніе, буря утихла, все на горѣ пришло въ порядокъ. При наступившей тишинѣ подулъ легкій и пріятный вѣтерокъ, и тутъ явился Иліи Господь и успокоилъ его, возвѣстивъ, что во Израилѣ еще не всѣ впали въ идолопоклонство, а еще семь тысячъ человѣкъ не преклоняли колѣнъ своихъ предъ Вааломъ и на устахъ своихъ не имѣли молитвы къ нему. Тутъ же Господь далъ различныя повелѣнія Иліи. Видѣніе окончилось, и пророкъ пошелъ по пути, указанному ему Господомъ. Дорогою онъ призвалъ въ ученики себѣ Елисея.

Видѣніемъ на Хоривѣ Господь научилъ пророка Илію тому, что Онъ не только Богъ—строгій Судія и Каратель согрѣшающихъ, но и Богъ любви, милосердія къ падшимъ людямъ; что Онъ, строго взыскивая съ Израиля, и любитъ его, и готовъ щадить его, ждать его покаянія. Это—урокъ и намъ всѣмъ. Если насъ оскорбляютъ, обижаютъ, то что пользы, если мы на злобу отвѣтимъ злобою, на обиду обидой? Не трудно это, но пользы въ этомъ нѣтъ. Только любовь изъ врага можетъ сдѣлать друга, изъ злодѣя—праведника. Смотри на всякаго обижающаго тебя человѣка, какъ на заблудшаго, несчастнаго, какъ на больного, за котораго тоже пострадалъ Христосъ, и отвѣть на его грѣхъ милосердіемъ, и ты будешь истиннымъ послѣдователемъ Господа, Который повелѣваетъ солнцу Своему сіять на злыхъ и добрыхъ и дождю итти на праведныхъ и неправедныхъ (Мѳ. V, 45).

Сошелъ Илія съ Хорива. Послѣ чуднаго видѣнія Бога, онъ опять возвратился въ міръ, исполненный грѣха и скорби. И ему пришлось вскорѣ же быть вѣстникомъ кары Господней Ахаву и Іезавели за ихъ новое преступленіе. Царь жилъ въ городѣ Изреели. Недалеко отъ его дворца находился виноградникъ нѣкоего Навуѳея, жителя того города. Царю сильно хотѣлось пріобрѣсть этотъ виноградникъ, но Навуѳей не соглашался ни продать, ни промѣнять его. Онъ былъ человѣкъ благочестивый и строго исполнялъ законы Господни. По закону же евреи не имѣли права ни продавать, ни промѣнять своихъ земель (Лев. XXV, 23). Ахавъ разстроился отказомъ Навуѳея и даже занемогъ. Можетъ-быть, что тѣмъ и кончилось бы все дѣло, если бы въ него не вмѣшалась злобная Іезавель. „Такъ ли поступаютъ цари?!“ — съ насмѣшкою сказала она Ахаву. „Но успокойся, ѣшь и пей:—виноградникъ будетъ твой“. И вотъ, она приказала властямъ обвинить Навуѳея въ богохульствѣ и хуленіи царя. Дѣло велось скоро и беззаконно, и невинный Навуѳей былъ побитъ камнями, а имѣніе его, по закону, досталось царю. Тогда Іезавель сказала царю: „поди, получи виноградникъ, Навуѳей и сребра съ тебя не взялъ, и самъ умеръ“. Ахавъ сперва опечалился было этимъ дѣломъ, но вскорѣ успокоился и пошелъ съ Іезавелью осматривать виноградникъ. Но тутъ внезапно явился предъ нимъ пророкъ Илія. „Ты нашелъ меня, врагъ мой!“ — воскликнулъ пораженный его появленіемъ царь. „Нашелъ“, — отвѣчалъ пророкъ, „слушай: такъ говоритъ Господь Богъ: наведу на тебя всякое зло; тамъ, гдѣ пролита кровь Навуѳея, прольется и твоя кровь, и ее будутъ лизать псы, и Іезавель, жена твоя, будетъ съѣдена псами". Ахавъ опечалился, началъ раскаиваться, постился и плакалъ, и за это Господь смягчилъ Свой приговоръ надъ нимъ: Онъ объявилъ Иліи, что это пророчество вполнѣ исполнится надъ слѣдующимъ за Ахавомъ въ родѣ его. Три года прожилъ еще Ахавъ и былъ убитъ на войнѣ. Колесницу, въ которой онъ былъ раненъ, вымыли въ ручьѣ, и тутъ псы лизали кровь его и свиньи пили кровавую воду (3 Цар. XXII, 38). Впослѣдствіи исполнилось пророчество Иліи о Іезавели: она была сброшена съ крыши своего дома и разорвана псами (4 Цар. IX, 33—37).

Надъ Израилемъ воцарился новый царь Охозія, сынъ Ахава. По своей жизни онъ шелъ по стопамъ отца своего,—поклонялся Ваалу и былъ нечестивъ. Однажды онъ сильно ушибся и послалъ слугъ своихъ къ идолу Ваалу спросить его, выздоровѣетъ ли онъ. Но посланныхъ встрѣтилъ на дорогѣ пророкъ Илія и грозно спросилъ ихъ: „развѣ у Израиля нѣтъ Бога, что вы идете къ Ваалу? Скажите царю: за то, что ты не обратился къ Богу истинному, ты не встанешь съ постели, а умрешь на ней". Когда Охозія узналъ объ этомъ, онъ страшно прогнѣвался на Илію и послалъ за нимъ пятьдесятъ воиновъ съ начальникомъ. Илія былъ на горѣ Кармилской, когда посланные пришли взять его. Начальникъ отряда гордо крикнулъ ему: „человѣкъ Божій! царь приказываетъ тебѣ сойти". Съ негодованіемъ посмотрѣлъ пророкъ на этихъ жалкихъ людей, преданныхъ идоламъ, готовыхъ на всякое злое дѣло ради угожденія царю. И отвѣчалъ пророкъ: „если я человѣкъ Божій, то пусть сойдетъ съ неба огонь и попалитъ тебя и воиновъ твоихъ". И тотчасъ огонь небесный упалъ на воиновъ и сжегъ ихъ. Посланъ былъ за Иліею другой отрядъ, но и его постигла та же участь. Тогда царь послалъ третій отрядъ, но начальникъ его былъ человѣкъ вѣрующій, который со смиреніемъ просилъ пророка не взыскивать съ него, человѣка подневольнаго. Тогда Илія сошелъ съ горы и, пришедши къ Охозіи, безбоязненно обличилъ его въ идолопоклонствѣ и предсказалъ ему смерть. Такъ и случилось: Охозія не всталъ съ своей постели.

Приблизилось время пророку Божію Иліи разстаться съ землею. Господь открылъ это ему заранѣе, и Илія пошелъ съ Елисеемъ на мѣсто, назначенное ему Богомъ. Дорогою, не желая славы людской, онъ два раза предлагалъ Елисею оставить его одного. Но Елисей, зная по внушенію Св. Духа, что ему недолго видѣть своего учителя, не захотѣлъ разстаться съ нимъ. Другіе ученики пророческіе тоже знали о скоромъ взятіи Иліи на небо и издали сопутствовали двумъ пророкамъ. Вотъ, виденъ сталъ и Іорданъ, и пророки подошли къ водѣ. Моста здѣсь не было, но праведникамъ покорна бываетъ природа. Илія ударилъ по водѣ своею верхнею одеждою—милотью, и рѣка разступилась, и пророки перешли по дну на ея другой берегъ. Тогда рѣка потекла по-прежнему. Предчувствуя близость своего переселенія на небо, Илія сказалъ Елисею: „проси у меня, чего тебѣ нужно, пока я не взятъ". Елисей сталъ просить у него дара пророческаго вдвое сильнѣйшаго, нежели былъ на Иліи. „Труднаго ты просишь,—отвѣчалъ Илія, но, если увидишь, какъ я буду взятъ, получишь просимое". И они пошли далѣе, бесѣдуя. Вдругъ пустынный берегъ Іордана освѣтился небеснымъ огнемъ. Между пророками явилась огненная колесница съ огненными конями. Илія вошелъ въ нее и въ вихрѣ сталъ уноситься на небо. „Отче, отче!—воскликнулъ пораженный этимъ видѣніемъ Елисей,—колесница Израилева и конница его!" („Отецъ, ты былъ для Израиля дороже и нужнѣе войска и лучше его могъ защитить твою страну"). Но голосъ Елисея раздавался только уже въ виду яснаго неба. Пророка Иліи на колесницѣ огненной уже не было видно. Страшно огорченный Елисей разорвалъ на себѣ одежду, по обычаю евреевъ, которые при огорченіи имѣли обыкновеніе разрывать свои одежды. Въ это время съ неба упала милоть, брошенная Иліею, какъ его благословеніе ученику, какъ видимый знакъ дарованія ею Елисею просимаго имъ духа пророческаго. Елисей взялъ ее и, подошедши къ Іордану, ударилъ ею по водѣ и—Іорданъ разступился. Такимъ образомъ онъ вступилъ на мѣсто Иліи на служеніе народу израильскому.

Вотъ многотрудная жизнь великаго пророка Божія! Во все время своего пребыванія на землѣ онъ горѣлъ ревностію о славѣ Божіей, не щадилъ для того своихъ трудовъ, даже своей жизни, и въ награду за чистоту своей души и за такую безмѣрную любовь къ

Богу былъ Имъ взятъ на небо на колесницѣ огненной. О, если бы всѣ мы имѣли хотя малую долю такой ревности къ славѣ Божіей, если бы не боялись обличать, вразумлять людей, своею жизнію позорящихъ званіе христіанина! О, если бы мы могли обличать и укорять и самихъ себя за наше нерадѣніе въ исполненіи заповѣдей Божіихъ! Надобно сознаться, что и мы хромаемъ на оба колѣна,—вмѣстѣ съ Богомъ истиннымъ хотимъ служить и богу чуждому — своимъ похотямъ. Но страшенъ бываетъ за это судъ Господень. Не исполняли евреи заповѣдей Божіихъ, не слушали пророковъ Господнихъ—и вотъ, истощилось долготерпѣніе Божіе, и гнѣвъ Его разсѣялъ, какъ пыль, народъ еврейскій изъ ихъ страны и положилъ на нее печать запустѣнія.

Господь еще не отнялъ отъ насъ совершенно Своихъ щедротъ: будемъ же твердо хранить вѣру отцовъ нашихъ, любить нашу православную церковь, исполнять то, что она велитъ намъ, и—тогда страна наша не оскудѣетъ и будетъ нерушима; моры, голоды и засухи не будутъ посѣщать насъ; мы же сами, по милости Божіей, не будемъ лишены надежды войти въ царство небесное (Сост. по Христ. бес. 1893 г., т. второй).

3. Черты для нашего подражанія изъ жизни прор. Иліи.

Св. ап. Іаковъ, напоминая христіанамъ о злостраданіяхъ и долготерпѣніи пророковъ, какъ на образецъ для подражанія, указываетъ имъ на пророка Божія Илію. *Илія,* говоритъ, *человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ.* Чему же изъ жизни пророка мы должны подражать?

Величайшее воздержаніе пророка, соединенное съ упованіемъ на Божій промыслъ, его величайшее смиреніе, его величайшая ревность о славѣ Божіей,— вотъ черты, достойныя нашего подражанія и доступныя каждому изъ насъ!

Велико и чудно было воздержаніе пророка Божія Иліи! Это подлинно былъ *во плоти ангелъ!* Онъ не имѣлъ никакой собственности: одеждою ему служила убогая милоть; кожаный поясъ опоясывалъ чресла его; жилищемъ ему служила пустыня или домы людей сострадательныхъ; пищею его были хлѣбъ и вода, или, лучше сказать, то, что посылалъ ему Богъ. Ничто земное не занимало человѣка Божія; единый Богъ былъ предметомъ его ума и сердца; онъ весь былъ преданъ Богу, несомнѣнно вѣруя, что Всеблагій Промыслитель и Творецъ человѣковъ не попуститъ вѣрному рабу Своему умереть отъ глада и жажды. И Богъ исполнялъ его желанія, посылая ему пищу и питье иногда чудеснымъ образомъ. Такъ велико было воздержаніе пророка Божія, соединенное съ твердымъ упованіемъ на Божій промыслъ.

А мы такъ мало имѣемъ воздержанія, такъ много заботимся о томъ, что *ямы, или что піемъ, или чимъ одеждемся* (Матѳ. VI, 25)! Прилична ли столь суетная заботливость намъ, послѣдователямъ Іисуса Христа? Не намъ ли сказалъ Онъ во св. евангеліи: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI, 33)? Возлюбимъ воздержаніе, возложивъ упованіе на Божій промыслъ, тогда и малаго достаточно будетъ для удовлетворенія нашимъ житейскимъ нуждамъ.

Достойно подражанія и величайшее смиреніе Божія пророка. Великъ былъ онъ по своимъ добродѣтелямъ, когда Богъ являлъ ему особенное Свое благоволеніе. По слову пророка Божія совершались великія знаменія и чудеса. Но чѣмъ выше онъ возносился на лѣствицѣ духовнаго совершенства, тѣмъ большее смиреніе пробуждалось въ душѣ его. Особенно сильно проявилось оно въ послѣднія минуты его земной жизни. Какъ бы, казалось, могъ онъ скрыть отъ своего собесѣдника и преемника Елисея близость своего вознесенія на небо? Но и отъ него желалъ скрыть это пророкъ Божій Илія! Уже приближалась минута ихъ временнаго разлученія; уже недалеко были отъ него и колесница огненная и кони огненные, готовые восхитить его на небо, но онъ умоляетъ Елисея удалиться отъ него, стараясь сокрыть свое прославленіе! Какое величайшее смиреніе!

Вотъ какъ думали о себѣ величайшіе Божіи избранники! И сотворивъ все повелѣнное отъ Бога, они думали о себѣ, какъ о рабахъ неключимыхъ! А мы какъ мало имѣемъ смиренія! Не имѣя почти никакихъ добродѣтелей, мы думаемъ иногда, что мы еще не великіе грѣшники! Мы не должны забывать той истины евангельской, что только *нищіе духомъ* (Матѳ. V, 3) будутъ наслѣдниками небеснаго царствія, и только *смиряяй себе вознесется* (Лук. XVIII, 14)!

Ревнуя поревновахъ о Господѣ Бозѣ Вседержителѣ, говоритъ о себѣ пророкъ

Божій Илія. И подлинно, пламенна была ревность его по славѣ Божіей! Когда онъ увидѣлъ распространеніе идолопоклонства въ царствѣ израильскомъ, то воспылалъ такою *ревностію,* что неустрашимо обличалъ и людей и самого царя за отступленіе отъ истиннаго Бога; когда же увидѣлъ, что ни народъ, ни царь не внимаютъ его глаголамъ, то не усомнился испросить отъ Бога наказаніе нечестивымъ, чтобы вразумить ихъ: по его слову небо заключилось на три съ половиною года, и не было ни росы, ни дождя, такъ что *бысть гладъ великъ по всей земли;* потомъ, когда нужно было доказать народу израильскому преимущество Бога истиннаго предъ Вааломъ, онъ не усомнился испросить отъ Бога огнь съ небеси на приготовленную жертву. Такова была пламенная ревность пророка Божія по Богѣ!

Да послужитъ она примѣромъ и побужденіемъ и для насъ являть въ себѣ ревность о славѣ Божіей. Апостолъ Христовъ заповѣдуетъ всѣмъ христіанамъ имѣть ревность Божію: *добро еже ревновати всегда въ добромъ* (Гал. IV, 18), говоритъ онъ. Такъ и должно быть. Если кто искренно любитъ Бога, то будетъ ли равнодушно смотрѣть на ближняго, который оскорбляетъ Бога? Если не можешь исправить грѣшника своими убѣжденіями, то старайся дѣйствовать на него своимъ добрымъ примѣромъ.

Ревнуя о славѣ Божіей, мы привлечемъ на себя Божіе благословеніе, и въ мірѣ семъ Богъ увѣнчаетъ насъ наградами за добрую жизнь, и по смерти содѣлаетъ насъ достойными небесной награды по молитвамъ угодника Своего, пророка Иліи (Извлеч. въ сокращ. изъ „Поуч. на праздн.“ прот. А. Романовскаго, ч. 2-я, изд. 1881 г.).

4. Кощунство — тяжкій грѣхъ.

Вотъ разсказъ одного поселянина о самомъ себѣ, какъ строго наказалъ его Господь за кощунство надъ св. пророкомъ Божіимъ Иліею. „На грѣшной душѣ моей лежитъ, какъ тяжелый камень, смертный грѣхъ, отъ того я и не ѣмъ рыбы, ни скоромнаго, не пью я ни вина, ни пива. Смолоду было со мною сатанинское навожденіе, такое ужасное, что добрымъ людямъ и разсказывать страшно. Тогда я и ѣлъ, и пилъ, и вина-то напивался, бывало, до безчувствія, до безобразія. Что ужъ мнѣ теперь, старому человѣку, таиться! Раскаюсь я предъ міромъ всѣмъ крещенымъ,—такъ началъ онъ свой разсказъ, и продолжалъ.—Молодого-то меня уму-разуму наставлять было некому: полугодовой я остался отъ своихъ родителей, но недаромъ пословица говоритъ: „свѣтъ не безъ добрыхъ людей“. Въ нашей деревнѣ жилъ мужикъ, кузнецъ, дядя Максимъ. Мужикъ онъ былъ зажиточный, а дѣтей у него не было; онъ и взялъ меня на воспитаніе. Онъ былъ добрый и умный мужикъ, и всему меня обучилъ, но, къ несчастью, баловалъ меня. У насъ въ деревнѣ, у сельскаго старосты былъ сынъ одногодокъ мнѣ, по имени Павелъ. Съ этимъ Павломъ мы все и водились, и чего-чего съ нимъ не проказили. Бывало, въ праздникъ или воскресенье Христово мы съ нимъ къ обѣднѣ не пойдемъ, а ужъ послѣ обѣдни наше было дѣло — сходить въ кабакъ, напиться, поплясать, поссориться, подраться. Зато и наказалъ же насъ Господь Богъ. Деревня наша каждый годъ празднуетъ Иліи пророку; на праздникъ въ нашу деревню собирается народъ и изъ другихъ деревень. Такъ было и на этотъ разъ. Пошли у насъ игры, пѣсни, пляски разныя, хороводы. Денекъ-то выпалъ для праздника угодника Божія такой свѣтлый да теплый. Но къ вечеру солнышко закрылось, нашла туча темная-претемная, такъ что въ деревнѣ ничего не стало видно, а молнія-то такъ и сверкаетъ, а громъ все гремитъ. Всѣ крестятся, да говорятъ: *Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваоѳъ!..* Отъ страха разбѣжались всѣ, кто куда могъ. На улицѣ остались только я съ Павлушкой. Онъ на балалайкѣ игралъ, а я въ присядку подплясывалъ, да приговаривалъ: Илья пророкъ, Илья пророкъ... и другія такія слова я говорилъ, что и пересказывать не слѣдъ. Пляшемъ это мы, а старики кричатъ намъ: „Мирошка, Павлушка. Что вы? Съ ума что ль сошли? Побойтесь вы Господа Бога, нехристи вы, что ли. Перестаньте! Вотъ васъ Илья-то пророкъ накажетъ!“ Я дразню стариковъ, пляшу, да приговариваю: „не боюсь я тебя, Илья пророкъ!..“ Вдругъ сверкнула молнія, и меня какъ-будто кто со всего размаху ударилъ полѣномъ по ногамъ. Я свалился съ ногъ, какъ снопъ, и не помню, какъ взяли меня и стащили домой. Павлушкѣ оторвало обѣ руки по локоть: онъ на улицѣ и померъ, а я-то вотъ съ той поры на всю жизнь и остался калѣкой. Подѣломъ Господь наказалъ меня, нечестивца!

Шесть недѣль я вылежалъ, какъ пластъ, въ постели: не могъ пошевелить ни ногой, ни рукой, и перекреститься не могъ, ѣлъ и пилъ только то, что добрые люди положатъ“. Такъ закончилъ свой разсказъ наказанный и помилованный Богомъ старецъ („Стран.“ 1869 г., августъ).

5. Разсказы объ усердныхъ молитвенникахъ[1]).

I. Пророкъ Давидъ молился въ началѣ ночи, вставалъ на молитву въ полночь, предъ разсвѣтомъ, молился по утру, вечеромъ и въ полдень. Посему онъ сказалъ: *седмерицею днемъ хвалихъ Тя* (Пс. CXVIII, 164).

II. Авва Дула, ученикъ преп. Виссаріона, разсказывалъ: „вошелъ я къ своему старцу въ келью и засталъ его стоящимъ на молитвѣ; руки его были простерты къ небу, и онъ оставался въ этомъ подвигѣ четырнадцать дней“. (Изъ „Скитскаго патер.“).

III. Св. Антоній Великій часто ночи проводилъ безъ сна, такъ что солнце, бывшее свидѣтелемъ его молитвеннаго подвига при своемъ захожденіи, находило его въ такомъ же положеніи и при своемъ снова появленіи на горизонтѣ. Но, тревожимый иногда духомъ унынія, онъ вздыхалъ предъ Господомъ о томъ, что подобное смущеніе мѣшаетъ ему въ дѣлѣ спасенія, выводя его изъ состоянія внутренняго блаженства, которое онъ почерпалъ въ молитвенномъ общеніи съ Господомъ, и молилъ о вразумленіи. Послѣ молитвы онъ вышелъ, однажды, изъ кельи и увидѣлъ нѣкоего незнакомца, который, имѣя видъ похожій на него самого, сидѣлъ и работалъ, потомъ всталъ изъ-за работы и молился; послѣ опять сѣлъ и вилъ веревку; далѣе опять вставалъ на молитву. Это былъ ангелъ Господень, посланный для наставленія и подкрѣпленія Антонія. И ангелъ сказалъ вслухъ ему: „и ты такъ дѣлай — и спасешься“. Услышавъ это, Антоній весьма обрадовался и во всю свою жизнь соблюдалъ это правило, переходя отъ работы къ молитвѣ и отъ молитвы къ работѣ. Но едва ли, впрочемъ, можно сказать, что онъ когда-либо переставалъ молиться, потому что и во время работы мысль его постоянно возносилась къ Богу.

Въ послѣдующее время его жизни, молитва для него была уже не правиломъ, но услажденіемъ. Обратившись съ вечера къ востоку, онъ становился на молитву, и когда, по прошествіи ночи, наступалъ дневной свѣтъ, онъ восклицалъ: „о солнце, зачѣмъ своими лучами развлекаешь меня и заслоняешь истинный Свѣтъ души моей!“ Преподобный Кассіанъ, передающій эту черту изъ жизни святого, прибавляетъ, что Антоній, разсуждая о молитвѣ, говорилъ: „Молитва иногда несовершенна, если онъ самъ замѣчаетъ и помнитъ, что онъ молится“. Это показываетъ, какая дана была ему сила духа надъ чувствами. (Извлеч. изъ брош.: „Жизнь преп. отца нашего Антонія Великаго и его устныя и письменныя духовно-подвижническія наставленія“. Свято-Троицкой Сергіевой лавры іеромон. Агапита. Спб. 1865 г., стр. 12—14).

IV. Авва Павелъ, жившій въ скитской пустынѣ, ежедневно совершалъ 300 молитвъ, а чтобы не ошибиться въ счетѣ, клалъ за пазуху 300 камней и при совершеніи каждой молитвы выбрасывалъ по камню. Однако жъ тотъ же Павелъ, къ его смущенію и стыду, узналъ, что въ сосѣдствѣ съ нимъ проживаетъ одна благочестивая дѣва, которая 5 дней въ недѣлю постится и которая ежедневно совершаетъ 700 молитвъ.

V. По собственному свидѣтельству Макарія александрійскаго, когда онъ въ теченіе 4 сутокъ предавался молитвенному созерцанію, то привелъ этимъ діавола въ ужаснѣйшую ярость.

VI. Отшельникъ Ѳеодоръ на востокѣ въ продолженіе 7 дней молился, не оставляя этого дѣла ни на минуту. (Сост. по кн.: „Разсказы изъ исторіи христ. аскетич. жизни“. А. Лебедева. Москва, 1884 г., стр. 130—131, 134—136).

VII. Препод. Виссаріонъ (пам. 6 іюня), едва прикрытый ветхою одеждою, не обращая вниманія ни на зной, ни на холодъ, дни и ночи проводя въ молитвѣ, среди которой часто подолгу забывалъ даже о пищѣ, въ безмолвномъ возношеніи ума и сердца къ Богу какъ бы отдѣлялся отъ всего земного и удостоился отъ Бога дара великихъ чудотвореній. Однажды цѣлыхъ сорокъ дней простоялъ онъ на молитвѣ посреди тернія, безъ сна и пищи, забывши все земное, молясь съ воздѣяніемъ рукъ къ небу, не двигаясь съ мѣста. Молитвою низводилъ онъ дождь во время засухи, переходилъ черезъ рѣки, какъ бы по землѣ, исцѣлялъ больныхъ. (Изъ кн.:

---

[1]) По поводу молитвы о дождѣ и бездождіи пророка Иліи.

„Житія святыхъ“, архіеп. Филарета Гумилевскаго, іюня 6, стр. 52).

VIII. Когда одинъ благочестивый инокъ молился, ехидна, подползши, коснулась ноги его, но онъ не прежде опустилъ руки, какъ совершивъ обычную молитву. И никакого вреда не потерпѣлъ сей, возлюбившій Бога паче себя.

IX. Иному еще боголюбивому иноку, когда онъ творилъ умную молитву, ходя по пустынѣ, предстали два ангела и пошли вмѣстѣ съ нимъ, имѣя его въ срединѣ. Но онъ ни на минуту не обратился къ нимъ вниманіемъ, чтобы не потерпѣть ущерба въ лучшемъ, ибо помнилъ изреченіе апостола, который говоритъ: *ни ангели, ни начала, ниже силы* возмогутъ *насъ разлучити отъ любве Христовы* (Рим. VIII, 38—39). — (Препод. Нила, подвижника синайскаго „О молитвѣ“. Гл. 153, ст. 109, 112. Сн. „Святоотеческія наставленія о молитвѣ и трезвеніи“, еп. Ѳеофана, стр. 179).

6. Наставленіе о молитвѣ о. Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго).

„Во время молитвы бываютъ иногда минуты убійственнаго мрака и стѣсненія сердечнаго, происходяшихъ отъ невѣрія сердца. Лукавый старается разсыпать молитву, какъ песчаную насыпь, слова хочетъ сдѣлать, какъ сухой песокъ безъ связи, безъ влаги, т.-е. безъ теплоты сердечной“. Понятно, вслѣдствіе постоянныхъ колебаній настроенія молящагося, „молитва бываетъ то храмина на песцѣ, то храмина на камнѣ“.

Прежде всего весьма важно приготовленіе къ молитвѣ, созиданіе въ себѣ такого настроенія, которое могло бы противостать внѣшнимъ и внутреннимъ искушеніямъ во время самой молитвы.

„Если хочешь молитвою испросить себѣ какого-либо блага у Бога, то прежде молитвы *приготовь себя къ несомнѣнной, крѣпкой вѣрѣ и прими заблаговременно средства противъ сомнѣнія и невѣрія.* Худо, если во время самой молитвы сердце твое изнеможетъ въ вѣрѣ и не устоитъ въ ней: тогда и не думай, чтобы ты получилъ то, о чемъ просилъ Бога сомнѣваяся, потому что ты оскорбилъ Бога; а ругателю Богъ не даетъ даровъ Своихъ! *Вся,* сказалъ Господь, *елика аще воспросите въ молитвѣ вѣрующе, пріимете* (Мѳ. XXI, 22), и, значитъ, если воспросите не вѣруя или съ сомнѣніемъ, не пріимете. *Аще имате вѣру, и не усумнитеся,* еще говоритъ Онъ, то и горы можете переставлять (тамъ же, ст. 12). Значитъ, если усомнитеся и не повѣрите, то не сдѣлаете этого. *Да проситъ же* (каждый человѣкъ) *вѣрою, ничтоже сумняся,* говоритъ апостолъ Іаковъ... *да не мнитъ сумняйся, яко пріиметъ что отъ Бога. — Мужъ двоедушенъ неустроенъ во всѣхъ путехъ своихъ* (Іак. I, 7—8). Сердце, сомнѣвающееся въ томъ, что Богъ можетъ даровать просимое, наказывается за сомнѣніе: оно болѣзненно томится и стѣсняется отъ сомнѣнія. Не прогнѣвляй же Вседержавнаго Бога ни тѣнію сомнѣнія, особенно ты, испытавшій на себѣ Божіе всемогущество многое множество разъ. Сомнѣніе— хула на Бога, дерзкая ложь сердца или гнѣздящагося въ сердцѣ духа лжи на Духа истины. Бойся его, какъ ядовитой змѣи, или нѣтъ, — что я говорю, пренебрегай имъ, не обращай на него ни малѣйшаго вниманія. Помни, что Богъ во время прошенія твоего ожидаетъ утвердительнаго отвѣта на вопросъ, внутренно Имъ тебѣ предлагаемый: вѣруешь ли, яко могу сіе сотворити? Да, ты долженъ изъ глубины сердца отвѣтить: вѣрую, Господи! И тогда будетъ по вѣрѣ твоей.

Твоему сомнѣнію или невѣрію да поможетъ слѣдующее разсужденіе: я прошу у Бога:

1) Существующаго, а не воображаемаго только, не мечтательнаго, не фантастическаго блага, а все существующее — отъ Бога получило бытіе, потому что *безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. I, 3), и, значитъ, ничто и не бываетъ безъ Него, что бываетъ, а все или отъ Него получило бытіе, или по Его волѣ или допущенію бываетъ и дѣлается при посредствѣ данныхъ отъ Него тварямъ Его силъ и способностей, — и во всемъ сущемъ и бывающемъ Господь полновластный Владыка. Кромѣ того, Онъ *нарицаетъ и не сущая, яко сущая* (Рим. IV, 17); значитъ, если бы я просилъ и не сущаго, Онъ могъ бы мнѣ дать, сотворивъ его.

2) Я прошу возможнаго, а для Бога и наше невозможное — возможно; значитъ, и съ этой стороны нѣтъ препятствія, потому что Богъ можетъ сдѣлать для меня даже то, что по моимъ понятіямъ невозможно. Та бѣда наша, что въ вѣру нашу мѣшается близорукій разсудокъ, этотъ паукъ, ловящій истину сѣтками своихъ сужденій, умозаключеній, аналогій. Вѣра вдругъ обнимаетъ, видитъ, а разсудокъ окольными путями доходитъ до истины: вѣра — средство сообщенія духа съ духомъ, а разсудокъ — духовно-

чувственнаго съ духовночувственнымъ и просто матеріальнымъ; та духъ, а этотъ—плоть.

Отсутствіе надлежащаго настроенія для молитвы бываетъ причиной ея безплодности для души.

Иногда человѣкъ молится, повидимому, усердно, но молитва его не приноситъ ему плодовъ покоя и радости сердца о Духѣ Святѣ. Отчего? Оттого, что, молясь по готовымъ молитвамъ, *онъ не каялся искренно въ тѣхъ грѣхахъ, которые онъ учинилъ въ тотъ день, которыми осквернилъ свое сердце, этотъ храмъ Христовъ, и коими прогнѣвалъ Господа.* Но вспомни онъ о нихъ, да раскайся, со всею искренностію осуди себя безпристрастно — и тотчасъ водворится въ сердцѣ *миръ, превосходяй всякій умъ* (Филип. IѴ, 7). Въ молитвахъ церковныхъ есть перечисленіе грѣховъ, но не всѣхъ, и часто о тѣхъ-то самыхъ и не бываетъ упомянуто, коими мы связали себя; надо непремѣнно самому перечислить ихъ на молитвѣ съ яснымъ сознаніемъ ихъ важности, съ чувствомъ смиренія и съ сердечнымъ сокрушеніемъ.

Но иногда, по видимому, при усердномъ приготовленіи къ молитвѣ, во время ея совершенія вдругъ *наступаетъ уныніе, малодушіе и разсѣяніе.*

Когда во время молитвы овладѣетъ твоимъ сердцемъ уныніе и тоскливость, знай, что это происходитъ отъ діавола, всячески старающагося занять тебя въ молитвѣ. Крѣпись, мужайся и памятію о Богѣ прогоняй убійственныя ощущенія.

а) „Когда ты одинъ молишься, и унываетъ духъ твой, и станетъ скучать и тяготиться одиночествомъ, *помяни тогда, какъ и всегда, что на тебя свѣтлѣйшими, паче солнца, очами взираетъ Тріѵпостный Богъ, всѣ св. ангелы, ангелъ твой хранитель и святые Божіи человѣки.* Истинно! ибо всѣ они едино въ Богѣ, и гдѣ Богъ, тамъ и они. Куда солнце, туда и всѣ лучи его обращены. Разумѣй, что говорится. Молись всегда горящимъ сердцемъ, а для этого никогда не объѣдайся и не упивайся. Помни, съ Кѣмъ бесѣдуешь. Люди забываютъ пречасто, съ Кѣмъ они бесѣдуютъ на молитвѣ, кто свидѣтели ихъ молитвы. Они забываютъ, что бесѣдуютъ съ Бодрымъ и Всевидящимъ, что бесѣдѣ ихъ съ Богомъ внимаютъ всѣ силы небесныя и св. Божіи человѣки“.

б) А вотъ и *еще средство, прогоняющее разслабленность духа и тѣла во время молитвы.*

„Нѣкто во время молитвы, когда онъ дѣлался вялъ, разслабленъ духомъ и тѣломъ, и ему хотѣлось дремать, возбуждалъ себя слѣдующимъ внутреннимъ вопросомъ: съ Кѣмъ ты бесѣдуешь, душа моя? И, живо представляя послѣ этого предъ собою Господа, начиналъ молиться съ великимъ умиленіемъ и со слезами; притупленное вниманіе его изощрялось, умъ и сердце просвѣтлялись, и онъ весь оживотворялся. Вотъ что значитъ живо представлять предъ собою Господа Бога и ходить въ присутствіи Его! Если, говорилъ онъ дальше, душа моя, ты не смѣешь вяло и небрежно разглагольствовать съ людьми, высшими тебя, чтобы не оскорбить ихъ, то какъ ты смѣешь вяло и небрежно разглагольствовать съ Господомъ!“

Вообще, сдѣлать усиліе воли и съ напряженіемъ обратить свой взоръ къ Богу — самое благоплодное средство, сразу поднимающее человѣка надъ разсѣянностію и обращающее его къ сосредоточенной молитвѣ.

Какихъ же условій требуетъ со стороны молящагося истинная молитва?

а) Въ молитвѣ главное, о чемъ нужно прежде всего позаботиться — *это живая, ясновидящая вѣра въ Господа. Представь Его живо предъ собою и въ себѣ самомъ,*— и тогда, еже хощеши, проси о Христѣ Іисусѣ въ Духѣ Святомъ, и будетъ тебѣ. Проси просто, ничтоже сумняся,—и тогда Богъ твой будетъ все для тебя, во мгновеніе совершающій великія и чудныя дѣла, подобно тому, какъ крестное знаменіе совершаетъ великія силы. Проси не для себя одного, но и для всѣхъ вѣрныхъ, для всего тѣла церкви благъ духовныхъ и вещественныхъ, не отдѣляя себя отъ прочихъ вѣрующихъ, но находясь въ духовномъ единеніи съ ними, какъ членъ единаго великаго тѣла церкви Христовой,—и любящій всѣхъ, какъ чадъ Своихъ во Христѣ, Отецъ небесный исполнитъ тебя великимъ миромъ и дерзновеніемъ.

б) *Далѣе, необходимо крѣпкое упованіе на помощь Божію.* Многіе не молятся потому, что имъ кажется, будто они не получили отъ Бога молитвою никакихъ даровъ, или считаютъ молитву ненужнымъ дѣломъ; Богъ, говорятъ, все знаетъ прежде нашего прошенія, и забываютъ, что сказано: *просите, и дастся вамъ; ищите, и обрящете*; *толцыте, и отверзется вамъ* (Мѳ. VII, 7). Наши прошенія (молитвы) нужны именно для усиленія нашей вѣры, которою одною мы и спасаемся:

благодатію есте спасени чрезъ вѣру (Ефес. II, 8); *о жено, велія вѣра твоя* (Мѳ. XV, 28). Спаситель для того и заставилъ женщину усиленно просить, чтобы возбудить ея вѣру, усилить ее. Такіе люди не видятъ того, что они не имѣютъ вѣры — самаго драгоцѣннаго достоянія христіанина, которое необходимо какъ жизнь, что они оскорбляютъ Бога невѣріемъ и суть чада діавола, недостойныя никакихъ милостей Божіихъ, что они — погибающіе. Нужно также, чтобы сердце горѣло во время молитвы желаніемъ благъ духовныхъ, любовію къ Богу, ясно созерцаемому сердцемъ въ Его крайней благости къ человѣческому роду и готовому слушать съ отеческой любовію всѣ къ Нему молитвы. *Аще убо вы, лукави суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него* (Мѳ. VII, 11).

в) Въ частности, приступая молиться Царицѣ Богородицѣ, прежде молитвы будь твердо увѣренъ, что ты *не уйдешь отъ Ней, не получивши милости.* Такъ мыслить и такъ быть увѣреннымъ относительно Ея —достойно и праведно. Она— Всемилостивая Матерь Всемилостиваго Бога-Слова, и о Ея милостяхъ, неисчетно великихъ и безчисленныхъ, возглашаютъ всѣ вѣка и всѣ церкви христіанскія; Она точно есть *бездна благостыни и щедротъ,* какъ говорится о Ней въ канонѣ Одигитріи (Кан., пѣсн. 5, ст. 1). Потому приступать къ Ней въ молитвѣ безъ такой увѣренности было бы неразумно и дерзко, а сомнѣніемъ оскорблялась бы благость Ея, какъ оскорбляется благость Божія, когда приступаютъ въ молитвѣ къ Богу и не надѣются получить отъ Него просимаго. Какъ спѣшатъ за милостію къ какому-либо высокому и богатому человѣку, милости коего всѣ знаютъ, который милость свою доказалъ многочисленными опытами? Обыкновенно, съ самою покойною увѣренностію и надеждою получить отъ него, чего желаютъ. Такъ надо и въ молитвѣ не сомнѣваться, не малодушествовать.

г) Молясь Богу, бесѣдуешь съ Нимъ лицомъ къ лицу; бесѣдуй же съ Нимъ какъ съ царемъ—глазъ на глазъ; съ Матерію, Царицею небесной, бесѣдуй какъ съ живою; съ ангелами и святыми такъ же, какъ глазъ на глазъ, *и отнюдь ничѣмъ постороннимъ сердце да не занимается въ это время и ни къ чему не прилѣпляется,* ибо скажи: станешь ли ты, разговаривая съ царемъ или съ царицею, заниматься въ это время чѣмъ-либо стороннимъ или маловажнымъ, напр., смотрѣть въ окно на проѣзжающихъ или разсматривать вещи, находящіяся въ покояхъ, и проч.? И не было ли бы это крайней обидой для царскаго величія? Какъ же мы, при бесѣдѣ съ Господомъ, дѣлаемъ подобное и гораздо хуже этого?

д) *Во время молитвы необходимо глубокое вниманіе къ словамъ произносимыхъ молитвъ.* Многіе, молясь, совсѣмъ не слѣдятъ за молитвенными словами; поспѣшно повторяя слова знакомой молитвы, они не даютъ себѣ труда слить свое существо съ благодатными звуками.

Во время молитвы каждое слово нужно произносить сердцемъ съ тою силою, какая содержится въ каждомъ изъ нихъ, какъ и лѣкарства принимаются, обыкновенно, съ соотвѣтствующею каждому изъ нихъ лѣкарственною, данною имъ отъ Творца, силою.

Сливать свое религіозное чувство съ словами молитвы — это условіе должно особенно помнить христіанину.

Помни, что если ты во время молитвы не празднословишь, а съ чувствомъ говоришь слова молитвы, то слова твои не возвратятся къ тебѣ тощи, безъ силы (какъ шелуха безъ зерна), но непремѣнно принесутъ тебѣ тѣ самые плоды, которые заключаются въ словѣ, какъ плодъ въ оболочкѣ.

При молитвѣ держись того правила, что лучше сказать пять словъ отъ сердца, нежели тьмы словъ языкомъ. Когда замѣчаешь, что сердце твое хладно и молится неохотно, — остановись, согрѣй свое сердце какимъ - нибудь живымъ представленіемъ, — напримѣръ, своего окаянства, своей духовной бѣдности, нищеты и слѣпоты, или представленіемъ великихъ, ежеминутныхъ благодѣяній Божіихъ къ тебѣ и къ роду человѣческому, особенно же къ христіанамъ, и потомъ молись не торопясь, съ теплымъ чувствомъ; если и не успѣешь прочитать всѣхъ молитвъ ко времени — бѣды нѣтъ, а пользы отъ теплой и неспѣшной молитвы получишь несравненно больше, чѣмъ если бы ты прочиталъ всѣ молитвы, но спѣшно, безъ сочувствія. *Хощу пять словъ умомъ моимъ глаголати, нежели тьмы словъ языкомъ* (1 Кор. XIV, 19). Но очень хорошо, разумѣется, было бы, если бы мы могли съ должнымъ сочувствіемъ сказать на молитвѣ и тьмы словесъ. Господь не оставляетъ трудящихся для Него и долго предстоящихъ Ему; въ нюже мѣру они мѣрятъ, возмѣриваетъ и Онъ и, соотвѣтственно обилію истинныхъ словъ ихъ молитвы, посылаетъ въ душу ихъ обиліе духовнаго свѣта, теплоты духовной, мира и радости. Хорошо продолжительно и непрестанно молиться, *но не вси вмѣщаютъ словесе сего, а имже дано есть, могій вмѣстити да вмѣститъ* (Мѳ. XIX, 11—12). Не могущимъ вмѣщать продолжительной молитвы лучше творить молитвы краткія, но съ горячею душою. (Извл. въ сокращ. изъ разн. мѣстъ „Дневника“ о. прот. Іоанна Сергіева и его книги: „Моя жизнь во Христѣ“).

27-й ДЕНЬ.

ПАМЯТЬ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ЦѢЛИТЕЛЯ ПАНТЕЛЕИМОНА.

Еванг. отъ Іоан. 52-е зач., XV гл. 17—27 ст.; XVI гл. 1–2 ст. [1].

Житіе св. великомученика Пантелеимона.

Св. великомученикъ Пантелеимонъ родился въ г. Никомидіи отъ матери христіанки — Еввулы и отца язычника — Евсторгія. Мать его умерла, когда еще онъ былъ въ дѣтствѣ, и воспитанъ онъ былъ въ язычествѣ. По окончаніи ученія въ языческомъ училищѣ, Пантолеонъ (первоначальное имя в.-мученика) сталъ обучаться врачебному искусству у знаменитаго въ то время придворнаго врача Евфросина и дѣлалъ такіе быстрые успѣхи, что на него уже было обращено вниманіе императора, который выразилъ даже желаніе приблизить къ себѣ умнаго и отличавшагося успѣхами въ наукѣ молодого человѣка.

Въ это время произошло событіе, которое рѣшило неожиданнымъ образомъ судьбу Пантолеона. Это была встрѣча его съ пресвитеромъ никомидійской церкви — Ермолаемъ.

Ермолай жилъ въ Никомидіи, скрываясь съ немногими христіанами отъ язычниковъ, когда при наступившемъ гоненіи здѣшній храмъ былъ разрушенъ, и до 20.000 христіанъ сожжены, а епископъ Анѳимъ и многіе пресвитеры погибли мученическою смертью. Изъ окна уединеннаго домика, въ которомъ Ермолай нашелъ себѣ убѣжище, онъ замѣтилъ благообразнаго юношу Пантолеона и прозорливо угадалъ въ немъ избранный сосудъ благодати Божіей... Онъ однажды пригласилъ юношу войти къ себѣ въ домъ и разспросилъ его объ его родителяхъ, о вѣрѣ и всей жизни его и вступилъ съ нимъ въ бесѣду, въ которой передалъ ему въ главныхъ чертахъ ученіе христіанское. Слова старца пробудили воспоминаніе о дѣтствѣ въ сердцѣ Пантолеона: тѣ же слова слышалъ онъ когда-то отъ своей покойной матери христіанки и вспомнилъ, какъ она часто молилась, призывая имя Христа... Съ этихъ поръ Пантолеонъ (названный впослѣдствіи Пантелеимономъ: всемилостивымъ) сталъ всякій день заходить къ Ермолаю и съ любознательностію выслушивалъ то, что открывалъ ему служитель Божій объ Іисусѣ Христѣ. Точно что-то родное вливалось въ его чистую душу. Онъ окончательно утвердился въ вѣрѣ христіанской, когда, идя однажды отъ своего учителя и увидя на дорогѣ дитя, умершее отъ укушенія ехидны, которая лежала тутъ же, онъ воззвалъ къ Іисусу Христу съ глубокою вѣрою, да явитъ Онъ силу Свою и воскреситъ дитя,—и дитя ожило, а ехидна испустила дыханіе... Это чудо всемогущества и благодати Христа было для Пантелеимона полнымъ просвѣщеніемъ, и онъ немедленно принялъ св. крещеніе отъ Ермолая. Принявъ послѣ того и святыя Таины, онъ провелъ въ домѣ пресвитера еще нѣсколько дней.

Принявъ высшее благо въ душу свою, Пантелеимонъ пожелалъ раздѣлить его и съ отцомъ своимъ, и Богъ помогъ ему убѣдить отца принять христіанство. Это совершилось такимъ образомъ: привели однажды къ Пантелеимону одного слѣпого, который разсказалъ, что уже ко всѣмъ врачамъ обращался онъ, но что никто изъ нихъ не могъ помочь ему.

— Все почти имѣніе растратилъ я на лѣченіе,—жаловался больной,—но никто не возвратилъ мнѣ зрѣнія... И теперь я готовъ отдать остальное имущество мое тому, кто излѣчитъ меня отъ слѣпоты...

— Свѣтъ глазамъ твоимъ возвратитъ Отецъ свѣта, Богъ истинный, — сказалъ Пантелеимонъ,—мною, недостойнымъ рабомъ Своимъ, совершитъ Онъ твое исцѣленіе... А все то, чѣмъ ты обѣщаешь пожертвовать, раздай бѣднымъ, — прибавилъ онъ.

---

[1] Содержаніе евангелія см. подъ 23 апрѣля.

— Сынъ мой,— сказалъ Пантелеимону бывшій при этомъ отецъ его, встревоженный его словами, — зачѣмъ ты обѣщаешь то, чего не можешь исполнить? Какимъ образомъ ты надѣешься исцѣлить больного, котораго всѣ врачи признали неисцѣлимымъ!

— Тѣ врачи не могли исцѣлить его, потому что великая разница между ними и моимъ Учителемъ... — отвѣчалъ Пантелеимонъ.

— Но вѣдь и самъ Евфросинъ не имѣлъ успѣха въ лѣченіи этого ослѣпшаго, — возразилъ Евсторгій, думая, что онъ говоритъ о знаменитомъ своемъ учителѣ.

Между тѣмъ, Пантелеимонъ, подойдя къ слѣпцу и прикоснувшись къ его глазамъ, сказалъ: „во имя Господа моего Іисуса Христа тебѣ говорю: прозри!“ И немедленно ослѣпшій прозрѣлъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ духовно прозрѣлъ и Евсторгій и, пораженный чудомъ, увѣровалъ во Христа такъ же, какъ исцѣленный слѣпой, и, научившись истинамъ вѣры отъ пресвитера Ермолая, оба они приняли св. крещеніе.

По обращеніи своемъ Евсторгій скоро и мирно скончался, Пантелеимонъ же, получивъ послѣ него богатое наслѣдство, щедрою рукою сталъ помогать всѣмъ нуждающимся и выкупать изъ неволи рабовъ. Сверхъ того, безмездно лѣчилъ онъ больныхъ и исцѣлялъ ихъ не столько лѣкарствами, сколько призываніемъ имени Іисуса Христа. Весь народъ узналъ „всемилостиваго“, безвозмезднаго врача и сталъ обращаться къ нему, особенно съ тѣхъ поръ, какъ прошелъ слухъ объ исцѣленіи имъ слѣпого. Такая извѣстность молодого врача возбудила зависть въ другихъ врачахъ. Они искали случая повредить ему какимъ-нибудь обвиненіемъ и, узнавъ, что онъ принадлежитъ къ числу христіанъ, которые въ то время строго преслѣдовались правительствомъ, донесли на него императору, говоря, что Пантолеонъ — хулитель боговъ, что онъ вѣруетъ въ какого-то распятаго Христа, Ему приписываетъ славу исцѣленій и этимъ отвращаетъ людей отъ истиннаго богопочитанія. Въ свидѣтельство правды своихъ доносовъ они указали на исцѣленнаго и увѣровавшаго во Христа слѣпца. Призванный прозрѣвшій слѣпецъ и самъ засвидѣтельствовалъ, что все это такъ и было, и такъ какъ онъ не отрекся отъ вѣры во Христа и отказался поклониться богамъ, то и былъ осужденъ на смертную казнь.

Послѣ того императоръ призвалъ Пантелеимона и спросилъ его: правда ли то, что ему о немъ донесли?

— Да, ты можешь вѣрить, государь, что я не признаю ложныхъ боговъ и что я всею душою моею, всѣмъ разумѣніемъ увѣровалъ въ единаго истиннаго Бога — Христа, Который воскрешаетъ мертвыхъ, даетъ прозрѣніе слѣпымъ, исцѣляетъ страдающихъ неисцѣлимыми болѣзнями...—неустрашимо отвѣчалъ новый исповѣдникъ.

Императоръ попытался отклонить отъ христіанской вѣры извѣстнаго ему съ хорошей стороны Пантелеимона, котораго онъ желалъ сдѣлать своимъ врачомъ, но такъ какъ онъ не успѣлъ въ этомъ, то онъ сталъ угрожать ему и напомнилъ ему о мученической кончинѣ старца Анѳима.

Если старецъ Анѳимъ могъ съ твердостію перенести страданія, то не слѣдуетъ и мнѣ устрашиться ихъ, тѣмъ болѣе, что я молодъ и силенъ, а смерть за Христа почитаю высшимъ счастіемъ... — отвѣчалъ Пантелеимонъ.

Тогда былъ онъ преданъ жесточайшимъ истязаніямъ: тѣло его строгали желѣзными гвоздями, сажали его въ котелъ съ расплавленнымъ оловомъ, бросали въ воду съ камнемъ на шеѣ, отдавали звѣрямъ на растерзаніе... Но Богъ чуднымъ образомъ хранилъ невредимымъ мученика, проявлявшаго чудную силу терпѣнія среди пытокъ. Народъ въ изумленіи восклицалъ: „истинно великъ Богъ христіанскій!“ и многіе обращались ко Христу; нѣкоторые же приписывали только волшебству всѣ эти божественныя чудеса...

— Кто научилъ тебя волшебству? — спросилъ мученика самъ пораженный императоръ.

— Не волшебству, а христіанскому вѣрованію научилъ меня пресвитеръ Ермолай,—отвѣчалъ Пантелеимонъ, знавшій, что не устрашится исповѣдывать Христа тотъ, кто поучалъ всѣхъ вѣровать въ Него.

— Мы желаемъ видѣть твоего учителя! — сказалъ Максиміанъ и послалъ воиновъ за Ермолаемъ.

Между тѣмъ, Ермолай уже получилъ откровеніе отъ Бога, что ему предстоитъ пострадать за вѣру. Онъ явился къ царю вмѣстѣ съ своими служителями Ермиппомъ и Ермократомъ. Царь обѣщалъ Ермолаю великія милости, если онъ уговоритъ Пантелеимона отречься отъ вѣры въ Христа.

— Мы не имѣемъ власти сдѣлать это, но сами готовы принять смерть за вѣру въ Господа Іисуса Христа, — отвѣчалъ Ермолай и другіе христіане, и углубились въ молитву, въ ожиданіи мученической кончины...

Въ это время внезапно произошло землетрясеніе, и вслѣдъ затѣмъ явился вѣстникъ и объявилъ, что идолы, стоявшіе въ капищѣ, упали съ своихъ мѣстъ и разбились.

Это было приписано волхвованію христіанъ, и въ успокоеніе язычниковъ императоръ повелѣлъ немедленно казнить Ермолая, Ермиппа и Ермократа, а Пантелеимона отвести пока въ темницу.

Не успѣвъ и послѣ того отвратить Пантелеимона отъ вѣры во Христа, царь присудилъ его къ казни мечомъ. Радостно и съ молитвою принялъ смерть великомученикъ — 27 іюля, 305 г. Христіане съ благоговѣніемъ похоронили тѣло его, описали жизнь и кончину его, чтобы сохранилась память о немъ; Богъ же прославилъ св. мощи его нетлѣніемъ и многочисленными чудесами, не истощающимися и понынѣ для всѣхъ, кто съ вѣрою прибѣгаетъ къ ходатайству его передъ Богомъ.

Св. Пантелеимонъ призывается у насъ въ особенную молитвенную помощь при таинствѣ елеосвященія, въ молитвѣ за немощнаго и неспящаго, и при освященіи воды. (По Ч.-М. 27 іюля).

2. Это—онъ!

(Разсказъ).

На одной изъ окраинъ Москвы стоялъ небольшой сѣренькій домикъ. Немощеный переулокъ, высокіе покосившіеся заборы, тянувшіеся далеко по сторонамъ, и, наконецъ, самый домикъ, съ покосившимися ставнями и давно уже не крашеной крышей, показывали, что горькая, неотступная нужда прозябаетъ въ этомъ закоулкѣ большого города.

Въ этомъ сѣренькомъ домикѣ жилъ нѣкто Д*, человѣкъ онъ былъ пожилой, уже пятый десятокъ насчитывалъ онъ въ своей жизни; но никогда еще ему не было такъ тяжело, никогда еще не испытывалъ онъ такой нужды, которая выпала теперь на его долю.

Трудолюбивый съ молодости, онъ съумѣлъ было добиться того, что трудъ позволялъ ему жить, никогда и ни въ чемъ не нуждаясь. Семьи у него не было, и Д* ничего не сберегалъ, какъ говорится, на черный день, твердо вѣруя въ свои силы.

Но, увы, этотъ черный день насталъ! И какъ въ ясный день темное облачко внезапно бросаетъ тѣнь и, издавая глухіе раскаты грома, сыплетъ крупнымъ дождемъ, такъ и эта нищета нагрянула вдругъ и неожиданно.

Давно извѣстно, что человѣкъ, среди ряда счастливыхъ дней, среди долго улыбающагося ему счастья, забываетъ о Богѣ; такъ было и съ Д*. И вотъ Господь, Который до сихъ поръ благословлялъ его Своими милостями, теперь отвернулся отъ него... Д* сильно заболѣлъ.

Болѣзнь захватила его въ такую минуту, когда у него ничего не было, и онъ доходилъ почти до отчаянья.

Едва двигаясь, онъ переѣхалъ изъ центра города въ глухую окраину; и здѣсь, быть-можетъ, умеръ бы съ голоду, если бы не одинъ старый другъ, который помогалъ ему кое-чѣмъ перебиваться.

Тяжело и горько было ему. Такъ неожиданно потерять здоровье, которое давало ему все, и отъ безбѣднаго существованія перейти къ нищетѣ, — было ужасно.

— Если тяжело,—говорилъ онъ,—никогда ничего не имѣть, то имѣть и потерять все сразу — во сто разъ тяжелѣе.

Грустные дни потянулись для него. Не привыкъ онъ къ горю, никогда онъ не испытывалъ его, и тѣмъ тяжелѣе было ему теперь.

Живо припоминалась ему вся его жизнь, всѣ ея хорошія стороны, и невыносимая тоска и горе поднимались въ его груди. Какъ хотѣлось ему вернуть прошедшее, вернуть дни радостей, веселья и беззаботной жизни

Но нѣтъ, болѣзнь неумолимо приковывала его къ креслу, не позволяя почти двигать ни рукой ни ногой; онъ едва могъ дѣлать десять шаговъ.

Страшныя страданья искажали его лицо. Серебристая сѣдина все болѣе и болѣе блестѣла на головѣ. Такъ прошелъ мѣсяцъ, другой, а страданія не уменьшились.

Горька, тяжела одинокая жизнь, особенно для больного!

Придетъ, бывало, къ нему его старый пріятель, принесетъ деньженокъ и провизіи кое-какой; сидитъ съ нимъ, разговариваетъ, утѣшаетъ, а у Д* уже слезы на глазахъ, — участіе друга трогаетъ его наболѣвшее сердцо.

Прошелъ еще мѣсяцъ, другой, третій и, наконецъ, годъ.

Бѣдный Д* едва-едва влачилъ свое жалкое существованіе.

Было теплое, майское утро.

Веселая, молодая весна давно уже одѣвала своей изумрудной зеленью поля и лѣса. Лѣтнія гостьи, беззаботныя пташки, съ зарей, оглашаютъ воздухъ тысячами переливовъ своихъ звонкихъ пѣсенъ... Яркое солнышко, какъ бы улыбаясь, сыпало свои золотые лучи на проснувшуюся отъ зимняго сна землю. Все кругомъ поетъ, ликуетъ и веселится...

Д* сидѣлъ у окна: тяжелыя думы бродили въ его головѣ. Вспоминалось ему, какъ радостно, бывало, встрѣчалъ онъ пробужденіе природы, а теперь... И слезы навертывались у него на глазахъ. Далеко, далеко унесли его мечты и воспоминанія, и ему больше, чѣмъ когда-либо, захотѣлось жить; захотѣлось ожить вмѣстѣ съ природой, и вмѣстѣ съ нею радостной улыбкой встрѣчать ясное солнышко.

— Господи, помилуй меня! Не лиши и меня, грѣшнаго, Своей милости! — весь въ слезахъ воскликнулъ онъ...

Во всю свою жизнь онъ такъ мало думалъ и вспоминалъ о Богѣ, что, когда это горячее восклицаніе вырвалось изъ глубины его наболѣвшей груди, онъ пришелъ въ ужасъ отъ своей прежней жизни, и ему стало невыразимо страшно за себя; ему захотѣлось молиться и молиться безъ конца. Онъ взглянулъ въ окно: вдали предъ нимъ виднѣлся блестящій на лучахъ солнца золотой куполъ церкви. Д* страшно обрадовался; со слезами, но уже не отчаянія, а искренняго раскаянія, онъ сталъ креститься и шопотомъ твердилъ молитвы. Ему вдругъ стало легко и пріятно на душѣ послѣ этой молитвы, и даже легкая улыбка озарила его лицо, на которомъ давно уже не было ея видно...

Прошло минутъ пять. Д* все еще сидѣлъ у окна, изрѣдка осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Вдругъ, онъ замѣтилъ, что съ другой стороны переулка къ нему приближается молодой странникъ.

Д* сейчасъ же опустилъ руку въ карманъ, досталъ послѣднюю оставшуюся у него мѣдную монету и протянулъ ее прохожему.

— Не нужно! — сказалъ тотъ, отстраняя руку.

Д* посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ; ему очень понравилось его лицо, и онъ не могъ оторвать глазъ.

— Но что же вамъ нужно?.. — спросилъ Д*.

— Нужно сказать тебѣ: вѣруй въ Бога, молись Ему,—и Онъ спасетъ тебя!..

— Вѣрую,—въ слезахъ воскликнулъ Д*, — но недостоинъ Его милости за грѣхи меня!

Странникъ помолчалъ съ минуту и сказалъ:

— Ты сильно страдаешь. Богъ сжалился надъ тобою. Иди къ угоднику Божьему Пантелеимону и молись, молись ему усердно!

Д* слушалъ и какъ будто не понималъ, что вокругъ него дѣлается. Когда онъ пришелъ въ себя, у окна уже никого не было.

Весь этотъ день онъ провелъ въ сильномъ волненіи.

На другое утро къ нему пришелъ его другъ.

— Что съ тобой? Тебя узнать нельзя!—спросилъ онъ.

Д* разсказалъ ему все и попросилъ проводить до часовни великомученика.

Черезъ часъ они вышли изъ дому; опираясь на руку друга, Д* едва передвигалъ ноги. Долго они шли, одинъ Богъ видѣлъ, сколько страданій вытерпѣлъ Д*; каждый шагъ поднималъ страшную боль во всемъ тѣлѣ, но онъ все-таки шелъ, крестясь на попадающіеся по дорогѣ храмы.

Наконецъ, они подошли къ часовнѣ. Передъ входомъ въ нее, Д* перекрестился и въ сильномъ волненіи вошелъ... Слезы были на его глазахъ... Но едва онъ подошелъ къ иконѣ, какъ вдругъ страшно поблѣднѣлъ, и прошепталъ: „Это онъ!“... Потомъ вдругъ залился горячими слезами и, опустясь на колѣни, сталъ горячо, горячо молиться...

На изображеніи иконы онъ увидѣлъ лицо того странника, который вчера стоялъ у его окна.

Долго молился онъ, долго горячія слезы текли по его лицу; онъ впервые испыталъ то блаженное настроеніе, которое возбуждаетъ въ душѣ нашей молитва. Ему не хотѣлось уходить отсюда, не хотѣлось подняться съ колѣнъ.

Наконецъ, онъ всталъ и, взявъ друга подъ руку, вышелъ.

Свѣтло, благодатно было у него на душѣ; оживила его твердая вѣра въ милосердіе Божіе и Его св. угодника!..

Прошла недѣля. Все по-прежнему тихо въ домѣ, гдѣ живетъ Д, но только самъ хозяинъ сильно перемѣнился: въ одну недѣлю онъ поправился такъ, что безъ посторонней помощи выходилъ изъ дому и ходилъ, наслаждаясь весенней природой и сердечно благодаря Всевышняго, Который помиловалъ и исцѣлилъ его.

Черезъ мѣсяцъ онъ былъ совершенно здоровъ и снова принялся за обычный свой трудъ.

Все стало по-прежнему, какъ и до болѣзни, только душа его возвысилась и очистилась отъ прежнихъ грѣховъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Господь исцѣлилъ и сердце больного, его больную совѣсть. (Кормчій, 1888 г., № 14—15).

3. **Дѣтская молитва.**

Трудно жилось Марьѣ Алексѣевнѣ съ троими малолѣтними дѣтьми, когда она осталась вдовою безъ всякихъ средствъ къ существованію. Мужъ ея былъ дворяниномъ и добрымъ отцомъ семейства, но, по ограниченности своего жалованья, ничего не скопилъ для жены и дѣтей. Схоронила Марья Алексѣевна мужа и задумалась: чѣмъ жить? Нужно хлопотать о мѣстѣ въ какомъ-нибудь казенномъ учрежденіи, гдѣ бы дали квартиру и столъ; о жалованьи уже разсуждать не приходилось, лишь бы пріютиться съ дѣтьми. Въ ожиданіи такого мѣста, вдова продавала свои пожитки и на эти деньги кормила дѣтей. Съ нею жила еще старшая сестра ея, Анна Алексѣевна, тоже вдова, уже пожилая женщина. Маленькая квартирка, состоящая изъ двухъ комнатъ, бѣдно обставленная, производила грустное впечатлѣніе вмѣстѣ со своими обитателями, которые надѣялись только на Божію помощь, ничего еще не имѣя въ виду къ матеріальному улучшенію. Но вотъ ихъ постигаетъ новое горе: заболѣваетъ мать семейства. Болѣзнь начинается страшнымъ жаромъ и какимъ-то незнакомымъ ощущеніемъ въ горлѣ, но больная молчитъ, боясь напугать дѣтей своихъ.

— Маша, ты вся горишь,—замѣчаетъ сестра ея.

— Да, мнѣ сильно нездоровится, я, должно-быть, слягу въ постель, но, Богъ милостивъ, можетъ-быть, пройдетъ; вѣдь приглашать доктора мы не можемъ, его нечѣмъ поблагодарить, да и лѣкарства покупать не на что,—отвѣчала больная.

Къ вечеру она, дѣйствительно, слегла въ постель и начала бредить. На другой день Анна Алексѣевна увидѣла, что дѣло плохо, и пошла къ знакомому доктору Т., умоляя его навѣстить больную. Онъ не замедлилъ притти на помощь и нашелъ у Марьи Алексѣевны сильнѣйшій дифтеритъ.

— Сейчасъ же, не медля, нужно удалить дѣтей, — распорядился онъ,—для безопасности.

— Что вы говорите, докторъ, возразила Анна Алексѣевна,—куда же я ихъ дѣну? Вы видите наше помѣщеніе!

— Куда-нибудь, къ роднымъ, къ знакомымъ; словомъ, куда хотите, но удалить необходимо.

Тутъ поднялся плачъ дѣтей, раздирающій душу.

— Мы не пойдемъ никуда, мы будемъ ходить за мамой, мы никуда не пойдемъ отъ мамы!!

— По крайней мѣрѣ, не впускайте ихъ въ эту душную спальню, гдѣ лежитъ больная. Вѣдь вы подвергаете меня отвѣтственности, оставляя дѣтей при заразной больной. Что мнѣ съ вами дѣлать? Вотъ я пропишу, что нужно на первыхъ порахъ, а завтра въ 10 часовъ утра пріѣду опять; но, не ручаюсь, можетъ-быть, къ утру ея уже не будетъ въ живыхъ.

Съ этими словами докторъ уѣхалъ, оставивъ свои деньги на лѣкарство. Анна Алексѣевна тотчасъ послала племянника Витю въ аптеку, такъ какъ онъ былъ старшій изъ дѣтей, и велѣла ему, пока будутъ приготовлять лѣкарства, не дожидаться, а сбѣгать той порой въ часовню Пантелеймона и взять масла изъ лампады.

— Да помолись за мать! — крикнула ему тетка, когда онъ уже бѣжалъ по двору.

Дѣвочки, семилѣтняя Катя и восьмилѣтняя Маня, находились у постели больной матери, и невозможно было отозвать ихъ въ другую комнату. Они плакали и цѣловали ее, стараясь вызвать хотя одинъ звукъ ея голоса.

— Мама, мамочка, проснись, милая мамочка, не умирай, дорогая мамочка, скажи хоть словечко!

Анна Алексѣевна вѣрила, что невозможное для людей возможно для Бога, и обратилась къ Нему съ усердной молитвой, тому же научила дѣтей.

— Маня, Катя, если вы любите маму, то помолитесь Богу, чтобы вамъ не остаться круглыми сиротами; встаньте передъ иконами и усердно молите Господа объ исцѣленіи вашей мамы; молите Царицу небесную и всѣхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, вотъ у меня есть акаѳистъ цѣлителю Пантелеймону, читайте его и молитесь.

Дѣвочки съ вѣрою ухватились за это средство и обѣ встали на колѣни. Они разостлали печатный листъ на полу (для своего удобства) и начали читать акаѳистъ вслухъ, съ горькими слезами. Акаѳистъ былъ напечатанъ по церковно-славянски, что ихъ сильно затрудняло; они едва разбирали слова и поливали этотъ листъ горькими слезами. Маня не могла надолго оставлять свою мать и часто бѣгала въ спальню посмотрѣть на нее, а Катя, не поднимаясь съ колѣнъ, съ рыданіемъ молилась, склонившись на акаѳистъ головою. Слезы застилали ей глаза, поэтому читать она уже не могла и молилась, повторяя свою собственную молитву: „Господи, спаси намъ маму. Матерь Божія, помилуй маму. Святой угодникъ Божій, исцѣли намъ маму"!

Анна Алексѣевна жалѣла, что не успѣла попросить священника причастить умирающую сестру, и сидѣла, прислушиваясь къ хрипѣнью въ груди больной, ожидая ея кончины.

Но вотъ прибѣжалъ племянникъ Витя, едва переводя духъ отъ быстрой ходьбы; онъ отдалъ теткѣ лѣкарство изъ аптеки и масло изъ часовни св. Пантелеймона. Вѣра породила надежду, и Анна Алексѣевна торопливо взялась за цѣлебное масло, отставивъ лѣкарство въ сторону. Съ молитвой начала она натирать масломъ все тѣло больной и продолжала это около получаса, а дѣти все молились. Вдругъ, больная открыла глаза и слабымъ голосомъ спросила: — какими это травами ты натираешь меня? ужъ очень ароматичны и такъ пріятны для тѣла.

— Это масло изъ лампады цѣлителя Пантелеймона.

— А, вотъ что, я не знала,—и больная приподняла руку перекреститься.

Анна Алексѣевна употребила на растираніе все принесенное масло, а затѣмъ одѣла больную теплымъ одѣяломъ. Дѣти, утомленныя слезами и усердной молитвой, скоро заснули на жесткомъ диванѣ, а тетка ихъ сидѣла возлѣ сестры, не спуская глазъ съ маленькаго образочка св. Пантелеймона, висѣвшаго въ головахъ больной. Она уже не могла молиться, она только смотрѣла на образокъ, какъ смотрятъ на врача, въ искусство котораго вѣрятъ, и отдаютъ ему больного въ полное распоряженіе. Прислушиваясь къ дыханію сестры, ей показалось, что та стала дышать ровнѣе и спокойнѣе. Такъ прошла вся ночь. Утромъ, часовъ въ восемь, больная попросила перемѣнить на ней бѣлье, потому что была въ сильномъ поту. Она сама сѣла на постели, перекрестилась и попросила чаю. Обрадованная Анна Алексѣевна торопливо исполняла всѣ ея требованія. Въ десятомъ часу пріѣхалъ докторъ Т. и, осторожно войдя, спросилъ: жива ли его паціентка?

— Войдите къ ней, ей лучше,—отвѣтила Анна Алексѣевна.

Онъ вошелъ и остановился, не вѣря своимъ глазамъ; взглянулъ на нетронутое лѣкарство и спросилъ:

— Чѣмъ вы лѣчили ее?

— Вотъ врачъ,—отвѣтила Анна Алексѣевна, указывая на образокъ св. Пантелеймона, — а вотъ и лѣкарство,—показала она на пузырекъ отъ масла.

Докторъ осмотрѣлъ горло больной, измѣрилъ температуру, пощупалъ пульсъ и воскликнулъ:

— Ну, сильна ваша вѣра! Это чудо Богъ сотворилъ, иначе я предположить не могу. Вы знаете, что у Марьи Алексѣевны былъ сильнѣйшій дифтеритъ, и я не расчитывалъ застать ее живою, а теперь этой болѣзни и слѣда нѣтъ. Я поторопился узнать о результатѣ моего лѣкарства, а вы къ нему и не прикасались.

— Простите, докторъ, я была въ такомъ отчаяніи, что вѣрила только въ Божію помощь, потому и предпочла это масло.

— Мы молились за маму, — сказала маленькая Катя,—вотъ Богъ ее и исцѣлилъ. Скажите, докторъ, всѣмъ больнымъ, чтобы молились Богу и читали акаѳистъ св. Пантелеймону; вѣдь вы вѣрите, что это онъ исцѣлилъ нашу маму?

— Вѣрю, дѣтки, вѣрю, это первый случай за все время моей практики. Я плохой христіанинъ, но все-таки совѣтую, когда ваша мама совсѣмъ поправится, пойдите съ ней и отслужите благодарственный молебенъ. Теперь я смѣло поздравляю васъ, Марья Алексѣевна, съ быстрымъ выздоровленіемъ; только одинъ Богъ могъ вырвать васъ изъ когтей смерти.

Съ этими словами докторъ ушелъ, радостный и удивленный. Марья Алексѣевна, дѣйствительно, скоро поправилась и жила еще нѣсколько лѣтъ, а дѣти ея живы и здоровы до сего времени. („Душеполезный собесѣдникъ". 1898 г., іюль).

Августъ мѣсяцъ.

1-й ДЕНЬ

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ДРЕВЪ ЧЕСТНАГО И ЖИВОТВОРЯЩАГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ (І-й СПАСЪ).

Еванг. отъ Іоан. зач. 60-е, гл. XIX, 6—11, 13—20, 25—28, 30—35 ст. *).

1. Происхожденіе праздника и обряды, соединенные съ чествованіемъ его.

При дворцѣ византійскихъ императоровъ издавна существовалъ обычай освящать воду въ первый день каждаго мѣсяца[1] по уставу, изложенному при константинопольскомъ патріархѣ Фотіи (*Синод.* № 191). Кодинъ (De officiis, cap. XIV) такъ описываетъ порядокъ, въ которомъ совершался этотъ обычай. „По окончаніи утрени, внѣ храма, въ присутствіи императора, совершалось водоосвященіе. Послѣ водоосвященія идетъ протопресвитеръ, а по сторонамъ его архидіаконъ и протопсалтъ (primicerius cantorum), если есть, или иной кто равнаго званія, — архидіаконъ, неся крестъ, а послѣдній — сосудъ со святою водою. Императоръ идетъ имъ навстрѣчу. Протопресвитеръ, взявъ крестъ отъ архидіакона, подноситъ его къ устамъ императора и говоритъ молитву. Императоръ цѣлуетъ крестъ, а окружающіе поютъ многолѣтіе. Послѣ этого протопресвитеръ отдаетъ крестъ архидіакону, а святую воду беретъ у протопсалта и кропитъ ею лицо и глаза императора. Въ это время опять всѣ поютъ многолѣтіе“. Послѣ этого священнослужители уходили изъ притвора, а императоръ, въ присутствіи свиты, подписывалъ указъ о пожалованіи, снова при общемъ пѣніи многолѣтія.

Этотъ благочестивый придворный византійскій обычай — освящать воду въ первый день каждаго мѣсяца, — принятый и православною Россіей, и далъ начало водоосвященію 1 августа. Что же касается до выноса креста, совершаемаго въ этотъ день, то и этотъ обычай получилъ свое начало въ далекой старинѣ церковно-общественной жизни Византіи. Константинъ Порфирогенитъ (X в.) описываетъ (De ceremoniis, lib. II, cap. VIII) ежегодный обычай при дворѣ императоровъ въ Константинополѣ, — обычай въ первую половину августа мѣсяца совершать крестные ходы по городу и окроплять святою водой все лежащее на пути, въ предотвращеніе всякихъ бѣдствій. Онъ говоритъ, что въ предшествующее 1-му августа воскресенье, на утренѣ, выносился честный крестъ и полагался въ придворномъ храмѣ св. первомученика Стефана для благоговѣйнаго поклоненія. „Въ двадцать же восьмой день іюля мѣсяца, — продолжаетъ онъ, — начинается обхожденіе города и освященіе всякаго мѣста и всякаго дома сего богохранимаго и царствующаго города, даже и самыхъ стѣнъ, чтобы и самый городъ и всѣ его окрестности исполнились благодати и освященія (и это обхожденіе продолжается) до 13 дня августа мѣсяца“. Въ этотъ день честный крестъ снова полагался на свое мѣсто въ скевофилакіи. И выносъ креста и крестный ходъ сопровождались соотвѣтственными пѣснопѣніями и другими торжественными дѣйствіями.

Этотъ константинопольскій обычай совершать крестные ходы по городу во главѣ со крестомъ, заранѣе приготовленнымъ и вынесеннымъ для общаго поклоненія, и былъ извѣстенъ подъ именемъ „происхожденія“, или, точнѣе, шествія впереди, честныхъ древъ креста. На Руси отъ этого обычая сохранился только выносъ креста на средину храма во время заутрени, для общаго поклоненія пріуроченный къ одному дню 1 августа.

Отмѣтить [1] именно этотъ день церковнымъ празднованіемъ были особыя побужденія въ политической жизни Византіи и Россіи. Есть даже извѣстіе, что именно 1 августа совершилось крещеніе Руси. Такъ, въ одномъ рукописномъ сборникѣ синодальной библіотеки (№ 323, л. 365) читается слѣдующее: *крестися князь великый Владимиръ Кыевскый и вся Русь августа 1.* Въ позднѣйшей исторіи

---

[1] Кромѣ сентября и января, такъ какъ въ первомъ мѣсяцѣ освященіе воды совершалось 14 числа, а во второмъ — 6.

[1] Основанія вышеуказанныхъ обычаевъ лежатъ, съ одной стороны, въ желаніи призвать благословеніе Божіе въ началѣ всякаго дѣла, а съ другой, какъ можно думать, въ моровыхъ повѣтріяхъ и въ другихъ бѣдствіяхъ, посѣщавшихъ Константинополь въ серединѣ лѣта.

*) *Примѣч.* Еванг. разсказъ и дополнит. статьи см. выше, на праздн. Воздвиженья креста Господня, 14 сентября.

1 августа было днемъ явленія небесной помощи одновременно византійскому императору и русскому князю. Въ 1174 году греческій императоръ Мануилъ и русскій князь Андрей Георгіевичъ Боголюбскій, находившіеся между собою въ дружескихъ отношеніяхъ, ополчились противъ враговъ своихъ и общихъ враговъ христіанства — мусульманъ; первый — противъ сарацинъ (персовъ), второй — противъ камскихъ болгаръ. И при греческомъ, и при русскомъ войскѣ находились животворящій крестъ и св. иконы. Такъ, при русскомъ войскѣ находились: образъ Спасителя, сѣдящаго на престолѣ, находящійся въ Успенскомъ соборѣ близъ сѣверной двери, Владимірская икона Богоматери, находящаяся также въ Успенскомъ соборѣ, и животворящій крестъ. 1 августа, въ день побѣдоносной битвы, и императоръ и князь, вмѣстѣ со своими войсками, видѣли лучезарный свѣтъ, истекавшій отъ св. иконъ и креста Господня и осѣнявшій христолюбивые полки ихъ. Послѣ побѣды оба извѣстили другъ друга о небесной помощи и, по совѣту со своими святителями, положили ежегодно праздновать первый день августа.

Однако современное намъ празднованіе этого дня въ русской церкви установилось не сразу послѣ этихъ событій.

Въ XVI вѣкѣ, по свидѣтельству г. А. Дмитріевскаго, 1 августа на утренѣ уже совершали выносъ креста на средину храма изъ алтаря въ томъ же порядкѣ, какъ и 14 сентября, и малое освященіе воды, послѣ котораго пѣли стихиры на поклоненіе животворящему кресту. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ въ этотъ день, послѣ утрени, совершался крестный ходъ на воду, причемъ во время пути пѣли тропарь „Спаси, Господи“.

Въ Кирилловской обители на утренѣ этого дня, послѣ выхода и возгласа діакона: „Премудрость прости“, при пѣніи „Спаси, Господи“, священникъ полагалъ крестъ на аналой и кадилъ его, а затѣмъ бралъ его на голову и шелъ на рѣку. При пѣніи стихиры: „Твоихъ даровъ“, крестный ходъ возвращался въ обитель, гдѣ пѣвчіе пѣли: „Таинъ еси Богородице рай“ и „Снѣди ради“. По возвращеніи въ храмъ канонархъ читалъ стихиры на цѣлованіе креста, при чемъ священнослужители и міряне лобызали животворящій крестъ, а игуменъ окроплялъ ихъ св. водой.

Такой порядокъ празднованія весьма близокъ къ современному. Можно думать, что послѣдній образовался тогда же, то-есть къ концу XVI вѣка, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Отъ начала XVII вѣка мы имѣемъ уже подробное описаніе всѣхъ торжествъ этого дня въ Москвѣ. Московскій патріархъ принималъ участіе и въ крестномъ ходѣ на воду, и въ выносѣ креста.

Московскій царь обыкновенно не принималъ участія въ торжествѣ Успенскаго собора 1 августа. Наканунѣ этого дня онъ выѣзжалъ въ Симоновъ монастырь, гдѣ слушалъ вечерню и въ самый праздникъ заутреню. Противъ монастыря, на Москвѣ - рѣкѣ, устраивалась въ это время іордань, подобно какъ и въ день Богоявленія. Государь, въ предшествіи крестнаго хода и въ сопровожденіи бояръ и всѣхъ сановниковъ, выходилъ „на воду“ и по освященіи ея торжественно погружался въ іордань со всѣми боярами.

Въ концѣ XVII вѣка цари нерѣдко совершали торжественное купанье на іордани въ загородныхъ селахъ: въ Коломенскомъ на Москвѣ-рѣкѣ, и въ Преображенскомъ на Яузѣ. (См. кн. „Праздн. службы и церк. торжества въ старой Москвѣ“, Георгіевскаго. Москва, изд. 1897 г. стр. 106—110).

2. Не оскорбляй креста Христова.

Съ тѣхъ поръ, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ распятъ на крестѣ, послѣдній сталъ для христіанъ самою драгоцѣнною святынею. „Крестъ есть глава нашего спасенія, виновникъ безчисленныхъ благъ“ (слова св. Іоан. Злат.). *Крестъ*,—по выраженію св. церкви,—*враговъ губитель, крестъ злочестивыхъ язва и плѣненіе, и вѣрныхъ держава, благочестивыхъ хранитель, и бѣсовъ отгонитель* (изъ канона кресту—6 пѣснь).

Крестъ враговъ губитель. Это подтверждается изъ исторіи царствованія св. царя Константина. Кто побѣдилъ врага его—Максентія? Не его войска, ничтожныя въ сравненіи съ безчисленнымъ воинствомъ Максентія, но сила креста Христова.

Крестъ злочестивыхъ язва и плѣненіе, благочестивыхъ хранитель. Въ доказательство этой мысли, приведемъ разсказъ о явленіи креста, бывшемъ по смерти царя Константина. При немъ еще, какъ извѣстно, появились еретики аріане, отвергавшіе божественное достоинство въ Іисусѣ Христѣ. Хотя аріане и были обличены на первомъ вселенскомъ соборѣ, и самъ Арій сосланъ былъ въ ссылку, но, по смерти Константина Великаго, сынъ его Констанцій явно покровительствовалъ еретикамъ. Многіе православные пастыри церкви были преслѣдуемы и низвергаемы съ своихъ мѣстъ. Опасность была большая для церкви Христовой, но Господь не оставилъ Своею помощію ревнителей православія. Въ это-то время, для утвержденія правовѣрныхъ и въ обличеніе заблуждающихся, явилось въ Іерусалимѣ на небѣ чудесное знаменіе св. животворящаго креста. „Въ святые дни пятидесятницы, такъ разсказывалъ объ этомъ очевидецъ этого событія св. Кириллъ, архіеп. іерусалимскій,—около третьяго часа дня явился на небѣ весьма большой крестъ, составившійся изъ свѣта и протяженный надъ Голгоѳою до св. горы Елеонской. Не одинъ или двое видѣли его, но весьма явственно виденъ онъ былъ всему народонаселенію города. И не скоро прошло это видѣніе,—въ продолженіе многихъ часовъ крестъ ясно былъ виденъ надъ землею, молніеноснымъ сіяніемъ превосходящій лучи солнечные. Все народонаселеніе города, объятое страхомъ и вмѣстѣ радостію отъ сего Боговидѣнія, тотчасъ толпами стеклось въ церковь; юноши и старцы, мужи и жены, люди всякаго возраста, жители города и пришельцы, христіане и изъ другихъ странъ пришедшіе язычники,—всѣ единодушно, какъ бы едиными устами, прославляли чудодѣйствующаго Христа Іисуса, Господа нашего, Сына Божія Единороднаго“.

Познайте отсюда, христіане, силу и значеніе креста Господня. Есть между вами, къ счастью немногіе, которые позволяютъ даже кощунствовать надъ крестомъ. Кощунство, вообще, тяжкій грѣхъ, но смѣяться надъ великою святынею—крестомъ еще болѣе пагубно. Вотъ недавно опубликованный въ газетахъ примѣръ наказанія за кощунство надъ святымъ крестомъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1899 года жандармской полиціею станціи „Завидово“ (Николаевской желѣзной дороги), производившею дознаніе о причинѣ смерти крестьянина Тверской губ. Ильи Андреева Лебедева, скоропостижно умершаго 2 августа того года, обнаружено слѣдующее: при разспросахъ о причинѣ смерти Ильи Лебедева, братъ послѣдняго, Василій Лебедевъ, объяснилъ, что онъ вмѣстѣ съ покойнымъ братомъ и другими товарищами 23 іюля ходилъ за покупкою харчей въ село Завидово. Невдалекѣ отъ села они замѣтили въ полѣ деревянный крестъ, подойдя къ которому всѣ они, за исключеніемъ Ильи Лебедева, обнажили головы и набожно перекрестились, чего не сдѣлалъ только одинъ Илья, обругавшій ихъ всѣхъ и позволившій при этомъ кощунственныя слова. Едва они успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ Илья Лебедевъ почувствовалъ сильную боль въ ногахъ. Кое какъ онъ вмѣстѣ съ другими дошелъ до села, а затѣмъ едва могъ добраться домой въ желѣзнодорожную казарму на 502 верстѣ отъ Петербурга. Здѣсь Илья Лебедевъ продолжалъ жаловаться на боль въ ногахъ и рукахъ, такъ что съ трудомъ могъ выйти на работу. На третій день боль на столько усилилась, что онъ уже не могъ выйти на работу и пролежалъ, не вставая, 4 дня; 31 іюля дорожный смотритель телеграммою вызвалъ изъ Клина фельдшера, но медицинская помощь не дала Лебедеву желаннаго результата. Видя тяжкій недугъ, постигшій Илью, и полное безсиліе медицины помочь ему, братъ его Василій вздумалъ сходить снова съ больнымъ въ село Завидово и отслужить у кощунственно поруганнаго имъ креста молебенъ. Желѣзнодорожный смотритель досталъ подводу, и всѣ трое поѣхали на богомолье, но священника въ селѣ не застали, и потому они ограничились только своими молитвами. Помолившись, они рѣшили больного отправить на родину, но едва лишь они прибыли на станцію „Завидово“ и, снявъ больного съ подводы, перенесли его на платформу, какъ онъ тутъ же умеръ (Воскресный день 1899 г. № 35).

Такъ Господь наказалъ кощунника надъ святымъ крестомъ! Бойтесь, христіане, праведнаго суда Божія и относитесь съ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ св. кресту. Но, къ сожалѣнію, не всѣ мы такъ относимся къ нему. Вотъ, напр., кончается литургія, и всѣ подходятъ ко кресту, дабы облобызать его. Это вполнѣ похвально и должно быть вмѣнено въ обязанность для всѣхъ. Но зачѣмъ же торопиться и толкать другъ друга? Вѣдь вы не на торжищѣ, а въ храмѣ Божіемъ, гдѣ невидимо присутствуетъ самъ Господь и сокрушенно смотритъ на ваше поведеніе. Ко кресту нужно прикладываться благоговѣйно и благочинно, не торопясь и не толкая другъ друга. Вѣдь, больше стояли въ церкви, а въ концѣ-то и начинается сутолока, какъ будто бы нельзя подождать еще 5 или 10 минутъ.

Вообще, безпорядокъ нигдѣ не терпимъ, но особенно онъ не терпимъ въ храмѣ Божіемъ. Мы своею толкотнею оказываемъ неуваженіе къ распятому на крестѣ Господу нашему Іисусу Христу. А не уважать Христа,—это значитъ отрекаться отъ Него. Отреченіе же—самый тяжкій и незамолимый грѣхъ.

Далѣе, оказываютъ неуваженіе ко св. кресту тѣ изъ христіанъ, которые не принимаютъ въ домъ свой священника со крестомъ. Жалкое заблужденіе! Они думаютъ этимъ оскорбить священника (хотя и это непохвально), а между тѣмъ оскорбляютъ изображеннаго на крестѣ Спасителя нашего.

Наконецъ, сильно оскорбляютъ св. крестъ, такъ называемые, старообрядцы, которые признаютъ только осьмиконечный крестъ, а надъ четырехконечнымъ смѣются и даже кощунствуютъ. Слѣпое недоразумѣніе! Вѣдь сила креста заключается не въ томъ, сколько у него концовъ, а въ распятомъ на немъ Спасителѣ міра, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Да и древне-христіанская исторія свидѣтельствуетъ въ пользу четырехконечнаго, а не восьмиконечнаго креста.

Вообще, христіане, каковъ бы ни былъ по внѣшнему виду крестъ, почитайте его и съ благоговѣніемъ относитесь къ нему. Отъ глумленія же и кощунства избави васъ, Господи! („Воскр. лист." № 691, прилож. къ журн. „Воскр. день").

3. **Дивное семейство. (Св. муч. Маккавеи).**

Незадолго до явленія въ нашъ грѣшный міръ Богочеловѣка, среди еврейскаго народа происходили страшные безпорядки. Вожди народа далеко отступили сердцемъ отъ Бога, Который всегда былъ такъ близокъ къ нимъ, и народъ не отставалъ отъ нихъ. Не вразумлялись они тѣмъ, что всякое отступленіе ихъ отъ Бога всегда почти каралось Его правосудною десницею! Не помнили они того, что тяжелое ярмо рабства язычникамъ и другихъ безчисленныхъ бѣдствій не вполнѣ еще снято съ нихъ. Недавно еще они пространали цѣлыхъ семьдесятъ лѣтъ въ плѣну, — и это забыли. Зато и Господь какъ бы забылъ ихъ теперь.

Послѣ многихъ тяжелыхъ бѣдствій, призванныхъ самими евреями на самихъ же себя послѣ плѣна вавилонскаго, ихъ, наконецъ, постигла страшная кара. Сорокъ почти дней евреи видѣли въ воздухѣ сражающіяся войска. Явленіе предвѣщало Іерусалиму, недостойному имѣть вдохновенныхъ пророковъ, страшныя бѣдствія. И эти бѣдствія не замедлили постигнуть несчастный народъ.

Вотъ передъ вами Антіохъ Епифанъ, братъ Селевка Филопатора, прозванный *Епифаномъ,* т.-е. знаменитымъ, а по характеру — *Епимономъ,* т.-е. неистовымъ. Антіохъ былъ настолько коваренъ, что, лишивъ жизни своего брата и его сына, взошелъ на престолъ въ качествѣ опекуна малолѣтняго *Димитрія.* Дѣйствуя, по видимому, въ пользу послѣдняго, онъ покорилъ себѣ страну Койло-Сирію, которою долженъ былъ владѣть сынъ сестры его Клеопатры, Птоломей Филометоръ. По той мѣрѣ, какъ онъ усиливался, евреи поневолѣ должны были видѣть въ немъ страшный бичъ для себя, тѣмъ болѣе, что между ними самими происходили великія распри о первосвященствѣ.

Антіохъ былъ въ высшей степени безпокойный, раздражительный и злой человѣкъ. Антіоха огорчали римляне, заставивши его, вопреки его собственному желанію, дать покой Египту. Наконецъ, Антіохъ, получалъ свѣдѣнія о мятежахъ евреевъ и подозрѣвалъ ихъ въ невѣрности къ себѣ. Горечь облила все сердце *неистоваго.* Кому же отмстить? Съ римлянами бороться тяжело, оставались несчастные евреи. И вотъ, вся его ярость обратилась на евреевъ: онъ ринулся на Іерусалимъ и въ три дня избилъ сорокъ тысячъ человѣкъ, и кромѣ того сорокъ тысячъ продалъ [1]). Измѣнникъ, нѣкто Менелай, ввелъ его даже въ храмъ іерусалимскій. Антіохъ сорвалъ тамъ завѣсу, взялъ священные сосуды, сокровища и возвратился въ Антіохію съ 1800 талантами серебра, не забывши, впрочемъ, надѣлить Іерусалимъ такими начальниками которые были бы вѣрны ему и продолжали его гоненія.

Что эти люди производили въ Іерусалимѣ, объ этомъ горько и говорить. Спустя два года послѣ невыносимыхъ жестокостей Антіоха, начальникъ даней Аполлоній съ 22 тысячами воиновъ вступилъ, по видимому, мирно въ Іерусалимъ, но, дождавшись субботы, которую евреи, какъ извѣстно, всегда праздновали въ безпечномъ покоѣ, произвелъ страшный грабежъ, сопровождавшійся смертью весьма многихъ и ужаснымъ пожаромъ въ Іерусалимѣ. Къ большему горю и несчастію евреевъ, вскорѣ послѣ этого прибылъ изъ Антіохіи одинъ старикъ, родомъ аѳинянинъ, съ указомъ Антіоха, и проповѣдывалъ всеобщую религію, т.-е. попросту—язычество, которое желалъ ввести въ своемъ царствѣ Антіохъ. Этотъ старикъ имѣлъ немалый успѣхъ: многіе изъ іудеевъ приняли его ученіе. Тогда на алтарѣ Божіемъ поставленъ былъ идолъ Юпитера олимпійскаго; храмъ наполненъ мерзостями языческими; священныя книги, какія на этотъ разъ нашлись, сожжены; исповѣдники вѣры преданы мученіямъ; самое названіе земли іудейской Іудеею запрещено.

---

[1]) См. подлинникъ—2 кн. Маккав. V, 14. Вѣсъ и счетная монета у древнихъ грековъ: аттическій серебряный талантъ вѣсилъ около 65 ф.; цѣнность его на наши деньги почти равнялась 1400 рубл. серебр.; золотой талантъ стоилъ въ 10 разъ дороже. Коринѳскій серебряный талантъ вѣсилъ около 92 ф. и имѣлъ соотвѣтственную стоимость.

Въ это-то самое время жили наши герои изъ рода Маккавеевъ: мать Соломонія съ семью сыновьями, и при нихъ учитель ихъ Елеазаръ. Не легко было этой чистой крови скрываться отъ звѣрскихъ взоровъ кровожаднаго Антіоха.

Семейство Маккавеевъ призвано было къ Антіоху. Смотритъ онъ и видитъ: вотъ старецъ Елеазаръ — учитель; вотъ старица Соломонія; а вотъ близъ нея семеро дѣтей—прекрасныхъ дѣтей! Жребій палъ почему-то прежде всѣхъ на Елеазара. Старецъ благолѣпнѣйшій лицомъ, хотя и согбенный лѣтами, призванъ предъ скопище злодѣевъ.

Извѣстно, что ѣсть свиное мясо, по мудрому закону законодателя — Моисея, запрещено было евреямъ.

Старецъ благолѣпный предсталъ. Передъ нимъ было свиное мясо.

— Ѣшь!—вскричали призвавшіе Елеазара, указывая на мясо.

Съ великимъ негодованіемъ взглянулъ крѣпкій мужъ на предложенное и, предпочитая славную смерть безчестной жизни, плюнулъ тутъ же на снѣдь запрещенную.

— Послушай, Елеазаръ!—тотчасъ сказали ему приставники беззаконной жертвы, отведши его нѣсколько въ сторону, люди, впрочемъ уважавшіе Елеазара, *древняго ради къ мужу знанія*[1]), — послушай, старецъ, насъ: если не хочешь употреблять это мясо, то притворись, по крайней мѣрѣ, передъ всѣми, что ты теперь ѣшь это заповѣданное царемъ жертвенное мясо. Поступивши такъ, ты избавишься отъ смерти и, по нашей дружбѣ къ тебѣ, останешься въ любви у царя.

Но благая мысль, достойная возраста и безукоризненныхъ сѣдинъ старости, обняла и укрѣпила старца въ этотъ страшный часъ.

— Нѣтъ,—воскликнулъ онъ, я согласенъ скорѣе быть посланнымъ въ адъ! Нѣтъ, лицемѣріе недостойно возраста нашего. Что послѣ можетъ сдѣлать юношество, смотря на мое преступленіе?! Вотъ и Елеазаръ, скажутъ, девяностолѣтній старикъ, предался на сторону иноплеменныхъ. И соблазнятся юноши изъ-за моего лицемѣрія, и я навлеку на себя позоръ въ старости моей... Что вы говорите мнѣ? Пусть я теперь и избавлюсь отъ мученія людского, но, вѣдь, руки Всемогущаго я ни живой, ни мертвый не избѣгну. Нѣтъ, я теперь мужественно рѣшаюсь разлучиться съ своею жизнію. Я явлюсь въ такомъ случаѣ достойнымъ и своей старости, и юношамъ оставлю прекрасный образецъ усердной и доблестной смерти за честныя и святыя заповѣди.

Сказалъ..., и твердо пошелъ Елеазаръ на мученія.

„Господу, *святой разумъ имущему*, говорилъ онъ твердо въ мукахъ страданія, извѣстно, что я, имѣя возможность избавиться отъ страданія, уязвляемый, терплю жестокія раны, но за то какъ сладко душѣ моей!“

И симъ образомъ, заключаетъ описатель его подвиговъ, *симъ образомъ сконча животъ свой* (Елеазаръ) *не только юношамъ, но и премногимъ языка свою смерть во образъ доблести и въ память добродѣтели оставивъ*[1]).

Но Антіохъ не насытился этою жертвою. Еще и еще ему нужно было крови. И вотъ ему представили прекрасную жертву—семь братьевъ съ ихъ матерью.

Представьте себѣ семерыхъ юношей, благороднѣйшихъ отраслей благороднѣйшей матери, мужественныхъ и великихъ душою, истинныхъ подвижниковъ и поборниковъ отечественныхъ постановленій. Вотъ всѣ они стоятъ передъ мучителемъ. Дрожали ли они передъ нимъ? Нисколько. Нѣтъ, они ревнуютъ другъ другу въ желаніи славы, какъ истинные ученики своего родного закона, закона Божія. Они не страшатся мучительнаго истязанія, — страшатся лишь одного, какъ бы злой мучитель, предавши мученіямъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ, не оставилъ другихъ, кои должны будутъ разстаться съ своими братьями, увѣнчанными страдальческими вѣнцами. „О чемъ хочешь спрашивать насъ, и чему желаешь научиться отъ насъ“,— спрашивалъ постоянно Антіоха старшій братъ, какъ бы заранѣе желая укрѣпить всѣхъ своихъ братьевъ одною мыслію и желаніемъ смерти за святой законъ. „О чемъ хочешь спрашивать насъ? Мы всѣ готовы скорѣе умереть, нежели преступить отеческіе законы“.

---

[1]) См. 2 Макк. XVII, 21.

[1]) 2 Маккав. VI, 31.

И вотъ уже начались страданія, страшныя страданія юношей-братьевъ. А тутъ же, подлѣ своихъ сыновей, стояла дивная мать. Чадолюбивая, какъ рѣдкая мать, она ощущала въ своемъ сердцѣ невыносимыя почти для человѣческой природы страданія. Почему, однако жъ, она терзалась? Скажете, что для нея тяжело было разстаться съ дѣтьми? Нѣтъ, она знала, что она неразлучно будетъ съ ними. Но ее тяготилъ вопросъ—всѣ ли ея сыновья будутъ страдать? Не останется ли кто-нибудь изъ нихъ неувѣнчаннымъ? Ахъ, если останется! думала она. Тѣ, кои пострадаютъ, будутъ безопасны. Но тѣ, кои останутся?! Кто знаетъ?.. Борьба ихъ еще можетъ представляться сомнительною. Одни — при Господѣ, а другіе... Что если они навѣки отлучатся отъ Бога?!.

— Какая мужественная душа въ женскомъ тѣлѣ! — воскликнулъ въ свое время Григорій Богословъ, размышляя о св. маккавеянкѣ. Какое чудное и великодушное усердіе! Подлинно, Авраамова жертва и, если не дерзко будетъ сказать, даже болѣе Авраамовой! Авраамъ охотно приноситъ единаго сына, правда единороднаго, рожденнаго по обѣтованію сына, для котораго дано было обѣтованіе, и, что важнѣе, который назначенъ быть начаткомъ и корнемъ не только рода, но и подобныхъ жертвъ: она же посвятила Богу цѣлый народъ сыновъ, она и матерей и жрецовъ превзошла числомъ жертвъ, готовыхъ на закланіе, всесожженій умныхъ, священно-приношеній, поспѣшающихъ къ алтарю. Ничто ее не колебало, не приводило въ разслабленіе, не лишало твердости: ни приготовленныя деревянныя дыбы, ни поставленныя колеса, ни блоки, ни подмостки, ни острота желѣзныхъ когтей, ни изощренные мечи, ни кипящіе котлы, ни разведенный огонь, ни грозный мучитель, ни стеченіе народа, ни окружающая воинская стража, ни предстоящіе соплеменники, ни расторженіе членовъ, ни терзаніе плоти, ни потоки текущей крови, ни погубляемая юность, ни настоящіе ужасы, ни ожидаемыя страданія. „Подлинно, дивная и благія памяти достойная“ мать, какъ называетъ ее писатель второй Маккавейской книги.

Но если эта женщина при всей своей непоколебимой твердости, видя однихъ изъ своихъ сыновъ уже совершившими свои славные подвиги, радовалась, а за другихъ, еще живыхъ, трепетала, то этотъ трепетъ былъ напрасный. Дивные сыны дивной матери только ревновали другъ предъ другомъ въ желаніи смерти, и всѣ до единаго получили эту страшную и славную смерть.

Представляемъ болѣе или менѣе полную картину ихъ подвиговъ.

Безбоязненно, говоримъ, они предстали предъ Антіоха; мать возлѣ. Послѣдовало повелѣніе вкушать закономъ воспрещенныя жертвы.

— О чемъ ты заботишься?—спросилъ Антіоха старшій братъ. Чего хочешь отъ насъ? Мы сейчасъ же готовы умереть, нежели преступить отеческіе законы.

Гнѣвъ охватилъ все существо Антіоха послѣ нѣсколько разъ повторенныхъ словъ старшаго брата.

— Разжечь сковороды и котлы! — вскричалъ мучитель. — Все готово.

— Отрѣзать языкъ этому дерзкому предводителю злого семейства; содрать съ него всю кожу, обсѣчь ему всѣ члены!

Все сдѣлано. Мать и всѣ братья смотрятъ. Но что жъ? Устрашилъ ли ихъ этотъ злобный Антіохъ? Нѣтъ! Прекрасное замѣчаніе дѣлаетъ на этотъ разъ писатель Маккавейской книги. Когда первый братъ смертельно былъ обезображенъ, и когда у него едва оставалось дыханіе, Антіохъ *повелѣлъ огню предати его дышуща и пещи на сковородѣ, пару же умножающуся отъ сковороды, прочіе купно съ матерію другъ друга поощряху умрети мужественно, глаголюще сице: Господь Богъ зритъ и о истинѣ нашей утѣшается, якоже предъ лицемъ свидѣтельствующе пѣснію изъяви Моисей, глаголя: и о рабѣхъ Своихъ утѣшится* [1]).

Кажется, довольно уже было бы этого для вразумленія жестокаго гонителя. Кажется, что, встрѣтившись съ однимъ такимъ героемъ изъ числа семи, ему нужно было бы оставить другихъ. Онъ могъ притти къ мысли, что этотъ первый страдалецъ проложитъ только путь для другихъ. Онъ изъ первыхъ словъ этого новаго страдальца могъ замѣтить, что все семейство цѣлымъ домомъ рѣшилось пріобрѣсть вѣнцы, что они, братья по духу и плоти, согласны быть всѣ родными и въ самой смерти. Однако же злоба не утихла: Антіохъ простеръ руку на другого брата.

---

[1]) 2 Маккав. VII, 5—6.

— Другого! — вскричалъ онъ еще въ большемъ гнѣвѣ, послѣ того какъ уже довольно остался посрамленнымъ.

Представленъ другой. Съ нимъ поступили точно такъ же, какъ и съ первымъ, и потомъ спросили:

— Будешь ли ты ѣсть прежде, нежели твое тѣло растерзано будетъ по частямъ?

— Нѣтъ!—твердо и рѣшительно отвѣчалъ юноша, и преданъ былъ тѣмъ же мученіямъ, которыя испыталъ старшій братъ. Вотъ этотъ мученикъ уже при послѣднемъ издыханіи.

— Послушай же, окаянный! — закричалъ онъ среди мукъ, обратившись къ Антіоху; — ты только лишаешь насъ настоящей жизни, но вѣдь Царь міра воскреситъ же насъ, умершихъ за свой отеческій законъ, воскреситъ насъ въ воскресеніе живота вѣчнаго.

Антіохъ молчалъ.

Отошелъ къ Богу и второй юноша-герой. Антіохъ ожестѣлъ, какъ камень. Ярость его, однако жъ, при этомъ все болѣе и болѣе возрастала. Онъ еще требуетъ жертвы.

Является передъ Антіохомъ третій братъ. Ему не отрѣзали языка, какъ первымъ. Въ веселіи онъ дерзновенно простеръ одну руку къ небу, а другою указывая на свое тѣло, — воскликнулъ мужественно:

— Отъ неба все это я пріобрѣлъ и небесныхъ ради законовъ все это презираю: отъ неба все это я вновь надѣюсь получить.

Удивился нечестивый царь, удивились и всѣ бывшіе съ нимъ дивному великодушію крѣпкаго юноши: удивились всѣ тому, что онъ какъ будто за ничто считалъ муки.

Святая душа отлетѣла туда, гдѣ ея собственное, родное жилище.

Вызванъ четвертый братъ. Его взоры показывали, что онъ одинаковъ съ первыми. То же повелѣніе отъ мучителя, какое и первымъ, но и тотъ же отказъ рѣшительнѣй и презрительнѣй послѣдняго. За отказомъ тѣ же страданія.

Смерть, мучительная смерть уже сокрушала этого святого героя, какъ онъ твердо вдругъ проговорилъ:

— Такъ!.. всего лучше лишающимся жизни отъ людей надѣяться, что Господь опять воскреситъ ихъ для жизни. Но тебѣ, знай это, мучитель! Тебѣ воскресенія въ животъ уже не будетъ!

Взяли пятаго брата изъ числа семи добрыхъ мужественныхъ братьевъ и сына дивной и *достойной благія памяти матери.* Мученія послѣдовали своимъ порядкомъ. Мученикъ страдаетъ, но не теряетъ своего мужества. Съ самоувѣренностью какою-то и въ то же время съ презрѣніемъ къ мучителю онъ взглянулъ на Антіоха и сказалъ:

— Между людьми ты имѣешь власть, хотя и тлѣнный, какъ всѣ, — дѣлай, что хочешь! Но не думай, однако, чтобы родъ нашъ былъ оставленъ Всемилостивымъ Богомъ. Пожди и поразмысли о своей великой власти тогда, какъ тебѣ и твоему роду воздастъ Господь!

Новыя слова великаго мученика — новыя стрѣлы и язвы для мучителя.

— Привести шестого злодѣя! — вскричалъ уничтоженный срамомъ Антіохъ.

Привели. Ужасныя мученія, уже сдѣлавшіяся какъ бы легкими для этого мученика въ продолженіе его пребыванія при своихъ братьяхъ-страдальцахъ, дали ему силы и въ свою очередь сказать нѣсколько словъ мучителю, по примѣру своихъ единокровныхъ. Въ часъ смерти онъ твердо проговорилъ:

— Не прельщайся напрасно, мучитель! Мы страждемъ за свои грѣхи предъ Богомъ. Но не думай и ты, что неповиненъ передъ Богомъ, возставши на Него!..

Антіохъ снова уязвленъ. И сколько ему уже сдѣлано этихъ язвъ! Онъ видѣлъ, что всѣ, доселѣ имъ замученные, сохранили одинаковую твердость, къ удовольствію и удивленію своихъ единоплеменниковъ и къ ужасу враговъ. Послѣдніе, какъ ни ополчались, но уже теряли надежду побѣдить прочихъ.

А мать нашихъ героевъ была все время при нихъ. Какъ птица, говоритъ св. Григорій Богословъ, которая видитъ, что змѣя ползетъ къ птенцамъ, или другой кто злоумышляетъ противъ нихъ, она летала вокругъ нихъ, била крылами, умоляла, раздѣляла страданія дѣтей. И чего ни говорила, чего ни дѣлала она, чтобы воодушевить ихъ къ побѣдѣ! То похищала капли крови, то поднимала отторженныя части членовъ, то благоговѣйно припадала къ останкамъ, собирая части тѣла одного сына, а другого отдавала мучителямъ, а третьяго приготовляла къ подвигу.

Какъ не благоговѣть передъ этою святою женою! Право, тутъ не знаешь, чему въ ней болѣе удивляться: ея ли невыразимо высокому мужеству, въ которомъ такъ выразилось все величіе ея души, предавшей въ руки смерти то, что для матерей дороже всего на свѣтѣ, или дивиться ея крайней любви къ своимъ дѣтямъ, любви, которая сумѣла воспитать ихъ только для Бога.

Но если гдѣ, то особенно при страданіяхъ послѣдняго сына, высказалась великая душа маккавеянки. Шесть сыновей прошли въ царствіе Божіе мученическимъ путемъ предъ ея очами, — оставался еще одинъ. Антіохъ, смѣло возставшій противъ цѣлаго народа, но жестоко уже посрамленный единодушіемъ всѣхъ шести братьевъ изъ этого народа, окончившихъ въ мукахъ свою жизнь и не измѣнившихъ своему закону, приходилъ почти въ отчаяніе одолѣть послѣдняго маккавеянина. Нужно было употребить новыя и сильнѣйшія искушенія склонить отрока на сторону нечестія. И новый страхъ овладѣлъ душою его матери, боявшейся, какъ бы не измѣнило Богу и ей это послѣднее любезное чадо. Вотъ выступаетъ это послѣднее дитя передъ Антіоха...

— Послушай, другъ мой, — говоритъ ему царь. Ты, конечно, не поступишь такъ безразсудно, какъ это сдѣлали твои братья. Что за неволя терять свою жизнь изъ-за нарушенія какого-нибудь пустого обычая?!

А отрокъ стоитъ и какъ будто ничего не слышитъ, бросая лишь презрительные взгляды на мучителя.

— Клянусь тебѣ, — продолжалъ Антіохъ, что я говорю правду; клянусь тебѣ, если ты не поступишь по примѣру твоихъ братьевъ, я сдѣлаю тебя и богатымъ и счастливымъ, предоставлю тебѣ все, чего ты пожелаешь. Скажу тебѣ даже—и опять клянусь—что ты будешь моимъ другомъ, которому я ввѣрю всѣ дѣла!

Великое искушеніе!.. Но отрокъ стоитъ и ничему не внимаетъ. Антіохъ однако же сдерживался въ своемъ гнѣвѣ, надѣясь еще достигнуть своей цѣли. Онъ подозвалъ къ себѣ мать отрока.

— Вижу, — сказалъ онъ, благородная женщина, что ты умѣла воспитать своихъ дѣтей. Но послушай, къ чему эта неумѣстная твердость? Это одно упорство... нежеланіе уступить...

— Законъ для насъ такъ же священенъ, какъ и совѣсть наша! — отвѣчала маккавеянка.

— Но смерть дѣтей? — возразилъ Антіохъ. — Не дороже ли всего они на свѣтѣ?

— Всего, — но только не Бога и не Его святого закона.

— Съ кѣмъ ты останешься, если и это послѣднее дитя разлучится съ тобою?

— Я не думаю съ нимъ разставаться.

— Подъ условіемъ принять одинаковый съ нимъ жребій?

— Да!

— Но это вѣдь безуміе! Послушай! поступи иначе: сдѣлай увѣщаніе своему послѣднему сыну, убѣди его склониться ко мнѣ. Ты тогда такъ же будешь счастлива, какъ и онъ. Будь ему совѣтницею спасенія.

— Хорошо, царь, сдѣлаю! — мужественно отвѣтила мать и подошла къ сыну. Она наклонилась къ нему и тихо начала что-то говорить.

Всѣ смотрѣли и выжидали. Антіохъ былъ въ надеждѣ, что маккавеянка сама, наконецъ, поможетъ ему въ достиженіи его цѣли.

Сынъ прижался къ груди своей матери и внималъ, крѣпко внималъ ея утѣшенію. Какое-то особое веселіе блистало въ его очахъ. Не говоритъ ли ему мать о счастіи, которое ожидаетъ его у Антіоха? Послушаемъ.

— Сынъ мой! пощади меня — твою мать, которая девять мѣсяцевъ носила тебя во чревѣ своемъ, которая сама кормила тебя своею грудью, которая воспитала тебя и довела до настоящаго возраста, перенося всѣ трудности этого воспитанія. Сынъ мой, умоляю тебя, взгляни на небо и землю, на все, что на нихъ. Смотри, что все это, равно какъ и родъ человѣческій, Господь сотворилъ изъ ничего. Не убойся этого плототерзателя, но, какъ достойный своихъ братьевъ, пріими смерть, чтобы и я съ любовію могла принять тебя вмѣстѣ съ братьями твоими.

Еще не окончила мать своей рѣчи, какъ сынъ ея вскричалъ, смотря на мучителей:

— Кого вы ждете? Я не слушаю царскаго повелѣнія, я остаюсь вѣрнымъ закону, данному нашимъ отцамъ черезъ Моисея. Но ты, прибавилъ отрокъ, обратившись къ Антіоху, ты изобрѣтатель всякаго зла—не избѣжишь рукъ Божіихъ! Мы страдаемъ за свои грѣхи—это такъ. Но если Господь для наказанія и устрашенія насъ прогнѣвался на насъ, то Онъ же опять примирится съ нами—Своими рабами. Ты же, беззаконникъ и послѣднѣйшій изъ всѣхъ людей, ты не возносись напрасно своею мыслію, поднявши руку свою противъ рабовъ Божіихъ. Ты еще не избѣжалъ суда вседержителя и всевидца — Бога. Братья мои, вытерпѣвши теперь небольшія болѣзни, пріобрѣли вѣчную жизнь; а ты по суду Божію получишь праведную жестокую казнь за свою гордость. Я, подобно имъ, своимъ братьямъ, и душу и тѣло мои отдаю за отеческіе законы, моля Бога, чтобы Онъ вскорѣ милостивъ былъ къ Израилю; но ты все же, наконецъ, въ страшныхъ мукахъ исповѣдаешь, что есть только одинъ Богъ. На мнѣ и на братіи моей остановится гнѣвъ Вседержителя, который праведно навлеченъ родомъ нашимъ...

Это была послѣдняя и самая страшная стрѣла, брошенная въ разъяренное сердце Антіоха. Нечестивый царь, въ величайшей ярости, не зналъ, что дѣлать; послѣдній герой вконецъ обезоружилъ и посмѣялъ его.

— На лютѣйшее его мученіе! вскричалъ Антіохъ, задыхаясь отъ гнѣва.

Но лютѣйшія мученія не устрашили отрока. Онъ перенесъ все и скончался съ миромъ.

Осталась теперь одна дивная мать. Въ какомъ она состояніи? Горько ли ей? Плачетъ ли она, лишившись всѣхъ своихъ дѣтей? Скорбитъ ли о томъ, что ей теперь дѣлать?

Нѣтъ! Передадимъ ея послѣднія чувства словами св. Григорія Богослова. „Когда она увидѣла, что всѣ дѣти скончали жизнь и своею смертію избавили ее отъ безпокойствъ, тогда съ свѣтлымъ взоромъ подняла голову и, подобно олимпійскому побѣдителю, съ бодрымъ духомъ воздѣвши руки, громко и торжественно сказала: Благодарю Тебя, Отче Святый! Благодарю тебя, наставникъ нашъ — законъ! Благодарю тебя, нашъ отецъ и поборникъ чадъ твоихъ, Елеазаръ! Благодарю, что принятъ плодъ болѣзней моихъ, и я содѣлалась матерью, священнѣйшею изъ матерей! Ничего не осталось у меня для міра— все отдано Богу, все мое сокровище, всѣ надежды моей старости. Какая великая для меня почесть! Какъ прекрасно обезпечена моя старость! А вы, любезнѣйшія дѣти, не умерли, но принесены въ даръ Богу; не навсегда разлучились со мною, но только переселились на время; не расточены, но только собраны вмѣстѣ. Что же еще? Присоедини и меня къ дѣтямъ, мучитель, если и отъ враговъ можно ждать милости. О, какъ бы я желала претерпѣть всѣ тѣ муки, какія терпѣли они, чтобы кровь моя смѣшалась съ ихъ кровію и старческая плоть съ ихъ плотію!

Высказавъ все это, дивная женщина, какъ на брачное ложе, востекла на костеръ, на который была осуждена. Не стала ждать, чтобы кто-нибудь возвелъ ее, не попустила чтобы нечистое тѣло коснулось ея чистой плоти“ [1]).

Мы кончили свою правдивую повѣсть о дивномъ семействѣ.

Какъ не пожелать, чтобы и въ наше время въ семействахъ были и такіе наставники, какъ Елеазаръ, и такія матери, какъ маккавеянка, и такія дѣти, какъ ея чудныя дѣти! Конечно, мы всѣ живемъ теперь при счастливыхъ условіяхъ; безумныхъ Антіоховъ теперь трудно ожидать, но зато наша жизнь, внѣшне счастливая, спокойная, имѣетъ своихъ враговъ, враговъ тѣмъ болѣе опасныхъ, что они обыкновенно дѣйствуютъ противъ насъ тайными, скрытыми путями. Понятно, на кого и на что мы указываемъ. Бойтесь этихъ враговъ и для борьбы съ ними, которая совершенно неизбѣжна, воспитывайтесь по примѣру дивнаго семейства, о которомъ мы высказали вамъ нѣсколько, хотя бѣдныхъ, словъ. (Орловскія Еп. Вѣд. за 1865. № 8-й).

6-й ДЕНЬ.

ПРЕОБРАЖЕНІЕ ГОСПОДНЕ.

Еванг. отъ Матѳ. зач. 70-е, гл. XVII, 1—9.

1. Повѣствованіе о преображеніи Господнемъ.

Въ доказательство Своего Божественнаго посольства, Господь Іисусъ Христосъ творилъ чудеса, т.-е. дѣлалъ такія дѣла и открывалъ такія тайны, которыя ясно доказывали, что Онъ не простой человѣкъ, но истинный Богочеловѣкъ. Однимъ изъ такихъ дѣлъ Его было Преображеніе на горѣ Ѳаворѣ. Іисусъ Христосъ преобразился, т.-е. открылъ славу Своего Божества ученикамъ столько, сколько они могли вмѣстить. Или, иначе сказать: І. Христосъ, будучи въ глазахъ людей простымъ — обыкновеннымъ человѣкомъ, преобразился, т.-е. показалъ, что Онъ есть истинный Сынъ Божій, Спаситель міра. Самое преображеніе вотъ какъ было.

---

[1]) См. сл. Гр. Богослова въ похв. Маккавеямъ.

Іисусъ Христосъ ходилъ изъ села въ село съ проповѣдію; народъ толпами слѣдовалъ за Нимъ. Уже былъ третій годъ Его служенія... приближался крестъ Его, страданія за міръ... Когда Господь заговорилъ о томъ съ учениками, они изумились... Дабы подкрѣпить ихъ вѣру, дабы приготовить ихъ къ величайшему кресту Своему,—Онъ предоткрываетъ избраннѣйшимъ славу Свою. Однажды пришелъ Онъ въ Галилею къ горѣ Ѳаворской; день совершенно склонился къ вечеру; Іисусъ Христосъ подлѣ горы оставилъ народъ, а Самъ съ тремя учениками — Петромъ, Іаковомъ и Іоанномъ, пошелъ на гору помолиться; ученики остались на полу-горѣ и отъ усталости заснули, а І. Христосъ молился всю ночь на самой вершинѣ горы Ѳавора. И вотъ, во время сей ночной, уединенной молитвы послѣдовало Его славное Преображеніе... Лицо Его сдѣлалось свѣтло, какъ солнце; одежды бѣлы, какъ снѣгъ. При этомъ внезапно явились два мужа. То были Моисей и Илія, которые приготовляли путь Господу. Они бесѣдовали съ Іисусомъ объ исходѣ, который Ему надлежало совершить въ Іерусалимѣ. Они бесѣдовали о томъ, какъ долженъ будетъ сокрушиться жезлъ закона и уничтожиться наказаніе, когда Онъ возьметъ его на Себя. Они бесѣдовали о томъ, что Онъ будетъ послѣднею совершенною жертвою, что въ Немъ исполнятся всѣ жертвы, предписанныя въ законѣ Моисея.

Ученики все спали. Пробудившись, они увидѣли Іисуса въ сіяніи славы и двухъ мужей, стоявшихъ подлѣ Него. Они были изумлены и поражены; они едва понимали, что происходило предъ ихъ глазами; страхъ и радость наполнили ихъ сердце. Когда начало исчезать священное явленіе, ап. Петръ сказалъ Іисусу: „хорошо намъ здѣсь быть; если хочешь, сдѣлаемъ здѣсь три кущи, Тебѣ одну, и Моисею одну, и одну Иліи“. Ибо не зналъ, что сказать. Когда Петръ говорилъ еще, свѣтлое облако осѣнило ихъ. Явилось облако не темное, какъ на Синаѣ, но свѣтлое, какъ знакъ благодатнаго и славнаго присутствія Божія въ новомъ завѣтѣ. И голосъ изъ облака произнесъ: „сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ; Того послушайте“. При громѣ этого голоса апостолы попадали на землю и болѣе уже ничего не видѣли. Пророки скрылись, Іисусъ Христосъ подошелъ къ ученикамъ и сказалъ: встаньте и не бойтесь! Они встали; видѣніе окончилось; Учитель запретилъ имъ до времени разсказывать о томъ, что они видѣли и слышали на Ѳаворѣ.

Чему поучаетъ насъ событіе Преображенія Господня? Тому же, чему научило и апостоловъ, т.-е. что Іисусъ Христосъ есть истинный Сынъ Божій — Богочеловѣкъ,—Владыка неба и земли,—подъялъ за насъ страданіе вольное... А уединенная ночная молитва на Ѳаворѣ — какой дорогой образецъ намъ, послѣдователямъ Христовымъ! Хорошо почаще бы намъ заходить въ потаенную клѣть своего сердца и отсюда мысленно возноситься горѣ— къ Отцу свѣтовъ; къ тому же почаще бы, — неопустительно, — посѣщать намъ храмъ Божій—этотъ прекраснѣйшій христіанскій Ѳаворъ; здѣсь — въ Божіемъ храмѣ всѣ пѣснопѣнія и священнодѣйствія направлены къ просвѣщенію душъ нашихъ.—На Ѳаворѣ лице Спасителя свѣтло было подобно солнцу, а одежды подобно снѣгу — были бѣлы: такъ всѣ праведники просвѣтятся, какъ солнце, въ царствіи Отца небеснаго. — Есть сокровенное благо, которое для человѣка, созданнаго по образу и по подобію Божію, дороже всего на свѣтѣ. Если человѣкъ вполнѣ познаетъ это благо, — все окружающее его забывается имъ, — весь міръ готовъ онъ оставить тогда, лишь бы обладать этимъ благомъ... Какое же это благо? Это благо—быть въ общеніи съ Господомъ, видѣть Его славу.... Это есть истинное, высшее наслажденіе для человѣка .Это-то чувство,—чувство общенія съ Господомъ вызвало изъ сердца Петрова восторженное слово: „добро намъ здѣ быти...“ Въ этотъ рай Божій, — къ общенію съ Господомъ, и каждому изъ насъ путь указанъ: это — по вѣрѣ нашей христіанское поведеніе, какъ то вѣщалъ голосъ съ неба, на Ѳаворѣ слышанный: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, Того послушайте...“ Добро намъ здѣ быти, т.-е. добро быть въ послушаніи Господу Іисусу Христу, Спасителю нашему! (Сост. по кн. „Земная жизнь І. Христа“, перев. съ нѣмецк. Орды, съ добавл. изъ книги, „Двунадесятые праздники православной церкви“ Протоіерея Никольскаго, изд. 1896 г).

2. Гора Ѳаворъ, на которой преобразился Господь.

Къ югу отъ горы Блаженствъ, два часа на востокъ отъ г. Назарета поднимается Ѳаворъ, т.-е. сводъ, выпуклость, горная вершина. Это—огромный, почти совершенно уединенный, тупой известняковый конусъ. Подобно высокому жертвеннику, устроенному самой природой, поднимается онъ къ небу. Къ югу отрѣзываетъ собою эта гора волнующіяся хлѣбныя поля равнины Эздрелонской; къ сѣверу она обозрѣваетъ всѣ, насупротивъ нея лежащія, горы плоской возвышенности Галилеи. Бока Ѳавора покрыты дубовымъ лѣсомъ, теревинѳами и фисташковыми деревьями, среди которыхъ хозяйничаютъ дикія свиньи и бобры. На всей горѣ растетъ очень много травы и цвѣтовъ. Сверху до низу горы считается около 2.800 шаговъ; до равнины Іезреельской, по сходѣ, нужно будетъ сдѣлать еще шаговъ 500. По барометрическимъ измѣреніямъ Ѳаворъ надъ уровнемъ моря возвышенъ на 1.747 парижскихъ футовъ. Его вершина покрыта дубами, фисташковыми деревьями, кустарникомъ, высокой травой, и смѣло поднимается въ страну громовыхъ тучъ; она представляетъ собою овальную равнину, длина которой полчаса ходьбы и ширина около восьми минутъ. Массивныя, обширныя развалины какъ будто разрушившейся крѣпости окружены здѣсь цвѣтущей окрестностью, какъ бы зима весной. Строили тутъ и церковь, и монастырь, и дома, и укрѣпленіе; теперь все въ развалинахъ. Турки давно уже ничему не даютъ тутъ возникнуть; и теперь снова тутъ путникъ себя чувствуетъ уединенно, чрезвычайно одиноко. Здѣсь Баракъ, по распоряженію Девворы, собиралъ свое войско противъ Сисары (Суд. IV, 6—12), котораго онъ разбилъ при ручьѣ Кисонѣ. Здѣсь были умерщвлены братья Гедеона (Суд. VIII, 18—19). Здѣсь за 53 года до Р. Хр. происходила битва между проконсуломъ Габиніемъ и іудеями, предводимыми Александромъ, сыномъ Аристовула. Іосифъ укрѣплялъ гору въ войнѣ противъ Веспасіана. Сарацины во времена Иннокентія III построили на ней укрѣпленіе. Церковь Преображенія на ней разрушилъ султанъ Бибарсъ въ 1263 г.

Всѣ путешественники говорятъ, что съ Ѳавора открывается на окрестности величественнѣйшій и привлекательнѣйшій видъ. Глазъ видитъ къ югу широкую плодородную равнину Эздрелонскую. Вправо мимо Кармила, этого древняго свидѣтеля славы Іеговы, онъ проникаетъ въ необозримую водную пустыню Средиземнаго моря. Впереди, подобно бѣлому исполинскому орлу, надъ темными горными кряжами Ливана паритъ блестящая снѣжная вершина величественнаго Ермона. Съ юга глазъ ласкаютъ холмы, поросшіе роскошнѣйшими виноградными лозами и померанцевыми садами; а далѣе, на прелестнѣйшихъ горахъ—Самарія; влѣво же, подобно плывущему по вѣтру лебедю, сверкаетъ озеро Тиверіадское.

Но самое восхитительное не вдали, а вблизи. Не естественная красота Ѳавора привлекаетъ къ нему христіанина, а его всемірно-историческая слава, — то, что онъ былъ горой преображенія нашего Господа и Спасителя.

Евангелисты, повѣствуя о преображеніи Господнемъ, не именуютъ Ѳаворъ, а говорятъ только о горѣ высокой (Матѳ. XVII, 1; Мрк. IX, 2), или просто о горѣ (Лук. IX, 28), и это какъ бы потому, что и безъ наименованія Ѳавора само собою понятно его преимущество; что только высокой и уединенной горѣ Ѳаворъ прилично было представить собою престолъ Господу для таинственной Его бесѣды съ Отцомъ небеснымъ, только горѣ свѣтлой прилично было озариться тѣмъ свѣтомъ, который заблисталъ въ минуты славнаго преображенія. *Ѳаворъ и Ермонъ о имени твоемъ возрадуются* (пс. LXXXVIII, 13), восклицаетъ царь Давидъ, провидя славное назначеніе Ѳавора. Самовидцы славы: Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, по страданіи и воскресеніи Господа, первые возвѣстили о предызобразительной славѣ Его на горѣ Ѳаворъ. По указанію свидѣтельства ихъ, первенствующіе христіане назвали Ѳаворъ горою преображенія; св. Кириллъ и блаж. Іеронимъ нашли преданіе это общеизвѣстнымъ. Равноапостольная императрица Елена украсила Ѳаворъ памятникомъ, соорудила на вершинѣ его храмъ о трехъ престолахъ во имя свидѣтелей преображенія Господня, свв. ап. Петра, Іакова и Іоанна, или по другимъ — Іисуса, Моисея и Иліи. Въ настоящее время здѣсь находится греческая церковь и католическій монастырь (Сост. по журн. „Кормчій" за 1888 г. № 29, и „Воскр. день", 1899 г. № 30).

3. Почему Преображенiе Господне празднуется у насъ 6 августа?

Преображенiе Господне было явленiемъ славы Божiей, открывшимъ въ лицѣ нашего Спасителя возлюбленнаго Сына Божiя. Но вмѣстѣ съ явленiемъ славы Божiей здѣсь соединено представленiе о крестѣ Господнемъ. Небесные свидѣтели преображенiя Христова, по сказанiю евангелистовъ, бесѣдовали съ Господомъ Iисусомъ Христомъ о томъ, что предстояло Ему претерпѣть за насъ. И нѣкоторые церковные писатели (напримѣръ: Евсевiй Кесарiйскiй, Iоаннъ Дамаскинъ), полагаютъ, на основанiи нѣкоторыхъ словъ евангелистовъ (Матѳ. XVI, 21), что оно было незадолго до пречистыхъ страстей Господнихъ, именно за 40 дней. Въ виду этихъ страстей, могущихъ соблазнить еще не укрѣпившихся въ вѣрѣ учениковъ, Господь благоволилъ открыть предъ ними, кто Онъ и чей Онъ, чтобы они уразумѣли вольное Его страданiе, когда увидятъ Его распинаема. Значитъ, преображенiе Господне было въ февралѣ, а не въ августѣ, какъ празднуется у насъ. Отъ чего же церковь перенесла его съ февраля на августъ? Причина этого та, что безъ перенесенiя на другой мѣсяцъ этотъ торжественный праздникъ приходился бы всегда во дни св. Четыредесятницы, а это было бы несовмѣстимо съ великопостнымъ служенiемъ и печальнымъ временемъ Четыредесятницы, изображающимъ собою настоящую, многобѣдственную жизнь, тогда какъ праздникъ Преображенiя предзнаменуетъ собою будущiй вѣкъ. Въ 6 число августа, а не въ другое время, празднуется Преображенiе Господне по слѣдующей причинѣ. 14 сентября празднуется Воздвиженiе Честнаго и Животворящаго Креста Господня, въ которое вторично совершается празднованiе и воспоминанiе Страстей Господнихъ; а такъ какъ Преображенiе было за 40 дней до Его распятiя, то св. отцы, отсчитавъ отъ 14 сентября 40 дней, установили, чтобы 6 августа праздновалось Преображенiе, такъ какъ отъ 14 сентября, до 6 августа ровно 40 дней (Воскр. чт. 1879 г.).

4. О значенiи обычая въ праздникъ Преображенiя Господня приносить въ храмъ новые плоды.

Праздникъ Преображенiя Господня, по чиноположенiю церковному, отличается особымъ молитвословiемъ, положеннымъ въ концѣ литургiи, для освященiя новыхъ плодовъ, приносимыхъ православными христiанами. Въ церковной молитвѣ, читаемой при этомъ, упоминается собственно о гроздiяхъ винограда, которымъ преимущественно изобиловали восточныя страны—Грецiя и Палестина, откуда къ намъ, вмѣстѣ съ православнымъ богослуженiемъ, перешли многiе благочестивые обычаи, соблюденные тамъ по преданiю отъ древнихъ. У насъ, въ Россiи, по причинѣ суроваго климата, мало или совсѣмъ не родится виноградъ, но зато у насъ къ празднику Преображенiя поспѣваетъ много другихъ плодовъ, начатки которыхъ и приносятъ въ церковь для освященiя. Обычай этотъ весьма древнiй и невольно возбуждаетъ въ душѣ христiанина много назидательныхъ мыслей. Самъ Богъ, заповѣдавъ людямъ въ ветхомъ завѣтѣ приносить Ему жертвы не только отъ чистыхъ животныхъ—жертвы кровавыя, но и отъ плодовъ земныхъ—жертвы безкровныя, показалъ людямъ въ этомъ священно-таинственномъ установленiи ближайшiй способъ, какимъ они могутъ вовнѣ выражать свои религiозныя чувства вѣры, упованiя и благодарной къ Нему любви. Впослѣдствiи, когда Господь велъ избранный народъ Свой въ обѣтованную землю, необыкновенно плодородную, текущую медомъ и млекомъ, дана была Израилю самая точная заповѣдь къ неизмѣнному исполненiю въ вѣчные роды о принесенiи ежегодно въ скинiю начатковъ всѣхъ плодовъ, и особенно существенно важныхъ для жизни, колосьевъ пшеницы и гроздiй виноградныхъ. „Наблюдай, - сказано было народу израильскому Богомъ чрезъ Моисея,—праздникъ жатвы первыхъ плодовъ труда твоего, какiе ты сѣялъ на полѣ и праздникъ собиранiя плодовъ въ концѣ года, когда уберешь въ полѣ, работу твою. Начатки плодовъ земли твоей приноси въ домъ Господа Бога твоего“ (Исх. XXIII, 16—19). „Никакого новаго хлѣба, ни сушеныхъ зеренъ, ни зеренъ сырыхъ не ѣшьте до того дня въ который принесете приношенiе Богу вашему; это вѣчное постановленiе въ роды ваши“ (Лев. XXIII, 14). Обычай посвящать Богу начатки плодовъ, какъ утвержденный божественною заповѣдiю въ вѣчные роды, естественно долженъ былъ перейти, вмѣстѣ съ другими знаменательными обычаями ветхаго завѣта, въ составъ священнодѣйствiй новозавѣтна-

Вотъ Моисей и Илія, — одинъ умершій, другой восхищенный отъ земли колесницею огненною, — чрезъ цѣлыя тысящелѣтія являются на Ѳаворѣ живыми, бесѣдуютъ со Христомъ, Котораго пришествіе предвозвѣщали, живя во плоти, въ мірѣ. Нужно ли свидѣтельство безсмертія человѣка очевиднѣе сего? Здѣсь уже не вѣруемъ, а видимъ и какъ бы осязаемъ, что Богъ воистину *нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ*, что предъ Нимъ *живы всѣ*, жившіе когда-либо на землѣ, всѣ, созданные Имъ по образу Своему. Стало-быть, и мы всѣ, послѣ смерти тѣлесной, перейдемъ въ этотъ новый, духовный міръ, пребудемъ живы предъ Богомъ жизни во вѣки вѣковъ. Будемъ же помнить, что весь настоящій порядокъ вещей продолжится для насъ только до гроба. Всякая земная слава, всѣ почетныя титла, которыми украшаетъ міръ своихъ любимцевъ, останутся только на надмогильномъ камнѣ; всѣ предметы роскоши и наслажденій чувственныхъ оставятъ бездыханное тѣло наше, которое и само обратится въ прахъ. Что же затѣмъ? Се, открывается завѣса, и является другой, высшій міръ, куда переселяются души, разрѣшившіяся отъ узъ плоти; является иной, совершеннѣйшій образъ бытія, гдѣ истинная вѣчная жизнь, не знающая ни болѣзней, ни смерти,—вѣчная слава, никогда не умаляющаяся и ничѣмъ не помрачаемая, въ которой *праведники сіяютъ яко солнце во царствіи Отца ихъ*,— вѣчная радость и блаженство, безъ слезъ и печалей, безъ скорбей и воздыханій;— является, какъ въ зерцалѣ, образъ того вѣчнаго царствія Божія, которое откроется для всѣхъ и навсегда, когда Господь Іисусъ Христосъ пріидетъ паки на землю, воскреситъ все человѣчество и преобразитъ самый міръ нашъ.

Открывается, наконецъ, при свѣтѣ Ѳаворскомъ и то, что не одинъ жребій праведному и грѣшному, что только *праведныхъ души въ руцѣ Божіей, и не прикоснется имъ мука, и упованіе ихъ безсмертія исполнено*. Посмотрите на свѣтолѣпный образъ Моисея и Иліи. Они являются въ славѣ, сіяютъ яко солнце, озаряемые свѣтомъ Лица Господня, бесѣдуютъ съ Господомъ, яко други, лицомъ къ лицу; они достигли уже того блаженнаго состоянія, которое обѣщано избраннымъ и другамъ Божіимъ. А что же съ грѣшниками? Увы, имъ нѣтъ мѣста и на Ѳаворѣ земномъ, тѣмъ паче не будетъ мѣста и на Ѳаворѣ небесномъ. Вотъ почему и нужно намъ еще въ настоящей жизни заботиться о томъ, чтобы, по смерти, явиться достойными причастія славы преобразившагося Господа. На Ѳаворѣ только небожители сподобились дерзновенно бесѣдовать съ Господомъ, а земные зрители славы Его *падоша ницы и убояшася зѣло*. Такъ неприступна слава Божія и для лучшихъ изъ людей, каковы были Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, доколѣ не преобразились они совершенно, благодатію Духа Божія. *Тѣмъ же убо*, — такъ учитъ насъ св. апостолъ Павелъ, — *Господню славу взирающе, въ той же образъ да преобразуемся отъ славы въ славу, яко отъ Господня Духа*. Это необходимое для насъ преображеніе состоитъ, по ученію того же апостола, *въ совлеченіи ветхаго человѣка съ дѣяньми его и облеченіи въ человѣка новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины*. Надобно, мало-по-малу, преобразовать свой умъ вѣрою твердою и непоколебимою такъ, чтобы онъ сдѣлался, по выраженію апостола, *умомъ Христовымъ*, обо всемъ, то-есть, мыслилъ и разсуждалъ, какъ учитъ св. евангеліе Христово, твердо стоялъ во истинѣ и правдѣ и отвращался всякой лжи и неправды. Надобно преобразовать свою волю такъ, чтобы она была послушна одному евангелію Христову, чтобы никто и ничто въ мірѣ не могло отклонить ее отъ исполненія заповѣдей Господнихъ. Надобно преобразовать свое сердце такъ, чтобы въ немъ царствовала не похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская, но искренняя, крѣпкая, вседушевная любовь къ Богу и ближнимъ, чтобы оно жило и дышало Единымъ Господомъ и упованіемъ вѣчной жизни съ Господомъ, чтобы *ни смерть, ни животъ, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая не могла разлучить его отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ*. Надобно преобразовать и внѣшнія чувства свои такъ, чтобы онѣ были *не рабами грѣху и беззаконію въ беззаконіе, но рабами правдѣ во святыню*. Слышите ль, что заповѣдуетъ на Ѳаворѣ гласъ Отца небеснаго? *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоизволихъ; Того послушайте!*—Вѣруйте Его Божественному слову, которое одно есть вѣчная истина; повинуйтесь Его Божественнымъ заповѣдямъ, которыя однѣ ведутъ въ животъ вѣчный; послѣдуйте примѣру Его святѣйшей жизни, усвойте себѣ Его Боголюбезныя свойства: Его смиреніе и покорность волѣ Отца небеснаго, Его благость и милосердіе, Его кротость и долготерпѣніе, Его послушаніе даже до смерти крестныя, Его неисповѣдимую. всеобъемлющую любовь къ человѣчеству, Его самоотверженіе и всесовершенную преданность волѣ Отца небеснаго, — *да будете* воистину *сынове Вышняго,* да сподобитесь Его пренебеснаго благословенія, да наслѣдуете Его всеблаженное царство. Если мы, помощію и силою благодати Божіей, преобразимъ такимъ образомъ душу свою *по образу Создавшаго насъ,* то Господь Іисусъ Христосъ преобразитъ нѣкогда и самое *тѣло наше, во еже сообразну ему быти тѣлу славы Его.* (Изъ „Словъ и рѣч.“, Димитрія, архіеписк. херсонскаго).

15-й ДЕНЬ.

УСПЕНІЕ ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ.

Еванг. отъ Лук., зач. 54 и 58, гл. X, 38–42, XI, 27–28 ст. 1)

1. Повѣствованіе объ Успеніи Пресвятой Богородицы.

Послѣ того какъ совершились всѣ таинства нашего спасенія крестнымъ подвигомъ и воскресеніемъ Спасителя, Онъ, видимо при Своихъ ученикахъ, вознесся на небо. Пресв. Дѣва, Матерь Божія, неутомимая Ходатаица за насъ грѣшныхъ, еще долго пожила, чтобы видѣть утвердившуюся и распространившуюся по всей вселенной славу Сына и Бога Своего. Она увидѣла исполненіе святыхъ Его словъ, увидѣла Себя чрезъ Него прославленную и ублажаемую всѣми, удостоившимися принять спасительное слово Его и очиститься крещеніемъ, со сладостною надеждою на жизнь вѣчную. Не смотря, однако жъ, на прославленіе отъ вѣрныхъ, на почести, Ей воздаваемыя, Ея чистая душа горѣла желаніемъ оставить земное Свое тѣло и плачевную юдоль сію, чтобы наслаждаться непрестаннымъ лицезрѣніемъ Сына и Господа Своего. Любовь Ея, пламеннѣе любви серафимовъ, стремилась къ Нему, пречистыя очи Ея проливали источники слезъ; теплыя молитвы неслись къ Господу, да благоволитъ Онъ взять Ее въ Свои горнія селенія радости нескончаемой.

Пресвятая Марія пребывала въ домѣ Іоанна Богослова на горѣ Сіонской и часто посѣщала мѣста, которыя были освящены стопами пречистыхъ ногъ Спасителя міра; но чаще всего Она приходила молиться на Голгоѳу и на Елеонскую гору, у подножія которой находился садъ, доставшійся Іоанну Богослову, по наслѣдству отъ отца его Зеведея.

Однажды, среди пламенныхъ моленій Ея о скорѣйшемъ отрѣшеніи отъ тѣла и соединеніи со Христомъ, предсталъ къ Ней архангелъ Гавріилъ, тотъ, который служилъ Ей съ самаго дѣтства, приносилъ Ей пищу во святая святыхъ, былъ благовѣстникомъ воплощенія и во всѣ дни Ея жизни неотступнымъ Ея хранителемъ. Съ свѣтлымъ лицомъ возвѣстилъ онъ радостные глаголы Божіи о скоромъ Ея преставленіи, долженствующемъ совершиться чрезъ *три дня.* Архангелъ, возвѣщая Пресвятой Дѣвѣ о смертномъ часѣ Ея, сказалъ, чтобъ Она не смущалась, но веселилась тѣмъ, что прейдетъ къ безсмерной жизни и пребудетъ вѣчно съ безсмертнымъ Царемъ славы. „Сынъ Твой и Богъ нашъ,—говорилъ онъ,—ждетъ Тебя со всѣми архангелами и ангелами, съ херувимами и серафимами, со всѣми небесными духами и душами праведныхъ, въ Свое горнее царство, чтобъ Ты, Матерь Его, жила и царствовала съ Нимъ вѣки безконечные“. Въ знакъ же побѣды Ея надъ смертью тѣлесною (ибо пречистая душа Ея не могла уже подлежать смерти душевной), благовѣстникъ вручилъ Ей вѣтвь изъ рая отъ финиковаго дерева, сіяющую свѣтомъ небесной благодати, дабы вѣтвь эта несена была предъ гробомъ Пресвятыя при погребеніи честнаго тѣла Ея; Онъ возвѣстилъ Ей, что смерть Ея будетъ, какъ тихій сонъ, на самое короткое время, и послѣ, отрясши съ очей гробную мертвенность, какъ легкую дремоту, Она узритъ безсмертную жизнь и славу во свѣтѣ лица Господня и, ликуя и радуясь, перейдетъ къ Сыну Своему въ горняя. Пресвятая несказанно обрадовалась. Что жъ и могло быть для Нея сладостнѣе, какъ пребывать на небесахъ съ Сыномъ и Богомъ Своимъ, наслаждаться вѣчно Его лицезрѣніемъ? Отъ всей души благодарила Она Создателя и, до земли поклонившись Ему, сказала: „не могла Я быть достойна принять Тебя, Владыку Моего, въ утробу Мою,

---

1) *Примѣч.* Еванг. разсказъ см. выше подъ 8-мъ числомъ сентября.

если-бъ не Ты Самъ помиловалъ Меня, рабу Свою! Я сохранила ввѣренное Мнѣ сокровище, и молю Тебя, Царя славы, огради Меня отъ силы области геенской! Небеса и ангелы предъ Тобою всегда трепещутъ; тѣмъ болѣе бренный человѣкъ, изъ земли созданный, не имѣющій въ себѣ ничего добраго, кромѣ того, что приметъ отъ Тебя по неизреченной Твоей благости!“

Владычица желала увидѣть предъ исходомъ Своимъ св. апостоловъ, разсѣянныхъ по вселенной, и молила Бога, чтобъ Онъ не попустилъ Ей въ часъ преставленія увидѣть князя тьмы и всѣхъ страшилищъ его, но Самъ Сынъ и Богъ Ея, со святыми Своими ангелами, пришелъ бы къ Ней, по Своему обѣщанію, и принялъ бы душу Ея. Въ то время, когда Пресвятая Дѣва возносила на горѣ Елеонской благочестивыя молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, совершилось чудо. Масличныя деревья, какъ бы одушевленныя, вмѣстѣ съ Нею наклоняли верхи свои долу! Они какъ будто изъявляли Ей почтеніе и служили Ей, какъ Владычицѣ, нагибаясь каждый разъ до земли, и опять подымаясь къ верху въ то же самое время, какъ и Она! По совершеніи молитвы, Пресвятая Дѣва возвратилась домой. Весь домъ восколебался отъ невидимой Божественной силы, окружавшей Ее, и отъ святыя славы, Ее осіявающей. Небесное лицо Ея, и прежде всегда сіявшее благодатью, теперь просвѣтилось славою неизреченною, болѣе чѣмъ лицо Моисея, когда онъ на вершинѣ Синая, бесѣдовалъ съ Богомъ Израиля. Пречистая стала приготовляться къ Своему преставленію. Сперва извѣстила Она Своего возлюбленнаго, Ей усыновленнаго Іоанна и, показавъ ему принесенную ангеломъ свѣтозарную вѣтвь, завѣщевала нести ее предъ гробомъ. Потомъ и прочимъ домашнимъ возвѣстила скорую Свою кончину и велѣла украсить покой и ложе Свое, воскурить ѳиміамъ, зажечь свѣчи и приготовить все нужное для погребенія. Іоаннъ же послалъ къ св. Іакову, брату Божію, первому іерарху іерусалимскому, и къ сродникамъ и ближнимъ возвѣстить о приближавшемся преставленіи Матери Божіей, назначая и день онаго. А св. Іаковъ извѣстилъ о томъ же всѣхъ вѣрныхъ, бывшихъ не только въ Іерусалимѣ, но и въ окрестныхъ городахъ и селеніяхъ. Всѣ родственники и множество христіанъ обоего пола со всѣхъ сторонъ притекли къ Богородицѣ. Владычица всѣмъ разсказала глаголы ангела и подтвердила сказанное, показавъ финиковую вѣтвь, изъ рая Божія Ей принесенную благовѣстникомъ архангеломъ Гавріиломъ и сіявшую подобно лучу славы небесной. Всѣ пришедшіе къ Ней, услышавъ о Ея кончинѣ, горько плакали и своими стенаніями и воплями наполняли весь домъ, умоляя Владычицу, чтобъ Она ихъ въ сиротствѣ не покидала. Пресвятая увѣщевала ихъ не сокрушаться, а радоваться объ Ея исходѣ, потому что по успеніи будетъ Она ближе къ престолу Божію, будетъ лицомъ къ лицу зрѣть Сына и Бога Своего и, бесѣдуя съ Нимъ, молить за всѣхъ Его милосердіе. Она утѣшала плачущихъ тѣмъ, что не только ихъ не оставитъ въ сиротствѣ по Своемъ преставленіи, но и *весь міръ будетъ посѣщать и охранять,* помогая всѣмъ бѣдствующимъ. Такими утѣшительными словами Она утоляла горесть и слезы окружающихъ Ее. Вмѣстѣ съ тѣмъ Она завѣщала отдать двѣ Свои одежды двумъ бѣднымъ вдовицамъ, служившимъ Ей усердно и съ любовью и имѣвшимъ отъ Нея пропитаніе. Она завѣщала также, чтобъ тѣло Ея погребли въ Геѳсиманіи, гдѣ покоились Ея праведные родители, Іоакимъ и Анна, и св. Іосифъ, обручникъ Ея, при долинѣ Іосафатовой между Іерусалимомъ и горой Елеонской, гдѣ было мѣсто погребенія всѣхъ *убогихъ людей.*

Между тѣмъ какъ Матерь Божія утѣшала предстоящихъ Ей, вдругъ услышала шумъ, подобный грому, и множество облаковъ окружило домъ. То были облака, на которыхъ, по повелѣнію Божію, апостолы, разсѣянные по вселенной, принесены были ангелами въ Іерусалимъ и поставлены предъ дверьми дома Пресвятыя Богородицы. Увидѣвъ другъ друга, они весьма обрадовались и съ умиленіемъ спрашивали: „для чего собралъ ихъ Господь?“ Навстрѣчу къ нимъ вышелъ св. Іоаннъ Богословъ. Радостно и со слезами обнималъ онъ ихъ, возвѣщая о скоромъ преставленіи Богородицы отъ земной жизни къ небесной... Тогда св. апостолы поняли, что Господь собралъ ихъ съ концовъ вселенной для того, чтобъ находились они при блаженной кончинѣ Пресвятой Его Матери и съ честью погребли Пресвятое тѣло Ея. .Сердца ихъ стѣснились отъ скорби. Вошедъ въ покой, увидѣли они Божію Матерь, смиренно сидящую на ложѣ, исполненную духовной радости, и привѣтствовали Ее такъ: „благословенна Ты Господомъ, сотворившимъ небо и землю!“ Она сказала имъ: „миръ вамъ, избранные Господомъ“. И спрашивала ихъ: какимъ образомъ они пришли къ Ней? Апостолы разсказали Ей, какъ, духомъ Божественной силы, каждый изъ той страны, гдѣ проповѣдывалъ, былъ восхищенъ и принесенъ сюда на облакѣ. Пресвятая, прославивши Бога за то, что Онъ исполнилъ мольбу и желаніе сердца Ея, чтобъ увидѣть при кончинѣ Своей св. апостоловъ, сказала имъ: „Господь привелъ васъ ко Мнѣ для утѣшенія души Моей, которой, по долгу смертнаго естества, настало опредѣленное Создателемъ время разлучиться съ тѣломъ“. Они съ прискорбіемъ воззвали къ Ней: „на Тебя взирали мы, какъ на Самого Владыку нашего и Учителя, пока Ты оставалась въ мірѣ; Ты была утѣшеніемъ нашимъ: какъ же снесемъ теперь горесть сердецъ нашихъ, когда Тебя лишимся? Мы радуемся о томъ, что Ты преставляешься по изволенію Христа Спасителя, и что совѣтъ Божій надъ Тобою исполняется; но вмѣстѣ и печалимся, что остаемся въ сиротствѣ и уже не увидимъ здѣсь Тебя, нашей Матери и Утѣшительницы“. Говоря такія слова, св. апостолы обливались слезами. Она отвѣчала имъ: „не плачьте, друзья и ученики Христовы! Не возмущайте вашей горестью Моей радости, но со Мною вмѣстѣ радуйтесь, что Я отхожу къ Моему Сыну и Господу. Вы же, предавъ тѣло Мое погребенію въ Геѳсиманіи, возвратитесь на службу благовѣстія. А со Мною, и по отшествіи Моемъ, если Господь соизволитъ, увидѣться можете“.

Наступило пятнадцатое августа, послѣдній изъ трехъ дней, предвозвѣщенныхъ ангеломъ Пресвятой Богородицѣ. Это былъ день Ея успенія. Свѣчи зажженныя теплились; апостолы славили Бога, а Пречистая Дѣва возлежала на благолѣпно-украшенномъ ложѣ, ожидая Своей блаженной кончины и пришествія Сына и Господа Своего. Вдругъ возсіялъ въ покоѣ неисповѣдимый свѣтъ божественныя славы, и свѣтъ свѣчей отъ него померкнулъ. Вострепетали всѣ бывшіе тутъ, когда увидѣли, что потолокъ покоя отверзся, и съ небесъ сходилъ Самъ *Царь славы* Христосъ со тьмами ангеловъ, архангеловъ, со всѣми небесными силами, съ праведными душами святыхъ праотцевъ и пророковъ, нѣкогда предвозвѣстившихъ о Пресвятой Дѣвѣ, и приближался къ Пречистой Своей Матери. Увидѣвши Сына Своего, Она возгласила обычную радостную пѣснь Свою: „величитъ душа Моя Господа, и возрадовася духъ Мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ, яко призрѣ на смиреніе рабы Своея!“ и поклонилась Своему Господу. Онъ же, приблизившись къ Ней, взиралъ на Нее любви исполненными очами и говорилъ: „пріиди ближняя Моя! пріиди голубица Моя! пріиди перлъ Мой драгоцѣнный и войди въ хранилище жизни вѣчныя!“ А Она, поклонившись Ему, сказала: „благословенно имя славы Твоей, Господи Боже Мой, что Ты избралъ Меня, смиренную рабу Твою, дабы Я послужила таинству Твоему; помяни Меня, Царь славы, въ безконечномъ царствѣ Твоемъ. Ты вѣдаешь, что Я возлюбила Тебя всѣмъ сердцемъ Моимъ и сохранила ввѣренное Мнѣ отъ Тебя сокровище. Теперь пріими духъ Мой съ миромъ и огради Меня отъ области темной, да не прикоснется ко Мнѣ никакое сатанинское ухищреніе“. Господь утѣшалъ Ее сладчайшими словами, чтобы не боялась Она силы сатанинской, уже попранной ногами Ея, и безтрепетно прешла бы отъ земныхъ селеній къ небеснымъ. Она отвѣчала Ему радостно: „готово сердце Мое, Боже, готово сердце Мое“, и повторивши Свои прежнія слова: „буди Мнѣ нынѣ по глаголу Твоему“, возлегла на ложѣ Своемъ. Съ горячайшею любовью взирая на пресвѣтлое лицо Господа и Сына Своего любезнѣйшаго и веселясь неизреченною духовною радостію, безъ малѣйшаго тѣлеснаго страданія и болѣзни, предала Она душу Свою въ руки Сына Своего и какъ будто сладкимъ сномъ уснула. Онъ, Котораго зачала Она безъ истлѣнія и родила безъ болѣзни, благоволилъ, чтобы святая душа Ея, исходя изъ тѣла, не испытала болѣзни, и не допустилъ тлѣнію коснуться Пречистаго тѣла Ея. Тотчасъ раздалось радостное ангельское пѣніе и повторялись глаголы Гавріилова благовѣстія: „радуйся, Благодатная! Господь съ Тобою; благословенна Ты въ женахъ“. Такъ небесныя силы торжественно сопровождали въ горняя душу Богоматери, несомую Самимъ Господомъ. И апостолы, сподобившіеся узрѣть сіе славное видѣніе, провожали Ее очами, какъ нѣкогда Самого Господа Іисуса Христа, вознесшагося съ горы Елеонской. Въ трепетѣ стояли они, забывъ все дольнее и самихъ себя. Пришедъ же въ себя, поклонились Господу, вознесшему на небеса душу Матери Своея, и, окруживъ одръ Ея со слезами, увидѣли, что лицо Ея сіяло, какъ солнце, и отъ пречистаго тѣла Ея исходило чудное благоуханіе, съ которымъ никакихъ земныхъ ароматовъ сравнить невозможно, и котораго описать не можетъ языкъ человѣческій. Всѣ облобызали со страхомъ и благоговѣніемъ тѣло Пречистой и освятились исполненіемъ духовной, благодатной радости отъ единаго къ нему прикосновенія. Отъ единаго къ нему прикосновенія болящіе исцѣлялись, слѣпые прозрѣвали, глухіе получали слухъ, хромые—силу ходить, нечистые духи были изгоняемы, и всѣ недуги прекращались.

Послѣ сего началось провожаніе тѣла Пречистой Богородицы. Св. Петръ, св. Павелъ, св. Іаковъ, братъ Божій, съ прочими высшими апостолами понесли тѣло на раменахъ своихъ, а св. Іоаннъ Богословъ шелъ впереди, неся свѣтозарную вѣтвь. Прочіе же святые и множество народа сопровождали ихъ со свѣчами, кадилами и съ обычнымъ пѣніемъ погребальнымъ. Св. Петръ началъ пѣснопѣнія, прочіе пѣли согласно съ нимъ. Они пѣли псаломъ Давидовъ *во исходѣ израилевѣ отъ Египта*, и послѣ каждаго стиха всѣ повторяли „аллилуія!“ пѣли также и другіе благодарственные и торжественные псалмы, какъ имъ внушалъ Святый Духъ. Такъ происходило торжественное и славное перенесеніе тѣла Божіей Матери изъ Сіона черезъ Іерусалимъ въ селеніе Геѳсиманію. Надъ тѣломъ и его провожавшими явился обширный, свѣтозарный облачный кругъ наподобіе вѣнца. Въ то же время въ воздухѣ разлилось удивительное, сладостное ангельское пѣніе, которое разносилось вслухъ каждаго. Свѣтозарный кругъ и это ангельское пѣніе текли по воздуху надъ тѣломъ Божіей Матери до самаго мѣста погребенія.

Во время этого радостнаго шествія, котораго нельзя описать ни на какомъ языкѣ человѣческомъ, случилось нѣчто непріятное. Множество невѣрныхъ іудеевъ, жившихъ въ Іерусалимѣ, услышавъ необыкновенное пѣніе и увидѣвъ славное провожаніе тѣла Маріи, вышли изъ домовъ своихъ и пошли вслѣдъ за несущими изъ города, удивляясь такой необыкновенной почести тѣлу Матери Іисуса. Это дошло до архіереевъ и книжниковъ, которые, воспылавъ гнѣвомъ и завистью, послали слугъ своихъ и воиновъ и научили многихъ изъ народа, чтобъ они, разогнавъ оружіемъ и дреколіемъ провожавшихъ тѣло Маріи, изранили учениковъ Іисусовыхъ, а тѣло Пречистой сожгли. Наученные ими яростно устремились, вооруженные какъ на брань, на свое злодѣяніе; но, какъ только стали подходить близко, вдругъ свѣтозарный вѣнецъ, сопровождавшій по воздуху шествіе, спустился къ землѣ и, какъ стѣною, оградилъ соборъ св. апостоловъ и всѣхъ съ ними бывшихъ, такъ что постороннимъ слышно было только одно пѣніе, а никого изъ провожающихъ не могли видѣть настигающіе злочестивцы. Святые ангелы, невидимо парящіе надъ пречистымъ тѣломъ и надъ главами вѣрныхъ, поразили слѣпотою ненавистниковъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ тутъ же, стѣснившись у городской стѣны, разбили себѣ головы, а другіе, не зная куда итти, искали провожатыхъ. Случилось одному изъ іудейскихъ священниковъ, по имени Аѳонію, проходить этою же дорогою. По Божіему изволенію, для явленія большаго чуда, облако, окружавшее идущихъ, поднялось кверху, и Аѳоній увидѣлъ ясно св. апостоловъ и множество вѣрныхъ, со свѣчами и псалмопѣніемъ провожавшихъ тѣло Богородицы. Сердце его исполнилось завистью, древняя злоба противъ Христа закипѣла въ немъ, и онъ яростно бросился къ гробу, чтобъ повергнуть на землю пречистое тѣло Владычицы нашей, но едва его дерзкія руки коснулись одра, какъ ангелъ невидимо отсѣкъ ему обѣ руки, и онѣ прильнули къ одру и повисли, а Аѳоній, поверженный на землю, возопилъ: „горе мнѣ!“ Познавъ грѣхъ свой, онъ раскаялся и взывалъ къ апостоламъ: „помилуйте меня, рабы Христовы!“ Св. апостолъ Петръ, остановивъ несущихъ гробъ, сказалъ Аѳонію: „ты получилъ то, чего хотѣлъ; итакъ, увѣдай теперь, что Господь есть Богъ мститель, и Онъ не замедлитъ! Рану же твою исцѣлить мы не можемъ, развѣ соизволитъ на то Онъ, Господь нашъ, Тотъ Самый, противъ Котораго вы неправедно возстали и Котораго убили. Но и Онъ не захочетъ исцѣлить тебя, пока не увѣруешь въ Него всѣмъ сердцемъ твоимъ и не исповѣдуешь устами, что Іисусъ есть истинный Мессія, Сынъ Божій“. Аѳоній возопилъ: „вѣрую, что Онъ есть предвозвѣщенный пророками Спаситель міра, Христосъ. Мы и прежде видѣли, что Онъ есть Сынъ Божій, но, омраченные завистью и злобою, не захотѣли признать въ немъ величіе Бога и довели Его неправедно до позорной смерти, Онъ же, силою Божества *въ третій день воскресшій*, посрамилъ насъ, ненавистниковъ Своихъ. Напрасно старались мы утаить воскресеніе Его, заплативъ много денегъ стражѣ; мы не успѣли остановить славу, повсюду о Немъ распространившуюся". Св. апостолы, услышавъ эту исповѣдь Аѳонія и его раскаяніе въ своемъ грѣхѣ, возрадовались, какъ радуются ангелы о грѣшникѣ кающемся. Тогда св. Петръ повелѣлъ Аѳонію, чтобъ онъ приложилъ оставшіеся при тѣлѣ его суставы рукъ къ отсѣченнымъ рукамъ, висящимъ на гробѣ, и съ вѣрою *призвалъ имя Пречистой Дѣвы Богородицы*. Какъ только онъ это сдѣлалъ, его отсѣченныя руки тотчасъ срослись съ своими суставами, сдѣлались совершенно здравы, и только одинъ знакъ на мѣстѣ отсѣченія виднѣлся, наподобіе красной нити около локтей. Присоединившись къ св. апостоламъ, онъ послѣдовалъ за ними и за тѣломъ Пречистыя Дѣвы въ Геѳсиманію, воздавая славу пресв. Богородицѣ и рожденному отъ Нея Спасителю міра. Также и пораженные слѣпотою, познавъ грѣхъ свой и бывъ приведены къ Богородицѣ, едва коснулись Ея гроба, прозрѣли тѣлесными и духовными очами. Пресвятая Владычица, ко всѣмъ милосердая, возрадовавъ вселенную рождествомъ Своимъ, не захотѣла и по Своемъ преставленіи никого оскорбить и опечалить, даже и враговъ Своихъ; но милостью и благодатью Своею всѣхъ утѣшила, какъ благаго Царя благая Матерь.

Когда св. апостолы со всѣми вѣрными дошли до селенія Геѳсиманскаго и поставили одръ съ пресвятымъ тѣломъ при мѣстѣ погребенія, раздался опять плачъ и вопль. Всѣ рыдали, вопія о сиротствѣ своемъ и объ утратѣ такого сокровища, и, припадая къ тѣлу Пресвятыя Богородицы, лобзали его со слезами и отдавали ему послѣднее цѣлованіе. Уже къ вечеру положили гробъ съ тѣломъ въ пещерѣ и заградили входъ въ нее большимъ камнемъ. Св. апостолы, привязанные любовью къ Божіей Матери, пребыли три дня въ селеніи Геѳсиманскомъ, не отходя отъ Ея гроба и совершая денно и нощно безпрестанное моленіе и псалмопѣніе. Во все это время въ воздухѣ слышны были сладостные гласы небесныхъ силъ, славящихъ Бога и ублажающихъ Пренепорочную Матерь Божію.

Одинъ только *Ѳома*, по особенному устроенію Божію, не находился при погребеніи тѣла Пречистой. Пришедъ на третій день въ Геѳсиманію, онъ крайне опечалился и проливалъ слезы о томъ, что не удостоился получить послѣднее благословеніе Богородицы и проститься съ Ней, и что не сподобился увидѣть то, что видѣли другіе — увидѣть божественную славу и дивныя таинства и чудеса при Ея успеніи и погребеніи. Св. апостолы жалѣли о немъ и, посовѣтовавшись между собою, рѣшились открыть гробъ, чтобъ доставить ему утѣшеніе, по крайней мѣрѣ, увидѣть усопшее тѣло Богородицы, поклониться ему и отдать послѣднее цѣлованіе. Какъ же они ужаснулись, когда, отваливъ камень и открывъ гробъ, увидѣли его пустымъ; въ немъ не было тѣла, а лежали только Ея погребальныя пелены. Чудное благоуханіе разливалось отъ нихъ, и всѣ святые, стоя вокругъ гроба, дивились и недоумѣвали: что все это значитъ. Облобызавъ со слезами и благоговѣніемъ оставшіяся во гробѣ одежды, они помолились Господу, да откроетъ имъ, что сдѣлалось съ пречистымъ тѣломъ Богородицы. Итакъ, безъ сомнѣнія, по особенному Божію изволенію, случилось то, что св. Ѳома не поспѣлъ на сопровожденіе тѣла Божіей Матери: это опозданіе послужило къ тому, что св. апостолы, для утѣшенія Ѳомы, открыли гробъ Ея, и чрезъ то вся церковь увѣрилась въ воскресеніи Пресвятой Богородицы, подобно какъ и прежде невѣріе Ѳомы послужило къ утвержденію вѣры въ воскресеніе Христово.

Того же дня вечеромъ апостолы сѣли за трапезу укрѣпить себя мало пищею.

Все время апостолы только и говорили, только и думали о Пречистой Матери, недоумѣвая, что сдѣлалось съ Ея тѣломъ. По окончаніи трапезы, когда они подняли, по обыкновенію, часть хлѣба Господня и стали славословить Пресвятую Троицу, вдругъ послышалось ангельское пѣніе; они подняли глаза и увидѣли въ воздушномъ пространствѣ Пречистую Дѣву, Матерь Божію, окруженную небесными силами и сіяющую неизреченною славою. Она сказала имъ: *радуйтесь! Я съ вами есмь во вся дни.* Обрадованные апостолы и всѣ присутствовавшіе съ ними воскликнули внѣ себя отъ восторга: *Пресвятая Богородица, помогай намъ*! Такимъ образомъ увѣрились святые апостолы и всей церкви передали свою несомнѣнную вѣру, что

Матерь Божія Сыномъ Своимъ и Богомъ воскрешена въ третій день по успеніи Своемъ и взята съ тѣломъ на небо.

Взявъ оставленную во гробѣ плащаницу, для удостовѣренія отсутствующихъ и утѣшенія страждущихъ, апостолы возвратились въ Іерусалимъ и вскорѣ послѣ того опять разсѣялись по всѣмъ странамъ міра для евангельской проповѣди.

Кончину Божіей Матери церковь называетъ Успеніемъ, ибо Она „какъ бы сномъ на малое время уснула и какъ отъ сна воспрянула“. Въ Пресвятой Дѣвѣ побѣждены законы природы: смерть, возвращающая въ землю тѣло изъ земли, такая смерть не коснулась Ея тѣла; въ рожденіи сохранила Она дѣвство, во успеніи соединила жизнь; по рожденіи Она пребываетъ Дѣвою и по смерти живою пребываетъ. Она уснула, чтобы пробудиться для жизни вѣчнаго блаженства; Она преставилась къ животу, къ источнику жизни, чтобы избавлять отъ смерти души наши молитвами Своими. Въ молитвахъ неусыпающая Богородица предстательствуетъ за насъ и даетъ намъ вѣру для утѣшенія въ скорбяхъ. Гробъ Богоматери, изсѣченный изъ камня, какъ гробъ Сына Ея, остается предметомъ поклоненія всѣхъ вѣрующихъ.

Въ честь и память Успенія Богоматери установленъ церковію праздникъ на день 15 августа съ древнѣйшихъ временъ христіанства. Праздникъ Успенія называется великимъ, двунадесятымъ, вселенскимъ, ибо въ этотъ день „Спаситель всѣхъ во всей славѣ Своей срѣтилъ и вселилъ Матерь Свою съ Собою“. (Сост. по кн. „Жизнь Пресвятой Дѣвы Богородицы“, А. Глинка и „Земная жизнь Пресв. Богородицы“, С. Снессоревой).

2. **Геѳсиманія.**

Изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ св. града Іерусалима самое любимое и наиболѣе посѣщаемое нашими богомольцами—это *Геѳсиманія* или подземный храмъ, въ которомъ находится погребальная пещера Матери Божіей, во успеніи Своемъ насъ не оставляющей.

Желая поклониться сему святому мѣсту покоища Царицы небесной, странникъ выходитъ изъ Іерусалима восточными вратами стѣнъ іерусалимскихъ, которыя называются вратами *Геѳсиманскими,* а обычнѣе *вратами св. Маріи.* Врата эти — какъ христіанами, такъ и невѣрными — называются такъ потому, что все окружающее здѣсь особенно напоминаетъ о Пресвятой Маріи: вблизи ихъ и домъ Ея святой матери, бывшая церковь св. Іоакима и Анны. и храмъ, въ которомъ воспитывалась Воспитавшая Богочеловѣка, и мечеть *Эль-Акса,* въ которой хранятся, по сказанію мусульманъ, слѣды пречистыхъ стопъ Дѣвы Маріи, и — за вратами — всѣми благоговѣйно чтимый гробъ Матери Жизнодавца. Прошедши чрезъ эти врата, путникъ останавливается на крутизнѣ. Въ глуби долины, за потокомъ Кедрскимъ, видна ровная, небольшая площадь, окруженная невысокою и безыскусственною оградою; она не осѣнена деревьями, ни обозначена другими какими-либо предметами, только едва примѣтно возвышается среди ея небольшая каменная постройка,— это окно подземной церкви Геѳсиманской. Нѣкогда существовала тутъ великолѣпная церковь и большой монастырь, но теперь нѣтъ никакого слѣда ихъ. Спустясь къ мостику потока Кедрскаго и за нимъ пройдя немного по прямому направленію, вы останавливаетесь у преддверія Геѳсиманіи. Прекрасная каменная лѣстница, спускаясь налѣво (къ сѣверу), нѣсколькими ступенями сводитъ васъ на довольно пространную и вымощенную камнемъ площадку, которой отвѣсно обрѣзанные края защищены отъ напора земли каменными стѣнами. Здѣсь — входъ во святилище, украшенный по сторонамъ искусною рѣзьбою. Переступая съ благоговѣніемъ за порогъ святилища, вы видите предъ собою глубокую пещеру, въ которую ведетъ васъ широкая мраморная лѣстница, ступеней до 50, пересѣкаемая, по мѣстамъ, значительной широты площадками. Спустясь до половины лѣстницы, вы видите направо и налѣво большія углубленія въ стѣнахъ: это алтари надъ гробницами— направо праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны, налѣво св. обручника Іосифа. Всякій, съ благоговѣніемъ идущій ко гробу преблагословенной Дѣвы, съ радостнымъ умиленіемъ припадаетъ къ гробницамъ и св. Ея родителей и обручника, прося ихъ ходатайства предъ всесильною Ходатаицею на небеси. Чѣмъ далѣе спускаетесь по лѣстницѣ, тѣмъ больше сходите во мракъ. Вотъ мы уже на помостѣ храма: нѣсколько шаговъ впередъ — и вправо открывается очень длинная, широкая полоса Геѳсиманской подземной церкви, среди которой осіяваемая извнутри стоитъ часовня гроба Богоматери. Часовня эта по наружному виду несравненно менѣе кувукліи гроба

Господня. Съ западной только стороны пристроенъ къ ней жертвенникъ армянъ, заслоняющій собою одну изъ стѣнъ святого вертепа. Глубина, безыскусственность, полумракъ этого смертнаго ложа Пресвятой Дѣвы чрезвычайно поражаютъ душу и вполнѣ поддерживаютъ то благоговѣйное настроеніе ума и сердца, которое невольно является при посѣщеніи подобныхъ святыхъ мѣстъ. Вотъ предъ вами и входъ въ часовню Богоматерняго гроба, или, лучше, два входа: одинъ съ западной, другой съ сѣверной стороны; оттуда широкою струею льется на васъ свѣтъ. Смертное ложе Богоматери изсѣчено въ восточной сторонѣ гробового вертепа. Внутри часовни этой болѣе 20 драгоцѣнныхъ лампадъ неугасимо горятъ надъ гробомъ Пресвятой Дѣвы, и кромѣ ихъ во время служенія становятся другія лампады и подсвѣчники на самомъ гробѣ. Стѣны этой часовни покрыты шелковыми и парчевыми занавѣсами, но такъ, что желающій легко можетъ видѣть самый природный утесъ, оставленный подъ ними безъ всякихъ украшеній. Одно только смертное ложе Богоматери покрыто плитой бѣлаго мрамора, которая всегда окроплена росою слезъ и благовоній [1]). На этой плитѣ и совершается литургія.

Гробовая часовня Геѳсиманская такъ же тѣсна, какъ и гробъ Спасителя; въ ней свободно могутъ стоять и молиться не болѣе трехъ человѣкъ. Въ высоту она ниже часовни гроба Господня и внутреннее убранство ея бѣднѣе. На гробовой плитѣ Богоматери всегда стоятъ цвѣты; ихъ красивые и разнообразные букеты съ благоговѣніемъ разбираются поклонники. Стѣны церкви Геѳсиманской высѣчены въ природномъ утесѣ, но своды ея искусно сложены изъ большихъ камней; тѣ и другіе покрыты дорогими тканями. Во всю длину и широту церкви красиво протянуты крѣпкіе шелковые снурки, на которыхъ висятъ лампадки; не всегда теплятся онѣ, но, когда горятъ, пространный вертепъ Геѳсиманскій подобенъ бываетъ небу, усѣянному звѣздами.

Съ южной стороны гробовой пещеры отведено особое мѣсто для молитвы мусульманъ, которые чтутъ Пресвятую Дѣву, какъ Матерь великаго пророка; мусульманки даже просятъ отъ гроба Богоматери освященной ваты и елея, употребляя оныя, какъ врачевство въ болѣзняхъ дѣтей своихъ. *Отнынѣ ублажатъ Мя вси роди,* прорекла Преблагословенная, и пресвятое имя Ее чтится всѣми: всѣ прибѣгаютъ къ Ея небесному ходатайству и несомнѣнно сподобляются его. Живущіе въ Іерусалимѣ христіане въ день субботній считаютъ обязанностію слушать литургію у гроба Богоматери. Въ день празднованія успенія Владычицы міра (15 августа) бываетъ соборное торжественное богослуженіе; плащаница, съ изображеннымъ на ней ликомъ Приснодѣвы, торжественно переносится сюда изъ Геѳсиманскаго подворья чрезъ Сіонъ, слѣдуя тѣмъ путемъ, коимъ несено было въ Геѳсиманію для погребенія пречистое тѣло Богоматери; надъ плащаницею, въ воспоминаніе приснопамятнаго успенія Владычицы міра, совершается пѣніе 17-й каѳизмы на греческомъ и арабскомъ языкахъ, съ умилительными похвальными тропарями во славу Богоматери по чину богослуженія, совершаемаго на утренѣ въ великую субботу. (Извлеч. въ сокращ. изъ „Троицк. лист.“, № 130).

3. О предвѣстіяхъ кончины и христіанскомъ приготовленіи къ ней.

Успеніе Пресвятыя Богородицы предвозвѣщено Ей было свыше. Однажды, когда Она на горѣ Елеонской молилась, архангелъ Гавріилъ возвѣстилъ Ей о скоромъ Ея преставленіи. Пречистая стала готовиться къ Своему исходу, и чрезъ нѣсколько дней послѣдовало Ея успеніе.

Многіе сгораютъ желаніемъ узнать, сколько имъ остается жить; но весьма немногимъ бываетъ предвѣстіе ихъ кончины. Отъ чего же ангелъ смерти, всѣмъ угрожающій, рѣдко кого предваряетъ о приближеніи смертнаго часа? И позволительно ли искать средствъ, чтобъ предузнать свою кончину?

Жизнь Пресвятой Дѣвы объясняетъ намъ, почему Она была предварена объ успеніи Своемъ. Она полна была даровъ духовныхъ и добродѣтелей: въ бѣдахъ спокойна, въ нуждахъ не предавалась скорби, на огорчавшихъ не гнѣвалась, къ бѣднымъ милосердна и всегда смиренна. Такая жизнь приближала Ее къ небу, и душа Ея стремилась отрѣшиться отъ тѣла и вознестись ко Господу. Именно объ этомъ Она и молилась, когда предсталъ Ей вѣстникъ Ея славнаго успенія.

---

[1]) На гробѣ Божіей Матери, равно какъ и на гробѣ Спасителя, кропятъ поклонниковъ розовой водой.

Есть люди и нынѣ, которые болѣе нежели равнодушны къ наслажденіямъ жизни земной, но весьма внимательны къ потребностямъ своей души, и такъ препобѣждаютъ влеченія чувственной природы, что ея грубость и дебелость постепенно все менѣе препятствуетъ имъ прозрѣвать въ высоту духовнаго міра. *Въ тѣлѣ*, какъ въ темницѣ, они *воздыхаютъ, въ жилище небесное облещись желая* (2 Кор. V, 2). При такомъ настроеніи многіе благочестивые люди сподобились предузнать свою блаженную кончину.

Могутъ быть и другія причины, почему иные получаютъ предвѣстіе о своей смерти. Падаютъ и праведные; но, чтобъ не погибъ ихъ трудъ, Богъ путемъ откровенія ихъ судьбы спасаетъ ихъ отъ отчаянія. Въ Печерской лаврѣ былъ подвижникъ Еразмъ. Онъ имѣлъ большое богатство и все употребилъ на украшеніе соборной Успенской церкви. Оставшись ни съ чѣмъ, онъ впалъ въ уныніе и сталъ жить разсѣянно. Вскорѣ постигла его болѣзнь, и нѣсколько дней онъ былъ какъ бы въ безпамятствѣ. Но вдругъ онъ всталъ здравый и повѣдалъ окружающимъ, что ему явилась Пресвятая Богородица и сказала: „за то, что ты украсилъ Мою церковь, возвеличу Я тебя въ царствѣ Сына Моего. Встань отъ одра и кайся: въ третій день Я возьму къ Себѣ тебя, возлюбившаго благолѣпіе дома Моего“. — На третій день Еразмъ скончался [1]).

Иногда и людямъ нечестивымъ свыше объявляемъ былъ угрожавшій имъ конецъ. Конечно, такое предвѣщаніе не награда имъ и не утѣшеніе, а начало того суда, о которомъ сказано: *лежитъ человѣку единою умрети, потомъ же судъ* (Евр. IX, 27). Въ семъ смыслѣ должно понимать предвѣщаніе, данное скупому богачу, которое онъ уже не могъ обратить въ свою пользу: *безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе* (Лук. XII, 20). Людямъ жестокимъ и гонителямъ вѣры особенно угрожали такія страшныя предвѣщанія. Когда, впадши въ ересь, греческій императоръ Анастасій началъ преслѣдовать православныхъ, и двухъ патріарховъ сослалъ въ заточеніе, то въ одну ночь во снѣ ему явился мужъ величественный и грозный, который, показавъ ему раскрытую книгу и тутъ же изгладивъ изъ нея число *четырнадцать,* сказалъ ему: „вотъ, за твое вѣроломство, я изглаждаю четырнадцать лѣтъ изъ жизни твоей“. Чрезъ два дня Анастасій въ лютыхъ мученіяхъ умеръ [1]).

Ясно, что предвѣщаніе смерти, объявляемое нѣкоторымъ, есть орудіе въ рукахъ Промысла Божія, утѣшающаго праведныхъ, возставляющаго падшихъ, карающаго нераскаянныхъ. Съ другой стороны, и неизвѣстность смерти, общая для всѣхъ, имѣетъ по назначенію Божію свою спасительную цѣль. И теперь многіе каяться во грѣхахъ отлагаютъ до старости, хотя не знаютъ, доживутъ ли до нея. А если бъ каждый зналъ, сколько ему жить, то и расчитывалъ бы на послѣдніе годы жизни, думая тогда уже позаботиться о душѣ своей. По сему скрываетъ Господь время нашей смерти, чтобы ея неизвѣстность побуждала насъ всегда готовиться къ исходу изъ земной жизни и суду. *Помни послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши* (Сир. VII, 39).

Если же Самъ Богъ не хочетъ, чтобы каждый зналъ время своей кончины, то неизвинительны усилія людей суевѣрныхъ, которые прибѣгаютъ даже къ темнымъ средствамъ, чтобы угадать предѣлъ своей жизни. Шестой Вселенскій соборъ [2]) подвергаетъ правилу шестилѣтней епитиміи тѣхъ, которые, желая знать свою судьбу, обращаются къ гадателямъ и гадальщицамъ.

Однако, святой Давидъ молился, чтобъ ему сказана была его кончина. (Псал. XXXVIII, 5). Что же? Молился, а не къ гаданіямъ прибѣгалъ. Надобно еще вникнуть въ сущность и цѣль молитвы его. „Скажи мнѣ, Господи, взываетъ онъ, когда конецъ мой, и какое продолженіе моихъ дней, чтобы я зналъ, какъ я ничтоженъ“. Не потому просилъ сего Давидъ, чтобы пристрастенъ былъ къ настоящей суетной жизни, но чтобы, видя быстротечность и краткость человѣческой жизни, меньше привязываться къ землѣ, и чаще *очи возводить къ Живущему на небеси* (Пс. XII, 2). Молитва Давида объясняется словами другого псалма: *возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому: когда пріиду и явлюся лицу Божію* (XLI, 3).

А мы потому ли желаемъ предузнать кончину свою, что снѣдаемся желаніемъ скорѣе достигнуть жизни будущаго вѣка? — Сколько между нами малодушныхъ, которые, по страху смерти и изъ пристрастія къ настоящей жизни, ищутъ получить откуда-нибудь хотя слабое увѣреніе, что имъ еще не мало остается жить на свѣтѣ! Бываютъ, по свидѣтельству писанія, и такіе между людьми, которые, если бъ и получили предупрежденіе, что не прожить имъ долго, рѣшаются короткій остатокъ своихъ дней отдать въ жертву нечистымъ удовольствіямъ. Поощряя другъ друга на худыя дѣла, они говорятъ: станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ (2 Кор. XV, 32), и *будемъ яко же не бывше* (Пр. Сол. II, 1).

---

[1]) Пат. Печ. лист. 216.

[1]) Лугъ дух. гл. 37 и прим. къ ней.

[2]) Прав. 61.

Но и безъ всякихъ предвареній о днѣ кончины каждому должно быть извѣстно, что не очень долго жить намъ на землѣ, потому что смерть медлить не любитъ: *помяни, яко смерть не замедлитъ* (Сир. XIV, 12). Будемъ же, вмѣсто прихотливыхъ желаній въ точности знать время кончины нашей, прилежно молиться, по руководству церкви, чтобъ намъ даровано было „прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати“. (Изъ слова высокопреосвященнаго Сергія, митрополита московскаго, на день Успенія Пресвятыя Богородицы).

4. Успенскій постъ.

Успенскій постъ, иначе называемый, *Богородичнымъ*, пользуется у насъ особеннымъ уваженіемъ. По строгости своей онъ занимаетъ первое мѣсто послѣ св. четыредесятницы. Такъ, въ петровъ и рождественскій посты по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ дозволяется употребленіе рыбы; по вторникамъ и четвергамъ допускается вареное съ елеемъ и вино. Въ успенскій же постъ рыба вообще запрещается, за исключеніемъ праздника Преображенія Господня; во вторникъ и четвертокъ хотя допускается вареное, но безъ елея, съ положительнымъ запрещеніемъ вина. Вино и елей разрѣшаются только для субботы и воскреснаго дня. Наконецъ, по понедѣльникамъ, средамъ и пяткамъ успенскій постъ доводитъ ограниченіе въ пищѣ *до сухоядѣнія;* тогда какъ петровскій и рождественскій посты, предписывая въ помянутые дни воздерживаться отъ вина и елея, не запрещаютъ, однако же, употребленія *вареной* пищи.

Такъ какъ по правиламъ церкви чѣмъ важнѣе и — такъ сказать — знаменательнѣе тотъ или другой постъ, тѣмъ онъ строже, то нѣтъ сомнѣнія, что, предписывая сравнительно высшую степень пощенія во дни, предшествующіе празднику Успенія Божіей Матери, церковный уставъ имѣлъ въ виду внушить христіанамъ мысль о томъ, что успенскій постъ имѣетъ особенную *важность* въ ряду другихъ постовъ въ православной церкви. Въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ только св. четыредесятницѣ, но превосходитъ прочіе два (многодневные) поста, т.-е. рождественскій и петровскій.

Соотвѣтственно съ церковнымъ уставомъ, успенскій постъ огражденъ особенными постановленіями и со стороны гражданскихъ законовъ. Какъ извѣстно, въ это время, подобно великому посту, запрещаются общественныя удовольствія, извѣстныя подъ именемъ маскарадовъ, зрѣлищъ (театровъ) и т. п. (См. „Свод. устав. благочин.“ часть IV, ст. 177).

Сопровождаемый строгими предписаніями церковнаго законодательства, успенскій постъ пользуется, какъ замѣчено, особеннымъ благоговѣйнымъ почитаніемъ и со стороны христіанъ. Такъ, многіе, наиболѣе ревностные къ исполненію христіанскихъ обязанностей, считаютъ непремѣннымъ своимъ долгомъ освятить постъ Успенія Божіей Матери, такъ же какъ и великій, говѣніемъ и принятіемъ исповѣди и св. причастія. Тѣ, которые почему либо не могли исполнить этого христіанскаго долга во время св. четыредесятницы, дожидаются наступленія того же успенскаго поста, признавая его самымъ приличнѣйшимъ, послѣ четыредесятницы, временемъ для покаянія и причащенія.

Нѣкоторые, соблазняясь названіемъ поста *успенскимъ*, вопросъ о происхожденіи или древности его сводятъ къ вопросу о древности праздника „Успенія Божіей Матери“, и такъ какъ извѣстно, что въ VI вѣкѣ этотъ праздникъ распространенъ былъ уже повсюду какъ между восточными, такъ и западными церквами, то считаютъ несомнѣннымъ, что и постъ, предшествующій этому предмету, относится къ такимъ же древнимъ временамъ христіанства (См. прот. Дебольскаго, „Дни богослуженія правосл. церкви“). Между тѣмъ очевидно, что безъ особеннаго свидѣтельства древнихъ памятниковъ христіанской литературы это основаніе касательно древности успенскаго поста очень шатко, потому что праздникъ Успенія Богоматери еще не даетъ права заключать, что онъ всегда, какъ въ настоящее время, предваряемъ былъ постомъ. Дѣйствительно, въ памятникахъ христіанской древности до X вѣка мы не находимъ яснаго указанія на то, чтобы предъ праздникомъ Успенія Богородицы былъ соблюдаемъ постъ и при томъ съ тѣмъ самымъ значеніемъ, какое онъ имѣетъ теперь, т.-е. какъ приготовленіе къ достойному празднованію Успенія Божіей Матери.

Начало поста, извѣстнаго въ настоящее время подъ именемъ *успенскаго,* скрывается въ глубокой древности. Онъ древнѣе V вѣка, потому что въ этомъ вѣкѣ св. Левъ Великій говорилъ о всѣхъ четырехъ (многодневныхъ) постахъ нашей церкви, не какъ о какой-либо новизнѣ, а какъ о церковномъ установленіи, распространенномъ повсюду. Но нельзя сказать того же относительно *значенія* поста, составляющаго предметъ нашего изслѣдованія. Въ V вѣкѣ, какъ видно изъ свидѣтельства св. Льва, этотъ постъ служилъ освященіемъ осенней четверти года. Такъ было на западѣ, гдѣ онъ и соблюдался въ первомъ осеннемъ мѣсяцѣ — сентябрѣ (какъ и доселѣ соблюдается). Восточная же церковь (неизвѣстно, въ какое именно время) перенесла западный осенній постъ на августъ и придала ему особенное значеніе, именно значеніе умилостивительной жертвы, приносившейся въ тяжелое время повальныхъ болѣзней.

Съ такимъ значеніемъ постъ держался до XI или XII вѣка. Въ XII вѣкѣ и даже раньше мы встрѣчаемъ уже самое названіе этого поста—*успенскій.* Постъ сдѣлался *приготовленіемъ* къ достойному срѣтенію праздника Успенія Божіей Матери, Которая предъ Своимъ преставленіемъ непрестанно пребывала въ постѣ и молитвѣ. Но слѣды первоначальнаго значенія нынѣшняго успенскаго поста отражаются на немъ доселѣ. Установленный по случаю общественныхъ бѣдствій, этотъ постъ, конечно, отличается большею или меньшею *строгостію.* И вотъ здѣсь-то кроется историческій отвѣтъ на вопросъ: „почему успенскій постъ пользуется особеннымъ уваженіемъ и отличается большею строгостію въ сравненіи съ постами петровымъ и рождественскимъ“ (Извл. изъ „Руков. для сельс. пастырей“ 1881 г., № 40, стр. 146—154).

16-ый ДЕНЬ.

ПЕРЕНЕСЕНІЕ НЕРУКОТВОРЕННАГО ОБРАЗА ГОСПОДА ІИСУСА ХРИСТА ИЗЪ ЭДЕССЫ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Еванг. отъ Лук. зач. 48 и 52-е, гл. IX, 51—56, X, 22—24 ст.

1. Сказаніе о нерукотворенномъ образѣ Спасителя и исторія празднуемаго событія.

Пріятно въ разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ взглянуть на дорогія черты его лица; посмотрите, съ какою любовію берегутъ дѣти портреты своихъ родителей, съ какою нѣжностью любящая супруга прижимаетъ къ устамъ изображеніе горячо любимаго ею мужа, который отлучился изъ дому,—какими горькими слезами орошаетъ она этотъ милый сердцу портретъ, когда не станетъ въ живыхъ изображеннаго на немъ! — Зналъ сердцевѣдецъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ эту потребность любящаго сердца; вѣдалъ Онъ, какъ вожделѣнно будетъ и вѣрующимъ въ Него взирать на святое изображеніе Его лика пречистаго, и потому благоволилъ Самъ даровать намъ нерукотворенный образъ Свой, дабы мы, взирая на сей образъ, всегда возводили духовныя, сердечныя очи къ Нему Самому, по слову псалмопѣвца: *очи мои выну*—всегда обращены *ко Господу* (Пс. 24, 15). Церковная исторія такъ повѣствуетъ о семъ святомъ образѣ:

Когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ проходилъ города и селенія, проповѣдуя о царствіи Божіемъ и исцѣляя всякій недугъ, то молва о Его чудесахъ далеко распространялась по землѣ. Жилъ въ то время въ городѣ Эдессѣ, за Евфратомъ, князь, по имени Авгарь; онъ пораженъ былъ ужасною неизлѣчимою болѣзнію—проказою и разслабленіемъ всего тѣла. Услышалъ и онъ о чудесахъ Господа нашего и сердечно пожелалъ видѣть Божественнаго Чудотворца, въ надеждѣ получить отъ Него исцѣленіе. Болѣзнь не позволяла ему лично предпринять далекій путь въ Іудею, и потому Онъ послалъ ко Господу письмо, въ коемъ просилъ Его притти къ нему въ Эдессу и исцѣлить его. Опасаясь, что Господь не восхощетъ Самъ итти въ далекую страну, Авгарь вручилъ письмо живописцу, по имени Ананіи, и приказалъ ему написать и принести ему по крайней мѣрѣ точное изображеніе Божественнаго лица Христова. Вотъ что писалъ болящій князь ко Христу Спасителю: „Авгарь князь эдесскій, привѣтствуетъ Іисуса. благаго Спасителя, явившагося въ предѣлахъ Іерусалимскихъ. Слышалъ я о Тебѣ и Твоихъ исцѣленіяхъ, о томъ, какъ Ты совершаешь ихъ безъ лѣкарствъ и травъ. Говорятъ: Ты слѣпымъ даешь прозрѣніе, хромымъ хожденіе и очищаешь прокаженныхъ, изгоняешь нечистыхъ духовъ и демоновъ, исцѣляешь мучимыхъ долговременною болѣзнію и воскрешаешь мертвыхъ. Слыша все сіе о Тебѣ, я положилъ въ своемъ умѣ одно изъ двухъ: или — что Ты — Богъ и творишь это, сошедши съ неба, или, — что Ты — Сынъ Божій, если производишь такія дѣла. И потому я счелъ нужнымъ просить Тебя симъ смиреннымъ письмомъ: посѣти меня и исцѣли отъ болѣзни, которою много лѣтъ страдаю. Я же и слышалъ, что іудеи ненавидятъ Тебя и хотятъ причинить Тебѣ зло. Городъ мой очень малъ, но почтенъ, и въ немъ для обоихъ насъ довольно мѣста". — Съ такимъ письмомъ Ананія прибылъ въ Іерусалимъ. Здѣсь онъ нашелъ Господа, поучающаго множество народа, и не могъ за тѣснотою къ Нему приблизиться. Въ ожиданіи, пока разойдется народъ, онъ сталъ на невысокій камень и, пристально всматриваясь въ лицо Спасителя, пытался изобразить оное на хартіи. Долго трудился онъ, но напрасно: Господь постоянно измѣнялъ Божественный ликъ Свой непостижимымъ образомъ. Наконецъ, Іисусъ Христосъ повелѣлъ апостолу Ѳомѣ привести къ Себѣ живописца, и прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ сказать Ему, кто онъ и откуда, Сердцевѣдецъ назвалъ его по имени и по художеству, и спросилъ: „гдѣ же посланіе твоего князя Авгаря, которое ты принесъ Мнѣ изъ Эдессы?" Пораженный благоговѣйнымъ страхомъ Ананія поспѣшилъ вручить Господу письмо. Господь прочиталъ его и тутъ же написалъ такой отвѣтъ: „блаженъ ты, Авгарь, что увѣровалъ въ Меня, не видѣвъ Меня. Ибо о Мнѣ написано, что видѣвшіе Меня не увѣруютъ въ Меня, дабы не видѣвшіе—тѣ увѣровали и получили вѣчную жизнь. Что же касается до твоей письменной просьбы, — притти къ тебѣ, то Мнѣ надлежитъ здѣсь исполнить все, для чего Я посланъ, и, по исполненіи, вознестись къ пославшему Меня. Когда же вознесусь, то пошлю къ тебѣ нѣкоего изъ учениковъ Моихъ, чтобы онъ исцѣлилъ тебя отъ болѣзни и даровалъ жизнь какъ тебѣ, такъ и тѣмъ, которые съ тобою". Это письмо Господь запечаталъ Своею печатію, на которой еврейскими словами, было вырѣзано: *Божіе видѣніе*, *Божественное чудо*. Потомъ Онъ велѣлъ принести воды, умылся, отеръ Свое пречистое лицо поданнымъ Ему убрусомъ, или четыреугольнымъ полотенцемъ, и—о, чудо всемогущества Божія! — на убрусѣ отпечатлѣлось святое изображеніе Божественнаго Его лица! Это изображеніе вмѣстѣ съ письмомъ Своимъ Господь отдалъ Ананіи и сказалъ ему: „иди, отдай сіе пославшему тебя". И возвратился Ананія въ Эдессу къ своему князю и отдалъ ему нерукотворенный образъ Христовъ и Его святое посланіе. Обрадовался болящій князь такой милости Господней, съ любовію поцѣловалъ то и другое и поклонился образу Господню. И тотчасъ же почувствовалъ онъ великое облегченіе въ болѣзняхъ своихъ, и только малая часть проказы осталась на лицѣ его.

Послѣ вознесенія на небо Господа Іисуса Христа, въ Эдессу пришелъ святый Ѳаддей, одинъ изъ семидесяти учениковъ Христовыхъ: онъ научилъ Авгаря вѣрѣ во Христа, совершенно исцѣлилъ отъ болѣзни и крестилъ его, а съ нимъ и весь домъ его, и всѣхъ жителей Эдессы. Авгарь укрѣпилъ святый убрусъ на доскѣ изъ негніющаго дерева, украсилъ сію святыню золотомъ и драгоцѣнными камнями, поставилъ ее надъ вратами города и сдѣлалъ надпись надъ нею: *Христе Боже! всякій, уповающій на Тебя, не постыдится.* (См. „Троицк. лист." № 380).

Святый образъ прославился великими чудотвореніями, такъ что многіе христіане изъ отдаленныхъ странъ стали путешествовать въ Эдессу для поклоненія этой святынѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти князя, внукъ его хотѣлъ было снять со стѣны нерукотворенный образъ и на его мѣсто поставить идола; но епископъ эдесскій ночью, поставивъ предъ образомъ зажженную лампаду, закрылъ его каменною доской и сдѣлалъ мѣсто пребыванія его незамѣтнымъ. Во время нападенія на Эдессу персидскаго царя Хозроя, епископу Евлалію явилась въ видѣніи Божія Матерь и указала мѣсто, гдѣ скрытъ былъ образъ. Благодарные жители съ благоговѣніемъ вынули изъ стѣны Божественный образъ и носили по стѣнамъ города: непріятели, устрашенные ликомъ Спасителя, обратились въ бѣгство. Спустя шестьсотъ лѣтъ послѣ Рождества Христова, тою страною завладѣли арабы, которые, однако, не препятствовали христіанамъ путешествовать для поклоненія святому образу. Нѣсколько позднѣе греческій императоръ Романъ I возымѣлъ пламенное желаніе перенести эту святыню въ свою столицу—Константинополь. Но арабскій князь не соглашался отдать эту святыню; тогда греческія войска, опустошивъ окрестности Эдессы, осадили и сожгли этотъ городъ. Послѣ этого мусульманъ силою заставили выдать грекамъ святый образъ. Это случилось въ 944 году по Р. Х. Во время перенесенія святаго образа изъ Эдессы въ Царь-градъ многіе больные получили отъ него исцѣленіе. Святыня прибыла въ греческую столицу ко дню Успенія Богоматери. На другой день сего праздника, въ 16 день августа, послѣ крестнаго хода, торжественно совершеннаго въ присутствіи царствовавшаго дома, многочисленнаго духовенства и народа, святый образъ былъ поставленъ въ ѳаросскомъ храмѣ. Во время крестнаго хода одинъ разслабленный, издавна страдавшій ногами, опираясь на своихъ слугъ, немного приподнялся, чтобы увидѣть божественную икону. Лишь только увидѣлъ ее, тотчасъ почувствовалъ въ ногахъ крѣпость, такъ что самъ собою побѣжалъ къ иконѣ и, лобызая кіотъ, велегласно прославилъ Бога за совершившееся надъ нимъ чудо. Съ этого времени и установлено было въ Царь-градѣ совершать празднованіе нерукотворенному образу Спасителя въ 16 день мѣсяца августа. Принявъ изъ Царь-града православно-христіанскую вѣру, мы, русскіе, приняли оттуда и праздникъ Нерукотвореннаго Образа Спасителя. (См. „Воскр. листк.“, № 3-й). (Сост. по указ. источн.).

2. Наружность Богочеловѣка Іисуса Христа.

Кто изучалъ средневѣковыя изображенія Спасителя, долженъ былъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ, особенно въ требникахъ, были лишены всякаго благообразія, напротивъ того, другія представляютъ самый высокій идеалъ красоты человѣческой. Откуда жъ происходило такое противорѣчіе? „Изъ объясненій пророчествъ, въ которыхъ старались отыскать не только описаніе жизни, но и наружности Мессіи“.

Древняя церковь, привыкши видѣть, что языческая скульптура старалась довести до совершенства изображенія боговъ и богинь Олимпа, и опасаясь внести въ свои предѣлы роковую испорченность чувственнаго развращенія, находила, по-видимому, удовольствіе уничтожать уваженіе къ красотѣ лица. Идеалъ наружнаго вида Спасителя она извлекала изъ описаній пророка Исаіи, представлявшаго Его такимъ, что *нѣтъ въ Немъ ни вида, ни величія; и мы видѣли Его, и не было въ Немъ вида, который привлекалъ бы насъ къ Нему* (Исаіи LIII, 2). *Какъ многіе изумлялись смотря на Тебя,—столько былъ обезображенъ паче всякаго человѣка ликъ Его, и видъ Его паче сыновъ человѣческихъ* (Исаіи LII, 14).

Она изображала ликъ Спасителя по этимъ описаніямъ, хотя описанія эти прямо указывали на ликъ Спасителя во время Его крестныхъ страданій.

Такіе странные выводы дошли до ужасныхъ крайностей.

Напротивъ того, другіе представляли въ чертахъ Іисуса отраженіе дивной красоты Давида, Его великаго предка, а блаженный Іеронимъ и Августинъ предпочитали примѣнять къ Нему слова псалма: *Ты прекраснѣе сыновъ человѣческихъ; благодать излилась изъ устъ Твоихъ; посему благословилъ Тебя Богъ на вѣки. Препояшь Себя по бедру мечемъ Твоимъ, Сильный, славою Твоею и красотою Твоею* (Пс. XLIV, 3, 4).

„Естественно, что этотъ взглядъ встрѣтилъ сильнѣйшее сочувствіе и былъ осуществленъ въ величайшихъ произведеніяхъ Фра-Анжелико, Микель-Анджелло, Леонардо-да-Винчи, Рафаэля и Тиціана“.

Наконецъ, въ концѣ XIII, или въ началѣ XIV вѣка, найдено посланіе нѣкотораго очевидца Христа, римскаго консула Публія Лентула въ римскій сенатъ объ Іисусѣ Христѣ.

Вотъ что пишетъ этотъ Публій Лентулъ:

„Говорятъ, Онъ великій пророкъ; Его ученики называютъ Его Сыномъ Божіимъ. Онъ высокаго роста, прекрасно сложенъ; видъ Его строгій, лицо выразительное. Въ одно и то же время Онъ располагаетъ къ Себѣ и внушаетъ страхъ. Волосы у Него (свѣтло-русые) съ краснымъ отливомъ: они гладки до края ушей, начиная отъ котораго, они, віясь, падаютъ на плечи и ниже; на темени они у Него раздвоены по обыкновенію жителей Назарета; лобъ гладкій и ясный, лицо (овальное) чистое, съ легкимъ румянцемъ, что придаетъ Ему красоту. Взглядъ у Него открытый и пріятный; носъ и ротъ безупречные, борода Его одного цвѣта съ волосами, раздвояется; глаза голубые и необычайно блестящіе. Упреки и укоры Его ужасны; когда же Онъ наставляетъ и увѣщеваетъ, слова Его пріятны и полны привѣта. На лицѣ Его какая-то чарующая грація, проникнутая важностію. Никто не видѣлъ Его смѣющимся, но видѣли Его плачущаго. Станъ у Него высокій, руки изящны и долги. Слова Его проникнуты важностію и мѣрой“. (Очеркъ Я. П. Полонскаго. *Нива* 1886 г., № 14).

„На лицѣ Его читалась непорочность съ глубокомысліемъ и достоинствомъ возмужалости Цвѣтъ лица Его былъ нѣжный и подходилъ къ типу греческому гораздо болѣе, чѣмъ загорѣлыя на солнцѣ оливковыя лица смѣлыхъ рыбаковъ, Его апостоловъ. Но сквозь эти черты просвѣчивалась какая-то печаль. Глаза, которыхъ чистый и неописанный взглядъ читалъ тайны сердечныя, не рѣдко омрачались слезой, но ни одинъ человѣкъ, душа котораго заражена грѣхомъ и самолюбіемъ, не могъ глядѣть безъ страха и благоговѣнія на божественное выраженіе этого лица, въ которомъ свѣтились покой и терпѣніе“. 1).

„Въ земномъ видѣ Спасителя, которымъ было облечено вѣчное Божество и безконечная святость, „сіяло нѣчто божественное“, утвержаетъ блаж. Іеронимъ. Безукоризненная совѣсть, духъ мира, чистѣйшая жизнь не могли не отражаться въ чертахъ лица Сына человѣческаго“ 2).

„О комъ Іоаннъ свидѣтельствовалъ, какъ о Мессіи; за Кѣмъ народъ съ радостію признавалъ право на царство; Кого Іерусалимъ привѣтствовалъ торжественно, называя Сыномъ Давидовымъ; Кому женщины служили съ такимъ глубокимъ уваженіемъ; Чей образъ, видѣнный во снѣ женою римскаго прокуратора, вдохнулъ въ эту гордую римлянку благоговѣйную заботливость; Чье одно слово заставило Филиппа и Матѳея бросить все и послѣдовать за Нимъ; Чей одинъ взоръ довелъ до раскаянія сердце Петра; въ Чьемъ присутствіи одержимые злыми духами трепетали отъ страха, и злые духи исходили изъ своихъ жертвъ; предъ Кѣмъ, въ минуты слабости Его немощной плоти, послѣ преданія и измѣны ученика, самые заклятые враги Его задрожали и пали ницъ, несмотря на ихъ бѣшеный гнѣвъ—Тотъ не могъ не имѣть величественнаго вида пророка и первосвященника. Всѣ событія Его жизни убѣждаютъ, что въ лицѣ и во взорахъ Іисуса выражались сила, терпѣніе, достоинство и вліяніе, которыя привлекали къ Нему все окружающее. „Конечно,—говоритъ блаженный Іеронимъ,—огненное пламя и небесная свѣтлость блистали въ Его очахъ, и величіе Божіей славы сіяло на лицѣ Его“.

3. О почитаніи св. иконъ.

Пречистому образу Твоему поклоняемся, Благій.
(Троп. праздн.).

Кому же болѣе и поклоняться намъ, христіанамъ, какъ не образу Спасителя нашего Іисуса Христа, чудесно изобразившаго оный не для однихъ современниковъ, но для всѣхъ вѣрующихъ? Не одинъ эдесскій Авгарь нуждался въ исцѣленіи и получилъ его отъ нерукотвореннаго изображенія Спасителя на полотнѣ. Въ лицѣ Авгаря нуждался въ подобномъ чудотворномъ образѣ и весь родъ человѣческій для возобновленія въ себѣ помраченнаго образа и подобія Божія. Съ затмѣніемъ сего образа люди уклонились къ идолопоклонству и стали находить Бога въ различныхъ идолахъ. Для нихъ все стало быть богомъ, кромѣ Бога истиннаго. Послѣ сего неудивительно, что Господь обличалъ ветхозавѣтное идолопоклонство не въ однихъ язычникахъ, но и въ іудеяхъ, для ихъ предостереженія. Съ этою цѣлью поставлена была Господомъ въ десятословіи вторая заповѣдь, запрещающая кланяться идоламъ.

Но съ того времени, какъ явился на землѣ Спаситель и научилъ насъ почитать изображеніе Своего образа, мы стали поклоняться невидимому Господу въ видимыхъ Его изображеніяхъ. И это наученіе весьма необходимо и спасительно для насъ. Богъ—Творецъ нашъ и Промыслитель. Мы находимся въ постоянной отъ Него зависимости. А зависимость эта побуждаетъ насъ имѣть Его навсегда предъ собою. Мы желаемъ, чтобы и обыкновенные наши благодѣтели находились въ изображеніяхъ постоянно предъ нашими глазами. Но кто изъ благодѣтелей, земныхъ и небесныхъ, можетъ равняться съ Богомъ, создавшимъ и хранящимъ насъ? Отъ Него мы получили и получаемъ все, необходимое для жизни, настоящей и будущей. Между тѣмъ, Онъ Самъ по Себѣ непостижимъ и оставался бы невидимымъ и непостижимымъ, если бы не явилъ Себя въ образахъ постижимыхъ. Вотъ почему мы поклоняемся иконамъ Бога тріупостас-

---

1) Жизнь Іисуса Христа Ф. В. Фаррара, перев. Матвѣева. М. 1887 года. Ч. I, стр. 163, 164.

2) Тамъ же Ч. I, стр. 79.

наго и дѣлаемъ чрезъ нихъ Его, непостижимаго, какъ бы постижимымъ для себя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы можемъ поучаться изъ иконъ подражанію изображеннымъ на нихъ лицамъ. Мы созданы для того, чтобы восходить отъ совершенства къ совершенству и уподобляться Господу Богу, сколько возможно намъ, созданнымъ по образу и подобію Божію. Но если высоки и недоступны для насъ совершенства Божіи, изображаемыя на иконахъ, то мы имѣемъ предъ собою изображенія святыхъ Божіихъ, бывшихъ подобострастными намъ. Имъ надлежитъ подражать, какъ они подражали Іисусу Христу.

Во всѣхъ освященныхъ изображеніяхъ мы видимъ примѣръ для своего наученія, исправленія и обличенія. Когда было мало грамотности въ нашей русской землѣ, то святыя иконы служили вмѣсто письменъ и книгъ нравоучительныхъ. Народъ православный видѣлъ предъ собою святыя иконы, молился имъ и поучался изъ изображеній на нихъ. Слышанное народомъ о священныхъ событіяхъ скорѣе могло забыться, нежели видѣнное на иконахъ. Послѣднее живѣе могло напечатлѣваться и долѣе удерживаться въ насъ. Подобный законъ сохраненія и удержанія въ памяти относится и къ людямъ грамотнымъ. Для лучшаго наученія съ пользою употребляются изображенія, относящіяся къ тѣмъ или другимъ предметамъ. И для наученія спасенію должны быть постоянно предъ глазами изображенія самого Бога и святыхъ Божіихъ. Въ противномъ случаѣ, на чемъ будетъ основываться наша вѣра, если мы не будемъ имѣть предъ собою изображеній Бога и святыхъ Его угодниковъ? Гдѣ будемъ видѣть нашу православную церковь съ ея исторіею, съ таинствами и обрядами, если будемъ оставаться безъ храмовъ и безъ изображеній въ нихъ? Тѣ обманываютъ себя и другихъ, кои считаютъ себя православными христіанами, а храмовъ и иконъ чуждаются, подобно духамъ отверженнымъ.

Вотъ почему мы видимъ, что употребленіе святыхъ иконъ у христіанъ было съ самыхъ древнихъ временъ и продолжается донынѣ. Какъ бы ни хвалились новые штундисты и прежніе духоборцы своею внутреннею вѣрою, но безъ храмовъ и иконъ они не могутъ оправдать себя и доказать другимъ свою мнимую и неоправдываемую религію. Первый и несомнѣнный признакъ исповѣданія вѣры заключается въ храмахъ съ святыми иконами и въ совершаемомъ предъ ними богослуженіи. Тѣ только могутъ именовать себя поклоняющимися въ духѣ и истинѣ, кои кланяются не однимъ духомъ, но и тѣломъ, не внутренно только, но и внѣшно, предъ Богомъ и святыми, изображенными на доскахъ и другихъ веществахъ. Въ такомъ случаѣ честь и слава воздается не доскѣ или другому веществу, на которомъ изображаются иконы, а самому Богу и святымъ угодникамъ, изображеннымъ. Какъ въ ветхомъ завѣтѣ запрещалось идолослуженіе, такъ оно запрещается и нынѣ, съ явленіемъ всеосвящающей благодати. Но и въ ветхомъ завѣтѣ употреблялись при скиніи и при храмѣ Соломоновомъ внѣшнія украшенія и изображенія херувимовъ и серафимовъ. А теперь, съ пришествіемъ во плоти Сына Божія, иконы освящены Имъ Самимъ, Его Пречистою Матерью и святыми угодниками и доставляютъ молящимся спасеніе.

Найдемъ и мы, вѣрующіе, милость и спасеніе въ святыхъ иконахъ, если будемъ поклоняться имъ усердно и будемъ подражать изображеннымъ на нихъ лицамъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько избавилось людей чрезъ поклоненіе иконамъ отъ болѣзней, отъ скорбей и печалей! Страждущіе въ мірѣ христіанскомъ обращались къ святымъ иконамъ, и получали отъ нихъ избавленіе въ бѣдахъ и напастяхъ. Спасаетъ насъ на иконахъ не вещество, а сила изображенныхъ на нихъ лицъ. Сильны были на землѣ всѣ святые по сообщаемой имъ отъ Бога благодати: сильны они и въ иконахъ своихъ по той же благодати, которая дается имъ свыше для нашего вразумленія и исправленія. *Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ, Богъ Израилевъ* (Псал. LXVII, 36). Дивенъ Онъ на небесахъ и на землѣ; дивенъ во храмахъ и въ святыхъ иконахъ. Поклоняясь Ему, будемъ славить имя Его съ благоговѣніемъ въ роды родовъ для нашего вѣчнаго спасенія. (Изъ слова преосвящ. Макарія, б. епископа вятскаго).

4. Наказаніе за неблагоговѣйное отношеніе къ иконѣ.

Поучительный случай произошелъ на дняхъ на одной изъ харьковскихъ окраинъ, на Лысой горѣ. Нѣкто К—овъ, человѣкъ весьма состоятельный, явился для описи имущества, по исполнительному листу, въ квартиру нѣкоего

О—скаго. Послѣдній не выражалъ протеста противъ этого. Такимъ образомъ, было описано почти все имущество злосчастнаго должника, и, несмотря на это, цѣнность его далеко еще не достигала суммы долга, значившагося въ исполнительномъ листѣ. Взыскатель намѣревался совсѣмъ было уже удалиться изъ квартиры должника, какъ вдругъ взоръ его упалъ на висѣвшую въ одномъ изъ угловъ комнаты икону, предъ которою, несмотря на всю убогость квартирки О—скаго, теплилась лампада. Риза иконы была, по-видимому, серебряная. Взыскатель обратился къ судебному приставу съ просьбой внести въ опись и эту икону. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что, по закону, иконы не подлежатъ описи по денежнымъ взысканіямъ, за исключеніемъ, конечно, только тѣхъ украшеній, которыя на нихъ имѣются.

— А вотъ мы сейчасъ увидимъ, насколько цѣнна риза этой иконы,— хладнокровно произнесъ взыскатель и, ставъ на стулъ, полѣзъ было снимать икону.

Увидѣвъ это, должникъ поблѣднѣлъ какъ полотно, бросился ко взыскателю и началъ его умолять не прикасаться къ иконѣ, говоря, что этою иконой его благословила умирающая мать...

— Какое мнѣ до всего этого дѣло?— насмѣшливо произнесъ неумолимый взыскатель.—Заплатите мнѣ мои деньги, и я ничего у васъ не трону.

Съ этими словами онъ протянулъ руку и уже взялся за икону, чтобы снять ее... Но, вдругъ, лицо его покрылось смертельною блѣдностью, и рука безжизненно опустилась внизъ. Если бы не окружающіе, то К—овъ упалъ бы на полъ: съ нимъ сдѣлался припадокъ. Его тотчасъ же замертво отвезли домой, гдѣ онъ проболѣлъ болѣе недѣли. Въ теченіе всего этого времени К—овъ почти ничего не ѣлъ и безпрестанно повторялъ: „Господи, помилуй! Господи, помилуй!“.

Когда, наконецъ, онъ пришелъ въ себя, то первымъ его дѣломъ было послать за О—скимъ. Послѣдній явился и былъ пораженъ тою перемѣною, которая произошла въ наружности его кредитора: онъ былъ худъ и блѣденъ, какъ мертвецъ, волосы же на головѣ, вмѣсто прежнихъ черныхъ, сдѣлались бѣлыми... К—овъ заявилъ О—скому, что онъ свой долгъ съ него взыскивать не желаетъ и притѣснять его въ этомъ никогда не будетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упросилъ своего должника согласиться принимать отъ него ежемѣсячно извѣстную сумму денегъ на покупку деревяннаго масла для неугасимой лампады предъ его иконою... К—овъ никому не сказалъ, что именно онъ видѣлъ или чувствовалъ въ то мгновеніе, когда хотѣлъ снять икону... Твердитъ онъ, по словамъ „Южн. Кр.“, только одно: „надо быть всегда человѣкомъ и имѣть сердце; чуть было меня Господь не наказалъ за это“. („Воскр. день“ 1898 г., № 30).

29-й ДЕНЬ.

УСѢКНОВЕНІЕ ГЛАВЫ ІОАННА ПРЕДТЕЧИ [1]).

Еванг. отъ Марк., зач. 24, гл. VI, 14—30 ст.

1. Повѣствованіе объ убіеніи Іоанна Крестителя и судьбѣ его честной главы.

Св. Іоаннъ Предтеча, предваривъ Господа рождествомъ своимъ, предварилъ Его и смертію. Какъ на землѣ Онъ проповѣдывалъ о Его спасительномъ пришествіи, такъ въ странѣ мертвыхъ предвозвѣстилъ о Его побѣдоносномъ сошествіи во адъ. Денница, предвѣстница солнца, скрывается, когда восходитъ великое свѣтило. Такъ и св. Іоаннъ, приготовивъ людей къ принятію Искупителя и крестивъ Его Самого, кончилъ земное теченіе свое, и кончилъ притомъ мученически. Посему, вмѣстѣ съ славою величайшаго пророка, Крестителя Господня, пустынника и дѣвственника, онъ соединилъ славу и вѣнецъ мученика за истину.

Обстоятельства мученической кончины Іоанна Крестителя были слѣдующія.

Царемъ Галилеи и Переи и заіорданской области при концѣ жизни св. Іоанна былъ Иродъ Антипа, сынъ Ирода Великаго.

Иродъ былъ человѣкъ сколько суевѣрный, столько же и невѣрующій, слабый и преданный чувственности, непостоянный и пустой. Саддукейское невѣріе при его дворѣ господствовало въ полной силѣ. Преданный распутству и безнравственности, Иродъ жилъ въ прелюбодѣянiи и кровосмѣшенiи. Онъ отнялъ жену у своего, еще живого, брата Филиппа, знаменитую Иродiаду 1), и женился на ней, разведшись для этого съ своею законною женою, дочерью Ареѳы, царя аравiйскаго, за что тотъ велъ съ нимъ войну. Iоаннъ Креститель не молчалъ, видя такое безстыдное поведенiе нечестиваго царя, и смѣло въ лицо сказалъ ему: „не должно тебѣ имѣть жену брата твоего“ (Марк. VI, 18). Слова эти затронули было совѣсть Ирода, но придворные своими коварными рѣчами разжигали его гнѣвъ. Иродiада, поклявшаяся погубить Iоанна, не жалѣла ни лицемѣрныхъ слезъ ни ласкательныхъ просьбъ, чтобъ убѣдить Ирода заключить Iоанна въ темницу и умертвить его. Слабый и малодушный царь долго противился этому. Онъ боялся народа, который любилъ Iоанна, наконецъ поддался своему гнѣву и просьбамъ Иродiады. Онъ послалъ своихъ воиновъ, которые схватили Крестителя и заключили въ темницу. Крѣпость Махера на хребтѣ Аттара въ прежней моавитской землѣ (теперь называется Мкацеръ) заключила въ стѣнахъ своихъ мужественнаго и смиреннаго проповѣдника покаянiя до дня его смерти.

---

[1]) *Примѣч.* Дополнительныя статьи см. выше подъ 24 іюня.

Отсюда, изъ печальнаго уединенiя, мужъ Божiй посылалъ своихъ учениковъ къ Iисусу съ вопросомъ: „Ты ли грядущiй, или намъ ждать другого?“ Отвѣтъ Iисуса освободилъ его отъ искусительныхъ вопросовъ учениковъ его, и Креститель съ покойнымъ терпѣнiемъ ожидалъ, что будетъ. Скоро должны были отвориться для него двери темницы. По свидѣтельству евангелиста Матѳея, Иродъ ввергнулъ Iоанна въ темницу, чтобъ удовлетворить своему мщенiю; по свидѣтельству св. Марка, онъ это сдѣлалъ, чтобъ предохранить его отъ Иродiады, злоумышлявшей на жизнь Iоанна. По свидѣтельству св. Матѳея, Иродъ охотно умертвилъ бы Iоанна, но боялся народа, который считалъ его пророкомъ; по свидѣтельству св. Марка, самъ Иродъ считалъ его пророкомъ, „многое дѣлалъ, слушаясь его, и съ удовольствiемъ слушалъ его“. Странное противорѣчiе! Но такое противорѣчiе было въ сердцѣ Ирода. Онъ вѣрилъ и не вѣрилъ, ненавидѣлъ и почиталъ, составлялъ убiйственные планы и мѣшалъ злоумышленiямъ Иродiады, ввергнулъ пророка въ темницу и многое дѣлалъ по его совѣту.

Наконецъ наступилъ назначенный часъ. У Ирода былъ праздникъ. Онъ праздновалъ день своего рожденiя. Устроенъ былъ большой пиръ, придворные и вельможи обѣдали за царскимъ столомъ. Въ заключенiе пира начались танцы, изъ Грецiи и Рима перешедшiе къ двору израильскихъ царей. Саломiя, дочь Иродiады, танцовала предъ царемъ. Танецъ понравился пьяному развратнику. Съ безсмысленнымъ хвастовствомъ онъ поклялся, что дастъ танцовщицѣ все, чего она попроситъ, хотя бы это была половина царства. Дѣвица не знала, чего просить ей, и пошла къ матери посовѣтоваться съ нею. Какой неожиданный и прекрасный для Иродiады представлялся случай—уничтожить своего врага. Царь пьянъ и далъ клятвенное обѣщанiе. Она сказала своей дочери: иди и проси голову Iоанна Крестителя. Дочь такъ и сдѣлала. Она тотчасъ пошла съ поспѣшностью къ царю и просила, говоря: „хочу, чтобы ты далъ мнѣ теперь же на блюдѣ голову Iоанна Крестителя“. Царь опечалился, услышавъ эти слова. Совѣсть его заговорила, чувство его возмутилось. Но дана была клятва. Онъ считаетъ постыднымъ для себя взять назадъ свое царское *слово*, данное въ присутствiи многихъ гостей; но онъ не подумалъ о томъ, что несравненно большее безчестiе запятнать *кровiю* царскую багряницу. Онъ боится обидѣть своимъ отказомъ легкомысленную *дѣвочку*, наущенную своею нечестивою матерью, а не думаетъ о томъ, что совершаетъ вопiющую къ небу несправедливость, предавая на смерть невиннаго, *святого человѣка*.

Иродъ послалъ въ темницу палача и повелѣлъ отсѣчь главу Iоанна и дать преступной дѣвочкѣ, которая отнесла ее на блюдѣ къ своей матери. Никому не доставила прiятности эта картина. Самъ Иродъ опечалился, присутствовавшiе на пиру также смотрѣли невесело: на веселомъ пиру рѣдкiй спокойно можетъ смотрѣть на ужасы смерти. Только Иродiада радовалась случившемуся, такъ какъ ей удалось удовлетворить своей страсти мщенiя. Вѣрный же свидѣтель съ миромъ и радостiю отошелъ къ своему Господу.

Повѣствуютъ, что когда принесена была глава, еще источающая кровь, то, къ ужасу всѣхъ присутствующихъ на пирѣ,

---

1) Иродiада была внука Ирода Великаго и дочь умерщвленнаго своимъ отцомъ Аристовула. Сначала она была замужемъ за своимъ дядей Филиппомъ, отъ котораго имѣла дочь Саломiю, потомъ, бросивши перваго мужа, она стала жить съ другимъ своимъ дядей, Иродомъ Антипой.

она произнесла прежнія обвинительныя слова свои: „не должно тебѣ имѣть жену брата твоего!“ Но безстыдница небоязненно приняла св. главу, отнесла ее къ матери своей, а Иродіада не устыдилась еще поругаться главѣ Предтечи: колола языкъ ея иглою и, боясь, чтобъ обличитель ея не воскресъ, когда бы приложили главу его къ трупу, закопала ее во дворцѣ, на нѣкоторомъ безчестномъ мѣстѣ. Обезглавленное тѣло въ ту же ночь взято было учениками изъ темницы и погребено въ Севастіи. За это беззаконное убійство, къ которому послѣ приложилъ Иродъ и поруганіе Самому Господу во время страданій Его, когда, *укоривъ Его съ вои своими и поругався, оболкъ Его въ ризу свѣтлу, возврати Его къ Пилату* (Лук. XXIII, 11), наказаніе Божіе не умедлило постигнуть беззаконниковъ. Царь аравійскій Арета, мстя за безчестіе, нанесенное его дочери, возсталъ войною на Ирода, побѣдилъ его и поразилъ войско его такъ, что самъ Иродъ едва спасся. Потомъ императоръ римскій лишилъ Ирода всей власти и всѣхъ богатствъ и вмѣстѣ съ прелюбодѣйцею и ея дочерью послалъ въ заточеніе, сперва въ Ліонъ галльскій, потомъ въ Илерду, городъ испанскій, гдѣ они бѣдственно кончили жизнь свою. Прежде всѣхъ погибла плясавица. При переходѣ ея въ зимнее время по льду чрезъ рѣку Сикорисъ, проломился подъ нею ледъ, и она погрузилась въ воду по шею такъ, что ледъ стиснулъ ее, и она повисла въ водѣ, вися головою на льду. Итакъ, та, которая плясала нѣкогда на землѣ, не досягая дна рѣки, должна была какъ бы плясать въ водѣ. Наконецъ, острымъ льдомъ совсѣмъ перерѣзало ей шею: обезглавленный трупъ унесенъ былъ водою, а къ Ироду и Иродіадѣ принесена была одна голова погибшей. Объ Иродѣ же и Иродіадѣ повѣствуютъ, что оба они пожерты были землею живые.

Желаніе Иродіады обезчестить и скрыть навсегда главу Крестителя не осуществилось. Усѣченная глава была скрываема неоднократно и послѣ Иродіады; но самому Крестителю неугодно было оставлять ее въ неизвѣстности, и она снова была обрѣтаема по его же откровенію. Благочестивая жена Хузы, домоправителя Иродова (Лук. VIII, 3), именемъ Іоанна, не перенося того великаго униженія, которому подвергла святого пророка Иродіада, взяла тайно ночью честную главу его и, положивъ въ сосудъ, погребла на горѣ Елеонской, въ помѣстьи Ирода. Спустя много времени послѣ того, нѣкто Иннокентій, благочестивый подвижникъ, купилъ помѣстье Иродово и началъ строить здѣсь церковь. Копая ровъ для основанія, онъ обрѣлъ въ землѣ глиняный сосудъ и въ немъ главу Предтечи, узнавъ ее по благодатнымъ знаменіямъ, бывшимъ отъ нея, и хранилъ ее у себя съ великимъ благоговѣніемъ. Это—первое обрѣтеніе, бывшее въ IV вѣкѣ. Передъ своею смертію, желая сохранить честную главу Крестителя отъ поруганія, которому она могла подвергнуться отъ невѣрующихъ, Иннокентій скрылъ ее опять въ землю—въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и нашелъ. Впослѣдствіи церковь, построенная Иннокентіемъ, запустѣла и развалилась, и, такимъ образомъ, мѣстонахожденіе честной главы Предтечи сдѣлалось опять неизвѣстнымъ. Въ царствованіе Константина Великаго, когда вѣра христіанская водворилась въ мірѣ, благочестивые христіане стали отовсюду ходить ко святымъ мѣстамъ на поклоненіе. Двое иноковъ, пришедшіе во Іерусалимъ на поклоненіе животворящему кресту и гробу Господню, по откровенію и повелѣнію самого Предтечи, явившагося имъ во снѣ, обрѣли на Елеонской горѣ честную главу его и взяли ее съ собою. Возвращаясь съ нею во свое жилище, они встрѣтились на пути съ однимъ бѣднымъ скудельникомъ (горшечникомъ), жителемъ сирійскаго города Емесы, шедшимъ изъ своего отечества во иную страну, и пошли съ нимъ вмѣстѣ. Иноки дали своему спутнику понести вретище (мѣшокъ), въ которомъ была глава Крестителя. Скудельникъ не зналъ, что хранилось во вретищѣ, которое онъ несъ. Ему явился Предтеча и велѣлъ удалиться отъ спутниковъ его съ вретищемъ, бывшимъ у него въ рукахъ. Удалясь отъ иноковъ, скудельникъ, по повелѣнію Крестителя, пришелъ съ главою въ свой домъ; узнавъ, какимъ сокровищемъ надѣлилъ его Богъ, онъ хранилъ его съ великимъ благоговѣніемъ. Предъ смертію онъ открылъ о находящейся у него святынѣ и завѣщалъ сестрѣ своей блюсти ее съ особеннымъ уваженіемъ, а потомъ передать ее достойнѣйшему изъ христіанъ. Такъ долгое время честная глава Крестителя хранима была среди благочестивыхъ христіанъ. Наконецъ, это сокровище перешло къ нѣкоему Евстаѳію, зараженному ересью Арія, нечестиво учившаго о Сынѣ Божіемъ, что Онъ не рожденъ, а сотворенъ. Тогда Промыслу угодно было отнять святыню у недостойнаго и его же рукою скрыть ее надолго въ невѣдомой для православныхъ пещерѣ. Евстаѳій, избѣгая правосудія закона за свое зловѣріе и принужденный оставить свое жилище и скрываться, скрылъ главу Предтечи въ пещерѣ, чтобы послѣ тайно взять ее оттуда. Но, выгнанный изъ своего жилища, онъ не могъ уже послѣ возвратиться и снова овладѣть неоцѣненною святынею. На мѣстѣ пещеры, въ которой скрывалась глава Крестителя, поселились благочестивые иноки; они жили здѣсь, не подозрѣвая, какое сокровище таится въ ихъ мирномъ пристанищѣ благочестія. Прошло много лѣтъ. Глава Крестителя была забыта. Изъ пристанища иноковъ въ пещерѣ образовался впослѣдствіи монастырь. Благочестивый архимандритъ этого монастыря, Маркеллъ, сподобился явленія Крестителя и извѣщенія отъ него о честной главѣ его, скрытой въ пещерѣ монастыря, — и она вторично была обрѣтена въ 452 г., 24 февраля. По повелѣнію греческаго царя Маркіана, она была перенесена изъ Емесы въ Халкидонъ, а потомъ въ Константинополь. Около 810—820 года честная глава Крестителя перенесена была въ городъ Команы, гдѣ скончался св. Іоаннъ Златоустъ, и, по случаю гоненія на св. мощи со стороны иконоборцевъ, она снова сокрыта была здѣсь въ потаенномъ мѣстѣ. По возстановленіи иконопочитанія, при императрицѣ Ѳеодорѣ и сынѣ ея Михаилѣ, св. патріарху Игнатію во время ночной молитвы было видѣніе о мѣстѣ, гдѣ сокрыта глава Іоанна Крестителя. Патріархъ сообщилъ объ этомъ царю, и оба они послали посольство въ Команы, гдѣ св. глава и найдена въ указанномъ патріархомъ мѣстѣ, потомъ перенесена въ Константинополь и положена въ придворной церкви 25 мая. Третье обрѣтеніе честной главы Крестителя совершилось около 850 г.

Какую мрачную, возмутительную картину представляетъ усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя! Среди пира усѣченная глава послѣдняго и величайшаго изъ пророковъ, удостоившагося быть крестителемъ Богочеловѣка! За что же подвергся такой насильственной смерти мужъ, котораго не было выше между рожденными отъ женъ? За то, что обличалъ неправду и нечестіе въ царѣ и обличеніемъ хотѣлъ спасти достоинство и честь царя. А что довело царя до такого низкаго, позорнаго злодѣйства? Что сковало языкъ всѣхъ этихъ вельможъ, при видѣ этого злодѣйства? Страсти. Страсть властолюбія заставила Иродіаду бросить законнаго мужа, жить въ незаконномъ супружествѣ съ деверемъ и добиваться смерти мѣшавшаго ей Іоанна. Страсть сластолюбія заставила царя вступить въ преступную связь съ невѣсткой, запереть обличителя въ темницу и, наконецъ, отдать его въ жертву Иродіадѣ. Страсть мелкаго честолюбія сдѣлала изъ царскаго синклита низкую челядь, молча выслушавшую беззаконный приговоръ. Слѣпымъ орудіемъ этихъ пророкоубійственныхъ страстей сдѣлалась дѣвица, въ которой страсть блистать и прельщать убила всѣ благородныя чувства. А страсть къ наслажденіямъ, къ пресыщенію, къ пьянству разожгла всѣ эти страсти.

Такъ вотъ до чего доводятъ страсти: изъ человѣка, созданнаго по образу Божію, дѣлаютъ чудовище, исчадіе ада. Вотъ почему слово Божіе повелѣваетъ: „распинать плоть со страстями и похотями“. (Сост. по кн. „Земная жизнь Господа І. Христа“, перев. Орды, и „Воскр. д.“ № 33, 1896 г.).

2. Противъ прелюбодѣянія.

Глаголаше Іоаннъ Иродови: не достоитъ тебѣ имѣти жену (Филиппа) *брата твоего.*

Тяжекъ грѣхъ блудный, оскверняющій душу и тѣло, лишающій человѣка царства небеснаго; по слову священнаго писанія, *никакой блудникъ или нечистый не имѣетъ наслѣдія въ царствіи Христа и Бога* (Еф. V, 5). Еще болѣе тяжекъ грѣхъ этотъ, когда сквернятся имъ люди, живущіе въ законномъ супружествѣ. Св. апостолъ говоритъ, что ни мужъ, ни жена надъ своимъ тѣломъ не имѣютъ власти (1 Кор. VII, 4): поэтому прелюбодѣяніе не только сквернитъ человѣка блудомъ, но и хулитъ Законоположника Бога: Богъ изначала сотворилъ мужескій полъ и женскій и сказалъ: *сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ оба въ плоть едину, такъ что они уже не два,* говоритъ Христосъ Спаситель, *но едина плоть: и еже Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ* (Матѳ. XIX, 5—8). А прелюбодѣй именно разлучаетъ то, что Богъ сочеталъ, оскорбляетъ святость таинства, изображающаго соединеніе Христа съ церковью. Прелюбодѣяніе касается четырехъ лицъ; два оскверняютъ себя, а два терпятъ обиду—это законный мужъ и законная жена прелюбодѣйствующихъ. Вотъ почему св. Василій Великій налагаетъ на прелюбодѣя сугубую эпитимію: блудника отлучаетъ отъ св. причащенія на 7 лѣтъ, а прелюбодѣя на 15.

Прелюбодѣяніе подобно кражѣ: прелюбодѣй, по слову праведнаго Іова, *въ нощи будетъ яко тать, и око прелюбодѣя сохрани тьму, глаголя: не узритъ мя око: и покрывало лицу наложи* (Іов. XXIV, 15—14). Но вина прелюбодѣя несравненно больше вины вора: тать крадетъ вещи бездушныя, а прелюбодѣй похищаетъ жену ближняго, крадетъ чистоту супружескую, дражайшую паче тысячъ злата и сребра. Скуденъ умъ у прелюбодѣя: имѣя возможность жить безъ грѣха со своею законною женою, онъ хочетъ владѣть чужою, съ душепагубнымъ грѣхомъ. Прелюбодѣй губитъ и свою душу, и душу той, съ которою грѣшитъ: оба идутъ въ погибель вѣчную. Прелюбодѣяніе,—разсуждаетъ св. Златоустъ,—хуже разбоя, потому что не такъ обидно человѣку лишеніе имущества, какъ лишеніе чести супружеской. Плотская любовь есть вражда противъ Бога: она противится закону Божію, преступаетъ положенные отъ Него предѣлы и ставитъ какъ бы ни во что Самого Бога, установившаго для людей жизнь супружескую. Прелюбодѣй недостоинъ помилованія: какъ кормчій, потопившій свой корабль въ пристани, не заслуживаетъ помилованія, такъ и человѣкъ, вступившій въ бракъ и оскверняющій чужое ложе, или даже только взирающій на чужую жену съ грѣховнымъ вожделѣніемъ, отвѣтственъ и предъ людьми. Прелюбодѣямъ и въ ветхомъ завѣтѣ не было помилованія и прощенія: *человѣкъ*, сказано было въ законѣ Моисеевомъ, *иже аще прелюбодѣетъ съ мужнею женою, смертію да умретъ прелюбодѣй и прелюбодѣйца* (Лев. XX, 10). А если въ новомъ завѣтѣ и назначается прелюбодѣямъ церковное покаяніе, то это дѣлается только по неизреченному благоутробію Божію.

Много бѣдъ влечетъ за собою грѣхъ прелюбодѣянія! Прелюбодѣю кажется, что всѣ знаютъ о его грѣхѣ, всѣ о немъ шепчутся между собою, всѣ его осуждаютъ; прелюбодѣй, хотя и нѣтъ у него обличителя, постоянно чувствуетъ въ самомъ себѣ обличеніе, лежитъ ли на постели, сидитъ ли за столомъ, находится ли на торжищѣ, и днемъ, и ночью, и наяву, и во снѣ, онъ проводитъ жизнь Каина, который *ходилъ стеняй и трясыйся на земли* (Быт. IV, 12). Тайно согрѣшилъ царь Давидъ, только одинъ пророкъ Наѳанъ обличилъ его наединѣ, однакоже, Давидъ стыдился всего Іерусалима и говорилъ: *весь день срамъ мой предо мною есть и студъ лица моего покры мя* (Пс. XLIII, 16). А сколько срама бываетъ, когда человѣка обличаютъ въ грѣхѣ прелюбодѣянія. Лучше бы такому человѣку не родиться на свѣтъ, чѣмъ терпѣть это безчестіе! И каково бываетъ озлобленіе оскорбленнаго мужа, который готовъ бываетъ, если бы можно было, самъ растерзать на части своего оскорбителя. И бываетъ тогда прелюбодѣй несчастнѣе пойманнаго вора: сей, сказано, *аще ятъ будетъ, воздастъ седмерицею и, вся имѣнія своя давъ, избавитъ себе* (Притч. VI, 31) а прелюбодѣй ничѣмъ не можетъ утолить гнѣвъ оскорбленнаго мужа. Развѣ можетъ онъ чѣмъ-нибудь отплатить мужу за то, что соблазнитъ его жену? А что бываетъ съ законною женою, когда она узнаетъ, что мужъ измѣнилъ ей? Она плачетъ, рыдаетъ, терзается отъ ревности и нерѣдко сама вдается въ грѣхъ прелюбодѣянія или же убиваетъ мужа. Поэтому и сказано въ Писаніи: *вяжетъ ли кто огнь въ нѣдра, ризъ же своихъ не сожжетъ ли? Или ходити кто будетъ на угліяхъ огненныхъ, ногъ же не сожжетъ ли? Тако вшедый къ женѣ мужатѣй не безъ вины будетъ* (Притч. VI, 27—29). Древле прелюбодѣевъ побивали камнями, предавали сожженію, заставляли самихъ вѣшать себя, а если оставляли въ живыхъ, то отрѣзывали имъ носы и уши, наказывали тысячами ударовъ, продавали въ рабство. И между нами, христіанами, не мало такихъ грѣшниковъ, но нѣтъ для нихъ казни смертной, развѣ Самъ Праведный Судія казнитъ ихъ въ жизни будущей. Но не казнитъ ли ихъ, однако, Господь и въ настоящей жизни, посѣщая многими бѣдствіями? Только грѣшники не хотятъ познать вины своей и покаяться...

Кто не можетъ вынести борьбы съ похотію плотской, тотъ женись, какъ св. апостолъ завѣщаетъ: *во избѣжаніе блуда кійждо свою жену да имать, и каяждо жена своего мужа да имать* (1 Кор. VII, 2). (Изъ твореній св. Димитрія ростовскаго).

3. Возмездіе за грѣхъ[1]).

„Русск. листокъ“ вспоминаетъ забытую, но очень поучительную исторію.

---

[1]) Этотъ разсказъ помѣщается по поводу той истины, что грѣхи, вопіющіе на небо, подобные Иродову, не остаются безъ наказанія.

Давнымъ давно въ Москвѣ, на Смоленскомъ рынкѣ, бойко торговалъ въ своей лавкѣ мясной провизіей одинъ купецъ. Съ ранней зари, еще до открытія торговли, онъ отправлялся обыкновенно въ свою лавочку и здѣсь заготовлялъ мясные продукты: рѣзалъ телятъ и приготовлялъ парную телятину. Былъ воскресный день. Не дожидаясь поздняго разсвѣта, среди темноты, мясникъ, по обычаю, отправился въ свою лавочку и здѣсь началъ готовить мясо. У него былъ купленъ теленокъ, котораго онъ и зарѣзалъ, чтобы приготовить парную телятину. Еще не кончилъ своей обычной работы мясникъ, какъ вдругъ онъ заслышалъ, что на большомъ дворѣ, куда заднимъ ходомъ выходили лавки, раздается чей-то слабый стонъ... Пораженный этими стонами неизвѣстнаго, безпомощнаго человѣка, мясникъ вышелъ изъ лавки. И что же? Его глазамъ представилась страшная картина: посреди двора лежалъ неизвѣстный ему человѣкъ съ надрѣзаннымъ горломъ, изъ котораго обильною струею текла кровь. Пострадавшій истекалъ кровью... Изумленный неожиданностью мясникъ, выбѣжавшій изъ своей лавки съ ножемъ въ рукахъ, растерялся при видѣ зарѣзаннаго человѣка. Казалось, въ головѣ его блеснула какая-то тревожная мысль, отъ которой онъ поблѣднѣлъ: ему вспомнилось одно событіе изъ его прошлой жизни, и это событіе заставило его безпомощно опустить руки въ виду зарѣзаннаго кѣмъ-то человѣка. Между тѣмъ, стонъ умирающаго былъ услышанъ однимъ изъ случайныхъ прохожихъ по двору, который тоже подошелъ къ зарѣзанному. Не разспрашивая стоявшаго съ ножомъ мясника, прохожій быстро вышелъ со двора и скоро вернулся, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, къ зарѣзанному. Увидя растеряннаго мясника съ окровавленнымъ ножомъ и лежащаго у ногъ его зарѣзаннаго человѣка, сбѣжавшіеся люди тотчасъ же рѣшили, что виновникъ злодѣянія былъ мясникъ. Его блѣдное лицо, по видимому, подтверждало справедливость ихъ догадки... Мясникъ началъ было оправдываться, но слова его не клеились, онъ говорилъ сбивчиво: въ душѣ его, очевидно, было какое-то волненіе, которое мѣшало ему взглянуть окружающимъ прямо въ лицо и голосомъ убѣжденнаго человѣка увѣрить собравшихся въ своей невинности... Прибывшія полицейскія власти отправили мясника въ часть и для завершенія слѣдствія примѣрили окровавленный ножикъ мясника къ ранѣ уже бездыханнаго трупа. Оказалось, что размѣръ ножа именно соотвѣтствовалъ ранѣ зарѣзаннаго человѣка. Придя въ себя, мясникъ началъ было оправдываться. Но всѣ улики были налицо, и случайно выбѣжавшій на стонъ зарѣзаннаго человѣка мясникъ былъ признанъ виновнымъ въ злодѣйствѣ.

Не одинъ разъ вызывали мясника на судъ, но въ его показаніяхъ всегда звучала какая-то фальшь; видно было— таково впечатлѣніе судей — что всѣ оправданія мясника придуманы, и что дѣйствительно онъ убилъ человѣка... И то „нѣтъ“, которое онъ говорилъ въ отвѣтъ на вопросъ судьи: „признаете ли вы себя виновнымъ въ совершенномъ преступленіи?“—мясникъ произносилъ блѣднѣя... По-видимому, ему хотѣлось сознаться въ чемъ-то, но онъ пересиливалъ себя и отрицалъ свою виновность въ убійствѣ человѣка...

По окончаніи слѣдствія, мясникъ, несмотря на всѣ его оправданія, былъ приговоренъ къ тяжелому наказанію: онъ долженъ былъ пройти сквозь строй.

Насталъ, наконецъ, и день наказанія. Съ барабаннымъ боемъ повели несчастнаго между рядами солдатъ. Когда наказаніе было кончено, заподозрѣнный въ преступленіи, казалось, просіялъ и легко вздохнулъ и потомъ попросилъ позволенія сообщить кому-либо изъ начальствующихъ объ одномъ поступкѣ, который давно уже, по словамъ мясника, не давалъ ему покоя. И когда ему это было дозволено, онъ началъ свою исповѣдь. „Въ этомъ преступленіи я не виновенъ, но наказаніе мною заслужено. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я, дѣйствительно, убилъ и ограбилъ одного человѣка, на средства котораго я и построилъ лавку. Видно, Самъ Богъ судилъ,—закончилъ осужденный твердымъ голосомъ убѣжденнаго человѣка, чтобы я поплатился за свой поступокъ и повѣдалъ всѣмъ о своемъ преступленіи, которое я хотѣлъ скрыть... Я навелъ подозрѣніе на другихъ, и вотъ теперь самъ осужденъ за другихъ... Тяжело отвѣчать за чужіе грѣхи, это теперь только я созналъ... Меня наказали, мнѣ легче теперь, теперь совѣсть моя спокойна... Богъ, поставившій меня лицомъ къ лицу съ злодѣяніемъ, подобнымъ моему, очевидно, не хочетъ моей гибели... Да будетъ Его св. воля!“ („Кормчій“ 1900 г. № 2).

4. Безмолвный обличитель убійцы.

(Разсказъ записанъ со словъ судебнаго слѣдователя).

Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ, когда обыватели села Ивановскаго N-скаго уѣзда покоились уже крѣпкимъ сномъ, въ небольшомъ разстояніи отъ села катился возокъ, запряженный парою лошадей.

— Не знаешь ли, Иванъ, у кого въ селѣ можно будетъ переночевать?—спросилъ ямщика сидѣвшій въ возкѣ мужчина.

— У Безроднаго, баринъ, больше не у кого.

— Какъ ты сказалъ?

— У Безроднаго,—повторилъ ямщикъ.

— Кто это такой?

— Крестьянинъ, онъ содержитъ постоялый дворъ.

— Почему же его такъ зовутъ?

— Не здѣшній онъ, да одинокій, такъ должно-быть поэтому.

— А какъ же его настоящее-то имя?

— Трифонъ Егоровъ. У него всѣ господа останавливаются,—прибавилъ ямщикъ, немного помолчавъ.

Спустя двадцать минутъ послѣ этого разговора проѣзжающій сидѣлъ уже въ одной изъ комнатъ на постояломъ дворѣ Трифона Егорова. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ самъ Безродный и разливалъ чай.

— Навѣрно, не здѣшніе будете? — спросилъ онъ проѣзжающаго.

— Да, я изъ Варшавы.

— Въ гостяхъ побывали?

— Нѣтъ, по дѣлу. Въ здѣшнемъ уѣздѣ мнѣ досталась по наслѣдству усадьба, такъ я ѣздилъ ее продавать.

— А какъ называется ваша усадьба?

— Зарѣчье.

— Такъ, это богатая усадьба. А семейство есть у васъ?

— Нѣтъ, я совершенно одинокій.

Допивъ стаканъ чаю пріѣзжій поблагодарилъ хозяина и ушелъ въ свою комнату.

— Теперь можно подать и въ отставку, надоѣла служба, да и здоровье плохо. Съ капиталомъ и такъ проживу хорошо, только бы поскорѣе добраться до дому,— разсуждалъ самъ съ собою пріѣзжій, укладываясь на кровати.

Чрезъ полчаса Иванъ Семеновичъ Зеринскій, такъ звали пріѣзжаго господина, утомленный длиннымъ переѣздомъ, спалъ уже глубокимъ сномъ. Спала и прислуга постоялаго двора, помѣщавшаяся въ другой половинѣ дома. Не спалъ только одинъ Безродный, комната котораго отдѣлялась отъ спальни пріѣзжаго однимъ небольшимъ заломъ. Онъ то ложился на кровать, то снова поднимался и чуть слышными шагами ходилъ по комнатѣ.

— Есть же, подумаешь, на свѣтѣ такіе счастливые люди, которымъ деньги валятся чуть не съ неба. Вотъ хотя бы и этотъ старикъ... Говоритъ, что продалъ имѣніе, которое досталось ему по наслѣдству. Тысячъ пять, а то и болѣе, можетъ-быть, получилъ, — разсуждалъ вслухъ Безродный, сидя на кровати.— Вотъ если бы мнѣ столько денегъ, непремѣнно открылъ бы въ городѣ торговлю. А что... не покончить ли съ нимъ?..

При этой неожиданно возникшей мысли дрожь пробѣжала у него по тѣлу. Много грязныхъ дѣлъ, совершенныхъ съ цѣлью наживы, лежало на совѣсти Безроднаго, но убійцей онъ еще не былъ. Но недобрая мысль не давала уже ему покоя.

— Случай подходящій, родныхъ у него нѣтъ и розысковъ не будетъ. Надо дѣйствовать,—произнесъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія и, поднявшись съ кровати, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, очевидно, что-то обдумывая. Погодя немного, Безродный сходилъ въ другую половину дома и, принесъ топоръ.

— Только нужно сначала посмотрѣть, можетъ-быть пріѣзжій еще не спитъ. Неслышными шагами пройдя залъ, злодѣй остановился у спальни пріѣзжаго и прислушался. Чрезъ минуту онъ открылъ немного двери и заглянулъ въ комнату. Иванъ Семеновичъ спалъ на спинѣ; лѣвая рука была спущена съ кровати, а правая закинута за голову. Оставивъ не притворенными двери, Безродный возвратился въ свою комнату.

— Нельзя... мѣшаетъ рука; еще не покончишь сразу, закричитъ... пропадай тогда денежки, да и самому не сдобровать.

— Да, это не годится,—шепталъ онъ, взявши со стола приготовленный топоръ и опуская его подъ кровать.

— Нужно что-нибудь другое... И онъ обвелъ глазами комнату, какъ бы отыскивая новое орудіе для своего ужаснаго замысла.

— Вотъ это будетъ надежнѣе,— сказалъ онъ, поднимая со своей кровати большую подушку.

— Онъ старъ, да и невзраченъ, долго не навертится. И злодѣй снова осторожно подошелъ къ спальнѣ пріѣзжаго. Иванъ Семеновичъ спалъ въ прежнемъ положеніи. Сдѣлавъ быстро два шага, Безродный накрылъ подушкой лицо спавшаго и навалился на нее грудью. Борьба была непродолжительна. Сонная жертва скоро обратилась въ бездыханный трупъ.

— Кончено,—сказалъ убійца и, снявши съ вѣшалки пиджакъ проѣзжаго, сталъ обыскивать карманы.

— Не здѣсь, должно-быть тутъ,—подумалъ онъ, бросая пиджакъ и засовывая руку подъ нижнюю подушку.

— Вотъ онъ! и вытащивъ изъ-подъ подушки объемистый, туго набитый бумажникъ, убійца вышелъ изъ комнаты.

Около четырехъ часовъ утра къ деревнѣ Рыхлой, отстоявшей въ семнадцати верстахъ отъ села Ивановскаго, подъѣзжала кибитка, запряженная парою сытыхъ лошадей. Не доѣзжая саженъ тридцати до деревни, кучеръ повернулъ лошадей къ рѣкѣ и остановилъ ихъ у проруби.

— Никого нѣтъ, — сказалъ онъ, медленно обходя кибитку и пристально вглядываясь по сторонамъ. Затѣмъ, наклонившись, онъ вытащилъ изъ саней большой, очевидно тяжелый узелъ и опустилъ его въ прорубь.

— На этомъ мѣстѣ омутъ, да и камень тяжелъ, не выплыветъ... Теперь и концы въ воду...

И постоявъ еще нѣсколько минутъ у проруби, онъ сѣлъ въ кибитку и повернулъ лошадей. Это былъ Безродный.

Но *ничтоже покровенно есть, еже не открыется.*

Стояли послѣднія числа апрѣля. Весеннее солнце согнало уже съ земли снѣгъ и освободило рѣки и озера отъ ледяныхъ покрововъ. Десятокъ босоногихъ ребятишекъ изъ села Крутова бѣгали и шумѣли на берегу рѣки. Тутъ же крестьяне Иванъ Безпалый и Ѳедоръ Соминъ, сидя на небольшой рыбацкой лодкѣ, починивали сѣти.

— Ребята, посмотрите-ка, что-то прибило къ берегу,—закричалъ одинъ изъ игравшихъ мальчиковъ, указывая на противоположный берегъ.

— Да развѣ ты не видишь, что это бревно,—сказалъ другой, посмотрѣвъ по указанному направленію.

— Нѣтъ, не бревно,—возразилъ первый,—это, должно-быть, мѣшокъ.

— И впрямь мѣшокъ,—сказалъ Ѳедоръ Соминъ, оставляя работу и всматриваясь въ спорный предметъ.

— Тутъ недавно тянули лодку, должно-быть оттуда свалился,—сказалъ Безпалый, не отрываясь отъ работы.

— А что, не догнать ли намъ, пока не отнесло далѣе,—обратился Соминъ къ товарищу, кивнувъ головой на рѣку.

— Отчего же!

Черезъ десять минутъ они были уже снова на берегу, а на землѣ предъ ними лежалъ трупъ неизвѣстнаго человѣка. Искривившійся, съ прикушеннымъ языкомъ, ротъ и выступившіе изъ орбитъ глаза придавали лицу мертвеца страшное выраженіе и свидѣтельствовали о насильственной смерти.

— Пусть бы плылъ далѣе,—сказалъ Иванъ Безпалый, покосясь на мертвое тѣло.

На слѣдующій день къ мѣсту происшествія прибыли уѣздныя власти.

— Преступленіе загадочно, — сказалъ исправникъ. Мнѣ думается, что убійцу трудно отыскать. Неизвѣстность личности покойнаго еще болѣе затемняетъ это дѣло.

— Напротивъ, — возразилъ слѣдователь, держа въ рукахъ мѣшокъ, въ которомъ вытащенъ былъ трупъ, и что-то внимательно разсматривая внутри его.

— Кажется, что я уже нашелъ преступника,—прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на исправника. При этихъ словахъ слѣдователь вывернулъ мѣшокъ на другую сторону и, подавая исправнику, сказалъ: читайте.

На вывернутой сторонѣ мѣшка черною краскою была надпись: „въ село Ивановское, Трифону Егорову“.

— Какая счастливая случайность,—сказалъ исправникъ, прочитавъ надпись.

— Не случайность, а дѣйствіе Промысла Божія,—отвѣтилъ слѣдователь.—Грѣхъ убійства настолько великъ и мерзокъ въ очахъ Божіихъ,—добавилъ онъ, что Господь никогда не оставляетъ преступленіе не отмщеннымъ и нерѣдко помогаетъ правосудію земному въ отысканіи злодѣевъ.

Трифонъ Егоровъ, по прозванію Безродный, сознался въ преступленіи и понесъ заслуженное наказаніе („Пастыр. собесѣд.“, 1895 г., № 36—37).

30-й ДЕНЬ.

ПЕРЕНЕСЕНІЕ МОЩЕЙ БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Еванг. отъ Іоан., зач. 48, 46, 51, гл. XIV, 27; XIII, 34—35; XV, 9—11, 13—14, 16 ст.

1. Житіе святого благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

Въ тринадцатомъ вѣкѣ Россія еще не занимала такого большого пространства, какое она занимаетъ теперь. Часть Финляндіи принадлежала шведамъ, а часть Ливоніи — нѣмцамъ; на юго-западѣ въ дремучихъ лѣсахъ жили литовцы. Всѣ эти сосѣди враждовали съ Россіей; шведы безпрестанно ссорились съ новгородцами; ливонскіе нѣмцы нападали на ближайшія области и особенно на Псковъ, съ намѣреніемъ ввести въ этихъ областяхъ латинскую вѣру; литовцы грабили сосѣдніе русскіе города. Кромѣ того, и внутри Россіи не было спокойствія, ибо князья спорили между собою изъ-за удѣловъ.

Въ это время Богъ испыталъ Россію тяжкимъ бѣдствіемъ. Татары, подъ предводительствомъ Батыя, прошли всю русскую землю, жгли и грабили города и села, брали въ плѣнъ тысячи жителей, ихъ женъ и дѣтей, и опустошили всю землю до самаго Новгорода. Этимъ несчастіемъ Россіи воспользовались сосѣдніе враждебные народы и со всѣхъ сторонъ возобновили свои нападенія. Русскіе князья должны были защищать свою родину. Въ числѣ этихъ князей былъ Александръ, второй сынъ великаго князя Ярослава II. Александръ, родившійся въ 1220 году, съ ранней молодости отличался разумомъ, кротостію, мудростію и благочестіемъ; умѣлъ свято исполнить свой долгъ и заслужить любовь народа. Богъ помогалъ ему.

Опустошивъ наше отечество, татары заняли степи по рѣкамъ Днѣпру, Волгѣ и Уралу до морей Чернаго и Каспійскаго. Тамъ Батый ѳсновалъ свое царство, или Золотую Орду, и построилъ городъ Сарай, недалеко отъ устьевъ Волги. Князья наши должны были ѣздить въ Орду, чтобы получить отъ хана право на княженіе; народъ былъ обложенъ данью. Батый утвердилъ великимъ княземъ владимірскимъ Ярослава II Всеволодовича; Александръ же правилъ областью новгородскою, которая еще оставалась свободною отъ татаръ.

Но, хотя Новгородъ и уцѣлѣлъ отъ грабежа татаръ, онъ подвергался, однакоже, несчастіямъ другого рода. Сильные пожары истребляли и опустошали цѣлыя улицы въ городѣ; отъ засухъ и неурожаевъ жители часто терпѣли страшный голодъ, вслѣдствіе котораго распространялись повальныя болѣзни; нѣмцы и литовцы каждый день готовы были къ нападенію на область. Сдѣлавшись княземъ новгородскимъ, Александръ старался по возможности облегчить несчастія народа и защитить его отъ враговъ. Онъ заботился о томъ, чтобы судьи давали судъ справедливый, увѣщевалъ жителей жить въ мирѣ и помогать бѣднымъ; строилъ пограничныя крѣпости для защиты противъ литовцевъ и нѣмцевъ. Между тѣмъ, король шведскій собралъ сильное войско и, подъ предводительствомъ зятя своего Биргера, послалъ рать свою на ладьяхъ въ Неву. Смѣлый Биргеръ, надѣясь завоевать самый Новгородъ, велѣлъ сказать князю: „ратоборствуй со мною, если смѣешь“. Ужасъ объялъ новгородцевъ; они никакъ не надѣялись съ малымъ войскомъ отбить сильнаго врага; но Александръ положилъ упованіе свое на Бога и на справедливость своего дѣла. Онъ помолился въ храмѣ св. Софіи, взялъ благословеніе отъ епископа и бодро сказалъ дружинѣ своей: „насъ не много, а врагъ силенъ; но не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!“ Съ этими словами вышелъ онъ въ походъ.

Ночью приблизился онъ къ берегамъ Невы, къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Петербургъ, и расположился ночевать. По утру, 15 іюля 1240 года, одинъ воинъ разсказалъ Александру видѣніе, которое онъ имѣлъ. Всю ночь стоялъ онъ на стражѣ въ виду моря. При разсвѣтѣ, вдругъ, слышитъ онъ шумъ на морѣ. Обернувшись въ ту сторону, онъ видитъ, что плыветъ по морю ладья, а на ладьѣ стоятъ, обнявшись, святые мученики Борисъ и Глѣбъ и ведутъ тихія рѣчи. Святый Борисъ говоритъ святому Глѣбу: „братъ мой, Глѣбъ, поспѣшимъ на помощь сроднику нашему Александру, ему грозитъ большая опасность“. Послѣ этихъ словъ, святые угодники и корабль стали невидимы.

Это видѣніе ободрило князя. Около полудня Александръ сошелся со шведами на берегахъ Невы. Бой продолжался долго. Александръ самъ ранилъ копьемъ

Биргера и къ вечеру совершенно одолѣлъ враговъ; они сѣли на корабли и отправились за море, потерявъ множество войска; а Александръ за славную побѣду прозванъ *Невскимъ*.

Съ торжествомъ возвратился Александръ въ Новгородъ; но здѣсь ожидало его большое горе. Новгородцы возмутились противъ своего князя. Огорченный недовѣріемъ ихъ, Александръ не хотѣлъ болѣе оставаться у нихъ; взявъ семейство и имущество, онъ уѣхалъ въ Суздаль. Какъ скоро литовцы и нѣмцы узнали объ отъѣздѣ Александра, то напали на новгородскія и псковскія земли. Тогда новгородцы опомнились, раскаялись и послали епископа просить Александра, чтобъ онъ простилъ имъ вину ихъ и защитилъ отъ враговъ. Александръ не помнилъ зла; онъ собралъ дружину, явился въ областяхъ новгородскихъ, и враги должны были удалиться.

Но нѣмцы не усмирились. Черезъ нѣсколько времени они снова поднялись войною на Новгородъ. На этотъ разъ собрали они большое войско и призвали изъ нѣмецкой земли своихъ земляковъ на помощь. Полки ихъ были гораздо многочисленнѣе дружины Александровой; но смѣлый князь безъ страха выступилъ въ походъ, встрѣтилъ нѣмцевъ на льду Чудскаго озера и разбилъ ихъ. Много враговъ было побито, много взято въ плѣнъ. Этотъ бой извѣстенъ подъ именемъ *Ледового побоища*. Много разъ еще приходили нѣмцы и литовцы на русскую землю, и всякій разъ Александръ побѣждалъ и прогонялъ ихъ. Богъ видимо помогалъ благочестивому князю.

Между тѣмъ, отецъ Александра, Ярославъ, великій князь владимірскій, скончался на пути изъ Орды. Ханъ татарскій утвердилъ на великокняжескомъ престолѣ брата его, дядю Александра, Святослава. Но скоро между новымъ великимъ княземъ и младшими братьями Александра начались ссоры за великое княженіе. Александръ совѣтовалъ имъ порѣшить дѣло судомъ ханскимъ. Князья согласились, и самъ Александръ съ младшимъ братомъ Андреемъ поѣхалъ къ хану. Сначала прибыли они въ Золотую Орду; но отсюда должны были отправиться далѣе, въ степи монгольскія, гдѣ царствовалъ Менгу, которому повиновался самъ Батый. Послѣ долгаго путешествія, оба князя благополучно возвратились назадъ. Андрей утвержденъ былъ великимъ княземъ владимірскимъ, а Александръ — кіевскимъ. Старый дядя Святославъ долженъ былъ поневолѣ уступить Андрею Владиміръ; но на самомъ дѣлѣ онъ не помирился съ нимъ и донесъ хану, что Андрей не хочетъ слушать ханскихъ повелѣній и противится его волѣ. Ханъ послалъ большое войско; Андрей встрѣтилъ его съ своей дружиной, но былъ разбитъ и убѣжалъ къ нѣмцамъ. Область владимірская была разорена. Александръ зналъ, что ханъ не оставитъ безъ наказанія поступокъ Андрея, что вся Россія должна ожидать кары. Чтобъ спасти отечество отъ разоренія, онъ поѣхалъ въ Орду ходатайствовать за Андрея и за всю землю русскую. Ханъ милостиво принялъ Александра, утвердилъ его великимъ княземъ владимірскимъ, кіевскимъ и новгородскимъ и отпустилъ въ Россію.|

Съ восшествіемъ Александра на великокняжескій престолъ владимірскій, умножились заботы и труды его. Теперь онъ сдѣлался единственнымъ защитникомъ православной вѣры и народа противъ татаръ. Александръ долженъ былъ дѣйствовать терпѣніемъ и покорностью, а не мечомъ. Онъ зналъ, что у него не достанетъ силъ противиться многочисленнымъ толпамъ татаръ, и что всякое сопротивленіе поведетъ только къ большему разоренію народа. Одиннадцать лѣтъ былъ Александръ великимъ княземъ и въ это время успѣлъ сдѣлать много добраго для вѣры, церкви и народа. Своимъ ходатайствомъ онъ освободилъ духовенство, т.-е. епископовъ и священниковъ, какъ служителей Божіихъ, отъ дани татарской; получилъ отъ хана позволеніе поставить православнаго епископа въ самой столицѣ татарскаго царства и заставилъ татаръ уважать христіанскую вѣру.

Одной изъ главныхъ заботъ его было облегчить народу платежъ татарской дани и спасти его отъ нищеты. Покоривъ Россію, татары оставили владѣть ею русскихъ князей и требовали дани. Каждый годъ ханъ присылалъ чиновниковъ своихъ, баскаковъ, за сборомъ дани, и они угнетали народъ, иногда отнимали даже необходимое. Чтобъ избавить народъ отъ бѣдности и конечнаго разоренія, Александръ уговорился съ ханомъ сдѣлать поголовную народную перепись или ревизію, и потомъ брать съ каждаго столько, сколько придется по расчету.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ дань собиралась хивинскими купцами, которые откупали ее. Новые сборщики были еще корыстолюбивѣе прежнихъ, не щадили никого и ругались надъ самой святыней. Народъ, наконецъ, потерялъ терпѣніе. Многіе города: Владиміръ, Суздаль, Ростовъ возстали и перебили своихъ притѣснителей. Въ Ярославлѣ и Устюгѣ были страшные мятежи. Уже огромное ополченіе готовилось въ Ордѣ, чтобы наказать ослушныхъ. Великій князь самъ поѣхалъ въ Орду, рѣшившись или умереть за отечество, или спасти его. Богъ благословилъ успѣхомъ послѣднее дѣло святого Александра, и земля наша спасена была отъ новаго нашествія татаръ.

На дорогѣ изъ Орды, въ городцѣ Волжскомъ, селѣ нижегородской губерніи, Александръ занемогъ; почувствовавъ близкую смерть, онъ пожелалъ постричься въ монахи и принять схиму. По совершеніи священнаго обряда, Александръ, принявшій въ постриженіи имя *Алексія,* созвалъ князей, бывшихъ съ нимъ бояръ и простыхъ людей, сдѣлалъ послѣднія распоряженія, благословилъ всѣхъ присутствующихъ, простилъ ихъ во всемъ и просилъ прощенія самому себѣ. Потомъ онъ исповѣдывался, пріобщился святыхъ таинъ и отдалъ Богу душу, 14 ноября 1263 года, имѣя около 44 лѣтъ отъ роду. Всѣ оплакивали святого князя въ городѣ Волжскомъ; но еще не знали о смерти Александра во Владимірѣ и ждали его. Вдругъ, митрополитъ Кириллъ, во время церковной службы, обратясь къ народу, сказалъ: „зашло солнце земли русской“. Никто не понялъ словъ его. Тогда онъ со слезами повторилъ: „нынче преставился благовѣрный великій князь Александръ“.

Погребальное шествіе двинулось изъ Городца во Владиміръ. За десять верстъ до Владиміра, митрополитъ и народъ встрѣтили со слезами гробъ святого князя. Въ соборной церкви Владимірской совершилось отпѣваніе, а потомъ тѣло покойнаго было перенесено въ обитель Рождества Богоматери и тамъ погребено въ соборной церкви. Отсюда разнеслась по всей Россіи слава о чудесахъ святого князя Александра. Многіе больные и увѣчные, приходя ко гробу его, получали исцѣленіе. При императорѣ Петрѣ Великомъ мощи св. Александра перенесены были въ Петербургъ и положены въ построенной въ память его Александро-Невской лаврѣ, гдѣ они и почиваютъ донынѣ. Память св. Александра Невскаго православная церковь празднуетъ 23 ноября, а перенесеніе святыхъ его мощей изъ Владиміра въ С.-Петербургъ въ 30 день августа. (См. книг.: „Избранныя житія святыхъ“ Бахметевой, ноябрь, Москва, 1891 г., стр. 109—117).

2. О доблестяхъ святого благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

Благовѣрному князю Александру Невскому принадлежитъ великая слава. Этому порфирородному праведнику удивлялись его современники, предъ нимъ благоговѣютъ потомки, честныя мощи его прославилъ нетлѣніемъ праведный Мздовоздатель праведниковъ, святая церковь причислила его къ лику святыхъ. Чѣмъ же стяжалъ себѣ такую славу св. Александръ Невскій? На это отвѣчаетъ мать наша, православная церковь, въ одномъ изъ своихъ пѣснопѣній въ честь его. *Пріидите вси россійстіи сыны,* воспѣваетъ она, *восхвалите добраго начальника, власти — мудраго строителя, воини — доблестнаго воина, любители православія — твердаго исповѣдника вѣры, изволеніемъ мученика* (Канонъ св. Александр. Невск.). Вотъ цвѣты, изъ коихъ сплетенъ неувядаемый вѣнецъ славы благовѣрнаго князя, святаго Александра Невскаго.

Итакъ, святый благовѣрный князь Александръ Невскій былъ прежде всего *добрымъ и милостивымъ начальникомъ.* Призванный на дѣло служенія своему отечеству во дни посѣщенія его — во время татарскаго нашествія, благовѣрный князь явился въ это время истиннымъ хранителемъ и утѣшителемъ земли русской. Онъ хотя и болѣлъ душею по братіяхъ своихъ, но не только не пытался итти войною противъ поработителей своихъ, а и удерживалъ народъ отъ этого, заповѣдуя повиноваться имъ, „ибо Господь почтилъ ихъ царствомъ“, внушалъ всѣмъ терпѣніе въ перенесеніи ниспосланнаго свыше наказанія и покаяніе во грѣхахъ своихъ, показывая собою добрый примѣръ; людей бѣдныхъ и нищихъ, томимыхъ голодомъ, питалъ хлѣбомъ своимъ; утѣшалъ отчаивающихся; самъ собиралъ дань для поработителей своихъ, дабы тѣмъ укротить жестокость и варварство ихъ. Не разъ путешествовалъ благовѣрный князь въ орду для ходатайства за русскій народъ предъ невѣрными, „ихъ же посла Господь на люди Своя ради грѣхъ ихъ“, а въ послѣднее свое путешествіе для защиты земли русской и окончилъ свою земную жизнь. Вспоминая о такой царственной доблести святого благовѣрнаго князя Александра Невскаго, помолимся ему, да почіетъ и на всѣхъ христіанахъ православнаго царства духъ пламенной любви къ своему отечеству съ готовностью положить жизнь свою на службѣ ему, въ защитѣ царя—помазанника Божія, св. церкви и всѣхъ православныхъ христіанъ.

Святый благовѣрный князь Александръ Невскій былъ, далѣе, *мудрымъ правителемъ*. Много мудрости нужно было имѣть великому князю, дабы, съ одной стороны, не ожесточить могучихъ властелиновъ, а съ другой, защитить беззащитный народъ отъ ихъ насилія. Много требовалось мудрости, дабы управлять страною, въ которой, по прошествіи полчищъ татарскихъ, цвѣтущіе города и села были разоряемы и сжигаемы, народъ разбѣгался отъ страха враговъ, скрывался въ лѣсахъ и другихъ потаенныхъ мѣстахъ, ожидая себѣ поминутно смерти отъ меча варваровъ. Много нужно было мудрости управлять страною, состоящею изъ множества самостоятельныхъ княжествъ, дѣйствовавшихъ порознь противъ общаго врага. Но мудрость св. Александра Невскаго изыскивала средства ослаблять и отклонять эти трудности и безпорядки.

Третья царственная доблесть св. Александра Невскаго, прославляемая святою церковію,—*это непобѣдимое мужество*, приводившее въ восторгъ и удивленіе всѣхъ современниковъ. Невидимая помощь свыше, которой благовѣрный князь ввѣрялъ себя съ молитвою, видимо осѣняла его во многихъ войнахъ съ врагами земли русской, такъ что слава бранныхъ подвиговъ его проникла во всѣ страны міра. Но и по окончаніи своего земного поприща св. Александръ Невскій не оставилъ безъ попеченія своего земли русской и на небѣ: явилъ помощь и по смерти своей князю Димитрію Донскому въ борьбѣ его съ татарами и исходатайствовалъ царю Іоанну побѣду надъ казанцами. Въ силу этого мы вѣруемъ, что онъ нынѣ ограждаетъ моленіемъ своимъ и всѣхъ насъ, и грады владычествія своего, и вся люди земли россійскія, споборствуя на сопротивныя наслѣдникамъ своимъ, императорамъ всероссійскимъ (Троп. св. Александру Невск.).

Наконецъ, *самый лучшій цвѣтъ въ неувядаемомъ вѣнцѣ славы благовѣрнаго князя Александра Невскаго есть благочестіе и святая ревность его по вѣрѣ.* Благочестивый князь видѣлъ въ православной вѣрѣ, насажденной въ землѣ русской равноапостольнымъ предкомъ его, княземъ Владиміромъ, единственный залогъ спасенія Руси, раздробленной на удѣлы и тѣснимой со всѣхъ сторонъ врагами,—и ни угрозы, ни ласки, ни льстивыя обѣщанія римскаго посла не могли склонить его къ измѣнѣ православію. „Ни огнь, ни вода, ни мечъ и никакая сила не принудятъ меня отступить отъ ученія православныя восточныя церкви“,—эти достопамятныя слова произнесъ онъ нѣкогда противъ обольщеній запада. Съ другой стороны, Александръ Невскій твердо былъ убѣжденъ, что святая вѣра есть единственный залогъ жизни вѣчной, для которой онъ и подвизался на землѣ ко благу ввѣреннаго ему Богомъ народа. Онъ рѣшился лучше умереть въ Ордѣ, по примѣру благовѣрнаго предка своего, св. князя Михаила черниговскаго, чѣмъ уступить требованію зловѣрныхъ и совершить языческій обрядъ: „огню и идоламъ кланяться не буду,—сказалъ благочестивый князь Александръ Невскій страшному завоевателю Батыю.—Я христіанинъ, и лучше приму смерть, чѣмъ отвергнусь вѣры предъ людьми“. Самъ свирѣпый повелитель татаръ—Батый, уважая мужество исповѣдника Христова, вопреки своему обычаю, принялъ и отпустилъ его съ честію. (Сост. съ дополн. по проп., прилож. къ „Рук. для с. паст.“ за 1891 г.).

ПРИЛОЖЕНІЕ І-ое.

ПРАЗДНИКИ ПЕРЕХОДЯЩІЕ.

ВХОДЪ ГОСПОДЕНЬ ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

См. въ 1-й части недѣлю Ваій, 6-ю великаго поста.

СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА. ВЕЛИКІЙ ЧЕТВЕРГЪ, ПЯТНИЦА И СУББОТА.

1. Тайная вечеря.

За два дня до праздника Пасхи (въ среду), старѣйшины еврейскаго народа и книжники собрались въ домѣ первосвященника Каіафы и въ совѣтѣ своемъ положили взять Іисуса Христа хитростію и убить, только не въ праздникъ, чтобы не сдѣлалось возмущенія въ народѣ. Неожиданно въ собраніе ихъ явился одинъ изъ двѣнадцати апостоловъ, по имени Іуда Искаріотскій, и сказалъ: „что вы дадите мнѣ? И я вамъ предамъ Его“. Они предложили ему тридцать сребрениковъ—цѣну обыкновеннаго раба. Іуда согласился, и съ этого времени сталъ искать удобнаго случая, чтобы предать Господа Іисуса Христа врагамъ Его.

Утромъ въ четвертокъ Господь повелѣлъ апостоламъ Петру и Іоанну приготовить все нужное для празднованія Пасхи, а на вопросъ ихъ: „гдѣ приготовить?“ сказалъ: „вотъ, при входѣ вашемъ въ городъ, встрѣтится вамъ человѣкъ, несущій кувшинъ воды, послѣдуйте за нимъ въ домъ и скажите хозяину: Учитель повелѣлъ сказать: время Мое близко; гдѣ горница, въ которой бы Мнѣ ѣсть пасху съ учениками Моими? И онъ покажетъ горницу, большую, устланную: тамъ приготовьте“. Они сдѣлали, какъ повелѣлъ имъ Іисусъ, и приготовили Пасху,

При наступленіи вечера, Господь Іисусъ Христосъ пришелъ въ приготовленную горницу и возлегъ за столъ вмѣстѣ съ двѣнадцатью Своими учениками. Господь всегда любилъ Своихъ учениковъ, но въ эти послѣдніе часы чувства любви къ нимъ возросли до высшей степени и выразились самымъ трогательнымъ образомъ. Господь всталъ съ Своего мѣста, снялъ съ Себя верхнюю одежду и, взявъ полотенце, препоясался; потомъ влилъ воду въ умывальницу и началъ умывать ноги учениковъ и отирать полотенцемъ, которымъ былъ препоясанъ. Всѣ безмолвно повиновались, но когда очередь дошла до Петра, то онъ воспротивился. „Господи, Тебѣ ли (Мессіи, Владыкѣ живыхъ и мертвыхъ) умывать мои ноги!“ Господь сказалъ ему: „что дѣлаю теперь, ты не знаешь, а уразумѣешь послѣ“. Петръ воскликнулъ: „не умыть Тебѣ ногъ моихъ во вѣкъ“ (т.-е. никогда)! Господь отвѣтилъ: „если не умою тебя, не имѣешь части со Мною“. — „Господи, — воскликнулъ Петръ, — не только ноги мои, но и руки и голову!“ Но Господь сказалъ: „омытому нужно умыть только ноги, потому что чистъ весь,—и вы чисты,—прибавилъ Онъ, обращаясь къ другимъ ученикамъ, но не всѣ“ (первое вразумленіе Іудѣ). Совершивъ умовеніе ногъ, Господь сказалъ: „знаете ли, что Я сдѣлалъ вамъ? Вы называете Меня Учителемъ и Господомъ и правильно говорите. Итакъ, если Я, Господь и Учитель, умылъ ноги вамъ, то и вы должны умывать ноги другъ другу (т.-е. служить другъ другу со смиреніемъ и любовью); ибо Я далъ вамъ примѣръ, чтобы вы дѣлали то же, что Я дѣлалъ вамъ“.

Послѣ сего пасхальная вечеря пошла своимъ порядкомъ: читали молитвы, пѣли благодарственныя пѣсни, вкушали агнца, пили пасхальное вино.

По совершеніи ветхозавѣтной Пасхи, Господь Іисусъ Христосъ взялъ хлѣбъ (квасный) и, возблагодаривъ Бога Отца, благословилъ его, преломилъ, далъ ученикамъ и сказалъ: „пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое, за васъ ломимое“. Потомъ взялъ чашу съ винограднымъ виномъ (раствореннымъ водой) и, воздавъ хвалу Богу, подалъ ученикамъ, говоря: „пійте отъ нея вси; сія есть кровь Моя новаго завѣта, за васъ и за многихъ изливаемая во оставленіе грѣховъ“. По причащеніи апостоловъ, Господь заповѣдалъ имъ совершать это таинство въ воспоминаніе о Немъ.

Во время ветхозавѣтной Пасхи и Тайной вечери Господь нѣсколько разъ вразумлялъ Своего предателя. Послѣ намека о томъ, что не всѣ ученики чисты, Онъ сказалъ: „истинно говорю вамъ: одинъ изъ васъ, ядущій со Мною, предастъ Меня“. Всѣ ученики пришли въ ужасъ и начали съ безпокойствомъ спрашивать: „не я ли, Господи?“ Но Іуда молчалъ. Тогда Господь, чтобъ сильнѣе подѣйствовать на ожесточенное его сердце, сказалъ: „Сынъ человѣческій идетъ (на страданія), какъ написано о Немъ; но горе тому человѣку, которымъ Сынъ человѣческій предается; лучше было бы этому человѣку не родиться“. Снова началось волненіе между апостолами и посыпались вопросы: „не я ли, Господи?“ Пламенный Петръ никакъ не могъ выдержать неизвѣстности и далъ знакъ Іоанну, который возлежалъ ближе всѣхъ къ Іисусу Христу, чтобъ спросилъ Его о предателѣ. Іоаннъ припалъ къ груди Господа и тихо спросилъ: „кто это?“ Господь открылъ Своему другу тайну предателя, сказавъ: „тотъ, кому Я, обмакнувъ кусокъ хлѣба, подамъ“, и, обмакнувъ кусокъ, подалъ Іудѣ Искаріоту. Іоаннъ только понималъ значеніе этого дѣйствія, но въ глазахъ другихъ оно было знакомъ особеннаго вниманія Господа къ Іудѣ. Наконецъ, и Іуда рѣшается прервать молчаніе и спрашиваетъ Іисуса Христа вмѣстѣ съ другими: „Господи, не я ли?“—„Ты“, отвѣчалъ ему Господь, но такъ тихо, что никто, кромѣ Іуды, не слыхалъ этого слова.

Въ евангеліи ясно не сказано—удостоенъ ли былъ Іуда причащенія Святыхъ Таинъ; но церковь вѣруетъ, что Господь не лишилъ Своего предателя и этого высшаго знака Своей любви и, по принятіи хлѣба (т.-е. послѣ недостойнаго причащенія), вошелъ въ Іуду сатана и окончательно овладѣлъ имъ. Видя его безпокойство, Господь сказалъ: „что хочешь дѣлать, дѣлай скорѣй“. Іуда тотчасъ всталъ изъ-за стола и вышелъ вонъ, но и теперь никто, кромѣ Іоанна, не понималъ словъ Господнихъ, а думали всѣ, что Господь приказывалъ Іудѣ или купить что-нибудь къ празднику, или подать бѣднымъ, такъ какъ у него находилась общая казна.

По окончаніи вечери, Господь и ученики съ пѣніемъ радостныхъ и пасхальныхъ псалмовъ (Пс. 115—118) отошли на гору Елеонскую.

Еще до окончанія Тайной вечери, какъ только вышелъ Іуда, Господь сказалъ апостоламъ: „дѣти, не долго Мнѣ быть съ вами. Заповѣдь новую даю вамъ: любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы любите другъ друга. Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“. Апостолъ Петръ спросилъ: „Господи, куда Ты идешь?“ Іисусъ Христосъ сказалъ ему: „куда Я иду, ты не можешь за Мною теперь итти, а послѣ пойдешь за Мною“. Петръ возразилъ: „почему я не могу итти за Тобою теперь? Я душу свою положу за Тебя“. Господь отвѣчалъ ему: „ты свою душу положишь за Меня? Истинно, истинно говорю тебѣ: не пропоетъ пѣтухъ, какъ отречешься отъ Меня трижды“. На пути къ горѣ Елеонской Господь сказалъ и прочимъ ученикамъ: „всѣ вы соблазнитесь о Мнѣ въ эту ночь, ибо написано: „поражу пастыря, и разсѣются овцы“. Петръ воскликнулъ: „Господи, если всѣ соблазнятся о Тебѣ, я никогда не соблазнюсь!“ Іисусъ Христосъ сказалъ ему: „истинно говорю тебѣ, что ты нынѣ, въ эту ночь, прежде нежели дважды пропоетъ пѣтухъ, трижды отречешься отъ Меня“. Петръ продолжалъ увѣрять: „хотя бы мнѣ надлежало умереть съ Тобою, не отрекусь отъ Тебя“. То же говорили и другіе ученики.

Во время Тайной вечери Господь началъ и на пути къ горѣ Елеонской продолжалъ трогательную прощальную бесѣду съ Своими учениками. Онъ увѣрялъ ихъ въ Своей любви и помощи, обѣщалъ имъ ниспослать Св. Духа, утѣшалъ ихъ благоволеніемъ небеснаго Отца и ободрялъ въ терпѣніи искушеній и бѣдствій.

„Да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте. Въ домѣ Отца Моего много обителей; а если бы не такъ, Я не сказалъ бы вамъ: Я иду приготовить мѣсто вамъ.

Я есмь лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего. Если пребудете во Мнѣ, и слова Мои въ васъ пребудутъ, то, чего ни пожелаете, просите, и будетъ вамъ.

Какъ возлюбилъ Меня Отецъ, и Я возлюбилъ васъ; пребудьте въ любви Моей. Сія есть заповѣдь Моя: да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Нѣтъ больше сей любви, какъ кто положитъ душу свою за друзей своихъ. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповѣдую вамъ.

Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ. Если бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое; а какъ вы не отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ. Помните слово, которое Я сказалъ вамъ: рабъ не больше господина своего. Если Меня гнали, будутъ гнать и васъ; если Мое слово соблюдали, будутъ соблюдать и ваше. Сіе сказалъ Я вамъ, чтобъ вы не соблазнились; изгонятъ васъ изъ синагоги,—даже наступаетъ время, когда всякій убивающій васъ будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу.

Лучше для васъ, чтобъ Я пошелъ; ибо, если Я не пойду, Утѣшитель не придетъ къ вамъ, а если пойду, то пошлю Его къ вамъ. Когда же придетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину. Не отъ Себя Онъ будетъ говорить, но будетъ говорить, что услышитъ, и будущее возвѣститъ вамъ. Онъ прославитъ Меня, потому что отъ Меня приметъ и возвѣститъ вамъ.

Истинно, истинно говорю вамъ: о чемъ вы ни попросите Отца во имя Мое, дастъ вамъ. Донынѣ вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна. Не говорю вамъ, что Я буду просить Отца о васъ; ибо Самъ Отецъ любитъ васъ, потому что вы возлюбили Меня и увѣровали, что Я исшелъ отъ Бога“.

Прощальную бесѣду Господь заключилъ слѣдующими словами: „въ мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь: Я побѣдилъ міръ“.

2. Мысли св. Димитрія ростовскаго о св. таинствѣ причащенія.

Замѣчательно по превосходнымъ сравненіямъ и неотразимой силѣ убѣдительности слѣдующее *наставленіе св. Димитрія ростовскаго о пресуществленіи св. таинъ*.

1. „Если кто изъявляетъ сомнѣніе и невѣріе касательно Божественнаго таинства,—какъ хлѣбъ, находящійся на трапезѣ, прелагается въ тѣло, а вино въ кровь Іисуса Христа, Сына Божія, и становится въ священномъ служеніи истиннымъ тѣломъ и кровію Его, то всякій православный христіанинъ долженъ спросить его такъ: можетъ ли Богъ сдѣлать больше человѣка и выше разума его? И когда скажетъ: можетъ, — скажи ему: почему же Онъ не можетъ дать намъ Своей плоти въ пищу? *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася* (Псал. XXXII, 6), тѣмъ же словомъ Божіимъ премѣняетъ Онъ хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Свою“.

2. „И если удивляешься тому, какъ тотъ же Христосъ — и на трапезѣ, и на небесахъ, то удивляйся и тому, какъ одно солнце, которое насъ здѣсь освѣщаетъ и согрѣваетъ, въ то же время свѣтитъ и на небѣ и на землѣ, и на востокѣ и на западѣ, и во всѣхъ странахъ міра. Такъ и Христосъ—въ то же время и на небѣ, и на землѣ — въ пречистыхъ тайнахъ, какъ одинъ Всемогущій и Всесильный, и на небѣ истинно по естеству, и на землѣ властію Божества, совершаетъ великія и преславныя дѣла, непостижимо и несказанно превыше ума человѣческаго“.

3. „И опять, если удивляешься тому, какъ одинъ Христосъ во многихъ частяхъ подается вѣрнымъ равно цѣлый, не меньшій въ одной части, и не большій въ другой:—удивляйся же и тому, какъ одинъ мой голосъ и у меня въ устахъ, и въ вашихъ ушахъ есть одинъ и тотъ же голосъ“.

4. „И если удивляешься, какъ тѣло не сокрушается въ раздробленіи таинъ, когда раздробляется Агнецъ, и какъ во всякой части есть цѣлый и совершенный Христосъ,—удивляйся и сему, какъ это, когда зеркало раздробится на малыя части, то образъ человѣческій въ немъ не раздробляется, но во всякой части представляется цѣлымъ, какъ и въ полномъ зеркалѣ“.

5. „Если удивляешься тому, какъ Христосъ, часто снѣдаемый, не умаляется, но цѣлъ пребываетъ во вѣки, — удивляйся и сему, какъ, зажегши одною свѣчею другія свѣчи, ты не уменьшаешь чрезъ это свѣтлости первой свѣчи“.

6. „И если спросишь о томъ, какъ Христосъ, вшедши во внутрь нашего естества, не оскверняется и не заключается, то и я спрошу: солнце, проходя надъ нечистыми мѣстами, оскверняется ли чрезъ это или нѣтъ? — Знаю, что мудрый и вѣрный не осмѣлится сказать: да! Тѣмъ болѣе не оскверняется Христосъ, Свѣтъ всякой чистоты, и не заключается Сущій, Котораго не могли удержать ни адъ, ни гробныя печати, ни двери во входѣ къ ученикамъ, затворенныя и твердо заключенныя“.

7. „Если удивляешься, какъ въ такой малой части таинъ—весь полный и цѣлый Христосъ, то дивись и сему, какъ въ такомъ маломъ зернѣ зрачка твоего вмѣщаются и имъ объемлются такіе великіе города? Но, узнавъ сіе, ты не испытывай неиспытуемаго таинства, а съ несомнѣнною вѣрою и сердечною любовію воздавай благодареніе страшному и сильному и всемогущему Царю и Богу Вседержителю и дѣлами и умомъ, за неисповѣдимые дары Его“.

8. „И опять въ разсужденіи тѣла Господня — право вѣруй съ церковію о страшныхъ тайнахъ. Хотя тѣлесными очами усматриваешь ты видимый хлѣбъ и вино, но вѣруй крѣпко, безъ сомнѣнія, тому, что существо ихъ, наитіемъ и дѣйствіемъ Святаго Духа и властію всемогущаго слова Божія премѣняется въ тѣло и кровь Христову, такъ что ничего иного здѣсь не остается, а только самое истинное тѣло и кровь Господня, подъ видами пшеничнаго, квасного, новопеченнаго мягкаго хлѣба, и вина, выжатаго изъ виноградныхъ гроздовъ, т.-е. ягодъ“. („Твор. св. Дим. ростовск.“, ч. V, стр. 115).

3. Что есть причащеніе?

Оно есть огонь, сожигающій и попаляющій корень и вѣтви грѣховъ, оно есть всецѣлебное врачевство отъ всѣхъ болѣзней и скорбей; и оно есть основаніе освященія души; святое причащеніе есть вѣрный залогъ вѣчной жизни, и оно есть, такъ сказать, какъ бы задатокъ благодати Божіей, начало, или ростокъ святости; и оно есть священный узелъ, тѣсно связывающій человѣка со Іисусомъ Христомъ. Тотъ, кто достойно причащается святыхъ Таинъ, получаетъ совершенное избавленіе отъ всѣхъ грѣховъ своихъ, тотъ можетъ исцѣлиться отъ всякихъ болѣзней; кто достойно причастится святыхъ Таинъ, тотъ получаетъ начало освященія души своей, становится наслѣдникомъ жизни вѣчной; тотъ, кто достойно причащается святыхъ Таинъ, соединяется крѣпкими узами со Іисусомъ Христомъ, такъ что Іисусъ Христосъ есть душа и жизнь его, а онъ есть дражайшій членъ Самого Іисуса Христа, или онъ пребываетъ во Іисусѣ Христѣ, а Іисусъ Христосъ пребываетъ въ немъ: „ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ“, — сказалъ Іисусъ Христосъ. И если человѣкъ, достойно причастившійся святыхъ Таинъ, не обратится на прежнюю грѣховную жизнь свою, но по силѣ своей будетъ стараться обращать вниманіе на внутренность души своей, то сей ростокъ благодати и святости мало-по-малу пуститъ отрасли, укоренится, прозябнетъ и принесетъ сладчайшій плодъ царствія небеснаго. Если человѣкъ, достойно причастившійся, будетъ жить осторожнѣе и осмотрительнѣе, то сей священный узелъ, связующій его со Іисусомъ Христомъ, будетъ болѣе и болѣе укрѣпляться и, наконецъ, сдѣлается столь крѣпкимъ, что никакая сила во вѣки вѣковъ не въ состояніи разорвать его, и тогда таковой человѣкъ самъ дѣлается живымъ источникомъ жизни и благодати: одно прикосновеніе его, одна тѣнь его, даже самая одежда его, какъ апостола Петра, можетъ производить чудеса. Боже мой! какое сокровище мы имѣемъ въ рукахъ своихъ и именно въ рукахъ нашихъ, потому что никто не возбраняетъ и не запрещаетъ намъ приходить и пить изъ сей чаши жизни; когда только угодно, приходи и пей, и не только никто не возбраняетъ, но церковь каждодневно призываетъ насъ къ сей чашѣ безсмертной—приступите, вопіетъ она, тѣло Христово пріимите, источника безсмертнаго вкусите. (Изъ соч. Иннокентія, митр. моск.).

4. Чудеса, бывшія при таинствѣ тѣла и крови Христовыхъ.

1. Историкъ Созоменъ повѣствуетъ: „когда св. Златоустъ совершалъ литургію и раздавалъ вѣрующимъ св. тайны, приступила къ сему нѣкоторая женщина, зараженная ересью македоніевой. И какъ только приняла Божественное причащеніе съ невѣріемъ, мгновенно часть (тѣла Христова) обратилась въ устахъ ея въ камень. Женщина, пришедшая въ ужасъ отъ сего предивнаго чуда, предъ всѣмъ народомъ разсказала случившееся съ нею, показывая самый камень, и отъ невѣрія обратилась къ истинной вѣрѣ“ (Истор. Созом. кн. 8, гл. V).

2. Въ Лимонарѣ пишется: „въ Селевкіи у нѣкотораго купца-еретика былъ православный рабъ, который, взявъ св. причащеніе, хранилъ его въ ковчежцѣ. Спустя нѣсколько времени, узналъ о семъ господинъ его и хотѣлъ сжечь св. тайны;—но вдругъ всѣ части пречистаго тѣла Христова, соблюдаемыя въ ковчежцѣ подъ видомъ хлѣба, произрастили колосья“ („Лимонарь“ глава LXXIX).

3. Во время Мины, патріарха цареградскаго, нѣкто изъ еврейскихъ отроковъ присоединился къ христіанскимъ отрокамъ и принялъ съ ними вмѣстѣ св. причащеніе; но, возвратившись въ домъ, разсказалъ отцу своему все случившееся. Отецъ его воспламенился гнѣвомъ, и тотчасъ схватилъ сына и бросилъ его въ печь, въ которой расплавливалось стекло (ибо отецъ его былъ мастеромъ литья стеколъ). Мать, ничего не зная, что случилось съ ея сыномъ, долго искала его, и не могла найти. Въ третій день съ плачемъ и рыданіемъ пришла къ своему мужу — стекольному мастеру, и вдругъ изъ среды раскаленной печи услышала голосъ своего сына. Испугавшись и вмѣстѣ обрадовавшись, матерь съ поспѣшностію приступила къ плавильной печи и увидѣла сына среди горящихъ углей. Вынувъ его изъ огня, спросила: какимъ образомъ онъ не сгорѣлъ въ печи? Онъ отвѣчалъ: „какая-то жена въ свѣтлой одеждѣ часто приходила къ нему, подавая ему воду для погашенія горящаго угля; и когда хотѣлъ онъ ѣсть, она давала ему пищу“. Это чудесное происшествіе пронеслось по всему городу. Самъ императоръ Іустинъ (который въ это время царствовалъ въ греческой имперіи) узналъ о семъ и повелѣлъ крестить сына и матерь, а отца, который не захотѣлъ принять крещеніе, приказалъ бросить въ раскаленную печь. Это чудо было извѣстно всему міру. (О немъ пишутъ слѣд. церковные историки: Евагрій въ кн. 4, въ гл. XXIV; Евсевій въ кн. 4, въ гл. XXXVI; Никифоръ въ кн. 17, въ гл. XXV).

4. Въ одинъ зимній вечеръ, сообщается въ журн. „Кормчій“, я пришелъ въ одинъ знакомый мнѣ домъ. Вижу,—хозяинъ дома сидитъ одинъ; лицо его

было печально и угрюмо. Я спросилъ: „что вы такъ невеселы?“

— Да! меня Господь посѣтилъ величайшимъ несчастіемъ,—моя жена находится при смерти; за нѣсколько минутъ до вашего прихода она исповѣдалась и причастилась, и вотъ теперь она спитъ, но кажется, что этотъ сонъ будетъ сномъ вѣчнымъ—и съ этими словами, опечаленный мужъ сдѣлался еще печальнѣе.

Не желая болѣе безпокоить удрученнаго скорбію, я поспѣшилъ удалиться; при прощаніи онъ мнѣ сказалъ: „придите ко мнѣ когда-нибудь, — вотъ я скоро останусь одинъ“... Я обѣщался,— дѣйствительно, черезъ два дня мнѣ нужно было отправиться въ этотъ же знакомый домъ. Прихожу, — хозяйка ходитъ совершенно здоровою; мужъ ея сидитъ съ веселымъ видомъ; они приняли меня очень ласково. У недавно страдавшей я спросилъ о здоровьѣ: „Теперь, слава Богу, я совершенно здорова“,—сказала она. „Ахъ, какое чудо совершилъ надо мною милосердый Господь!..“ Любознательность овладѣла мною, я просилъ разсказать обо всемъ случившемся, и хозяйка дома сообщила мнѣ слѣдующее:

„Вотъ уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ я страдаю удушьемъ и перемежающеюся лихорадкою; но такого страшнаго мученья я никогда не испытывала, какъ въ субботу на прошедшей недѣлѣ, во время ночи. Мужа моего не было дома, я легла спать совершенно здоровою и вижу во снѣ: будто я иду по какой-то дорогѣ, съ правой стороны которой былъ необыкновенный свѣтъ, а съ лѣвой—страшная темнота; я все рвалась къ свѣтлой сторонѣ, но какая-то сила влекла меня въ противоположную сторону... Вдругъ послѣдовалъ страшный ударъ въ голову, и я очнулась. Въ головѣ у меня сдѣлалась нестерпимая боль и сильнѣйшій жаръ; колотье распространилось по всему тѣлу; открылась страшная рвота и сильное воспаленіе въ груди, и я совершенно была безъ памяти. — На разсвѣтѣ я очнулась, а болѣзнь моя еще стала труднѣе.—Пріѣзжаетъ мужъ, я съ великимъ трудомъ могла выговорить: „умираю“. Тотчасъ послали за священникомъ. Не знаю, почему у меня вдругъ родилось сильное, нетерпѣливое желаніе, чтобы поскорѣе пришелъ священникъ; мнѣ пришли на умъ слова: „болитъ ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковные“... Каждая минута казалась для меня мучительнѣе смерти, пока не приходилъ священникъ. Наконецъ, приходитъ священникъ: моя болѣзнь въ высшей степени стала нестерпима, — захватило у меня дыханіе, и я едва не умерла.— Священникъ положилъ на столъ какой-то ящикъ, надѣлъ на себя епитрахиль (какъ я послѣ узнала) и поручи на руки. Когда стали всѣ выходить изъ комнаты по приказанію священника, мужъ мнѣ сказалъ тихо: „прими съ вѣрою!..“ Эти слова точно стрѣлою пронзили мое сердце.—Потомъ священникъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: знаешь ли ты, что здѣсь? указавъ на ящикъ. Я сказала: нѣтъ! Здѣсь, говоритъ онъ, Св. Дары—пречистое тѣло Христово и Его кровь: вѣруешь ли ты сему? — Нѣтъ,—сказала я. Священникъ изумился и потомъ, постоявъ минуты двѣ, опять спросилъ: почему же ты не вѣруешь сему?—Я молоканка! и хоть я крещеная, но я носила только имя христіанки, а на самомъ дѣлѣ я была строгая послѣдовательница своего ученія... Изумленіе еще болѣе овладѣло священникомъ, тутъ онъ началъ говорить мнѣ о Спасителѣ, о томъ, за кого Онъ страдалъ, за кого Онъ былъ распятъ на крестѣ и, послѣ продолжительныхъ утѣшеній, онъ сказалъ: „вѣрь, и ты будешь спасена!..“ Вдругъ какая-то дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу, я съ твердостію духа сказала: вѣрю, батюшка, и вѣрю несомнѣнно, что эти частицы хлѣба суть истинное тѣло Христово! И какъ только приняла эти частицы, съ меня свалилась какъ бы какая тяжесть,—мнѣ стало легче... По уходѣ священника, я чрезъ нѣсколько минутъ уснула, и уснула крѣпко... Во снѣ я все ходила по какому-то новому, красивому саду; предо мною мелькали все какіе-то цвѣты, но еще не распустившіеся; мнѣ было невыразимо пріятно... Поутру я встала здоровою и не только не чувствовала ни малѣйшаго признака болѣзни, но даже у меня цвѣтъ лица перемѣнился: вмѣсто прежней блѣдности открылась свѣжесть, и вотъ теперь мнѣ такъ легко, такъ весело и пріятно, что я не могу вполнѣ выразить вамъ всего этого... О, какъ велико и спасительно причащеніе!.. Теперь я никогда въ жизни ни въ чемъ не повѣрю своимъ лжемудрователямъ, я сама испытала, что православная вѣра есть истинная вѣра; теперь я неумолчно буду говорить про чудо, совершившееся надо мною, и старымъ и малымъ, а особенно прежнимъ своимъ лживымъ учителямъ. Вотъ, придетъ воскресенье, и я въ первый разъ пойду въ церковь и, послѣ обѣдни, отслужу благодарственный молебенъ!“

При этихъ словахъ слезы умиленія показались на глазахъ исцѣленной грѣшницы („Кормчій“ 1890 г.).

5. Къ утѣшенію вѣрующихъ почитаемъ благопотребнымъ сообщить, что недавно въ Одессѣ Господь явилъ Свою чудодѣйственную благодатную помощь чрезъ святѣйшее таинство св. причащенія. У доктора Л. М. Ш. опасно заболѣла дифтеритомъ дочь въ отроческомъ возрастѣ. Товарищи и сотрудники доктора отдѣлили больную отъ всей семьи и принимали всѣ врачебныя мѣры къ спасенію болящей. Болѣзнь оказалась очень злокачественною, и медики находили, что положеніе больной безнадежно. Пригласили священнослужителя, пишущаго эти строки. Болящая причащена св. таинъ, и быстро пошло выздоровленіе ея, къ удивленію знавшихъ ходъ болѣзни и положеніе ея предъ св. причащеніемъ. Видно, сильна была вѣра родителей, искренно вѣровала и болящая. Для маловѣрныхъ здѣсь дорого то, что самъ отецъ болящей—докторъ медицины призналъ въ этомъ исцѣленіи дѣйствіе всемогущей силы Божіей, побѣждающей законы естества („Херсон. Епарх. Вѣд.“ 1891 г., № 9).

5. Вразумленіе тѣхъ, кои самовольно уклоняются отъ св. причащенія.

Да ужаснутся самовольно удаляющіеся отъ св. причащенія, потому что они чрезъ это самое служатъ врагу нашего спасенія, діаволу. „Мнози, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, вижу, не часто причащаются: сіе діавола есть дѣло. Тотъ претитъ, дабы не часто тѣло Христово пріимали. И се явѣ есть, иже не часто причащается, многу власть на себя діаволу даетъ, и волю на немъ діаволъ пріемлетъ и ведетъ его на вся злая“.

Въ „Кормчей книгѣ“ разсказывается, что, когда одинъ подвижникъ спросилъ у злыхъ духовъ, чего они болѣе всего боятся, злые духи отвѣчали ему: „того, что вы ѣдите, т.-е. причастія. Если бы честно соблюдали христіане то, что они вкушаютъ въ причастіи, то они были бы неприступны для нашихъ козней“ (Кормч. кн. гл. 68).

Помни это, христіанинъ, и возможно чаще приступай къ божественной трапезѣ, сознавая свое недостоинство, и возложи упованіе на милосердіе Божіе. „Нѣсть тебѣ Богъ врагъ, но врачъ; исцѣлити тя, а не погубити хощетъ, учитъ св. Димитрій ростовскій. Почто убо божественныя Его бѣгаеши чаши? Лучше ти есть пріемшу духовное то врачевство исцѣлитися, неже отбѣгшу отъ врачевства въ большія болѣзни грѣховныя впасти и погибнути“. („Твор. св. Димитр. ростовскаго“ ч. 2. изд. 1818 года., слово на 5 нед. св. четыредесятницы).

6. Примѣры наказанія Божія за недостойное причащеніе св. таинъ или кощунственное обращеніе съ ними.

Ядый и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ, не разсуждая тѣла Господня (1 Кор. XI, 29).

1. Св. ап. Павелъ повѣствуетъ, что въ церкви коринѳской многіе изъ недостойныхъ причастниковъ подвергались за свою вину тяжкимъ болѣзнямъ и самой смерти (1 Кор. II, 30).

2. Въ церкви карѳагенской, по свидѣтельству св. Кипріана, одинъ недостойный причастникъ вдругъ послѣ причащенія сдѣлался нѣмымъ, а у другого расторгся на двое языкъ (Изъ кн. о падшихъ).

3. Во времена св. Златоуста, по словамъ его, недостойные причастники подвергались иногда видимо мученіямъ отъ злыхъ духовъ. („Перв. нед. велик. поста“, Кіевъ, стр. 259).

4. Когда преподобномученица Евдокія была схвачена воинами и приведена на судъ, то, снимая съ нея одежды, воины замѣтили, что выпала на землю частица пречистаго и животворящаго тѣла Христова, которую взяла съ собою мученица Евдокія, выходя изъ монастыря своего. Слуги, поднявъ упавшую часть Божественнаго тѣла Христова и не зная, что это такое, принесли ее правителю. Лишь только онъ протянулъ руку свою и хотѣлъ взять принесенную ему святыню,—тотчасъ частица тѣла Христова претворилась въ огонь, и образовался отъ нея великій пламень, которымъ попалены были слуги игемоновы и у самого его повредило пламенемъ лѣвое плечо. („Четьи-Минеи“ 1 марта).

„Хотя ясти, человѣче, тѣло Владычне, со страхомъ приступи, да не опалишися: огнь бо есть“. (Молитва предъ причащеніемъ).

5. На о. Кипрѣ есть пристань Таде. Недалеко отъ нея есть монастырь, име-

нуемый Филоксеновымъ. Въ монастырѣ этомъ жилъ одинъ монахъ, родомъ изъ Милета, по имени Исидоръ, который непрестанно о чемъ-то горько плакалъ. Когда же всѣ стали убѣждать его, чтобы онъ утѣшился сколько-нибудь, то онъ не соглашался и говорилъ всѣмъ: „я великій грѣшникъ, какого не было отъ Адама до сего дня“. Когда же ему сказали: „святой отецъ, кто безъ грѣха, кромѣ Бога?“—онъ отвѣчалъ: „повѣрьте, братія, я не нашелъ ни въ писаніи, ни въ преданіи такого грѣшника, каковъ я, и такого грѣха, какъ мой. Если вы думаете, что я только обвиняю себя, выслушайте о моемъ преступленіи и помолитесь обо мнѣ. Я,—продолжалъ онъ,—когда былъ въ мірѣ, имѣлъ жену, мы оба держались ученія Севера. Итакъ, пришедши въ одинъ день домой, я не нашелъ жены своей, но слышу, что она отошла къ сосѣдкѣ, чтобы пріобщиться. Сосѣдка принадлежала къ св. соборной церкви. Я тотчасъ побѣжалъ, чтобы остановить ее. Пришедши въ домъ сосѣда, я нашелъ, что жена моя приняла уже св. часть и пріобщилась. Схвативши ее за горло, я принудилъ ее, — о злодѣяніе!—извергнуть изъ устъ св. часть и, взявши сію послѣднюю, въ бѣшенствѣ бросалъ ее туда и сюда, и, наконецъ, она упала въ грязь. Но тотчасъ молнія восхитила св. пріобщеніе съ того мѣста. Спустя два дня, является мнѣ ѳѳіоплянинъ, одѣтый въ рубище, и говоритъ: „я и ты осуждены на одинаковое наказаніе“.—„А кто ты таковъ?“ спросилъ я его. Ѳѳіоплянинъ отвѣчалъ: „я тотъ, который страдавшаго за всѣхъ Господа Іисуса Христа ударилъ по ланитѣ“. Потому-то я,—заключилъ монахъ,—и не могу перестать плакать“. Послѣдователь Севера совершилъ ужасное преступленіе, повергнувъ святыню въ грязь; но столь же ужасно согрѣшаютъ и тѣ, которые пріемлютъ ее съ сердцемъ, не очищеннымъ отъ грѣховныхъ скверне. („Лугъ духов.“ І. Мосха, гл. 29).

6. Преп. Макарій александрійскій за свои подвижническіе труды получилъ отъ Бога даръ распознаванія достойныхъ причастниковъ св. таинъ отъ недостойныхъ. Вотъ что онъ сообщаетъ намъ относительно этого. „Когда братія подходили къ алтарю, чтобы принять изъ рукъ іерейскихъ тѣло Христово, то можно было видѣть, — говоритъ св. подвижникъ, — какъ нѣкоторымъ изъ нихъ ѳѳіопы влагаютъ въ руки угли огненные и тѣло Христово, подаваемое рукою іерейскою, возвращалось опять къ алтарю. Между тѣмъ отъ достойныхъ причастниковъ бѣсы отбѣгали прочь. Самыя тайны божественныя раздавалъ ангелъ Господень, стоявшій съ іереемъ у алтаря“. („Ч.-М.“ янв. 19).

7. Разсказы изъ жизни св. пустынножителей и св. мучениковъ, показывающіе, съ какимъ усердіемъ они искали причаститься св. Христовыхъ таинъ.

Таинство св. причащенія есть одно изъ важнѣйшихъ средствъ въ дѣлѣ спасенія. „Чрезъ него, по выраженію св. Златоуста, мы становимся едино тѣло со Христомъ, соединяемся съ Нимъ, яко тѣло съ главою; кровь же Его — душъ нашихъ избавленіе: тою же омывается душа, тою украшается, тою распаляется“ (Толк. на ев. Іоан., прав. 46). „Сіе таинство называется причащеніемъ, — говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, – потому что чрезъ оное мы дѣлаемся причастниками божества Іисусова; чрезъ него сообщаемся со Христомъ“ (Излож. прав. вѣр., гл. XIII). „Какъ обыкновенный хлѣбъ, который ежедневно ѣдимъ, есть жизнь тѣла,—говоритъ св. Кипріанъ карѳагенскій, — такъ оный сверхъ-естественный есть жизнь души“.

Вотъ на чемъ собственно опирается наша глубокая увѣренность въ высокомъ значеніи св. причащенія.

Но при этомъ наша мысль съ болѣзнію сердца обращается къ тѣмъ многочисленнымъ христіанамъ, которые, именуя себя ревнителями древлеотеческихъ преданій, лишаются таинственнаго наслажденія въ божественной трапезѣ. Какъ не скорбѣть о таковыхъ?! Какъ не пожалѣть о ихъ крайне опасномъ самообольщеніи, ибо они мнятся спастися, удаляясь отъ источника спасенія. Бѣдные! Они забываютъ, что только *кровь Іисуса Христа, Сына Божія, очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха* (1 Іоан. І, 7), — слѣдовательно, не вкушая тѣла Его и крови, они не пріобщаются и очистительнымъ для насъ отъ грѣховъ нашихъ крестнымъ страданіямъ и смерти его. *Аминь, аминь, глаголю вамъ,* — говоритъ Господь, — *аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его: живота не имате въ себѣ* (Іоан. VI, 53).

Что же приводятъ въ свое оправданіе ревнители древняго благочестія? Не осмѣливаясь отрицать высокаго значенія таинства св. причащенія, глаголемые старообрядцы успокоивають себя обыкновенно тѣмъ, что будто бы многіе святые спаслись, не пріобщаясь св. таинъ. Таковы, говорятъ они: Павелъ ѳивейскій, Марія египетская, Ѳеоктиста и др. (Поморск. отв. 20—21).

Но, во-первыхъ, было бы слишкомъ дерзко съ нашей стороны приравнивать себя къ великимъ подвижникамъ благочестія; во-вторыхъ, несправедливо утверждать, будто бы поименованные святые во всю жизнь не причащались св. таинъ. Хотя въ житіяхъ ихъ и не упоминается прямо о ихъ причащеніи, но это молчаніе никакъ не даетъ еще права заключать, что они дѣйствительно не причащались. Древніе повѣствователи о жизни святыхъ имѣли въ виду возбудить въ читателяхъ ревность къ особенно-высокимъ подвигамъ. То, что въ жизни святыхъ было обыкновеннаго, всѣми православными исполняемаго, о томъ, очевидно, не настояло надобности и говорить.

Здѣсь съ благочестивымъ вниманіемъ остановимся на нѣкоторыхъ примѣрахъ изъ житій святыхъ, дабы наглядно видѣть, какъ великіе угодники Божіи, несмотря на то, что дѣла ихъ были дѣйствительно высоки, всегда ревновали о причащеніи св. таинъ. Поведемъ рѣчь о тѣхъ именно святыхъ, которыхъ глаголемые старообрядцы поставляютъ въ разрядъ якобы *никогда* не удостоившихся св. евхаристіи.

1. Вотъ что сообщаетъ намъ жизнеописатель о преподобной Ѳеоктистѣ.

Одинъ охотникъ отправился съ своими товарищами по ремеслу на пустынный островъ Паросъ, что на Эгейскомъ морѣ, ловить звѣрей; на пути онъ отсталъ отъ нихъ. И вотъ, бродя по пустынѣ, случайно встрѣтилъ церковь во имя пресвятыя Богородицы, отъ времени пришедшую въ запустѣніе, и войдя въ нее, предался горячей молитвѣ; молясь же, замѣтилъ на землѣ небольшую ямку, въ которой, кромѣ воды, находились еще зерна одного растенія, такъ называемаго подсолнечника (иліотропіонъ). Предположивъ по этимъ признакамъ, что въ полуразрушенномъ храмѣ живетъ кто-либо изъ святыхъ, онъ вышелъ, твердо рѣшившись побывать здѣсь еще разъ на обратномъ пути. Чрезъ нѣсколько дней, когда уже достаточно было наловлено всякой дичи, охотники собрались домой,—а были они родомъ съ приморской горы Эвбеи. Отправился съ ними и вышеупомянутый охотникъ; но на пути онъ опять отсталъ отъ нихъ и по-прежнему вошелъ въ церковь помолиться пресвятой Богородицѣ: при этомъ онъ надѣялся увидѣть и того святого, который жилъ въ этой церкви и питался размоченными въ водѣ зернами И вотъ, во время молитвы онъ увидѣлъ по правую сторону св. трапезы какъ бы нѣкое подобіе былинки, „вѣтромъ колеблемой“, которую отъ постороннихъ взоровъ скрывала густая сѣть паутинника. Недоумѣвая, что бы это такое было, охотникъ подошелъ и хотѣлъ было разорвать паутину, но вдругъ услышалъ слабый голосъ: „остановись и не подходи близко, ибо я женщина и безъ одежды!“ Пораженный видѣніемъ, охотникъ не зналъ, что дѣлать. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ рѣшился спросить: „кто ты? и какъ живешь въ этой пустынѣ?“ И опять услышалъ голосъ изъ сѣтей: „умоляю тебя, брось мнѣ одежду, да покрою наготу мою, и тогда, что повелитъ мнѣ Господь, то скажу тебѣ“. Охотникъ, снявъ съ себя верхнюю одежду, положилъ ее на полъ, а самъ вышелъ изъ церкви и, подождавъ немного, пока женщина та одѣвалась въ его одежду, опять вошелъ и увидѣлъ ее на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она была прежде. То была преп. Ѳеоктиста. Удивленію охотника не было теперь границъ. Припавъ со слезами къ ногамъ преподобной, онъ просилъ ее помолиться за него и благословить его. Та, послѣ кратковременной молитвы, обратилась къ нему съ такими словами: „Богъ пусть помилуетъ тебя, чадо, но скажи мнѣ, что заставило тебя притти сюда?“ Затѣмъ, сказавъ, что вѣроятно ради ея недостойной Господь внушилъ ему посѣтить ее, преподобная исповѣдала охотнику всю свою жизнь прошедшую и, въ заключеніе, присовокупила: „но объ одномъ прошу тебя: если на слѣдующій годъ ты придешь сюда для ловитвы, а я знаю, что ты непремѣнно придешь — Богу такъ угодно, — захвати съ собою въ чистомъ сосудѣ часть пречистыхъ таинъ Христовыхъ и принеси ихъ мнѣ, ибо съ тѣхъ поръ, какъ я поселилась въ этой пустынѣ, мнѣ ни однажды не привелось пріобщиться этого дара. А теперь иди съ миромъ къ своимъ товарищамъ и никому не говори обо мнѣ“. Охотникъ, давъ обѣщаніе въ точности исполнить желаніе преподобной, поспѣшилъ къ своимъ товарищамъ и съ ними вмѣстѣ отправился на родину. Прошелъ годъ со времени только что описанной встрѣчи. Охотники опять собрались на пустынный островъ Паросъ ловить звѣрей. Къ нимъ присоединился и вышеупомянутый благочестивый звѣроловъ. Но, собираясь въ путь, онъ испросилъ у пресвитера часть пречистыхъ таинъ Христовыхъ и, положивъ ее въ небольшой ковчежецъ, взялъ съ собою ¹). Когда охотничій корабль присталъ къ берегу, охотникъ, о которомъ идетъ рѣчь, прежде всего пошелъ въ церковь пресв. Богородицы, гдѣ спасалась преп. Θеоктиста. Увидя блаженную, онъ упалъ на землю и поклонился ей. Но она, подойдя къ нему, со слезами сказала: „не дѣлай этого, ибо ты носишь Божественные дары“. И затѣмъ, взявъ охотника за край одежды, подняла его съ земли. Тотъ вручилъ ей ковчежецъ съ Божественными тайнами, а она, сначала поклонившись до земли, приняла оный и, пріобщившись животворящаго тѣла Христова, съ умиленіемъ проговорила: „нынѣ отпущаеши рабу Твою, Владыко, яко видѣста очи мои спасеніе Твое, и яко оставленіе грѣховъ въ руцѣ пріяхъ, нынѣ отъиду, идѣже велитъ благость Твоя“. Сказавъ это, она воздала хвалу и благодареніе Богу, сподобившему ее пріобщиться св. таинъ, и, благословивъ охотника, съ миромъ отпустила его. Но что же случилось потомъ? Когда, чрезъ нѣсколько дней, охотникъ опять пришелъ въ церковь пресв. Богородицы, то св. Θеоктисты уже не было въ живыхъ: она сопричислилась къ лику небожителей. Такимъ образомъ пріобщеніе св. таинъ было пріобщеніемъ умирающей, напутствіемъ на исходъ души. Ископавъ наскоро могилу, охотникъ положилъ въ нее мощи преподобной, а самъ поспѣшилъ къ своимъ товарищамъ. („Ч.-М.“ ноября 9).

Въ этомъ разсказѣ поучительно для насъ прежде всего то, что преп. Θеоктиста, несмотря на свои великіе подвиги, не считала излишнимъ пріобщенія св. таинъ; напротивъ, она, какъ видимъ, умоляетъ звѣролова принести ей часть тѣла Христова, поставляя себѣ въ великое лишеніе, что долго не имѣла возможности пріобщиться сего дара. Необходимость пріобщенія св. таинъ для преподобной увеличивалась особенно еще отъ того, что, какъ можно заключать изъ только что предложеннаго повѣствованія, приближался уже конецъ ея жизни. Но что же Провидѣніе? оно остается безучастнымъ въ этомъ дѣлѣ? О, далеко нѣтъ! Провидѣніе посылаетъ такого именно человѣка, который могъ быть достойнымъ носителемъ святѣйшей тайны. Не даромъ жизнеописатель замѣчаетъ, что звѣроловъ тотъ былъ человѣкъ набожный. Такимъ образомъ Самъ Богъ заботится о томъ, чтобы люди, по крайней мѣрѣ въ послѣднія минуты жизни, не оставались безъ напутствія животворящими тайнами Христовыми. Сколь же повинны послѣ того тѣ, кои самовольно уклоняются отъ Божественной трапезы, дерзко заявляя, что будто бы для спасенія достаточно однихъ только добрыхъ дѣлъ?.. Не будемъ, читатель, таковыми! А теперь поведемъ рѣчь о Маріи египетской, своими великими подвигами стяжавшей себѣ неувядаемый вѣнецъ славы.

2. Въ пустыню, гдѣ жила преп. Марія египетская, за годъ до ея кончины пришелъ старецъ Зосима. Встрѣтившись съ великой подвижницей благочестія, онъ припалъ къ ея ногамъ, прося именемъ Христа, ради Котораго она посвятила себя на пустынническій подвигъ, разсказать ему свою жизнь. Преподобная, исполняя желаніе старца, разсказала ему все до мельчайшей тайны. Наконецъ, въ заключеніе, прощаясь съ старцемъ, она просила его притти на слѣдующій годъ, ежели это будетъ угодно Богу, въ великій четвертокъ съ животворящими тайнами, и сподобить ее быть причастницей оныхъ, въ залогъ жизни вѣчной, и заклинала его при этомъ не переходить Іордана, но близъ селенія ждать ее. „Я приду, говорила праведница, и пріобщусь св. таинъ, ибо я не пріобщалась съ тѣхъ поръ, какъ была пріобщена въ церкви Іоанна Предтечи, предъ вступленіемъ моимъ на подвигъ пустынножительства. Не отринь моей просьбы, св. отецъ, приди сподобить меня великой тайны въ тотъ часъ, когда Самъ Господь Іисусъ Христосъ предъ Своей крестной смертію содѣлалъ учениковъ Своихъ причастниками Божественной и тайной вечери“. Сказавъ это, преподобная простилась со старцемъ и удалилась въ пустыню. — Прошелъ годъ; наступила великая четыредесятница, дни поста и молитвы; старецъ Зосима помнилъ просьбу преподобной и, казалось, не могъ дождаться страстной недѣли — такъ велико было въ немъ желаніе увидѣть преподобную; наконецъ, наступила недѣля страстей Христовыхъ, и въ четвергъ старецъ, послѣ литургіи, взявъ дары, вышелъ изъ монастыря.

---

¹) Въ первенствующей церкви христіанской части св. тѣла подавались въ руки вѣрнымъ; а св. кровь преподавалась прямо изъ чаши.

Дошедши до рѣки, онъ сѣлъ на берегу ея и ждалъ прихода преподобной. Уже старецъ, томимый душевной тоской, думалъ, что, по его недостоинству, она не желаетъ притти къ нему, или уже она была здѣсь и, не найдя его, удалилась: одна мысль прискорбнѣе другой тревожила старца. Вдругъ увидѣлъ онъ преподобную, шедшую къ нему по водамъ. Старецъ, устрашенный этимъ видѣніемъ, хотѣлъ поклониться ей, но она сказала: „св. отче, что дѣлаешь? Ты пресвитеръ съ божественными тайнами“. Приблизившись къ нему, она требовала благословенія, и, по просьбѣ преподобной, онъ благословилъ ее и прочелъ символъ вѣры и молитву Господню. По окончаніи молитвъ, она приняла тайны тѣла и крови Христовой и, поднявъ руки къ небу, со слезами радости воскликнула, какъ нѣкогда Симеонъ во храмѣ іерусалимскомъ съ Божественнымъ на рукахъ Младенцемъ: „нынѣ отпущаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ“ (Лук. II, 29). Простившись со старцемъ, она просила его притти къ тому мѣсту, гдѣ въ первый разъ они имѣли свиданіе и бесѣду, „и тамъ, сказала преподобная, увидишь меня, если это угодно будетъ Создателю моему“. Прошелъ еще годъ, и старецъ снова отправился на мѣсто перваго ихъ свиданія, но не нашелъ уже преподобной въ живыхъ. Приблизившись къ ея тѣлу, онъ слезами омылъ ея ноги, потомъ сталъ читать погребальныя молитвы, и вдругъ мысль, — угодно ли преподобной погребеніе, — смутила его, и онъ недоумѣвалъ. Вдругъ онъ увидѣлъ на землѣ начертанныя слова: „Зосима, на семъ мѣстѣ похорони тѣло недостойной Маріи и, предавши тѣло погребенію, молись о ней, преставившейся въ первый день апрѣля, въ ту самую ночь, въ которую сподобилась принять отъ тебя спасительные дары тѣла и крови Христовой“. Не дивны ли, не чудны ли дѣла Всевышняго, пекущагося о насъ, недостойныхъ рабахъ Его! Всещедрый Господь сподобилъ преподобную скончаться въ тотъ день, въ который она, причастившись тѣла и крови Христовой, сдѣлалась причастницею жизни вѣчной... Прославивъ Бога и Его столь дивныя благодѣянія, оказываемыя исполняющимъ волю Его, старецъ Зосима похоронилъ тѣло преподобной и, возвратившись въ ту обитель, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе, разсказалъ тамъ о всемъ, что Господь привелъ ему увидѣть („Чет.-Мин.“ апр. 1).

3. Преподобный Савватій соловецкій одинъ подвизался на пустынномъ островѣ. Какова его была тамъ жизнь, каковы духовные подвиги, — о томъ знаетъ одинъ Богъ и Его св. ангелы, которые посѣщали этого пустыннаго подвижника. Когда проразумѣлъ свое отшествіе къ Богу этотъ благочестивый старецъ, исполненный богоугодныхъ подвиговъ, то единственною его заботою стало желаніе причаститься божественныхъ таинъ. И вотъ, помолившись Господу и ввѣривъ себя Его небесному заступленію, преп. Савватій сѣлъ въ утлую ладью и поплылъ въ ней по морю къ землѣ, гдѣ находился молитвенный домъ. Здѣсь въ то время былъ игуменъ Наѳанаилъ. Когда преподобный Савватій вступилъ на землю, то встрѣтилъ Наѳанаила, шедшаго съ пречистыми тайнами для причащенія больного. По обычномъ привѣтствіи они узнали другъ друга и очень обрадовались: Савватій обрадовался, что нашелъ то, чего искалъ, Наѳанаилъ же радъ былъ, что удостоился видѣть честныя сѣдины преподобнаго, о добродѣтельной жизни котораго онъ такъ много слышалъ.

Послѣ радостнаго привѣтствія преподобный Савватій сказалъ Наѳанаилу: „молю твою святыню, отче, разрѣши меня, данною тебѣ отъ Бога властію, отъ грѣховъ, въ которыхъ я буду каяться тебѣ, и сподобь меня причащенія святыхъ таинъ пречистаго тѣла и крови Христа, Владыки моего; съ давнихъ поръ я желаю этою божественною пищею напитать мою душу; напитай меня нынѣ ты, святый отче, ибо Христосъ, Богъ мой, объявилъ мнѣ твое боголюбіе, да очистишь меня отъ согрѣшеній, которыя я отъ юности содѣлалъ словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, въ теченіе всей моей жизни даже до сего дня. Приблизился конецъ жизни моей и умоляю тебя — немедля сподобь меня божественнаго причащенія“. Наѳанаилъ исполнилъ волю угодника Божія: по совершеніи исповѣди причастилъ его Божественныхъ таинъ Христовыхъ. Послѣ сего преподобный Савватій мирно почилъ о Господѣ, и храмина, въ которой онъ скончался, наполнилась неизреченнымъ благоуханіемъ. („Ч.-Мин.“ 17 апрѣля).

4. *Св. мученики,* заключенные въ темницу за исповѣданіе православной вѣры, — и тѣ всѣми силами старались, какъ бы удостоиться святого причащенія, чтобы преискренне въ сихъ божественныхъ таинствахъ соединиться съ

Господомъ и вступить въ загробную жизнь съ залогомъ вѣчныхъ благъ (Іоан. VI, 53—58). „Преподобномученикъ Лукіянъ пресвитеръ, послѣ многихъ различныхъ мукъ, связанный былъ брошенъ въ темницу и здѣсь на острыхъ камняхъ пролежалъ 40 дней. Наступилъ праздникъ Богоявленія Господня; св. Лукіянъ сильно желалъ причаститься свят. таинъ, какъ и бывшіе съ нимъ въ темницѣ христіане. Онъ сталъ пламенно молиться объ этомъ Господу, и Господь услышалъ молитву его. Нѣкоторые изъ христіанъ тайно отъ стражей принесли въ темницу хлѣбъ и вино мученикамъ. Пресвитеръ Лукіянъ сказалъ заключеннымъ съ нимъ: „станьте около меня и будьте церковію“. Когда христіане—узники стали вокругъ свят. Лукіана, то онъ сказалъ имъ: „совершимъ литургію и причастимся Божественныхъ таинъ“. „Гдѣ, отче, положимъ хлѣбъ, спросили ученики его, здѣсь нѣтъ стола (престола)?“ Онъ же, связанный, — лежа вверхъ лицомъ на острыхъ камняхъ, отвѣтилъ: „на персѣхъ моихъ положите—и будетъ живой престолъ живому Богу“. Итакъ, въ темницѣ, на персяхъ мученика, совершена была божественная литургія, со всѣми принадлежащими ей молитвами, чинно и благоговѣйно, и всѣ были причастниками св. таинъ“ („Чет.-Минеи“ 15 октября).

Такимъ образомъ примѣры изъ житій святыхъ показываютъ, что преподобные, удаляясь въ пустыни ради подвиговъ благочестія, вовсе не такъ равнодушно смотрѣли на необходимость причащенія, какъ хотятъ представить глаголемые старообрядцы. И при великихъ своихъ подвигахъ они не думали, что можно замѣнять его своею вѣрою и добрыми дѣлами. Несмотря на всю трудность, пустынники не лишали себя Божественной трапезы, напротивъ, находили въ ней истинное наслажденіе и укрѣпленіе для духовныхъ подвиговъ.

Съ неменьшею ревностью искали причащенія св. таинъ и св. мученики. Они смотрѣли на него, какъ на необходимую принадлежность христіанина. „Како христіанинъ безъ литургіи быти можетъ“, говоритъ святой муч. Феликсъ; поэтому они носили съ собою запасные дары и причащались ими предъ мученіями и смертію. Заключенные въ темницы, они получали св. причащеніе чрезъ вѣрныхъ, которые подвергались при этомъ иногда величайшимъ опасностямъ со стороны язычниковъ, въ случаѣ же невозможности получить св. дары, заключенные — если между ними были священники — сами иногда совершали литургію и причащались. (Свѣдѣнія эти почерпнуты нами изъ соч. проф. Н. Ивановскаго: „О таинствѣ св. причащенія по ученію старообряд. безпоповщинскаго согласія“, М., 1875 г.).

8. Плачъ въ воспоминаніе страстей Христовыхъ.

Отче, спаси Мя отъ часа сего! Іоан. XII, 27.

Такъ воскликнулъ Ты, возлюбленный Сынъ Божій, предузрѣвъ Свой близкій исходъ... И Самъ же Ты присовокупилъ тогда: *но сего ради пріидохъ на часъ сей*; Самъ Ты рѣшилъ *положить душу Свою* за люди Своя, и посему никто уже не могъ спасти Тебя! Напрасно одинъ изъ увѣровавшихъ въ Тебя князей защищалъ Тебя предъ Верховнымъ Совѣтомъ. Напрасно ученики Твои совѣтовали Тебѣ не ходить въ Іудею къ празднику послѣдней Пасхи. Напрасно народъ іерусалимскій сдѣлалъ Тебѣ царскую встрѣчу и привѣтствовалъ Тебя словомъ *спасенія*. Напрасно Петръ ножомъ искалъ спасти Тебя. Напрасно Ироду представлялся случай избавить Тебя, какъ галилеянина, изъ рукъ іудеевъ. Напрасно жена Пилата проситъ мужа не дѣлать Тебѣ *Праведнику* зла. Напрасно самъ Пилатъ хочетъ отпустить Тебя и троекратно всенародно исповѣдуетъ, что не обрѣтаетъ въ Тебѣ вины... Все, что, по видимому, могло служить къ сохраненію Твоей жизни, оказалось напраснымъ!... Да и вся жизнь Твоя преисполнена всяческихъ огорченій. Ты *пришелъ къ Своимъ и Свои* Тебя *не приняли*. А въ послѣдніе дни жизни Твоей огорченія Твои, страданія Твои возросли до послѣдней степени. Ты предвидѣлъ ихъ, и на послѣднемъ пути въ Іерусалимъ Ты говорилъ Своимъ ученикамъ: *се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ архіереемъ и книжникомъ и языкомъ, и поругаются Ему, и укорятъ Его, и уязвятъ Его и оплюютъ Его,— осудятъ Его на смерть и, бивше, убіютъ Его...* Какая глубина скорби заключается въ каждомъ словѣ сихъ предреченій Твоихъ, не говорю уже объ исполненіи ихъ на дѣлѣ! Но еще прежде преданія Тебя въ руки грѣшниковъ, печаль за печалью поражала сердце Твое. Смерть друга вызвала у Тебя слезы, будущая участь Іерусалима—также слезы. Безчиніе въ дому Божіемъ подвигло Тебя на гнѣвъ; безплодная смоковница—на слово клятвы; безплодная синагога—на горькую рѣчь обличенія. А затѣмъ идутъ непрерывнымъ рядомъ—предательство Іуды, сонъ и бѣгство учениковъ, отреченіе Петра, заушеніе отъ одного изъ слугъ, издѣвательство всей прислуги первосвященника, надменность и легкомысліе Пилата, вопли неблагодарной черни, посмѣяніе отъ Ирода, поруганіе отъ воиновъ, сопоставленіе съ разбойникомъ, неправедное осужденіе, несеніе креста, стыдъ обнаженія, насиліе распинанія, злорадованіе враговъ, хуленіе сораспятаго злодѣя, горечь и преогорченіе до послѣдняго вздоха! *И не бѣ утѣшаяй, и не бѣ соскорбяй!..*

Правда, плакали сострадательныя дщери іерусалимскія; правда, стояли при крестѣ Матерь Твоя и любимый ученикъ; но какое утѣшеніе могло доставить это безпомощное участіе? Самаго дѣйствительнаго и единственно потребнаго утѣшенія отъ Отца небеснаго не было! И Ты, возлюбленный Сынъ Божій, былъ оставленъ безъ утѣшенія, взывая къ Отцу Своему: *Боже Мой, Боже Мой! Вскую Мя еси оставилъ!...*

А утѣшенія Тебѣ не дано оттого, что Богъ возложилъ на Тебя грѣхи всѣхъ насъ (Исаіи LIII, 6). Ты изъязвленъ за грѣхи наши, Ты умученъ за беззаконія наши. Ты принялъ на Себя наказаніе для спасенія нашего. Вотъ почему язвы Твои должны были длиться безъ облегченія до послѣдней минуты жизни... Мы не можемъ ни уразумѣть, ни оцѣнить по достоянію Твоихъ страданій... Намъ понятенъ ужасъ смерти для насъ самихъ, но Тебѣ, возвращавшему другихъ къ жизни, Тебѣ, Самому виновнику жизни, быть обречену на смерть—это превосходитъ всякое наше понятіе о страданіи и мукѣ!

Что же намъ сказать Тебѣ, Господи и Владыко живота, въ часъ мысленнаго стоянія нашего при крестѣ Твоемъ? Какимъ выраженіемъ сочувствія почтимъ безпредѣльныя страданія Твои, Слове Божій? Мы должны предстоять Тебѣ съ такими же чувствами, съ такими же слезами, какими выражали безпомощную скорбь свою при крестѣ Твоемъ любящіе Тебя и возлюбленные Тобою. *Пріидите же*, сынове человѣческіе, *восплачемся предъ Господемъ* (Пс. XLIV, 6), всѣ, какъ одно осиротѣвшее семейство Его!..

Ты ли, Господи, на древѣ осужденія, *Судяй концемъ земли, Судяй въ правду, Судяй въ силѣ,* и *побѣждаяй внегда судити Ти?* Ты ли, *Чаяніе языковъ*, податель оправданія человѣческому роду, предъ нами являешься поверженнымъ, уничиженнымъ, обезславленнымъ всемірно? Ты ли это, *Солнце правды*, возсіявшее міру, чтобы разогнать глубокую мглу заблужденій и всѣмъ явить *правду Божію*, а вмѣсто того Само заходишь во мракъ клеветы съ укоромъ въ богохульствѣ? Ты ли это, *Отрокъ* Божій *возлюбленный*, не пререкшій, не возопившій, трости надломленной не преломившій и свѣтильни потухающей не угасившій, вмѣстѣ съ разбойниками причтенъ къ душегубцамъ и умираешь казнію злодѣевъ? Твои ли это зиждительныя руки благословлявшія, благотворившія, чудодѣйствовавшія, растянуты и пригвождены къ дереву казни?.. Твои ли это покланяемыя стопы, вносившія во грады и веси миръ, и отраду, и спасеніе вѣчное, истерзаны и прибиты къ древу позора? Твой ли это, отъ вѣка желанный и во вѣкъ незабвенный образъ, въ подобіе котораго созданы всѣ мы, нынѣ страшно и жалостно зрится на деревѣ проклятія, не имѣющій не вида, ни славы, ни доброты?...

Судія и Вѣдче! Пріими скорбь мою по Тебѣ, меня ради осужденномъ... Не имѣлъ Ты гдѣ главу подклонити, и гдѣ жъ, наконецъ, приклонилъ ее? На крестѣ! Грѣха не сотворилъ Ты, и вотъ предаешься смерти, какъ тягчайшій грѣшникъ! И лесть не обрѣтеся во устѣхъ Твоихъ, но вотъ цѣлый синедріонъ обзываетъ Тебя льстецомъ, который обманывалъ народъ именемъ Христа Сына Божія! Тебя снѣдала ревность по домѣ Отца Твоего и, ревнуя о немъ, Ты очищалъ его отъ сквернителей, но вотъ эти сквернители притворяются паче Тебя ревнителями церкви Божіей и, покивая главами, говорятъ Тебѣ: *э! разрушающій храмъ и въ три дня созидающій* (Мр. XV, 29). Рождаешься Ты для воцаренія въ дому Іаковли во вѣки, на престолѣ Давида отца Твоего, и умираешь съ поруганнымъ именемъ притязателя на царство! Въ пещерѣ подземной встрѣтилъ Ты первую ночь бытія земного; въ пещерѣ возлежишь плотію и въ ночь послѣднюю!

Агнче Божій, вземляй грѣхи міра и пріемляй, яко человѣкъ, позоръ крайняго уничиженія, вонми воплю скорби моей при видѣ нищеты Твоей вольной, и не дай мнѣ хвалитися ни о чемъ иномъ, токмо о крестѣ Твоемъ!...

Не видно болѣе лица Твоего пресвѣтлаго, блиставшаго яко солнце въ часъ Твоего преображенія! Не слышно гласа Твоего, усмирявшаго стихіи и проницавшаго въ послѣднія исходища жизни! Не ходишь Ты болѣе по землѣ, воспѣваемый отъ серафимовъ! Не творишь и не учишь, изъ величайшихъ Велій въ царствіи небесномъ! Не глашаешь Своихъ овецъ по имени, Самъ закланный яко овча! Не зовешь болѣе къ Себѣ труждающихся и обремененныхъ. Время, желанное пророками и царями, небывалое прежде и неповторимое послѣ, миновало и сокрылось невозвратно! Кто теперь исцѣлитъ болящаго, взоромъ очиститъ прокаженнаго, бреніемъ уврачуетъ слѣпого, словомъ воскреситъ умершаго?...

Учителю благій! На кого оставляешь Ты насъ, бѣдныхъ и боязливыхъ учениковъ Твоихъ, обуреваемыхъ волнами не на озерѣ и не на морѣ *въ бурю вѣтрену велику*, а среди мглы всяческихъ сомнѣній, воздвигаемыхъ невѣріемъ вѣка, которое выдаетъ призраки за истину и принимаетъ истину за призраки?...

Пастырю добрый! Кто упасетъ Твое сирое и беззащитное стадо, привыкшее ходить за Тобой и отъ Тебя ожидать всего? Ему предстоятъ непроходимыя дебри опасностей, искушеній, заблужденій; его окружаетъ безпріютная пустыня міра, въ которой свирѣпствуютъ *лютые волки* (Дѣян. XX, 29), хуленіями раздирающіе и терзающіе Твое малое стадо, и самъ противникъ его *діаволъ ходитъ какъ* рыкающій *левъ, ища кого поглотить* (I Петр. V, 8). Съ Тобою все это не страшно, безъ Тебя—ужасно!...

Врачу душъ! Къ Тебѣ привергаюсь моею болѣзнующею душою: исцѣли ее, стенающую у подножія Твоего креста! Приклонися къ моимъ воздыханіямъ сердечнымъ, и мою каплю слезную, даже—капли часть нѣкую, пролитую о разлученіи съ Тобою, приносимую Тебѣ, ничтоже хотящему отъ меня, пріими, не яко даръ, Тебя достойный, но яко плодъ скудный и убогій моей дерзновенной, хотя и несовершенной и слабой любви къ Тебѣ!

Но Господи мой и Спасителю! Умѣстны ли слезы скорби при видѣ Тебя, пострадавшаго и погребенію давшагося? Не слышу ли я въ священной пѣсни словъ Твоихъ: *востану и прославлюся?* Не помню ли я увѣренія Твоего апостоламъ предъ разлукою: *лучше для васъ, чтобы Я пошелъ* (Іоан. XVI, 7)? Истинно такъ: лучше для *насъ* Твоя смерть, нежели Твое пребываніе вѣчное съ нами. Для вѣрующей любви больше утѣшенія въ видимомъ разлученіи съ Тобою, нежели въ видимомъ соприсутствіи Твоемъ. Ты говорилъ Своимъ ученикамъ: *если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказалъ: иду ко Отцу* (Іоан. XIV, 28). О, помоги мнѣ неизмѣнно быть Твоимъ ученикомъ; даруй мнѣ во вѣки любить Тебя вѣрующимъ сердцемъ и благослови у креста Твоего пролить иныя слезы—слезы теплаго благодаренія, хваленія и поклоненія... Крестомъ и гробомъ Ты совершилъ искупленіе наше; крестъ и гробъ явились *насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія.* Пусть же пѣснь богохваленія не сходитъ со устенъ нашихъ въ роды родовъ и во вѣки вѣковъ! Со всею теплотою души и со слезами сердца—

Покланяемся страстемъ Твоимъ, Христе!
Покланяемся страстемъ Твоимъ, Христе!
Покланяемся страстемъ Твоимъ, Христе!

Покажи намъ и славное Твое воскресеніе! Аминь. (Сокращено изъ слова архимандрита Антонія. См. „Троицк. лист.“ № 783).

9. Крестный путь Господа[1]).

Когда малодушный Пилатъ, послѣ многихъ, но напрасныхъ усилій освободить Іисуса Христа, праведность и невинность Котораго для него была ясна, уступилъ, наконецъ, іудеямъ, требовавшимъ Его смерти, и приговорилъ Іисуса Христа къ смерти, тогда римскіе воины сняли съ Него багряницу и надѣли на Него Его обыкновенное платье. По жестокимъ законамъ римскимъ, осужденный на крестную казнь долженъ былъ самъ нести свой крестъ. Путь, пройденный теперь Іисусомъ Христомъ, называется страстнымъ путемъ Господа. Послѣдуемъ за Господомъ по этому пути. Отъ преторіи, гдѣ жилъ Пилатъ, и до Голгоѳы надо было пройти около двухъ верстъ съ половиною. Страстная улица, вначалѣ почти прямая, вскорѣ круто поворачиваетъ налѣво. Сначала она подходитъ подъ арку, которая соединяетъ остатки дворца Пилатова съ другими зданіями; изъ одного окна этой арки Пилатъ, говорятъ, показывалъ народу Іисуса Христа съ словами: „се Человѣкъ“. Путешественники разсказываютъ, что еще доселѣ виденъ каменный помостъ, служившій входомъ въ преторію; онъ составленъ изъ большихъ мраморныхъ плитъ. Отъ этого каменнаго помоста и началось крестное шествіе Господа. Когда шествіе дошло до поворота налѣво, то Господь, измученный и обезсиленный тѣми безчисленными страданіями, которыя пришлось Ему вытерпѣть, изнемогъ подъ тяжестью креста и упалъ. Между тѣмъ Пречистая Матерь Его, услышавъ о кровавомъ опредѣленіи, осудившемъ возлюбленнаго Ея Сына на смерть, поспѣшила къ Пилату просить пощады Своему Сыну. Мольбы безутѣшно плачущей Матери, думалось, конечно, Ей, растрогаютъ сердце Пилата, и онъ отмѣнитъ свой суровый приговоръ. Но Она обманулась въ Своихъ ожиданіяхъ. Тогда Она спѣшитъ еще разъ посмотрѣть на Своего возлюбленнаго Сына. Но итти слѣдомъ за Нимъ было неудобно: толпа враговъ и праздныхъ людей, которые ходятъ и на кровавыя зрѣлища, чтобы найти себѣ хоть какое-нибудь занятіе, окружала Ея Сына. Пробраться до Него не было возможности. Тогда Она избираетъ другой путь, кратчайшій, чтобы, обогнавши крестное шествіе, выйти Ему навстрѣчу. Въ одномъ направленіи съ Страстною улицею отъ дворца Пилатова шелъ узкій переулокъ, которымъ можно было выйти навстрѣчу крестному шествію. Когда Она вышла сюда, то взорамъ Ея представилось ужасное зрѣлище. Дорога вела на крутую гору. Изнуренный и обезсиленный, покрытый язвами Христосъ падаетъ подъ тяжестію креста. Враги замѣтили это, и, опасаясь, какъ бы Іисусъ Христосъ не умеръ еще дорогою, не испытавъ приготовленныхъ Ему ихъ злобою крестныхъ мученій, они рѣшились освободить Его отъ креста. Въ это время навстрѣчу скорбному шествію шелъ возвращавшійся съ полевыхъ работъ человѣкъ, именемъ Симонъ Киринейскій; его остановили и заставили нести крестъ за Іисусомъ Христомъ.—Но и облегченный отъ тяжелаго креста Христосъ съ трудомъ поднимался на гору; ручьи пота и крови струились по Его лицу. И вотъ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ крестъ возложили на Симона, одна женщина, именемъ Вероника, движимая чувствомъ состраданія къ Божественному Страдальцу, вышла Ему навстрѣчу и предложила Ему полотенце, чтобы отереть потъ съ лица. Какъ ни мало и ни кратковременно облегченіе, доставляемое тѣмъ, когда усталый и изнемогшій человѣкъ оботрется, но для крайне усталаго человѣка и это дорого. Но еще дороже для оскорбляемаго и преслѣдуемаго насмѣшками и ругательствами человѣка доброе участіе, ласковое слово, сострадательный взглядъ. Отъ этого мѣста оставалось не болѣе 100 шаговъ до судныхъ воротъ; около этихъ воротъ стоялъ каменный столбъ, на которомъ вывѣшивались приговоры осужденныхъ, потому и ворота назывались судными; чрезъ нихъ всегда проводили осужденныхъ. Когда Іисуса Христа вывели на это мѣсто, то втайнѣ послышались рыданія. Это плакали жены іерусалимскія. При видѣ уже самаго мѣста казни, при приближеніи минутъ казни, женщины, слѣдовавшія за Іисусомъ Христомъ, не могли сдержать своихъ слезъ. И вотъ, Іисусъ Христосъ, доселѣ не открывавшій устъ Своихъ предъ беззаконными судьями, обращается къ нимъ съ отвѣтомъ. Онѣ сожалѣютъ объ Немъ, но гораздо большаго сожалѣнія требуютъ онѣ сами: участь ихъ и дѣтей ихъ еще тяжелѣе. „Дочери Іерусалима! не плачьте обо Мнѣ, плачьте о себѣ и о своихъ дѣтяхъ. Ибо наступаютъ дни, въ которые скажутъ: блаженны неплодныя и утробы не родившія и сосцы не питавшіе. Тогда начнутъ говорить горамъ: падите на насъ, и холмамъ: покройте насъ. Ужъ если съ зеленымъ древомъ это дѣлаютъ, то что же будетъ съ сухимъ?“ Это былъ грозный приговоръ надъ городомъ, который осудилъ и довелъ до смерти Того, отъ Кого одного могъ ожидать себѣ спасенія. Прошло 37 лѣтъ послѣ того, какъ произнесены были эти пророческія слова, и пророчество это исполнилось съ ужасающею точностію въ судьбахъ Іудеи и Іерусалима. Тысячи евреевъ гибли отъ меча римлянъ, отъ язвы, отъ голода. Матери закалали себѣ въ пищу дѣтей своихъ.

---

[1]) См. еще статью о томъ же на стр. 557—561.

Наконецъ, Іисуса Христа привели на Голгоѳу—мѣсто, на которомъ обыкновенно производилась казнь преступниковъ; употребительное названіе этого мѣста было „Лобное мѣсто“; такъ, можетъ-быть, называлось оно потому, что на немъ постоянно видны были черепа казненныхъ преступниковъ и оставленныхъ безъ погребенія. Крестныя страданія были страданія лютыя; чтобы облегчить ихъ тяжесть, давали людямъ, приговореннымъ къ этимъ страданіямъ, особаго рода напитокъ, который приводилъ человѣка въ безсознательное состояніе и ослаблялъ чувствительность. Предложили этого напитка и Іисусу Христу, но Онъ, отвѣдавши его, не захотѣлъ пить. Онъ захотѣлъ испить чашу страданій всю, до малѣйшей капли, съ полнымъ сознаніемъ. Затѣмъ приступили къ самому распятію. Распятіе производилось двумя способами: одинъ состоялъ въ томъ, что крестъ полагали на землѣ, клали на него приговореннаго къ смерти, пригвождали его ко кресту по рукамъ и ногамъ и затѣмъ уже поднимали крестъ и водружали его въ землю. Другой способъ состоялъ въ томъ, что крестъ предварительно утверждали въ землѣ; одинъ изъ палачей поднималъ распинаемаго на крестъ, а другіе пригвождали ему руки и ноги, или только однѣ руки, а ноги привязывали веревками и въ такомъ положеніи оставляли висѣть до тѣхъ поръ, пока смерть прекратитъ мученія распятаго. Ужасны были мученія пригвожденнаго ко кресту Христа. Онъ ни въ какую сторону не могъ двинуться безъ того, чтобы не увеличились Его страданія, не могъ пошевелиться, не могъ избрать никакого положенія, которое бы облегчило хотя въ самой малой мѣрѣ Его страданія; если Онъ хотѣлъ повиснуть на тѣлѣ, то раны расширялись съ жгучею болью, если Онъ хотѣлъ прислониться ко кресту, то иглы терноваго вѣнца вонзались въ Его голову все глубже и глубже. Неправильное кровообращеніе производило постоянный приливъ крови къ головѣ и сердцу; въ головѣ происходили постоянно мучительныя круженія, сердце же испытывало такую лютую тоску, какой мы и представить себѣ не можемъ. Наконецъ, отъ потери крови распятый ощущалъ невообразимую жажду. Жажда, которую мы чувствуемъ въ сильную жару, отъ усталости, въ сравненіи съ жаждою распятаго—это малая капля въ сравненіи съ океаномъ.

Теперь посмотримъ, что дѣлали люди, окружавшіе Іисуса Христа, пригвожденнаго ко кресту. Прежде всего воины, распинавшіе Іисуса Христа, занялись раздѣломъ его одежды, которая отселѣ становилась ихъ собственностью. Между этими одеждами была такая, которую жалко было имъ разрывать: она вся, сверху до низу, была тканая. Объ этой одеждѣ они метнули жребій, кому она должна достаться. Видъ этихъ людей, спокойно дѣлившихъ свою окровавленную добычу, не долженъ ли былъ напоить душу страдальца еще большими страданіями: ласковое слово, сострадательный взглядъ, много облегчаетъ страданія; безучастіе, безсердечность удвояетъ страданія человѣка.

Пришли на Голгоѳу и враги Іисуса Христа; казалось, ихъ злоба не имѣла границъ. Имъ мало было видѣть Его на крестѣ, какъ Онъ таялъ въ ужасныхъ мукахъ, имъ хотѣлось еще чѣмъ-нибудь усилить Его страданія. И вотъ, они начали надъ Нимъ ругаться и насмѣхаться. „Другихъ спасалъ, спаси теперь Себя, говорили они. Если Ты Сынъ Божій, сойди со креста.—Онъ всегда надѣялся на Бога, пусть теперь Богъ избавитъ Его“. Ужасны были тѣлесныя страданія Его, но еще ужаснѣе были Его душевныя страданія: видѣть какъ за добро платятъ зломъ, добромъ попрекаютъ, надъ добромъ насмѣхаются,—очень тяжело человѣку и не висящему на крестѣ. Но на всѣ эти жестокости Христосъ отвѣчалъ молитвою за Своихъ враговъ, ни одно слово проклятія и зложелательства не сорвалось съ Его устъ.

И не одни только распявшіе такъ смѣялись надъ Нимъ: Онъ встрѣтилъ насмѣшку и злословіе со стороны человѣка, который долженъ бы былъ сострадать Ему, ибо самъ въ нѣкоторой мѣрѣ испытывалъ тѣ же мученія. Это былъ одинъ изъ распятыхъ съ Нимъ разбойниковъ. Если ты—Христосъ, спаси Себя и насъ, говорилъ онъ. Но другой унималъ и останавливалъ его. „Ужель ты не боишься Бога, говорилъ онъ, вѣдь мы наказаны справедливо за свои дѣла, а Этотъ ничего худого не сдѣлалъ“. И, обратясь къ Іисусу Христу, сказалъ: „помяни меня, Господи, когда придешь, въ царствіи Своемъ“. И вотъ, за эти слова, которыя теперь такъ часто повторяются въ церкви, онъ удостоился услышать отъ Господа не только прощеніе всѣхъ тѣхъ кровавыхъ преступленій, которыми наполнена была его жизнь, но и обѣщаніе ему первому войти въ рай. Одинъ покаянный, отъ чистаго сердца, вздохъ къ Богу искупаетъ въ очахъ Божіихъ вину цѣлой жизни. „Сегодня ты будешь со Мною въ раю“, сказалъ Онъ покаявшемуся разбойнику.

Невдалекѣ отъ этихъ людей, насмѣхающихся и издѣвающихся, стояла группа женъ, преданныхъ Христу, и среди нихъ возлюбленный ученикъ Христовъ—ап. Іоаннъ. Одна изъ этихъ женъ была поражена лютою скорбью. Это была Матерь висѣвшаго на крестѣ Господа Іисуса Христа. Сбылись вдохновенныя пророческія слова праведнаго Богопріимца: „лютое оружіе прошло Ея сердце“. Тяжелѣе всѣхъ мукъ было для материнскаго сердца видѣть страданія Своего возлюбленнаго Сына, видѣть кровь, ручьями лившуюся изъ Его ранъ, слышать насмѣшки надъ Нимъ. Взоръ Божественнаго Страдальца упалъ на Нее, и чувство сыновней любви заставляетъ Его забыть Свои страданія и утѣшить Ее. Взоромъ указалъ Онъ Ей на Своего ученика и сказалъ: „вотъ сынъ Твой!“ т.-е., вотъ кто замѣнитъ Тебѣ Твоего Сына, и обратилъ Свой взоръ къ Своему ученику; въ этомъ взорѣ ученикъ прочиталъ слова: „вотъ Мать твоя“, т.-е., окружи Ее заботами и попеченіями, какъ бы Она была твоя мать.

Въ то время какъ неистовствовали враги Господа и изыскивали все новыя и новыя насмѣшки, которыми можно было увеличить Его страданія, природа ужасалась и трепетала; далеко до наступленія ночи по землѣ сталъ распространяться густой мракъ, такъ что солнце совсѣмъ померкло. Среди этой тьмы Господь произнесъ: „жажду“. Одинъ изъ воиновъ, болѣе другихъ сострадательный, взялъ губку, напиталъ ее кислымъ виномъ, воткнулъ на палку и приложилъ къ устамъ Іисуса Христа. Утоливъ нѣсколько жажду, Іисусъ Христосъ сказалъ: „совершилося“, т.-е., исполнилось все, зачѣмъ Онъ приходилъ на землю, зачѣмъ страдалъ, зачѣмъ вкушаетъ смерть. Правосудіе Божіе удовлетворено, и грѣхи прощаются тѣмъ, которые увѣруютъ въ Него. Потомъ Онъ возвелъ очи къ небу и воскликнулъ: „Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой!“ и съ этими словами испустилъ духъ. Немедленно затѣмъ раздались страшные подземные удары, каменныя скалы разсѣклись, погребальныя усыпальницы раскрылись, многіе мертвецы воскресли и явились въ Іерусалимѣ. Эти знаменія были столь страшны, что многіе изъ зрителей, съ отчаяніемъ ударяя себя въ грудь, поспѣшили домой, а начальникъ надъ римскими воинами, видя столь великія знаменія, увѣровалъ въ Господа. Это былъ день, когда тѣла распятыхъ не должны быть оставаться на мѣстѣ распятія до праздника; наступила ночь, а распятые были еще живы. Нужно было ускорить ихъ смерть. Для этого распятымъ перебивали голени. Іудеи выпросили позволеніе у Пилата перебить голени Іисусу Христу и распятымъ съ Нимъ разбойникамъ; разбойникамъ перебили голени, но Іисусу Христу не перебили: Онъ умеръ въ то время, когда они ходили къ Пилату, такъ что не успѣло пройти довольно времени послѣ ихъ ухода, какъ къ Пилату явился Іосифъ съ просьбою отдать ему тѣло Іисусово для благочестнаго погребенія. Пилатъ удивился, что такъ скоро послѣдовала смерть Господа Іисуса Христа, но, удостовѣрившись въ томъ, отдалъ Его тѣло Іосифу. Къ Іосифу присоединился Никодимъ. Они сняли со креста тѣло Іисуса Христа, обвили его тонкимъ чистымъ платенцемъ, плащаницею, осыпали благовоннымъ порошкомъ и положили его въ новой гробницѣ, которую Іосифъ приготовилъ въ своемъ саду. (Изъ журн. „Пастыр. собес.“).

10. Семь словъ І. Христа со креста.

Почти девятнадцать вѣковъ тому назадъ, въ шестомъ часу дня, какъ говорили на языкѣ той эпохи, на маленькомъ обнаженномъ холмѣ, называемомъ Голгоѳой, І. Христосъ былъ распятъ на крестѣ. Христомъ на крестѣ было произнесено нѣсколько словъ, сохраненныхъ и переданныхъ намъ свидѣтелями, слышавшими ихъ своими ушами. Подумаемъ же надъ ними.

Умирая, І. Христосъ преподалъ намъ великую науку жизни въ тѣхъ немногихъ словахъ, которыя за это время сошли съ Его устъ, и по нимъ наука жизни есть наука страданія, утѣшенія, любви, прощенія, совершенства, однимъ словомъ — наука смерти.

Первое слово, которымъ начинается эта божественная наука, самая необходимая для человѣка, потому что мы можемъ многое не знать, даже ничего не вѣдать въ этомъ мірѣ, кромѣ науки умирать, первое слово, сошедшее съ устъ Христа, было слово прощенія. „Отче, говорилъ Онъ, уже поднятый на крестѣ, отпусти имъ (Его мучителямъ), ибо они не вѣдаютъ, что творятъ“.—Мы всѣ болѣе или менѣе страдаемъ отъ людей, отъ ихъ недоброжелательства, злобы, жестокости, хитрости, отъ ихъ скрытой вражды или явныхъ гоненій. Рожденные для братской любви, люди терзаютъ другъ друга. Всякій, хоть немного извѣдавшій жизнь, купилъ это знаніе тяжелымъ опытомъ. Страданіе, причиняемое намъ безсознательной природой, страданіе, такъ сказать, вытекающее изъ нашей хрупкой организаціи, чувствительной до чрезвычайности, переносится нами гораздо легче: мы поневолѣ покоряемся неумолимой неизбѣжности; но страданіе, причиняемое намъ существами свободными и разумными, тѣми, среди которыхъ мы живемъ, нашими согражданами, друзьями и братьями, есть самое мучительное, самое жгучее страданіе, особенно если оно падаетъ на голову невиннаго, имѣющаго право сказать своимъ врагамъ: за что вы меня преслѣдуете? Христосъ не сдѣлалъ даже этого упрека Своимъ мучителямъ; Онъ простилъ имъ, и простилъ вполнѣ. Говорите же и вы вмѣстѣ съ Нимъ: „Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ“.

Пригвожденный ко кресту Своими врагами, въ Свой послѣдній, смертный часъ Христосъ прощалъ. Я не могу представить себѣ ничего болѣе трогательнаго. Съ момента этого прощенія безграничное милосердіе объяло собою всю землю: жертвы, умѣвшія раньше только проклинать, научились любить и прощать. Но Христосъ не только велѣлъ прощать! Онъ просилъ Отца за Своихъ мучителей, говоря: „отпусти имъ, ибо не вѣдятъ, что творятъ“, открывая такимъ образомъ другимъ тайну безконечнаго милосердія.—Замѣтьте, въ самомъ дѣлѣ, что обыкновенно въ глубинѣ всякаго зла, творимаго человѣкомъ, лежитъ невѣдѣніе. У человѣка ограниченъ разумъ, онъ не все видитъ, не все понимаетъ, потому и заблуждается; мучители, распявшіе Христа, конечно, не сдѣлали бы этого, если бы знали, кто Онъ былъ. Ихъ невѣдѣніе извиняетъ ихъ и открываетъ тайный выходъ для безграничнаго милосердія.

Таково дѣйствіе этого божественнаго слова. Человѣчество, если мы будемъ разсматривать его по отношенію къ Божеству, управляется двумя законами: поражающимъ и мстящимъ закономъ справедливости и любвеобильнымъ, прощающимъ грѣхи, закономъ милосердія.

Господу нашему Іисусу Христу пришлось жить подъ закономъ мстящей справедливости, подъ закономъ грознаго Іеговы, не оставлявшимъ въ человѣческой совѣсти мѣста для доброты и прощенія. Жестоковыйное человѣчество схватывало мечъ, поражало, сѣкло, рубило, убивало во имя той ложной справедливости, которая называется справедливостью возмездія. Таковъ былъ грозный законъ, свирѣпствовавшій въ цѣломъ свѣтѣ до явленія Спасителя міра. Послѣ Него законъ этотъ измѣнился; со словомъ прощенія, сказаннаго Имъ на крестѣ, новое чувство наполнило сердце человѣка. Мы добры уже до крайней степени, не защищаемся болѣе отъ этого чувства, потому что вполнѣ позволительно подражать своему Богу и питать сожалѣніе къ дурнымъ людямъ. Въ царствѣ Христа нѣтъ болѣе мщенія, нѣтъ возмездія, нѣтъ убійствъ, не видно мечей, направленныхъ для усмиренія человѣка звѣря; нужно подражать Христу, и даже если когти этого человѣка-животнаго вонзаются въ ваше тѣло, нужно сдержать свой гнѣвъ, открыть свое сердце жалости и не замыкаться для чувства прощенія.

Да будетъ благословенъ Господь, измѣнившій въ человѣкѣ труднѣе всего поддающееся въ немъ измѣненію, убившій въ немъ инстинктъ отмщенія, возведшій въ обязанность и утвердившій царство безграничнаго милосердія и прощенія!

Если произнести слово прощенія своимъ мучителямъ въ послѣднюю минуту можетъ и человѣкъ, то заложить въ сердцѣ человѣчества божественный законъ всеобщаго милосердія можетъ только Богъ.

Христосъ былъ распятъ между двумя разбойниками, ворами или убійцами. Второе слово, сказанное имъ, есть слово глубочайшаго утѣшенія. Одинъ изъ распятыхъ разбойниковъ, присоединяясь къ толпѣ проходящихъ, фарисеямъ, къ еврейскимъ начальникамъ, которые наперерывъ издѣвались надъ Христомъ, сказалъ: „если Ты—Сынъ Божій, спаси Себя и насъ“; даже въ глазахъ смерти онъ продолжалъ грѣшить. Другой же, возражая ему, сказалъ вполнѣ чистосердечно: *мы по дѣламъ нашимъ пріемлемъ, Сей же*... и, обращаясь ко Іисусу, сказалъ: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ*. И Христосъ отвѣчалъ ему: *днесь со Мною будеши въ раю*.

Братья мои! я не знаю словъ, ближе касающихся отношенія къ человѣчеству. Всѣ мы грѣшники, хотя и въ различной степени. Конечно, мы не разбойники, не воры, не убійцы, какъ жертвы суда общественнаго, какъ тѣ, которые, будучи осуждены Пилатомъ, сопровождали Христа на Голгоѳу; но у насъ такъ много собственныхъ пороковъ, что часто мы бываемъ виновнѣе признанныхъ злодѣевъ, преступнѣе убійцъ. Одни убиваютъ тѣло, другіе развращаютъ духъ и убиваютъ душу. Изъ этихъ двухъ преступленій, которое больше передъ Богомъ? Злодѣи духа, вы, можетъ-быть, отравили цѣлое поколѣніе страшнымъ ядомъ! Порожденія эхиднины, вѣдь вы убиваете духовно не одного, а тысячи людей! А сколько совѣстей подвергнуто растлѣнію развратителями и соблазнителями?! Во сколько семей внесли они стыдъ и неисцѣлимый порокъ! А между тѣмъ они, принимая личину людей цивилизованныхъ и говоря много о добродѣтели, чтобы заставить вѣрить въ свою, имѣютъ дерзость любоваться собою подъ этой маской лицемѣрія. Нѣтъ, довольно лжи, обмановъ, притворства; совѣсть человѣческая сгибается подъ тяжестью безчисленныхъ грѣховъ тайныхъ и явныхъ. И странное дѣло—наиболѣе невинные передъ Богомъ чаще другихъ признаютъ и исповѣдуютъ свои грѣхи и слабости съ самой высокой откровенностью и искренностью.

Братья, вы не избѣгнете смерти, она насъ сторожитъ. Я не говорю, конечно, что и насъ пригвоздятъ ко кресту, но и мы въ свое время будемъ пригвождены къ смертному одру и должны будемъ испустить послѣдній вздохъ.

Въ чемъ же будемъ мы имѣть нужду въ тотъ страшный часъ? Въ надеждѣ. Потому что, когда, приближаясь къ смерти, человѣкъ начинаетъ живо сознавать свои недостатки, его заполняетъ и часто дѣлаетъ для него невозможнымъ спасеніе мучительный порывъ отчаянія, возникающій вдругъ и все растущій въ немъ. И когда въ концѣ долгой жизни мы разберемъ при зловѣщемъ свѣтѣ смерти свои поступки, намъ такъ хочется сказать: оставьте меня, я слишкомъ далекъ отъ Бога; ахъ, хоть бы только поскорѣе умереть, чтобы все это было кончено.

Вотъ горькій вопль отчаявшихся. Я хотѣлъ бы, чтобы всѣ, слышащіе слово Іисуса, имѣли разъ навсегда лѣкарство противъ этой послѣдней смертной тоски. Посмотрите на безвѣстнаго разбойника, умиравшаго рядомъ со Христомъ; это былъ такой же преступникъ, какіе бываютъ и теперь, потому что времена, какъ и преступленія, почти не мѣняются, но сущность зла остается всегда одна и та же и его смертные плоды всегда одинаковы.

Я хотѣлъ бы обратиться именемъ Христа, именемъ распятаго, великаго, единственнаго Утѣшителя ко всѣмъ несчастнымъ, несчастнымъ потому, что они виновны,—ко всѣмъ грѣшившимъ явно, всѣмъ грѣшившимъ втайнѣ, погрѣшившимъ противъ справедливости, противъ общества; я хотѣлъ бы быть въ состояніи сказать всѣмъ преступнымъ, потому что всѣ они на одной дорогѣ и въ той же атмосферѣ сатанинскаго зла: кто бы вы ни были, каково бы ни было число и мракъ вашихъ прегрѣшеній, не отчаивайтесь! Не отчаивайтесь, падшія дѣвы и юноши! Не отчаивайтесь, невѣрныя жены! И вы, мужья, удрученные тяжестью всякихъ тайныхъ грѣховъ, не отчаивайтесь! Клятвопреступники, угнетатели слабыхъ, измѣнники справедливости и измѣнники вѣры, не отчаивайтесь, потому что, съ тѣхъ поръ какъ Христосъ сказалъ распятому съ нимъ разбойнику: „днесь со Мною будеши въ раю“, отчаяніе побѣждено.—Рай — это Богъ. Рай — это истина; рай—вѣчная любовь; рай — безконечное могущество; рай—это совершенство; рай—царство Божіе; рай — это вѣчная справедливость и вѣчная любовь. — Такова мечта, ласкаемая нами, вершина нашихъ высшихъ влеченій и стремленій. Грѣшникъ, рай — твоя надежда: Христосъ тебѣ его обѣщалъ.

О, братья, нужно сдѣлать только одно, чтобы достигнуть рая, и это одно зависитъ отъ васъ: нужно раскаяться, обратиться къ своей совѣсти и по примѣру и съ вѣрой добраго разбойника воскликнуть изъ глубины сердца: я худо дѣлалъ и получаю достойное по дѣламъ моимъ наказаніе, но Ты, Христосъ, невиненъ: „помяни же меня въ Твоемъ царствѣ“! И вы такъ же, какъ и разбойникъ на Голгоѳѣ, услышите слово Христа: „днесь со Мною будеши въ раю и въ Богѣ“. Вотъ въ чемъ тайна вѣчнаго утѣшенія.

Еще одинъ совѣтъ: не отлагайте своего покаянія и дѣйствительнаго исправленія вашего до послѣдней минуты; кайтесь чаще, кайтесь и исправляйтесь послѣ всякаго грѣха. Иначе вы не будете въ состояніи раскаяться, по примѣру разбойника, на порогѣ смерти.

У подножія креста произошла сцена, въ высшей степени трогательная, потому что она въ высшей степени человѣчна; душа Христа раскрывается въ ней со стороны Его изумительной и безконечной нѣжности.

Близъ распятыхъ волновалась шумная, недоброжелательная и злая толпа, съ любопытствомъ смотрѣвшая на ихъ страданія. Большинство насмѣхалось, издѣвалось надъ ними, особенно изощряя на І. Христѣ свои насмѣшки, оскорбленія и хулы.

Немного въ сторонѣ, неутѣшныя, всѣ въ слезахъ, нѣмыя отъ скорби стояли и смотрѣли на Его страданія святыя женщины, служившія Христу во время проповѣди. Наконецъ Мать Христа, ея сродница Марія, жена Клеопы, Іоаннъ, любимый ученикъ, и Марія Магдалина, презирая все, охваченные непобѣдимымъ влеченіемъ, приблизились къ Нему какъ бы для того, чтобы смѣшать поближе свое горе съ скорбію Распятаго. Христосъ видѣлъ Свою Мать, видѣлъ любимаго ученика; Его взглядъ остановился на нихъ съ невыразимой нѣжностью; Онъ забылъ Свои мученія, Свою казнь, думая только о тѣхъ, кого любитъ. Если есть особенно выдающійся фактъ въ Его страданіи — это, конечно, забвеніе собственнаго страданія. Съ той минуты, какъ Онъ вышелъ изъ преторіи и встрѣтилъ іерусалимскихъ женщинъ, своими громкими воплями по восточному обычаю выражавшими великое горе народа, и до послѣдняго часа, когда Онъ предалъ духъ Свой въ руки Отца, Христосъ забываетъ Себя, въ противоположность человѣку, сосредоточивающемуся въ своемъ страданіи и не видящему ничего, кромѣ его, когда оно овладѣваетъ имъ и мучаетъ его.

Великій урокъ, строгое наставленіе! никакого эгоистическаго чувства даже въ страданіи! Вы всѣ, несущіе его, забудьте его, забудьте по примѣру Христа на Голгоѳѣ: распятый по рукамъ и по ногамъ, покоя Свои меркнущіе взоры на группѣ любимыхъ Имъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ людей, на Своей Пречистой Матери, Іоаннѣ, Своемъ другѣ, Маріи Клеоповой, подругѣ Его Матери, и Маріи Магдалинѣ, Имъ обращенной, Онъ въ послѣдній разъ передъ смертью излилъ на нихъ Свою безграничную любовь. — Онъ сказалъ нѣсколько прекрасныхъ, глубоко человѣчныхъ словъ, сдѣлалъ что-то вродѣ завѣщанія. Всѣ видѣвшіе смерть любимаго существа и слышавшіе его послѣднюю волю, вы всѣмъ сердцемъ оцѣните этотъ моментъ. — Онъ посмотрѣлъ на Свою Мать, на Іоанна и, обращаясь къ Матери, сказалъ: „Жено, се сынъ Твой“, и затѣмъ обращаясь къ Іоанну: „се Мати твоя“.

Іисусъ, видя, что смерть похищаетъ Его у Матери, и не будучи въ состояніи быть далѣе видимо Сыномъ Маріи, даетъ Ей въ сыновья вмѣсто Себя Своего любимаго апостола.

Іоаннъ будетъ заботиться о Ней, и Матерь Христа будетъ пещись объ избранномъ ученикѣ.

Таково въ своей простотѣ завѣщаніе Іисуса Христа.

Женщины, обратите вниманіе на дивный законъ Провидѣнія и измѣрьте высоту, на которую благоволитъ поднять васъ Христосъ въ лицѣ первой изъ вашего пола и послѣ Христа въ человѣчествѣ.

По сверхъ—естественному, божественному чину, установленному на землѣ Провидѣніемъ, мы имѣемъ не только Искупителя, дающаго, сообщающаго, изливающаго на насъ благодать Духа Святаго, мы имѣемъ не только Учителя, Отца, у насъ есть Мать, которую называютъ Маріей.

Въ глубокомъ единеніи съ Своимъ Сыномъ на Голгоѳѣ, Который Своей кровью дѣйствительно возродилъ насъ къ божественной жизни, Она стала на самомъ дѣлѣ нашей Матерью.

Покорная непреклонной волѣ Божіей, обрекшей Ея Сына на жертву, Она слилась съ Его казнью, страданіями и смертью, и Ея тоска, мужественно переносимая, стала условіемъ этого материнства, продолжающагося въ вѣка и освященнаго навсегда возглашеніями всемірной церкви.

Всѣ простыя, добрыя души, всѣ тѣ, въ комъ умъ не убилъ сердца, всѣ христіане съ живой вѣрой чувствуютъ себя съ этого часа сынами этого благословеннаго Созданія, въ сердце котораго Богъ влилъ безграничное милосердіе. Черезъ Нея до насъ достигаютъ дары благодати, которые Богъ изливаетъ на человѣчество таинственными путями.

Я знаю женщинъ, которыя, слѣдуя духу этой Дѣвы-Матери, которой онѣ посвящаютъ себя, призываютъ Ея имя. Шепча его на ухо умирающимъ, онѣ обратили къ Богу самыхъ закоснѣлыхъ и отчаявшихся грѣшниковъ. — Женщины, дѣйствующія этимъ именемъ, не переставайте произносить его! Вы умѣете излѣчивать и хорошо знаете, что лучшій, мягчащій и всегда успокоивающій бальзамъ есть бальзамъ любви, бальзамъ сердечный. Слѣдовательно, когда вы можете прошептать имя Матери всѣхъ христіанъ на ухо, жаждущее услышать вѣчную истину, не раздумывайте, призывайте его. И вы, гибнущіе во мракѣ и смертной тоскѣ, напрасно ищущіе свѣта, силы и покоя, знайте, что если у васъ есть Отецъ, заботящійся о васъ, и Ходатай, возлюбившій васъ даже до смерти, у васъ есть также Мать, — Мать, всегда готовая васъ слушать и подать свою благодѣтельную руку, чтобы привести васъ къ Богу и ко Христу.

Четвертое слово Іисуса на крестѣ было слово, полное тоски: „Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ“! Такъ начинался одинъ пророческій псаломъ, рисующій огненными чертами невыразимое страданіе распятаго Христа.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя вообразить себѣ, постигнуть скорбь и страданіе равныя тѣмъ, которыя наполняли душу Христа въ продолженіе трехъ часовъ Его распятія; Онъ былъ пригвожденъ ко кресту около полудня, а испустилъ послѣдній вздохъ въ три часа — таковы ясныя выраженія евангелистовъ.

Въ чемъ же состояло страданіе Іисуса? Я знаю многихъ христіанъ, которые говорили: „что могло значить для Христа страданіе, когда Онъ былъ Богъ? Богъ не можетъ страдать, и Онъ, будучи Сыномъ Божіимъ, не долженъ былъ страдать; если Онъ даже и страдалъ, Его страданіе должно было исчезнуть въ безконечномъ блаженствѣ Божества“. Такое разсужденіе опирается на ложную въ самомъ корнѣ мысль, что Христосъ былъ человѣкомъ только по видимости, не былъ человѣкомъ изъ плоти и крови, одареннымъ, какъ и мы, и даже больше всѣхъ насъ, тонкой чувствительностью.

Христосъ, безъ сомнѣнія, былъ Богъ, но Онъ былъ также и человѣкъ. Природа человѣческая и божественная соединились въ Немъ, не смѣшиваясь и сохраняя, и та и другая, неприкосновенными свои основныя свойства. Богъ чуждъ страданію, за то человѣкъ чувствуетъ его, и присоединеніе природы божественной къ человѣческой природѣ Іисуса Христа не только не уничтожало страданія этой человѣческой природы, наоборотъ, придавало ему характеръ безконечности.

Въ самомъ дѣлѣ, способность природы къ страданію становится тѣмъ больше, чѣмъ тоньше и изощреннѣе ея чувствительность. Соединеніе же природы божественной съ природой человѣческой не только не отнимало чувствительности, утонченности и изощренности этой природы, наоборотъ, оно придавало ей безконечность, то-есть она становилась чрезъ это орудіемъ болѣе усовершенствованнымъ для того, чтобы понимать, любить, хотѣть, чувствовать и страдать.

Не удавалось ли вамъ подмѣчать особенно острую и тонкую чувствительность духовно-развитыхъ существъ? Одного слова достаточно, чтобы ранить ихъ и измучить. Почему же такъ? Потому что, болѣе развитыя духовно, они лучше понимаютъ и глубже чувствуютъ. Богочеловѣкъ, обладая самой тонкой, самой чувствительной природой человѣческой, не имѣющей себѣ равной, исполненной самой горячей любви, долженъ былъ по Своей организаціи, дивно приспособленной къ Его уму и Его человѣческой чувствительности, испытывать невыразимыя страданія, и можно сказать, что Онъ прошелъ по всѣмъ ступенямъ до самой вершины лѣстницу страданія.

Распятіе есть самая страшная казнь, придуманная человѣческой жестокостью. Эта казнь была ужасна, потому что смерть была медленная, потому что она сохраняла въ полной ясности всѣ способности казнимаго, который сознавалъ свою медленную смерть, весь свой позоръ, когда его выставляли обнаженнымъ передъ толпой, передъ цѣлымъ народомъ.

Но я не сказалъ еще вамъ, что было самаго страшнаго, самаго жестокаго, ужаснаго въ пучинѣ золъ, въ которую былъ ввергнутъ Христосъ волею Своего Отца.

Можно терпѣть страшныя мученія тѣлесныя, какъ всѣ мученики, быть отданнымъ на растерзаніе звѣрямъ, людямъ, зубы которыхъ острѣе и больнѣе звѣриныхъ, — быть пожираемымъ смертной лихорадкой, чувствовать, какъ сердце сожигается огнемъ скорби, обращается въ камень, — быть мишенью всяческихъ оскорбленій грубой, безсознательной толпы и болѣе утонченныхъ и потому болѣе горькихъ оскорбленій людей образованныхъ; можно видѣть своихъ друзей, безсильныхъ свидѣтелей нашей казни и увеличивающихъ во сто разъ нашу скорбь своею скорбью, но и въ такомъ плачевномъ состояніи намъ остается послѣднее высшее убѣжище, недоступное людской жестокости и ненависти — совѣсть и въ совѣсти Богъ, видящій справедливость и любящій ее, видящій преданность и принимающій ее, видящій жертву и благословляющій ее, видящій нашу тоску и облегчающій ее.—Христосъ же въ тотъ часъ, когда восклицалъ: „Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ“, имѣвшій Божество въ Себѣ, въ Своемъ разумѣ, сердцѣ и волѣ, въ этотъ моментъ оставленный Отцомъ, Который смотрѣлъ на Него, какъ на жертву, несущую казнь за всѣ грѣхи міра, не ощущалъ уже въ Себѣ нѣжнаго дуновенія живущей въ Немъ Божественности. Фактъ ужасающій, тѣмъ не менѣе это истина; онъ-то и вызвалъ изъ груди Христа страшный вопль, полный невыразимой тоски; онъ раздался со креста какъ послѣднее слово безконечной человѣческой скорби и страданія: „Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ?“

И теперь передъ лицомъ Распятаго я съ полнымъ правомъ говорю: не печальтесь больше, не гнѣвайтесь вы всѣ, плачущіе, страдающіе, умирающіе; посмотрите на Него, обратитесь къ Богу съ тѣмъ же воплемъ и поймите, что не существуетъ страданія, подобнаго Его страданію. Мы видимъ только лучъ Божества, вкушаемъ каплю Его сладости, тогда какъ Христосъ видѣлъ самое солнце, чувствовалъ изліяніе цѣлаго источника, заливающаго небо и землю. Поймите же, что Онъ испыталъ, когда скрылось это солнце, когда источникъ, какъ прегражденный потокъ, пересталъ напоять Его своею сладостью! ¹).

Я вамъ сказалъ, что главное мученіе распятыхъ составляла неутолимая жажда; Христосъ и ее испыталъ. Послѣ того возгласа, когда Онъ почувствовалъ, что Богъ, Его Отецъ, покинулъ Его, Онъ воскликнулъ: „жажду!“—Одинъ изъ евангелистовъ, свидѣтель этой сцены, разсказываетъ объ ней и объясняетъ слово Христа. Чтобы хорошенько отмѣтить, что все, случившееся въ жизни и при смерти Спасителя, было предсказано заранѣе, онъ дѣлаетъ слѣдующее добавленіе:

„Христосъ, зная, что все уже совершилось, и желая исполнить послѣднее слово писанія, говоритъ: „жажду“.

Пророческое слово писанія состояло въ томъ, что Христосъ на крестѣ долженъ былъ быть напоенъ оцетомъ. Римляне приготовляли двухъ родовъ напитокъ для осужденныхъ на распятіе. Первый—смѣсь желчи, мирры и вина, былъ напитокъ, заглушающій боль; онъ, усыпляя чувствительность осужденнаго, успокоивалъ его послѣднія мученія.

Когда вы будете читать о страстяхъ Христовыхъ, обратите вниманіе на то, что напитокъ этотъ предлагали и Христу, когда Онъ только былъ вознесенъ на крестъ, но Іисусъ, вкусивъ, отказался выпить его. Онъ хотѣлъ претерпѣть Свою муку въ полной ясности Своего сознанія и выпить чашу Своихъ страданій до дна, ничѣмъ не ослабляя ея горечи.—Другой напитокъ, предназначенный частью для солдатъ, частью для осужденныхъ, когда послѣдніе были уже близки къ смерти и имъ освѣжали ихъ ссохшіяся, горячія губы, былъ уксусъ, что-то вродѣ кислаго вина. Когда Христосъ сказалъ: „жажду“, — къ Его устамъ поднесли напитанную губку, и такимъ образомъ послѣднее слово писанія о Немъ, что Онъ будетъ напоенъ оцетомъ, исполнилось.

Эта жажда Христа имѣетъ глубокій смыслъ. Своимъ возгласомъ: „жажду“, Онъ не только выдавалъ страшную муку распятаго, Онъ гораздо болѣе выражалъ внутреннюю жажду души, внутренній огонь ея, пламенныя желанія Его горячей любви, и эта жажда была жгучѣе, неутолимѣе физической жажды. Чего же хотѣлъ Христосъ, уже будучи на крестѣ, прежде чѣмъ испустить послѣдній вздохъ? Къ чему съ такимъ жаромъ стремилась Его любовь?

Братья мои, Онъ жаждалъ васъ, меня, всѣхъ людей; Онъ хотѣлъ сообщить всѣмъ намъ божественную жизнь, всей полнотой которой Онъ обладалъ.

Имѣете ли вы понятіе о жаждѣ, мучающей всякаго убѣжденнаго человѣка, о силѣ, горячности желанія, увлекающаго душу, въ которой вѣра горитъ яркимъ огнемъ? Трудно это въ наше анемичное время, когда, чтобы быть вполнѣ мудрецомъ, нужно, кажется, только подавить въ себѣ всякое желаніе, — въ настоящее время, когда сомнѣнье обезсилило столько умовъ, когда пылкость земныхъ аппетитовъ угасила высшія стремленія, когда напрасно будемъ искать благородныхъ, непобѣдимыхъ натуръ, не вѣрящихъ въ невозможное. Жажда добрыхъ, честныхъ, добродѣтельныхъ сердецъ, охваченныхъ желаніемъ распространить свое знаніе, истину, которой они обладаютъ, не знакома этимъ пресыщеннымъ людямъ.

Сохраняться, оставаться неизмѣннымъ... предоставьте это Богу, потому что Онъ—безконеченъ; вы же, обладающіе относительной истиной, ограниченной справедливостью, находящіеся въ движеніи (неустойчивые), вы должны постоянно итти впередъ.

И если вы уклоняетесь отъ внушенія божественнаго, Господь воздвигнетъ жаждущихъ, неутолимыхъ, чтобы передавать изъ рода въ родъ въ человѣчествѣ, которое должно и хочетъ расти, эту жажду, мученіе которой испыталъ Распятый, и которая исторгнула у Него передъ ли-

---

¹) Кто бы ты ни былъ, несчастный, но сравни свое горе, свои страданія, со страданіями Христа, и ты получишь облегченіе. (*Прот. Г. Д-ко*).

цемъ неба и земли мучительный безсмертный вопль.

Буди благословенъ, Христосъ! Твои слова дѣлаютъ свое дѣло, несмотря ни на что, такъ какъ они суть духъ и жизнь, а ничто не можетъ подавить жизни и духа.

О Христосъ, въ этотъ часъ Ты томился жаждой. Но съ тѣхъ поръ всякая душа, обращающаяся къ Тебѣ, какъ чаша холодной воды усталому путнику. Для Распятаго, языкъ котораго прилипалъ къ гортани, всякій обращенный человѣкъ, народъ, нація суть рѣки воды живой.

Шестое слово Іисуса Христа было: „совершилось!“

Когда Христосъ на крестѣ сказалъ это великое слово: „совершилось!“ это значило: Я засвидѣтельствовалъ истину, показалъ вамъ путь, открылъ вамъ источникъ Духа Божія, всею полнотою котораго обладаю Я.

Какимъ же образомъ Онъ это сдѣлалъ? Черезъ Свои страданія.

Въ этихъ словахъ заключается великое поученіе. Мы, люди, ничего не можетъ исполнить, ничего не можемъ завершить безъ страданія — ничего. Всякому дѣлу, не освященному страданіемъ, не хватаетъ послѣдняго клейма. Поэтъ, не страдавшій, никогда не извлечетъ изъ своей лиры самаго чистаго, самаго потрясающаго звука; ученый, изслѣдователь, не страдавши ради того, чтобы покорить природу и силою отворить двери, за которыми она скрываетъ свои тайны, никогда не побѣдитъ ее, непокорную, и двери ея навсегда останутся закрытыми для него.

Всякій, хотящій засвидѣтельствовать истину, долженъ страдать и, если нужно, умереть за нее; всякій, хотящій дать примѣръ жизни, долженъ давать его въ испытаніяхъ и даже смерти. Всякій, стремящійся открыть людямъ новую дорогу, приглашая на нее другихъ, долженъ обозначить ее не своей статуей, а своимъ трупомъ.

Всякій человѣкъ достоинъ славы между современниками только въ томъ случаѣ, если онъ носитъ на челѣ ореолъ страданія и мученичества, потому что страданіе и кровь освящаютъ все.

Обозрѣвая съ этой точки зрѣнія всю исторію, мы увидимъ, что никто еще не поднимался до уровня Христа, умершаго на крестѣ, Который одинъ имѣлъ право сказать: все совершено, потому что Свое свидѣтельство истинѣ, примѣры добродѣтели, данные Имъ людямъ въ теченіе всей Своей идеально святой жизни, Онъ подтвердилъ—освятилъ смертью и смертью самой страшной, неслыханной, ужасной.

Онъ сдѣлалъ больше: Своею смертію Онъ освятилъ право человѣчества проникаться Духомъ Божіимъ.

Духъ Божій былъ недосягаемъ для насъ, пока Христосъ не открылъ намъ его источника.

Вы спросите, пожалуй: почему былъ закрытъ для насъ этотъ путь? Потому, что непреклонная справедливость Божія преграждала намъ его.

Отчего же произошла такая перемѣна съ Христа? Что измѣнило положеніе вещей? Жертва Христова, Его крестъ. Въ небесахъ произошло божественное явленіе, умиротворившее ихъ, возстановившее вѣчный порядокъ, вѣчную справедливость. И потому Христосъ, говоря: совершилось, какъ бы говорилъ: царство ужаса, внушаемаго Божествомъ, и человѣческаго рабства, царство страшнаго Бога и Его непреклонной, тяготѣющей надъ людьми, ничего не щадящей справедливости; то-есть то, что составляло самую сущность міра, преданнаго злу и и гнѣву Божію—это царство кончилось: Я его заканчиваю. — И дѣйствительно, Онъ его завершилъ Своимъ страданіемъ и смертью.—Человѣкъ имѣетъ въ рукахъ только одно средство побѣдить зло и примирить справедливость—это принять страданіе, какъ наказаніе и необходимое искупленіе за зло нравственное. Христосъ принялъ на себя безконечное страданіе; въ силу этого Онъ и сталъ Агнцемъ Божіимъ, омывшимъ грѣхи всего міра. Благодаря Ему небо и человѣкъ были примирены. Ликъ Божій, говоря человѣческимъ языкомъ, смягчился; морщины его разгладились; разгнѣванный Господь сталъ небеснымъ Отцомъ. — Дѣйствительно, современнымъ міромъ правитъ Отецъ, и потому-то, поклоняясь жертвѣ, угасшей на Голгоѳѣ, я поклоняюсь Творцу великаго человѣческаго братства, такъ какъ, замѣтьте, человѣческое братство, какъ общественное явленіе, есть только результатъ братства во Христѣ, это братство можетъ вести начало только отъ Отца небеснаго, евангельскагоБога.

Ни наука, ни философія, ни экономія не въ силахъ создать его. Если вы забудете Распятаго, вы опять подпадете подъ иго законовъ стараго человѣчества, человѣчества, жившаго раньше искупленія. Вашъ языкъ будетъ называть людей братьями, на самомъ же дѣлѣ передъ вами будутъ только враги; врагъ—это всякій, у котораго меньше чѣмъ у васъ, который думаетъ не такъ, какъ вы, врагъ—всякій, который захочетъ занять ваше мѣсто. Тогда какъ другъ, братъ, истинный братъ есть тотъ, кто слѣдуетъ заповѣди Христа, сказавшаго: любите враговъ вашихъ! Другъ —тотъ, кто живетъ Отцомъ небеснымъ, и кто скажетъ вамъ: если мы зовемъ Бога Отцомъ, очевидно мы отъ него происходимъ и къ нему возвращаемся. Чего же спорить намъ объ этомъ клочкѣ земли, который мы завтра покинемъ? Земля не стоитъ труда, чтобы вступать изъ-за нея въ борьбу или споръ, она должна быть для насъ только мѣстомъ встрѣчи, кратковременнаго соединенія; отсюда мы должны устремляться дальше и выше, къ вѣчному отечеству, высшій законъ котораго есть единеніе всѣхъ въ истинѣ, добрѣ и безконечной любви.

Послѣднее слово Христа: „Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой.“ Воскликнувши это, Онъ преклонилъ голову и умеръ.

Какъ есть нѣсколько образцовъ жизни, такъ есть нѣсколько образцовъ смерти. Есть три способа жить, три способа умирать. Одни живутъ исключительно своей животной стороной, другіе—человѣческой, третьи проводятъ жизнь свою въ Богѣ.

Живущіе въ животномъ состояніи живутъ болѣе или менѣе инстинктами, которые составляютъ и характеризуютъ это состояніе, и умираютъ они, какъ животныя. Живущіе по образу человѣческому, болѣе или менѣе благородно, по прихоти своего капризнаго разума или эгоистической, измѣнчивой воли, своего маленькаго честолюбица, и кончаютъ также болѣе или менѣе благородно, какъ люди. Есть, наконецъ, такіе, которые, будучи господами своихъ инстинктовъ и самихъ себя, живутъ въ Богѣ; они въ Богѣ и умираютъ. —Христосъ жилъ всецѣло въ Богѣ, Своемъ Отцѣ; все, что было въ Немъ матеріальнаго, что относилось къ инстинктивной жизни, было безусловно подчинено разуму и волѣ человѣка, такъ же, какъ Его человѣческій разумъ и воля были безусловно подчинены мудрости и волѣ Его Отца.— Изъ этого вы можете понять высокій божественный смыслъ словъ, какими кончилась смертная жизнь Іисуса Христа: „Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой“. Предавая Свою душу въ руки Отца, Онъ предалъ Ему все. Замѣтьте, Христосъ окончилъ жизнь свободно; Онъ не былъ побѣжденъ смертью, Онъ допустилъ только, чтобы чрезъ нее завершилось въ Немъ Его дѣло.

Судя по словамъ св. евангелистовъ, Іисусъ Христосъ все время держалъ голову прямо; слова Свои Онъ говорилъ, устремивъ взоръ Свой къ небу, и только сказавши послѣднія, Онъ испустилъ громкій вопль, склонивъ главу и предалъ духъ. Такъ Онъ кончилъ.—Что особенно важно для насъ здѣсь, это то, что и мы обречены смерти, смерти роковой, неизбѣжной, необходимой, въ силу законовъ нашей организаціи и намъ тоже предстоитъ выборъ между тремя родами смерти.

Умереть, какъ животное — увы! это удѣлъ многихъ людей. Едва освобожденные отъ инстинктовъ, они всю жизнь покоряются ихъ законамъ до послѣдняго часа, и они возвращаютъ землѣ то, что ей принадлежитъ, или вѣрнѣе земля беретъ у нихъ свое обратно; вышедши изъ праха, они одинъ мигъ суетятся надъ нимъ и возвращаются въ него обратно, какъ животныя, безсознательно.

Умереть, какъ человѣку, значитъ вложить даже въ актъ смерти нѣкоторую разумность, волю и сознательность. Но и на этомъ пути большинство застигается врасплохъ; конецъ почти всегда настигаетъ ихъ вдругъ, нечаянно, потому что они старательно отвращаютъ отъ него свои взоры. Но развѣ, стараясь не думать о смерти, можно избѣжать ея?

Нѣкоторые, тѣмъ не менѣе, сознаютъ свой конецъ; но чаще всего они умираютъ нераскаянными, съ сожалѣніемъ оставляя жизнь, таинственное будущее которой приводитъ ихъ въ ужасъ. — Невѣрующіе утѣшаютъ себя тѣмъ, что они оставятъ послѣ себя дѣла, которыя переживутъ ихъ въ человѣчествѣ. Надъ гробомъ, содержащимъ ихъ останки, будутъ говорить друзья; они имѣютъ претензію знать сами и учить другихъ, что отъ нихъ не останется ничего, и что друзья будутъ говорить даже не глухому, а пустотѣ. Тѣмъ не менѣе они будутъ говорить, будутъ призывать ихъ: твоя память останется въ человѣчествѣ, которому ты служилъ; ты будешь примѣромъ для тѣхъ, которые будутъ жить послѣ тебя; твой сынъ, жена, твои друзья послѣдуютъ твоимъ завѣтамъ и т. д. и т. д.

Вотъ человѣческій конецъ. Я признаю, что извѣстныя свойства людей позволяютъ имъ переживать себя въ человѣчествѣ. Конечно, ученый, писатель, поэтъ, политикъ, завоеватель не умираютъ совершенно для человѣчества, которое они наставляли, восхищали, которымъ управляли или наводили ужасъ.

Но развѣ человѣчество вмѣщаетъ въ себѣ жизнь души? Развѣ земля можетъ заключать въ себѣ жизнь вѣчности? Я не знаю, что думаютъ нѣкоторые; это ихъ дѣло, но они не могутъ отрицать, что между людьми есть множество натуръ, жаждущихъ вѣчности и которымъ будетъ такъ тѣсно на огромной землѣ, во всей огромной вселенной, какъ и въ могилѣ, въ которую бросятъ ихъ трупъ. Какъ кончатъ они? Что сдѣлаютъ передъ смертью съ своей душой? Кому предадутъ духъ свой?

Христосъ научилъ насъ умирать. Смерть, которая придетъ къ тѣмъ, кого мы любимъ, къ намъ самимъ, дѣйствительная смерть, которой мы должны будемъ взглянуть въ глаза, смерть, — это условіе нашего вступленія въ міръ, къ которому мы направляемся, — пусть будетъ для насъ такою, какъ научилъ насъ ей Христосъ.

Когда вы достигнете этого часа, я говорю не объ однихъ жертвахъ его, но и о присутствующихъ при немъ, говорю всѣмъ вамъ: помогайте умирать другимъ, какъ умеръ Христосъ. Постарайтесь пробудить въ сознаніи отходящаго мысль объ Отцѣ небесномъ, Который далъ намъ выполнить задачу здѣсь на землѣ, и Который долженъ насъ судить.

Пробужденная совѣсть уяснитъ себѣ при свѣтѣ смерти все, что она сдѣлала хорошаго и что худого; она воздастъ благодареніе Богу и испроситъ себѣ прощеніе; эти два дѣйствія заключаютъ въ себѣ вкратцѣ все; жизнь, которую они кончаютъ, чиста, и смерть, къ которой готовятся, достойна Бога. Послѣ этого отходите съ миромъ. Все, что вы сдѣлали добраго, останется: добро, какъ и Богъ, не можетъ погибнуть, оно вѣчно. Ваши семейныя добродѣтели будутъ горѣть яркимъ пламенемъ на очагѣ, опустошенномъ смертью; это пламя зажжетъ другія. Ваши дѣти будутъ передавать ваши добродѣтели. Можетъ-быть, добро, сдѣланное вами, останется неизвѣстно людямъ. Развѣ это важно? Обратите взоръ свой къ небу, для достиженія котораго вы искали истины, совершенства, и скажите Отцу небесному: о, Ты, познавать Котораго научилъ меня Христосъ, въ руки Твои предаю мою жизнь, мой духъ, все мое существо.

Вотъ настоящая смерть.

Христосъ такимъ образомъ преподалъ намъ всю науку, всѣ примѣры, науку и силу жить, науку и силу умирать въ Богѣ.

Мы живемъ на землѣ, гдѣ насъ можетъ постигнуть все; будемъ же жить хорошо, чтобы быть готовыми предать свою душу.

Если у васъ въ распоряженіи будетъ только одна секунда, чтобы взглянуть въ лицо смерти, вспомните о Голгоѳѣ, умирающемъ на ней Христѣ и, покидая этотъ міръ, скажите только одно слово, лишь бы оно исходило изъ самой глубины вашей совѣсти: Отче, въ руки Твои предаю духъ мой!

Кончая такъ, вы оставите во всѣхъ присутствующихъ, во всѣхъ, кого вы покидаете, чувство радости дѣтей, отходящихъ къ Отцу, оставите слѣдъ божественнаго, запахъ божественныхъ ароматовъ. (Извлеч. въ сокращ. изъ кн. „Доказ. Божеств. Іисуса Христа“ Дидона).

11. Покаяніе разбойника.

Варваръ былъ разбойникъ, державшій въ страхѣ цѣлыя области. Его именемъ матери пугали непослушныхъ дѣтей. Напрасно принимали мѣры, чтобы изловить его и положить конецъ его ужаснымъ дѣламъ: сила и ловкость Варвара спасали его всякій разъ, и онъ гулялъ на свободѣ и злодѣйствовалъ.

Но лютая жизнь не удовлетворяла Варвара. Чѣмъ удачнѣе кончались самыя дерзкія, безумныя его предпріятія, чѣмъ большую добычу приносили ему его грабежи—тѣмъ сумрачнѣе онъ становился: его грызла неисходная тоска, и этой тоски онъ не могъ ничѣмъ заглушить.

Однажды Варваръ сидѣлъ въ тайной пещерѣ, гдѣ хранилась самая дорогая часть изъ награбленнаго имъ добра.

Факелъ освѣщалъ низко нависшій сводъ, и стѣсненный этимъ сводомъ свѣтъ тѣмъ ярче игралъ на грудахъ золота, многоцѣнныхъ тканей, самоцвѣтныхъ каменьевъ, которые были разложены повсюду. Но вмѣсто красоты этихъ сокровищъ, изъ всѣхъ угловъ, отъ всякой вещи на Варвара смотрѣли неотступно образы совершенныхъ имъ преступленій Онъ былъ одинъ. Тамъ, наверху, была безмолвная, непроглядная ночь — и ни одинъ звукъ, ни одно внѣшнее впечатлѣніе не отрывали разбойника отъ его воспоминаній Одна за другой вставали зловѣщія картины: тайные перелѣски, скрытые овраги, узкія ущелья—и вездѣ онъ, въ ожиданіи добычи. Вотъ ѣдутъ—но все еще мирно въ пустынѣ, и ея молчаніе чуть нарушается ровными ударами копытъ... Вдругъ страшные крики, борьба — и... опять тишина, мертвенная тишина. А они глядятъ!.. Вся пещера полна пришедшими оттуда, изъ ущелій, изъ перелѣсковъ, призраками съ зіяющими ранами, съ безжизненными глазами — и всѣ они стоятъ, прозрачные и безтѣлесные, у сложенныхъ въ пещерѣ сокровищъ, и безжизненныя очи ихъ устремлены на убійцу.

Страшные образы напомнили разбойнику каждое совершенное имъ преступленіе, отъ перваго до послѣдняго; и вся мерзость, позоръ и грѣхъ совершенныхъ имъ дѣлъ обнажились предъ нимъ, и его совѣсть содрогнулась при видѣ этихъ беззаконій.

Подъ гнетомъ овладѣвшаго имъ безконечнаго сожалѣнія о прошлой жизни, онъ понурилъ голову; въ немъ пробудилась мысль о Богѣ, и онъ заплакалъ...

. . . .

Варваръ шелъ въ церковь. То былъ уже не самонадѣянный, мощный человѣкъ: онъ шелъ робкимъ шагомъ, не подымая глазъ съ земли, и видъ его былъ смиренъ.

Когда служба отошла, и церковь опустѣла, онъ подошелъ къ пресвитеру и просилъ принять его исповѣдь.

— Отецъ святой,—говорилъ онъ, стоя на колѣняхъ и обливаясь слезами:—я окаянный грѣшникъ, и хочу покаяться о множествѣ моихъ преступленій. Не отрини меня!

Пресвитеръ поднялъ его, привелъ къ алтарю и сказалъ: „исповѣдай, чадо, Самому Богу грѣхи твои, а я буду смиренный свидѣтель исповѣданія и покаянія твоего!“

— Я разбойникъ Варваръ... Ты, можетъ-быть, слышалъ обо мнѣ, отецъ .. Я весь во грѣхахъ, въ тѣлесной нечистотѣ, обагренъ кровью... Я убилъ триста душъ, и въ числѣ ихъ двухъ священниковъ, не отпустившихъ мнѣ мои грѣхи. А ты, отецъ, если знаешь, что приметъ Господь мое покаяніе, повели мнѣ, покаявшись, исполнить заповѣди Христовы, а не приметъ—возьми этотъ мечъ и кликни народъ—пусть меня заколютъ этимъ мечомъ.

— Чадо, — отвѣчалъ священникъ:— нѣтъ грѣха, побѣждающаго милосердіе Божіе. Не отчаивайся. Иди въ мой домъ и твори то, чему я буду учить тебя!

Выйдя изъ церкви, священникъ обернулся и увидѣлъ, что Варваръ идетъ за нимъ на четверенькахъ, опираясь на колѣни и локти. Онъ удивился и спросилъ разбойника:

— Что это съ тобою, чадо?

— Я повергся теперь на землю съ грѣхами моими; я былъ хуже звѣря лютаго и принимаю теперь образъ звѣря; я не подымусь отъ земли, не увижу больше неба и солнца, пока Господь не отпуститъ мнѣ моихъ преступленій.

Священникъ отвѣчалъ ему: „волею ты принимаешь на себя этотъ образъ, сохрани обѣтъ твой, и все простится тебѣ“.

Когда они пришли въ домъ пресвитера, тотъ сказалъ разбойнику: „вотъ, чадо, мои дѣти и слуги а вотъ скотъ мой и псы, которымъ ты хочешь уподобиться. Поэтому тебѣ съ ними нужно принимать пищу“.

— Я не считаю себя равнымъ и псамъ, потому что они служили тебѣ и никому не дѣлали зла, а я... Но природа требуетъ пищи, считай меня за пса. Я съ ними буду ѣсть, и день и ночь буду находиться у забора, безъ крова.

— Дѣлай, чадо, такъ, какъ говоришь теперь предъ Богомъ, и уповай на великую милость Его.

Три года провелъ Варваръ у пресвитера, ползая, какъ четвероногое животное, на колѣняхъ и локтяхъ, не подымаясь отъ земли, считая себя недостойнымъ быть съ людьми, и живя днемъ и ночью внѣ дома, со псами. И когда прошли эти три года, пресвитеръ сказалъ ему: „чадо, перестань питаться со псами—Господь умилосердился къ тебѣ!“ а Варваръ отвѣчалъ: „нѣтъ, отецъ, не пришло время: я хочу пастись со скотами“. На это пресвитеръ сказалъ: „чадо, Богъ и это обѣщаніе твое видитъ, которое предлагаешь ты Ему отъ смиренія своего въ жаждѣ страданія и казни за грѣхи твои!“

И сталъ Варваръ пастись со скотами, ходя все такъ же на локтяхъ и колѣняхъ, и питаясь зелеными злаками. Двѣнадцать лѣтъ провелъ онъ вдали отъ людей, на пастбищахъ и въ рощахъ, безъ одежды, не имѣя и рубища для прикрытія наготы; и была его плоть какъ древесная кора, которая то опаляется солнечнымъ жаромъ, то трескается отъ мороза; весь онъ почернѣлъ, какъ уголь, и въ такомъ вольномъ мученичествѣ проводилъ свою жизнь.

Страшна и тяжка была казнь, которую избралъ себѣ покаявшійся разбойникъ. Онъ привыкъ къ безудержной вольной жизни, къ почету и власти, и къ бѣшеному разгрому, когда былъ атаманомъ разбойниковъ, и его имя, хотя зломъ, но гремѣло повсюду; а теперь онъ уничижилъ себя, какъ не уничижалъ ни одинъ человѣкъ. Только это грозное бичеваніе и невиданная казнь могли сколько-нибудь смягчить тоску раскаянія, которое невыразимымъ мученіемъ жгло его душу.

Когда его тѣло и сердце изнемогали отъ мукъ, тогда душѣ его становилось легче... Одно только могло заглушить терзавшую его тоску: онъ жаждалъ омыться кровью своею отъ той крови, которую проливалъ, и погибнуть на землѣ, какъ губилъ другихъ.

Прошло двѣнадцать лѣтъ его страданія въ пустынѣ, и былъ онъ извѣщенъ откровеніемъ Божіимъ, что прощены ему грѣхи его, и что довершитъ онъ подвигъ покаянія своего мученическимъ вѣнцомъ.

Однажды ходилъ онъ въ отдаленной дубровѣ и приблизился къ мѣсту, гдѣ отдыхали проѣзжіе купцы. Трава была высокая; но было ясно видно, что она колышется; купцы думали, что къ нимъ крадется дикій звѣрь; они прицѣлили луки, спустили стрѣлы и пошли посмотрѣть на убитаго звѣря. Въ густой травѣ съ пронзенной грудью и радостнымъ лицомъ лежалъ Варваръ. То было необъяснимое зрѣлище: онъ кроткимъ голосомъ успокоилъ купцовъ, разсказалъ имъ повѣсть своей жизни и просилъ извѣстить о кончинѣ своей пресвитера, который принялъ пятнадцать лѣтъ назадъ его исповѣдь, потомъ въ руки Божіи предалъ духъ свой.

Пресвитеръ пришелъ на то мѣсто—и тѣло Варвара просвѣтилось, какъ свѣтъ. Надъ мертвецомъ совершили обычный чинъ погребенія и зарыли его въ землю на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ убитъ. Отъ могилы его пошли исцѣленія всякимъ недугамъ. По нѣкоторомъ времени, собралось съ пресвитеромъ много людей къ той могилѣ, они открыли гробъ Варвара,—и тѣло его оказалось нетлѣннымъ и источало цѣлебное мѵро. Убѣдились люди и перенесли съ великою славою честныя мощи святого Варвара въ свое селеніе, и положили ихъ въ церкви, восхваляя дивное человѣколюбіе и милосердіе Христа Бога („Русск. паломн.“ 1894 г., № 20).

12. Великая суббота.

Въ Великую субботу св. церковь воспоминаетъ погребеніе Спасителя, о чемъ напоминалось еще наканунѣ при выносѣ плащаницы на вечернѣ. Новыхъ событій въ этотъ день никакихъ не совершилось, да и какія же могли быть событія, послѣ того, какъ Источникъ жизни лежалъ мертвъ, и покой, глубокій покой обнялъ землю, послѣ смятенія всей твари, совершившагося во время распятія!.. Но за предѣлами этого міра, въ темной области ада не было тишины и бездѣйствія. „Адъ умерщвленъ былъ блистаніемъ Божества сошедшаго туда Источника жизни, и всѣ силы небесныя прославляли Жизнодавца, когда Онъ изводилъ оттуда всѣхъ праведниковъ“...

Сегодня св. церковь рано созываетъ чадъ своихъ ко гробу Спасителя. Утреня въ Вел. субботу совершается обыкновенно до разсвѣта, и усердные христіане спѣшатъ опять во храмъ, чтобы приложиться къ плащаницѣ. Эта утреня, по содержанію своему, должна быть названа погребальнымъ плачемъ у гроба Спасителя и принадлежитъ къ самымъ трогательнымъ богослуженіямъ церкви. На утрени стихословится вся 17 каѳизма; 176 стиховъ заключаетъ въ себѣ 17 каѳизма, 176 трогательныхъ погребальныхъ тропарей присоединяется къ ней. Вся 17 каѳ. раздѣляется на 3 статіи, и послѣ каждаго стиха каѳизмы читается тропарь. Канонъ Великой субботы высокъ и глубоко содержателенъ; въ немъ выражаются не столько скорбныя чувства, сколько величіе божественнаго Мертвеца и таинство искупленія рода человѣческаго, предусмотрѣнное ветхозавѣтными пророками. Тотъ, Кого мы видимъ лежащимъ во гробѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ есть всесильный Богъ, Который нѣкогда потопилъ фараона („Волною морскою скрывшаго древле“ 1 пѣснь). Тотъ, Котораго тварь видѣла на древѣ и ужасалась, есть вмѣстѣ съ тѣмъ Творецъ вселенной („Тебе на водахъ повѣсившаго всю землю неодержимо“. 2 пѣснь). Страданія же Его были лишь добровольнымъ истощаніемъ для спасенія рода человѣческаго.

Въ концѣ утрени совершается величественный и трогательный крестный ходъ вокругъ храма съ плащаницею, напоминающій погребеніе Спасителя. По возвращеніи крестнаго хода во храмъ читается евангеліе о запечатаніи гроба и приставленіи стражи. Утреня заканчивается ублаженіемъ приснопамятнаго Іосифа и Никодима, погребавшихъ Спасителя. Всю утреню вѣрующіе выслушиваютъ съ возженными свѣчами.

Не менѣе замѣчательна и литургія Василія Вел. (совершаемая въ Великую субботу). Она соединяется съ вечерней, на которой читаются 15 паремій, содержащихъ важнѣйшія ветхозавѣтныя прообразованія и пророчества о возстановленіи человѣка смертію, погребеніемъ и воскресеніемъ Сына Божія. Предъ чтеніемъ евангелія, при пѣніи (вмѣсто „аллилуія“) стиха „Воскресни, Боже, суди земли“ (Возстани, Боже, суди землю) священнослужители снимаютъ темныя облаченія и облачаются въ свѣтлыя ризы, знаменуя собою ангеловъ, сошедшихъ съ небесъ для отваленія камня отъ дверей гроба Господня. Евангеліе читается воскресное—о явленіи воскресшаго Господа женамъ мѵроносицамъ, когда Онъ возвѣстилъ имъ: „радуйтеся“ (Матѳ. XXVIII, 1—20), и невольно слова эти радостно отдаются въ сердцѣ...

Вмѣсто херувимской пѣсни поется трогательная пѣснь: „Да молчитъ всякая плоть человѣча“, въ которой изображается благоговѣніе человѣка предъ величіемъ непостижимаго таинства, въ которомъ Господь приходитъ для закланія и питанія вѣрующимъ.

Съ окончаніемъ литургіи начинается уже преддверіе праздника, и въ душѣ уже невольно ощущается другое чувство, противоположное скорби Страстной недѣли, и скоро, скоро покой Великой субботы смѣнится восторженною радостью воскресенія. („Русскій паломн.“ 1895 г. № 12).

13. **Ночь страстей и воскресенія Христовыхъ.**

Вотъ, безъ малаго 19 вѣковъ тому назадъ, въ такое же весеннее время года, однажды сугубая ночь простиралась надъ Іерусалимомъ и окрестною страною; ночь, естественная, потому что солнце склонилось къ своему закату, и сверхъ-естественная, потому что еще прежде заката солнечнаго распростерлась въ поднебесной необычайная тьма, потому что зашелъ плотію подъ землю невечерній Свѣтоносецъ, *и не терпя зрѣти солнце померче полудни еще сущу* (во святую и Великую субботу утро, непорочны. Стат. 2, ст. 106); ночь, которая смотрѣніемъ Божіимъ (тамъ же на хвал. стихир.) предопредѣлена была, съ одной стороны, для упокоенія смертнымъ сномъ умученной плоти Богочеловѣка, а съ другой, для тягчайшей борьбы Его духа въ адской темницѣ съ темными адскими силами, и для озаренія свѣтомъ Его Божества послѣднихъ глубинъ преисподней, для возбужденія всѣхъ усопшихъ тамъ отъ вѣка.

При свѣтѣ слова Божія приникнемъ нашимъ, хотя и тусклымъ, мысленнымъ окомъ въ таинственный мракъ и ослѣпительный для нашей бренности свѣтъ Воскресенія Христова съ молитвеннымъ воздыханіемъ къ Воскресшему, да отверзетъ и намъ, какъ нѣкогда, въ сей самый свѣтоносный день и вечеръ воскресенія, отверзъ Своимъ ученикамъ, умъ разумѣти божественныя писанія о томъ, *какъ подобаше пострадати Христу и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день и внити въ славу Свою* (Лук. XXIV, 26—27; 45—46).

Ужасалось солнце, и земля, трепещущи, тряслася, и гробы отверзались, и живые люди возвращались отъ Голгоѳы, біюще перси своя, потому что около Голгоѳы въ вечеръ смерти Богочеловѣка сгустился мракъ неудобопостижимыхъ и невообразимыхъ для насъ ужасовъ. Послѣ поруганій, бичеваній, изъязвленія главы терніями, ужасная, позорная крестная мука, въ два-три часа необычайнаго крестнаго томленія, смертельно поразившая полное богомужеской силы тѣло распятаго Іисуса; вся эта адскою злобою изобрѣтенная мука тѣлесная была только тѣнью другой муки, внутренней, безмѣрно болѣе томительной. Если послѣдователи Христовы, апостолы и мученики, претерпѣвали послѣ Христа и ради Христа крестныя и всякія мученія не только съ невозмутимымъ мужествомъ, но и съ свѣтлымъ благодушіемъ, то, видно, не тѣлесной только муки отвращался Самъ Началовождь всѣхъ мучениковъ, когда предъ страстію Своею Онъ, по слову св. евангелиста, *началъ ужасатися и тужити* (Мар. XIV, 33), и говорилъ ученикамъ: *прискорбна есть душа Моя до смерти;* когда просилъ ихъ *побдѣти съ Нимъ,* т.-е. какъ бы не оставлять своимъ бдительнымъ участіемъ Его одного съ Его невыразимою тоскою (Матѳ. XXVI, 38—49), и падши на землю молился, *да, аще возможно есть, мимо идетъ отъ Него часъ сей* (Мар. XIV, 35), зная, что это невозможно, что именно сего ради и пришелъ Онъ на сей часъ (Іоан. XII, 27), и, тѣмъ не менѣе, одолѣваемый мракомъ скорби, Онъ взываетъ къ Отцу: *Авва Отче! вся возможна Тебѣ; мимо неси отъ Меня чашу сію, но не еже Азъ хощу, но еже Ты* (Марк. XIV, 36). Видно, что кромѣ видимаго мрака, окружавшаго Голгоѳу и крестъ, другой непостижимо-таинственный мракъ скорби облегалъ душу Богочеловѣка, въ грозный часъ Его смерти.

И вотъ, когда жестокосердое состраданіе мучителей подноситъ *оцетъ съ желчію смѣшенъ* (Матѳ. XXVII, 34; Марк. XV, 23—36), настало время испить Ему чашу, вмѣщавшую въ себѣ весь грѣхъ и всѣ грѣхи міра, всю и всякую клятву на него, всякую смерть и всю совокупность смертей, а въ концѣ-концовъ всю необъятность,—въ широтѣ и глубинѣ,—удаленія повинной предъ Творцомъ твари, грознымъ судомъ и всемогуществомъ Божіимъ, отъ Бога, источника всякой жизни, счастія и свѣта... *Боже Мой! Боже Мой!* — воскликнулъ Божественный Страдалецъ, *вскую Мя еси оставилъ... И паки возопивъ гласомъ веліимъ: совершишася! И преклонь главу, предаде духъ* (Матѳ. XXVII, 46—50; Лук. XXIII, 46; Іоан. XIX, 30)... Настала единственная въ своемъ родѣ ночь...

Повсюду распростерся вещественный и невещественный мракъ страха, померкло солнце, содрогнулась земля, распались камни, отверзлись гробы, встали нѣкоторые мертвецы, дрогнула отъ ужаса живая толпа, — толпа минуту тому назадъ жестокихъ, насмѣшливыхъ зрителей смертной казни. Омраченные ужасомъ апостолы, кромѣ возлюбленнаго ученика, кроются гдѣ-то далеко отъ креста. Петръ съ клятвою отрекся отъ Христа. *Потаенъ страха ради іудейска ученикъ Іисусовъ* (Іоан. XIX, 38; Марк. XV, 43), Іосифъ аримаѳейскій *дерзнувъ внити къ Пилату* (и для этого нужна была смѣлость, чтобъ заявить желаніе похоронить казненнаго!) и, испросивъ тѣло Іисусово, спѣшитъ съ Никодимомъ, *приходившимъ ко Іисусови нощію прежде* (Іоан. XIX, 39), положить Его во гробъ и уйти, приваливъ на двери гроба (Марк. XV, 46) камень, который фарисейская злоба поспѣшила оградить кустодіею и запечатать — лукавой злобѣ думалось — навсегда. *Солнце правды зашло подъ землю* (Вел. суб. утр. Непор. ст. 96).

Плотію божественный Страдалецъ теперь уснулъ, настала для нея *благословенная суббота, упокоенія день; въ онъ же почи отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ единородный Сынъ Божій, возсубботствовавъ*—упокоившись *плотію*, но еще не духомъ. Духъ Его еще нисходитъ до крайней степени истощанія, уничиженія, болѣзни адовы, которую, какъ и внутреннюю крестную муку, могъ почувствовать и вынести опять только одинъ Богочеловѣкъ. Моисей и Павелъ молились быть изглаженными изъ книги живота, быть отлученными отъ Бога ради сродниковъ своихъ по плоти, преступныхъ сыновъ Израиля (Исх. XXXII, 30—33; Рим. IX, 1—3). Но и для суда Божія оказалось это невозможнымъ и для мысли человѣческой немыслимо. А Богочеловѣкъ, за братію Свою по духу и по плоти (Евр. II, 11—15), дѣйствительно, даже до ада осужденъ: *сѣдяй выну со Отцемъ* низведенъ туда, *идѣже престолъ сатанинъ,* владыка міра — узникъ ада; жизнь и свѣтъ — въ адской темницѣ сѣни смертной; чистота, ставшая повинною грѣху всего міра, и всепокрывающая любовь оказалась въ сообществѣ всего свирѣпаго, злостнаго, мучимаго и мучащаго, любящаго свою тьму, свою злобу... Вотъ это была самая глубокая полночь уничиженія, самая крайняя степень снисхожденія Солнца правды, когда духи тьмы, въ полнѣйшемъ самоомраченіи отъ своего торжества, въ преисподнихъ глубинахъ своего темнаго царства, восплескали руками: *благо же, благо же!* Не поклонившійся искусителю на горѣ искушенія, Сынъ Божій съ Голгоѳы, горы искупленія, снизшелъ въ преисподняя земли! *А умніи ангельстіи чины ужасахуся, крылами лица закрывающе* (Велик. суб. Непор. ст. 104), *зряще съ мертвыми во адѣ Зиждителя и Господа.*

Но отсюда, съ крайней степени уничиженія, началось восхожденіе. Узами смерти невозможно было держиму быти Начальнику жизни (Дѣян. II, 15). Въ преисподнихъ ада изъ устъ Божественнаго Узника изыде оружіе остро, слово Божіе: раздалась божественная проповѣдь. По слову апостола (1 Петр. III, 18—22; IV, 6), сошедъ во адскую темницу Своимъ духомъ, Христосъ началъ тамъ проповѣдывать, — кому? *Духамъ* умершихъ людей, которые *противились Богу, когда Божіе долготерпѣніе ожидало ихъ раскаянія, во дни Ноя, когда Ной строилъ свой ковчегъ,* — всему допотопному человѣчеству, которое предъ потопомъ развратилось до того, что совсѣмъ забыло Бога и удалило отъ себя Духа Божія, совсѣмъ погрузилось въ жизнь плотскую и стало плотію, — т.-е. низшей области адскихъ узниковъ, низшей и по давнему времени существованія на землѣ и по нравственному ниспаденію, а затѣмъ и всему ветхозавѣтному человѣчеству, начиная съ самыхъ тяжкихъ грѣшниковъ и оканчивая праведниками, съ вѣрою чаявшими Христова пришествія. Зачѣмъ проповѣдалъ? *На то мертвымъ благовѣстися, да судъ убо пріимутъ по человѣку плотію,* по грѣховному плотскому человѣку на землѣ и въ адской мукѣ, *поживутъ же по Бозѣ духомъ.* Но все, что въ адѣ носило въ себѣ сѣмя добра и живой вѣры въ Бога, что чаяло обѣтованнаго избавленія, все это проснулось. *Свѣтильникъ божественнаго свѣта сокрытый подъ землею, яко подъ спудъ, разгоняетъ сущую во адѣ тму* (Непор. Вел. суб. ст. 19). Зашедшій подъ землю Свѣтоносецъ правды воздвигаетъ мертвыхъ, какъ отъ сна (тамъ же, ст. 86); погребенный сокрушаетъ адова царствія, пораженный смертію умерщвляетъ смерть (тамъ же, ст. 83). Адъ стеня вопіетъ: разрушися моя держава, пріяхъ Мертваго, яко единаго отъ умершихъ, но и Сего держати не могу и погубляю съ Нимъ всѣхъ, ими же царствовахъ отъ вѣка (Вел. суб. Вечер. стих. на Госп. воз.); Адамъ ликовствуетъ, и радуется Ева, пріемля избавленіе. Для всѣхъ отверсты врата рая, куда Началовождемъ радостнаго лика освобожденныхъ душъ входитъ съ благоразумнымъ разбойникомъ, соучастникомъ крестныхъ страданій, начатокъ умершихъ Христосъ Господь. Смущенный горестнымъ удивленіемъ, при видѣ Господа въ мертвыхъ вмѣнившася, соборъ ангеловъ теперь пѣснь побѣдную воспѣваетъ Спасу, *смертную крѣпость разорившему и съ Собою Адама воздвигшему и отъ ада вся свобождшему.* Сопутствуемый сонмомъ небожителей и изведенныхъ изъ ада человѣческихъ душъ, явившихся по воскресеніи во Іерусалимѣ многимъ (Матѳ. XXVII, 53), духъ Христовъ всепразднственно шествуетъ къ хранимому пока только злобою фарисейско-саддукейскою живоносному гробу оживить почившую въ немъ Свою пречистую плоть. И вотъ Онъ, *уснувшій яко левъ, востаетъ яко скименъ, побѣдитель смерти и ада* (Вел. суб. Непор. ст. 38); востаетъ незримо для очей земнородныхъ, а зримо только для духовныхъ очей небожителей. Ангелъ отваливаетъ камень отъ дверей гроба не для исхода Воскресшему, но для того, чтобы могли проникнуть туда любовь и вѣра и созерцаніе Его ученицъ и учениковъ. Земля, отдавая жизни сокрытую въ ея нѣдрахъ добычу смерти, отражая въ себѣ колебаніе преисподнихъ глубинъ ада, трясется отъ преходящаго ужаса и наступающей радости. Отражая изступленный ужасъ стражей адскихъ, разсыпается отъ гроба приставленная къ нему римско-іудейская стража, на мѣсто коей благоговѣйными стражниками становятся свѣтлые ангелы, вѣстники воскресенія: *Христосъ воскресе!* Исполнивъ божественнаго свѣта небо же и преисподнюю, Солнце правды озарило свѣтомъ воскресенія и землю, еще не озаренную пока утренними лучами восходящаго солнца вещественнаго.

Безлѣтный Свѣтъ изъ гроба плотски возсіялъ не апостоламъ только, но и всѣмъ людямъ, и намъ. Какъ же намъ узрѣть неприступнымъ свѣтомъ воскресенія Христа блистающася и услышать— *радуйтеся* рекуща? Это для насъ вопросъ не любопытства, а жизни и смерти. Узрѣть-то мы Его узримъ, непреложно, но съ радостію ли, или ужасомъ и отчаяніемъ? Узримъ по смерти, узримъ по всеобщемъ воскресеніи, и услышимъ Христа рекуща или: *пріидите благословеніи,* или: *отыдите отъ Мене проклятіи.* Чтобы въ день всеобщаго воскресенія и суда узрѣть нашего Судію и Господа небоязненно и радостно, нужно предзрѣть Его предъ собою выну, особенно же научиться зрѣть Его въ свѣтлый праздникъ воскресенія. Для этого церковь даетъ намъ совѣтъ: *очистимъ чувствія и узримъ... Чистіи сердцемъ Бога узрятъ.* Тотъ же совѣтъ предложилъ и Самъ Господь, въ одинъ изъ послѣднихъ дней Своей жизни на землѣ, въ притчѣ о десяти дѣвахъ: узрятъ небеснаго Жениха и вѣчно возрадуются съ Нимъ въ брачномъ чертогѣ дѣвы-души, у которыхъ свѣтильники будутъ горѣть яркимъ пламенемъ отъ обильнаго елея. Этотъ чистый пламень—та же чистота сердца; а пріобрѣтается она, даже потерявшими ее, посредствомъ милостыни: *подавайте милостыню,*—подаетъ намъ совѣтъ Самъ воскресшій Господь (Лук. XI, 36—44),— *изъ того, что у васъ есть, и тогда все будетъ у васъ чисто. Милостыня бо покрываетъ множество грѣховъ.* Такъ, чистые и нечистые сердцемъ! Поспѣшите въ свѣтлый день воскресенія просвѣтить свои чувства не пресыщеніемъ себя благами міра сего, а удѣленіемъ отъ вашей благостыни неимущимъ, печальнымъ, угнетеннымъ, плачущимъ, и тогда узрите Христа неприступнымъ свѣтомъ воскресенія блистающася и услышите Его рекуща: *радуйтеся.* Онъ сдѣлалъ для насъ безмѣрно много и хочетъ, чтобъ и мы дѣлали для Него хотя что-либо. (Изъ поученій архіепископа херсонск. и одесск. Никанора).

14. Св. Іосифъ аримаѳейскій.

Св. Іосифъ аримаѳейскій получилъ свое прозваніе отъ мѣста своего рожденія. Аримаѳея, по свидѣтельству блаж. Іеронима, былъ небольшой городъ въ колѣнѣ Веніаминовомъ, въ горахъ Ефремовыхъ (1 Цар. I, 1), замѣчательный издревле какъ мѣсто рожденія пророка Самуила; въ свящ. писаніи онъ обозначается именами Рама, Рамафаимъ, Софимъ. Іосифъ происходилъ отъ богатыхъ и добродѣтельныхъ родителей; оставивъ Аримаѳею, онъ поселился въ Іерусалимѣ. Сдѣланныя имъ въ Іерусалимѣ пріобрѣтенія домовъ, садовъ и земель дѣлали его лицомъ значительнымъ и доставили ему возможность или право присутствовать въ высшемъ правительственномъ іудейскомъ учрежденіи — синедріонѣ. По свидѣтельству евангелистовъ (Марк. XV, 43; Лук. XXIII, 50), Іосифъ принадлежалъ къ числу первѣйшихъ членовъ синедріона Характеръ этого „знаменитаго члена совѣта“ евангелисты описываютъ не многими, но высокими чертами; это былъ мужъ *добрый*, т.-е. исполненный любви къ ближнимъ, отличавшійся благотворительностью, и *праведный*, т.-е. благочестивый, полный любви къ Богу (Лук. XXIII, 50). Ни великія почести, ни огромныя богатства нисколько не препятствовали Іосифу ожидать пришествія Мессіи и открытія царства Его (Лук. XXIII, 51; Марк. X, 43), которое онъ вначалѣ, подобно прочимъ іудеямъ, представлялъ земнымъ, политическимъ. Однако Іосифъ, подобно Никодиму, не остановился на общенародномъ представленіи; человѣкъ съ добрымъ нравственнымъ характеромъ, съ любовію къ истинѣ, онъ съ ревностію искалъ наставленія и всегда готовъ былъ слушать тѣхъ, которые могли открыть ему истину о Іисусѣ Христѣ и Его царствѣ. Благодаря такой настроенности, онъ имѣлъ возможность уразумѣть истину отъ самого небеснаго Учителя (Матѳ. XXVII, 57) и сдѣлался искреннимъ послѣдователемъ и ученикомъ Его, несмотря на то, что этотъ Пророкъ галилейскій былъ ненавидимъ и преслѣдуемъ синедріономъ и что проповѣдуемое Имъ царство было не отъ міра сего. Но при чистой и высокой вѣрѣ въ Іисуса Христа, какъ истиннаго Мессію, Іосифъ сохранялъ въ тайнѣ свою расположенность къ Нему, былъ потаеннымъ ученикомъ Господа (Іоан. XIX, 38) *страха ради іудейска*, т.-е. во избѣжаніе гоненій отъ враговъ Іисусовыхъ, ибо уже состоялось опредѣленіе объ отлученіи отъ синагоги всѣхъ признававшихъ Іисуса Христа за Мессію (Іоан. IX, 20), и многіе вѣровавшіе въ Него изъ начальниковъ народныхъ и, можетъ-быть, членовъ синедріона (ср. VII, 48) боялись открыто объявить о своей вѣрѣ, боялись до изувѣрства озлобленной противъ Спасителя фарисейской партіи, заправлявшей и дѣлами синедріона.

Какъ членъ синедріона, при томъ же знаменитый, Іосифъ аримаѳейскій имѣлъ право на участіе во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, происходившихъ въ Іерусалимѣ, и онъ находился у первосвященника Каіаѳы, когда Спаситель былъ приведенъ къ нему отъ Анны, зятя Каіаѳы. Св. Лука отмѣчаетъ, что только этотъ членъ синедріона имѣлъ смѣлость отказаться отъ участія, какъ ранѣе въ послѣднихъ покушеніяхъ его противъ Іисуса Христа, такъ и въ беззаконномъ судопроизводствѣ надъ Нимъ (XXIII, 51), безъ сомнѣнія, потому, что считалъ Его невиннымъ, или же потому, что, не видя никакихъ средствъ спасти Невиннаго, не хотѣлъ быть свидѣтелемъ осужденія Его. Но вотъ ожесточенная злоба враговъ Іисуса Христа, по видимому, восторжествовала. Онъ, какъ злодѣй тягчайшій, пригвожденъ ко кресту и претерпѣвалъ страшныя мученія на глазахъ окружавшихъ Его друзей и многочисленныхъ враговъ. Изъ того, что Іосифъ успѣлъ быть у Пилата—римскаго правителя ранѣе, чѣмъ до него дошло оффиціальное извѣстіе о смерти Іисуса распятаго, не можемъ не заключить, что Іосифъ все время стоялъ въ виду креста въ числѣ всѣхъ знавшихъ Его и слѣдовавшихъ за нимъ женщинъ изъ Галилеи (Лук. XXIII, 49; Іоан. XIX, 25—27 и др.). Слѣдя за всѣмъ происходившимъ на Голгоѳѣ, Іосифъ аримаѳейскій, возмущенный духомъ и изнывающій сердцемъ отъ жалости къ распятому Господу, Котораго дотолѣ не смѣлъ исповѣдывать открыто при своихъ озлобленныхъ сотоварищахъ по синедріону, въ минуту страдальческой Его кончины забываетъ свой страхъ и смѣло спѣшитъ къ Пилату испросить позволеніе оказать Іисусу распятому послѣдній долгъ дружбы и уваженія чрезъ погребеніе тѣла Его Богатому и знатному члену синедріона Пилатъ не могъ отказать въ исполненіи этой просьбы, но лишь послѣ того, какъ отъ сотника, стоявшаго на стражѣ у креста Іисусова, удостовѣрился въ дѣйствительности смерти галилейскаго Пророка (Марк. XV, 44—45). Не можемъ не замѣтить, что высота общественнаго положенія Іосифа аримаѳейскаго дѣлала для него крайне опаснымъ этотъ величайшій подвигъ. Ожесточенная злоба враговъ Іисусовыхъ еще кипѣла во всей своей силѣ; только нѣсколько часовъ назадъ и простой народъ, и воины, и старѣйшины, и фарисеи, и сами первосвященники ругались и издѣвались надъ Распятымъ и, безъ сомнѣнія, не пожелали бы, чтобы Ему по смерти оказываемы были почести. Отважному просителю у Пилата угрожало много опасностей: опасность потерять благоволеніе архіереевъ и фарисеевъ, — всѣхъ великихъ и сильныхъ тогдашняго іудейскаго міра, опасность лишиться своей почетной должности въ синедріонѣ, опасность подвергнуться изступленной злобѣ и ненависти народа. По словамъ І. Златоуста, „Іосифъ отважился теперь на явную смерть, ибо возбуждалъ противъ себя всеобщую ненависть“, и въ этомъ поступкѣ онъ выступаетъ, какъ величавая, нравственно самоотверженная личность; здѣсь проявилось сердце истинно-мужественное и неустрашимое, сила духа, возносящаяся выше всѣхъ самолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ расчетовъ житейскихъ. Подвигнуть Іосифа на столь великое дѣло самоотверженія могли только крѣпкая, ничѣмъ непоколебимая, истинная любовь и чистая вѣра въ Господа Іисуса Христа. Вспомоществуемый другимъ тайнымъ ученикомъ Іисуса, Никодимомъ (Іоан. VII, 51; XIX, 39), Іосифъ въ присутствіи Дѣвы Маріи, Іоанна, Маріи Магдалины и Маріи, сестры Клеоповой, снялъ со креста дорогое тѣло Господа и хотя съ торопливостью, вслѣдствіе наступленія уже великой субботы, устраиваетъ во исполненіе древнихъ пророчествъ (Ис. LIII, 9; XI, 10) честное погребеніе Ему. Обвивъ тѣло Спасителя чистою плащаницею и погребальными высокой цѣны полотенцами и въ обильномъ количествѣ намастивъ драгоцѣнными благовоніями изъ мирры и алоя, Іосифъ съ Никодимомъ отнесъ тѣло Іисуса Христа въ собственный садъ, лежавшій недалеко отъ мѣста распятія, и положилъ въ новомъ гробѣ, изсѣченномъ въ камнѣ для себя или для членовъ своего семейства, — гдѣ никто еще не былъ положенъ, и затѣмъ отверстіе завалилъ огромнымъ камнемъ, дабы тѣло Господа не могло быть побезпокоено ночью звѣрями. Такъ, замѣчаютъ св. отцы церкви, Іосифъ отдалъ Спасителю міра первый долгъ, принимая Его въ свои объятія, когда Онъ родился въ вертепѣ, и исполнилъ послѣдній долгъ также Іосифъ.

Вотъ и всѣ тѣ свѣдѣнія о св. Іосифѣ аримаѳейскомъ, какія почерпаемъ изъ св. евангелія. Замѣчательно, что всѣ четыре евангелиста нашли нужнымъ упомянуть о благообразномъ Іосифѣ, безъ сомнѣнія, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства необыкновеннаго его подвига. За эту же любовь къ Господу и мужество и св. церковь ежегодно воспоминаетъ его вмѣстѣ съ дѣяніями Самого Господа и особенно ублажаетъ нарочитою пѣснью въ Великую субботу и въ недѣлю св. женъ мѵроносицъ, приглашая и насъ ублажать Іосифа приснопамятнаго. Что касается дальнѣйшихъ обстоятельствъ его жизни, то тщетно мы стали бы искать несомнѣнныхъ свѣдѣній. Вѣроятно, что потомъ онъ соединился съ учениками Іисуса Христа; принесъ къ ихъ ногамъ цѣну всѣхъ своихъ имѣній и жилъ въ любви и общеніи первыхъ христіанъ. На ряду съ апостолами выступивъ на дѣло проповѣди о Іисусѣ Христѣ, Іосифъ аримаѳейскій совершилъ апостольское служеніе не только въ Палестинѣ, но, какъ говоритъ преданіе, проповѣдывалъ евангеліе въ Британіи, гдѣ и блаженно почилъ. („Русск. паломн.“ 1895 г. № 30).

ПАСХА ХРИСТОВА.

См. въ 1-й части нед. св. Пасхи.

ВОЗНЕСЕНІЕ ГОСПОДНЕ.

Еванг. отъ Лук. зач. 114-е, гл. XXIV, 36—53 ст.

1. Вознесеніе Господа Іисуса Христа на небо.

Послѣ преславнаго воскресенія Своего изъ мертвыхъ Господу Іисусу Христу угодно было пребывать на землѣ сорокъ дней. Въ теченіе этого времени воскресшій Спаситель міра нѣсколько разъ являлся Своимъ ученикамъ, училъ ихъ о тайнахъ царствія Божія и подготовлялъ къ всемірной проповѣди евангелія. Когда наступилъ сороковой день по воскресеніи, въ Іерусалимъ собрались всѣ одиннадцать апостоловъ и вмѣстѣ съ ними нѣкоторыя, преданныя Господу, благочестивыя жены. Господь въ послѣдній разъ явился имъ тогда и, преподавъ нѣкоторыя наставленія апостоламъ, повелѣлъ имъ не отлучаться изъ Іерусалима, пока они не облекутся силою свыше. Послѣ этого Спаситель вывелъ апостоловъ изъ Іерусалима по пути къ горѣ Елеонской. Достигнувъ восточной вершины этой горы, гдѣ Онъ нѣсколько ранѣе началъ Свои предсмертныя страданія, Спаситель, поднявъ руки Свои, благословилъ учениковъ. Благословляя ихъ, Онъ сталъ подниматься отъ земли и удаляться отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока свѣтлое облако совсѣмъ не скрыло Его отъ взоровъ апостоловъ. Пораженные видѣніемъ, апостолы неподвижно стояли и пристально смотрѣли на небо. Но вотъ предстали имъ два мужа въ бѣлой одеждѣ и сказали: „галилеяне! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Іисусъ, вознесшійся отъ васъ на небо, придетъ такимъ же образомъ, какъ вы видѣли Его восходящимъ на небо“. Вознесшись на небо, Іисусъ Христосъ возсѣлъ и сѣдитъ *одесную*, т.-е. по правую сторону Бога Отца. Это сѣденіе Богочеловѣка одесную Отца нужно понимать духовно. Оно означаетъ то, что Іисусъ Христосъ и по Своему человѣчеству, нераздѣльно соединившемуся въ Немъ съ Божествомъ, воспріялъ равную съ Богомъ Отцомъ власть, величіе и славу. Апостолъ Павелъ говоритъ намъ объ этомъ, что Богъ Отецъ, посадивъ Іисуса Христа одесную Себя на небесныхъ, превознесъ Его „превыше всякаго начальства, власти и силы и господства и всякаго имене, именуемаго не точію въ вѣцѣ семъ, но и во грядущемъ“ (Ефес. 1, 20—21).

Вознесшись на небо, Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ не оставилъ земли совсѣмъ и не разлучился съ нами навсегда и совершенно. Напротивъ того, Онъ неотлучно пребываетъ и на землѣ со всѣми истинно вѣрующими въ Него, какъ Самъ Онъ сказалъ апостоламъ предъ вознесеніемъ на небо: „и се Азъ съ вами есмь въ вся дни до скончанія вѣка“ (Матѳ. XXVIII, 20). Чрезъ Свое вознесеніе на небо Іисусъ Христосъ содѣлался ближайшимъ и всегдашнимъ Ходатаемъ за насъ предъ Богомъ Отцомъ. Апостолъ Павелъ говоритъ, что „Христосъ Іисусъ умерый, паче же и воскресый, иже есть одесную Бога, ходатайствуетъ о насъ“ (Римл. VIII, 34). Какое же утѣшеніе, какая отрада намъ, грѣшнымъ, имѣть такого Ходатая! Онъ сидитъ одесную Бога Отца, постоянно призираетъ на насъ и непрестанно печется о насъ. Будемъ же возносить имя Христово, будемъ стараться оправдать попеченіе о насъ нашего Спасителя. Будемъ пріобрѣтать и усвоять себѣ царствіе Божіе святою и добродѣтельною жизнію. Будемъ устремлять свой умъ и сердце туда, на небо, къ Искупителю нашему, помня, что наше истинное житіе на небѣ, „отонудуже и Спасителя ждемъ Господа нашего Іисуса Христа“ (Филип. III, 20). Настанетъ время, когда Спаситель снова придетъ на землю, чтобы судить живыхъ и мертвыхъ, чтобы потребовать отъ насъ отчета во всѣхъ нашихъ дѣлахъ и поступкахъ, чтобы воздать вѣнецъ правды всѣмъ, возлюбившимъ явленіе Его. Потщимся же явить себя дѣлателями непостыдными, дѣтьми, послушными своему Отцу, рабами, вѣрными своему господину. „Блаженъ рабъ той, сказалъ Спаситель, его же, пришедъ господинъ его, обрящетъ тако творяща“ (Матѳ. XXIV, 46).

2. **О плодахъ вознесенія Господа нашего.**

Что ни дѣлалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, все дѣлалъ, для насъ.—Нисходитъ на землю для насъ, возносится на небо для насъ, придетъ паки для насъ, за нами, коснитъ пріити для нашего же блага. Что же мы, христіане, дѣлаемъ не для Него уже, а для самихъ себя?

Господь нашъ вознесся на небо для того, чтобы привлечь насъ къ Себѣ, и, дѣйствительно, Онъ влечетъ силою безпредѣльной любви Своей, всѣми мѣрами безконечной премудрости Своей. „Се стою при дверехъ и толку, говоритъ Онъ, „аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечеряю съ нимъ, и той со Мною“ (Апок. III, 20). Повинуемся ли мы сему благодатному влеченію? Слушаемся ли мы гласа, призывающаго на таинственную вечерю со Христомъ, или небрегше отходимъ, овъ убо на село свое, овъ же на купли своя“ (Мѳ. XXII, 5)?

Господь нашъ вознесся на небо, да пошлетъ намъ иного Утѣшителя-Духа всесвятаго; и дѣйствительно, ниспосланный Имъ отъ Отца Утѣшитель предлагаетъ намъ благодатные дары Свои. Обильная рѣка благодати струится въ чистыхъ потокахъ церковныхъ таинствъ. Святилище покаянія отверсто для всѣхъ; всякъ можетъ свергать съ себя иго грѣховъ: у Господа готово прощеніе и помилованіе. Пресвятое тѣло Христово преломляется по вся дни въ насыщеніе душъ нашихъ. Кровь завѣта Христова изливается обильно въ утоленіе духовной жажды. Непрестанно слышится гласъ премудрости Божіей; „аще кто жаждетъ, да пріидетъ и да піетъ“ (Іоан. VII, 37). Пользуемся ли мы и какъ пользуемся обиліемъ сей Божественной благодати?

Безотвѣтенъ тотъ, кто не пользуется сими дарами; а еще безотвѣтнѣе тотъ, кто употребляетъ ихъ во зло.

Господь нашъ вознесся на небо для того, чтобы уготовить намъ небесныя обители: „иду уготовати вамъ мѣсто“ говорилъ Онъ; и дѣйствительно, Господь уже уготовалъ для насъ мѣсто въ обителяхъ Отца небеснаго. Готовы ли мы вступить въ сіи обители? Есть ли у насъ та брачная одежда, сотканная изъ добродѣтелей христіанскихъ—любви и милосердія, воздержанія и цѣломудрія, кротости и незлобія, терпѣнія и великодушія, вѣры и упованія, безъ которой нельзя войти въ благоукрашенный чертогъ небеснаго Жениха? Заботимся ли мы, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы запятнанную грѣхами ризу свою убѣлить въ очистительной крови Агнца, закланнаго прежде сложенія міра за грѣхи всего міра вообще и за собственные наши, въ частности?

Господь не навсегда оставилъ насъ: Онъ придетъ паки. Итакъ, утѣшьтесь, страждущіе въ терпѣніи и скорбяхъ „ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа (Тит. II, 13), понеже пріобщаетеся Христовымъ страстемъ, радуйтеся, да и въ явленіе славы Его возрадуетеся веселящеся“ (1 Петр. IV, 13).—Пріидетъ скоро; да возбудятся же безпечные и слабые, которые, подобно дѣвамъ юродивымъ, дремлютъ, не заботясь о томъ, что свѣтильникъ вѣры ихъ угасаетъ отъ недостатка елея любви и добрыхъ дѣлъ! Отрясите грѣховный сонъ отъ вѣждей вашихъ и уготовьтесь во срѣтеніе Господу! Пріидетъ внезапно; да убоятся пришествія Его тѣ, которые, подобно рабу лукавому, говорятъ въ сердцѣ своемъ: „коснитъ господинъ мой пріити, и начинаютъ бити клевреты своя, ясти же и пити съ піяницами“ (Мѳ. XXIV, 48—49). Нѣтъ, возлюбленный собратъ, „не коснитъ Господь обѣтованія, яко же нѣцыи коснѣніе мнятъ, но долготерпитъ на насъ, не хотя, да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе пріидутъ“ (2 Петр. III, 9). „Се грядетъ со облаки, и узритъ Его всяко око“ (Апок. I, 7), и блаженъ, кто въ совѣсти своей безтрепетно можетъ сказать: „ей, гряди, Господи Іисусе!“ (Апок. XXII, 20). (Изъ „Поучен.“ Іустина, еписк. одесск.).

3. Гдѣ Ты, Господи?..

Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка (Мѳ. XXVIII, 20).

Гдѣ же Ты, Господи?... А мы-то ищемъ Тебя такъ часто: такъ много горя на свѣтѣ!.. Вотъ, напримѣръ, говоритъ одинъ несчастный человѣкъ: „былъ я богатъ, теперь все потерялъ и сталъ почти нищимъ; съ богатствомъ потерялъ и друзей: по обычаю они меня оставили; родственники меня бѣгаютъ: я сталъ имъ въ тягость; знакомые жалѣютъ обо мнѣ и твердятъ мнѣ о своемъ сожалѣніи, но лучше бы не говорили... Мои враги—одни и до сихъ поръ не перестаютъ гнать меня, другіе довольствуются презрительною улыбкою, но лучше бъ по-прежнему гнали меня... День и ночь постоянно долженъ я трудиться, чтобъ добыть себѣ кусокъ хлѣба насущнаго, чтобъ не протягивать руки за подаяніемъ, а тутъ эта болѣзнь: съ головы до ногъ все болитъ, столько времени вотъ уже не встаю я съ постели. Во все это время занимаюсь я однимъ дѣломъ: думаю о своемъ положеніи... думаю, думаю... А что—тутъ, на сердцѣ? Боже мой, Боже мой!“...

„А я вотъ, говоритъ другой: грѣшный человѣкъ. Давняя худая наклонность, мало-по-малу, наконецъ, превратилась во мнѣ въ страсть. Теперь я уже не могу ей противиться. Иной разъ я не думаю объ этомъ вовсе и грѣшу хладнокровно; но иной разъ совѣсть такъ грызетъ, на душѣ такъ тяжело бываетъ, такъ нестерпимо тяжело... Я дѣлаю дурно,—это я знаю и чувствую; люди имѣютъ право указывать на меня пальцами,—и это я знаю. Господь смотритъ на меня съ гнѣвомъ и жалостію,—и это я знаю... Я самъ часто стыжусь и презираю себя... И при всемъ этомъ, однако жъ, я, какъ песъ, можно сказать, возвращаюсь на свою блевотину... Иной разъ я готовъ бываю бѣжать отъ себя самого. Но куда и какъ бѣжать?! Или ужь обречь себя въ жертву беззаконію, въ жертву діаволу и погибели, и перестать думать объ этомъ?.. Эти сѣти опутали меня слишкомъ крѣпко, мнѣ не выпутаться самому... Что мнѣ дѣлать? Боже мой, Боже мой!. Гдѣ Ты?..“

И безъ тяжкихъ грѣховъ, и безъ большихъ несчастій мы всѣ довольно грѣшны, довольно несчастны. Эти ежедневныя непріятности, эти несбывшіяся надежды, эти безпрерывныя утраты — съ одной стороны, а съ другой — эти безпрерывныя ошибки, погрѣшности, грѣхопаденія, эти частыя несправедливости наши въ отношеніи къ нашимъ ближнимъ, это вѣчное самолюбіе, эта постоянная холодность въ отношеніи къ Богу: такъ мало мы думаемъ о Немъ, такъ мало дѣлаемъ Ему угоднаго, такъ часто забываемъ о вѣчности... Кто изъ насъ скажетъ о себѣ, что онъ стоитъ на надлежащей дорогѣ, на которой долженъ стоять человѣкъ и христіанинъ? Кто скажетъ о себѣ, что онъ спокоенъ и доволенъ собой и своею судьбой? Оттого-то часто бываютъ минуты, когда намъ все на свѣтѣ немило. Посмотришь на міръ Божій?—Онъ ничего намъ не даетъ или даетъ только для того, чтобы отнимать и раздражать насъ. Посмотришь на людей?—Господь съ ними, мы сами не лучше ихъ. Посмотришь на себя — въ себя самого заглянешь? Тамъ такъ пусто, такъ мрачно... Суета суетствій и всяческая суета и крушеніе духа!.. Боже мой, Боже мой! Гдѣ же Ты, гдѣ Ты, Господи?..

Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка: аминь. Ищите и обрящете!..

Кто въ скорби душевной хочетъ искать Господа, знай, прежде всего, что, по слову апостола, *Господь близъ* (Филип. IV, 6). Господь недалече отъ каждаго изъ насъ (Дѣян. VII, 27), только поищи Его прилежно и тамъ, гдѣ должно искать.— Прежде всего, по заповѣди Господней, затворись у себя дома, въ своей клѣти, помолись небесному Отцу втайнѣ. Не бойся: Господь увидитъ, услышитъ твою тайную молитву, и воздастъ тебѣ явно.— Или лучше - приходи въ домъ Божій; не выдвигайся тамъ впередъ: здѣсь будетъ тревожить тебя человѣческое любопытство; стань тамъ, гдѣ-нибудь въ уголкѣ, съ благоговѣніемъ припади къ землѣ и скажи: „Господи! я искать Тебя пришелъ сюда, прискорбна есть душа моя“... *Идѣже два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Мѳ. XVIII, 20). Господь есть здѣсь несомнѣнно, Онъ скажется и твоему сердцу—несомнѣнно.— Или, если ты человѣкъ не безъ состоянія, иди искать Господа въ тюрьму, въ больницу, въ бѣдную хижину, гдѣ царствуютъ или голодъ и нищета, или болѣзнь, или уныніе душевное, или все это вмѣстѣ; подай руку помощи несчастному; помни, что *милуяй нища взаимъ даетъ Богови;* что творишь ты единому отъ малыхъ сихъ, то творишь Господу,— вмѣстѣ съ бѣднякомъ протянетъ къ тебѣ руку Самъ Господь, одну протянетъ, другою благословитъ.—Или, если ты малодушествуешь, если совѣсть твоя мятется, ступай къ твоему духовному отцу, скажи ему: „отче! Богъ есть—этому я вѣрую; но что же мнѣ дѣлать? Я несчастный, я грѣшный человѣкъ, ищу Бога и не нахожу, зову о помощи и не получаю помощи... Такія тяжкія минуты находятъ на меня, минуты унынія и маловѣрія: утѣшь меня, отче, вразуми, прости“... И когда отецъ духовный подниметъ надъ твоею главою благословляющую руку, вмѣстѣ съ тѣмъ благословитъ тебя и разрѣшитъ Самъ Господь.—Этого мало? Опять иди въ храмъ Божій. Когда отверзаются здѣсь двери и служитель Божій возглашаетъ: *со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите,*—кланяйся: ты видишь предъ собою Самого Христа; или приступай къ Тайнамъ—ты примешь въ себя Самого Христа съ Его человѣчествомъ и Божествомъ. Говори: вѣрую, Господи, помози моему невѣрію!... И Самъ Господь отвѣтитъ твоему сердцу, отвѣтитъ на столько, что въ этомъ совершенно убѣжденъ будешь, что Христосъ Спаситель и по вознесеніи живетъ не только на небѣ, но и на землѣ, что мы можемъ и видѣть Его, и слышать Его слово, и осязать Его, и даже принимать Его въ себя, въ свое сердце,—что слова Его не ложны: *се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечеряю съ нимъ, и той со Мною* (Ап. III, 20). *Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка. Аминь.* (Изъ Поучен. Никанора, архіеп. одесск.).

ПЯТИДЕСЯТНИЦА. ДЕНЬ СВ. ТРОИЦЫ И СОШЕСТВІЯ СВ. ДУХА.

Еванг. отъ Іоан. зач. 27-е, 29-е, гл. VII, 37—52 ст. XII, 12 ст. *).

1. Почему Духъ Св. сошелъ на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ?

Св. Іоаннъ Златоустъ такъ объясняетъ причину этого необычайнаго явленія: „Духъ Святый сошелъ въ видѣ огненныхъ языковъ для того, чтобы напомнить намъ древнюю повѣсть. Какъ въ древности Богъ, раздѣливъ языки, разрушилъ пагубный союзъ людей, которые въ крайнемъ безуміи захотѣли построить столпъ, достигающій неба (исторія вавилонскаго столпотворенія): такъ теперь Духъ Святый нисходитъ въ видѣ огненныхъ языковъ для того, чтобы соединить раздѣлившуюся вселенную. И совершилось новое, необычайное дѣло; какъ въ тѣ древнія времена посредствомъ раздѣленія языковъ міръ раздѣлился и беззаконный совѣтъ разсыпался: такъ теперь посредствомъ раздаянія языковъ

---

*) *Примѣч.* Дополнительныя статьи см. въ 1-й части, нед. Пятидесятницы.

вселенная соединилась и раздѣленные приведены въ общеніе“ (изъ слова на день сошествія Святаго Духа). А что эти языки были какъ бы огненные, этимъ означалась, по объясненію того же св. отца, вседѣйствующая сила всесвятаго Духа, которая, какъ огонь, попаляетъ терніе нашихъ прегрѣшеній, и что эта сила Св. Духа въ св. апостолахъ будетъ такова, что они, простые рыбари, своею проповѣдію, какъ бы огненною силою слова своего, обратятъ ко Христу всѣ племена и народы. „Древле, поетъ св. церковь, языки смѣсились за дерзость столпотворенія: нынѣ же языки раздѣлились ради славы Боговѣдѣнія“ (стихир. на вечер. Пятидес.). „Егда снисшедъ (при столпотвореніи) языки слія: егда же огненныя языки раздаяше, въ соединеніе вся призва“ (Конд. праздн.). (Изъ „Воскр. чтенія“ за 1865—66 гг. кн. 1).

2. Празднованіе Троицына дня въ древней Руси.

Троицынъ день въ старину праздновался съ большою торжественностью, особенно въ Москвѣ. Этому благопріятствовало постоянное пребываніе здѣсь патріарха и царя. Въ Троицынъ день всегда бывала особо торжественная патріаршая служба. Царь, когда бывалъ въ Москвѣ, съ особымъ великолѣпіемъ *выходилъ* къ этой службѣ во всемъ своемъ царскомъ облаченіи и во время троицкой вечерни *лежалъ на листу*. Эти особенности отличали Троицынъ день ото всѣхъ другихъ великихъ церковныхъ праздниковъ.

Приготовленія къ празднику начинались обыкновенно гораздо раньше Троицына дня. Эти приготовленія находились въ зависимости отъ древнѣйшаго обычая христіанъ, перешедшаго къ нимъ еще отъ евреевъ,—въ день Пятидесятницы убирать храмы и дома молодою зеленью и цвѣтами. Для патріарха и царя въ Москвѣ заготовляли травы и листья древесные безъ стебельковъ и ими устилали соборъ, а также *вѣникъ* или пукъ цвѣтовъ, съ которыми стояли во время вечерни. Такъ, „въ 1679 году, іюня 6 посланы патріаршіе дѣти боярскіе въ село Троицкое-Голенищево, село Владыкино, — велѣно взять крестьянскихъ подводъ въ первомъ 25, во второмъ 20 съ телѣги и съ проводники и ѣхать въ домовой (патріаршій) лѣсъ и насѣчь вѣтвія съ листвіемъ ото всякихъ деревъ и связать въ вѣники, чтобъ на всякомъ возу было 200 вѣниковъ, и привезти къ Москвѣ къ Соборной церкви іюня въ 8 день, на праздникъ Св. Троицы, поутру на первомъ часу дни“[1]. Здѣсь соборные сторожа щипали листъ и отдѣляли его отъ стебельковъ. Со стороны царскаго двора шли точно такія же приготовленія. Царскіе „вѣники“ изъ цвѣтовъ и душистыхъ травъ перевязывались красною матеріей и краснымъ шелкомъ. Для этого приказывалось (напримѣръ, 1693 года) „купить въ шатерную палату къ празднику къ Троицыну дню на обвязку вѣниковъ четверть аршина тафты красной, 8 аршинъ снурку шелковаго, полфунта шелку краснаго“.

Къ началу обѣдни изъ дворца бывалъ торжественный выходъ царя. Царское облаченіе въ этотъ праздникъ отличалось особымъ великолѣпіемъ и богатствомъ. Въ зависимости отъ состоянія погоды въ этотъ день, оно было теплое или холодное.

Изъ своихъ покоевъ царь выходилъ въ легкихъ шелковыхъ и суконныхъ одеждахъ. Такими одеждами были: *зипунъ*—камзолъ, исподняя короткая одежда по сорочкѣ, *ферези*—кафтанъ, вторая одежда, сверхъ зипуна, и *ферезея*—верхнее платье, вродѣ опашня, надѣвавшееся на ферези. Всѣ онѣ были сдѣланы изъ дорогихъ разноцвѣтныхъ матерій, съ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ вдоль полъ и по подолу, и украшеніями. На головѣ царя была бархатная *шапка* съ „большими запонами“—съ золотыми бляхами съ каменьями. Въ рукахъ—большой индѣйскій *посохъ* изъ чернаго дерева съ каменьями. Въ этихъ одеждахъ шелъ государь въ Золотую палату. Здѣсь ему подавали *царскій нарядъ или нарядъ Большія Казны*, въ который онъ облачался. Къ этому наряду принадлежали: *кафтанъ*—вторая одежда, сверхъ зипуна (ферези и ферезея снимались, а зипунъ мѣнялся), *тесма*—поясъ по кафтану, царское *платно*—верхняя, самая великолѣпная одежда; на платно накладывалась *діадима*—широкое ожерелье въ видѣ пелерины, украшенное иконами и драгоцѣнностями (иконы назывались *святыя бармы*), *наперсный крестъ* съ золотою цѣпью, корона и царскій *жезлъ* (шапка и посохъ оставлялись). Все это блистало золотомъ и серебромъ и дорогими каменьями. Въ соборѣ предъ вечерней царь снималъ свой нарядъ и надѣвалъ новую смѣну своихъ царскихъ одеждъ, въ которыхъ и возвращался во дворецъ.

---

[1] Ивана Забѣлина: *Домашній бытъ русскихъ царей*, 2 изд., М. 1872, 368 и *матеріалы* 248 стр.

Изъ Золотой палаты во всемъ царскомъ нарядѣ царь шелъ въ соборъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Сообразно значенію праздника и соотвѣтственно одеждѣ государя, вся свита была одѣта въ роскошныхъ золотыхъ ферезеяхъ. Во время шествія свита раздѣлялась рядами: люди меньшихъ чиновъ шли впереди, по старшинству, по два или по три человѣка въ рядъ, а бояре, окольничіе, думные и ближніе люди слѣдовали за государемъ. Стольники, а иногда ближніе бояре, поддерживали государя подъ руки, такъ какъ тяжесть его наряда была значительна. Въ свитѣ находился постельничій *со стряпнею*, то-есть съ разными предметами, которые требовались на выходѣ, и которые несли за постельничимъ стряпчіе, именно: *полотенце,* или носовой платокъ, *стулъ со изголовьемъ,* или подушкою, на которомъ садился государь, *подножье*, родъ ковра, на которомъ становился государь во время службы, *солношникъ*, или зонтъ, защищавшій отъ солнца и дождя, и нѣкоторые другіе предметы[1]).

Впереди, въ предшествіи ближняго боярина, ближніе стольники несли на коврѣ *вѣникъ* и *листъ*.

Царскій выходъ возвѣщался особымъ колокольнымъ звономъ, который назывался *выходнымъ*.

Въ концѣ обѣдни, когда поютъ причастный стихъ, ключари посылали благовѣстить къ вечернѣ въ большой Успенскій колоколъ. Послѣ литургіи начинали читать *девятый часъ* безъ обычнаго начала, прямо съ *Пріидите поклонимся*. Въ это время царь снималъ свой нарядъ въ придѣлѣ св. Димитрія солунскаго. Ключари снимали съ аналоя образъ Сошествія Св. Духа и полагали другой—Живоначальныя Троицы. Послѣ девятаго часа патріархъ выходилъ со всѣми властями на средину храма, на мѣсто, на которомъ обыкновенно облачался, и самъ начиналъ вечерню. Когда пѣли стихиру „на славу“ или „славникъ“, ключари подносили государю *листъ* отъ патріарха и, смѣшавъ его съ государевымъ листомъ, разными травами и цвѣтами, настилали имъ царское мѣсто и кропили *гуляфною водкой* (розовою водой). Государевымъ же листомъ устилали мѣсто патріарху и высшимъ духовнымъ властямъ, а остальное разносили по всему храму. На этомъ благовонномъ листу, во время чтенія патріархомъ молитвъ, государь совершалъ колѣнопреклоненіе, а по тогдашнему выраженію *лежалъ на листу*.

Церковная служба въ этотъ день совершалась съ особою торжественностью. Съ патріархомъ служили всѣ наличныя высшія духовныя власти. Вся утварь церковная въ этотъ праздникъ употреблялась самая лучшая. Въ соборѣ зажигались всѣ свѣчи у всѣхъ иконъ. „Ко всей службѣ выносили пелены большія и покровы и сосуды златыеи на Чудотворцевъ покровы и на гробы бѣлыя пелены. На обѣдни въ Деисусахъ свѣчи зажигали всѣ и у мѣстныхъ иконъ налѣпы всѣ засвѣчали, на престолъ и на жертвенникъ одежду клали“ Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ соборъ выходилъ государь, послѣ службы „ради государскаго пришествія многолѣтна“ пѣли.

По окончаніи всей службы государь со свитой возвращался во дворецъ, причемъ предъ государемъ вѣникъ несъ одинъ изъ ближнихъ стольниковъ. (Изъ книги „Праздничныя службы въ старой Москвѣ“ Гр. Георгіевскаго. Москва, изд. 1897 г. стр. 98—104).

3. О признакахъ благодатнаго присутствія Св. Духа въ сердцахъ нашихъ.

Нѣкогда въ Ефесѣ на вопросъ св. ап. Павла: „приняли ли вы Св. Духа?“ нѣкоторые ученики отвѣчали ему: „мы даже не слыхали, есть ли Духъ Святый“. И не удивительно: то были ученики Іоанна Крестителя, которые, вѣроятно, не слыхали о сошествіи Св. Духа въ міръ, совершившемся въ 50 день по воскресеніи Христовомъ изъ мертвыхъ.

Но что сказали бы мы, если бы кто либо спросилъ насъ: „приняли ли вы Духа Святаго?“ Мы вѣдь не можемъ сказать, что не слыхали, есть ли Св. Духъ, ибо знаемъ, что Св. Духъ сошелъ на апостоловъ и обильно съ тѣхъ поръ подается всѣмъ вѣрующимъ; даже и намъ самимъ при св. крещеніи сообщены благодатные дары Его. Что же, обитаетъ ли въ насъ Духъ Святый? Вѣроятно, многіе затруднятся отвѣтить на этотъ вопросъ, не только потому, что не ощущаютъ въ себѣ Духа Святаго, но и потому, что не знаютъ даже признаковъ Его присутствія въ человѣкѣ. Между тѣмъ весьма нужно намъ знать, и знать достовѣрно: обитаетъ ли въ насъ Духъ Святый, потому что, если нѣтъ Его въ насъ, то мы не въ правѣ и христіанами называться. Поэтому считаю полезнымъ и необходимымъ объяснить главные признаки, по которымъ можно было бы намъ судить, обитаетъ ли въ насъ Духъ Святый. Признаки эти, по ученію ап. Павла, суть: „правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ“ (Римл. XIV, 17); прошу обратить на нихъ ваше вниманіе.

---

[1]) *Домашній бытъ*, 323—325 стр.

Первое дѣйствіе Св. Духа, по которому можно заключать о присутствіи Его въ человѣкѣ, есть правда, т.-е., правдивость, или стараніе человѣка всегда и во всемъ дѣйствовать справедливо.

Такую правду имѣющій въ себѣ Духа Святаго показываетъ и въ отношеніи къ Богу, и въ отношеніи къ ближнимъ, и въ отношеніи къ самому себѣ. Бога, какъ величайшаго Благодѣтеля и Отца любвеобильнаго, онъ, по справедливости, любитъ всѣмъ сердцемъ и всею душою,— чтитъ Его съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, какъ Творца, Промыслителя и Судію своего, слушаетъ Его со всею благопокорностью и старается въ точности исполнить всѣ Его заповѣди.

Въ отношеніи къ ближнимъ имѣющій въ себѣ Духа Святаго показываетъ правду тѣмъ, что не только не дѣлаетъ, но и не желаетъ имъ ничего худого, а всегда поступаетъ съ ними справедливо, стараясь воздавать всѣмъ должное: къ высшимъ онъ почтителенъ, къ равнымъ уважителенъ, къ низшимъ снисходителенъ; къ начальникамъ благопокоренъ, къ подчиненнымъ внимателенъ, къ постороннимъ дружелюбенъ, къ виновнымъ правосуденъ, къ несчастнымъ сострадателенъ, ко всѣмъ доброжелателенъ.

Имѣющій Духа Святаго и въ отношеніи къ себѣ самому дѣйствуетъ съ строгою правдою: онъ не преувеличиваетъ своихъ достатковъ и не гордится, не надмевается надъ другими; онъ не потворствуетъ страстямъ своимъ и незаконнымъ вожделѣніямъ, но обуздываетъ ихъ воздержаніемъ и постоянною молитвою о благодатной помощи; онъ всегда говоритъ одну сущую правду.

Съ такою правдою въ человѣкѣ, исполненномъ Св. Духа, соединяется миръ. Это миръ совершенный, тройственный: миръ съ Богомъ, ближними и съ самимъ собою.

Исполненный Духа Святаго всемѣрно остерегается всего, что можетъ прогнѣвать Господа, и старается дѣлать только то, что пріятно для Него; горитъ любовію къ Нему и имѣетъ Его всегда предъ очами своими; старается во всей точности узнать и совершить волю Его, соблюдая себя отъ всякаго грѣха:

Исполненный Духа Святаго имѣетъ миръ и съ ближними; ибо не только самъ не имѣетъ ни къ кому вражды, но еще заботится и о томъ, чтобы они не имѣли непріязни къ нему; ничѣмъ не раздражаетъ ихъ и уступчивостію своею не даетъ мѣста гнѣву ихъ; охотно прощаетъ обидѣвшихъ его и никогда не мститъ имъ, даже благотворитъ врагамъ своимъ за обиды, по заповѣди Спасителя.

Исполненный Духа Святаго имѣетъ глубокій миръ и съ самимъ собою: совѣсть не безпокоитъ его ни за какія худыя дѣла, порочныя страсти не волнуютъ его, зависть не мучитъ его, а если когда согрѣшитъ въ чемъ-нибудь, тотчасъ же раскаивается передъ Богомъ, стараясь загладить сдѣланное имъ зло, крѣпко вѣруетъ въ благость Божію, надѣется на кровь Спасителя и бываетъ спокоенъ въ душѣ своей. Вмѣстѣ съ миромъ Духъ Святый изливаетъ въ сердце вѣрующаго радость — духовную, святую.

Исполненный Духа Святаго радуется о Господѣ, представляя себѣ всѣ Его совершенства, которыя составляютъ неизреченную красоту.

Радуется онъ о спасеніи своемъ, живо представляя себѣ ту бездну грѣха и мученій, отъ которой избавилъ его Господь по велицѣй Своей милости.

Наконецъ, радуется онъ, воображая себѣ великія блага, которыя уготовалъ Богъ любящимъ Его, которыхъ онъ надѣется быть наслѣдникомъ.

И радость его такъ бываетъ велика, что онъ отъ избытка ея взываетъ къ Богу: „что ми есть на небеси? И отъ Тебе что восхотѣхъ на земли? Исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во вѣкъ“ (Пс. LXXII, 25—26).

Вотъ какова правда, какой миръ и какая радость бываетъ въ вѣрующихъ, исполненныхъ Духа Святаго. Благо намъ, если въ насъ есть сей драгоцѣнный залогъ Св. Духа: тогда мы можемъ надѣяться на вѣчную жизнь съ Господомъ; но горе намъ, если мы удалили отъ себя Духа Святаго: тогда удѣломъ нашимъ будетъ вѣчная смерть.

Чтобы избѣжать сей послѣдней несчастной участи, будемъ усиленно молить Св. Духа: „Царю небесный! пріиди и вселися въ ны...“ А чтобы Онъ дѣйствительно пришелъ и вселился въ насъ, для этого необходимо намъ чистосердечно раскаяться въ своихъ грѣхахъ и остерегаться отъ грѣховъ. (Изъ поуч. Іустина, еписк. тобольскаго).

4. О томъ, что мы должны дѣлать, чтобы Духъ Святый пришелъ и вселился въ насъ.

Изъ свящ. писанія извѣстно, что Св. Духъ сошелъ на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ. Для насъ было бы довольно, если бы Онъ безъ шума и огненныхъ языковъ, но хотя тайно, коснулся бы искрою благодати Своея и произвелъ ею въ сердцахъ нашихъ то духовное просвѣтлѣніе, ту горячую любовь къ Богу и пламенное стремленіе ко всему святому, которымъ сопровождается присутствіе Духа Божія въ человѣкѣ. Но что же? Ознаменовалъ ли Св. Духъ присутствіе въ насъ означенными благодатными дѣйствіями?

Увы, я думаю, рѣдкій изъ насъ дерзнетъ сказать съ апостоломъ, что онъ „имѣетъ въ себѣ Духъ Божій", намъ необходимо продлить и усилить наши молитвы о сошествіи въ насъ Духа Св. А дабы Онъ, Царь небесный, благоволилъ притти и вселиться въ насъ, для этого намъ должно сдѣлать то же, что обыкновенно дѣлаютъ люди, когда желаютъ принять къ себѣ почетнаго гостя, т.-е. тщательно очистить домъ свой, облечься въ лучшія одежды и украшенія, выйти навстрѣчу ожидаемому гостю и усердно приглашать его къ себѣ. Такъ и мы должны поступить теперь — только не чувственно, а духовно.

И во 1-хъ, призывая Духа Св., мы должны уготовить въ себѣ приличную для Него обитель, а потому должны тщательно очистить себя, по заповѣди апостола, „отъ всякой скверны плоти и духа", т.-е. отъ всѣхъ грѣховъ, плотскихъ и душевныхъ (2 Кор. VII, 1). Грѣхи наши такъ непріятны для Пресвятаго Духа, что Онъ не только не можетъ видѣть ихъ, но и совершенно удаляется отъ тѣхъ людей, которые осквернены ими. Объ этомъ свидѣтельствуетъ пророкъ, когда говоритъ: „грѣхи ваши разлучаютъ между вами и Богомъ, и грѣхъ ради вашихъ отвратилъ Господь лице Свое отъ васъ" (Ис. LIX, 2); это объявилъ и Самъ Богъ, когда сказалъ о допотопныхъ грѣшникахъ: „не имать Духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, потому что они—плоть" (Быт. VI, 3). Итакъ, если мы желаемъ, чтобы Св. Духъ обиталъ въ насъ, то, повторяю, должны мы совершенно очистить себя отъ грѣховъ. Какъ же это сдѣлать? Для этого мы должны теперь же искренно исповѣдать грѣхи свои предъ Богомъ, взывая подобно мытарю: „Боже, милостивъ буди (мнѣ) намъ грѣшнымъ", и тщательно охранять себя отъ нихъ. Такимъ исповѣданіемъ мы выбросимъ грѣхи изъ сердецъ нашихъ, какъ всякій соръ изъ храмины, и сдѣлаемъ себя чистою обителью для Духа Святаго: „если исповѣдуемъ грѣхи наши, говоритъ апостолъ, то преблагій Богъ проститъ намъ оные и очиститъ насъ отъ всякія неправды" (1 Іоан. I, 9). Но для достойнаго принятія Св. Духа не довольно очистить себя отъ грѣховъ,—надлежитъ еще украситься добродѣтелью, — „нужно облечься въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины, на всякія дѣла благія уготованнаго". Это нужно не только для того, чтобы Духъ Святый, любящій все чистое и доброе, охотнѣе пришелъ и вселился въ насъ, но и для того, чтобы Онъ не прогнѣвался и не удалился отъ насъ, когда мы явимся предъ Нимъ въ ветхомъ грѣховномъ рубищѣ, или предстанемъ обнаженными, не имѣя одѣянія добрыхъ дѣлъ, да не будемъ брошены „въ тьму кромѣшную". Поэтому, скажу вамъ съ апостоломъ: „облекитесь въ милосердіе, благость, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе и др. христіан. добродѣтели, а болѣе всего облекитесь въ любовь, которая есть совокупность совершенства" (Кол. III, 12—14).

Украсившись такимъ образомъ, мы должны итти во срѣтеніе Духу Св. Мы можемъ это сдѣлать, стремясь къ небу духомъ, возносясь на небо мыслями и желаніями нашими. Намъ и должно это сдѣлать, если мы хотимъ, чтобы Духъ Св. пришелъ и вселился въ насъ; ибо Онъ нисходитъ къ намъ по мѣрѣ нашего къ Нему восхожденія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слово Божіе, когда говоритъ: „приблизьтесь къ Богу и приблизится вамъ... Ищите горняго, гдѣ Христосъ сѣдитъ одесную Бога,—о горнемъ помышляйте, а не о земномъ". Поэтому, желая принять въ себя Божественнаго Духа и ожидая благодатнаго пришествія Его къ намъ, мы должны отложить всякое житейское попеченіе,— по крайней мѣрѣ, какъ можно меньше думать о земномъ и то только о необходимомъ, дабы стремиться къ Богу желаніемъ благодатнаго общенія съ Нимъ. Такимъ богоугоднымъ желаніемъ мы привлечемъ къ себѣ Духа Святаго и сами приблизимся къ Нему; а съ тѣмъ вмѣстѣ откроемъ Ему входъ въ сердца наши.

Исходя такъ въ срѣтеніе Св. Духа и уготовавъ себя къ принятію Его, мы должны усердно молить Его, чтобы Онъ благоволилъ притти и вселиться въ насъ. „Просите и дастся вамъ“, — говоритъ Спаситель, „всякій просящій получаетъ“ (Матѳ. VII, 7—8). Какъ же нужно просить Его, чтобы Онъ дѣйствительно пришелъ и вселился въ насъ? Для этого, во 1-хъ, нужно призывать Его усердно, не устами только, но и сердцемъ, съ искреннимъ желаніемъ имѣть благодатное общеніе съ Нимъ; во 2-хъ, нужно молить о ниспосланіи Его съ твердою вѣрою, что Богъ Отецъ, ради заслугъ Единороднаго Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа, и по любви Своей къ роду человѣческому, пошлетъ намъ Св. Духа Своего; въ 3-хъ, нужно молиться съ несомнѣнною надеждою, что Духъ Св., яко благій и человѣколюбивый, услышитъ нашу молитву къ Нему — пріидетъ и вселится въ насъ, „ибо надежда не постыждается“; наконецъ, въ 4-хъ, нужно призывать Духа Св. съ искреннею любовью къ Сыну Божію, Спасителю нашему; мы должны призывать Его съ вѣрою, надеждою и любовію: вѣра отверзаетъ Ему входъ въ сердца наши (Дѣян. XV, 8), надежда вводитъ Его въ нихъ (Евр. VI, 19; VII, 19), а любовь пріемлетъ Его, и такъ соединяетъ съ нами, что имѣющій Его человѣкъ бываетъ „единъ духъ съ Господомъ“ (I Кор. VI, 17). (Изъ поуч. Іустина, еписк. тобольскаго).

ПРИЛОЖЕНІЕ ІІ-ое.

ДНИ ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЕ (царскіе).

1. Восшествіе на престолъ.

Для чего восходятъ благочестивѣйшіе государи на престолъ?

Первѣе всего для того, дабы съ высоты престола быть видимѣе для всѣхъ требующихъ помощи. Кто не знаетъ, что въ обществахъ человѣческихъ, какъ бы ни были они устроены, всегда есть много людей, требующихъ самодержавной защиты, то отъ насилія злобы и лукавства, то отъ превратностей жизни и судьбы? И лучшимъ преимуществомъ престоловъ царскихъ всегда было и будетъ то, что они служатъ естественнымъ прибѣжищемъ для всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ. Но что за всеобщее прибѣжище, если оно по высотѣ своей невидимо всѣми и каждымъ, и если его надобно съ трудомъ отыскивать среди равныхъ, или подобныхъ ему по высотѣ зданій? Что за всенародная сѣнь, если она не возносится надъ всѣми высотами земли, и не простирается во всѣ концы царства? Такимъ образомъ, самое благо бѣдствующаго человѣчества требуетъ, чтобы престолъ царскій былъ какъ можно возвышеннѣе, дабы никто изъ поверженныхъ долу превратностію судьбы или насиліемъ не могъ укрыться отъ благотворнаго призрѣнія сѣдящаго на престолѣ. Въ этомъ отношеніи о царѣ земномъ должно сказать то же, что псалмопѣвецъ говоритъ о Царѣ небесномъ: *высокъ надъ всѣми языки Господь;* сего ради—*на смиренныя призираетъ*, *воздвигаетъ отъ земли нища*, *вселяетъ неплодовь въ домъ*, и творитъ ее *матерь о чадѣхъ веселящуюся* (Псал. СХІІ, 4—9). Послѣ сего умальте въ мысляхъ высоту престола, и вмѣстѣ съ нею вы необходимо умалите покровъ бѣдствующаго человѣчества.

Для чего благочестивѣйшіе государи восходятъ на престолъ?

Дабы съ высоты престола удобнѣе видѣть всѣ нужды царства, всѣ движенія жизни общественной. И благоразумные домостроители устрояютъ мѣста, съ коихъ можно было бы обзирать все, происходящее въ ихъ достояніи. Тѣмъ нужнѣе таковое мѣсто всеобщаго блюстительства для царства, въ коемъ на всѣхъ концахъ его могутъ внезапно происходить великія перемѣны, требующія всего вниманія и дѣятельности. Посему-то у всѣхъ народовъ есть престолы царей, или что-либо подобное имъ по высотѣ. Чѣмъ выше престолъ, тѣмъ виднѣе все пространство, коего онъ служитъ средоточіемъ; тѣмъ замѣтнѣе всѣ неровности положенія различныхъ сословій, все теченіе событій, всѣ новыя явленія, всѣ уклоненія отъ законовъ и остановки, все правое и неправое, радостное и печальное. Посему, чѣмъ выше престолъ, тѣмъ скорѣе можетъ быть усмотрѣно и предотвращено зло; тѣмъ вѣрнѣе могутъ быть сдѣланы соображенія, надежнѣе приняты средства, удобнѣе достигнуты цѣли. Не священна ли послѣ сего высота престола, и не долгъ ли сына отечества почитать ее неприкосновенною? Пусть другіе народы поставляютъ свое величіе въ томъ, чтобы умалять высоту своихъ престоловъ: по малости общественнаго зданія многимъ изъ нихъ и не приличенъ верхъ слишкомъ возвышенный. Но Россія, любезное отечество — верхъ сего всемірнаго зданія не можетъ не возносить къ небу... Для россіянина отрада въ томъ, что въ его отечествѣ преступленіе трепещетъ при одномъ имени монарха, что нарушитель законовъ при мысли о самодержавіи царя земного принужденъ говорить себѣ то же, что и при мысли о величіи Царя небеснаго: *камо пойду отъ Духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу* (Псал. CXXXVIII, 7)?

Для чего восходятъ благочестивѣйшіе государи на престолъ?

Дабы на высотѣ его быть свободнѣе отъ слабостей и недостатковъ общежитія человѣческаго. Бѣдная земля наша такъ исполнена неправдою, что самое вещественное удаленіе отъ нея есть уже нѣкое средство къ совершенству. На великихъ высотахъ дыханіе становится свободнѣе, самыя мысли и чувства принимаютъ какое-то возвышеннѣйшее направленіе. Тѣмъ нужнѣе возвышеніе надъ обществомъ человѣческимъ тому, кто хочетъ быть превыше недостатковъ общежитія: ибо, при настоящемъ грѣховномъ состояніи рода человѣческаго, всѣ общественныя отношенія таковы, что удобно могутъ наклонять человѣка къ землѣ, дѣлать рабомъ предубѣжденій, привязанностей, выгодъ, милостей, страстей. Но въ комъ всего менѣе должно быть таковыхъ слабостей, какъ не въ преставителѣ и владыкѣ цѣлаго народа? Посему, кто болѣе долженъ быть, такъ сказать, разобщенъ съ падшею землею, какъ не государь? И для сего-то необходимаго разобщенія служитъ высота престоловъ царскихъ. Не священна ли послѣ этого высота сія, и не составляетъ ли необходимости для отечества? Если самъ Царь небесный, по глубокому выраженію псалмопѣвца, *дивенъ* наипаче *въ высокихъ* (Псал. XCII, 4), — является болѣе сильнымъ и величественнымъ на высотѣ, въ удаленіи отъ взора человѣческаго: то тѣмъ необходимѣе это удаленіе, эта высота для царей земныхъ, кои по чрезвычайности предназначенія своего должны быть во многихъ отношеніяхъ *дивны во очію всѣхъ*, и однако же суть *подобострастные намъ человѣки*. (Изъ Пропов. Иннокентія, архіеп. херсонск.).

2. День свѣтлой радости Царевой.

День свѣтлой радости Царевой, день великаго всенароднаго торжества сегодня у насъ, православные сыны великой русской земли! Нынѣ день священнаго мѵропомазанія нашего Боговѣнчаннаго Самодержца Государя Императора. Чтобы лучше оцѣнить и глубже восчувствовать сердцемъ великую милость Божію, являемую нашему православному народу русскому въ священномъ мѵропомазаніи благочестивѣйшихъ Царей нашихъ, перенесемся мыслію за три тысячи лѣтъ назадъ, въ тѣ давно минувшія ветхозавѣтныя времена, когда юный Давидъ еще пасъ стада отца своего на поляхъ родного ему Виѳлеема. Вотъ приходитъ въ этотъ городъ пророкъ Божій Самуилъ. Онъ останавливается въ домѣ отца Давидова Іессея и выражаетъ желаніе видѣть всѣхъ сыновей его. Іессей представляетъ ему одного за другимъ семь сыновей своихъ, но провидецъ Божій не довольствуется этимъ: „всѣ ли дѣти здѣсь?“ спрашиваетъ онъ. — „Есть еще меньшій, отвѣчаетъ отецъ: онъ пасетъ овецъ.“ — „Пошли за нимъ“, говоритъ Божій пророкъ. И послалъ Іессей, и привели Давида; и взялъ Самуилъ рогъ съ елеемъ, и помазалъ его среди братьевъ его, и почивалъ Духъ Господень на Давидѣ съ того дня и послѣ. Такъ совершилось священное помазаніе юнаго Давида на царство. До сего времени онъ былъ юнѣйшій въ дому отца своего, теперь онъ — Божій избранникъ, до сего дня былъ простой пастухъ овчій: теперь — Помазанникъ Божій, царь народа Божія, избранный по сердцу Божію. Могъ ли Давидъ забыть этотъ священный для него день? Могъ ли не воспоминать его каждый годъ благодарною ко Господу Богу молитвою?..

То было во времена ветхозавѣтныя. Тогда еще не было столь явнаго, столь обильнаго изліянія благодатныхъ даровъ Духа Божія на вѣрующихъ, какое возможно стало только во времена новозавѣтныя, когда *отъ исполненія* Христова *мы вси пріяхомъ и благодать возблагодать* (Іоан. I, 16), когда живоносные токи благодати Божіей текутъ непрерывно въ таинствахъ святой церкви. И однако же, вотъ, священное писаніе свидѣтельствуетъ, что Духъ Божій почивалъ на Богоизбранномъ царѣ Израилевомъ: это значитъ, что Онъ просвѣщалъ умъ его царственной мудростью, воспламенялъ сердце его къ царственному служенію во благо народа своего, укрѣплялъ все существо его царственнымъ мужествомъ на предстоящій ему высокій подвигъ сего великаго служенія. Если же такую благодатную силу имѣлъ ветхозавѣтный обрядъ помазанія на царство, то кто изъ вѣрующихъ дерзнетъ усомниться въ сугубо-благодатной силѣ новозавѣтнаго таинства священнаго мѵропомазанія Боговѣнчанныхъ Царей нашихъ? И если для царя Израилева день помазанія его на царство былъ днемъ священнымъ и свѣтлорадостнымъ, то какой же день, какъ не день священнаго мѵропомазанія и Богомъ благословляемаго вѣнчанія на царство, есть самый радостный, самый торжественный, самый священный день во всей жизни нашего православнаго Самодержца Всероссійскаго? До сего дня Онъ царствовалъ какъ царь наслѣдственный, по реченному: *отъ плода чрева твоего посажду на престолѣ твоемъ* (Пс. CXXXI, 11); но такъ царствуютъ и другіе цари земные, наслѣдующіе свои престолы отъ царственныхъ предковъ своихъ: отнынѣ нашъ Царь царствуетъ какъ Божій Помазанникъ, не только Богомъ избранный, но и Богомъ превознесенный, по слову Господа: *вознесохъ избраннаго отъ людей Моихъ, елеемъ святымъ Моимъ помазахъ его* (Пс. LXXXVIII, 20—21). Много царей на землѣ, но никакой народъ въ мірѣ не имѣетъ Самодержавнаго Царя—Божія Помазанника: это великое счастіе есть счастіе только нашего русскаго народа; это великій даръ Божій — только нашей Руси православной... Только надъ нашимъ благочестивѣйшимъ, воистину Христолюбивымъ и Богохранимымъ Государемъ, въ день Его священнаго вѣнчанія на царство, *ношашеся* Духъ Господень, какъ Онъ носился нѣкогда послѣ помазанія на царство надъ Богоизбраннымъ сыномъ Іессея — Давидомъ (1 Царств. XVI, 13). „Какъ небо“, говоритъ нашъ великій московскій святитель Филаретъ, „безспорно лучше земли, и небесное лучше земного: то такъ же безспорно лучшимъ на землѣ должно быть то, что устроено по образу небесному. А Богъ по образу Своего небеснаго единоначалія устроилъ на землѣ Царя; по образу Своего вседержительства — Царя Самодержавнаго; по образу Своего царства непреходящаго, вѣчнаго — Царя наслѣдственнаго“. О, какъ счастлива ты, наша Русь православная, что у тебя не такой царь, какъ у прочихъ народовъ земныхъ: твой Царь — одинъ изъ всѣхъ царей земныхъ — Помазанникъ Божій, одинъ изъ всѣхъ царей имѣетъ входъ во святилище Божіе, къ престолу Царя небеснаго, чрезъ врата царскія, одинъ изъ всѣхъ владыкъ земныхъ можетъ причащаться тѣла и крови Господней купно съ священнослужителями, у самаго престола Божія, яко единъ отъ лицъ священныхъ!.. Поистинѣ къ Нему единому можно отнести слово Божіе: *и Азъ первенца положу Его высока паче царей земныхъ* (Пс. LXXXVIII, 28).

Какіе же дары благодати Духа Святаго сообщаются нашему возлюбленному Монарху, нашему Царю — Отцу русской земли, въ св. мѵропомазаніи при Его вѣнчаніи на царство? — Въ сущности — тѣ же благодатные дары Духа Божія, какіе сообщаются и каждому вѣрующему въ этомъ таинствѣ, только въ высшей степени, благопотребной для столь превознесеннаго служенія, каково служеніе царское. Поэтому и священное мѵропомазаніе Царей нашихъ не есть повтореніе сего св. таинства, а только высшая его степень, подобно тому какъ таинство священства не повторяется, но имѣетъ разныя степени. И во времена апостоловъ, чрезъ руковозложеніе апостольское, которое замѣнило потомъ мѵропомазаніе, не всѣмъ вѣрующимъ въ равной мѣрѣ сообщались благодатные дары Духа Святаго: инымъ сообщались дары чрезвычайные, напримѣръ: даръ пророчества, даръ языковъ и подобные. Подобно сему и нынѣ дары Духа Святаго сугубо изливаются на Богомъ вѣнчанную главу нашего Самодержца, освящая и укрѣпляя Его на предстоящій Ему великій подвигъ царственнаго служенія. При этомъ царь торжественно, предъ всею церковію исповѣдуетъ св. вѣру православную, а церковь молится о Немъ, да благословитъ Его Царь царствующихъ, да укрѣпитъ скипетръ Его десница Вышняго, да пріиметъ Онъ силу и премудрость къ правленію и правосудію, да подастъ Ему Господь все по сердцу Его и да укрѣпитъ оружіе Его въ день брани. Трогательна минута въ семъ священнодѣйствіи, когда самъ Императоръ смиренно преклоняетъ колѣна и читаетъ царственную молитву, которая такъ напоминаетъ молитву премудраго царя израильскаго Соломона!.. И Царь небесный, Которымъ земные цари царствуютъ, съ отеческою любовію внемлетъ этой смиренной молитвѣ земного Царя и молитвамъ церкви за Царя, и въ священномъ мѵропомазаніи ниспосылаетъ нашему Царю Свою всемогущую благодать. И сія благодать просвѣщаетъ умъ Помазанника Божія въ познаніи того, что истинно и богоугодно, — согрѣваетъ Его сердце, сущее въ руцѣ Божіей, къ добрымъ намѣреніямъ и спасительнымъ дѣламъ, и укрѣпляетъ Его волю вышнею силою къ совершенію великихъ подвиговъ царственнаго Его служенія.—Вотъ, возлюбленные, въ чемъ залогъ нашего всенароднаго счастія, вотъ въ чемъ основаніе нашего русскаго Самодержавія! Будемъ же, православныя чада великой Русской земли, будемъ въ роды родовъ благословлять Господа за таковый даръ Его небесный, — будемъ молить Его благость, да хранитъ Онъ во вѣки нашу Русь православную подъ мощною сѣнію Самодержавія Благочестивѣйшихъ Царей нашихъ! Да никогда не коснется сердца русскаго тотъ духъ недовѣрія къ царямъ, который уже ниспровергъ престолы въ нѣкоторыхъ царствахъ неправославныхъ! Да царствуетъ Царь нашъ только Божіей милостью и помощью, да будетъ сердце Его выну въ руцѣ Божіей до скончанія вѣка!.. (См. Троиц. лист. № 668. Слово, сказанное въ Троице-Сергіевой лаврѣ, 15 мая 1893 г.).

3. **Молитва за Царя.**

> *Молю, прежде всѣхъ творити молитвы моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть* (1 Тим. II, 1—2).

Какія молитвы возноситъ церковь за царя во всѣ дни, наипаче же въ сей день? Молитвы благодаренія и прошенія.

Слава и благодареніе подобаетъ Господу первѣе всего за то, что въ лицѣ царя нашего дарованъ намъ царь самодержавный, имѣющій возможность употреблять свою власть для блага подданныхъ съ полною свободой, безъ малѣйшаго стѣсненія со стороны партій, независимый отъ людей, дающій отчетъ въ своей дѣятельности только Господу Богу и своей совѣсти, свободно, безъ стороннихъ принужденій, ограничивающій себя законами. Находясь подъ сѣнію самодержавной власти, мы не знаемъ тѣхъ неурядицъ, отъ которыхъ страдаютъ государства, имѣющія во главѣ своей правителей, власть которыхъ ограничена представителями народа. Неизбѣжная въ семъ случаѣ борьба представителей народа сопровождается мятежами, торжествомъ неблагонамѣренныхъ людей надъ благонамѣренными, всякаго рода происками съ цѣлью привлечь къ себѣ большинство. Благодареніе Господу, въ нашемъ отечествѣ подобныя явленія не допускаются, хотя, къ сожалѣнію, и среди насъ есть люди, которые, вопреки присягѣ на вѣрноподданство самодержавному Царю, пытаются негласно, а иногда гласно, колебать уваженіе къ самодержавію, распространять мнѣнія о преимуществѣ предъ нимъ народовластія, хвалить иноземные порядки въ государственномъ устройствѣ и своимъ вольномысліемъ волновать особенно незрѣлые умы. Дай Богъ, чтобы подобныя попытки, направленныя противъ самодержавной власти и не находящія себѣ почвы въ исторіи нашего отечества и въ большинствѣ благомыслящихъ людей, не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Дай Богъ, чтобы самодержавіе царей нашихъ, несомнѣнно благотворное для отечества, оставалось незыблемымъ и не только не ослабѣвало, а болѣе и болѣе укрѣплялось, какъ залогъ нашего благосостоянія, какъ единственное средство для спасенія насъ отъ губительныхъ переворотовъ въ жизни государственной.

Въ составъ русскаго государства входитъ множество областей. Однѣ изъ нихъ населены сплошнымъ великорусскимъ племенемъ, другія — инородцами и вмѣстѣ иновѣрцами, иныя русскими, говорящими на разныхъ нарѣчіяхъ. Но какъ бы ни были разнообразны части государства по народонаселенію, всѣ онѣ составляютъ единое цѣлое, всѣ обитатели ихъ суть подданные одного русскаго царя. Крѣпкая самодержавная власть простирается на всѣ части государства и не даетъ имъ возможности обособленія. Иначе и быть не дóлжно. Россія сильна только цѣльностью. Расчлененіе ея или обособленіе частей было бы такъ же пагубно, какъ это было во времена удѣловъ. Почему Россія была покорена татарами? Потому, что удѣльные князья были несогласны между собою и не хотѣли подчиниться единой государственной власти. Только въ союзѣ съ нею и между собою они могли бы дать отпоръ татарскому нашествію. Къ счастью, уроки исторіи не пропали даромъ. Удѣлы постепенно уничтожались, мелкія владѣнія постепенно подчинились московскимъ князьямъ. Въ лицѣ ихъ явилась единодержавная власть, которая избавила Россію не только отъ татарскаго ига, но и отъ покушенія на цѣлость ея со стороны другихъ враговъ. Россія сдѣлалась сильною и неодолимою единственно потому, что сплотилась во единое тѣло. Будемъ молить Господа, чтобы помогъ нашему царю сохранить цѣлость государства, уничтожить покушенія на его расчлененіе со стороны внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.

Блаженно почившій родитель благополучно царствующаго нашего Царя былъ поистинѣ царь мира и ему завѣщалъ миролюбіе. И кто же не знаетъ, какъ свято исполняется сыномъ это завѣщаніе? Онъ слѣдуетъ миролюбивой политикѣ въ международныхъ отношеніяхъ, и не только Самъ не подаетъ повода къ нарушенію мира, но и въ другихъ государствахъ старается поддержать духъ миролюбія. Помолимся Господу, да избавитъ нашего миролюбиваго Царя отъ причиняемыхъ ему огорченій со стороны враговъ мира и да благословитъ успѣхомъ его заботы о поддержаніи мира повсюду — внѣ государства и внутри его.

Возблагодаримъ, наконецъ, Господа за то, что въ Россіи ненарушимо сохраняется союзъ между государствомъ и церковью, что въ лицѣ государя мы имѣемъ перваго сына и покровителя православной церкви, и что государство многимъ обязано услугамъ церкви, ибо истинные сыны церкви суть наилучшіе слуги Государя и самые благонадежные вѣрноподданные его. Врагамъ общественнаго порядка не нравятся такія отношенія церкви и государства. Имъ хотѣлось бы, чтобы государство отказалось отъ союза съ церковью и отъ покровительства ей, чтобы дана была полная свобода ересямъ, расколамъ и другимъ лжеученіямъ, враждебнымъ не только церкви, но и государству. Но если и теперь, при существующей вѣротерпимости и снисходительности правительства къ лжеученіямъ, много вреда испытываетъ отъ нихъ церковь, терпя глумленія и поруганіе отъ ея враговъ, борющихся съ нею не только устными и печатными оскорбленіями ей, но даже грубыми насильственными нападеніями на ея святыни, то что было бы, если бы дарована была полная свобода врагамъ православной церкви? Тогда отъ нихъ житья не было бы православнымъ русскимъ людямъ; тогда нельзя было бы существовать безопасно не только церкви, но и государству, ибо враги церкви тайно и открыто проповѣдуютъ противогосударственное ученіе, возстаютъ противъ общественныхъ судовъ, военной службы, платежа податей, присяги, законнаго брака, вообще противъ основъ жизни церковной, семейной, общественной и государственной. Такими явленіями будутъ ознаменованы времена антихриста. Не дай Богъ дожить намъ до этихъ временъ; будемъ усердно молить Вседержителя Бога, да поможетъ Своею благодатію Царю нашему благоуспѣшно противодѣйствовать усиліямъ враговъ церкви, направленнымъ къ разрушенію не только ея, но и государства. (См. „Костромскія поучен.“ за 1898 г., еписк. Виссаріона, изд. 1900 г.).

4. О царскомъ достоинствѣ.

Всѣ мы знаемъ, конечно, что у насъ есть Царь Самодержавный, котораго Самъ Господь поставилъ царствовать надъ нами. Нашъ Царь есть помазанникъ Божій, нашъ общій земной отецъ, нашъ верховный начальникъ, а мы всѣ его дѣти, его подчиненные, его вѣрные слуги. И какъ хорошо, какъ радостно, мирно и тихо живется намъ подъ защитою и покровомъ этого дорогого, любящаго отца! Подобно тому, какъ дѣтямъ покойно живется въ родномъ домѣ, подъ родною кровлею, гдѣ есть нѣжные, ласковые отецъ и мать, такъ и намъ покойно живется въ нашемъ родномъ отечествѣ подъ защитою и попеченіемъ нашего общаго земного отца — царя нашего Батюшки. Да и что было бы у насъ безъ этого дорогого отца? Къ кому тогда прибѣгнуть въ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, у кого искать помощи и защиты, кто оградилъ бы насъ тогда отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ? Тяжелая, мрачная, беззащитная жизнь была бы у насъ безъ царя! Что корабль безъ кормчаго, что стадо безъ пастыря, что войско безъ полководца, что пчелы безъ матки, что дѣти безъ отца, — то и государство безъ царя. Счастлива Россія, счастливы мы — сыны ея, и нѣтъ мѣры нашему счастью, что у насъ есть дорогой нашему русскому сердцу — Царь, этотъ помазанникъ Божій, нашъ отецъ и Самодержецъ.

Нашъ Царь есть помазанникъ Божій; на него излились сугубо дары Св. Духа въ священномъ мѵропомазаніи. Высоко и многотрудно царское служеніе; однѣхъ человѣческихъ силъ недостаточно для прохожденія этого служенія, и вотъ, Божественная благодать нисходитъ на вѣнчанную главу Государя въ благоуханіи св. мѵра. Еще въ ветхомъ завѣтѣ Господь повелѣлъ пророку Самуилу возлить елей на голову Саула при избраніи его въ цари народу израильскому, и это возліяніе елея было видимымъ знакомъ сошествія Духа Божія на царя. Тотчасъ же послѣ помазанія главы елеемъ Саулъ совершенно переродился, сдѣлался инымъ человѣкомъ, такъ что, знавшіе его прежде, спрашивали другъ друга; „что это сдѣлалось съ сыномъ Киса? ужели и Саулъ сталъ пророкомъ?“ Такую видимую, разительную перемѣну произвела въ немъ благодать Св. Духа. Эта-то благодать Св. Духа нисходитъ и теперь на главу нашихъ царей въ священномъ мѵропомазаніи, умудряетъ ихъ и наставляетъ проходить высокое царское служеніе. Въ этомъ смыслѣ наши цари называются помазанниками Божіими. Благодать Божія пребываетъ съ ними неотступно и помогаетъ имъ на всѣхъ путяхъ ихъ жизни, потому что они — служители Божіи, поставленные на то, чтобы наставлять и руководить подчиненный имъ народъ къ царству небесному, отражать враговъ и заботиться о благополучіи и мирѣ своего родного народа. Они исполняютъ дѣло Божіе, а потому съ ними всегда пребываетъ Богъ и оказываетъ имъ Свою всесильную помощь иногда для всѣхъ ясно и очевидно. Въ нашей отечественной исторіи много было случаевъ чудесной помощи нашимъ царямъ въ борьбѣ съ врагами (См., напр., стр., 653—657, 663—664 этой книги). Господь и теперь всегда и во всемъ помогаетъ нашему Царю въ многотрудномъ дѣлѣ царскаго служенія, какъ Своему помазаннику, которому Онъ поручилъ управленіе Своимъ народомъ. Отсюда-то становится понятнымъ высокое достоинство Царя. Царя поставляетъ Самъ Богъ, онъ есть глава народа; а мы всѣ члены этого большого организма — государства; нашъ долгъ, поэтому, какъ частей этого громаднаго тѣла, слушаться во всемъ своей главы—Царя, исполнять его приказанія, подчиняться постановленнымъ отъ него начальникамъ — его прямымъ помощникамъ – и служить, помогать другъ другу. „Воздавать кесарево кесарю“ Самъ Христосъ заповѣдалъ. Апостолъ Павелъ далъ заповѣдь христіанамъ совершать молитву прежде всего „за царя и за властей“, разъясняя при этомъ, что всякая „власть отъ Бога“, и что этой власти надо подчиняться „не только по страху наказанія, но и за совѣсть“.

Нашъ царь, далѣе, есть нашъ общій отецъ земной, отецъ цѣлаго народа, а мы всѣ — его дѣти. Пятая заповѣдь, повелѣвая почитать нашихъ родителей, въ то же время повелѣваетъ почитать и царя, этого общаго высокаго, дорогого отца. Миръ, тишина и спокойствіе царятъ въ томъ счастливомъ домѣ, гдѣ дѣти покорны, послушны своему отцу. Не то же ли самое надо сказать и по отношенію къ этому громадному дому—государству? Миръ, тишина, спокойствіе и благополучіе здѣсь возможны только подъ условіемъ искренней дѣтской преданности и дѣтскомъ подчиненіи нашему общему Государю. Это именно — отецъ нашъ, отецъ кроткій, ласковый, горячо любящій своихъ дѣтей. Издавна уже усвоено нашимъ царямъ названіе „Батюшка, ясное Солнышко“. „Закатилось солнце земли русской“ говорили современники Александра Невскаго, когда разнеслась тяжелая вѣсть объ его кончинѣ. „Закатилось солнце земли русской“, повторяли и мы еще не такъ давно, когда узнали о смерти Царя-Миротворца. Но вотъ взошло для насъ новое солнце, взошелъ на царскій тронъ нашъ Богохранимый Государь Николай Александровичъ. Да, это именно — Солнце ясное, теплое, которое свѣтитъ на насъ и грѣетъ насъ съ высоты царскаго престола, и эти свѣтъ и теплота — благотворные, живительные. Мы ходимъ въ этомъ свѣтѣ, насъ грѣетъ эта теплота. Кому не извѣстны, наприм., заботы нашихъ Государей о своемъ любимомъ народѣ въ годины голода, эпидемій и другихъ народныхъ бѣдствій.

Но этой любви къ намъ Государя должна отвѣчать и соотвѣтствовать и наша любовь къ нему. Чѣмъ же мы можемъ выражать свою любовь къ Государю? — Искреннею преданностію къ нему—до готовности положить за него свою душу—и горячею за него молитвою къ Царю царей. Простою, искреннею молитвою самый незначительный, по видимому, членъ государства можетъ оказать помощь своему отцу-царю. Не охладѣла бы тихая, горячая дѣтская молитва, несущаяся отъ земли къ Престолу небесному, не обѣднѣли бы наши сердца твердою надеждою на нашего Творца, не оскудѣли бы наши любовь и преданность Царю, — и тихою, свѣтлою, многоводною рѣкою потечетъ жизнь православнаго русскаго народа подъ мудрымъ правленіемъ Благочестивѣйшаго нашего Государя.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . III.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Разсказы и размышленія на евангельскія чтенія въ дни воскресные.

Стр.

Недѣля св. Пасхи.

1. Свѣтлое Христово Воскресеніе 5
2. Пасхальное евангеліе 7
3. Слово св. Іоанна Златоуста 8
4. Пасха ветхозавѣтная и Пасха новая, христіанская 10
5. О происхожденіи и значеніи христосованія въ св. Пасху 12
6. Праздникъ Воскресенія Христова грѣшно проводить въ уныніи и печали 13
7. Послѣ воскресенія І. Христа для вѣрующихъ и свято живущихъ людей смерть не страшна 15
8. Воскресеніе Христово есть торжество вѣры, добродѣтели и упованія 16
9. Чѣмъ стали адъ, земля и небо послѣ воскресенія Христова? 19
10. Что есть воскресеніе мертвыхъ? . . . . —
11. Свѣтлое Воскресенье въ Іерусалимѣ . . 21
12. Храмъ св. Гроба въ старомъ Іерусалимѣ. 22
13. Свѣтлое Воскресеніе на Аѳонѣ 24
14. Празднованіе Пасхи въ древней Руси . 26
15. Пасхальный благовѣстъ 29
16. Артосъ (историческая справка) . . . . . —

Недѣля антипасхи или о Ѳомѣ.

1. Явленіе Господа св. ап. Ѳомѣ 32
2. Антипасха . . . . —
3. Взглядъ церкви на невѣріе апостола Ѳомы (въ богослужебныхъ пѣсняхъ) . 33
4. О твердости и постоянствѣ вѣры 34
5. Разсказы изъ церковной исторіи о силѣ вѣры 35
6. Разсказы о любви русскихъ къ православной вѣрѣ 37
7. Наказаніе за невѣріе . . . . —
8. Благодѣтельный сонъ 39

Недѣля св. женъ мѵроносицъ.

1. Святыя мѵроносицы у гроба Господня . 41
2. Равноапостольная мѵроносица 43
3. Примѣръ живой любви къ Богу 45
4. Любовь христіанская есть законъ человѣческаго сердца . . . . —
5. Милости хочу, а не жертвы 47
6. О значеніи женщины, какъ матери-христіанки 48
7. Женщины въ первые вѣка христіанства. 49
8. Мужество христіанскихъ женъ предъ гонителемъ христіанства 52
9. О христіанскомъ поведеніи дѣвицы . . 53
10. Дѣвицы, какъ помощницы матери въ семьѣ 54

Стр.

11. Противъ страсти къ нарядамъ 55
12. О согласіи въ семейной жизни 57
13. Наши обязанности къ умершимъ . . . . —

Недѣля о разслабленномъ.

1. Исцѣленіе разслабленнаго при овчей купальнѣ 60
2. Покаяніе и молитва—лучшее врачевство нашихъ болѣзней 61
3. О причинахъ болѣзней 62
4. Терпи до конца! . . . . —
5. Счастливый страдалецъ 64
6. Жертва хваленія среди мученій 65
7. Дѣвица, окрещенная ангелами 67
8. Бываютъ ли нынѣ явленія ангеловъ? . . 68
9. Благодатная помощь по молитвамъ ко св. Ѳеодосію, архіеп. черниговск. . . 70

Недѣля о самарянынѣ.

1. Іисусъ Христосъ и самарянка 72
2. О поклоненіи Богу духомъ и истиною . 75
3. Жажда спасенія 76
4. Притча о спасеніи 77
5. Краткія правила, какъ душу спасать . . 79
6. О пути ко спасенію 80
7. Изложеніе заповѣдей, соблюденіемъ которыхъ можно спасти свою душу . . . 82
8. Кромѣ церкви православной нигдѣ нельзя обрѣсти спасенія 84
9. Кара Божія за хулы на церковь . . . . —
10. Храмъ Божій—стражъ Божій 85

Недѣля о слѣпомъ.

1. Исцѣленіе слѣпорожденнаго 86
2. Непостижимы судьбы Твои, Господи (изъ книги: „Иліотропіонъ“, святителя Іоанна Максимовича) 88
3. Приглашеніе къ пожертвованію въ пользу слѣпыхъ 89
4. Голосъ спасающей благодати 90
5. Исцѣленіе слѣпой 92
6. О необходимости скорбей для достиженія царства небеснаго . . . . —

Недѣля св. отецъ.

1. Первосвященническая молитва І. Христа. 93
2. О вселенскихъ соборахъ 94
3. Примѣры любви къ истинному богопознанію 95
4. Совершенствуемся ли мы въ познаніи св. вѣры? 96
5. Благотворность христіанской вѣры . . 98
6. Св. православная церковь есть единая истинная 100

Стр.

Недѣля св. Пятидесятницы.

1. І. Христосъ въ послѣдній день праздника кущей . . . 100
2. Сошествіе Св. Духа . . . 101
3. Объясненіе обычая украшать храмы и дома въ Троицынъ день зеленью и цвѣтами . . . 102
4. Жаждущіе, которыхъ призываетъ Спаситель . . . 104
5. Примѣръ любви къ правдѣ . . . 106
6. Свѣтъ Христовъ . . . 107
7. Дѣйствіе благодати Божіей въ обращеніи грѣшника на путь спасенія . . . 108

Недѣля 1-я по пятидесятницѣ всѣхъ святыхъ.

1. Изъясненіе евангелія, читаемаго въ недѣлю всѣхъ святыхъ . . . 113
2. Христіанскій примѣръ самоотверженія отеческой любви къ сыну изъ любви къ Богу . . . 117
3. Во всякомъ званіи можно угодить Богу . . . 118
4. Быть святыми есть обязанность не однихъ только великихъ подвижниковъ, но и всѣхъ христіанъ . . . 120
5. Примѣры того, насколько сильно ходатайство святыхъ . . . 121

Недѣля 2-я по пятидесятницѣ.

1. Избраніе Господомъ первыхъ учениковъ . . . 123
2. О послушаніи слову Христову . . . 124
3. Всякому доброму начинанію покровительствуетъ Самъ Богъ и Его святые. . . . 127
4. Никакой честный трудъ не унизителенъ. . . . 128
5. Избраніе во епископа совершается по волѣ Божіей . . . 130
6. Опасно оскорблять священника . . . —

Недѣля 3-я по пятидесятницѣ.

1. Изъясненіе евангельскаго чтенія: объ истинномъ просвѣщеніи ума и безпристрастіи къ земнымъ стяжаніямъ . . . 131
2. Противъ роскоши въ одеждѣ и убранствѣ . . . 133
3. Вразумленіе юноши, сомнѣвавшагося въ Промыслѣ Божіемъ . . . 135
4. Таинственный голосъ . . . 136
5. Чудесное спасеніе отъ пожара . . . —
6. Не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ . . . 137
7. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь! . . . —
8. Притча о двухъ господахъ . . . 139

Недѣля 4-я по пятидесятницѣ.

1. Объ исцѣленіи слуги сотника съ указаніемъ на то, каковы должны быть взаимныя отношенія между хозяевами и служащими . . . 141
2. Тайна безропотнаго служенія въ низшей должности . . . 143
3. Сила вѣры . . . —
4. Церковно-историческіе разсказы о нищетѣ духовной или христіанскомъ смиреніи . . . 144
5. Разсказы, показывающіе силу христіанскаго смиренія . . . 146

Недѣля 5-я по пятидесятницѣ.

1. Исцѣленіе двухъ бѣсноватыхъ . . . 147
2. О бытіи злыхъ духовъ . . . —
3. Діаволъ искуситель . . . 148
4. Измѣна данному обѣту по искушенію отъ діавола . . . 149
5. Главный врагъ нашъ—діаволъ . . . 150
6. Замѣчательный случай изъ священнической практики. (Разсказъ священника Іоанна Баронова. — „Странникъ“ 1867 г.) . . . 151
7. О духовныхъ средствахъ для борьбы со злыми духами . . . 153

Недѣля 6-я по пятидесятницѣ.

1. Исцѣленіе разслабленнаго жилами . . . 157
2. Нѣтъ зла злѣе грѣха. (Изъ „Лѣтописи“ св. Димитрія, м. ростовскаго) . . . 158
3. О томъ, что во время болѣзни не слѣдуетъ опасаться приглашать священника для напутствія исповѣдію и пріобщеніемъ святыхъ таинъ . . . 159
4. Духовное врачевство . . . 161
5. Наказанный и помилованный грѣшникъ. . . . —
6. Хульные помыслы не вредятъ тѣмъ, которые ими пренебрегаютъ . . . 163
7. Какъ одинъ инокъ освободился отъ хульныхъ помысловъ? . . . —
8. Размышленіе о хульныхъ помыслахъ. . . . —

Недѣля 7-я по пятидесятницѣ.

1. Исцѣленіе двухъ слѣпыхъ . . . 164
2. Утѣшительное посланіе преподобнаго Ѳеодора Студита къ нѣкоему Евдокиму спаѳарію, лишенному зрѣнія . . . —
3. Разсказы о чудесномъ исцѣленіи слѣпцовъ . . . 165
4. Духовныя очи, видящія и познающія Бога, возникаютъ и развиваются отъ благочестивой жизни . . . 166
5. Благодушное перенесеніе болѣзни . . . —
6. У Бога милости много, но подается она только смиреннымъ . . . 168
7. Не надобно искать славы отъ людей . . . 170
8. Остерегайтесь клеветниковъ . . . —

Недѣля 8-я по пятидесятницѣ.

1. О насыщеніи Іисусомъ Христомъ пятью хлѣбами пяти тысячъ человѣкъ, съ назиданіемъ для насъ молиться предъ вкушеніемъ пищи . . . 172
2. Каждое дѣло нужно начинать съ благословеніемъ . . . 173
3. Долгъ благодарности . . . —
4. Чудеса божественнаго Промысла . . . 175

Недѣля 9-я по пятидесятницѣ.

1. О чудѣ хожденія Господа по морю Галилейскому, съ назиданіемъ въ бѣдахъ и напастяхъ искать себѣ помощи у Бога . . . 176
2. О томъ, какъ многое въ нашей жизни зависитъ отъ силы или слабости вѣры. . . . 177
3. Противъ страха привидѣній . . . 179
4. Галилейское море . . . 180

Недѣля 10-я по пятидесятницѣ.

1. Исцѣленіе бѣсноватаго лунатика глухонѣмого . . . 182
2. О козняхъ діавола и о томъ, что молитва есть дѣйствительнѣйшее средство къ отраженію ихъ . . . 183
3. Смиреніе—оружіе противъ діавола . . . 185
4. Св. и великое имя І. Христа и знаменіе креста, какъ орудія борьбы съ діаволомъ . . . —
5. Польза поста . . . 186

Стр.
6. Въ бѣдѣ призывай Бога и молись св. угодникамъ Его 187
7. Сила вѣры истиннаго христіанина . . . —
8. Грѣховное рабство 188

Недѣля 11-я по пятидесятницѣ.

1. Притча о должникѣ немилосердомъ . . 189
2. Христіанинъ, прощай всегда! . . . . . —
3. Прежде самъ прости 190
4. Ненавистникъ губитъ и душу свою и тѣло . . . . —
5. О злорадованіи 191
6. Богъ въ долгу не останется 192
7. Много я тебѣ долженъ, Господи! . . . 194
8. Скоро ли будетъ второе пришествіе Христово? 197

Недѣля 12-я по пятидесятницѣ.

1. Евангельское повѣствованіе о богатомъ юношѣ 199
2. Что нужно дѣлать, чтобы унаслѣдовать животъ вѣчный? 200
3. Разумна ли наша забота о „черномъ днѣ?“ 201
4. Сдѣлавши добро—не кайся 202
5. Пагубность сребролюбія 204
6. Св. праведный Филаретъ милостивый, какъ образецъ милосердія и нестяжательности 205
7. Разсказы о подигахъ благочестія святыхъ, шедшихъ узкимъ путемъ въ царствіе небесное 208
8. Человѣкъ долженъ постоянно нравственно улучшаться 214

Недѣля 13-я по пятидесятницѣ.

1. Притча о виноградникѣ и виноградаряхъ . . . . —
2. Горькая участь нераскаянныхъ грѣшниковъ 216
3. О долготерпѣніи Божіемъ 217
4. Господь долго терпитъ, да больно бьетъ 218
5. При какихъ условіяхъ христіанинъ можетъ быть живымъ членомъ церкви? . 220
6. Непрестанно должно думать о своемъ спасеніи 221

Недѣля 14-я по пятидесятницѣ.

1. Притча о званныхъ на бракъ сына царева 223
2. Христосъ грѣшную душу къ Себѣ призываетъ. (Изъ твореній святителя Тихона, епископа задонскаго) 225
3. Не лишай себя чаши Христовой! 226

Недѣля 15-я по пятидесятницѣ.

1. Евангельское повѣствованіе о законникѣ, вопросившемъ Іисуса Христа о наибольшей заповѣди въ законѣ, съ изъясненіемъ того, нужно ли любить самихъ себя 227
2. Нѣсколько разсказовъ о живой любви къ Богу 229
3. Разсказы о любви святыхъ къ ближнимъ 230
4. Разсказы изъ современной жизни русскаго народа о положившихъ душу свою за други своя 231
5. Любовь къ ближнимъ выше поста . . . 232
6. Случай изъ жизни препод. Маркіана, объясняющій ту истину, что любовь къ ближнему не должна ограничиваться естественнымъ чувствомъ родства . . —
7. Подвигъ самоотверженія 232
8. Урокъ любви христіанской 233
9. Пустынники—милостивцы 234

Недѣля 16-я по пятидесятницѣ.

1. Притча Господа о талантахъ, съ назиданіемъ не лѣпиться и не зарывать въ землю даннаго отъ Бога таланта . 235
2. Должно жить не по закону внѣшняго долга, но по закону нравственности христіанской 237
3. Небесная награда трудящимся въ низшемъ званіи 238
4. Дѣлая доброе дѣло, не смущайся мыслію, что оно мало 239
5. Богъ исчисляетъ всѣ труды человѣческіе, чтобы за нихъ воздать Свою небесную награду . . . . —
6. Награда за кроткое послушаніе и безмездный трудъ . . . . —

Недѣля 17-я по пятидесятницѣ.

1. Исцѣленіе бѣсноватой дочери хананеянки, въ предѣлахъ Тира и Сидона . . 240
2. Родительское слово мимо не молвится . 242
3. Молитвенныя слезы матери 243
4. Въ скорби—къ Богу поскорѣе! 244
5. Почему иногда мы не получаемъ просимаго въ молитвахъ? 246
6. Противъ малодушнаго ропота на Бога по поводу скорбей, посылаемыхъ намъ . 247
7. Чудо милости Божіей по молитвамъ святой великомученицы Варвары . . . 248
8. Благодатная помощь по молитвамъ къ святителю Ѳеодосію, архіепископу черниговскому, чудотворцу 249

Недѣля 18-я по пятидесятницѣ.

1. Призваніе четырехъ апостоловъ 250
2. Нѣсколько примѣровъ всемогущества Божія . . . . —
3 О чудесахъ нашего времени 251
4. Никто не можетъ, такъ Богъ поможетъ. 252
5. Милость Божія въ трудную минуту жизни 253
6. О преданности волѣ Божіей 254

Недѣля 19-я по пятидесятницѣ.

1. Евангельское ученіе объ отношеніяхъ къ ближнимъ, съ изъясненіемъ заповѣди о любви ко врагамъ 256
2. Божественный примѣръ молитвы за враговъ . . . . —
3. Примѣры любви ко врагамъ 257
4. Не желай гибели грѣшника 258
5. Сила кроткихъ словъ . . . . —
6. Миротворецъ. 259
7. Подвижникъ милосердія . . . . —
8. Дивный поступокъ св. Аполлинарія съ богатымъ юношей, впавшимъ въ нищету 260
9. Не суди бѣдняка, а подай ему 262
10. Помогайте другъ другу въ трудахъ . . 263
11. Старый Архипъ. 264

Недѣля 20-я по пятидесятницѣ.

1. Воскрешеніе сына вдовы Наинской. . . 266
2. О воскресеніи мертвыхъ 267
3. Смерть не страшитъ истиннаго христіанина 268
4. Разсказы, утѣшающіе въ скорби по случаю потери близкихъ сердцу . . . 269
5. Не должно предаваться чрезмѣрной скорби объ усопшихъ. 271

Стр.
6. Въ чемъ и какъ должна появляться наша любовь къ умершимъ? 272
7. Разсказы о явленіяхъ умершихъ 273
8. Дивная христіанская кончина отроковъ. 276

Недѣля 21-я по пятидесятницѣ.

1. Притча о Сѣятелѣ и сѣмени 280
2. Чудесная книга 281
3. Разсказы объ усердіи древнихъ христіанъ въ чтеніи слова Божія. 283
4. О томъ, какъ святые старались уразумѣть св. писаніе 285
5. Сила слова Божьяго 286
6. Возьми, читай! 290

Недѣля 22-я по пятидесятницѣ.

1. Притча о богатомъ и Лазарѣ, съ изъясненіемъ того, что будетъ съ душою по разлученіи ея съ тѣломъ. 291
2. Замѣчательное сновидѣніе, напоминающее о бытіи загробнаго міра 292
3. Таинственные сны и видѣнія, удостовѣряющіе бытіе загробной жизни 293
4. Черствая душа. 297
5. Добро творить, себя веселить 298
6. Возможно ли общеніе между живыми и умершими? 303
7. Примѣры благотворности заупокойныхъ литургій и молитвъ церкви за умершихъ 304
8. Основанія вѣрить, что участь нѣкоторыхъ грѣшныхъ душъ послѣ смерти не безнадежна 306
9. О неравенствѣ состояній 307

Недѣля 23-я по пятидесятницѣ.

1. Изгнаніе легіона нечистыхъ духовъ въ странѣ Гадаринской 308
2. Противъ вѣры простого народа въ порчу. 310
3. Будь твердый борецъ противъ діавола. 312
4. О средствахъ борьбы съ демонами . . —
5. Коварство и лживость злыхъ духовъ. . 315
6. Благодари Бога за всѣ Его дары . . . 316
7. О благодареніи Бога за благодѣянія . . —
8. Урокъ благодарности къ Богу 317

Недѣля 24-я по пятидесятницѣ.

1. Исцѣленіе кровоточивой и воскрешеніе дочери Іаира . . . . —
2. Блажени вси, надѣющіися на Господа. 319
3. Чудеса отъ св. иконъ 320
4. Духовно умершіе. 323
5. Что такое смерть и сколь полезно памятованіе о ней? 324
6. Замѣчательное видѣніе. 327
7. Видѣніе обмиравшаго. (Изъ рукописей библіотеки Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря) 329
8. Природа говоритъ о воскресеніи 330
9. Мысли св. отцовъ о воскресеніи мертвыхъ 331

Недѣля 25-я по пятидесятницѣ.

1. Притча о милосердомъ самарянинѣ. . . —
2. Примѣры милосердія тѣлеснаго (дѣла милости тѣлесныя). 333
3. Примѣры милосердія духовнаго (дѣла милости духовныя) 340
4. Духовная сила милостыни 344
5. Награжденное нищелюбіе. 345
6. Сестра Анна 347
7. Святая услуга 349

Стр.

Недѣля 26-я по пятидесятницѣ.

1. Притча о любостяжательномъ богачѣ. . 350
2. А потомъ? . . . . —
3. Притча о дворѣ и о зміи. 352
4. Кара Божія за грѣхъ лихоимства . . . 353
5. Несчастная находка 354
6. Загробная участь грѣшниковъ, безъ покаянія умирающихъ. . . . . —
7. Добрые совѣты о памяти смертной . . . 357
8. Разсказы о приготовленіи себя благочестивыми людьми къ исходу часа смертнаго. 358

Недѣля 27-я по пятидесятницѣ.

1. Исцѣленіе Спасителемъ скорченной женщины въ субботу 359
2. Главнѣйшія обязанности христіанъ во дни праздничные 360
3. Объ освященіи и покоѣ воскреснаго дня 361
4. Грѣшно предаваться безумному веселію въ дни праздничные 365
5. Кто праздники почитаетъ, того Богъ благословляетъ. 366
6. Примѣры усерднаго посѣщенія храмовъ Божіихъ . . . . —
7. Примѣръ духовной пользы посѣщенія храмовъ Божіихъ. 368
8. Работа въ праздники не имѣетъ благословенія Божія и не приноситъ пользы. —
9. Праздники—дни Божія, а не наши . . . 370
10. О наказаніи Божіемъ за непочтеніе воскресныхъ и праздничныхъ дней. . . 372
11. Радѣтели святого дѣла. (Примѣръ, достойный подражанія, въ дѣлѣ построенія храма) . . . . —

Недѣля 28-я по пятидесятницѣ.

1. Притча о званныхъ на вечерю, съ указаніемъ нашихъ отговорокъ отъ участія въ божественной вечери. 374
2. Притча о слѣпцѣ и о хромцѣ св. Кирилла Туровскаго 375
3. Силенъ грѣхъ! 377
4. Сила грѣховныхъ навыковъ 378
5. Умягченіе сердца 379

Недѣля 29-я по пятидесятницѣ.

1. Бесѣда объ исцѣленіи десяти прокаженныхъ 381
2. Въ утѣшеніе болящему 382
3. Размышленія, утѣшающія въ болѣзни . 384
4. Образецъ христіанскаго человѣколюбія . 385
5. Самоотверженный подвигъ миссіонера среди прокаженныхъ 386
6. Состраданіе къ больнымъ и убогимъ въ древней Руси. 387
7. За все благодари Господа 388
8. Какъ возбуждать въ себѣ духъ молитвенный? 389

Недѣля 30-я по пятидесятницѣ.

1. Бесѣда І. Христа съ юношей, вопрошавшимъ Господа о пути ко спасенію . . 392
2. Церковно-историческіе разсказы объ отреченіи отъ богатства и мірской славы ради Бога и для спасенія души. . . . 395
3. Богатство препятствуетъ спасенію . . . 396
4. Человѣкъ, не ищи счастія на землѣ! . . 397
5. Гдѣ истинное счастіе для человѣка? . . —
6. Нравственныя преимущества бѣдныхъ людей предъ богатыми 398
7. Не ропщи при потерѣ имущества! . . . —

Стр.
8. Не считай свою бѣдность великимъ несчастіемъ 399
9. Примѣры нестяжательности . . . . —
10. Поучительный примѣръ милосердія . . . 400
11. Угрозы за неисполненіе заповѣдей закона Божія (10-ти заповѣдей) . . . . —

Недѣля 31-я по пятидесятницѣ.

1. Объ исцѣленіи Господомъ слѣпого на пути въ Іерихонъ 401
2. Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаетъ 404
3. Библейскіе разсказы о глубокой надеждѣ на Бога . . . . —
4. Церковно-историческіе разсказы о крѣпкой надеждѣ на Бога 406
5. Нива, слезами возращенная . . . . . . —
6. Сила призыванія имени Господа І. Христа 408
7. Среди бѣдъ и страданій подкрѣпляй себя молитвой 409

Недѣля 32-я по пятидесятницѣ.

1. Праведный Закхей 410
2. И Богъ требуетъ, и душа проситъ исповѣди 411
3. Условія истиннаго покаянія и необходимость чистосердечно раскаяться. . . . 413
4. Обращеніе Евдокіи 414
5. Сказаніе о св. Петрѣ праведномъ, который прежде былъ мытаремъ 416
6. Примѣры благотворности покаянныхъ слезъ. 419
7. Мы не только должны перестать грѣшить, но еще должны загладить свои грѣхи противоположными имъ добрыми дѣлами 421
8. Какъ должно каяться? (Изъ слова преосвящ. Ѳеофана) 422
9. Урокъ алчнымъ до наживы на чужой счетъ 423
10. Сила покаянія. (Разсказъ изъ русской жизни) 424
11. Судъ Божій надъ ворами. 426
12. Вліяніе добраго слова 427

Недѣля о Мытарѣ и Фарисеѣ.

1. Притча о мытарѣ и фарисеѣ, съ назиданіемъ, что часто и краткая молитва спасаетъ человѣка 428
2. Не надобно осуждать ближняго 429
3. Разсказы, показывающіе, что Богъ награждаетъ тѣхъ, кто не осуждаетъ ближнихъ 430
4. О женскихъ пересудахъ 431
5. Фарисейство 432
6. Не тщеславься и не гордись, человѣкъ. —
7. Гордость гибельна . . . . —
8. Наказанное самохвальство. (Разсказъ изъ русской жизни) 433
9. Смиреніе святыхъ 436
10. Ложное смиреніе. 437

Недѣля о блудномъ сынѣ.

1. Притча о блудномъ сынѣ. . . . . —
2. Любовь небеснаго Пастыря. 439
3. Грозные примѣры наказанія Божія за непочтеніе родителей 440
4. Родители и дѣти 444
5. Послушаніе родителямъ—выше поста и молитвы 445
6. Родительскій примѣръ — лучшее средство при воспитаніи дѣтей 446

Стр.
7. Покаянный подвигъ мученика Вонифатія. 447
8. Библейскіе примѣры цѣломудрія. (По изображенію св. Іоанна Златоуста) . . 451
9. Примѣры цѣломудренныхъ христіанъ. . —
10. Обращеніе блудницы 453
11. Борьба съ плотію . . . . —
12. О средствахъ борьбы съ сладострастными пожеланіями 455
13. Пьянство и его послѣдствія, съ точки зрѣнія медицинской науки 458
14. Средства борьбы съ пьянствомъ, по ученію св. Іоанна Златоустаго 462
16. Разсказъ, показывающій, что пьянство есть причина многихъ грѣховъ. . . . 465
17. Десять горькихъ гроздовъ пьянства . . —
18. Два благодатныхъ врачевства отъ пьянства. 466
19. Обличительное видѣніе 467
20. Крестьянскій семейный раздѣлъ. (Разсказъ). 468
21, Разсказъ странника. 469

Недѣля мясопустная.

1. Евангельское изображеніе страшнаго суда. 473
2. О второмъ пришествіи Господа нашего І. Христа. . . . . —
3. Страшенъ судъ Твой, Господи! 474
4. Почему мы не страшимся страшнаго суда? 475
5. О безсмертіи души. 476
6. Видѣніе райскихъ обителей св. Андреемъ Христа ради юродивымъ . . . 480
7. Адъ и вѣчное мученіе грѣшниковъ. . . 482
8. Тяжесть адскихъ мученій. 484
9. Три путника. (Притча изъ „Хр. чтенія“ 1833 г.). 485
10. Надо спѣшить! . . . . —
11. Повѣсть объ Исихіи, инокѣ горы Хорива, показывающая благотворность памяти о смерти. 486
12. Примѣръ благотворительности, взятый изъ жизни святыхъ. . . . . —
13. Отвѣтъ Іоанна милостиваго на вопросъ о подаяніи милостыни. 487
14. Молитва убогихъ. . . . . —
15. Образъ благотворенія 488
16. Масленица и несоотвѣтствіе празднованія ея съ духомъ христіанства и ученіемъ св. церкви Христовой. 489
17. Объясненіе молитвы св. Ефрема Сирина. 492
18. Опасно предаваться тоскѣ. 496

Недѣля сыропустная.

1. Прощеное воскресеніе. 497
2. Прощеные дни въ древней Руси 498
3. Богъ проститъ! 499
4. Библейскіе примѣры прощенія обидъ. . 500
5. Церковно-историческіе разсказы о прощеніи обидъ врагамъ . . . . —
6. Разсказы изъ жизни подвижниковъ о добродѣтели воздержанія. 503
7. Мысли о воздержаніи. 504
8. Постъ . . . . —
9. Наставленіе предъ говѣніемъ 507
10. Св. великомученикъ Ѳеодоръ Тиронъ. . 509

Недѣля 1-я великаго поста. (Торжество православія).

1. Призваніе апостоловъ: Филиппа и Наѳанаила. 510
2. Помогай спасенію своего ближняго!. . . 512

Стр.
3. Объ участіи христіанъ въ дѣлѣ распространенія христіанской вѣры 513
4. Второе Лицо Св. Троицы, Господь Іисусъ Христосъ 515
5. Явленіе Господа нашего І. Христа по молитвѣ св. Григорія, архіепископа омиритскаго 517
6. Краткое сказаніе (Синаксарь) о торжествѣ Православія въ первую недѣлю св. четыредесятницы . . . . —

Недѣля 2-я великаго поста.

1. При болѣзняхъ тѣлесныхъ спѣши очистить свою совѣсть 520
2. Что есть грѣхъ? 521
3. О гнѣвѣ Божіемъ противъ грѣха. . . . 522
4. Переходныя степени грѣховъ мысли въ грѣхи дѣла съ указаніемъ борьбы съ грѣхомъ 523
5. Покаемся! 527
6. О епитиміяхъ. 528

Недѣля 3-я великаго поста.

1. Ученіе І. Христа о крестѣ Своихъ послѣдователей. 530
2. Истинный и прямой путь въ царствіе небесное 531
3. О самоотверженіи. 532
4. Нужно нести тотъ крестъ, какой Богъ послалъ. 534
5. І. Христосъ понесъ всѣ виды креста. . 536
6. Наши кресты 537
7. Что дороже: душа или міръ? 539
8. Правила благочестивой жизни христіанина (съ присовокупленіемъ наставленій, содѣйствующихъ къ избранію и мужественному прохожденію сей жизни). 541
9. Оружіе непобѣдимое 550

Недѣля 4-я великаго поста.

1. Исцѣленіе бѣсноватаго отрока 551
2. Молитва и постъ отгоняютъ бѣсовъ. . . 552
3. Примѣры побѣды христіанъ надъ искушеніями діавола 553
4. Постъ долженъ быть соединяемъ съ другими добродѣтелями 554
5. Чудесное исцѣленіе силою молитвы . . —

Недѣля 5-я великаго поста.

1. Евангельское повѣствованіе о просьбѣ ап. Іакова и Іоанна быть первыми въ царствѣ небесномъ, съ указаніемъ какъ и о чемъ мы должны молиться Господу. 556
2. Крестный путь нашего Спасителя . . . 557
3. Первый — всѣмъ слуга. 561
4. Разсказъ, показывающій, какъ опасно для души самообольщеніе и самопревозношеніе 562
5. О томъ, какъ св. Іоаннъ милостивый обличалъ гордыхъ 563
6. Гордость — врагъ благочестія . . . . . —
7. О средствахъ борьбы съ духомъ гордости. 564
8. Марія египетская — образецъ покаянія . 565

Недѣля вай или цвѣтоносная (6-я великаго поста).

1. Евангельское повѣствованіе о торжественномъ входѣ Господа въ Іерусалимъ, съ изъясненіемъ значенія вай и свѣчъ при богослуженіи въ этотъ день 567
2. Виѳанія. 572
3. О благоукрашеніи храмовъ Божіихъ . . 574
4. Построеніе храмовъ — дѣло богоугодное. 575
5. Обычай зажигать предъ иконами лампады . . . . —

ПРИЛОЖЕНІЕ.

недѣли особыя.

Недѣля предъ Воздвиженіемъ.

1. Евангельское чтеніе въ недѣлю предъ Воздвиженіемъ, съ указаніемъ спасительныхъ плодовъ страданій и смерти Іисуса Христа. 576
2. Чудеса креста Христова (крестнаго знаменія) 578
3. Крестъ — обличитель преступника . . . 579
4. Благодатная сила троеперстнаго крестнаго знаменія надъ болящимъ и благословеніе Божіе надъ нерушимо сохраняющимъ постановленія св. церкви. 580

Недѣля по Воздвиженіи.

1. Примѣры гнѣва Божія на отпадавшихъ отъ Христовой вѣры 582
2. Два рода враговъ вѣры, въ присутствіи которыхъ можетъ открыться надобность исповѣдать вѣру 583
3. Церковно-историческіе примѣры твердаго исповѣданія православной вѣры . . —

Недѣля предъ Рождествомъ Христовымъ.

1. Родословіе Господа нашего Іисуса Христа 584
2. Какъ святая церковь встрѣчаетъ праздникъ Рождества Христова? 587
3. Вертепъ и ясли 589
4. Духовная бесѣда блаженнаго Іеронима въ Виѳлеемѣ съ Богомладенцемъ Іисусомъ . . . . —
5. О воплощеніи Сына Божія 590
6. Ангелъ-хранитель 591

Недѣля по Рожд. Христовомъ.

1. Бѣгство св. Семейства въ Египетъ . . . 592
2. Блаженна участь умершихъ младенцевъ. 593
3. Злые злѣ и погибаютъ, по суду правды Божіей 594
4. Нѣсколько библейскихъ и церковно-историческихъ примѣровъ правосудія Божія. . . . . —
5. Судъ Божій, карающій убійцъ 595
6. Какъ христіанинъ долженъ относиться къ сновидѣніямъ? 597

Недѣля предъ просвѣщеніемъ.

1. Святый Предтеча Христовъ Іоаннъ, его проповѣдь о покаяніи въ пустынѣ Іорданской и крещеніе 598
2. Не медли обратиться ко Господу и не отлагай покаянія 601
3. Ожившіе для покаянія на малое время мертвецы. (Изъ дневника сельскаго священ.) 602
4. Блаженные осужденники. (Разсказъ пр. Іоанна Лѣствичника) 604

Стр.
5. Сила покаянія 605
6. Напоминаніе изъ духовнаго міра о покаяніи 606

Недѣля по Просвѣщеніи.

1. Евангельское чтеніе въ недѣлю по Просвѣщеніи. . . . . —
Стр.
2. Гласы, призывающіе насъ ко спасенію . 607
3. Разсказы о покаянномъ плачѣ и сердечномъ сокрушеніи о грѣхахъ. 609
4. Основное чувство нашего сердца — грусть. (Изъ „Писемъ о христ. жизни“ еп. Ѳеофана) . . . . —

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Разсказы и размышленія на евангельскія чтенія во дни праздничные.

Сентябрь мѣсяцъ, 8-й день. Рождество Пресв. Богородицы.

Стр.
1. Посѣщеніе Спасителемъ дома Марѳы и Маріи въ Виѳаніи. 611
2. Рождество Пресвятой Богородицы . . . 613
3. Внѣшній видъ и нравственное величіе Пресвятой Богородицы 615
4. Историческое воспоминаніе, связанное съ праздникомъ Рождества Пресвятыя Богородицы. 616
5. Слово св. Златоуста къ мужьямъ и женамъ. 617
6. Образцовыя христіанскія супруги. . . . 619
7. Утѣшеніе бездѣтнымъ супругамъ . . . 621
8. Какъ воспитывать дѣтей?. . . . . —

14-ый день. Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста Господня.

1. Іисусъ Христосъ на судѣ предъ Пилатомъ и на крестѣ. 623
2. Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста Господня 624
3. Какъ надобно изображать на себѣ крестное знаменіе? 628
4. Разсказы о силѣ крестнаго знаменія . . 629
5. Почему крестъ Христовъ достопоклоняемъ? 631
6. О четвероконечномъ крестѣ. 632
7. Изъясненіе догмата объ искупленіи по житіямъ святыхъ 634

25-й день. Преставленіе преп. Сергія, Радонежскаго чудотворца.

1. Евангеліе о путяхъ къ блаженству, читаемое во дни преподобныхъ, которые шли этимъ путемъ въ царствіе небесное 635
2. Краткое сказаніе о житіи преп. Сергія . 637
3. Простецъ и благодатный старецъ. . . . 640
4. Историческая заслуга Троице-Сергіевой лавры. 642

26-й день. Преставленіе св. апостола и евангел. Іоанна Богослова.

1. Житіе св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. 645
2. О значеніи и силѣ любви. 650
3. Величіе и красота христіанской любви, по изображенію св. Іоанна Златоустаго. 651

Октябрь мѣсяцъ, 1-й день. Покровъ Пресвятой Богородицы.

1. Исторія празднуемаго событія 652
2. Покровъ Божіей Матери надъ православнымъ нашимъ отечествомъ 653
3. Примѣры чудесной помощи Богоматери. 658

22-й день. Празднованіе въ честь Казанской иконы Божіей Матери.

Стр.
1. Происхожденіе праздника въ честь Казанской иконы Пресвятыя Богородицы, 22 октября 659
2. Крестный ходъ на 22-е октября въ древности. 661
3. Что привлекаетъ небесную помощь Богоматери?. 662
4. Разсказы о любви святыхъ, уже почившихъ, къ своей родинѣ, и помощи отъ нихъ 663
5. Сила молитвы къ Божіей Матери. . . . 664

Ноябрь мѣсяцъ, 8-й день. Соборъ Архистратига Михаила и прочихъ силъ безплотныхъ.

1. Евангельское повѣствованіе о возвращеніи съ проповѣди 70 апостоловъ . . 666
2. Объ ангелахъ Божіихъ. 667
3. Доказательства бытія ангеловъ. 671
4. Изображеніе св. архистратига Михаила. 672
5. Отношеніе ангеловъ къ людямъ; ангелы-хранители. 674

21-й день. Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы.

1. Исторія введенія во храмъ Пресв. Богородицы. 675
2. Легкій, но прекрасный способъ домашняго воспитанія дѣтей 678
3. Какъ воспитывали и учили своихъ дѣтей древніе христіане? 679
4. Духовное восхожденіе. 682
5. О вѣрности обѣтамъ, даваемымъ Богу. 683

Декабрь мѣсяцъ, 6-й день. Память святит. и чудотворца Николая, архіеп. мѵръ-ликійскаго.

1. О жизни и чудесахъ св. Николая Чудотворца, архіепископа мѵръ-ликійскаго. 684
2. Никола спасъ. (Разсказъ) 688
3. Разсказъ объ освобожденіи изъ плѣна казака Герасима Жолуба 689
4. Къ кому особенно милостивъ св. Николай? 691
5. Городъ Бари (въ Апуліи) и мощи святителя Николая, мѵрликійскаго чудотворца 692

25-й день. Рождество Христово.

1. Приготовленіе вѣрующихъ св. церковію къ празднику Рождества Христова . . 694
2. Рождество Христово 696

Стр.
3. О звѣздѣ, приведшей волхвовъ ко Христу 700
4. О происхожденіи кондака въ день Рождества Христова 701
5. Виѳлеемъ и Виѳлеемскій храмъ . . . . —
6. Богослуженіе въ Виѳлеемскомъ храмѣ въ день Рождества Христова. 703
7. Благодарственное молебствіе въ день Рождества Христова въ С.-Петербургѣ. 704
8. О воплощеніи Сына Божія. 705
9. О томъ, какъ св. Константинъ философъ объяснялъ сарацинамъ тайну воплощенія Бога Слова. 706
10. Блага, принесенныя на землю рожденіемъ Сына Божія 707
11. Святки. 710

Январь мѣсяцъ, I-й день. Новый годъ.—Обрѣзаніе Господне.— Память св. Василія великаго, еписк. Кесаріи Каппадокійской.

1. Обрѣзаніе Господне 711
2. Святитель Василій Великій 712
3. Сила молитвы 718
4. Новый годъ 720
5. Въ чемъ заключается истинное счастіе человѣка? 723
6. Будь доволенъ своимъ состояніемъ . . —
7. Не ворожите и не гадайте. 724
8. Мысли христіанина въ день новаго года. 728

6-ой день. Крещеніе Господне.

1. Исторія Крещенія Господня 731
2. Особенности въ праздновании Крещенія Господня. . . . . —
3. Почему для празднованія Богоявленія назначено 6-е число января мѣсяца? . 732
4. Святая вода Богоявленская. . . . . . —
5. Праздникъ Богоявленія Господня у нашихъ предковъ. 734
6. О священной рѣкѣ Іорданѣ 735
7. Значеніе крещенія І. Христа въ дѣлѣ искупленія 737
8. Примѣры изъ жизни святыхъ, доказывающіе и разъясняющіе догматъ о пресвятой Троицѣ . . . . —
9. Обѣты, данные нами при крещеніи. . . 738

7-ой день. Соборъ св. Іоанна Крестителя.

1. Свидѣтельство объ Іисусѣ Христѣ Іоанна Крестителя 739
2. Учитель воздержанія. 740

30-й день. Соборъ трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго.

1. Наставленіе Господа апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ пастырямъ, объ ихъ назначеніи и ученіе о ненарушимости заповѣдей ветхаго завѣта 742
2. Праздникъ трехъ святителей вселенскихъ. 745
3. Святой Григорій Богословъ 746
4. Святой Іоаннъ Златоустый. 748
5. Необычайная помощь св. трехъ святителей. 754

Стр.

Февраль мѣсяцъ, 2-й день. Срѣтеніе Господне.

1. Срѣтеніе Господне. 754
2. Поучительные уроки праздника Срѣтенія Господня 756
3. Воцерковленіе 757
4. Противъ страха смерти. 758
5. О приготовленіи къ смерти 759

Мартъ мѣсяцъ, 25-й день. Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы.

1. Повѣствованіе о благовѣщеніи Пресвятой Богородицы . . . . —
2. Чествованіе въ прав. церкви и среди русскаго народа праздника Благовѣщенія Пресв. Богородицы. 761
3. Что значитъ Благовѣщеніе и что внушаетъ оно намъ? . . . . —
4. Назаретъ. 762
5. Дивное видѣніе инока Ѳеофана. 763
6. Величіе Божіей Матери и сила ходатайства Ея предъ Богомъ 764

Апрѣль мѣсяцъ, 23-й день. Память св. великомученика Георгія Побѣдоносца и царицы Александры.

1. Прощальная рѣчь І. Христа къ ученикамъ 765
2. Житіе св. великомученика Георгія Побѣдоносца . . . . —
3. Почему св великомученикъ Георгій изображается сидящимъ на бѣломъ конѣ и поражающимъ змія? 768
4. Святой великомученикъ Георгій Побѣдоносецъ, какъ покровитель скотоводства 769
5. Разсказы, показывающіе, что Господь не оставляетъ безъ Своей всесильной помощи св. мучениковъ . . . . —
6. Чѣмъ облегчались страданія св. мучениковъ за Христа? 770
7. Какимъ образомъ мы можемъ уподобляться св. мученикамъ? 771

Май мѣсяцъ, 8-й день. Память апостола и евангелиста Іоанна Богослова.

1. Свойства христіанской любви по изъясненію св. отцовъ и учителей церкви. 772

9-й день. Перенесеніе мощей святителя и чудотворца Николая, архіеп. Мѵръ-ликійскаго.

1. Праздникъ перенесенія мощей святителя и чудотворца Николая изъ Ликійскаго города Мѵръ въ г. Баръ. . . . 775
2. Уроки изъ жизни св. Николая, чудотворца Мирликійскаго 776
3. О помощи бѣдствующимъ на водахъ . . 777

II-й день. Память святыхъ равноап. Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянъ.

1. Житіе св. Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянъ 778
2. Значеніе церковно-славянскаго языка . 784
3. Зачѣмъ преимущественно учатся грамотѣ христіане? 785

21-й день. Празднованіе Владимірской иконы Божіей Матери.

1. Надежда наша непостыдная 787

Іюнь мѣсяцъ, 24-й день. Рожденіе св. пророка, предтечи и крестителя Господня, Іоанна.

1. Чему научаетъ насъ жизнь и проповѣдь св. Іоанна Крестителя? 789
2. О силѣ врожденныхъ наклонностей . . 790
3. Горній градъ Іудовъ 791
4. Пустыня св. Іоанна Предтечи 792

29-й день. Память св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла.

1. Исповѣданіе Петра 793
2. Святые первоверховные апостолы Петръ и Павелъ 794
3. Почему апостолъ Петръ изображается на иконахъ съ ключами, а апостолъ Павелъ съ мечомъ? 799
4. Явленіе апостола Петра святому Льву, папѣ римскому 800
5. Мѣсто упокоенія мощей св. ап. Петра и Павла въ Римѣ 801

Іюль мѣсяцъ, 8-й день. Явленіе Казанской иконы Пресв. Богородицы.

1. О явленіи св. чудотворной Казанской иконы Божіей Матери 803
2. Милость Божія, явленная чрезъ чудотворную икону Казанской Божіей Матери 2 апрѣля 1899 г. 806

15-й день. Память св. равноапостольнаго князя Владимира.

1. Притча о пастырѣ добромъ и наемникѣ. 809
2. Житіе св. Владимира и его участіе въ просвѣщеніи Руси свѣтомъ христіанства . . . . —
3. Христіанская вѣра есть единственно истинная, благодатная и спасительная. 814
4. Превосходство св. вѣры христіанской предъ другими религіями, по ученію св. мучениковъ . . . . —

20-й день. Память св. пророка Иліи.

1. Іисусъ Христосъ, отверженный назаретянами 815
2. О жизни св. пророка Божія Иліи 816
3. Черты для нашего подражанія изъ жизни прор. Иліи 822
4. Кощунство — тяжкій грѣхъ 823
5. Разсказы объ усердныхъ молитвенникахъ 824
6. Наставленіе о молитвѣ о. Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго) 825

27-й день. Память св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона.

1. Житіе св. великомученика Пантелеимона 828
2. Это — онъ! (Разсказъ) 830
3. Дѣтская молитва 832

Августъ мѣсяцъ, 1-й день. Происхожденіе древъ Честнаго и Животворящаго Креста Господня (1-й Спасъ).

1. Происхожденіе праздника и обряды, соединенные съ чествованіемъ его . . 834
2. Не оскорбляй креста Христова 835
3. Дивное семейство. (Св. муч. Маккавеи). 837

6-й день. Преображеніе Господне.

1. Повѣствованіе о преображеніи Господнемъ 842
2. Гора Ѳаворъ, на которой преобразился Господь 844
3. Почему Преображеніе Господне празднуется у насъ 6 августа? 845
4. О значеніи обычая въ праздникъ Преображенія Господня приносить въ храмъ новые плоды . . . . —
5. Тайна жизни нашей, открытая на Ѳаворѣ. 847

15-й день. Успеніе Пресв. Богородицы.

1. Повѣствованіе объ Успеніи Пресвятой Богородицы 849
2. Геѳсиманія 854
3. О предвѣстіяхъ кончины и христіанскомъ приготовленіи къ ней 855
4. Успенскій постъ 857

16-й день. Перенесеніе нерукотвореннаго образа Господа Іисуса Христа изъ Эдессы въ Константинополь.

1. Сказаніе о нерукотворенномъ образѣ Спасителя и исторія празднуемаго событія 858
2. Наружность Богочеловѣка Іисуса Христа 860
3. О почитаніи св. иконъ 861
4. Наказаніе за неблаговѣйное отношеніе къ иконѣ 862

29-й день Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи.

1. Повѣствованіе объ убіеніи Іоанна Крестителя и судьбѣ его честной главы. 863
2. Противъ прелюбодѣянія 866
3. Возмездіе за грѣхъ 867
4. Безмолвный обличитель убійцы . . . 869

30-й день. Перенесеніе мощей благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

1. Житіе святого благовѣрнаго князя Александра Невскаго 871
2. О доблестяхъ святого благовѣрнаго князя Александра Невскаго 873

ПРИЛОЖЕНІЕ 1-ое.

Праздники переходящіе.

Страстная седмица. Великій четвергъ, пятница и суббота.

1. Тайная вечеря 874
2. Мысли св. Димитрія ростовскаго о св. таинствѣ причащенія 877

Стр.
3. Что есть причащеніе? . . . . —
4. Чудеса, бывшія при таинствѣ тѣла и крови Христовыхъ 878
5. Вразумленіе тѣхъ, кои самовольно уклоняются отъ св. причащенія. 880
6. Примѣры наказанія Божія за недостойное причащеніе св. таинъ или кощунственное обращеніе съ ними. . . . . —
7. Разсказы изъ жизни св. пустынножителей и св. мучениковъ, показывающіе, съ какимъ усердіемъ они искали причаститься св. Христовыхъ таинъ. . . 881
8. Плачъ въ воспоминаніе страстей Христовыхъ 885
9. Крестный путь Господа 887
10. Семь словъ І. Христа со креста 890
11. Покаяніе разбойника. 898
12. Великая суббота 900
13. Ночь страстей и воскресенія Христовыхъ 901
14. Св. Іосифъ аримаѳейскій 903

Вознесеніе Господне.

1. Вознесеніе Господа Іисуса Христа на небо 905
Стр.
2. О плодахъ вознесенія Господа нашего. 906
3. Гдѣ Ты, Господи?.. 907

Пятидесятница. День св. Троицы и сошествія Св. Духа.

1. Почему Духъ Св. сошелъ на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ? 908
2. Празднованіе Троицына дня въ древней Руси 909
3. О признакахъ благодатнаго присутствія Св. Духа въ сердцахъ нашихъ 910
4. О томъ, что мы должны дѣлать, чтобы Духъ Святый пришелъ и вселился въ насъ 912

ПРИЛОЖЕНІЕ 2-ое

Дни высокоторжественные (царскіе).

1. Восшествіе на престолъ. 913
2. День свѣтлой радости Царевой 914
3. Молитва за Царя 916
4. О царскомъ достоинствѣ. 917

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строк.*	*Столб.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
42	3 снизу	правый	хрістіанскаго	христіанскаго
45	3 сверху	—	Магдалини	Магдалинѣ
64	14 снизу	лѣвый	на своему	на своемъ
90	21 —	правый	бесѣду	бесѣла
106	1 —	—	грѣ	гдѣ
118	13—14—	лѣвый	принуждою	принуждаю
131	14 сверху	—	безприсртастіи	безпристрастіи
141	9 снизу	правый	честь	часть
189	15 сверху	лѣвый	носчастный	несчастный
214	19—20 снизу	—	отлучися	отлучился
—	7 —	—	возлюбеннаго	возлюбленнаго
217	6 —	правый	чловѣческій	человѣческій
220	25 сверху	—	зиждующіи	зиждущіи
223	11 снизу	—	изъ	въ
234	20—21 св.	лѣвый	одежду	олежды
251	3 снизу	—	повергался	подвергался
288	5 сверху	правый	царстіе	царствіе
296	28 снизу	—	гоад	года
304	1 сверху	—	Примѣръ	Примѣры
310	14 снизу	—	никода	никогда
336	27 сверху	лѣвый	богатсво	богатство
374	15 снизу	—	оговорокъ	отговорокъ
433	24 —	правый	корьми	корми
439	21 сверху	—	онъ Его	Онъ его
464	25 —	—	обраащать	обращать
475	1 —	лѣвый	согрѣшити	согрѣшиши
486	23 —	правый	онъ	отъ
526	27 —	лѣвый	всеми	всѣми
545	6 —	—	надъ	намъ
633	26—27—	—	поклонія	поклоненія
636	8 —	правый	міра	мира
661	14 —	лѣвый	разоренннйо	разоренной
667	19 —	—	Сомпатръ	Сосипатръ
681	12—13—	—	добродѣлей	добродѣтелей
718	20 —	—	истинннаго	истиннаго
732	17 снизу	правый	подвердить	подтвердить
735	30 —	—	наименованіе	наименованіи
780	26 сверху	—	патріахъ	патріархъ
800	6 —	лѣвый	рѣшать	рѣшить

гру... ц кто не располагаетъ такими словарями для своихъ ...нятій" (*„Церк. Вѣд". изд. при Св. Сѵн. 1899 г. № .7*).

2) Его-же: **ОБЪЯСНЕНІЕ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ЕВАНГЕЛІЙ ВСЕГО ГОДА**, читаемыхъ на литургіяхъ и всенощныхъ бдѣніяхъ, съ подробн. догматическими и нравств. выводами. Пособіе для веденія внѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ. Въ 2-хъ частяхъ.

Ч. 1. **Объясненіе воскр. евангелій**, стр. 430. Ц. **1** р. **25** к. безъ перес. и **1** р. **50** к. съ перес.

[illegible] отз. см. въ Церк. Вѣд. при Св. Сѵнодѣ за 1899 г.; въ Паст. собесѣд. за 1899 г. № 8 и др. орг.

Ч. 2-я. **Объясненіе праздничныхъ евангелій**, стр. 490. Ц. **1** р. **25** к. безъ перес. и **1** р. **50** к. съ пересылкой, изд. 1899 г.

3) Его же: **ДУХОВНЫЕ ПОСѢВЫ. Краткій сборникъ** разсказовъ, статей и стихотвор. духовно-нравственнаго содержанія, приспособлен. *къ общедоступному объясненію* главнѣйшихъ истинъ катихизическаго ученія правосл. церкви. **Четвертое издан.** 1900 г. Ц. **75** к.; съ перес. **1** р.

Одобрит. отзывъ объ этой кн. см. въ „Церк. Вѣд.", изд. при Св. Сѵнодѣ, за 1897 г., № 24.

4) **ЕЖЕДНЕВНЫЯ ПОУЧЕНІЯ въ словѣ Божіемъ по руководству литургійныхъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній** на дни воскресные, праздничные и седмичные всего года. **Полное практическое пособіе для проповѣдниковъ слова Божія.** Въ трехъ томахъ. Составлены преимущественно по лучшимъ проповѣдн. образцамъ свящ. магистромъ Гр. Дьяченко. Изд. А. Д. Ступина.

Томъ первый. Поученія на всѣ воскресные дни. Стр. 746. Всѣхъ поуч. около 465. Цѣна **1** р. **50** к. безъ пересылки и **2** р. съ перес. Изд. 1899 г. **2-е дополн.**

Томъ второй. Поученія на всѣ праздники великіе, средніе и малые Стр. 794. Всѣхъ поученій около 475. Ц. **2** руб. безъ пересылки и **2** руб. **50** коп. съ пересылкой. Изд. 1899 г. **2-е дополн.**

Томъ третій. Поученія на дни седмичные (будніе) всего года, съ присовокупленіемъ поученій по церковнымъ чтеніямъ и пѣснопѣніямъ на всѣ дни Четыредесятницы. Стр. 939. Всѣхъ поученій около 500. Изд. 2-е 1900 г. Ц. **2** р. безъ перес. и **2** р. **50** к. съ пересылкой.; перепл. корешъ по **50** коп., кол. по **1** р.

Одобрит. отзывъ объ этихъ книгахъ см. въ „Церк. Вѣд.", изд. при Св. Сѵнодѣ, за 1897 г., № 44, и въ др. орг. печати.

5) **ПОЛНЫЙ ГОДИЧНЫЙ КРУГЪ КРАТКИХЪ ПОУЧЕНІЙ, составленныхъ на каждый день года примѣнительно къ житіямъ святыхъ, праздникамъ** и др. свящ. событіямъ, воспоминаемымъ церковію, и приспособленныхъ къ живому проповѣдническому слову (импровизаціи). Составилъ преимущественно по лучшимъ проповѣдническимъ образцамъ священникъ магистръ *Гр. Дьяченко*. **Изданіе третье, пересмотрѣнное и значительно дополненное.** Въ двухъ томахъ. **Томъ первый** (первое полугодіе), заключающій въ себѣ около 340 поученій. Ц. безъ перес. **1** р. **50** к., съ перес. **2** р. Изд. 1900 г.

Томъ второй (второе полугодіе), содержащій 375 поуч. Ц. безъ перес. **2** р., съ перес. **2** р. **50** к.. изд. А. Д. Ступина.

Одобрит. отзывъ см. въ „Церк. Вѣд.", изд. при Св. Сѵнодѣ, за 1897 годъ, № 8, и въ др. орг. печати за тотъ же годъ.

6) **ВОПРОСЫ НА ИСПОВѢДИ** по руководству 10-ти заповѣдей зак. Божія, 9-ти еванг. заповѣдей о блаженствахъ и 9-ти церк. заповѣдей съ **подробнымъ пастырскимъ увѣщаніемъ** кающагося и съ указаніемъ ему **духовно-врачебныхъ средствъ въ борьбѣ съ грѣховными наклонностями.** Стр. 158, 2-е значительно дополненное изд. 1897 г. А. Д. Ступина.

Пособіе для пастырей церкви при совершеніи ими таинства покаянія и для говѣющихъ міврянъ. Цѣна этой брошюры **30** к., съ пересылкой **40** коп.

Отзывъ о брош. см. въ „Церк. Вѣд.", изд. при Св. Сѵнодѣ, за 1897 г., № 14.

7) Его же: **НАКАНУНѢ ИСПОВѢДИ.** Общедоступное духовно-нравственное чтеніе для говѣющихъ. Съ приложеніемъ статей **о спасеніи души** и духовныхъ стихотвореній Стр. 126. Второе значительно дополненное изданіе 1897 г. Ц. **20** к., съ перес. **30** к. Изд. А. Д. Ступина.

Отзывъ объ этой брошюрѣ можно читать въ „Церк. Вѣд." изд. при Св. Сѵнодѣ, за 1897 г, № 14.

8) Его же: **НАКАНУНѢ СВ. ПРИЧАЩЕНІЯ.** Общедоступное духовно-нравственное чтеніе. Ц. **20** к. съ перес. **30** к. Изд. 2-е дополн. А. Д. Ступина.

9) Его же: **ВОПРОСЫ НА ИСПОВ**
ДѢТЕЙ. Съ подробными пастырск
ставленіями ихъ. Пособіе для па
исповѣди отроковъ и для р
подготовкѣ дѣтей къ испов

съ пересылкой **40** коп. Изданіе А. Д. Ступина.

10) Его же: **САМОИСПЫТАНІЕ ХРИСТІАНИНА.** Общедоступное духовно-нравственное чтеніе, преимущественно во дни великаго поста. Цѣна **30** к., съ перес. **40** коп. Изданіе А. Д. Ступина.

11) **СЛОВА, ПОУЧЕНІЯ, БЕСѢДЫ и РѢЧИ ПАСТЫРЯ ЦЕРКВИ НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ** въ личной, семейной, школьной, церковно-приходской, религіозно-нравственной и гражданско-общественной жизни христіанина, приспособленныя къ живой церковной проповѣди, внѣбогослужебнымъ собесѣдованіямъ съ народомъ и домашнему чтенію христіанъ. Составилъ преимущественно по лучшимъ проповѣдническимъ образцамъ священникъ магистръ Григорій Дьяченко. Ц. **2** р. **50** к. Изд. 1898 года. Всѣхъ поученій въ этой книгѣ 550, стр. 1015. На перес. прилагаютъ за 4 фунта, смотря по разстоянію.

Отзывъ объ этой книгѣ можно читать въ Церк. Вѣд. изд. при Св. Сѵнодѣ за 1898 г. № 3, а также въ Паст. собесѣдникѣ и Воскр. днѣ за тотъ же годъ и въ др. орг. печати.

12) Его же: **КАТИХИЗИЧЕСКІЯ ПОУЧЕНІЯ, ОБЩЕДОСТУПНО ИЗЛАГАЮЩІЯ УЧЕНІЕ О ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРѢ, НАДЕЖДѢ И ЛЮБВИ,** съ библейскими и церковно-историческими **приложеніями** къ поученіямъ, приспособленныя къ живой церковной проповѣди, внѣбогослужебнымъ собесѣдованіямъ съ народомъ и семейному чтенію христіанъ. Ц. **2** р. **50** к. Изд. 1898 г. Всѣхъ поученій 450 со 100 къ нимъ библейскими и церковно-историческими приложеніями. Страницъ 1040. На перес. за 4 ф. по разстоян.

Одобр. отзывы объ этой книгѣ можно читать въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1898 г., № 1 (янв. кн.); въ № 3 „Церк. Вѣд.“ изд. при Св. Сѵнодѣ, за 1898 г., въ № 9 „Воскр. Дня“ за тотъ же годъ; въ „Паст. Соб.“, въ № 10 за тотъ же годъ, и въ др. орг. печати.

13) Его же: **ОБЩЕДОСТУПНЫЯ БЕСѢДЫ О БОГОСЛУЖЕНІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ,** приспособленныя къ живой церковной проповѣди, внѣбогослужебнымъ собесѣдованіямъ съ народомъ и семейному чтенію христіанъ. Со многими церковно-археологическими, церковно-историческими, догматическими, нравственными и иными **приложеніями.**

Всѣхъ бесѣдъ 297 со 149 къ нимъ приложеніями. Стр. 1143+LX. Ц. книги **3** р. На пересылку прилагается за 5 ф., смотря по разстоянію. Изд. 1898 г.

Отзывы см. въ „Богословско-библ. листкѣ“, прилож. къ Рук. для с. паст. вып. 10, 1898 г.; въ „Цер. Вѣд.“, изд. при Св. Сѵнодѣ за 1898 г.; „Паст. Соб.“ за тотъ же годъ и въ др. орг. печати.

14) **ХРИСТІАНСКІЯ УТѢШЕНІЯ несчастныхъ и скорбящихъ,** испытывающихъ бѣдность, болѣзни, потери родныхъ и близкихъ сердцу, житейскія неудачи, злорѣчія, разочарованіе въ жизни, мучительную борьбу съ грѣхомъ и страстями, съ религіознымъ сомнѣніемъ и помыслами невѣрія, съ отчаяніемъ въ спасеніи своей души, со страхомъ смерти, и многія другія тѣлесныя и и духовныя скорби и страданія. Въ 2-хъ частяхъ.

1) Т. І-й. **Утѣшенія въ скорбяхъ тѣлесныхъ.** Стр. 618. Изд. 1898 г. Ц. **1** р. **75** к. безъ перес. и **2** р. **25** к. съ перес.

Одобрит. отзывы см. въ № 45 „Цер. Вѣд.“ изд. при Св. Сѵнодѣ за 1898 г.; № 40 „Моск. Епар. Вѣд.“ за тотъ же годъ, „Паст. Соб.“ за 1899 г. № 5 и въ др. орг. печати.

2) Т. II. **Христіанскія утѣшенія въ скорбяхъ духовныхъ.** Ц. **1** р. **50** к. безъ перес. и **2** р. съ перес. Стр. 508. Изд. 1898 г.

Отз. см. въ № 8 „М. Церк. Вѣд.“ за 1899. г.

15) **ИЗЪ ОБЛОСТИ ТАИНСТВЕННАГО.** Простая рѣчь о бытіи и свойствахъ души человѣческой, какъ богоподобной духовной сущности. Въ трехъ частяхъ. *Краткое содержаніе книги:* Предчуствія. — Вѣщія видѣнія. — Двойничество. — Телепатія. — Животный магнитизмъ. — Медумизмъ. — Сомнамбулизмъ. — Гипнотизмъ. — Смерть и таинственныя предзнаменованія ея. — Явленія умершихъ. — Загробная жизнь. — Страшный судъ. — О спасеніи души. Ц. **2** р. безъ перес. Стр. 741+XXIV. Изд. 1900 г.

Печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ слѣдующая книга протоіерея магистра Григорія Дьяченко, издаваемая Товариществомъ И. Д. Сытина:

ДУХОВНЫЙ МІРЪ. Собраніе разсказовъ и размышленій, приводящихъ къ признанію бытія Божія и духовнаго міра вообще. Дополненіе къ книгѣ того же автора подъ заглавіемъ: **„Изъ области таинственнаго“.** *Краткое содержаніе книги:* Богъ въ природѣ, въ душѣ человѣка, въ частной жизни и всемірной исторіи человѣчества. Бытіе ангеловъ и демоновъ. Непокойные дома.

2007057018